

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

LI МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ИМЕНИ
ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ
ВЕРБИЦКОЙ

14–21 марта 2023, Санкт-Петербург

Сборник тезисов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2023

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Мокиенко Валерий Михайлович, председатель, д. ф. н., проф. кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета,
Манёрова Кристина Валерьевна, заместитель председателя, к. ф. н., доц. кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета,
Багно Всеволод Евгеньевич, д. ф. н., научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, член-корреспондент РАН,
Бок Беттина, Dr. phil., научный сотрудник Института востоковедения, индоевропеистики и раннеисторической археологии Йенского университета им. Фр. Шиллера, (Йена, Германия)
Бугаева Любовь Дмитриевна, д. ф. н., проф. кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета,
Васильева Ирина Эдуардовна, к. ф. н., доц. кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета,
Войкова Мария Дмитриевна, д. ф. н., зав. Отделом теории грамматики Института лингвистических исследований РАН,
Григорьева Любовь Николаевна, к. ф. н., доц. кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета,
Жуков Андрей Павлович, к. ф. н., доц. кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета,
Иванова Елена Юрьевна, д. ф. н., проф. кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета,
Каленчук Мария Леонидовна, д. ф. н., заведующий отделом фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, проф. кафедры русского языка МГУ им. М. В. Ломоносова,
Казанский Николай Николаевич, д. ф. н., академик РАН, научный руководитель Института лингвистических исследований РАН,
Ковшова Мария Львовна, д. ф. н., ведущий научный сотрудник Сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН,
Любимова Нина Александровна, д. ф. н., проф. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета,
Лю Лифэнь, д. ф. н., проф. Института западных языков и культуры, Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли, (Китайская Народная Республика),
Мёд Наталья Григорьевна, д. ф. н., проф. кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета,
Павловская Ирина Юрьевна, д. ф. н., проф., кафедры иностранных языков и лингводидактики Санкт-Петербургского государственного университета,
Позднев Михаил Михайлович, д. ф. н., проф. кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета,
Риехакайнен Елена Игоревна, к. ф. н., доц. кафедры общего языкознания имени Л. А. Вербицкой Санкт-Петербургского государственного университета,
Сизиков Александр Владимирович, к. ф. н., доц. кафедры библеистики Санкт-Петербургского государственного университета,
Теркулов Вячеслав Исаевич, д. ф. н., проф., зав. кафедрой русского языка Донецкого государственного университета,
Тирандо Гусман Рафаэль, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета, вице-президент Международной ассоциации русского языка и литературы (Гранада, Испания),
Хохлова Мария Владимировна, к. ф. н., доц. кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета,
Черниговская Татьяна Владимировна, д. б. н., директор Института когнитивных исследований Санкт-Петербургского государственного университета,
Черноглазов Дмитрий Александрович, д. ф. н., доц. кафедры общего языкознания имени Л. А. Вербицкой Санкт-Петербургского государственного университета,
Бондарко Николай Александрович, ведущий научный сотрудник Отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН, выпускник СПбГУ,
Королькова Мария Денисовна, научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук, выпускник СПбГУ,
Мольков Георгий Анатольевич, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук, выпускник СПбГУ,
Растворцев Николай Николаевич, ведущий, АО «Городское агентство по телевидению и радиовещанию», телеканал «Санкт-Петербург», выпускник СПбГУ.

(00 Мб) LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 14–21 марта 2023 года, Санкт-Петербург: сборник тезисов.

Сборник содержит тезисы докладов LI Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, прошедшей 14–21 марта 2023 года в Санкт-Петербургском государственном университете. В сборнике представлены результаты теоретических и прикладных исследований по самому широкому кругу актуальных проблем по филологии, разделенных по направлениям «История литературы», «Классическая филология, библеистика, неоэллинистика, балканистика», «Культурная антропология и теоретические аспекты гуманитарных исследований», «Междисциплинарные исследования», «Русский язык», «Русский язык как иностранный и методика его преподавания», «Общее языкознание», «Романо-германская филология», «Славистика», «Фёдоровские чтения», «Теория и практика обучения иностранным языкам. Тестология». Характер материалов сборника позволяет адресовать его филологам, лингвистам, литературоведам, культурологам, переводчикам, педагогам, студентам и аспирантам филологических специальностей, а также использовать в научной, учебной и учебно-методической работе преподавателей высших учебных заведений.

Языки тезисов: русский, английский, французский.

Тезисы докладов представлены в авторской редакции.

L. I. Ludmila Verbitskaya International Scientific Philological Conference, March 14–21, 2023, St. Petersburg: The Book of Abstracts.

The papers reflect the results of the research, both fundamental and applied, devoted to a wide range of problems in different areas, such as “History of Literature”, “Classical Philology, Biblical, Byzantine and Modern Greek and Balkan Studies”, “Cultural Anthropology and Theoretical Aspects of the Humanities”, “Interdisciplinary Studies”, “Russian Language”, “Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching”, “General Linguistics”, “Romance and Germanic Philology”, “Slavic Studies”, “A. V. Fedorov Translation Studies”, and “Theory and Practice of Foreign Language Teaching. Testology”. Of interest to students of linguistics, literature and culture, as well as translators, teachers and undergraduate and graduate students specializing in different realms of philology.

Languages: Russian, English and French.

Published in the authors' versions.

Подписано к использованию 00.04.2023

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс +7(812) 328-44-22

E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ковшова Мария Львовна

- Термины родства в русских пословицах, загадках и фразеологизмах:
лингвистический и когнитивно-культурологический анализ 61

Позднев Михаил Михайлович

- Снова о первой редакции поэм Гомера 63

Рубинс Мария Олеговна

- Дiasпора и метрополия: альтернативные миры русской литературы 65

Алексова Красимира Славчева

- Эвиденциальная система болгарского языка 66

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ XVIII ВЕКА

Пономарева Марина Валерьевна

- Еще раз о державинском тексте в стихотворении И. Бродского
«На смерть Жукова» 69

Аствацатурова Вера Викторовна

- Петербург 30-х годов XVIII века глазами европейцев
(по материалам дневников, переписки и мемуаров современников) 71

Безрукова Марина Викторовна, Николаев Николай Ипполитович

- Сатирические журналы Н. И. Новикова.
Художественное моделирование социального миропорядка 73

Власов Сергей Васильевич, Московкин Леонид Викторович

- Учебник русского языка Элиаса Копиевича: преемственность и новации 75

Волков Сергей Святославович

- Заметки о русской мифографии XVIII столетия 77

Мальцева Татьяна Владимировна

- Культура освоения чужого пространства в русской путевой прозе
XVIII — первой половины XIX века 79

Плахтий Татьяна Петровна

Жанровые источники пьесы Дмитрия Ростовского
«Успенская драма» («Комедия на успение Богородицы»)..... 81

Смирнова Анна Сергеевна

Меониды в русской поэзии XVIII в. 83

Тираспольская Анна Юрьевна

«Переславское озеро» как сентиментальная прогулка..... 85

Трофимов Артём Евгеньевич

Поэтическая этнография XVIII в.: на примере изображения народов Сибири 87

Фарафонова Оксана Анатольевна

Жанровая специфика дневниковых записок С. А. Порошина 89

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Константинова Наталья Владимировна

Сентиментальный канон в русском документальном тревелогe начала XIX века:
формы авторского самовыражения 91

Краснобородько Татьяна Ивановна

Новообретенный экземпляр «На взятие Варшавы. Три стихотворения
В. Жуковского и А. Пушкина» из библиотеки И. И. Дмитриева 93

Курочкин Александр Валентинович

Граф Д. И. Хвостов в Пушкинскую эпоху: от мифа к реальности..... 95

Карпов Александр Анатольевич

Разрушение или экспансия?
(Романтизм и творчество Гоголя середины 1830-х годов)..... 97

Чеппаруло Саша

«Мейстер Минд» Н. В. Кукольника:
специфика образа несчастного художника..... 98

Попова Мария Юрьевна

Сквозной мотив грехопадения в творчестве Е. П. Ростопчиной 100

Колесник Полина Николаевна

Пространственно-временная организация сказки «Аленький цветочек» 102

Отрадин Михаил Васильевич

Герои «Горячего сердца» А. Н. Островского на фоне гончаровской прозы 104

Хао Цзинцзин

- К проблеме «вечных образов» в поэтике И. С. Тургенева:
«Степной король Лир» 106

Нагина Ксения Алексеевна

- «Муравьиная» топика в творчестве Л. Толстого и Ф. Достоевского 108

Чжу Цзинжу

- Теория «снотворчества» А. Л. Бема и поэтика раннего творчества
Ф. М. Достоевского 110

Лю Сяоя

- Цветовая палитра А. П. Чехова в повести «Черный монах» 112

Чжан Хуэйминь

- Тема игры в «Пиковой даме» А. С. Пушкина и русская литература XIX века 114

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Гуськов Николай Александрович

- Творческая история стихотворения С. Я. Маршака «Отряд» 116

Балашова Юлия Борисовна

- «Ранний» Зощенко 118

Николаева Екатерина Геннадьевна

- Поэтика сломанного: деформация телесности и сломанные вещи
в творчестве В. Набокова 120

Лян Вэйци

- Сигнальные функции внешности в драматургии М. А. Булгакова 1920-х гг. 122

Тимофеев Александр Генрихович

- Издательская деятельность Е. А. Ляцкого после Октябрьского переворота 124

Чэн Вань

- Образ советской женщины-матери в литературе 1920-х годов
(по материалам рассказа Анны Весниной «Крест») 126

Ян Лю

- Санкт-Петербургский политехнический институт как источник мировоззрения
и сюжетов творчества Е. И. Замятина 128

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
И РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ**

Титаренко Светлана Дмитриевна

Становление принципа философствования в различных типах прозы
Вячеслава Иванова в конце XIX — начале XX вв. 130

Ермакова Лия Леонидовна

«Семеро против Фив» в мифопоэтике Вяч. Иванова 132

Назарова Татьяна Викторовна

Балладность в творчестве прерафаэлитов и Н. С. Гумилева 134

Ронжин Владислав Андреевич

«Модная» песенка старого плясуна и её незамеченная трансформация
в романе Д. С. Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник» 136

Лаппо-Данилевский Константин Юрьевич

Бакинские лекции Вячеслава Иванова по поэтике как полемический текст 138

Маштакова Любовь Владиславовна

Научное и литературное творчество Ю. Н. Верховского в свете идей
А. Н. Веселовского и Вяч. И. Иванова (уральский период) 140

Цуй Лу

Древнекитайская поэма «Лисао» в переводе Валерия Перелешина:
проблемы культурной идентичности поэта 141

Ню Янь

Рецепция традиционной китайской культуры в творчестве Г. Иванова 142

Каракуц-Бородина Любовь Анатольевна

Набоков и science fiction: мерцающий сюжет 144

Тимофеев Валерий Германович, Тишкова Аглая Артемовна

«Отчет для академии» Франца Кафки как источник мотива инаковости
в Ultima Thule Владимира Набокова 146

Аштарани Сусан

Об изменении горизонта ожидания читателей в Иране:
от рассказа С. Хедаята «Лале» до романа В. В. Набокова «Лолита» 148

Габалла Май Амин Гуда

Психологическая травма в автобиографических повестях
В. В. Корсака-Завадского «Плен» и «Забытые» 149

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Большев Александр Олегович

Авторитарное слово в современном культурно-идеологическом пространстве 151

Исаева Елизавета Ильинична

«Московский текст» Юрия Нагибина 153

Корсунская Анастасия Геннадьевна

О первой лирической книге О. А. Охупкина «Ночное дыхание» 155

Лю Гаочэнь

«Диссидент в диссидентстве»: стратегии полемического успеха
(на материале журнала «Обводный канал») 157

Пашков Александр Витальевич

Принципы циклизации в книге поэм Владимира Луговского «Середина века» 159

Твердюк Алина Дмитриевна

Интертекстуальность поэзии Дмитрия Трибушного 161

Тянь Фан

Творчество Людмилы Петрушевской в контексте современной женской прозы 163

Чэнь Шаньшань

Концепция «жизненного цикла» в раннем творчестве А. Битова 165

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Бабанов Андрей Владимирович

Можно ли считать Антония Слонимского основоположником
«альтернативной истории» в мировой литературе? 167

Вихрова Ксения Александровна

«Стояние перед Богом»: библейские мотивы в романах Х. Селби-мл. 169

Васильева Эльмира Викторовна

Женский миф о заточении в романе Ш. Джексон
«Призрак дома на холме»: готическое измерение 171

Каяво Виолетта Александровна

«Раскачивание» между искренностью и иронией: «Infinite Jest» Дэвида Фостера
Уоллеса как метамодернистский роман 173

Николина Наталия Николаевна

Функции рассказчика-ребенка в современной англоязычной прозе 175

Силаев Павел Витальевич

Современный англоязычный рождественский рассказ:
от традиций к трансформациям 177

Файзуллина Рушана Альфредовна

Трансгуманистическая проблематика романа «Клара и Солнце» К. Исигуро 179

Хорева Лариса Георгиевна

Роль метафоры в испанском художественном дискурсе 181

Цепкова Анна Васильевна

Иконичность вымышленных топонимов в цикле романов
Сью Таунсенд об Адриане Моуле 183

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР

Жуков Андрей Павлович, Феррейра Рафаэль Бэсса

Луиси Кардозу и Ф. М. Достоевский — сравнительное чтение 185

Абдурахманова-Павлова Дарья Владимировна

Читательская рецепция «Дневника» Джона Вулмена
(на материале современных отзывов) 187

Аствацатуров Андрей Алексеевич

Амброз Бирс и Владимир Набоков
(о рассказах «Случай на мосту через Совиный ручей» и «Катастрофа») 189

Балаева Светлана Владимировна

Женские образы в произведениях Джакомо Леопарди 191

Барабанова Юлия Михайловна

«Мемуары американской леди» и эссеистика Энн Грант в контексте
трансатлантического романтизма 193

Васильев Михаил Федорович

Альтернативные стратегии реализма в творчестве Артура Мейчена 195

Волкова Анна Геннадьевна

Субъектная организация английской мистической прозы Средневековья:
от героя к автору 197

Гаспарян Луиза Ареговна

Художественный перевод как литературный и культурный трансфер
(на материале русских и армянских переводов Ч. Диккенса) 199

Герасимова Светлана Анатольевна

Жан-Франсуа Мармонтель: становление писателя и энциклопедиста XVIII века 201

Дроздова Полина Борисовна

Агиографическая литература как исторический источник:
пример жизнеописания святой Клары, выполненного Фомой Челанским 203

Игнатьева Дарья Сергеевна

Мифологические реминисценции в романе Ричарда Пауэрса «Верхний ярус» 205

Климовская Алиса Яковлевна

Полемика А. С. Байетт с Д. Г. Лоуренсом в романах
«Дева в саду», «Натюрморт» и «Вавилонская башня» 207

Кулишкина Ольга Николаевна, Полубояринова Лариса Николаевна

Курортный топос у А. П. Чехова и В. Г. Зебальда 209

Кучмаренко Лилия Сергеевна

Мотив кораблекрушения как средство изображения кризиса идентичности
в рассказе М. Этвуд «Путевые заметки» ("A Travel Piece") 211

Макарова Людмила Юрьевна

Поэтика «видения» в эссе С. Джонсона «Апофеоз Мильтона» 213

Моркина Марта Александровна

Эволюция образа отца в творчестве Юнаса Хассена Кемири 215

Назаренко Надежда Ивановна

Образ трикстера в романе М. Спарк «Баллада о предместье» 217

Орлова Татьяна Сергеевна

Грёзы и жизнь сироты в романе Кадзуо Исигуро «Когда мы были сиротами» 219

Павлова Ирина Николаевна

Роман М. Шелли «Фолкнер» и его место в творческом наследии писательницы 221

Сапожникова Юлия Львовна

Жизнь индейцев в романе «Круглый дом» Луизы Эрдрич 223

Соловьева Диана Юрьевна

Методы работы с прошлым в творчестве Джулиана Барнса
(на примере романа «Шум времени») 225

Тимошкина Мария Игоревна

Пограничные состояния сознания, их роль и эстетическая репрезентация
в произведениях Г. Майринка и Г. Ф. Лавкрафта 227

Хэ Цзяфу

Топос девиантной феминности в романах Ч. Диккенса и Ф. М. Достоевского 229

Щепачева Инна Владимировна

Ситуация мультикультурности в романе Теджу Коула «Открытый город» 231

ФРАНЦУЗСКИЕ ЧТЕНИЯ: ФАКТ И ВЫМЫСЕЛ

Боярская Татьяна Юрьевна

Взаимодействие факта и вымысла в исторических произведениях
П. Мериме 1820-х годов 233

Головачева Ирина Владимировна

Рецензия на книгу Тодорова как неучтенный сюжет в «деле Лема» 235

Гусева Юлия Викторовна

Роман Виктора Сержа «Les derniers temps»:
к реконструкции историко-документальной основы 237

Каплун Виктор Львович

Hommes de lettres, gens de lettres: что означают эти выражения
во второй половине XVIII века и как переводить их на русский? 239

Кашлявик Кира Юрьевна, Лобков Александр Евгеньевич

Блез Паскаль как «сокровенный человек»
советской интеллектуальной культуры 20–30 гг. XX века 241

Кротов Артем Александрович

«Утопия в истории»: соотношение фактов и вымысла в неокритицизме
Шарля Ренувье 243

Легенькова Елизавета Александровна

Блокада Ленинграда в романе Виктора Сержа «Когда нет прощения» (1946):
документальное и художественное 245

Мартинес Селис Диас Сезар

Меланхолия как химера: Жерар де Нерваль и «El Desdichado» 247

Патракова Ольга Николаевна

Трансфикциональность современных французских сказок
на сюжет о «Спящей красавице» 249

Рябова Людмила Константиновна

Художественный текст в исторической репрезентации 251

Смирнова Алла Николаевна

Литературный перевод в зеркале литературы 253

<i>Тулякова Наталья Александровна, Никитина Наталья Александровна</i>	
Игра с дневниковой формой в «Записках сельского врача» Анатоля Франса.....	255

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, БИБЛЕИСТИКА, НЕОЭЛЛИНИСТИКА, БАЛКАНИСТИКА

БАЛКАНИСТИКА, НЕОЭЛЛИНИСТИКА И ВИЗАНТИНИСТИКА

<i>Асмус Михаил Валентинович</i>	
Конструкции с прилагательным как стилистический маркер гомилий Леонтия пресвитера Константинопольского	258
<i>Черноглазов Дмитрий Александрович</i>	
Как начать письмо? Формулы приветствия в поздневизантийской эпистографии	260
<i>Тоноян Лариса Грачиговна</i>	
Формирование древнерусской логической терминологии.....	262
<i>Воробьев Валерий Владимирович</i>	
Иоанн Дамаскин. Диалектика: обновленный перевод, главы 6, 7, 8, 9	264
<i>Милюкова Александра Кирилловна</i>	
Анализ влияния итальянской традиции на поэтов эпохи Критского Возрождения....	266
<i>Климова Ксения Анатольевна</i>	
Народная мифология понтийских греков России (по данным полевых исследований 2022–2023 гг.)	268
<i>Чуева Софья Юрьевна</i>	
Ανθρώπινα, τύπινα, διπλωμάτινα: процесс формирования феминитивов-неологизмов в новогреческом языке	270
<i>Тресорукова Ирина Витальевна, Онуфриева Елизавета Сергеевна</i>	
Грамматикализация греческих глаголов на примере глагола θέλω	272
<i>Гришин Дмитрий Алексеевич</i>	
Грамматика и семантика древнегреческого глагола βαίνω и его производных в новогреческом языке.....	274
<i>Морозова Мария Сергеевна, Русаков Александр Юрьевич</i>	
Говоры исторической албанской диаспоры: опыт количественного исследования...	276
<i>Макарцев Максим Максимович</i>	
Грамматикализация продолженного и прогрессивного вида в македонских и арумьских диалектах Албании	278

<i>Новик Александр Александрович, Домосилецкая Марина Валентиновна</i>	
Баклажан на Балканах: история номинаций.....	280
<i>Соболев Андрей Николаевич</i>	
Говоры сербов Метохии в контакте с албанским языком.....	282
<i>Харламова Анастасия Вадимовна</i>	
Аффрикация палатальных смычных и смешение аффрикат: о возможной новой общебалканской тенденции.....	284
<i>Иванова Диана Дмитриевна</i>	
Языковой ландшафт Родоп Болгарии и Греции.....	286
<i>Чиварзина Александра Игоревна</i>	
Обозначения пестрого в балканских языках.....	288
<i>Казаков Иван Игоревич</i>	
Лексические особенности арумьнского идиома Северной Македонии (на материале терминологии похоронно-поминальной обрядности).....	290
<i>Горлов Никита Геннадьевич, Морозова Мария Сергеевна, Соболев Андрей Николаевич</i>	
Этнолингвистические группы Юго-Восточной Европы: способы презентации.....	292
БИБЛИЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ	
<i>Алексеев Анатолий Алексеевич</i>	
Наблюдения по истории библейского канона.....	294
<i>Сизиков Александр Владимирович</i>	
Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова: перевод на русский язык с историко-филологическими и богословскими комментариями. Результаты исследования	295
<i>Брагинская Нина Владимировна, Шмаина-Великанова Анна Ильинична</i>	
Апокриф «Иосиф и Асенет» и Книга Есфири: пресечения и встречи.....	297
<i>Мещерская Елена Никитична</i>	
Сирийские переводы книги Премудрость Бен Сиры	300
<i>Андреев Александр Андреевич</i>	
Рукопись РНБ. Соф. 1129 как источник для реконструкции византийского ночного богослужения.....	302
<i>Браткин Дмитрий Александрович</i>	
Эпиграфические данные об «общинах иудеев и боящихся Бога» в Северном Причерноморье и Деяния апостолов	304

Витковский Вадим Евгеньевич

- К вопросу о соответствиях Евангелию от Марка
в текстах Евангелия от Матфея 306

Григорова Калина

- The Blessings in Some Genre Forms of Old Testament Minor Prophets Books..... 308

Джункова Катарина

- Религиозная лексика в миссионерских языковых пособиях
для коренных народов России до 1917 г. 310

Лопатин Матвей Денисович

- Опыт наблюдения в древности за стадиями развития саранчи (по библейским
и клинописным источникам)..... 312

Сергеева Елена Владимировна

- Особенности употребления восходящего к Св. Писанию словосочетания
«арфа серафима» в творчестве поэтов XIX–XXI вв..... 314

Сидоренко Наталья Владимировна

- Подбор лексических эквивалентов в арамейском таргуме
книги Исаяи. Бог, поражающий грешников 316

Фионин Максим Владимирович

- Чтение св. Трифиллию Кипрскому в менологии лекционария D 227
из собрания ИВР РАН 318

Фомичева Софья Владимировна

- Астрономические и календарные вычисления Ефрема Сирина (IV в.)
в христианском и иудейском контексте..... 320

Харин Денис Павлович

- Образ читателя в Евангелии от Луки и книге Деяний апостольских 322

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Тахтаджян Сурен Арменович

- Фукидид 1, 86, 4 и Антифонт F 58 Thucydides 1.86.4 and Antiphon F 58..... 324

Егорова Софья Кондратьевна

- Рукопись Горация из собрания П. Оттобони 326

Ермолаева Елена Леонидовна

- О слове μελ'Ανωψ в греческой поэме Максима Грека [«In fraudem Hellenicam»] 328

Benelli Luca

- Philatas of Cos, Cynicism, botany and ancient medicine in
the Yale epigrammatic codex (P. Ct. YBR inv. 4000) 330

ПИСЬМО АРИСТЕЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дружинина Екатерина Андреевна

- Вклад Гюнтера Цунца в исследование текста «Письма Аристея» 332

Тахтаджян Сурен Арменович, Дружинина Екатерина Андреевна

- Милосердие царя и Золотое правило этики в «Письме Аристея» 334

Вевюрко Илья Сергеевич

- Аллегорическое толкование норм иудейского закона в «Письме Аристея» 336

Волчков Алексей

- (He) отверженная Библия. Перевод LXX в раннем иудаизме 338

Каргальцев Алексей Витальевич

- Проблематика богатства и бедности в «Письме Аристея» 340

Пантелеев Алексей Дмитриевич

- «Письмо Аристея» в раннехристианской традиции (II–IV вв.) 342

Чаковская Лидия

- Аристей о подземельях Храма и судьба символа в византийскую эпоху 344

Sivertsev Alexei

- Текст Города: Письмо Аристея и городское пространство Иерусалима
в эллинистический период 347

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Васильева Ирина Эдуардовна, Степанов Андрей Дмитриевич,
Андоскина Валерия Андреевна*

- Мультимедийный комментарий
к собранию сочинений А. П. Чехова 350

Баранов Дмитрий Кириллович

- О разрыве между культурной реальностью и ее репрезентацией
в официальном дискурсе на рубеже XX–XXI вв. (анализ школьной риторики) 352

Буланин Дмитрий Михайлович

Афонские легенды в московской идеологии переходного периода 354

Оверина Ксения Сергеевна

Поэтика сновидения: рассказы А. П. Чехова о снах 356

Попова Ирина Львовна

История идей сквозь призму истории рукописей: проблема понимания, комментирования и издания незавершенных текстов 358

СТИХОВЕДЕНИЕ

Хворостьянова Елена Викторовна

«Первый кризис» и «первая стабилизация» русской рифмы:
К проблеме периодизации 360

Лалетина Ольга Сергеевна

Лексика рифмы в контексте лексического состава стихотворных текстов 362

Филимонов Алексей Олегович

«Петербургский текст» в жанре поэтической видеоимпровизации 364

РИТУАЛ И ФОЛЬКЛОР В ПОВСЕДНЕВНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ

Адоньева Светлана Борисовна

Сторге: пространство заботы в повседневных практиках горожан 366

Браткин Дмитрий Александрович, Михельсон Ольга Константиновна

К вопросу о возможных параллелях в ритуальной практике:
«стена как плоская мембрана» Дэвида Льюис-Уильямса и игра в «секретники» 368

Голубева Любовь Викторовна

Практики проживания утраты младенца на Русском Севере 370

Королева Светлана Юрьевна

Ритуал как пространство символической коммуникации:
«подавать хлеб» и «проводить душу» 372

Куприянова Софья Олеговна

Таскание свекрови в баню: тактики и стратегии свадебного ряжения 374

Марченко Дарья Игоревна

Ментальная событийность романа Е. Некрасовой «Калечина-Малечина» 376

Черванёва Виктория Алексеевна

Нарратив как форма трансмиссии традиционной культурной информации 378

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КИНО|ТЕКСТ: ОБРАТНАЯ СТОРОНА РЕАЛЬНОСТИ

<i>Андреанова Мария Дмитриевна</i> Экранизация романа В. Аксенова «Таинственная страсть» — ресайклинг советского или двойная трансформация реальности.....	381
<i>Баричко Ярослав Борисович</i> Кадровая природа киноплаката как источник «чистого события»	383
<i>Вьюгин Валерий Юрьевич</i> Отечественный хоррор 2020-х годов: реальность и риторика.....	385
<i>Бугаева Любовь Дмитриевна</i> Поэтика разделенной реальности.....	387
<i>Двинятина Жамила Рузмаматовна</i> Новый русский исторический кинокомикс. Несколько слов о тенденции	389
<i>Еланская Светлана Николаевна</i> Новогодняя реальность в отечественном кино: праздничные и повседневные практики.....	391
<i>Журкова Дарья Александровна</i> Фильм как оболочка: ресайклинг советской и постсоветской эстрады в «Самоиронии судьбы».....	393
<i>Иваницкий Александр Ильич</i> Эволюция немецкого кино 1920 — начала 1930-х гг. как объективирование природы «великого немого».....	395
<i>Касмынин Алексей Иванович</i> Структура лабиринта как модель реальности в художественном пространстве кинопроизведения. Опыт типологизации	397
<i>Коршунов Всеволод Вячеславович</i> Рекурсивный нарратив в современном документальном кино	399
<i>Кочеляева Нина Александровна</i> Траектории памяти в контексте культурно-политических трендов. На примере игровых фильмов (2010–2020)	401
<i>Логинова Марина Сергеевна</i> Феномен памяти в документальной анимации.....	403

<i>Мартынова Дарья Олеговна</i>	
Аудиовизуализация культуры кабаре в кинематографе 1920–1930-х гг.	405
<i>Минаева Елизавета Васильевна</i>	
Пространство праздника как обратная сторона обыденности	407
<i>Мариевская Наталья Евгеньевна</i>	
«Ненадежная» реальность в кинематографе: драматургия тревоги	409
<i>Пархоменко Евгения Викторовна</i>	
Герои американской анимации: путь от объектности к субъектности	411
<i>Рахвадзе Тихон Владимирович</i>	
Особенности временной формы в сюжетах абсурда	413
<i>Рейфман Борис Викторович</i>	
Французская «новая волна»: от бессмысленности пустой к «бессмысленности» жизнеутверждающей	415
<i>Сидорова Жанна Казбековна</i>	
Безвременье как характеристика стиля	417
<i>Степанова Полина Михайловна</i>	
Репрезентация смерти в современных анимационных фильмах о блокаде Ленинграда: Теория восприятия сцены и понимания событий (SPECT) при анализе детской целевой аудитории	419
<i>Торопыгина Марина Юрьевна</i>	
Реальность жанра vs. иллюзия воспоминаний: семейная история как история кино в фильме Стивена Спилберга «Фабельманы»	421
<i>Эвальдье Виолетта Дмитриевна</i>	
Рецепция музыки и музыкальных практик в фильмах Дзиги Вертова	422
СЦЕНА ТЕКСТ. СПЕКТАКЛЬ КАК ПУТЕШЕСТВИЕ	
<i>Семенова Наталья Валерьевна</i>	
«Петя, волк и Володя-музыкант»: спектакль — трибьют — реконструкция	424
<i>Азарова Валентина Владимировна</i>	
Синтез художественных элементов и «способ бытия света» в опере О. Мессиана «Святой Франциск Ассизский»	426
<i>Батаршин Роман Раифович</i>	
БДТ как «арт-пространство»: драматический мир в музейно-театральном проекте «Хранить вечно»	428

<i>Гудков Максим Михайлович</i>	
«Красная ржавчина» vs. «Желтая ржавчина»: Метаморфозы одной советской пьесы на Бродвее	430
<i>Данилова Ирина Леонидовна</i>	
Август Стриндберг. Пьесы для «Интимного театра» (1907–1911) как особый тип интеллектуальной драмы	432
<i>Дудкина Анастасия Игоревна</i>	
Литературный жанр «апокриф» как способ трансляции актуальных социальных проблем (на примере балетного театра)	434
<i>Ларин Сергей Алексеевич</i>	
Кабановы и Скотинины-Простаковы (семантика имени и судьба героев)	436
<i>Левченко Татьяна Викторовна</i>	
Визуальные образы телеспектакля «Понедельник начинается в субботу» (1965 г.) и их влияние на смысловую систему повести братьев Стругацких.....	438
<i>Логинова Елена Георгиевна</i>	
«Путешествие» в пространстве и времени: спектакль как интерпретация культур, стилей, эпох и языков.....	440
<i>Меньщикова Мария Константиновна</i>	
«Путешествие» Орфея: национальные и трансмедиальные метаморфозы античного сюжета.....	442
<i>Наумов Александр Владимирович</i>	
Слово на музыке в «Эдипе» Б. А. Фердинандова (1921)	444
<i>Пименова Алина Вадимовна</i>	
Визуализация как художественный прием в творчестве Дмитрия Данилова	446
<i>Сылова Елена Андреевна</i>	
Хронотоп спектакля «Маскарад. Воспоминания будущего»: экспедиция в прошлое с футурологом.....	448
<i>Ткач Татьяна Сергеевна</i>	
Социально-этическая проблематика произведений российских авторов в спектаклях современных режиссеров на сценах национальных театров (Мирнинского театра р. Саха и Бурятского академического театра драмы им. Хоца Намсараева «Полет. Бильчирская история»)	450
<i>Тютелова Лариса Геннадьевна</i>	
Эпическое в театре А. Н. Островского	452
<i>Шарыпина Татьяна Александровна</i>	
Интермедиальные эксперименты в драматургических опытах Франца Фюмана 80-х гг.	454

Щукина Марина Сергеевна

- После Гамлета: художественное воплощение современного состояния
гуманистических принципов в европейской драматургии..... 456

Юрьев Андрей Алексеевич

- Заявка на мистерию: «Преступление и наказание» в инсценировке
Аттилы Виднянского на сцене Александринского театра..... 458

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

СИСТЕМА ЯЗЫКА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ В АСПЕКТЕ РКИ. СОИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Вэй И, Зиновьева Елена Иннокентьевна

- Структура и содержание словарной статьи русских синонимичных
прилагательных в учебном словаре для инофонов..... 461

Ван И

- Слово Поднебесная в заголовках российских и китайских СМИ..... 463

Ван Цзиншу

- Проблемы передачи безэквивалентной лексики
при переводе художественного текста 465

Ву Нзюк Иен Кхань

- Синонимичные глаголы уязвить — уколоть — уесть:
когнитивно-дискурсивный подход 467

Галюк Алина Андреевна

- Глагол «поддержать» в русском языке (когнитивно-дискурсивный подход)..... 469

Гуань Цзюньбо

- Отражение русской национальной идеи
в религиозно-философских текстах XVI–XXI вв. 471

Жэнь Чуньянь

- Лексикографическое описание антонимов,
репрезентирующих национальные концепты, в аспекте РКИ..... 473

Никифорова Анна Валентиновна

- Образ Санкт-Петербурга в языке городских СМИ..... 475

Проничева Инна Александровна

- Паронимия имён прилагательных в аспекте обучения
русскому языку как иностранному..... 477

Синь Лумин

Прецедентные феномены в ассоциативно-вербальном поле «Одиночество»..... 479

Соколова Анастасия Петровна

Прилагательное «незаурядный» в современном русском языке
(лингвокогнитивный анализ) 481

Старовойтова Ирина Александровна

Решение тематических кроссвордов на занятиях
по русскому языку как иностранному 483

Сюй Яо

Компоненты-вербализаторы концепта «Речь»
в русских пословицах (лексико-семантический аспект) 485

Чай Минь

Глаголы с семантикой «сочинять» в творчестве
русских и китайских поэтов начала XX в..... 487

Чен Юйфань

Порядок слов в русских и китайских кулинарных терминах в аспекте восприятия меню
китайского ресторана носителем русского языка 489

Чжан Хуэй

Особенности функционирования прилагательного «добрый»
в интернет-пространстве 491

Чжан Яньцю

Образ мыши в русских и китайских пословицах:
сопоставительный анализ 493

Чжао И

Семантика «соответствие / несоответствие» в русских и китайских пословицах
о родственных отношениях..... 495

Чжао Сыминь

Концепт ПРОСТОТА в русском провербиальном пространстве:
лингвокогнитивный аспект 497

Чэн Цзиньтао

Семантика и функционирование прилагательного «неконфликтный»
в современном русском языке 499

Никитина Татьяна Геннадьевна

Устойчивые сравнения как средство отображения температурных ощущений:
аспекты лингвистического исследования и репрезентации
иноязычному студенту 501

**ПРОБЛЕМА ТИПОВ ТЕКСТА И УЧАСТИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ИХ ОРГАНИЗАЦИИ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Рогова Кира Анатольевна

Односоставные предложения: перечитывая А. А. Шахматова 503

Попова Татьяна Игоревна

Внутренняя речь в художественном произведении:
языковые особенности и текстовые функции
(на материале романа Ксении Букши «Адвент») 505

Бохиева Марина Викторовна

Косвенные речевые акты в романе И. Калашникова «Жестокий век»
как способ репрезентации компонентов национальной культуры..... 507

Вознесенская Ирина Михайловна

Интерпретационные языковые единицы в системе работы
с художественным текстом (обучение РКИ) 509

Зырянова Елена Васильевна

Использование лингвокраеведческого материала
при обучении русскому языку студентов-инофонов..... 511

Колесова Дарья Владимировна

Убеждающее воздействие повествовательной полифонии..... 513

Коньков Владимир Иванович

Субъект речи как стилеобразующее начало
в гипертекстовых образованиях Интернета 515

Лисова Олеся Олеговна

Слияние фокусов повествовательных пространств при создании
эмоционально-оценочного образа явлений действительности
(на материале повести А. Архангельского «Русский иероглиф.
История Инны Ли, рассказанная ею самой») 517

Лоу Шифань

Языковые средства формирования хронотопа в антиутопическом рассказе
(на материале рассказа Андрея Рубанова «Аз Иванов. Выход в деньги»)..... 519

Лю Хаотун

Функции вводных слов при интерпретации эпистемической модальности
в современном медиадискурсе 521

Малинина Наталия Владимировна

Эмотивная лексика в сюжетообразовании
повести А. П. Чехова «Три года» 523

<i>Мансур Мохаммед Хассан Саммани, Ольховская Александра Игоревна</i>	
Арабские мемы глазами россиян: проблемы интерпретации.....	525
<i>Омельченко Лилия Николаевна</i>	
Акциональные предложения: семантика и функционирование в текстах типа «повествование»	527
<i>Попкова Елена Андреевна, Брускова Рахиль Эдуардовна</i>	
Образный потенциал лексико-тематической группы «здоровье» в пандемийном дискурсе.....	529
<i>Стрельникова Наталия Данииловна</i>	
Актуальность подбора учебного материала (Рассказы Наринэ Абгарян в иностранной аудитории)	531
<i>Фань Юйвэнь</i>	
Речевые стратегии и тактики в речевом жанре «разговор взрослого с ребенком» на материале рассказов для детей Л. Толстого	533
<i>Хандархаева Ирина Юрьевна</i>	
Особенности функционирования финитивных глаголов с префиксом -от в тексте типа «описание».....	535
ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	
<i>Любимова Нина Александровна, Первушина Ирина Сергеевна</i>	
Формирование основ фонетической базы на русском языке у представителей Юго-Восточной Азии	537
<i>Бадалова Елена Назимовна</i>	
Речевой этикет в аспекте лингвострановедения: из опыта преподавания	539
<i>Васильева Анастасия Владимировна</i>	
Формирование профессиональной коммуникативной компетенции иностранного студента-нефилолога в магистратуре	541
<i>Дубровская Елена Михайловна</i>	
Лингвокультурные типажы на уроках РКИ: возможности применения	543
<i>Звездина Юлия Владимировна</i>	
Организация освоения иностранными обучающимися дисциплины «Русский язык и культура речи» на уровне бакалавриата.....	545

<i>Жэнь Ваньин, Дерябина Светлана Александровна</i>	
Прогнозирование трудностей интонационного оформления русской звучащей речи китайскими студентами-филологами	547
<i>Иванов Сергей Юрьевич</i>	
Инфинитивные предложения в аспекте РКИ.....	549
<i>Иванова Татьяна Митрофановна</i>	
К вопросу о формировании патриотических и духовных ценностей у студентов-иностранцев на занятиях методических дисциплин	552
<i>Марусенко Наталия Михайловна</i>	
Современные подходы к созданию лексического минимума (уровень В2/ТРКИ-2)	554
<i>Налимова Татьяна Анатольевна</i>	
Деловой русский язык для иностранных бакалавров.....	556
<i>Никольская Зоя Александровна</i>	
Русское ударение для ТЭУ-ТБУ.....	558
<i>Роднова Мария Андреевна</i>	
Лингводидактический потенциал жанра интеллект-шоу в обучении русскому языку как иностранному (на материале «Умницы и умники»)	560
<i>Сарычева Мария Романовна</i>	
Использование прецедентного имени при формировании лингвокультурологической компетенции на занятиях по РКИ	562
<i>Сретенская Лариса Викторовна</i>	
Функционально-коммуникативный анализ частицы точно на занятиях по РКИ	564
<i>Ши Цзеся</i>	
Типичные ошибки в русской устной речи иностранных студентов-медиков (уровень В2).....	566
<i>Чжао Линьлин</i>	
Интегрированный подход в обучении китайских студентов говорению на русском языке как иностранном на начальной ступени.....	568
<i>Ху Цзянь</i>	
Использование мультимедиа в обучении русскому языку	570
<i>Цревар Сунчица</i>	
Геймификация на онлайн-уроках РКИ	572

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГРАММАТИКА И ЛЕКСИКОН

Клейнер Юрий Александрович, Светозарова Наталия Дмитриевна

«...не хухры-мухры»: грамматика тавтологии
(маргиналия к семинарским занятиям) 575

Вилинбахова Елена Леонидовна, Isabel Pérez-Jiménez, Gonzalo Escribano Roca

Полусвязочные глаголы в академических текстах:
корпусное исследование на материале испанского языка 576

Власова Екатерина Дмитриевна

Лексико-семантические поля в анализе политического дискурса 578

Григорьян Елена Леонидовна

Агентивность и её «составляющие» **580**

Чуйкова Оксана Юрьевна

Родительный vs винительный падеж прямого дополнения
при ингестивных глаголах в славянских языках (корпусное исследование) 582

Юй Вэньсинь

Скромное хвастовство в китайском языке 584

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Клубкова Татьяна Владимировна

«Митридат» — памятник эпохи 586

Блинова Ольга Владимировна

«Сложность» и «трудность» в лингвистической терминологии и словарях 588

Германова Наталия Николаевна

Элизабет Элстоб — первая женщина-медиевист Европы 590

Знаешева Ирина Владимировна

«Лингвистические фрики» как форпост национального самосознания 592

Крылов Сергей Александрович

Членение предметной области морфологии на основные разделы
в трактовке отечественных лингвистов XX–XXI века 594

Лейтуш Алина Гадельжановна

Дискуссия о происхождении слова человек
в журнале XIX века «Филологические записки» 596

Лукин Олег Владимирович

Я. М. Родде: био- и библиографические источники..... 598

Пиотровский Дмитрий Дмитриевич

Первые шаги в изучении фарерского языка и литературы 600

Сенецкая Лариса Борисовна, Маркасова Елена Валерьевна

Об иерархии источников «Риторики» Феофана Прокоповича 602

Сергеев Михаил Львович

«Алфавит 12 языков» (1538) Гийома Постеля — первый справочник
о языках мира: задачи, форма, источники 604

ОРФОЭПИЯ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕРБИЦКОЙ

Каленчук Мария Леонидовна

Профессиональные произносительные варианты: мифы и реальность 606

Филиппов Андрей Константинович, Филиппов Константин Анатольевич

К вопросу о квалификации гласных в немецких учебниках
по грамматике и стилистике XVIII века 608

Антонова Ольга Валентиновна

Варианты русского ударения: кодификация и узус 610

Коробейникова Татьяна Николаевна

Вариативность ударения в формах слов «бант», «торт» и «шарф»..... 612

Корпечкова Елена Владимировна, Сомова Александра Евгеньевна

Особенности акцентуации кратких имен прилагательных с приставкой не- 614

Никитин Никита Владимирович

Особенности произношения русских клитик: проблемы описания 616

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Хохлова Мария Владимировна

Словарные коллокации в устном и письменном корпусах: сравнительный анализ... 618

*Корышев Михаил Витальевич, Куликова Любовь Алексеевна,
Мазин Константин Владимирович, Мушулова Анна Валерьевна,
Стародуб Дарья Александровна, Хохлова Мария Владимировна*

Идейный ландшафт современной Германии: корпусный анализ печатных СМИ 619

Донина Ольга Валерьевна

Методы компьютерной и квантитативной лингвистики
для анализа региональных СМИ 621

Зельникова Анна Артемовна, Ольховская Александра Игоревна

Методика корпусного отбора современной фразеологии..... 623

Марусенко Наталия Михайловна, Марусенко Михаил Александрович

Использование отношения правдоподобия
при решении задач авторской идентификации 625

Митрофанова Ольга Александровна

Специальные корпуса текстов в мультимодальных тематических моделях..... 627

*Рогозина Елена Андреевна, Алексеева Елена Леонидовна,
Азарова Ирина Владимировна, Сипунин Константин Владимирович*

Санкт-Петербургского корпус агнографических текстов (СКАТ):
морфологическая разметка, разметка и анализ элементов содержания 629

Родионова Александра Павловна

Речевой корпус прибалтийско-финских языков Карелии:
архитектура и возможности 631

Фирсанова Виктория Игоревна

Разработка чат-бота о расстройствах аутистического спектра 633

Чебанов Сергей Викторович

Курс «Прикладная лингвистика (ПЛ) в структуре
современного научного знания»..... 635

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

Воейкова Мария Дмитриевна

Особенности кореференции и проблема связности публицистического текста 637

Боднарук Елена Владимировна

Семантика футуральности (на примере немецкого языка) 639

Ван Илин

Оценочные конструкции со словом «плохой» в русском и китайском языках:
опыт сопоставительного анализа 641

Введенская Наталия Михайловна

Ядро русской грамматики: реконструкция
на основе исследований детской речи 643

Иванова-Жданова Елена Юрьевна

Особенности таксисных отношений в конструкциях с деепричастиями,
образованными от глаголов движения..... 645

Калинин Степан Сергеевич

Отсутствуют ли категории времени и аспекта в языке тайо?..... 647

Калятин Игорь Сергеевич

Функционирование грамматических средств выражения причины
в художественном тексте XVIII и XXI веков
(на материале немецкого, итальянского и русского языков)..... 649

Коршунова Анна Михайловна

Лёд тронулся: инхоатив от глаголов перемещения русского языка..... 651

Коршунова Анастасия Сергеевна

Репрезентация категории временной локализованности
в новостном интернет-дискурсе..... 653

Крамскова Анна Сергеевна

Соотношение категорий эвиденциальности и эгофоричности
в идиомах тибетской языковой группы 655

Матханова Ирина Петровна

Высказывания с наречиями цели: типы категориальных ситуаций..... 657

Стексова Татьяна Ивановна

Диффузность полей контролируемости и неконтролируемости 659

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Иваненко Анастасия Андреевна

Влияние личностных особенностей на порождение аффективных оценок
русских существительных 661

Каменева Вероника Александровна, Румянцева Александра Александровна

Диагностирующая стратегия коммуникации между врачом
и несовершеннолетним пациентом. Специфика получения информации 663

Краснощекова Софья Викторовна

Местоимение «другой» в детской речи 665

Круглякова Татьяна Александровна, Ван Лина

Способы выражения инструментива в речи русских детей и иностранцев,
осваивающих русский язык в искусственных и естественных условиях..... 667

Николова Доротея Пламенова

Исследование сознания посредством концепций
когнитивной лингвистики 669

Пиотровская Лариса Александровна

Можно ли измерить эмотивность текста? 671

Раева Ольга Васильевна

Вариативность русской речи:
редукция и перцептивно значимые характеристики 673

Тьосса Ксения Антоновна

Восприятие потенциальных агнонимов детьми 3–6 лет
при слушании художественного текста 675

Фомина Зинаида Евгеньевна

Феномен «ИДЕИ» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта
в эпистемологическом и эмоционально-психологическом аспектах 677

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Абрамова Евгения Викторовна

Английский как lingua franca в Брюссельском столичном регионе:
реалии и перспективы 679

Дзюба Елена Вячеславовна, Белослудцев Александр Николаевич

«Релокация» как явление в языке и жизни социума:
анализ некоторых статистических данных 681

Громова Анна Викторовна

Социальные сети как инструмент регулирования статусной
и корпусной языковой политики в современном Иране 683

Копылова Татьяна Рудольфовна

Виды речевого поведения в устном бытовом общении
(на материале Удмуртской Республики) 685

Куралесина Екатерина Николаевна

Геополитические изменения и мировая языковая система 687

Марусенко Наталия Михайловна, Марусенко Михаил Александрович

Выбор языка обучения как политическая проблема 689

Миретина Мария Сергеевна

К вопросу о будущем французского языка в Алжире 691

Мороз Георгий Алексеевич, Земичева Светлана Сергеевна

Причастия и деепричастия в русской устной речи: корпусный анализ 693

Орлова Инна Анатольевна

Язык как инструмент дизайна международного права 695

Раевская Марина Михайловна

Международный конгресс испанского языка (CILE) как инструмент
успешного межгосударственного менеджмента в сфере языковой политики 697

Руднева Екатерина Алексеевна

Наименования людей с психическими расстройствами
в современном русском языке 699

Руднева Екатерина Алексеевна, Троценкова Екатерина Владимировна

Влияние профессиональных стереотипов на понятность юридического текста..... 701

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЭТИКА

Бондарко Николай Александрович

Средневерхненемецкие поэмы о Дитрихе Бернском в контексте
сказания о нибелунгах: к вопросу о структуре эпической традиции 703

Бабаина Елена Аркадьевна

Новаторы и консерваторы: о рецепции традиционных стереотипных элементов
в среднеанглийской поэзии 705

Беспальчикова Яна Евгеньевна

История Эрманариха и Сунильды: варианты, развитие, мотивы 707

Гвоздецкая Наталья Юрьевна

Древнеанглийские поэтические фрагменты с руническими «подписями»
Кюневульфа: гномика, лирика или «актуальные» тексты? 709

Ковалев Борис Вадимович, Зернова Елена Сергеевна

Формулируя традицию: образ Исландии в поэтике Х.Л. Борхеса 711

Михайлова Татьяна Андреевна

Списки саг: сообщение → событие (к проблеме самоосмысления
средневековой ирландской традиции) 713

Пиотровский Дмитрий Дмитриевич

Фарерская народная песня о «Чудесной арфе» 715

Яценко Мария Вадимовна

Семантика зеленого цвета в древнеанглийском языке 717

УРАЛИСТИКА

Авцинов Вячеслав Михайлович

- Особенности перевода научных текстов по истории
с финского языка на русский на примере перевода монографии О. Юссилы
«Великое княжество Финляндское 1809–1917» 719

Арекеева Светлана Тимофеевна

- Удмуртская малая проза 1920–1930-х гг. в поисках героя 721

Братчикова Надежда Станиславовна

- Мацца, фортшване, Шекспир и Норденшёльд:
особенности научно-популярной литературы на финском языке 723

Дементьева Александра Максимовна

- Кодекс Веста: тайны старинной финской рукописи 725

Доловаи Доротья

- Значения приставки *be 'v'* в неологизмах венгерского языка 727

Захарова Екатерина Владимировна

- «Карельская кухня» на топографической карте 729

Кондратьева Наталья Владимировна

- Кодовое переключение как стилистический прием
(на материале современной удмуртской литературы) 731

Коровина Надежда Степановна

- Фольклоризм как стилевая черта творчества коми поэта И. А. Куратова 733

Мизонова Александра Николаевна

- «Дневник чайного мастера» как антиутопия в подростковой литературе:
к типологии героя 735

Новак Ирина Петровна

- Диалектные различия карельского языка в системе вокализма 737

Новикова Ярослава Владимировна

- Долгий звук в финском языке — это фонема?
Теоретические и прикладные аспекты проблемы 739

Пилипенко Глеб Петрович

- Модели адаптации славянских заимствований в речи венгров
Воеводины (Сербия) и Прекмурья (Словения) 741

Федорова Любовь Петровна

- Учебные книги педагога Антона Ларионова в истории развития
удмуртской детской литературы 743

Шкляев Александр Григорьевич

Петер Домокош об истории и классификации уральских литератур 745

ФОНЕТИКА

*Кочеткова Ульяна Евгеньевна, Евдокимова Вера Вячеславовна,
Скрелин Павел Анатольевич, Качковская Татьяна Васильевна*

Особенности реализации интонационных моделей
при выражении иронии в русском языке 747

Андросова Светлана Викторовна, Аайл Нур Ахмад

Реализация гласных монофтонгов языка пушту в спонтанной речи..... 749

Давыдова Варвара Алексеевна

Реализация фоносемантического закона множественности номинации
в звукоизобразительной лексике вымышленных языков 751

Дмитриева Наталья Витальевна

Экспериментальное исследование эвристической функции
звукоизобразительности на материале эмотивной лексики английского языка 753

Завьялова Виктория Львовна

К вопросу о типологии иноязычного акцента 755

Караева Вероника Георгиевна, Андросова Светлана Викторовна

Устойчивое продвижение вперед британских гласных /u/ и /ʊ/: на материале
новостного аналитического и академического типов Дискурса 757

Лань Хао, Павловская Ирина Юрьевна

Дифференцирующий фактор языка на уровне слога-паузальных моделей 759

Малышева Валерия Николаевна

Факторы, влияющие на формирование фонестемных групп английского языка
в диахронии 761

Морозова Ольга Николаевна

Аспирация в тунгусских языках (данные акустического анализа) 763

Флакман Мария Алексеевна

Этимология звукоимовных слов-обозначений «малого» и «округлого»
в английском языке 765

Холявин Павел Андреевич

Автоматический анализ мелодического контура..... 767

Шестера Елена Александровна

Телеутская просодия в восприятии носителей языка 769

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ГРАММАТИКА

Ануфриев Александр Александрович

Особенности употребления конструкций с семантикой сожаления
в романских языках 772

Алыпova Светлана Алексеевна

Рассмотрение акциональных характеристик стативных глаголов
в современном испанском языке..... 774

Архипова Ирина Викторовна

Примарно-таксисная актуализация в контексте
межкатегориального взаимодействия (на материале немецкого языка) 776

Михайлова Ирина Михайловна

Еще раз о модальном глаголе ZOU в нидерландском языке 778

Осокина Наталья Юрьевна

Об интенциональном семантическом сдвиге неконтролируемость —
контролируемость действия в сочетаниях с глаголом to decide
в произведениях современных англоязычных авторов 780

Степанов Евгений Сергеевич

Структурирование и добавление информации как оценочная стратегия
в учебниках по социологии на немецком и русском языках 782

ДИСКУРС И ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Алимджанов Абдуазиз Абдихакимович

Проблема описания невербального контекста в политическом дискурсе..... 784

Беляева Любовь Евгеньевна

Языковая репрезентация эмоций реципиента картины
в литературном произведении 786

Власова Ассоль Александровна

Лето протеста: анализ освещения демонстраций BLM в американской прессе..... 788

Гришаева Елена Борисовна

Is it Realistic to Enhance and Elaborate Students' Cultural Sensitivity? 790

Денисова Наталья Викторовна, Кованова Евгения Анатольевна

Суперпары и суперимена: о чем говорят бленды-онимы? 792

<i>Емельянова Ольга Витальевна</i>	
К вопросу о языковых средствах научного полемического дискурса	794
<i>Захарова Ольга Сергеевна</i>	
Способы репрезентации положительной и отрицательной оценки в англоязычных аналитических обзорах валютного рынка	796
<i>Осадчая Ольга Николаевна</i>	
Английские и русские фразеологизмы в юридическом дискурсе.....	798
<i>Рыженкова Анна Александровна</i>	
Особенности психотерапевтического дискурса в произведениях художественной литературы	800
<i>Стрельцова Анастасия Владимировна</i>	
Языковая репрезентация фрейма CREATING OF SOVIET ART (на материале монографии А. Руснок.....)	802
<i>Теплякова Анастасия Борисовна</i>	
Организация ментальных пространств при создании метафор в заголовках статей (на материале англоязычного периодического издания The Economist).....	804
<i>Толочин Игорь Владимирович</i>	
Picking the Low Hanging Fruit: о границе между идиомой и сложным словом	806
<i>Травина Екатерина Андреевна</i>	
Языковая репрезентация этнической идентичности и ценностных установок женщин маори в медиадискурсе Новой Зеландии.....	808
<i>Третьякова Татьяна Петровна</i>	
Риторический потенциал иронического контекста современного медийного дискурса	810
<i>Троценкова Екатерина Владимировна</i>	
Когнитивная усложненность примитивизирующего поликодового текста мема.....	812
<i>Цверкун Юлия Борисовна</i>	
Цифровизация в образовании (терминологический аспект)	814
<i>Шустрова Елена Николаевна, Кондрашова Вера Николаевна</i>	
Использование топонимов в англоязычном юмористическом дискурсе	816
<i>Шутёмова Наталья Валерьевна</i>	
Эпитет как средство репрезентации доминантного концепта в декларации ЮНЕСКО о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия	818

Щербак Нина Феликсовна

К вопросу о трансцендентности языкового знака 820

Яковлева Мария Станиславовна

К вопросу о критериях определения медицинского текста
в древнеанглийской литературе 822

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Баева Галина Андреевна

Рефлексы устной речи в диалогах учебных пособий XV–XVII вв. 824

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

„Leipziger Taschenbuch für Frauenzimmer zum Nutzen und Vergnügen“
как образец женского журнала XVIII века 826

Гринина Елена Анатольевна, Романова Галина Семеновна

Инки и их социум в Хронике «Доброго Правления» 828

Диттрих Артём Геннадьевич

Реализация категорий эвиденциальности и авторитетности в проповедях
Бертольда Регенсбургского: прагматический аспект 830

Дмитриева Мария Николаевна

Иллюстрированное описание немецких ремесел:
к проблеме взаимодействия семиотических смыслов 832

Жилюк Сергей Александрович

Словосочетания с союзом *vnt/vnde* как проявление формульности
в «Песни о нибелунгах» 834

Короленко Ольга Игоревна, Нерсесова Элина Витальевна

Словарь Французской академии как фактор стандартизации
национального языка 836

Мухин Сергей Владимирович

Фразеологический компонент «язык» в телесно-антропных образах
древнеанглийских псалтирей 838

Нифонтова Дарья Евгеньевна

Трёхязычные топонимы как специфическая черта
культурного ландшафта в ладинской части Южного Тироля 840

Пономарёва Анастасия Алексеевна

Роль диалекта в политической коммуникации Южной Германии 842

Суслова Екатерина Геннадьевна

Средства выражения модальности побуждения в руководствах по ведению
домашнего и сельского хозяйства XVII в. 844

Тихонова Елена Сергеевна

К вопросу о сочетаемости украшающих эпитетов
в «Старшей Ливонской рифмованной хронике» 846

Томберг Ольга Витальевна

Горе в древнеанглийской культуре: языковая и текстовая репрезентация..... 848

Чупрына Ольга Геннадьевна

Репрезентация развлекательной культуры в языке средневековой Англии..... 850

Шаповалова Галина Константиновна

Синтаксические особенности ранненововерхненемецкой поэзии 852

Яшкова Анна Валерьевна

Метаязыковые характеристики вежливого обращения автора к читателю
(на материале немецких искусствоведческих текстов XVIII века)..... 854

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ

Аверина Лейли Оруджевна

Особенности немецкой юридической терминологии в сфере искусства 856

Аккуратова Ирина Борисовна

Вакцинация в германском обществе сквозь призму немецкого языка:
структурно-семантическая характеристика новых слов..... 858

Алёшин Алексей Сергеевич

Национально-культурные особенности шведских пословиц
сравнительной семантики..... 860

Баканова Анна Валентиновна

История испанской фольклористики в XVII веке..... 862

Влавацкая Марина Витальевна

Репрезентация женской идентичности в неопаремиях русского, английского
и немецкого языков..... 864

Гринина Елена Анатольевна, Евдокимова Анна Александровна

Перипетии галисийского языка: от истории к современному состоянию..... 866

Гурова Елена Александровна, Ливанова Александра Николаевна

О ключевых словах датской и норвежской культуры..... 868

<i>Дойникова Марина Игоревна</i>	
Репрезентация концепта «мигрант» в современном немецком языке	870
<i>Евстафьева Екатерина Вячеславовна</i>	
К вопросу о едином письменном граубюнденском ретороманском языке. 40 лет Rumantsch Grischun.....	872
<i>Езан Ирина Евгеньевна</i>	
Лингвопрагматическая характеристика типа текста «праздничное телевизионное обращение»: лексический аспект	874
<i>Епифанова Валентина Валерьевна</i>	
Выражение поощрения/ попустительства синонимическими средствами русского и немецкого языков: семный анализ	876
<i>Жильцова Елена Леонидовна</i>	
Семантические особенности «ложных друзей» переводчика в шведском и русском языках	878
<i>Зернова Елена Сергеевна</i>	
Явления интерференции в разговорном галисийском языке	880
<i>Иванова Анна Викторовна</i>	
Каталанизмы в письмах Колумба: в поисках аргументов для «развенчанного» мифа.....	882
<i>Карпенко Елена Игоревна, Кусакина Дарья Алексеевна</i>	
Комплексная характеристика кинесического поведения литературного персонажа (на примере романа «Лила, Лила» Мартина Сутера).....	884
<i>Ковтунова Елена Анатольевна</i>	
Термин Patch в немецком языке: межъязыковое или межсистемное заимствование?	886
<i>Кутькова Анастасия Владимировна</i>	
Дискурсивные слова в испанском и португальском языках: парадоксы изучения и описания	888
<i>Кучина Дарья</i>	
Жанрообразующие признаки интернет-комментария: особенности письменной речи в Микроблоге «Твиттер».....	891
<i>Лазарева Татьяна Андреевна</i>	
Методы обработки материалов корпуса разных исторических периодов немецкого языка (на примере слова Tugend)	893

Максимова Виктория Вячеславовна

- Ключевые слова в контексте немецких военных мемуаров
Второй мировой войны 895

Мельгунова Анна Владиславовна

- Возможности словопроизводства от корневых слов
немецкого языка с гендерной семантикой 897

Микаэлян Юлия Игоревна

- Способы перевода лексических единиц семантического поля «алкоголь»
в прозе С. Довлатова (на примере переводов повести «Заповедник»
и сборника новелл «Компромисс» на испанский и португальский языки) 899

Москвина Татьяна Николаевна

- Процессы интерференции в диалектной лексике
(на материале островных немецких говоров Алтайского края)..... 901

Нефедова Любовь Аркадьевна

- Гендерно обусловленные инновации в немецкой лексикографии 903

Никитина Екатерина Яковлевна, Соловьева Мария Владимировна

- Отыменные глаголы на -tionner во французском языке наших дней:
попытка классификации..... 905

Николаева Юлия Вадимовна

- Межъязыковая эквивалентность русских и итальянских фразеологизмов
в свете корпусных данных..... 907

Панкратьева Елена Сергеевна, Цветаева Елена Николаевна

- Взаимодействие материальной и вербальной западнохристианской культуры
как один из источников немецкой фразеологии..... 909

Парина Ирина Сергеевна

- Сопоставительный анализ семантической валентности немецких
фразеологизмов-квазисинонимов на основании корпусных данных..... 911

Петрова Анастасия Дмитриевна

- Французская современная литература в условиях российского книжного рынка:
проблемы перевода 913

Петрова Галина Викторовна

- Порядок следования относительных прилагательных
в именной группе (на материале португальского языка) 915

Попова Евгения Андреевна

- Экспрессивная номинация жителей Канарских островов: основания, образы,
коннотации 917

<i>Природина Ульяна Петровна</i>	
Урбанонимическая номинация Старого города Стокгольма	919
<i>Самородин Георгий Владиславович</i>	
Микрополе «Милитаризм» в структуре семантического поля «Чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии	921
<i>Слинина Людмила Ярославна</i>	
Самопрезентация и образ оппонента в дискуссии о гендерной корректности в немецком медиа-дискурсе	923
<i>Снеткова Марина Сергеевна</i>	
Лексико-стилистические средства создания образов Галисии и галисийцев в «Разговоре 24 галисийских крестьян» М. Сармьенто	925
<i>Соколова Ольга Викторовна</i>	
Взаимодействие поэтического и политического дискурсов: стратегии неологизации в политических текстах Г. Д'Аннунцио	927
<i>Спаццани Елена</i>	
Сопоставительный корпусный анализ грамматического числа в соматических фразеологизмах с компонентом «глаз» в русском и в итальянском языках	929
<i>Терещук Андрей Андреевич</i>	
Происхождение лексемы «requeté» в языке испанских карлистов	931
<i>Фадеева Галина Михайловна</i>	
Юмор как национально-культурный феномен: современные немецкие шутки на базе диалектов	933
<i>Хуторецкая Ольга Александровна</i>	
Семантическая структура и системные связи французских адъективных предикатов, устанавливающих отношения причастности	935
<i>Чекалина Елена Михайловна</i>	
Ассимиляция английских заимствований в шведском языке	937
<i>Чепорухина Мария Георгиевна</i>	
Как ругают политиков в России и во Франции, или сопоставительный анализ дисфемизмов	939
<i>Чеснокова Ольга Станиславовна</i>	
Песня аргентинских болельщиков Muchachos в контексте национальной идентичности аргентинцев	941

РУССКИЙ ЯЗЫК

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ (РУССКИЙ И ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ) (ПАМЯТИ ПОЧЕТНОГО ПРОФЕССОРА СПБГУ Г. Н. АКИМОВОЙ)

Вяткина Светлана Вадимовна

Репрезентанты опосредованной эвиденциальности в российских СМИ 944

Казаков Владимир Павлович

О функциях тире в цепочке глагольных предикатов
(на материале романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза») 946

Алексеева Ольга Максимовна

О безличном предложении с глаголом «дышаться» в значении расположенности
субъекта к действию/состоянию 948

Артеменко Мария Владимировна

Стилистические особенности группы отымённых релятивов
сравнительной семантики 950

Зорина Екатерина Сергеевна

Субъект повествования в дискурсивном тексте
(на материале романа Е. Водолазкина «Лавр») 952

Лебедев Александр Александрович

Специфика пунктуационного оформления стихотворений Г. Р. Державина 954

Патроева Наталья Викторовна, Рожкова Анфиса Владимировна

К вопросу об эволюции идиостилистических устремлений
Василия Кирилловича Тредиаковского 956

Попова Лариса Владиславовна

Псевдотавтологическая фразеосхема с местоимением «такой» 958

Романова Татьяна Владимировна

Термины грамматики в когнитивном прочтении 960

Сидорова Марина Юрьевна

Коммуникативно-функциональная грамматика, субъектный анализ текста
и проблемы информационного противодействия 963

Уржа Анастасия Викторовна

«Многоликое» настоящее время в нарративе: дискуссионные вопросы 965

Чу Цзинжу

Стратегия построения текстов в двуязычных СМИ (на фоне китайского языка) 967

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ

<i>Рождественская Татьяна Всеволодовна</i>	
Надписи на иконах XII–XIV вв. из собрания Гос. Русского музея как лингвистический источник	969
<i>Афанасьева Татьяна Игоревна</i>	
Молитва о согрешениях Василия Великого в Ярославском часослове XIII в.	971
<i>Попов Михаил Борисович</i>	
О фонологических и фонетических факторах перехода /ky, gu, ху/ > /k'i, g'i, х'i/ в русском языке	973
<i>Аверина Светлана Андреевна</i>	
Традиционные библейские языковые формулы и их преобразование в древнеславянской агиографии	975
<i>Биктимирова Юлия Викторовна</i>	
Опыт составления регионального исторического словаря	977
<i>Бурилкина Татьяна Викторовна</i>	
Лексические особенности древнерусской псалтыри Vat. slav. 8	979
<i>Караваева Полина Юрьевна</i>	
Житие святого Афанасия Афонского в Троицком сборнике 678 и Волоколамском сборнике 605: к вопросу о характере лексической правки	981
<i>Новак Мария Олеговна</i>	
Древнеславянский перевод оглавления к Деяниям апостолов: данные рукописей XIV–XVI вв.	983
<i>Пенькова Яна Андреевна</i>	
Судьба инфинитивных конструкций с глаголами имѣти и хотѣти в позднесреднерусской письменности.....	985
<i>Прокуратова Екатерина Владимировна</i>	
Старообрядческий текст Русского Севера как сверхтекст: специфика феномена.....	987
<i>Руднев Дмитрий Владимирович</i>	
Императивные конструкции в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки».....	989
<i>Рылов Станислав Александрович</i>	
Основные категории древнерусского простого предложения	991
<i>Сабурова Анна Васильевна</i>	
Система времен в тексте «Жития митрополита Петра» в редакции митрополита Киприана.....	993

Титова Любовь Васильевна

- Об особенностях сочинений дьякона Федора в «Христианоопасном щите веры»
инока Авраамия 995

КОЛЛОКВИАЛИСТИКА. ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

- НУ, НАПРИМЕР, ДА? — об одной полифункциональной единице
русской устной речи 997

Колосовская Татьяна Леонидовна

- Семантика уступки в глаголах оценочной синтаксической конструкции..... 999

Курмакаева Нина Петровна

- Донецкий региональный речевой дискурс:
динамика лингвокультурного креатива..... 1001

Осьмак Наталья Андреевна

- О способах перевода прагматического маркера это самое на финский язык
(на материале параллельных финско-русских корпусов художественных текстов).... 1003

Попова Татьяна Ивановна

- «Эхо»-реакция в диалоге: корпусное исследование
устного дискурса в гендерном аспекте 1005

Раднаева Любовь Дашинимаевна, Прокопьева Дулма Доржиевна

- Перцептивные свойства интонации на примере русской речи 1007

Се Жоу

- На кого похож? — представление о персонаже в спонтанных
монологичных описаниях на родном и неродном языках..... 1009

Соколов Евгений Геннадьевич, Королькова Мария Денисовна

- Избыточное употребление притяжательных местоимений в русской устной
спонтанной речи (на материале корпуса «Один речевой день»)..... 1011

Сунь Сяоли

- Особенности перевода вербального хезитатива как его (её, их)
в русских художественных текстах на китайский язык 1013

Сян Янань

- Прагматический маркер-аппроксиматор ИЛИ ТАМ: корпусное исследование 1015

У Нань

- Форма-идиома В ПРИНЦИПЕ в русской повседневной речи:
гендерный аспект и роль в формировании речевых актов..... 1017

Чжао Цзэли

- Устный монолог-рассказ на родном и неродном языке:
особенности построения основной части текста
(на материале речи китайцев) 1019

Шклярук Екатерина Ярославовна, Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

- Особенности введения в устное повествование чужой речи
различными маркерами-ксенопоказателями 1021

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (ПАМЯТИ В. В. КОЛЕСОВА)

Донина Людмила Николаевна

- О составных терминах когнитивной лингвистики с прилагательным
«концептуальный»..... 1023

Андрейченко Оксана Ивановна

- Фразеологические прецедентные феномены в заголовках крымских газет 1025

Бурляй Анна Сергеевна

- Специфика коммуникативной деятельности языковой личности
донецкого военного корреспондента 1027

Бурмина Виктория Ильинична

- Антропоморфный код в русских и татарских загадках о печи и ее частях..... 1029

Гаврилова Марина Владимировна

- Концепт «Россия» в заключительном выступлении президента..... 1031

Гладкая Наталия Витальевна

- Репрезентативный характер интернет-мема в условиях инстант-культуры..... 1033

Жукова Галина Константиновна

- Проблемное поле музыкальной когнитивистики:
в поисках совершенного языка (на материале исследований
В. В. Колесова и Б. Л. Яворского) 1035

Ильченко Ольга Сергеевна

- Когнитивная грамматика: Instrumentalis с предлогами
пространственного отношения в русском языке 1037

Купчик Елена Викторовна

- Материальность русского языка в метафорах В. В. Колесова..... 1039

Лабынцева Елена Вячеславовна

- «Учуся в истине блаженство находить...». Когнитивные векторы концепта
ИСТИНА в лирике А. С. Пушкина..... 1041

Ли Синьюй

Концепт судьба в творчестве Геннадия Лысенко..... 1043

Ли Хуаньхуань

Преимущества лингвокогнитивного подхода к изучению особенностей предлогов временной протяжённости..... 1045

Мухина Ирина Константиновна

Ассоциативное поле концепта «Видеоигра»:
основные лексические репрезентации на идеографической карте 1047

Михайлов Алексей Валерианович, Михайлова Татьяна Витальевна

Географическая составляющая текста, предлоги и точка зрения Говорящего:
представления о пространственной организации России..... 1049

Панчехина Мария Николаевна

Типы лингвокультурем в поэзии метареализма..... 1051

Парахонько Людмила Вячеславовна, Сирота Елена Владимировна

Идентификация и дифференциация языковых и ментальных структур
в русской языковой картине мира (на базе концепта «гнев») 1053

Пименова Марина Васильевна

Единицы ментальности в трудах В. В. Колесова 1055

Смирнов Евгений Сергеевич

Экспликация эмотивной тональности устных текстов
коренных жителей Сибири о сверхъестественном..... 1057

Стебунова Алла Николаевна

Концепт «деньги» в сфере специальной коммуникации 1059

Халикова Наталья Владимировна

Образность научных концептов 1061

Шашков Игорь Александрович

Лингвокогнитивный подход к исследованию феномена сетевого дискурса 1063

Якушевич Ирина Викторовна

Синица зинька: внутренняя форма и символическое значение диалектизма 1065

Раткович Драгана М.

Пейоративные названия мужчины в говоре области Пирот
(лингвокультурологический аспект)..... 1067

**ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ
(РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)**

Садова Татьяна Семёновна

«Церемония рукоприкладства»: промежуточное звено
в детерминологизации старого канцеляризма 1069

Афанасьева Наталья Андреевна

Лексикографическое описание динамики традиционной образности лирики
XVIII в.: задачи и решение..... 1071

Брыкова Александра Андреевна

Специфика функционирования слова указ в документных текстах XVIII в..... 1073

Ваулина Екатерина Юрьевна

Лексика языков для специальных целей:
отражение динамики в толковом словаре 1075

Генералова Елена Владимировна

Тавтологические устойчивые сочетания в истории русского языка:
классификация и принципы словарного описания 1077

Евсеева Марина

Коннотативные особенности образных номинаций знаковых реалий Петербурга
в поэтических текстах..... 1079

Заманова Илона Владимировна

Семантические переходы лексики чувств, эмоций и свойств
в функциональную категорию состояния 1081

Зиновьева Елена Иннокентьевна

Формулы в историческом фразеологическом словаре
русского языка XVI–XVII вв. 1083

Куликовская Екатерина Николаевна

К вопросу о структуре словарной статьи в электронном словаре
перформативных глаголов в русских заговорах..... 1085

Козловская Наталия Витальевна

Речевые неологизмы в современной оперативной неографии..... 1087

Лиханова Надежда Анатольевна

Региональная лингвокультура Восточной Сибири
в условиях трансграничья: этнолингвистический аспект 1089

Маринова Елена Вячеславовна

Семантическая структура слова цифровой в русском языке XXI в.:
проблема описания 1091

Мельничук Виктория Александровна

Этикетная формула Царство небесное и ее трансформации
в интернет-коммуникации 1093

Сапиева Саида Казбековна

Концептуальность имени собственного Кавказ и интегративный подход
в его исследовании..... 1095

Семенова Софья Юльевна

Параметрическое существительное и структуризация информации 1097

Чекина Анастасия Артёмовна

Семантика и функционирование одной обрядово-этикетной формулы
народной речи..... 1099

Шарапова Екатерина Вячеславовна

О проекте словаря интенсификаторов в языке Ф. М. Достоевского 1101

Чжао Цихан

Лексикография при составлении специальных словарей
(на примере терминов биомедицинской инженерии) 1103

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Васильева Ольга Владимировна

О двойной префиксации в псковских говорах 1105

Белых Анна Вячеславовна

Метафоризация в профессиональной лексике шахтёров..... 1107

Большакова Наталья Валентиновна

«Детские» слова в диалектном дискурсе (на материале псковских говоров) 1109

Ветошкина Мария Александровна

К вопросу об отражении мистических представлений носителя диалектов
русского языка в его эмотивном и рефлексивном лексиконе..... 1111

Карпун Мария Александровна

Имена собственные в донских диалектных фитонимах 1113

Мызникова Янина Валерьевна

Экспрессивная лексика в русских говорах Ульяновской области..... 1115

Тер-Аванесова Александра Валерьевна

К морфологии приставок и предлогов *и, *въ в южнорусском говоре 1117

СТИЛИСТИКА

<i>Зубова Людмила Владимировна</i>	
Синонимы в современной поэзии.....	1119
<i>Анциферова Надежда Борисовна</i>	
Инструменты авторского идиостиля в создании языковой картины текста (на материале мемуарной прозы Б. Ахмадулиной).....	1121
<i>Вяткина Светлана Вадимовна</i>	
Стратегия построения текстов в двуязычных СМИ (на фоне китайского языка)	1123
<i>Гассельблат Ольга Александровна</i>	
В тени милых птиц (о «Прощальной оде» Иосифа Бродского).....	1125
<i>Казаковцева Ольга Сергеевна</i>	
Эпитеты в одах А. П. Сумарокова.....	1127
<i>Огольцева Екатерина Васильевна</i>	
Картина или картинка? (к проблеме варьирования компонентов устойчивого сравнения)	1129
<i>Кристиано Никола Отелло</i>	
Синонимия и антонимия газетизмов современных российских СМИ.....	1131
<i>Петрова Зоя Юрьевна, Николина Наталия Анатольевна</i>	
Тенденции развития компаративных конструкций в современной русской прозе (в соавторстве с Н. А. Николиной)	1133
<i>Пинежанинова Наталья Павловна</i>	
«Мозаика цитирования» в поэтических текстах Глеба Михалева	1135
<i>Ридная Юлия Викторовна</i>	
Обучение будущих учителей научной речи в рамках спецкурса по курсовой работе по методике	1137
<i>Сизова Ольга Борисовна</i>	
Стратегия использует автора	1139
<i>Фатеева Наталья Александровна</i>	
Повтор как основа синтеза целого: взаимодействие уровней в стихотворном тексте	1141

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ФОРМООБРАЗОВАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Теркулов Вячеслав Исаевич

Типология парадигматических объединений сложносокращённых апеллятивов 1143

Бровец Андрей Игоревич

Семантический анализ дешифровальных стимулов аббревиатур..... 1145

Замальдинов Владислав Евгеньевич

Окказиональные слова как средство языковой игры 1147

Михайлова Екатерина Николаевна

Реляционные модели дешифрования сложносокращённых апеллятивов..... 1149

Родионова Светлана Евгеньевна

Реализация словообразовательного потенциала ключевых слов современности 1151

Рязанова Валерия Александровна

Дублиеты сложносокращённых слов: типология и обусловленность 1153

Семеновская Светлана Алексеевна

К вопросу о признаках авторских неологизмов: некоторые уточнения 1155

Халабузарь Алла Олеговна

Аббревиатурная группа «авиа» в синхронном освещении 1157

Ян Тяньжуй

Структурно-семантическая классификация новых сложных слов..... 1159

СЛАВИСТИКА

АНДРЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ.

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

Амелина Анна Вячеславовна

Русская литература в чешской периодике 1920-х гг. (газета «Литерарни новины») 1162

Аникина Татьяна Евгеньевна, Аникин Иван Михайлович

О некоторых особенностях классицизма в Чехии (литература и живопись) 1164

Дробышева Марина Николаевна

Начальные процессы формирования публицистики в контексте культуры
Дубровника: нравственные и бытовые императивы 1166

Грасько Анна Васильевна

Чешский писатель Иржи Вайль о советской литературе 1920–1930-х гг. 1168

Иванова Светлана Сергеевна

Лингвосомиотическое конструирование пространственных образов
в романе Ольги Токарчук «Бегуны» 1170

Ковтун Елена Николаевна

Постсоветская фантастика России и Восточной Европы:
основные тенденции развития 1172

Колянов Алексей Юрьевич

Граф Калиостро в славянских литературах первой четверти XX века 1174

Розинская Ольга Валерьевна

Мифологические мотивы в произведениях А. Кондратьева 1930-х годов 1176

Сапожникова Ольга Сергеевна

«Сгнившая» библиотека Н. И. Надеждина:
славистические находки в собрании И. А. Шляпкина 1178

Тоичкина Александра Витальевна

Аксиологические основы метода Д. И. Чижевского
в его работах о Г. С. Сковороде 1180

Федорова Виктория Игоревна

Рецепция «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского
в прозе Марека Хласко: от принятия до отрицания 1182

Шешкен Алла Геннадьевна

«Облава на волков» И. Петрова: тематика, проблематика, поэтика 1184

Юрова Алина Владимировна

Проблема перевода польского просторечия
(на примере собрания сочинений Оскара Кольберга) 1186

ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ.

СОВРЕМЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

Иванова Елена Юрьевна, Осенова Петя Начева

Местоимения вторичной неопределенности («деконкретизации») в болгарском
языке на фоне русского 1188

Алексова Гордана

Сходства и различия форм преподавания македонского языка как второго 1190

<i>Аникин Михаил Александрович</i>	
Современная живопись Болгарии (основные мотивы, темы и архетипы).....	1192
<i>Васильева Ольга Вадимовна</i>	
Личные библиотеки ученых-славистов в фондах НБ им. М. Горького СПбГУ: современное состояние и перспективы изучения	1194
<i>Верижникова Елена Владимировна</i>	
Сколько времен у македонского глагола?	1196
<i>Делева Надежда Петкова</i>	
Лексикографирование культуры в свете современной двуязычной лексикографии	1198
<i>Гливинская Вера Николаевна</i>	
О некоторых итогах апробации программы учебной дисциплины «Мир 2-го иностранного языка»	1200
<i>Карпенко Людмила Борисовна</i>	
Кирилло-Мефодиевские чтения в Самаре как продолжение традиции славистических чтений СПбГУ	1202
<i>Кикило Наталья Игоревна</i>	
Прохибитив <i>немој(те) да</i> + <i>Vfin</i> в македонском и сербском языках: между формой и конструкцией	1204
<i>Лазарева Виктория Александровна</i>	
Фразеосхемы со значением оценки в сопоставительном аспекте: на материале болгарского, русского и итальянского языков.....	1206
<i>Лунькова Наталья Александровна</i>	
Дом как гетеротопия в рассказах Деяна Энева.....	1208
<i>Милчовска Наталья Владимировна</i>	
Речевой акт обещания в македонском языке в сопоставлении с русским.....	1210
<i>Мирчевска-Бошева Биляна, Веляновска Катерина</i>	
Вклад русских лингвистов в развитие македонской лексикографии	1212
<i>Мосинец Анастасия Геннадьевна</i>	
Перевод болгарских предикатов перемещения воздуха на русский язык	1214
<i>Пандев Димитар</i>	
«Бај Гањо» (Бай Ганю) на македонском.....	1216
<i>Седакова Ирина Александровна</i>	
О комплексном подходе к изучению болгарских антропонимов.....	1218

Стоянова Радостина Стоянова

Аффиксация как способ морфологического словообразования экономической терминологии (на материале болгарского, русского и сербского языков)..... 1220

Супрун Василий Иванович

Зоя — это Живка: сходства и различия русской и болгарской антропонимических систем (к юбилею З. К. Шановой)..... 1222

Тимонина Елена Васильевна

Всероссийского студенческий конкурс художественного перевода с болгарского языка на русский: цели и перспективы..... 1224

СЛАВЯНЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ПОСЛОВИЦЫ В ТЕАТРЕ И КИНО СЛАВЯНСКИХ СТРАН

Котова Марина Юрьевна

Пословичный код в кинотексте и театральной пьесе (взгляд паремиолога) 1226

Абакумова Ольга Борисовна, Ильминская Виктория Игоревна

Пословицы в художественном фильме 1228

Боева Наталия Евгеньевна, Жэсинима

Рецепция русских пословиц из экранизации комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» в китайской аудитории..... 1230

Гусева Ольга Валерьевна

Пословица «Wolność, Tomku, w swoim domku» в польской литературе и кино..... 1232

Дракулич-Прийма Драгана

Идиоматика в современном сербском кинематографе: переводческий аспект 1234

Ершова Надежда Борисовна

Пословицы в драматургии А. Н. Островского и их отражение в языке англоязычных стран 1236

Зимони-Калинина Ирина Евгеньевна

Пословицы в переводе на венгерский язык пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума»..... 1238

Кирилова Йоанна Христова

Болгарские пословицы, поговорки и фразеологизмы в художественной литературе, драматургии и экранизациях..... 1240

Князькова Виктория Сергеевна, Новакова Кристина

Особенности художественной речи романа Петера Яроша «Тысячелетняя пчела» и их отражение в экранизации произведения 1242

<i>Стоянова Радостина Стоянова, Маркова Наталия</i>	
Сценарий «Нечистая кровь» Воислава Нановича: перевод паремиологических и фразеологических единиц с сербского на болгарский язык.....	1244
<i>Мущинская Виктория Владиславовна</i>	
Пословицы в драме И. Я. Франко «Украдене щастя».....	1246
<i>Пескова Анна Юрьевна</i>	
Драматургия А. Н. Островского в Словакии: к вопросу о переводах	1248
<i>Раина Ольга Викторовна</i>	
Польские пословицы в кинотексте	1250
<i>Сергиенко Олеся Сергеевна</i>	
Пословицы в чешском и чехословацком кино и их восприятие в англоязычной культуре	1252
<i>Сюй Цин, Котова Марина Юрьевна</i>	
Восприятие русских пословиц из советских кинофильмов в Китае	1254
<i>Якименко Надежда Егоровна</i>	
Учебный лингвокультурологический словарь наиболее актуальных паремий русского языка. Проблемы отбора материала	1256
СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ БИБЛЕИЗМЫ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ	
<i>Мокиенко Валерий Михайлович, Вальтер Харри</i>	
Восточнославянские библеизмы: общее и различное.....	1258
<i>Антонова Елена Николаевна</i>	
Поэтические восточнославянские библеизмы в аспекте компаративистики лингвокультур.....	1260
<i>Воробьева Лина Бронислововна</i>	
О некоторых библейских именах в русских и литовских устойчивых сравнениях	1262
<i>Дронов Павел Сергеевич</i>	
Возлюби дальнего: анонимное и авторское употребление фразеологизмов	1264
<i>Иванов Евгений Евгеньевич</i>	
Библейская афористика в белорусском языке (проблема словарного описания).....	1266
<i>Куныгина Ольга Владимировна</i>	
Фразеологизмы с компонентом «бог» в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» ...	1268

Марабини Алессандра

Библейские фразеологизмы в языке экономики..... 1270

Николаева Елена Каировна

Динамика фразеологизма или ошибка?
(на примере фразеологических библеизмов)..... 1272

Орлова Ольга Сергеевна

Библейские образы в русских загадках 1274

Павлова Людмила Панасовна

К вопросу о соответствии библеизмов русского и нидерландского языков..... 1275

Селиверстова Елена Ивановна

Манна небесная: еда, ложь, мечта? 1277

Степихов Антон Анатольевич, Генералова Елена Владимировна

Устойчивые сверхсловные комплексы в «Словаре редкой лексики
по произведениям школьной программы»..... 1279

Федорова Людмила Львовна

Тьма египетская — библейский образ в свете сегодняшней реальности 1281

Шкуран Оксана Владимировна

Библеизмы как языковые единицы с сакральной семантикой:
лингвокультурологический аспект 1283

Щербачук Лидия Федоровна

Символ библейского Лазаря в русской фразеологии:
лингвокультурологический и функциональный аспекты..... 1285

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Борисов Сергей Александрович

Полилингвизм сельских кладбищ (на примере села Златица в Банате) 1287

Голант Наталия Геннадьевна

Наблюдения над лексикой погребальной обрядности в болгарском селе
Велики Извор (Сербия) 1289

Медведева Диана Игоревна

Русский концепт ГОРА и его сербские аналоги
(на материале лексикографических источников) 1291

Хмелевский Михаил Сергеевич, Кузнецова Ирина Владимировна

Актуальность балто-славянских лексико-фразеологических параллелей
для славистики..... 1293

Шалаева Татьяна Владимировна

Антропонимическая мотивация в названиях животных
(на материале «Общеславянского лингвистического атласа») 1295

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ И ТЕСТОЛОГИЯ

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Тимофеева Елена Константиновна

Национальное своеобразие цветовых синестем:
синтез универсального и специфического 1298

*Белова Марина Олеговна, Карапетян Алиса Рубеновна,
Журавлева Ольга Алексеевна*

Междисциплинарный подход при обучении студентов из КНР
английскому языку в вузе 1300

Божик Святослава Любомировна

Метод ТРИЗ на занятиях по английскому языку в полилингвальной аудитории 1302

Доброва Татьяна Евгеньевна, Рубцова Светлана Юрьевна

Теоретическая грамматика как составляющая лингвистической подготовки
переводчиков в полилингвальной среде 1304

Коздринь Пётр Романович

Педагогического потенциал электронного учебного пособия
при обучения иностранному языку 1306

Лыпкань Татьяна Витальевна

Реализация мягкости согласных в устной речи русскоязычных билингвов
в Германии и монолингвов в России 1308

Мазуренко Инна Владимировна

Использование системы Moodle в образовательном процессе студентов
медицинских вузов 1310

Павловская Ирина Юрьевна, Вишаренко Светлана Владимировна

Постановка речевого дыхания при обучении иноязычному произношению
носителей слогового языка (китайского) 1312

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Копыловская Мария Юрьевна

Философские основы обучения языкам для специальных целей
в цифровом обществе 1314

Андреева Екатерина Васильевна

Об опыте реализации курса, совмещающего изучение английского языка
для специальных целей (ESP) и приобретение навыков конструирования единиц
урока для студентов языковых факультетов, специализирующихся
на методике обучения иностранным языкам..... 1316

Вострикова Ирина Юрьевна

Обучение действием как способ развития метакогнитивных навыков
при изучении английского для специальных целей..... 1318

Зиннурова Аида Рифгатовна

Элементы игровых технологий в сочетании с принципами
предметно-языкового интегрированного обучения на занятиях по курсу
«Гиды на английском языке» в учреждении дополнительного образования 1320

Марницына Екатерина Сергеевна

Модификация домашнего чтения на основе методов CLIL (успешные примеры) 1322

Мастыкина Людмила Юрьевна

Формирование лексического компонента лингвистической компетенции
в процессе обучения будущих учителей 1324

Ниязова Галина Юрьевна

Использование технологии Mind Map в обучении ESP
(на примере лексической темы Crime and Punishment) 1326

Скробнева Тамара Григорьевна

Визуализация как средство повышения эффективности обучения
иностранному языку в техническом вузе..... 1328

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

*Тарнаева Лариса Петровна, Шаврова Анна Владимировна,
Осипова Екатерина Сергеевна*

Роль дискурс-анализа в обучении магистрантов-лингвистов переводу
в сфере профессиональной коммуникации 1330

Вагнер Анастасия Олеговна

Роль интерференции при изучении немецкого языка
как второго иностранного..... 1332

Газетдинова Юлия Вячеславовна

К вопросу о методике обучения английскому языку школьников с дислексией
в условиях инклюзии 1334

Григорьев Иван Вадимович, Ауксель Юлия Валентиновна

Developing syntactic complexity in EAP post-graduate writing 1336

Дубасова Анжелика Витальевна

Формирование учебно-познавательной компетенции с использованием
интерактивных технологий (на примере обучения латышскому языку)..... 1338

Золотая Елизавета Леонидовна

Проявления интерлингвистической и интралингвистической интерференции
у учащихся начальной школы..... 1340

Ильин Герман Владиславович

Факторы невербального восприятия преподавателей студентами:
гарвардские исследования 1342

Исакович Анастасия Петровна

Развитие ключевых когнитивных метакомпетенций
на уроках иностранного языка в условиях смешанного обучения..... 1344

Кубацкая Виктория Сергеевна

Использование онлайн-платформы Учи.ру на уроках английского языка
для развития коллокационной компетенции учащихся 1346

Лаврентьева Наталья Геннадьевна, Орлова Евгения Валерьевна

Сторителлинг как инструмент развития дизайн-мышления в неязыковом вузе..... 1347

Малинина Светлана Михайловна

Продуктивные модели терминообразования
в англоязычном морском дискурсе 1349

Мясников Алексей Анатольевич

Выбор педагогических технологий при обучении английскому языку
как иностранному в рамках коммуникативно-когнитивного подхода 1351

Никульникова Надежда Юрьевна

Элективный курс «Испаноамерика: язык и культура» для школ
с углублённым изучением испанского языка 1353

Охотникова Елена Васильевна

Методологические особенности занятий иностранным языком с учащимися, имеющими специфические нарушения психики..... 1355

Солнцева Елена Сергеевна

К вопросу о приоритетности умений в области медиаграмотности..... 1357

Сорокина Ангелина Сергеевна

Умения объяснения и визуализации языкового материала как часть профессионально-коммуникативной компетенции учителя/преподавателя иностранных языков..... 1359

Чаленко Елена Сергеевна

Интерференция при изучении немецкого как второго иностранного языка после английского..... 1361

Эйтон Александр

Counter-productive habits of university students learning English, their causes, and what teachers can do about it 1363

Ялышева Алевтина Викторовна

Эмотивная компетенция в контексте иноязычного образования..... 1365

ТЕСТОЛОГИЯ

Ма Синь, Павловская Ирина Юрьевна

Тестирование устной речи на английском языке носителей китайского языка: психологические факторы и выбор формата..... 1367

Ван Юйтин

Сравнительный анализ систем тестирования по русскому и китайскому языкам как иностранным..... 1369

Всемирнов Михаил Иванович

Коммуникативные неудачи при выполнении субтеста «Говорение» ТРКИ-2 и ТРКИ-3..... 1371

Глухова Юлия Николаевна

К вопросу совершенствования критериев оценки письменного высказывания на французском языке..... 1373

Жукова Марина Юрьевна, Ерофеева Инна Николаевна

Использование квест-тестовой технологии в курсе «Русский язык и русская культура в аспекте РКИ»..... 1375

Иванова Любовь Владимировна, Сеничкина Ольга Авенировна

Отличительные особенности критериев оценивания продуктивных видов речевой деятельности в паре «студент-студент», «преподаватель-студент» при обучении ESP 1377

Игнатов Кирилл Юрьевич

Опыт использования педагогических тестов в курсе «Литература стран изучаемого языка»..... 1379

Корнев Алексей Александрович

Профессионально-ориентированное языковое портфолио как инструмент промежуточного оценивания профессионально-коммуникативной компетенции студентов лингводидактических направлений подготовки 1381

Креер Михаил Яковлевич, Сказочкина Татьяна Валерьевна

Предпосылки формирования и оценивания коммуникативной компетенции русского языка в предметной области..... 1383

Маслова Людмила Сергеевна

Методика применения задачного подхода в общепрофессиональной подготовке будущих экономистов..... 1385

Петрусевич Виктория Игоревна

Адаптация общеевропейских критериев оценивания фонологической компетенции к оценке освоения итальянского произношения русскоязычными обучающимися..... 1387

Птюшкин Дмитрий Викторович, Дубинина Надежда Александровна, Пономарева Мария Андреевна

Интеграционный экзамен для иностранных граждан в России и за рубежом..... 1389

Рассказов Сергей Анатольевич

Реализация интегративных тестовых задний в старших классах общеобразовательной школы при подготовке к ЕГЭ 1391

Сказочкина Татьяна Валерьевна

Диагностика интеллектуальной одаренности детей как инструмент объективной оценки достижений учащихся 1393

Таликина Елизавета Дмитриевна

Методика развития рецептивных навыков учащихся с помощью аудиокниги..... 1395

ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Григорьева Любовь Николаевна

Юбилей 2023 года: немецкий язык и культура в русских переводах 1398

Анфиногенова Анна Ивановна

The English correspondences of Russian nonequivalent utterances in plays by
A. Chekhov..... 1400

Войку Ольга Константиновна, Николаева Ольга Станиславовна

Дуализм священного имени пророка в испанском контексте 1402

Епимахова Александра Сергеевна

История Международного свода сигналов
в аспекте перевода и лексикографии 1404

Михайловская Мария Валерьевна

Особенности передачи элементов вертикального контекста
в синхронном переводе Посланий В. Путина Федеральному собранию 1406

Морилова Екатерина Сергеевна

Межкультурные особенности перевода фильмов
для современных международных кинофестивалей 1408

Нуриев Виталий Александрович

Контрастивная пунктуация и художественный перевод:
границы переводческого выбора
(на материале французского и русского языков) 1410

Петрова Анастасия Дмитриевна

Литературный перевод: «искусство потерь» становится
новой образовательной программой..... 1412

Разумовская Вероника Адольфовна

Палимпсест «сильного» оригинала и вторичных версий:
«Грозовой перевал» Э.Бронте..... 1414

Светайлов Борис Владимирович

Особенности перевода хеджинговых глаголов
в научных статьях по экономике 1416

Степанова Мария Михайловна

Студенческие конкурсы перевода как средство формирования
переводчика-профессионала 1418

Ярошенко Полина Владимировна

Модели перевода сенсорной лексики
(на материале корпуса множественных переводов) 1420

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Силинская Наталия Павловна

Жанрово-стилистические особенности мокьюментари
как проблема художественного перевода 1422

Алевич Анисия Вячеславовна

«Долг мой воистину велит самодержавцев славить»: «Потерянный рай»
в переводе придворного поэта Екатерины II Великой В. П. Петрова 1424

Игошина Мария Константиновна

Характеристика объектов художественного пространства в стихотворении
Д. Паркер «Landscape»: переводческий аспект..... 1426

Куницын Андрей Васильевич

Analysis of methods of transmission of contaminated speech in
Russian translations of Jack London's novel "Martin Eden" 1428

Тик Наталья Александровна

Анализ переводческого комментария как способ выявления актуальной
проблематики переводного текста
(на материале итальянских переводов романа А. С. Пушкина
«Евгений Онегин» Э. Ло Гатто) 1429

Филатова Ганна Алексеевна Между скрытым и проявленным:
как воссоздать в переводе образ читателя? 1431

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ, ЗАГАДКАХ И ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

KINSHIP TERMS IN RUSSIAN PROVERBS, RIDDLES AND FIGURATIVE UNITS: A LINGUISTIC AND COGNITIVE-CULTUROLOGICAL ANALYSIS

Ковшова Мария Львовна

ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН

Лексическая система терминов родства в русском языке представлена именами кровного родства (отец, мать, сын, дочь и др.) и некровного родства: по браку (муж, жена, зять и др.), заместительного (отчим, мачеха и др.), духовного (крёстная мать и др.). При этом не все номинации и не в равных пропорциях употребляются в составе пословиц, загадок, фразеологизмов. На категориях родовой связи наиболее крепко держатся пословицы и загадки как знаки традиционной культуры, в которых запечатлено народное мировидение, направленное на закрепление опыта и его передачу через традицию. Самое большое количество номинаций родства употребляется в пословицах, назначенных предписывать правила и обычаи, сформированные в народной культуре. В загадках термины родства наиболее широко используются для иноскаательного описания окружающего мира. В составе фразеологизмов употребляются отдельные имена родства, с помощью которых типизируются социальные и предметно-деятельностные связи, выражается оценочное отношение к происходящему. В ходе анализа установлено количественное соотношение пословиц, загадок и фразеологизмов с номинациями родства; ср., напр.: «жена» (жёнка и др.) — 433 пословицы, 37 загадок, 10 фразеологизмов; «муж» (муженёк и др.) — 335 пословиц, 23 загадки, 6 фразеологизмов; «мать» (матушка и др.) — 206 пословиц, 94 загадки, 37 фразеологизмов; «отец» (бабка, батюшка и др.) — 172 пословицы, 50 загадок, 39 фразеологизмов; «кума» (кумушка и др.) — 132 пословицы, 15 загадок, 7 фразеологизмов; «брат» (братец и др.) — 120 пословиц, 295 загадок, 40 фразеологизмов; «зять» (зятёк и др.) — 46 пословиц, 7 загадок, 4–5 фразеологизмов. Интегративный подход, разрабатываемый в исследовании, отвечает современному запросу на объединение методов, способов и приемов разных направлений антропологической направленности, сопоставление результатов, полученных с разных научных «ракурсов». Лингвистический этап начинается с определения специфики языкового материала — терминов родства и знаков, в составе которых они употребляются. Выявляется набор номинаций родства в пословицах, загадках, фразеологизмах; проводится количественная, структурная, семантическая параметризация языкового материала; сопоставляются словарные дефиниции имен родства; исследуются их формы, конструкции, позиции в составе пословиц, загадок и фразеологизмов. Когнитивный этап включает концептуальный и фреймовый анализ языкового материала и сосредоточен на исследовании фреймовых моделей как форм проявления ментальности. Первое направление: «цель (РОДСТВО) — источник (другие сферы)» показывает, какие денотативные области участвуют в концептуализации фрагмента «РОДСТВО; СЕМЬЯ». Обнаруживается общая тенденция: основным источником концептуализации первого направления и в пословицах, и в загадках, и во фразеологизмах с терминами родства является та же концептосфера — родственная и смежная с ней социальная. Например, в пословицах концептуализация понятия «брат» не выходит за пределы концептосферы родства; ср.: «От хорошего братца можно ума набраться»; «Брат по брату тужит, а делает хуже»; «Брат на брата хуже супостата»; также сопоставляется значимость кровных связей по сравнению со связями социальными и духовными; ср.: «Без брата прожить можно, а без сосе-

да не проживёшь»; «Родной брат предаёт, а товарищи — невыдавцы». В загадках на тему родства обыгрывается возможность быть носителем одновременно разных родственных статусов; ср.: «Шли немало: брат с сестрой, муж с женой да шурин с зятем. Много ли их стало? (Трое)». Во фразеологизмах типизируются и обобщаются родственные статусы как кровного, так и некровного родства; ср.: сводный брат и др. Второе направление: «источник (РОДСТВО) — цель (другие сферы)» показывает, какие термины родства становятся источниками концептуализации каких денотативных областей. Так, в пословицах «братская» метафора часто используется для концептуализации сферы «ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ»; ср.: «Кто богат, тот мне и брат»; «Богатый бедному не брат». В загадках «братская» метафора распространяется на различные денотативные области, однако в меньшей степени, чем «женские» метафоры («жена», «сестра» и др.), охватывает денотаты животного и растительного мира. Во фразеологизмах, в зависимости от их типов, структуры, источников создания, «родственные» метафоры применяются в разных сферах; в основе метафоризации лежат стереотипные представления о родственных отношениях; ср.: материнская плата; пасынок судьбы 'о неудачливом, несчастном человеке'; муж объелся груш 'отговорка'; ваш брат 'вы и вам подобные'; кум королю 'о независимом, благополучном, довольном жизнью человеке' и др. Лингвокультурологический этап исследования проводится с опорой на историко-культурные сведения, метод комментирования и метод глубокой интроспекции и направлен на декодирование культурных смыслов. Так, во многих пословицах, загадках, фразеологизмах содержатся смыслы преемственности, последовательности; ср.: «Какова мать, таковы и детки»; «У двух матерей по пяти сыновей (Руки и пальцы)»; дочерняя компания; в мать/в отца 'О детях. Похож внешне или по характеру'. Нарушение правил отмечается как аномальное или парадоксальное; ср.: «И от доброго отца родится бешена коза»; «Отец не рождён, а сын уж на крыше сидит (Огонь и дым)»; «Мать меня рождает, а я её (Вода и лёд)»; ни в мать ни в отца. Основным критерием для установления культурных смыслов, связанных с теми или иными терминами родства, является возможность их варьирования. В целом, исследование показало, что в основе выражений с терминами родства лежит культурно окрашенная когнитивная модель переноса на окружающий мир родственных связей как наиболее познанных, сформированных в культуре. Интегративный подход позволяет обобщить взятые с разных научных «ракурсов» наблюдения, чтобы представить систему терминов родства, какой она запечатлена в пословицах, загадках, фразеологизмах как культурно-языковых феноменах.

СНОВА О ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ ПОЭМ ГОМЕРА

Позднев Михаил Михайлович

профессор кафедры классической филологии, Санкт-Петербургский государственный университет

Относительно достоверности сведений об издании текстов гомеровских поэм, осуществленном в Афинах во второй половине VI в. до н. э., в науке уже более двух веков ведется оживленная дискуссия. Тема вышла за рамки собственно антиковедения, раннеантичная рецепция Гомера обсуждается в работах по фольклористике и теории литературы, в классической же филологии вопрос о т. н. Писистратовой редакции считается наиболее трудным: как среди апологетов, так и среди скептиков немало авторитетных ученых. Между тем, материал представляется не только обозримым, но и позволяющим прийти к определенным выводам, по крайней мере, о тех причинах, которые могли привести к появлению унифицированной версии обеих поэм Гомера.

Античная и средневековая традиция об издании «Илиады» и «Одиссеи» во времена Писистрата обнаруживает определенную динамику. Сперва речь только о некоем культурно-политическом мероприятии, проведенном известным политиком древности: Писистрат «собрал воедино» — так в ранних жизнеописаниях Гомера. У александрийских комментаторов и у Цицерона — уже не просто «собрал», но и «расположил», привел в известный порядок. Затем еще и поправил текст. Как афинский тиран ухитрился это сделать? Возникает и начинает тиражироваться представление о работавшей при нем ученой комиссии. Средневековые писатели довели эту идею до логического завершения: редакторов становится 72; очевидна параллель с «семьюдесятью толковниками».

Можно ли после этого отказать исследуемой традиции в какой бы то ни было историчности? Обстановка, в которой работали филологи Мусея, не позволяла придумать что-то без всякой опоры на источники. Едва ли участие Писистрата полностью выдуманно писателями о литературе, творившими в IV в., современниками Платона и Аристотеля. Тем не менее, о Писистратовой редакции не упоминают ни Платон, ни Аристотель, ни историки, ни ораторы этого времени.

Чтобы выяснить, какую именно роль мог сыграть Писистрат, нужно обратиться к другому массиву источников, относящемуся к истории греческой агонистики, а именно — к рапсодическим агонам. Начальный этап трансмиссии гомеровского эпоса был преимущественно устным; посредниками между автором и публикой выступали рапсоды, читавшие текст со сцены. Их выступления, в форме состязаний, в VII–VI вв. до н. э. прошли своеобразное развитие, которое определялось разрастанием репертуара за счет все новых, в частности — псевдо-гомеровских, произведений. Мегарские историки обвиняют Солона в том, что он в угоду афинской публике и ради своих политических целей менял гомеровский текст. Транслировался этот текст через рапсодов, потому что иначе до публики нужные стихи не дошли бы. О рапсоде Кинефе и его учениках передают, что они вставляли в Гомера множество стихов от себя; в александрийских схолиях к Пиндару утверждается, что Кинеф сочинил гомеровский гимн к Аполлону. Независимо от того, правдивы ли эти сообщения, рапсодические вставки — бесспорная реальность. Целью рапсодов было, например, привязать исполнявшийся эпизод к целому, или прославить место, где устраивались декламации (Дельфы, Афины).

Коллективные выступления в Греции имели соревновательный характер. И конкурсы чтецов проходили в той обстановке, которая связана со спортом: были здесь судьи, болельщики, дисквалификации, спорные победы, было и всем известное честолюбие, желание одержать победу любой ценой. Есть несколько красноречивых свидетельств об организации рапсодических агонов во время праздника Великих Панафиней. Первое принадлежит Ликургу Афинскому, политику второй половины IV в.. В одной из своих речей он напомнил афинянам о том, как те законодательным путем урегулировали концертную программу рапсодов, велел читать не что попало, а только Гомера. Что это означало? Прежде всего, что не надо ни Гесиода, ни других авторов. Но остается подозрение. Например, «Киприи» или «Эпигоны» (есть еще с десятков таких вещей) — это Гомер или нет? Раз были сомнения, засвидетельствованные для нас Геродотом,

значит судьи могли не пустить чтеца, или не зачесть ему выступление, если он читал «Киприи» или «Эпигонов». Итак, все сомнительное исключалось. По-видимому, именно в связи с этим культурно-спортивным мероприятием, относящимся ко времени Писистрата, можно говорить о редакции Гомера, который впервые должен был «очиститься» от лишнего. Относительно «Илиады» и «Одиссеи» не было сомнений: за 150 лет никогда и ничто из «Илиады» и «Одиссеи» не читалось на рапсодической сцене под другим именем.

Рапсоды, как мы знаем, были способны подделывать Гомера, вставляя что-то от себя в текст «Илиады» и «Одиссеи». Как, оценить, какой чтец лучше, если один читает одно, а другой — то же самое, и все-таки не то? Устроители придумали гениальный ход. Один должен был начинать читать с того места, где остановился другой. В (псевдо-?)платоновском диалоге «Гиппарх» указ о подхватывающих рецитациях приписан тирану Гиппарху, сыну Писистрата. В последней трети VI в., обнаруживается скачок интереса к рапсодам. Очевидно, усложняющее нововведение оживило рапсодический агон и настолько подняло популярность декламаторов, что о них заговорил весь греческий мир. Однако каким образом судьи могли понять, Гомера ли читает «подхватывающий» рапсод? Ведь места, с которых приходилось начинать свой отрывок, были, вероятно, не самыми известными. И рапсод с опытом легко мог выдумать, если не помнил. Так, наверное, и случалось, а тот, кто остановился в трудном, малоизвестном месте и ставил соперника в тупик, возражал, что тот, дескать, выдумал и у Гомера такого нет. Что требовалось арбитрам, чтобы их рассудить? Ответ один — фиксированный текст. Общий для всех записанный и размноженный хотя бы в нескольких экземплярах. И если такое издание не было изготовлено раньше, то в этот момент, ради справедливого судейства, его не могли не изготовить. Итак, получаем *terminus ante quem* первого издания «Илиады» и «Одиссеи», и вместе с тем историческую основу легенды о Писистратовой редакции гомеровских поэм.

ДИАСПОРА И МЕТРОПОЛИЯ: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МИРЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рубинс Мария Олеговна

профессор, University College London/Высшая Школа Экономики

Доклад построен вокруг обсуждения следующих ключевых вопросов. Имеет ли русская диаспоральная литература, уже более столетия развивающаяся в разных уголках мира, какой-либо общий знаменатель? Может ли она быть противопоставлена литературе метрополии как некий автономный, внеположный ей культурный феномен? Какие особые антропологические практики отражают созданные в диаспоре произведения? И как они маркированы? Эти и подобные им вопросы представляются релевантными по ряду причин.

Во-первых, столетний рубеж с начала массовой постреволюционной эмиграции сам по себе вызывает к более четкой концептуализации обширного экстерриториального корпуса. Во-вторых, начавшийся в последнее время новый виток эмиграции творческой интеллигенции актуализировал ряд дискурсов, моделей саморепрезентации и диаспоральных практик, сформировавшихся на предыдущем этапе за пределами России. В связи с этим встает вопрос о том, какую роль играет диаспора в новых исторических условиях, а также о наиболее адекватных подходах к изучению диаспорального литературного творчества.

На протяжении последнего столетия диаспоризация была характерна далеко не только для русской культуры. Изучением различных диаспор, их социальных, культурных и лингвистических особенностей занимается ряд дисциплин, включая диаспоральные исследования, теорию перевода, Мировую литературу, постколониальную теорию и др. Определенная часть сформулированных в рамках этих дисциплин положений вполне плодотворно может использоваться для анализа русского материала. С другой стороны, русская литературная эмиграция проблематизирует некоторые парадигмы, принятые диаспоральной теорией и смежными дисциплинами как универсальные. Создание общего понятийного языка и специального инструментария для исследования русской зарубежной литературы происходит сегодня в диалоге с вышеназванными теоретическими контекстами, что не исключает и их критическую оценку.

Современная научная рефлексия о русской литературной диаспоре невозможна без учета ряда исходных позиций, включая следующие: множественность русской литературы 20–21 вв. (некоторые западные ученые предпочитают говорить о «русских литературах»); наличие параллельных русских литературных канонов; формирование за пределами метрополии новых когнитивных моделей интерпретации мира и человеческой природы; взаимодействие литературы русского зарубежья с транснациональными культурными дискурсами; реинтерпретация авторами зарубежья русских культурных универсалий, исторических метанарративов и культурной памяти; фрагментарная и множественная идентичность диаспорального субъекта.

ЭВИДЕНЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Алексова Красимира Славчева

д. ф. н., профессор, Софийский университет им. Св. Климента Охридского

Одной из особенностей, которые отличают болгарский язык от других славянских, является наличие грамматической категории эвиденциальности [Герджиков 1984]. Среди языков с грамматикализованной эвиденциальностью болгарский язык выделяется тем, что в нем имеется четырехчленная эвиденциальная глагольная система для 9 глагольных времен в их разных залоговых формах. Эта категория включает индикатив (немаркированный член категории), конклюдив, ренарратив и дубитатив. Второй отличительной характеристикой болгарской эвиденциальности является ее модальный (эпистемический) характер в отличие от многих языков, в которых эвиденциальность маркирует лишь источник информации, ср. и мнение В. Плуногьяна о том, что в балканских языках существуют модализованные эвиденциальные категории [Плуногьян 2011: 369–370]. Согласно Р. Ницоловой, в болгарской эвиденциальной системе модализованы конклюдив и дубитатив, но не ренарратив и индикатив [Ницолова 2007].

В древнеболгарском языке грамматическая категория эвиденциальности не существовала. Первоначальным толчком грамматикализации эвиденциальности в болгарском явилась транспозиция перфекта вместо аориста при выражении собственного умозаключения или пересказе чужих слов. (На современном этапе это отражается в совпадении индикативного перфекта и конклюдивного аориста, а также, в результате формообразования, совпадение ренарративных форм перфекта и плюсквамперфекта, с одной стороны, и дубитативного аориста, — с другой.) Вслед за развитием перфектовидных форм других глагольных времен возникает имперфектное причастие для образования их форм конклюдива, ренарратива и дубитатива. На этом этапе грамматикализации эвиденциальности эта категория включала два эвиденциала: один прямой и один косвенный, которым выражались и умозаключение, и вывод, обобщение, и пересказ. Следующим этапом развития этой категории было разделение конклюдива и ренарратива; их формальное различие наиболее эксплицировано в 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., где в ренарративе опускается вспомогательный глагол съм. Лишь на последнем этапе грамматикализации эвиденциальности в болгарском языке создается дубитатив, который содержит в своем составе одну дополнительную по сравнению с другими эвиденциалами, пересказывательную форму глагола съм (т. е. бил). Обратимся к употреблению четырех эвиденциалов болгарского языка. Специфика индикатива состоит в том, что все прошедшие времена (имперфект, аорист, плюсквамперфект, будущее в прошедшем и будущее предварительное в прошедшем) выражают свидетельственность. Говорящий может употребить их в только в том случае, если был свидетелем действия или представляет себя таковым (напр., в новостных текстах). Индикативные формы могут замещать ренарратив в исторических сочинениях (настоящее историческое время), а также в сложноподчиненных изъяснительных предложениях, где в главной части содержится глагол речевой деятельности, маркирующий передачу чужого высказывания, и тогда в придаточном предложении у времен непрошедшего плана (настоящее время, перфект, будущее, будущее предварительное) существует конкуренция между индикативными и пересказывательными формами.

Самым частотным употреблением конклюдива является выражение умозаключения или вывода как обобщение говорящего, который не был свидетелем действия. Заключение может быть сделано на основании следов действия, но может быть также результатом установления логических связей между явлениями или возникать как догадка. Конклюдивом можно выразить относительно распространенный факт, который говорящий представляет как собственное утверждение; говорящий может быть и свидетелем, но использовать транспонированные конклюдивные формы, чтобы маркировать эмоциональное выражение субъективного личного переживания. Конклюдив употребляется и тогда, когда говорящий физически был свидетелем прошедших событий, но без осознания их истинной сущности или не отдавая себе отчет в их существовании, потому что находился в неподходящем физическом или психическом состоя-

нии. Конклюдив имеется для всех времен и даже для адмиративных употреблений, которыми выражается удивительное для говорящего умозаключение. Ренарратив (пересказывательные глагольные формы) наиболее часто употребляется в плане прошедшего для передачи чужой информации в связи с несвидетельской позицией говорящего. Фокус может быть смещен с несвидетельственности на передачу чужой точки зрения на событие. Ренарративът используется также для выражения несвидетельской позиции рассказчика в сказках, преданиях, слухах, в исторических сочинениях. Пересказывательные формы могут замещать дубитативные в подходящих контекстах с выраженным недоверием к чужой информации. Дубитатив отражает недоверчивую передачу чужого высказывания. Он охватывает континуум от колебания и легкого сомнения, через явное недоверие к реальности действий, содержащихся в чужой речи, отрицание их реализуемости, несогласие с чужой оценкой и дистанцирование от нее, отрицание чужого высказывания как содержащего несправедливое обвинение, негативное оценивание действия, представленного в чужой информации, до негодования или возмущения высказанной угрозой, в том числе с элементами саркастического разоблачения. Если воспользоваться классификацией эвиденциальных категорий в языках мира, предложенной А. Айхенвалд [Aikhenvald 2004], можно утверждать, что состав болгарской эвиденциальности следующий: firsthand (witnessed in the past), inferred, reported, dubitative. А это означает, что должен быть введен новый тип С4 с четырьмя эвиденциалами.

Литература

Герджиков Г. Преизказването на глаголно действие в българския език. София, 1984.

Ницолова Р. Модализованная эвиденциальная система болгарского языка // Храковский В. С, отв. ред. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 107–197.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Aikhenvald Al. Evidentiality. Oxford, 2004.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

ЕЩЕ РАЗ О Державинском тексте в стихотворении И. Бродского «НА СМЕРТЬ ЖУКОВА»

ONCE MORE ABOUT THE DERZHAVINIAN TEXT IN I. BRODSKY'S POEM "NA SMERT' ZHUKOVA"

Пономарева Марина Валерьевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Связь стихотворения И. Бродского «На смерть Жукова» (1974) с одой Г. Державина «Снигирь» (1800) неоднократно попадала в поле зрения исследователей. При сопоставлении двух произведений, помимо прямой отсылки, содержащейся в заключительных строках стихотворения Бродского, к державинскому тексту, исследователи указывают на общий повод для написания произведений (смерть полководца), сходство их темы, сравнивают такие формальные показатели стихотворений, как размер и строфика [Лотман 2002], анализируют композиционные особенности текстов и принципы изображения полководцев [Павлов, Бударagina 2020]. При этом в двух рассматриваемых произведениях отмечаются не только формальные и содержательные параллели, но и их отличия, полемичность Бродского по отношению к державинской оде. В качестве отдельной проблемы можно выделить проблему интерпретации стихотворения Бродского исследователями и читателями, которые демонстрируют прямо противоположные точки зрения — от «антижуковской» до советско-патриотической трактовки текста.

Как правило, анализ стихотворения «На смерть Жукова» ограничивается привлечением и фрагментарным рассмотрением одного конкретного текста Державина, либо самыми общими указаниями на контекст русской поэзии XVIII столетия, упоминаниями интереса Бродского к этому периоду. Привлечение более широкого контекста державинского творчества представляет собой скорее исключение [Лазарчук 1995]. В то же время детальный анализ державинского «Снигиря», во-первых, подключение других стихотворений Державина, во-вторых, и, в-третьих, обращение к общим принципам и законам державинской поэтики обладают, на наш взгляд, большим потенциалом для выявления более сложных и многогранных взаимоотношений между двумя рассматриваемыми произведениями и — шире — художественными мирами поэтов.

В докладе исследуются несколько уровней текста, на которых обнаруживаются различные связи двух сопоставляемых стихотворений. На образном уровне можно наблюдать ряд повторов, сделанных Бродским вслед за державинским «Снигирем». Это может быть повторением конкретных лексем или их синонимов, например, «гроб», «меч», «лошадь» как пример употребления Бродским синонима (Державин: «ездить на кляче» — Бродский: «лошади круп»). Но есть и более сложно организованные повторы — так, например, единственный эпитет, который использует Бродский для характеристики Жукова — «пламенный» — соотносится, на наш взгляд, с дееспричастием «пылая», описывающим действия Суворова. Слова-образы, которые возникают в обоих в стихотворениях, указывают на комплекс тем, связанных со смертью, войной, славой и их интерпретациями поэтами XVIII и XX вв.

Один из главных принципов державинской поэтики — столкновение великого и малого, высокого и низкого, в том числе на лексическом уровне. В «Снигире» этот принцип используется Державиным при изображении полководца. Во второй строфе стихотворения Державин создает сложный образ Суворова, в котором совмещаются черты идеального полководца и частного человека. Это достигается Державиным благодаря сталкиванию и одновременно объединению стилистически разнородных описаний героя, чередованию высокого, идеально-

го плана со сниженным и бытовым. В изображении Жукова Бродский обращается к данному державинскому приему, используя лексику, относящуюся к разным стилистическим пластам, напр.: «в регалии убранный труп», «Маршал! Поглотит алчная Лета / эти слова и твои прахоря». Один и тот же прием играет разные функции в исследуемых стихотворениях: в державинской оде идеальный Суворов-герой приобретает конкретные, узнаваемые черты Суворова-человека, благодаря чему его образ становится более интимным, приближенным к читателю, в стихотворении Бродского происходит, скорее, «расчеловечивание» полководца Жукова, его обезличивание до трупа и прахорей (жарг. сапоги).

Другой чертой державинских од является общая для словесности XVIII в. особенность, связанная с иерархичностью сознания той эпохи, которую в самом общем виде можно описать как движение от общего/идеального/универсального к частному/личному/конкретному. В лирике Державина она может проявляться в композиционной структуре поэтических текстов, в частности, в иерархии примеров, иллюстрирующих какое-либо понятие (см., напр., «Мой истукан»). В стихотворении Бродского Жуков сравнивается с античными историческими деятелями (подобные параллели с античными образцами являются общей чертой XVIII в.): военное мастерство маршала сопоставляется с мастерством Ганнибала, а его отставка с обстоятельствами конца жизни Велизария и Помпея. Жуков сравнивается также с Суворовым — это сравнение не выражено прямо, но через отсылку к державинскому произведению присутствует имплицитно. Можно говорить о том, что таким образом Бродский реализует описанный выше державинский прием.

Между стихотворением Бродского и державинской лирикой обнаруживается еще одна любопытная параллель. В оде «Водопад», посвященной кончине генерала-фельдмаршала Г. А. Потемкина, Державин использует рифму «потомки — Потемкин». Образованную аналогичным образом рифмопару встречаем у Бродского: «внуков — Жуков». Подобное наблюдение, вкупе с другими композиционными особенностями стихотворения «На смерть Жукова», позволяет поставить вопрос о сходстве принципов с точки зрения временной организации текста, которые встречаются в одическом жанре и ораторской прозе и стихотворении Бродского.

Литература

- Лазарчук Р.М.* «На смерть Жукова» И. Бродского и «Снигирь» Г. Державина (проблема традиции) // Русская литература. 1995. № 2. С. 241–247.
- Лотман М. Ю.* «На смерть Жукова» // Как работает стихотворение Бродского. Из исследований славистов на Западе. М., 2002. С. 64–76.
- Павлов С. Г., Бударagina Е. И.* И. Бродский. «На смерть Жукова»: опыт лингвистической герменевтики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 210–216.

ПЕТЕРБУРГ 30-Х ГОДОВ XVIII ВЕКА ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦЕВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВ, ПЕРЕПИСКИ И МЕМУАРОВ СОВРЕМЕННОКОВ)

Аствацатурова Вера Викторовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад представляет собой небольшой фрагмент обширного проекта, задуманного автором более двух лет назад и охватывавшего значительно больший временной отрезок — весь XVIII и XIX вв. Одной из задач проекта было проведение сопоставительного анализа, с одной стороны, источников, относящихся к одному хронологическому периоду, а с другой стороны, свидетельств, относящихся к близким хронологическим периодам. Это позволило бы выявить как разные точки зрения свидетелей (в зависимости от их социального статуса, интересов и позиции), так и разные аспекты петербургской действительности того времени, привлекавшие внимание европейцев.

Содержание доклада — обзор и сопоставительный анализ четырех документов, написанных европейцами, жившими в Петербурге в эпоху императрицы Анны Иоанновны. Это были шведский ученый Карл Рейнхольд Бёрк (1706–1777), датский путешественник Педер фон Хавен (1715–1777), английская гувернантка Элизабет Джастис (1703–1752), леди Джейн Рондо (1699–1783). Все тексты были в свое время переведены на русский язык и опубликованы в России. Три из них можно отнести к жанру травелога, хотя профессиональным писателем никто из них не был, четвертый относится к эпистолярному жанру. Двое из упомянутых авторов были мужчинами, людьми образованными, две другие — дамы, одна обычная гувернантка, другая аристократка, близкая ко двору. Социальное и гендерное различие статуса авторов дает возможность представить Петербург 1730-х гг. с разных ракурсов и таким образом воссоздать облик российской столицы аннинского десятилетия глазами различных европейцев.

Авторов интересует прежде всего внешний вид города, его левобережной части, куда к этому времени перемещается центр: Большая перспективная дорога (будущий Невский проспект), его тогдашние постройки, Мойка и ее берега, мосты через Фонтанку и Мойку, полицейские заставы [Бёрк 1997: 169],

Интерес представляет для путешественников и правобережная часть города, прежде всего, Васильевский остров, как научный центр столицы. Подробно описывается Академия наук, где в то время активно работали профессора, Санкт-Петербургский университет и школы при нем, типография и книгопечатание [Бёрк 1997: 177–188]. Среди других учебных заведений Васильевского острова подробно описывается Кадетский корпус, его местоположение и обучение в нем [Хавен 1997: 355–356], [Бёрк 1997: 228–230].

Внимание европейцев привлекают нравы, обычаи, петербуржцев. Достаточно подробно описываются религиозные праздники (Пасха, Рождество, Троица), упоминается русское духовенство, а также народные обычаи [Бёрк 1997: 117–125], [Хавен 1997: 365–367].

Особое внимание обращают авторы на интернациональный состав жителей Петербурга, на большую пестроту конфессий и религиозную толерантность в столице [Хавен 1997: 335–338], [Бёрк 1997: 120].

Большое место в документах занимает описание придворной жизни. Подробно описывается Большой Зимний дворец императрицы, Большой зал, придворный театр, где гастролировала в те годы итальянская труппа. Интересно отметить, насколько по-разному описывают посещение спектакля шведский профессор и английская гувернантка. Первого интересует игра актеров, постановка, и, во вторую очередь, внешний вид придворной публики [Бёрк 1997: 144], в то время как вторая подробно описывает наряды императрицы и принцесс [Джастис 1997: 91].

Большое внимание уделяется образу жизни при дворе. В частности, Бёрк поражается непомерной роскоши и пышности, отсутствовавшей во времена Петра I [Бёрк 1997: 154–158].

Как известно, Анна Иоанновна любила шутовство и держала при дворе множество шутов и шутих [Хавен 1997: 319–320], [Бёрк 1997: 155], [Письма леди Рондо 1874: 132].

Из путевых записок и писем европейцев, побывавших в Петербурге в 1730-е годы, читатель может составить достаточно четкое впечатление о том, что российская столица в аннинское десятилетие довольно сильно отличалась от города петровской эпохи. Действовали научные учреждения, была обширная академическая библиотека, действовали школы. Традиции, заложенные при Петре, получили развитие.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Тема «Петербург глазами иностранцев» в научно-критической литературе в основном сводится к отдельным (хотя и многочисленным) высказываниям европейцев по частным вопросам петербургской действительности. Между тем, Петербург в глазах отечественных и зарубежных современников всегда занимал промежуточное место между Европой, с одной стороны, и остальной Россией — с другой. Для первых европейцев, приехавших в петровскую и аннинскую эпохи в новую русскую столицу, этот город представлялся «лицом новой России». Выявление этого общего, неоднозначного облика города из многочисленных свидетельств иностранных путешественников и установления понятия «Петербург XVIII–XIX вв. в сознании европейцев» представляется важной научной проблемой.

Литература

- Бёрк К. Р. Путевые заметки о России [Пер. с шведского] // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 111–302.
- Хавен П. фон. Путешествие в Россию [Пер. с датского] // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 303–384.
- Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны [Пер. с англ.] / ред. и прим. С. Н. Шубинского. СПб., 1874.
- Джастис Э. Три года в Петербурге [Пер. с англ.] // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 87–110.

**САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ Н. И. НОВИКОВА.
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИРОПОРЯДКА
N. I. NOVIKOV'S MORAL WEEKLIES. ARTISTIC MODELING OF THE SOCIAL WORLD ORDER**

Безрукова Марина Викторовна

преподаватель, Северный (Арктический) федеральный университет

Николаев Николай Ипполитович

профессор, Северный (Арктический) федеральный университет

Представленные в докладе наблюдения и выводы строятся на материале журналов Н. И. Новикова 1769–1772 гг. («Трутень», «Живописец»). Это период, когда в русской литературе идет наиболее интенсивный процесс изменения представлений о социальном мире, в который вовлечены и авторы материалов новиковских журналов.

Практически ни одно исследование, обращенное к материалам «Трутня», не может обойти молчанием ключевой эпизод истории этого издания — полемику со «Всякой всячиной». В описаниях этой исторической полемики чаще всего рассматривают вопрос о целях сатиры: обезличенная сатира (сатира, направленная на пороки) в концепции екатерининской «Всякой всячины» и «сатира на лица» как важнейшая установка новиковского «Трутня». Хотя уже довольно давно замечено, что сама Екатерина не очень придерживалась в своей литературной практике этих сформулированных установок.

Екатерина II следует в своих рассуждениях за уже авторитетными выводами работ Л. Гольберга и Г. В. Ребенера, которые, как ей представляется, не могут вызвать никаких возражений. Правила, необходимые автору, прибегнувшему к сатирическому инструментарию, излагаемые во «Всякой всячине», укладываются в традиционную религиозно-этическую парадигму, с которой и связаны базовые представления о социальном миропорядке. Составитель этих правил очевидно исходит из известных представлений о мире, в котором противостоят силы добра и зла, человек не является источником воли, порождающей эти полярные силы, он всего лишь поле для их столкновения. Он может быть поражен пороком (злом), но не является его причиной. Этот мир строится на незыблемых идеалах, восходящих к сакральному источнику, определяющему миропорядок в целом, который не может быть изменен по произволу кого бы то ни было. Возражения, которые выстраивает Н. И. Новиков в «Трутне» сформулированы им так: «...я как в слабости, так и в пороке не вижу ни добра, ни различия. Слабость и порок, по-моему, все одно, а беззаконие дело иное» [Новиков 1951: 58]. И это не просто переход на иную точку зрения, здесь обозначен выход в иную смысловую парадигму: из религиозно-этической — в общественно-правовую.

Религиозно-этическое измерение зла (порока) сопряжено с представлениями о нравственном идеале, восходящем к сакральным источникам; социально-правовой формат измерения зла (преступления) базируется на представлениях о «социальной норме» и отклонений от нее. В этом и состоит принципиальное отличие двух подходов.

Н. И. Новиков обнаруживает стремление вывести своего читателя из традиционной смысловой парадигмы, базирующейся на религиозно-этических ценностных установках, в плоскость исключительно социально правовой оценки явлений социальной жизни, которая целиком основана на господствующих представлениях о «социальной норме». Отрицательные персонажи «Трутня» и «Живописца» раскрываются в этом своем качестве в ходе отклонения от этих норм. В 13 листе «Трутня», помещена «истинная быль», известный материал, присланный в журнал неким NN, повесть о пропаже у судьи золотых часов, за которые понес наказание невинный подрядчик, в то время как часы были в действительности украдены племянником судьи. Повествование построено таким образом, что позволяет заглянуть за черту общедоступного, видимого, в кухню принятия судебных решений, туда, где действуют «келейные законы» (законы не для всех) и где, по существу, царит «келейная мораль». Это мир замкнутого судебного со-

общества за чертой понятной читателю, нормальной жизни. По своим базовым характеристикам — это маргинальный мир. А избранная здесь литературная стратегия — маргинализация власть имущих персонажей. Эта стратегия обнаруживает себя во многих и, пожалуй, самых ярких материалах «Трутня» и «Живописца»: в копиях с отписок крестьянских, в письмах дяди, в «отрывке из Путешествия в И...Т...», в цикле писем к Фалалею. Везде ощущаются признаки совершаемого преступления, т. е. выхода за границу, очерченную социальной нормой.

Именно такой герой-маргинал заявляет о себе и в русской бурлескной поэзии 60–70-х гг. XVIII столетия (В. И. Майков, И. С. Барков, М. Д. Чулков) [Безрукова, Николаев: 2022] и в русской прозе этого периода («Пригожая повариха...» М. Д. Чулкова, «Ванька Каин» М. Комарова) [Николаев, Храмцова: 2014].

Появление нового исторического типа героя-маргинала в русской литературе 60–70 гг. XVIII века свидетельствует о становлении качественно иной концепции социального миропорядка, в основе которой лежат представления о социальной норме, в отличие от господствующей ранее в русском литературном сознании модели, базирующейся на идеале. И эти изменения вносят в понимание социального миропорядка качественно новые характеристики, делающие его более подвижным, изменчивым, вариативным.

Принципиальное изменение основ социального мироустройства в художественной картине мира русской литературы — это процесс масштабный, эпохальный, который не совершается усилиями одного художника, или группы художников, объединенных несколькими изданиями. Но журналы Н. И. Новикова 1769–1772 гг. очевидно находятся в самом эпицентре этого глобального процесса, что и делает их значительным явлением в истории русской литературы.

Литература

Сатирические журналы Н. И. Новикова. М. –Л., 1951.

Безрукова М. В., Николаев Н. И. Русский бурлеск 60–70 гг. XVIII в. Изменение представлений о социальном мироустройстве // Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2022. С. 10–11.

Николаев Н. И., Храмцова М. В. Маргинальный мир и герой в русской литературе XVIII века // Дискуссия. 2014. № 2(43). С. 138–142.

УЧЕБНИК РУССКОГО ЯЗЫКА ЭЛИАСА КОПИЕВИЧА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ

Власов Сергей Васильевич

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Московкин Леонид Викторович

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Опубликованный в 1706 г. Учебник русского языка Элиаса Копиевича «Руководение въ грамматыку во Славянороссийскую или Московскую» [Kopijewitz 1706] — одно из интереснейших произведений учебной литературы XVIII века. Его анализ позволяет проследить его связи с предшествующими учебными трудами: славянской грамматикой Смотрицкого [Смотрицкий 1619], русской грамматикой Лудольфа [Ludolfi 1696] и написанной самим же Копиевичем латинской грамматикой [Kopijewitz 1700] — и определить лингводидактические новации автора. Необычно языковое содержание учебника Копиевича — его славяно-российский язык. Б. О. Унбегаун считал его русским языком и переиздал учебник Копиевича в 1969 г. вместе с двумя другими доломонсовскими грамматиками русского языка. Б. А. Успенский, напротив, считал его церковнославянским языком и на этом основании не включал учебник Копиевича в состав доломонсовских грамматик. Такое неоднозначное отношение к «Руководению» стало причиной того, что к нему проявляли интерес Б. О. Унбегаун, Ф. Кокрон, С. Свердруп Лунден, Н. Б. Мечковская и Г. Кайперт. В данной работе постараемся ответить на некоторые вопросы, касающиеся преемственных связей «Руководения» и лингводидактических новаций автора. «Руководение» появилось в условиях, когда педагогическую общественность уже не удовлетворяла теоретическая направленность обучения языкам. Требовались новые учебники, обеспечивающие учащимся возможность в краткие сроки овладеть иностранным языком. В XVII в. в Европе появились двуязычные грамматики, позволявшие учителю максимально сократить использование родного языка на уроке. Одной из них и было «Руководение» Копиевича, предназначенное для обучения русскому языку иностранцев, владеющих латинским языком. Перевод слов, комментариев и диалогов на латинский, а в некоторых случаях и на немецкий язык мог быть полезен и русским ученикам, так как позволял им в какой-то степени изучить эти языки. Несмотря на то, что «Руководение» Копиевича имеет сходную структуру с «Grammatica Russica» Г. В. Лудольфа, возможно, оно создавалось как некая противоположность этому учебнику. Лудольф четко разграничивал церковнославянский и русский языки и посвятил свой учебник разговорному русскому языку. Копиевич же в «Руководении» представил славяно-российский язык, в котором присутствуют элементы и русского, и церковнославянского языков. При этом большая часть слов в учебнике — общеупотребительные русские, принадлежащие к обиходной лексике: рожа, кушакъ, аршинъ, холопъ, степь, волосокъ, домокъ и т. д. Также встречаются в тексте учебника слова и грамматические формы, характерные для речи выходца из русских земель Речи Посполитой. В «Руководении» мало лингвистических терминов, и все они заимствованы из славянской грамматики Смотрицкого, однако было бы неверным считать эту грамматику основным источником учебника Копиевича. «Руководение» восходит к написанной Копиевичем же и изданной в 1700 г. латинско-русской грамматике. Это русско-латинский учебник, и представленный в нем грамматический раздел представляет собой краткий вариант русского перевода латинской грамматики. Славяно-российский язык описан по образцу латинской грамматики, что является новацией на фоне всех других учебников русского языка того времени. Например, глаголы в «Руководении» расположены в порядке не двух русских спряжений, а знакомых образованным иностранцам четырех латинских спряжений, предлоги группируются в соответствии с падежами, которыми они управляют в латинском, а не в русском языке. При этом некоторые грамматические темы в этом учебнике, предназначенном для начального этапа обучения, отсутствуют. Для углубленного изучения славяно-российского языка можно было бы использовать русский перевод латинской грамматики Копиевича.

В структурном отношении «Руководение» отличается от латинской грамматики Копиевича как учебник иностранного языка, построенный на новой, коммуникативной основе. Оно включает не только грамматический, но и другие разделы. «Руководение» начинается с раздела *Quaedam vocabula* — списка употребительных слов без тематической или алфавитной отнесенности, источником которого является составленный самим Копиевичем и опубликованный в 1700 г. «Номенклатор» — тематический русско-латинско-немецкий словарь. Затем вводится славянская азбука и даются задания для обучения чтению и письму. За ними следует собственно грамматика без общих определений частей речи и их грамматических акциденций (категорий), и, наконец, даны русско-латинско-немецкие учебные диалоги на бытовые темы. Таким образом, Копиевич при создании грамматики славяно-русского языка учитывал отдельные черты предшествующих грамматик, но при этом создал учебник, не похожий ни на одну из них.

Литература

Kopijewitz — Руководение въ грамматыку во Славянороссийскую или Московскою ко оутрблению оучащихся Языка Московскаго. *Manuductio in grammaticam in Sclavonico Rosseanam seu Moscoviticam in Usum discentium linguam Moscoviticam. Per Eliam Kopijewitz. Stolzenbergii, 1706.*

Смотрицкий — Грамматика славенския правилное Синтагма потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого [...]. Евъе, 1619.

Ludolfi — *Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica [...]. Oxonii, 1696.*

Kopijewitz — *Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis Sclavonico-Rosseanae adornata, studio atque opera Elia Kopijewitz seu de Hasta Hastenii. Amstelodami, 1700.*

ЗАМЕТКИ О РУССКОЙ МИФОГРАФИИ XVIII СТОЛЕТИЯ

NOTES ON THE RUSSIAN MYTHOGRAPHY OF THE 18TH CENTURY

Волков Сергей Святославович

заведующий отделом, Институт лингвистических исследований РАН

В. М. Живов показал, что в XVIII столетии распространение мифологических знаний, популяризация античной мифологии становится важным элементом государственной политики, направленной на европеизацию страны. Более того, античная мифология служила панегирическим целям. Быстрый рост объема переводов с западноевропейских языков, становление в России национальной системы образования европейского типа, обязательным атрибутом которой было изучение иностранных языков (как классических, так и европейских), стремительное развитие живописи и скульптуры стимулировали внимание общества к мифологическим материям. Тексты разных жанров в этот период насыщаются разнообразными мифонимами.

Задачи мифологического «просвещения» россиян в этот период оказываются настолько важными, что удостоиваются наивысшей заботы: в 1722 г. Петр I отдал повеление Синоду перевести и издать книгу Аполлодора «Мифологическая библиотека». Синод, в свою очередь, возложил перевод книги на знатока классических языков, выпускника Славяно-греко-латинской академии, справщика московской типографии А. К. Барсова (отца известного филолога, профессора Московского университета А. А. Барсова); его перевод на церковно-славянский язык был завершен в июле 1723 и напечатан в начале 1725 года тиражом в 300 экземпляров. Феофан Прокопович, который в данной ситуации, по-видимому, действовал не как опытный царедворец, а совершенно искренне, т. е. следуя собственному культурному опыту (он был одним из т. н. «латинствующих» православных священнослужителей, которые были носителями европейской образованности, учились в Киево-Могилянской академии, в католических коллегиумах и европейских университетах, владели европейскими и классическими языками, глубоко интериоризировали культуру и литературу античности, античные литературные и культурные модели) написал для этого издания специальное предисловие. Замечательная эта книга не только стала своеобразным путеводителем и справочником по античным мифам для русского читателя; она содержит, по-видимому, один из первых индексов мифологических имен собственных (около 150 единиц).

Однако «Библиотека» в начале XVIII века была не единственным и, возможно, не главным источником, благодаря которому образованный житель России этого времени при желании мог побывать в чудесном мире античных мифов. Среди таких источников, судя по количеству переизданий, значительно большую, чем «Библиотека» известность в России получает роман Гвидо де Колумна (лат. Guido de Columna) «История разрушения Трои» (“Historia destructionis Troiae”) — средневековый псевдоисторический авантюрно-героический роман на латинском языке, перевод которого на церковно-славянский язык был известен русским книжникам, как доказывает О. В. Творогов, с начала XVI в. В 1709 году т. н. печатная редакция текста древнерусского перевода издается в Москве под пространством названием, которое включает краткую аннотацию содержания, идеологические акценты, обоснование актуальности издания и другие полезные для читателя факты. Книга оказалась востребованной русским обществом XVIII века; известно по крайней мере 9 её изданий: 1709 г.; 1712 г.; 1717 г.; 1745 г.; 1760 г.; 1765 г.; 1775 г.; 1786 г.; 1791 г., притом с 1745 года этим активно занимается типография Академии наук в Санкт-Петербурге. А. Н. Егунов считал, что книга была известна молодому М. В. Ломоносову и именно с нее началось его знакомство с античными мифами, в том числе с походом аргонавтов и «троянским» циклом.

Привлекают внимание издания, имеющие акцентированную дидактическую направленность и адресованные в первую очередь молодым читателям. Среди них, например, перевод книги Иоганна Якоба Ленца «Краткое понятие о мифологии или о древних языческих богах и баснях, сколь оныя необходимы для учащихся, к разумению греческих, а особливо латинских

писателей ... и сколь оныя нужно знать художникам, чтоб они могли делать такие изображения надлежащим образом» (Москва, 1788), предназначавшаяся кадетам Морского корпуса в Санкт-Петербурге книга «Краткая мифология с Овидиевыми Превращениями, переведена с французского языка С. [именем] Б. [ашиловым]» (Санкт-Петербург 1786), а также богато иллюстрированное издание «Начертания мифологии («*Traité de la mythologie*») с присовокуплением ста осмидесяти изображений, изданное в пользу юношества обоего пола» (Москва, 1792) аббата Жана Жака Бувье Лионнуа. Второе, более полное издание этой книги в Санкт-Петербурге (переводчик С. Ушаков) было дополнено особым разделом «О славянских богах», в котором находим отдельные очерки, посвященные не только уже известным русскому читателю по «Древней Российской истории» М. В. Ломоносова и справочникам М. Д. Чулкова Перуну, Дашбогу (орфографию сохраняем), Световиду, Ладо, Коляде и пр., но и таким колоритным персонажам, как баба-яга, Кощей, домовый, Кикимора. Очерки о славянских богах в «Начертании мифологии» сопровождаются курьезными иллюстрациями.

К большому сожалению, ни одно из перечисленных выше изданий не вошло в число источников «Словаря русского языка XVIII века», что, как представляется, создает досадную лакуну в описании лексико-фразеологического состава языка этого исторического периода.

КУЛЬТУРА ОСВОЕНИЯ ЧУЖОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ПУТЕВОЙ ПРОЗЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

CULTURE OF EXPLORATION OF ALIEN SPACE IN RUSSIAN TRAVEL PROSE OF THE 18TH — FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES

Мальцева Татьяна Владимировна

заведующий отделом, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

В конце XVIII — начале XIX вв. в силу разных причин в России возникает устойчивый интерес к Востоку как источнику иномирной культуры и образа жизни. Многочисленные описания Востока сформировали устойчивый комплекс восточных тем и мотивов, что позволило исследователям говорить о русском ориентализме как художественной системе. Особенный интерес в этом отношении представляют документальные свидетельства об общественно-политических и культурных контактах между Россией и Турцией, Россией и Персией. Несмотря на значимые научные результаты в области изучения восточного текста русской литературы, по словам П. В. Алексеева, «русский ориентализм все еще не осмыслен как важнейший национальный нарратив первой половины XIX в., не определена его системность и сверхтекстовое единство, не до конца оценен его идентификационный потенциал» [Алексеев 2015: 3].

За пределами подробного анализа остаются пока несобственно-литературные произведения — записки, письма, путевые дневники и журналы путешественников по Востоку. Особенно ценны в этих и подобных записках «живые подробности» авторской рефлексии по поводу встреч и путевых наблюдений. Считаем, что они представляют интерес и как документальные, и как литературные источники, поскольку входят в контекст уже существующего потока подобных произведений (начиная с «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина). В екатерининскую эпоху в России серьезное внимание уделялось изучению географии Азии и быта восточных народов, но подробных и достоверных сведений об этих территориях было крайне мало, поэтому документальные свидетельства участников событий и путешественников оказались востребованы. Многие из этих документов были напечатаны в XVIII и начале XIX века и имели успех у публики: «Странствование Филиппа Ефремова», «Цареградские письма» и «Плен и страдания россиян у турков» П. А. Левашова, «Записки» русского офицера А. О. Дюгамеля, «Воспоминания полномочного министра» А. О. Симонича, «Воспоминания о Персии» Ф. Ф. Корфа, «Путешествие в Персию» А. Д. Салтыкова и др. В целом, можно отметить, что в документальной путевой прозе 1770–1850-х годов формируется культура освоения чужого пространства: географического — устанавливается канон топонимических номинаций, средства описания восточной природы; социально-культурного — формируется канон описания социальной стратификации восточного общества, правил социального и культурного этикета.

В путевой прозе создается «собираательный» портрет восточного государства, в котором заметную роль играет природа. Природная тема в произведениях этого периода развивается от включения отдельных штрихов (пейзажные зарисовки, календарные датировки, местные меры определения расстояний) до пейзажных картин, которые имеют композиционное оформление. Так, интересен пример квазиэкфрасиса в «Путешествии в Персию» А. Д. Салтыкова, который делает словесные зарисовки природы как на живописном мольберте: «...кончилась равнина, по которой я ехал от самого Петербурга до Владикавказа. Сцена освещена утренним солнцем; но некоторые места еще затаились в тумане; все зелено; черные буйволы резко отделяются на бирюзовой траве; высокие горы покрыты лесом; за ними другие еще выше в темно-серой тени, а далее снеговые вершины скрываются в небесах» [Салтыков 1849]. Описания природных особенностей каких-либо областей часто содержат комплексную характеристику местности и развернуты в цельные описания, как, например, в «Странствованиях» Ф. Ефремова [Ефремов 1811]. Путешественник каждую страну описывал в определенном порядке: географические границы, общий обзор территории, дороги, расстояния между поселениями, земледельческие наблюдения (почва, животный мир, дикая растительность, культурные растения, ремесла и природные

материалы, используемые в быту и строительстве). В исследуемых произведениях развивается топонимическая культура именования незнакомых природных объектов. Авторы используют различные виды топонимов, дают варианты названий, часто переводят или объясняют эти названия.

Социальные описания строятся с точки зрения цивилизационного дискурса — как противопоставление цивилизации и первобытной простоты и дикости. Например: «Одежды и выражение лиц населяющих эти места людей» напоминают путешественнику эпоху «первых времен»: «Покрой их простой одежды из крашеной холстины носит на себе какой-то отпечаток первых времен Азии; мне показалось, что я вижу тех же самых женщин, которые здесь жили за несколько тысяч лет. Выражение лиц их меня удивило. Я никогда еще не видывал подобной дикой простоты, какая изображалась в их чертах» [Салтыков 1849]. Можно считать, что документальная путевая проза формирует первоначальный образ Востока, который объединяет восточный текст русской литературы: миф о былом величии этого края и современном упадке как основа восточного сюжета. Эта роль путевой документальной прозы определяет ее ценность и значимость в создании общенациональной картины мира (ось Россия — Восток).

Литература

Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма: диссертация ... д-ра филол. наук. Томск, 2015.

[*Ефремов Ф.*]. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хисе, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда чрез Англию в Россию. Казань, 1811.

[*Салтыков А. Д.*] Путешествие в Персию. Письма кн. А. Д. Салтыкова. М., 1849.

ЖАНРОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПЬЕСЫ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО «УСПЕНСКАЯ ДРАМА» («КОМЕДИЯ НА УСПЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ»)

Плахтий Татьяна Петровна

старший преподаватель, Донецкий государственный университет

Текст пьесы Димитрия Ростовского «Успенская драма» («Комедия на успение Богородицы») сохранился в списках XVIII века [Ростовский 2009]. В основу пьесы ее автор положил библейскую легенду о сновидениях Иакова, минейные сказания о смерти Святой Девы, церковные богородичные песнопения. К перечисленным источникам следует добавить произведения Д. Ростовского «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» и «Руно орошенное» [Ростовский 2013].

В начале первого действия драмы «Комедия на успение Богородицы» изображается сцена явления Иакову во сне ангелов, которые сообщают о смерти Богородицы и вознесении ее на небо. Д. Ростовский подвергает стилизации такие жанровые формы средневековой литературы как видение и миракль (франц. *miracle* — «чудо»). Далее в прения с пустынником вступает фигура Вести. Заканчивается второе явление тропарем «В рождестве девство сохранила еси...». Третье явление 2-го действия пьесы открывает монолог фигуры Плача церковного. Далее в беседе с фигурой Плача вступают персонификации Утешение и Вравие (церк.-слав. «финиковая ветвь»). Фигура Плача олицетворяет древнейшую жанровую форму, генетически связанную с русской народной обрядовой поэзией — плачем-причитанием. Из песнопений, относящихся к церковному празднику Успения Пресвятой Богородицы, в пьесе Д. Ростовского «Успенская драма» использованы тропарь («В рождестве девство сохранила еси...»), акафист («Благодатная, радуйся, с тобой господь...») и песнопения вечерни («Ангелы, Успение Пречистой видевшие...»).

В действии втором пьесы «Успенская драма» разрабатывается тема нравоучения грешника. В явлении первом представлен полилог грешника и фигур Совесть, Гнева Божьего, Благутобрия Богородицы, Суда (Божьего), Истины, Извета. В финальном явлении 2-го действия образ Богородицы представлен символическими атрибутами, указывающими на ее величие. Эти атрибуты-знамена входят как составные части в похвалу Богородицы. Д. Ростовский использует нарратив экфрасиса, подавая эмблематические изображения священных атрибутов Святой Девы Марии благодаря фигурам Власть, Митры Церкви, Венца рая, Котвы корабля, Крыльев лестницы, Купины сердца и др.

Как и в моралите «Царство природы Людской» [Белецкий 1967: 263–286], в драме Д. Ростовского «Комедия на успение Богородицы» описывается пленение грешника в темнице, с тем отличием, что в староукраинской драме в роли изгнанницы из рая и пленницы выступает персонификация Природы Людской. Эта фигура включена в список действующих лиц пьесы Д. Ростовского «Рождественская драма». Однако драматург намеренно отказывается от использования в своих произведениях образов, олицетворяющих темные силы, определяя тем самым канонический нарратив русской духовной драмы. В то же время, в пасхальный моралите «Царство Природы Людской» включены такие персонажи. Это властелин ада — Люцифер и его слуги и помощники (Злость, Соблазн, Отчаяние, Гордость, Смерть). Изображение адских сил в староукраинском моралите связано с заимствованием традиций западнославянской драмы. Так, например, в пасхальной старопольской драме неизвестного автора «Диалог о Древе Жизни» («Dialog o Drzewie Żywota», польск.) [Леванский 1959] за душу странствующего путника борются темные силы — Дьявол и Смерть.

С одной стороны, нарратив пьесы Димитрия Ростовского «Успенская драма» характеризуется сюжетными и фабульными заимствованиями из более крупных жанровых форм, таких как «Четы-Минеи», «Руно орошенное» и др. С другой стороны, драматическое произведение митрополита является вариацией богородичного экфрасиса и реализует религиозные установки для зрителя спектакля, которые заключаются в побуждении к духовному осмыслению библейских преданий и сакрального действия, отраженного в драме. Прибегая к использованию

такой риторической фигуры как экфрасис, Д. Ростовский уподобляется иконописцу, воспроизводящему образ Богородицы и сакральный сюжет ее успения. Духовная пьеса Д. Ростовского «Успенская драма» является полижанровой структурой, которая включает гимнографические произведения (богородичен, тропарь, акафист), а также преобразованные вкрапления таких жанровых форм как видение, чудо, исповедальная и покаянная молитвы и др.

Литература

Св. Дмитрий Ростовский. Успенская драма. СПб., 2009.

Святитель Дмитрий Ростовский. Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии/ Подготовкак текста и коммент. М. А. Федотовой. Научный альманах «Чернігівські Афіни». Випуск I. Чернигов: Вера и жизнь. 2013.

Царство Натури людской. Драматична література XVII — поч. XVIII ст. // Хрестоматія давньої української літератури; упор. О. І. Білецький. Вид. 3. Київ, 1967. С. 263–286.

Dialog o Drzewie Żywota // Dramatu staropolskie. Antologia, w 6 t; oprac. J. Lewańskim. T. 4. Warszawa, 1959. S. 421–460.

МЕОНИДЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII В.

MEONIDES IN RUSSIAN POETRY OF XVIII C.

Смирнова Анна Сергеевна

старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН

Искушенному в античной культуре читателю имя Меонид понятно — оно встречается не только в греческой, но и в латинской литературе. В античной классической традиции «Меонид» (Μαιονίδης, Meonides) — Гомер, и для такого отождествления есть две причины: по одной из них отца Гомера звали Меон (Мэон); по другой — одним из родных мест поэта считалась область Меония (Мэония) в Малой Азии. Также согласно античной легенде, связанной с пифагорейской теорией переселения душ, было пятеро Меонидов: душа Гомера перекочевала в лебедя, затем — в Пифагора, из Пифагора — в павлина, из павлина — в поэта Энния. В русской переводной литературе XVIII в. встречается именно эта форма имени, напр., в переводе строк из Овидия (Ovid. Tr. I, 6, 21) И. Е. Срезневского (1795 г.), где русскому «Меонид» в латинском тексте соответствует существительное с согласованным прилагательным (лат. “Maeonius vates”, букв. «Меонийский поэт»), таким образом, мы видим здесь, что переводчик подобрал лаконичный вариант, и топонимическое прозвище в латинском языке преобразовалось в форму отчества (по аналогии, например, с формой «Атрид»), при этом сохранилась и аллюзия на родину поэта (ср. в современном переводе этого фрагмента у С. В. Шервинского (1978 г.) — «меониец»). Позднее, в XIX в., Меонид в качестве другого имени Гомера встречается уже в собственных произведениях русских авторов, например, у В. К. Кюхельбекера. Однако примерно со второй половины XVIII в., в русской поэзии это наименование появляется в форме мн.ч., например, в поэтическом творчестве Е. Кострова, в оде, воспевающей восшествие Екатерины II на престол: *Блισταюща над кровом храма, / Где лик священных Меонид / Тебя куреньем фимиама / И песнию согласной чтит, / О немерцающа планета, / Ты луч животворяща света / Излей в мою усердну грудь* [Костров 1802: 62]. В другом произведении этого же автора три Грации (Аглия, Талия и Евфросина) баюкают в колыбели молодую княжну Александру Павловну, которая в конце элоги уже засыпает и становится юной Грацией, а сами они как будто превращаются в Меонид: *Но юной Грации Меонид чистых лики / Качают колыбель с приятностью музыки, / Их усыпительный и глас, и лирный тон / На юную Княжну наводят сладкий сон* [Костров 1802: 110]. Также в латинских стихах, посвященных ставшему князем Священной Римской империи Г. Потемкину и переведенных в Казани на русский язык Ф. Фастрицким в 1781 г., упоминается священный храм Меонид, то есть гимназия, которой покровительствовал Потемкин [Севастьянов 1983: 234]. Судя по всему, в этих и подобных фрагментах речь идет не о нескольких Гомерах, не о потомках Меона и не о переселении душ. Священные Меониды с чистыми ликами, храмом которых является учебное заведение — кто они, если не Музы? Можно было бы предположить, что этим именем в античности называли вдохновительниц к поэтическому сочинительству, однако авторитетные словари классической древности, а также построенный в традиционной для гуманистов диалогической форме справочник по античным божествам Ф. Помея (первое издание вышло в 1659 г.) содержат подробное описание имен, прозвищ и эпитетов Муз (Musarum communia nomina), образованных по месту их обитания, но Меониды в этих списках отсутствуют. Однако парадоксальным образом Музы, носящие это имя, встречаются во французских словарях второй половины XVIII в., посвященных греческим и римским древностям, напр., в энциклопедии древностей Ф. Саббатье (тома начали выпускаться с 1766 г.), но, по понятным нам теперь причинам, ссылка на античный источник отсутствует [Sabbathier 1780: 265]. Меониды также зафиксированы в словарях иностранных слов русского языка XIX в., напр., у А. Н. Чудинова (s. v.) и у А. Д. Михельсона (s. v.) следующим образом: «Меониды (греч.) — прозвание Муз». Источником происхождения, или даже рождения, Меонид, вероятно, является латинская поэзия эпохи Возрождения. Более того, Меониды выступают в новом значении: они последователи Гомера, его творчества [Пильщиков 2004: 107]. Таковыми мы обнаруживаем их,

напр., в одном из стихотворений Иоанна Секунда (1511–1536) в переводе Шервинского: *На травяных седалищах / Между Меонид и нас посадят на месте почетном, / И из подруг Юпитера / Не возмутится в тот миг ни одна, что честь уступает, / Ни Тиндарида, дочь его.* Необычность возникновения Меонид заключается в том, что в эпоху Возрождения ученые стремились теоретически и практически восстановить забытое средними веками античное культурное наследие, поэты же стремились не только подражать, но и совершенствовать античные образцы, и так появляется новое понятие, описывающее поэтов-подражателей Гомера. Лексикографы же, задача которых всегда кажется невыполнимой, а труд исполинским, по ошибке занесли Меонид в словари античных древностей. Таким образом, Меониды — вклад поэтов эпохи Возрождения в развитие поэтических образов, — с легкой руки составителей словарей XVIII в. ставшие подделкой под античность, были восприняты впоследствии поколением русских поэтов XVIII в. как одно из имен Муз.

Литература

Костров Е. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах. Ч. I. СПб., 1802.

Пильщиков И. А. Символика Элизия в поэзии Батюшкова // Антропология культуры. Вып. 2. М., 2004. С. 86–123.

Севастьянов А. Н. Сословное расслоение русской художественно-публицистической литературы и ее аудитории в последней трети XVIII века. Дис. ... кандидата филологических наук. М., 1983.

Sabbathier Fr. Dictionnaire pour l'intelligence des auteurs classiques, grecs et latins, tants sacrés que profanes, contenant la géographie, l'histoire, la fable, et les antiquités... (1766–1790). T. 28. Paris, 1780.

«ПЕРЕСЛАВСКОЕ ОЗЕРО» КАК СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГУЛКА

Тираспольская Анна Юрьевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Опубликованный в 1795 г. в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» миниатюрный этюд-воспоминание «Переславское озеро» [Сушкова 1795] — полузабытое и незаслуженно малоизученное произведение, созданное по «канонам» малой прозы русского сентиментализма. Редактор журнала Василий Подшивалов в примечании неспроста отозвался об авторе этого прозаического этюда, обозначенном как «К... С...а» (по предположениям современных исследователей, в подписи зашифровано имя К. Сушковой, см. например [Орлов 1979: 22]), как о молодом даровании: можно с уверенностью утверждать, что текст «Переславского озера» написан в соответствии со всеми основными «требованиями» карамзинского сентиментализма. В весьма небольшом по объёму сочинении, посвящённом прогулке «чувствительной» героини-повествовательницы по берегам Переславского (ныне Плещеева) озера, обнаруживается удивительное разнообразие тем: яркое воспоминание как средство от скуки или печали; сентиментальная прогулка, включающая в себя непременно любование природой; упоминание о природе Швейцарии и отсылка к «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина; осмотр культурно-исторической достопримечательности; личность Петра I и зарождение интереса царя к флоту; живое общение человека с миром природы; размышления тонко чувствующей и думающей героини о смысле человеческой жизни, радостях и печалях; идиллическое изображение безмятежного существования простых крестьян; суетность жизни людей более высоких сословий; вступление в брак не по любви, а по воле родных; скука в маленьком городе; субъективность восприятия природы человеком; мотив спокойствия души и т. д. Всё это пёстрое тематическое многообразие гармонично существует на страницах «Переславского озера», переходы от одной темы к другой выглядят вполне естественно. Подобно ранним прозаическим этюдам Н. М. Карамзина, жанр произведения Сушковой трудно определить однозначно. Скорее всего, это чувствовал и Подшивалов, назвавший в редакторском примечании текст «пьесой» («Поздо сообщаем мы сию пиэсу»).

В самых первых строках героиня подчёркивает незамысловатость истории, которую собирается рассказать: «Я не привыкла углубляться в метафизические идеи, ни вымышлять чрезвычайных происшествий, но, когда зашумят крылья скуки, то привожу себе на память какое-нибудь приятное зрелище» [Сушкова 1795: 385]. Далее после краткого перехода — «в один из оных дней, в которые Природа облекается в траур я вспомнила, что на пути в милое уединение прогуливалась по берегам Переславского озера» [Там же] — автор обращается непосредственно к описанию своего маленького путешествия. Изображение природы открывается образом солнца, отражающегося в озере: «солнце в уклоняющемся великолепии сияло на сафирном небе и, кажется, любовалось ещё своею красотою в зеркале струящихся вод» [Там же]. Следующее за ним упоминание башен и стен местных монастырей представляется вполне явственным подражанием вступлению к повести Карамзина «Бедная Лиза». Значительно больший интерес вызывает оригинальный по содержанию абзац, посвящённый историко-культурной достопримечательности — знаменитому ботику Петра I, находящемуся в селе Веськово. «Какой патриот может без умиления помыслить о делах сего бессмертного Героя? Какой россиянин [может?] позабыть сей ботик, основание нашего флота, начало нашей коммерции и нашего просвещения?» [Сушкова 1795: 386], — восклицает героиня. В тексте недвусмысленно высказывается мысль о том, что ценность прекрасного озера многократно возрастает благодаря его связи с важнейшей для истории России личностью царя-реформатора: «Если бы озеро не имело ничего примечательного по собственной красоте, то одно воспоминание Отца отечества должноствовало бы учинить его навсегда привлекательным и любезным» [Там же]. Среди других важных моментов следует отметить эксплицированную ориентацию автора на творчество Карамзина при изображении Александровской горы: «Высота её и местоположение могут некоторым образом сравниться или, по крайней мере, заставить мечтать о тех прекрасных картинах

Швейцарии, которые так живо описаны в Письмах русского путешественника» [Сушкова 1795: 387]. Идея общения «чувствительного» человека с Натурой не принимает у автора «Переславского озера» застывшие, выхолощенные формы. Героиня внимательна к окружающему её пейзажу на протяжении всего повествования, но в одном из фрагментов взаимодействие девушки и природы можно назвать полноценной коммуникацией без слов: «Идучи мимо сих кустов, я каждый из них приветствовала улыбкою и как бы просила, чтоб они дружелюбно приняли свою гостью» [Там же].

Но, пожалуй, наиболее важной составляющей содержание произведения с точки зрения оригинальности является изображение автором «женского мира». Удивительно органично Сушкова включает в свой текст женские образцы всех трёх сословий: её героиня-повествовательница — дворянка, встреченная ею во время прогулки недавно вышедшая замуж не по любви молодая женщина — купеческая дочь и жена купца, завершается рассказ о посещении озера изображением группы крестьянок, возвращающихся домой с работы. Следует обратить особое внимание на то, что, в отличие от представительниц двух привилегированных «состояний» — дворянки и купчихи, — чьи образы единичны и персонифицированы, крестьянки, представительницы низшего сословия, изображаются «массово». При этом героиня-дворянка, носительница развитого рефлексивного сознания, изображается то радостной, то печальной, со всей сложной гаммой чувств и переходами от одной эмоции к другой, молодая купчиха показана откровенно несчастной из-за своего брака не по любви и разлуки с родными, и только «группа крестьянок» выглядит абсолютно счастливой и довольной своей жизнью.

Литература

Орлов П. А. Русская сентиментальная повесть // Русская сентиментальная повесть. М., 1979. С. 5–26.

Сушкова К. Переславское озеро // Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. VII, № 79. С. 385–391.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ XVIII В.: НА ПРИМЕРЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НАРОДОВ СИБИРИ

POETIC ETHNOGRAPHY OF THE 18TH CENTURY: THE CASE OF SIBERIAN INDIGENOUS PEOPLES

Трофимов Артём Евгеньевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Бурный экономический рост и стремительная европеизация России в первой трети XVIII в. обусловили интенцию российских интеллектуальных элит к усвоению не только новейших технических и научных достижений, но и культурно-семиотического языка Западной Европы. Одной из магистральных культурных тенденций западноевропейской цивилизации в начале столетия была своеобразная «мода» на освоение территорий, находившихся за пределами европейской ойкумены, в первую очередь — стран Востока, Африки и Америки. Колониальный тренд XVIII в., являвшийся для Запада прямым продолжением и завершением эпохи Великих географических открытий, нашёл отражение и в русском политическом дискурсе исследуемой эпохи. В свою очередь, аналогом изобретённому европейцами «Новому свету» в российских реалиях стали земли северо-востока Евразийского континента — Сибирь и Дальний Восток. Несмотря на то что хронология освоения Сибири русскими людьми ведёт отсчёт ещё с периода Московского царства, именно XVIII век стал поворотным в истории открытия этих земель. Одновременно с европейской культурой в зарождающуюся империю приходит и научная мысль. Проникновение науки европейского образца в Россию способствовало организации нового типа поездок в иные края — географических экспедиций (в противовес доминировавшим на Древней Руси паломничествам и купеческим хождениям). Своеобразным «полигоном» для новых открытий стали земли северо-восточной Евразии. Достаточно вспомнить Первую (1725–1729 гг.) и Вторую (1733–1743 гг.) камчатские экспедиции, плавания В. Я. Чичагова (1765–1766 гг.), походы П. С. Палласа (1768–1774 гг.), проект Северного морского пути М. В. Ломоносова, исторические сочинения о Сибири Георга Миллера и др. — чтобы понять исключительную роль осваиваемых территорий для научной мысли России XVIII века. В сочинениях исследователей и путешественников этой эпохи немаловажное место при создании комплексного образа северо-восточных пределов России отводилось описанию народов, населяющих осваиваемые территории. Без рассказа о внешности, быте, нравах и обычаях тунгусов, самоедов, якутов, сибирских татар, камчадалов и многих других коренных жителей Сибири не обходился ни один труд, даже посвящённый природе или истории региона, не говоря уже о том, что именно сибирским народам была посвящена первая русская научная книга по этнографии — «Краткое описание о народе остячком», изданная миссионером Г. И. Новицким в 1715 г. В то же время свой образ коренных жителей Сибири, возникший отчасти благодаря их научному представлению, являла и художественная литература XVIII века. Упоминания сибирских аборигенов присутствуют в торжественных одах Ломоносова и Сумарокова, баснях Хемницера и Капниста, драматическом творчестве Екатерины II и даже трактатах по стихосложению. В то же время нельзя сказать, что художественный образ малых народов Севера в точности строится на их научном описании. Целью настоящего доклада является представление разных способов изображения сибирских народов в русской литературе XVIII в. В качестве материала для исследования были избраны сочинения как художественной, так и нехудожественной природы — с целью показать сходства и различия функционирования образа народов Севера в разных жанрах официального дискурса XVIII в. В докладе будут рассмотрены четыре способа представления аборигенов Сибири в русском колониальном дискурсе XVIII в. Прежде всего, сибирские народы нередко воспринимались и изображались для русских путешественников пугающими. Так, в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, «Кратком описании о народе остячком» Г. И. Новицкого, путевых дневниках Г. И. Шелихова и др. подчёркивалась жестокость и кровожадность обычаев местного населения, жуткость их песен, общее пугающее впечатление от их внешне-

го вида. Кроме того, авторы текстов нередко стремились вызвать отторжение читателя, изображая царящие в поселениях грязь и зловоние. С другой стороны, северные аборигены часто становились объектом насмешек в сатирических произведениях, каковыми являлись сатиры Кантемира, басни Хемницера, комедии Екатерины II.

Высмеиванию подвергались ровно те же характерные черты: нечистоплотность, языческие верования и обряды, незнание основ поведения в цивилизованном обществе. Такое амбивалентное изображение сибирских народов показывает, насколько тонка грань между смешным и страшным в колониальном дискурсе, сосредоточенном на изображении иных, нецивилизованных форм человеческого существования. В то же время во второй половине XVIII в. поэтический вымысел авторов нередко рисовал аборигенов Сибири как людей идеальных, представителей «золотого века» человеческой истории, находящихся в полной гармонии с природой и являющихся носителями высокой нравственности. Как и во многих западноевропейских культурах Нового времени, в русской культуре XVIII в. изображение народов осваиваемых территорий имело ряд определённых функций. Прежде всего, явный экзотизм в описании внешности, быта, традиций аборигенного населения призван был подчеркнуть их отличие от привычных этических норм европейской культуры.

В то же время, изображая нарочитую первобытность аборигенов, западноевропейские авторы представляли свою собственную культуру как противопоставленную первобытной, то есть принадлежащую к цивилизованному миру. Вероятно, не отдавая себе в этом отчёта, русские авторы XVIII в., описывая дикие нравы народов Сибири, стремились продемонстрировать, что сознание высших слоёв населения молодой империи усвоило базис европейской этики и что русские имеют право войти в семью цивилизованных европейских народов.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСОК С. А. ПОРОШИНА

GENRE SPECIFICS OF S. A. POROSHIN'S DIARY NOTES

Фарафонова Оксана Анатольевна

доцент, Новосибирский государственный педагогический университет

Доклад посвящен выявлению жанровой специфики дневниковых записок воспитателя Павла I С. А. Порошина. Дневниковая Форма «Записок» Порошина — запись по дням, фиксирование конкретных дат — определяет только внешнюю структуру повествования. Известно, что Порошин дорабатывал свои дневниковые записи, дополняя своими рассуждениями относительно системы воспитания и черт характера будущего императора. Таким образом, в «Записках» Порошина сочетаются два способа отражения действительности: собственно дневниковый — синхронный, и мемуарный — ретроспективный. В отличие от дискретного изложения фактов в типичных дневниках (например, А. Ржевского или А. В. Храповицкого), текст «Записок, служащих к истории Его императорского высочества» объединен идеей воспитания монарха, которая является центром порошинской «истории Павла Петровича». Хотя временной промежуток, отделяющий непосредственную фиксацию произошедшего от присовокупления собственных размышлений и выводов, сделанных позже, невелик в сравнении с мемуарами как таковыми, но сделанные автором дополнения, отражающие его точку зрения, обеспечивают запискам Порошина целостность мемуарного повествования.

Очевидно ориентируясь на будущего читателя, Порошин предваряет свой дневник этим предисловием. Эта нехарактерная для собственно дневниковых «повседневных записок» установка на «другого», безусловно, обращает на себя внимание и ставит «Записки» Порошина значительно ближе к собственно мемуарам, автор которых вполне отдает себе отчет, что его записи не носят интимного характера, а имеют надличностную (общественную и государственную) ценность. Приступая к своим «Запискам», Порошин, имел вполне четкую концепцию (образ) текста, который должен был у него получиться в итоге. Традиция подобных воспитательно-биографических сочинений была обширна: от античных биографий философов и императоров до западноевропейских сборников анекдотов о «просвещенных государях». Как отмечает Е. К. Никанорова, «основным материалом» для таких сборников «служили маловажные, на первый взгляд, слова и поступки известного лица, имевшие отношение не только к публичной, но и к частной, домашней жизни» [Никанорова, 2001: 17]. В «Записках» Порошина образ идеального государя изображается в соответствии с отмеченной традицией, но предстает в процессе становления. Два плана повествования — частный (прогулки, обеды, режим дня, игры) и общественный (поведение на людях, во время официальных церемоний, праздников и т. п.) — становятся в последовательном повествовании Порошина ведущими и, в силу возраста героя, зачастую неразделимыми. Большое внимание уделено беседам, которые ведутся взрослыми в присутствии юного Павла за обедом или чаем. Порошин тщательно фиксирует, кто именно составляет наследнику компанию, подробно пересказывает, о чем разговаривают присутствующие. В определенном смысле такие фрагменты записок похожи на «Застольные беседы» Плутарха.

Важно, что в таких застольных беседах постоянно присутствует образ Петра Великого. Анекдоты и предания о первом российском императоре «служат моделью должного поведения в определенной ситуации» [Никанорова, 2009: 39]. Именно образ Петра для XVIII в. является идеалом монарха и «символом обновленной России, и вокруг его личности складывается особая атмосфера возвеличивания, граничащая с обожествлением» [Стенник, 2006: 5]. Идеальный образ Петра становится безусловным ориентиром в выстраивании концепции воспитания просвещенного государя и в «Записках» Порошина.

Идея воспитания просвещенного государя сказывается в отборе фактов, интерпретации описываемых ситуаций повседневной жизни во дворце. Наблюдая за Павлом в повседневной жизни и во время «обыкновенного ученья», Порошин подмечает многое: кому симпатизирует

Павел Петрович, кто из окружения ему неприятен, какие вопросы/предметы особенно интересуют, почему возникают перепады настроения, каков наследник в общении с другими и т. п. Но, ведя свои записки в форме дневника, Порошин не фиксирует «стенографически» абсолютно все, что происходит с его учеником, но старается показать среду, в которой воспитывается Павел, и очевидно выделяет для этого самые примечательные разговоры, события, слова и поступки будущего императора и его окружения, которые становятся частью общей картины.

Двойной фокус «Записок» Порошина, обусловленный совмещением синхронного фиксирования происходящего и последовательного раскрытия идеи правильного воспитания будущего монарха, определяет общую повествовательную манеру. На фоне плавного течения дней с описанием пробуждения наследника, его занятий в течение дня, бесед за столом во время чая или обеда и т. п. часто выделяются достаточно яркие эпизоды, иллюстрирующие ум и нрав будущего императора. Одни из них по своей структуре и содержанию соответствуют историко-биографическому анекдоту, другие представляют собой классическую апофегму.

Таким образом, «Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества ... Павла Петровича», являясь, по сути, дневниковыми записями, по манере повествования тяготеют к мемуарам как таковым: череда записанных эпизодов, в конце концов, выстраивается в единый кумулятивный сюжет, главным героем которого является юный Павел Петрович. Сам же Порошин предстает в своем дневнике не только как свидетель описываемых ситуаций, но как всезнающий и размышляющий о возможных причинах и последствиях увиденного и услышанного автор.

Литература

- Никанорова Е. К.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001.
- Никанорова Е. К.* Мотив неузнанного императора в его сюжетных и текстовых модификациях (на материале исторических анекдотов XVIII — первой половины XIX веков) // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1. С. 36–46.
- Стенник Ю. В.* Петр I в русской литературе XVIII века // Петр I в русской литературе XVIII века. (Тексты и комментарии). СПб., 2006. С. 3–50.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ КАНОН В РУССКОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ТРАВЕЛОГЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА: ФОРМЫ АВТОРСКОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ

SENTIMENTAL CANON IN THE RUSSIAN DOCUMENTARY TRAVELOGUE OF THE EARLY 19TH CENTURY: FORMS OF AUTHOR'S SELF-EXPRESSION

Константинова Наталья Владимировна

заведующий отделом, Новосибирский государственный педагогический университет

По общепринятому мнению, своеобразной «точкой отсчета», в развитии жанра путешествия в начале XIX в. стали «Письма...» Н. М. Карамзина, сформировавшие своего рода «канон путешествия». Еще Т. Роболи, исследуя жанр «путешествия» в литературе конца XVIII в., выделяет в русских путешествиях две ориентации («стерновскую» и «типа Дюпати») и относит текст Карамзина к «гибридному типу», в котором «этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч.» [Роболи 1926: 50].

В дальнейшем, развивая эту мысль, Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский акцентируют внимание на новаторских особенностях произведения Карамзина, существенно изменивших развитие травелога в XIX в. [Лотман, Успенский 1987]. В первую очередь, к таковым будут отнесены следующие характеристики: имитация нелитературности, указание на любительский характер записок, разрушение шаблонов традиционной путевой прозы, разделяющей ее на типы (научное путешествие и литературное), создание особой — «смешанной» — разновидности дискурса травелога, в которой соединяется документальное и художественное, стремление убедить читателя в спонтанной фиксации увиденного, выдвижение авторского Я на первый план, биографический автор имеет своего двойника в повествовании, смещение акцента с события путешествия на субъекта, имитация автобиографизма повествования, игра авторскими масками, использование формы писем, обращение к друзьям, выделение фигуры читателя, стремление побудить его к самопознанию, обозначение основной задачи травелога как исповеди «чувствующего сердца» и т. д. Выделенные особенности произведения Н. М. Карамзина фактически становятся своеобразным «сентиментальным каноном» литературы путешествий в начале XIX в.

Следует отметить, что, как правило, при изучении влияния «Писем» Н. М. Карамзина на развитие жанра травелога объектом исследования становятся литературные произведения. Новизной нашего подхода является, в первую очередь, выбор иного материала — документальных травелогов, что позволяет в большей степени актуализировать проблему авторского присутствия в тексте. Указанный аспект является актуальным в современном литературоведении, акцентирует внимание не только на изменении привычной жанровой модели повествования в тексте о путешествии, но и раскрывает новые задачи травелога в историко-литературном процессе начала XIX в.

Опираясь на современные исследования документальных травелогов [Шенле 2004; Милюгина, Строганов 2013; Мамуркина 2013], в нашем докладе приходим к выводу о том, что «Письма...» Карамзина в определенной степени порождают неизбежную дистанцию между биографическим автором и субъектом повествования в тексте о путешествии, независимо от его типа, как в документальном, так и в литературном. Это позволяет утверждать, что в XIX в. уже невозможно было встретить травелога собственно документального (в понимании традиции XVIII века).

Из этого следует, что так или иначе любой документальный текст, созданный в жанре травелога, в этот период испытывает на себе влияние карамзинской традиции («сентиментального

канона»), которая обнаруживается в большей степени на уровне «выраженности» авторской установки на субъективное описание самого события путешествия.

Объектом настоящего исследования являются 3 произведения о путешествии, в которых представлены разные варианты воплощения «сентиментального канона» в аспекте проблемы автора.

«Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, начатые им за несколько лет до 1812 г. и законченные зарисовками Парижа в 1814 г., позволяют проследить процесс преобразования «чувствительного путешественника» в документалиста, историка, описать смену авторской формы самовыражения в контексте изменения сознания пишущего субъекта под влиянием исторических событий (на фоне изменения национального самосознания).

«Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством Д. Н. Сеньявина, от 1805 по 1810 годов» В. Б. Броневского представляют иной тип формы авторского самовыражения: осознанное стремление биографического автора к подлинности, документальности, объективности, намеренно подробное описание событий сочетается в тексте с субъективностью, желанием выразить свои собственные переживания, мысли и чувства, угодить читателям и «описать себя». На уровне организации повествовательной структуры текста постепенно начинает доминировать точка зрения литератора, а не документалиста. Свообразным вариантом записок В. Б. Броневского становятся «Воспоминания на флоте Павла Свиньина», опубликованные П. П. Свиньиным в журнале «Сын Отечества». Более того, саморефлексия автора документального травелога проявляется наиболее наглядно в неожиданном споре В. Б. Броневского с П. П. Свиньиным. На страницах журнала «Сын отечества» в 1818 г. читатели наблюдают внезапную борьбу за авторство травелога. В процессе этой полемики и раскрываются индивидуальные авторские установки, позволяющие оценить как степень влияния «сентиментального канона» на организацию структуры повествования, так и выявить формы авторского самовыражения.

Литература

- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и их место в русской культуре // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 582–606.
- Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий: монография. Тверь, 2013.
- Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб., 2004.
- Мамуркина О. В. Жанровые традиции документальной путевой прозы в литературе конца XVIII — начала XIX века // Пушкинские чтения. Вып. XVIII. 2013. С. 13–17.

НОВООБРЕТЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР «НА ВЗЯТИЕ ВАРШАВЫ. ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ В. ЖУКОВСКОГО И А. ПУШКИНА» ИЗ БИБЛИОТЕКИ И. И. ДМИТРИЕВА

A NEWFOUND COPY OF "ON THE CAPTURE OF WARSAW. THREE POEMS BY V. ZHUKOVSKY AND A. PUSHKIN" FROM THE LIBRARY OF I. DMITRIEV

Краснобродько Татьяна Ивановна

ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

На Всесоюзной Пушкинской выставке в Москве к 100-летию гибели поэта экспонировались четыре пушкинских книги с дарительными инскриптами И. И. Дмитриеву из его библиотеки, хранящейся в Московском университете: «Руслан и Людмила» — с надписью от имени Пушкина рукой его отца (экспонировалась в качестве пушкинского инскрипта); «Борис Годунов» и «История Пугачевского бунта» — с собственноручными надписями автора; «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» — с надписью рукой Жуковского, от имени обоих авторов брошюры. Текст надписи в последнем издании: «Его Высокопревосходительству Ивану Ивановичу Дмитриеву от обоих учеников его», — ввел в научный оборот Л. Б. Модзалевский еще в 1935 году. Он процитировал ее в комментарии к письму Пушкина А. О. Смирновой, связанному с подавлением польского восстания 1831 г. [Модзалевский 1935: 411]. По окончании работы выставки, в соответствии с Постановлением Совнаркома от 4 марта 1938 г. «О создании Государственного музея А. С. Пушкина», книги из библиотеки И. И. Дмитриева поступили в новый музей, а в 1948 г. все его фонды были переданы в Пушкинский Дом в Ленинграде. Первые три издания — как содержащие автографы поэта — сразу были присоединены к Пушкинскому фонду (ф. 244) в Рукописном отделе ИРЛИ. Судьба четвертого до последнего времени оставалась неизвестной. «В библиотеке семьи Дмитриевых не сохранился уникальный экземпляр издания “На взятие Варшавы” с автографом В. А. Жуковского», — констатировала И. В. Великодная в каталоге прижизненной Пушкинианы в библиотеке Московского университета, который был подготовлен ею к 200-летию юбилею поэта [Великодная 1999: 17]. Систематический просмотр учетных документов, отложившихся в Пушкинском Доме и Всероссийском музее А. С. Пушкина (ВМП), и поиск в книжных фондах Библиотеки Академии наук (БАН), ее филиале в Пушкинском Доме и в библиотеке ВМП дал положительный результат: «пропавший» экземпляр «На взятие Варшавы», написанный И. И. Дмитриеву, был обнаружен в Пушкинском кабинете БАН. К сожалению, он оказался неучтенным в недавно вышедшем каталоге дарительных надписей на книгах в библиотеке Пушкинского Дома [Беляев 2016: 28–30]. Отметим, что это единственный сохранившийся экземпляр брошюры с авторским дарительным инскриптом.

Вновь найденный экземпляр брошюры «На взятие Варшавы» с дарительной надписью И. И. Дмитриеву, сделанной В. А. Жуковским «от обоих учеников его», ставит вопрос о возможности (необходимости) включения этого посвящения в свод дарительных инскриптов Пушкина. Л. Б. Модзалевский, опубликовавший текст надписи в комментарии к пушкинскому письму, не включил его в раздел «Дарительные надписи на книгах» в сборнике «Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты» (М.; Л., 1935) и не упомянул о нем в преамбуле, однако при этом счел возможным открыть раздел аналогичным инскриптом — тому же И. И. Дмитриеву на первом издании «Руслана и Людмилы». Дарительная надпись на этой книге: «Его Высокопревосходительству Милостивому Государю Ивану Ивановичу Дмитриеву от Сочинителя» — была сделана тоже не пушкинской рукой (вероятнее всего, рукой отца поэта С. Л. Пушкина). Как представляется, оба этих инскрипта на книгах, подаренных И. И. Дмитриеву (видимо, по поручению поэта), могут быть включены на равных основаниях в корпус дарительных надписей Пушкина. 3. В экземпляре брошюры «На взятие Варшавы» из библиотеки И. И. Дмитриева, по досадной случайности, на долгое время выпавшем из поля зрения исследователей, обращает на себя внимание еще одна важная деталь, которая относится к стихотворению В. А. Жуковско-

го «Старая песня на новый лад». В стихе 25: «Чу! как, пламенея, тромбы», — над зачеркнутым карандашом словом «пламенея» вписано: «пламенные». Эта поправка, судя по почерку, сделана рукой О. М. Сомова (значит, еще до того, как брошюра была отправлена в Москву). Таким образом Сомов восстановил вариант, зафиксированный в двух предшествующих публикациях стихотворения (они появились на несколько дней раньше, чем вышла брошюра) — в отдельном издании Н. И. Греча (цензурное разрешение 6 сентября) и в газете «Северная пчела» (цензурное разрешение 7 сентября), под заглавием «Русская песнь на взятие Варшавы (На голос: Гром победы, раздавайся!)». Просмотр экземпляров «На взятие Варшавы» в петербургских книжных собраниях показал, что часть тиража брошюры вышла с вариантом «пламенные», и это необходимо учитывать при установлении основного текста стихотворения Жуковского. Так, например, этот факт остался за пределами внимания составителей выходящего в настоящее время Полного собрания сочинений и писем поэта, где источником основного текста «Старой песни на новый лад» указана брошюра «На взятие Варшавы» — с безальтернативным вариантом «пламенея» в 25-м стихе [Жуковский 2000: 281–283, 665–668].

Литература

- Издания с дарственными надписями из собрания библиотеки Пушкинского Дома: Каталог / сост. Н. С. Беляев. СПб., 2016. Вып. 2: Е–К.
- Пушкин. Письма / под ред. и примеч. Л. Б. Модзалевского. М.; Л., 1935.
- Университетская Пушкиниана. Прижизненные публикации и издания А. С. Пушкина: Каталог / сост. И. Л. Великодная. М., 1999.
- Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 годов / Ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2000.

ГРАФ Д. И. ХВОСТОВ В ПУШКИНСКУЮ ЭПОХУ: ОТ МИФА К РЕАЛЬНОСТИ

Курочкин Александр Валентинович

сотрудник, Всероссийский музей А. С. Пушкина

Личность и творчество знаменитого метромана графа Дмитрия Ивановича Хвостова (1757–1835) в пушкинскую эпоху (середина 1810-х — середина 1830-х годов) приобретает особое значение. Основные вехи хвостоведения представлены в биографической статье о нем [Нешумова, Виницкий 2019]. Однако следует учесть и ценные материалы из архива Хвостова, позволяющие внести коррективы в устоявшиеся стереотипы о нем, проясняя его место в литературном процессе, традиционно ограниченное лишь ролью поэта-графомана. Между тем его деятельность чрезвычайно обширна: приняв на себя миссию своеобразного летописца эпохи, он откликается на значимые события в отечественной словесности, собирает сведения для составления «Словаря писателей» и пишет заметки для особых «Записок о словесности», расширяющие наше представление о литературе того времени при взгляде на нее с позиции последователя классицистической школы. С годами претерпевают изменения и воззрения Хвостова на литературные произведения: если ранее они распространялись лишь на характеристики языка и слога, но к концу жизни в своих оценках он все чаще обращает внимание на внутреннее содержание сочинений, изображение поступков и характеров персонажей, на художественные средства и приемы, используемые автором.

Пушкинская эпоха одновременно знаменуется завершением формирования репутации графа и пиком противостояния романтиков и классиков. В литературных спорах фигура старого метромана выступает символом архаических традиций, превращаясь в объект пародий и насмешек. Архивные материалы позволяют утверждать, что граф не претендовал на роль главы классицистов. Сложившееся мнение о некритичном восприятии Хвостовым классического наследия подвергается сомнению: хотя безуспешно, он пытается его переосмыслить. Рассуждая о происходящих в словесности изменениях, критикуя нововведения, Хвостов-классицист лояльно относится к романтическому направлению. Он признает гениальность Пушкина [Курочкин 2017: 185], приветствует стихи и превозносит талант Языкова [Курочкин 2021: 197, 200, 203]. На склоне лет Хвостов стремится стать выше мнений недоброжелателей о своих творческих способностях, но не спускает насмешек, переходящих на его личность. Он активно включается в борьбу за свою репутацию, используя скрытую стратегию, вступает в полемику с литературными противниками под чужими, порой вымышленными именами. Ясно сознавая, что современники ассоциируют его с поэтом бессмыслицы, Хвостов относит к себе одну из заметок, составивших анонимно опубликованные Пушкиным в «Северных цветах на 1828 год» «Отрывки из писем, мысли и замечания» [Курочкин 2019: 77].

Граф вел обширную переписку, его адресаты охотно общались с ним на литературные темы. Письма к Хвостову содержат интересные отзывы современников о Пушкине и его дяде, которые как проясняют ряд эпизодов их жизни и творчества, так и сообщают совершенно неизвестные ранее сведения. Например, позволяют установить имя учителя русского языка и словесности В. Л. Пушкина и, возможно, С. Л. Пушкина — В. С. Подшивалова; узнать о существовании несохранившегося продолжения знаменитого «Опасного соседа», в котором Буянов живет в своем имении, объясняя, таким образом, его неожиданное появление на балу у Лариных. Встреча в провинции Буянова с Варюшкой, которая становится городничихой, напоминает встречу Евгения и Татьяны в петербургском свете. Все это свидетельствует о связи продолжения «Опасного соседа» дяди с романом в стихах племянника [Курочкин 2020].

Пушкин с интересом наблюдал за новинкам, выходящими из-под пера знаменитого графомана. Появление пушкинского наброска о гибели Помпеи, помимо других источников, было навеяно стихами Хвостова о картине К. П. Брюллова, еще до прибытия полотна в Россию [Курочкин 2023].

Необходимо подчеркнуть, что Хвостов никогда не ставил на карту репутацию здравомыслящего человека из любви к поэзии. Ставшее расхожим его представление безумным старцем связано с подменой понятия страсти к метромании отсутствием здравомыслия. Подобное суждение о Хвостове — свидетельство сильной мифологизации его образа анекдотами и позднейшими вымыслами. Не случайно, указывая на свои преклонные годы, Хвостов в переписке всячески подчеркивает свою состоятельность как творческую, так и физическую. В пушкинскую эпоху зарождается миф о Хвостове, но при этом реальная личность и литературный персонаж имеют четкое разграничение. Так продолжается до момента кончины графа. После смерти Хвостова его феномен трансформируется в сказку в среде тех, кто не знал графа лично, и тогда черты живого человека перестают существовать обособленно от анекдотов и легенд о нем.

Литература

- Курочкин А. В. Заметка графа Д. И. Хвостова о трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Русская литература. 2017. № 3. С. 184–189.
- Курочкин А. В. А. С. Пушкин в «Записках о словесности» графа Д. И. Хвостова // Русская литература. 2019. № 3. С. 73–92.
- Курочкин А. В. «...Племянник был молод, а дядя — кроток...» (А. С. Пушкин и его дядя в письмах современников к графу Д. И. Хвостову) // Русская литература. 2020. № 1. С. 79–92.
- Курочкин А. В. Н. М. Языков и граф Д. И. Хвостов: диалог романтика и классика // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 173–224.
- Курочкин А. В. Литературные источники пушкинского наброска «Везувий зев открыл...» // Русская литература. 2023. № 1. С. 134–140.
- Нешумова Т. Ф., Виноцкий И. Ю. Д. И. Хвостов // Русские писатели. 1800–1917. Библиографический словарь: В 7 т. / гл. редактор Б. Ф. Егоров. М.; СПб., 2019. Т. 6: С–Ч. С. 505–509.

РАЗРУШЕНИЕ ИЛИ ЭКСПАНСИЯ? (РОМАНТИЗМ И ТВОРЧЕСТВО ГОГОЛЯ СЕРЕДИНЫ 1830-Х ГОДОВ)

DESTRUCTION OR EXPANSION? (ROMANTICISM AND CREATIVITY OF GOGOL IN THE MID-1830S)

Карпов Александр Анатольевич

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Статья «Несколько слов о Пушкине», опубликованная в сборнике «Арабески» (1835), традиционно воспринимается как манифест Гоголя-реалиста. Между тем, ключевая для реалистов идея обращения к сфере будничного сочетается в ней с важнейшим для романтиков стремлением запечатлеть «необыкновенное». С сочувствием говоря об обращении зрелого Пушкина к повседневности, о предпочтении исключительному — «обыкновенного» как о свидетельстве «достоинства» подлинного художника, автор заключает свои рассуждения ключевой для его работы фразой, определяющей идеальный тип творчества и диалектически связывающей центральные понятия статьи: «...чем предмет обыкновеннее, тем выше надо быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было между прочим совершенная истина» [Гоголь 2002: 94]. Только что провозглашенная «верность» предмету изображения дополняется требованием активного, целенаправленного действия по отношению к нему, «извлечение» «необыкновенного» провозглашается высшей целью искусства.

Сходные положения по разным поводам высказываются и в других статьях «Арабесок» — «О Средних веках», «Шлецер, Миллер и Гердер», «Последний день Помпеи». Сформулированные в статьях принципы реализуются в ряде художественных произведений Гоголя 1830-х годов. Так, в «Портрете» житейски достоверная история превращения талантливого художника в ремесленника соотносится с архетипическим сюжетом о продаже души дьяволу и вводится в контекст апокалиптических ожиданий повествователя. В «Старосветских помещиках» рассказ о любви-привычке пожилых провинциальных «существователей» обнаруживает тесную связь с характерным для романтизма сюжетом о любви и смерти, любви за гробом, воспроизводит общую схему и комплекс основных мотивов такого рода произведений. Аналогичным образом в «Клочках из записок сумасшедшего» Гоголь преобразует широко известный сюжет о высоком безумце, вступающем в конфликт с миром. Вновь радикально изменив оболочку сюжета (вместо незаурядной личности героем становится петербургский обыватель), писатель сохраняет его суть, развивая темы неразделенной любви, прозрения, бунта. В «Невском проспекте» романтические темы разлада мечты и «существенности», крушения иллюзий, всесия жестокой судьбы раскрываются и с трагической (Пискарев), и с комической (Пирогов) стороны, а в концовке произведения иллюстрируются множеством ничтожных и комичных примеров, выглядящих как пародия на романтизм, что не мешает опирающемуся на них повествователю завершить свой монолог глобальным выводом о присутствии в мире метафизического зла.

Последовательно прозаизируя, по сути, травестируя типовые романтические сюжеты, работая на материале повседневности, Гоголь идет по пути не отрицания, но трансформации романтизма — по пути своего рода экспансии. Романтическое мировидение распространяется на новые, прежде третируемые, сферы жизни. Ключевые для романтизма идеи, темы, проблемы обнаруживают свою универсальность, укорененность в действительности, разнообразие вариантов реализации. В творческой практике как самого Гоголя, так и его современников («Катенька Пылаева, моя будущая жена» (1835) П. Н. Кудрявцева, «Путевые впечатления и, между прочим, горшок герани» (1840) А. Ф. Вельтмана и др.) подобная экспансия приводит к сложным и неоднозначным результатам.

Литература

Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 3. М., 2009. С. 90–96.

«МЕЙСТЕР МИНД» Н. В. КУКОЛЬНИКА: СПЕЦИФИКА ОБРАЗА НЕСЧАСТНОГО ХУДОЖНИКА

Чеппаруло Саша

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Драматические фантазии Кукольника, посвященные людям искусства, были популярны в 30-х и 40-х годах XIX в. Большинство из них входят в так называемый итальянский цикл: интермедия-фантазия «Тартини» (1833), «Торквато Тассо» (1833), «Джакобо Санназар» (1834), «Джулио Мости» (1836), «Доменикино» (1838) и пролог из большой фантазии «Пиетро Аретино» (1842). Из драматических сочинений писателя, связанных с темой искусства и художника, вне итальянского цикла остаются только «драматическая фантазия в пяти актах, с эпилогом, в прозе Иоанн Антон Лейзевиц» (1837), драматическая фантазия в прозе «Мейстер Минд» (1839) и монолог из драматической фантазии «Эрнст Миннезингер» (1840).

«Мейстер Минд, или Кошачий Рафаэль» (1839) — неоконченная пьеса Кукольника, автограф которой хранится в Пушкинском Доме. Поскольку пьеса считалась неопубликованной, до сих пор никто из исследователей не обращал на нее внимание. Однако в действительности «Мейстер Минд» был напечатан в журнале «Дневник русского актера» за 1886 г.

«Мейстер Минд» — это единственный случай в драматических фантазиях Кукольника, когда специфика образа главного героя определена его физическими уродствами, препятствующими нормальной жизни. Именно они влияют и на творчество центрального персонажа.

Редакторы первого и единственного издания 1886 г. отметили своеобразие пьесы: «Произведение это, помимо своих литературных достоинств, интересно своей оригинальной идеей. До сих пор оно еще нигде не было напечатано. Очень жаль, что оно недоделано и представляет собой только лишь мастерские наброски» [Кукольник 1886]. Действительно, Мейстер Минд представляет собой необыкновенную разработку характеризующих образ протагонистов драматических фантазий писателя черт. В примечании к пьесе Кукольник приводит краткую биографию героя, уточняя, что из-за своего физического уродства он ни с кем не общался и не встречался — жил с животными и как животное, то есть отдаленно от человеческого сообщества.

В «Мейстере Минде» разрабатываются все характерные для драматических фантазий автора темы: слава художника, его несчастная любовь, конфликт с обществом.

В отличие от центральных персонажей других произведений, Мейстер Минд постоянно мечтает не о славе, а просто желает о доступном обычным людям образе жизни: возможности общаться с людьми без страха и стеснений, завести семью и т. д. То, что его терзает — это обусловленные физическим уродством проблемы.

Мейстера Минда называют Кошачьим Рафаэлем, так как он рисовал, прежде всего, животных, в большинстве случаев котов и медведей. Герой и живет с животными, которых он избражает. Животные представлены антропоморфизированным образом: они понимают то, что им говорят, делают покупки, ходят в гости. Минд, понимая реакции животных на свои слова, им отвечает и таким образом они общаются. Реакции животных иногда даже заставляют главного героя задуматься о своем поведении или мыслях. Минда понимают только те животные, которых он рисует: только с ними он полностью откровенен. Торквато Тассо, например, живет во дворце Феррары и ежедневно контактирует с представителями придворного общества — он с ними общается, обсуждает свои произведения. Мейстер Минд лишен и этого базового уровня человеческой жизни, следовательно, обычный для фантазий писателя конфликт с чуждым обществом сменяется в конфликт с человечеством в целом. Дом Минда — единственное надежное укрытие от мира и людей, только здесь ему хорошо.

В пьесах Кукольника художник обычно отчужден от мира из-за своего таланта или зависти недоброжелателей. В «Минде» раздражение, вспыльчивость, замкнутость, обидчивость главного героя являются только следствием несчастий, причиненных его уродством. С одной стороны, Минду дано быть великим и с самого начала признанным художником, но, с другой, бедным и полностью одиноким. Физическая немощь или сумасшествие свойственны протаго-

нистам некоторых других пьес автора. Но, например, безумие Тассо является следствием его гениальности и заговоров против него. В «Минде» же физическое уродство присуще герою изначально и несмотря на то, что оно придает судьбе художника трагизм, никакой «грандиозности» этой фигуре оно не добавляет. Тем не менее, это свойство мотивирует особенности его полотен. Минд рисует только животных, отказывается писать портреты людей, так как он ни с кем не хочет встречаться. Значит, в «Минде» жизнь и творчество художника глубоко взаимосвязаны.

Литература

Кукольник Н. В. Мейстер Минд или Кошачий Рафаэль. Неоконченная драматическая фантазия // *Дневник русского актера.* 1886. №1 (март). Отд. 1. С. 11.

СКВОЗНОЙ МОТИВ ГРЕХОПАДЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

THE END-TO-END MOTIVE OF THE FALL IN THE WORK OF E. P. ROSTOPCHINA

Попова Мария Юрьевна

аспирант, Уральский государственный педагогический университет

Сквозной мотив грехопадения в творчестве Е. П. Ростопчиной до настоящего времени не становился предметом анализа. М. П. Гребнева исследовала мотивы цветка, цвета, сада, камня, относящиеся к ядерным мотивам флорентийского мифа в романе Е. П. Ростопчиной «Палаццо Форли» (1854) [См.: Гребнева 2009]. А. М. Ранчин проследил, как Е. П. Ростопчина-поэтесса, начиная с 1839 года, конструировала индивидуальный миф «о себе как о преемнице Пушкина, подкрепляемый другим личным мифом — о себе как о “предмете” пушкинской любви», опираясь на мотивы «душевного и духовного родства Пушкина и лирической героини как поэтов» и «любви Пушкина к автору-героине» [Ранчин 2019: 124–127]. Изучение мотива грехопадения позволяет уточнить представления о формировании индивидуального художественного образа мира писательницы, описать процесс образования авторского мифа.

Мотив грехопадения, связанный с райским топосом, возникает у Е. П. Ростопчиной в произведениях, завершающих аннинский период творчества (1833–1835), хотя образ рая появляется у поэтессы уже в посвящениях раннего московского периода творчества (1824–1832). В стихотворениях «Италия» (1831) и «Фантазия» (1832) Апеннинский полуостров включён в картину романтического двоемирия и представляет собой «рай земной», «Эдем восторженных умов».

Справедливо утверждение О. М. Фрейденберг о том, что невозможен ни мотив, ни сюжет без первоначального образа: «... герой делает только то, что семантически сам означает» [Фрейденберг 1988: 233]. Именно с появлением в творчестве аннинского периода библейских образов Евы, Змея, Адама возникает и мотив грехопадения. Это совпадает со временем, когда поэтесса ведёт активную переписку с путешествующим по Европе А. Н. Карамзиным. Интерпретация известного библейского мотива впервые в сжатом виде дана в стихотворении «Не верю вам!...» (1835) и повести «Поединок» (1835). Обращаясь к мотиву грехопадения и состоящему с ним в сродстве мотиву любопытства, Е. П. Ростопчина подчёркивает двойственную природу запретной любви: с одной стороны, искушающее, греховное начало, а с другой — идиллическое, утраченное пародителями состояние блаженства.

В петербургский период творчества (1836–1844) Е. П. Ростопчина продолжает обращаться к вышеуказанным мотивам. В поэме «Любовь в Испании. Романсеро» (1839) и цикле «Бальная сцена. Отрывок из романа» (1841–1843) мотив грехопадения влечёт за собой ещё один мотив (искушения) в структуре цикла. Два упомянутых произведения объединяет одинаковое разрешение сюжетной ситуации испытания — путь героинь к искуплению лежит «через церковь». Если лирическая героиня цикла «Бальная сцена...» только размышляет об этом, то главная героиня романсеро Эльвира в финале поэмы становится монахиней, что свидетельствует о возникновении нового связанного с грехопадением мотива добровольного заточения. К концу петербургского периода становится заметно, как основной библейский мотив задаёт «пучок мотивов» (Б. Н. Путилов) в произведениях Е. П. Ростопчиной.

Мотивы заточения и болезни, как следствие грехопадения ростопчинских героинь, будут развиты писательницей в творчестве позднего московского периода (1845–1858). В это время мотив грехопадения получает в произведениях Е. П. Ростопчиной сюжетобразующую роль. В романе «Дневник девушки» (1838–1850), драме «Нелюдимка» (1850), романе «Счастливая женщина» (1851–1852) обращение к библейским образам Евы и Змея совпадает с эпизодом завязки сюжета. Обретение опыта для них, в отличие от Евы, возможно только через испытание любовью.

Опираясь на мотивную структуру, в ядре которой находится мотив грехопадения, Е. П. Ростопчина моделирует собственный индивидуально-авторский миф. Окончательное завершение этот миф получит в стихотворении «Первый соблазнитель» (1857), построенном в форме

диалога между Женой и Змеем. В ветхозаветную историю писательница включает мотив о незаконной любви женщины, который предваряет описание однообразного семейного быта. Змей искушает Жену, неудовлетворённую собственной жизнью, находящуюся в состоянии внутреннего психологического конфликта.

Конструирование мифа о грехопадении совпадало с процессом творческой эволюции Е. П. Ростопчиной [См. о творческой эволюции: Попова 2022: 10–11]: возникновение райского топоса в ранний московский период; появление образов Адама, Евы и Змея и мотива грехопадения в аннинский период; формирование мотивной структуры, на которой базируется миф, в петербургский период; оформление индивидуально-авторского мифа в целостный сюжет в поздний московский период. Возникновение мифа — закономерный для Е. П. Ростопчиной феномен, которому способствовали как внутренние, индивидуальные факторы (история отношений с А. Н. Карамзиным), так и внешние, литературные: интерес к тем же библейским аллюзиям писателей-современников — А. А. Бестужева-Марлинского («Испытание», 1830), А. С. Пушкина («Евгений Онегин», 1823-1830), М. Ю. Лермонтова («Сказка для детей», 1839-1841, опубл. 1842), О. де. Бальзака («Дочь Евы», 1838).

Литература

- Гребнева М. П.* Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности: дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01. Томск, 2009.
- Попова М. Ю.* «Безжизненная степь моею жизнью духовной наполнялась...»: аннинское уединение Е. П. Ростопчиной // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: Динамика художественных систем. Екатеринбург, 2022. № 4. С. 9–20.
- Ранчин А. М.* «Две встречи» Евдокии Ростопчиной: четыре редакции стихотворения и механизм создания литературного мифа // Поэзия филологии. Филология поэзии: сб. по материалам конференции, посвященной А. А. Илюшину. Тверь, 2019. С. 123–128.
- Фрейденберг О. М.* Система литературного сюжета // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. М., 1988. С. 216–237.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СКАЗКИ «АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК»

Колесник Полина Николаевна

преподаватель, Державинский институт

«Аленький цветочек (сказка ключницы Пелагеи)» является приложением к «Детским годам Багрова-внука» С. Т. Аксакова. Существует несколько вариантов данного сюжета, но наибольшую известность в отечественной культуре получила сказка С. Т. Аксакова, которая стала восприниматься практически народной. В. Я. Пропп называет сказку «Аленький цветочек» ближайшим русским эквивалентом сказки «Амур и Психея» древнеримского писателя и философа Апулея и считает, что в «Аленьком цветочке» народный оригинал в чем-то искажён по причине своей ориентированности на детскую аудиторию [Пропп 2000: 247–252]. Однако «Аленький цветочек» можно считать достаточно типичной волшебной сказкой, опирающейся на традиционные формы вымысла и подчиняющейся фольклорным законам. Пространственно-временная организация данного типа сказки имеет ряд особенностей, которые отличают ее не только от структуры реального пространства-времени, но от организации хронотопа других литературных жанров.

Сказка «Аленький цветочек» начинается с характерной фиксации места событий «в неким царстве, в неким государстве» с оттенком его неопределенности. Далее сюжет развивается также традиционно: герой без всяких колебаний отправляется с определенной целью в долгое путешествие «за море, за тридевять земель, в тридевятое царство, в тридесятое государство», т. е. в места отдалённые и сказочные. По мнению В. Я. Проппа, пространство — важнейший элемент построения сказочного сюжета, а само повествование разворачивается в соответствии с перемещением персонажа [Пропп 2000: 247–252]. Пространственный путь героя представлен в виде формулы: «дом — тридевятое царство — дом» и организован при помощи оппозиций: «свой — чужой», «реальный — фантастический». При этом в основе фантастического лежит представление о реальности. Дорога может оказывать благотворное влияние на человека, а может таить в себе опасность для его жизни.

«Соппротивление среды» [Лихачев 1979: 336] в виде нападения разбойников здесь вполне сюжетно обусловлено, а «непроходимый, непроездный, дремучий» лес станет границей между двумя мирами: миром дома и миром волшебного царства и сада. Последний будет открыт только тому, кому суждено здесь побывать. А суждено побывать здесь младшей дочери купца, чье путешествие окажется истинным и будет подчинено той же формуле, что и путешествие её с отца, но с наращением. Истинной целью путешествия и пути является не добыча аленького цветочка, а победа над злыми чарами и обретение счастья, именно поэтому путь младшей дочери является истинным. Что касается организации времени волшебной сказки, то специальные формулы времени для обозначения начала повествования обычно отсутствуют. Эту особенность можно проследить и на примере сказки «Аленький цветочек».

Многие исследователи отмечают замкнутость и условность сказочного времени. Начало сказка берёт из неопределённого времени и завершается достижением счастья (свадьба, пир и т. п.). О течении времени мы узнаем с помощью медиальных или неопределённых слов-формул «долго ли, много ли он собирался... скоро сказка сказывается, не скоро дело делается», «долго ли, мало ли времени». По причине условности Художественного времени в волшебной сказке отсутствуют развивающиеся характеры: старшие сёстры остаются завистливыми и неспособными к состраданию до самого конца сказки, а красота души младшей подтверждается каждым её словом и поступком на протяжении всего сказочного сюжета. Еще одной особенностью организации сказочного времени является возможность управления им. Как правило, наличие волшебных предметов помогает героям ускорять время и преодолевать расстояния своеобразными способами. Купец добирался до волшебного дворца в поисках аленького цветочка два года, а с помощью перстня, данного ему лесным зверем, получил возможность преодолеть то же расстояние «в единое око мгновение». Реальное время является измеряемым. С давних

времён человек научился измерять его в процессе наблюдения за движением небесных тел или с помощью специальных приборов. Момент с переводом сестрами всех часов в доме становится ключевым в проявлении конфликта и в его последующем разрешении. Темпоральная структура сказки может выражаться и числительными. Например, сказочное время «Аленького цветочка» сводится до конкретных трёх дней и трёх ночей, когда это становится обусловлено сюжетной необходимостью подвести героиню к достижению цели. Время соотносится не только с внешним миром человека, но и с его внутренним, поэтому героиня по-разному «чувствует» время: в ситуации воссоединения со своей семьей «день проходит как единый час, другой день проходит как минуточка», а в момент необходимости возвращения к лесному зверю девушка беспрестанно смотрит на часы в ожидании нужного часа. Современному человеку известно об относительном ускорении и замедлении времени. Исходя из всего вышесказанного, следует отметить, что пространство и время являются основными структурными компонентами сказочного текста. На примере «Аленького цветочка» С. Т. Аксакова в докладе рассмотрена пространственно-временная организации волшебной сказки и выявлена тесная связь художественного времени и художественного пространства.

Литература

Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М., 1986.

Пропт В. Я. Русская сказка. М., 2000.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

ГЕРОИ «ГОРЯЧЕГО СЕРДЦА» А. Н. ОСТРОВСКОГО НА ФОНЕ ГОНЧАРОВСКОЙ ПРОЗЫ

Отрадин Михаил Васильевич

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

По словам И. А. Гончарова, А. Н. Островский «исписал Русь». Сам автор «Обломова», по его признанию, хотел показать в своей романной трилогии переход русской жизни «от сна к пробуждению». То есть сюжеты анализируемых произведений разворачиваются в «большом времени». Островского и Гончарова объединяет еще одно качество: они, как, например, И. А. Крылов, были свободны от «привычки русской интеллигенции идеализировать собственный народ» [Маркович 2019:148]. Условность является основой стиливого единства пьесы «Горячее сердце». В рукописи жанр пьесы был обозначен так: «Комедия из народного быта с хорами, плясками, песнями в пяти действиях». Драматург снял такое обозначение жанра, но читателю или зрителю абсолютно ясно: это не бытовая комедия. Масштаб проблемы, заявленный в «поэтическом сюжете» Островского (пьесу «Горячее сердце» есть основание воспринимать как комический эпос), обозначен в реплике одного из героев: «Что вы за нация такая?» Со времен Платона принято различать два основных типа жизни: жизнь «созерцательную» и жизнь «деятельную». Как отмечено в научном комментарии [Брагинский, Леонова 1987: 180], различие этих двух типов жизни восходит к народной мудрости, к народному сознанию. Как известно, осмысление контрастной пары «Обломов — Штольц» — лежит в основе гончаровского сюжета. Гротескная типология Островского позволила ему создать свои яркие примеры «созерцательной» (Курслепов) и «деятельной» (Хлынов) жизни. Сегодняшний «созерцатель» может рассматриваться как вчерашний «деятель»: погруженный в сонную жизнь Курслепов в прошлом был, судя по всему, энергичным купцом, разбогател. А ошеломительная деятельность Хлынова — это, прежде всего, попытка русского человека спастись от беспощадной «тоски». Свалившееся богатство, с которым не может справиться герой: нет духовных и душевных сил, чтобы не проявить самодурство. Какой-то вирус, против которого у русского человека как будто бы нет иммунитета. Этот мотив позже разовьет Иван Бунин. Индивидуальное, исторически обусловленное, национальное и общечеловеческое обнаруживается в героях этих двух писателей. В свое время А. В. Дружинин первым сказал об Обломове как о «всемирном» типе [Дружинин 1991: 122]. Поведение Хлынова, героя Островского, можно прокомментировать примерами, которые дает Йохан Хейзинга в своей книге «Homo Ludens» [Хейзинга 1992]. Читательский опыт («Капитанская дочка», «Пир Петра Первого» А. С. Пушкина, «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, «Отрывки и разные мысли» П. Я. Чаадаева) помогают понять и двусмысленную сцену суда Градобоева в пьесе Островского. Городничий Градобоев обращается к арестантам: «Так вот, друзья любезные, как хотите: судить ли мне вас по законам, или по душе, как мне бог на сердце положит?». Голоса: «Суди по душе, будь отец, Серапион Мардарыч». Градобоев: «Ну, ладно. Только уж не жаловаться». Эти литературные контексты проясняют рассказ о том, почему Обломов прекратил «государственную деятельность» и вышел в отставку. Особого внимания заслуживает проблема: в какой степени герои русских произведений склонны к подмене права и справедливости милосердием и снисхождением к людским слабостям. Песенная правда в пьесах Островского («Бедность не порок», «Горячее сердце») должна быть учтена при анализе представленных в них жизненных конфликтов. «Моцартианская» свобода в поэтической мечте Обломова (мир без страстей и страха) обнаруживается в опыте героя о «желанном блаженстве». Этот опыт поверяется романным опытом, который с точки зрения писателя, является опытом самой жизни. Песенное понимание жизни приводит главную героиню пьесы Парашу к жизненной ошибке. Ее избранник, купеческий сын Вася, совсем не герой. Достойным избранником окажется Гаврила, уподобленный сказочному Иванушке-дурочку. Жизнь в Калинове в корне изменится. Младшие (не по возрасту, а в социальном смысле) докажут свое нравственное превосходство над старшими. Гончаровская параллель связана с двумя дворовыми людьми, Яковым и Василисой, героями романа «Обрыв». Они оба дали обеты в связи с болезнью Татья-

ны Марковны. Яков после выздоровления барыни, как и обещал, поставил большую вызолоченную свечу к местной иконе в приходской церкви. По дороге домой зашел в слободу, выпил и пришел «веселыми ногами». Комическое описание поступка Якова не может скрыть проступающее сопоставление: он уподоблен Татьяне Марковне, которая совершая «подвиг», изнуренная ходьбой, признается Райскому: «Бог посетил: не сама хожу. Его сила носит...». А Василисе, обещавшей в случае выздоровления барыни сходить в Киев, пришлось торговаться с отцом Василием, чтобы заменил обет: она осталась на полгода без любимого кофе. Эти два смешных сюжета тоже о «подвигах» малых мира сего. Но без их усилий, как это понимал Гончаров, нет настоящего прогресса. нравственного прогресса.

Литература

Маркович В. М. Русская литература золотого века. СПб., 2019.

Брагинский Н. В., Леонова Д. Н. Комментарий // Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987.

Дружинин А. В. «Обломов». Роман И. А. Гончарова. Два тома. СПб., 1859 // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике. Л., 1991.

Хейзинга Йохан. «Homo Ludens. В тени завтрашнего дня». М., 1992.

К ПРОБЛЕМЕ «ВЕЧНЫХ ОБРАЗОВ» В ПОЭТИКЕ И. С. ТУРГЕНЕВА: «СТЕПНОЙ КОРОЛЬ ЛИР»

Хао Цзинцзин

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

«Вечные образы» являются неотъемлемой частью любой национальной литературы. Они вновь и вновь воплощаются в творчестве разных писателей и поэтов. Произведения И. С. Тургенева также не являются исключением. С поэм, написанных в первой половине 1840-х гг. до поздних повестей 1860-1870-х гг., диалог с мировой классикой сопровождал русского писателя на протяжении почти всего его творческого пути. В первой тургеневской поэме «Параша» (1843) уже появляются отсылки к сюжетам Дон-Жуана и реминисценции из «Фауста» Гете, которые намекают на «вечный» сюжет пробуждения любви. А в 1860-е годы Тургенев ещё чаще обращался к различным конкретным вечным образам, ставшим достоянием мировой литературной традиции, стремясь обнаруживать и изображать их преломления в русской жизни, что со всей наглядностью проявляется в его повестях того периода. К примеру, Отелло в «Первой любви» (1860), Дон Жуан в «Истории лейтенанта Ергунова» (1868) и «Несчастной» (1869), Вертер в «Бригадире» (1868), король Лир в «Степной король Лир» (1869-1870) и т. д. Известный литературный критик Н. Н. Страхов, отметив это явление, писал: «Перед поэтом (Тургеневым) как бы постоянно носятся образы западного искусства, Лир, Вертер и пр., и он ищет им подобию в нашей скудной и бледной жизни» [Страхов 1871: 27].

Использование «вечных образов» в своих произведениях даёт русскому классику возможности объединить в своих героях универсальное и национальное. В тургеневском случае под «вечными образами» мы будем понимать ключевые образы европейской литературы, которые аккумулируют проблемы становления современного человека (например, Гамлет, Дон Жуан, Дон Кихот, Вертер, король Лир, Фауст, Мефистофель).

Многочисленное обращение Тургенева к «вечным образам» в значительной степени связано с его собственной историософией. Именно его концепция соотношения повторения и движения истории стала философской основой поиска писателем решения актуальных проблем современности в соотношении своих персонажей с «вечными образами» мировой литературы. Среди числа произведений Тургенева, в которых реализуется диалог с европейской классикой, особое место занимает повесть «Степной король Лир» (1870), в заглавии которой уже отмечается отсылка к шекспировской трагедии. То, что привлекло писателя к сюжетам и образам «Короля Лира» в конце 1860-х годов, определяется следующим: во-первых, трагический образ несчастного короля воплощался в русской литературе не только в произведении Тургенева, но и в пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» (1850), а также в книге Н. Н. Златовратского «Деревенский Король Лир» (1880). Общим важным моментом в создании этих произведений, в которых проявляются шекспировские аллюзии, является патриархальный социально-экономический строй, характерный для русского общества XIX в., именно на фоне которого раскрывается сюжет английской драмы. Во-вторых, конфликт между отцами и детьми универсален по сути своей и актуален в любом обществе, особенно, «в переходные между формациями периоды, когда старые ценности вступают в конфликт с новыми» [Банерджи 2016: 302]. В данном контексте это столкновение феодальных патриархальных норм с новым капиталистическим сознанием, где господствуют деньги, разрушающие все естественные связи между людьми.

Соотношение повести Тургенева с пьесой английского драматурга привлекло к себе внимание современников сразу после её публикации. Основываясь на художественном опыте Шекспира, Тургенев создал своеобразную драму «русского Лира» на собственном национальном материале. Работая над повестью, он писал Анненкову: «...погружаюсь с головою в волны давно мною уже покинутой русской жизни. Ничего: иные грязны, а все-таки я доволен» [Тургенев 1982: 204]. Погружаясь в воспоминания о прошлой, привычной для него русской жизни, писатель обнаруживал тёмное и позитивное начало в самом национальном типе с помощью шекспировской образности, уделяя особое внимание психологии личности и изменениям в её

духовном мире, обусловленным переходным состоянием русской общественно-политической и повседневной жизни, и стремился через это глубже постичь современность. Для писателя было важно не сюжетная близость к «Королю Лиру», а то, что в этом «вечном образе» обнаруживаются коренные свойства человеческой природы, которые нашли самобытное, иногда даже искажённое воплощение в русском степном помещике и характеризуют некоторые существенные особенности нации. И всё это позволяет говорить о психологической сложности главного героя, о его властности, чувстве человеческого достоинства, его иррациональности и стихийности, раскрытие которой связано, с одной стороны, с рефлексией над национальным, а с другой, с лировской ситуацией, приобретающей всечеловеческий смысл.

Литература

Страхов Н. Н. Последние произведения Тургенева // *Заря*. 1871. № 2. Критика. С. 27.

Банерджи Р. «Король Лир» У. Шекспира: переосмысление сюжета и вечных образов в русском и индийском литературном пространстве XIX века // *Знание. Понимание. Умение*. 2016. № 3. С. 293–305.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М., 1982.

«МУРАВЬИНАЯ» ТОПИКА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ТОЛСТОГО И Ф. ДОСТОЕВСКОГО THE "ANT" TOPIC IN THE WORKS OF L. TOLSTOY AND F. DOSTOEVSKY

Нагина Ксения Алексеевна

профессор, Воронежский государственный университет

«Муравьиная» топика в творчестве Толстого и Достоевского имеет общие корни: это устойчивый символ утопии и антиутопии в европейской литературе. В «Записках из подполья» муравейник соединяется у Достоевского с наукой и формулами «рациональных истин». Эти мысли Достоевский продолжает развивать в «Дневнике писателя» за сентябрь–ноябрь 1877 г. «Метафора “муравейника”, на протяжении всего творчества Достоевского неизменно ассоциировалась в социалистическом (коммунистическом) устройством общества как тоталитарная модель социума» [Ипатов 2002: 31]. Изначальная «семантическая разноголосица» в функционировании топосов «муравья» и «муравейника» позволяет Л. Н. Толстому наполнять их смыслами, противоположными смыслам Достоевского. Эти топосы включаются писателями в очень близкие контексты, выявляя очевидные несовпадения во взглядах.

Одним из таких общих контекстов является тема масонства. Масонская «тайна муравья», которая «мерещилась» Достоевскому, у Толстого осмыслялась как идеал «муравейных братьев», «льнущих любовно друг к другу под всем небесным сводом всех людей мира» [Толстой 1978–1984: 10, 427]. Муравьи фигурируют у Толстого в тех же контекстах, что и пчелы. В этом смысле особенно показательны два описания Москвы в романе «Война и мир»: первое — опустевшей Москвы в эпизоде, когда Наполеон ждет «депутацию» у ворот города, и второе — разоренной Москвы, куда после отступления французов возвращаются люди. Оба описания связаны с толстовской концепцией истории как «бессознательной, общей, роевой жизни человечества». В первом случае писатель использует образ улья, во втором — муравейника.

Особенно часто муравьиная топика появляется у Толстого в публицистических и религиозно-философских текстах 1880–1890-х гг. В трактате «О жизни» появляется метафора перевернутого муравейника, построенного потерявшими ориентир насекомыми. Эта метафора поддерживает рассуждения писателя о безумии «нерабочего сословия», которому по происхождению принадлежит он сам. На место «инстинкта животных» «механический» социализм в интерпретации Достоевского подставляет науку, но «общество невозможно сконструировать согласно чьим-то намерениям и пожеланиям, выраженным в виде социальной теории». Научные теории в организации общества отрицает и Толстой. В трактате «Так что же нам делать?» он отвергает позитивистские построения. И здесь видно, как сходятся между собой Толстой и Достоевский, оба отталкиваясь от метафоры «безошибочного муравейника» с основанием в науке, абсолютно невозможным для построения свободного человеческого сообщества. В основе такого сообщества, по Достоевскому, может лежать «славянская идея», способная привести людей к согласию. Ее фундаментом является православная вера. О вере говорит и Толстой. При всех кардинальных разногласиях, касающихся вопросов веры и православия, мыслители сходятся в одном: невозможно построить справедливое общество рациональным путем, в основе его должен лежать свет нравственных истин и «идеал Христа», который, повторюсь, писатели понимают по-разному. И в этом контексте неожиданно образ муравейника у Толстого, равно как у Достоевского, приобретает негативный характер: «Может быть, что все это так нужно и свойственно людям, как свойственно муравьям жить в муравейниках, пчелам в ульях, и тем и другим воевать и работать для исполнения закона своей жизни. Но сердце человеческое не верит этому» («Воззвание») [Толстой 1928–1958: 27, 541].

На этом схождения не заканчиваются. Образ муравейника появляется у Достоевского в «Дневнике писателя за 1877 год» в третьей главе «Анна Каренина» как факт особого значения». Достоевский утверждает, что роман Толстого — это тот «факт», который может «отвечать за нас Европе». И дело не в том, что с «Анной Карениной» не сможет сравниться не один современный европейский роман, а в том, что он «составляет нашу особенность перед

европейским миром». Идея этого мира состоит в «научной разработке» «единительной силы человечества в общежитии». И вот здесь Достоевский обращается к образу муравейника: «...ждут будущего муравейника, а пока зальют мир кровью» [Достоевский 1972–1990: 25, 201]. «...Никакой муравейник, никакое торжество “четвертого сословия”, никакое уничтожение бедности, никакая организация труда не спасут человечество от ненормальности, а следовательно, и от виновности и преступности». «Зло, — продолжает Достоевский, — таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей окончательных, а есть Тот, кто говорит: “Мне отмщение и аз воздам”». А любой «судья человеческий» должен прибегнуть только к «Милосердию и Любви», что гениально показывает «сцена смертельной болезни героини романа» [Достоевский 1972–1990: 25, 202]. Как известно, в своем романе Толстой, безусловно, выступает против основ европейской цивилизации, что и привлекает Достоевского. И для него Европа превращается в рационально устроенный «безошибочный муравейник», поэтому все цивилизационные достижения в романе служат метафорикой для обозначения гибельности европейского пути. Толстой обращает Левина к народу, который сохраняет и передает «крестьянскую» — в контекстеромана «христианскую» — традицию, которую и должна утвердиться в основе особого русского пути. На этом примиряются оба писателя, по-разному, однако, понимающие этот путь и его перспективы.

Литература

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972–1990.

Ипатова С. А. «Муравейник» в социальной прогностике Платонова и Достоевского // *Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Книга 4.* СПб., 2008. С. 22–38.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л., 1928–1958.

Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1978–1984.

ТЕОРИЯ «СНОТВОРЧЕСТВА» А. Л. БЕМА И ПОЭТИКА РАННЕГО ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Чжу Цзинжу

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В нашем исследовании анализируется теория «снотворчество» А. Л. Бема и рассматривается соотношение этой теории и поэтики раннего творчества Достоевского. Объектом исследования является теория «снотворчества» Бема, а предметом — ранние произведения Достоевского («Хозяйка» и «Двойник»). Слово «сон» присутствует в названии трех произведений Ф. М. Достоевского («Дядюшкин сон», «Петербургские сновидения в стихах и прозе», «Сон смешного человека»), а в других романах и повестях писателя герои также видят те или иные сны. Поэтика снов всегда была и остается популярной темой исследований многих достоевсковедов, например, И. Д. Ермакова, П. С. Попова (Москва), Н. Е. Осипова (Прага). Кроме того, эта тема вызвала в истории большой интерес у психологов. Так, Фрейд заинтересовался творчеством Достоевского и предложил психоаналитическую оценку снов в «Братьях Карамазовых». Исследователи проводили анализ образов снов и сновидений героев Ф. М. Достоевского с разных точек зрения, например:

- 1) соотнесенность снов с романной явью;
- 2) литературные источники снов;
- 3) организация повествовательных стратегий в текстах о сновидениях;
- 4) определение смысловой значимости образов снов или сновидений;
- 5) организация пространственно-временных отношений в снах (М. М. Бахтин, С. В. Белов, А. В. Подчинова, Ю. Ф. Карякин, Г. К. Щенников, Э. М. Румянцева).

Работы А. Л. Бема составляют целый этап в истории интерпретации поэтики образа сна в творчестве Достоевского. На них опираются многие достоевсковеды. Но работы А. Л. Бема в настоящее время требуют современного научного изучения и теоретического осмысления. Бем пытался вскрыть в «произведениях-снах» Достоевского тайну личности писателя. В статье «Тайна личности Достоевского», опубликованной в 1923 г., ученый пишет, что «в образах романов Достоевского создавалась другая жизнь, более реальная, чем его внешняя “каторжная”». Эту вторую, единственно подлинную его жизнь можно постичь только через его произведения, в которых объективирован второй, глубинный ток его жизни» [Бем 1923: 185]. В той же статье Бем подробно рассмотрел соотношение внутренних желаний писателя и событий его биографии, сознания и подсознания, «Я» сновидца и своего «Я».

Что такое теория «снотворчества»? Ученый отметил, что в Достоевском рано проявилось психическое «неравновесие» между внешней и внутренней жизнью, что привело к замкнутости писателя на своем внутреннем мире, в результате чего он был не раз на грани сумасшествия. «Но его спасла не “кошачья живучесть”, как он думал, а его необычайная творческая сила» [Бем 1923: 185]. Ученый подчеркивал, что «общие черты между творчеством и сновидением у Достоевского выражены особенно выпукло и ярко» [Бем 1923: 186]. Бем выдвинул тезис: «Не объяснение творчества через познание жизни, а воссоздание жизни через раскрытие творчества — вот путь к познанию тайны личности Достоевского» [Бем 1923: 185].

Позднее, в этюде «Психоанализ в литературе» (написанном в виде предисловия к книге «Достоевский. Психоаналитические этюды»), Бем сформулировал следующую мысль: «Вывод, к которому я пришел на основании анализа ранних произведений Достоевского, можно обобщить в формуле: Достоевский раннего периода — снотворец? Что это значит для меня, как историка литературы? Я полагаю, что Достоевский в своем раннем творчестве использовал — сознательно или бессознательно — механизм снотворчества и галлюцинативного состояния. Ясно, что здесь я должен был столкнуться с учением Фрейда о “снотворчестве”, о прорыве во сне из подсознательного наших скрытых, вытесненных “цензурой” желаний. Сделайте еще шаг

дальше в обобщении — посмотрите на творчество Достоевского как на постоянное устремление вырваться за пределы реального данного мира в мир идеальный, как на стремление утвердить свое идеальное “я” над “я” индивидуальным, учтите силы, тормозящие это стремление, вытекающий отсюда пафос борьбы, и целый ряд явлений чисто художественно-стилистических станет вам ясным. В частности, нам не уйти от таких чисто психоаналитических проблем, как “двойничество”, как “эдипов комплекс”, так ярко выраженных, напр., в “Хозяйке”, как понятие “ущемленности” и т. п. Раз мы признали неизбежной задачу реконструирования творческой личности художника, то это требует такой степени психологического обобщения, при которой без помощи психоанализа обойтись невозможно» [Бем 2001: 254]. И цель данного исследования заключается именно в том, чтобы в контексте теории «снотворчества» проанализировать поэтику снов в раннем творчестве Достоевского, при помощи анализа художественно-стилистических средств его произведений описать внутренний мир писателя, механизмы его мышления.

Литература

Бем А. Л. Тайна личности Достоевского // Православие и культура. Берлин, 1923. С. 181–1962.

Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе / сост. С. Г. Бочарова; предисл. и коммент. С. Г. Бочарова и И. Сурат. М., 2001.

ЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА А. П. ЧЕХОВА В ПОВЕСТИ «ЧЕРНЫЙ МОНАХ»

Лю Сяоя

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В последнее время возрос интерес литературоведов к изучению цветописи в творчестве писателя. Например, Г. А. Путилова показывает, что мотивы любви, света, жизни и смерти в сочетании с цветовой символикой важны для понимания прозы писателя [Путилова 2019]. А. Г. Головачева убедительно демонстрирует на примере рассказа Чехова «Невеста», как цветовые особенности и образы запахов выражают основные авторские мысли [Головачева 2011]. По мнению Н. М. Абиевой черный цвет играет важную роль в детали одежды. Черный цвет в разных произведениях Чехова имеет вариантное значение, например, в повести «Степь» черный цвет символизирует красоту и загадочность, а в повести «Три года» он подчеркивает некрасивость героинь [Абиева 2017]. Проблема цветописи у Чехова будет рассмотрена нами на материале повести «Черный монах». В повести многократно встречаются три основных цвета — красный, белый и черный. Черный символизирует смерть, страдание, скорбь, зло. Черный в основном присутствует в этой повести в портретах персонажей и в пейзаже — («стлался по земле черный, густой, едкий дым»), — в портретах персонажей (например, таких, как портрет черного монаха — («Тысячу лет тому назад какой-то монах, одетый в черное»), или во внешности Тани). Акцент на черном цвете в портрете героини («с тонкими черными бровями») инициирует неоднозначное ее восприятие читателем. Белый цвет традиционно означает чистоту, невинность, безупречность, истинность или честность. Белый цвет в повести используется в описании лиц персонажей и деталей. Бледное лицо показывает слабое физическое состояние персонажей — у Тани («Но какое бледное, страшно бледное, худое лицо!»), а обрывки белой бумаги, разорванные Тани в конце повести, также имеют символическое значение — неудавшаяся жизнь. Красный цвет символизирует такие важнейшие для человека понятия, как жизнь, сила, энергия. В повести красный цвет отражает состояние здоровья Тани — («Он никогда бы уж не мог полюбить здоровую, крепкую, краснощекую женщину») и внутренние эмоциональные колебания («начал он шутливо, с удивлением глядя на заплаканное, покрытое красными пятнами, скорбное лицо Тани»), красный, представленный кровью, предвещает смерть Коврина («Он видел на полу около своего лица большую лужу крови»). В творчестве использование писателем цветовых контрастов и изображение перехода одного цвета в другой: бледный — красный, что способствует показу, наряду с подвижностью лица Тани, внутреннего её напряжения. — («Он никогда бы уж не мог полюбить здоровую, крепкую, краснощекую женщину, но бледная, слабая, несчастная Тани ему нравилась»). Также в докладе рассматривается сочетание разных цветов. (например, во внешности черного монаха бледный — черный: («бледное лицо и черные брови»). При этом, восприятие контрастного сопоставления цветов сильное эмоциональное воздействие на читателя, раскрывая тяжелое сложное психологическое состояние главного героя. Кроме того, с помощью цветов автор воздействует на глубины подсознания и читающего текст читателя.

Вместе с тем, в докладе продемонстрировано, что цвет в повести помогает раскрытию внутренних переживаний и эмоционально-психических состояний персонажей. Например, синий цвет символизирует внутренний мир Коврина, его одиночество, отчаяние, и предвещает его смерть. Коврин умирает в Крыму, на морском побережье, в окружении синих тонов: («Бухта, как живая, глядела на него множеством голубых, синих, бирюзовых и огненных глаз и манила к себе»).

В результате, сделаны выводы о функции цвета в повести Чехова, цвет выполняет в повести следующие разные функции таково: выражение внутреннего мира персонажей (красный цвет лица — признак здоровья Тани, тревожное состояние героини); выделение изображения персонажей (в портретном описании персонажей выделяется относительное прилагательное черный — тусклый неживой цвет, а постоянные цветовые определения Тани — бледный и черный: черные глаза на бледном лице); передача чувства («и красные пятна выступили у нее на

лице» — нервный от радости и застенчивости Тани). Таким образом, чёрный, красный и белый цвета играют необходимую роль в повести, чёрный цвет изображает характер и окружение чёрного монаха, и в то же время передает психологическое состояние Коврина. Помимо выражения значения жизненной силы и здоровья в традиционном смысле, красный цвет выражает нервные перепады настроения Тани и предвещает смерть Коврина. Белый символизирует чистоту героини, а также бледность и слабое физическое состояние персонажей. Поэтому благодаря неоднозначности цветовой символики автор использует цветовые оттенки для создания психологического портрета персонажа и отражения внутреннего мира.

Литература

Головачева А. Г. Цвета и запахи в рассказе А. П. Чехова «Невеста» // Литература в школе. 2011. № 3. С. 8–10.

Путилова Г. А. Символика цвета в прозе А. П. Чехова // Юность Большой Волги: Сборник статей лауреатов XXI Межрегиональной конференции-фестиваля научного творчества учащейся молодежи. Чебоксары, 2019. С. 156–160.

Абиева Н. М. Костюмные «переклички» в поздней прозе А. П. Чехова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3. С. 84–92.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8. М., 1977.

ТЕМА ИГРЫ В «ПИКОВОЙ ДАМЕ» А. С. ПУШКИНА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

Чжан Хуэйминь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Тема игры, прежде всего, карточной игры получила широкое распространение в русской литературе, причем она приобрела популярность после публикации пушкинской повести «Пиковая дама». В докладе анализируются «Маскарад», «Герой нашего времени» и «Штосс» М. Ю. Лермонтова, «Игроки» Н. В. Гоголя, «Мартингал» В. Ф. Одоевского, «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого, «Винт» А. П. Чехова, «Большой шлем» Л. Н. Андреева.

В данных произведениях выявляются черты и мотивы, характерные для «Пиковой дамы», и определяется степень влияния повести на поэтику, стилистику и мотивы анализируемых произведений. В докладе рассматриваются мотивы искушение, выигрыш и проигрыш, судьба, а также образы двойников, возлюбленных и шулеров. Хотя сюжеты, персонажи, смыслы произведений могут меняться, общие характерные черты прослеживаются у всех «игровых» произведений, и они ведут свое происхождение от «Пиковой дамы». Парадигмальность личности и творчества Пушкина для русской культуры делает тему исследования актуальной и в XXI в. Вся русская литература от XIX в. до сегодняшних дней является продолжательницей пушкинской традиции и заключает в себе те или иные черты произведений Пушкина. Результаты данного исследования помогут лучше понять эволюцию русской «игровой» литературы.

В докладе посредством анализа произведений русской «игровой» литературы XIX в. исследуется роль, которую в формировании поэтики этого типа произведений играла повесть А. С. Пушкина «Пиковая дама». В исследовании в типологической последовательности проводится анализ таких произведений, как «Маскарад», «Герой нашего времени» и «Штосс» М. Ю. Лермонтова, «Игроки» Н. В. Гоголя, «Война и мир» и «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого, «Мартингал» В. Ф. Одоевского, «Большой шлем» Л. Н. Андреева, «Винт» А. П. Чехова. В повести «Пиковая дама» присутствует ряд мотивов, которые перешли и в другие произведения русской классики. Следует выделить такие мотивы, как искушение, выигрыш и проигрыш и судьба.

Мотив искушения появляется уже в первых главах «Пиковой дамы», Стремление во что бы то ни стало узнать тайну трех карт Пушкин использует как метафору искушения и азарта карточной игры. Через мотив искушения карточные игры, достаточно характерные для русского дворянского быта XIX века, превращаются у Пушкина и в целом в русской литературе в экстраординарное событие, связанное с моральным выбором главного героя.

Вслед за мотивом искушения следует мотив выигрыша и проигрыша. Большинство героев начинает играть ради получения чего бы то ни было в качестве выигрыша, что в целом характерно для азартных игр (важно отметить, что коммерческие игры, описанные у Одоевского, Чехова и Толстого («Хаджи-Мурат», сцена игры в доме Воронцова) не имеют данного характерного признака).

Чаще всего этот выигрыш воспринимается как нечто судьбоносное, способное изменить жизнь героя: чем больше куш, тем сильнее искушение. Это богатство могло бы изменить его жизнь и социальный статус. Говоря о случайности выигрыша и неизбежности смерти, мы подходим к, возможно, самому частому мотиву, характерному для «игровых» произведений — мотиву судьбы, высших сил и потустороннего мира, «катастрофичности для человека мистического опыта». Азартная игра как попытка бросить вызов судьбе, то есть вызвать на поединок потусторонние силы, появляется именно у Пушкина. Можно утверждать, что в игровых произведениях русской литературы присутствует сильное влияние поэтики «Пиковой дамы» Пушкина. Писатель задал не только определенные стандарты, но и в целом популяризовал игровую тему в русской литературе. «Пиковую даму», как и «Евгения Онегина», в некоторой степени можно назвать «энциклопедией русской жизни», современной Пушкину, когда азартные игры были крайне популярным времяпрепровождением.

К теме игры, как одной из характерных для русского общества XIX века, обращались многие писатели, и все они в той или иной степени переосмыслили «Пиковую даму». В некоторых случаях мы можем видеть достаточно точное Повторение пушкинских сюжетов («Штосс»), в некоторых — пародию («Игроки», «Мартингал»), в более поздних произведениях — глубокое переосмысление пушкинских мотивов и стилистики («Игрок», «Большой шлем»). Поэтика «Пиковой дамы», например, эпитеты, связанные с мистической характеристикой карт и в целом азартных игр, мотив судьбы, метафора с отказом от любовной страсти ради страсти азарта, система двойников — переходит из произведения в произведение на протяжении всего XIX в. Хотя сюжеты, персонажи, смыслы произведений могут изменяться, общие характерные черты прослеживаются у всех игровых произведений, и ведут свое происхождение они от «Пиковой дамы» Пушкина.

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ С. Я. МАРШАКА «ОТРЯД»

Гуськов Николай Александрович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В прошедшем 2022 г. исполнилось 100 лет пионерской организации, между тем разработка пионерской темы советскими писателями, даже наиболее видными, исследована еще недостаточно. В творчестве С. Я. Маршака (в отличие от многих современных ему авторов — В. В. Маяковского, Н. Н. Асеева, А. Л. Барто, С. В. Михалкова и др.) эта тема представлена довольно скудно, преимущественно в стихотворениях на случай позднего (московского) периода (1940–60-х гг.) Едва ли не самым значительным остается первый опыт изображения пионеров — стихотворение «Отряд» Отрывок из него Маршак поместил в № 22 журнала «Дружные ребята» за 1927 г. (воспроизведен в книжке «Веселый час» (Л., 1930) с иллюстрациями В. В. Лебедева). В феврале 1928 г. произведение напечатано в самом первом номере «Ежа» с рисунками Н. А. Тырсы. До 1938 г. оно вышло еще не менее 8 раз, а затем при жизни автора не переиздавалось и, несмотря на несколько посмертных публикаций, настолько забыто, что минимально искаженный отрывок из него в Интернете некий Владимир Марин безнаказанно опубликовал под своим именем [<https://stihi.ru/2012/11/29/5275>. Дата обращения: 01. 11. 2022]. Необычная издательская судьба текста нуждается в изучении. Частые публикации в первые годы демонстрируют высокую востребованность произведения либо публикой, либо официальными кругами, видевшими в книжке полезное средство идеологического воспитания, либо обеими указанными группами. Полное исчезновение книги из читательского обихода может свидетельствовать либо о временных (снятых не позднее 1968 г.) цензурных запретах, связанных с изменением идеологических установок, либо неудовлетворенностью самого писателя плодами своего труда.

«Отряд» напечатан в период борьбы с чуковщиной и маршаковщиной и, видимо, заметно ослабил критические атаки против поэта, демонстрируя его готовность откликнуться на актуальные, с официальной точки зрения, темы. Это благосклонно отметили критики [Чупырина 1930. С. 15; Трифонова 1931. С. 39]. Сторонники формального метода указали также на экспериментальность приемов, использованных писателем [Бухштаб 1975. С. 80]. Однако в большинстве статей, в том числе в наиболее подробной рецензии на книжку [Болотин 1933], при всех похвалах говорится о ее идеологической ущербности, в наше время не очевидной. Следуя своей обычной установке, Маршак при переиздании перерабатывал «Отряд», как и все другие произведения, отчасти прислушиваясь к суждениям критики, отчасти добываясь полного осуществления собственных творческих замыслов. Имеется 5 авторских вариантов: журнальный (О-журн.); первое отдельное издание (О-1928), воспроизведен в 1930 и 1931 гг.; редакция с новым обширным финальным эпизодом (О-1930); последнее отдельное издание (О-1933); включенный в первый большой сборник поэта «Стихи, сказки, загадки» (О-1935).

Общая структура всех вариантов аналогична. Остраненное описание заглавного героя (пионерского отряда, изображенного как единое существо) состоит из следующих частей: 1) имя; 2) внешность; 3) место обитания; 4) занятия. Наибольшим изменениям подверглась последняя часть, эпизоды которой, описывающие труд и досуг отряда, менялись местами в разных вариантах, начиная с О-1930 финальной стала сцена вечернего сбора у костра. Правка отдельных строк первых трех частей стихотворения отражает те же тенденции, но больше не на тематическом, а на стилистическом и идейном уровне.

В пионерском движении поэта привлекает единение детей в коллективном труде и отдыхе, которое приобретает внешне игровые, праздничные и, в результате, органично народные, архетипические формы, содержащие внутри мощный потенциал творческого и полезного пре-

ображения природы и общества. Традиционный топос «великое в малом» (позднее шутливо обыгранный и в других текстах о пионерах — «Старше моря, выше леса» и т. п.), гуманистический утопизм педагогической системы Маршака эффектно и увлекательно маркированы формальными приемами на всех уровнях текста. Вместе с тем собственно большевистская, коммунистическая идеология никак не отражена в тексте, если не считать двусмысленно иронического краткого пересказа тематики выступления пионервожатого в О–1930, О–1933 и О–1935. Не упоминается даже повседневная символика (галстуки, лозунги, салют и т. д.), вследствие чего стихотворение приобретает во многом вневременный смысл и может быть отнесено к любому детскому коллективному игровому движению, не исключая скаутского или того, которое можно наблюдать в спортивных и туристических организациях наших дней.

В докладе анализируются авторские попытки одновременно удовлетворить, насколько возможно, требования идеологической критики и сохранить творческий замысел и собственную художественную манеру и позицию по отношению к пионерской организации, которая была тогда еще новым, формирующимся общественным явлением, массовой, но не общеобязательной формой жизни подростков. Исчезновение «Отряда» из печати после 1938 г. показывает, что совместить эти тенденции в полной мере оказалось невозможным. Кратко охарактеризованная выше специфика текста показывает, что несмотря на долгую недоступность публике и малую известность, сам по себе он сохраняет эстетическую суггестивность и идейную актуальность.

Литература

Болотин С. Лирический силуэт пионерии // *Детская и юношеская литература.* 1933. № 9. С. 14–15.

Бухштаб Б. Я. Поэзия Маршака 20-х годов // *Жизнь и творчество Маршака.* М., 1975. С. 70–80.

Трифонов Т. Революционная детская книга // *Детская литература: критический сборник* / под ред. А. В. Луначарского. М., 1931. С. 22–42.

Чупырина Л. А. Производство детской книги за 1929 г. // *Книга — детям.* 1930. № 23. С. 7–16.

«РАННИЙ» ЗОЩЕНКО

«EARLY» ZOSHCHENKO

Балашова Юлия Борисовна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

В ранний, так называемый «рукописный», период творчества М. М. Зощенко (охватывающий 1914–1920 гг.) формируется основополагающее свойство его поэтики, связанное с единением повседневно-бытовой (традиционно находящейся в поле зрения исследователей) и экзистенциальной проблематики. В качестве лейтмотивной бытийственной темы мы выделяем сквозную для Зощенко на всём протяжении его творческого пути тему судьбы и случая [Балашова 2014].

Зощенко начинает творческий путь, обращаясь главным образом к жанровой традиции небольшого рассказа, сценки и философской сказки. Ранние рассказы писателя ориентированы на жанр сценки «классического» типа, где «что-то случается», и на короткий чеховский рассказ, в котором «ничего не происходит»; Зощенко осваивает полярности в разработке сюжета. Центральная категория случая реализуется в качестве сюжетной категории события. В трансформированном виде, но сохраняя свои основные черты, тип «классической» лейкинской сценки получает широкое распространение в юмористической журналистике начала XX в.; к лейкинской сценке во многом восходит беллетристика «Сатирикона», оказавшая влияние на сатирические рассказы писателя. Генетически с этим типом сценки связана большая часть ранней прозы Зощенко. Жанровую специфику сценки исследователи определяют через категорию события: «...лейкинская сценка, — пишет А. П. Чудаков, — тяготеет к “рассказу о каком-либо происшествии”» [Чудаков 1986]. С позиций типологии жанра, правомерно выделять «бесфабульный рассказ-сценку» (название А. П. Чудакова) и фабульную сценку. Сюжетное построение сценки первого типа связано, как правило, с кумулятивным нанизыванием событий (статические мотивы). В фабульной сценке выделяется ключевое событие, сводимое к одному динамическому мотиву. Оно происходит внезапно и обычно носит анекдотический характер (как, например, в сценке Лейкина «В сквере», в которой старичок-ловелас оказывается «вашим превосходительством»).

В ранних рассказах Зощенко «Двугривенный», «Разложение», «Конец», «Актриса», «Мещаночка» выделяется ключевое сюжетобразующее событие, представленное как недоразумение (например, старуха в церкви наклоняется за двугривенным, но это оказывается плевок). Как и в фабульной сценке, основное сюжетобразующее событие сдвинуто у Зощенко к финалу, но в отличие от сценок обоих типов заключительные фразы рассказов описывает не внезапность или масштабность случившегося, а реакцию самих героев на то, что с ними произошло: «— Искушение, прости господи!» [Лицо и маска Михаила Зощенко 1994: 42]. Концовка обозначенных ранних рассказов писателя значительно смягчает однозначность завершающего события. В редукции результативности финального события проявляется жанровое «движение» в ранней прозе Зощенко: от лейкинской сценки к чеховскому по преимуществу короткому рассказу. Специфику сюжета чеховского рассказа, где «ничего не происходит», исследователи прочно соотносят с особенностями события, оказывающегося «нерезультативным». Такой тип сюжета в существенно модифицированном виде типологически близок сюжетам второй группы рассказов Зощенко («Подлец», «Как она смеет...», «Сосед», «Муж»).

Литературная сказка начала XX века — явление неоднородное: это и сказка, стилизованная под фольклорную, сказка-притча, сказка-новелла, философская сказка. Для литературной философской сказки и новеллы типичным оказывается комплекс бытийственных вопросов о мире и человеке; в отличие от новеллы, в философской сказке они могут быть сформулированы прямо, непосредственно. Героями философских сказок Зощенко (не лишённых нищенских мотивов) без всякой внешней видимой причины овладевает желание пережить то, что принято называть «Счастьем», «Жизнью», «Новым»: «...что такое ЖИЗНЬ? Где же сущность

и где счастье?» [Лицо и маска Михаила Зощенко 1994: 43]. В этом своём стремлении герои сталкиваются с непостижимой тайной жизни: «В молчании подавленном и таинственном король вдруг стал понимать какую-то огромную тайну, какая-то мысль, будто рождённая в глубине души его, мелькнула, расширилась и снова замерла где-то. Это мысль о какой-то тайне жизни: она чуть коснулась его нежного человеческого мозга и пропала бесследно. Будто мозг не мог принять её. И почувствовал король, что есть какая-то тайна, но о ней НЕЛЬЗЯ даже думать. Её знают только боги» [Лицо и маска Михаила Зощенко 1994: 60–61].

Наряду с «тайной жизни» в ранних текстах писателя встречается и другое прямое поименование — «судьба». Так, в статье 1919 г. о Блоке именно судьба выступает основным критерием для описания пути поэта: «Он даже поэтом стал как-то помимо своей воли. Судьба, Рок, Кисмет распорядились его жизнью...» [Неизданный Зощенко 1976: 78]. Именно в ранний период, впервые и отчётливо, категория судьбы и случая начинают маркировать идиостиль писателя, связывая затем лейтмотивом тексты «первичные» (вплоть до поздних: автобиографической повести «Перед восходом солнца», документальных «Рассказах о партизанах» и др.), «вторичные» (критические статьи, письма, публичные выступления, устные высказывания), а также повседневные бытовые практики.

Литература

Балашова Ю. Б. Тема судьбы и случая в творческой эволюции М. Зощенко // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014.

Лицо и маска Михаила Зощенко. М., 1994.

Неизданный Зощенко. Ann Arbor, 1976.

Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М., 1986.

ПОЭТИКА СЛОМАННОГО: ДЕФОРМАЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ И СЛОМАННЫЕ ВЕЩИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. НАБОКОВА

THE POETICS OF THE BROKEN: THE DEFORMATION OF CORPOREALITY AND BROKEN THINGS IN NABOKOV'S WORK

Николаева Екатерина Геннадьевна

доцент, Новосибирский государственный педагогический университет

Деструкция телесности и сломанные вещи представлены у Набокова в поэтических текстах («Кубы», «Ночные бабочки», «Я думаю о ней, о девочке, о дальней...»), пьесах («Полюс»), в рассказах («Удар крыла», «Катастрофа» и др.) и романах («Защита Лужина», «Подвиг», «Отчаяние», «Просвечивающие предметы» и др.).

В раннем творчестве писателя интересует «точка встречи» инобытия и земного мира (при совпадении с двоимирием символистов, природа этого двоимирия иная [Александров 2017]). Эта «встреча» оказывается драматичной. Так, в стихотворении «Кубы» она происходит в деформированном пространстве города (Ночь. Друг на друга дома углами // валятся. Перешиблены тени. // Фонарь — сломанное пламя), но искажено и пространство дома («В комнате деревянный ветер косит // мебель. Зеркалу удержать трудно // стол, апельсины на подносе»). Привычные законы мира перестают работать. Деструкции подвергнуты и герои стихотворения («И лицо мое изумрудно», «Ты — в черном платье, полет, поэма // черных углов в этом мире пестром. // Упираешься, траурная теорема, // в потолок коленом острым»). Картина искаженного мира («В этом мире страшном, не нашем, Боже») возникает из «опечаток» — слово творца искажено «наборщиками» («буквы жизни и целые строки // наборщики переставили»). Платоновская идея эйдектического мира и его искажения в «дурных» копиях, характерная в целом для творчества модернистов (прежде всего, символистов), очевидно, находит отражение и в этом стихотворении Набокова, но специфически преломляясь сквозь тютчевскую максиму — «мысль изреченная есть ложь». Призыв героя «сложим крылья, мой ангел высокий» демонстрирует невозможность полета, неискаженного высказывания для обоих. В рассказе «Удар крыла», где вновь появляется мотив зеркала как границы миров, единство героя с ангелом уже отменено: герой не может справиться с присутствием инобытия в своей жизни и прячет ангела в шкаф, ломая ему крыло («Керн, спеша, поволок его к шкафу, откинул зеркальную дверь, стал вталкивать, втискивать крылья в скрипучую глубину. Он хватался за ребра их, старался согнуть их, вдавить. Наконец, он крепко двинул дверь. В тот же миг изнутри вырвался раздирающий и нестерпимый вопль — вопль зверя, раздавленного колесом. Ах, он ему прищемил крыло»).

Эта деформация влечет за собой катастрофу — гибель Изабель, которая уподоблена в рассказе Икару — мифологическому герою, дерзнувшему преодолеть земное притяжение и уподобиться богам (характерна номинация «летучая Изабель»): «С легким свистом она скользнула по трамплину, взлетела, повисла в воздухе — распятая. А затем... на полном лету судорожно скорчилась и камнем упала...». Показательно, что и здесь катастрофа («— Не понимаю... Грудная клетка проломана...») передана через читаемые героем строки: «Ясно, как будто крупным почерком написанное, встало перед ним: мечь, удар крыла». Довольно явные лермонтовские реминисценции (демон и Тамара), безусловно, у Набокова приобретают дополнительные обертоны. Мечь ангела герою связана не с соперничеством в любви, а с неготовностью героя принять «контакт» с ангелом, страх, который делает невозможным творческую реализацию: текст письма (рассказа) не складывается: «Мой милый друг. Вот мое последнее письмо. Он, вероятно, живет на вершине, где ловит горных орлов и питается их мясом...». Спыхватился, резко вычеркнул, взял другой лист. «Мой милый друг, — быстро писал Керн, — она искала незабываемых прикосновений, и вот теперь у нее родится крылатый зверек...» А... Черт! Скомкал лист».

Полет как преодоление земного притяжения у Набокова часто связан с творческим даром [Николаева 2019]. Поэтому при изображении летающих существ акцентируется внимание на

сохранении или, напротив, деструкции крыльев («сломались крылышки» («Ночные бабочки»), с трудом летящая бабочка с бумажными крыльями («Просвечивающие предметы»)).

Телесная деформация нередко возникает в результате катастрофы, будь то прыжок с трамплина («Удар крыла») или автомобильная авария («Марк лежал забинтованный, исковерканный, лампа не качалась больше. Знакомый усатый толстяк, доктор в белом балахоне, растерянно урча, заглядывал ему в зрачки» («Катастрофа»). Ломка, деформация тела словно бы говорит о переходе тела в момент смерти в разряд вещей, отсюда — страх быть овеществленным («Ай, сломаешь!» («Подвиг»)). Но герои, наделенные даром (героическим, творческим и др.) «выпадают» в иное пространство, где «поломка», смерть отменяются («Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Подвиг») [Стрельникова 2015]. Герои, лишённые духовности, герои-марионетки отмечены признаками деформированной телесности («гротескного вида вдова», «задастая Грета» («Облако, озеро, башня»), зооморфности (зоологические образы в «Отчаянии»), прямых указаний на автоматизм, марионеточность («Король, дама, валет», «Приглашение на казнь», «Защита Лужина»).

Сломанные, деформированные вещи часто связаны с мотивом памяти (сломанная трубка, подарок Марты, который хранит Драер («Король, дама, валет»), сломанное весло в комнате студента-спортсмена («Подвиг»). Но сломанные предметы могут вызывать страх (Герман убеждает себя, что не боится их: «как не боюсь сломанных вещей, чего их бояться!» («Отчаяние»)). И этот страх может быть связан с тем, что любое творение рано или поздно распадается на атомы, из которых будет состоять новое существо или вещь.

Литература

Александров В. Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. М., 2017. 314 с.

Николаева Е. Г. Герой-сомнамбула в романе В. В. Набокова «Просвечивающие предметы» // Научный диалог. 2019. № 3. С. 176–191.

Стрельникова Л. Ю. Роман В. В. Набокова «Защита Лужина» как игровая модель шахматной гиперреальности // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2015. № 1.

СИГНАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ВНЕШНОСТИ В ДРАМАТУРГИИ М. А. БУЛГАКОВА 1920-Х ГГ.

Лян Вэйци

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Внешность имеет важное значение для Булгакова и его героев, поскольку вообще в процессе межличностного взаимодействия люди используют разные способы, чтобы определить, свой перед ними или чужой, а внешность служит важным опознавательным знаком, по которым осуществляется дифференциация. В пьесах Булгакова 1920-х гг. «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег» она выступает как маркер, сигнализирующий персонажам и зрителю, как относиться к тому или иному лицу. Однако, мы не будем рассматривать все аспекты этой проблемы, а ограничимся некоторыми наблюдениями. На влечение или неприязнь действующих лиц друг к другу, на их объединение в коллектив, противостоящий остальным, заметно влияют субъективные симпатии, в том числе и к внешности окружающих. Персонажи часто связывают наружный облик с внутренним миром человека и, исходя из этого комплексного представления, сближаются или устанавливают дистанцию с кем-либо. Например, в начале пьесы «Зойкина квартира», где восприятие сочетания физических и психологических качеств (гораздо больше, чем социокультурных и т. п.) влияет на взаимоотношения хозяйки квартиры и управдома. В военной среде, к которой принадлежат главные герои «Дней Турбиных», традиционно большое внимание уделяется физической форме, прежде всего именно по ней оценивают потенциального союзника и противника. Здесь культивируется и рыцарственное почитание женской красоты. Тождество внешней и внутренней красоты Турбиных и их ближайшего круга подразумевается, хотя прямо и не декларируется (подробно обсуждать достоинства мужской внешности в этой среде не принято). Косвенным подтверждением может служить роман «Белая гвардия» как претекст пьесы, где не раз упоминается, что Мышлаевский красив и привлекателен. В авторской ремарке в первом действии свидетельствует о том, что Шервинский также очень красив. Все члены турбинского дома заявляют себя поклонниками красоты, воплощением которой выступает для них Елена, а некрасивые внешне (а значит и внутренне) люди (Тальберг, Лисович и его жена) отторгаются ими как чужие. Поклоняющееся Елене ее окружение подчеркивает противоположность, несовместимость героини и ее мужа на основании их духовной несоразмерности, которая прежде всего выражается во внешнем их контрасте. Эстетический критерий при оценке личности присущ и персонажам «Зойкиной квартиры», поэтому столь важную роль приобретает для многих из них Алла Вадимовна, которую драматург охарактеризовал очень красивой. Отрицательные внешние и внутренние качества, вызывающие общее отторжение, прочно связаны и в этой пьесе, что видно на примере авторской характеристики Гуся как толстого, квадратного, лысоватого и наглого. Исходя из эстетических впечатлений, большинство действующих лиц прониклось доверием и к Херувиму, который очаровывает всех с первого взгляда. Важной особенностью внешности Херувима, позволившей стать «своим» человеком в зойкиной квартире, кроме «невинности», является и экзотичность. Монголоидные черты молодого слуги порождали определенные культурные ассоциации, напоминающие детские куколки и декоративные фигурки китайцев, часто украшавшие до революции интерьеры состоятельных домов. Созерцание Херувима погружало в атмосферу детства и праздника, давало ощущение безопасности и счастья. Создавая в советской Москве уголок псевдоаристократического Парижа, Зоя намеренно нанимает китайца для привлечения публики, падкой на модную экзотику. Впрочем, для Зои при установлении отношений с китайцами, расовый аспект служит не главным критерием идентификации. Её внимание привлекает именно психологические ассоциации, которые вызывает лицо Херувима. Не случайно, другой китаец Газолин у всех вызывает антипатию прежде всего из-за внешней непривлекательности. Аметистова как идеолога и дизайнера зойкиного предприятия черты лица, прическа и наряд Херувима интересуют также именно как этнический маркер. В «Беге» внешности персонажей, портреты которых сложнее, противоречивее, уделяется меньше внимания, но и здесь по ней судят о человеке. Хлудов от-

зывается о Голубкове, что последний производит приятное впечатление, основываясь лишь на его наружности. Мимолетная красота Люськи, находящейся в Константинополе, служит воплощением и духовной сущности, героини, и социально-бытового состояния (как порождение неутолимого голода, спутника нищеты). Болезненность присуща облику многих героев «Бега», эта черта вызывает отчуждение, но поскольку она не является неотъемлемой сущностью действующих лиц, то неприязнь к ним может сочетаться с состраданием. Чаще всего булгаковские персонажи используют по отношению к влекущим их к себе людям эпитет «симпатичный», положительно, но в умеренной степени характеризующий одновременно и наружный, и психологический портрет и причисляющий его обладателя к числу «своих». Особенно часто данная характеристика звучит в речи Мышлаевского. В «Беге» в той же функции, что слово «симпатичный» (также часто в ироническом смысле) используется оборот «искренний человек», уже лишенный связи с внешностью, но в данном контексте указывающий на принадлежность к душевно близкому сообществу. Таким образом, мы видим, что внешность служит идентификатором принадлежности человека к своим или чужим, диктуя героям в условиях острых конфликтных ситуаций определенное отношение друг к другу. Хотя это далеко не единственный маркер такого рода, но его очень важно учитывать при анализе текстов.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е. А. ЛЯЦКОГО ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА

PUBLISHING ACTIVITIES OF YE. A. LIATSKY AFTER THE OCTOBER COUP D'ÉTAT

Тимофеев Александр Генрихович

сотрудник, Издательский дом «Мирь»

Доклад является продолжением исследований автора по истории русской эмигрантской литературы и печати в Скандинавии (Финляндии): О неизвестных русских брошюрах, изданных в Финляндии (Русская литература. 2008. № 4. С. 207–213); Неучтенная брошюра «Устав общества Русская колония в Финляндии» (1918) в архиве Е. А. Ляцкого (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 486–495), а также [Тимофеев 2010: 1–1008] и др.

Архив историка русской и белорусской литератур, этнографа, критика, издателя Евгения Александровича Ляцкого (1868–1942), хранящийся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, почти не использовался исследователями русской эмиграции, в том числе теми, кто изучал русскую периодическую и книжную печать в независимой Финляндии. Обстоятельное, хотя не лишённое существенных недочётов обследование архива представлено в статье: [Шомракова 2002: 179–186]. Деятельное участие Е. А. Ляцкого в издании русской газеты «Северная жизнь» в этой работе лишь отмечено. Следующий печатный орган, к организации и выпуску которого был причастен Е. А. Ляцкий, газета «Русская жизнь», в статье не упоминается.

Между тем материалы по издательской деятельности Е. А. Ляцкого в Гельсингфорсе (Хельсинки), Стокгольме, а впоследствии и в Праге, сохранившиеся в его архиве, вполне достойны систематизации, комментирования и публикации в книге, подобно сохранившейся части редакционной переписки «Журнала Содружества» (1933–1938), см.: [Тимофеев 2010: 1–1008].

На сегодняшний день письма Е. А. Ляцкого по организации печатного и книжного дела в странах русского рассеяния практически не привлекали внимания ученых в рамках специально обозначенной темы, в то время как внушительные подборки хранящихся в Чехии писем к нему выдающихся корреспондентов уже увидели свет. Достаточно в этой связи указать на имена писателей Зинаиды Гиппиус, Дмитрия Мережковского, Марка

Алданова, Владислава Ходасевича, Александра Куприна, Ивана Шмелева, Бориса Зайцева, Ильи Эренбурга, ученых, философов и политических деятелей А. А. Кизеветтера, Н. О. Лосского, В. А. Мякотина, А. В. Соловьева, Е. Ф. Шмурло, Р. Ю. Виппера, К. Д. Набокова, В. Ф. Булгакова, А. В. Флоровского, чьи корреспонденции к Е. А. Ляцкому были напечатаны С. Н. Михальченко (см.: [Михальченко 2000а: 93–124; Михальченко 2000б: 286–301]). Публикации писем вышеперечисленных авторов стали ценным дополнением к публикациям писем к Е. А. Ляцкому — В. Я. Брюсова (1932), К. Д. Бальмонта (1975), Андрея Белого (1980; продолжение темы: 2002), И. А. Бунина (1993), переписки Е. А. Ляцкого с Максимом Горьким (1988) и др.

Материалы архива Е. А. Ляцкого в РО ИРЛИ, относящиеся к его издательской деятельности вне большевистской метрополии, проливают свет на немалые сложности организации русского печатного и книжного дела в неславянских странах — Финляндии, Швеции, Германии, Англии. Это проблемы книжных рынков, типографий, подготовки рукописей к печати и, наконец, визовые неурядицы их неутомимого соискателя... Если же перейти от общих соображений к выразительным деталям, то на важность для историков эмиграции пушкинодомского архива Е. А. Ляцкого может указать тот факт, что из него можно, к примеру, почерпнуть текст письма Е. А. Ляцкого к К. Д. Набокову, ответ на которое от 24 декабря 1920 г. из Лондона уже опубликован С. И. Михальченко двадцать три года тому назад...

Материалы архива Е. А. Ляцкого в РО ИРЛИ, относящиеся к издательской деятельности, можно условно разделить по странам его пребывания — Финляндия (газеты из п. 2), Швеция (издательство «Северные огни»), Чехословакия (издательство «Пламя»).

Начало издательской деятельности Е. А. Ляцкого в Скандинавии относится к его пребыванию в Гельсингфорсе (Хельсинки) в 1918–1920 гг. К этому периоду относятся не вводимые в научный оборот материалы, проливающие свет на создание газеты (и товарищества) «Северная жизнь» (1918–1919), и составленная ученым программа его следующего издания — ежедневной газеты «Русская жизнь». Осуществление этого проекта в задуманной Е. А. Ляцким форме стало невозможным вследствие конфликта в процессе редакционной работы: едва начавшееся на страницах «Русской жизни» сотрудничество с бывшим издателем газеты «Русский листок» профессором К. И. Арабажиным на страницах «Русской жизни» распалось очень быстро.

Проблемы ранних эмигрантских изданий в обретшей независимость Финляндии рассмотрены на основе ранее неизвестных архивных и ранее труднодоступных газетных материалов.

Обзор и анализ корпуса переписки и иных документов периода издательской деятельности Е. А. Ляцкого в Финляндии позволит существенно дополнить существующие представления об истории газет «Северная жизнь» и «Русская жизнь».

Литература

Шомакова И. А. «Северные огни» — издательство русского зарубежья и его создатель Е. А. Ляцкий. (По архивным материалам) // Книга. Культура. Общество: сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений. Т. 154. СПб., 2002. С. 179–186.

«Злая фея нас разделяет»: письма рус. писателей Е. А. Ляцкому, 1924–1930 гг. / публ. подгот. *С. И. Михальченко* // Исторический архив. 2000. № 5. С. 93–124. (а)

Михальченко С. И. Фонд Е. А. Ляцкого в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 286–301.

Редакционная переписка «Журнала Содружества» за 1932–1936 годы с приложением Полной росписи содержания журнала: из истории рус. эмиграции в независимой Финляндии / изд. подгот. *А. Г. Тимофеев*. СПб., 2010.

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ-МАТЕРИ В ЛИТЕРАТУРЕ 1920-Х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАССКАЗА АННЫ ВЕСНИНОЙ «КРЕСТ»)

Чэн Вань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Женская проблематика занимает важное место в литературно-историческом процессе начала XX в., являясь важным аспектом гендерных исследований в российских гуманитарных науках. Расширение гендерных дискуссий тесно связано с бумом литературных журналов, наблюдавшимся в эпоху НЭПа. Необходимо упомянуть один из самых обсуждаемых журналов «Красная Новь», сыгравший важную роль в литературных дебатах того периода. В журнале были изданы некоторые художественные произведения женщин-писательниц, такие как рассказы «Чемодан» (1921) и «Африканский брат» (1922) О. Форш, «Крест» (1922) А. Весниной, «В будний день» (1923) Л. Сейфуллиной и др. Рассмотрение творчества писательниц, сотрудничающих с названным журналом, помогает внести женскую перспективу в литературный процесс, обогащая представленные в литературе типы репрезентации образа женщины и их трансформацию в новую эпоху. Предлагаемый доклад посвящен недостаточно изученному творчеству Анны Весниной, одной из новых писателей-пролетариев эпохи НЭПа. Изложенные в нем наблюдения и выводы входят в более общее исследование женской проблематики журнала «Красная Новь». Анна Павловна Иванова-Веснина является второй женой писателя Всеволода Вячеславовича Иванова с 1922 по 1927 гг. В Петрограде начинается сотрудничество Весниной с «Ежемесячным журналом» («Журнал для всех»), журналом «Пламя». Продолжается активное сотрудничество со следующими изданиями: «Грядущее» (1921), «Красная новь» (1922), «Литературная неделя» (1922) [Челомбитко 2021]. В Петрограде в издательстве Пролеткульта выпущены ее две книги рассказов «Завидное житье» (1920), «Малые Маяки» (1921). В Харькове опубликована другая книга рассказов «Рассказы. Не слуга. Отец» (1922) [Рабоче-крестьянские писатели 1926: 17–18]. Особое внимание в докладе уделяется рассказу Весниной «Крест» и, в частности, изучению образа его главной героини — матери — и ее социального статуса, христианской веры, а также ее взаимодействия с другими, второстепенными, женскими персонажами. В основе рассказа находятся две главные темы — голод и холод. В нем изображена тяжелая жизнь семьи, живущей в подвале в начале 20-х гг. XX в. Героиня — Катерина Семеновна — переживает нехватку продовольствия и дров, терпит болезнь мужа и тяготы воспитания троих малолетних детей. Образ женщины-матери, переживающей голод, складывается в поведении героини, требующем стоять в длинной очереди за хлебом. Связанный с темой голода и холода мотив бедности отражается в изображении внешности героини и детей, а также интерьера их комнаты. Несчастливые семейные отношения и неизбежные семейные конфликты определяют трагический характер судьбы героини. Героиня относится к низшему социальному классу. Она была прислугой у какого-то барина в дореволюционный период. Бывший социальный статус героини определяет ее лояльное отношение к господам и ее покорное отношение к собственной судьбе. Героиня часто изображается сочувствующей, особенно по отношению к людям с прежде высоким статусом или богатым людям. Кроме этой героини, в рассказе представлены и другие женские персонажи. Среди них — принадлежащая к более высокому классу бывшая домовладельца Домна Антипьевна Скакунова. Образ этой представительницы купеческого сословия передается за счет ее снисходительного отношения к главной героине, неудовольствия к советским властям, а также ее чувства тоски по прошлому. Изображаемое в рассказе разрушение старого дома ее приятеля символизирует падение старого порядка. С этим возникает страх и неприятие персонажа возможной потери своего имущества. В рассказе появляется еще один образ женщины — взрослая дочь героини Дуня. Дуня репрезентирует новую концепцию свободной любви и свободного брака. Дочь героини представлена как работница, женщина нового типа. Автор выстраивает отчетливо разные образы старой и новой женщин, передавая их конфликтные отношения как противопоставление старой матери и молодой дочери в обычной семье. Образ героини как верующей формируется с помощью ее преданности кресту и посто-

янных молитв к Богу. Пренебрежение к себе в ее молитве контрастирует с почтением к Домне Антиповне. Героиня воспринимает образ Домны Антиповны не просто как благородную даму, но и как образец верующей христианки. «Крест» как важный символ, являясь в названии рассказа, встречается в тексте постоянно. «Крест» символизирует перенесенные героиней страдания, ее трагическую судьбу. Христианская вера героини-матери и неразрывно связанное с ней покровительственное отношение к представителям старого порядка заставляют ее с отвращением относиться к большевику как «безбожнику». Противопоставление христианской веры и коммунистической идеологии отражено в конфликтах героини с дочерью и ее женихом, коммунистом. В конце рассказа этот большевик играет роль помощника как приносящий дрова в дом героини и вносящий надежду в ее судьбу. Итак, в рассказе наблюдаются различные типы женских персонажей, принадлежащих к высшему классу (Домна Антиповна Скакунова), низшему классу (героиня — Катерина Семеновна), а также образ «новой советской женщины» (Дуня). Катерина и Домна выступают как верующая женщина и представительница защитника старого порядка. Конфликт между ними и дочерью героини осложняется в связи с противоположными ценностями старого и нового.

Литература

Веснина А. П. Крест // Красная новь. 1922. № 2. С. 87–99.

Рабоче-крестьянские писатели: библиографический указатель / сост. В. В. Львов-Рогачевский и Р. С. Мандельштам. М.; Л.: Изд. Общество, 1926. С. 17–18.

Челомбитко А. Н. Иванова-Веснина — жена Иванова. 2021. URL: <https://proza.ru/2021/11/11/1081?ysclid=lb6u4hu1rk423758344>

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ КАК ИСТОЧНИК МИРОВОЗЗРЕНИЯ И СЮЖЕТОВ ТВОРЧЕСТВА Е. И. ЗАМЯТИНА

Ян Лю

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

С момента первого приезда Е. И. Замятина в Петербург в 1902 и до его окончательного отъезда из страны в 1931 году Санкт-Петербургский политехнический институт всегда играл важную роль в жизни и творчестве автора «Мы», оказав глубокое влияние на его профессиональный путь (студент, затем преподаватель кораблестроительного факультета, один из создателей первых отечественных ледоколов), на формирование его мировоззрения как питавшая его среда, на проблематику и образный строй литературных произведений. Этот аспект биографии писателя уже рассматривался в ряде исследований: см. работы М. Ю. Любимовой, а также [Савина, Нечипоренко 1989; Брюханова 2008]. Однако тема не может считаться исчерпанной. Подключение контекста, краеведческих источников, ряда архивных материалов позволяет увидеть, насколько органично впечатления студенческих лет включены в самые глубинные уровни творческой системы Замятина. Важную роль в проекте, по которому был в 1902 создан столичный Политехнический институт, сыграли идеи С. Ю. Витте и князя А. Г. Гагарина о необходимости элитарного высшего учебного заведения, готовящего лиц, полезных для государства и общества, но не стесняемых бюрократической системой и потому озабоченных не борьбой с нею, а профессиональными, научными занятиями. Для достижения этих целей институт разместили в столичном предместье, в дачном поселке, обязав студентов проживать в общежитии, впрочем, довольно комфортабельном. Студенты, таким образом, с одной стороны, оказались несколько изолированы от города, контакты с городским населением и влияние его были ослаблены (добираться до центра было долго, трудно, особенно в плохую погоду и дорого, в том числе для Замятина). С другой стороны, студентам предоставлялись исключительные возможности для профессионального развития, которых не имели другие технические учебные заведения. Высокая (по сравнению с другими институтами) плата за обучение и значительный конкурс для первого набора, в котором оказался и Замятин, привели к тому, что студентами оказались преимущественно представители либо состоятельного общественного слоя, либо наиболее образованного юношества, увлеченного наукой, и обе группы откликнулись на замыслы администрации. Профессура института, включая ректора князя Гагарина, видела в студентах указанного типа своих коллег и установила с ними довольно демократические отношения, общение между студентами и преподавателями было тесным и, поскольку увлечения и тех, и других не ограничивались техническими науками, духовная жизнь в Политехническом институте была разносторонней, несмотря на ослабленность внешних влияний. В результате, в Политехническом институте (особенно в первые годы до отставки Гагарина) сложилось специфическое замкнутое элитарное сообщество не просто коллег, занимавшихся преимущественно техническими науками, отчасти творчеством и общественной деятельностью, но и единомышленников, вырабатывавших свою систему ценностей, до некоторой степени усвоенных ими, несмотря на все их внешние несходства. Не случайно из Политехнического института в тот период, когда там учился и преподавал Замятин вышло, помимо профессионалов по техническим специальностям, много выдающихся деятелей в различных сферах от политики до искусства. Возникают интересные параллели с первыми выпусками Царскосельского лицея и других знаменитых привилегированных учебных заведений. Пребывание в этой среде сформировало то странное соединение провинциализма с элитарностью, которое так удивляло в Замятине критиков. Вынужденное рядом причин проживание в предместьях и на окраине столицы привело к тому, что его пристрастия и вкусы, восходящие к детству, сохранились, несмотря на то, что он прожил в Петербурге 27 лет. Сам этот город отображен в его творчестве гораздо меньше, чем провинция, а если и показан, то чаще предстает в виде окраин, которым приписаны характерные признаки так называемого «петербургского текста». Вместе с тем, среда, в которой Замятин вращался на петербургских окраинах, интересовалась гораздо больше новейшими настроени-

ями Запада, чем патриархальными ценностями русской провинции. Так, о взаимовлиянии Замятина и Б. В. Никольского, Я. П. Гребенщикова и др. уже писали, но оно заслуживает более основательного изучения. Не исключено, что при создании романа «Мы», Замятин учитывал свои впечатления от учебы и работы в Политехническом институте. Главный герой произведения как раз принадлежит к замкнутому и элитарному сообществу ученых, создающих сложнейшее устройство, имеющее стратегическое научное и политическое значение. Хотя они выполняют государственное задание, увлечены чисто научными проблемами и лояльны к официальной идеологии, именно в этом замкнутом сообществе зарождается сомнение, грозящее взрывом всей государственной системе. Замятин, приобщившийся к революционной деятельности именно в институте, хорошо понимал механизм зарождения в замкнутом аполитичном элитарном сообществе бунтарских настроений и не смог бы их так убедительно отобразить в романе без опыта студенческих лет. Знаменательно, что для героя книги побудительной мотивировкой участия в заговоре стала любовь. Очевидна автобиографичность данного мотива: со своей главной возлюбленной, будущей женой Замятин познакомился в связи с революционными кружками и какой интерес был приоритетным — политический или личный — поныне неясно. В докладе приведен ряд частных сюжетов, связанных с впечатлениями Замятина студенческих лет и подтверждающих высказанные соображения о влиянии среды Политехнического института на творчество писателя.

Литература

Брюханова И. А. «Воспитанник точных наук»: Е. И. Замятин в Санкт-Петербургском — Ленинградском Политехническом Институте // *Аврора*. 2008. № 1. С. 23–37.

Куртис Дж. Англичанин из Лебедяни: жизнь Евгения Замятина. СПб, 2020.

Савина В., Нечипоренко В. Доцент ЛКИ Евгений Замятин // *Вестник высшей школы*. 1989. № 7. С. 88–92.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА И РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

СТАНОВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ПРОЗЫ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Титаренко Светлана Дмитриевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема становления принципов философствования в творчестве поэта и теоретика русского символизма Вяч. Иванова недостаточно исследована на материале его ранней прозы до-символистского периода. Анализ дискурса философствования поэта в 1880-е гг. и сравнение его со стратегиями прозаических текстов конца 1890-х — начала 1900-х гг., например, с малоизвестными публикациями в журнале «Весы», даст возможность понять особую полигенетическую природу его разнородной научно-исследовательской, литературно-критической, публицистической и художественной философской прозы. Подобная проза отличается от публицистики Вяч. Иванова этого периода, обозначенной в публикациях Ю. В. Зобнина как «Берлинские письма», где главное — фактография и информационно-аналитическая насыщенность.

О стремлении поэта воплотить философские размышления как способ познания бытия и сущего в новые литературные формы и жанры говорят ранние наброски его интеллектуальной прозы конца 1880-х гг., напр., «Интеллектуальный дневник» (публ. Н. В. Котрелева), (публ. М. Вахтеля). В РГБ в Москве, в личном фонде Вяч. Иванова, содержится «Тетрадь стихотворений и прозаических этюдов 1887 г.», которая включает наброски двух десятков различных текстов: рассказов, этюдов, статей, эссе, переводов, стихотворений. Значительную часть тетради составляют опубликованные прозаические тексты: «Призраки» (публ. А. Л. Топоркова), «Осенние мысли», «Прозаические этюды» (публ. С. Д. Титаренко) и др. Некоторые наброски рассказов, напр., «Sonata pathétique», «Даниил» или литературно-критические этюды, еще не издавались.

Проза Вяч. Иванова, рассматриваемая нами как начало «Интеллектуального дневника», представляет собой тип диалогического дискурса поэта о Боге и человеке, смысле истории и прогрессе, бытии и существовании, двойственности истины, кризисе современного духа. На основе ее рассмотрения можно проследить усиление многозначной природы слова и выделить тезаурус философствования о бытии и сущем: истина, величина, крайности, причины, христианство, личность, человечество, личное я, индивидуализм («Les extrêmes se touchent...»), усталость, безучастие, одиночество, покой, созерцание («Усталость»), благочестие, вера, отцы Церкви («О благочестии»), форма, сущность вещей, зерно истины («О форме»), тайна, живая жизнь, внешнее изображение, дух автора («О Толстом»). Уже в ранней прозе поэта намечается поворот от поиска форм мышления к обретению нового символического, метафизического и мифопоэтического языка, основой которого становятся понятийные образы-символы и символы-идеи.

Прозаические произведения Вяч. Иванова, как правило, возникают на основе личных размышлений и репрезентируют соединение различных типов текстуальности, свидетельствуя о переходности манеры автора к субъективно-мифологической парадигме художественности, присущей поэтике модернизма. Стремление осуществить синтез научного и публицистического, философского и художественного, отход от наукообразности изложения, символизация имен-понятий (Иуда, Христос, Иоанн, Фауст, Ормузд, Ариман), а также имагинация — мышление визуальными образами показательны уже для раннего периода становления манеры писателя. Подобный тип прозы предшествует таким текстам 1889 г., как «О типическом» (публ. М. Гидини). В нем Вяч. Иванов объясняет процесс «дивинации» как отыскания мысли или образа, которые углубляют или проясняют символический смысл или придают «двойной скрытый

смысл». Он также указывает на важность «пророческих выражений». Стержнем сюжетно-мотивных комплексов становится библейско-евангельская, антиковедческая (историко-религиозная), религиозно-философская и литературная традиция. Круг источников очень широк, среди них можно назвать прежде всего такие, как философия Аристотеля, Б. Паскаля, Ф. Ницше, А. Хомякова, Вл. Соловьева, творчество Гесиода, Гомера, И. Гете, немецких романтиков, А. Пушкина, Ф. Достоевского, Л. Толстого и др. Наброски начала 1900-х гг. «О многобожии» (публ. Г. Карпи), лекции «Эллинская религия страдающего бога» (1903–1904) или написанные в форме фрагментов и афоризмов «Спорады» (1908) демонстрируют дальнейшее развитие принципа философизации прозы. Анализ свидетельствует о стремлении поэта воплотить философские размышления в новые исследовательские и литературные формы, такие, как заметки, мысли, наброски, фрагменты, афоризмы, метафизические размышления, этюды-исследования и др. Интересны публикации прозы Иванова в журнале «Весы» за 1904–1909 гг., где представлены жанровые формы литературных писем, предисловий, рецензий, программных статей, речей, заметок, эссе, набросков, мыслей. Усложняется поэтика текста за счет языка образов-символов, символов-идей, образов-понятий, наблюдается широкое использование имен-символов, сравнений, метафор, а также интертекстов и интермедальных вставок. В качестве метафор и символов используются поэтические образы и цитаты. Вяч. Иванов использует их как научные, философские, религиозные, литературоведческие понятия, которые составляют основу его тезауруса. Понятия из истории различных древних религий, и прежде всего дионисийских культов, гностицизма и христианства, «взаимопросвечивают». На этой основе возникает «ауто-рефлексивный теоретический дискурс» (термин А. Ханзен-Леве), присущий писателям-символистам, чтобы обозначить процесс «перевода» поэтических образов и философских понятий на язык символов. В 1910-е гг. публицистика Вяч. Иванова сближается с философской и исследовательской прозой на основе метафизического дискурса, яркий пример этого — книга «Родное и вселенское. Статьи (1914–1916)» (1917).

Грант РНФ № 23-28-00514 «Научно-педагогическое наследие Вячеслава Иванова (малоизвестные статьи и неопубликованные материалы)».

«СЕМЕРО ПРОТИВ ФИВ» В МИФОПОЭТИКЕ ВЯЧ. ИВАНОВА

Ермакова Лия Леонидовна

преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Цикл «Еvia» из поэтического сборника Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (1903) включает семь стихотворений, связанных дионисийской тематикой. «Эвий» — одно из имен Диониса, восходящее к призывному кличу его служителей. Четвертое стихотворение цикла «Цари» («Вас ждут венцы...») представляет собой яркий пример трансформации греческого мифа в творчестве Иванова. В жанровом отношении оно близко к дифирамбу или к оде и имеет трехчастную структуру, однако за симметричными и стилизованными под греческий лирический метр строфой и антистрофой следует не эпод, но описание некоего символического действия, написанное строфически и ритмически организованной прозой. Семь участников похода против Фив (Тидей, Капаней, Этеокл, Гиппомедон, Парфенопей, Амфиарай, Адраст) пируют, но в чашах их не вино, а алая кровь, укусы («оцт»), желчь, черная кровь, полынь, вода, черная желчь соответственно. Восьмая чаша предназначена для гостя, которым оказывается жрец Диониса Меламп: испив из кубка, он претворяет все жидкости в вино, а сам превращается в Диониса и приводит семерых гостей (Меланиппа, Полифонта, Мегарея, Гипербия, Актора, Периклимена и Менекея), убивающих царей и надевающих их личины, причем и Тидея, и Адраста убивает Меланипп.

Обращение Вяч. Иванова к мифу о «Семерых против Фив», по-видимому, определяется его особым отношением к одноименной трагедии Эсхила, которую он позже частично перевел на русский язык. В «Эллинской религии страдающего бога» Иванов пишет, что она «полна Диониса», интерпретируя так реплику Эсхила, персонажа аристофановской комедии «Лягушки»: «Я создал драму, полную Ареса» (Ran. 1021) — в концепции Иванова бог войны Арес является традионисийским хтоническим божеством. Кроме того, Фивы — родной город Диониса, и, что еще важнее, дионисийский жрец и провидец Меламп, по Иванову, ипостась Диониса-Аида, — предок Амфиарая и Адраста. Имена семерых вождей, их фиванских противников и порядок перечисления Иванов заимствует у Эсхила, но вносит некоторые изменения: так, противник Амфиарая не Ласфен, а Периклимен (как у Пиндара: Nem. 9. 25), Полиник заменен Адрастом, царем Аргоса, которого Еврипид (Phoen. 1136) и Псевдо-Аполлодор (Bibl. 3. 6. 6) включают в число атаковавших семь ворот города. По легенде, Капаней был убит молнией Зевса, Амфиарай был низвергнут в Аид живым, а Адраст единственный не пал под Фивами, но умер много позже, притом ненасильственной смертью. Все это свидетельствует о том, что цари в действе Иванова либо пируют в некоем потустороннем, мистическом пространстве («сразимся, цари гробниц!»), либо их роль исполняют мисты, надевшие соответствующие маски. Меланипп был убит под Фивами либо Тидеем, либо Амфиараем. Почему же у Иванова Меланипп оказывается убийцей Адраста? Геродот сообщает (Hist. 5. 67), что сикионский тиран Клисфен во время войны с Аргосом вытеснил культ Адраста культом Меланиппа («тот был заклятым врагом Адраста из-за убийства брата Адраста Мекистея и тестя Тидея»), устроив святилище последнего и передав постановки трагических хоров Дионису, а жертвоприношения и празднества — Меланиппу. Неизвестно, впрочем, в чем заключались «страсти» Адраста, прославляемые хорами, но Иванов полагал, что спасение Адраста от смерти в бою его черным конем символически означало убийство этого героя Меланиппом, буквальный перевод имени которого «черный конь». И Меланиппа, и Адраста Иванов называет ипостасями Диониса-Аида, героями страстей и антагонистами. Сам Иванов в примечаниях указывает, что его вдохновила книга Дж. Фрэзера «Золотая ветвь» и культ Дианы Nemogensis. Жрец озера Неми, олицетворявший, по Фрэзеру, Юпитера, должен быть убит своим наследником, сорвавшим ветвь священного дерева. Цари в действе Иванова пируют в дубраве («темью меж древних стволов глянули очи дубрав глубоких») и срывают «ветвие дуба золотое»: Фрэзер считал, что жрец охранял дубовую рощу. Но для Иванова герои — маски страдающего Диониса, одновременно и бога, и жертвы. Маска, личина — один из важнейших символов в творчестве Иванова и в его дионисийской концепции. Символичны и тяжелые золотые венцы царей, которые ассоциируются с терновым венцом Христа («тернием

духа венчанные»). Жидкости в их кубках можно интерпретировать по-разному: так, ключевая вода в кубке Амфиарая может символизировать его дар предвидения, кровь же указывает на оргиастический характер действия. Помимо связи с греческим мифом, очевидны аллюзии и на христианскую традицию: уксус и желчь связаны со страстями Христа (Мф. 27:34), но здесь явно намекают на страстный характер участи героев. Акт превращения разных жидкостей, в том числе крови, в вино прямо противоположен новозаветной мистерии. Вино как кровь Диониса воодушевляет семерых царей, вселяя в них ярость против семерых пришлецов, для которых нет места за столом, и поэтому те должны его отвоевать. Восьмое же место неизменно уготовано богу Дионису, который, как можно предположить, явится снова, и действие повторится: число восемь символизирует начало нового цикла.

Исследование проведено в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН в рамках работы по гранту РФФ № 23-28-00514 «Научно-педагогическое наследие Вячеслава Иванова (малоизвестные статьи и неопубликованные материалы)».

БАЛЛАДНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРЕРАФАЭЛИТОВ И Н. С. ГУМИЛЕВА

BALLADRY IN THE POETIC WORKS OF THE PRE-RAPHAELITES AND N. S. GUMILEV

Назарова Татьяна Викторовна

аспирант, Российский университет дружбы народов

Тема пересечения балладных традиций представителя русской поэзии Н. С. Гумилева и викторианских поэтов-прерафаэлитов (Д. Г. Россетти, А. Ч. Суинберна, У. Морриса) нова для отечественного литературоведения, однако представляет огромный интерес в контексте исследования культурного и литературного процессов на стыке XIX и XX веков. Прямая связь и взаимоудаление от символизма становятся самым значительным основанием для сравнения художественных путей Гумилёва и прерафаэлитов, что, вкупе с общими источниками и прямым и косвенным влиянием последних на первого, даёт плодородную почву для исследований. В данной работе анализируется общность источников и влияний; затрагиваются проблемы соотношения ключевых особенностей использования балладных форм и приёмов и выявляются сходства и различия в поэтическом языке балладных произведений этих поэтов. И прерафаэлиты, и Гумилев проявляли интерес к балладным формам, в первую очередь — англо-шотландской народной балладе, но также произведениям Ф. Вийона и образцам английского романтизма. В балладе их привлекало стилистическое многообразие, которое одновременно сближало её с другими жанрами фольклора и делало достаточно гибкой для изменения с течением времени и приобретения новых свойства. Это может проиллюстрировать поэтическая работа с балладными формами Гумилева. Непосредственно баллад, по обозначению самого поэта, у Гумилева не так много. Однако балладный элемент присутствует в целом ряде его произведений на тематическом, стилистическом и структурном уровнях. Трансформации жанра происходит через перемещение и перераспределение жанровых признаков, при этом на второй план уходят наиболее типичные из них. В данном ключе первостепенное значение имеет не столько их частотность и количество, сколько единичность и качество. Подобная модификация исходного жанра позволяет рассуждать о явлении балладности и балладного стихотворения, чьим основным отличием становится сюжетность. В массе «балладных» стилистических приёмов можно выделить устойчивые поэтические формулы, эпитеты, сравнения и образы; параллелизм; формульные повторения, включающие рефрен, «то потерявший свое первоначальное значение и сохранивший лишь музыкальный, чисто звуковой характер, то подчеркивающий и лирически осмысляющий действие и варьирующийся в зависимости от содержания отдельных строк» [Алексеев 1984: 294]. «Лирические баллады» Гумилева отличаются яркостью метафор, библейскими и мифологическими реминисценциями [Кихней 2005: 72–73]. Подобные произведения, характеризующиеся «нераздельностью» лирического субъекта и мира, на русской почве Гумилев создает одним из первых, хотя такой жанровый вариант напоминает произведения С. Т. Кольриджа, Р. Саути, А. Теннисона или А. Ч. Суинберна. С прерафаэлитами Гумилева роднит и тщательная работа над формой стихов: подбор оптимальных по ритмике размеров; совершенствование лексической и фонетической сторон произведения. Своеобразие балладных форм Гумилева раскрывается в их тесном пересечении с англо-шотландской традицией, которая используется поэтом для изображения сюжетов из отечественной истории. Общность жанровых «корней» — это не единственное, что сближает балладные традиции поэтов. Объединяли их и общие тенденции в модификации жанра, такие как смена характера балладной динамики в сторону психологического раскрытия образов и большей эмоциональной насыщенности. Балладные формы прерафаэлитов закономерно оказываются ближе к англо-шотландской балладе композиционно и стилистически. Тщательное изучение источников из прошедших эпох, примерное ученичество, которое они разделяют с Гумилевым, породило стремление к мифотворчеству на фольклорной и исторической основе, раскрытию того, что могло бы произойти в подобной реальности. Одним из наиболее значительных отличий поэтического языка прерафаэлитов и Гумилева становится декоративность, которая ярче всего проявилась

на лексическом уровне. Их стихи отличаются построением визуального восприятия нарратива; вещностью и плотностью деталей. Конкретность, детальность и декоративность проявляются в подробных зарисовках внешности, декора, пейзажа, даже в случаях, когда жанр произведения не предполагает статики и описательности. Общее стремление к эстетизации, декоративность и детальность повествования становятся частью сюжетных произведений, что выделяет этих поэтов на фоне большинства современников. В поэзии Гумилева, как и у прерафаэлитов, частое использование цветowych эпитетов, слов, обозначающих текстуры, материалы, звуки и сенсорные впечатления. Визуально-ориентированный способ изображения проявляется на нескольких языковых уровнях: грамматическом, лексическом и синтаксическом. В стихотворном творчестве прерафаэлитов происходит «неуловимое слияние орнамента со значением» [Peters 1962: 300], что в определённой степени становится верно и в отношении Гумилева. Декоративно-орнаментальная модель передачи зрительного восприятия выходит за рамки сугубо описательных возможностей и приобретает организующую функцию, а также играет значительную роль в формировании сюжета и образов персонажей. Таким образом, можно говорить о существовании ряда сходств между балладными произведениями прерафаэлитов и Н. С. Гумилева, которые проявляются не только во влияниях, общности некоторых источников и связи с символизмом, но и на уровне языка.

Литература

Алексеев М. П. Литература средневековой Англии и Шотландии. М., 1984.

Кухней Л. Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. Издание 2-е, стереотип. М., 2005.

Peters R. L. Algernon Charles Swinburne and the Use of Integral Detail. *Victorian Studies*, Vol. 5, no. 4 (Jun., 1962). P. 289–302.

«МОДНАЯ» ПЕСЕНКА СТАРОГО ПЛЯСУНА И ЕЁ НЕЗАМЕЧЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РОМАНЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО «СМЕРТЬ БОГОВ. ЮЛИАН ОТСТУПНИК»

THE “FASHIONABLE” SONG OF THE OLD DANCER AND ITS UNNOTICED TRANSFORMATION IN THE NOVEL “THE DEATH OF THE GODS. JULIAN THE APOST”

Ронжин Владислав Андреевич

Asociación Española de Profesionales de Lengua y Cultura Rusas (AEPRU),

Испанская ассоциация специалистов в области русского языка и культуры

Впервые заимствование Д. С. Мережковским для своего романа «Смерть богов. Юлиан Отступник» фигуры старого плясуна и его песенки из романа «Сатирикон» Петрония Арбитра отметил А. В. Амфитеатров в своей статье «Русский литератор и римский император» (1904). Так как действие первой части трилогии «Христос и Антихрист» разворачивается в середине IV в. н. э., использование в ней данного поэтического отрывка вызывает едкое замечание критика: «Вот исключительный образец моды, продлившейся, если верить г. Мережковскому, чуть не триста лет!» [Амфитеатров 1914: 22]. Однако критик не обращает внимания на трансформацию заимствованного латинского текста. Не отмечают изменений и исследователи рецепции трудов Петрония: Ст. Гасели (1910), У. К. Файербо (1922) и А. Колинзон (1924). В комментариях к роману «Смерть богов. Юлиан Отступник», составленных З. Г. Минц в 1989 и А. Л. Соболевым в 1993, данная проблема также не рассматривается. Всё это обуславливает необходимость описать трансформацию источника, исследовать её причины и возможные цели. Сопоставление двух текстов — текста-донора и текста-реципиента — показывает, что поэтический отрывок претерпел значительные изменения. От данного в XXIII главе «Сатирикона» четверостишия остаётся примерно половина: Мережковский заимствует первый стих полностью и 2/3 второго стиха. Он перестраивает их структуру: первый стих оригинального текста становится первым и вторым стихами («Huc, huc convenite nunc / Spatolocinaedi!»), а указанная часть второго стиха — третьим и четвёртым стихами («Pedem tendite, / Cursum addite.») [Мережковский 1914: 39]. Рифма, которой можно было бы оправдать данную трансформацию, считается очень слабо: можно допустить внутреннюю неточную рифму huc — nunc в первом стихе; и рифму на -ite (с нарочито выпадающим -di второго стиха) первого, третьего и четвёртого стихов. В тексте Мережковского обнаруживаются два орфографических изменения: spatolocinaedi вместо spatolocinaedi, pedem вместо pede. Первое может быть однозначно определено как орфографическая ошибка в редком слове. Второе — изменение грамматической формы слова (замена окончания аблатива на окончание аккузатива) — могло произойти в связи с более характерным употреблением после глагола tendo существительного в падеже прямого дополнения, а также под влиянием формы винительного падежа, стоящего рядом существительного cursum. Употреблённая падежная форма не приводит к нарушению грамматики, но лишает словосочетание фразеологических отношений и значения ‘прибавить шаг’, отмеченных И. Х. Дворецким [Дворецкий 1976: 1003]. Также данное изменение, ввиду разницы количества гласного звука в окончании аккузатива и окончании аблатива, приводит к нарушению ритмической схемы поэтического стиха, разрушая требуемую сотадеем (размером которого написано стихотворение в «Сатириконе») последовательность чередования долгих и кратких гласных. Обе замены не приводят к появлению дополнительных художественных или функциональных смыслов, в связи с чем могут быть признаны ошибками автора (вероятно, как lapsus memoriae). Изменение структуры текста может быть объяснено желанием автора сделать поэтическую вставку более лёгкой, соответствующей сцене и такой адаптацией предупредить обнаружение интертекстуальной связи с романом Петрония.

Литература

Амфитеатров А. В. Русский литератор и римский император // Собрание сочинений А. В. Амфитеатрова. Т. 25. Отражения. СПб., 1914. С. 3–47.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.

Мережковский Д. С. Смерть богов. (Юлиан отступник) // Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского. Т. 1. М., 1914.

БАКИНСКИЕ ЛЕКЦИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА ПО ПОЭТИКЕ КАК ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Лаппо-Данилевский Константин Юрьевич

ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Бакинские лекции Вячеслава Иванова по поэтике как полемический текст Научно-педагогическое наследие выдающегося мыслителя и филолога, поэта и теоретика русского религиозного символизма Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) еще не рассматривалась систематически, а сами материалы, документирующие его преподавание (подготовительные выписки и наброски к лекциям и семинарам, их конспекты, информация о них как в печати, так и в частных письмах и проч.), до конца не выявлены и должным образом не осмыслены в контексте его научно-исследовательской, литературно-критической, публицистической деятельности и религиозно-философской направленности его творчества. Научно-педагогическое наследие поэта составляют две обширных группы материалов — первая связана с преподаванием в высшей школе; вторая документирует его просветительские занятия с молодыми поэтами. К этим систематическим занятиям и курсам примыкают просветительские выступления 1918–1920 годов, во время службы Вячеслава Иванова в Наркомпросе РСФСР.

Первый опыт систематического чтения лекций Вячеслав Иванов приобрел в Русской высшей школе общественных наук в Париже, основанной в 1901 году М. М. Ковалевским. С 27 апреля по 13 июня 1903 г. Вячеслав Иванов прочел здесь курс лекций по истории дионисийских культов. Их религиозоведческая проблематика находилась на периферии интересов организаторов Русской высшей школы общественных наук, в то время как для самого поэта она стала важным опытом систематизации и популяризации знаний, накопленных им в области изучения дионисийских культов. С ноября 1910-го по май 1912-го Вячеслав Иванов читал курс античных литератур на Высших женских курсах Н. П. Раева в Санкт-Петербурге, заняв здесь место И. Ф. Анненского, скончавшегося 30 ноября 1909 г. Это частное учебное заведение университетского типа оставляло поэту немало свободы в преподавании, тем более что одной из главных задач, ставившихся перед ним, было увлечь слушательниц, побудить их самим прочесть произведения античной литературы, проникнуться их духом.

К преподаванию в высшей школе Вяч. Иванов вернулся лишь после восьмилетнего перерыва, уже в послереволюционные годы, волею судеб оказавшись в Закавказье. 19 ноября 1920 г. Вяч. Иванов был единогласно избран ординарным профессором по кафедре классической филологии Азербайджанского государственного университета. В последующие годы (вплоть до окончания преподавания здесь в мае 1924 года) в его обязанности входило преподавание самых различных дисциплин: пропедевтических курсов поэтики, истории древних, средневековых и новоевропейских литератур и др. С педагогической деятельностью этих лет оказывается тесно связана диссертация Вяч. Иванова «Дионис и прадионисийство», опубликованная в 1923 году в Баку.

В связи с преподаванием молодым поэтам основ версификационного искусства следует упомянуть лекции Вяч. Иванова в так называемой Поэтической академии (1909) и заседания московского Кружка поэзии (1920), известные благодаря записям Ф. И. Каган.

Уникальность бакинских лекций Вячеслава Иванова по поэтике, дошедших до нас в записи О. Г. Тер-Григоряна (в общей сложности это конспекты 22 лекций; впервые они были прочитаны весной 1922 г.; курс был дважды повторен позднее), заключается в том, что университетский курс, хотя и поспешно составленный, но претендующий на систематизм, отразил систему и академических, и литературных предпочтений поэта, а потому ему присущ определенный полемический заряд. Необходимость систематически преподавать стала стимулом к более четкому критическому осмыслению не только «новейших теоретических исканий в области художественного слова», но и наследия русской академической науки (А. Н. Веселовский, А. А. Потебня и его ученики), западных трудов по эстетике (М. Гюйо), психологии (К. Гроос) и лингвистике (В. Вундт) и т. п. Невысокий уровень подготовленности студентов побуждал поэта-профессора

к доступности изложения, тем более необходимой, ибо Вяч. Иванов стремился донести до них материи достаточно сложные и нередко выходившие за грани пропедевтикума. Весьма показательно поэтому, что все, что связано со стихом — предмет особой любви Вяч. Иванова, — оказывается отеснено в лекциях на периферию, давая место вопросам более общим.

Плохая обеспеченность библиотеки новоорганизованного университета книгами привела к тому, что поэт располагал сравнительно небольшим числом книг, бывших у него под рукой во время составления лекций, — это произведения Платона и Аристотеля, монография Якоба Бернайса об утраченных трудах Аристотеля, обличительная книга психиатра Н. Н. Баженова «Символисты и декаденты» (1899), начальные тома «Собрания сочинений» А. Н. Веселовского, отдельные выпуски «Вопросов теории и психологии творчества» (1907–1923), издававшихся Б. А. Лезиным, «Композиция лирических стихотворений» (1921) В. М. Жирмунского и т. д. Не только эксплицитные оценочные суждения, но и тактика умолчаний и выпусков, а в противовес им — практика обширных цитат, заимствований, неотступного использования отдельных изданий позволяют рельефно представить приоритеты Вяч. Иванова.

Поднявшись на университетскую кафедру, Вяч. Иванов не перестал быть поэтом. Его лекции поэтому, помимо чисто академических пассажей, содержат тайные и явные отклики на темы литературного сегодня. Вяч. Иванов остается верен своему символистскому кредо, о чем свидетельствует, помимо прочего, востребованность в лекциях собственных статей — они неоднократно цитируются, когда речь заходит об основополагающих вопросах эстетики. Как и в печатных выступлениях этого времени, в лекциях чувствуется настороженное и недоброжелательное отношение как к художественной практике футуризма, так и его теоретической надстройке — русскому формализму.

Исследование проведено в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН в рамках работы по гранту РФФ № 23-28-00514 «Научно-педагогическое наследие Вячеслава Иванова (малоизвестные статьи и неопубликованные материалы)».

НАУЧНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО Ю. Н. ВЕРХОВСКОГО В СВЕТЕ ИДЕЙ А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО И ВЯЧ. И. ИВАНОВА (УРАЛЬСКИЙ ПЕРИОД)

Маштакова Любовь Владиславовна

научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН

Ю. Н. Верховский в 1941–1943 гг. жил в эвакуации в Свердловске. Короткий период пребывания на Урале был плодотворным: он выступал на радио, публиковался в местных газетах и сборниках, выпустил книгу стихов «Будет так» (Свердловск: Свердловгиз, 1943). Ученик А. Н. Веселовского, друг и собеседник Вяч. Иванова, он продолжал развивать историко-литературные и теоретические идеи, сложившиеся в его научном творчестве еще в 1910-е гг. Одним из значимых стало для него представление об истории мировой литературы как целостном процессе, в котором отстоящие друг от друга литературные эпохи становятся связаны (жанрово, сюжетно, мотивно). А. Н. Веселовский объяснял такие связи через метафору народной памяти. Метод выделения мотивных связей в творчестве одного или нескольких поэтов позволил Верховскому, например, практически доказать символизм Е. Баратынского.

Методы исторической поэтики обеспечивали Верховскому не только эмпирическую почву в зависимом от субъективных интерпретаций материале, но и в аксиологическом смысле — были доказательством связи, неразрывности времен. Это ощущение неразрывности времен роднит Верховского с его литературным учителем — Вяч. Ивановым. Память, по Иванову, дает развитие культуре («Переписка из двух углов»). Недаром в пореволюционные годы Верховский высоко оценил поэму Иванова «Младенчество» (1918) как свидетельство о сохранении связей духовной, культурной памяти. Потому, вероятно, для Верховского, исследователя классической литературы и Серебряного века, в 1940-е гг. важно зафиксировать рождение советской классики и включить современные произведения уральских авторов в контекст русской и мировой литературы (в основе — теория эволюции жанров Веселовского). Доклад «Современная уральская поэзия» он представил 17 июня 1943 г. на конференции в Молотове (Межобластная научная конференция «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе» 13–21 июля 1943 г.). На материале произведений К. Мурзиди, Н. Куштума, Б. Михайлова и др. он показал, как героическая ода, сатира, памфлет, баллада и элегия возвращались в современность, задавались пути формирования новой, но все же классики советской литературы, восстанавливалась связь времен.

В этой связи ключевой для Верховского в уральской литературе становится фигура П. П. Бажова. В сонете «Клинок уральский — восхищенье глаз...» (1943), посвященном Бажову, он подчеркивает стремление писателя соединять эпохи и особую «суггестивность» (Веселовский), как бы «обворожение» читателя (ср. у Иванова: «Символистов, нет, — если нет слушателей-символистов»). Сам Верховский в 1940-е гг. публикует сонеты, элегии и дистихи, окказионально соединенные с темой войны. Его творчество и сам факт его пребывания на Урале сыграли роль связующего звена между советской литературой 1940-х гг. и литературой мировой.

Так, в 1940-е гг. Верховский развивает идеи, сформировавшиеся еще в годы ученичества у А. Н. Веселовского и Вяч. Иванова, делая их актуальными для советского литературоведения и для современной ему литературы. С другой стороны, уральская литература в его лице приобретает необходимую интеграцию в поле «большой литературы».

Благодарности: РНФ № 23-28-00514 «Научно-педагогическое наследие Вячеслава Иванова (малоизвестные статьи и неопубликованные материалы)»

ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ПОЭМА «ЛИСАО» В ПЕРЕВОДЕ ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЭТА

Цуй Лу

старший преподаватель, Даляньский университет иностранных языков

«Лисао» считается самым ярким произведением первого китайского поэта Цюй Юаня (340–278 до н.э.) и одной из древнейших поэм в восточной литературе. На русский язык «Лисао» перевели четыре поэта — А. А. Ахматова (1889–1966) и А. И. Гитович (1909–1966) с подстрочника китаеведа Н. Т. Фёдоренко (1912–2000), А. И. Балин (1925–1988) и В. Перелешин (В. Ф. Салатко-Петрище) (1913–1992). В отличие от остальных, перевод Перелешина, представителя «первой волны» русской дальневосточной эмиграции, выполнен с оригинала, что обусловлено его уникальным опытом сорокалетнего проживания в Китае. В докладе на основе методов описательно-аналитического, сравнительно-сопоставительного, культурно-исторического и компаративного рассмотрения предполагается анализировать особенности перевода «Лисао» В. Ф. Перелешиним в соотношении с его культурной идентичностью. Обращено внимание на проблему воздействия идентичности переводчика на создание переводных произведений. Рассматривается культурно-исторический контекст переводческой деятельности русских эмигрантов и субъективные побудительные мотивы переводчиков китайской классической литературы, основанные на теории гибридности и транснациональности. Доказано, что Перелешин, которому принадлежит антология переводов китайской классической поэзии «Стихи на веере» (1970) и перевод философского текста «Дао дэ цзин» (1994), пытался найти наиболее удачный эквивалент китайского стиха благодаря глубокому знанию восточной поэзии и владению в совершенстве техникой русского стихосложения. Показано, что в собственных произведениях Перелешина, в которых отражено размышление об идентичности человека, стремившегося к достижению слияния двух культур, нередко находим переклички с китайским поэтом Цюй Юанем. В переводе сложной поэмы «Лисао», выполненном поэтом-эмигрантом в 1968 г., использована стратегия форенизации для того, чтобы акцентировать внимание на культуре исходящего языка и приближать читателя к оригиналу. В докладе выявляются основные способы перевода Перелешиним мифологических реалий и важных образов, такие как «красавица» (кит. 美人), «Линь цзюнь» (кит. 灵均) и принципы использования размера и рифмы по сравнению с переводами других русских поэтов. Доказано, что рифмы «abcb» у Перелешина в высшей степени подобна форме древнего китайского стиха. Способы транскрипции и калькирования позволяют эмигранту-переводчику при воссоздании черт китайского поэта создать «адекватность впечатления» у русских читателей. Утверждается, что перевоплощение восточного настроения в русские поэтические стили отражает результат творческого диалога двух культур и самоопределения «младших» эмигрантов на оппозиции «свой-чужой». Анализ не только важен для выявления роли идентичности переводчика и его познания исходной культуры в переводческом процессе, но и для переосмысления ценностей переводов китайской классической литературы Перелешиним в межкультурном диалоге России и Китая.

РЕЦЕПЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ИВАНОВА

Ню Янь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Творчество Георгия Иванова (1894–1958) принято делить на два периода — акмеистический петербургский и эмигрантский (см.: [Семина, 2016: 24]), несомненно, второй период принес поэту настоящую литературную репутацию. Однако, в поэтическом наследии Г. Иванова-акмеиста существует небольшое количество «китайских текстов», заслуживающих больше внимания исследователей. В докладе в основном рассматриваются три стихотворения Г. Иванова, посвященные китайской теме:

«Когда скучна развернутая книга» (входит в сборник «Сады»), «Ты томишься в стенах голубого Китая» и «Китай». Цель работы заключается в выявлении своеобразия образа Китая в восприятии Г. Иванова и определении особенностей и способов рецепции традиционной китайской культуры в «китайских текстах» поэта. В работе применяются интертекстуальный, имагологический, компаративный, сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы. В эпоху Серебряного века Китай стал одним из источников художественных исканий для русских поэтов. Если для К. Бальмонта Китай — это страна Дао, страна мифов, для Н. Гумилева Китай — это страна поэзии, «духовная ориентация» и «священный рай», то в творчестве Г. Иванова Китай выступает как «затейливый», «причудливый», «волшебный» и «пестрый» сад. В «китайских текстах» Г. Иванова присутствует ряд характерных символических образов этой культуры: дракон, журавль, ласточка, бамбук, ива, лотос, лютия, веер, фарфор, шелк и др. В стихотворении Г. Иванова «Ты томишься в стенах голубого Китая» эксплицируется рецепция традиционной китайской поэзии, скорее танской поэзии. Стихотворение можно воспринимать как подражание китайской гуйюанши (闺怨诗 «будуарная поэзия», или лирика разлуки). В стихотворении фигурирует «простая» китайская девушка, живущая в «разукрашенной хижине», тоскующая по своему родному городу, она играет на лютне. Этот образ отсылает нас к героиням множества древнекитайских стихотворений разлуки. Кроме того, в стихотворении наблюдается отчетливая интертекстуальная связь с поэмой танского поэта Бай Цзюйи — «Песня лютни» (перевод В. Ф. Перелешина). В стихотворениях «Когда скучна развернутая книга» и «Китай» реализуется характерная для поэтики акмеизма художественная детализация вещественного мира. В этих двух стихотворениях изображаются красочные китайские образы, составляющие идеальный и романтический «сад». Отметим, что такой «сад» существует только в мечтах или фантазиях поэта. Важно отметить, что в «китайских текстах» Г. Иванова присутствует «тьень» Н. Гумилева. Действительно, сознательную ориентацию на «чужие тексты» воспринимают как отличительную особенность поэтики Г. Иванова на протяжении всего творческого пути (см.: [Данилович 2001: 204]). Очевидно, данная черта также отражается в «китайских текстах» поэта. Отметим, что в «китайских текстах» Г. Иванова наблюдается очевидное заимствование у Гумилева в плане образов, мотивов и манеры стиха. Приведем некоторые образные переключки в «китайских текстах» названных двух поэтов: У Н. Гумилева: «голубая беседка», «темница», «журавлиные стаи», «А тихая девушка в платье из красных шелков /... / С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов»... У Г. Иванова: «голубой Китай», «разукрашенная хижина», «журавлиная стая», «Вот китаяночка, раскрыв свой пестрый зонт, / Сидит, забавно ножки поджимая»... Как видим, в создании «китайских стихов» Г. Иванов не может полностью избавиться от «упреков» в имитации стихотворений Гумилева, но «китайские стихи» Г. Иванова характеризуются оригинальностью, чрезвычайной утонченностью и изяществом. В частности, в стихотворении «Ты томишься в стенах голубого Китая» Г. Иванов в значительной степени воссоздал «дух» китайской поэзии и «атмосферу» традиционной китайской культуры, которые нашли отражение в творчестве русских поэтов Серебряного века.

Литература

Семина А.А. Поэтические сборники Георгия Иванова 1910-х годов: пути творческого самоопределения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 3. С. 24–32.

Данилович Т.В. Поэзия русского зарубежья: Творчество Г.Иванова в аспекте интертекстуального анализа // Наука о литературе в XX веке: История, методология, литературный процесс / Центр гуманитарных научно-информационных исследований. М., 2001. С. 201–217.

НАБОКОВ И SCIENCE FICTION: МЕРЦАЮЩИЙ СЮЖЕТ

NAVOKOV AND SCIENCE FICTION: A FLICKERING PLOT

Каракуц-Бородина Любовь Анатольевна

доцент, Башкирский государственный медицинский университет

Одним из общих мест набоковедения стало указание на фантастическое начало в набоковских текстах («Приглашение на казнь», «Solus Rex» и др.) и поиски их генетических связей с фантастическими произведениями Гофмана, Гоголя, Стивенсона, Кафки — авторов, которых Набоков высоко оценивал в своих литературоведческих лекциях. Обращаясь к переключкам творчества Владимира Набокова с текстами современных ему писателей-фантастов, невозможно умолчать о Г. Уэллсе, которого писатель лично знал и читал с юности и у которого унаследовал тягу к многомирию, хотя и по-своему реализовал эту идею. В корпусе пост-набоковской фантастики набоковеду заметны произведения Филиппа К. Дика: он вполне по-набоковски реализует концепт метаромана и по-набоковски же бессюжетен. Любопытно, что привлекавшая большое общественное внимание «пасхалка» в нашумевшем фильме режиссера Дени Вильнёва «Бегущий по лезвию 2049» (2017) — продолжении экранизации (реж. Ридли Скотт; 1982) рассказа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (1968) — цитата из «Бледного огня». Очевидна амбивалентная встроенность творчества Набокова и в отечественную научно-фантастическую традицию: так, «Гиперболоид инженера Гарина» А. Н. Толстого рассматривают как претекст «Изобретения Вальса» [Полищук 2021], а «Лолиту» — как шифр к «Хищным вещам века» А. и Б. Стругацких [Орехов 2021].

Между тем sci-fi в качестве современного ему (да еще и переживавшего бум на его глазах) жанра Набоков отвергал, демонстрируя гнев, как в интервью BBC (1968): «I loathe science fiction with its gals and goons, suspense and suspensories», — или сарказм, как в «Даре», где фигурирует «его блудный брат, который печатал свои “Рассказы-фантазии”» (Александр Чернышевский в 1895–1896 годах действительно выпустил четыре книжечки фантастических рассказов), — или ядовитую иронию, как в стихотворении «The Man of To-morrow's Lament» (1942). Столь старательная «отстройка от конкурентов», как и в коллизии «Набоков-Достоевский», заставляет подозревать скрываемое литературное родство — прежде всего, идейно-тематическое: так, рассматривать «Аду» как фантастический роман позволяет не столько развитие сюжета на планете Антитерре (а в этом смысле и «Бледный огонь», с его вымышленной страной Земблей, — фантастика) и вставной фантастический роман Вана Вина, сколько нереалистическое изображение времени: параллельные реальности, идея будущего воспоминания. В этом смысле еще более очевидно фантастическими оказываются романы «Смотри на арлекинов!» (1974) и «Лаура и ее оригинал» (1977), где персонажи претерпевают пространственно-временные трансформации. С одной стороны, эти собственно фантастические образы, вероятно, подготовлены хронотопом романов русского периода: «Подвиг» (жизнь Мартына в Молиньяке, финал), «Дар» (сон об отце, диалог с Кончеевым, финал). С другой — это очередной набоковский «ложный ход»: хотя Ван Вин интерпретирует, в духе популярных в XX в. научно-фантастических романов, различные концепции времени, «научность» его трактатов — наводимая автором видимость: выстраивая от лица героя концепцию времени, претендующую на «научное» объяснение «реального мира», Набоков сообщает об условности художественного времени в созданной им художественной реальности.

В единственном набоковском произведении в жанре «твердой» научной фантастики — рассказе «Ланс» (1951) — нарратор дублирует скептическую позицию биографического автора по отношению к жанру: «Finally, I utterly spurn and reject so-called science fiction». При ближайшем рассмотрении рассказ обнаруживает сходство с психиатрическим детективом, подобным роману Джина Брюэра «Планета Ка-Пэкс» (1995), в финале которого — не разоблачение, но мерцание фантастического сюжета сквозь бытовую, оставляющее право на существование разным версиям событий (именно так оценивается и финал «Приглашения на казнь»). Связь

художественного мира Набокова со сферой научной фантастики создает почву для стилизаций и мистификаций (см., например, «Роман Владимира Набокова “Марсианка Ло-Лита”» (автор — Антон Первушин; в фиктивной биографии автора упоминается перевод романов Уэллса на русский язык)), — а также вторгается в биографический миф (например, в виде блуждающей по социальным сетям истории (которую авторы разоблачают в момент её изложения) о том, что Говард Лавкрафт и Владимир Набоков американского периода — одно лицо). С домыслами переплетаются вполне реальные факты: так, в 1964 г. Альфред Хичкок отверг предложенный Набоковым сюжет, который через 35 лет лег в основу фильма «Жена астронавта» (режиссер Рэнд Рэвич, 1999); вокруг данного факта выстроена конспирологическая теория о Набокове как английском шпионе. Таким образом, фантастика становится одним из способов остранения, столь необходимого Набокову с его пристальным интересом к потустороннему, неизъяснимому [Shvabrin 2019: 43]. Фантастика как сверхжанр у Набокова — и в произведениях, и в биографическом мифе — терпит крах, подобно тому, как рушится соблазнительная идея Германа обрести двойника («Отчаяние»). Отношения художественного мира Набокова и научной фантастики образуют, как это часто случается в связи с Набоковым, недискретный замысловатый сюжет, простирающийся далеко за пределы жизни писателя и, думается, отнюдь не завершённый.

Литература

- Полищук В.* Гиперболоид инженера Вальса: Набоков и советская фантастика 1910-х–1920-х гг. // *Slavica Revalensia*. Vol. VIII (2021). С. 94–114.
- Орехов Б. В.* Сюжетная цитата из Набокова в «Хищных вещах века» // *Назировский архив*. 2020. № 3 (29). С. 396–403.
- Shvabrin S.* *Between Rhyme and Reason: Vladimir Nabokov, Translation, and Dialogue*. Toronto: University of Toronto Press, 2019.

«ОТЧЕТ ДЛЯ АКАДЕМИИ» ФРАНЦА КАФКИ КАК ИСТОЧНИК МОТИВА ИНАКОВОСТИ В ULTIMA THULE ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

FRANZ KAFKA'S EIN BERICHT FÜR EINE AKADEMIE AS A SOURCE OF THE OTHERNESS MOTIF OF VLADIMIR NABOKOV'S ULTIMA THULE

Тимофеев Валерий Германович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Тишкова Аглая Артемовна

студент, Санкт-Петербургский государственный университет

Рассказ, или глава из ненаписанного романа, «Ultima Thule» создавался в Европе зимой 1939–1940 годов, оказавшейся по словам В. Набокова «последней для моей русской прозы» [Pro et contra 1997: 103], когда Сирина уже теснил Vladimir Nabokov, писавший в это же время свой первый английский роман «Истинная жизнь Себастьяна Найта».

«Ultima Thule», несомненно, самое стилистически изощренное из написанных Набоковым произведений на русском языке, полное интертекстуальных переключек как с произведениями русской литературы, так и текстами зарубежными. О прямых и скрытых Пушкинских подтекстах в «Ultima Thule» написано уже немало, были работы, посвященные отсылкам к Гоголю, Эдгару По, Льюису Кэрроллу. Доклад предлагает первое исследование возможного следа «Отчета для академии» Франца Кафки в «Ultima Thule». Рассказ был опубликован в 1917 г. в журнале Der Jude, который издавал Мартин Бубер, а в 1919 г. вошел в сборник малой прозы Кафки «Ein Landarzt». Владимир Набоков мог познакомиться с текстом по любому из этих изданий. Тема инаковости, отчужденности, неполной принадлежности, которой посвящен рассказ Кафки, не могла не найти отклик в русской и русско-еврейской эмигрантской среде, которой принадлежала и семья молодого Набокова. Как пронизательно отметила О. Сконечная, «еврей» у Набокова представляет собой поэтический мотив, для понимания которого недостаточно расхожего значения [Pro et contra 1997: 675].

Нарратор в рассказе «Ultima Thule», он представлен как «Синеусов, художник, который недавно потерял жену», пытается установить контакт с усопшей, для того чтобы отчитаться о своих попытках выведать у Фальтера, их общего знакомого, тайну мироздания, случайно открывшуюся ему. Место действия не обозначено: Синеусов может находиться на кладбище, на котором покоится не названная в рассказе по имени супруга, а может лишь воображать себя сидящим у могилы. Границы между мирами живых и мертвых, миром реальным и воображаемым, жизнью и искусством оказываются центральными мотивами рассказа. С одной стороны, проницаемость, преодолимость этих границ, а с другой — принадлежность/непринадлежность/частичная принадлежность к этим мирам.

«Очеловеченная» обезьяна, чужая и для людей, и для приматов, Франца Кафки может быть одним из источников устойчивого мотива условной принадлежности к разным мирам в «Ultima Thule». Персонажи обоих рассказов сталкиваются с представителями другого мира, впускают их в свой, и те, так или иначе, страдают от неполной принадлежности к этим мирам, невозможности свободного пересечения границы между ними. Непринадлежность героев ни к одному из знакомых им миров становится очевидна как для них, так и для окружающих. Синеусов отмечает странность поведения Фальтера, как бы забывшего о правилах поведения. Сам Фальтер на фразеологическом уровне отделяет себя от социума. Он отмечает условность человеческих представлений о четкости границ между мирами живых и мертвых: «Что же, царствие ей небесное, – так, кажется, полагается в обществе говорить?»

Обезьяна Кафки подобным образом указывает на свое двойственное отношение к социальным условностям: его взгляд на привычки окружающих людей — взгляд наблюдателя, не участника. В докладе детально анализируются все случаи проявления этого мотива, в контексте с другими устойчивыми приемами (фракталами, гибридами и дуэтами) [Тимофеев 2022]. Одной

из общих характеристик этих приемов у Набокова является неоднозначность, что в свою очередь роднит набоковские приемы с не менее устойчивой обратимостью тем и мотивов у Кафки. Обратимость у Кафки определяется общим принципом: две тенденции, две противостоящих силы действуют как два параллельных, но противоположно направленных вектора. В рассказе «Отчет для академии» противостоящие друг другу силы представлены оппозицией качеств. Обезьяну пытаются очеловечить, то есть добиться от нее проявления несвойственных качеств, преодолев ряд трудностей, она демонстрирует неожиданный избыток этих качеств. Особые страдания ей доставляют люди, демонстративно отказывая ей в праве быть частью их сообщества [Тимофеев 1994].

Обезьяний мотив в «Ultima Thule» вливается в лейтмотив поиска связи с потусторонним миром [Александров 1999; Джонсон 2011; Ariev 2000] и как «обезьянка истины» снабжает рассказ изрядной долей романтической иронии.

Литература

- Александров В. Е.* Набоков и потусторонность: Метафизика, этика, эстетика / пер. с англ. Н. А. Анастасьева. СПб., 1999.
- Джонсон Д. Б.* Миры и антимирy Владимира Набокова / пер. с англ. Т. Стрелковой. СПб., 2011.
- Pro et contra — В. В. Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей / Антология. СПб., 1997.
- Тимофеев В.* Фракталы, паргелии, гибриды, дуэты и хиазмы в Ultima Thule // Набоков и современники. Историко-литературный альманах. Вып. 1. СПб., 2022. С. 147–166.
- Тимофеев В.* Устойчивые схемы в мировосприятии автора (на материале произведений Франца Кафки // Вестник Удмуртского Университета. 1994. № 4: 86–90.
- Ariev A.* Отражение в аспидной доске: О рассказах «Solus rex» и «Ultima Thule» Вл. Набокова // Revue des études slaves. 2000. T. 72, fasc. 3–4: 353–370.

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ГОРИЗОНТА ОЖИДАНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ В ИРАНЕ: ОТ РАССКАЗА С. ХЕДАЯТА «ЛАЛЕ» ДО РОМАНА В. В. НАБОКОВА «ЛОЛИТА»

Аштарани Сусан

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Роман «Лолита», опубликованный в 1955 г., стал самым известным произведением В. Набокова. Хотя Набоков в послесловии к американскому изданию 1958-го года утверждает, что источником вдохновения для этого романа стала газетная статья об «обезьяне в клетке», но до издания романа «Лолита» были опубликованы еще два рассказа, которые были основаны на аналогичном сюжете: рассказ «Лолита» впервые был написан немецким писателем Х. фон Лихбергом в 1916 г. и рассказ «Лале» С. Хедаята, иранского писателя, вышел в свет в 1932 г. в сборнике рассказов «Три капли крови» на персидском языке. В 2019 г. была опубликована статья «Компаративистика как метод преподавания (тематическое исследование романа Набокова “Лолита” и рассказ С. Хедаята «Лале»», в которой автор рассматривает проблемы сходства между этими двумя произведениями. Несмотря на то, что между этими произведениями много общего, в Иране интерпретируют и воспринимают эти произведения по-разному. Это свидетельствует об изменении горизонта ожиданий иранских читателей под влиянием эстетической дистанции и эстетического опыта читателей. Актуальность данной темы определяется тем, что впервые обсуждается процесс трансформации горизонта ожиданий иранских читателей и влияние эстетической дистанции и эстетического опыта читателей. Объектом исследования являются научные труды, статьи и отзывы иранских исследователей, занимающихся изучением творчества В. Набокова и С. Хедаята. Наша основная задача — определить причину и характер трансформации горизонта ожидания иранских читателей в связи с изменением социально-политических и культурных условий в Иране. Хотя эти произведения имеют сходные сюжеты, но в них существуют существенные различия.

В большинстве произведений С. Хедаята воплощены реалистические социальные аспекты жизни и образ иранской культуры того времени, в то время как в произведениях Набокова и особенно в романе «Лолита», по утверждению исследователей, отражаются аспекты жизни американского общества и совершенно иной западной культуры. После исламской революции 1979 года и утверждения господства религии в общественном развитии, культура и искусство также испытали влияние исламской идеологии. А в связи с введением цензуры в искусстве и литературе в значительной мере усиливается религиозная традиция, она доминирует как основа политики, этики и культуры.

В рассказе «Лале» не существует эротического описания чувств мужчины к девочке, и С. Хедаят рассказывает о любви 65-летнего мужчины к 12-летней Лале. Некоторые исследователи считают, что «Лале» является реалистическим рассказом, который, как и другие рассказы Хедаята, показывает социальные и культурные условия того времени. Яхья Арианпур, иранский критик и исследователь, в книге «От Сабы до Нимы» (1987–1998) утверждает, что любовь в рассказе «Лале» достаточно глубока, и Хедаят воплощает глубокие чувства и психологические истины. Он описывает чувство героя в этом рассказе как страстную и полную красоты любовь.

После исламской революции публикация романа «Лолита» была запрещена в Иране из-за эротических описаний. В то время как Азар Нафиси в своей книге «Читая Лолиту в Тегеране», изданной в 2003 г., высказывает, что Набоков изображает структуру жизни в тоталитарном обществе в этом романе, поэтому некоторые исследователи утверждают, что причиной популярности романа «Лолита» является влияние неокOLONIALной литературы на интерес читателей к этому роману, распространение незаконных и отвратительных сексуальных наклонностей, что является пропагандой этого в обществе.

Поэтому горизонт ожиданий иранских читателей определяется не только процессом рецепции, но и изменением, внесенным в политическую и социальную структуру, и влиянием исламской идеологии на культуру и восприятие художественной литературы.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПОВЕСТЯХ В. В. КОРСАКА-ЗАВАДСКОГО «ПЛЕН» И «ЗАБЫТЫЕ»

Габалла Май Амин Гуда

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Несмотря на возрастающий исследовательский интерес к литературе русского зарубежья, оказалось почти не исследованным творчество некоторых писателей, представляющих собой заметное явление в жизни русской диаспоры. Одним из забытых писателей является Вениамин Валерианович Корсак-Завадский (1884–1944), русский офицер, участник Первой мировой войны, попавший в немецкий плен и ставший одним из представителей старшего поколения в литературе русского зарубежья. Его автобиографическая проза являет собой «живой голос истории» и служит предметом исследовательского интереса для осмысления таких проблем, связанных с литературой русского зарубежья, как вопрос идентичности, метафизика войны и травма сознания. Творчество В. В. Корсака-Завадского представляет собой «бытовую эпопею», как писал М. Осоргин [Осоргин 1933: 461]. Это, скорее, задуманный проект репрезентации индивидуальной травмы как параллель к коллективной травме сознания. Об этом свидетельствуют слова писателя в письме к журналистке и археологу Татьяне Варшер от 25 октября 1935 г.: «Я сам потерял всех близких и родных, все ушли в другую жизнь, и я был на грани безумья и боли, и потому хорошо понимаю боль человеческую. И вот от этой боли как-то шевельнулось у меня — дорогое минувшее нам возвратится. И в этом свете явилась мысль о «Мечте Человеческой». Мысль о воскресении и воскрешении всего жившего, о возвращении его к жизни в новом преобразованном виде, о какой-то неясной, но блаженной жизни. И с мыслью о тех, кто ушел, и надеждой на воскресение и преображение жизни я взялся за Мечту Человеческую, чтобы облегчить себя, облегчить горе других, найти вечное и утешающее» [цитата по: Кадаманьяни 2017: 231]. «Мечта Человеческая» превратила такие травматические события в жизни писателя, как война, плен и изгнание, в «ядро» творчества и само творчество — в терапевтический акт, дающий возможность переживания, переосмысления и обработки травмы. Нас в данном контексте интересуют исследования травмы, в первую очередь учение З. Фрейда о войне, смерти, страхе, скорби и посттравматических неврозах. Автобиографические повести «Плен» и «Забытые» составляют дилогию. В них рассказывается о жизни писателя с 1914 до 1918 г. Повествование ведется от первого лица и начинается с июня 1914 г., даты призыва на войну, которая казалась молодому офицеру чем-то вроде «увеселительной прогулки с ночевками в поле» [Корсак 2011: 5]. Война выступает как «пограничная ситуация», которая по-разному действовала на психику всех героев. В дальнейшем повествование разворачивается на фоне воспоминаний писателя и историй других военнопленных в период немецкого плена с ноября 1914 по июль 1918 г. Отзываясь на произведения В. В. Корсака-Завадского, критики русского зарубежья, например М. Осоргин и М. Алданов, указали на характерную для писателя способность «отодвигать свою личность на незаметный план» [Осоргин 1933: 461] и идентифицировать себя с «сообществом утраты». Это служит примером для «нарративного фетишизма», когда «серьезный анализ причин травмы и ее последствий подменяется повествованием об утратах и страданиях. Ответа на прошлое в данном случае не происходит; скорее, происходит определенная попытка “реконструировать” прошлое таким образом, чтобы в нем нашлось место для голосов пострадавших» [Ушакин 2009: 33]. Все персонажи размышляют о личной трагедии, о судьбе Родины, но никак не могут осмыслить происшедшее или преодолеть разрыв между «прошлым» и «настоящим». Этот разрыв в истории каждого персонажа раскрывается дихотомией «до войны / после войны», «в России / в плену». Травматический опыт в повестях «Плен» и «Забытые» репрезентируется на физическом и психическом уровнях. У военнопленных развивались неврозы из-за пережитой войны, неспособности справиться с чувством утраты, неполноценности и в связи со «стигматизацией», что воплощено писателем в воспоминаниях об оскорбительном отношении к военнопленным со стороны гражданского населения и комендатуры лагерей, и отчуждением русских от других пленных. В каждой истории психологическая травма и физическое заболева-

ние тесно связаны, поэтому значительную часть повествования составляют рассказы больных военнопленных, особенно во время пребывания главного героя в больнице. На самом деле, физическое заболевание большей части пленных было соматизацией «невроза колючей проволоки» [Корсак 2011: 180]. Господствующими стали симптомы посттравматического стрессового расстройства, в частности, потеря речи и сознания, и танатологические мотивы. Война изменила отношение героев к смерти; осознав свою обреченность, особенно с приходом новой власти в России, пленные предпочитали вольную смерть, самоубийство и восприняли выживание как отложенную смерть. Таким образом, травматический опыт войны героев репрезентируется как психическое состояние невроза и осмысливается писателем и на уровне реального плана повествования о событиях войны и плена, и на метафизическом уровне сознания как проблема историософии и существования человека в условиях тотального зла. При всей безысходности темы войны и плена, в повестях находит яркое выражение гуманистическая идея.

Литература

- Кадамьяни Ч.* Отражение революционных событий и гражданской войны в произведениях и письмах В. В. Завадского-Корсака // 1917 год в истории и судьбе российского зарубежья. М., 2017. С. 229–240.
- Корсак В. В.* Плен // Забытая война: сб. ист. лит. произв. / сост. Р. Г. Гагкуев. М., 2011. С. 5–226.
- Осоргин М. В.* Корсак: Под новыми звездами // Современные записки. Париж, 1933. № 52. С. 461–462.
- Ушакин С.* «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: Пункты: сб. ст. / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М., 2009. С. 5–41.

АВТОРИТАРНОЕ СЛОВО В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Большев Александр Олегович

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Авторитарное слово предназначено для трансляции неких положений, которые вещающий индивид считает безусловными истинами, не подлежащими сомнению и не требующими доказательств. «Авторитарное слово требует от нас безусловного признания, а вовсе не свободного овладения и ассимиляции со своим собственным словом» (Бахтин). Носитель авторитарного слова обращается к реципиентам как взрослый к детям, как посвященный к неопитам. Соответственно, аргументация в подобных случаях либо отсутствует вообще, либо предельно редуцирована. Основная цель нашего исследования связана с вопросом о том, как авторитарное слово, которое М. Бахтин справедливо характеризовал как инертное, догматичное, ригидное, сосуществует с культурно-идеологическими реалиями нового времени. Отвечая на данный вопрос, необходимо прежде всего учесть то обстоятельство, что в литературе современной эпохи авторитарно-проповедническое слово практически не встречается в беспримесном виде: чаще всего переключение повествования на «вещающий» регистр носит ситуативно-фрагментарный характер. Проповедническая риторика в большинстве случаев оказывается транспонирована в структуру некоего текста, где доминируют иные, рационально-информативные начала, в результате же она существенно утрачивает присущую ей монологическую ригидность. Смысловым ядром авторитарного слова является, как правило, некий морально-идеологический концепт, как будто бы наделённый статусом безусловной истины высшего порядка. Однако при более тщательном рассмотрении ключевой постулат, составляющий основу авторитарного слова, обнаруживает либо заведомо утопический, либо крайне сложный в плане реализации характер. И в этом отношении особого внимания заслуживает бахтинский посыл о внутренней неубедительности авторитарного слова. В самом деле, переключение повествования с обиходно-информативного регистра на авторитарно-проповеднический обусловлено, кроме всего прочего, сомнениями автора дискурса в истинности ключевого постулата. Авторитарно-проповедническое аффективное возбуждение в какой-то степени следует признать признаком подспудного скепсиса — отчасти именно персональные колебания автор-идеолог и пытается заглушить «вещающим» словом. Зачастую авторитарно-проповеднический дискурс обнаруживает исповедально-автобиографическую природу. В ходе анализа нередко раскрывается связь воспеваемых духовно-нравственных ценностей и обличаемых пороков с персональными психотравмами и дисфункциями писателя-идеолога. В этом плане любая авторитарная проповедь в какой-то мере являет собою, хотя бы отчасти, и исповедь. Ярким примером вышесказанного является рассказ А. Солженицына «Матренин двор». Ключевой постулат, составляющий в этом произведении основу авторитарно-проповеднической риторики, связан с апологией праведнического бескорыстия и обличением меркантильности в любых ее проявлениях. Однако программа преодоления власти плоти и материальных благ над духом человека, развернутая в рамках идеологической риторики, опровергается логикой событийно-драматургического ряда произведения, в первую же очередь — поведением самого рассказчика-проповедника Игнатъича: этот автопсихологический герой, вопреки собственным посылам, без всякой борьбы отказывается от райского уголка Высокое поле по причине отсутствия там продуктового магазина. Отчасти аналогичным образом обстоит дело и в очерке Т. Толстой «Квадрат», где ключевой постулат, основанный на сакрально-романтической концепции творчества, связан с апологией молитвенного служения художника Богу и обличением тех, кто, подобно К. Малевичу, отвернулся от

божественного света и был поглощен сатанинской тьмой. Важную роль в произведении играют инвективы, направленные против Л. Толстого, который в сорокаоднолетнем возрасте якобы встал на путь творческой и духовно-нравственной самодеструкции: «...он отрекся от жизни, какую вел до того, от семьи, от любви, от понимания близких, от основ мира, окружавшего его, от искусства. Некая открывшаяся ему «истина» увела его в пустоту, в ноль, в саморазрушение»; «писатель изгнал из себя животворящую силу искусства, перешел на примитивные притчи, дешевые поучения и угас прежде своей физической смерти...». Проблема в том, что посыл о творческом угасании и переходе на примитивное публицистическое морализаторство плохо согласуется с фактами творческой биографии Толстого (писатель, якобы изгнавший из себя в конце 1860-х годов «животворящую силу искусства», как известно, создал затем целый ряд гениальных художественных шедевров — от «Анны Карениной» и «Отца Сергия» до «Хаджи Мурата» и «После бала»), зато обнаруживает очевидную связь с логикой жизненного пути самой Т. Толстой: фактически творческая деятельность писательницы завершилась еще до достижения ею сорокалетия, в конце 1980-х, а в дальнейшем она проявляла активность в основном на публицистическом поприще. Таким образом авторитарное обличение чужих пороков, равно как и воспевание соответствующих ключевому постулату идеалов, в рамках проповеднического дискурса зачастую связано с персональными невротическими комплексами вещающего проповедника.

«МОСКОВСКИЙ ТЕКСТ» ЮРИЯ НАГИБИНА

Исаева Елизавета Ильинична

доцент, Театральный институт им. Бориса Щукина

В обширном и многообразном наследии Юрия Нагибина есть корпус текстов, который можно определить как «московский» по аналогии с уже традиционным понятием «петербургский текст». Как своего рода связующее звено между двумя этими линиями в литературе XX века может рассматриваться роман Андрея Белого «Москва» (1926–1932), корреспондирующий с его более ранним романом «Петербург» (1912–1913). Рождение «московского текста» в XX в. обусловлено утверждением новой исторической роли Москвы. Его формирование активно происходило в 20-е гг. в разных жанрах: это и циклы очерков Сигизмунда Кржижановского («Штемпель: Москва», «Московские вывески» — 1925), и с тяготеющая к эстетике физиологического очерка публицистика Михаила Булгакова 20-х годов и его фантастическими повести. Но-стальгическое изображение старой Москвы дают повести Александра Чаянова, прежде всего «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» (1923). Москва новой эпохи предстала в романе Юрия Олеши «Зависть». В 20–30-е годы были созданы тексты, ставшие частью литературной жизни много позднее: роман «Мастер и Маргарита» (1965–1966) и повесть «Собачье сердце» (1987) Михаила Булгакова. Возвращение к этой линии произошло уже в послевоенные годы, знаковым произведением можно считать повесть Юрия Трифонова «Студенты» (1950). У Нагибина московская тема зазвучала в годы оттепели. Возникшая в ней лиричность, под-сказанная эстетикой «исповедальной прозы», обозначила иной, сравнительно с сороковыми и пятидесятыми годами, уровень его творчества. Произведения Нагибина создавались в разных жанрах: повесть в рассказах «Чистые пруды», цикл «Книга детства» («Лето»,

«Старые переулки», «Школа»), «Мой первый друг, мой друг бесценный», «Всполошный звон. Книга о Москве», «Московское зазеркалье» и примыкающие к ним очерки по истории города. В этих текстах Москва — и место действия, и источник историко-литературных ассоциаций, и двигатель сюжета, и — главное для Нагибина — синоним детства, соединяющего пространство и время. Пространство сужено до времени детства — это район Чистых прудов, описанный как микрокосм, школа видится аналогом пушкинского Лицея. «Московский миф» у Нагибина изначально получил своеобразную окраску — это мифология детства («трудного, бедного и прекрасного»), и она просвечивает в тематически разных произведениях. Мотив детства углубляясь, срастается с темой военного поколения, к которому принадлежал Нагибин. Школьная юность его персонажей ретроспективно увидена как предвоенная. Облик героя военной повести «Павлик» (1960) в его юные годы, в сущности, воссоздан в написанных позже «Чистых прудах» (1962). Это связывает «московский текст» с произведениями писателя о Великой Отечественной войне и послевоенных судьбах ее участников, порой — в их драматическом преломлении, как это происходит в рассказе «Терпение». В повести «Чистые пруды», воссоздающей реалии 30-х годов — в точном соответствии с хронологией биографии писателя — мир детства показан замкнутым в самом себе, в него не проникают события взрослой жизни. Единственным знаком истории становится гражданская война в Испании, трагически предсказавшая будущее чистопрудных мальчиков. Стержнем сюжета стала история первой любви. Не отторжимая от той эпохи тема репрессий, вошедшая в жизнь юного Нагибина через судьбу его отчима, осталась за пределами этого окрашенного лиризмом художественного пространства, став основой повести «Встань и иди» (1954–1989). Другая проекция московской темы — это образ старой Москвы его воспоминаний, ставший истоком тяготения писателя к исторической проблематике и в прозе, и в киносценариях. Погруженность Нагибина в образы своего московского детства во многом обусловила принципиальные черты его эстетики. По признанию писателя, при построении произведения он всегда предпочитал идти от невымышленных событий, от реальных людей. Этим обусловлен и образ повествователя, минимально дистанцированный от автора. Только в последний период творчества Нагибин обрел большую свободу вымысла.

«Московский текст» Нагибина существует в контексте сходных по тематике произведений его предшественников и современников. Здесь, как и в творчестве самого писателя, можно выделить разные жанровые линии. Воссоздание облика ушедшей Москвы связано с именем Владимира Гиляровского, москвоведческие труды Петра Сытина он нередко цитирует. Мистические черты в жизни города перекликаются с мотивами булгаковской прозы. Бесспорно, самым близким Нагибину писателем является Юрий Трифонов. Их объединила общность «времени и места» судьбы, при принципиальных различиях проблематики и эстетики. Традиции «московского текста» не прерываются: в этом ряду повесть «Хохловский переулок» Леонида Зорина, «Московская сага» Василия Аксенова, роман «Камергерский переулок» Владимира Орлова. Значение созданного Юрием Нагибиным в этой области несомненно. Особенности его «московского текста» при несомненной и открытой лиричности не заслонены фигурой автора (чему яркий пример Булгаков). Это позволяет точнее выявить типологию, и в сравнении в «петербургским текстом» интерпретировать своеобразие «московского».

О ПЕРВОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ КНИГЕ О. А. ОХАПКИНА «НОЧНОЕ ДЫХАНИЕ»

Корсунская Анастасия Геннадьевна

профессор, Военный институт физической культуры

О. А. Охапкин принадлежит к числу авторов ленинградского самиздата. Его литературное наследие только начинает открываться широкому читателю. Исследование личного архива Охапкина позволяет открыть значительное количество неизвестных текстов. Так среди рукописей поэта была обнаружена папка с отрывками книги «Ночное дыхание», которая считается его первой лирической книгой.

Стихотворения, объединенные в ней, датируются с 1966 по 1968 гг. и относятся к раннему периоду творчества автора. Фрагменты лирической книги хранятся у вдовы поэта Т. И. Ковальковой. Состояние рукописи позволяет судить о том, что расположение текстов в ней не соответствует заданному автором порядку, более того, неустановленное количество, вероятно, во все утрачено. Таким образом, исследуемая книга «Ночное дыхание» является реконструкцией замысла Охапкина. Она состоит из 70 стихотворений, которые объединены в четыре части. В свою очередь каждая часть делится на разделы:

I часть: «Стихи во сне», «Ночное дыхание»

II часть: «Предслышанное время», «Осень», «Повечерье»

III часть: «Перед закрытой дверью»

IV часть: «Ночное плавание», «Летучий голландец», «Пора вечерняя», «Послесловие», «Зимний лёд».

Первая лирическая книга вовсе не являлась для Охапкина «пробой пера». При рассмотрении контекста всего литературного наследия поэта становится очевидным, что удивительным образом в «Ночном дыхании» сконцентрировались смыслы, образы и сюжеты, которые в процессе творческого становления будут развиваться, расширяться, усложняться, прорабатываться с большей глубиной. Таким образом, уже в первой лирической книге прослеживается тяготение поэта к определенным темам и сюжетам, стремление к цельности и созданию монументального художественного контекста.

Знаменательно, что книга «Ночное дыхание» посвящена Н. А. Козыреву, известному отечественному астрофизику, доктору физико-математических наук, автору научной теории об энергии времени. Поэта и ученого связывала многолетняя дружба, что нашло отражение в творческом наследии Охапкина. Козыреву поэт посвятил несколько стихотворений, первые из которых вошли в состав первой лирической книги: «Трубила в рог пурга...» и «Я Вас узнал в минуту счастья...»

Можно предположить, что знакомство поэта и ученого состоялось в преддверии создания книги «Ночное дыхание», и козыревская тема, связанная с философским осмыслением категории времени, зарождается уже в первой лирической книге Охапкина и далее пройдет сквозной нитью через многие творческие годы, во многом определит особенности художественного мышления поэта.

В значительной степени научная теория Козырева об энергии времени повлияла на осмысление Охапкинским времени как художественной категории: «Звезды не охлаждаются до равновесия с окружающим пространством, потому что этому препятствует текущее время. Значит, огромные массы вещества звезд перерабатывают время и превращают его в излучение»; «Время оказывает влияние на ход событий. Время является источником энергии звезд и поддерживает в них жизнь, термоядерная энергия исчерпаема, энергия времени неисчерпаема. Охлаждению звезд препятствует время».

В контексте пронизывающих ткань лирического повествования многочисленных библейских аллюзий и реминисценций название книги представляется контаминацией двух словосочетаний: «ночное бдение» и «всякое дыхание».

«Ночное бдение» является «древней духовной практикой», позволяющей развить «духовное видение или созерцание». По словам Исаака Сирина, «всякая ночная молитва полезнее тебе

всех дневных подвигов Поэтому избери себе делание усладительное — непрестанное делание по ночам, во время которого все отцы совлекались ветхого человека и сподоблялись обновления ума». «Всякое дыхание» — словосочетание из 150 псалма Псалтири. Текст данного псалма является одним из песнопений Всенощного бдения, службы, которая «при строгом соблюдении устава должна продолжаться от захода солнца до рассвета»: «Хвалите Бога во святых его, хвалите его во утверждении силы Его Всякое дыхание да хвалит Господа».

Именно ночь как время суток является основным временем протекания лирических событий в книге «Ночное дыхание». Ночью слышен «ход времени» и различимо «дыханье деревьев», то есть происходит открытие сокровенного, того, что важно знать «истинному поэту» о закономерностях процессов, протекающих в мироздании. Такое зрение открывается только ночью.

Книга «Ночное дыхание» — об открытии поэтического видения, о принятии судьбы «истинного поэта». В «Ночном дыхании» появляется первое ассоциативное сравнение своего творческого пути с плаванием на обреченном на вечное скитание корабле-призраке «Летучий Голландец». Уже во второй половине 1960-х гг. Охупкин будет осознавать, что его поэзия для современного ему широкого читателя может остаться «непонятой и непризнанной»:

Давно так не звездило по ночам.
Все бегство, бегство: комната и книги...
В пространстве туч имперские квадраты,
В эпохе даты — все по палачам.
Лишь палуба Летучего Голландца
Вне времени, законов, перемен.
Но и на ней опасно без баланса, —
Свободен дух, но и скитанье — плен.

Удивительна точность поэта при обозначении пространства происходящих лирических событий. Ленинград — город жизни Охупкина. Характерно, что во многих текстах поэт детально очерчивает своего рода карту произведения. Впервые такая детальная прорисовка пространства встречается в книге «Ночное дыхание»: Адмиралтейство, Исаакиевский собор, Вознесенский проспект, Гороховая улица, Фурштадтская улица, Аничков мост. В большей степени топография города связана с любовной линией, где прототипом лирической героини является девушка по имени Александра. К сожалению, более полных данных выявить не удалось.

Особое внимание автор уделяет разрушенным храмам в советский период. В первую очередь это касается храмов родной для Охупкина Коломны. Также в текстах стихотворений упоминаются три разрушенные церкви, на месте которых были построены станции метро «Площадь Восстания», «Чернышевская», «Сенная».

«ДИССИДЕНТ В ДИССИДЕНТСТВЕ»: СТРАТЕГИИ ПОЛЕМИЧЕСКОГО УСПЕХА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «ОБВОДНЫЙ КАНАЛ»)

Лю Гаочэнь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование стратегий литературного успеха в советском самиздате представляет собой одно из актуальных направлений в изучении литературного процесса в России второй половины XX в. (см. работы Е. Панкратовой, Т. Хайрулина и др.). В докладе рассматриваются стратегии достижения успеха участниками литературно-критической и социально-идеологической полемики на страницах ленинградского литературно-критического журнала «Обводный канал» (1981–1993). В отличие от авторов художественных произведений, выстраивающих свою стратегию литературного успеха с целью приобретения определенного социального капитала, не имея практического адресата, литературно-критические полемисты на тот же капитал претендуют более «целеустремленно» — посредством обнаружения и раскрытия сути заблуждений представителей гуманитарных наук относительно литературных явлений в конкретных работах, сопровождая свои характеристики оценочными комментариями. Яркий пример реализации полемической стратегии — статья «Нечто о русской критике и публицистике начала 80-х годов», которая была опубликована под псевдонимом Б. Л. в новом разделе «Полемика» (1982, № 3). Автор опровергает ряд лжепроблем, поставленных в неподцензурных литературоведческих и культурологических текстах, и разоблачает необоснованность выводов, вытекающих из анализа этих проблем. С литературно-социологической точки зрения полемист, придавая ранговые значения различным сферам литературоведения и устанавливая свои критерии научности, выступает с позиции «диссидента против диссидентства» и выстраивает стратегию полемического успеха на основе отрицания исторической полномасштабности и социальной значимости диссидентства как «культурного движения». Примечательно, что комментарии от редакции журнала к напечатанной статье первоначально выглядят довольно мягкими, даже с некоторой солидарностью с полемистом, и сопровождаются лишь беглым комментированием расхождений с ним в виде принципиальных оговорок. Это обусловлено объективно-нейтральной позицией периодики как наблюдателя и оператора, предоставившего авторам площадку и возможность для свободного обмена рассуждениями. Тонкое изменение позиции журнала произошло в связи с более отчетливым осознанием существования полемической статьи, что отразилось в заявлении от редакции в новой рубрике «Почта “Обводного канала”» (1983–1984, № 5), после которого были опубликованы еще две статьи: отклик М. Смирнова с разгромными выпадами против «пасквиля» Б. Л. под названием «К нам приехал ревизор (письмо к критикам)» и развернутый саркастический ответ Б. Л. «Заявление для неофициальной прессы». Последнее из них выразило сильнейшие сомнения в адекватности примененных неофициальными литераторами методов в интерпретации и оценивании явлений литературного процесса, то есть отстаивала прежнюю позицию и в очередной раз выстраивала ту же стратегию полемического успеха — притворным раскаянием разрушительно дискредитировано культурное подполье Ленинграда. Можно сказать, что точно так же, как и создание новых разделов в журнале (и, между прочим, самого «Обводного канала») было основано на вере инициаторов в активизирующую и даже исцеляющую роль литературной полемики, все стратегии литературного успеха со стороны редакции (будь то уступки или упреки) направлены на повышение инклюзивности идеологических интенций печатаемых текстов и вовлечение их в общее русло независимого культурного процесса. Это объясняется тем, что только приобретение высокой компетентности и авторитетности в качестве символического капитала в пределах литературного круга позволяет претендовать на более широкое социальное влияние.

Литература

- Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000.
- Долинин В., Иванов Б., Останин Б., Северюхин Д. (сост.) Самиздат Ленинграда. 1950-е — 1980-е. Литературная энциклопедия. М., 2003.
- Обводный канал. №1–5, 7–10 (1981–1986). URL: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3Aobvodnyikanal>
- Хайрулин Т. Литературная стратегия В.Кривулина 1970-х — нач. 1980-х гг. Диссертационная работа к. фил. наук СПбГУ. СПб., 2021.

ПРИНЦИПЫ ЦИКЛИЗАЦИИ В КНИГЕ ПОЭМ ВЛАДИМИРА ЛУГОВСКОГО «СЕРЕДИНА ВЕКА»

Пашков Александр Витальевич

доцент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Советская поэзия середины XX в. (Владимир Луговской, Павел Антокольский, Николай Тихонов и др.) оказала заметное влияние на творчество поэтов последующих поколений. Евгений Евтушенко, Евгений Рейн, Иосиф Бродский признавались, что учились у своих предшественников различным сторонам поэтического мастерства. «Середина века» Владимира Луговского стала одной из наиболее известных поэтических книг эпохи оттепели и подсказала последователям немало художественных находок, в том числе и в аспекте циклизации.

Книга состоит из двадцати пяти кратких поэм. Указаны даты написания каждой поэмы. Годы создания шестнадцати поэм обозначены как 1943–1956. Для большинства текстов, составивших книгу, через тире отмечены год начала и год окончания работы. Год начала — как правило, 1942 или 1943; год завершения — в большинстве случаев 1956 или 1957. Луговской начал работать над этими поэмами во время Великой Отечественной войны, находясь в ташкентской эвакуации, что и отражено в обозначении дат. Поэту важно неоднократно упомянуть таким образом годы войны.

Следуя принципу воссоздания событий собственной жизни через узловые моменты истории, её драматические и трагические точки, автор многократно акцентирует внимание читателей на военных годах.

Тире, присутствующее почти в каждом обозначении даты, как будто символизирует выход из тяжелого военного времени более радостные, обнадеживающие, многообещающие годы оттепели.

Уже в заголовочно-финальном комплексе автор задает определенные временные ориентиры, которые находят поддержку и в самом тексте. Таким образом, почти в каждой поэме присутствует двойное указание на историческое время: время действия и время написания произведений. Это может быть прямое («Шестнадцатый кончался страшный год») или косвенное указание, через упоминание известных фактов (например, присуждение Киплингу Нобелевской премии в 1907 г.). К восьмой–девятой по счёту поэмам время действия постепенно приближается к кануну Второй мировой войны, а затем — к ее началу и продолжению. Две временные линии соприкасаются, затем пересекаются. Луговской намечает свое видение связи между предметами, явлениями, событиями; связи, схваченной интуицией художника; в конечном итоге — свое понимание времени, отразившееся в принципах циклизации книги. Большая книга, которая состоит из более чем двух десятков отдельных произведений малого объема, неизбежно формирует определенные принципы их объединения. «Это не попытка соединить какие-то исторические события, — это как бы душа некоторых событий; это попытка в двадцати пяти поэмах обобщить то, что было важно и серьезно в XX веке» — писал автор о своей книге. Художественная реальность Луговского во многом соотносится с философией Анри Бергсона. Размышления Луговского о «душе событий», напоминая о соображениях, высказанных Бергсоном в работе «Творческая эволюция»: «Наш глаз замечает черты живого существа, но как рядоположенные, а не соорганизованные между собой. Замысел жизни, простое движение, пробегающее по линиям, связывающее их друг с другом и придающее им смысл, ускользает от нас. Этот — тот замысел и стремится постичь художник, проникая путем известного рода симпатии внутрь предмета, понижая, усилием интуиции, тот барьер, который пространство воздвигает между ним и моделью». Луговской предлагает свое видение связи между предметами, явлениями, событиями; связи, схваченной интуицией художника; в конечном итоге — свое понимание времени. Вероятно, время, отраженное в заголовочно-финальном комплексе поэм Луговского (1943–1957), обратившись к терминологии Бергсона, можно соотнести с понятием «время—количество», а преломление времени в тексте произведения — с понятием «время—качество», то

есть длительности, которая состоит (по Бергсону) из отдельных нот, но воспринимается человеком как единое целое, поскольку человек интуитивно отождествляет себя с ней и проживает ее изнутри. У Бергсона и Луговского созвучны также интерпретации феномена сновидений. Французский философ был убежден, что человек ничего не забывает и все прошлые переживания, ощущения, мысли и эмоции накапливаются в памяти, начиная с раннего детства. Таким образом, нить сновидения формируется из воспоминаний, хотя человек часто не признает этого, так как эти воспоминания очень стары или забываются в дневное время; в них заключена память о предметах, которые воспринимались рассеянно в течение дня, или же они являются фрагментами разорванных воспоминаний, которые память собирает вместе. Возможно, соединяя в одной книге различные события, временные периоды, топосы, Луговской старается сделать общую картину похожей на сны-воспоминания. В заглавиях и в структуре некоторых поэм цикла это выражено прямо (одна из поэм называется «Сказка о сне», другая — «Город снов»). Композиция произведений также во многом соотносится с изображением сновидений. Возможно, Луговской имеет в виду, что сон — это и есть способ интуитивного, творческого постижения действительности и такой способ является более эффективным вариантом познания мира, чем интеллектуальные усилия. Вероятно, такой формат освоения мира и помогает поэту увидеть различные явления не как рядоположенные, а как организованные между собой. Своеобразным метрико-ритмическим воплощением «души событий» становится у Луговского белый пятистопный ямб. В выборе стихотворного метра проявляется стремление средствами поэтического языка соединить разнородные явления; создать иллюзию общего ритма совершенно различных казалось бы феноменов.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ПОЭЗИИ ДМИТРИЯ ТРИБУШНОГО

Твердюк Алина Дмитриевна

ассистент, Донецкий государственный университет

Исследование дискурсивной личности поэта предполагает по возможности полное описание исторической, культурной, социальной и собственно поэтической природы его текстов, обнаружение действительной обусловленности этих текстов спецификой личности автора, его взглядами, эстетическими установками, его жизнью в конечном счете. Поэтическое произведение — это место встречи конкретного человека — автора, его мировоззрения, убеждений с окружающей его действительностью. Поэт (и шире автор вообще) — не просто носитель языка, но — что еще важнее — носитель «определенной концептуальной системы, на основе которой он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» [Павилёнис 1983: 48]. Одним из путей обнаружения и описания этой индивидуальной «концептуальной системы» может служить изучение интертекстуальной природы поэтических произведений. Сам факт обращения к чужому слову, отбор языкового материала для цитирования и переработки, способы его вживления в собственный текст — всё это добавляет значимые штрихи к портрету поэта как языковой личности и как участника поэтической коммуникации, где его собеседниками выступают не только читатели, но и цитируемые авторы.

Творчество донецкого поэта Дмитрия Трибушного предоставляет исследователю большое пространство для изучения интертекстуальности в современной поэзии. Даже поверхностное знакомство с его текстами показывает, что этот автор охотно, часто и совершенно осознанно обращается к мировой культуре, чтобы на базе известного образа, строки строить свой образ, свою метафору. Одним из наиболее востребованных источников цитирования для Д. Трибушного служит мировая художественная литература. Так, строка из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» обыгрывается с помощью противопоставления: «Есть повести печальнее на свете. / Когда бы в ДНР воскрес Шекспир, / Он рассказал бы Твиттеру о гетто, / В которое попал шахтерский мир». Знаменитый гамлетовский монолог дает почву для строки: «что бы ни ответил Гамлет, все же / решают «грады», «быть» или «не быть». Пушкинский текст встречается в прямом цитировании: «Дар случайный, дар напрасный, / Непонятный дар», есть примеры более обширной аллюзии на базе целой строфы: «Товарищ, верь — у дна нет дна, / И предпоследние герои / Напишут наши имена / На бледных стенах новостроек». Двуязычность автора, жителя Донбасса, прослеживается в широко известной цитате из «Заповіта» («Завещания») Т. Шевченко: «Як умру, то поховайте. / Большого не надо». Расширяя географию цитируемых авторов, Трибушный дважды включает в свои тексты отсылки к китайскому философу Чжуан-цзы и его притче о бабочке: «Где бабочку искать, / Которой это снится? / В провинции Донецк? / На краешке земли?», «О бабочке, которая не спит, / Сама не спит и Чжуан-цзы не снится».

В рамках одной строфы или одного стихотворения автор может использовать отсылки к разным произведениям, свободно конструируя собственный текст из известных текстов, но при этом придавая им новое звучание и новые смыслы. Так, в строфе «Легко вернуться на Итаку, / Пройти сквозь ад. / Не все написанные знаки / В огне сгорят» соседствуют Гомер и Булгаков. А в строфе «Моя печаль светла, / Светла и безначальна. / Для светлости такой / Достаточно белил. / И море, и Гомер — всё движется печалью. / По крайней мере, так / Конфуций говорил» — Пушкин и Мандельштам. Помимо художественной литературы автор обращается к песням, которые хорошо известны русскому слушателю. «И мы в одном огне горим, / Друг другом дышим. / Вверху, над небом голубым / И даже выше» — прямое цитирование стихотворения А. Волохонского «Рай», неточно исполненного группой «Аквариум». «У солдата выходной, / Пуговицы в ряд. / Это значит, что родной / Город не бомбят» — также прямое цитирование известной песни М. Танича и В. Шаинского «Идет солдат по городу». Еще одним значимым источником цитирования служит для Д. Трибушного Библия и Священное Предание. Будучи священнослужителем Русской православной церкви, автор глубоко погружен в библейский текст и использует его смысловую многомерность как инструмент создания поэтической метафоры.

Примеры: «В глухой столице Ирод веселится, / Задумывая новый холокост», «У всякой твари есть своя нора, / сын человеческий может жить в воронке» и др.

Создавая интертекстуальное поле своих произведений, автор намеренно обращается к мировой культуре разных эпох и стран, очерчивая таким образом круг своих ценностных, эстетических, художественных приоритетов и интересов, вводя свои произведения в «более широкий культурно-литературный контекст» [Фатеева 2007: 124] и вступая в диалог с читателем, способным считывать его аллюзийную игру.

Литература

Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Омск, 1999.

Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2007. С. 122–159.

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

Тянь Фан

аспирант, Российского университета дружбы народов

Русская женская проза как массовое явление появляется в конце 80-х — начале 90-х годов XX века. В то время выходят разнообразные коллективные сборники женской прозы. Женщины-писательницы активно заявляют о необходимости приобретения женского голоса в литературной сцене, пытаются доказать, что женщины-писательницы пишут не хуже, и даже лучше, чем мужчины-коллеги.

В современную русскую литературу вошли многочисленные женские имена: С. Василенко, Л. Петрушевская, Т. Толстая, Л. Улицкая, М. Палей, В. Нарбикова и другие. Среди них необходимо выделить Л. Петрушевскую.

Петрушевская Людмила Стефановна — драматург, прозаик. Рассказ «Такая девочка» был отдан в редакцию «Нового мира» в 1968 году, но редактор А. Т. Твардовский отказался напечатать.

С начала 70-х Петрушевская выступает как драматург. На рубеже 80–90-х годов Петрушевская обращается в основном к прозе. Первые рассказы появились на страницах журнала «Аврор» в 1972 году. С конца 80-х по конец века у Петрушевской выходит ряд сборников рассказов и повестей. Повесть «Время ночь» была удостоена премии Букера за 1992 год. Петрушевская занимает весьма важное место в русской прозе, рассматривается родоначальницей женской современной прозы. Ее произведения переводятся на многие языки мира. Сегодня Петрушевская является одной из самых исследуемых писательниц не только в России, но и за рубежом.

Стоит отметить, что творчество Петрушевской вызывает острые споры среди читателей и критиков, как только ее первое произведение увидело свет. С одной стороны, есть критики, которые видят в прозе Петрушевской пустоту, равнодушие, грубость, отсутствие духовной силы и художественного вкуса. А с другой стороны, многие критики считают писательницу настоящим мастером реализма, честным свидетелем общественной жизни. Нельзя не обратить внимание на слова критика Г. В. Вирена, который в своей критической статье «Такая любовь» пишет, что «Она (Петрушевская. — Прим. авт.) страдает им (женщинам. — Прим. авт.), переживает их драмы, проживает их жизни. Без творчества Петрушевской не полна была бы наша литература» [Вирен 1989: 203]. Здесь подчеркивается квинтэссенция творчества Петрушевской — женские персонажи, и дается писательнице должная оценка.

Безусловно, с первых рассказов темы Петрушевской неизменны: болезнь, смерть, страдание и одиночество женщин привлекают особое внимание писательницы, женские вопросы всегда стоят в центре повествования Петрушевской.

На наш взгляд, одной из самых характерных черт женской прозы 80–90-х годов является преодоление традиционной дихотомии мужское/женское. По мнению литературоведа Т. А. Мелешко, мужское и женское в современной женской прозе вступают в более сложные отношения, образуют новые модели взаимодействия полов. Мелешко полагает, что устранение женственности характерно для художественной манеры Л. Петрушевской: женщина оказывается в трагической ситуации вынужденной маскулинизации, что ведет к гибели и мужского начала и собственно женского [Мелешко 2001].

Очень показательны образы разрушительницы-женщины в рассказах и повестях Петрушевской: современная Медея (рассказ «Медея»), советская дама с собачкой (рассказ «Дама с собаками»), мама-тиран Грозная (повесть «Маленькая Грозная»), тезка Анны Ахматовой (повесть «Время ночь»), свидетельствующие о необратимом процессе маскулинизации женщины, погибающей и несущей гибель. И поэтому, несмотря на то что героиня у Петрушевской внешне представлена как искалеченное бытом трепаное существо, она совсем не предстает маленькой, забитой и униженной. Как отметила Т. Касаткина, женщина — это целый мир, к которому мужчина относится как часть к целому. В сопоставлении с женщиной, мужчина в произведениях

Петрушевской предстает как существо недовершенное и «толстенький ребенок», ничего не понимающий и безответственный [Касаткина 1996].

Здесь типичный пример исчезновения и женского и мужского начала в повести «Маленькая Грозная»: мужчина совсем не обладает маскулинными качествами традиционного героя, а предстает слабым, глупым. А героиня Грозная — сильная, решительная, единолично управляет всеми и всем, не пускает никого жить. В героине окончательно умерла женственность, отсутствует и материнской любви (она выгнала из семьи два сына) и ласка к мужу (она часто его ругает).

Примечательно, что в этой повести хотя бы присутствует мужчина, во многих других произведениях Петрушевской семья существует в виде чисто «женского», там только женские члены: бабушка, мама, дочь (повесть «Время ночь», рассказ «Выбор Зины», рассказ «Еврейка Верочка»). В своем творчестве Петрушевская разворачивает перед читателями реалии жизни советской женщины — будучи участницей и жертвой мифа псевдо-феминизма, ей приходится нести двойное бремя — общественное и домашнее. Мужчина либо уходит к другой, либо вовсе не известен. В героинях явно видится тупик женщины как домохозяйки и одновременно кормильца. Именно в этом основной фактор «исчезновение» женщины и женственности в творчестве Петрушевской.

Однако, несмотря на сенсационное разоблачение и беспощадную жестокость, Петрушевская не предлагает никаких рецептов изменения жизни. Воздействие ее произведений сравнивают с шоковой терапией. В 1991 году в Гарвардской лекции «Язык толпы и язык литературы» Петрушевская говорила о необходимости ужасного в искусстве. По ее мнению, это репетиция смерти, ввергающая читателя в катарсис, после чего и происходит возрождение к жизни [Цит. по: Мелешко 2001]. Очевидно, именно в этом пафос аннигиляционной стратегии преодоления традиционной оппозиции мужское/женское в творчестве Петрушевской.

Литература

Вирен Г. В. Такая любовь // Октябрь. 1989. № 3. С. 203–204.

Мелешко Т. Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте (Образы женственности в творчестве современных российских писательниц). Учебное пособие по спецкурсу. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2001. 88 с. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/br_zakl.htm

Касаткина Т. «Но страшно мне: изменишь облик ты...» // Новый мир. 1996. № 4. С. 212–219. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1996_4/Content/Publication6_5106/Default.aspx

КОНЦЕПЦИЯ «ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А. БИТОВА

Чэнь Шаньшань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Жизненный цикл — это изначально биологическое понятие, обозначающее процесс рождения, развития, старения и смерти различных видов животных и растений в пределах биосферы Земли, определяемый естественными параметрами экологической среды. Жизненный цикл можно интерпретировать как непрерывную систему адаптации, которая обеспечивает непрерывность существования видов в пространстве и времени. По мере развития времени и науки жизненный цикл используется во всех областях знаний, в том числе в науке и академическом кругах, социально-экономической сфере, программном обеспечении, и в других видах искусств. В философском плане Гераклит писал о «циклах» еще в 6 в. до нашей эры. По его словам, «Мир есть вечно-живой огонь, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерно воспламеняющимся и мерно угасающим». Этот афоризм хорошо иллюстрирует весь процесс жизни. Согласно Гераклиту, мир вечен и неизменен, но ход развития природы цикличен; в природе все меняется каждое мгновение, либо наследуя сущность того, что было до него, и продолжая его свойства, либо наследуя его отбросы или становясь его противоположностью, однако жизнь в целом — это процесс.

В литературе писатели склонны ассоциировать жизненный цикл с понятиями жизни и смерти. По мнению Д. Мережковского, русская литературная традиция на самом деле берет свое начало с Пушкина, после которого русские писатели сознательно объединили свои размышления о жизни и смерти в своих произведениях. Жизненный цикл в творчестве Битова в основном проявляется как продолжение ценности жизни. В его ранних работах героями в основном являются дети или несовершеннолетние, которые, несмотря на свою хрупкость и неполноту мировосприятия, также являются представителями самой настоящей и непорочной жизни. Эти герои часто сопровождаются персонажами, которые повзрослели или подходят к концу своей жизни. Автор намеренно изображает образы взрослых людей и детей вместе, намереваясь подчеркнуть феномен эстафеты жизненного цикла.

В рассказе «Большой шар» маленькая девочка забрела в незнакомое место в поисках волшебного шара. Во дворе Недлинного переулка Тоня встретила старуху, которая тоже стояла в очереди за шарами, и выслушала её рассказ о прошлом. Надежда старого человека превратилась в мыльный пузырь, символ новой жизни наконец дается Тоне, она наконец-то получила шар и заснула в компании своего отца. И это волшебное место знает только Тоня — именно такую надежду Битов оставляет читателю. В рассказе «Юбилей» старик Борис Карлович, который чувствовал удушье от жесткости своей жизни, укрывался на скамейке в маленьком парке, чтобы избежать наступления юбилея. Глядя на детей, полных жизненной силы, Борис подумал про себя, что надо их вырастить и надеяться, что они будут иначе. Что они смогут жить, как люди чуть дольше, чем только в детстве. Дети — символ яркой жизни и свободной воли, в отличие от стариков, которые представляют взрослых, запертых в жестких церемониальных ритуалах. Старик надеется, что дети послужат искрой для продолжения человеческой жизни. Они являются новой силой, полной надежды, движущей силой для продолжения цивилизации и обновления духовного ядра, что является волей к пожизненному наследованию. Сережа в «Дачной местности», как взрослый человек, потерявший смысл жизни, постепенно погружается в оцепенение и пустоту от повседневных хлопот. Он постоянно ищет смысл жизни, но так и не находит его, пока не обретает вкус и чувствительность к жизни в близости с сыном, где он поражается невинной простоте своего сына и находит истину, приближаясь к истине примитива и к вере. В лице сына Сергей узнает истинный смысл жизни и простое счастье. Здесь автор исчезает, и остаются только читатель и главный герой, резонирующие друг с другом. Поток жизни начинает тихо течь между отцом и сыном, и передача жизни завершается в этот момент, наследуется, развивается, и ценность жизни продолжается.

Зрелость, старение и смерть — это процессы, в результате которых жизнь подходит к концу, но в культурном смысле смерть — это не конец жизни, а начало чего-то другого. Рассказы Битов не заканчиваются трагедией, а вселяют надежду. Дети — это знак преемственности и начала нового жизненного цикла. Окончание одного цикла жизни символизирует начало нового витка жизни. Что такое жизнь после смерти? Это возрождение, которое наследует изначальную волю и наследие. В статье «Мой дедушка Чехов и прадедушка Пушкин» Битов убежден, что через 60 лет после смерти Пушкина родился Чехов, а по возрасту Чехов мог быть его дедушкой, что является не совпадением, а знаком жизненного цикла. Согласно восточному календарю, 60 лет — это цикл перевоплощений. Следовательно, «по возрасту Пушкин мог бы быть дедушкой Чехова, как Чехов — моим». Смерть Пушкина не означала гибели русской культуры, она была передана такими литературными гигантами, как Чехов, и точно так же смерть Чехова не прервала русскую культурную традицию, она передавалась из поколения в поколение такими писателями, как Битов. В этом и заключается истинный смысл жизненного цикла.

Литература

- Битов А.* Мой дедушка Чехов и прадедушка Пушкин. Автобиография // Литература. 2004. № 36 (612).
URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200403603>
- Битов А. Г.* Большой шар. М., 1963.
- Битов А. Г.* Дачная местность (Дубль). СПб., 1999.
- Цуркан В. В.* Концепт «детство» в раннем творчестве Андрея Битова (к антологии художественных концептов) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 731–734.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ АНТОНИЯ СЛОНИМСКОГО ОСНОВОПОЛОЖНИКОМ «АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ» В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ?

Бабанов Андрей Владимирович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Фантастический роман Антония Слонимского «Торпеда времени» впервые увидел свет в 1924 г. Он сразу был охарактеризован как, «написанный под влиянием Уэллса», и эта характеристика не вызывает возражений. Это влияние проявляется и в выборе героев, и в стилистике, но особенно — в тематике (путешествие во времени).

Однако в разработке данной тематики, основоположником которой обычно считают Уэллса, Слонимский, безусловно, оригинален. В отличие от героя «Машины времени», герои Слонимского отправляются не в будущее, а в прошлое.

Перемещение героя в прошлое литературе тоже было уже знакомо — за несколько лет до «Машины времени» Уэллса вышел роман Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура». Но и от этого произведения роман Слонимского отличается по многим существенным признакам. Различие способа перемещения в прошлое не так важно само по себе (научно-образное описание у Слонимского по сути не сильно отличается от удара в лоб, полученного героем Твена), сколько как знак подхода к прошлому: несерьезность способа у Твена вполне соответствует сатирическому подходу к настоящему и прошлому, а научнообразность у Слонимского настраивает на серьезный научный анализ прошлого и размышления о том, могла ли история сложиться иначе. Именно в этих размышлениях о возможности иного пути истории и состоит новаторство Слонимского — до него о прошлом так никто не писал.

По сравнению со множеством попыток «альтернативной истории» роман Слонимского имеет еще одну сравнительно редкую особенность: альтернативность выступает не как результат иного более или менее случайного решения исторической личности или иной конфигурации каких-то внешних обстоятельств, а как результат сознательной деятельности героя-хронопутешественника. Такой подход к истории позже можно найти у Станислава Лема, но уже представленным в сатирической тональности («Звёздные дневники», Путешествие двадцатое, 1971 г.).

Роман Слонимского, таким образом, оказывается первым опытом введения в художественную литературу не только темы возможности иного варианта исторических событий, но и совмещения этой темы с темой путешествия во времени как способа «исправления» истории. Увы, сопровождающая это утверждение вопросительная модальность в формулировке темы тоже вполне обоснованна. Ответ «да» можно считать оправданным, если ограничиться констатацией чисто хронологического факта. Но признать кого-либо основоположником какого-то литературного явления можно только в том случае, если его творчество нашло своих последователей, оппонентов, подражателей, пародистов и т. п., т. е. оказало влияние на последующий литературный процесс. В случае романа «Торпеда времени» о влиянии на литературный процесс говорить не приходится, и на фоне несомненного новаторства романа это обстоятельство достойно того, чтобы над ним задуматься.

Прежде всего, следует отметить, что роман не стал явлением в польской литературе. При этом Слонимский был заметной фигурой в литературной жизни Польши на протяжении нескольких десятилетий (с 20-х по 70-е гг. XX в.). В 1918 г. он стал одним из основателей литературного клуба в варшавском кафе «Под пикадором», которое годом позже оформилось в по-

этическую группу «Скамандр». Эта группа и возглавляемые ее членами периодические издания во многом определили «литературный пейзаж» межвоенной Польши.

В годы Второй мировой войны Слонимский оказался в эмиграции, и при этом был достаточно близок (в том числе и географически) к основному польскому эмигрантскому центру (Лондон). В эмиграции он оставался до 1951 г., в послевоенные эмигрантские годы в течение нескольких лет возглавлял лондонский Институт польской культуры. До 1948 г. возглавлял секцию литературы в ЮНЕСКО.

Вернувшись в Польшу из эмиграции еще до «оттепели», на волне «оттепели» в 1956–1959 гг. возглавлял Союз польских писателей. В 60–70-е гг. был в сложных отношениях с властями Народной Польши, участвовал во многих акциях оппозиционно настроенной интеллигенции, за что поплатился ограничениями на доступ к публикации свои произведений, но до конца жизни из Польши не эмигрировал и не прекращал литературной работы.

Возможно, недооценка его фантастических произведений связана именно с тем, что фантастика воспринималась как литература несерьезная, развлекательная и, соответственно, не гармонировала с его имиджем «серьезного литератора». При этом его часто не замечали и в работах, посвященных истории польской фантастики — вспоминали о «лунной трилогии» Ежи Жулавского (написана в 1901–1911 гг.) и от нее сразу переходили к Лему.

Не удивительно, что и в мировой литературе (или в мировой фантастике) новаторский, хотя и написанный под влиянием Уэллса, роман Слонимского не был замечен. В представлении подавляющего большинства исследователей тему последствий воздействия на прошлое в научно-фантастическую литературу ввел Рэй Бредбери (рассказ «И грянул гром», 1952 г.). В данном случае, видимо, приходится констатировать вопиющее неравенство авторов, пишущих на разных языках, усугубленной подходом к фантастике как литературе априори несерьезной, развлекательной, адресованной невзыскательному читателю. Если исторические или социально-бытовые романы польских писателей переводились на европейские языки и даже могли принести их авторам Нобелевскую премию (Генрик Сенкевич — 1905 г., Владислав Реймонт — 1924 г.), то проза, относимая к категории «несерьезная, для массового невзыскательного читателя» может так и не дожидаться перевода на основные европейские языки, а значимость фигуры автора в национальной литературе может в этом случае не стимулировать интерес, а наоборот, удерживать от перевода произведения, которое могло бы исказить представление об авторе, перемещая его в круг писателей «низкой» литературы.

«СТОЯНИЕ ПЕРЕД БОГОМ»: БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНАХ Х. СЕЛБИ-МЛ.

Вихрова Ксения Александровна

ассистент, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

В докладе проводится обзорный анализ функционирования ключевых библейских мотивов в четырех ранних романах американского писателя Х. Селби-мл. (Selby, 1928–2004). В «Последнем повороте на Бруклин» (“Last Exit to Brooklyn”, 1964), «Камере» (“The Room”, 1971), «Бесе» (“The Demon”, 1976) и «Реквиеме по мечте» (“Requiem for a Dream”, 1978) Селби последовательно обращается к христианской этике и эстетике, реализуемых констелляцией символов, аллюзий и метатекстовых элементов в процессе осмысления природы болезненных зависимостей, преступления, экзистенциального одиночества и «американской мечты». Скандально известные произведения Селби об американских маргиналах — наркоманах, убийцах, ворах, проститутках — привлекали пристальное внимание литературных обозревателей и активно обсуждались в прессе в том числе из-за цензурного запрета за «аморальность». Традиционная оптика, к которой прибегали не только критики, но и многочисленные защитники творчества автора (например, Э. Берджесс, А. Гинзберг, Г. Соррентино), имеет социологизаторскую окраску и предполагает полную преддетерминированность морального краха и физической гибели личности в условиях калечащего воздействия капиталистического общества. Однако сам автор выступал против такой трактовки, отмечая, что его персонажи не были жертвами ни общественного заговора, ни неблагоприятного стечения обстоятельств [O’Brien 1981]. Важно отметить, что романы Селби нечасто становились объектом литературоведческих исследований. Наиболее масштабная работа, посвященная творчеству автора, — монография Д. Р. Джайлса «Знакомство с Хьюбертом Селби-мл.» (“Understanding Hubert Selby, Jr.”, 1998), в которой проанализирован и подробно прокомментирован сюжет пяти романов и представлен актуальный на тот момент список существующих преимущественно описательных трудов. Примечательно, что результаты литературоведческого рассмотрения романов во многом схожи с выводами критических обзоров, анонсировавших публикацию очередного произведения. В авторском предисловии к переизданию «Реквиема по мечте» в 2000 г. [Селби 2019: 5] получает определение конфликт, типологически единый для всех произведений Селби: это противостояние человека самому себе перед Богом. Погоня за материалистичной «американской мечтой», потакание низменным пристрастиям, наконец, преступления совершаются в поле безответственности и связаны с отступлением от божественных кодов и пренебрежением «внутренним видением», сопоставимым с основой доктрины «доверия к себе» Р. У. Эмерсона (“self-reliance”). Истории экзистенциального кризиса, сюжетно разворачивающиеся в романах, функционируют в зоне апофатической морали: авторская нарративная стратегия не предполагает развернутого описания позитивной программы действий, сосредотачиваясь на неудачах, провале экзистенциальных планов, упадке. Моральное падение и последующая физическая деградация и смерть соотносятся в романах Селби с травмой богооставленности, поэтому более полно раскрыть авторский замысел помогает анализ функционирования библейских мотивов. Во всех рассматриваемых произведениях фрагменты текста Священного Писания использованы в качестве эпиграфов либо ко всему роману, либо к отдельным главам и представляют собой смысловую призму для последующего текста, который, однако, не содержит прямых формальных связей с метатекстом. Эпиграфы содержат этически коннотированное категориальное описание жизненных ситуаций и вступают в резонанс с кинематографическим, этически нейтральным стилем, в рамках которого нарратор последовательно не принимает ничью из сторон. Метатекст оказывается когезивной матрицей для фрагментарного, подчеркнуто объективного повествования. Библейские образы и символы часто реализуются в романах Селби имплицитно. Так, финальный эпизод главы «Последнего поворота на Бруклин», посвященной профсоюзному деятелю и латентному гомосексуалу, воспроизводит сцену распятия разбойника, однако автор избегает эксплицитного лексико-семантического выражения этой аллюзии. Безымянный заключенный

в «Камере» упивается фантазиями и фантазмами, сам вводит себя в искушение и совершает преступления (грешит) в границах собственного сознания. Одержимость Гарри Уайта в романе «Демон» эксплицитно проинтерпретирована в психоаналитическом ключе: персонаж посещает специалиста, который, тем не менее, не в силах помочь пациенту, поскольку лечение «болезни» Гарри — вне компетенции медицинских работников. Сюжетное развитие образов Гарри, Сары, Тайрона и Мэрион в «Реквиеме по мечте» сопоставляется с библейской историей Иисуса Христа: к определенному смыслу центральный персонаж — Гарри — предстает в роли сына Божьего, покинутого Отцом небесным, оставленного отцом земным и забывшего о своем предназначении. Таким образом, анализ функционирования библейской образности в романах Селби позволяет выработать новую исследовательскую оптику, соответствующую декларируемой самим автором модели конфликта.

Литература

Селби-мл. Х. Реквием по мечте. М., 2019.

Giles J. R. Understanding Hubert Selby, Jr. Columbia, 1998.

O'Brien J. A Conversation with Hubert Selby. URL: <http://www.dalkeyarchive.com/a-conversation-with-hubert-selby-by-john-obrien>

ЖЕНСКИЙ МИФ О ЗАТОЧЕНИИ В РОМАНЕ Ш. ДЖЕКСОН «ПРИЗРАК ДОМА НА ХОЛМЕ»: ГОТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

THE FEMININE MYTH OF IMPRISONMENT IN SH. JACKSON'S "THE HAUNTING OF HILL HOUSE": THE GOTHIC DIMENSION

Васильева Эльмира Викторовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С. М. Кирова

Роман Ш. Джексона «Призрак дома на холме» (*The Haunting of Hill House*, 1959) считается признанным шедевром американской литературы ужасов XX в. При этом он отчасти разрушает распространенное представление о хорроре как о легкой литературе, не претендующей на особую художественную выразительность, экспериментальный подход к слову или содержательную глубину. С момента публикации своей провокационной новеллы «Лотерея» (*The Lottery*, 1948) Джексона пользовалась репутацией автора, не боящегося ставить читателя перед неразрешимыми дилеммами, взрывающими традиционные этические концепции. Роман «Призрак дома на холме» — пятый в библиографии писательницы — это работа уже опытного мастера, уверенно играющего с различными традициями и техниками для достижения своих художественных и идеологических целей. В основе романа «Призрак дома на холме» — нарративная структура готического романа и постготического «рассказа с привидением», отдельные элементы которой Джексона воспроизводит с трогательной верностью английским образцам XVIII–XIX вв.: слабая «готическая» героиня Элино́р Венс покидает родной дом и отправляется в путешествие, однако, вопреки всем надеждам на счастливое будущее, попадает в заточение к безжалостному патриархальному тирану, в роли которого в романе Джексона выступает сам inferнальный Хилл-Хаус, лишается рассудка и погибает. Мотив заточения таким образом прочитывается как традиционный готический троп, в различных версиях нарратива воплощающийся в образах подземелий, тюрем, психиатрических лечебниц и даже в мотиве погребения заживо (см. [Snodgrass 2005: 59]). Однако, как и в большинстве готических и квазиготических текстов, в романе «Призрак дома на холме» фабула и «спецэффекты» — колоритные описания ужасов дома на холме — лишь внешний слой, маскирующий глубинное содержание. В своем романе, используя поэтологические черты готического романа, Джексона обращается к проблеме двусмысленного статуса женщины в американском обществе 1950-х гг. Послевоенные годы — время конфликта различных идеологий и противоречащих друг другу ролевых моделей (женщина-личность vs женщина-жена и мать), создающих гнетущую атмосферу тотального непонимания женщиной собственного положения, предписанной ей роли и допустимых векторов развития. Джексона обыгрывает эту идеологическую неопределенность эпохи — какофонию противоречащих друг другу концепций идеальной женщины — на языковом уровне, смешивая стройное повествование от третьего лица и фрагменты потока сознания самой Элино́р, спаивая воедино зловещие описания дома на холме, даваемые «всезнающим нарратором», предполагаемую «клиническую картину» состояния Хилл-хауса, озвучиваемую одним из героев доктором Монтегю, безотчетно панические замечания Элино́р и ее же самодовольный, хотя и лишенный структуры внутренний монолог, превозносящий достоинства и комфорт дома, где ей наконец удалось почувствовать себя полноценной личностью. История Элино́р Венс — история молодой женщины, почти болезненно стремящейся к самоопределению и обретению собственного голоса. Ее попытки вырваться из-под контроля патриархальных структур, олицетворением которых на начальном этапе повествования являются ее сестра и зять, приводят ее в Хилл-хаус, где она оказывается уже в добровольной изоляции от внешнего мира, которую сама считает не заточением, а освобождением. Исследователи романа, в частности, Р. Бьенсток-Анолик, считают поведение героини следствием пугающей подмены понятий: Элино́р кажется, что она счастлива впервые в жизни, хотя в действительности она сходит с ума; она заявляет, что Хилл-хаус — ее настоящий дом, хотя на самом деле, это не она захватила особняк, а он ее [Bienstock Anolik 2019: 163]. Расплатой за слабость и ошибку становится смерть героини, уби-

вающей себя в знак протеста против выдворения из дома на холме. Однако особенность письма Джексона, программно избегающей однозначных формулировок, предполагает различные толкования ее сюжета. Так, в самоубийстве Элинора можно увидеть и единственно доступное ей средство обретения себя в обществе, отказывающем ей в праве на собственное мнение, собственные решения и свой путь. Добровольное заточение в доме на холме парадоксальным образом оказывается в судьбе героини освобождением из тюрьмы патриархата (сам же Хилл-хаус играет роль монструозной «своей комнаты», описанной В. Вулф в программном эссе): поездка, начинавшаяся как безобидное приключение, становится трансформирующим мистическим опытом, пережив которой, Элинора уже не может вернуться к прежнему существованию. Так, обыгрывая структурные элементы готического романа, Джексона выворачивает наизнанку один из его наиболее узнаваемых мотивов, вскрывая его внутреннюю противоречивость и сообщая ему противоположное звучание.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00989).

Литература

- Bientock Anolik R.* American Gothic Literature. A Thematic Study from Mary Rowlandson to Colson Whitehead. Jefferson, NC., 2019.
- Snodgrass M. E.* Encyclopaedia of Gothic Literature. New York, 2005.

«РАСКАЧИВАНИЕ» МЕЖДУ ИСКРЕННОСТЬЮ И ИРОНИЕЙ: «INFINITE JEST» ДЭВИДА ФОСТЕРА УОЛЛЕСА КАК МЕТАМОДЕРНИСТСКИЙ РОМАН

“OSCILLATING” BETWEEN SINCERITY AND IRONY: DAVID FOSTER WALLACE’S INFINITE JEST AS A METAMODERN NOVEL

Каяво Виолетта Александровна

ассистент, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина

Как пишет Ноа Баннелл в статье «Oscillating from a Distance: A Study of Metamodernism In Theory and Practice», временные и смысловые границы «модернизма» и «постмодернизма» размыты, и определить, где заканчивается одно культурное мироощущение и начинается другое, сложно, хотя мы можем сделать это приблизительно [Bunnell 2015: 1]. Например, идею о том, что постмодернизм «мертв», западные теоретики и историки искусства обсуждают с начала 1990-х [Bunnell 2015: 1]; в новом веке Т.Вермюлен и Р.ван ден Аккер говорят об окончании постмодернизма ввиду развития цифровой эпохи, политической и экономической нестабильности, и объявляют о появлении новой «структуры ощущений» или же «восприятия, которое конструирует» — метамодернизма [Vermeulen & Akker 2010: 2]. Фраза «структура ощущений» была выбрана, потому что исследователи стремятся избегать таких ограничивающих понятий, как «концепт», «философия» или «программа»; также отмечается, что термин «метамодернизм», который они популяризировали, каждый может использовать как пожелает. Таким образом, голландские исследователи показывают его неопределенность и гибкость, но при этом сохраняют идею о том, что нечто новое пришло на смену постмодернизму или же, возможно, дополняет его. Также, несмотря на размытость понятия «метамодернизм», авторы все же стараются отметить его основные черты; и, если здесь говорить о современной литературе, то это преимущественно стремление к искренности, равнодушию и отказу от иронии; обращение к человеку, к его «я»; психологизм; возрождение таких ценностей, как любовь, справедливость, милосердие — то есть, отражение подлинных человеческих чувств. Часто в контекст метамодернизма вписывают творчество американского писателя Дэвида Фостера Уоллеса (1962–2008), создавшего свой magnum opus «Infinite Jest» («Бесконечная шутка»), который горячо обсуждается критиками и исследователями даже спустя 27 лет после публикации. До выпуска этого романа, в эссе 1993 года «E Unibus Pluram: Television and U. S. Fiction», Уоллес рассуждал об «отчаянии и застое» в американской литературе [Wallace 1993: 171]. Причины он нашел в особенностях постмодернизма, а именно в иронии (что значит говорить то, что противоположно истинному значению) и цинизме, искажающими восприятие американских писателей. Уоллес приводит телевидение в качестве доказательства существования иронии в культуре, и как её метафору: телевидение не дает объективной и правдивой реальности, хотя создает эту иллюзию за счет того, что люди в экране ведут себя «естественно»; зрителю же кажется, что он становится свидетелем реальной жизни, хотя это не так. Телевидение представляет собой противоречие между тем, что показано и тем, что сказано, и тем, что существует в реальности, как и ирония. Уоллес призывает авторов отказаться от иронии и цинизма и стать «анти-бунтарями», с уважением «поддерживать однозначные ценности» и «немодные» человеческие проблемы — то есть, быть «too sincere», «слишком искренними» и сентиментальными [Wallace 1993: 192–193]. Иногда Уоллеса также называют основоположником направления «New Sincerity», провозглашающего важность опыта и характера индивидуума, однако сам автор не использует данной формулировки в эссе и также не говорит о «метамодернизме», однако подмечает появление «пост-постмодернизма» как нечто пришедшее на смену постмодернизму. Часто «пост-постмодернизм» и «метамодернизм» используют как взаимозаменяемые термины. В работе высказывается предположение, что вписывание Уоллеса в контекст метамодернизма все же не случайно: например, в романе «Infinite Jest» воплощается идея Вермюлена и ван ден Аккера об «осцилляции» — раскачивании между модернизмом и постмодернизмом, а именно между приверженностью и энтузиазмом первого понятия и отчужденностью и иронией второго (отсюда

приставка «мета» — от греч. μεταξύ «между») [Vermeulen & Akker 2010: 5–6]. В «Infinite Jest» Уоллес использует постмодернистскую нелинейность, фрагментарность повествования, чрезмерную детальность описаний и многоголосье. В то же время, Уоллес обыгрывает свое эссе, а именно идею о непринятии иронии и стремление к искренности, пользуясь этой же иронией в романе «Infinite Jest». Например, смерть Гийома Дюплесси — квебекского сепаратиста и члена террористической ячейки — происходит во время ограбления его дома одним из главных персонажей, наркоманом Доном Гейтли. Причем это роковая и комичная случайность: у Дюплесси был заложен нос, и рот забит кляпом Гейтли — он умер попросту от того, что не мог дышать [Wallace 2009: 131]. Здесь есть драматическая ирония: читатели знают, от чего умер Дюплесси, в то время как террористы не могут в это поверить и считают его смерть правительственным заказом. В главах, посвященных собраниям реабилитационной клиники, где зависимые рассказывают о своих проблемах, мы можем увидеть, как они относятся к иронии. Автор описывает вербальную иронию как «causal attribution» (каузальную атрибуцию) — т. е., в исповедях наркоманов она есть жалость к себе и объяснение причин зависимости [Wallace 2009: 755]. Пациенты клиники хотят искренности, правдивости и признания ошибок другими зависимыми; ирония же — попытка найти оправдание этим ошибкам, и это считается неприемлемым. Дальнейшее исследование может быть связано с расширением перечня особенностей метамодернизма в литературе и попыткой найти их в других произведениях Д. Ф. Уоллеса, чтобы поместить его творчество в более широкий культурный контекст.

Литература

- Bunnell, N. Oscillating from a Distance: A Study of Metamodernism in Theory and Practice. Undergraduate Journal of Humanistic Studies. 2015. Vol. I. P. 1–8.
- Vermeulen, T. & Akker, R. van den. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. 2 (1). P. 1–14.
- Wallace, D. F. E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction // Review of Contemporary Fiction. 1993. 13 (2). P. 151–194.
- Wallace, D. F. Infinite Jest. Little, Brown and Company, 2009. Text: electronic. 2253 p.

ФУНКЦИИ РАССКАЗЧИКА-РЕБЕНКА В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ

THE FUNCTIONS OF A CHILD NARRATOR IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE PROSE

Николина Наталия Николаевна

старший преподаватель, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина

Увеличение в современной англоязычной литературе числа произведений, рассчитанных на взрослую аудиторию, где рассказчиком является маленький ребенок, неизбежно ведет к возникновению вопроса: почему авторы прибегают к использованию рассказчиков-детей, раскрывая порой через их точку зрения совсем не детские темы?

В первую очередь, все более частое появление произведений, рассказанных от лица ребенка или подростка, может свидетельствовать об определенном повороте в литературе. Отмечается, что во второй половине XX в. происходит «значительный отход от представления о ребенке как символе, мечте или продукте принятия желаемого за действительное и эротических желаний взрослых, в сторону репрезентативных попыток запечатлеть внутренние качества ребенка, его точку зрения, его голос, его язык, его ритмы» [Morgado 1998: 207].

Обращение к рассказчику-ребенку при этом может быть неким нарративным экспериментом. Начиная со второй половины XX в. увеличивается число необычных рассказчиков, которые могут принимать как человеческие, так и нечеловеческие формы. Изучением подобных рассказчиков занимается неестественная нарратология, или нарратология неестественных повествований. Исследователи в рамках данного направления выделяют такого рассказчика, как маленький ребенок, а также более частный случай: «невероятно красноречивый ребенок» [Richardson 2006]. Повествование от лица такого ребенка считается ненадежным, а сам рассказчик — фиктивным [Richardson 2006: 103]. Автор, используя такого рассказчика, отходит от традиционного подхода, согласно которому рассказчик должен говорить так, «как можно было бы ожидать от такой фигуры в реальном мире» [там же].

Однако создание таких романов как «Загадочное ночное убийство собаки» Марка Хэддона (2003), «Комната» Эммы Донохью (2010), «Флоренс и Джайлс» Джона Хардинга (2010) объясняется не только интересом к миру детства и внутреннему миру ребенка или экспериментами со способом повествования. В заявленном романе М. Хэддона повествование ведется от лица пятнадцатилетнего подростка Кристофера, который отличается от сверстников особенностями развития. Безусловно, автор пытается смоделировать и показать читателю отличающееся от его собственного мировосприятие Кристофера (которое не всегда так уж и сильно отличается). Но, помимо этого, с помощью такого рассказчика достигается эффект остранения: когнитивный разрыв между аудиторией и главными героями «приглашает читателей увидеть свой собственный мир в новом свете» [Caracciolo 2002: 193]. Наблюдения Кристофера могут быть «непреднамеренно смешными» [там же: 195], в том смысле, что он не намеревается шутить, его наблюдения забавны для читателя, но не для самого героя. Юмор в данном случае выступает как прием остранения, «передавая повседневный опыт таким образом, что он не соответствует нашим ожиданиям» [там же: 196].

Подобный эффект остранения достигается и в романе Э. Донохью, где рассказчик — пятилетний мальчик Джек. Его детский взгляд на мир, усиленный отсутствием у него опыта жизни в привычном читателю мире, позволяет нам его переосмыслить. Однако остраняющий эффект в данном романе является, скорее, второстепенным. На первый взгляд «Комната» — типичная в рамках жанра триллера история молодой женщины и ее ребенка, несколько лет находившихся в заточении маньяка. Однако автор сосредотачивает свое внимание на мальчике, пытаясь предположить, как жизнь в заточении, а также тот факт, что ребенок является свидетелем совершаемого насилия, могут влиять на детское мировосприятие. Кроме того, использование рассказчика-ребенка в «Комнате» является новым подходом и позволяет автору, во-первых,

рассказать историю о насилии, отойдя от клише произведений, посвященных подобной проблематике; во-вторых, смягчить ее.

Двенадцатилетняя Флоренс является рассказчицей в романе Дж. Хардинга. Некоторые исследователи считают роман одним из неовикторианских, где викторианство и его образы, в том числе образ ребенка, деконструируются. «Неовикторианский роман играет с представлениями читателя, касающимися как гендерных представлений, так и поэтики викторианского романа, согласно которой титульный герой, особенно ребенок и женщина, являлся объектом авторской симпатии» [Илунина 2021: 98]. Так и происходит в романе Хардинга: рассказчица, который мы сочувствуем и верим, в итоге оказывается не жертвой, а самым настоящим злодеем. Роман тем самым разрушает идею детской невинности и пересматривает образ ребенка как пассивного инструмента в руках взрослых: Флоренс добивается своего, устрняя на своем пути всех, кто может ей помешать.

Таким образом, использование рассказчика-ребенка в современных англоязычных романах может свидетельствовать о возрастающем интересе к реальному миру детства или же о нарративных экспериментах писателей. Кроме этого, рассказчик-ребенок может быть использован для достижения комического эффекта и эффекта остранения. Такой рассказчик также позволяет по-новому рассказать популярную в своем жанре историю и смягчить ее, а также деконструировать образ ребенка (также в рамках определенного жанра).

Литература

- Илунина А. А.* Трансформация образов ребенка и женщины в неовикторианском романе (на материале романов Джона Хардинга «Флоренс и Джайлс» и Питера Акройда «Процесс Элизабет Кри») // *Litera*. 2021. № 3. С. 93–101.
- Caracciolo M.* Two Child Narrators: Defamiliarization, Empathy, and Reader-Response in Mark Haddon's *The Curious Incident* and Emma Donoghue's *Room* // *Semiotica*. 2014. Vol. 202. P. 183–205.
- Morgado M.* *The Season of Play: Constructions of the Child in the English Novel / Children in Culture: Approaches to Childhood* / ed. by K. Lesnik-Oberstein. Houndmills, Basingstoke, 1998. P. 204–230.
- Richardson B.* *Unnatural voices: Extreme Narration in Modern and Contemporary Fiction*. Columbus, 2006. 166 p.

СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ: ОТ ТРАДИЦИЙ К ТРАНСФОРМАЦИЯМ

Силаев Павел Витальевич

доцент, Смоленский государственный университет

Устные фольклорные истории и сказки стали благодатной почвой для становления рождественского рассказа, оформившегося как литературный жанр в мировой литературе только в конце XIX в. Отечественные литературоведы (Е. В. Душечкина, Н. В. Капустин, А. А. Кретьева, М. А. Кучерская, Н. В. Самсонова и др.) даже выделяют такие его разновидности, как святочный, крещенский, новогодний в зависимости от того, какие нарративные и фабульные традиции в нем преобладают: народные (языческие), христианские или светские.

Основные жанрообразующие признаки классического рождественского рассказа: его календарная приуроченность; трехчастная структура повествования (хаос→чудо→гармония); элементы фантастики и рождественского чуда; стилистическая направленность на устную речь; рождественская и новогодняя символика, а его основные мотивы: христианские (темы семьи «воссоединение», «семейный уют»); мотивы дарения (в том числе божественного дара любви к близкому); мотив «ребенок-спаситель» (связан с образом Младенца Иисуса); мотив чуда (вдохновленный рождением Иисуса Христа); карнавальные мотивы — переодевание, розыгрыши; языческие мотивы — встреча с нечистой силой; тема судьбы.

На развитие жанра рождественского рассказа большое влияние оказали произведения большой эпической формы (например, повесть Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» у нас, «Рождественские повести» Ч. Диккенса в англоязычной литературе), а также лучшие образцы рассказов, вышедшие из-под пера известных писателей: Н. С. Лесков «Жемчужное ожерелье», А. П. Чехов «Кривое зеркало», «В рождественскую ночь», Ф. М. Достоевский «Мальчик у Христа на елке», О. Генри «Дары волхвов», Н. Готорн «Рождественский банкет», Ф. Гарт «Как Санта Клаус пришел в Симпсон-Бар», Т. Н. Пейдж «Как капитан сделал Рождество», Г. ван Дайк «Первая рождественская елка», Д. Л. Аллен «Невеста Омелы», А. Кристи «Теплоходик», Дж. Р. Р. Толкин «Письма Рождественского Деда», П. Остер «Рождественская история Огго Рена», Д. Томас «Детское Рождество в Уэльсе».

В XX в. в жанре англоязычного рождественского рассказа укрепились следующие модернистские и постмодернистские тенденции:

- 1) размывание границ жанра, трансформация канонов (усиление мотивов грусти, одиночества, несбывшихся надежд);
- 2) усиление социального детерминизма (например, военно-патриотическая тематика в течение мировых войн);
- 3) пародирование рождественских рассказов (достигнув определенной стадии развития, жанр оброс стилизованными штампами, а у некоторых авторов трафаретностью и формальностью);
- 4) появление открытого финала; отказ от идеи Божественной помощи и установка на достоверность происходящего с сохранением только внешних признаков рождественского рассказа;
- 5) появление «антирождественских» рассказов (термин Е. В. Душечкиной), в которых присутствует мотив смерти, которой и завершает рассказ.

Конец XX в. и начало XXI в. ознаменовались коммерциализацией темы Рождества в массовой литературе и расцветом рождественской прозы большой эпической формы (рождественские детективные / любовные приключенческие романы). Тем не менее, появление немногочисленных рождественских рассказов у известных писателей свидетельствует о том, что казалось бы исчерпавшая себя малая жанровая форма еще не завершила свое существование подобно некоторым литературным жанрам, выполнившим свое историческое назначение.

Мы рассмотрели жанрообразующие характеристики и стилистические особенности трех современных рождественских рассказов известных англоязычных писателей: «Одно Рождество» (1982) американца Трумана Капоте, «Всему свое время. Кейп-Бретонская рождественская сказка» (2004) канадца Алистера Маклеода, «Снежный Сад» (2016) британки Рейчел Джойс и пришли к следующим выводам:

1. В события, происходившие во время Рождества, умело вплетаются библейские аллюзии, и христианские мотивы (мотив чуда, мотив дарения, мотив ребенка – спасителя). Однако главная роль чуда отводится «семейному» чуду (воссоединение семьи, восстановление тесных связей между членами семьи, разрядке напряженности их коммуникации, отчетливо заметной в начале повествования). И это чудо высвечивается символикой выпавшего долгожданного рождественского снега.

2. Тема важности семьи, домашнего очага раскрывается более многогранно благодаря включению персонажей с противоположными точками зрения (старый и новый мир, который, в свою очередь, не всегда означает положительные изменения), и далее на протяжении всего рассказа мы видим столкновение этих мнений; особое место отведено теме веры-неверия в Санта Клауса (неизбежность взросления).

3. Сложный нарратив, переход от «всезнающего автора» к перепорученному повествованию (наличие героя как «взрослого» и «детского» рассказчика, разных рассказчиков); нелинейность повествования и образ времени, проведенного с близкими, его ценности, ретардация во многих местах рассказов свидетельствуют о трансформации жанра рождественского рассказа, появления в нем примет нового реализма.

Наряду с метафоричностью заглавий среди наиболее частотных стилистических приемов в данных рассказах следует отметить:

1. Сравнения, с помощью которых легче всего передать трудно осознаваемые изменения, которые происходят во внутренней и внешней жизни героев;

2. Звукоподражание, эпитеты. Ребенок — центральная фигура всех тех рождественских рассказов. Детской картине мира свойственно большее количество слов, имитирующих звуки природы и техники, а также ярко окрашенных определений, которые более точно описывают предметы и явления.

3. Современные рождественские рассказы все также направлены на устную речь, именно поэтому авторы чаще прибегают к таким приемам, как парцелляция, эллиптические и параллельные конструкции, а также графоны, передающие «живую» речь персонажей.

Современный англоязычный рождественский рассказ, сохраняя традиционные черты и особенности жанра, стилистически трансформировался, мистическое и фантастическое заменилось в нем ожиданием простого чуда — обретения гармоничных отношений между близкими людьми, что дает основания считать его жизнеспособным жанром.

ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОМАНА «КЛАРА И СОЛНЦЕ» К. ИСИГУРО

Файзуллина Рушана Альфредовна

старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Трансгуманизм — это философская концепция, которая изучает последствия преобразования человека с помощью биологических, кибернетических и медицинских технологий для борьбы со старостью, страданиями и смертью, например, ЭКО, генетическое изменение психических качеств, улучшение тела за счет имплантов и др. Разработка искусственного интеллекта становится одной из самых актуальных проблем как технических, так и в гуманитарных науках. Достижения в сфере ИИ, геномной инженерии и биологии привели к тому, что тема роботов и искусственного интеллекта стала так актуальна, что перешла из научной фантастики в «высокую» литературу — так, многие крупные английские писатели одновременно обратились к этой теме: И. Макьюэн, Дж. Уинтерсон, К. Исигуро и др. В 2021 г. К. Исигуро пишет фантастический роман в жанре антиутопии «Клара и Солнце». В этом романе писатель выражает опасения по поводу дальнейшего развития технологий, не сдерживаемых критическим мышлением. Исигуро затрагивает тему вмешательства в природу человека: действие романа «Клара и Солнце» происходит в будущем, в котором некоторые дети подверглись геномному редактированию (были «форсированы») для улучшения их умственных способностей и появления особенного таланта. Так как дети практически не общаются со сверстниками и не могут завести друзей, многие родители покупают им роботов-андроидов: «Искусственного Друга» (ИД) или «Искусственную Подругу» (ИП). Писатель артикулирует тревогу людей по поводу внедрения ИИ: в романе автоматизация и роботизация общества породили глобальную безработицу, миллионы людей оказались на улице без средств к существованию. Единственной возможностью человечества в конкуренции с машинами является шанс «форсировать» собственных детей, генетически модифицируя их таким образом, чтобы человеческий интеллект мог превзойти искусственный. Однако это процедура является инвазивной — многие дети погибают или остаются инвалидами. Этот выбор возлагает на родителей новую невыносимую ответственность — поставить здоровье своего ребенка под угрозу или лишить его надежд на благосостояние и карьеру. Исигуро поднимает важные этические вопросы — как именно будет осуществляться геномное редактирование и, как и кто будет решать, кто будет отредактирован, а кто нет. Писатель показывает — чтобы у человека была возможность конкурировать с людьми, прошедшими редактирование генома, необходимо обладать исключительным талантом. Исигуро также поднимает вопрос о том, каково это иметь в своем доме такое существо как Искусственная Подруга Клара, и что значит быть человеком, а не машиной. В неоднозначности онтологического статуса ИП автор поднимает вопрос — что такое душа? Однако Исигуро не очеловечивает свою героиню, а изображает существо совершенно другой природы. Несмотря на то, что Клара любознательна и эмпатична, она ограничена своим функционалом, заложенным в настройках. У героини нет личных стремлений и желаний — весь ее мир вращается вокруг девочки Джози. Для того, чтобы подчеркнуть эту принципиальную инаковость, Исигуро наделяет Клару специфичной оптикой — героиня видит мир пиксельным сочетанием плоскостей разного цвета. Писатель уделяет особое внимание тому, что Клара все время пытается представить себе человеческие чувства и прожить их. Клара — эмпатична, несмотря на то, что она не обладает эмоциями, героиня умеет их безошибочно считывать. Хладнокровная отстраненность Клары — не ее недостаток, а ее особенность. Героиня наблюдает и констатирует факты, не называя, однако, место и время действия романа — мы можем только догадываться, что это США. Автор изображает вымышленный мир, который является версией нашего собственного. У Клары много качеств, которые делают ее уникальной ИП, усложняя таким образом позицию, которую она могла бы занять в континууме между человеком и объектом. Автор изображает неоднозначное отношение к человекоподобным роботам. Фоном идут отголоски того, что люди протестуют против появления человекоподобных роботов, возводят баррикады и вооружаются. Люди теряют работу и не могут поступить в колледж,

потому что их места занимают роботы. Исигуро озвучивает растущее беспокойство и появляющиеся предрассудки по поводу появления человекоподобных роботов — людей пугает их ум, и они не могут понять, как ИД и ИП мыслят и принимают решения. «Клара и Солнце» искусно иллюстрирует экзистенциальное бедствие постиндустриального мира, недуг существования человечества, опосредованного технологиями, а также аспекты человеческого бытия, которые могут остаться нетронутыми в такой обстановке. Таким образом, мы видим, как трансгуманистическая проблематика побуждает авторов литературных произведений пытаться проникать в сознание андроидов, анализировать их «психологию», ставить в центр повествования этот новый для человека тип Другого — ни национального, ни гендерного, ни монструозного, а «машинного» Другого. Нужно отметить, что благодаря использованию образов человекоподобных роботов, представленных в романе «Клара и Солнце» К. Исигуро, автор затрагивает проблему совершенства и несовершенства человеческой природы, расширяя тем самым проблематику трансгуманизма. Таким образом, можно говорить о том, что, как и во многих других случаях, художественная литература предваряет науку.

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ИСПАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Хорева Лариса Георгиевна

доцент, Российский государственный гуманитарный университет

Художественный дискурс является уникальным по своей природе, поскольку объединяет в себе отличительные признаки всех иных дискурсных образований: научного, религиозного, масс-медиального, политического и других. В рамках изучения художественного дискурса автор может позволить себе ряд действий, которые немислимы в других, в частности, он может исказить информацию, создать определенный контекст, внутри которого он будет моделировать новую художественную реальность, в которой критике подвергается диктат любой установки, поскольку в конечном варианте он оборачивается тоталитарностью и утверждением абсолютной истинности какой-либо одной идеи. Поставив под сомнение все авторитеты, постмодернистские тексты (и произведения испанских авторов не будут являться исключением) начинают их разрушение и уничтожение посредством иронии, новых интерпретаций описанных событий, ярко выраженного сомнения в оценке правильности выбранной линии поведения и т. д. Механизмами создания такой имплицитной художественной реальности выступают художественные приемы, которые формируют в сознании человека новый вектор восприятия реальности. Задача читателя — декодировать предложенный текст и интерпретировать его в соответствии с концептами, сформировавшимися в рамках данной этнической картины мира.

Писатель не должен давать ясного и четкого ответа на поставленный в начале вопрос. Загадочность, неопределенность, множественность вариантов ответа теперь, по мнению Ж. Лакана, становятся визитной карточкой нового мировоззрения. Соответственно традиционные психоаналитические практики в литературе должны реализовываться по принципу метафоры и метонимии, то есть по принципу переноса значений. В случае метафоры, один знак вытесняет другой, одно означающее заменяется другим. Причем последний знак — означающее продолжает сохранять знак со своей родной знаковой системой. Такая комбинаторика способствует порождению двойного, тройного смысла и значительно повышает роль читателя как интерпретатора произведения. Метафора в полной мере использует категорию бессознательного и тем самым еще более подчеркивает существующие пробелы в структуре текста.

Любовь к метафоре в испанских постмодернистских текстах обусловлена историческим национально-культурным мышлением и картиной мира. Национальные словари Королевской Академии подтверждают, что испанский язык опередил другие романские языки по частоте использования метафор. Метафора становится визитной карточкой испанской картины мира. Непременный атрибут карнавалов и фольклорных праздников, метафора становится визитной карточкой живописи и литературы. Испанские художники и писатели не мыслят свои произведения без широкого использования этой фигуры речи и риторического приема.

XX в. и особенно XXI столетие не мыслят литературу и искусство без постмодернистских теорий, где метафора получает новое рождение. Ж. Делез, анализируя постмодернистскую концепцию, исходит из лакановской теории психоанализа, но значительно развивает ее и идет дальше, предлагая рассматривать бессознательное как саму реальность, как автоматическую реализацию желаний, которые становятся квинтэссенцией жизни индивида.

Лакановский принцип метафоры и метонимии получил развитие в следующем виде: отныне метафора рассматривается через маниакально-депрессивные ассоциации, в то время как метонимия — через шизоидные. Развитая им теория психоанализа представляет собой структуру, на одном конце которой работают машины-органы, ответственные за зарождение и реализацию желаний. Основным мотиватором действия здесь выступает животный инстинкт жизни, названный Делезом шизофреническим. На другом конце доминирует инстинкт смерти, который приводит к остановке машинного бесперебойного движения и порождает тело без органов, то есть без желаний. Здесь возникает еще одна реперная точка доктрины Делеза — теория симулякров. Французский исследователь пересматривает классический взгляд на симулякр, считая данное образование уже не копией чего бы то ни было, а новым образованием,

которое ценно само по себе без дополнительных обоснований. В отличие от копий, симулякры не опосредованы исходной моделью, потому каждый раз они утверждаются заново, в новой ипостаси. Противопоставляя симулякр истине, Делез предлагает рассматривать симулякр как искаженную копию со множеством дефектов, либо как полное несовпадение вещи и представлений о ней. Симулякр пропитан зонами — рядами событий, которые основаны на отношениях, возникающими между сингулярностями. Делез уделяет много времени рассмотрению и анализу функционирования событий в зоне и приходит к выводу, что реальный мир будет представлять как хаос, поскольку все в этом мире различно, здесь нет места повторению (что упорядочивает хаос) и нет общих точек соприкосновения. Тем не менее, (и здесь Делез опирается на концепцию Ницше о вечном возвращении), французский исследователь заявляет о неизбежности эффекта повторения в сознании каждого живого существа. Только через эффект повторений создаются модели привычек, формируется память и т. д. Согласно Делезу, сегодня можно наблюдать несколько видов привычек: физические привычки как унылый ежедневный ритуал, сицические привычки, коренящиеся в глубинах памяти; метафизические повторения на глобальном уровне мироздания. В последнем случае хаос, соединяясь с обрядом повторений, образует хаосмос как особое состояние мира, требующее особого внимания к единичным проявлениям, вмещающим в себя весь универсум вселенной.

Теории Лакана и Делеза получили подтверждение в литературе Испании, в новеллах Х. Х. Мильяса, Антонио Помета, Пепы Мерло, Сары Месы, Хавьера Месо, Берты Марсо и других, которые активно использовали зоонимы в своих произведениях, создавая двойной подтекст рассказанной истории, уточняя с их помощью характеры и ситуации, с которыми сталкиваются главные герои их произведений.

Литература

Делез Ж. Логика смысла. Екатеринбург, 1998.

ИКОНИЧНОСТЬ ВЫМЫШЛЕННЫХ ТОПОНИМОВ В ЦИКЛЕ РОМАНОВ СЬЮ ТАУНСЕНД ОБ АДРИАНЕ МОУЛЕ

ICONICITY OF INVENTED TOPONYMS IN SUE TOWNSEND'S ADRIAN MOLE DIARY SERIES

Цепкова Анна Васильевна

доцент, Новосибирский государственный педагогический университет

Адриан Моул — главный герой, повествователь и фикциональный автор дневников, создававшихся британской писательницей Сью Таунсенд с 1982 по 2009 гг. Данные дневники сочетают в себе черты регионального романа, метаповествования, социальной и политической сатиры, пародии на роман воспитания и семейную сагу, что проявляется на уровне авторского ономастикона, в частности, в вымышленных топонимах (ойконимах, урбанонимах, эргоурбанонимах), которые являются объектом данного исследования.

Материалом исследования послужили следующие романы серии дневников об Адриане Моуле: *The Secret Diary of Adrian Mole, Aged 13 3/4* (1982); *The Growing Pains of Adrian Mole* (1984); *True Confessions Of Adrian Mole* (1989); *Adrian Mole: The Wilderness Years* (1993); *Adrian Mole: The Cappuccino Years* (1999); *The Lost Diaries of Adrian Mole, 1999-2001* (2008); *Adrian Mole and the Weapons of Mass Destruction* (2004); *Adrian Mole: The Prostrate Years* (2009).

Цель исследования заключается в анализе иконической функции вымышленных литературных топонимов. Актуальность исследования связана с интересом литературоведов и ономастологов к вопросу о значении и функциях поэтонимов и методологии их интерпретации, в том числе на материале литературы постмодернизма. В данной работе анализ осуществляется на основе семиотического подхода, предполагающего описание индексальной, иконической и символической функций литературного ономастикона.

Исходя из понимания иконы как знака, репрезентирующего что-либо на основе сходства, подобно фотографии или карте (“a sign that represents something else on the basis of similarity, as a photo or map” [Smith 2018: 10]), иконичность вымышленных топонимов выявляется на основе сходства между:

1) двумя знаками, когда вымышленная номинация имитирует топонимическую модель для создания эффекта аутентичности. В анализируемых произведениях имитация принимает форму юмористического пародирования исторических и современных номинативных моделей, характеризующих британский топонимический ландшафт. При этом автор фиксирует ономастические влияния прошлого (а-в) или высмеивает попытки владельцев дать своему бизнесу креативные, выразительные имена (г-е). В большинстве случаев автор иронизирует над различными особенностями британской топонимики и псевдо-оригинальностью авторов этих номинаций:

- а) имена деревень образованные из компонентов с неясной этимологией согласно модели: “названиенаселенного пункта+предлог + гидроним”: *Ridley-Upon-The-Dour*, *Filey-on-Sense*, *Short under Curtly*;
- б) имена деревень, включающих прилагательное *little*: *Little Snittingham*, *Little Snetton*;
- в) имена поместий, гордо носящих аристократическую фамилию своего владельца: *Fairfax Hall*, *Twyselton Manor*;
- г) эргонимы, начинающиеся с *ye olde* для создания впечатления о заведении как аутентичном историческом месте: *Ye Olde Carvery*;
- д) эргонимы на основе имен их владельцев: *Eddie's Tea Bar*, *Brenda's Patisserie*, *(Wayne) Wong's*, *the Lendore Spa Hotel*, etc. В последнем случае автор высмеивает частую практику образования эргонимов через стяжение имен двух владельцев с претензией на оригинальность: “*The Lendore is owned by a couple called Len and Doreen Legg*”;
- е) имена резиденций или эргонимы с иностранными элементами для придания названиям экзотичности: *Rio Grande Boarding House*, *Chez Flowers*, *Bon Ami*;

2) знаком и его непосредственным референтом, когда номинация характеризует место, идентифицируя его социальную / моральную географию (“identifying a social/moral geography” [Ameel, Ainiala 2018: 199]). Такие случаи относятся к «говорящим» топонимам, сочетающим прозрачную мотивацию с иронической или саркастической коннотацией: Scrag Close (Тупик доходяг), Rat Wharf (Крысиная верфь), The Piggeries (Свинарники), the Lawns (Лужайки);

3) знаком и местом как его непосредственным референтом с одной стороны и персонажем, ассоциирующимся с этим местом, с другой стороны, показывая, как первые два формируют идентичность последнего [Bleeker, Bleeker 2008]. [Backhaus 2020], то есть как говорящий топоним характеризует не только место, но и обитателя / владельца: Wisteria Walk (Глициниевый переулок), the Lawns (Лужайки), Noi Polloi (Чернь), H2O bar;

4) знаком и персонажем как его непосредственным референтом с одной стороны и местом, ассоциирующимся с этим референтом, с другой стороны, при этом говорящий антропоним, характеризуя персонажа, отражает его влияние на место: Savages (Дикари); Chez Flowers (У Цветов).

Таким образом, используя в качестве икон, вымышленные топонимы выполняют игровую функцию, создавая эффект аутентичности, высмеивая тенденции в коммерческом нейминге, раскрывая характеристики мест и оценивая их обитателей.

Литература

- Ameel L., Ainiala T. Toponyms as Prompts for Presencing Place — Making Oneself at Home in Kjell Westö’s Helsinki // *Scandinavian Studies*. 2018. Vol. 90, no. 2. P. 195–210.
- Backhaus P. «Harry, You Must Stop Living in the Past»: Names as Acts of Recall in John Updike’s Rabbit Angstrom // *Names*. 2020. Vol. 68, no. 4. P. 210–221.
- Bleeker G. W. and Bleeker B. S. Literary Landscapes: Using Young Adult Literature to Foster a Sense of Place and Self // *The Alan Review*. 2008. P. 84–90.
- Smith G. W. The symbolic meanings of names // *Onomastica Uralica*. 2018. No. 11. P. 5–15.

ЛУСИУ КАРДОЗУ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Жуков Андрей Павлович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Феррейра Рафаэль Бэсса

профессор, Государственный университет в Пара, Белен (Бразилия)

Творчество Ф. М. Достоевского (1821–1881) является переломным моментом в истории мировой литературы, в литературоведении описывается типология особой романной прозы, которая образовалась после выхода петербургских повестей Достоевского. Помимо вопросов, связанных с так называемым полифоническим романом, как это постулировал Михаил Бахтин, и даже с характеристиками так называемого интроспективного романа, или психологического зондирования, Достоевский также известен тем, что создал произведения, в которых обсуждаются весьма актуальные темы, касающиеся философских, политических и религиозных вопросов. Не случайно во Франции, например, без Достоевского, вероятно, не было бы католического романа межвоенного периода, оставившего нам в наследство Жоржа Бернаноса, Андре Жида, Жюльена Грина и Франсуа Мориака, обнажив проблемы, уже обсуждавшиеся в «Преступлении и наказании» и «Братьях Карамазовых». Явление русского писателя в Бразилии продемонстрировало высокую оценку его произведений и мыслей, которая сохраняется до сих пор, поскольку уже в начале XX в., печать переводов с французских изданий Достоевского, оказала влияние на писателей второго поколения бразильского модернизма, также называемого поколением 30-х или поколением регионализма. Среди этих писателей значится имя Лусиу Кардозу (1912–1968), автора, чье творчество достигает своего эстетического апогея в романе «Хроника дома убийц» (1959), который он создал под влиянием как французских писателей, так и русского автора, а также цикл произведений под названием «Трилогия о мире без Бога», составленный из романов «Инасио», «Заколдованный» и «Бальтазар». Там уже можно найти основные моменты диалога Лусиу Кардозу и Ф. Достоевского, такие как архетип «человека из подполья», которого Кардозу описывает как «весь наш мир, который умирает; но именно в этой «смерти» смерти нет; в ней бунтарство жизни»; сопоставляя, с «Записками из подполья» (1864 г.); проблема неограниченной свободы бытия как девиза нигилистического взгляда на жизнь, что, по мнению Кардозу, соотносится с пророчествами Достоевского; парадоксальное соотношение греха и благодати, имея в виду, что на протяжении всего произведения двух изучаемых здесь авторов это столкновение определяет многое: и сюжет их произведений, разворачивающийся в преступном поведении их персонажей; и даже мистическое и искупительное видение существования, как элемент нарушения требований рациональности и научности современного мира. Первый роман Л. Кардозу «Малярия», рассказывая об инженере, оказавшемся в бразильском штате Минас-Жерайс, — не сильно отклоняется от ведущих тем, связанных с регионализмом, от которых, однако, автор отказывается в пользу углубленного психологического самоанализа после 1936 г., с выходом романа «Лус ну Субсолу». Регионализм — предполагает особое внимание писателей к описанию определённой местности (часто — сельской, как правило, родины автора), а также обычаев, нравов и уклада жизни населяющих её людей; нередко характеризуется использованием диалектной лексики. Сформировался на волне подъёма национального самосознания в эпоху романтизма. После окончания школы в Белу-Оризонти, Л. Кардозу переехал в Рио-де-Жанейро, где он привлек внимание группы местных писателей и поэтов (Отавиу де Фариа, Корнелиу Пенна и др.). Если в литературе регионализма на первый план выдвигались социальные темы с политическим подтекстом, то этих авторов меньше интересовали политиче-

ские проблемы, их внимание было сфокусировано более на внутреннем опыте души, теме человеческого искупления и личной трагедии. Это первостепенное значение, придаваемое субъективному характеру письма, стало характерной чертой Л. Кардозу, которую он разделял также со своей младшей современницей Кларис Лиспектор, которая стала его близким другом вплоть до смерти. Кардозу был чрезвычайно плодovit в нескольких жанрах, в том числе в драматургическом, так, например, он вместе афробразильским активистом Абдиасом ду Насименту основал экспериментальный «Театр ду Негро». Один из самых известных романов Л. Кардозу «Хроника дома убийц» (1959) — фактически является аналогом фолкнеровской саги о распадающейся патриархальной семье в Минас-Жерайсе. Тимотеу, один из главных героев романа, выступает за разрушение старого порядка особняка и его традиций. Ко времени написания этого романа здоровье Кардозу уже сильно ухудшилось (как отмечают, из-за алкоголизма и зависимости от транквилизаторов). 7 декабря 1962 г., на пике своего творчества, он перенес изнурительный инсульт, который оставил его частично парализованным. Он безуспешно пытался восстановить свою способность говорить и писать. Целью данного исследования является обсуждение точек взаимосвязи и диалога между поэтикой Лусиу Кардозу и Федора Достоевского, перечисление в сравнительной перспективе вероятного наследия русского автора как влияния на бразильского писателя, чтобы продемонстрировать не отношения зависимости, а родства перед лицом моральных дилемм, экзистенциальных проблем и конфликтов, смоделированных картезианским видением жизни, которое может быть разбавлено только тайной божественной благодати.

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ «ДНЕВНИКА» ДЖОНА ВУЛМЕНА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ОТЗЫВОВ)

Абдурахманова-Павлова Дарья Владимировна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Джон Вулмен (1720–1772) — проповедник из «Общества Друзей» (квакеров), чьё имя вошло в историю литературы благодаря «Дневнику» (1774). «Дневник» признан классикой общенациональной американской литературы и является одним из ярких антирабовладельческих текстов XVIII в. Однако сам Вулмен не рассчитывал на широкую аудиторию, а предполагал, что в случае публикации «Дневника» его читателями станут исключительно единоверцы — т. е. квакеры. Этим во многом обусловлено своеобразие «Дневника», обилие в нём специфической квакерской лексики, реалий жизни «Общества Друзей». «Дневник» — произведение, глубоко укоренённое в квакерской религиозной и литературной традиции, как правило, малоизвестной для широкой аудитории; и тем не менее, духовный и общественный пафос текста Вулмена уже более двух веков привлекает к нему в том числе и читателей, не являющихся квакерами.

Изучению читательской рецепции «Дневника» способствует то обстоятельство, что об этом тексте опубликовано множество отзывов на сайтах книжных клубов и магазинов (GoodReads.com, Amazon.com, Renovaré.org). Всего в поле нашего зрения попало 129 отзывов; все они написаны англоязычными читателями и отражают особенности внутрикультурной рецепции творчества Вулмена.

Характеризуя практику написания читателями интернет-отзывов, А. Герасимова предлагает термин «наивный рецензент» (по аналогии с «наивным читателем»). Подразумевается читатель, «который так или иначе в публичном пространстве высказывается о прочитанном им тексте, если это высказывание не инспирировано чем-то извне, т. е. производится по собственной воле» [Герасимова 2017: 242]. Обратим внимание также на выделяемые учёными принципы, которые влияют на оценку произведений искусства массовым реципиентом. Среди этих принципов, согласно одной из классификаций,

- 1) доступность, «понятность»;
- 2) развлекательность;
- 3) стабильность (консерватизм) формы;
- 4) «красивость»;
- 5) «современность» произведения [Салеев 1977: 77].

Данные принципы оказываются значимыми и для «наивных рецензентов» Вулмена. При этом опубликованные ими отзывы очень разнообразны и нередко полярны: авторы некоторых отзывов признаются, что не смогли дочитать «Дневник», другие же регулярно перечитывают его. 13 отзывов скорее негативны; 83 отзыва отчётливо позитивны; 33 отзыва тяготеют к нейтральности. Рассмотрим их в соответствии с выделенными принципами.

1) Оценивая доступность, «понятность» «Дневника», многие читатели останавливаются на особенностях языка произведения. Слог Вулмена зачастую характеризуется как весьма «архаичный», грамматически тяжеловесный, трудный для восприятия. Кроме того, нарекания вызывает обилие в тексте фактологических деталей, нерелевантных для дальнейшего повествования (например, перечисления населённых пунктов, через которые проехал Вулмен в ходе какого-либо путешествия). Ряд читателей призывает издательства к сокращению «Дневника» и публикации его в виде избранных цитат.

2) Принцип развлекательности в случае «Дневника» оказывается почти неактуальным: в тексте слабо выражена сюжетность; события личной и общественной жизни находятся у Вулмена на втором плане, основное же внимание уделяется религиозной рефлексии. Это также становится причиной нареканий со стороны читателей, обнаруживающих в «Дневнике» лишь

«проповедь». Между тем, авторы многих рецензий указывают на познавательную (общеевропейскую, краеведческую, генеалогическую) ценность «Дневника».

3) Принцип стабильности (консерватизма) формы связан с жанровыми ожиданиями читателей. Оценивая этот параметр, читатели сравнивают «Дневник» с известными памятниками исповедальной прозы, и прежде всего, с «Автобиографией» Франклина. Такое сопоставление даёт богатый материал, который, однако, приводит читателей к полярным оценкам (зачастую превозносящим одно произведение в противовес другому). Ряд читателей в отзывах также размышляют о специфике жанра дневника и собственном опыте ведения дневников.

4) Принцип «красивости». Особенности стиля Вулмена, как уже указывалось выше, многими оцениваются отрицательно; стиль «Дневника» легко поддаётся пародированию, что и проявляется в некоторых отзывах. Однако, несмотря на распространённость подобных нареканий, велико и число читателей, ценящих стиль Вулмена — прежде всего, как «искренний», а также «старомодный», но тем более интересный и приятный для чтения.

5) Оценивая «Дневник» с точки зрения принципа «современности», большинство читателей сходится в высочайшей оценке текста. В этом отношении Вулмену отдают должное даже авторы негативных отзывов. Распространённая в отзывах характеристика Вулмена — «человек, опередивший своё время». Актуальность идей «Дневника» оказывается для многих современных читателей его главным достоинством, перевешивающим все «изъяны».

Отдельного внимания в рамках данной темы заслуживает случай читательского преобразования текста «Дневника», вновь отсылающий к проблеме жанровых ожиданий. Автор одной из рецензий преобразовал идеи Вулмена в форму 83 императивов — «правил жизни», напоминающих знаменитые «Тринадцать добродетелей» Б. Франклина и «Семьдесят решений» Дж. Эдвардса. Таким образом, современный читатель «дописал» за Вулмена «недостающую» часть текста, ожидаемую им по аналогии с текстами той эпохи.

Анализ содержания рассмотренных отзывов, а также сам факт их многочисленности, позволяют утверждать, что один из американских рекорсменов по количеству переизданий, «Дневник» Джона Вулмена и по сей день остаётся текстом, вызывающим интерес и разноречивые отклики читателей.

Литература

Герасимова А. «Гоголю советов не давал»: к методологии изучения наивного рецензента // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов. 28. Тарту, 2017. С. 242–257.

Салеев В. А. Искусство и его оценка. Минск, 1977. С. 77. Цит. по: Добренко Е. А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. «Академический проект», 1994. С. 100.

АМБРОЗ БИРС И ВЛАДИМИР НАБОКОВ (О РАССКАЗАХ «СЛУЧАЙ НА МОСТУ ЧЕРЕЗ СОВИНЫЙ РУЧЕЙ» И «КАТАСТРОФА»)

Аствацатуров Андрей Алексеевич

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Американский писатель Амброс Бирс (1842–1914?) и русско-американский писатель Владимир Набоков (1899–1977) принадлежали к разным поколениям и обладали разным жизненным опытом. Бирс был воином и журналистом, активно вовлеченным в политические и Экономические турбуленции США, Набоков — профессиональным писателем, преподавателем литературы и энтомологом. Тем не менее, в их темпераментах, столь различных на Первый взгляд, обнаруживаются и сходства. Прежде всего — поразительная наблюдательность. Бирс во время Гражданской войны служил топографом, и военная служба стимулировала его писательское визуальное воображение. Среди персонажей Бирса часто появляются профессиональные разведчики, зорко наблюдающие за окружающим миром и чувствительные к самым незначительным деталям. В свою очередь визуальная поэтика Набокова выросла из его интереса к живописи, который у будущего писателя стал проявляться уже в детстве, когда он брал уроки живописи у Мстислава Добужинского. Персонажи Набокова, особенно те, которым он явно симпатизирует, так же, как и персонажи Бирса, обладают чрезвычайно зорким зрением и природной наблюдательностью.

Переходя к сопоставлению их рассказов, нам необходимо подчеркнуть некоторое различие в мировидении обоих авторов. Бирс, сформировавшийся под влиянием напряженных жизненных обстоятельств (война, коррупция, эпоха неограниченной конкуренции), кальвинистского наследия, идей социал-дарвинизма, полагал человека сущностно порочным, детерминированным наследственностью и обстоятельствами, заложником неумолимого рока. Набоков, отрицал детерминизм, отстаивал идею случая и видел своего персонажа свободно проживающим судьбу и творчески непредсказуемым. Писатели различаются и в их отношениях к трансцендентному. У Бирса трансцендентное равнодушно или враждебно субъекту, и судьба непременно жестока. У Набокова трансцендентное проникнуто любовью к человеку, ни в коем случае не враждебно ему, хотя порой насмешливо и иронично по отношению к нему.

Критики, как правило, отмечают связь знаменитого рассказа Бирса «Случай на мосту через Совиный ручей» (1890) и раннего рассказа Набокова «Катастрофа» (1924), подчеркивая, что рассказы объединяет прием ложного сюжетного хода. Однако сходства между этими рассказами этим единственным приемом не исчерпываются. Набоков заимствует у Бирса ряд ключевых образов и их трансформирует в своем рассказе.

Оба автора используют структуру травелога, характерную для ранних романтических текстов. Их персонажи совершают путешествие в реальном мире. У Бирса персонаж движется через лес (романтический топос), у Набокова — по берлинским улицам. И оба на определенном этапе, как это происходит в романтических текстах, переживают мистическое откровение. Важно и то, что оба персонажа держат в голове образы своих возлюбленных, которые явно коррелируют с мистическими женскими образами, возникающими в романтических текстах.

Оба автора похожи тем, что они стремятся предъявлять концепты, мотивы в виде конкретных, пластичных, зрительных образов. Наиболее важный для Бирса концепт судьбы реализуется в виде виселицы, петли на шее Пейтона Факуэра (главный герой рассказа «Случай...») и веревки, стягивающей его руки за спиной. Судьба неодолима, и персонаж своего воображения, обязательно умрет на виселице. В рассказе Набокова «Катастрофа» эти образы откликаются бинтами, стягивающими тело Марка Штандфусса, лежащего на операционном столе и лампы, качающейся на шнурке над его головой («Марк лежал забинтованный, исковерканный, лампа не качалась больше»). Кроме того, в качестве своеобразного отклика петли в рассказе «Катастрофа» выступает галстук, который Марк завязывает на своей руке, а также висячий ремень

в трамвае, за который хватается персонаж Набокова онцепт судьбы у Бирса реализуется и как аудиовизуальный комплекс, сочетающий зрительные и слуховые образы. В «Случае...» Пейтон Факуэр слышит звук, подобный удару молота и похоронному звону по своей жизни, который мешаает ему сосредоточиться на мысли о жене и детях. Это удары судьбы, отсчитывающие его последние минуты. Затем Пейтон Факуэр падает с моста и раскачивается под ним «как гигантский маятник», символически совпав со своей судьбой. Набоков в «Катастрофе» использует тот же аудиовизуальный комплекс, несколько перерабатывая его. Обреченный судьбой Марк Штандфусс, поднимаясь по лестнице, роняет тросточку, и она прыгает вниз по ступенькам с ритмичным деревянным стуком. Своеобразным проводником, освещающим путь, визуальным знаком перехода в иной мир часто выступает звезда. У Бирса звезды показываются на небе, когда его персонаж идет через мрачный лес. Звезды (судьба) явно враждебны герою, он чувствует в их странном расположении зловещий смысл. Рассказ Набокова открывается образом звезды, бенгальской искры, которая бежит по проводам. Здесь образ содержит намек на Рождественскую звезду, которая не враждебна, а дарит надежду на возрождение.

Другим образом, визуализирующим переход персонажа в иной мир, выступает в рассказах Бирса и Набокова мост. У Бирса мост примитивная машина казни и одновременно образ, стягивающий все стихии: землю, воду, воздух и огонь. В рассказе Набокова также появляется мост, и он также является визуальной фигурой, стягивающей все стихии. Наконец, в обоих рассказах возникает мистическое озарение персонажей. У Бирса в эпизоде, где герой выбирается на берег, а у Набокова — после того как герой попадает под автобус. В случае Бирса мы имеем дело с пародийным эпизодом, сочетающим романтические штампы. Мистическое озарение, райское видение, иронически подсказывает персонажу, что он умер и находится в Раю. У Набокова похожий эпизод также содержит цитаты из романтической поэзии (Тютчев, Кольридж) и определенную иронию, но он свидетельствует о пробуждении в персонаже визуального воображения, о его возрождении. Итак, можно заключить, что рассказ Бирса стал для Набокова важнейшим текстом, подсказавшим ему ряд образов.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ

FEMALE IMAGES IN THE WORKS OF GIACOMO LEOPARDI

Балаева Светлана Владимировна

доцент, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия

Женские образы занимают особое место в поэзии и прозе Джакомо Леопарди. Они предстают в разных ипостасях: незнакомка, увиденная вдалеке; сестра, которая выходит замуж; воплощение первой любви; умершая незнакомка, чье надгробие видит поэт; сложность образа Сафо, женские образы природы и луны.

В элегии «Первая любовь» (1817) Леопарди описывает опыт первой влюбленности в женщину. Опыт переживания женской красоты и совершенства рождает противоречивые чувства в душе лирического героя, который не смеет поднять взгляд, заговорить. Элегия сосредоточена на самой кульминации любовного чувства, переживании душевного потрясения. Герой ведет диалог с самим собой, сознавая, что подобный разговор не возможен с возлюбленной. Любовь переживается как чувство амбивалентное — счастливое и несчастное, беспокойное и живое. Образ женщины здесь становится катализатором интроспекции, рождающей философское осмысление жизни героем. Пережитая любовь приводит лирического героя (и самого Леопарди) к выводам, которые будут неизменными в его философских размышлениях. Любовь не спасает от пустоты мира, потому что объект любви укоренен в реальном мире, наполненном страданиями и несчастьем.

В стихотворении «К Луне» (1820) языковыми средствами выделяется женская природа Луны, которая является единственным доверенным лицом лирического героя. Он приходит к ней второй раз, через год, чтобы «увидеть ее». Герой обращается к ней со словами «возлюбленная Луна» (o mia diletta Luna). Луна символизирует неизменность естественного порядка вещей и служит средством для возвращения в прошлое героя. Луна снова появляется в стихотворении «Ночная песнь пастуха, кочующего в Азии» (между 1829 и 1830), она — «невиннейшая» (vergine luna), безмолвный наблюдатель жизни людей, из года в год царящая в небе. Невинность луны противостоит страданиям человека, которому многое знание приносит лишь страдание.

В канцоне «На свадьбу сестры Паолины» (1821) Леопарди в образе своей сестры отражает всех женщин Италии, которые должны были возбуждать патриотические чувства и вдохновлять итальянских мужчин на великие деяния. Женщина-мать должна воспитывать своих сыновей в патриотическом духе, сильными, добродетельными, способными в будущем изменить положение дел в Италии. Образ женщины в этой канцоне — идеализированный, патриотический, вдохновленный во многом древнеримской историей.

Канцона «Последняя песнь Сафо» (1822) воссоздает внутренний конфликт женщины с благородной душой, испытывающей безответную любовь. Канцона была написана в 1822 г. и включена в сборник «Песни» (1831). В образе Сафо отражается образ самого поэта. Внешность Сафо безобразна, вызвать интерес к себе она не может. Сам Леопарди, страдавший от болезней, горбун, испытывал похожие страдания. Внешности противостоит внутренняя красота, возвышенность духа. Невозможность переживания любовного опыта равнозначно невозможности наслаждаться дарами природы, естественного хода вещей. В канцоне в лирической форме конституируется постулат о жестокости природы, заставляющей страдать всех людей, единственная формой борьбы с ней — смерть.

В стихотворениях «К портрету красавицы, изваянному на ее надгробии» (1831) и «К древнему надгробию, на котором усопшая девушка изображена уходящей в окружении близких» (между 1831 и 1833), объединенных темой кладбища, смерти и ушедшей женской красоты, Леопарди исследует темы женственности, любви и эволюции чувств. Надгробие изображает прекрасный женский образ, при жизни пленявший мужчин. Даже теперь, после смерти, она очаровывает лирического героя. Он вынужден примирить неувядающую красоту, созданную скульптором, с реальной женщиной, какой она была и какой стала теперь. Герой знает, что под

могильной плитой лежат ее останки. В стихотворениях противопоставляются жизнь и смерть. Смерть уравнивает всех, и Леопарди знает, что никакого продолжения жизни после смерти нет.

Женщина «непомерного роста» — воплощение природы, с которой встречается герой в прозаическом «Разговоре Природы с Исландцем» (1824), входящем в «Нравственные очерки» (1824–1832). Природа объясняет Исландцу экзистенциальный характер несчастий человечества. Природа осуществляет круговорот жизни и смерти, не имея определенной цели, без учета счастья существ, которых она создает.

Женские образы являются проводниками неудачных и катастрофических любовных переживаний лирического героя. Но несмотря на это, образы женщин у Леопарди — идеалистические, являющиеся воплощением мечты поэта. Они часто связаны с понятием возвышенной красоты, но одновременно и с образами тления, смерти и исчезновения. Поэт задается вопросом о причинах столь скорого увядания красоты. В женском образе в поэзии и прозе Леопарди предстает природа, которая должна продолжать неумолимый круговорот рождения и смерти. Хотя этот круговорот вечен, человеческие души не возрождаются к жизни после телесной смерти. Леопарди взывает к другому женскому образу — к своей музе, в которой он видит средство примирить возвышенность духовных стремлений человека с хрупкостью и брэнностью его телесного бытия.

«МЕМУАРЫ АМЕРИКАНСКОЙ ЛЕДИ» И ЭССЕИСТИКА ЭНН ГРАНТ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

Барабанова Юлия Михайловна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский академический университет

Современные исследования литературы определенных эпох все больше ориентированы на включение национальных художественных движений в более широкий международный контекст, в котором рассматриваются не только взаимные влияния и параллели, но и некие общие тенденции в развитии мировоззренческих установок и стилей. В рамках такого подхода объектом пристального внимания становятся фигуры второго ряда, к числу которых можно отнести шотландскую писательницу Энн МакВикар Грант (1755–1838), чьи мемуары, письма и эссеистика были высоко оценены современниками (включая Вальтера Скотта). Британский исследователь Кеннет Макнил рассматривает ее творчество в рамках шотландского романтизма, который он включает в более широкую концепцию «атлантического мира» [McNeil 2020]. В своем литературном творчестве Энн Грант запечатлела региональные культурные особенности колониальной Америки и горной Шотландии через описание местных нравов, жизненного уклада и взаимоотношений разных общин. При этом ее сочинения пронизаны ощущением перемен, происходящих на периферии Британской империи.

Литературное творчество Энн Грант во много предопределено ее биографией. В раннем детстве она с матерью отправляется в Америку вслед за отцом, британским офицером, и десять лет они живут в новоголландской провинции Олбани в смешанном сообществе голландцев, шотландцев, англичан и индейцев. В 1779 г. Энн выходит замуж за Джеймса Гранта, священника из Лаггана в горной Шотландии, где она занимается изучением гэльского языка, легенд, обычаев и традиций горных шотландцев. После смерти мужа она переезжает в Эдинбург, где ее принимают в высших литературных кругах. В 1803 г. она публикует «Письма с гор» («Letters from the Mountains»), а в 1811 выходят «Очерки о суевериях шотландских горцев» («Essays on the Superstitions of the Highlands»). Ее письма, которые скорее можно отнести к жанру путевых очерков, и эссе о горной Шотландии в значительной степени способствовали сохранению памяти об относительно недавнем прошлом и формированию шотландской идентичности на фоне происходящих радикальных изменений в этом периферийном регионе Британской империи.

Известность Энн Грант принесли «Мемуары американской леди» (1808), написанные на основе ее детских воспоминаний о жизни в колониальной Америке. Вышедшие спустя сорок лет после возвращения Грант в Шотландию эти мемуары представляют собой литературную реконструкцию впечатлений ее детства и «исторический» нарратив о жизни голландской общины Олбани, основанный на рассказах и воспоминаниях мадам Шуйлер, которая покровительствовала Энн Грант. Эта книга стала своего рода воплощением «коллективной памяти», (этот концепт использует К. Макнил, характеризуя свойственный романтикам подход к истории), понимаемой как важнейший фактор формирования национальной идентичности. Примечательно, что опубликованная в 1809 г. «История Нью-Йорка» Вашингтона Ирвинга, которая отчасти пересекается с «Мемуарами» Энн Грант, создается на совершенно иных принципах — использовании вымышленного историка-повествователя и всеобъемлющей иронии, доходящей до бурлеска (по определению Пола Джайлза [Giles 2001]), но при этом демонстрирует аналогичную связь прошлого с настоящим, выражающуюся в смещении временных и пространственных границ, которое предопределяет изменения национальной идентичности. Этот исторический сдвиг наиболее очевиден в рассказе «Рип Ван Винкль» из «Книги эскизов» Ирвинга.

У нас нет свидетельств знакомства Ирвинга с литературными трудами Энн Грант, но можно предположить, что он по крайней мере слышал о ней от Вальтера Скотта, который упомянул ее в послесловии к роману «Уэверли или шестьдесят лет назад» (1814), подчеркнув при этом свое отличие от нее: «...описание преданий, данное многуважаемой и остроумной миссис Грант из Лаггана, по характеру своему коренным образом отличается от вымышленного повествования, которое я пытался создать» [Скотт 1990: 483]. Вместе с тем в «Уэверли», как и в других

своих исторических сочинениях, например в «Хрониках Кэнонгейта» (1827) для «оживления» истории Скотт использует тот же принцип «коллективной памяти», рассказывая о событиях, известных повествователю по воспоминаниям людей, которые были их свидетелями. Этому принципу следует и Вашингтон Ирвинг в «Книге эскизов» (особенно в рассказе «Рип Ван Винкль»), исследуя тему живой памяти о недавнем прошлом в контексте исторических событий, стремительно меняющих привычный уклад жизни и самосознание людей.

Ключевой темой (помимо связи прошлого и настоящего), объединяющей творчество столь разных авторов, как Энн Грант, Вашингтон Ирвинг и Вальтер Скотт, является подвижность пространственно-временных границ. Если у Ирвинга эта тема разрабатывается, с одной стороны, как включение британской культуры, европейского и колониального прошлых процесс формирования американского самосознания, а с другой — как расширение собственно американского пространства, то у Грант и Скотта на первый план выходит стремление сохранить исторические и культурные корни шотландской идентичности и переосмыслить ее в условиях трансформации Британской империи и смещения границ между центром и периферией. Определенные точки соприкосновения и параллели в произведениях столь разных авторов свидетельствуют о возникновении трансатлантического измерения в англоязычной литературе.

Литература

McNeil K. Scottish Romanticism and Collective Memory in the British Atlantic. Edinburgh, 2020.

Giles P. Transatlantic Insurrections: British Culture and the Formation of American Literature, 1730–1860. University of Pennsylvania Press, 2001.

Скотт В. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. М., 1990.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ АРТУРА МЕЙЧЕНА

Васильев Михаил Федорович

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Артур Мейчен (правильно «Мэкен»; 1863–1947), англо-валлийский писатель и мистик, более всего известен как один из ярких представителей «жёлтых девяностых» и корифей ранней литературы ужасов, оказавший влияние на более поздних мастеров, в том числе Г. Ф. Лавкрафта. Тем не менее, в собственных глазах Мейчен был реалистом — любопытно разобраться в том, что он под этим понимал, если о произведениях, например, Мопассана писатель отзывался как о «действительно изящных» опытах «в области энтомологии, а не человековедения» [Сорочан 2020: 292, 325]. Во-первых, внимательный глаз замечает в творчестве писателя отголоски того, что М. М. Бахтин позднее обозначит как «гротескный реализм». Большой ценитель Рабле, в произведениях своего «великого десятилетия» (90-е гг. XIX в., конец викторианской эпохи) Мейчен последовательно настаивает на реальности и важности плоти, том, что Бахтин именует «телесной драмой», и в таких произведениях, как «Великий бог Пан», «Повесть о чёрной печати» и «Повесть о белом порошке» она проявляется именно в образах гротескного тела, текучего, становящегося, размывающего родовидовые границы — между мужским и женским, человеческим и нечеловеческим, формой и первобытным хаосом. Тем не менее, несмотря на космический характер этих метаморфоз, в глазах Бахтина мейченковский гротеск в этих произведениях оказался бы ближе к романтическому и модернистскому, поскольку апеллирует к эффектам ужаса и отвращения, а не к всенародному смеху [Бахтин 2015: 31, 38–39, 56–57, 67, 411]. Смех в произведениях Мейчена — это смех частного индивида над отдельными нелепицами социума вокруг, не универсалистский хохот карнавала. Говорить о Мейчене как о «магическом реалисте» также было бы несколько анахронично, поскольку сам этот термин возник позже основного периода его творчества и в строгом смысле относится только к латиноамериканской литературе — но нельзя отрицать, что художественный мир Мейчена, где мистические экстазы, языческие обряды и «тайнства зла» вплетаются в жизнь современных горожан, отчётливо резонирует с поэтикой магического реализма. Кроме того, нельзя не отметить, что творчеством Мейчена восторгался Х. Л. Борхес, один из крупнейших представителей движения. Наконец, интересно взглянуть на творчество писателя в свете влиятельного течения философской мысли наших дней — спекулятивного реализма. Представители ряда движений, объединённых под данным названием, ищут выхода за пределы «корреляционизма», кантовских субъект-объектных отношений и «лингвистического поворота» в науке, рассчитывая обнаружить стратегии выхода на сам объект, «вещь в себе», внешний нечеловеческий мир. Поиск коммуникативных стратегий в этом нелёгком предприятии часто заставляет их апеллировать к художественной литературе о немислимом, то есть к хоррору. Так, любопытно было бы взглянуть на ранние произведения писателя в свете концепций «тёмного витализма», изложенных в «Динамике слизи» Бена Вударда — тот, обращаясь к широкому материалу от У. Х. Ходжсона до настольной игры Warhammer 40 000, поразительным образом обходит Мейчена стороной, невзирая на столь резонирующие со своими построениями художественные образы. Но куда продуктивнее, на наш взгляд, обращение к некоторым инструментам, выработанным в рамках объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана. Харман постулирует существование weird-реализма, который, в противовес «репрезентативистскому» реализму, не пытается «отразить» реальность, а выявляет «зазоры» между человеческим познанием и объектом, фиксирует неспособность языка справиться с реальностью как таковой. В качестве классического писателя зазоров и weird-реалиста Харман рассматривает Лавкрафта, певца неопишумых ужасов, и анализирует его стилистические приёмы. Но он же отмечает, что эти фигуры не обязаны совпадать: точно так же может существовать писатель зазоров, описывающий экстазы и наслаждения по ту сторону слов [Харман 2020: 14–15, 25]. Именно таким писателем был Артур Мейчен. Экстаз — ключевое понятие его поэтики, которому уделено немало место в трактате «Иероглифика»: там

оно трактуется очень широко как отступление от повседневного и обыденного, проблеск той более подлинной реальности, что обычно остаётся скрытой от глаз. В знаменитом прологе к повести «Белых людей» писатель разграничивает два типа экстаза — святость и колдовство, или «истинный грех», и в его произведениях мы отыщем и то, и другое. Наиболее известны именно ужасные и отвратительные экстазы «истинного греха», тесно связанные с гротескным телом и первичной слизью, но в таких произведениях, как «Фрагмент жизни», «Великое возвращение», «Тайная слава», «Зелёный круг», «N» писатель обращается к другому полюсу экстатического — к религиозному опыту. В попытках описать явленное откровение, проблеск райского блаженства, нарратор сталкивается с неспособностью языка адекватно отразить трансцендентное и вынужден прибегать к стратегии, которую Харман называет аллюзией — косвенному описанию и намёку. Обыденные и общераспространённые предметы превращаются у Мейчена в символы, которыми он стремится очертить контуры иного, более реального мира, и всё же в пределе язык отказывает, здравый смысл капитулирует ещё раньше, и во многих произведениях писатель отказывается подводить черту, оставляя читателя самому складывать итоговую картину из фрагментов. Произведения Мейчена размыкают однородные структуры повседневности, с помощью экстаза, символа и умолчания стремясь высветлить видение Святого Грааля — или «великого внешнего» (Great Outdoors) спекулятивных реалистов.

Литература

- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 2015.
- Вудард Б.* Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни. Пермь, 2016.
- Сорочан А. Ю.* Странная классика: weird fiction и проблемы исторической поэтики. — Тверь, 2020.
- Харман Г.* Weird-реализм: Лавкрафт и философия. Пермь, 2020.

СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ МИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ОТ ГЕРОЯ К АВТОРУ

Волкова Анна Геннадьевна

сотрудник, Межрегиональный центр информационной безопасности

Средневековая мистическая проза рассматривается на примере «Откровений Божественной Любви» (Revelations of Divine Love) Юлианы Нориджской, которые датируются концом XIV в. «Откровения» стали плодом двадцати лет размышлений над теми видениями Юлианы в мистическом опыте. Текст «Откровений» вписывается в традицию мистической прозы Европы, и эта принадлежность указывает на некоторые особенности авторства таких текстов: автор либо неизвестен, либо максимально обезличен. Это касается жанра откровений, который по определению представляет собой запись Божественного слова, поэтому такой текст должен быть как бы безликим, не иметь автора-человека, будучи даром Господа, и тем более не иметь героя. В этом контексте «Откровения» Юлианы Нориджской представляют особый интерес, так как в них прослеживается авторское начало. Эксплицитным выражением авторства является употребление местоимения «я»: Юлиана пишет от первого лица, передавая свой личный опыт Богообщения. Юлиана становится одновременно и автором, и героем своего повествования. Однако есть и другие аспекты субъектной организации текста, которые указывают на авторское начало.

Во-первых, Юлиана выражает внутренние переживания при помощи конкретных лексем, входящих в семантическое поле «мысль, мыслительная деятельность, сознание». Ключевыми словами здесь являются не только слова «сознание, мысль», но и лексемы, относящиеся к чувственному восприятию — «зрение, слух», реже — «осознание».

Одной из наиболее частотных лексем в «Откровениях» является лексема «сознание», которая употребляется в тех случаях, когда Юлиана говорит о способе, которым ей приходит откровение: «В этот момент Он ввел в мое сознание (he browght to my understandyng) нашу благословенную Богородицу» (глава 4); «...Он показал моему сознанию (he browte to mend) Свою честную кровь и драгоценную воду...» (глава 24); «После этого Господь привнес в мое сознание стремление (browte to my mynd the longyng), которое я прежде имела к Нему. И я увидела (and I saw), что ничто не препятствует мне, кроме греха, и это я видела вообще во всех нас» (глава 27). В некоторых главах сознание и чувство контаминируются, так что Юлиана «слышит», «видит» умом: «Вдруг я услышала в своем сознании (had I a profir in my reason) предложение, как будто мне дружески было сказано: «Посмотри на Небеса, на Его Отца»; и в тот момент я хорошо поняла (saw I wele), через веру (with the feyth), которую я чувствовала (felte), что не было ничего между Крестом и Небом, что могло бы повредить мне» (глава 19).

Оригинальное слово, которое переводится как «сознание», — это слово *mend, mynd, minde* — вариации современного английского *mind*, обозначающего ум, мыслительную способность человека. В некоторых фрагментах используется лексема *understandyng*, обозначающая не только «сознание, разум», но и «понимание». Третьим словом, используемым в значении «сознание», является лексема *reason*, которая также переводится как «разум», «способность рационально мыслить». Все это придает тексту личностный характер: видения передаются от первого лица, и при этом описываются как ментальные процессы, происходящие не в душе (сердце), а в сознании (уме).

Вторая особенность, значимая для рассмотрения образа автора и авторского начала, — это так называемая поэтика быта. Юлиана использует бытовые детали и образы для описания духовных понятий. В главе седьмой Юлиана описывает видение страдающего Христа: «...я продолжала видеть телесное видение Его головы, обильно кровоточащей. Крупные капли сыпались из-под тернового венца словно бусины (*pellots*), выходя как если бы они только что вытекли из жил... Обилие ее [крови] подобно каплям воды (*dropys of water*), которые падают с карнизов после сильных потоков дождя... Что же до округлости капель, то они были словно икринки сельди (*the scale of heryng*), когда растекались по лбу». Сакральное событие описыва-

ется при помощи бытовых образов, тех деталей, которые, скорее всего, окружали Юлиану в повседневной жизни: бусины, капли дождя, икринки сельди. Если сравнивать язык «Откровений» с языком других подобных произведений того же жанра, например, с анонимным английским трактатом XIV в. «Облако неведения», то очевидно, что такая «поэтика быта» является своеобразным авторским знаком, отличающим «Откровения» от других текстов.

В описании дьявола Юлиана использует все те же приземленные, бытовые образы, что придает этому описанию натуралистичность: «И сначала во сне мне показалось, что враг обосновался на моем горле, приблизив личину, похожую на лицо молодого человека, совсем близко к моему лицу.... Цвет был красный, как черепица, когда ее только что обожгли, с черными пятнами на нем, подобным черным веснушкам, грязнее, чем сама поверхность черепицы. Его волосы были красными, как ржавчина, обрезанные спереди, с боковыми прядями, свисающими у висков». Зло имеет конкретное воплощение, причем это воплощение намеренно описывается Юлианой неприглядно, чтобы вызвать отвращение не только к самому дьяволу, но и ко всем проявлениям зла.

В тексте «Откровений» герой и автор максимально приближены друг к другу, что обусловлено жанром и особенностями мистической прозы. При этом «Откровения» Юлианы отличаются наличием авторского начала: — описывается опыт общения с божественным миром через слова и выражения, относящиеся к семантическим полям «сознание, мыслительная деятельность» и «чувства, чувственное восприятие». Здесь мыслительная способность автора служит лишь реципиентом и транслятором истин и видений. Юлиана часто идет от чувственного восприятия к созерцанию (мысли): сначала она «видит» и ощущает, а затем «возносится умом», — используются бытовые детали при описании сакрального, а также нравственных понятий (дьявол, грех).

Дальнейшие исследования авторского самовыражения в мистической средневековой прозе находятся в плоскости сравнения этого текста с другими текстами «женской прозы» того же периода, в частности, с «Книгой» Марджери Кемп.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АРМЯНСКИХ ПЕРЕВОДОВ Ч. ДИККЕНСА)

Гаспарян Луиза Ареговна

докторант, Институт литературы им. М. Абеяна Национальной академии наук, Армения

На протяжении веков культурные взаимосвязи играли ключевую роль в развитии и процветании человечества, и переводческую деятельность в аспекте преодоления культурных барьеров трудно переоценить. Подход культурного трансфера уделяет значительное внимание переводческой деятельности как таковой, понимаемой в динамике, как способ обогащения и самоидентификации в первую очередь целевого языка и целевой культуры. [Алексеева 2004].

Один из самых влиятельных языковедов и реформаторов образования в западной теории К. В. фон Гумбольдт утверждал, что все гениальные произведения, по сути, непереводимы, и ни одно слово в одном языке не имеет аналогов в другом. Перевод в той или иной степени должен выражать коннотативный оттенок исходного языка для достижения той или иной степени аналогичного отклика читателя. Основная концепция Гумбольдта состоит в том, что как каждый язык совершенно уникален и обладает своей особой внутренней формой и энергией, подобно этому и каждое слово уникально и не имеет эквивалента ни в каком другом языке. Тем не менее, ученый утверждает, что перевод, в частности перевод художественной литературы является важным инструментом обогащения национальной литературы и расширения кругозора людей и культур [Humboldt 1816]. В нашем исследовании мы делаем акцент именно на этой важной части переводоведческого посыла Гумбольдта.

Цель исследования связана с выявлением интерпретационных моментов, возникающих как эффект лингво-культурной трансформации повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе» на уровне русских и армянских переводов.

Данная цель определяет конкретные задачи, а именно:

- 1) сопоставить текст оригинала и перевода опираясь на теорию «культурного трансфера»;
- 2) анализировать и раскрыть объективные и субъективные «культурные сбои» принимая во внимание текстовые и экстра-текстовые факторы;
- 3) исследовать «культурные импорты» в тексте перевода, а также влияние русских переводов, как посредников», на армянские.

Сопоставительное изучение русских и армянских переводов Диккенса стояло на повестке многих исследователей, однако до сих пор метод «культурного трансфера» не привлекался к их трактовке. Обращение к данному методу и определяет новизну нашего исследования [Эспань 2018]. Рецепция и интерпретация диккенсовского текста двумя нередко интерферирующими переводческими средами, русской и армянской, позволяет сделать выводы о специфике восприятия творчества Диккенса русским и армянским литературным полем, что акцентирует именно (сравнительно-)литературоведческую по преимуществу (а не лингвистическую) ориентацию предлагаемого научного поиска.

Многие армянские критики неоднократно отмечали, что армянская литература XIX и XX веков формировалась и развивалась под благотворным влиянием русской классической литературы и русских перевода европейских классиков. Многие армянские критики, писатели и переводчики изучали русскую филологию в гимназиях Российской Империи (Москва, Санкт-Петербург, Астрахань), и глубокое знание русской художественной словесности давало возможность приступить к кропотливой работе по переводу не только великих русских классиков, но и европейских авторов – при посредничестве русской культуры. Особым спросом в армянском культурном контексте пользуются труды У. Шекспира, Д. Г. Байрона, Ч. Диккенса, Д. Свифта, Д. Мильтона, и т. д. Русские переводы становятся при этом медиумом («посредни-

ком», в терминологии М. Эспаня) межкультурного общения для большинства армянских переводчиков-классиков XIX века.

Исторически армянский народ обращался к опосредованным переводам для развития национальной культуры и культурных взаимосвязей, и большинство романов Диккенса были переведены с русского языка. Первые армянские переводы «Рождественской песни» были напечатаны в армянской Шуши, 1891 г., в Тифлисе, 1897 г., в Константинополе, 1928 г.

«Рождественская песнь» стала классикой в том числе и армянской рождественской литературы, пробуждая в сердцах читателей теплоту и надежду на светлое будущее. В современной критике отмечается сочетание у раннего Диккенса романтического пафоса и искусства «воспроизводить» истины объективной реальности. Собственно, «Рождественская песнь» и иллюстрирует глубинную драму человека викторианской эпохи, развернутого как к социальным, так и к духовным проблемам. Структура «Рождественской песни» своеобразна, и каждый ее «куплет» (их всего четыре) охватывает пространственно-временной диапазон прошлого-настоящего-будущего, которое помогает в итоге переосмыслить жизненную философию главного героя — скряги Скруджа. Диккенс выводит специфический мир викторианской Англии, с избытком «экстралингвистических» компонентов. Тем более интересным предстает сопоставительный анализ оригинала и переводов, выявляющий переводческие стратегии трансфера британской литературной классики в армянскую культуру. В ходе трансфера в контекст оригинала «проникают» как элементы исходной культуры (культурные микроэлементы — слова, фразы, реалии), так и культурные объекты вне-языковой реальности (культурный макроэлемент — содержание текста), воплощающего интенцию автора.

При сопоставлении оригинала и переводов особое внимание уделяется изучению отрывков из Священного Писания, которые Диккенс тонко вправил в свой текст. Диккенс был верующим человеком, и чтение Библии формировало его мировоззрение, помогая подать увлекательные сюжеты в неременном обрамлении моральных и социальных взглядов и суждений. Повествование Диккенса, его персонажи, в значительной степени преисполнены «духа» христианства [Cunningham 2008].

Литература

- Алексеева И. С.* Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филол. фак. С.-Петер. гос. ун-та; М.: Академия, 2004.
- Эспань М.* История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с франц.; под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018.
- Cunningham V.* Dickens and Christianity, A Companion to Charles Dickens / ed. by David Paroissien. Blackwell Publishing, USA, UK, Australia, 2008.
- Humboldt von W.* The More Faithful, the More Divergent, From “Einleitung” // Aeschylus Agamemnon Metrisch Ubersetzt. Leipzig, 1816.

ЖАН-ФРАНСУА МАРМОНТЕЛЬ: СТАНОВЛЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ И ЭНЦИКЛОПЕДИСТА XVIII ВЕКА

Герасимова Светлана Анатольевна

доцент, Московский городской педагогический университет

Жан-Франсуа Мармонтель (1723–1799) — французский писатель, новеллист, драматург, автор литературных статей для «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбера. Личность писателя тесно связана с развитием литературы во Франции XVIII в. Литературовед Ш. Сент-Бёв написал в 1851 г., что подобные Ж.-Ф. Мармонтелю авторы ушли в тень исторической поэтики XIX и XX вв., поэтому важно переосмыслить их творческий вклад, определить значимость обращения к наиболее важным периодам их литературного творчества [Saint-Beuve 1851: 394].

Наш научно-исследовательский интерес связан с выявлением особенностей становления Ж.-Ф. Мармонтеля как крупного литератора и энциклопедиста, внесшего вклад в литературное просвещение французского общества. Предпринимается попытка проследить динамику взглядов французского просветителя на литературные жанры XVIII в. и определить степень его литературоведческого вклада, в том числе в становление французской «Энциклопедии». Важна роль нарративного подхода в историографической перспективе, когда конкретный языковой материал позволяет судить о взглядах писателя в динамике. Для историко-литературной науки важна также научная биография писателя, тесно переплетающаяся с теорией и историей литературы [Демченко 2014: 59]. Обращение исследователей к литературной биографии Ж.-Ф. Мармонтеля указывает на длительные перерывы в изучении его творчества. Личность писателя вызывала интерес в конце XIX–начале XX вв. (Rocafort, 1890; Ducros, 1900; Lenel, 1902), когда акцентировалось внимание на вкладе писателя в литературную составляющую «Энциклопедии» [Дюкро 2021]. Затем, до конца XX в. о писателе и энциклопедисте забыли, считая его литературные достижения незначительными для изучения. Начиная с конца XX в., исследователи творчества Ж.-Ф. Мармонтеля позиционируют его как «уникального интеллектуала эпохи Просвещения», обращая внимание на созданные им литературные жанры, влияние творчества писателя на европейскую и русскую литературу [Будыка-Житкова 2013]. Материалом для доклада послужили произведения Ж.-Ф. Мармонтеля, отражающие главные этапы его становления как писателя. Настоящим пристрастием для Ж.-Ф. Мармонтеля стала поэзия. В 1743 г. он сочинил первую оду «Изобретение пороха», представив ее на конкурс старейшего литературного общества Европы «Академия Цветочных игр».

В каноническом для литературы классицизма жанре двадцатилетний автор потерпел неудачу и написал Вольтеру, пожаловавшись на несправедливость судей. Первые неудачи на поэтическом поприще побудили Ж.-Ф. Мармонтеля обратиться к другому каноническому для эпохи Просвещения жанру — трагедии. Начиная с 1748 г. писателем было создано пять трагедий, сначала имевшие успех, но в силу своей крайней напыщенности не отличавшиеся явными литературными достоинствами. Понимание того, что он может быть неплохим прозаиком, побудило Ж.-Ф. Мармонтеля обратить внимание на энциклопедистов. В возрасте 28 лет Ж.-Ф. Мармонтель был приглашен Д. Дидро в качестве автора энциклопедических статей, посвященных литературе и театру. Статьи для «Энциклопедии» были критическими. Шарль Сент-Бёв отмечал, что это самые лучшие произведения, написанные Ж.-Ф. Мармонтелем. По статьям критика мы можем судить о жанровой системе литературы французского Просвещения. Однако после издания VII тома «Энциклопедии» он вышел из авторского коллектива, поскольку боялся преследований со стороны противников энциклопедистов. В 1761 г. Ж.-Ф. Мармонтель издает двадцать три Нравоучительные повести (Contes moraux) в двух томах, что позволило ему заявить о себе как о создателе нового жанра conte moral в отличие от философских повестей Вольтера.

Морализующе-сентиментальный тон и социальные мотивы этих contes оказались созвучны своему времени. Произведение было переведено на семь европейских языков, в России с 1764 г. «Нравоучительные повести» стали излюбленным чтением. В феврале 1767 г. в Париже был опубликован философско-просветительский роман Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизарий» («Bélisaire»),

герои которого беседуют о государственных делах, важных вопросах морали и политики, которые отстаивал и сам автор. Роман пользовался большой популярностью во французском обществе, тираж составил более 40000 экземпляров, хотя автор подвергся нападкам со стороны Сорбонны. Духовенство требовало изъять из текста главу XV, где ключевой была фраза с призывом к веротерпимости: «la vérité luit de sa propre lumière et qu'on n'éclaire pas les esprits avec la flamme des bûchers» (Истина источает собственный свет. Нельзя просвещать разум пламенем костров), — писал Мармонтель. Через десять лет (в 1777 г.) за авторством Ж.-Ф. Мармонтеля издается роман-эпопея «Инки, или Разрушение Перуанской империи». За последующий XIX в. Произведение было издано в разных странах более 180 раз, чему способствовали тонкий психологизм и высокая патетика произведения, изящество слога и страстная гражданственность писателя-гуманиста Ж. Ф. Мармонтеля. Роман побуждал общество размышлять над моральными темами. Основываясь на идеологии Просвещения, автор обращается в романе к проблеме толерантности по отношению к иному социальному устройству общества.

АГИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ПРИМЕР ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СВЯТОЙ КЛАРЫ, ВЫПОЛНЕННОГО ФОМОЙ ЧЕЛАНСКИМ

HAGIOGRAPHIC LITERATURE AS A HISTORICAL SOURCE: AN EXAMPLE OF ST. CLARE'S LIFE WRITTEN BY THOMAS OF CELANO

Дроздова Полина Борисовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Агиографии составляют отдельный литературный жанр; но если раньше интерес к нему проявляли в основном филологи и богословы, сегодня он заслуживает пристального внимания специалистов целого ряда гуманитарных дисциплин — социологии, культурной антропологии и истории. Для современного историка житие святого может стать ценным источником: одним из примеров служит «Легенда святой девицы Клары» — жизнеописание Клары Ассизской, выполненное во второй половине XIII в. первым агиографом францисканского ордена, автором целого ряда жизнеописаний святого Франциска — Фомой Челанским.

Фома Челанский приступает к труду над Легендой (разумеется, на латыни) в 1253 г., уже на следующий год после смерти Клары. Его подход к своей задаче очень близок к подходу историка: несмотря на рамки, накладываемые агиографическим жанром (это, прежде всего, назидательность повествования, но также и определенная структура текста, содержащая типичное разделение на части *vita, conversio, conversatio e miracula*), он стремится максимально точно передать факты жизни Клары, начиная свою работу со свидетельств участников процесса канонизации. Хотя агиограф приводит не все события из числа упоминавшихся на процессе свидетелями, но (и в этом тоже можно увидеть подход историка) он «не опускает ни одного факта из жизни Клары, о котором в актах процесса канонизации рассказывало бы двое и более свидетелей». Все же агиограф видит много пробелов в материалах процесса и не желает ими ограничиваться: заявляя о своем намерении представить читателю подлинный и полный портрет святой, заполнить лакуны в рассказах свидетелей процесса канонизации, Фома Челанский обращается к сестрам из монастыря Клары и к первым товарищам Франциска, наблюдавшим, а иногда и принимавшим деятельное участие в религиозной жизни Клары.

Жизнеописание святой Клары представляет собой исторический источник с разных точек зрения: от более явных деталей, позволяющих контекстуализировать события жизни Клары хронологически и географически, до не столь очевидных моментов, отражающих, однако, состояние культуры и общества в ту эпоху.

К деталям, явным образом помогающим нам восстановить историческую картину, относятся элементы исторической географии — топонимы, названия церквей; другим важным элементом, необходимым для исторической контекстуализации, является датировка как самой Легенды (этому помогают известные нам даты ряда связанных с ней событий), так и рассказанных в ней фактов из жизни Клары — их мы можем датировать благодаря знаниям общей истории, или сопоставляя их с фактами из жизни Франциска.

Однако помимо отсылок к хронологии и географии, Легенда святой Клары может служить историку источником более широких данных, предлагая сведения социологического и культурологического характера. События, описанные в Легенде, следует воспринимать, опираясь на знание культуры Средневековья вообще и XIII в. в частности, не забывая при этом о назидательных целях агиографа и особенностях жанра агиографии: жизнеописание Клары содержит традиционные элементы агиографии (среди них можно назвать типичную, подчиненную жанру, структуру повествования; отсылки к библейским текстам; многочисленные топосы агиографического жанра, которыми пересыпан текст Легенды — образ света, озаряющего мир, который клонится к закату, благородное происхождение Клары, пророческий голос, который слышит беременная Klarой мать, благочестивое поведение с раннего детства и т. д.), но также и элементы, говорящие о резком противоречии с традицией жизни святой и с традиционной

ролью женщины в Средневековье (этих элементов тоже предостаточно: отчаянная борьба Клары за право на обет бедности; написание собственного Устава — это первый в истории монастырский устав, написанный женщиной; протест против запрещения Папой Григорием визитов в Сан Дамиано братьев, «доставлявших хлеб духовный» и т. д.). В описании жизни Клары до ее обращения также присутствуют характерные детали жизни женщин той эпохи, демонстрирующие определенную свободу женщин в противовес ряду стереотипов об их подчиненном положении в Средневековье: например, мать Клары совершает дальние путешествия, бывает даже за морем, куда отправляется с паломничеством, а сама Клара вольна отказаться от замужества или самостоятельно распорядиться своим приданым, решая, продавать ли его и кому его продавать, и т. д.

Вместе с тем интерес представляет ряд эпизодов из жизни Клары, сохранившихся в актах процесса канонизации, но отринутых Фомой Челанским в Легенде, и эти опущения могут представлять собой интерес с точки зрения истории, как отражение средневековой культуры: в качестве примера можно привести желание Клары отправиться в Марокко (на строгий взгляд показывающее Клару, уже аббатису, в дурном свете); или «чудо с кошкой», опущенное по причине возможной аллюзии на дьявола; другие эпизоды — исцеление сестры Бальвины, видение обрушивающихся на Клару монастырских ворот и видение Клары, сосущей молоко из груди святого Франциска, которое могло шокировать читателей. Эти опущения могут свидетельствовать о том, что для Фомы Челанского создание культа памяти Клары играет более важную роль, чем воссоздание фактов.

Если одни исследователи (например, Марко Гуида) отмечают в Фоме Челанском близкое историку «ясное и осознанное намерение сохранять верность процессуальным актам как документам, которые могут максимально авторитетно свидетельствовать о подлинности исторических и биографических фактов», то другие (например, Марко Бартоли) считают его агиографом-пропагандистом, выполняющим поставленную Папой задачу привлечения в орден новых девушек и женщин. Можно соглашаться с одними или другими, однако бесспорно то, что Легенда о святой Кларе — агиографический текст, ценный в том числе и с точки зрения истории. Портрет Клары воссоздан Фомой Челанским по крупицам истинных свидетельств современников, знавших и любивших Клару, и хотя бы поэтому ее жизнеописание является не только замечательным образцом жанра агиографии, но и важным источником информации для сегодняшних историков.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В РОМАНЕ РИЧАРДА ПАУЭРСА «ВЕРХНИЙ ЯРУС»

MYTHOLOGICAL REMINISCENCES IN RICHARD POWERS'S NOVEL "THE OVERSTORY"

Игнатьева Дарья Сергеевна

преподаватель, Михайловская военная артиллерийская академия

В своем творчестве современный американский писатель Ричард Пауэрс (р. 1957, Powers) последовательно применяет метод художественного синтеза, соединяя в рамках одного романа различные дискурсы: научный, художественный, музыкальный и мифологический. Обращение к мифологическому дискурсу происходит, как правило, за счет инкорпорирования в ткань произведения мифологических мотивов и образов. Так, использование мифологических ассоциаций в романах «Галатея 2.2» (1995, «Galatea 2.2») и «Орфей» (2014, «Orfeo») помогает писателю организовать повествование на сюжетно-композиционном уровне, а на идейно-тематическом уровне — попытаться осмыслить процессы, происходящие в современном обществе, с позиций древнего мифа, а также поставить вопросы о настоящем и будущем современного человека.

В романе «Верхний ярус» (2018, «The Overstory») вновь взаимодействуют научный, художественный и мифологический дискурсы. Связь с мифологическим контекстом реализуется через включение образов, ключевых имен, преобразованных цитат из античных, библейских, скандинавских, индуистских и китайских мифов о деревьях. Так, древняя секвойя преподносится читателю в образе дерева Иггдрасиль (Древо жизни в германо-скандинавской мифологии, олицетворяющее Вселенную и взаимосвязь всего на Земле). Введение данного образа приносит в роман мотивы творения и познания мира. Эти мотивы актуализируются также через образы деревьев, фигурирующих в индуистской (фиговое дерево) и китайской (тутовое дерево) мифологиях, где они олицетворяют собой всё то же Древо жизни, а, кроме этого, «участвуют» в солярных и космогонических мифах. Упоминание мифа индейцев племени чинук о Кемуше (миф о создании мира) и мифа о сосне и монстре-бобре (миф об обретении огня) вновь актуализирует мотивы творения и познания. Наконец, данные мотивы транслируются через пересказ библейского мифа о сотворении мира, при этом подчеркивается, что деревья и растения прибыли в этот мир раньше человека. Использование знаковых мифологических имен (Мимант, Геракл) применительно к деревьям помогает читателю зрительно представить их размеры и мощь, а мотивы творения и познания мира, заключенные в приведенных выше мифах, дают читателю возможность почувствовать их возраст, силу и величие.

Помимо этого, в романе присутствует мотив превращения, который вводится через пересказ античного мифа о Бавкиде и Филемоне (миф о супружеской паре, которых боги наградили вечной жизнью, превратив в долговечные деревья — дуб и липу) и через включение идей Овидия о взаимопревращении всего живого на Земле. Мотив превращения обыгрывается на уровне персонажей, что происходит за счет проведения параллелей между персонажами и деревьями: повествование об индуистском мальчике разворачивается на фоне образа фигового дерева, а повествование о дочери китайского эмигранта — на фоне тутового дерева. Тем самым автор закрепляет за каждым персонажем свое дерево, что подтверждают и иллюстрации деревьев, данные в начале каждой отдельной главы, посвященной конкретному персонажу. Так, для истории о супружеской паре автор выбрал картинки дуба и липы, проведя аналогию с упомянутыми выше Бавкидой и Филемоном. Наконец, по мере развития сюжета отдельные персонажи присваивают себе имена деревьев. За счет игры с именами, иллюстрациями и аналогиями меняется фокус повествования: деревья сами становятся персонажами романа. На это указывают и использованные писателем нарративные техники: смена внутренней фокализации (когда читатель видит события глазами одного из персонажей) на внешнюю (читатель способен обозревать картину сверху, с высоты древесных крон), а также ведение повествования в настоящем времени, даже тогда, когда рассказывается о событиях давнего прошлого. Таким образом, текстуально и художественно реализованный в романе мотив превращения говорит о том, что

главными героями романа являются не люди, а деревья. Использование настоящего времени подчеркивает разницу между временными измерениями, данными дереву и отмеренными человеку. В названии романа заключена игра слов: *overstory* верхний ярус (термин в дендрологии; нижний ярус занимают травы и лишайники, а самый верхний — деревья) и *overstory* — сверх-история, надистория, предыстория. Тогда как история отдельного человека измеряется годами, история дерева может длиться века, а то и целое тысячелетие, представляя собой сверхисторию. В то же время в том, что персонажи с их историями представлены в самой первой части, именуемой «Корни», прослеживается мысль писателя о том, что человек проигрывает дереву не только во временном плане, но и в пространственном, занимая лишь самый нижний ярус леса. Данная идея служит напоминанием человеку, живущему в век индустриализма и занятому повсеместной эксплуатацией окружающей среды, о том, что в этом мире он — лишь маленькая частичка, и он пришел сюда самым последним из всех живых существ. Критика деятельности современного человека раскрывается и за счет сопоставления отношения древних к деревьям (почитание и уважение) с отношением к ним современного человека (вырубка леса и уничтожение ценных эндемиков).

Таким образом, мифологические реминисценции, выявленные в данном тексте, служат организации следующих структурообразующих мотивов: мотивов творения и познания, мотивов взаимосвязи и взаимопревращения. Данные мотивы существенно влияют на моделирование сюжета и формируют идейный каркас произведения, основными составляющими которого являются: определение места современного человека в мире и характеристика его деятельности. Идея взаимопревращения и взаимосвязи всего живого подразумевает то, что нанесение вреда природе человечеством в конечном счете отразится на самом человечестве. В связи с этим, роман можно читать как предупреждение и напутствие индустриальному будущему человечества.

Литература

Powers, R. Galatea 2.2. NY, 1995.

Powers, R. Orfeo. NY, 2014.

Powers, R. The Overstory. NY, 2018.

ПОЛЕМИКА А. С. БАЙЕТТ С Д. Г. ЛОУРЕНСОМ В РОМАНАХ «ДЕВА В САДУ», «НАТЮРМОРТ» И «ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ»

Климовская Алиса Яковлевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен вопросу влияния художественного наследия Д. Г. Лоуренса (1885–1930) на творчество А. С. Байетт (р. в 1936), которая широко использует отсылки к его романам в трех частях тетралогии о семействе Поттер. Межтекстовые параллели между романами Лоуренса «Радуга» (1915), «Влюбленные женщины» (1920), «Любовник леди Чаттерлей» (1928) и тетралогией Байетт реализуются на уровне действующих лиц, сюжетных ходов и проблематики. «Любовник», запрещенный и изданный в полной версии только в 1960 г., завершил эпоху викторианского морализаторства. Лоуренс выступал против сознательного подхода к жизни, при котором область эмоционального, телесного нивелирована. Писатель призывал современников открыть в себе эмоциональность и сексуальность, наделив своих героинь невероятной чувственной свободой. Так, Констанция Чаттерлей постепенно приходит к осознанию того, что «жизнь тела более ценна и реальна, чем жизнь интеллекта». Лоуренс, который изображал женщин только как объекты сексуального желания, становится оппонентом Байетт. Писательница не приемлет традиционного представления о пассивности женщины и преобладающего в ней телесного начала. > В первой части квартета «Дева в саду» (1978) по указке отца, который становится цензором круга чтения детей, юные сестры Стефани и Фредерика читают выше-названные романы Лоуренса, которые привлекают педагога-новатора честностью в рассуждениях о классовых различиях, языке, природе брака и критикой консервативной общественной морали. Билл Поттер искренне верит в гуманистическую ценность литературы и выступает против книг, насаждающих ложные ценности и не показывающих правду жизни. По иронии Байетт, идеи Лоуренса, который выступал за возрождение богатейшего мира чувств и против любого подавления натуры, абсолютно чужды авторитарному Биллу. По мнению Фредерики, давая дочерям Лоуренса, отец разрушает их жизнь. Так, на примере жизни Урсулы Брангвен из романов «Радуга» и «Влюбленные женщины» Фредерика «была самым серьезным образом предрасположена к тому, чтоб быть отвергнутой, униженной, страдающей». Роль художественной литературы в качестве способа формирования гендерных стереотипов героинь Байетт оказывается велика. Фредерику увлекли представления Лоуренса о слиянии мужского и женского начал, обретающих желанную целостность, «полноту и законченность» в совершенном единстве противоположностей. Однако, в отличие от собственной старшей сестры Стефани, которая в «Натюрморте» (1985) жертвует научной карьерой ради мужа и детей, юная Фредерика не готова жить исключительно чувственной жизнью. Совершив побег с Уилки от Александра, Фредерика инстинктивно «восстала против любви всеобъемлющей, завладевающей всем существом», о которой пишет Лоуренс. Выбор будущего мужа Фредерикой обоснован отчасти идеями Лоуренса и оказывается критическим для героини. Подобно леди Чаттерлей, в браке с чувственным, столь отличным от собственной интеллектуальной семьи, Найджелом Ривером, о котором идет речь в «Вавилонской башне» (1996), Фредерика отказывается от жизни разума, ради утех плоти. Однако, телесная близость сопровождается отчужденностью душ партнеров (эта тема звучит в «Радуге» Лоуренса). Подобно истории Констанции, внутреннее пространство мужнего дома, который представляет собой загородный особняк, обнесенный рвом, грозит Фредерике удушением. Брак для героини означает утрату идентичности, отказ от амбиций, невозможность самореализации. > Описание женского бытия является лишь одной гранью многоаспектной высокоинтеллектуальной, перегруженной литературными аллюзиями, прозы Байетт. Писательницу волнуют вопросы социального развития общества, науки, философия свободы и любви. Стефани, глядя на одежду англичан во время всенощной службы, находит ее «неизящной, неказистой», которая «славит лишь добротность и прочность ткани», и вспоминает призыв егеря Оливера Меллорса мужчинам носить яркие обтягивающие брюки в 13 главе «Любовника», где Лоуренс обличает современную бездушную и неестественную ци-

визацию, лишаящую людей жизненной силы и радости. > В «Деве» и «Натюрморте» Байетт, вслед за Лоуренсом, размышляет об иррациональном желании, которое вступает в конфликт с рациональной культурой, о неспособности науки выразить зов плоти, который имеет то же право на существование, что и голос разума. Диалектика двух начал, духа и материи, составляет философский стержень творчества писательницы. Байетт, вдохновленная, как и многие реабилитацией «Любовника» на свободное выражение желаний, поднимает табуированные темы, откровенно называет вещи своими именами, пародирует взгляды Лоуренса о девах в саду и его представления о приземленной любви. > Психологизм Байетт сравним с углублением модерниста Лоуренса в подсознание и бессознательные движения эмоций и мыслей. В ее прозе находит отражение постоянный спор со знаменитым предшественником о языке. > Прямые отсылки к биографии Лоуренса можно усмотреть в том факте, что в «Вавилонской башне» роман-антиутопия Джуда Мэйсона «Башня пустословия. Повесть для детей нашего времени», рекомендованный Фредерикой к публикации, в 1966 г. становится основанием судебного процесса по обвинению в развращении читателей. Подобно Лоуренсу с его «Любовником» он признан судом в соответствии с английским актом о непристойных публикациях 1959 г. непотребным автором. Согласно вердикту суда, описания Джуда возбуждают у читателя низменные инстинкты и ранят чувства читателей, хотя книга говорит правду о том, что лицемерно замалчивается обществом. Бросая вызов консервативным морально-нравственным устоям британского общества, Фредерика и Джуд первоначально проигрывают свои процессы, но в финале дело об опеке над сыном решается в пользу героини, а с Джуда снимаются все обвинения, что свидетельствует об оптимизме Байетт относительно перспектив развития английского общества.

КУРОРТНЫЙ ТОПОС У А. П. ЧЕХОВА И В. Г. ЗЕБАЛЬДА

Кулишкина Ольга Николаевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Полубояринова Лариса Николаевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Одной из основных черт творчества классика современной немецкой литературы В. Г. Зебальда (1944–2001) принято считать интертекстуальность. Круг имен и текстов, цитируемых в произведениях Зебальда, достаточно широк. Заметное место в этом кругу принадлежит А. П. Чехову — в контексте актуальной для автора «Аустерлица» (2001) парадигмы курортного нарратива. «Интертекстуальные связи выступают свидетельством [...] интереса Зебальда к авторам, которые выбирали курорт в качестве места действия литературных произведений» (Е. Ингебиргстен). Кроме уже отмеченной в соответствующих работах интертекстуальной соотношенности курортных текстов Зебальда с «Мариенбадской элегией» Гете и ее биографическим контекстом, с повестью Жан Поля «Путешествие д-ра Катценбергера на курорт» (1809), с главкой «Мариенбад» «Путевых новелл» (1834) Г. Лаубе, фильмом А. Роб-Грийе и А. Рене «В прошлом году в Мариенбаде» (1961) и курортным эпизодом романа Клода Симона «Акация» (1989), необходимо упомянуть о до сих пор не замеченных и не идентифицированных референциях к «Даме с собачкой» А. П. Чехова и его письмам, написанным в июне 1904 г. из Баденвайлера, которые выступают в качестве претекстов поэтического диптихона «9 июня 1904» и «Девяносто лет спустя» (1996). Аллюзия на «Даму с собачкой» возникает во втором стихотворном тексте, в котором речь идет о путешествии лирического Я из Фрайбурга в Баденвайдер «Девяносто лет спустя». Ноябрь, в курортном городе пустынно. «И только в дендрарии // под гигантскими секвойями // мне встречается одинокая // благоухающая пачулями // дама, которая держит на руках // белого шпица» — „Einzig im Arboretum // unter den iesensequoien // begegne ich einer einsamen // nach Patschuli duftenden // Dame, die ein weißes Pommeranerhündchen // auf ihren Armen trägt“. Имплицитные отсылки к чеховской «Даме с собачкой» присутствуют и в одном из ключевых эпизодов романа «Аустерлиц» (пребывание героев в Мариенбаде), в рамках «цитируемой» здесь Зебальдом ценностно-тематической парадигмы европейской курортной нарративики. Впервые художественно репрезентированный на европейской почве в романе Т. Смоллета «Путешествие Хамфри Клинкера» (1771), курортный топос становится объектом культурологической рефлексии в авторском предисловии к роману В. Скотта «Сент-Ронанские воды» (1823). Обозначая здесь преимущества выбора местом романного действия курорта, Скотт определяет таковой как пространство, которое предоставляет реальную возможность а- или антинормативного (с точки зрения обыденного сознания) поведения — в силу полной перемены уклада обыденной жизни, «легитимной» праздности, «снисходительности» моральных установок, а также — показательного смешения сословных и — национальных кодов поведения. На русской почве одной из наиболее очевидных репрезентаций сюжетно-смысловых возможностей курортного топоса является «Дама с собачкой» (1898). Фиксируя сложившийся узус курорта как «записного» места (узаконенного) адюльтера и сводничества, чеховский текст эксплицирует чрезвычайно актуальную для нового времени (modernity) коннотативную ауру курорта («местности с природными лечебными, укрепляющими здоровье средствами и учреждениями для лечения, отдыха» — С. И. Ожегов) как пространства легитимно-девиантного поведения, благоприятного для «обновляющих» личных самопроекции. В чеховском тексте «типовая» любовная афера, разворачивающаяся на морском курорте, перерастает для обоих связанных в семейном плане протагонистов в конечном плане в серьезное чувство, знаменующее некий альтернативный жизненный проект. Тем самым курорт осознается как пространство, в котором возможно нечто, что невозможно в другом месте («это сладкое забытие, это безумие») — в утопической форме представления о «другой жизни» («меня томило любопытство, мне хотелось чего-нибудь получше; ведь есть же, — говорила я себе, — другая жизнь. Меня

нельзя было удержать, я сказала мужу, что больна, и поехала сюда»), которая здесь осознается как «возможная».

«Другая жизнь», как известно, предлагается курортным топосом и протагонисту зебальдовского «Аустерлица» («мариенбадский» эпизод романа) — в полном соответствии с репрезентируемым в «Даме с собачкой» эротически-матримониальным вариантом проявления конвенциональной девиантности курортного бытия, практически всегда соотносимого с «властью женщины». Засыпая в самый вечер приезда в просторном номере знаменитого мариенбадского Палас-отеля рядом со своей возлюбленной, герой, Жак Аустерлиц, спонтанно ощущает возможность некоего поворота в своей судьбе («я почувствовал, засыпая, как ослабли тиски, сжимавшие мой лоб, и забрезжила вера в то — или, быть может, надежда на то, что пришло наконец мое избавление») — с тем, чтобы буквально наутро убедиться в своей абсолютной неспособности обрести «иную судьбу» («В действительности же все вышло совсем иначе. На рассвете я вдруг проснулся от жуткого чувства, будто меня всего выворачивает наизнанку, так что я, стараясь не смотреть на Мари, словно несчастный пассажир парохода, который страдает морской болезнью и потому боится глядеть на воду, вскочил и сел на край кровати»). Своего рода «абсолютный иммунитет» протагониста зебальдовского романа к подобному (условно говоря, чеховский) варианту конвенционально-девиантной курортной самореализации («другой жизни»), с особой отчетливостью маркирует отсутствие в жизни героя той «нормальной» личной биографической субстанции, которая только и может стать основой для курортной девиации.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01186, <https://rscf.ru/project/22-28-01186/>

МОТИВ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ИЗОБРАЖЕНИЯ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ М. ЭТВУД «ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ» (“A TRAVEL PIECE”)

SHIPWRECK MOTIF AS A MEAN OF IDENTITY CRISIS’ DEPICTION IN M. ATWOOD’S “A TRAVEL PIECE”

Кучмаренко Лилия Сергеевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Рассказ М. Этвуд «Путевые заметки» (“A Travel Piece”) был опубликован в составе сборника «Танцовщицы» (Dancing girls, 1977). В докладе мотив кораблекрушения рассматривается как средство изображения кризиса идентичности. Главная героиня рассказа — трэвел-журналистка Анетт, чья работа заключается в написании путевых заметок, создающих идеализированный образ различных туристических направлений. Несмотря на то, что окружающим Анетт кажется успешной журналисткой, любимой женой и счастливым человеком, главная героиня переживает экзистенциальный кризис, выражающийся в неудовлетворенности всеми сферами собственной жизни и в ощущении изолированности от реальности. Ей кажется, что «настоящие события происходят с другими людьми, но не с ней. Повсюду вокруг нее, но ее к ним не допускают» [Atwood 1977: 139]. Анализ нарративных стратегий, используемых в трансляции точки зрения героини, демонстрирует наложение профессиональных ограничений (ее путевые заметки не должны были включать описание любого рода «опасностей и неприятностей; ее читатель хотел верить в то, что где-то в мире осталось место, где все было хорошо, где не происходило неприятных вещей, нетронутый Эдем» [Atwood 1977: 137]) на механизмы формирования собственной идентичности. Анетт задается вопросом: кто она — наблюдатель или участник; профессиональный турист, фиксирующий события, или тот, кто их проживает? Триггером начала переосмысления собственной идентичности становится крушение самолета, на борту которого находится главная героиня. Как отмечают ирландские исследовательницы Б. Ле Джуез и О. Спрингер, редакторы монографии, посвященной анализу мотивов кораблекрушения и острова в литературе и искусстве, «протагонист, переживший кораблекрушение, всегда оказывается в пространстве, обитаемом или необитаемом, где он вынужден переосмыслить самого себя и свои отношения с окружающей его действительностью и с другими» [Le Juez, Springer 2015: 2].

В рассматриваемом нами тексте авиакатастрофа становится лишь отправной точкой для переосмысления главной героиней ее места в мире, первым шагом на пути к обретению субъектности. Самолет Анетт терпит крушение посреди океана. Шлюпку, на которой главной героиней не в числе прочих спасшихся удалось покинуть затонувший борт, уносит течением, вследствие чего ее группа оказывается вне зоны видимости спасателей. По мере развития сюжета журналистка, профессиональная деятельность которой заключалась в написании красивых историй для глянцевого журнала, отказывается от идеализирующей модели артикуляции происходящих с ней событий, приобретающих все большую трагичность, сталкивающихся ее лицом к лицу с реальностью, от которой она прежде ощущала себя отрезанной. Как отмечает литературовед П. Макгрэт, автор исследования, посвященного анализу анекдота (под «анекдотом» П. Макгрэт понимает «тип повествования, характеризующийся изображением «приглушенного» опыта персонажа, его переносом в знакомую и безопасную обстановку» [McGrath 2010: 11]) как побега от реальности в малой прозе М. Этвуд, «с течением времени запас анекдотических паттернов Анетт, не наблюдающей в небе вертолета спасателей, иссякает, и она начинает беспокоиться о том, что ей придется придумывать другую историю для газеты» [McGrath 2010: 13]. Отметим, что изображение кризиса идентичности в малой прозе М. Этвуд всегда связано с поиском подходящей нарративной модели для артикуляции опыта героини. М. Секстон, канадская исследовательница прозы М. Этвуд, так комментирует эту особенность устройства фикционального

мира писательницы: «Для того, чтобы обрести субъектность, героиням приходится отказываться от уже существующих структур и изобретать свой собственный язык» [Sexton 1993: 5].

Кульминацией процесса перестройки самоидентификации становится финальная сцена рассказа, предполагающая помещение героини в ситуацию морального выбора. Остальные спасшиеся собираются убить молодого человека, отравившегося морской водой. Анетт предстоит решить, помешает ли она убийству или станет безмолвным свидетелем кровопролития. Финальной фразой рассказа становится вопрос главной героини, адресованный самой себе: «Я одна из них или нет?». Анализ функционирования мотива кораблекрушения в рассказе М. Этвуд «Путевые заметки» дает возможность детального рассмотрения изображения кризиса идентичности и проблемы самоидентификации в современной прозе.

Литература

Atwood, Margaret. Dancing girls. New York, 1977.

Le Juez B., Springer O. Introduction: Shipwrecks and islands as multilayered, timeless, metaphors of human existence // Shipwrecks and island motifs in literature and the arts, ed. by Le Juez B., Springer O. Leiden, Boston, 2016. P. 1–17.

McGrath P.D. Anecdote as escape from reality in short fiction of M. Atwood // Journal of Nagoya Gakuin University; LANGUAGE and CULTURE. 2010. 22 (1): 11–16.

Sexton, Melanie. The Woman's Voice: the Post-Realist Fiction of Margaret Atwood, Mavis Gallant and Alice Munro, University of Ottawa, 1993.

ПОЭТИКА «ВИДЕНИЯ» В ЭССЕ С. ДЖОНСОНА «АПОФЕОЗ МИЛЬТОНА»

Макарова Людмила Юрьевна

доцент, Уральский государственный педагогический университет

Эссе «Апофеоз Мильтона» занимает особое место в творчестве Сэмюэла Джонсона, великого английского мыслителя и писателя XVIII столетия. В заглавии этого произведения есть указание на «видение»: «The Apotheosis of Milton, a vision». Как известно, в эпоху Просвещения пластичный и удобный для экспериментов жанр эссе становится полем преломления визионерской традиции, побуждая читателей к размышлению о духовном совершенстве, заключенном в красоте, нравственности и стремлении к истине [Соловьева 2008: 27]. В числе многих современников С. Джонсон обращается к визионерской поэтике с целью решения просветительских задач. Кроме указания на жанровую традицию, название эссе вызывает интерес и благодаря имени Джона Мильтона. Заложив основы изучения лирики и поэм своего предшественника, создав биографический образ поэта в «Жизнеописании Мильтона», Джонсон сделал его героем своего аллегорического сюжета, в котором представлена целая галерея английских писателей, упокоенных в Вестминстерском аббатстве. Это знаковое для английской культуры памятное место иногда называется британской Вальгаллой в честь обители мертвых в скандинавской мифологии, самого светлого из миров. По контрасту с вечностью Вальгаллы, расположенной на небесах в Асгарде, Вестминстерское аббатство, находящееся в историческом центре Лондона, становится местом раздумий Джонсона над вопросами, актуальными для его эпохи: о природе души человека, о роли художника, об общественном назначении искусства. Оригинально обыгрывая визионерский мотив посещения загробного мира и описывая блуждания героя — рассказчика по коридорам и залам аббатства, Джонсон вводит образ Гения места, выполняющего роль проводника. Появление этого традиционного для просветительских «видений» образа поводыря подчеркивает избранность души героя — рассказчика, который, испытывая «страх и восхищение», удостоен чести стать свидетелем высокого собрания английских бардов, посвященного «принятию великого Мильтона в это общество». Герой — рассказчик оказывается в кругу Дж. Чосера, Д. Драйдена, Б. Джонсона, Э. Спенсера, Ф. Бомонта, Т. Отуэя, М. Прайора, А. Каули, С. Батлера, судьбы которых представляют полярные примеры жизненного поведения: эгоистического, бесчестного или, напротив, добродетельного и даже героического. Пристально всматриваясь в появляющиеся в зале фигуры поэтов, герой — рассказчик запечатлевает детали костюмов, мимику, выражения лиц, отмечая, как нравы оставляют отпечаток во внешности. Так во взоре «бессмертного Драйдена» рассказчиком увидены «благородное негодование, смешанное с глубоким беспокойством» [Johnson 1787: 169]. В горьких раздумьях проводника раскрывается нравственный облик Т. Отуэя, удивляющего фамильярностью в манерах и небрежностью в костюме: его дарование могло бы вызвать больше уважения и любви современников, если бы поэт шел путем благочестия и не был склонен ко злу и к пагубе порока. В ходе заседания поэтов появляются многочисленные тома произведений Джона Мильтона, свидетельствующие о величии этого творца; в торжественной речи председателя утверждается, что Милтон своими сочинениями разъяснял гражданские или религиозные права людей и тем самым оказывал благотворное влияние на человечество. Однако в толпе бардов начинает звучать голос Авраама Каули, оппонента Д. Мильтона и в интерпретации греческой поэтической традиции, и в общественно-политических взглядах. Разговор двух поэтов о трагических перипетиях в Англии времен правления Кромвеля историк Т. Б. Маколей изложит в 1824 г. в виде рассказа, а в своем эссе в форме «видения» С. Джонсон представил мнение Каули, которое противоположно оценке, данной председателем и поддержанной публикой. С точки зрения Каули, исследование творчества Мильтона позволяет убедиться в том, что он «приукрашивал и защищал самые бесчеловечные» поступки, «которые когда-либо позорили британские анналы» [Johnson 1787: 187–188]. Эффект неожиданности в завершении речи несогласного с общим восторгом Каули создан благодаря приему контраста, позволяющего передать обескураживающее впечатление, которое оказывает на публику гневная речь поэта и сложное представление Сэмюэла Джонсона о чело-

веческом духе, о феномене славы, о поступках и деяниях художника, оцениваемых во временной перспективе неоднозначно. Повествование о «видении» торжественного собрания бардов обрывается многоточием и латинским изречением «caetera desunt», будто апофеоз Мильтона оказывается мнимым, иллюзорным, буквально видением, которое исчезает, но оставляет читателя в раздумьях о преподанном нравственном уроке. Таким образом, художественный потенциал средневекового жанра видения удобен С. Джонсону для выражения просветительской программы, призванной воспитать в читателях нравственное чувство, способствующее верной оценке противоречивой человеческой природы и определения добродетельного поступка, совершенного ради пользы других.

Литература

- Соловьева Н. А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. М., 2008. С. 4–26.
- Эпштейн М. Эссеизм в культуре Нового времени // Эпштейн М. Парадоксы новизны. М., 1987. С. 334–379.
- Ярхо Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток-Запад: Исследования, переводы, публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 21–43.
- Johnson S. The Apotheosis of Milton, a vision // The Works of Samuel Johnson, LL. D.: in eleven volumes. Vol. LI. Tales and Visions / ed. by J. Hawkins. London, 1787. P. 163–188.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ОТЦА В ТВОРЧЕСТВЕ ЮНАСА ХАССЕНА КЕМИРИ

Моркина Марта Александровна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Юнас Хассен Кемири (р. 1978, шв. Jonas Hassen Khemiri) является одним из самых популярных авторов современной Швеции. Особого внимания в творчестве писателя заслуживают образы родителей, в особенности становление образа отца. Как отмечает итальянский психоаналитик Луиджи Зойя (р. 1943, итал. Luigi Zoja) в своей работе «Отец: Исторический, психологический и культурный анализ» (2001), именно отец формирует концепцию и стратегию поведения индивида в обществе. Слабый или отсутствующий отец лишает ребенка жизненных ориентиров, вследствие чего во взрослом возрасте тот не способен определиться с собственными целями и моделью поведения. За 20 лет литературной деятельности Кемири отец в его произведениях превратился из слабого и кроткого в отсутствующего, что не могло не повлиять на самоидентичность его протагонистов.

В дебютном романе Кемири «На красном глазу» (2003, шв. Ett öga rött) [Khemiri 2003] мать главного героя Халима умерла, а отец не поддерживает поиски сыном культурной принадлежности. По мнению отца, главное для Халима — это хорошие оценки в школе и высокооплачиваемая работа в будущем, так как он по своему опыту знает, что мигранту, тем более без образования, можно рассчитывать только на работу продавца. Отец в романе довольно мягкий и кроткий, не способный, по мнению Халима, дать ему образец поведения «истинного» араба, который в воображении Халима неизменно представляется сильным и первым во всем. Не имея перед собой успешного в обществе отца, теряя уважение к нему из-за его унижительного положения, неспособности и нежелания дать отпор, не находя поддержки в поиске культурных корней, Халим утрачивает ориентир того, как ему следует выстраивать свою собственную линию поведения, оказывается среди аутсайдеров школы и начинает совершать социально неприемлемые действия.

Вторым крупным произведением Кемири стал роман «Монтекор: уникальный тигр» (2006, шв. Montecore: en unik tiger) [Khemiri 2006]. История начинается с того, что Юнас, вероятно, сам автор, только что окончивший свой первый роман, получает письмо от Кадира, который утверждает, что является другом детства пропавшего отца Юнаса — Аббаса, и предлагает вместе написать книгу о нем. Они начинают обмениваться письмами, в которых Кадир рассказывает о детстве Аббаса в Тунисе, его переезде в Швецию и пути к успеху. Юнас делится своими воспоминаниями об отце и своей юности, о пережитом опыте расизма в традиционной шведской культуре. Порой версии рассказчиков противоречат друг другу. Отец и сын считают друг друга предателями, во многом потому, что их точки зрения на значимость культурной принадлежность расходятся. В романе «Всё, чего я не помню» (2015, шв. Allt jag inte minns) [Khemiri 2015] нарратор, так же обладающий чертами самого автора, хочет написать книгу о Самуэле, молодом человеке, который, как считается, покончил с собой. Разговаривая с его друзьями и любимой девушкой, нарратор надеется воссоздать последний день жизни Самуэля и понять, действительно ли он покончил с собой или это был несчастный случай. Самуэль представляется человеком, страстно жаждущим новых впечатлений, ищущим и сомневающимся. Отцу Самуэля посвящено буквально несколько строк в романе, из которых мы узнаем, что он был родом из Туниса, женился на шведской девушке — матери Самуэля, однако когда мальчику было 12 лет, родители развелись, отец исчез из жизни своих детей, впав в депрессию, и Самуэль перестал называть его отцом. Как и дебютный роман, «Всё, чего я не помню» являет читателю образ слабого отца, не способного дать образец поведения в обществе, вследствие чего Самуэль не знает, как строить свою жизнь, не может разобраться в своих интересах и мечется от одного увлечения к другому. Однако если в романе «На красном глазу» протагонист и отец приходят к взаимопониманию, то в романе «Всё, чего я не помню» отец вовсе отсутствует в жизни сына, что приводит к тому, что тот не умеет противостоять жизненным обстоятельствам и не знает своего собственного «я». Судьбы протагонистов романа «Отцовский договор» (2018, шв. Pappa klausulen) [Khemiri

2018], которым даже не даны имена, оказываются удивительно схожи с судьбой Самуэля и его отца из романа «Всё, чего я не помню». Отец присутствовал в жизни мальчика до определенного времени и даже был хорошим отцом, но после развода он исчез и появлялся раз в несколько лет. Сын вырос неуверенным в себе, тщетно пытающимся найти свое место в жизни, увлекающимся чем-то новым, но никогда не доводящим ничего до конца. При этом всё, что он делает, совершается с целью заслужить одобрение отца, абсолютно равнодушного к сыну. Итак, мы проследили эволюцию образа отца в творчестве Ю. Х. Кемири — от слабого, кроткого отца к отцу отсутствующему. На конкретных примерах было показано, как отсутствие сильной отцовской фигуры влияет на протагонистов: они тщетно пытаются получить как можно больше опыта, в надежде найти свое место, однако в отсутствии ориентиров сделать это оказывается очень сложно, что порой приводит к самым трагичным последствиям. При этом в более поздних произведениях, в отличие от ранних, герои, несмотря на иностранное происхождение, не испытывают кризиса культурной идентичности и выбирают шведскую культуру в качестве «ведущей», что объясняется тем, что они были в одиночку воспитаны шведскими матерями, однако все протагонисты сомневаются в выборе стратегии поведения в обществе и не могут добиться успеха в профессиональной деятельности.

Литература

Зойя Л. Отец: Исторический, психологический и культурный анализ. М., 2013.

Khemiri J. H. Ett öga rött. Stockholm, 2003.

Khemiri J. H. Montecore: en unik tiger. Stockholm, 2006.

Khemiri J. H. Allt jag inte minns. Stockholm, 2015.

ОБРАЗ ТРИКСТЕРА В РОМАНЕ М. СПАРК «БАЛЛАДА О ПРЕДМЕСТЬЕ»

Назаренко Надежда Ивановна

доцент, Мариупольский государственный университет

В нескольких романах английской писательницы Мюриэл Спарк — «Баллада о предместье» (*The Ballad of Peckham Rye* (1960)), «Мисс Джин Броди в расцвете лет» (*The Prime of Miss Jean Brodie* (1961)), «Аббатиса Крусская» (*The Abbess of Crewe* (1974)), «Передел» (*The Takeover* (1976)), «Территориальные права» (*Territorial Rights* (1979)) — очевидны определенные сюжетно-мотивные признаки, характерные для жанра плутовского романа: сходство принципов создания образов главных героев, предопределяющее композицию произведений, сходство приемов их построения. В этом отношении, роман «Баллада о предместье» представляет собой богатый материал для исследования образа героя трикстерного плана. Трикстер — демонически-комический дублёр культурного героя, наделённый чертами плута, озорника, является одним из самых распространенных архетипов в литературе нашего времени. Постмодернизм часто апеллирует к мифопоэтике трикстера с его амбивалентностью, аксиологической размытостью и сюжетными парадоксами [Комиссарова 2018: 4].

Эксцентричный и загадочный Дугал Дуглас, горбатый, с искривленными плечами молодой человек, имеющий две шишки на голове (по его словам, остатки рогов, удаленных хирургическим путем), прибывает в южный пригород Лондона Пекхэм Рай. Дугал (кстати, шотландец, как и сама писательница) убеждает доверчивых горожан, что ампутированные рожки свидетельствуют о его дьявольском происхождении. На протяжении всего романа он любит ассоциировать себя с нечистой силой. Например: Humphrey: “You supposed to be the Devil, then? Dougal: “No, oh, no, I’m only supposed to be one of the wicked spirits who wander through the world for the ruin of souls” [Spark 1960]. Со спокойной совестью Дугал Дуглас устраивается на работу в две конкурирующие фирмы одновременно, уговаривая персонал прогуливать работу. Жизнерадостный Дугал имеет незаурядное актерское дарование. Как «эксперт по настроениям персонала», герой имеет возможность общаться с большинством жителей Пекхэма. “I shall have to do research,” Dougal mused, “into their inner lives. Research into the real Peckham. It will be necessary to discover the spiritual well-spring, the glorious history of the place, before I am able to offer some impetus” [Spark 1960]. И он устраивает в мещанском болоте настоящий мальчишеский карнавал, в вихре которого взлетают маски с почтенных пекхемцев, обнажая их неприглядную сущность. Но для этого Дугалу приходится одевать разные маски. Поэтому он изображает из себя то ли профессора, то ли телерепортера, то ли духовника, то ли «кривоногого деятеля с мировоззрением» — в формате озорной бурлескной игры.

Хамфри Плейс, инженер на фирме «Meadows, Мид & Grindley», быстро принимает Дугала как товарища, в то время как невеста Хамфри, Дикси Морзе, работающая принтером в той же компании, не доверяет «черноротому» Дугалу. Дугал легко внушает Хамфри всякие сомнительные убеждения (ранее у последнего были определенные подозрения по поводу шотландца), но Дугал пресекает любые потенциальные обсуждения со стороны Хамфри с чистым удовольствием, в результате чего Хамфри перерождается.

Дуглас получает большое влияние в городе, его удивительные проделки привели к тому, что он заработал друзей и врагов в равных количествах. Дугал дружит с теми, кем он может легко манипулировать и тщательно выбирает своих врагов, а затем направляет их друг на друга. И все это так легко ему сходит с рук. В конце концов, после его вмешательства в жизнь нескольких людей происходят убийства, инсульт, различные драки (в том числе фарсовый бой в пабе с участием скорой помощи). Дугал Дуглас, образ которого создан по канонам жанра пикарески, проводит свою единоличную линию опустошения города.

В тексте романа встречаем интересную фразу, описывающую Дугала: «He posed like an angel-devil, with his hump shoulder and gleaming smile, and his fingers of each hand widespread against the sky» [Spark 1960]. Эта странная, на первый взгляд, характеристика — ангел-дьявол — указывает на дуалистическую сущность Дугала, его натура соткана как из проявлений добра, так

и зла. Дугал обличает ложные нравственные принципы и лицемерие жителей Пекхэма, но при этом он также видит и положительные черты некоторых его представителей. Сочувствуя мисс Фриерн, он говорит ей: «You are too innocent for this wicked world» [Spark 1960].

Дугал покидает Пекхэм также не традиционным способом — он идет через подземный туннель, оставшийся от женского монастыря. Найдя несколько костей, он жонглирует ими. У читателя создается впечатление, что Дугал насмехается и над принципами религии тоже. Это впечатление усиливается в самом конце романа: после Пекхэма умный, образованный авантюрист Дугал Дуглас идет в францисканский монастырь, где возводит наивных монахов с ума.

Пока Дугал остается самим собой, Спарк изображает его в юмористических тонах, используя элементы буффонады, но стоит ему натянуть какую-нибудь маску, юмор превращается в чувствительную и придирчивую сатиру. М. Спарк рассматривает традицию плутовского романа не как свод застывших философских и художественных принципов, писательница творчески переосмысливает ее согласно реалиям современности.

Литература

Комиссарова У.А. Образ трикстера в модернистской и постмодернистской романной традиции (М. А. Булгаков, Борис Акунин): автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2018.

Шлянникова М.В. Жанровая эволюция романов Мюриэл Спарк: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Казань, 2005.

Spark M. The Ballad of Peckham Rye. URL: https://onlinereadfreenovel.com/muriel-spark/40831-the_ballad_of_peckham_rye_read.html

ГРЁЗЫ И ЖИЗНЬ СИРОТЫ В РОМАНЕ КАДЗУО ИСИГУРО «КОГДА МЫ БЫЛИ СИРОТАМИ»

Орлова Татьяна Сергеевна

аспирант, преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет;

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица

Роман «Когда мы были сиротами» (2000) британского писателя Кадзуо Исигуро, номинированный на Букеровскую премию, высшую литературную премию в Великобритании, представляет собой детективную историю о детективе, который мечтает раскрыть загадочное дело прошлого: о давно похищенных родителях. Этот травмирующий опыт детства главного героя Кристофера Бэнкса получил выражение в художественном тексте, например, через прием «ненадежного рассказчика» с аномалиями сюжетного времени, а также через приемы саморефлексии главного героя. По мере продвижения расследования, границы между реальностью, надуманным, грезами и детскими воспоминаниями, раскрывающими предысторию и душевные переживания Кристофера Бэнкса, стираются. Онейрическое, вплетенное в сюжет романа, зыбкие границы между реальным и воображаемым, кафкианский стиль повествования, внутренний конфликт и самообман главного героя служат концепции «жизнь есть сон», а также погружению в бессознательное с целью психологического раскрытия Кристофера Бэнкса как ребенка своего времени. В докладе основные художественные решения, служащие для раскрытия зыбкости границ между реальностью, истинными и ложными воспоминаниями, приводятся в рамках психоаналитической и онейрической теорий. С учетом психоаналитической теории, в докладе выдвигается гипотеза о том, что исчезновение родителей стало причиной посттравматического стрессового расстройства у главного героя романа с проявлением соответствующей симптоматики. Исигуро использует исторический фон японо-китайской войны для отражения разрушенного психологического мира героя. Английский мальчик, родившийся на рубеже веков в привилегированном международном поселении Шанхая, Кристофер Бэнкс вспоминает детство с искаженной точки зрения, с позиции внешне повзрослевшего человека 1930-х годов, англичанина, который верит в идиллический образ, созданный им в детстве в процессе детских игр с другом Акирой. Тем не менее, как профессиональный детектив он не замечает, что игнорирует, отрицает или искажает болезненные воспоминания прошлого. Эти и другие противоречия усилены в романе художественным приемом «ненадежного рассказчика». Когда Кристофер Бэнкс возвращается в Шанхай во взрослом возрасте, читатель не может быть до конца уверен в том, что описываемое пространство — настоящий Шанхай, т. к. повествование представляет собой смесь воспоминаний о международном поселении из детства и разрозненных домыслов о событиях. Несмотря на то, что родители исчезли много лет назад, Кристофер Бэнкс продолжает по-детски наивно надеяться, что он найдет родителей и вернется к семейной идиллии. Проведенный анализ показал, что нарративные стратегии, кафкианское напряжение в повествовательной организации романа погружает читателя в мир, в котором иррационально непрерывные связи событий напоминают сновидения, рассказанные от первого лица. Роман с его бесчисленными механизмами смещения, сгущения, смешением аспектов прошлого и настоящего формирует поток из загадочных совпадений, некую альтернативную реальность, которая развивается по алогичным законам снов. Так, например, грань между двумя реальностями исчезает, когда японский солдат предстает для Кристофера Бэнкса в роли Акиры. Мир детства и дружбы Бэнкса с Акирой, который заново переживается Кристофером Бэнксом в форме грез наяву, с точки зрения фрейдизма можно считать ретроспективной проекцией идеалистических ценностей, реализации которых помешала стадия взросления. Кристофер Бэнкс не смог слиться с английским обществом, когда был отправлен на учебу в Лондон, что усилило его детскую травму. Несмотря на то, что он стал сиротой в юном возрасте, Кристофер Бэнкс смог добиться успехов на профессиональном поприще и стать знаменитым детективом, однако он не смог смириться с трудным прошлым, с детской психологической травмой. Ментально он навсегда застрял в детстве. Кроме того, воспоминания о ярких событиях детства

и об идеалистической жизни семьи Бэнксов составляют большую часть книги, тем не менее, образ родителей, как главных людей в жизни каждого ребенка, выведен в романе едва намеченными, размытыми тенями, как это часто бывает во сне. Кристофер Бэнкс выведен в романе как сирота запутавшийся в своих эмоциях, образах настоящего и прошлого, продолжающий искать родителей, убегая от признания детских страхов и потери возможности иметь гармоничную личность. Кристофер Бэнкс заблудился в лабиринте из собственных воспоминаний, желаний, реакцией на напряжения внешнего мира и желаний найти давно пропавших родителей для восстановления внутренней и внешней гармонии. Оставленный без родительской опоры, он неизменно заблуждается в своих воззрениях на мир и в убеждении в собственную миссионерскую роль искоренителя зла. В докладе делаются выводы о том, что художественно представленный травмирующий опыт детства, эскапизм главного героя романа «Когда мы были сиротами» представляет собой богатый материал для анализа в рамках психоаналитического подхода в литературоведении. Тема тревоги и личной драмы в условиях мировых катаклизмов проходит красной линией в романном творчестве Исигуро. Образ сироты, живущего с чувством потаенного страха, одиночества и неуверенности, запутавшегося в собственных воспоминаниях и мечтающего о восстановлении личной и мировой гармонии в условиях резко трансформирующегося мира, отражает тревогу и характерный эскапизм XX в., символически представленных в центре постмодернистского романа «Когда мы были сиротами».

РОМАН М. ШЕЛЛИ «ФОЛКНЕР» И ЕГО МЕСТО В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Павлова Ирина Николаевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Последний роман М. Шелли «Фолкнер» (1837) почти не попадал в поле зрения российских исследователей. В зарубежном литературоведении долгое время считалось, что к концу 1830-х гг. М. Шелли полностью отошла от радикальных идей юности и написала роман сугубо с целью заработка, постаравшись угодить вкусам буржуазной публики. Только в последние десятилетия критики начали воспринимать эту книгу как подведение итогов и проследивать ее связь с другими романами писательницы.

1830-е гг. были для истории Англии переходным периодом. Парламентская реформа 1832 г. допустила к власти представителей промышленной буржуазии. Вкусы третьего сословия повлияли на книжный рынок. Большим успехом стали пользоваться «салонные» романы: читатели стремились присвоить внешний аристократический лоск, одновременно порицая пороки высшего общества [O'Sinneide, 2007:1228-1229]. На первый взгляд кажется, что в двух последних романах «Лодор» (1835) и «Фолкнер» писательница намеренно ограничилась безопасными темами семьи, любви, брака. Однако в своем творчестве она нередко использовала элементы массовой литературы, маскируя таким образом гораздо более глубокое содержание. В своих книгах М. Шелли часто переосмысляла и развивала идеи эпохи Просвещения. Особенно значимым был для нее трактат ее матери, представительницы английского Просвещения М. Уоллстонкрафт «Защита прав женщины» (1792). Парламентская реформа 1832 года лишила женщин права голосовать, вытесняя их в «домашнюю» сферу. М. Шелли не могла с этим смириться и в последних своих романах последовательно проводила идею о том, что женщины должны получать достойное образование — именно оно является залогом подлинного равенства между полами.

Важной особенностью позднего творчества М. Шелли является своего рода «зеркальное переворачивание» многих мотивов, проявившихся в более ранних текстах. В романе «Фолкнер» переосмысляются события романа «Матильда» (1819–1820). Матильда становится объектом страсти собственного отца. Тот совершает самоубийство, возлагая на дочь вину за него и оставляя ее умирать от тоски. Фолкнер косвенно виновен в гибели возлюбленной Алитеи и долгие годы мучается угрызениями совести, но его удерживает от самоубийства приемная дочь Элизабет Рэби. Образ Элизабет Рэби занимает особое место в ряду героинь М. Шелли. В тексте «Матильды» не раз подчеркивается, что и героиня, и ее отец мало образованы. Главный герой романа «Лодор» стремится дать своей дочери Этель такое воспитание, которое превратит ее в безвольную спутницу мужчины. Подруга Этель Фанни, получившая от своего отца классическое образование, умна и решительна, но при этом показана как женщина, которая обречена на одиночество. Только в самом последнем своем романе М. Шелли создает героиню, которой удастся совместить плюсы «мужского» образования и традиционно «женские» навыки вроде ухода за больными и вышивания. Благодаря этому Элизабет оказывается готова не только определять собственную судьбу, но и помогать окружающим ее мужчинам.

В романе «Фолкнер» завершаются многие линии, намеченные в более ранних произведениях М. Шелли. Интересно отметить мотив «приручения» байронического героя: человека, исключенного из социальных связей, способного на преступление и испытывающего тягу к разрушению как в межличностных отношениях, так и в общественной жизни [Cantor, 1993: 93–94]. Такое сверхмаскулинное стремление к борьбе любой ценой показано М. Шелли как опасное заблуждение. В «Судьбе Перкина Уорбека» (1830) принц Ричард, чтобы доказать свои права на трон, развязывает войну. Ложно понятое чувство чести приводит лорда Лодора к бессмысленной дуэли и гибели. В «Фолкнере» тоже возможна дуэль между главным героем и Невиллом — сыном Алитеи и возлюбленным Элизабет, но девушке удастся примирить их и не потерять ни приемного отца, ни возлюбленного. Залог гармоничных отношений между мужчинами и жен-

щинами, по М.Шелли — способность персонажей заимствовать черты противоположного пола. Элизабет Рэби путешествует наравне с названным отцом, оказывает ему помощь и готова отправиться в Америку в поисках свидетеля его невиновности. В описании Невилла используются слова, соответствующие ранневикторианскому «женскому» дискурсу [Sites, 2005: 159]. В финале романа Фолкнер тоже смягчается и меняется в лучшую сторону. Роман «Фолкнер» был тепло принят современниками, но быстро забыт, возможно, потому, что в массовой литературе закрепился образ женщины как «ангела в доме», далекий от принципов равноправия. Вместе с тем идеи о необходимости женского образования и мотив «укрощения» байронического героя прослеживаются, например, в творчестве Ш. Бронте.

Литература

- Cantor P. A.* Mary Shelley and the Taming of the Byronic Hero: “Transformation” and The Deformed Transformed // *The Other Mary Shelley. Beyond Frankenstein.* New York, Oxford, 1993. P. 89–106.
- O’Cinneide M.* The Silver-Fork Novel across Romantic and Victorian Views: Class, Gender and Commodity Culture, 1820–1841 // *Literature Compass* 4/4. 2007. P. 1227–1240.
- Sites M.* Utopian Domesticity as Social Reform in Mary Shelley’s *Falkner* // *Keats-Shelley Journal.* Vol. 54 (2005). P. 148–172.

ЖИЗНЬ ИНДЕЙЦЕВ В РОМАНЕ «КРУГЛЫЙ ДОМ» ЛУИЗЫ ЭРДРИЧ

Сапожникова Юлия Львовна

профессор, Смоленский государственный университет

В последние десятилетия в литературе США все более важную роль играют представители национальных меньшинств, что становится очевидным, если, например, изучить списки победителей различных литературных премий. Достаточно вспомнить присуждение Пулитцеровской, а позднее Нобелевской премий афроамериканской писательнице Тони Моррисон. Лауреатами Пулитцеровской премии также становились Луиза Эрдрич (2021), писательница с индейскими корнями; афроамериканские авторы Эдвард Джонс (2004), Колсон Уайтхед (2017 и 2020); писатели бенгальского (Джумпа Лахири, 2000), доминиканского (Джуно Диас, 2008) и вьетнамского (Вьет Нгуен Тан, 2016) происхождения и др. По мнению исследователя американской литературы А. В. Ващенко, подобные тексты заслуживают пристального внимания ученых, так как т.н. «этнические» литературы во многом выходят за пределы искусства и выводят нас в область менталитетов за счет своей «междисциплинарной масштабности» [Ващенко 2010: 247]. Кроме того, для них характерны активное экспериментирование с художественными формами и словом, а также опора на фольклор и традиционную мифологию, что тоже объясняет вызываемый этими текстами интерес. Материалом нашего рассмотрения становится роман «Круглый дом» Луизы Эрдрич, получившей за него Национальную книжную премию в 2012 г. Героями книг этой американской писательницы выступают коренные американцы. Сама она зарегистрирована в качестве члена племени индейцев Чиппева. Отец писательницы — американец немецкого происхождения, а в роду у матери были индейцы племени оджибве и французы. Дед Эрдрич по материнской линии долгое время был председателем признанного на федеральном уровне племени индейцев Чиппева. Роман «Круглый дом» повествует о семье 13-летнего Джо Куттса, мать которого подверглась жестокому насилию. Поскольку невозможно было точно определить, к чьей юрисдикции (штата или резервации) относится земля, на которой было совершено преступление, насильник сумел избежать наказания. Помимо основной сюжетной линии, связанной с описанным преступлением, Луиза Эрдрич дает экскурсы в культуру и историю племени оджибве. Многие аспекты их жизни определялись белыми, как в прошлые века, так и на момент повествования. Из мифов и рассказов старейшин, которые передаются юным членам племени, становится очевидным, что история коренного населения в Канаде и США — это череда травм, испытаний и потерь: индейцев преследовали и истребляли, лишали прав на землю и самоуправление, считали ущербными существами. И даже в описываемый период (1988 г.) в поведении отдельных белых чувствуется пренебрежительное отношение к ним как к людям второго сорта. Главный злодей романа заявляет: «Я, наверно, из тех, кто терпеть не может индейцев в общем и целом, а особенно за то, что они с давних пор враждовали с моими предками...» [Эрдрич 2019: 206], а потом, как вспоминала мать Джо, он «говорил, что мы — никто по закону, и это правильно...» [Эрдрич 2019: 207].

Но хотя писательница не может обойти стороной этот аспект жизни индейцев, т. к. он во многом обуславливает и их жизненный выбор, в большей степени она сосредотачивается на идентичности самих индейцев. Для анализа того, как Луиза Эрдрич выстраивает ее в своем тексте, мы будем опираться на теорию «матрица народа», предложенную Б. Страттоном и Ф. Уошберн для анализа произведений коренных американцев. Данные исследователи выдвинули предположение, что теорию, которая восходит к работам ряда культурологов и базируется на 4 взаимозависимых и взаимопроникающих компонентах, характерных для любой народности индейцев — язык, священная история, территория / место, церемониальный цикл, — можно применить при интерпретации их текстов. Первый из названных компонентов достаточно неоднозначен, т. к. немногие члены племени знают родной язык, большинство использует говор, в основе которого все же лежит английский язык. Что касается священной истории, то Луиза Эрдрич устами своих персонажей рассказывает, например, о временах страшного голода, когда их предки были на грани полного вымирания, и молодой юноша, сын Женщины-Земли, отпра-

вился на поиски бизонов. Старая Бизониха, которую он нашел и убил, не только спасла племя (ведь индейцы долго питались ее мясом), но и поведала юноше все, что он должен был знать. Отдельного упоминания заслуживает предание о Виндигу, злобном духе-людоеде, который мог проникать в человека и превращать его в зверя, способного на убийство себе подобных. Это предание будет играть важнейшую роль в разрешении центрального конфликта романа.

Если говорить о территории / месте, то, в первую очередь, нужно упомянуть вынесенный в заглавие круглый дом, который задумывался как место единения их племени и принятия справедливых решений. Но он был осквернен преступлением белого. Наконец, последний компонент включает описание нескольких традиционных церемоний, например, летнего сбора, известного как пау-вау, а также ритуалов и тотемов, отличающихся, как понимают читатели, от племени к племени. Все эти элементы романа помогают читателям получить представление об особенностях жизни и быта индейцев, а также приоткрыть завесу тайны над их восприятием мира и процессом их идентификации. Кроме того, подобные произведения заставляют нас вспомнить о важности корней, человеческих привязанностей и предупреждают, что истинные ценности очень легко утратить, что может привести к потере себя.

Литература

Ващенко А. В. Этнокультурный фактор в литературе и искусстве второй половины XX века // *Личность. Культура. Общество*. 2010. Т. 12, № 4 (59–60). С. 245–252.

Эрдрич Л. Круглый дом. М., 2019.

Stratton B. J., Washburn F. The Peoplehood Matrix: A New Theory for American Indian Literature // *Wicazo Sa Review*. Spring, 2008. Vol. 23, no. 1. P. 51–72.

МЕТОДЫ РАБОТЫ С ПРОШЛЫМ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ШУМ ВРЕМЕНИ»)

Соловьева Диана Юрьевна

специалист, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Проблема исторического мифотворчества в творчестве Джулиана Барнса традиционно рассматривается в контексте нарративистских концепций историографии (Х. Уайт, Ф. Р. Анкерсмит, Д. ЛаКапра). Нарративистская философия истории подразумевает, что путь к историческому знанию лежит через репрезентацию (нарратив с добавочными смыслами). Историческая реальность текстуальна: автор выстраивает исторический нарратив на основе других текстов, интерпретируя их и дополняя вымыслом. В романе «История мира в 10, 5 главах» сам Барнс называет это «фабуляцией» и формулирует собственный метод: «Берете несколько подлинных фактов и строите на них новый сюжет».

В романе «Шум времени» (2016 г.) мы действительно имеем дело уже с вторичной интерпретацией исторической реальности. В послесловии Барнс открыто раскрывает свои источники («Свидетельство. Воспоминания Дмитрия Шостаковича» Соломона Волкова, монография «Жизнь Шостаковича, рассказанная современниками» Элизабет Уилсон сборник интервью с детьми композитора «Вспоминая Шостаковича»). При всем их разнообразии, Барнс не собирався создать еще одну биографию Шостаковича (свое послесловие он так и заканчивает: «... авторство этой книги принадлежит мне; если вам не нравится, читайте Элизабет Уилсон»). Его задачей было написать роман, дополняя исторические факты собственной фантазией, а также в очередной раз создать свою собственную модель восприятия прошлого.

Общим выводом нарративистского подхода является неизбежный релятивизм исторического знания, из которого вытекают две проблемы: так называемый «онтологический пессимизм» и признание принципиальной вариативности истории, а значит и капитуляция перед её неоднозначностью и затемнённой, отказ от поиска истины.

Однако возникает сложность, которую можно условно назвать «загадкой Интермедии» — половины главы из романа «История мира в 10,5 главах», в которой в качестве мировоззренческих основ Барнс называет «любовь и правду». Призыв «верить, что объективная истина достижима» звучит как программная установка, но в то же время вступает в противоречие с остальным материалом, в котором история у Барнса всегда рассказывается, а значит интерпретируется, видоизменяется, варьируется, заблуждается и вводит в заблуждение.

Данное противоречие является фундаментальной частью мировоззрения Барнса, касающейся сферы работы с прошлым. Он намеренно использует нарративистские концепции, пародирует их, однако конечной целью для Барнса является не признание эпистемологической беспомощности, а напротив — попытка найти в истории хотя бы элементы подлинного, отнестись к ней внимательнее, более критично и честно (что иногда подразумевает и наличие в истории «слепых зон», которые мы можем заполнить только вымыслом).

В романе «Шум времени» Барнс делает это с помощью оппозиции «внешней» и «внутренней» истории. Историей «внутренней» является жизнь композитора Д. Д. Шостаковича, которая протекает на фоне «внешней» истории советского государства.

На несоответствии внешнего и внутреннего строится авторская ирония, всё более трагично звучащая от главы к главе. Во второй части романа «В самолёте» отчетливо видна пропасть между внешними событиями (торжественный приём делегации советских композиторов в США) и тех эмоций, которые испытывает Шостакович внутри (стыд и страх). Своего пика чувство стыда достигает в тот момент, когда Шостакович публично, хотя и не по своей воле, выступает против Стравинского и его музыки. Внутренний монолог (высшая степень интимности) становится единственной возможностью говорить правдиво.

«Внешняя» история представлена у Барнса как «мир наоборот» («Мир вновь перевернулся с ног на голову», — замечает Шостакович). Это выражается, например, в формуле «настанут лучшие времена», под которой подразумевается ровно противоположное (иронически этот мо-

тив обыгрывается в тосте Шостаковича, который он произносит каждый Новый год: «Выпьем за то, чтобы только не лучше!»). В оппозиции «лучшим временам» находятся звучащие рефреном первые строки каждой главы романа: «Он твердо знал одно: сейчас настали худшие времена». Причем с каждой главой времена, в восприятии героя, становятся всё хуже и хуже. Официальный фасад жизни как будто улучшается, а человек (запертый в этом фасаде, как в тюрьме) чувствует себя всё хуже.

Шостакович оценивает свою собственную жизнь как проигрыш: не только официальной, «внешней» истории, но и в широком смысле — времени. В последней главе композитор вспоминает события первой главы, начала своей жизни. Выводы неутешительны: его собственный мир перевернулся с ног на голову и стал «миром наоборот». Он проиграл «шуму времени».

Метафора «шум времени» в романе нагружена и экзистенциальным смыслом: время, в котором живёт человек, преподносит ему испытания. История представлена как череда трагедий, но так как они повторяются из раза в раз, а человечество так и не делает выводов, то и трагедии превращаются в фарс. Композитор рассуждает об этом со свойственной ему горькой иронией, за которой слышен голос самого Барнса: «Он знает одно: когда... если... нынешние времена пройдут, людям захочется упрощенной версии того, что уже было. Что ж, имеют право».

В финале Шостакович выносит сам себе приговор как человеку, но всё-таки сохраняет себя как художник. Искусство стремится за пределы конкретного исторического времени — в вечность. Только музыка позволяет говорить честно и становится единственной возможностью противостоять тирании истории и «шуму времени».

ПОГРАНИЧНЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ, ИХ РОЛЬ И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. МАЙРИНКА И Г. Ф. ЛАВКРАФТА

Тимошкина Мария Игоревна

аспирант, Петрозаводский государственный университет

Одну из ключевых ролей в произведениях Г. Майринка (1868–1932) и Г. Ф. Лавкрафта (1890–1937) играет фантастическое, выраженное помимо прочего описанием пограничных состояний сознания и принадлежащими к ним сновидениями героев.

Роль и эстетическая репрезентация сновидений, онейросферы и пограничных состояний в литературе исследовалась в контексте классической литературы и мифопоэтики (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, М. Дынник, Н. И. Толстой и др.), в контексте модернизма и постмодернизма (Н. А. Нагорная, О. В. Федунина, М. Н. Панкратова, Н. Г. Шарапенкова и др.).

Фантастика у Г. Майринка, выраженная при помощи пограничных состояний сознания — сна, галлюцинаций, сумасшествия, а также сюжетной тайны, по словам исследователя Кагарлицкого, дает «возможность двойного толкования, двойной мотивировки фантастических происшествий — эмпирически или психологически правдоподобного и необъяснимо-ирреального» [Кагарлицкий 1974: 54]. В свою очередь, принадлежность Г. Майринка к Пражской литературной школе, австрийскому экспрессионизму, увлечение мистико-окультистскими учениями, Каббалой, а также развитие психоанализа (К. Г. Юнг, З. Фрейд), ярко отразившееся в творчестве австрийских экспрессионистов, не оставляет вопросов о ключевом месте эстетики пограничных состояний и сна в произведениях австрийского писателя.

Примерами произведений Г. Майринка с ключевой ролью сюжета о сновидении героев выступают романы «Голем» (1915) и «Ангел западного окна» (1927). Многочисленные эпизоды этих (и других) романов Г. Майринка, где герои оказываются между мирами яви и сна, а также на пороге безумия, что позволяет им познать новые грани подсознания и высшего «Я», подтверждают ключевое сюжетообразующее значение данных состояний в творчестве австрийского писателя.

Г. Ф. Лавкрафт, творчество которого в современном литературоведении относят к «черной фантастике» — литературе ужасов, обращается к пограничным состояниям психики и сновидениям для достижения эффекта фантастического и ужасного. Через погружение в сон герои произведений американского фантаста перемещаются между посюсторонним и потусторонним мирами, вступают в контакт с потусторонними и космическими сущностями (например, в рассказах «Цикла снов» — «Полярная звезда» (1918), «По ту сторону сна» (1919), в рассказе «Зов Ктулху» (1928) и др.). В рассказах «Цикла снов» Г. Ф. Лавкрафт через речь рассказчика озвучивает ключевую мысль о значении сна — противопоставляемого «суетному существованию на земле — явлению вторичному и даже мнимому» [Лавкрафт, 2021: 61–62].

В философии Г. Ф. Лавкрафта невозможность познания человеческим разумом потусторонних сущностей и космических процессов, открывающихся героям при встрече с непознанным (в том числе во время погружения в сновидение и галлюцинации), приводит героев к душевным расстройствам и потере разума. Тем самым подтверждается гипотеза о ключевой роли пограничных состояний и сновидений в творчестве писателя.

Оба писателя обращаются к мотивам сна и пограничных состояний с целью выражения личных трансцендентных воззрений и пережитых ими откровений. Г. Майринк, практиковавший мистико-окультистские учения, осознавал ключевое значение приемов описания сновидений и пограничных состояний для духовного поиска высшего «Я», отражая последнее в своем творчестве. Г. Ф. Лавкрафт, долгое время страдавший от кошмаров, использовал литературу для описания личного опыта переживания пограничных состояний. Вероятная принадлежность обоих авторов к неоромантизму и, по мнению некоторых исследователей, к «черному романтизму» и «магическому реализму» [см. Дугин, 1989: 309–329], предполагает смещение акцента с внешних событий на внутренние — на исследование «непознанной глубины души», погружение «в оккультный мир галлюцинативно-реальных сюжетов» [Дугин, 1989: 309–310]. Все вы-

шесказанное отражается в творчестве писателей, в том числе, через сновидения и пограничные состояния.

Таким образом, использование приемов изображения сновидений и пограничных состояний Г. Майринком и Г. Ф. Лавкрафтом обусловлено трансцендентными и философскими воззрениями авторов, вероятным неоромантическим направлением их творчества, а также общим контекстом эпохи. Последнее сподвигло многих писателей, в том числе исследуемых, погрузиться в исследование глубин человеческой души и поиска истинного «высшего» Я при помощи фантастики, гротеска и связанных с ними мотивов сна и пограничных состояний.

Литература

Дугин А. Г. «Магический реализм» Густава Майринка // Г. Майринк. Голем / пер. с нем. Д. Л. Выготского; Вальпургиева ночь / пер. с нем. В. Ю. Крюкова; послесл. А. Г. Дугина; коммент. А. Г. Дугина и В. Ю. Крюкова. М., 1989. С. 309–329.

Кагарлицкий Ю. Что такое фантастика? М., 1974.

Лавкрафт Г. Ф. «По ту сторону сна» // Г. Ф. Лавкрафт. Сны Ктулху: сборник / пер. с англ. М., 2021.

ТОПОС ДЕВИАНТНОЙ ФЕМИННОСТИ В РОМАНАХ Ч. ДИККЕНСА И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Хэ Цзяфу

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Диккенс, наряду с Бальзаком и Шиллером — идол молодого Достоевского и один из главных ориентиров русского классика в построении собственных романских образов. Поиски диккенсовских следов и отзвуков у Достоевского, начатые еще в 1920-е гг. Б. Г. Реизовым, продолжают до сих пор, приводя к интересным и подчас неожиданным находкам. В то же время, уже в 1970-м г. Т. И. Сильман [Сильман 1970] отмечала запрограммированную узость подобного, «генетического» в чистом виде подхода, обратив внимание на как на возможные претексты также и диккенсовских образов (и тогда Нелли, героиня «Униженных и оскорбленных» Ф. М. Достоевского, оказывается ориентированной не только на Нелл «Холодного дома» Ч. Диккенса, но и на ее более ранний образчик — гётевскую Миньон), так и, в целом, на более широкий литературный и культурный контекст, «питавший» воображение обоих близко родственных авторов. Предпринимая сопоставительное исследование ряда женских персонажей британского и русского классиков, мы будем исходить из общего для них обоих социодискурсивного и литературного контекста — европейской патриархатной культуры позднего XVIII–XIX вв. и типичного для нее пассивного и жертвенного образа женственности, который в концентрированном виде выразился в трактате Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762). Описанный у Ж.-Ж. Руссо на примере Софи — «идеальной» спутницы жизни героя-мужчины — паттерн женского поведения предполагает сведенность женщины к социальной роли в семейном контексте (дочь, супруга, мать), ее арбитранность в поле общественного проявления и регламентированность кода ее телесной репрезентации (одежда, жестикация, речевое поведение) в социальном поле. У Диккенса представлен богатый ряд героинь, продолжающих линию Софи: Эми Доррит («Крошка Доррит»), Эстер Саммерсон («Холодный дом»), Флоранс Домби («Домби и сын»), Агнес Копперфильд («Дэвид Копперфильд»), — эти образы принято интерпретировать в свете викторианского клише женщина как «ангел в доме». Близки к данному типу (пусть и не идентичны ему, в силу своей большей сложности) у Достоевского Дуня Раскольников, мать протагониста в «Подростке», отчасти Соня Мармеладова. В центре нашего исследования стоят иные, альтернативные литературные женские типы Диккенса и Достоевского, а именно — образы, отклоняющиеся от руссоистской модели (в построении личной биографии, социальном поведении и телесной репрезентации). В исследованиях творчества Диккенса такие женские типы получили название «монстров», в достоевведении говорят об «инфернальницах», мы же будем называть их образами «девиантной женственности». Сам топос девиантной (деструктивной, субверсивной) феминности у Диккенса и Достоевского, его дискурсивные, эстетические и литературные основания выступает предметом научного анализа. Его объектом являются образы (фигуры) девиантной женственности, как они явлены, соответственно, в трех зрелых романах Ч. Диккенса («Домби и сын», 1848; «Холодный дом», 1852; «Большие надежды», 1860) и Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», 1866; «Идиот», 1869; «Братья Карамазовы», 1880), которые выступают материалом исследования. Художественная репрезентация женских образов в романах Диккенса достаточно хорошо и подробно изучена (см., например, работы К. Бриггса [Briggs 2009] и Н. Макнайта [McKnight 2008]). Немало работ, особенно в последние два десятилетия, посвящено и гендерной проблематике у Достоевского (отметим здесь особенно обобщающий докторский труд Н. А. Макаричевой [Макаричева 2019]). Однако сопоставительного анализа девиантных женских персонажей обоих авторов до сих пор проведено не было. Между тем «девиантные» женщины Диккенса и Достоевского близки и могут быть сопоставлены как минимум в трех аспектах:

- 1) социальная или профессиональная реализация, как правило, вне опоры на авторитетную мужественность;

- 2) альтернативный код общественного поведения, опробование границ «нормальности» (инсценирование публичных скандалов);
- 3) девиантная репрезентация телесности — публичные истерики.

На рассмотрении в указанных трех аспектах соотносимых в рамках нашей проблематики героинь обозначенных выше романов Ч. Диккенса и Ф. М. Достоевского мы и предполагаем сосредоточиться в своем докладе, ориентируясь в качестве методологии как на традиционный литературоведческий сопоставительный анализ, так и на гендерную теорию и дискурсивный анализ.

Литература

Макаричева Н. А. Художественная гендерология в творческих исканиях Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. СПб., 2019.

Сильман Т. И. Диккенс: очерки творчества. Л., 1970.

Briggs K. J. How Dostoevsky Portrays Women in His Novels: A Feminist Analysis. Lewiston, N. Y., 2009.

McKnight N. Dickens and Gender. A Companion to Charles Dickens / ed. by D. Paroissien. Oxford, 2008. P. 186–198.

СИТУАЦИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ В РОМАНЕ ТЕДЖУ КОУЛА «ОТКРЫТЫЙ ГОРОД»

THE SITUATION OF MULTICULTURALISM IN TEJU COLE'S NOVEL "OPEN CITY"

Щепачева Инна Владимировна

старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Феномен мультикультурализма является неотъемлемой и всеобъемлющей характеристикой современного мирового литературного процесса. Применительно к литературе США этот феномен является основополагающим. Как пишет М. В. Тлостанова, «мультикультурализм в США уникален по ряду причин, в частности, из-за особого отношения американской культуры к проблеме региональной, этнической, расовой идентификации, из-за более острого, чем в других культурах противоречия между мощной прагматической, рациональной в основе национальной идеологией и социокультурной реальностью страны-эксперимента» (Тлостанова, 2000). Сегодня этот феномен продолжает активно развиваться, трансформироваться и приобретать все новые черты. Особенность развития мультикультурной литературы в XXI в. во многом связана с тем фактом, что значительное число писателей невозможно отнести к какой-либо конкретной национальной литературе, поскольку в своей биографии они имеют опыт проживания в различных странах, являются носителями нескольких культур, а также опыта формирования собственной идентичности в результате взаимодействия или противостояния различных культурных парадигм. По мнению Ю. В. Стулова, подобных «авторов со схожей историей можно назвать носителями транскультурности — явления, которое показательно для современного этапа мирового развития, направленного на открытость общества и взаимодействие на основе признания прав личности, человеческих сообществ независимо от расовой, гендерной, классовой или иной принадлежности. Соответственно, как никогда ранее, на передний план выдвигается проблема идентичности и самоидентификации» (Стулов, 2020). Одним из таких авторов в современном литературном пространстве США является американский писатель нигерийского происхождения Теджу Коул (1975), чье творчество олицетворяет собой сочетание культурных традиций Африки, США и Европы. Характеризуя творчество Коула, Т. М. Гавристова называет его не только «полноправным представителем американской мультикультурной прозы, но и признанной звездой нигерийской литературы» (Гавристова, 2018). Писатель родился в США, но большую часть детства провел в Лагосе (Нигерия), куда вернулся с матерью сразу после рождения. В возрасте 17 лет Коул переехал в США, что позволило ему познакомиться с особенностями американской действительности. Еще одним значимым этапом в биографии Коула является учеба в школе Востоковедения и африканистики Лондонского университета, что углубило его знание о европейской культурной традиции. На сегодняшний день Коул является автором двух романов, трех фотоальбомов, нескольких рассказов, а также многочисленных эссе. Кроме писательской деятельности, Коул занимается фотографией и искусством.

Ярким примером симбиоза различных национальных литератур служит роман «Открытый город», который был переведен на русский язык в 2022 г. и позволявший Коулу заявить о себе как о самодостаточном авторе, которому есть что предложить читателю. За это роман писатель удостоился множества наград, включая германскую международную литературную премию. Главным героем романа является молодой врач Джулиус, который проживает в Нью Йорке. Написанный от первого лица, роман представляет собой своеобразный монолог главного героя, в котором он рассказывает историю своего детства в Нигерии, которая развивается на фоне гражданской войны в стране. После многочисленных испытаний и потери дома на Родине молодой человек пытается обрести себя в Америке, где, как ему кажется, можно жить в безопасности и достаточном комфорте. Читатель видит Америку глазами героя, прибывшего в США в надежде осуществить свою «американскую мечту». Одним из способов обретения новой культурной составляющей становятся прогулки героя по улицам американского мегаполиса. Еще одним важным моментом в вопросе формирования новой идентичности является тот факт, что

главный герой не просто выходец из Африки, но и в какой-то степени носитель европейского сознания, поскольку его мать — немка, с которой он не поддерживает отношений, а бабушка живет в Брюсселе. В поисках своих еще не осознанных корней это заставляет героя отправиться в Европу. Главный герой — нетипичный африканец, приехавший в Америку, чтобы убежать от ужасов своей Родины и выжить в другой стране, а настоящий интеллеktуал, сложная многосторонняя личность, которая постоянно рефлексировает, что, несомненно, углубляет процесс самопознания, столь необходимый при переезде в другую страну с другой культурой.

В результате авторы приходят к выводу, что, опираясь на собственный опыт, Т. Коулу удастся поведать историю человека, который, отталкиваясь от собственных древних корней, попадает в новую культурную реальность и пытается обрести многоуровневую идентичность.

Литература

Гавристова Т. М., Хохолькова Н. Е. Африканские травелоги: вопреки стереотипам // Ярославский педагогический вестник, 2018. № 6 (105).

Коул Т. Открытый город. Ад Маргинем, 2022. 256 с.

Глостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М., 2000. 400 с.

Стулов Ю. В. Новые тенденции в американской литературе, новые имена // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2020. № 4 (57).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФАКТА И ВЫМЫСЛА В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ П. МЕРИМЕ 1820-Х ГОДОВ

Боярская Татьяна Юрьевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Как известно, самый плодотворный период творчества Проспера Мериме приходится на эпоху Реставрации (1815–1830), когда большой популярностью пользовался исторический жанр. Мериме отдал ему дань написанием пьесы «Испанцы в Дании» и дилогии об Инес Мендо из сборника «Театр Клары Гасуль» (1825), исторической драмы «Жакерия» (1828) и исторического романа «Хроника царствования Карла IX» (1829). Примечательно, что именно эти произведения позволили сторонникам романтизма увидеть в Мериме своего единомышленника. Стоит отметить также, что к историческому жанру писатель обратится вновь лишь в 1850–1860-х гг., сохранив одни из своих мировоззренческих положений и переосмыслив другие.

Взаимодействие исторического факта и творческого воображения интерпретатора в этих произведениях становится конструктивным фактором, которому подчинены основные элементы текста: создание местного колорита, жанровая детерминация, рамковое оформление. В художественном методе писателя находит преломление субъективное восприятие действительности, присущее романтизму; принцип историзма, направленный на изображение нравов и характеров людей былых времен эстетический синтез, сочетающий положения нового искусства с поэтикой Аристотеля.

Позиционируя себя рассказчиком, а не историком, Мериме выдвигает гипотезу развития событий, основанную на сопоставлении фактов и свидетельств современников, почерпнутых в мемуарах, т. е. в недостоверных источниках, которым он все-таки отдает предпочтение. Истинное представление о событиях давно минувших дней по его глубокому убеждению могут передать лишь вымышленные персонажи, построенные не только на исторических прототипах, но и на многочисленных литературных, фольклорных и библейских прообразах. Аналогию между историческими событиями и современностью он выстраивает не только в перспективе (сопоставлении прошлого с настоящим), но и в ретроспективе (сопоставлении фактов исторического прошлого с событиями еще более далекого прошлого, запечатленного в народных преданиях и библии). Таким образом описанные им герои и связанные с ними события обретают символическое значение, что выявляет общность эстетической и мировоззренческой позиции Мериме с нарративным подходом романтической историографии, в котором факты воспринимаются как оболочка общих истин, а их символическое значение передается творческим воображением интерпретатора.

Сторонники нарративной историографии Ф. Гизои П. де Барант приобщили Мериме к эстетике Гегеля, основанной на синтезе положений романтического искусства с правилами «Поэтики» Аристотеля. В его произведениях сохранено классическое соответствие сюжета литературному роду: исторические сюжеты в его восприятии всегда эпичны, и соответственно, не предназначены для сцены. Так, объемный текст «Жакерии», написанный на сюжет крестьянских восстаний, вспыхнувших во Франции XIV в., позволял отнести это произведение только к эпическому жанру драмы для чтения. При этом Мериме включает и элементы драматургии (динамичное развитие действия, лаконичный диалог, деление на сцены не только в исторической драме, но и в историческом романе «Хроники времен Карла IX»), соблюдая тем самым принцип эстетического синтеза.

Тесное переплетение исторического и вымышленного сюжетов напротив способствовало концентрации действия в соответствии с особенностями драматургии как литературного рода,

что происходит в трехактных пьесах «Испанцы в Дании» и «Инес Мендо, или Торжество предрассудка». В соответствии с принципом историзма четкое обозначение пространственного и временного факторов становится здесь атрибутами жанровой детерминации. Так, в случае «Испанцев в Дании», где действие разворачивается на датском острове Фюне в 1808 г., композиционный рисунок представлен сочетанием элементов исторической трагедии и мелодрамы — самых популярных жанров европейской драматургии начала XIX столетия. Пьеса «Инес Мендо, или Торжество предрассудка» с местом действия в Испании 1640 года построена согласно правилам испанских комедий XVI–XVII вв.

Взаимодействие факта и вымысла находит отражение и в функциональной нагрузке паратекста — рамкового оформления произведений исторического жанра у Мериме. Предисловия, примечания, ремарки, отдельные главы выполняют традиционную металеptическую функцию разъяснения авторской позиции в отношении художественного метода и исторических особенностей событий и нравов. Другая функция паратекста заострена на акцентирование игровой сущности искусства посредством включения автора и читателя/зрителя в ткань своих произведений в качестве вымышленных персонажей. свободную игру фантазии и факта включением читателя в ткань произведений в качестве имплицитного собеседника и / или действующего лица, акцентируя тем самым концепцию идеального незаинтересованного искусства.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ТОДОРОВА КАК НЕУЧТЕННЫЙ СЮЖЕТ В «ДЕЛЕ ЛЕМА»

A REVIEW OF TZ. TODOROV'S BOOK AS A NEGLECTED ASPECT OF "LEM'S AFFAIR"

Головачева Ирина Владимировна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Весной 1973 года Станислав Лем был принят в Ассоциацию научных фантастов Америки (Science Fiction Writers of America, SFWA) в качестве почетного члена. Обстоятельства, обусловившие его последующее исключение из SFWA в 1976 году, казалось бы, изучены детально. И все же публикации, затрагивающие данную страницу истории литературы и критики, упрощают этот непростой сюжет. Истоки скандала, связанного с якобы пренебрежительным отношением Лема к творчеству американских фантастов и его «коммунистическими убеждениями», исследователи единодушно усматривают в появлении перепечатки его критической заметки в октябре 1975 года в «SFWA Forum», издании, закрытом для широкой публики. Ответственность за пренебрежительную, разухабистую манеру англоязычного варианта под новым, не санкционированным Лемом заглавием «Глядя сверху вниз на научную фантастику: выбор худших в мире романов» [Lem 1977] целиком лежит на совести переводчика, допустившего грубые искажения оригинала. Но главное: никаких личных выпадов против американских научных фантастов (именно в этом обвиняли Лема некоторые члены SFWA) данный текст не содержит. Упомянутый в нем тезис Роберта Хайнлайна, подхваченный впоследствии Полом Андерсоном, о «борьбе за деньги читателей» нельзя считать выпадом против творчества этих авторов. И тем не менее, эта публикация открыла ящик Пандоры.

В 1977–1978 годах журнал «Science Fiction Studies», главный печатный орган SFWA, публикующий самые авторитетные материалы о НФ с 1973 года, уделил «делу Лема» несколько разделов [“On the Ouster of Stanislaw Lem” 1977], содержащих тщательно расписанную хронологию скандала, цитаты из переписки членов правления и действительных членов ассоциации. Надо отметить, что Лем изначально пользовался уважением редакции «SFS», о чем свидетельствует тот факт, что уже в первом номере была опубликована его теоретическая статья о структурном анализе научной фантастики. В этой работе Лем, во-первых, предлагает остроумную классификацию типов фантастического (final/passing fantasy) и, во-вторых, разъясняет критерии качественной НФ-прозы, отмежевывающие ее от «мусорной» массовой фантастики. Отдадим должное честности авторов журнала, внесших вклад в публикацию материалов, относящихся к «делу Лема». Так, в частности, Брайен Олдис напомнил читателям, что гонения на Лема были приправлены антикоммунизмом.

Лишение Лема почетного членства в союзе американских фантастов, думается, было в какой-то степени подготовлено и жаркой полемикой, которая развернулась вокруг отрицательной рецензии Лема на знаменитую книгу Цв. Тодорова «Введение в фантастическую литературу» (1970). Немаловажно, что Лем был одним из первых рецензентов этой монографии: ознакомившись с французским оригиналом, он изложил свое принципиальное несогласие с теорией Тодорова в польском литературно-критическом журнале «Teksty» в 1973 году. Вскоре «SFS» напечатал английский перевод его рецензии [Lem, Abernathy 1974]. Перечислим основные претензии Лема:

- 1) Тодоров игнорирует множество жанров фантастики;
- 2) включает «псевдонаучное» в «сверхъестественное»;
- 3) безосновательно противопоставляет аллегорическое и неаллегорическое прочтения;
- 4) не учитывает возможность одновременного сочетания разных интерпретаций текста;
- 5) основывает теорию фантастического исключительно на принципе бинарных оппозиций;
- 6) игнорирует или искажает факты истории литературы;
- 7) подбирает в качестве доказательств незначительное количество «репрезентативных» текстов.

Отметим, что рецензия Лема, напечатанная в «SFS», не просто последовала за публикацией английского перевода книги Тодорова, но и стала первым отзывом на это издание. Полагаю, что данное обстоятельство определило градус полемики. В самом деле, отрицательная рецензия на прорывный труд французского структуралиста, призванный радикально изменить теорию фантастики, — это «пощечина общественному вкусу». На Лема набросились сразу два критика — Роберт Шоулз и Ричард Асл. У Шоулза были в том числе и личные причины. Во-первых, он написал предисловие к английскому изданию Тодорова. Во-вторых, будучи ответственным редактором журнала «Novel», Шоулз хотел привлечь внимание читателей «SFS» на вышедшую в «его» журнале положительную рецензию на Тодорова [St. Armand 1975]. Как видим, первые выпады против Лема были вызваны отнюдь не «пренебрежением» фантаста-иностранца к американским коллегам по писательскому цеху, а его более ранней литературно-критической работой о Тодорове. Изгнание Лема из Ассоциации американских фантастов стало, таким образом, совокупным результатом трех факторов — раздражением американских критиков, вызванным рецензией на книгу Тодорова, недовольства американских фантастов критикой Лема; и, наконец, приписанных Лему коммунистических симпатий. Решение правления SFWA об исключении Лема было впоследствии оценено членами ассоциации как постыдное недоразумение.

Источник финансирования: грант «Anti-Todorov» Kone Foundation Research Fellowship at HCAS (University of Helsinki) (Fall 2022). № 0313471-7 (присужден 01.11.2021)

Литература

- Lem St.* Looking Down on Science Fiction [from Atlas] // Science Fiction Studies. 1977. Vol. 4 (2), no. 12 (July). P. 126–127.
- Lem St., Abernathy R.* Todorov's Fantastic Theory of Literature // Science Fiction Studies. 1974. Vol. 1, no. 4 (Autumn). P. 227–237.
- On the Ouster of Stanislaw Lem from the SFWA // Science Fiction Studies. 1977. Vol. 4 (2), no. 12 (July). P. 129–134.
- St. Armand B. L.* A Superior Abstraction: Todorov on the Fantastic // NOVEL: A Forum on Fiction. 1975. Vol. 8, no. 3 (Spring). P. 260–267.

РОМАН ВИКТОРА СЕРЖА «LES DERNIERS TEMPS»: К РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ОСНОВЫ

Гусева Юлия Викторовна

научный сотрудник, Научно-издательский центр «Ладомир», Москва

Роман Виктора Сержа (Виктор Львович Кибальчич; 1890–1947) «Les derniers temps» не получил такой известности, как другие художественные произведения этого автора, хотя он был не так давно переиздан во Франции и в этом году в США, готовится к изданию русский перевод. В книге, написанной по горячим следам событий, в 1943–1945 гг., действие разворачивается в 1940–1941 гг., на фоне поражения Франции в начальный период Второй мировой войны и становления движения Сопротивления в стране. Во время работы над этой книгой Серж не рассчитывал, что она может быть издана во Франции, оккупированной нацистами, и, в надежде на публикацию в Новом Свете, использовал ряд приемов, характерных как для современной ему американской литературы (остросюжетная фабула, прямолинейная схема построения сюжета, ряд героев откровенно положительные или отрицательные; концовка романа явно отсылает к «Унесенным ветром» М. Митчелл), так и для своих более ранних произведений, например, романа «Завоеванный город» (главы книги представляют собой практически завершённые новеллы, объединённые общими героями и выстраивающиеся в единую сюжетную линию). При этом в романе очевидны и отсылки к известной читателям литературной классике, не только французской («Отец Горио» О. де Бальзака), но и русской («Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского). Реальные исторические события показаны глазами различных героев книги, что позволяет составить более или менее целостное представление о них, при этом Серж не скрывает как своей антифашистской позиции, так и неприятия войны. Многие персонажи книги имеют реальные прототипы (например, писатели Ж. Дюамель и В. Беньямин), другие представляют собой типические, собирательные образы. Эта проблема уже привлекала внимание исследователей, в частности, американского литературоведа Р. Гримана [Greeman 2022: 7–14], однако ему удалось установить лишь некоторых из них. Большинство персонажей книги показано в развитии, которое приводит их в различные общественные лагеря. Их судьбы позволяют автору переосмыслить недавние события, вместе с рядом своих героев он проходит путь от пацифизма, отрицания войны до осознания необходимости противодействия, в том числе вооружённого, нацистским оккупантам, поддержки антифашистского Сопротивления. При этом роман «Les derniers temps» нельзя назвать документальным, ибо в нём присутствует значительная доля художественного вымысла, хотя — на заднем плане — действуют и реальные исторические лица, часть из которых прямо названа по именам (руководители III Республики, командующие французской армии, маршал Ф. Петен), а другая легко идентифицируется (П. Лаваль, М. Деа). Важной и новой для Сержа художественной особенностью является введение в повествовательную ткань романа элементов городского фольклора, анекдотов, пародии [Serge 1951: 257–258, 260–262], что позволяет ярче и убедительнее раскрыть перед читателем эпоху. Отдельные эпизоды романа также имеют под собой документальную основу [Серж 2001: 437, 439, 445]. Подобный синтез художественного и документального, характерный для всего литературного творчества Сержа, способствует воссозданию во всей полноте страшной и трагической эпохи, пережитой автором непосредственно. Основной проблемой романа представляется проблема выбора, которая в критических обстоятельствах встает перед каждым героем книги. В условиях войны и оккупации этот выбор приходится делать всем, даже тем персонажам, которые предпочли бы не менять своего образа жизни и абстрагироваться от происходящего, замкнувшись в своем узком мирке. Для большинства героев выбор представляется непростым, им приходится проделать сложную эволюцию, пересмотреть многие свои прежние воззрения, порой раскрыть в себе те качества характера, о которых они прежде не подозревали. Роман, как и сама эпоха в истории Франции, глубоко дихотомичен (это обуславливает и разделение героев на положительных и отрицательных при всей сложности и многоплановости их образов), и большинство персонажей книги разными путями, не только руководствуясь собственными

принципами, но и подталкиваемые непреодолимыми обстоятельствами, приходят к поддержке Сопротивления. В этом с ними солидарен и автор, которого неприятие фашизма и диктатуры во всех их проявлениях побуждает решительно выступить против них, в том числе и в своем художественном творчестве. Таким образом, роман «Les derniers temps» продолжает и по-новому, на широкой историко-документальной основе, раскрывает главную тему творчества Виктора Сержа — борьбу против тоталитаризма, диктатуры и угнетения, какие бы формы они ни принимали.

Литература

Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.; Оренбург, 2001.

Greeman R. Introduction // *Serge V. The Last Times.* N.-Y., 2022. P. 5–24.

Serge V. Les derniers temps. P., 1951.

НOMMES DE LETTRES, GENS DE LETTRES: ЧТО ОЗНАЧАЮТ ЭТИ ВЫРАЖЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА И КАК ПЕРЕВОДИТЬ ИХ НА РУССКИЙ?

Каплун Виктор Львович

доцент, Европейский университет в Санкт-Петербурге

В современных переводах французских текстов середины и второй половины 18 века для передачи выражений *hommes de lettres* и *gens de lettres* принято использовать слово «литераторы». Хотя с точки зрения правил современного языка такой перевод кажется логичным, он не схватывает специфику формирующейся к середине XVIII в. новой культурно-антропологической фигуры, к которой отсылают эти именованья, и в определенных контекстах может приводить к искажениям смысла.

Во французском языке 18 в. смысл понятий *hommes de lettres* и *gens de lettres* связан с глубокой трансформацией обществ Ancien Régime и с появлением новой для них исторической реальности. Речь идет, прежде всего, о формировании того, что в социальных науках 20 века получит название публичной сферы (*sphère publique*), и производного от нее исторического феномена — *opinion publique*. Хорошей иллюстрацией этой ситуации во Франции рассматриваемого периода может служить цитата из речи Кретьена де Мальзерб (1775), произнесенной по случаю его избрания во Французскую академию: «Публика [*le public*] с жадным любопытством обращается к предметам, которые в прежние времена были ей в высшей степени безразличны. Возник суд, не зависящий ни от каких властей и всеми властями уважаемый, суд, ценящий все таланты, выносящий оценки всем видам заслуг. И в просвещенный век, в век, когда каждый гражданин через печать может говорить со всей нацией [*nation*], те, кто наделен талантом учить людей и даром трогать сердца, одним словом, люди письмен [*gens de lettres*], стали для рассеянной на больших расстояниях публики тем, чем были ораторы Рима и Афин посреди народного собрания.

Эта истина, о которой я сейчас говорю в собрании людей письмен, уже была представлена магистратам, и ни один из них не отказался признать этот суд публики в качестве высшего судьи из всех судей земли» [*Malesherbes 1775*]. Во-первых, в эпоху Просвещения, когда возникает феномен *opinion publique* в политическом смысле слова, оно становится во всех вопросах публичной значимости своего рода высшим судом, с которым приходится считаться всем сильным мира сего. Во-вторых, в эту эпоху, когда «каждый гражданин через печать может говорить со всей нацией», *les gens de lettres* оказываются для современной нации тем же, чем были политические ораторы в греческом классическом полисе или римские трибуны в республике; они объединяют разрозненную совокупность частных лиц в единое самоуправляющееся сообщество. Формируя общественное мнение и становясь его лидерами, они выступают в качестве определенного рода «публичных политиков».

В чем состоит возможное искажение смысла, когда мы передаем *hommes de lettres* и *gens de lettres* словом «литераторы»?

В современном языке «литератор» отсылает к образу автора, принадлежащего, прежде всего, миру словесности и, главным образом, художественной литературы. Между тем, *homme de lettres* — фигура синтетическая. Говоря современным языком, это, скорее, интеллигент в широком смысле слова; он может быть литератором, писателем, но также и философом, историком, ученым (в том числе, и ученым-естественником), журналистом, публицистом, моралистом и т.д. — и обычно совмещает в себе несколько из этих амплуа. Главным же отличительным признаком его является искусство пользоваться письменным (печатным) словом в публичном пространстве, влиять на умы и сердца и тем самым действовать словом «на сцене мира» (согласно выражению Канта), влиять на исторические судьбы гражданского сообщества, к которому принадлежит.

Характеристику этой фигуры мы находим, в частности, у Вольтера в статье «*Gens de lettres*» (1757), напечатанной в седьмом томе Энциклопедии. Как отмечает Роже Шартье, эта характеристика соответствует тому, как понимают свой род деятельности и свою гражданскую миссию

сами энциклопедисты [Chartier 1996: 159]. Статья начинается с определения: «Gens de lettres, ...это слово отвечает в точности слову грамматисты; у греков и римлян под грамматистом понимали не просто человека, посвятившего себя Грамматике в собственном смысле слова, какая лежит в основе всяческих знаний, но человека, который не является чужаком в Геометрии, в Философии, в общей и частной Истории; который в особенности изучает Поэзию и Красноречие: это то, чем являются наши gens de lettres сегодня. Это имя никак не может быть дано человеку, который, обладая малыми познаниями, возделывает только какую-нибудь одну область».

Вольтер подчеркивает: gens de lettres — не литераторы и не филологи (в узком смысле слова), но интеллектуалы, являющиеся специалистами в большей или в меньшей степени, но во многих областях знания. Кроме того, их отличает наличие esprit philosophique, благодаря чему их деятельность имеет первостепенное гражданское и политическое значение. Они — те, кто, разрушая нелепые и вредные предрассудки и суеверия, одновременно формируют и облагораживают нацию: «Одним из величайших преимуществ нашего века является значительное число образованных людей, способных переходить от шипов Математики к цветам Поэзии и одинаково хорошо судить о книге из области Метафизики и о театральной пьесе. Тот глубокий и тонкий ум, который многие распространили своими писаниями и беседами, много поспособствовал обучению и облагораживанию нации [nation]; их критика не исчерпывалась более на греческих и латинских словах; но подкрепленная здоровой философией, она разрушила все предрассудки, которыми было заражено общество; Этим их деятельность действительно послужила на благо Государству».

Литература

Discours de réception de M. de Malesherbes à l'Académie française Le 16 février 1775. <https://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-m-de-malesherbes>.

Voltaire. Gens de lettres // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Paris, 1757–1772 (Volume VII, p. 599–600).

Chartier R. L'homme de lettres // Michel Vovelle (dir.). L'Homme des Lumières. Paris, 1996. Pp. 159–209.

БЛЕЗ ПАСКАЛЬ КАК «СОКРОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК» СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 20–30 ГГ. XX ВЕКА

Кашлявик Кира Юрьевна

доцент, Российский университет дружбы народов

Лобков Александр Евгеньевич

доцент, Севастопольский государственный университет

Влияние Паскаля на русскую культуру было глубоко, его открытия и идеи беспокоили русских ученых, мыслителей, поэтов и писателей [Блез Паскаль 2013]. Дискуссия о Паскале досталась новой советской культуре по наследству от «старого мира». Сложившийся образ французского гения подвергся определенному пересмотру на новом витке исторического развития России. Октябрьский переворот 1917 г. не означал полного разрыва с культурным наследием прошлого. Мысль Ленина о том, нужно взять всю накопленную предыдущими эпохами культуру — науку, технику, все знания, искусство — и положить ее в основу строящегося социалистического общества, стала руководящим принципом. Естественно, наследие прошлого требовало критической оценки и надлежащей интерпретации. Паскаль просто не мог быть «выброшен за борт современности».

На первый план вышел Паскаль-ученый. Его научные труды имели важное прикладное значение для страны, вставшей на путь ускоренной индустриализации; его открытия в математике и физике находили применения во многих отраслях — от строительства гидроэлектростанций до авиации. Так, в 1932 г. в серии «Классики естествознания» была опубликована книга «Начала гидростатики», в которую вошли труды основоположников гидростатики, в том числе и трактат Паскаля «О равновесии жидкостей». В 1933 г. книга вышла вторым изданием. Перевод трактата был выполнен инженером В. Н. Степановым и обработан составителем сборника А. Н. Долговым — профессором, помощником главного инженера Главгидроэнергостроя и ведущим специалистом по турбинному оборудованию.

20–30-е годы характеризуются активным изданием энциклопедий, что были призваны дать не только свод современных знаний, но и выразить определенную идеологическую позицию. Статьи о Паскале представлены в 6 томе (1931) первого издания и в 8 томе (1939) второго издания МСЭ. В первую очередь в них равно высоко подчеркиваются его научные достижения в математике и физике, а вот в оценке философских заслуг наблюдаются различия. Если в первой статье акцент сделан на борьбе Паскаля «с всесильными, поддерживаемыми двором иезуитами, сторонниками “покладистой” морали, защитниками принципа: “цель оправдывает средства”» [К. 1931: 341–342], то во второй на расхождении Паскаля с Декартом во взглядах на двойственную природу человека; в отличие от Декарта Паскаль «придавал решающее значение не разуму, а чувству, ограничивая роль дедукции» [Паскаль 1939: 14]. В философско-идеологическом контексте оппозиция Декарт — Паскаль становится алгоритмом рассуждения о построении справедливого социалистического общества.

Поскольку фигура Паскаля выходила за рамки науки, а религиозные искания Паскаля в строящемся атеистическом обществе давали повод для ненужных сомнений, интересна попытка провести Паскаля по разделу литературы. Такой взгляд на Паскаля представляет статья в 8 томе (1934) Литературной энциклопедии, написанная С. С. Мокульским. Намеченный им подход к Паскалю был продолжен его аспирантом — С. Д. Коцюбинским, в конце 30-х работавшим над диссертацией о прозе французских моралистов XVII в. Полноценной главой этого исследования может считаться статья Коцюбинского «Литературное наследие Паскаля», опубликованная в Ученых записках Ленинградского госуниверситета в 1941 г.

Такой интерес к литературе века абсолютизма может быть объяснен материей созданного советского общества, открыто исповедовавшего метод соцреализма, который, подобно поэтике классицизма, был пронизан высокими гражданскими помыслами и сложной этической проблематикой, и хотел видеть мир и человека такими, какими они должны быть. Излишне говорить,

чем обернется эта идеализация для страны. Имя Паскаля — неотъемлемая часть школьных и вузовских учебников по физике и математике. В 1935 г. в серии «В помощь учителю» вышла краткая биография Паскаля В. В. Кокосова, а в 1937 г. в журнале «Знание сила» статья о Блезе Паскале проф. А. А. Зонненштраля. Правильно поданная биография ученого имела воспитательную и образовательную функции. Паскаль становился образцом для подражания. Так, одна из публикаций в «Литературной газете» за 1939 г., посвященная 121 статье сталинской Конституции, гарантирующей право на образование, парадоксальным образом начинается с истории из детства «великого французского физика и математика», жажда к точным знаниям у которого была настолько велика, что он в 9-летнем возрасте самостоятельно «наново создал Эвклидову геометрию» [Семенов 1939: 3].

Так великий христианин и ученый европейской культуры становится для молодой советской культуры пламенным служителем науки и мучеником несвободы «старого мира». Паскаль предстал своего рода «сокровенным человеком», о котором в одноименной повести 1927 г. писал А. П. Платонов. Показательно, что первоначальное название, как нам кажется, ключевого произведения Платонова — «Страна философов». Порубежность состояния главного героя между христианством и революцией можно соотнести с тем, как создается новая культура в целом и как лепится образ «советского» Паскаля, в частности.

Литература

- Блез Паскаль: pro et contra. Личность и творческое наследие Паскаля в восприятии и оценке русских философов и писателей / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. В. Д. Алташиной. СПб., 2013.
- К. Паскаль // Малая советская энциклопедия: в 10 т. Т. 6 / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. М., 1931. Стб. 341–342.
- Паскаль // Малая советская энциклопедия: в 10 т. Т. 8 / глав. ред. Н. Л. Мещеряков; 2-е изд. М., 1939. Стб. 14.
- Семенов Я. Статья сто двадцать первая // Литературная газета. 5 декабря 1939. № 67. С. 3.

«УТОПИЯ В ИСТОРИИ»: СООТНОШЕНИЕ ФАКТОВ И ВЫМЫСЛА В НЕОКРИТИЦИЗМЕ ШАРЛЯ РЕНУВЬЕ

Кротов Артем Александрович

профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Среди мыслителей, с особенной остротой обсуждавших вопрос о соотношении фактов и вымысла применительно к интерпретации истории, видное место принадлежит теоретику неокритицизма Шарлю Ренувье (1815–1903). Предложенное им решение напрямую определяется основными принципами его системы. В «Опытах общей критики» (т. 1–4, 1854–1864) Ренувье стремился выстроить беспредпосылочную модель теоретического знания. Ссылаясь на Декарта, он утверждал, что родоначальник рационализма в философской культуре Нового времени не сумел последовательно провести принцип сомнения при построении своей системы. Декарт некритически воспринял представления предшествующей философской традиции о причинности, субстанции и т. п. Между тем подобного рода «предельные абстракции» отнюдь не придают ясности изучаемым философами феноменам. Выдающимся новатором в области философии Ренувье считал Канта. Его заслуга — глубокий анализ субъекта, позволивший отказать от бесплодных систем прошлого. Но Кант, по мнению французского мыслителя, допустил ошибку, приняв без предварительной проверки распространенные в его время логику и психологию. Не сумев преодолеть онтологические привычки предшественников, Кант так и не сформулировал важнейшего вывода критицизма: надлежит признать, что для сознания существованием обладают одни только феномены, причем их-то и следует считать подлинной реальностью. Данный вывод Ренувье рассматривал как основу истинного философского метода, по его представлениям, легко согласующегося с моралью и религией. При этом французский философ настойчиво утверждал необходимость констатации границ всякого познания. С его точки зрения, попытки универсального синтеза всегда заключали в себе противоречия и не могли носить научного характера. «Наука выходит за свои пределы, я хочу сказать, отказывается от свойственного ей метода и утрачивает свой авторитет, когда она желает перейти от установления положительных фактов и законов феноменов к спекуляции об их сущностях, причинах и первоистоках» [Renouvier 1885: 9]. Воззрения подобного рода он связывал с убеждением в ошибочности тезиса о необходимости, изначальной заданности событий, развертывающихся в социальной сфере. В «Ухронии» (1857) Ренувье применил принципы своей философии к истолкованию истории. Ухрония — это утопия в прошлом, описание событий, не состоявшихся, но возможных при условии, что некоторые поступки и деяния людей оказались бы направлены по иной линии развития. Используя распространенный литературный прием, Ренувье говорит о древней рукописи, в которой обнаруживаются заинтересовавшие его положения. Моральная свобода человека, по его мысли, требует отнестись к ним с полнейшей серьезностью. В альтернативной версии истории античного мира христианство не сумело утвердиться на Западе. Его основным местопребыванием становится Восток, в Европе же его влияние становится весомым, когда оно уже освобождается от чрезмерных стремлений к политическому доминированию. Таким образом, формирование народов Запада проходит под определяющим влиянием философских и моральных ценностей, исключающих религиозную нетерпимость. В «апокрифической рукописи» ключевой момент, приводящий к контрастному расхождению с известным ходом истории, связывается с эпохой Марка Аврелия. Мудрый император осознает необходимость реформ, призванных вернуть народам свободу. Инициированные им реформы продолжены его преемниками. Власти отказываются от использования профессиональных солдат, военная служба становится обязательной для всех граждан и ограничивается трехлетним сроком. Государство руководствуется оборонительной стратегией, не практикуя никаких захватов. Гражданские права распространяются на женщин и рабов. Восстанавливается республика. Воспитание выстраивается в соответствии с принципами философской морали, предусматривающими любовь ко всему человечеству и естественное равенство. В результате последующий ход событий разительно отличается от привычного изложения в учебниках истории: после эпохи крестовых

походов (направленных с Востока на Запад) возникает европейская федерация. Прекращаются торговые войны, религия очищается от фанатизма, понятие государства трактуется сквозь призму морали. Труд рассматривается не как досадная обязанность, а как главное средство самовыражения человека. Заметим, что Г. В. Флоровский очень точно характеризовал учение Ренувье: «История для него не есть развитие, но область творчества, свободного и непредопределенного, в котором созидается прежде не бывшее, а не только разворачиваются зародышевые возможности и задатки» [Флоровский 1928: 113]. В свою очередь, И. И. Блауберг вполне оправданно отмечает другую сторону теоретика неокритицизма: «Поскольку с очевидностью человек познает лишь простые феномены, все более сложное, формирующее систему убеждений, базируется на рациональной вере, непременным условием которой является свобода выбора» [Блауберг 2016: 367]. Соединяя факты и вымысел в своей интерпретации всемирной истории, Ренувье стремился обосновать, наглядно продемонстрировать реальность и действенность свободной воли человека.

Литература

Блауберг И. И. Ренувье // *Философы Франции. Словарь.* М.; СПб., 2016. С. 366–368.

Флоровский Г. В. Шарль Ренувье // *Путь.* 1928. № 14. С. 111–16.

Renouvier C. Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques. T. 1. P., 1885.

Renouvier C. Uchronie. P., 1988.

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА В РОМАНЕ ВИКТОРА СЕРЖА «КОГДА НЕТ ПРОЩЕНИЯ» (1946): ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ

Легенькова Елизавета Александровна

профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Последний роман франкоязычного писателя русского происхождения В. Сержа (1890–1947) «Когда нет прощения» (закончен в 1946 г., опубликован посмертно на французском языке в 1971 г.) создавался в последние годы жизни писателя. Апатрид, Серж родился в Бельгии. Рано увлекшись левыми политическими идеями (от анархизма до большевизма), он жил во Франции, Испании, советской России (1919–1936), Германии, Австрии (как агент III Интернационала), после бегства из СССР — снова во Франции, которую покинул в 1940 г., и закончил свой жизненный путь в Мексике, где почти полностью посвятил себя осмыслению своего опыта жизни в советской России (помимо написанных в Мексике романов об этом свидетельствуют и мексиканские записные книжки писателя). Из мексиканского далека он, читавший на шести языках, напряженно и с тревогой следил за трагическими событиями второй мировой войны в Европе, черпая информацию из газет и книг, свидетельств своих многочисленных корреспондентов, живущих в разных уголках мира. Его последний роман — взгляд лишившегося иллюзий в политической борьбе общественного деятеля, мыслителя-еретика и литератора, с горечью оценивающего провальную попытку левых сил (в их коммунистическом изводе) переделать мир, который вопреки всему не утратил романтической веры в коммунистические идеалы, преданные вождями революции. Действие романа развивается в разных странах: в Париже кануна второй мировой войны (часть 1. «Тайный агент»), в блокадном Ленинграде (часть 2. «Пламя под снегом»), в атмосфере «сумерек богов» разрушенного Берлина (часть 3. «Бригитта. молния и сирень») и, наконец, в Мексике, где герои находят свое последнее прибежище (часть 4. «Конец пути»). Странствия героев по миру повторяют скитания самого автора. Предмет нашего внимания — вторая часть романа («Пламя под снегом»), в которой одна из протагонистов оказывается в блокадном Ленинграде. Этот фрагмент романа служит примером того, как автор художественно воспроизводит события, непосредственным участником которых он не был, но не отказывается от своей писательской роли свидетеля. Изображение осажденного города в романе отнюдь не является плодом чистой умозрительности: писатель экстраполирует свой опыт переживания первой блокады города во время гражданской войны на аналогичную ситуацию 900-дневной блокады Ленинграда. Приехав во время гражданской войны в советскую Россию и попав в революционный Петроград, Серж оказался не только свидетелем, но и участником революционных событий: как сотрудник аппарата председателя Петросовета и Комитета революционной обороны Петрограда Г. Е. Зиновьева он занимался организацией жизни осажденного города. Наблюдениями за этим периодом в истории России он поделился в новаторском романе «Завоеванный город» (1932) и в своих мемуарах («Воспоминания революционера», 1942–1943). Эти наблюдения, однажды уже обретшие художественную и документальную форму, послужили материалом для воссоздания атмосферы блокады Ленинграда в последнем романе Сержа. В докладе проводятся сравнения между изображением жизни в революционном Петрограде во время гражданской войны в текстах В. Сержа начала 1930-х годов и кристаллизацией описания аналогичных событий, непосредственным свидетелем которых автор не был, в романе, написанном на излете второй мировой войны. Романы Сержа, глубокого знатока советской литературы, много сделавшего для ее популяризации на Западе в 1920-е гг. в качестве литературного критика и переводчика, по выражению Нил Корнвелл, «представляют собой, хотя и будучи написанными по-французски, лучшее из имеющихся в нашем распоряжении приближений к тому, чем бы могла стать советская литература в 30-е годы». Помимо текстов Сержа в докладе используются «человеческие документы» таких неординарных свидетелей первой и второй блокад Петрограда/Ленинграда, как В. Шкловский («Петербург в блокаде», из книги «Ход

коня», сборника статей и фельетонов, напечатанных в России в 1919–1921 гг. « в крохотной театральной газете “Жизнь искусства”») и написанные «в стол» «Записки блокадного человека» Л. Гинзбург (первая публикация: ч. 1 — 1984, ч. 2 — 1987, ч. 3 — 1989), а также исследования творчества В. Сержа российскими, европейскими и американскими учеными.

МЕЛАНХОЛИЯ КАК ХИМЕРА: ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ И «EL DESDICHADO»

Мартинес Селис Диас Сезар

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

La mélancolie chez le poète Gérard de Nerval (1808–1855) n'a pas une seule signification, mais elle devient un concept multidimensionnel, une image récurrente dans l'œuvre du poète mais aussi presque un symptôme dans sa vie. Pour en parler, il ne suffit pas d'appréhender sa poésie en ne considérant que le contexte littéraire de la mélancolie parisienne du dix-neuvième. La longue tradition mélancolique se trouve ici au milieu d'une poétique particulière qui permet sa reconstruction en utilisant des différentes caractéristiques soudées dans une combinaison qui semble propre à la figure tourmentée de Nerval. La mélancolie française du XIXème se présente assez complexe, principalement sous la conception du « spleen ». Néanmoins, il est nécessaire de faire la distinction de ce spleen, qui sera développé par d'autres poètes, parmi lesquels Charles Baudelaire porte peut-être le rôle le plus important. Ce spleen est lié à un sentiment éphémère, où il y a de la tristesse douce et de l'ennui. Il n'est pas la même « maladie » hippocratique des siècles antérieures, et il n'est pas guérissable à travers des pratiques déjà connus. Le spleen est plutôt une condition qui est vécue par quelques poètes, et il est utilisé pour la création poétique. Les poètes prennent des images traditionnelles de la mélancolie pour la représenter, mais en les appliquant dans une nouvelle perspective à la réalité quotidienne. L'image du poète mélancolique n'est pas nouvelle mais elle s'adopte et revêt un aspect approfondi pendant cette période. Pourtant, la mélancolie désignée par Nerval emprunte ces images traditionnelles et elle se concentre sur elles-mêmes. En outre, la mélancolie nervalienne ne semble si éphémère que le sentiment spleenétique. Dans ce cas-ci, la nature contradictoire et ambiguë de la mélancolie est dans le centre. Ici, il vaut la peine de mentionner le poème « El Desdichado ». Ce poème sert comme preuve pour démontrer la coexistence possible de ces éléments que habituellement appartiendraient à des identités opposés ou qui pourraient vivre sans besoin des autres. La mélancolie, ici, est un résultat créé, on peut dire fictif, à partir d'une combinaison de caractéristiques réels. Il n'est pas aléatoire que ce poème soit le premier dans une série intitulée « Les Chimères ». Dans la poésie de Nerval, la mélancolie est une autre chimère. Il fait partie, consciemment ou inconsciemment, des éléments autour de lui-même pour reconstruire une identité presque multi-corporel. « Je suis le ténébreux, le veuf, l'inconsolée », annonce dans le premier vers du poème la voix lyrique dans un essai d'établir cette identité. Chaque caractéristique possède la même importance pour la définition de la figure qui porte le nom de « Desdichado », même s'il n'est pas nécessaire de les connecter. C'est-à-dire, au même moment que tous ces mots gravitent autour de l'idée de l'absence, chacun comprend l'absence sous un jour différent: lumière, compagnie ou paix. Toutes ces absences vivent dans la même structure, bien que chaque partie soit distinguable. Mais c'est précisément la coexistence de ces caractéristiques spécifiques qui forme cette figure désormais identifiée. On se rend compte ici que ce n'est pas une mélancolie générale, mais celle qui est seulement applicable dans ce contexte spécifique. Il est absolument nécessaire de comprendre que la conciliation de toutes ces éléments se révèle, au moins dans le cas de Nerval, seulement atteignable dans la structure poétique. La mélancolie, ou peut-être plus précisément, la dépression et les crises éprouvées par le poète ne pouvaient pas résider dans un seul corps sans le déchirer. L'interruption de la vie du poète sera la preuve de cette affirmation. Ici, il ne faut pas prendre légèrement le concept de dépression non plus. Il sera plus développé dans le siècle suivant, mais pour l'instant on peut considérer que ce concept peut être utile pour faire la distinction entre les types de mélancolies. Alors, si dans la vie réelle le poète ne peut pas trouver un moyen pour la comprendre clairement, il va se servir donc aussi de la littérature pour exprimer ces sentiments compliqués. Le langage poétique permet une flexibilité unique. La mélancolie réelle ne peut pas être comprise qu'à travers ces représentations fictives, seulement à travers de la non-lumière de ce soleil noir qui habite le ciel de Nerval. Aujourd'hui, bien évidemment, il n'est pas possible de faire un diagnostic précis pour définir l'état psychologique du poète. Mais à travers ses textes on peut essayer de comprendre quels éléments réels il a utilisé pour représenter ces crises, cette dépression et cette mélancolie. On peut se servir des images fictives créés par Nerval pour comprendre sa réalité. On parle ici d'un processus similaire à celui de l'interprétation ou déchiffrement

du synecdoque. Dans chaque partie de la chimère mélancolique on trouve une partie de la totalité. Les deux mélancolies acquièrent une puissance similaire et ce n'est qu'à travers de l'une qu'on peut arriver à l'autre. Les procédés poétiques de la création de la mélancolie « fictive » dans la poésie de Nerval permettent de comprendre sa mélancolie « réelle ».

Литература

Miranda M. Leonor Bustamante. Los diagnósticos de Gerard de Nerval: La influencia de la locura en la genialidad literaria // Rev Med Chile. 2010. No. 138. C. 117–123.

Nerval G. Les filles du feu // Les Chimères. Gallimard. Paris, 2005.

Starobinski J. L'encre de la mélancolie. Points. Paris, 2015.

ТРАНСФИКЦИОНАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ СКАЗОК НА СЮЖЕТ О «СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЕ»

Патракова Ольга Николаевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

К анализу произведений на сюжет о «Спящей красавице» неоднократно обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи разных эпох. Первые литературоведческие работы, частично или полностью посвященные рассматриваемому сюжету, появляются уже в XIX в. и принадлежат преимущественно французским авторам (к примеру, Ж. Коллен де Планси, Ш. Делен, Ф. Диллей). Научный интерес к сюжету сохраняется и в XX–XXI вв., однако наиболее часто исследователи обращаются к анализу фольклорных записей сказов или же ставших классическими литературных интерпретаций сюжета Ш. Перро, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского и других авторов, тогда как современные актуализации не теряющие популярность классического нарратива в настоящее время остаются малоизученными.

В представленном докладе приводятся результаты структурно-семантического анализа современных французских сказок на сюжет о «Спящей красавице», входящих в состав сборников «Перевернутые сказки» (Contes à l'envers, 1977) Филиппа Дюма и Бориса Муассара [Dumas, Moissard, 2019: 67–81] и «Сказки в обратном направлении» (Contes à Rebours, 2016) Тифэн Дэ [Turphine D, 2018: 63–71]. Исследуется проблема трансфикционального перехода фольклорно-литературного нарратива о «Спящей красавице» в жанр современной сказки, анализируются причины и способы трансформаций классического сюжета в контексте дискурсивных моделей современной эпохи.

Выбор исследуемых текстов продиктован, с одной стороны, наличием в основе указанных сказок общего ядра, связанного с трансфикциональным переосмыслением ключевых элементов традиционного сюжета о «Спящей красавице», а с другой стороны — значительными художественными различиями исследуемых произведений, позволяющими выяснить, какие устойчивые черты позволяют сюжету не только перейти из фольклора в литературу, но и оставаться востребованным в разных культурах в течение многих веков. Сохраняя семантическое ядро, всякий раз архаичный сюжет-палимпсест наделяется новыми структурными и семантическими чертами, актуализирующими его значимость в той или иной культурно-исторической парадигме.

Принцип «инверсии», «перевернутости» ложится в основу современных литературных сказок, однако его репрезентация и смысловая наполненность значительно отличаются в двух исследованных текстах. Сюжет о «Спящей красавице» в сказке Ф. Дюма и Б. Муассара изобилует интертекстуальными отсылками к предшествующим нарративам, наиболее эксплицитные цитаты отсылают читателя к сказке Перро, но при этом действие сказки развивается в современной авторам Франции. Поступки персонажей, с одной стороны, воспроизводят традиционную сюжетную схему, с другой стороны — являются своеобразным элементом автореференции, отражая осознаваемую героями функциональную «предопределенность» их собственного существования. Общий юмористический тон сказки и присутствие в тексте иронических отсылок к реалиям современной эпохи позволяют авторам не только расширить возрастной круг читательской аудитории, но и затронуть ряд социально-философских вопросов, не выходя за рамки сказочного, волшебного. «Перевернутые сказки» не дают ответов на имплицитно заданные вопросы, точка зрения нарратора меняется с развитием сюжета, что вовлекает читателя в своего рода игру перевернутых смыслов.

В «Сказках в обратном направлении» принцип «инверсии» функционирует иначе. Автор в буквальном смысле «переписывает» классический сюжет, оспаривая легитимность и значимость последнего, исходя из собственных феминистических постулатов. Героини Тифэн Дэ, в том числе и Спящая красавица, в классическом смысле трансфикциональны, поскольку являются не новыми воплощениями известных персонажей, а непосредственно персонажами классических сюжетов, помещенными в иной нарратив и наделенными правом «перерассказать»

традиционную сказку о них самих. Классический сюжет о Спящей красавице предстает в истории Тифэн Дэ как ложный, рассказанный принцем из корыстных побуждений, тогда как смена фокализации и наделение самой героини правом голоса позволяют создать иную историю, где «поцелуй любви» из спасительного средства превращается в травмирующий опыт, а традиционный конец истории становится началом новой, по мнению автора более справедливой сказки. Концепты травмы и женского героизма являются семантическим ядром всех историй, вошедших в сборник Тифэн Дэ, а сами вновь созданные сказки становятся для автора своего рода историями происхождения и развития тех или иных элементов социокультурной реальности, что подтверждается многочисленными вкраплениями исторических и биографических фактов в ткань художественного вымысла.

Литература

- Dumas Ph., Moissard B.* «La Belle Histoire de Blanche-Neige», «La Belle au doigt bruyant» // *Contes à l'envers.* Paris, 2019. P. 9–23; 67–81.
- Typhaine D.* «Blanche Neige», «La Belle au Bois Éveillée» // *Contes à Rebours.* Wrocław, 2018. P. 25–31; 63–71.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Рябова Людмила Константиновна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Принятая в настоящее время в исторических исследованиях междисциплинарность предполагает, в том числе обращение к художественной литературе как историческому источнику. Востребованность художественного текста обусловлено рядом факторов: «недоверием» к глобальным историческим построениям (метанарративам); поиском новых «объяснительных стратегий» и объектов исследования; «открытием» (для постсоветского времени) ранее неизвестных произведений русских и зарубежных авторов; появлением такого направления в методологии истории, как «новый историзм» [Анисимова 2010; Greenblatt, Gallagher 2000]. Возникшее в США в 80-х годах XX века и сформулированное С. Гринблаттом, это направление предлагает литературоведам и историкам не разделять «историчность текстов» и «текстуальность истории». По сути, речь идет о проверке/уточнении знания, полученного в результате исторического исследования, посредством насыщения его знанием, полученным из литературных источников. Примером такого синтеза может служить вышедшая в 2021 г. «Новая литературная история Америки» [Новая литературная история Америки 2021].

Вместе с тем реконструкция истории на основе художественного нарратива порождает ряд вопросов, среди которых наиболее сложный был поставлен Ф. Анкерсмитом в статье «Правда в литературе и истории» [Ankersmit 2010]. Исходя из тезиса о том, что «роман выражает истины о человеке», Анкерсмит показывает, что в различных культурах и литературных традициях эти истины могут сильно различаться. Так, сопоставляя англосаксонский роман (объективистский, экстерналистский) и французский роман (субъективный и интерналистский), он заключает, что существуют разные типы истины, что находит отражение также и в историческом сочинении. Более того, поиск единственной истины в научной историографии, по его мнению, ведет к фрагментации знания о прошлом, «измельчению исторического образа в результате все возрастающей специализации» [Ankersmit 2010 : 8]. Последнее, по мнению Анкерсмита, есть результат расхождения истории и литературы, которое он рассматривает как трагическое развитие обоих жанров. «В пустоте — а роман и история разошлись, — возникла традиция, которая в некотором смысле заполнила ее. Я имею в виду психоанализ. «...» Можно утверждать, что психоанализ устраняет дисбалансы между романами и историографией» [Ankersmit 2010 : 10].

Концепция Ф. Анкерсмита, хотя и вызывающая ряд возражений, тем не менее, находит свое подтверждение как в исторических исследованиях последних лет (обращение к несобытийной истории, например, к истории эмоций), так и в художественной литературе (например, роман Д. Томаса «Белый отель» или «Кларкенвельские рассказы» П. Акройда).

Проблема истины в истории и литературе не исчерпывает круг вопросов, связанных с их взаимодействием в научном поле. Говоря о методологии истории, следует отметить неизбежность обращения к художественным текстам как к составной части объяснительной стратегии историка. Блестящим примером здесь может стать философский анализ русской революции, предпринятый Н. А. Бердяевым в работе «Духи русской революции», источниками для объяснения причин которой послужили произведения Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Другим знаковым явлением в историографии следует назвать труд М. Оссовской «Рыцарь и буржуа», где на текстах европейских хроник и иных нарративов исследуется процесс формирования западной морали и этических принципов от Средневековья к Новому времени. Эта работа в значительной степени может объяснить тот ментальный разрыв, который свойственен бинарной оппозиции «Россия-Запад», в частности становится очевидным результат отсутствия в русской истории эпохи рыцарства, пришедшейся по времени на период татаро-монгольского ига. В данном случае рыцарский эпос, куртуазные романы стали для польской исследовательницы основными источниками сугубо академического повествования. Не менее органично художественные тексты вписываются в сочинение М. К. Любарт «Семья во французском обществе. XVIII–XX вв.». Перечень работ в области истории, культурной антропологии,

интеллектуальной истории, где предпринят анализ и синтез текстов из сопредельных областей, может быть достаточно объемный и разнообразный.

Исторической репрезентация, в которой присутствует художественный текст или которая полностью основана на художественном тексте, предполагает следование целому ряду методологических установок, что есть уже предмет методологии истории. При этом не утрачивает своего значения простой и ясный тезис В. Г. Белинского о том, что история показывает, что было, а литература — как было.

Литература

Анисимова А. Э. «Новый историзм»: Науковедческий анализ. М., 2010.

Новая литературная история Америки / под ред. *Грейла Маркуса и Вернера Соллорса* / пер. с англ. М., 2021.

Ankersmit F. Truth in Literature and History // Narrative. 2010. Vol. 18, no. 1.

Greenblatt S., Gallagher C. Practicing the New Historicism. L., Chicago, 2000.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Смирнова Алла Николаевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

До определенного времени главной и единственной функцией перевода являлась функция просветительская. Читателям были необходимы информация и знания, они хотели учиться, познавать мир, формировать собственные суждения. Со временем приходит осознание, что «долг истинного переводчика состоит не только в том, чтобы верно передать содержание его автора, но и в некоторой степени представить его, повторив, подобно тени, форму стиля и манеру речи» (Ж. Амио).

Все большее значение приобретает другая функция перевода — эстетическая. Переводчики начинают заботиться не только о смысле, но и о форме, лингвистической характеристике оригинала. С этого осознания и начинается то, что мы сейчас называем художественным переводом. Тот факт, что литературный перевод сам становится темой художественной литературы, свидетельствует об изменении его статуса.

Гуманист, поэт, переводчик французского Возрождения Жак Пеллетье дю Ман (XVI век) в сонете «К переводчику» писал о необходимости «вдохнуть в слепок жизнь оригинала» и о недооцененности роли того, «кто влил в уста Петрарки речь француза».

В XVIII веке приходит конец цивилизаторской миссии перевода. Для рационалистов важнее создавать новое, прогрессировать, а не переводить. В доказательство этой точки зрения можно привести отрывок из «Персидских писем» одного из виднейших просветителей, Монтескье, в котором геометр говорит переводчику: «Вы уже двадцать лет не думаете, сударь? Вы говорите за других, а они за вас думают?» И далее: «Переводы — все равно, что медные монеты, которые могут представлять собою ту же ценность, что и червонец, и даже имеют большее хождение в народе, но они всегда неполновесны и низкопробны». И хотя вряд ли это мнение самого Монтескье — следует принять во внимание сатирический характер произведения, а также тот факт, что в авторском предисловии имеется указание на то, что читатель имеет дело с переводом, «Письма» якобы написаны на персидском языке — это высказывание, тем не менее, отражает бытовавшее в Европе долгие годы представление о переводе как о нетворческом акте. Когда в Belle Epoque вышло новое издание «Тысяча и одной ночи» в переводе Жозефа-Шарля Мардруса, названное самым полным и верным, в обществе разгорелись споры. Критики отмечали, насколько выгодно отличается этот «единственно достоверный перевод» от галлановского, вышедшего в XVIII в., «слишком французского и слишком отмеченного стилем эпохи». Оба самых известных перевода арабских сказок несут на себе печать своего времени. Если версия Галлана отвечает требованиям классической эстетики, когда литература (в том числе и переводная) ценилась не оригинальностью, а подражанием древним, то перевод Мардруса является, по сути дела, воссозданием, в соответствии с декадентским и светским духом Бель Эпок, волнующих и чувственных изысков экзотического востока. Эти разговоры нашли отражение и в эпопее Пруста. Сравнивая две версии сказок «Тысячи и одной ночи», мать Повествователя в разговоре с сыном предпочитает сглаженный перевод Антуана Галлана более точному и грубому современному переводу Жозефа-Шарля Мардруса. Сам Пруст «вырос» на переводе Галлана, которого прочел еще в детстве, и в своей эпопее подробно описывает удивление бабушки, увидевший измененные имена персонажей. Повествователь избегает прямых оценочных суждений по этому вопросу (возможно, не желая вступать в полемику с мамой и бабушкой), но видно, что он испытывает к проблеме профессиональный интерес. Вообще, тема перевода — один из редких примеров в романе, когда герой полностью сливается с автором. В «Обретенном времени» он замечает, что «Долг и задача писателя сродни долгу и задаче переводчика (...) Я осознавал, что эту главную, единственную настоящую книгу крупному писателю не приходится сочинять в прямом смысле этого слова, потому что она существует уже в каждом из нас, он должен просто перевести ее».

В Belle Epoque споры о национальном и интернациональном в искусстве вели не только критики и журналисты. Подобного рода дискуссии можно было встретить на страницах художественной литературы того времени. Стержнем этих дискуссий являлся литературный «импорт», а точнее — вопрос о том, можно ли в принципе понять иностранного автора. Разговоры персонажей романа Поля Морана «Сумасброды» четко отражают два полюса мнений, бытовавших в ту эпоху, относительно роли и воздействия иностранной литературы. Одни убеждены, что «искусство должно быть национальным, а если Бодлер ценится иностранцами, это означает, что он второстепенный писатель, поскольку только те великие французские поэты могут считаться таковыми, которые остаются неизвестными за нашими границами». Другие же считают, что «в наши дни всякая мысль, всякая форма красоты, если они по-настоящему новы и интересны, обязаны облачиться в универсальные одежды, только посредственные идеи остаются достоянием одной нации».

Таким образом, мы видим, что проблемы перевода и рецепции иностранной литературы находят отражение не только в научных работах, но и в беллетристике.

ИГРА С ДНЕВНИКОВОЙ ФОРМОЙ В «ЗАПИСКАХ СЕЛЬСКОГО ВРАЧА» АНАТОЛЯ ФРАНСА

Тулякова Наталья Александровна

доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург

Никитина Наталья Александровна

старший преподаватель, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

«Записки сельского врача» (*Le Manuscrit d'un médecin de village*) Анатоля Франса (1886) написаны в форме дневника (*un journal*), подвергнутого своего рода цензуре. В настоящем докладе будут проанализированы особенности представления дневниковой формы в рассказе, которые влекут за собой многочисленные повествовательные и логические противоречия в тексте.

В небольшом предисловии вымышленный нарратор (издатель) признается в том, что публикует «последние страницы» дневника (*les dernières pages de son journal*) недавно умершего доктора, не предназначенные для печати, и попутно делает несколько замечаний метатекстуального характера относительно оправданности такой публикации. Сам отрывок имеет подзаголовок «*Extrait du Journal de feu M. H***, médecin à Servigny (Aisne)*». Таким образом, текст фактически имеет два жанровых определения: *manuscrit* и *journal* и два заглавия.

Сама организация текста, тем не менее, не имеет ничего общего с дневниковой формой. Текст не разделен по дням, представляет собой единую запись, датировка отсутствует, структура текста не соответствует дневниковой. Доктор начинает не с описания события, а с общих рассуждений о своей жизненной и профессиональной философии. Далее он рассказывает годичной давности историю болезни и смерти крестьянского мальчика Элуа Блена. Врач описывает внешность и характер своих героев (Элуа и его родителей), рассказывает о своем отношении к мальчику, то есть делает адресатом не самого себя (как можно ожидать от дневника), а стороннего читателя. Элуа Блен тревожит воображение доктора, так как его личность не укладывается в научные и рационалистические представления: в то время как родители Элуа — самые заурядные крестьяне, их маленький сын очень умен и обладает задатками выдающегося инженера, даже внешне выделяясь из своего окружения. Доктор не может объяснить себе этого явления, достигающего апогея во время болезненного бреда мальчика, которому представляется, что он управляет воздушным шаром. Станным кажется доктору и собственное восприятие этой истории: обычно не испытывающий жалости к своим пациентам, он остро переживает смерть Элуа и свою неспособность спасти его. Далее повествование резко переносится на год вперед, и мы узнаем, что доктор случайно увидел детский портрет Андре-Мари Ампера, необычайно похожий на покойного Элуа. Становится очевидным, что вся запись сделана под влиянием обнаруженного сходства, заставившего врача сказать себе: «*En ce moment-là, j'eus la, j'eus la notion exacte et la mesure certaine de ce que la mort avait détruit un auparavant dans la ferme des Alies*». На этом дневниковая запись обрывается, и доктор не объясняет, что же он понял: читатель вынужден сам интерпретировать эту фразу. Таким образом, заявленная издателем форма дневника оказывается мистификацией: рассказ представляет собой не хронологический отчет о событиях, а ретроспективное изложение с открытым финалом. Запись обрывается неожиданно и по непонятной причине; читатель знает, что врач умер, но не знает, через какое время после описываемых событий. Более ранние записи врача не приводятся, поэтому читатель не может судить ни о личности автора дневника, ни о стиле его ведения, который в предисловии издатель называет «*rusticité monotone*». Текст представляет собой очерковую, а не дневниковую форму. Однако и этот тип повествовательной организации не остается без изменений. Продуманное, аргументированное введение входит в контраст с резкой, неожиданной концовкой. Во введении доктор излагает два основных тезиса, ставших итогом его профессиональной деятельности и жизненных наблюдений: врач не должен руководствоваться жалостью при лечении больного,

крестьяне все похожи один на другого. Эпизод болезни и смерти Элуа противоречит этим аргументированным предпосылкам: Элуа не похож на своих сверстников, а доктор испытывает сильные страдания, не имея возможности помочь ему. Отношения тезиса и аргумента, таким образом, входят в противоречие. Более того, исходя из текста, решительно невозможно понять, подтверждает или опровергает идею о причудливости наследственности, высказываемую доктором, случай с Элуа. В контексте прежних рассуждений о наследственности физическое сходство между Ампером и Элуа Бленом, а также явный инженерный талант последнего может свидетельствовать о наличии родственных связей между ними и таким образом подтверждает изначальное научное знание доктора. В то же время заключение доктора может иметь объяснение в духе метампсихоза и мистики. Подобная двойственность трактовки описываемых событий, а также игра с повествовательной формой характерны для цикла «Перламутровый ларец» (1892), куда Франс помещает рассказ. Автор остается верен себе в представлении о многомерности истины и невозможности постичь ее, находясь на одной точке зрения. Читатель остается в неведении, сменил ли сельский доктор в конце жизненного пути свое видение мира или, наоборот, утвердился в нем. В любом случае, повествование обрывается, так как истина принципиально невыразима в слове. Высказанная в предисловии идея о том, что «pour dire des choses intéressantes, il ne suffit pas, quoi qu'on dise, de n'être pas un écrivain», очевидно, не соответствует сложной организации текста. Это противоречие создает образ не слишком умелого мистификатора, уже встречавшийся в цикле «Перламутровый ларец», и подчеркивает фикциональную природу текста. Как и во всем цикле, в «Записках сельского врача» Франс вовлекает читателя в игру с формой и со смыслами в попытке осознать неуловимую истину.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ,
БИБЛЕИСТИКА,
НЕОЭЛЛИНИСТИКА,
БАЛКАНИСТИКА

КОНСТРУКЦИИ С ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ МАРКЕР ГОМИЛИЙ ЛЕОНТИЯ ПРЕСВИТЕРА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

CONSTRUCTIONS WITH AN ADJECTIVE AS A STYLISTIC MARKER FOR THE HOMILIES OF LEONTIUS THE PRESBYTER OF CONSTANTINOPLE

Асмус Михаил Валентинович

старший преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Вторая половина XX века существенно продвинула вперед научное знание о Леонтии пресвитере Константинопольском, но не разрешила ключевых вопросов: состава и датировки корпуса (вопрос историчности этого безвестного историка автора напрямую связан с двумя ключевыми вопросами). Комплексный анализ гомилетического наследия Леонтия пресвитера Константинопольского, осуществленный автором доклада в 2019–2020 гг., позволил более аргументированно отстаивать гипотезу о расширенном составе корпуса. Показательными стали и подготовка *editio princeps* трех неизданных гомилий Леонтия (две опубликованы в 2020 и 2021 гг., последняя ожидает печати) и учет их критического текста в анализе.

В решении вопроса состава корпуса на первом месте по значимости остается филологический анализ. Ранее в науке рассматривались стилемы Леонтия (М. Сашо, С. Войку), неологизмы и редкие слова (М. Обино). На недостаточность этих критериев указывала противоборствующая научная гипотеза (К. Датема, П. Аллен) о кратком составе корпуса.

В рамках вышеупомянутого комплексного анализа нами впервые было проведено наблюдение за конструкциями с прилагательным, которым Леонтий нередко отдает предпочтение перед классическими конструкциями с существительным. Помимо простых случаев выражения принадлежности (напр., ἡ θεϊκὴ παρουσία в м. ἡ τοῦ θεοῦ παρουσία; τῆ δεσποτικῆ χάριτι в м. τῆ τοῦ δεσπότητος χάριτι; τὴν ψυχικὴν ἀπώλειαν в м. τὴν τῶν ψυχῶν ἀπώλειαν и т. д.), обнаружены и случаи более сложных отношений (напр., места: ἐν τῷ βαλτίσματι τῷ Ἰορδανιαίῳ в м. ἐν τῷ Ἰορδάνῃ; образа действия: τὰ οἰκονομικὰ δάκρυα в м. κατ'οἰκονομίαν; содержания: τῆ ἀνύδρω ἀποφάσει в м. περὶ τῆς ἀνυδρίας; объекта: διὰ τὸν Φαρισαϊκὸν φόβον в м. πρὸς τοὺς Φαρισαίους и т. д.).

В этой же языковой парадигме, хотя и в значительно меньшем объеме, Леонтий использует причастие вместо стандартной конструкции с существительным (напр., ἰουδαϊκῶς βρωμοῦσιν в м. ὡς Ἰουδαῖοι; οἱ ψυχικῶς τυφλώττοντες πρὸς τὸν σωματικῶς ἀναβλέψαντα в м. ταῖς ψυχαῖς, τῷ σώματι; υἱὸς οἰκονομικῶς προσεύχεται в м. κατ'οἰκονομίαν; ἐν τῇ Ἱερουσαλὴμ ἐπερωτηματικῶς βῶντων в м. μετὰ ἐπερωτήματος).

В своем предпочтении Леонтий не останавливается на широкоупотребительных прилагательных и наречиях, но и обращается к редким или даже изобретает новые: *ἀμαρτωλοποιός, *βαλτισμαῖος, *γλωττιαῖος/*γλώττιος, драконτιαῖος, ἐπερωτηματικῶς, *Ἰορδανιαῖος, *καθηγητικός, μετανοητικός, **μετανοητικῶς, πραγματευτικός, (1)Σολομωνιακός, (1)σταυριαῖος, **ταφιαῖος, Φαραώνιος (* — *hарах legomena*, известные словарям, ** — *hарах legomena*, не зафиксированные словарями, (1) — первое употребление). Как видно, нашему словотворцу был больше по душе художественно зияющий формант -(i)αῖος.

Частотность употребления напрямую зависит от тематики гомилий Леонтия. Наиболее частотные прилагательные — δεσποτικός и βασιλικός — связаны с излюбленным наименованием Христа ὁ δεσπότης Χριστός и с темой царской власти, как в богословском и историческом ключе, так и в рамках метафоры. Следующими по частотности являются σταυριαῖος/σταυρικός и παρθενικός, отражающие место Креста и Богоматери в мысли Леонтия. (Частотное прилагательное θεϊκός/θεῖος мы считаем не вполне релевантным для интересующих нас случаев, у Леон-

тия оно постепенно становится клишированным эпитетом, например: *θεία γραφή*, *θεία μυστήρια* и т. п.). Далее идут *σωματικός / σωματικῶς* и *ψυχικός / ψυχικῶς* в силу нравственной подоплеки и термины родства *πατρικός / πατρῶος* и *μητρικός / μητρῶος*. Замыкают ряд прилагательные от имен собственных, от терминов античной науки и собственные неологизмы, приведенные выше.

Почти все эти прилагательные достаточно просты в своем значении. Сложности для интерпретации возникли только с прил. *τροπικός* и *οἰκονομικός* и их наречиями. Для разъяснения их значения необходим сопоставительный анализ с христологической терминологией эпохи, в первую очередь, со свт. Кириллом Александрийским.

Хотя конструкций с существительным у Леонтия более чем достаточно, очевидна авторская тенденция к их замене конструкциями с прилагательным или наречием для облегчения фактуры (упразднение артиклей и предлогов) и придания большей округлости речи. Из 38 гомилий таких конструкций нет только в № 20 и № 38 (текстологический анализ этих двух гомилий по рукописям еще не проводился). Однако анализ рукописной традиции, выполненный нами при подготовке к публикации *editio princeps* гомилии №34, показал, что редакторы периодически пытались «вернуть» в авторский текст конструкции с существительным, чтобы нивелировать авторскую стилистику, лишить ее индивидуальности.

Таким образом, можно утверждать, что употребление конструкций с прилагательным и наречием на месте привычных конструкций с существительным являются одним из значимых стилистических маркеров гомилий Леонтия, свидетельствующим в пользу подлинности расширенного состава. Тщательный текстологический анализ всего корпуса, а также обратные реконструкции средневековых переводов Леонтия, возможно, дадут еще больше материала для этого критерия.

КАК НАЧАТЬ ПИСЬМО? ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЯ В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПИСТОЛОГРАФИИ

HOW TO START A LETTER? SALUTATION FORMULAE IN LATE BYZANTINE EPISTOLOGRAPHY

Черноглазов Дмитрий Александрович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Многие греческие письма поздневизантийской эпохи (XIII–XV вв.) открываются приветственной формулой. Как правило, такая формула включает имя автора, имя адресата и обращенное к нему доброе пожелание. В простейшем виде приветствие выглядит так: ὁ δεῖνα τῷ δεῖνι χαίρειν ‘Такой-то такому-то желает здравствовать’. Однако помимо этой лаконичной формулы, известной еще со времен античности, употребляются и более сложные и пространные приветствия, занимающие до десяти строк современного издания.

Задача настоящего доклада — выявить основные типы приветственной формулы, предусмотренные эпистолярным этикетом Палеологовского периода, и определить меру их зависимости от предшествующей традиции. Такая задача представляется весьма актуальной: если формальные элементы позднеантичного и ранневизантийского письма (до V–VI вв.) — внешняя надпись, формулы приветствия и завершения письма — становились предметом детальных исследований, эпистолография средне- и поздневизантийского периода в этом аспекте почти не изучалась. Тогда как письма средневизантийского периода дошли до нас, в основном, без формальных элементов (при копировании письма в сборник они обычно опускались), из писем Палеологовского времени, особенно XV в., многие сохранились полностью. Кроме того, от этой эпохи до нас дошли сборники эпистолярных образцов и письмовники т. н. «канцелярского» типа, трактовавшие о формальных аспектах письма, в первую очередь о формулах приветствия, напр. собрание образцов писем и документов, сохранившееся в рукописи Vat. Palat. gr. 367 («Кипрское собрание») и «Новое изложение» — учебник по ведению официальной корреспонденции. Исследование писем, эпистолярных образцов и эпистолярной теории Палеологовского периода позволяет выявить несколько наиболее распространенных типов формул приветствия.

1. ὁ δεῖνα τῷ δεῖνι χαίρειν.

В простейшем варианте формула включает имя автора в ном., имя адресата в dat. и инфинитив χαίρειν ‘радоваться’ или εὖ πράττειν ‘благоденствовать’. Напр., в письме Феодора Газы: Θεόδωρος Δημητρίῳ εὖ πράττειν. ‘Феодор Димитрию [желает] благоденствовать’.

Формула, восходящая к античности, широко употребляется авторами Палеологовской эпохи, такими как Константин Акрополит, Исидор Киевский, Мануил Хрисолора, Виссарион Никейский, Феодор Газа и др. В докладе рассматриваются различные варианты этой формулы. Анализируется, чем мог быть обусловлен выбор глагола — χαίρειν, εὖ πράττειν или более редких вариантов, напр., φιλοσοφεῖν.

2. τῷ δεῖνι ὁ δεῖνα χαίρειν.

Формула содержит те же элементы, но в другом порядке — сначала имя адресата в dat., а затем имя автора в ном. Такая инверсия имела глубокий смысл: отказ автора ставить свое имя на первое место понимался как знак христианского смирения. Формула редко употреблялась в простейшем варианте — как, правило, она содержала почтительные эпитеты адресата и уничижительные определения автора, напр.: Τῷ πανιερωτάτῳ μητροπολίτῃ Ἀπαμείας Μιχαὴλ ἁμαρτωλὸς ἱερομόναχος χαίρειν ‘Всесвятейшему митрополиту Апамеи Михаилу грешный иеромонах Михаил [желает] здравствовать’.

Если в ранневизантийскую эпоху эта формула преобладала над предыдущей как ее христианский аналог, то в XIII–XV вв. она встречается реже. Она зафиксирована, напр., в письмах Мануила Гавалы, Иоанна Хортасмена, Феодора Газы и Геннадия Схолария.

3. Formula valetudinis initialis.

Как правило, формула включает обращение к адресату в voc., молитву к Богу о здравии адресата и сообщение о собственном здравии. Напр.: Ἐνδοξότατε... καὶ ἐμοὶ ποθεινότατε ἀδελφε καὶ κατὰ πνεῦμα υἱὲ κῦρ Γεώργιε, εὐχομαι τῷ Θεῷ υἰαίνειν σε ψυχῇ τε καὶ σώματι καὶ ἐπὶ πᾶσιν ἔχειν καλῶς· οὗ τῷ ἐλέει καὶ αὐτὸς υἰαίνω μετρίως τῷ σώματι. 'Почтеннейший... и мною возлюбленный брат и по духу сын господин Георгий! Молюсь Богу, чтобы ты душою и телом здравствовал и во всем преуспевал. Милостию Бога и сам я достаточно здоров.'

Широко распространенная в античной греческой эпистолографии, formula valetudinis почти не встречается в известных нам письмах ранне- и средневизантийской эпохи, а затем неожиданно «возвращается» начиная с XII–XIII вв. В палеологовскую эпоху она фиксируется в письмах Исидора Главы, Геннадия Схолария, Марка Евгеника, Франческо Филельфо, а также в образцах писем из «Кипрского собрания» и «Нового изложения». В докладе анализируется механизм преемственности между античной formula valetudinis и ее поздневизантийским аналогом. Рассматриваются разнообразные варианты формулы в письмах Палеологовской эпохи, анализируются этикетные нормы их употребления.

4. Formula valetudinis + χαίρειν.

Автор обращается к адресату в voc., желает ему «здравствовать» (υἰαίνειν) и «радоваться» (χαίρειν) и сообщает о собственном здоровье. Напр.: Πανσέβαστε σεβαστέ..., ἐμοὶ δὲ αὐθέντα καὶ ἀδελφέ· ἐλπίζω εἰς τὸν Θεὸν υἰαίνειν καὶ χαίρειν τὴν εὐγένειάν σου... καὶ τοὺς ἐχθροὺς σου τροποῦσθαι ὑπὸ Θεοῦ δυνατούμενος. καὶ ἡμεῖς τῷ ἐλέει τοῦ Θεοῦ καὶ τῇ σῇ καθαρωτάτῃ ἀγάπῃ υἰῶς ἔχομεν. 'Всепочтенный севаст... для меня же владыко и брат! Уповаю на Бога, что твое благородие здравствует, радуется и, укрепляемое Богом, обращает в бегство врагов. По милости Божией и твоей чистейшей любви здоровы и мы'. Подобное соединение двух приветственных формул обнаруживается лишь в античных письмах, сохранившихся на папирусах, и в образцах писем XIII–XIV вв., дошедших до нас в «Кипрском собрании» и в «Новом изложении». В докладе ставится вопрос о зависимости поздневизантийской нормы от античной традиции.

Анализ приветственных формул в письмах Палеологовской эпохи приводит к двум общим выводам:

1. Эпистолографы располагали обширным арсеналом формул приветствия. Выбор подходящей формулы мог быть обусловлен как социальным положением корреспондентов, так и эстетическими предпочтениями автора.

2. Приветственные формулы Палеологовской эпохи свидетельствуют о консервативности византийского эпистолярного этикета. Все формулы, зафиксированные в письмах XIII–XV вв., в той или иной мере восходят античной традиции, существовавшей еще в эпоху эллинизма.

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

FORMATION OF OLD RUSSIAN LOGICAL TERMINOLOGY

Тоноян Лариса Грачи́ковна

научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия

Предварительной предпосылкой для возникновения древнерусской логической терминологии было, несомненно, создание свв. Кириллом и Мефодием славянской письменности с целью перевода Священного Писания на языки славян. Перевод, по преданию, был начат с Евангелия от Иоанна, в котором Иоанн Богослов наименовал третье Лицо Троицы Логосом, а св. Кирилл перевел Логос как Слово. В дальнейшей истории древнерусской литературы мы выделим следующие сочинения, в которых можно проследить возникновение славянской логической терминологии:

1. Славянские переводы «Диалектики» св. Иоанна Дамаскина.
2. «Изборник» кн. Святослава.
3. «Логика жидовствующих».
4. Переводы кн. Андрея Курбского.

1. «Диалектика» («Философские главы» из «Источника знаний») Иоанна Дамаскина ввела в мировоззрение древней Руси универсальные основы логики. Переводы «Диалектики» с греческого на славянский язык были распространены на территории Руси начиная с XI в., а сам сборник считался одной из основных и наиболее авторитетных книг вплоть до XVIII ст. Древнейший перевод с греческого на славянский язык сделан в X в., по-видимому, экзархом Болгарским Иоанном. Кроме переводов на славянский, имеются переводы на современный русский язык и значительное количество критической литературы об этом сочинении.

2. «Изборник» Святослава (1073, 1076) — один из первых сборников, в котором мы встречаем логические термины, переведенные с греческого на славянский язык. «Изборник Святослава» составлен дьяком Иоанном для Черниговского князя Святослава Ярославича на основе книг, входивших в библиотеку, собранную, по-видимому, еще при отце Святослава великом князе Ярославе Мудром. В «Изборнике» содержится более 380 статей, принадлежащих 25 авторитетнейшим византийским авторам. Есть в «Изборнике» и «философские статьи», в частности, посвященные категориям сущего («суштие»), природы («естьства»), лица («собьства»), ипостаси и др. Также излагается учение Аристотеля о 10 категориях («оглаголаниихъ»).

3. В конце XV столетия на Руси, в Киеве, в Новгороде и в Москве появились переводы на славянский с еврейского языка. Эти сочинения объединены названием «Логика жидовствующих». В них представлена арабо-еврейская версия логики Аристотеля. Авторство этих сочинений долгое время оспаривалось. В настоящее время считается, что «Логика Авиасафа» (рукопись датируется 1483г.) является переводом части сочинения «Стремления философов» арабского мыслителя Аль-Газали (1059–1111), а в основе второго текста под названием «Книга, глаголемая логика» лежит «Логика» Моисея Маймонида (1135–1204), созданная под влиянием «Логики Авиасафа». Оба философа написали эти трактаты на арабском языке, позже они переведены на еврейский, поэтому в переводах на славянский язык присутствуют гебраизмы. Перевод сделан, скорее всего, самими новгородско-московскими еретиками — «жидовствующими», членами кружка «книжников», основанного прибывшим из Киева «жидовином Схарием». В обоих текстах большое внимание уделено разъяснению терминов и их классификации, проведенной Порфирием. В совокупности в этих двух сочинениях встречается примерно 150 логико-семантических терминов. Большой интерес представляет латинско-древнерусско-русский словарь логических терминов (50 единиц) [Симонов, Стяжкин 1977: 143], который составлен главным образом на основе трактата «Книга, глаголемая логика» и соответствующей работы Маймонида в латинском переводе (*Vocabularium logicae*) [Воробьев 2019: 225]. В сравнении с много-

численными списками (200 рукописей) «Диалектики» Дамаскина «Логика жидовствующих» не имела широкого распространения («Книга...» осталась в нескольких рукописях, «Логика Авиасафа — в одной), в первую очередь, из-за того, что считалась сектантской литературой, а во вторую, вследствие того, что, будучи двойным переводом (с арабского на еврейский язык, а потом с еврейского языка на славянский), эта литература не имела переводческой традиции и была для читателей неудобопонятна (например, такие слова как «егдачество», «душевенство» и др. не встречаются у древнерусских книжников). К счастью, имеется русский перевод «Логики Авиасафа», сделанный выдающимся ученым В. П. Зубовым (1900–1963) с корректировкой по еврейским и латинским параллелям, облегчающий знакомство с этим памятником. Недавно он опубликован дочерью ученого М. В. Зубовой [Зубов 2019]. Несмотря на отличия, терминологическая система «Логики Авиасафа» типологически сопоставима с «Диалектикой» Дамаскина, поскольку имеет основным источником логику Аристотеля.

4. В XVI в. князь Андрей Курбский (1528–1583) выполнил с помощниками новый перевод «Диалектики» Иоанна Дамаскина, правда, не с греческого, а с латинского языка. Перевод этот ближе к русскому языку, но тоже не следует прежней переводческой традиции. Андрей Курбский называл себя учеником Максима Грека, но в Литве начал изучать латинский, с которого и стал переводить «Диалектику» Дамаскина. Трудности перевода подвигли Андрея Курбского перевести и издать первую на русском языке печатную книгу по логике, вышедшую в 1586 г.: «От другие диалектики Иона Спанинбергера о силогизме вытолковано». Князь сопроводил ее краткими послесловиями «Сказ Андрея чего ради сии написаны» и здесь же «Андрея Курпского сказ о логике», и даже отдельное «Сказание о древе Порфирия» с рисунком дерева и его разбором. На примере Древа Порфирия, которое присутствует во всех указанных сочинениях, можно сравнить перечисленные переводы и выявить их особенности и взаимовлияние.

Литература

- Воробьев В. В. Логические трактаты в «Ереси жидовствующих» // Логико-философские штудии. Т. 17. Вып. 3. СПб, 2019. С. 222–226.
- Зубов В. П. Логика Авиасафа // Труды по истории религиозно-философской мысли и науки Древней Руси. М., 2019. С. 40–198.
- Симонов Р. А., Стяжкин Н. И. Историко-логический обзор древнерусских текстов «Книга, глаголемая логика» и «Логика Авиасафа» // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1977. № 5: 132–143.

ИОАНН ДАМАСКИН. ДИАЛЕКТИКА: ОБНОВЛЕННЫЙ ПЕРЕВОД, ГЛАВЫ 6, 7, 8, 9

JOHN DAMASCENE. DIALECTICA: A NEW TRANSLATION. CHAPTERS 6, 7, 8, 9

Воробьев Валерий Владимирович

научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия

В докладе представлен обновленный перевод на современный русский язык глав 6, 7, 8, 9 «Диалектики» Иоанна Дамаскина. Эта тема уже рассматривалась в наших исследованиях, что отражено в публикациях. Например, в [Воробьев, 2022] где подробно изложена соответствующая проблематика (обновленный перевод главы пятой), поскольку именно в главе пятой Иоанн впервые в «Диалектике» вводит логические термины из сочинений Аристотеля, Порфирия и Аммония Гермия (прямо на них не ссылаясь). Эти термины и используются им в дальнейшем изложении. В докладе мы будем применять эти новые варианты переводов терминов, предложенные нами ранее в обновленном переводе главы пятой (а также и в других местах). При этом термины в новом переводе будут выделены (курсивом при дальнейшей публикации), проведены некоторые редакционные сокращения, достаточно большие фрагменты текста, в которых новые термины не встречаются, будем пропускать, греческие оригиналы терминов будут опускаться. Глава 6 имеет название «О разделении», но в современной логике этот термин переводится: несколько иначе: «деление». В этой главе Иоанн рассматривает «деление» не только как логическую операцию с объемом понятия, но и мысленное деление целого предмета на части, то есть операцию, не относящуюся к логике. Глава 7 имеет название «О предшествующем по природе». Здесь кратко рассматриваются родовидовые отношения и отношения вида к индивидам. Но в целом, в 6 и 7 главах термины, требующие нового перевода, почти не встречаются. Глава 8 «Об определении». В этой главе мы отмечаем достаточно широкое применение логических терминов, которые необходимо переводить иначе, чем это сделано в существующих на настоящий момент печатных изданиях. Правильно, на наш взгляд, переведены термины «род», и «вид». А что касается переводов трех других терминов (впоследствии всю эту пятерку часто называли предикабиями, в русской традиции — «гласами») из текста Иоанна: *διαφορά*, *ἰδιον καὶ συμβεβηκός*, которые соответственно в современных изданиях переведены как: «разность», («различие»); «свойство» и «акциденция», то издатели здесь просто некритически воспроизводят текст перевода 1913 г. Мы предлагаем (см. [Воробьев, 2022]) использовать современные переводы логических текстов древних авторов, термины и определения из текстов которых заимствованы Иоанном Дамаскиным при составлении «Диалектики». Соответственно получатся такие варианты: *διαφορά* — «различающий признак»; *ἰδιον* — «собственный признак»; *συμβεβηκός* — «привходящий признак». Эти варианты, которые мы можем использовать (в переводе А. В. Кубицким «Введения Порфирия к Категориям Аристотеля»), по нашему мнению, более точны, так как они систематичны (все три термина называются «признаками», что соответствует их содержанию и функциям). И именно эти варианты переводов «предикабий» следовало принять (чего они не сделали) переводчикам в современных изданиях «Диалектики» Иоанна Дамаскина. Тогда не будет в современном переводе таких непонятных текстов (повторяемых в восьмой главе неоднократно), что «определение составляется из рода и образующих разностей» [Иоанн Дамаскин, 2006, с. 21–23]. Приводимые на этих страницах конкретные примеры очевидно показывают, что «образующая разность» (то есть *διαφορά*) есть просто признак (точнее «существенный признак») предмета. Именно так в современной логике называют соответствующие термины. Несущественные признаки *ἰδιον καὶ συμβεβηκός* («собственный признак и привходящий признак») при их использовании составляют «описание», которое отличается от «определения» тем, что с его помощью нет возможности четко выявить нужное понятие и применить его для целей науки. Глава 9 «О роде». Здесь Иоанн приводит два (по крайней мере) различных понимания термина «род», отмечая, что «род» — омоним и поэтому в первом смысле «употребляется для обозначения происхождения... например, происходящий

из Иерусалима, называется иерусалимлянином... Ахиллес, бывший сыном Пелея, называется Пелидом... Рассмотренные значения слова «род» философии не касаются. Далее, родом называется то, чему подчиняется вид. Например, «животному» подчиняются «человек», «лошадь» и другие виды. Поэтому «животное» есть род. Об этом-то роде и говорят философы». [Иоанн Дамаскин, 2006, с. 23]. Затем Иоанн указывает, что род есть более общее, чем вид, который есть более общее, чем индивиды, которые будучи объединены, и составляют вид. На этом мы пока остановимся, но я полагаю, что работу над обновлением переводов «Диалектики» необходимо продолжить.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

Литература

- Воробьев В. В.* Иоанн Дамаскин. Диалектика: Диалектика глава 5, обновленный перевод // Логические исследования. 2022. Т. 28, № 1: 50–59.
- Св. Иоанн Дамаскин.* Источник знания. СПб., 2006. 358 с.
- Иоанн Дамаскин.* Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина. Т. 1. Пер. с греч.; изд. Имп. С.-Петербург. Духовной Акад. СПб., 1913.
- Migne J.-P.* Patrologiae Graecae, t. XCIV, Paris, 1864.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ НА ПОЭТОВ ЭПОХИ КРИТСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

THE ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF THE ITALIAN TRADITION ON THE POETS OF THE CRETAN RENAISSANCE

Милюкова Александра Кирилловна

соискатель, Università di Bologna

В данном докладе будет рассмотрен как историко-литературный, так и лингвистический аспект влияния итальянской традиции на ранненовогреческую поэзию: что поспособствовало симбиозу двух культур, каковы были исторические причины его возникновения. В 1571 г. когда под натиском турок пал Кипр, единственными частями Греции, которые оставались под владычеством венецианцев, были Ионические острова и Крит. Литературные традиции, сформировавшиеся в этих регионах Греции в период времени с 1571 по 1669, сыграли важную роль в литературе, так как именно тогда достиг своей кульминации литературный расцвет, начавшийся с конца XVI в.

Конец XVI и начало XVII вв. — это «золотой век» новогреческой литературы. И ранненовогреческая проза, и поэзия находятся под влиянием итальянских прототипов, происходит удивительный синтез литературных стилей, в новогреческом языке появляются лексемы итальянского происхождения. Причинами столь значительного влияния итальянской культуры на греческую послужили такие исторические события, как венецианское владычество на Крите, земли которого были распределены между венецианскими колонистами (аристократами и обычными гражданами) и начавшаяся в Италии эпоха Возрождения. Ранненовогреческие авторы часто заимствовали стили и сюжеты итальянских прототипов. Данное явление можно проанализировать на примере одного из образцов пасторальной поэзии — «Панории» поэта Г. Хортациса. Тема ее следует типичной схеме неисчислимых итальянских пасторальных трагикомедий с характерной ситуацией, которая возникает между молодыми людьми: двое друзей-пастухов любят двух подруг-пастушек. Со свободолюбивым нравом девушек сложно совладать, поэтому в конце комедии отец Панории взмолился богине Афродите и её сыну Эроту, который поразил бы своих пастушек своими стрелами и это привело бы к благоприятной развязке истории. У «Панории» Хортациса есть очевидный прототип — это «La Calisto» пастушьей басня Луиджи Грото — «Слепца из Адрии», где двое пастухов взывают к Афродите для того, чтобы завоевать сердца двух нимф: Каллисто и Сельваджии, хранящих свою честь и желающих жить свободной жизнью. Основная тема одинакова в обоих произведениях, особенно похожи мотивы: главными героями являются молодые люди, пастухи, а также в обоих произведениях присутствует мотив воззвания к Афродите. Влияние итальянской традиции на ранненовогреческую проследивалось не только в историко-литературном, но и в лингвистическом аспекте. «Станный рассказ» Стефана Сахликиса является ярким подтверждением данного явления, так как в этой автобиографической поэме (а также в стихотворениях Сахликиса) мы находим большое количество итальянских заимствований, из чего можно сделать вывод, что сам критский поэт в той или иной мере знал итальянский язык. Далее мы рассмотрим и проанализируем некоторые лингвистические формы итальянского происхождения, встречающиеся у Сахликиса. Следует отметить, что все нижеприведённые языковые формы взяты из произведений, содержащихся в неаполитанской рукописи (поэма «Ἀφήγησις παράξενος» и другие стихотворения Стефана Сахликиса сохранились в трех рукописях: парижской (cod. Paris. gr. 2909), неаполитанской (cod. Neapol. III.AA.09, далее: N) и в кодексе Монпелье (cod. Montpellier 405)).

В первой части «Ἀφήγησις παράξενος», где автор описывает то, как обычно одеваются жители деревни (в данной цитате речь пойдет, очевидно, о женщинах): «πλοῦτζια καὶ γουνέλλες τῶν, φοροῦν κατὰρῳμένοι» (N, 189.). Примечательно слово γουνέλλες. В единственном числе оно будет звучать как γουνέλλα (N, 732) и, как говорится в словаре Э. Криараса, данная лексема является калькой итальянского gonella — это «женское платье».

Также у Сахликиса встречается слово *αβουγαδούροι* (N, 348), *των αβουγαδούρων* (N, 414), в единственном числе — *αβουγαδόρος*. Данная лексема произошла от венецианского *avogador* — «судья» или «прокурор». Также *των αβουκάτων* (N, 388), (N, 414) — *αβουκάτο(ς)* (N, 269, 390) или *αβουκάτος*, от итальянского *avvocato* «адвокат», «ходатай», «заступник». Η *πόρτα* (N, 440, 464), *την πόρτα(ν)* (N, 445, 452, 570) — «дверь», «вход», «проход», «дверной проём» — тоже слово не греческого происхождения, скорее всего произошедшее от итальянского *porta*, имеющего аналогичное значение. Исконно греческие слова для обозначения дверного проема, прохода — *θύρα*, *είσοδος*. На *βαλόπο* (N, 680) — выражение, которое С. Д. Пападимитриу считает видоизменением итальянского *galoppare* — скакать. *Μάστορας* (N, 63) — «мастер». Слово происходит от венецианского *maistro*. Η *μαστόρισσα* (N, 716) — скорее всего, существительное женского рода от *μάστορας*. *Γρόσο* (N, 725) — очевидно, калька с итальянского *grosso* — «большой». *Μπέλλα* (N, 731) — калька с итальянского *bella*. Помимо прилагательного женского рода «красивая», это слово может означать еще и некий вид игры. Видимо, и у Сахликиса имеется в виду та самая игра: «*ας παίξουμε την μπέλλα*». *Καπετάνιος* (N, 759) — от венецианского *capetanio* (итал. *capitano*) — «капитан», «предводитель». Рассматривая влияние итальянской традиции на поэтов-представителей Критского Возрождения довольно сложно остановиться лишь на одном из аспектов взаимодействия двух культур, поскольку происходило повсеместное влияние итальянских прототипов, заимствовались сюжеты, стиль, в ранненовогреческий язык переходили итальянские языковые формы и слова, что поспособствовало формированию уникального и ни на что не похожего литературного стиля Критского Возрождения, родившегося в ситуации двуязычия и культурного синтеза.

Литература

Любарский Я. Н. Критский поэт Стефан Сахликис // *Византийский временник*, 16. 1959. 65–71.

Федченко В. В. Стихотворения Стефана Сахликиса. *Дипломная работа*. СПб., 2004.

Κριαρας Ε. Λεξικό της Μεσαιωνικής Ελληνικής Δημώδους Γραμματείας. Τ. «Α». *Θεσσαλονίκη*, 1969.

Πολίτης Α. Ιστορία της Νεοελληνικής Λογοτεχνίας. Δ' έκδοση. *Μορφωτικό Ίδρυμα Εθνικής Τραπέζης*. Αθήνα, 1985.

НАРОДНАЯ МИФОЛОГИЯ ПОНТИЙСКИХ ГРЕКОВ РОССИИ (ПО ДАННЫМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2022–2023 ГГ.)

FOLK MYTHOLOGY OF THE PONTIC GREEKS OF RUSSIA (BASED ON FIELD RESEARCH DATA 2022–2023)

Климова Ксения Анатольевна

доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Доклад основан преимущественно на полевых данных, собранных в ходе экспедиций 2022–2023 гг. в Краснодарский край (г. Сочи и окрестности) и Ставропольский (г. Ессентуки, г. Минеральные воды, г. Пятигорск и окрестности), а также на данных письменных источников по традиционной культуре понтийских греков и диалектных словарей. Помимо собственно мифологических нарративов и лексики во время полевой работы были собраны материалы по традиционной культуре понтийских греков, календарной и семейной обрядности (рождение, свадьба, похороны) по этнолингвистическому вопроснику А. А. Плотниковой. Греческое понтийское население появляется в южных регионах России во второй половине XIX века. Подробные описания процесса переселения малоазийских греков с южного побережья Черного моря на новые территории отражены не только в исторических источниках, но и передаются через фольклорные нарративы и по сей день. По данным переписи населения 2010 г. в России проживает больше 85.000 греков. По сравнению с данными на начало XX в. численность греков на территории России значительно сократилась, однако язык (понтийский диалект греческого языка) и элементы традиционной культуры в местах компактного проживания греков сохраняются вплоть до наших дней. Лучше всего языком владеют люди старшего поколения, которые признаются, что понтийский греческий был для них первым языком, и они начинали говорить по-русски только в школе, люди среднего возраста могут хорошо понимать язык, но сами говорят уже мало, молодые люди и дети часто используют только расхожие бытовые выражения, однако в некоторых селах степень владения понтийским среди детей и молодежи высока и до сих пор. Многие владеют современным литературным новогреческим языком, поскольку часто путешествуют в Грецию, живут там, учатся, навещают родственников. В местных культурных объединениях для взрослых и детей часто организуются уроки новогреческого литературного языка, в то время как понтийский преподается крайне редко. Система народно-мифологических воззрений понтийских греков является частью общегреческой, однако обладает рядом специфических черт на лексическом и фольклорном уровне. Для многих общегреческих мифологических персонажей используются специфические лексические (диалектные) варианты названия. Так, святочные демоны, известные в Греции повсеместно под именем Καλικάντζαροι, в понтийском варианте имеют имена Πίζηλά, Πίζουλα, Πίζελα, Πίζήαλα, восходящие к понтийскому прилагательному πιζηλός 'плохой, опасный, подверженный сглазу', которое, в свою очередь, возводится к среднегреческому прилагательному επίζηλος 'завидный'. Еще один мифологический персонаж, происходящий от мертвеца, который, по народным воззрениями, по ночам встает из могилы и бродит в мире людей, называемый в Греции βρुकόλακας 'вурдалак', у понтийцев называется хотлэх, хортлэх или котлэх. Эти имена восходят к турецкому hortlak 'вурдалак, вампир, привидение'. Считалось, что «хортлахи» обитают на кладбище, обладают способностью к оборотничеству, могут превращаться в собаку или в курицу с цыплятами, которые наутро оказываются мертвецами. Излюбленным местом сбор «хортлахов» являются ореховые деревья, поэтому, чтобы обезопасить себя от их вредоносного действия, старались соблюдать запрет спать в тени грецкого ореха. Нарративы о «хортлахах» распространены во всех обследованных регионах, а сама лексема закреплена в том числе во фразеологизмах типа «бродить, как хортлах», «гулять по ночам, как хортлах», в качестве ругательства слово хортлах применяется в любой ситуации, когда человек долго не ложится спать ночью, например, засиживается допоздна за компьютером. В мифологическом словаре понтийской традиционной культуры фиксируется множество других турецких заимствований, как на уровне языка, так и на уровне культуры. Так, для

обозначения ведьмы или колдуньи наряду с общегреческой лексемой μάγισσα (в понтийском диалектном варианте — μάϊσσα) использовался также вариант τσαζού (мн. ч. τσαζούδες) 'ведьма'. Широко распространены также мифологические нарративы о порче и сглазе (οματίαμα), которые можно исцелить, «снять» традиционными фольклорными способами, напр., с использованием воды и соли, которую в ней растворяют. Развернутые тексты с описаниями мифологических персонажей или полные тексты классических быличек на обследованных территориях в настоящее время записываются очень редко, а мифологическая лексика постепенно уходит в забвение, что объясняется разными историческими факторами: российские греки вынуждены были проделать сложный путь со своей исторической малоазийской родины — через Грузию — на российские территории, они долгое время жили в советских культурных условиях, неблагоприятных для сохранения веры в сверхъестественное, язык и культура постепенно подвергались языковой и культурной интерференции с последующей ассимиляцией со стороны соседних этносов, прежде всего русских, а также грузин и армян. В современном урбанизированном мире традиционные народно-мифологические представления понтийских греков постепенно утрачиваются, уступая место новым глобализированным культурным ценностям, поэтому сейчас так важно собрать и зафиксировать мифологическую лексику и нарративы в нынешнем состоянии, обработать и изучить полученные полевые материалы.

ΑΝΘΡΩΠΙΣΣΑ, ΤΥΠΙΣΣΑ, ΔΙΠΛΩΜΑΤΙΣΣΑ: ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ФЕМИНИТИВОВ-НЕОЛОГИЗМОВ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

ΑΝΘΡΩΠΙΣΣΑ, ΤΥΠΙΣΣΑ, ΔΙΠΛΩΜΑΤΙΣΣΑ: THE PROCESS OF FORMATION OF FEMINITIVES-NEOLOGISMS IN MODERN GREEK

Чуева Софья Юрьевна

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В научных исследованиях последних лет неоднократно рассматривается вопрос образования феминитивов в разных языках мира. На материале греческого языка существует целый ряд работ, посвященных данной теме, при этом в русскоязычной науке эта тема практически не затрагивается. Данная работа призвана заполнить эту лакуну и посвящена образованию феминитивов от лексем мужского рода посредством словообразующего суффикса -ισσα. В рамках нашего исследования мы рассмотрим три лексемы с данным суффиксом: ανθρώπισσα, τύπισσα и διπλωμάτισσα.

В новогреческом языке, несмотря на тенденцию к искоренению языкового сексизма и внедрению феминитивов во все области их употребления, сохраняются элементы, указывающие на господствующее в прошлом мнение о женщине как о второстепенном члене общества. Подобное отношение отражается в употреблении слов, производных от γυναικά (‘женщина’) в уничижительном, отрицательном значении. Например, лексема γυναικάκι, образованная посредством уменьшительно-ласкательного суффикса -άκι, хотя и может употребляться как ласковое обращение к супруге, чаще всего имеет значение «глуповатая, наивная, незначительная женщина обычно молодого возраста» [ΑΚΝ]. При этом производные лексемы от άντρας (‘мужчина’) (αντράκι, αντρούλης) не используются в негативном значении.

Феминитив ανθρώπισσα, рассматриваемый в нашей работе, примечателен тем, что является производным от лексемы άνθρωπος (‘человек’), относящейся к представителям обоих полов. Лексема ανθρώπισσα пока не отмечена ни в одном словаре новогреческого языка, в то время как в корпусах текстов она выявляется достаточно часто (в рамках нашего исследования мы обнаружили 25 контекстов с данным словом). Единственное толкование мы находим на сайте slang.gr, где дается определение «человек женского пола», отмечается сексистская окраска данной лексемы и приводится пример употребления, из которого видно, что данное слово используется в уничижительном, оскорбительном значении.

При этом при анализе контекстов с данной лексемой выясняется, что в подавляющем большинстве случаев лексема ανθρώπισσα имеет нейтральное значение и выступает в качестве синонима слова γυναικά, например: Αν ήσουν εσύ κουνελλάκι πως θα έθελες να σε έχει μια καλή ανθρώπισσα για να προτιμάς να είσαι μαζί της παρά ελεύθερη; Όταν έβαλα αυτήν την ερώτηση της κόρης μου την έπιασεν φρίκη τζιαι είπεν ότι δεν θέλει κουνελάκι δυστυχημένο — Если бы ты была кроликом, ты бы захотела, чтобы ты была у какой-нибудь хорошей женщины и жила вместе с ней вместо того, чтобы быть свободной? Когда я задала этот вопрос своей дочери, она ужаснулась и сказала, что не хочет несчастного кролика.

Лексема τύπισσα отмечается в словарях как производная от τυπάς [Χαραλαμλάκης 2014: 1639], [ΑΚΝ]; в свою очередь лексема τυπάς / τύπισσα описывает человека с необыкновенным стилем [Χαραλαμλάκης 2014: 1639]. Г.Бабиньотис выносит лексему τύπισσα в отдельную словарную статью и даёт следующее определение: молодая женщина с особым, индивидуальным стилем [Μλαμπινιώτης 2002: 1816]. М.Триандафиллидис помимо отмеченных выше определений приводит также следующее толкование: незнакомый или почти незнакомый человек, не внушающий доверия, тип [ΑΚΝ]. При анализе контекстов с данной лексемой выясняется, что современные носители новогреческого языка употребляют слово τύπισσα в ином значении, не связанном со стилем, внешностью человека: в большинстве случаев лексема τύπισσα употребляется в том же значении, что и ανθρώπισσα — человек женского рода, женщина, например:

Τύπισσα πότιζε επί 2 χρόνια πλαστικό φυτό νομίζοντας ότι είναι αληθινό — женщина два года поливала пластиковый цветок, думая, что он настоящий.

Лексема διπλωμάτισσα отмечается в словарях как производная от διπλωμάτης и приводится с указанием на её использование исключительно в метафорическом значении: человек, способный проявить хладнокровие, гибкость, ловкость и вежливость в деликатных и сложных ситуациях [ΛΚΝ], [Χαραλαμπίδης 2014: 460]. Таким образом, лексема διπλωμάτισσα не используется для характеристики профессиональной деятельности, а определяет черты характера, качества женщины, способной проявить тактичность в сложной ситуации. При анализе контекстов выявлено достаточно большое количество примеров употребления данной лексемы в значении «женщина-дипломат», т.е. в качестве профессионального феминитива. Стоит отметить, что в данном случае употребления слова διπλωμάτισσα не отмечается какого-либо негативного, уничижительного оттенка в значении: ΟΑΣΕ: Η Χέλγκα Σμιτ, πολύπειρη γερμανίδα διπλωμάτισσα, οδεύει να αναλάβει ΓΓ του οργανισμού — ОБСЕ: Хельга Смит, опытный немецкий дипломат, собирается занять пост Генерального секретаря организации. На основании вышеприведенного анализа мы приходим к следующим выводам:

- 1) определения, данные в словарях и других источниках, часто не соответствуют реальному употреблению исследуемых лексем современными носителями новогреческого языка, в связи с чем требуется исправление и дополнение существующих словарных статей.
- 2) данные лексемы в большинстве случаев их употребления не имеют отрицательной коннотации, что, по всей видимости, мотивировано стремлением к избавлению от андроцентричности и гендерной асимметрии языка.

Литература

ΛΚΝ — Λεξικό της κοινής νεοελληνικής. URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/ — дата последнего обращения 05.01.2023

Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. Κέντρο Λεξικολογίας. 2002.

Χρηστικό Λεξικό της Νεοελληνικής Γλώσσας. Ακαδημία Αθηνών. Σύνταξη-Επιμέλεια Χριστόφορος Χαραλαμπίδης. 2014.

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ГРЕЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА ΘΕΛΩ

GRAMMATICALIZATION OF GREEK VERBS AS SHOWN BY THE VERB ΘΕΛΩ

Тресорукова Ирина Витальевна

доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Онуфриева Елизавета Сергеевна

преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Грамматикализация представляет собой лингвистическое явление, при котором лексические формы переходят в категорию грамматических, утрачивая свое значение. Как пишут Дж. Байби и Р. Перкинс [Bybee et al. 4], «этот процесс обладает рядом характеристик, регулярно проявляющихся в самых разных и независимых случаях». Как правило, грамматикализация проходит на разных уровнях (фонетическом, морфологическом, синтаксическом, функциональном и пр.), при этом все ее проявления тесно связаны между собой. Важно подчеркнуть, что, как указывают Дж. Байби и Р. Перкинс, «источником грамматического значения является не просто лексическое значение основы, а вся конструкция в целом» [Bybee et al. 11]. Безусловно, процесс грамматикализации является диахроническим, так как все связанные с этим процессом изменения происходят постепенно, что особенно ярко проявляется в материале греческого языка, существующего непрерывно на протяжении многих веков.

В данном исследовании ставится задача проанализировать процесс грамматикализации греческого глагола θέλω и выявить его трансформации и современное состояние. Наиболее ярким примером грамматикализации этого глагола является его преобразование в частицу для формирования будущего времени.

В греческом языке глагол θέλω ‘хотеть’ существует с древнейших времен (ἐθέλω), и уже в древнегреческом языке этот глагол становится объектом грамматикализации: ср., напр., употребление в контекстах εἰ θελήσει ἀναβῆναι ἢ τυραννίς (Herodot., Historia, 1, 109, 12), Λέαγρος οὐμὸς ἑταῖρος ἐπισχεῖν θελήσει τῆς ὀρμῆς (Themistocl., Epistulae, 8, 111), где форма θελήσει сочетается с инфинитивом и может трактоваться в переводе не только как ‘захочет’, но и как ‘будет, собирается’. Такая сочетаемость и семантика глагола ἐθέλω в более поздних контекстах (эллинистического и ранневизантийского периода) отмечается весьма широко [Holton et al. 1781]: ср., напр., εἰ μὲν θελήσει συμφυγεῖν, οὕτω πράττειν, εἰ δὲ μὴ, μένειν αὐτοῦ, παραδόντας ἑαυτοὺς τῇ τύχῃ (Achill. Tat. Scr. Erot., Leucippe et Clitophon, 2, 27, 3, 4), οὐ σωφρονεῖν, οὐκ ἀνδρίζεσθαι, κατὰ τῶν παθῶν, οὐ καλῶς ἐπιθυμεῖν θελήσει (Meletius Med., De natura hominis, 29, 27), εἴ τις ἄλλως πῶς εἰπεῖν θελήσει, ἔξει καὶ αὐτὸς ἐξ αὐτῶν ὡς βούλεται περὶ ὧν βούλεται τὰς ἀποδείξεις παρασχεῖν (Clemens Romanus et Clementina Theol., Homiliae, 4, 21, 2, 5). При этом глагол θέλω сочетается как с формой аористного, так и с формой презенсного инфинитива, которые в греческом языке византийского периода постепенно утрачивают конечный ν, ср., напр., в «Морейской хронике» πολὺ θέλουν κουστίσει (Chron. Mor., H 601) или θέλομεν φανῆ εἴμεθεν στρατιῶτες (ibid. 3845). По замечанию Д. Холтона [Holton et al. 1784], самое раннее употребление θέλω с формой Conj. встречается в «Стратегиконе» Кекавмена. Д. Холтон также ссылается на Б. Д. Джозефа и П. Паппаса, которые утверждают, что именно в это время глагол начинает превращаться во вспомогательную форму для образования будущего времени глагола: ср., напр., θέλουν ἀρματώσουν το κουμούσιν (Machairas, Chron., V 350.31), при этом преобладающей формой является 3 л. ед. ч. В более поздних текстах глагол подвергается стяжению, и начинают встречаться такие формы как θες, θένε: μάθεις το θες κυρά μου (Kornaros, Erotokritos). А. Ралли [Ράλλη 26] отмечает, что самые ранние проявления грамматикализации глагола θέλω отмечаются именно в Критской литературе XVII в.

Представляется интересным, что в современном языке (XX–XXI вв.) наряду с уже регулярной частицей θα (которая, согласно словарю Триандафиллидиса [AKN], возникает в результа-

те превращения знаменательного глагола θέλει во вспомогательный и возникновение стяженной формы θέλ'ινα (т. е. сочетания глагола θέλω и союза ἵνα) > θένα > θενα (без ударения) > θα) в текстах юридического характера встречаются конструкции типа ὅπως ἠθέλεν αλοφασίσει το σεβαστόν Δικαστήριο или ὅπως θέλει γίνεи στο εγγύς μέλλον что позволяет говорить о сохранении в языковом сознании греков воспоминания о знаменательном происхождении этой частицы. Другой пример грамматикализации глагола θέλω представляют собой случаи использования стяженной формы θες в качестве двойного разделительного союза: Θες αὐτά που του εἶπα, θες ο καιρός, συνήθε κάπως, ἀλλάξε. Такое употребление волюнтаривного глагола характерно и для других индоевропейских языков, ср., напр., латинский союз *vel*, происходящий от глагола *velle* 'хотеть', старофранцузское *vueil* и современное итальянское *vuoi*. Также весьма интересен фразеологизм θέλεις δε θέλεις, выражающий значение отсутствия выбора, безальтернативности в какой-либо ситуации, и не содержащий в своей структуре союзов, что позволяет утверждать о смене функциональности глагола θέλω в составе данной конструкции.

Таким образом, на примере греческого глагола θέλω виден процесс грамматикализации, проходящий на разных уровнях языка (фонетическом — стяжение, морфологическом — преимущественное употребление формы 2 л. ед. ч. или 3 л. ед. ч., синтаксическом — преобразование в частицу и в союз, функциональном — использование редуцированной формы в качестве фразеологизма).

Литература

- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Holton D. et al.* Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek. Cambridge, 2019. 3.
- Ράλλη Α. Μορφολογία. Αθήνα, 2014.
- ΛΚΝ — Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Режим доступа: http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/geniki?chronofom=lexica_all&event=sub. Дата последнего обращения — 09.01.2023.

ГРАММАТИКА И СЕМАНТИКА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ГЛАГОЛА ΒΑΙΝΩ И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

GRAMMAR AND SEMANTICS OF THE ANCIENT GREEK VERB ΒΑΙΝΩ AND ITS DERIVATES IN MODERN GREEK

Гришин Дмитрий Алексеевич

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В современном греческом языкознании незаслуженно малое внимание уделяется анализу приставочных глаголов, особенно с точки зрения их изменения в диахронии. Между тем, изучение отдельных аспектов, таких как семантические и грамматические характеристики, позволяет не только пролить свет на многие процессы развития языка, которые до сих пор остаются в тени, но и ответить на некоторые сложные вопросы, касающиеся современного состояния грамматики. В данной работе предлагается рассмотреть глагол βαίνω и его производные, так как именно глаголы движения практически в неизменном виде сохраняют свою семантику (что, в известном смысле, самоочевидно, учитывая прямую сферу использования и востребованность), но в то же время начинают использоваться в новых контекстах по большей части в метафорическом значении. Анализ вышеуказанных характеристик глагола βαίνω и его производных приставочных глаголов с точки зрения диахронии и синхронии представляется интересным прежде всего потому, что уже в классический период древнегреческого языка этот глагол порождает производные одноприставочные глаголы: αμφιβαίνω, ἀναβαίνω, αντιβαίνω, ἀποβαίνω, διαβαίνω, ἐκβαίνω, ἐμβαίνω, ἐπιβαίνω, катаβαίνω, μεταβαίνω, παραβαίνω, περιβαίνω, проβαίνω, проσβαίνω, συμβαίνω и ὑπερβαίνω, которые сохраняются в греческом языке на протяжении практически всей истории его существования. В данном исследовании не будут проанализированы многокомпонентные и полипрефиксальные варианты дальнейшего развития вышеуказанных глаголов, такие как σιγοδιαβαίνω, ελαφρανεβαίνω и пр. в силу иного процесса их образования, не затрагиваемого в данной работе.

Идея об относительной неизменности отдельных элементов греческого языка в диахронии не нова (см. напр., [Ράλλη, 1984], [Πετρούνιας 2002]), но, тем не менее, семантические и грамматические особенности употребления глагола βαίνω и его производных до сих пор не становились материалом исследования с точки зрения диахронии. В результате проведенного нами корпусного анализа текстов выяснилось, что в новогреческом языке присутствует большая часть указанных глаголов (12 из 16), при этом отдельные глаголы в большой степени полностью сохраняют свое древнее значение: ср., напр., μεταβαίνω помимо своего основного значения 'перемещаться с места на место, переходить' (ο Υπουργός μεταβαίνει στο νησί αύριο 'Министр завтра поедет (букв. переместится) на остров') употребляется и в значении 'менять тему, переходить от одной темы к другой' (ο Παύλος μεταβαίνει στην εξέταση του θέματος περί δωροδοκιών των υπαλλήλων 'Павел приступает к рассмотрению вопроса о взятках чиновников'). При анализе контекстов выяснено, что некоторые глаголы полностью отсутствуют в современном языке (ср., напр., περιβαίνω и αμφιβαίνω), а другие сохранились лишь как реконструируемые формы при анализе образования производных существительных: ср., напр., ἐκβαση и ἐμβασμα от εκβαίνω и емβαίνω соответственно. Отмечаются весьма интересные словообразовательные процессы, произошедшие с древними приставочными глаголами, производными от βαίνω. Так, глагол μπαίνω происходит от классического ἐμβαίνω, а βγαίνω образуется от ἐκβαίνω путем метатезы и отпадения начального безударного гласного, что является весьма частым явлением в новогреческом койнэ. Производные глаголы ἀναβαίνω и катаβαίνω в новогреческом языке претерпели структурные изменения и являются примерами процесса словообразования с сохранением аугмента «ε» (ανεβαίνω, катеβαίνω соответственно). В плане морфологических изменений следует отметить, что у ряда глаголов исчезли формы отдельных времен (ср. напр. проβαίνω в форме Αόριστος употребляется только в 3 лице ед. ч. и мн. ч., у глагола συμβαίνω сохранились только формы 3 лица ед. ч. и мн. ч. для всех времен, а проσβαίνω не встречается в форме прошедшего времени при

корпусном анализе. С точки зрения семантики также отмечаются весьма интересные процессы. Так, сам глагол βαίνω сохранился только фрагментарно как рудимент кафаревусы и употребляется чаще в устойчивых выражениях, нежели в свободных словосочетаниях (ср., напр., όλα βαίνουν καλώς ‘все идет хорошо’, βαίνω κατά κρημνόν ‘двигаться к пропасти’ и пр.). Отдельные приставочные производные глаголы при сохранении основного пространственного значения используются и метафорически: ср., напр, διαβαίνω ‘широко расставлять ноги’ или ‘делать широкий шаг’ в современном языке употребляется в контексте τα χρόνια διαβαίνουν γρήγορα ‘годы проходят быстро’, ‘οι πόνοι διαβαίνουν’ ‘боли проходят’. Таким образом, отмечается переход от буквального пространственного значения не просто к временному, но к фазовому. Семантика глаголов ἀναβαίνω (соврем. ανεβαίνω) и καταβαίνω (совр. катеβαίνω) почти не претерпела изменений и даже расширилась: помимо значения ‘садиться на транспорт’ ‘выходить из транспортного средства’ у них появились иные значения, так, например, ανεβαίνω в новогреческом языке употребляется в контексте ανεβαίνει μια καινούρια κωμωδία ‘ставится комедия’. Одним из самых ярких отличий этой пары глаголов от своих древних вариантов является развитие и закрепление значения «двигаться на север\юг» для ανεβαίνω и катеβαίνω соответственно. Схожая с ними по употреблению пара глаголов ἐπιβαίνω и ἀποβαίνω сохранились только в книжном языке. Таким образом, отмеченные грамматические и семантические изменения в функционировании глагола βαίνω и его производных приставочных глаголов предоставляют новый материал и открывают новые перспективы для более глубокого изучения грамматических и семантических изменений греческого глагола в целом.

Литература

- Ράλλη Α.* Μορφολογία του ελληνικού Ρήματος και Θεωρία του Λεξικού: Μερικές Προκαταρκτικές Παρατηρήσεις // Μελέτες για την Ελληνική Γλώσσα 1983, 61–80.
- ΠετρούΝιας Ε* Νεοελληνική Γραμματική και Συγκριτική («ΑΝτιπαραθετική») ΑΝάλυση. Θεσσαλονίκη, 2002.

ГОВОРЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ АЛБАНСКОЙ ДИАСПОРЫ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

DIALECTAL VARIETIES OF THE OLD ALBANIAN DIASPORA: A QUANTITATIVE STUDY

Морозова Мария Сергеевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Русаков Александр Юрьевич

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Особый интерес с точки зрения албанской диалектологии и лингвистической контактологии представляют говоры албанской исторической диаспоры. В этих идиомах, которые возникли в результате миграций, происходивших преимущественно в XIV–XVI вв., архаичные черты, иногда полностью утраченные говорами основного албаноязычного ареала, соседствуют с многочисленными инновациями, развившимися в результате интенсивных языковых контактов или вследствие специфического внутреннего развития в отрыве от основного ареала. К числу говоров диаспоры принято относить тоскские говоры албаноязычных поселений Италии, Греции, Болгарии и Украины, а также гегский говор квартала (прежде — села) Арбанаси в хорватском городе Задаре.

Исследование, результаты которого излагаются и обсуждаются в докладе, продолжает серию работ авторов, посвященных изучению диалектов албанского языка с применением количественных методов. Эта исследовательская работа имеет целью уточнение существующих представлений об албанском языковом ареале и реконструкцию его контактной истории. Объектом рассмотрения в настоящем исследовании являются говоры исторической диаспоры, представленные в Диалектологическом атласе албанского языка (ДААЯ) [Gjinari et al. 2007–2008] и в диалектных описаниях [Sokolova 1983; Voronina et al. 1996]. Материалом служат данные по 16 пунктам, извлеченные из указанных источников.

В первой части исследования измеряется языковая сложность (англ. *linguistic complexity*) всех рассматриваемых идиомов на базе 27 бинарных фонетических и грамматических признаков, извлеченных из ДААЯ. Наше понимание параметра языковой сложности опирается на подход типолога Дж. Николс, которая определяет «грамматическую сложность» языка (англ. *grammatical complexity*) как «сложность строго лингвистических уровней, так как фонология, морфосинтаксис, лексика и т. д., а также их компонентов» [Nichols 2009: 111]. При этом языковая сложность рассматривается нами не только как статичный параметр современных диалектов, но и как результат упрощающих и усложняющих изменений, имевших место в разные исторические периоды, либо сохранения «унаследованной» сложности, присущей условному «общепалбанскому» и условному «общеславянскому» состояниям. В данном исследовании предпринимается попытка изучить диахронические процессы, которые приводят к увеличению и уменьшению сложности говоров исторической диаспоры и выявить взаимосвязь уровня сложности с социальными факторами: контактными ситуациями различных типов, изоляцией и степенью связанности языковых сообществ диаспоры, миграциями представителей этих сообществ и пр.

Во второй части исследования мы применяем диалектометрический метод для определения степени лингвистической близости изучаемых идиомов на базе 27 признаков, выбранных для описания языковой сложности. Далее проводится диалектометрическое исследование близости на базе расширенного списка из 150 признаков ДААЯ, относящихся к фонетике (56 признаков) и морфологии (94 признака). Эти признаки не обязательно бинарны; кроме того, учитываются случаи реализации нескольких значений признака в каждом отдельно взятом говоре (когда явление по-разному реализуется в разных словах и/или фонетических условиях). Значения всех признаков охарактеризованы как архаизмы или инновации. На основании этих данных устанавливается уровень инновативности / консервативности изучаемых говоров и с помощью R

определяется степень их лингвистической близости по двум типам расстояний — на базе всех значений и только тех значений, которые представляют собой инновации.

В ходе диалектометрического исследования определяется близость говоров диаспоры (прежде всего итальянской и греческой) как друг с другом, так и с говорами основного албаноязычного ареала, с особым вниманием к субареалам, которые являются исходными для разных диаспор. Как представляется, первое исследование может пролить свет на историю развития говоров диаспоры в период после отрыва от основного ареала, тогда как второе, вероятно, позволит уточнить их исходную локализацию, а также оценить роль языковых изменений, протекавших независимо в основном ареале и диаспоре, в формировании современного диалектного ландшафта. Полученные данные по говорам албанской исторической диаспоры сопоставляются с результатами аналогичных исследований, ранее проведенных нами на материале говоров основного албаноязычного ареала. Формулируется предположение о том, что предложенная методика, включающая количественный анализ больших массивов диалектных данных и их интерпретацию с особым вниманием к инновациям контактного и внутреннего происхождения, может быть применена и к другим частям балканского ареала.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00244, <https://rscf.ru/project/19-18-00244/>.

Литература

- Gjinari J., Beci B., Shkurtaj Gj., Gosturani Xh.* Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe. Vëllimi 1–2. Tiranë; Napoli: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë; Università degli studi di Napoli L’Orientale, 2007–2008.
- Nichols J.* Linguistic complexity: A comprehensive definition and survey // G. Sampson, D. Gil, P. Trudgill (eds). Language complexity as an evolving variable. Oxford, 2009. P. 110–125.
- Sokolova B.* Die albanische Mundart von Mandrica. Wiesbaden: Harrassowitz, 1983. (Balkanologische Veröffentlichungen. Band 6.) Voronina I., Domosileckaja M., Sharapova L.E folmja e shqiptarëve të Ukrainës. Shkup, 1996.

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ПРОДОЛЖЕННОГО И ПРОГРЕССИВНОГО ВИДА В МАКЕДОНСКИХ И АРУМЫНСКИХ ДИАЛЕКТАХ АЛБАНИИ

THE GRAMMATICALIZATION OF CONTINUOUS AND PROGRESSIVE ASPECT IN MACEDONIAN AND AROMANIAN DIALECTS OF ALBANIA

Макарцев Максим Максимович

старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

В докладе будут рассмотрены грамматикализованные конструкции для выражения продолженного и прогрессивного вида в македонских и арумунских диалектах Албании, возникшие под влиянием албанского языка. Некоторые из них были рассмотрены в (Makartsev 2020; Макарцев 2021). Корпус славянских диалектов Албании (Макарцев, Архангельский 2023) и сделанные за последние два года транскрипты интервью с носителями арумунских диалектов позволяют расширить инвентарь и уточнить функционирование таких конструкций. Известно, что продолженный глагольный вид в албанском языке в главных предложениях может выражаться при помощи двух аналитических конструкций: *po* + личная форма глагола; 'быть' + *duke* + причастие. *Po*-конструкции используются для выражения как действий, так и состояний, в том числе внутри движущейся референционной рамки (*foreground*, например, при комментировании видео или последовательно сменяющихся картинок) и могут интерпретироваться как выражение собственно продолженного вида (*continuous aspect* — Comrie 1998: 25). *Duke*-конструкции сохраняют связь с герундием и могут использоваться только для описания фона (*background*), выражая таким образом прогрессивный вид (*progressive aspect*, см. там же; ср. также анализ в Makartsev 2020). В то время как *po* в современном албанском языке имеет значительную полисемию/омонию (Joseph 2011; особо следует отметить адверсативное и условное значение *po*), *duke* используется только для выражения герундия (и развившегося на его основе прогрессивного вида), а его этимология для носителя албанского языка не очевидна.

Обработанные на настоящий момент материалы показывают следующий инвентарь македонских и арумунских конструкций, структурно и семантически соответствующих албанским конструкциям с *po* и *duke*: 1. Конструкции с адверсативным союзом или условной частицей. Такие конструкции в диалекте Бобоштицы (юго-восточное македонское наречие) были рассмотрены в (Makartsev 2020; Макарцев 2021). Адверсативный союз *toko* был отождествлен с албанским *po* на основе общего адверсативного значения и начал использоваться в качестве показателя продолженного вида (на это отождествление повлияло также случайное созвучие *toko* с албанским *duke*):

- (1) *Detje-to toko spi-e so kuçenišče' -to. boy-def cont sleep-prs.3sg with dog-def* 'Мальчик спит (рядом) с собачкой'. В арумунских диалектах Албании в этой функции используется *ta*, сочетающее значения адверсативного союза и условной частицы:
- (2) *Ma u scol ciliman-u. cont acc.sg wake_up.prs.1sg child-def* 'Я бужу ребенка'. 2. Конструкции с деепричастием. В западномакедонском диалекте Голоборды источником структурного заимствования (*PAT-borrowing*) становится албанская *duke*-конструкция. Деепричастие на *-eštin*, соответствующее албанскому герундию с *duke*, получает показатель предикативности (*su* 'быть') и начинает использоваться в прогрессивном значении:
- (3) *Be'v vižda-eštin "Përputh-en" be.imperf.1sg watch-advptcp match-refl.prs.3sg* 'Я смотрела [ТВ-шоу] "Они подходят друг другу"'. Эта конструкция в диалекте Голоборды развивает также модальное значение, не характерное для исходной албанской конструкции:
- (4) *Vo Drač ne' su ode'-eštin. in Durrës neg be.prs.1sg go-advptcp* 'Я не еду в Дуррес' или 'Я не хочу ехать в Дуррес'. Похожая конструкция также была записана один раз в Бобоштице, но, по всей видимости, является пословным переводом албанского предложения-стимула. Конструкции с заимствованным албанским показателем. Некоторые носители аро-

мунских диалектов (фаршеротский — с. Бадилонья, грабовский — с. Шипска) используют также конструкцию с заимствованным албанским показателем (*ducã*), к которому присоединяется отглагольное существительное (созвучное частотному окончанию албанских причастий -Vr):

- (5) Con-li e ducã imn-are. dog-def be.prs.3sg prog run ‘Собака бежит’. Структурно похожие конструкции отмечаются также в некоторых рома диалектах в Северной Македонии и Косово, находящихся в контакте с албанским языком (Boretzky 1993: 83, Friedman & Joseph 2023: 753). 4. Прочие В диалекте Бобоштицы используется также грамматикализованный показатель продолженного вида *g' e*, восходящий к местоименному наречию и союзному слову с локативным значением:
- (6) Tija *g' e* pj-ã sega they cont sing-Prs.3Pl now ‘Сейчас они поют’. Использование локативного показателя в прогрессивном значении является типологической фреквенталией. В диалекте Бобоштицы такие конструкции, по всей видимости, были грамматикализованы под влиянием прогрессивного значения албанского *tek* (союз ‘в то время как’ < предлог ‘у; к; по направлению к; около’). В докладе будут рассмотрены функции и употребление перечисленных конструкций.

Литература

- Макарицев М. Найденное в переводе: (полу)структурированные опросники и грамматикализация продолженного вида в неалбанских диалектах Албании // Балканские чтения. 2021. 16: 54–61.
- Архангельский Т. Корпус славянских диалектов Албании. 700 000 словоформ. 2023. (Готовится к запуску.)
- Boretzky N. Bugurdži: Deskriptiver und historischer Abriss eines Romani-Dialekts. Wiesbaden, Harrassowitz. 1993.
- Friedman V. & B. Joseph. The Balkan Languages. Cambridge, 2023.
- Joseph B. The puzzle of Albanian *po*, // Eirik Welo (ed.). Indo-European syntax and pragmatics: contrastive approaches. Oslo, 2011. P.27–40. (Oslo Studies in Language 3(3)).
- Comrie, Bernard. Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect Related Problems. Cambridge, 1998.
- Makartsev M. Grammaticalization of progressive aspect in a Slavic dialect in Albania // Journal of Language Contact. 2020. 13(2): 428–458.

БАКЛАЖАН НА БАЛКАНАХ: ИСТОРИЯ НОМИНАЦИЙ

EGGPLANT IN THE BALKANS: HISTORY OF NOMINATIONS

Новик Александр Александрович

заведующий отделом, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Домосилецкая Марина Валентиновна

старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН

Баклажан, или Паслён темноплодный (*Solanum melongena* L.), в диком виде произрастающий в субтропиках Индии, Шри-Ланки, Бирмы, впервые был окультурен там же, около 1500 лет назад. Согласно статье «Brinjal» в Оксфордском словаре английского языка Oxford English Dictionary некое дравидийское слово для названия баклажана было заимствовано пришедшими на полуостров индоарийскими языками, давая древние формы, такие как *vātiñ-ḡaṇa* в санскрите и пали (ср. также санскрит. *vātigama*) и *vāiṃaṇa* в пракрите, что означало «класс (устраивающий) ветровое расстройство (ветровое настроение)». Баклажаны считались средством для избавления от метеоризма. Современные слова в хинди *baingan* и *began* 'баклажан' происходят непосредственно от санскритского имени.

Из Юго-Восточной Азии культура распространилась и на другие части континента. Первое письменное упоминание об этом растении в Китае содержится в трактате по сельскому хозяйству 544 года н.э. Длительный путь растения до Европы отразился на своеобразной и разветвленной трансформации изначального фитонима. Древнеиндийское именование его было адаптировано в персидском как *bādingān*, что было затем заимствовано арабами в виде *bidindžān*, *al-bāḍinjān*. Именно арабы вместе со своими завоеваниями и завезли растение в VIII–IX вв. н.э. в Северную Африку и Испанию. В XI в. где-то в Средиземноморье араб. *bāḍinjān* было заимствовано византийским греческим языком (*ματιζάνιον, μελιτζάνα, μελιτζάνιον*); ср. современное нгр. *μελι(ν)τζάνα* 'баклажан'. Переход начального *b > m* объяснялся двумя простыми причинами:

1) отсутствием начального *b*- в среднегреческом,

2) народно-этимологической ассоциацией с *μέλας* 'черный' (по цвету плодов). Уже из греческого слово перешло в итальянский (*melanzana, melongiana*) и средневековую латынь (*melongena*). Последнее и было использовано К. Линнеем в 1753 г. для научного классификационного термина *Solanum melongena* [Genaust 1996: 380]. Овощ, уже сильно трансформировавший свое название, дошел около XIII в. через Византию до Апеннин. Там фитоним *melanzana* стал ошибочно интерпретироваться в итальянском народном сознании как *mela insane* букв. «яблоко сумасшедшее», что сыграло большую роль в создании мифов и предрассудков вокруг этого растения. Определенная почва под ними все-таки существовала. Внешнее сходство между пасленовыми было давно замечено в народе, а часть из них известны своей ядовитостью и соответствующим воздействием на человека: белена, дурман, паслен черный и др. Все они содержат соланин, который также присутствует и в листьях и цветках баклажана. Кроме того при неумелом приготовлении плодов баклажана на первых порах могли получать неудобоваримое горькое блюдо из-за мелких семян, содержащих никотиноидные алкалоиды.

Итак, важное доказательство «пришлого» характера баклажана на Балканы и Апеннины — полное отсутствие исконных греческих и латинских названий этого овоща.

1. Среди именовании *Solanum melongena* на Балканах прежде всего важно указать на явный балканизм. Тур. *patlıcan* 'баклажан' < иран. *bādingān* или араб. *al-bāḍinjān*. Османское влияние на большинство идиомов региона оказалось очень сильным: алб. *patlixhán* + диал. *patër xhan, patrixhan, patëllxhan, patër xhan*; рум. *pătlăgeá* 'помидор (*Solanum lycopersicum*)', 'баклажан (*Solanum melongena*)' + устар. *pătlăgeană, pătlăgică* > *pătlăginiu* 'темно-фиолетовый', *pătlăgeá roșie* 'помидор' букв. «баклажан красный», *pătlăgeá vânătă* 'баклажан' букв. «баклажан фиолетовый», сюда же, вероятно, диал. *parmajele vinete pl.* букв. «баклажаны фиолетовые»; арум. *pitligeănă*;

мегл. pitligeani; нгр. патли(ν)τζάνα ‘баклажан’ + диал. питлитζ’άνα, патлитζ’άνι, патлитζιάνα [Σπυρώνης 1996: 86]; болг. патладжѐн ‘помидор’ + диал. патладжани, патлъджѐн, патлиджѐн, мор патладжѐн, морџв патлажан, мор-патладжан ‘баклажан’ букв. «лиловый помидор» < тур. mor patlıcan ‘лиловый баклажан’ < греч. μόρον ‘черная тутовая ягода’, диал. син пратладжан, син патладжан букв. «синий баклажан» [Канисков 2015: 114, 128], собственная болг. усеченная форма турцизма — диал. патъче [Канисков 2015: 266]; макед. модар патлицан букв. «синий баклажан», где патлицан ‘баклажан’ и диал. (Битола, Прилеп) ‘помидор’, црн (черни) патлицан букв. «черный баклажан» как калька тур. kara patlıcan ‘то же’; серб./хорв. патлиџан, плави патлиџан, модри патлиџан, modri patlidžan ‘баклажан’, букв. «синий баклажан», црвени патлиџан ‘помидор’ букв. «красный баклажан».

2. Кулинарные метафоры. Редкое румынское наименование баклажана — dúlmă [Drăgulescu 2018] возникло благодаря переносу с рум. dulma, dolma ‘кабачки (фаршированные мясом)’ < тур. dolma ‘голубцы; начинка; фарш; фаршированный’ < dolmak ‘наполняться’.

3. Ксенономинии обычно служат еще одним доказательством «пришлости» либо всего растения на данной территории, либо каких-то завозных его разновидностей и сортов. См. рум. сорт баклажан turcaléț, turculéț, turguleán букв. «турчонок»; см. один из самых распространенных в Греции сортов баклажана Σύρος — ранний, с самыми крупными (круглыми или грушевидными) плодами, достигающими 300 граммов < Σύρος ‘сириец, сирийка’.

*Информация о финансовой поддержке: Российский научный фонд,
<https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 19-18-00244]*

Литература

- Канисков В. Съкровищница на българската народна медицина. III. Ботанически речник — основи. София, 2015.
- Drăgulescu C. Dicționar de fitonime românești. Ed. a 5-a completată. Sibiu, 2018.
- Genaust H. Etymologisches Wörterbuch der botanischen Pflanzennamen. Dritte, vollständig überarbeitete und erweiterte Auflage. Basel; Boston; Berlin, 1996.
- Σπυρώνης Σ.Ι. Τι δεν είναι ελληνικό στην ελληνική γλώσσα. Τα τουρκικά στη γλώσσα που μιλάμε, λεξικογραφημένα, με 7.000 περίπου ελληνικά επώνυμα τουρκικής καταγωγής. Αθήνα, 1996.

ГОВОРЫ СЕРБОВ МЕТОХИИ В КОНТАКТЕ С АЛБАНСКИМ ЯЗЫКОМ

THE IDIOMS OF SERBS IN METONIA IN CONTACT WITH ALBANIAN LANGUAGE

Соболев Андрей Николаевич

главный научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН

В докладе из перспективы сравнительно-исторического славянского и ареально-типологического балканского языкознания рассматриваются инновации в территориальных говорах (диалектах) православного сербского населения Метохии (алб. Дукадьжинская равнина) в Автономном крае Косово и Метохия в составе Республики Сербия (на территории которого *de facto* существует частично признанное государство Республика Косово), вероятно индуцированные длительным контактом с албанским языком (в виде его местных территориальных диалектов), на всех уровнях структуры — фонетико-фонологическом, морфонологическом, морфологическом и морфосинтаксическом, синтаксическом, лексическом и фразеологическом.

Поднимается важный теоретический вопрос о возможности собственно лингвистическими методами отличить результаты контактного взаимодействия языков от развития под воздействием внутренних факторов, в частности при инновационном изменении инвентаря и правил дистрибуции фонем, грамматических единиц (маркеров) и категорий, лексического и фразеологического состава языка. Рассматривается также возможная роль контакта в сохранении архаизмов языковой структуры.

В качестве прямых и косвенных доказательств именно контактной, а не внутренней обусловленности языковых инноваций предлагается в первую очередь рассматривать следующие обстоятельства: отсутствие явления, наблюдаемого в предполагаемом языке-реципиенте, в его протосостоянии, предшествующем языковому контакту (например, в праславянском, протосербском); отсутствие явления в близкородственных языках и диалектах, не находившихся в прошлом и не находящихся в настоящем в аналогичных ситуациях контакта (например, в северных и западных славянских языках, в диалектах сербского языка вне зон взаимодействия с ядерными языками Балканского языкового союза); заимствование языковой материи из предполагаемого языка-донора (в данном случае — албанского); наличие регулярных, системных соответствий в функциях языковых единиц и категорий предполагаемых языка-реципиента и языка-донора. Обсуждается методология сбора таких доказательств, ограничения в части их доказательной силы, их доказательная иерархия.

На фоне реконструируемого общесербского состояния и положения дел в иных территориальных говорах (диалектах) сербского языка детально рассматриваются такие инновации, как, например, лабиализованный гласный переднего ряда верхнего подъема /y/ (dygmenfše, gyrbet, dyfsek), противопоставление узких и широких гласных среднего ряда, дрожащий /rr/, нейтрализация противопоставления по палатальности сонантов (kral', řero) и аффрикат (rodžak), заимствованные словообразовательные элементы, порядок слов в атрибутивном словосочетании, местоименные удвоения косвенного и прямого объекта (briga tu je nĕtu), порядок клитик (ne tu treba nĕtu), вопросительные частицы (алб. а), лексические и фразеологические заимствования и кальки, и проч.

Основное внимание уделено таким местным идиомам косовско-ресавского диалекта, как говоры Северной Метохии [Букумирић 2003]), и таким местным идиомам призренско-южноморавского диалекта, как говоры Подримы (г. Ораховац, с. Велика Хоча), г. Дъжяковица [Стевановић 1950], г. Призрен [Реметић 1996]. Для сопоставления привлекаются данные по говорам косовско-метохийских краин Северной Шар-Планины и собственно Косово. В настоящее время все эти говоры не представляют собой единого лингвистического континиума.

На фоне историко-лингвистических сведений о сербском языке в крае (данные сравнительно-исторического славянского языкознания, сербской диалектологии, топонимастики, исторической антропономастики, средневековых памятников славянской письменности и проч.) и новейшей социолингвистической информации, систематизируются языковые ситуации контакта,

в которых находились исследуемые идиомы в прошлом и находятся в настоящее время (ср. [Sobolev (Ed.) 2021]), характеризуются локальные особенности исторически сложившихся контактных ситуаций в сельских и городских поселениях Северной и Южной Метохии, делаются выводы о причинно-следственной связи между условиями языкового контакта и его наблюдаемыми результатами с учетом этнических и конфессиональных различий между контактирующими этническими группами.

Материал сербских метохийских (призренско-южноморавских и косовско-ресавских) говоров, находящихся на крайнем западе сербского языкового пространства, представляет собой бесценный источник сведений об индуцированных контактом языковых процессах, характерных для идиомов, оказавшихся в условиях длительной этнической и культурной сепарации.

Литература

- Букумирић, Милета.* Говори Северне Метохије. In: Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2003.
- Реметић, Слободан.* Српски призренски говор. In: Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1996.
- Стевановић, Михајло.* Ђаковачки говор. In: Српски дијалектолошки зборник. Књ. XI. Београд, 1950. С. 1–152.
- Sobolev, Andrey N.* Between Separation and Symbiosis: South Eastern European Languages and Cultures in Contact. Berlin; Boston, 2021.

АФФРИКАЦИЯ ПАЛАТАЛЬНЫХ СМЫЧНЫХ И СМЕШЕНИЕ АФФРИКАТ: О ВОЗМОЖНОЙ НОВОЙ ОБЩЕБАЛКАНСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ

AFFRICATION OF PALATAL PLOSIVES AND MERGING OF AFFRICATES: ON A POSSIBLE NEW PAN-BALKAN TENDENCY

Харламова Анастасия Вадимовна

аспирант, Институт лингвистических исследований РАН

1) Аффрикация палатальных смычных [ç] и [ʝ] и в меньшей степени смягчение палатоальвеолярных аффрикат [tʃ] и [dʒ] — явления, наблюдаемые нами в арумунском и албанском говорах города Селеницы в Южной Албании, а также в других арумунских и тосских албанских идиомах.

2) Оба процесса приводят к возникновению альвеопалатальных ([tʃ], [dʒ]) и палатальных аффрикат [çç], [ʝʝ] и их дальнейшему смешению с палатоальвеолярными аффрикатами.

3) В наших аудиоматериалах из Селеницы имеются среди прочих следующие примеры: а. аффрикация палатальных смычных в албанском говоре (58 словоформ) — /ʒuha/ [ˈdʒua] ‘язык-DEF’ б. смягчение палатоальвеолярных аффрикат в албанском говоре (3 словоформы) — /tʃoˈbantʃe/ [ççoˈbatee] ‘по-чобански’ (глоттоним арумунского языка) с. переход альвеопалатальных и палатальных аффрикат в палатоальвеолярные в албанском говоре (3 словоформы) — /sə/ [tʃe] ‘что, который’ d. аффрикация палатальных смычных в арумунском говоре (5 словоформ) — /ʃoˈcati/ [ʃoˈçatə] ‘общество, содружество-PL’ (албанское заимствование, полностью вошедшее в арумунский лексикон информанта и грамматически адаптированное в арумунской морфологии) e. смягчение палатоальвеолярных аффрикат в арумунском говоре (7 словоформ) — /fiˈtʃor/ [fˈiˈteor] ‘сын’

4) Перехода альвеопалатальных и палатальных аффрикат в палатоальвеолярные в арумунском говоре Селеницы на данный момент не зафиксировано; на наш взгляд, это связано с высокой частотностью палатализации в арумунском языке и с отсутствием в нём, по имеющимся в нашем распоряжении данным, обратного процесса (депалатализации).

5) Наша первоначальная гипотеза заключалась в том, что присутствие обоих явлений в албанском говоре Селеницы — результат его контакта с арумунским говором, так как в арумунском языке имеет место живая палатализация и процессы, связанные со смягчением согласных, в нём ожидаемы. Однако изучение литературы вопроса показало, что, согласно данным, полученным другими исследователями, аффрикация палатальных смычных наблюдается в тосских албанских идиомах вне зависимости от их известного науке контакта с арумунским [Cimochowski 1951: 20; Kolgini 2002: 183], а смешение палатальных, альвеопалатальных и палатоальвеолярных аффрикат представляет собой «наиболее характерный процесс, происходящий в нескольких языках [Балканского полуострова]» [Sawicka 1997: 43].

6) Аффрикация палатальных смычных массово засвидетельствована также в гегских албанских, македонских, горанских, болгарских, румынских говорах. Смягчение палатоальвеолярных аффрикат — в гегских албанских, рупских болгарских, южных сербских, румынских говорах. Если /tʃ/ и /dʒ/ выделяются в системе фонем всех «ядерных» языков Балканского полуострова, то /çç/ и /ʝʝ/ отдельными фонемами считаются только в сербохорватском ареале, а альвеопалатальные аффрикаты, насколько нам известно, не выделяются как отдельные фонемы исследователями балканских языков.

7) Среди исследователей существуют разные мнения о том, стоит ли рассматривать аффрикацию палатальных смычных и смягчение палатоальвеолярных аффрикат как единую фонетическую тенденцию (вслед за, например, И. Савицкой) или отдельные процессы (как мы видим у П. Ивича).

8) Также авторы известных нам работ указывают на различные, иногда прямо противоположные причины данных фонетических процессов (например, И. Савицка как одну из возможных причин обоих процессов приводит славянское влияние [Sawicka 1997: 45], тогда как

П. Ивич утверждал, что в славянских языках смягчение палатоальвеолярных возникло под влиянием иноязычных идиомов [Ивић 1998: 232]).

9) В связи с повсеместной распространённостью аффрикации палатальных смычных и смягчения палатоальвеолярных аффрикат в «ядре» Балканского языкового союза и тем, что даже в наиболее подробных обзорах балканской фонетики авторы не считают возможным назвать конкретный язык или языки, где бы эта тенденция проявилась раньше всего, мы можем предположить, что имеем дело с не выделенным прежде фонетическим балканизмом: переходом палатальных смычных в аффрикаты (палатальные и альвеопалатальные) и дальнейшим смешением последних с палатоальвеолярными аффрикатами. Это может свидетельствовать об общем усилении палатальной артикуляции смычных и аффрикат, отмеченном в качестве особенности южного албанского в работе Дж. Колгини [Koljini 2002: 183].

Литература

Ивић П. О фонолошким блискостима између језика и дијалеката на северним обалама Медитерана // П. Ивић. Целокупна дела, X/1. Расправе, студије, чланци.

О фонологији. Сремски Карловци; Нови Сад, 1998. С. 224–233.

Cimochowski W. Le dialecte de Dushmani: description de l'un des parlers de l'Albanie du nord. Poznań, 1951.

Koljini J. Palatalization in Albanian: An Acoustic Investigation of Stops and Affricates. Presented to the Faculty of the Graduate School of the University of Texas at Arlington in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Arlington, 2002.

Sawicka I. The Balkan Sprachbund in the light of phonetic features. Warszawa, 1997.

ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ РОДОП БОЛГАРИИ И ГРЕЦИИ

THE LANGUAGE LANDSCAPE OF THE RHODOPE OF BULGARIA AND GREECE

Иванова Диана Дмитриевна

сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН

Этнолингвистический ландшафт Родоп на территории Болгарии и Греции представляет особенный интерес в силу тесных культурных (в том числе языковых) контактов проживающего там населения. В районе гор Родопы на территории Болгарии и Греции в контакте, в том числе в смешанных населенных пунктах проживают помаки (болгароязычные мусульмане), турки и болгары-христиане. Если болгарское христианское население является носителем только болгарского языка, в том числе родного диалекта, то этноконфессиональные меньшинства пограничного региона владеют несколькими языками. Так, помаки используют славянский диалект в качестве L1, а турецкий язык в качестве L2. Для турок нишу L1 занимает турецкий язык, а L2 является государственным греческим языком; славянский язык в смешанных селах может занимать у турок позицию L3.

Во время наших полевых исследований, проведенных в 2017–2020 гг. был собран материал на болгарском и турецком языках в болгарских православных, помакских и турецких населенных пунктах Болгарии и Греции. Предметом исследования послужил языковой код свадебного обряда как наиболее архаичный и репрезентативный.

В нашем исследовании определяется высокая степень интерференции турецкого языка в славянскую речь на всех языковых уровнях (напр., фонетическом, $k\lambda x v \text{'} \text{e}$ (асс.) 'кофе', лексическом $k\lambda g\lambda b \text{'}$ шпе, 'родственники'). Объем заимствований прямо пропорционален самоидентификации помаков: в случае турецкой самоидентификации интеграция в турецкую культуру оказывается больше. Однако в речи помаков присутствует также пласт более старых заимствований, что наглядно демонстрируется на территории Болгарии ('дар невесте' $n\dot{i} \text{'}$ an).

Заимствования могут как вытеснять полностью более архаичную лексему, так и использоваться одновременно, причем предпочтение тому или иному слову информант отдает в зависимости от усталости и состояния контролировать речь (напр. 'невеста' $n\dot{i} v \text{'}$ estl — $g\epsilon \text{'}$ l' in). Турецкие заимствования иногда не совпадают по обе стороны границы, и в речи помаков Греции сема может быть заполнена славянизмом, а то время как в Болгарии культурная память хранит турецкое заимствование (напр. $v \text{'}$ ozvratki — $g\epsilon \text{'}$ z' e 'хождение в дом родителей невесты после свадьбы'). При этом информанты обоих государств почти не допускают ошибок в самостоятельном определении этимологии той или иной лексики.

Столь же сильное влияние славянского языка наблюдается и в турецкой речи помаков Греции. Обусловлено это недостаточным знанием турецкого языка, особенно старшим поколением ('женщины, идущие сватать невесту' $tom \text{'}$ arki). Если в славянскую речь в качестве заимствованных турцизмов попадали наиболее распространенные слова, то в турецкой речи помаков славянизмы обозначают наименее частотные семы, в первую очередь, обрядовой маркированности второго и третьего планов. В то же время помаки Болгарии турецким языком не владеют, и встречающиеся в их речи турецкие заимствования относятся самое позднее к середине XX в. Память об этих заимствованиях сохраняет только старшее поколение.

Влияние болгарского литературного языка в Болгарии в равной степени затронуло диалекты как мусульманского, так и христианского населения Родоп, что усилило их отличительные особенности от диалектов Греции (напр. 'помолвка' $g\lambda v \text{'}$ ilk (диалектная лексема) — $g\epsilon \text{'}$ d' eŷ (общеболгарская нормированная лексика)). Однако присутствует значительных пласт общей лексики с возможными фонетическими вариантами, что вызвано мелкой диалектной сегментированностью изучаемого горного региона (напр. 'жених' $z \text{'}$ et' — $z \text{'}$ et — $z \text{'}$ et' — $z \text{'}$ ok'). Такая фонетическая вариативность касается и заимствований из турецкого языка, часто претерпевших адаптацию под славянскую фонетику.

Не менее важным фактором при формировании языкового кода является религиозная принадлежность исследуемой группы, которая, с одной стороны определяет денотативный код (р`ор 'священник' (болгары-христиане) — *ходжа im`am, xu`odʒa* (помаки)), а с другой стороны, уменьшает объем контактов между исследуемыми группами.

При сопоставлении турецкой речи помаков и турок отмечается совпадение большей части языкового кода. Различия же могут быть обусловлены разными языковыми идиомами. Например, наблюдаются случаи выражения одной и той же семы разными турецкими лексемами в двух идиомах, напр. *kl`inpe, d`er* (помаки), *kl`inpe, d`er* (помаки) — *k`ajnlətə* (турки) 'свекор/тесть'.

В турецком языковом коде свадебного обряда турок болгарские заимствования полностью отсутствуют. Что касается их славянского языкового кода, то турецкие информанты не владеют славянским языком за редким исключением (языком коммуникации между турками и помаками в основном является турецкий). В случае владения болгарским языком, он используется на минимальном коммуникативном уровне, необходимом для ежедневного бытового общения с помаками. Причем речь грамматически абсолютно правильно построена, но в то же время языковой инвентарь отличается лексемами наиболее общего значения и наиболее частотными в повседневном общении.

Таким образом исследуемый регион демонстрирует богатое диалектное деление, высокую языковую интерференцию между контактными группами и разную степень приоритетности заимствований в зависимости от экстралингвистических факторов.

ОБОЗНАЧЕНИЯ ПЕСТРОГО В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

COLOR TERMS FOR MOTLEY IN THE BALKAN LANGUAGES

Чиварзина Александра Игоревна

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

Сопоставительное исследование на материале балканославянских языков свидетельствует, что наиболее частотными для обозначения пестрого в болгарском, македонском, сербском языках являются дериваты от корня шара 'узор'. Прилагательное шарен, общее для всех балканославянских языков, толкуется как признак яркой расцветки и / или наличия пятен, полос, узора. Именно эти два значения можно считать центральными, поскольку на их базе развиваются другие. Значение 'непристойный, развратный', которое фиксируется в словарях, связано с признаком наличия разнородных элементов. А признак окрашенности в разные цвета способствует развитию значения 'украшенный' (ср. мак. шаралник 'просфорная печать'). В диалектных словарях прослеживаются те же значения производных лексем. В словарях приводятся многочисленные однословные наименования животных соответствующего пестрого окраса: ю.-серб. шара, шарица (Црна-Трава), ю.-серб. шароша 'овца пестрого окраса', ю.-серб. шаронья (Станце) 'баран', ю.-серб. шароња, шаруља (Райинце), шарлота: Чувам си две козице: белошу и шарлоту [Есть у меня две козочки: белая и пестрая], ю.-серб. шароша (Спанчевац), ю.-серб. шаруша (Горње-Требешинье) 'коза пестрого окраса': Чували смо две козе: шарошу и риђошу [Было у нас две козы: пестрая и рыжая]; ю.-серб. шарка (Луково), шаруљица 'корова пестрого окраса', ю.-серб. шаре (Остра-Глава) 'тенок пестрого окраса', ю.-серб. шари (Вранье) 'кот пестрого окраса', ю.-серб. шаренко (Кочура) 'вебрь пестрого окраса', шаренац (Маминце) 'щегол', птица яркого оперения: Донели деца јајца од шаренца [Дети принесли яйца щегла]; шаруља (Донье-Жапско), шаруљка (Жуйинце), шаруљче 'гадюка': Пладне је, да ве не оплаши неки смок или шаруља [Полдень, чтоб вас не испугал какой уж или гадюка]; диал. мак. шѐрин 'пестрый'. Данный корень используется также в именах собственных животных соответствующего цвета: Шаре, Шарко, Шарина. Такое использование корня характерно и для диалектов неславянских балканских языков — албанского и румынского: алб. sharkë (Круя), shargë (Полис), диал. алб. shâr 'скот с темными пятнами на шерсти' (Вальбона, Тропоя), shârk (Дибра, Косово), sharan, i sharmë 'пестрый', i sharë 'с белыми пятнами на морде', диал. алб. sharov 'большой пес'; рум. Çarg (Радауть), мегл. Çarçtă, Çărătă, Çarc 'черно-белый', Çarot, Çaröt 'пестрая овца'; арум. Çarcu 'пегая собака', Çaren 'пегий конь'. На болгарской языковой территории распространены дериваты от славянского корня пѣстьр 'пестрый'. Именно корень пѣстьр заимствовался как обозначение пестрого в румынском языке — pestriț, pistrui 'пестрый' — он же чаще других вариантов встречается в образовании однословных наименований животных по признаку пестрого цвета: диал. рум. răstrau (Буковина), răstrun (Балешт), pistruÇor (ю.-вост. Олтения), pestrițiu, pestric, perceat (Мунтения, Олтения), răstrab (Марам) 'пестрый' и др. Широкому спектру значений шарен в албанском отвечают дериваты от larë 'пятно, узор'. Данный корень представлен в цветообозначениях как пестрого (i larmë 'пестрый', laraçak (Томорица), larashan (Косово), lariskaq (Полис) 'скот пестрого окраса'), так и окрашенного, разукрашенного: larëz, larushk 'щегол', птица яркого оперенья, lagasohem 'спеть (о плодах)'. Албанское цветообозначение встречается среди заимствований в диалектах румынского: рум. țar, țear, țaru, țiaru 'скот черно-белой шерсти', арум. çesu-laiŷ 'рыже-черный'. Глубина и яркость понятия «пестрого» стала источником полисемии его цветоименований. 'Узор' обеспечил, с одной стороны, развитие семантики 'пятнистый', 'в полоску' и способствовал появлению богатого словаря пастушеской лексики, в частности окраса животных, которые не отличаются красочными цветами. С другой стороны, он же лег в основу признака яркости, многоцветности, праздничности, максимально выраженной в красном цвете. Поэтому могут одновременно сосуществовать выражения мак. шарена безобличност 'серая (букв. «пестрая») неприметливость', мак. шарена безизлезност, серб. сив као шарена гомила 'серый как пестрая толпа' и мак. се шаренее как како огнен змеј, серб. црвен као шарено јаје

‘красный как пасхальное (букв. «пестрое») яйцо’. Глаголы, образованные от соответствующих корней, могут обозначать как ‘украсить, нарисовать, разукрасить’, так и ‘вымазать, испачкать’.

Литература

Вачева-Хотева М., Керемидчиева С. Говорът на село Зарово Солунско. София, 2000.

Динић Ј. Речник тимочког говора // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1988. Књ. 34.

Домосилецкая М. В. Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь: Скотоводческая лексика. СПб., 2002.

Златановић М. Речник говора југа Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.). Врање, 2014.

Жугић Р. Речник говора Јабланичког краја // Српски дијалектолошки зборник. Расправе и грађа. Београд, 2005. Књ. 52.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АРУМЫНСКОГО ИДИОМА СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ)

LEXICAL FEATURES OF THE AROMANIAN IDIOM OF NORTH MACEDONIA (THE TERMINOLOGY OF FUNERAL RITUALS)

Казаков Иван Игоревич

аспирант, Институт славяноведения РАН

В настоящем исследовании рассматриваются лексические особенности арумынского языка / диалекта, распространенного на территории Республики Северная Македония, на материале терминологии похоронно-поминальной обрядности. Основой исследования служат лексемы, собранные в результате этнолингвистического обследования сел округа города Битола (Москополе, Тырново), а также города Крушево. Интерес к языку / диалекту македонских арумын вызван, с одной стороны, высокой степенью сохранности романской речи в исследуемом ареале в условиях интенсивных контактов со славянским македонским населением и, с другой, особенностями, возникшими в результате этих контактов. Вопрос о лингвистическом статусе арумынского до сих пор не получил однозначного решения. Для отечественной лингвистики традиционным является описание арумынского как (малого) языка или разновидности балкано-романской речи [Алисова 2007: 49]. Румынская лингвистика рассматривает арумынский как один из диалектов общерумынского или проторумынского языка (рум. *româna comună, protoromâna*). Согласно подобным классификациям, румынский язык следует рассматривать как дакорумынский диалект [Guia 2014: 161]. Поскольку в цели нашего исследования не входит решение изложенной выше проблемы, мы будем использовать термин арумынский идиом. Несмотря на статус арумынского идиома как малого балкано-романского языка или диалекта и относительно небольшое количество его носителей (всего около 500 000 тыс.), он весьма разнообразен с точки зрения территориальных вариаций в связи с широким распространением на Балканском полуострове. Так, компактные группы арумынского населения встречаются в Греции, Болгарии, Албании, Северной Македонии и Румынии. Различия между арумынским идиомом и румынским языком на фонетическом и морфологическом уровнях в основном не значительны, а многие особенности, характерные для арумынского идиома, встречаются также по диалектам румынского языка. Например, широкое распространение палатализации согласных сближает арумынский идиом с молдавским диалектом. Морфологическое своеобразие арумынского в основном связано с интерференциями с контактными языками. В случае исследуемого нами ареала морфологические интерференции арумынского и македонского немногочисленны, среди них отметим редундантное выражение значений конъюнктива с помощью союзов *ta* (< мак. да) и *să* (s-), а также образование суперлатива с префиксом *pa-* (< мак. наj-). Наибольшая степень отличия арумынского идиома от румынского языка прослеживается на лексическом уровне. При том, что источники заимствований для обоих идиомов совпадают, численность заимствованных лексем из соответствующих источников существенно различается. Так, если в румынском языке наибольшее число заимствований имеет славянское происхождение, то в арумынском — греческое. Из 9326 лексических единиц в словаре Т. Папахаджи 2534 заимствованы из греческого языка. (Djuvara 2012: 53). Примечателен характер латинского фонда в арумынском идиоме. С точки зрения численности, арумынский идиом сохранил меньшее количество латинских лексем, чем румынский. При этом отмечаются около 100 лексем, сохранившихся в арумынском, но утраченных в дакорумынском ареале. Среди них: *lălătuari* 'рабочий день' (< лат. *laboratoria*), *hiçu* 'инжир' (< лат. *ficus*) *arugă* 'тропа, по которой овец гонят в загон' (< лат. *ruga*) и др. Для лексического фонда арумынского идиома, распространенного в Северной Македонии, характерно большое количество заимствований из контактного македонского языка. Среди лексем, зафиксированных во время полевого обследования, встречаются

ся как адаптированные заимствования (арум. *sânduchi* < мак. сандук 'гроб'), так и фонетически не ассимилированные (арум. *resol* < мак. пекол 'ад').

Своеобразие лексического состава арумынского в Македонии обусловлено не только широкой представленностью славянского элемента, но и тем, что говоры, распространенные на столь близко расположенных территориях, имеют различное происхождение. Так, в селах округа Битолы распространены грамостянские говоры, в Крушево — фаршеротские. Этот фактор обуславливает наличие неславянских заимствований в лексике похоронно-поминальной обрядности (в случае фаршеротских говоров — из албанского языка). В Москополе, как и в соседнем селе Гопеш, согласно одному из крупнейших исследователей арумынского идиома Т. Капидану, функционирует отдельный говор. В связи с его фонетической близостью к мегленорумынскому идиому, Капидан задумывается о близости арумын Маловиште и Гопеша к мегленорумынам. Для сбора лексем использовался этнолингвистический опросник для изучения балканославянского ареала [Плотникова 2009], адаптированный для работы с арумынскими информантами. Основная часть исследуемых лексем имеет общерумынское происхождение, что подтверждает тезис о высокой степени сохранности балкано-романской речи на данной территории. Наиболее распространенные заимствования в области похоронно-поминальной терминологии имеют славянское происхождение и заимствованы из македонского языка.

Итак, терминология похоронно-поминальной обрядности арумынского идиома во многом сохраняет исконный романский элемент, однако включает в себя большое количество заимствований славянского и иноязычного происхождения, в зависимости от говора. В дальнейших исследованиях, после обследования мегленорумынского анклава Северной Македонии, мы сравним состав лексем говора сел Маловиште и Гопеш с полученными данными для проверки на данном материале тезиса Т. Капидана о близости говора сел Маловиште и Гопеш к мегленорумынскому идиому.

Литература

- Алисова Т. Б.* Введение в романскую филологию: учеб. / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. М., 2007. 453 с.
- Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 2009. 160 с.
- Djuvara D.* Aromânii: istorie, limbă, destin. Bucureşti, 2012.
- Guia S.* Elemente de dialectologie română. Iaşi, 2014.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: СПОСОБЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ

ETHNOLINGUISTIC GROUPS OF SOUTHEASTERN EUROPE: WAYS OF PRESENTATION

Горлов Никита Геннадьевич

сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН

Морозова Мария Сергеевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Соболев Андрей Николаевич

главный научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН

В докладе рассматриваются некоторые способы цифровизации и пропорциональной визуализации сведений об этнолингвистических группах Юго-Восточной Европы (Балканского и Карпатско-Дунайского ареалов), имеющихся в настоящее время в аналоговых форматах и необходимых для количественно обоснованного составления репрезентативных лингвистических выборок по региону. Выборки, лежащие в основе сеток пунктов лингвистических атласов рассматриваемого региона, таких как известные *Atlas Linguarum Europae*, *Atlante linguistico mediterraneo*, *Общекарпатский диалектологический атлас*, *Малый диалектологический атлас балканских языков* и малоизвестный новейший *Mouton Atlas of Languages and Cultures* [Carling 2019] никоим образом не отражают местного лингвистического и этнолингвистического разнообразия в его полноте и очень непропорционально представляют языковые варианты региона с точки зрения количества говорящих. Несмотря на то, что идеальные выборки были недостижимы в прошлом и вряд ли будут достижимы в близком будущем при текущем положении дел в балканском языкознании в принципе, тем не менее, стремление к достаточному, максимально полному, достоверному и пропорциональному отражению разнообразия лингвистических фактов с учетом различной глубины диалектной дифференциации *on the ground* побуждает поставить вопрос о методах их составления, цифровизации и способах визуализации результатов в новом международном проекте *Atlas of the Balkan Linguistic Area* [<https://abla.cnrs.fr>]. Можно ли найти способы соотнести имеющуюся нестабильную политико-географическую, часто оценочную количественную этнографическую и очень фрагментарную социолингвистическую информацию (вроде «на территории государств X, Y проживает количество N представителей этнической группы Z») с качественной лингвистической (вроде «на территории Ω бытуют языковые формы α , β , γ ...»), визуализировать ее на лингвистических и этнолингвистических картах и использовать для создания представительных лингвистических выборок? С методологической точки зрения выделяются несколько шагов, важных для решения поставленной задачи. Во-первых, создаваемая выборка должна быть полной с точки зрения исчисления в ней известных науке этнолингвистических групп Юго-Восточной Европы. Особую проблему здесь представляет отражение групп, даже приблизительная численность которых трудно определима, напр., арумын или цыган. Составление — пусть даже репрезентативной — выборки групп, представляющих в данное время интерес для определенного круга ученых (подход, нередко используемый в лингвистических атласах и базах данных, ср. выборку *World Atlas of Language Structures*, которая включает в общей сложности 2662 языка и диалекта, но при этом представляет скорее набор языковых типов, отражающих поведение отдельных «интересных» параметров межъязыкового варьирования), может привести к тому, что наблюдаемые на материале такой выборки распределения окажутся далеко не полностью соответствующими действительности. Во-вторых, должна быть разработана шкала количественных оценок численности этнолингвистических групп, адекватно учитывающая как сравнительно точные сведения, так и оценочные суждения (напр. в Призрене проживают 60 тыс. турок; численность италоговорящего населения Юго-Восточной Европы составляет «несколько десятков тысяч»

человек [Kahl 2014]). В-третьих, необходимо обеспечить удобное визуальное отображение данных о расселении изучаемых этнолингвистических групп, напр. при точечном представлении территории распространения — выбор размера значков для разработанной шкалы с учетом разницы между минимальным и максимальным значением численности группы (100 чел. vs. 19 млн. чел.). Полученные данные о численности этнолингвистических групп могут быть использованы в лингвистических исследованиях, в которых число говорящих на языке — в сочетании с другими социолингвистическими параметрами (престиж, тип связей внутри языкового сообщества, число носителей языка как L2) — выступает в качестве одной из переменных. Для подобных исследований необходима не только типологически репрезентативная выборка языков/групп, но и адекватное представление о количественном соотношении между ними. С технической точки зрения, широкий спектр возможностей статистической обработки и визуализации данных предоставляет язык программирования R, позволяющий с помощью функционала подгружаемых пакетов (таких как ggplot2, plotly, gt, flextable, reactable и др.) выводить нужную информацию и ее анализ в виде таблиц, линейных графиков, гистограмм, диаграмм корреляций, столбчатых диаграмм — как статических, так и интерактивных. Также инструментарий R и его пакетов (в частности, пакета leaflet) позволяет отображать необходимые данные на интерактивных картах, обеспечивая возможность генерации комплексных многослойных систем условных значков, геометрических фигур, легенд и интерфейса взаимодействия с ними поверх т. н. картографических «подложек», а также возможность импорта сторонних данных, находящихся в открытом доступе и потенциально важных для решения поставленных задач по визуализации — например, информации о региональных и политико-административных границах из соответствующих баз данных (таких как geoBoundaries [Runfola et al. 2020]). Наконец, все визуализированные различными способами данные могут быть «собраны» в единое веб-приложение (с помощью пакета R shiny) для обеспечения удобства доступа к результатам исследовательской работы и взаимодействия с ними.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-48-09003, <https://rscf.ru/project/22-48-09003/>.

Литература

- Carling G. (ed.). Mouton Atlas of Languages and Cultures. Berlin; New York, 2019.
- Kahl Th. Etnische, sprachliche und konfessionelle Struktur der Balkanhalbinsel // P. Himstedt-Vaid, U. Hinrichs, Th. Kahl (eds.). Handbuch Balkan. Wiesbaden, 2014. P. 87–134.
- Runfola D. et al. geoBoundaries: A global database of political administrative boundaries // PLoS ONE. 2020. Vol. 15(4): e0231866.

БИБЛИЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

НАБЛЮДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ БИБЛЕЙСКОГО КАНОНА

Алексеев Анатолий Алексеевич

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

1) В Кумране нет свитков, которые содержали бы более одной книги (De Troyer 2008). Самый ранний кодекс (около 250 г.), содержащий книги Чисел и Второзакония, — не еврейский (Kenyon 1935). Процесс канонизации идет преимущественно за пределами еврейского оригинала в сфере греческих и затем латинских переводов. Это обусловлено характером литературно-письменной традиции.

2) Иосиф как библейский автор. Древности иудейские (Ιουδαϊκή ἀρχαιολογία) представляет собою пересказ большей части ветхозаветного списка книг, который, по сути, не отличим от других ветхозаветных текстов. В согласии с этим в эпизоде с избранием Веспасиана императором в 69 г. Иосиф действует как пророк («Иуд. война» 4).

3) Собирательная деятельность Оригена стремится охватить все, что возможно, хотя он и руководствуется составом греческих переводов Акилы, Симмаха, Феодотиона и LXX. Появившиеся новые термины и понятия Ветхий Завет и Новый Завет не имеют в виду противопоставить эти заветы, но указывают на их связь и преемственность. Побеждает не религия евреев, но монотеистическая концепция.

4) Список библейских книг Афанасия Александрийского (367) направлен не на канонизацию, но на выявление источников, как у Оригена. Труд Оригена не был ему известен.

5) Развитие греческой рукописной традиции (Rahlfs 1914). Отсутствие полных рукописей в Византии объясняется тем, что все внимание после Максима Исповедника († 662) обращено на литургическое применение текстов. Преимущественное использование Нового Завета. При этом в одном томе ВЗ и НЗ не совмещаются. Греч. ἡ παλαιὰ / Νεὰ [διαθήκη]. Слав. палѣя.

6) Исключительность латинской традиции. Фигура Кассиодора Сенатора (490–585), его знакомство с трудом Оригена. Кодекс Амиатинус (716). Алкуин (732–804) и император. Парижский университет (Stephen Langton, 1150–1228).

7) Развитие библейской филологии и книгопечатание. Лат. *biblia* впервые около 1520 у Фомы Кемпийского (Si scires totam Bibliam, et omnium philosophorum dicta quid totum prodesset, sine charitate et gratia?).

8) Канон — не столько свидетельство достоверности библейского текста, сколько инструмент консервации его в том или другом виде, результатом чего становится исключение Библии из литературной традиции.

Литература

- De Troyer K. When did the Pentateuch come into Existence? // Die Septuagint — Texte, Kontexte, Lebenswelten. Internationale Fachtagung veranstaltet von Septuaginta Deutsch (LXX. D), Wuppertal 20–23. Juli 2006. Hrsg. von M. Karren und W. Kraus unter Mitarbeit von M. Meiser. Mohr Siebeck. Tübingen, 2008. S. 269–286.
- Kenyon F. G. The Chester Beatty biblical papyri descriptions and texts of twelve manuscripts on papyrus of the Greek Bible. Fasciculus 5. Numbers and Deuteronomy. London, 1935.
- Rahlfs A. Verzeichnis der griechischen Handschriften des Alten Testaments, für das Septuaginta-Unternehmen. Göttingen, 1914.

КНИГА ПРЕМУДРОСТИ ИИСУСА СЫНА СИРАХОВА: ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК С ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИМИ И БОГОСЛОВСКИМИ КОММЕНТАРИЯМИ. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сизиков Александр Владимирович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В 2019 г. профессор А. А. Алексеев предложил провести на кафедре исследования, связанные с неканоническими книгами Священного Писания. Книга Сираха представляла, на наш взгляд, наибольший интерес. Церковнославянские переводы этой книги остаются малоизвестными, как, впрочем, и большинство переводов на русский язык. Более того, единственный перевод, выполненный с учетом древнееврейских источников был выполнен в 1911 г. После предварительной работы, проведенной А. В. Сизиковым по изучению истории книги Сираха в России, в 2021 г. группа исследователей (А. В. Сизиков, Ю. П. Вартанов, А. В. Немировская, с 2022 г. Е. Н. Мещерская) приступили к созданию нового перевода на русский язык с комментариями. Группа сразу отказалась от общепринятой концепции компромиссного перевода на основании общей реконструкции на материале греческих и древнееврейских источников.

Древнегреческий текст существует в нескольких редакциях, установить общей архетип которых не представляется возможным несмотря на большое количество списков.

Древнееврейские источники не только малочисленны и фрагментарны, но и отстоят друг от друга на 1000 лет. В большинстве случаев невозможно установить отношение между списками. Существует вероятность, что древнееврейский текст мог претерпевать изменения параллельно с греческим переводом. Помимо текстологического фактора, необходимо учесть еще и культурно-исторический: европейский читатель был знаком с книгой в древнегреческом переводе или в дочерних к нему переводах. Поэтому перевод с древнееврейского и древнегреческого языков осуществлялся независимо. Перевод с древнегреческого был выполнен по критическому изданию Й. Циглера [3] в полном объеме, осуществлен перевод избранных альтернативных чтений из аппарата. Полностью впервые на русский язык переведены все дополнительные чтения из так называемой «расширенной редакции». Переведены чтения, присутствующие в латинских источниках, но отсутствующие в греческом, по критическому изданию Вульгаты [2] и *Vetus Latina* [4], в аппарат были добавлены и разночтения по Сиро-Гекзапле [1]. Древнееврейский перевод выполнен синоптически с дипломатического издания П. Бентьеса [5] и с фотокопий рукописных источников, представленных на ресурсе bensira.org.

Переведены и все маргиналии, присутствующие в древнееврейских рукописях. Все переводы снабжены аппаратом с текстологическими и переводческими комментариями. Поскольку церковнославянский и Синодальный переводы не только популярны в России, но и пользуются большим доверием у читателя, мы сочли необходимым объяснить в аппарате некоторые текстологические различия. Текст перевода разделен на части, сначала следует перевод с древнегреческого, а затем с древнееврейского. Текстологические и переводческие примечания приводятся под текстом. После части следуют историко-филологические и теологические комментарии или указания на исследовательскую часть. В комментариях предложена оригинальная интерпретация некоторых культурных реалий, упоминаемых в книге. В исследовательской части помимо общих сведений об истории и текстологии книги Сираха и обзора источников представлены разделы о языке, поэтике и стилистике книги, историческом контексте, богословии Сираха. Отдельный раздел посвящен литературным связям Сираха с другими книгами Священного Писания и апокрифами.

Выполнено исследование и предложена классификация маргиналий древнееврейских источников книги Сираха. Выполнен обзор всех существующих переводов книги Сираха на русский язык. Обнаружены малоизвестные поэтические переводы книги. В научный оборот введены сведения о переводе А. А. Сергиевского, что позволило установить второй источник русского перевода книги Сираха в Синодальном издании 1876 г.

Исследован церковнославянский перевод книги Сираха. Сопоставлено 11 полных списков, два бревиария и три списка с выборками. Установлены и охарактеризованы южнославянская и восточнославянские редакции перевода, атрибутировано несколько интерполяций в книге Сираха в Изборнике 1076 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44142.

Литература

Ceriani A. M. Codex Syro-Hexaplaris Ambrosianus photolithographice / A. M. Ceriani, Mediolani, 1874.

Biblia sacra: iuxta latinam Vulgatam versionem ad codicum fidem. Sapientia Salomonis. Liber Hiesu filii Sirach. XII Vatican: Typis polyglottis vaticanis, 1964.

Septuaginta: Vetus Testamentum Graecum. Auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis editum. Vol. XII,2: Sapientia Iesu Filii Sirach под ред. J. Ziegler, 2., durchges. Aufl.-e изд., Göttingen, 1980.

Vetus Latina. Die Reste der Altlateinischen Bibel. Sirach (Ecclesiasticus) под ред. A. Forte, W. Thiele. Freiburg, 1987.

The Book of Ben Sira in Hebrew: a text edition of all extant Hebrew manuscripts and a synopsis of all parallel Hebrew Ben Sira texts под ред. P. C. Beentjes. Leiden; New York, 1997.

АПОКРИФ «ИОСИФ И АСЕНЕТ» И КНИГА ЕСФИРИ: ПРЕСЕЧЕНИЯ И ВСТРЕЧИ

Брагинская Нина Владимировна

профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Шмаина-Великанова Анна Ильинична

профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Задача исторической, идейной и литературной контекстуализации библейского апокрифа «Иосиф и Асенет» (далее ИиА), может решаться, в частности, сопоставлением с другими книгами Септуагинты. Хотя ИиА небольшое сочинение, в нем содержатся отсылки к 28 из 39 книг Еврейской Библии, так что плотность «цитаций» и разнообразие использованных книг Септуагинты в ИиА исключительны. Но если по набору библейских книг, которые в ИиА чаще всего используются, этот апокриф подобен другим псевдоэпиграфам, то интерес к греческой Книге Есфири (далее Есф) в ИиА явно особый. Мы произвели обобщающие подсчеты по указателю цитат к изданию Псевдоэпиграфов Чарльсворта [Delamarter 2002] и обнаружили, что из 24 отсылок к Есф во всем корпусе псевдоэпиграфов 16 приходится на небольшую ИиА.

Доклад представляет собой попытку рассмотреть параллели между ИиА (а из них большинство приходится на пространное дополнение в 4:17, молитвы Мордехая и Есфири) как подтверждения тому, что Есф повлияла на ИиА в литературном и идейном отношении.

Мы выделили три класса параллелей: лексико-стилистические, наиболее частотные, это библейские фразеологизмы и формулы. Отнесение к ним строится на частотности/стандартности. Если автор ИиА повторяет их в своем произведении, он только обозначает явным образом свой лексико-стилистический ориентир. Наряду с этим классом мы выделили топосы — связанные с библейскими реалиями клише, допускающие варьирование лексики. Самое сложное и интересное — аллюзии, где важна как раз уникальность, так как аллюзии — это отсылки к другому тексту с целью обогатить авторский текст смыслами языка источника. Иногда аллюзии включают в себя прямые цитаты и сопоставительные противопоставления. Мы обнаружили более двух десятков параллелей между Есф и ИиА. Значительная часть их группируется вокруг главных персонажей: вокруг Есфири и Мардохея и Асенет и Иосифа, соответственно. Из выделенных нами параллелей двадцать приходятся на существующие только по-гречески молитвы (Есф гл. 4.17), а в молитвах ИиА сосредоточено наибольшее число молитвенных топосов, характерных для литературы Второго Храма.

Несколько параллелей весьма выразительны. Например, уникальное выражение «архонт сатрапов», маркирующее начало как Есф, так и ИиА, и уникальное выражение «с ясным лицом», которое помещено в начале второй части ИиА; или описания одеяний и главных мужских и женских персонажей и покоев главных героинь. Эти параллели мы считаем сознательными литературными аллюзиями. Многие топосы используются с каким-то уникальным поворотом, либо даже как бы с обратным знаком, как противопоставление.

На основании сопоставительного анализа параллелей в ИиА и Есф, а также рассмотрения литературной стратегии автора «Иосиф и Асенет» в целом, мы приходим к выводу, что автор ИиА не просто писал языком, которым «вообще писали» в его (какое?) время. Он сочинял текст, достойный дополнить и продолжить Библию, как и созданные в Палестине на иврите или арамейском книга Премудрости Иисуса сына Сирахова, 1 Макк., Иудифь, Даниил и др. Поэтому мы полагаем, что автор повести пользовался не языком Библии, но самой Библией как литературным источником, отсылая к тем книгам и контекстам Библии, которые важны для автора повести в литературном и идейном отношении. Автор ИиА — глубокий знаток Св. Писания. Он оттачивает язык Септуагинты как литературный язык, гибкий и выразительный, лишенный грамматических варваризмов, но синтаксически бесспорно указывающий на свой образец — Библию. Предполагается, что потенциальный читатель знает Книгу Бытия наизусть и по-

нимает аллюзии, отсылающие к ней и то, как автор играет с топикой, преображая ее в своих целях. Здесь зарождается переосмысление традиционного священного текста, мидрашистские принципы, но они находятся в рамках создания поэтического и символического повествования, в, собственно, мидрашах более позднего периода этого уже почти нет.

По-видимому, помимо языковых и стилистических заимствований из Септуагинты, иудео-эллинистическая литература опиралась на Греческую Библию как источник образов, соотношение с которым, намек на который, использование каких-то его фрагментов идет создаваемой книге на благо. Подобная опора на сверженный источник, авторитетный не только и может быть не столько в литературном отношении, но влияющий на всю ткань новосозданной книги, может иметь разные степени от почти цитаты до отдельных меток-отсылок. Автор ИиА обыгрывает и даже цитирует греческий вариант Есф, однако его сочинение целиком противопоставлено Есф, но не полемически, как Книге Иудифи [Михайлова 2009: 221–233], а как другая возможность: обе книги ориентируются литературно и богословски на новеллу об Иосифе из Бытия и решают ту же задачу: учат «образу жизни в диаспоре», по выражению Д. Смит-Кристофера [Smith-Christopher 1994: 243–265]. Однако здесь кроется и коренное отличие между ними, разница мироощущений. Автор ИиА предлагает еврею на чужбине не приспособиться к жизни местных людей и возвыситься среди них, дабы спасти свой народ, но открыть местным красоту и правду библейской веры и тем самым обратить и спасти всех людей, евреев и неевреев.

В качестве дополнительного предположения мы позволяем себе высказать догадку, что автор Иосиф и Асенет получил греческую Есфирь из рук Досифея, который привез перевод Лисимаха в Александрию. Этого Досифея можно отождествить с одним из еврейских полководцев Клеопатры II, который происходил из Гелиопольского поселения Онии IV [Брагинская Н. В., Виноградов А. Ю., Шмайна-Великанова А. И. 2010: 167–168].

Происхождение и значение нисбы 'ibri «еврей» на основании клинописных и библейских источников 7–5 вв. до н. э.

Немировская Адель Владимировна, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Под термином «нисба» (nisbe < араб. «отношение, связь») подразумевают обозначение человека по происхождению (gentilic), прежде всего, из какой-либо местности. Нисба 'ibri образована от сущ. 'ebār «противоположный берег реки, Заречье», судя по письменным источникам I тыс. до н. э., представлявшего собой в древности наименование географической области. Греческая транскрипция Εβραῖος отражает арамейскую форму той же нисбы с арамейским суффиксом -aj. В клинописных источниках первое письменно засвидетельствованное упоминание данного топонима находим в тексте закладной призмы царя Ассирии Асархаддона, который датируется 673 г. до н. э. и посвящен новому зданию арсенала в Ниневи. Текст содержит отчет о военно-политических успехах Ассирии на Западе (eber nāri = māt Ḥatti — Сиро-Палестинский регион) в 677–676 гг. [Leichty E. The Royal Inscriptions of Esarhaddon, King of Assyria (680–669 BC). Winona Lake, 2011; p. 23–24]. Крупнейшая административная область древнеперсидской империи Ахеменидов (сатрапия) называлась ebir nāri «(Вавилон-и-)Заречье/Заевфратье».

Во многих клинописных документах 6-нач. 5 вв. до н. э. времени правления Кира II (559–530 гг.), Камбиза (529–522 гг.) и Дария I (521–486 гг.) упоминается перс Гобрий, являвшийся сатрапом сатрапии «Вавилония-и-Заречье». Эта же сатрапия 'br nhrh / 'br nhr' (арам.) многократно упоминается в библейских источниках ахеменидского времени: кн. Ездры (Ezr 4:10, 11, 16, 17, 20; 5:3, 6; 6:6, 8, 13; 7:21, 25) [Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э.: социальные институты и идеология. СПб., 2009; The Assyrian Dictionary of the Univ. of Chicago, E. P. 8; Röllig W. Transeuphratene // RIA. Bd. 14, S. 112–113]. Поселение Bit-Abī-rām «Дом Аврама», а также река/канал nāgu ša Abī-rām «Канал Аврама» (южнее г. Ниппура в Южной Месопотамии) упоминаются в хозяйственном документе (расписка о возврате долга по ячменю), составленном в поселении Bit-Abī-rām в 5-й день 1-го месяца, 1-го года Кира, царя (всех) стран (538 г.) [CUSAS 28].

Кроме того хозяйственных документы с упоминанием поселения «Дом Аврама» и «Канала Аврама» датированы 6-м и 22-м годом (515 и 499 гг.) Дария, царя Вавилона-и-стран [Joannes, Lemaire, RA 90 (1996), no 1, 5, 6]. Помимо этого, судя по клинописным документам 6 в. до н.э., в округе южномесопотамского города Ниппура существовало поселение «Город иудеев» (акк. *ālu ša yahūdāya*), или «Иудея-град» (акк. *ālu (ša) Yahūdū*) [Pearce L., Wunsch C. Documents of Judean Exiles and West Semites in Babylonia in the Collection of D. Sofer. CDL Press, 2014; Magdalene F.R., Wunsch C., Wells B. Fault, Responsibility, and Administrative Law in late Babylonian Legal Texts. Pennsylvania, 2019]. Что касается библейских контекстов, смысл обозначения protagonista кн.Бытие Авра(а)м-*ʿibrī* — не в том, что он будто бы «первый еврей» (распространено в библейских комментариях), а в том, что он «Аврам-заречный» (Быт 14:13 / LXX τῷ περάτρῃ) и назван так по происхождению «из Еверовых (*bəne ʿebār*)» (Быт. 10:21; 11), т.е. заречных/заевфратских арамеев (Втор. 26:5). Его родина: *ʾāram nahārajim* «Арам Двуречья» (Быт 24:10 / LXX εἰς τὴν Μεσοποταμίαν), или *ʿebār hannāhār* / Πέραν τοῦ ποταμοῦ «Заречье» (Ис. Нав. 24:2–3). Авраам о женитьбе Исаака (Быт. 24:2–10): «Заклинаю тебя (богом) Йаху, богом неба и богом земли, что не возьмешь жену сыну моему из дочерей ханаанея, среди которого я проживаю. И отправился в Арам Двуречья (греч. εἰς τὴν Μεσοποταμίαν «в Месопотамию») в город Нахора». Наставления Моисея израильтянам (Втор. 26:5): «Будешь отвечать перед Йаху, богом твоим: отец (предок) мой — исчезающий (т.е.кочующий) арамей» (греч. «сириец»). Речь Иисуса Навина перед израильтянами от лица Бога (Ис. Нав. 24:2–3): «В Заречье обитали предки ваши издревле: отец ваш Фара, отец ваш Авраам и отец ваш Нахор, и служили другим богам. И взял я отца (предка) вашего Авраама из Заречья и позволил ему ходить по всей земле Ханаана и сделал многочисленным семя/потомков его». Кн. Ионы 1:9: «Чем ты занимаешься (каково твое занятие/профессия), откуда ты идешь, какая твоя страна и из какого ты народа?». Он (Иона) сказал им: «я *ʿibrī*-еврей, я почитаю Йаху, бога неба, который сделал море и сушу». Здесь примечательно упоминание божества «Господин/Баал неба», характерное для финикийских, а в особенности, арамейских источников (в том числе кн.Даниила); ср. также упоминание «Ваала/господина неба» в вассальном договоре между Асархаддоном и Ба'лу, царем Тира (676 г. до н.э.) [Parpola S., Watanabe K. Neo-Assyrian Treaties and Loyalty Oaths. Helsinki Univ. Press, 1988].

Ввиду того, что в Пятикнижии отсутствуют прямые указания на реальные датировки (в отличие от ряда книг Писаний и Пророков, содержащих относительную датировку), особое значение имеют клинописные и библейские источники 7–5 вв. до н.э., которые позволяют сделать следующие выводы. Нисба *ʿibrī* (Εβραῖος) — исторически одно из общих обозначений населения Восточного Средиземноморья к западу от Евфрата.

Нисба *ʿibrī* (Εβραῖος) — исторически одно из общих обозначений населения Восточного Средиземноморья к западу от Евфрата (< *eber nāri* / *ʿbr nhrh* / *ʿebār hannāhār* «Заречье (Заевфратье)»), впервые засвидетельствовано в текстах времени ассирийского царя Асархаддона (676 г. — договор с Тиром, 673 г. — присяга 12 царей Восточного Средиземноморья).

Топонимика и антропонимика (677 г. — год *Аб(и)-рама* (Аврама), великого визиря при Асархаддоне [PNA 1/I A]), представленная в источниках I тыс. до н.э. (клинописные, библейские), датируется так наз. «длинным 6-м веком» (“the long 6th century BCE”, 626–484 гг. до н.э.), т.е. эпохой Нововавилонской державы арамеев-халдеев (цари Набуполассар, Навуходоносор, Набонид) и сменившей ее древнеперсидской державы Ахеменидов (Кир-Корэш, Камбиз, Дарий-Дарьявэш, Ксеркс-Ахашверош).

Датированные клинописные документы VII–V вв. до н.э., упоминающие географическую область *eber nāri* Заречье, а также поселение «Дом Авра(а)ма» (*Bit-Abī-rām*) обеспечивают хронологическую привязку для датирования библейского цикла о патриархах, прежде всего, о (полу)легендарном родоначальнике этого клана — Авра(а)ме, ср. библейскую отсылку к Заречью (Ис. Нав. 24: 2–3).

СИРИЙСКИЕ ПЕРЕВОДЫ КНИГИ ПРЕМУДРОСТЬ БЕН СИРЫ

Мещерская Елена Никитична

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Книга Премудрость Бен Сиры или Бар Сиры была хорошо известна сирийцам и имела у них широкое распространение. Об этой книге знали сирийские книжники уже в IV в. Об этом свидетельствуют цитаты из нее у авторов этого времени — Ефрема Сирина и Афраата.

Наиболее известным переводом сирийской традиции стала версия этого произведения, представленная в Пешитте. На сегодняшний день существует научное издание книги Бар Сиры в версии Пешитты, выполненное П. де Лагардом. [Lagarde de 1861: 1–51]. Издание текста книги по этой версии готовится в Лейденском институте Пешитты. Автор этой работы В. ван Пёрсен дает перечень из 65 рукописей Бар Сиры, датируемых с VI–VII по XIX вв. [Peursen van 2011: 143–144]. В настоящее время наши представления о сирийских переводах Сираха базируются на работах этого ученого. Перевод книги Бен Сиры в версии Пешитты очень плохого качества. Он основывается на пространной древнееврейской версии книги, которую сейчас принято обозначать Heb II. Однако сирийский перевод, которым мы располагаем сейчас, нельзя возвести ни к одному из известных ныне древнееврейских текстов. Перевод плохого качества, что можно объяснить несколькими причинами: неудовлетворительным состоянием древнееврейского текста, по которому делался перевод, неправильным прочтением его переводчиком, а также искажением текста при переписке. Сопоставление с другими переводами позволяет охарактеризовать сирийского Бен Сиру как перевод свободный, неточный и небрежный. Исследователи отмечают в этом переводе ряд особенностей, присущих арамейским Таргумам. В сирийском Бен Сире можно найти примеры того, как стихи древнееврейского текста заменяются отрывками, имеющими параллели в раввинистической литературе или отражающими знакомство переводчика с галахой. Но вместе с тем есть и параллели с отрывками из Нового завета. Это говорит об экзегетическом характере перевода и о том, что переводчику были знакомы законодательные установления иудаизма, распространявшиеся устно в первые века н. э. Однако о личности переводчика или переводчиков книги Сираха, как и об их религиозной принадлежности ничего определенного все же сказать нельзя. Скорее всего, сирийский перевод Сираха, представленный в Пешитте, мог появиться в среде иудео-христианских общин в период II–III вв.

Востоносирийские христиане (несториане) всегда использовали библейский текст в переводе Пешитты. Западносирийские христиане (монофизиты) не были удовлетворены этим переводом, поскольку он не помогал в богословской полемике, базирующейся на греческой богословской лексике. Поэтому у них возникла потребность в новом переводе Библии с греческого оригинала. Таким оригиналом стала для Библии Ветхого завета Гексапла Оригена (III в.). Переводчиком выступил монофизит Павел, епископ Телла-де-Маузелата или Константины. Павел Теллский в период с 615 по 617 гг. перевел 5-ю колонку Гексаплы Оригена, в которой содержался отредактированный текст греческого перевода Септуагинты, однако оставил маргинальные заметки на полях, включающие сведения из других колонок. Перевод очень точно отражал греческий оригинал. Этот перевод принято называть Сиро-гексаплой, хотя сами сирийские книжники ссылались на него, как перевод Семидесяти. Текст Премудрости Сираха в этом переводе дефектен, в рукописи не хватает последнего листа, поэтому в нем отсутствует глава 51 (Сир 51). Система нумерации глав сиро-гексапларной версии отличается от той, которая известна по Пешитте. Текст издан фототипически по рукописи Амброзианской библиотеки [Seriani 1874].

Существует традиция библейских текстов, написанных сиро-палестинским письмом. Несколько фрагментов сиро-палестинского происхождения датируются IV–V вв. и представляют перевод книги Премудрости Бен Сиры, который был сделан с греческого оригинала, вероятно, восходящего к лукиановской редакции LXX [Schulthess 1905]. На перевод также оказала влияние версия Пешитты.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44142.

Литература

- Ceriani A. M.* Codex Syro-Hexaplaris Ambrosianus photolithografice editus. Milan, 1874. (Monumenta sacra et profana 7).
- Lagarde de P. A.* Libri Veteris Testamenti apocryphi syriace. Lipsiae: F. A. Brockhaus. Londinii, 1861. P. 1–51; IV–X (разночтения).
- Peursen van W.* Language and Interpretation in the Syriac Text of Ben Sira. A Comparative Linguistic and Literary Study. Leiden — Boston, 2007. (Monographs of the Peshitta Institute Leiden. Vol. 16).
- Schulthess Fr.*, ed. Christlich-Palästinische Fragmente aus der Omajjaden-Moschee zu Damaskus. B., 1905. S. 39–40.

РУКОПИСЬ РНБ. СОФ. 1129 КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО НОЧНОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

Андреев Александр Андреевич

научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

1. Источник РНБ. Соф. 1129, в каталогах рукописей Библиотеки новгородского Софийского собора, ныне хранящихся в Российской национальной библиотеке, обозначенный как Служебник [Гранстрем 1953: 55], следует считать Часословом необычного состава, включающим только ночные чинопоследования, на что впервые обратил внимание А. В. Щепеткин [Щепеткин 2019]. В публикации А. В. Щепеткина не было проведено сравнение с византийскими памятниками этого жанра, результаты которого теперь представляются. Как было показано, Часослов такого состава мог употребляться для келейной ночной молитвы, о чем свидетельствуют византийские памятники Псалтири с часословом, также содержащие только ночные келейные чинопоследования.

2. На основании палеографических и лингвистических данных, время и место написания рукописи Соф. 1129 можно уточнить как конец XIV в. в Новгороде.

3. Содержащийся в рукописи чин повечерия (мефимона) имеет обычный состав для часословов этого периода и, скорее всего, был переписан с древнерусского Часовника, содержащего обычные последования суточного богослужения (вечерню, часы, утреню, повечерие). Повечерие, названное здесь, как и в других памятниках, мефимоном, имеет простую структуру, в целом совпадающую с первой частью Великого повечерия более поздних памятников, к которой присоединен обычный для Часовника состав изосиллабических гимнов (гимнов ката стихон, о которых см. [Andreev and Hieromonk Dalmat 2022]) в конце повечерия.

4. Чины первосопницы и полунощницы отражают архаическую традицию частной ночной молитвы в Константинополе предположительно в IX в., что видно из их литургических характеристик, в частности, наличия изосиллабических гимнов (гимнов ката стихон), и в сравнении с греческими памятниками схожего состава, в частности Орологиями Синай, гр. 864 и Синай, Greek, NE M 46 и Псалтирью BNF. Grec 22. Несмотря на значительные утраты листов в рукописи, реконструкция обоих чинов показала, что они состояли из шестопсалмия, респонсория, канона, изосиллабических гимнов и стихир. Удалось отыскать греческие аналоги канону и стихирам полунощницы, но не первосопницы.

5. Сам термин первосопница является переводом греческого термина *πρωτόβλνια*, который, хотя и не используется в византийских Орологиях, встречается в монашеской и агиографической литературе для описания первой части ночной молитвы. Таким образом можно предположить, что этим термином назван архаический чин повечерия монашеского происхождения, добавленный к обычному повечерию древнерусского Часовника, имеющему соборно-приходское происхождение.

6. На основании сравнения текста одного из гимнов — алфавитного гимна Богородице — в Соф. 1129 и ряде более поздних рукописей, а также сравнения текста глаголического азбучного гимна в Соф. 1129 и Ярославском часослове ЯМЗ. 15481, была проведена реконструкция предполагаемого первоначального текста этих гимнов в старославянской орфографии (она представлена в публикации [Андреев и Афанасьева в печати]). Эта реконструкция показала, что переводчик гимна Богородице стремился сохранить метрику греческого оригинала, а составитель азбучного гимна — подражать греческим гимнам ката стихон. Таким образом техника перевода изосиллабических гимнов, а также наличие оригинального славянского изосиллабического гимна с глаголическим алфавитным акростихом, указывают на возможный перевод данных чинов в Охриде в конце IX в. При этом наличие рефрена в конце азбучного гимна и позиция этого гимна внутри корпуса изосиллабических гимнов, аналогичная позиции греческого алфавитного гимна внутри корпуса гимнов ката стихон в Орологии Sinai, Greek NE M 46, наводят на мысль, что славянский алфавитный гимн с азбучным акростихом был составлен специально для этого богослужебного чинопоследования.

7. В итоге можно заключить, что рукопись Соф. 1129 имеет важное значение для реконструкции древнеболгарского Часослова, сохранившегося только в древнерусских памятниках, а через него — и константинопольского богослужения IX в. Наряду с Синайской псалтирью и глаголическим листком, также найденном на Синае, она свидетельствует о славянском суточном богослужении на самом раннем этапе его бытования, а также о выполненном в Охриде переводе византийского Орология.

Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-011-44032, Монашеское келейное правило на Руси в домонгольский период: литургические источники, их богословская и филологическая интерпретация.

Литература

- Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские. Л., 1953.
- Щепеткин А. В., диак. Часослов XIV в. (РНБ. Соф. 1129) и соответствующая ему богослужебная традиция // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. Т. 27. № 3. С. 125–53.
- Андреев А. А., Афанасьева Т. И. К истории древнеболгарского Часослова // Scripta & e-Scripta. В печати.
- Andreev A., Hieromonk Dalmat (Yudin). Kata Stichon Hymnography in the East Slavic Tradition // Religions 2022. Vol. 13, no. 1, article 40. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel13010040>.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ «ОБЩИНАХ ИУДЕЕВ И БОЯЩИХСЯ БОГА» В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ДЕЯНИЯ АПОСТОЛОВ

EPIGRAPHIC RECORDS OF THE "JEWISH AND GOD-FEARING COMMUNITIES" IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION AND THE ACTS OF THE APOSTLES

Браткин Дмитрий Александрович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

1. Joyce Maire Reynolds (1918–2022) in memoriam 1. 1980-е гг. в историографии раннего иудаизма ознаменованы важной дискуссией о таких Исследовательских презумпциях как (1) существование квазипрозелитов («боящихся Бога») [Kraabel 1981], (2) восходящие к XIX в. взгляды на средиземноморскую («западную») диаспору [Kraabel 1982] и (3) реформационные, по преимуществу лютеранские, антииудейские предубеждения, воспроизводимые при реконструкции иудаизма Второго Храма [Kraabel 1986]. Ныне многие выдвинутые Кробелем доводы представляется справедливыми, однако в своем поколении его программа не привела к адекватному пересмотру ни научной парадигмы в целом, ни ее сегмента, относящегося к исследованию Деяний.

2. Виной тому, как я думаю, была стратегическая ошибка Кробеля. Он избыточно акцентировал отсутствие свидетельств о существовании «боящихся Бога» (квазипрозелитах). Публикации Афродисиадской надписи [Reynolds / Tannenbaum 1987] привела к тому, что инвектива Кробеля начала восприниматься как полностью опровергнутая и напротив, доказанной стала казаться теория, согласно которой Деяния являются бесспорно ранним (60–80-е гг. н.э.), точным в деталях и исторически достоверным источником.

3. Но здесь мы сталкиваемся с двумя проблемами. (А) Рейнольдс и Танненбаум видели на камне одну надпись и обосновывали в качестве *terminus ante quem* для нее 212 г. н.э., позднейшие исследователи разделили ее на два независимых текста и сдвинули датировку вплоть до конца IV в. и позднее, радикально обесценив ее значение для предполагаемого периода создания Деяний. (Б) По буквальной интерпретации афродисиадского текста, двое *theosebeis* упомянуты среди членов иудейской общины, что создавало интересную коллизию: либо в тексте надписи (-сей) слово *theosebes* полисеманлично (=не является *terminus technicus*), либо в Афродисиаде язычники, почитающие Бога Израилева, входили в состав иудейской общины. Обе альтернативы крайне неудобны для консервативной интерпретации Деяний, поскольку (а) в Деяниях *sebomenoi / phoboumenoi ton theon* употребляется в терминологическом значении, и (б) автор Деяний подчеркивает эссенциальную границу между иудеями и квазипрозелитами в рассказе о центурионе Корнелии (Деян 10) и о событиях в Антиохии Писидийской (Деян 13) — именно отмена этой границы образует кульминацию двух параллельных сюжетных линий в Деяниях. Дж. Рейнольдс и Р. Танненбаум ссылались на манумиссию КБН/CIRV 71 как на параллельное свидетельство того, что в Пантикапее квазипрозелиты тоже входили в состав еврейской общины (...tes synagoges ton ioudaion kai theosebon). Манумиссия датируется I в. н.э., и тем самым почти идеально совпадает со временем написания Деяний или даже предшествует ему, ставя тем самым под сомнение консервативный подход к Деяниям как раз в том вопросе, где она только что оказалась столь блистательно подтверждена. Однако, чтение ...*theosebon* в надписи КБН 71 является эмендацией Г. Беллена — Б. Лившица: *theosebon*. Необходимость в этой эмендации И. А. Левинская и пытается довольно правдоподобно опровергнуть [2000:124–129], уверенно заявляя: «у нас нет ни одного случая, чтобы иудейская община официально включала в свой состав язычников» [2000:129].

4. В 2007 г. была обнаружена пантикапейская манумиссия середины I в. н.э. (см. подробнее [Левинская 2019]), в которой, несмотря на плохое состояние текста, уверенно восстанавливается [syn]agoges ton iou[daion kai th]eosebon. В 2016 г. была обнаружена манумиссия 95/96 г. н.э., по-видимому, происходящая из Гермонассы, в которой, несмотря на еще более плачевную сохранность, издатели убедительно обосновывают восстановление той же формулы (см. [Бехтер

/ Чхаидзе 2021]). Иными словами, для I в. н. э. есть ТРИ независимых свидетельства о том, что как минимум в двух крупных центрах Причерноморья *theosebeis* официально входили в состав еврейской общины.

5. Эти данные заставляют нас сделать именно то, о чем когда-то предупреждала И. А. Левинская [2000: 124] — пересмотреть многие привычные представления и по-новому прочесть многие источники. В частности, это уверенно подтверждает догадку Кробеля о чрезвычайном многообразии (*diversity*) Западной диаспоры. Это создает ситуацию «или-или»: либо членство квазипрозелитов в общине составляет местную изолированную причерноморскую специфику (и следовательно, мы теряем методологическую возможность для проекции на иные регионы наших знаний о причерноморских феноменах, в том числе, таких, как культ Бога Высочайшего) — либо же мы, опираясь на причерноморские манумиссии как на раннюю параллель практике, зафиксированной в Афродисиадской надписи, признаем такую общность более или менее распространенной в средиземноморской диаспоре, но это будет иметь катастрофические последствия для традиционной интерпретации Деяний.

Литература

- Бехтер, А. П., Чхаидзе, В. Н. Новые данные о «боящихся Бога» на Азиатском Боспоре // Вестник древней истории. 2021. 81 (4): 922–937.
- Левинская И. А. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000.
- Левинская И. А. Община иудеев и боящихся Бога // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1. С. 314–321.
- Kraabel A. Thomas. The Disappearance of the 'God-fearers' // Numen. 1981. Vol. 28. P. 113–126.
- Kraabel A. Thomas. The Roman Diaspora: Six Questionable Assumptions // Journal of Jewish Studies. 1982. Vol. 33. P. 445–464.
- Kraabel A. Thomas. Greeks, Jews, and Lutherans in the Middle Half of Acts // Harvard Theological Review. 1986. Vol. 79. P. 147–157.
- Reynolds Joyce M., Tannenbaum Robert. Jews and God-Fearers at Aphrodisias. Greek Inscriptions with Commentary. Texts from the Excavations at Aphrodisias. Conducted by Kenan T. Erim. Cambridge: The Cambridge Philological Society. 1987. Supplementary Volume No. 12.

К ВОПРОСУ О СООТВЕТСТВИЯХ ЕВАНГЕЛИЮ ОТ МАРКА В ТЕКСТАХ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ

ABOUT THE CORRESPONDENCES TO THE GOSPEL OF MARK IN THE GOSPEL OF MATTHEW

Витковский Вадим Евгеньевич

доцент, Humboldt-Universität zu Berlin

В попытках решить т. н. «синоптическую проблему» богословы обычно основываются на упрощенном понимании того, что такое «соответствие» между Евангелиями. За таковые принимаются, как правило, тексты, повествующие об «одном и том же» событии или содержащие «одно и то же» высказывание Господа Иисуса Христа. Более строгий филологический подход требует рассматривать всерьез как соответствующие друг другу и такие тексты, которые имеют целый ряд сходств, порой даже независимо от их конкретного содержания.

Такой подход может помочь, в частности, решению вопроса о происхождении тех частей Евангелия от Матфея, которые не имеют, на первый взгляд, соответствий в Евангелии от Марка. Основоположником данного подхода можно считать английского новозаветника Майкла Гоулдера (Michael Goulder, 1927–2010), посвятившего обстоятельному разбору Евангелия от Матфея значительную часть своей книги «Мидраш и лекционарий у Матфея» [Goulder 1974]. К сожалению, эта важная работа остается в настоящее время в тени куда более известного комментария того же автора к Евангелию от Луки (1989). В частности, англо-американский исследователь Марк Гудейкр, разделяющий взгляды Гоулдера, именно об этой его книге пишет мало и преимущественно только в своей первой монографии [Goodacre 1996]. По сей день наиболее распространенной на Западе теорией происхождения трех первых канонических (т. н. «синоптических») Евангелий является «теория двух источников (документов)», предполагающая, что в основе Евангелия от Матфея лежат, в основном, повествование написанного ранее Евангелия от Марка и изречения Господа Иисуса, содержащиеся в предполагаемом (и считающемся «утраченным») «источнике Q». Если приоритет Марка перед Матфеем в настоящее время почти никем не оспаривается, то вопрос об «утраченном источнике» в последние десятилетия все более интенсивно дебатруется, причем именно теория Гоулдера (именуемая также «теорией Фаррера-Гоулдера») выступает в качестве наиболее популярной альтернативы.

Автор доклада, поддерживая «теорию Фаррера-Гоулдера» в том отношении, что в Евангелии от Луки использовался не «источник Q», а версия Евангелия от Матфея, максимально близкая к канонической, в то же время хотел бы обратить внимание на некоторую неясность в подходе нынешних представителей этой теории к происхождению тех частей Евангелия от Матфея, которые не имеют как будто бы соответствий в Евангелии от Марка. То, о чем достаточно подробно (хотя и не всегда исчерпывающе) писал Гоулдер в упомянутой книге 1974 г., почти не обсуждается. М. Гудейкр и большинство его союзников предпочитают соглашаться со своими оппонентами в том, что признание существования «источника Q» зависит всецело от признания невозможности использования Евангелия от Матфея евангелистом Лукой. На самом же деле вполне допустимо думать, что автор Евангелия от Матфея все же пользовался наряду с Евангелием от Марка каким-то утраченным источником изречений Господних, даже если этот источник остался неизвестен впоследствии евангелисту Луке, хотя объем этого источника был бы в таком случае не равен реконструируемому объему «источника Q» и его лучше было бы назвать не «Q», а как-либо иначе, например, «Прото-Матфеем» [Siegert, Wittkowsky 2014]. Сопоставления множества текстов евангелиста Луки (в том числе написанной тем же автором Книги Деяний апостолов) друг с другом, а также с текстами Евангелий от Марка и Матфея (отчасти и Иоанна), произведенные в докторской диссертации автора доклада [Витковский 2022], наводят на мысль о необходимости проведения подобной работы и с текстами Евангелия от Матфея, происхождение которых остается спорным. Наиболее известный пример использования текста Марка в «несоответствующем» тексте Матфея — замена притчи о невидимо растущем

семени (Мк 4:26–29) на притчу о пшенице и плевелах (Мф 13:24–30) с использованием ряда элементов притчи Марка в том же самом порядке [Goulder 1974: 4].

В докладе будут рассмотрены другие примеры той же практики Матфея. Нас будут интересовать прежде всего главы 3–4 и 8–9, представляющие собой обрамление Нагорной проповеди (Мф 5–7). Некоторые внутренние соответствия между текстами, предшествующими Нагорной проповеди, и текстами, следующими за ней (т. е. между Мф 3–4 и Мф 8–9), наводят на мысль, что перед нами хиастическая (концентрическая) композиция, в которой тексты Матфея, взятые якобы из «источника Q», на деле представляют собой соответствия текстам, определенно имеющимся у Марка. Если это так, то перикопы, которые как будто бы не могли быть заимствованы из более раннего Евангелия, оказываются все же именно переработанными текстами Марка. Особый интерес представляет анализ перикоп Мф 4:1–11 (искушения Христа) и Мф 8:18–22 (диалоги Христа с Его последователями).

Литература

Goodacre M. Goulder and the Gospels: An Examination of a New Paradigm. Sheffield, 1996.

Goulder M. D. Midrash and Lection in Matthew. London, 1974.

Siegert F., Wittkowsky V. Von der Zwei- zur Vier-Quellen-Hypothese: Vorschlag für ein vollständiges Stemma der Evangelienüberlieferungen. Berlin–Münster, 2015.

Витковский В. Е. Диалогия Луки: Композиция и синоптические источники. М., 2022.

THE BLESSINGS IN SOME GENRE FORMS OF OLD TESTAMENT MINOR PROPHETS BOOKS

Григорова Калина

докторант, Софийский университет им. Св. Климента Охридского

The article presents the results of research on the Old Testament text of the books of the Minor Prophets. Attention is focused on the genre features of the texts in which the root *brk* is found in its meaning of “blessing /to bless”. The aim is to establish the possible contribution of historical-philological interpretation to a deeper understanding of the sacred text. A brief overview of the history of studies on genres in the Old Testament text is made, and definitions of some basic concepts related to the subject of the study are briefly presented. The main reference sources are texts by Nikolay Shivarov, Meir Weiss, Martin Leuenberger, as well as the series *The Forms of the Old Testament Literature*. The results of the research are presented in summary according to the main genre forms, the specific features of the relevant text units are commented on.

A conclusion and topics for future developments are presented. From a methodological point of view, the historical-critical method is adopted as the basis of the conducted research, and the aspiration is, wherever possible, for the definitions of the various genres to be consistent with developments that reflect the Orthodox interpretation tradition (*proto-prezv.*

Nikolay Shivarov, Slavcho Valchanov and Ivaylo Naydenov). The study traces the cases of the use of the root *brk* in its meaning of “blessing /to bless” mentioned in the Minor Prophets and for each particular instance a judgment is made as to whether it is a stand-alone, relatively short expression or part of a larger textual unit, in which its possible genre is assessed. The research assumes, first of all, the clarification and definition of some basic concepts and terms that will be used. Genre criticism is one method by which the student of the biblical text as literature seeks to gain insight into the oral tradition that lies behind most of the individual passages in the Old Testament, thus relating the text we have to the life and institutions of ancient Israel. If the connection and use for this purpose of the literary genres we know is somewhat conditional given that they themselves are the fruit of the development of European ancient and medieval literature, then the basis for talking about genres in the Old Testament is given to us by evidence in the Holy Scriptures themselves, in which we read about “tefilla” — a request (prayer), “tehillah” — a song of praise, “mashal” — a parable, “hida” — a riddle, etc. Not so clear in content are “mishpatim”, “hukkot”, “torot”, and only a thorough study of the relevant place in the biblical text can tell us what the author meant. It should be noted that various genres are found in the Old Testament — both those that are “religious” in a narrower sense of the word, and those that stand relatively far from the religious domain. [Shivarov, N. (1976).32] The founder of the modern study of genres in the Old Testament text is Hermann Gunkel (†1932), who is credited with proving the special need for exegesis to study literary genres, while at the same time succeeding in liberating exegetical work on genres from the ancient-medieval period literary studies. The genres in the Old Testament text in which we find formulas of benediction are not a purposefully, systematically and comprehensively researched topic in 20th century theology. Separate paragraphs on the topic can be found in the courses on Introduction to the Old Testament, on Hermeneutics of the Old Testament, in studies on criticism of forms/genres in the Bible and in the Old Testament in particular. In the main monographs on the Old Testament blessing of the 20th century, the topic of genres is also not developed, insofar as the monographs treat more thoroughly the lexical-semiotic features of the root *brk* in the Old Testament text. In Western Christian theology of the 21st century, Martin Leuenberger’s monograph should be noted, in which the author partially mentions the Old Testament genres in which the blessing occurs most often. The ongoing multi-volume edition “*The Forms of the Old Testament Literature*” could be used as a main and rich reference source on the subject, in which, however, the volumes for all the books of the Old Testament canon have not yet been developed and published.

Slavcho Valchanov, Protopresbyter Nikolay Shivarov and Ivaylo Naydenov have developed and published in Bulgarian language on the subject of genres in the Old Testament, but regarding the genres

in which we find blessing expressions and formulations in the Old Testament, studies in Bulgarian have not been published.

References

- Shivarov N.* Literary genres in the Old Testament. In view of the exegetical study. Yearbook of the Theological Academy "St. Kliment Ohridski", XXIII/XLIX/, 1973/1974/. Sofia, 1976.
- Floyd M.* Minor Prophets. The Forms of the Old Testament Literature. Grand Rapids, MI, 2000.
- Leuenberger M.* Segen und Segenstheologien im Alten. Israel: Untersuchungen zu ihren Religions- und Theologiegeschichtlichen Konstellationen und Transformationen. Abhandlungen zur Theologie des Alten und Neuen Testaments, 90 (2008).
- Weiss M.* The Bible from within: The method of total interpretation. Jerusalem, 1984.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В МИССИОНЕРСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ПОСОБИЯХ ДЛЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ ДО 1917 Г.

Джункова Катарина

аспирант, Философский факультет Карлова Университета в Праге

Христианские миссионеры на территории Российской империи в ходе своей деятельности выступали также как авторы грамматик, словарей или алфавитов языков коренных народов разных языковых семей. Возникает вопрос, каким образом миссионеры справлялись с переводом христианской религиозной лексики в своих языковых пособиях, учитывая то, что многие народы исповедовали до их прибытия свои первоначальные религии. Иногда для перевода христианских понятий использовалась лексика языков местных народов, отражающая их религиозный опыт и картину мира, в другой раз использовались заимствования из русского, точнее, церковно-славянского языка.

Во время целенаправленного издания миссионерских грамматик и словарей в последней четверти XVIII в. (грамматика удмуртского, марийского, чувашского языков 1769–1775 гг. казанского митрополита В. Пуцка-Григоровича) и впоследствии в течении XIX в. уже существовали многочисленные грамматики или очерки о языках народов Российской империи. Часто они служили образцом и при создании грамматик или словарей русскими православными миссионерами.

Цель доклада — раскрыть, до какой степени отражалась в языковых пособиях миссионеров их религиозная принадлежность, а также в какой степени их можно считать научными работами для изучения иностранных языков.

Рассматривается также наличие религиозной лексики в избранных грамматиках языков коренных народов; перевод христианских терминов или примеры из религиозных текстов в словарных статьях миссионерских словарей; наличие религиозных текстов в букварях или разговорниках, созданных миссионерами. В качестве миссионерских грамматик были рассмотрены, в частности, следующие: Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского, вотского и черемисского языков 1769–1775 гг., Краткая татарская грамматика в пользу учащегося юношества 1824 г., Мордовская грамматика 1838 г., Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка 1846 г., Грамматика калмыцкого языка 1847 г., Краткая грамматика якутского языка 1858 г., Грамматика алтайского языка 1869 г., Грамматика разговорного бурят-монгольского языка 1878 г., Краткая грамматика калмыцкого языка 1904 г., Грамматика киргизского языка 1906 г., а также ряд других языковых пособий.

Были рассмотрены миссионерские словари и буквари алтайского (Алтайско-русский букварь 1868 г., Алтайский букварь 1882 г., Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка 1884 г.), алеутского (Алеутско-Кадьякский букварь 1848 г.), бурятского (Русско-монгольско-бурятский словарь 1909 г.), калмыцкого (Краткий русско-калмыцкий словарь, составленный священником Парменом Смирновым 1857 г.), мансийского (Азбука для вогул приуральских 1903 г.), нанайского (Для обучения гольдских и гилякских детей 1885 г.), селькупского (Букварь для самоедов, живущих в Архангельской губернии 1895 г.), хантыйского (Книга остяцким детям... 1897 г.) и др. языков.

В итоге мы установили и показываем в докладе, что миссионерские издания языковых пособий в качестве примеров сопровождалась христианскими текстами, а также, естественно, текстами письменной или устной народной культуры и даже фрагментами из текстов русской литературы (И. А. Крылов, А. С. Пушкин).

В качестве примера сошлемся на Русско-монгольско-бурятский словарь 1909 г., созданный священником, миссионером и преподавателем Иркутской духовной семинарии И. А. Подгорбунским. Лексема Бог в нем переводится местным названием божества 'бурхан'. В словарной статье указан в качестве примера фрагмент из сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке»: «Отвечает золотая рыбка: не печалься, ступай себе с Богом — Алтан загахан хару гхана бу зобо, гэртэ

бурхатаја харі» (в орфографии оригинала). Также употребляется лексика, содержащая заимствования с русского языка, напр.: крестить переводится, учитывая варианты в разных диалектах, как-то: 'угхар угаха' или 'крэсэ зү лгүху'; 'крэсэ зү лгэхэ'. Глаголы воскресать, воскреснуть переводятся выражениями коренной лексики: 'амідіраху, амідураху' или 'амі орхо', 'гол орхо'. Это наблюдается также и в переводе лексемы воскресение. В значении 'воскресения из мертвых' употребляется лексика местных языков: 'амі оролго' или 'гол оролго', в случае воскресения — дня недели — употребляется заимствование из русского: 'боскрэсэн'.

Подобным образом заимствования из русского языка употребляются в религиозной лексике Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка 1884 г., составленного протойереем В.И.Вербицким. Креститься переводится как 'креске тўш'. В словарных статьях встречаются также фрагменты из Св. Писания, напр., глагол пўт 'совершиться, исполниться, сделаться (в значении создаваться), вырасти...' объясняется примером из повседневной жизни «Эки јанына пўткени кузук агаш — по обоим берегам (речки) растет кедровник», а также «Кудай айткан: јер пўтсин теген! — Бог сказал: да будет земля!». Религиозная лексика встречается также в произведениях первого священника из среды коренных народов Алтая М.В.Чевалкова (1872–1901), считающегося основоположником алтайской литературы. Он пользуется как местными выражениями: Бог — Кудай; спаситель — аргалаачы, грех — килинчек, так заимствованиями из русского языка: крест — крест, воск — воско и т. п. Примеры употребления христианской лексики встречаются также, напр., в Краткой грамматике Калмыцкого языка 1904 г. иеромонаха М. Львовского, студента Казанской Духовной Академии. Для объяснения приставки «мөн» приводится пример: «Бог вечень (Бог вечный есть) = Бурхан мөнкө акчи мөн. Это значит, что Бог был, есть и будет; иначе Он не мыслим — не Бог».

Аналогичные примеры находим и в ряде других миссионерских изданий. Презентация к докладу содержит большое количество иллюстративного изобразительного материала.

ОПЫТ НАБЛЮДЕНИЯ В ДРЕВНОСТИ ЗА СТАДИЯМИ РАЗВИТИЯ САРАНЧИ (ПО БИБЛЕЙСКИМ И КЛИНОПИСНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Лопатин Матвей Денисович

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В письменных памятниках древнего Ближнего Востока на шумерском, аккадском и древнееврейском языках упоминаются десятки различных наименований насекомых, контексты употребления которых нередко позволяют судить как о возможной семантике данных терминов, так и о хозяйственном и культурном значении тех или иных насекомых в древности. В библейских и клинописных источниках имеются описания разрушительных нашествий различных видов насекомых, в особенности саранчи, или же подчеркивается опасность, которую представляют те или иные паразитирующие или ядовитые насекомые. С другой стороны, отдельные виды насекомых могли употребляться в пищу. Как в клинописных, так и в библейских источниках сохранились упоминания саранчи или схожих насекомых как продукта питания, достойного царского стола. Особую ценность имеют т. н. лексические списки, памятники клинописной лексикографической традиции, к которым относятся, среди прочего, списки животных. В шумеро-аккадских списках 1-го тыс. до н. э. насекомым и другим беспозвоночным посвящен отдельный раздел из 132 строк [Heimpel 1976-1980: 105-106]. Клинописная лексикографическая традиция, по всей видимости, нашла отражение в Пятикнижии в списках разрешенных или запрещенных в пищу животных; к таким спискам относится, в частности, список разновидностей саранчи (Lv 11:22).

Исследование наименований стадий развития насекомых представляет собой особую проблему, поскольку большинство насекомых на протяжении своей жизни претерпевают значительные метаморфозы. В связи с этим личинки или куколки могли восприниматься в качестве самостоятельных видов, а их наименования могли не связываться с обозначениями тех же насекомых на взрослой стадии (т. н. имаго). Тем не менее, в некоторых библейских и клинописных источниках находит отражение опыт наблюдения за жизненным циклом насекомых, в частности, разновидностей саранчи, и засвидетельствованы термины, которые могли обозначать различные стадии их развития. В книге пророка Наума приводятся несколько сравнений, в которых фигурируют три наименования саранчи ([?]arbä, yäläq, gob gobây, Na 3:15–17). Примечательно сравнение торговцев (rokel) с саранчой yäläq, которая «сбрасывает кожу и улетает» (pâšaṭ wauya[?]or, Na 3:16). Здесь имеет место описание последнего этапа жизненного цикла саранчи, которая после очередной линьки переходит во взрослую, крылатую стадию. По всей видимости, лексема yäläq обозначала в данном контексте предпоследнюю, бескрылую стадию развития насекомого, и саранча-yäläq отличалась от способных летать [?]arbä и gob gobây в Na 3:15 и 17.

Четыре наименования, которые, вероятно, также обозначали стадии развития саранчи, перечислены в двух пассажах в книге пророка Иоила: «Что осталось после gâzâm, пожрал [?]arbä, что осталось после [?]arbä, пожрал yäläq, что осталось после yäläq, пожрал ḥâsil» (Jo 1:4); «... годы, которые пожрали [?]arbä, yäläq, ḥâsil и gâzâm» (Jo 2:25). Лексема [?]arbä должна была указывать на взрослую, летающую саранчу; термин yäläq обозначал бескрылую, возможно, предпоследнюю стадию развития этого насекомого. Наименование ḥâsil, вероятно, также указывало на одну из бескрылых стадий [Thompson 1955: 54]. Определить семантику обозначения gâzâm сложнее. С одной стороны, в двух списках gâzâm упоминается в разных местах: в Jo 1:4 на первом месте, а в Jo 2:25 — на последнем, что затрудняет интерпретацию последовательности терминов как стадий развития насекомого. С другой стороны, имеется еще один контекст, где упоминается gâzâm, который губит сады и виноградники, фиговые и оливковые деревья (Am 4:9); здесь gâzâm, скорее всего, должен был указывать на взрослую особь.

Борьба с нашествиями саранчи описана в нескольких клинописных письмах на аккадском языке из города Мари (совр. Телль-Харири, XVIII в. до н. э.). Стадия развития особей во время нашествия оказывается существенной: от нее зависели дальнейший путь и скорость передвижения популяции, а также способ борьбы с вредителем. В некоторых случаях вместо собиратель-

ного наименования eḡību используется лексема ṣarṣar, которая судя по контекстам в письмах из Мари (в частности, ARM 27 28), означала здесь именно бескрылую саранчу, передвигающуюся «пешком». Централизованная борьба с саранчой велась также и в новоассирийский период, что известно благодаря четырем письмам, датированным около 710 г. до н. э. Организованно уничтожались как полчища взрослых особей, так и кладки яиц насекомых (акк. lūrri), которые выкуривались дымом можжевельника (SAA 1 103) [Heimpel 1996: 103, 110–111]. Кроме того, в шумеро-аккадских списках животных 1-го тыс. среди разновидностей саранчи упоминаются лексемы zīru (zēru) и zirzirru (zerzerru), которые отождествляются с шумерскими терминами buru5 tur «маленькая саранча» и buru5 tur-tur «крошечная саранча», соответственно [DCCLT: LTBA 45 r ii 7-8, Ura 14 234]. По всей видимости, эти аккадские термины также могли использоваться в качестве обозначений саранчи или схожих насекомых на ранних стадиях развития.

Литература

- DCCLT: Digital Corpus of Cuneiform Lexical Texts. URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/dcclt/>
- Heimpel W. Insekten // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. 1976–1980. 5. Band. S. 105–109.
- Heimpel W. Moroccan Locusts at Qaṭṭunan // Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale. 1996. No. 90/2. P. 101–120.
- Thompson J. A. Joel's Locusts in the Light of Near Eastern Parallels // Journal of Near Eastern Studies. 1955. No. 14/1. P. 52–55.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВОСХОДЯЩЕГО К СВ. ПИСАНИЮ СЛОВСОЧЕТАНИЯ «АРФА СЕРАФИМА» В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ XIX–XXI ВВ.

Сергеева Елена Владимировна

профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Доклад посвящен рассмотрению особенностей употребления восходящего к тексту Библии словосочетания «арфа серафима» в творчестве русских поэтов — А. С. Пушкина, Г. Иванова, И. Меламеда и Е. Иванниковой. Формально не являясь библеизмом, поскольку в Св. Писании словосочетание не употребляется, оно состоит из двух существительных-библеизмов, связанных с содержанием Библии и употребляющихся в ней. Следует напомнить, что под поэтическим библеизмом автором понимается лексема, сверхсловная номинация или микротекст, восходящие к Библии и используемые в поэтическом тексте для тематического соотнесения с Писанием, для указания на аналогичную ситуацию, а также в стилистических целях [Сергеева 2015; Сергеева 2016].

Чрезвычайно интересно здесь то, что количественные и качественные изменения, происходившие с поэтическими библеизмами уже с конца 19 в. (библеизм постепенно перестает быть частью языковой картины мира и становится экспрессивно-стилистическим и эстетическим средством), почти не коснулись этого словосочетания, скорее всего, в связи с тем, что его интерпретация изначально связана с художественным текстом, причем находящимся у истоков русской классической литературы. Представленный перед читателем в общеизвестном стихотворении А. С. Пушкина «Пророк» «шестикрылый серафим», действия которого частично повторяют рассказанное пророком Исайей, в тексте поэта «В часы забав иль праздной скуки...» представлен играющим на арфе, что в библейском тексте не упоминается. Однако пресуппозиция позволяет присовокупить к информации о том, что серафим — первый чин ангельской иерархии, знание того, что ангелы славят Господа своим пением, т. е. игра серафима на арфе в принципе возможна. В названном стихотворении, ставшим ответом А. С. Пушкина на стихотворное послание митрополита Филарета, посвященное его произведению «Дар напрасный...» литературоведы иногда видят образ самого митрополита, однако, помня о том, что поэт не был склонен преклоняться перед священнослужителями, скорее, следует говорить об огне божественном (вложенном, как у Исайи, так и в тексте Пушкина, серафимом в уста поэта) и о небесных звуках, которые становятся основой обожествленного творчества: «Твоим огнем душа палима Отвергла мрак земных сует, И внемлет арфе Серафима В священном ужасе поэт».

Около столетия спустя приведенное словосочетание, воспринимаемое не столько как библеизм, сколько как метафорический поэтический образ и цитата классика, становится в устах другого поэта, Г. Иванова, едкой иронией, переосмыслением провозглашенного величия поэтического творчества и его связи со сферой божественной, наглядно демонстрируя трансформацию восприятия и употребления библейской лексики, которая соотносится уже не только с высоким, значимым и поэтичным, но и с печальным и даже трагическим в стихотворении и «Голубизна чужого моря»: «Голубизна чужого моря, Блаженный вздох весны чужой Для нас скорей эмблема горя, Чем символ прелести земной... Фитиль, любитель керосина, Затрепетал, вздохнул, потух — И внемлет арфе Серафима В священном ужасе петух». Ирония, относящаяся к восприятию музыки божественных сфер, свидетельствует об изменении отношения к ценностям религиозным и поэтическим.

На протяжении XX в. русские поэты достаточно часто употребляли библейскую лексику, в том числе в качестве маркера определенного известного сюжета. Однако текстов, ориентированных на собственно религиозное содержание, было немного, поэтому образ арфы серафима, который в равной мере является и библейским, и пушкинским, актуализировался (в религиозной поэзии) только в конце XX в.

Чрезвычайно интересно, что один из сборников интереснейшего автора конца XX — начала XXI в. И. Меламеда так и называется — «Арфа серафима». Словосочетание арфа серафима отчасти меняет значение «Тело милое!... чтоб не так невыносимо в смертный миг, в бессмертный час пела арфа серафима, разлучающая нас».

В поэме («опыте поэтической биографии») «Арфа серафима» еще одного русского поэта конца XX — начала XXI в., Е. В. Иванниковой, рассматриваемое словосочетание также становится названием, употребляясь и в самом тексте: «С рожденья арфа серафима Его без устали звала И небом выбранного сына В глухую келью привела».

Таким образом, можно утверждать, что библеизмы в русской поэзии могут употребляться не только как единицы, прямо соотносимые с текстом Писания, но и как образы, переосмысленные, трансформированные в тексте поэтическом и начинающие функционировать как семантически многослойные феномены смешанной структуры.

Литература

Сергеева Е. В. Библеизмы и интерпретация библейского сюжета в русской поэзии XX в. (на материале произведений А. Ахматовой и И. Бродского) // *Studia Petropolitana Biblica*. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2015. С. 395–407.

Сергеева Е. В. Особенности употребления библеизмов в поэзии М. Кузмина // XLV Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов. 2016. С. 572–573.

ПОДБОР ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В АРАМЕЙСКОМ ТАРГУМЕ КНИГИ ИСАИИ. БОГ, ПОРАЖАЮЩИЙ ГРЕШНИКОВ

THE USE OF LEXICAL EQUIVALENTS IN THE ARAMAIC TARGUM OF ISAIAH. THE GOD WHO STRIKES SINNERS

Сидоренко Наталья Владимировна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Перевод книги пророка Исаии на западноарамейский язык — таргум Исаии — является частью Таргума Ионафана, который использовался иудейской общиной Вавилонии в I тысячелетии н. э. в качестве «официального таргума» книг раздела «Пророки» иудейского канона Библии. Создание перевода датируется концом I в. н. э. — первой половиной II в. н. э. (Палестина), последующая редакция — IV–V вв. (Вавилония) [Flesher, Chilton. 2011. P. 169–228]. Существует также точка зрения, что таргум Ионафана был переведен в Вавилонии на литературный западно-арамейский язык [Müller-Kessler. 2001. P. 181–198]. Первое современное издание арамейского таргума книги пророка Исаии, выполненное Джоном Стеннингом, вышло в 1949 г., а в 1962 г. Александр Шпербер выпустил критическое издание текста таргума. В исследованиях таргума Исаий внимание уделялось прежде всего датировке памятника и его богословским особенностям, в то время как техника перевода, которую использовал таргумист, переводческие приемы, которые позволяли таргумисту трансформировать смысл стиха и, таким образом, помогали таргумисту решать стоявшие перед ним экзегетические задачи, интересовали исследователей в меньшей степени. К особенностям таргумов как особого вида библейского перевода относится включение более или менее обширных вставок, дополняющих или проясняющих текст, причем «когда таргум включает в перевод новый материал, это делается так, чтобы не изменить окружающего вставку текста» [Flesher, Chilton. 2011. P. 40].

Еврейский глагол *nku* «ударять, поражать» (употребляется в породах C (Hiphil) в значениях 1. to strike, to smite 2. to strike dead и D (Hophal) 1. to be beaten 2. to be struck dead [Koehler, Baumgartner, Stamm 1994]) использован в тексте книги пророка Исаии 20 раз. На примере этого глагола можно показать, что переводчик-таргумист, во-первых, в тех случаях, когда он следует смыслу текста оригинала, выбирает лексический эквивалент с более близким к смыслу текста значением, а во-вторых, в тех случаях, когда смысл стиха изменяется, это изменение происходит с сохранением значения глагола, даже если субъект или объект действия могут меняться.

Так, этот еврейский глагол 11 раз (5:25, 9:13, 10:24, 11:4, 11:15, 14:6, 27:7, 30:31, 50:6, 57:17, 58:4) переводится арамейским глаголом *mḥu* с тем же значением «ударять, поражать» (1 to strike 2 to make any movement involving a sudden and/or strong impact. 5 to wipe, wipe away [CAL]). В ст. 11:15 мы видим почти полное соответствие оригинала и перевода: «и разобьет (*wəhikkāhu*) ее [реку] на семь ручьев» — арам. «и разобьет (*wəyimḥ ēnēh*) его [Евфрат] на семь потоков». В ст. 14:6 также незначительно изменено косвенное дополнение: евр. «поражавший (*makke*) народы в ярости ударами неотвратимыми» — арам. «ударявший (*dahwā māḥ ē*) народы силой ударов, которые не прекращались». В ст. 10:24 глагол в переводе следует значению оригинала, однако изменено косвенное дополнение: евр. «он поразит тебя (*yakkekka*) жезлом» переведено «властью своей ударит тебя (*yimḥ ēnāk*)». В стихе 9:13 (ст. 9:12 таргума) активное причастие *hammakēhu* «Бьющему его» переведено оборотом *da'aytī 'ələhon maḥ ā* «[Тому], кто принес на них удар». В ст. 11:4 глагол также следует значению оригинала, но вместо евр. «поразит (*wəhikkāh*) землю» стоит арам. «поразит (*wəyimḥ ē*) грешников земли». В замене «земли» на «грешников (нечестивых) земли» проявляется часто используемый таргумистом прием: там, где, согласно еврейскому тексту, объектом гнева Божия или наказания служат неодушевленные предметы, в таргуме появляются различные категории людей. Ср. отрывок 2:12–19, в котором произведены следующие замены: евр. «все гордое и высокомерное» переведено на арам. «все гордые и надменные сердцем», «высокие башни» — «обитающие в высокой башне», «крепкие стены» — «стоящие лагерем за стеной укрепленной», «корабли Фарсисские» — «обитающие на

островах моря», «вожделенные украшения» — «стоящие лагерем в дворцах прекрасных», «сокрушить землю» — «разбить злых земли». Четыре раза *nku* переводится арамейским глаголом *lqu* «ударять, бить» (1 раз — в породе G to receive lashes or blows (1:5), 3 раза — в породе C to strike, smite (49:10, 53:4, 60:10) [CAL]). В Ис. 1:5 в еврейском тексте следует прямая речь Бога: «Во что вас бить (*t ukku*) еще», в арамейском соответствующие слова говорит народ: «Не понимают они [народ], говоря: “Почему мы поражены (*l̄aḳēnā*)”». Три раза *nku* переводится арамейским глаголом *qt̄l* «убивать» (37:36, 37:38, 66:3). В ст. 66:3 мы видим полное соответствие оригинала и перевода: евр. «заколающий вола — [то же, что] поражающий (*makḳē*, =убивающий) человека»; арамейский: «заколающий вола как убивающий (*k̄aḳāṭ ēl*) мужчину». Дважды для перевода использован глагол *pl̄ḥ* в породе C (to make to labor [CAL], 10:20, 14:29). Стих 10:20 в целом переведен слово в слово, однако глагол *nku* заменен придаточным предложением: «[Не будут более полагаться] на того, кто поразил их (*‘al makḳēhu*)» переведено «[Не будут более полагаться] на языческие народы, которые заставляли работать (*mar ʾl̄ḥ in*) на них».

Таким образом, на примере подбора различных лексических эквивалентов глагола *nku* «ударять, поражать» мы можем подробно рассмотреть такие особенности переводческой техники таргумиста, как: следование оригиналу слово в слово; избегание олицетворений и метафор; выбор глагола, являющегося лексическим эквивалентом одного из значений слова, употребленного в оригинале; использование вставок, не затрагивающих основную структуру стиха.

Литература

Comprehensive Aramaic Lexicon. URL: <http://cal.huc.edu/>

Flesher P. V. M., Chilton B. The Targums: a critical introduction. Leiden; Boston, 2011. (Studies in the Aramaic Interpretation of Scripture. Vol. 12).

Koehler L., Baumgartner W., Stamm J. Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament (HALOT). 4 vols. Leiden: Brill, 1994.

Müller-Kessler C. The earliest evidence for Targum Onqelos from Babylonia and the question of its dialect and origin // *Journal for the Aramaic Bible*. 2001. Vol. 3. P. 181–198.

ЧТЕНИЕ СВ. ТРИФИЛЛИЮ КИПРСКОМУ В МЕНОЛОГИИ ЛЕКЦИОНАРИЯ D 227 ИЗ СОБРАНИЯ ИВР РАН

Фионин Максим Владимирович

младший научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН

В менологии лекционной рукописи 12 в. из собрания ИВР РАН на л.293 verso находится литургическое чтение св. Трифиллию Кипрскому, упоминание этого святого редко встречается в рукописях изучаемого исторического периода. Приведем здесь текст последования литургических чтений менология исследуемой рукописи на 13 июня: Μ(Η) Τω ΑΥ(Τ) ·ΙΓ ΤΗΣ ΑΓ. ΜΕΓΛ. ΜΡς ΑΚΥΛΙΝ(ΗΣ) Τого же месяца в 13-й день, святой великомученицы Акилины. Ζητει ΤΗ Β Τς ΙΕ ΕΒΔ. ΤΟΥ ΜΑΤΘ. Ищи понедельник 15-й недели Матфея. (Ссылка на чтение Мк 5:24–34 Чтение мц. Варваре (общее мученицам) Евангелист Марк читается по будням в конце цикла Матфея). ΤΗ ΑΥ(Τ) ΗΜΕΡ(Α) ·ΤΟΥ ΕΝ ΑΓ. ΠΡС ΗΜ. ΚΑΙ ΘΑΥΜΑΤΟΥΡ(ΓΟΥ) ΤΡΙΦΥΛΛ(ΙΟΣ) В тот же день, иже во святых отца нашего и чудотворца Трифиллия епископа Кипрского. Ζητει СΕΠΤ Γ: Ищи 3-го сентября. (Ссылка на чтение Ин 10:9–16 Общее святителям «Аз есмь дверь») Один из современных исследователей Дж. Лоуден полагает, что подобные, редко встречающиеся памяти святых, могут помочь в возможной локализации рукописей или дать информацию о донаторе или заказчике, возможно, крупном монастыре или кафедральной церкви. В своей монографии автор приводит пример рукописи gr. 204 из библиотеки Синайского монастыря, где на л. 5 находится изображение прп. Петра Моноватского, далее в менологии 7-го февраля встречается память прп. Петра Моноватского, в этот день святому предлагается читать евангелие на утрене, что совершенно нетипично для «малых святых» и означает особое выделение этого праздника. Это удивительно, поскольку прп. Петр, о котором идет речь, был всего лишь исповедником, а не мучеником, и уж тем более не апостолом. Из этих наблюдений Дж. Лоуден делает вывод о связи заказчиков рукописи, либо непосредственно с монастырем Моноваты (Μονόβατον) местонахождение которого на сегодняшний день неизвестно, либо с неким храмом или монастырем, освященном в честь преподобного (Lowden 2013: 23). См. Lowden J. The Jaharis Gospel Lectionary: The Story of a Byzantine Book. New York: Metropolitan Museum of Art, 2009. В ключе этих рассуждений можно рассмотреть память вышеупомянутого свт. Трифиллия в лекционарии D 227 из собрания ИВР РАН.

Предварительно можно сказать, что память свт. Трифиллия Кипрского является значимой в лекционарии D 227, поскольку встречается очень редко и в основном более поздних рукописях. Появление этого святого в рассматриваемом лекционарии D 227 из собрания ИВР РАН предположительно говорит о связи с Кипрской церковью или, что более вероятно, с общиной киприотов в Палестине.

Свт. Трифиллий Кипрский или Левкусийский — святой 4-го века. Он упоминается в трудах авторов античного христианства. У историка Созомена: «Рассказывают, что, спустя несколько времени, епископы Кипра, по какой-то нужде, сошлись в одно место. С ними был и этот Спиридон, и ледрийский епископ Трифилий, человек вообще знаменитый и живший долго в Берите для изучения законов. По окончании Собора, Трифилия упростили сказать поучение к народу, — и когда ему надлежало привести слова: «возьми одр твой и ходи», он, вместо слова σκίπλοδα «одр», употребил слово κράβαττων «ложе».

Спиридон, вознегодовав на это, сказал: «ужели ты лучше Того, Кто произнес: одр, что стыдишься употребить Его выражение?» И, сказав это, сошел с священнического седалища, в виду народа, внушая сим скромность тому, кто тщеславился своею речью. А Спиридон способен был пристыдить, как человек уважаемый и весьма славившийся своими делами; да и по возрасту, и по священному сану был он старше Трифилия» (Historia Ecclesiastica 1, 11.8), Иероним Стридонский в своем произведении «О знаменитых мужах», сообщает следующее: «Трифиллий, епископ Ледры, или Левкотеона, на Кипре, был одним из самых красноречивых людей своего времени и выдвинулся во время правления Констанция. Я прочитал его комментарий на Песнь

Песней. Говорят, что он написал много других книг, но ни одна из них не дошла до нас» (О знаменитых мужах. Главы 80–89). Свт. Трифиллий Левкусийский упоминается также у св. Афанасия Александрийского во «Второй апологии» II, 8, р. 131, в перечне участников Сардийского собора. Есть сообщение о нём и в католической энциклопедии 17-го века *Acta Sanctorum*. Vol. 23. June part 3 (Jun 12–15) p. 174 и в некоторых других источниках.

Несмотря на эти упоминания, св. Трифиллия нельзя назвать известным святым, поскольку в литургических лекционариях чтение ему встречается редко (за исключением нашего лекционария D 227 других источников 10–12 в. его упоминание мы пока не обнаружили). Это предположительно означает, что в местности или скриптории, где была написана наша рукопись, этот святой был особо почитаем. Интересно, что на Кипре, есть несколько церквей, где есть фрески 12-го века с изображением св. Трифиллия, например, в храме Панагии Аракиотиссы в деревне Лагудера, датируемые 1192 г., что является аргументом в пользу того, что именно в 12 в. свт. Трифиллий стал одним из почитаемых святых. Однако, против этого свидетельствует палеографический анализ рукописи, который говорит в пользу локализации её одним из Константинопольских скрипториев, поскольку Б. Л. Фонкич, а вслед за ним Н. Ф. Каврус-Хоффман отнесли рукопись к Чикаго-Карахиссарской группе по характерному минускульному письму. Гипотеза о связи рукописи D 227 из собрания ИВР РАН с Кипрской церковью нуждается в уточнении, необходимо продолжить исследование.

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ И КАЛЕНДАРНЫЕ ВЫЧИСЛЕНИЯ ЕФРЕМА СИРИНА (IV В.) В ХРИСТИАНСКОМ И ИУДЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Фомичева Софья Владимировна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Ефрем Сирийский (ум. 373) — великий сирийский поэт-богослов, написавший сотни дидактических гимнов-мадрашей, в которых он раскрывает суть христианского учения в поэтической форме. В шестом гимне из цикла гимнов «О Распятии» Ефрем Сирийский обращается к проблеме трех дней в хронологии Воскресения Иисуса. Суть проблемы сводится к тому, что в ряде новозаветных пассажей сообщается, что Иисус Христос воскрес «на третий день», «через три дня», а согласно Мф 12. 40 «Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи». Между тем, в соответствии с евангельскими повествованиями, Иисуса Христа распяли в пятницу, а воскрес Он рано утром в воскресенье. Между пятницей и воскресеньем две ночи, то есть, для счета «трех дней и трех ночей» не достаёт третьей ночи. Подобное «несоответствие» давно занимало умы христианских богословов, которые по-разному пытались ее разрешить. Иустин Философ и Ориген, например, ограничивались тем, что видели здесь божественную тайну и пример чтения Ветхого Завета в свете Нового. Но другие богословы искали более конкретные решения. Так, в сирийской версии «Дидакалии апостолов» (IV в.?), у сирийского писателя из Персидской империи Афраата (ум. после 345), и у греческого богослова Григория Нисского (ум. 394), встречается интересная интерпретация: три часа тьмы с 6-го по 9-й час, случившиеся в пятницу, когда был распят Иисус, и последовавшие за ними три часа света предлагается рассматривать за целый дополнительный день, состоящий из ночи и дня. В своей недавней статье Блейк Хартунг привлек внимание к тому, что Ефрем Сирийский, также отталкиваясь от сходного представления, дополняет его своей оригинальной интерпретацией проблемы трех дней, построенной на определенных астрономических и календарных познаниях [Hartung 2021]. Так, сирийский богослов уподобляет три часа тьмы в пятницу, когда был распят Иисус, трем «избыточным» часам солнечного года, из-за которых солнечный календарь раз в четыре года нуждается в интеркаляции. В нашем исследовании мы рассмотрели возможные источники некоторых представлений Ефрема Сирийского, отразившихся в шестом гимне «О Распятии», в контексте иудейской литературы периода Второго Храма [Фомичева 2022]. В частности, мы продемонстрировали, как сирийский поэт-богослов конструирует свой авторитет в данном произведении, опираясь на арамейскую и еврейскую литературу Премудрости. В данном докладе мы продолжаем наше исследование и более подробно рассматриваем астрономические воззрения Ефрема Сирийского — сведения о продолжительности лунного и солнечного годов, продолжительности лунного месяца, необходимость интеркаляции в календарях — в контексте знаний, сложившихся к его эпохе. Наша цель заключается в том, чтобы выявить специфику приводимых им вычислений и функцию, которую они несут в гимне. Мы приходим к выводу, что, с одной стороны, используемые сирийским богословом астрономические данные являются характерной приметой многих христианских и иудейских сочинений III–IV вв., что обусловлено бурным развитием календарных вычислений как в христианской, так и в иудейской среде в данный период. В христианской среде необходимость в астрономических и календарных расчетах была связана с определением даты Пасхи. А гимны «О Распятии» Ефрема Сирийского являются частью гимнов «О Пасхе», поэтому, вероятно, пасхальные вычисления были одним из «источников вдохновения» сирийского богослова. Стержнем гимнов «О Пасхе» прп. Ефрема является противопоставление двух великих праздников, еврейского Песаха и христианской Пасхи. В то время, когда некоторые христиане продолжают праздновать Пасху вместе с иудеями 14 нисана, Ефрему Сирийскому важно создать свой собственный, «правильный» миф о праздновании истинной Пасхи, отделив ее от иудейской. Использование символики из мира астрономии и календаря — важнейшая часть этого «мифа», ведь и иудейский Песах и христианская Пасха неотъемлемо связаны с движением небесных светил. Распятие Иисуса, произошедшее 14-го нисана, в Песах, который праздновался в день полнолуния после весеннего равноденствия, вызывает неизбежные астрономические ас-

социации. Луна и Солнце становятся в гимне Ефрема Сирина инструментами антииудейской полемики, которые свидетельствуют об Иисусе: солнце — как символ его Божественности, луна — как символ его человеческой телесности.

Дополнительный день, который прп. Ефрем вычисляет в пятницу, меньше остальных дней, точно также, как иудейский народ меньше и презреннее всех остальных народов. С другой стороны, вычисления Ефрема Сирина отражают специфику региона, в котором он жил и создавал свои произведения — северной Месопотамии. Напр., в докладе демонстрируется, что сирийский богослов мог использовать в своих расчетах древний вавилонский «двойной час». А сама функция астрономических вычислений в его произведении заключается в том, что с их помощью он выражает себя как боговдохновенного писца и мудреца, владеющего «тайнами» космоса — образ, глубоко укорененный как в древней вавилонской литературе, так и в еврейских арамейских текстах. В докладе также показывается, что вычисления Ефрема Сирина с использованием «двойного часа» весьма сходны с представленными в «Панарионе» Епифания Кипрского. Это объясняется возможным знакомством последнего с произведениями Ефрема Сирина и/или использованием общей астрономической традиции, восходящей к вавилонской.

Литература

Hartung B. The Significance of Astronomical and Calendrical Theories for Ephrem's Interpretation of the Three Days of Jesus' Death // *Syriac Christian Culture: Beginnings to Renaissance* / A. M. Butts, R. D. Young, eds. Washington, DC, 2021. P. 37–49.

Фомичева С. В. Иудейская литература периода Второго Храма как возможный источник для концепции Ефрема Сирина о боговдохновенном учителе-писце (на примере шестого гимна «О Распятии») // *Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология.* Вып. 73. 2022. С. 103–118.

ОБРАЗ ЧИТАТЕЛЯ В ЕВАНГЕЛИИ ОТ ЛУКИ И КНИГЕ ДЕЯНИЙ АПОСТОЛЬСКИХ

Харин Денис Павлович

соискатель, Санкт-Петербургской православной духовной академии

Тексты евангелиста и дееписателя Луки представляют собой уникальный материал, позволяющий проследить историю развития ранней христианской письменности. В сравнении с другими синоптическими евангелиями Марка и Матфея Лука вносит концептуально новые богословские идеи, связанные с универсализмом учения Иисуса Христа.

Концептуальные изменения, на наш взгляд, связаны не только с желанием заполнить лакуны в истории служения Мессии, но и с необходимостью представить конкретному читателю более целостную картину мессианского движения в контексте существующих богословских споров и конфликтов конца I-го века. Кем и чем является читатель для апостола Луки? Каким образом его происхождение и религиозная принадлежность влияют на повествование о жизни Иисуса из Назарета и миссии первых апостолов? Гипотеза нашего исследования состоит в том, что Лука адресует свои тексты новому поколению христиан, высокообразованной аудитории, хорошо знакомой с текстами LXX.

Читатель Луки проживает в Восточной части Средиземного моря, вовлечен в конфликт между иудео- и языко-христианами [Keener 2012: 424]. И изменения, которые вносит апостол Лука в историю служения Мессии, опираясь на источник Марка, связаны в первую очередь с конкретными вопросами его читателей. В этом — концептуальное отличие Луки от Марка и Матфея, его авторский взгляд на историю Христа.

Первое указание на читателя мы встречаем в евангельском прологе (Лк.1.1–4). Лука формулирует цель своего исследования в главном предложении (3–4 стихи): представить историю Иисуса Христа в более развернутом или целостном виде с опорой на достоверные источники. Судя по всему, читатель испытывал некоторые колебания относительно принятия того или иного вероучения о Мессии, или нуждался в более весомых аргументах в споре с иудео-христианами, поэтому последовательная история Луки должна была убедить Феофила в непоколебимости раннее принятого учения. Большинство исследователей наблюдают в прологе связь с историческими сочинениями греческих историков (Фукидид, Дионисий Галикарнасский, Диодор Сицилийский и др.) [Браун 2007: 267]. Однако тексты Луки не выдерживают исторической критики, так как сам автор допускает множество исторических ошибок [Ролофф 2011: 147]. Пролог Луки — не столько подражание историческим сочинениям, сколько желание укрепить читателя в истинной вере. История уступает место богословию. В придаточном предложении пролога (1–2 стихи) Лука отмечает свою принадлежность ко второму поколению христиан (с 50-го г.), которому относится и первый читатель. В новом поколении все больше появлялось христиан из языческой среды, что, в свою очередь порождало множество конфликтов между иудео-христианами (последователями Петра) и языко-христианами (последователями Павла).

Феофил и его социальное положение. Для Луки характерно указывать, что последователями Иисуса и апостолов становятся влиятельные и состоятельные люди (Лк. 8.3; 23.50–51; Деян. 13.12; 17.4, 28.7), в то же самое время он не сторонится от осуждения знати в роскошной свободлюбивой жизни (Лк. 3.11; 12.13–21, 33; 14.33), что может восприниматься как вызов к новой жизни со Христом. Главный герой евангельской истории представлен не только, как человек, соблюдающий иудейский закон, но и как тот, кто образован и умеет читать (Лк. 4.16), в отличие от других евангелистов, в сочинениях которых Иисус представлен исключительно как проповедник. В книге Деяний Лука цитирует греческих поэтов (Деян. 17.28), а главный герой, апостол Павел, свободно говорит на еврейском и греческом языках. Ранг и статус были крайне важны для средиземноморского общества. Социальная мобильность была практически исключена, а такие понятия, как богатство и образование, были связаны друг с другом [Бирд 2017: 533]. Вхождение представителей состоятельных сословий в христианскую общину порождало колоссальное количество проблем, о которых подробно пишет апостол Павел в своих посланиях к христианам (1 Кор.). Наиболее остро стоял вопрос о форме принятия язычников в христиан-

скую общину (Гал). Сам апостол Лука указывает на высокое социальное положение в обществе своего читателя, обращаясь к нему «κράτιστε Θεόφιλε».

Феофил — образованный и влиятельный человек в общине, который нуждается в убедительных аргументах в пользу истинности принятого им раннее вероучения и мог повлиять на развитие христианства. Лука предоставляет ему такие аргументы и подробно раскрывает историю взаимоотношений Иисуса и Его учеников с представителями иудейского общества.

Углубляясь в исследование образа читателя на основании текстов Луки, мы понимаем, что читатель не только наставлен в христианском вероучении, но также хорошо владеет текстом LXX [Esler 2017: 32]. Феофил вероятнее всего принадлежал числу прозелитов (σεβόμενων προσήλυτων), как и члены его общины, среди которых были и эллинизированные евреи диаспоры. [Tyson 1992: 35–36, Kennedy 1984: 8–9].

Все дальнейшее повествование будет выстроено по принципу целостного восприятия истории мессианского движения. Например, если Марк полагает начало миссии Иисуса в служении Иоанна, то Лука познакомит читателя с родственниками Крестителя, а с помощью литературных параллелей с текстом LXX, сообщит читателю, что миссия Христа вышла далеко за пределы иудео-христианской общины еще до ее зарождения. При этом читатель становится не только сторонним наблюдателем, но и активным участником описываемых Лукой событий.

Литература

Keener C. S. Acts. An Exegetical Commentary. Introduction and 1.1–2.27. Grand Rapids, 2012.

Браун Р. Введение в Новый Завет. М., 2007.

Ролофф Ю. Введение в Новый Завет. М., 2011.

Бирд М. История Древнего Рима. М., 2017.

Esler P. F. Community and Gospel in Luke-Acts. The Social and Political Motivations of Lucan Theology. Cambridge, 2017. P. 32.

Tyson Joseph B. Images of Judaism in Luke-Acts. Columbia, SC, 1992.

Kennedy G. A. New Testament Interpretation Through Rhetorical Criticism. University of North Carolina Press, 1984.

ФУКИДИД 1, 86, 4 И АНТИФОНТ F 58 THUCYDIDES 1.86.4 AND ANTIPHON F 58

Тахтаджян Сурен Арменович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Главная мысль речи, которую Фукидид вкладывает в уста эфору Сфенелаиду (1, 86), сводится к тому, что спартанцы должны, не тратя времени на совещания, немедленно оказать военную помощь своим союзникам, заявлявшим об обидах и притеснениях со стороны афинян. Мое внимание привлекло следующее суждение Сфенелаида (1, 86, 4): «и пусть никто не указывает, что мы, в то время как нам наносят обиды (ἀδικουμένους), должны размышлять (βουλευέσθαι). Напротив, размышлять длительное время (πολὺν χρόνον βουλευέσθαι) скорее следует тем, кто собирается нанести обиду (τοὺς μέλλοντας ἀδικεῖν)». Итак, во втором предложении Сфенелаид утверждает, что агрессору, перед тем, как он совершит нападение, следует основательно подумать. Я обращаю внимание на не отмечавшееся до сих пор сходство между этой мыслью и рассуждением Антифонта в F 58 трактата «Согласие». Предметом анализа в этом фрагменте является человек, собирающийся причинить зло другому. Антифонт считает разумным того человека, который не поддастся сразу же возникшему у него злomu импульсу и обдумает возможные последствия своего поступка. Ведь результат может оказаться совсем не таким, на который он надеется. Такому человеку Антифонт противопоставляет того, кто тут же удовлетворяет свое желание причинить зло другим, не думая о последствиях: «Напротив, не проявляет благоразумия тот, кто думает, что будет причинять зло другим людям, а сам его не испытает» (ὅστις δὲ δράσειν μὲν οἴεται τοὺς πέλας κακῶς, πείσεσθαι δ' οὐ, οὐ σωφρονεῖ). Антифонт замечает, что немало людей сами испытали то зло, которое рассчитывали причинить другим. Нетрудно увидеть, что во фрагменте трактата более пространно выражена та же мысль, что и в речи спартанского эфора. Джерард Пендрик считает F 58 амальгамой общих мест. Одним из таких топосов он считает высказанную уже в «Трудах и днях» Гесиода (265–266) мысль, что самому себе роет яму тот, кто роет ее другому [Pendrick 2002: 401–402]. Помимо топоса вырытой другому ямы Пендрик отмечает здесь еще три других общих места: опасности надежд, невозможности сделать бывшее небывшим и неразумности потакать сиюминутным желаниям. Если согласиться с Пендриком, что во фрагменте Антифонта перед нами топосы, то главным из них для всего рассуждения является первый. Однако Пендрик не учитывает, что у Фукидида и Антифонта сформулирована несколько иная мысль, чем у Гесиода, именно что агрессору, будь то целое государство или отдельный человек, следует тщательно обдумать свои планы. Антифонт прямо говорит, что иначе последствия агрессии могут оказаться нежелательными для напавшего. В речи Сфенелаида это подразумевается. Далее, Гесиод явно осуждает само желание причинить зло другому. Сходным образом пытался оценить процитированное выше предложение из трактата Антифонта Альбрехт Диле. Он полагал, что оно очень близко приближается к негативной формулировке Золотого правила этики [Dihle 1962: 101; ср. Dihle 1981: 932]. Однако точка зрения Диле явно ошибочна. Напротив, Пендрик справедливо полагает, что рассуждение Антифонта в этом фрагменте представляет собой калькуляцию выгоды потенциального агрессора без какого-бы то ни было учета интересов потенциальной жертвы [Pendrick 2002: 402–403]. Антифонт, в сущности, говорит следующее: если у кого-то возникло желание вырыть яму другому, то разумно будет тщательно обдумать последствия его исполнения. Он, в отличие от Гесиода, не отговаривает принципиально от исполнения этого желания и не объявляет само это желание недостойным. Таким образом, Антифонт в F 58 не просто воспроизводит общее место, но изменяет

его, превращая в оригинальное рассуждение. В таком случае естественно предположить, что Фукидид заимствовал это рассуждение у Антифонта. Как известно, существует традиция, что Фукидид был учеником Антифонта [Finley 1967: 92]. Даже если она недостоверна, значительное влияние, оказанное Антифонтом на Фукидида, несомненно. Это повышает вероятность выдвинутого предположения. Еще одно обстоятельство. Рассуждения об опасности надежд не раз встречаются у Фукидида, и особенно ярким является то, которое Фукидид вложил в уста афинянам в их диалоге с мелосцами (5, 103). Далее, в F 58 Антифонт использует словосочетание ἀνῆκεστος σμφορά, «непоправимое бедствие», буквально «неисцелимое бедствие». И это же словосочетание используют афиняне в том же диалоге с жителями Мелоса (5, 111, 3). Очевидно, любопытное рассуждение Антифонта заинтересовало Фукидида, и он использовал отдельные его части в разных местах своего труда. Разумеется, в некоторых случаях речи, произносимые персонажами «Истории» Фукидида, воспроизводят, с той или иной степенью точности, действительно произнесенные речи. Такой является, например, знаменитая надгробная речь Перикла, которую Фукидид мог слышать и, скорее всего, действительно слушал. Однако вряд ли у него была возможность оказаться слушателем речи Сфенелаида. Таким образом, я полагаю, что Фукидид использовал в нескольких местах своего труда отдельные части F 58 и, в частности, заимствовал у Антифонта мысль о необходимости для будущего агрессора длительного обдумывания своих планов.

Литература

Dihle A. Die Goldene Regel. Göttingen, 1962.

Dihle A. Goldene Regel, Reallexikon für Antike und Christentum, Bd. 11, 1981, 930–940.

Finley J. H. The Origins of Thucydides' Style // *Idem.* Three Essays on Thucydides. Cambridge, Mass., 1967.

Pendrick G. J. (ed., comm., transl.). Antiphon the Sophist: The Fragments (Cambridge classical texts and commentaries 39). Cambridge, 2002.

РУКОПИСЬ ГОРАЦИЯ ИЗ СОБРАНИЯ П. ОТТОБОНИ

THE MANUSCRIPT OF HORACE FROM P. OTTOBONI'S COLLECTION

Егорова Софья Кондратьевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Из нескольких собраний кардинала Пьетро Оттобони (1667–1740), дипломата, коллекционера и мецената, до наших дней дошло лишь одно — манускрипты, сохраненные в Ватиканской библиотеке в разделе *Codices Ottoboniani*. Хотя эти рукописи прежде всего Священного Писания и христианских авторов находились в общепризнанном центре европейской науки, некоторые ценнейшие списки были идентифицированы довольно поздно: так знаменитейший *Ottobonianus Latinus 1829 (= R)* с текстом Катутла был в прямом смысле обнаружен только в конце XIX столетия [Hale 1896: 314], а его полное научное описание по ряду причин растянулось на большую часть века двадцатого.

Нас будет занимать рукопись, содержащая произведения Горация — *Ottobonianus Latinus 1660*. Будучи известной и в XIX в., она продолжает и сейчас использоваться как источник по знанию метрики в Средние века [Questa 1984]. Тем не менее текст произведений Горация привлек внимание составителей критических изданий довольно поздно: О. Келлер и А. Холдер вообще не упоминают *Ott. Lat. 1660*. Фр. Клингнер [Klingner 1959: xiii; xv–xvii] приносит благодарности за указание на него Стефану Вейнштоку и, сначала заметив ценную вставку в текст Сатир, время от времени приводит чтения этого кодекса, считая его восходящим к той же части традиции, что и более поздний *Parisinus 8213* (в частности, эти две рукописи дают заглавия сатир как *egloga*: e. g. *egloga septima*). Однако напомним, что в издании Клингнера еще предпринималась попытка указывать чтения по трем основным группам, а не по отдельным рукописям, и, таким образом, единственным критическим изданием, которое систематически приводит чтения и варианты кодекса *Ott. Lat. 1660*, стало издание Иштвана Боржака [Borzák 1984], на которое мы и опираемся в нашем исследовании. Отметим также, что эта рукопись из Ватиканской библиотеки, в отличие от многих других, на данный момент не размещена в открытом доступе (что, возможно, вызвано плохой сохранностью — уже Клингнер смог ознакомиться только с фотографическим изображением: “*contuli imagines lucis ope confectas*” [Klingner 1959: xiii]).

Хотя ни Клингнер, ни Боржак конечно же не считают *Ott. Lat. 1660* источником, который мог бы приблизить нас к античному или тем более авторскому тексту, он, тем не менее, может служить важным свидетелем бытования древнего текста в средневековой традиции. Прежде всего интерес вызывает первоначальный «пласт» чтений — он датируется концом IX в., что ставит его в один ряд с наиболее ценными рукописями Горация, часть которых, например, Бернский (=B) и Страсбургский (=D) к тому же содержали не все произведения Горация. Манера исправления этого текста вторым редактором тоже может быть прослежена по данным, приведенным в издании Боржака, и поможет ответить на вопрос, какими соображениями руководствовались ученые последующего времени, заменяя чтения прежде всего на основании сличения текста по другому источнику. В докладе будут рассмотрены выявленные особенности рукописных вариантов *Ott. Lat. 1660*, в частности:

а). Независимые чтения: Хотя они почти никогда не представляют собой ценного материала, они показывают сам процесс постепенного изменения текста. Примером может служить имя собственное *Turbius* (*Serm. 2, 6, 77*), очевидно восходящее к *Curvius* из двух рукописей (*Parisinus 7974* и *Parisinus 1971*), тогда как общепризнанным первоначальным чтением является *Cervius*, которое засвидетельствовано в остальной рукописной традиции. Другой интересный случай, напротив, возможно является редакторским исправлением: в 15м эпизоде стих 17 начинается с союза *at*, что создает более сильное противопоставление при обращении к счастливому сопернику, тогда как остальные рукописи дают *et* (отметим, что в части рукописей, родственных нашей, это место было испорчено и весьма вероятно, что переписчику пришлось восстанавливать текст по собственному представлению о манере Горация — ср. союз *at* в *Erod. 3, 19*).

б). Чтения, нетипичные для общей картины смешения чтений во всей рукописной традиции: В этом разделе приняты за близкие к *Ott. Lat. 1660* рукописи, собранные Келлером–Холдером и Клингнером в класс II и Ψ соответственно, в частности уже упоминавшиеся Парижские кодексы, Лейденский, Оксфордский, *Harleianus 2725* и некоторые другие. Таким образом интерес для нас представляют чтения, общие с ценнейшими рукописями т. н. класса I (или E), и эти случаи были прослежены уже Клингнером. В качестве примеров приведем совпадение с Бернским и Страсбургским кодексами (*Carm. 1, 32, 8*) и с Бернским и Мюнхенским (*Carm. 2, 6, 1*).

с). Особенности орфографии, в том числе при передаче редких слов и имен собственных: Кроме некоторых распространенных вариантов (например, в случае передачи древнегреческих окончаний или ассимиляции *nm/mm*), можно заметить тенденцию к удвоению буквы *l*: например, в *Carm. 1, 18, 2* (*Satili*, где вторая *l* присутствовала в тексте, но была впоследствии стерта) и *Erod. 12, 11* (*socodrilli* вместо *socodili*). Отметим, что если во втором случае речь идет об искажении, близком уже к романским языкам (ср. итал. *socodrillo*), то в первом случае вариант может иметь еще античное происхождение: греческое имя основателя Тибура скандировалось и, возможно, писалось по-разному (ср. *Aen. 7, 672*).

Литература

Borzsák = Q. Horati Flacci Opera. Rec. S. Borzsák. Lipsiae, 1984.

Hale W. G. A New MS. of Catullus // *The Classical Review*. 1896. Vol. 10, no. 6. P. 314.

Klingner = Q. Horati Flacci Opera. Tert. rec. Fr. Klingner. Lipsiae, 1959.

Questa C. Il Metro e il Libro. Per una semiologia della pagina scritta di Plauto, Terenzio, Prudenzio, Orazio // *Il libro e il testo* (Atti del Convegno internazionale Urbino 20–23 sett. 1982). Urbino, 1984. P. 337–396.

О СЛОВЕ ΜΕΛΑΝΩΨ В ГРЕЧЕСКОЙ ПОЭМЕ МАКСИМА ГРЕКА [«IN FRAUDEM HELLENICAM»]

Ермолаева Елена Леонидовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Рукопись с поэмой Максима Грека на древнегреческом языке (без названия) была обнаружена профессором Йельского университета П. Бушковичем в 1984 в Австрийской национальной библиотеке (Wien, Österreichische Nationalbibliothek, ms. Phil, gr. 202, l. 8–15).

За публикациями П. Бушковича (1984, 1993) последовало издание известного американского византиниста И. Шевченко (1997) с критическим аппаратом, переводом на английский и комментарием. Назовем поэму условно «In fraudem Hellenicam», поскольку Бушкович доказал, что она является оригиналом или переводом хорошо известного прозаического славянского текста Максима Грека «Слово обличительно на еллинскую прелесть». Поэма из 380 стихов написана элегическим дистихом на аттическом и ионийском диалекте с характерным смешением лексики из античных, византийских и новозаветных текстов. И. Шевченко отмечает большое количество редких слов в поэме.

Автор доклада анализирует и в результате распределяет по группам слова, которые И. Шевченко отмечает как гапаксы, особое внимание уделяя слову μελάνωψ.

I. Гапаксы Αὐτοκύων ст. 16 Речь идет о лицемере, почитающем бога лишь внешне, судя по контексту, о монахе, который предается душевным волнениям. И. Шевченко переводит как «quintessential dog», Буланин (1993) «совсем он, как пес». Ясно, что это слово означает «собака собакой» — в самом мизокиническом смысле. Ἐλλάδιος колофон 4 стр. — эллинский, эллин.

II. Ошибки переписчика? Αἰσχροῦργοισι

307 — αἰσχροῦργοῖσι, αἰσχρὰν ἀγγελῶν

313 — αἰσχροαγγελῶν (Шевченко), ἄγυται

353 — ἀργῶσαι, ἄχθιστα

57 — ἔχθιστα (Шевченко).

III. О слове μελάνωψ 138

137 μήτε μάθοι ἄν καρκῖνος ποτὲ ὀρθὰ βαδίξειν,

138 μήτ' ἄν λευκανθεῖη σμηρόμενος μελάνωψ.

139 τὼς ἄν μηδὲ φρήν εἰδωλομανοῦς καὶ ἀθέσμοις

140 πρήξεισι καὶ βδελυροῖς τερπομένου ἡμέροισι, ῥᾶστά ποτ' εὐσεβέσι ξυνθήσεται ἢδ' ὀσίοισι

141 δόγμασι καὶ θεσμοῖς ἐνθέου εὐσεβίης.

Ни как никогда не сможет научиться ходить прямо, ни меланопс, как его ни мой, никогда не станет белым. Так и ум помешанного на идолах и наслаждающегося беззаконными делами и мерзкими страстями, совершенно никогда не будет сочетаться с благочестивыми и священными учениями и законами божественного благочестия.

Шевченко предполагает, что слово μελάνωψ — гапакс, и переводит его как «blackamoor». Действительно, оно не встречается в античности, а в византийском греческом засвидетельствовано только один раз в *Anekdotia zur griechischen Orthographie* I–XIV, 187, 15 в значении schwarzäugig «с черными глазами» (Trapp). При этом есть примеры употребления близких по значению прилагательных μελανόψιος и μελανῶπις.

У Максима Грека слово μελάνωψ появляется на месте Αἰθίοψ известной греческой пословицы: Αἰθίοψ οὐ λευκαίνεται и Αἰθίοπα λευκαίνεις (cf. Leutsh-Sneidewin, *Corpus paroemiographorum Graecorum* II, 4 et al.) — «эфиопа не отбелить»; «ты делаешь эфиопа белым», т. е. «исправляешь неисправимого, делаешь что-то бессмысленное». Собственно, Максим Грек в стихе μήτ' ἄν λευκανθεῖη σμηρόμενος μελάνωψ соединил вместе два варианта этой пословицы: приведенный выше и Αἰθίοπα σμήχεις/ σμήχων «отмываешь эфиопа». По мнению паремиографа, «отмывать эфиопа» — это всё равно, что «ощипывать яйцо» (ср. у В. Даля для ситуации «неисправимого не исправишь» приводится пословица «черного кобеля не вымоешь добела»).

В комментарии к ст. 138 И. Шевченко высказывает предположение, что слово μελάνωψ создано по образцу Αἰθίοψ и значит «a black man» в смысле «devil».

Это предположение нам кажется справедливым. Приведем наши аргументы:

1. В поэме Евдокии Августы «De martyrio sancti Surliani» 1.140 недвусмысленно говорится о демоне:

αὐτὰρ ὁ Κυπριανὸς κάλεσε κρατερώτερον ἄλλον,
ὃς πάντων ἦνασσε καὶ ἦν γενέτης μελανώπων.

Тогда Киприан позвал другого демона, посильнее, который был господином над всеми и родоначальником меланопов.

В словаре Лэмпа цитата из Евдокии Августы ошибочно приводится как единственный пример употребления прилагательного μελανώπος (если только Лэмп не предполагал чтения μελανώπων). Греческие композиты, которые заканчиваются на -ώπος, имеют ударение на первом от конца слоге: например, πурώπος, χρυσώπος (Buck), следовательно, у этого прилагательного не может быть другого ударения в начальной форме. Таким образом, форма μελανώπων может быть генетивом от μελάνωψ.

2. У композитов на -ωψ и -ώπος корень -ωп- либо сохраняет значение корня «глаз, вид», либо десемантизируется и выступает в качестве суффикса (Buck).

3. В славянском варианте «Слова...» сказано: «ниже мурин убелится». Слово «мурин» значит «мавр», однако у него засвидетельствовано и другое значение — «черт, нечистая сила» (Святитель Игнатий Брянчанинов, «Отечник»). Очевидно, что слово μελάνωψ появляется у Максима Грека в известной пословице, поскольку Αἰθίοψ не подходит метрически, с другой стороны, противопоставление «черного» μελάνωψ и «белого» λευκαίνω становится почти графическим. Значение же «дьявол» в христианской поэме придает старинной пословице новый смысл.

Литература

Bushkovitch P. Two Unknown Greek Texts of Maxim the Greek // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1984. 32/4: 559–561.

Ševčenko I. On the Greek Poetic Output of Maksim Grek // Palaeoslavica 5. 1997b: 181–276.

Бушкович П. Максим Грек-гипербореец. Труды Отдела древнерусской литературы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1993. Т. XLVII. С. 215–228.

Максим Грек. «Слово о покаянии» и «Слово обличительно на еллинскую прелесть» / пер. Д. М. Буланина. Труды Отдела древнерусской литературы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1993. Т. XLVII. С. 229–240.

PHILITAS OF COS, CYNICISM, BOTANY AND ANCIENT MEDICINE IN THE YALE EPIGRAMMATIC CODEX (P. CT. YBR INV. 4000)

Benelli Luca

*ассистент, Институт археологии, классической филологии, греческой филологии, папирологии
Кёльнского университета, Германия*

The P. Ct. YBR inv. 4000 came to the Beinecke Library at Yale University (New Haven, Ct.) in 1996, not as a codex, but as a group of unsorted fragments in a box of scraps including also documentary texts. The editio princeps of the ca. 60 Greek epigrams contained therein was produced by the Canadian scholar of Late Antiquity, Papyrology and Ancient History K. W. Wilkinson in the year 2012 (ASP nr. 52). As known, Wilkinson has tried in a series of contribution from the year 2009 onwards to plead for a backdating of the Alexandrian late-antique Greek poet Palladas, from the turn 4th–5th cent. — ages of Valens, Theodosius and Arcadius (and perhaps also Theodosius IIInd) — to the turn 3rd–4th cent. — to the period of the Roman Emperors from Galerius to Diocletian and Constantine. In this today contribution, I will not discuss again the problem of the dating of Palladas: I think I have been able to confute Wilkinson's ideas. I refer to my contributions in *Mnemosyne* (2016) and *ZPE* (2015, 2018) and to my forthcoming article in *Cuadernos de Filologia clasica* (2023). Focus of my today presentation is the reconstruction of the content of the P. Ct. YBR inv. 4000-epigrams.

Wilkinson (2012a) focused his editio princeps of this codex mainly on historical issues. You will find therein almost nothing in relation to the literary and philosophical context of the new epigrams.

Purpose of my today's presentation is not only to show how it is possible to reconstruct the text of many epigrams from the Yale codex, but also to offer a new literary context for many of the Yale epigrams: not the turn 3rd–4th cent. — as indirectly highlighted and inexplicitly proposed in the editio princeps — but the Cynic and medicine milieus of the second century Second Sophistic. Moreover, most of the Yale epigrams are not anathematic (book 9 of the Greek Anthology) or scoptic (book 11 of the Greek Anthology), as stated by Wilkinson, but sepulchral epigrams (book 7 of the Greek Anthology). This is my thesis.

The Yale epigrams are written in a language very similar — both syntactically and lexically — to that used by Lucian in his dialogues from the second half of the second century CE and in the works by the coeval medicine Galen. And it is with Lucian and Galen that the Yale epigrams have very much in common: not only on the lexical or linguistic point of view, but also as for the content itself it concerns.

Cynic themes occur both on p. 6 of our papyrus codex (epigr. 14–17 = P. Ct. YBR inv. 4000, p. 6 in my new forthcoming edition), but also in other epigrams: cf. e. g. epigr. 4 (P. Ct. YBR inv. 4000, p. 3.9–17) — this epigram is comparable and to be compared with a sepulchral epigram (AP 7.67 [Leonidas of Tarentum]) from the Greek Anthology on Diogenes the Cynic in front of the boat of Charon in the Underworld, — epigr. 7–8 in P. Ct. YBR inv. 4000 p. 4 — these two epigrams seem to be, both of them, examples of Cynic “begging song” (also Phoenix Colophon fr. 2 Diehl3 [1949–1953] was interpreted already by Gerhard [1909, 180–181] as a “cynic begging song”: the cynic beggar was a traditional figure; and Crates Thebanus [ca. 365 — ca. 285 BCE] himself, who used to go begging from house to house, was even nicknamed *θυρεπανοίκτης*, “door opener”) —, epigr. 11 (= P. Ct. YBR inv. 4000, p. 5, ll. 10–14), which shows a theme in common — that of the lawful marriage (*γάμος έννομος*, *iustum coniugium*) — with an epigram of Agathias (AP 5.302) on Diogenes the Cynic and his act of masturbation, etc.

A Cynic philosopher mentioned only by Lucian in one of his dialogues (Toxaris 27–34), a certain Demetrius of Sunium, not to be confused with the more famous first century CE Demetrius the Cynic mentioned by Seneca (Epist. 20.9, 62.3, 67.14, 91.19; de beneficiis 7.1–2, 8–11; etc.), Tacitus (Ann. 16.34) and dated by Philostratus (Vita Ap. 4.25) and by Lucian himself (De saltatione 63) to the age of Nero (54–68 CE), is clearly referred to in the very fragmentary epigr. nr.15 (= p. 6, ll. 5–9) from my new forthcoming edition. The Oenomaus in the same epigram is surely the famous Cynic philosopher of the second century CE Oenomaus of Gadara.

The epigr. nr. 26 (= P. Ct. YBR inv. 4000, p. 9, ll. 25–29), by Wilkinson referred to the demise/destruction of the Alexandrian Museum, is instead, in my view, a new sepulchral epigram on the allegedly

“Cyrenaic” poet Philitas of Cos: this epigram confirms an old, eighteenth-century view on Philitas’ poems, namely that one of his most renowned poem (the Telephus) was somehow connected with Philitas’ own father (and maybe not only as for the mere title).

Another aspect not sufficiently highlighted in the edition princeps published by Wilkinson in the year 2012 is the connection of the Yale epigrams with ancient medicine and pharmacological botany. This is another point which connects the Yale epigrams with the literary, scientific and philosophical milieu in the second century; and, thus, again with Cynicism. I will, in fact, show how it is possible to reconstruct the text of another epigram (nr. 16) from the same Yale codex (p. 6, ll. 1–20): this epigram, which is to be connected with the representation proposed by Plato himself of Diogenes the Cynic as a mad philosopher as transmitted by Aelian (VH 14.33) and by the codices recentiores of Diogenes Laertius (6.54), demonstrates for the first time that a series of therapeutic properties attributed to the *Jasminum officinale* L. (the flower named *φιλάδελφον* in the epigram at line 6) by the Indian and Chinese medicine was already known in the Graeco-Roman imperial age.

To sum up: many of the Yale epigrams are surely not by Palladas and instead to be dated, in their original facies, to the second century CE: they refer to the same philosophical and medicine environment of Lucian and Galen. References: Wilkinson (2012) = K. W. Wilkinson, *New Epigrams of Palladas. A fragmentary Papyrus Codex* (P. CtYBR inv. 4000), ASP Nr. 52 (Durham, NC 2012).

ВКЛАД ГЮНТЕРА ЦУНЦА В ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТА «ПИСЬМА АРИСТЕЯ»

Дружинина Екатерина Андреевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Так называемое «Письмо Аристея» представляет собой написанный по-гречески псевдо-эпиграф, в котором излагается знаменитая легенда о 72 толковниках, которые были приглашены в Александрию Птолемеем II Филадельфом для перевода Пятикнижия на древнегреческий язык. По всей видимости, это сочинение возникло во II в. до н. э. в Александрии, а его автором был образованный александрийский иудей. Большое количество противоречий и хронологических ошибок, а также аллюзии на текст Септуагинты свидетельствуют о том, что «Письмо» было написано в ту эпоху, когда греческий перевод уже существовал, а его автор не мог быть свидетелем описываемых событий, хотя он стремился создать у читателей именно такое впечатление.

В древности и в Средние века легенда о происхождении Септуагинты, рассказанная в «Письме», не вызывала недоверия, однако в конце XVII в., после выхода в свет монографии Хамфри Ходи, подвергнувшего этот памятник суровой критике, ученые стали относиться к «Письму» с некоторой долей пренебрежения, в результате чего текст изучали мало. Первое издание греческого текста, подготовленное Симоном Шардом еще в 1561 г. и опирающееся всего на две рукописи, оставалось единственным вплоть до 1869 г., когда Мориц Шмидт подготовил новую версию текста, обогатив ее еще тремя рукописями и предложив несколько собственных исправлений. После него к работе над подготовкой критического издания приступил Людвиг Мендельсон, однако он успел обработать только первые 50 параграфов, которые были изданы уже после его смерти в 1897 г. Наконец, опираясь на материалы, собранные Мендельсоном, в 1900 г. Пауль Вендланд предпринял новое критическое издание, вышедшее в серии «Тойбнер» [Wendland 1900].

Наконец, во второй половине XX в. весомый вклад в изучение текста «Письма» внес французский филолог Андрэ Пелтье, который произвел коллацию рукописей и установил стемму. Итогом его кропотливого труда стало новое критическое издание, вышедшее в Париже в серии «Sources Chrétienne» [Pelletier 1962]. Помимо установления стеммы рукописей и детального сравнения текста с выдержками из сочинения Евсевия «Praeparatio Evangelica», где приведены обширные цитаты из «Письма», Пелтье рассмотрел те эмендации, которые были предложены в XX в. уже после выхода в свет издания Вендланда, и некоторые из них принял в текст. Среди них особое место занимают предложения филолога-классика и библеиста Гюнтера Цунца, которые были опубликованы в 1958 г. в короткой заметке в журнале «Philologus» [Zuntz 1958: 240–246].

Рассмотрим наиболее важные из эмендаций Цунца, принятые в издании Пелтье.

Обосновывая необходимость написания своего сочинения в прологе, автор говорит следующее: διὰ τὸ σὲ περὶ πολλοῦ πεποιῆσθαι παρ' ἑκάστα ὑπομνήσκων συνακοῦσαι. (Ep. Arist. 1). Традиционно издатели и комментаторы «Письма», ввиду синтаксической невозможности употребления причастия ὑπομνήσκων в номинативе, признают порчу текста, но считают, что глагол ὑπομνήσκω относится к Филократу, который неоднократно «напоминал» Аристею о необходимости написания «Письма», а весь отрывок обычно переводят так: «Из-за того, что ты считаешь важным об этом услышать, постоянно напоминая». Цунц предложил исправить номинатив ὑπομνήσκων на генетив ὑπομνήσκοντος и относить это причастие не к Филократу, а к Аристею, который часто «вспоминает» события, свидетелем которых он был. При такой интерпретации смысл всего пассажа становится иным: речь идет не о том, что Филократ по-

стоянно напоминает Аристею, что он должен рассказать об обстоятельствах перевода, а о том, что он всегда готов слушать Аристея, когда тот вспоминает о том, что он сам видел. Любознательность Филократа автор подчеркивает на протяжении всего «Письма», а в 5-м параграфе пролога слова ἀσμένως ἀκούσεσθαι прямо подтверждают это свойство адресата. Таким образом, эмендация Цунца, принятая Пелтье, представляется весьма значимой для понимания не только отдельно взятого отрывка, но и для понимания образа Филократа в целом.

Рассмотрим еще одно исправление Цунца. В самой обширной части Письма, которая посвящена описанию пира (Ep. Arist. 187–300), во время которого Птолемей II задавал каждому из прибывших толковников по вопросу и получал на них ответы, на вопрос о том, как царю сохранить царство нерушимым, один из мудрецов говорит, что для этого царю необходимо подражать неизменному милосердию Бога, проявлять великодушие и карать виновных мягче, чем они заслужили. В рукописях «Письма» последняя часть предложения выглядит так: βλημάζων τοὺς ἀξιούς ἐπιεικέστερον καθὼς εἰσὶν ἄξιοι. Βλημάζων, представляющее собой причастие от незасвидетельствованного глагола βλημάζω, было исправлено на βλιμάζων еще Шардом (1561). Это исправление принято Вендландом (Wendland 1900: 52), Хейдасом (Hadas 1951: 175) и другими исследователями, которые трактуют глагол βλιμάζω как «наказывать» исходя из контекста. Кроме того, проблему для интерпретации представляет и прилагательное ἀξιούς, замененное в одной из рукописей на ἀνθρώπους. Цунц предложил исправить βλιμάζων на κολάζων, ἀξιούς на αἰτίους. Как видим, текст подвергся серьезной правке, однако общепринятый вариант действительно содержит значительные трудности, и конъектуры Цунца можно считать диагностическими.

Вклад Цунца в изучение текста «Письма» не ограничивается приведенными исправлениями, у него имеется еще несколько поправок к тексту, а также весьма ценные соображения относительно интерпретации и других спорных пассажей. Однако эмендации Цунца представляются весьма показательными, свидетельствуя о том, что данные отрывки требуют пристального внимания исследователей «Письма».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44092 «Письмо Аристея: Перевод текста, историко-филологический комментарий и теологический анализ» (Теология).

Литература

Hadas M. The Letter of Aristeas. New York, 1951.

Pelletier A. (ed.): Lettre d'Aristée a Philocrate. Paris, 1962.

Zuntz G. Zum Aristeas-Text // Philologus. 1958. Bd. 102. S. 240–246.

Wendland P. (ed.) Aristeae ad Philocratem epistula cum ceteris de origine versionis LXX interpretum testimoniis. Leipzig, 1900.

МИЛОСЕРДИЕ ЦАРЯ И ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО ЭТИКИ В «ПИСЬМЕ АРИСТЕЯ»

Тахтаджян Сурен Арменович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Дружинина Екатерина Андреевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Самую большую часть «Письма Аристея» составляет описание семи пиров, во время которых Птолемей II задавал каждому из прибывших для перевода Пятикнижия семидесяти двух еврейских мудрецов по вопросу и получал на них ответы. Царь, согласно автору Письма, высоко оценил мудрость этих ответов: после завершения симпозиев он признался толковникам (294), что они преподали ему урок, как нужно царствовать (διδάχῃν πρὸς τὸ βασιλεύειν). Многие ученые, в том числе Гюнтер Цунц, ставили вопрос о еврейской и греческой составляющих в этих вопросах и ответах [Zuntz 1959: 22]. Напротив, Бенджамин Райт считает едва ли возможным выделение греческих и еврейских элементов в Письме, а попытки такого рода признает бесполезными [Wright 2015: 359–360, 425].

Его позиция была бы в какой-то мере убедительной, если бы культурные традиции этих двух народов были трудноотличимыми одна от другой. Однако дело обстоит противоположным образом. Наше внимание привлекли несколько ответов, содержащих совет царю проявлять милосердие (188, 207–208). В самом первом вопросе царь пожелал выяснить, как ему до конца сохранить свое царство нерушимым (187), и получил следующий ответ: «Надежнее всего ты сохранишь непоколебимым свое царство, если будешь подражать неизменному милосердию Бога (μῆτρούμενος τὸ τοῦ θεοῦ διὰ παντὸς ἐπιεικέες). Именно, проявляя великодушие (μακροθυμία χρώμενος) и карая виновных мягче, чем они заслужили (κολάζων τοὺς αἰτίους ἐπιεικέστερον ἢ καθὼς εἰσὶν ἄξιοι), ты, удаляя их от порочности, сможешь привести к раскаянию» (188). Ветхозаветные параллели к этому ответу говорят о милосердии Бога, а не земного правителя. В греческих, напротив, речь идет о милосердии царя. Причем только в греческих параллелях говорится о наложении царем более мягких наказаний, чем того заслуживают проступки (Isoc. 2, 23; Diod. 1, 70, 6). Существенно и то, что греки осознали наказание как проблему и размышляли о цели, смысле и должной мере наказания. У Феофраста было специальное сочинение «О наказании». Далее, на вопрос, чему учит мудрость, царь получил от очередного толковника следующий ответ: «Раз ты себе самому не желаешь бед, но желаешь быть причастным ко всем благам, то мудрость ты проявишь, если таким же образом будешь обходиться со своими подданными и с теми, кто провинился (εἰ πράσσοις τοῦτο πρὸς τοὺς ὑποτάγμένους καὶ τοὺς ἀμαρτάνοντας), и если людей достойных будешь наставлять милостиво. Ведь и Бог руководит милостиво всеми без исключения людьми» (207). В этом ответе еврейский мудрец формулирует Золотое правило этики. Некоторые ученые приводили в качестве параллели к этому месту «Письма» заповедь «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Левит 19:18), считая ее формулировкой Золотого правила. Альбрехт Диле, признавая, что заповедь любви к ближнему близка к Золотому правилу, указывал в то же время на существенное отличие: правило, в отличие от заповеди, относится к поступкам, которые рассматривает глазами того, на кого поступок направлен [Dihle 1981: 932]. В итоге Диле делал обоснованный, на наш взгляд, вывод, что у евреев Золотое правило было заимствованием из греческой традиции [Dihle 1962: 84], а одним из самых ранних примеров этого правила в еврейской традиции он считал как раз приведенное место «Письма Аристея» [Dihle 1962, 82–83; Dihle 1981, 936]. Мы обращаем внимание на то обстоятельство, что в следующем за только что приведенным параграфом «Письма» в ответ на вопрос царя, каким образом ему проявлять человеколюбие (πῶς ἂν φιλόανθρωπος εἴη), очередной толковник говорит, в частности, что царю «не следует с легкостью налагать на людей наказания и не следует подвергать их пыткам» (208). Итак, в «Письме Аристея» с советом царю следовать Золотому правилу в своих отношениях с подданными (207) соседствует призыв не подвергать их поспешным и тяжким наказаниям (208). Как на возможный источник 207–208 «Письма» мы указываем

на 23–24 речи Исократ «К Никоклу». В этом ярком пассаже Исократ дважды формулирует Золотое правило, причем в первом случае, как и еврейский мудрец в «Письме», Исократ советует царю руководствоваться этим правилом в своих отношениях с подданными. Также дважды в этом месте Исократ призывает Никокла к милосердию. Сначала он советует, как мы уже отметили выше, налагать наказания более мягкие, чем того заслуживают проступки (2, 23). Ниже Исократ призывает царя проявлять свою власть не суровостью и жестокостью наказаний (2, 24). Итак, советы царю следовать Золотому правилу и быть милосердным находятся рядом и в речи Исократ. Популярность речи «К Никоклу» в эллинистическом Египте хорошо засвидетельствована. Лексической близости между 188 и 207–208 Письма и 23–24 второй речи Исократ нет. Однако мы не стали бы исключать прямое использование речи Исократ автором Письма. Если это было так, то Псевдо-Аристей, надо думать, понимал, что простое переписывание текста Исократ выдало бы источник тех суждений, которые он вкладывал в уста еврейским мудрецам. Есть и другая возможность. Непосредственным источником интересующих нас ответов могло послужить одно или несколько из многочисленных в эллинистическую эпоху сочинений О царской власти (Περὶ βασιλείας).

Об этом жанре мы знаем немного, так как ни одно из этих произведений до нас не дошло. Однако «Кипрские речи», и прежде всего речь «К Никоклу», наверняка оказали немалое влияние на этот жанр, так что Исократ и в этом случае может быть, в конечном счете, источником для автора «Письма». Как бы то ни было, мы полагаем, что источником ответов в 188 и 207–208, за исключением ссылок на Бога как образец для подражания, была греческая традиция.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44092 «Письмо Аристея: Перевод текста, историко-филологический комментарий и теологический анализ» (Теология).

Литература

- Dihle A.* Die Goldene Regel. Göttingen, 1962. *Dihle A.* Goldene Regel // Reallexikon für Antike und Christentum. 1981. Bd. 11. Sp. 930–940.
- Wright III B. G.* The Letter of Aristeas. Berlin/Boston, 2015.
- Zuntz G.* Aristeas Studies I: “The Seven Banquets”. 1959.

АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ НОРМ ИУДЕЙСКОГО ЗАКОНА В «ПИСЬМЕ АРИСТЕЯ»

Вевюрко Илья Сергеевич

доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Обычно считается, что аллегорическая интерпретация иудейского Закона в «Письме Аристея» представляет собой типичный пример влияния эллинизма [Honigman 2003: 20]. М. Дуглас, предложившая свое собственное объяснение диетарных запретов Книги Левит, оценивала подобные толкования как «забавные» [Douglas 2000: 143]. Но при более внимательном рассмотрении в аргументации первосвященника Елеазара из «Письма» обнаруживается структура, выявляющая в ней не только стандартный эллинистический ход, — сведение всех добродетелей к справедливости, — но и включающую его в себя иудейскую рамку.

Если же принять во внимание, что за δικαιοσύνη прячется צדקה, универсальная добродетель еврея в отношении к Богу, иудейский контекст этой части «Письма» становится еще более сгущенным. Елеазар начинает с утверждения, что Моисей определил прежде всего то, что относится к благочестию и справедливости (131, 144, 169). Эти две «платоновские» добродетели становятся рамочными для всего текста, но справедливость упоминается больше. Второй тезис Елеазара состоит в том, что заповеди — не просто запрещения, они содержат в себе разъяснение смысла Закона (131). Таким образом, заповеди отражают в себе специфику, согласно которой Закон евреев противопоставляется всем другим. Поэтому речь далее переходит к идолопоклонству (133–138). Это значит, что интуиция, по которой диетарные ограничения Закона некоторым образом «описывают» образ Бога [Дуглас 1998: 93], была не чужда уже автору «Письма Аристея».

Противопоставляя иудаизм идолопоклонству, Елеазар говорит, что язычники впали в зависимость от пищи, питья и одежды, тогда как иудеи всю жизнь занимаются исследованием Божественного правления (140–141). Близкая параллель с Мф 6:31–33 говорит, скорее всего, о том, что существовала какая-то устная традиция разведения еврейского и языческого как божественного и мирского. Неудивительно, поэтому, что данный тезис в «Письме Аристея» хиастически обрамляет рассуждение об «ограде Закона» (139–142), которое в контексте «Письма» ставит Закон на то же место, на котором в Евангелии стоит Нагорная проповедь. Ограда Закона (גֵּיס הַהֹרֶת, Пиркей Авот I. 1) традиционно понимается в талмудическом иудаизме как свод дополнительных норм, не позволяющих еврею даже близко подойти к нарушению заповеди (например, запрет одновременно ставить на стол мясные и молочные блюда ради соблюдения заповеди о «козленке в молоке»). Но в «Письме Аристея» сам Закон понимается как ограда, отделяющая иудеев от языческого мира. Таким образом, это понятие об ограде здесь близко по смыслу к тому «средостению» между иудеем и язычником, на которое указывает апостол Павел (Еф 2:14).

Все предписания Моисеева Закона, согласно первосвященнику, согласны с естественным разумом (φυσικός λόγος). Это наиболее «эллинистическое» выражение во всей речи Елеазара, который тут же, впрочем, оговаривается, в чем это согласие состоит: указанные предписания управляются «одной силой» (143). Данное выражение может указывать как на Бога, так и — скорее (на что указывает употребление глагола οἰκονομέω) — на то, что все они содержат под собой один и тот же смысл. Он раскрывается в хорошо известном толковании классификации животных как различных образов добродетели и порока, а признаков наличия раздвоенного копыта и отрывания жвачки как образов «различения» добра и зла на каждом шагу — «все действия направлять к справедливости с разделением» (151), и постоянной памяти о Божественном Законе — сюда же относятся тфилин и мезузот (153–161). В конечном счете, речь идет не о различных заповедях, а об одной: заповеди богоуподобления, которой Закон обучает посредством своих запретов.

Вкратце сославшись также на заповеди, касающиеся половой жизни (152), Елеазар снова подходит очень близко к теории М. Дуглас, которая в ранний период своего изучения Книги Левит полагала, следуя за открытиями К. Леви-Стросса, что речь идет о запрете смешения как переплетения логически непересекающихся линий [Дуглас 1998: 92]. Вслед за этим, подробно раскрыв тему памяти, первосвященник возвращается к идее справедливости, антитезу которой представляют, как символы, вредоносные и нелепые животные (163–168). Можно заметить, что все рассуждение о Моисеевом Законе, представленное в «Письме Аристея», построено как хиазм и укладывается в следующую схему: справедливость — нехищничество — разделение и память — невреданосность — справедливость.

Но как связана основная, этическая проблематика данной аллегории с критикой язычества? Этот вопрос представляется ключевым для понимания как раз того, чем она выходит за рамки обычной философской этики античности. Смысл рассуждения о язычниках, которым Елеазар прерывает свою речь, состоит в скрытом, но достаточно легко извлекаемом из его слов тезисе, совершенно классическом для иудейской полемики с идолопоклонством (ср. Ис 44:13–20): человек не должен поклоняться тому, что хуже его. Но для того, чтобы этого избежать, мало не делать идолов. Следует прекратить «поклоняться» самой жизнью тому, что составляет предмет человеческих вожделений: еде, питью и одежде. Поклонение им, очевидно, состоит в делании несправедливости ради прибытка.

Справедливость была главной добродетелью полиса [Йегер 2001: 143], в эпоху эллинизма она представляла собой атрибут идеального царя. Именно такой царь является предметом диалога Птолемея II с еврейскими мудрецами в другой части «Письма». Речь же Елеазара, фактически, указывает на то, что в наибольшей мере справедливость присуща иудеям, соблюдающим закон, а в совершенной мере — самому законодателю, Моисею. Можно усмотреть здесь и косвенное указание на будущего Мессию, которого, как известно, источники эллино-римской диаспоры, обращенные к языческому читателю, никогда не называют прямо.

Литература

Дуглас М. Чистота и опасность. М., 1998.

Йегер В. Пайдейя. Т. 1. М., 2001.

Douglas M. Leviticus as Literature. Oxford, 2000.

Honigman S. The Septuagint and Homeric Scholarship in Alexandria. A Study in the Narrative of the 'Letter of Aristeas'. London, 2003.

(НЕ) ОТВЕРЖЕННАЯ БИБЛИЯ. ПЕРЕВОД LXX В РАННЕМ ИУДАИЗМЕ

Волчков Алексей

сотрудник, Университет Тюбингена, Германия

Легенда о переводе еврейского Закона на греческий язык, изложенная в «Письме Аристея», получила развитие в поздней традиции. Христиане и иудеи сохраняли память об этом легендарном событии, данный факт также становился предметом различных интерпретаций. Утверждается, что если в христианской традиции перевод Торы на древнегреческий оценивался исключительно в позитивном ключе, то среди иудеев в первых веках восторжествовало представление о недопустимости подобных переводов. Таким образом, легенда, сообщённая Аристеем, оценивалась негативно, а сама Септуагинта была отвергнута иудейским сообществом.

Действительно, Талмуд сообщает о том, что перевод еврейской Библии на греческий язык являлся трагическим событием с роковыми последствиями. В память об этом ошибочном действии даже был установлен специальный день для поста и сетований, а сам перевод сравнивается с созданием золотого тельца (TB Sof.,1,7). На упомянутом отрывке из Вавилонского Талмуда, а также на основании нескольких других свидетельств раввинов среди учёных возникло представление о свершившемся на рубеже I и II вв. н.э. отказе иудеев от использования Септуагинты. Чаще всего этот факт рассматривается как реакция на принятие LXX в качестве Писания в христианском движении.

Новейшие исследования свидетельствуют о полной неадекватности этой концепции по отношению к исторической реальности. Изложенная выше парадигма маргинализирует позднеантичных наследников эллинистического иудаизма и сводит LXX и прочие еврейские греческие версии Библии исключительно к *praeparatio evangelica*. Некритическое повторение тезиса об «отказе» приводит к тому, что вместо исторической реальности мы имеем дело с повторением (увековечиванием) ортодоксальных дискурсов с христианской или еврейско-раввинистической стороны.

Основная причина этого ошибочного утверждения лежит в неверном представлении об античном и ранневизантийском иудаизме как об идеологически монолитном движении, руководителями которого являлись раввины. В действительности же мы можем говорить о полном торжестве раввинистической версии иудаизма лишь к концу первого тысячелетия н.э. Свидетельства раввинистической традиции чрезвычайно сложно интерпретировать, причиной чего является отсутствие ясности относительно исторического контекста, времени появления, а также редакционной истории исследуемого отрывка. TB Sof.,1,7, напр., можно интерпретировать не как свидетельство о раннем (I–II века н.э.) отказе иудеев от LXX, но как мнение группы раввинов, живших в Персии в V–VI вв. н.э.. Таким образом, TB Sof.,1,7 может говорить лишь о том, что среди персидских раввинов было распространено ожидаемо негативное отношение к греческому переводу Библии. Нельзя упускать из виду, что даже в самой литературе раввинов можно найти и позитивные оценки LXX.

Новейшие исследования показывают, что иудеи, жившие в пределах Римской, а затем Византийской империи активно использовали греческий перевод. Септуагинта была «Священной Библией» иудаизма диаспоры в течение многих веков. Об этом свидетельствуют, например, данные еврейских артефактов: большинство библейских цитат в оставленных иудеями эпитафиях или на амулетах даны в варианте, наиболее близком к переводу LXX. Из эпиграфических и других источников ясно, что в поздней античности языком еврейского богослужения в Египте, Малой Азии и Европе был греческий.

Творцы Мишны и Талмуда, несомненно, были знакомы с легендой о переводе Торы для «царя Талмая (Птолемея)». Создатели Мишны были прекрасно осведомлены о существовании греческих переводов Библии. Недооценивается тот факт, что в мишнаитских текстах нет негативной оценки этих начинаний. Впервые острая критика в адрес LXX появляется в поздних раввинистических текстах «Сефер Тора» и «Соферим». Согласно некоторым оценкам, эти трактаты следует датировать даже послеталмудическим временем.

Талмудическая версия легенды об Аристее восходит к самому псевдоэпиграфу. Впрочем, на содержание этой легенды оказали влияние христианские авторы (Епифаний Саламинский). Авторы раввинистических текстов собирали данные из множества отдельных источников. Детали этой легенды в её раввинистической интерпретации не дают нам новой информации о времени и обстоятельствах самого перевода. Тем не менее, они рассказывают о том мире, в котором жили раввины и те многочисленные иудеи, которые несмотря на неодобрение раввинов продолжали пользоваться LXX и другими вариантами «греческой Библии».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44092 «Письмо Аристее: Перевод текста, историко-филологический комментарий и теологический анализ» (Теология).

Литература

- Boyd-Taylor, Cameron.* Echoes of the Septuagint in Byzantine Judaism // *Die Septuaginta — Texte, Theologien, Einflüsse* 2010: 272–288.
- Hengel, Martin, et al.* *The Septuagint as Christian Scripture: Its Prehistory and the Problem of Its Canon.* North American paperback ed. Baker Academic, 2004.
- Kreuzer, Siegfried.* *The Bible in Greek: Translation, Transmission, and Theology of the Septuagint // Septuagint and Cognate Studies.* 2015. Vol. 63.
- Law, Timothy Michael.* *When God Spoke Greek: The Septuagint and the Making of the Christian Bible.* Oxford University Press, 2013.
- Leipziger, Jonas.* *Lesepraktiken im antiken Judentum: Rezeptionsakte, Materialität und Schriftgebrauch.* Berlin, Boston, 2021.
- Meiser, Martin.* *The Septuagint and Its Reception: Collected Essays // Wissenschaftliche Untersuchungen Zum Neuen Testament.* 2022. Vol. 482. <https://doi.org/10.1628/978-3-16-161758-4>.
- Segal, Eliezer.* *Aristeas or Aggadiah: Talmudic Legend and the Greek Bible in Palestinian Judaism // W. O. McCready and A. Reinhartz, Eds., Common Judaism: Explorations in Second-Temple Judaism (Minneapolis: Fortress Press),* 2008: 159–72, 286–92.
- Simon-Shoshan, Moshe.* *The Tasks of the Translators: The Rabbis, the Septuagint, and the Cultural Politics of Translation // Prooftexts: A Journal of Jewish Literary History.* 2007. Vol. 27, no. 1: 1–39. doi:10.2979/PFT.2007.27.1.1.

ПРОБЛЕМАТИКА БОГАТСТВА И БЕДНОСТИ В «ПИСЬМЕ АРИСТЕЯ»

Каргальцев Алексей Витальевич

старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Проблематика богатства и бедности в «Письме Аристея» нечасто становится предметом специального исследования. Отчасти по причине того, что этот сюжет занимает далеко не центральное место в памятнике, отчасти потому, что отношение к данной проблеме в целом согласуется с ветхозаветной традицией. Тем не менее, на наш взгляд, «Письмо Аристея» содержит массу интереснейших подробностей о социально-экономических реалиях жизни иудеев Александрии III в. до н. э.

Необходимо отметить, что обращения к проблемам богатства и бедности представлены неравномерно, если положение богатых разбирается подробно, насколько это возможно, то тема бедности звучит лишь фоном. Вводной здесь является ветхозаветная традиция, которая была призвана сгладить социальное неравенство в традиционном иудейском обществе, а также возвысить положение бедняков как угодных Богу. Очевидно, реалии одного из богатейших эллинистических городов, а также активная вовлеченность иудеев в экономическую жизнь, разрушали этот традиционный идеал, вызывая негодование со стороны беднейших единоверцев, отсюда и замалчивание темы святой бедности.

Проблематика богатства возникает в «Письме Аристея» несколько раз. Птолемей интересуется у иудейских мудрецов каким образом ему оставаться богатым и получает ответ, что нужно воздерживаться от всего недостойного и следовать умеренности (Arist. 205). По мнению Э. Груена, подобный вопрос выставляет царя в невыгодном свете, а ответ содержит явную насмешку [Gruen 2016: 425]. Отчасти можно усмотреть иронию в том, чтобы требовать от царя воздерживаться от распутства, однако другие детали ответа заставляют оценивать его иначе. Во-первых, вновь провозглашается, что Бог является источником всякого блага, что в данном контексте можно понимать как факт того, что благословение Божие распространяется не только на иудеев, но и на Птолемея и всю Александрию, жить и быть гражданином которой не зазорно верующему иудею. Во-вторых, в декларации умеренности, очевидно, можно обнаружить влияние стоической или перипатетической философии. Хотя специальное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашего исследования, очевидно, что создание Септуагинты по времени совпадает с развитием комплекса Александрийской библиотеки и Мусейона.

Вновь тема богатства и бедности возникает в контексте вопроса о патриотизме, когда Птолемей интересуется, в чем проявляется любовь к отечеству, и получает ответ, что жить и умереть на чужбине это позор для богатых и презренно для бедных (Arist. 249). Тот факт, что этот вопрос носил явно не случайный характер, подтверждают другие фрагменты письма. Так, сам факт создания Септуагинты провозглашается как благо для иудеев всего мира (Arist. 38), что, по мнению исследователей, указывало на установление связи между Александрией и Иерусалимом и призвано было обеспечить лояльность иудеев египетской столицы [Gruen 2016: 72]. Здесь как и выше речь вновь идет о двойственности положения иудеев, которые, с одной стороны, должны стремиться к возвращению в Землю Обетованную особенно в контексте того, какую роль играл Египет в Ветхом Завете, с другой, следовать традиции полисного патриотизма. Как отмечал В. Чериковер, одной из важных социальных проблем, затронутых в «Письме Аристея» было двойственное положение богатых иудеев Александрии, которые были вынуждены жить между двумя мирами [Tcherikover 1958: 82].

Аристей, по сути, превращает царя в иудейского прозелита, заставив его и его придворных склонить головы перед Законом Моисея. Такое описание позволяло читателям преодолеть чувство неполноценности, которое терзало сердца богатых иудеев Александрии при виде блестящей придворной жизни эллинистической столицы. На наш взгляд, социальная проблематика «Письма Аристея» может быть выражена в адаптации религиозных норм иудаизма к реалиям эллинистического мира. Понятия социальной и божественной справедливости были настолько переплетены, что по замечанию ряда исследователей, Израиль до периода установления цар-

ства вовсе не знал глубокого социального расслоения за счет выравнивания положения богатых и бедных внутри иудейских кланов [Augustin 1977: 7]. Во всяком случае такова была норма, поскольку именно этого требовал религиозный закон [Maynard-Reid 1987: 26]. Таким образом положение лидеров иудейской общины Александрии становилось шатким. Смягчить социальные противоречия и были призваны приведенные фрагменты из «Письма Аристея».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01357

Литература

Augustin G. Poverty in the Old Testament // Gospel Poverty: Essays in Biblical Theology / ed. by M. D. Guinan. Chicago, 1977. P. 3–21.

Gruen E. S. Constructs of Identity in Hellenistic Judaism. Berlin; Boston, 2016.

Maynard-Reid P. U. Poverty and Wealth in James. New York: Orbis, 1987.

Tcherikover V. The Ideology of the Letter of Aristeas // The Harvard Theological Review. Vol. 51, no. 2. 1958. P. 59–85.

«ПИСЬМО АРИСТЕЯ» В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ (II–IV ВВ.)

Пантелеев Алексей Дмитриевич

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Возможно, с «Письмом Аристея» были знакомы уже первые христиане: исследователи отмечают его вероятное влияние на Евангелие Луки и Послания Павла. В нашем докладе мы изучим свидетельства знакомства раннехристианских авторов с легендой о переводе Септуагинты, проанализируем, кто и с какими целями обращался к «Письму», и попытаемся определить, пользовались ли они его оригинальным вариантом. Первым из христианских писателей к «Письму» обратился Юстин Мученик. Он кратко рассказывает историю перевода Библии, говоря об исполнении ветхозаветных пророчеств о Христе, в «I Апологии» (сер. 150-х гг.). Царь Птолемей основал библиотеку, где собирал сочинения всех народов. Узнав об иудейских книгах, он попросил иудейского царя переслать их, а затем, так как никто не мог их прочесть, прислать переводчиков. Это было исполнено, и таким образом эти сочинения стали доступны египтянам, а кроме того, распространились среди всех иудеев (Just. Apol. I, 31, 1–5). Рукописная традиция называет иудейского царя Иродом, но и имя, и сам царский титул для того времени были анахронизмом, вряд ли допущенным самим Юстином. В. Шмид предположил, что изначально вместо «Ирод» было «Ород», имя посла Птолемея, искаженное переписчиками. Д. Минс и П. Парвис выдвинули другую версию: «Ирод» для Юстина было титулом иудейского правителя, чем-то вроде римских «Цезарь» или «Август». Только здесь встречается рассказ о втором посольстве в Иерусалим: возможно, это стало результатом интерпретации пассажа из «Письма» о невозможности перевести имеющийся у Птолемея текст (Epist., 30; cf. Jos. Flav. AJ, XII, 36–39). Скорее всего, эти детали появились в результате или знакомства Юстина с самаритянским вариантом легенды о переводе, или деятельности последующих переписчиков и комментаторов [White, Keddie, 239]; вряд ли во время работы над «Апологией» перед ним находился текст «Письма». Кроме «I Апологии», указания на перевод встречаются в «Диалоге с Трифоном», но они ограничиваются упоминаниями Птолемея и критикой альтернативных версий (Just. Dial., 68; 71; 84; 120; 124; 131; 137). Ириней Лионский пересказал историю появления Септуагинты в «Против ересей» (кон. II в.); оригинальный греческий текст сохранил Евсевий (Iren. AH, III, 21, 2; Eus. HE, V, 8, 11–15). Здесь заказчиком перевода назван «Птолемей, сын Лага», т. е. Птолемей I, переводчики охарактеризованы как ἑρμηνευταί, что находит параллель, с одной стороны, в «Письме» (39), а с другой, у Климента Александрийского (Strom., I, 22, 149, 1). Ириней говорит о 70, а не о 72 толковниках (так же делают Иосиф Флавий и Климент), он особо подчеркивает, что в состав Писания входили книги пророков, и вообще рассказ Иринея очень близок повествованию Климента. Целью включения этой истории в «Против ересей» была полемика с Феодотионом из Эфеса, придерживающегося энкратитских взглядов, и Акилой из Синопы (AH, III, 21, 1; cf. EpiPh. De mens., 13–16). Оба они сделали свои переводы Ветхого Завета, позже Ориген включил их в «Гексаплу»; Ириней отвергает их версии в пользу Септуагинты в частности из-за того, что в обоих переводах отвергалось непорочное зачатие. Тертуллиан в «Апологетике» (кон. 190-х гг.) рассказывает историю перевода для доказательства боговдохновенности и древности Писания. Птолемей II по совету Деметрия Фалерского приказал доставить в библиотеку иудейские пророческие книги, «ибо пророки были только из иудеев и всегда говорили только к ним», были назначены 72 переводчика, к которым с уважением относился «философ и защитник провидения» Менедем. Эти переведенные книги хранились в библиотеке при храме Сераписа вместе с еврейскими оригиналами (Apol., 18, 5–8). Тертуллиан ссылается на Аристея (Apol., 18, 7); как и Ириней, он особо указывает на перевод книг пророков, что в сочетании с другими факторами позволяет предположить, что Тертуллиан использовал сочинения Иринея и Филона. Наконец, Климент Александрийский в «Строматах» (кон. II в.) и Евсевий Кесарийский в «Евангельском предуготовлении» (310-е гг.) сохранили фрагменты аллегорического комментария к Септуагинте, написанного Аристобулом, близким к перипатетикам иудейским философом из Александрии, жившем при Птолемеях VI

(180–145 гг. до н. э.). Это сочинение было написано в виде диалога Аристулу с Птолемеем, где он отвечал на вопросы царя о Писании; помимо прочего, там содержался и рассказ о переводах Библии (fr. 3a–b Holladay). Климент иногда пересказывает Аристулу своими словами, Евсевий держится ближе к тексту. Климент затрудняется сказать, при каком именно Птолемею был предпринят перевод, но упоминает Деметрия Фалерского, говорит о 70 переводчиках, отдельно выделяет книги пророков; все это и другие совпадения указывают на знакомство Климента с текстом Ириния. Дальше, уже с прямой ссылкой на Аристулу, он говорит о существовании еще до Деметрия и Александра Македонского перевода Писания на греческий: именно он послужил источником для философии Пифагора и Платона (Clem. Alex. Strom., I, 22, 148, 1–150, 3). Евсевий иногда отождествлял Аристулу-философа и Аристулу-переводчика Писания (Eus. HE, VII, 32, 6), хотя между ними было целое столетие (в «Евангельском предуготовлении», где он привел рассмотренный выше фрагмент из Климента, этого смешения нет). В VIII книге «Предуготовления» он приводит прямые цитаты из «Письма Аристея», следуя тексту, хотя он опускает большую часть истории, в частности пиры и эпистолярное обрамление; его интерес сосредоточен на роли Птолемея II и Деметрия и том, как был осуществлен по божественному вдохновению перевод. Таким образом, христианам была знакома легенда о переводе Библии. Они обращались к ней как для того, чтобы доказать боговдохновенность иудейских Писаний, так и для того, чтобы сохранить авторитет Септуагинты, содержащей ветхозаветные пророчества о Христе, исчезнувшие в альтернативных переводах.

Литература

White L. M., Keddie G. A. Jewish Fictional Letters from Hellenistic Egypt. The Epistle of Aristeas and Related Literature. Atlanta, 2018.

АРИСТЕЙ О ПОДЗЕМЕЛЬЯХ ХРАМА И СУДЬБА СИМВОЛА В ВИЗАНТИЙСКУЮ ЭПОХУ

Чаковская Лидия

*старший научный сотрудник, Государственный институт искусствознания;
доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*

Описанием Иерусалимского Храма (Аристей 84–91) автор предваряет рассказ об Иерусалиме, подчеркивая центральное место Храма не только в Городе, но и в Святой Земле вообще. В обоих случаях автор соединяет конкретные элементы, позволяющие говорить об описании очевидца, с образностью, заимствованной из утопической классической литературы, и с библейской богословской программой.

Аристей останавливается на четырех особо важных с его точки зрения составляющих священного пространства Храма: стены, дверь, завеса, жертвенник. Однако, помимо этого, неожиданно большое место уделяется устройству водного снабжения Храма. Вода в Храме имеет как природный характер, так и предстает результатом работы инженеров. Прежде всего, «(89) внутри храмового участка имеется природный источник, обильный водой». К нему прибавляются рукотворные сооружения: «(89) под землёй, вокруг основания храма, находятся, как мне объясняли, удивительные, не поддающиеся описанию водохранилища, растянувшиеся на пять стадиев». Резервуары покрыты свинцом и, видимо, гидравлической штукатуркой, чтобы не допускать впитывания воды. Описывая устройство цистерны, Аристей, возможно, хотел, чтобы читатель вспомнил о старой иерусалимской цистерне, когда-то выкопанной сыном царя Малхии, в которую был брошен пророк Иеремия (Иер.38:6): «В яме тогда не было воды, а только жидкая грязь, и в эту грязь Иеремия погрузился». В отличие от той цистерны, эти резервуары сделаны с большим совершенством (89): «У каждого из них имеется бесчисленное количество труб, и вода стекается туда со всех сторон».

Эти инженерные сооружения необходимы прежде всего для практических целей, чтобы решить проблему крови жертвенных животных (88): «Весь пол вымощен камнем и имеет наклоны к местам для стока воды с тем, чтобы смывать кровь жертвенных животных. Ведь в дни праздников туда пригоняют тысячи голов скота». Вода смывает кровь благодаря отверстиям в полу у самого алтаря (90): «У основания алтаря имеется множество отверстий, невидимых для всех, кроме тех, на кого возложена служба. Туда стекает кровь жертвенных животных, текущая в изобилии. Не успеешь кивнуть головой, как становится чисто».

Аристеем мало услышать о водоемах. Его специально выводят за город, и представленная читателю картина являет нам библейский образ города и Храма, не просто имеющего источник вод (Иез. 47:1), но стоящего на водных потоках (91): «Разузнав сам об устройстве водоемов, я расскажу тебе, как убедился в их устройстве. Меня вывели из города на расстояние более четырех стадиев и предложили, наклонившись в одном месте, прислушаться к шуму, происходящему при слиянии вод. Тогда мне стало совершенно ясно, что эти емкости такого размера, какой я указал».

Образ Аристеем и инженерно достоверен (устройства для снабжения Храмовой горы водой действительно существовали, хотя сама гора была лишена собственного источника) и укоренен в библейском символизме. Речь идет не только о том, что благодаря Храму Иерусалим не нуждается в воде, но о том, что в Храме вода соединяется с жертвенной кровью (сначала вода смывает кровь у жертвенника, через отверстия она уходит в трубы и затем встречается с другими потоками). Этот момент предстает, согласно описанию, как один из центральных в никогда не прекращающемся богослужении Храма. Акцент на том, что делается, а не на драгоценных вещах, сближает описание Храма с описанием города, для которого будет использован образ «театра» ((105) «расположение башен, главных улиц и пересекающих их поперечных напоминает знакомый вид театра»).

Образ «театра» как структурообразующая метафора для описания Иерусалима сначала апробируется Аристеем в описании Иерусалимского Храма. Именно тут зрелище одерживает

победу над зрением, появляется мотив растерянности зрителя, свойственный античной литературе так же, как и позже византийским описаниям архитектурных построек. Зрелище это особого рода, поскольку в Иерусалимском Храме благодаря второй заповеди искусства временные превалируют над пространственными. Так, в описании Завесы автор сосредотачивается на ее движении при дуновении ветра (86): «... ткань от тока воздуха находилась в постоянном движении из-за того, что воздух шел снизу вверх...» В описании службы священников подчеркивается отсутствие звука, производимого человеком ((95 ... «Там царит полное безмолвие, так что можно подумать, что в этом месте нет ни души»).

Но звуки, издаваемые одеждами первосвященника (96) (золотыми позвонками) описываются как гармонические и соединяются с шумом от потоков вод (90–91). Все это представляет читателю совершаемое в Храме как непрестанно длящееся действие-зрелище, схожее с греческим «театром вещей».

Именно этот момент позволил Письму Аристея стать фундаментом, на котором строилась образность Храма Гроба в текстах христианских паломников. В первые века после строительства Храма Гроба Господня, завершено в 325 г., происходит интенсивное богословское осмысление нового Иерусалимского Храма, в котором паломник может стать свидетелем осуществленного и длящегося спасения, совершившегося на Голгофе. Мотив текущей крови Спасителя, омывшей голову Адама, появляется уже у Оригена, и становится общим местом в паломнических описаниях. Богословскому толкованию подвергается и мотив льющейся вместе из ребра Иисуса крови и воды. Амвросий Медиоланский спрашивает: «Чем же еще является вода без Креста Христова, если не обычным веществом, бесполезным для таинства?» (Святитель Амвросий Медиоланский О тайнах, 20).

Образ текущей воды под Храмом Гроба появляется впервые в текстах псевдо-Антонина из Пьяченцы, посетившего Иерусалим в VI в.: «От гроба до Голгофы восемьдесят шагов. С одной стороны, откуда Господь наш поднимался на распятие, на нее всходят по ступеням. Видно и место, на котором был водружен крест, и на камне кровь. С боку жертвенник Авраама, на котором он намеревался принести Исаака, и где принес жертву Мельхиседек. Возле этого жертвенника есть расселина, к которой если приложить ухо, то услышишь плеск текущей воды, и если бросишь яблоко или что-нибудь другое, что может плавать, и пойдешь к источнику Силоамскому, то найдешь [брошенный предмет] там. Между Силоамом и Голгофой, я полагаю, будет милиарий. А Иерусалим не имеет проточной воды, как только в Силоамском источнике». Отметим, что тут также появляется мотив выведения за пределы храма, чтобы оценить масштаб водоемов, а римская миля (1000 двойных шагов) близка расстоянию, описанному Аристеем (952 м).

Традиция слышать воды под Храмом Гроба сохранится вплоть до XIX века. Воды и их шум, описанные в дальнейшем многими паломниками, приобретут дополнительный, эсхатологический смысл, превращаясь в огненные реки. Тем не менее, в основе дальнейшего развития палестинских легенд будет лежать яркий образ Аристея с его двойственностью: Храм на водах одновременно реальный, и утопический, исторический и пророческий.

Литература

- Брагинская Н. В. Театр изображений. О неклассических зрелищных формах в античности // Театральное пространство. Материалы научной конференции ГМИИ им. А. С. Пушкина (1978). М.: Советский художник, 1979. С. 35–58, 147.
- Путник Антонина из Плаценции конца VI-го века. Пер. и прим. И. Помяловского // Православный Палестинский сборник. Том XIII, выпуск третий. СПб, 1895.
- Святитель Амвросий Медиоланский, Огласительные поучения. Перев. Александра Гриня // Альфа и Омега, 2 (40). 2004.
- Чаковская Л. С. Водные бездны под храмом Гроба Господня в Иерусалиме. Грани и логика образа. // Из истории художественной культуры Западной Европы V–XX веков. Коллективная монография / отв. ред.-сост. М. И. Свидерская и Е. В. Шидловская. М.: БуксМарт, 2021. С. 90–116.

Чаковская Л. С. Библия о музыке Иерусалимского Храма // Концептуализация музыки в авраамических традициях — 2018 / отв. ред. Г. Б. Шамилли. М.: ГИИ, 2018. С. 202–228.

Чаковская Л. С. Скиния и Иерусалимский Храм: элементы театрализованной зрелищности в еврейском искусстве древности // Опера в музыкальном театре: история и современность. Сборник статей по материалам Международной научной конференции 11–15 ноября 2019 года. Редактор-составитель И. П. Сусидко. Москва, 2019. С. 271–281.

ТЕКСТ ГОРОДА: ПИСЬМО АРИСТЕЯ И ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ИЕРУСАЛИМА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

AN URBAN TEXT: THE LETTER OF ARISTEAS AND THE INVENTION OF JERUSALEM'S TOPOGRAPHY IN THE HELLENISTIC PERIOD

Sivertsev Alexei

профессор, DePaul University

Composed in Greek by Jewish author(s), the so-called Letter of Aristeas to Philocrates originates, most likely, in Ptolemaic Egypt sometime in the second century B. C. E. Among other things, the Letter contains a detailed description of the city of Jerusalem, the Jerusalem temple, and ritual practices conducted in the latter.

The description offers a wealth of often unparalleled factual data on the conduct of the temple cult. It also represents one of the early attempts to articulate the life and circumstance of the Jerusalem temple-state by using Greek literary categories and clichés.

Recent research has emphasized a high degree of continuity between the Jewish institutions of the Achaemenid and early Hellenistic periods. Rather than a revolutionary transformation in the wake of Alexander the Great's conquest, we seem to be dealing with a slow process of translation, during which the established norms of an earlier era become paraphrased with the help of new symbolic forms, linguistic conventions, and epistemic standards. The Letter's section on Jerusalem and the temple offers an example of such a translation. "The size of the city is well proportioned, about forty stades in circumference, as far as one can estimate. The setting of its towers looks like a theater, and that of thoroughfares, too, which stand out, some set lower down, some higher up, all in the accustomed manner; the same applies to the roads which cross them. Since the city is built on a hill, the layout of the terrain is sloping. There are steps leading to the thoroughfares" (Letter of Aristeas 105–106; trans. Shutt, 20). To the best of my knowledge, the Letter is the earliest known text that uses theater as a structuring metaphor to make sense of Jerusalem's urban layout. The choice of this metaphor was not the only possible one. Some Greek historians, including Strabo, would compare the Temple Mount to the Acropolis, thus invoking a different symbolic map and a different set of associations to structure and, therefore, make sense of Jerusalem's urban space. The comparison of Jerusalem to a theater would, however, persist and is later used by Josephus, according to whom, "the city lay opposite the temple, being in the form of a theater and being bordered by a deep ravine along its whole southern side" (Jewish Antiquities 15. 411; trans. Marcus, vol. 6, 455). The use of theater as a structuring metaphor becomes more understandable if we consider the topographic role of theaters in late Achaemenid and early Hellenistic urban projects, such as the Halicarnassus of Mausolus and the Pergamon of the early Attalid dynasty. Carved into hill slopes, these theaters served to organize the spaces of their respective cities overlooked and dominated by the slopes. The use of the theater as a structuring matrix in the case of Jerusalem, allows the Letter's and Josephus's audiences to imagine and, therefore, customize the city in accordance with a particular set of contemporaneous aesthetic conventions. This set did not have to be an exclusive one, as the comparison of the Temple Mount to the Acropolis by some Greek authors makes clear, but it likely played a prominent role in the urban history of Greco-Roman Jerusalem. The metaphor became sufficiently internalized to contribute to the evolution of Jerusalem's cityscape at the turn of the Common Era. Leaving aside the complex issue of an actual theater and/or amphitheater in Jerusalem, the remains or even a potential location of which have never been securely identified, other elements of the city's planning at the turn of the eras could very well develop in conversation with the theater metaphor. The terrace-like distribution of elite villas in the present-day Jewish quarter of the Old City overlooking the Temple Mount (the so-called "Herodian quarter") was one of them. The villas, which most likely belonged to priestly families of the Herodian and post-Herodian eras, offer a dominant view over the temple complex and the lower city. The sloping Mount of Olives, organized as a sequence of terraces on the other side of the temple complex, stands as a mirror-reflection of the Herodian quarter. Unlike the latter, however, it houses the dead rather than the living.

The priestly tombs in the Kidron valley offer another set of prestigious theater seats across the valley, opposite to, but visually related to the houses of the living on the hill slopes west of the Temple Mount. Indeed, the Letter of Aristeas is quite conscious of purity concerns that underlie Jerusalem's layout. The theater-like plan of the city reflects these concerns of city inhabitants, "their principal aim being to keep away from the main road for the sake of those who are involved in purification rites, so as not to touch any forbidden object" (Letter of Aristeas 106; trans. Shutt, 20). Jerusalem is the temple-centered theater. Its arrangement is determined by the relationship between thoroughfares and roads down below, the areas of potential impurity, and terraced locations up the hill, where people can maintain purity as well as their place in the purity-anchored social hierarchy of Second Temple Jerusalem. What we observe here is a translation of Jewish purity norms of the Achaemenid era into a new conceptual language by means of a new set of metaphors. This process, my presentation argues, should be seen as emblematic of a broader and often vaguely defined phenomenon we call Hellenism.

References

- Josephus*. Jewish Antiquities: Books XIV–XV, trans. R. Marcus. LCL 489. Cambridge, MS, 1963&
- Shutt R. J. H.* "Letter of Aristeas" (Third Century B. C. — First Century A. D.): A new Translation and Introduction // J. H. Charlesworth, ed. The Old Testament Pseudepigrapha. Vol. 2. Garden City, 1985. P. 7–42.

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА

Васильева Ирина Эдуардовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Степанов Андрей Дмитриевич

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Андоскина Валерия Андреевна

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Одной из нерешенных проблем современного чеховедения является отсутствие в настоящее время полноценного комментария к произведениям А. П. Чехова. Вершиной историко-литературной работы в советское время считалась подготовка и издание академического Полного собрания сочинений и писем (ПССиП) писателя-классика. За все время советской власти было подготовлено всего 14 таких изданий, и именно те авторы, которые удостоились этой чести, и составили «канон» русской литературы, обязательный для школьного и вузовского преподавания, создания музеев, юбилейных чествований и т. п. В этом ряду (Ломоносов — Радищев — Пушкин — Лермонтов — Гоголь — Белинский — Герцен — Чернышевский — Тургенев — Некрасов — Гл. Успенский — Достоевский — Толстой) оказался и Чехов. ПССиП в 30 томах (18 томов серии Сочинений и 12 томов серии Писем) издавалось в 1974–1983 годах Чеховской группой ИМЛИ, в которую входили такие выдающиеся исследователи, как М. П. Громов, А. С. Мелкова, А. П. Чудаков, З. С. Паперный, Л. М. Долотова, Е. М. Сахарова, Э. А. Полоцкая, В. Б. Катаев и другие. В ряду академических собраний чеховские тома отличались чрезвычайно основательной текстологической проработкой вариантов и редакций, тщательным восстановлением творческой истории произведений, достаточно полным учетом мнений прижизненной критики, а в случае драматургии — истории прижизненных постановок. Особо трудоемкой оказалась работа над серией писем, где нужно было учесть тысячи лиц и событий, сотни скрытых за строчками чеховских писем неявных смыслов. Можно сказать, что чеховское ПССиП стало одним из лучших в своем роде, его можно назвать одной из вершин работы советской текстологической и историко— литературной школы. Любое популярное издание в наше время обязательно использует ПССиП в качестве эталона для перепечатки чеховских текстов; оно выложено в свободный доступ в Фундаментальной электронной библиотеке «Русская литература и фольклор» (<http://feb-web.ru/feb/chekhov/default.asp>). Однако с годами у ПССиП обнаружился существенный недостаток: отсутствие развернутого лингвистического, интертекстуального и реального комментария. Академическое издание, готовившееся в 1970-е годы, было рассчитано на весьма культурного, начитанного и образованного читателя. Господствовало мнение, что современный русский литературный язык в основном остался тем же, каким пользовалась интеллигенция чеховской эпохи, а язык самого писателя настолько прост, что не нуждается в пояснениях. Изучение чеховских подтекстов, глубочайших залежей цитат и реминисценций, в 1970-е годы еще только начиналось (его расцвет пришелся на 1990-е — 2000-е годы; см.: Васильева И. Э., Степанов А. Д. В зеркале «Чеховского вестника»: чеховедение за тридцать лет // Русская литература. 2022. № 2: 248–254). Наконец, по умолчанию предполагалось, что будущий читатель без пояснений поймет, что значит «тайный советник», «столоничальник», «Станислав», орден в форме звезды или «флер д'оранж» (приводим примеры только из одного крошечного рассказа «Толстый и тонкий», 1883). Будущее показало, что эти предположения были неверны.

Резкое снижение уровня общего образования в 1990-е годы, переход на систему ЕГЭ, падение престижа изучения истории, русского языка и литературы, вытесняющая книгу компьютеризация, «клиповое сознание» и многие другие аспекты падения «литературоцентричной» цивилизации привели к тому, что даже современные студенты русского отделения филологического факультета могут ответить на экзамене, что тайный советник — это полицейский чин (пример из реальной преподавательской практики). В этих условиях старое ПССиП не выполняет одну из важнейших функций: не разъясняет современному читателю тех слов и реалий последней трети XIX века, без которых понимание чеховского текста оказывается либо неполным, либо вовсе невозможным. В том же «Толстом и тонком» понимание кульминации рассказа («Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры») возможно только если читатель понимает, что один из одноклассников (тайный советник, гражданский чин 3 класса, соответствующий генерал-лейтенанту в армии) обошел другого (коллежского асессора, чин 8 класса, равный армейскому капитану) на целых пять ступеней социальной лестницы. Если взять примеры из позднего Чехова, то современные читатели упускают очень многое в таких хрестоматийных произведениях, как «Палата № 6» без указаний на современные Чехову тенденции в психиатрии («но-рестрент») и состояние российских сумасшедших домов, в «Человеке в футляре» — без базовых сведений о системе классических гимназий, в «Душечке» — без знаний об оперетте или лесоторговле, в «Архиерее» — без знания церковного календаря, иерархии и службы, без понимания евангельских подтекстов. Романсы, которые постоянно напевают чеховские герои, средства передвижения, которыми они пользуются, вина, которые они пьют, вся структура общества: земская и городская управы, пореформенный суд, организация медицинской помощи, налоги и торговля, образование и карьера, поездки за границу, воинская повинность, развлечения, деньги и цены, брак и развод, — все это требует тщательного изучения и публикации в форме развернутого комментария. В докладе приводится ряд примеров, которые позволяют уяснить содержание таких произведений А. П. Чехова, как «Архиерей», «Случай из практики», «Дядя Ваня», и демонстрируются возможности наглядного мультимедийного реального комментария.

О РАЗРЫВЕ МЕЖДУ КУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЕЙ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ. (АНАЛИЗ ШКОЛЬНОЙ РИТОРИКИ)

Баранов Дмитрий Кириллович

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

В переходную эпоху конца XX века наблюдаются серьезные культурные сдвиги. В частности, происходит перестройка системы взаимоотношений между автором и читателем. С уходом социалистического реализма перестает быть востребованной система, в которой автор выступает носителем истины, поучающим читателя (эта система была востребована и в диссидентской литературе, определяющей себя через противопоставление культуре официоза). Общество разочаровывается в воспитательной роли литературы, в целом снижается интерес и доверие к высокому литературному слову. Падают тиражи толстых журналов, зато расцветает массовая литература, выполняющая эскапистскую функцию (при этом в 1990-е годы значительно увеличивается разнообразие доступной для читателя литературы). Литературоцентризм, искусственно поддерживавшийся в культуре Советского Союза, расшатывается. Казалось бы, столь важный сдвиг в отечественной культуре должен был серьезно отразиться на всех сферах культурной жизни. Однако представляется, что изменение отношения к серьезной художественной литературе (и изменение роли этой литературы в жизни общества) было полностью проигнорировано официозным дискурсом, и это особенно хорошо видно, если посмотреть на риторику школьной литературы. Школьное образование в целом консервативно. Изменения в культурной и политической ситуации приводят к тому, что меняется литературный канон, сменяют друг друга разные интерпретации, однако неизменным остается общий подход, в соответствии с которым школьная литература не столько учит критически мыслить, сколько приобщает школьника к набору определенных идеологических и дидактических формул. Анализ учебников 1960–1980 гг., 1990-х гг., а также современных учебников показывает, что с распадом Советского Союза из школьной риторики пропадают некоторые формулы, связанные с коммунистической идеологией, однако сама формульность сохраняется, многие устойчивые клише остаются на своих местах. Так, даже если мы обратимся, например, к современному учебнику литературы за 10 класс, написанному В. И. Сахаровым и С. А. Зининым — председателем Федеральной предметной комиссии по литературе в системе ЕГЭ — мы обнаружим, что в каждом разделе учебника вне зависимости от того, какому автору этот раздел посвящен, обязательно будет сказано о «народности» творчества этого автора и о «высоких идеалах». Подобные формулы были востребованы и во все предшествующие эпохи. Так, М. Г. Павловец приводит высказывание педагога С. А. Гуревича 1940 года: «Прежде всего одна большая неприятность у нас в преподавании литературы — это то, что преподавание стало трафаретом... Трафарет невероятный. Если выкинуть фамилию и начать рассказывать о Пушкине, о Гоголе, о Гончарове, Некрасове и т. д., то все они народные, все они хорошие и гуманные. Если несколько лет назад ребята выходили из школы с мнением, что Некрасов — это кающийся дворянин, Толстой — это философствующий либерал и т. д., то сейчас все писатели — такие изумительные люди, с кристальными характерами, с замечательными произведениями...» (цит. по: Клименко М. И. Трансформация отношения к политической идеологии в отечественном образовании. Педагогическое регионоведение. 2018. № 3. С. 59–60). Анализ риторики школьных учебников (в том числе формул, востребованных в тот или иной период) показывает, что консервативный школьный дискурс игнорирует реальное снижение статуса высокой литературы в обществе и продолжает поддерживать иллюзию литературоцентризма современной русской культуры. Многие формулы учебников, не изменившиеся за последние полвека, сосредоточены вокруг представления о том, что высокая художественная литература — учебник жизни, а также о том, что русская классика — важное достояние отечественной культуры, а приобщенность к ней — повод для гордости.

Показательна востребованная в 1990-е и 2000-е годы линейка учебников Ю. В. Лебедева, призванных, по мысли автора, научить школьников любить классическую литературу (путем постоянной духовной работы по самосовершенствованию). На практике это неизбежно приводит к тому, что школьники, не желающие иметь проблем в учебе, воспроизводят положенные риторические шаблоны, свидетельствующие о преклонении перед классикой — даже если сами в это не верят. Мысль о литературоцентризме современной русской культуры востребована и в официальной риторике, посвященной итоговому сочинению по литературе (не случайно в отчетах ФИПИ о проведенных мероприятиях делается особый акцент на успешном приобщении школьников к традиционным нравственным ценностям), а также в целом в официозном дискурсе (имеются в виду речи представителей власти: президента, патриарха, чиновников, как связанных со сферой культуры и образования, так и не связанных). Уже в XXI веке наблюдается ужесточение идеологического контроля над школьной литературой (и культурой в целом), что ведет ко все более резкому отрицанию официальным дискурсом значимых культурных изменений последних десятилетий — и к дополнительному усилению «формульности» разговоров о литературе. Представляется, что отмеченные явления в высшей степени характерны для переходной эпохи. Резкие культурные и политические изменения приводят к тому, что в культурном поле особенно заметно конфликтное напряжение между новыми тенденциями и сознательным стремлением части игроков культурного поля как бы законсервировать хотя бы некоторые элементы предшествующей культуры. Официозный дискурс на рубеже XX–XXI веков выступает носителем и хранителем риторических формул ушедшей эпохи, в результате становится особенно заметно, что официальный взгляд на культуру не соответствует реальности, а всем гражданам, так или иначе приобщенным к школьному образованию, предлагается как бы совместно поддерживать иллюзию существования уже ушедшего литературоцентризма.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 00-00-0000, <https://rscf.ru/project/21-18-00527/>, ИРЛИ РАН.

АФОНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ В МОСКОВСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Буланин Дмитрий Михайлович

главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Афонские легенды в московской идеологии переходного периода Главной из функций византийского императора, определявших его достоинство, признавалась защита православия. Среди подлежащих его протекции объектов особого внимания требовала знаменитая интернациональная колония иноков на горе Афон, включавшая около двадцати монастырей. Афонские калугеры, минуя каноническую иерархию, подчинялись напрямую императору и крепко держались за эту привилегию. Столь знаменит был Афон своими аскетами и своими святынями, что сам факт высочайшего ему покровительства рассматривался как конституирующий признак подлинного императора. Не случайно, имитируя знаковые действия императоров Византии, могущественные цари Болгарии и Сербии осыпали милостями монастыри Афона, населенные их соотечественниками (Зограф и Хиландар соответственно). Более обширным был контингент святогорских монастырей, на которые изливались благодеяния Дунайских княжеств (Валахия и Молдавия), самых последовательных претендентов на символическое наследие империи. После падения под ударами турок одного за другим православных государств на Балканах эти княжества остались последними, на чью регулярную помощь могли рассчитывать афонские иноки. Между тем на востоке в те же годы восходила звезда Московского царства. Неудивительно, что с конца XV в. эмиссары афонских обителей все чаще появляются на Руси, уповая на щедрость великих князей и царей. С пустыми руками они никогда не возвращались.

Завязавшиеся тогда тесные отношения с Афоном были бесполезны и для Москвы, осмыслившей свою новую роль в судьбах человечества. Москва видела себя «священным царством», наследником Византии в провиденциальной истории. Афонские же обители, хранившие память о Византии, учили московских идеологов тонкостям имперского церемониала. Так, Хиландарскому монастырю был выдан в Москве хрисовул, составленный по образцу актов, которые иноки получали когда-то от сербских правителей. Образец специально доставили с Афона.

Действенным средством пропаганды, разносившим славу Святой горы по христианскому миру, стали местные легенды, начавшие проникать в греческую и славянскую письменность не ранее XV в. Частично со слов святогорцев, частично из книжных источников, большинство этих легенд, некоторые из них в разных вариантах, было усвоено на Руси до конца XVI в. Легенды несли в себе идеологическую нагрузку, успешно использованную московской письменностью для придания значимости конструируемому на Руси образу «священного царства». Правда, в цельном виде цикл афонских легенд (“Patria Athonensia”) не получил в Москве распространения, сохранившись в единственном восточнославянском списке. Но составляющие цикл предания охотно переписывались порознь или объединялись в новые комбинации. Открывающая цикл легенда о посещении Афона Богородицею, объявившей Святую гору своим «жребием», вошла в число дополнительных статей Русского Хронографа. В ряду охваченных Хронографом символических событий прошлого, легенда запечатлела таинственные пути Промысла, отдавшего прежде Святую гору, а ныне и саму русскую столицу под Вышний покров Пречистой. Легенда о спасенном отроке из Дохиарского монастыря сочеталась с иными текстами, отражавшими актуальное для XVI в. почитание архангела Михаила. Но самым выразительным проявлением идеологической абсорбции афонских легенд в Москве стала композиция, озаглавленная «Повести древних лет, яже съдеяшася в Великом Новгороде» и входящая в один из сборников Нифонта Кормилицына (рукопись Иосифо-Волоколамского мон., № 659). Цикл включает двенадцать сюжетов о чудесных фактах из истории церковных древностей Новгорода и Афона (в афонскую часть входят сказания об Иверском и Ватопедском монастырях, о чуде с учеником неизвестного старца, о Павле Ксиропотамском, о посещении Афона Богородицею). Не нужно объяснять, насколько соседство с легендами о прославленных афонских святынях

поднимало престиж находившихся рядом с ними эпизодов, касающихся прошлого Новгорода, города, который имел репутацию заповедника русского благочестия — отечественного Иерусалима. Хотя цикл из сборника Кормилицына не получил широкого распространения, подобная интерференция местного материала с фондом афонских легенд вела к сакрализации территории Московского государства. Сакрализация пространства составляла часть идеологической кампании, трансформировавшей Москву в «священное царство».

Наложение собственных конфессиональных ценностей на афонские прообразы служило и дальше эффективным средством духовной мобилизации Московского царства. Уже в XVI в. зарождается тенденция уподоблять Афону Соловецкий монастырь. В следующем столетии эта параллель получит разработку в целом наборе литературных текстов, включая экфрасис чудовского иеромонаха Дамаскина, посвященный параллельному описанию, с учетом легендарных мотивов, двух священных локусов на Эгейском и на Белом море. Руководствуясь типологической экзегезой, по образу и подобию святых мест православного Востока планировал и возводил свои избранные монастыри патриарх Никон (Крестный, Иверский, Новоиерусалимский). Из трех монастырей особенное значение афонские легенды и афонские реминисценции имели при устройстве Валдайского Иверского монастыря. В действовавшей при монастыре типографии напечатан был сборник «Рай мысленный» (1658–1659), центральную часть которого занимала модернизированная редакция «Patria Athonensia». По заказу Никона на Афоне были изготовлены копии чудотворной иконы Иверской Богородицы, в том числе икона со «сказанием», иллюстрирующим содержание легенды. Другая копия Иверской Богородицы стала со временем одной из главных московских святынь. Подлинно народным стало почитание на Руси еще одного афонского образа — прославившейся в Хиландарском монастыре Богородицы Троеручицы. Так, по мере распространения славы об афонских древностях, они выполняли дополнительную функцию, содействуя внутренней консолидации Московского царства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00527, <https://rscf.ru/project/21-18-00527/>, ИРЛИ РАН.

ПОЭТИКА СНОВИДЕНИЯ: РАССКАЗЫ А. П. ЧЕХОВА О СНАХ

Оверина Ксения Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ю. М. Лотман называет сон «семиотическим окном» и отмечает, что «сновидение отличается полилингвильностью: оно погружает нас не в зрительные, словесные, музыкальные и прочие пространства, а в их слитность, аналогичную реальной. Это “нереальная реальность”» [Лотман 200: 126]. В этом смысле включение сновидения персонажа в произведение в качестве вставной истории дает автору возможность расширить диапазон инструментов, с помощью которых он воздействует на читателя. Сновидения (как литературные, так и, пожалуй, реальные) сюжетно ограничены только определенными моментами жизненного и культурного опыта субъекта, а также его фантазией. В случае, когда речь идет об изображении сна в художественном тексте, под субъектом целесообразно подразумевать не только автора, нарратора и персонажа, но и читателя, задачей которого является конкретизация, достраивание художественного мира произведения. Сновидения героев могут использоваться автором с разными целями. В настоящем докладе предлагается рассмотреть некоторые функции сновидений в прозе А. П. Чехова и проследить, каким образом эти элементы поэтики влияют на сюжет и восприятие текста, а также, возможно, на наше представление о структуре чеховского повествования. Сновидение в литературе — это, безусловно, прием в формалистском смысле слова. Это всегда искажение, абсурд, метафора, реализованный троп, ребус, загадка. И в этом смысле оно может выполнять острабяющую функцию.

Например, в одном из самых популярных чеховских рассказов, изображающих состояние полусна, переплетение сна и реальности, — рассказе «Спать хочется», видения главной героини Варьки, неустанно баюкающей плачущего ребенка, подчеркивают, какие невыносимые условия приходится терпеть крестьянской девочке. Довольно обыденная ситуация (нянька качает ребенка), поданная с точки зрения Варьки, представляется фантазмагорией, погружением в какой-то страшный и странный мир. В рассказе существует и второй уровень острабяния — то, как безразлично Варька воспринимает действительность, не может не показаться безумным читателю, потрясенному ужасным состоянием героини. Столкновение бесстрастного отношения Варьки к происходящему и страшных событий реальности (в конце рассказа девочка душист без умолку плачущего ребенка), открывает читателю абсурд и ужас, таящиеся в жизни и готовые открыться человеку в любой момент.

Несмотря на то, что этот рассказ был уже многократно проанализирован, хотелось бы обратить внимание на то, как в нем действуют абсурдно-острабяющие приемы. Б. В. Шкловский в статье «Искусство как прием» в качестве примеров острабяния приводит фрагменты из текстов Л. Н. Толстого. Очевидно, что у этого автора острабяние работает не только как сугубо эстетический элемент, необходимый для воздействия на читателя, но и как прием критики социальных отношений, лживого искусства, насилия и т. д. Чехов и Толстой часто противопоставляются: Толстой активно транслирует свою идеологическую позицию в своих произведениях, тогда как Чехов предлагает читателям самостоятельно ответить на поставленные им вопросы. Однако в случае со «Спать хочется» Чехов работает с острабянием почти по-толстовски.

Изображение сновидения играет важную роль и в календарных рассказах, в том числе в святочных и новогодних. И Чехов пользуется этим приемом, например, в рассказах «Зеркало» и «Сон», в каждом из которых происходит смешение двух реальностей: жизни и сна. В данном случае сновидение полностью лишено искажения, абсурда, фантастики, оно реалистично (а в рассказе «Сон» и вовсе оборачивается реальностью), благодаря чему меняются жанровые и формульные черты этих произведений. В «Зеркале» героиня, подобно Светлане Жуковского, гадает на суженого, и в отражении к ней действительно является жених. Не замечая, как реальность перетекает в сон, героиня проживает целую жизнь со своим суженым, проходя все стадии, от всепоглощающей любви до погружения в «прозу жизни» — и этот сон сам по себе мог бы стать чеховским рассказом. Однако в конце героиня просыпается и со вздохом облегчения

отбрасывает мрачные мысли, как бы возвращаясь в формульную рамку. В святочном рассказе «Сон» разрабатывается сюжет о бескорыстной помощи беднякам в канун Рождества, который заканчивается для героя, служащего оценщиком в ссудной кассе, не наградой за добросердечие, а тюремным заключением.

В чеховских юмористических рассказах также встречаются литературные сновидения. «Сон репортера» навевает воспоминания о гоголевской повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», рисуя искажения действительности, навеянные дневными впечатлениями. Во «Сне репортера» сновидение выполняет функцию комического приема, раскрывающего перед читателем внутренний мир персонажа, контрастирующий с его пафосными речами. Таким образом, Чехов использует прием введения в повествование литературного произведения с разными целями, и делает это и в серьезных, и в юмористических текстах. Зачастую этот элемент поэтики оказывается напрямую связан со структурой повествования, а столкновение точек зрения повествователя и персонажа приобретает острабяющий характер.

Литература

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.

ИСТОРИЯ ИДЕЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ РУКОПИСЕЙ: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ, КОММЕНТИРОВАНИЯ И ИЗДАНИЯ НЕЗАВЕРШЕННЫХ ТЕКСТОВ

Попова Ирина Львовна

ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН

1. Проблема литературных архивов и их значения для истории философии, поставленная Вильгельмом Дильтеем в самом конце 1880-х гг., сформировала практику публикации полного научного и философского архива — не только законченных сочинений, лекций, писем, дневников, но и черновики, фрагментов, набросков, которые мы для удобства будем называть рабочими записями.

2. Понимание наброска к неосуществленному, необнаруженному или утраченному тексту, выходит за границы герменевтической аксиоматики, лежащей в основе теории и практики литературного комментария. Герменевтическое правило — разъяснять целое на основании частей, а частности на основании целого, — унаследованное наукой о литературе из риторической традиции и обновленное в свете учения о понимании, перестает полноценно работать в отношении текста, для которого не найдено целое, с которым его можно соотносить и которым можно верифицировать его смысл. Критик, намеревающийся извлечь смысл из наброска к неосуществленному тексту, сталкивается с неопределенностью и двусмысленностью, непроясняемой из ретро- и перспективы других сочинений автора, сколь угодно близких по тематике и постановке вопросов. Набросок оказывается «списком мыслей», разрывающим герменевтический круг.

3. Казус рабочих записей разрушает устоявшееся за последние полтора века «разделение труда» комментатора и критика, демонстрируя невозможность «реального» изучения текста без предварительных герменевтических процедур и невозможность его понимания без «рутинной» текстологической и комментаторской работы.

4. Теория Бахтина известна по четвертой главе «Проблем поэтики Достоевского» [Бахтин 1963]. Большая часть мениппейного проекта сохранилась в черновиках и набросках к неосуществленному замыслу начала 1940-х гг., вследствие чего изучение генезиса, семантики и источников основных понятий требует генетического исследования рукописей. Мениппея (от лат. *menippea*) в теории Бахтина:

- 1) неканонический сатирический жанр античности, смешивающий стихи и прозу, серьезное и смешное;
- 2) историко-культурная универсалия, позволяющая ретроспективно выстроить историю, теорию и жанровую логику прозаики карнавального типа от античности до XX в.;
- 3) серьезно-смеховой диалогический жанр, первофеномен карнавальной линии романа, к которой примыкает жанровый тип романа Ф. М. Достоевского.

Термин «так же условен и случаен, как и термин “роман” для романа». Происходит от названия, которое Варрон (*Varron*, 116–27 до н. э.) дал своим сочинениям (*Aul. Hell.* 2.18.7; 13.1.1), перемеживающим, по примеру эллинистического автора Мениппа из Гадар (*MéNiplos*, 2-я пол. III в. до н. э.) прозаические и стихотворные пассажи серьезного и несерьезного свойства. В качестве жанрового обозначения используется с XVI в. История и теория жанра формируется в XVII в. ретроспективно. Исаак Казобон включил мениппею в историю сатиры; сформулировал жанровые признаки, отобрал тексты и выстроил линии преемственности в греческой и римской литературе [*Casaubonus* 1605]. Пьер-Даниэль Юэ интегрировал мениппову сатиру в теорию романа: определил жанровые признаки: «*la Prose avec les Vers, & le serieux avec enjoué*» [*Huet* 1670: 62], и указал на значение мениппеи для римского романа, особенно для «Сатирикона» Петрония. Данными о том, по каким источникам Бахтин был знаком с трактатом, мы не располагаем. Многократно упоминая, Бахтин приводит его название по разным изданиям, а в рукописи «»

дает небольшой фрагмент в собственном переводе [Бахтин: 3, 218]. Признавая значение «Traité» как старейшей и «авторитетнейшей» европейской теории романа, Бахтин полагал, что Юэ, ориентируясь на барочную прозаiku своего времени, рассмотрел только одну, риторическую, линию, идущую от «греческого романа». Бахтин выделил три линии романа: эпопейную, риторическую и карнавальную, и, по образцу Юэ, выстроил теорию и историю карнавальской линии, восходящей к диалогическим серьезно-смеховым (σπουδοῦλοιοῦN) жанрам — мениппее и сократическому диалогу. Бахтин занимался мениппеей в первой половине 1940-х гг.; под 1941 г. в «Списке научных работ» указана «Мениппова сатира и ее значение в истории романа» (4 п.л.). Рукопись не сохранилась, однако в архиве обнаружены черновики (I пол. 1940-х гг.), проясняющие замысел ненаписанного или утраченного текста [Бахтин: 4(1), 733–749]. Сначала проект концентрировался вокруг исследования карнавальских истоков романа Рабле. Позже Бахтин распространяет влияние мениппеи на роман Гоголя и Достоевского. Переход от раблезианского типа образности к образности Достоевского он проблематизирует как «психологизацию материально-телесного» [Бахтин: 5, 42]. Проекция мениппеи на русскую литературу, где этот термин «вообще был не в ходу» [Бахтин: 6, 361], требовала исследования логики трансфера. Бахтин выстраивает цепочки книжных и фольклорных путей передачи мениппейных свойств и интерпретирует их с точки зрения теории памяти жанра и нарочитого забвения. Для случаев, в которых контактные пути не прослеживаются, выдвигается идея «культурно-исторической телепатии», т. е. «передача и воспроизведение через пространства и времена сложных мыслительных и художественных комплексов без всякого уследимого реального контакта» [Бахтин: 6, 323]. Круг источников, на которые опирался Бахтин, устанавливается на основании анализа рукописей, немногочисленных библиографических ссылок и/или прямых/имплицитных цитат, среди которых преобладают немецкоязычные источники.

Литература

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.

Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Языки славянской культуры, Русские словари, 1996–2012.

Casaubonus Isaacus. De satyrica Graecorum poesi et Romanorum satyra. Paris: Drouart, 1605. Lib. II: 2.

Huet P. D. Traité de l'origine des Romans // Zayde Histoire Espagnole, par Monsieur de Segrais. Avec un traité de l'Origine des Romans, par Monsieur Huet. Paris: Claud Barbin, 1670. P. 3–99.

«ПЕРВЫЙ КРИЗИС» И «ПЕРВАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ» РУССКОЙ РИФМЫ: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Хворостьянова Елена Викторовна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Описывая общие тенденции развития рифмы русского стиха, М. Л. Гаспаров отмечал как одну из наиболее существенных «деграмматизацию», т. е. постепенное движение «от однородных к неоднородным рифмам, от подчеркнутого параллелизма к затушеванному» [Гаспаров 2010: 293]. Опираясь на материалы данных полного корпуса рифм трех поэтов начала XIX в. (К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского) Т. Шоу подтвердил, что расширение рифменного репертуара от классицизма к романтизму происходит в первую очередь в силу усиления грамматического контраста в рифмопарах, объединяющих одинаковые части речи, но все чаще не совпадающих в роде, числе, падеже, виде и т. п.; однако также он указал на целый ряд иных динамических изменений в сфере грамматики русской рифмы:

- 1) постепенное снижение доли глаголов, причем всех его форм [см.: Шоу 2004: 348–349];
- 2) осязаемое увеличение доли местоимений, что, по мнению Шоу, мотивировано характерным для романтизма выдвиганием индивидуального начала: резкий подъем доли местоимений на рифме в начале XIX в. — «это отражение перемен в поэтической чувствительности: все более заметны становятся поэтическое “я” и межличностное “я — ты”» [Шоу 2004: 382].
- 3) нарастание от Батюшкова к Баратынскому доли причастий. По мнению Т. Шоу, «в языке они — признак “литературности”, особенно в полной своей форме, как активной, так и пассивной» [Шоу 2004: 361].

Сводные данные Т. Шоу мы сравнили с данными Словаря рифм М. В. Ломоносова — поэта, чье творчество приходится на период «первой стабилизации» [Гаспаров 2010: 298] русской рифмы [см.: Словарь рифм М. В. Ломоносова]. Проведенный анализ показывает, что доля глаголов на рифме от Ломоносова к Баратынскому, действительно, существенно снижается (от 32,4 % до 17,6 %). Однако, если разница в употребительности личных глаголов между старшим и младшим современниками — Батюшковым и Баратынским — составляет 5 %, то между Ломоносовым и Батюшковым — всего 3,8 %. Характерно, что соотношение «личные глаголы > инфинитивы > повелительное наклонение» у романтиков, несмотря на существенную трансформацию жанровой системы, остается фактически неизменным. Доля императивов, которая у Батюшкова по сравнению с Ломоносовым снизилась более чем в 2 раза, также не претерпевает существенных изменений и на протяжении первой трети XIX в.

Т. Шоу отмечал также рост местоимений на рифме у романтиков более чем в 2 раза от Батюшкова к Баратынскому. Он, безусловно, показателен, и все же употребительность этой части речи у Ломоносова, Батюшкова и Пушкина-лицеиста почти не ощутима и может рассматриваться в пределах статистической погрешности. А потому увеличение доли местоимений в послелицейском творчестве Пушкина и, особенно, в поэзии Баратынского — судя по всему — не следует связывать исключительно с выдвиганием индивидуального начала. Этот факт может объясняться как увеличением доли разнородных рифм (местоимение + глагол, местоимение + существительное, местоимение + наречие и т. д.), так и жанрово-тематическим составом описанного материала.

Показательно, что причастие — «признак “литературности”» [Шоу 2004: 361] — в стихе Ломоносова оказываются на рифменной позиции не реже, но, напротив, много чаще: в 2,5 раза(!) по сравнению с послелицейским творчеством Пушкина и почти в 1,5 раза по сравнению с творчеством Баратынского. Возможно, доля причастий отчасти отрицательно коррелирует с долей прилагательных в русской рифме. Так, если прилагательные — с небольшими флуктуациями — постепенно (хотя и незначительно) возрастают, то доля причастий, напротив, снижается. Тем самым в контексте стиха у романтиков все чаще отдается предпочтение определению через субстанциональные характеристики, нежели определению через характеристики функциональные.

Значительно более показателен для корректного выявления эволюции русской рифмы грамматический анализ рифмопар. Из теоретически возможных 120 видов сочетаний частей речи на рифме Ломоносов использует 57. Опираясь лишь на предпринятое Д. Вортом описание рифменной грамматики «Евгения Онегина», отметим для сравнения, что в пушкинском романе, который, по мнению большинства исследователей, отличается редким рифменным разнообразием и обилием так называемых «непредсказуемых» рифм, используется около 40 типов. Опираясь лишь на предпринятое Д. Вортом описание рифменной грамматики «Евгения Онегина», отметим для сравнения, что в пушкинском романе, который, по мнению большинства исследователей, отличается редким рифменным разнообразием и обилием так называемых «непредсказуемых» рифм, используется около 40 типов [Worth 1978: 774–818].

По нашим наблюдениям эволюция рифмы на двух указанных этапах связана в первую очередь с изменением жанрового состава русского стиха.

Литература

- Гаспаров М. Л. Эволюция русской рифмы // Словарь языка М. В. Ломоносова / гл. ред. акад. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 1. Исследования и материалы по стихосложению М. В. Ломоносова / Составление, предисловие и примечания д. ф. н. Е. В. Хворостьяновой. СПб., 2010. С. 298–299.
- Словарь языка М. В. Ломоносова / Гл. ред. акад. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 3. Словарь рифм М. В. Ломоносова: Лексикон стиховых окончаний / сост. Е. А. Захарова, О. С. Лалетина, Е. М. Матвеев / Отв. ред. С. С. Волков, Е. В. Хворостьянова. СПб., 2011; Словарь языка М. В. Ломоносова / гл. ред. акад. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 4. Словарь рифм М. В. Ломоносова: Обратный словарь рифменных сегментов и безрифменных окончаний. Указатели / сост. Е. А. Захарова, О. С. Лалетина, Е. М. Матвеев / отв. ред. С. С. Волков, Е. В. Хворостьянова. СПб., 2011.
- Шоу Дж. Т. Части речи в рифмах Пушкина // Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха. М., 2004. С. 339–384.
- Worth D. О грамматическом компоненте славянской рифмы (на материале «Евгения Онегина» А. Пушкина) // *Linguistics and Poetics: American Contributions to the VIII-th International Congress of Slavists*. Columbus, Ohio, 1978. Vol. I. P. 774–817.

ЛЕКСИКА РИФМЫ В КОНТЕКСТЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТОВ

Лалетина Ольга Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В автометаописательных текстах русских поэтов, критической и научной литературе о русском стихе рифме традиционно уделяется большое внимание: слова, поставленные на «сильные», маркированные финальные позиции строк, характеризуются как «опорные», «главные» слова, играющие исключительно важную роль в формировании поэтического целого. Общеизвестно, что русские рифмы изучались стиховедами в различных аспектах: описывалась их фоника, лексико-грамматические признаки, слоговое строение, взаимное расположение и т. д. Однако до сих пор исследователи, как правило, работали с ограниченным материалом (выборками), не ставя перед собой задачу выполнить комплексный анализ рифменного репертуара одного или нескольких авторов с опорой на полный корпус их текстов. Наиболее серьезными препятствиями для подготовки такого обобщающего описания является отсутствие научных словарей рифм абсолютного большинства русских поэтов, а также неразработанность методики описания рифм, т. е. корректных общепринятых принципов исследования, позволяющих выявить специфические характеристики рифмы русских поэтов разных эпох.

В рамках настоящего доклада рассматриваются проблемы изучения лексики русской рифмы, которые в настоящее время далеки от разрешения. Так, с одной стороны, существующие словари рифм русских поэтов не включают обобщающую статистику (суммарные данные): словарь дает алфавитный перечень грамматических форм, снабженный в ряде изданий грамматическими характеристиками, на его основе исследователи должны самостоятельно сделать трудоемкие подсчеты, позволяющие получить сводные данные, пригодные для анализа (например: [Shaw 1974]). С другой стороны, обобщающие работы по лексическому составу русской поэзии не содержат дифференцированных данных по словам, стоящим на рифменной позиции. В частности, общий словарный состав русской поэзии XIX–XX вв. становился предметом исследования В. С. Баевского: он проанализировал 33 частотных словаря, подготовленных по русскоязычным стихотворным текстам XIX–XX вв., рассмотрел в каждом из них 30 самых частотных существительных, поскольку именно слова этой части речи представляют «субъект» и «убедительно характеризуют поэтический мир текста» [Баевский 2001: 193], и выявил ««общепоэтический» слой лексики», в котором «сконцентрированы основные темы поэзии» [Баевский 2001: 216]. Вопрос о том, какую позицию в стихе занимают выделенные 30 слов (насколько часто они оказываются на рифме или завершают безрифменные строки), равно как и вопрос об использовании лексем в различных метрических, строфических, клаузульных контекстах, в поле зрения исследователя не попал. Тезис о специфических лексических характеристиках рифмослов, маркирующих их в контексте лексического состава русской поэзии, таким образом, до настоящего времени фактически остается умозрительным.

Для корректного статистического анализа лексики рифмы необходим сравнительный анализ данных, зафиксированных в научных словарях рифм, частотных словарях поэзии русских авторов и конкордансах к полным корпусам их стихотворных произведений. Долгое время единственными доступными изданиями такого типа были справочники, подготовленные еще в 1970-е гг. Дж. Т. Шоу, — словари рифм и конкордансы по А. С. Пушкину, К. Н. Батюшкову и Е. А. Баратынскому. В 2011 г. был опубликован современный научный словарь рифм М. В. Ломоносова [Словарь языка М. В. Ломоносова 2011а, 2001b].

Зафиксированные в нем данные в наши дни позволяют поставить и решить проблемы, связанные с описанием лексики русской рифмы, принципиально по-новому. Словарь убедительно демонстрирует важность различения лемм и грамматических форм для корректного исследования рифмы (в 281 произведении Ломоносова, насчитывающем 13 925 строк, выявлено 3658 лемм и 7566 словоформ), а также перспективность последовательного учета в описании

лексического состава рифм таких параметров, как использование лемм и форм в оригинальных и переводных произведениях, рифмованном и белом стихе, употребление в различных метрических, строфических, клаузульных и жанровых контекстах. Анализ лексики по указанным параметрам открывает новые перспективы для научного описания индивидуальных стиховых систем (специфики рифмы русских поэтов разного времени), эволюции русской рифмы и, в целом, истории русского стиха.

Литература

- Баевский В. С.* Темы и вариации русской поэзии XIX–XX вв. // Баевский В. С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М., 2001. С. 192–217.
- Словарь языка М. В. Ломоносова / гл. ред. акад. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 3. Словарь рифм М. В. Ломоносова: Лексикон стиховых окончаний / сост. Е. А. Захарова, О. С. Лалетина, Е. М. Матвеев / отв. ред. С. С. Волков, Е. В. Хворостьянова. СПб., 2011.
- Словарь языка М. В. Ломоносова / гл. ред. акад. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 4. Словарь рифм М. В. Ломоносова: Обратный словарь рифменных сегментов и безрифменных окончаний. Указатели / сост. Е. А. Захарова, О. С. Лалетина, Е. М. Матвеев / отв. ред. С. С. Волков, Е. В. Хворостьянова. СПб., 2011.
- Shaw J. Th.* Pushkin's rhymes: a dictionary. Madison, 1974.

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ» В ЖАНРЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ВИДЕОИМПРОВИЗАЦИИ

Филимонов Алексей Олегович

член Союза писателей России

Нам кажется, что стихи на бумаге сочинялись всегда, однако были времена, когда лирический экстаз побуждал человека выражать свои чувства без возможности зафиксировать их. Сегодня мы обращаемся к фольклорной архаике сочинительства, запечатлев авангардистский процесс рождения стихотворения на видеокамеру, когда происходит «сверхчувственное прозрение мира при нашем внутреннем участии [Набоков 2000: 484]». Можно ли такие стихотворения перенести на бумагу и предъявить им требования, как к привычному тексту? Кто является соавтором стихов, написанных в особом пространстве Петербурга? Возможно, это некий творец, вместе с Петром Великим создававший образ города, гений места, чьё духовное сотворчество отображено в граните, бронзе, на полотнах художников, в произведениях музыки и литературы. Импровизация персонажа А. Пушкина из «Египетских ночей» продолжается как видеотекст, где присутствует окружающий мир, как запечатлеваемый, так незримо оказывающий влияние на снимающего. Рождается особое состояние, попытка слиться с миром и создание барьера от полного растворения и потери осмысленной речи. Это внезапно воскрешаемая тяжба между Дионисом и Аполлоном, мифологическими героями Петрополя. Однако сама гармонизация звуков в стихи не лишена драматизма, «подобно тому как «аполлоновскому» противостоит «дионисийское», так и в самом «аполлоновском» немало внутренних соблазнов, которые в более глубоком смысле можно было бы понимать как некоторую из своих собственных корней произрастающую двойственность, хорошо известную определенному типу поэтов и их поэзии и позволяющую, кажется, понимать ее как своего рода индукцию «дионисийского» начала в «аполлоновском» пространстве [Топоров 2004: 89]».

Окружающее пространство является карнавальным, ибо оно участвует в создании мерцающей лишней речи, меняя свои свойства. Всё вокруг — это умирающий миг времени, материя в стадии распада, Нарцисс, не узнающий себя в отражении. Это карнавал вечной осени даже весной. «Лишь поскольку гений в акте художественного порождения сливается с тем Первохудожником мира, он и знает кое-что о вечной сущности искусства, ибо в этом последнем состоянии он чудесным образом уподобляется жуткому образу сказки, умеющему оборачивать глаза и смотреть на самого себя; теперь он в одно и то же время субъект и объект, в одно и то же время поэт, актёр и зритель [Ницше 2013: 39]». Зрительные образы сливаются с символическими, так, кроны подлинных деревьев словно нашептывают слова и напоминают о древе мира, проходящем через Санкт-Петербург.

На первый взгляд, видеоимпровизация обладает всеми чертами обычного стихотворения. В ней могут быть перекрёстные и парная рифмовка, мужские, женские и дактиллические рифмы. Однако задача создать сразу, без паузы законченное стихотворение мобилизует сочинителя, стихотворение может показаться слишком абстрактным или наоборот чересчур простым для привычного восприятия. Эпитеты требуют раздумий, поэтому определения в мимолетном стихотворении могут быть гротескными или стёртыми. Анжамбеманы являются выходом в том случае, если не получается закончить строфу. При переносе стиха на бумагу теряется ощущение пристального взгляда извне глазка видеокамеры. Голос, звучащий со стороны или в сознании диктует интонацию и позволяет сгладить неточную рифму. Происходит эффект второго сочинения, расшифровки, часто приходится вслушиваться и вспоминать мимолётный замысел, где условно рифмуется «я» сегодняшнее с «я» прежним. При изменении знаков препинания существенно меняется смысл, решается задача расслышать первоначальную речь.

Сочиняемые мгновенно стихи имеют свою систему ограничений и относительную свободу от привычных табу. «В реальном же движении текстов максимальное «расшатывание» запретов на одном уровне сопровождается максимальным соблюдением их на другом [Лотман 1972: 95]». Так вырабатывается новый язык «быстрого» мышления с неологизмами. Рождаются кро-

нописьмо видеоимпровизации — от слов Кронос, ограничивающего начала, крона небесного древа и письмо (также кроновязь, кронопоэтика). Новые слова говорят об ином языке, отражении событий другим «я», полностью неразгаданным, за маской которого скрывается авторское и внеперсональное начало одновременно. Поэт идёт по стопам Евгения из «Медного всадника» и преследуем Первостроителем, вопрошая о том же, о чём задавались вопросы в течение трёх веков. Сегодня это осуществляется с помощью видеозаписи, где языку вопрошающего негласно отвечает Медный кумир. Это драматический диалог при многих свидетелях, не воспринимающих сути происходящего, отчасти проявленный в лирическом отрывке, побуждающий перелгать на человеческий голос речь города, которая не умолкает ни на мгновение. Видеоимпровизация — пограничный жанр маргинального пространства, чей автор — персонаж творческих грёз в той же мере, в какой он является человеком своего времени.

Литература

Лотман М. Ю. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972.

Набоков В. В. Владимир. Дар // Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 4.

Ницше Фридрих. Рождение трагедии из духа музыки // Малое собр. соч. СПб., 2013.

Топоров В. Н. Из истории петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение. М., 2004.

РИТУАЛ И ФОЛЬКЛОР В ПОВСЕДНЕВНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ

СТОРГЕ: ПРОСТРАНСТВО ЗАБОТЫ В ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ ГОРОЖАН

Адоньева Светлана Борисовна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

На материале Петербурга мы рассмотрим содержание собак в городе как особую практику досуга. Практики досуга (*laisure*), не предполагающие отношений обмена и капитализации, составляют значительную область повседневной жизни людей. В объектив гуманитарного знания они попадают либо как социальные артефакты, проявляющие диспозиции власти/подчинения, легитимности или стигмы и пр., либо как явления повседневной культуры.

Меж тем в практики содержания домашних питомцев вовлечен на определенных этапах своей жизни почти каждый горожанин. Рассматривая разные артефакты, мы постараемся сконструировать свой предмет: индивидуальную практику агрегации опыта, связанного с поисками любви.

«— Похоже, что так всю жизнь и проживешь без собаки, — с горечью сказал Малыш, когда всё обернулось против него.

— Вот у тебя, мама, есть папа; и Боссе с Бетан тоже всегда вместе. А у меня — у меня никого нет!..

— Дорогой Малыш, ведь у тебя все мы! — сказала мама.

— Не знаю... — с ещё большей горечью произнёс Малыш, потому что ему вдруг показалось, что у него действительно никого и ничего нет на свете».

Разговор Малыша с родителями по поводу собаки памятен всем, кто читал книгу Астрид Лингрен о Карлсоне. Теперь о фактах. В Петербурге более 3 млн квартир, в них живут около 5 млн человек. По статистике ветеринарных служб петербуржцы содержат 300 тысяч собак и 1 млн кошек, (не считая иных питомцев — хомяков, черепах, ежей, ужей, попугаев, канареек и пр. — здесь статистика отсутствует). Учет питомцев ведется по обращением в службы. Фактическая численность больше. Таким образом, можно утверждать, что каждая десятая семья (независимо от состава) держит собаку, каждая третья — кошку. Содержание домашних питомцев не связано с доходами, возрастом или составом семьи. Полагаю, что потребность в питомцах связана с особым типом любви — любви-заботы. Древние греки различали четыре вида любви:

«эрос» (ἔρως) — стихийная, восторженная влюблённость, в виде почитания, направленного на объект любви «снизу вверх» и не оставляющая места для жалости или снисхождения;

«филия» (φιλία) — любовь-дружба или любовь-приязнь, обусловленная социальными связями и личным выбором;

«сторге» (στοργή) — любовь-нежность, особенно семейная;

«агапэ» (ἀγάπη) — жертвенная любовь, безусловная любовь, в христианстве такова любовь Бога к человеку.

Любовь-сторге позволяет человеку быть таким, каков он есть наедине с самим собой, создает сферу приватного человеческого существования. По определению К. С. Льюиса любовь-привязанность, будучи «самой скромной» из возможных форм любви, являет свое величие в том, что раскрывает горизонт людской приемлемости: «У привязанности простое, неприметное лицо; и те, кто ее вызывает, часто просты и неприметны. Наша любовь к ним не свидетельствует о нашем вкусе или уме», «привязанность соединяет не созданных друг для друга, до умиления, до смеха непохожих... Привязанность учит нас сначала замечать, потом терпеть, потом —

привечать и, наконец, ценить тех, кто оказался рядом. Созданы они для нас? Слава Богу, нет! Но это они и есть, чудовищные, нелепые, куда более ценные, чем казались нам поначалу».

Для сторге нет необходимости нравиться или заслуживать любовь, ибо ты принят изначально и навсегда, именно такой, каков ты есть, со всеми своими недостатками, которые давно известны и прощены. Питомца хотят тогда, когда случается первый экзистенциальный кризис — в 6–7 лет. Субъективность в этом возрасте впервые становится повесткой. Питомца покупают детям, призывая их к «ответственности», то есть предоставляя им новое место в социальной вертикали подчинения и патронажа. Впервые в своей жизни в отношениях с питомцем ребенок пробует себя в заботе. Таким образом, вернакулярная практика содержания домашних питомцев — площадка взаимодействия self с опытом экзистенции, и, в то же время, место становления индивида как члена сообщества, обретающего навык заботы.

Согласно экзистенциальному подходу М. Босса предназначение человека есть забота о вещах, растениях, животных и людях таким образом, чтобы они могли наилучшим путем развертываться и развиваться. Существовать в такой заботе — есть основная задача человеческой жизни. Бытие зовет человека голосом его совести. Чувство вины идущее от совести, не стихнет до тех пор, пока он не примет ответственно все возможности, которые конституируют его человеческое бытие, и пока он не реализует их в заботе о вещах и людях в его мире. Только так он может завершить в полноте свой Dasein и «закончить свою темпоральность хорошей смертью».

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ: «СТЕНА КАК ПЛОСКАЯ МЕМБРАНА» ДЭВИДА ЛЬЮИС-УИЛЬЯМСА И ИГРА В «СЕКРЕТИКИ»

**ON POSSIBLE PARALLELS OF RITUAL PRACTICE. DAVID LEWIS-WILLIAMS ON THE 'WALL AS
2D MEMBRANE' AND GAME OF SECRETS**

Браткин Дмитрий Александрович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Михельсон Ольга Константиновна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В последние десятилетия XX века оформилась новая исследовательская парадигма, получившая название когнитивной и породившая целый ряд междисциплинарных подходов на стыке «старых» академических гуманитарных дисциплин с одной стороны, и эволюционизма, антропологии и нейронауки — с другой. В число этих подходов, постепенно выделившихся в самостоятельные научные направления, входит и когнитивное религиоведение (наиболее подробный обзор на русском языке см.: [Шахнович 2013]). Возникнув поколением раньше когнитивного религиоведения, ритуалистика (Ritual Studies) стала одной из важных областей когнитивного религиоведения и предельно пластичным исследовательским подходом, позволяющим изучать как живые феномены, доступные непосредственному этнографическому полю наблюдению, так и отдаленные от нас во времени, в частности, относящиеся к архаике и древности (например, применительно к раннему христианству см. [Uro 2016]), а также проводить диахронные исследования на более широком этнографическом и культурологическом материале (см., в частности, [Grimes 2014]). Одним из важных выводов, прямо вытекающих из такого подхода, следует считать представление о том, что существуют определенного рода ритуалистические универсалии, объясняющиеся общими когнитивными причинами, порождаемые общими схемами мышления и проявляющиеся в схожих ситуациях. Эти универсалии могут по-разному проявляться в различных культурах, и за тем, что иному наблюдателю может показаться случайным сходством двух изолированных практик или феноменов, в действительности следует предполагать наличие той или иной действующей универсальной модели. Это заставляет нас со всем возможным вниманием относиться к таким параллелям, особенно в тех случаях, когда прямое заимствование представляется невозможным и маловероятным.

На рубеже XXI века отечественная фольклористика обратила внимание на детскую игру в «секреты»/«секретки» [Адоньева 2001]. Современные интерпретации этой игры включают в себя довольно сложные объяснения психологического и даже психоаналитического уровня [Адоньева 2022: 83–107]. Секретик оказывается бриколажем, обретающим ценность и целостность посредством (1) экрана — плоского куска стекла, отгораживающего заглубленную ямку, заполненную теми или иными предметами, (2) сокрытия этого экрана в земле, (3) мануальными манипуляциями, сопровождающими создание секретика и его демонстрацию и (4) использование секретика для создания индивидуальных и коллективных психологических состояний — чувства комфорта, удовольствия, дружбы и т. п. С. Б. Адоньева справедливо сопоставляет общую практику данной детской игры с другими, типологически близкими ей — игрой в кладу и игровые похороны. Параллель же с похоронами выводит интерпретацию этой игры на широкое поле общеритуалистического и общекогнитивного исследования.

Подобные интерпретации современного и, казалось бы, вполне изолированного фольклорного феномена заставляют вспомнить о предложенной Дэвидом Льюис-Уильямсом и Жаном Клоттом интерпретации палеолитических парietальных изображений, прежде всего, Пиренейского региона. Льюис-Уильямс, начав с исследования живой практики исследования койсанских наскальных рисунков (см. [Lewis-Williams 2002a]), показал, что нанесенные на поверхность камня фигуры не оказываются полностью двумерными: они зачастую появляются

из трещин и скрываются в них, а также обыгрывают неровности стены. Сходные черты были обнаружены им и в палеолитической живописи — ее создание, согласно его интерпретации, было связано с восприятием вертикальной твердой поверхности как двумерной мембраны, на поверхность которой проецируются трехмерные образы, скрывающиеся внутри стены, и наблюдаемые самими создателями живописных изображений энтоптические феномены, сопровождающие коллективные и инициационные ритуалы, подразумевающие индуцированные измененные состояния сознания, в ходе которых нанесение негативных отпечатков ладоней отражало соприкосновение с мембраной и через это — слияние с наблюдаемыми образами ([Clottes; Lewis-Williams 1998] ([Lewis-Williams, 2002b] [Lewis-Williams, 2005])). В этом описании трудно не заметить перечисленные выше характерные типологические черты игры в секретике (плоский экран-мембрана, преобразующий сокрытое в толще грунта трехмерное пространство, создающее образы; мануальный контакт с образами; психологическая составляющая игры; социальные связи, образующиеся в ее ходе и т. п.), и это, как мне представляется, позволяет — *mutatis mutandis* — увидеть стоящие за игрой в секретике возможные ритуалистические универсалии общеантропологического порядка.

Литература

Адоньева С. Б. Категории настоящего времени. СПб., 2001.

Адоньева С. Б. Дух народа и другие духи. М.; СПб., 2022.

Шахнович М. М. Когнитивная наука и исследование религии // Государство. Религия. Церковь. 2013. № 3 (31): 32–62.

Clottes Jean; Lewis-Williams David. The Shamans of prehistory: trance and magic in the painted caves. New York, 1998.

Grimes Ronald L. The Craft of Ritual Studies. Oxford, 2014.

Lewis-Williams David. A cosmos in stone: interpreting religion and society through rock art. Walnut Creek, CA, 2002a.

Lewis-Williams David. The Mind in the Cave. Consciousness and the Origins of Art. London, 2002b.

Lewis-Williams David. Inside the Neolithic Mind. Consciousness, Cosmos and the Realm of Gods. London, 2005.

Uro Risto. Ritual and Christian Beginnings. A Socio-Cognitive Analysis. Oxford, 2016.

ПРАКТИКИ ПРОЖИВАНИЯ УТРАТЫ МЛАДЕНЦА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Голубева Любовь Викторовна

главный научный сотрудник, АНО Пропповский центр: гуманитарные исследования
в области традиционной культуры

Вплоть до середины XIX века практически каждая семья, вне зависимости от сословия, имела опыт младенческой смерти. В севернорусской деревне повсеместная медицинская помощь возникла в 60-е гг. прошлого столетия. Трудные, неудачные роды и детские болезни, нередко смертельно опасные, оказывались частым явлением даже в послевоенное время. Опыт утраты нужно было уметь пережить всем членам семьи, и в первую очередь — матери. Утрата — один из терминов в психологии, который используется при описании человеческого опыта в случае смерти близкого человека [Волкан, Зинтл 2014; Заманаева 2007; Ялом, Ялом 2021]. Возможность утраты в случае тяжелой болезни ребенка или его смерти определяет беспомощность и растерянность матери, ее отрицание происходящего. Важно вынести этот опыт на уровень сознания (например, назвать) и прожить его с помощью символических действий [Леви-Стросс 1985: С. 175–176]. Ф. Е. Василюк, исследовавший переживания как особую работу сознания, пишет: «Внешние действия осуществляют работу переживания <...> через изменения сознания субъекта и вообще его психологического мира. Это поведение иногда носит ритуально-символический характер, действуя в этом случае за счет подключения индивидуального сознания к организующим его движению особым символическим структурам, отработанным в культуре и сконцентрировавшим в себе опыт человеческого переживания типических события и обстоятельств жизни» [Василюк 1984: С. 28–29]. Другими словами, ситуации кризиса должны быть названы и обязательно пережиты как опыт. Жизненные разрывы (такие как смертельная болезнь или собственно смерть) нуждается в деятельности по созиданию смыслов. Изменения внутреннего мира возможны через ритуал. Умерших в младенчестве провожают иначе, чем взрослых. Об этом хорошо свидетельствуют похоронные фотографии, которые хранятся в нашем архиве. Так, например, мы заметили, что в отличие от гробов взрослых, украшенных венками, искусственными цветами, с наличием в них личных вещей покойников (очки, кепки, трубки и пр.), в младенческих гробиках есть только «постелька». Их провожают не так, как детей более старшего возраста. В случае смерти матери и младенца их хоронили вместе, не разлучая. Также на территориях, где мы проводили наши полевые исследования, не были зафиксированы причитания над младенцами. Исследователь Д. Рассел указывал на то, что женщины учили матерей, потерявших детей не плакать по ним, убеждая их, что судьба умерших младенцев теперь находится в руках Божьих. Такое убеждение было направлено на заботу о душевном состоянии женщин, понесших утрату [Ransel 2000: p. 190]. Как было замечено, мать обычно не оказывалась наедине со своим горем, всегда была старшая («бабка», «тетка», «соседка»), которая помогала подвести ее к принятию возможной утраты младенца. Мы неоднократно фиксировали строгое правило, согласно которому матери не навещают могилы детей, умерших во младенчестве. В Лешуконском районе Архангельской области мы записали историю женщины, которая даже не знала, где могила ее ребенка, умершего при родах, так как хоронили его в тайне от нее. Это тоже важное отличие от помин взрослого человека. На Русском Севере неоднократно были записаны истории о том, что взрослому человеку сильно тосковать по покойным плохо и опасно, но посещать могилу не запрещается. В случае смерти младенца наоборот: по нему можно плакать («А плакать по нем можно?» «Как нельзя? Какая натура?»), но не стоит навещать могилу на кладбище. Таким образом, похороны младенца представляют собой переход особого рода: его не провожают в мир предков (родителей), который открывается в похоронных причетах. Это другое пространство, границы с которым проницаемы, о чем свидетельствуют сюжеты мифологических рассказов или вещие сны, в которых покойные дети являются матерям или другим ближайшим родственникам. Нарративы о таких явлениях рассказываются друг другу и сохраняются в семейной памяти. Тот мир, куда «провожают» младенца, находится где-то поблизости, и его душа всегда готова вернуться. Так, согласно севернорусской традиции в семье

сохраняются имена умерших младенцев (или тех, кто дожил свой срок). В одной семье дети знают имена своих умерших братьев и сестер. Новорожденного могли назвать именем прежнего умершего младенца, полагая что это одна и та же душа, которая стремится прийти в эту семью, вновь и вновь совершая попытки перехода. Так имя создавало и удерживало место в системе семейных отношений и рода. Материалом для доклада послужили записи фольклорного архива СПбГУ и ЭА «Российская повседневность», сделанный в период с 1980-х XX в. по 2022 г. на территориях Архангельской и Вологодской областей.

Литература

Васильюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Волкан В. Д., Зинтл Э. Жизнь после утраты. Психология горевания. М.: Когито-Центр, 2014.

Заманаева Ю. В. Утрата близкого человека — испытание жизнью. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985.

Ялом И., Ялом М. Вопрос смерти и жизни. М.: Бомбора, 2021.

Ransel Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria. Bloomington; Indianapolis, 2000.

РИТУАЛ КАК ПРОСТРАНСТВО СИМВОЛИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: «ПОДАВАТЬ ХЛЕБ» И «ПРОВОЖАТЬ ДУШУ»

Королева Светлана Юрьевна

доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Выделение покойнику его «доли» и отправка его в иной мир составляют главную тему похоронно-поминальной обрядности [Седакова 2004: 89, 104–105, 136–138, 147 и др.]. Архаичная метафора дороги, по которой умерший уходит из мира живых, лежит в основе многих ритуалов. Раздача еды, одежды и других предметов в память об покойном может осмысляться носителями традиции как способ отправки этих вещей с умершим в его загробный путь и/или как милостыня, направленная на облегчение участи его души. В ряд ритуалов, базирующихся на мифологических метафорах дороги и «доли», входит т. н. «первая встреча» — подача милостыни (еды и/или предметов) первому встречному, попавшему на пути похоронной процессии. Эти же глубинные метафоры проявляются в обряде «проводов души», обычно проводимом на 40-й день после смерти человека и иногда включающем ритуальное угощение первого встречного (и милостыню для него) (о значении ритуальной встречи см. [Плотникова 1995: 455–456]). Но не только общее семантическое сходство позволяет рассматривать эти ритуалы как взаимосвязанные. В некоторых традициях они буквально осмысляются как парные, где «проводы души» выступают завершением процесса отделения умершего от живых и переселения его в иной мир, начатого обрядом погребения. На похоронах ритуальная процессия провожает умершего на кладбище, и милостыня подается тому, кто встретился на пути покойника. В день проводов души невидимую душу провожают близкие родственники, проходя часть того же самого пути до кладбища, разделяя трапезу с первым встречным (и произнося финальную формулу провожания — иногда ту же самую, что говорится в день похорон при уходе от свежей могилы). На эту архаичную семантику могут наслаиваться дополнительные смыслы. Сложно судить, возникают ли они как естественное развитие того семантического потенциала, который заложен в обряде, или оказываются результатом существенной модернизации традиционных значений. В любом случае, интересно выявить эти дополнительные семантические напластования там, где они проявляются. К числу традиций, где хорошо сохраняется традиционная похоронно-поминальная ритуалистика, относятся традиции кудымкарско-иньвенских коми-пермяков и русских, проживающих в смешанных поселениях на северо-западе Пермского края. Значительная часть обрядов и обрядовой терминологии является в коми-пермяцкой культуре заимствованной, однако на новой почве они получают оригинальное развитие. Применительно к территории, обследованной автором доклада в ходе полевой работы в 2022 г., можно говорить о тесном взаимодействии и взаимовлиянии двух контактирующих неродственных культур. В русской речи местных жителей обряд первой встречи называется «дать хлеб», «подать хлеб». Милостыня представляет собой каравай, который раньше пекли дома, а теперь могут купить в магазине. В середину караваев втыкают медную монету и перематывают его ниткой, обычно крест-накрест. Каравай могут завязать в большой носовой платок. Подача хлеба осмысляется как «выкуп дороги» для умершего («выкупают дорогу в пресветлый рай», «задариваешь, кто встретится, чтобы чистая дорога была, чтобы пожелали светлого пути покойнику»). Особое значение придается нитке, которая иногда тоже понимается как символическая дорога («Это переход в другой мир. По ней, по этой нитке шагает [душа]»). Когда этот же ритуал обряд описывается с точки зрения первого встречного, используются выражения «навстречу попасть», «попасть покойнику», «встретиться покойнику». Такая встреча считается небезопасной, особенно если первым встречным оказался родственник умершего. У ритуала имеется прогностическая функция: если встреча произошла прямо у дома, там снова будет покойник; если довольно близко от жилища — следующий умерший будет в родне / будет в скором времени, если далеко от дома — умрет кто-то чужой / умрет спустя долгое время. Местные жители опасаются брать хлеб, стараются уйти от похоронной процессии; считается нормой не есть полученный хлеб, а скормить его домашней скотине или собакам. Обряд проводов души называ-

ется «проводить», «проводить душу», «проводить покойника». Он исполняется на 42-ой день до восхода солнца. Большое значение придается тому, чтоб никто не открыл раньше времени входную дверь, поскольку душа тут же покинет дом. Если в обряде принимают участие соседи или близкие друзья, они ночуют в доме умершего. Душу проводят с едой (выпечкой, напитками) и свечкой, иногда готовят пакет с едой и вещами для подачи первому встречному (брата его считается безопасным). По тому, как проходит ритуал, участники судят о последней воле покойника: он решает, кому именно хочет встретиться на пути; если первый встречный долго отсутствует — умерший не желает покидать родных, и т. д. Душа, раньше времени вылетевшая из дома, подает знак родственникам, прилетает к друзьям, проявляет себя стуком и другими звуками. Многие опрошенные собеседники, участвовавшие в этом ритуале, подробно и охотно рассказывают о своем опыте, интерпретируя некоторые детали в мифологическом ключе. Последнюю трапезу с первым встречным и невидимой душой завершают формулы провожания, обращенные к умершему: «Помянись и иди с Богом», «Пускай светлая память будет да пусть светлая дорога будет в рай», «Иди, (имярек), пусть земля тебе будет пухом, пусть дорога тебе будет гладкой!». Некоторые из них носят апотропеический характер: «Пойдем, (имярек), мы тебя проводим в последний путь. Ты к нам не приходи, мы к тебе придем тебя попроведать».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>).

Литература

- Плотникова А. А. Встреча // Славянские древности: Этнолингв. словарь. Т. 1. М., 1995. С. 452–455.
Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

ТАСКАНИЕ СВЕКРОВИ В БАНЮ: ТАКТИКИ И СТРАТЕГИИ СВАДЕБНОГО РЯЖЕНИЯ

Куприянова Софья Олеговна

научный сотрудник, АНО Пропповский центр: гуманитарные исследования
в области традиционной культуры

Рассказы о том, что свекровь «таскали в баню» на второй день свадьбы были записаны в Лешуконском и Мезенском районах Архангельской области. Во время свадебного застолья, которое происходило в доме невесты, гости хватали свекровь, валили ее на сани и тащили в баню, где мазали сажей. Молодая невестка должна была отмыть свою свекровь. Такова общая схема свадебного ряжения. Сложно судить о глубине этого обряда. С одной стороны, рассказы о таскании свекрови в основном записаны от женщин 1930-х годов рождения и позже, речь идет об их свадьбах, которые были в 1950-е годы и позже. Наша собеседница из с. Койнас, 1927 г. р. в деталях помнит свадьбу своей старшей сводной сестры, которую она наблюдала, когда ей было шесть лет, то есть речь идет о свадьбе, которая была в начале 1930-х годов. По ее воспоминаниям, таскания свекрови не было. Однако свекровь стали таскать в 1980-е, когда она вновь вернулась в с. Койнас после долгого отсутствия. Также она наблюдала эту свадебную игру, будучи в Крыму. С другой стороны, на близкой к нашим территориям Карелии был зафиксирован обряд бани для свекрови. Л. И. Иванова в книге «Карельская баня» приводит отрывок из публикации, записанный в конце XIX века в Олонецкой губернии [Иванова 2016: 75]. Судя по приведенному свидетельству, невестка должна вымыть свекровь, предложить ей в качестве подарка новую одежду, в которую свекровь одевается после бани. Отметим, что речь идет о тесном телесном взаимодействии, происходящем между женщинами, которые практически не знакомы и только вступают в новые отношения, которые пока еще не определены. Записи обряда, свидетельствующие о том, что это был посвященный ритуал для свекрови и невестки зафиксированы и в изданиях «Русская свадьба Заонежья: конец XIX — начало XX в.» [Кузнецова, Логинов 2001: 251] и «Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера» [Крестьянское искусство СССР 1928: 143]. И. Гофман, применяя театральный подход в рассмотрении социальных взаимодействий, выделяет несколько групп, действующих в процессе коммуникации. Это индивид, конкретный участник, публика, аудитория, наблюдатели и соучастники [Гофман 2000: 47]. В нашем случае можно выделить свекровь и невестку, как основных участников; гостей, которые тащат свекровь в баню, пачкают ее сажей, а также наблюдателей, которыми в данном случае оказываются все жители деревни, а не только гости, приглашенные на свадьбу. Как пишет И. Гофман, «Независимо от конкретной цели, присутствующей в сознании индивида, и от мотивов постановки этой цели, в его (индивида) интересы входит контролирование поведения других, особенно их ответной реакции на его действия» [Гофман 2000: 35]. Наши материалы показывают, что существуют различные стратегии и тактики в ситуации публичного ритуального унижения, которому подвергается свекровь. И. Гофман отмечает, что для формирования и интерпретации ситуации всеми ее участниками особенно важным оказывается первое впечатление, которое производит индивид. В зависимости от того, какую роль принимает на себя свекровь, она может оказаться как в ситуации замешательства и непонимания, или же заранее согласившись со своей ролью, занять позицию того, кто вводит в замешательство других. Женщина из д. Засулье (Лешуконский район Архангельской области) на вопрос собирателей о свадебном ряжении, рассказала о том, как она наблюдала его впервые на своей свадьбе и о том, как она сама была в роли свекрови на свадьбе сына. Зная, что таскания в баню не избежать, она занимает позицию, когда она первой начинает игровое взаимодействие. Во-первых, она готовится заранее, готовит себе одежду, в которой ее потащат в баню. В своей речи, описывая свадебную игру, она использует глаголы активного залога. Она сама мажется сажей, и далее купается в озере под всеобщий смех. В данном случае позиция активного участника и инициатора игры, позволяет ей вводить в замешательство других, и самой получать удовольствие от игры. Такую же стратегию — ввести других в замешательство использует и другая жительница д. Засулье. Как рассказала ее не-

вестка, приехавшая из другой деревни, и незнакомая с обрядом, она испытала удивление и шок, видя, как свекровь неожиданно начала тереться об углы, когда все гости сидели за свадебным столом. Отметим, что не далеко не всегда участники знают, что именно будет происходить: речь идет и свекровях, для которых это может быть неожиданностью, и о невестках, которые также оказываются незнакомы с этим обрядом.

Литература

Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016.

Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Т. 2. Л., 1928.

Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья: конец XIX–начало XX в. Петрозаводск, 2001.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.

МЕНТАЛЬНАЯ СОБЫТИЙНОСТЬ РОМАНА Е. НЕКРАСОВОЙ «КАЛЕЧИНА-МАЛЕЧИНА»

Марченко Дарья Игоревна

старший преподаватель, Кубанский государственный университет

Доклад будет посвящен исследованию специфики нарративной репрезентации ментальной событийности в романе Е. Некрасовой «Калечина-Малечина» (2019), являющейся, по мнению Вольфа Шмида, «важнейшим компонентом наррации» в текстах неклассической литературы [Shmid 2017: 22]. Категория события является одной из центральных в нарратологии. В. И. Тюпа отмечает, что событийность является «особым (нарративным) способом отношения человеческого сознания к бытию (альтернативному процессуальности и ритуальности), а событие — это нарративный статус некоторого отрезка жизни в нашем опыте» [Тюпа 2016: 17]. Основными характеристиками события является сингулярность (однократность), фрактальность (отграниченность), интенциональность (неотделимость от сознания). Статус события могут приобретать и ментальные изменения: значимым становится то, что происходит не во внешней сфере, а во внутренней — в сознании героя, переживающего душевный переворот.

Во-первых, анализируются особенности проявления подобного типа событийности, в основе которой лежит рассогласованность личности (я для себя) с ее характером (я для других) главной героини Кати. Равнодушие матери, жестокость отца, отсутствие понимания со стороны учителей и одноклассников, невозможность выстроить диалог с окружающими, опыт травмирующих событий прошлого становятся предпосылкой возникновения кризиса идентичности. Психологическую категорию идентичности разработал американский психолог Э. Эриксон («Идентичность: юность и кризис», 1996; «Трагедия личности», 2008), французский философ П. Рикер обосновал категорию нарративной идентичности («Я-сам как другой», 2008), российский литературовед В. И. Тюпа исследовал кризис личностной идентичности на материале русской литературы («Лекции по неклассической нарратологии», 2018, «Горизонты исторической нарратологии», 2020). Пытаясь справиться с травмирующими событиями, диффузное сознание героини, с одной стороны, трансформирует реальность, искажая ее (к примеру, классный руководитель и одноклассники становятся монстрами, чудовищами, слова превращаются в «буквенный фарш»), с другой, компенсирует их за счет творческого потенциала Кати (она сочиняет стихи, занимается мысленным рисованием).

Во-вторых, выясняется, что данная событийность лежит в основе лиминального сюжета, состоящего из четырехфазной последовательности событийной цепи (обособление героя — искушение — испытание смертью — преображение) и восходящего к обряду инициации, который был подробно изучен А. ван Геннепом и В. Тэрнером. Исследователь Л. Д. Бугаева, отмечает, что «обряды перехода указывают на радикальное изменение экзистенциальных ситуаций: пересечение границы между жизнью и смертью, старым и новым, привычным и непривычным» [Бугаева 2012: 4]. Именно такое изменение происходит с главной героиней: ее сознание трансформируется, обретая самоидентичность.

В-третьих, объясняется специфика реализации данного «обряд перехода». Он показан не столько на уровне внешнем, сколько на уровне языковом и воплощается посредством интриги слова, в которой «рецептивное напряжение чтения создается... вербализацией наррации, речевым строем повествования» [Тюпа 2016: 70]. Аукториальный нарратор, от лица которого ведется повествование, воспринимает мир, как и героиня, метафорически. Этот процесс носит тотальный характер: внешность персонажей, их действия и эмоции, реалии внешнего мира в речи нарратора идентифицируются через метафорические образы. Также в романе используются приемы фольклорного текста (например, зооморфизация с помощью творительного превращения, появление кикиморы в качестве героини). Таким образом, посредством наблюдения над речевым строем и стилистикой произведения можно сделать вывод, что именно с помощью слова и нарратор, и Катя переосмысляют и «перекодируют» действительность в попытке защи-

тяться от безумия и жестокости окружающего мира, а значит, подобное метафорическое переосмысление обладает текстопорождающим потенциалом.

В-четвертых, опираясь на теорию О. М. Фрейденаберг о возникновении метафоры, изложенную в труде «Миф и литература древности», можно предположить, что подобное восприятие мира, отраженное в нарративе романа, свидетельствует о возвращении к образному мифологическому сознанию, а также о том, что в современных нарративах о травме трансформируется сам способ рассказа о событиях.

Литература

Schmid W. Mental events. Hamburg University Press Hamburg Germany 2017.

Бугаева Л. Д. Художественный нарратив и структуры опыта: сюжет перехода в русской литературе новейшего времени: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.0.01, 10.01.08 / Л. Д. Бугаева; С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2012.

Муравьева Л. Е. Авторефлексивные стратегии репрезентации травмы в художественном нарративе (на материале современной французской литературы) // Поэтика и прагматика нарративных практик: коллективная монография / отв. ред. В. И. Тюпа; редкол. Е. Ю. Козьмина, О. В. Федунина. Екатеринбург, 2019. С. 104–125.

Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию. М., 2016.

НАРРАТИВ КАК ФОРМА ТРАНСМИССИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Черванёва Виктория Алексеевна

ведущий научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет

Доклад посвящен рассмотрению речевого механизма трансляции традиционной культурной информации в мифологическом рассказе, а именно будет рассмотрен информационно-коммуникативный потенциал композиционно-речевой формы нарратива. Исследователи устной мифологической прозы обратили внимание на противопоставленность прежде всего двух типов текста — сюжетных рассказов о каких-либо сверхъестественных явлениях и бессюжетных сообщений о верованиях, обычаях, ритуальных практиках и т. п. Под первыми обычно понимаются былички, под вторыми — поверья. Разграничиваются они по целому ряду критериев: по характеру композиционной структуры и сюжетно-мотивной организации, по коммуникативной ситуации бытования текста, по характеру субъектной организации (обобщение коллективного опыта в поверьях и рассказ о субъективном опыте взаимодействия с миром сверхъестественного в быличке). Экспликация текстов второго типа в естественных условиях существования традиции достаточно редкое явление — для этого требуется особая коммуникативная ситуация обучения, передачи опыта. Обилие поверий в сборниках мифологической прозы обусловлено, как правило, искусственным «возмущением» традиционной среды вторжением собирателя-чужака, своими вопросами провоцирующего возникновение текстов (рас)суждений.

Текст, наиболее соответствующий традиционным условиям трансмиссии фольклорного знания, — сюжетный нарратив о каком-либо мифологическом явлении. Е. Е. Левкиевская, выделяя четыре разновидности речевых жанров (быличка, поверье, дидактическое высказывание, обращение к мифологическому персонажу), в которых реализуется мифологический текст-инвариант, определяет быличку (текст повествовательной формы) как основной жанр, а остальные три — как вторичные [Левкиевская 2006: 155]. С. Ю. Неклюдов солидарен с ней в определении сюжетного мифологического нарратива как первичной формы воплощения мифологического знания в традиции [Неклюдов 2013].

Как кажется, это не случайно. Информативный потенциал текста-повествования значительно выше, чем текста рассуждения или сообщения. Рассказать, как бывает и как следует поступать в той или иной ситуации, на примере конкретного случая — более убедительно и эффективно, чем просто сообщить инструкцию.

Первичность и предпочтительность кодирования мифологической информации в форме сюжетного нарратива, наряду с другими факторами, может быть связано также и с тем, что тексты, передающие конкретную историю, изображающие действия в динамике, отражают более ранний этап развития речевого мышления, стоят ближе к реликтовым формам передачи информации по сравнению с текстами, сообщающими информацию в обобщенной логизированной форме. В докладе будут приведены примеры исследования проблемы речевого онтогенеза и филогенеза в психологии (Ж. Пиаже, И. А. Зимняя, И. Н. Горелов и К. Ф. Седов), а также результаты обобщения педагогического опыта по развитию речи дошкольников и детей младшего школьного возраста (Л. Н. Толстого, В. А. Сухомлинского, С. Френе, М. Монтессори, Дж. Родари, В. Я. Ляудис и И. П. Негурэ), которые свидетельствуют о том, что повествование — речевая форма, соответствующая начальному этапу формирования связной речи и наиболее легкая форма речи для восприятия.

О том, что сюжетные тексты, передающие динамику события, первичны по отношению к дескриптивным, косвенно свидетельствуют исследования в области исторической поэтики фольклора (С. Ю. Неклюдов, Е. М. Мелетинский). Сама форма нарратива обладает свойством иконичности — как форма, наиболее соответствующая событию по своей структуре (такие элементы текста, как завязка, развитие действия, кульминация, развязка, отражают основные

этапы события как такового), что также соотносится с такой характерной особенностью архаического мышления, как слитность, нерасчлененность слова и события, вещи и знака.

Таким образом, передавая традиционное знание преимущественно в форме мифологического нарратива, традиция избирает наиболее простой и эффективный способ трансмиссии информации для самовоспроизведения во времени.

Литература

Левкиевская Е. Е. Прагматика мифологического текста // *Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста.* М., 2006. С. 150–213.

Неклюдов С. Ю. Мифологическая проза: план содержания и план выражения // *Материалы круглого стола «Народная мифологическая проза: новые методологические подходы»* (ЦТСФ РГГУ, 20 марта 2013 г.) URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/mythological_prose_abstracts.pdf (дата обращения: 15.01.2023).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЭКРАНИЗАЦИЯ РОМАНА В. АКСЕНОВА «ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ» — РЕСАЙКЛИНГ СОВЕТСКОГО ИЛИ ДВОЙНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Андреанова Мария Дмитриевна

доцент, Санкт-Петербургского гуманитарный университета профсоюзов

Эпоха оттепели является объектом неугасающего интереса не только тех, кто был ее современником, но и современных исследователей (историков, филологов, искусствоведов). Тем интереснее оказываются мемуары писателей-шестидесятников, которые пытаются через временную дистанцию осмыслить события, свидетелями и участниками которых они были. В то же время, свидетельство очевидца часто бывает предвзятым, необъективным. Осознавая эту проблему неизбежной неточности, Аксенов, тем не менее, отстаивает свое право на художественное видение эпохи, утверждая, что искусство призвано дополнять или даже отчасти заменять реальность.

В современном литературоведении уже появилось несколько работ, анализирующих роман Аксенова в контексте мемуарного жанра [Есипов, 2012; Махихина, 2012; Полупанова, 2017], а также статьи кинокритиков, задающихся вопросом, что правда, а что вымысел в экранизации [Смирнова, 2016]. Глубокий научный анализ экранизации «Таинственной страсти» в ряду других современных байопиков проделан Л. Д. Бугаевой [Бугаева, 2022], однако проблема ресайклинга советского в экранизации по сравнению с романом еще недостаточно разработана.

Отметим, что экранизация неизбежно становится некоторым искажением любого литературного первоисточника, хотя бы вследствие перевода литературного языка на язык кинематографии. В данном случае экранизация довольно сильно исказила первоисточник, можно сказать, что все события до 1963 года придуманы авторами фильма. Первые 5 серий не имеют ничего общего с книгой. По словам одного из зрителей, «Аксенов может и врет, но врёт как очевидец. Авторы же фильма врут безбожно». На первый план в фильме выходит та составляющая богемной жизни героев (выпивка, любовные приключения, хулиганство и драки), которая Аксеновым давалась не как основная составляющая жизни его поколения, а лишь фоновая, как ищущее выхода чувство молодой свежей силы и нереализованного потенциала. Возможно, сценаристы не преследовали цель «снизить» образы героев эпохи, а лишь подстраивались под запросы и интеллектуальный уровень массового зрителя, который просто не выдержал бы ничем не разбавленного обилия одухотворенных споров об искусстве и интеллектуально-ироничных рассуждений.

Неправдоподобная смелость героев экранизации по отношению к властям также вызвала недоумение у зрителей. В фильме происходит явная мифологизация послесталинской эпохи, внедряется представление о власти как маразматической и беззубой, которой можно не бояться, в то время как в романе Аксенов подчеркивает силу сталинистского крыла власти и возможность реакционного поворота и новой волны террора в любой момент.

Главный герой, Ваксон, представлен таким крутым парнем, который открыто не желает сотрудничать с властью, отказывается пожать руку Хрущеву, способен ударить по лицу сотрудника КГБ, и все-таки тот опекает Ваксона как нянька, выступая в роли волшебного помощника, разрешающего все проблемы. В фильме явно видна попытка представить КГБ как структуру с человеческим лицом, неустанно пекущуюся о благе граждан. Майор, приставленный к Ваксону, настолько самоотверженно горит на работе, что в итоге умирает от туберкулеза, здесь явная отсылка к мифологизированному образу Железного Феликса.

Образы других героев также подвергаются трансформации, например, Белла изображена возвышенной, не от мира сего, ранимой и романтической, то есть больше соответствует образу

лирической героини своих стихов, чем в книге Аксенова, где подчеркиваются ее взбалмошность и бесшабашность.

Особого внимания требует построение сюжета в романе Аксенова, не строго хронологическое, но и не случайное сцепление эпизодов. Прекрасному дружескому союзу творческой элиты 60-х в Крыму противостоят сцены гонения и намечающейся разобщенности в холодной зимней Москве. Своего рода рай и ад советской жизни. В фильме же сцены из 60-х выстроены в единый, связный, хронологически четкий сюжет и перемежаются сценами «интервью» с пожилым автором воспоминаний (Леонид Кулагин в роли Аксенова), то есть подчеркивается именно контраст между эпохой 60-х и той эпохой, в которую писались воспоминания о ней, а не контрасты самой эпохи оттепели.

Таким образом, ресайклинг эпохи оттепели в романе и в его экранизации идет несколькими путями. В первом случае можно говорить именно о ресайклинге советского, в то время как в фильме это ресайклинг отдельных мифологизированных фигур эпохи.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 19-18-00414 «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы)».

Литература

Бугаева Л. Д. Советское прошлое на постсоветском телеэкране // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2022. Т. 12. Вып. 2.

Есипов В. М. Василий Аксенов и его поколение в романе «Таинственная страсть» // Вопросы литературы. 2012. № 4.

Махинина Н. Г. Образ поколения в художественно-документальном романе В. Аксенова «Таинственная страсть (Роман о шестидесятниках)» // Филология и культура. 2012. № 4 (30).

Полупанова А. В. Феномен «шестидесятничества» в романе В. П. Аксенова «Таинственная страсть» // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22, № 3.

Смирнова М. Все развлечения шестидесятников: правда и вымысел в «Таинственной страсти» // Афиша. 2 ноября 2016.

КАДРОВАЯ ПРИРОДА КИНОПЛАКАТА КАК ИСТОЧНИК «ЧИСТОГО СОБЫТИЯ»

FILM SHOTS IN MOVIE POSTERS AS A SOURCE OF THE PURE EVENT

Баричко Ярослав Борисович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Признать за киноплакатом произведение искусства порой довольно сложно в силу нескольких факторов. Во-первых, киноплакат является пограничным феноменом визуальной культуры, поскольку по своей природе он располагается на стыке рекламы и дизайна — то есть сочетает в себе коммерческое и творческое начала. Во-вторых, киноплакат можно назвать частью культуры повседневности (мы часто видим рекламные постеры в кинотеатрах и в социальных сетях), тогда как в обыденном сознании произведение искусства скорее будет ассоциироваться с уникальной, исключительной вещью, которая как бы вырывается из повседневности, возвышается над ней. В-третьих, киноплакат является в определенной степени вторичным произведением, поскольку он выполняет утилитарную функцию рекламного материала, основывается на фильме, призван проиллюстрировать его, сжав до одного яркого, запоминающегося образа, который сможет привлечь внимание зрителя и заставит его купить билет в кино, физический носитель с фильмом или его цифровую копию. Действительно, хороший киноплакат — это квинтэссенция фильма в одном (художественно обработанном) кадре, фотоколлаже или иллюстрации в гармоничном сочетании с обязательной текстовой составляющей и ее графическими, дизайнерскими, смысловыми характеристиками. Однако двойственная, переходная природа киноплаката делает его полем напряжения разнонаправленных сил и источником эвристического потенциала. Киноплакаты XIX и XX вв. выставляются в государственных музеях (например, выставка «Киноплакат из собрания Русского музея», проходившая осенью 2014 г. в Мраморном Дворце и «Время летать: советский киноплакат 1970–80-х гг.», проходившая зимой 2022–2023 г. в музее Эрарта), продаются на мировых аукционах искусства уровня Christie's и Sothby's, а также есть примеры киноплакатов, созданных всемирно известными художниками (В. Маяковский, В. и Г. Стрейнберги, Д. Струзан, Дж. Элвин, Дж. Джин и др.). А утилитарный характер киноплаката при определенных условиях может превратить его в поле для художественно-эстетических экспериментов (как это произошло, к примеру, в Польше и Чехословакии в 1960-е–1970-е гг.). Подобно тому, как одни из первых исследователей и теоретиков кино С. Эйзенштейн и Л. Кулешов говорят о кадре как отдельной ячейке монтажа, а Ю. Лотман понимает его как базовую структурную единицу фильма, так исследователи киноплаката (Н. Бабурин, А. Шкляр) утверждают, что его отправной точкой является кадр. Причина того, что отдельные киноплакаты становятся заметными элементами популярной культуры, как нам кажется, лежит не только в известности того или иного фильма, редкости киноплаката или именем художника, приложившем руку к созданию рекламного листа, но заключена в самой природе киноплаката. Челябинский киновед О. В. Конфедерат в книге «Прозрачный кадр: концептуальный фильм как опыт нерелективной антропологии» пишет, что фотографическая природа фильма становится источником «чистого события», которое действует на зрителя как «укол», разрыв в реальности, внезапная пустота в онтическом существовании человека [Конфедерат 2009: 84]. Событие О. В. Конфедерат предлагает понимать как особое отношение между знаками текста, характеризующееся лиминальным, переходным состоянием, двойственностью и противоречивостью, которое не позволяет прямо «назвать» себя — на него можно только указать («вот»). Поскольку событие запрещает говорить сказать о себе на «человеческом» языке, философии и искусству приходится искать обходные тропы, чтобы представить событие без акта и без случившегося, без того, что может стать референтом высказывания [Конфедерат 2009: 70–72]. Далее, обращаясь к феноменологической концепции события в теории текста, автор говорит, что оно разворачивается как анализ ситуации и последствий преодоления границы смыслов — семиотических полей. Соответственно, в событии-акте как элементе сюжета важна смена смыслов при переходе знака-персонажа из одной семиотической сферы в другую [Кон-

федерат 2009: 72]. Подобные «нарративные» события-акты мы можем увидеть и на киноплакатах. Событие, таким образом — это нарушение или отрицание границы, нормы и привычного кода и хода вещей. Однако оно не всегда отменяет эту границу, норму или код, скорее — при нём создается пространство вибрации энергий и смыслов. Событие — это сдвиг, отбрасывание предыдущего состояния состоянием следующим. Также важно отметить, что любое Событие, задевающее человека, является кризисом его самоидентификации. Концепт События имеет параллели с *Punctum*’ом и «третьим смыслом» Р. Барта, Сказом и «просветом» Хайдеггера, «дырой в знании» А. Бадью, Диалогом Бахтина (в котором обязательно незримо присутствует Третий субъект — Бог, Истина, Любовь, Благо) [Конфедерат 2009: 72–84]. Развивая мысль о том, что фотографическая природа фильма является источником чистого события, можно прийти к заключению, что поскольку «классический» киноплакат основывается именно на кинокадре, являющемся частным случаем фотографии, то и он (точнее его кадровая природа) подобным образом может становиться источником «чистого события», которое как бы мерцает и вибрирует на границе смысловых полей изображенного на плакате. А в случае когда автору киноплаката (художнику, дизайнеру, иллюстратору) удастся создать такой надрыв в реальности, его работа может стать не только эффектной и эффективной рекламой фильма, но и остаться в коллективной памяти на более продолжительное время.

Литература

Конфедерат О. В. Прозрачный кадр: концептуальный фильм как опыт нерелективной антропологии. Челябинск, 2009.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ХОРРОР 2020-Х ГОДОВ: РЕАЛЬНОСТЬ И РИТОРИКА

Вьюгин Валерий Юрьевич

ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Предлагаемый доклад посвящен тому, как два упомянутых в его названии взаимосвязанных аспекта — взгляд на фильм как на особую реальность и рассмотрение его в качестве риторического послания, — выявляемые в любом фикциональном нарративе, обнаруживают себя в отечественном кинохорроре самого последнего времени. Жанр ужасов относительно нов для отечественного кинематографа и для отечественного искусства в целом. В СССР он находился среди табуированных эстетических форм, попадая к потребителю лишь «контрабандой»: либо через «форточки» с видом на Запад, которые позволяла себе временами оставлять не до конца закрытыми советская культура, либо благодаря особому отношению к художественному наследию предшествующих эпох, позволявшему легализовать не допустимые с точки зрения современности виды произведений старых мастеров, относящиеся к корпусу мировой и отечественной классики. Если говорить о литературе, среди такого рода российской классики в первую очередь вспоминаются повести Н. В. Гоголя из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) и повесть «Вий» (1935); рассказ А. К. Толстого «Семья вурдалака» (1839) и его же повесть «Упырь» (1841), тиражировавшиеся меньше, но все же доступные для особо пытливых советских читателей. Западная классика тоже временами прорывалась на советский культурный рынок. Читатели серии «Литературные памятники», например, в 1967 г. смогли получить представление о готическом романе благодаря усилиям В. М. Жирмунского и Н. А. Сигала, подготовившим для нее произведения Г. Уолпола, Ж. Казота, У. Бекфорта. Кинематографические попытки познакомить аудиторию с эстетикой ужасного было значительно меньше: экранизация «Вия» К. В. Ершовым и Г. Б. Кропачевым в 1967 г.

«Дикая охота короля Стаха» В. Д. Рубинчика, скорее обманывающая ожидания зрителя, чем вовлекающая в реальность жанра и с натяжкой некоторые другие. О локальных интервенциях «хоррора» на территорию советской культуры можно вспоминать довольно долго, но это вряд ли принципиально нарушит общую картину: в СССР отсутствовал жанр литературы и кинематографа ужасов, если под жанром понимать не единичные произведения, а, выражаясь метафорически, полноценную «фабрику» эстетической продукции. Советские теоретики искусства успешно боролись с «хоррором» как с одним из проявлений деградирующей буржуазной культуры. Соответственно, специфика нового для российского контекста жанра с точки зрения исследований остается если не *terra incognita*, то по крайней мере темой, заслуживающей самого пристального внимания. Одним из важнейших в этом отношении является вопрос о соотношении российской специфики с конвенциями, по которым жанр живет в культурных традициях, которым он знаком издавна и постоянно ими эксплуатируется. S. Sayad в недавно вышедшей книге о реальности в фильмах ужасов справедливо замечает, что «the horror genre is usually the domain of fantasy, especially when it involves the supernatural. When reality is addressed, it is presumed to be disguised, requiring unveiling, decoding, translating. Indeed, horror narratives invite allegorical readings» [Sayad 2021: 1]. Разумеется, аллегорического чтения заслуживают и все прочие нарративы, но Sayad, конечно же, имеет в виду некую специфику именно хоррор-нарратива как в перспективе иносказания, так и в перспективе феноменологии конструируемого им мира. Совершенно ясно, что важнейшим отличием хоррора во всех его измерениях является сама навязываемая зрителю эмоция страха. Sayad далее задается вопросом: «But how do we account for supernatural events presented to us as fact, when the purpose is to thrill and scare?» [Sayad 2021: 1]. Собственно, в рамках этой антиномии между хоррором как вызывающим страх событием, с одной стороны, и хоррором как передающейся с помощью «фигуры страха» аллегории, с другой, и будут рассматриваться в предлагаемом докладе недавние российские фильмы ужасов. Упомянутые «фигуры страха», связывающие реальность хоррор-нарратива с его аллегорически

представленной «обратной стороной», то есть еще одной, «естественной», реальностью (миметической, идейной, дискурсивной, интертекстуальной), составляют основу риторики фильма ужасов, изучение которой в настоящее время привлекает заметное внимание исследователей [Kendall 2021; Nakola 2015; Ingebretsen 2003]. В рамках очерченного подхода в центре обсуждения окажутся фильмы, вышедшие в России в 2020-е годы, сюжет, которых основывается на присутствии фантастического монстра или сверхъестественного явления, то есть такие, в которых присутствие иной реальности ощущается в полной мере. Среди них — «Атакан. Кровавая легенда» (2020) А. Гришина, «Вдова» (2020) И. Минина, «Спутник» (2020) Е. Абраменко, Дракулов (2021) И. Куликова, «После Чернобыля» (2021) И. Кинько и М. Литвинова, «Синдром» В. Руденко (2022), «Чёрная гора» (2022). Говоря кратко, на первый план в докладе будет выведена проблема страха и проблема ценностей. Я попытаюсь ответить на два вопроса: чем сегодня пытаются напугать зрителя отечественные кинорежиссеры, создавая «ужасную реальность», и какого рода ценности, отсылающие к контрастной «естественной реальности», они с помощью избранной «хоррор-формы» пытаются навязать зрителю?

Литература

Nakola Outi. Rhetoric of Modern Death in American Living Dead Films. Intellect, 2015.

Ingebretsen Ed. At Stake: Monsters and the Rhetoric of Fear in Public Culture. University of Chicago Press, 2003.

Phillips Kendall R. A Place of Darkness : The Rhetoric of Horror in Early American Cinema. University of Texas Press, 2021.

Cecilia Sayad. The Ghost in the Image: Technology and Reality in the Horror Genre. Oxford, 2021.

ПОЭТИКА РАЗДЕЛЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Бугаева Любовь Дмитриевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Существует область произведений искусства, которую можно определить как «искусство социального сознания» и «кино социального сознания». Подобные произведения используют материал, взятый в основном либо из природной среды, либо из социальной жизни; их цель — вызвать эмоции и дать возможность пережить опыт, связанный с актуальными проблемами. Одна из этих проблем — деградация и исчезновение привычного мира, который мы знаем и частью которого являемся. Осознание подобной трансформации мира вызывает «соласталгию» (Гленн А. Альбрехт). Хотя на первый взгляд соласталгия обладает чертами сходства с ностальгией, это нечто другое. Ностальгия — это желание вернуться домой, находясь вдали от него, и это «оглядывание назад», желание вернуться в прошлое. Когда мы сталкиваемся с феноменом соласталгии, точнее было бы ассоциировать его не просто с отсутствием или недостатком, как в случае с ностальгией, а с «патологией места», хотя испытываемые чувства схожи. Как отмечает Альбрехт, «негативная трансформация любимого места вызывает негативные эмоции у субъекта, который все еще не перемещен», он все еще «дома», но теперь он «теряет то утешение или тот комфорт, которые получал раньше от связи с домом, так как дом опустел и произошло это под воздействием сил, не зависящих от субъекта» [Albrecht 2019: 47]. Соласталгия, в отличие от ностальгии, имеет отношение не столько к отсутствующему объекту или человеку, сколько к пространству, которое одновременно как бы здесь и не здесь, и к эмоциям, которые мы испытываем, находясь в подобном пространстве. Ухудшение привычной среды и исчезновение того, что составляет пространство, которое до патологических изменений было любимым «домом», запускает процесс социально значимой интерпретации, а ее важность и смысл зависят от политического или социального контекста. Кинематограф социального сознания направлен на формирование осознания текущих климатических, экологических и социальных процессов через эмоциональную вовлеченность зрителя. Неудивительно, что многие проекты, призванные привлечь внимание общества, включают в себя не только кинематограф, но и AR, MR или VR, которые, в свою очередь, требуют активного восприятия и/или взаимодействия не только с элементами произведения искусства, но и с создаваемой ими реальностью. Так, примерами соласталгического искусства выступают и проект смешанной реальности Solastalgia, представленный на выставке New Frontier Exhibitions на кинофестивале Sundance в 2020 г. и демонстрирующий антиутопическое будущее глазами космонавтов — нашу планету как кладбище, оживляемое периодическими флешбэками в последние дни человечества, и фильм Дмитрия Давыдова «Молодость», представленный на Московском кинофестивале в 2022 г. и рассказывающий историю 40-летнего Василия, который спустя более 20 лет возвращается домой в Якутию. Пространство в фильме «Молодость», отличающееся особой соласталгической атмосферой, отвечает введенному Мишелем Фуко понятию гетеротопии. В «Других пространствах» Фуко называет гетеротопиями местоположения, «у которых есть любопытное свойство: они соотносятся со всеми остальными местоположениями, но таким образом, что приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются», т. е. являются «пространствами, находящимися в связи со всеми остальными и, однако же, противоречащими всем остальным» [Фуко 2006: 195]. Фуко предполагает, что изменение привычного порядка и системы вещей ведет к гетеротопии — появляются «места, находящиеся за пределами всех остальных мест», и при этом фактически локализуемые. При этом гетеротопия есть одновременно место открытое и закрытое, пронизываемое и замкнутое, и, добавим, локализуемое топографически как в действительном, так и в художественном мире. Интерпретируемая подобным образом гетеротопия позволяет соединять «в одном реальном месте несколько пространств, несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы» [Фуко 2006: 196, 202, 200], а также создавать иллюзорное пространство, по отношению к которому пространство реальности может представлять еще более иллюзорным.

Выделенный Фуко принцип гетеротопии в художественном произведении может воплощаться в поэтике произведения, в формах хронотопа, в художественной модальности и вариантах ее подвижности. Воплощением гетеротопии в кинематографе становятся в первую очередь пространства, в которых меняется привычный порядок и сочетаемость составляющих его элементов, т. е. соединяются миры, казалось бы, несовместимые в силу своей разведенности во времени, пространстве, модальности и т. п. При этом речь идет именно о пространственном аспекте кинопалимпсеста. Кинематографическая гетеротопия не нарушает заданную в фикциональном мире произведения логику. Но она создает особое пространственное видение, допускающее не просто соединение, но соединение-стык субъективного и объективного, прошлого и настоящего, живого и мертвого, театрального и кинематографического в художественном мире, в том числе кинематографическом, и не претендует при этом на фантастичность. В фильме Д. Давыдова «Молодость» гетеротипическое пространство создается ресайклингом позднесоветского в безуспешных попытках героя вернуться на 20 лет назад, хотя есть и другие примеры гетеротопии, не обязательно связанные с солесталгическим переживанием (в частности, гетеротипическое пространство в научно-фантастическом сериале “Severance”, 2022, где гетеротопией оказывается пространство сознания).

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00414-П «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы)».

Литература

Albrecht Glenn A. Earth Emotions: New Words for a New World. Ithaca and London, 2019.

Фуко М. Другие пространства. В: Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3.

НОВЫЙ РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КИНОКОМИКС. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТЕНДЕНЦИИ

Двинатина Жамила Рузмаматовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Российское кино в поисках себя и зрителя традиционно находится на неясном перепутье между авторским и жанровым. С переменным успехом интеллектуалы берут то одну, то другую сторону. Авторское русское кино, очевидно, хорошо продаваемый иностранцам бренд, на котором любят паразитировать те, кто изучает или составляет историю кино. Эйзенштейн, Тарковский и Сокуров по-прежнему продаются и изучаются. С жанровым русским кино сложнее. В ученой иерархии Рязанов, Данелия или Гайдай все еще вызывают легкую оторопь, при всей зрительской любви к их наследию, в отечественной киноведческой традиции все еще чувствуется снобистский холодок недопонимания, зачем и для чего их нужно изучать.

Между тем повестка дня требует, чтобы кино не просто пропагандировало какие-то ценности, служило источником неиссякаемого вдохновения для культурных элит, но в самом первом значении приносило прибыль, которая озвончает в денежном эквиваленте зрительскую радость от просмотра. Соцзаказ, продюсерский здравый смысл и потребность в социальной отдушине требуют развития жанрового кино. Комедии, мелодрамы, боевики, исторические костюмные мыльные оперы, фильмы про войну и римейки — неотъемлемая часть нашей российской киноповседневности. В ней особое место, на наш взгляд, занимает пока малоизученный феномен нового русского исторического кинокомикса.

Нельзя недооценить личный вклад отлично чувствующего новостную конъюнктуру продюсера Александра Роднянского, идущего разными путями, но раз за разом, несмотря на явные провалы жанра, вкладывающего во все новые попытки создать новый русский кинокомикс на исторический сюжет. Борис Акунин с его популярнейшими в народе сериями о сыщике Фандорине и сыщице Пелагии породил множество экранизаций своих произведений, на предвзятый вкус, совершенно почти неинтересных. Впрочем, они не закончены — в этом сезоне нас ждет новейший сериал. В «Фандорине» обещают альтернативную реальность начала нашего века, Петроград, роботы, миллионеры-нефтепромышленники. Должно быть, идея альтернативного Петербурга будет схожа со спорным, но отлично сделанным кинокомиксом «Майор Гром». Итак, первая идея — новый русский исторический кинокомикс хочет именно Петербурга, с его столичными тайнами, духом преступлений и литературными аллюзиями. Вторая идея заключается в том, что даже самые миловидные проекты порой не окупаются.

Так отечественный женский детектив, очевидно, сделанный под воздействием образа агата-кристиевской старушки мисс Марпл, где главных героинь играют великие русские возрастные актрисы Инна Чурикова («Винтовая лестница», 2005) и Алиса Фрейндлих («Женская логика», 2002) не стал поистине культовым. А кинокомикс стремится именно к культовости, к тому, чтобы стать основой фанатских сайтов, «холмсомест», ритуалов поклонения и, разумеется, сопутствующих продаж всего, что связано хоть сколько-нибудь с предлагаемой альтернативой блокбастера.

Третья идея — вольное обращение с историей, и в то же время обращение к истории как таковой. Идея, будто иллюстрирующая обучение исторической науке поколения ЕГЭ — веселые тесты, где новая интерпретация сопровождается занимательным сюжетом, фэнтезийными костюмами и языком. Показательным примером является один из наиболее запомнившихся ранних воплощений жанра — фильм продюсеров Роднянского и Мелькумова «1814» (2007), представляющий собой увлекательный хоррор-детектив из жизни лицеистов времен юного Пушкина. Молодой зритель внимательно следит за убийствами в Екатерининском парке, заодно знакомясь, пусть и очень специфично, с жизнью Лицея. Познавательное и миссионерское. К сожалению, в прокате не окупилось. Как и остальные по большей части. Неужели этот жанр — новый русский исторический кинокомикс, такой азартный, ритмичный, дорогостоящий, и,

разумеется, перенесенный сюда из иностранных первоисточников, кажется, британских, — не приживется?

Продюсеры не унывают, осуществляя и в этом жанре и в параллельных, таких как более коммерчески успешные спортивные драмы, идею производственного киноустройства. В жанрах такого рода возрастает роль команды, собранной именно для этого проекта, роль выработки узнаваемого стиля именно для этого проекта, или для этого жанра, но не для этого режиссера, который превращается по голливудской схеме в наемного рабочего, ничуть не отличающегося от всех прочих.

Четвертая идея говорит о схожести форм, единообразии визуальных, музыкальных, сюжетных элементов. Подробно разобрав фильмы «Дуэлянт» (2016), «Серебряные коньки» (2020), «Девятая» (2019), «Шерлок в России» (2020), мы делаем выводы об очевидном влиянии на формирование жанра определенных культовых произведений, таких, как фильмы Гая Ричи о Шерлоке Холмсе или сериал «Табу» (2017). Изучение всех элементов влияния не входит в задачу исследования. Гораздо важнее отметить стойкий интерес зрителя к затее и единообразию реализуемых решений, от приглашения к сотрудничеству известных актеров и малоизвестных режиссеров, за нечастым исключением, от интереса к вещной стороне кино, фактурности изображения, выстраивания осязаемого глазами мира исторического фэнтези до основных идей предлагаемых фильмов, одна из которых — извечная попытка «нашего ответа Чемберлену», попытка сыграть по предлагаемым условиям, уже сформированным где-то еще. Выльются ли эти единообразные попытки в укрепившийся в массовой отечественной культуре киножанр — покажет время.

НОВОГОДНЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНО: ПРАЗДНИЧНЫЕ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ

NEW YEAR'S REALITY IN RUSSION CINEMA: HOLIDAY AND EVERYDAY PRACTICES

Еланская Светлана Николаевна

доцент, Тверской государственный университет

Традиции встречи Нового года в нашей стране уникальны. Этот праздник создаёт особую реальность, иллюзорную и волшебную, в конструирование которой достойную лепту вносило отечественное кино. В фокусе внимания окажутся популярные новогодние, прежде всего советские, кинохиты, отражающие практики отмечаемого праздника, одновременно их задающие и нарочито вторгающиеся в повседневную рутину. Российское кино, опираясь на советские мифы, также активно ищет способы репрезентации новогодних ритуалов. Методом осмысления послужила возводящая повседневность в высшую реальность социология знания П. Бергера и Т. Лукмана, И. Гофмана, Г. Гарфинкеля. В отечественной модели массовой культуры Новый год оказался на перепутье между официальным, государственным и частным, личным, сопряжённым нередко с грустью, «сиротством как блаженством». Плану и директивам противостояла стихия, суэта. В светское проникает сакральное, уходящее корнями в Рождество и одновременно в язычество. В обещании чуда детерминантой магического выступила категория кайроса — счастливого случая, который надо успеть «поймать», момента между прошлым и будущим (М. Ямпольский), и который удачно объясняет сакральное значение Нового года в отечественных кинолентах.

Э. Рязанов в «Карнавальная ночь» заложил каноны новогоднего кино и критерии популярности жанра. В комедии сошлись общественная значимость, обусловленная несомненной творческой удачей, особенным интересом у аудитории, и уникальный «интегральный успех» (К. Разлогов). На фоне часов встреча Нового года организуется как публичный корпоративный карнавал в районном Доме культуры, способствуя и счастью личному — объяснению в любви молодых героев. Практика коллективного праздника прочно вошла в повседневность. С «Карнавальная ночь» историки связывают становление в советском обществе новой субкультуры, противостоящей официальной. Являясь массовыми, новогодние картины во многом выражали надежды и вкусы российской интеллигенции, и в этом смысле нужно говорить об интеллигентской субкультуре. С экрана, обеспечив «обратные связи», в народ влились узнаваемые мелодии. Киномузыка, способствуя формированию идентичности, стала самым убедительным показателем популярности. По одной строчке из песни узнают «своего», а когда это ещё и высокая поэзия, то можно говорить об уникальном ритуале пения в компании за новогодним столом романсов из фильмов — лирический механизм конструирования повседневности. К сожалению, прошла незамеченной «Карнавальная ночь-2, или 50 лет спустя». Спрятанная внутри музыкального ревю злободневная практика рейдерского захвата воспринималась как обыденная и не праздничная.

В недооценённом «Зигзаге удачи» — кайрос уже по названию — снятом на основе реальной истории, Новый год вплетён в рутину великолепно воспроизведённой повседневности. Грустная комедия, настроение которой создаёт старомодный вальс, придавая и новогоднюю праздничность, и щемящую ноту безрадостной обыденности, предлагает оригинальную практику совместной с коллегами погони за случайным выигрышем под бой курантов. Поместив в центр истории героев сложных, неустроенных, Рязанов наметил глубокий антропологический смысл новогоднего кино, что явилось предтечей «Иронии судьбы, или С лёгким паром». Главная «рождественская сказка для взрослых», также основанная на реальном случае розыгрыша, по социологическим опросам — самый любимый новогодний фильм. Под него наряжают ёлку, нарезают «оливье». Отправляются с друзьями в баню. Мечтают. Лирическая комедия с изумительной музыкой М. Таривердиева — квинтэссенция и кайроса, и социологических конструктивистских теорий, в центре которых — живая картина иронии судьбы над человеческими действиями.

Ирония, парадокс, игра присущи самой социальной реальности (Бергер), интерпретируемые в духе этнометодологических экспериментов Г. Гарфинкеля «от обратного», суть которых — нарушение нормы. С точки зрения конструирования повседневной реальности фильм блестяще иллюстрирует парадоксы непредсказуемого счастья, заостряет вопрос о социальных устоях и традициях и их нарушении по воле случая. Не может быть готового, «запрограммированного» счастья. Кайрос творится конкретными людьми — друзьями и является коллективным. Для зрителя важен миф о роли случая, однако «happy end» здесь неоднозначный. При выходе на киноэкраны «сорвала кассу» «Ирония судьбы. Продолжение». Сразу же вызвала споры, поскольку часть зрителей не простили деконструкции мифа. Современные же коммуникационные технологии сделали иронию невозможной.

Вторыми по зрительской любви признаются «Чародеи», под которых загадывают желание, как в «Песне про Снежинку», а по ту сторону экрана хозяйки разделяют селёдку. Окрашенная магией и волшебством, музыкальная сказка содержит элементы научной фантастики и советского производственного фильма. Новый год встречают в коллективе, не отходя от планового производства. Счастливым миг по-сказочному бьёт с громом и молнией. Кайрос в том, что надо успеть до 12-ти «расколдовать царевну», любимую. Поцелуем — ведьму-Алёнушка, очередным предложением в облике ряженого Деда Мороза — вопрошающую зеркало ведьму Шамаханскую. Песни на музыку Е. Крылатова ещё более популярны, чем сам фильм.

Современное российское кино, не став столь же популярным, предлагает между тем более широкий выбор новогодних культурных практик, тесно встраиваемых в повседневность. Учитывая возрастные и гендерные различия, оно активно размывает границы между праздничным и обыденным. «Приходи на меня посмотреть» воспевает новогодние мечты в «элегантном» возрасте, что ничто не поздно. Сказочный «Мой парень — ангел», один из самых популярных новогодних фильмов, отражает забавные молодёжные студенческие практики. «Женскую» реальность под Новый год воспроизводят «Снежный ангел» и «Новогодний ремонт», «мужскую» — «Со мною вот что происходит» и «Верблюжья дуга». «Страна Оз», ставшая культовой (в интеллигентских кругах) — модель «опрокинутой» реальности, топоса, в которой иронизируется надо всем, что на Новый год раздражает.

ФИЛЬМ КАК ОБОЛОЧКА: РЕСАЙКЛИНГ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭСТРАДЫ В «САМОИРОНИИ СУДЬБЫ»

FILM AS A COVER: RECYCLING SOVIET AND POST-SOVIET POP IN THE SELF-IRONY OF FATE

Журкова Дарья Александровна

старший научный сотрудник, Государственный институт искусствознания

Сюжетная канва, персонажи и песни из знаменитых советских кинокомедий постоянно используются при создании современных российских новогодних телешоу. Моду на «новогоднее кино» по мотивам хорошо известных советских фильмов задали «Старые песни о главном» (Первый канал, 1995–2001), которые с каждым годом наращивали количество «перерабатываемых» сюжетов и героев. «Кубанские казаки» и «Карнавальная ночь», «Бриллиантовая рука» и «Иван Васильевич меняет профессию», «Мимино» и «Белое солнце пустыни», «31 июня» и «Д'Артаньян и три мушкетера» — вот лишь малая часть фильмов, послуживших основой для новогодней развлекательной феерии на протяжении нескольких лет. В канун 2023 года к наследию советского кинематографа решил обратиться канал ТНТ, традиционно далекий от провластного дискурса и нацеленный на развлечение молодежной аудитории. Фильм «Самоирония судьбы» (реж. М. Семичев, Р. Ким), как очевидно из названия, обращается к сюжетной канве знаменитой лирической комедии Эльдара Рязанова, которая стабильно демонстрируется большинством телеканалов в новогодние праздники.

«Самоирония судьбы» наследует и одновременно нарушает традиции «Старых песен о главном». Стандартны следующие слагаемые: обращение к сюжету хорошо известного советского фильма, перенос времени действия в современность, исполнение ролей узнаваемыми эстрадными артистами и перепевание шлягеров советской эстрады.

Однако в отработанную схему вносятся также существенные дополнения. Во-первых, в сценарий телешоу постоянно прорывается ироничная рефлексия о драматургических «нестыковках» оригинального фильма и о незавидной участи эстрадных артистов, вынужденных сниматься в бездарных новогодних шоу. Тем самым создатели шоу обращаются к одному из излюбленных приемов авторского кино, старательно «оголяя» драматургический каркас как рязановского шедевра, так и собственного произведения. Во-вторых, наряду со шлягерами советской эстрады в «Самоиронии судьбы» звучат хиты отечественной поп-музыки 1990-х и 2020-х годов. Такая «чересполосица» музыкального материала нарушает принятые временные градации и «перемешивает» разные эпохи посредством активного «взаимообмена». На мелодии песен советской эстрады пишутся новые слова, отвечающие нуждам сюжета, а современные хиты обставляются в стилистике советской эпохи.

Например, песня из «Карнавальная ночи» «Пять минут» [1] превращается в живой «таймер». Перепевающая эту композицию Клава Кока (Клавдия Высокова) максимально копирует внешний вид и пластику Людмилы Гурченко, но поёт скороговоркой то «Тридцать семь минут», то «Шесть с половиной минут», отмеряя внутриэкранный время фильма. Новогодний шлягер обнаруживает незапланированную изоморфность и одновременно утверждает в незыблемости, вездесущности своего присутствия.

В противоположном варианте «взаимообмена» эпох современный хит «Ягода малинка» (2020) Хабиба (Хабиб-Рахман Шарипов) «путешествует» в прошлое и обставляется в стилистике телепрограммы «Песня года». Номер якобы транслируется по черно-белому телевизору. Современный исполнитель предстает по моде 1970-х гг. — в белоснежном костюме, в парике и с микрофоном на длинном проводе. Певец, кордебалет и публика в зале пародируют статичность эстрадных концертов советского времени и стараются быть сдержанно чинными. Но по законам развлекательного жанра они против воли поддаются откровенно танцевальному характеру песни и пускаются в оголтелый пляс. «Прописка» современного шлягера в прошлом, отнюдь, не добавляет ему статусности, а, наоборот, обнажает примитивизм его музыкально-выразительных средств.

Таким образом, в «Самоиронии судьбы» существенный сдвиг от канонов новогодних шоу по мотивам советских фильмов заключается в том, что главным объектом ресайклинга и, соответственно, ироничного переосмысления становится не советская, а постсоветская эстрада. Например, драматичный хит «Единственная моя» [2] в исполнении Филиппа Киркорова инсценируется как пародия на вещевую алчность самого артиста. А клип на лиричную балладу «Зимний сон» [3] в исполнении Алсу вместо аллюзий на «Лолиту» Набокова наполняется гэггами из американской рождественской комедии «Один дома» (1990, реж. К. Коламбус).

В итоге сюжет советского фильма превращается в оболочку, в которую утрамбовываются мотивы из современных популярных фильмов и сериалов, музыкальных видеоклипов и рейтинговых телешоу. Современная эпоха по-прежнему стремится максимально точно воссоздать декорации прошлой эпохи, но «заселяет» это пространство заведомо современными героями, активно иронизируя над их статусом. Организуя премьеру фильма-шоу в канун нового года, его продюсеры вольно или нет проецируют две взаимо-пересекающиеся теле-реальности: в одной из них по многочисленным каналам показывается оригинальная «Ирония судьбы...», а в другой — транслируется её современная копия. Классика отечественного кинематографа монтируется с её неуклюжей деконструкцией, порождая мульти-реальность современного развлекательного контента.

1. Лепин, автор слов — В. Лифшиц.
2. Автор слов и музыки — О. Газманов.
3. Автор слов и музыки — А. Шевченко.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00414 (Советское сегодня: Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990 — 2010-е годы).

ЭВОЛЮЦИЯ НЕМЕЦКОГО КИНО 1920 — НАЧАЛА 1930-Х ГГ. КАК ОБЪЕКТИВИРОВАНИЕ ПРИРОДЫ «ВЕЛИКОГО НЕМОГО»

Иваницкий Александр Ильич

ведущий научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет

Немецкий киноэкспрессионизм периода Веймарской республики (1919–1932) выглядит уникальным полем своего рода рассказа немого кино о самом себе. С одной стороны, он проявляет природу этого кино как «потусторонней» реальности беззвучного и бесцветного сна — ставя в центр фигуру героя коллективного подсознания. А с другой — объективирует сам процесс погружения «я» в свое подсознание (превращаясь в «кино о кино»). И, наконец, в ходе собственной эстетической эволюции (в частности, с приходом звука на рубеже 1920–30-х гг.) становится «эпически-повествовательным» — изображая уже не разрушенное сознание, а рождающую и разрушающую его социальную реальность.

Немецкое кино 1920-х было не для избранных, а для всех и поэтому отражало в равной мере сознание аудитории и режиссера, обращающегося и принадлежащего к ней (Неслучайно для своих сюжетов оно использовало в основном развлекательную литературу). Сознание это было задано поражением в Первой мировой войне, о котором немцы узнали из газет, поскольку страна не была оккупирована, а, наоборот, германские войска стояли во Франции, Бельгии, Польше, Белоруссии и Литве. Поэтому шок от поражения, усугубленный последующей разрухой и нищетой, направил коллективное сознание к поиску источника катастрофы не во внешнем враге, а в собственном мире и естестве. В фильмах Ф. Мурнау, Р. Вине, К. Пабста, Ф. Ланга, И. Штернберга и др. этот источник мифологизируется в фигуре экстремальной (психиатр — гипнотизер, эзотерик, маньяк), полуфантастической (сомнамбула, вампир и т.п.) и в подтексте — inferнальной. Эта фигура предстает «отцом-хозяином» рациональной современности, порабащивающего (физически и морально) ее «нормативных» представителей.

Однако уже в логически исходном «Носферату» Ф. Мурнау (1922) итоговое сюжетное поражение и гибель сказочного упыря не только снимает его властные амбиции в отношении формально наследующей ему идиллической современности, но потенциально обнуляет его реальность, превращая в фантом коллективного сознания этой современности.

В то же время в «Кабинете доктора Калигари» Р. Вине (1920) режиссёр и зритель подспудно соотносят себя с безумцем-рассказчиком, ставшим жертвой заглавного героя, психиатра-гипнотизера. Однако подчеркнута театральная экспрессионистская декорация происходящего иновыражает условность самого сюжета подчинения героя «злему гению» доктора, а отсюда и самого этого «гения», оказывающегося не источником болезни героя, а ее содержанием. Этой логике подчинена и музыка картины, задающая пластику и ритм актерской игры как столь же условной драматической пантомимы.

«Доктор Мабузе игрок» Ф. Ланга (1922) неявно продолжает эту логику, замыкая процесс духовного порабления на самой роковой фигуре поработителя (гипнотизер Мабузе, претендующий на господство над миром, сам попадает в дом умалишенных). Тем самым роковая / «потусторонняя» фигура утрачивает статус полного антропологического неподобия порабащаемой им бюргерской среде и обнаруживает свою принадлежность ей.

Прорывным продолжением этого дискурса стал фильм Ф. Мурнау «Фауст» (1926) — вольное переложение первой части трагедии Гёте, где Мефистофель, враг и антипод человеческого (по факту «бюргерского») мира, предстает средоточием его негативных (пошлых) черт. Именно подобие горожанам позволяет ему управлять их сознанием, направляя ко злу. Сведя Фауста с Гретхен, он заставляет его отречься от любви, а город делает ее коллективным гонителем и губителем. Т.о., именно бюргерский мир и его саморазрушительные потенциалы становятся предметом объективированного изображения и анализа.

«М — убийца» того же Ф. Ланга (1931) во многом не только завершает, но и обнажает этот дискурс — как идейно, так и эстетически. Пришедший на рубеже 1920-х и 1930-х годов звук ис-

пользовался мэтрами немого кино как признак все того же изображаемого ими материального мира и в том числе человеческого / телесного естества (важным зачастую, не только и даже не столько то, что говорит герой, сколько как он в говорении это естество проявляет). А главное — киномир и его герои перестают быть по определению «потусторонним» предметом чьего-то сознания, становясь объективной реальностью

Заглавный герой фильма, маниакальный убийца детей, не просто утверждает принадлежность «роковой» фигуры бюргерскому миру, но изначально выступает главной жертвой собственного рока как властвующего над ним и осознаваемого им безумия. Причина же зарождения агрессивного безумия в обычном человеке проявляется почти узаконенным двоевластием в бюргерском мире — полиции и преступников. Разумность этого порядка, воплощаемого полицейским комиссаром — мудрецом Ломаном, объясняется неизбежным присутствием в жизни и сознании бюргерского общества теневой стороны. Она рождается не в результате потрясений и проигранных войн, а в ходе сложной и неисследимой до конца внутренней жизни общества как живого организма.

Пространство погони за маньяком — торговый центр, состоящий из коридоров, тупиков, чердаков и лестничных пролетов, предстает пластической метафорой этого «катастрофически становящегося» социального мира, чьи непредсказуемые повороты рожают катастрофические «искривления» человеческой души. Ее в финале выражает подвал — место «народно-разбойничьего» суда над М. В изображении этого центра и погони киноэкспрессионизм 1920-х гг. переходит в новое, эпически объективное качество. Тем самым сам исходно субъективный дискурс «великого немого» задает итоговое исчерпание субъективности и «немоты».

СТРУКТУРА ЛАБИРИНТА КАК МОДЕЛЬ РЕАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИНОПРОИЗВЕДЕНИЯ. ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

THE STRUCTURE OF THE LABYRINTH AS A MODEL OF REALITY IN THE ARTISTIC SPACE OF A FILM. THE EXPERIENCE OF TYPOLOGY

Касмынин Алексей Иванович

соискатель, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова

Реальность — это слово, объединяющее в себе множество представлений о том, как устроен доступный для человеческого познания фрагмент универсума. Иными словами, понимание данного слова или, если угодно, философского термина, весьма расплывчато. При абсолютном приближении, каждый отдельно взятый индивид имеет собственные представления о реальности, которые могут коррелировать с условной нормой, сформированной культурой, социальной стратой, любой группой, к которой принадлежит индивид, а могут, напротив, не коррелировать вовсе. При отдалении или генерализации можно с уверенностью говорить об общих для всех людей представлениях. Физическая реальность или реальность зрителя имеет некоторые объективные законы и параметры, которые будут действовать на всех людей. Например, сила гравитации работает вне зависимости от представлений о ней, хотя представления при этом могут самыми разными. Реальность фильма адекватна только потребностям художественного пространства, выражающего его основной конфликт. Структура лабиринта в сюжете фильма является визуальной репрезентацией внутреннего конфликта персонажа. Выделяется три типа лабиринта: первый — «уникурсальный» античный лабиринт, который неизбежно приводит к центру, а оттуда — к выходу; второй — древовидный «маньеристический» лабиринт, в котором заканчиваются тупиком все ответвления, кроме одного, и есть пространство выбора, где поиск выхода ведется методом проб и ошибок; третий — бесконечная сеть-ризома, не имеющая ни центра, ни периферии. Разделение на три типа подразумевает культурную континуальность, где уникурсальный лабиринт соответствует архаике и древнейшим типам мышления, а ризоморфный современности. Выдвигается предположение, что, в частности, три типа лабиринта соответствуют трём моделям представления о реальности в художественном пространстве кинопроизведения. Так, уникурсальный лабиринт предполагает единую для всех, объективную реальность, древовидный указывает на то, что реальность есть выбор модели её описания, ризоморфный лабиринт предполагает, что реальность относительна и перманентно находится в стадии производства или, если сказать иначе, становления. Движение от первого типа лабиринта к третьему зачастую подразумевает всё больший и больший отход от реальности зрителя. Так, например, в фильме Харольда Рэмиса «День сурка» (1993), где из вроде бы обыденной реальности заимствуется множество элементов художественного пространства, если не все вообще, герой пытается выбраться из зацикленного дня. Это явное указание на присутствие древовидной структуры лабиринта в сюжете. Такого способа взаимодействия со временем в зрительской реальности не существует, тем не менее в «Дне сурка» он является органичной частью кинореальности, так как соответствует визуальной репрезентации главного конфликта фильма. В фильме Френсиса Форда Coppola «Апокалипсис сегодня» (1979) трансформация художественного пространства кажется невозможной. Герой движется по уникурсальному лабиринту сначала из зоны боевых действий, затем по реке, где сталкивается с неопределённостью и, наконец, попадает в архаически устроенное место, где нечеловеческое насилие перемешано с непобедимой витальностью. При всей своей кажущейся невероятности само путешествие Уилларда соответствует законам реальности зрителя и могло бы осуществиться, если бы в реальность каким-то образом переместились остальные элементы этого художественного вымысла. Производство реальности в фильмах с ризоморфной структурой лабиринта неразрывно связано с производством сюжета, осуществляемым зрителем. Таким образом работают фильмы Дэвида Линча «Малхолланд драйв» (2001) и «Внутренняя империя» (2006). Различные зрители после просмотра этих фильмов, вероятно, сформируют различные концепции по поводу того, каким

образом связаны элементы их драматургии, а значит и каким образом функционирует их кинореальность. Способы организации кинореальности, допустимые ризоморфной структурой лабиринта, с одной стороны, относят её весьма далеко от зрительской реальности. С другой, сложным образом коррелируют с современными представлениями об относительности многих, казалось бы, объективных явлений окружающего мира. Таких, как например, квантовая природа света. Нельзя не добавить, что иногда, при этом, каждая из структур поддерживает иные пропорции сопоставления с параметрами зрительской реальности. Так, в фильме Алехандро Ходоровски «Крот» (1970) герой осуществляет преодоление уникального лабиринта с магической целью, то есть, с целью воздействия на природу. При этом законы, заданные внутри кинореальности, не нарушаются. В фильме Мартина Скорсезе «Таксист» (1976) герой, блуждающий в древоподобном лабиринте и заходящий по ложным тропам достаточно далеко, тем не менее, не производит грубого нарушения законов зрительской реальности. Реальность же героя значительно меняется от способа его отношения к ней. Иными словами, герой сам выбирает свою реальность, что соответствует параметрам данного типа лабиринта. Фильм Ричарда Линклейтера «Под кайфом и в смятении» (1993) содержит ризоморфную структуру лабиринта, построенную по принципу мультипликативности. И хотя на первый взгляд в художественном пространстве фильма не содержится ничего, кроме элементов обыденности, само отношение зрителя к ней, производство сюжета, меняет её тональность.

РЕКУРСИВНЫЙ НАРРАТИВ В СОВРЕМЕННОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО

Коршунов Всеволод Вячеславович

доцент, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова

Документальное кино показывает что угодно, но только не реальность. Этот парадоксальный тезис стал лейтмотивом двух важных индустриальных событий 2022 года в мире кино — неигровой лаборатории LetsDOC и международного документального фестиваля «Флаэртиана». Конкурсанты, гости, эксперты стали участниками дискуссий о том, способно ли неигровое кино в принципе фиксировать жизнь как таковую, нужна ли действительность современной киноиндустрии и готовы ли зрители к внутренней работе по разграничению реальности и ее экранной имитации. Одни из самых острых обсуждений велись по поводу усиления позиций формата I-movie или first person documentary — типа фильмов, в которых авторы разворачивают камеру на самих себя [Дерикот 2019]. Можно интерпретировать это как одну из форм заикленности на себе человека XXI в., можно увидеть в этом подтверждение тезиса об исповедальном характере современной культуры, а можно разглядеть поиск максимально правдивой, честной, прозрачной документалистики. Именно формат I-movie позволяет режиссерам наиболее точно и ясно показывать реальность. На первый взгляд, видимая, осязаемая, откровенно предьявляемая зрителю режиссерская оптика является дополнительным барьером между фактом реальности и реципиентом. Однако всё с точностью до наоборот — first person documentary эти барьеры последовательно снимает. Увидеть эту непростую и неочевидную работу формата I-movie с реальностью позволяет категория рекурсивного нарратива. Под рекурсивным нарративом в этом исследовании понимается вложенность одной части повествования в другую, а также совокупность приемов, с этой системой вложений связанная. Такой тип нарратива обычно описывается разными терминами с размытыми границами: mise en abyme, текст в тексте, рамочная композиция, геральдическая конструкция, метаповествование. Важный вклад в разграничение этих категорий был внесен Л. Е. Муравьевой [Муравьева 2013], которая предложила внятный принцип их дифференциации: «[Редупликация] не обязательно сводится к построениям с „удвоением кода“, таким как картина в картине или рассказ в рассказе. Аналогичность предполагается не формальная (между одинаковыми медиальными формами), а субстанциональная (вторичное воспроизведение события, ситуации или иного элемента истории наряду с удвоением всего текстового кода или функции). В этом заключается главное отличие редупликации от текста-в-тексте, который опирается на сочетание кодов, не связанных между собой отношением подобия» [Муравьева 2016: 46]. Следует оговориться, что в рамках данной работы мы ограничимся вторым значением — системой перемещений по нарративным уровням и переключений нарративных инстанций. Преимущество термина «рекурсивный нарратив» по отношению к кинематографии нам видится в том, что он позволяет использовать универсальную научную категорию «рекурсия», применяемую в различных дисциплинах от математики до лингвистики, для обозначения всего многообразия форм и приемов, связанных с системой вложений на разных уровнях фильма — как повествования, так и действия, изображения, звука и т. д. В современной документалистике можно увидеть три типа рекурсивных сдвигов:

1. От диегезиса (истории) к экзегезису (повествованию): фильм разворачивается в режиме обнаружения наррации. Как правило, в классической кинодраматургии сам факт повествования и существование автора тщательно скрывают за иллюзией «экрана как замочной скважины». Теперь же экранное действие периодически возвращается к нарративной рамке: «Я автор, и я рассказываю эту историю».

2. От экстрадиегетического (первой ступени наррации, собственно повествования) к интрадиегетическому (второй ступени наррации, рассказу в рассказе) [Женетт 1998]: «Я автор, и я рассказываю о том, как я рассказываю эту историю».

3. От гетеродиегетического (автор находится вне поля повествования) к гомодиегетическому (автор находится внутри поля повествования): «Я автор, и я рассказываю о том, как я рассказываю историю про себя». Таким образом, автор оказывается внутри фильма, меняя свою

привычную функцию: А. Автор становится героем фильма («Экспорт Рэймонда», 2010, Ф. Розенталь; «Фукунаси», 2022, Ж. Сандо). В. Автор становится фокальным персонажем (термин Ж. Женетта), точкой, из которой исходит нарративная перспектива («Citizenfour: правда Сноудена», 2014, Л. Пойтрас; «Как спасти мертвого друга», 2022, М. Сыроечковская). С. Автор становится осевым персонажем (термин Л. Эгри), инициатором и организатором экранного события («Акт убийства», 2012, Дж. Опенхаймер; «Куда бы еще вторгнуться», 2015, М. Мур). D. Автор становится метаповествователем, погружающим зрителя в механику создания фильма («Истории, которые мы рассказываем», 2012, С. Полли; «Монета страны Малави», 2022, А. Федорченко). Е. Автор становится антагонистом, оппонентом героя («Семейное дело», 2015, Т. Фассарт; «Кто тебя победил никто», 2022, Л. Аркус). Часто документалисты прибегают к металепсису: переключают нарративные уровни, совмещают последующую и одновременную наррацию (по Ж. Женетту), сводят и разводят фигуры повествующего и повествуемого Я (по В. Шмиду), играют с модальностями неигрового кино (по Б. Николсу). И всё это для того чтобы провозгласить: кино не в силах показать объективную реальность, потому что каждый автор неумолимо накладывает на нее фильтр своего восприятия. Единственный способ быть честным со зрителем — продемонстрировать ему эти фильтры, а для этого нужно включить в фильм самого себя.

Литература

- Дерикот, Н. Что такое I-movie и зачем люди снимают кино про самих себя / Н. Дерикот. Текст: электронный // Нож: [сайт]. 2019. URL: <https://knife.media/i-movie/?ysclid=lckvb71wnf972857152> (дата обращения: 06.01.2023).
- Жерар Ж. Фигуры. В 2 т. М., 1998.
- Муравьева Л. Mise en abyme: нарративная дистанция // Вестник ННГУ. 2013. № 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mise-en-abyme-narrativnaya-distantsiya> (дата обращения: 06.01.2023).
- Муравьева Л. Редупликация (mise en abyme) и текст-в-тексте // Новый филологический вестник. 2016. № 2 (37): 42–51.

ТРАЕКТОРИИ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ. НА ПРИМЕРЕ ИГРОВЫХ ФИЛЬМОВ (2010–2020)

TRAJECTORIES OF HISTORICAL MEMORY WITHIN THE CONTEXT OF CULTURAL POLICY TRENDS. BASED ON THE EXAMPLES OF FEATURE FILMS (2010–2020)

Кочеляева Нина Александровна

*заведующий отделом, Всероссийский государственный университет кинематографии
им. С. А. Герасимова*

Настоящий доклад представляет собой попытку систематизировать и обобщить предварительные наблюдения, касающиеся теоретико-методологических подходов к исследованию антропологии памяти в игровом кино после 2010 г. Это касается фильмов, которые экранизируют исторические события, то есть некую историческую реальность. Однако, круг фильмов, которые отображают изменения в интерпретации тех или иных событий много шире, поэтому в этот круг мы также включали и неочевидные картины. Эти наблюдения будут выстраиваться в нескольких направлениях. Первое, о чем следует говорить, это предмет исследования, то есть та источниковая база, которая будет служить нам основанием и опорой нашего исследования, а именно игровые картины, в которых «схвачены» или имплицитно присутствуют те или иные тенденции, связанные с общим изменением культурной политики. Естественным вытекающим итогом этого направления станет предварительная типология аудиовизуальных произведений, которые будут рассматриваться в докладе в качестве эмпирического материала. Второе, на что, следует обратить внимание, — это объект исследования, а именно изменчивость траекторий исторической памяти в определенном культурно-политическом контексте, в котором задумывались и снимались фильмы. Третье — это теоретико-методологические подходы к исследованию антропологии памяти в игровом кино. Четвертое — это оценка причудливых траекторий, а иногда и кульбитов исторической памяти, которые возникают в контексте изменений направлений и приоритетов культурной политики.

Часть 1.

Кино как источник памяти. Опираясь на довольно внушительный круг игровых фильмов, которые были созданы после 2010 года, при их отборе и составлении их предварительной типологии мы руководствовались несколькими критериями:

- 1) наличие сюжета, связанного с историей и ее интерпретацией;
- 2) наличие в известном историческом сюжете новых интерпретаций, обусловленных влиянием новых тенденций культурной политики;
- 3) наличие сюжета, связанного с интерпретацией «трудных» мест памяти;
- 4) наличие признаков влияния новых культурно-политических тенденций в фильмах, где исторический сюжет не является основным, но действие развивается в «исторических декорациях». Особо следует оговорить, что мы не рассматриваем произведения, которые фиксируют изменения и повороты культурной политики, но не имеющие хоть сколько-нибудь заметного исторического сюжета или канвы.

В качестве примера приведу sci-fi драму индийского режиссера из Кералы Кришненду Калеша «Утошение Ястреба» (2022), которая хотя и работает с социальными паттернами, такими как угнетение мигрантов, претензия и эксплуатация тела женщины, нарастающий феминизм и др., напрямую не обращается к историческим сюжетам или исторической канве, хотя она и присутствует не очень явно как в заданных обстоятельствах — пилот сбрасывает ядерную бомбу и прячется в джунглях, где выстраивает свою иерархию взаимоотношений с окружающими людьми, так и в явных коннотациях, заимствованных из фильмов Жоржа Мельеса, Гильермо дель Торо, Хайяо Миядзаки и Андрея Тарковского. Но это требует иных подходов и, пожалуй, более тонких подходов к исследованию. Таким образом, можно выделить следующие направления в типологии фильмов:

- 1) картины, связанные с нациестроительством или иными историческими событиями, которые повлияли на ход истории определенного государства (Курманжан Датка, 2014, Кыргызстан, реж. Садык Шер Нияз; Трон / Sado, Южная Корея, 2015, реж. Ли Джун Ик; Сардар Удам / Sardar Udham, Индия, реж. Шуджит Сиркар, 2021);
- 2) картины, в которых отчетливо высвечивается роль тех социальных групп, значение которых ранее не придавалось в такой степени (Скрытые фигуры / Hidden Figures, США, реж. Теодор Мелфи, 2016, возникшая на волне движения «Black lives matter»);
- 3) здесь необходимо выделить несколько подгрупп: а. Холокост (Ида / Ida, реж. Павел Павликовский, Польша-Дания-Франция-Великобритания, 2013, Рай, реж. Андрон Кончаловский, Россия-Германия, 2016 и многие др.); б. политические репрессии в широком страновом контексте (Боковой ветер / Risttuules / In the Crosswind, реж. Мартин Хелде, Эстония, 2014, Экскаватор / Poikeurein / Fork Lane, реж. Ли Джу-Хуон, Южная Корея, 2017, Иван Денисович, реж. Глеб Панфилов, Россия, 2021 и др.); с. память конфликтных, постконфликтных и разделенных сообществ (Богоматерь Нильская / Our Lady of Nile / Notre-Dame du Nil, реж. Атик Рахими, Франция-Бельгия-Руанда-Монако, 2019, Генерал О / Soldier's Mementos / Ojang gunui baltob, реж. Ким Дже-хан, Южная Корея, 2018, Дорогие товарищи, реж. Андрон Кончаловский, Россия, 2020 и др.); 4) наиболее интересным кейсом здесь видятся экранизации детективов Агаты Кристи британо-ирландского реж. Кеннета Чарльза Брана «Убийство в восточном экспрессе» (2017) и «Смерть на Ниле» (2020).

Часть 2.

Культурно-политический контекст и его влияние на создание. Рассматриваются закономерности, связанные с влиянием тенденций культурной политики, которые выражены в принятии новых норм для создания фильма, его участия на кинофестивалях (напр., квотирование, гендерная репрезентативность, представленность меньшинств и др.).

Часть 3.

Теория и метод. Как исследовать память в игровом кино. Эта часть будет сосредоточена на методологии исследования памяти, отраженной в работах М. Хальбвак [Хальбвак 2006], Е. Зерубавеля [Zerubavel 2003], Л. Репина [Репина 2014] и др.) и ее применимости к аудиовизуальным произведениям игрового характера, а также ликвидности памяти в контексте культурной политики.

Часть 4.

Сплетенные параллели: кино, память и культурная политика. В этой части будут представлены основные выводы касающиеся взаимодействия этих аспектов социальной жизни человека.

Литература

- Репина Л. П. Социальные кризисы и катаклизмы в исторической памяти: теория и практика исследований // Труды Отделения историко-филологических наук РАН 2008–2013 год. М., 2014. С. 206–231.
- Хальбвак Морис. Социальные рамки памяти. М., 2007.
- Zerubavel E. Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago, 2003.

ФЕНОМЕН ПАМЯТИ В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ АНИМАЦИИ

Логинава Марина Сергеевна

соискатель, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова

Документальная анимация — явление относительно новое для отечественного кинематографа, но сразу находившееся под пристальным вниманием как практиков, так и теоретиков. Стоит отметить, что творческий и аналитический процесс происходит в контексте постоянного сравнения с зарубежным опытом. Что касается памяти, то она для аниматора выступает и в качестве объекта, и в качестве субъекта. Память в качестве объекта — процесс запечатления, то есть фиксации, времени/реальности. Конечно, этот вопрос является важным для искусства как такового, но для кинематографа имеет особое значение. На эту тему размышляли Андре Базен, Луи Деллюк, Жан Эпштейн, Андрей Тарковский, многие другие. Особенность доканимации в передаче реальности состоит в том, что она производит не простое фотографическое фиксирование жизни, а приближается в этом к портрету в живописи или даже к академической ботанической иллюстрации: то есть дает более полное изображение происходящего, чем сиюминутный взгляд, позволяя убрать лишние детали, искажающие наше восприятие. Аниматор также дает возможность авторам сделать напрямую свою жизнь, свои эмоции, свою историю увиденными, соответственно осмысленными и запомнившимися, не прибегая при этом к лирическому герою. Разброс историй велик: от голосов и выдуманного мира своих детей, как у американских режиссеров Джона и Фейс Хаблы в их оscarоносной работе «Лунная птица» 1959 г., до осмысления своего логоневроза в «Труднопроизносимом» Надежды Щербаковой, фильме 2022 г. Проговаривание важных вопросов, вынесение их на поверхность общественного обсуждения необходимо как форма лечения. «Кино — это тоже терапия», звучит фраза в фильме «Вальс с Баширом». Если не сам автор в центре внимания, то у его героя есть возможность высказаться на самые болезненные темы в обществе (политические и социальные проблемы, насилие государственное и частное, вопросы гендерной идентичности и психологической нормы, так далее), но при этом не подвергая себя опасности, например, вопросы гендера в фильме «У каждого мужчины должны быть туфли» Анастасии Лисовец, любовь к серийному убийце в «Просто парень» Секо Хары, бегство из Афганистана в полнометражном фильме «Побег» Йонаса Поэра Расмуссена. Документальная анимация балансирует между правдой говорящего и тем, что не является фактическим подтверждением участия во всем, происходящем на экране. Один из героев, с которым беседует режиссер в «Вальсе с Баширом» о прошлом, в ответ на вопрос, можно ли его нарисовать с сыном, играющим в снегу, сказал: «Если рисуешь, а не фотографируешь, то все в порядке». Особую роль в России в раскрытии сокровенного играет школа документальной анимации под руководством Дины Годер, Александра Родионова и Евгении Жирковой на Международном кинофестивале дебютного и документального кино «Рудник» в Свяжске. С 2017 года они дают возможность участвовать не только профессиональным аниматорам, но всем, у кого есть своя история и желание ее рассказать: от нежных историй про маму («Мама, обними меня») до признаний в совершенном насилии («Машенька, медуза»). Дина Годер, программный директор Большого фестиваля мультфильмов, стала тем человеком, кто прилагает все усилия, чтобы вывести российскую анимацию из категории милого и красивого, в категорию важного и откровенного. Если рассматривать память в качестве субъекта доканимации, то это воссоздание воспоминаний на экране. Доканимация в реконструкции памяти отличается от игрового и неигрового кинематографа. Во-первых, оба вида не дают нам почувствовать то, что переживают герои, зритель либо видит лишь отражение их чувств и мыслей на лице, либо слышит их проговаривание. Вдобавок, в игровом кино актеры всегда добавляют себя в изображаемый мир, хотя бы этого или нет — шлейф их ролей, их личности, их видение героя. Неигровой кинематограф в форме реконструкции не передает реальности, которая была, а хроникальные кадры не могут поместить нас в воспоминания конкретного человека. Даже само воссоздание памяти — великая иллюзия. «Память — вещь динамическая, живая. И даже когда недостает деталей, и посередине черные дыры, память выстраивает себя сама, так что воз-

никают воспоминания о том, чего вовсе не было» — еще одна цитата из программного для доканимации фильма «Вальс с Баширом». Как оценить правдивость документального фильма, если он снят по воспоминаниям: в их основе то, что не является стабильным, а снимают фактуру, которая не может соответствовать времени рассказа. Анимация позволяет нашей памяти быть самой собой — передать именно то, что помним, и так, как мы это помним. Иногда этот поход за воспоминаниями успешный, как в случае с фильмом «Вальс с Баширом», где режиссер пытается вспомнить детали своей службы в израильской армии во время Ливанской войны, а иногда картинка прошлого так и продолжает рассыпаться на детали и оставаться чужой, как в короткометражной работе «Маальбек» о теракте 2016 года на станции метро в Брюсселе. Есть еще путь, итогом которого становится отказ от поисков воспоминаний, когда правда может быть настолько травматична, что автор «Воспоминаний воспоминаний» не готов идти до конца и узнать, что происходило во время Алжирской войны с дедушкой, воевавшим в составе французской армии. Быть в памяти и оперировать памятью два явления в доканимации, которые не противопоставлены друг другу, но переплетаются и дают возможность переосмысления себя авторам и зрителям.

АУДИОВИЗУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАБАРЕ В КИНЕМАТОГРАФЕ 1920–1930-Х ГГ.

Мартынова Дарья Олеговна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

В этом выступлении основной целью является анализ специфики и влияния рецепции культуры кабаре в кино 1920–1930-х гг. Выступление будет строиться на анализе трех дискурсов рецепции культуры кабаре в кино:

- 1) воплощение слов в жестах и танцах;
- 2) аудиовизуализация с помощью танцев кабаре;
- 3) отображение медицинских практик в танцах кабаре. Впервые на проблему рецепции культуры кабаре в кино обратил внимание Рэй Бет Гордон в 2003 г. в статье «Почему французы любят Джерри Льюиса: от кабаре до раннего кинематографа».

Р. Б. Гордон позиционирует кинематограф как истерическую форму искусства, как логическое продолжение нового вида зрелищных развлечений, появившегося во время французской революции. Он считает, что этот период отмечен энтузиазмом к бешеному стилю исполнения, который отвергал логическое мышление, связанный язык и традиционное повествование, чтобы охватить тело и насладиться экстремальными ощущениями. Такого рода представления казались по-настоящему патологическими: они были тесно связаны с современными научными взглядами на истерию и психические заболевания, которые вызывали сильное восхищение в обществе. По мнению Гордона, тот факт, что зрители сегодня продолжают инстинктивно подражать тикам и жестам экранных персонажей, подтверждает, что все по-прежнему подчиняются императивам телесного бессознательного. Однако в этом выступлении автор вступает в заочную полемику с мнением Гордона: установлено, что копирование бесконтрольных тиков душевнобольных в кабаре было связано с важнейшими изменениями в социокультурной среде Франции второй половины XIX в. и не являлось инстинктивным. Так, во второй половине XIX в. в популярной культуре кабаре и кафе-шантанов сложилась особая жестовая система, выражавшаяся преимущественно в танце, эта система стала своего рода «языком» для общения среди людей. Она сформировалась в результате правительственных табу 1848 г. во Франции: около десяти процентов песен было запрещено. Новые ограничения привели к появлению особых танцев и жестов (кан-кан, эпилептика), в которых артисты использовали сильно закодированную систему общения со зрителем. Учитывая, что раннее кино было немым, аудиовизуализации и жесты играли значительную роль для расшифровки сюжетных линий. Так, Жорж Мельес в ленте «Месмеровский эксперимент» 1904 г. с помощью визуализации кан-кана расшифровывает смысл отснятой им киноленты. Можно вспомнить еще одну раннюю киноленту — немой короткометражный фильм «Танцующая свинья» 1907 г., выпущенная французской студией «Братья Пате». Этот фильм был экранизацией одноактной водевильной постановки «Танцующая свинья», во время которой певица пела, а танцор, переодетый в костюм свиньи танцевал под эти песни, визуализируя пропетое. Для таких фильмов, как «Путешествие троим» Жана Бенуа-Леви 1928 г., «Поцелуй, который убивает» 1928 г. Жана Шу, «Враг в крови» 1931 г. Вальтера Рутмана рецепция культуры кабаре играет значительную роль: кабаре и как-кан становятся отражением лиминального состояния главных героев, их потаенных желаний, обнажая амбивалентность и сокрытую порочность главного героя и событий, происходивших до кабаре. В целом в кинематографе 1920-х гг. интерес к городской среде в сочетании с авангардной кинематографической практикой породил ненарративные подходы и структуры повседневной жизни, т. е. отражение города или событий через жесты и повторяющиеся действия, которые становились неслышимым выражением звука (он создавался двумя способами:

- 1) «визуальный шум» — высокие скорости редактирования и размытие изображений и
- 2) обработка движения как звука).

С помощью движения людей режиссеры организовывали визуальные элементы городского опыта, соотнося движение с музыкальными контрапунктами.

Помимо этого, через изображение культуры кабаре режиссеры раскрывают границы города, его опасность. Так, в фильме «Четыре эпизода из жизни врача» 1926 г. врачей-сценаристов Курта Томаллы и Николаса Кауфмана повествование разворачивается вокруг двух молодых людей, отправляющихся на ярмарку, чтобы посмотреть номер кабаре. Однако незнакомец приглашает посмотреть их на профилактическую выставку и лекцию о сифилисе. Двум молодым людям предлагается заглянуть в микроскоп, чтобы мельком увидеть микробы, ответственные за это заболевание: они видят болезнь по мере ее прогрессирувания. Эта мизансцена сравнима с «Кабинетом доктора Калигари», где люди также ищут развлечений на ярмарке. Довольно часто в кино санитарное просвещение и медицинские действия проникают в места просвещения (и это неслучайно, ведь кан-кан тоже копировал движения психически больных), имитируя городские развлечения. Таким образом, проанализировав фильмы 1920–1930-х гг. можно не только раскрыть значение рецепции культуры кабаре в кино, но и понять специфику аудиовизуализации в немом кино, ее влияние на интерпретацию мизансцен и сюжетных линий, а также культивирования определенных жестов и их значений в современной визуальной культуре.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01577).

ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНИКА КАК ОБРАТНАЯ СТОРОНА ОБЫДЕННОСТИ

Минаева Елизавета Васильевна

аспирант, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова

Большое количество исследований на тему праздников показывает, что значение праздника как явления человеческой культуры трудно переоценить. Помимо научных работ, праздничной теме посвящены произведения художественной литературы. «Рождественская песнь» Чарльза Диккенса экранизировалась множество раз. Тем не менее, в области кино исследований на тему праздничного пространства не обнаружено. Праздник — это не просто часть культуры, это одно из её оснований. На празднике возможно то, что невозможно в бытовой реальности, это совершенно иной модус бытия; временный выход за пределы пространства обыденности. «Во время карнавала можно жить только по его законам» [Бахтин 1990] «Пух по небу полетел — это есть зимы предел» — декламирует герой картины «Амаркорд». Небесный пух застаёт жителей маленького итальянского городка за их обычными делами: одни развешивают бельё во дворе своего дома, другие сплетничают в парикмахерской; туристы, как всегда, купаются в море. Пух вездесущ и появляется каждый год. Он знаменует смену одного этапа годового цикла другим — вместо зимы приходит весна. К вечеру городская площадь наполняется людьми: все местные жители собираются на праздник по поводу прихода весны. «Праздник — это ритуал поклонения жизни...» [Ванченко 2008], а значит, он для всех. Здесь и школьники, и проститутка, и приличные дамы с семьями, и бездомный: все они объединяются в едином праздничном пространстве как единая община. И это объединение не является бытовым. Кинематографическое пространство отличается от реальности, оно моделируется, но оно отражает значимые связи явлений [Мариеская 2015]. Традиционное пространство праздника сакральное, и всё происходящее на празднике происходит «не просто так». Кажется, что пух летит по воздуху сам собой и всё же это происходит ежегодно, а значит, у этого есть особые причины. Что-то приводит пух в движение именно тогда, когда нужно. Это природное чудо отсылает нас к дохристианским временам, к языческим традициям. На главной площади ведутся приготовления к жертвоприношению: куклу сожгут на огромном костре. Действо, сродни русской Масленице, не кажется чем-то рискованным, и никто особенно не заботится о мерах предосторожности. Однако мы видим, что заигрывание с сакральным не безопасно: в костре едва не погибает живой человек, а не только кукла. Пространство праздника ритуализировано, а значит оно не безопасно, в отличие от пространства обыденности, где всё подчиняется надёжной рутинной неизменности. В пространстве обыденности зритель застаёт главного героя картины «Ещё по одной» — Мартина, школьного учителя. Мартин представляется инертным, безвольным персонажем, который, кажется, скучен даже сам себе. Ему настолько неинтересна собственная судьба, что он фактически отстаивает себя, когда ученики и их родители обвиняют его в некомпетентности. Автор предоставляет герою возможность «раскрыться» и делает это, используя возможности праздничного пространства. Праздничное пространство располагает к неожиданным действиям, и Мартин, в окружении своих ближайших друзей, «общины», поддается общему разгулу. Зритель узнаёт Мартина с другой стороны: оказывается, он не всегда был таким скучным и танцует рок-балет. Очарованные праздничным настроением, друзья решают участвовать в исследовании возможностей положительного воздействия алкоголя на личность. Попытка переноса «праздничного» в обыденное имеет последствия: ссоры в семье, осуждение соседей, проблемы на работе. Рутинная разрушается, но вместо неё ничего не приходит. За несанкционированное веселье приходится платить. Реальность жёстко «отрезвляет». Друг Мартина — Томми не выдерживает такого положения дел и поэтому погибает. Самоубийство Томми, скорее, похоже на жертвоприношение. Праздничное пространство традиционно. В праздник Дня рождения отмечается преодоление очередной временной границы. Инес — героиня картины «Тони Эрдманн» считает, что она может перенести эту «границу» на другой, обычный, день. В свой же истинный день рождения, со своей семьёй, она не может быть самой собой и всячески избегает общения. Инес — карьеристка и гораздо увереннее чувствует себя в окружении таких же коллег и уважаемых людей. Инес

сама изгнала себя из своей настоящей семьи, «общины». Некому даже помочь застегнуть ей молнию на платье. В итоге изысканный, тщательно спланированный праздник превращается в фарс: Инес срывает с себя платье и предлагает всем прибывающим гостям также обнажиться. День своего рождения нельзя выбрать как нельзя сделать профанное сакральным по одному только собственному желанию. Истинное нельзя имитировать. Сакральность празднику возвращает отец героини — Тони Эрдманн, когда появляется на пороге в меховом костюме «кукери» и снимает с дочери «злые чары». Костюм — часть болгарского обряда Кукеры, и его задача заключается в изгнании злых духов, чтобы обеспечить здоровье, плодородие и процветание [Laura Blum 2020]. Инес бросает нагих гостей, чтобы снова стать частью своей «общины». Праздничное пространство задаёт перипетию профанного и сакрального. Пространство праздника — это социальное пространство, где развивает конфликт индивидуального и коллективного. Пространство праздника ритуализировано, в нём творится иная реальность по определённым правилам, и нарушение границ этой реальности небезопасно. Пространство праздника — это иная реальность для героя кинофильма, где проявляются подлинные чувства.

Литература

- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Ванченко Т. П.* Смысловая основа массового праздника // *Аналитика культурологии*. 2008. № 10: 10–30.
- Мариевская Н. Е.* Время в кино. М., 2015.
- Laura Blum.* Costume Designer Gitti Fuchs Tricks Out «Toni Erdmann». URL: https://www.thalo.com/articles/view/1302/costume_designer_gitti_fuchs_tricks_out_toni (2020)

Фильмография

- «Амаркорд» (1973, реж. Федерико Феллини, сц. Федерико Феллини, Тонино Гуэрра)
- «Ещё по одной» (2020, реж. и сц. Томас Винтерберг)
- «Тони Эрдманн» (2016, реж. и сц. Марен Аде).

«НЕНАДЕЖНАЯ» РЕАЛЬНОСТЬ В КИНЕМАТОГРАФЕ: ДРАМАТУРГИЯ ТРЕВОГИ

Мариевская Наталья Евгеньевна

профессор, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова

Доклад посвящен драматургии тревоги, тем особым приемам, с помощью которых она создается в кинематографе. Речь идет о тревоге, понимаемой как эстетическое свойство кинопроизведения, доминирующее качество его эмоционального строя. Основным источником тревоги для персонажа является сомнение в самом себе и окружающей реальности. Каким свойствами должен обладать мир, чтобы вызвать замешательство в персонаже, а, как следствие, и в зрителе? Этот вопрос тем более актуален, что сегодня тревогой окрашены не только фильмы ужасов, триллеры и детективы, где тревожный фон является своего рода жанровой конвенцией, но и черные комедии, экзистенциальные драмы. В основе всех окрашенных тревогой фильмов лежит принцип удвоения реальности. Драматург формирует не только устойчивый мир привычной реальности, но и ее зеркальный двойник, особый мир, связанный с привычными сложными отношениями. В эту новую область пространства можно попасть во сне, как попадает Алиса в кроличью нору, задремав в жаркий день, или, как Ганс Касторп на Волшебную гору, просто сев в поезд. «Ненадежная реальность» формируется на уровне замысла вместе с формированием структуры художественного пространства кинопроизведения и не может быть создана чисто внешними эффектами. Однако само по себе удвоение художественного пространства не вызывает чувства тревоги. Пока один мир надежно отделен от другого, в обеих областях пространства персонаж может чувствовать себя вполне уверенно. Вырвавшись за границу привычного мира, он способен испытать радостное возбуждение от предстоящих приключений, как происходит, например в вестерне. Или веселое изумление, провалившись в кроличью нору, как в сказке «Алиса в Стране Чудес». Тревога порождается сомнением в надежности границ между этими мирами. Как только границы между областями пространства размывается, персонаж оказывается в замешательстве. В области, образованной размытой границей появляются гротескные персонажи, несущие черты неполноты трансгрессивного перехода: «призраки живут меду домами». Примером размывания границы между мирами можно считать встречу Гамлета с призраком отца. Само существование призрака, принадлежащего как миру живых, так и миру мертвых, уничтожает границу между ними и вызывает сомнение. Тревогу рождает и Чеширский кот, будучи одновременно реальным и ирреальным. Про него нельзя с уверенностью сказать, что он существует, как нельзя утверждать обратное. Ганс Касторп теряет уверенность в границе между здоровьем и болезнью, жизнью и смертью, настоящим и будущим. В кинематографе приемы размывания границ наиболее отчетливо выступают в триллере. Сомнение, неуверенность, тревога — именно это отличительные черты жанра. Источником тревоги в фильмах Альфреда Хичкока, разрабатывавшего приемы создания саспенса, является нарушение границы между реальностью и ее подобием, копией и оригиналом. Так дело обстоит, например, в «Головокружении» (англ. *Vertigo*, 1952). Характерным для фильмов Хичкока становится размывание границы между *Я* и *Другим*, когда одного персонажа принимают за другого, например в фильме «Завороженный» (англ. *Spellbound*, 1945), «Не тот человек» (англ. *The Wrong Man*, 1956). Чувство тревоги у персонажа вызывает сомнение в самом себе, страх утраты собственных границ, ужас перед полным исчезновением. Сюжеты фильмов, пронизанных тревогой, определяются выбором тех областей, который будут разделены ненадежной границей. Эти области и открывают главный конфликт фильма, проблему, которую исследует автор. Художественный конфликт фильмов, основанных на драматургии тревоги, строится на невозможности внести ясное разграничение значимых для современного человека понятий. Сегодня, например, невозможно провести четкую границу между сакральным и профанным, живым и мертвым, нормальным и извращенным, прекрасным и безобразным; фильмы с экзистенциальным конфликтом строятся на невозможности различения Я и Другого. Искусство кино, моделирует смешение важнейших для культуры оппозиций, аккумулируя

существующую в обществе тревогу, заставляя задуматься о значимых для человека ценностях. Качественная характеристика разделяемых областей может быть неожиданной, предельно сложной, как и результат их смешения на границе. Результатом смешения реальности истории и реальности мифа в фильме режиссер Бернардо Бертолуччи «Стратегия паука» (итал. *Strategia del Ragno*, 1970) становится безвременно. Из этого смешения рождается мир, из которого невозможно вырваться, стоит только согласиться признать его правила. В докладе рассматривается случай проницаемой границы между миром живых и миром мертвых в фильме «Санаторий под клепсидрой» (польск. *Sanatorium pod klepsydrą* 1973), режиссер Войцех Хасс; между настоящим и прошлым «Память» (англ. *Memoria*, 2021) режиссер Апичатпонг Вирасетакул. Представляется, что образность этих фильмов определяется структурой художественного пространства. Удвоение пространства порождает образы-двойники, неполнота трансгрессивного перехода — гротескный образ. На границе двух миров обитают призраки и духи. Структура пространства задает особый характер причинности — снятие логики и тяготение к абсурду. Особого внимания при этом требует связь тревоги и комизма. Пограничная зона обладает собственной темпоральностью — здесь формируется область безвременья, когда отношения раньше — позже теряют смысл. Это особое большое «дырявое время» способно смешивать в себе самые разные временные формы: время историческое, внутреннее время персонажа и циклическое время мифа. Временная форма фильма Вираситакула «Память» не может быть описана как настоящие прошлого или прошлое в настоящем, поскольку граница между настоящим и прошлым отсутствует, как, впрочем, и граница между *Я* и *Другим*. Решение подобных задач требует создания совершенно особой аудиовизуальной среды. Таким образом, драматургия тревоги предполагает усилия драматурга по формированию структуры художественного пространства и времени; особые приемы создания оппозиции ценностей и их смешения, создание характерной аудиовизуальной образности.

ГЕРОИНИ АМЕРИКАНСКОЙ АНИМАЦИИ: ПУТЬ ОТ ОБЪЕКТНОСТИ К СУБЪЕКТНОСТИ

HEROINES OF AMERICAN ANIMATION: THE PATH FROM OBJECTIVITY TO SUBJECTIVITY

Пархоменко Евгения Викторовна

научный сотрудник, Всероссийский государственный университет кинематографии
им. С. А. Герасимова

Женщины, согласно статистическим данным, составляют примерно 51 % населения земного шара [Российский статистический ежегодник 2009]. Однако свой голос большая часть населения планеты начала обретать лишь в 20 в., и только в последнее время представление о женщине стало выходить за рамки устойчивых архетипов, наделявших ее свойствами лишь объекта или функции. В основе этих архетипических представлений находится женская физиология: способность воспроизводить население в массовом сознании переросла в обязанность, единственное предназначение и смысл существования [Ляшенко 2022]. Архетипы эти прочно связаны с образом мужчины — женщина сама по себе не рассматривается, ее образ эксцентричен, а точкой отсчета считается мужчина. Она может быть объектом вождения, невестой, матерью, хранительницей очага, безутешной вдовой, или вредной старухой, мстительной старой девой, коварной соблазнительницей — так или иначе, в первую очередь оценивается ее семейное положение или пригодность к созданию семьи и рождению детей. Образы девы-матери-старухи связаны с фертильностью: ее началом, ее реализацией и прекращением этой функции организма. Стоящий немного поодаль от этой триады образ ведьмы лишь подчеркивает физиологическую сущность архетипа: женщины имеют отношение к сакральной тайне рождения и смерти, имеют потустороннюю (от мужчины) природу. Эти архетипы нашли свое яркое отражение в американской анимации. В основу первых полнометражных произведений Уолта Диснея с женскими образами во главе легли классические детские книги. В 1937 г. вышла «Белоснежка и семь гномов» по сказке братьев Гримм, затем — «Золушка» (1950) и «Спящая красавица» (1959). Таких безусловно положительных в массовом сознании героинь объединяет набор качеств, которые на протяжении веков вдалбливались поколениям девочек: они хозяйственны, опрятны, милы, наивны, жертвенны, послушны до отрешения от себя и, конечно, конвенционально красивы. Эти произведения транслируют установку, что если девочка будет соответствовать узким общественным представлениям о женственности и морали, будет терпеть и подстраиваться под окружающих, то в конце ее ждет награда — принц на белом коне заберет ее в замок для безбедной и беззаботной жизни. С наступлением сексуальной революции образ главной героини претерпевает некоторые изменения: Ариэль («Русалочка», 1989), Белль («Красавица и Чудовище», 1991), Жасмин («Аладдин», 1992), Покахонтас («Покахонтас», 1995), Мегара («Геркулес», 1997) уже намного менее шаблонны, более самостоятельны и активны, однако вся цель их активности сводится к свадьбе. В 1985 г. в комиксе «Dykes to Watch Out For» карикатуристка Элисон Бекдел пошутила и озвучила принцип гендерной предвзятости в кино, который затем стал одним из стандартов оценки произведений [Steiger 2011]. «Я пойду на фильм, только если он соответствует трем критериям: во-первых, в нем должно быть хотя бы две женщины, которые, во-вторых, разговаривают между собой, о чем-то кроме мужчин — в-третьих» [Bechdel 1986]. Очевидно, что вышеперечисленные анимационные картины этим критериям не соответствуют. Кроме того, в 1991 г. Ката Поллитт, американская поэтесса и критик, в своей статье в Нью-Йорк Таймс сформулировала «Принцип Смурфетты»: «Современные шоу или имеют полностью мужской состав, как «Гарфилд», или построены на том, что я называю принцип Смурфетты: группа мужчин-приятелей будет подчеркнута одной женщиной, стереотипно охарактеризованной... Посыл ясен. Парни — это норма, девушки — вариация; парни — центральные, девушки — второстепенные; парни — индивидуальные, девушки — типичные. Парни определяют группу, её историю и её кодекс ценностей. Девушки существуют только относительно парней» [Pollitt 1991]. Нарастающий феминистический дискурс привел к появлению со-

вершено иных сценариев, в которых мультипликационные «принцессы» добиваются успехов в карьере («Принцесса лягушка», 2009) и уходят от гиперопекающих родителей («Рапунцель», 2010), но в этих фильмах еще ощущается наследие архетипов: истории, как и все до них, заканчиваются для героинь грядущей свадьбой. Уже следующая героиня Мерида («Храбрая сердцем», 2012) в сказке от анимационной студии Pixar устраивает опасные для жизни и здоровья приключения для всей своей семьи именно от нежелания выходить замуж — и к концу фильма семья соглашается с ее решением. В мультфильме «Холодное сердце» (2013) две главные героини, а мужские персонажи представляют собой антагониста и второстепенного персонажа. Героиня «Зверополиса» (2016) разрушает гендерные и расовые предрассудки и устраивается на желанную работу, Моана (2016) возрождает мореходство на родном острове, Райя («Райя и последний дракон», 2021) спасает окаменевших людей. Отдельным блоком следует выделить анимационные картины, снятые в начале 2020-х гг. Это «Энканто» (2021) и «Я краснею» (2022), посвященные важным проблемам принятия себя и своего места в мире. Рамки строгой гендерной роли жены, матери и хозяйки, отведенной женщинам, раздвигаются — в сюжетах современной американской анимации женщины представляют различные профессии, выполняют сложные и ответственные работы, спасают мир. Таким образом сказочный мир выводит более объемный и правдоподобный образ большей половины человечества и создает прекрасные шаблоны для воспитания новых поколений.

Литература

- Российский статистический ежегодник — 2009 // Федеральная служба государственной статистики URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b09_13/IssWWW.exe/Stg/html6/26-02.htm (дата обращения: 15.01.2023).
- Ляшенко Т. М. Классификация женских архетипических образов в художественном тексте // Филология. Научные исследования. 2022. № 2: 54–65.
- Steiger Kay. No Clean Slate: Unshakeable race and gender politics in The Walking Dead // Triumph of The Walking Dead / Lowder, James. BenBella Books, 2011. P. 104.
- Bechdel Allison. Dykes to Watch Out For. Firebrand Books. 1 October 1986.
- Pollitt Katha. The Smurfette Principle // The New York Times. 7 April. 1991.

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ФОРМЫ В СЮЖЕТАХ АБСУРДА

Рахвадзе Тихон Владимирович

ассистент, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова

В драматургии кинофильма элемент абсурда выступает как преломление заявленной логики и зачастую является маркером движения сюжета. Это может быть буквальное изменение пространства, как путешествие в Зеркальную Комнату в «Алисе в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла. В фильме Бернардо Бертолуччи «Стратегия паука» (1970) — перемещение героя в мир таинственного убийства отца через исторические и поэтические образы маленького городка. Причем в кино с элементом абсурда такие изменения отличаются от реалистического повествования своей особенной контрастирующей динамикой. Это всегда вопрос столкновения ярко выраженных пространств. Мы приходим к выводу о том, что форма времени абсурда в кино может рассматриваться как мера движения сквозь эти пространства. Поэтому время в сюжетах абсурда является узлом соединения нескольких пространственных логик.

А. П. Огурцов пишет об абсурде: «АБСУРД (от лат. *absurdus* — нелепый) — граница, изнанка, оборотная сторона смысла, его превращенная форма... Рассудок в своем дискурсивном движении наталкивается на контрсмислы, которые поначалу воспринимаются как абсурд, как нечто немислимое, а затем, включаясь в логику рассуждения, расширяют границы знания и становятся “здравым смыслом”» [Новая философская энциклопедия 2010]. Абсурд без взаимодействия лишён динамики и развития и, соответственно, не «происходит» сам по себе. В кинодраматургии абсурд всегда обретает черты логики, которой противостоит и диалектически модифицируется в форму синтеза двух сюжетных логик. Эти логики зачастую условно выдвигаются как реалистическая и ирреальная, начинается процесс их преобразования. Принято считать, что элемент абсурда в кино привносит вневременной оттенок, мы наблюдаем это на примере жанра притчи, время которой соотносится со «всегда». Однако абсурд существует только в процессе, в движении взаимодействия, это подразумевает его индивидуальную структуру времени.

Учитывая экспрессивность и интонационную наполненность, внутреннюю динамику смыслов и внешнюю стагнацию, мы видим, что партитура сюжетов абсурда нуждается в ясной временной характеристике. Форма времени и процесс становления сюжета абсурда является объектом анализа доклада. Особенный интерес вызывают случаи, когда репрезентация времени абсурда происходит в завязочной части фильма. Это, зачастую, становится первым столкновением с ирреальным пространством. Привычное и неизведанное в данном случае могут представлять два временных модуса. Как, например, историческое и обыденное время в фильме «Санаторий под Клепсидрой» (1973) польского режиссера Войцеха Хаса, где герой обнаруживает загадочное условие: в соответствии с относительностью времени, в котором существуют пациенты санатория, его отец и жив, и мёртв одновременно. Такая структура говорит о приобретении элемента устойчивого пребывания внутри формы времени абсурда. К тому же это пребывание, которое «происходит», то есть движется в определённый момент временного полотна фильма, что приводит нас к мысли о глубинном парадоксе времени абсурда и его трансцендентной природе.

Также стоит подчеркнуть коммуникативную функцию темпоральности в сюжете абсурда. В фильме Апичатпонга Вирасетакула «Память» (2021) героиню преследует странный ритмичный звук. В процессе того, как героиня пытается выяснить его источник, сюжет планомерно начинает преобразовываться, отходя от представлений о том, что принято считать реальностью. Ритм и время тесно связанные категории, у Апичатпонга это и сюжетные элементы. На примере фильма «Память» можно говорить о времени как об организующем начале сюжетной композиции. И в случае с сюжетами абсурда такая организация позволяет автору построить общение со зрителями на уникальном и парадоксальном языке. Причём такой сюжетный парадокс является органичным включением зрителя в диалог — он одновременно содержит в себе элементы «привычного» и «иного».

Парадокс темы заключается в том, что, как часть сюжетной схемы, время абсурда имеет динамическую характеристику. Это явный пространственный «ход». Однако, это «ход», в котором время останавливается из-за столкнувшихся логически несовместимых модусов, приводит, как сформулировал это Фома Аквинский, к «отдалению от пребывания в бытии» героя. Имея черты и динамики и статики, абсурд в кино приобретает форму призрачного времени, движения-замирания.

Вопрос же «вечности», как формы противопоставленной времени, связан с переживанием ограниченности человеческого бытия. Это зачастую находит отражение в экзистенциальной драме. Она и её элементы — неизменный спутник сюжетов абсурда. И, как мы полагаем, этот мотив является предтечей перипетии в завязке. Причём оттенок этой перипетии может определять выбранная темпоральность и композиционный ритм сюжета.

К тому же, вопрос динамического разрешения времени абсурда не просто актуален в фильмах множества современных молодых авторов, таких как Квентин Дюпье, Рубен Эстлунд, Кирилл Серебренников, он никогда не переставал быть актуальным, так как представляет из себя живую микромодель как художественных связей, так и связей между автором и зрителем. Какие у драматурга могут быть инструменты для формирования такого вида художественного времени и как происходит репрезентация времени в пространстве абсурда — вопросы, которые будут задаваться в данной работе.

Литература

Новая философская энциклопедия. 2 изд., испр. и допол. М., 2010.

ФРАНЦУЗСКАЯ «НОВАЯ ВОЛНА»: ОТ БЕССМЫСЛЕННОСТИ ПУСТОЙ К «БЕССМЫСЛЕННОСТИ» ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЙ

Рейфман Борис Викторович

доцент, Российский государственный гуманитарный университет

Выражение «новая волна» было впервые применено к кино в феврале 1958-го г. критиком Пьером Бийаром в статье, которая характеризовала и молодых французских кинорежиссеров, и французскую молодежь в целом как «скушающее и скучное поколение», находящееся в тупиковом состоянии [де Бек, 2016: 55]. Данное словосочетание было позаимствовано у журнала «Экспресс», на обложке номера которого от 3 октября 1957 г. появился заголовок «Грядет новая волна!», сообщавший о приходе во французское общество совершенно непохожей на старших современников генерации молодых людей. Однако Бийар, в отличие от основательницы «Экспресса», будущего министра культуры Франции писательницы Франсуазы Жиру, как раз и придумавшей этот заголовок, не вкладывал в свою характеристику никакого оптимистического жизнеутверждающего смысла. Напротив, с его точки зрения, картины начинающих режиссеров выражали глубокое одиночество и дезориентированность молодых французов, их радикальный, часто агрессивный индивидуализм, сочетавшийся с растерянностью и потерянностью. Бийар писал о том, что «молодое кино» возникает «чаще всего... из пустоты», из чуждого какому бы то ни было развитию желания жить лишь очень ограниченными, локальными, интересами. По его словам, это кино «видело, как пали отжившие свое боги, как лопнули старые иллюзии, как были преданы давние обещания: подчиняясь сиюминутной моде, оно развлекается тем, что развенчивает «последние заблуждения»» [де Бек, 2016: 55]. Такое изначальное понятие кинематографической «новой волны» перекликалось с большим количеством безрадостных коллективных портретов молодежи, которые появлялись в публиковавшихся во французских журналах второй половины 50-х гг. прошлого века статьях, и в интервью с известными людьми, комментировавшими итоги различных социальных опросов. Им вторили литературные образы, например, те, что были созданы в ранних романах Франсуазы Саган.

Однако уже на рубеже 1950-х и 1960-х гг. во Франции в отношении к молодежи и к молодежной кинематографической «новой волне» все отчетливее начала просматриваться совершенно противоположная тенденция. В частности, восторг критики и публики, вызванный картиной Ф. Трюффо «Четыреста ударов», которая завоевала Приз за лучшую режиссуру Каннского кинофестиваля 1959-го г., как и высокая оценка, полученная представленным на том же фестивале фильмом А. Рене «Хиросима, любовь моя», в полной мере проявили то, о чем стали говорить, как о «духе молодости» и самодостаточной «молодежной культуре». А после того, как в следующем, 1960-м, г. настоящий фуррор произвела годаровская картина «На последнем дыхании», которую сегодня можно интерпретировать как прото-постмодернистский пастиш, этот кинематографический «дух молодости» был окончательно опознан как совпадающее с основными интенциями эпохи стремление к элиминации смысла, понимаемой как отрицание тех или иных «конечных истин», как презрение к каким бы то ни было претендующим на власть смысловым доминантам и иерархиям. Не обремененные «высокими стратегиями» приоритеты локализованных жизненных пространств, ценностно ориентировавшие как отдельных юных индивидуалистов, так и возникшие в ту пору многочисленные молодежные группы, к членству в той или иной из которых парадоксальным образом стремился почти каждый из этих «радикальных» индивидуалистов, перестали ассоциироваться с «тупиковостью», агрессивной «неразвитостью», растерянностью и потерянностью. Порожденная, говоря словами Ю. Хабермаса, «проектом модерна» ценность монологической идеологической ясности, к которой должен стремиться каждый индивид, желающий стать «личностью», была «переконструирована» социологией, философией и искусством и превратилась в гораздо более плюралистичную установку на множественную идентичность и «проективность», свойственные «ценностно-горизонтальному миру».

Этой «элиминации смысла» оказалось теперь созвучно и понятие кинематографической «новой волны», избавившееся от своей негативно-пессимистической семантики, а приписываемая ей Бийаром «пустота» приобрела жизнеутверждающий смысл продуктивной «бессмысленности». Философский контекст такой «бессмысленности» достаточно полно выражается предопределившим постструктуралистские теории лакановским структурным психоанализом и, в частности, идеей несовпадения субъекта мышления и субъекта существования, которые «не находятся на одном уровне, найти для обоих единую точку отсчета невозможно» [Автономова 2017: 238]. В кинематографе французской «новой волны» эта идея наиболее отчетливо была выражена в ранних фильмах Ж.-Л. Годара, прежде всего, в картинах «На последнем дыхании» и «Безумный Пьеро». Именно «другая» реальность, представленная в нарративных и визуальных формах этих фильмов, убегая от «реальности реалистической», хотя временами и маскируясь под документалистский стиль, как будто бы утверждала в качестве художественной стратегии, наиболее соответствующей духу времени, установку на создание эстетики отсутствия смысловой структуры, формы «бессмысленности».

БЕЗВРЕМЬЕ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СТИЛЯ

TIMELESSNESS AS A CHARACTERISTIC OF STYLE

Сидорова Жанна Казбековна

соискатель, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова

В докладе выявляется взаимосвязь категорий художественного времени и стиля в кинематографе. Рассматривая феномен стиля как проявление образной системы, определяется методология выявления его темпоральных характеристик. Художественное время исследуется на примере кинопроизведений стиля нуар, его предтеч и преобразований, таких как немецкий экспрессионизм, европейский (французский) поэтический реализм, протонуар, нуар, нео-нуар, постнуар, *soleil* (солей, залитый солнечным светом). На заре зарождения стиля, в частности в картинах немецкого импрессионизма присутствовала «странная особенность, размытого текущего мира представлений» [Айснер, 2010]: — стилизация, искажение и абстракция;

- острая реакция на действительность, атмосфера беспомощности;
- мистическая тайна, влечение к саморазрушению.

Для стиля нуар характерны такие черты как:

- инверсия ценностей гуманизма;
- экзистенциальный кризис: угнетающее одиночество и отчаяние, тотальное недоверие и отчуждение, пессимизм;
- урбанистический декаданс, декаданс пространства существования;
- эстетика ночи. Стиль нуар имеет и противоположный формообразующий цвет — белый, где действия переносятся в дневное время. Фильмы *soleil* при этом не теряют основных характерных черт своего первообраза;
- ритмически ускоряющаяся темпоральность к завершению высказывания. К финалу художественное время сжимается в наивысшей точке разрешения конфликта;
- «свобода» в стиле нуар достигается любой ценой; — порочное беззаконие, «простое искусство убивать» [Чандлер, 1950];
- двойственная сущность героев, нет однозначной оценки персонажей;
- мужские доминанты логики, системного порядка, сознания и духовности искушаются женским началом материального хаоса. Она — искусительница и как богиня Кали — ночь смерти, одной рукой прогоняет страх, другой — благословляет к исполнению желаний.

В кинокартине О. Уэллса «Печать зла» (1958) художественное время представлено на границе миров: реальности и ее инверсии, как безвременья. На контрасте «цивилизованной» Америки и «беззаконной» Мексики проявляется тотальный порок всего общества, укоренившийся во всех социальных слоях. Уже в прологе, в витиеватой езде машины американского бизнесмена со случайной попутчицей и пешего прохода мексиканской пары, в лице инспектора Варгаса и его жены, направляющихся к единой цели, показано переплетение их путей между собой, где точки пересечения обострены намечающейся катастрофой. Секунды тянутся долгим ожиданием неминуемого. Жизнь в реалиях современного общества обесценена. Нет доверия никому: в финале слишком многим выгодна смерть ступившего на преступную стезю «карающего гиганта» — капитана Куинлена. Художественное время в кинокартине проявляется наслоением временных форм разной темпоральности, как различного отношения к одному и тому же событию героев, иногда имеющих общую память, но находящихся по разные стороны света и тьмы. Рассматривая характеристику безвременья как отсутствия времени и выделяя понятие Пустоты, не обойтись без сравнения таких парных понятий как:

- Пустота и Ничто;

- Пустота и тишина. Тишина дает возможность прислушаться к душе. Нарушением равновесия ночи является отсутствие тишины. Нет ночи — нет жизни. — Тишина и молчание. Молчание — это своеобразная интерпретация тишины.
- Молчание и безмолвие;
- Молчание и мудрость. Молчание как согласие или несогласие, как скрытый смысл бытия.

Пустота «не подвержена распаду, тлену и смерти» [Коковкина, 2011: 54], она сама эквивалентна им. Пустоту невозможно мыслить. Созерцательная пассивность, глубокое молчание, «порождающая отсутствие», олицетворяет пустоту как сокровенный тихий мрак. С одной стороны, Безвременье можно рассматривать как горизонтальное время, как Пустоту в контексте экзистенциального кризиса личности и общества в условиях беззакония, как остановившуюся временную форму существования, не только в моменты субъективного выбора, но и в условиях постоянного ожидания. «Беззаконная пустота» является абсолютным злом.

С другой стороны, Безвременье имеет высшую форму вертикального времени — Вечность. И выход в нее, как в абсолютную Пустоту, является точкой наивысшего свершения человеческого существования. Бесспорным остается то, что Безвременье представляет собой инверсию реальности. Утверждается, что художественное время стиля нуар представлено большей частью временной аксиомой: утраченное прошлое или его тень; призрачное настоящее, иллюзорное, в состоянии ожидания или остановки; «размытое» будущее или его нет.

Безвременьем нуара является художественное время призрачного настоящего, где существование всего живого происходит на границе времен: реальности и ирреального, здравого смысла и абсурда. В фильмах стиля нуар герои, имеющие совесть, обладают правом не затеряться между времен, не остаться в забвении и могут «уйти» в Вечность. Проявление совести структурирует хаос в душе. Утерянные категории совести и памяти ведут к бездушию общества. В большинстве своем в стилистике нуар общество имеет все признаки бездушия, в котором скрыта жертвенность здравого смысла. Бездушные «звучит» как «ода безнаказанности», где душа «слепо бродит» в поисках Истины.

Литература

- Лоттэ Айснер. Рождение киноэкспрессионизма. Электронный ресурс. URL: <https://seance.ru/articles/cagliari/> (дата обращения: 04.01.23)
- Чандлер Р. Простое искусство убивать. Электронный ресурс. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=5707&pr=1> (дата обращения: 14.01.23)
- Коковкина А.А. Аксиология пустоты в европейской и восточной традициях // Вестник ДВГСА. Гуманитарные науки. 2011. № 1/1(7): 53–62.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СМЕРТИ В СОВРЕМЕННЫХ АНИМАЦИОННЫХ ФИЛЬМАХ О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА: ТЕОРИЯ ВОСПРИЯТИЯ СЦЕНЫ И ПОНИМАНИЯ СОБЫТИЙ (SPECT) ПРИ АНАЛИЗЕ ДЕТСКОЙ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ

REPRESENTATION OF DEATH IN CONTEMPORARY ANIMATED MOVIES ABOUT THE SIEGE OF LENINGRAD

Степанова Полина Михайловна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

В ноябре 2022 г. в Петербурге прошли экспериментальные показы анимационных фильмов альманаха «Блокадные судьбы» (кинокомпания-производитель Гамма-фильм, автор сцен. В. Михайлов, с 2019 г. по настоящее время) в восьми детских учебных заведениях разного формата для аудитории от шести до четырнадцати лет. Перед каждым сеансом проводились короткие интервью со зрителями: дети отвечали на вопросы о том, что они знают о блокаде Ленинграда. После просмотров также проводились беседы с аудиторией, во время которых дети отвечали на вопросы и задавали свои вопросы создателям фильмов. Эти интервью и беседы, а также запись зрителей на камеру (во время сеансов велась постоянная съёмка аудитории, в том числе крупных планов маленьких зрителей), позволили провести анализ специфики восприятия детьми фильмической реальности, в которой воссоздана картина блокадного Ленинграда с визуальными образами людей, существующих в постоянной близости к смерти. Для анализа были использованы методы, разработанные современной когнитивной психологией. Приемы когнитивных исследований помогли актуализировать проблему создания анимированного визуального образа в контексте его принадлежности разным ментальным моделям. Теория восприятия и понимания событий (SPECT), разработанная группой английских ученых [Loschky et al. 2020], стала базой для анализа реакций детской аудитории на репрезентацию смерти в анимационных фильмах. В рамках проекта были представлены четыре фильма для аудитории 6+ (общий хронометраж показа — 28 минут) и пять фильмов для аудитории 12+ (общий хронометраж показа — 49 минут).

Фильмы альманаха на разных уровнях подключают как устойчивые образы блокады Ленинграда, так и манипулируют современными визуальными контекстами хорошо знакомыми молодежной аудитории, чтобы достичь необходимого эффекта погружения в трагичность повествования. Например, фильм «Чужой хлеб» (реж. А. Бахурин) основан на взаимодействии устойчивых образов блокады и техники прорисовки персонажей в аниме эстетике, что дает возможность зрителям погрузиться в проблематику смерти и голода через визуальный ряд узнаваемого современного контента. И. Евтеева в фильме «Щелкунчик, пианино и венок из одуванчиков» соединяет авторскую технику анимирования и работу актеров, так возникают подспудные отсылки к телесным техникам детей в фильмах о блокаде Ленинграда (например, «Жила-была девочка», 1944, реж. В. Эйсымонт), перцепция в этом случае провоцирует эмоцию через моторное действие. В фильме «Кума» (реж. В. Васильев) главным героем становится антропоморфная смерть, которая в кульминации фильма спасает жизнь главной героине, маленькой девочке, пластика образа смерти связана с аскезой иконографии, а внешний вид её отсылает к документальным кадрам последней блокадной зимы.

В начальных кадрах каждого фильма авторы используют устоявшиеся, давно сложившиеся образы блокадного Ленинграда: кресты из полос белой бумаги на окнах, санки с мёртвым телом, которые тянет за собой изнурённый горожанин, весы с нормой хлеба, занесённые снегом пустые улицы города. Эти образы выступают в аудиальном пространстве, наполненном характерными звуковыми элементами, такими как вой сирены или сигналы тревоги перед обстрелом. Всё это общие места памяти о блокаде. Таким образом, включается «широкий круг извлечения информации» [Loschky et al. 2020: 320], дети быстро считывают легкоузнаваемые образы, растиражированные в учебной литературе.

На следующем этапе подключается узкий круг извлечения информации пространство кадра детализируется, автор даёт зрителю возможность рассмотреть мир главного героя вблизи. Быт героя обладает набором конкретных маркеров и признаков: цветом, формами, размерами. Современный маленький зритель сталкивается с фильмической реальностью, в которой не все предметы поддаются мгновенному узнаванию. Идентифицирование юным зрителем некоторых деталей быта середины XX в. (а вместе с тем и соотнесение себя с героем) наталкивается здесь на препятствие, в результате чего сохраняется определённая дистанция между зрителем и героями фильма.

Процесс восприятия фильма зрителем может быть волевым актом или произвольным, независящим от намерения зрителя переживанием [Olenina 2020]. Если в первом случае зритель выбирает объект восприятия сознательно и контролирует свои реакции, возникающие в момент понимания смыслов визуального ряда, то во втором случае, при произвольном восприятии, в процессе участвует бессознательное зрителя, и подключается некое предварительное («забытое» или вытесненное) знание, которое помогает реципиенту обрабатывать образы, выполненные с использованием шокирующих цветовых и звуковых решений [Эльзессер, Хагенер 2016: 318]. Анализ поведения детей, их мимики и эмоциональных реакций, которые они демонстрируют во время просмотра, выполненный с учетом возрастных и социальных категорий (последнее стало возможным благодаря отдельным показам в учебных заведениях разного формата, предполагающих в том числе социальное разделение детей), позволяет дифференцировать результаты исследования.

Литература

- Эльзессер Т., Хагенер М.* Теория кино. Глаз, эмоция, тело. СПб., 2016.
- Loschky L. C., Larson A. M., Smith Tim J., Magliano J. P.* The Scene Perception & Event Comprehension Theory (SPECT) applied to visual narratives // *Topics in Cognitive Science*. 2020. No. 12 (1). P.311–351.
- Olenina A. H.* The Junctures of Child Psychology and Soviet Avant-Garde Film: Representation, Influences, Applications // *A Companion to Soviet Children's Literature and Film*. Vol. 2. Boston, 2020. P.72–98.

РЕАЛЬНОСТЬ ЖАНРА VS. ИЛЛЮЗИЯ ВОСПОМИНАНИЙ: СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ КАК ИСТОРИЯ КИНО В ФИЛЬМЕ СТИВЕНА СПИЛБЕРГА «ФАБЕЛЬМАНЫ»

Торопыгина Марина Юрьевна

ВГИК им. С. А. Герасимова

Новый фильм Стивена Спилберга основан на реальных событиях: в нем много подробностей из семейного прошлого, включая сложные отношения родителей и те условия, в которых вырос будущий режиссер. Сложность была не только в том, что родители развелись, но и в их противоположных жизненных идеалах: отец был компьютерным гением, а мать — талантливой пианисткой, которая оставила карьеру ради семьи. Конфликт рационального и артистического у родителей, вероятно, определил сочетание этих качеств в будущем режиссере и продюсере. В фильме показано, как развивается интерес молодого Стивена Спилберга к кино, начиная с первого фильма, который он увидел на большом экране, до любительских короткометражек, которые он снимал с семьей на каникулах или со своими друзьями-врагами в школе. Многие сцены в фильме «Фабельманы» воссоздают ситуации, которые в свое время снимал юный Спилберг, что подтверждает автобиографическую аутентичность. В то же время некоторые мотивы и события в «Фабельманах» явно напоминают ситуации из классических фильмов, включая и фильмы самого Спилберга, и устойчивые жанровые формулы: все начинается с прибытия поезда (и его крушения), затем ранние вестерны в школе; раскрытие семейной тайны происходит почти как в «Фотоувеличении» Антониони, а последний школьный фильм словно предвосхищает волну фильмов о подростках и их проблемах. Спилберг признает, что его фильмы связаны с историями из его собственной жизни: это и фантастический «Инопланетянин», где на первом плане история отношений в семье, и фильм «Дуэль», в котором воспоминание о школьном буллинге трансформировались в боевик-триллер. «Фабельманы» оглядываются на «реальные события», но формулы пафоса классического кинематографа оживают внутри частных воспоминаний. Спилберг давно признан, а иногда даже немного свысока рассматривается как лидер мейнстрима, но в то же время у него есть свой стиль, а это является признаком режиссера-автора. Фильм «Фабельманы» представляет собой интересный случай частной истории, увиденной через призму истории кино. В финальном эпизоде, который, как всегда, имеет большое значение, молодой режиссер получает совет от живого классика Джона Форда, культовой фигуры французских критиков-режиссеров эпохи новой волны, которые утверждали «политику авторства».

РЕЦЕПЦИЯ МУЗЫКИ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ФИЛЬМАХ ДЗИГИ ВЕРТОВА

RECEPTION OF MUSIC AND MUSICAL PRACTICES IN THE POETICS OF DZIGA VERTOV

Эвальдье Виолетта Дмитриевна

*старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет,
Государственный институт искусствознания, Российский государственный гуманитарный
университет*

Процессы рецепции в современном гуманитарном знании привлекают внимание специалистов разных областей: и в сфере искусствоведения, и эстетики, и культурологии. Представляется актуальным обратиться к проблеме репрезентации искусства музыки и музыкальных практик в киноискусстве немого периода. Как известно, не только музыкальное оформление визуального ряда создает особую полифонию кинотекста, но и ритмы, отраженные непосредственно в кадре, явно ощутимая тишина или, напротив, «живое» звучание объектов внутрикадровой материи. Музыкальное искусство, виртуозные практики игры на музыкальных инструментах, равно как и их пребывание в покое нередко обуславливают особую поэтику режиссерского языка. В область внимания автора попали работы Дзиги Вертова немого периода — «Кино-глаз» (1924), «Шестая часть мира» (1926), «Человек с киноаппаратом» (1929). Как известно, сам Дзига Вертов активно выступал против синтеза искусств. Так, в манифесте «Мы: Вариант манифеста», тесно связанного с экспериментальной работой над фильмом «Человек с киноаппаратом», режиссер писал: «МЫ объявляем старые кинокартины, романсистские, театрализованные и пр. — прокаженными... Мы протестуем против смешения искусств, которое многие называют синтезом. Смешение плохих красок, даже идеально подобранных под цвета спектра, даст не белый цвет, а грязь» [Дзига Вертов. Из наследия. Статьи и выступления 2008: 15]. Виртуозные съемочные и монтажные приемы, четкая выверенность каждого кадра и их последовательность, вне артикулируемой воли автора, воплощались в полифонические произведения, уникальные ритмическими рисунками, особым звучанием кинотекста, а отражение во внутрикадровой материи музыки, музыкальных практик становились неотъемлемой частью визуального ряда и поэтическими доминантами фильмов.

Одним из ярких примеров может служить «глава» фильма «Человек с киноаппаратом», которую условно можно охарактеризовать как «Досуг». Любопытно, что приемом наложения игры на различных музыкальных инструментах в пространстве динамика, Дзига Вертов создает свою трактовку рецепции различной музыки. В клубе В. И. Ленина начинается захватывающая шахматная партия. Руки подкручивают регулятор громкости, и фокус кино-глаза возвращается к установленному на стене динамику. В этой сцене внимание камеры будет обращено к шахматистам, словно сопоставляемых с игрой на музыкальных инструментах и тому настроению, которое создают разные исполнительские техники. Снятые на среднем плане соперники с серьезными лицами семантически противопоставляется лихой игре на баяне, которая на детальном плане появляется в пространстве динамика. Кажется, что звуки баяна никак не воздействуют на игроков: камера внимательно вглядывается в лицо шахматиста — он полностью поглощен партией! И тогда часть поликадра с баянистом сменяется на детальный план уха, которое будто само собой внимательно вслушивается в звуки музыки, вбирая в себя каждый виртуозный пассаж. Хоть и очевидно, что в процессе активной рецепции участвует мужское ухо (на что, в частности, указывает короткая стрижка и строение костей скулы), задорные звуки баяна оказываются созвучны активной партии в шашки, которую ведут две женщины за соседним столиком. Плавно в том же сегменте динамика начинает проявляться клавиатура пианино с динамичнодвигающимися по клавишам руками, вытесняя изображение уха. Крупно снятые руки женщин на долю секунды замирают над доской с шашками, будто сами пальцы на мгновение прислушиваются к смене музыки и инструмента. И вновь девушки возвращаются к игре, словно догоняя ритм своей партии. В динамике появляется нижняя часть лица певицы,

артикулирующей слова песни. Ярко ощущается смена тембров и музыкального настроения: после бравурной фортепианной музыки неслышимая песня кажется тягучей, томной. Стоит подчеркнуть, что ритмический рисунок монтажа создает довольно хорошо уловимую смену музыкальных произведений. А искусство музыки начинает захватывать людей в клубе: в следующем кадре на плоской поверхности расположены бутылки, ложки, стиральная доска, крышки. Не видимый из-за ракурса и крупности съемки мужчина чайными ложками начинает играть свою музыку, вызывая смех и радость сначала женщины в платке, потом и других людей — девушек, стариков, рабочих. Музыка вырывается из «плена» лишь части экрана — границ динамика — и вырывается из пространства клуба на городские улицы, словно сливаясь с его шумами и ритмами в стройную полифонию музыки самой городской жизни. Кадры игры на немusикальных инструментах и лица людей все быстрее начинают сменять друг друга, мелькая, накладываясь друг на друга, сквозь неслышимое, но зримое звучание, начинает проявляться диониссийское начало, все кружащее в вихре жизненных сил. И этот мифологический, экстатический ритм обрывается, словно натолкнувшись на непреодолимую границу следующего кадра с заполненным зрительскими рядами кинозалом.

Эта непродолжительная сцена хорошо иллюстрирует идею, что в поэтике Дзиги Вертова музыка, практики музицирования занимают не менее важную роль, чем образ кино-глаза, оператора и даже «правды жизни». Виртуозно вплетая игру на инструментах, рецепцию музыки в кинотекст, режиссер создает целостную картину мира, полную различных ритмов и звучаний, живой тишины и городских шумов.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ для малых научных групп № 23-28-01577 «Рецепция музыкальных практик и ее репрезентация в визуальной культуре второй половины XIX — первой половины XX века».

Литература

Дзига Вертов. Из наследия. Статьи и выступления / ред.-сост. Д. В. Кружкова. М., 2008. Т. 2.

«ПЕТЯ, ВОЛК И ВОЛОДЯ-МУЗЫКАНТ»: СПЕКТАКЛЬ — ТРИБЬЮТ — РЕКОНСТРУКЦИЯ

Семенова Наталья Валерьевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В 2021 г. отмечалось столетие Российского академического Молодежного театра (изначально — Московский театр для детей, затем Центральный детский театр). Юбилейная программа включала в себя мультимедийную фотовыставку-инсталляцию, передвижную экспозицию, «Детский weekend» фестиваля «Золотая маска», круглый стол, праздничные и образовательные мероприятия. Были изданы книги — «ЦДТ-РАМТ. 1921–2021. 100 лет — 100 событий» и «Москва, Театральная площадь, 2: история здания и его героев». Частью чествований стали постановки, которые погружали зрителя в прошлое: аудиоспектакль «100» и «Петя, волк и Володя-музыкант». В обеих в качестве персонажа выступила основатель театра Н. И. Сац. Однако если в иммерсивном спектакле «100» предпринималось «путешествие сквозь пространства и эпохи особняка на Театральной площади» [<https://ramt.ru/plays/play-7299/>], то «Петя, волк и Володя-музыкант» представлял собой музыкальную реконструкцию-эксперимент.

«Петя, волк и Володя-музыкант» (реж. Е. Перегудов, П. Айду) — двухчастное представление, состоящее из детской симфонии «Володя-музыкант» Л. А. Половинкина (около 1926 г.) и симфонической сказки «Петя и волк» С. С. Прокофьева (1936). Произведения отчасти схожи. Как отмечает С. А. Пасынкова, литературный текст «Володи-музыканта» «был создан Половинкиным и помещен на специальную строку в партитуре, снабженную ритмом», что вызывает ассоциации с «Петей и волком» Прокофьева [Пасынкова 2019]. Исследователь подчеркивает возможность того, что обе композиции были инспирированы Сац, а кроме того, под руководством Половинкина состоялась премьера симфонической сказки Прокофьева [Там же].

В спектакле объединение двух симфонических композиций — всемирно успешной и неизвестной — мотивируется восстановлением исторической справедливости. Произведение Половинкина было исполнено несколько раз и затем оказалось забыто. К юбилею РАМТа партитура «Володи-музыканта» была извлечена из архива и разучена для нового представления. Обращение к наследию не было единичной акцией. В 2019 г. вышел четвертый сезон проекта компании «Юнипро» и радио «Орфей» «Возрождаем наследие русских композиторов», героем которого был Половинкин.

Отметим также способ исполнения произведений Прокофьева и Половинкина: спектакль был сыгран оркестром «Персимфанс», который в свою очередь является реконструкцией проекта 1920-х гг. «Персимфанс» (1922) — первый симфонический оркестр без дирижера, прекративший свою деятельность в начале 1930-х гг. и воссозданный в 2008 г. в Москве. Возникает эффект двойной аутентичности — музыкальные сочинения второй половины 1920-х–середины 1930-х гг. воспроизводятся экспериментальным способом, выработанным в то же время. Дарья Семенова, актриса, игравшая роль Сац, сделала также акцент на важности акустики: из зала убрали ковры, чтобы звук был лучше, а команда спектакля отказалась от микрофонов, чтобы зрители могли слышать музыку «так, как она звучала в 36-ом году».

Музыканты современного «Персимфанса» во фраках и надетых на лоб масках животных свободно передвигаются по сцене, включаясь в пространство игры и изображая «стадо». С ними взаимодействует хор, расположенный в оркестровой яме, который не только рассказывает историю юного пастуха Володи, получившего в подарок от отца скрипку, но и имитирует

звуки птиц и насекомых. В финале первой части оркестр и хор соединяются на сцене в эпизоде триумфа Володи, преодолевшего испытание грозой.

Вторая часть спектакля («Петя и волк») еще более динамична и оправдывает жанровое определение, заявленное в афише, — симфонический цирк. В XX–XXI вв. сказка Прокофьева подвергалась неоднократно ресайклингу: становилась мультипликационным фильмом, балетом, исполнялась в джазовой аранжировке. В наиболее радикальных случаях музыка Прокофьева заменялась на иную, трансформировался сюжет. Манера чтеца также служила объектом интерпретации артистов — от Наталии Сац и Николая Литвинова до Роми Шнайдер, Бориса Карлоффа и Дэвида Боуи. Отдельного упоминания заслуживает серия спектаклей «Мариинского театра», приуроченных к 125-летию Прокофьева, где в роли чтецов выступали Евгений Миронов, Константин Хабенский, Сергей Безруков, Михаил Пореченков и др. В версии «Петя, волк и Володя-музыкант» возникает фигура Сац — «матери» сочинения Прокофьева. Сац подобно воздушной гимнастке парит на тросах над оркестром, полы ее платья превращаются в занавес, откуда появляются артисты, ведущие главные партии. Серьезность, с которой настоящая Наталия Ильинична читала текст либретто Прокофьева, вытесняется карнавально-балаганным началом.

Из реквизита на сцене присутствует наполненная водой ванна, в которую в ходе симфонической сказки погружается Утка. Петя делает колесо и кульбит. Персонажи Птички и Кошки исполняют свои партии, находясь в воздухе. Собирательный образ волка составляют три волторниста, выезжающих к зрителю на мотоцикле, который затем поднимается на тросах под потолок. В конце представления, в момент торжественного прославления Пети — победителя волка — сцена начинает вращаться, и зритель видит своеобразный парад-алле.

Таким образом, спектакль «Петя, волк и Володя-музыкант» одновременно стремится к аутентичности и демонстрирует бережное отношение к музыкальному и театральному наследию. В то же время для представления РАМТ характерна игра с традицией, которая ослабляет дидактизм симфонических сочинений Половинкина и Прокофьева, облегчая их восприятие юной аудиторией.

Тезисы подготовлены при поддержке гранта РНФ № 19-18-00414 (Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы)).

Литература

Пасынкова С. А. Леонид Половинкин: штрихи к портрету композитора // Музыкальная академия. 2019. № 4 (768): 80–105, эл. ресурс: <https://mus.academy/articles/leonid-polovinkin-shtrikhi-k-portretu-kompozitora>.

СИНТЕЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И «СПОСОБ БЫТИЯ СВЕТА» В ОПЕРЕ О. МЕССИАНА «СВЯТОЙ ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ»

Азарова Валентина Владимировна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Оперу «Святой Франциск Ассизский. Францисканские сцены» (1983) в трех действиях и восьми картинах на собственное либретто Мессиаан называл «музыкальным спектаклем» [Lesure, Samuel 2008: 67]. Настаивая на данной жанровой дефиниции и отмечая важность драматургической функции хора в этом произведении, композитор раскрыл значение хора как комментатора действия, происходящего на земле и на небесах. Декламирующий и поющий хор символизирует голос Бога как реальность духовного мира главного героя, воспевавшего поэтическую хвалу «Творениям»: «Тот, кто сотворил это, благ бесконечно!» [Седакова 2010: 107].

Произведение Мессиаан объединяет элементы постановок древнегреческого театра, мистерии XIV–XVI вв., а также символические приемы представлений традиционного японского театра Но. Синтез «неумирающих элементов архаики» (выражение М. М. Бахтина) и авторской ладовой техники и ритмических элементов композиции Мессиаан в рассматриваемом сочинении является средством воплощения художественного / духовного авторского замысла, в центре которого находится «обнаружение и возрастание благодати в душе святого» [Lesure, Samuel 2008: 67].

В опере-мистерии представлены события, относящиеся к последним двум годам жизни Франциска Ассизского (1181–1226), когда он — христианский проповедник, основатель нищенствующего монашеского Ордена братьев-миноритов (1210) — принял и исполнил утвержденный папой Римским устав Евангельской жизни, буквально подражая Христу. В предпоследней картине оперы Мессиаан показано, как, услышав призыв Христа, святой Франциск принес в жертву Господу свою жизнь. Он получил знаки высшей святости — стигматы (подобные раны кровоточили на ногах, руках и правом боку распятого на кресте Христа).

Мессиаан составил комментарии к свето-цветовому оформлению сценического пространства, а также проявил внимание к историческим особенностям сценических костюмов ведущих персонажей оперы. В авторских ремарках, оформленных в виде текстовых предисловий к нотной партитуре каждой сцены, упоминаются изображения смиренного христианского проповедника — святого Франциска — художником Ченни ди Пеппи, по прозвищу Чимабуэ, в церкви Ангелов Святой Марии в Ассизи. Не менее композитора вдохновлял цикл фресок Джотто ди Бондоне, предназначенных для Верхней и Нижней церквей монастыря Сан-Франческо в Ассизи. Мессиаан желал, чтобы исполнители оперы стремились представить на сцене не только внешний облик и характеры действующих лиц, запечатленных на фресках названных мастеров, но и передать выразительные особенности мимики, жестов и поз персонажей. В тексте комментария к картине 3 («Поцелуй прокаженного») композитор упомянул о шедевре М. Грюневальда, изобразившего страдающих проказой на одной из частей триптиха Изенгеймского алтаря («Искушения святого Антония», 1515). В выборе цветов сценического костюма исцелившегося прокаженного отмечено сходство с деталями одежды зажиточного горожанина из Ассизи, нарядно одетого в честь праздника Майских календ. В словесном описании великолепного одеяния и крыльев ангела, появляющегося в картинах 4 и 8 оперы, композитор подчеркнул сходство с разноцветным изображением крыльев ангела на картине Фра Анжелико «Благовещение» (1426). Синтез художественных элементов на сцене XX в. представляет христианские образы и символы искусства прошедших эпох, обнаруживая основу подхода Мессиаан к выбору декораций, особых деталей мужских костюмов и светового оформления сценического пространства. Красота как проявление славы Творца является одной из основных идей оперы-мистерии.

«Красота имеет способ бытия света», — отмечал Х.-Г. Гадамер [Гадамер 2012: 557]. В сочинении Мессиаан действуют стратегии музыкально-драматургического и сценического воплощения идеи света — символа Истины. Названный символ обнаруживает эволюцию духовного смысла оперы. Исходящие от изображения Креста световые лучи отмечают появление стигма-

тов на теле Франциска Ассизского; в картине 8 внезапно возникший во мраке мистический свет сосредоточен вокруг святого, распростертого на полу пещеры. В финале оперы нарастающее (*crescendo*) сияние свето-звукового потока постепенно заполняет пространство погруженной в темноту сцены; сияние становится нестерпимо ярким. Изменение интенсивности света на сцене характеризует мистериальную суть происходящего с главным героем перехода от земной жизни к смерти, а затем — к Новой жизни в вечности. Торжество света символизирует в опере-мистерии вдохновение мироздания и вечную жизнь Истины; метафизический «способ бытия света» есть вечное торжество бытия Бога.

Литература

Lesure A., Samuel C. Olivier Messiaen. Le livre du centenaire. Collection Perpetuum Mobile, 2008.

Седакова О. А. Четыре тома. Том II. Переводы. М., 2010.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Книга по Требованию, 2012.

БДТ КАК «АРТ-ПРОСТРАНСТВО»: ДРАМАТИЧЕСКИЙ МИР В МУЗЕЙНО-ТЕАТРАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ «ХРАНИТЬ ВЕЧНО»

Батаршин Роман Раифович

аспирант, Российский государственный институт сценических искусств

«Театр в чужом пространстве и чужое пространство в театре» — так можно обозначить проблему, которая определяет феномен театра как арт-пространства. Андрей Могучий не статичен, он не замкнут на территории сцены. Он сходит с подмостков БДТ — в вовсе иные, порой театром не исследованные пространства. Его театр — он заведомо масштабней и объемней, чем территория сцены. Театр с большой историей вдруг начинает буквально выходить за собственные пределы. То ли за пределы здания, то ли за пределы театра. Мысль о том, что театраль- ный спектакль — это не всегда здание, а пространство его игры — оно неконвенциональное, в общем-то неоткровенно. Могучий же с БДТ совершает чего-то большее и гораздо более весомое. За пределы театрального здания он выводит не просто театр, он выводит Большой дра- матический театр. Буквально — на территорию города. Подмостками, идеальной сценой, кажется, режиссеру очень давно видится именно город — Петербург. Мечтаемая для Могучего террито- рия — особенный город Петербург как театральная декорация. Вспоминается такое словосоче- тание, как «гений места». В этом смысле деятельность Могучего заявлена полем такого «гения места». Режиссер словно запускает энергетические токи, способные открыть второе дыхание артефакту. Место готово заговорить, когда туда придет режиссерский взгляд Могучего. Здесь и Михайловский дворец, на территории которого игрался спектакль «Петербург» по одноимен- ному роману А. Белого (2005), и коммунальная квартира на Петроградке, ставшая площадкой игры и жизни фестиваля «Театральное пространство Андрея Могучего» (2010), и Петербург- ские музеи — бывшие дворцы-резиденции, история которых ожила в музейно-театральном проекте «Хранить вечно» в Манеже (2018). Именно эта работа Могучего в контексте нового фе- номена БДТ — БДТ как арт-пространства — требует особого пристального исследовательского внимания. И здесь необходима дополнительная акцентировка — точнее, переакцентировка.

Обычно исследователями принято рассматривать проект «Хранить вечно» как самостоя- тельное и целостное высказывание Андрея Могучего на территории центрально-выставочного зала «Манеж». Хочется предложить другую исследовательскую точку зрения — посмотреть на проект «Хранить вечно» как на один из выходов БДТ со своей большой сцены. Как на часть арт-пространства Андрея Могучего. Тем более, что все авторские имена создателей проекта — вышли с Фонтанки, 65. И именно театральный механизм здесь налицо. И нельзя не отметить другое. Проект «Хранить вечно» в Манеже резко и кардинально отличается от тех событий, что предлагают сегодня очень многие современные музеи и выставочные центры. Надлежащий контекст для проекта Могучего, который прямо здесь просится — вовсе не выставки в «Гара- же», а Ян Фабр, художник и режиссер, с его Петербургскими работами. В драматической сцеп- ке — экспозиция «Ян Фабр: Рыцарь отчаяния — воин красоты» в Государственном Эрмитаже (2016) и его работы на территории БДТ — фестиваль перформативных проектов, и что важ- но — выпуск спектакля «Ночной писатель», который вошел в репертуар театра. Несомненно, эта история Фабра имеет поля сопряжения с деятельностью БДТ. Только в одном случае, скорее всего, следует говорить о системе формирования деятельности театрального практика, Яна Фа- бра, а в другом — о системе формирования театрального процесса — БДТ.

Выставка «Хранить вечно» в Манеже, «превращена в спектакль, а выставочный зал — в те- атр», — этими словами приветственной речи Могучий приглашал первых зрителей в театраль- ный мир своего авторского художественного высказывания. Перед глазами зрителей — кажет- ся, самый настоящий театр. Событие начинается в пространстве из специально установленных рядов зрительских кресел и бархатного занавеса. Это игра Могучего и ироническое обозна- чение — «театр в театре». Однако, стоит усомниться: кажется, кроме занавеса пока театр здесь ни- что не конституирует и не определяет. Пока это лишь событие встречи — и встречаются вовсе не зритель и актер, что обязательно для театра, а посетитель и украшенное пространство. Это

событие, как позже становится очевидно, собрано из разных рядов. Визуального — здесь мастерская бутафория Веры Мартынов и подлинные экспонаты. Музыкального — музыка Олега Каравайчука и Владимира Раннева. Видеоряд — видеоинсталляция Бориса Казакова. Литературный ряд — с одной стороны, это история девочки Оли Д., которая пережила Блокаду и работала в одном из пригородных музеев, — история, придуманная Светланой Щагиной. С другой, литературный ряд собран из документальных фактов о царских дворцах-музеях (Павловск, Гатчина, Петергоф и Царское село) и исторических событиях — события революции, первой и второй мировых войн. И, наконец, не актерский ряд, но и не звуковой — здесь балансирует голос в наушниках — голос актрисы Алисы Фрейндлих. Каждый из этих рядов вполне интересен и отдельно. Только театральным способом все ряды не работают. Каждый предмет или каждая реплика может что-то обозначать — время, место, событие. Но пока это лишь разбросанные время, место и событие. Они не работают — не работают театрально — до тех пор, пока особо не структурируются, не соединяются — голосом Алисы Фрейндлих. Здесь включается драматический механизм структуры. Вполне самостоятельные и самоценные визуальные и литературные ряды начинают театрально работать, то есть играть роль, когда пропускаются через голос Алисы Фрейндлих, этим голосом театрально «зажигаются». С уверенностью можно сказать одно: станет «Хранить вечно» театром только в том случае, когда сложный объем Алисы Фрейндлих, данный ее голосом, заработает по-актерски. И вот здесь — зрительская — театральная — работа. Если посетитель, станет зрителем, то есть снимет жизненный опыт и перестроится в театральное мировоззрение — начнет буквально действовать, то есть, как минимум, заработают ассоциативные ряды, следовательно, работа Могучего выполнена.

«КРАСНАЯ РЖАВЧИНА» VS. «ЖЕЛТАЯ РЖАВЧИНА»: МЕТАМОРФОЗЫ ОДНОЙ СОВЕТСКОЙ ПЬЕСЫ НА БРОДВЕЕ

Гудков Максим Михайлович

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

В центре исследования находится вопрос адаптации политически ангажированного драматургического произведения из большевистской России — пьесы «Константин Терёхин (Ржавчина)» В. М. Киршона и А. В. Успенского — к специфическим требованиям коммерческого театра США — Бродвея, и связанные с ней текстуальные изменения советского оригинала. Определяются основные принципы творческо-организационной модели бродвейского театра, кардинальным образом отличающейся от репертуарного театра постреволюционной России — примат коммерции над художественностью, отсутствие государственной поддержки и цензуры, респектабельная и не принимающая радикальные политические идеи аудитория. Дается характеристика бродвейского театра «Гилд», рискнувшего в 1929 г. обратиться к пропагандистскому сочинению Киршона и Успенского. На американской сцене (режиссер Герберт Биберман) советская пьеса шла под несколько измененным названием — «Красная ржавчина» (Red Rust). Появление определения «красная» не несет выраженной идеологической оценки, поскольку режиссер Биберман на протяжении всей своей жизни не скрывал своих симпатий к Советскому Союзу и в 1930 г. вступил в Коммунистическую партию США. Измененное название оригинала за океаном указывало на его советское происхождение. Это было первым случаем использования лейбла «Made in the USSR» в истории американской культуры.

Основные текстуальные изменения и постановочные решения советского оригинала за океаном рассматриваются в контексте социально-экономической жизни США «красных тридцатых». Обосновывается несоответствие отечественного драматургического материала специфике американского коммерческого театра. В вольном обращении театра США с текстом из большевистской России отмечается существенная роль отсутствия между этими странами нормативных актов об авторском праве, регулирующих неприкосновенность произведения. Характеризуются три источника, осуществивших текстуальную трансформацию советского оригинала — авторы франкоязычной адаптации с русского (Фернан Нозьер и Владимир Львович Биншток), американские переводчики с французского языка на английский (Вирджиния и Франк Верноны) и бродвейский режиссер-постановщик, ранее бывавший в Москве и стремившийся внести в текст то, что — по его мнению — не разрешала советская цензура (Г. Биберман). Основные текстуальные искажения, демонстрирующиеся в настоящей статье, свидетельствуют о стремлении авторов бродвейской постановки минимизировать идеологический пафос отечественного произведения.

Однако и в таком сильно искаженном варианте постановка советской пьесы вызвала в театральном кругу США бурную политическую и художественную дискуссию, войдя в «десятку лучших» по мнению общества театральных критиков Нью-Йорка (New York drama critics). Радикальный прокоммунистический журнал «Нью мэссиз», назвав «Красную ржавчину» «настоящему великой пьесой Советской России» [Advertisement 1930], увидел в ней метафору трагической судьбы нашей страны: «Нина — это Россия; Терёхин — “гнилая” бюрократия, развращенная властью; Федор — новая сила, порожденная Советским государством и ведущая страну к социализму» [Hickerson 1930: 15].

Именно этот левый журнал впервые обратил внимание на существенное искажение идеи пьесы: «Было бы небезынтересно заметить, что название “Красная ржавчина” (случайно или нет) является ошибочным. В письме, адресованном Успенским во французский журнал “Монд”, значится: “Какое счастье, что в Париже эта пьеса называется правильно — La Rouille (“Ржавчина”). Потому что в Германии она шла под заголовком Roter Rost (“Красная ржавчина”). Абсолютно противоположный смысл! И в Лондоне постановка тоже называлась «Красная ржавчина». Мы протестовали, но все зря» [Hickerson 1930: 14]. Хваля постановку театра «Гилд», американские сторонники Советской России, однако, сетовали, что идеологическая значимость ориги-

нала оказалась снижена изображением не столь уж важной для них проблемы взаимоотношения полов. Другая же часть критики трактовала пьесу Киршона и Успенского как интересное антисоветское произведение. Разгорелся настоящий скандал, который грозил привести театр к банкротству, поскольку уважаемая бродвейская публика не была готова платить за билеты на этот спектакль немалую сумму.

Два противоборствующих лагеря критиков смогло успокоить лишь мнение такого авторитета в области драматургии и театра СССР, как профессор Г. Дейна. Он заявил о неправомерности вторжения театра в текст советской пьесы, повлекшей перелицовку его смысла: «Из русского оригинала ясно, что в появлении “ржавчины” виновата не сама революция и не “красные”, а буржуазные элементы, нэпманы, т. е. “желтые”. Таким образом, постановку следовало бы назвать не “Красная”, а “Желтая ржавчина”» [Dana 1930]. В пользу своего утверждения профессор приводил придуманный театром пролог постановки — с декорациями Кремля и Мавзолея, музыкальным лейтмотивом из «Интернационала» и сирены.

Данное исследование выполнено на основе материалов, находящихся в фондах Библиотеки редких книг и рукописей Бейнеке при Йельском университете, Библиотеки Хоутона при Гарвардском университете, Нью-Йоркской публичной библиотеки исполнительских искусств, Российского государственного архива литературы и искусства, и позволяет расширить представления о сценической судьбе отечественной драматургии в Америке.

Литература

Dana H. W. L. Yellow Rust: The History of a Crime // *New Masses*. 1930. April. Vol. 5, no. 11. P. 6.

[Advertisement] // *New Masses*. 1930. February. Vol. 5, no. 9. P. 15.

Hickerson H. Theatre // *New Masses*. 1930. February. Vol. 5, no. 9. P. 14–15.

АВГУСТ СТРИНДБЕРГ. ПЬЕСЫ ДЛЯ «ИНТИМНОГО ТЕАТРА» (1907–1911) КАК ОСОБЫЙ ТИП ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДРАМЫ

Данилова Ирина Леонидовна

преподаватель, *The languages Centre in Gothenburg, Sweden*

В пьесах 1907 г., написанных специально для репертуара «Интимного театра», среди них «Соната призраков», «Ненастье», «Выжженная земля» и «Пеликан», происходят качественные изменения архитектоники пьес. Реальность на наших глазах заменяется символическими и фантастическими образами, похожими на образы современных фильмов ужасов. На первый план выдвинуты мистические мотивы, разрушающие гармонию реальности, они и формируют образный строй пьес Стриндберга. Главным принципом развития действия становится «дьявольская игра».

Пьесы, написанные для «Интимного театра», автор назвал «Камерными пьесами», под этим названием они изданы в собрании сочинений Стриндберга. Структура этих пьес отличается от структуры исторических драм. Прежде всего, камерные пьесы очень лаконичны. Хотя каждая из них состоит из 3–4 картин, действие опирается на одну коллизию и выражает одну идею. Строго соблюден принцип единства времени и места, количество действующих лиц не превышает 10 человек. Своеобразной особенностью стиля является звучание обыденной, разговорной речи, которая разительно отличалась от литературного языка. Поэтому появляется впечатление, что театр впустил на сцену людей из узнаваемой повседневной реальности и повествует об их жизни, но это впечатление обманчиво. Перед зрителями на сцене появляются не реальные, живые персонажи, а воспоминания о них. Поэтому действующие на сцене фигуры более всего напоминают героев современных комиксов, нарисованных и оживших по воле автора. Они созданы для иллюстрации авторской мысли, как правило обращенной в прошлое, к воспоминаниям о детстве, к размышлениям о родителях и других членах семьи, о друзьях детства и юности, о несбывшихся мечтах, о конфликтах и нежелании людей услышать и понять друг друга.

Стриндберг создает атмосферу грусти и разочарования, тревоги и ожидания катастрофы, используя звуки штормового ветра в «Ненастье», изображение на сцене сгоревшего дома в «Пепелище», чередование тишины и музыки в «Сонате призраков», чередование тишины и крика в пьесе «Пеликан». Атмосфера, создаваемая цветовыми и звуковыми эффектами, в каждой пьесе особая, она сама является действующим лицом и направляет зрительское (читательское) восприятие, как бы втягивая воспринимающего в действие пьесы. Таким образом, в камерных пьесах складываются особые принципы внутренней драматургической структуры, управляющие внешними средствами воздействия и создающие возможности диалога-переосмысления их философского содержания:

совмещение в художественном времени и пространстве абсолютно конкретного и абсолютно обобщенного принципов, что позволяет понимать драму как конкретное проявление вечного;

- воплощение принципиально неразрешимых конфликтов;
- соединение в одном характере (душе) главного персонажа максимально возможного количества противоречий, чтобы показать реальную сложность жизни души;
- окружение главного персонажа более простыми (вспомогательными) фигурами, специальное создание ситуаций, раскрывающих сложность героя;
- использование речи персонажей для создания эффекта единства действия и способа переживания этого действия;
- утверждение в драме принципа музыкального, мелодического развития действия.

Как уже было отмечено, возможности диалога с читателем или зрителем были заложены в самих текстах пьес. Предполагаемый диалог основан на особой интертекстуальности: на свя-

зи символических образов с предыдущими произведениями Стриндберга и с нравственными проблемами, поставленными им, уже известными читающей публике и театральным деятелям. Следовательно, драматург ожидал дискуссии и переосмысления, он стремился взорвать общественное мнение, предлагая новую форму пьес и особую форму «интимного» театра, на сцене которого они прозвучали. Итак, Стриндберг создал жанр интеллектуальной полифункциональной драмы — жанр миниатюры, позволяющей переходить от реалистического изображения к гротеску, а также способной трансформироваться при постановке в другие эстетические системы (например, в символическую драму, драму абсурда). Однако в то время, когда камерные пьесы были написаны и впервые представлены на сцене «Интимного театра» в Стокгольме, ни театральная общественность, ни публика не были готовы к их интерпретации. Камерные пьесы оказались «посланием в будущее». Драматургию, написанную Стриндбергом для камерной сцены, в наши дни играют актеры, верные духу творчества великого драматурга. Руководитель театра Туре Рангстрём, принял вызов и продолжил эксперимент великого драматурга. «По-прежнему существует магия Интимного театра. Я иногда задумываюсь о том, что это значит. Есть потребность исследовать его пьесы в свете дня сегодняшнего. Стриндберг говорил: «Стол и два стула — вот идеал». Вероятно, он имел в виду, что простота и понятность могут быть основой драмы. На самом деле, Интимный театр есть невозможность. Маленький театр не способен выжить экономически. Но наши лучшие минуты мы проживаем тогда, когда играем Стриндберга», — читаем мы в его брошюре о работе «Интимного театра Стриндберга». Тексты камерных пьес, благодаря своей лаконичности и выразительности, активно используемые радио и телевидением, идеально подходят для экспериментальных форм современного иммерсивного театра, для онлайн-трансляций и дигитальных постановок.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР «АПОКРИФ» КАК СПОСОБ ТРАНСЛЯЦИИ АКТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (НА ПРИМЕРЕ БАЛЕТНОГО ТЕАТРА)

Дудкина Анастасия Игоревна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Несмотря на то, что апокриф — это «религиозное произведение литературы, составленное в подражание Священному Писанию и не признанное церковью каноническим», в современном литературоведении апокриф стал обозначать произведение на основе популярного сюжета известного писателя. Герои становятся символами определенного поведения и миропонимания, сохраняя при этом свою неповторимость. Мы рассмотрим трансформацию понятия «апокриф», его реализацию в литературном и театральном контекстах на примере шекспировского сюжета о Ромео и Джульетте, и сфокусируемся на эволюции балетных постановок главных европейских и русских хореографов.

История Ромео и Джульетты, попав в контекст XX и XXI вв., не расширяет границы произведения, а наоборот сужает их до какой-то одной проблемы, часто многонационального, острого социального или политического конфликта. Нередко известный сюжет используется как бренд, дабы привлечь внимание зрителей. Интересным представляется метаморфоза балетных постановок от Л. Марескальки и Л. Лавровского до М. Бежара, М. Бигонцетти и М. Эка, от Ф. Аштона и Р. Нуреева до Р. Поклитару и С. Вальц. Хореографы, как прозаики и поэты рубежа веков, не хотят больше передавать литературную версию, они хотят останавливаться на моментах, посвященных сильным эмоциям. Им важна фокусация на «здесь и сейчас», на тех проблемах, которые волнуют современное общество, им важно говорить со своим зрителем/читателем на одном языке.

Следует начать с 1785 г., когда балетмейстер Э. Луцци в Венеции на музыку Л. Марескальки поставил 5-актный балет «Джульетта и Ромео». Позже, в 1811 г. в Копенгагене В. Галеотти на музыку К. Шалла ставит балет «Ромео и Джульетта», правда в этом балете был опущен мотив родовой вражды Монтекки и Капулетти. В 1833 г. появляется версия А. Бурнонвиля в той же Дании. Следующие постановки на данный сюжет появляются уже в XX в.: из классических интерпретаций следует выделить, конечно же, балет Л. Лавровского, созданный на музыку С. С. Прокофьева (1940). Концовка музыкального произведения отличалась от шекспировской: в финале балета герои не просто оставались живы, но и сохраняли свои романтические отношения. Такое покушение на классический сюжет вызвало недоумение у цензоров. Авторы переписали сценарий, но постановка все-таки оказалась под запретом и премьера прошла лишь спустя три года после написания — в декабре 1938-го в чехословацком городе Брно. Балет поставил хореограф И. Псота, он же танцевал и партию Ромео. Премьера «Ромео и Джульетты» в СССР прошла в Ленинграде, на сцене Театра им. Кирова. Главные партии исполнил балетный дуэт — Г. Уланова и К. Сергеев. Эта версия Лавровского по сей день считается канонической и максимально приближенной к оригинальному литературному первоисточнику. В 1972 г. появляется фильм-балет М. Бежара (Франция-Швейцария) на музыку Г. Берлиоза, который снимали в Садах Боболи (Флоренция, Италия). Тут мы впервые видим смелое обращение с сюжетом. Автор здесь — могучий властелин своей сцены-вселенной, который, однако, бессилён изменить судьбы героев, вызванных им к жизни.

Начиная с 90-х гг. XX в. хореографы все дальше отдаляются от сюжета и ставят перед собой уже иные задачи. На авансцену выходят социальные конфликты. В 1990 г. А. Прельжокаж (Франция) создает свой спектакль, который пронизан лейтмотивами оруэлловского романа «1984». Но в отличие от Оруэлла, описавшего тоталитарное общество, хореограф сумел передать атмосферу настоящей тюрьмы в кастовом обществе. Джульетта — дочь начальника тюрьмы из элитного клана Капулетти, а Ромео — выскочка из пролетарских низов, где поножовщина — это норма жизни. У Прельжокажа (и это связано с его биографией) тема классовости

общества является доминантной и он не может уйти от борьбы всех против всех. Интересная версия хореографа Ж.-К. Майо (Франция) появляется в 1996 г. на музыку Прокофьева. Здесь мы видим историю двух любовников-тинэйджеров, которые обречены не потому, что их семьи враждуют, а потому, что их сама любовь приводит к самоуничтожению. Балет насквозь пропитан эротизмом, граничащим с пошлостью, ибо и в этом аспекте человеческой жизни не осталось норм морали. В XXI в. мы уже окончательно отдаляемся от того, что знали под классической шекспировской фабулой. В 2006 г. М. Бигонцетти (Италия) ставит свой балет, и мы видим, как новаторский дизайн, классическая музыка Прокофьева и эклектичная хореография, фокусирующаяся не на трагичной истории любви, а на ее энергетике, сливаются с шоу, где прослеживается симбиоз медиаискусства и искусства балета. Страсть, конфликт, судьба, любовь, смерть — пять элементов, из которых складывается хореография этого очень спорного балета. Бигонцетти меняет все, непозволительно вольно относится и к сюжету, и к музыке. У него нет вражды кланов, нет многих героев, а роли любовников достаются по очереди всем восемнадцати артистам. Балет строится как череда схваток женщин с мужчинами, высветляя главную проблему XXI в. — гендерное равенство. В формате отображения социальных проблем работают и другие хореографы: Р. Поклитару (Молдавия), Ж. Бувье (Франция), М. Эк (Швеция). У последнего мы видим сегодняшней мегаполис, город проспектов и тупиков, гаражных задворков и роскошных лофтов. Это город одиночек, сбивающихся в стаи для того, чтобы выжить. Пожалуй, стоит отметить, что впервые трагедия веронских влюбленных перестала быть историей двоих. Тут любовь предстает во всем своем многообразии века XXI: гомосексуальная запретная связь, неравные союзы, полиамория, феминизм и т. д. В 2010-х гг. нашего столетия следует отметить появление на сцене версий Г. Монтеро (Испания), Т. Маландена (Франция) и С. Вальц (Германия). Хореографы, как прозаики и поэты рубежа веков, не хотят больше передавать классическую литературную версию «Ромео и Джульетты», но неистовое желание говорить со зрителем на одном языке несколько упрощает искусство, оно перестает быть эстетским, интеллектуальным, а становится все больше похоже на фаст фуд, где ощущение насыщения наступает, но очень ненадолго и очень временное.

КАБАНОВЫ И СКОТИНИНЫ-ПРОСТАКОВЫ (СЕМАНТИКА ИМЕНИ И СУДЬБА ГЕРОЕВ)

Ларин Сергей Алексеевич

доцент, Воронежский государственный университет

Интерпретируя фамилию центральных персонажей драмы «Гроза» (семьи Кабановых), исследователи традиционно увязывают ее с агрессивной семантикой фамилии другого ключевого персонажа пьесы — купца Дикого — и названием самой пьесы [Костелянец 2007: 389, Ревякин 1974: 174; Eisold 1960: 53]. Между тем анималистические антропонимы можно встретить в большинстве пьес А. Н. Островского, а в ряде текстов подобными именами наделены «заглавные» (открывающие список действующих лиц) или определяющие развитие сюжета персонажи (Хорьковы в «Бедной невесте» (1851); Коршунов в «Бедность не порок» (1853); Кукушкина в «Доходном месте» (1857); Карп, Зайчиха, Курицын в «Грех да беда на кого не живет» (1862); Кочетов в «Комике семнадцатого столетия» (1872); Мизгирь в «Снегурочке» (1873), Беркутов в «Волках и овцах» (1875) и др.).

В нескольких пьесах Островского появляются не только «свиные» / «кабаньи» имена (Кабановы в «Грозе» (1859), Хрюков в «Шутниках» (1864), Кнуров в «Бесприданнице» (1878)), но и «свиная» фразеология: «Я бы свинья был, когда б не сделал, потому что я, можно сказать, облагодетельствован вами и с ребятишками»; «Только какая-нибудь свинья необразованная может не чувствовать этого»; «Гусь свинье не товарищ; как хотите, так и делайте» («Свои люди — сочтемся», 1849); «Ты, говорят, окромя свинячьего, на семь языков знаешь» («В чужом пиру похмелье», 1855); «Один любит арбуз, а другой — свиной хрящик» («Бесприданница», 1878); «Да ведь это свинство...» («Без вины виноватые», 1883). И чаще всего речь в них идет о «свинском» образе жизни или «свинских» нравах, «свинских» привычках персонажей. Показательно, что большинство примеров содержится в одной из ранних пьес Островского — комедии «Свои люди — сочтемся». Однако это, на первый взгляд, казалось бы, никак не позволяет объяснить выбор Островским фамилии для героев своей самой знаменитой драмы. Ведь «свиные» имена можно встретить и в произведениях других русских писателей (Гоголь, Гончаров, Тургенев, Чехов).

Едва ли не во всех пьесах Островского основная коллизия и характеры действующих лиц окончательно проясняются только в финале. И хотя о самоубийстве Катерины Кабановой (а девичья фамилия героини так и не будет открыта) читатель узнает лишь в конце пьесы, ее смерть была во многом запрограммирована с самого начала и тщательно «подготавливалась» Островским на протяжении всего действия. Героиню как будто влечет, притягивает смерть, а она не может сойти с дороги, на которую ступила еще в детстве. Поэтому и поступки Катерины, как и ее соперницы Кабанихи, носят во многом провокационный, демонстративный характер: от самого невинного, казалось бы, непочтительного обращения к своей властной, не терпящей возражений свекрови, до появления на «греховном» свидании в «белом платке» и публичного признания в совершенной измене. Ведь гибель Катерины — своего рода катализатор для других, более значимых событий — разрушения и гибели семьи Кабановых, но главное — «бунта» сына против материнской власти — ситуация в пьесах Островского (как и вообще в русской классической литературе) чрезвычайно редкая, уникальная, поскольку «бунтуют» в его пьесах против родительской, в первую очередь материнской, власти преимущественно только дочери. Сыновья в пьесах Островского, особенно в тех, где отсутствует или в значительной степени нивелировано «отцовское», мужское начало, почти всегда пасуют перед авторитетом матери, смиряются перед ее властью («Бедная невеста», «Воспитанница» (1858), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1871) «Богатые невесты» (1875), «Правда — хорошо, а счастье лучше» (1876), и др.). И наиболее похожа на «Грозу» в этом смысле пьеса «Не сошлись характерами!» (1857), которая, кстати, близка ей и хронологически. В отличие от других, страдающих от чрезмерной материнской «опеки», а часто и просто унижений, персонажей-сыновей Островского, герой этой пьесы Поль Прежнев в финале почти не сдерживает своих чувств и «благодарит» мать за

то, что она «промотала» его состояние и воспитала его так, что он никуда «не годится» и умеет только «проживать» [Островский 2020: 162]. Подобная развязка отсылает к другой знаменитой, классической, пьесе русской литературы — комедии Фонвизина «Недоросль», финальный поступок Митрофана в которой спровоцирован в первую очередь крайне недальновидной политикой его матери Простаковой, приведшей, в конечном счёте, к утрате имения и вынудившей героя отправиться на службу, отказавшись от «барских» привилегий. В этом контексте «свиная» фамилия, которую выбирает Островский для своих персонажей в «Грозе», сигнализирует не только об отсутствии образования или низкой культуре, но в первую очередь о том разрушительном потенциале, носителем которого выступают его герои.

Литература

Костелянец Б. О. Драма и действие: Лекции по теории драмы. М., 2007.

Островский А. Н. Полное собрание сочинений и писем в восемнадцати томах. Т. 2: Сочинения, 1855–1863. Кострома, 2020.

Ревякин А. И. Искусство драматургии А. Н. Островского. Москва: Просвещение, 1974.

Eisold Wolfgang. Die Namen im Werk des Dramatikers A. N. Ostrovskij. Berlin, 1960.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ТЕЛЕСПЕКТАКЛЯ «ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ» (1965 Г.) И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СМЫСЛОВУЮ СИСТЕМУ ПОВЕСТИ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Левченко Татьяна Викторовна

сотрудник, Проектная лаборатория изучения творчества Ю. П. Любимова и режиссерского театра XX–XXI вв.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Телетеатр Оттепели — замечательное явление периода относительной идеологической свободы в СССР. Именно в это время в стране появляется жанр телевизионного спектакля — спектакля, поставленного в павильонах телестудии.

Репертуар оттепельного телетеатра был поразительно разнообразен. Он очень изменился по сравнению с репертуаром телетеатра первой и даже второй половины 50-х, предлагавшего телезрителям фильмы-спектакли — снятые на киноплёнку спектакли драматических театров. Почти на 90% это была «не противоречащая идеологии русская классика» и драматургия соцреализма (А. Грибоедов, А. Островский, Л. Толстой, М. Салтыков-Щедрин, А. Сухово-Кобылин, М. Горький, К. Тренев, А. Корнейчук, Б. Лавренев и др.), оставшиеся 10% — пьесы К. Гольдони, Лопе де Вега, Р. Шеридана. Постановок по произведениям современных зарубежных авторов не было [Сидорова 2019: 216].

В 60-е картина разительно меняется. Круг авторов «русской классики» расширяется (А. Герцен, Н. Лесков, Г. Успенский, Н. Гоголь, А. Чехов и др.). Число спектаклей по произведениям современников резко увеличивается, среди авторов — Ю. Тынянов, Е. Шварц, А. Платонов, А. Арбузов, В. Шкваркин, В. Катаев, Д. Кедрин, В. Аксенов и др. Доля спектаклей по зарубежной классике тоже увеличивается, в репертуар входят авторы XX в.: Б. Брехт, Р. Роллан, Б. Шоу, Я. Гашек, А. Моравиа, П. Леви, К. Дзюндзи, К. Чапек и др. Ставятся поэтические спектакли-композиции (А. Пушкин, В. Маяковский, Л. Хьюз). Важной особенностью телетеатра этого периода стало появление спектаклей сказочного и фантастического жанров.

Ведущим творческим коллективом, работавшим над созданием телеспектаклей, с начала 60-х был Ленинградский телевизионный театр. В нем творила и одновременно вырабатывала художественные и технические принципы создания телеспектакля плеяда телережиссеров: Д. Карасик, И. Рассомахин, И. Масленников, А. Белинский, Л. Цуцульковский и др. Там же «работали лучшие театральные режиссеры: Владимиров, Товстоногов, Горбачёв, Агамирзян и т. д. Они относились к телевидению очень ответственно, активно и постоянно участвовали в телепередачах, ставили телевизионные спектакли. И эти спектакли передавались по кабелю» [Очерки 2013: 268]. Почти до начала 70-х телеспектакли шли не в записи, а в прямом эфире, без использования возможностей монтажа.

В 1965 г. на ЛенТВ вышло сразу два спектакля, сделанных по фантастическим произведениям современных авторов. И. Рассомахин поставил одноактную пьесу «Верный робот» польского философа С. Лема, а А. Белинский — спектакль «Понедельник начинается в субботу» по одноименной повести А. и Б. Стругацких. Долгое время считалось, что от спектакля Белинского сохранились несколько фрагментов, а основной информацией до сих пор считается абзац из книги «Братья Стругацкие» А. Скаландиса (2008): «Идея перенести на экран задорную фантастическую сказку, существовавшую тогда еще только в виде первой части — “Суета вокруг дивана” — пришла в голову режиссеру ленинградского телевидения Александру Аркадьевичу Белинскому. В далеком 1964-м Белинский был молод, неопытен, собственно, это был едва ли не первый его телеспектакль, да и фантастики он не понимал и не чувствовал, скорее всего, просто отдал дань моде, и получилось нечто, резко не понравившееся как самим авторам, так и их поклонникам. Телефильм “Суета вокруг дивана” не только не появлялся больше в эфире, но и не упоминался практически нигде». К сожалению, автор не приводит никаких документальных свидетельств негативного отношения авторов и поклонников к постановке. Утверждение о не-

опытности в 1965 г. А. Белинского, пришедшего на телевидение в 1961 г. будучи режиссером театра имени Ленинского комсомола и создателем знаменитого «Театра капустника» при Ленинградском Доме актера, поставившего в 1963 г. блистательный телеспектакль «Кюхля», в котором уже видны те принципы работы телережиссера, которые Белинский будет использовать далее, не соответствующим действительности.

Неверно приведено и название телеспектакля. Телеспектакль, поставленный Белинским, называется так же, как называется книга Стругацких «Понедельник начинается в субботу», но является инсценировкой текста, опубликованного в сборнике «Фантастика, 1964 год», вышедшего в издательстве «Молодая гвардия» под названием «Суэта вокруг дивана: Сказка для научных работников младшего возраста» (подписана к печати 31.X.1964.). Однако название будущей книги было известно, так как в примечании редактора было указано, что перед читателем первая часть повести «Понедельник начинается в субботу», которую заканчивают авторы.

Повесть написана от первого лица, что соответствует критерию выбора Белинским текстов для постановки: «Я выбирал пьесы преимущественно от первого лица — это позволяло донести прозу с наименьшими потерями в плане текста, а к нему я отношусь очень бережно. В целом же, я считаю эти произведения наиболее выгодными для телеэкрана, так как в первооснове своей они предполагают собеседника. Актер прямо обращается к телезрителю, происходит близкий контакт» [Очерки 2013: 94]. В «Понедельнике» такой контакт особенно важен, ведь главный герой повести — современник зрителя, находящийся одновременно в советской и «сказочной» действительности. Для создания духа времени и окружающего персонажей двойственного мира, Белинский так же, как и в «Кюхле», использует минимум реквизита, но большую роль отводит рисованным заставкам, графике. Художником он приглашает Валентина Леонидовича Попова (Катарсина), человека разностороннего дарования, поэта и прозаика. Его рисунки художественного пространства повести, ставшие основой декораций, и костюмы персонажей создают видеоряд, не во всем совпадающий с их описаниями в повести Стругацких, и порождающий дополнительные смыслы.

Литература

Сидорова Г. Русский театр для массового зрителя в советской культуре: фильм-спектакль и телеспектакль // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111): 213–220.

Эфир на фоне эпохи: очерки истории Ленинградского-Петербургского радио и телевидения. СПб., 2013.

«ПУТЕШЕСТВИЕ» В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ: СПЕКТАКЛЬ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУР, СТИЛЕЙ, ЭПОХ И ЯЗЫКОВ

Логина Елена Георгиевна

доцент, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

В докладе речь пойдет о театре в контексте актуальной сегодня проблемы коммуникации как создания смыслов в условиях разного рода взаимодействий: межкультурных, межпоколенческих, межсемиотических и пр. С такой позиции разные спектакли по одной пьесе, театральные перформансы с использованием мультимедийных технологий, постановки переводных пьес, часто отсроченные от времени создания оригинала, — все это формы взаимодействия разнонаправленных символических систем, эксплицитно и имплицитно функционирующих в исходном драматургическом произведении, его сценических дериватах в той же или иной культуре и формы взаимодействия между ними.

Основной исследовательский вопрос связан с уточнением принципов отбора и упорядочения семиотических систем при интерпретации пьесы, написанной зарубежным автором, на отечественной сцене. В качестве материала для анализа мы обратились к пьесам Э. Ионеско «Стулья» (“Les Chaises”, 1951) и С. Беккета «Последняя лента Крэппа» (“Krapp’s Last Tape”, 1957). Обе пьесы относятся к жанру театра абсурда, который характеризуется тем, что вербальный компонент сводится до минимума, построение сюжетного действия кажется алогичным и фрагментарным, при этом возрастает объем и семантическая нагруженность невербальных компонентов, в том числе пауз. Рассматриваются сценические постановки пьесы Э. Ионеско в интерпретации С. Юрского (Московский театр «Школа современной пьесы», 2010), Р. Крюкова (Общедоступный театр Мухадина Нагоева, 2011), В. Ваганова (Краснодарский молодежный театр, 2010) и спектакль «Последняя запись Крэппа» по пьесе С. Беккета (театр “Et cetera”, 2002).

Планируется показать, что драматургическое произведение, будучи результатом вторичного означивания (вторичная моделирующая система [Лотман 2002], вторичный уровень семиозиса [Барт 1989]), предполагает последующее означивание, в ходе которого ментальное и художественное пространство, смоделированное драматургом, переосмысливается, проецируясь на зрителя (также театрального критика, театроведа, блогера) модифицированные версии исходных концептов. Например, в пьесе Э. Ионеско персонажи, не выдерживая давления гостей-стульев, наполняющих их комнату, выбрасываются из окон. В постановке С. Юрского — поднимаются по лестнице, подчеркивая свою непричастность тому, что происходит. В спектакле Р. Крюкова — уходят в тот же шкаф, из которого беспрерывно появлялись бесчисленные гости-стулья. Происходит трансформация означаемого, поскольку герои присоединяются к невидимым гостям, символизирующим толпы незнакомцев, которые вторгаются в жизнь человека.

Приведенные примеры иллюстрируют, что режиссеры спектаклей (как и переводчики пьес) позволяют себе некоторые отступления от исходного произведения. Возможно перефокусирование информации, появление определенных лингвоспецифичных и социокультурных деталей. Так, Крэпп в исполнении А. Калягина помещен в заброшенный ангар возле железной дороги, и зритель несколько раз слышит грохот колес железнодорожного состава. Это символический поезд, напоминающий о безвозвратно упущенных возможностях (срав. с выражением «твой поезд ушел»). Комната героя захлавлена ненужными поломанными вещами. В переносном значении подобные вещи можно назвать дерьмом, что подтверждает анализ семантики существительного *crap*, являющегося омонимом имени героя — Krapp (something of bad quality, excrement [Oxford Advanced Learner’s Dictionary 2005: 358]).

Обосновывается вывод, что при трансформации переводной пьесы в спектакль когнитивно-семиотическая перестройка происходит не столько в силу задействования определенных кодовых систем и каналов передачи информации, сколько вследствие внимания к специфике иных культурных традиций, следования опыту (лингвистическому и экстралингвистическому) и задачам интерпретатора. Результатом коллаборативного динамического семиозиса, включающего интерпретации драматурга, режиссера, актеров, декораторов, костюмеров и других участ-

ников постановки, становится особый смысл спектакля — круги на водной глади, которые распространяясь от центра (от замысла драматурга), превращаются в концентрические окружности, обрастая дополнительными (контекстуально, социально, личностно, культурно обусловленными) смыслами. Воспользовавшись выражением В. Маяковского [Маяковский 1955: 353], можем охарактеризовать постановки переводных пьес как своеобразное увеличительное стекло, позволяющее более выпукло увидеть грани интерпретации в ином пространстве и времени: от тонких смысловых обертонов до переосмысления замысла автора оригинального текста.

Отдельного внимания заслуживает вопрос изменения названия переводной пьесы согласно режиссерской трактовке, например, спектакль «Как важно быть *serioznum*» по пьесе О. Уайльда (режиссер А. Неровная), а также вопрос изменения перспективы зрительского восприятия и осмысления в том случае, когда сценическая постановка оказывается лишь по мотивам пьесы, например, спектакль «Гамлет Story», соединяющий текст У. Шекспира с музыкой, кино и стихами русских поэтов XX в.: И. Бродского, А. Тарковского, Д. Самойлова и др. (режиссер Н. Семенова).

Рассмотрение этих вопросов позволит «повернуть» исследование театра в целом и поэтики театральной постановки в частности к таким аспектам, как степень свободы режиссера при воссоздании существенных компонентов смысла оригинала и программируемость зрительского отклика, что может стать направлением дальнейшего изучения специфики театральной коммуникации.

Литература

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М.: Прогресс, 1989.

Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 274–293.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1955.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. 7th ed. Oxford University Press, 2005.

«ПУТЕШЕСТВИЕ» ОРФЕЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ТРАНСМЕДИАЛЬНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ АНТИЧНОГО СЮЖЕТА

Меньщикова Мария Константиновна

профессор, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Античный сюжет об Орфее на протяжении длительного времени остается востребованным в различных видах искусства. В театральной практике он фактически становится основой для рождения оперного жанра, когда в самом начале XVII в. композитор Я. Пери создает свою «Эвридику», а затем К. Монтеверди — «Орфея». Это неудивительно, поскольку в самой природе античного театра был заложен синтез вербального, музыкального и визуального начал. Следует отметить, что вопрос соотношения мифа и музыки — один из актуальных в эстетике и теоретических философских и филологических исследованиях: можно вспомнить ставшие уже классическими работы Ф. Шеллинга, Р. Вагнера, Ф. Ницше, К. Леви-Стросса, А. Ф. Лосева и многих других. Следующей ключевой точкой в «путешествии» Орфея можно считать появление оперы К. Глюка «Орфей и Эвридика», две редакции которой были поставлены в 1762 и 1774 гг., соответственно итальянская и французская «версия». Эта опера стала воплощением музыкально-эстетической реформы Глюка, которая не предполагала доминат музыки над драматургическим действием. Все арии, балетные элементы, хоровые партии органично раскрывали свой смысл в развитии драматического сюжета. Опера Глюка является самой ранней оперой на сюжет об Орфее, которая востребована современными театрами: так 23 июня 2022 г. Нижегородский государственный академический театр оперы и балета им. А. С. Пушкина в новом культурном пространстве «Пакгаузы на Стрелке» представил свое видение знаменитой оперы немецкого композитора. Режиссерами-постановщиками выступили лауреаты премии «Золотая маска» Вячеслав Игнатов и Мария Литвинова. Постановку отличает, с одной стороны, стремление к аутентичности звучания, например, в использовании исторических музыкальных инструментов, с другой, интермедийное оформление спектакля, которое должно было лишить сцену всего бытового, потому что, как отмечала в интервью Мария Литвинова, — «сам образ Орфея — это олицетворение чистого искусства». Однако не смотря на сохранение счастливого финала, исполнительница партии Орфея Дарья Телятникова подчеркивает, что в образ Орфея «постаралась вложить максимальную долю трагизма». Особым периодом интереса к образу Орфея становится начало XX в. Сюжет об Орфее занимает размышления многих поэтов: Р. М. Рильке, М. Цветаевой, Вяч. Иванова, В. Брюсова и других, реконструируется и обрабатывается опера К. Монтеверди сначала Дж. Малипьеро, а затем К. Орфом, появляются оперы Э. Кшенека (вариант — Кренека) на основе пьесы О. Кокошки «Орфей и Эвридика (1923) и Д. Мийо «Несчастья Орфея» (1926), драма Ж. Кокто «Орфей» и т. д. Опера Кшенека \ Кокошки — экспрессионистская версия Орфея, в эстетику которой, так же, как и в подавляющем числе произведений первой половины XX в., счастливый финал уже невозможен. Внимание переносится с внешнего действия на психологические переживания героев, на внутреннюю, часто бессознательную составляющую. В этом отношении весьма показательным стихотворением Р. М. Рильке «Орфей. Эвридика. Гермес», где чувства Орфея разобщены («Und seine Sinne waren wie entzweit»), Эвридика полностью погружена в переживание собственной смерти, как нового бытия («Sie war in sich. Und ihr Gestorbensein \ erfüllte sie wie Fülle...» — «...сама была бездонной смертью \ своей, до полноты небытия \ своею новизною наливаясь...», перевод — А. Пурина). Эвридике оказывается неважно и не нужно возвращение на землю, а в итоге она даже не узнает Орфея. Амура и Психею, чьи образы были связаны с чувством любви в ранних версиях интерпретации мифа, здесь заменяет Гермес Психопомп, скорбный и печальный свидетель. В свою очередь в опере Э. Кшенека сохраняются образы Амура и Психеи, но Амур лишен голоса в отличие от фурий, а также в состав действующих лиц введены Дурачок, Матрос и Солдат. Фабула мифа об Орфее оказывается здесь не единственной, отдельная сюжетная линия связана с мифом об Амуре и Психее, упоминание корабля под черными парусами отсылает к мифу о Тесеи и др. Еще одним важным изменением становится замена запрета оборачиваться на Эвридику, запретом

задавать вопросы о времени, проведенном в подземном царстве, кстати, именно с вопросов и загадки начинается действие оперы. Интерпретация Э. Кшенека оказывается даже еще более трагичной, чем античный миф: Орфей и Эвридика вынуждены постоянно убивать друг друга. И даже, казалось бы, счастливая в финале Психея, исцелившая Амура, восходит в итоге на черный корабль. В искусстве XX в. нельзя не отметить интерпретацию античного мифа в зонг-опере А. Журбина и Ю. Димитрина «Орфей и Эвридика» (1975). Акцент в этом произведении смещается в сторону темы искусства, где слава способна изменить саму сущность человека, не случайно, Эвридика не узнает Орфея, вернувшегося с состязания певцов. Отчасти можно считать, что зонг-опера перекликается с ранними музыкальными версиями античного сюжета: любовь может преодолеть все, не только смерть, но и «медные трубы». В системе персонажей новыми оказываются Фортуна и Харон, и если первый образ вполне традиционен, то перевозчиком душ, в общем-то, оказывается такой же «Орфей» в прошлом, потерявший свою Эвридику, а вместе с ней и божественный дар. Наконец, начало XXI в. вновь акцентирует миф об Орфее, но уже не только обращаясь к античным первоисточникам, но и сквозь призму последующей культуры и интерпретаций: «Хипхопера: Орфей & Эвридика» (на обложке название стилизовано «ХИПХОПЕРА: ОРФЕИ & ЭВРИДИКА», 2018) рэп-исполнителя Noize MC, основой которой служит зонг-опера А. Журбина; драма Ирины Васьковской «Девушки в любви», (постановка 2017 называется «Девушки в любви, или Иди ты на ***, Орфей», режиссер Р. Ташимов), следующая образцу Т. Уильямса; рок-опера Ольги Вайнер «Орфей» (2022), соединяющая миф об Орфее с мифом о Персефоне и близкая к интерпретациям начала XX в. обращением к личному внутреннему началу человека, его отношением к проблеме судьбы и выбора.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00559 «Античный код в проблемном поле русско-немецких театральных взаимосвязей».

СЛОВО НА МУЗЫКЕ В «ЭДИПЕ» Б. А. ФЕРДИНАНДОВА (1921)

Наумов Александр Владимирович

старший научный, Государственный институт искусствознания

«Эдип-царь» по трагедии Софокла, поставленный Б. А. Фердинандовым в московском Опытном-Героическом театре (ОГТ) осенью 1921 г., — возможно, первый в русском театре пример спектакля, являвшегося последовательным воплощением теоретического манифеста о режиссерском методе, а не наоборот. Речь, собственно, должна идти о нескольких манифестах с изложением «театральной доктрины», выпущенных параллельно самим Фердинандовым, а также его на тот момент соратником — поэтом и переводчиком В. Г. Шершеневичем [Шершеневич, 1921]. Согласно опубликованным текстам, всякое театральное действие должно было опираться на три составляющие — слово, движение и волнение [см. Фердинандов, 1922]. Идея, объединявшая отчасти противоречивые высказывания соавторов, сводилась к подчинению всех компонентов постановки (пространственных и временных) принципам регулярности, именуемой «темпо-ритмом». Слово являлось для нее источником, движение и прочие пространственные компоненты, включая декорационное оформление, — естественными производными. Полученная жесткая «сетка» диктовала эмоциональный рисунок ролей. Масштабный обзор печатных и архивных материалов, относящихся к экспериментам ОГТ, результативно продолжавшимся на протяжении единственного сезона 1921/1922 гг., представлен в статье В. В. Иванова, не без остроумия отметившего, что «парадоксальным образом довольно угрюмая концепция темпоритмического театра складывалась при ближайшем сотрудничестве веселой компании имажинистов» [Иванов, 1996, с. 218].

Действительно, фигура самого Фердинандова — без сомнения, выдающегося актера, художника-сценографа, режиссера, но и человека, зачастую подвластного порывам темперамента более, нежели велениям здравого смысла, — мало соответствовала идеалу тотальной упорядоченности. Объяснение парадокса приходит со стороны театральной педагогики: строгость подхода, продемонстрированная в первых работах театра, была призвана сыграть воспитательную роль. Если постановки в жанре пантомимы имели исключительно пластическую направленность, то в «Эдипе», со специальной целью формирования профессионализма труппы, из числа актерских задач полностью исключались моменты, связанные не только с перемещением в пространстве, но и выражением эмоций. Статика поз сочеталась с величественной «античной» отрешенностью. Звуковые формы — собственно работа со словом и сочетание слова с музыкой — приобретали на этом фоне первостепенное значение.

Сохранился клави́р к спектаклю, оформленному пианистом Е. П. Павловым (1894–1925), выходцем, как и Фердинандов, из сотрудников Камерного театра. В отличие от литературных источников, нотные материалы в поле зрения исследователей прежде не попадали, что, на наш взгляд, является значительным упущением. Оставим за пределами рассмотрения собственно-музыкальные стороны, хотя как композитор Павлов продемонстрировал здесь, как и в других своих изданных произведениях, полную состоятельность и даже прогрессивность на уровне начала 1920-х гг. Сосредоточимся на том, что служило средоточием между действием и партитурой, — тексто-музыкальных связях. Охарактеризованная своими создателями как «образец упрощения», с музыкальных позиций постановка таковой отнюдь не была. По комплексу примененных композитором средств она представляла собой предвестие оперных экспериментов режиссера, замышлявшего поставить силами ОГТ «Орфея» К. В. Глюка, «Женитьбу» М. П. Мусоргского и «Каменного гостя» А. С. Даргомыжского (осуществить это не удалось, но разработки в архиве остались). Точнее, оказывалась близка типу экспрессионистской композиции для музыкального театра, по-разному воплотившемуся в опусах Э. Хумпердинка, А. Шенберга, А. Берга, Д. Мийо, А. Онеггера 1890–1920-х гг. Объединяющей приметой подобных сочинений служило именно разнообразие вариантов использования человеческого голоса и приемов работы со словом.

В «Эдипе» Е. П. Павлова применялись: мелодическое пение на один и несколько голосов с сопровождением и без; различные формы ритмизованной и неритмизованной речитации на фоне оркестра; произнесение текста «в разрезах» инструментального звучания, регламентированное по протяженности «речевыми тактами» или свободное, ограничиваемое только объемом самих реплик. Можно с уверенностью заявить, что подобного богатства музыкальной проработки ни один русский драматический спектакль не демонстрировал, несмотря на то, что большинство выдающихся отечественных режиссеров аналогичными вопросами задавались. Помимо очевидной, в большинстве случаев однозначно фиксированной темпо-ритмической (метро-ритмической) стороны, нотные записи Павлова свидетельствуют также о наличии косвенных, скрытых указаний, касающихся громкости и звуковысотности даже в тех местах, где они не обозначены прямо. Динамический параметр определялся требованиями звукового баланса: чем более насыщена фактура оркестра, тем ярче декламация; точность интонации артиста также диктовалась сочетанием с инструментами: ни в одновременности, ни в последовании не должно было возникать диссонансов. Партитурой не подразумевались, но должны были возникать естественно проекции музыкальных разделов постановки на немзыкальные по тому же принципу гладкости переходов и стыков: единство театральной формы зиждилось на твердом основании, выстроенном волею уникального взаимодействия композитора и режиссера. Содружеству, увы, не суждена была долгая жизнь, его прервало вначале закрытие театра, а затем кончина музыканта, но еще до конца того же сезона они успели выпустить три спектакля, по-разному распорядившись открытиями из «Эдипа».

Литература

- Иванов В. В.* Бунт маргинала. Аналитический театр Бориса Фердинандова // Мнемозина: Документы и факты из истории русского театра XX века. [Вып. 1] / сост. и общ. ред. В. В. Иванова. М., 1996. С. 211–241.
- Фердинандов Б. А.* Театр сегодня // О театре. Тверь: [б. и.], 1922. С. 33–48.
- Шершеневич В. Г.* Эксперимент нового театрального действия (К постановке «Царя-Эдипа» в Сафоновском театре) // Вестник театра. 1921 № 93–94, 15 августа. С. 5–6.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ В ТВОРЧЕСТВЕ ДМИТРИЯ ДАНИЛОВА

Пименова Алина Вадимовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В предисловии к книге Дмитрия Данилова «Дом десять» литературный критик Данила Давыдов писал: «Подозреваю, что такую инертную с виду, сугубо эмпирическую прозу, воздействующую на читателя чем-то неуловимым, мечтали писать очень многие», в ней обнаруживается «абсолютная интимность, значимость, осмысленность каждой мелочи» [Давыдов 2006]. Чем же обусловлено «неуловимое» воздействие прозы Данилова на читателя? И за счет каких художественных приемов автор вводит читателя в мир своего творчества, «захватывая» его внимание?

Творчество Дмитрия Данилова рассматривалось в критических и научных статьях, главным образом посвященных анализу художественной функции слова в текстах писателя, изучению языкового сознания героев, анализу абсурда и т. д. Между тем, проза Данилова как драматурга отличается наличием в ней «изобразительного ряда» и может быть исследована с точки зрения роли и функции в ней такого художественного приема как визуализация, который в драматических текстах (пьесах), предназначенных для театральных постановок, является одним из ключевых элементов. Феномен визуального восприятия в драме (пьеса как «визуальное путешествие») хорошо изучен в работах О. В. Семеницкой, А. В. Сеницкой [Семеницкая, Сеницкая 2016], Н. П. Малютиной [Малютина 2021] и др. В творчестве Дмитрия Данилова художественный прием визуализации обнаруживается как в драматических, так и в прозаических текстах, анализ которых позволяет сделать выводы о существовании авторской стратегии при выборе визуальных приемов и форм, участвующих в формировании смыслов. Поэтому целью настоящей работы является анализ и систематизация визуальных приемов, используемых Даниловым, через установление их роли и функции в структуре художественных нарративов. В качестве материала исследования выбраны две пьесы Данилова — «Человек из Подольска» (2016) и «Серёжа очень тупой» (2017), а также романы — «Описание города» (2012) и «Саша, привет!» (2021).

В результате исследования обнаруживается, что в творчестве Данилова визуализация работает на разных уровнях восприятия текста: уровень непосредственного восприятия (сюжет, герои, эмоциональная компонента и т. п.), уровень «переживания» (эмоциональное состояние, возникающее у читателя / зрителя в процессе восприятия) и уровень рефлексии над текстом (осмысление, соотнесение с собственным опытом). Поэтому визуализация как художественный прием в творчестве Данилова рассматривается с позиции анализа отдельных компонентов текста: визуализация сознания / метасознания героев (психологические состояния, эмоции, чувства, мысли, языковые особенности речи и т. п.), визуализация пространства и времени (действительный / иллюзорный мир; мир, моделируемый сознанием героя / автора / читателя (феномен «сотворения»)), визуализация композиции и структуры художественного текста (сценарий пьесы / фильма, монтаж), визуализация через изображение (рисунок в тексте, фотоизображение). Благодаря приему визуализации Данилову удается представить полимерное пространство, в котором существует человек XXI в. Несмотря на разнородный характер художественного приема, определяемый в соответствии с уровнями перцепции текста, в произведениях Данилова не происходит утраты целостного восприятия, текст не распадается на множество элементов, а предстает как единое целое. Такой эффект во многом определяется тем, что ключевой визуальной метафорой творчества Данилова оказывается акт чтения через кинематографическую линзу, объединяющую воспринимаемые элементы, гештальты в единую картину мира, в которой читатель становится полноправным соавтором/сорежиссером рождающегося в творческом акте взаимодействия текста («человек с киноаппаратом»).

Литература

Малютина Н. П. Прием визуального восприятия в пьесах Александра Строганова // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3: 113–124.

Семенецкая О. В., Сеницкая А. В. Ревизия «слепого пятна»: проблема визуальности в новейшей драме // Новейшая драма рубежа XX–XXI веков: предварительные итоги. Самара, 2016. С. 126–142.

Ханзен-Лёве О. Интермедальность в русской культуре. От символизма к авангарду. М., 2016.

Давыдов. 2006. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/davydov-o-danilove/>

Источники

Данилов Д. А. Описание города. М., 2012.

Данилов Д. А. Саша, привет! М., 2023.

Данилов Д. А. Серёжа очень тупой // Новый мир. 2018. №1. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_1/Content/Publication6_6812/Default.aspx

Данилов Д. А. Человек из Подольска // Новый мир. 2017. № 2. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2017_2/Content/Publication6_6548/Default.aspx

ХРОНОТОП СПЕКТАКЛЯ «МАСКАРАД. ВОСПОМИНАНИЯ БУДУЩЕГО»: ЭКСПЕДИЦИЯ В ПРОШЛОЕ С ФУТУРОЛОГОМ

Сылова Елена Андреевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе анализируется спектакль В. Фокина «Маскарад. Воспоминания будущего» в Александринском театре (премьера 2014 г.). У этого спектакля два первоисточника — драма М. Лермонтова «Маскарад» и одноимённый спектакль 1917 г. в Александринском театре: в спектакле В. Фокина мизансценически воссозданы несколько сцен легендарного «Маскарада» Вс. Мейерхольда и А. Головина, последнего спектакля императорской эпохи, а также используются эскизы сценических костюмов (изготовлены по технологии начала века), музыкальная и речевая партитура. Однако спектакль В. Фокина отнюдь не реконструкция, не игра в музей, не попытка воссоздания театрального раритета. Спектакль Валерия Фокина «Маскарад. Воспоминания будущего» в Александринском театре еще на выпуске был обозначен им как экспедиция в прошлое для творческой команды и для зрителей. Как режиссёрски выстраивается путешествие с современными артистами и зрителями, в котором сочетаются мизансцены и костюмы из спектакля 1917 г., современные аранжировки музыки Глазунова, история из фейсбука и студийный голос в записи первого исполнителя роли Арбенина в 1917 г. Юрия Юрьева?

Сочетание несочетаемого, заложенное Фокиным в названии, возникает в самом начале спектакля. Начало и задаёт вектор восприятия. Под гул поезда (времен) начинается путешествие-экспедиция — на сцену молодежavo вбегает прямо из зрительного зала корифей театра Николай Мартон в костюме. Из-за пазухи доставая мятый пакет из продуктового магазина, вынимает оттуда роскошную головинскую венецианскую бауту — маску Неизвестного. Это пакет сразу возбуждает в голове когнитивный диссонанс, но словно отсылает сознание в строкам «Когда б вы знали из какого сора...» И эта строка применима к декорациям и бутафории «Маскарада» 1917 г. почти буквально — после пожара во время войны в декорационных мастерских детали спектакля находили совершенно случайно: то кресло из кабинета Арбенина, на котором долгое время сидел зритель, то «тряпочку» с чердака, которая оказалась подолом шикарного платья Нины и т. д.

Путешествие в воспоминания будущего продолжается интермедией-прологом. Из-под земли возникает фигура Неизвестного, появляется хор и музыканты в одежде позапрошлого столетия. Машина времени несёт назад... в будущее? Снова из-под земли сначала робко, потом всё смелее поднимаются стеклянные витрины (копия музейных витрин на пятом этаже театра), в которых застыли в изломанных позах герои мейерхольдовского маскарада в костюмах А. Головина. Вообще спектакль «Маскарад» для Александринского театра — спектакль-символ, как «Чайка» для МХТ, как «Принцесса Турандот» для Вахтанговского театра. Этапный спектакль для российской сцены, он же — спектакль-легенда, который даже после того, как исчез из репертуара, будоражил умы творцов, которые обращались к идее так или иначе возобновить мейерхольдовский «Маскарад». Но написанное на папке спектакля художественным руководителем театра Л. С. Вивьеном «С репертуара снять, хранить вечно» сбылось и так и сопровождает историю Александринского театра. Поэтому обращение В. Фокина к театральному наследию Вс. Мейерхольда обусловлено исторически и концептуально. Случилось это накануне двух юбилеев — 200-летия М. Лермонтова и 140-летия Вс. Мейерхольда. Диалог с шедевром прошлого получился у создателей спектакля не таким, каким он задумывался. Открылись фундаментальные связи времен, о которых не догадывались, начиная работу. Поэтому первое название спектакля, которое возникло, было «Воспоминания будущего», такими названием спектакль вышел на премьеру.

Работа над партитурой Мейерхольда и идея реконструировать четыре сцены из легендарного спектакля диктовали свой подход к существованию современных артистов на сцене. Оказалось невозможным существовать в дискурсе начала века, используя современный сценический язык. Как же заговорить на языке прошлого так, чтобы это было понятно нынешнему

поколению? Глобальная работа над партитурой современного спектакля включала поиск новой интонации. Обращение к музыкально-интонационной партитуре стало тем ключом, который помог найти нужное сценическое решение. В этой же манере встраивается и верbatim-монолог Арбенина XXI в. Он вступает в некий диалог с Арбениным лермонтовского «Маскарада», встраиваясь в художественную структуру театрального действия. У зрителей, погружённых в специфический хронотоп спектакля, буквально происходит путешествие в машине времени. Они, с одной стороны, оказываются среди занавесов и кринолинов Головина, в историческом здании, которому более 200 лет, на сцене которого артисты декламируют ритмически выстроенный текст, но, с другой, смотрят историю о нашем времени, которая обращается к неизменной человеческой натуре. Современное звучание, рецепция прошлого поддерживается и технологическими средствами оснащённой по последнему слову техники сцены 21 в.: это и плексигласовый щит-трансформер, и системы люков, которая задействует сценическую вертикаль верх-низ / небеса-преисподняя, и экран, на котором двоится зрительный зал, создавая особый эффект, или крупно даются планы Арбенина. Восприятие зрителей и их реакции — тоже очень интересная тема для исследования. Отдельно рассматривается вопрос о зрительском восприятии спектакля в Санкт-Петербурге, а также путешествие «Маскарада» по России и миру (на примере гастролей в Большом театре и в МХТ в Москве, в Польше и т. д.).

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ В СПЕКТАКЛЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЕЖИССЕРОВ НА СЦЕНАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕАТРОВ (МИРНИНСКОГО ТЕАТРА Р. САХА И БУРЯТСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ ИМ. ХОЦА НАМСАРАЕВА «ПОЛЕТ. БИЛЬЧИРСКАЯ ИСТОРИЯ»)

Ткач Татьяна Сергеевна

старший преподаватель, Российский государственный институт сценических искусств

В докладе речь пойдет о двух спектаклях — взятых как примеры радикально разнящихся подходов к осмыслению важнейшей, остро актуальной темы национального единства и возможности сосуществования русского народа и народов разных национальностей, проживающих в России. Весьма радикальна позиция режиссера Елизаветы Бондарь, заявившей в своем спектакле «Озор» по мотивам рассказа «Озорник» Мамина-Сибиряка в интерпретации Е. Августеняка Мирнинского театра р. Саха о социальных проблемах национальных меньшинств и этических травмах генотипа россиян. Здесь в утрированно-стилизованной, почти лубочной форме показана картина присвоения за водку чужих земель, исконно национальных земель, русским, скардным, блудливым, похотливым, людом. С тем, чтобы во второй части сценического действия зрители в себе посредством художественного приема осознали в себе наследство прошлого: вожделение, похоть и тягу к насилию как исконное свойство россиян. Спектакль «Озор», создан в театре г. Мирный республики САХА. Он возник из двух источников — инсценировки рассказа Мамина-Сибиряка и лабораторной работы по тексту с жителями Мирного. «Озорник» Мамина-Сибиряка (1896) — история неудалого сибирского мужичка, шалого бобыля Спирьки, который полюбил замужнюю соседку, не зная самого слова «любовь», и стал причиной конфликтов в чужой семье, а затем и сам погиб от побоев. Постановка Елизаветы Бондарь по текстовой версии Екатерины Августеняк говорит о принципиальном конфликте между свободой и законом. Во второй части «сбросив маски, артисты ошеломительно меняются. Встав в шахматном порядке, они, чуть покачиваясь (как переселенцы на повозке), постепенно выходят из мира Мамина-Сибиряка к современности — через проклятые, безответные вопросы: “Где мой воздух? Где моя воля? Где мои права?.. Кто таков теперь? Где моя душа? Кто я?”»

Затем артисты произносят слова мирнинцев, собранные драматургом в лабораторном процессе: противоречивые, разные, живые. Текст Мамина-Сибиряка преломлен через современность городка. Из калейдоскопа реплик становится понятно, что главные конфликты рассказа — сила против свободы, мужчины против женщин, любовь против порядка, местные против приезжих — в спектакле Е. Бондарь обретают публицистическое звучание. Становится очевидным замысел режиссера: обнаружить в рассказе в колонизаторскую подоплеку: действие происходит на землях башкир, которые даже не появляются на страницах и ощущаются как дикие аборигены. На обсуждении премьерного спектакля зрительница сказала, что увидела в этой истории общее с захватом русскими якутских земель. В морозном Мирном, выстроенном в советские времена у алмазного карьера, в котором, по ощущениям режиссера, якобы чувствуется ностальгия по сильной руке, стабильному и понятному миру (памятник Сталину здесь, от ветеранов и благодарных потомков, воздвигли в 2005 г.) Елизавета Бондарь создала спектакль, якобы отстаивающий право якутского народа на свою самобытность, его противостояние имперским колонизаторским устремлениям, а по сути сеющем национальную вражду и отчуждение русского народа он национальных меньшинств, в частности, от якут. Совсем иначе осмысляет эту проблему Сойжин Жамбалова в своем спектакле «Полет. Бильчирская история», созданном в Бурятском академическом театре драмы им. Хоца Намсараева по произведению Валентина Распутина «Прощание с Матерой».

Обратившись к написанной в 1976 г. повести, режиссер Сойжин Жамбалова вместе с художественным руководителем театра Саяном Жамбаловым, ставшим автором идеи и сценария, вступили в диалог с литературным первоисточником. Их спектакль полон неожиданных

аллюзий — социальных, исторических, даже мифологических. Пусть имена героев, названия селений иные, чем у Распутина, трагедия все та же: затопление, заставившее множество людей, покинув земли предков, на веки вечные расстаться с Малой Родиной — «тоонто нютаг». Хотя не все селения полностью затопили, некоторые лишь немного попали под воду, список пострадавших мест впечатляет: Старый Бильчир, Нижний Наймут, Верхний Найсут, Гэртуй, Дума, Хубиру, Авит, Матоган и Тоболхон.

Сооружение громады Братской ГЭС манило сибиряков, казалось, очевидными благами цивилизации. Какова же цена последующих обретений? Вопрос, поставленный спектаклем, философский. Навевает размышления о подоплеке социальных преобразований, предпринимаемых во имя счастья новой жизни. Сегодня он сродни проблеме глобализма, мультикультурности да и всё разрастающейся, обретшей планетарные масштабы теме трансгуманизма тоже. История переселения ушедшего под воду Старого Бильчира стала канвой, собравшей в целое картины жизни бурятского народа: сменившая прежние названия поселков коллективизация (Нацмен стал Новостроем, чуть позже — Маленковым), репрессии 1930-х, Великая война и голод.

И все же было не только горе, но и радость от подаренной бурятской девочке возможности учиться мастерству балета в северной столице, от благодарности, что источает завещание старой женщины с подробным описанием нажитого — стола, этажерки, зеркала и прочего. Текст завещания звучит наказом. Чтобы мы, как люди Старого Бильчира, не бросили в беде соседей, чтобы, как они, были готовы прийти на помощь, выхаживать больного человека, прожившего жизнь, полную лишений и невзгод. Тогда ведь люди «закалялись, как железо. Нынешняя молодежь не вынесла бы /.../ голод и холод». Полотно спектакля прошито суровой нитью воспоминаний.

Звучит рассказ о том, как многодетная бурятская семья попала под каток репрессий лишь потому, что ночью заколола теленка, стремясь накормить двенадцать ребятишек. А их соседи, сами голодая, отдали для фронта, для Победы пятикилограммового шотландского петуха. Потом всем миром поднимали целину. Жизненную силу, по мысли режиссера Сойжин Жамбаловой, народ черпает из собственной истории, неповторимой, самобытной и все же неотрывной от России — страны, с которой буряты разделили многотрудную судьбу и пережили одни мытарства.

ЭПИЧЕСКОЕ В ТЕАТРЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Тютелова Лариса Геннадьевна

профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева

Изучение театра А. Н. Островского позволяет доказать особенности русской драмы, связанные с ее происхождением.

Складывающаяся в середине XVIII столетия традиция литературного театра в России опирается на уже существующий в Европе театр, который еще в XVII в. казался на Руси «царской забавой». При этом стать «зеркалом русской» жизни театр, воссоздающий западные сюжеты, не может. В основе европейских пьес лежит иная, не совпадающая с российской, концепция жизни и судьбы, о чем говорят, например, особенности русской трагедии (см. работы Ю. В. Стенника, В. И. Мильдона, О. Б. Лебедевой и др.) и отсутствие изображения «внутреннего человека» в русской средневековой словесности (см. работы Д. С. Лихачева).

Герой драмы, в которой на уровне сюжета была бы выражена соответствующая российской ментальности концепция человека, — носитель идеи общей судьбы. Даже возникающее в литературе, правда, не XVIII, а XIX в. стремление авторов изобразить индивидуальность персонажа, что приводит к появлению личности-характера, реализуется благодаря не сосредоточению автора на линии судьбы героя, отвечающим своим поступком за общее состояние мира, а изображению неразрывной связи судьбы героя и мира, частью которого он является. Отсюда нарушение русской драмой всех тех правил, которые возникают благодаря западной традиции и оформляются в работах Аристотеля, Лессинга, Гегеля. И содержание образа героя, и содержание драматического сюжета (тут уместно говорить именно о нем, а не о действии) говорят о видении драматургом человека как части общей картины исторической или социальной жизни.

Неслучайно уже с начала XIX в. литература предлагает театру произведения необычного для европейской традиции жанра. Это жанры «картина» и «сцена». Самые известные в начале века — сцены А. С. Пушкина («Маленькие трагедии», «Борис Годунов») и Н. В. Гоголя (так называемые «Маленькие комедии» — «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок»).

Эти новые жанры возникают благодаря тому, что русская драма выходит на путь развития традиции не так называемой аристотелевской драмы, а драмы, которую Аристотель в свое время посчитал неудачной линией развития театрального искусства, о чем говорит его «Поэтика». Вероятно, так и есть для европейского театра с его идеей автономии человека и мира, с идеей выбора судьбы и борьбы за свой выбор.

Альтернативной аристотелевской драме является, по мнению В. Е. Головчинер и ее коллег, эпическая драма. В ней рассматривается судьба мира, а образ героя обладает особым содержанием. Благодаря развитию в русской драме XIX в. именно эпической традиции пьесы М. Горького и С. Третьякова становятся образцом для знаменитого немецкого эпического театра XX в.

При этом стоит различать два явления — эпическая драма и эпизация драмы. В первом случае речь идет об особой традиции, восходящей к античному театру. Во втором — о процессе деканонизации жанров различных родовых форм в момент становления и развития индивидуальной авторской поэтики. Этот процесс М. М. Бахтин предложил назвать «романизацией». При этом стоит заметить, что речь идет не о влиянии романа на другие нероманские жанры, а об освоении разными родами литературы языка иных родов, в том числе за счет его пародического использования, как это делает, по утверждению М. М. Бахтина, и роман.

В случае театра Островского, несмотря на то, что в его наследии достаточное количество есть и «сцен», и «картин» (например, «Утро молодого человека», «Не сошлись характерами», «Воспитанница», «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» и др.), речь должна идти об эпизации драмы, проистекающей из желания автора показать национального героя и создать национальный театр, который, как и у Пушкина, заключается не в изображении сарфана, хотя и он привлекает внимание драматурга.

Поэтому театр Островского осваивает язык не только традиционной драмы, но и эпоса. В его мире есть тот, кто стоит рядом с героем и обладает позицией преимущественно наблюда-

ющего за действием и оценивающего его персонажа. В свое время было замечено, что Островский использует в пьесах героев, чье присутствие на сцене разрушает единство традиционного драматического действия. Но у Островского единство его пьес строится не на последовательном развитии цепочки событий в судьбе героя, а на единстве авторской идеи о судьбе мира и человека. Поэтому ему важно нарисовать целостную картину жизни не только героя, но и национального мира, а также обозначить в пространстве драматической сцены его ценностные позиции, на основании которых этот мир развивается или пребывает в стагнации. Это и позволяет сделать окружение героя, очевидно «восходящее» в своем функционале к хоровому герою античной драмы.

Еще одним наблюдателем, способным войти в драматическую картину, а также обозначить свое присутствие вне ее, является тот, чей голос звучит в ремарке. Он видит картину как целую (препозитивная и внутренняя ремарка), но может оказаться настолько близко к персонажу (внутренняя ремарка), что его зрение будет ограничено точкой зрения героя. Этот ремарочный субъект — аналог эпического повествователя.

Драма Островского — результат работы автора, обладающего своим личностным видением и пониманием происходящего с миром и героем как его частью. И поскольку это видение особое — личностное и, что важно, частное, то для его выражения нужен герой, благодаря диалогу с которым это личностное и частное мнение может быть оформлено. Это обуславливает особое содержание образа героя в мире Островского — как главного персонажа, так и его окружения.

В конечном итоге, и особенности драматического действия, и важность сценического, а еще больше — внесценического временного пространства, содержание и функции образов героя и ремарочного субъекта говорят об освоении театром Островского языка эпоса как о развитии тех особенностей русской драмы, которые обозначились еще в XVIII в. и были связаны со стремлением авторов выразить национальную идею жизни и судьбы.

ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ОПЫТАХ ФРАНЦА ФЮМАНА 80-Х ГГ.

Шарыпина Татьяна Александровна

профессор, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Творчество Ф. Фюмана 1980-х гг. отражает состояние духовного кризиса, вылившегося в освоение новых для писателя драматургических форм и поиски новых эстетических принципов, способных синтезировать весь философский, литературный, интеллектуальный опыт, накопленный цивилизацией к исходу XX в. Насущная проблема осмысления перспектив развития человечества обратила многих деятелей культуры Восточной Германии 70–80-х гг. XX в., в том числе и Ф. Фюмана, к актуализации архетипических констант классических гуманистических традиций: заново были открыты смысловые возможности мифа, сказки, фантастики. Писатель задумывается о бесперспективном противостоянии двух немецких государств, изобразив его в сборнике рассказов в жанре антиутопии «Сайенс Фикшен». Оба режима бесперспективны, поскольку нивелируют человеческие ценности и, прежде всего, свободу индивидуального выбора. Идеи эти нашли отражение в написанном Фюманом киносценарии «Simplicius Simplicissimus», а также в опубликованных после ухода из жизни писателя драматических опытах: радиопьесе «Тени» («Die Schatten», 1984) и либретто «балета» «Кирка и Одиссей» («Kirke und Odysseus». Ein Ballet, 1984), пьесе об Алкесте. Эти драматургические опыты в совокупности представляют собой стремление Ф. Фюмана психологизировать содержание мифа, его мотивы и образы, представляющие, с его точки зрения, психические метафоры, вскрывающие индивидуальные и социальные глубинные структуры и побудительные причины основ бытия. Писатель подчеркивает качественно иное распределение в мифе, где все находится в процессе вечного изменения и становления, «света» и «тени», добра и зла, чем в сказке, где мораль однозначна, а сюжет всегда завершен. Мифы, по убеждению писателя, непрерывно происходят в действительности, обогащаясь новым смыслом, а жизнь, постоянно рождает новые мифологические ситуации или наполняет современным содержанием уже традиционные. Задача писателя — «развернуть новую мифологическую ситуацию в художественное целое», о чем свидетельствуют его драматургические опыты. Проблема «включенности» художественного сознания в новые средства массовой коммуникации (специфические особенности радиоэфира, визуальная изобразительность кинематографа и телевидения, современная сценография) заставляет с новой точки зрения подойти к рецепции мифа. Фюмана можно назвать одним из наиболее ярких экспериментаторов в этой области. В поздний период его творчества преобладает психологическое переосмысление традиционных мифологических ситуаций, создание новых их версий, смысловое заполнение логических «зияний» в известных сюжетах, а также использование возможностей иных видов искусства и средств коммуникации — радио, кино, пространственно не ограниченных рамками сцены, воплощая идею спектакля как путешествия по различным эпохам, которое позволяет увидеть в причудливом содержании мифа вневременное зерно. Показательны драматургические формы, в русле которых творил Фюман. Литературным источником для сюжета радиопьесы «Тени» (1984) послужили события IX–XII песней «Одиссеи» Гомера. Фюман прежде всего реализует метафору Гомера («железные люди»). Фюман не ломает стереотип в восприятии образа Одиссея, оставляя за слушателем право самому делать соответствующие выводы. Работа над языком и работа над мифом здесь тесным образом переплетаются. Обезличенность героев и сама ситуация — подведение итогов жизни и познание смысла собственного существования — вносит определенные экзистенциальные мотивы в содержание и проблематику радиопьесы. Диалог имеет циклическое построение, разговор постоянно возвращается к центральной проблеме, ради которой написана пьеса — о смысле и назначении человеческой жизни, о человеческом призвании на земле. Финал радиопьесы Фюмана представляется открытым. «Балет» Фюмана «Кирка и Одиссей» — еще один инвариант воплощения мифологемы странствий Одиссея. Балет принадлежит к зрелищным синтетическим пространственно-временным видам художественного творчества. Однако драматургия, музыка, изобразительное искусство

объединены хореографией. Стержнем, основой балетного спектакля является сценарий (либретто), которое, следуя законам жанра, включает сценографические указания, касающиеся декораций, игры света, музыкального оформления, но в то же время содержит философско-эстетический комментарий. В основе сценического пространства «балета» лежит принцип террас. Так посередине сцены располагается гора, которую в виде спирали опоясывают три террасы, средняя из которых располагается наискосок, связывая вершину — обиталище Кирки — и основание — загон лемурув, олицетворяющих тупость, леность ума и низменную чувственность. Как существо, воплощающее божественное начало, Кирка противостоит Одиссею и грекам, воплощающим одновременно и низменность страстей, и возвышенность духа человека. Не случайно греки действуют чаще всего на средней террасе — между обиталищем Кирки и загон лемурув. В отличие от возможностей радиопьесы помощью «драматургии чувств» в танце передаются узловые моменты взаимоотношений героев, хореография имеет обобщенный характер и развивается в формах, аналогичных принципам симфонической музыки. Хореографический рисунок танца спутников Одиссея решен в ритме неумолимого, «брутального» военного марша, одновременно символизирующего и нестигаемость духа греков, и грубость, и низменность человеческих страстей. Пьеса «Алкеста. Пьеса с музыкой в первом акте, втором акте, двух третьих действиях и прелюдии...» («Alkestis. Stück mit Musik in einem ersten Akt, einem zweiten Akt, zwei dritten Akten und einem Vorspiel...», 1989) была опубликована в редакции И. Пригниц после смерти Фюмана. В отличие от двух первых опытов, папка с «Алкестой» не перерабатывалась и не открывалась Ф. Фюманом с 1982 г., как считают исследователи из-за глубинных личных мотивов и ассоциаций. Жанр произведения обозначен автором как пьеса с музыкой (Stück mit Musik), хотя задумывалось произведение в качестве либретто.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00559 «Античный код в проблемном поле русско-немецких театральных взаимосвязей».

ПОСЛЕ ГАМЛЕТА: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Щукина Марина Сергеевна

специалист, Первый Московский Кадетский Корпус

«Гамлет, принц Датский» — один из самых «сильных» (термин Н. А. Кузьминой) текстов мировой культуры, на протяжении веков аккумулирующий всеобщее внимание. Появившаяся на закате ренессансной эпохи трагедия У. Шекспира отобразила трагическое мировосприятие своего времени [Пуришев 1996], обусловленное кризисом гуманистической веры в возможность гармоничного мироустройства, а соответственно, и в универсального Человека, призванного преобразить мироздание [Пуришев 1996]. Отсюда и восприятие образа Гамлета как художественного воплощения проблематичности ренессансной концепции человеческой личности. Интерес к обозначенной трагедии в XX в. европейской культуры обусловлен сопоставимостью двух гуманистических кризисов, первый из которых на рубеже XVI–XVII вв. определил появление образа Гамлета. Второй, достигший кульминации в конце 60-ых гг. прошлого столетия [Смирнов 1946] — альтернативного персонажа. Если кризис гуманизма ренессансной эпохи основывался на невоплотимости гуманистических идеалов в современном мире [Смирнов 1946] и заставил гуманистов искать иную опору для обоснования веры в Человека как творца мироздания, то XX в. показал несостоятельность гуманистической концепции человеческой личности (названное А. А. Смирновым трагическим гуманизмом). Отсюда переосмысление образа Гамлета в антигуманистическом ключе, о чем свидетельствуют немецкая и польская традиции его дегероизации, представленные, с одной стороны, творчеством Г. Гауптмана, Б. Брехта, Э. Вайса, А. Деблина, М. Вальзера, Х. Мюллера, с другой, Я. Мальчевского, С. Выспяньского, К. Галчиньского, З. Херберта. В европейской литературе последней трети XX в. появляются произведения, в центре которых — второстепенные персонажи «Гамлета», что позволяет реинтерпретировать претекст. Мы остановимся на пьесах «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» (1967) Т. Стоппарда, «Фортинбрас спился» (1983) Я. Гловацкого, «Гамлет в остром соусе» (1987) А. Николаи, «Убийство Гонзаго» (1987) Н. Йорданова, «Офелия» (2000) Т. Ахтман. В них происходит смещение господствующей в оригинале повествовательной доминанты, запускающее механизмы деконструкции, направленные на децентрацию и девальвацию господствующих дискурсов с целью поиска нового героя современности. Так, в пьесе Т. Стоппарда на смену Гамлету приходят Розенкранц с Гильденстерном. В силу духовной инертности, безволия они неспособны занять деятельную жизненную позицию, поэтому им не удается выйти из «шекспировской» роли и изменить свою судьбу.

Персонажи-актеры в пьесе Н. Йорданова вслед за Гамлетом борются с несправедливостью мира, диктующего «маленьким людям» правила игры. Сыгранный спектакль репрезентирует жертвенный, безнадежный протест, наделяющий смыслом их жизнь, придающий их существованию цель, а вместе с нею общность, цельность, легитимность. В пьесе Т. Ахтман образ Гамлета представлен в антигуманистическом ключе: принц безучастен к судьбам любящих его Офелии и Гертруды. Героини, осознав подневольность, отчужденность собственного существования, обусловленную покорностью перед «женской» судьбой, налагающей на них различные запреты, решаются на самоубийство. Центральные герои пьесы А. Николаи — кухонная прислуга, которой удается взять в свои руки будущее Дании. Для них «расшатавшийся» мир приемлем, поэтому в пьесе снимается необходимость противостояния ему. В образе Фортинбраса изображена Я. Гловацким трагическая судьба человека, не сумевшего противостоять государственному механизму. Отсюда иллюзорность гуманистической «программы» Фортинбраса, взошедшего на датский престол, но оставшегося марионеткой. Итак, драматурги в творческом диалоге с У. Шекспиром демонстрируют нежизнеспособность, девальвацию, подмену в современном мире гуманистических принципов и идеалов, персонификацией которых выступает

образ Гамлета, смещенный у Т. Стоппарда на периферию, вытесненный со сцены у Н. Йорданова, дегероизированный у Т. Ахтман, деконструированный, сатирически переосмысленный у А. Николаи, превращенный в симулякр у Я. Гловацкого. Центральные персонажи их пьес оказываются перед гамлетовским выбором. При этом Т. Стоппард и Т. Ахтман обнаруживают неподъемность для своих персонажей гамлетовской миссии по преобразованию мироустройства. Я. Гловацкий — фиктивность гуманистических принципов и идеалов прошлого. А. Николаи показывает альтернативный гамлетовскому путь примирения с абсурдной реальностью, требующей приспособления к новым условиям существования. Напротив, герои пьесы Н. Йорданова в борьбе с коварством и ложью обретают смысл жизни. Однако финал пьесы, где торжество справедливости кажется неправдоподобным, не дает оснований для надежды на возможность преобразования мира на основе гуманистических принципов и идеалов.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-28-00989 («Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации»).

Литература

Пуришев Б. И. Литература эпохи Возрождения // *Идея универсального человека: курс лекций.* М.: Высшая школа, 1996.

Смирнов А. А. Шекспир, Ренессанс и барокко // *Вестник ЛГУ.* 1946. Вып. 1. С. 96–112.

Потеря идентичности, самоутрата вследствие децентрированности человека привели к постановке проблемы «субъекта»: «смерть автора» (Р. Барт), смерть субъекта (Ж. Делез), смерть человека (М. Фуко), смерть характера (К. Брук-Роуз).

Об антропологическом характере кризиса гуманизма (в том числе в контексте кризиса западной цивилизации) писали, например, О. Шпенглер, Н. А. Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Фромм, В. А. Лекторский, П. С. Гуревич.

ЗАЯВКА НА МИСТЕРИЮ: «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ИНСЦЕНИРОВКЕ АТТИЛЫ ВИДНЯНСКОГО НА СЦЕНЕ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА

Юрьев Андрей Алексеевич

профессор, Российский государственный институт сценических искусств

Атила Виднянский, с 2013 г. возглавляющий Венгерский Национальный театр в Будапеште, — один из наиболее значительных режиссеров современной Восточной Европы. «Преступление и наказание» — первый спектакль, поставленный им в России (премьера состоялась 10 сентября 2016 г. на основной сцене Александринского театра) и ставший заметным событием в культурной жизни Петербурга. Если сравнить его со многими другими прочтениями романов Достоевского, предложенными петербургской сценой за последнее десятилетие, то трудно не заметить, что позицию режиссера выгодно отличает отказ от игры на понижение — будь то давно «обкатанное» театром редуцирование прозы великого русского классика до содержания детективно-мелодраматического триллера либо «эпатажные» фантазии «по мотивам», за которыми не скрывается, как правило, ничего, кроме банального подросткового нигилизма или столь же инфантильного бегства за вчерашней интеллектуальной модой. Виднянский, для которого важен императив сохранения европейской культурной идентичности, определяемой, как он считает, в первую очередь христианством, не рвет связи между нашей современностью и художественным миром Достоевского, а заново устанавливает их. Считая проблему утраты веры главной для сегодняшнего европейского общества (о чем он прямо сказал в предпремьерном интервью), режиссер пытается перебросить мост от современного «профанного» театра к религиозному театру Средневековья (как и в спектаклях «Убийство в соборе» по драме Элиота и «Йоханне на костре» Онеггера — Клоделя, поставленных в Венгрии). Замах впечатляющий, требующий убедительного совмещения языков разных веков. Результат оказался интересным, хотя художественно противоречивым и слишком трудным для восприятия зрителем, неподготовленным для такого рода экспериментов. Режиссер строит свой спектакль по принципу «вызов/ответ».

Вызов — предлагаемые современностью обстоятельства, блокирующие все возможности трагического (и тем более — мистериального) катарсиса. Холодность, в которой не без оснований упрекнула критика спектакль, обусловлена заметным пренебрежением режиссера живой и полнокровной актерской эмоцией. В значительной мере эта особенность спектакля, крайне затрудняющая его непосредственное восприятие, обусловлена не только опасением его создателя скатиться в мелодраму, но и важной составляющей режиссерской концепции. — У Виднянского страдающие жертвы не так уж неповинны в своих страданиях. Потому что почти все они являются и палачами (исключение одно — Соня Мармеладова). Доведенные до крайней униженности, они самоутверждаются за счет других. Логика, надо признать, не противоречащая Достоевскому, а вполне согласующаяся с его беспощадным психологическим анализом. Но у Достоевского к ней всё не сводится, человек у него слишком «широк», чтобы поместиться в эту логику без остатка, и сострадание к несовершенному человеку — один из столпов, на которых держится художественный мир русского писателя. Виднянский куда менее щедр на сострадание, слишком, пожалуй, отстранен и сдержан. Соня в исполнении Анны Блиновой — единственный персонаж спектакля, излучающий (правда, лишь с конца первого действия) мощное душевное тепло. Чтение ею истории о воскрешении Лазаря — эта сцена подводит итог первому акту — неожиданный эмоциональный взрыв, особенно сильно поражающий после долго царившего на сцене холода. Одетая во все черное, даже не взяв в руки книгу и глядя в темное пространство зала, молодая актриса произносит евангельский текст слегка дрожащим грудным голосом, очень просто, без пафоса, без слезливо сентиментальных интонаций и с такой предельно сосредоточенной, искренней, непоколебимо твердой уверенностью в чуде, что сопротивляться духовной силе ее героини, кажется, невозможно. При всем рационализме и холоде, несмотря

на мощное сопротивление всех «предлагаемых обстоятельств», спектакль смыкается в конечном счете с христианско-гуманистической традицией русской литературы. Режиссер, пользуясь огромным резервуаром средств не одного лишь сегодняшнего театра, указывает, вслед за русским классиком, на дилемму, от разрешения которой зависит не только судьба отдельного, как сказал бы Киркегор, «единичного», но и судьба всего современного европейского — в том числе и нашего — «постхристианского» общества: или самоуничтожение, или дающее шанс на жизнь восстановление христианской идентичности. Третьего, по мысли режиссера, не дано.

Виднянский, однако, не учел одного обстоятельства: важнейшие для него смыслы без труда считаются лишь религиозно ориентированным сознанием, обладающим, кроме всего прочего, достаточным историческим (в том числе историко-театральным) кругозором. Между тем современная публика — как массовая, так и «элитарная» — слишком разнородна, чтобы «современная мистерия», в которой, пускай, и учтены трудности, связанные с возможностью достучаться до сегодняшнего иррелигиозного сознания, смогла стать мистерией без кавычек. Мистерия все же предполагает изначальное религиозно-мировоззренческое единство сцены и публики.

А в наше время такое невозможно. В России же, не имеющей в силу множества исторических причин многовековых традиций европейского религиозного театра, восприятие подобного рода действий тем более затруднено. Не стоит в связи с этим удивляться тому, что жанровая пестрота и «рыхлость» формы этого непомерно длинного спектакля (как будто «отзеркаливающие» длину, рыхлость драматургической формы и, условно говоря, «полижанровость» средневековой мистерии, создававшейся отнюдь не по аристотелевским законам) дают материал для иных, диаметрально противоположных толкований, не согласующихся с концептуальными намерениями режиссера. Но все равно попытка навести мосты между разными эпохами, пользуясь языками разных веков, интересна и отнюдь не бесперспективна, для сегодняшней российской сцены уникальна. Она открывает перед нашим театром новые и неожиданные возможности, позволяющие искать выход из постмодернистского тупика.

РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК ИНОСТРАННЫЙ И МЕТОДИКА
ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

СИСТЕМА ЯЗЫКА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ В АСПЕКТЕ РКИ. СОИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ РУССКИХ СИНОНИМИЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ ДЛЯ ИНОФОНОВ

Вэй И

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Зиновьева Елена Иннокентьевна

профессор, Санкт-Петербургского государственного университета

Лексикография всегда входила в круг основных научных интересов М. А. Шахматовой. Словари разных типов, с одной стороны, предоставляют лингвистам материал для теоретического осмысления, с другой стороны, в лексикографических произведениях находят практическое применение новые концепции. Данное взаимодействие анализируется в работе О. И. Блиновой (Блинова 2012: 6–26). Наиболее ярким примером подобного взаимовлияния может служить такое активно развивающееся направление лексикографии, как учебное лексикографирование. Рассматривая тенденции в развитии современной русской лексикографии, В. А. Козырев и В. Д. Черняк справедливо отмечают, что «с одной стороны, это тенденция к системному представлению языковых единиц разных уровней» посредством интегративного подхода к описанию языка в словарях, «с другой — это антропоцентрические ориентации современной лингвистики» с возрастающей значимостью фактора адресата при составлении словарей (Козырев, Черняк 2014: 5). В центре внимания данного исследования находятся синонимичные прилагательные русского языка, характеризующие свойства личности, рассматриваемые как объект описания в учебном словаре для иностранцев. Целесообразно использование сложной иерархической структуры словарной статьи учебного словаря синонимов, ориентированного на иностранных учащихся с уровнем владения русским языком В 2 — С 1.

Заголовочной единицей словарной статьи является сам синонимический ряд. Важным является графическое представление ряда, которое уже визуально должно дать представление о семантической структуре синонимического объединения: схематично могут быть представлены отдельные звенья ряда, наиболее близкие по своему значению (например, ряд с доминантой общительный включает такие звенья, как общительный — коммуникабельный — контактный и компанейский — свойский), или эквиполентные отношения между доминантой ряда и остальными членами (например, самоотверженный находится в эквиполентной оппозиции с прилагательными того же ряда жертвенный и беззаветный, что можно обозначить разнонаправленными стрелками к членам ряда, расположенным на одинаковом расстоянии от доминанты). Синонимический ряд набирается полужирным шрифтом, прописными буквами, над каждым синонимом проставляется ударение, в скобках после каждой единицы ряда курсивом даются функционально-стилистические пометы. Во второй зоне словарной статьи формулируется общее значение синонимического ряда. Например, для синонимов с доминантой общительный — ‘легко вступающий в общение с другими, склонный к общению, не замкнутый’.

В следующих зонах статьи приводится характеристика отдельных членов ряда, последовательность которых определяется степенью семантической близости синонимов. Каждое слово характеризуется по следующим параметрам: в скобках после прилагательного курсивом приводится его краткая форма (при наличии), затем формулируется значение, включающее дифференциальные семы, отличающие данный синоним от доминанты ряда. Посредством словосоче-

таний с существительными и наречиями степени показывается типичная сочетаемость (раздел обозначается буквой «С»), затем указываются однокоренные слова (предваряется буквой «Д»). При необходимости вводятся ограничительные пометы («редко о детях», «чаще о мужчинах»), или запретительные («только о взрослых»). Далее описывается стереотипное представление, стоящее за прилагательным. Это достигается приведением типичных черт характера и / или поведения, иллюстрируемых контекстами из «Национального корпуса русского языка». Обязательным является указание на положительную или отрицательную оценку прилагательного, или его амбивалентность. В последнем случае приводится объяснение, в каких ситуациях прилагательное приобретает ту или иную оценку. Например: КОММУНИКАБЕЛЬНЫЙ (коммуникабелен) — легко вступающий в неформальное и деловое общение; такой, с которым легко общаться, иметь дело, устанавливать контакты С: коммуникабельный человек, мужчина; (-ая) женщина, девушка; продавец, менеджер, представитель. *Редко: о детях. Сочетаемость с наречиями: очень, довольно, весьма, вполне, исключительно. Д: коммуникабельность. Черты поведения:

1) Демократичность, раскованность в общении. «Он был очень живым в общении, коммуникабельным, доступным, со всеми держался запросто, со многими был на «ты»» [Татьяна Шмыга. Счастье мне улыбалось... (2000)].

2) Лёгкость в общении с членами коллектива. «Остановиться ли на том, кто явно найдёт общий язык с командой, или взять менее коммуникабельного, но высококвалифицированного?» [Ричард Темплар. Алгоритмы эффективной работы. (2004)]. Черты характера: дисциплинированный, пунктуальный, исполнительный, решительный. Оценка: положительная. После описания наиболее близких по семантике синонимов (членов одного звена) в рамочке приводится обобщенное описание различий между ними. Например: «В отличие от слова общительный, для человека, характеризуемого прилагательным коммуникабельный, важнее деловое общение в сфере профессиональной деятельности. Контактный чаще характеризует человека, который легко сходится с незнакомыми людьми и легко идет на контакт». Таким образом, словарная статья разрабатываемого учебного словаря имеет макро- и микроструктуру. Она состоит из заголовочного ряда, представленного в виде схемы, толкования обобщённого значения ряда, нескольких мини-словарных статей, описывающих каждый синоним, и зон, в которых представлены отличия прилагательных друг от друга. Представляется, что предложенная модель словарной статьи учебного словаря синонимов является практико-ориентированной и будет способствовать более успешному обучению русскому языку как иностранному.

Литература

Блинова О. И. Теория → словарь → теория → словарь... // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 6–26.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Синонимические словари: пространство выбора // Северо-Западный лингвистический журнал. 2021. № 1. С. 8–21.

СЛОВО ПОДНЕБЕСНАЯ В ЗАГОЛОВКАХ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СМИ

THE WORD CELESTIAL IN THE HEADLINES OF RUSSIAN AND CHINESE MEDIA

Ван И

аспирант, Российский университет дружбы народов

Слово Поднебесная представляет собой в русском языке одно наименование Китая, приобретающее более образные и экспрессивные особенности при сравнении с другими названиями. Китайцы именовали свою страну по-разному, среди них слово Тянь-Ся (Поднебесная) стало самым распространенным. С 80-х гг. XX века в российских средствах массовой информации набирало популярность употребление слова Поднебесная как обозначение Китая. А в китайских СМИ Поднебесная появилось давно. Уделим внимание лексикографическим дефинициям слова Поднебесная в русском и китайском языках. Лексико-семантическая интерпретация данного слова представляется в базе исследований современных толковых словарях. Все российские толковые словари дают одинаковое толкование: «Земля, вселенная» [Толковый..., 1996]. Слово Поднебесная состоит из двух иероглифов: 天 — Небо, 下 — подножие, нахождение под чем-либо. В древнем Китае это слово употреблялось для обозначения территории при правлении китайского императора. В современном словаре китайского языка [Современный..., 2016: 1294]. Поднебесная 天下 толкуется как: Китай или весь мир; господство, владычество. Таким образом, Поднебесная имеет сходные значения в русском и китайском языках, но в китайском отличается символом власти страны. Проанализировав употребление слова Поднебесная в заголовках российских и китайских средств массовой информации, мы увидели сходства и различия данного выражения в двух языках. Рассмотрим название статьи «“В Поднебесной безоблачно”: iCloud перестал работать в Китае». Не трудно понять, что игра слов создана на основе соединения прямого и переносного значений слова Поднебесная. С одной стороны, речь идет о безоблачном небе. С другой стороны, безоблачно обозначает без iCloud, Поднебесная символизирует Китай посредством переносного значения данных слов, сообщает о сбоях резервного копирования, облачного хранилища файлов и фотографий у китайских пользователей смартфонов Apple. В заголовках СМИ встречается выражение из Библии «манны небесные», которое часто ассоциируется у людей со своевременной и долгожданной помощью. «Манна поднебесная. Оправданны ли надежды России на успешный союз с Китаем?» По содержанию новостей манна поднебесная подразумевает, что Россия нуждается в устойчивых отношениях сотрудничества с Китаем.

«Манна Поднебесная: продажи китайских смартфонов выросли в 2–3,5 раза» Здесь речь идет о том, что на российском рынке смартфонов, китайские бренды пользуются большой популярностью. При появлении слова Поднебесная в заголовках СМИ часто встречаются такие устойчивые выражения: дотянуться до небес, взлететь до небес, добраться до неба и т. д. «Дотянуться до Поднебесной. КНР для Украины сегодня не является приоритетным направлением внешней политики...» Автор трансформирует фразеологизм дотянуться до небес, имеет в виду, что выгодно в среднесрочной перспективе России сотрудничать с Китаем. «Взлет до Поднебесной: чем будет интересен МАКС-2019», «Каршеринг взлетел до Поднебесной // Операторы переключаются на автомобили китайских марок», языковая игра в данном случае построена на однокоренных словах Поднебесная и небеса, и одновременно на семантической связи выражения взлететь до небес. Существует особое выражение Небесная сотня, «Небесной сотней» на Украине называют граждан, погибших во время противостояния в Киеве в период «Евромайдана». Название «Небесная сотня» связано с тем, что силы участников «Евромайдана» были разделены на так называемые «сотни». Погибших, таким образом, свели в «Небесную сотню». Само слово Поднебесная часто употребляется в традиционном значении «Китай», прежде всего в газетных заголовках: «Радуга из Поднебесной», «Выходцы из Поднебесной грозят челябинцам выселением», «Влезем в шкуру Поднебесной», «Народ против Поднебесной», «Погрузчик из Поднебесной» и др [Чжао Сюцин, 2010: 132]. В китайских заголовках газет и прессы

часто используется слово Поднебесная, которое больше всего обозначает весь мир. 《天下财经》 Финансы и экономика мире, 《朝闻天下》 Утренние мировые новости, 《纵论天下》 разговоры о мире, 《天下新闻》 всемирные мир, 《早知天下事》 впервые знать все событие в мире и др. Как уже отмечалось, слово Поднебесная китайском языке символизирует не только весь мир, но и Китай. С древности до наших дней такое наименование распространяется из поколения в поколение. Наряду с этим употребление слова Поднебесная часто тесно связано с концепциями Даосизма и Конфуцианства, являющимися представителями Китайской философии. 《“天下大同”为全球治理提供启示》 Концепция, великое единение в мире, предлагает вдохнов глобального управления; 《哲学家谈中西防疫模式差异：个人意识与家国天下的文化差异》 Философы о различиях между противоэпидемическими способами: культурные различия между индивидуальным сознанием и миром семьи и государства; 《立天下之正位，行天下之大道》 Находиться в правильном месте действовать в соответствии с правильным путём. Кроме примеров выше, в СМИ Китая в заголовках встречаются фразеологизмы со словом Поднебесная. 《中华陶瓷，天下闻名》 Китайский известен во всем мире, 《4G手机不死！与5G平分天下》 Телефоны 4G не умирают! Разделить рынок сма поровну, 《胸怀天下者，朋友遍天下》 Человек заботится о всем мире, у которого друзья из всех стран в хорошо выучить китайский язык, можно без страха путешествовать по всему миру.

Основываясь на проведенном исследовании, можно сделать вывод, что слово Поднебесная играет значительную роль в русском и китайском языках. В заголовках российских СМИ оно часто используется как наименование Китая, и соединяется с устойчивым выражением, касающимся его родственного слова небо. А в заголовках СМИ Китая оно символизирует весь мир и Вселенную.

Литература

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. 1996.

现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2016. 1290 页. (Словарь современного языка. Пекин: Коммерческое издательство, 2016. 1294 с.)

Чжао Сюцин. Слова поднебесье и поднебесная в современных российских СМИ // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 2. С. 127–133.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ван Цзиншу

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время актуальным направлением становится исследование художественного текста «сквозь призму культуры в поликультурном коммуникативном пространстве, исследование процессов взаимодействия языковых картин мира в оригинальном художественном тексте и в его переводах на другие языки». [Хайруллина, Воробьев, Со Цян 2019: 387]. Русский язык входит в индоевропейскую семью языков, а китайский язык относится к китайско-тибетской языковой семье; китайский язык является изолирующим языком, а русский язык — неизолирующим [Солнцев, 1995]. Данные языки различаются кардинальным образом в фонетике, лексике, грамматике и синтаксисе, поэтому от переводчиков требуются особые знания в области их корреляции. Наибольшую трудность для обучающихся РКИ и для переводчиков художественного текста представляет адекватная передача национально-специфических реалий. Традиционно под реалиями понимаются слова и словосочетания, обозначающие объекты быта, культуры, социального и исторического развития народа. Являясь носителями национального или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий в других языках. Например, при обозначении Бабы-яги в китайских текстах обычно используется транскрипция с кратким объяснением: 芭芭雅嘎 (русский перевод: Баба-яга — старая ведьма в русской сказке). А имя персонажа китайской мифологии 女娲 (Нюйва) при переводе на русский сопровождается комментарием — одна из великих богинь китайского пантеона, создательница человечества. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяют безэквивалентную лексику как «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и ином языке, слова, относящиеся к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующие в культуре Б, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, одним словом, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [Верещагин, Костомаров 1980: 53]. В класс безэквивалентной лексики традиционно включают реалии, фразеологизмы, диалектизмы, жаргонизмы, архаизмы и т. д. Ошибочно было бы рассматривать эти языковые единицы как неперебиваемые, ведь их перевод можно осуществить с помощью других способов — например на ассоциативной основе. Приведем классический пример перевода русского фразеологизма В Тулу со своим самоваром не ездят на китайский язык. Даже обладая знаниями о том, что Тула — город в России, который известен производством самоваров, китайцы не могли бы понять смысл данного предложения.

В силу этого китайские переводчики передают внутренний смысл высказывания, используя фразеологизм, передающий общий смысл: 多此一举 (лишнее действие). Необходимость замены возникает и при переводе устойчивых сравнений: китайский фразеологизм 胆小如鼠 (труслив как мышь) на русский язык переводится трусливый как заяц. Ассоциативные лакуны — это слова, имеющие в сознании носителей данного языка определенные дополнительные ассоциации, отсутствующие в сознании носителей другого языка. Например, в русском языке ворона ассоциируется с глупым, небрежным человеком, в китайском языке такие ассоциации отсутствуют. Образ дракона в сознании носителей китайского языка ассоциируется с императором, с властью, в русском языке такого представления нет. Таким образом, при переводе необходимо не только учитывать традиционную культуру исходного языка, но и анализировать контекстуальное значение слова. Помимо разницы в лексическом соответствии, при переводе художественных текстов с русского языка на китайский возникают стилистические проблемы. Например, прилагательное желтый в стихотворении К. Симонова «Жди меня, и я вернусь»: Жди меня, и я вернусь. / Только очень жди. / Жди, когда наводят грусть / Желтые дожди, требует особого перевода, так как желтый в данном контексте обозначает не столько цвет дождя, сколько состояние человека. Исходя из этого, китайские переводчики переводили прилагательное жёлтый на китайский язык не дословно — 黄色的雨 (желтый дождь), а с помощью соот-

ветствующих эпитетов 淒涼的秋雨 (скорбные осенние дожди) (перевод — Ге Баоцюань), 愁煞人的陰雨 (печальные пасмурные дожди) (перевод — Су Хан). Рассматривая перевод на русский язык предложения из повести Лао Шэ «Моя жизнь»: «“八”字还没有一撇儿, 我觉得很高兴, 仿佛我已经很有把握, 既得到差事, 又能恢复了名誉», выполненный А. А. Родионовым: «Все ещё было вилами на воде писано, а я уже обрадовался, как будто всё уладилось и с работой, и с репутацией», следует обратить внимание на выражение — “八”字还没有一撇儿 (бук. пер. в иероглифе 八 (bā) не видно и не черты), которое обозначает, что дело пока не прояснилось. А. А. Родионов переводит данное предложение, используя русский фразеологизм вилами на воде писано, который хорошо знают русские читатели. Такой перевод не только сохраняет смысл, который автор оригинала хочет донести до читателя, но и передает красоту данной фразы. Таким образом, в процессе перевода с одного языка на другой возникают трудности, особенно если дело касается безэквивалентной лексики. Переводчики должны не только хорошо знать различия между двумя языками, но и учитывать культурные традиции и реалии двух стран, а также принимать во внимание национальные особенности и менталитет разных народов, чтобы, с одной стороны, обеспечить адекватное восприятие выраженных текстом информационных сообщений, а с другой — сохранить по возможности художественную форму оригинала и специфику литературного творчества иностранного автора. В конечном счёте исходный текст и переведенный текст должны производить на читателей одинаковое впечатление.

Литература

- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1973.
- Солнцев В. М.* Введение в теорию изолирующих языков: В связи с общими особенностями человеческого языка. М., 1995.
- Хайруллина Р. Х., Воробьев В. В., Со Цян.* Лингвокультурное пространство русской поэзии и особенности её перевода на китайский язык // МНКО. 2019. № 5 (78): 386–389.

СИНОНИМИЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ УЯЗВИТЬ — УКОЛОТЬ — УЕСТЬ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД

Бу Нзок Иен Кхань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Уязвить — уколоть — уесть являются членами синонимического ряда русских глаголов межличностных отношений с доминантой уязвить [Евгеньева 1970: 642]. По нашему мнению, эти три глагола образуют отдельное звено внутри ряда с общим значением 'болезненно оскорбить кого-либо'. Доминанта синонимического ряда, глагол уязвить, образован от слова язвить. Уязвить имеет следующее значение: 'глубоко обидеть, причинить нравственную боль', что позволяет нам выделить в его семантике инвариантный сценарий, соответствующий этому значению, например, Тут, однако, и не пахло злой преднамеренностью, желанием уязвить или выставить в невыгодном свете. (Сергей Шикера. Египетское метро // «Волга», 2016) [НКРЯ].

Данный инвариантный сценарий может реализоваться в следующих вариантах, например:

- 1) 'обидеть кого-либо своим поведением': Ведерников, уязвленный тем, что Кира нешла для него при встрече ни отдельного слова, ни отдельной улыбки, угрюмо осматривался (О. А. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016)); По другой, правда, версии, Катаеву пообещали кресло руководителя «Литературной газеты», но обманули, посадив туда Александра Чаковского. Так или иначе, Катаев был уязвлен (И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)) [НКРЯ];
- 2) 'говорить что-либо, чтобы оскорбить кого-либо': Семен будто назло хотел уязвить старика, но при этом казалось, что он говорил искренне. — Вы же тут старожил, — он сказал, — и вы, наверное, про всех всё знать хотите, но меня лучше не трогать, — тут он пальцем погрозил (А. А. Поступинский. Бог № 264 // «Волга», 2013) [НКРЯ].

В НКРЯ глагол уязвить чаще употребляется в полной или краткой форме причастия в пассивном залоге. Что касается глагола уколоть, то он образован от существительного укол. В толковых словарях русского языка значение этого глагола сформулировано как 'болезненно задеть кого-л., чьи-л. чувства колким ядовитым замечанием, насмешкой; уязвить' [МАС 1999: т. 4, 481; БТС 1998: 1381]. Данное значение выражает инвариантный сценарий: Маринка — это загадка, её неизлечимая тупая боль, засевшая слишком глубоко, чтоб понять её природу, самый близкий враг, стоящий всегда на стреме, с целью выбрать удачный момент и уколоть (Анна Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток», 2019) [НКРЯ].

Глагол уколоть часто реализует вариантный сценарий 'вербально оскорбить, обидеть кого-либо': Она... Она сказала «звала Полиною Прасковью»... Зачем она это сказала?! Хотела меня уколоть? Обидеть? (Е. В. Колина. Дневник измены (2011)); — От страха? — её голос уколол презрением. — А Ваня где? (Сергей Шаргунов. Вась-вась (2009)) [НКРЯ]. Чаще намерение обидеть является осознанным: А хотелось, очень хотелось её чем-то уколоть (Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене // «Ковчег», 2014); Иногда он старался уколоть меня побольнее, как будто для того, чтобы уравнивать наши чувства, привести их в состояние сообщающихся сосудов (Екатерина Завершнева. Высотка (2012) [НКРЯ].

Но встречается также вариант сценария, когда говорящий субъект считает неправильным вербальное оскорбление кого-либо и меняет своё намерение. Приведём пример: Всё время собиралась вас уколоть, сказав, что в качестве «капитана» вы интереснее, но передумала (Алексей Филиппов. Личность за вычетом славы. Исторические хроники: 5–11 февраля (2002) // «Известия», 04.02.2002) [НКРЯ].

Последний рассматриваемый нами глагол уесть образуется от глагола есть, и по данным толковых словарей, имеет значение, представляющее инвариантный сценарий 'обидеть, уязвить кого-либо замечанием', например, Но русский хотя бы понимает, каким обвинением можно больнее уесть русского же. (Чистые руки. Итоги // Известия, 2016.03) [НКРЯ].

Данный инвариант может реализоваться в следующих вариантах, например, 'глубоко обидеть кого-либо словами': Просторечные «небось» и «поди» употреблял редко, только когда хотел уехать неприятного собеседника. (Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)); А в очерке «Преспорил» (сборник, как я уже упоминала, «Время в начале жизни») главный герой, чистый молодой человек, уел с помощью этой эпической цитаты своего старшего товарища (бывшего товарища), замеченного как раз в кое-какой ерунде (Евгения Пищикова. Чистота // «Русская жизнь», 2012) [НКРЯ].

Синонимичные глаголы могут употребляться в одном контексте, тогда доминанта реализует инвариантный, а один из членов синонимического звена — вариантный сценарий: Нинино лицо сейчас дрожало от почти нестерпимых усилий сдерживания, от какого-то мстительного старания уязвить Камлаева во что бы то ни стало — уколоть его столь явным и убийственным несходством той, настоящей ее улыбки и этой садняще-оскорбительной подделки (С. А. Самсонов. Аномалия Камлаева (2006-2007)) [НКРЯ].

Таким образом, с помощью когнитивно-дискурсивного подхода выявляются когнитивные структуры, стоящие за семантикой рассмотренных глагольных синонимов, что позволяет сделать вывод о том, что эти глаголы отличаются друг от друга именно своими вариантными сценариями, при анализе которых можно получить информацию о субъекте, его интенциях, отношении к объекту общения, реакции объекта, ситуации взаимодействия субъекта и объекта.

Литература

БТС — Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>

МАС — Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой. М.: «Русский язык». 1999. Т. 4.

Словарь синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой. Ленинград, 1971. Т. 2.

ГЛАГОЛ «ПОДДЕРЖАТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД)

Галюк Алина Андреевна

преподаватель, Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова

Оказание поддержки — базовое понятие как в лингвистическом, так и в экстралингвистическом пространстве в различных языках, однако, будучи универсальным явлением, данное понятие может отражать различные когнитивные структуры в каждом языке. Целью исследования явилось определение основных семантико-когнитивных, дискурсивных и ситуативных характеристик глагола поддержать в русском языке для выявления когнитивной модели единицы, ее денотативного пространства. Выбор данной части речи при анализе феномена поддержки объясняется, прежде всего, акциональной природой исследуемой категории. В качестве ведущего метода анализа был выбран когнитивно-дискурсивный подход. Он подразумевает многоаспектное описание языковых феноменов как фактов познания и коммуникации с учетом ситуативной обусловленности речевой деятельности человека [Финикова 2018: 24]. Интегративный характер названного подхода обусловлен учетом не только собственно лингвистических, но и экстралингвистических факторов [Авдеева 2020: 18-19]. Анализ глагола поддержать включал следующие этапы:

- 1) лексикографическая характеристика лексемы;
- 2) рассмотрение контекстов употребления единицы, представленных в «Национальном корпусе русского языка» и источниках интернета, а также ситуаций использования;
- 3) определение базовых признаков лексической единицы посредством когнитивно-дискурсивного анализа;
- 4) конструирование когнитивной модели глагола.

Лексема поддержать, согласно данным толковых словарей, имеет два лексико-семантических варианта:

- 1) 'придержать кого-либо или что-либо, не дав упасть';
- 2) 'помочь', при этом отмечается моральный характер данной помощи, ее связь с ободрением и вселением уверенности в человека [МАС, III: 184].

По принципу дополнительности, представленные значения связаны тем, что человек оказывает содействие другому в сложных ситуациях, но в первом случае помощь носит буквальный физический характер, наблюдается мгновенный характер действия, что обусловлено резким падением человека, а во втором значении наблюдается нивелирование прочной связи с соматическим кодом, что и привело к разграничению данных категорий. Глагол поддержать как репрезентант когнитивной модели «оказать человеку помощь в сложной ситуации» может вербализовать ситуацию помощи в критической ситуации, имеющей общечеловеческую значимость (война, стихийные бедствия). В этом случае поддержка осуществляется за счет доброго отношения и конкретных действий субъекта. Как правило, субъект или объект одновременно оказываются в указанных ситуациях или же у субъекта ранее отмечался опыт пребывания в экстремальной ситуации. Выделяются индивидуальные критические ситуации (личное горе человека). Способы помощи варьируются: это могут быть слова поддержки, сказанные в контактной или дистантной форме, действия, направленные на решение проблемы человека. Обнаруживается идея о взаимной поддержке: подразумевается, что если индивид поддержал человека, то последний тоже должен помочь в трудных обстоятельствах. Частотно использование глагола поддержать в религиозном дискурсе, подчеркивается, что поддержка — это возможность, позволяющая людям сблизиться. Поддержка может оказываться не только на эмоциональном, но и на материальном уровне. Бинарный характер поддержки фиксируется в узле фрейма «способы помощи». Выделяются ситуации, сопряженные с личностным развитием людей, при этом

объектом поддержки является начинающий специалист (исполнитель, поэт, бизнесмен, учитель), субъект же представляет собой опытного или влиятельного человека, который оказывает помощь преимущественно невербальными способами, а именно посредством действий или материальных вложений.

Субъектом и объектом поддержки является взрослый человек или определенное количество людей. Часто при глаголе выступают наречия образа действия, меры и степени (весомо, очень; дополнительно, всячески, духовно, морально, психологически, материально), что закрепляется в термине фрейма «характер поддержки». В этот узел также входит информация о вербальном или невербальном способе помощи. Публицистический дискурс демонстрирует контексты, в которых субъектно-объектные отношения глагола поддержать детерминируются исключительно финансовой поддержкой, при этом субъектом выступает как одушевленное, так и неодушевленное существительное. Обнаруживается ситуативная вариативность: помощь оказывается не только в личных и социальных критических ситуациях, но и в спокойных жизненных обстоятельствах с целью финансового обеспечения.

Таким образом, представление о поддержке, вербализованное глаголом поддержать, в русском языковом сознании основывается на осуществлении в сложных для индивида или общества ситуациях речевых и неречевых действий, имеющих духовные или материальные основания. В разных типах дискурса фиксируется идея о поддержке при наставничестве, взаимной поддержке, важности помощи для духовного сближения людей. В публицистических текстах чаще отмечается финансовая обусловленность поддержки. Прототипический сценарий глагола моделируется следующим образом: наличие у человека проблемы — финансовая, моральная или невербальная помощь от другого человека — разрешение проблемы / улучшение психоэмоционального состояния. В ситуации финансирования скрипт претерпевает изменения: отсутствие нужного количества денег при реализации проектов — решение о материальном обеспечении — финансовая помощь — реализация проектов.

Литература

Авдеева М. Д. Когнитивно-дискурсивный аспект семантики глаголов лексико-семантической группы «СВЕЧЕНИЕ»: дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2020.

Словарь русского языка. Т. I–IV. М.: «Русский язык», 1985–1988.

Финикова И. В. Методология когнитивно-дискурсивного анализа в современной лингвистике // Актуальные вопросы современной науки: Сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Томск, 19 июня 2018 года. Томск, 2018. С. 19–27.

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТАХ XVI–XXI ВВ.

REFLECTION OF THE RUSSIAN NATIONAL IDEA IN RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL TEXTS OF THE XVI–XXI CENTURIES

Гуань Цзюньбо

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В процессе исторического развития у каждого этноса складывается своя уникальная национальная идея, в основе которой лежит осознание народом своей принадлежности к данному этносу по признакам общности территории, языка, веры, истории, культуры, а также понимание общности цели и смысла существования на Земле. Россия не является исключением. По сути, национальная идея России представляет собой совокупность представлений, которые связаны или отображают сущность русской ментальности и роль России в мировой истории. В настоящее время в связи со складывающейся в мире острой геополитической ситуацией интерес к национальной идее России как к идеологеме, воплощающей устремления народа, его достижения и цивилизационные особенности, существенно вырос. В историческом плане следует отметить, что содержательные аспекты данного понятия в России начали складываться значительно позже создания единого русского государства. Формирование представлений о национальной идее связывают с процессом поиска духовно-нравственной основы, объединяющей все восточнославянские народы в единое целое. Такой основой, как известно, стало православие. Таким образом, национальная идея России неизбежно имеет религиозно-философский подтекст. В докладе будет представлен анализ содержания основных составляющих национальной идеи России, сложившихся в русских религиозно-философских текстах. В процессе работы были рассмотрены различные формулировки национальной идеи России, предложенные русскими философами, мыслителями и священниками, такими как В. В. Аксютин, Н. А. Бердяев, А. В. Гулыга, Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, Е. С. Троицкий, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, игумен Филофей, патриарх Кирилл, митрополит Иоанн Снычев и архиепископ Тихон Лященко. Рассматривая компоненты понятийного содержания идеологемы «национальная идея» в текстах русских философов и богословов XVI–XXI вв., мы выявили основные её идейные составляющие. По значению их можно распределить по следующим тематическим группам:

1) Идея богоизбранности русского народа как носителя истинного Православия. В данную группу входят такие составляющие, как «Православие», «идея богоизбранности русского народа», «всеобщее спасение» и др. В одной из своих проповедей митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн отмечает, что «Россия есть государство народа русского, которому Господь вверил жертвенное, исповедническое служение народа-богоносца, народа-хранителя и защитника святынь веры» [3].

2) Мессианская идея по построению единого всечеловеческого царства. В данную группу входят такие составляющие, как «мессианская идея», «Москва — третий Рим», «всемирное общечеловеческое единение» и др. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» приблизил национальную идею России к представлению о всемирном единстве человечества: «национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение» [Достоевский 1984: 20].

3) Устремленность к святости и подражание святым людям. В данную группу входят такие составляющие, как «святость», «образ святителя Николая» и др. Архиепископ Тихон Лященко в одной из своих проповедей соотносит национальную идею России с почитанием святых, указывая на то, что их образы пользуются исключительной любовью среди православных в России: «В лице св. Николая русский народ чтит свой идеал. Вот почему те характерные черты, которые нашли свое яркое воплощение в жизни св. Николая, являются основными чертами, характеризующими и русский народ» [1].

4) Доброта и любовь. В данную группу входят такие составляющие, как «совершенное добро», «любовь» и др. С. Л. Франк видел высший смысл национальной идеи России в любви к Богу и любви к людям: «перед нами стоят всего лишь две заповеди, достаточные, чтобы осмыслить, обогатить, укрепить и оживить нашу жизнь: безмерная любовь к Богу как источнику любви и жизни, и любовь к людям» [Франк 1990: 158]. Выше мы привели лишь некоторые высказывания, характеризующие представления о национальной идее, сложившиеся в религиозно-философских текстах и в проповедях. В результате анализа более широкого контекста было выявлено, что центральными составляющими национальной идеи России являются идея богоизбранности русского народа как носителя истинного Православия, мессианская идея по построению единого всечеловеческого царства, устремленность к святости, а также доброта и совершенная любовь. На основе проведенного исследования можно дать обобщенное представление о русской национальной идее, сформированное в рамках философско-религиозного дискурса. Русская национальная идея — это совокупность понятий, используемых русскими философами и богословами для определения духовного облика, культурной самобытности и исторической миссии русского народа. На духовном уровне данная идея проявляется в святости, в частности, в православной религиозности, которая получила выражение в формуле «Святая Русь». На национально-государственном уровне эта идея воплотилась во всемирной ответственности — в защите православной веры и достижении общечеловеческого единства, которая проявилась в формуле «Москва — Третий Рим». Безусловно, в различных сферах жизни русского народа национальная идея приобрела свои специфические черты, однако общее представление о ней, сформулированное в философско-религиозных текстах, по-прежнему определяет единый подход к этому понятию и цели, которые государство ставит перед собой в процессе формирования общенациональных духовных ценностей.

Литература

- Архиепископ Тихон Лященко. Слово в день Тезоименитства Государя Императора Николая Александровича. URL: <https://pravoslavie.ru/50469.html>
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Ленинград: Наука, 1984. Т. 25. С. 20.
- Митрополит Иоанн Снычев. Одоление смуты. Слово к русскому народу. URL: http://www.golden-ship.ru/knigi/8/ioann-snichev_OS.htm
- Франк С. Л. Сочинения. Москва: Правда, 1990. С. 158.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ АНТОНИМОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ, В АСПЕКТЕ РКИ

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF ANTONYMS REPRESENTING NATIONAL CONCEPTS IN THE ASPECT OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Жэнь Чуньянь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Актуальность исследования обусловлена приоритетностью когнитивного подхода к изучению проблемы противоположности, репрезентируемой в национальных концептах при составлении словарей антонимов. В последние десятилетия появились словари, направленные на систематизацию антонимов, например, «Словарь антонимов русского языка» М. Р. Львова (под редакцией Л. А. Новикова, 1984), «Словарь антонимов русского языка» Л. А. Введенской (1995) и другие. В то же время, существующие словари антонимов не позволяют знакомить студентов курса РКИ с основополагающими для русского языка антонимичными парами. В некоторых словарях, например, в «Словаре русской ментальности» под ред. В. В. Колесова (2014), представлены и описаны типичные для русского менталитета антонимы, но концепты-антонимы не выделены в особую группу среди других концептов. Составление словаря антонимов, репрезентирующих национальные концепты, — сложная задача, требующая выбора оптимальных принципов лексикографирования. В настоящее время используются разные принципы лексикографирования, рассматривается как макроструктура, так и микроструктура словарей. Существует потребность в совмещении принципов лексикографирования для определенных видов словарей, например для составления толковых словарей на основе идеографических. В. В. Морковкин соглашается с мнением Л. В. Щербы и подчеркивает важность толкования понятий в данном вопросе: «хорошее описание лексических единиц практически невозможно сделать при отсутствии их идеографической классификации» [Морковкин 1981: 160]. Для лексикографирования антонимов, репрезентирующих национальные концепты, выделенные на материале «Словаря русской ментальности», необходимо предварительно разработать подходящие принципы описания. Названная цель требует решения ряда задач. Во-первых, необходимо обозначить сущность антонимии в контексте когнитивной лингвистики. В основе описания антонимов, репрезентирующих национальные концепты, предлагается использовать научный метод профессора В. В. Колесова, а именно метод построения семантической константы. Во-вторых, предлагается применение принципа бинарных оппозиций, согласно которому антоним становится антонимом и воспринимается как антоним только в случае существования его оппозита. Следовательно, необходимо описывать антонимы через приведение соответствующего оппозита, то есть отражать в словарной статье бинарную оппозицию как форму существования антонимии. В-третьих, требуется выявление типов антонимов, репрезентирующих национальные концепты, систематизация их по лексико-семантическим группам слов. Н. Ю. Шведова отмечает: «для того, чтобы избежать разнобоя в словаре, лексикограф должен работать не с алфавитным списком слов, а с определенными их лексическими группировками внутри отдельных частей речи. Только на этом пути могут быть достигнуты единство в разграничении значений, однотипность толкований...» [Шведова 1981: 171]. В-четвертых, важно учитывать взаимосвязь ментальности и концептуальной системы, а также семантические расстояния в структуре семантического пространства языка при создании словаря антонимов. В-пятых, необходимо учесть взаимосвязанность и взаимообусловленность отдельных компонентов в процессе создания словарей антонимов. П. Н. Денисов среди таких компонентов называет следующие:

- заглавное слово;
- формальные характеристики заглавного слова;
- семантизация заглавного слова;

- извлечения из текстов, иллюстрирующие ту или иную формальную или семантическую особенность заглавного слова;
- указания на «соседей» заглавного слова в лексической системе языка по разным осям семантического пространства;
- отсылки справочного характера [Денисов 1993: 217].

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Выделены принципы лексикографического описания антонимов, репрезентирующих национальные концепты русского языка в аспекте РКИ: использование метода построения семантической константы и ментальной матрицы; принцип бинарных оппозиций; лексико-семантической систематизации антонимов в словаре; учет взаимосвязи ментальности и концептуальной сферы антонимии; система отдельных компонентов описания антонимов в словаре. Использование словаря концептов, находящихся в отношениях антонимии, построенного на этих принципах, поможет иностранным студентам лучше понимать русский язык и русскую культуру.

2. Когнитивный подход является одним из наиболее приоритетных для изучения сущности антонимов и возможностей их использования в обучении языку. Основным элементом когнитивной лингвистики является концепт, выступающий продуктом языковой концептуализации, то есть результатом функционирования семантического плана содержания лексических единиц. Следовательно, наличие словарей антонимов помогает освоению взаимосвязи ментальности и концептуальной системы при изучении русского языка как иностранного.

3. Словарь имеет важное практическое значение для лингвистов, студентов-филологов, преподавателей русского языка в школах и высших учебных заведениях, а также для преподавателей русского языка как иностранного. Таким образом, словарь антонимов, репрезентирующих национальные концепты в аспекте РКИ, имеет выраженную педагогическую ценность, так как предоставляет преподавателю набор лексических единиц для объяснения значений слов и их усвоения студентами курса РКИ.

Литература

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1995.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 томах. СПб., 2014.

Морковкин В. В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981.

Шведова Н. Ю. Однотомный толковый словарь: специфика жанра и работы // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981.

ОБРАЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ЯЗЫКЕ ГОРОДСКИХ СМИ

Никифорова Анна Валентиновна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

На сегодняшний день СМИ настолько прочно вошли в жизнь человечества, что без них невозможно существование современного общества. С появлением «новых медиа», современного образа потребления информации в течение всего дня увеличивается количество поступающей информации, популярные СМИ не только передают сообщение, а формируют образ жизни, освещая различные события, происходящие в городе, стране и в мире в целом. Средства массовой информации сегодня являются неотъемлемой частью городского образа жизни и, следовательно, городского пространства. Городские СМИ стремятся к сообщению актуальной информации для проживающего здесь населения и для туристов, приезжающих посмотреть город. Обзор данной информации, ее анализ за определенный промежуток времени может стать проводником к формированию современного портрета города, в частности, Санкт-Петербурга, об образе которого идет речь в данном докладе. В наше время под влиянием СМИ создаются модели поведения и формы восприятия различных городов, создаются устойчивые сочетания, характеризующие тот или иной населенный пункт. Туристы могут судить о прогрессивности, современности, комфортности города, основываясь на текстах СМИ. Таким образом, актуальность информации, экспрессивность речи, образность, стилистическое оформление текста — всё это влияет на восприятие публицистического текста, оценку события, а значит на формирование облика города и создание его имиджа. При написании текстов журналисты опираются на целевую аудиторию, берут во внимание потребности и интересы разных поколений. Именно поэтому, с нашей точки зрения, важно рассмотреть городские СМИ, ориентированные на разные возрастные категории, с целью проследить взаимосвязь текстов СМИ и имиджа города, который можно анализировать по текстам средств массовой информации. Кроме того, нам представляется интересным рассмотреть не только образ Санкт-Петербурга, запечатленный в городских СМИ, но и провести опрос среди жителей города Санкт-Петербурга, приехавших в данный город по работе / учёбе или для отдыха, а также среди иностранных обучающихся. Изучение облика Санкт-Петербурга на страницах городских СМИ и в сознании городских жителей, с одной стороны, поможет сформировать современный образ Санкт-Петербурга, а с другой — позволит сравнить представление о городе, имидж которого формируется в городских СМИ, и актуализирован в сознании носителей русского языка и инофонов. Из вышесказанного следует, что город — это не только географическая точка на карте мира, а социальный феномен, образ, складывающийся в коллективном и индивидуальном сознании и существенным образом влияющий на восприятие города. Как пишет Петр Вайль: «Ведает ею (связью человека с местом обитания) известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил — города» [Вайль 1999: 3]. Для мониторинга средств массовой информации нами используются современные русскоязычные городские СМИ, вышедшие в период с января 2020 года по январь 2023 года: Аргументы и факты СПб, Metro СПб, Санкт-Петербургские ведомости, Вечерний Петербург, Деловой Петербург, Дневник; журнал Собака.ру, интернет-портал TimeOut Петербург. Основу выборки мониторинга и анализа публикаций с упоминанием города Санкт-Петербурга составили следующие конструкции:

- 1) какой? Санкт-Петербург (Петербург) — морской Петербург;
- 2) Санкт-Петербург (Петербург) — город чего?кого? — Санкт-Петербург (Петербург) — город мостов; Санкт-Петербург — это город творческой и креативной молодежи;
- 3) Санкт-Петербург (Петербург) — это что? — Санкт-Петербург — это культурная мекка; Санкт-Петербург — это морская столица.

Для выявления наиболее ярких и сильных доминант, связанных с образом Санкт-Петербурга, мы провели опрос среди петербуржцев и жителей города, приехавших с целью заработка или учебы, а также среди иностранных обучающихся (преимущественно китайских студентов). Исследование проводилось с использованием Google Формы и опросов в социальной сети *Vkontakte*. К опросам было привлечено более 100 русскоязычных человек и более 100 иностранцев (мужчины и женщины) в возрасте от 18 лет и старше. Респондентам задавался вопрос о наиболее ярких образах, связанных с Санкт-Петербургом. Респондентам предлагалось назвать пять наиболее сильных образов, определяющих город. Среди лидирующей пятерки образов были белые ночи (город белых ночей), мосты (город мостов), дождь (дождливый), холод (холодный), Эрмитаж. Кроме указанных образов, часто фигурировали образы культурного города, креативного города. При этом иностранные респонденты часто упоминали образ Достоевского, Пушкина. Образ белых ночей Санкт-Петербурга 100 % встречается у всех категорий респондентов. По мнению американского ученого Кевина Линча, «образ города — это продукт нашего сознания, реагирующего на видимую действительность, и поэтому он всегда в большей или в меньшей степени — «образ памяти». Поэтому всякое прямое восприятие представляет собой процесс не всегда нам заметного сопоставления того, что находится перед глазами и вокруг, с тем, что было выстроено где-то внутри нашего сознания» [Цит. по: Иванова 2005: 8]. В заключение отметим, что формирование современного образа Санкт-Петербурга сегодня является важной задачей продвижения позитивного имиджа России в целом. По результатам нашего анализа, одним из самых популярных имиджевых клише для Петербурга на сегодняшний день — «Петербург — культурная столица», «Петербург — морская столица». Этот образ города активно эксплуатируется средствами массовой информации. Однако, помимо этого имиджа, за городом закрепилось множество иных клише, о которых идет речь в данном докладе.

Литература

Вайль П. Гений места. М.: ООО «Издательство Астрель», 1999.

Иванова Л. В. Теоретические предпосылки участия прессы в формировании городской среды: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.

ПАРОНИМИЯ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АСПЕКТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Проницева Инна Александровна

доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

Обучение лексической семантике является неотъемлемой частью курса русского языка как иностранного на всех уровнях его изучения. Паронимия, наряду с полисемией и омонимией, представляет собой один из видов отношений лексических единиц на семасиологическом основании. Работа над паронимами начинается на первом сертификационном уровне, затем на втором сертификационном уровне список паронимов расширяется. Следует отметить, что лексических минимумов по всем уровням владения РКИ отсутствуют отдельные списки паронимов, хотя даны списки наиболее употребительных в речи синонимов и антонимов. Изучение паронимов необходимо, в первую очередь, будущим филологам и лингвистам, иностранным магистрантам и аспирантам, однако, отдельные паронимические пары или группы слов могут встречаться в различных нефилологических курсах, например, в курсе делового русского языка или научного стиля речи по специальности.

Как показывает практика обучения иностранных студентов филологических специальностей, различение паронимов-имен прилагательных вызывает большие трудности, чем различение паронимов других частей речи. Паронимы-имена существительные адресат — адресант, подпись — роспись, абонент — абонемент и другие имеют чётко сформулированное в словарях значение, что позволяет иностранным учащимся легко их идентифицировать. Употребление паронимов-имён прилагательных тесно связано с контекстом высказывания, что обуславливает наибольшие затруднения учащихся при выборе нужного прилагательного из паронимического ряда. Иностранные студенты, владеющие русским языком на первом или даже втором сертификационном уровнях, признают паронимию одним из самых трудных для них явлений.

Вьетнамским студентам, владеющим русским языком на первом сертификационном уровне (B1), мы предложили выполнить упражнения, направленные на различение следующих пар паронимов-имён прилагательных: единый — единственный, дружеский — дружественный, практичный — практический, ложный-лживый, высокий — высший, низкий — нижний, а также выбрать один пароним из трёх: деловой — дельный — деловитый, двойки — двойной — двойственный, дружный — дружеский — дружественный, экономный — экономический — экономичный. Какое из прилагательных следует употребить в предложении:

1. Как всегда, меня выручил Мишка — мой ... (единый — единственный) друг.
2. В четверг состоится ... (деловое — дельное — деловитое) совещание.
3. Сквозь ... (двойки — двойственные — двойные) рамы слышно было пение птиц и шум в саду.
4. Между странами установились ... (дружные-дружеские-дружественные) отношения.
5. ... (экономичный — экономический — экономный) хозяин знает цену каждой вещи.

Из вышеперечисленных предложений вьетнамские студенты допустили ошибку только в предложении 4, что свидетельствует о высокой степени сформированности навыков различения и употребления паронимов. Однако все участники исследования выполнили задание 4 неверно, выбрав пароним «дружеский». Учащиеся решили, что «дружеские отношения» — это устойчивое словосочетание, не зависящее от контекста. Семантика прилагательных дружеский и дружественный действительно близка: ДРУЖЕСКИЙ, -ая, -ое. 1. см. друг¹ и дружба. 2. Проникнутый симпатией, расположением к кому-н. Д. тон. Дружески(нареч.) улыбнуться кому-н. Встретить по-дружески (нареч.). [Ожегов] ДРУЖЕСТВЕННЫЙ, -ая, -ое; -вен, -ве-нна. 1. Дружеский, дружелюбный. Д. тон. 2. Взаимно благожелательный (преимущ. о государствах и отношениях между ними). Дружественные страны. П сущ. дружественность, -и, ж. [Ожегов] В Толковом словаре современного русского языка под ред. С. И. Ожегова отражен тот факт, что

прилагательное «дружественный» используется при характеристике отношений между государствами, но не ограничивается только этим контекстом. В лексических минимумах по РКИ паронимы дружный — дружеский — дружественный также представлены: 1. Дружеский — дружный — лексический минимум В1 [Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень 2015: 40] Дружеский — дружественный — дружный — лексический минимум В2 [Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень 2015: 38]

В связи с вышеизложенным, предлагаем следующие приёмы при работе с паронимами-именами прилагательными на занятиях по РКИ:

1. Чтение и разбор словарных статей.
2. Наблюдение за употреблением слова в контексте.
3. Подстановочные упражнения (Обстановка была очень дружеская — дружественная)). [Ласкарёва 2013: 132]
4. Работа с «отрицательным материалом» (исправление ошибок в текстах).
5. Составление предложений из предложенных словосочетаний (дружная семья — дружеский привет).
6. Чтение и анализ аутентичных текстов, содержащих паронимы.

Литература

- Ласкарёва Е. Р.* Прогулки по русской лексике. 3-е изд. СПб., 2013.
- Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / *Н. П. Андрюшина и др.* (электронное издание). 7-е изд. СПб., 2015.
- Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под редакцией *Н. П. Андрюшиной* (электронное издание). 5-е изд. СПб., 2015.
- Толковый словарь современного русского языка под ред. С. И. Ожегова. Электронный ресурс. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7240> (дата обращения 15.01.2023 г).

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОМ ПОЛЕ «ОДИНОЧЕСТВО»

Синь Лумин

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Национально-прецедентные феномены, известные подавляющему большинству членов определенного этнолингвистического сообщества, входят в когнитивную базу данной лингвокультуры, обладают инвариантами восприятия, служат национальными маркерами и находятся в фокусе внимания лингвокультурологии. Д. Б. Гудков в числе признаков прецедентных феноменов (ПФ) отмечает следующий: «За любым прецедентным феноменом стоит образ-представление, включающий в себя ограниченный набор признаков самого феномена, знакомый подавляющему большинству членов этого сообщества, что позволяет автору определить его как национально детерминированное минимизированное представление» (Гудков 1999: 58). Ассоциативный эксперимент обеспечивает быстрый доступ к материалу для исследования языкового сознания. В результате проведенного нами свободного цепочечного ассоциативного эксперимента на стимул «Одиночество» со 115 русскими и 115 китайскими респондентами был получен в целом 991 ассоциат: 513 от носителей русского языка и 478 от носителей китайского языка. 255 ассоциатов из этого количества составляют ПФ (149 реакций русских информантов и 106 реакций китайских информантов), что составляет 25,6 % от общего количества ассоциатов и доказывает важность ПФ в когнитивной базе носителей каждого национального языка. В научной литературе выделяют 4 типа ПФ: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя и прецедентная ситуация (Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 83–84). Исследование разных типов русских ПФ на фоне китайских ПФ на материале, полученном в результате проведенного ассоциативного эксперимента, показало, что больше всего сходств отмечается в таком типе данных единиц, как прецедентные имена. Например, и русские, и китайские информанты привели такие имена, как Ван Гог, Габриэль Гарсиа Маркес, Сто лет одиночества. Это связано с известностью этих имен собственных, названий произведений в мировом культурном контексте. Прецедентные имена, приведенные только носителями русского языка, восходят к русской классической литературе: Герасим, М. Ю. Лермонтов, а прецедентные имена в анкетах носителей китайского языка связаны с персонажами в художественных произведениях: Дугу Цюбай, Джейн Эйр, Форрест Гамп. Прецедентные высказывания русских респондентов в основном представляют собой строчки из песен, например: Одиночество — сволочь, одиночество — скука; Просто встретились два одиночества; Я за тебя и жизнь отдам, Но одиночество прекрасней. Этот тип ПФ в сознании носителей китайского языка представлен строчками из стихотворений, например: Одинокая лодка и старик в тростниковой накидке и кепке, Один рыбак ловил рыбу в холодном речном снегу; На высоте не перенести мороз. Подобное различие можно объяснить более развитой «песенной культурой» носителей русского языка, с одной стороны, и влиянием традиционного образования в Китае, обязывающем школьников заучивать наизусть философские стихотворные тексты, часто восходящие к древним эпохам, с другой стороны. Анализ приведенных прецедентных ситуаций показал различия в методах их реализации. Прецедентная ситуация для русских информантов Наполеон на острове Святой Елены реализуется в виде «прецедентное имя + краткое описание ситуации». Наполеон как прецедентное имя и острова Святой Елены как краткое описание сочетаются для воспроизведения исторического события, включенного в понятие одиночество в языковом сознании носителей русского языка. Прецедентная ситуация китайских информантов Остатки снега на мосту Дуаньцяо зимой реализуется в виде «названия предмета в прецедентном тексте + краткое описание сцены». Мост Дуаньцяо буквально означает 'Сломанный мост', и его использование в качестве названия места события из китайской легенды «Биография белой змеи» сочетается с описанием заснеженной сцены зимой, подчеркивая сожаление об отсутствии завершенности, что перекликается с одиноким концом героев легенды. Прецедентный текст может быть активирован прецедентным именем. Так, в связи с тем, что имя М. Ю. Лермонтова встречается

в числе русских прецедентных имен, тексты стихотворений поэта также появляются в ассоциатах русских информантов. Тема одиночества в поэзии М. Ю. Лермонтова отражена не только в ассоциатах русских информантов, но и китайских. Однако русские ассоциировали ее со строками стихотворения «Одиночество»: Как страшно жизни сей оковы // Нам в одиночестве влачить, а китайцы — со строками известного стихотворения «Парус»: Белеет парус одинокой // В тумане моря голубом! Кроме того, большинство русских прецедентных текстов взяты из фильмов, таких как «Одиноким предоставляется общежитие», «Один дома», «Бегущий по лезвию», «Ничей», «Ностальгия», тогда как виды источников китайских прецедентных текстов более разнообразны. Рассмотрение языковых средств ассоциативно-прецедентных единиц, полученных от русских и китайских информантов, позволяет отметить, что в формулировках русских ПФ чаще всего встречается слово одиночество, послужившее стимулом для эксперимента (включая однокоренные лексемы одинокий(-ая), один и др.), что составляет 52,6 % от общего количества ПФ в данной лингвокультуре, тогда как в китайских ПФ доля таких единиц ниже — 39,6 %. Можно предположить, что механизм ассоциирования носителей русского языка работает более непосредственно, отталкиваясь от формы слова-стимула, в то время как механизм ассоциирования носителей китайского языка носит более косвенный характер, с более гибкой переходностью между формой и содержанием.

Литература

Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.

Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 1. М., 1997. С. 82–103.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ «НЕЗАУРЯДНЫЙ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ)

Соколова Анастасия Петровна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Анализируемое прилагательное входит в ядро семантического поля «Уникальность / исключительность». Сама человеческая личность неразрывно связана с понятием уникальности: каждый человек мыслит себя особенным, ведь он «имеет только ему присущий набор унаследованных и врожденных задатков, неповторимый опыт, индивидуальные формы восприятия, мышления, эмоции, воли» [Вербицкий, 2013]. Характеризуя мир вокруг себя, человек отмечает и в окружающем материальном мире различные отклонения от его представления о норме: особенность, непохожесть на других, превосходство в каких-либо качествах или обладание редкими качествами и характеристиками. В связи с этим прилагательное *незаурядный* входит в лексико-семантическое макрополе «Человек» и в макрополе «Окружающий мир», в котором можно выделить микрополе «Артефакты». При этом данные поля пересекаются. Объектом исследования выступает прилагательное *незаурядный*, являющееся ядерным членом семантического поля «Уникальность/исключительность».

Цель исследования: выявить когнитивную структуру, вербализуемую прилагательным. Материалом для исследования послужили данные словарей русского языка, контексты «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ) и других интернет-источников, рефлексивные высказывания носителей языка. Прилагательное *незаурядный* образовано префиксальным способом путем присоединения приставки со значением отрицания *не-* к прилагательному *заурядный*. *Заурядный*, в свою очередь, образовано суффиксальным способом от *зауряд* «исполняющий обязанности» [Шанский, 2000]. С этимологической точки зрения, *заурядный* — замещающий *урядного*, а, следовательно, *суррогатный*, *посредственный*. На основе данных толковых словарей русского языка, сводное определение прилагательного можно представить следующим образом: ‘выделяющийся среди других, выдающийся’. С лингвокогнитивной точки зрения, прилагательное выступает как номинация одного из основных слотов фрейма, представляющего собой или характеристику человека другим индивидом; или характеристику неодушевленного объекта. Соответственно, при анализе контекстов НКРЯ и интернет-источников выделяются 2 денотативные области: человек и окружающий человека мир. Применительно к человеку можно отметить следующие черты: *незаурядный* человек талантлив, имеет широкий кругозор, харизматичен. Он часто известен благодаря своей выдающейся деятельности. *Незаурядность* может проявляться вопреки трудностям и часто на фоне *заурядности*. *Незаурядным* может называться и неодушевленный предмет. Обычно это продукт творческой деятельности (рассказ, дизайнерская мебель и т. д.), то есть то, что существует в небольшом количестве или единственном экземпляре и создано человеком — *незаурядной* личностью. *Незаурядным* также может называться любой предмет, нехарактерный и непривычный для повседневной жизни (например, кимоно — *незаурядный* предмет гардероба). *Незаурядным* может называться жизненный путь человека (жизнь, судьба и т. д.): по мнению носителей языка, *незаурядным* считается «тернистый» путь, жизнь человека, наполненная испытаниями, сменой мест и деятельности. Можно выделить основные группы слов, с которыми исследуемое прилагательное употребляется наиболее часто:

А. Конкретные одушевленные существительные: наименования

- 1) лиц разного пола (мужчина, женщина);
- 2) возраста (ребенок);
- 3) членов семьи (мать, сын);
- 4) известных личностей (имена собственные: Анна Ахматова, Иосиф Сталин);
- 5) лиц по профессии, роду деятельности (актёр, певица).

Б. Абстрактные существительные: наименования

- 1) человеческих качеств и свойств (сила, ум, талант);
- 2) человеческой деятельности и ее результатов (успех, достижения, поведение);
- 3) жизненного пути человека (жизнь, судьба);

В. Конкретные неодушевленные существительные: наименования

- 1) результатов деятельности человека, продуктов творчества (кресло, костюм);
- 2) непривычных для повседневности предметов (самовар, кимоно).

Г. Отрицательные и неопределенные местоимения: наименования

- 1) неопределенного субъекта (что-то, нечто);
- 2) отсутствия субъекта (ничего).

Оценка прилагательного может быть положительной, тогда носитель признака считается незаурядным во всех своих проявлениях, может быть амбивалентной в случаях, когда лишь одна характеристика человека определяется субъектом как незаурядная (при этом оцениваясь положительно), тогда как другие качества могут восприниматься отрицательно, а также, когда прилагательное имеет значение «выдающийся», без дополнительных семантических характеристик. Таким образом, при общем значении слота 'выделяющийся среди других' в зависимости от двух фреймов, в состав которых входит данный слот, можно предложить следующую схематичную структуру:

1. Субъект: человек ↔ Объект: человек. Способ восприятия: зрительный (женщина незаурядной красоты), непосредственное (личный контакт, знакомство, общение: она была незаурядным ребенком) или опосредованное взаимодействие (выводы на основе полученной информации: знатоки говорят, он был незаурядным поэтом), слуховой (незаурядный голос).

2. Субъект: человек ↔ Объект: предмет. Способ восприятия: зрительный (сделать из простого деревянного стола незаурядный предмет интерьера), слуховой (незаурядный звук из маленьких динамиков), вкусовой (незаурядный вкус шоколада с абсентом), обонятельный (незаурядный запах).

Литература

Вербицкий А.А. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике [Электронный ресурс] // Педагогический энциклопедический словарь. 2013. Режим доступа: https://psychology_pedagogy.academic.ru/

Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. 3-е изд., испр. М., 2000.

РЕШЕНИЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ КРОССВОРДОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

SOLUTION OF THEMATIC CROSSWORD PUZZLES IN CLASSES ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Старовойтова Ирина Александровна

доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

После выхода первого выпуска «Русская лексика в заданиях и кроссвордах» [Старовойтова 2007] прошло пятнадцать лет. Данное пособие адресовано иностранным учащимся, владеющим русским языком на уровне не менее А2. Пособие задумывалось как вспомогательное для иностранцев, изучающих русский язык, в качестве выполнения домашнего задания и как средство самоконтроля, так как в конце каждого выпуска, а их всего четыре, к каждому кроссворду имеются ключи. За это время на конференциях и на различных сайтах, посвящённых методике преподавания РКИ, были собраны отзывы коллег, работавших с данным пособием в аудитории с иностранными учащимися. Большинство преподавателей использует книгу в качестве дополнительного материала, предлагая студентам выполнить задания дома. Следует отметить, что данное пособие используется коллегами и в школах России на уроках по русскому языку с целью расширения лексического запаса учащихся при изучении темы «Лексика русского языка». В отзывах сообщалось, что данное пособие может быть использовано в работе с пациентами с неврологическими заболеваниями, имеющими черепно-мозговые травмы, опухоли головного мозга и даже инсульт. Считается, что кроссворд продлевает жизнь, медики используют кроссворд в качестве успокаивающего средства, процесс отгадывания дисциплинирует ум. Вместе с тем пособие может быть использовано в качестве учебного материала на разных этапах обучения иностранцев русскому языку в качестве самостоятельного учебного материала в курсе «Лексика русского языка» или в качестве вспомогательного на занятиях по развитию речи. Материал пособия рассчитан на контроль в виде игровых заданий за развитием лексических навыков; представлен в виде кроссвордов и заданий к ним. Методистами отмечается, что использование кроссвордов на занятиях по русскому языку

- 1) активизирует языковые особенности иностранцев в форме игры,
- 2) создаёт условия для знакомства с фоновой информацией экстралингвистического плана,
- 3) повышает грамотность учащихся.

Темы по четырём выпускам распределяются следующим образом: первый выпуск «Человек», второй — «В доме», третий — «Город», четвертый — «Увлечения, природа, календарь». Лексика сгруппирована по тематическим блокам. В каждом блоке выделены тематические группы. Каждая тема начинается с традиционной сетки кроссворда и задания в виде рисунков определенной тематики. Данный приём представления лексического материала даёт возможность совместить два способа представления ментальных репрезентаций: вербальной и образной. Учащийся должен осуществить ряд мыслительных операций: воспринять картинку — вербально идентифицировать на родном языке — найти русский эквивалент и потом правильно написать слово. Кроссворды сопровождаются заданиями, направленными на актуализацию лексических единиц, включение их в речь, развитие коммуникативной компетенции иностранных учащихся. Заданий в пособии много, перечислим основные:

1. Лексико-грамматические задания на сочетаемость слов:
 - А) дать словосочетание с глаголом;
 - Б) выбрать из предложенного списка определение к слову из кроссворда ;
 - В) заменить словосочетание по модели:
согласованное определение — несогласованное определение.

2. Задания на словообразование:

- А) подобрать однокоренные слова;
- Б) образовать слова с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов;
- В) образовать прилагательные от существительных.

3. Задания с фразеологией: даны пословицы, нужно соотнести со значением, найти соответствия. Или пользуясь поисковыми серверами Интернета привести примеры употребления пословиц в разных текстах.

4. Коммуникативно-речевые задания:

- А) употребить фразеологизмы, пословицы в рассказе, дополните диалоги, употребляя фразеологизмы;
- Б) подготовить рассказ на определенную тему;
- В) выразить различные интенции: посоветуйте, согласитесь, возразите собеседнику;
- Г) ответить на вопросы.

Обилие и разнообразие материала, его наглядность, тематическая определенность позволят удовлетворить разные потребности, интересы учащихся. Можно предложить следующие формы работы: индивидуальная, когда учащийся разгадывает кроссворд самостоятельно, выполняя домашнее задание; коллективная — предложить разгадать кроссворд всем вместе на уроке; парная — задание выполняют двое учащихся (у доски или за партой); групповая — когда учащиеся разбиваются на группы, при этом можно внести соревновательный элемент, кто разгадает кроссворд быстрее или дать время на выполнение задания, а потом сравнить, кто отгадал больше слов за выделенное время. Результативность решения кроссвордов может быть оценена по следующим показателям:

- А) время, необходимое для разгадывания слов и записи в клетки;
- Б) ошибки, допущенные учащимся при разгадывании кроссворда.

Литература

Старовойтова И. А. «Русская лексика в заданиях и кроссвордах». Выпуск 1. СПб, 2007.

КОМПОНЕНТЫ-ВЕРБАЛИЗАТОРЫ КОНЦЕПТА «РЕЧЬ» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ (ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Сюй Яо

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Пословичная картина мира — существенный фрагмент языковой картины мира. Идиомы и паремиологические единицы (ПЕ), как показывает собрание пословиц В. И. Даля [Даль 1862], отражают «народные» представления о языке и речи, обобщают знания о речевом общении: указывают на типичные особенности коммуникации, дают им оценку, фиксируют допускаемые говорящими ошибки в общении, предлагают рекомендации в отношении речевого поведения членов социума. ПЕ отмечены большим эвристическим потенциалом и служат материалом для лингвокультурологии, лингвистической аксиологии и др. Это подтверждается вниманием к ним в научных трудах Е. И. Зиновьевой, М. Л. Ковшовой, Л. Б. Савенковой, Е. И. Селиверстовой и др. Речь — это психолингвистический процесс, форма повседневного существования человеческого языка, важнейший вид человеческой деятельности. Не случайно столь значителен по количеству языковых единиц фрагмент пословичной картины мира, включающий характеристики весьма сложного явления — речи. Понятийная составляющая концепта «Речь» образуется дефиниционным ядром, включающим признаки, фиксирующие границы предметной области, к которой он отправляет: речь — «исторически сложившаяся форма общения людей», это явление двустороннее: процесс речи предполагает формирование и формулирование мыслей языковыми (речевыми) средствами и, с другой стороны, — восприятие и понимание языковых конструкций [Татиева 2015: 325]. В семантике лексемы речь выделяются две группы значений. Значения первой группы — ‘способность говорить, выражать словами мысль’, ‘система словесного выражения мыслей, служащая средством общения между людьми’, ‘тот или иной стиль языка, слог’ и ‘язык, свойственный кому-либо, манера говорить’ — отражают тесную взаимосвязь речи и языка; здесь также отчётливо видна связь менталитета и речи. Значения второй группы — ‘разговор, то, что говорят’, ‘публичное словесное выступление’ — представляют речь как деятельность [Гутовская 2007: 64]. Опираясь на семантизацию лексемы речь, можно отметить аспекты ее рассмотрения говорящими: речь предполагает действие ‘говорить’ с конкретизацией следующих характеристик: содержание, стиль (манера, темп и проч.), говорящий, собеседник, цель, условия осуществления, целесообразность и т. д. Идиомы и пословицы, фиксируя стереотипные представления, оформившиеся в ментальности определённого этноса, активно участвуют в раскрытии этого многоуровневого концепта. На выбор именно концепта «Речь» в качестве объекта данного исследования повлиял и широчайший спектр лексических средств русского языка, участвующих в его репрезентации, и частотность, с которой слова-вербализаторы (речь, болтать, молоть, язык, говорить и др.) встречаются в устойчивых словосочетаниях языка: Язык царствами ворочает; Речь красна слушанием; Говорит прямо, а делает криво; Давши слово — держись, а не давши — крепись. Отметим, что в репрезентации концепта участвуют как слова-компоненты, используемые в оборотах в их прямых значениях (Говорит бело, а думает черно; Красна речь поговоркою; Болтуна видать по слову, а рыбака по улову), так и в переносных значениях: Язык до Киева доведёт; Шила, мыла, гладила, катала — и всё языком! и др. В вербализации стереотипных представлений о речи (ее субъекте, процессе, признаках, цели и др.) участвуют в составе устойчивых выражений слова разных частей речи. Наибольшую группу составляют глагольные компоненты, среди которых имеются различия:

1. Одни глаголы содержат в своей семантике значение ‘говорить’ в качестве одного из основных: Не с ветра говорится, что болтать зря не годится; Говори с одними поменьше, а с другими побольше; Язык мой — враг мой: прежде ума (наперёд ума) глаголет; Полно тебе докучную сказку сказывать.

2. Для ряда слов-глагольных компонентов ПЕ значение ‘говорить’ отмечено в качестве переносного: Почесать язык(ом) (‘врать, говорить вздор’); Лясы точит да людей морочит; Брехать

(врат ь) — не цепом мотать: не тяжело; Понес аллилуйю с маслом (от гл. алалыкать ‘картавить, говорить невнятно; болтать вздор, молоть вздор’);

3. Третий разряд используемых в ПЕ глаголов, согласно словарным данным, семантически с речью не связан — это значение появляется только в составе паремии: На зло молящего Бог не слушает (т.е. кто молит о мести); Язык наперёд ума рыщет. Вторую значительную группу составляют существительные. Часть из них входит в ЛСГ имен, называющих акт речи: Вощина — не соты, голдовня (болтовня) — не толк; Блюди хлеб на обед, а слово на ответ! Язык языку ответ даёт, а голова смекает; Красно поле пшеном, а беседа умом; По разговорам всюды, а по делам никуды. Другая часть номинативных компонентов ПЕ входит в лексико-семантическую группу «наименование лица говорящего», т.е. субъекта речи, выступающего как объект наблюдения и оцениваемого со стороны. При этом внимание уделяется проявляющимся в речевой деятельности особенностям: Сам молчун, да руки громкие; Болтун не ждёт спроса, а сам все скажет; Большой говорун — плохой работун. Участвуют в репрезентации признаков концепта прилагательные и причастия, характеризующие говорящего (говорливый, речистый, молчаливый и др.) или саму речь (не сказанный, выговоренный и др.), и наречия (задорно, заборно, быстро, смело и др.). Таким образом, в пословицах обнаруживается широкий спектр лексических средств, которые, выступая в роли компонентов, участвуют в паремиологической вербализации концепта «Речь» и в показе разнообразных представлений, связанных у носителей русского языка с говорением.

Литература

- Гутовская М. С.* Концепт «Речь» в русской языковой картине мира и его место среди других понятий «народной лингвистики» // *Веснік БДУ. Сер. 4.* 2007. № 2. С. 63–70.
- Даль В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. М., 1862.
- Татиева А. Б., Суюнова Г. С.* Концепт «РЕЧЬ» в русской паремиологии // *Актуальные проблемы лингвистики. Сб. тр. конф.* Павлодар: Павлодарский гос. пед. ин-т, 2015. С. 323–328

ГЛАГОЛЫ С СЕМАНТИКОЙ «СОЧИНЯТЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ НАЧАЛА XX В.

Чай Минь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Изучение творчества поэтов разных стран — в том числе с позиций тексто-лингвистики — перспективное сегодня направление в силу развития межкультурных отношений и внимания к культурно маркированным явлениям. Анализ сходств и различий в языке произведений представителей разных культур дает возможность сформировать наиболее полное их понимание. Сравнительное изучение литературных произведений в рамках конкретных аспектов открывает возможности выявления общего и различного в языке и культуре, в прошлом двух народов, а также — в литературе. В рамках настоящего исследования выбрана первая треть XX в. как период, отмеченный серьезными переменами в обществе, которые могут получить отражение в стихах, изменениями в стилистических особенностях поэтического текста, в способах показа творческого процесса и т. д. Существующие различия между поэтическими произведениями на русском и китайском языках могут касаться самых разных сторон: рифмы, ритма, метрической формы, равно как и самого понимания поэзии и, конечно, способов вербализации концепта «словесное творчество». Это служит аргументом в пользу исследования лексической стороны произведений на двух языках, особенностей вербальной деятельности авторов, изучения спектра используемых ими лексических средств со значением «сочинять, творить». Все это обуславливает актуальность настоящего исследования. В настоящее время среди российских ученых-лингвистов языку поэзии и его особенностям уделяется большое внимание. Считая поэзию особым способом самовыражения, специалисты рассматривают природу поэзии, в основе которой лежит язык, и ее специфику, анализируют процессы актуализации слов [Кадимов 2019: 348], порождающие новые ассоциации и характеризующие мировидение поэта. При этом большую роль играют стихотворные (ритмические) формы, определяющие языковую сторону текста, логические построения и выразительные средства и образы — все это в совокупности порождает поэзию. Исследователи поэтического текста подчеркивают важность ассоциативных связей и значений слов, основанных на языковой и мыслительной деятельности авторов [Малафеев 2013: 140]. В поэтическом тексте обнаруживаются особые парадигмы слов, характеризующие авторский творческий метод, и одной из них является ЛСГ с семантикой «словесное творчество» — один из видов интеллектуального труда. В данной статье ставится задача выявить круг лексем, используемых поэтами при характеристике своей творческой деятельности, и отличия, которыми отмечены используемые единицы. При отборе примеров мы опираемся на данные Национального корпуса русского языка и отбираем поэтические строки, в которых обнаруживается лексика соответствующей семантики. Итак, в поле нашего зрения глаголы, характеризующие словесную творческую деятельность — «сочинительство». Это, безусловно, глагол сочинять — «создавать какое-л. художественное (литературное, музыкальное) произведение с помощью воображения в результате напряженного творческого поиска, находя подходящие варианты и идею» [Бабенко 2009: 301].

Ну, что ж, — сочинять человеку не трудно, Искусство покорно ему, Но как это жалко, и как это скудно, И как не нужно никому! [Г. В. Адамович. «Тридцатые годы, и тени в Версали...» (1921)] В поэтических текстах обнаруживаются и авторские трактовки значения глагола: И вот, карандаш очиня, Работает точно, вкрадчиво. Ведь часто стихи сочинять — Умело себя выворачивать. [А. И. Несмелов. Может быть, о (1924)] Синонимичны этому глаголу такие, как выдумывать, писать, складывать и др. В данную парадигму входит и глагол творить — с большим акцентом на семантике творчества, доступного далеко не каждому: От счастья плачет ночь, и вся земля в цвету... Благоговею, вспоминаю, творю — и этот свет на вашу слепоту я никогда не променяю! [В. В. Набоков. «Когда, мечтательно склонившись у дверей...» (1920)]. Особое место в этой парадигме занимает глагол слагать — с устойчивой сочетаемостью: Для тебя я, Русь,

/ Эти сказы спел, Потому что был / И правдив и смел. Был мастак слагать / Эти притчины, Не боясь ничьей / Зуботычины [С. А. Есенин. Песнь о великом походе (1924)]. Еще один глагол, входящий в эту парадигму — выдумывать. В данном случае необходимо отметить его использование у М. А. Светлова: Даже рифмы выдумывать лень, Вместо страсти и ожиданий Разукрашен завтрашний день Светляками воспоминаний [М. А. Светлов. «Выйди замуж за старика...» (1962)]. В китайском языке для обозначения творческой словесной деятельности используются также такие глаголы, как 作 — ‘сочинять’ (作诗 — ‘сочинять стихи’) и 创造 и 缔造 — ‘твори’ (‘создавать произведение литературы’ и т. д.). Так, например, в стихах Сюй Чжимо «Запереть свои тайны в ящик стола» глагол сочинять обозначает деятельность именно поэта, поскольку в тексте речь идет о сочинении стиха своей возлюбленной. В стихотворении Люй Юаня («Есть поэт — раб...») автор использует несколько глаголов, связанных со словесной творческой деятельностью и имеющих разное содержание (воспевать, сочинять, составлять). Таким образом, анализ поэтических текстов позволит увидеть стилистическое и семантическое своеобразие в русской и китайской системах используемых в поэзии средств с семантикой «сочинительства».

Литература

Бабенко Л. Г. Большой толковый словарь русских глаголов. М., 2009.

Кадимов Р. Г. Поэзия как самовыражение естественного языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 11: 346–352.

Малафеев А. Ю. Лингвокогнитивный анализ поэтического текста: трудности и перспективы // Вестник ННГУ. 2013. № 6–2: 140–144.

ПОРЯДОК СЛОВ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ КУЛИНАРОНИМАХ В АСПЕКТЕ ВОСПРИЯТИЯ МЕНЮ КИТАЙСКОГО РЕСТОРАНА НОСИТЕЛЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

Чен Юйфань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Еда является важной частью культурного обмена между Китаем и Россией, китайская кулинарная традиция становится очень популярной у россиян и количество ресторанов китайской кухни в России в последние годы увеличилось. Однако меню таких заведений готовят не профессиональные переводчики и не знатоки межкультурной коммуникации, поэтому часто такие меню содержат много смешных ошибок: кревески васаби с овощным салатом, кислая ветвь, еда для свиней и др. (подробнее см. [Круглякова, Чен: 2022]). Восприятие русскоязычного текста меню китайского ресторана посетителями зависит не только от того, как хорошо владеет переводчик русским и китайским языками, но и от его способности учитывать культурную и языковую специфику названий блюд и различия, существующие между русской и китайской традициями кулинарных наименований. В задачи настоящего доклада входило провести сравнительный анализ порядка слов, принятого в русской и китайской традиции наименования блюд, и проследить, как факты грамматической интерференции тормозят восприятие названия. Общее число исследуемых названий блюд (названия напитков и соусов не рассматривались) составило 1919 единиц. В лингвистику термин интерференция в значении «влияние одного языка на другой при билингвизме» был введен в конце 40-х–начале 50-х г. [Овчинникова, Павлова 2021: 72]. Благодаря работе У. Вайнрайха «Languages in Contact: Findings and Problems» 1953 г. термин стал популярным. Грамматическая интерференция как важная часть языковой интерференции в основном проявляется на морфологическом, морфосинтаксическом и синтаксическом уровнях. Сегодня лингвисты определяют синтаксическую интерференцию как передачу от интерферирующего языка интерферируемому особому порядку слов [Ульяницкая 2018: 377]. Исследователи выделяют семь функций порядка следования конstituентов предложения: семантическая, структурно-грамматическая, ритмическая, логико-связующая, эмфатическая, смысловозначительная и стилистическая, между которыми усматриваются известные отношения иерархии [Ярцева 2000]. Хотя порядок слов в русском языке относительно свободный, однако существуют определенные строгие правила расстановки компонентов, а в некоторых случаях порядок слов может определяться стилевой или жанровой принадлежностью текста. Например, в названии русских блюд существительное, называющее основной ингредиент или обозначающее общую классификацию блюда, обычно ставится вначале: брускетта с индейкой и вялеными томатами, щи суточные по-деревенски. Существительные, называющие гарнир, соус или приправы, часто стоят в форме творительного падежа с предлогами с, под или предложного с предлогом в и всегда следуют после названия основного ингредиента. На порядок слов в названиях китайских блюд влияют другие факторы, как экстралингвистические (цена, пропорция ингредиентов в блюде), так и лингвистические (количество слогов и другие фонетические особенности слова). Например, в китайских ресторанах часто подают 青椒炒肉丝 (жареная соломка из свинины с зеленым перцем; 青椒 — ‘зеленый перец’, 炒 — ‘жарить’, 肉丝 — ‘резаная соломка свинины’). Порядок следования компонентов названия обусловлен более низкой по сравнению с мясом ценой на овощи в Китае. В названии 酸菜鱼 (‘рыба с квашеной капустой’; 酸菜 — ‘квашеная капуста’, двусложное существительное suāncài, 鱼 — ‘рыба’, односложное существительное yú) порядок следования компонентов связан с количеством слогов в словах: на последнем месте всегда стоит односложное слово. Существенное отличие китайских кулинаронимов от русских состоит в использовании предикативных конструкций; в русских названиях личные формы глаголов не используются и при переводе должны быть преобразованы в причастия. Эта грамматическая разница также напрямую влияет на порядок слов: в китайском «дополнительный ингредиент — глагол — основной ингредиент» 剁椒烤鱼 (剁椒 — ‘пере чили’, 烤 — ‘печь’, 鱼 — ‘рыба’), в русском «основной ингредиент — глагольная

форма — дополнительный ингредиент» запечённый карп с перцем чили или «основной ингредиент — глагольная форма — дополнительный ингредиент» карп, запеченный с перцем чили. Иногда порядок слов оказывается полностью различным: в китайском «дополнительный ингредиент — основной ингредиент — категория блюда» 芥末虾仁沙拉 (芥末 — ‘васаби ‘креветки’, 沙拉 — ‘салат’); в русском «категория блюда — основной ингредиент — дополнительный ингредиент» (салат с креветками и васаби). Следование моделям, принятым в китайской культуре, в переводных меню китайских ресторанов может привести к непониманию. Название васаби, креветки и салат заставляет русскоязычного посетителя ресторана воспринимать слово салат в значении ‘огородное растение семейства астровых’. Исследование восприятия китайского меню в докладе будет построено на основе интервью. Сравнение различий между китайским и русским языками, а также между китайской и русской традицией наименования блюда позволяет выяснить причины сбоев на пути адекватного понимания текста меню и предложить стратегии наименования блюд в ресторане восточной кухни.

Литература

- Круглякова Т. А., Чен Ю.* «Кулинарные приколы из Поднебесной»: интерпретация переводческой ошибки как способ создания языковой шутки // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2: 43–57.
- Овчинникова И. Г, Павлова А. В.* Переводческий билингвизм: по материалам ошибок письменного перевода // Москва.: ФЛИНТА, 2021. 303с.
- Ульяницкая Л. А.* Подлежащее в вопросительных предложениях французского и нидерландского языков как предел синтаксической интерференции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1–2 (79): 377–386.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО «ДОБРЫЙ» В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Чжан Хуэй

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Как одно из прилагательных, обозначающих черты характера человека, лексема *добрый* широко используется не только в бытовой речи, но и в новых медиа. Т. А. Буданова и Е. И. Зиновьева предлагают ряд параметров для характеристики прилагательного как номинанта свойства личности: семантика, сочетаемость, выражаемая оценка, грамматическая характеристика, стилистическая характеристика, прагматическая характеристика, опрос носителей языка по специально разработанной анкете и сопоставление с другими языками (Буданова, Зиновьева 2010: 28–29; Зиновьева 2020: 23–24). В данном докладе функционирование прилагательного *добрый* в дискурсе интернет-источников рассматривается по данным параметрам. Дискурс рассматривается как речь, присваиваемая говорящим (включающая позицию говорящего), в противоположность повествованию, которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта (Бенвенист 2010: 139). По данным толковых словарей русского языка, сформулировано следующее сводное определение прилагательного: *добрый* — ‘благожелательный, расположенный к людям, делающий добро другим, отзывчивый, готовый помочь людям (противоп.: злой)’. Анализ употребления прилагательного в интернет-пространстве позволяет сделать следующие выводы: *добрый* может сочетаться с наименованиями лица любого возраста, мужского и женского пола: ребенок, мальчик, девочка, юноша, девушка, дядя, тётя, дедушка, бабушка, человек, папа, мама, мужчина, женщина и др. Например: «Ученые раскрыли секреты, как воспитать доброго ребенка (<https://clck.ru/33DBe3>); Была она добрая, ласковая и необыкновенно весёлая девочка (<https://clck.ru/33DC3S>); Добрая бабушка до самой последней минуты от нее не отходила (Там же). Существительные, сочетающиеся с прилагательным *добрый*, могут быть нарицательными, а также именами собственными или собирательными: *Добрая Анна* была маленькая и худенькая, и она была немка, в эту пору примерно сорока лет от роду (<https://clck.ru/33DC4T>); Приятно знать, что наша молодежь добрая и отзывчивая (<https://dzen.ru/a/Y5cVZ8fa0SQDInWw>). Прилагательное *добрый* употребляется для характеристики одного человека или группы людей, например, для самохарактеристики: *А ведь я добрый, я хороший, Но как не можешь ты понять* (<https://clck.ru/33DC56>); или для характеристики народа в целом: *То, что самый добрый народ живет в Исландии, признает не только статистика* (<http://samogoo.net/gde-jivet-samyiy-dobryiy-narod.html>). Оценка прилагательного *добрый* (применительно к человеку) в большинстве случаев является положительной: *Добрый человек* обычно наделен рядом положительных душевных качеств, за которые его ценят в обществе (<https://clck.ru/33DC9e>); *Добрый и простодушный*, это так то положительные качества (<https://clck.ru/33DCB2>). Когда прилагательное используется применительно к женщине, оно часто встречается в ряду однородных членов, которые также оцениваются положительно: *отзывчивая, хорошая, милая, мягкосердечная, умная, ласковая* и т. п. А если субъектом-носителем является мужчина, то данное качество может подвергаться сомнению. Такой вывод подтверждается следующими заголовками статей и вопросами, предлагаемыми для обсуждения пользователям интернета: «*Слабохарактерен ли добрый мужчина?*» (<https://clck.ru/33DCCCh>), «*Бывают ли мужчины добрыми, добродушными, или это им несвойственно?*» (<https://clck.ru/33DCDR>), «*Добрый и мягкий парень — это хорошо или плохо, по-вашему? Ваш какой?*» (<https://galya.ru/clubs/show.php?id=1159252>) и «*Почему девушки не любят и не ценят добрых парней?*» (<https://clck.ru/33DCET>). Встречается и интерпретация доброго человека как слабого: *Добрые и простодушные* никогда не добиваются успехов в карьере, им всегда неудобно переплюнуть другого (Там же); Судя по всему, можно думать, что это была слабая и добрая женщина, любившая своих детей, но имевшая на них мало влияния (<https://clck.ru/33DC3S>). Кроме того, отрицательная оценка прилагательного проявляется в сочетании с наречиями степени *слишком* и *чересчур*. Например: *Почему плохо быть слишком добрым* (<https://clck.ru/33DCLX>)? Как перестать быть чересчур добрым (<https://clck.ru/33DCMN>)?

Что касается грамматической характеристики рассматриваемого прилагательного, то добрый в полной форме может обозначать и постоянное свойство личности, и временное. Например: В целом, девушка она была хорошая, добрая (<https://clck.ru/33DC3S>); Мне непривычно видеть, какой ты добрый сегодня (<https://clck.ru/33DCNW>). В интернет-источниках прилагательное встречается в формах сравнительной и превосходной степени: Что сделать, чтобы стать добрее (<https://clck.ru/33DCPc>); Самый добрый человек... Так иногда называют некоторых людей (Там же). Прилагательное может субстантивироваться, например: Добрые — щедро больным помогают (<https://www.vampodarok.com/stihi/life/dobro-i-zlo/cont1148.html>). Наличие исследуемого свойства личности важно для профессий, которые связаны с работой и общением с другими людьми, что доказывает сочетание прилагательного добрый с такими существительными, как доктор, учитель, милиционер, актёр, продавец и т. п. Полученные в ходе проведенного исследования результаты могут быть использованы для преподавания русского языка в иностранной аудитории, при составлении учебного словаря для иностранных учащихся.

Литература

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. 4-е изд. М., 2010.
- Буданова Т. А., Зиновьева Е. И. Русский национальный характер в лингвистическом аспекте: теоретические основы изучения и языковая практика // Мир русского слова. 2010. № 1: 26–29.
- Зиновьева Е. И. Русская национальная идентичность в лингвокультурологическом фокусе (на материале прилагательных, номинирующих черты личности человека) // Профессорский журнал. Сер.: Русский язык и литература: изучение и преподавание. 2020. № 1(1): 23–26.

ОБРАЗ МЫШИ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЯХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Чжан Яньцю

старший преподаватель, Пекинский педагогический университет

Антропоцентрический подход к исследованию национальных языков в XXI в. обуславливает интерес исследователей к изучению национального лингвокультурного пространства, в том числе в аспекте преподавания иностранных языков. Паремиологический фонд языка наиболее ярко отражает особенности культуры народа, поскольку «большинство пословиц представляют собой стереотипы и прескрипции народного самосознания» [Телия 1999: 23]. Наше исследование не выявило работ, посвященных анализу культурных и национальных особенностей русских пословиц с компонентом мышь на фоне китайского языка, поэтому предлагаемое исследование обладает качеством новизны. Работа осуществлялась в несколько этапов. На первом было отобрано 33 русских и 9 китайских единиц с компонентом мышь. С опорой на алгоритм анализа паремий Е. И. Зиновьевой и А. Е. Маточкиной, согласно которому осуществляется классификация пословиц в соответствии с установками культуры [Зиновьева, Маточкина 2017: 26], мы выявили основные установки культуры, которые репрезентируют пословицы в русском и китайском языках. На третьем этапе исследования был проведен свободный цепочечный ассоциативный эксперимент со словом-стимулом мышь в русском и китайском языках. Полученные на слово мышь ассоциации мы распределили по тематическим группам. В результате на основе анализа материала сделан вывод о национально-культурном колорите русских и китайских пословиц с компонентом мышь. На основе анализа материала можно заметить, что русские и китайские пословицы с компонентом мышь содержат две общие установки культуры:

- 1) Трусливые люди могут быть храбрыми только тогда, когда им ничего не угрожает: например, И мышь грозит кошке, да издалека (рус.); 阴沟里的老鼠——明的大敢来暗地里来 — Мышь в закрытой канаве может заниматься только тайно (кит.).
- 2) Между противниками не могут быть истинные чувства: Мыши kota погребают-недруга своего провожают (рус.); 猫哭耗子 — кот оплакивает мышь (кит.).

Существуют также установки культуры, вербализованные только в русских или только в китайских пословицах. В русских пословицах с компонентом мышь выражены следующие лакунарные относительно китайского языка установки культуры:

- 1) Нужно знать как можно больше способов для решения проблемы: Бездельная та мышь, которая токмо одну дыру знает;
- 2) Надо заранее запастись и беречь нужное: И мышь в свою норку тащит (себе) корку;
- 3) Знакомых вещей или обстановок не стоит бояться: Мышь копной не задавить (не задавишь);
- 4) Каждый на своей собственной территории является боссом: Мышь в коробе как воевода в городе; Мышь в коробе как (что) князь в городе;
- 5) Чтобы добиться успеха, нужно действовать быстро и решительно: Поймалася (поймаласе) мышь — враз и бей, станешь изгиляться -мышей разведёшь;
- 6) Плохие привычки трудно изменить: Кошка мышей ловить не устанет, а вор воровать не перестанет;
- 7) Без надзора сверху — хорошо, свобода: Где нет кошки, там мыши резвятся;
- 8) В жизни всё относительно и многое субъективно, что одному хорошо, другому плохо: Кошке — игрушки, мышке — слёзки;
- 9) Незначительный человек не заслуживает беспокойства: Мышь гору не источит;
- 10) Нельзя недооценивать противника: Невелика мышка, да зуб остёр.

Нами обнаружены 7 установок культуры, отраженных в китайских пословицах с компонентом мышь и безэквивалентных относительно русского языка:

- 1) У плохого не высказывается хорошее: 鼠口不出象牙 — Из рта мыши не вытащить зубы слона.
- 2) Перед смертью любой человек любым способом пытается спасти свою жизнь: 鼠雀贪生, 人岂不惜命 — Мыши и воробьи дрожат за свою жизнь, люди не дорожат своей жизнью.
- 3) Все названия общепринятые, и не нужно стремиться к их истинности: 鼠无大小皆称老, 龟有雌雄总姓乌 — Независимо от размера, всех мышей зовут “лао”, независимо всех черепах зовут “у”.
- 4) У каждого есть свои выходы и способы для решения проблем: 蛇有蛇路, 鼠有鼠路 — У змеи есть свой путь, у мышей есть своя дорога.
- 5) Паника слабого перед лицом сильного делает сильного более высокомерным: 鼠张猫势 — Видя кошку, мышь умирает от страха, что и поощряет внушительный (импозантный, строгий) вид кошки.
- 6) Противоборствующие стороны не могут жить/дружить вместе: 猫鼠不可以同穴 — Кошки и мыши не могут находиться в одной пещере.
- 7) На каждую силу есть своя противосила: 鹰叼蛇, 蛇吞鼠 — Орел ловит змею, а змея проглатывает мышь.

Стереотипное представление о мыши в русском и в китайском языках имеет некоторые общие черты (например их облик, места обитания и т.д.), но обнаружено больше различий: во-первых, виды пищи мышей в китайском и русском языках отличаются, что определяется реалиями двух народов (например, ассоциации сыр и зерно в русском языке, а в китайском — кукуруза, рис, масло); во-вторых, в русском языке мышь является животным с более нейтральной оценкой, а в китайском языке мышь вызывает исключительно отрицательную эмоцию (грязная, вредная, злая, разбойничает). Это, с нашей точки зрения, обусловлено тем, что в китайском языке “мышь” и “крыса” обозначается одним и тем же словом “老鼠”, соответственно, в китайском представлении слово “мышь” обладает наблюдаемыми свойствами поведения и мыши, и крысы, что вызывает различные эмоции и оценки человека. Кроме того, существуют и различия в представлении двух языков, которые обусловлены народными традициями и обычаями стран. Выявленные установки культуры, вербализованные в русских пословицах, отражают основные идеи русской ментальности: дальновидность; осторожность; неопределенность мира; необходимость действовать быстро и решительно, чтобы добиться успеха и др.

Источник финансирования: Supported by “the Fundamental Research Funds for the Central Universities”.

Литература

- Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 13–24.
- Зиновьева Е. И., Маточкина А. Е. Лингвокультурологический аспект изучения русских паремий (на материале пословиц с компонентом вода) // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 2017. № 28. С. 29–34.

СЕМАНТИКА «СООТВЕТСТВИЕ / НЕСООТВЕТСТВИЕ» В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ О РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Чжао И

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Семья как необходимый человеку специфический социальный институт и различные типы родственных отношений в ней не могут не отражаться в языковых единицах народного происхождения. Несмотря на происходящие в семье в ответ на историческое развитие изменения, в пословицах сохраняются выраженные в компактной и выразительной форме взгляды на отношения между членами семьи и их оценки.

Фразеология, в которой «наиболее ярко проявляются национальных опыт, традиции и мировоззрение каждого народа» [Зиновьева, Юрков 2006: 86], имеет особое значение для исследователей, заинтересованных в выявлении в результате сопоставительного изучения определенных языковых различий, обусловленных действием совокупности факторов, специфических для каждого из этносов. Весьма актуальный сейчас лингвокультурологический подход к анализу языковых единиц основан на положении о том, что «в языковых знаках хранится и транслируется культурная информация» [Ковшова 2019: 14], во многом объясняющая прошлое и настоящее языка и его носителей.

Как свидетельствуют паремиологические единицы (ПЕ) (Каково семя, таково и племя; Отец был Фрол, а детки Миронычи и др.), носители языка усваивают и передают от поколения к поколению, помимо прочих, наблюдения относительно того, насколько гармоничными бывают отношения в семье, каковы общие черты в семьях разных людей, в чем состоят приоритеты в области родственных отношений.

Соответствие как особая разновидность отношения категоризируется человеческим сознанием в логико-философском и лингвистическом планах. В наивной языковой картине мира соответствие — это «стройное, слаженное, гармоническое сочетание объектов одного и того же или “разных миров”». Оно, возникает на базе осмысления объективно существующего или приписываемого объектам сходства по одному или ряду признаков [Захарова 1997: 3]. При этом значимым для говорящих может быть как соответствие, так и его отсутствие.

Обращение к изучению ПЕ, объединенных семантикой «соответствие/ несоответствие», в сопоставительном ключе обусловлено отсутствием работ на эту тему в российском и китайском языкознании — несомненно, важных для изучения национального культурного наследия русского и китайского народов.

Как показывает анализ пословиц, извлеченных из словарей В. И. Даля, В. П. Аникина и др., в паремике получили отражение различные наблюдения, возведенные в ранг обобщений, народной мудрости. Так, соответствие в традиционном смысле часто ассоциируется с наследственностью: дети наследуют гены своих родителей, поэтому нетрудно найти девочек, похожих на своих отцов, и мальчиков, похожих на своих матерей: Какова мать, таков и сын; Какова мать, такова и дочь; Каковы батьки-матки, таковы и дитятки и т. д. При этом паремиями может характеризоваться сходство не только внешнее, но и по характеру поступков, образу жизни и проч. И здесь немало ПЕ, образно представляющих идею соответствия: Каков корень, таково и семя; Какова берёзка такова и отростка; Каков в дом, таков и самому; Каков пень, таков и отростень; Каков род, таков и приплод (род — ‘племя’, приплод — ‘потомство у людей и животных’). Интересно, что в подобных ПЕ отмечается преимущественно соответствие, оцениваемое носителями языка отрицательно: Яблоко от яблони недалеко падает — пословица ‘о том, кто унаследовал плохое, неблагоприятное поведение от отца, матери’. Соответствие может быть выражено более конкретно: Родители трудолюбивы — и дети не ленивы; Отец — рыбак, и дети в воду смотрят (‘дети с отцами очень похожи, они наследуют бытовые привычки и трудовые навыки и умения родителей’).

Характеризуя супругов, русские ПЕ также часто отмечают необходимость соответствия одного другому: Каков муж, такова и жена; Какова жена, таков и муж. Не случайно сходство между ними, хотя и негативного свойства, выражено в ПЕ Муж и жена — одна сатана (ср. также: Два сапога пара). Жена и муж играют важную роль в жизни друг друга и прочно связаны между собой: Муж жене отец, жена мужу венец; Птица крыльями сильна, жена мужем красна; Куда иголка, туда и нитка. Пословица предписывает выбирать в качестве супруга равного, что образно выражено так: Руби дерево по себе. Для создания семьи мужчина должен выбирать соответствующую себе жену, иначе не исключаются и такие коллизии, как в ПЕ Злая жена сведет мужа с ума. И наоборот — уважительное, любящее отношение мужа способствует и успешному исполнению женой своих обязанностей: У милостивого мужа и жена досуза.

Семантика соответствия/ несоответствия вербализована, безусловно, и в китайских ПЕ; ср.: 娘勤女不懶, 爹懶兒好閑 (У прилежной матери дочь прилежна, если отец ленив, сын будет ленивым); 有其母必有其女 (букв. Какова мать, таков и дочь); 慈母多敗兒 (букв. Любящая мать всегда имеет неудачного сына). Неверные методы воспитания приводят к соответствующим, ожидаемым, последствиям: 嬌子如殺子 (Чрезмерно баловать детей — причинять им вред), а строгость в воспитании дает хорошие результаты: 嚴父出孝子 (букв. Жесткие отцы делают детей послушными) и т. д.

Итак, говорящими отмечаются в ПЕ на тему родственных отношений как соответствия, так и несоответствия; превалирует указание на важность соответствия супругов — при выборе спутника жизни и выстраивании отношений в семье, о соответствии детей своим родителям, применявшимся ими методам воспитания и отношению. Паремика располагает достаточно широким спектром средств образного перевыражения одной и той же лингвокультурной установки, что говорит о важности выражаемых прескрипций и наблюдений.

Литература

- Захарова И. А. Категория соответствия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1997.
- Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е. Лингвокультурология (учебник). СПб., 2006.
- Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М., 2019.

КОНЦЕПТ ПРОСТОТА В РУССКОМ ПРОВЕРБИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Чжао Сыминь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен рассмотрению пословичного концепта ПРОСТОТА в русле методики семантико-когнитивного исследования пословичных концептов, разработанной нами на основе теории З. Д. Поповой и И. А. Стернина:

- 1) построение пословичного поля концепта, то есть перечисление как можно большего числа пословиц, содержащих ключевое слово-репрезентант концепта, его синонимы или характеризующих концепт описательно;
- 2) анализ и описание семантики пословиц;
- 3) когнитивная интерпретация результатов описания семантики пословиц с целью выявления когнитивных признаков (далее — КП) концепта;
- 4) описание полевой структуры исследуемого концепта (Попова, Стернин 2007).

Используя прием сплошной выборки материала, мы отобрали 40 единиц, вербализующих концепт ПРОСТОТА из раздела «Прямота — Лукавство» сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» (Даль 2000) и «Большого словаря русских пословиц» (Мокиенко и др. 2010). Когнитивная интерпретация пословиц путем ранжирования КП концепта ПРОСТОТА по частотности выглядит следующим образом:

1. Простота признается духовной ценностью (12 единиц): Простота — половина спасенья; Простота да чистота — половина спасенья и др.
2. Простота, с прагматической точки зрения, не приводит к хорошим результатам (5 единиц): С простоты люди пропадают и др.
3. Простой человек добрый, не делает другим зла (2 единицы): Простота — безо зла и др.
4. Человек иногда не является таким простым, как об этом думают (2 единицы): Он и Ивашка, да не промашка и др.
5. Простота иногда хуже воровства (2 единицы): Бывает и простота хуже воровства и др.
6. Простота важнее красоты (1 единица): Простота дороже красоты.
7. Простота может быть лучше замысловатости (1 единица): Замысловато, да туповато; просто, да остро.
8. Непростого человека трудно раскусить (1 единица): Тугонек я тебе орешек дался.
9. В трудных условиях все люди простые, им не до хитрости (1 единица): Среди поста и матушка проста.

Следует отметить, что в провербиальном пространстве концепт ПРОСТОТА нередко пересекается с ХИТРОСТЬЮ, в связи с чем отдельно выделяем группу пословиц, одновременно вербализующих концепты ХИТРОСТЬ и ПРОСТОТА:

1. Хитрец только выглядит просто (4 единицы): Сам, кажись, и прост — да увяз хвост и др.
2. Хитрость и простота противоположны (2 единицы): Тут пито, едено по простоте, без хитрости и др.
3. Простота доведет до добра, хитрость доведет до зла (2 единицы): Где просто, там ангелов со сто; где хитро, там ни одного и др.
4. Хитрец любит иметь дело с простым человеком (1 единица): На простака хитрецы падки.
5. Иногда простота оказывается более действенной, более эффективной, чем хитрость (1 единица): На иную хитрость станет и простоты!
6. Хитрость и простота взаимосвязаны (1 единица): Что хитро, то и просто: девятю десять девяносто.
7. На простоту отвечают простотой, на хитрость отвечают хитростью (1 единица): Коли ты спроста, и я спроста; коли ты с хитрости, и я с хитрости.

8. Простой (примитивной) хитростью ничего не добьешься (ирония) (1 единица): Кабы на твою хитрость, да не моя простота! Итак, полевая структура концепта ПРОСТОТА может быть представлена в следующем виде: Ядро (1 КП): Простота признается духовной ценностью (30.0 %). Ближняя периферия (2 КП): Простота, с прагматической точки зрения, не приводит к хорошим результатам (12.5 %), Хитрец только выглядит просто (10.0 %). Дальняя периферия (5 КП): Простой человек добрый, не делает другим зла (5.0 %), Человек иногда не такой простой, как об этом думают (5.0 %), Простота иногда хуже воровства (5.0 %), Простота доведет до добра, хитрость доведет до зла (5.0 %), Хитрость и простота противоположны (5.0 %). Крайняя периферия (9 КП): Простота важнее красоты (2.5 %), Простота может быть лучше замысловатости (2.5 %), Непростого человека трудно раскусить (2.5 %), В трудных условиях все люди простые, им не до хитрости (2.5 %), Хитрец любит иметь дело с простым человеком (2.5 %), Иногда простота оказывается более действенной, более эффективной, чем хитрость (2.5 %), Хитрость и простота взаимосвязаны (2.5 %), На простоту отвечают простотой, на хитрость отвечают хитростью (2.5 %), Простой (примитивной) хитростью ничего не добьешься (ирония) (2.5 %). Положительная оценка в структуре концепта ПРОСТОТА характерна для 47.5 % КП, ироническая оценка — для 5 %, отрицательная оценка — для 15 %. Неоценочные / описательные КП составляют всего 32.5 % от общего числа КП. ПРОСТОТА в провербиальном пространстве также оценивается по моральному и прагматическому критериям. По моральному критерию, простота в подавляющем большинстве случаев оценивается положительно, простота святая и простой человек не делает другим зла. А с прагматической точки зрения, ПРОСТОТА оценивается амбивалентно. Также амбивалентно описывают взаимоотношение между ПРОСТОТОЙ и ХИРОСТЬЮ. В ходе верификации результатов мы проверили соответствие оценки концепта ПРОСТОТА в пословичном фонде оценке современных носителей языка с помощью вопроса «Как вы оцениваете слово «простота» при описании качества человека?». 70 % респондентов полагают, что простота в основном оценивается положительно, но иногда нейтрально или отрицательно. Следовательно, оценка концепта ПРОСТОТА в провербиальном пространстве в целом соответствует оценке современных носителей русского языка. Была также проведена проверка соответствия ядерных КП пословичного концепта представлению, существующему в современном русском языковом сознании. На вопрос «Согласны ли вы с выраженным в пословицах В простых сердцах бог поживает и Живи просто, выживешь лет со сто смыслом: 'простота признается духовной ценностью'»? 82 % респондентов дали положительный ответ.

Литература

Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо Пресс, 2000. 616 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М., 2010.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО «НЕКОНФЛИКТНЫЙ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Чэн Цзиньтао

преподаватель, Державинский институт

Современная научная парадигма антропоцентрична. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «антропоцентризм характеризуется как особый принцип исследования, который заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её усовершенствования» [Кубрякова 2008: 30–45]. Один из значимых фрагментов современной антропоцентрической парадигмы составляют прилагательные, обозначающие свойства личности человека. Объектом исследования является прилагательное неконфликтный, которое часто позиционируется в современном русском языке как деловое качества человека. Целью работы является выявление семантики, особенностей употребления прилагательного неконфликтный, а также стереотипного представления о неконфликтном человеке. Материалом для анализа являются данные интернет-источников (тексты резюме, характеристик, рекомендаций, объявлений о вакансиях); данные толковых словарей и словарей синонимов русского языка; результаты анкетирования носителей русского языка по специально разработанным заданиям; а также контексты сайта НКРЯ [ruscorpora.ru]. Прилагательное неконфликтный восходит к латинскому языку, в современных толковых словарях русского языка в значении ‘спокойный, уравновешенный’ применительно к человеку оно зафиксировано только в словаре С. А. Кузнецова в 1998 г. [Кузнецов 1998: 357]. Л. Г. Бабенко включает данное прилагательное в следующий синонимический ряд: покладистый — лёгкий — мягкий — неконфликтный — податливый — сговорчивый — уступчивый. В результате анализа деловых документов можно отметить, что прилагательное неконфликтный чаще употребляется в текстах резюме. Обозначаемое прилагательным качество человека является одним из самых частотных в деловых документах наряду с такими свойствами личности, как ответственный, коммуникабельный, грамотный, целеустремлённый, обучаемый, которые также позиционируют как деловые качества человека. Работодатели придерживаются того же мнения, в объявлениях о вакансиях быть неконфликтным человеком — одно из основных требований к соискателям. Обратимся к анализу особенностей функционирования прилагательного в материалах НКРЯ. Как показывают материалы из основного корпуса русского языка, данное прилагательное часто употребляется в публицистике — 60.87 % и в художественной литературе — 17.39 %, а в бытовой сфере — всего лишь 13.04 %. Большинство контекстов употребления прилагательного в анализируемом значении свидетельствуют о том, что неконфликтным считают человека, который не любит конфликтовать, старается избегать конфликтных ситуаций, несмотря на то, что умеет спокойно и легко общаться с людьми. Такой человек всегда старается мирно и дипломатично поступать в сложных ситуациях, но когда понадобится, человек, наделённый данным свойством, проявляет свой характер. Прилагательное неконфликтный имеет в НКРЯ широкую лексическую сочетаемость: Н. юноша, парень, Н. девочка, девушка; Н. ребёнок, Н. мама; Н. акционер, тренер, персонал, политик и др. Неконфликтным можно быть в разной степени — абсолютно, совсем, совершенно, очень, весьма. Стоит отметить интересный факт, что в некоторых контекстах, когда речь идёт о неконфликтной женщине, её предпочитают характеризовать с помощью существительных мужского рода, например, человек, что влечёт за собой форму мужского рода прилагательного. Это позволяет сделать вывод о том, что прилагательное неконфликтный чаще характеризует мужчину. Неконфликтный в материалах НКРЯ обычно встречается в ряду других положительно оцениваемых носителями русского языка свойств личности, например, добрый, сдержанный, целеустремлённый, мудрый, интеллигентный, толерантный и т. п. Для верификации результатов, полученных в результате анализа материалов деловых документов пользователей интернета, нами с помощью свободного программного обеспечения Google forms был проведён опрос носителей русского языка. По мнению большинства информантов, прилагательное неконфликтный может ха-

рактизовать человека любого пола и любого возраста, однако чаще характеризует мужчину. Самыми частотными существительными, с которыми, по мнению информантов, сочетается прилагательное в форме мужского рода, оказались следующие (в порядке убывания): человек, сотрудник, работник, начальник, мужчина, сосед. Другие существительные, например, работник, ученик, друг, парень, ребёнок, преподаватель, политик, супруг, водитель были отмечены 2–3 раза представителями разных возрастных групп. В целом, 82.5 % информантов употребляют прилагательное неконфликтный в разговорной бытовой речи, информанты возрастных групп 36–45 чаще используют неконфликтный при составлении рекомендации, характеристики другого человека для приёма на работу, а информанты возрастных групп 18–25 чаще употребляют прилагательное неконфликтный при составлении собственного резюме. Таким образом, стереотипное представление о неконфликтном человеке в русской картине мира выглядит следующим образом: этот человек умеет контролировать свои эмоции, лишен агрессивности, спокойный, умный. Неконфликтным может быть любой взрослый независимо от рода деятельности, половой принадлежности, также и ребёнок. Люди среднего возраста чаще употребляют прилагательное неконфликтный в собственном резюме, а также при составлении рекомендации, характеристики человека для приёма на работу. Полученные в ходе исследования результаты важны, на наш взгляд, для презентации прилагательного неконфликтный в иностранной аудитории, при составлении учебного словаря свойств личности, будут способствовать более успешной межкультурной коммуникации.

Литература

- Кубрякова Е. С.* О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. Тамбов, 2008. С. 30–45.
- Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. СПб., 1998. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ОТОБРАЖЕНИЯ ТЕМПЕРАТУРНЫХ ОЩУЩЕНИЙ: АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ СТУДЕНТУ

STABLE COMPARISONS AS A MEANS OF DISPLAYING TEMPERATURE SENSATIONS: ASPECTS OF LINGUISTIC RESEARCH AND REPRESENTATION TO A FOREIGN STUDENT

Никитина Татьяна Геннадьевна

профессор, Псковский государственный университет

Как известно, лексику, отображающую температурные ощущения человека, учащиеся начинают осваивать уже на начальном этапе изучения иностранного языка, в том числе русского языка как иностранного. Так, лексический минимум уровня А1 содержит наименование общего понятия *температура*, конкретизирующие его предикативные наречия *тепло*, *холодно*, *жарко*, прилагательное *холодный* [Лексический минимум 2015: 66], которое, как и в целом лексико-семантическая группа (ЛСГ) «Холод» становится объектом анализа в работах М. А. Шахматовой, определяющих основные направления исследования русской лексики и фразеологии с целью их представления в иностранной аудитории [Чен, Шахматова 2020; Чен, Шахматова 2021].

Рассматривая структуру многозначного слова *холодный* и отмечая ее динамику, М. А. Шахматова и Ц. Чен обращаются к контекстам употребления в художественной литературе устойчивых сравнений (УС) *губы как лед*, *как холодный душ* и др. На примере оборота *холодный как лягушка* и его китайского функционального эквивалента авторы показывают образную специфику УС двух языков, которую необходимо подчеркнуть при представлении русских образных средств китайским обучающимся [Чен, Шахматова 2021: 262].

Для выявления и последующей репрезентации иностранцам образного потенциала УС представляется целесообразной их группировка, в том числе лексикографическая, под компонентом, отражающим основание логического сравнения, например, *холодный*, и формирующим основное значение УС, интенсифицированное и осложненное коннотациями. Получив в словарной макростатье всю совокупность УС, передающих значение 'очень холодный', можно сделать лингвокультурологически ценные выводы об эталонах данного признака в народном языковом сознании. В «Большом словаре народных сравнений» [Мокиенко, Никитина 2008], где собраны УС, зафиксированные в народных говорах, разговорной речи и художественной литературе, находим примеры, свидетельствующие о том, что *холодный* на ощупь объект ассоциируется со льдом, ледышкой (кусочком льда): *холодный как лёд*, *холодный как ледовой*, *руки (ноги) как ледышки*. Эталонем низкой температуры объекта в животном мире помимо лягушки (сравнение с ней самое частотное в народной речи) выступает еще и речная рыба налим, покрытая слизью, что и создает соответствующее температурное ощущение при соприкосновении с ней. Замерзшего, продрогшего человека сравнивают с мертвецом: *холодный как мертвец (мертвяк)*. Ассоциации с собакой близки к китайским, зафиксированным М. А. Шахматовой и Ц. Чен [Чен, Шахматова 2021: 262]: *замерз как собака*, *холодный как собачий нос* [Мокиенко, Никитина 2008: 630, 443].

Если же речь идет о холодном помещении, то здесь используются две структурные модели: *холодный как что*, *холодно как где*. И в том, и в другом случае образным стержнем сравнения является наименование еще более холодного помещения, чем то, которое оценивает говорящий: *холодно как в подвале (в погребке, в склепе, в подземелье)*. Помимо этих общеупотребительных наименований в роли образного стержня выступают и диалектизмы:

Холодно как в волковне. Обл. Неодобр. Об очень большом холоде где-л. < **Волковня.** Курск. — яма, приготовленная для ловли волков [Мокиенко, Никитина 2008: 112].

Холодно как в кузлятнику. Орл. Неодобр. Об очень большом холоде в каком-л. помещении. < **Кузлятник** – неотопливаемое помещение. Ср. **козлятник** – отгороженное место у деревни для выпаса коз и овец [Мокиенко, Никитина 2008: 317].

Такой материал будет востребован при разработке элективных курсов для иностранных студентов-филологов, тогда как сравнительно новые УС могут быть введены уже при освоении уровня В1, в лексический минимум которого, в том числе в профессиональный модуль, входят лексические единицы, выступающие в роли стержневых образных компонентов: *холодно как на полюсе, холодно как в холодильнике* и др. А прецедентное УС *холодный как айсберг в океане* [Мокиенко, Никитина 2008: 17] будет близко и понятно тем, кто в известном учебнике РКИ «Дорога в Россию» уже увидел портрет Аллы Пугачевой и получил от преподавателя информацию о творчестве певицы.

Таким образом, устойчивые сравнения могут быть включены в состав ЛСГ «Холод», которую М. А. Шахматова и Ц. Чен считают одним из основных ресурсов вербализации одноименного лингвокультурного концепта [Чен, Шахматова 2020: 576]. При таком подходе лингвоконцептологические исследования устойчивых сравнений пополнят наши представления об образной интерпретации важной сферы человеческого опыта народным сознанием, создадут базу для сопоставительных исследований, учебных материалов и лексикографических разработок, адресованных иностранцам, а расширение объекта исследования за счет сравнений, передающих и другие температурные ощущения позволит реализовать лингвоаксиологический аспект анализа материала.

Литература

- Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина, Т. В. Козлова. СПб.: Златоуст, 2015. 80 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
- Чен Ц., Шахматова М. А. К вопросу классификации лексических единиц, входящих в лексико-семантическую группу «Холод» // Профессиональное лингвообразование. Мат-лы 14-й междунар. научно-практ. конфер. Нижний Новгород: Нижегородский институт управления, 2020. С. 575–578.
- Чен Ц., Шахматова М. А. Лингвокультурологический потенциал слова «Холодный» // Проблемы преподавания филологических дисциплин в новых образовательных условиях. Мат-лы XXVI междунар. научно-методич. конфер. памяти Н. Т. Свидинской. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 260–263.

ПРОБЛЕМА ТИПОВ ТЕКСТА И УЧАСТИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ИХ ОРГАНИЗАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: ПЕРЕЧИТЫВАЯ А. А. ШАХМАТОВА

Рогова Кира Анатольевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Односоставные предложения представляют собой исконный тип русских предложений, существующих на протяжении его истории, характеризующихся тем, что в них «не может быть непосредственно обнаружено двух главных членов предложения — подлежащего и сказуемого: Морозит. Молнией убило человека» [Шахматов 1941:30]. Задача описания всех видов этих предложений «была впервые в русском языкознании поставлена и отчасти решена академиком А. А. Шахматовым. А. А. Шахматов собрал многочисленные и разнообразные факты из произведений народной словесности, русской литературы XIX и XX вв., а также из древнерусской письменности, иллюстрирующие употребление разных видов односоставных предложений в русском языке» [Грамматика русского языка Т. II, 1954: 71]. На фоне абсолютно доминирующих двусоставных предложений, по утверждению В. В. Виноградова, односоставные рассматривались А. А. Шахматовым по аналогии с ними [там же 72], что, однако, не исключало наблюдений за их сущностными свойствами. Эти свойства могут быть представлены как результат наблюдения над тем,

- 1) что обеспечивает смысловую полноту этих предложений, определяющую их синтаксическую самостоятельность;
- 2) что определяет их стилистическую маркированность: односоставные предложения относят к стилистическим средствам языка;
- 3) что задаёт тенденции их распределения в текстах разной функциональной принадлежности и жанровой организации.

1. О смысловой полноте односоставных предложений. А. А. Шахматов определял предложение как «словесное, облечённое в грамматическое целое выражение психологической коммуникации»; как простейшую единицу человеческой речи, которая в отношении формы является одним грамматическим целым, а в отношении значения соответствует двум вошедшим в нарочитое сочетание представлениям, простым или сложным». Им отмечалось, что «между предложением и психологической коммуникацией наблюдается прямая связь, такая же связь, как между словом и его значением» [Шахматов 1941: 29–30]. Этот аспект рассмотрения предложений позднее был введён в лингвистику В. Матезиусом как актуальное членение предложения. Выделенные члены (тема и рема) не требуют обязательного оформления главными членами предложения. С указанных позиций односоставные предложения могут быть представлены главным членом предложения — ремой и членом, выполняющим функцию исходного пункта высказывания (обычно обстоятельство) и/или темой — существительным в любом падеже со значением субъекта или объекта, а также личными грамматическими формами главного члена (прекратите разговор — 2-е лицо) и присутствовать имплицитно, базируясь на коллективных знаниях коммуникантов. Таким образом обеспечивается двучленность конструкций как свойство сообщаемой в предложении мысли.

2. Стилистическая маркированность односоставных предложений связана, прежде всего, с наличием в их составе одного главного члена, что уже является формой выделения, его ролью

ремы — нового в сообщении, позицией фокуса в процессе распределения внимания [Ирисханова 2014: 178]. Выделение фокуса внимания в речи сопровождается, по наблюдениям этого автора, дефокуляризацией — понижением статуса другого компонента высказывания, что «поднимает значимость имплицатур для способа информирования дефокусированным членом [там же, 192]. Так, односоставные предложения выступают как средство стилистического выделения и как возможность введения и расширения подтекстовой информации, базирующейся на когнитивной базе коммуникантов.

3. Наблюдение за использованием односоставных предложений в выбранном нами для анализа тексте автобиографической повести С. Шаргунова «Книга без фотографий», имеющей иконическую композицию, начинающейся рассказом о событиях в жизни четырёхлетнего мальчика, обнаруживает минимальное использование односоставных предложений в начале повествования и нарастание их числа к концу, где сообщается о событиях, в которых участвует герой-повествователь. Представляется возможным сделать вывод о том, что односоставные предложения обладают качеством связи представляемых событий с повествователем: вводят информацию о происходящем вокруг (неопределённо-личные), позволяют увидеть окружающее (номинативные), рассказать о собственном участии в них и вызываемых ими чувствах и переживаниях (определённо-личные и безличные), об обобщениях и оценках (обобщённо-личные). В автобиографическом повествовании все эти явления нарастают, свидетельствуя о накоплении когнитивного запаса личности, дают представление о её формировании.

Литература

Грамматика русского языка Т II. Ч. 1. Синтаксис. М., 1954.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика, дефокусирование. М., 2014.

Шаргунов С. Книга без фотографий. М., 2011.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Учпедгиз наркомпроса. Ленинградское отделение. Л., 1941.

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА КСЕНИИ БУКШИ «АДВЕНТ»)

Попова Татьяна Игоревна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

В каждом из романов Ксении Букши есть голоса героев. В романе «Завод «Свобода» они оформлены в стиле вербатим, когда «диалоги и отдельные реплики не оформлены привычным образом, а даны просто подряд» [Минаева 2022: 36]. В романе «Адвент» [Букша 2021] — это внутренняя речь героев, включенная в каждую из глав и выделенная графически неформленной пунктуационно «лесенкой». Внутренняя речь рассматривается исследователями как особая форма языкового общения индивидуума, с одной стороны, и как специфический художественный прием, используемый автором литературного произведения [Сергеева 2009: 4]. Традиционно выделяются три группы функций изображения внутренней речи в художественном произведении: психологические, сюжетно-композиционные и речехарактеризующие функции [Там же: 7]. В романе 15 глав, в 14 из которых есть изображенная внутренняя речь героев. Композиционно эти 15 глав рассказывают о двух главных героях — Ане и Косте (семейной паре, у которых есть дочь Стеша), которые чередуются в каждой из глав, в одной главе (двенадцатой) рассказ Ани обращен мужу, и 15 глава не содержит внутренней речи.

Каждая из глав рассказывает о событиях внешнего мира (подготовка к Рождеству, детский сад, покупка елки и ее украшение), тогда как внутренняя речь обращена к прошлому, ассоциативно связанному с настоящим. Эти фрагменты внутренней речи также связаны с сюжетной линией причинно-следственными связями, объясняя поведение героев в настоящем. Каждый фрагмент внутренней речи посвящен друзьям, случайным знакомым, однокурсникам из прошлого, их жизненным историям (зачастую заканчивающимся самоубийством, депрессией, сумасшествием). Обращение к этим историям сюжетно связано с «собираением смеха из прошлого» как попыткой выйти из собственной депрессии.

Фрагменты внутренней речи вводятся эксплицитными маркерами, глаголами речемыслительной деятельности: «Но если оставить Баха и посмотреть на других любителей порядка, более близких Ане, то — тут вспоминается Анина университетская подруга Ира» (глава 2). От авторского повествования фрагменты внутренней речи отделяются графически — тремя звездочками. Фрагменты внутренней речи достаточно объемные — от 7 до 11 страниц. Рассмотрим один фрагмент внутренней речи из главы 1, представляющий собой, по терминологии Ю. М. Сергеевой, диктему-описание (она выделяет также диктему-повествование и диктему-рассуждение).

Пример 1.

Сам учитель никогда не смеялся он инициировал смех а это требует серьезного вида он теребил свой длинный нос складывал губы в трубочку и потом что-нибудь такое изрекал например, про лужный гуманизм или ещё что-нибудь такое же сыркостическое его фамилия была Сырков Эс-эс-сыр — Сан Саныч Сырков ещё про него говорили «сыронией» одним словом, он был прямо-таки воплощением не просто остроумия, но такого, до которого ещё дорасти надо такого остроумия, которое льстит слушателям а наоборот — поднимает их до себя бывают учителя, которые шутят, чтобы казаться своим парнем чтобы развлечь класс не то Сырков он совершенно не нуждался в том, чтобы подлизываться к ученикам усмирить учеников было очень просто — достаточно было заставить их решать задачки сырония и сырказм были только приправами сыпанул — и пламя смеха слегка поднимается а потом снова к делу просто допинг, ничего более Как мы видим в Примере 1, фрагмент внутренней речи Кости практически не имеет знаков препинания и заглавных букв. Он оформлен лесенкой, что позволяет передать «ритм» воспоминания. Исследователи называют этот прием «ритмизованной прозой» [Минаева 2022: 32]. Пример 1 представляет собой воспоминание об учителе математики Сыркове. В фокусе этого описательного фрагмента внутренней речи — учитель, в рему попадают характеристики

учителя, при этом каждая новая рема выделена в отдельную строку, которая указывает вектор воспоминаний, от общего к частному — и затем снова к обобщениям; все характеристики поведения учителя оцениваются героем-взрослым. Воспоминание об учителе Сыркове заканчивается самохарактеристикой Кости (пример 2): и только Костя нет ни тогда, ни сейчас он не смеялся тогда и сейчас не смеётся, и никто этого не видел, не замечал кругом стояла оргия хохота оргазм хохота и никто не видел, что Костя не смеялся и теперь тоже не видит никто

Многочисленные повторы в примере 2 (не смеялся, не смеется, не смеялся; ни тогда, ни сейчас, тогда и сейчас; никто не видел, теперь тоже не видит: оргия хохота, оргазм хохота) заканчиваются вынесенным в отдельную строку никто, подчеркивая безмерное одиночество героя. Синтаксический параллелизм и повторы позволяют легко читать эту ритмизованную прозу без знаков препинания. Лексические повторы в диктемах-повествованиях внутренней речи героев в романе часто выносятся в отдельную строку, замедляя повествование и фиксируя психологическое состояние героя. См., например состояние нерешительности и раздумья в Ани в главе 6 (воспоминание о случайной встрече с валторнистом).

Пример 3. Потом снова гуляли, пока тени не становились длинными и расходились по домам (...) круто, что мы познакомились, — сказал валторнист (...) жалко будет расставаться, а что делать? — сказала Аня это был шаг вперед наугад они стояли у каруселей, тени их лежали длинные не знаю, — сказал валторнист Таким образом, внутренняя речь в романе «Адвент» является важным смыслообразующим элементом текста. Герои ведут внутренний диалог с прошлым и с самим собой. И лишь в 15 главе они выходят на прямой диалог друг с другом.

Литература

Букша Ксения. Адвент: роман. М., 2021.

Минаева Е. С. Ветер свободы. Ксения Букша // Вопросы литературы. 2022. № 6: 32–46.

Сергеева Ю. М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы): автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2009.

КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В РОМАНЕ И. КАЛАШНИКОВА «ЖЕСТОКИЙ ВЕК» КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОМПОНЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Бохиева Марина Викторовна

доцент, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

В коммуникативном поведении народа ярко проявляются его национальные черты. Как пишет Т. В. Ларина, «особенности культуры побуждают ее носителей излагать свои мысли четко либо допускать двусмысленность, быть предельно лаконичными либо многословными, свободно проявлять эмоции либо сдерживать их, строго соблюдать дистанцию в общении или пренебрегать ею и т. д.» [Ларина 2003: 8]. В этом аспекте большой интерес представляют косвенные речевые акты, которые обычно маскируются под другие типы речевых актов. При этом ключевую роль играют разнообразные формы имплицирования истинного речевого намерения, дешифровка которого, кроме известных принципов кооперации Г. П. Грайса, во многом опирается на фоновые знания коммуникантов об определенных культурных нормах и стереотипах. Роман Исаия Калашникова «Жестокий век» представляет нам интересный материал для исследования этой проблемы: большинство диалогов в романе содержат реплики, представляющие собой косвенные речевые акты. Выбор автором косвенных речевых тактик для своих персонажей обусловлен не только его личным представлением об особенностях речевого поведения людей изображаемой исторической эпохи: автор создает колорит речи своих персонажей, основываясь на определенных сложившихся стереотипах и представлениях о речевой культуре кочевого народа. Анализ косвенных речевых актов в тексте романа привел к следующим наблюдениям:

1. Отражение религиозных традиций шаманизма — Тэнгэрианства, сутью которого является поклонение вечному синему небу.

- 1) Здоров ли скот, множатся ли твои стада? — спросил кузнец, оглядев юрту. — Вижу, твои дела поправились, рыжий разбойник! — Небо милостиво ко мне
- 2) — Все ли благополучно у тебя? — Вечное небо покровительствует мне. Это примеры этикетных форм приветствия монголов, они носят конвенциональный характер и закреплены в речевой традиции.

2. Отражение прецедентных текстов. Будучи «значимыми для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях» [Кронгауз 2005: 215] прецедентные тексты являются ярким способом проявить остроумие и мягко выразить неудобный смысл. В романе в качестве прецедентных текстов используются сказки, пословицы и поговорки. Налей, — приказал Таргултай-Кирилтух. — У тебя много побратимов, сын Есугея? — Пока один. — А друзья есть? Хочешь дружить со мной? Тэмуджин улыбнулся. — Бурундук дружил с медведем и стал полосатым. Тэмуджин отказывает адресату в просьбе стать друзьями. Интерпретация этого косвенного речевого акта предполагает знание монгольской сказки о дружбе бурундука и медведя: «Дружили маленький бурундук и большой медведь. Бурундук всегда угощал чем-нибудь медведя. Однажды он насобирал много кедровых орехов. Медведь наелся досыта и, довольный, захотел поблагодарить своего друга, приласкать его. Провел лапой по спине. Бурундук остался жив, но с тех пор шкура у него полосатая» (Калашников И. К. «Жестокий век», с. 67). Используя такую форму ответа, Тэмуджин намекает на то, что дружба между ним и Таргултай-Кирилтухом невозможна так же, как дружба медведя с бурундуком. Таргултай-Кирилтух занимает высокое социальное положение, он богат и поэтому подобен большому медведю. Кроме того, Таргултай-Кирилтух — недруг Тэмуджина. Прямой отказ Тэмуджина от дружбы послужил бы поводом для гнева Таргултай — Кирилтуха, поэтому Тэмуджин использует косвенную форму ответа. Также использование косвенной формы вносит в диалог элемент насмешки, иронии. Косвенный отказ здесь реализуется неконвенциональным (нетипизированным) способом — в форме сообщения (репрезентатива). Как ты решился, молодец, один пуститься в такой опас-

ный путь? — Беспомощные утки летают стаей, а орел всегда один. В качестве ответа используется пословица. Говорящий с помощью косвенного речевого акта пытается представить себя в выгодном свете, утверждая, что он не «беспомощная утка», а «орел».

3. Отражение социальной иерархии и осторожности как свойства национального характера — Сделай так, чтобы эта драка стала их дракой. Сможешь? — В моем возрасте, хан Тэмуджин, люди стараются создавать, а не рушить покой. Формально косвенный речевой акт звучит как сообщение или утверждение, но его иллокутивная цель — отказ. Ссылаясь на возраст, адресант как бы утверждает, что уже стар, чтобы ввязываться в войны, скрывая свое нежелание воевать. — Меркиты не люди Алтан-хана, взять у них нечего. — Когда я был маленьким, моя бабушка говорила мне: «Идешь по дороге — подбирай все, что унести в силах, а дома и выбросить можно». Это диалог хана Тэмуджина и его соратника Боорчу. Боорчу в косвенной форме возражает собеседнику и дает ему совет, приводя в пример высказывание своей бабушки. Ссылаясь на высказывание своей бабушки, Боорчу как бы снимает с себя ответственность за свои слова. Он понимает, что социальное положение не позволяет ему открыто давать советы хану, возражать против его действий. В случае общения коммуникантов при значительной социальной дистанции косвенные высказывания являются наиболее эффективными. В официальной обстановке, при общении коммуникантов разной социальной дистанции (хозяин-слуга, хан-воины, нойоны-рабы) отмечается многообразие используемых классов и подклассов косвенных речевых актов. Монголы, изображаемые в романе, отличаются свободой и не любят быть под властью, поэтому даже в социально неравных речевых ситуациях, они проявляют свое свободолюбие, нежелание приспособляться. Однако соблюдают вежливость и дипломатию. Косвенные речевые акты — это лучший способ сохранить достоинство. Таким образом, косвенное оформление смысла дает возможность показать Калашникову-писателю интеллектуальные и психологические качества своих героев. Вместе с тем, вкладывая в уста своих персонажей изысканные и остроумные формы косвенных высказываний, он создает яркий и колоритный образ описываемого кочевого народа.

Литература

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М., 2009.

Кронгауз М. Семантика. М., 2005.

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В СИСТЕМЕ РАБОТЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ (ОБУЧЕНИЕ РКИ)

Вознесенская Ирина Михайловна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Художественный текст, как известно, является одним из ведущих средств обучения в преподавании иностранных языков. Его учебный потенциал затрагивает не только чтение, но и выводит в продуктивные виды речевой деятельности на текстовой основе. В этом случае содержание и смысл текста становится предметом речи учащегося, что должно быть обеспечено поддерживающими эту речь опорными языковыми средствами. Однако использование тех словесных единиц, которые непосредственно встречаются в тексте, оказывается недостаточным, поскольку содержание исходного текста в собственной речи учащегося подвергается трансформации. Текстовая информация включается в разнообразные виды заданий. Как отмечает В. В. Добровольская, «операции с информативным материалом текста, начиная с деления текста на смысловые части, извлечение основной и целевой информации, сжатия или контаминации текста, составление разных типов плана и кончая самостоятельной презентацией учащимся текста заданного жанра, должны более тщательно и, главное, системно комментироваться преподавателем и регулярно занимать должное место на занятиях» [Добровольская 2021: 37-38]. Виды учебной работы, использующие опору на информативный материал текста с целью развития умений в говорении и письме, должны быть поддержаны языковыми средствами, значительная часть которых выходит за пределы словарного состава исходного оригинального произведения. Порождаемые учащимся вторичные тексты (выступление-рассуждение, реплика в дискуссии, сочинение, рецензия, отзыв и др.), отражающие понимание проблемы текста, интерпретацию смысла произведения, отношение к его героям и событиям, включают мыслительные механизмы перекодирования информации, её изложения с помощью «внетекстовых» языковых средств, соотносимых с информационной структурой текста. Известное со школьной скамьи задание пересказать текст «своими словами» обращает внимание на необходимость лингвометодического отбора слов, обеспечивающих потребность говорящего эксплицировать в речи содержательные компоненты прочитанного текста, которые переосмысливаются им в процессе речепорождения. Особенно значимую роль в этом отношении выполняют «интерпретационные» языковые средства, которые именуют и квалифицируют ситуации текста с позиции говорящего, отражают результат понимания и оценки отдельных порций текстовой информации исходного текста, представляя его интерпретацию во вторичном тексте.

Применительно к таким языковым средствам можно использовать расширительно термин, предложенный Ю. Д. Апресяном в отношении особой группы глаголов — «интерпретационных глаголов» [Апресян 2004]. По определению автора, интерпретационные глаголы и глагольные выражения «сами по себе не обозначают никакого конкретного действия или состояния, а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого, вполне конкретного действия или состояния» [Апресян 2004:5]. К числу таких глаголов относятся, например, мешать, способствовать, ошибаться, поступать неправильно (правильно), совершать преступление, унижаться, баловать, обижать, мстить, клеветать и др. Описывая семантику интерпретационных глаголов, Ю. Д. Апресян сопоставляет их с оценочными глаголами, глаголами поведения, глаголами речи и некоторыми другими классами, которые также актуальны в контексте вербализации ситуаций, представленных в эпизодах художественного текста.

Изобразительный способ изложения, свойственный образному отражению действительности в художественном тексте, во вторичном тексте при передаче содержания конвертируется в информативный, поэтому лексика, называющая конкретные действия, поступки героев, заменяется их обобщенным именованим, отражающим интерпретацию говорящим той или иной ситуации художественного текста. Интерпретационная деятельность говорящего проявляется и в существительных, например: грех, измена, обман, ошибка, подвиг, помощь, предательство,

преступление и многих других, являющихся характеризующими номинациями оценки поведения, поступков.

Интерпретационный характер имеет и целый ряд слов, характеризующих коммуникативное поведение. Диалоги в художественном тексте (а также в пьесе или художественном фильме) отражаются при переходе в нарративный режим с помощью языковых единиц, называющих интенции говорящего (потребовал, поблагодарил, обвинил, упрекнул, утешил; признание, исповедь, утешение и т. п.). Такие качества общения, как откровенность, скромность, доверительность, вежливость могут трактоваться именно как интерпретационные категории, выводимые из наблюдения над характером речевого поведения героев художественного произведения.

Роль интерпретационных языковых средств особенно актуальна при обращении говорящего/пишущего к тем смысловым компонентам, которые не имеют прямого, эксплицитного выражения в поверхностной структуре текста, т. е. имеют выводной характер и требует определенных интерпретационных усилий читателя как в плане понимания, так и в плане выбора языковых средств выражения этого понимания. «Операция по извлечению смысла и сам выводной смысл рассматриваются в литературе и как «инференция» на продвинутых этапах обучения, когда в качестве учебных текстов мы привлекаем сложные, в том числе и художественные, тексты, основной операцией становится инференция. Многочисленные инференции лежат в основе интерпретации текстов, когда адресат, используя и интегрируя различные виды знаний, постепенно проникает в полисемантическое пространство текста» [Одинцова 2016: 94]. Интерпретация, основанная на инференции, также нуждается в обеспечении соответствующими языковыми единицами, включенными в систему работы с текстом на занятиях по РКИ.

Литература

- Апресян Ю. Д.* Интерпретационные глаголы: Семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. № 1 (7). М., 2004. С. 5–22.
- Добровольская В. В.* Уроки дистанционного обучения // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2021. № 2 (6): 34–39.
- Одинцова И. В.* Импликация и инференция в лингводидактике // Мир русского слова. 2016. № 4: 91–96.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ИНОФОНОВ

Зырянова Елена Васильевна

доцент, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

Обучение русскому языку иностранцев в России сопряжено с погружением в культурологический пласт окружающей языковой действительности. Знание и понимание региональной культуры необходимо иностранцу для полноценного общения на русском языке в условиях проживания в том или ином регионе России. На важность учета этого аспекта при обучении иностранцев русскому языку указывается в работах многих ученых Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, Т. Ю. Игнатович, О. А. Сенаторовой, Л. Ц. Тарчимаевой и др. Это обстоятельство предъявляет определенные требования к отбору языкового и культурологического материала с целью успешного формирования социокультурной компетенции и адекватного общения с местными носителями языка.

Приезжая в Россию, иностранные студенты проходят непростой период адаптации, привыкания к чужой стране, чужой культуре. На этапе первичной адаптации студенты овладевают наиболее актуальной для них региональной лексикой, в основном, городскими топонимами. Речевые образцы данного этапа наполняются в ходе занятий региональным материалом, облегчающим процесс адаптации:

Скажите, пожалуйста, где находится Бурятский государственный университет? Где вы живете?

— На улице Сухэ-Батора, в общежитии.

Это улица Ранжурова?

— Нет, это улица Бау-Ямпилова.

Куда ты ходил вечером?

— В «Еврозону».

Я хочу пойти в кафе «Шулэндо».

В ходе освоения тем «Знакомство», «На занятии», «В общежитии», «В университете», «В городе» необходимо вводить регионально маркированную лексику и грамматические конструкции, которые нужны инофонам для осуществления коммуникации в социально-бытовом и культурном пространстве города. Для этого на занятиях РКИ привлекаются специально разработанные языковые упражнения, содержащие региональный материал. Например:

Упражнение 1.

Прослушайте слова и поставьте ударения. Прочитайте, соблюдая нормы произношения: Обычай, сторона, стороны, бурхан, хадак, бракосочетание, молодожёны.

Упражнение 2.

Прочитайте предложения. Определите значение подчеркнутых слов и словосочетаний:

- 1) Цыдып сделал мне предложение.
- 2) Родственники жениха должны поставить хадак родителям невесты. Это свадебный обряд.
- 3) Родственники помогут выбрать тамаду и составить свадебное меню.
- 4) На праздничном столе у бурят всегда стоят буузы, баранина, саламат и другое угощенье.
- 5) Подойти к алтарю с бурханом.

Упражнение 3.

Составьте предложения из приведенных ниже слов. Образец: Сегодня, я, приоткрыть, тайна. — Сегодня я приоткрою тайну.

- 1) Раньше, у, буряты, родители, выбирать, жених, и, невеста.
- 2) После, сватовство, невеста, с, жених, ехать, в, дацан, и, узнать, у, лама, дата, свадьба.

Подобная система упражнений на развитие орфоэпических, лексических, грамматических навыков формирует у студентов-инофонов умение дифференцировать языковые явления, определять специфику их использования в русском языке. Такие упражнения направлены в первую очередь на развитие лингвистической компетенции учащихся. Но, если в качестве материала привлекать региональный материал, то это будет способствовать формированию и развитию лингвокраеведческой компетенции обучающихся.

Систематическое использование краеведческого материала в практическом курсе РКИ значительно повышает мотивацию учащихся, активизирует процесс обучения и адаптации к местным языковым условиям. Например, у иностранных учащихся традиционно вызывают интерес свадебные традиции в России. Эта тема может быть дополнена интересным краеведческим материалом, рассказывающим о национальных свадебных обычаях, издавна бытующих в разных регионах России и органично переплетающихся с современными традициями русской свадебной культуры. В частности, для изучающих русский язык студентов из Китая было разработано занятие по теме «Хадаг Табилга — сватовство в Бурятии». Приведем небольшой фрагмент текста, с которым работают студенты на занятии (полный текст есть в [Тарчимаева 2021: 74–75]). «Обычно в дом к родителям невесты приезжает нечётное количество мужчин со стороны жениха, такое число считается благоприятным. По традиции семья невесты не встречает гостей, а терпеливо ждёт их за праздничным столом, на котором всегда стоят буузы, баранина, саламат. Делегация жениха заходит в открытую дверь без приглашения и проходит в комнату. Прежде всего, они подходят к алтарю, молятся и кладут хадак перед бурханом».

Конечно, при работе с текстами, насыщенными региональной лексикой, сначала необходимо снять трудности, связанные с непониманием значения многих региональных слов. Для этого даются задания на толкования слов, на умение подбирать синонимы, на поиск эквивалентной лексики из родного языка, когда это возможно. После прочтения текста студенты должны ответить на ряд вопросов: 1) Как называется процесс, который описан в данном тексте.

- 1) Какие слова в тексте вам незнакомы? Как вы их понимаете?
- 2) Что для вас кажется интересным или странным в данном процессе?
- 3) Как вы считаете, почему родители невесты делали вид, что не знают о свадьбе?

Таким образом, работа с региональным текстом на занятиях РКИ включает разнообразные задания на понимание и употребление новой лексики. Чтение диалогов, просмотр и обсуждение кинофильмов, наглядно демонстрирующих национально-культурные традиции, способствуют расширению кругозора, овладению изучаемой лексикой, развитию речевых навыков и умений. Кроме того, подобная форма работы с краеведческим материалом, на наш взгляд, позволяет иностранцу достичь понимания национальной специфики окружающей языковой среды, сформировать языковую картину поликультурного мира России и, следовательно, полноценно общаться с местными носителями русского языка.

Литература

Тарчимаева Л. Ц., Ван Фуни. Роль регионального текста в обучении русскому языку иностранцев в условиях языковой среды // Современное педагогическое образование. 2021. № 1. С. 73–77.

УБЕЖДАЮЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИФОНИИ

Колесова Дарья Владимировна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Про полифонию, как известно, рассказал миру в 1929 г. М. М. Бахтин [Бахтин 1979]. Выдающиеся литературоведы и лингвисты (В. В. Виноградов; Б. А. Успенский; Б. О. Корман; Е. В. Падучева и другие) размышляли о преломлении этого феномена в разных текстах. Автор создает эффект объективности, преодолевает линейность текста, дает возможность читателю посмотреть на мир глазами не одной, а нескольких личностей. В последние годы появляются работы, авторы которых стремятся выявить собственно лингвистические способы реализации повествовательной полифонии. П. А. Колобаев [Колобаев, 2010] говорит о таких средствах, как ксеночастицы (де, дескать и мол), различных способах передачи чужой речи, выделяет полифонический несобственно-прямой дискурс (особая разновидность структурирования художественного повествования, построена на сложном взаимодействии дискурсов автора-повествователя и персонажа). Разумеется, в современном тексте важную роль играют цитатные номинации, интертекстуальные элементы в речи автора и персонажа. Наконец, мы знаем текстовые средства: разговорные элементы в речи повествователя, смена перволичного и третьеличного повествователя, свободный косвенный дискурс, различные формы проявления авторского голоса, — все это П. А. Колобаев справедливо относит к собственно языковым средствам создания полифонического повествования и убедительно показывает их функционирование на материале текста Т. Н. Толстой и В. О. Богомолова. Д. Рубина также использует в своем романе сложные текстовые средства и создает с их помощью полифонию [Прохорова, Фаттахова] Другой тип теста анализирует О. И. Осипова [Осипова, 2021] — это роман, в котором повествователем выступает кот, и поэтому автору приходится использовать различные тактики, чтобы преодолеть естественные ограничения подобного субъекта речи. Цель полифонии здесь — взгляд на современного человека с разных точек зрения, в том числе и отстраненной. В 2022 г. одним из финалистов премии «Большая книга» стал роман Анны Матвеевой «Каждые сто лет. Роман с дневником», получив приз по результатам читательского. Таким образом, роман выделила и профессиональная, и читательская аудитория. Чем он примечателен?

Мы знакомимся с двумя девочками, слышим то голос Ксении Левшиной (начиная с 1893 г.), то голос Ксаны Лесовой (начиная с 1980 года). Девочкам примерно десять лет, когда они начинают вести дневник. География причудлива: Полтава (конец XIX в.), Петербург, Швейцария, Петроград, Баку, Свердловск, Хабаровск (до 1955 г.). Свердловск, Швейцария, Франция, Бельгия, Екатеринбург, Петербург, Хабаровск (дневник К. Лесовой заканчивается в 2018 г.). Дворянка обстоятельно представляет историю рода, и мы окунаемся в жизнь средних дворян начиная с 1365 г. Подросток в 80-е годы в СССР, разумеется, с трудом узнает от родителей скудные сведения о своих предках, известно только о погибшей в блокаде Ленинграда бабушке. Самознание девушки рубежа XIX–XX веков формируется благодаря осмыслению семейной истории, девушка в последнее советское десятилетие начинает осознавать себя через контакты с чужими людьми (наблюдательность и привычка к рефлексии вовлекают ее в серьезную работу следователей). Обе девочки считают себя некрасивыми, они младшие и одинокие в семье, и Лесовые, и Левшины гордятся своими старшими детьми. «Кому я нужна в этой жизни?» — этот вопрос мы слышим со страниц обоих дневников.

Постепенно девочки понимают, что родители несчастны, они перестают их обвинять — но в то же время становятся самостоятельными личностями. Эта эмансипация от роли, предложенной девочкам средой, сознательный отказ от предначертанной семьей, воспитанием, окружением жизнью — кажется, самое удивительное, что происходит перед глазами читателя. Девушки делают выбор, который кажется сумасбродным, не дающим никакой пользы и радости. Более того, десятилетиями (на фоне революции, войн, слома эпох, изменения социальных ориентиров) они несут тяжелейшую ответственность за тех, кого считают членами своей семьи. Как кажется современному читателю, их жизнь — за гранью понимания. Зачем так себя

мучить? Думается, такая судьба, рассказанная повествователем от 3 лица, вызвала бы много сомнений в достоверности. Популярные психологи, коучи и общая культура потребления научила нас тому, что нужно иметь свою зону, нужно уметь избегать манипуляции, газлайтинга и прочих подавляющих личностный рост воздействий. Женщины в популярных произведениях — лидеры, они самостоятельны, инициативны, уверены в своих правах и в своей правоте (вспомним, например, женщин в романах Г. Яхиной). Героини А. Матвеевой идут тяжелым традиционным женским путем, обретая свое место в обществе и в памяти современников как бы вопреки обстоятельствам и их собственным действиям. Именно перволичное повествование, дневник, показывающий формирование личности и мотивы человека в результате саморефлексии становится самой эффективной убеждающей писательской стратегией, результатом которой становится доверие героиням и стоящему за ними автору. Повествовательная полифония, параллельное разворачивание двух судеб с интервалом в сто лет — еще одна писательская стратегия. С одной стороны, читатель не заскучает от одного голоса и одного характера, с другой стороны, появляется стереоэффект, ибо очень многое в судьбах героинь рифмуется и складывается в единый художественный образ. Таким образом, повествовательная полифония проявляет себя как эффективное средство убеждения и привлечения читателя не только в сложных текстовых формах, но и в массовой литературе.

Литература

- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6: 7–300, 466–505.
- Осипова О. И.* Повествовательная полифония в романе Г. Служителя «Дни Савелия» / О. И. Осипова // Научный диалог. 2021. № 11: 270–280. DOI: 10.24224/22271295-2021-11-270-280.
- Прохорова Т. Г., Фаттахова Р. Р.* Особенности повествовательной структуры романа Дины Рубиной «Почерк Леонардо» // Филология и культура. 2014. № 2(36): 160–164.

СУБЪЕКТ РЕЧИ КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩЕЕ НАЧАЛО В ГИПЕРТЕКСТОВЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ ИНТЕРНЕТА

Коньков Владимир Иванович

сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Интернет-коммуникация привлекает внимание исследователей наличием огромного числа коммуникативных проектов, отличающихся чрезвычайным стилевым разнообразием, что во многом обусловлено новыми технологическими возможностями этой среды коммуникации. Описывать речевое разнообразие многочисленных интернет-субъектов пытаются прежде всего на основе выявления новых разновидностей речи или выявления специфики старых, знакомых нам по теории функциональных стилей. Так, чрезвычайно интересным выглядит исследовательский проект Алтайского государственного университета, основанный на введении в исследовательский обиход категории естественная письменная русская речь. Опубликованы пять томов, посвящённых проблемам письменной речи и развития языкового чувства; теории и практике современной письменной речи; письменной речи в психолингвистическом, лингводидактическом и орфографическом аспектах; дискурсам и жанрам письменной речи; новому в теории письменной речи и инновационной лингводидактике [Естественная письменная русская речь... 2002]. Широко обсуждается вопрос о существовании письменной разговорной речи [Литневская 2011].

Выявление и описание параметров разновидностей русской речи в коммуникативной среде Интернета — не единственный путь к пониманию того, что происходит в этой среде коммуникации. Ещё в 1971 г. В. Г. Костомаров в работе, посвящённой анализу языка газеты, показал, что стилевые явления можно описывать на основе категории стилеобразующей концепции, определяющей принципы отбора, сочетания и употребления языковых единиц в тексте. У В. Г. Костомарова стилеобразующая концепция называлась конструктивным принципом [Костомаров 1971]. В основе подобного подхода к анализу речевого материала лежит путь от текста к теории, в отличие, например, от подхода, лежащего в основе Пермской стилистической школы М. Н. Кожинной, — от теории к анализу текста. Принцип изучения русской речи, предложенный Костомаровым, особенно удобен при анализе локальных речевых явлений, когда речевой материал создаётся внутри первичных речевых коллективов, которые и являются основными производителями речевого материала [Коньков 2004]. Примерами текстов, созданных такими первичными речевыми коллективами, являются длящиеся гипертекстовые образования, формирующиеся в виде последовательности комментариев к той или иной публикации, в коммуникативной среде Интернета. Возьмём в качестве примера две публикации на видеохостинге «YouTube». Первая — интервью «Николай Цискаридзе: как смотреть балет, понимать искусство, возвращение в Большой» на канале Надежды Стрелец (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RcBIQwcfbug>; на 09.01.2023 — 6510 комментариев). Вторая — музыкальный клип «Ленинград — Шмарофон» на канале «Сергей Шнуров & Leningrad fans» (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6y4jWcF-abc>; на 09.01.2023 — 8 897 комментариев).

В первом случае коммуникативным лидером является Николай Цискаридзе, отличающийся элитарным (по классификации О. Б. Сиротининой) типом речевой культуры: интеллектуально напряжённая речь, полностью контролируемая в нормативном, содержательном и стилистическом аспектах; активное использование достижений мировой и национальной культуры; обширные и разнообразные интертекстуальные связи; обладает чувством юмора и др. Комментарии к его интервью говорят о том, что в создании гипертекста принимаю участие те, кому близок этот тип речевого поведения. Их речь в лексико-грамматическом аспекте, с одной стороны, обладает признаками нормативной книжной речи. С другой — они владеют общедоступным арсеналом выразительных средств. Интонирование в большинстве случаев не играет особой роли при чтении написанного: Человек-Легенда! Спасибо Надежде за спокойный тон. Так много интервьюеров, которые перебивают, не умеют слушать, в поиске сенсаций обижают

и ранят героев. Спасибо Вам за такт и возможность насладиться блестящей беседой! Удивительно, что человек такого таланта и такой внешности обладает такой внутренней гармонией. Восхитителен! Какая грация! Какая душа! Моё почтение! Человек-Легенда! Спасибо Надежде за спокойный тон. Так много интервьюеров, которые перебивают, не умеют слушать, в поиске сенсаций обижают и ранят героев. Спасибо Вам за такт и возможность насладиться блестящей беседой!

Коммуникативным лидером во втором случае является Сергей Шнуров. Точнее, перед аудиторией его лирический герой, принадлежащий к маргинальной речевой периферии, но тем не менее имеющий высокий коммуникативный статус. Считается, что голос человека из народа наделён изначально голосом правды. Пусть даже и в ненормативном речевом облики. Подобная стилистическая концепция коммуникативного лидера привлекает при формировании гипертекста и соответствующий тип комментаторов. В такой ситуации актуализируются лексико-грамматические и интонационные ресурсы сниженной межличностной коммуникации: Обалдеть... Голос, минимум косметики, красота, артистизм... Зоя неподражаема. Да, умеет Шнуров солисток подбирать. Как слышу эту песню Ксюша перед глазами...ну как живая... Молодец деваха! С позитивом Просмотрел в 105 раз. До сих пор в акуе! Bravo! Душу лечит! После стольких лет унижения других, получила по заслугам. Узнай любовь народную! Мы видим, что в том и другом случае коммуникативный лидер задаёт общую стилистическую доминанту гипертекста как коммуникативного целого.

Литература

- Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 1: Проблемы письменной речи и развития языкового чувства. Барнаул, 2003.
- Коньков В. И. Речевой коллектив как единица членения речевой практики общества // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 7. Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 2004. С. 247–263.
- Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М., 1971.
- Литневская Е. И. Письменная разговорная речь: Миф или реальность? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 5: 67–82.

СЛИЯНИЕ ФОКУСОВ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ ПРИ СОЗДАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОГО ОБРАЗА ЯВЛЕНИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. АРХАНГЕЛЬСКОГО «РУССКИЙ ИЕРОГЛИФ. ИСТОРИЯ ИННЫ ЛИ, РАССКАЗАННАЯ ЕЮ САМОЙ»)

Лисова Олеся Олеговна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время актуальной исследовательской проблемой становится изучение когнитивных процессов, в частности — процесса распределения внимания в структуре художественного текста, что связано с выделением дихотомии «фигура—фон». Так, при чтении такого текста внимание читателя следует прежде всего за выделенными в нём событиями, помещёнными в фокус повествования. Однако художественный текст представляет собой не только набор событий, но и их взаимосвязь, которую читатель интерпретирует исходя из своих знаний о действительности. Каждый фрагмент читаемого текста, в котором господствует одно измерение — фигура, связывается с другим, и при этом не только с восприятием «фрагментов-фигур», но и с зонами дефокусирования, в которые включается как информация, полученная из ранее прочитанных фрагментов, так и экстралингвистическая информация. Зона дефокусирования становится таким образом пространством совмещения разных пластов информации, тем самым помогая читателю «сложить» смысл целого текста. В нашем выступлении рассматривается один из эпизодов книги А. Н. Архангельского «Русский иероглиф. История Инны Ли, рассказанная ею самой», в котором приведены воспоминания героини студенческих лет. Следует отметить, что композиция произведения организована как одновременный рассказ о событиях личной, семейной, социальной и исторической жизни, что позволяет выделить несколько пластов повествования, каждый со своим фокусом. Общая содержательная линия формируется как мена разных фокусов, при этом преодолевается линейность повествования: читатель следит за параллельно развивающимися событиями (в жизни героини, её семьи, страны), представленными дистантно расположенными эпизодами, а также за развитием мысли наблюдателя-комментатора. В некоторых фрагментах текста стратегия ведения параллельных линий повествования сменяется стратегией синтеза фокусов, то есть их слияния в одной кульминационной точке. Таким образом, зона формирования смыслов и интерпретации (ДеФ-зона) выходит для читателя на первый план. Рассмотрим такой пример. В рассказе о детских воспоминаниях Инна часто останавливается на предметах окружающего мира и своих перцептивных ощущениях — такой перцептивно-предметный фокус оказывается важным и в рассказе о студенческих годах. Однако параллельно с фокусом на «предмете» и «ощущениях» в воспоминаниях об университете вводится фокус, связанный с социальной жизнью факультета, подготавливая сообщение о дальнейших исторических событиях в Китае; а также фокус, выделяющий особую культурную обстановку дома героини, где устраивались вечера испанской культуры, что в некотором смысле определяло систему ценностей его обитателей того времени. Так в рассказе о студенческой жизни появляется три фокуса: перцептивно-предметный фокус, семейно-социальный фокус и фокус, сосредоточенный на внутреннем переживании — а затем три этих фокуса соединяются в одном эпизоде (дефокусной зоне), который становится своего рода композиционным введением для главы «Государственные яблочки»: «государственные» — это фокус на социальном, «яблочки» — предметный фокус и то, что героиня позволила себе их съесть — этический. Глава начинается с ретроспективного (по отношению к следующему повествованию) пассажа: героиня вспоминает о ситуации «до» поступления, говорит о том, как и почему оказалась в самой «буржуазной группе». Такая ретроспекция является введением в ситуацию «культурной революции», соединяет рассказ о студенческих годах с общесоциальной ситуацией в Китае, то есть это эпизод смешения «личного» и «исторического» в композиционном пассаже-воспоминаний. Обратимся к тексту: «К моменту поступления я уже немного знала испанский целый год мы с Аллой занимались у кубинской журналистки (и бывшей актрисы) Мари и Офелии».

Фрагмент вскрывает связь героини с иностранкой, то есть фокус сосредоточен на её «социальном окружении», что приводит к заключению: «Считалось, что это очень буржуазная, испорченная группа. Хотя на самом деле буржуазной и испорченной была только я» [Архангельский 2022: 57]. Таким образом, два параллельных фокуса предыдущих пассажей сливаются в одной точке, а затем к ним добавляется главный фокус — предметный. Акцент на предмете сопровождается нехарактерным для героини эмоциональным комментарием: «Кофе!!! Кошмар, испорченность!» [Архангельский 2022: 58]. Этот эпизод становится точкой слияния параллельных фокусов «социального», «внутреннего» и «предметного», в нем мы видим и иронию героини относительно того, как незначительные детали, предметы быта, могут стать в официальной оценке буржуазными преступлениями. Финальным штрихом этой части является воспоминание Инны о том, в чем она «покаялась»: «Я вспомнила случаи, как мы с мамой в курортном районе ходили по какому-то государственному саду. И я там подобрала упавшие яблочки, позволила себе их съесть. Государственные яблочки съела. Так и написала» [Архангельский 2022: 58–59]. Государственные яблочки, таким образом, становятся пространством смешения смыслов: предмет (яблочки), социальные явления (государственные) и характер героини (ее ирония по отношению к происходящему) — что подталкивает читателя не просто к линейному восприятию сменяющих друг друга фокусов, но и к синтезу и интерпретации прочитанного. Стратегия слияния параллельных фокусов выводит ДеФ-зону на передний план для читателя, а «государственные яблочки» становятся «зеркалом» описываемых исторических, социальных явлений, личных событий, и вбирают в себя сразу несколько коннотаций.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ХРОНОТОПА В АНТИУТОПИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА АНДРЕЯ РУБАНОВА «АЗ ИВАНОВ. ВЫХОД В ДЕНЬГИ»)

Лоу Шифань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе анализируются языковые средства формирования хронотопа в антиутопическом рассказе Андрея Рубанова «Аз Иванов. Выход в деньги». Этот рассказ построен по принципу «текст в тексте», он состоит из 7 частей. Первая часть — комментарий рассказчика. Остальные 6 частей — статья об изобретателе умных денег Азе Иванове, написанная «группой анонимных авторов из Москвы, Барнаула, Владивостока, Дели, Пекина и Бангкока». Опираясь на работу Е. В. Малышевой, проанализируем хронотоп в данном рассказе. Пространство в этом рассказе многомерно, оно соотносится со структурной реального и нереального географического пространства. При описании пространства в рассказе используются разные маркеры. Во-первых, реальные топонимы создают иллюзию достоверности. Например, город Горно-Алтайск, МГУ, США, Китай, Южная Корея, Москва и т. д. Также употребляются ирреальные антропонимы: вымышленный первый глава Азиобанка — Альфред Треф, имена героев рассказа Аз Иванов и Мария Тихомирова, Анатолий Крамер. В рассказе используются маркеры наименования новшеств. Использование ирреального наименования «Азиобанк» подчёркивает, что это художественный вымысел. Пространственная структура текста складывается из пространств отдельных персонажей. Аз Иванов вступает в отношения с представителями власти, пытаясь осуществить свой проект новой мировой валюты. Он относится к подпространству героя-бунтаря. Анатолий Крамер относится к подпространству антигероя. Подпространство представителя власти в этом рассказе проявляется в действии Спецслужб. Подпространство анонимных авторов статьи совершенно отличается от других подпространств. Авторы статьи относятся к подпространству иного мира. Рассказчик даёт свои оценки изложенному в статье. В конце статьи написано: Данная работа написана в 2073–2075 годах по заказу фонда Альфреда Трефа группой анонимных авторов из Москвы, Барнаула, Владивостока, Дели, Пекина и Бангкока [Рубанов 2022: 29]. Для авторов статьи пространство Альфреда Трефа — это настоящее; мир, описанный в статье, — прошлое. Также Москва, Барнаул, Владивосток, Дели, Пекин и Бангкок остаются в настоящем, но для нас, читателей, — уже в будущем. Временная структура носит многомерную характеристику. В антиутопической работе всегда нарисовано будущее. Временная локализация в этом рассказе включает эксплицитную и имплицитную форму. Эксплицитная временная локализация имеет два вида реализации: точные даты художественных событий, абсолютные показатели времени. Например, Иванов родился 15 июня 2006 года; Трёхсекундная война началось в 2033 году; данная работа написана в 2073–2075 годах. Все эти точные даты находятся во временной системе координат, как точка на временной оси. Эксплицитная временная локализация осуществляется в тексте с помощью абсолютных показателей времени [Малышева 1998: 58]. Например, нечто подобное произошло во второй половине 40-х годов XX века [Рубанов 2022: 18]. Этот эксплицитный показатель косвенно указывает то, что действие произошло в прошлом. Под имплицитной структурой времени мы понимаем структуру, которая непосредственно не дана рассматриваемым языковым выражением, но предполагается в нем, подсказывается им или окружающими его иными языковыми выражениями, выводится из них посредством нашей интерпретации [Молчанова 1988: 12]. При имплицитной временной локализации используются маркеры времени, включающие антропонимы, топонимы, наименование технических новшеств и определение реалий. В данном рассказе один реальный антропоним — Лаврентий Берия. Он был руководителем работ по созданию советской атомной бомбы. Иванов, Мария, Треф и Анатолий — вымышленные антропонимы. Среди них Треф ассоциирован с реальным Трефом, первым главой Сбербанка. Сравним Азиобанк и Сбербанк, мы можем узнать, что первый намекает на будущее для читателя. Что касается топонимов, страны,

города и других мест, упомянутых в статье, они являются реальными топонимами. В этом рассказе называются реальные и вымышленные технические новшества и реалии. Проект «амеро» и «нафта», Терминатор и Скайнет существуют в нашем мире, но стали устаревшими в рассказе. Выход в деньги также является реальным понятием в реальности, но приобретает иное значение в этой статье. Он (Иванов) хотел, чтобы у новой валюты было сознание её разработчика. Иванов в шутку называл это «выходом в деньги» [Рубанов 2022: 26]. Суперкомпьютер, просчитывающий модели будущих войн, просто является авторским вымыслом. Искусственные интеллекты тоже представляются ирреальными. В общем, реальные и нереальные наименования показывают, что настоящий мир с точки зрения героев является будущим миром с точки зрения читателя. Таким образом, мы проанализировали маркеры времени и пространства: топонимы, антропонимы, наименования технических новшеств и реалий. Все эти средства выражения формирования хронотопа позволяют читателю познакомиться со структурой хронотопа в рассказе «Аз Иванов. Выход в деньги» и воспринимать роль реальных маркеров в процессе создания хронотопа. Исходя из этого можно сделать вывод, что общество, изображенное в тексте, — будущее с точки зрения читателя, где искусственные интеллекты являются ведущими. Однако они рассматривают людей как низшую форму жизни. Конечно, это не ожидание героя-бунтаря Иванова. В заключение важно отметить, что данный рассказ позволяет людям думать и размышлять о будущем.

Литература

- Молчанова Г. Г.* Семантика художественного текста (импликативные аспекты коммуникации). Ташкент, 1988.
- Мальшева Е. В.* Структурно-композиционные и лингвостилистические особенности антиутопии как особого типа текста: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.
- Рубанов А.* Аз Иванов. Выход в деньги // *Время вышло. Современная русская антиутопия.* М., 2022. С. 9–30.

ФУНКЦИИ ВВОДНЫХ СЛОВ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Лю Хаотун

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время формируется новейшее медийное пространство, где объединены различные современные сообщества, при этом медиадискурс является главным каналом передачи информации и господствующим способом воздействия на его аудиторию. В рамках нашей работы понятие медиадискурса рассматривается как особый вид коммуникации, в котором отражается как процесс речемыслительной деятельности, так и результат данной деятельности, в его структуру включаются собственно лингвистические и экстралингвистические параметры [Добросклонская 2020: 110]. При формировании современного медиадискурса речемыслительная деятельность направлена на обработку медиатекста, который представляет собой результат медиаобщения. В процессе создания медиатекста есть определённые этапы, которые ориентированы на осуществление глобальной или локальной коммуникативной стратегии, тем самым на реализацию коммуникативных целей коммуниканта. В процессе медийной коммуникации наиболее важным моментом является планирование коммуникативных действий, в связи с этим важно помнить о различной степени готовности плана общения в разных типах современного медиадискурса. Можно отметить, что в газетном варианте проявляется высочайшая степень готовности планирования, поскольку между коммуникантами не имеется прямой связи, до начала общения весь план автора уже реализован в виде медиатекста. Что касается жанров подкаста и видеоблога, которые представляются новейшими средствами медиаобщения, то необходимо упомянуть спонтанность речевых поведений, поскольку общение в таких случаях может быть частично спонтанным или полностью спонтанным. Здесь планирования меньше, чем в традиционном варианте. Субъективная модальность как функционально-семантическая категория [Виноградов 1975: 53–87] играет важную роль для формирования современного медиадискурса. Несмотря на то, что семантика субъективной модальности факультативна, однако модусный компонент является существенным признаком высказывания, поскольку семантика данной категории заключена в модусный компонент, с помощью которого отражается собственное отношение коммуниканта к сообщаемому. Можно отметить, что выражения эпистемической модальности являются главными модусными, составляющими высказывания, и представляют собой один из способов реализации коммуникативной стратегии в данном изученном дискурсе. К эпистемической модальности можно отнести следующие модальные значения: утверждение, убеждение, предположение, опасение, сомнение и т. д., которые представляют собой различные микрополя в функционально-семантическом поле достоверности/недостоверности [Беляева 1990: 157]. Описание данного типа функционально-семантического поля представляется в ядерно-периферийной композиции. К ядру принято отнести лексические средства, а на периферии располагаются синтаксические и интонационные средства. В общей системе субъективной модальности выражение эпистемической модальности имеет осложнённую и комплексную структуру, поскольку данная категория также взаимосвязана с другими категориями субъективной модальности, в том числе категория оценки и категория эмотивности. При современной медийной коммуникации употребляется множество персуазивных и презумптивных средств, расположенных на различных уровнях языка. В рамках нашей работы выделенные средства рассматриваются как дискурсивные маркеры, которые, с одной стороны, структурируют современный медиадискурс, с другой стороны, передают собственное отношение коммуниканта к сообщаемому [Манаенко 2018: 129]. Следует выделить следующие основные группы лексических средств: вводное слово, модальная частица, оценочная лексика, междометие, неопределённое местоимение и фразеологическая единица. Также активно употребляются грамматические и синтаксические средства: сослагательное наклонение глагола, риторический вопрос и сложная синтаксическая конструкция. При выражении эпистемической модальности в медиадискурсе с высочайшей частотностью используется группа вводных

слов. В эту группу средств входят наиболее разнообразные единицы — слово, словосочетание, конструкция: действительно, конечно, по крайней мере, безусловно, правда, что..., пожалуй, наверное (наверно), мне кажется, что..., по-моему, по-видимому, скорее всего, может быть, маловероятно, похоже и т. п. Данные вводные единицы передают различные степени достоверности/недостоверности, и привносят в текст положительный или отрицательный оттенок. В современном медиаобщении группа вводных средств выполняет следующие функции: оценочная функция; контактоподдерживающая функция; воздействующая функция; эмотивная функция; демонстрация источника высказывания. Важно отметить, что при помощи вводных единиц воздействующая функция осуществляется путём дискредитации и убеждения, для того чтобы создать общее мнение у коммуникантов.

Литература

Беляева Е. И. Достоверность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 157–170.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975. С. 53–87.

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М., 2020.

Коньков В. И., Манаенко Г. Н. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой; редкол.: В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. М., 2018.

Материал для анализа

Газета «Коммерсантъ».

Подкаст «Розенталь и Гильденстерн».

Видеоблог «А поговорить?».

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В СЮЖЕТООБРАЗОВАНИИ ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «ТРИ ГОДА»

EMOTIONAL LEXICON IN THE PLOT IDEATION OF A. P. CHEKHOV'S NOVEL "THREE YEARS"

Малинина Наталия Владимировна

преподаватель, Государственный университет Кассино и Южного Лациума (Италия)

Исследователями отмечено, что более сорока произведений А. П. Чехова (рассказов, повестей, драм) описывают характеры, ситуации, судьбы людей, связанные с чувством любви, которая принимает каждый раз самые разные облики. Своё место в этом ряду занимает и повесть «Три года» — произведение А. П. Чехова, которое писалось тоже 3 года и охватило жизнь маленького провинциального городка, где «каждое утро и вечер прогоняют большое стадо и при этом поднимают страшные облака пыли и играют на рожке», и жизнь Москвы, где симфоническим оркестром дирижирует Антон Рубинштейн. Герой, — сын состоятельного купца Лаптев женится на дочери провинциального врача Юлии Сергеевне и возвращается с ней в Москву, где его отцу принадлежит торговое дело. В одной из последних статей, посвящённых творчеству А. П. Чехова, говорится: «Творческий подход Антона Павловича Чехова связан не столько с созданием действия, сколько с созданием атмосферы, “настроения”, жизни. Эта позиция проявляется в написании особых диалогов, в которых преобладает незначительное» [Афоница 2022: 26]. К этому следует добавить, что атмосфера «настроения» в большой степени создаётся непосредственными сообщениями об эмоциональном состоянии персонажей. Более того, кажется, что само действие определяется ими. Повесть композиционно состоит из трёх частей, последовательно сообщающих о жизни героев. Первая интродуктивная часть знакомит читателя с ними, завершаясь свадьбой и переездом в Москву, вторая — повествует об их московской жизни, тех трёх годах, завершение которых в конце приводит к диаметрально противоположной ситуации по сравнению с той, которой всё начиналось. Герои предстают в динамике своих переживаний, что касается их отношений, то тут присутствует каждый раз «движение только с одной стороны». Начало повествования, которое окрашено отношением к событиям главного героя, сосредоточено на его чувствах: «Ему вдруг страстно захотелось обнять свою спутницу, осыпать поцелуями её лицо, руки, плечи, зарыдать, упасть к её ногам, рассказать, как он долго ждал её. От неё шёл лёгкий, едва уловимый запах ладана, и это напомнило ему время, когда он тоже веровал в бога и ходил ко всенощной и когда мечтал много о чистой, поэтической любви. И оттого, что эта девушка не любила его, ему теперь казалось, что возможность того счастья, о котором он мечтал тогда, для него утеряна навсегда» (9). Эмоциональное состояние героя находит выражение не только на лексическом, но и грамматическом уровне, где использование перечислительного ряда инфинитивов создаёт взволнованный ритм повествования, в которое включены, кажется, все концептуализируемые качества этого чувства [Бабенко 2021: 30]. Однако заключительные предложения вносят известный диссонанс: «эта девушка не любила его» и «возможность счастья утеряна навсегда», который определяет содержание жизни персонажей — их свадьба всё-таки состоялась — и содержание повести. Московская жизнь молодой семьи наполнена встречами с друзьями, катанием на лошадях, посещением художественных выставок, где можно было, например, увидеть пейзаж И. Левитана. Картина сразу стала близка Юлии: «Как это хорошо написано! — проговорила она, удивляясь, что картина стала ей вдруг понятна. — Посмотри, Алёша! Замечаешь, как тут тихо? Она старалась объяснить, почему так нравится ей этот пейзаж, но ни муж, ни Костя не понимали её». Атмосфера взаимного непонимания — тема не только этого произведения Чехова, но здесь она становится ведущей: «В семейной жизни Лаптева уже всё было мучительно. Когда жена, сидя с ним рядом в театре, вздыхала или искренно хохотала, ему было горько, что она наслаждается одна и не хочет поделиться с ним своим восторгом. И замечательно, она подружилась со всеми его приятелями, и все они уже знали, что она за человек, а он ничего не знал, а только хандрил и молча ревновал». Юлию подозревают в том, что она вышла замуж из-за денег состоятельного купца, что лишает сча-

стъя героев, отношения между которыми проходят, кажется, все уровни напряжения вплоть до ненависти, и составляют основную линию повествования. Под влиянием многих жизненных обстоятельств к концу повествования чувства героев сменяются на противоположные: если их отношения начинались страстной любовью Лаптева и равнодушием Юлии, то теперь «Юлия объяснялась ему в любви, а у него было такое чувство, как будто он был женат на ней уже лет десять, и хотелось ему завтракать». Возможно ли преодоление отчуждения главного героя, восприятие жизни которого определяет повествование — обретение свободы, в том числе и от навязчивых мыслей и идей, лишаящих непосредственного ощущения жизни, — ответа на этот вопрос, как чаще всего, у Чехова нет. Здесь дважды повторена реплика: «Поживём, увидим», откладывающая ответ. Будущее время «никогда не предстаёт оценочно нейтральным» [Сидорова 2001: 455]. И поэтому оставляет читателю возможность решать вопрос по-своему. Это так называемые открытые окончания у Чехова.

Литература

- Афонина Ю. И.* «Ни о чём» — о диалогах Чехова и Тарантино // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022, № 4: 23–27.
- Бабенко Л. Г.* Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург; М., 2022.
- Сидорова М. Ю.* Лирическое стихотворение как объект грамматики // Языковая система и её развитие во времени и пространстве: сборник научных статей к 80-летию К. В. Горшковой. М., 2001. С. 447–466.
- Чехов А. П.* Три года // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 9 [Рассказы. Повести], 1894–1897. М., 1977. С. 7–91.

АРАБСКИЕ МЕМЫ ГЛАЗАМИ РОССИЯН: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

ARABIC MEMES THROUGH THE EYES OF RUSSIANS: PROBLEMS OF INTERPRETATION

Мансур Мохаммед Хассан Саммани

старший преподаватель, Айн-Шамский университет, г. Каир, Египет

Ольховская Александра Игоревна

заведующий отделом, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Интернет-мемы являются широко обсуждаемым инструментом т. н. «онлайн-юмора», или «цифрового юмора». В узком лингвистическом смысле они понимаются как форма полимодального дискурса, имеющая стандартизированный вид и выполняющая определенные прагматические функции. Ряд исследователей рассматривают мем как носитель культурной информации, заключенной в визуальном и в текстовом компонентах (см. работы С. В. Канашиной, Л. В. Моисеенко, Е. А. Нежуры, Ю. В. Щуриной, З. Э. Саидовой, L. Shifman, A. Chesterman, M. Dynel, Th. Messerli). «Смысл мема... формируется не столько под влиянием знаковой формы, сколько под влиянием экстралингвистических, коммуникативных факторов с учетом культурного багажа, пресуппозиции, стереотипов и т. д.» [Канашина 2018: 76]. В интернет-мемах обыгрываются разнообразные элементы культуры: идеи, песни, крылатые выражения из книг и фильмов, модные тенденции, обычаи, нормы поведения и др. Соответственно, можно предположить, что интерпретация мемов основана в первую очередь на знании актуального культурного фонда народа и затруднена в инокультурной среде.

Задача настоящего исследования состоит в выявлении специфики понимания мемов, рожденных и функционирующих в арабской (в частности, в египетской) культурной среде, представителями русской лингвокультуры. В качестве материала было отобрано 12 мемов, распространенных в арабском сегменте интернета. Отбор мемов осуществлялся с опорой на два ключевых принципа — наличие в содержании мема элементов, характерных для арабской (египетской) лингвокультуры и отнесенность к различным типам лингвокультурной типологии мемов, представленной в [Ольховская 2022]. В экспериментальный набор намеренно включались только такие мемы, в основе которых лежат универсальные ситуации, гипотетически понятные представителям любой культуры (отношения между людьми, поведение людей в бытовых ситуациях, негативные качества людей). Методом исследования был выбран опрос, реализованный в онлайн-режиме с помощью яндекс-формы. Экспериментальную группу составили 40 носителей русского языка, незнакомых с арабской культурой и языком. В качестве контрольной группы выступили 40 носителей арабского языка. Информанты получали набор египетских мемов (россияне — в переводе) и отвечали на вопросы, связанные с разными аспектами понимания мемов (общее понимание, узнавание персонажа, понимание взаимосвязи текста и картинки, понимание шутки).

В результате анализа полученных данных были сделаны следующие наблюдения. В общем и целом понимание мемов русскими испытуемыми оказалось ожидаемо ниже, чем понимание материала носителями египетской лингвокультуры. Средняя разница в уровне понимания составила около 30 %. При этом нельзя говорить о том, что русская группа оказалась совершенно не способна к расшифровке арабских шуток. Напротив, большинство мемов оказались достаточно понятными для русских информантов. Среди них: мем со сценой из английского шоу «Свидание вслепую» про нарушение родителями личного пространства детей (уровень понимания русскими информантами — 75 %); мем с человеком, у которого вместо головы видеокамера, про коллегу-доносчика (62 %); мем с кошкой и котёнком про обыкновение матерей забирать у ребенка деньги, подаренные ему на праздник (60 %); мем с журналистом и депутатом Мустафа Бакри про угодливого политика (52 %) и др. Наименее понятными для русских испытуемых оказались такие мемы, как мем с сотрудницей госучреждения про бюрократизм (0 %), мем с сельчанином про ссоры (10 %), мем с самодельным магнитофоном про технологическую

отсталость страны (22,5 %) и нек. др. Сложности в интерпретации, вероятнее всего, были вызваны непониманием визуального компонента мема — неузнаванием персонажей, прецедентных текстов и стереотипных образов.

Однако иногда, несмотря на непонимание визуального компонента, русские информанты верно улавливали общую мысль и иронию мема. Например, никто из испытуемых не узнал президента спортивного клуба Муртада Мансура, который известен эксцентричным поведением и резкими высказываниями, тем не менее правильное понимание мема с ним продемонстрировали 40 %, близкое понимание — еще 12,5 %. Аналогичным образом ни один русский информант не опознал телеведущего Тауфика Укаша, но точное понимание мема с этим персонажем достигло 40 %, а близкое понимание — 37,5 %. Это ставит на повестку вопрос о роли визуального компонента в общем понимании поликодового текста.

В некоторых случаях в ответах русских информантов наблюдается смещение акцентов в понимании мема. Например, мем «Когда покупаешь матери на день рождения столовые приборы, которыми будет пользоваться вся семья» египетские информанты интерпретировали в аспекте бесполезности подарка, в то время как представители русской лингвокультуры делали акцент на хитрости и личной выгоде дарителя («подарок вроде маме, а вроде и для себя»), а также на домашнем труде матери («мыть-то всё маме, скорее всего»). При расшифровке мема «Я, Трепач Балаболович, подтверждаю, что начну учебный год серьезно, буду регулярно делать уроки...» египтяне подчеркивали нерадивость и лень студентов, тогда как русские представители прочитывали его в контексте самообмана и невыполненных обещаний («о невыполненных обещаниях самому себе»).

Проведенный эксперимент подтвердил, что мемы являются специфическими единицами лингвокультуры, в связи с чем представители иной культуры сталкиваются с различными сложностями при их интерпретации. Часть сложностей продиктована невозможностью расшифровать визуальный компонент мема, который может отсылать к медийной личности или прецедентному тексту. Другая часть носит более тонкий характер и нуждается в отдельном изучении.

Литература

- Канашина С. В.* Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып 16. С. 74–79.
- Ольховская А. И.* Интернет-мем как носитель национально-культурной информации // Русский язык в странах СНГ: положение, функционирование, коммуникация: Сб. мат. междунар. науч. конгресса. М., 2022.

АКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ТЕКСТАХ ТИПА «ПОВЕСТВОВАНИЕ»

Омельченко Лилия Николаевна

доцент, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

Повествование как функционально-смысловой тип монологической речи опирается на мыслительные процессы, отражающие диахронную связь между явлениями объективного мира [Нечаева 1975: 96]. Актуальность исследуемой проблемы состоит в том, что тип речи «повествование» изучен в меньшей степени, чем «описание» и «рассуждение», которым были посвящены в последние десятилетия специальные работы, в том числе диссертационные исследования (Чебанов, Мартыненко 1999; Трошева 2000; Хамаганова 2002; Варфоломеева 2022 и др.). Для выражения динамики действия тип речи «повествование» обладает многообразной системой лексических и грамматических средств: смена временного плана в формах глагола; видовые формы глаголов со значением возникновения и мгновенности действия; обстоятельственные слова со значением временной последовательности и др.

Наблюдения над речевым материалом показали, что повествовательные тексты строятся на основе структурно-семантической модели, обладающей определенными регулярно воспроизводимыми свойствами, к числу которых мы относим определенную семантику предложений, составляющих такие тексты. Акциональные предложения выполняют текстообразующую функцию в составе текста типа «повествование». Именно тип текста «повествование» является той «движущей» силой, которая развивает сюжетную линию художественного произведения. Картотека исследования включает более 500 текстовых фрагментов повествования, извлеченных из художественных произведений русской классической и современной литературы.

В акциональных предложениях сообщается об активных действиях какого-либо деятеля (движение, речь, трудовая и др. деятельность) [Бабайцева 2001: 436]. Компонентами семантической структуры акционального предложения являются активный субъект (агенс) и предикат; нами определены типы семантического субъекта в составе акциональных предложений: человек, животные (птицы, насекомые, рыбы и др.), неодушевленные предметы, событийные субъекты. Важно, что референция субъекта конкретнее предиката. Такой семантический состав акциональных предложений, по нашему мнению, позволяет им функционировать в текстах типа «повествование».

Ядром акциональных предложений является глагольный предикат. Нами предпринята попытка систематизации глагольной лексики в составе повествовательного текста как функционально-смыслового типа речи. Проблема изучения глагольной лексики в контексте повествования была поставлена О. А. Нечаевой [Нечаева 1975: 114–118], но не получила еще полного освещения, хотя глагол, как известно, «всегда называет процесс, действие или процессуальное состояние и таким образом является основной единицей языка, представляющей действительность как движение и, посредством своих грамматических категорий, относящей эту действительность ко времени — реальному или гипотетическому, а также к субъекту или объекту действия» [Русский семантический словарь 2007].

Семантика глагольных предикатов в составе акциональных предложений в текстах типа «повествование» сверяется нами с данными шеститомного «Русского семантического словаря», изданного под редакцией Н. Ю. Шведовой [Русский семантический словарь 2007]. Словарь охватывает около 300 000 лексических единиц — значений слов и фразеологизмов; он включает в себя не только слова из семнадцатитомного академического и малого (4-томного) словарей, но и дополнен новыми, используемыми в современном языке, имеющими новое дополнительное значение. В ходе исследования нами использовались материалы 4 тома, основную часть которого составляют глаголы со значением «активного действия, деятельности, деятельностного состояния (глаголы, относящиеся к сферам созидания, мыслительных и эмоциональных действий и деятельности, поведения, контактов, информации, общественных отношений и связей,

к сферам исконных трудовых занятий и профессиональной деятельности, спорта, развлечений)» [Там же].

Сверка семантики акциональных глагольных предикатов проводится по 5 семантическим группам 4 тома. В первой группе глаголов со значением «Общие обозначения: созидание, изменение, соединение, разъединение, улучшение, ухудшение, поиск, выбор, пользование, ускорение, замедление, локализация, уничтожение» были проанализированы глаголы, обозначающие конкретные действия (завести, делать и др.). В группе «Мысль. Чувство. Воля» рассматриваются глаголы обобщенного действия (любить, верить и др.). В третьей группе «Поведение. Контакты. Информация» рассмотрены глаголы неконкретного действия (чирикать, отрезать и др.). В четвертой группе «Общественные и гражданские отношения и связи. Социальная и политическая деятельность» изучены глаголы ненаблюдаемого действия (разводиться, расписываться и др.). В пятой группе «Труд, занятия. Спорт. Отдых. Развлечения» рассмотрены глаголы конкретного наблюдаемого действия (натягивать, варить, готовить и др.).

Проверка возможностей функционирования предикатов с семантикой активного действия в тексте проверяется подстановкой лексических единиц из РСС в текстовые модели, презентующие повествование. Текст «повествование» предназначен для обозначения действия во времени и пространстве, глагольные предикаты со значением акциональности моделируют текст «повествование».

Литература

- Бабайцева В. В.* Логико-синтаксические типы семантики простого предложения // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц / под ред. Е. И. Дибровой. М., 2001. С. 434–442.
- Нечаева О. А.* Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение): дис. ... док. филол. наук. М., 1975.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общ. ред. *Н. Ю. Шведовой*. М., 2007. Т. IV.

ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЗДОРОВЬЕ» В ПАНДЕМИЙНОМ ДИСКУРСЕ

THE FIGURATIVE POTENTIAL OF THE LEXICAL-THEMATIC GROUP "HEALTH" IN PANDEMIC DISCOURSE

Попкова Елена Андреевна

преподаватель, Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова

Брускова Рахиль Эдуардовна

старший преподаватель, Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова

Языковая личность черпает необходимые для себя сведения из сферы средств массовой информации, и именно поэтому данная область функционирования языка является важной, отражая ежедневный речевой опыт человека XXI века, а также требует специального внимания при обучении не только носителей языка, но и иностранцев.

Единицы лексико-тематической группы (ЛТГ) «здоровье» часто являются основой тропов. В исследуемом материале рассматривается такое языковое средство, как метафора. С целью оценить прагматический потенциал лексем «эпидемия», «вирус» и «прививка», входящих в ЛТГ «здоровье», обращается внимание на их функционирование в контексте.

Так, лексема «эпидемия» в пандемийном дискурсе свойственна персонификация. Она, подобно человеку, живёт и развивается: «эпидемия дольше живёт и развивается»; «эпидемия «украла» событие». В данных контекстах наблюдается метафорическое олицетворение.

Лексема «вирус» в средствах массовой информации 2020–2021 года преимущественно используется в своём прямом значении, описывая актуальную ситуацию в мировом сообществе, связанную с появлением новой коронавирусной инфекции. Подобно человеку вирус рождается, живёт и развивается: «вирус может жить не менее суток»; «вирус ведёт себя»; «где зародился вирус» и т. п.

Кроме того, вирус отождествляется с мифическими персонажами на основе семы «губительное влияние». Вирус, подобно демону, имея подчас неведомую природу происхождения, заражает человечество, приводя ко множеству смертей: «Вирус — это демон, а демону мы не можем позволить скрыться» [Коммерсант 2020, № 1].

Ввиду появления новой коронавирусной инфекции лексема «прививка» также актуализировалась в первую очередь в своём прямом значении. Однако возросло использование данной лексемы и в метафорическом значении: «закон — прививка от популизма»; «памятник — прививка от вируса безразличия»; «прививка от любых деструктивных воздействий на сознание молодёжи». Здесь можно отметить, что медицинское мероприятие («прививка») переносится на абстрактное социальное мероприятие (популизм, безразличие). Благодаря подобному метафорическому переносу абстрактное социальное мероприятие приобретает образную номинацию.

После анализа лексем из ЛТГ «здоровье» с точки зрения языковых средств выразительности, очевидно, что в ней преобладают метафоры. В ЛТГ «здоровье» удалось выделить следующие разновидности метафорического переноса:

- А) антропоморфная метафора: «вирус повёл себя по-другому»; «по городу гуляет вирус»;
- Б) природоморфная метафора: «шторм пандемии немного успокоился»; «эпидемия коронавируса бушует»;
- В) социоморфная метафора.

В данном исследовании достаточно продуктивной является военная или милитарная метафора («на передовой войны с невидимым врагом Sars-CoV-2»; «иммунитет идёт в атаку»; «антитела не являются истинными воинами, хорошо вооружёнными против врага-патогена»; «защитить хозяина от повторного заражения»; «враг <вирус> берёт новые города»). Сфера

употребления милитарных переносов довольно обширна, так как подобные метафоры «способны характеризовать практически все понятийные области непредметного мира, формируя устойчивые концептуальные метафорические модели, функционирующие в разных языковых стратах и типах дискурса» [Балашова 2020: 778].

Данный обзор употребления лексем, входящих в ЛТГ «здоровье», в пандемийном дискурсе подтверждает высокий образный потенциал данной ЛТГ. Кроме метафоры в современном медийном дискурсе, посвященном вопросам здоровья и преодоления новой коронавирусной инфекции, встречаются также контексты с использованием средств метонимии, сравнения, оксюморона, перифраза. Однако метафора является наиболее продуктивным языковым средством выразительности и подчас вбирает в себя характеристики всех вышеупомянутых средств выразительности.

Состав общелитературного словаря пополнился новыми лексемами, связанными с новыми реалиями, а именно появлением коронавирусной инфекции. В связи с этим в современном русском языке актуализировались лексемы медико-биологической направленности. В общелитературный язык проникли термины подъязыка медицины (например, сатурация, фиброз, гипоксия). Произошла так называемая «интеллектуализация языка» [Лейчик, 2006: 62].

Метафорические употребления представляют значительную сложность для иностранных обучающихся: метафора сложна как для узнавания, так и для понимания значения. Для распознавания метафоры важно видение связей слов в контексте, формирующих и раскрывающих ее семантику. Для установления образных аналогий важны знания прямых значений слов, а также наличие представлений о признаках и свойствах тех феноменов, которые участвуют в метафорическом переносе.

Литература

Балашова Л. В. Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В. В. Путина. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/militarnaya-metafora-kak-sposob-formirovaniya-kontseptta-kovid-19-v-rechi-v-v-putina> (дата обращения: 31.03.2022).

Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2006. 256 с.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПОДБОРА УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА (РАССКАЗЫ НАРИНЭ АБГАРЯН В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ)

Стрельникова Наталия Данииловна

доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Для обсуждения предлагаются рассказы из двух последних сборников рассказов Н. Абгарян — «Дальше жить» (2018) и «Молчание цвета» (2022).

1. Книга «Дальше жить» — это сборник из 31 рассказа. «Книга о тех, кто пережил войну. И тех, кто нет» [Абгарян 2018: 2]. Герои всех рассказов — жители армянского городка Берд, пережившие и переживающие сейчас трагедию военного противостояния, затяжной и страшной войны в Нагорном Карабахе. Простые и доброжелательные люди, продолжающие вести мирную жизнь, но это уже другая реальность, жизнь навсегда разделилась на до и после войны. Описания военных действий нет, они всегда у Абгарян за кадром, но есть скупые воспоминания, свидетельства, жуткие последствия, атмосфера войны, разлитая в воздухе небольшого армянского поселения и в художественной ткани рассказываемых историй. И неважно, о какой конкретно войне идет речь, у нее всегда «неженское лицо», где бы и когда бы она ни происходила: конфликт между Арменией и Азербайджаном, Сирия, Иран, Вьетнам... «Писать о войне — словно разрушать в себе надежду. Словно смотреть смерти в лицо, стараясь не отводить взгляда. Ведь если отведешь — предашь самого себя» [Абгарян 2018: 253], — такова точка зрения автора.

В первом лаконичном рассказе сборника имя главной героини — Заназан — повторяется в пределах двух страниц 14 раз, чтобы запомнили и помнили. «Она у нас необыкновенная, второй такой нет» [Абгарян 2018: 3], юродивая, как бы сказали у нас. Писательница объясняет, почему она стала такой: «Войну она встретила беременной. Схватки случились в бомбежку. Скорую не вызовешь — телефоны молчат, у соседей помощи не попросишь — зачем заставлять людей жизнью рисковать. Терпела до последнего. Когда боль стала невыносимой — собрались с мужем и пошли в больницу. Мужа посеколо осколками навывлет, ребенка не спасли» [Абгарян 2018: 4–5]. Рассказ заканчивается обращением к читателю: «Кто-нибудь видел сиреневые глаза? Я видела. У Заназан» [Абгарян 2018: 5]... Сиреневые глаза — ключевые слова этого рассказа, страшная метафора войны, прием парцелляции только усиливает боль после прочитанного.

Книга Абгарян — о Жизни и Смерти, о Любви и Памяти, о Вере и Надежде. Есть ли проблемы в мире более важные, более актуальные, более вечные для всех? Эти темы требуют обсуждения, которое может начаться, например, с вопроса: как вы поняли, что значит сиреневые глаза? Цель преподавателя — вызвать живой, эмоциональный отклик на непреходящие вопросы сегодняшнего бытия, ставшие особенно острыми в 23 году XXI в. Рассказ о Заназан и само жизнеутверждающее название «Дальше жить» способствует спонтанной коммуникации в диалогической, монологической и полилогической форме, в виде непосредственного, произвольного общения.

2. Книга «Молчание цвета» — последний сборник Н. Абгарян, состоящий из рассказов и повестей. Предлагаем остановиться на рассказах третьей части книги «С миру по картинке» и выбрать, конечно, историю «Санкт-Петербург» [Абгарян 2022: 158–161]. «Мне всегда везло на хороших людей...», — утверждает в этой книге автор и рассказывает разные истории о самых разных людях со всех концов света, но их объединяет одно — они остались и остаются Людьми, «самыми любящими и милосердными». Каждый из героев книги, как считает автор, чему-то научил, что-то очень важное привнес в жизнь. Иногда при проведении занятий с иностранными студентами необходимо знать и учитывать их ментальные особенности, быть в «диалоге культур». Сборник «Молчание цвета» позволяет подобрать необходимый материал. Например, со студентами из Южной Кореи можно использовать впечатления автора сборника под названием «Южная Корея» [Абгарян 2022: 210–218]; с итальянцами — очерк «Италия» [Абгарян 2022: 264–274]; с израильтянами — заметки «Израиль» [Абгарян 2022: 200–206]; с киприотами — философские размышления «Кипр» [Абгарян 2022: 207–209] и т. д. Впрочем, заметки «Кипр» хорошо

предложить и иностранным учащимся из Вьетнама, потому что «Кипр — царство кошек» [Абгарян 2022: 207]. По вьетнамскому календарю 2023 год — это год кота, а безмолвным, но мудрым собеседником героини рассказа является кипрская кошка. Наконец, рассказ заканчивается высказыванием, обращенным ко всем: «Мои старшие говорили: видеть и воспринимать красоту — одно качество души, а не уставать благодарить — совсем иное. Не устаю. Благодарю» [Абгарян 2022: 209].

В зарисовках автора книги всегда найдется, что пообсуждать, поделиться мнением о стране и ее жителях, сопоставить взгляд на себя изнутри и впечатления туриста, человека извне. Книга заканчивается словами-посланием, важным для автора. Это месседж к Человечеству, то, что важно сохранить в себе, несмотря и вопреки, то, чего так не хватает сейчас во все огромном Мире, чтобы остаться Людьми: «... все, что есть у меня сейчас на душе, — благодарность и любовь. Благодарность и любовь» [Абгарян 2022: 344].

Литература

Абгарян Н. Ю. Дальше жить. М., 2018.

Абгарян Н. Ю. Молчание цвета: сборник. М., 2022.

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ «РАЗГОВОР ВЗРОСЛОГО С РЕБЕНКОМ» НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ Л. ТОЛСТОГО

SPEECH STRATEGIES AND TACTICS IN THE SPEECH GENRE “CONVERSATION OF AN ADULT WITH A CHILD” BASED ON STORIES FOR CHILDREN BY L. TOLSTOY

Фань Юйвэнь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В современной науке прагмалингвистика, цель которой — выявление и анализ функционирования использованных в процессе коммуникации языковых средств, рассматривается как одно из перспективных направлений. Такие исследователи, как Т. ван Дейк, А. Вежбицка, Дж. Л. Остин, Дж. Р. Серль, Г. П. Грайс, Н. Д. Арутюнова, в своих работах изучали этот вопрос в конце двадцатого века. В рамках прагмалингвистики изучаются речевые стратегии и тактики, анализ которых в том или ином речевом жанре является актуальным направлением в данной области. В настоящее время вопрос о речевом жанре еще не полностью изучен, лингвисты находятся в процессе описания, систематизации и упорядочения существующих речевых жанров, а также пытаются найти новые речевые жанры. В нашем исследовании рассматриваем речевой жанр «разговор взрослого с ребенком». Мы полагаем, что описание и изучение процесса эффективного общения между взрослыми и детьми с лингвистической точки зрения способно помочь родителям при установлении гармоничных отношений с детьми, в процессе воспитания и передачи нравственных ценностей, а также для побуждения подрастающего поколения к социализации. Рассказы Л. Толстого для детей, которые отражают красоту русского языка и воспитывают детей, побуждают их любить окружающий мир, представляют собой чудесное явление в литературе. Раньше исследователи изучали детские рассказы Л. Толстого только с литературоведческой точки зрения. Соответственно, исследование прагмалингвистических компонентов в рассказах Л. Толстого для детей обладает новизной. Актуальность нашего исследования состоит в том, что в настоящее время изучение и анализ речевого общения взрослого с ребенком с позиции статической направленности и тактической реализации коммуникации является недостаточным, с одной стороны, а также отсутствует исследование рассказов Л. Толстого с прагмалингвистической точки зрения, с другой стороны. К рассмотрению были привлечены такие рассказы Л. Толстого: «Акула», «Как дядя рассказывал про то, как он ездил верхом», «Как мальчик рассказывал о том, как его в лесу застала гроза», «Как тётушка рассказывала о том, как она выучилась шить», «Как я выучился ездить верхом», «Косточка», «Корова», «Лучше всех», «На что нужны мыши», «Подкидыш», «Прыжок», «Птичка», «Собака Якова», «Филипок». В результате было выявлено, что использованные в детских рассказах Л. Толстого в разговорах взрослого с ребенком речевые стратегии и тактики заслуживают внимания. В разговоре взрослого с ребенком чаще всего используются стратегия присоединения, стратегия обучения и патерналистская стратегия. Например, стратегия обучения в фрагменте рассказа «На что нужны мыши»: «...я пошел домой, и рассказал деду свое горе, и как бы я побил всех мышей на свете, если бы моя сила была. А дед сказал мне: «Если бы твоя сила была побить мышей, ты знаешь, кто бы тебя пришел просить за них?». ... «Первые пришли бы кошки и стали бы просить за мышей. Они сказали бы: если ты сожжешь мышей, нам будет есть нечего. Потом пришли бы лисицы и тоже просили. Они сказали бы: без мышей нам надо будет красть кур и цыплят. После лисиц пришли бы тетерева и куропатки и тоже просили бы тебя не убивать мышей». ... «Им мыши нужнее всего на свете. Они не едят их, но, если ты мышей погубишь, лисицам будет есть нечего, они разорят все куропатки и тетеревиные гнезда. Все мы на свете друг другу нужны». Дед хочет помочь внуку понять, что «все на свете друг другу нужны». Патерналистская стратегия — в отрывке рассказа «Филипп»: «Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и тоже собрался идти. Но мать сказала ему:

— Куда ты, Филипок, собрался?

— В школу.

— Ты ещё мал, не ходи. И мать оставила его дома». Мать не хотела, чтобы Филипп пошел в школу, и просто оставила его дома. Стратегия присоединения в отрывке из рассказа «Как я выучился ездить верхом»: «Я был меньше всех братьев и спросил:

— А мне можно учиться? Батюшка сказал:

— Ты упадешь. Я стал просить его, чтоб меня тоже учили, и чуть не заплакал. Батюшка сказал:

— Ну, хорошо, и тебя тоже. Только смотри не плачь, когда упадешь. Кто ни разу не упадет с лошади, не выучится верхом ездить». Герой хочет присоединиться к братьям и с ними вместе учиться. Разговор (взрослый обращается к детям) чаще всего включает такие тактики, как информирование, вопрос, просьба, переспрос, предложение, похвала; а разговоры взрослого с взрослым — согласие, отрицание, информирование, вопрос. Все это отражает авторско-индивидуальные характеристики речевой коммуникации (и философию воспитания Л. Толстого), отраженные в рассказах для детей.

Литература

- Анохина В. С., Кравченко О. В. Повседневная коммуникация в стратегиях и тактиках обиходно-бытового общения (на материале семейной речи): монография. Таганрог, 2017.
- Анохина В. С., Кравченко О. В. Разговоры с детьми: стратегии и тактики речевого поведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12–1 (90).
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.
- Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2000.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИНИТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСОМ -ОТ В ТЕКСТЕ ТИПА «ОПИСАНИЕ»

Хандархаева Ирина Юрьевна

доцент, Бурятский государственного университета им. Доржи Банзарова

В докладе рассматриваются особенности функционирования финитивных глаголов в тексте типа описание. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью указанных глаголов в аспекте типов текста. В настоящее время в центре внимания лингвистов находятся проблемы исследования текста с точки зрения функционирования в нем языковых единиц. По мнению А. В. Бондарко, «функциональная грамматика включает изучение функционирования единиц строя языка во взаимодействии с элементами окружающей среды. Среда, в понимании А. В. Бондарко, — это «контекст, целостный текст, речевая ситуация, лексическое наполнение грамматических форм и конструкций» [Бондарко 1996: 109]. Научный интерес представляет роль финитивных глаголов с префиксом -от в создании описательного текста. Описание — это мыслительный процесс, логическая основа которой представлена в виде синхронологемы; образец, модель монологического сообщения в виде перечисления одновременных или постоянных признаков предмета в широком понимании и имеющий для этого определенную языковую структуру [Нечаева 1974: 94].

Как известно, в описательном тексте наблюдается единство видовременных форм глаголов, которые не допускают смещения временного плана, как правило, это глаголы несовершенного вида, создающие значение одновременности явлений, что необходимо для выражения синхронности в момент речи. Однако анализ функционирования глагольных единиц показывает, что в описании допустимо использование глаголов совершенного вида с перфектным значением, в том числе финитивных глаголов с префиксом -от без смещения временного плана текста типа описание. В отношении финитивных глаголов существуют различные точки зрения, но анализ их поведения в текстовой среде практически отсутствует, что вызывает лингвистический интерес. С этой позиции в данном докладе делается попытка выявить значение текста типа описание на особенности функционирования финитивных глаголов с префиксом -от, то есть проанализировать воздействует описательный тип речи на реализацию значений грамматических форм. В данном случае — воздействие описания как среды на вышеназванные глаголы, выражающих синхронность действий и состояний и их семантику. В лингвистической литературе отмечается, что данные глаголы имеют результативное значение (Е. А. Земская, А. В. Исаченко, А. В. Бондарко), где важно не само действие, а результат того, что свершилось в прошлом, и этот результат является одновременным с признаками, актуальными в момент речи, что соответствует логической основе описания — синхронности описываемых признаков, действий, состояний.

В небольшой описательной микротеме «Он как-то отсырел в своей работе; глаза у него стали тусклые, пугливые, тело точно растаяло в трактирной жаре» глагол отсырел указывает на изменение состояния субъекта как результат длительного действия, следовательно, употреблен с перфектным значением и соответствует описанию. В следующей же микротеме «Книгу отредактировал и отнес в издательство» в сочетании с глаголом совершенного вида (отнес) глагол отредактировал указывает на смену действий, то есть выступает с аористическим значением, что соответствует повествовательному типу текста. По мнению М. А. Кронгауза, финитивные глаголы должны характеризоваться как переход «субъекта в определенное состояние, в котором он уже не способен совершать данное действие» [Кронгауз 1997: 155]. Например: «... Вот и отпели донские казаки дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячего буерака... Вот и все!» (М. Шолохов). В этой описательной микротеме финитивные глаголы с перфектным значением (отпели, отшептала, отзвенела) указывают на прекращение действия и переход в иное состояние: уже не поют, прекратили шептать (пшеница) и звенеть (речка). Как показывают наблюдения, в модели перехода в иное состояние эксплицируется именно инхоативная семантика и финитивные глаголы с префиксом -от выступают, как прави-

ло, в перфектном значении. Под инхоативностью, как правило, понимают переход в состояние или его становление. В современной аспектологической литературе общепринято связывать инхоативность с обширной и широко распространенной в языке группой глаголов с приставкой за- со значением начинательности, но, как показывает анализ описательных микротекстов, финитивные глаголы с префиксом -от также способны приобретать семантику перехода в иное состояние и прекратить действие. В результате исследования мы пришли к выводу о том, что особенность функционирования финитивных глаголов с префиксом -от в тексте типа описание заключается в том, что они, находясь в описательной среде, обозначают переход в такое состояние, в котором они уже не способны совершать в дальнейшем какое-либо действие, то есть начинают приобретать инхоативное значение.

Литература

- Бондарко А. В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
- Кронгауз М. А.* Способы действия в значении приставок // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
- Нечаева О. А.* Функционально-смысловые типы речи. Улан-Удэ, 1974.

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ФОНЕТИЧЕСКОЙ БАЗЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

FORMATION OF THE PHONETIC BASE FOUNDATION IN RUSSIAN LANGUAGE AMONG REPRESENTATIVES OF SOUTH-EAST ASIA

Любимова Нина Александровна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Первушина Ирина Сергеевна

преподаватель, Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова

Понятие фонетической базы впервые появилось в работах С. И. Бернштейна: «...над понятием артикуляционной базы следует поставить более общее понятие «фонетической базы» языка, обнимающей не только артикуляторные, но и слуховые признаки «ключевого» характера» [Бернштейн 1937]. В понятии фонетическая база следует различать артикуляционную и перцептивную базы, хотя речемыслительная деятельность мозга едина и неделима. В то же время нельзя отрицать существование ее отдельных сторон. Из этого следует объективная данность взаимосвязи и взаимодействия слуховых и произносительных навыков, которые находятся в сложных иерархических отношениях, что и проявляется в речевой деятельности человека. Формирование слухопроизносительных навыков и фонетической базы осуществляется одновременно. Л. Р. Зиндер определял артикуляционную базу (АБ) как «совокупность привычных для данного языка движений и положений произносительных органов». Также он подчеркивал зависимость АБ от фонематической системы языка, «особенно — от используемых в нем дифференциальных признаков» [Зиндер 1979:39]. Взгляды ученых на это понятие различаются. Однако общим является признание того, что АБ представляет собой совокупность артикуляционных типов, укладов, характерных для данного языка и используемых говорящими на нем людьми при звуковом оформлении речевых единиц: слога, фонетического слова, синтагмы, фразы. Традиционно исследователи оперируют понятием АБ. Перцептивная база (ПБ) стала предметом исследования в 80-е гг. XX в. Психологи считают, что ПБ представляет собой важную составляющую фонетического кода, который хранится в сознании человека и позволяет ему преобразовывать акустический сигнал в лингвистический и моторный. З. Н. Джапаридзе полагал, что это «система лингвистических средств, используемая носителями языка при восприятии звучащего речевого потока» [Джапаридзе 1969]. Но вопрос о специфике перцептивной обработки речевого сигнала на родном и на иностранном языке находится в стадии поиска решений. В настоящее время целесообразно расширить понятие фонетической базы, в частности АБ и ПБ, включив ритмические и интонационные типы оформления высказывания, что обеспечивается объективной данностью, а именно фонетической слитностью, нерасчлененностью сегментных и супraseгментных характеристик звука.

При обучении звуковой стороне фонемного языка (в частности, русского) носителей так называемых слоговых языков, имеет место несовпадение минимальной единицы фонетического кода. В сознании носителей слоговых языков закодирована слогафонема, тогда как в русском языке — это фонема, соотносимая со звуком, что проявляется в речевой деятельности иноязычных как при продукции, так и при рецепции в устной и письменной речи. В отличие от русского языка, слог выступает в этих языках как фонологическая единица, как морфема и как

слово. Слова в этих языках преимущественно являются одно- или двусложными. Большое количество слогов возможно только в заимствованных словах. При этом каждый слог оформлен тоном. Слог обладает жесткой структурой. Сравнение слогов вьетнамского, лаосского и кхмерского языков позволило выявить как общие, так и специфические черты в их структуре. В качестве инициали в лаосском языке могут выступать все имеющиеся в нем согласные. Тогда как во вьетнамском и кхмерском языках существуют дистрибутивные ограничения. Во всех трех языках для финали действуют дистрибутивные ограничения на употребление согласных. В начальнослоговой позиции согласные произносятся как эксплозивные во всех трех языках, а конечнослоговые как имплозивные — во вьетнамском и лаосском языках. Во вьетнамском и лаосском языках невозможно стечение согласных ни в начале, ни в конце слога, в кхмерском же возможно не более двух в позиции начала слога. В этих языках меньшее количество согласных и большее гласных звуков, что влияет на структуру слога, в сравнении с русским языком; нет оппозиций согласных по твердости-мягкости, по глухости-звонкости; отсутствует уклад двухфокусных и оппозиция однофокусных-двухфокусных переднеязычных щелевых, а также уклад дрожащих согласных и противопоставление щелевых и дрожащих сонантов. До сих пор методика обучения произношению, если говорить о сегментном уровне, сводится к обучению артикуляции отдельного звука, тогда как следует рассматривать артикуляционные уклады в связи с дифференциальными признаками фонемы, которую реализует звук. В русском языке различение твердых и мягких согласных артикуляторно обеспечивается укладами твердости и мягкости, что акустически проявляется в различении твердых и мягких слогов по тембру. В процессе формирования основ фонетической базы учащимся предстоит освоить не свойственные для их родного языка фонетические уклады. Последовательность их предъявления такова: по способу образования, по участию/неучастию голоса и затем по дополнительной артикуляции твердости-мягкости. Оппозиция по активному органу используется при овладении русским языком в основном как готовая матрица, уже освоенная при овладении родным языком (губные — переднеязычные — среднеязычные — заднеязычные). При обучении интонации следует обращать внимание на функции компонентов интонации в русском языке. Интонация в слоговых языках не выполняет такую роль, как в русском, где она не только оформляет высказывание, но и в некоторых случаях является единственным средством, определяющим тип высказывания (вопросительная интонация).

Литература

- Бернштейн С. И.* Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам. М., 1937.
- Зиндер Л. Р.* Общая фонетика: Учеб. пособие. М., 1979.
- Джапаридзе З. Н.* Некоторые вопросы перцептивной фонетики // Вопросы анализа речи. Тбилиси, 1969.

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ

Бадалова Елена Назимовна

доцент, Астраханский государственный университет

Современный университет предоставляет разные и равные возможности для всех категорий обучающихся. Принцип «доступность качества» предполагает создание равных условий получения качественного образования каждым обучающимся при разных стартовых возможностях. Наряду с этим остро стоит вопрос социальной и культурной адаптации иностранных студентов. Оказываясь в новой среде, они сталкиваются в первую очередь с городскими реалиями: знакомство с правилами русского речевого этикета, транспорт, безопасность дорожного движения, ориентация в городе. Учёные отмечают, что усвоение бытовой лексики происходит достаточно быстро (500–700 лексических единиц), но этого может быть недостаточно для успешного обучения в вузе. Как пишет К. С. Евсеенкова, «для предотвращения подобных проблем необходимо повышать уровень знания русского языка обучающихся посредством дополнительных занятий» [Евсеенкова]. Язык и культура, их взаимосвязь и взаимодействие — вопрос, который рассматривался с древних времен различными языковедческими и философскими школами, однако должное внимание к реалиям страны изучаемого языка и выделение лингвострановедения как самостоятельной дисциплины происходит лишь в конце XIX — начале XX в. С тех пор вопрос о связи языка и культуры прочно обосновался в современной методике преподавания русского языка как иностранного [Стернин 1996]. Это обусловлено кумулятивной или накопительной функцией языка, т. е. способностью языка «отражать, фиксировать и сохранять в языковых единицах экстралингвистическую информацию» [Дмитриева]. Применяемый термин состоит из двух латинских корней *lingua* — язык + страноведение и трактуется как «аспект преподавания русского языка иностранцам, в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач» [Пассов 1999]. Лингвострановедение является важной составляющей процесса обучения иностранным языкам, и в качестве дисциплины должен осваиваться при обучении иностранных студентов русскому языку на занятиях по РКИ [Формановская 2020]. Его теоретические основы и практические аспекты рассмотрены в многочисленных исследованиях Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. Иностранные студенты, обучающиеся в России, должны изучать русский язык для участия в реальной коммуникации в социальной среде, а также в профессиональной деятельности. По их мнению, лингвострановедение представляет собой аспект преподавания русского языка как иностранного, в котором лингводидактически необходимо продемонстрировать учащимся употребление русского языка во всех его коммуникативных проявлениях, основанных на фактах реальной жизни. В процессе преподавания РКИ реализуется кумулятивная функция языка и осуществляется аккультурация иностранных студентов посредством русского языка и в процессе его изучения [Пассов 1999]. В числе ключевых умений иностранного студента по итогам начального этапа курса русского языка как иностранного: умение работать с письменными текстами (пользоваться различными видами чтения; переходить с одного вида чтения на другой; выразительно читать проанализированные на занятии художественный, публицистический, научно-популярный тексты; находить необходимую книгу или статью, пользуясь библиографическими списками, картотеками, каталогами; пользоваться библиографической карточкой; осуществлять библиографическое описание книги одного — двух авторов; различать научные, официально-деловые, публицистические и художественные письменные тексты; составлять простой план письменного текста. Успешное освоение образовательной программы строится на общеучебных умениях, обеспечивающих поиск, переработку и использование информации для решения учебных задач, неразделимо связанных с преподавательским «знанием мотивов учащегося, его коммуникативных потребностей, стратегий овладения языком» и стратегий использования учащимся полученных навыков [Гришина]. Итак, лингвострановедение направлено одновременно на обучение РКИ и ознакомление с основными сведениями о России, фак-

тами русской культуры с целью формирования у иностранных студентов коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации. Однако учебников и учебно-методических пособий, содержащих не только общую страноведческую информацию о нашей стране, но и региональный компонент (сведения о конкретном городе России, где в данный момент обучается инофон), недостаточно. Учебно-методическое пособие «Астрахань — Каспийская столица: лингвострановедение» (2020 г.) [Бадалова и др. 2020] предназначено для бакалавров, обучающихся по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование», изучающих дисциплину «Лингвострановедение», состоит из 6 разделов-тем, способствующих развитию языковой, речевой и коммуникативной компетенций, поскольку умение общаться на русском языке является приоритетным направлением всей системы обучения иностранных студентов. Основой каждой из представленных тем являются аутентичные тексты, связанные с уникальным историческим наследием Астрахани, экономическим и торговым процветанием, основу которого заложило влиятельное астраханское купечество, прославившееся не только своим колоссальным богатством, но и щедрой благотворительностью, благодаря которому преобразился город, строились гимназии, больницы, приюты, архитектурные комплексы, признанные позже культовыми. Кроме этого, в текстах нашли отражение изумительная природа края, национальные традиции и обычаи, культурные и духовные центры региона. Обратимся к рассмотрению основных возможностей использования пособия в системе обучения русскому языку как иностранному, его значение в учебно-воспитательном процессе заключается в том, что он: способствует раскрытию и расширению возможностей воспитательного воздействия преподавателя на студентов; обеспечивает адекватные ситуации и коммуникативным целям понимание и употребление русского языка; удовлетворяет информационные потребности иностранных учащихся и способствует использованию полученной информации в речевых высказываниях на русском языке; способствует адаптации студентов-иностранцев к жизни и учёбе в Астрахани.

Литература

- Астрахань — Каспийская столица: лингвострановедение: учеб.-метод. пособие / Бадалова Е.Н., Бардина Т.К., Голованева М.А., Желнова И.Л. и др. Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2020. 180 с.
- Гришина Ю.В. Работа с текстом в группах русского как иностранного [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/russkii-yazyk/2013/04/02/rabota-s-tekstom-v-gruppakh-russkogo-kak-inostrannog> (дата обращения: 30.08.2022).
- Дмитриева Д.Д. Лингвострановедческий аспект в системе обучения русскому языку как иностранному (на примере кафедры русского языка и культуры речи КГМУ) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostranovedcheskiy-aspekt-v-sisteme-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-na-primere-kafedry-russkogo-yazyka-i-kultury-rechi> (дата обращения: 30.08.2022).
- Евсеев К.С. Лингвострановедческий аспект в преподавании РКИ в младших классах общеобразовательных школ [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostranovedcheskiy-aspekt-v-prepodavanii-rki-v-mladshih-klassah-obscheobrazovatelnyh-shkol> (дата обращения: 30.08.2022).
- Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. Липецк: Изд-во Липецк. гос. ун-та, 1999. 159 с.
- Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж: Воронеж, обл. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1996. 128 с.
- Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 6-е изд., стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2020. 160 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННОГО СТУДЕНТА-НЕФИЛОЛОГА В МАГИСТРАТУРЕ

Васильева Анастасия Владимировна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время отмечается значительное увеличение численности иностранных студентов, поступающих обучаться на основные факультеты российских вузов, что свидетельствует о привлекательности российского образования, повышает престиж российских вузов на мировом образовательном рынке, определяет положение государства в социокультурном и геополитическом пространстве, увеличивает значимость русского языка и русской культуры в мире. Особую значимость в этом отношении представляют программы магистратуры и аспирантуры, готовящие кадры для важного с точки зрения экономики сектора — сектора исследований и разработок, способствующего закреплению за российскими вузами статуса исследовательских и тем самым повышающих конкурентоспособность российских образовательных программ на глобальном рынке образовательных услуг.

В отличие от бакалавриата, степень магистратуры значительно отличается как целью обучения, так и по содержанию, и по условиям обучения, что требует от магистрантов наличия соответствующих компетенций, навыков и умений. Однако реальность такова, что уровень русского языка поступающих в магистратуру иностранных студентов не всегда достаточный для качественного обучения в магистратуре. Ситуация усугубляется тем, что, если обучение иностранных студентов-филологов и лингвистов спецдисциплинам ведется преподавателями, владеющими лингвистическими и лингводидактическими знаниями, а знание русского языка и уровень владения им является неотъемлемой частью профессиональной компетенции обучающихся, из чего вытекает соответствующие отношение, мотивация и интерес к процессу овладения русским языком, то обучение студентов-иностранцев нелингвистического профиля подготовки, отличающихся еще более низким уровнем владения русским, как правило, ведется преподавателями-практиками, не имеющими лингвистического образования и специальной подготовки для работы с иностранными студентами, в то время как для самих студентов в большинстве случаев русский язык — лишь средство получения диплома о высшем образовании. Все вышесказанное не может способствовать обеспечению успеха в образовательной деятельности иностранных студентов, а, наоборот, становится причиной снижения мотивации, падения интереса и активности к познавательной деятельности, что существенно отражается на качестве обучения.

С целью выявления источников оптимизации овладения РКИ иностранных студентов-нефилологов был осуществлен анализ научно-методической литературы и образовательных программ в магистратуре (по РКИ и по спецпредметам), проведен опрос среди преподавателей по проблемам обучения иностранных студентов (из КНР). Данные анализа литературы, с одной стороны, отражают заинтересованность как преподавателей по РКИ, так и преподавателей-предметников к повышению качества обучения иностранных студентов, с другой стороны, демонстрируют, что имеющиеся способы оптимизации обучения лишь частично достигают необходимого эффекта — снятию трудностей как для обучающихся, так и для преподающих, что влияет на качество обучения и не позволяет обеспечить всесторонний учет аспектов и факторов, влияющих на формирование профессионально-коммуникативной компетенции выпускника.

В ходе анализа программы РКИ для студентов-нефилологов (гуманитарный профиль, этап магистратуры) было установлено, что практические занятия по РКИ должны способствовать снятию барьеров общения в академической среде, пониманию содержания лекций, чтению специальной литературы, написанию работ, активному участию в семинарах и практических занятиях по спецпредметам. Однако опрос преподавателей по проблемам обучения иностранных студентов позволил установить, что к наиболее распространенным трудностям, с которыми

приходится сталкиваться при обучении китайских студентов, помимо низкого уровня владения русским языком, относят: сложности с включением в процесс обучения, низкая мотивация (обучение для получения диплома), отсутствие интереса к процессу познания и изучению русского языка (формальное отношение — сдать зачеты и экзамены), нежелание вступать во взаимодействие с русскими студентами и преподавателями без крайней необходимости.

Анализ учебных планов спецдисциплин в магистратуре установил, что, помимо лекционных занятий, которых в магистратуре значительно меньше, чем на бакалавриате, в программах по спецдисциплинам предусмотрено большое количество семинаров и практических занятий, цель которых состоит в том, чтобы обсуждать проблемы осваиваемой специальности. На семинарах и практических занятиях, согласно требованиям ФГОС, предписывается широкое использование интерактивных форм и приемов обучения (75 %). Наблюдение за учебным процессом и опрос преподавателей показал, что в случае реального использования данных приемов, активность, интерес и мотивация к участию в обсуждениях со стороны иностранных студентов на семинарах значительно повышается. Полагаем, что этому способствуют авторитет и опыт преподавателя-предметника, решение реальных профессиональных кейсов, атмосфера всеобщего обсуждения и участия, а также пример, который подают русские студенты.

С другой стороны, целью обучения в магистратуре является проведение студентом научно-исследовательской работы, которая начинается в 1 семестре и в конце 4-го заканчивается защитой ВКР. Несмотря на то, что в научно-методической литературе не раз подчеркивалось, что НИР для иностранных студентов является самым сложным видом деятельности на русском языке, исследователи сходятся во мнениях, что при условии правильной организации научно-исследовательская деятельность представляет большой потенциал для овладения языком. НИР, интегрируя в себе ЗУН и компетенции, полученные как на спецпредметах, так и в ходе занятий по РКИ, выступает связующим мостиком между этими двумя областями, при этом создает условия среды будущей профессиональной деятельности и формирует базу для следующей ступени обучения (аспирантуры). Важно и то, что успехи в НИР напрямую связаны как с личными, так и академическими целям студентов.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ НА УРОКАХ РКИ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Дубровская Елена Михайловна

доцент, Новосибирский государственный технический университет

Успешное овладение иностранным языком и формирование вторичной языковой личности невозможно представить без приобщения к иной лингвокультуре и приобретения фоновых знаний о стране изучаемого языка. Для осуществления эффективной межкультурной коммуникации необходимо формирование не только языкового, но и когнитивного сознания студентов. Несомненно, для проживания в России минимума конструкций, выдаваемых в учебниках и учебных пособиях, соответствующих уровню, может быть и достаточно (для так называемого *survival Russian*), но для более полного и глубокого понимания страны и ментальности, конечно, требуются и более углубленные подходы в изучении. Как нам кажется, исследования лингвокультурных типажей и, собственно, вся теория лингвокультурных типажей, могут стать отличным подспорьем для преподавателя русского языка как иностранного при знакомстве учащегося с особенностями культуры и менталитета русских людей. Если обратиться к определениям лингвокультурного типажа, мы обнаружим следующее: — это часть национально-культурного пространства, под которым понимается «информационно-эмоциональное (этническое) поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится «ощутимым» при столкновении с явлениями иной культуры» [Красных 2002: 206]; — это обобщённый тип личности, который проявляет себя в определённых речеповеденческих характеристиках, является узнаваемым для носителей конкретной культуры по специфическим чертам вербального и невербального поведения [Карасик 2005]; — это узнаваемый образ представителей определённой культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества [Карасик 2009: 180–181]. Таким образом, мы можем отметить, что возможность распознавать и правильно считывать лингвокультурные типаж и выдаёт принадлежность человека к той или иной национальной культуре или же демонстрирует, насколько хорошо им усвоена культура страны изучаемого языка, позволяют ли имеющиеся знания без труда определить, какими понятийными, перцептивными и оценочными характеристиками наделяется типаж в сознании носителей русского языка. Немаловажным фактором для использования описанных исследователями лингвокультурных типажей на уроках РКИ является ещё и то, что моделирование и описание лингвокультурных типажей строится на анализе материала социологических опросов, языковых фиксаций в художественных текстах, афористических текстов с целью получения более полного и всестороннего описания типажей. Обращаясь к описанным исследователями типажам, мы можем говорить о том, что все те данные, которые были отобраны и проанализированы исследователями в процессе моделирования лингвокультурного типажа, могут выступать в качестве наглядного дидактического материала на занятиях по русскому языку как иностранному. Иными словами, нами предлагается

- использование результатов ассоциативных экспериментов в качестве дидактических карточек с целью обращения к сознанию современных носителей русского языка и формирования наиболее объективных (возможность оценить восприятие типажа с разных сторон, не только по словарю или аудиовизуальному материалу, но и по представлению носителей) представлений о рассматриваемом типаже;
- работа с понятийной стороной моделирования типажа. Студентам предлагается посмотреть на ряд определений, отобранных исследователями лингвокультурных типажей, на основе которых в дальнейшем они и моделируют понятийное представление о типаже, попробовать обнаружить ключевые слова в каждом из словарных определений, сравнить определения из русских словарей с определениями из словарей родного языка (если подобный образ или типаж представлен в культуре родной страны студента), по-

пытаться составить собственное итоговое определение, которое впоследствии можно будет сравнить с итоговым вариантом исследователей;

- использование отрывков из художественных текстов, предлагаемых не только Национальным корпусом русского языка, но и отобранных исследователями, с целью наиболее полной демонстрации образной и оценочной стороны лингвокультурного типажа;
- обращение к приему «речевой маски» не только посредством называния самой роли и последующем её исполнении студентом, но и с полноценной работой с текстовым и аудиовизуальным материалом, предлагаемым авторами описанных лингвокультурных типажей и, как итог, более глубокое погружение в представление о рассматриваемом образе, в перспективе способное привести к более детальному пониманию как самого типажа, так и особенностей русской культуры и ментальности, в этом типаже репрезентированных. Подводя итоги, хочется отметить, что возможностей применения результатов трудов исследователей, занимающихся моделированием лингвокультурных типажей, может быть и значительно больше, чем описано в данных тезисах, в зависимости от уровня обучения студента, от его направления образования, от расположенности группы к использованию нестандартных способов подачи материала на занятии. Лингвокультурные типажи — важные источники информации о ценностях культуры, так как, в какой-то мере, являются символами страны (или определенного периода в развитии страны), поэтому обращение к ним на лингвострановедческих занятиях РКИ оправдано, а в каких-то случаях, возможно, и необходимо.

Литература

Карасик В. И. Языковые ключи. М., 2009.

Карасик В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр.; отв. ред. В. И. Карасик. Волгоград, 2005.

Красных В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОСВОЕНИЯ ИНОСТРАННЫМИ ОБУЧАЮЩИМИСЯ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» НА УРОВНЕ БАКАЛАВРИАТА

Звездина Юлия Владимировна

доцент, Забайкальский государственный университет

Иностранные граждане имеют возможность получить высшее образование в Российской Федерации по различным профилям и направлениям, в том числе и в области славистики. Например, в Забайкальском государственном университете граждане ближнего и дальнего зарубежья могут среди прочего получить образование по направлениям 45.03.01 Филология (Прикладная филология) и 44.03.01 Педагогическое образование (Филологическое образование). На данных направлениях могут обучаться как носители русского языка, так и те, для кого русский язык является вторым или иностранным языком, поэтому часто образуются полиэтнические учебные группы. Такая ситуация требует от преподавателей особых методических решений, разработки индивидуальных векторов обучения для некоторых обучающихся, особенно в тех случаях, когда уровень владения русским языком и общий филологический кругозор крайне неоднороден в аудитории.

Учебные планы по направлениям 45.03.01 Филология (Прикладная филология) и 44.03.01 Педагогическое образование (Филологическое образование) включают в себя наукоёмкие филологические дисциплины («Введение в специальную филологию», «Филологический анализ текста» и др.), которые требуют от иностранного обучающегося высокого уровня владения русским языком и сформированной языковой компетенции, позволяющей решать коммуникативные задачи не только в бытовой, но и в профессиональной сфере. Педагогическая профессиональная деятельность на русском языке, в которой чаще всего реализуются выпускники направлений Филология и Педагогическое образование, требует уверенного владения лингвистической терминологией. Именно формирование языковой компетенции и освоение части терминологического аппарата филологии является одной из задач дисциплины «Русский язык и культура речи». Предмет осваивается обучающимися, как правило, на первом курсе, что позволяет систематизировать их знания о языке и заложить базу для формирования профессиональных компетенций.

При обучении иностранцев культуре русской речи преподаватель не может использовать только те учебные пособия, которые рассчитаны на носителей русского языка, потому что они могут быть непонятны обучающимся по различным причинам: 1) низкий уровень владения русским языком, 2) низкий уровень знаний о языке в целом, 3) отсутствие навыков самостоятельной работы с научными источниками, 4) наличие безэквивалентной лексики в текстах, и т. п. С другой стороны, преподаватель должен придерживаться утверждённой учебной программы дисциплины и ориентировать обучающихся в первую очередь на основную литературу, указанную в программе, чтобы в полной мере реализовать ФГОС ВО по направлению подготовки.

Практический опыт показывает, что при работе с полиэтническими группами неносителей русского языка преподавателю дисциплины «Русский язык и культура речи» рационально придерживаться следующей тактики: во-первых, необходимо организовать работу иностранных обучающихся одновременно с несколькими учебно-методическими пособиями по культуре речи, большая часть из которых должна быть по русскому языку как иностранному. Очень хорошо, если преподаватель имеет возможность подготовить и издать своё пособие по культуре речи, с учётом характеристик и потребностей иностранного контингента в учебном заведении. Студенты должны работать с теоретическим материалом дисциплины по принципу «от простого к сложному»: вначале они знакомятся с теоретическим материалом, адаптированным для иностранцев, а затем работают с пособиями из списка основной и рекомендуемой литературы учебной программы. Во-вторых, преподавателю нужно подготовить для иностранцев вводные адаптированные материалы на русском языке, раскрывающие главные характеристики языка

в целом, если их рассмотрение не предусмотрено рабочей программой дисциплины. Обучение культуре русской речи будет успешным только в том случае, если студент понимает следующее: что такое язык? Как язык связан с мышлением и культурой? Чем язык отличается от речи?

Какова структура языка? Какие выделяются единицы языка и речи? Что такое языковая семья? Каково положение русского языка среди языков мира? В-третьих, иностранные обучающиеся должны вести словарь лингвистических терминов (в электронном или рукописном формате), в котором они фиксируют:

- 1) перевод термина на родной язык,
- 2) определение термина на родном языке,
- 3) неадаптированное определение термина на русском языке с указанием источника,
- 4) адаптированное определение термина (подготовленное преподавателем) на русском языке,
- 5) словосочетания с термином.

К данному словарю обучающиеся должны обращаться на лекционных и практических занятиях, при самостоятельной работе. В-четвёртых, объём практических заданий и упражнений по культуре речи для иностранцев должен быть больше и разнообразнее, чем для носителей русского языка. При этом необходимо учитывать, что при освоении дисциплины иностранцами требуется уделять внимание всем видам речевой деятельности, особенно говорению, чтобы обучающиеся уверенно поддерживали коммуникацию на русском языке на лингвистические темы. В связи с этим продуктивно использовать интерактивные методы обучения: дискуссия, ролевая игра, конференция, презентация и т. п., которые традиционно применяются при изучении иностранных языков [Дудкина 2019]. Преподавателю необходимо организовать успешное освоение дисциплины «Русский язык и культура речи» для обучающихся с разным уровнем владения русским языком, потому что она занимает важную роль в формировании профессиональных качеств филолога.

Литература

Дудкина А. С., Заседателева М. Г. Интерактивные формы обучения иностранным языкам в вузе в условиях реализации ФГОС ВО // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (42): 42–46.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ТРУДНОСТЕЙ ИНТОНАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ РУССКОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ-ФИЛОЛОГАМИ

Жэнь Ваньин

аспирант, Российский университет дружбы народов

Дерябина Светлана Александровна

доцент, Российский университет дружбы народов

Интонация занимает важное место в коммуникации людей. С помощью интонации говорящий и слушающий «выделяют в потоке речи высказывание и его смысловые части, противопоставляют высказывания по их цели (повествование, волеизъявление, вопрос) и передают субъективное отношение к высказываемому» [Русская грамматика, 1980: 96]. В аспекте преподавания русского языка как иностранного работа над интонацией включает в себя «знакомство с интонационными конструкциями (ИК), особенностями их употребления, ролью интонации в разграничении омонимов, отработку типов ИК изолированно в текстах диалогического и монологического характеров» [Дерябина 2019: 73]. И. М. Логинова отмечает, что к практике преподавания русской фонетики иностранцам синтагму можно считать «основной произносительной единицей текста или высказывания». Посинтагменная организация текста позволяет иностранцу правильно воспринимать звучащую речь, а также передавать свои мысли слушателю [Логинова 2017: 101]. Слова внутри одной синтагмы тесно связаны по смыслу и произносятся как интонационное единство. Описание синтагматической структуры китайского языка дает китайский лингвист Фань Цзиянь в работе «Структура китайской синтагмы» [Фань Цзиянь 1985]. Автор подчеркивает, что синтагма в китайском языке не имеет самостоятельную фонетическую форму, а фонологически независимым является только предложение, которое характерно тремя факторами: паузой, интонацией и акцентом. Во-первых, перед предложением и после него делаются длинные паузы, а между синтагмами — очень короткие. Во-вторых, в китайском языке существует три типа конечной интонации: нисходящая интонация, восходящая интонация и интонация продления. Фрагмент языка без конечной интонации не является предложением. В-третьих, в одном предложении обязательно находится не менее одного акцента. В отличие от многих языков мира (в том числе и русского), китайский язык имеет изменение мелодики как в слогах (в современном китайском языке один иероглиф обозначает один слог), так и в предложениях. Китайский лингвист Чжао Юаньжэнь описывает тон в слогах и интонацию в предложениях как «небольшую рябь на больших волнах (хотя иногда рябь может быть «больше», чем волны)». По мнению автора, интонация предложения в основном отражается изменением высоты слога в конце предложения. Интонация предложения и тон слова не просто добавляются, но и не могут отменять друг друга, хотя интонация влияет на тон, интонация должна основываться на тоне [Yuen Ren Zhao 2011: 64]. Согласно всемирно признанной работе Е. А. Брызгнувой, в русском языке можно выделить семь типов интонационных конструкций (ИК), среди которых выделяются три типа повышения тона (ИК-3, ИК-4, ИК-6) и три типа понижения тона (ИК-1, ИК-2, ИК-5) [Брызгунова 1977; Русская грамматика, 1980: 96–122]. Исследователи указывают на связь между изменением тона и целью выражения завершенности/незавершенности в спонтанной речи. Восходящая мелодика обычно используется для незавершенных конструкций, а нисходящая мелодика, наоборот, характерная для законченности высказывания. Нужно отметить, что категория завершенности/незавершенности вызывает значительные трудности у китайских студентов в процессе изучения интонационного оформления русской звучащей речи, потому что они привыкли уделять внимание оформлению тона каждого слова. Таким образом, можно сделать прогнозирование трудностей интонационного оформления русской звучащей речи китайскими студентами-филологами:

1. Синтагма в русском языке представляет собой фонетическое и смысловое единство, в то же время синтагма в китайском языке имеет только определенную семантическую функцию

выражения. Наблюдается затруднение в синтагматическом членении русской фразы у китайских студентов.

2. В отличие от русского языка, в китайском языке имеются изменения мелодики как в тонах слогов, так и в интонациях предложений, которые являются неотъемлемым единством и влияют друг на друга. В результате этого китайским учащимся трудно адаптироваться к однолинейной восходящей или нисходящей мелодике русской синтагмы.

3. В русской интонационной системе выделяется больше типов интонационных конструкций, чем в китайской. Это вызывает трудности у китайских студентов в процессе изучения интонационного оформления русской звучащей речи.

4. Следует обращать внимание на категорию завершенности/незавершенности, так как китайские студенты не привыкли к синтагме в русском языке как самостоятельной фонетической форме.

Литература

Дерябина, С. А., Дьякова Т. А., Митрофанова И. И. Формирование фонетических навыков при изучении РКИ в условиях цифровизации образовательного пространства // Русский язык за рубежом. 2019. № 5(276).

Брызгунова Е. А. Анализ диалектной интонации // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.

Фань Цзиянь. Структура китайского абзаца // Китайский язык. 1985. № 1.

Yuen Ren Zhao. A grammar of spoken Chinese. Beijing: The Commercial Press. 2011

ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АСПЕКТЕ РКИ

Иванов Сергей Юрьевич

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Инфинитивные предложения с трудом усваиваются иностранными учащимися. Во-первых, это связано с отсутствием структурных эквивалентов инфинитивных предложений в их родных языках. Во-вторых — с семантическим разнообразием инфинитивных предложений. В-третьих — с отсутствием механизма описания таких предложений, ориентированного на РКИ. При общей структурной схеме (Д)—инф., в которой Д — необязательный субъектный детерминант в дательном падеже, а инф. — сказуемое в инфинитиве, инфинитивные предложения имеют различные структурно-семантические подвиды, или модели, которые должны быть разграничены в иностранной аудитории. Для эффективного разграничения моделей инфинитивных предложений следует учесть:

- 1) семантику модели,
- 2) обязательные и факультативные синтаксические компоненты модели, их семантико-грамматические признаки,
- 3) утвердительную, отрицательную, вопросительную реализацию конкретной модели инфинитивных предложений,
- 4) парадигматику модели, ее изменение по времени и наклонению,
- 5) вид глагола в данной модели,
- 6) диалогическое развертывание конкретной модели инфинитивных предложений,
- 7) синонимию с неинфинитивными моделями.

Рассмотрим подвид инфинитивных предложений *Нам выходить на следующей*.

- 1) Значение модели — необходимость, предопределенность действия в недалеком будущем.
- 2) Как правило, модель требует обстоятельства времени или места. При опущении обстоятельства высказывание понимается в смысле здесь и сейчас, ср. Нам выходить. = Нам выходить здесь и сейчас. Дательный субъектный необязателен, ср. На следующей выходить.
- 3) В данной модели затруднено общее отрицание, но свободно применяется частное, ср. Нам не выходить на следующей. = Нам выходить не на следующей. Модель свободно реализуется в общем и частном вопросе: Нам выходить? Кому выходить?
- 4) Модель редко изменяется по времени и наклонению. Ее временной план объединяет настоящее и недалекое будущее.
- 5) В модели употребляется только НСВ.
- 6) Модель допускает диалогическое развертывание, причем в сокращенных ответах может выступать в форме инфинитива без распространителей, ср.: Нам выходить? — Да, выходить./ Нет, не выходить.
- 7) Синонимичные модели: Нам надо выходить/ выйти на следующей; Мы выходим/ выйдем на следующей.

Рассмотрим подвид инфинитивных предложений *Мне не открыть дверь*.

- 1) Значение модели — невозможность действия. б) Обязательный компонент модели — отрицательная частица. Дательный субъекта необязателен: Дверь не открыть.
- 2) Модель возможна лишь в отрицательной форме. Возможна вопросительная форма: Тебе не открыть дверь?
- 3) Модель образует парадигму по времени: Мне было/ будет не открыть дверь, и конъюнктив: Мне было бы не открыть дверь.
- 4) В модели употребляется только СВ.

- 5) Диалогическое развертывание модели ограничено отрицательными формами: Тебе не открыть дверь? — Да/ Нет, не открыть. При необходимости утвердительного ответа нужно сменить модель: Тебе не открыть дверь? — Ничего, открою./ Нет, я могу открыть.
- 6) Синонимичные модели: Не могу открыть дверь; Дверь нельзя открыть.

Рассмотрим подвид инфинитивных предложений *Мне открыть окно?*

- 1) Значение модели — вопрос к адресату о необходимости совершить действие в недалеком будущем.
- 2) Модель может применяться без субъектного дательного и других распространителей, ср. Окно открыть? Помочь?
- 3) Модель существует только в вопросительной форме. Утвердительная форма невозможна. Отрицательная возможна: Мне не открывать окно?
- 4) Модель не образует парадигму по времени и наклонению, не покидает временного плана настоящего, совмещенного с недалеким будущим.
- 5) В модели употребляется как СВ, так и НСВ согласно закономерностям употребления вида в инфинитиве.
- 6) Поскольку модель существует только в вопросительной форме, ее диалогической развертывание ограничено: при ответе требуется смена модели, ср. Мне открыть окно? — Да, открой./ Нет, не открывай.
- 7) Синонимичные модели: Мне нужно открыть окно?

Рассмотрим подвид инфинитивных предложений *Всем встать!*

- 1) Значение модели — приказ адресату, слушателю или третьему лицу.
- 2) Помимо инфинитива модель не имеет обязательных компонентов, ср. Встать! Особенность модели в том, что позиция субъектного дательного не может замещаться личным местоимением, ср. *Тебе/ *Ему/ *Вам встать!
- 3) Поскольку модель реализуется только как приказ, вопросительная форма для нее исключена, однако возможна отрицательная: Никому не вставать! Отрицание в этой модели может быть только общим, частное отрицание невозможно, ср. *Встать не всем, а только рядовым! *Встать не сейчас, а через минуту!
- 4) Модель не образует парадигму по времени и наклонению, отсылая только к настоящему времени приказа и к далекому будущему его исполнения.
- 5) СВ и НСВ употребляются в модели согласно закономерностям употребления вида в инфинитиве.
- 6) Диалогическое развертывание модели крайне ограничено, ибо сама модель не предназначена для диалога. Высказывание с этой моделью требует не ответа, а выполнения указанного приказа.
- 7) Синонимичные модели: Встаньте! Приказываю встать!

Рассмотрим подвид инфинитивных предложений *Мне только спросить.*

- 1) Значение модели — объяснение действий субъекта в момент речи и в ближайшем будущем.
- 2) В данной модели дательный субъектный обязательен, кроме случая сокращенного ответа.
- 3) Отрицательная форма для данной модели невозможна, ср. *Мне только не спросить/ не спрашивать, но возможна вопросительная: Вам только спросить?
- 4) Модель не образует парадигму по времени и наклонению, реализуясь только в плане настоящего и ближайшего будущего.
- 5) В модели употребляется только СВ.

- 6) Модель может развертываться в вопросно-ответное единство без отрицательных форм, ср. Вам только спросить? — Да, мне только спросить. В ответе можно опустить дательный субъектный, ср. Да, только спросить. Ср. Мне только спросить. — Что спросить? — Когда принимает врач.
- 7) Синонимичные модели: Я только хочу спросить; Мне нужно только спросить.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ И ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ НА ЗАНЯТИЯХ МЕТОДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Иванова Татьяна Митрофановна

доцент, Забайкальский государственный университет

Одной из важнейших составляющих процесса образования является нравственное воспитание, которое на протяжении нескольких веков рассматривается в качестве одного из центральных звеньев формирования личности. Высокую значимость нравственным качествам человека придавали учёные Л. С. Выготский, И. А. Ильин, А. Н. Леонтьев, Л. С. Рубинштейн, Э. Фромм и др. Студенты-иностранцы в Забайкальском государственном университете изучают русский язык по образовательным программам бакалавриата направления 45.03.01 «Филология», профиля «Прикладная филология» (русский язык), где, в первую очередь, изучают особенности устройства языковой системы стандартного русского языка, однако, в программе этого направления указаны и методические дисциплины. Современные условия в развитии образования и воспитания предполагают формирование аналитического и критического мышления личности, а также развитие интеллектуально-познавательной сферы молодого человека, ценностных отношений к обществу (этнообразованность), для этого ему необходимо получать полную и развёрнутую информацию из разных источников, в том числе, и методической дисциплины — «Основы этнометодики в преподавании РКИ». Проблема духовного развития личности учащихся применительно к методике преподавания может быть решена через постижение средствами мировоззрения народа. Это позволяет нам определить русский язык как основную гуманитарную дисциплину, которая способна формировать опыт ценностного отношения к миру, к национальной культуре через Слово.

В процессе лингвистической подготовки студентов-иностранцев на филологическом факультете в ЗабГУ при обучении РКИ вся система обучения ориентирована на личность студента и включает также личностно-формирующий компонент цели, направленный на широкую социализацию индивида, обогащение социально-культурного опыта, знаний, норм, ценностей, традиций изучаемого им языка, а также культуру межличностного бытового и значимого общения. Современность предъявляет особые требования к человеку, чтобы соответствовать им, необходимо обладать определёнными качествами и ценностями, которые позволили бы индивиду (студенту) эффективно развиваться в обществе. Социальная среда, где начинает учиться обучающийся, помогает в процессе учёбы узнать и познакомиться с менталитетом народа носителя данного языка (русского языка), поэтому задача преподавателя РКИ через изучение русского языка познакомить студентов-иностранцев с культурой России, её историей и традициями. «Основы этнометодики в преподавании РКИ» позволяет наметить решение одной из актуальных проблем преподавания РКИ — поиска эффективных путей достижения качества языкового обучения студентов, изучающих русский язык и русскую культуру. Если традиционная методика обучения определяет содержательную и организационную сторону формирования и применения в речевой деятельности языковых, коммуникативно-речевых и других навыков и умений, то этнометодика позволяет корректировать на практике лингвистические, психологические, лингводидактические средства обучения в зависимости от конкретного контингента студентов. Этнометодическая система обучения позволяет формировать языковую, коммуникативную, межкультурную, социокультурную компетенции, повышая этим эффективность обучения РКИ. Этнометодика — это новое направление в методической науке, изучающее культуру, традиции и обычаи народов изучаемого языка с использованием традиционных и нетрадиционных форм обучения русскому языку. При изучении этой дисциплины предусмотрено применять технологии коммуникативного обучения на основе общения с усвоением иноязычной культуры, а через неё и достижение изучаемого русского языка, как сложной организованной языковой системы.

Сложность при отборе изучаемого материала представляет отдельную проблему, так как нельзя забывать о том, что материал для изучения предлагается с этнической картиной мира, где предлагаемый материал может оказаться сложными для восприятия обучаемых, и причина не столько в лексике и т. д., сколько в культурно-историческом аспекте. При отборе определённой новой информации следует принимать во внимание языковую, содержательную, смысловую и социокультурную составляющую информационного пространства (желательно минимизировать «текст» в усваиваемом объёме — 1, 1,5, 2 страницы для студентов с разной языковой подготовкой). На семинарских занятиях нами также используются тексты разных жанров, где обращаем внимание на тексты, имеющие региональную направленность. Забайкалье является исторически полиэтническим регионом. Помимо народов, издавна живущих на этой территории, проживают представители 50 разных национальностей, поэтому произведения регионального характера помогают студентам расширить фоновые знания по истории, культуре, литературе Восточного Забайкалья. Одним из используемых нами «предложений» является подбор ряда текстов, в которых актуализируется проблематика каждой культуры. Такой метод позволяет лучше понять культуру разных народов, воспитывает студентов и объединяет их вокруг изучения русского языка и русской культуры.

Опыт нашей работы в иностранной аудитории показывает, что для успешного решения проблемы обучения языку и воспитания учащихся, нужно учитывать объекты воспитания, то есть такие ценности, которыми уже обладает молодой человек, а именно, родной язык, родная страна, (природа, жизнь человека и цивилизации), мировая культура, свобода и права личности, общение и сотрудничество (в том числе и межнациональное). Внимание к личности человека как к высшей ценности, к её замыслам и побуждениям, к восприятию ею этнической культуры и изучаемого языка превращает уроки русского языка во встречу как двух языков, так и двух культур. В процессе усвоения чужого языка, культуры происходит формирование и развитие вторичной языковой личности, обладающей способностью и готовностью к продуктивному коммуникативному взаимодействию в различных сферах и ситуациях общения.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ ЛЕКСИЧЕСКОГО МИНИМУМА (УРОВЕНЬ В2/ТРКИ-2)

Марусенко Наталия Михайловна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

На круглый стол Центра тестирования коллегами из МГУ разработано Лингводидактическое описание элементарного уровня владения языком. Коллектив преподавателей кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ разработал лингводидактическое описание компетенций в сфере РКИ. Цель данного проекта состояла в представлении гипотетической модели речевого поведения иностранца на уровне В2 владения РКИ с учетом достижений лингвистики и методики преподавания РКИ последних лет в контексте современной теории коммуникации и когнитивистики. При этом речевая деятельность рассматривается как главная задача обучения, а текст как единица порождения и восприятия речи. В основу лингводидактического описания положен тематический принцип. Каждая тема, соотносимая с коммуникативными потребностями иностранцев, проецируется в разные сферы общения (социально-бытовую, социокультурную, официально-деловую) и рассматривается в парадигме текстов определенных типов (нарратив и ментатив) и жанров. Тексты-нарративы опираются на набор стабильных фреймов, осуществляя прямую связь с внешней действительностью, а тексты-ментативы ориентированы в сферу сознания. Также можно выделить тексты-эмотивы. В существующих на сегодняшний день государственных образовательных стандартах, в которых сформулированы требования к умениям в области речевой деятельности в сфере русского языка как иностранного, не представлены принципы отбора лексики, которая подлежит освоению на том или ином уровне владения языком. Именно поэтому одна из задач, стоящая перед разработчиком лингводидактического описания, — отбор и презентация лексики. В рамках данного проекта лексика была представлена с опорой на ряд словарей, ориентированных на развитие коммуникативных навыков, а также на материалы Национального корпуса русского языка: «Большой универсальный словарь русского языка» под ред. В. В. Морковкина (2016), «Словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина (2002) и «Активный словарь русского языка» под ред. Ю. Д. Апресяна, авторы которого в процессе работы опирались на опыт европейских лексикологов, а также на «Словарь сочетаемости» (к сожалению, вышло всего лишь несколько выпусков словаря, поэтому в нашей работе мы использовали первые два источника). Все три словаря по сути являются словарями активного типа, задача которых заключается в том, чтобы «обеспечить нужды говорения, или, более широко, нужды производства текстов» [Активный словарь русского языка 2014: 6]. В основе таких словарей лежит принцип интегрального описания языка, в рамках которого «полное лексикографическое описание слова должно включать в себя характеристику его сочетаемостных ограничений — лексических, семантических или референционных» [Апресян 1995: 300]. В «Большом универсальном словаре», предназначенном для преподавателей русского языка как родного, как иностранного, а также для всех лиц, изучающих русский язык, представлено в алфавитном порядке около 30000 наиболее употребительных слов всех частей речи, составляющих лексическое ядро русского языка. В словаре широко представлена сочетаемость заголовочных слов. «Словарь сочетаемости слов» (2500 словарных статей) является полным лексикографическим описанием сочетательных свойств наиболее употребительных слов русского языка. При создании словаря использовались как объективные критерии (частотные списки), так и коллективная оценка слова с точки зрения его тематической, ситуационной и сочетательной ценности. В нем прослеживаются все виды синтаксических связей: согласование, управление и примыкание. Основным содержанием словарных статей являются ряды свободных сочетаний, в которые входит заголовочное слово — существительное, прилагательное, глагол. Предназначен для специалистов-филологов, а также всем, кто изучает русский язык. Многие исследователи предлагают описывать именно лексико-тематические группы лексики, поскольку они

обладают большим обучающим потенциалом, особенно когда речь идет о разговорной речи. Так, Л. П. Крысин отмечает, что «наибольшая специфичность разговорной речи и, в частности, ее лексики проявляется в обозначении жизни и деятельности человека — его ежедневного быта, его питания, здоровья, физического и психического состояния, его отношений с другими людьми, тех ситуаций, в которых он осуществляет свою повседневную деятельность» [Крысин 2011: 341]. Именно поэтому исследователь предлагает рассматривать лексику соответствующих тематических групп.

Литература

Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. Т. 1. А–Б. М., 2014.

Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. Т. 2. В–Г. М., 2014.

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. II. М., 1995.

Крысин Л. П. Человек в зеркале русской разговорной речи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. №6 (2): 341–343.

ДЕЛОВОЙ РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ БАКАЛАВРОВ

Налимова Татьяна Анатольевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Программой по русскому деловому языку для иностранных бакалавров 3 курса предусмотрено изучение как письменных форм делового общения, так и устных. В течение года (а в редких случаях — в течение одного семестра, в зависимости от специальности) иностранные обучающиеся должны познакомиться с достаточно обширным материалом теоретического и практического характера. Тех знаний, которые они приобрели на 1 курсе в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» по официально-деловому стилю, оказывается недостаточно, чтобы осуществлять коммуникацию в деловой сфере. Поэтому программа предусматривает как теоретическую, так и практическую часть. Теоретическая часть минимизирована и подготовлена с учетом уровня общей подготовки обучаемых по русскому языку. Она включает сведения, касающиеся особенностей официально-делового стиля и их реализации прежде всего в разных формах и жанрах письменной деловой коммуникации, поскольку установлено, что «преимущественной формой делового стиля является письменная форма речи» [Русская деловая речь (письменные и устные формы) 2011: 27]. С ними обучаемые знакомятся сначала при выполнении языковых упражнений, содержащих официально-деловую лексику. При их выполнении у обучаемых появляется возможность одновременно повторить некоторые грамматические конструкции, изученные ими на предшествующем этапе обучения (1–2 курсы) и необходимые при составлении различных деловых бумаг. Это наиболее частотные в языке документов стандартизированные конструкции, в том числе предложно-падежные со значением причины, следствия, цели и др., используемые в простых предложениях, и синонимичные им придаточные предложения в сложных предложениях. Обращается внимание на использование в письменной деловой речи причастных и деепричастных оборотов и возможности их трансформации и др.

Наиболее объемным по времени изучения является раздел программы, включающий знакомство с разными группами деловых бумаг. Если административно-управленческие документы предлагаются обучаемым лишь для общего ознакомления, то группа личных документов изучается более детально: последовательно предлагаются задания сначала на наблюдение над языком и формой документа (на основе образцов), а затем коммуникативные задания, связанные с самостоятельным составлением документов на основе ситуаций, предложенных преподавателем или обучаемыми. При этом ситуации выбираются с учетом реальных потребностей обучаемых (например, составление заявления на продление сроков экзаменационной сессии; на получение материальной помощи, на предоставление путевки в спортивно-оздоровительный лагерь во время каникул; объяснительной записки в связи с пропуском занятий и т. д.). Некоторые задания при их выполнении требуют от обучаемых креативного подхода (например, при составлении резюме, в котором нужно отразить сведения о работе в течение 10–15 лет после окончания университета). Значительная часть времени отводится на составление деловых писем. Сначала обучаемые знакомятся с общей классификацией писем, анализируют различные образцы, а в итоге самостоятельно составляют деловые письма на основе реальных ситуаций. Среди предлагаемых такие, например, виды писем, как письмо-приглашение к участию в фестивале молодых дизайнеров «Дыхание весны»; письмо-запрос в приемную комиссию университета; письмо-рекламация, содержащее претензии к производителю швейного изделия, выполненного с нарушением государственных стандартов, или к туроператору, не оказавшему туристические услуги в полном объеме, и др.

Определенная часть программы отводится устному деловому общению. Некоторые наши обучаемые уже подрабатывают в разных секторах нашей экономики (в сфере услуг, в туристическом бизнесе и др.), поэтому очень важной частью программы является устное деловое общение. И в этом случае стараемся составлять и проигрывать диалоги, исходя из реальных жизненных ситуаций, с которыми уже встречались обучаемые. Так, например, удалось выяснить, что студентке из Монголии, подрабатывающей в сфере индивидуального пошива одежды, сложно

поддерживать диалог с клиентами, поскольку их содержание бывает связано не только с общей бытовой тематикой, но и с профессиональной компетенцией исполнителя заказа. Поэтому студентке было предложено подготовить несколько вариантов диалогов, в которых учитывались бы различные запросы клиентов. А студенту из Индонезии, проходящему подготовку по специальности «Туристический бизнес», было предложено подготовить проспект туристической фирмы, работающей на российском рынке туристических услуг. Если проспект неполно отражал информацию, которая могла бы заинтересовать клиентов, то в дополнение к этому заданию предлагалось составить несколько диалогов, которые могли бы возникнуть между представителем турфирмы и потребителем туристических услуг. Предлагаемые задания преследуют в деловом общении конкретные коммуникативные цели, а их выполнение способствует поддержанию мотивации обучаемых на достаточно высоком уровне.

Работа по обучению деловому общению предполагает знакомство и с такими темами, как «Особенности делового этикета в моей стране», «Этикет телефонного разговора», «Сетикет», «Деловая беседа с работодателем» и др. На заключительном этапе обучаемым предлагается итоговая работа, включающая задания по всем разделам программы. Она выполняет не только контролирующую функцию, но и обучающую, так как впоследствии вместе с обучаемыми анализируются все задания, которые вызвали у них затруднения при выполнении. Совместное обсуждение результатов выполнения заданий способствует решению одновременно двух задач: с одной стороны, позволяет выявить проблемы, связанные с качеством сформированных у обучаемых компетенций, а с другой — обозначить перспективы, открывавшиеся перед преподавателем в плане совершенствования программы дисциплины и ее методического обеспечения.

Литература

Русская деловая речь (письменные и устные формы) / под общ. Ред. проф. *В. В. Химики* и проф. *Н. Т. Свидинской*. СПб., 2011.

РУССКОЕ УДАРЕНИЕ ДЛЯ ТЭУ-ТБУ

Никольская Зоя Александровна

преподаватель, *Språkskolen russisk.no & METODIUS, Oslo, Norway*

Ударение — неотъемлемая часть русского слова, и учащиеся сталкиваются с ним с самых первых шагов. Задача преподавателя помочь определять ударение в русском слове на слух, понимать его влияние на произношение других гласных в слове, а кроме того, помочь находить место ударения. Далеко не всегда учащиеся слышат, где ударение. Например норвежцы: в их языке ударение музыкальное, т. е. все гласные ударные, хоть и в разной степени, что исключает редукцию. На это накладывается движение тона вверх или вниз на сильноударном гласном, и это в некоторых случаях различает смыслы слов. В русском же языке движение тона имеет значение только в контексте синтагмы. Эти проблемы решаемы целенаправленными аудиоупражнениями и заострением внимания на различных маркерах в норвежском и русском языках при восприятии ударения. Труднее обучить находить место ударения. Единственное известное нам пособие по ударению написано Шутовой для уровней B2–C1 в 2013. Скудость учебных материалов не удивительна: формальные критерии для иностранной аудитории, без которых трудно выстраивать систему упражнений, не разработаны. Для русского языка описаны схемы ударения, которые исходят из наосновного или наконечного ударения. Это схемы ударения для склоняемых и спрягаемых частей речи. Для слов без флексий схемы ударения не нужны. Односложные слова без флексий проблемы не представляют, если не являются частью фонетического слова, состоящего из двух словоформ. Слова из двух и более слогов, как с флексиями, так и без, требуют знания места ударения: русское ударение нефиксированное и может быть в разных местах разных форм одного и того же слова, а в русской печатной продукции ударения не проставляются. Мы полагаем, что обучать ударению надо начинать уже на низких уровнях, и поделимся здесь тем, что мы предлагаем в нашей школе и в наших учебниках по этой части, а также некоторыми соображениями, возникшими в результате небольшого исследования существительных словаря к учебнику для уровней A1 и A2 на предмет выявления формальных признаков определения у них места ударения. Наш учебник для подготовительного курса (A0) построен таким образом, что учащиеся овладевают типами согласных и правилами их соединения с последующими гласными. Поскольку типы согласных идентичны типам основ, а правила присоединения к ним окончаний идентичны правилам присоединения последующих гласных, знакомые с материалом учебника легко понимают, как отделить основу от окончания и определить её тип. Им также не очень трудно понять, что в случаях, когда окончание представляет собой согласный или начинается на согласный, используются соединительные гласные, присоединяемые к основе по правилам сочетания согласных с гласными. Таким образом, при выявлении формальных критериев для определения места ударения в существительных учебника для A1–A2 мы можем воспользоваться типами основ, каковых 6: k2m (на парный мягкий), k2l (на парный твердый), гкх, жщщ, ц, й и посмотреть, как они соотносятся с описанными Зализняком и примененными Берковым в его русско-норвежском словаре схемами ударения. Мы работаем в норвежской аудитории, и поэтому практически остановиться именно на этом варианте схем ударения. Эти схемы мы, однако, уточнили использованием нами термина соединительные гласные: там, где говорится об ударении на окончании, с нашими уточнениями ударения могут быть на окончании или на соединительном гласном. Это уточнение важно, например, для полных прилагательных и слов адъективного склонения. Здесь мы оперируем соединительным гласным и двумя схемами ударения — схемой а (постоянное ударение на основе) и схемой б (постоянное ударение на соединительном гласном). Первую схему имеют прилагательные с соединительными гласными -ы- или -и- в им. п. ед. ч. м. р. Вторую — прилагательные с соединительным гласным -о — этой же форме. Труднее с глаголами, но и там задействовано не более 3 схем — а, б, с. Последняя имеет разное содержание для прошедшего и настоящего-будущего времени. Возможные схемы ударения для настоящего и прошедшего времени обозначены в нашей таблице классов глаголов, с которой мы начинаем потихоньку знакомить учащихся с сере-

дины уровня А1. Например, глаголы 1-го класса имеют схему а в обоих временах. Однако самое сложное — место ударения у существительных, где только основных схем ударения б, а есть ещё и отклонения. Для главы об ударении в нашем учебнике для уровней А1–А2 мы провели небольшое исследование имеющихся там существительных с целью сформулировать рекомендации. Мы распределили наши существительные по 4-м параметрам: по типу основы, родовой принадлежности, склонению и схеме ударения. Всего в нашем словаре 1339 слов, из них 623 — существительные. Аналитические существительные типа пальто и субстантивированные прилагательные учёный, русский истоловая, а также слово люди, имеющее особый тип акцентуации, мы исключили из этого числа. Не все схемы ударения оказались актуальны для нашей выборки, а только а, b, b' (одно слово — любовь), с, d, d', e, f'. Мы выяснили, в каких отношениях все эти параметры находятся между собой, получив как ожидаемые, так менее тривиальные результаты. Абсолютное большинство существительных (459) имеют схему ударения а, как и ожидалось. Из них больше всего слов м. р. с основой k2m (157). Однако слов 2-го склонения ср.р. с основами k2l и жшщч схемы а не имеют. Только 1 слово ср.р. с основой гкх имеет схему а — яблоко. В 3-ем склонении, где всего только 2 типа основ (k2l и жшщч), схему а имеют 11 слов с основой k2l и только одно с основой жшщч (молодёжь). Самое большое количество слов со схемой а — слова 1-го склонения ж. р. с основой гкх (71) типа студентка. Некоторые основы имеют по одному слову той или иной схемы. Например, ср. р. с основой гкх и схемой с (молоко), с основой ц (сердце). Схему b имеют по одному слову слова ж. р.: мечта (k2m), госпожа (жшщч) и статья (k2l). Схему d имеет только одно слово ж. р., и это слово с основой й (семья). Схему d' имеет одно слово ж.р. с основой k2l: земля. В докладе мы расскажем и о других выводах.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖАНРА ИНТЕЛЛЕКТ-ШОУ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА МАТЕРИАЛЕ «УМНИЦЫ И УМНИКИ»)

LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF THE INTELLECTUAL SHOW GENRE IN TEACHING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (BASED ON TV SHOW)

Роднова Мария Андреевна

ассистент, Дальневосточный федеральный университет

На современном этапе развития тестологического направления методики преподавания русского языка как иностранного существует ряд нерешенных проблем. К ним относятся вопросы выбора критериев отбора или адаптации тестового материала и формирования адекватной системы оценивания ответов учащихся. Данные проблемы распространяются на систему лингводидактического тестирования как для начальных и средних этапов обучения, так и для продвинутых этапов. Более того, тесты ТРКИ-2, ТРКИ-3, ТРКИ-4 включают сложные в жанровом отношении тексты, которые нуждаются в детальном анализе речевых средств. Особенно актуальна проблема отбора текстового материала для формирования заданий субтеста «Чтение», поскольку они имеют строго установленную структуру и закрепленный объем. Выбранный материал имеет непосредственное влияние на результат тестирования учащихся, так как субтест «Чтение» полностью основан на предъявляемом тексте. Одним из речевых жанров, представленных в субтесте «Чтение», является «интервью, содержащее элементы устной разговорной речи» [Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному 1999: 13] и «большой объем прецедентной информации об истории страны, региона, города, знаковых личностях» [Белякова 2013: 27]. Несмотря на детальное описание требований третьего сертификационного уровня владения РКИ, разработка и отбор текстовых материалов для чтения как на этапе обучения, так и для подготовки к ТРКИ-3 является проблемой. «Актуальным направлением работы для составителей тестов становится подбор и анализ аутентичных текстов, отражающих разные коммуникативные задачи» [Лукьянова 2018: 52]. В настоящее время распространен жанрово-тематический подход. Его обширный учебный потенциал обусловлен возможностью «организовать работу по изучению языковых особенностей разных жанров» [Труханова 2020: 97]. Мы предлагаем применение в качестве текстового материала для подготовки к тестированию ТРКИ-3 (субтест «Чтение») текстов интеллект-шоу «Умницы и умники». Выбор именно этой телепередачи обусловлен особенностями речевого жанра интеллект-шоу — экстралингвистическими и лингвистическими. Экстралингвистические факторы интеллект-шоу, маркирующие ситуацию общения, соответствуют заданным параметрам для заданий 11–17, при выполнении которых тестируемым предъявляются фрагменты интервью с общественными деятелями. В «Умницы и умники» одним из этапов игры является интервью ведущего и судьи. Поскольку ведущий интеллект-шоу «Умницы и умники» Ю.П. Вяземский, берет интервью у знаковых российских деятелей науки и культуры, а тематика и проблематика интервью соответствует указанным в Государственном стандарте темам и социально-культурной сфере общения, представленные текстовые материалы позволят решить такую дидактическую задачу, как дополнение базы аутентичных текстов для подготовки к тестированию на ТРКИ-3. Интеллект-шоу «Умницы и умники» обладает и лингвистическим потенциалом, особенно для тестируемых продвинутого этапа обучения. К особенностям речи ведущего и судьи относятся вкрапления разговорной речи, прецедентные высказывания, лексика для продвинутого этапа обучения, синтаксис разговорной речи, разнообразные типы сложных предложений. В результате описания жанра интеллект-шоу мы обнаружили его лингводидактический потенциал для практики преподавания русского языка как иностранного. В частности, отмечаем целесообразность использования текстов интеллект-шоу «Умницы и умники» в рамках подготовки иностранных учащихся к лингводидактическому тестированию на уровень владения

русским языком как иностранным ТРКИ-3. Кроме того, возможно применение данных текстов в рамках таких курсов, как лингвострановедение, социолингвистика, коллоквиалистика.

Литература

- Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение / Т. А. Иванова, Т. И. Попова, К. А. Рогова и др. М.; СПб., 1999.
- Белякова Л. Ф. Проблемы подготовки иностранных студентов к сертифицированию на третий уровень владения русским языком как иностранным (ТРКИ-3) // Известия ВолгГТУ. 2013. Вып. 10. С. 27–29.
- Брызгалина Е. Д. Жанр портретного интервью в лингводидактическом аспекте // Языки. Культуры. VII Международный научно-образовательный форум. 2019. С. 27–35.
- Лукьянова С. В. К вопросу о содержании субтеста по чтению ТРКИ второго сертификационного уровня // Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития: международный сборник научно-методических статей III Международной научно-практической заочной конференции преподавателей, магистрантов и аспирантов. Псков, 19–20 мая 2018 г. Псков, 2018. С. 52–56.
- Труханова Д. С. Некоторые приемы работы с интервью в курсе «Язык СМИ» при обучении РКИ стажеров филологического профиля из КНР // Вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного: материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 20–21 февраля 2020 г. М., 2020. С. 716–721.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Сарычева Мария Романовна

аспирант, Российский университет дружбы народов

Лингвокультурологическая компетенция предполагает анализ и систематизацию проявлений материальной и духовной составляющих культуры в живой разговорный язык, интерпретацию и соотнесенность значений слов и выражений.

Культурная коннотация сложных единиц дискурса предполагает всесторонний анализ лексических единиц с учетом их дополнительного значения, принятого в определенной культурной среде, а также сопутствующих семантических функций, возникающих под влиянием этнических, географических, профессиональных и других особенностей.

Лексические единицы провоцируют возникновение ассоциативного ряда у языковой личности, то есть суть лексической единицы становится общедоступной и воспроизводимой.

В любом языке есть как нейтральные, так и эмоционально окрашенные лексемы. Последние, чаще всего, имеют вторичную номинацию, которая напрямую зависит от культурных особенностей носителей языка. Это создает определенные трудности при изучении иностранных языков, поскольку без погружения в культуру носителей языка, у обучающихся возникают совершенно иные ассоциации.

Как правило, наибольшие трудности наблюдаются в понимании прецедентных феноменов, толкование которых невозможно без соответствующего лингвокультурологического комментария, заданного учебным материалом, либо подготовленного преподавателем.

Среди изучаемых прецедентных феноменов отдельно выделяют прецедентные имена, то есть «индивидуальные имена, связанные: а) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных; б) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная» [Гудков 2003: 106]. Знание и понимание прецедентных имен, говорит об уровне знания иностранного языка учащегося. Использование в речи прецедентных имен отражает характерные особенности говорящего, делает его речь образней, насыщенней и эмоциональней. Чтобы добиться такого уровня языковой личности, на занятиях по РКИ необходимо использовать материал, тесно связанный с русской культурой, этническими и историческими особенностями страны изучаемого языка.

В разговорной речи прецедентные имена чаще всего используются для придания диалогу наибольшей экспрессии. Их правильный подбор отражает не только общий эмоциональный настрой, но и демонстрирует широкий спектр отношений между собеседниками. В этом случае проявляется еще один аспект прецедентного имени — прагматический.

Прецедентное имя позволяет максимально ярко и образно передать смысл послания с отсылкой к культурному наследию. Оно апеллирует к образу, который несет первичный номинатив. Например, в большинстве случаев, Золушка ассоциируется с несчастной девушкой, которая много трудится, Снежной королевой можно назвать человека, который безэмоционален, Мальвина вызывает ассоциацию девушки с яркими волосами, Гадкий утенок интерпретируется с не очень красивым человеком и т. д.

Изучение и умение правильно интерпретировать прецедентное имя значимо для:

1. Предотвращения появления ошибок, недопониманий и неприятных ситуаций при коммуникации с носителями языка.
2. Понимания аутентичных текстов при чтении.
3. Придание собственной речи большей выразительности.

Смысловая нагрузка прецедентного имени при чтении становится символом, отражающим фабулу. Оно транслирует прецедентную ситуацию, с которой непосредственно связано и, как

следствие, прецедентный текст, то есть освоение одного прецедентного имени предполагает освоение значительного культурного материала.

Таким образом, обращение к прецедентному имени имеет важное значение для формирования лингвокультурологической компетенции иностранного студента в структуре коммуникативной компетенции. Демонстрация прецедентных феноменов на занятиях по РКИ способствует формированию второй языковой личности, позволяет адекватно воспринимать смысл высказываний, доступно и грамотно вербализировать собственные эпистолы.

Значительные трудности на занятиях РКИ возникают при структурировании подачи прецедентного материала, что обусловлено характерными особенностями отдельных лексических единиц и способами их объяснения. Прецедентные имена при изучении русского языка иностранными студентами весьма объемны и трудны. Они требуют пристального внимания и отдельной проработки. Э.Б. Ушакова в своей статье предлагает следующий алгоритм действий при работе с прецедентным именем:

1. Предъявление дополнительного справочного материала, содержащего пояснение к новому прецедентному имени, к недиагностирующим текстам.
2. Разбор инварианта восприятия, заключенному в контексте изучаемого материала, сделать акцент на отличительных признаках нового для учащихся прецедентного имени.
3. Использование изученных прецедентных имен в дальнейшей работе с целью исключения ошибок в толковании при использовании.
4. Закрепление нового материала отдельными упражнениями.
5. Использование прецедентных выражений непосредственно в речи [Ушакова 2014: 16].

Постепенное формирование языковой личности, которое базируется на определенных чертах характера, способах мышления, непосредственно связано с соизучением языка и культуры его носителей, культуры в широком смысле. Задача преподавателя — приобщить иностранных студентов к русской культуре, истории, традициям. Здесь значимая роль отводится прецедентным именам, как носителям культурной информации, придающим речи образность и выразительность. Подобные знания способствуют глубокому погружению в русскую культуру, понимание национального менталитета и совершенствованию изучаемого языка.

Литература

- Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 286 с.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 254 с.
- Ушакова Э. Б. Феномен прецедентного имени в лингвокультурологии и аспекте преподавания русского языка как иностранного // Вестник МГОУ. 2014. № 2. 16 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЧАСТИЦЫ ТОЧНО НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

FUNCTIONAL-COMMUNICATIVE ANALYSIS OF PARTICLE ТОЧНО IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASS

Сретенская Лариса Викторовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Изучение русского языка иностранными студентами на продвинутых этапах, а также подготовка к сдаче теста по русскому языку как иностранному (уровни B2, C1, C2) диктует необходимость анализа и навыков использования в речи такого класса слов как частицы. Они передают самые разнообразные оценки, квалификации, субъективные реакции, субъективное отношение и выполняют различные прагматические функции — выражают согласие и несогласие, сомнение, неуверенность, уточнение и др., таким образом, частицы являются востребованной языковой единицей в сфере коммуникативного общения. Частицы — существенные конструктивные элементы системы языка, употребление которых говорит о высоком уровне владения языком иностранными обучающимися. Функциональный подход к изучению частиц помогает понять то, с какой целью и каким образом говорящий квалифицирует высказываемое. Чтобы обучающиеся смогли правильно употреблять частицу точно следует обратить внимание на следующие моменты. Лексема точно обладает полифункциональностью, т. е., согласно словарям, она может употребляться как наречие, как союз, как частица и как вводное слово [Словарь наречий и служебных слов...]. Относясь к разным частям речи, это слово имеет и разные грамматические свойства. Частеречная принадлежность точно определяется синтаксической функцией словоформы, типом предложения и прагматикой высказывания. Точно относится к области субъективной модальности, т. е. выражает субъективное отношение субъекта высказывания к сообщаемому. Как частица точно имеет разговорный характер, что отмечается пометой в словарях. Основная ее функция, как и у других частиц, прагматическая. Являясь вербальным средством выражения актуализации, она участвует в формировании коммуникативной структуры высказывания, вносит изменения в семантику и информативную структуру высказывания. Точно передает смысловые отношения уточнения, а ее значение определяется ситуацией употребления и контекстом. Частица точно — многозначная частица. На основе анализа различных словарей у нее выделяются два значения:

1) употребляется при выражении неуверенности, предположительности, сомнения в достоверности чего-либо; соответствует по значению словам: будто, будто бы, как будто, как будто бы.

(1) — Ладно, пошли.
— Точно? — спросил я (А. Волос. Недвижимость);

(2) — Под самыми окнами!
— Точно?
— А ты забыл? (А. Алексин. Раздел имущества).

2) употребляется при выражении уверенного подтверждения; соответствует по значению словам: да, так, верно.

(3) Вот уж точно мой любимый фильм (Форум: рецензии на фильм «Служебный роман»).

(4). — Это верно. Точно, точно! Только не голубое, пардон, а белое (Ю. Трифонов. Дом на набережной).

Примеры показывают, что эта частица употребляется как элемент структуры полного предложения (3), так и как самостоятельное высказывание в качестве ответной реплики (1, 2, 4).

Лексическое значение точно абстрагировано от отношений, которые она выражает в предложении, поэтому очень важным является невербальное средство коммуникации — интонационное оформление высказывания. «...Интонация становится кратковременной интерпретантой частицы, значение которой выясняется только в момент коммуникативной ситуации с учетом подтекста вербальной и невербальной коммуникации. Интонация организует речь фонетически..., выражает разнообразные оттенки экспрессивной и эмоциональной окраски. Интонация, выделяя русскую частицу голосом, активизирует имеющиеся в конкретном субзнаке глубинные смыслы, кодируемые отправителем высказывания — адресантом» [Цой 2019, 329–330]. Как показывает материал НКРЯ, наиболее частотные контексты употребления частицы точно — контексты, в которых представлена ситуация уверенного подтверждения некоей информации, а типичные сферы использования — разговорный и художественный стили речи. Некоторыми лингвистами (напр., Н. М. Девятова, Ю. П. Князев, А. Б. Летучий) частица точно рассматривается также как сравнительная.

(5) — Он точно на вкус попробовал это словцо (В. Шукшин. Калина красная);

(6) На пляже вдруг всех точно ветром сдуло (В. Аксенов. Звездный билет).

А. Б. Летучий отмечает, что точно используется в роли частицы, модифицируя глагольную группу (5), вводя метафору (6). «Казалось бы, напрашивается предположение, что конструкции такого типа — не сравнительные, а модальные со значением неполной достоверности ситуации, вероятного её несоответствия реальности. Модальность, в отличие от сравнения, не предполагает обязательного сопоставления ирреальной ситуации с другой, реальной, а просто маркирует степень её реальности. Однако в действительности такое решение сомнительно. Скорее всего, хотя объект не выражен, по семантике эти конструкции всё равно являются сравнительными, а не модальными» [Летучий 2017, 171]. Е. Н. Орехова же отмечает, что точно вносит в высказывание модальное значение неуверенного предположения с оттенком сравнения и участвует в формировании общего модального значения предложения. Для практики преподавания иностранцам, думается, этот вопрос не столь принципиален. Важно, чтобы учащиеся понимали, что точно может быть синонимом таких частиц как словно, будто, как будто, вроде и т. п. в определенных контекстах сравнения. Итак, изучение частицы точно расширяет словарный запас иностранных студентов, развивает умение оперировать синонимами как в устной, так и в письменной речи, учит использованию невербальной знаковой системы — интонации — в соответствующих прагматических ситуациях.

Литература

- Летучий А. Б.* Сравнительные конструкции / Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. II. М., 2017. С. 132–205.
- Цой А.* Интонация как компонент семиозиса русских частиц // *Studia Rossica Posnaniensia*, Vol. XLIV, 2019, pp. 327–336.
- Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. *В. В. Бурцева*. 3-е изд., стереотип. М., 2010.

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ (УРОВЕНЬ B2)

Ши Цзеся

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Для профессионального образования иностранных студентов, обучающихся в российских медицинских вузах, главной задачей является подготовка квалифицированных кадров, которые должны обладать как профессиональными знаниями, так и умениями в разных сферах профессионального общения [Арзуманова 2011: 38]. В большинстве традиционно используемых на занятиях по РКИ учебных пособий для студентов-медиков, не предусмотрены задания, направленные на формирование устно-речевых умений. В учебном процессе также часто игнорируются устные формы речевой деятельности. Однако формирование устной профессионально-коммуникативной компетенции на русском языке у иностранных студентов-медиков играет важную роль в подготовке квалифицированных специалистов. В настоящее время предпочтительным методом проверки знаний русского языка у иностранных студентов-медиков является тестирование, которое проводится в письменной форме, например, государственный тестовый лицензионный экзамен «Крок». Тем не менее вряд ли можно судить о профессиональном уровне иностранных студентов-медиков только на основании результатов письменного теста по языку специальности. Для определения уровня сформированности профессиональной компетенции иностранных студентов-медиков, овладевающих русским языком на уровне B2, нами был разработан комплекс тестов, включающий все виды речевой деятельности, в том числе субтест по говорению. Тестирование было проведено в январе, апреле и июне 2022 г. Испытуемые — 50 иностранных студентов второго и четвертого курса специалитета кафедры стоматологии хирургической и челюстно-лицевой хирургии стоматологического факультета Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И. П. Павлова. Все участники эксперимента имеют сертификат II уровня общего владения РКИ и владеют английским языком на уровне B1. В субтесте по говорению испытуемым предлагалось без подготовки составить монологическое высказывание о ковиде. Время выполнения задания — 5 минут. Максимальное количество баллов — 50. Задание: Расскажите пациенту о ковиде: 1) симптомы; 2) протекание болезни; 3) лечение; 4) профилактика. После анализа аудиозаписей участников эксперимента были классифицированы типичные ошибки в русской устной речи.

1. Фонетические ошибки: 1) реализация звука [э] на месте буквы Е после шипящих согласных: каш[э]ль; 2) смешение твердых и мягких согласных: харак[т]еризуется, каше[л]; 3) реализация [о] на месте безударного гласного [а]: утомляем[о]сть, к[о]вида; 4) реализация [э] на месте безударного [и]: забол[э]вание, л[э]чение; 5) выпадение гласных: пац[э]нты; 6) вставка гласного: д[э]лится (вместо длится); 7) неправильное место ударения: ва́кцинация, на́пример, про бле-ма.
2. Нарушение координации подлежащего и сказуемого: При ковиде появляется следующие симптомы. Подобные ошибки свидетельствуют о том, что испытуемые не усвоили правила субъектно-предикатного согласования.
3. Нарушение согласования: Это очень опасный пандемия. По всей видимости, студенты испытывают трудности в определении рода существительных, так как данная категория не встречается ни в родном языке учащихся, ни в английском языке.
4. Нарушение управления: 1) неверный выбор падежной формы: Пациенты должны носить маску, чтобы не заражать вирус другому человеку; 2) неверный выбор предлога: Пациенты нуждаются в госпитализации на инфекционном стационаре; 3) замена беспредложного управления предложным: У больного отмечается потеря отобоняния и вкуса; 4) замена предложного управления беспредложным: Способ защиты — вакцинация ковида.
5. Нарушение порядка расположения частей предложения: С помощью противовирусных препаратов болезнь лечим мы. Эти речевые ошибки обусловлены различиями в порядке слов в контактирующих языках.
6. Лексические ошибки: Нужно почистить руки. Основная причина таких ошибок в том, что студенты либо неточно понимают значение слов, либо не располагают знаниями о лексической сочетаемости.
7. Неадекватность языковых средств для решения коммуникативной задачи. При

выполнении субтеста около 50 % испытуемых использовали только одну конструкцию: что — это что, хотя она необходима только для логического определения. 8. Недостаточный объем высказывания. Во многих монологах отсутствует описание протекания ковида. Объем высказывания у 30 % испытуемых — 5–10 предложений, что не соответствует требованиям к уровню В2. 9. Пропуск слов или частей предложения: Профилактика — маска хотите. Очевидно, что участники эксперимента не владеют средствами научного стиля речи. 10. Нарушение логичности и связности изложения. Главная проблема — отсутствие вступительной части. Многие студенты перечисляли основные пункты монолога, не применяя слова-связки для объединения различных частей высказывания. 11. Несоответствие содержания высказывания предложенной теме. В большинстве случаев испытуемые не отклонялись от темы. Тем не менее были отмечены неверные утверждения относительно основных симптомов болезни, что свидетельствует о проблемах в профессиональных знаниях. Процент типичных ошибок от общего количества нарушений составил около 75 %, из которых 57 % грамматические и речевые ошибки. Средний процент правильных ответов по субтесту для каждого испытуемого составил всего 49 %. Таким образом, при обучении иностранных студентов-медиков устной русской речи необходимо решение проблемы асинхронности развития иноязычных устно-речевых умений и овладения профессиональными знаниями.

Литература

Арзуманова Р. А. Формирование русскоязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов-медиков на основе аутентичных видеоматериалов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2011. № 1. С. 38–44.

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ГОВОРЕНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ИНОСТРАННОМ НА НАЧАЛЬНОЙ СТУПЕНИ

Чжао Линьлин

аспирант, Петрозаводский государственный университет

В настоящее время с расширением сотрудничества в политической, социально-экономической, образовательной и культурной сферах между Китаем и Россией постепенно встает вопрос осуществления иноязычной коммуникации. В связи с этим возрастает актуальность проблемы обучения китайских студентов русскому языку.

Говорение как вид речевой деятельности занимает важное место в системе обучения. Благодаря устному взаимодействию, устанавливается контакт, осуществляется вербальная коммуникация и происходит обмен информацией практически в любых видах деятельности. Цель нашей статьи — рассмотреть интегрированный подход в контексте обучения говорению китайских студентов на русском языке на начальной ступени.

В «Словаре нового педагогического мышления» под интеграцией понимается «процесс, средство и результат взаимосвязи объектов» [Безрукова 1992: 40]. Одни ученые различают внешнюю и внутреннюю интеграцию. А другие относительно содержания учебного материала выделяют три основных уровня интеграции: внутрипредметный, межпредметный и транспредметный.

Например, была разработана методика предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL). Акцентируя внимание на внешнюю, межпредметную интеграцию, она подчеркивает объединение знаний разных наук и установление междисциплинарных связей. На основе активной интеграции иностранного языка с процессом обучения профессионально значимым дисциплинам технологии предметно-языкового интегрированного обучения способствуют активизации процесса овладения иноязычными компетенциями и подготовке будущего специалиста к иноязычному профессиональному общению.

Однако, на начальном этапе применение предметно-языкового интегрированного подхода, построенное на полном погружении в иностранный язык, достаточно трудно реализуется. При обучении китайских студентов с нулевым уровнем владения русским языком (особенно для тех, которые изучают русский язык по совместным образовательным программам между вузами КНР и РФ) на начальной ступени следует сосредоточиться на внутренней, внутрипредметной интеграции.

По определению Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, интегрированный подход — это подход, который «воплощается в органическом соединении сознательных и подсознательных компонентов структуры обучения. При интегрированном подходе доминирует следующая направленность учебного процесса — от усвоения знаний об аспектах системы изучаемого языка к речевым автоматизмам или же параллельное овладение знаниями и речевыми автоматизмами с некоторым упреждением последних» [Азимов, Щукин 2009: 80–81].

Разумеется, в процессе формирования коммуникативной компетенции в обучении различным видам речевой деятельности реализуется не только дифференцированный, но и интегрированный подход. Именно в разных видах деятельности осуществляется взаимосвязанное (интегрированное) развитие предметных и универсальных (ключевых, метапредметных) компетенций (компетенция как качественная способность выполнять целостную деятельность).

Говоря об интегрированном подходе в обучении китайских студентов говорению на русском языке, то мы имеем в виду, во-первых, комплексное использование грамматико-переводного и коммуникативного методов, что учитывает не только многоаспектные характеристики студентов данной группой, но и особенности обучения иностранному языку в Китае, что обеспечивает более комфортные и оптимальные условия овладения языком обучающихся [Чжао 2022: 8].

Во-вторых, мы подчеркиваем внутреннюю, внутрипредметную интеграцию, т. е. интеграцию разных компонентов внутри одного вида деятельности. Точнее, в обучении говорению следует обратить внимание на последовательность выбранных тем, языковых материалов, а также сделать акцент на усиление взаимосвязей между разными частями и языковыми аспектами (фонетический, лексический, грамматический) и их взаимодействий, чтобы достичь максимально педагогического эффекта.

Отметим, что в Китае в уроках предмета «Аудирование и говорение», может присутствовать нелогичная последовательность тем или отсутствовать определенные связи между темами и лексическими и грамматическими знаниями, которые приводят к фрагментарности и отрывочности знаний студентов. Помимо того, хотя многие китайские студенты на средней и более высокой ступени обучения хорошо овладевают грамматикой, обладают достаточным словарным запасом, но отстают в практике говорения.

При интегрированном подходе предлагается единая система знаний, умений и навыков, что позволяет как закрепить полученные лексико-грамматические знания в ходе последующего обучения и обеспечить формирование и развитие адекватных навыков и умений иноязычного говорения, так и выстроить целостную систему изучения языка. Для развития умений говорения в нашу задачу входило использование взаимосвязанных языковых, условно-речевых и коммуникативных упражнений, поскольку вовлеченность в активную коммуникацию рассматривается многими методистами как приоритетное условие качественного овладения языком.

Таким образом, интеграция обучения создает единую систему знаний, умений и навыков. Интегрированный подход в обучении китайских студентов говорению на русском языке как иностранном воздействует на приобретение фонетических, лексических, грамматических знаний и одновременно развитию соответствующих языковых навыков и речевых умений у студентов на начальном этапе изучения русского языка, что демонстрирует суть данного подхода — процесс и результат создания неразрывно связанного единого целого и способствует достижению эффекта $1 + 1 > 2$.

Литература

- Азимов Э. Г., Шуклин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
- Безрукова В. С.* Словарь нового педагогического мышления. Екатеринбург, 1992. 94 с.
- Чжао Л.* Интегрированное развитие умений говорения у китайских студентов, начинающих изучать русский язык как иностранный // Непрерывное образование: XXI век. 2022. Вып. 4 (40). С. 1–10.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

USING MULTIMEDIA IN THE RUSSIAN LANGUAGE TEACHING

Ху Цзянь

аспирант, Российский университет дружбы народов

Nowadays, the development of modern technology represented by the Internet, artificial intelligence, and big data has changed people's way of life, and the field of education is also undergoing digital transformation. Multimedia technologies such as whiteboards and PowerPoint presentations are frequently present in the classroom [Grzeszczyk 2016: 131]. For foreign language teaching, teachers also use it to promote students' listening, speaking, reading and writing learning. On the one hand, compared with multimedia-assisted English teaching, literatures about the impact and methods of multimedia on Russian teaching are not perfect enough [Gu 2012:140]. On the other hand, in the post-epidemic era, the increase in online courses has made teaching activities more dependent on multimedia. Teachers are eager to know how to effectively use multimedia for language teaching. Therefore, this article will explore the pedagogical methods of teaching Russian with multimedia. The object of this article is the process of multimedia-assisted Russian language teaching, and the subject is the teaching methods with multimedia. The literature method and comprehensive analysis are applied in this article. Primary and secondary data are collected, and relevant literatures in this field are reviewed. In the article, the author gives the definition of multimedia, illustrates the role of multimedia in teaching activities, explains the multimedia tools in the classroom, summarizes the teaching methods using multimedia in the Russian classroom, and analyzes the disadvantages and limitations of multimedia in teaching, and points out ways to circumvent these problems. This article supplements the theory of multimedia application in education and Russian language teaching methodology and gives teachers some experience and suggestions in their practical teaching work. According to the article, from an application-oriented perspective, multimedia is considered to consist of computer program which is the combination of a text with at least one of the following elements: audio or sophisticated sound, music, video, photographs, 3-D graphics, animation, or high-resolution graphics. It is stated that multimedia is information that takes the form of audio, video graphics or movies (Grzeszczyk 2016, 104–157.). Multimedia is considered to be an effective intervention in the classroom. Especially for Russian language teaching, multimedia is a necessary auxiliary tool. Multimedia provides more teaching resources. The inexhaustible resources in the network provide a large amount of multimedia information for teaching, as well as different training forms and non-text information, which greatly improves the teaching environment. Also, multimedia stimulates students' interests and active learning. The scenario design of Russian teaching can be combined with multimedia and displayed in the form of text, image, sound, animation, etc., through which learners' multiple senses are fully mobilized to participate in learning and carry out conscious and unconscious knowledge memory. And the real-life language environment virtualized by multimedia stimulates students' interest in learning. Additionally, multimedia improves teaching efficiency. Using projection technology to display the knowledge content to students saves teaching time, improves teaching efficiency, and increases the amount of teaching information (Gu 2017). Besides, multimedia promotes class interactions and develop communication skills [Andresen, van den Brink 2013: 25]. The implementation of technological interactivity creates perfect atmosphere, encouraging the students taking part in group discussions and debates, thus, there is more opportunities for communication among students and between teachers and students (Grzeszczyk 2016:26). The roles of teachers in multimedia environment are diverse. They are facilitators. They need to integrate multimedia language learning materials and understand teaching methods for effective use of available materials. Besides, teachers are guides. They guide students to successfully complete their projects, providing students with help, advice, and encouragement, thereby serving as a source of inspiration for similar assignments. Teachers are also researchers. They must have the knowledge of how and where to access information for use by themselves and their students (Gilakjani, 2012: 121–1211). At the same time, multimedia will also bring some disadvantages, teachers need to play the role as "facilitators,

guides, supporters”. In the face of various resources brought by multimedia, teachers need to correctly select resources suitable for teaching, including their duration and quality, and avoid making multimedia resources too rich or too single. When using multimedia resources, avoid single input resources to students and forget the human interaction, otherwise it makes classes boring. Meanwhile, teachers should combine tasks and materials in a way that guides students to proactively complete their projects and allows them to draw conclusions from those. Finally, multimedia is only an auxiliary tool. Sometimes keyboard input replaces handwriting, and sound and image replace text, with that students’ performance in reading and writing easily gets weak, so teachers should also pay attention to practice besides theory teaching.

References

- Andresen, B. B., & van den Brink, K.* Multimedia in education. UNESCO Institute for Information Technologis in Education. 2013.
- Gilakjani, A.* A Study on the Impact of Using Multimedia to Imporve the Quality of English Language Teaching // *Journal of Language Teaching and Research.* 2012. 3, 6: 1208–1215.
- Grzeszczyk, K. B.* Using multimedia in the English language classroom. *World Scientific News.* 2016. 43 (3): 104–157.
- Gu J Q.* 谈多媒体技术在俄语教学中的应用 *Application of Multimedia Technology in Russian Teachin.* 2012.

ГЕЙМИФИКАЦИЯ НА ОНЛАЙН-УРОКАХ РКИ

Црвар Сунчица

преподаватель, Центр иностранных языков, г. Белград, Сербия

Подход, используемый преподавателем, является неотъемлемой и фундаментальной частью учебного процесса, который может изменить атмосферу и поведение учащихся на уроках. Исходя из этого, преподаватель ориентирован на то, чтобы предлагать задания, способствующие формированию у студентов навыков устного и письменного выражения. В этом смысле, использование различных игровых методологий становятся все более распространенными среди преподавателей и студентов. Новый способ включения игр в обучение — это идея «геймификации», термин, который происходит от английского «gamification». Является одним из недавних педагогических подходов в образовании. Заключается в использовании игровой механики в неигровой среде [Азимов 2009]. В нем есть элементы и методы, типичные для игр, которые можно использовать для поощрения изучения русского языка, полезным и мотивирующим образом, что очень важно в ситуациях, когда у учащихся недостаточно внутренней мотивации. Успешная геймификация поддерживает высокий уровень вовлеченности, вырабатывает внутреннюю мотивацию ученика, например повышение уровня и улучшение речевых действий, предлагая при этом награды, которые представляют собой элементы внешней мотивации. Геймификация, один из способов повышения мотивации на уроках РКИ, метод игровых технологий, усиливает освоение учебного материала, стимулирующая центр удовольствия учащихся. С помощью геймификации можно развивать автономию, повышать самооценку, вызывать эмоции, повышать мотивацию, поощрять участие и учиться спокойно относиться к ошибкам. Все эти преимущества геймификации возможны благодаря различным элементам игры. Технология может быть использована как средство обучения. Геймификация развивает цифровую компетентность. Благодаря этому поддерживается безопасное использование новых технологий, достигается мгновенная обратная связь и улучшаются социальные навыки, воображение и креативность. К тому же, ученик вовлечен в выполнение определенной задачи, постоянно стремится уложиться во время и потом получить положительные результаты. Кроме того, когнитивный уровень в целом постепенно улучшается. Некоторые примеры игровых механик, используемых в геймификации: Цели — Выполните задание и получите награду, например значок. Статус — ученики повышают свой ранг, выполняя задания. Таблица лидеров показывают, кто «побеждает», и вдохновляют остальных работать усерднее, чтобы конкурировать. Сообщество — ученики объединяются в группы для решения проблем, выполнения заданий или иного достижения цели. Обучение — советы, рекомендации и викторины даются учениками на протяжении всего учебного процесса. Виртуальные награды — такие как медали, значки, монеты и кубки позволяют ученику почувствовать, что он способен достигать целей и преодолевать препятствия, возникающие на протяжении процесса обучения [Glover 2021: 4]. Игра активизирует любознательность, укрепляет память и помогает сосредоточить внимание на определенном аспекте. Это облегчает приобретение словарного запаса и усвоение синтаксических и морфологических структур. Сайты, с помощью которых преподаватель может использовать геймификацию на онлайн уроках: Socrative и Kahoot — эти два сайта позволяют преподавателю создавать собственные викторины. Ученикам нужны мобильные телефоны, чтобы участвовать в играх Online Badge Maker — можно создавать собственные значки ClassDojo — это инструмент, который помогает преподавателям быстро и легко улучшить поведение на уроках. Баллы начисляются за участие, усилия, настойчивость и помощь остальным Classcraft — можно геймифицировать любую учебную программу. Поощряет совместное обучение Piktochart — служит для создания инфографик Voki — служит для создания аватаров Однако, иногда геймификация может иметь негативные последствия. Если благодаря геймифицированной задаче у учащегося не возникнет ощущения, что он чему-то научился, все усилия, затраченные на разработку задания, будут напрасны, и геймификация потеряет смысл. Также может случиться так, что у учащегося будет ощущение, что тратит время впустую или что не

использует хорошо время на уроке, потому что считает, что элементы игры не имеют значения или отвлекают от обучения. Учащийся приходит на занятие с высокой мотивацией, но теряет интерес, потому что игровые задания не соответствуют его ожиданиям. Следует также не забывать о том, что атмосфера на уроках является очень важным фактором в обучении. Таблицы лидеров могут создать напряженную обстановку, и поэтому перестают быть мотивирующими. Хотя соревнование является стимулирующим элементом, его необходимо осторожно вносить в процесс обучения. Другими словами, при разработке игрового задания нельзя просто ввести баллы, значки и таблицы, потому что учащиеся могут по-разному реагировать на эти элементы. Итак, геймификация играет важную роль в обучении русского языка как иностранного. Отметим ещё раз главные преимущества использования её на уроках РКИ: приобретение словарного запаса и усвоение синтаксических и морфологических структур в игровой форме. И одно из самых важных — это мотивация учащихся к дальнейшему изучению русского языка.

Литература

Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.

Glover I. Play as you learn: gamification as a technique for motivating learners, Sheffield Hallam University. 2013.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

«...НЕ ХУХРЫ-МУХРЫ»: ГРАММАТИКА ТАВТОЛОГИИ (МАРГИНАЛИЯ К СЕМИНАРСКИМ ЗАНЯТИЯМ)

“...NOT A XUXRY-MUXRY”: THE GRAMMAR OF TAUTOLOGY (CLASSROOM MARGINALIA)

Клейнер Юрий Александрович

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Светозарова Наталия Дмитриевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Крайние члены формулы (тавтологической фразеосхемы) «X есть X» или «X — это X» являются синонимами только в качестве лексических (словарных) единиц, но не элементов синтаксической конструкции «X1 есть X2» (X1 — подлежащее, X2 — именная часть сказуемого), реализующей данную формулу как единое целое («сложный знак») в речи, в сфере прагматики, где выявляется значение, характерное для каждой данной ситуации: *Вася есть Вася* (‘ему свойственно опаздывать, он ленив и т.д.’). О том, что в данном случае речь идет о грамматическом явлении, свидетельствуют, помимо воспроизводимости, обычные для такой синтаксической конструкции трансформации. Последние включают отрицательную и вопросительную форму с обязательными подстановками в них: «X не есть Y», *Вася — это тебе не Коля*, «Разве X — это Y?», *Разве Вася — Коля*. Предложения (вопросительное и отрицательное), полученные в результате этих трансформаций, синонимичны утвердительной форме и, соответственно, друг другу. В этом смысле они сближаются с императивами типа «Не сделаете ли вы?..», в которых императивное значение облечено в вопросительно-отрицательную форму. В утвердительной форме значение X2 также определяется максимально широко: ‘нечто, синонимичное X1, наделенное всеми его характеристиками’. Прекрасный пример реализации двух форм — отрицательной и утвердительной — данной синтаксической конструкции в речи можно видеть в произнесении Л. Броневым предложений: *Война — это не покер* и *Война — это война* в фильме М. Захарова «Тот самый Мюнхгаузен! (по пьесе Г. Горина), с ярко маркированной фразовой интонацией, а также специфическими жестами и мимикой. Второй пример — явная попытка подобрать синоним, уточняющий значение в данном контексте слова «покер»; при этом самым точным синонимом оказывается X1 в конструкции X1 = X2. Значение подстановочных элементов в предложениях данного типа не совпадает с их основным (словарным) значением: слушающему не обязательно знать значение термина, например, покер, напротив, слушающий должен абстрагироваться от него. На его месте может практически любое слово, становясь антонимом для X. Показательно в этом контексте использование в качестве универсального подстановочного элемента образований типа *хухры-мухры* с максимально широким значением: ‘все остальное, прямо противоположное по смыслу’. В ту же категорию попадают фразеологизмы типа *Мы тут не чай пьем* ‘мы занимаемся серьезным делом’. Общее значение данной грамматической конструкции покрывает всю совокупность ситуативных значений высказываний, входящих в понятие «тавтология». Таким образом, основное значение рассматриваемой конструкции вполне определяется грамматикой в ее самом традиционном понимании, в то время как на долю прагматики остается конкретизация и детализация, осуществляемая в речи (см. дихотомию Соссюра). Из типа фразеосхемы (т. е. из грамматики) мы узнаем, что X обладает некоторыми постоянными свойствами, а уточнение — какими именно признаками обладает X, которое нередко имеет место в дискурсе, обеспечивают экстралингвистические данные и фоновые знания, известные собеседникам.

ПОЛУСВЯЗОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ В АКАДЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

PSEUDOCOPULAR VERBS IN SPANISH ACADEMIC TEXTS: A CORPUS STUDY

Вилинбахова Елена Леонидовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Isabel Pérez-Jiménez

professor of Spanish Linguistics, the Department of Philology, Communication and Documentation of the University of Alcalá

Gonzalo Escribano Roca

predoctoral researcher, the Department of Philology, Communication and Documentation of the University of Alcalá

Работа посвящена функционированию испанских полусвязочных глаголов восприятия, представления, а также модальных глаголов (исп. *parecer* 'казаться', *presentarse* 'представляться', *mostrarse* 'выглядеть', *hacerse* 'становиться', см. полный список и классификацию в [Morimoto, Ravón 2007]), в научных лингвистических текстах. В докладе формулируются следующие исследовательские вопросы: (i) в каких контекстах используются полусвязочные глаголы; (ii) в какие риторические отношения вступают предложения с полусвязочными глаголами с предшествующим и последующим фрагментами дискурса; (iii) какие прагматические функции они выполняют, а также (iv) как полученные нами наблюдения соотносятся со сведениями об испанских полусвязочных глаголах, представленными в предшествующих работах. В качестве теоретической базы использовалась модель К. Хайленда и П. Тсэ, см. [Hyland, Tse 2004], где предлагается анализ языковых средств, применяемых автором академического текста для взаимодействия с читателями с учетом ожиданий и общих фоновых профессионального сообщества. Совокупность данных языковых средств обозначается как метадискурс, поскольку они ориентированы не на передачу пропозиционального содержания, а на воздействие текста на аудиторию. К. Хайленд и П. Тсэ выделяют два класса выражений. Элементы первого класса (англ. *interactive resources*) направлены на организацию текста в соответствии с авторским замыслом и включают коннекторы («но»), маркеры, отсылающие к различным частям текста («см. выше / ниже»), указывающие на этапы развертывания текста («наконец») или источник информации («как отмечает X») и др. Элементы второго класса (англ. *interactional resources*) связаны с оценкой и перспективой говорящего по отношению к содержанию текста и аудитории. К ним относятся хеджи, которые ослабляют приверженность автора передаваемой информации («возможно»), бустеры, которые подчеркивают достоверность пропозиционального содержания («на самом деле», «определенно»), маркеры отношения («удивительно»), маркеры вовлеченности («вы можете видеть это»), и маркеры самоописания, относящиеся к автору («я», «мы», «мой», «наш»). Согласно К. Хайленду и П. Тсэ, данный подход направлен в первую очередь на описание и анализ внутренней логики, стоящей за выбором конкретных языковых выражений, и позволяет оценить их вклад в общую стратегию аргументации автора текста [Там же]. В качестве материала использовались примеры из Испанского Журнала Лингвистики (исп. *Revista Española de Lingüística*, <http://revista.sel.edu.es/index.php/revista>) за 2017–2022 гг. При сборе материалы мы руководствовались следующими критериями. Во-первых, учитывались исключительно (научные) статьи, но не рецензии и вступительное слово приглашенного редактора специального выпуска. Кроме того, нас интересовали тексты, авторами которых являются носители полуостровного, но не латиноамериканского, испанского языка. Наконец, рассматривался только собственно авторский текст, но не иллюстративные примеры или цитаты из литературы. Собранные примеры аннотировались двумя носителями полуостровного испанского языка по следующим параметрам: (а) наличие местоимений; (б) наличие модификаторов; (в) семантические классы предикатов;

(г-д) риторические отношения фрагмента с полусвязочным глаголом с предшествующим и последующим фрагментом дискурса и (е-ж) его роль — ядро или сателлит — в данных отношениях, см. [Mann, Thompson 1988]; (з) принадлежность к классу по модели [Hyland, Tse 2004]. Примеры, которые вызывали разногласия, обсуждались дополнительно. На настоящий момент были получены предварительные результаты, согласно которым, во-первых, по нашим данным, встретился чаще всего глагол *parecer* ‘казаться’, далее *ver(se)* ‘видеться, представляться’, а также *resultar* ‘выходить’ и *quedar(se)* ‘оставаться’. Во-вторых, с полусвязочными глаголами наиболее активно используются оценочные предикаты, см., например, [McNally, Stojanovic 2017]. Далее, фрагменты с полусвязочными глаголами используются в роли ядра отношения распространения и контраста с соседними фрагментами дискурса. Наконец, они относятся ко второму классу (англ. *interactional resources*) по классификации [Hyland, Tse 2004] и выступают в роли хеджей, бустеров и маркеров отношения.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках исследовательского проекта EPSILone — Evidentiality, Perspectivisation and Subjectivisation at the Interfaces of Language ‘Эвиденциальность, перспективизация и субъективизация в интерфейсах естественного языка’, PID2019-104405GB-I00, финансируемого Министерством экономики и конкурентоспособности Испании.

Литература

- Hyland K., Tse P. Metadiscourse in Academic Writing: A Reappraisal // *Applied Linguistics*. 2004. Vol. 25. P. 156–177. <http://dx.doi.org/10.1093/applin/25.2.156>
- Mann W. C., Thompson S. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization // *Text*. 1988. Vol. 8. P. 243–281.
- McNally L., Stojanovic I. Aesthetic Adjectives // *The Semantics of Aesthetic Judgment*. James Young (ed.). 2017. P. 17–37.
- Morimoto Y., Pavón Lucero M. V. *Los verbos pseudo-copulativos del español*. Madrid, 2007.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ В АНАЛИЗЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Власова Екатерина Дмитриевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен методике сравнительного анализа, позволяющей добиться технологичности и большей объективности результатов при изучении политического дискурса по теме международного вооруженного конфликта в Сирии (на материале публикаций в российской и французской прессе). Предложенная методика опирается на анализ лексико-семантических полей (ЛСП) лексических единиц, составляющих тематическое ядро рассматриваемого дискурса. Преимущество методики моделирования ЛСП, составляющих дискурс, заключается в том, что ЛСП позволяют представить дискурс как целостный, системный объект. Подобное системное построение с выявлением внутренних связей позволяет перейти от описания дискурсов к их сравнению. Изучение дискурса о военном конфликте в Сирии и его освещения в СМИ России и Франции представляет собой важную задачу для понимания того, как эти события воспринимаются и интерпретируются в разных лингвокультурных сообществах. Дискурс в данном случае понимается как лингвистическая единица (совокупность текстов), а также как идеологический контекст порождения высказывания, имеющий прагматическую силу и влияющий на восприятие описываемых событий в обществе. Гипотеза исследования заключается в том, что лексические единицы, образующие классы условной эквивалентности (например, конфликт/conflict, переговоры/négociations), на семантическом уровне имеют существенные отличия, обусловленные разными идеологическими подходами к теме сирийского конфликта в России и Франции. Материалом практического исследования послужили корпуса текстов на русском и французском языках объемом около 100 тыс. словоупотреблений каждый. Корпус сформирован на основе публикаций на официальных сайтах национальных изданий России (Ведомости, Известия, Коммерсантъ, Комсомольская правда, РБК, Российская Газета) и Франции (L'Humanité, Le Figaro, Le Monde, Le Parisien, Les Echos, Libération). Для моделирования ЛСП предлагается использовать методы количественного анализа текста. В результате автоматической обработки корпусов текстов с помощью компьютерной программы лексико-семантического анализа текста T-Lab на основе меры TF-IDF выделены опорные слова, семантически значимые для данного дискурса. Затем для опорных слов смоделированы лексико-семантические поля. Лексико-семантическое поле — это совокупность слов, включающая разные части речи, выстраиваемая на основе общей семы и соотношенная с целостным фрагментом действительности. ЛСП включают в себя единицы, выделенные на основе лингвистических и экстралингвистических факторов. Элементы значений лексем, составляющих ЛСП, не существуют изолированно, а обнаруживают полноту своего значения во взаимодействии со смежными смыслами, то есть с другими лексемами внутри ЛСП [Щур: 97]. Таким образом, ЛСП позволяет представить дискурс как целостный, системный объект. Для моделирования лексико-семантических полей используется инструмент «Анализ совместной встречаемости» (Analyses des co-occurrences), с помощью которого выявлены связи между лексическими единицами и построены радиальные диаграммы опорных понятий данной тематики. Применение данного метода позволяет объективизировать результаты отбора лексических единиц и установить закономерности их синтагматических и парадигматических связей. Благодаря данным о совместной встречаемости лексем и представлении их в виде ЛСП, становится возможным доопределение дискурсивно зависимой семантики единиц. Кроме уточнения дискурсивно зависимой семантики благодаря методу ЛСП возможно количественно измерить близость/дальность ЛСП в русском и французском языках на основе данных о лексемах-ассоциатах, входящих в ЛСП опорных слов. Для количественного измерения близости/дальности лексико-семантических полей в русском и французском языках на основе сравнения классов условной эквивалентности в работе используется коэффициент Серенсена-Чекановского. Таким образом, использование статистико-вероятностного инструментария позволяет перейти от вербальных описаний семантических различий к сравнению. Результаты сравнительного анализа подтвердили гипотезу исследова-

ния о том, что структуры одноименных ЛСП в двух корпусах текстов имеют существенные отличия, обусловленные разными идеологическими подходами к теме сирийского конфликта в России и Франции. Например, в ЛСП для лексемы *conflit* преобладают оценочные слова с яркой негативной коннотацией (*souffrance, drame, million de déplacés*). В структуре ЛСП для лексемы *конфликт* преобладают лексемы с нейтральной коннотацией. Они соотносятся с указанием на изменение статуса конфликта или рассмотрением участников конфликта (эскалация, решение, компромисс, сторона, Сирия). Таким образом, моделирование лексико-семантических полей обнаруживает методологический потенциал для составления целостного представления о структуре дискурса в определенной предметной области.

Литература

Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М.: Комкнига, 2007.

АГЕНТИВНОСТЬ И ЕЁ «СОСТАВЛЯЮЩИЕ»

Григорьян Елена Леонидовна

доцент, Южный федеральный университет

Семантическая категория агентивности является одной из наиболее значимых для синтаксиса и присутствует в многочисленных определениях и в описаниях ключевых синтаксических правил в языках различных типов при самых различных подходах. Агенс входит в первоначальный список падежных ролей и сохраняется в большинстве последующих, а термин «агенс», наряду с термином «пациенс», является исторически наиболее ранним из всех семантических терминов в синтаксической теории. При всём многообразии подходов и определений, типичные («прототипические») случаи не вызывают разногласий; расхождения касаются границ категории и трактовки её природы. Можно говорить о прототипической агентивности и прототипических агенсах; но непрототипические агенсы проявляются на синтаксическом уровне, как правило, аналогично прототипическим. При определении границ категории следует исходить из того, что в языке отождествляется, т.е. кодируется одинаковым образом, а что дифференцируется.

Вместе с тем содержание категории агентивности (и понятие агенса) неэлементарно и требует многофакторного определения и описания. Она соотносится с семантическими категориями более элементарных уровней, таких как контролируемость (контроль), каузальность, акциональность, которые также неэлементарны, кроме того, могут реализоваться самостоятельно, т.е. по отдельности, а также включаются в состав и других семантических категорий помимо агентивности; кроме того, в определениях агентивности часто упоминаются и другие признаки разного плана: одушевленность; активность соответствующего партиципанта, использование собственной внутренней энергии, т.е. внутренний импульс; значение «решающего вклада» в создание ситуации, «ответственность» за исход действия; динамичность. Некоторые из перечисленных категорий более низкого ранга также в свою очередь требуют интерпретации и образуют собственные системы (так, в работах по синтаксической типологии представлены различные классификации видов контролируемости, классификации каузальных значений); а многие из них градуальны. Вместе с тем полный список упомянутых характеристик в реальности представлен далеко не во всех случаях, а вес разных факторов может быть различен в разных языках.

В немногочисленных сравнительных работах отмечается, что ядро этой категории в разных языках, по-видимому, сходно, а различие обнаруживается в непрототипических, периферийных случаях, когда присутствуют не все из перечисленных выше признаков. Таким образом, различия между языками заключаются в несовпадении границ агентивности-неагентивности, которые, добавим, к тому же размыты в любом языке; кроме того, значимость каждого из названных признаков в разных языках не совпадает. Перечисленные значения могут проявляться независимо друг от друга, ни одно из них не обязательно и все они могут проявляться в синтаксисе на различных уровнях и различными способами.

В докладе предлагается анализ данных категорий и их соотношения, в частности, в английском и русском языках. В рассматриваемых языках (как и во многих других) агентивность является одним из главных факторов, определяющих выбор подлежащего в конструкциях действительного залога, а употребление деагентивных конструкций, «смещающих» соответствующий актант с позиции подлежащего, в наиболее типичных случаях связан в выражении ослабленной агентивности или же неагентивных — стихийных, неконтролируемых, независимых от субъекта ситуаций. Характерно, что для одних и тех же денотативных ситуаций возможны альтернативы в приписывании агентивности различным партиципнтам, а также в осмыслении одних и тех же ситуаций как агентивных или неагентивных. В плане исследования категории агентивности и входящих в её состав семантических признаков особенно показательны периферийные и маргинальные случаи.

В лингвистике нескольких последних десятилетий высказываются мнения о предпочтительности подхода с точки зрения более дробных семантических категорий, нежели семантические роли, которые отвергаются именно из-за их сложного состава; в частности, вместо ролей занимают те значения, которые рассматривались как компоненты агентивности — в первую очередь контролируемость, но иногда также активность или другие. Не исключено, что для анализа некоторых частных синтаксических явлений такой подход может действительно оказаться более эффективным. Однако хотя агентивность и требует многофакторного подхода — и вес разных факторов варьируется в разных языках — она не может быть заменена этими категориями, так как базовые синтаксические правила и тенденции, судя по всему, связаны именно с агентивностью, а не вышеперечисленными категориями, её составляющими.

Агентивность как комплекс семантических характеристик, представляет типичное «нечёткое множество», *fuzzy set*, которому может быть дано только прототипическое определение; причём, по-видимому, не один из компонентов агентивной семантики не является строго обязательным для приписывания агентивного статуса партиципанту и/или осмысления ситуации как агентивной, а «вес» отдельных семантических факторов далеко не одинаков.

РОДИТЕЛЬНЫЙ VS ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ ПРИ ИНГЕСТИВНЫХ ГЛАГОЛАХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Чуйкова Оксана Юрьевна

старший научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Ингестивные глаголы, или глаголы потребления, — группа глаголов, описывающих «ситуации поглощения агенсом объекта, выступающего в роли пациенса» [Шлуинский 2009: 30]. Ядро данной группы составляют глаголы, обозначающие ситуации поглощения пищи, то есть глаголы со значениями 'есть' и 'пить'. Как отмечено в [Næss 2009: 27], глаголы со значениями еды и питья демонстрируют ряд свойств, характерных скорее для непереходных глаголов, что может объясняться тем, что в процессе осуществления ситуаций, обозначаемых такими глаголами, изменения претерпевает не только объект, но и сам субъект действия ("affected subject"). Формально непрототипическая переходность может выражаться, например, в способности глаголов со значениями 'есть' и 'пить' к непереходным употреблением («опущение неопределенного объекта»), формальной дифференциации переходных и непереходных употреблений, а также в особенностях аргументной структуры (в частности, упоминается маркирование объектов, частично вовлеченных в ситуацию, средствами, отличными от используемых для кодирования прямого объекта). В русском языке глаголы поглощения называются в числе ограниченного круга семантических групп, для которых характерно сочетание с родительным (далее — род.) партитивным (при условии, что объект является неопределенным, но количественно ограниченным, и выражен вещественными или множественными именами). В [Chuiкова 2022] отмечается, что при глаголах ряда некульминативных способов действия доля род. падежа оказывается выше, чем при однокоренных глаголах, не относящихся к способам действия. В частности, это относится к русским делимитативным глаголам *поесть* и *попить* в сопоставлении с перфективными глаголами *съесть* и *выпить*. Следует также отметить, что по ряду признаков, перечисленных в [Норрег, Thompson 1980], глаголы *съесть* и *выпить* в русском языке являются более переходными, чем *поесть* и *попить*. Род. партитивный встречается во всех славянских языках, в которых присутствует формальное различие род. и винительного (далее — вин.) падежей, хотя и распространен в различной степени. Представляется интересным на корпусном материале рассмотреть соотношение род. и вин. падежей при глаголах, формально соответствующих русским парам глаголов *поесть* и *попить* и *съесть* и *выпить* в славянских языках с различной степенью продуктивности род. партитивного. В исследовании использованы полученные на материале НКРЯ данные для русского языка, приведенные в [Chuiкова 2022]. Для сопоставления были использованы данные корпусов славянских языков: CNC (чешский), HNK (хорватский), GRAC (украинский), NKJP (польский). Для каждого глагола была создана рандомизированная выборка объемом 1000 употреблений (для польского сбалансированного и хорватского корпусов объемом 300 млн. словоупотреблений полное количество вхождений глаголов с префиксом *po-* составляло менее 1000). Далее, методом сплошной выборки были отображены примеры употребления глаголов с вещественными и множественными объектами в форме род. и вин. падежей. При подсчете примеров не учитывались случаи неоднозначности, употребления в отрицательных контекстах и в составе устойчивых выражений. Полученные данные (см. <https://disk.yandex.ru/i/KldupDACWEQCxQ>) позволяют сделать ряд выводов и выдвинуть некоторые гипотезы. 1) Если в языке различаются пары перфективных глаголов с префиксом *po-* и семантически пустыми префиксами, при *po-*глаголах уровень употребления род. падежа статистически значимо выше. 2) При глаголах, обозначающих ситуации питья, уровень род. падежа может быть выше, чем при соответствующих глаголах еды (в русском и украинском). Возможным объяснением служит различие в структуре ситуаций еды и питья. Данный признак не является постоянным. 3) При глаголах, не способных к непереходному употреблению (русский глагол *съесть* и его когнаты), уровень род. падежа всегда низкий. 4) Особняком стоит

хорватский язык, не имеющий морфологических соответствий для глаголов *съесть* и *выпить*. В хорватском языке уровень употребления род. падежа в целом очень низкий. Ингестивные глаголы *pojesti* и *popiti* не являются исключением. При этом для *pojesti* и *popiti* исключается делимитативное значение, основным типом употребления является переходное. Таким образом, соотношение род. и вин. падежей при ингестивных глаголах в славянских языках определяется рядом факторов, таких как отнесенность глагола к способу действия, лексическая семантика глагола, степень переходности глагола и общий уровень продуктивности род. партитивного в конкретном языке.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-60006 «Прямое дополнение и аспектуальные характеристики славянского глагола».

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>. CNC — Czech National Corpus, SYN_v8. URL: <https://kontext.korpus.cz>

GRAC — General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian, v.15. URL: <http://uacorpora.org>

HNK — Hrvatski nacionalni korpus, V_30. URL: <http://filip.ffzg.hr>. NKJP — Narodowy Korpus Języka Polskiego. URL: <http://www.nkjp.pl>

Литература

Шлуинский А. Б. Бивербальные конструкции и их лексические ограничения // Татевосов С. Г. (ред.). Тубаларские этюды. М., 2009. С. 6–53.

Chuiikova O. Родительный партитивный и способы глагольного действия в русском языке (по словарным и корпусным данным) // Russian Linguistics. 2022. Vol. 46 (1): 25–54.

Hopper Paul J., Sandra A. Thompson. Transitivity in Grammar and Discourse // Language. 1980. Vol. 56 (2): 251–299.

Næss Å. How transitive are 'eat' and 'drink' verbs? // Newman J. (ed.). The Linguistics of Eating and Drinking (Typological studies in language 84). Amsterdam, Philadelphia, 2009. P. 27–44.

СКРОМНОЕ ХВАСТОВСТВО В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Юй Вэньсинь

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Доклад посвящен проблеме изучения способов выражения высокой самооценки человека на примере анализа нового явления в китайской культуре, которое можно обозначить как «скромное хвастовство». Этот феномен тесно связан с культурными ценностями, с размышлениями человека о себе и своём месте в социуме, о значимости мнения других людей для самооценки [Вежбицкая, 2001]. Актуальность изучения «скромного хвастовства» состоит в том, что этот вид высокой самооценки, широко распространённый в современном китайском интернет-сленге, представляет собой новый объект изучения коммуникативистики. «Скромное хвастовство» обозначается в китайском языке как 凡尔赛 (букв. Версаль) и употребляется для обозначения скрытого хвастовства. Эта лексическая единица вошла в десятку самых популярных выражений интернет-сленга в Китае 2020 года. Целью доклада является изучение скрытых способов выражения высокой самооценки на примере этого явления. В ходе исследования использовались методы, включающие семантический анализ, элементы компонентного анализа, вероятно-статистический анализ. Семантику «скромного хвастовства» можно описать следующим образом:

- а) субъект осознаёт свои преимущества перед другими и хочет выглядеть как можно лучше в глазах собеседника;
- б) он преувеличенно говорит о своих реальных достоинствах и заслугах, иногда даже без каких-либо фактических оснований;
- в) субъект использует скрытые средства похвалы самого себя для большей убедительности и из желания выглядеть скромным;
- г) данный речевой акт доставляет ему удовольствие и приятное чувство. При этом оценка данного речевого акта со стороны социума, как правило, отрицательная, так как, согласно этическим правилам Ю. Д. Апресяна, нехорошо преувеличивать свои достоинства [Апресян, 1995].

В результате изучения языкового материала удалось выявить следующие скрытые способы выражения высокой самооценки:

- 1) Жаловаться на что-то, чтобы похвастаться.
 - а) “老觉腰金重，慵便枕玉凉” (речи по Чжун в переводе династии Сун в него стихе «句其七» (букв. седьмое предложение). Я старею и считаю, что золотой пояс слишком тяжёлый. Сейчас я стал намного более ленивым, чем раньше, часто сплю на подушках из нефрита, и мне кажется, что подушки для меня слишком холодные.
 - б) — Я не понимаю, почему муж мне опять купил красные сумки Луи Виттон, цвет мне не подходит.
 - в) — Сегодня снова не дождался автобуса, кажется, придётся ехать на Ламборгини.
- 2) Самому ответить на свой вопрос.
 - а) — Мне 30 лет, и у меня всего лишь 500 000 юаней на вкладах в банке. — Поскольку комментарий слишком много, я не буду отвечать по каждому. Я только в прошлом месяце начал вкладывать деньги в банк. Оказывается, вы все начали копить деньги несколько лет назад.
 - б) — Кто-нибудь знает качественный ювелирный магазин? Я уже долго искала, но пока не нашла. — Спасибо за ваши советы, уже купила дорогое кольцо с бриллиантом.

3) Похвалить себя от третьего лица.

- а) — В метро меня снова спросили: «Вы артистка?». Почему меня постоянно считают артисткой?
- б) — Я только что показала дорогу американцу, который полагает, что я училась в США. Я спросила, почему он так думает. Он сказал, что из-за моего нью-йоркского произношения.

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать выводы, представляющие интерес для нашего исследования. Изученный материал демонстрирует, что выражение высокой самооценки через «скромное хвастовство» был представлен даже в древних китайских поэмах. Попытаемся ответить на вопрос, почему в последнее время он получил такое широкое распространение и популярность под названием «凡尔赛 (букв. Версаль)». Во-первых, использование сетевого сленга стало новой тенденцией в общении. Появление новых единиц сленга в интернет-общении является одним из прямых проявлений языкового развития и изменений. Эти единицы постепенно начинают использоваться людьми в повседневном общении. Во-вторых, в новой единице содержится сочетание скромности (китайская традиционная ценность) и хвастовства. В китайском языке хвастовство чаще, чем в русском, выражается с помощью косвенных средств описания. Хотя феномен «скромное хвастовство» не является абсолютно уникальным (ср. в английском языке есть выражение *humblebrag*, в русском — скромничать, напрашиваясь на комплимент), однако в китайской культуре, где одной из основных традиционных ценностей является скромность, прямое хвастовство не вызывает уважения. Косвенное выражение собственного превосходства более приемлемо в современном китайском обществе. Подводя итоги, отметим, что интернет-сленг отражает современную социальную культуру общества потребления, которое создаётся под влиянием политики реформ и открытости. С развитием экономики в Китае формируется новый образ жизни и мышления. Товары во многом становятся лишь символом причастности человека к некой общественной группе. Новый образ жизни и традиционные ценности влияют друг на друга. Человек, чувствуя превосходство над другими, нуждается в признании других людей. Но в китайской культуре скромность является одной из основных традиционных ценностей. Косвенное выражение собственного превосходства более приемлемо в китайском обществе, и не вызывает у людей сильного отвращения.

Литература

- Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. В двух томах. М., 1995.
- Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.

«МИТРИДАТ» — ПАМЯТНИК ЭПОХИ

Клубкова Татьяна Владимировна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Многотомный обзор языков мира «Mithridates, oder Allgemeine Sprachenkunde, mit dem Vater unser als Sprachprobe in beynahe fünf hundert Sprachen und Mundarten» (1806–1817) стал своеобразным итогом лингвистических исследований XVIII века. Саму идею собрать в одном труде сведения обо всех языках мира называли великой (востоковед И. Хаммер), в середине XIX века «Митридат» считали «колыбелью новой лингвистики» (Т. Бенфей). «Митридат» стоит «на границе прежней и новой лингвистики» (О. Шрадер), отделяет «период языковых коллекций от эпохи генеалогической классификации» (Р. Робинс). Но в середине XX века появились другие оценки (Амирова, Баскаков), источником которых была крайне субъективная характеристика «Митридата» в известной «Истории языковедения» (дат.1902, рус. пер.1938) младограмматика В. Томсена. Грандиозность замысла, всеохватность содержания заранее обрекали книгу на быстрое старение. Новые сведения о языках неизбежно сопоставлялись с информацией «Митридата», которая фиксировала определенный уровень знакомства с языками. И. К. Аделунг не случайно выбрал преемником именно И. С. Фатера, хотя тот и не был его учеником (по мнению О. А. Волошиной [Волошина 2014: 321]). Ученик Фр. Вольфа, знаток языков древних и новых, теолог, филолог-классик, семитолог (грамматики и хрестоматии семитских языков), Фатер занимался и общими проблемами языка, философской грамматикой. Он первым предположил фонетическое чтение египетских иероглифов, сотрудничал в «Allgemeine Literatur Zeitung» (рецензии на книги Charl Denina. La Clef des langues ou observations sur l'origine et la formation des principals langues qu'on parle et qu'on écrit en Europe; D. Jenisch. Philosophisch-kritische Vergleichung und Würdigung von vierzehn ältern und neuern Sprachen Europens; B. S. Barton. New views of the origin of the tribes and nations of America). Содержание «Митридата» во многом представляет собой реализацию программы лингвистических исследований, намеченную Х. Я. Краусом в рецензии на «Сравнительные словари» П. С. Палласа (приводится в библиографии к «Опыту всеобщей грамматики» [Versuch 1801: 283]), после смерти Крауса Фатер занял его кафедру в Кенигсберге. Идеи Крауса высоко оценил Х. Аренс По Краусу, при сравнении языков должны быть отражены три группы языковых фактов: 1) материя языка (Sprachstoff), т. е. звуки языка и значения, 2) строй языка (Sprachbau), 3) окружение языка (Sprachkreis), т. е. внешние условия функционирования языка (прежде всего географические, распределение языков на карте). При анализе материи чужого языка трудно отличить общезначимое от индивидуального; между словами двух языков нет точного соответствия в значении. Краус считал, что доказательную силу имеет только сравнение языкового строя. Также крайне важным Краус полагал изучение языкового окружения — он предложил составлять языковые карты, чтобы представлять окружение наглядно. Краус также считал, что разработка проблем сравнения должна вестись коллективом ученых. Влияние идей Крауса, заметное и в аделунговских разделах «Митридата», становится совершенно очевидным в части, подготовленной Фатером. Аделунг, обосновывая выбор текста «Отче наш» для языковых иллюстраций, приводит ряд вполне убедительных соображений в пользу связного текста. «Только вникая в связную речь, можно постичь ход и дух языка, понять его внутреннее и внешнее строение» [Adelung 1806: IX]. Текст «Отче наш» был представлен огромным количеством переводов [Adelung 1806: XVI]. В. Томсен считал, что «выбор этого текста сам по себе крайне неудачен, особенно если нужно дать картину действительно живого языка» С критикой Томсена невозможно согласиться по ряду причин:

1) у составителей «Митридата» выбора не было, так как в начале XIX века было невозможно найти другой текст, переведенный на столь большое число языков;

2) каноничность текста сама по себе ни в малейшей степени не предполагает непременно появления иноязычных заимствований — достаточно вспомнить общеизвестный старославянский текст молитвы. Во всяком случае, Фатер снимал с себя ответственность за этот выбор и признал его не самым лучшим [Adelung Vater 1809: XVII] — он был продиктован не теоретическими, а практическими соображениями. Составители осуществляли отбор текстов, отбрасывая некорректные [Adelung Vater 1809: 631–632]. Начиная со второго тома в «Митридате» появляются и другие тексты (или списки слов). Для хорошо известных языков Фатер по-прежнему ограничивается одним языковым примером, а для языков малоизвестных вводит образцы фольклора. «Митридат» — коллективный труд, в котором приняли участие Ал. и В. фон Гумбольдты, славист И. Добровский, филолог К. Г. Мурр, балтист Г. Е. Хенниг. Ошибки «Митридата» связаны прежде всего с недостоверностью источников. В качестве примера рассматривается «бухарский» (таджикский) язык. При анализе американских языков Фатер обнаружил грамматически выраженное противопоставление имен одушевленных и неодушевленных в языках тотонака, натик, наррангест, он выявил объектное спряжение в языке конго. Отмечая наличие подобных явлений в старобаскском языке, Фатер оговаривает, что «человеческий дух, который мог в одном месте найти такие формы, мог независимо и в другом месте найти их».

Литература

«Митридата», имеющая самостоятельную ценность, стала основой справочника «Litteratur der Grammatiken...» (1815).

Adelung J. Chr. Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in beynahe funfundert Sprachen und Mundarten. B. 1. Berlin. Voss, 1806.

Adelung J. Chr., Vater J. S. Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in beynahe funfundert Sprachen und Mundarten. B. 2. Berlin: Voss, 1809.

Arens H. Sprachwissenschaft: der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart, München: Alber, 1955.

Волошина О. А. «Митридат» Аделунга и теория происхождения языка. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. №3 (1): 320–326.

«СЛОЖНОСТЬ» И «ТРУДНОСТЬ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И СЛОВАРЯХ

Блинова Ольга Владимировна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Настоящий доклад подготовлен при поддержке проекта РНФ № 19-18-00525, в рамках которого создана автоматическая модель оценки сложности русских правовых текстов. В модели используются различные метрики сложности и методы машинного обучения, см. [Blinova, Tarasov: 2022]. Вслед за [Dahl: 2004] можно различать «сложность» (complexity) как некоторую объективную меру и «трудность» (difficulty) — меру субъективную. При сравнении единиц языка (слов, предложений и др.), текстов на языке, стилей и регистров как вариантов языка, а также языков в целом «сложность» может пониматься как переменная, оказывающая влияние на восприятие языковых объектов читающим, слушающим, изучающим язык и пр. (т. е. на трудность). Таким образом, «трудность» — характеристика перцептивная.

В докладе в первом приближении обсуждается бесхитростная идея, согласно которой (коль скоро «сложность» внедрена в лингвистический понятийный аппарат, а «трудность» является принятой характеристикой при представлении единиц языка, прежде всего — слов, в некоторых словарях) эти «готовые» данные о сложности и трудности можно использовать в моделях оценки сложности текстов на языке. Таким образом, автора интересует вопрос, можно ли взять, скажем, по крайней мере некоторые русские словари трудностей и использовать их данные при оценке лексической и грамматической сложности текстов (введя в модель соответствующие метрики). Для того, чтобы оценить разумность такого шага, нужно сколько-нибудь точно понимать, какие категории языковых единиц и на каких основаниях характеризуются как «сложные» и «трудные».

Доклад структурирован так. В первой части обсуждается содержание лингвистических энциклопедий и словарей лингвистических терминов авторства и под редакцией Bussmann; Collinge; Crystal; Danesi; Dearborn; Ducrot & Todorov; Hartmann & James; Hogan; Loewen & Plonsky; Luraghi & Parodi; Malmkjær; Matthews; Mesthrie; Simpson; Trask; Wilson & Keil; Ахмановой; Панова; Ярцевой. При этом рассматриваются и каталогизируются вхождения типа “complex sentence”, “complex word”, “complex verb”, “complex proposition”, “complex wave”, “complex consonant cluster”, “complex vowel system”, “сложное дополнение”, “сложный согласный” и т. д. (вне зависимости от того, находятся они в заголовке словарной статьи или в её теле). Основанием для каталогизации является прежде всего область лингвистики, где используется обсуждаемое понятие (напр., фонетика или синтаксис). Во второй части рассматриваются русские словари, в названии которых содержится эксплицитное указание на трудность содержащихся в них единиц. В отечественной лексикографической традиции такие словари относятся к ортологическим. Кратко рассматривается история вопроса (начиная со «Словаря неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи» И. И. Огиенко, 1914). Вводится классификация словарей трудностей по целевой аудитории (различаются словари для так называемых стандартных носителей и для носителей с неполной компетенцией в русском, в частности, изучающих русский как второй, детей). Среди стандартных носителей выделяются группы по профессиям и занятиям; среди них — группа, которая занимается правкой чужих текстов (редакторы), группа, которая занимается обучением языку, а также группы, которые порождают устные и письменные тексты для широкой аудитории (журналисты, политики). Основная часть доклада — анализ содержимого словарей трудностей с акцентом на «трудность» единиц текстов письменного модуса. Рассмотрены словари авторства и под редакцией Бельчикова и Панюшевой; Вербицкой; Гирич; Глинкиной; Головиной; Гольберг и Иванова; Горбачевича; Горбачевича и Качевской и др.; Добромислова и Розенталя; Ефремовой и Костомарова; Каленчук и Касаткиной; Рахмановой; Розенталя и Теленковой; Семенюк, Городецкой и др.; Суровой; Юрьевой. Сделан вывод, согласно которому авторы словарей трудностей учитывают прежде всего: единицы с вариативностью (в том числе относительно кодифицированной нормы); от-

личающиеся по значению единицы со сходствами плана выражения; редкие (низкочастотные), архаичные единицы, заимствования, термины.

В заключении приводятся предложения по доработке модели сложности с учётом полученной информации.

Литература

Blinova O., Tarasov N. A hybrid model of complexity estimation: Evidence from Russian legal texts // *Frontiers in Artificial Intelligence*. 2022. Vol. 5.

Dahl Ö. *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004.

ЭЛИЗАБЕТ ЭЛСТОБ — ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-МЕДИЕВИСТ ЕВРОПЫ

Германова Наталия Николаевна

профессор, Московский государственный лингвистический университет

Судьба Элизабет Элстоб (1683–1756), единственной женщины-медиевиста в Европе XVIII века, и ее вклад в британскую филологию являются уникальными. Ее научные интересы были нехарактерны для Великобритании того времени, когда изучение женщинами мертвых языков — даже латыни и древнегреческого — считалось занятием, неподобающим дамам. Еще менее типичным для того времени был ее интерес к древнеанглийскому языку: в Великобритании второй половины XVII — начала XVIII веков изучение англо-саксонских древностей находилось в начальном состоянии и многим представителям интеллектуальной элиты представлялось неперспективным. Характерна позиция Дж. Свифта, полагавшего, что английский язык с его германскими корнями груб и жесток, как плоды северных стран («Предложения об исправлении, улучшении и закреплении английского языка», 1712). Критическое отношение к древнеанглийскому языку и, шире, древнеанглийской культуре определяло и отношение к исследователям древнеанглийского языка: их нередко обвиняли в педантизме, буквоедстве, бесполезном копании в мертвом, никому не интересном языке. Так, в популярной в первой половине XVIII века грамматике английского языка Дж. Хикс, один из ведущих исследователей древнеанглийского языка, характеризуется как «любопытный исследователь устаревших языков, ныне вышедших из употребления и не содержащих ничего ценного» [Gildon, Brightland, 1712: A6]. Такое негативное отношение во многом объяснялось тем, что большинство британцев усматривало истоки европейской цивилизации в средиземноморской античности. Древнеанглийский период представлялся периодом варварства, когда жители Британских островов утратили культурное наследие, привнесенное на остров римскими завоевателями. Таким образом, изучение древнеанглийского наследия было в большой мере связано с проблемой культурной самоидентификации. В этом непростом культурном контексте Элизабет Элстоб решительно встала на сторону так называемых «оксфордских саксонистов» — группы ученых, занимавшихся исследованием англо-саксонского прошлого Великобритании. Она вошла в их круг благодаря брату, Уильяму Элстобу (1673—1715). Выпускник Оксфорда, У. Элстоб увлекся изучением англо-саксонских древностей и сблизился с группой филологов, объединившихся вокруг Дж. Хикса. Благодаря этим связям Элизабет Элстоб получила возможность знакомиться с древнеанглийскими рукописями и участвовать в их изучении. Важным направлением деятельности «оксфордских саксонистов» была публикация и перевод древних рукописных текстов. Включившись в эту работу, Элстоб опубликовала проповедь древнеанглийского монаха Эльфрика, написанную им на рождение Св. Григория Великого [Aelfric 1709]. Древнеанглийский текст проповеди сопровождался переводами на современный английский и латинский языки (первый был выполнен Э. Элстоб, второй — ее братом), обширными комментариями, составленными Э. Элстоб, и другими документами, полезными для интерпретации проповеди Эльфрика. В обширном предисловии к изданию Элстоб доказывала пользу изучения древнеанглийского языка и культуры для осознания британцами собственных культурно-исторических корней. Второй — и последней — публикацией Элстоб, связанной с древнеанглийским языком, стала грамматика древнеанглийского языка — первая грамматика древнеанглийского языка, написанная не на латыни, а на английском языке [Elstob 1715]. В трактатке частей речи и грамматических категорий древнеанглийского языка Элстоб придерживалась классификаций Дж. Хикса и Э. Туэйтса. Главным новшеством стало использование некоторых лингвистических терминов, заимствованных из грамматики древнеанглийского языка Эльфрика. Как и в предыдущей публикации, Элстоб предпосылает основному тексту полемическое предисловие, призванное обосновать ценность древнеанглийского языка и культуры, а также защитить от все усиливающейся критики исследователей англо-саксонских древностей, прежде всего, ее учителя Дж. Хикса. Обе публикации Элстоб соответствовали формирующимся в XVIII веке академическим стандартам и демонстрировали ее высокий профессионализм. Переводу проповеди Эльфрика предшествовала

кропотливая текстологическая работа; комментарии к обеим публикациям свидетельствовали о незаурядной эрудиции автора. Дальнейшим весьма амбициозным научным планам Э. Элстоб не было суждено осуществиться: после ранней смерти брата она покинула Лондон и некоторое время преподавала в провинциальной школе для девочек; позднее, благодаря знакомым, ей удалось получить место воспитательницы в богатой семье; в этой должности она и закончила жизнь.

Литература

Aelfric. An English-Saxon Homily on the Birth-day of St. Gregory: Anciently Used in the English-Saxon Church: Giving an Account of the Conversion of the English from Paganism to Christianity. Translated Into Modern English, with Notes. London, 1709.

Elstob E. The Rudiments of Grammar for the English-Saxon Tongue, First Given in English: With an Apology for the Study of Northern Antiquities. Being Very Useful Towards the Understanding Our Ancient English Poets, and Other Writers. London: W. Bowyer: and sold by J. Bowyer at the Rose in Ludgate-street, and C. King in Westminster-hall, 1715.

Gildon Ch., Brightland J. A Grammar of the English tongue. London, 1711.

«ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФРИКИ» КАК ФОРПОСТ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Знаешева Ирина Владимировна

издательство «БиблиоРоссика»

Отправной точкой моих рассуждений послужила история, приключившаяся некоторое время назад с моим коллегой, известным лингвистом. Он был приглашен на телевизионное шоу для разоблачения фейка о древности украинского языка. Сам подлежащий разоблачению фейк был скомпонован на основании утверждений украинского санскритолога, филолога, врача и поэта (так его рекомендуют украинские ресурсы) Василия Алексеевича Кобилюха (1935–2018). Кобилюх, уроженец Львовской области, получил медицинское образование, увлекся санскритом, в 1958 г. поступил на филологический факультет Львовского университета и написал дипломную работу на тему «Украинский язык и санскрит». Партком и местное отделение КГБ, по приведенным в украинской прессе данным, не допустили работу к защите и исключили дипломанта из университета. Это не помешало ему стать автором множества книг и статей, посвященных древности Украины и украинского языка, которые увидели свет в период независимости Украины: «Українські козацькі назви у санскриті» («Украинские казацкие названия в санскрите», 2003), «167 синонімічних назв Землі у санскриті» («167 синонимических названий Земли в санскрите», 2009), «Праукраїна і Санскрит» («Праукраина и санскрит», 2011) и др. Его идеи структурно сопоставимы с идеями любых других авторов, которые обращаются к теме установления древности своего языка, о чем замечательно написал А. Зализняк [Зализняк 2000: 41–47]. В частности, Кобилюх доказывает, что украинский язык сформировался в X–IV тыс. до н. э., и происхождение важнейших слов надо искать именно в санскрите, а не в других языках мира, которые появились существенно позже. Этимологию топонима «Украина» он возводит к санскритскому «могучая держава Солнца», связывает Украину и Атлантиду (которая, по его мнению, находится в Карпатах), говорит о вторичности египетских пирамид и т. д. [Кобилюх 2011]. От приглашения мой коллега отмахнулся, сославшись на то, что подобные нарративы — типичное лингвистическоефричество, а не фейк, и комментировать по существу здесь нечего. Этот случай так и остался бы анекдотом из современной идеологической жизни, если бы не имел освященной, не побоюсь преувеличения, веками традиции, к рассмотрению которой я хотела бы обратиться.

Отношение профессиональных лингвистов к лингвистическим фрикам или, говоря более политкорректно, любительской лингвистике, варьирует от снисходительного подтрунивания до очевидного раздражения в силу иногда псевдонаучности, а иногда и полной невежественности и ангажированности выстраиваемых рассуждений. Тем не менее явление это, хотя и получившее свой статус только с появлением профессиональной лингвистики, имеет давнюю и устойчивую традицию. Существенной его частью является не просто любознательность в отношении происхождения и значения слов, но и попытки связать возникновение своего родного языка с языком более древним, освященным длительной исторической традицией, как в рассмотренном выше примере. Некоторым образом это подводит нас к важной проблеме языка и национальной идентичности, обращение к которой лингвистов, социологов, историков и специалистов в политических науках стало возможным в рамках конструктивистского подхода в социальных науках в последней четверти XX в. [Джозеф 2005: 21]. В соответствии с ним, национальная идентичность (и язык как ее часть и «определяющая особенность» по Фихте) признается текучей и произвольной. Подобный подход противоречит существовавшему долгое время убеждению, что национальные языки — это некая изначально существующая данность, лежащая в основе национальной культуры и национального самосознания. Однако если мы обратимся к истории лингвистики, то, естественным образом, увидим, что формирование национальных языков это длительный процесс, продолжавшийся для некоторых языков в течение веков. Так, трактат Данте «О народном красноречии» (1306) предполагает само открытие

национального языка, а окончательное формирование итальянского языка как национального происходит только к XIX в.

Это противоречие между современными научными представлениями о национальной идентичности и языке особенно заметно при анализе текстов, посвященных проблеме возникновения и древности родного языка. Другая вещь, которая становится очевидной при таком анализе, — нарочитость выбора языка в качестве достойного предка, определяемая в значительной мере текущей политикой государства. Так, например, К. Невилл приводит любопытный пример такого формирования исторического нарратива: перед Улофом Рудбеком, автором XVII в., перу которого принадлежит труд о великой роли Швеции в мировой истории, стояла задача связать современных ему шведов и древние племена готов. Он приводит ряд разного рода доказательств о том, что шведско-готская культура стала основой классической античности, в том числе лингвистические. Доказывая, что одна из древних церквей в Уппсале есть не что иное, как храм Посейдона в Атлантиде, он бестрепетно связывает открытую форму храма и схожее звучание словосочетания «открытый зал» (*öppen sal*) и топонима «Уппсала» [Nevill 2019: 38].

Литература

Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 4–32.

Зализняк А. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2000.

Кобилюх В. Праукраина и санскрит. Тернополь, 2011.

Nevill K. The Art and Culture of Scandinavian Central Europe, 1550–1720. Penn State UP, 2019.

ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ МОРФОЛОГИИ НА ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ В ТРАКТОВКЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТОВ XX–XXI ВЕКА

Крылов Сергей Александрович

ведущий научный сотрудник, Института востоковедения РАН

Предмет внимания — история трактовок внутренних границ в составе морфологии (т. е. границ между главными разделами морфологии) в трудах отечественных лингвистов XX–XXI в. (о трактовках европейских лингвистов см. A. Spenser (2016), M. Haspelmath (2022) и др.). Сегодня почти общепринятой является дихотомия (Д1), подразделяющая морфологию (в широком смысле) на две главные сферы: (а) сферу образования форм одного слова (= «собственно морфологию»); и (б) сферу образования одних слов от других (= «словообразование», далее СО). Вся сфера «собственно морфологии» обыкновенно именуется термином «словоизменение» (далее СИ) или (что бывает несколько реже) термином «формообразование» (далее ФО). При этом последние два термина содержательно хотя и близки, но не вполне тождественны (ср. В. М. Живов (1990), А. А. Зализняк (1990; 1997; 2015)). Они находятся либо (I) в отношении «дополнительного распределения», либо (II) в отношении «свободного варьирования», либо (III) в отношении некоторого «смыслового противопоставления». Случай (I) реализуется в двух вариантах: (Ia) vs. (Ib). С некоторой долей условности их можно было бы назвать «московским» (Ia) и «ленинградским» (Ib). В «московском» варианте выбор делается в пользу термина «СИ» (ср. А. А. Зализняк (1967); В. А. Плотникова (1970); И. Г. Милославский (1981); А. К. Поливанова (2013)), а в «ленинградском» — в пользу термина «ФО» (ср. Р. А. Будагов (1958), Ю. С. Маслов (1975; 1987), В. Б. Касевич (1977; 2011)). Случай (II) реализуется там, где «СИ» и «ФО» трактуются как синонимичные (ср. А. И. Моисеев (1980: 97)) (по крайней мере, так сказать, «в грубом приближении»). Случай (III) менее тривиален. Он реализуется там, где между «СИ» и «ФО» проводится различие (ср. Е. С. Кубрякова (1974, 1976), А. В. Бондарко (1974, 1976, 1997), В. Б. Евтюхин (2013)) (= дихотомию Д2). Однако трактовка этого различия отнюдь не является общепринятой. Положение усугубляется недостаточной строгостью предлагавшихся этими авторами дефиниций. При этом все авторы, признающие дихотомию Д2, фактически одновременно с этим признают также и дихотомию Д1, и при этом проводят дихотомию Д2 внутри «собственно морфологии», так что в результате у них получается уже не дихотомия, а трихотомия (трёхчленное противопоставление), а именно: Т1 = «СО» vs. «ФО» vs. «СИ». Что касается дихотомии Д1, то в последние полвека многие авторы (на мой взгляд, небезосновательно) трактуют её как многофакторную (ср. S. Scalise (1988), W. Dressler (1989), F. Plank (1991, 1994), В. З. Демьянков (1994), И. А. Мельчук (1997), В. А. Плунгян (2000); Н. В. Перцов (2001)), то есть основанную одновременно сразу на нескольких дифференциальных чертах «прототипического» словоизменения в противовес «прототипическому» словообразованию. В результате практическое решение данного вопроса применительно к конкретным случаям ставится в прямую зависимость от того, какие именно критерии (из числа диагностических) трактуются как доминирующие. В связи с этим было бы любопытно выяснить, каковы были научные (= теоретические) «первоисточники» современной дихотомии (Д1 в двух вариантах: Ia, Ib) и современной трихотомии (Т1), то есть к каким более ранним теоретическим дистинкциям, разрабатывавшимся в отечественной традиции первой половины XX в. (сама дихотомия «СО» vs. «СИ» есть уже в курсе лекций «Введение в языковедение» (1876–1877 гг.) И. А. Бодуэна де Куртенэ (курс издан в 1908)), они восходят. Дихотомия Д1 в её «московском» варианте (Ia) исторически восходит к предложенной Ф. Ф. Фортунатовым (1901, 1902, 1903) дихотомии «СО» vs. «СИ» (условно обозначим её Ф1) (ср. Д. Н. Ушаков (1913, 1922, 1925, 1928), А. М. Пешковский (1914, 1920, 1924, 1928), Н. Н. Дурново (1924), М. Н. Петерсон (1923, 1925, 1929, 1930)). В отличие от нынешнего «многофакторного» противопоставления (то есть Д1), данная дихотомия (то есть Ф1) базируется лишь на одном дифференциальном признаке, а именно на признаке реляционного (то есть синтаксического) характера выражаемого значения у форм СИ, в отличие от форм СО; соответственно, формы СО определялись как формы, выражающие различия в самих предметах внеязыковой действительности. Правда,

«фортунатовцы» (= «москвичи») вполне сознавали необходимость двух важнейших уточнений к этому определению, а именно: (1) к синтаксическим формам (и тем самым к «СИ») относятся не только выражение синтаксических связей между словами, но и т.н. «формы сказуемости» (= предикативности), т. е. показатели наклонения, времени и лица; (2) к «СИ» принадлежат синтаксические формы не всех слов, а лишь т. н. «изменяемых слов»; так что суффиксы наречий (-о, -е), деепричастий и инфинитива относятся к СО. Дихотомия Д1 (в варианте Ib), по-видимому, исторически восходит к дихотомии «СО» vs. «ФО» (Л. В. Щерба (см. Л. В. Щерба (1927, 1931, 1939, 1945)) (условно Щ1), вскоре преобразованной (гл. обр. В. В. Виноградовым (см. В. В. Виноградов (1938, 1944, 1947)) в трихотомию Т1. Между тем Д1 (в варианте Ia) претерпела расщепление на «ортодоксальный» (Ia') и «ревизионистский» (Ia'') варианты. Ia' сохранил принцип приоритета критерия «причастности к синтаксису» (см. Ф1) (см. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров (1945); П. С. Кузнецов (1960); Н. А. Янко-Триницкая (1989); Т. В. Булыгина (1980)) Ia'' перевёл изменение существительных по категории числа из сферы СО в сферу СИ (ср. А. А. Реформатский (1947; 1960; 1967; 1996); А. . И. Смирницкий (1955); А. А. Зализняк (1967) и др.). Хотя ни Л. В. Щерба, ни В. В. Виноградов так и не дали точных дефиниций СО vs. ФО, но, по-видимому, ведущую роль для них играл вовсе не характер выражаемого значения (синтаксический vs. номинативный), а иной критерий: принадлежность СО к механизмам обогащения «инвентаря» (словаря, лексикона) vs. принадлежность ФО к сфере «грамматики» (т. е. правил построения речи).

ДИСКУССИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА ЧЕЛОВЕК В ЖУРНАЛЕ XIX ВЕКА «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»

Лейтуш Алина Гадельжановна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Отечественная филология во второй половине XIX века испытывает возможности сравнительно-исторического метода, при этом западные достижения в сравнительном языкознании — этой новейшей науке Европы — российскими учеными принимались с разной степенью доверия. В это же время в России появляются первые специализированные филологические издания, один из наиболее влиятельных среди них — журнал «Филологические записки» (Воронеж, 1860–1917 гг.). В журнале активно публикуются статьи по сравнительно-историческому языкознанию и этимологии. С 1874 по 1899 гг. на страницах журнала происходит дискуссия об этимологии слова человек, отражающая уровень освоения сравнительного метода авторами и их претензии на творческое обогащение мировой науки о происхождении языков. Дискуссия началась со статьи М. М. Шапиро «Новый взгляд на современную систему сравнительного языкознания», в которой автор с воодушевлением излагает идеи известной работы И. Шмидта о «теории волн» и присоединяется к его критике идей А. Шлейхера. Идеи И. Шмидта помогают автору «Записок» обосновать свой протест против поисков праязыка, праиндоевропейской теории и сравнительного языкознания в целом. Главным аргументом против индоевропейских этимологий М. М. Шапиро находит разногласие основных понятий в родственных, согласно праиндоевропейской теории, языках. «Чем объяснить ту невероятную тупость славян... что они потеряли всякую память о малейшем звуке, хоть сколько-нибудь намекающем на название человека в общеарийском первобытном праязыке?» [Шапиро 1874: 33] — с этого саркастического вопроса и начинается журнальная дискуссия. За вопросом следует полный отказ автора от санскритологических подходов к этимологии славянских корней. В 1881 г. спор продолжил И. Д. Четыркин и посредством установления созвучий и аналогий обнаружил в тождественной славянской форме человек подобие слову словак (от санскр. *сгу*). Этимология слова человек со значением «славянин» стала первым положительным решением поставленного М. М. Шапиро вопроса. Затем к дискуссии подключился И. М. Желтов, выведивший корень чел- от санскр. *каг* и греч. *χλ-ά-ω* «ломать». Желтов считал корни кл-, кол-, чл- и чел- как вариации одного общеславянского корня со значением «колоть, ломать», этимологически сближая слова колено, челюсть, челядь и человек [Желтов 1884: 23]. Так наиболее вероятным значением слова человек предлагается «членогворящий, ломающий». Самый активный участник дискуссии Н. Н. Бодров, более известный читателям журнала как апологет идеи родства семитских и индоевропейских языков, с 1883 года последовательно доказывал происхождение слова человек от др. греч. *τέλειος* и его древнее значение «резвое, юное существо». Бодров отождествлял «ч» с «т» и «ц», не обращаясь к уже существующим таблицам соответствий. Так в один ряд тождесловов Н. Н. Бодров записал хлд. *tel-na* «мальчик, юноша», сир. *tel-nta* «девица», греч. *τέλ-ειος* «возросший», евр. *tela* и санскр. *tar-na* «теленки». Ближе всех по форме к слову человек оказалось греч. *τέλ-ει-ος*: часть -ове- созвучна с греч. -ει-, а -к автор выводит из греч. -ος по аналогии с парами типа греч. *χυλλ-ός* и рус. кул-ак [Бодров 1883: 7]. Этимологическая дискуссия выходила за пределы «Филологических записок», но не прекращалась. В 1888 году появилась версия И. А. Микша о происхождении слова человек от санскр. корней *каг* и *вак* и его древнем значении «говорить, произносить слова». Автор убежден, что значение слова человек должно быть связано с мышлением. «Наше ч несомненно происходит из к, как и l из r, и мы несмотря на все остроумные догадки новограмматиков, держимся того мнения, что в правэке человечества из гласных преобладал звук *a* как самый легкий и удобный для выговора» — так И. А. Микш оправдывает переход к корням *каг* и *вак* [Микш 1888: 4]. Позднее Н. К. Рамзевич, не отходя далеко от звукоподражательного метода И. А. Микша, предложил собственный вариант этимологии, он полагал, что в словах чело, голова, человек один корень. Все эти гипотезы не отмечены в словаре М. Фасмера в этимологической статье о слове человек. Большинство из предложенных авторами идей не упоминаются

в этимологических словарях даже без указания авторства. Словарь М. Фасмера предлагает несколько объяснений происхождения слова человек, отдавая предпочтение возведению первой части слова *čelo* к др.инд. *kúlam* «стадо, множество, семья, род» и связи части *-ve* кь с лит. *vaikas* «мальчик, ребенок», лтш. *vaiks* и др.прус. *waix* «слуга». Эта версия уже была известна авторам дискуссии в «Филологических записках», но предлагаемые ими альтернативные этимологии заняли место исторической невидимки. Среди причин можно перечислить некоторые установки авторов: отрицание праиндоевропейской теории, уверенность в родстве семитской группы языков с индоевропейской, неприятие младограмматических законов, аргументация на основе созвучий и аналогий, стремление обнаружить духовную составляющую в древнем значении.

Литература

Бодров Н. Н. Слово «человек» в производствах // ФЗ. 1883. Вып. 1. С. 1–8.

Желтов И. М. Общеславянский корень кл-, кол-, чл-, чел- // ФЗ. 1884. Вып. 4/5. С. 21–24.

Мишки И. А. К вопросу о происхождении слова «человек», родственных его названий и слов, относящихся к природе человека: (Опыт этимологический) // ФЗ. 1888. Вып. 3/4. С. 1–10.

Шапиро М. М. Новый взгляд на современную систему сравнительного языкознания: *Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen*, von Iohannes Schmidt. Weimar 1872. (О родственных отношениях индогерманских языков) // ФЗ. 1874. Вып. 3/4. С. 1–37.

Я. М. РОДДЕ: БИО- И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Лукин Олег Владимирович

профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Якоб Родде (Jacob (также Jakob) Rodde, рус. Яков Матвеевич Родде, 1723(25) — 1789) — одна из интереснейших личностей XVIII столетия. В истории языкознания он известен как автор учебника русского языка для немцев «Russische Sprachlehre zum Besten der deutschen Jugend eingerichtet von Jacob Rodde, Secretair und Translateur des Magisträts in Riga» (первое издание — 1773 г., последнее, четвертое издание — 1789 г. и изданных в 1784 году «Российского лексикона по алфавиту» и «Немецко-русского словаря» («Deutsch-Russisches Wörterbuch, ausgegeben von Jacob Rodde, Secretair und Translateur eines Hochedlen Rathes der Russischkaiserlichen Stadt Riga»). Биографические сведения о нем крайне скупы и противоречивы. Противоречия эти накапливались в течение XVIII–XIX вв. и транслировались в разнообразных вариациях в более поздних исследованиях. Одним из самых первых источников является изданная в Риге «Ливонская библиотека» известного историка — исследователя Ливонии Ф. К. Гадебуша (Friedrich Konrad Gadebusch, 29.01.1719–20.06.1788). В третьем томе этого труда чуть больше страницы посвящены нашему герою. Помимо весьма скудных биографических сведений, содержащих данные о месте рождения (без даты!), учебы и года назначения на должность русским переводчиком в Риге с титулом секретаря, читатель узнает о его основных переводческих трудах и первом издании учебника русского языка. Содержащаяся в этой статье аннотация к переводу «Православного учения» иеромонаха Платона (Левшина) (29.06.1737–11.11.1812), законоучителя наследника престола, впоследствии митрополита Московского и Коломенского, содержит основные сведения об авторе этого труда. В 1831 г. вышел третий том лексикона митавского историка И. Ф. фон Рекке (Johann Friedrich von Recke, 1.08.1764–13.09.1846) и лифляндского историка и краеведа К. Э. фон Напи(е)рского (Karl Eduard von Napiersky, 21.05.1793–2.09.1864) «Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Estland und Kurland». На двух страницах этого тома содержатся основные биографические сведения о Я. М. Родде, в том числе, и выявившиеся к тому времени спорные моменты. Важно отметить, что авторы этой работы ссылаются на труды своих предшественников. Кроме вышеупомянутого Ф. К. Гадебуша это: 1) Немецко-эстонский публицист, филолог, издатель А. В. Хупель (August Wilhelm Hupel, 25.02.1737–7.02.1819). В первом томе его труда «Topographische Nachrichten von Lief- und Ehistland» содержатся сведения о К. М. Родде (Caspar Matthias Rodde), который, вероятно, был отцом Я. М. Родде и с 1720 до своей смерти в 1743 году стоял во главе церковной общины. 2) Немецкий историк, лексикограф и библиограф И. Г. Мейзель (Johann Georg Meusel, 17.03.1743–19.09.1820), автор пятнадцатитомного труда «Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller». В одиннадцатом томе этой работы, вышедшей в 1811 году, находим скупые и противоречивые биографические сведения о самом Я. М. Родде и список его переводов, учебника русского языка и словарей. 3) Российский библиограф, переводчик, редактор, лингвист и педагог Логин (Логгин) Иванович Бакмейстер (Hartwig Ludwig Christian Bacmeister, 15.03.1730–03.06.1806), издавший в 1772–1787 гг. одиннадцатитомный труд «Russische Bibliothek, zur Kenntniß des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Rußland».

В первой части третьего тома мы находим обстоятельную рецензию на «Russische Sprachlehre» Я. М. Родде на немецком языке — самую первую рецензию на эту работу. При анализе прижизненных немецкоязычных источников о Я. М. Родде бросается в глаза одна немаловажная и едва ли не загадочная деталь: все их авторы (А. В. Хупель, Л. И. Бакмейстер, Ф. К. Гадебуш), опубликовавшие свои работы в издательстве И. Ф. Харткноха (с которым Я. М. Родде был, по крайней мере, давно знаком), о самом рижском секретаре и переводчике давали крайне скупые и противоречивые сведения. Из российских источников следует отметить: 1) «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях» русского библиографа, библиофила и историка русской литературы XIX века Г. Н. Геннади (18(30).03.1826–26.02.(9.03)1880). В нем материал о Я. М. Родде также крайне скуп, противоречив и повторяет

сведения из вышеприведенных работ. 2) «Русский биографический словарь», издававшийся на средства одного из основателей и секретаря Русского исторического общества А. А. Половцова (31.05.(12.06)1832 — 24.09.(7.10)1909). Статья о Я. М. Родде содержит также ссылки на более ранние публикации. 3) Труды Санкт-Петербургского литературоведа Л. И. Сазоновой. Наибольший интерес для нашего исследования составляет то, что со ссылками на документы из Российского государственного архива древних актов в них перечислены места пребывания и должности Я. М. Родде с 22.05.1762 до 22.09.1766 г. В трудах Л. И. Сазоновой перечислены также все переводы Я. М. Родде и его основные лингвистические работы — учебник русского языка и два словаря. 4) Статьи и диссертационные исследования современных отечественных исследователей (лингвистов и педагогов) десятых–двадцатых годов текущего столетия, анализировавших учебник русского языка и словари Я. М. Родде. Это работы Санкт-Петербургских ученых С. В. Власова, С. С. Волкова, Л. В. Московкина и А. А. Ширшиковой, статьи профессора Красноярского государственного педагогического университета Т. М. Григорьевой, кандидатская диссертация и статьи ее ученицы, доцента Сибирского федерального университета Е. О. Ершовой. Список источников о Я. М. Родде, очевидно, будет расти, что, несомненно, свидетельствует об интересе современных ученых к этой незаурядной личности.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ИЗУЧЕНИИ ФАРЕРСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Пиотровский Дмитрий Дмитриевич

*доцент, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет
им. акад. И. П. Павлова*

Фарерская авторская литература сначала на датском, а потом уже и на фарерском языке начинает развиваться только в XX в. Но до этого на Фарерских островах существовала вполне сформировавшаяся традиция исполнения устных поэтических текстов — баллад. Первым, кто стал записывать фарерские народные песни, а, по существу, первым фарерским филологом, был Йенс Кристиан Свабо (1746–1824). Он получил хорошее школьное образование в Торсхавне, а в 1765 г. поступил в Копенгагенский университет. Для небогатых жителей датских колоний в то время существовала возможность по окончании университета поехать в командировку к себе на родину, составить описание соответствующей территории, и после этого получить должность на государственной службе. В 1781–82 гг. Свабо совершает поездку по Фарерским островам. Однако отчет о своей поездке им так и не был подготовлен, возможно этому помешала болезнь. Соответственно и на государственную службу он не был принят. Последние годы жизни Свабо, страдая цингой, провел в нищете. Но во время своей командировки он собрал три тетради баллад. В этих тетрадях были записаны 52 поэтических текста. В какой-то момент эти тетради считались утраченными, но благодаря усилиям Кристиана Матраса, они были опубликованы [Matras 1939]. Для записи устных текстов Свабо разработал первый вариант фарерской орфографии, построенной по фонетическому принципу. Эту орфографию использовали затем все собиратели баллад и других текстов на фарерском языке. Свабо является и первым фарерским лексикографом. Им был составлен фарерско-датско-латинский словарь. Записи Свабо не были опубликованы при его жизни, и первым печатным текстом на фарерском языке стал небольшой диалог, включенный в книгу Йоргена Ландта (1751–1804). Эта книга стала по существу тем трудом, который был заказан Свабо, но так и не был им закончен. В книге Ландта, вышедшей в 1800 г., имеется небольшой, в семь страниц, очерк о фарерском языке. Этот очерк вряд ли можно назвать лингвистическим трудом в строгом смысле этого слова. Первым таким описанием фарерского языка стало небольшое приложение к исландской грамматике знаменитого филолога Расмуса Кристиана Раска в 1811 г. Первым опубликованным литературным текстом на фарерском языке стала народная песня «Чудесная арфа», попавшая в сборник народной шведской поэзии, составленный Эриком Густавом Гейером и Арвидом Августом Афцелиусом. Следующим важным шагом в освоении фарерского устного наследия стала деятельность Ханса Кристиана Люнгбю (1782–1837). Этот человек более известен своими трудами по зоологии и ботанике, но вместе с тем ему принадлежит первая публикация баллад так называемого Сигурдовского или Нибелунговского цикла, которые представляют собой возможно лучшие образцы устной фарерской поэзии, и представляют несомненный интерес при изучении скандинавской и, шире, германской героической мифологии. Книга Люнгбю вышла в 1822 г. [Lungbye 1822]. В 1823 г. Йоханом Хенриком Шрётером (1771–1851) было издано на фарерском языке Евангелие от Матфея. Но главной фигурой ранней фарерской словесности остается несомненно Венцеслав Ульрик Хаммерсхаймб (1819–1909). Его предки происходили из Силезии, но сам Хаммерсхаймб родился на Островах, и фарерский язык был для него родным. Хаммерсхаймб получил хорошее образование и прожил долгую и сравнительно обеспеченную жизнь, занимая церковные должности сначала на Фарерских островах, а потом в Дании. Филологическое наследие Хаммерсхаймба весьма значительно. Именно он разработал новую фарерскую орфографию, которая используется до сих пор. В отличие от орфографии Свабо, Хаммерсхаймб положил в основу этимологический принцип. Фактически он приспособил для фарерского языка орфографию, принятую в Исландии. В 1851 г. выходит новое, подготовленное Хаммерсхаймбом, издание Сигурдовского цикла [Hammershaimb 1851], несколько более полное по сравнению с изданием Люнгбю. И, наконец, в 1891 г. выходит его двухтомная фарерская антология [Hammershaimb 1891]. Первый том представляет собой грамматический

очерк, по существу первую систематическую грамматику, фарерского языка, второй — фарерско-датский словарь. Именно труды Хаммерсхаймба легли в основу дальнейшего изучения устной фарерской литературы.

Литература

Hammershaimb V.U. Sjúrdar kvæði, samlede og besörgede ved V.U.Hammershaimb. København, Trykt I Brødrene Berlings Bogtrykkeri, 1851.

Hammershaimb V.U. Færøsk Anthologi. København, 1891.

Lyngbye H.Ch. Færøske Kvæder om Sigurd Fofnersbane og hans Æt. Med et Anhang. Samlede og oversatte af Hans Christian Lyngbye, Sogneprest I Gjesing. Udgivne ved kgl. allernaadigst Understøttelse. Randers, 1822.

Matras Chr. Svabos Færøske Visehaandskrifter. Udgivne for Samfund til af Gammel Nordisk Litteratur ved Chr. Matras. København, 1939.

ОБ ИЕРАРХИИ ИСТОЧНИКОВ «РИТОРИКИ» ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

ON A HIERARCHY OF SOURCES IN FEOFAN PROKOPOVICH'S "RHETORIC"

Сенецкая Лариса Борисовна

доцент, Мурманский государственный технический университет

Маркасова Елена Валерьевна

доцент, Пекинский университет иностранных языков

Риторика Феофана Прокоповича («Об искусстве риторическом десять книг для просвещения российского юношества, оба вида красноречия изучающего на благо веры и отечества, преподобным отцом Феофаном Прокоповичем преподанные в Киеве, в знаменитой православной Академии Могилянской в год 1706») — уникальный памятник лингвистической мысли XVII века. Исследователи обычно пользуются научным изданием латинского текста «*De arte rhetorica libri*» X. Kijoviae, 1982 года, подготовленным Р. Лахман. На украинском языке «Риторика» была опубликована в 1979 году (переводчики Ю. Ф. Мушак, В. П. Маслюк, И. В. Паславский, С. Я. Войтович, П. П. Венгловский) [Феофан Прокопович 1979; Симчич 2012: 147–148]. В 2020 году был издан русский перевод «Риторики», выполненный в 1960-е годы филологом-классиком Г. А. Стратановским (1901–1986), переводчиком и комментатором «Поэтики» Феофана Прокоповича (1961). [Феофан Прокопович 2020: 8–10].

Комментирование текста русского перевода заставило нас обратить внимание на количественные и качественные параметры распределения цитат из разных авторов по десяти книгам «Риторики». Для Феофана Прокоповича характерно сочетание двух типов примеров в каждом разделе (из светских и из церковных авторов). Позже идея «братства по риторству, а не по священству», то есть идея общности принципов публичного выступления нашла отражение в «Кратком изъявлении великаго слова тако церковнаго, яко гражданскаго» Георгия Данииловскаго и рассуждениях А. П. Сумарокова). [Феофан Прокопович 2020: 7].

3. В «Риторике» существует иерархия авторов и источников, которыми Феофан Прокопович пользуется в процессе написания каждой книги. Автор подчеркивает превосходство лучших ораторов: это Цицерон (светское красноречие, идеал служения Родине) и Иоанн Златоуст (церковное красноречие, идеал служения Церкви). В основном тексте Цицерон упоминается около 160 раз (из них в Книге I около 40 раз), Иоанн Златоуст — около 70. Наиболее насыщенной цитатами и упоминаниями классиков риторической мысли является Книга I («Общие наставления»), в которой говорится о целях и задачах «Риторики». Эта книга является расширенным вариантом предисловия, поэтому именно в ней автор, подобно современным исследователям, вводит читателя в научный контекст. Основными авторами являются Цицерон, Златоуст и Квинтиллиан. При этом ни в одной другой книге «Риторики» нет такой плотности упоминания имен.

4. Цицерон цитируется чаще других в книгах III-V, VII, XVIII (более восьмидесяти текстов), причем в Книге VII («О судебном и совещательном родах красноречия») является единственным главным авторитетом. Исключительный интерес представляет глава VI («О способах написания истории и о письмах»), в которой основным цитируемым автором является Лукиан Самосатский, а дополнительными — Плутарх, Саллюстий, Квинт Курций. Вполне предсказуемым было первенство Златоуста в Книге IX («Особая, о духовном красноречии») и Квинтиллиана в Книге X («О памяти и произнесении»).

5. Смысл деятельности оратора — убеждение словом, а степень совершенства определяется соответствием речи жанру и ожиданиям аудитории. Чрезвычайная зависимость оратора от страстей не является достоинством, так как склонение аудитории к определенному мнению должно опираться не на возбуждение публики, а на содержание речи, то есть иметь рациональные основания. Поскольку отсылка к авторитету и приведение примеров является одной из форм воздействия, важно понять систему работы Феофана Прокоповича с источниками.

б. «Представляется целесообразным различать, с одной стороны, источники для Прокоповича «первичные», которые он привлекал непосредственно (такими источниками для него могла быть литература XVI–XVII вв.), а с другой — источники для него «вторичные» — это тексты, которыми он пользовался опосредованно (и такими источниками могли быть некоторые памятники античной литературы, на которые Прокопович ссылается)» [Суториус 2021: 461]. Абсолютно достоверно выявить все цитаты в тексте невозможно, а предполагать, что Прокопович читал всех процитированных авторов, бессмысленно, но на основе наших наблюдений можно предположить, какой авторитетный источник был базовым для каждой из десяти книг «Риторики».

Литература

- Симчич М. Перекладачі-першопрохідці: Києво-могилянські філософські курси в перекладах 1960–70-х років // *Sententiae*, 2012, № 2 (XXVII). С. 146–162.
- Суториус К. В. Проблемы издания и датировки курса «риторики» Феофана Прокоповича: к публикации русского перевода // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*, vol. 10, no. 1, 2021, pp. 457–473.
- Феофан Прокопович. Філософські твори в трьох томах. Переклад з лат. Т. 1. Про риторичне мистецтво...; Різні сентенції / под ред. М. Д. Рогович, В. М. Нічик. Київ, 1979.
- Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М.; СПб., 2020.

«АЛФАВИТ 12 ЯЗЫКОВ» (1538) ГИЙОМА ПОСТЕЛЯ — ПЕРВЫЙ СПРАВОЧНИК О ЯЗЫКАХ МИРА: ЗАДАЧИ, ФОРМА, ИСТОЧНИКИ

Сергеев Михаил Львович

научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники РАН;
Российская национальная библиотека

«Linguarum duodecim characteribus differentium alphabetum» (1538), первая печатная работа французского лингвиста, религиоведа и космографа, впоследствии профессора математики и восточных языков в Королевском коллегииуме Гийома Постеля (1510–1581), стала одновременно первой самостоятельной публикацией в жанре книг-полиглотов, посвященных многообразию языков мира и включающих различные образцы этих языков [ср. Law 2003: 218–223; Swiggers 1997: 139–140]. Этот жанр отразил характерное для эпохи стремление справиться с «информационной перегрузкой» и использовал новейшие возможности книгопечатания для представления сведений об истории и грамматике языков мира и графического облика различных письменностей. «Алфавит 12 языков» оказал существенное влияние на замысел и содержание наиболее известной книги-полиглота XVI в., — «Митридата» (1555) К. Гесснера, переизданного с дополнениями в 1591 и 1610 гг. и давшего название труду И. К. Аделунга. Тем более важным представляется изучение источников и принципов описания языков, использованных Постелем в «Алфавите», равно как задач и характера сочинения в целом.

«Алфавит» был написан Постелем сразу после возвращения из путешествия на Ближний Восток, где он занимался географическими и этнографическими исследованиями, попутно изучая местные языки и собирая рукописи [см. Wilkinson 2007: 97–105]. Постель упоминает о работе над книгами о древнееврейском и родстве языков, арабской грамматикой, космографией и описанием восточных народов: ссылки на них в паратекстах и главах справочника позволяют предположить, что какие-то фрагменты этих сочинений или материалы, не вошедшие в их текст, и стали основой «Алфавита». Кроме того, Постель сообщает о своих познаниях в языках, описанных в справочнике, и отмечает, что посвятил изрядный труд изучению латинской, греческой, еврейской, арабской и халдейской словесности. Впечатление о том, что «Алфавит» создавался в каком-то смысле «на полях» других работ автора, подкрепляет сообщение его приятеля Михаила Скутария о том, что именно он побудил Постеля, полностью погруженного в арабистику, «опубликовать и другие формы письма, которые ему удалось раздобыть» [Postel 1538: A4b].

Что же составило эту «смесь»? Помимо изображений «письменных знаков» восточноевропейских и ближневосточных языков, появление которых в публикации было новым явлением для Европы того времени, статьи справочника содержат фрагментарные сообщения о грамматике некоторых языков, а также сведения о религии, исповедуемой их носителями. Приводя изображения алфавитов, Постель старается сообщить о принципах чтения, которые могли быть тесно связаны с грамматической характеристикой слов. Тексты в оригинальной графике снабжаются не только подстрочным переводом, но и транскрипцией: в ней они заимствуются в более поздние книги-полиглоты.

Также в качестве «образцов» в «Алфавите» даны религиозные тексты: молитва Отче наш, песнь Захарии, песнь Симеона Богоприимца. Описанные в главах справочника языки интересуют Постеля прежде всего как языки библейского текста и языки христианских общин Востока, поэтому специальное внимание в них уделено соотношению языка богослужения и народного языка, противоречиям между христианскими церквями, различным ересям и т. д. Приводимые сведения и языковой материал Постель использует для аргументации лингвистических гипотез. Например, на основании текста изданных Иоганном Поткеном Псалмов и Песни песней он отвергает отождествление «индийского» с «халдейским» [ср. Сергеев 2018: 22–23] и посвящает «индийскому» (то есть эфиопскому) отдельную главу справочника.

Необходимость упорядочить собранный графический материал требовала от Постеля представить некую классификацию алфавитов: в ней оказались переплетены история письма

и история языков. Так, например, помещая первым еврейский, а следом за ним — алфавиты других семитских языков, Постель ссылается на их лингвистическое сходство и родство. Но, располагая после греческого алфавита письменность иаковитов (сирийских монофизитов), кириллицу, а затем уже латинский алфавит, он ориентируется в первую очередь на историю появления письменностей.

Смешанный и фрагментарный характер сведений, опубликованных в «Алфавите 12 языков», побуждает авторов предисловий (Постеля и Скутария) достаточно неопределенно высказываться о содержании и задачах справочника. Так, Постель говорит о нем как о “*variarum multarumque linguarum elementa*” [Postel 1538: A2a], что может быть понято и как «алфавиты», и как «начатки различных языков» (скорее всего подразумеваются оба смысла). Содержательная и формальная разнородность, отсутствие определенного канона, характерные для первых книг-полиглотов, проистекали, с одной стороны, из новизны жанра и тематики, а с другой — из неинституционализированности лингвистических занятий. Объединенные преимущественно объектом описания («различные языки») и преемственностью текстов книги-полиглота предоставляли ученым XVI в. полезный источник информации и, вместе с тем, открытую форму, способную воспринять новые сведения о языках, расставить новые акценты в их описании и в систематизации материала. Сергеев М. Л. Сопоставление языков в XVI веке (на примере «Митридата» (1555) Конрада Гесснера): дис. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2018.

Литература

Law V. The history of linguistics in Europe: From Plato to 1600. Cambridge, 2003.

Postel G. Linguarum duodecim characteribus differentium alphabetum. Parisiis, 1538.

Swiggers P. Histoire de la pensée linguistique: Analyse du langage et réflexion linguistique dans la culture occidentale, de l'Antiquité au XIXe siècle. Paris, 1997.

Wilkinson R. J. Orientalism, Aramaic and Cabbalah in the Catholic Reformation: The First Printing of the Syriac New Testament. Leiden; Boston, 2008.

ОРФОЭПИЯ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕРБИЦКОЙ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

PRONUNCIATION VARIANTS IN PROFESSIONAL LANGUAGE: MYTHS AND REALITY

Каленчук Мария Леонидовна

заведующий отделом, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Одной из ярких особенностей звучащей речи, используемой в узком профессиональном кругу, является особое место ударения, отличное от нормативного: *а́лкоголь*, *астро́ном*, *ато́мный*, *до́быча*, *искра́*, *компа́с*, *наркоманья́*, *осу́женный*, *при́говор*, *ша́сси* (нормативное *алкого́ль*, *астроно́м*, *а́томный*, *и́скра*, *ко́мпас*, *наркомания́*, *осужде́нный*, *пригово́р*, *шасси́*) и мн. др. Анализ различных произносительных словарей показывает противоречивость информации, приписываемой профессиональным произносительным вариантам. Как известно, под профессиональными вариантами ударения понимаются такие произношения, особое ударение в которых принято только в узкопрофессиональной среде, в любой другой обстановке оно воспринимается как ошибка. Подобные акцентологические варианты не являются нормативными, они по сути дела относятся к профессиональному сленгу. Но современный словарь ударений должен фиксировать подобные факты и давать им оценку. И тут возникает определенная проблема: массив примеров, традиционно относимых словарями к профессиональным, состоит из двух совершенно разных групп. Одна из них действительно относится к сленгу как профессионально ограниченному способу звукового оформления общенародных слов. В таких случаях особый код, используемый людьми одной специальности, является своеобразным сигналом узнавания «своего». Так, например, медики произносят *а́лкоголь*, *манья́*, *фобья́* и др., шахтеры *ру́дник*, *до́быча*, физики *ато́м*, *ато́мный* вес, астрономы называют себя *астро́номами*. Но под определение профессиональное попадают и те случаи, которые не относятся к речи людей, объединенных общностью профессии, а являются просторечными вариантами, свидетельствующими о недостаточном культурном уровне говорящего. Так, например, словоформа *блюда́* (нормативное *блюдо́*), трактуемая в некоторых словарях как вариант, свойственный профессиональному общению поваров, официантов и др. или вариант *ма́льчиковый*, рассматриваемый некоторыми авторами как профессиональный вариант в речи продавцов. Если использование профессиональных вариантов связано с потребностью подчеркнуть принадлежность к определенной социально ограниченной группе людей, то появление просторечных акцентологических вариантов указывает на низкий культурно-образовательный уровень человека. А можно ли разработать процедуру, позволяющую определить, является ли тот или иной акцентологический ненормативный вариант действительно профессиональным или просторечным? Как кажется, алгоритм должен быть следующим: если функционирование определенного варианта ограничено общением людей одной специальности и не используется за пределами этого круга людей, то это профессионализм. Так, например, *наркоманья́* и *клаустрофобья́* не говорят не медики. А вот произношение *скоростя́*, *шофера́*, которые приписывают речи автолюбителей, употребляют недостаточно образованные люди разных специальностей, следовательно, это не профессиональные варианты, а просторечные, нелитературные. В некоторых случаях пометой профессиональное отмечают слова, уже давно функционирующие как общенародные и, возможно, никогда и не имевшие социальной ограниченности в употреблении. Рассмотрим эту проблему на конкретном примере. Различные произносительные словари, распределяя ак-

центные варианты *характёрный* — *харáктерный*, указывают, что первый вариант нормативный, а второй относится к профессиональному общению деятелей театра. Но современные словари квалифицируют соотношение между *характёрный* — *харáктерный* по-другому. В некоторых случаях лексикографы не видят «привязанности» одного из вариантов к профессионально ограниченной речи, считают, что оба акцентных варианта синонимичны. *Харáктерные* и *характёрные* роли — типические роли людей, принадлежащих к определенной среде. В других лексикографических изданиях произношение *харáктерный* в указанном значении вообще не фиксируется: *характёрный* — отмеченный ярко выраженным социальным, бытовым, внешним своеобразием. *Характёрные* роли. *Характёрный* актер (исполняющий такие роли). Отдельные лексикографы разделяют слова *характёрный* и *харáктерный*, показывая, что они отличаются не только местом ударения, но и значением, то есть являются омографами. *Характёрный* — 1. обладающий ярко выраженными своеобразными чертами. 2. Типичный, свойственный кому-либо, чему-либо. *Харáктерный* — в сценическом искусстве: свойственный определенному народу, эпохе, общественной среде; выражающий определенный психологический тип. Анализ вышеприведенной информации позволяет высказать весьма неожиданное предположение. Авторы многих словарей смешивают варианты ударения, свойственные речи профессионально ограниченной части социума со словами, тематически привязанными к определенной жизненной, в том числе профессиональной сфере. Указание на то, что ударение *харáктерный* имеет отношение к сценическому искусству не означает, что так произносят только деятели театра!

Суммируя все сказанное выше о профессиональных вариантах ударения, необходимо заметить, что отсутствие системных научных исследований о вариантах ударения, используемых в узком профессиональном кругу, порождает большое количество «мифов» и ошибочных трактовок при попытках лексикографов описать этот участок акцентологической системы. Необходимы представительные социолингвистические эксперименты, что позволит не только выявить реально функционирующие в живой речи профессиональные варианты, но и отделить их от других языковых явлений. Результаты подобных исследований несомненно приведут к резкому уменьшению в словарях вариантов с пометой профессиональное, а количество запретительных помет увеличится за счет маркирования просторечных и устаревших вариантов.

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ГЛАСНЫХ В НЕМЕЦКИХ УЧЕБНИКАХ ПО ГРАММАТИКЕ И СТИЛИСТИКЕ XVIII ВЕКА

VOWELS AS DESCRIBED IN GERMAN EIGHTEENTH-CENTURY MANUALS OF GRAMMAR AND STYLISTICS

Филиппов Андрей Константинович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Филиппов Константин Анатольевич

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Научное наследие Л. А. Вербицкой выходит далеко за рамки изучения феноменов русского языка. Её общенаучные взгляды применимы к исследованию языковых явлений на материале разных языков в разные периоды их развития. В данном конкретном случае мы говорим о таком частном явлении теории немецкой фонетики, как описание немецких гласных в учебниках немецкого языка эпохи Просвещения. Ср.: «При изучении языка лингвист неминуемо сталкивается с двумя видами явлений, имеющих одинаково важное значение. Это, во-первых, свойства данного языка как системы (внутренние свойства); во-вторых, социолингвистические и психолингвистические факторы, связанные с функционированием данного языка в определенном языковом коллективе в определенный период времени (внешние факторы). Строгое и последовательное противопоставление внутренних и внешних факторов едва ли возможно ввиду тесной связи и взаимообусловленности их в жизни языка» [Вербицкая 2002: 118]. Одним из непререкаемых постулатов общей фонетики выступает признание гласных фонем в качестве вершины слога. Это мнение разделяют как отечественные, так и зарубежные ученые; ср.: «Наиболее общим для разных языков признаком, различающим гласные и согласные, является их роль в слогаобразовании: гласные образуют вершину слога, согласные — сопутствующие элементы» [Бондарко, Вербицкая, Гордина 2004: 23]. Соответственно, «слогом называется сочетание гласного с одним или несколькими согласными, которое составляет определенную звуковую единицу; слог может состоять и из одного гласного [Там же: 103]. Ср. также: «Структура слов языка основывается прежде всего на изучении структуры слога. Слог состоит из обязательного ядра слога и слоговой границы (обычно необязательной). Ядро слога обычно состоит из гласного. Это может быть любой тип гласного, который встречается как фонологическая категория в рассматриваемом языке. Граница слога обычно состоит из одного или нескольких согласных, предшествующих и/или следующих за ядром слога [Ternes 1987: 170–171]. Материалом настоящего исследования послужили учебники по грамматике и стилистике немецкого языка двух наиболее известных ученых-просветителей в Германии XVIII века — И. Хр. Готшеда (*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*, 1748; *Versuch einer Critischen Dichtkunst*, 2. Aufl. 1737.) и И. Хр. Аделунга (*Deutsche Sprachlehre*, 1781; *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache*, 1782; *Über den deutschen Styl*, 1785). Цель настоящего исследования — выявить некоторые особенности описания гласных фонем немецкого языка в интерпретации двух выдающихся филологов XVIII века И. Хр. Готшеда и И. Хр. Аделунга. В качестве примера разного подхода к описанию гласных мы выбрали фрагмент, касающийся правил произнесения гласных в суффиксальных морфемах *-bar*, *-haft*, *-heit*, *-keit*, *-lein*, *-lich*, *-nis*, *-sal*, *-sam*, *-schaft* и пр., занимающих финальную позицию в слове. Так, Готшед различает следующие случаи:

а) в двухсложных словах после первого долгого слога (*nach einer langen Sylbe*) используется краткий гласный (*sind sie kurz*);

б) в многосложных словах после краткого слога (*nach einer kurzen Sylbe*) может использоваться долгий гласный (*können sie lang werden*);

в) но, по мнению Готшеда, этот гласный может быть также кратким, так как в дактилических стихах они могут оставаться краткими (*Ich sage, sie können lang werden; denn in daktylischen Versen können sie auch hier kurz bleiben*) [Gottsched 1748: 477].

Напротив, Аделунг предлагает свою трактовку произнесения этих суффиксальных морфем. При их фонетической характеристике ученый предпочитает оперировать тональными признаками: а) в производных словах, состоящих из корневых морфем, суффиксы -bar, -chen, -haft, -heit, -keit, -lein, -ley, -niß, -sal, -sam, -schaft, -thum получают побочное ударение (einen halben Ton), особенно заметное в финальной позиции в слове; ср.: ó ffenbá r, ó ffenbá ren, tä ndelhá ft, Bedrä ngní sse, A'' lterthü mer, Trü bfá le. В то же самое время суффиксы -lich, -sel, -zig, -ßig остаются без ударения (tonlos). В этом ряду особое внимание Аделунг уделяет суффиксу -lich, получающему побочное ударение (einen halben Ton) в тех случаях, когда главное ударение падает на четвертый слог с конца слова (wenn der Hauptton auf der vierten Sylbe vom Ende liegt), так как, по его мнению, расположение трех безударных слогов подряд противоречит природе немецкого языка (wenn drey tonlose Sylben hinter einander wider die Natur der Deutschen Sprache seyn würden); ср.: verä nderlí che, vä terlí che, lä cherlí che [Adelung 1781: 73–74]. Приведенные примеры демонстрируют разницу между подходами двух представителей немецкого Просвещения к описанию гласных фонем немецкого языка. Они оба фокусируют внимание на особенностях произношения гласных звуков в зависимости от количества слогов в слове, однако Готшед обращает первоочередное внимание на длительность гласного, в то время как Аделунг делает акцент на морфемной структуре слова и на месте ударения в нем. В данном случае мы наблюдаем столкновение фонетических явлений, свойственных также для современного немецкого языка. Так, Л. Р. Зиндер определяет немецкое словесное ударение как музыкально-динамическое, но в то же время указывает, что известную роль в нем играет также квантитативный компонент (см. [Зиндер 1997: 151]).

Литература

- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики: учеб. пособие. 4-е изд. СПб.; М., 2004.
- Вербицкая Л. А. Языковая норма: реальность или вымысел? // Проблемы и методы экспериментально-фонетических явлений. К 70-летию профессора кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Л. В. Бондарко / отв. ред. Н. В. Вольская, Н. Д. Светозарова. СПб., 2002.
- Зиндер Л. Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка: учеб. пособие. СПб., 1997.
- Ternes E. Einführung in die Phonologie. Darmstadt, 1987.

ВАРИАНТЫ РУССКОГО УДАРЕНИЯ: КОДИФИКАЦИЯ И УЗУС

VARIANTS OF STRESS IN RUSSIAN LANGUAGE: CODIFICATION AND USAGE

Антонова Ольга Валентиновна

научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Нередки случаи, когда акцентологические рекомендации словарей резко расходятся с произношением, принятым в узусе наших современников, говорящих на литературном языке; при этом частотные варианты ударения могут иметь даже запретительные пометы. Речь идет как о собственно орфоэпических, так и иных, к примеру толковых; как подготовленных к выпуску под эгидой Российской академии наук, так и не имеющих грифа РАН; как относящихся к последнему десятилетию, так и изданных ранее. С другой стороны, возможна и обратная картина: словари не содержат сведений об устарелых вариантах, которые сохранились (в основном благодаря знанию текстов классической русской литературы) в речи образованных людей, и в качестве рекомендованного выступает произношение, противоречащее примерам из классической поэзии. Такие расхождения многочисленны, а именно:

а) словарная рекомендация противоречит узусу говорящих на литературном языке;

б) словарь не содержит достаточных сведений относительно вариантов, не принятых в современном литературном произношении, но присутствующих в словах и словоформах, входящих в корпус текстов русской литературы XVIII — нач. XX века, широко известных читателю и зачастую попадающих в поле зрения учащихся средней и высшей школы (примечательно, что некоторые такие формы могут и вовсе отсутствовать в специализированных словарях);

в) один из частотных вариантов может быть не отражен в словарях вследствие тех или иных причин (к примеру, акцентуация какой-либо лексемы в одном из значений прочно вошла в специализированный узус (профессиональное арго), однако будто бы «по традиции» продолжает игнорироваться словарями, не только собственно орфоэпическими, но и толковыми и проч.; в некоторых таких случаях имеются и запретительные пометы). Необходимо учитывать, что другой стороной отмеченного несоответствия (которое, увы, мы не будем подробно обсуждать в рамках настоящей работы, однако обязаны назвать) является расхождение лексикографических рекомендаций разных академических словарей между собой. Это противоречие крайне важно, т. к. приводит к следующей проблеме, которую невозможно игнорировать, а именно к проблеме верификации результатов различных экзаменов, содержащих задания из области орфоэпии (в том числе ЕГЭ и ОГЭ). При этом следует помнить, что для современных лексикографов, как и для их предшественников, зачастую крайне важным оказывается следование русской лексикографической традиции в целом, склонной к сознательному сдерживанию, ограничению вливания в словари новых нормативных вариантов. Таким образом, при устранении указанных противоречий необходимо учитывать два вида расхождений: а) расхождения в орфоэпических рекомендациях в различных словарях; б) расхождение словарной информации с узусом говорящих на литературном языке. Итак, представляется важным:

1) устранить противоречия между нормативными рекомендациями специальных орфоэпических словарей и узусом говорящих, владеющих нормами русского литературного произношения; на это направлен ряд публикаций последнего времени, см. [Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017; Антонова 2021; Каленчук, Савинов (ред.) 2021].

2) скорректировать орфоэпические рекомендации в словарях, дополнив их сведениями относительно вариантов, не принятых в современном литературном произношении, но присутствующих в текстах русской литературы XVIII–XX вв., широко известных читателям (так как очевидно, что некоторые подобные тексты могут оказывать бо́льшее влияние на орфоэпическую норму, чем прочие — таковы, к примеру, тексты А. С. Пушкина); также нельзя отрицать: пусть основная задача современного орфоэпического словаря — отражение современной нормы, но наличие исторического комментария с определением статуса каждого акцентного варианта следует считать скорее плюсом, нежели минусом; так как чем больше будет словарей,

включающих исторический комментарий, тем осознаннее будут орфоэпические решения, принимаемые читателями.

3) отразить в словарях широко распространенные в узусе (к примеру, в профессиональной речи) орфоэпические варианты, по каким-либо причинам до сих пор не попавшие в поле зрения лексикографов. При этом необходимо иметь в виду, что зачастую решение для каждой лексемы (а порой и для каждой словоформы) следует принимать с учетом индивидуальных научных изысканий.

4) объединить с помощью современных цифровых баз данных информацию, содержащуюся как в чисто синхронных словарях, так и отраженную в трудах, имеющих исторический комментарий (при этом необходимо отметить, что, наряду со словарями под редакцией Н. А. Еськовой, включающих подобные сведения, в настоящее время в ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН готовится к выпуску акцентологический словарь, содержащий как данные о новейших языковых тенденциях, так и развернутые исторические комментарии с примерами из художественной литературы). Подобный комплексный подход поможет создать более глубокое представление о процессах, происходящих в орфоэпии, и послужит источником сведений для новых фонетических исследований.

Литература

- Антонова О. В.* Варианты акцентуации непроемных имен существительных ж. р. с основой на -а (-я) // *Норма произношения в узусе и кодификации* / отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М., 2021. С. 26–57.
- Еськова Н. А.* (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова; под ред. Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М., 2015.
- Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С.* Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // *Русский язык в научном освещении*, № 2 (34). М., 2017. С. 9–28.
- Каленчук М. Л., Савинов Д. М.* (ред.). *Норма произношения в узусе и кодификации: Монография* / под ред. д. ф. н. проф. М. Л. Каленчук, д. ф. н. проф. Д. М. Савинова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021.

ВАРИАТИВНОСТЬ УДАРЕНИЯ В ФОРМАХ СЛОВ «БАНТ», «ТОРТ» И «ШАРФ»

STRESS VARIATION IN THE FORMS OF THE RUSSIAN WORDS BANT 'BOW KNOT', TORT 'CAKE', ŠARF 'SCARF', ETC.

Коробейникова Татьяна Николаевна

научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Слова бант, шарф и торт — относительно поздние заимствования из немецкого языка. При этом, согласно словарю Фасмера, торт — прямое заимствование, бант и шарф пришли в русский язык через польский [Фасмер 2007]. А. А. Зализняк, анализируя односложные имена существительные мужского рода, приводит слова торт, бант и шарф в сравнительно небольшом списке лексем, которые относятся к акцентному типу а, то есть сохраняют ударение на основе во всех формах единственного и множественного числа, и при этом отмечает, что данные слова имеют особенности, располагающие их к переносу ударения на окончание во всех формах, то есть переходу в тип b: 1) обозначают конкретные предметы; 2) употребительны в разговорной речи; 3) (для слов бант и торт) оканчиваются на невзрывной согласный + т. Кроме того, А. А. Зализняк справедливо отмечает, что в разговорной речи и просторечии во множественном числе у данных слов встречается флексийное ударение [Зализняк 2002: 501–502]. Попробуем выяснить, насколько распространено произношение форм слов бант, шарф и торт с флексийным ударением и пора ли пересмотреть произносительные рекомендации для этих слов. А. А. Зализняк, анализируя литературное произношение, опирался на данные словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова и толковых словарей под редакцией Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова. Современные орфоэпические словари также рекомендуют во всех трех словах наосновное ударение [БОС 2012, ОС 2014]. Вслед за академическими словарями данные слова с наосновным ударением дают и школьные орфоэпические словари. Например, словарь Т. Байковой «Словарь ударений. Как правильно произносить слова?». В орфоэпических словариках школьных учебников даются словоформы банты, торты, шарфы. Можно предположить, что при столь пристальном внимании к акцентуации данных словоформ школьники будут ставить в них ударение в соответствии со словарными рекомендациями. Но результаты Всероссийского Тестирования по культуре речи показали, что это не совсем справедливо. Данное тестирование проводится «Федеральным институтом родных языков народов Российской Федерации» ежегодно и направлено на оценку уровня освоения школьниками и педагогами норм современного русского литературного языка. В 2021 году в нем приняло участие 77116 человек, в 2022 — 35 750 человек из всех регионов России. Тестирование проводится онлайн и представляет собой перечень вопросов с множественным выбором ответов. Формы слов бант, торт, шарф были даны в заданиях Тестирования для обучающихся 1–4 классов. Варианты ответов с наосновным ударением выбрало следующее количество участников: банты — 68 %, торты — 86 %, шарфы — 51,8 %, шарфом — 84 %. Словоформа банты также встретилась в тесте для обучающихся 5–9-х классов. Ответ банты дали 79 % респондентов. Результаты Тестирования показывают существенные колебания в постановке ударения в формах банты и шарфы. Но, очевидно, что школьники из всех регионов страны не могут быть репрезентативной группой для принятия кодификационного решения. Приведем результаты эксперимента, в котором участвовали москвичи-носители русского литературного языка во втором-третьем поколении, имеющие высшее или неполное высшее образование, не имеющие диалектных и просторечных следов в произношении, то есть респонденты, ответы которых считаются значимыми при выработке произносительных рекомендаций [Каленчук 2021: 22–23]: Формы ед. ч.: шарфа (90 % — старшая группа (от 60 лет), 90 % — средняя (от 30 лет), 100 % — младшая); торта (100 % — ст., 100 % — ср., 80 % — мл.); банта (90 % — ст., 100 % — ср., 80 % — мл.). Формы мн. ч.: торты (80 % — ст., 100 % — ср., 90 % — мл.), банты (40 % — ст., 100 % — ср., 80 % — мл.), бантам (60 % — ст., 100 % — ср., 60 % — мл.).

Эксперимент показал, что существенное количество ответов с флексийным ударением отмечено лишь в формах банты и бантам у респондентов старшей возрастной группы. Вариант бантам отмечен и в 40 % ответов в младшей возрастной группе. С этой и других нечастотных форм косвенных падежей, вероятно, и начинается расшатывание нормы. Формы множественного числа слова шарф, к сожалению, не вошли в эксперимент. Показательно, что результаты младших школьников коррелируют с результатами респондентов старшей возрастной группы. Можно предположить, что старшие школьники и студенты, представлявшие младшую группу в эксперименте, ориентировались на то, «как правильно по словарю», а младшие школьники и информанты старшей возрастной группы, вероятно, чаще выбирали распространенный в устной речи вариант. Таким образом, формы с флексийным ударением всех трех слов продолжают бытовать в сфере разговорной речи, формы с наосновным ударением сохраняют статус кодифицированных вариантов.

Литература

- БОС 2012 — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2012.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 2002.
- Каленчук М. Л. Узуальные и кодифицированные произносительные нормы // Норма произношения в узусе и кодификации / отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М., 2021. С. 4–25.
- ОС 2014 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов / под ред. Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М., 2014.

ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ КРАТКИХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ПРИСТАВКОЙ НЕ-

CERTAIN PECULIARITIES OF THE ACCENTUATION OF SHORT ADJECTIVES WITH THE NE- PREFIX

Корпечкова Елена Владимировна

научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Сомова Александра Евгеньевна

научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Особенности акцентуации кратких имен прилагательных с приставкой не- Акцентологические нормы современного русского литературного языка в формах кратких прилагательных характеризуются высокой степенью вариативности, что неоднократно привлекало внимание исследователей [Каленчук и др. 2017, Каленчук и др. 2021]. Данная работа посвящена изучению акцентуации кратких имен прилагательных с приставкой не-. С одной стороны, она продолжает традиции изучения процессов, происходящих на разных участках акцентологической системы современного русского литературного языка, с другой, обладает новизной и актуальностью, поскольку ранее особенности акцентуации форм с отрицательной приставкой отдельного внимания исследователей не привлекали, а в орфоэпических словарях эти прилагательные отсутствуют. Кратким прилагательным с отрицательными приставками, как и прилагательным без приставки не-, в большинстве случаев свойственно подвижное ударение и акцентологическая вариативность. Чтобы выявить особенности акцентуации таких прилагательных была проведена серия экспериментов. Респондентам, являющимся носителями русского литературного языка (жителям Московского региона в 2–3 поколениях, с высшим образованием, или студентам ВУЗов), предлагались к прочтению специально составленные тексты, содержащие краткие имена прилагательные в формах женского и среднего рода, а также во множественном числе с приставкой не-. С целью проследить динамику изменения орфоэпической нормы, респонденты были разделены на три возрастные группы: младшую (16–29 лет), среднюю (29–50 лет), старшую (старше 51 года). В эксперимент вошли прилагательные, имеющие как прямое, так и переносное значение, они предлагались испытуемым в разных контекстах с целью проследить, какое влияние оказывает лексическое значение слова на его акцентуацию. В ходе эксперимента было выявлено различие в произношении младшего и старшего поколения некоторых прилагательных, наиболее явно оно прослеживается в слове неостро. В прямом значении не́остро произносят 90 % респондентов старшей группы, 70 % средней и только 10 % младшей. В значении «вкусовое качество» наблюдается подобная тенденция не́остро произнесли 70 % опрошенных в старшей группе, 80 % в средней и только 30 % в младшей. В значении «хорошо развитой, изощрённый, тонкий» результаты получились следующие: вариант не́остро произнесли 40 % старших респондентов, 70 % среднего возраста и 30 % младших. Стоит отметить, что данные результаты отличаются от экспериментальных данных по слову остро в прямом значении. Варианты о́стро и острó распределились в соотношении 50/50 среди респондентов старшей и младшей возрастных групп (средняя не выделялась) [Каленчук и др. 2021: 112]. Изменение произносительной нормы иллюстрируют и другие прилагательные, в том числе небедно (в прямом значении): это слово с ударением на основе произнесли все опрошенные старшей возрастной группы, 90 % среднего возраста, и только 20 % младших; небыстро (в прямом значении) произнесли с ударением на основе 100 % респондентов старшей и средней группы, в младшей группе зафиксировано соотношение 60 % (небы́стро) и 40 % (небыстрó). Значительных отличий в произнесении слов в прямом и переносном значении выявлено не было. Например, слово неблизко в прямом значении с ударением на звук [и] произнесло абсолютное большинство респондентов всех возрастных групп, в переносном значении — встретились варианты с ударением на звук [о] лишь у 10 % опрошенных в средней возрастной группе и у 30 % в младшей. Слово неглубока

в прямом значении абсолютное большинство респондентов независимо от возраста произносило с ударением на окончании, в переносном значении — практически идентичная картина, за исключением 10 % в старшей группе, которые предпочли ударение на основу. Таким образом, можно отметить, что, как и в случае с краткими формами прилагательных без приставок, краткие формы с отрицательной приставкой не- отличаются достаточно высокой степенью акцентологической вариативности. Влияние лексического значения слова в большинстве случаев не прослеживается.

Литература

Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Акцентуации имен прилагательных // Норма произношения в узусе и кодификации. М., 2021. С. 106–132.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2: 9–29.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ РУССКИХ КЛИТИК: ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ

SOME ASPECTS OF THE PRONUNCIATION OF RUSSIAN CLITICS: PROBLEMS OF DESCRIPTION

Никитин Никита Владимирович

младший научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Изучением клитик занимаются как фонетисты, так и грамматисты. Для первых важна просодическая несамостоятельность клитик и вытекающие из нее особенности реализации фонем внутри клитик и на стыке клитики и ее носителя, а для вторых — линейно-синтагматические свойства клитик, их промежуточное положение между словоформами и аффиксами и т. д. Между этими двумя подходами, безусловно, есть связь, определяющая специфику звукового оформления клитик.

Несмотря на имеющиеся в русистике сведения о сегментных особенностях клитик, полученные на основе экспериментальных данных и демонстрирующие бóльшую их самостоятельность по сравнению со связанными в пределах словоформы морфемами, они фрагментарны и до сих пор отсутствует *системное описание* фонетических особенностей русских клитик.

Известно, что с точки зрения фонетики клитики можно разделить на абсолютные и относительные. Наибольший интерес представляют именно последние, когда внутри одного фонетического слова наблюдаются звуковые сочетания или чередования, в целом нехарактерные для данной позиции. Например, произносят *вокру[к_н]а́с* (*вокру/г_н/ас*), как на границе фонетических слов (ср. *залё[к_н]а́ дно́* — *залё/г_н/а́ дно*), хотя внутри одного фонетического слова ожидается [гн], как в [гн] *ать* (/гн/ *ать*). Следовательно, одно из главных направлений исследования фонетики русских клитик — экспериментальное изучение их произношения и его фонологическая интерпретация в синхронии.

Другая проблема — изучение тех же особенностей в диахронии. Здесь можно сформулировать два принципиальных вопроса: как меняются особенности произношения русских клитик и почему они в принципе возникли и возникают? Для ответа на первый вопрос можно провести эксперименты, в которых представлена речь респондентов разных возрастов, а также обратиться к фонетическим работам и словарям XVIII–XXI вв. Чтобы ответить на второй вопрос, потребуется выход за пределы исторической фонетики, так как, по-видимому, появление данных особенностей, по крайней мере у части клитик, связано с их промежуточным положением между словоформами и аффиксами (не зря некоторые зарубежные лингвисты пишут о том, что клитика — это единица, представляющая собой «морфологическое слово», но не дотягивающая до статуса «фонологического слова»). В связи с этим, возможно, полезным будет обращение к теории грамматикализации, рассматривающей приобретение языковыми единицами грамматического значения как комплексный процесс, частью которого являются звуковые изменения. Так, колебания в произношении предлога *вне* — *вн[э_сá]да* и *вн[и³_сá]да* — могут объясняться тем, что производность этого предлога еще не до конца утрачена: именно в ходе грамматикализации он потерял ударение и в нем начали произносить редуцированный [и³] (словообразование здесь, как кажется, лишь следует за грамматикой), однако этот процесс не завершен, поэтому наблюдаются колебания. Любопытно, что лингвисты по-разному описывают синхронную мотивированность (или немотивированность) предлога *вне*.

При этом важно, что, хотя и есть закономерности, которые действуют на всех швах вне зависимости от их агглютинативности, многие синтагматические и парадигматические закономерности по-разному проявляют себя в зависимости от характера сандхи; например, в литературном произношении императивна норма *гла[з'н']и́к* (корень и суффикс), диспозитивны нормы *ра[з'н']нёс* при допустимом *ра[зн']нёс* (приставка и корень) и *бе[з_н']и́х* при менее частотном *бе[з'_н']и́х* (клитика и хост), но скажут только *деви[с_н']е́ наш* (два фонетических слова). Таким образом, всестороннее исследование произношения русских клитик может логично

дополнить уже имеющиеся работы, посвященные звуковым особенностям русских сложных и сложносокращенных слов, а также приставок.

Отдельного внимания заслуживает отражение произносительных особенностей русских клитик в словарях, по-прежнему нуждающиеся в доработках. Так, в офроэпических словарях, в посвященных предлогам статьях, никак не комментируется вариантность типа *и[з_н']их* или *и[з' _н']их*, описаны не все случаи колебаний в пределах нормы типа *ме[ш_н]ами* или *ме[ж_н]ами* и нек. др.

Итак, для сегментной фонетики интерес представляют:

1) в области консонантизма:

а) реализации глухих/звонких согласных фонем на стыке клитики и носителя ударения (*ме[ш_н]ами* или *ме[ж_н]ами*; *Анн[э_ш у]шла́* или *Анн[э_ж у]шла́* (*Анн[э_ж_у]шла́?*));

б) реализации твердых/мягких согласных фонем на стыке клитики и хоста (*бе[з_н']их* или *бе[з' _н']их*, *[в_в']ере* или *[в' _в']ере*, *и[з_в']едра́* или *и[з' _в']едра́*, *[с_ја]мой* или *[с' _ја]мой*);

в) реализации зубных фрикативных /с/, /з/, /з'/ перед передненебными (*[с_ш]апкой* или *[ш_ш]апкой*, *и[з_ж]ивота́* или *и[ж_ж]ивота́*, *бли[с'_ч']ащи* или *бли[ш'_ч']ащи*);

2) в области вокализма:

а) реализации гласных фонем качественно не редуцированными или редуцированными безударными гласными (*вн[э_са]да* или *вн[и°_са]да*);

б) степень редукции отдельных безударных гласных (*во́лки [дэ_о́]вцы* или *во́лки [да°_о́]вцы*).

СЛОВАРНЫЕ КОЛЛОКАЦИИ В УСТНОМ И ПИСЬМЕННОМ КОРПУСАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Хохлова Мария Владимировна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В многочисленных исследованиях сочетаемость рассматривается на материале письменных корпусов и, в основном, с точки зрения количественных характеристик словосочетаний. Устные данные оказываются вне сферы внимания в этих работах по ряду причин. В отличие от письменных аналогов, корпусы устной речи не так распространены, так как сбор записей и их последующая расшифровка представляют собой сложную задачу. Тем не менее сложно переоценить их важность, поскольку они являются уникальным типом языковых ресурсов. Для русского языка таким проектами являются устный подкорпус в составе НКРЯ, корпус «Один речевой день», корпус устной русской речи, а также «Рассказы о сновидениях». Вопрос представленности словосочетаний в корпусах разных объемов до сих пор остается открытым [Khokhlova, Benko 2020]. В своей работе мы обратились к трем подкорпусам в составе НКРЯ: к устному подкорпусу (объемом 13,4 млн слов), к подкорпусу основного корпуса со снятой грамматической омонимией (объемом 6 млн слов), а также нами дополнительно привлекались тексты с 2010 г. (объемом около 25,1 млн слов). Из базы данных коллокаций русского языка [Khokhlova 2018; Khokhlova 2020] нами были отобраны 50 атрибутивных словосочетаний со словарными индексами 5 и 2, т. е. которые представлены в пяти или в двух словарях. Наша гипотеза заключается в том, что коллокации из первой группы являются более частотными и воспроизводимыми в речи. Нами рассматривались не только количественные характеристики единиц, но и также анализировалась их возможная проницаемость. Для этого были проанализированы не только контактные, но и дистантные сочетания (например, «полная свобода» и «полная и безграничная свобода»). Первая группа представлена следующими единицами: богатый урожай, большой авторитет, высокий урожай, глубокая благодарность, глубокое влияние, глубокое знание, глубокий интерес, глубокий кризис, глубокая тишина, глубокое убеждение, глубокое чувство, горячая любовь, грубая ошибка, жгучий брюнет, железная дисциплина, железный характер, крепкая дружба, нестерпимая боль, ожесточенный бой, острая критика, острая нужда, полная свобода, полная тишина, твердая уверенность, тяжелая болезнь. Во вторую группу вошли следующие словосочетания: безмерная глубина, безумная ответственность, большой поклонник, высокий спрос, громадная быстрота, длинная очередь, doskonaльный анализ, исключительная вежливость, колоссальная стоимость, настойчивая просьба, незабываемый авторитет, неиссякаемая вера, неистовый азарт, огромное желание, огромный рост, острая жалость, пламенная страсть, полное безветрие, поразительная тишина, решительный характер, свежая газета, твердое обязательство, тяжелый кризис, чистое безумие, чрезмерное внимание. Частоты словосочетаний со словарным индексом 5 показывают низкую корреляцию в первых двух корпусах, а также отличия между ними не являются статистически значимыми ($\chi^2 = 24,087$, $df = 2$, $p < 0,05$ согласно апостериорному тесту Уилкоксона с поправкой Бонферрони). При этом частоты в письменном подкорпусе современных текстов для словосочетаний выше, и отличия являются статистически значимыми (p).

ИДЕЙНЫЙ ЛАНДШАФТ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Корышев Михаил Витальевич

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Куликова Любовь Алексеевна

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Мазин Константин Владимирович

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Мушулова Анна Валерьевна

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Стародуб Дарья Александровна

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Хохлова Мария Владимировна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В последние годы методы, связанные с автоматической обработкой языка, стали привлекаться для решения разнообразных задач прикладной лингвистики, в том числе при анализе политического дискурса. В рамках нашей работы при помощи методов компьютерной лингвистики планируется исследовать тексты современных медиа и проанализировать реализуемые в них тенденции. Автоматическое выявление ключевых слов и словосочетаний может быть использовано при определении наиболее важных элементов дискурса. Извлеченные маркеры позволяют проследить изменение тем, которые вызывают общественный интерес, и разделяемых группами людей ценностей, очертить круг важных проблем, а также отношение к ним с течением времени с учетом историко-культурного контекста, который этим изменениям способствует. Целью исследования применительно к настоящему сообщению является формирование перечня тем, которые интересуют читателей, на материале современного немецкоязычного дискурса, посвященного разным сферам жизни.

В качестве материала были привлечены четыре источника, связанные со следующими темами: история, военное дело (армия), искусство и студенческая жизнь. Во-первых, журнал “*Zeitschrift für Ideengeschichte*”, в котором представлены история и развитие политических, религиозных, философских и литературных идей и мыслей. “*Das JS-Magazin*” является журналом Евангелической церкви для молодых военнослужащих, в котором рассматриваются как темы повседневной жизни (стресс, отношения с сослуживцами, работа в казармах, служба, любовь, празднование Рождества), так и серьезные вопросы, касающиеся службы в армии (посттравматический стресс, влияние войны на психику человека, вопрос совести). Третьим изданием стал “*tanz*” — основной немецкоязычный журнал, посвященный балету. В “*tanz*” публикуются рецензии на актуальные хореографические постановки, интервью с артистами балета и балетмейстерами, статьи, посвященные памяти легендарных артистов, хореографов и композиторов; освещаются культурно-политические события в мире балета; анонсируются мероприятия, лекции и прослушивания. Журнал ориентирован на подготовленную публику и профессиональных артистов. Последним источником было выбрано студенческое периодическое издание “*Moritz.Magazin*” Грайфсвальдского Университета, расположенного в земле Мекленбург-Передняя Померания. Аудитория журнала — студенты и сотрудники вуза, хотя он популярен и у более широкой аудитории.

На основе собранного материала в программе AntConc были созданы четыре корпуса текстов с морфологической разметкой объемом 1 млн. словоупотреблений каждый. Методами

исследования послужили корпусный и количественный анализ данных. В ходе работы были составлены списки частотных лексем для каждого из корпусов, в также определены лексем для разных временных периодов. Так, в “Das JS-Magazin” для текстов 2022 года были выделены следующие маркеры, которые характеризуют политическую обстановку в современном мире: Krieg, Russland, Bundeswehr, Kritik, Frieden, Politik, Konflikte, Anschlag и т. д. В то время как с 2016 по 2021 год темы журнала были в меньшей степени ориентированы на политические события: празднование Пасхи, отношения, переезд, спорт, психология, вопросы о том, как можно ввести экологические привычки, какую роль играет алкоголь в повседневной жизни солдат, почему люди любят смотреть фильмы ужасов, что может пережить солдат за свою жизнь. В журнале “Zeitschrift für Ideengeschichte” особое внимание уделяется исторически значимым датам. В 2014 г. публикации затрагивали тему столетия с начала Первой мировой войны, в 2017 г. авторы статей вспоминали революцию в России (образы Russischer Herbst и России 1917 года как надежды демократов всех стран). Общемировой контекст оказывается в фокусе рассмотрения не только в журналах, которые посвящены вопросам политики. В издании “tanz”, к примеру, появились новые разделы, которые соответствуют событиям, затрагивающим жизнь общества: так, в 2020 г. создается рубрика “Corona-Krise”, в то время как в 2022 г. стали освещаться такие далекие от хореографии темы, как события на Украине. На примере журнала о молодежи также можно проследить, как менялись вопросы, которые в нем были отражены. Примерно до 125 выпуска статьи в большинстве своем связаны непосредственно с университетом и студенческой жизнью. Затем постепенно поднимается все больше тем, которые могут заинтересовать более широкий круг читателей журнала: внимание уделяется не только вузу, но и политике и социальным вопросам региона и страны в целом. В разделе, посвященном культуре и искусствам, сильных изменений не наблюдается.

Следующим шагом должно стать изучение динамики изменения ключевых слов, а также выявление неких инвариантов, специфичных как для каждого издания, так и для всех вышеперечисленных источников в целом. Случайный характер подбора исследуемых СМИ позволить приблизиться к выяснению тех культурных констант, которые цементируют современное немецкое общество. Особо интересным шагом станет сравнение результатов нашего анализа с теми результатами, которые будут получены при исследовании материалов политико-просветительского характера, которые выпускаются центрами германского политического образования и которые рассчитаны как на потребителя внутри самой ФРГ, так и на самую широкую аудиторию, изучающую немецкий язык как иностранный.

Литература

Zeitschrift für Ideengeschichte. URL: <https://www.wiko-berlin.de/wikothek/zeitschrift-fuer-ideengeschichte>

JS-Magazin. URL: <https://www.js-magazin.de/>

tanz. URL: <https://www.der-theaterverlag.de/tanz/>

Moritz.Magazin. URL: <https://webmoritz.de/>

МЕТОДЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ И КВАНТИТАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ДЛЯ АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Донина Ольга Валерьевна

доцент, Воронежский государственный университет

В рамках исследования были рассмотрены возможности использования методов Text Mining для анализа районных новостных публикаций СМИ Воронежской области.

Объектом работы выступили публикации новостей тридцати трех районов Воронежской области, в объеме 13 284 новостных статей за 9 лет (с 2013 по 2021 год) из онлайн источника «РИА Воронеж». Общее число словоформ составило 2 447 677.

При помощи инструментария для анализа данных (PolyAnalyst), морфологического анализа (MyStem) и создания вероятностной тематической модели (Topic Modeling Tool) из текстовой выборки были извлечены сущности (187 054), факты (94 104) и ключевые слова (12 080); проведена кластеризация тремя способами (по k-средних (выявлено 9 кластеров), при помощи тематического моделирования (15 кластеров) и bag-of-terms (30 кластеров)), реализован анализ тональности (обнаружено 10 870 оценочных конструкций) и реферирование коллекции текстовых документов (объем символов в выборке сократился на 67,1 %). Полученные результаты были визуализированы при помощи графиков, графов и карт.

Были реализованы шесть методов извлечения информации из текстовых данных на материале районных СМИ Воронежской области. На основе полученных результатов можно охарактеризовать важные элементы области. Например, каждый район и населенный пункт были отнесены к нескольким темам, что позволяет узнать о наиболее важных событиях и распространённых происшествиях; была получена информация о ключевых проблемах жителей и о том, что им нравится; были выявлены наиболее тесные связи между людьми, компаниями, организациями, территориальными административными единицами, природными объектами и объектами культуры и инфраструктуры.

Отразим основные количественные и качественные результаты исследования: При извлечении сущностей было выявлено наибольшее количество административно-территориальных единиц (49 062 сущности; города Воронежской области занимают 26,9 % от общего числа населённых пунктов, а муниципалитеты Воронежа 84,3 % от общего числа районов), людей (47 284 сущности; наиболее упоминаемыми являются политики и должностные лица области), организаций (18 118 сущностей; наибольшее число учебных заведений, больниц и административных учреждений) и компаний (11 795 сущностей; преимущественно медиа, социальные сети, хозяйственные и добывающие предприятия); Результатом извлечения ключевых слов стали языковые единицы, связанные с населёнными пунктами (район, область, регион, село), образованием (школа), происшествиями (уголовное дело, лишение свободы, пожар, ДТП); В ходе кластеризации публикации были объединены в группы, схожие с тематическими разделами «РИА Воронеж», однако наиболее крупные разделы были разделены (разделу «Общество» соответствует 4 кластера — «Культура и образование», «Семья», «Инфраструктура» и «Администрация», а «Происшествия» — «Пожары», «ДТП», «Уголовные дела» и «Суды и финансы»); Анализ тональности определил наиболее негативные (здоровье и травма в результате последствий происшествий) и положительную (работа как вид деятельности) языковые единицы в публикациях.

В следующих населённых пунктах Воронежской области СМИ наиболее часто освящают происшествия (пожары, ДТП, убийства и т.п.): Верхняя Хава, Нововоронеж, Таловая, Борисоглебск, Терновка, Петропавловка; Районы, которые наиболее часто упоминаются в публикациях про ДТП: Каширский, Анинский, Калачаевский, Каменский, Грибановский и Рамонский; Деятельность администрации чаще освящается в таких районах как Нижнедевицкий, Семилукский, Кантемировский, Петропавловский и Каменский; — Тема спорта наиболее актуальна для Бутулиновского, Хохольского, Терновского, Рамонского, Поворинского и Павловского

районов; С 2016 года тема происшествий имеет нисходящую тенденцию, а публикации, посвященные деятельности населения, культуре, истории, музеям и заповедникам, становятся более актуальными.

Если в новостной публикации в названии должности отражен пол, то женский персонал (работница и сотрудница) оценивается исключительно негативно, а мужской (работник и сотрудник) имеет больше положительных оценок, чем отрицательных.

Самая большая группа объектов, которые оцениваются положительно в районных новостных публикациях — «Еда и напитки». — Наибольшее число конструкций со словом «нравиться» связаны с: культурными местами и мероприятиями (выставка, фестиваль, музей), спортом (биатлон, футбол, тренажер,) и хобби (фотографировать, рукоделие, рисовать).

Со словом «проблема» наиболее тесно связаны: здоровье (сердце, позвоночник, зрение, память) и жилищно-коммунальное хозяйство (вода, отопление, освещение).

МЕТОДИКА КОРПУСНОГО ОТБОРА СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Зельникова Анна Артемовна

магистрант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Ольховская Александра Игоревна

заведующий отделом, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Изучение фразеологизмов в отечественном языкознании началось ещё в кон. XIX в. Уже тогда стало ясно, что выражения, чье употребление обусловлено действием «закона предания» [Срезневский, 1873, с. 3] отличны и от слов, и от словосочетаний. Новый этап в изучении фразеологии наступил на рубеже XX–XXI вв. и был связан с бурным развитием информационных технологий и, в частности, — с появлением лингвистических корпусов. Различные корпуса русского языка являют собой богатейший источник языкового материала, включая фразеологический. Особенно актуальным становится использование корпусов в исследовании неологизмов. Если укорененные в языке единицы представлены в разнообразных словарях, то новейший языковой материал нуждается в фиксации и описании. Вместе с тем «словоцентричность» корпусного поиска создает существенные трудности в вычленении фразеологического материала в огромном массиве данных. Целью данной работы является разработка и опытная проверка методики, позволяющей производить эффективный поиск и верификацию новой фразеологии с опорой на корпусные данные.

В качестве основного приёма корпусного отбора был выбран поиск при помощи т.н. маркеров новизны. Впервые этот способ был успешно применен Г. Ю. Никипорец-Такигава в ходе отбора слов-неологизмов [Никипорец-Такигава 2008].

На первом этапе работы были сформулированы ключевые фразы-маркеры новизны: «как сейчас / сегодня говорят», «как сейчас / сегодня принято говорить», «как сейчас / сегодня любят говорить», «модное выражение», «модно выразиться», и т. д. (всего 15 фраз). Затем с помощью выделенных маркеров осуществлялся поиск по газетному корпусу Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ). Выбор данного корпуса обусловлен его объёмом (790 млн токенов), хронологическими рамками (с 1983 г. по настоящее время) и стилевой спецификой (неологизмы осваиваются прежде всего в СМИ). В результате поиска было обнаружено более 270 различных единиц, которые мы обозначили как «устойчивые выражения». При этом было очевидно, что бо́льшая часть найденных выражений не может быть отнесена к числу фразеологических, ср.: «в неформальной обстановке», «актуальный тренд», «на кромке хаоса», «цивилизованная страна», «со скромным достатком» и др. На втором этапе с опорой на авторскую интроспекцию осуществлялись анализ и оценка отобранного материала. В качестве опорного использовался широкий подход к понимаю фразеологии, описанный в работах Н. С. Шанского, В. В. Виноградова, О. С. Ахмановой. По итогам фильтрации было выявлено около 40 единиц для последующего анализа, которые были отнесены к разряду фразеологических выражений. Среди них такие единицы, как «взрыв мозга», «по полной программе», «чёрный список», «активная гражданская позиция», «медийная персона» и т. д. Третий этап исследования был посвящён проверке отобранных фразеологизмов на предмет «современности». Под современными мы понимаем такие фразеологизмы, которые появились в языке за последние 40 лет — с начала 80-х гг. XX в. по настоящее время. Отметим, что в данном случае проверка проводилась по основному корпусу НКРЯ, включающему в себя тексты, написанные до 80-х гг. XX в. На этом этапе было отсеяно около 10 фразеологизмов. Так, если выражение «активная гражданская позиция» может быть отнесено к числу современных (первое вхождение — 1985), то выражения «мелкая сошка», «чёрный список», «делать деньги» встречались в речи и раньше (1825–1833, 1929 и 1769 гг. соответственно).

Наконец, заключительный этап исследования представляет собой проверку силы найденных словосочетаний. Она производилась посредством вычисления коэффициента взаимной информации (MI), показывающего меру зависимости между двумя единицами. MI раскрывает

отношение реальной частотности словосочетания к математически ожидаемой. Для определения взаимной информации можно воспользоваться соответствующей формулой либо готовыми цифрами, представленными в корпусном менеджере Sketch Engine. К примеру, у фразеологизма «активная гражданская позиция» MI составляет 7.0, у фразеологизма «горячая точка» — 6.7, у фразеологизма «по полной программе» — 7.3. Для сравнения: у словосочетания «червивое яблоко», которое никак не может быть отнесено к фразеологизмам, MI равен 5.7. По итогам данного исследования было доказано, что применение метода корпусного поиска по словам-маркерам новизны для обнаружения новой фразеологии является вполне применимым. Вместе с тем подобные исследования имеют свою специфику, а сама методика нуждается в определённой доработке.

Литература

- Никипорец-Такигава Г.* Неологизмы: метод поиска при помощи маркеров новизны («как сейчас говорят») и пределы компьютерных возможностей // Инструментарий русистики: корпусные подходы // *Slavica Helsingiensia*. № 34. Хельсинки, 2008. 16 с.
- Срезневский И. И.* Замечания об образовании слов из выражений // Зап. Академии Наук. Т. XXII, кн. II. Спб. 1873. 12 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРАВДОПОДОБИЯ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ АВТОРСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Марусенко Наталия Михайловна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Марусенко Михаил Александрович

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Огромный объем текстовой информации породил большой спрос на методы классификации текстов, среди которых выделяются задачи авторской идентификации, когда истинный автор некоего документа определяется на основе корпусов текстов, написанных известными авторами.

Сегодня мы находимся на четвертом этапе развития теории атрибуции, который характеризуется широким распространением и легкой доступностью программных средств, позволяющих обрабатывать тексты, существующие в электронной форме, без дополнительной обработки. Это создает у их пользователей иллюзию отсутствия необходимости хотя бы общего ознакомления с основными положениями стилеметрии (как минимум, таких как требование жанрово-стилевой однородности исследуемых текстов, исключение речи персонажей и обработка только авторской речи, приоритет синтаксиса над лексикой), имеющей уже достаточно почтенную историю,

В большинстве подобных работ, отсутствуют стандартные процедуры валидации методов идентификации: в большинстве случаев, они применяются непосредственно к спорным текстам, без предварительного тестирования на бесспорных образцах. Кроме того, большинство исследователей выбирают определенные слова, например, служебные, создавая возможность бесконечного манипулирования данными до тех пор, пока не добьются «хорошего» ответа. И, наконец, они не оценивают вероятность ошибки [Basson, Labbé 2020].

Однако существует область деятельности, близкая к атрибуции литературных текстов, но протекающая в совершенно других условиях — криминалистическая лингвистика, в которой результаты любой экспертизы оцениваются на соревновательной основе.

При формулировании заключений эксперты-криминалисты оперируют следующими категориями [Baldwin 1979]:

А) Положительная идентификация: Sure beyond reasonable doubt, There can be very little doubt, Highly likely, Likely, Very probable, Probable, Quite possible, Possible;

Б) Отрицательная идентификация: Highly likely, Likely, Quite probable, Probable что это один и тот же человек. При этом, как отмечают сами англосаксонские криминалисты, категории likely и probable практически являются синонимами.

Во многих зарубежных юрисдикциях, в основном, использующих англосаксонское право (Common Law) с целью повышения доказательности заключений экспертов-криминалистов, представляемых в суды, используется отношение правдоподобия (Likelihood Ratio, далее — LR), которое считается «самым подходящим инструментом, помогающим суду при определении значения, которое должно придаваться экспертным заключениям» [Aitken et al. 2011]. Отношение правдоподобия представляет собой отношение вероятности справедливости нулевой гипотезы H_0 к вероятности справедливости альтернативной гипотезы H_a : (формула) Но: два текста написаны одним автором.

H_a : два текста написаны разными авторами. Если вероятность справедливости нулевой гипотезы больше, чем вероятность справедливости альтернативной гипотезы, LR имеет величину, большую 1. В противном случае, LR меньше 1. Другими словами, относительная достоверность решения, основанного на конкурирующих гипотезах, связана с величиной LR. Чем больше LR отличается от 1, тем большую достоверность получает одна или другая гипотеза. Значения LR интерпретируются следующим образом: $LR > 1$: результаты склоняются в пользу нулевой гипо-

тезы, LR=1: результаты в равной степени поддерживают обе гипотезы, LR1–10: Weak or limited (Слабое или ограниченное),

10–100: Moderate (Умеренное),

100–1000: Moderately strong (Умеренно сильное),

1000–10 000: Strong (Сильное),

10 000–1 000 000: Very strong (Очень сильное),

>1 000 000: Extremely strong (Чрезвычайно сильное).

В итоге, авторская идентификация должна сводиться к проверке гипотез о том, является или нет конкретный автор настоящим автором атрибутируемого документа.

Литература

Aitken C., Berger C. E. Y., Buckleton J. S., Champod C., Curran J., Dawid A. et al. Expressing evaluative opinions: a position statement // *Scientific Justice*. 2011. Vol. 51. P. 1–2.

Association of Forensic Science Providers, Standards for the formulation of evaluative forensic science expert opinion // *Scientific Justice*. 2009. Vol. 3. P. 161–164.

Baldwin J. Phonetics and speaker identification // *Medicine, Science and the Law* 1979. No. 9. P. 231–232.

Basson J.-Ch., Labbé D. Les précieux manuscrits de Toulouse. À propos de cinq pièces de théâtre de la fin du XVIIe siècle présentées sous le nom de Jean-Galbert Campistron // Bonnet V. et al. (eds). *Proceedings of the 15th International Conference on Statistical Analysis of Textual Data (16–19 June 2020)*. Toulouse. URL: http://lexicometrica.univ-paris3.fr/jadt/JADT2020/jadt2020_pdf/BASSON_LABBE_JADT2020.pdf (дата обращения: 03.11.2022).

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРПУСЫ ТЕКСТОВ В МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ

Митрофанова Ольга Александровна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование семантической организации текстов находится в области пересечения компьютерной лингвистики и филологического анализа речевых произведений. Определение компонентов содержания текста, значимых для его адекватного понимания, достижимо в результате применения процедур семантической компрессии (свертки) текста: выделения ключевых слов и выражений, реферирования, тематической классификации и кластеризации. В этом отношении высок потенциал мультимодальных тематических моделей, позволяющих соотнести с корпусом текстов набор тем (рубрик), которые объединяют близкие по значению слова и словосочетания, характеризующие кластеры сходных документов.

Выбор алгоритмов тематического моделирования обуславливается параметрами корпусов текстов: объем в словоупотреблениях и леммах, число документов, средняя длина документов, язык текстов, источник текстов, тип разметки корпуса, ожидаемая тематика текстов, их жанрово-стилистическая принадлежность, приложения результатов тематического моделирования. Как правило, ограничения, накладываемые на параметры корпуса, сводят решаемую задачу к моделированию специализированных корпусов текстов или корпусов для специальных целей: например, корпусов текстов определенной предметной области, жанра, авторства, хронологического периода, для определенной целевой аудитории и т. д.

Традиционные подходы к построению тематических моделей включают в себя алгебраические (LSA/LSI, nmf и т. д.) и вероятностные модели (pLSA, LDA и т. д.), которые, в свою очередь, успешно комбинируются со статическими (word2vec, fastText и т. д.) и контекстуализированными (ELMo, BERT и т. д.) предсказывающими моделями распределенных векторов, что позволяет повысить объяснительную силу результирующих описаний корпусов текстов. Как известно, тематическая структура корпуса в вероятностных тематических моделях задается смесью вероятностных распределений: тема определяется дискретным распределением на множестве слов, тексты описываются дискретным распределением на множестве тем, а сам корпус представляется как набор слов, выбранных независимо и случайно из смеси распределений. В ходе тематического моделирования происходит восстановление компонентов смеси по выборке. В фокусе нашего исследования находятся алгоритмы LSA, nmf, LDA, BERTopic, реализованные в программных библиотеках для языка Python (MALLET [<https://github.com/senderle/topic-modeling-tool>], Scikit-learn [<https://scikit-learn.org/stable/index.html>], gensim [<https://radimrehurek.com/gensim/>], tomotopy [<https://bab2min.github.io/tomotopy>], BERTopic [<https://pypi.org/project/bertopic/>] и т. д.).

Мультимодальность обеспечивается введением дополнительных параметров в тематическую модель, которые в итоге повышают ее интерпретируемость.

Учет коллокаций или конструкций позволяет перейти от простой словарной (униграмной) модели, игнорирующей синтагматические отношения в тексте, к n-граммным тематическим моделям, темы в которых представляют комбинацию отдельных слов и устойчивых словосочетаний. В нашем исследовании оцениваются возможности расширения униграммных тематических моделей за счет ключевых выражений, выделяемых с помощью алгоритмов различных типов: статистических (TF-IDF, Log-Likelihood, PMI, t-score, Хи-квадрат), гибридных (лингвостатистических) (RAKE, PullEnti, RuTermExtract), с использованием машинного обучения (KeyBERT). Интеграция ключевых выражений в тематические модели производится в ходе проверки гипотезы о том, что как ключевые выражения, так и слова-тематизаторы образуют особые тексты-примитивы, отражающие результат семантической свертки отдельного текста или корпуса текстов в целом.

Характерной особенностью стандартных тематических моделей является случайный способ упорядочения тем и отсутствие меток, обобщающих содержание тем. Данный недостаток компенсируется с помощью процедур автоматического назначения меток тем, в ходе которых можно использовать слова-тематизаторы, выявляемые в текстах исходного корпуса или предлагаемые дистрибутивно-семантическими моделями, обученными на этом корпусе, либо же кандидаты в метки, сгенерированные из внешних источников, к которым относятся формальные онтологии, специальные базы данных (wordnet-подобные словари), энциклопедии (Википедия, Викисловарь и т. д.), поисковые системы (Яндекс, Google и т. д.). В нашем исследовании производится сравнение методов автоматического назначения меток тем, основанных на использовании внутренних и внешних по отношению к моделируемому корпусу источников данных. Выбор наилучшего метода назначения меток тем производится с учетом специфики корпуса, он будет разным для научных и художественных текстов, новостных текстов и текстов блогов и т. д.

К числу мультимодальных также относятся динамические тематические модели, учитывающие хронологические рамки сегментов корпуса; автор-тематические модели, обеспечивающие тематическую атрибуцию текстов с учетом авторства; управляемые тематические модели, генерирующие темы с учетом заранее назначаемых ключевых выражений; иерархические модели, позволяющие ранжировать темы с точки зрения взаимной близости и т. д. В докладе иллюстрируется построение мультимодальных тематических моделей на материале исследовательских специализированных корпусов текстов для русского языка.

Исследование выполняется в рамках НИПСПбГУ № 75254082 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта» и гранта РФФ № 21-78-10148 «Моделирование значения слова в индивидуальном языковом сознании на основе дистрибутивной семантики».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО КОРПУС АГИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (СКАТ): МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗМЕТКА, РАЗМЕТКА И АНАЛИЗ ЭЛЕМЕНТОВ СОДЕРЖАНИЯ

Рогозина Елена Андреевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Алексеева Елена Леонидовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Азарова Ирина Владимировна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сипунин Константин Владимирович

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

СКАТ — электронный корпус агнографических церковнославянских текстов XV–XVII вв., созданный на кафедре математической лингвистики СПбГУ. В корпус входят русские житийные тексты XV–XVII веков общим объемом порядка 185 000 словоупотреблений. В рамках проекта ведется работа по структурированию текста в формате XML. Для текстов корпуса вводится морфологическая разметка с указанием не только частей речи, но и типа склонения, рода, падежа и числа для существительных и прилагательных; времени, спряжения, лица, числа для глагольных форм и так далее. На данный момент морфологическая разметка введена в 11 текстах. Ведется работа и над синтаксической разметкой [Алексеева, Азарова 2013]. Также вводится разметка содержательных элементов. В первую очередь, для текстов житий вводится разметка основных элементов сюжета. Структура житий во многом схожа, поскольку тексты строились по определенному канону и при создании новых текстов авторы ориентировались на уже существующие образцы, и многие жития были построены по установленной схеме [Кадлубовский 1902]. Тексты, входящие в корпус СКАТ, представляют собой жития преподобных, и можно было рассчитывать на наличие общих черт в их композиции, ведь «тип подвига святого... определяет особенности композиционной структуры и поэтики его жития» [Руди 2006: 431]. Анализ входящих в корпус текстов позволил выявить общую для них сюжетную схему. Проводится разметка сюжетных элементов и создание своего рода оглавлений для размеченных текстов, что дает возможность в дальнейшем работать с отдельными разделами и сравнивать одинаковые элементы сюжета в разных житиях. В рамках проекта также осуществляется поиск и разметка библейских, святоотеческих и литургических цитат в житийных текстах корпуса. Выделяются три вида цитат: точная цитата, видоизмененная цитата и аллюзия. Также при разметке различаются три способа представления цитат в тексте: цитата может вводиться выражением, в котором содержится указание на источник цитаты, может вводиться общим выражением или никак не выделяться в тексте. Для всех видов цитат и способов их представления предусмотрены разные варианты разметки. Это позволяет учитывать особенности использования цитат и в дальнейшем упростить их поиск в новых текстах.

Сопоставляя эти два вида разметки элементов содержания, можно отслеживать распределение цитат по текстам и элементам композиционной структуры, таким образом обнаруживая закономерности в использовании цитат или выявляя цитаты, характерные для определенных разделов. Кроме того, вводится разметка повторяющихся фрагментов текстов. Как уже упоминалось, при написании новых текстов авторы свободно пользовались текстами предшественников, иногда адаптируя или сокращая текст, а порой заимствуя целые фрагменты текста [Панченко 2003]. Анализ текстов севернорусских житий в корпусе СКАТ позволяет обнаружить многочисленные текстовые фрагменты, воспроизводимые разными авторами. Такие фрагменты размечаются в текстах корпуса, и для каждого повторяющегося фрагмента дается ссылка на

первоисточник. Разметка позволяет постепенно накапливать реестр таких фрагментов и делает возможным их выделение в других текстах житий.

Для дальнейшей работы с размеченными файлами используется программное обеспечение с открытым кодом ТХМ, разработанное лабораторией IHRIM в Лионе. Эта текстометрическая платформа позволяет использовать различные инструменты для анализа текстов и выявления закономерностей. Например, можно определить, для каких содержательных разделов характерно использование цитат, а в каких разделах цитаты практически не используются. Также платформа ТХМ позволяет создавать частотные словари и анализировать частоту употребления тех или иных словоформ в цитатах и в тексте самого жития. Таким образом можно определить, насколько лексический состав используемых в житии цитат отличается от лексического состава основного текста. Еще одна полезная функция платформы ТХМ — выполнение анализа соответствий. Это многомерный анализ, который позволяет оценить употребление всех слов во всех разделах текста и оценить, насколько тексты близки друг к другу по лексическому составу. Такие сравнения можно проводить как для текстов в целом, так и отдельно для основного текста и лексического состава цитат. По мере того, как разметка элементов содержания вводится во все большем количестве текстов корпуса, можно дополнительно уточнять сюжетную схему житий, выявлять все новые особенности житийных текстов, используя возможности текстометрической платформы ТХМ, а также находить закономерности в использовании цитат и повторяющихся фрагментов.

Литература

- Алексеева Е. Л., Азарова И. В.* Особенности морфосинтаксической разметки древнерусских агиографических текстов // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика — 2013». СПб, 2013. С. 157–164.
- Кадлубовский А. П.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902.
- Панченко О. В.* Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике, гимнографии) // ТОДЛР (Труды Отдела древнерусской литературы). СПб. 2003. Т. 54. С. 491–534.
- Руди Т. Р.* О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ (Труды Отдела древнерусской литературы). СПб., 2006. Т. 57. С. 431–500.

РЕЧЕВОЙ КОРПУС ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ КАРЕЛИИ: АРХИТЕКТУРА И ВОЗМОЖНОСТИ

Родионова Александра Павловна

научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Доклад посвящен описанию Речевого корпуса прибалтийско-финской речи, созданного на платформе «Открытого корпуса вепсского и карельского языков» (ВепКар), его архитектуре и возможностям. В мире существует большое количество лингвистических корпусов: Национальный корпус русского языка [НКРЯ], Языковой банк Финляндии [ЯБФ], Сводный корпус эстонского языка [СКЭЯ], Венгерский национальный корпус [ВНК]. Среди корпусов финно-угорских республик России можно выделить Национальный корпус удмуртского языка [НКУЯ], Корпус лугового марийского языка [КЛМЯ], Корпус коми-зырянского [ККЗЯ] и Коми-пермяцкого языков [ККПЯ] и т. д. С 2016 г. языковеды ИЯЛИ КарНЦ РАН совместно с исследователями ИПМИ занялись разработкой нового направления, а именно созданием интернет-ресурса «Открытый корпус вепсского и карельского языков» [ВепКар]. Корпус ВепКар является многофункциональным, так как содержит большое количество инструментов, позволяющих языковедам успешно использовать этот ресурс в своих исследованиях. В настоящее время размещено более 4,4 тыс. текстов на 46 диалектах карельского и вепсского языков, словари и компьютерные программы для обработки, поиска и представления данных. Основу корпуса составляют письменные тексты различных жанров и типов, созданных начиная с XIX столетия. В корпусе в настоящее время также организована удобная система поиска, которая помогает отфильтровать тексты не только по языковой или стилистической, но и по диалектной принадлежности, или, например, по информанту, собирателю или автору, году записи или году публикации. Поиск лемм возможен по диалектам, частям речи, грамматическим признакам и даже по лексико-семантическим категориям. Таким образом, ВепКар стал основной базой для исследования прибалтийско-финских языков Северо-Запада России. Однако одних лишь текстовых данных недостаточно для проведения качественных фонетических исследований с применением современных программ обработки и анализа речи. В связи с этим в 2022 г. исследователи ИЯЛИ и ИПМИ приступили к работе над созданием Речевого корпуса прибалтийско-финских языков Карелии.

Разработанный Речевой корпус представляет собой собрание звучащих текстов на разных диалектах карельского и вепсского языков, снабженных транскрипцией, разметкой и переводом на русский язык, а также необходимые для работы поисковые фильтры (поиск по языку/диалекту, месту и году записи, информанту и собирателю, источнику). Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего развития корпуса ВепКар, широко востребованного как в научных исследованиях, так и в процессе развития литературных форм карельского и вепсского языков. Применение современных технологий и методик к накопленному на протяжении многих десятилетий полевому материалу в совокупности с новейшими данными позволит восполнить целый ряд лакун, выявленных лингвистами в данной системе ранее. Для наполнения корпуса аудиозаписями карельской и вепсской речи исследователи используют три основных источника: аудиокolleкции Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, аудиозаписи передач на ливвиковском наречии карельского языка, а также полевые материалы авторов, записанные в ходе экспедиций. Научная новизна обоснована недостатком речевых корпусов прибалтийско-финских языков. Цифровизация архивных и полевых аудио-образцов карельской и вепсской речи в формате Речевого корпуса в дальнейшем сможет упростить обработку и хранение материалов, позволит ввести в научный оборот и представить в открытый доступ уникальные аудиоматериалы, отражающие состояние карельских и вепсских диалектов начиная с середины прошлого столетия.

В настоящий момент Речевого корпуса содержит пятьдесят аудиофрагментов, длительностью от одной до трех минут, представляющих собой разнообразие карельской и вепсской устной диалектной речи. Особую ценность представляет фрагмент записи валдайской речи, един-

ственный обнаруженный к настоящему времени. Для облегчения работы пользователей с Речевым корпусом и для обеспечения возможности наглядного представления звукового материала была разработана мультимедийная аудио-карта говорів прибалтийско-финской речи Карелии и сопредельных областей.

Ситуация, в которой пребывают прибалтийско-финские языки Карелии, можно назвать тревожной. Численность носителей карельского языка, являющегося языком титульной нации республики, и вепского — языка коренного малочисленного народа Российской Федерации — стремительно сокращается из года в год. Так, например, численность карельского населения в России, по итогам переписи 2020 г. сократилась до 32 422 человек (в 2002 году — 60 815 человек), вепского населения до 4534 человек в 2020 году (в 2002 году — 5936 человек). Кроме этого, для вышеназванных языков характерно сужение языкового пространства, поскольку говоры постепенно уходят вместе с деревнями, а молодому поколению преподаются нормированные варианты языков. При этом именно говоры способствуют сохранению национально-культурной идентичности народа.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда совместно с органами власти Республики Карелия с финансированием из Фонда венчурных инвестиций Республики Карелия (ФВИ РК) проект № 22-28-20215 «Создание речевого корпуса прибалтийско-финских языков Карелии»

РАЗРАБОТКА ЧАТ-БОТА О РАССТРОЙСТВАХ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Фирсанова Виктория Игоревна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование посвящено вопросам, возникшим при разработке системы ответов на вопросы о расстройствах аутистического спектра. В ходе разработки интеллектуальной системы мною было замечено, что проблемы в работе модели возникают по одной из двух причин. Первая причина заключается в несовершенстве современных моделей искусственного интеллекта. Вторая причина заключается в особенностях наборов данных с закрытой предметной областью, которые могут использоваться для социально-медицинской сферы. Например, модели искусственного интеллекта могут генерировать ложную информацию, провоцирующую заблуждения и негативные эмоции, что опасно для их использования в инклюзивном образовании или других сферах. В свою очередь, доступные социально-медицинские наборы данных часто отличаются ограниченным объемом доступных данных. Поэтому важно убедиться в том, что они представляют надежную, полезную информацию, в противном случае — готовиться к получению низких метрик производительности модели, поскольку более крупные модели, содержащие большее количество параметров обучения, обычно показывают более высокую производительность. То есть чем больше параметров имеет модель машинного обучения, тем крупнее наборы данных, на которых она обучается, тем более высокие метрики оценки мы сможем получить с ее помощью. Принимая во внимание два источника проблем, я последовательно применяю два подхода к извлечению ответов на вопросы, используя современные модели Transformer и специальный русскоязычный набор данных машинного чтения об аутизме, который был создан мной для этого исследования. Набор данных создавался с помощью краудсорсинговой платформы Yandex.Toloka. Основным методом машинного обучения, который использовался мной для настоящего исследования, было трансферное обучение. Лучше по производительностью модели была кросс-лингвистическая модель типа Transformer, которая использует более 100 языков для обучения, легко «заучивает» лингвистические структуры типологически различных языков и, в результате, позволяет добиваться высоких метрик оценки для работы с данными на русском языке. В своем исследовании я не ограничиваюсь работой с алгоритмами машинного обучения. После тонкой настройки кросс-лингвистической модели XLM-RoBERTa (так называется обучение предварительно обученной модели машинного обучения на определенном наборе данных с последующей настройкой параметров модели) выяснилось, что эта модель позволяет добиться наиболее высоких результатов. Это мотивировало меня использовать XLM-RoBERTa для следующих экспериментов. В основе этих экспериментов лежала работа с обучающими данными, то есть с созданным мной для настоящего исследования набором данных. Во время экспериментов, ориентированных на данные, мной использовалась модель машинного обучения XLM-RoBERTa и работу с дизайном набора данных. Под дизайном я подразумеваю структуру и объем созданного набора данных. Например, мною сокращалась длина ответов на вопросы (структура набора данных предполагала множество вопросов о расстройствах аутистического спектра и ответов к ним, извлеченных из текстов, которые были найдены мной на информационном сайте об инклюзии и расстройствах аутистического спектра). Также мною предпринимались попытки создавать несколько ответов на каждый вопрос, то есть если ответ мог быть сформулирован различными способами без изменения смысла текста, в набор данных добавлялись альтернативные версии ответов на вопрос. Первоначально мой набор данных содержал около пяти процентов вопросов, которые модель машинного обучения должна учиться игнорировать в процессе обучения на тренировочной выборке данных. Например, пользователи склонны задавать чат-ботам и иным диалоговым системам вопросы, которые не имеют смысловой нагрузки, но имеют цель развлечь пользователя. К таким вопросам может относиться просьба рассказать об искусственном интеллекте. Модель, направленная на то, чтобы отвечать на вопросы о расстройствах аутистического спектра, не должна давать информацию об искусственном интеллекте. Это может дезинформировать пользователя. Итак, в одной

из версий мною было принято решение исключить эти 5 % лишних вопросов для того, чтобы узнать, как они влияют на техническую производительность модели машинного обучения. Также мною была принята попытка сокращения объема набора данных в два раза, чтобы узнать, какое влияние размер набора данных оказывает на производительность моделей машинного обучения. Модификации набора данных позволили достичь более высоких метрических показателей. Исследование показывает, какие аспекты модели важнее, если мы хотим построить психологически безопасную диалоговую систему. К таким аспектам относится объем набора данных для машинного обучения, наличие альтернативных ответов на вопросы, длина ответа на вопрос в символах, а также длина ответа на вопрос в словах, наличие вопросов, которые могут сделать задачу для модели машинного обучения труднее, например, наличие таких вопросов, которые модель должна учиться игнорировать, и другие характеристики данных для обучения моделей.

КУРС «ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА (ПЛ) В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ»

Чебанов Сергей Викторович

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Поскольку компьютеризация потребовала сочетания в подготовке матлингвистов кроме лингвистических и математических ещё и компьютерных дисциплин [Чебанов 2019], а Болонский процесс разделит образование на две ступени, А. С. Гердом была поставлена задача создания к 2011 г. указанного курса для первого семестра магистратуры (20 и 40 час. на лекции и индивидуальную работу — общая трудоёмкость 2 единицы). Курс планировался как обобщение знаний полученных в бакалавриате кафедры при продолжении обучения. Для сторонних магистрантов курс был введением в специальность, уравнивая их с соучениками. Позже таких магистрантов стало больше за счёт бакалавров и специалистов по философии, логике, экономике, истории, математике... из СПбГУ, других вузов и городов страны и зарубежья, причём были потоки, на которых никто не имел профильного образования. В итоге курс оказался введением в специальность, хотя магистранты с профильным образованием видят в нём новый материал или новый взгляд на известный. Т. о., курс даёт

- 1) обзор ПЛ и смежных областей и
- 2) средство систематической оценки разработок по ПЛ на предмет соответствия провозглашаемому принципам. Курс строится на следующих основаниях.

А. Фиксируется три способа рассмотрения ПЛ.

Историческое показывает, что прикладные по сути проблемы лингводидактики, изучения родного и иностранных языков, риторики, речевого этикета и культуру речи, нормативной стилистики, орфографии и орфоэпии столь давно осознаны (уходя в исследуемое биосемиотикой освоение знаковых систем животными) и столь тесно связаны с лингвистикой как таковой, что они неотделимы от общего языкознания и не воспринимаются как сфера ПЛ. ПЛ можно отсчитывать от становления терминоведения и функциональной стилистики между мировыми войнами. Тенденция же отрыва разработанных областей от ПЛ и отхождения их к общему языкознанию остается в силе и ныне (лингвистические базы данных, корпусные методы, лингвистическая география и т. д.).

Рассмотрение философско-методологических оснований ПЛ формирует представление о должном, позволяя оценивать сущее. Важнейшими основаниями являются различия:

- Аристотелем теоретической, практической и пойкиетической философий, оперирующих со знанием, умением и творением.
- Гнозиса (постижения) и техне (создания) как типов отношения к миру. — Фаз цикла деятельности (предпроектные изыскания, изобретение, воплощение, пуско-наладка, эксплуатация, реконструкция, демонтаж).
- Концепций языка и речи (герменевтики, филология, лингвистики, семиотики, функциональной лингвистики — прагмалингвистики и когнитивной лингвистики).

Эти различия позволяют трактовать ПЛ как практическое и пойкиетическое техне в сфере изобретения, воплощения... демонтажа в функциональной лингвистике, причём такая трактовка даёт мерилу артикулированности занятий, относимых к ПЛ. Предметно-дисциплинарное рассмотрение ПЛ и смежных областей включает темы:

- Общая, теоретическая и математическая лингвистики в их отношении к компьютерной и ПЛ.
- Школы структурной лингвистики (Женевская, копенгагенская глоссематика, формализм русского авангарда, Пражский лингвистический кружок, американский дескрип-

тивизм) как источник ПЛ. Приложения теоретической лингвистики как внутри- и междисциплинарные трансферы.

- Ограниченные подязыки для специальных целей — эталонный объект ПЛ. «Семантические» подязыки и профессиональные картины мира. «Синтаксические» подязыки и функциональная стилистика языков для специальных целей. «Прагматические» подязыки и регламент коммуникативной ситуации.
- Единство математической, компьютерной и ПЛ как соединение цели, метода и инструмента. Междисциплинарные трансферы как средство такого соединения.
- Математическая лингвистика как результат междисциплинарного трансфера. Её отношение к структурной лингвистике. Лингвостатистика. Атрибуция текстов. Алгебраические модели языка. Дешифровка.
- Инженерная лингвистика как часть ПЛ. Лингвистический процессор.
- Компьютерная лингвистика. Автоматизированная и автоматическая обработка текста. Лингвистический автомат. Автоматический анализ текста (включая семантический), перевод, индексирование, реферирование. Компьютерная лексикография.
- Базы данных. Корпуса. Корпус-менеджеры и разметка текстов.
- Речевые технологии. Акустическая фонетика.
- ПЛ и письмо. Грамматология и периферические устройства компьютера. Распознавание текста. Полиграфическая задача.

Б. Области, в одних академических традициях относимые к ПЛ, а в других — нет. Таковы «практическая» лингвистика, лингвистическая география, социолингвистика и лингвосоциология, психолингвистика и когнитивная лингвистика, эргономика, вспомогательная педагогика, биология речи, нейролингвистика, биолингвистика, биосемиотика, биогерменевтика, а также проблемы «языка» животных, происхождение языка и письма. Для этих областей характерны разнонаправленные внутри- и междисциплинарные трансферы концепций, методов и результатов.

В. Зачёт, во время которого магистранты представляют свой образ ПЛ с учётом персональных интересов и планов профессиональной деятельности. Это требует привлечения идей когнитологии (когнитивной лингвистики, напр., ментальных пространств [Fauconnier, Turner 2002]), когнитивной графики [Чебанов 2020]. При защите зачётных работ совместно обсуждаются наиболее интересные из выявленных магистрантом вопросов (напр., в 2022 г. медико-лингвистическая экспертиза и диагностика психоневрологических и соматических расстройств).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-0038

Литература

- Чебанов С. В. Судьба математической лингвистики в эпоху второй когнитивной революции // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 13. СПб, 2019. С. 22–44.
- Чебанов С. В. Когнитивная графика как способ изображения идей // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: М., 2020. Вып. 10. С. 309–376.
- Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. NY, 2002.

ОСОБЕННОСТИ КОРЕФЕРЕНЦИИ И ПРОБЛЕМА СВЯЗНОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Воейкова Мария Дмитриевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

В последние годы в прессе появилось много текстов, в которых нарушаются негласные правила кореференции основных протагонистов. Сообщая о происшествиях, журналисты используют ранее не зафиксированные кореферентные обороты, причем располагают их в необычном порядке, называя сначала более узкое, а затем более широкое понятие, (1):

- (1) Житель Абинска Краснодарского края избил мужчину, в котором узнал любовника своей матери. Как пишут авторы поста, поняв, что перед ним человек, к которому мать ежедневно уходила от отца, россиянин разозлился, повалил прохожего на асфальт и начал наносить ему удары по всему телу. После этого он помог мужчине подняться и доехать до больницы (Lenta.ru, 10.01.2023).

Первое предложение задает уровень референции, вводит неопределенного участника, жителя местности и его жертву. Следующее упоминание, по логике, предполагает снижение уровня неопределенности. т.е. сужение референтной группы (например, молодой человек, подозреваемый, преступник и т.д.), поэтому неправомерно расширенные номинации (россиянин, прохожий) выглядят не вполне логично для обоих участников, так как ничего не добавляют к предшествующей характеристике и не позволяют уточнить, кто преступник, а кто жертва. Кроме того, можно предположить, что существует привычный набор понятий, используемых как средства кореференции. Так, наименования гиперонимов (мужчина, россиянин, петербуржец), часто используемые в последнее время, ранее применялись значительно реже. Поэтому одной из гипотез является предположение о том, в последнее время чаще нарушаются правила совмещения гипонимов и гиперонимов в текстах, содержащих повествование о последовательно сменяющихся друг друга событиях. Можно предположить, что эти непривычные употребления получили особенное распространение в связи с тем, что более прозрачные тавтологические кореферентные средства (повторяющиеся местоимения или номинации) воспринимаются в наши дни как серьезные стилистические ошибки. Возможно, это связано со стилистическими установками журналистов. Между тем, еще 20 лет назад тавтология не считалась пороком и встречалась чаще, см. (2):

- (2) В Филадельфии четверо в масках расстреляли шестерых мужчин и женщину. Шесть мужчин и одна женщина скончались на месте. (Lenta.ru, 2000.12, НКРЯ).

В докладе будет проверено и это предположение и проведен сравнительный анализ употребления тавтологических кореферентных средств. Предварительный анализ по материалам КГТ (Корпуса газетных текстов) подтверждает это наблюдение. Анализ кореференции и резолюции анафоры в различных языках говорит о том, что эти взаимосвязанные понятия обладают существенной языковой спецификой, опирающейся как на лексические, так и на грамматические особенности. Например, в немецком языке одно из анафорических средств содержит прямое указание на возраст персонажа, который до этого не был известен читателю, см. (3):

- (3) Und diese Aufnahme aus dem Bildband „Iran.Interrupted“ (Hatje Cantz Verlag) von Beatrice Minda. Die 46-Jährige lebt in Berlin und hat in den Jahren 2010 und 2011 drei Monate lang

Wohnungen, Häuser und Gärten in Iran fotografiert. Einen persönlichen Bezug hatte sie damals nicht zu dem Land. Die Fotografin wusste nur, dass das Zuhause dort eine besondere Bedeutung hat.

‘А этот снимок из фотоальбома Беатрис Минды «Иран. Стоп-кадр» издательства Хатъе Кантц. 46-летняя (женщина) живет в Берлине, а в 2010–2011 гг. три месяца фотографировала квартиры, дома и сады в Иране. В то время она еще не имела никакого личного отношения к этой стране. Фотограф знала только, что понятие дома имеет там особенное значение’ (перевод мой — МВ). (Marie Rövekamp, Seltene Fotografien: Wo die Menschen in Iran ihre Freiräume haben, Tagesspiegel 09.01.2015).

Сопоставление имени героини с ее возрастом становится возможным благодаря определенному артиклю, который однозначно связывает имя с субстантивированным указанием на возраст (die 46-jährige). В русском языке такие обозначения применимы только в отношении детей и животных, и то в раннем возрасте (трехлетка, двухлетка). Аналогично, название профессии («фотографиня») в сочетании с определенным артиклем однозначно указывает на главную героиню повествования, в то время как из русского перевода не вполне ясно, что фотограф и есть Беатрис Минда. Эти межъязыковые различия описаны специалистами по теории перевода на материале артиклевых языков, см. например, (Майкова 2018).

Как видно из (3), наличие определенного артикля в оригинальном тексте делает возможным указание на ранее упомянутого конкретного протагониста при помощи расширительной номинации, в то время как в безартиклевом языке, таком как русский, вторая номинация вводит в заблуждение из-за недостатка показателей кореференции. Так, в русском варианте (3) женское имя (Беатрис Минда) и название профессии (фотограф) в мужском роде препятствует их отождествлению. Поэтому третьим предположением, рассмотренным в докладе, является то, что изменение принципов связности текста в последние десятилетия могло произойти в результате влияния артиклевых языков и той стилистики, которая принята в журналистской деятельности на этих языках. Об этом косвенно свидетельствует то, что знание языков в среде молодых журналистов значительно выросло в последние десятилетия, а ясное описание принципов кореферентности в русском языке еще не сформулировано.

Литература

Майкова Т.А. К вопросу о сохранении кореференции как средства связности текста при переводе // *Litera*. 2018. № 4. С. 201–208. DOI: 10.25136/2409-8698.2018.4.28044. URL: https://e-notabene.ru/file/article_28044.html

СЕМАНТИКА ФУТУРАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Боднарук Елена Владимировна

профессор, Северный (Арктический) федеральный университет

Футуральность является функционально-семантической категорией, базовое (темпоральное) значение которой — указание на то, что мыслится субъектом речи предстоящим по отношению к некоторой точке отсчета. Темпоральная составляющая футуральности обнаруживается в противопоставлении будущего с дейктической ориентацией (на момент речи) и будущего с анафорической ориентацией (на другое действие). В первом случае речь идет о будущем времени как таковом, противопоставленном настоящему и прошлому. Во втором случае можно говорить об относительном значении следования одного действия за другим в полипропозитивном высказывании.

Темпоральная основа футуральности определенным образом коррелирует с аспектуальной семантикой. Данная корреляция проявляется в том, что к употреблению в значении будущего тяготеют предельные глаголы. Кроме того, ряд грамматических форм с футуральной семантикой характеризуются наличием аспектуально-маркированного значения «будущее, мыслимое как завершенное» (напр., перфект, футур II).

Семантическая структура футуральности многослойна и включает в себя не только темпорально- (а также аспектуально) маркированные значения, но также модально- и эвиденциально-маркированные значения. Взаимодействие нескольких значений в составе категории футуральности обусловлено особым статусом будущего времени в онтологическом и гносеологическом плане, в частности его нефактуальностью и неverifiedируемостью в момент речи.

Модальность будущего представлена двумя компонентами: волитивным и эпистемическим. Волитивное будущее коррелирует с намерением совершить действие, с желанием побудить другое лицо совершить действие или с выражением желания / пожелания, чтобы что-либо свершилось. Волитивное будущее связано с наличием у потенциального исполнителя действия «(частичного) контроля» над будущим действием. Напр.: *Ich werde dir helfen.* («Я помогу тебе»).

Эпистемическое будущее соотносится с оцениванием степени вероятности предстоящего действия или события. Оценка пропозиции производится по так называемой шкале уверенности. Эпистемическое будущее оценивает наступление будущего действия / события в целом как возможное, т. е. речь в этом случае может идти о средней степени уверенности со стороны говорящего. Напр.: *Er ist weg. Eines Tages wird er aber zurückkehren.* («Он уехал. Но однажды он вернется»).

При экспликации эпистемических значений, связанных с наличием у говорящего уверенности в том, что действие / событие произойдет (т. е. когда наступление будущего очень вероятно), проявляется также эвиденциальная семантика футуральных средств, поскольку в этом случае говорящий обычно опирается на какой-либо источник информации (= эпистемико-эвиденциальное будущее). Напр.: *Morgen wird er in der Stadt sein. Er hat mir das versprochen.* («Завтра он будет в городе. Он мне это пообещал»).

В случае, когда говорящий анонсирует будущее событие, наступлению которого ничто не может помешать, поскольку оно детерминировано объективными факторами, а его наступление гарантировано надежностью источника, речь идет об эвиденциальном будущем. Напр.: *Morgen wird mein Geburtstag sein.* («Завтра будет мой день рождения»).

Таким образом, симбиоз темпоральной основы будущего с волитивной, эпистемической, эпистемико-эвиденциальной или эвиденциальной семантикой, проявляющейся в конкретной коммуникативной ситуации, обнаруживает сложную природу рассматриваемой категории, что, в свою очередь, обуславливает значительный репертуар разноуровневых языковых средств, служащих для ее экспликации.

Языковые единицы, объединенные в рамках категории футуральности, эксплицируют будущее по-разному. Одни выражают будущее время дискретно, т. е. данное значение является у них основным (напр., футур I). У других единиц выражение будущего — неосновное значение,

но использование их в данном значении представляет собой очень распространенное явление (напр., презенс). У третьих значение будущего времени совмещается с выражением дополнительной семантики завершенности (напр., футур II, перфект), или сочетается с потенциально-ирреальным значением конъюнктива (напр., кондиционалис I в прямой речи). Вместе с тем, у ряда языковых единиц значение будущего обусловлено их основным значением — обычно модальным (напр., императив, конструкции с модальными глаголами), т.е. выражается неди-скретно (имплицитно).

Следует отметить, что хотя некоторые грамматические средства — например, футур I и презенс — способны использоваться практически во всех типах будущего времени — волиитивном, эпистемическом, эпистемико-эвиденциальном и собственно эвиденциальном, многие из языковых единиц категории футуральности обнаруживают определенные семантические ограничения (напр., императив ограничен только волиитивной семантикой).

Исследование феномена футуральности производилось нами на материале немецкого языка, однако можно предположить, что описанная выше типология футуральных значений может быть применена и к другим языкам мира. Ведь восприятие будущего времени носителями разных языков должно иметь общие черты. Сходства в восприятии определенных феноменов, имеющие типологический характер, обычно объясняются «принципиальным единством человеческой природы» [Мечковская 2001: 29], что, разумеется, не отменяет наличия различий в конкретных средствах выражения этих феноменов в естественных языках.

Таким образом, категория футуральности обладает сложной семантической структурой. Она находится на стыке взаимодействия нескольких категорий — темпоральности, аспектуальности, модальности и эвиденциальности — значения которых тесным образом переплетаются, подчеркивая особый статус футуральности среди других функционально-семантических категорий.

Литература

Мечковская Н. Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков: учеб. пособие. М., 2001.

ОЦЕНОЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО СЛОВОМ «ПЛОХОЙ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Ван Илин

преподаватель, университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

Настоящая работа посвящена оценочным высказываниям со словом *плохой*, которое соответствует китайскому иероглифу 坏 хуай, ср. (1):

- (1) 他是个坏孩子. Он COP CLF *плохой* мальчик. ‘Он *плохой* мальчик.’ [莫言/Mò Yán. 生死疲劳 / Shēngsǐ píláo (2006) | Мо Янь. Устал родиться и умирать (И. А. Егоров, 2014)].

Как представлено в примере (1), он является объектом оценки, субъект оценки — говорящий, а предикат *плохой мальчик* включает в себе саму оценку. Основание оценки здесь явно не выражено. В русском оценочном высказывании произошёл эллипсис связки (COP), что нехарактерно для китайского языка. В китайском тексте употребляется и 个 гэ ‘счётное слово’(CLF), указывающее на единичность и неопределённость следующего существительного — 坏孩子 хуай хайцзы ‘*плохой мальчик*’.

В современных описаниях проявляется значительный интерес к межъязыковому соответствию средств выражения оценки, а описание оценочно-характеризующих предложений такого типа остаётся недостаточным.

На наше изучение высказываний большое влияние оказала теория функциональной грамматики. По мнению М. Д. Воейковой и Ю. А. Пупынина, предложения типа *Он плохой мальчик*, способные передать субъективное суждение с помощью оценочных имён существительных или прилагательных, определяются как «конструкции включения в класс», находящиеся в центре функционально-семантического поля качественности [Воейкова, Пупынин 1996: 53].

Оценочные конструкции со словом «*плохой*» в русском и китайском языках рассматриваются как синтаксические конструкции с доминирующей оценочной функцией.

Целью исследования будет сравнительный анализ конструкций такого типа и их соответствий в китайском языке. При этом подчёркивается необходимость выявить различия в семантике и функции синтаксических структур обоих языков.

В параллельном русско-китайском корпусе по команде *плохой* мы получаем 59 документов, 505 вхождений. С учётом грамматической структуры оценочных высказываний с предикатным словом «*плохой*» мы составили три варианта поисковых команд и завершили поиски по ним. Далее, наш поиск работает по китайской разметке и в лексеме веден иероглиф 坏 хуай. У нас получились 34 документов, 288 вхождений. При помощи ручной выборки выявлены оценочные высказывания. На их основе мы обобщили следующие синтаксические структуры:

- 1) простое оценочное предложение: N/Pron/V + 坏 хуай;
- 2) основное оценочное предложение: N/ Pron + 是 ши COP/COPneg + (CLF) + 坏N;
- 3) предложение с оценкой действия: V + 得 дэ AUX + 坏 хуай;
- 4) оценочное предложение с глаголом, обозначающим принадлежность: Vpossession + 坏N.

Потом мы составили 4 варианта поисковых команд и завершили поиски по ним.

Разумеется, что при разных вариантах поиска проявляется различная эффективность команды. Доля оценочных высказываний при поиске прилагательного *плохой* в полной форме перед знаком препинания и при поиске прилагательного 坏 хуай после глагола действия оказывается значительно выше.

Что касается особенностей употребления оценочных конструкции со словом «*плохой*» в русском языке в сопоставлении с китайским, мы начали анализ со случаев, в которых русская оценочная конструкция соответствует китайскому высказыванию в семантическом и синтаксическом аспектах, таких как пример (1). Высказывания типа *Она плохая* и *Она плохая женщи-*

на представляют собой простые оценочные предложения разного типа с предикатным словом *плохой*, которые различаются как пример оценки и включения в класс. А в их китайских соответствиях также разграничиваются предложение с простым качественным сказуемым 她坏 та хуай 'Она плохая' и предложение со сложным качественным сказуемым 她是坏女人 та ши хуай нюйжэнь 'Она плохая женщина'. В случаях последнего типа «имеет место опосредствованное соотнесение признака с предметом — носителем признака» [Горелов 1989: 135]. Однако, чаще встречается асимметрия оценочной семантики в оригинале и переводе. В общем, межъязыковое соответствие конструкций нашего типа характеризуется следующими чертами:

1. Высказывания нашего типа в параллельном корпусе распространены не очень широко. На это влияет тот факт, что как в русском языке, так и в китайском языке существует ряд синонимов слова 坏 хуай 'плохой', такие как 不好 бухао 'нехороший', 糟糕 цзао 'скверный', 恶劣 эле 'дурной' и т. д. Они легко вместо друг друга употребляются в аналогичных ситуациях, но в некоторых случаях, наоборот, оказываются зависимыми от контекста.

2. В русском языке оценочные конструкции нашего типа разделяются на простое предложение с предикатным словом «плохой» и конструкцию включения в класс, а в китайском языке кроме аналогичных конструкций классифицируются ещё предложение с оценкой действия и оценочное предложение с глаголом, обозначающим принадлежность. Последние два типа рассматриваются как присущие китайскому языку оценочные конструкции.

Работа поддержана грантом Министерства науки и высшего образования № 075-15-2020-793 «Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования».

Литература

Воейкова М. Д., Пупынин Ю. А. Предикативная качественность // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996. С. 53–65.

Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М., 1989.

ЯДРО РУССКОЙ ГРАММАТИКИ: РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Введенская Наталия Михайловна

старший лаборант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Осваивая язык, ребенок пользуется упрощенной системой правил, которая помогает ему сделать первые шаги в овладении русской грамматикой. Принято считать, что сначала дети постигают глубинные закономерности, а после переходят к освоению более частных правил. В лингвистике этот процесс описывается противопоставлением «система–норма»: «Система заучивается гораздо раньше, чем норма: прежде чем узнать традиционные реализации для каждого частного случая, ребёнок узнает систему „возможностей“, чем объясняются его частые „системные образования“, противоречащие норме...» [Косериу 1963: 237].

С точки зрения С. Н. Цейтлин, система имеет сложную структуру, но «...можно выделить ее основу, ядро, совокупность наиболее общих закономерностей, максимально отвлеченных от лексического воплощения» [Цейтлин, 2009: 64]. С помощью обобщения типичных явлений детской речи, свойственных разным периодам освоения языка, попытаемся реконструировать искусственную модель, отражающую «совокупность наиболее общих закономерностей», или ядро русской грамматики. Категория рода. В упрощенной языковой системе монолингва трехродовая модель русской грамматики поначалу будет сведена к противопоставлению «мужского» рода — существительных, оканчивающихся на твердый или мягкий согласный, и «женского» рода — существительных, оканчивающихся на -а. На первых этапах слова среднего рода будут отнесены к одной из этих двух категорий («весь молоко вылил», «такую платяницу», «большая яблока»). Осознание семантического аспекта происходит приблизительно к трем годам — возрасту освоения элементарной половой идентичности. С этого момента случаи несовпадения грамматического рода с полом одушевленных существительных начинают вызывать у ребёнка протест. Это касается существительных общего рода («Сирота — это же девочка!»); существительных мужского рода, обозначающие лица по роду занятий («Я не рыцарька»); зоонимов («Там дедушка-черепах был»); других существительных, которым придаются одушевленные свойства («Нет, я не пень. Эта только ты пень и мама пеня»). Система склонений также поначалу упрощена до бинарной оппозиции: слова третьего склонения переходят в первое или второе («какой-то мышь», «из далекого даля», «морковку с грязей»). Итак, в ядре грамматической системы два рода — мужской и женский, два склонения — первое и второе. Семантика категории рода всегда выражается с помощью грамматики и наоборот, грамматика всегда отражает семантику, если речь идет об одушевленных существительных. Упрощенные правила формо- и словообразования В самом общем виде создание новых слов или форм слова представляет собой конструктор, где к основе прибавляются подходящие детали — аффиксы. Вот главные пункты такого конструирования.

1. Основа слова не должна изменяться. Морфонологические явления на этапе создания первичной грамматической системы игнорируются. Это проявляется в пренебрежении беглыми гласными («нет пёса», «давай вытеремся»), чередованием согласных («посидю», «ухи», «чистее»). Дети стараются избегать переноса ударений («река́/на реку́», «но́ги/но́гами») и наращивания основы («имя/с именем»). При создании новых слов дети тоже стремятся сохранять основу неизменной («героиница», «выступайка», «молоковый», «мужчинский»), но это не выражено так заметно, как при формообразовании. Итак, в ядре грамматической системы всё формо- и словообразование должно производиться только с помощью добавления аффиксов к неизменной основе, а ударение должно быть закреплено.

2. Стремление использовать один формо- и словообразующий элемент для создания одного типа форм или слов. Правильнее было бы сказать «стремление свести к минимуму» набор таких элементов. Этот пункт проявляется, прежде всего, в «экспансии флексий», в образовании форм мн. ч. им. п. только с помощью окончания и/ы («роги», «окны», «братья», «чудовищи»), в расширении сферы суффикса -ин для притяжательных прилагательных («волшебнин рубин»),

«мальчикина машинка») и т. п. В словообразовании заметна тенденция к использованию только продуктивных моделей. Например, один продуктивный суффикс для выражения одного смысла: «жаркость», «добрость», «отважность» или «жаркота», «мокротá» и т. п. Итак, в ядре грамматической системы для создания одной формы всегда будет использоваться единственный формообразующий элемент. Словообразование стремится к тому, чтобы выразить определенную семантику с помощью одного аффикса или одного набора аффиксов.

3. Морфологические правила применяются всегда. В русском языке встречаются слова, к которым морфологические правила не применяются (несклоняемые существительные, *plurabilia* и *singularia tantum*). Дети такой способ обращения со словами игнорируют («на пианине», «нет музыков», «отрежем ножницей»), для них морфологические правила тотальны, а исключений не бывает. Морфологические правила применяются и там, где в нормативном языке существуют лакуны. Пробелы дефектных парадигм будут закрыты детскими инновациями («я победу», «нет мечтов»). Словообразование в каком-то смысле так же тотально, как и словоизменение. Если продуктивная словообразовательная модель существует, ребёнок будет её использовать для образования любых нужных слов. Итак, в ядре грамматической системы могут быть образованы любая форма и любое слово по существующей модели. Запреты, исключения, лакуны — отсутствуют.

Выводы. Обширный фонд данных, собранный исследователями детской речи за долгие годы, позволяет суммировать характерные явления и выделить объединяющую их конструкцию — ядро, или каркас, русской грамматики. Это искусственная модель, которая заостряет и доводит до логического завершения тенденции, свойственные детской речи на разных этапах освоения языка.

Литература

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Прогресс, 1963. С. 143–309.

Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.

ОСОБЕННОСТИ ТАКСИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНСТРУКЦИЯХ С ДЕЕПРИЧАСТИЯМИ, ОБРАЗОВАННЫМИ ОТ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

Иванова-Жданова Елена Юрьевна

преподаватель, Новосибирский государственный технический университет

Проблема зависимого таксиса является довольно широко исследованной (А. В. Бондарко [Бондарко 1987], Т. Г. Акимова, Н. А. Козинцева [Акимова, Козинцева 1987], В. С. Храковский [Храковский 2009] и др.). Тем не менее, недостаточное внимание уделяется специфике таксисных отношений, определяемой лексическими свойствами глаголов. Пока в этом аспекте была рассмотрена группа глаголов положения в пространстве (Н. В. Зорихина-Нильссон [Зорихина-Нильссон 2014]). Таксисные свойства глаголов движения остались вне поля зрения лингвистов, что обусловило внимание к данной проблеме.

Материалом исследования послужили деепричастия, образованные от 18 пар бесприставочных глаголов движения и их производных с приставками пространственной семантики, а также высказывания с данными деепричастиями, извлечённые из Национального корпуса русского языка (в количестве 600). Основным методом исследования выступила теория категориальных ситуаций А. В. Бондарко.

В результате исследования было выявлено, что помимо типовых свойств (одновременности в формах НСВ и одновременности — СВ) деепричастия от глаголов движения обладают особенностями, которые связаны с выражением нестандартных таксисных отношений и ограничениями на соотношение лексем личной и неличной форм.

Выражение нестандартных таксисных отношений было установлено в конструкциях с деепричастиями НСВ, которые имеют семантику предшествования. Это происходит:

а) при обозначении опорной таксисной формой действия, обуславливающего прекращение движения, ср.: Подбегая к нему, я провалился по пояс в яму с талой водой (В. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург);

б) при обозначении опорной таксисной формой результата движения: Ползя на четвереньках весь день, французы добрались наконец, перед заходом солнца, до отвесной каменной стены, преградившей им путь (Н. Чуковский. Водители фрегат);

в) при обозначении деепричастием удаления из какого-либо пункта с помощью транспортных средств, а опорной таксисной формой — действия, совершаемого до момента движения. Данный случай, однако, можно трактовать двояко: как предшествование основного действия движению и как одновременность подготовки к движению и основного действия, ср.: А осенью 1960 года, уезжая из Алма-Аты, я зашёл в Центральный музей Казахстана и попросил дать мне снимки всех строений Зенкова (Ю. Домбровский. Хранитель древностей); В четвертый раз поэт, улетаая в Америку, предусмотрительно смокинг захватит (И. Вирабов. Андрей Вознесенский). Моносубъектность в конструкциях с деепричастиями влияет на возможность использования лексем с семантикой движения в качестве зависимой и опорной таксисных форм.

В конструкциях с деепричастиями от глаголов движения в качестве опорных форм обычно выступают глаголы других лексических групп (глаголы речи, мысли, восприятия, физического действия и др.): Идя после работы по улице с Иваном Григорьевичем, он вдруг сказал... (В. Гроссман. Всё течёт); «Пора и мне на север, — думал Гуров, уходя с платформы. — Пора!» (А. Чехов. Дама с собачкой); Ходя по залам Национального музея, я увидела портрет Лоуренса Оливье (Т. Доронина. Дневник актрисы); Потом вывел его на лестницу и, идя сзади него, выстрелил ему в затылок (Л. Яновская. Главы из новой книги о Михаиле Булгакове. Несколько сюжетов из небытия).

Функционирование глаголов движения как опорной и зависимой форм имеет определённые ограничения. Были выявлены ограничения лексических групп, главным образом в конструкциях с семантикой одновременности. Это касается следующих случаев.

а) Глаголы в личной форме и деепричастия должны составлять оппозицию по признаку самостоятельности движения. Так, если опорная форма — некаузативный глагол движения, то может использоваться деепричастие от каузативного глагола движения; а если опорная форма — каузативный глагол движения, то может использоваться деепричастие от некаузативного глагола движения. Например: Штоквич шёл позади, неся фуражку на сгибе локтя (Б. Васильев. Были и небыли); Как-то, идя из лесу, нёс я в руке подснежники (В. Астафьев. Последний поклон).

б) Глаголы в личной форме и деепричастия могут обозначать каузативное движение, но при этом у них должны быть разные объекты: Игорь вёз тележку с продуктами одной рукой, в другой руке неся маленькую корзину (разг. речь).

Таким образом, выявленные в результате исследования особенности конструкций с деепричастиями от глаголов движения демонстрируют взаимосвязь между лексической семантикой глагольных форм и таксисными отношениями, что свидетельствует о необходимости учёта семантики глаголов разных лексических групп в анализе средств выражения таксиса.

Литература

- Бондарко А. В.* Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 234–242.
- Акимова Т. Г., Козинцева Н. А.* Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций) // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 257–274.
- Храковский В. С.* Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций. М., 2009. С. 11–113.
- Зорихина-Нильссон Н. В.* Таксисные деепричастные конструкции с глаголами стандартного положения в пространстве в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10, № 3. С. 273–298.

ОТСУТСТВУЮТ ЛИ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И АСПЕКТА В ЯЗЫКЕ ТАЙО?

Калинин Степан Сергеевич

директор, Международный Славянский институт Научно-образовательного центра русского языка и славянской культуры

Язык тайо, распространенный на Новой Каледонии, является единственным представителем франкокреольских языков, распространенным на территории Океании. Он развивался независимо от других франкокреолов, практически не имея связей с англоязычным плантационным пиджином бичламар и его потомками [Беликов 1998: 164]. Этот факт уже позволяет говорить о том, что тайо занимает уникальное место среди всех прочих океанийских креолов. В литературе описана также и другая отличительная черта данного языка, а именно, отсутствие грамматикализованных аспектуальных и временных показателей: см., например, в исследовании [Беликов 1998: 165]. Ср. также с описанием аспектуально-временной и модальной системы этого языка в «Атласе пиджинов и креольских языков» [Ehrhart, Revis 2013], где сказано о том, что время, аспект и наклонение в тайо выражаются преимущественно не за счет использования морфологических средств, но при помощи лексических средств (наречий с темпоральной семантикой), а также путем использования контекстуальной актуализации соответствующей семантики. Между тем, как сказано в цитированном выше исследовании [Ehrhart, Revis 2013], тайо имеет ограниченный набор показателей, выражающих различные темпоральные, аспектуальные и модальные значения. Уместно здесь также будет привести высказывание В. И. Беликова о том, что в тайо грамматикализован только лишь показатель будущего времени *va*, впрочем, «статус которого не до конца ясен» [Беликов 1998: 165]. Ниже кратко перечисляются основные темпоральные, аспектуальные и модальные маркеры тайо, с характеристикой грамматической семантики каждого из них. Описание дается по работам [Ehrhart, Revis 2013], а также [Ehrhart 1993], [Corne 1999]. Среди этих маркеров можно выделить следующие: *va* (показатель будущего времени, используется также для выражения ирреалиса), *ete* (показатель имперфектива прошедшего времени), *atra* ⁿde (маркер прогрессива), *fini* (показатель перфектива, также используется как показатель комплетива), *mwaja* ⁿde (показатель, выражающий модальность внешней возможности), *kone* (еще один показатель, выражающий модальность внутренней возможности), ^mbeswa ⁿde (показатель, выражающий модальность необходимости) и др. Нулевое маркирование (отсутствие каких-либо показателей) может передавать семантику настоящего времени, прогрессива настоящего времени, хабиуталиса, а также семантику простого прошедшего времени и будущего непосредственного. Темпоральные, аспектуальные и модальные показатели в тайо могут сочетаться между собой, однако, такое происходит относительно редко [Ehrhart, Revis 2013]. В случае же их сочетания показатели времени предшествуют показателям аспекта в глагольной группе. Как правило, все показатели находятся в препозиции к основному смысловому глаголу. На основании анализа представленных выше показателей времени, аспекта и модальности тайо вместе с их значениями, можно сделать следующие выводы. Прежде всего, обратим внимание на то, что ряд показателей функционально дублируют друг друга: в частности, это относится к показателям, выражающим комплетив, — *fini* и ⁿd̥za. С другой стороны, один и тот же формант может передавать значения, относящиеся к различным функционально-семантическим полям: в частности, из приведенных выше примеров это *fini*, который наряду с комплетивом передает значение и перфектива различных времен. Во-вторых, следует заметить, что во многих случаях наличие того или иного показателя и его значимое отсутствие имеют одинаковую функциональную нагрузку. Так, настоящее и прошедшее время в тайо выражаются преимущественно при помощи использования лексических средств, в то же время для передачи граммы прошедшего времени может использоваться показатель *ete*, а для передачи будущего времени — показатель *va*. Вместе с тем, и прошедшее, и настоящее время в тайо может выражаться только за счет использования лексических маркеров. Кроме того, следует учитывать также особенности синтаксических трансформаций в тайо: аспектуальные и временные показатели могут легко элиминироваться из глагольной группы, но в таком слу-

чае требуется лексическое или контекстуальное указание на темпоральную семантику. Подведем общий итог работы. В тайо сочетаются лексический способ передачи временных категорий с частичной грамматикализацией показателей времени (например, футурального маркера *va*). Тем не менее, в тайо допускается достаточно свободное опущение темпоральных маркеров в тех случаях, когда соответствующие значения могут быть переданы лексически. Помимо прочего, ряд аспектуальных и модальных показателей тайо также берет на себя функцию передачи темпоральной семантики. Следовательно, тайо отличается как от прочих креольских языков, в которых категория времени грамматикализована, так и от языков, описываемых в типологических исследованиях как «языки с отсутствием категории времени» (например, индонезийский). Тайо сочетает в себе отдельные признаки каждой из вышеназванных языковых групп.

Литература

- Беликов В. И. Пиджины и креольские языки Океании. Социолингвистический очерк. М., 1998.
- Corne Ch. From French to Creole — the development of new vernaculars in the French colonial world, Westminster Creolistics Series 5. London, 1999.
- Ehrhart S. Le créole français de St-Louis (le tayo) en Nouvelle-Calédonie. Kreolische Bibliothek 10. Hamburg, 1993.
- Ehrhart S., Revis M. Tayo The survey of pidgin and creole languages / eds Michaelis S.M., Maurer P., Haspelmath M., Huber M. // The survey of pidgin and creole languages. Vol. 2: Portuguese-based, Spanish-based, and French-based Languages. Oxford, 2013. URL: <https://apics-online.info/surveys/57>

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЧИНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ XVIII И XXI ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, ИТАЛЬЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Калятин Игорь Сергеевич

старший преподаватель, Московский городской педагогический университет

Причинно-следственные отношения представляют собой универсальные отношения, так как не существует явлений, которые бы не имели своих причин, и нет явлений, которые бы не влекли за собой конкретные следствия. Для языкознания значимость проблемы каузальности детерминирована тем, что язык является средством репрезентации мысли, а причинность лежит в основе человеческого мышления. Причинно-следственные отношения отмечают закрепление в языке ключевой стадии человеческого мышления — логического вывода, переход от констатации к логическому мышлению, умозаключению. В связи с этим рассмотрение проблематики выражения каузальных отношений языковыми средствами не теряет своей актуальности. Рассматривая грамматические средства выражения причины как систему, следует остановиться на понятии поля в языкознании. Понятие и теория поля в лингвистике происходят от определения языка как системы. Теория поля подробно рассматривает также лингвист Г. С. Щур. Автор выделяет фонемные, морфемные, семантические, словообразовательные, лексические, функционально-семантические поля, поле множественности, залоговости, одушевленности/неодушевленности, а также макро-микрополя [Щур, 2018: 84]. Наиболее последовательное развитие теория поля в грамматическом аспекте получает в работах Александра Владимировича Бондарко. Рассматривая поле как национальный феномен с присущим ему планом содержания и планом выражения в их единстве, А. В. Бондарко выдвигает понятие функционально-семантического поля. Согласно дефиниции А. В. Бондарко, функционально-семантическое поле — это «система разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций» [Бондарко, 2001: 56]. В основе подобного функционально-семантического поля лежит семантическая категория, под которой следует понимать систему форм, объединенных на основе общности того родового значения, по отношению к которому значения отдельных членов категории являются видовыми, а также совокупность парадигмы морфем и выражаемого ими морфологического значения [Бирюкова, Радченко, Попова, 2019: 43]. Элементы, которые входят в поле, расположены в порядке постепенного перехода от ядра к периферии, в зависимости от их значения для конкретного функционально-семантического поля. Это позволяет выделять в структуре следующие элементы: ядро и околоядерную зону; периферию ближнюю, дальнюю и крайнюю. По мнению Александра Владимировича Бакулева, функционально-семантическим полем каузальности можно назвать группировку синтаксических, морфологических и лексических единиц, которые выражают семантическую категорию каузальности. Согласно мнению ученого, данная категория, в свою очередь, распадается на две субкатегории — причины и следствия, вследствие чего функционально-семантическое поле каузальности также делится на два миниполя — миниполе причины и миниполе следствия [Бакулев, 2009: 40]. В настоящем докладе мы остановимся на рассмотрении грамматических средств выражения именно миниполя причины в немецком, итальянском и русском художественном тексте XVIII и XXI вв.

Проведенный анализ языкового материала позволил выявить набор общих и отличительных черт при диахроническом сопоставлении рассматриваемых языков (немецкого, итальянского и русского): Рассмотрение языкового материала художественных текстов XVIII в. позволяет выделить в качестве общих черт немецкого, итальянского и русского языков актуализацию внутри причинных придаточных предложений реальной и логической причин. Анализ языковых фактов в художественном тексте XVIII в. демонстрирует, что значения дополнительной и неизвестной причин, а также значение попутного замечания характерны не для всех рассматриваемых нами языков. Так, значение дополнительной причины актуализируется в немецком

языке — с помощью придаточного предложения с союзом *zuma*, а в итальянском языке — с помощью придаточного предложения с союзом *siccome*. Значение попутного замечания репрезентируется через причастные обороты в немецком языке и деепричастные обороты — в русском языке.

В немецких, итальянских и русских художественных текстах XXI в. наблюдается дальнейшая актуализация значения логической причины. Специфика структуры причастных оборотов в немецком языке состоит в их постановке внутри придаточного дополнительного предложения с союзом *dass*. В итальянском языке прослеживается замена придаточного предложения с союзом *giacche* придаточным предложением с союзом *poiche*. В русских художественных текстах XXI в. отмечается употребление причастных и деепричастных оборотов с причинным значением. Значение дополнительной причины актуализируется в немецком языке в придаточном предложении с союзом *zuma*. Для русского языка характерно наличие частицы *ведь*, употребляющейся вместе с числительным *столько*, усиливающим содержание причины в предложении. Значение реальной причины репрезентируется внутри причинных придаточных предложений трех рассматриваемых языков.

В художественном тексте XXI в. при диахроническом сопоставлении наблюдается утрата деепричастных оборотов, выражавших в аналогичном тексте XVIII в. значение попутного замечания. Данное значение актуализируется в современном художественном тексте только при помощи причастных групп в русском языке. Значения противоположной и предполагаемой причин выявлены только в немецком языке в отличие от итальянского и русского языков.

Литература

- Бакулев А. В.* Функционально-семантическое поле каузальности в современном русском языке: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Таганрог, 2009.
- Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии: монография. М., 2001.
- Щур Г. С.* Теории поля в лингвистике. М., 2018.

ЛЁД ТРОНУЛСЯ: ИНХОАТИВ ОТ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Коршунова Анна Михайловна

соискатель, Институт лингвистических исследований РАН

Глаголы перемещения (традиционно в русистике именуемые глаголами движения) — лексико-семантический разряд глаголов, обладающих взаимным сходством не только в семантическом, но и в грамматическом отношении.

Наиболее специфической чертой данной группы глаголов с грамматической точки зрения является парность по параметру (не)направленности. В узкой трактовке к глаголам движения русисты относят лишь порядка 15 (в разных исследованиях указывалось от 13 до 27 пар) соотносительных пар глаголов. При этом «за бортом» оставались глаголы, обладающие семантикой перемещения, но не обладающие коррелятом по признаку направленности (например, плестись). Сходны глаголы и в механизмах образования способов глагольного действия (нем. Aktionsart), важнейшим из которых является инхоативный. Крупной русскоязычной типологической работой по инхоативу является статья В. П. Недялкова «Начинательность и средства ее выражения в языках различных типов». В ней разграничивается несколько терминов для начинательного способа действия: «для обозначения перехода в состояние от глаголов состояния (цвести — зацветать, сидеть — садиться) используется термин инхоатив (инхоатив в узком смысле). Термин ингрессив используется применительно к значению начала процесса от глаголов со значением процесса (бежать — побежать). Термин инцептив используется для выражения значения инхоативного показателя при сочетании с глаголами свершения (accomplishments по классификации З. Вендлера) — ‘первые признаки начала действия / особая начальная фаза действия (“начало начала”)’ (заснуть — начать засыпать)» [Оскольская, Стойнова 2012]. Таким образом, в соответствии с типологической перспективой, к глаголам перемещения относится термин ингрессив.

Прототипическим способом выражения ингрессива от всех глаголов перемещения является приставка по-. Она сочетается со всеми базовыми глаголами перемещения. Приставка за- в начинательном значении употребляется только с неоднаправленными глаголами перемещения: Петя заходил по комнате. В целом же, как отмечает Н. М. Стойнова в «Материалах для проекта корпусного описания усской грамматики», именно префикс за- является основным морфологическим средством выражения начинательности, при этом «для некоторых глагольных классов семантически и функционально близки к нему оказываются префиксы по- (забежать по комнате и побежать домой) и вз- (заволноваться и взволноваться), реже другие префиксы или циркумфиксы» [Стойнова 2020].

В сочетании с одинаправленными глаголами перемещения приставка за- обретает другое значение: «попутно, мимоходом совершить действие, названное мотивирующим глаголом; ненадолго отклониться от основного направления действия»: заехать (приехать ненадолго, по пути куда-н.), забежать, занести» [Стойнова 2020]. Приставка вз-, означающая перемещение вверх (ср. всходить), в начинательном значении сочетается лишь с глаголами лететь — летать.

Другой распространенной стратегией выражения начинательности является аналитическая. Однако она имеет ограниченную грамматическую и лексическую сочетаемость. Характерной особенностью составных инхоативов с глаголами кинуться и броситься в фазисном значении является возможность опустить сам глагол перемещения, обозначающий способ (как правило, бежать) с сохранением актантов, обозначающих источник и цель перемещения. Ср.: Если броситься бежать через барьер, это будет безумием [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]. На третьем шаге вглубь камеры я захотел развернуться и броситься прочь [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]. С переходным глаголом (например, догонять), а также с разнонаправленным глаголом перемещения эллипсис уже недопустим: Я дал Веньке ещё два раза по шее, выхватил из его кармана рогатку с оптическим прицелом, сломал её и бросился догонять Мишку с Костей [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)]. Ср. ОК ... бросился

(бежать) за Мишкой с Костей. С трудом затащила толстого, упирающегося по своему обыкновению щенка, а когда кое-как закинула его в ванную, чтоб вымыть ему лапы, Баська вдруг вырвался и, оставляя грязные мокрые следы на паркете и коврах, бросился бегать по квартире, а потом спрятался в маленькой комнате под диваном [Анна Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток», 2019].

Более нейтральная фазисная конструкция с глаголом начинать при глаголах движения часто появляется при описании изменения скорости/манеры движения или является маркером сдвига значения в сторону переносного: В отношении к волку надобно наблюдать следующее правило: как скоро он начнет бежать тише, так что нетрудно смять его лошадью, не должно подсакивать к нему слишком близко [С. Т. Аксаков. Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах (1855)].

Тогда, — говорят летописцы, — мужие и жены начали бежать в монастыри и сподобляться ангельскому чину... [Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (1863)].

Тронуться, как и двинуться, — глагол, основное значение которого и есть начало движения, безотносительно к его способу и скорости. Однако и здесь есть нюанс: предполагается, что путь будет долгим. Ср. Мы с друзьями тронулись в поход и *Мы с друзьями тронулись в соседнюю комнату. Итак, мы выделили три способа выражения инхоатива от глаголов движения: универсальный — приставочный, а также фазисная конструкция и глагольный.

Литература

- Стойнова Н. М. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Версия 06.2020. http://rusgram.ru/pdf/inchoative_nst_202005_print.pdf (дата обращения: 20.12.2022).
- Оскольская С. А., Стойнова Н. М. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // Девяткина Е. М. (отв. ред.). Сборник научных статей по материалам 1-й конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М., 2012.
- Недялков В. П. Начинательность и средства ее выражения в языках различных типов // Бондарко А. В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Л., 1987.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕННОЙ ЛОКАЛИЗОВАННОСТИ В НОВОСТНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Коршунова Анастасия Сергеевна

аспирант, Амурский государственный университет

Категория времени присуща всем сферам человеческой деятельности и, как следствие, различным типам дискурса. В данном докладе рассматриваются основные средства репрезентации категории временной локализованности, а также семантические и функциональные особенности её реализации в новостном интернет-дискурсе. Для анализа было взято 80 текстов, размещённых в разделе «Культура» на региональных новостных интернет-порталах Амурской области с 2019 по 2022 гг. Материалом для исследования послужили синтаксические единицы, выражающие различные типы временной локализованности (Л) и нелокализованности (НЛ). Отбор произведён методом сплошной выборки, общее количество составило 370 единиц. И. Н. Смирнов выделил типологию временной локализованности, в основе которой лежат следующие дифференциальные семантические признаки: «точечность / линейность локализации и определённость / неопределённость локализации» [Смирнов 2010: 191]. Им выделяются следующие разновидности временной локализованности: «ситуации строго определённой точечной локализованности» (Достоевский родился в 1821 г.); «ситуации строго определённой линейной локализованности» (Всё лето он провёл в городе; Эту весну он прожил в санатории); «ситуации слабо определённой точечной локализованности» (Она обязательно ответит на ваше письмо); «ситуации слабо определённой линейной локализованности» (Она будет учиться в колледже); «ситуации строго определённой точечнолинейной локализованности» (Это те ситуации, по отношению к которым подходит вопрос: «Что она сейчас делает?» — Она сидит на кресле и читает журнал); «ситуации неопределённой точечной локализованности» (Ой, а про поездку я и забыла; Он её за улыбку полюбил...); «ситуации неопределённой линейной локализованности» (Она учится в школе) [Смирнов 2010: 192]. А. В. Бондарко выделяет следующие типы временной нелокализованности: «простая повторяемость» (Молча и неподвижно сидя у стены, Пьер то открывал, то закрывал глаза), обычность (узуальность) (У меня есть странная особенность: я быстро схватываю в живом разговоре и поразительно тупа в чтении), временная обобщённость («вневременность», «всевременность») (Кто не может взять лаской, тот не возьмет и строгостью) [Теория функциональной грамматики 2017: 217]. Руководствуясь типологиями, выделенными И. Н. Смирновым и А. В. Бондарко, мы провели анализ отобранного материала, который показал, что, во-первых, в новостном интернет-дискурсе находит реализацию как временная Л, так и НЛ. В анализируемом материале чаще встречаются примеры временной Л (75 %), чем временной НЛ (25 %). Наиболее частотной семантической группой временной Л является точечная локализованность — 42,5 % от общего количества проанализируемого материала. Линейная локализованность встречается в рассмотренном материале реже (13,3 %). Строго определённая точечная локализованность встречается чаще (7,5 %), чем неопределённая (6,7 %) и слабо определённая (5 %). Категория временной НЛ в анализируемом материале представлена следующими семантическими группами: простая повторяемость (3,3 %), узуальность (5,5 %) и временная обобщённость (24,2 %). Полученные результаты подтверждают стилистическую специфику новостного интернет-дискурса: для новостных текстов характерна конкретная временная отнесённость событий. Вовторых, установлено, что для выражения категории временной локализованности (Л / НЛ) в новостных текстах отсутствуют специальные грамматические средства: временная Л и временная НЛ имеют сложную структуру, состоящую из взаимодействующих компонентов, которые принадлежат разным уровням системы языка. Сложность структуры заключается в использовании комплекса грамматических (вид и время глагола), лексических (наречные маркеры и субстантивные словосочетания, подчёркивающие повторяемость, длительность действия, конкретность / обобщённость субъекта действия) и лексикосемантических (способы действия (СД), заключающие в своей семантике признак временной локализованности).

Литература

Архипова И. В., Шустова С. В. Примарный таксис: прототипы и их окружение // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 5–16.

Смирнов И. Н. Категория временной локализованности / нелокализованности действия и ее взаимодействие с темпоральностью и аспектуальностью // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 126. С. 186–194.

Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 7-е изд. М., 2017.

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ЭГОФОРИЧНОСТИ В ИДИОМАХ ТИБЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ГРУППЫ

Крамскова Анна Сергеевна

младший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН

Эвиденциальность, или засвидетельствованность, традиционно определяется как функционально-семантическая категория, отвечающая за эксплицитное указание на источник сведений относительно сообщаемой ситуации [Aikhenvald 2018]. В качестве способов получения информации могут выступать органы чувств (в особенности зрения и слуха), а также сны, догадки и внутренние ощущения говорящего (страх, голод, намерения). Как семантическая категория эвиденциальность функционирует в каждом языке (ср. рус. якобы, мол, дескать; англ. *it is well known, it seems, allegedly*), однако не в каждом языке она выражается грамматически. В современном тибетском языке категория эвиденциальности встроена в общую глагольную парадигму, т. е. говорящий, употребляя ту или иную глагольную форму, не может уклониться от того, чтобы сообщить, каким образом он узнал об описываемой ситуации: (1) *bod-la g.yag yod-red* Тибет-ЛОС як EX.FACT 'В Тибете есть яки'. (Это факт или слухи) (2) *bod-la g.yag 'dug* Тибет-ЛОС як TEST.EGO 'В Тибете есть яки'. (Говорящий лично их видел/слышал и т. д.) (3) *bod-la g.yag yod* Тибет-ЛОС як EX.EGO 'В Тибете есть яки'. (У говорящего или его семьи). Однако узкое понимание эвиденциальности как маркирования источника информации оставляет без внимания явление эгофоричности, или «эгофорической эвиденциальности» (3), структурно и функционально важное для большинства тибетских идиом, и дает повод для исключения эгофоричности в целом из эвиденциальной парадигмы [DeLancey 2018].

Многие исследователи (LaPolla 2014, Tournadre 2017) подчеркивают важность коммуникативной функции эвиденциальности в тибетских языках, поскольку при выборе говорящим той или иной формы на первый план выходит скорее не объективный источник информации, а субъективный доступ к информации и готовность нести за нее ответственность. А. В. Бондарко причислял эвиденциальность к разряду актуализационных категорий, через которые говорящий связывает сообщаемое с действительностью, в частности указывая на источник сообщаемых сведений. Несмотря на обязательность данной категории для тибетского языка, выбор той или иной формы часто является интенциональным, что позволяет говорящему выразить в коммуникативной ситуации собственную позицию (*speaker's attitude*) и достичь нужного коммуникативного эффекта (обмана, убеждения, выражения иронии, т. д.).

В [Bergqvist 2017] и многих других работах под эгофоричностью понимается вид эпистемического маркирования, позволяющий говорящему сослаться на свое личное знание или вовлеченность по отношению к описываемой ситуации. В языках с грамматически оформленной эгофоричностью маркируется подлежащее в первом лице в повествовательных предложениях, а также подлежащее во втором лице в вопросительных предложениях и подлежащее подчиненной клаузы при совпадении с субъектом описываемого речевого акта. Происходит своеобразный «сдвиг перспективы» (*perspective shift*), при котором говорящий занимает позицию собеседника или участника описываемой ситуации.

Кроме того, важным аспектом эгофоричности является вопрос о наличии или отсутствии контроля у говорящего над описываемым действием. Так, в лхасском диалекте тибетского наблюдается четкое соответствие разных эгофорических форм в зависимости от того, является ли глагол волитивным: (4) *nga-s byas-ra.yin* 1SG-ERG делать — PRF.EGO1 'Я сделал [это]'. (Контролируемое действие) (5) *nga shi-byung* 1SG умирать — PRF.EGO2 'Я умер'. (Неконтролируемое действие.) В основе понятия эгофоричности лежит бинарный контраст, отражающий наличие или отсутствие у говорящего привилегированного доступа к информации, либо же его вовлеченности/невмешательства в событие. В связи с этим во многих тибето-бирманских языках эгофорическая парадигма реализуется в простом бинарном варианте (ср. в неварском языке (Hale 1980)), однако среди идиом тибетской семьи больше распространены сложные системы,

когда одной или нескольким эгофорическим формам противостоят несколько аллофорических форм.

Функционально-грамматические категории эвиденциальности и эгофоричности имеют схожие ареалы распространения и формируют различные варианты сосуществования, вплоть до объединения в единую парадигму, однако сопоставительных анализов по идиомам региона чрезвычайно мало.

В основе доклада лежит идея, сформулированная в [Bergqvist 2020], согласно которой в основе обеих категорий лежит явление одного порядка — а именно, понятие эпистемической компетенции (*epistemic authority*), согласно которой говорящий осуществляет выбор тех или иных средств в зависимости от персонального доступа к информации, вовлеченности в описываемую ситуацию и готовности нести персональную ответственность за сообщаемые сведения. В докладе приводится сравнительный обзор реализации и функционирования категорий эвиденциальности и эгофоричности в достаточно описанных крупных идиомах тибетской языковой группы (лхасском, амдосском, кхамском и ладакхском тибетском, а также языках байма, дзонкха, йолмо) и их диалектах. В работе анализируются темпоральная распределенность и ограничения на употребление для эвиденциальных и эгофорических форм, возможность употребления с глаголами контролируемых/неконтролируемых действий для эгофорических форм, возможность употребления эгофорических форм с субъектом в третьем лице и прочие аспекты реализации данных категорий.

Литература

Aikhenvald A. Y. (ed.). *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford Handbooks, 2018.

Aikhenvald A., Lapolla R. *New Perspectives on Evidentials: A View from Tibeto-Burman* // *Linguistics of the Tibeto-Burman area*, 2007, 30.

Bergqvist H., Knuchel D. *Complexity in Egophoric Marking: From Agents to Attitude Holders* // *Open Linguistics*, 2017. Vol. 3, no. 1: 359–377.

Bergqvist H., Kittilä S. (ed.). *Evidentiality, egophoricity, and engagement*. Berlin, 2020.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С НАРЕЧИЯМИ ЦЕЛИ: ТИПЫ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Матханова Ирина Петровна

профессор, Новосибирский государственный педагогический университет

Языковые средства выражения целевой семантики неоднократно обсуждались современными лингвистами (И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян, В. Б. Евтюхин, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Рахилина, Л. Б. Воронина и др.), в научной литературе представлено в качестве самостоятельного и функционально-семантическое поле цели [Воронина 2016], однако наречиям цели в этих исследованиях внимания практически не уделяется, исключением можно считать работу И. Б. Левонтиной [Левонтина 2006]. Тем не менее, важно рассмотреть, как разные подгруппы наречий цели участвуют в формировании доминирующих и фоновых категориальных ситуаций.

Дискуссионными являются проблемы состава наречий цели, например, отнесение к этой группе наречий намеренности (намеренно, нарочно, сознательно и под.), наречий со значением отсутствия цели (бесцельно, ненамеренно, случайно), их связь, пересечение с наречиями других разрядов (образа действия / качественных, причины); нерешенным представляется вопрос об их взаимодействии со средой, о функционировании этих наречий в высказываниях с актуализацией каузируемой ситуации, с отсутствием такой каузации, с актуализацией других смыслов; о роли наречий в квалификации категориальной ситуации как доминирующей или фоновой.

Материалом послужили высказывания с наречиями цели (в широком смысле), извлеченные из Национального корпуса русского языка. Анализ базируется на теории категориальных ситуаций А. В. Бондарко [Бондарко 2011].

В результате анализа были выделены доминирующие категориальные ситуации, в которых функционируют в первую очередь собственно целевые наречия (назло, напоказ, профилактически, умиротворяюще и под.) в сочетании с другими средствами выражения цели: придаточными в сложноподчиненных предложениях, деепричастными оборотами, инфинитивами, предложно-падежными формами (в целях исследования, для проверки, ради победы и пр.), а также другие наречия цели. Ср.: ...обывателю... кажется, что «диктатура пролетариата» — Нарочно Плохая Идея, выдуманная назло, из вредности, чтобы превратить нацию в подопытного кролика и проверить «эксперимент»... (Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок); Мне часто на его спектаклях кажется, что он специально выставляет свои приемы напоказ, как в витрине магазина, чтобы ими любовались (Антон Чехов и мы. Вариация пятая).

К доминирующим можно отнести и высказывания с наречиями намеренности, если они сочетаются с языковыми средствами, называющими каузируемую ситуацию, ср.: Писательница намеренно гиперболизирует его образ, предупреждая нас, живущих сейчас (М. Огаркова. Эликсир отрезвления. О книге Елены Сафроновой «Портвейн меланхоличной художницы»); Судя по карте, постройки там поблизости есть... Специально заеду посмотреть ради интереса (Второе крещение Руси: на капище в Купчино снесут Перуна (форум)).

В редких случаях в доминирующих целевых ситуациях могут участвовать наречия, указывающие на отсутствие цели, это происходит, например, при их взаимодействии с собственно целевыми наречиями, другими средствами этой семантики: И шел-то он ...бесцельно, никуда, просто чтобы почувствовать город, пройти вдоль Кремля, размять ноги после самолета (М. К. Кантор. Медленные челюсти демократии); Как он невзначай или специально забывал какие-то строки — и зал подсказывал... (И. Н. Виравов. Андрей Вознесенский). В доминирующих ситуациях могут быть представлены разные цели, дополнительные компоненты целевой семантики, наречия могут усиливать общую семантику предиката.

К фоновым целевым ситуациям можно отнести высказывания, в которых функционируют наречия, указывающие на отсутствие цели, они включаются в ситуацию неконтролируемости действия: В статье для денег как-то совершенно случайно, невзначай получилась высокохудожественность: «за лучшими выпускниками Принстона пристально наблюдали хэдхантеры»

(В. Я. Тучков. Прибытие поезда. Надуманное); Мы бесцельно бродили по городу, и почему-то я всё время вспоминал ключика, так здесь и не побывавшего (В. П. Катаев. Алмазный мой венец).

Встречаются в фоновых ситуациях и наречия намеренности, которые в этом случае являются элементом доминирующей акциональной ситуации, например: Однако позже Следственный комитет выяснил, что специалист намеренно загрязнил кровь мальчика спиртообразующей микрофлорой (К. Туркова. В объятиях «домоганта». Какие слова стали главными в 2017 году); ...эти леса и озёра специально выращивали и рыли позже... (В. Гаков. Во Францию — на машине времени).

Таким образом, нецентральные элементы функционально-семантического поля цели — наречия, представляющие, в свою очередь, полевую структуру, — при формировании высказывания могут представлять доминирующие и фоновые категориальные ситуации, взаимодействуя с разными типовыми контекстами.

Литература

Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М., 2011.

Воронина Л. Б. Определяющие тенденции в оформлении функционально-семантического поля «Цель» (на материале современных печатных СМИ) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Филологические науки. Языкознание. 2016. № 2 (36). С. 148–152.

Левонтина И. Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 163–241.

ДИФFUЗНОСТЬ ПОЛЕЙ КОНТРОЛИРУЕМОСТИ И НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТИ

Стексова Татьяна Ивановна

профессор, Новосибирский государственный педагогический университет

Понятия контролируемость/неконтролируемость были введены в лингвистический обиход Т. В. Булыгиной [Булыгина, 1982]. Одни лингвисты под контролируемостью понимают свойство предикатов, другие лингвисты — способность субъекта контролировать ситуацию. Анна А. Зализняк отмечает, что контролируемость есть свойство ситуации: «контролируемость представляет собой свойство ситуации в целом и тем самым может служить классификационным основанием — а именно, ситуации (положения вещей) делятся на контролируемые и неконтролируемые» [1992: 63].

Представляется, что можно говорить о соответствующих категориальных ситуациях, которые можно представить в виде функционально-семантических полей, под которыми понимается «базирующаяся на определённой семантической категории группировка грамматические и «строєвых» лексических единиц, а также различных комбинированных средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Бондарко 1987: 11].

Многие лингвисты отмечали, что контролируемость как свойство ситуации есть понятие градуальное: «В жизни, то есть на уровне денотатов, контролируемость ситуации — понятие градуальное, и практически полностью контролируемых ситуаций в жизни не бывает: любое, даже самое контролируемое действие может, как всем известно, неожиданно натолкнуться на непреодолимую преграду» [Богуславский, 1995:167]. Соглашаясь с этим утверждением, выскажем гипотезу о диффузности полей контролируемости и неконтролируемости. Так как контролируемость/неконтролируемость является скрытой категорией, то она не обладает одним центром, характеризуется совокупностью разнородных языковых средств выражения (лексических, морфологических, синтаксических).

Поле неконтролируемости, как представляется, включает в себя инактивные процессы, статические ситуации, состояния, которые всегда неконтролируемые. Другим компонентом поля неконтролируемости можно считать микрополе, организуемое субкатегорией «невольность осуществления» [Стексова 2002], которая маркирует, что событие совершается независимо от воли субъекта или даже против его воли. Мне довелось побывать в Париже; Его потянуло вернуться на родину.

В поле контролируемости оказывается целенаправленная, осознанная деятельность субъекта. Но, кроме этого, оно включает и другие микрополя, в частности, микрополе, организуемое субкатегорией «подконтрольность», под которой понимается целенаправленная осознанная деятельность субъекта, осуществляемая под контролем другого субъекта. Ведь организационно-финансовые основы деятельности судей обеспечиваются судебным департаментом, действующим под контролем Верховного суда [Тамара Морщакова. На пути к правосудию // «Отечественные записки», 2003]; Подконтрольный правительству Святейший синод не решался открыто противостоять свихнувшейся на мистике правящей элите [Г. М. Коваленко, В. Г. Смирнов. Легенды и загадки земли Новгородской (2007)].

Динамические ситуации могут быть как контролируемые, так и неконтролируемые. Поэтому именно в области динамических ситуаций и можно наблюдать диффузность. Такую диффузную зону, находящуюся на пересечении полей контролируемости и неконтролируемости, занимает микрополе «вынужденность действия», под которой понимается осознанное действие субъекта, но выполняемое им против своей воли под воздействием воли другого субъекта. Этот семантический компонент «против воли» есть и в микрополе «невольность осуществления», но различия будут наблюдаться в характеристике каузатора. Если для невольности осуществления каузатором являются некие «высшие силы» и обстоятельства, то для вынужденного действия в качестве каузатора выступают субъекты контроля: лица и социальные институции.

Кроме вынужденности, в диффузную зону попадают такие ситуации, как непреднамеренность, неумышленность действия субъекта. Разумеется, молодая девушка с южным типом лица,

при этом умная, вдобавок хитрая и ловкая, наконец, «обученная» обстоятельствами своей жизни, сумела в первый же день показать себя и очаровать пожилого деда, но не умышленно, не старательно, а как-то будто нечаянно и помимо воли... [Е. А. Салиас. Владимирские Мономахи (1891)]; — Ой, простите, ради Бога! Я вас немножко толкнул. — Ничего, не страшно. — Нет, правда, я не умышленно. — Я понял. — Просто трамвай на повороте качнуло... [Аркадий Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания (1991–2000)]; И если у меня и были какие недостатки и упущения в работе, то они делались не преднамеренно, а просто так бывает в жизни и работе [П. Е. Шелест. Дневник (1973)].

О диффузности можно говорить и в ситуациях ошибочных действий, которые характеризуются тем, что субъект намеренно, целенаправленно, осознанно совершал действие, но достигал не того результата, на который рассчитывал. Другими словами, действия контролировались субъектом, но результат оказывается неконтролируемым: Биатлонист долго и старательно целился в мишень, но все-таки промазал.

Итак, поля контролируемости и неконтролируемости представляют собой полицентричные образования, характеризующиеся диффузностью семантики, которая обусловлена, в частности, соотношением субъекта контроля и субъекта действия, наличием некоторых общих характеристик компонентов ситуации, входящих в разные микрополя. Представляется, что детальный анализ всех компонентов ситуаций и способов их выражения позволит убедительно доказать это.

Литература

- Богуславский И. М.* Анна А. Зализняк. Исследование по семантике предикатов внутреннего состояния // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 164–165.
- Бондарко А. В.* Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 5–39.
- Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7–85.
- Стексова Т. И.* Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. Новосибирск, 2002.

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ПОРОЖДЕНИЕ АФФЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

THE INFLUENCE OF PERSONAL CHARACTERISTICS ON AFFECTIVE RESPONSES TO RUSSIAN NOUNS

Иваненко Анастасия Андреевна

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Работа посвящена изучению степени влияния психологических особенностей информантов на аффективные оценки русской номинативной лексики. Наряду с денотативным значением, аффективный компонент является обязательной составляющей семантики слова. Аффективное значение изменяется в диахронии под воздействием экстралингвистических факторов и представляет собой подвижный феномен. Эта особенность обуславливает сложность его фиксации в словарях. Однако необходимость описания эмоциональной нагруженности слова объясняется её коммуникативной значимостью, а также высоким потенциалом современных тональных словарей как для решения задач сентимент-анализа, так и для психолингвистических экспериментов. Изучение эмотивности в лингвистике традиционно проводится с опорой на стандартизированные шкалы. В частности, широко известны методика биполярных градуальных шкал Ч. Осгуда [Osgood et al. 1957] и метод семантического дифференциала (SD) [Mehrabian & Russell 1974], в рамках которых участники экспериментов оценивали каждый стимул по 18 шкалам из антонимических пар. Указанные методы позволяли собрать объёмный массив данных об аффективной оценке слова, но их было трудно использовать с носителями английского языка. Оценивание каждого слова по 18 шкалам очень утомляло участников. Учитывая эти недостатки, позднее был предложен метод Self-Assessment Manikin (SAM) [Hodes, Cook & Lang 1985]. Он содержал три шкалы, отметки на которых были воплощены с помощью фигурок человечков, которые могли изображать мужчину, женщину, пожилого человека, ребёнка. В рамках SAM участникам необходимо было выбрать подходящие для стимула фигурки по шкалам valence (степень позитивности), arousal (степень возбуждения) и dominance (степень доминирования). Метод SAM был использован при подготовке материалов для одного из крупнейших тональных словарей — Affective Norms for English Words (ANEW), который был адаптирован для многих языков. В исходной версии ANEW содержал аффективные нормы для 1047 слов, но впоследствии он был расширен до 14 000 единиц коллективом из McMaster University под руководством В. Купермана. В ходе анализа полученных данных ученые отметили [Warriner et al. 2017], что сбор данных методом SAM влечет невозможность применения параметрической статистики. В качестве двух других недостатков они указали, что SAM является порядковой шкалой, а не интервальной, а также содержит только 9 баллов для оценивания, которых недостаточно для различения тонких эмоциональных состояний. В связи с этим В. Куперман и коллеги разработали для сбора аффективных оценок новый метод слайдера. Он представляет собой горизонтальную прямую с фигуркой человечка, которого участнику нужно подвинуть ближе к стимульному слову или дальше от него, в зависимости от того, насколько приятным кажется участнику стимул. Надежность слайдера была подтверждена в работе [Warriner et al. 2017]. Слайдер является валидным методом сбора аффективных реакций, ввиду его высокой точности и чувствительности к индивидуальным различиям участников. В упомянутом исследовании психолингвистов из Канады было выявлено, что участники, набравшие высокие баллы в тестах на общительность, склонны поддвигать слайдер ближе к стимулу ($b = 4.0$, $p = 0.01$), в то время как робкие участники, напротив, оставляют иконку дальше от стимульного слова ($b = 2.8$, $p =$

0.02). Цель нашего исследования — проверить данные тенденции на материале аффективных реакций, собранных слайдером для русских существительных и оценить степень универсальности этих тенденций. Помимо общительности и робости, мы также учитывали в нашем анализе уровень эмпатии участников. Наша гипотеза заключалась в том, уровень эмпатии будет положительно коррелировать с точностью ответов участников за противоположный пол. Наш эксперимент был организован так, что первую часть слов участники оценивали за свой пол, а вторую часть — за противоположный. В эксперименте приняло участие 79 человек (26 мужчин и 53 женщины). Возраст участников варьируется от 18 до 59 лет ($M = 25.82$ года, $SD = 9.21$). В качестве стимулов было использовано 280 русских существительных, которые являются переводными аналогами английских слов из расширенной версии ANEW. Экспериментальное задание было создано с помощью среды Experiment Builder software. Наше основное допущение заключалось в том, что респонденты будут двигать человечка дальше от негативно окрашенных слов и ближе к позитивным стимулам. После прохождения основной части эксперимента участники выполняли тесты на уровень общительности [Cheek & Buss 1981], эмпатии [Jolliffe & Farrington 2006] и робости [Carver & White 1994]. По результатам анализа удалось установить положительную корреляцию между общительностью и дистанцией ($b = 0.06$, $p < 0.01$), а также негативную корреляцию между робостью и дистанцией ($b = -0.09$, $p < 0.01$). Эти тенденции соотносятся с результатами в канадском эксперименте и свидетельствуют о том, что аффективные реакции не являются лингвоспецифичными и обнаруживают кросс-культурные закономерности. Значимая корреляция между эмпатией и способностью к прогнозированию ответов противоположного пола была обнаружена только на уровне тенденции. Участники опирались на собственные представления о реакциях противоположного пола, а не на опыт взаимодействия с определённым человеком. Это может являться объяснением отсутствия значимой корреляции, так как эмпатия реализуется непосредственно в ходе общения.

Литература

- Hodes R., Cook E. W., Lang P. J. Individual differences in autonomic response: conditioned association or conditioned fear. *Psychophysiology*. 1985., 22, P. 545–560.
- Mehrabian A. & Russell J. *An Approach to Environmental Psychology*. MIT Press, Cambridge, MA, 1974.
- Osgood C., Suci G., Tannenbaum P. *The Measurement of Meaning*. University of Illinois Press, Urbana. 1957.
- Warriner A. B. et al. Sliding into happiness: a new tool for measuring affective responses to words // *Canadian Journal of Experimental Psychology*. 2017. Vol. 71, no. 1, P. 71–88.

ДИАГНОСТИРУЮЩАЯ СТРАТЕГИЯ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ВРАЧОМ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПАЦИЕНТОМ. СПЕЦИФИКА ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Каменева Вероника Александровна

профессор, Кемеровский государственный университет

Румянцева Александра Александровна

врач, детский кардиолог

Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний, Россия, Кемерово Источник финансирования: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00002 «Проблема когнитивно-дискурсивной параметризации медицинского дискурса пациентов с ВПС (врождённым пороком сердца) в кардиохирургическом стационаре»).

Funding: The research was supported by Russian Science Foundation (Project № 23-28-00002 “Problem of cognitive and discursive parameterization of medical discourse of patients with CHD (congenital heart disease) in a cardiac surgical hospital”).

Стратегии врача как участника медицинской коммуникации сводятся к диагностике, лечению и рекомендации, что обусловлено ключевой задачей врача по оказанию помощи пациенту [Барсукова 2007; Бурнос, Пилипенко-Фрицак 2017]. Соответственно, «основными в медицинском дискурсе являются диагностирующая, лечащая, рекомендующая стратегии, т. е. стратегии, реализующие специфические цели: диагностику, лечение, рекомендации» [Майборода 2019: 66]. Данные стратегии медицинской коммуникации актуализируются целым спектром речевых стратегий и тактик, которые в случае коммуникации врача с взрослым пациентом преимущественно получают дискурсивную репрезентацию вербальными средствами, за исключением случаев, когда наблюдаются тяжелые когнитивно-речевые расстройства.

Цель работы — обобщить распространенные гетеросемиотические (вербальные и невербальные) тактики получения информации врачом в коммуникации с ребенком. Методы: анализ научной литературы по теме исследования, синтез и систематизация.

Как правило, врач получает информацию о самочувствии ребенка у родителей или законного представителя, но во время длительной терапии, обусловленной спецификой и тяжестью заболевания, врачу необходимо получать информацию от самого ребенка для диагностики самочувствия пациента и корректировки лечения.

Обзор научной литературы позволил сделать следующие обобщения:

1. Специфика реализации диагностирующей стратегии в случае коммуникации между врачом и ребенком заключается в том, что получение информации требует адаптации медицинской терминологии. Это обусловлено как незнанием ребенком медицинской терминологии, так и неспособностью в силу возраста описать характер боли или недомогания.

2. В силу возраста и заболевания дети не способны детально описать степень интенсивности болевого синдрома или локализовать боль, поэтому врачам приходится использовать шкалы для реализации диагностирующей стратегии коммуникации. Во врачебной практике используется ряд шкал: числовая ранговая шкала боли (NRS), визуальная аналоговая шкала боли (VAS), вербальная описательная шкала (VRS), шкала лиц (FPS), шкала Ошера (Oucher Scale) и др.

3. В медицинской коммуникации врачами используются различные опросники (Pain Coping Questionnaire (PCQ), Pediatric Pain Questionnaire (PPQ)) [Rapoff 2003], чтобы получить более точные сведения о самочувствии ребенка, минимизировав субъективность оценки им своего самочувствия.

Кроме того, распространена лексическо-грамматическая перекодировка вопросов, которые задаются взрослым пациентам. Например, детские кардиологи не задают вопросы о том, есть ли у ребенка кардиалгии, артериальная гипертензия, цианоз. Для определения уровня

толерантности к физическим нагрузкам и наличия одышки врач интересуется, на какой этаж ребенок может подняться пешком, способен ли пройти расстояние от одного дома к другому и может ли выполнять уборку в своей комнате. Для выявления кратковременных задержек дыхания, кардиалгий в покое, в том числе во сне, задают вопрос о продолжительности и качестве сна: быстро ли засыпает, просыпается ли ночью, чувствует ли себя выспавшимся. Вопросы об эмоциональном статусе (бывает ли чувство страха, одиночества, грусти) позволяют косвенно оценить клинику пациента, ведь ребенок, особенно маленький, не всегда может сформулировать жалобы, что и вызывает в нем вышеперечисленные негативные эмоции.

Выводы: актуализация диагностирующей стратегии медицинской коммуникации осуществляется комплексом вербальных и невербальных тактик для минимизации искажения ребенком информации о болевых ощущениях, их интенсивности и локализации. Перспективным считаем анализ речевых стратегий и тактик, актуализирующих диагностическую стратегию медицинской коммуникации.

Литература

- Барсукова М. И.* Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.
- Бурнос Е. Ю., Пилипенко-Фрицак Н. А.* Тактика вопросно-ответного единства в диагностирующей стратегии устного медицинского дискурса // Психолого-педагогічні науки. 2017. № 2. С. 7–11.
- Майборода С. В.* Коммуникативные стратегии и тактики в речевой партии врача в диалоге о самолечении // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 65–74.
- Rapoff M. A.* Pediatric measures of pain: The Pain Behavior Observation Method, Pain Coping Questionnaire (PCQ), and Pediatric Pain Questionnaire (PPQ) // *Arthritis & Rheumatism*. 2003. Vol. 49, no. S5. P. S90–S95.

МЕСТОИМЕНИЕ «ДРУГОЙ» В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Краснощекова Софья Викторовна

научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН

Местоимение «другой» относится к разряду определительных местоимений, наряду с местоимениями со значением всеобщности типа «весь» и «каждый» и самостоятельности типа «сам». В один подразряд с «другой» входит также местоимение «иной», но здесь оно не рассматривается, так как отсутствует в речи детей до 6 лет в нашем материале. Исследование опирается на корпусные данные детской речи: материалом послужили расшифровки записей спонтанных диалогов детей и взрослых, предоставленные Фондом данных детской речи ИЛИ РАН и РГПУ им. А. И. Герцена. Были проанализированы корпуса 5 детей: Вани, Вити и Лизы (до 4 лет), Филиппа (до 2,8) и Кирилла (до 6,6); из них методом сплошной выборки были извлечены детские реплики, содержащие слово «другой». Общее число высказываний в рабочем корпусе составило 283 (Ваня — 104, Витя — 66, Лиза — 46, Кирилл — 42, Филипп — 25): 0,9 % (Ваня) — 1,8 % (Кирилл) от суммарного количества всех высказываний в корпусе одного ребенка. «Другой», таким образом, является низкочастотным местоимением (по сравнению, например, с высокочастотным указательным «это(т)», высказывания с которым занимают около 5 % от общего числа) и находится примерно на том же уровне по частотности, что «сам». Первые употребления местоимения «другой» отмечаются относительно рано — в том возрасте, когда ребенок только начинает осваивать первые местоимения: в 1,8–1,9 у Филиппа («Дай другой» [хочет другую книгу]), 1,10 у Лизы («А какой это фломастер, Лиза? — Другой»), 2,3 у Вани («Вот эту. Другую» [играет в машинки]), 2,4 у Вити («Другая скамейка») и Кирилла («Может, другое?») [пытается зацепить крюком разные игрушки]. У 3 детей (Вани, Лизы и Кирилла) развитие «другой» идет по единообразному принципу: частотность его использования при возникновении низка, затем возрастает, а затем снова падает; у Вити частотность только возрастает, у Филиппа держится на одном, низком уровне (это, вероятно, связано с тем, что в корпусе Филиппа отсутствуют данные после 2,8). «Другой» в стандартном русском языке считается недейктическим местоимением, которое имеет определенные дейктические черты: в каждом конкретном случае употребления его ситуативное значение можно представить как отрицание того или иного дейктического местоимения (или дейктического местоименного значения): «другой» как «не этот», «не тот», «не такой» (указательное значение) «не тот, который был упомянут» или «не такой, как был упомянут» (анафорическое значение) [Носкова, Матханова 2021; Труфанова 2018; Шакенова 2020]. Строго говоря, «другой» указывает не на конкретный референт сам по себе, который обладает дейктическим статусом, а на реальный или воображаемый объект сравнения, поэтому «другой» обычно не относят к базовым дейктическим местоимениям. Тем не менее, его связь с дейксисом несомненна, и данные детской речи еще раз это подтверждают: значения «другой» осваиваются по тому же принципу, что и дейктические значения, — от центра к периферии, от указательного к анафорическому (т. е. от сравнения с референтом, присутствующим в ситуации общения, к сравнению с референтом, о котором шла речь раньше). Систему значений «другой» можно, таким образом, описать через пересечение двух разных классификаций: (1) апелляция к предмету или к признаку, «не этот» или «не такой», и (2) апелляция к непосредственно наблюдаемому или перенесенному референту, указание или анафора. Отдельно принято выделять также значение «второй из пары» («другая рука» и пр.). В речи детей «анафорические» значения «другой» редки и становятся регулярными относительно поздно: в нашем материале большинство таких употреблений принадлежит Кириллу в возрасте старше 6 лет («Да, но больше разговариваю со своим другом из детского садика, который в другом классе»; 6,6). «Указательные» значения распределяются так: на первом месте и по возрасту появления, и по частотности стоит «не этот» («Закрыт магазин... Пойду [в] другой»; Ваня, 2,6 [играет в магазин]), на втором по возрасту появления и на последнем по частотности — «не такой» («Он... другой вам надо, солдатики. Витя сделает хороший домик» [т. е. нужен «другой = не плохой, хороший домик»]; Витя, 2,8); на последнем месте по возрасту появления и на втором по частотности «второй из пары»

(«Не на эту ножку, Ваня. — На другую»; Ваня, 2,8). В этой связи интересно также преломление в детской речи конструкции «один... другой»: 3 ребенка в нашем материале до 4 лет используют вместо нее сочетание «другой... другой» («Он [= у него] другое ушко есть, а другое нету»; Филипп, 2,7): типологически такой вариант тоже возможен (ср. финское “toinen... toinen” ‘второй... второй’); кроме того, здесь вероятно влияние конструкции «друг друга». К возрасту после 6 лет относится освоение фразеологизмов с «другой» типа «с другой стороны» («С другой стороны, у него даже вообще ничего нет»; Кирилл, 6,5). «Другой» в онтогенезе, таким образом, выступает как типичное местоимение (в отличие, например, от «всякий», которое также относится к определительному разряду, но стоит ближе к полнзначным прилагательным) и имеет как дейктические, так и недейктические черты.

Литература

- Носкова В. Н., Матханова И. П.* Функционирование местоимения другой и особенности его словарного представления // Вопросы лексикографии. 2021. № 22. С. 64–85.
- Труфанова И. В.* Определительные местоимения, обойдённые грамматиками // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVIII Международной научной конференции, Орехово-Зуево, 16–18 мая 2018 года / отв. ред. А. В. Пузырёв. Орехово-Зуево, 2018. С. 66–76.
- Шакенова М. Т.* Квазисинонимия русских местоимений другой/иной в языковой репрезентации концептуального двоимирия как основы русской ментальности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 3. С. 223–229.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИНСТРУМЕНТИВА В РЕЧИ РУССКИХ ДЕТЕЙ И ИНОСТРАНЦЕВ, ОСВАИВАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК В ИСКУССТВЕННЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Круглякова Татьяна Александровна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ван Луна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В последнее время обсуждается вопрос о специфике освоения и методов преподавания русского языка как иностранного, как родного, как одного из родных в национальных республиках, как неродного в иммиграции, как одного из родных в эмиграции (эритажного) и в многоязычном обществе. Лингвисты спорят о терминах (билингв / инофон; освоение / усвоение языка и пр.), методисты разрабатывают специальные программы для каждой ситуации. Однако до сих пор единичными остаются исследования, направленные на сопоставление процессов освоения русского языка

- 1) как второго в естественных и искусственных условиях;
- 2) как второго взрослым и ребенком;
- 3) как родного ребенком в ситуации одно- и многоязычия и при разных формах многоязычия.

Мы исследовали стратегии выбора предложно-падежной формы для выражения инструментального значения в речи русскоязычных детей 6–8 лет, взрослых носителей китайского языка, изучающих русский как иностранный, и билингвов 6–8 лет, носителей тюркских языков. Был проведен эксперимент, участники которого описывали картинки, используя заданные слова (ходить палка, работать, играть — компьютер, общаться — скайп, телефон и др.). В экспериментах приняли участие дети, живущие в г. Алматы (Казахстан) и осваивающие русский и казахский языки; студенты СПбГУ с родным китайским; русскоязычные дети (Центр внешней работы Центрального района Санкт-Петербурга, начальная школа «Квадривиум»).

Результаты были сопоставлены с данными лонгитюдных наблюдений за речью русскоязычных детей [Гвоздев 2007, Ионова 2007 и др.] и с выполненными Г. Рогожкиной записями речи детей 6–9 лет, носителей тюркских языков (Фонд данных детской речи РГПУ им. А. И. Герцена).

Были сделаны следующие выводы. В процессе овладения первым и вторым языком человек не только повторяет выученные образцы, но и самостоятельно конструирует слова и формы, действуя по правилам, имплицитно формирующимся в сознании. Свидетельством активности процессов освоения языков являются системные ошибки (С. Н. Цейтлин), общие для детей и иностранцев. На начальном этапе дети и взрослые иностранцы используют формы со сверхгенерализованным орудийным значением, прототипической формой обычно служит творительный падеж (делает бумагой кораблики, поливает с лейкой).

Несмотря на целый ряд общих черт, процессы освоения языка в различных условиях имеют ряд существенных отличий. В речи монолингвов ошибки выбора встречаются редко, что объясняется синхронностью когнитивного и речевого развития ребенка [Цейтлин 2009: 273–274]. При этом референциальные дети используют в орудийном значении сверхгенерализованные формы: изначально «замороженный» именительный; затем формы с -у в общем объектном значении, восходящие к винительному падежу сущ. женского типа склонения (мячу играть), и наконец формы инструмента. Самостоятельный поиск способов передать инструментальное значение приводит к выработке собственных правил, таких как соблюдение порядка зависимых форм «инструментив после медиатива» (кормить кашка ложка (девочка 2 г.)) или использование -ами в разных ситуациях: даю супчиками (кормит куклу супом), играю кошками (одним котом) (девочка, 1 г. 9 м.). Постепенно значения форм уточняются, и этот процесс

продолжается и во взрослом возрасте, приводя к возникновению синонимических вариантов в общеупотребительном языке.

Взрослый, осваивающий язык в аудитории, идет путем «сверху вниз» (А. А. Леонтьев), решая задачу автоматизации использования готовых конструкций и правил. В результате ошибки, связанные, например, с употреблением форм в общем объектном значении (играть гитару), хотя и встречаются, но существенно реже, чем у ребенка. С другой стороны, у взрослого уже сложилась когнитивная база, позволяющая ощущать семантические различия между оттенками орудийного значения, и потребность выражать эти различия в речи даже тогда, когда готовых решений нет. Репертуар используемых студентами средств шире детского: так, дети не использовали конструкции «об + винительный» (вытереть о полотенце), «на + винительный» (менять на рубли) и др., которыми взрослые пользовались, не всегда учитывая их семантику.

Русский ребенок осваивает падежные окончания раньше предлогов; характерная ошибка иностранцев — использование «замороженного» именительного с предлогами, передающими оттенки значений: из бумага, за конфета. Прототипической инструментальной конструкцией китайских студентов становится «творительный + с» (писать с карандашом), ребенка — творительный без предлога (играть компьютером).

Стремление говорящего выразить семантические различия, в том числе важные в родном языке, приводит к интерференции.

Дети-билингвы так же, как и монолингвы, идут индуктивным путем, но их инпут беднее, а когнитивные способности могут существенно опережать возможности выражения в русской речи, что приводит к значительному количеству и устойчивости ошибок выбора. Дети-билингвы совершают ошибки, типичные для взрослых иностранцев, используя, например, предлоги при именительном падеже (из бумага режут ножница). Но значительно чаще ошибки билингвальных детей повторяют ошибки детей-монолингвов. Так, для общего указания на объект билингвы пользуются винительным без предлога (рисовали краску), для общего указания на орудие — творительным без предлога (водит машиной). Меньшее количество случаев выбора, который трудно объяснить, исходя из грамматических значений русских предложно-падежных конструкций, говорит о меньшем влиянии первого языка и большей самостоятельности в конструировании форм.

Таким образом, в стратегиях выражения падежных значений есть много общего, но на их выбор оказывает влияние путь освоения языка, а не возраст говорящего.

Литература

Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. СПб.; М., 2007.

Ионова Н. В. Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций имени существительного в речи детей дошкольного возраста. Дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2007.

Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. СПб., 2009.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЗНАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ КОНЦЕПЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Николова Доротея Пламенова

докторант, Софийский университет им. Св. Климента Охридского

В настоящем докладе представлен короткий аналитический обзор новейших школ и направлений в философии сознания и языка XX и XXI веков, где специальное внимание уделено концепциям когнитивной лингвистики и взглядам на концептуальную метафору. Эти идеи основываются на современной нейронауке и могут способствовать решению проблемы объяснительного пробела (*explanatory gap*) между ментальным, — как важным элементом сознания (*mind*),- и физической сущностью мозга. Объектом исследования является именно сознание (*mind, consciousness*). Предполагается, что наше сознательное мышление основано на нашей бессознательной концептуальной системе и осуществляется в значительной степени посредством механизма метафоры, который также включает аффекты; это происходит на нейронном уровне в мозгу, а язык является одной из основных единиц, на которые следует обращать внимание при исследовании мышления. На первый план выдвигается когнитивное бессознательное, которое моделирует наши мыслительные операции, связанные с концептуальными системами, понятиями, умозаключениями и языком. Понимание того, что тело и окружающая среда участвуют в структурировании наших представлений о реальности (*4E cognition*), является ключевым.

Цель: методами когнитивной лингвистики посредством языкового употребления очертить последовательный подход для установления с большим приближением механизмов человеческого сознания и мышления.

Текст реконструирует основу теории когнитивной лингвистики, созданной Джорджем Лакоффом (*George Lakoff*) (на которого оказал влияние Роман Якобсон), и последствия для смежных академических областей. В России труды Татьяны Скребцовой внесли серьезный вклад в понимание этой области знаний. Оценка этой модели показывает, что она могла бы решить ряд проблем взаимодействия сознания и языка. Методы, которые авторы применяют в исследовании: анализ и синтез.

Что такое „сознание“ и как оно функционирует — вопросы, которые на сегодняшний день сталкиваются с непреодолимым барьером. Признанные научные методы не в состоянии преодолеть так называемый „объяснительный разрыв“ (*explanatory gap*) между физической, телесной, функциональной стороной нашего психического опыта и его феноменальной стороной, т. е. способом, которым этот опыт «предстает» перед сознающим субъектом. В философии эта феноменальная, качественная характеристика опыта, например, что такое „чувствовать радость“, „видеть голубой цвет“, „чувствовать запах гиацинта“, — называется «квалиа» (лат. свойство, качество). Она („квалиа“) „доступна только от первого лица“, ее нельзя наблюдать, измерять или манипулировать, т. е. она не может быть исследована третьей стороной — единственный способ провести исследование объективно достоверным, принятым научным сообществом. Дэвид Чалмерс называет это „трудной проблемой сознания“. Эта неспособность согласовать и объединить ментальные и физические компоненты называется „проблемой сознания/тела“ (*mind/body problem*).

В последние десятилетия, в попытках найти выход из этого тупика, появилась новая междисциплинарная область исследований — наука о сознании (*science of consciousness*), включающая в себя, на первый взгляд, разрозненные области знаний. Используются идеи и труды когнитивной науки, в которую входят: философия, научная психология, психолингвистика, искусственный интеллект, информатика, нейробиология, лингвистика, социоантропология; а также научные области, такие как нейронная теория языка, физика, квантовая механика и другие. Цель, которой они руководствуются: создание целостной картины языка, мышления и поведения. Для ее достижения наблюдаются разные познавательные процессы — восприятие, мышление, познание, понимание и объяснение. Раздел философии, занимающийся этой проблемой,

называется „философией сознания“ (philosophy of mind), влияние которой на современную науку значительно.

Когнитивная лингвистика пытается внести свой вклад в понимание сознания, сосредоточив внимание на человеческом языке и речи как тесно связанных с процессом мышления, переживания эмоций и построения знаний о мире. Это в значительной степени неоднородная дисциплина.

Понятия, с помощью которых мы говорим о и понимаем явление, будут кратко объяснены. Цель состоит в том, чтобы показать объяснительный потенциал когнитивной лингвистики. Другие важные задачи состоят в том, чтобы реконструировать ее теоретический и эмпирический аппарат и инструментарий, а также показать ее принадлежность к одной из трех основных метафор, с помощью которых мы сегодня пытаемся объяснить феномен сознания, а именно — к динамической метафоре, принимающей сознание как движение (embodied, embedded, extended, enactive mind — 4E cognition).

Роль философии является ключевой, поскольку в ее компетенцию входит создание парадигматических рамок, с помощью которых эти данные могут быть прочитаны и структурированы. Ее задача: занять метатеоретическую позицию и попытаться сравнить и оценить различные концептуальные рамки, пытающиеся объяснить феноменальный опыт. Она должна суметь построить полную картину, исходя из той фрагментарности, которая встречается в этой области исследований, чтобы дать краткий обзор и собрать все воедино.

В ее задачу также входит максимально возможное на данный момент уточнение и структурирование понятийного аппарата, поскольку часть терминов еще предстоит наполнить смыслом. Следующим шагом является консолидация и обеспечение согласованной теоретической основы для проведения исследований в различных дисциплинарных областях, каждая из которых будет использована ею согласно своей собственной методологии и предметам исследования.

Литература

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика классические теории, новые подходы. М., 2018.

Lakoff G. Ten Lectures on Cognitive Linguistics. Leiden, Boston, USA: Tuta sub aegide pallas 1683, Brill, 2018.

Lakoff G. & Johnson J. Metaphors we live by. Originally published: Chicago: University of Chicago Press. 1980, 2003.

Lakoff G. & Johnson J. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenges to Western Thought. New York, 1999.

МОЖНО ЛИ ИЗМЕРИТЬ ЭМОТИВНОСТЬ ТЕКСТА?

Пиотровская Лариса Александровна

профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Эмоциогенность текста понимается нами как результат восприятия текста, связанный с каузацией определенных эмоций у адресата, при этом степень эмоциогенности одного и того же текста может варьировать, поскольку она зависит не только от содержания текста, но и от личности адресата. Поскольку в интонационных (и шире — в просодических) характеристиках выражается эмоциональное состояние субъекта речи, нами предложено определять степень эмоциогенности текста на основе анализа речи испытуемых, читающих текст вслух. Такой способ оценки эмоциогенности текста коррелирует со следующей гипотезой: высокая степень эмоциогенности текста предполагает, что адресат встает на позицию персонажа и, как следствие, испытывает те же эмоциональные переживания; в этом случае эмоции будут выражены в интонационном оформлении речи человека, читающего текст. При выборе языкового материала за основу была взята типология текстов по их эмоционально-смысловой доминанте, разработанная В. П. Беляниным на основе психолингвистического (точнее — психиатрического) анализа художественной литературы. Он предложил различать пять типов текстов:

- 1) «светлые»,
- 2) «темные»,
- 3) «красивые»,
- 4) «веселые» и
- 5) «печальные» [Белянин 2000].

Для экспериментального исследования нами были выбраны «светлый» и «печальный» тексты, соответственно фрагмент из романа Э. Золя «Карьера Ругонов» и начало рассказа Л. Андреева «В подвале». Значительный эмоциогенный потенциал этих текстов обусловлен тем, что в них описываются ненормальные ситуации. В экспериментальном исследовании, выполненном совместно с исследователями из Института мозга человека им. Н. П. Бехтеревой РАН и Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, принимали участие две группы испытуемых: студенты 1-го курса Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства (25 человек) и Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (25 человек). На основе слухового анализа была произведена интонационная разметка текстов с использованием классификации интонационных конструкций (ИК) русского языка, разработанной Е. А. Брызгуновой [Русская грамматика 1980: 96–122]. Обобщение различных фонетических исследований, посвященных интонационному выражению эмоций, позволило выделить следующие значимые акустические параметры: тембр; регистр; общий диапазон; общий темп; увеличение длительности отдельных звуков; общий уровень интенсивности; преобладающие типы интонационных конструкций. Сформулируем основные результаты восприятия «светлого» текста. Испытуемые, речь которых свидетельствует о высокой степени эмоциогенности воспринимаемого текста, выражали восторг и нежность. Наиболее яркими просодическими коррелятами этих эмоций являются следующие: светлый тембр; высокий регистр; расширенный диапазон; повышенный уровень интенсивности; увеличение длительности ударных гласных в слове, стоящем под синтагматическим ударением; большое количество синтагм, оформленных с помощью ИК-5 (собственно эмотивным понижением тона) и ИК-2а (эмоционально окрашенным понижением тона), что соответствует данным, полученным другими исследователями.

Наиболее ярким признаком, позволяющим оценивать степень эмоциогенности текста для разных испытуемых, по нашим данным, является количество синтагм с ИК-5. При этом выявляется следующая закономерность: при большом количестве синтагм, оформленных этим типом интонации (7 и более), обязательно будут представлены и все другие просодические признаки,

свидетельствующие о максимальной степени эмоциогенности текста. Обобщение результата восприятия «печального текста» позволяет выделить следующие просодические характеристики. Показателями высокой степени эмоциогенности фрагмента рассказа Л. Андреева является выражение пассивных отрицательных эмоций — обреченности, состояния подавленности, которые были выражены следующими просодическими признаками: темный, мрачный тембр; низкий регистр; сужение общего диапазона; замедленный общий темп; увеличение длительности ударных гласных звуков; снижение общего уровня интенсивности; преобладание в неконечных синтагмах ИК-6 в средне-нижнем, а не в средне-высоком регистре, а в конечных — ИК-1 с неглубоким понижением тона или ИК-2а. Самым ярким, на наш взгляд, просодическим признаком, свидетельствующим о высокой степени эмоциогенности этого текста, является суженный частотный диапазон, следствием чего стала реализация всех интонационных конструкций, даже ИК-3, которая в эмоционально нейтральной речи должна охватывать весь индивидуальный частотный диапазон. Основные выводы Показателем степени эмоциогенности обоих текстов является количество просодических признаков, используемых конкретным испытуемым. При минимальной степени выразительности, как правило, меняется диапазон (сужается — при выражении активных эмоций и расширяется — при выражении пассивных эмоций) и тембр (в текстах с положительной эмоционально-смысловой доминантой он становится светлым, а в текстах с отрицательной доминантой, напротив, темным). При средней степени выразительности, кроме названных, маркированным является также регистр (в «светлом» тексте — повышается, а в «печальном» тексте — понижается); доминирует не эмоционально нейтральное (ИК-1), а эмоционально маркированное понижение тона (ИК-2а), а также ИК-5 (в «светлом» тексте). При высокой степени эмоциогенности текста добавляется также увеличение длительности гласных звуков в слове, стоящем под синтагматическим ударением. Разброс просодических характеристик при чтении художественных текстов обусловлен следующими факторами:

- 1) интерпретацией эмоций как пассивных или активных;
- 2) глубиной проникновения адресата в содержание текста;
- 3) способностью испытуемого испытывать те же эмоции, что и персонаж;
- 4) умением испытуемого расслабиться в экспериментальных условиях.

Литература

- Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). М., 2000.
Русская грамматика. 1980. Т. 1 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКОЙ РЕЧИ: РЕДУКЦИЯ И ПЕРЦЕПТИВНО ЗНАЧИМЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

THE VARIABILITY OF RUSSIAN SPEECH: REDUCTION AND PERCEPTUAL CUES

Раева Ольга Васильевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследования устной речи на материале различных языков уже давно показали, что одной из особенностей неподготовленного монолога или полилога является звуковая вариативность словоформ [Фонетика спонтанной речи 1988; Риехакайнен 2016 и др.]. Иными словами, речь идет о редукции — изменении и/или выпадении сегментов, слогов или даже целых слов [Ernestus 2000]. С данной особенностью устной спонтанной речи связан ряд вопросов, касающихся проблем идентификации неполных речевых фрагментов и, соответственно, того, какие алгоритмы использует человек в процессе распознавания редуцированных словоформ. Распознавание речи представляет собой «процесс приписывания языковой структуры речевому сигналу» [Венцов, Касевич 2003 (1994): 53–64] и предполагает наличие этапа перехода к смыслу сообщения. Ряд примеров, представленных в материалах Корпуса русской устной речи (<http://russpeech.spbu.ru/>), демонстрирует, что идентификация словоформ не вызывает трудностей даже в тех случаях, когда у слушающего нет возможности на основе акустических характеристик сигнала определить качественные характеристики всех звуков словоформы. Таким образом, можно предположить, что в словоформе существуют элементы, являющиеся перцептивно значимыми. Они должны сохраняться в речевом потоке и помогать слушающему идентифицировать редуцированную словоформу. Согласно данным, полученным в ходе экспериментальных исследований, перцептивно значимыми элементами фонетической структуры словоформы можно считать консонантный скелет, т. е. сохранность состава согласных звуков внутри фонетического слова и неизменность их качественных характеристик [Риехакайнен 2016], а также слоговую структуру словоформ, целостность которой достигается благодаря сохранению количества гласных в словоформе при высокой вариативности их качественных характеристик. С целью установить, насколько хорошо сохраняется слоговая структура словоформ в спонтанной речи, был проведен корпусный анализ записей из Корпуса русской устной речи (всего 10601 единица). На первом этапе весь объем словоформ был проанализирован на предмет выпадения гласных в акустической структуре слова: сравнивались каноническая транскрипция (т. е. то, как должна звучать словоформа в соответствии с нормами произнесения для русской речи) и реальная транскрипция (т. е. то, как словоформа была произнесена говорящим в реальном речевом фрагменте). Согласно полученным результатам, словоформы, в которых зафиксировано выпадение одного и более гласных, представлены в количестве 7099 единиц (33 % от всего объема рассматриваемого материала). Таким образом, для 67 % словоформ была зафиксирована сохранность всех гласных звуков, а значит и слоговой структуры всего слова, несмотря на то что качество этих гласных часто отличалось от канонического произнесения. Целесообразным представляется и анализ словоформ с редуцированными согласными или согласными и гласными звуками (т. е. сильно редуцированных словоформ) для проверки предположения о перцептивной значимости консонантного скелета, а также слоговой структуры слова: например, «потому что» [dvaʃ], «действительно» [s'itna], «конечно» [keš], «будет» [vui]. Результаты смогут прояснить сведения о том, для каких единиц важна сохранность структуры согласных, для каких согласных важно сохранить качественные характеристики и какие это характеристики, а также что оказывается важнее для слушающего: сохраненный консонантный скелет или слоговая структура. Необходимо отметить, что с точки зрения выпадения или, наоборот, сохранности звуков в структуре словоформы, большой интерес представляют единицы с несколькими вариантами произнесения (например, «государственного» [gasudastvə] и [ksarsa]). Подобные случаи демонстрируют, что в одних вариантах одной и той же словоформы гласные и/или согласные сохраняются, а в других — выпадают. При этом во всех случаях восстановлению реду-

цированных единиц при восприятии речи способствует контекст как источник дополнительной семантической и/или грамматической информации для идентификации редуцированных форм слова: например, «в залах государственного [gasudastvə] музея изобразительных искусств имени Пушкина» и «государственного [ksarsa] университета аэрокосмического приборостроения» для приведенных выше примеров. С учетом значимости грамматической и семантической информации для процесса обработки естественного речевого сигнала важным представляется при анализе редукции учитывать лексико-грамматические характеристики единиц, в частности их частеречную принадлежность. Известно, что вариативность звуков или их выпадение может характеризовать словоформы, относящиеся к любому лексико-грамматическому классу, но степень редукции и частота возникновения данного явления может зависеть от части речи. Так, можно предположить, что глаголы, считающиеся во многих синтаксических концепциях вершиной клаузы, будут редуцироваться реже и в меньшей степени, чем единицы, относящиеся к другим частям речи. Данное предположение планируется проверить в ходе дальнейших исследований на материале русской устной речи. Таким образом, изложенная выше информация является основой для теоретического осмысления процессов распознавания редуцированных словоформ, а также для эмпирической проверки сформулированных гипотез о перцептивно значимых признаках акустической структуры единиц речи и о факторах, влияющих на возникновение редукции.

Литература

- Венцов А. В., Касевич В. Б.* Проблемы восприятия речи. 2-е изд. М., 2003 (1994).
- Риехакайнен Е. И.* Восприятие русской устной речи: контекст + частотность. СПб., 2016.
- Фонетика спонтанной речи / *Л. В. Бондарко* и др.; под ред. Н. Д. Светозаровой. Л., 1988. С. 240–245.
- Ernestus M.* Voice Assimilation and Segment Reduction in Casual Dutch. A Corpus-Based Study of the Phonology-Phonetics Interface. Utrecht, 2000.

ВОСПРИЯТИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ АГНОНИМОВ ДЕТЬМИ 3–6 ЛЕТ ПРИ СЛУШАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

PERCEPTION OF POTENTIAL AGNONYMS BY CHILDREN 3–6 AGES WHEN LISTENING TO A LITERARY TEXT

Тьосса Ксения Антоновна

научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

В дошкольном возрасте дети способны к длительному слушанию художественных текстов, несмотря на содержание в них того или иного количества незнакомых или малознакомых им слов. Вслед за В. В. Морковкиным и А. В. Морковкиной мы будем рассматривать понятие агнонима при восприятии детьми текстов широко: это может быть как совсем незнакомое ребенку слово, так и соотнесение слова с предметом без знания конкретных отличительных особенностей или функций последнего [Морковкин, Морковкина 1997: 119].

Для исследования восприятия детьми потенциальных агнонимов при слушании художественного текста был разработан и проведен эксперимент, в котором приняли участие 7 детей-монолингвов 3–6 лет, 7 детей-билингвов 3–6 лет, а также их мамы. Эксперимент состоял из 4 этапов и проводился каждой парой «мама-ребенок» отдельно, в привычной домашней обстановке. На первом (подготовительном) этапе ребенку давалось проверочное задание: чтение 4 цепочек слов и квазислово с просьбой к ребенку отреагировать хлопком в ладоши на слово, которое он никогда не слышал:

- 1) собака, корова, бузЯва;
- 2) машина, каталЁт, самолёт;
- 3) банан, апельсин, агурАн;
- 4) цынки, шапка, ботинки.

На втором этапе эксперимента мама самостоятельно читала текст рассказа Л. Н. Толстого «Как мальчик рассказывал про то, как его не взяли в город» и отмечала в слова, которые ребенок, по ее мнению, никогда не слышал, а также используется ли слово в речи, обращенной к ребенку. В некоторых случаях мамы отмечали, что ребенок слышит слово в речи взрослых, но не соотносит с конкретным объектом, то есть не знает его значения. Из комментария мамы ребенка-монолингва: «Накануне гуляли в парке и видели часовню, несколько раз произносили это слово («Ты бежала прямо от часовни?», «Давай дойдем до часовни и обратно»). Однако мама не была уверена, что ребенок соотнес слово с объектом в данной ситуации. Также незнакомая форма слова может сделать слово ребенку незнакомым: «Я использую в речи в предложениях типа “Надо затопить камин”, “Поможешь мне затопить камин?”, “Печка хорошая”. Но в форме “топится” я решила, что она не узнает слово и хлопнет» (мама ребенка-билингва).

На третьем этапе мама читала ребенку рассказ, предваряя чтение следующим заданием: «Я сейчас буду читать тебе рассказ. Если вдруг ты услышишь какое-то слово, которое ты никогда не слышал — сразу хлопни в ладоши». Гипотеза исследования, которая заключалась в том, что соотношение агнонимов в представлении мам и детей как в общей картине, так и для каждой пары «мама-ребенок» будет неравным, подтвердилась. Приведем некоторые примеры. В монолингвальной группе 6 мам из 7 считают агнонимами для своих детей слово «батя», при этом это слово было отмечено 4 детьми из 7. Слово «часовня» отметили 6 мам и 3 детей. Слова «чулан», «топится», «скочил» были отмечены некоторыми мамами, но не были отмечены ни одним ребенком.

В результатах пар «мама—ребенок-билингв» соотношение было примерно таким же: слово «батя», «часовня» и «ледянки» отметили 6 мам и 4 детей. Слова «салазки» и «иззяб» отметили все 7 мам и 5 детей. Мамами билингвов были отмечены и некоторые другие слова, которых не было у мам монолингвов: «рукавицы», «деревня», «печка», «лавка». Слово «скочил» отметили

несколько мам, но не отметил ни один ребенок. По нашим наблюдениям, мамы детей-билингвов, живущих за рубежом, ввиду ограниченного языкового инпута, считают агнонимами для своих детей большее количество слов в текстах, чем мамы монолингвов и, в особенности, книжной и устаревшей лексики. На последнем этапе эксперимента мама просила ребенка пояснить значения слов (тех, что отметила она, и тех, на которые отреагировал ребенок). Выяснилось, что реакция ребенка на агноним (или ее отсутствие) не всегда совпадает с правильным пониманием значения слова. Мама одного из билингвов после проведения эксперимента отмечает: «Я спросила о значении и других слов, а то сюрприз — то, что я думала, Герман знает, он не знает, и наоборот». В полученных результатах есть примеры, когда ребенок отреагировал на слово, как незнакомое, но при этом объяснил его значение верно (например, ребенок-монолингв отметил слова «батя» и «иззяб», при этом семантизировал так: батя — папа, иззяб — замерз). Есть примеры, когда ребенок не отреагировал на слово, а затем объяснил его неверно: «Салазки — мне кажется, это такие дощечки...ласты...ими гребут»; «Часовня — это место, где продавец может починить часы». Исследователи отмечают, что «в этом возрасте ребенку приходится постоянно опираться и на «внутреннюю форму слова», выступая в роли «гениального лингвиста» (термин К. И. Чуковского) ребенок воспринимает словообразовательную модель и, опираясь на нее, «расшифровывая» ее, создает свою версию о семантике незнакомого слова» [Доброва, Чернышенко 2015: 90]. В целом, соотношение представлений мамы и ребенка об агнонимах в тексте совпадает в билингвальной и монолингвальной группах: в представлении мам, агнонимов для детей в тексте больше, чем в представлении самих детей. С одной стороны это связано с особенностью восприятия художественного текста детьми: ребенок слушает повествование, «погружается» в него и не всегда реагирует на незнакомые слова даже при наличии такого задания. С другой стороны, ребенок может предполагать, что понимает значение того или иного слова, хотя представление может оказаться неверным.

Литература

Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы. М., 1997.

Толстой Л. Н. Как мальчик рассказывал про то, как его не взяли в город. URL: russkaja-skazka.ru

Доброва Г. Р., Чернышенко Т. В. Стратегии поиска семантики незнакомого слова детьми-инофонами и русскоязычными детьми младшего школьного возраста // Уральский филологический вестник ФГБОУ ВПО «Уральский государственный университет». Вып. 4 //1: Материалы Всероссийского семинара с международным участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей» 27 ноября 2005 г. / гл. ред. проф. Т. А. Гридина. Екатеринбург, 2015.

ФЕНОМЕН «ИДЕИ» В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА В ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Фомина Зинаида Евгеньевна

профессор, Воронежский государственный педагогический университет

В философском дискурсе В. фон Гумбольдта глубоко и многогранно освещаются такие основополагающие понятия, как: человек, природа, космос, бог, время, дух, идеи, эмоции, душа, судьба и др. [Фомина 2020:1]. Большой интерес вызывают его рефлексии о концепте «Идеи», в частности, сформулированные им ключевые пролегомены к восприятию и пониманию сущности этого феномена, а также особенности его языковой экспликации. По Гумбольдту, весь мир — это мир идей. «Повышение уровня образования, совершенствование вещей на земле, совершенствование государств и всего мира состоит только в идее» [An Charlotte Diede Glogau, den 9. Mai 1826 // Gutenberg]. Он понимает идею «как умопостигаемую и вечную сущность предмета» (по Платону), а также как «априорное понятие чистого разума» (вслед за Кантом) [Идея, в философии 1890–1907]. Гумбольдт ставит вопросы, касающиеся, главным образом, эпистемологического и психологического аспектов концепта Идеи. Так, он размышляет об онтологии идей, о первоисточниках идей, их концептуальных признаках, корреляциях с ментально-интеллектуальными сущностями (наука, знание), реалиями антропологического мира (человек, индивидуум, жизнь, душа, судьба, чувства и др.), о локусе бытия идей, познавательной ценности идей и др.

Согласно Гумбольдту, идеи — это величины мира, направленные на непреходящие вещи. Ученый определяет «идеи» как «высшую ценность», являющуюся единственным неизменным и вечным достоянием человеческого разума. Исходя из своего убеждения в том, что «в мире нет ничего более интересного для человека, чем сам человек», Гумбольдт подчёркивает, что первоисточником идей является сам человек. По мнению немецкого философа, неисчерпаемым источником идей является «каждое новое лицо, каждое новое ощущение, каждое новое чувство, т. е. всё, что человек может познать с помощью органов чувств или внутреннего зрения» [An Charlotte Diede. Burgörner, 3. Mai 1822 // Gutenberg]. Локусом бытия идей являются духовные творения человека (книги, созерцания, опыт, переживания, мировоззрение и т. п.). В аспекте корреляции идей с понятиями «НАУКА», «ЗНАНИЕ» Гумбольдт отмечает, что важность занятий наукой заключается в её взаимосвязи со всем общечеловеческим.

Учёный считает, что «в высшей области идеи предназначены лишь для немногих в качестве научных занятий» [An Charlotte Diede Tegel, den 15. Mai 1825 // Gutenberg]. ЗНАНИЯ, по мысли философа, всегда связаны с идеями, которые, «если следовать им правильно, больше не имеют своей центральной точки в этом мире» [An Charlotte Diede Tegel, den 15. Mai 1823 // Gutenberg]. Гумбольдт подчеркивает, что его собственная жизнь протекает в трех ипостасях бытия: «в чувствах, исследованиях и идеях». В рамках этой экзистенциальной триады он рассматривает взаимодействие идей с понятиями: «человек», «индивидуум», «жизнь», «чувства», «душа» и др. Приоритет идей (работы духа), как ценностной установки в жизни человека, может детерминировать психоэмоциональную сферу человека, так как, по Гумбольдту, «жить идеями — это настоящее удовольствие и истинное счастье [...]. Как только человек привыкает к этой жизни в идеях, то горе и несчастья теряют свою остроту» [Maier 2011: 189–190]. Способом познания идей является, по мысли Гумбольдта, внутренний взгляд, внутренний взор человека. «Величайшим и прекраснейшим, что люди в состоянии познать, остаются чистые идеи, познаваемые только внутренним взором» [An Charlotte Diede. Berlin, 2. Dezember 1822 // Gutenberg]. По Гумбольдту, «очень немногие люди имеют представление об идеях». Для любви к идеям необходима, по мысли учёного, «склонность к ошеломлению (eine Neigung zur Beschallung)», к трансценденции, «которая невозможна у людей, у которых ощущение и внутреннее моральное чувство переходят в желание и наслаждение» [Maier 2011: 189–190]. Среди концептуальных признаков

идей он выделяет: вечность, вездесущность, неисчезаемость, непрерывность развития, умопостигаемость, связь с бесконечностью, связь со вселенной и др. Согласно воззрениям ученого, «идея восходит к чему-то бесконечному, к последней привязке, к чему-то, что могло бы еще обогатить душу, если бы она отказалась от всего земного» [An Charlotte Diede. Tegel, Den 8. März 1833 // Gutenberg]. В рефлексиях Гумбольдта выделяются 9 метафорических моделей ИДЕЙ:

- 1) идеи — сама жизнь (vita);
- 2) идеи — русло реки для течения духа;
- 3) идеи — пища для духа (nutrimentum spiritus);
- 4) идеи — космос/бесконечность [а) идеи — величины мира; б) идеи — часть бесконечного];
- 5) идеи — мост между реальным и воображаемым миром;
- 6) идеи — часть вселенского разума;
- 7) идеи — тайна (энигматическая сущность);
- 8) идеи — исцеляющая субстанция [а) «идеи — гарант жизни без колючек/шипов»; б) идеи — целитель от душевных недугов];
- 9) идеи — счастье, истинное наслаждение и др.

Литература

Фомина З. Е. Рефлексии Гумбольдта о человеке, природе, космосе и боге // Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения. М., 2021. С. 10–59.

Идея, в философии // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

Maier Elisa. Wilhelm von Humboldt-Lichtstrahlen. Aus seinen Briefen an eine Freundin. Severus Verlag. 2011.

Wilhelm von Humboldt: Briefe an eine Freundin. Hrsg. von Dr. Huhnhäuser. Berlin, 1921.

АНГЛИЙСКИЙ КАК LINGUA FRANCA В БРЮССЕЛЬСКОМ СТОЛИЧНОМ РЕГИОНЕ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Абрамова Евгения Викторовна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

За последние десятилетия формирование полилингвального ландшафта Брюсселя и распространение английского языка на всех уровнях общественной жизни вызваны политическими, экономическими, культурными и этническими трансформациями бельгийской столицы. Языковая ситуация столичного региона Брюсселя представляет особый интерес для социолингвистического исследования, поскольку на фоне монолингвальной нидерландскоязычной Фландрии и франкоязычной Валлонии он выступает единственным официально двуязычным территориальным образованием Бельгии. Однако в последние десятилетия сосуществование французского и нидерландского языка в столице было «нарушено» экспансией английского как международного языка в большинстве сфер политической, экономической и деловой коммуникации брюссельского общества. Столица Бельгии, территориально расположенная в Ville de Bruxelles (Stad Brussel) и образующая центр ЕС, еще больше подчеркивает важность понимания социолингвистических и культурологических процессов в данном регионе.

Стремительно меняющийся лингвистический профиль Брюсселя и вынужденные изменения языковой политики государства, диктуемые мультикультурными процессами с одной стороны и миграционной политикой многонационального государства с другой, обуславливают актуальность исследования. Научная новизна заключается в рассмотрении сложившейся языковой ситуации Брюссельского региона как трехкомпонентной экzogлосии, в отличие от распространенной двухкомпонентной модели. Цель исследования заключается в выявлении специфики формирующейся многокомпонентной экzogлосной языковой ситуации и перспективах ее эволюции. В ходе исследования использовался историко-компаративный метод, позволяющий уточнить эволюцию языковых процессов Брюссельского столичного региона. Языковой вопрос в Брюсселе политизирован как нигде в Европе. Чтобы сбалансировать политические силы, в 1963 г. Между северным (нидерландскоязычным) и южным (франкоязычным) регионами была проведена языковая граница, официально разделившая Бельгию на две языковые зоны. Однако деление по лингвистическому и географическому принципу дает повод националистам с обеих сторон (особенно фламандским партиям) раскачивать политический ландшафт в стране и провоцирует сепаратизм [Obasi 2021]. Сложная политическая ситуация, непростое историческое взаимодействие французского и нидерландского языков, трансформация фламандского города в многонациональный мегаполис, в котором доминирующим языком деловой коммуникации стал французский, приток мигрантов, и, как следствие, поликультурная среда и языковое разнообразие обусловило предпосылки для формирования мультилингвальной языковой ситуации. Несмотря на то, что бельгийская столица официально двуязычна (официальными языками является французский и нидерландский), треть населения использует английский язык в повседневной коммуникации и более 33% используют нидерландский [Janssens 2013]. Распространенность английского языка свидетельствует о его статусе как наиболее широко используемого *lingua franca* не только в официально-деловой сфере, но и в трудовой деятельности экспатриантов Брюсселя [Krizsán, Erkkilä 2014].

Влияние английского также испытывает сфера высшего образования: более 60 образовательных программ Свободного Университета Брюсселя (Vrije Universiteit Brussel) предлагаются на языке международного общения [<https://www.vub.be/>]. Политика мультикультурализма и многоязычия, осуществляемая брюссельским региональным парламентом с одной стороны,

и, как следствие, распространение европейского английского («European English») с другой — наиболее вероятный сценарий развития языковой ситуации бельгийской столицы; возможный результат — трансформация двухкомпонентной экзогlossной ситуации в трехкомпонентную. Итак, в докладе предпринята попытка анализа языковой ситуации Брюсселя, социолингвистических процессов, обуславливающих своеобразие существующей двухкомпонентной экзогlossной ситуации, проиллюстрировано широкое распространение английского как *lingua franca* во всех сферах общественной жизни столичного региона Брюсселя. Происходящие социолингвистические трансформации данного региона требуют дальнейшего исследования и уточнения вопросов, связанных с проблемами языковой политики в условиях глобализации мирового сообщества.

Литература

- Obasi Ch.* Belgium: The Case of Flanders and Wallonia. URL: <https://harvardpolitics.com/flanders-and-wallonia/>
- Janssens R.* Meertaligheid als cement van de stedelijke samenleving [Multilingualism as cement of urban society]. Brussels, 2013. URL: <https://thelanguageindustry.eu/en/meertaligheid/3033-meertaligheid-als-cement-van-de-brussels-e-samenleving>
- Krizsán A., Erkkilä T.* Multilingualism among Brussels-based civil servants and lobbyists: Perceptions and practices. *Language Policy*. 2014. No. 13 (3). P. 201–219.
- Vrije Universiteit Brussel. URL: <https://www.vub.be/>

«РЕЛОКАЦИЯ» КАК ЯВЛЕНИЕ В ЯЗЫКЕ И ЖИЗНИ СОЦИУМА: АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Дзюба Елена Вячеславовна

профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Белослудцев Александр Николаевич

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

В словарной дефиниции к термину «социолингвистика» как одно из важных направлений исследований отмечается изучение «механизмов воздействия объективных (различных элементов социальных установок, ценностей и т. п.) социальных факторов на языки ...» [Словарь социолингвистических терминов 2006: 207]. Лингвосоциальный в данном случае феномен релокации отчетливо отражает неразделимую связь жизни российского общества и развития русского языка. Цель данной работы — проследить специфику дискурсивного употребления лексической единицы «релокация» в русском языке, определить движение семантики и стилистические особенности слова. Материалом выступают данные газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка; Интернет-публикации, найденные посредством поисковых систем в рубрике «Новости»; научные публикации, индексируемые в РИНЦ; источники профессионально значимой информации (специализированные словари, нормативные акты и т. п.). Основные лингвистические методы исследования: методы корпусного, лексикографического, контекстуального, концептуального, стилевого, семантического (компонентного) анализа, а также метод социолингвистической интерпретации. Слово «релокация» употребляется в речи (прежде всего — научной), по данным текстов РИНЦ, как минимум с девяностых годов XX в., но не фиксируется в словарях русского языка (проверены лингвистические русскоязычные словари: толковые, словари иностранных слов, словари актуальной лексики, словари новой лексики с 1961 по 2021 г.). Однако в 2022 г. слово начало фиксироваться в электронных словарях: Викисловаре с основным значением «изменение местоположения кого-, чего-либо» и частным, более узким: «перевод сотрудника на новое место жительства, связанный с деловыми целями компании» [Викисловарь], а также как синоним к слову «перемещение» в электронном «Большом словаре-справочнике синонимов русского языка» без конкретизации значения [Тришин].

По данным РИНЦ, имеется два упоминания в диссертационных исследованиях по медицине, опубликованных в 90-ые гг. (ср., например: *релокация кровотока из желудочка в аорту*). В нулевые годы нашего столетия (с 2001 по 2010 г.) в РИНЦ наблюдаем 49 упоминаний в научных текстах; с 2011 по 2022 г. можно свидетельствовать рост употребления единицы «релокация» в научных публикациях (при этом в 2011 г. зафиксировано 24 текста с упоминанием изучаемой единицы, в 2021 — 163 текста). Научные области, к которым относятся тексты с лексемой «релокация», самые разные: естественно-научные и гуманитарные (ср., например: *релокация подземных ядерных взрывов; релокация переселение индейцев из резерваций в города; релокация квалифицированного персонала; релокации текста; релокация культуронима; внутрифирменная управленческая релокация* и др.). Таким образом, данное слово не является частотным в русском языке до 2021 г. и употребляется в научном дискурсе как общенаучный термин. В СМИ, по данным Национального корпуса русского языка (газетный подкорпус) [Национальный корпус русского языка], первое упоминание датируется 2005 г., с этого момента до 2021 г. зафиксировано 53 контекста. Данное слово употребляется в основном в сфере экономики и торговли, бизнеса и финансов (*релокация бизнеса, релокация офиса, релокация сотрудников, релокация ресурсов с долгосрочных депозитов на более короткие, релокация ресурсов между банками, релокация комплектующих для производства между странами*), в сфере миграционной политики (*релокация трудовых мигрантов, релокация беженцев*); реже в иных сферах, например, в военной (*релокация стратегических объектов, релокация объектов Минобороны*). Слово «релокация» используется, таким образом, как единица профессионального языка. В 2022 г. в поис-

ковой системе Google (дата обращения: 04 января 2022 г.) обнаруживается 1 080 000 контекстов со словом «релокация», в рубрике «Новости» — 69 990 вхождений. У слова «релокант» обнаруживается 11 700 контекстов, в рубрике «Новости» — 599 текстов. В поиске по слову «релоцироваться» обнаруживается 28 700 контекстов, в рубрике «Новости» — 2440 текстов. Значительное число данных единиц упоминается в текстах блогов, чатов, форумов (ср. некоторые примеры: *релокация частных лиц, релокация семьями, релокация в зрелом возрасте, релокация верующих*). В контекстах при этом актуализируется смысловой компонент «геополитическая ситуация» (ср.: *О релокации в Казахстан — от местного жителя. Сейчас многие ... задумываются о переезде в другую страну из-за геополитической ситуации в регионе*). Таким образом, в 2022 г. в связи с «социально-политической турбулентностью» лексема «релокация» была актуализирована в первую очередь как слово общеупотребительного языка, что позволяет прогнозировать его возможное появление в лингвистических словарях русского языка, изданных после 2022 г. Если ранее в значении слова «релокация» доминировало объектное значение («перемещение чего-либо»), то анализ текстов, опубликованных в 2022 г., позволяет сформулировать иное частотное (субъектно-ориентированное) значение единицы: релокация — добровольный, временный переезд / перемещение человека / группы лиц в связи с изменением геополитической ситуации в стране без разрыва связи с родиной, близкими, с местом работы, без утраты возможности на скорейшее возвращение. Движение семантики и изменчивости сферы употребления слова (от общенаучного термина к общеупотребительной единице) всецело подтверждает идею о неразрывной связи жизни общества и развития языка.

Литература

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

Релокация // Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>

Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.

Тришин В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonymys-trishin/fc/slovar-208-64.htm> zag-267932

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСНОЙ И КОРПУСНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ

Громова Анна Викторовна

старший преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

При сборе текстовой и мультимедийной информации с целью документирования исчезающих миноритарных языков формат свободного интервью, в ходе которого информант описывает интересующие его события в зависимости от собственного настроения и интересов (event-driven), иногда оценивается как более перспективная методология по сравнению с традиционным анкетированием по усмотрению эксперта [Bel, Gasquet-Cyrus 2015: 115–119]. Аналогичным образом, благодаря определенной свободе в выборе тем для публикации и обсуждения, особого внимания заслуживает деятельность языковых активистов в социальных сетях, ставших в последние годы популярной площадкой для спонтанной фиксации материалов и удобным инструментом для сохранения языкового многообразия в полиэтнических странах. Одной из платформ, широко используемых в Иране для статусного и корпусного регулирования «снизу», является Телеграм. Каналы языковых активистов стали объектом нашего исследования, целью которого является выявление и анализ сюжетов, связанных с функционированием многочисленных идиомов страны. Языковая ситуация в Иране характеризуется большой пестротой, что обусловлено

- 1) значительным социальным и географическим варьированием официального языка, то есть персидского,
- 2) обязательным изучением и частым использованием арабского как языка религии,
- 3) все большей популярностью английского и
- 4) широким распространением билингвизма в ареалах доминирования тюркских и отличных от персидского иранских языков.

Общей тенденцией является стремление молодежи переходить с родного языка на персидский [Modarresi 2018: 332], при этом в случае языков с солидной социально-демографической базой, например, азербайджанского, курдского, туркменского, этот процесс идет значительно медленнее, чем с миноритарными языками и диалектами. Подсчеты в отношении языков, оказавшихся на грани исчезновения, разнятся: от 25 согласно «Мировому атласу угрожаемых языков Юнеско» до 56, зафиксированных на сайте Endangered Language Project (ELP), и до 80, упомянутых на сайте Ethnologue. Все больше идиомов становится объектом описания в ходе составления «Сокровищницы диалектов Ирана» под эгидой Академии персидского языка Фархангестан и в рамках крупных международных проектов, например, таких, как «Атлас языков Ирана» [Taheri Ardali, Anonby 2021]. Наряду с продвижением идеи бережного и уважительного отношения к языковому и культурному многообразию как к ценному невозобновляемому ресурсу, считается целесообразным расширять программы экономического выравнивания регионов для сокращения миграционных потоков из деревни в город. Также рекомендуется всячески поддерживать усилия, направленные на повышение престижа всех представленных в стране языков как в СМИ, так и в системе образования [Amini 2022: 97–98], поскольку эта работа направлена прежде всего на молодежь. Одним из механизмов привлечения внимания к судьбе миноритарных языков оказывается взаимодействие через социальные сети. Так, основные направления работы языковых активистов в Телеграм включают:

- 1) сообщения о выходе соответствующих статей в академических и университетских журналах, например, «Критический анализ степени угрожаемости языков»;
- 2) комментарии по дискуссионным вопросам аффилиации отдельных идиомов, например, «Этнонимический кризис и путаница в классификации лурских диалектов»; заметка о родстве диалектов центральной части лурского континуума; исторический видеочерк «Народы, говорящие на языке Аршакидов»;

- 3) обсуждение с участием пользователей частных вопросов лексикологии, например, дискуссия пользователей по вопросу этимологии лурских слов *āgêr* и *taš* 'огонь', их формах, производных и использовании;
- 4) издание тематических подборок слов и терминов, среди них, например, анималистическая лексика лурских идиомов провинции Кохгилуйе и Бойер-Ахмад;
- 5) публикация поэзии и фольклора: см., например, стихи на тюркском сонгори с присланными подписчиками аудио и персидским переводом; фрагменты авторской поэзии на бахтиярском без перевода (Мехрдад Насери «Маснави дня Ашурь»); локальные варианты эпических сюжетов («Муса и пастух» на тати);
- 6) материалы об этнической и традиционной музыке с уточнением ареала распространения, генетических связей описываемого идиома и мультимедийными материалами, например, аккомпанемент и исполнение касыд (традиции шахрестана Ардестан); публикация о различных локальных традициях пения (аваз) на языке Делигони (распространен в центральных областях Ирана, родственен северо-западным языкам и диалектам, таким, как курдский, тылышский, татский, лакский);
- 7) кулинарные и этнографические очерки, например, «“Мах-бану” (Госпожа-месяц): традиционная кухня провинции Ардестан».

Среди проанализированных Телеграм-каналов можно выделить

- 1) лингвистические каналы, в которых затрагивается проблематика языкового многообразия, в том числе «Угрожаемые языки Ирана» (Endangered languages of Iran);
- 2) каналы, посвященные отдельным идиомам и документированию диалектных материалов, как «Академия лурского языка» (Farhangestān-e zabān-e lori);
- 3) персоязычные локальные каналы, сосредоточенные на продвижении отдельных идиомов и их статусе, например, «Солнце Ларестана» (Āftāb-e lārestān).

Литература

- Amini R.* A critical reading on language endangerment: focusing on endangered languages in Iran // Journal of Critical Applied Linguistics Studies (JCALS). 2022. Vol. 1, no. 1. P. 85–99.
- Bel B., Gasquet-Cyrus M.* C and event-driven methods at the service of endangered languages // Endangered languages and new technologies. M. C. Jones (Ed). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 113–126.
- Modarresi Y.* Sociolinguistics // The Oxford Handbook of Persian Linguistics. A. Sedighi, P. Shabani-Jadidi (eds). Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 329–346.
- Taheri Ardali M., Anonby E., Hayes A.* et al. The online Atlas of Languages of Iran: Design, Methodology and Initial Results // Jostār hā-ye zabāni. 1400 (2021). Vol. 12, no. 2. P. 231–291.

ВИДЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСТНОМ БЫТОВОМ ОБЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Копылова Татьяна Рудольфовна

профессор, Удмуртский государственный университет

В докладе представлены результаты социолингвистического эксперимента, целью которого является выявление видов речевого поведения жителей Удмуртской Республики в устном бытовом общении.

Материалом исследования послужил диалогический бытовой дискурс, отличающийся спонтанностью, неподготовленностью, персонифицированностью. В данном типе дискурса максимально полно выражаются как индивидуальные качества коммуникантов, так и социокультурные, региональные.

Эксперимент проходил в несколько этапов. На этапе I методом лингвистического наблюдения фиксировались диалоги, из которых были выделены тексты, указывающие на различные виды речевого поведения участников общения. На этапе II проводился опрос респондентов, которым предъявлялись наиболее частотные ситуации общения; выяснялось, как они оценивают то или иное поведение коммуникантов в процессе общения: как деструктивное (агрессивное) или конструктивное, нацеленное на диалог. На этапе III анализировались лингвопрагматические особенности различных видов устного речевого поведения жителей республики.

Экспериментальное исследование осуществляется с 2017 г. по настоящее время. В рамках данной работы представлены результаты за последние 2 года (2021, 2022). Всего было проанализировано за данный период 217 диалогов. В ходе эксперимента было установлено, что жителям республики присуще как агрессивное поведение (речевая агрессия), так и конструктивное (речевая вежливость и речевая толерантность). Наиболее частотный вид бытового общения — агрессивное речевое поведение (71,8 % от общего числа зафиксированных диалогов).

Основными тактиками субъекта агрессии являются тактики демонстрации обиды, обвинения, игнорирования (собеседника), лишения права речи, вычеркивания из коммуникации, прекращения коммуникации, умаления значимости адресата вплоть до социального нуля, акцента на собственной значимости и значимости выполняемой работы и др. Тактики же ухода от конфликта, подмены темы, ухода от коммуникации, игнорирования характеризуют поведение объекта агрессии.

Вежливое речевое поведение отличается богатым арсеналом средств выражения: от речевых этикетных формул до различных косвенных речевых актов. Основной стратегией вежливости в бытовом общении является проявление заинтересованности в позиции субъекта, предмете речи, в создании единого коммуникативного пространства, которое в процессе вежливого взаимодействия может реализоваться, во-первых, на основе единения чувств, эмоций (мы это обозначили иррациональной основой), во-вторых, на основе интеллектуальной составляющей (рациональной). В зависимости от этого в работе выделяется иррациональное и рациональное вежливое речевое поведение.

Толерантное речевое поведение, как и вежливость, относится к конструктивному речевому поведению, однако, в отличие от последнего, нацелено на сохранение субъектом собственного коммуникативного пространства, что и обуславливает тактики адресанта: выраженная субъективация (*я думаю; мне кажется; по-моему; что касается меня; я так понимаю; лично для меня* и др.), акцент на границы личной компетентности (*я не знаю этого; я не разбираюсь в этом; я не понимаю в этом ничего*), личных предпочтений (*это не в моем вкусе; это не в моем стиле; это мое дело; это моя жизнь* и др.); уход от согласия (*посмотрим; пока сказать не могу; давай доживем до праздников, подумать надо* и др.); мнимое согласие (*ну нет так нет; вроде / вроде так / ну вроде, ну ладно; тебе / ему / им виднее* и др.); уход от оценки или ответа (*да никак; ничего не думаю; ее дело; не мое дело; кто как хочет, пусть так и одевается, давай об этом не будем, не хочу об этом* и др.); тщетность разговоров (*ну что теперь об этом; ну что теперь делать*);

равнодушие (*мне все равно*) и др. Общим итогом эксперимента является выделение основных моделей бытового коммуникативного взаимодействия. Деструктивное общение представлено тремя типами:

- тип 1: «агрессия — агрессия»;
- тип 2: «агрессия — вежливость»;
- тип 3: «агрессия — толерантность».

Из общей массы зафиксированных диалогов наименее характерным для бытового общения является тип 1 «агрессия — агрессия» (3,1 %); наиболее частотными — тип 3 «агрессия — толерантность» (76 %), тип 2 «агрессия — вежливость» (20,9 %). Конструктивное речевое поведение отличается следующими типами взаимодействия: тип 4 «вежливость — вежливость»; тип 5 «вежливость — толерантность». Отметим, во-первых, что толерантность характеризуется преимущественно как ответное речевое поведение, в отличие от вежливости. Это может быть обусловлено тем, что коммуникант вступает в контакт, будучи заинтересованным в адресате своего сообщения. Во-вторых, анализ диалогов в бытовом дискурсе позволил уточнить сферу общения: если на материале публичного общения ученые пришли к выводу, что толерантность — это ответное поведение на речевую агрессию (Т. А. Воронцова, Т. В. Ларина и др.), то проведенный эксперимент доказал частотность толерантного речевого поведения как ответа на вежливость, преимущественно в городской коммуникативной среде. Городская / сельская субкультуры обусловили и частотность типов конструктивного взаимодействия: тип 5 присущ городским жителям (76,1 %), тип 4 — сельским (87 %). Отдельно выделим тип 6 «вежливость — агрессия», характерный как для горизонтального типа общения в русскоязычной коммуникации (агрессия направлена от коммуникативно сильного к коммуникативно слабому), так и вертикального (от власть имущего к просителю). Как показал эксперимент, часто адресат не воспринимает поведение собеседника как агрессивное, особенно при вертикальном общении, когда речевой агрессор — носитель определенной функции. В данном случае речевые маркеры агрессии «обнуляются» социокультурными стереотипами. Таким образом, на классификацию речевого поведения влияют, во-первых, установки адресанта, во-вторых, восприятие адресата, его интерпретация.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И МИРОВАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

Куралесина Екатерина Николаевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Анализ положения языков в рамках мировой языковой системы, а также возможные в перспективе изменения традиционно вызывают интерес у отечественных и зарубежных социолингвистов. Особый интерес представляет уникальная история английского языка как глобального *lingua franca* и его перспективы в будущем. Перспективы английского языка в XXI в. были рассмотрены Дэвидом Грэддолом еще в далеком 1997 г. [Graddol 1997]. Британский исследователь полагал, что положение английского языка как глобального *lingua franca* крайне нестабильно и может измениться даже под влиянием незначительного, как могло бы показаться, события. Попытка отказа от однополярного мироустройства, свидетелями которой мы сейчас являемся, в случае успеха обусловит существенные изменения в соотношении сил в рамках мировой языковой системы. Ранее при попытках прогнозирования языковых изменений применялись экономическая модель Г. Хука и британская модель Engco. Однако результаты подобных исследований нельзя считать в полной мере объективными в силу субъективного характера самих экономических прогнозов. Кроме того, они не учитывают ряд социально-политических и культурных факторов. Анализ трендов Д. Грэддола является базовым шагом к альтернативному варианту прогнозирования — методу построения сценариев, который считается более эффективным при прогнозировании социальных процессов. Д. Грэддол учитывал такие факторы как демография, состояние мировой экономики, технологический прогресс, глобализация, сфера услуг, культура и социальное неравенство. Мы полагаем что данные факторы определяют не только положение английского языка, но и других элементов мировой языковой системы. Мировая система языков «имеет все характеристики того, что называется сложной системой» [Марусенко, с. 221]. Прогнозирование поведения такой системы в условиях текущей геополитической ситуации, на наш взгляд, не представляется возможным. Нами будет предпринята попытка рассмотреть, как пандемия Covid-19 и текущий геополитический кризис влияют на некоторые глобальные тренды, описанные Д. Грэддолом, и, как следствие, положение отдельных языков. В результате анализа мы приходим к следующим выводам.

1. Сжатие экономик США и стран Европейского союза определит снижение экономической привлекательности английского, французского и немецкого языков. Падения уровня жизни обусловит изменение самого стиля жизни в данных странах, что сделает американские и европейские реалии менее привлекательными для молодежи Азии, Южной Америки и Африки, где происходят активные социально-экономические изменения. Ускорение процессов экономической регионализации приведет к падению, возможно даже до минимальных значений, интереса к изучению английского языка в Индии, Южной и Юго-Восточной Азии.

2. Китайский язык упрочит свои позиции в условиях отказа от концепции глобальной экономики и интенсификации процессов экономической регионализации, может занять положение регионального *lingua franca*. При этом в данном регионе сформируются двуязычные зоны при неоспоримом лидерстве китайского языка.

3. Устойчивый спад интереса к русскому языку на постсоветском пространстве и за пределами стран бывшего СССР наряду с низкими темпами прироста населения РФ обуславливает 10 место русского языка в мировом рейтинге [Губернаторов]. Однако, на наш взгляд, русский язык имеет все шансы улучшить свои позиции в мировом рейтинге в случае благоприятного для России разрешения текущего геополитического кризиса при условии проведения государством определенной внешней языковой политики.

4. Экономическая регионализация в Латинской Америке (тесное экономическое сотрудничество между Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем) упрочит весомые позиции испанского языка в данном регионе, ускорив политику перехода от английского языка к испанскому, реализуемую на протяжении последнего десятилетия. На данный момент испанский язык уже является региональным *lingua franca* для данной территории. В условиях текущей

геополитической ситуации давать прогнозы относительно глобального будущего испанского языка представляется затруднительным, хотя ранее наблюдались определенные предпосылки к более «глобальной» позиции испанского языка в мировой системе языков.

5. В результате отказа от концепции однополярного мира английский уступит свои позиции в пользу некоторых региональных языков (мандаринского диалекта китайского языка, испанского и русского). Набор региональных языков будет зависеть, безусловно, от списка конкретных стран-бенефициаров.

6. Часть языковых изменений произойдет автоматически в ходе трансформации всей мировой системы. Отдельные изменения будут обусловлены языковой политикой отдельных государств, которая станет частью их внешней политики по усилению своих политических и экономических позиций.

Литература

Graddol D. The Future of English? The Guide to Forecasting the Popularity of the English Language in the 21st Century. The British Council & The British Company (UK) Ltd, 1997, 2000. URL: https://www.teachingenglish.org.uk/sites/teacheng/files/pub_learning-elt-future.pdf

Губернаторов Е. Число изучающих русский язык в мире упало в 2 раза со времен распада СССР. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473d0d9b0ab1>

Марусенко М. А. Языковая политика Европейского союза: институциональный, экономический и образовательный аспекты. СПб., 2914.

ВЫБОР ЯЗЫКА ОБУЧЕНИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Марусенко Наталия Михайловна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Марусенко Михаил Александрович

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Выбор языка обучения во многом определяет характер национальной системы образования. Задачи, стоящие в рамках программы ЮНЕСКО “Образование для всех” перед богатыми и бедными странами, существенно отличаются: если первые могут более или менее самостоятельно определять свою политику, то в развивающихся странах решения чаще всего принимаются под внешним давлением. При этом нужно учитывать, что большинство жителей африканских и азиатских государств являются многоязычными на местных языках. В то же время менее 5 % населения так называемых “франкоязычных” стран говорит на французском, и около 5 % населения “англоязычных” стран говорит на английском. Однако в Африке нет ни одной страны, в которой языком обучения после начальной школы был бы африканский язык. Поэтому западные теории двуязычия плохо применимы к развивающимся странам, также как малопродуктивным является перенос образовательной политики с одного континента на другой, из одной страны в другую. В “Стратегии обучения 2020” предполагается, что бывшие колониальные языки должны использоваться как языки обучения для всех детей, хотя «за пределами Африки даже не поднимается вопрос, почему языки европейских стран даже с маленьким населением должны использоваться как языки обучения, включая университетский уровень [Education strategy 2011: 6–7]. При рассмотрении вопроса о выборе языка обучения необходимо принимать во внимание отношения Центр-Периферия, определяющие разные положения стран по отношению друг к другу. Центр состоит из привилегированных наций, а Периферия включает в себя бедные развивающиеся нации. Эти отношения описываются теорией зависимости, появившейся в 1960-х гг. в качестве реакции на теорию модернизации, утверждавшую, что все нации имеют возможность развиваться по модели североамериканских и европейских государств и достигать их уровня жизни.

На глобальном уровне эти отношения объясняются при помощи миросистемного анализа, разработанного американским социологом Иммануилом Валлерстайном. Валлерстайн также ввел понятие Полупериферии, относящееся к странам, которые совмещают оба типа деятельности, центральный и периферийный (Россия, Испания, Турция, Китай, Иран и т. д.) [Валлерстайн 2006]. Валлерстайн первым поставил вопрос, каковы пределы возможностей целенаправленного изменения мира и могут ли развивающиеся страны догнать Запад? К сожалению, ответ был отрицательным.

После Второй мировой войны лидером миросистемы стали США, а страны Третьего мира, получившие независимость в результате распада колониальных империй, превратились в источник политической нестабильности и взяли курс на геополитическое самоопределение. В это время появилась концепция развития, сторонники которой считали, что национальные государства, в общем и целом, развиваются одинаково, но с разной скоростью, поэтому в конечном итоге все государства будут более или менее одинаковыми. Таким образом, наиболее развитая страна должна быть примером для менее развитых, побуждая отстающих следовать ее путем и обещая в конце этого пути лучшую жизнь и более либеральный режим [Валлерстайн 2006: 62–63]. Если же те не стремятся следовать по указанному пути, то для вразумления неразумных существуют такие мировые структуры, как ООН, ЮНЕСКО, ОЭСР, Всемирный банк и Международный валютный фонд.

В том, что касается образования, к Центру относятся нации, которые имеют развитые системы образования и руководят проектами по развитию образования в развивающихся странах. В Полупериферию входят страны, ориентирующиеся на Центр, но имеющие некоторые периферийные характеристики и из-за этого не могущие достичь стандартов Центра. К Пе-

риферии относятся менее развитые системы образования, которые обычно развиваются под руководством стран Центра. Но разработанные в странах Центра экспланаторные модели как правило непригодны для понимания образовательных ситуаций в разных группах развивающихся стран, потому что богатство и бедность несовместимы [Frontini 2009: 28]. Глобальные субъекты и спонсоры образовательных процессов (транснациональные корпорации, международные финансовые организации, международные и региональные организации, ОЭСР и т. д.) продвигают собственную политику, цели и концепты, такие как обучение в течение всей жизни, социальный капитал, развитие и т. д. во все страны мира, что приводит к доминированию этих наднациональных организаций над национальными системами образования [Dale 2005: 132]. В результате решения, которые принимаются на национальном уровне и внутри систем образования, институционализируются в том культурном контексте, в котором их предстоит выполнять, но их главная функция — формировать гражданскую идентичность и национальное сознание — заменяется на достижение других целей. Сегодня целью систем образования стала международная конкурентоспособность, инвестиционная привлекательность и производство знаний и навыков, необходимых на рынке труда. Результатом такой образовательной политики стало поведение некоторых групп населения РФ после начала Специальной военной операции.

Литература

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М., 2006.

Dale R. Globalisation, knowledge economy and comparative education // *Comparative Education*. 2005. Vol. 41(2). P. 132.

Education strategy 2020 Learning for all: Investing in people's knowledge and skills to promote development. Washington, DC, 2011. 112 p.

Frontini S. Global Influences and National Peculiarities in Education and Training // *H. B. Holmarsdottir, M. O'Dowd (eds). Nordic Voices: Teaching and Researching Comparative and International Education in the Nordic Countries*. Rotterdam/Boston/Taipei: Sense Publishers, 2009. P. 25–38.

К ВОПРОСУ О БУДУЩЕМ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В АЛЖИРЕ

Миретина Мария Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Французский язык в каждой франкоязычной стране имеет свои национальные особенности, сложившиеся исторически. В странах Магриба (Алжир, Марокко, Тунис) импортированный французский язык выполняет важные функции культурной коммуникации, не имеет привилегированного статуса, в результате чего его связи с местными языками оказываются ослабленными. Французский становится импортированным адстратным вариантом и используется как иностранный язык в сфере межгосударственного общения, образования, науки, современного производства, средств массовой информации [Клоков 2003: 11].

Наиболее напряженная ситуация наблюдается в Алжире. Провинция Французский Алжир существовала в 1830–1962 гг., а французский был официальным языком провинции. С получением независимости от Франции в 1962 г. французский остался важным языком. В настоящее время в Алжире французский язык не имеет статуса официального языка.

По данным XVIII саммита Международной организации франкофонии (OIF), проходившем в Тунисе в 2022 г., Алжир находится на третьем месте в мире по числу франкофонов (13,8 миллионов человек). На саммите президент Франции Э. Макрон признал снижение роли и распространения французского языка в странах Магриба.

Конституция Алжира провозглашает официальными языками республики арабский и берберский (тамазигхт) [Конституция Алжира: глава I, ст. 3, 4].

Алжир не входит в состав организации Франкофонии ввиду различных социальных, культурных и политических проблем [Grandguillaume: 75–78].

В разные годы правительство Алжира проводило политику арабизации, но французским в стране владеют практически все. В университетах, в научной среде преподавание и общение по-прежнему проходит на французском. Преподавание востребованных научных и технических специальностей происходит на французском, в то время как не столь престижные гуманитарные и социальные науки преподаются на арабском. Похожие явления можно наблюдать и в сфере труда, где без знания французского нельзя претендовать на некоторые позиции. В последние годы в Алжире наблюдаются новые тенденции в языковой политике. Правительство взяло курс на замещение французского языка английским. Были предприняты следующие действия.

1. В июле 2022 г. президент Алжира Абдельмаджид Теббун приказал министерству образования подготовить учебники и учителей английского языка для замены уроков французского языка. Это стало первым актом государственной поддержки изучения английского языка в стране.

2. К прекращению доминирования французского языка подключились некоторые министерства, в том числе Министерство высшего образования и научных исследований, которое инициировало в социальных сетях референдум о принятии английского языка в качестве первого иностранного языка в университетах вместо французского.

3. 2 января 2023 г. советник министра высшего образования и научных исследований Алжира, Камель Баддари, запустил цифровую платформу для дистанционного обучения английскому языку более 30 000 преподавателей высшей школы. Программа стартовала при поддержке Массачусетского технологического университета в США (MIT). [Сайт Министерства высшего образования и научных исследований Алжира]. Данные реформы стали популярны среди молодежи, которая знает, что со знанием французского можно найти работу только в Алжире и других франкофонных странах, если повезёт — во Франции. С английским возможностей намного больше. Алжирцы не знают английского, в стране даже нет ни одного телеканала или радиостанции на английском.

Рассмотрим функционирование применяемой языковой политики на примере объявлений о вакантных должностях на алжирских сайтах, поскольку там наблюдаются две противополож-

ные тенденции. С одной стороны, это влияние распространённого во франкоязычных странах Европы инклюзивного написания, которое направлено на равноправное отображение на письме мужчин и женщин (*Chargée des achats, Chargé de Clientèle (H/F), Chargé(e) Ressources Humaines, Stagiaire Chargé(e) de recrutement, Assistante administrative/commerciale, Assistante du DG, Caissier (H/F), Pharmatien(ne), directeur/directrice technique, Téléconseiller/téléconseillère, Téléopératrice, Éducatrice langue française, Agent d'entretien «Femme de ménage», Un(e) Assistant(e) comptable, Hotêsse d'accueil, Réceptionniste Commerciale, Assistant(e) Administratif(ve) et Commercial(e), Technicien industrielle, Coordinatrice Commerciale*).

С другой стороны, в заголовках объявлений часто можно встретить название вакантной должности на английском языке, что свидетельствует о внедрении английского языка в языковую систему Алжира (*Community Manager, Cloud Solutions Administrator, Country Manager, IT Network & Telecom Engineer (H/F), Production supervisor, Sales Executive, Social Media Manager, DeVops Engineer, Senior Financial Controller, Assistant Training Manager*).

На сегодняшний день принятые меры не дали конкретных результатов. Но данная тенденция сильно беспокоит Францию, которая, напротив, предпринимает всевозможные меры по укреплению положения французского языка в Алжире.

Литература

Клоков В. Т. Территориальные варианты французского языка. Конспект лекций. Саратов, 2003.

Grandguillaume G. La Francophonie en Algérie // *Hermès, La Revue*, 2004/3, № 40. P. 75–78. URL: <https://www.cairn.info/revue-hermes-la-revue-2004-3-page-75.htm>

Конституция Алжира. URL: <https://www.joradp.dz/trv/fcons.pdf>

Сайт Министерства высшего образования и научных исследований Алжира. URL: <https://www.mesrs.dz/index.php/fr/2023/01/03/m-baddari-procede-au-lancement-de-3-plates-formes-numeriques-dediees-a-lenseignement-de-langlais-des-doleances-et-de-la-signature-electronique/>

ПРИЧАСТИЯ И ДЕЕПРИЧАСТИЯ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ

Мороз Георгий Алексеевич

научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Земичева Светлана Сергеевна

научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Причастия и деепричастия считаются грамматическими формами, характерными для книжной разновидности языка, их использование в устной речи исследовано фрагментарно. Так, анализировалось функционирование стандартных и нестандартных причастных форм в диалектной речи по материалам записей середины XX в. [Кузьмина, Немченко 1971]. А. Ю. Рожкова рассматривала использование деепричастий в корпусе “Один речевой день”, показав, что они представлены в бытовой речи петербуржцев-юристов и сделал некоторые наблюдения о соотношении деепричастий в речи разных групп говорящих [Рожкова, 2011: 184]. А. А. Загороднюк также высказывает гипотезу о взаимосвязи использования деепричастий с уровнем речевой компетенции говорящего [Загороднюк, 2021]. Однако устный подкорпус НКРЯ, на материале которого выполнена статья, не содержит информации об образовании говорящих, что не позволяет проверить это предположение.

Цель данной работы — проанализировать, как причастия и деепричастия используются в современной устной речи (преимущественно сельской). Анализ проводился на материале 20 речевых корпусов из разных регионов России. Диалектные корпуса Верхней Пинеги и Выи, с. Церковное, с. Кеба, говора Средней Пёзы содержат материалы, собранные в деревнях и сёлах Архангельской области в 1989–1990 гг. Основная часть диалектных корпусов (Хиславичского района Смоленской области, д. Лужниково Тверской области, д. Шетнево и Макеево Тверской области, низовья рек Лух и Теза Ивановской области, с. Малинино Липецкой области, Мантуровского района Костромской области, д. Нехочи Калужской области, опочецких говоров Псковской области, с. Роговатка Белгородской области, с. Спиридонова Буда Брянской области, г. Звенигород и окружающих его деревень Московской области) включает материалы, собранные в 2010–2020 гг. Корпуса билингвального русского содержат записи, сделанные за этот же период преимущественно в сельских населённых пунктах на территории Дагестана, Карелии, Башкортостана, Удмуртии, Чувашии, а также цыганского поселения на территории г. Перми. Все ресурсы размещены на сайте международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ (<http://lingconlab.ru/>). Общий объём диалектных корпусов — 1 294 261 словоупотребление, билингвальных — 1 581 388 словоупотреблений.

Оригинальность предлагаемого исследования определяется обращением к современным материалам значительного объёма, собранным в разных регионах России, учётом стандартных и нестандартных форм, а также социолингвистических параметров и использованием статистических методик анализа.

Рассмотрим сначала стандартные формы. Их наличие считается нехарактерным как для устной разновидности литературного языка [Земская и др. 1983: 116], так и для диалектной речи [Кузьмина, Немченко 1971: 14], однако в наши материалы они представлены. Так, в диалектных корпусах встретилось 16 действительных причастий настоящего времени (без учёта устойчивых выражений типа “окружающий мир”). В билингвальных корпусах таких примеров 67. В одном случае (говорящий — мужчина, русско-бесермянский билингв, поступал в сельскохозяйственный техникум, но не окончил его) отмечено также 3 страдательных причастия настоящего времени.

Количество деепричастий также значительно выше в билингвальных корпусах (135 примеров) по сравнению с диалектными (25). Количественные отличия между диалектными и билингвальными корпусами могут объясняться, во-первых, уровнем образования говорящих,

во-вторых — наличием в диалектной речи особых форм, способных замещать стандартные варианты.

К категории “полустандартных” были отнесены формы, распознанные автоматически, с различными особенностями: в области ударения (“доёны”, “перевезёны”); образованные от нестандартных основ (“складены”) и с помощью нетипичных аффиксов (“ранетый” — ‘раненый’). К полустандартным относились также случаи употребления причастий, не согласованных с именем существительным (“дом построено”) и единичные случаи нестандартного использования залога (“забывшие вещи” — ‘забытые’) и возвратности (“не отрывая” — ‘не отрываясь’).

На следующем этапе исследования была сделана дополнительная выборка диалектных единиц типа ушедши. Всего собрано 420 примеров их использования. Интересно отметить, что подобные формы имеются не только в диалектных корпусах, но и в билингвальных. При этом если их фиксация в корпусе устной речи Карелии (11 примеров на 578 646 словоупотреблений) не удивительна, учитывая преимущественно северо-западный ареал бытования подобных форм, то появление таких форм в Дагестане (3 примера на 376 717 словоупотреблений) требует дополнительных исследований. Часть единиц, диалектных по происхождению (“евши”, “пивши”, “выпивши”, “спавши”), можно сегодня считать полустандартными (они фиксируются словарями, встречаются в художественных и публицистических текстах НКРЯ).

Для проверки гипотезы о соотношении стандартных / нестандартных форм и взаимосвязи их с уровнем образования был выбран метод логистической регрессии со смешанными эффектами. Размер выборки — 58 человек, 1929 высказываний (на этом этапе учитывались только случаи, где известен уровень образования говорящих). Предварительные результаты показывают, что говорящие с более высоким уровнем образования (полное среднее и выше) чаще используют литературные формы; менее образованные склонны использовать полустандартные и диалектные варианты.

Литература

- Загороднюк А. А. Функционирование деепричастных конструкций в русской устно-разговорной речи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2021. № 6. С.205–211. DOI 10.52452/19931778_2021_6_205.
- Земская Е. А., Гловинская М. Я., Китайгородская М. В. [и др.]. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
- Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
- Рожкова А. Ю. Деепричастия в спонтанной речи как маркеры уровня речевой компетенции говорящего // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 2. С. 179–185.

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ДИЗАЙНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Орлова Инна Анатольевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Единого универсального определения понятия «дизайн» не существует. Можно найти определения, данные специалистами различных областей знаний. Так, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «дизайн» определяется как «конструирование вещей, машин, интерьеров, основанное на принципах сочетание удобства, экономичности и красоты». Однако стоит отметить, что основным условием является то, что дизайн не должен менять функциональное назначение предмета. Возникает вопрос, могут ли являться объектом дизайна социальные и нормативные конструкции, такие, например, как международные отношения и международное право (да может ли быть объектом дизайна и право в целом)? В отечественной и зарубежной науке стали появляться работы, обосновывающие новые понятия: «правовой дизайн» (“legal design”), «конституционный дизайн» и пр. В основном в данных работах рассматриваются проблемы конструирования правовых текстов. Проблема соотношения языка и права занимают специалисты новой отрасли — юрислингвистики.

Дизайн правовых актов и правовых документов не стоит отождествлять с дизайном права как социального явления. Хотя, безусловно, не стоит отрицать наличия определенных элементов дизайна в конструировании нормативной базы. Логичность и непротиворечивость нормативной системы, доступность и понятность для всех субъектов, восприятие населением норм в качестве правовых — все эти задачи должны быть решены властью, и дизайн-решение правовых конструкций должно способствовать достижению целей правового регулирования. Право — результат деятельности человека и коммуникации. Это утверждение также относится и к международному праву.

Теоретики права обосновывают два аспекта природы права — право естественное и право позитивное (т. е. созданное человеком). Но любая концепция права может быть передана лишь с помощью языковых средств. Таким образом, язык является основным инструментом конструирования правовой реальности. Изучая историю права, можно отметить, что некоторые правовые конструкции, разработанные еще в древнем мире, остаются актуальными до сих пор, приобретая характер правовых аксиом и правовых принципов. Такими являются, например, максимы римских юристов («не дважды за одно», «никто не может быть судьей в своем деле», «никто не может передать прав больше, чем имеет»). Можно также отметить, что одни конституции существуют долгое время без значительных изменений, а другие меняются. В одних государствах правовая система логична и понятна, в других право представляет собой очень сложную и запутанную конструкцию.

Международное право отличается тем, что оно создается многими государствами, которые опираются на свой опыт и свои правовые конструкции, но, в то же время, при достижении ими консенсуса в понимании как сущности международного права, так и путей создания международно-правовой нормы. В разные периоды международными языками были французский и английский. Они внесли свой вклад в дизайн международного права. Национальные языки являются основой формирования внутригосударственных систем права. При создании международно-правовых норм и международно-правовых институтов сообщество государств может воспринимать или не воспринимать те или иные правовые категории, признаваемые в отдельных государствах. Так, международное право не стало воспринимать судебный прецедент как источник международного права, хотя он является основным источником в государствах общего права. В то же время стоит отметить несомненное влияние английского языка и английской судебной культуры на международные процессуальные отношения, особенно в области создания международных судебных органов и организации международного судопроизводства. Институт международного третейского разбирательства формировался на базе правовых, в том числе, лингвистических средств, созданных еще в древние века. Французский язык, будучи языком международного общения в XIX в. оказал влияние не только на процесс

создания международно-правовых актов, но также и на формирование обыкновений в сфере международных отношений, права внешних сношений, международного этикета. Латинский язык, несмотря на то, что в настоящее время не является языком общения, все же остается важной составляющей в формировании основы международно-правового регулирования. Известное выражение «*Pacta sunt servanda*» (договоры должны соблюдаться) зачастую используется как замена текстуального выражения одного из основных принципов международного права — принципа добросовестного соблюдения международно-правовых обязательств. Дизайн международного права представляет собой форму, в которой существует система международного права в определенные эпохи. В настоящее время явно прослеживается тенденция замены правовых конструкций неправовыми (например, концепция «порядка, основанного на правилах»). Новые регуляторы международных отношений, не обладая свойствами правовых норм, вводятся в систему международного права, изменяя ее. Определение сущности международного права, его системы остается важнейшей и пока не решенной окончательно проблемой. Средства языка, лингвистический инструментарий являются определяющими в формировании дизайна современного международного права.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА (CILE) КАК ИНСТРУМЕНТ УСПЕШНОГО МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО МЕНЕДЖМЕНТА В СФЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Раевская Марина Михайловна

профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Межгосударственный менеджмент в сфере языковой политики в странах испанской речи в настоящее время опирается на хорошо подготовленную в течение более чем двухсот лет (с начала XIX в.) историческую почву и единую продуманную позицию их правительств, выступающих единым фронтом и предпринимающих четко скоординированные усилия в этом направлении.

Начало данной, не имеющей ранее аналогов претенциозной инициативе, было положено в конце XX в. во время межправительственных встреч, а также на международных собраниях академического сообщества, когда поступательный интеграционный процесс стала регулировать политическая воля правительств испаноязычных государств. Испанский язык был единогласно назван основным связующим инструментом, местом встречи народов, «проводником согласия и толерантности» [Don Juan Carlos, El País, 11.10.2001], а также важной скрепой в деле достижения и сохранения общеполитического единства. Данное заявление не только определило предназначение испанского языка как главного звена, объединяющего различные народы, но и наделило юридической силой задуманную языковую политику, т. е. узаконило все директивы, касающиеся охраны и поддержания языкового (а, следовательно, социального, политического и дипломатического) единства.

Главным проводником межгосударственной языковой политики, получившей название паниспанской, стала Ассоциация Академий Испанского языка (ASALE), действующая совместно с испанской Королевской Академией языка (RAE) и Институтом Сервантеса (IC), которые в 1997 г. учредили Международный Конгресс Испанского языка (CILE). Этот интернациональный форум, проходящий каждые три года под патронажем глав правительств испаноязычных стран, является не только дискурсивным пространством для обсуждения паниспанской языковой политики, но и выполняет законодательную функцию по определению ее направлений.

Помимо первых государственных лиц (Короля Испании, президентов соответствующих стран) и политических деятелей, конгресс собирает на свои заседания представителей академического, научного, образовательного и издательского сообществ, журналистов, писателей, кинематографистов, бизнесменов и деятелей культуры испаноговорящего мира, которые обсуждают самый широкий круг проблем, связанных с жизнью и использованием испанского языка. За более чем двадцать пять лет участники конгрессов CILE успели обсудить такие важнейшие темы, как:

1. Zacatecas, 1997: «Испанский язык и СМИ» (“La lengua y los medios de comunicación”, I CILE);
2. Valladolid, 2001: «Испанский язык в информационном обществе» (“El idioma español en la sociedad de la información”, II CILE);
3. Rosario, 2004: «Языковая идентичность и глобализация» (“Identidad lingüística y globalización”, III CILE);
4. Cartagena De Indias, 2007: «Настоящее и будущее испанского языка. Единство в многообразии» (“Presente y futuro de la lengua española: unidad en la diversidad”, IV CILE);
5. Valparaíso, 2010: «Америка в испанском языке» (“América en lengua española”, V CILE);
6. Panamá, 2013: «Испанский язык в книге: от Атлантики до Тихого океана» (“El español en el libro: del Atlántico al Mar del Sur”, VI CILE);
7. Puerto Rico, 2016: «Испанский язык и креативность» (“Lengua española y creatividad”, VII CILE);
8. Argentina, 2019: «Америка и будущее испанского языка. Культура и образование, технологии и предпринимательство» (“América y el futuro del español. Cultura y educación, tecnología y

emprendimiento”, VIII CILE). Первый конгресс (I CILE, 1997), проходивший под лозунгом «Испанский язык и средства массовой информации», решал самую насущную на тот момент проблему языкового многообразия, выражающегося в вариативности грамматических и лексических форм в странах испанской речи и их обязательной унификации в масс-медийных текстах. На своем первом форуме представители испаноязычных книжных, печатных и аудиовизуальных СМИ в ходе совместного обсуждения наметили приемлемые для всех варианты решений, позволяющие обеспечить гармоничное развитие испанского языка как средства коммуникации в соответствии с его исторической эволюцией (будущим без границ), творческим динамизмом, культурным опытом и многоголосием. С тех пор Международный конгресс испанского языка (CILE) зарекомендовал себя как инструмент успешного межгосударственного менеджмента в сфере языковой политики.

На последующих конгрессах академическая языковая политика приобрела паниспанское измерение, позволяющее рассматривать совокупность принятых в различных испаноязычных странах норм как основывающихся на общей базе, реализующейся при формальном общении в литературной речи и имеющей сходство на всем испаноязычном пространстве. Прошедшие два десятилетия отмечены яркой результативностью совместной академической деятельности, которая выразилась в реализации всех заявленных проектов по подготовке основополагающих кодифицирующих испанскую языковую реальность трудов и определении новых горизонтов.

Литература

- Раевская М. М.* Испанский язык в современном историческом контексте: ответы на вызовы XXI века // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), 2019, № 4. С. 109–121.
- Rizzo M. F.* Los congresos de la lengua española: configuración de una matriz discursiva // *Anclajes XX* (3), 2016. P. 59–75. URL: <http://dx.doi.org/10.19137/anclajes-2016-2034>.

НАИМЕНОВАНИЯ ЛЮДЕЙ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Руднева Екатерина Алексеевна

научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет;
Российский государственный гуманитарный университет;
Институт лингвистических исследований РАН

Публичный дискурс о психических расстройствах претерпевает значительные изменения, которые связаны, во-первых, с пересмотром медицинских категорий и языка. Так, в Международной классификации болезней расстройства были перегруппированы, а некоторые названия заменены, напр., умственная отсталость на нарушения интеллектуального развития (МКБ-11). Публичный разговор коснулся тех диагнозов, которые ранее обсуждались преимущественно в медицинском контексте, такие как шизофрения или биполярное расстройство (ранее — маниакально-депрессивный психоз). Публикуются научно-популярные книги, просветительскую деятельность ведут «психоактивисты»; распространяются новые формы осмысления различных состояний психики, в том числе через терапевтический язык и коммуникативные практики, принятые в группах поддержки. Вырабатываются «политкорректный» язык и альтернативные модели построения разговора о тех состояниях, которые ранее считались болезнями — в частности, позиционирование их как особенностей, вариантов нормы (в рамках идеологии нейроразнообразия [Ортега 2020]) или составляющих спектра. В русле этого процесса увеличивается количество языковых вариантов прежде всего для общей категории, границы которой становятся все более размытыми: *люди с психическими расстройствами / заболеваниями / ментальными особенностями; особенностями развития / интеллектуального развития / развития психики и интеллекта; интеллектуальными / ментальными / психическими / умственными нарушениями; нейроотличные люди; псих, сумасшедший, психбольной*. В некоторых публикациях СМИ ставится проблема негативной нагрузки более расхожих слов и стигматизации соответствующих групп людей, предлагаются заменяющие варианты, напр.: *биполярник* — человек с биполярным расстройством, *депрессивный человек* — человек с депрессией, человек с опытом депрессии; *шизофреник* — человек с диагнозом «шизофрения»; *умственная отсталость* — задержка или нарушение интеллектуального или психического развития; *олигофрен, дебил, имбецил, кретин* — человек с ментальными особенностями [Такие дела].

Материал исследования составили публикации СМИ и обсуждения онлайн, а также 20 интервью, участники которых рассказали о себе или о своих близких и отвечали на вопросы по поводу конкретных лексических единиц. Некоторые из таких суждений, в частности о политкорректности, представляют актуальные языковые идеологии [Silverstein 1979]. Номинации рассматриваются как часть дискурса, в свою очередь связанного с социально-культурными, а иногда экономическими процессами. Анализ материала демонстрирует, что, во-первых, эвфемистические варианты, предлагаемые для общей категории, оказываются неизвестными части носителей языка, напр., про ментальные особенности: «Это тоже связано с некоторым поворотом в мозгах? С психикой? С больной психикой? Наверное, нет. Это не расхожее слово. Естественно. Само понятие ментальность — как-то в обиходе не вот там, через раз». Кроме того, различия между вариантами кем-то считаются существенными, а кем-то нет. Номинации, которые используются внутри сообществ, напр., *биполярник, биполярка*, могут быть восприняты негативно в публичном дискурсе, т. к. подразумевают несерьезность диагноза. Дискурс о БАР интересен тем, что вместе с названием настолько изменилась концепция, что пропадает связь со старым вариантом — маниакально-депрессивным синдромом. Новый лексический ряд (*биполярка, биполярочка, биполярник, биполярищик, биполярить, БАР*) имеет значительно меньше негативной окраски и оказывается связан с культурными явлениями, воспринимаемыми скорее положительно — напр., проявлением творческой индивидуальности; при этом аббревиатура оказывается самым безопасным вариантом для большинства контекстов. Другие же наименования, которые ранее употреблялись в качестве терминов, такие как умственная от-

сталость, оказались столь негативно нагруженными, что заменяются и в медицинском дискурсе (подобная история произошла и с другими словами, которые теперь используются прежде всего как «ругательные» — *олигофрен, дебил, имбецил, кретин*). У слова *депрессия* предлагается выделять еще одно значение, не зафиксированное в словарях — хандра, упадок сил: с конкуренцией двух значений связаны распространенные споры о том, чем является данное состояние — «серьезным заболеванием» или «временным чувством». На восприятие номинаций влияют и тенденции в дискурсе, отражающие социально-культурные процессы. Так, выделяется дискурс о «моде» на такие состояния психики, как депрессия или биполярное расстройство.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 19-78-10081 «Политкорректность в русском языке и в русской культуре».

Литература

МКБ-11 — Психические и поведенческие расстройства. <https://doctorsan.ru/mkb-11>

Ортега Ф. Нейрологические идентичности и движение за нейроразнообразие // Социология власти. 2020. Т. 32, № 2. С. 125–156.

Silverstein M. Language Structure and Linguistic Ideology // Clyne P., Hanks W.F., Hofbauer C.L. (eds.), *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Chicago, 1979. P. 193–247.

«Такие дела». Психические расстройства. https://takiedela.ru/dictionary_category/psihicheskie-rasstroistva

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА ПОНЯТНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Руднева Екатерина Алексеевна

научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский
государственный гуманитарный университет, Институт лингвистических исследований РАН

Троценкова Екатерина Владимировна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Юристов часто обвиняют в том, что они пишут запутанно и сложно. При этом мнение самого юридического сообщества оказывается неоднозначным и не всегда совпадает с мнением обывателей. Так, например, один из пользователей в сети Интернет задается вопросом: «Почему юридические документы пишутся на сложном для понимания языке? Да такое просто невозможно читать! Или они забыли, что документ пишется для людей, а не для инопланетян?». В ответ получает следующее объяснение: «Юридические документы пишутся для юристов. Это я вам как юрист утверждаю. Если человек не может понять смысла договора, значит однозначно подписывать его не стоит. Почему? Потому, что не хватает образования. Даже специальную поговорку придумали: со свиным рылом в калашный ряд не лезут. В таких случаях принято советоваться с юристом» [Почему 2022].

Как видно из приведенного примера, представления юристов о себе и своей профессиональной роли оказываются связанными с проблемой понятности в ее двух основных аспектах — субъективной трудности и объективной сложности [Блинова 2022]. Цель нашего исследования — проанализировать те аспекты профессиональной идентичности юриста, ролевых отношений между юристом и клиентом и ожиданий сообщества, которые влияют на особенности создания текстов.

Под профессиональной идентичностью юриста понимается социокультурное знание о том, что он выполняет определенную профессиональную роль, относительно исполнения которой у социума имеются некоторые ожидания. Часть этих ожиданий стереотипна, поскольку связана с упрощенным, схематизированным, эмоционально окрашенным и чрезвычайно устойчивым образом социальной группы, с легкостью распространяемым на всех ее представителей [Агеев 1986: 95]. Таким образом, мы рассматриваем представления юристов о себе в профессиональной роли, о тех, с кем они взаимодействуют в этой роли (клиентах и коллегах), а также метареферентивные стереотипы: как, по мнению юристов, другие воспринимают их профессиональную деятельность. В связи с обозначенной целью работы особое внимание уделяется именно тем аспектам идентичности, которые имеют отношение к проблеме сложности и трудности чтения официальных юридических текстов.

Материалом послужили аудио- и видеозаписи полуструктурированных интервью с 9 практикующими юристами. Контекстуальный анализ, прагма-коммуникативный и когнитивный анализ речевого материала проводился для того, чтобы выявить повторяющиеся паттерны в том, как юристы говорят о своей работе и отношениях с клиентами, какие ключевые слова и метафоры определяют эти отношения и как через них можно описать важные стереотипы, влияющие на создание текстов.

Участники интервью в целом признают проблему сложности создаваемых ими текстов, однако склонны смотреть на этот вопрос с разных сторон и объяснять, почему ответственность лежит не только на авторах. Иногда юристы вступают как бы в заочный спор с теми, кто обвиняет их в создании слишком сложных текстов. В этом споре, в частности, отвечают на стереотипные претензии: «что вы, юристы, там все время ковыряетесь ... мы просто договорились, что мы купим здание, например, торгового центра, за, не знаю там, за сто рублей, ну, что там писать как бы». Анализ вскрывает существующие стереотипы и представления о властных отношениях между клиентами и юристами.

Несмотря на готовность сотрудничать с клиентом, отношения в паре с ним видятся скорее как иерархические, а юрист выступает в роли переводчика с профессионального языка на бытовой и обратно.

Ожидания относительно работы юриста, включая то, как он должен писать юридические тексты, исходящие от других юристов и обычных пользователей, часто противоречат друг другу. Более того, даже клиенты, не являющиеся юристами, могут иметь разные ожидания, а все эти ожидания не всегда можно согласовать. Необходимо учитывать принципы профессионального сообщества по созданию документов, все детали, чтобы защитить интересы клиента. Кроме того, как отмечают участники интервью, «лапидарные», «не детальные», «лишенные необходимых деталей тексты» приводят к возникновению споров и проблем. С другой стороны, ряд клиентов и других участников общественно-политического пространства хотят видеть более простой язык. Таким образом, проблема понимания документов, помимо аспектов языка и восприятия, коренится в ролевых ожиданиях и сложных социальных отношениях между различными участниками, а также в их различных целях. Анализ интервью показал, что члены профессионального сообщества, хотя и учитывают сложность создаваемых текстов как проблему для читателя-непрофессионала, тем не менее, в значительной степени ориентируются на потребности читателя-члена профессионального сообщества, для которого приоритетны такие свойства официальных документов, как детальность и точность.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

Литература

- Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 95–101.
- Блинова О. В. Оценка сложности русских правовых текстов: архитектура модели // Мир русского слова. 2022. № 2. С. 4–13.
- Почему юридические документы пишутся на сложном для понимания языке? URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3601255-pochemu-juridicheskie-dokumenty-pishutsja-na-slozhnom-...> (дата обращения 2.12.2022)

СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЕ ПОЭМЫ О ДИТРИХЕ БЕРНСКОМ В КОНТЕКСТЕ СКАЗАНИЯ О НИБЕЛУНГАХ: К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

MIDDLE HIGH GERMAN POEMS ABOUT DIETRICH OF BERN IN RELATION TO THE NIBELUNGEN LEGEND: TOWARDS THE STRUCTURE OF EPIC TRADITION

Бондарко Николай Александрович

ведущий научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН

Ряд эпических произведений XIII в. немецкой средневековой литературы посвящен сюжетам, связанным с историей Дитриха Бернского, в которой он предстает как благородный воин и король, несправедливо лишенный своих владений дядей Эрманарихом (Эрменрихом). Эти поэмы были особенно популярны не только в аристократической, но и в народной среде благодаря простому и развлекательному содержанию. Во многих из них встречается излюбленный мотив сватовства — например, в поэмах «Ортнит» и «Вольфдитрих» (ок. 1230 г.), героями которых выступают предки Дитриха, а также в «Бегстве Дитриха». Поэмы о Дитрихе Бернском делятся на исторический и приключенческий циклы. К первому относятся памятники, посвященные истории Хильдебранда (например, «Поздняя песнь о Хильдебранде XIII в., в рукописи XV вв.), а также истории изгнания Дитриха, его службы о Этцеля и возвращения в Равенну — «Смерть Альпфарта» (1250/80, фрагмент), «Бегство Дитриха» (2-я пол. XIII в.), «Равеннская битва» (2-я пол. XIII в.) и поздняя поэма «Смерть Эрменрика» (XIII в., в рукописи XVI в.). «Авантюрный» эпос о Дитрихе повествует, в основном, о юношеских приключениях Дитриха в горах южного Тироля и содержит сказочные мотивы — борьбу с великанами, карликами, драконами или язычниками («Песнь об Экке», 1-я пол. XIII в.; «Зигенот», XIII/XIV вв.; «Виргиналь», 2-я пол. XIII в.; «Лаурин», 2-я пол. XIII в., и др.). В поэмах «Розовый сад в Вормсе» (2-я пол. XIII в.) и «Битерольф и Дитлейб» (сер. XIII в.) появляются герои рейнского цикла — Зигфрид, Хаген и бургундские короли, Вальтер Аквитанский, — вступающие в поединки с Дитрихом [см. подробнее: Brunner 2007: 252–257]. Все поэмы о Дитрихе имеют сюжетно и хронологически связаны со второй частью «Песни о Нибелунгах» («Das Nibelungenlied»), которая по праву считается наиболее зрелой версией сказаний о нибелунгах и главным памятником немецкого национального эпоса. Около 1200 г. в придунайском городе Пассау анонимный австрийский поэт — вероятно, по заказу епископа Вольфгера фон Эрла — объединил сказания о великом воине Зигфриде, деве-воительнице Брюнхильде и гибели королевства бургундов, бытовавшие ранее главным образом в устной традиции среди разных германских народов, в одну поэму, насчитывающую 39 «авентюр» (глав), длиной ок. 10000 стихов. Произведение сохранилось в 11 полных списках и 24 фрагментах. Самыми ранними и текстологически ценными являются три рукописи, относящихся к XIII в. — А (Мюнхен, кон. XIII в., 2316 строф, с сокращениями), В (Санкт-Галлен, сер. XIII в., 2376 строф) и С (Карлсруэ/Донауэшинген, 1-я пол. XIII в., 2442 строфы, с дополнениями). Все три рукописи обнаруживают расхождения в количестве строф и содержат ряд разночтений, однако в целом сохраняют общее единство повествования. При этом А и В вместе с родственными списками образуют редакцию „Not“ (по последнему слову текста: „der Nibelunge nôt“ — «трагедия Нибелунгов»), а С и др. — редакцию „Lied“ („der Nibelunge liet“ — «Песнь о Нибелунгах»). Почти во всех полных списках за текстом Песни следует небольшая поэма «Плач» („Diu Klage“), написанная парными рифмами, в которой оплакиваются трагические события эпопеи. Несмотря на то, что автор поэмы не известен по имени, его индивидуальный вклад в художественную обработку традиционных сюжетов и форм трудно переоценить. «Песнь о Нибелунгах» — это не

редакционный свод ряда кратких анонимных песен, как в героическом цикле «Старшей Эдды», а результат полной переработки кратких аллитерационных повествовательно-диалогических песен в героическую эпопею. Главными источниками «Песни о Нибелунгах» были две первоначально независимые песни франкского происхождения о Брюнхильде (сватовство Гунтера и смерть Зигфрида) и о гибели бургундов — они восстанавливаются по ряду песен «Старшей Эдды», а также по стадиально более поздней «Саге о Вельсунгах». Перед автором письменной версии стояла задача переложить «сказанья давно минувших дней» (*alte maere*), ориентируясь на новые вкусы благородной публики, хотя сделать из этих сюжетов куртуазный роман было невозможно.

Стиль поэмы сохраняет некоторые черты, характерные для устной народной поэтической традиции (формулы, архаическая лексика), а свойственная роману изысканная риторика отсутствует. Тем не менее, попытки модернизации традиционного материала заметны не только на уровне бытовых и социальных деталей (описания одежды, придворной жизни, куртуазные формы любовной линии Зигфрида и Кримхильды), но и на уровне сюжета.

В настоящем докладе критически рассматривается концепция А. Я. Гуревича [Гуревич 1990: 115–135], который предложил популярную интерпретацию судьбы главных персонажей «Песни», ориентированную на сюжетный анализ пространственно-временных континуумов. Несмотря на кажущуюся самоочевидность подхода Гуревича, основанного на анализе смены хронотопов в тексте, некоторые особенности и «странности» в биографиях героев сказания о Нибелунгах остаются не проясненными. Поэтому в докладе предлагается к рассмотрению другой подход, связанный с поиском ключевых соответствий между сюжетными узлами эпического повествования о Дитрихе Бернском и позднеримской историографической традицией, посвященной эпохе Великого переселения народов.

Литература

Brunner H. Geschichte der deutschen Literatur im Überblick. Stuttgart, 2007.

Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

НОВАТОРЫ И КОНСЕРВАТОРЫ: О РЕЦЕПЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

TRADITIONALISTS AND PIONEERS: ON THE RECEPTION OF STEREOTYPICAL ELEMENTS IN MIDDLE ENGLISH POETRY

Бабаина Елена Аркадьевна

преподаватель, сотрудник, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова

Вторая половина XIV в. оказалась для Англии временем консолидации английской нации, а также временем сложения единого общенационального английского литературного языка в условиях царившего вокруг многоязычия (латынь для богослужения, образования и юриспруденции; французский для нобилитета и изящной словесности; англосаксонские диалекты для повседневного общения простолюдинов). Уже с начала XIII в. английский возвращает себе позиции, утраченные на полтора столетия вследствие нормандского завоевания: им перелгаются библейские и евангельские легенды, излагаются монастырские правила, на него переводятся и пишутся рыцарские романы и псевдоисторические хроники, а с 1252 г. он используется в официальных документах (Прокламация Генриха III). В дальнейшем, для английской литературы, и, в первую очередь, поэзии остро встает проблема выбора вектора дальнейшего развития, где с одной стороны её ждало повторение общеевропейского пути под влиянием уже сложившихся национальных литератур Италии и Франции, а с другой — необходимость обнаружения и культивирования локальных черт, ведущих свое начало от более раннего, исконно-самобытного состояния, предшествовавшего нормандскому завоеванию. И если за первой стратегией видна роль «отца английской литературы» Джеффри Чосера, чьё чувство языка вкупе с широчайшей эрудицией позволили ему преодолеть изначальную бедность английской рифмы и приблизиться к уровню лучших поэм эпохи Возрождения, то вклад представителей второго направления долгое время оставался значительно недооцененным, рассматриваясь как вещь в себе. Речь идет о преимущественно анонимной группе авторов поэм круга так называемого Аллитерационного возрождения — литературного течения, распространившегося в западно-центральной части Англии, расцвет которого пришелся на вторую половину XIV в., приложивших усилия к адаптации стихотворного размера, восходящего еще к древнегерманским временам, к языковым реалиям среднеанглийского периода. Несмотря на разницу в отправных точках, и Чосер, и мидлендские поэты в своих экспериментах с длинной строкой пришли к весьма близким результатам. Многие считают важнейшим вкладом Чосера именно введение пятистопного ямба, ранее не встречавшегося в английской поэзии, в отличие от четырехударной аллитерационной строки, возвращение к которой лишь изредка происходило в отдаленных от центра регионах средневековой Англии. Обе формы могут рассматриваться как героический стих, к достоинствам которого над только зарождающейся строфикой С. М. Боура относит бóльшую свободу и разнообразие, а также возможность варьирования коротких и длинных предложений; достижение эффекта неожиданности, посредством обрывания или завершения предложения в середине строки; широту доступа к инвентарю устойчивых формул и выражений; добавление описаний мест и вещей без необходимости их соотношения с требованиями строфы [Боура 2002: 54]. Таким образом обе строки, располагая примерно равным количеством слогов в целом удовлетворяли предъявляемым требованиям, с той лишь оговоркой, что в долгосрочной перспективе именно метр Чосера, не будучи связанным лексико-синтаксическими ограничениями — неизбежным следствием использования аллитерации, оказался более гибким и независимым от содержания, что и было продемонстрировано им в жанрово-сюжетном многообразии Кентерберийских рассказов, стилистические особенности одной из новелл которых — Рассказа Рыцаря — могут свидетельствовать о том, что Чосеру были хорошо знакомы как минимум две аллитерационные поэмы: «Sir Gawain and the Green Knight» и «The Wars of Alexander», причем схождения не могут быть объяснены за счет обстоятельств личной биографии автора (извест-

но, что из этого региона происходил его отец). Также нужно отметить, что вопреки желанию ряда исследователей, стремящихся обнаружить «сплошную формульность» в текстах поздних литературных традиций, корпус поэм Аллитерационного возрождения едва ли можно назвать однородным, более того по меткому замечанию Н. Ф. Блейка, это единственный корпус, выделяемый на основании размера [Blake 1979, 205–214]. Своеобразный язык поэм является прямым следствием размера и сводится к нескольким синонимическим рядам для обозначения наиболее частотных понятий, небольшому набору аллитерирующих коллокаций как правило имеющих устойчивую связь с темой, а также конструкциям из служебных слов, образующих своего рода синтаксический каркас, обретающий связь с повествованием лишь по заполнении иктовых позиций знаменательными частями речи. Ближе всего к формулам устно-формульной теории Пэрри-Лорда оказывается система метрических заполнителей — вспомогательный инструментарий, позволяющий дооформить строку, почти ничего не добавляя к содержанию. Единственная подробно разработанная с точки зрения формы тема — описание и именно его структурные особенности Чосер детально воспроизводит в фрагментах, посвященных Ликургу (с. 2128–2154) и Эметрию (с. 2155–2186), перелагая их все тем же пятистопным ямбом и воздерживаясь от заимствования функционально бесполезных для него элементов (напр. из 11 синонимов для «мужа, воина» он использует только 4, которые, впрочем, являются общеупотребительными). Передача элементов традиционной поэтики в иную «систему координат» в условиях, определяемых концепцией комплементарного авторства — отдельная проблема, изучение которой должно включать формальный и функциональный аспекты, чему и планируется посвятить предполагаемый доклад.

Литература

Боура С. М. Героическая поэзия. М., 2002. С. 54.

Blake N. F. Middle English Alliterative Revivals // Review 1 (1979), 205–214.

ИСТОРИЯ ЭРМАНАРИХА И СУНИЛЬДЫ: ВАРИАНТЫ, РАЗВИТИЕ, МОТИВЫ

STORY OF ERMANARIC AND SUNILDA: VARIANTS, EVOLUTION AND MOTIVES

Беспальчикова Яна Евгеньевна

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Доклад посвящен изучению истории Эрманариха и Сунильды из *Getica* Иордана, которая имеет многочисленные параллели в германских и скандинавских эпических и исторических памятниках. Основные источники сюжета об Эрманарихе и Сунильде: сама *Getica* — один из первых нарративных памятников раннего Средневековья, центральные записи скандинавского эпоса — обе Эдды и *Сага о Вёльсунгах*. Наиболее подробной эта история является в *Gesta Danorum* Саксона Грамматика, который активно пользовался устной традицией при создании своего исторического труда. Наиболее ранний после *Getica* вариант — в знаменитой щитовой драпе Браги Старого, посвященной Рагнару Лодброку. Отголоски истории о смерти Эрманариха встречаются и в других текстах, как устного (например, *Сага о Тидреке из Берна*), так и глубоко письменного происхождения (например, *Кведлинбургские Анналы*). Исследование сюжета об Эрманарихе и Сунильды выполнена в рамках работы над кандидатской диссертацией о влиянии готской культурной традиции на текст *Getica* Иордана и методах, с помощью которых это влияние можно пытаться обнаружить.

Опираясь на подход, применяющийся в устной теории Перри-Лорда [Лорд, 2018], я выстроила полную схему развития сюжета с учетом всех основных его средневековых записей, которая позволяет точнее иллюстрировать закономерности развития этого сюжета на протяжении всего времени его устного бытования в различных традициях, а также выдвинуть предположение о конфигурации записи этого сюжета в *Getica* Иордана — первой из нам известных.

Так очевидное совпадение версии *Getica* с наиболее важными точками развития сюжета в других записях дает возможность разрешить переводческую трудность в понимании текста памятника, предположить, что мы имеем дело с аллюзией на знакомый автору сюжет, а также утверждать, что история Эрманариха и Сунильды бытовала в VI веке в среде, с которой был знаком автор *Getica*, а значит, является свидетельством влияния на текст памятника готской устной культуры. Первый момент важен для понимания текста *Getica* [Brady, 1943], второй — для изучения возможных вариантов записи фольклора и его отражения в письменных текстах, третий — для научной дискуссии о том, насколько в *Getica* Иордана отражается готская устная традиция [Вольфрам, 2003], существовала ли она вообще, можно ли говорить на основании анализа текста памятника о готской этнической и/или культурной идентичности [Goffart, 1988]. Исследование структуры сюжета об Эрманарихе и Сунильды и его вариаций позволяет рассматривать этот сюжет как историю старого короля, причем маркер этого есть в тексте первого же варианта — в *Getica*. В частотной связке с этим мотивом выступает мотив адюльтера, реального или мнимого (что также присутствует в *Getica*), который связан с поведением представителей следующего поколения — племянника или сына. Они появляются в более поздних версиях сюжета.

Также анализ помог выявить любопытный момент, связанный с еще одной устойчивой подробностью, сохраненной во всех вариантах сюжета: в гибели Сунильды через растаптывание конями. Этот момент прочно связан с колдовством во всех поздних вариантах сюжета, а в тексте *Getica* соседствует с рассказом о происхождении гуннов от готских колдуний. Учитывая тот факт, что женщины вообще крайне редко встречаются в тексте памятника, представляется разумным обратить внимание на то, что само их появление как правило увязано с колдовством, членовредительскими наказаниями (или смертью в их результате), а также с мотивом адюльтера или нежелательного брака.

Еще одна устойчивая подробность, фигурирующая в тексте *Getica* и сохранившаяся в последующих вариантах — это недостаточность действий братьев-мстителей для смерти Эрманариха. Эта недостаточность в скандинавских вариантах объясняется через существование тре-

тьего брата, который был убит во время распри в дороге: он должен был отрубить Эрманариху голову, тогда как другие два брата отсекали конечности. Стоит обратить внимание на тот факт, что в *Getica* Сап и Аммию наносят рану в бок — то есть туда, куда конечности крепятся, про голову же не говорится ничего. В германском варианте из *Gesta Danorum* нет истории о братьях и их сборах для мести, но присутствует любопытно рационализированный мотив недостаточности вследствие распри: сказано, что осаждающие замок Эрманариха на свои силы рассчитывать не могли, поэтому им потребовалась помощь колдуньи (которую, кстати, зовут Гудруна).

Интересно, что заканчиваются все варианты сюжета о смерти Эрманариха крупным (в категориях каждого текста, конечно) сражением между его людьми и нападающими братьями и/или их войском. В *Getica* эта функция отдана войне с пришедшими гуннами, невольными союзниками которых выступили братья Сунильды. Во время доклада будет представлена схема со всеми узловыми точками развития сюжета, их связями и возможным объяснением возникновения этих связей.

Литература

Brady C. The Legends of Ermanaric. University of California Press, 1943.

Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A. D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton, 1988.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / под ред. М. Б. Щукина, Н. А. Бондарко и П. В. Шувалова. СПб., 2003.

Лорд А. Б. Сказитель / пер. с англ. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. 2-е изд. СПб.: Изд-во ЕУ, 2018.

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ С РУНИЧЕСКИМИ «ПОДПИСЯМИ» КЮНЕВУЛЬФА: ГНОМИКА, ЛИРИКА ИЛИ «АКТУАЛЬНЫЕ» ТЕКСТЫ?

OLD ENGLISH POETIC FRAGMENTS WITH CYNEWULF'S RUNIC «SIGNATURES»: GNOMICS, LYRICS OR «ACTUAL» TEXTS?

Гвоздецкая Наталья Юрьевна

сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет

Древнеанглийский поэт Кюневульф — Cyn(e)wulf (кон. VIII — нач. IX вв.) «вписал» свое имя рунами в концовки четырех аллитерационных поэм («Елена», «Судьбы апостолов», «Юлиана», «Христос-II»), сохранившихся в рукописях конца X в. Рунические знаки заменяют здесь отдельные, требуемые по смыслу древнеанглийские слова, то есть выступают в идеографической функции, сохраняя, вместе с тем, и функцию фонематическую, поскольку в итоге каждый раз складываются в одно и то же имя собственное. Включение в латинскую (по происхождению) и христианскую (по содержанию) письменность инородных знаков, которые прежде ассоциировались с языческой магией, само по себе достойно удивления. Еще большим парадоксом может показаться то, что указанные функции могут вступать в противоречие друг с другом: так, в поэме «Юлиана» прочтение трех составляющих краткую поэтическую строку знаков (k l ond t) как целого слова (суп «род») нарушает ритм аллитерационного стиха, а «пословное» их прочтение (сеп «факел», уг «лук (оружие)» и нуд «нужда») как будто бы дает бессмыслицу [Волконская 2021: 311]. Однако противоречие снимается, если учесть, что «разгадывание» знаков предполагало три разных уровня осмысления текста, отвечавших его комплексной направленности — нарисовать картину мира, раскрыть переживания поэта и оказать воздействие на аудиторию. На первом уровне, который обнаруживается в тематической и синтаксической организации нарратива, анализируемые фрагменты поэм максимально приближены к жанру «гномических стихов»: их формульная фразеология направлена на передачу мотива *ubi sunt* (бренности земного бытия) и темы Страшного Суда. Здесь каждый знак требует отвечающей контексту семантики. Более чем в половине случаев «значения» рун легко вывести из их интерпретаций в англосаксонской «Рунической поэме» (“Runic poem”), причем некоторые имеют германские параллели (ср. *feoh* «богатство»). Однако возможны и расхождения: так, комментаторы «Елены» допускают три толкования для руны k — не только сеп «факел», но и сепе «отважный», суп «род» (человеческий) [Elene 1996: 72], что говорит о расшатывании отношений между означаемым и означающим в эпоху, когда знак теряет связь с ритуалом. Становится возможным и смысловое варьирование одного концепта в разных контекстах, что отражается в переводах соответствующих мест памятников на современный английский язык [Anglo-Saxon Poetry 1957: 147, 177, 179–180, 233]. Если расположить руны в последовательности, соответствующей порядку букв в имени, то складывается общая картина непрочности земной жизни. Ее смысл можно выразить так (каждое понятие, обозначенное русскими заглавными буквами, является обобщением ряда английских переводных эквивалентов: ЧЕЛОВЕК (Bold Warrior, Torch — C) претерпевает разного рода БЕДЫ (Evil, Misery — Y) и СКОРБИ (Sorrow, Distress, Constraint — N); РАДОСТИ (Joy, Gladness, Pleasure — W) лишь временно ПРИНАДЛЕЖАТ НАМ (Ours, Possession — U) и утекают, словно ВОДА (Water, Waterfloods — L), как и БОГАТСТВО (Wealth, Fortune — F). Однако на втором, более «глубинном» уровне, в контексте целостной композиции фрагментов, где за переживающим свои несчастья «несчастливцем» вырисовывается фигура самого поэта (аналог можно найти в англосаксонской поэме «Деор»), точная реконструкция значений не столь важна, поскольку руны воспринимаются как метонимическая замена целого (имени) его частью (буквами), а обозначаемые ими концепты всего лишь формируют ассоциативное поле разгадываемого имени (поэтому становится возможной перестановка знаков в тексте). Отсюда t (‘nud’) может стать наименованием человека, если в похожем контексте тот был обозначен как ‘t gefega’ «спутник нужды (печали)». И ‘k drusende’ (будь то «факел тлею-

щий», или «гибнущее человечество», или «поникий герой») остается на этом уровне лишь символом того лирического «я», которое в форме местоимения появляется во всех фрагментах. А в конце поэмы «Судьбы апостолов» поэт прямо говорит читателю, что собирается ввести имя того, кто «сработал эту меру [стихи]» (*hwa þas fitte fegde*). Неоднократно прослеживается обращение поэта не только к самому себе, но и к читателю, с просьбой молиться о спасении души. И здесь открывается третий уровень осмысления данных текстов, сближающий его с «актуальной» поэзией заклинаний. Весьма значимо стремление монастырского поэта силой своего имени и силой своего словесного искусства запечатлеть в сознании читателей истины веры. Ведь рунические знаки, будучи изначально связываемыми со сверхъестественной силой, как бы постоянно скрывали в себе силу слова [Смирницкий 2001: 239]. Восприятие рун как «сакрального» средства, обладающего способностью воздействовать на читателя, сохранялось и в монастырской книжности.

Литература

- Волконская М. А.* Развитие английской письменности и кодификация орфографии (приложение) // *О. А. Смирницкая. История английского языка: учебник (при участии М. А. Волконской).* М., 2021. С. 302–345.
- Смирницкий А. И.* Вопрос о происхождении рун и о значении праскандинавских надписей как памятников языка // *Атлантика. Записки по исторической поэтике.* Вып. 5. М., 2001. С. 230–254.
- Anglo-Saxon Poetry / Selected and translated by R. K. Gordon.* London, 1957. *Elene / ed. by P. O. E. Gradon.* Revised edition. Exeter, 1996.

ФОРМУЛИРУЯ ТРАДИЦИЮ: ОБРАЗ ИСЛАНДИИ В ПОЭТИКЕ Х. Л. БОРХЕСА

FORMULATING TRADITION: THE IMAGE OF ICELAND IN THE POETICS OF JORGE LUIS BORGES

Ковалев Борис Вадимович

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Зернова Елена Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Рассуждая о взаимоотношенности автора и традиции в культуре Латинской Америки, В. Б. Земсков констатирует: «Творец не порождается Традицией — он сам своими индивидуальными усилиями и своими новациями создает Традицию» [Земсков 2005: 13]. Именно писатель, наделенный функцией Первотворца, — ключевая фигура латиноамериканской литературы. Роль личностного усилия, концептуальности, волевой созидательности, нацеленности на самотворение, на осознание своей цивилизационной особенности донельзя велика в этом регионе. На наш взгляд, именно случай Х. Л. Борхеса представляется наиболее симптоматичным и актуальным. Его поэтика обладает двойственной функцией: с одной стороны, Х. Л. Борхес формулирует новую латиноамериканскую традицию; с другой стороны, он синтезирует наследие разных традиций, препарировывает их и выделяет наиболее устойчивые единицы: формулы, мотивные конструкции, мифопоэтические образы.

В данном исследовании мы стремимся зафиксировать особенности подобного рода реконструирования традиций на материале поэзии Х. Л. Борхеса. В частности, особое внимание уделяется тому, как Х. Л. Борхес препарировывает и переосмысляет образы и мотивы, сопряженные со скандинавской мифологией. Наиболее сложным представляется поэтический образ Исландии. Глобально борхесовские «конструктивные элементы» Исландии можно разделить на две группы: общекультурные и индивидуальные. Говоря об общекультурных, следует заметить, что в ряде поздних стихотворений («Мидгардсорм», «Исландия», «В Исландии рассвет», «Гуннар Торгильсон», «Тоска по настоящему», «К Исландии», «Эйнар Тамбарскельфир», «Элегия», «Вечности») обнаруживаются повторяющиеся мифопоэтические образы и мотивные структуры: в таких текстах, как «Мидгардсорм», «В Исландии рассвет», «Исландия», «Вечности» используется мотив замкнутости, закольцованности острова. В «Мидгардсорме», «Исландии» и «К Исландии» иносказательно упоминается корабль Нагльфар («К Исландии»: «Парусник, сложенный из ногтей умерших»; «Мидгардсорм»: «Облаченный в ногти мертвецов проклятый челн»; «Исландия»: «Корабль, построенный из ногтей мертвецов» [Борхес 2022]), в «Элегии» и «Исландии» педалируется образ Бальдра, в «Эйнаре Тамбарскельфире» и в тексте «В Исландии рассвет» упоминается Белый Христос. Однако, что самое важное, практически во всех текстах, посвященных Исландии, остров предстает пространством, не находящимся во времени, но при этом содержащем память времени. В «Исландии» Х. Л. Борхес называет остров «впадиной памяти», в «Эйнаре Тамбарскельфире» пишет: «Легенду эту кто-то сохранил в Исландии», в тексте «В Исландии рассвет»: «Время над ним не властно» и пр. В сущности, образ Исландии оказывается тесно сопряженным с референтной для Х. Л. Борхеса категорией мировой библиотеки — вневременной, но хранящей память о времени. При этом необходимо отметить лингвистическую последовательность Борхеса: обращаясь к повторяющимся мотивам в разных текстах, он использует узнаваемые, а порою и вовсе одинаковые лингвистические средства. Так, например, кодируется Нагльфар. «К Исландии»: «La nave que dioses temen, labrada con las uñas de los muertos»; «Мидгардсорм»: «El barco maldecido que se arma con las uñas de los muertos», «Исландия»: «La nave que Alguien o Algo construye con uñas de los muertos» [Borges 2012]. Мотив закольцованности подчеркивается на синтаксическом уровне: используется параллелизм в тексте «В Исландии рассвет»: «El alba en Islandia... en Islandia el alba» [Ibid: 464]; в «Мидгардсорме» используется опоясывающая рифмовка, нарушающаяся лишь в финале, когда лирической ге-

рой просыпается и метафорически покидает пространство острова: «Su imaginaria imagen nos mancilla. / Nacia el alba lo vi en la pesadilla» (рус. «Страшит нас образ безобразной твари, / что видел я в предутреннем кошмаре») [Ibid: 618] и проч.

Индивидуальные же особенности восприятия Х. Л. Борхесом Исландии, во многом мотивированные его поездкой по региону, заключаются в том, что Исландия оказывается пространством для любви: счастливой и неразделенной. Примеры тому видны в следующих текстах. «Гуннар Торгильссон»: «А я хочу помнить тот поцелуй, что ты мне подарила в Исландии», «Тоска по настоящему»: «Я отдал бы все на свете за счастье оказаться с тобою в Исландии», «К Исландии»: «Мне цели не достичь и ждут меня... Любовь, неразделенная любовь», «Исландия»: «Остров... несбывшихся чаяний». Таким образом, совмещая индивидуальные ассоциации и мотивы с конструктами, отобранными из ряда общекультурных мифообразов, мотивов и ассоциаций, сопряженных с Исландией, Х. Л. Борхес осуществляет типичный для латиноамериканского автора культурный синтез: тщательно отбирая и методически повторяя существенные для автора элементы, имеющие место в поэтической традиции, Борхес обогащает их индивидуальными впечатлениями и ассоциациями, тем самым пересоздавая образ Исландии. Именно этот образ оказывается узловым — «пересобирая» вместилище древней скандинавской традиции, Борхес вносит существенный вклад в создание принципиально новой традиции — латиноамериканской.

Литература

Борхес Х. Л. Атлас. Личная библиотека. СПб., 2022.

Земсков В. Б. Введение // История литератур Латинской Америки. Т. 5. Очерки творчества латиноамериканских писателей XX в. М., 2005. С. 5–17.

Borges J. L. Poesía completa. Nueva York, 2012.

СПИСКИ САГ: СООБЩЕНИЕ → СОБЫТИЕ (К ПРОБЛЕМЕ САМООСМЫСЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИРЛАНДСКОЙ ТРАДИЦИИ)

INVENTORIES OF SAGAS: TOWARDS SELF IDENTIFICATION OF THE MIDDLE IRISH TRADITION

Михайлова Татьяна Андреевна

профессор, Институт языкознания РАН

В современной ирландистике, не только отечественной, но и зарубежной, в качестве определения прозаического нарративного жанра употребляется термин *saga* (the Irish *saga*, le *saga* irlandais, die irische Sage). В то же время в самой ирландской традиции используется лексема *scél*, обладающая более широким семантическим полем: рассказ, повесть, новость, событие. Она возводится к и.е. основе **seq-* > **sqetlo-* 'говорить, рассказывать', что объединяет ее с сагами исландскими: ср. др.исл. *saga* как 'рассказ', так и 'события рассказа', 'история'. Значение 'сага как жанр текста' вторично по отношению к значению 'рассказ вообще', «для самой же саговой традиции вербальная форма саги не отвлечена от ее содержания» [Стеблин-Каменский 1971, с. 18–20, 40]. Вторичность значения «событие» у лексемы *scél* предположительно доказывается ее этимологией. Близкий семантический переход наблюдается и у русского слова история. Греческое заимствование в значении «совокупность знаний и рассказ об этом», оно постепенно приобрело значение «события, достойные рассказа о них». Ср. русск.:

С ним произошла неприятная история. Полисемантичность понятия *scél* осознавалось и носителями среднеирландской нарративной традиции: она была обыграна в предисловии к одному из так называемых «списков саг». В нем рассказывается о том, как ко двору короля Тары Домналлу Мак Муирхертаху († 980) пришел поэт Урард мак Койси. Король спросил, есть ли у него какие-нибудь новости, на что поэт, сделав вид, что не понял вопроса, ответил, что «повестей» у него много, и король может выбрать сам, какую ему хотелось бы услышать. Затем он перечислил десятки названий, завершив список сагой «Разрушение крепости Маэля Мильскотаха», в которой говорилось о предках короля Домналла.

В качестве основного материала нашего исследования находятся «списки саг», датируемые среднеирландским периодом и, как принято считать, составленные на базе реальных текстов, входивших в нарративный реестр более ранних рассказчиков-филидов. Часть названий из списков действительно, как может показаться, отсылает к сагам, дошедшим до нас в рукописях. Другие — к фрагментам более крупных нарративных компиляций. Третьи — считаются утраченными, но когда-то существовавшими. В качестве предположения мы высказываем идею, что списки отсылают не столько к текстам как таковым, сколько к лежащим в их основе сюжетам, а на более глубоком уровне осмысления традиции — к «событиям», как реальным, так и вымышленным.

До нас дошло два основных списка саг. Первый, список А, сохранился в двух копиях, наиболее ранняя из которых датируется XII в. и содержится в рук. «Лейнстерская книга». К ней восходит копия XVI в. (рук. TCD H. 3.17). Список В, предисловием к которому является рассказ об Урарде Мак Койси, сохранился в трех копиях XV и XVI вв. (издание см. [Mac Cana 1980]). Предположительно, традиция списков — несколько более ранняя и может датироваться примерно X в. (см. [Toner 2000]).

Списки саг строятся по одной модели, за которой стоит интересный принцип автохтонной классификации нарративов: не по привычному нам по другим традициям субъектному принципу, но по принципу «основного действия», что нуждается в отдельном исследовании. Так, в качестве «рубрикатора» в заглавие раздела выносятся абстрактное существительное, сам раздел состоит из названий саг, также следующих одной повторяющейся модели: «Если ты хочешь знать рождения, то есть Рождение Кухулина, Рождение Конхобара, Рождение Коналла Кернаха и т.д.». В качестве рубрикаторов выступают — рождения, победы, разрушения крепостей, наводнения, битвы, сражения, сватовства, любви, пиры, видения, похищения скота, походы и проч. Список данных маркированных действий не велик. Он опирается на то, что обычно со-

ставляет традиционную «героическую биографию» эпического героя, а также — традиционную для Ирландии модель биографии правителя. Вторая модель сложилась уже в среднеирландский период и имеет параллели в исторической поэзии. Так, например, в поэме Даллана Мак Море (начало X в.), посвященной прославлению короля Кервалла Мак Мурекана, говорится: «Перечисление его побед / Будет слышно навеки, /Его битвы и его сражения, / От меня будет слышно о каждом». В стихах названы те же термины, которые служат рубриками в списках саг. В других примерах можно найти упоминания о рождениях, битвах, смертях. Авторы поэм отсылают аудиторию не к сагам о королях, но к исторической традиции, и упомянутые «победы» и «битвы» представляют собой не рассказы, но — события, которые достойны рассказа (ср. в данном случае — параллель с исландскими сагами). Предположительно, в данном случае мы наблюдаем отмеченный выше семантический переход: история как текст — история как событие (реальное или вымышленное).

Интересна с данной точки зрения группа названий с рубриком *tochomlud* 'поход, странствие'. В списках названий упоминаются «походы» племен, последовательно заселявших Ирландию, что восходит не к саговой традиции, но к традиции псевдоисторической, оформленной в трактате «Книга захватов Ирландии». Название «саги» «Поход из Дал Риады в Альбан» отсылает уже к историческому событию — колонизации ирландцами западной Шотландии в сер. VI в. (в саговой форме отсутствует).

Группа *sluagad* 'военный поход' также в основном отсылает к событиям историческим и находит параллели в хрониках. Обратим внимание на то, что исследователи списков саг обычно не задаются вопросом о том, к какой именно редакции той или иной известной саги отсылает упоминание ее названия в списке. Видимо, имплицитно мысль о том, что дошедшие до нас списки — это списки не саг, а сюжетов, или — исторических событий, в ирландистике уже присутствует.

Источник финансирования: Российский научный фонд, проект № 22-18-00586 «Построение типологии полисемии».

Литература

Стеблин-Каменский М. И. Мир саги М., 1971.

Mac Cana Pr. The Learned Tales of Medieval Ireland. Dublin, 1980.

Toner G. Reconstructing the Earlier Irish Tale List // *Éigse*, vol. 32, 2000, P. 88–120.

ФАРЕРСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ О «ЧУДЕСНОЙ АРФЕ»

FAROESE FOLK SONG ABOUT "THE MAGIC HARP"

Пиотровский Дмитрий Дмитриевич

доцент, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет
им. акад. И. П. Павлова

Песня о двух сестрах и говорящей арфе известна во всех скандинавских странах. В сборниках народной поэзии она выступает под различными названиями: «Две сестры», «Чудесная арфа», «Говорящая арфа», «Песнь об арфе», а порой и вовсе без всякого названия. Общее количество версий на шведском, датском, норвежском и исландском языках вряд ли поддается учету. На фарерском языке известны три записи, сделанные, несомненно, с устного источника:

1. Запись, сделанная Йенсом Кристианом Свабо в начале 80-х годов XVIII в. и опубликованная Кристианом Матрасом в 1939 г. [Matras 1939: 115–117].

2. Запись, сделанная неким Аманненсенем Раском из Копенгагена и изданная в сборнике шведской народной поэзии Эриком Густавом Гейером и Арвидом Августом Афцелиусом [Geijer, Afzelius 1814: 86–90]. Данная запись является первым случаем публикации литературного текста на фарерском языке.

3. Запись, включенная Венцеславом Ульриком Хаммерсхаймбом в его «Фарерскую антологию» [Hammershaimb 1891: 23–26].

Сюжет этой песни — сказочный. Жили две сестры. Младшая из них была красива, старшая же красотой не отличалась. У младшей был жених. Старшая сестра позвала младшую с собой к морю чтобы умыться. Во время умывания она сталкивает свою младшую родственницу с камня в воду, и та погибает. Поскольку девушки, несмотря на разную степень красоты, все-таки похожи, жених младшей сестры принимает старшую за свою невесту и играет с ней свадьбу. Два пилигрима находят тело убитой. Из ее волос они делают струны для арфы и прикладывают музыкальный инструмент к руке утопленницы. Затем они приносят арфу к дому, где играется свадьба. Арфа сама без помощи музыкантов рассказывает историю двух сестер, в частности сцену убийства. Старшая сестра «лопается» от злости.

В печатных изданиях песня «Чудесная арфа» представляется как последовательность двустрочных строф с конечной рифмой. Это — некоторое упрощение. Несущие содержание строки разбиваются припевом. Часть припева идет после первой строки, другая часть — после второй. Такое соотношение между основным текстом и припевом можно считать аргументом против того, чтобы отнести «Чудесную арфу» к балладам. В скандинавских, и в частности в фарерских, балладах строфа припевом не разбивается. Припев следует или точнее предшествует каждой строфе. Другим соображением против отождествления данной песни с балладами является ее содержание. Оно чисто сказочное. Баллады же в первую очередь разрабатывают сюжеты героического эпоса и по словам М. С. Бауры из него развиваются [Боура 2002: 742].

В то же время сам факт наличия строфической организации сближает «Чудесную арфу» с балладами. Также в пользу такого сближения говорит тот факт, что сюжетный репертуар баллад не может быть четко очерчен и ограничен только героическими сюжетами. Несомненно основной массив балладных сюжетов является общескандинавским наследием, но в то же время исполнение баллад на Фарерских островах, по крайней мере во времена Свабо и Хаммерсхаймба, было еще живой традицией, и этот вид словесного искусства отражал в какой-то степени повседневную жизнь островитян. В результате появлялись новые сюжеты и границы содержательного плана жанра баллады оказались не слишком четко очерченными. Более правильно, видимо говорить о народной устной поэзии фарерцев как о едином явлении. Очень важно, что фарерская песня засвидетельствована тремя записями. Они несколько различаются по объему. Запись Свабо состоит из 31 строфы. Текст, опубликованный Гейером и Афцелиусом на одну строфу короче. У Хаммерсхаймба песня имеет 39 строф.

Наличие трех записей, отличающихся по продолжительности, дает представление о деятельности фарерского «шипари» — сказителя. Как и иные исполнители устной поэзии в других странах шипари мог при необходимости либо удлинять, либо сокращать свой текст. Теория М. Пэрри и А. Б. Лорда находит здесь еще одно свое подтверждение. Но при этом деятельность Свабо и Хаммерсхаймба по записи, кстати на очень высоком профессиональном, не только по меркам XVIII–XIX вв., уровне, имела место почти на сто лет ранее деятельности выдающихся американских филологов.

Литература

Боура С. М. Героическая поэзия. М., 2002.

Geijer E. G., Afzelius A. A. Svenska folk-visor från forntiden. Första delen. Stockholm, 1814.

Hammershaimb V. U. Færøsk Anthologi I. Text samt Historisk og Grammatisk Indledning. Med Understøttelse af Carlsbergfondet. København, 1891.

Matras Chr. Svabos Færøske Visehaandskrifter. Udgivne for Samfund til Udgivelse af gammel nordisk Litteratur ved Chr. Matras. København 1939.

СЕМАНТИКА ЗЕЛЕННОГО ЦВЕТА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

THE SEMANTICS OF GREEN COLOR IN OLD ENGLISH

Яценко Мария Вадимовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. М. А. Бонч-Бруевича

Древнеанглийская поэзия содержит сравнительно мало наименований цветов, большая часть которых имеет общую семантику «светлый», «яркий», или «темный», «тусклый» [Mead 1899: 174]. Набор цветообозначений, предполагающий дифференциацию цветов спектра, сравнительно небольшой и используется он значительно реже, чем в позднейших поэтических традициях. Наиболее популярным из цветов является зеленый, но используется он преимущественно в религиозной поэзии [Mead 1899: 200]. И может быть назван не столько цветообозначением, сколько эпитетом, который оживлял повествование [Mead 1899, 200].

Поскольку данная лексема возникает в переводах и пересказах тех сюжетов и текстов, где в оригинале цветообозначение отсутствует, семантика слова *grene* представляется значительной для понимания картины мира, отраженной в древнеанглийских поэтических и прозаических памятниках. Основная цель исследования — рассмотреть коннотативные значения цветообозначения *grene* в поэтических памятниках и сравнить их с прозаическими текстами.

Генетическая связь цветообозначения *grene* с обозначениями роста отражена в рассказе о сотворении мира в «Прорицании вельвы» из «Старшей Эдды» на уровне аллитерации. В древнеанглийском описании творения мира в поэме «Бытие» аналогичная аллитерация появляется внутри композита *græsungrene*. А. Н. Доан в своем издании переводит этот эпитет земли как «не-зеленая от травы» (перевод А. Н. Доана: «The earth was still ungreen with gras» [Genesis A 1978: 233]). С помощью композита *græsungrene* описывается не просто пустынная земля (ср. русский перевод «земля была безвидна и пуста» (Быт. 1:2)), но и земля спасения, земля, противопоставленная окружающему хаосу.

Такого рода коннотации зеленого цвета, в частности, зеленой земли возникают на протяжении всей поэмы «Бытие». В описании проклятия Каина (Gen 1015–1018), зеленой земли, спасенной после потопа (Gen 1451–1454, Gen 1561), земли Сенаара (Gen 1657), земля Содомы и Гоморры в момент их разрушения (Gen 2551). В этих случаях, вероятно, подчеркивается безгрешность земли до ее занятия человеком. Земля обетованная (Gen 1787) и рай (Gen 197) названы вечнозелеными *ælgrene*.

Хотя в поэме «Бытие» цветообозначение *grene* относится чаще всего к земле, наименования земли не аллитерируют с цветообозначением. Земля, как правило, обозначена словами *folde*, *eorðe*, которые не только не аллитерируют, но могут и не сочетаться с рассматриваемым цветообозначением в одной краткой или долгой строке. Очевидно, что выбор наименования земли и цветообозначения в этих случаях не продиктован требованиями аллитерации и может объясняться семантическими особенностями конкретных лексем. Лексема *grund*, аллитерирующая с рассматриваемым цветообозначением, в древнеанглийском могла быть связана с могильной землей, мрачными недрами земли и, возможно, с царством мертвых.

Поэтому особенно интересно использование аллитерации в поэме «Исход» в словосочетании *ofer grene grund* для описания дна моря, по которому идут израильтяне. В Книге Исход израильтяне идут по сухому дну моря, в древнеанглийской же поэме дно моря названо зеленым (Ex 310–313). Данный эпизод и цветообозначение в нем, возможно, имеет библейский источник. В Книге Премудрости Соломона дно Красного моря также названо зеленым (Прем. 19:7–8). Наиболее очевидным смыслом данного эпизода является то, что путь израильтян, описываемый здесь, это путь спасения. Х. Кинан приводит ряд параллелей этому месту из фольклора — рассказы о Уолсингемской зеленой дороге, которая чудесным образом спасала оказавшихся на ней детей [Keenan 1973: 219]. В поэме «Христос и Сатана» возникает образ мощеного пути *grene stræte* (Ch&S 286–288) то есть дороги, создаваемой усилиями самого человека и ведущей его

к спасению. Схожее употребление данного цветообозначения встречаем и в других памятниках. В древнеанглийском поэтическом переложении 141 Псалма (Paris Psalter) путь спасения для человека также назван зеленым [Keenan 1970: 456]. Образы зеленого пути или зеленого луга как места спасения есть и в древнесаксонских текстах. Так, в древнесаксонской поэме «Хелианд» зеленым лугом названа Елеонская гора и рай.

Эпизод, типологически близкий рассказу о переходе через Красное море, — описание мучений св. Альбана — встречаем в исторических сочинениях. Это «О гибели Британии» Гильды Премудрого и «Церковная история народа англос» Беда Досточтимого. В древнеанглийском переводе «Церковной истории» особенно интересен фрагмент данного описания, где говорится, что святой взобрался на холм, «который был в то время (досл. своевременно) таким зеленым и прекрасным и разнообразными цветущими растениями украшен, и подготовлен со всех сторон». В латинских текстах Гильды и Беда в описании холма не упомянут цвет, в древнеанглийском же переводе холм назван «своевременно зеленым» (*þa tidlice grene*).

Появление цветообозначения здесь именно в древнеанглийском переводе доказывает, что семантика цветообозначения *grene* как цвета спасения была актуальна для древнеанглийской культуры и ее устойчивость не может быть объяснена только влиянием средневековых христианских представлений. В целом, в древнеанглийский период коннотации зеленого цвета можно назвать положительными. Это цветообозначение возникало не только в связи с идеей роста, но имело семантику спасения, чудесного избавления от опасности, а также Божьего благословения.

Литература

Genesis A. A New Edition / ed. by A. N. Doane. Madison, 1978.

Keenan H. T. Exodus 312. 'The Green Street of Paradise' // *Neuphilologische Mitteilungen*. 1970. Vol. 71, no. 3. P. 455–460.

Keenan H. T. Further Notes on the Eschatological "Green Ground" // *Neuphilologische Mitteilungen*. 1973. Vol. 74, no. 4. P. 217–219.

Mead W. Color in Old English Poetry // *Publications of the Modern Language Association of America*. 1899. Vol. XIV, no. 2. P. 169–206.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ ПО ИСТОРИИ С ФИНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА МОНОГРАФИИ О. ЮССИЛЫ «ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ 1809–1917»

Авцинов Вячеслав Михайлович

старший преподаватель, Московский государственный лингвистический университет

1. В 2009 г. в Финляндии праздновалось 200-летие создания Великого княжества Финляндского, автономного образования в составе Российской империи. В Посольстве России в Финляндии в 2007 г. было принято решение о переводе с финского языка к этому юбилею монографии финского профессора Осмо Юссилы «Великое княжество Финляндское 1809–1917». Редактор перевода, Посол России в Финляндии, академик А. Ю. Румянцев, в своём предисловии к изданию на русском языке пишет: «Книга О. Юссилы в Финляндии считается одной из наиболее глубоких и объективных работ современных финских историков, посвящённых данному периоду». В монографии подробно рассматриваются основные направления в становлении и развитии Великого княжества Финляндского, повествуется о российских и финляндских государственных деятелях, внесших вклад в его развитие, воссоздаётся общая атмосфера той эпохи. Объём книги составляет 832 страницы, и для перевода столь значительного труда в Посольстве России в Финляндии была создана группа из четырёх дипломатов (В. М. Авцинов, Л. В. Анисимов, С. С. Беляев и И. Е. Налётова), задачу окончательной редакции перевода, как отмечено выше, взял на себя Посол России в Финляндии, академик А. Ю. Румянцев.

2. Работа над переводом упомянутой книги была, с одной стороны, достаточно сложна, а, с другой стороны, — интересна, увлекательна и познавательна. Было решено перевести книгу в полном объёме без каких бы то ни было сокращений. Такой подход позволил сохранить авторскую манеру изложения материала, для которой характерны повторы и вникание в мельчайшие подробности событий и явлений. По словам О. Юссилы, он сознательно выбрал такой метод создания текста, чтобы книга была в максимальной степени понятна читателю, как и позиция автора. Кроме того, данное переводческое решение учитывало то, что после российского историка М. М. Бородинкина о времени Великого княжества Финляндского (1809–1917 гг.) в течение около ста лет не было издано ни одного труда на русском языке. Точнее, издавались книги и статьи по отдельным конкретным темам, но всеобъемлющего труда не существовало.

3. С первых страниц коллектив переводчиков столкнулся с некоторыми трудностями и сложностями. Для такой работы были необходимы знание эпохи и серьёзная общая эрудиция. В разделе «Сословный сейм в Порвоо и присяга на верность» на странице 74 книги на финском языке О. Юссила пишет, что многое в основных законах, сохранявших своё действие в Финляндии после её присоединения к России, более не соответствовало новому положению дел: «...vuoden 1772 hallitusmuodon määräys, että hallitsijan tulee tunnustaa luterilaista uskoa». В переводе на русский язык этот отрывок звучит как: «...определение Формы правления 1772 года о том, что монарх должен признавать лютеранскую веру». В данном случае переводчик использовал знакомое ему по дипломатической работе значение глагола *tunnustaa* «признавать (государство, правительство и т. п.)», но не учёл, что в отношении религии этот глагол должен переводиться как «исповедовать (какую-либо веру)». На вкладке между страницами 416 и 417 книги на финском языке автор пишет, в частности, о системе орденов Российской империи, используя термин *ritarikunta*, который можно перевести как «орден как организация или система наград» или «рыцарский орден», если речь идёт о средневековых рыцарских орденах. На вкладке между страницами 428 и 429 в книге на русском языке переводчик почему-то использовал имен-

но второе значение этого термина, то есть «рыцарский орден», несмотря на то, что речь идёт о Российской империи XIX в., а не о средневековье. Эти мелкие недочёты, к сожалению, попали в окончательный текст русского перевода монографии, несмотря на проведённую тщательную выверку текста, однако они не влияют на высокое качество перевода всей книги.

4. Существенной частью переводческой работы стал перевод исторических реалий, к которым относятся наименования российских и финляндских учреждений и законов, совещательных органов, а также должностей и титулов упоминающихся в книге лиц. Приходилось учитывать, что в финском тексте эта терминология часто давалась в несколько упрощённом виде. Например, финское наименование *Bungen komitea* в русском переводе имеет вид Особое совещание Н. Х. Бунге. Выполнение этой задачи потребовало от переводчиков работы в библиотеке Хельсинкского университета с книгами М. М. Бородкина «История Финляндии», К. Ф. Ордина «Собрание сочинений по финляндскому вопросу», Сборником постановлений Великого княжества Финляндского и другими источниками, опубликованными в XIX–начале XX вв. 4. Перевод на русский язык монографии О. Юссилы «Великое княжество Финляндское 1809–1917» показал, что переводчик научной исторической литературы должен обладать широкой эрудицией и глубокими экстралингвистическими знаниями.

Литература

Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Ruslania Books Oy, Хельсинки, 2009.

Jussila O. Suomen suuriruhtinaskunta 1809–1917. WSOY, Helsinki, 2004.

УДМУРТСКАЯ МАЛАЯ ПРОЗА 1920–1930-Х ГГ. В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

Арекеева Светлана Тимофеевна

доцент, Удмуртский государственный университет

Удмуртская малая проза 1920–1930-х гг. — это значительный пласт литературы, представленный разными именами, жанровыми формами, образами героев, типами конфликтов. На данном этапе становления и динамичного развития национальной литературы галереей персонажей удмуртской новеллистики составляют образы героев, созданные такими авторами, как К. Яковлев (1890–1937), Кедр Митрей (Д. Корепанов, 1892–1949), Айво Иви (И. Векшин, 1892–1963), Кузубай Герд (К. Чайников, 1898–1937), М. Кельдов (1900–1930), А. Клабуков (1904–1984) и многие другие. Для ряда произведений рассматриваемого времени, так называемой «беглоиады» (А. Шкляев), характерны «беглые» герои: будучи отверженными, они бегут от рекрутчины, расколовшегося патриархального мира, от семейного деспотизма и др. В образе главной героини из рассказа Кузубая Герда «Мати» («Матрёнушка», 1920), Шактыра из рассказа И. Соловьева «Кузь нюк» («Длинный лог», 1928) в условно-романтической форме изображается жертвенная судьба маленького человека.

Кедр Митрей, несомненно, один из тех классиков национальной литературы, кто ярко показал послереволюционную действительность в ее классовой полярности. Яростное, непримиримое столкновение богатых и бедных — один из сквозных сюжетных моментов в таких рассказах автора, как «Чут Макар» («Хромой Макар», 1929), «Шортчи Ондрей» («Бесстрашный Ондрей», 1931). Особенностью писательской манеры Кедр Митрея является и то, что в рассказах «Сурсву» («Березовый сок», 1925) и «Мон-А-Чим» («Я-сам», 1927) повествование ведется от имени очеловеченных образов березы и обезьяны, которые проживают свою драматичную судьбу в заданных человеком координатах жестокой, бесчеловечной классовой борьбы. В рассказе Кедр Митрея «Вожмин» («Наперекор», 1930) поведение и проявления героев выходят за рамки идеологически-заданных социальных масок.

Главная героиня Наталья, поселившаяся со своей семьей в экспропрированном доме бывшего хозяина, деревенского богача, мучима плохими предчувствиями: она инстинктивно-сострадательно ощущает, что преступлены какие-то человеческие законы, за которые придется держать слово, нести наказание, ибо невозможно построить счастье на несчастье другого. Образ кулака в данном рассказе, на наш взгляд, также представлен не «хрестоматийно»: в нем проступают черты не только злодея-вредителя, но и живого человека со своими переживаниями. Боль Чубой Ивана по поводу потери своего дома выглядит естественной. Он мстит новым хозяевам жизни, не умея и не желая примириться с лишениями и со своим новым положением. Неоднородность образа Чубой Ивана особенно ощутима в сравнении с героем одноименного рассказа Кедр Митрея «Кузь Яган» («Долговязый Яган», 1931), который нарисован более плоско и однолинейно — как патологический кровопийца, тиран и душегуб.

Матвей Кельдов крупным планом изобразил представителей уходящего класса, дав читателю возможность всмотреться в его неоднозначную личность, проникнуться сочувствием к его переживаниям. В рассказе «Кристосэз вузась (Семен Туринлэн верамез)» («Христопродавец (Рассказ Семена Турина)», 1929) М. Кельдов создал образ попа, который отошел от своего круга и пытается стать «своим» среди рабочих, выполняя вместе с ними тяжелую физическую работу. Детали подчеркивают вынужденность данного шага героя, находящегося в тисках времени, когда поиск себя в массе приобрел судьбоносность. Однако предпринятое действие не приносит отцу Василию успеха, определив ему ситуацию маргинала: с одной стороны, попа сторонятся рабочие, с другой, — благочинный и богатый крестьянин, бросающие ему реплику: «Сволочь! Христа за червонец продал. Иуда! Предатель!». В центре рассказа М. Кельдова «Бегентыло» (1929) образ кулака Пуда Михайлыча, не соответствующий стереотипам советской эпохи, что стало причиной идейного неприятия произведения официальной критикой и рождения ярлыка-идеологемы «бегентыловщина». Ощущая и переживая дегуманизм и трагические противоречия послереволюционного времени, М. Кельдов сосредоточивает свое внимание на

героях, вычеркнутых новой эпохой из жизни. Писатель стремится показать ценность каждого человека как личности, с его правом на свободу, счастье, на выбор собственного жизненного пути даже в условиях жестокой реальности.

В ряде других рассказов М. Кельдов тонко-иронично высмеивал молодых строителей новой жизни, выставив их болтунами, демагогами, бесплодными фантазерами и мечтателями. Помимо нетипично выведенных образов кулака, попа, комсомольца и др., писатель вводит в удмуртскую литературу образ повествователя-интеллигента, пытающегося разобраться в сложных жизненных процессах. Судьбы героев Г. Медведева — наглядный пример драматического противостояния схлестнувшихся сил: богатых и бедных, голодных и сытых, отца и сына. Автор талантливо воссоздал индивидуальные характеры людей, изумленно, растерянно, восторженно, обреченно смотрящих на действительность или активно преобразующих ее, а также образы героев, сломленных, поверженных, не принимающих перемен.

В произведениях Айво Иви, К. Яковлева, А. Багая и др. с помощью юмора и сатиры высмеивается человек пореволюционной эпохи, окутанный шлейфом устаревших взглядов, привычек, ценностей, происходит бичевание суеверий, пьянства, темноты, невежества. Среди рассказов А. Багая выделяется своеобразный цикл, объединенный фигурой персонифицированного героя-рассказчика Локан Петьра (Петра Лоханкина). Герои К. Яковлева, создавшего рассказы «Лякыт должность» («Удобная должность», 1928), «Ардальон Ардальоныч» (1929), «Коньяк» (1929) и др., — вчерашние крестьяне, сегодняшние функционеры, вынесенные волной жизни, политическими веяниями в другую среду. Внимание писателя привлекает типаж человека, оказавшегося в своеобразном пограничном положении: не удмурт — не русский, не деревенский — не городской, не крестьянин — не служащий. Таким образом, удмуртская малая проза характеризуется многообразием персонажей, в которых находит отражение сложная сущность послереволюционной действительности и суть решаемых авторами идейно-художественных задач.

МАЦЦА, ФОРТШВАНЕ, ШЕКСПИР И НОРДЕНШЁЛЬД: ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Братчикова Надежда Станиславовна

профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Предметом нашего исследования является научно-популярный стиль изложения. Материал исследования составляют научно-популярные издания Марьё Нурминен «Мир на карте. Географические карты в истории мировой культуры» и «История мореплавания и навигации», опубликованные издательством «Паулсен» в 2018 и 2020 г. соответственно. Цель исследования изучить особенности научно-популярного подстиля на материале финского языка и передачи его на русский язык.

На материале русского языка и финского языков научный стиль изучен достаточно подробно [Воронова 2016, Крылова 2006; Sorvali, Häkkinen 2007]. Однако в современной лингвостилистике вопрос о статусе научно-популярного типа речи в системе функциональных стилей русского и финского языков не решен окончательно. В обоих языках научному стилю присущи монологический характер, строгий отбор языковых средств, тяготение к нормированной речи и объективность и «отвлеченно-обобщенный» стиль изложения. Формат научно-популярной литературы позволяет объяснить доступно и понятно неспециалисту научные знания. Адресат данных публикаций может быть незнаком с рассматриваемой областью науки и не владеть ее языком, поэтому автор публикаций осуществляет внутриязыковой перевод языка собственно научного стиля на научно-популярный. В текст могут вводиться узкоспециальные термины (портулан, мацца [Nurminen 2015: 141], квадрант, астролябия; историзмы (ойкумена, бумажная мельница [Nurminen 2015: 85]), что позволяет передать атмосферу эпохи. Широко используются общенаучные термины (часть света, долгота, широта, окружность земли [Nurminen 2015: 153, 162]), что сближает популярный стиль изложения с научным.

В описаниях конструкции кораблей проявляется единство эмоционально-чувственных и логических элементов познания. Техническая характеристика судна дается в довольно абстрактной форме, без указаний конкретных параметров (небольшая глубина погружения; обтекаемый, широкий, изогнутый корпус судна). Вместе с тем вводятся специальные термины из области кораблестроения: форштвене, каравелла-латина, каравелла-редонда. Навигационные особенности судна описываются через компаративные сравнения (более пригодные и надежные). Характеризуя корабль, авторы монографии вводят эмоционально-оценочную лексику (идеальный, проворный, надежный) [Johnson, Nurminen 2007: 188], что придает сообщению оттенок субъективности. Достоверность и историчность тексту придает список имен мореплавателей, которые совершали путешествия на описываемых типах кораблей. Употребление качественных прилагательных и метафор позволяет сделать описание иллюстративным и наглядным. В рассматриваемых научно-популярных изданиях представлены фрагменты, которые мало напоминают научный стиль. По стилю изложения они близки к художественному произведению.

Художественность и эмоциональность тексту монографий придают цитаты из известных классических произведений. Например, одна из глав книги «История кораблестроения и навигации» начинается эпиграфом из пьесы В. Шекспира «Троил и Крессида». Отрывок из трагедии логически связан с материалом раздела, посвященного описанию солнечной системы и умению мореплавателей ориентироваться по звездам [Nurminen 2015: 143]. Раздел, описывающий триумфальную экспедицию Васко да Гама в Индию, завершается фрагментом из VI песни Л. де Камюэнса поэмы «Луизиана» [Nurminen 2015: 170]. Главу, посвященную описанию целей морских экспедиций в XVIII–XIX вв., предваряют слова из художественного произведения французского писателя М. Пруста «В поисках утраченного времени». Для привлечения внимания читателей из Финляндии авторы монографий обращаются к представителям национальной культуры, например, вводят информацию об экспедиции ученого-исследователя финского происхождения

ния Адольфа Эрика Норденшёльда. Подобная информация оживляет текст, повышает чувство гордости за свою страну, что влияет и на коммерческую успех изданий на книжном рынке.

В качестве заключения могу обозначить задачи, которые приходится решать переводчику при работе с научно-популярной литературой. Ими являются соблюдение особенностей научно-популярного подстиля в переводе, в первую очередь на синтаксической уровне; владеть специальной терминологией и научными понятиями; точно передавать культурно-исторические реалии; использовать средства художественной выразительности языка перевода (сравнения, метафоры, олицетворения), обладать широкой эрудицией, что особенно актуально при наличии в тексте отрывков художественных и публицистических произведений; точно и ясно излагать материал.

Литература

- Воронова А. В.* Научно-популярные тексты как объект функционально-стилистического анализа // Русистика. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-populyarnye-teksty-kak-obekt-funktsionalno-stilistichesk-og...> (дата обращения: 20.12.2022).
- Крылова О. А.* Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 1. Теория: учеб. пособие. М., 2006.
- Sorvali I., Häkkinen K.* Kieli muuttuu, entä käännöskieli? Teoksessa Riikonen, H. K., Kovala, U., Kujamäki P. & Paloposki, O. (toim.), Suomenoskirjallisuuden historia 2. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 2007: 376–386.
- Nurminen M.* Maailma piirtyy kartalle. Helsinki, J. Nurminen säätio, 2015.

КОДЕКС ВЕСТА: ТАЙНЫ СТАРИННОЙ ФИНСКОЙ РУКОПИСИ

Дементьева Александра Максимовна

заведующий отделом, Московский государственный лингвистический университет

В настоящем докладе мы рассматриваем основные особенности орфографии и грамматики рукописи XVI в. на финском языке, именуемой «Кодекс Веста» (Codex Westh), а также проблему авторства данного текста. Кодекс назван по имени, стоящем на последней странице, — Mathias Westh. В начале рукописи указана также дата — 1546 г.; манускрипт доподлинно является одним из четырех сохранившихся рукописных текстов, написанных до трудов Микаеля Агриколы (ок. 1510–1557), основоположника литературного финского языка. Кодекс состоит из 144 листов. На бумаге кодекса обнаружены водяные знаки, указывающие, что бумага была изготовлена во Франции в 1545 г. Значит, сама рукопись не может быть старше этого года, однако нельзя исключать и то, что тексты могли быть переписаны в нее из более ранних источников. По содержанию рукопись можно раздеть на три части. Первая — это требник, подробно описывающий все основные обряды, которые совершает священник (крещение, венчание, отпевание и другие). Скорее всего, он является компиляцией переводов шведского требника. Вторая часть — это месса, также переведенная. Третья часть — незавершенный перевод немецкого трактата авторства Урбана Хенрикуса Региуса. Кроме того, в кодексе приведены тексты гимнов на латинском, шведском и финском, которые исполняются на мессе, и ноты к ним. Это делает рукопись самым обширным собранием церковных песнопений периода Реформации в Финляндии. Многие из этих гимнов поют в финских церквях до сих пор. В настоящее время существуют три основные версии происхождения манускрипта. Согласно первой из них, священник Матиас Вест (ум. 1549 г.) исключительно последний владелец рукописи. Согласно второй, он был одним из многих создателей текста. Третья версия утверждает, что он являлся ее автором. О самом Весте и его жизни известно очень мало. Недостаток данных не позволяет с уверенностью опереться на какую-либо из названных теорий, но текст убедительно демонстрирует, что автор или авторы кодекса были носителями финского языка. Несмотря на то, что кодекс известен лингвистам не менее ста лет, до сих пор не существует системных исследований рукописи. В основном рассматривались отдельные особенности текста и хода богослужения раннего этапа финляндской Реформации. Анализ, представленный в докладе, не претендует на полноту, однако с его помощью можно сделать несколько интересных выводов. Мы провели исследование, сопоставляя кодекс с требником (1549 г.), авторство которого традиционно приписывается Микаелю Агриколе, «отцу литературного финского языка». Особое внимание мы сосредоточили на тексте, посвященном обряду крещения, который местами практически идентичен у обоих авторов. В результате анализа было сделано несколько основных выводов. Во-первых, рукопись Веста в некоторых моментах орфографически более точна. Так, гласные ä и e чаще записываются более последовательно и ближе к современному языку по сравнению с текстом Агриколы, ср.: *elemē* «жизнь» (Агрикола) — *elämä* (Вест); *ise* «отец» (Агрикола) — *isä* (Вест). Эти наработки Веста улучшают качество прочтения текста. Для иллюстрации достаточно сравнить два маленьких отрывка: *ia elkete kieldekö heite* «и не запрещайте им» (Агрикола) — *ja älkätte heitä kielkö* (Вест). Хотя следует отметить, что Вест не всегда использует последовательное написание, например, одно и то же слово может записываться по-разному (ср. *ylkae* и *ylkä* «жених»). Кроме того, порядок слов и выбор падежных форм в кодексе Веста приближен к устной форме финского языка. Хотя Агрикола, как известно, любил пословицы и часто использовал подлинно народную лексику в своих трудах, его тексты не всегда отличаются легкостью, будучи нагруженными кальками немецких и латинских синтаксических конструкций. Например, в отличие от Веста Агрикола использовал много «префиксов», нетипичных для финского, присоединяя наречие к глаголу на манер немецкого языка: у Агриколы *poisaia* «изгони», у Веста — *Aija vlgos*. Заслуживает внимание и употребление форм множественного числа в кодексе Веста. В XVI в. во время крещения было принято давать ребенку соль. У Агриколы об этом сказано так: *andakon sinulle Wijsaudhen Soolan* «...да дарует он тебе соль мудрости». Существительное *soola* исполь-

зовано в форме аккумулятива единственного числа. В то же время у Веста можно наблюдать фразу *andakon sinulle wisadhen suolat*. Как видно, слово *suola* употреблено в номинативе множественного числа. Это свойственно в первую очередь устному финскому языку, в котором распространены формы *mustikat*, *maidot* и тому подобные — то есть *numerus pluralis* для неисчисляемых существительных *mustikka* «черника», *maito* «молоко». Употребление формы *soolat* является одной из множества маленьких деталей, которые указывают на глубокое владение финским автором рукописи. Эти и многие другие особенности формируют самобытность «Кодекса Веста» и делают его значимым текстом в истории финского языка. Увы, исторические обстоятельства были не на стороне рукописи. Кодекс Веста мог бы оказать положительное влияние на развитие письменного финского языка, но манускрипт остался неизвестным широкой общественности. Долгое время он использовался и хранился в старинной церкви св. Маргариты, расположенной в приходе Вехмаа на юго-западе страны. Затем он был передан в Национальный архив Финляндии и оцифрован. Лингвисты могут ознакомиться с текстом на сайте Института языков Финляндии (*Kotimaisten kielten keskus*).

ЗНАЧЕНИЯ ПРИСТАВКИ BE- 'В' В НЕОЛОГИЗМАХ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА

Доловаи Доротья

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Категория приставок в венгерском языке является особой категорией. С одной стороны приставки относятся к древнему, финно-угорскому слою венгерского языка (глагольные приставки встречаются также в нескольких родственных языках), с другой стороны в истории языка в этой категории произошло очень много изменений: изменились формы приставок, а также их значения. В процессе изучения венгерского языка учащиеся сталкиваются с несколькими трудностями в связи с приставками: сначала они должны выучить правила употребления приставок (порядок слов в разных приставочных конструкциях, где и как отделяются приставки от глаголов), потом они познакомятся с их разнообразными значениями. Для русскоязычных учащихся некоторые значения приставок знакомы, приставки в венгерском могут выражать направление действия (это основное значение почти для всех приставок) и завершенность действия. Кроме таких значений приставки могут выражать разные залого, но также они участвуют в образовании новых слов, и при этом они приобретают особые значения, которые не понятны по значению глагола и приставки, они являются лексемами, которые также фиксируются в словарях. Разные значения приставки be- 'в' можно представить в виде следующей структуры [Kajdi 2020, Kajdi 2021]:

1. Движение или другое действие в пространстве, во внутри чего-то: befut a házba 'вбежать в дом', bevisz vmit a szobába 'внести что-то в комнату', benéz a konyhába 'смотреть в кухню'.

2. Полнота в пространстве как цель: bebútorozza a szobát 'обставить комнату мебелью', besárgul 'стать жёлтым', bejárja a várost 'обойти город'.

3. Движение или действие в пространстве в метафорическом смысле: bead oltást 'делать прививку'; beadja a gyereket az óvodába 'отдать ребёнка в детский сад', beír a naptárba 'записать в календарь', bejelentkezik az e-mailbe 'войти в почту', befejezi az olvasást 'закончить читать', begyűjti a pénzt 'собрать деньги', becsepegtet az orrába 'закапать в нос', bevacsorázik 'наедаться на ужин', bepálinkázik 'напиться палинкой', bevall 'откровенно признаться', betanul 'выучить, научиться', beszámol 'дать отчёт', beajánl 'предложить'.

4. Движение или действие без пространственного значения: bevásárol 'совершить покупки', berúg 'выпить слишком много, опьянеть' beszél 'делать грубое замечание', beránikol 'запаниковать', behisztizik 'впадать в истерику', beszerelmesedik 'влюбляться', bealszik 'крепко заснуть', beájul 'падать в обморок'. В последнее время многие лингвисты обращают внимание на то, что приставка be- 'в' всё чаще появляется в новых словах, и такие неологизмы распространяются с большой скоростью. Некоторые считают, что приставка be- 'в' стала такой продуктивной потому, что она имела меньше значений, чем другие приставки — поэтому она может приобретать новые значения. Но другие упоминают, что такая «мода» использовать приставку be- 'в' для образования новых слов не новое явление, уже в 1874 г. была опубликована статья о новых (для того времени) значениях приставки be- 'в' [Komáromy 1874a, 1874b].

Так как в наше время опять наблюдается тренд использования в новых словах приставки be- 'в', мне кажется интересным исследовать значения этой приставки, то, какие новые значения у неё появились с 1874 г., и как эти новые значения относятся к предыдущим значениям. О некоторых новых значениях такого рода уже можно найти публикации, недавно было описано значение «начало интенсивного чувства, состояния», например: besír 'начинать плакать, сильно и долго', beszomorkodik 'сильно огорчаться, впадать в депрессию', bereklámoz 'очень интенсивно рекламировать что-нибудь' (и некоторые примеры 4. группы).

В своём докладе я собираю глаголы с приставкой be- 'в' в Новом большом словаре венгерского языка, исследую, какие новые слова уже зафиксированы в этом словаре, и какие новые значения у этих слов. Анализирую, в каких значениях употребляется приставка be- 'в' в самых новых неологизмах венгерского языка.

Литература

A magyar nyelv nagyszótára. URL: <https://nagyszotar.nytud.hu>

Komáromy L. A „be” igekötő szerepe. Magyar Nyelvőr. 1874a.123–127.

Komáromy L. A „be” másodértékű használata. Magyar Nyelvőr. 1874b. 157–160.

Kajdi A. A be- igekötő nyomában I–II. 2020. URL: https://ponthu.blog.hu/2020/11/29/tampont_a_be_igekoto_nyomaba , https://ponthu.blog.hu/2021/01/23/tampont_a_be_igekoto_nyomaban

«КАРЕЛЬСКАЯ КУХНЯ» НА ТОПОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ

Захарова Екатерина Владимировна

научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Система географических названий отдельной карельской деревни представляет собой некий аналог современной навигационной карты, поскольку, помимо наименований природных объектов (а их, по данным Научной картотеки топонимов Карелии [КТК], вокруг одного населенного пункта может насчитываться более 400), она содержит конкретную информацию обо всех названных объектах (что ловится, что растет, какой это формы, размера, кому принадлежит и т. д.). И информация эта достаточно достоверна, а если на сегодняшний момент она не соответствует реальным физико-географическим характеристикам природных объектов, то это является поводом для поиска причин несоответствия — что могло произойти в окружающей среде с момента номинации, что привело к тем или иным изменениям.

К сожалению, для многих современных жителей Карелии топонимическая карта республики остается недоступной в силу разных причин. Основной из которых является утрата ключа или кода доступа — языка, на котором говорили номинаторы, и понимания того, какие народные представления стоят за тем или иным образом, использовавшимся для номинации географических объектов.

Тема традиционной карельской кухни в географических названиях представляет интерес, поскольку в последнее время гастрономический туризм является одним из наиболее актуальных и довольно привлекательных направлений.

«Кулинарная» тема в топонимии довольно обширна, ее можно разбить на следующие разделы:

- 1) «продуктовая корзина» — продукты питания, специи и вкусовые характеристики,
- 2) «блюда»,
- 3) «кухонная утварь».

При этом сквозь призму географических названий можно рассматривать пищевую культуру не только карелов, но и других коренных народов-номинаторов географических объектов Карелии.

Проведенное исследование показало, что довольно часто «гастрономические» названия в топонимии не относятся к кухне (на карте Карелии можно обнаружить и молочные озера, и кисельные берега, и даже хлеб с маслом, но это не всегда про еду).

В нескольких словах состав карельской «продуктовой корзины» можно охарактеризовать так: рыба, злаки, репа. И здесь все довольно однозначно: что где водилось/выращивалось, то и выносилось в название. Иначе обстоит дело с молоком и кисломолочными продуктами. «Молочными» могли становиться места дойки либо озера с повышенной цветностью. Карельская топооснова со значением 'сыворожка' фиксируется главным образом в названиях гидрообъектов и трактуется по-разному: по одним данным, это может свидетельствовать о прозрачности воды [Kuzmin 2014], другие связывают данную основу с прибалтийско-финским глаголом со значением «литься, сочиться», т. е. с кухней эта основа может быть и не связана, а в сыворотку превратилась с течением времени в результате народного переосмысления. Примерно то же произошло и с маслом — доприбалтийско-финская основа со значением «ручей», фонетически созвучная с карельским словом «масло», была усвоена, а затем переведена на русский в «масляном» виде.

Две следующие тематические группы: «Блюда» и «Кухонная утварь» представляют собой царство метафоры. С помощью названий блюд и предметов домашнего обихода метафорически могли передаваться различные свойства природных объектов: форма, размер, характер почвы, берегов, цвет, вкус, запах воды.

Анализ географических названий с «кулинарной» тематикой показывает, что разнообразие блюд на топографической «скатерти» Карелии не характеризует наш край как богатый, сытный,

с достатком. Как раз наоборот — каши и кисели часто становятся маркерами болотистых мест. Каши в названии также могли указывать на имя жителя (хозяина) и характеризовать его как недалекого человека. Многочисленные наименования выпечки и утвари, закрепившиеся в топонимии, свидетельствуют о разнообразии форм географических объектов и об удивительном свойстве наших предков видеть эти формы и давать им очень точные, естественные, говорящие названия.

Важным результатом проведенного исследования является то, что на топонимическом уровне проявляется «гастрономическая» разница между севером и югом Карелии, между карельским западом и русским востоком. Так, например, «гречневые» названия обнаруживаются только в Заонежье и Пудожье, а «пшеничные» совсем не фиксируются на севере. То, что в западной части Карелии обозначается с помощью названий каш и загуст (имеются в виду болота), на востоке будет названо киселем. Разнообразный ландшафт северной Карелии породил множество «кулинарных» метафор, которые в силу равнинного рельефа территории южной Карелии не найдутся на юге. На севере образ национальной карельской выпечки — калитки — в названии природного объекта будет, скорее всего, указывать на характерную форму природного объекта, а «калитки», которые обнаруживаются в Заонежье, будут связаны с диалектным словом, обозначающим «небольшой земельный участок, выгороженный среди земельного угодья одного хозяина или же отделенный межей в пределах одного обода — земельного владения, принадлежащего нескольким хозяевам» [СРНГ 12: 359].

Отметим, что Карелия не является изолированным регионом — даже на уровне «кулинарных» топооснов и моделей именования географических объектов прослеживаются устойчивые связи с прибалтийско-финским западом и северно-русским востоком.

Литература и источники

КТК — Научная картотека топонимов Карелии и сопредельных областей (хранится в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН).

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 12. Л., 1977.

Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki, 2014.

КОДОВОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Кондратьева Наталья Владимировна

профессор, Удмуртский государственный университет

В рамках антропоцентрической парадигмы развития современной гуманитарной науки проблема кодового переключения является одним из актуальных и широко обсуждаемых вопросов как в зарубежной, так и отечественной лингвистике последних десятилетий.

С точки зрения литературоведения, практика использования кодового переключения многие годы воспринималась как погрешность, неумение обходиться ресурсами одного языка для выражения мысли. Исследуемое явление как стилистический прием чаще всего применялся лишь для создания художественного образа, когда смешение языков в речи персонажа являлось эффективным способом передачи имплицитной информации о происхождении героя, его социальном статусе, эмоциональном состоянии, об особенностях коммуникативной ситуации в целом. Однако в последние годы явление кодового переключения можно трактовать как сложный процесс, требующий мастерства исполнения. Способность к переключению кода расширяет возможности говорящего/пишущего в решении коммуникативных задач благодаря высокому функциональному потенциалу данного лингвистического феномена.

Ярким примером здесь является творчество современных удмуртских писателей Е. Загребина, Б. Анфиногорова, Дарали Лели и др. На примере произведений указанных авторов можно выделить две группы функций кодовых переключений, представленных в художественном тексте: функция передачи информации и функция воздействия на читателя. Данные группы являются универсальными в условиях художественного билингвизма [Чиршева 2008], однако каждый национальный язык отражает свои особенности построения художественного текста.

Функция передачи информации в современной удмуртской литературе чаще всего реализуется через репрезентацию названий исторических и/или культурных реалий. Их главная задача — создать общий колорит времени или указать на культурные реалии из исторического прошлого, обозначить наиболее распространенные лингвистические реалии современности. Вторая группа функций кодовых переключений в художественном тексте связана с прямым воздействием на читателя. В текстах современных удмуртских авторов эта группа кодовых переключений представлена более разнообразно как количественно, так и качественно. Рассмотрим некоторые из них:

а) кодовое переключение как репрезентация особенностей использования удмуртского языка его современными носителями. Чаще всего исследуемое явление является показателем межпоколенческого сдвига в использовании удмуртского языка: Нет, это ко́чыш, ко́чыш. Витька ко́чышем зовет (Загребин 2012: 12). 'Нет, это кот, кот. Витька его ко́чышем (котом) зовёт'. Однако, в отличие от традиций многих современных авторов, в рассказе Дарали Лели «Удмурт декаданс» речь персонажей характеризуется чистотой языка, тогда как размышления автора целенаправленно маркируются кодовыми переключениями: И ми — навеки шаер лучезарных италмасов (Дарали Лели 2020: 105) 'И мы — навеки [остаемся] краем лучезарных италмасов';

б) кодовое переключение как элемент языковой игры, позволяющий акцентировать внимание на абсурдности ситуации: Огкылын, салонын трос соос, курегирующей (авторский неологизм от удм. курег 'курица') персонажъёс. Удмуртъёс быгато ук витыны (Дарали Лели 2020: 106). 'Словом, в салоне очень много персонажей, которые пытаются что-то создать (букв. снести). Удмурты умеют ждать'. Кодовое переключение как элемент языковой игры особенно ярко проявляется в поэтических произведениях Б. Анфиногорова;

в) кодовое переключение как акцентирование внимания на лексическом богатстве удмуртского языка, что достигается параллельным использованием одного и того же лексического значения на удмуртском, русском и других языках: Эн сюлмаське, friends, эшгъёс, друзья, / Мы-

нам ваньмыз мынэ радызъя (Анфиногенов 2015: 56). 'Не волнуйтесь, друзья (друзья — на английском, удмуртском и русском языках), / У меня все идет по плану';

г) кодовое переключение как усиление экспрессивности описываемого действия: Сям-зэ уг тодйськы ай. Удмурт манерен — «пось-те-пенно» кулэ, малпасько (Загребин 2012: 70). 'Я еще не знаю особенностей ее характера. Но, думаю, начинать необходимо по-удмуртски — постепенно'. Необходимо обратить внимание на то, что в творчестве указанных авторов наличие кодовых переключений как стилистического приема характерно прежде всего для тех произведений, в которых доминирует тема сохранения родных языков в современном мире. Таким образом, использование явления кодового переключения как стилистического приёма в художественных текстах современных удмуртских авторов позволяет выявить дополнительную смысловую нагрузку текста, определить тип его модально-эмоциональных смыслов, а также способствует репрезентации системы ценностей автора.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК № 21-512-23007.

Литература

Анфиногенов Б. Айшет будущего: кылбуръёс, поэмаос. Ижкар, 2014.

Дарали Лели. Удмурт декаданс // Туала удмурт проза: Антология. Ижевск, 2020. С. 104–108.

Загребин Е. Е. Гомась шунды: статьяос, зарисовкаос. Ижевск, 2012.

Чиршева Г. Н. Кодовые переключения в общении русских студентов // Язык, коммуникация и социальная среда: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2008. Вып. 6. С. 63–79.

ФОЛЬКЛОРИЗМ КАК СТИЛЕВАЯ ЧЕРТА ТВОРЧЕСТВА КОМИ ПОЭТА И. А. КУРАТОВА

Коровина Надежда Степановна

*старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН*

Проблема «Куратов и фольклор» имеет свою историю в национальной культуре. Она давно привлекала исследователей коми фольклора и литературы (работы А. К. Микушева, Ю. Г. Рочева, В. А. Латышевой и др.). Тем не менее, указанная проблема не утрачивает актуальности, т. к. имеет множество аспектов исследования. Цель данного доклада — рассмотреть истоки образования, оригинальность, национальное своеобразие художественно-изобразительных средств, которыми пользовался поэт при создании поэтического портрета женщины.

Нужно отметить, что при описании женской красоты художественные средства используются И. А. Куратовым более чем экономно. Наиболее часто в его произведениях встречаются простые эпитеты «мича», «муса». «Муса ныланой, мича аканьой...» (Милая девушка, красивая куколка), — так начинается одно из лирических произведений коми поэта, написанное им в 1862 году [Куратов 1989: 230]. Общеизвестно, что «мича» (красивая), «муса» (милая), а также «шондibanой» (солнцеликий) — самые употребительные художественные средства коми народной лирики. Сам И. А. Куратов писал: «югид шонди» (светлое солнце), «йон дзоридз» (шиповый цвет) составляют постоянные и роскошнейшие краски зырянской поэзии, в существование которой нельзя сомневаться, потому уже, что, как говорит латинская пословица, где народ, там и поэзия» [Куратов 1939: 44–45].

Одним из характерных особенностей фольклора является неразрывная связь человека с природой. В коми поэзии она чаще всего представлена в виде уподобления персонажей природным явлениям, в форме слияния образа героя с объектом природы. В основе такого отождествления обычно лежит метафора. При создании женского портрета И. А. Куратов довольно часто пользуется этим традиционным художественным приемом. Так, в своих стихотворениях кровь девушки поэт сравнивает с малиновой водой — «омидз ва кодь вир»; тело девушки с белым цветом перьев куропатки — «лыяс байдгос, тэ кодь еджидос; волосы девушки с мягкой шерстью бобра — «юрсисо сетома нылыслы мой» [Куратов 1989: 249–230].

Имеются стереотипы и более сложные по своей структуре. Комплексное построение художественного образа приводит к клишированной стабилизации уже довольно больших по объему текстовых фрагментов, в которых аккумулированы эстетические вкусы поэта, его представления о красоте, доброте, нравственных ценностях. Показательным в этом отношении является портрет женщины, созданный И. А. Куратовым в своих произведениях: «Омидз ва кодь вир! Шонди яй-лы пыр нылыслон тыдало!» (Кровь, похожая на малиновую воду! Солнце сквозь тело (букв.: мясо-кости) у девушки просвечивает!) Довольно оригинально звучит этот отрывок в переводе самого поэта: «У нее малиновая кровь, и солнце просвечивает сквозь тело и косточки ее, как сквозь пальцы ребенка!...» [Куратов 1989: 375].

Следует заметить, что куратовская формула красоты заимствована из фольклора. Женская красота, отраженная в атрибутивной формуле: «ку пырыс яйыс тыдало, яй пырыс лыыс тыдало, лы пырыс — вемыс» (сквозь кожу видно мясо, сквозь мясо видно кости, сквозь кости — костный мозг), является одной из самых употребительных в коми народных сказках, но встречается и в других жанрах коми фольклора (в лирической песне, пословицах и т. д.). Из других финно-угорских народов рассматриваемый стереотип встречается в севернокарельских и хантыйских сказках. Используется sporadически она и в русских сказках. «Мотив «прозрачных костей», по мнению Е. Н. Дувакина, получил широкое распространение в северных районах Евразии во многом благодаря русской колонизации, однако у самих русских вполне может быть проявлением финно-угорского субстрата» [Дувакин 2017: 24].

Семантику данной формулы красоты исследователи связывают с существованием в искусстве так называемого «скелетного», «рентгеновского» стиля, когда наряду с внешними де-

талями воспроизведены и внутренние органы. Первоначально этот прием использовался для символизации души животного, выступавшего в качестве тотемного предка. По мнению В. Косарева, лось (и олень) считался символом чистоты, поэтому «на древних уральско-западно-сибирских петроглифах он издревле изображался в «ажурном» («скелетном») стиле с просвечивающимися ребрами, а иногда и внутренностями. «Прозрачность» означала чистоту и красоту тела, и нередко «прозрачный» лось изображался под знаками солнца и небосвода, чем подчеркивалось особое место его в миропонимании местных народов [Косарев 1991: 142]. В целом же рассмотренный материал свидетельствует, что фольклор как вечный источник непрерывно развивающегося искусства неисчерпаем. Устная народная традиция хранится не в одном лишь фольклоре, она веками впитывается литературой, и если этого не учитывать, то многие литературные явления остаются непонятными и необъяснимыми. Иначе говоря, непрерывно возрастают возможности «скрытого» фольклоризма.

В области стиля фольклорные импульсы особенно активны, устойчивы и долговременны. Поэтому есть все основания предполагать, что и в процессе дальнейших исследований, в поле зрения ученых наряду с традиционными будут попадать незамеченные или недостаточно освещенные в науке свойства и возможности народной поэтики (пример с формулой «прозрачности»).

Литература

Дувакин Е. Н. Прозрачные люди: ареальное распространение некоторых представлений о красоте в Старом Свете // *Этнографическое обозрение*. 2017. № 4. С. 24–39.

Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М., 1991.

Куратов И. А. Лингвистические работы. Сыктывкар, 1939. Т. 2.

Куратов И. А. Коми гор (Голос коми). Сыктывкар, 1989.

«ДНЕВНИК ЧАЙНОГО МАСТЕРА» КАК АНТИУТОПИЯ В ПОДРОСТКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: К ТИПОЛОГИИ ГЕРОЯ

Мизонова Александра Николаевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Свой дебютный роман «Teemestarin kirjja» (в переводе Е. В. Богданова — «Дневник чайного мастера») Эмми Итяранта писала сразу на двух языках, финском и английском. В настоящее время он переведен более чем на 20 языков. Роман был номинирован на несколько литературных премий, а в 2022 г. по нему в Финляндии снят фильм «Хранитель воды» (Vedenvarija).

На книжном рынке «Дневник чайного мастера» традиционно аннотируется как экологическая антиутопия. Изучение антиутопии как литературного жанра в России началось в 70–80-х гг. XX в. с работ Б. А. Ланина и В. А. Чаликовой, но большая часть работ по исследованию типологии и особенностей языка появилось в конце XX в., а сейчас литературоведов интересует не только становление жанра в XX в., но и изменения тематики и системы образов персонажей антиутопии начала XXI в. [Костенкова 2019]. Антиутопию в финской литературе наиболее подробно изучила Х. Самола. Она отмечает, что жанр антиутопии занял свое место в финском литературном поле на рубеже XX–XXI вв., а в последние десятилетия завоевал признание в молодежной среде [Samola 2016: 10, 35].

Экологическая катастрофа, тоталитарный режим, пандемии становятся популярными темами и топосами young adult литературы, а в Финляндии жанр «Дневника чайного мастера» интерпретируется именно как антиутопия (а точнее, дистопия) для молодежи [Samola 2016: 30].

Подростковая антиутопия привлекает внимание и российских литературоведов, которые изучают сюжеты, мотивы и образ героя, общие для произведений, адресованных данной целевой аудитории, однако объектом их исследования является англоязычная литература. [Лекаревич 2016], [Бобровская 2022]. Представляется важным то, что Э. Итяранта изначально была нацелена на широкую читательскую аудиторию за пределами родной Финляндии. Поэтому интересно изучить, как герой романа, написанного для многокультурной читательской аудитории, коррелирует с каноническим образом. Цель работы: выяснить, насколько образ Нории в романе «Дневник чайного мастера» соответствует типичному образу героя (подростковой) антиутопии. Сопоставив частотные признаки антиутопии начала XXI в. [Костенкова 2019: 40–41] и типичные черты жанра подростковой антиутопии [Лекаревич 2016: 139–141], можно выделить следующие характеристики романа «Дневник чайного мастера»:

- 1) Действие происходит после глобальной экологической катастрофы.
- 2) Элементы идеологичности лексики в сочетании с темой власти военных создают картину тоталитарного государства. При этом автор не делает социальный конфликт основной темой романа, что дает основания уточнить жанр произведения как дистопию.
- 3) Используются элементы фантастики как способ создания образа будущего (к примеру, средства передвижения и технические приспособления).
- 4) Внеисторичность действия характерна для антиутопии вообще, но при этом временная перспектива героя подростковой антиутопии расширяется: изучая доступную ей информацию, она обретает историю.
- 5) Расширение места действия до спрятанного в горах источника является одним из способов расширения возможностей Нории.
- 6) Эпизод передачи тайны источника в год совершеннолетия Нории можно рассматривать как момент инициации, являющийся отправным моментом развития сюжета.
- 7) В романе происходит характерное для подростковой антиутопии понижение статуса взрослого: матери Нории пришлось переехать из-за работы в другой город, а ее отец умирает.
- 8) Нориа приходит к осознанию себя как личности, что характерно для подростковой ли-

тературы, но при этом ее образ — не типичный для антиутопии бунтарь или герой-воин в типологии героя подростковой литературы [Бобровская 2022: 19], идущий против системы и стремящийся к победе даже ценой собственной жизни [Лекаревич 2016: 140].

- 9) Также можно отметить следующие нетипичные черты:
- а) расширение места действия в романе оказывается мнимым,
 - б) понижение статуса родителей неоднозначно,
 - в) альтруизм Нории оказывается по большей части вынужденным,
 - г) а бунта как такового не происходит. Проанализировав образ главного героя романа «Дневник чайного мастера», можно сделать вывод, что деятельность Нории направлена не столько на бунт против системы и отказ от игры по правилам правящего режима, сколько на познание себя как личности и осознание мира, в котором она живет. Таким образом, образ главной героини романа не является типичным для подростковой антиутопии.

Литература

- Бобровская П. В. Подростковая литература постсоветского периода // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 2. С. 16–20.
- Костенкова В. В. Антиутопия начала XXI века в динамике жанровых трансформаций. (На правах рукописи) Дисс. канд. филол. наук: 10.01.01. Кубанский государственный университет, Краснодар, 2019.
- Лекаревич Е. В. Маскульт для подростков: жанр антиутопии // Детские чтения. 2016. №1 (9). С. 135–151.
- Samola H. Siniparran bordelli. Dystopian ja sadun lajiyhdistelmät romaaneissa Berenikes hår, Huorasatu ja Auringon ydin. Tampere, 2016.

ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ВОКАЛИЗМА

DIALECT DIFFERENCES OF THE KARELIAN LANGUAGE IN THE SYSTEM OF VOCALISM

Новак Ирина Петровна

старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

В последние годы для карельского языка с новой силой актуализировалась проблема «язык или диалект», имеющая более чем полуторавековую историю. Под сомнение поставлено устойчивое в российской финнистике представление о выделении трех карельских наречий: собственно карельского, ливвиковского и людиковского. Кроме того, теоретически доказана несостоятельность традиционной диалектной классификации карельского языка, в основу которой был положен экстралингвистический (административный) принцип, см. [Новак 2022a]. Необходимость решения проблем карельской диалектологии и разработки лингвистически обоснованной диалектной классификации карельского языка заставила обратиться к различным диалектометрическим методикам, способным анализировать большие объемы диалектных данных.

Главные единицы диалектного членения традиционно выделяются на основе соотносительных явлений фонетического характера (опорные черты). В докладе планируется представить результаты исследования вокалической системы карельского языка с помощью инструмента «Анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок. Алгоритм был применен к материалам «Сопоставительно-ономасиологического словаря карельского, вепсского и саамского языков», отражающего базовую лексику (около 1,5 тыс. лексем) 24 говоров собственно карельского (15 говоров), ливвиковского (6 говоров) и людиковского (3 говора) наречий карельского языка. Данные для словаря были собраны в 1979–1981 годы исключительно в условиях экспедиционной работы [СОСД].

Инструмент «Анализ когнатов» сравнивает материалы говоров, в том числе, по начальным гласным, гласным первого слога и гласным второго слога, находит надежные ряды соответствий, сопоставляет их между собой и рассчитывает расстояния между говорами, распределяя их по группам. Результаты сравнения программа предоставляет в виде таблицы с подробными списками соответствий, работа с которыми позволяет выявить основные фонетические диалектные различия и определить позиции их функционирования, см. [Новак 2022b].

Анализ раздела таблицы по вокализму позволил определить ряд междиалектных соответствий, к которым относятся особенности систем восходящих и нисходящих дифтонгов, долгих гласных, конечная огласовка имен, а также явления синкопы и лабиализации гласных, выявленные в ряде говоров. На основе этих данных можно говорить о трех группах говоров, которые совпали с делением языка на наречия:

1. Группа собственно карельских говоров (Княжая, Кестеньга, Калевала, Вокनावолок, Тунгуда, Реболы, Ондозеро, Паданы, Юстозеро, Койкары, Селище, Валдай, Весъегонск, Толмачи), для которой характерно представительство первоначальных гласных и восходящих дифтонгов на конце начальных форм имен, использование дифтонгов *uo*, *yö*, *ie* и долгого гласного *ii* в ударном слоге слова, а также дифтонга *ie* на конце форм I инфинитива глаголов, сохранение нисходящих дифтонгов на *i* в позиции перед переднеязычным щелевым согласным и утрата ими второго компонента в безударных слогах, а также последовательное соблюдение закона гармонии гласных;

2. Группа ливвиковских говоров (Проккойла, Колатсельга, Ведлозеро, Видлица, Олонец), которым свойственны отсутствие лабиализации в ударном слоге, конечные *u*, *y* в началах формах имен с основой на *a*, *ä* и долгим первым слогом, возможность изменения качества второго компонента долгих гласных и нисходящих дифтонгов на *u*, *y* первого слога, нисходящие дифтонги на конце имен, утрата нисходящим дифтонгом на *i* второго компонента в положении перед переднеязычным щелевым согласным;

3. Группа людиковских говоров (Галлезеро, Михайловское), в которых как и в вепском языке произошла утрата конечного гласного начальными формами имен с основой на а, ä и долгим первым слогом, долгие гласные ударного слога имеют тенденцию к сужению, восходящие дифтонги *ua, iä, uo, yö, ie* употребляются исключительно в ударных слогах, далее в слове они не представлены. Кроме того, группа характеризуется возможностью утраты тембрового сингармонизма.

Не вошли ни в одну из групп три говора:

- Держа, наиболее близкий по вокализму к южнокарельским говорам собственно карельского наречия (Реболы, Паданы, Юстозеро, Вельсегонск, Толмачи);
- Кондуши, максимально близкий к ливвиковским говорам Проккойла, Видлица и Олонец;
- Святозеро, обнаруживающий наименьшее число отличий с людиковским говором Галлезеро и ливвиковским говором Олонец.

Аналогичным образом в дальнейшем предполагается выявить основные диалектные маркеры карельской речи в области консонантизма. Сопоставление результатов позволит уточнить границы распространения диалектных явлений в области фонетики и вплотную подойти к решению актуальных проблем карельской диалектологии.

Литература

Лингвистическая платформа ЛингвоДок. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/>

Новак И. П. Проблемы диалектной классификации карельского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022а. № 2. С. 204–2013.

Новак И. П. Распределение переднеязычных щелевых согласных в говорах карельского языка Средней Карелии (на основе применения алгоритма «анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок) // Урало-алтайские исследования. 2022b. № 2. С. 79–105.

СОСД — Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского и саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007.

ДОЛГИЙ ЗВУК В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ — ЭТО ФОНЕМА? ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Новикова Ярослава Владимировна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Статус долгого звука в финском языке — один из распространенных вопросов студентов-филологов. Составленные финскими исследователями фонетические карты финского языка не выделяют долгие гласные и согласные звуки в качестве фонем [Lieko 1992: 175, 186]. Как известно, при выявлении фонемы любого языка не всегда ясно, идет ли речь о двух фонемах, о двух разнодолготных аллофонах одной и той же фонемы или же о двух равнодолготных аллофонах одной и той же фонемы, произнесенных, например в случае с финским языком, слитно. Отдельную проблему составляют отличные друг от друга определения термина «фонема» в рамках разных фонологических школ. Вопрос о долгих звуках и их статусе фонемы в финском языке представляет не только теоретическое, но и лингводидактическое значение. Если долгие и краткие звуки в финском языке образуют фонологическую оппозицию, как, например, твердые и мягкие согласные в русском языке, и характеризуются свободной дистрибуцией, то почему, в отличие от русского языка, фонологическая оппозиция и свободная дистрибуция являются недостаточными основаниями для выделения долгих звуков в фонемы в финском языке? Неопределенная картина языкового явления вызывает трудности в понимании явления, а значит, и в его практическом применении. Финская орфография является одновременно и ответом на предыдущий вопрос и фактором, затрудняющим понимание сущности долгого звука финского языка. Не нуждающаяся в транскрипции финская фонематическая орфография — результат работы языковой комиссии по унификации и обновлению грамматики, лексики и орфографии финского литературного языка во 2-й половине XIX в. То есть носители финского языка, в отличие от носителей, например, венгерского языка, обозначающих на письме долготу с помощью диакритических знаков, или носителей германских языков, в которых долгота может являться следствием фонетического окружения и специально качественно оформляться орфографически, мыслят на протяжении по крайней мере двухтысячелетней истории финского языка долгие звуки именно как двойные, т. е. как один и тот же аллофон, произнесенный два раза без паузы с долготой 1×2 [Lieko 1992: 95], что подтверждается орфографической нормой передачи долгих звуков, принятой в XIX в. В чем же тогда проблема? Неужели трудно научить и научиться читать написанные двумя одинаковыми буквами долгие звуки в два раза дольше, чем звуки, обозначенные на письме одной буквой? Оказывается, трудно, вследствие неточности фонетической и лингводидактической терминологии и неизвестной величины исходной долготы X, которая в долгом звуке умножается как минимум на 2. У обучающегося уже может быть свое представление о долгих и кратких звуках на основе уже знакомых ему иностранных языков и отличное от понимания явления в финском языке. В таких случаях описание звуков и их долготы с помощью терминов оказывается вводящим в заблуждение уже на первом занятии вследствие вызванной неточностью терминов интерференции образов долгого звука, почерпнутых из других языков. В изданных в Финляндии учебниках финского языка как иностранного используются термины «долгий/краткий гласный/согласный» (фин. pitkä/lyhyt voakaali/konsonantti), вступающие в противоречие с орфографической нормой финского языка. Финноязычные эквиваленты русскоязычных терминов «двойной/парный гласный/согласный», «одиночный/одинарный гласный/согласный», иногда используемых при преподавании финского языка на русском языке и точно соответствующих орфографической норме финского языка, в указанном виде учебников не используются. Это создает проблему при освоении обучающимися долготы финских звуков, т. к., например, в английском языке, наиболее распространенном в качестве иностранного языка среди обучающихся, долгий и краткий звуки значат не то же самое, что в финском. Кроме того, используемая в финских учебниках в некоторых случаях и широко используемая применительно к финскому языку в университетах Финляндии система транскрибирования МФА также корректирует в сознании обучающегося процесс

формирования на основе орфографии, — а знакомство с финским языком начинается именно с орфографии, т.е. с правил чтения, — образа долгих и кратких гласных и согласных именно как двойных и одиночных звуков (ср. с системой транскрибирования УФА), что приводит к бессознательному проецированию обучающимся явления долготы, например, английских звуков на природу долготы финских звуков. Экспериментально это можно проследить, предложив студентам прослушать аудиозапись речи носителя финского языка с расшифровкой. Впоследствии студентам предлагается проанализировать прослушанное на предмет долготы звуков. Так, некоторым студентам долгий звук представляется двойным звуком (1×2), что соответствует общественному орфографическому договору, другим же — полуторным, одинарным или геминатой, продолжительность задержки размыкания которой может также казаться неопределенной (1:X). Минимальные предлагаемые решения проблемы освоения обучающимися явления долготы звуков финского языка:

- 1) уточнение и унификация терминологии;
- 2) выделение большего количества часов на вводный курс фонетики финского языка в начале обучения и интеграция на занятиях понятийного аппарата фонетики и фонологии финского языка в понятийный аппарат общей фонетики и фонологии;
- 3) привлечение лабораторных данных (диаграмм) в качестве наглядного материала, их прочтение и анализ совместно со студентами;
- 4) моделирование единого образа долгого звука на основании уточненного, унифицированного и интегрированного фонетического и фонологического понятийного аппарата и лабораторных данных с обязательной опорой на орфографическую традицию финского языка;
- 5) отказ от транскрибирования финских слов в системе МФА;
- 6) отработка долготы звуков на материале исключительно финских слов, а не искусственных конструкторов, с просодической характеристикой слов.

Литература

Lieko A. Suomen kielen fonetiikkaa ja fonologiaa ulkomaalaisille. Loimaa, 1992.

МОДЕЛИ АДАПТАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РЕЧИ ВЕНГРОВ ВОЕВОДИНЫ (СЕРБИЯ) И ПРЕКМУРЬЯ (СЛОВЕНИЯ)

Пилипенко Глеб Петрович

старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

В докладе будут представлены модели адаптации существительных, прилагательных, глаголов и наречий, заимствованных из сербского и словенского языков в венгерский язык Воеводины (Сербия) и Прекмурья (Словения). В упомянутых регионах проживают представители венгерского миноритарного сообщества, венгерский язык признан официальным, существует образовательная система с преподаванием на венгерском языке, функционирует ряд одноязычных и двуязычных СМИ. Материал для анализа был собран автором в результате серии экспедиций в Сербию (2012–2019 гг.) и Словению (2010–2014, 2018 гг.): были записаны полуструктурированные интервью с представителями венгерской общины в разных населенных пунктах Воеводины и Прекмурья. Установлено, что славянские лексические элементы могут быть включены в венгерскую речь с использованием венгерских формантов, без использования венгерских формантов (в исходной форме), а также с использованием формантов из языка-донора. В случае присоединения венгерских формантов адаптация происходит по правилам венгерского языка. Использование венгерских формантов при заимствованных существительных, прилагательных и глаголах фиксируется в следующих примерах: *elmentem az uprávna enotá-ra* (администрация-SUP) (я пошел в администрацию) (словен. *upravna enota* — администрация, административное учреждение); *elmentem a boltba és vettem egy vrecská-t* (пакет-ACC) (я пошел в магазин и купил пакет) (словен. *vrečka* — пакет); *viszont a rádió az kizárólag csak magyarul, a noviszád-i* (Нови-Сад-ADJ) *rádiót hallgatunk* (а радио исключительно только по-венгерски, мы слушаем новисадское радио).

Не используются венгерские форманты в позиции подлежащего: *rendes út se volt itt, az a turszká káldrmá, ami volt* (регулярной дороги не было здесь, была камнями выложена брусчатка) (серб. *turska kaldrma* — брусчатка); *kicsit érzik az orosz náglászák, de jó, jó* (немного чувствуется русский акцент, но хорошо, хорошо); *még a zdravszteni dom, ahol szesztra segített* (и поликлиника, где помогала медицинская сестра) (словен. *zdravstveni dom* — поликлиника, *sestra* — [медицинская] сестра); *viszont kocsiban mindig horvátországi Narodni radio be van kapcsolva* (а в машине всегда включено хорватская [радиостанция] Narodni Radio) (хорв. *Narodni radio* — Народное радио). В данной синтаксической позиции славянские включения не проявляют признаков словоизменения, т. е. являются *bare forms*. При этом славянские вкрапления могут снабжаться венгерским определенным артиклем. Отдельно предполагается рассмотреть в рамкой данной модели интеграции славянские формы, которые в венгерском языке необходимо снабжать показателями, однако они остаются в исходной форме, в какой функционируют в аналогичных синтаксических позициях в славянских языках: *Az valamikor Jugoszláviá-nak* (Югославия-DAT.) *volt dan* (день-NOM.MASK) *republike* (республика GEN.FEN), *és mikor akkor volt a disznótor* (это когда-то был день республики Югославии, и тогда забивали свиней) (серб. *dan republike* — день республики); *A na selu brzo se smrači, brzo su se skupili pa kukuruz* (кукуруза — ACC.MASK.) *morzsolták* (очищатьPRF.3PL.), *még minden, énekeltek* (а в селе быстро темнеет, быстро собрались и очищали кукурузу, пели) (серб. *kukuruz* — кукуруза). В частности, не присоединяются показатели притяжательности *-(j)a/-(j)e* окончание винительного падежа *(-t)*.

Использование формантов из славянских языков-доноров отмечается у тех билингвов, которые проживают в доминантной славянской среде и используют венгерский язык не во всех сферах общения. Отмечены случаи как у одиночных вкраплений, так и у предложно-падежных групп: *Úgyhogy hetente két három órán keresztül sajátít-(o)-tt-uk el a ... nyelvtant, ugye, gramatiku, nyelvtant, igen* (усвоить-PRF.1PL.DET PREF грамматика-ACC.DET, правда, грамматика-ACC.FEM), *ahogy a magyart tanultuk* (так что каждую неделю в течение двух-трех часов мы усваивали ... грамматика, правда, грамматику, да, как мы учили венгерский) (серб. *gramatika* — граммати-

ка); Ott élte át az életét és mikor kap-(o)-tt át... prekomandu (получить-PREF.3S направление-ACC. FEM.), akkor Újvidékre rakták őket (там он жил и когда получил направление, тогда их отправили в Нови-Сад) (серб. prekomanda — направление); A férjem Lastovoi születésű, Dalmáciába ez körülbelül a legmesszebb sziget, u Jadranskom moru (в Адриатическое-LOK.NEUT.море-LOK.NEUT.), ott született (мой муж родился на острове Ластово, в Далмации, это приблизительно самый дальний остров, в Адриатическом море, он там родился) (серб. Jadransko more — Адриатическое море).

В докладе будут также подробно рассмотрены способы адаптации славянских глаголов при помощи венгерских формантов -l-, -z-: nekem az nem szmétá-l-t (мешать-PREF.3SG) (я говорю, были также цыгане, мне это не мешало) (серб. smetati — мешать); azt mondják Újvidéken, hogy császti-z-ni (угостить-INF), meg-császti-z-lak (PREF-угостить1SG.ACC.2SG.) (например, в Нови-Саде говорят угощать, я тебя угощаю) (серб. častiti — угощать). Глаголы с формантом -z имеют окончание -ik в 3 л. ед. ч. наст. вр. У них заметны реликты сербских основ: сохраняется тематический гласный -a/-i, показатель сербского инфинитива -ti отсутствует, вместо него присутствуют венгерские форманты. Закономерностей в распределении формантов — l и -z у заимствованных глаголов нам установить не удалось. О колебании при их дистрибуции свидетельствуют параллельные формы от глаголов с одним и тем же славянским тематическим гласным: словен., серб.: zeza-ti — zezá-l, zezá-z (подкалывать, подшучивать).

Адаптационные процессы, характерные для инкорпорирования сербизмов в венгерский язык (Воеводина), характерны и для словенизмов (Прекмурье). Установлено, что среди славянских вкраплений больше всего существительных, гораздо меньше фиксируется прилагательных, наречий и глаголов, что согласуется с универсальными тенденция в контактных ситуациях.

УЧЕБНЫЕ КНИГИ ПЕДАГОГА АНТОНА ЛАРИОНОВА В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ УДМУРТСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Федорова Любовь Петровна

доцент, Удмуртский государственный университет

История учебной книги для младших школьников по удмуртскому языку и литературе представляет интерес с точки зрения развития педагогических тенденций в национальном образовании, а также становления детской литературы. В центре нашего исследования книги для чтения Антона Ларионова (1882–1958) — удмуртского просветителя, выпускника Казанской инородческой учительской семинарии. Педагогическую деятельность он начал в 1902 году в должности учителя Титовской школы родного края. Всю свою жизнь он посвятил делу просвещения: работал в Шарканской, Ляльшурской земских школах, Шарканской ШКМ, был инспектором училищ в Сарапуле, работал в Якшур-Бодьинском двухклассном училище, преподавал в Коммунистическом вузе, на курсах заводского партактива и советского строительства, в Ижевском медицинском училище

Опытный педагог в годы становления советской системы образования 1920–30-е годы подготовил и издал одиннадцать учебных книг для удмуртских школ, среди них буквари для детей: «Муш» («Пчела», 1924), «Пичиос» («Малыши», 1926), «Колхоз бусы» («Колхозное поле», 1930), «Пиал ударник» («Молодой ударник», 1931); буквари для взрослых «Выль улон» («Новая жизнь», 1925), «Вуоно улон — огъя улон» («Будущая жизнь — коллективная жизнь», 1924); серия книг по чтению для школ 1 ступени «Ужаса дышетскон мылкыд» («Желание учиться, трудясь») [Ларионов 1927, 1928а, 1928б] и другие.

С точки зрения развития удмуртской детской книги интерес представляют, прежде всего, учебники по чтению для первого, второго, третьего года обучения под названием «Ужаса дышетскон мылкыд», разработанные по требованиям комплексных программ единой трудовой школы, в которых учебный материал располагался комплексно по трем блокам: природа, человек, общество. Большая часть разножанровых учебных текстов, по нашим подсчетам примерно две трети, написана автором Антоном Ларионовым. Его работа в области детской литературы связана с его педагогической деятельностью, с практическими потребностями народного образования тех лет. Очевидно, что детская литература, являясь искусством слова, неразрывно связана с педагогикой, состоянием просвещения эпохи.

Основное место в книгах для чтения «Ужаса дышетскон мылкыд» занимают небольшие познавательные тексты, в которых наиболее ярко проявился талант Антона Ларионова как популяризатора научных знаний. Жанр удмуртской научно-познавательной литературы в начале XX столетия находился на этапе зарождения, можно назвать отдельные произведения, точнее тексты в учебных книгах просветителей-педагогов Г. Верещагина (1851–1930), И. Михеева (1876–1937), И. Яковлева (1881–1931), статьи в первых удмуртских газетах «Виль син» («Новое око») и «Гудыри» («Гром»). Жанровый и тематический диапазон произведений в учебных книгах Антона Ларионова разнообразен, автор создал и включил короткие рассказы, зарисовки, пьесы, загадки, собственные сказки, песни, стихи о временах года, сезонных работах на селе, детских забавах, технике и орудиях труда, животноводстве и земледелии, о переустройстве социальной жизни в деревне и школе, гигиене, о новых советских праздниках и вождях и др. Фольклорные жанры, кроме загадок, представлены в очень ограниченном количестве. Поэтические произведения Антон Ларионов взял у своих собратьев-современников по перу, среди них стихотворения И. Векшина, А. Бутолина, Ашальчи Оки, И. Дядюкова, Багай Аркаша, Кузубая Герда и др., собственных поэтических текстов около двадцати пяти. Публицистические тексты отобраны из газеты «Гудыри» и русскоязычных детских краеведческих книг в переводе.

Природоведческие познавательные рассказы А. Ларионова о птицах, насекомых, зверях, деревьях, зерновых культурах, явлениях природы отличаются доступностью и увлекательностью, лаконичностью, образностью, динамичностью сюжета и звукописью. Информационная и эмоциональная насыщенность, занимательные формы, своеобразное сочетание дидактиче-

ских и художественных компонентов характерна для познавательных текстов о новой технологии земледелия и животноводства, о промыслах, календарных семейных занятиях взрослых и детей, о самоорганизации школьной жизни. Педагог, зная ведущий вид деятельности младших школьников, написал занимательные тексты об играх детей в разные времена года. Одним из важнейших элементов воспитания в духе народности удмуртский педагог считал знакомство с родиной. Этой цели служили материалы по географии и истории края: от своей околицы до столицы, далее знакомство с другими странами.

Принцип повествования в текстах А. Ларионова отвечает эстетике реализма, описание правдивое, язык точен, ясен, повествование чаще ведется от обезличенного повествователя, взрослого идеального наставника, направленное на воспитание столь же идеального ученика. Правдоподобность усиливается еще за счет текстов, рассказанных от первого лица, обозначенных в подзаголовии текста: рассказ ученика, письмо школьников, рассказ одной крестьянки, рассказ от кооператора.

Таким образом, заслуга А. З. Ларионова заключается прежде всего в развитии познавательной литературы для детей о природе, науке, технике, обществе, в обогащении жанров чтения удмуртских школьников, в утверждении языковых норм литературно-педагогических книг, в становлении реалистического направления удмуртской детской литературы. Природоведческая тематика является ведущей в его учебных книгах, но большое внимание уделяется автором теме детских коллективов и производственного труда, теме преобразования, практикоориентированной деятельности детей, которые своим трудом могут изменить окружающий их мир.

Литература

- Ларионов А. З. Ужаса дышетскон мылкыд: для второго года обучения в вот. шк. I-й ступени. Ижевск, 1927.*
- Ларионов А. З. Ужаса дышетскон мылкыд: для первого года обучения в вот. шк. I-й ступени. Ижевск, 1928а.*
- Ларионов А. З. Ужаса дышетскон мылкыд: для третьего года обучения в вот. шк. I-й ступени. Ижевск, 1928б.*

ПЕТЕР ДОМОКОШ ОБ ИСТОРИИ И КЛАССИФИКАЦИИ УРАЛЬСКИХ ЛИТЕРАТУР

PETER DOMOKOSH ON THE HISTORY AND CLASSIFICATION OF URAL LITERATURES

Шкляев Александр Григорьевич

доцент, Удмуртский государственный университет

Профессор Будапештского, а также Почётный профессор Санкт-Петербургского университета Петер Домокош (1936–2014) всю свою жизнь посвятил изучению уральских литератур. Его труды для финно-угроведов имеют не только собственно научную, но и методологическую значимость при исследовании проблем мировой и отдельных национальных литератур [Domokos: 3]. Как считает П. Домокош, понятие «национальная литература» так же трудно определимо, как и понятие «мировая литература». Сам он склонен считать за начало литературы любой письменный памятник, включая «грамматики языков», если они предшествовали собственно письменным памятникам со связным текстом. Относительно периодизации истории литератур малых уральских народов П. Домокош также имеет свое мнение. Он против того, чтобы то или иное знаменательное историческое событие, иногда значительно повлиявшее на судьбы литератур, автоматически становилось отправной точкой при периодизации такой специфичной формы общественного сознания, как литература. Не отрицая роли исторических событий в развитии литератур, П. Домокош считает, что поворотным пунктом в литературе должно быть литературное событие. Не 1917 год, например, начало третьего этапа истории удмуртской литературы, а 1915–1919 — годы издания драмы Кедре Митрея «Эш-Т'эрек» и выхода первых коллективных сборников удмуртских стихотворений [Домокош: 91].

Обрисовывая индивидуальные повороты каждой национальной литературы, П. Домокош ищет их общие черты: у каждой литературы они проявляются своеобразно. Известно, например, что основой каждой из национальных литератур стал фольклор, но сам фольклор народов неоднороден, и характер его взаимоотношений с зарождающимися письменными традициями далеко не однотипный. Нередко, считает учёный, первые авторские произведения появлялись под влиянием всеобщей литературы или при посредничестве русской. В развитии почти всех малых уральских литератур П. Домокош видит два крупных этапа — до и после 1917 г. «Все малые уральские литературы — это литературы народов, которые жили в России на положении “инородцев”, и “великие волны всеобщей культуры” (идеологические и художественные, как например, Возрождение, Просвещение, Романтизм) даже не дошли до них, не говоря уже о том, что у них вообще не было соответствующей среды для восприятия этих явлений)» [Домокош: 97]. Поэтому идеология, на почве которой появлялись первые письменные памятники, «имеет двойственный характер (отчасти замкнутый на национальность и язычество, отчасти находящийся под влиянием православной церкви)» [Домокош: 98]. Что касается «ускоренного развития» от фольклора до «соцреализма» малых уральских литератур, Домокош несколько иронично называет его «большим скачком», поскольку временами достигалось оно «силовым ускорением», что нередко приводило к некоторым деформациям художественных явлений. Но, в целом, Домокош признаёт, что малые уральские литературы постепенно, последовательно и фундаментально создают свою духовность из сокровищницы многотысячелетних достижений человечества [Домокош: 98]. Анализируя пласты мировой культуры, освоенные этими литературами, рассматривая переводы из других языков, учёный приходит к выводу, что они пока всё же недостаточно разнообразны и уже восприняты через русский язык без знания первоисточников, и обычно переводится один и тот же круг авторов. Если определяющим дух литературы фактором до 1917 г. была Библия, то после Октября ее заменили труды Маркса, Энгельса, Ленина, партийные резолюции и сочинения ограниченного круга писателей. Даже внутри языковой семьи, замечает Домокош, иногда до сих пор нет никаких связей (например, между селькупской и саамской или между вепсской и мансийской). Но вместе с тем, Домокош делает ряд остроумных наблюдений о характере рецепции одной литературы другой финно-угорской ли-

тературой. Разными путями идет и восприятие своего фольклора. В этом, смысле малые уральские литературы также проходят развитие от псевдоисторических и псевдонародных начал до формирования действительно национальных традиций. Во-первых, у всех у них проявляется сильное стремление воссоздать задним числом пропущенные или кажущиеся пропущенными ступени. Это стремление может быть как инстинктивным, так и сознательным: например, создание своего героического эпоса воплощает желание оставить свой индивидуальный след перед окончательным слиянием с «интернациональным». Поэтому у всех у них, почти без исключений, считает венгерский учёный, эпос означает намного больше, чем просто один из жанров литературы: он несет еще и дополнительный идеологический, политический, художественный и, главным образом, национальный смысл. Свой эпос создали мордва («Сияжар»), удмурты («Песнь об удмуртских батырах»), коми («Биармия»); финны и карелы («Калевала»), марийцы С. Чавайн, Олык Ипай, О. Шабдар тоже подготовили рукопись «Песен о богатыре Чоткаре», но она была утеряна после того, как их авторы были репрессированы. Члены седьмой группы, считает ученый, не дошли «до того уровня осознания общности и организации литературы, который привел бы к созданию эпоса». Говоря об общих героях уральских литератур Домокош выявляет их отличительные особенности, обусловленные историей народа, его географическим местом проживания, характером культуры и религии соседних народов.

Литература

Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / пер. с венг. [В. Васовчик]. Йошкар-Ола, 1993.

Кубанцев Т.И. Формирование раннемордовской литературной системы в научной рефлексии П. Домокоша // Финно-угорский мир. 2016, № С. 25–29.

Domokos P. Az udmurt irodalom tortenete. Budapest: Domokos Peter. Az udmurt irodalom tortenete. Budapest, 1975.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТОНАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ИРОНИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Кочеткова Ульяна Евгеньевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Евдокимова Вера Вячеславовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Скрелин Павел Анатольевич

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Качковская Татьяна Васильевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Целью настоящего исследования является установление акустических характеристик, отличающих различные интонационные модели русского языка при выражении иронии от реализации этих моделей в нейтральной речи. Исследование проводится на материале корпуса лабораторной иронической речи, записанной на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ. При создании данного корпуса была разработана специальная методика, в соответствии с которой дикторам предлагался материал для чтения, состоящий из мини-текстов и мини-диалогов, в которых целевые омонимичные фрагменты были включены в контексты, предполагающие ироничное прочтение либо прочтение без иронии. На следующем этапе материал апробировался в ходе перцептивных аудиторских экспериментов. Участникам эксперимента предлагалось соотнести вырезанный из аудиозаписи целевой фрагмент с одним из вариантов текста (предполагающим ироничное или нейроничное прочтение). В ходе первичного статистического анализа выбирались целевые фрагменты с иронией, которые были опознаны большинством аудиторов, и для которых омонимичный нейтральный фрагмент в произнесении того же диктора был также опознан правильно большинством аудиторов. Далее проводился сравнительный акустический анализ выбранных целевых фрагментов, статистическая значимость полученных данных проверялась с помощью t-критерия Стьюдента. Подобный анализ был проведен для каждой из моделей. Кроме того, был осуществлен и анализ частотности различных интонационных моделей в иронических и нейронических высказываниях. При проведении интонационной аннотации была использована система, разработанная Н. Б. Вольской [1, 2], представляющая собой расширенный и дополненный вариант системы интонационных контуров Е. А. Брызгуновой [3]. Далее проводилось установление перцептивной релевантности полученных акустических характеристик с помощью методов модификации отдельных просодических параметров и ресинтеза мелодического контура в целом. Для этого были проведены изменения в сигнале с помощью программ Praat и Wave Assistant. Модификации включали в себя изменения длительности, уровня интенсивности по отдельности и в совокупности, а также пересадку мелодического контура из нейтральных высказываний в иронические и, наоборот, из иронических высказываний в нейтральные. Далее проводилась дополнительная серия перцептивных экспериментов, в который аудиторы, так же, как и в предыдущих экспериментах, должны были соотнести звучащий (уже модифицированный стимул) с одним из предложенных контекстов. Эксперименты как с исходными, так и с модифицированными стимулами проводились с использованием экспериментальной платформы SoSciSurvey.de. Ре-

зультаты сравнительного статистического анализа частотности и дистрибуции интонационных моделей в иронической и неиронической речи показал, что для обоих типов речи общий набор интонационных моделей совпадает, однако их частотность различается. Помимо того, что при переходе от нейтрального высказывания к ироничному возможна смена интонационной модели, зачастую предполагающая и смену коммуникативного типа, даже внутри одной и той же модели наблюдаются значительные изменения. Наиболее яркие различия между ироническими и нейтральными высказываниями проявлялись в следующих моделях:

1) Ироничные повествовательные конструкции (01, 01a и 01b по системе Н.Б. Вольской) отличались увеличением длительности ударного слога, понижением средней ЧОТ, а также увеличением диапазона высказывания в целом и/или увеличением мелодического интервала на ударном гласном интонационного центра высказывания. Часто такое оформление совпадало с увеличением уровня интенсивности высказывания (73 % случаев), реже (20 %) — к его уменьшению.

2) В вопросительных конструкциях (модели 07, 07a, 03, 03a, 08) наблюдалось увеличение длительности ударного гласного и увеличение интервала на ударном гласном интонационного центра, как правило, этому соответствовало и увеличение уровня интенсивности (86 % случаев);

3) реализация восклицаний — модели 04 или 05 имела двоякий характер. Для модели 04 чаще возникало увеличение просодических характеристик (мелодического диапазона, длительности ударного гласного, уровня интенсивности), то для модели 05 (как, например, во фразе «Какой молодец!») практически с одинаковой частотой возникало как увеличение, так и уменьшение этих характеристик. Модели 02, 06, 06a, 06b, 06c, 12 в иронической речи, как правило, не имели статистически значимых отличий от реализации в нейтральной речи. Однако при сравнении иронических и неиронических высказываний можно было заметить, что в иронических высказываниях они заменяли другие модели (которые являются более характерными для конкретных синтаксических конструкций, например, упомянутую выше модель 05). Модели 09, 10, 11, 13 редко были реализованы дикторами, что не позволило сделать статистически значимые выводы при сравнении нейтральных и иронических высказываний. Общей чертой оформления различных интонационных моделей в иронической речи оказалось увеличение спектральной плотности в сравнении с нейтральными высказываниями, а также появление слов с дополнительной просодической выделенностью.

Данное исследование было выполнено в рамках проекта «Акустические характеристики иронии при реализации функциональных интонационных моделей», поддержанного грантом РФФИ № 20-012-00552.

Литература

- Вольская Н. Б., Скрябин П. А. Система интонационных моделей для автоматической интерпретации интонационного оформления высказывания: функциональные и перцептивные характеристики // 3-й междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи» (АР№-2009), 2009, с.28–40.
- Volskaya N., Kachkovskaia T. Prosodic annotation in the new corpus of Russian spontaneous speech CoRuSS // *Speech Prosody*, 8, 2016, Boston. Proceedings, Boston, ISCa, 2016, pp. 917–921.
- Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЛАСНЫХ МОНОФТОНГОВ ЯЗЫКА ПУШТУ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Андросова Светлана Викторовна

профессор, Амурский государственный университет

Айыл Нур Ахмад

аспирант, Амурский государственный университет

Восточно-иранский язык пушту входит в 50 самых благополучных и крупных языков мира [Eberhard et al., 2022]. Жизнеспособность пушту растёт, поскольку больше чем когда-либо прежде его носители уделяют внимание своему языку, делая всё возможное для его распространения во всех сферах жизни. Вместе с тем, пушту характеризуется высокой степенью диалектной раздробленности. Отличия между тремя основными группами диалектов, диалектами и говорами внутри одного диалекта могут быть настолько значительными, что это затрудняет взаимопонимание и даёт основания говорить о длительном противоборстве двух тенденций: с одной стороны, роста жизнеспособности, а с другой — разрушении родного языка и родного диалекта [Chan et al. 2021]. Особенности взаимодействия этих противоположных тенденций являются благоприятной почвой для появления неустойчивых точек в фонологической системе стандартного пушту и его диалектах в системе гласных, согласных и моделях их реализации.

Нельзя сказать, что все диалекты и говоры пушту тщательно изучены. Ряд диалектов и говоров не внесены в современный атлас языков мира [Eberhard, 2022], кроме того, распределение по диалектам и говорам в данном Атласе спорно. Так, диалект гильджи / гильзайский не внесён в Атлас, а диалект близлежащей территории Нангархар — Нангархарский диалект — распределён в северную группу диалектов, хотя в афганской традиции её принято называть восточной, а гильзайский диалект принято относить к центральной группе [Хашими, 2004, с. 13–15]. Другая проблема — это неунифицированность системы письма: при общей графической основе — арабской вязи — варианты графического отображения специфических пуштунских звуков отличаются от диалекта к диалекту, один и тот же звук может орфографически отображаться по-разному, разные звуки могут использовать очень похожие графемы.

Ситуацию осложняет нехватка данных о звуковой стороне в различных диалектах пушту. Большинство лингвистических исследований пушту в соответствии с международными стандартами начались с 2000 г., а полученные данные противоречивы. Это касается словесного ударения, признака долготы гласных [Ширзад, 2020, с. 125–126] и др. Данные по естественным модификациям пуштунских гласных в литературе практически отсутствуют.

Целью исследования было определение частотности и устойчивости к изменениям качества гласных монофтонгов в пуштунской спонтанной речи. Материалом для исследования послужила монологическая речь пяти образованных носителей пуштунского языка в возрасте 30–35 лет, говорящих на диалекте гильджи. В ходе исследования применялись методы слухового и акустического анализа, а также статистической обработки. В результате выявлено, что, ранги частотности гласных в тематически схожей спонтанной речи с сопоставимыми социолингвистическими параметрами заметно варьировали, вместе с тем проявляя общность в трёх самых частотных гласных и двух самых нечастотных гласных. Гласные, расположенные на вершинах треугольника Щербы (/ā/, /u/, /i/) оказались самыми качественно устойчивыми, качество остальных гласных значительно варьировало, что приводило к заменам одних гласных на другие. Причиной замен практически всегда оказывались фонемы соседних слогов, которые определяли характер качественной редукции. Часть этих замен объясняется законом гармонии гласных внутри просодического слова, другая же часть замен выходит за его границы. Эти закономерности указывают на наличие фонетического сингармонизма в исследуемом диалекте. Для проверки данного предположения понадобится отдельное исследование.

Обнаружена обратная зависимость между частотностью гласных и их устойчивостью к качественной редукции и, как следствие, к заменам на другие гласные. Долгая /ā/ относилась

к трём самым редким гласным и одновременно к трём самым устойчивым, в то же время /a/, /e/, будучи самыми частотными, относились к трём самым неустойчивым, но полного параллелизма между этими факторами нет. Так, гласный /o/ являлся одним из трёх самых нечастотных, но был одним из трёх самых неустойчивых.

Литература

- Sherzad M. A.* Pashto grammar: jahan-e-danish khparandoya tolana: Kabul, 2020. [Ширзад М. А. Грамматика пушту. Кабул, 2020. (на пуштунском языке)].
- Hashimi S. M.* De Pashto zhabe land grammar: da Arik da garzanda ketabuno idara: peshawar, 2004. [Хашими С. М. Краткая грамматика пушту. Пешавар: Управление мобильной библиотекой Эрика, 2004. (на пуштунском языке)].
- Chan L. X., Fleming B. P., Liu M. W. R.* The Vowel System of Northeastern Pashto // ICU Working Papers in Linguistics (ICUWPL). 2021. Vol. 17. P. 55–61.
- Eberhard D. M., Simons G. F., Fennig Ch. D.* (eds.). Ethnologue: Languages of the World. 25th ed. Dallas, Texas: SIL International, 2022. Online version: <https://www.ethnologue.com/country/AF> (дата обращения: 28.04.2022).

РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОГО ЗАКОНА МНОЖЕСТВЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ ВЫМЫШЛЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Давыдова Варвара Алексеевна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

В ходе долгой истории исследований в области иконичности, в рамках различных школ и подходов, отражение объекта реальности в звуке слова традиционно рассматривается как сопоставление одного мотива номинации с одним языковым знаком. В противоположность этому, основатель науки фоносемантики С. В. Воронин сформулировал закон множественной номинации [Воронин 2006: 182], согласно которому один и тот же объект реальности может быть обозначен более, чем одним знаком, и один и тот же знак может обозначать более, чем один объект [Там же]. Открытие данного закона является существенным вкладом в теорию иконического языкового знака, однако до сих пор явление множественности звукоизобразительной номинации остается малоизученным.

Сама возможность множественной номинации объясняется сложным характером процесса означивания (установление связи между значением слова и его акустическим образом), в ходе которого денотат (объект реального мира) номинируется через его характерный признак — мотив номинации. Поскольку объект (денотат) имеет множество признаков (потенциальных мотивов номинации), возникает спектр возможностей его отражения в языке. С другой стороны, разные денотаты (объекты) могут обладать одинаковым признаком, например, большим размером. В этом случае один и тот же звукоизобразительный элемент может обозначать разные объекты (наиболее подробно см. [Флакман и др. 2022: 28–30]). Данное сообщение посвящено реализации закона множественной номинации на ранее не исследованном материале искусственно сконструированных слов в авторских языках-артлангах.

Для анализа, сопоставления и выявления общих закономерностей были привлечены языки лэпин (автор Р. Адамс), эльфийские языки (автор Дж. Р. Р. Толкиен), язык на'ви (автор П. Фроммер) и клингон (автор М. Окранд). Все словоизобретения данных авторов являются априорными, то есть созданными как акустические образы впервые, без привлечения уже существующего языкового материала. Таким образом, на примере данных слов можно изучать процессы примарной номинации. В ходе исследования мотивов и механизмов такой номинации были выявлены типы сочетанной номинации, где одно значение реализуется с помощью нескольких звукоизобразительных элементов, либо один звукоизобразительный элемент обозначает несколько разных значений. Случаи сложной номинации можно классифицировать следующим образом.

1. Передача сложного денотата сложной формой. В этом случае значение слова мотивировано сложным денотатом, состоящим из нескольких элементов. Ему соответствует звуковой образ, также состоящий из нескольких звукоизобразительных элементов, причем количество сем соответствует количеству фоносемантически значимых элементов. В данной группе представлены слова, мотивированные сложными звучаниями: трактор — hru-dudu [hrududu] (лэпин) — сочетание треска мотора и звука клаксона; гром — 'rr-p'om ['ʔr z:.p'om] (на'ви) — сочетание треска и раскатов грома.

2. Фоносемантическая синонимия — использование разных мотивов номинации для передачи одного и того же значения, что дает для одного значения несколько фонетических форм. На материале вымышленных слов было показано, что передача значения малого размера может осуществляться двумя разными способами имитации и, соответственно, двумя разными звукоизобразительными элементами: (1) передача малого размера высокими гласными, где происходит уподобление малого размера объекта малому объему полости рта при артикуляции высоких гласных: hi'i ['hi.ʔi] adj. 'small, little'; himpxi [him. 'p'i] n. 'small part'; lini [li.ni] n. 'young of an animal' (на'ви); (2) передача малого размера с помощью лабиальных и лабиализованных зву-

ков, где малый размер уподобляется малому расстоянию при смыкании губ: -roo [ru] 'diminutive suffix' (лэпин); pup [pup] adj. 'short (physical length)'; (на'ви).

3. Фоносемантическая интерференция. В этом случае одному денотату соответствуют сразу несколько мотивов номинации, которые реализуются в слове звукоизобразительными элементами, относящимися к разным подсистемам звукоизобразительной системы языка (например, к ономотопее и интракинесемии). Наиболее яркими примерами являются слова из семантической группы «дуновение» (fwefwi ['fwɛ.fwi] v. 'whistle' (на'ви)), где признаки одного и того же денотата передаются сочетанием ономотопеи (передача шумового континуанта фрикативными звуками) и мимического жеста (изображение жеста дутья артикуляцией лабиальных согласных).

Участие нескольких мотивов номинации в порождении одного языкового знака отражает комплексную природу восприятия экстралингвистических объектов. В случае фоносемантической интерференции фонетическая форма слова отражает взаимодействие нескольких каналов восприятия. Рассмотрение случаев множественной номинации в вымышленной лексики позволяет сделать следующие выводы:

- реализация универсального фоносемантического закона в искусственно сконструированной авторской лексике подтверждает верность базовых положений фоносемантики и позволяет говорить о наличии продуктивных механизмов звукоизобразительного словопорождения на современном этапе развития языка;
- причинами явления множественности номинации являются, с одной стороны, сложный многоаспектный характер номинируемого экстралингвистического объекта, а с другой — сложность самого процесса номинации;
- возможность множественной звукоизобразительной номинации обеспечивает разнообразие примарных форм и значений слова, создает возможность выражения тонких семантических оттенков, обеспечивая, таким образом, богатство языка уже на этапе примарного словопорождения.

Литература

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М., 2006.

Флакман М. А., Ткачева Л. О., Седёлкина Ю. Г., Лавицкая Ю. В. и др. Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования. Монография. М., 2022. Сетевое издание. Режим доступа: <https://izdmmn.com/PDF/69MNNPM22.pdf> (дата обращения: 08.02.2023).

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭВРИСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Дмитриева Наталья Витальевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Настоящее исследование посвящено экспериментальному изучению эвристической функции звукоизобразительности на материале английского языка. Звукоизобразительность (далее — ЗИ) определяется как «свойство слова, заключающееся в наличии необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой произвольной связи между формой слова и полагаемым в основу номинации признаком объекта-денотата (мотивом)» [Воронин 1982: 166]. Звукоизобразительные слова принято подразделять на звукоподражательные (или ономатопы) (куку, кукареку) и звукосимволические (кхе-кхе, апчхи). Первые отличаются от вторых способом имитации: звукоподражания изображают звук звуком, звукосимволизмы — незвуковые денотаты артикуляцией [Воронин 2006]. Термин «звукосимволизм» также применяется к ряду устойчивых звуко-смысловых ассоциаций, выявляемых у носителей языка экспериментальными методами [Журавлёв 1991]. Под «эвристической функцией» в настоящем исследовании понимается способность слов, позволяющая носителям неродственных языков догадываться об их значении по их форме [Шамина, 2013]. То есть, те ЗИ слова, которые позволяют догадываться о семантике означаемого, мы признаём обладающими эвристической функцией, а те ЗИ, которые данной особенностью не обладают, — мы признаём данной функцией не обладающими. С целью изучения эвристического потенциала ЗИ лексики английского языка мы исследовали ономатопы и эмотивные звукосимволические слова с положительной и отрицательной коннотациями (мелиоративы и пейоративы). Была проведена серия психолингвистических экспериментов с последующим анализом полученных результатов. Методы исследования включали: анкетирование, как вариант психолингвистического эксперимента, метод вынужденного выбора, элементы статистического анализа и количественного подсчёта. В качестве респондентов выступили носители русского и английского языков, мужчины (78 человек) и женщины (104 человек) в возрасте от 25 до 65 лет. Всего в исследовании приняло 185 человек (из них 82 носители русского языка, 103 носители английского языка). Материалом исследования послужили ответы носителей русского и английского языков на вопросы анкеты. Всего было получено 4 337 ответов из 185 анкет. Структура анкеты. В анкетах были представлены предложения с ЗИ-лексикой оценочного характера, включавшие в себя эмотивные ЗИ слова (сленгизмы) русского и английского языка. Всего в русском варианте анкет было представлено 16 предложений с 48 пропущенными словами, которые звучали на английском языке, и в английской варианте анкет — 15 предложений с 46 словами, звучащих на русском языке. В ходе работы над анкетами было отобрано 20 американских и 22 русских эмотивных ЗИ-слова, которые были распределены в пары, с таким расчетом, чтобы каждая пара состояла из одного пейоратива и одного мелиоратива. Например: (1) That Birkin bag is not real, it's only a stupid Chinese fake. Why don't you just throw this ...1/2.. away? 1) ляпота 2) фуфло (2) Ну ты и ...1/2...! Я никогда бы не подумал, что ты можешь подцепить кого-нибудь в этом роде! Прям такую девчонку! 1) whiz 2) sprook Задачей испытуемых было прослушать предложения и заполнить в них пробелы, используя предоставленные для их выбора слова. Основываясь на предполагаемой ассоциации звучащей единицы со значением, респонденты должны были выбрать подходящие по смыслу слова неродного языка. Предложения предъявлялись в записи. В анкетах были использованы как реально существующие звукоподражательные слова из Straight Forward Students' Book, так и эмотивные слова, выявленные в ходе исследования американского сленга [Шамина, 1989]. Результаты исследования показали, что из 4337 ответов, в 77–74 % случаев для ономатопов и в 76–70 % случаев для звукосимволической оценочной лексики респонденты успешно смогли определить необходимые по контексту мелиоративы или пейоративы. Наиболее интересным

оказались случаи опознания русскими аудиторками английских пейоративов. Наличие гласных фонем: /ɔ:/ — заднего ряда, огрубленный, напряженный монофтонг и согласной фонемы /k/ — заднеязычной, смычной, шумной, сильной, Глухой — их сочетание и создавало безошибочное ощущение чего-то неприятного в 93 % случаев. Примечательно, что полученные результаты согласуются с ранее полученными результатами других исследований [Журавлёв 1991]. Так, для носителей русского языка фонемы заднего ряда /æ/, /ɜ:/, /ɔ:/, /u:/ неприятны и словам, содержащим эти фонемы в сочетании с глухими сильными согласными /p/, /k/, /s/ однозначно приписывалось отрицательное значение, чего нельзя проследить у носителей английской речи; глухие шумные и сильные согласные фонемы /s/, /ʃ/, /f/, /p/, /x/ и сочетания /dr/, /tr/ носят неприятный оттенок для английских респондентов и словам с этими фонемами чаще приписывался отрицательный оттенок, тогда как словам с фонемами /i/, /ʌ/, /e/, /ʌ/, /z/, /b/ было присвоено положительное коннотативное значение и такие эмотивные звуко-символические выражения воспринимается в качестве мелиоративов у обоих классов респондентов. Выводы. Таким образом, результаты проведенного эксперимента подтвердили предположение о существовании у звукоизобразительных элементов эвристической функции, которая может обеспечивать восприятие незнакомых слов в контекстном окружении, а также выявить наличие фоносемантических особенностей ее проявления, связанных с ограничениями, накладываемыми фонетическими системами сравниваемых языков.

Литература

- Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Ленинград: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1982.
- Шамина Е. А.* Из опыта идентификации пейоративных и мелиоративных наименований // Вестник ЛГУ, сер. истор., литерат., яз. № 3 Ленинград, 1988. С. 68–69.
- Шамина Е. А.* Фоносемантика пейоративности и мелиоративности (по результатам аудиторских экспериментов) // Материалы XXIX межвузовской научно-практической конференции преподавателей и аспирантов. Секция фонетики. Вып. 4. СПб., 2013. С. 46–50.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ИНОЯЗЫЧНОГО АКЦЕНТА

ON THE TYPOLOGY OF FOREIGN ACCENT

Завьялова Виктория Львовна

профессор, Дальневосточный федеральный университет

Исследование посвящено проблеме определения фонетической типологии акцентных явлений в речи на неродном языке. Анализ проводится на материале английской речи носителей языков Северо-Восточной Азии. Освещаются общие проблемы контактной вариантологии английского языка [Прошина 2017]; указывается, что феномен языкового контактирования исследуется в отечественном языкознании, главным образом, на материале контакта языков фонемного строя. Приводится комплексная трактовка фонетической вариативности восточно-азиатских вариантов английского языка, вызываемой контактом английского с типологически дистантными фонетическими системами автохтонных языков региона Восточной Азии — китайским, английским, японским. Выявляется лежащая в основе фонетической интерференции специфика фонетических и фонографических систем указанных языков и отмечаются признаки их внутреннего сходства, вызванные рядом факторов. Приводятся данные сравнительного матричного анализа звукового состава исследуемых языков, в ходе которого выявлены некоторые общие черты в фонемных системах языков Восточной Азии, отличающие их от английского, например: отсутствие в инвентаре апикально-межзубных согласных звуков, отсутствие в фонетических системах привативной одномерной оппозиции согласных по звонкости и глухости (в исследуемых языках, за исключением японского, этот признак актуализируется в позиционном аллофоническом варьировании).

Основной акцент делается на данных сопоставительного анализа структурно-типологических черт слога, при этом обнаруживаются существенные отличия [Касевич 1983]. Приводятся доказательства того, что неконгруэнтность фонетических систем сопоставляемых языков, обнаруживаемая на всех уровнях фонетического яруса, определяется, в значительной степени, признаками идиоматичности слогового кода как основы речезыковой структуры. В исследуемой группе восточноазиатских языков (китайском слого-морфемном, японском фонемно-слоговом и корейском фонемном с признаками силлабизма) идиоматичность слогового кода проявляется как на уровне структуры слога и правил внутрислоговой фонемной дистрибуции, так и на уровне просодии слога. Законы структуры и внутрислоговой фонемной дистрибуции в языках Восточной Азии проявляются в недопущении стечения согласных в пределах слога и в отсутствии слогаобразующих сонантов, они предписывают доминирование открытого типа слога (СГ), а также ограничивают возможности изменения качества и осязаемого сокращения длительности слогаобразующего гласного; в то время как в английском (фонемном) языке бифонемные и многофонемные консонантные группы в составе слога и слоговой последовательности нормативны; доминантным типом слога определяются структуры СГС и СГ; сонорные согласные могут формировать ядро отдельного слога; гласные (и некоторые согласные) подвергаются значительной редукции вплоть до полного выпадения в безударном слоге. Типологические отличия на уровне просодии слога затрагивают китайский язык, уникальной чертой которого является наличие слогового лексического тона. В других языках слоговая просодия связана со словесной — на одном из слогов слова реализуется словесное ударение, природа которого различна: японский характеризуется мелодическим типом, причём минимальным субстратом ударения выступает краткий слог, или мора; природа корейской просодии не определена: некоторые авторы отрицают наличие ударения в корейском языке, другие считают, что в зависимости от диалекта может определяться мелодический-квантитативный или динамический тип ударения; вопрос о наличии ударения в китайском языке решается исследователями по-разному, хотя, в случае признания сосуществования тона и ударения, говорят, как правило, о квантитативном характере последнего, что связано с необходимостью чёткости при реализации мелодического контура слогового тона. В английском языке ведущими просодическими

признаками словесного ударения считаются интенсивность (динамический тип) и частота основного тона (мелодический тип). Несмотря на различия в природе ударения во всех четырёх языках, можно говорить об общности / отличии степени выраженности признаков ударения, которая является слабой в группе языков Восточной Азии, по сравнению с английским, признаваемым языком ярко выраженного акцентного типа с чётким просодическим контрастом ударных и безударных слогов. Своеобразие типологии ритмической и, в целом, интонационной организации на уровне синтагмы и фразы в английском и восточноазиатских языках является производным от типологических отличий соответствующих слоговых и просодических систем.

Отмечается существование прямой зависимости фонологической типологии контактирующих языков и типологии иноязычного акцента. Универсальными признаками региональных вариантов английского языка Восточной Азии признаются следующие: недифференциация консонантных контрастов по звонкости / глухости; отсутствие чёткой оппозиции долгих и кратких гласных, дифтонгов и монофтонгов; недифференциация и альтернативное употребление сонорных согласных r/l; специфическое слоговое деление с преобладанием открытых слогов и стремлением к послоговому оформлению звуковой цепи; явления плюс- или минус-сегментации в случае многокомпонентных консонантных кластеров в инициальной и, чаще, финальной слоговой позиции; слогозависимые и автономные трансформации акцентно-ритмической структуры английского слова и синтагмы (фразы) и другие. Делается вывод о целесообразности введения особого направления исследований в контактной вариантологии английского языка — контактной фонологии слога и слоговых звукосочетаний (или комбинаторной фонологии).

Литература

Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.

Прошина З. Г. Контактная вариантология английского языка: проблемы теории = World Englishes paradigm. М., 2017.

УСТОЙЧИВОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД БРИТАНСКИХ ГЛАСНЫХ /U/ И /ʊ/: НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТНОГО АНАЛИТИЧЕСКОГО И АКАДЕМИЧЕСКОГО ТИПОВ ДИСКУРСА

Каравеева Вероника Георгиевна

старший преподаватель, Московский городской педагогический университет

Андросова Светлана Викторовна

профессор, Амурский государственный университет

Фонологическая система любого языка не является застывшей. С течением времени одни единицы могут исчезать, другие — появляться, а какие-то из уже имеющихся — менять свои качественные характеристики [Шевченко 2015: 30; Иванашко 2016] и «передвигаться» или перераспределяться внутри системы. Эти процессы напрямую связаны с изменением правил реализации самой системы, которые формируются для различных типов дискурса под влиянием разных факторов, одним из которых является частотность тех или иных комбинаторно-позиционных условий, в которые попадает та или иная фонологическая единица. Целью эксперимента являлся сопоставительный анализ реализации фонологически долгой гласной фонемы /u/ и фонологически краткой /ʊ/ в новостном аналитическом (который был проведен ранее на материале подкастов BBC) и академическом типах дискурса. Эти гласные, несомненно, являются нестабильными точками системы британского вокализма, демонстрируя делабиализацию и продвижение из заднего ряда вперед [Безбородова 2015], в ряде случаев пересекаясь с гласными /i/ и /ɪ/ [Chaldakova, Namann 2011]. Материалом для исследования послужили три открытые лекции, прочитанные в 2022 г. в смешанном формате тремя преподавателями Ланкастерского университета, ведущими учеными, мужчинами в возрасте 55, 68, 74 года, носителями британского варианта английского языка (около 3 часов звучания). В ходе эксперимента была апробирована методика автоматической сегментации речевого потока, его аннотирования посредством создания Text Grid и последующей автоматизации замеров длительности и формантных значений (F1, F2, F3) обоих гласных. Данная работа производилась на основе скрипта на языке программирования Python и PRAAT. Адекватность автоматической разметки и произведенных машинным способом замеров была проконтролирована двумя экспертами. В ходе статистической обработки были применены стандартные формулы дескриптивной статистики (среднее, медиана, стандартное отклонение, минимум, максимум) для выборки данных по F1, F2, F3 на всем материале, а также отдельно для каждого диктора (каждый гласный рассматривался отдельно, затем данные были сопоставлены). Был вычислен t критерий Стьюдента для выявления наличия/отсутствия существенной разницы в формантных значениях в зависимости от диктора, а также для определения значимости/незначимости различий подъема исследуемых гласных. Для анализа одномерного распределения вероятностей в полученной выборке была использована усиковая диаграмма. Полученные данные были сопоставлены с аналогичными данными, полученными на материале новостных аналитических подкастов в ходе обработки данных вручную. В результате эксперимента подтвердилась тенденция продвижения гласных /u/ и /ʊ/ по ряду. Изменение в данной нестабильной точке системы можно назвать устойчиво развивающимся и распространяющимся на разные типы дискурса (аналитические подкасты, академический дискурс публичной лекции). Однако степень выраженности данной тенденции в зависимости от типа дискурса оказалась неодинаковой. Речевое поведение дикторов в ходе академической лекции было более консервативным по сравнению с аналитическими подкастами. Значительное количество реализаций гласного /ʊ/ можно, как и прежде, отнести к верхне-среднему подъему (78 % — значение F1 между 400–500Гц). Тенденция к повышению F1, свидетельствующая о более открытом характере гласного, наблюдается наряду с продвижением гласного по ряду в зависимости от контекста — около половины реализаций с F2 в пределах 1200—1800Гц. Для гласного /u/ в ударной позиции характерно незначительно повышение фор-

мантных значений F1 (значение медианы F1 — 351 Гц — несущественно отличается от средних значений по выборке), а также его продвижение по ряду (среднее значение F2 — 1631, с более высокой медианой 1709, что только усиливает наметившуюся тенденцию), большее, чем для /o/, из-за высокой частотности переднеязычного и j-согласного контекста. Показатель стандартного отклонения говорит о внутрдикторской вариантности, которая в меньшей степени прослеживается для гласного /o/, а также для F1 обоих гласных; наибольшее значение квадратного отклонения было получено для F2 гласного /u/. Междикторская вариантность была проанализирована на основе расчета t критерия Стьюдента для трех формант каждого гласного. Несмотря на высокое значение стандартного отклонения F2 для обоих дикторов, коэффициент корреляции r

ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЙ ФАКТОР ЯЗЫКА НА УРОВНЕ СЛОГО-ПАУЗАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Лань Хао

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Павловская Ирина Юрьевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

В данной работе рассмотрены проблемы разнообразных типов и функций речевых пауз и слогов в слоговом (китайском) языке и алфавитных (русском) языках. Для носителей китайского языка слог является минимальной звуковой единицей и каждый слог соответствует одной или нескольким значимым единицам (морфонемам). Для различения разных слогов/слов в устной речи, носители китайского языка добавляют паузы между каждым слогом или двумя слогами. Проблема состоит в том, что эта пауза не всегда выражается молчанием (акустическим нулем), поэтому она не отражается на осциллограмме. Подобная ситуация в русском языке объясняется понятием «стык», а термин «остановка» используется для обозначения длинной паузы между предложениями. В китайском языке есть только один термин — пауза (как длинная, так и короткая). Определено, что функции пауз и слогов не одинаковы в разных языках, вследствие чего возникает необходимость экспериментальной проверки, позволяющей распознавать речевую информацию (физиологическую, психологическую, психофизиологическую). В китайском языке слог выделяется движением голосового тона (мелодическое ударение). В русском языках слог выделяется силой выхода (динамическое ударение). Разные функции ударения и слога в китайском и русском языках создают для китайских учащихся трудности в усвоении правильного иноязычного произношения как на уровне фонем, так и на уровне интонации. Такие трудности отражаются на разнообразных паузах и дыхательных нагрузках в спонтанной речи. Источник пауз в речи может быть психологическим и физиологическим, на этой основе создание новой классификации пауз имеет значение, потому что воплощение пауз может быть прекращением звука или наоборот. Паузы в широком смысле делятся на естественные, самостоятельные и частично-самоуправляемые. В китайском языке отсутствует подробная классификация пауз, хотя проблемы с паузацией возникают в процессе обучения английскому и русскому языкам. Итак, паузы классифицируются следующим образом:

1. Естественная пауза соответствует неуправляемой (подсознательной) — происходит из-за каких-то нарушений дыхания или смысла, например, говорящий вдруг поперхнулся во время говорения или встретился с трудным вопросом собеседника; естественная пауза происходит случайно из-за каких-то нарушений среды.

2. Самоуправляемая (специальная/сознательная) пауза — в спонтанной речи используется говорящим для того, чтобы подчеркнуть что-то или выразить свою эмоцию; подготовительная — в особых ситуациях для того, чтобы привлечь больше внимания. Самостоятельная пауза является очень популярной техникой для китайцев не только в ораторском искусстве, но и в повседневном разговоре. Самоуправляемая пауза может появляться во всех языках, но в китайском языке эта ситуация более очевидная, потому что в сопоставлении с носителями других языков, китайцы думают слишком много до произношения и анализируют слишком много аспектов во время восприятия, а это частично связано с китайской стилистикой и китайском этикетом, или с искусством китайского разговора. Носители китайского языка любят использовать антифразис и каламбур, соединяемые с иронией, тропами и шутками.

3. Частично-самоуправляемая пауза — в спонтанной речи используется говорящим для удобства. Эти паузы не обязательными для речи и связаны с патологическими дефектами речи. Патологический дефект может быть врожденным недостатком артикуляционных органов, травма произносительных органов или заболеванием, связанным с высшей нервной деятельностью. Частично-самоуправляемые паузы специально производит говорящий, у которого нет желания и коммуникативного цели для их производства. Такие паузы могут быть вызваны осложнением

заболеваний мозга или произносительных органов. С другой стороны, паталогические дефекты речи могут быть временными (острым заболеванием) и постоянными (хроническим заболеванием). После выздоровления паталогические дефекты речи пациента исчезают. Измерение слогапаузальных характеристик имеет большое значение для анализа интерференции языков разных систем. Был проведен эксперимент с участием 18 информантов — носителей китайского языка, целью которого являлось описать проявления китайско-русской интерференции в чтении на супрасегментном уровне. Для этого был составлен русский текст (ок.1000 знаков), который китайские студенты читали и понимали достаточно легко и который включает русские сочетания звуков, похожие на китайские слоги.

В результате обработки речевого сигнала с помощью программ «Wave assistant» и «Audacity» было подсчитано количество пауз и их длительность. По результатам анализа выяснилось, что у женщин меньше пауз, чем у мужчин, а паузы у мужчин длиннее, чем у женщин. Наиболее частотными у всех дикторов являются дыхательные паузы. Кроме того, носители китайского языка добавляют паузу в следующих случаях:

- 1) если последний слог предыдущего слова заканчивается согласным, а начальный слог следующего слова начинается согласным (особенно дрожащим согласным — /P/);
- 2) если последний слог предыдущего слова заканчивается согласным, а начальный слог следующего слова начинается гласным, или наоборот: китайцы они добавляют псевдопаузы (и регулируют тоны) для того, чтобы разделить два слова;
- 3) если последний слог предыдущего слова заканчивается гласным, а начальный слог следующего слова начинается тоже гласными. Последовательность действий такая: «В материале для прочтения видно два гласных, но как мне их произнести? — Соединю два гласных в один (1 гласный); — Добавлю псевдопаузу (1.5 гласного); — Добавлю реальную паузу (2 гласных)». Таким образом было обнаружено, что носители китайского языка используют регулирование тонов и псевдопаузы для того, чтобы справиться со сложными артикуляциями в неродном языке.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ФОНЕСТЕМНЫХ ГРУПП АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИИ

Малышева Валерия Николаевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

Феномен фонестемного звукового символизма до настоящего момента оставляет исследователям ряд дискуссионных вопросов относительно его природы, места в системе языка и списков слов, формирующих фонестемные группы. Сама фонестема определяется или как «сочетание фонем» [Михалев 2018; Флакман 2016; Householder 1946], или как «часть морфемы» [Nida 1951], или как «субморфема» [Bottineau 2008; Otis & Sagi 2008; Smith 2016], наделённая неким обобщённым значением. Как правило, выборка слов, формирующих фонестемные группы, проводится на основе фонетического, семантического и статистического факторов. Принимается в расчет частотность повторения семы или набора сем в словах с одинаковым сочетанием фонем в анлауте, но, как отмечает Крис Смит [Smith 2016: 168], итоговое число выявленных слов фонестемных групп сильно варьируется в зависимости от метода подсчета. В связи с этим считаем необходимым принимать во внимание также этимологии слов и историю развития их семантических значений, а также (равно как при исследовании ономотопеи) тип фонем. Настоящее исследование приводит предварительные результаты анализа происхождения и семантического развития 60 слов фонестемных групп английского языка групп br- и cr-, отобранных методом сплошной выборки из словаря Oxford English Dictionary (3-е изд.). В исследовании также приводится их сопоставление со словами групп fl- и gl-, подробно изученных в работах К. Смит [Smith 2016] и П. Садовского [Sadowski 2001] соответственно. Методы, использованные в ходе работы, — этимологический и фоносемантический анализ. Списки слов были сгруппированы в фоносемантические поля на основании сходства семантики (термин: Михалев 2018). В результате нам удалось прийти к следующим выводам относительно природы и происхождения фонестемных групп br- и cr- в английском языке.

Фонестемные группы формируют системы пересекающихся фоносемантических полей, так как слова в разных значениях могут входить в области разных полей. Так, в фонестемной группе br- слово break входит в семантические группы «сломанное» и «резкое, внезапное». Это зафиксировано в определении слова в OED: «разбить на отдельные части в результате внезапного применения силы, насилия». В приведенном в словаре примере “The glacier was evidently breaking beneath our feet” можно наблюдать и значение «сломанное», и характеристику «резкое», которая фиксирует метонимический перенос с действия на его признак.

Была выявлена способность сем сочетаться в рамках одного слова и факт того, что семы сочетаются с другими в разной степени активно. В фонестемной группе cr- наблюдается, что сема «подвергшееся действию силы» активно сочетается с другими семами группы: crash, creak (также «сопровождается шумом»), creak (также «трещина»), но имеет тенденцию не сочетаться с семой «обладающий силой» (craft в устаревшем значении «сила» и актуальном значении «умение»; crunch «раздавить с хрустом»). То же было выявлено ранее другими исследователями фонестемного символизма. Так, К. Смит приводит данные, свидетельствующие, что в фонестемной группе fl- сема «резкое, внезапное» встречается в комбинации двух или трех сем чаще, чем самостоятельно [Smith 2016: 178].

На семантику фонестемной группы оказывает влияние значение слов, которые на древнеанглийский период составляли статистическое большинство. Это могут быть слова, унаследованные с периодов общегерманского или даже общеиндоевропейского единства. Так, с нашей точки зрения, значения ряда слов, формирующих группу cr-, находятся под влиянием ныне утраченного значения слова craft «strength, might, power (physical or otherwise); (as an attribute of God) pre-eminent or transcendent power» [OED]. С ним также семантически связаны развившиеся позже значения «испытывающий действие силы», «сломаный, треснутый».

Со временем слова ядра фонестемной группы могут становиться статистически менее значимыми, так как более активным процессом, обеспечивающим рост фоносемантического поля, становится расширение значения, например, метонимия и аналогия. В фонестемной группе *br-* сема «острое, колючее» фиксируется у 15 слов, из которых 3 (*bramble, brier, broom*) существуют с древнеанглийского периода в значениях «куст, кустарник». К современному периоду подгруппа слов с этой семой стала самой крупной в рамках группы *br-*. В ней главным фактором является уже не значение «сломанного», а свойство сломанного предмета — острый край, острое. Таким образом оформляется периферия фоносемантического поля. А. Б. Михалев также называет метонимию одним из инструментов для формирования периферии поля [Михалев 2018: 224]. У Смит мы находим допущение, что фонестемы — результат семантического сдвига, естественного для развития языка, случайно или намеренно возникающие по аналогии [Smith 2016: 186]. Таким образом, основными факторами, влияющими на формирование фонестемных групп *br-* и *st-*, являются семантика слов, существовавших с древнеанглийского периода, статистическое преобладание тех или иных сем, способность сем сочетаться с другими семой, тип фонем, образующих фонестему, действие метонимии и аналогии. Выводы исследования будут уточняться на материале других фонестемных групп английского языка.

Литература

Михалев А. Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск, 2018.

Online English Dictionary. <https://www.oed.com/> (дата обращения: 10.01.2023).

Sadowski P. The sound as an echo to the sense. The iconicity of the English *gl-* words // *The Motivated Sign. Iconicity in Language and Literature 2*. Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 69–88.

Smith C. A. Tracking semantic change in *fl-* monomorphemes in the Oxford English Dictionary. // *Université de Caen Journal of Historical Linguistics 6:2*, John Benjamins Publishing Company, 2016. P. 165–200.

АСПИРАЦИЯ В ТУНГУССКИХ ЯЗЫКАХ (ДАННЫЕ АКУСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Морозова Ольга Николаевна

доцент, Амурский государственный университет

Материалом для данного экспериментально-фонетического исследования послужили тунгусские языки Верхнего Приамурья — ороchonский (КНР) и эвенкийский (РФ). Оба языка коренного населения право- и левобережья р. Амур относятся к языкам исчезающим, коммуникация на данных языках происходит только между людьми старшего поколения, которые усвоили язык этноса в детстве. Среднее поколение (за исключением единичных случаев) и молодёжь эвенков и ороchonов говорят на доминирующих языках российско-китайской трансграничной зоны — русском и китайском соответственно. Основной корпус для акустического анализа составили изолированные слова в трехкратном произнесении (700 словоформ). Запись осуществлялась в условиях Лаборатории экспериментально-фонетических исследований при кафедре иностранных языков Амурского государственного университета от 4 дикторов селемджинского говора эвенкийского языка (Амурская область, РФ) и 3 дикторов центрального ороchonского говора (Внутренняя Монголия КНР). Акустический анализ словоформ был проведен при помощи программы по обработке звукового сигнала PRAAT. Мы сконцентрировались только на шумных переднеязычных смычно-взрывных, так как губные и заднеязычные смычно-взрывные в интервокальной позиции как в эвенкийском, так и в ороchonском допускают широкую вариативность и реализуются, главным образом, в своих щелевых вариантах. Кроме того, в исследуемую группу вошли передне-среднеязычные аффрикаты, поскольку при предварительном просмотре материала были отмечены интересные случаи пре-аспирации данных сложных согласных. Цель эксперимента заключалась в проведении акустического анализа аспирации смычно-взрывных переднеязычных согласных и передне-среднеязычных аффрикат на материале репродуцированной речи эвенков России и ороchonов Китая.

Проблема фонетической реализации оппозиции шумных смычно-взрывных на материале эвенкийского языка (ербогачёнский говор) была рассмотрена в одном из первых экспериментальных исследований северных языков М. И. Матусевич, которая хотя и описывала пары смычно-взрывных в терминах «глухой/звонкий», считала принципиально важным донести до читателя, что фонологическое противопоставление эвенкийских смычно-взрывных состоит не в наличие или отсутствии голоса, а в наличие или отсутствии придыхания (аспирации). В языке российских эвенков того времени (январь–апрель 1937 г.) параметр звонкости у смычно-взрывных согласных типа /p, t, k/ не являлся обязательным [Матусевич 1960: 134]. Тем не менее, годы тесного контакта эвенкийского языка с русским языком не прошли бесследно. В настоящее время в эвенкийском языке России ведущим параметром при противопоставлении смычно-взрывных является глухость/звонкость. Аспирация является в эвенкийском языке сопутствующим признаком, но не доминирующим [Морозова 2021: 342]. Необходимо отметить, что аспирация в исследуемых тунгусских языках зарегистрирована нами в двух видах: пре-аспирация (перед смычкой) и пост-аспирация (после смычки). Впервые явление пре-аспирации на примере языка российских эвенков (в его селемджинском говоре) было описано в работе [Андросова и др. 2018: 91]. Пре-аспирация авторами представлена термином «поствокальный шум», поскольку была зафиксирована в ходе акустического анализа спектрограмм на переходном участке от гласного к следующему взрывному согласному.

Наше экспериментально-фонетическое исследование на материале ороchonского языка (говора Ороchonского автономного хошуна) показывает, что различие между парами переднеязычных смычно-взрывных и аффрикат заключается в аспирации, а не в звонкости: /th/ и /gh/ реализуются как глухие фонемы с двумя типами аспирации: пре-аспирацией и пост-аспирацией (за исключением позиции абсолютного начала слова перед паузой, где зафиксирована только пост-аспирация), /t/ и /tf/ — как глухие фонемы без аспирации. Средняя длительность пре-аспиративного участка / th/ составляет 0,5 мс, пост-аспиративного — 0,75 мс при отсутствии работы голосовых связок. Спектральные характеристики аспиративного шума (в какой ча-

стотной области реализуется шум) смычно-взрывного /th/ фиксируются от 1800 Гц. В языке селемджинских эвенков России аспирация у рассматриваемых согласных слабее. Средняя длительность пре-аспиративного участка /t/ составляет 0,25 мс, пост-аспиративного — 0,5 мс на фоне их частичного озвончения. Спектральные характеристики аспиративного шума смычно-взрывного /t/ фиксируются от 2000 Гц.

Таким образом, аспирация является общим явлением для тунгусских языков российско-китайского пограничья, не контактирующих друг с другом более ста лет. Дивергенция фонологических систем тунгусских языков России и Китая оставила нетронутым этот признак реализации смычно-взрывных согласных и аффрикат. Однако функции аспирации у смычно-взрывных согласных в эвенкийском и ороchonском языках различны. В языке российских эвенков данный признак является сопутствующим глухости смычно-взрывных, в ороchonском языке — аспирация лежит в основе различения придыхательных и непридыхательных смычно-взрывных согласных и аффрикат.

Литература

- Андросова С. В., Андросова Д. Е., Морозова О. Н.* Поствокальный шум в эвенкийском языке // *Казанская наука*. 2018. № 4. С. 91–96.
- Матусевич М. И.* Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // *Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук*. 1960. Вып. 40. № 237. С. 132–169.
- Морозова О. Н.* Парадигматика и синтагматика звуковых систем тунгусских языков Верхнего Приамурья (на материале эвенкийского и ороchonского языков): дис. д-ра филол. наук: 10.02.20. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2021. 481 с.
- Karlsson A. M., Svantesson J. O.* Aspiration of stops in Altaic languages: An acoustic study. // *Altai hakpo*. 2012. № 22. P. 205–222.

ЭТИМОЛОГИЯ ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКИХ СЛОВ-ОБОЗНАЧЕНИЙ «МАЛОГО» И «ОКРУГЛОГО» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Флакман Мария Алексеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

В настоящем докладе представлен этимологический анализ английских слов, традиционно считающихся звуко-символическими, и делаются выводы о генезисе звукового символизма. Материалом исследования послужили 1244 слова английского языка, звукоизобразительных по происхождению, отобранных методом сплошной выборки из Большого Оксфордского словаря (БОС). В литературе неоднократно [Bloomfield 1933, Воронин 2006, Слоницкая 1987, Jespersen 1933, Ohala 1994, Joо 2018, Johansson & Carling 2015 и др.] отмечалось наличие у ряда слов языка устойчивых звуко-смысловых ассоциаций: (1) лабиальных согласных и лабиализованных гласных с округлой формой [Köhler 1929, Ramachandran & Hubbard, 2001, Слоницкая, 1987, Пруцких 2009] и (2) гласных переднего ряда с малым размером [Jespersen, 1933, Ohala 1994, Давыдова 2022]. Примечательно, что подобного рода ассоциации возникают в неродственных и географически удалённых друг от друга языках [Воронин, 2006, Joо 2018]. Ассоциативно соотнесёнными с округлыми объектами оказываются не просто отдельные лабиальные фонемы, а целые лабиальные кластеры — CLVL-, CLVLCL, VLCL и др. [Воронин, 2006, Слоницкая, 1987]. Соотношение гласных переднего ряда с малым размером является менее универсальным (есть обратные примеры — см. [Diffloth 1994]), однако передача контрастных качеств (маленькое-большое, светлое-тёмное, узкое-широкое) контрастными по своим акустическим характеристикам гласными является широко распространённой и обнаруживается, в том числе, в ходе психолингвистических экспериментов (обзор см. [Воронин, 2006]). Но что же стоит за подобными устойчивыми ассоциациями? Существует два подхода к объяснению происхождения звуко-символических слов. Они возникают или в результате систематичности (надъязыковых ассоциаций, объясняющихся повышенной частотностью тех или иных языковых единиц) [Dingemanse 2012], или в результате (иконической) связи с артикуляцией [Ohala 1994]. Последний подход был подробно описан С. В. Ворониным [2006]. Ассоциация лабиальных с округлостью и гласных переднего ряда с малым размером, согласно этому подходу, предопределяется артикуляционным жестом, имитирующим форму предмета (вытягивание губ в трубочку и уменьшение объёма ротовой полости соответственно). Возникает вопрос, у всех ли слов, по всем признакам являющимися звуко-символическими в синхронии, эти звуко-смысловые ассоциации были изначально присущими? Для проверки нами был произведён этимологический анализ 25 слов английского языка, классифицированных как звуко-символические со значением передачи размера обозначаемого предмета (см. [Флакман 2015]). Анализ показал, что у большого числа слов корреляция (i: малый размер) является не исконной, а благоприоретённой. Например, bead (согласно БОС, «from OE gebed ‘prayer’, the name was transferred from ‘prayer’ to the small globular bodies used for ‘telling beads,’ i. e. counting prayers said, from which the other senses naturally followed»). То есть, параллельно происходило семантическое развитие «молитва» > «чётки» > «бусина» и фонетическое развитие z: > e: > i:. То есть, иконическая корреляция «i: малый размер» у данного слова является случайным совпадением ряда независимых друг от друга факторов. В. В. Левицкий [2000] называет подобного рода явления «вторичным звуковым символизмом». Вторичным же звуковым символизмом объясняется и историческое развитие wee /wi:/ ‘a small quantity; to a small extent, in a small degree’ (БОС: < Northern Middle English wei, representing earlier Anglian wég, wége со значением «вес»). То есть, опять корреляция «i: малый размер» возникает неестественным путём. Изучение этимологии слов данной подгруппы звуко-символической лексики приводит нас к ряду неожиданных выводов:

- (1) у ряда слов корреляция «i: малый размер» является поздней, приобретённой в результате случайного сочетания факторов;

- (2) звукоимовольческие слова подгруппы «экстракинесемизмы» с точки зрения их диахронического развития имеют больше сходства со словами фонестемных групп, чем со звукоподражательными словами и даже со звукоимовольцизмами-интракинесемизмами (что свидетельствует в пользу сочетания двух механизмов номинации — иконичности и систематичности). Таким образом, изучение этимологии ряда звукоимовольческих слов английского языка ставит вопрос об их месте в классификации звукоизобразительной (иконической) лексики в целом.

Литература

Diffloth G. I: big, a: small // *Sound Symbolism*. Cambridge, 1994. P. 107–114.

Jespersen O. Symbolic Value of the Vowel i // *Linguistica*, 1933. P. 283–303.

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М., 2006.

Слоницькая Е. И. Звукоимовольцизм обозначений округлого: дис. канд. филол. наук: 10.02.19. Л., 1987.

АВТОМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕЛОДИЧЕСКОГО КОНТУРА

Холявин Павел Андреевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Известно, что наличие интонационной системы является языковой универсалией; иными словами, в каждом языке есть интонация. Однако в языках существует целый спектр разнообразных просодических средств, универсальность или специфичность которых ещё предстоит установить. Полезным инструментом для исследований в этой области стал бы способ автоматического анализа мелодического контура фразы, который позволил бы сравнивать данные как одного языка, так и разных. В данном докладе предлагается такой способ, основанный на автоматической синхронизации границ звуков в потоке речи со структурными компонентами мелодического контура (определение тайминга). В качестве основной единицы, к которой привязываются изменения частоты основного тона, в предложенном методе выступает слог как минимальная произносительная единица. Принцип работы программы заключается в следующем:

1. На первом этапе происходит автоматическое определение значений частоты основного тона с помощью программы REAPER [Talkin, 2015]. Полученные абсолютные значения в герцах переводятся в относительные единицы — полутона. Эти единицы являются перцептивно значимыми, поэтому данное преобразование позволит, во-первых, сравнивать мелодический контур в высказываниях, порождённых дикторами с разной средней частотой (в частности, дикторов разного пола), а во-вторых, более адекватно оценивать интервалы мелодического изменения.

2. На втором этапе происходит автоматическая расстановка границ между отдельными звуками в сигнале. Для этого необходимо выполнить фонетическую транскрипцию исследуемых речевых фрагментов. Такая транскрипция может быть как выполнена вручную, так и получена с помощью алгоритмов автоматической транскрипции (основанных на правилах либо на методах машинного обучения). Для собственно определения границ между звуками используется инструментарий для автоматического распознавания речи Kaldi [Povey и др., 2011]. В ходе работы этой программы на входных звуковых данных обучается акустическая модель (в случае недостаточного количества входных данных она может быть подкреплена речевыми корпусами соответствующего языка). Сигнал делится на короткие пересекающиеся фрагменты, каждый из которых оценивается как принадлежащий тому или иному звуку с помощью акустической модели. Затем результат проходит постобработку с использованием данных об интенсивности сигнала и наличия либо отсутствия голоса (эта информация получается на первом этапе вместе с данными о значениях частоты основного тона).

3. На третьем этапе полученные границы используются для определения границ между открытыми слогами (при необходимости могут использоваться и другие правила слогаделения).

4. На четвёртом этапе мелодический контур на каждом слоге сглаживается с целью устранения ошибок определения частоты основного тона и перцептивно незначимых микропросодических изменений и выбросов. В зависимости от сложности выявленного движения, оно может быть представлено как одна ключевая точка (если значимых изменений частоты основного тона в рамках текущего слога не выявлено) либо оценено линейным или полиномиальным приближением. Принцип выделения ключевых точек схож с принципом, лежащим в основе алгоритма MOMEL [Hirst, 2011], однако можно перечислить ряд преимуществ предложенного метода:

1. Эксплицитная привязка стилизованного контура к отдельным слогам. Это позволяет отдельно исследовать разные структурные составляющие интонационного контура: зону интонационного центра (которая включает в себя собственно слог, несущий синтагматическое ударение, а также предударный и заударный слоги), начало и конец синтагмы, интонационную периферию.

2. Возможность рассматривать форму мелодического движения внутри одного слога. Это позволяет исследовать явления, связанные с таймингом (в частности, положение интонационных пиков).

3. Использование данных фонетической транскрипции и другой лингвистической разметки. Это позволяет учитывать связь формы мелодического движения на слоге с его сегментным составом, а также ударность или безударность слога. Также могут быть исследованы особенности слогов, находящихся в зоне действия логического ударения, акцентного выделения. Метод был апробирован с использованием корпуса русской устной речи CORPRES. Было показано, что метод может эффективно использоваться для различения основных интонационных типов русского языка. В дальнейшем метод предлагается использовать для поиска универсальных и специфических фонетических характеристик коммуникативных типов высказываний в разных языках. Другой возможной областью применения метода является преподавание интонации иностранных языков. В частности, результаты анализа мелодической кривой могут быть визуализированы в виде графика, аналогичного предложенным в пособии Дж. Д. О'Коннора и Г. Ф. Арнольда «Intonation of Colloquial English» [O'Connor, Arnold, 1973] и ряде других, что позволит обучающимся сравнивать свои реализации с эталонными.

Литература

- Hirst D.* The analysis by synthesis of speech melody: from data to models // Journal of Speech Sciences. 2011. Т. 1, № 1. С. 55–83.
- O'Connor J. D., Arnold G. F.* Intonation of colloquial English. London: Longman, 1973.
- Povey D. и др.* The Kaldi speech recognition toolkit. IEEE Signal Processing Society, 2011.
- Talkin D.* REAPER: Robust Epoch And Pitch Estimator [Электронный ресурс]. URL: <https://github.com/google/REAPER> (дата обращения: 21.12.2019).

ТЕЛЕУТСКАЯ ПРОСОДИЯ В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

Шестера Елена Александровна

преподаватель, Новосибирский государственный технический университет

Рассматривается природа словесного ударения в телеутском языке с точки зрения восприятия носителей языка. Анализируются акустические параметры просодии и восприятие ударения следующих сорока пяти двусложных словоформ: ада 'имя', ача 'брат', жалбақ 'широкий', жаны 'новый', изир 'будет нагреваться', кебе 'облик', кече 'вчера', күзүрт 'гроза', қалық 'народ', қызыл 'красный', оро 'яма', ортон 'средний', табақ 'чашка', таңда 'завтра', толық 'угол'. Данные словоформы были произнесены тремя дикторами, носителями телеутского языка, проживающими в с. Беково Беловского района Кемеровской области. По данным переписи 2010 г., говорит на телеутском языке 1 892 чел. из общего числа телеутов в 2650 чел. С целью определить релевантный для телеутского акустический параметр ударения в гласных бисиллабов анализировались интенсивность (дБ), длительность (мс, СДЗ, ОДГ в %), частота основного тона (далее ЧОТ) (Гц), движение тона на отдельных слогах, мелодический контур слов. Звучащая речь обрабатывалась в компьютерной программе Praat.

Для установления релевантного акустического параметра телеутского ударения был проведен эксперимент с участием носителей языка. Эксперимент заключался в следующем: не сообщая о предварительных результатах нашего исследования, мы просили каждого аудитора в индивидуальном порядке прослушать в записи анализируемые словоформы. Несмотря на зафиксированную разницу дикторских реализаций просодии словоформ, носители языка почти единогласно утверждали, что ударение приходится на последний слог (см. Приложение 1). Согласно анализу просодии сорока пяти произнесений двусложных словоформ трех дикторов, акустически второй слог выделялся разными параметрами и непостоянно:

- 1) в двадцати шести произнесениях второй слог был более длительным,
- 2) в двадцати трех случаях на него приходился максимум ЧОТ,

3) в четырнадцати произнесениях на втором слоге была выше величина интенсивности (см. Приложение 2). То есть примерно лишь в половине произнесений мы видим акустическую реализацию ударения на втором слоге. Может быть, важно направление движения тона на втором гласном, поскольку он воспринимается как ударный, независимо от нахождения максимума ЧОТ? Действительно, повышение ЧОТ на втором слоге встречалось чаще, чем понижение, но тоже не всегда — в двадцати восьми произнесениях. А нисходяще-восходящий рисунок словесной просодии наблюдался в двадцати пяти произнесениях. То есть приблизительно в половине анализируемого материала. Однако если рассмотреть данную тенденцию более широко, то окажется, что второй слог воспринимается как ударный при реализации нисходяще-восходящей словесной просодии (независимо от нахождения максимума ЧОТ), нисходяще-восходяще-нисходящей или восходящей просодии (но с пиком ЧОТ на втором слоге в обоих случаях) — тридцать три произнесения. На втором слоге отмечается повышение тона и/или его максимум.

Таким образом, можно сделать вывод о преимущественно тональной природе ударения телеутского языка — повышении тона. Данный вывод частично согласуется с исследованием характера ударения алтайского языка: в отличие от алтайского, в котором ударение квалифицируется как музыкальное восходящее с максимумом ЧОТ на финальном слоге [Баданова 2011: 213–220], в телеутском большую роль играет просодический контур слова. Если такое движение тона не наблюдается, но тем не менее второй слог воспринимается как ударный, то, согласно полученным результатам, на данном слоге длительность гласного превышает длительность гласного первого слога (девять произнесений из двенадцати). Возможно, имеет место влияние русского языка, в окружении которого находится малочисленный бесписьменный вымирающий телеутский. В русском языке параметр длительности квалифицируется как основной в ударном слоге [Николаева 1977: 51].

Но как объяснить существование двух произнесений, которые воспринимаются с ударением на втором слоге всеми аудиторами (д. 3: қызыл 'красный' и д. 2: ортон 'средний'), что

акустически никак не подтверждается? Возможно, здесь мы имеем дело с аудиторским ожиданием и аудиторской поправкой. Американский исследователь Дж. Пьерхумберт установила на материале повествовательных предложений американского варианта английского языка, что восприятие понижения основного тона аудиторами и акустические параметры могут не совпадать благодаря ожидаемому нисходящему контуру [Pierrehumbert 1979]. Таким образом, согласно эксперименту Дж. Пьерхумберт, аудиторы могут слышать такую просодию, которую они ожидают услышать, а не реальную акустическую информацию. «Процесс восприятия всегда идет «сверху вниз» — от распознавания признаков наиболее крупных единиц и составления обобщенной картины высказывания к ее конкретизации...» [Касевич 1983: 220], то есть носители языка опираются не на реальные просодические маркеры при выделении слова в речевом потоке, а на некие модели, которые существуют в сознании носителей языка. Вероятно, распознавание в речи слов сингармонического телеутского языка опирается не только на первый слог, но и последний — находящийся перед границей слова, которая является сигналом настройки восприятия и порождения следующего слова. Итак, телеутское ударение носит необязательный слабоцентрированный характер вследствие действия закона слогового сингармонизма, который относится к просодическому уровню языка.

Литература

Баданова Т. А. Словесное ударение в алтайском языке в сопоставительном аспекте. Новосибирск, 2011.

Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.

Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.

Pierrehumbert J. The perception of fundamental frequency declination // J. Acoust. Soc. Am. 66 (2), 1979.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КОНСТРУКЦИЙ С СЕМАНТИКОЙ СОЖАЛЕНИЯ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

THE STRUCTURES WITH THE SEMANTICS OF REGRET IN ROMAN LANGUAGES: PECULIARITIES OF USAGE

Ануфриев Александр Александрович

научный сотрудник, Институт языкознания РАН

В докладе рассматриваются конструкции эксплицитного модуса, вводимые предикативами со значением сожаления 'жаль, что', в испанском (*lástima que*), итальянском (*peccato che*) и португальском языках (*é pena que*). Особое внимание при этом уделяется проблеме вариативности наклонения глагола в зависимой части конструкции. С помощью предикатов внутреннего состояния говорящий описывает ментальные состояния субъекта (уверенность, страх, сожаление). В романских языках глаголы и близкие по значению предикативы, описывающие субъективную оценку действительности, могут употребляться в конструкции пропозиционального дополнения, выступая в роли модального оператора (*знаю/кажется/жаль что...*). Как известно, семантика оценочного предиката во многом задается непосредственно контекстом употребления и зависит от множества прагматических факторов, что в целом характерно для предикатов внутреннего состояния как оценочных недескриптивных лексем.

Конструкции со значением сожаления типа *жаль, что...* часто употребляются в романских языках (например, исп. *lástima que, es una pena que*, итал. *peccato che*, порт. *da/ é pena que*. Как правило, они служат для описания отрицательной эмоциональной оценки действительности говорящим. Если описывать сожаление как ментальное состояние, то его можно определить, как «некоторое положение дел, не существующее в действительном мире, но которое могло бы в нём существовать, представляется человеку как лучшее по сравнению с тем, которое существует» [Зализняк 2006: 97]. Данное состояние может проецироваться в языке как широкий диапазон смыслов — от чистого эмоционального переживания до мнения [Там же: 95]. При этом, в отличие от конструкций с собственно глаголом сожаления (исп. порт. *lamentar, sentir*, итал. *rimpiangere, dispiacere*), подобные высказывания не содержат идеи ошибочности принятого ранее решения и чаще всего описывают переживание невысокой степени интенсивности, недовольство.

Нам представляется интересным сравнить типовые прагматические контексты употребления выше перечисленных конструкций в испанском, итальянском и португальском языках. Используя корпусные данные, особое внимание при этом хотелось бы уделить особенностям употребления наклонения глагола в зависимой части конструкции. Как известно, для романских языков проблема употребления пропозициональных глаголов связана с особенностями употребления формы индикатива или косвенного наклонения глагола в зависимой части конструкции. Выбор наклонения может, с одной стороны, чётко задаваться семантикой пропозициональной установки: например, глаголы знания в испанском языке (*saber*) всегда требуют употребления форм индикатива глагола зависимой части, глаголы сомнения (*dudar*) — форм субхунтива.

С другой стороны, выбор может определяться прагматическими целями говорящего. В последнем случае мы наблюдаем так называемую вариативность наклонений, случаи нетипичного, неустоявшегося употребления (*usos vacilantes*) [Fernández Ramirez 1986]. Притом, что нормативная грамматика исследуемых языков предписывает употребление исключительно конъюнктива (*Es una lástima que tengas que marcharte ya/ Peccato che sia una canaglia/ Só é pena que tenha*

abandonado algumas das medidas certas que tomou no princípio.), в узусе оппозиция изъявительное (indicativo) — косвенное наклонение (subjuntivo/congiuntivo) является актуальной, во всех рассматриваемых языках имеет место употребление «ненормативного» индикатива (*Lástima que no sé cantar/ Peccato che non capisce niente di poesia/ Só é pena que não tenho tempo de ler os dois todos os dias.*). Таким образом, имеет место вариативность (*alternancia/alternanza*), и употребление того или иного наклонения может корректировать семантику оценочного глагола, выводя на первый план одни оттенки значения и ослабляя другие. Т.е. в каждом конкретном примере семантика модусной конструкции может обуславливать употребление формы «нормативного» субхунтива или «аномального» индикатива диктального глагола. Нашей задачей будет являться как описание статистики соотношения употребления маркированного и немаркированного наклонения в исследуемых языках, так и выявление факторов (грамматических, географических, чисто прагматических), обуславливающих возможность употребления нетипичного индикатив в зависимой части конструкции. При этом особое внимание следует обращать на ареал употребления (прежде всего, в испанском и португальском), на тип дискурса (в итальянском).

Отметим, что, как правило, ряд контекстов употребления нетипичного наклонения с трудом поддается мотивировке. Скорее всего, в таких случаях наблюдается нейтрализация оппозиции индикатив/конъюнктив, в принципе характерная для современного состояния романских языков и для оценочных пропозициональных конструкций в частности.

Литература

Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

Fernández Ramirez S. Gramática española. El verbo y la oración. Madrid, Gredos, 1986.

РАССМОТРЕНИЕ АКЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СТАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

CONSIDERATION OF THE ACTIONAL CHARACTERISTICS OF STATIVE VERBS IN MODERN SPANISH

Алыпина Светлана Алексеевна

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Стандартные характеристики акционального значения «состояние», принятые в аспектологической литературе, следующие: состояние не претерпевает изменений с течением времени, не предполагает качественно различных временных фаз, не требует постоянного притока энергии. Однако, общепринятое определение, не вызывающее разногласий, находится в процессе становления, поскольку глаголы, обладающие семантикой состояний, очень неоднородны, а также отделить их от несостояний совсем непросто [Татевосов 2016: 36]. Первостепенной задачей данного исследования является обозначение критериев выделения стативного акционального значения в испанском языке на основе теории С. Г. Татевосова (основные характеристики — мереологическое свойство кумулятивности и темпоральное свойство истинности в точке), а также определение собственно стативных глаголов, сильных инцептивно-стативных и слабых инцептивно-стативных глаголов в современном испанском языке. Говоря о теории акциональности, нельзя не упомянуть известную классификацию З. Вендлера [Vendler 1957/1967], предложившего распределить глаголы английского языка на четыре аспектуальных класса (в дальнейших исследованиях терминология претерпела изменения и сейчас они зачастую называются акциональными) на основе трёх оппозиций, определяющих базовую семантику предиката (стативность/динамичность, предельность/непредельность, пунктивность/дуративность). Вендлер делит глагольные предикаты на четыре группы: «states» («состояния»), «activities» («деятельности»), «accomplishments» («свершения») и «achievements» («достижения»).

Данная классификация претендовала на универсальность и была перенесена на материалы многих других языков (в том числе, на русский и испанский). Однако, как утверждается и подробно обосновывается в [Татевосов 2016], она не может быть применима к абсолютно любой лингвистической системе, не подвергаясь межъязыковому варьированию: «Прежде всего мы должны отказаться от идеи, что вендлеровская классификация универсальна, и научиться выделять акциональные классы в исследуемом языке по независимым основаниям» [Татевосов 2016: 32–33]. Таким образом, опираясь на критерии, выделенные в упомянутой работе С. Г. Татевосова, мы определили, какие глаголы можно обозначить как глаголы-состояния (разделяемые на собственно стативы, а также сильные и слабые инцептивно-стативные глаголы) в испанском языке. Для начала, стоит упомянуть, что исследователь предлагает не ориентироваться на свойства ненаблюдаемых лексем, а обратить внимание на свойства наблюдаемых глагольных форм. Высказанное предложение актуально, поскольку имеет место так называемая проблема непрямого доступа — то есть невозможность рассматривать глагол как лексему изолированно, вне контекста, лишая его аспектуально-временных показателей ([Zucchi 1999] из [Татевосов 2016: 18–19]: «Я буду обозначать проблему определения условий истинности базовых составляющих, к которым затем применятся временные и аспектуальные показатели, как проблему непрямого доступа в семантике вида и времени»). Проблема непрямого доступа наиболее ярко проявляет себя, если принять во внимание акциональную вариативность, то есть возможность сосуществования в языках разных акциональных интерпретаций разных грамматических форм одного и того же глагола. В этой связи стоит прокомментировать не разные, а даже, казалось бы на первый взгляд, одну и ту же форму простого перфекта (Indefinido) глагола *saber* ‘знать’, который зачастую интерпретируется как стативный глагол ([Camus Bergareche 2004], [NGLE 2009: 1685–1709] и др.).

Примеры (1a–b) взяты из корпуса современного испанского языка CORPES XXI: (1) a. *Nadie supo nada de ella durante muchos años y, cuando se la creyó muerta*, (Sánchez-Andrade, Cristina: Bueyes

y rosas dormían. Madrid: Ediciones Siruela, 2001). Никто ничего не знал о ней долгие годы, и, когда её посчитали умершей, b. *El niño, ante la mirada vidriosa de los ojos azules, supo de repente que el vil sujeto no existía* (Амо, Álvaro del: Casa de Fieras. Madrid: Alianza Editorial, 2006). Ребёнок, перед стеклянным взглядом голубых глаз, узнал вдруг, что гнусного типа не существовало.

Выделенные курсивом обстоятельства делают очевидным тот факт, что, если в (1a) речь идёт о состоянии, то (1b) приобретает инхоативное значение — вхождение в состояние. Таким образом, форма Indefinido глагола saber может иметь более одной акциональной интерпретации, что подтверждает идею о необходимости анализировать уже определенные контекстом формы глагольных предикатов, а не изолированные абстрактные лексемы. Именно в связи с данной особенностью испанских глаголов, отсутствующей в английском языке (на основе которого строилась теория Вендлера, которой по необъяснимым причинам продолжают придерживаться многие испаноязычные исследователи, например «Nueva gramática de la lengua española» [2009]), имеет место применение к данному лингвистическому материалу современной теории Татевосова, ориентированной на преодоление межъязыкового варьирования.

ПРИМАРНО-ТАКСИСНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Архипова Ирина Викторовна

профессор, Новосибирский государственный педагогический университет

Предметом рассмотрения в данной статье является актуализация примарно-таксисных (собственно-таксисных, таксисно-хронологических) значений одновременности, разновременности и следования. Материалом исследования послужили немецкие высказывания с предложными девербативами с предлогами темпоральной семантики *während, bei, in, mit, seit, vor, nach, bis*, полученные методом направленной выборки из Лейпцигского национального корпуса (LC).

Категориальные значения примарного таксиса одновременности и разновременности актуализируются в результате межкатегориального взаимодействия категорий и субкатегорий таксиса, темпоральности, аспектуальности, фазовости и итеративности. Семантическая функция таксиса, заключающаяся в реализации таксисно-хронологических значений одновременности, предшествования и следования, составляет основу их межкатегориальных связей. В качестве непосредственных партиципантов или участников процесса примарно-таксисной актуализации в немецких высказываниях с предложными девербативами, выступают темпоральные предлоги *während, bei, in, mit, seit, vor, nach, bis*, а также различные аспектуальные (дуративные, итеративные, фазовые) и темпоральные квантификаторы. Предлоги темпоральной семантики выступают в функции таксисных маркеров. Они эксплицируют категориальные значения одновременности (см. предлоги *während, bei, in, mit*) и разновременности (см. предлоги *seit, vor, nach, bis*), например: *Vor ihrer Abreise nach Brüssel gibt Merkel am Donnerstagmorgen im Bundestag eine Regierungserklärung zum Gipfel ab (LC)*; *Bei der Abreise war es besonders toll (LC)*; *Nach der Abreise blieb es ruhig um den 74-jährigen Trump (LC)*. В приведенных примерах темпоральный предлог *bei* маркирует примарный таксис одновременности, а предлоги *vor* и *nach* выступают в качестве экспликаторов примарно-таксисных категориальных значений строгого предшествования и строгого следования.

Определенной прототипической силой обладают аспектуальные (дуративные, итеративные, фазовые) и темпоральные адвербиалы и атрибуты типа *kurz, neun Tage, am Tag vorher, mittwochs, wieder, immer, oft, nicht selten, meistens, schliesslich, endgültig* и др., а также различные фазовые глаголы и глагольные аналитические конструкции (*beginnen, anfangen, enden, beenden, zu Ende gehen* и др.). Они выполняют функцию таксисных индикаторов и детерминантов сопряженных категориальных значений (итеративно-примарно-таксисных, дуративно-таксисных, фазово-таксисных и др.), например: *Bei Ankunft der Beamten hatte sich der offenbar Alkoholisierte zwar wieder angezogen (LC)*; *Mittwochs vor der Abreise in die Schweiz wurde die komplette Delegation der Leverkusener zum zweiten Mal in der Woche auf Corona getestet (LC)*; *Am Tag vorher beim Treffen mit dem Wirtschaftsflügel blieb harte Kritik ebenfalls aus (LC)*; *Am Sonntag geht mit der Abreise der letzten Care-Mediziner aus den ruandischen Flüchtlingslagern um Gome die größte humanitäre Einzelaktion einer deutschen Hilfsorganisation zu Ende (LC)*; *Nach dem zweiten Abflug war das Rennen final beendet (LC)*; *Kurz nach ihrer Ankunft wird sie verraten und nach langem Verhör hingerichtet (LC)*; *Neun Tage nach der Ankunft ihrer Kleinen habe sich jedoch alles geändert (LC)*.

В приведенных примерах актуализованы сопряженные итеративно-примарно-таксисные, темпорально-примарно-таксисная, ингрессивно-примарно-таксисная и дуративно-примарно-таксисные категориальные значения одновременности, строгого предшествования и строгого следования. Итеративные адвербиалы *wieder* и *mittwochs* выступают в роли детерминантов сопряженных итеративно-примарно-таксисных значений строгого предшествования и одновременности в высказываниях с предлогами *vor* и *bei*. Темпоральный адвербиал *am Tag vorher* специфицирует темпорально-примарно-таксисную актуализацию одновременности в высказывании с темпоральным предлогом *bei*. В высказываниях с предлогами *mit, nach* эгрессивно-

фазовый глагол *beenden* и глагольная аналитическая конструкция *zu Ende gehen* обуславливают реализацию эгрессивно-фазово-примарно-таксисных значений одновременности и строгого следования. Дуративные адverbials *kurz* и *neun Tage* детерминируют дуративно-примарно-таксисные значения строгого следования в высказывании с предлогом *nach*.

Таким образом, актуализация категориальных значений примарного таксиса является результатом межкатегориального взаимодействия категорий и субкатегорий таксиса, темпоральности, аспектуальности, итеративности и фазовости. Семантическую основу их межкатегориальных связей составляет семантическая функция таксиса, заключающаяся в выражении хронологических значений одновременности и разновременности (предшествования, следования). В качестве общекатегориальных языковых единиц выступают темпоральные предлоги, различные адverbials и атрибуты (дуративные, итеративные, фазовые, темпоральные), а также фазовые глаголы и глагольные аналитические конструкции. Они являются участниками процесса речевой актуализации сопряженных примарно-таксисных категориальных значений — темпорально-таксисных, итеративно-таксисных, фазово-таксисных и дуративно-примарно-таксисных.

Темпоральные предлоги выступают в функции таксисных маркеров, а различные аспектуальные и темпоральные адverbials и атрибуты — в функции соответствующих таксисных детерминантов.

Литература

ЛС — Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета.

ЕЩЕ РАЗ О МОДАЛЬНОМ ГЛАГОЛЕ ZOU В НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

ONCE AGAIN ABOUT THE MODAL VERB ZOU IN DUTCH

Михайлова Ирина Михайловна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Цель доклада — показать, что нидерландский глагол *zou(den)*, исторически представляющий собой имперфект от глагола *zullen* (ср. *shall* и *should* в английском), в современном языке по значению и употреблению настолько отделился от *zullen*, что его уже следует признать самостоятельной лексической единицей. В настоящее время наиболее авторитетные словари и грамматики нидерландского языка по-прежнему рассматривают эти глаголы как формы одного слова. Так, в Большом словаре нидерландского языка Ван Дале толкование *zullen* и *zou(den)* дается в общей словарной статье (Van Dale 2014: 3536), а наиболее авторитетная теоретическая грамматика нидерландского языка [ANS 2000: 549–551], констатируя с ноткой недоумения почти полное отсутствие зависимости используемой формы от временной соотнесенности называемого действия, тем не менее тоже называет их презенсом и имперфектом глагола *zullen*. С другой стороны, практические грамматики нидерландского языка [Dutch Online Academy], а также современные статьи по данному вопросу [Harmes 2017] настаивают на рассмотрении их как двух разных модальных глаголов. Попытаемся развить приведенные в последних двух источниках доводы в пользу признания за *zou(den)* самостоятельного статуса. Единственный — и достаточно редкий — случай, когда *zullen* и *zou(den)* коррелируют между собой как временные формы одного глагола, — это в функции вспомогательного глагола будущего времени: простого будущего (*zullen*) и, соответственно, будущего в прошедшем (*zou*). По статистике, приводимой И. Хармес в ее статье, в современном разговорном нидерландском языке глагол *zou* используется во временном значении менее чем в 5 % всех словоупотреблений [Harmes 2017: 156]. *Peter denkt dat hij wel zal slagen*. «Петер думает, что (наверняка) добьется успеха» *Peter dacht dat hij wel zou slagen*. «Петер думал, что добьется успеха». Столь малая частотность темпорального *zou* объясняется тем фактом, что будущее действие в нидерландском языке в огромном большинстве случаев передается презенсом, а вместо будущего в прошедшем используется, соответственно, имперфект. В остальных случаях оба глагола передают модальное значение: *zullen* — деонтическую (редко), динамическую и эпистемическую модальность, *zou(den)* — только эпистемическую. Так, менее чем в 1% словоупотреблений в текстах высокого стиля с архаической окраской *zullen* передает значение долженствования: *Gij zult niet stelen* «Не укради». Более частый случай, — это употребления *zullen* для выражения побуждения к действию при первом лице: *Zal ik je even helpen?* «Давай я тебе помогу!» *Zullen we gaan?* «Ну что, пошли?» Примерно в 90 % случаев как *zullen*, так и *zou(den)* передают тот или иной оттенок эпистемической модальности, причем для каждого глагола характерен свой набор значений, вне зависимости от времени (предполагаемого) действия. Разные авторы предлагают разную классификацию этих значений, выделяя от шести до пятнадцати групп. Нам представляется наиболее оправданным выделение

Следующих пяти значений эпистемической модальности, передаваемых глаголами *zullen* и *zou*:

1. *Zullen*: значение нарочитой уверенности: «наверняка»: *Je zult (wel) dorst hebben met die warmte*. «Тебе наверняка хочется пить от этой жары». *Moeder zal onderweg wel oponthoud gehad hebben*. «Мама наверняка задержалась по дороге.» *Ze zullen je helpen*. «Они тебе наверняка помогут.» *Dat zal wel!* «Да уж наверняка!»

2. *Zou*: сомнение «может быть», встречается только в вопросительном предложении: *Waarom is Jan niet gekomen? Zou hij ziek zijn?* «Почему Ян не пришел? Может быть, он заболел?»

3. *Zou*: нереальное или малореальное условие: «бы» *We hebben helemaal geen koffie gedronken. Koffie zou ook niet gepast hebben bij de warme groentetaart*. «Мы вообще не пили кофе. Да кофе и не подошел бы к теплomu кишу.» Сюда же мы относим употребление *zou* в сочетании с модальными глаголами, где *zou* служит для смягчения просьбы, выражения желания и т. п.: *Zou u willen*

beginnen te lezen? «Не соизволили ли бы вы начать читать?» Сюда же мы относим определенный вид советов, в которых легко можно восстановить имплицитное условие «будь я на вашем месте»: “*Hoe moet ik hem dat uitleggen?*” “*Ik zou hem een brief schrijven.*” «Ну как ему это объяснить?» — «Я бы написал ему письмо».

4. *Zou*: значение передачи чужого высказывание, за истинность которого говорящий не хочет нести ответственность: «якобы», «говорят, что»: *Er werd van alles over hem verteld. Dat hij malversatie zou hebben gepleegd en dat hij valse papieren zou hebben.* «Чего только о нем не рассказывали! Что он якобы замешан мошенничестве и что у него фальшивые документы.»

5. *Zou*: достигнутая договоренность, в осуществлении которой есть сомнения: «по идее должен»: *Schiet op! Het is al half negen, we zouden om negen uur bij het station zijn.* «Поторопись! Уже полдевятого, в девять мы по идее должны быть на вокзале.» По приведенным примерам видно, что соотносительность действия с временным планом передается использованием простого или совершенного инфинитива, а сами по себе *zullen* и *zou(den)* способны выражать каждый собственный набор видов и оттенков модальности действий. Это позволяет говорить о самостоятельности обеих лексем.

Литература

Ное gebruik je ZOU? // The Dutch Online Academy <https://thedutchonlineacademy.com/grammar/hoe-gebruik-je-zou>

Algemene Nederlandse spraakkunst. Groningen, Noordhoff Uitgevers. 2000.

Harmes I. A Synchronic and Diachronic Study of the Dutch Auxiliary ‘Zou(den)’ // *Evidentiality Revisited*. Amsterdam, 2017. P. 149–169.

Van Dale Groot Woordenboek der Nederlandse taal. Antwerpen, 2015.

ОБ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОМ СЕМАНТИЧЕСКОМ СДВИГЕ НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТЬ — КОНТРОЛИРУЕМОСТЬ ДЕЙСТВИЯ В СОЧЕТАНИЯХ С ГЛАГОЛОМ TO DECIDE В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ

ON THE INTENTIONAL SEMANTIC SHIFT 'UNCONTROLLABLE — CONTROLLABLE ACTION' WITH "DECIDE"

Осокина Наталья Юрьевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Вопросы креативного использования языка неизменно вызывают интерес исследователей, при этом, несомненно, особого внимания заслуживает рассмотрение использования грамматических средств для создания образности и новых дополнительных неграмматических смыслов. Целью данного исследования является рассмотрение интенционального семантического сдвига неконтролируемость — контролируемость действий с глаголом to decide у современных англоязычных авторов.

Под интенциональным семантическим сдвигом мы понимаем использование грамматической формы в несвойственном ей грамматическом контексте с целью создания образности, как в следующем предложении: *At the clinic, Quin, Kallie and I piled into the empty waiting room. Kate and Devin decided to wait outside and be young* (Marian Keyes), где выражение *be young*, называющее состояние неконтролируемое субъектом, используется в сочетании с глаголом to decide как целенаправленное действие. Интенциональный семантический сдвиг неконтролируемость — контролируемость действия в данном примере создает комический эффект и помогает передать новый дополнительный неграмматический смысл — персонажи решили позволить себе вести себя как беззаботные и слегка безответственные молодые люди.

Примеры семантического сдвига контролируемость — неконтролируемость приводились в работе А. А. Масленниковой «Особенности грамматической метафоры» [Масленникова 2006: 29–30] как один из видов грамматической метафоры, в основе которого лежит намеренное нарушение принципа противопоставления стативных и динамических признаков глаголов и прилагательных.

Нам представляется, что данные конструкции заслуживают подробного рассмотрения, поскольку их анализ позволяет проследить особенности креативного использования грамматических средств.

Материалом исследования послужили сочетания с глаголом to decide, взятые из British National Corpus из раздела Fiction, а также примеры, используемые англоязычными писателями, не входящие в данную базу. Глагол to decide при использовании с инфинитивом означает выбор определенного хода действия — to select as a course of action [Merriam-Webster Dictionary], т. е. контролируемость действия. Общее количество примеров с формой decided to, представленное в разделе Fiction British National Corpus составляет 1512. Мы исключили сочетания глагола to decide с глаголами, называющими контролируемые действия, при этом критерием значения контролируемости была способность соответствующего глагола использоваться в форме повелительного наклонения. Так, если обратиться к следующим предложениям:

I decided to have my coffee in a little cafe; Liam just decided to ignore it all and hope for the best; Hari decided to be truthful; He decided to have flu, мы увидим, что возможно использовать глаголы и сочетания с прилагательными первых трех предложений в повелительном наклонении (Have your coffee! Ignore it! Be truthful!), но невозможно сказать **Have a flu!* Используя данный метод, мы выявили 5 примеров (0,003 %) использования глаголов и прилагательных, называющих неконтролируемые состояния и действия, с формой decided to.

Выявленные примеры интенционального семантического сдвига неконтролируемость — контролируемость отличаются экспрессивностью, многозначностью, амбивалентностью. Как

правило, в них отмечается ироничное звучание: *What had he done in his last incarnation to deserve it? What sheer bad luck to meet a literary policeman when he was trying to do something nefarious but necessary. If any of those letters were published, and especially if they printed his initials at the end, someone — Eleanor for instance — might recognize Gina and himself. The story would spread. He decided to have flu.* (Kethley Pitt).

Сочетание несопоставимых значений «неконтролируемое состояние» (нельзя намеренно заболеть гриппом) и «осознанный выбор, решение действовать определенным образом», выражаемое глаголом *to decide*, приводят к возникновению иронии, и появлению дополнительного неграмматического смысла: персонаж решил притвориться больным, чтобы избежать разоблачения.

Итак, можно сделать вывод, что интенциональный семантический сдвиг неконтролируемость — контролируемость действия является важным и выразительным средством создания грамматической образности, к которому могут прибегать современные англоязычные авторы.

Вместе с тем, использование данного семантического сдвига нельзя считать широким, массовым, что объясняет его выразительность и экспрессивность. Употребление глагола *to decide* с глаголами и сочетаниями с прилагательными, называющими неконтролируемые действия и состояния, создает новые неграмматические смыслы и придает повествованию ироничное звучание.

Литература

Масленникова А. А. Особенности грамматической метафоры // Варшавская А. И., Масленникова А. А., Петрова Е. С. и др. *Метафоры языка и метафоры в языке* / под ред. А. В. Зеленщикова, А. А. Масленниковой. СПб., 2006. С. 21–44.

British National Corpus (BNC). URL: www.english-corpora.org/bnc/

Merriam-Webster Dictionary. URL: www.merriam-webster.com/dictionary/

СТРУКТУРИРОВАНИЕ И ДОБАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ КАК ОЦЕНОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ В УЧЕБНИКАХ ПО СОЦИОЛОГИИ НА НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Степанов Евгений Сергеевич

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Социолингвистические аспекты функционирования коммуникативных практик в настоящее время являются ключевым фактором для изучения того, как устроены и организованы типизированные речевые действия и социальные процессы в профессиональной деятельности человека. Так, фокус научной коммуникативной практики обращен на получение, верификацию, апробацию и трансфер академического знания. Непосредственно передача аксиоматизированных знаний осуществляется посредством научно-обучающей практики. Знание, успешно прошедшее стадию верификации и перешедшее в разряд нормативного, подвергается адаптации для последующего включения в учебный процесс. В ходе адаптации педагог прибегает к систематизации, структурированию, определенной редукции и некоторому упрощению информации с целью представления ее в таком виде, который соответствует определенному этапу высшего образования. Одновременно с этим педагог производит ранжирование информации в тексте по степени ее релевантности и значимости, выбирая наиболее важные фрагменты знания и располагая их в логичной последовательности [Нефедов 2021: 17]. Описанные выше приемы адаптации материала осуществляются при помощи социолингвистического инструмента, который мы называем «персуазивной оценкой». Персуазивность характеризуется осознанным стремлением воздействовать на участника коммуникации с целью формирования у него определенной позиции [Schönbach 2019: 18]. Соответственно, персуазивный характер оценки в научно-обучающей практике выражается в намеренном воздействии педагога на обучающегося, направленном на убеждение последнего в необходимости и важности представленных в учебнике знаний для личностного развития и успешного ведения профессиональной деятельности. Педагог-автор учебника расставляет акценты в книжном тексте и помогает читателю-студенту не заблудиться в новой и сложной для него теме.

Исследование оценочных стратегий в научно-обучающей практике проводится на материале немецко- и русскоязычных учебников по социологии для вузов. Вузовский учебник представляет собой один из типов текстов, реализуемых в научно-обучающей практике в письменной форме и включающих в себя двух участников — педагога, составителя учебника, играющего направляющую роль в коммуникации, и обучающегося, который, пользуясь расставленными в учебнике автором ориентирами, последовательно изучает его содержимое. Исследовательский корпус охватывает по десять учебников по социологии на немецком и русском языках и включает 81 и 107 тысяч предикаций соответственно, из которых оценочными являются соответственно 22 и 26 тысяч. Были выявлены следующие группы средств персуазивного оценивания: оценочные средства с семантикой важности и центральности информации, оценочные средства ее градуирования, а также оценочные средства структурирования и добавления информации. Было установлено, что оценка, реализуемая как структурирование и как добавление информации, активно используется как немецкоязычными (около 9 и 1 тысячи оценочных предикаций соответственно), так и русскоязычными составителями учебников (около 7 и 1,8 тысяч). Маркерами оценки как структурирования информации являются конструкции, призванные продемонстрировать многоаспектность объекта исследования (*einerseits...andererseits, zum einen...zum anderen, с одной стороны...с другой стороны, nicht nur...sondern auch, как...так и, zwar...aber, хотя...но*), а также уточняющие конструкции (*und zwar, а именно*). Оценка как добавление информации находит свое вербальное выражение в конструкциях, позволяющих дополнить уже изложенный материал существенным элементом нового знания (*außerdem, darüber hinaus, к тому же, вместе с тем*).

При сопоставлении вузовских учебников на немецком и русском языках в лингвокультурном аспекте стоит отметить, что немецкоязычные авторы несколько чаще прибегают к оценоч-

ным средствам структурирования информации, в то время как русскоязычные составители учебников более активно используют оценочную стратегию добавления информации. Вероятная причина кроется в стремлении немецкоязычных авторов к более структурированному и компактному изложению учебного материала в соответствии с западной традицией, что также подтверждается комплексным анализом других групп оценочных средств в рассмотренном корпусе.

Исследование подготовлено при поддержке РФФ (проект 22-28-01024 «Язык оценок в научных гуманитарных практиках и дискурсах Германии и России») в СПбГУ.

Литература

Нефёдов С. Т. Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 4. С. 760–778. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.408.2>

Schönbach K. Verkaufen, Flirten, Führen. Persuasive Kommunikation — ein Überblick. Wiesbaden, 2019.

ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОНТЕКСТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Алимджанов Абдуазиз Абдихакимович

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема описания семантики невербального контекста, которая затрагивается в данной статье, является частью более общей проблемы — проблемы формализации (вербализации и категоризации действительности в языке), как в философии, так и в Лингвистике, а именно в междисциплинарном разделе — Экстралингвистике (Внешнее языкознание — экстралингвистика, отрасль языкознания, которая занимается изучением совокупности этнических, социальных, исторических, географических факторов, которые связаны напрямую с развитием языка [Ахманова 2010]). Данная проблема особо актуальна для исследования дискурса и остальных прикладных наук, и характеризуется отсутствием вербализации (формализации), отсутствием звуковой или письменной оболочки для конкретной единицы коммуникации, что, однако, ещё не означает не знаковую (Знак — это материальный объект, используемый для передачи информации [Маслов 1997: 24]), поскольку семантика, синтактика и прагматика присутствуют в данных единицах, и они оказывают существенное влияние на коммуникацию, что мы и наблюдаем в филологическом анализе разных типов дискурсов. Анализ дискурса, например, конкретно политического дискурса, по необходимости предполагает обращение к экстралингвистическому контексту, его описание и установление отношений с вербальными единицами данного дискурса.

С другой стороны, в целом, на самом глубинном уровне, проблема сводится к другой важнейшей филологической и когнитивной проблеме отношений формы и содержания, проблеме недостаточного знакового освоения реальности. Проблема многозначности также может быть причислена к ней, если смотреть на многозначность с точки зрения «нехватки» формы для конкретного значения. Затрагивая поверхностно эту проблему следует отметить достижения индийской мысли, где «познание не движется от явления к сущности» (то есть от инварианта к варианту) и поэтому «нет и не может быть единого термина, обозначающего некоторый предмет вообще как носителя своих свойств (ибо этот термин должен бы был тогда отражать сущность предмета, а говорить о ней нет смысла): он получает столько наименований, сколько качеств необходимо в нем выделить для целей данной дисциплины» [Парибок 2002]. То есть, пресловутый принцип языковой экономии и стремление человека к минимизации усилий [Мартине 1963: 537] непродуктивен для лингвистики и лингвистов в целом, преодолеть следствия которого и нацелена экстралингвистика.

Определений понятия «контекст» множество. В ЛЭС даётся следующее определение: «Различаются собственно лингвистический и экстралингвистический контекст, т. е. ситуация коммуникации, включающая условия общения, предметный ряд, время и место коммуникации, самих коммуникантов, их отношения друг к другу и т. п.» [ЛЭС 1990: Контекст]. Экстралингвистический контекст признается в лингвистике как среда, в которой актуализируются коммуникативные единицы, однако, контекст считается плохо поддающимся формализации, и отношения текста и контекста в разных трактовках противоречивы и неоднозначны [Третьякова 2012: 230].

Если ещё недавно считалось, что коммуникативная среда (или экстралингвистический контекст) играет незначительную роль в анализе смысла речевых единиц, то теперь, в постнеклассической науке (термин В.С. Стёпина, обозначающий новый тип научной рациональности и служащий для освоения сложных саморазвивающихся систем), «в терминах синергетики

коммуникативная среда является не внешним фактором, а участником коммуникативного процесса, смыслообразование организуется диалектикой текста и контекста, новации и традиции, семантическими единицами, принадлежностью говорящего к той или иной социальной группе, где общение стилистически оформлено» [Гураль 2007: 9].

По словам Е. И. Шейгал, политический дискурс имеет два измерения — «реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки», т. е. «тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [Шейгал 2005: 9].

Экстралингвистические единицы в системе политического дискурса заключают в себе определенные устойчивые смыслы, «внутренние доминанты» правила» [Мельников 1972], обеспечивая возможность коммуникации. «Смысловые универсалии являются экстралингвистической категорией и описывают компоненты содержания независимо от формы их выражения, а также их дальнейшего употребления» [Кузин 2006].

Г. П. Мельников, с позиций функционально-коммуникативного подхода, выделял «коммуникативные универсалии», которые рассматривались как «динамические структуры, имеющие деятельностьную основу, ориентированные на межличностное общение в рамках одной или нескольких сфер коммуникации с учетом не только лингвистических, но и социально-психологических, когнитивных и других факторов» [Болотнова 1994: 136–137].

В целом, представляется возможным выделить коммуникативные универсалии и сформулировать на их основе имплицитные правила, задающиеся экстралингвистическим контекстом и описать семантические слои, позволяющие говорить о конкретной реализации вербального материала в политическом дискурсе.

Литература

Мельников Г. П. Язык как система и языковые универсалии // Системные исследования. Ежегодник. М., 1972. С. 183–204.

Парибок А. О методологических основаниях индийской лингвистики. http://absolutology.org.ru/paribok_5.htm, 2002 (дата обращения: 25.09.2022).

Третьякова Т. П. Ещё раз о тексте и контексте // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2012. № 2: Т. 7. Филология. С. 230–234.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Дис. ... д-ра филол. наук. М.: РГБ, 2005. 431 с.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ РЕЦИПИЕНТА КАРТИНЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Беляева Любовь Евгеньевна

преподаватель, Ивановский государственный университет

В научной литературе под искусством понимают особую работу эмоционального мышления, средство эмоционального импакта. Эмоции, как известно, всегда когнитивны и ситуативны, они могут быть предпосылкой создания художественного образа, а могут являться следствием восприятия произведения изобразительного искусства. Эмоции возникают как субъективный отклик на картину, продукт отражения мировоззрения и ценностей художника, воздействующий на зрителя, поэтому они связаны с моментом познания.

Характер эмоциональных переживаний зависит от социально-культурного опыта, ценностей и норм реципиента [Петухова, 2007]. Репрезентация перцепции произведения живописи осуществляется с помощью языка, а также невербального канала коммуникации. На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность, для отражения которой применяются специальные языковые средства. Согласно В. И. Шаховскому «эмотивность — отражённость эмоций в слове, обуславливающая его семантическую способность называть, именовать и описывать их» [Шаховский, 2008, с. 17, 69]. Актуальность работы обусловлена повышенным интересом отечественных и зарубежных лингвистов к проблеме взаимоотношения вербальных и невербальных компонентов в текстах, отражающих эмоции человека. Мы изучаем специфику вербализации ситуаций рефлексии реципиента живописи, а именно эмоциональные реакции и их вербальное и невербальное проявление. Материалом данного исследования служат 15000 страниц англоязычного художественного текста. Для анализа привлекаются классификация эмоций Е. П. Ильина, медицинская классификация невербальных компонентов, психофизиологических реакций и специфических невербальных действий. Для проведения лингвистического описания в работе используются методы прагмалингвистического, дефиниционного и лексико-семантического анализа.

Корпус собранного материала показал, что литературные персоналии склонны испытывать астенические эмоции чаще, чем стенические, это объясняется спецификой коммуникативно-прагматических ситуаций. Кроме того, перечень астенических эмоций намного разнообразнее. Эмотивов с отрицательной окраской насчитывается в англоязычном художественном тексте больше, чем эмотивов с положительной окраской, но они реже употребляются в речи персонажа-реципиента.

Было выявлено, что основными эмоциями негативного характера являются тревожное волнение, страх и гнев. Данные эмоции зачастую могут протекать как аффект с соответствующими психофизиологическими реакциями (сдвиги кожных потенциалов, частоты сердцебиения, дыхания) и специфическими невербальными действиями (действия пантомимического характера, резкие действия с адаптером или собственным телом).

К числу превалирующих невербальных компонентов, отражающих эмоции отрицательного знака следует отнести респираторные и фонационные невербальные компоненты. Среди стенических эмоций наиболее частотной можно считать эмоцию удивления положительного знака, которая на уровне невербального поведения передаётся с помощью миремических и проксемных НВК. Исследование показало, что при восприятии визуальной информации реакция реципиента любого характера осуществляется через авербальный канал коммуникации с помощью контролируемых невербальных компонентов: миремических, мимических, проксемных, респираторных, фонационных, респираторных, жестовых. Особым случаем являются рекуррентные эмоции, которые возвращаются к реципиенту в виде головной боли или бессонницы спустя некоторое время после просмотра произведения живописи.

Выделяются случаи слияния эмоций одного вектора (восторг + удивление / ужас + сожаление), смешения эмоций противоположных знаков (радостное волнение + страх), а также их форсирования (удивление — гнев / страх — восхищение). Были замечены случаи маскировки

(форма фальсификации) истинных эмоций персоналиями. Писатель, декодируя свой замысел, многократно описывает способы манипулирования невербальными компонентами для маскировки истинных астенических эмоций (чаще всего гнева), которые, в основном, проявляются через проксемные и мимические НВК. Оригинальным способом маскировки эмоций является такой невербальный сигнал, как одежда. В группе примеров феномена симуляции эмоций языковыми коррелятами являются глагольные словосочетания и глаголы, описывающие изменения тела в пространстве с определённой скоростью и движения нижней части лица, включающей рот. Выбранные персонажами тактики поведения можно считать успешными. Интересно, что в некоторых случаях реципиент картины может совмещать проявление истинных эмоций и их маскировку [Беляева, 2022, с. 349].

На лексическом уровне эмоции передаются по вербальному каналу коммуникации через аффективы, коннотативы и потенциативы. Выявлено, что экфрастический текст может наводить эмоциональные семы на нейтральные лексемы в речи реципиента произведения живописи. Речи реципиента произведения искусства свойственно использование ряда стилистических средств: эмоциональных восклицаний, риторических вопросов, литот, гипербол, сравнений и т. д. Литературному тексту присуща диверсификация описаний невербальных и вербальных средств отражения эмоций.

Литература

Беляева Л. Е. Языковая репрезентация маскировки эмоций реципиента произведения живописи в англоязычном художественном тексте // Военно-гуманитарный альманах. Сборник статей научной конференции «Язык, Коммуникация, Перевод». М., 2022. Т. 2, № 7. С. 344–350.

Петухова Т. И. Языковая актуализация ситуации восприятия и оценки произведения живописи (на материале английского языка): дис.канд. филол. наук: 10.02.04 / Петухова Татьяна Ивановна. Санкт-Петербург, 2007. 193 с.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М., 2008.

ЛЕТО ПРОТЕСТА: АНАЛИЗ ОСВЕЩЕНИЯ ДЕМОНСТРАЦИЙ BLM В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ

THE SUMMER OF UNREST: ANALYSIS OF THE BLM PROTESTS' COVERAGE IN THE AMERICAN PRESS

Власова Ассоль Александровна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен фреймовому анализу статей о протестах движения Black Lives Matter в США летом 2020 года. На основании анализа 100 статей из трех ведущих американских изданий (*The New York Times*, *The USA Today*, *The Wall Street Journal*), полученных методом сплошной выборки в процессе работы с электронными архивами, делается вывод о том, что по большей части издания легитимизируют демонстрации BLM, помещая их во фрейм «гражданского протеста», право на который гарантируется первой поправкой к Конституции США. Движение BLM напрямую соотносится с движением за гражданские права (*The Civil Rights Movement*), которое в современной американской культуре выступает ролевой моделью для различных форм активизма и служит главным примером политического участия с целью принесения положительных социальных изменений.

Согласно так называемой «протестной парадигме» в силу того, что основные СМИ выполняют функцию социального контроля, стоя на страже устоявшихся норм и ценностей и поддерживая позиции истеблишмента, они склонны делегитимизировать протест, бросающий вызов существующему положению вещей [Boyle et al. 2012]. Так, следуя данной парадигме, СМИ могут репрезентировать протесты четырьмя способами:

- 1) riot (фокус на противозаконном поведении, хаосе, порче общественного имущества);
- 2) confrontation (фокус на конфликте с властями, стычках с полицией и оппозицией);
- 3) spectacle (театрализация протеста, представление его в качестве шоу);
- 4) debate (фокус на целях протеста и требованиях протестующих) [Brown, Harlow 2019].

При этом, в свете появления новых медиа и трансформации массовой коммуникации, протестная парадигма видится как более варьированный и непостоянный набор стратегий репрезентации. Способ «debate», при котором рассматриваются пожелания протестующих и проблематика, ставшая источником протеста, в отличие от остальных способов, привлекает внимание к сути движения, вовлекает аудиторию в политическую борьбу и в целом является наиболее благоприятным для деятельности общественных движений.

Несмотря на то, что в изученных нами статьях задействуются элементы всех вышеперечисленных способов репрезентации протеста (1) riot: «protests in Minneapolis devolved into chaos»; «many individuals used this as an opportunity to damage property, destroy businesses, commit robbery, fire shots and steal property for their personal gain»; «the looting»; 2) confrontation: «protesters...violently clashed with riot police» «the protests grew more confrontational»; «left- and right-wing activists clashed this weekend»; 3) spectacle: «it felt as if the entire city had emptied into downtown as lines of protesters snaked their way through side streets while others converged in nearby parks»; «the atmosphere on Saturday was more like that of a street fair or a music festival...masks emblazoned with “I can't breathe” were on sale along with Black Lives Matter T-shirts»; «marchers on 16th Street did a coordinated dance, “the wobble,” as the rapper V.I. C. blared through speakers»), ведущим способом оказался именно «debate» («residents have continuously taken to the streets to demand substantive police reform»; «Black Lives Matter Louisville also is seeking to harness protesters' energy toward re-directing funding from the police department and corrections system to community services»; «they are urging residents to call and email council members to press them to reallocate money to social programs»).

В ходе анализа было выявлено два фрейма, формулирующих ценностные модели [Лукьянова, Толочин 2019], на которые опирались СМИ при формировании представления о протестах. Основным фреймом выступал «civil protest», где взаимодействие между социальными акторами происходит по модели, принятой в условиях современной представительной демократии, при которой согласно первой поправке к Конституции, группы граждан имеют законное право поднимать волнующие их вопросы и/или выразить протест, обратившись к властям с рядом требований. В таком случае типичными действиями для акторов protesters/demonstrators являются to peacefully demonstrate, to hold rallies, call for, demand, ask for, be heard, bring change, etc., для акторов governments/officials — to listen to, to change, to take steps, to reform.

Существительные protest, demonstrations, rally в отобранных статьях стабильно коллоцируют с прилагательным peaceful. Среди лексических маркеров, обеспечивающих протестам положительную оценочность за счет культурной параллели с движением за гражданские права 1960-х: «The new civil rights movement», «The Summer of Love», «Martin Luther King Jr.», «Martin Luther King III».

В случае описания нарушений общественного порядка на протестах противозаконные действия (break the law, attack our officers and make our community unsafe) приписываются акторам-нарушителям, имеющим лишь опосредованное отношение к движению: some demonstrators engaging in violence, instigators of violence, extremists, criminals. Подобные действия помещаются во фрейм, который можно обозначить как «public safety». В рамках фрейма типичными действиями для акторов police/officers выступают to make arrests, take into custody, keep safe.

Таким образом, нарратив, продвигаемый американскими изданиями, строился с помощью двух фреймов, ценностных моделей-матриц, и заключался в том, чтобы донести до аудитории цели движения, но не допустить превращения протестов в массовые беспорядки.

Литература

- Boyle M. P., McLeod D. M., Armstrong C. L. Adherence to the protest paradigm: The influence of protest goals and tactics on news coverage in U. S. and international newspapers // *International Journal of Press/Politics*. 2012. 17(2): 127–144.
- Brown D. K. & Harlow S. Protests, Media Coverage, and a Hierarchy of Social Struggle. *The International Journal of Press/Politics*. 2019. 24(4): 508–530.
- Лукьянова Е. А., Толочин И. В. Ценностные суждения и смысловая организация общественно-политической дискуссии // *Ценностная картина мира англоязычного социума*. СПб., 2019. С. 68–83.

IS IT REALISTIC TO ENHANCE AND ELABORATE STUDENTS' CULTURAL SENSITIVITY?

Гришаева Елена Борисовна

профессор, Сибирский федеральный университет

Learning a foreign language is problematic for learners because they are, as a rule, in a deficit position. As V.LoCastro mentioned, "It is necessary to change attitude towards acceptance of difference and diversity, because it requires awareness and understanding of intercultural communication so that styles and strategies of enactments and communication of pragmatic meaning become a part of everyday life" (LoCastro, 2011: 319). As far as the language learning process must be contextualized both socially and psychologically, communication implies that there is now more emphasis on exposure and use of the target language through situational dialogues and practice [Grenfell, 2000: 4]. Language learning begins at the micro level of social activity. Social interactions are characterized by joint actions that are dependent on intersubjective or shared cognition, that is, a human being's recognition that can share beliefs and intentions with other humans [Clark, 1996]. The scope of these contexts can be wide-ranging and includes every day, informal contexts of interaction, such as ad hoc conversations, text messaging, online game-playing, as well as more formal contexts such as those comprising Foreign Language classrooms where students are instructed, and informed: they discuss, solve problems, and so on.

We are formulating general research questions as the following ones: "How to teach students to acquire a new language and to develop their cognitive skills that will provide them with a needed intuition and cultural sensitivity?"; "What theory can propose instruction, and how to design and best facilitate the learners' cultural journey?"; "What types of teaching methodologies, strategies and techniques contribute best to construct learning, identity, intuitions and retention of culturally-induced information?"

In terms of academic literacy skills, it is important to focus on communication success and ways to explain it. Understanding of learning, teaching and using a foreign language pragmatics, studying interactions in naturalistic, real-life encounters is a basic requirement for progress. Generally saying, pragmatics is grounded in the language use seeking to explain how communication functions through linguistic forms. Moreover, L2 pragmatics specializes in a variety of linguistic and non-linguistic enactments across different cultures to make meaning. David Crystal, a renowned and notoriously famous linguist, writer, editor, and broadcaster, explores in one of his latest books the factors that make possible to produce different kinds of talk and put a strong emphasis on the rules speakers use unconsciously in their conversations. Speaking in a mother tongue, people think of conversation as spontaneous, instinctive, or habitual. Crystal describes the rules of conversational constructs, shows how they work, and how people can manipulate with them when circumstances warrant it. So, the point is: how to strengthen soft skills to be able to play conversational games and remain on a strain of interlocutors' principles and priorities, how to be efficient in articulating ideas and delivering them in an appropriate and rational way that is up to everyone's cultural understanding and a mental picture constraint. There is a trend in cognitive linguistics to combine various quantitative and qualitative methodologies as, for instance, discourse analysis and corpus studies with socio-cultural theory, in order "to explore the ways in which the systematic study of natural language usage can provide insights not only into the nature and specific organization of linguistic system, but also the interplay between linguistic, cognitive, and cultural phenomena" [Mittelberg, Farmer & Waugh, 2007: 19].

This study was based on inclusive approach to learning and teaching that tries to fulfill the unique learning needs of each individual student to acquire a foreign language intricacies. The diversity Pedagogy Theory and transdisciplinary approaches contended that there is a natural and inseparable connection between culture and cognition. In the context of the study, the specific association of cultural sensitivity was explored. The study endeavored to determine the cultural sensitivity and classroom management of teachers. Findings revealed that both teachers and students have high level of ability to assess and evaluate other cultures. They also are able to reach a high level of cultural competence

in terms of message skills; intercultural management; behavioral flexibility; identity management, and relationship cultivation. The results strengthen the suggestion that an effective cross-cultural communicator should be able to adapt to “new social conventions and behavior demands”. Another revelation is: awareness of the impact culture has in shaping students’ behavior is a critical part of emotional intelligence.

These two constructs are interrelated to one another. The results revealed that students could demonstrate high level of ability to assess and consider other cultures: their conversations refer to behavior, to the way people conduct themselves in daily life, and describe a regular social occasion where people meet to talk about things.

References

Clark H. H. Using language. Cambridge, 1996.

Grenfell M. Beyond Nuffield and into the 21st century // *Language Learning Journal*. 2000. Vol. 22: 23–30.

LoCastro V. Second Language Pragmatics // *Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning* in Eli Hinkel (ed.). Volume ii, 319–344. Routledge, 2011.

Mittelberg I., Farmer T. A. & Waugh L. R. They actually said that? An introduction to working with usage data through discourse and corpus analysis // *M. Gonzalez-Marquez, I. Mittelberg, S. Coulson, & M. J. Spivey* (eds), *Methods in cognitive linguistics*. Amsterdam/Philadelphia, 2007. P. 19–52.

СУПЕРПАРЫ И СУПЕРИМЕНА: О ЧЕМ ГОВОРЯТ БЛЕНДЫ-ОНИМЫ?

CUPERCOUPLES AND SUPERNAME: WHAT DO PORTMANTEAU COUPLE NAMES TELL US?

Денисова Наталья Викторовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Кованова Евгения Анатольевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Как известно, словообразовательные модели могут менять свою активность, отражая тенденции языковой моды. Исследования неологизмов современного английского языка показывают, что словослияние (blending) — один из наиболее популярных сегодня способов словообразования (Yamane 2020: 61; Денисова, Кованова 2022: 143–149). В случае словослияния (телескопии) словообразовательной единицей выступает произвольный фрагмент основы, а итоговое слово может быть образовано с помощью амальгамирования или фузии и называется словом-слитком или блендом (blend, portmanteau word) (Елисеева 2005: 65).

Словослияние активно используется для образования блендов-онимов для именования так называемых «суперпар». Сам термин «суперпара» (supercouple) появился в последней четверти прошлого века для обозначения центральных героев популярных мыльных опер, которые по сюжету были связаны романтическими отношениями. Первоначально их называли с помощью сочинительных биномов: *Bo and Hope*, *Jack and Jennifer*, *Cruz and Eden* и т. д. Позже термин *supercouple* взяли на вооружение создатели фанфиков: именно они стали образовывать имена-слитки для обозначения союзов полюбившихся героев (чаще романтических, реже — дружеских). Так, авторы книги *The Fanfiction Reader* отмечают, что именно благодаря сообществу фанатов творчества бойзбэндов NSYNC и Backstreet Boys под названием Popsplash в моду вошли имена-бленды (portmanteau pairing names): *Timbertrick*, *Trickyfish* (*The Fanfiction Reader* 2017: 101). Справедливости ради, следует отметить и такие “ранние” бленды как *Pickfair* < *Mary Pickford* + *Douglas Fairbanks* и *Desilu* < *Desi Arnaz* + *Lucille Ball*. Примечательно, что оба бленда стали известны благодаря названию особняка (*Pickfair*), который Дуглас Фейрбэнкс приобрел для своей невесты Мэри Пикфорд, и названию киностудии (*Desilu*), созданной супругами-актерами Диси Арнасом и Люсиль Болл.

Действительно, тенденция называть суперпары именами-слитками широко распространилась в медиа: примеры таких онимов можно найти и в фанфиках (*Johnlock* < *John Watson* + *Sherlock Holmes*, *Heron* < *Hermione* + *Ron*), и среди персонажей фильмов (*Pepperoni* < *Pepper Potts* + *Tony Stark* (в данном случае ярко выражены лингвокреативная и людическая функции), *Chlex* < *Chloe Sullivan* + *Lex Luthor*), и, конечно, среди знаменитостей (*Brangelina* < *Brad Pitt* + *Angelina Jolie*, *TomCat* < *Tom Cruise* + *Katie Holmes*) и даже политиков (*Billary*). В последнем случае можно отметить слитки типа Обамао, отражающие не связь людей-носителей имен, из фрагментов основ которых образован бленд-оним, а популярность одного из носителей в стране другого (Хрущева 2011: 145).

Онимы-бленды для именования пар знаменитостей создаются достаточно быстро как реакция медиа и фанатов на событие — публичное появление пар вместе, новость о помолвке или бракосочетании и т. п. При этом такие имена фиксируют как продолжительные отношения (*Brangelina*, *Billary*, *Kimye*), так и крайне непродолжительные (*Grandson*, *Vinnifer*).

Анализ материала позволяет выявить некоторые любопытные тенденции. Во-первых, чаще бленды-онимы образуются от имен знаменитостей/персонажей, хотя встречаются образования и от фамилий: *Spederline* < *Britney Spears* + *Kevin Federline*, *Shefani* < *Gwen Sefani* + *Blake Shelton*, *Garfleck* < *Jennifer Garner* + *Ben Affleck*. Амальгамирование (*Robsten* < *Robert Pattinson* + *Kristen Stewart*) используется примерно в два раза чаще фузии (*Vinnifer* < *Vince Vaughn* + *Jennifer Aniston*). Как правило, имена-слитки создаются для именования звездных пар/персонажей, однако встречаются и сценические псевдонимы: *Jedward* < *John* + *Edward Grimes* (братья-близне-

цы, певцы из Ирландии). В редких случаях бленд может быть создан из имени и сценического псевдонима: *Beonz* < *Beyonce Knowles* + *Jay-Z*. Как правило, фрагмент первой основы в слитке образован от мужского имени, а второй — от женского: *Chavril* < *Chad Kroeger* + *Avril Lavigne*, *Zanessa* < *Zac Efron* + *Vanessa Hudgens*, *Speidi* < *Spencer Pratt* + *Heidi Montag*, *Chryneith* < *Chris Martin* + *Gwyneth Paltrow*; хотя и обратный порядок тоже встречается: *Kimye* < *Kim Kardashian* + *Kanye West*, *IvanoSteiger* < *Ana Ivanovic* + *Bastian Schweinsteiger*. В этом, на наш взгляд, находит отражение языковой андроцентризм, поскольку вне зависимости от того, кто в паре более известен, мужское имя занимает в бленде инициальную позицию гораздо чаще, чем женское, при этом фактор благозвучия может не учитываться. Однако, само появление бленда-онима свидетельствует о популярности пары и ее мелиоративной оценке фанатами — не каждая пара «заслуживает» имени-слитка. Можно предположить, что такое наименование выполняет призывно-побудительную, даже магическую функцию — особенно в том случае, если бленд-оним присваивается паре на начальном этапе отношений.

Подобные наименования — это не просто дань языковой моде; в них находит отражение потребность в экспрессивных наименованиях, а также такие функции как назывная, характерологическая, лингвокреативная, аксиологическая, функция репрезентации и волеизъявления. С когнитивной точки зрения, именно волеизъявительную функцию можно назвать ведущей при создании подобных онимов, поскольку в них отражается желание фанатов видеть пару вместе. Это особенно ярко выражено в онимах-блендах персонажей фанфиков (*Dramione* < *Draco*+*Hermione*): если персонажи фильма или произведения не связаны романтическими отношениями, но фанаты хотят их свести (широко известен термин *shipping*, шиппинг, шипперинг, пейринг), это делается в том числе и через создание имени-слитка, ярлыка, который эксплицирует воображаемую желаемую связь между персонажами.

Литература

- Денисова Н. В., Кованова Е. А. Неология эпохи коронавируса: сравнительно-сопоставительное исследование русских и английских неологизмов шутливо-иронического характера // Актуальные проблемы языкознания. 2022. Т. 1, № 1. С. 143–149.
- Елисеева В. В. Лексикология английского языка. СПб., 2005.
- Хрущева О. А. Лингвокультурные особенности блендинга // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 3 (218). Филология. Искусствоведение. Вып. 50. С. 143–145.
- The Fanfiction Reader: Folk Tales for the Digital Age / ed. by Francesca Coppa. University of Michigan Press, 2017.
- Yatane K. Sannies and Locktails: A Semantic Study of Coronavirus Slang. URL: http://repo.narau.ac.jp/modules/hoonips/download.php?file_id=7479 (дата обращения: 10.01.2023).

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВАХ НАУЧНОГО ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

PERSUASIVE STRATEGIES IN SCHOLARLY POLEMICAL DISCOURSE

Емельянова Ольга Витальевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Научная полемика представляет собой сложное и многоплановое явление в виде публичного спора с целью защитить свою точку зрения и опровергнуть мнение оппонента; это спор при обсуждении научных вопросов, в которых имеется конфронтация и противостояний, мнений, сторон. Примером полемического дискурса можно считать некоторые главы диссертации Глории Кэлхун «Saints Into Soviets: Russian Orthodox Symbolism and Soviet Political Posters» [Calhoun 2014], в которых она подвергает аргументированной критике ряд положений, выдвинутых признанным авторитетом в области советского плакатного искусства Викторией Боннелл в ее монографии «Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin» [Bonnell 1998].

Основная мысль исследования Кэлхун — идея преемственности, следования традиции православной иконописи в изображении героев — святых братьев. Автор утверждает, что не было механического переноса образов иконописных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, Кирилла и Мефодия на плакатные изображения товарищей (прежде всего рабочих и крестьян). Интересно наблюдать за тем, как в главе «Idealizing New heroes» Кэлхун вступает в полемику с Викторией Боннелл: (1) In her extensive study of Soviet posters, Victoria Bonnell notes the dominant pattern of two males that appeared in the earliest Bolshevik posters, but she does not link that form to icons of canonized brothers — вот что вызывает у Кэлхун принципиальное возражение. Свое несогласие с подходом Боннелл она аргументирует, как и в приведенном примере, используя целый ряд предложений с противительными союзами. Кэлхун прямо критикует подход Боннелл, считая его недостаточным; она обосновывает свою позицию ссылками на других исследователей, таким образом косвенно вовлекая их в научную дискуссию. Кэлхун берет на себя задачу более полного и детального истолкования плакатных образов героя — товарища, невозможного, с ее точки зрения, без глубокого проникновения в религиозный аспект. Желая восполнить существующую, по ее мнению, лауну, автор постоянно подчеркивает идею преемственности, продолжения традиций. Полемизируя с Боннелл, Кэлхун регулярно использует такие глаголы как *lack*, *miss*, *omit*. Автор прямо оппонирует позиции Боннелл, которая не уделяет, с ее точки зрения, должного внимания религиозным корням плакатных образов товарищей. Свое несогласие с Боннелл Кэлхун не всегда выражает категорично (*On the contrary*); иногда она делает это более мягко: *Bonnell's analytical precept — the peasant's subordination to the blacksmith — is not evident*.

Полемика с Боннелл, касающаяся образов товарищей, выражается и при помощи уступительных структур. Целый ряд возражений вызывает у Кэлхун и трактовка образа женщины в работе Боннелл. Несогласие Кэлхун выражено предельно ясно: *In contrast, a fundamentally different interpretation emerges when Kogout's poster is analyzed as a shift in the saintly brothers idiom — a shift that signifies both males and females as comrades*. Полемизируя, Кэлхун приводит убедительные аргументы, что характерно для научного стиля. На основании приведенных аргументов, Кэлхун приходит к принципиально отличному от Боннелл выводу о роли женщины.

Нельзя не согласиться с тем, что, выдвигая аргументы, ученый должен иметь в виду, что его аргументация является частью некоторой научной дискуссии, которая имплицитно ведется по исследуемой им проблеме — в научных статьях, монографиях, диссертациях и т. д. Следовательно, он должен стремиться не только обосновать собственную точку зрения, но и убедить свою потенциальную аудиторию (читателей текста). Для достижения главной задачи полемики — утверждения своего мнения и опровержения мнения оппонента — Г. Кэлхун использует практически весь богатый арсенал стратегий убеждения в текстах научного дискурса, приводимых в работах лингвистов. Главные средства включают в себя модальности уверенности и противопоставления, противопоставление с элементом уступки, эмоционально-оценочную лексику.

Факультативные средства включают в себя такие средства, которые могут внести оттенок авторской мысли в текст; это риторический вопрос, цитата, лексический повтор, синтаксический параллелизм, сравнение, аналогия [Пелевина 2003: 291–296].

Представляется, что, хотя научная полемика и направлена по преимуществу на утверждение своей позиции, она позволяет читателю взглянуть на обсуждаемую проблему с разных сторон, оценить степень убедительности приводимых аргументов и выработать собственную точку зрения.

Литература

Bonnell V. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. University of California Press, 1998.

Calhoun G. Saints into Soviets: Russian Orthodox Symbolism and Soviet Political Posters. History Thesis. Georgia State University, 2014.

Пелевина Н. Н. Речевая стратегия персуазивности и ее реализация в текстах научного дискурса // *Studia Linguistica XII. Перспективные направления современной лингвистики.* СПб., 2003. С 291–296.

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ОБЗОРАХ ВАЛЮТНОГО РЫНКА

Захарова Ольга Сергеевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование нацелено на изучение способов языковой репрезентации положительной и отрицательной оценки в жанре англоязычного обзора валютного рынка. Объектом исследования является аксиологичность как дискурсивная характеристика данной разновидности текстов. В качестве предмета исследования выступают способы репрезентации в них положительной и отрицательной оценки. Актуальность обращения к данному вопросу обусловлена, с одной стороны, фундаментальным характером категории оценки, являющейся базовой в учении о ценности, с другой — социальной значимостью аналитических обзоров валютного рынка, информирующих целевую аудиторию об экономических процессах, их причинах и следствиях, оценивающих их и формирующих к ним общественное мнение. Необходимо отметить, что обозначенная разновидность текстов и реализация в них категории оценки не становились предметом специального рассмотрения.

Материалом исследования являются англоязычные обзоры валютного рынка, представленные на сайтах аналитических агентств (“Reuters”), деловых СМИ (“The Economist”). При рассмотрении данной проблематики мы опираемся на работы, освещающие функционирование категории оценки в дискурсе с когнитивных, прагматических и культурологических позиций [Баженова 2003; Вольф 2005; Петухова, Хомякова 2020; Шутёмова 2022], углубляющих ее трактовку как “совокупности разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи. В общезыковом плане оценка подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений и характеризуется особой структурой — модальной рамкой, которая накладывается на высказывание и не совпадает ни с его логико-семантическим, ни с синтаксическим построением” [Баженова 2003, 139–140].

В зависимости от основания классификаций можно дифференцировать оценку внутреннюю и внешнюю; прямую и опосредованную; эмоциональную и рациональную; этическую, эстетическую и утилитарную; позитивную, нейтральную и негативную; абсолютную и сравнительную; ингерентную и адгерентную; одно- и биполярную; общую и частную [Баженова 2003; Вольф 2005; Петухова, Хомякова 2020; Шутёмова 2022]. Изучение англоязычных аналитических обзоров валютного рынка показало, что к доминантным способам репрезентации положительной и отрицательной оценки в них можно отнести нейтральную лексику, обозначающую различные тенденции (rise, grow, broaden, weaken, drop), термины (maximum, minimum, inflation, liquidity), метафоры (bull market, bear market, hawkish, dovish), олицетворения (retreat in covid infections), эпитеты (rapid drop, fresh impulse, all-time high). Приведем пример оценки, выраженной посредством образного прилагательного, выступающего в функции метафорического эпитета: “Hawkish comments from the Fed, ECB policymakers test the pair buyers ahead of the key data/events” (Ястребиные комментарии политиков ФРС и ЕЦБ тестируют покупателей пары в преддверии ключевых данных/событий.). У эпитета “hawkish” можно выделить семы, выражающие как отрицательное значение, например: “хищничество” (rapacious, predation, threatening), “воинственность” (violence, invading, martial), “агрессия” (aggressive, fierce), так и положительное, например: “смелость” (agonistic, advancing, crusading, bold). В аксиопространстве аналитических обзоров валютного рынка “hawkish” служит описанием сдерживающей денежно-кредитной политики, направленной на укрепление валюты и на борьбу с инфляцией. В данном случае “hawkish” репрезентирует утилитарную биполярную оценку, которая может трактоваться как положительная, поскольку снижение инфляции, являющееся целью ястребиной политики ЦБ, в данной ситуации является желаемым результатом и характеризуется как положитель-

ный фактор, который приведет к улучшению экономической ситуации, так и как отрицательная, поскольку “hawkish comments” нацелены на запугивание и подавление воли участников рынка. Репрезентацию отрицательной утилитарной однополярной оценки, выраженной эпитетом, можно найти в следующем примере: “Unless crossing a three-week-old previous support line, currently around 1.0410, the EUR/USD pair’s recovery remains elusive” (Если пара EUR/USD не пересечет предыдущую линию поддержки трехнедельной давности, в настоящее время около 1,0410, восстановление пары EUR/USD остается труднодостижимым). Примером положительной утилитарной однополярной оценки, выраженной олицетворением, служит следующее высказывание: “Retreat in China’s covid infections from record high, efforts to revive real-estate sector improved sentiment” (Снижение заболеваемости коронавирусом в Китае с рекордно высокого уровня, усилия по оживлению сектора недвижимости улучшили настроения). Вне контекста “retreat” имеет отрицательную коннотацию, однако в данном обзоре оно приобретает положительное значение. “Improved” здесь служит примером положительной утилитарной однополярной оценки, выраженной нейтральным глаголом, номинирующим изменение качества или состояния объекта от плохого к более хорошему. Исследование позволяет сделать вывод о преобладании в жанре англоязычного обзора валютного рынка рационалистических оценок, неразрывно связанных с практической деятельностью. Основными понятиями, вокруг которых организуется аксиопространство данного дискурса, являются польза, устремленность к достижению какой-либо цели.

Литература

- Баженова Е. А.* Категория оценки // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003. С. 139–146.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 2005.
- Петухова Т. И., Хомякова Е. Г.* Новое знание и биполярность оценочной интерпретации изобразительного искусства соцреализма в англоязычном искусствоведческом дискурсе // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. № 4. С. 53–63.
- Шутёмова Н. В.* Виды экспертной оценки творчества И. Наховой в англоязычном искусствоведческом дискурсе // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2022. Том 14, вып. 3. С. 56–68. doi10.17072/2073-6681-2022-3-56-68

АНГЛИЙСКИЕ И РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Осадчая Ольга Николаевна

старший преподаватель, Российский государственный университет правосудия

Констатация наличия интереса к изучению картины мира в научном сообществе подтверждается в многочисленных работах известных ученых. А. Эйнштейн под картиной мира понимал «объективное видение и понимание действительности, способное вывести мыслящего человека из мира ощущений, личных переживаний и безутешной пустоты, перенося центр тяжести духовной жизни в построение логически стройной системы» [Эйнштейн Электронный ресурс].

Исследование картины мира через призму языковых и речевых сущностей, способствующих концептуализации и вербализации действительности, имеет своей целью описание и выявление глубинных закономерностей языковой картины мира. Особое значение в изучении языковой картина мира имеет фразеология, так как фразеологизмы «ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [Телия 1996]. Цветообозначающая лексика достаточно глубоко изучена в современной лингвистике. Особый интерес представляет исследование цветономинации во фразеологических структурах в силу способности лексем, вербализующих различные цветовые реляции, отражать специфику мировидения носителей сопоставляемых языков. Цветолексем в составе юридических фразеологических единиц репрезентируют культурно значимые концепты английского юридического корпуса [Дубенец 2003]. Как показал анализ примеров английских фразеологических единиц, вербализующих правовые концепты, состав цветолексем достаточно разнообразный: black, red, white, blue, pink, grey, green, golden, silver, yellow (черный, красный, белый, синий/голубой, розовый, серый, зеленый, золотой, серебряный, желтый). Наиболее представленной в количественном отношении является группа фразеологических единиц с цветокомпонентом «black» («черный»). Данная лексема приобретает двойственный характер в английском правовом сознании, наделяя фразеологизмы как отрицательной, так и положительной коннотацией. Также широко представлена группа фразеологизмов с цветокомпонентом «green», например: «green collar» — designating (corporate) crime or fraud relating to the environment («зеленый воротничок» — обозначение (корпоративного) преступления или мошенничества, связанного с окружающей средой). Следует отметить тот факт, что наиболее распространенные цветокомпоненты в английской юридической фразеологии коррелируют с лексемой «collar», при этом данный элемент одежды в сочетании с определенным цветом создают в сознании носителей лингвокультуры устойчивые образы иерархической природы. Меньшей представленностью в юридическом дискурсе обладают фразеологизмы с цветолексемами «grey», «yellow», «golden» и «silver». По данным фразеологических словарей, большую часть английских фразеологических единиц с обозначением цвета, имплементированных в канву правовой сферы общения, составляют выражения с цветолексемами «black», «blue», «green», «white» (18, 18, 13, 13 % соответственно), которые относятся к разряду основных. Меньшей представленностью обладают фразеологизмы с цветоэлементами «red», «golden», «silver» (11, 9, 7 % соответственно)

Наименьшее количество выявленных примеров содержат цветокомпоненты «pink», «grey», «yellow» (4, 4, 3 % соответственно). В отличие от английского юридического дискурса, обогащенного разнообразием цветообозначения во фразеологических единицах, в русском языке основными цветами являются «черный» и «белый». Большинство примеров вошли в состав фразеологического фонда языка путем калькирования исходных выражений из других языков, например: «черный рынок», «черная бухгалтерия», «черный список», «белая зарплата», «белый бизнес», «белая торговля». Лексем «черный» и «белый» являются эмоционально окрашенными элементами фразеологизмов, прямо противопоставленными друг другу, где «черный» ассоциируется в сознании носителей языка как нечто незаконное или преступное, а «белый», наоборот, символизирует соблюдение законов и норм. Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что фразеологизмы с элементами цветообозначений широко

применяются в юридическом дискурсе, отображая реальную картину сопоставляемых языковых культур. Разноплановость, развитость, историзм английской правовой системы выражается в наличии достаточно активной фразеологической активности, в том числе с привлечением цветковых символов. Данные фразеологизмы формировались исторически и приобретали идиоматическое значение, в основе которого лежит буквальное обозначение, реальные явления.

Литература

Эйништейн А. Мотивы научного исследования. Электронный ресурс. URL: [1918https://philologist.livejournal.com/8852052.html](https://philologist.livejournal.com/8852052.html).

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Дубенец Э. М. Лингвистические изменения в современном английском языке: учебное пособие. М., 2003.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

PSYCHOTHERAPEUTIC DISCOURSE IN THE FICTION BOOKS

Рыженкова Анна Александровна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Дискурс — это «речь, погруженная в жизнь», в совокупности лингвистических и экстралингвистических параметров, дискурс складывается из текста и ситуации реального общения. [Макаров 2003: 87]. В статье рассмотрено, как психотерапевтический дискурс (ПД) интегрирован в художественные произведения, и какие особенности характерны для данного вида дискурса в литературных произведениях. Писатели, давая описания психологических сессий в своих рассказах и романах, совмещают несколько типов дискурса: художественной литературы, разговорный и психотерапевтический.

ПД определяется Е. Е. Сапоговой как «комплекс разнообразных личностных текстов (вербально и невербально выраженных), функционирующих в ситуации особого профессионального взаимодействия психолога и клиента, организованного «здесь-и-теперь» для решения проблемы клиента». [Сапогова 2008: 75]. Однако в литературном тексте ПД представлен в трансформированном виде. Изучение такого «смешанного» дискурса вызывает интерес не только в связи с ростом популярности психологии. Сложность работы с консультативным дискурсом вызвана закрытостью и конфиденциальностью психологических сессий: транскрипты сессий доступны только психологам и психотерапевтам с согласия клиентов или пациентов. Материал художественной литературы позволяет заглянуть в кабинет психотерапевта и изучить,

- 1) как строится психотерапевтический (консультативный) дискурс,
- 2) каков вклад психотерапевта и клиента в создание текста,
- 3) проследить динамику беседы.

Структура психотерапевтического дискурса предполагает диалог консультанта и клиента (в случае личной терапии) и полилог (в случае групповой терапии). По тематике обсуждаемые ситуации представляют собой проблемы, с которыми приходят клиенты к терапевту. В ПД важно не только то, ЧТО сказано, но и КАК (в какой форме, какой интонацией), ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, КОМУ сказано и пр.

К особенностям психотерапевтического дискурса, интегрированного в художественный текст, можно отнести следующие:

- 1) ПД строится по законам разговорного жанра, но в художественном тексте имеет некоторые особенности. С одной стороны, разговор спонтанен и заранее не спланирован. Но художественный текст лишь имитирует эту спонтанность, в действительности писатели тщательно выверяют каждую реплику в диалоге героев. Кажущаяся спонтанность — это колоссальная работа автора по созданию разговора, похожего на реальную живую речь.
- 2) Доля речи клиента в диалоге значительно больше, чем терапевта. Клиент говорит, терапевт слушает и интерпретирует. Это связано со «снижением персональности со стороны терапевта, который стремится сознательно ограничить активность в разговоре, и усилением персональности клиента, которому терапевт предлагает высказывать свое мнение, описывать свои чувства» (Сапогова).
- 3) В ПД сослагательное наклонение и модальность занимают значительное место в общем тексте при интерпретации терапевтом сказанного клиентом. (видимо, возможно, вероятно).
- 4) Речь терапевта нейтральна. Речь клиента эмоциональна. Терапевт в беседе использует техники. Для терапевта существуют правила, по которым он строит беседу, задает ее вектор:

- Терапевт задает вопросы, уточняет, переспрашивает. Клиент рассказывает.
- Терапевт переформулирует слова клиента, использует перефразировку, обобщает и структурирует беседу. Речь клиента может быть спонтанной, эмоциональной и неструктурированной.
- Терапевт не дает советы, не поучает, не морализирует. Его речь может быть эмпатичной, сочувственной. Речь терапевта должна быть нейтральной. Речь клиента может быть эмоциональной, сумбурной или сдержанной, логичной (в зависимости от образования, социального положения, структуры характера, темперамента клиента).
- Каждое слово взвешено, отфильтровано терапевтом. Терапевт испытывает много чувств, у него много мыслей, но делится он только теми мыслями и чувствами, которые имеют отношение к цели терапии. В ПД, интегрированном в художественный текст, читатель видит не только переживания клиента, но и терапевта. Внутренняя речь отражает мысли и чувства, которые терапевт не произносит вслух, но которые эксплицируются в ткани художественного повествования при помощи слов «подумал», «почувствовал» и др. В условиях реального ПД от клиента скрыты мысли и чувства терапевта. Участники коммуникации слышат только реальные фразы. Клиент может догадываться о чувствах и мыслях терапевта по невербальным знакам (мимике, голосу, интонации, позе), но не может знать о них наверняка. В ПД, интегрированном в художественный текст, читатель видит, что происходит с терапевтом или клиентом, а не только полагается на догадки. Это одна из особенностей Д. — видеть «закулисы» — мир чувств, мыслей, событий, о которых прямо не говорится на сессии. Для этого в художественном тексте используются описания, внутренняя речь персонажа (терапевта), развитие истории на фоне каких-либо событий, т. е. нарратив. В статье представлены и другие особенности ПД на материале рассказов Ирвина Ялома, Рэя Брэдбери, С. Фицджеральда.

Литература

Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

Сапогова Е. Е. Психологическое консультирование. М., 2008.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРЕЙМА CREATING OF SOVIET ART (НА МАТЕРИАЛЕ МОНОГРАФИИ А. РУСНОК

SOCIALIST REALIST PAINTING DURING THE STALINIST ERA (1934–1941): THE HIGH ART OF MASS ART)

Стрельцова Анастасия Владимировна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Несмотря на временную дистанцию, отделяющую советскую эпоху от настоящего, изобразительное искусство соцреализма, тем не менее, по-прежнему становится предметом дискуссии в среде зарубежных исследователей. В частности, нерешённым остается вопрос о том, правомерно ли рассматривать соцреализм как искусство [Bowlt 2010: iii]. Во многом ответна данный вопрос даёт в монографии А. Руснок *Socialist realist painting during the Stalinist era (1934–1941): the high art of mass art*. Настоящее исследование посвящено анализу языковой репрезентации событийного фрейма CREATING OF SOVIET ART в монографии А. Руснок. Согласно концепции Ч. Филлмора, фрейм представляет собой когнитивную рамку, схематичное представление опыта: «specific unified frameworks of knowledge, or coherent schematizations of experience» [Fillmore1985: 223]. Согласно цифровому лексикону Ч. Филлмора FrameNet, в структуре событийного фрейма выделяются облигаторные и опциональные концептуальные компоненты.

В указанном лексиконе фрейм ARTISTIC STYLE определяется следующим образом: «This frame contains LUs that express the Form which a piece of Artwork represents. The Form may also represent the entire body of an Artist's work. The Form may be further characterized by the Time of some Artwork's creation or other Descriptors.» К облигаторным компонентам (core) относятся ARTIST, ARTWORK и FORM, тогда как к опциональным компонентам (non-core) относится характеристика художественной работы и ее время создания: DESCRIPTOR и TIME. Фрейм ARTISTIC STYLE является обобщённым представлением о любом художественном направлении. Учитывая то, что фрейм ARTISTIC STYLE менее явно содержит компонент «событийность», чем фрейм CREATING OF SOVIET ART, рассмотрим также фрейм CREATING, облигаторными компонентами которого в лексиконе FrameNet выступают CREATED ENTITY, CREATOR, CAUSE, а опциональными BENEFICIARY, CIRCUMSTANCES, CO-PARTICIPANT, INSTRUMENT, MANNER и др. В связи с тем, что концепция Ч. Филлмора допускает пересечение элементов в разных фреймах, также предполагает различия в функционировании фреймов в разных языках, проанализируем вербальные средства, передающие культурное своеобразие фрейма CREATING OF SOVIETART при помощи сопоставления этого фрейма с фреймами ARTISTIC STYLE и CREATING.

Примечательно, что в монографии А. Руснок делается акцент на стилистических ассоциациях искусства соцреализма с художественными традициями, которые повлияли на формирование этого стиля. Так, один из разделов монографии называется *The Revival of Art and Artists of the Nineteenth Century*. Если попытаться схематично представить связь соцреализма с искусством Передвижников, получится следующее: *The party with the help of soviet art critics (i. e. Igor Grabar and Petr Sysoev etc.) stressed the influence of the Peredvizhniki (i. e. Repin) by representing them as a monolithic group of critical realists who showed an unwavering ideological thrust*. В качестве ключевых акторов, или агентов, фрейма CREATING OF SOVIET ART выступают не только советские художники, но и советские критики. Несмотря на то, что характеристика соцреализма происходит при помощи авторского обращения к цитатам, общая оценка А. Руснок всё же представлена достаточно явно: «Despite their diverse images these artists were presented in publications and exhibitions as a monolithic group of critical realists» [Rusnock 2010: 64]. Так автор подчёркивает идеологический аспект интерпретации советскими критиками наследия Передвижников. Позиция советских критиков представлена как цельное, коллективно поддерживаемое убеждение. При этом в качестве трансляторов данного убеждения выступают конкретные люди. Собствен-

но, художественные работы (ARTWORK) не упоминаются эксплицитно, но подразумеваются под обобщенным словосочетанием Socialist Realist artists (ARTIST).

Таким образом, на первый план выходит компонент FORM, предполагающий характеристику стилистических решений соцреалистов посредством сопоставления их работ с работами Передвижников, что указывает на то, что реализация обязательного компонента FORM в значительной степени происходит при помощи опционального компонента DESCRIPTOR (или же опциональных компонентов MANNER, MEANS в фрейме CREATING). Период, в который развивалось соцреалистическое направление, опциональный компонент TIME, пусть и не дан эксплицитно, но легко выводится при помощи обращения к фоновым знаниям и более широкому контексту монографии.

Необходимо отметить, что значимым элементом фрейма CREATING OF SOVIET ART выступает участник, воспринимающий ситуацию, или, согласно терминологии Ч.Филлмора, экспериенцер. Экспериенцер вербализуется в монографии при помощи лексем Soviet citizens, theproletariat, Soviet society. Партия же, в свою очередь, концептуализируется А.Руснок как своего рода инвариантный актер или агент, выступающий в интересах советского общества в целом и искусства в частности. Анализ монографии А. Руснок позволяет сделать вывод о том, что для реализации фрейма CREATING OF SOVIET ART характерна вариативность. Так, в роли агенса выступают не только художники (ARTIST), но и идеологи соцреализма (политические деятели, художественные критики, «партия» — CO-PARTICIPANT), причём в некоторых контекстах партия концептуализируется как BENEFICIARY.

Можно сделать вывод о том, что фреймы из лексикона FrameNet позволяют частично концептуализировать фрейм CREATING OF SOVIETART. При этом социокультурные особенности могут влиять на структуру фрейма. Так, роль экспериенцера, на наш взгляд, выступает обязательным компонентом для фрейма CREATING OF SOVIET ART.

Литература

- Fillmore Charles J.* Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di Semantica*. 1985. Vol. 6: 222–254.
- Rusnock K. Andrea.* Socialist realist painting during the Stalinist era (1934–1941): the high art of mass art. Edwin Mellen Press Ltd, 2010.
- Bowlit John E.* Foreword. Socialist realist painting during the Stalinist era (1934–1941): the high art of mass art by *Rusnock, K. Andrea*. Edwin Mellen Press Ltd, 2010.
- Website for Framenet: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/>

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ ПРИ СОЗДАНИИ МЕТАФОР В ЗАГОЛОВКАХ СТАТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ THE ECONOMIST)

Теплякова Анастасия Борисовна

преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В современных когнитивных исследованиях категоризация (выделение более мелких единиц знания) и концептуализация (объединение этих категорий в единые рубрики) рассматриваются как основные способы познания [Болдырев 2021: 37,42]. Концепт как оперативная содержательная единица мышления и памяти отражает опыт и знания человека, а также те смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления [Кубрякова 1996: 90]. Исследование сложно структурированных метафорических концептов, в которых задействованы различные когнитивные механизмы, является предметом изучения когнитивной семантики. Предложенное Дж. Лакоффом традиционное представление метафоры как структуры, состоящей из двух пространств — целевого и источникового домена, было расширено в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, где двухмерная модель дополняется родовым пространством, содержащим основу, применимую как к целевому домену, так и к домену-источнику, и смешанным пространством, зачастую содержащим новую структуру, которая не проецируется ни одним из исходных пространств [Turner, Fauconnier 1995: 184]. Данная теория, в отличие от теории концептуальной метафоры, подчеркивает динамический аспект метафоризации. Особый интерес представляет собой анализ механизма концептуальной интеграции в метафорах в медийном дискурсе, в частности в заголовках статей, поскольку заголовок отличается краткостью и смысловой насыщенностью и призван заинтересовать читателя. Можно предположить, что эти характеристики заголовка инициируют у реципиента порождение новых смыслов.

Целью данной статьи является исследование когнитивной организации ментальных пространств в заголовках статей, содержащих метафору. Было проанализировано 57 заголовков выпусков электронной версии англоязычного новостного журнала *The Economist* за 2021 и 2022 г. В качестве одного из наиболее демонстративных примеров действия механизма концептуальной интеграции был выбран заголовок «*A Wave of Covid 19 Reveals Flaws in China's Health System*» («Волна Ковид-19 показывает недостатки в китайской системе здравоохранения»). В данном заголовке оба исходных пространства (пандемия и система здравоохранения Китая) сами по себе представлены метафорами. С одной стороны, болезнь, этапы которой приходят как волны, сравнивается с водой в концептуальной метафоре ковид — это море. С другой стороны, целевое пространство концептуализируется в метафоре здравоохранение — это дно моря, потому что отходящая волна обнажает недоработки в организации медицинской помощи. Пространство воды проецируется одновременно на пространство болезни и на пространство медицинской системы. От входных пространств родовое пространство этого заголовка наследует признаки концепта воды: волновую природу ее движения, а также потенциальную возможность воды скрыть или проявить проблему, невидимую в условиях неподвижности воды. Так в родовом пространстве актуализируются концепты «движение» и «проблема». Поскольку дно видно только тогда, когда волна откатывается, внимание фокусируется на моменте отхода волны как главном факторе обнаружения проблемы, а динамика приобретает первостепенное значение. Именно повторение циклов эпидемии открывает недостатки, а значит, система здравоохранения устойчива и работоспособна лишь при определенной стабильности (либо при общем хорошем состоянии здоровья населения, либо, наоборот, в условиях тотальной пандемии). Только движение, разрушающее статику, показывает проблемы. Смешанное пространство выдвигает на первый план то новое, что не содержится в родовом пространстве. В данном случае бленд концептов, содержащихся в родовом пространстве, акцентирует противоречие: при подобных сравнениях («болезнь накрыла как волна», «идет новая волна болезни») обычно приближение

волны влечет проблемы, а в данном заголовке, вопреки ожиданиям, именно удаление волны обнажает проблему.

В результате действия механизма перефокусирования внимания концепт накрывающей волны как источника проблем отходит на второй план и акцентируется откатывающаяся волна как триггер проблем. При этом концептуализируется опасность, исходящая от дна, которое ранее ассоциировалось с надежностью и защитой. Это и есть то новое, что появляется в смешанном пространстве данной метафоры. Анализ показывает, что в понимании сложно структурированной метафоры в заголовках, содержащих концептуальные метафоры в исходных пространствах, важную роль играет как механизм концептуальной интеграции ментальных пространств, так и механизм перефокусирования внимания. Именно за счет изменения фокуса внимания на первый план выходят новые смысловые структуры. Эти концепты могут противоречить ожиданиям, созданным довольно конвенциональными метафорами, в которых болезнь уподобляется воде.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. 5-е изд., испр. и доп. Тамбов, 2021.
- Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов Текст / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац и [др.]. М., 1996.
- The Economist. URL: <https://www.economist.com/china/2022/12/19/a-wave-of-covid-19-reveals-flaws-in-chinas-health-system>
- Turner M., Fauconnier G.* Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10, no. 3. P. 183–203.

PICKING THE LOW HANGING FRUIT: О ГРАНИЦЕ МЕЖДУ ИДИОМОЙ И СЛОЖНЫМ СЛОВОМ

Толочин Игорь Владимирович

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе обосновывается значимость четкого определения границы между идиоматическим вкраплением в тексте и сложным словом для уточнения природы идиоматических словоупотреблений в высказывании и их отличия от сложных существительных, образованных на базе идиоматических моделей. В качестве примера выбрано образование *low-hanging fruit*.

В толковых онлайн-словарях (Collins, Cambridge) [Collins; Cambridge] это сочетание представлено исключительно как сложное существительное. На примере целостного текста и развернутых контекстов из корпуса СОСА обосновывается тезис о том, что в живом языке *low-hanging fruit* регулярно используется как элемент идиоматической ситуативной модели, описывающей сбор плодов. Данная ситуация используется для иносказательной аналогии, позволяющей отрицательно оценить описываемое в контексте положение дел из-за стремления участников ситуации выбирать слишком легкие пути решения актуальной проблемы и упускать из виду ее более существенные аспекты. Маркером идиоматичности выступают глаголы, характеризующие действие в физическом пространстве (*pick, grab, reach for, pluck*). Идиоматический характер таких элементов текста обусловлен тем, что описываемая ситуация используется для формирования иносказательно-оценочной аналогии с актуальной для высказывания проблемной ситуацией: *How do we efficiently improve our app's performance now that we've plucked the low hanging fruit from the vine?* При этом *low-hanging fruit* является словосочетанием и его компоненты не подвергаются переосмыслению. В примере мы видим, что идиоматическое вкрапление включает словосочетание *from the vine*, усиливающее эффект иносказательной аналогии.

Вместе с тем, это же образование может использоваться и как сложное слово. Переход в разряд существительных маркируется в контексте отсутствием связи с глаголами, характерными для описания сбора плодов. Существительное подвергается переосмыслению и выступает в номинативной функции: *Romney's campaign has insisted that they can trim federal spending enough to achieve fiscal balance, but in the Fortune interview, the items Romney pinpointed appeared to be low-hanging fruit.* Для сложного слова также характерно и атрибутивное использование в качестве прилагательного: *The low-hanging fruit principle applies to various business-related aspects, such as marketing, sales, and growth.* Сложное слово сохраняет оценочный потенциал, присущий всей идиоматической ситуативной модели, но утрачивает иносказательную изобразительность, характерную для идиоматической аналогии.

Представленные наблюдения позволяют подчеркнуть конструктивный характер наблюдаемого в последние десятилетия роста интереса фразеологических исследований к игровой выразительной функции идиом в текстах, а также к изменчивости границ идиоматических образований в тексте и вариативности их состава [Dobrovolskij, Piirainen, 2021]. Предложенный анализ также проясняет критерии разграничения сложного слова и мотивирующего его словосочетания, используемого как элемент идиоматической структуры в тексте. В докладе демонстрируются противоречия и недостатки словарных статей для *low-hanging fruit* в словарях Collins и Cambridge [Collins; Cambridge], обусловленные недостаточным вниманием к различной природе идиоматических образований и сложных слов. Оба словаря не видят различной природы образований типа *pick the low-hanging fruit* и сложного существительного в предложении. Словарь Collins определяет *low-hanging fruit* как многозначное существительное. При этом, первое значение никак не проясняет, почему дефиниция *the fruit that grows low on a tree and is therefore easy to reach* является дефиницией сложного слова, а не описанием словосочетания, в котором причастие выступает в качестве определения к существительному. Вторая дефиниция более точно описывает значение сложного существительного (*a course of action that can be undertaken quickly and easily as part of a wider range of changes or solutions to a problem*), но при этом иллюстративный пример представляет либо идиоматическую структуру, либо, парадоксально,

иллюстрацию к предыдущей дефиниции: *first pick the low-hanging fruit*. Словарь Cambridge демонстрирует те же самые противоречия в предлагаемой дефиниции.

Выявленные закономерности проявляются при анализе различных сложных существительных, образованных по той же модели, что и *low-hanging fruit*. Это такие образования как *sour grapes, red herring, white elephant, silver bullet*. Следует отметить, что они по-разному проявляют способность использоваться в современных высказываниях как в качестве сложных существительных, так и в составе идиоматических вкраплений в тексте. Так, *sour grapes*, например, может активно использоваться и как неисчисляемое существительное в номинативной функции (*say something out of sour grapes*), и как элемент идиоматической модели, связанной с известной басней (*the grapes are sour*). *Red herring* в современном употреблении используется исключительно как сложное существительное и, видимо, практически полностью утратило связь с иносказательной моделью, основанной на сильном запахе копченой селедки, которая раньше была типичным завтраком для англичан.

Таким образом, доклад представляет механизм морфологической трансформации элемента идиомы, состоящего из существительного с определением в сложное слово, и предлагает ряд положений, актуальных для современного состояния английской фразеологии.

Литература

Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>

Dobrovol'skij D., Piirainen E. *Figurative Language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives*. Berlin, 2021.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК ЖЕНЩИН МАОРИ В МЕДИАДИСКУРСЕ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Травина Екатерина Андреевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Настоящее исследование посвящено женщинам аборигенного происхождения, проживающим на территории Новой Зеландии и принадлежащим к коренному народу маори, который составлял большинство населения страны до начала европейской колонизации. В настоящее время к этнической группе маори относится около 17 % населения Новой Зеландии. В данной работе мы рассмотрим, как в новозеландском дискурсе СМИ отражена проблема этнической самоидентичности женщин маори и как в указанном дискурсе реализуются ценностные установки данной этногендерной группы.

Образ аборигенного населения в медиадискурсе Новой Зеландии традиционно характеризовался негативной окраской и в некоторых случаях связывался с угрозой социальному порядку. Однако в настоящий момент культура маори переживает период возрождения; все больше представительниц аборигенного населения интересуются своей родной культурой, гордятся ей и выстраивают свою самоидентичность на ее основе. Тем не менее, процесс принятия собственной этнической идентичности может проходить тяжело и болезненно, поскольку общественное влияние негативных стереотипов и предубеждений об аборигенном населении на Новой Зеландии сохраняется (и в ряде случаев продолжает транслироваться в СМИ).

Этническая идентичность — это сложное по содержанию многокомпонентное образование, включающее несколько уровней: онтологический (существование, бытийность этнической идентичности как таковой); гносеологический (отражение этнической идентичности в самосознании и мировоззрении личности); эмоционально-ценностный (ценностные основания этнической идентичности и ценностные ориентиры для индивида или социальной группы) и субъективно-деятельностный (поведенческое проявление и функционирование этнической идентичности в жизни индивидов, общностей) [Мухлынкина, 2011]. Исследование проводится на материале статей, опубликованных на новостных порталах *The New Zealand Herald* (ежедневная новозеландская газета), *E-Tangata* (маорийское онлайн медиа), *Woman Magazine NZ* (женский новозеландский онлайн журнал). Особый интерес представляют публикации, в которых героини описывают процесс становления своей этнической идентичности. Отражение онтологического и гносеологического уровней этнической идентичности в дискурсе зачастую облекается в форму повествования, в котором формирование этнической идентичности представлено как эмоциональная ситуация, в которой основными эмоциональными модальностями являются стыд и гордость. Данную особенность медийной репрезентации формирования этнической идентичности героини маори удобно продемонстрировать на материале статьи “*The struggle to embrace my identity*”, опубликованной на маорийском портале *E-tangata*.

В данной статье процесс принятия собственной этнической идентичности описывает девушка маорийско-ниуэанского происхождения. В начальных фрагментах повествования для описания состояния, которое нарратор испытывает в связи со своим этническим происхождением, используются эмотивы, обозначающие чувства застенчивости, скованности и стыда (*I'd awkwardly admit... that's not something I was ever proud of*). По мере развития текста возрастает частотность языковых средств выражения чувства гордости своим происхождением, что отражает рост этнического самосознания героини (*freely tell anyone; happy to admit my cultural identity openly*). Тем не менее, восприятие повествовательницей своего этнического статуса характеризуется элементами амбивалентности: *wouldn't call myself a proud Pacific Islander just yet*.

Прослеживаются изменения и на субъективно-деятельностном уровне этнической идентичности: в начале повествования экспрессия этнической идентичности говорящей ограничивается исключительно бюрократическими контекстами (“*Māori*” and “*Niuean*” were just boxes

that I ticked on forms), однако впоследствии в текст включаются номинации внешних признаков и атрибуты этнического происхождения, таких как прическа или маорийский амулет пунаму (I've stopped straightening my thick island curls. I wear my pounamu proudly). Другим аспектом развитой этнической идентичности являются упоминаемые героиней в ходе повествования декларативные речевые действия, эксплицирующие принадлежность адресанта к этнической общности маори: (tell anyone who asks (or doesn't), admit my cultural identity openly) [Kaire, 2020].

Говоря о сложностях этнического самоопределения женщин маори, нельзя не упомянуть о ситуациях, когда женщина смешанного происхождения (один из родителей — маори, а второй — пакеха) становится носителем гибридной идентичности. Например, в интервью журналу E-tangata новозеландская кинопродюсер Ронда Кайт, по происхождению маори-пакеха, размышляя о своей этнической самоидентичности, отмечает, что ей как человеку смешанного этнического статуса нет места ни в одной из этнокультурных групп. Для описания неоднозначного статуса героини используется стилистический прием парадокса (“too brown to be white and too white to be brown”). Что касается ценностных установок, одной из основных ценностей для женщин маори оказывается семья. Апелляция к данной ценности в пространстве новозеландского дискурса СМИ осуществляется путем использования маорийской лексемы whānau, которая обозначает не только всех членов расширенной семьи, включая дальних родственников и родственников со стороны супруга/супруги, но и комплекс эмоциональных, духовных и физических связей между поколениями. Среди других ценностей, обладающих высоким значением для женщин-маори, можно выделить community, traditions, nature, maorilanguage (tereo), self-actualisation.

Литература

- Мухлынкина Ю. В. Этническая идентичность: сущность, содержание и основные тенденции развития: дис. ... канд. филос. наук. М., 2011.
- Kaire T. The struggle to embrace my identity. 2020. URL: <https://e-tangata.co.nz/identity/the-struggle-to-embrace-my-identity/>
- Kite R. Too brown to be white — and too white to be brown. 2017. URL: <https://e-tangata.co.nz/identity/rhonda-kite-too-brown-to-be-white-and-too-white-to-be-brown/>

РИТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИРОНИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Третьякова Татьяна Петровна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университета

Цель доклада — продемонстрировать роль когнитивно-семантических оснований в создании иронического контекста применительно к схеме аргументации высказываний на примере современной англоязычной медийной интернет-коммуникации. Данная сфера становится новой реальностью, поскольку во многом медийный дискурс — это не просто создание интерпретации объективной реальности, но и создание субъективной идентификации. Иронический контекст в современном англоязычном медийном политическом дискурсе рассматривается как один из эффективных способов воздействия на общественное сознание. Становление такого способа сознания возможно проследить в новостном дискурсе и в интернет-комментариях, которые становятся элементом моделирующей мета-прагматики [Третьякова 2020; Молодыхенко 2021; Третьякова, Спиридонова 2022].

Под когнитивно-семантическими основаниями понимаются элементы когнитивной схемы, которые связаны с процедурной семантикой, т. е. учитываются связь языковых единиц с интерпретацией в рамках операций конструирования смыслов. Этот подход позволяет учитывать «компромиссы» между когнитивными и лингвистическими структурами, позволяющими проследить расширение возможностей функциональной интерпретации значения. Таким образом, понятие иронии как выражения насмешки путём создания противоположных значений слова или коннотаций (*as clear mud; friendly as a rattlesnake; about as much fun as a root canal*) или использование псевдо-похвалы в рамках вежливой и доверительной коммуникации: (*I actually laughed out loud when he brought out the Athletic Greens at the end of the video. Genius advertising! Thank you for nothing!*). Риторическая схема иронического смысла заключается в перемене семантики положительного оценочного компонента на отрицательный.

Иронические высказывания в рамках когнитивной процедурной схемы представляются следующим образом: {S init вежливое высказывание положительной оценки + отрицательное эмоциональное отношение — Sfin ирония} + сильное отрицательное отношение — сарказм}. Риторическая фигура иронического контекста, связанная и с эмоциональной составляющей, расширяется от простой насмешки до сарказма, т. е. язвительной насмешки. Функциональный потенциал иронических высказываний связан с интегративным характером семантики оценки, отношения говорящего к объекту оценки, а также в стремлении привлечь внимание слушателей и склонить аудиторию к своей точке зрения, убедить аудиторию. В этом случае в качестве интегративного риторического компонента включается аргументативная интенция.

В свою очередь схема аргументации включает наиболее общие типы аргументов, как элементы убеждения. Аргументативные схемы существенным образом расширили возможности аргументативного анализа и в настоящее время многие оценочные высказывания в том числе и иронические рассматриваются как обоснованные средства воздействия, а не как ошибочные (*fallacies*). Это воздействие проявляется в реализации интенционального значения, на границе собственно лингвистических значений, обсуждаемой темы и психологической интерпретации аудитории [Emeren 2010: 93–101; Tindale and Gough 1987].

Определение аргументативного характера иронического медиаконтекста рассматривается через собственно иронию, мемы, и пост-иронию. Последний термин связан с абсурдным «перевёрнутым» смыслом или пародированием иронии. Возникает также и мета-ирония, которая рассматривается как элемент «новой искренности» в рамках развития мемов. Формирование иронического контекста проходит несколько этапов, начиная с общей предрасположенности, направленной на восприятие иронического кода как семиотической лексемы через процесс стереотипизации. Это создает основу для функциональной и семантической базы для введения своего рода «панчлайна», помогающего в идентификации коммуникантов «ин-группы» и «аут-группы», что, в свою очередь, дает когнитивную и лингвистическую информацию о ситуации

аргументации. Материалом исследования послужили новостные материалы передачи Fox News под названием Tucker Carlson Tonight, созданные в 2023 году. <https://www.foxnews.com/shows/tucker-carlson-tonight>.

Полученные результаты показывают, что основные функции иронических смыслов определяют такие аспекты, как оценочное отношение комментатора к ранее полученной информации (субъект-субъектная схема) или ситуативный референтный объект (субъект-объектная схема). Оценки преимущественно негативные, выраженные через неодобрение, несогласие, неудовлетворенность реальным положением дел, часто возмущение. Преобладающей схемой аргументации является логика контраста. Прагматические смыслы реализуются в речевых актах пожелания, совета и похвалы (псевдопохвалы). Иронические элементы или «ирониконы» имеют сильный риторический отрицательный эмоциональный «удар». Иронические смыслы в рамках аргументативной схемы демонстрируют убедительность в имитационном характере аргумента *ad hominem*.

В заключении делается вывод о том, что риторический потенциал иронических медийных высказываний складывается в рамках интегративной интерпретативной семантики через построение когнитивной модели, аргументативных схем.

Литература

- Молодыхенко Е. Н.* Метапрагматические дискурсы и жанровая дифференциация в интернет-медиа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021, 18 (2): 363–382. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.207>
- Третьякова Т. П., Спиридонова В. А.* Ироническая модальность в интернет коммуникации // Лингвокультурное и коммуникативное пространство человека / отв. ред. Е. А. Вансяцкая; науч. ред Ф. И. Карташкова. Иваново, 2022. 124–135.
- Третьякова Т. П.* Ирония как компонент речевого поведения в политическом дискурсе // Человек в современном коммуникационном пространстве / отв. ред. Е. А. Вансяцкая Иваново, 2020. С. 61–70.
- Eemeren F. H.* Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse: extending the pragma-dialectical theory of argumentation. JB Publ., 2010.

КОГНИТИВНАЯ УСЛОЖНЕННОСТЬ ПРИМИТИВИЗИРУЮЩЕГО ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА МЕМА

Троценкова Екатерина Владимировна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование направлено на анализ проявлений одного из существенных аспектов природы и функционирования таких популярных и широко распространившихся в последнее время поликодовых текстов как Интернет мемы. Под Интернет мемами понимаются информационные продукты, зачастую юмористического характера (хотя эта характеристика необязательна), которые представляют собой результат коллаборации множества пользователей в новых цифровых медиа и для которых существенно важно, что они функционируют не по-отдельности как самостоятельные единицы, а как элементы конститутивной системы: имитативно воспроизводятся и вирусно распространяются, подвергаясь разнообразным трансформациям формы и содержания так, что, в итоге, их циркуляция в медиа создает разделяемый лингвокультурным сообществом культурный опыт [Троценкова 2022: 75–76].

Интересно то, что, с одной стороны, мемы — тривиальные образцы поп-культуры [Shifman 2013: 6], они транслируют идеи в максимально сжатой и упрощенной, на первый взгляд, форме. Первое впечатление производимое такими текстами — это то, что они выступают как типичные проявления так называемого клипового сознания и примитивизируют содержащуюся в них информацию, делая ее доступной большому количеству пользователей. Однако, с другой стороны, вопреки этому распространенному мнению, которое долгое время заставляло исследователей избегать мемов как легитимного объекта лингвистического исследования, обнаруживается ряд структурных и функциональных особенностей таких текстов, которые парадоксальным образом, указывают на существенную усложненность их когнитивной обработки.

Цель работы и составляет выявление и анализ таких особенностей в их взаимосвязи и отнесенности к более общим специфическим свойствам цифровой культуры. Во-первых, нужно обратить внимание на принципиальную интертекстуальность мемов: их функционирование как элементов партиципаторной цифровой культуры предполагает как многочисленные отсылки друг к другу, так и к текстам иных жанров, а также явлениям объективной действительности. То, что в современных условиях люди имеют дело не столько с отдельными мемами, сколько с фактически безграничными группами взаимосвязанных экземпляров — меметических вариаций и трансформаций, заставляет исследователей говорить о целых семействах и сетях мемов [Segev, Nissenbaum, Stoler, Shifman 2015: 418]. При этом большинство таких текстов также аллюзивно и отсылает аудиторию к обширному набору популярных прецедентных феноменов, многие из которых также представляют собой сложные поликодовые произведения, например, кинотексты. Осмысление отдельной единицы, таким образом, требует обращение к фоновому знанию довольно широкого культурного контекста и актуальной общественно-политической повестки.

Во-вторых, следует учесть активное использование мемов как средства продвижения сложных идеологических комплексов, где кажущаяся упрощенность и легкость восприятия становятся инструментом суггестивного воздействия на общественное мнение. В качестве примера можно привести анализ использования мемов немецкими ультраправыми движениями [Bogerts, Fielitz 2018]. Аналогичным образом, мемы используются и для продвижения левой повестки. Причем особый интерес представляет то, каким образом ключевые идеологические установки часто задаются через сложные для интерпретации формы, связанные с использованием иронии и игры слов, например «Communist jokes are only funny is everyone gets them», «When you complain history class is a struggle, but really all history is a class struggle», «Why do you want this job? — I've always been passionate about not starving to death». Одновременно с этим широко распространившийся концепт «войны мемов» демонстрирует насколько существенную роль играют проявления критического мышления как для создания, так и для восприятия и интерпретации такой поликодовой информационной продукции.

В-третьих, некоторые мемы — так называемые метамемы — способны на нескольких метарепрезентационных уровнях осмыслять различные аспекты самой практики создания и использования Интернет мемов как особого жанра информационных продуктов. При этом намеренно усложняется и форма текста как в части визуального, так и вербального компонентов.

Можно наблюдать иконическую и синтаксическую рекурсию: «So I put a meme in your meme so you can cure cancer while you cure cancer», «We put the inventor of memetics into a meme so that you can meme while you meme». Детальное рассмотрение проявлений вышеуказанных характеристик мемов показывает, что в действительности, несмотря на впечатление содержательной и формальной простоты, эти тексты требуют и от их создателей, и от адресатов задействования сложных когнитивных процессов, связанных метарепрезентацией, обработкой иронии, языковой игры и множества отсылок к обширному фрагменту релевантных социокультурных знаний.

Литература

- Троценкова Е. В. Мемы как средство деконструкции манипулятивных медиа приемов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 74–86.
- Bogerts L., Fielitz M. “Do You Want Meme War?” Understanding the Visual Memes of the German Far right // Post-Digital Cultures of the Far Right. Online Actions and Offline Consequences in Europe and the US. Maik Fielitz, Nick Thurston (eds). Bielefeld, Germany, 2018. P. 137–154.
- Segev E., Nissenbaum A., Stoler N., Shifman L. Families and Networks of Internet Memes: The Relationship Between Cohesiveness, Uniqueness, and Quiddity Concreteness // Journal of Computer-Mediated Communication. 2015. № 20. P. 417–433.
- Shifman L. Memes in digital culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ (ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Цверкун Юлия Борисовна

доцент, Московский государственный институт международных отношений

Образование представляет собой одну из важнейших областей международного сотрудничества. Современная система образования находится на этапе активного развития и трансформации в условиях цифровизации, выраженной в многоцелевом использовании электронных ресурсов и применении современных информационных технологий в образовательном процессе.

Многие исследователи отмечают, что к очевидным преимуществам внедрения современных цифровых инструментов и платформ в образовательный процесс относятся технологичность, индивидуализация обучения согласно потребностям и способностям ученика, рост интереса и уровня мотивации современного поколения к обучению. Также важно подчеркнуть, что эффективность применения цифровых технологий в образовании непосредственно связана с повышением квалификации преподавателей в работе с современными информационными ресурсами [Непрерывное образование... 2022: 28].

По мнению В. Л. Назарова, Д. В. Жердева и Н. В. Авербуха, пандемия COVID-19 в кратчайшие сроки изменила статус проблемы цифровизации образования из «лениво обсуждаемой участниками образовательного процесса отдаленной перспективы» цифровая трансформация образовательного процесса превратилась в «нечто насущное, непосредственно актуальное и, соответственно, приобрела интенсивную эмоциональную окраску» не только среди сторонников данных изменений, но и среди скептически настроенных по отношению к цифровизации в образовании [Назаров 2021: 7]. Изменения, происходящие в образовании в контексте пандемии коронавируса, неизбежно привели к трансформации соответствующей терминологии. В условиях пандемии COVID-19 мировое академическое сообщество было вынуждено обратиться к поиску, разработке и применению новых и трансформации многих имеющихся форм, методов и стратегий обучения, что отразилось на терминологии образования (*synchronous learning*, *extended reality*, *hybrid classroom*, *microlearning*, *learning analytics*, *online invigilator* и др.).

Обращает на себя внимание тот факт, что все вышеприведенные термины заимствованы из терминологии IT-сферы в условиях воздействия активно происходящих процессов цифровизации в образовании во время и после пандемии COVID-19. По мнению П. Андерссон и Л.-Г. Маттссон, цифровизация уже сыграла ключевую роль в системе образования, когда в контексте пандемии COVID-19 закрылись школы и процесс обучения перешел в новый формат, что оказало сильное воздействие на активно происходящий процесс цифровой трансформации образования во всем мире [<https://www.hhs.se/contentassets/419c7b2f06a94ee183bf52ca748c98b5/a54.pdf>].

Ввиду активных процессов цифровизации образования все больше актуальных терминов образования возникают в результате заимствования единиц из IT-сферы (*digital divide*, *online proctoring*, *school platform*).

Для корректной интерпретации актуальных терминов образования важно изучить семантические изменения, произошедшие в структуре их значения, так как, например, в условиях пандемии коронавируса актуальные термины области образования иллюстрируют следующие семантические изменения: приобретение нового значения (*remote*), уточнение ранее употребляемого значения (*in-person graduation*).

Так, например, до пандемии коронавируса не было необходимости в уточнении *in-person graduation*. Для того чтобы подчеркнуть, что какое-либо мероприятие проходило дистанционно, использовался термин *online* или *remote*. Однако во время и после пандемии коронавируса для обозначения очной формы проведения мероприятия стал использоваться термин *in-person*: *in-person exam*, *in-person class*, *in-person graduation*. Также отмечается семантический сдвиг в структуре значения терминов *face-to-face* и *in-person*.

Можно сделать вывод, что цифровая трансформация образования проявляется в большей степени во внедрении в учебный процесс новых инструментов, стратегий, форм обучения, что

неизбежно воздействует на терминологию образования. Изменения в глобальной системе образования нашли отражение в терминологии данной сферы: возникновение новые терминов, пересмотр значений существующих терминов. В дальнейшем представляется целесообразным исследование обновлений словарей современного английского языка с целью выявления новых единиц сферы образования, уточнения значения ранее используемых для корректного обозначения актуальных понятий в образовании.

Литература

Andersson P., Mattsson L.-G. Future digitalization of education after COVID-19. URL: <https://www.hhs.se/contentassets/419c7b2f06a94ee183bf52ca748c98b5/a54.pdf>

Назаров В. Л. Цифровая трансформация школьного образования в РФ: управленческие и социально-психологические аспекты / В. Л. Назаров, Д. В. Жердев, Н. В. Авербух. Екатеринбург, 2021.

Гладкова М. Н., Попкова А. А., Абрамова Н. С., Лебедева А. А. Непрерывное образование в условиях цифровизации системы образования // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2022. № 3(61). С. 27–30. DOI 10.46845/2071-5331-2022-3-61-27-31.

Хайруллин Г. Т. О цифровизации образования // Globus: Психология и педагогика. 2020. № 3(38). С. 4–7.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОПОНИМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Шустрова Елена Николаевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Кондрашова Вера Николаевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

В результате смены научной парадигмы в современной лингвистике появились новые подходы к изучению топонимов. Современные исследователи все больше уделяют внимание прагматическому аспекту, в частности, роли топонимов в художественном дискурсе. Как отмечает В. А. Ражина, топонимы, используемые в художественных текстах, служат не только для выполнения номинативной функции или создания достоверного фона для описываемых событий, но и для воплощения общего художественного замысла, так как они являются важным характеризующим средством [Ражина 2007: 14].

Использование топонимов в оценочно-характеризующей функции в художественном дискурсе определяется как личными предпочтениями писателя, так и жанром произведения. Функционирование топонимов в юмористическом дискурсе имеет свои отличительные черты. В. И. Карасик определяет юмористический дискурс как «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [Карасик 2002: 363]. Эта ситуация характеризуется тремя признаками: 1) стремлением уйти от серьезного разговора 2) юмористической тональностью общения 3) наличием моделей смехового поведения, которые приняты в определенной лингвокультуре [Там же 363–364]. Юмористический дискурс отличается разветвленной системой жанров. Оценочные и карикатурные стратегии составляют ядро любого жанрового образца юмористического дискурса, хотя их последовательность и значимость могут варьироваться в зависимости от жанра или ситуации общения [Морозова 2013: 7–8]. В результате проведенного исследования было выявлено, что чаще всего топонимы используются в юмористическом дискурсе для характеристики героев произведения: либо в авторском описании, либо в речи самого персонажа.

Использование топонимов, в частности, топонимов и антропонимов является одним из широко используемых приемов создания комического эффекта в произведениях П. Г. Вудхауса. При их помощи он создает различные контрасты, комические несоответствия. Так, например, автор передает психологическое состояние героев, сравнивая их с состоянием исторических деятелей или героев Библии в значимые моменты их жизни. “From time to time, as he paced the tent devoted to the exhibition of vegetables, he might have been seen to bite his lip, and his eye had something of that brooding look which Napoleon’s must have worn at Waterloo.” Так, например, прецедентный топоним Ватерлоо, помогает охарактеризовать состояние аристократа, тыква которого не получила первое место на сельскохозяйственной выставке. Оно сравнивается с состоянием Наполеона при поражении в битве при Ватерлоо.

Другим приемом является описание автором гипотетической ситуации, в которой создается контраст между современным топонимом и антропонимами, относящимся к другим историческим эпохам. “On Fifth Avenue all the motor-cars in the world were gathered together. If Croesus and the Count of Monte Cristo had applied for lodging there, the authorities would probably have looked on them a little doubtfully at first and hinted at the desirability of a month’s rent in advance”.

Комический эффект достигается благодаря высказанному предположению, что у сказочно богатого лидийского царя Креза и литературный персонаж графа Монте-Кристо могло бы не хватить денег, чтобы снимать квартиру на Пятой авеню.

Перейдем к рассмотрению использования топонимов в речи персонажей. Карикатурные стратегии в большой степени проявляются при создании образа невежественного персонажа посредством моделирования комических коммуникативных неудач. Писатели используют одинаковые названия городов, расположенные в разных частях света, или совпадающие по названию с антропонимами.

“A scarab boosting Memphis. It’s my home town.”

“I think it possible that some other Memphis was alluded to.” “There isn’t any other except the one in Tennessee”.

Рассуждая о жуках-скарабеях, герой произведения упоминает город Мемфис, находившийся в Древнем Египте. Однако его невежественный собеседник знает только Мемфис, расположенный в штате Теннесси и не верит в возможность существования другого города с таким названием.

Топонимы также используются в речи героев произведений для создания языковой игры, основанной на схожести звучания топонима и нарицательного имени существительного.

“So you are going from hedge funds to herbaceous borders.” “I am.”

“From shares to ... scented stocks. From Wall Street — to wallflowers”.

В данном примере обсуждается изменение карьеры главной героини, которая решила уйти из банка и заняться ландшафтным дизайном. Характеристика новой деятельности девушки строится на игре слов. Топоним *Wall Street* — это улица, на которой расположены самые известные банки Нью-Йорка. Улица ассоциируется с финансовым успехом и престижем. Существительное *wallflower* обозначает не только девушку, не пользующуюся успехом, но и растение желтофиоль. Существительное *wall*, входит и в имя собственное, и в имя нарицательное, но вызывает совершенно разные ассоциации, именно этот контраст и создает юмористический эффект.

Таким образом, топонимы в юмористическом дискурсе используются для характеристики персонажей либо через авторское описание, либо благодаря употреблению топонимов в речи самих персонажей. Как показал наш материал, в авторских описаниях для создания комических несоответствий преимущественно используются прецедентные топонимы и аллюзии. В речи персонажей употребляются топонимы, совпадающие по названию с другими географическими объектами или антропонимами, для моделирования комических коммуникативных неудач, а также топонимы созвучные с нарицательными именами существительными для создания языковой игры.

Литература

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Морозова А. М. Дискурсивная специфика реализации юмористической тональности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013.

Ражина В. А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Краснодар, 2007.

ЭПИТЕТ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДОМИНАНТНОГО КОНЦЕПТА В ДЕКЛАРАЦИИ ЮНЕСКО О ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ОБЪЕКТА ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Шутёмова Наталья Валерьевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование нацелено на изучение способов репрезентации концепта всемирное наследие в декларациях о выдающейся универсальной ценности объектов ЮНЕСКО (далее ВУЦ). Актуальность научного изыскания обусловлена, во-первых, ведущей ролью рассматриваемых текстов в лингвистическом сопровождении соответствующего проекта организации, имеющего международное значение, во-вторых, доминантным характером названного концепта в данной документации, в-третьих, его важностью для формирования концептуального поля наследие. Как показал когнитивно-дискурсивный анализ корпуса деклараций ВУЦ, представленных на сайте ЮНЕСКО, средства объективации в них обозначенного концепта прагматически определяются коммуникативными задачами адресата, которые включают информирование международного сообщества о существовании природных и культурных достопримечательностей, их оценку и доказательство уникальности объектов. Перечисленные функции объясняют такие свойства деклараций ВУЦ, как информативность, аксиологичность и персуазивность. Кроме того, несмотря на официально-деловой характер данных текстов, одним из их основных качеств, сопряженных с названными, является экспрессивность. Предметом рассмотрения в докладе являются эпитеты, которые используются в декларациях ВУЦ в качестве основного средства выразительности, выражающего положительную оценку объектов и способствующего убеждению реципиента в их универсальной выдающейся ценности. Полагаем, что в зависимости от контекстуальной семантики эпитеты можно классифицировать на три группы лексических единиц, характеризующих уникальность, значимость и эстетичность аксиологического фокуса.

Ключевыми в первой группе являются эпитеты “outstanding” и “unique”, которые дополняются контекстуальными синонимами-уточнителями “distinguished”, “unrivalled”, “exceptional”, актуализируя тезис об исключительной ценности объектов из Списка всемирного наследия, например культурного ландшафта архипелага Сент-Килда: “The very high bird densities that occur in this relatively small area, conditioned by the complex and different ecological niches existing in the site and the productivity of the surrounding sea, make St Kilda unique” [SK]. “The landscape including houses, large enclosures and cleits — unique drystone storage structures found, in their hundreds, across the islands and stacks within the archipelago — culminates in the surviving remains of the nineteenth and twentieth century cultural landscape of Village Bay” [там же]; “The precipitous cliffs and sea stacks as well as its underwater scenery are concentrated in a compact group that is singularly unique” [там же].

Набор эпитетов, составляющих вторую группу и выражающих в декларациях значимость объектов всемирного наследия, включает оценочные прилагательные “universal”, “significant”, “important”, “vital” и производные существительные “significance”, “importance”. Семантика данной группы эпитетов, аналогично единицам, выражающим уникальность объекта, получает в текстах дополнительную актуализацию посредством уточняющих эпитетов (“globally / internationally / considerably important / significant”), что служит вспомогательным средством эмфатизации и аргументации ключевого тезиса о значимости объекта из Списка всемирного наследия, например островов Гоф и Инаксессибл или Королевских ботанических садов в Кью: “Gough and Inaccessible Island represent two of the least disturbed cool-temperate island ecosystems in the South Atlantic Ocean, and are internationally important for the colonies of some 22 species of seabirds, several of which only breed here” [GII]; “This historic landscape garden features elements that illustrate significant periods of the art of gardens from the 18th to the 20th centuries” [RBG]; “Since their creation in 1759, the gardens have made a significant and uninterrupted contribution to the study of plant diversity and economic botany” [там же]. Эстетические свойства объектов всемирного насле-

для передаются в декларациях с помощью эпитетов “beautiful”, “aesthetic”, “scenic”, “picturesque”, “spectacular”, “dramatic”, “rich”, “supreme”, “impressive”, “distinctive”, “creative”, “unparalleled”, передающих положительную оценку объекта и производимое им впечатление, в частности при описании Озерного края: “scenic landscapes”, “distinguished villas”, “picturesque beauty” [LD].

Семантика эпитетов всех трех групп актуализируется в декларации посредством рекуррентности, при этом они повторяются не только в пределах одного документа, но и в масштабах всего корпуса деклараций. С одной стороны, рекуррентность эпитетов помогает донести до международной общественности мысль о значимости, уникальности и красоте объекта, с другой — приводит к стандартизации экспрессивности текстов.

Литература

GII — Gough and Inaccessible Islands. Outstanding Universal Value (URL: <https://whc.unesco.org/en/list/740>)

RBG — Royal Botanic Gardens, Kew. Outstanding Universal Value (URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1084>)

SK — St Kilda. Outstanding Universal Value (URL: <https://whc.unesco.org/en/list/387>)

LD — The English Lake District. Outstanding Universal Value (URL: <https://whc.unesco.org/en/list/422>)

К ВОПРОСУ О ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

TO THE QUESTION OF THE TRANSCENDENCE OF THE SIGN

Щербак Нина Феликсовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Более традиционный взгляд на теорию знака определяется конвенцией. Обычно в связи с изучением языкового знака, ученые опираются на интерпретацию Ч. Пирса об индексальных, иконических, символических знаках. При этом соотнесение знака с реальностью, восходит к традиции реферативно-денотативной теории, которая опирается на идею о том, что знак имеют репрезентативную функцию, или реферировать к объектам действительности. Работы Л. Витгенштейна («Философские исследования»), как и работы авторов — пост-структуралистов резко меняют ракурс видения языкового знака, который при новом рассмотрении вступает в бесчисленный ряд, так называемых «повторений» (Делез, Деррида). Способностью знака к повторению, его нерепрезентативная функция определяет трактовку знака в современной герменевтике, помогает интерпретировать литературные тексты с большей степенью точности. Серия повторений (идея «повторения» восходит к работе Ж. Делеза «Различие и повторение») может иметь отношение к «повторению» мотивов, сюжетных ходов, лексических единиц, схожих паттернов.

Подобное «повторение» дает большую возможность осознать идею автора, или тот смысл, который текст доносит, в отличие от традиционной репрезентации или «различия». Различие по Делезу — это серия повторений [Deleuze, 1998]. Вопрос о трансцендентности знака — проблема которая меняет ракурс рассмотрения коммуникативно-зей ситуации, и, среди прочих исследований, восходит к работам, например, Павла Флоренского [Флоренский, 1995], который пишет о том, что такой знак как, например, икона меняет свое содержание в зависимости от со-настроенности смотрящего на него интерпретирующего сознания.

Верующий человек, глядя на икону, видит Бога, а неверующий — доску с красками. Таким образом, знак являет собой не только (и не столько) функцию репрезентации, но меняет свои свойства в зависимости от смотрящего. При изучении природы языкового знака, большую роль приобретает, таким образом, вопрос ограничения коммуникативной ситуации. Традиционно коммуникативная ситуация рассматривается как ограниченная конкретной ситуацией, даже если в ней обозначен социальный контекст (Феаклаф, Ходж, Кресс, ван Дейк). В действительности, коммуникативная ситуация получения человеком информации имеет гораздо более сложную природу. Схема, демонстрирующая такую ситуацию — более сложный конструкт. Имеется в виду, что в процессе общения, мы черпаем информацию не только от человека, который идет с нами по улице, например, но мы одновременно можем читать сообщения в телефоне, услышать брошенную кем-то фразу, прочесть сообщение на остановке. В данном случае нередко будет действовать и «зеркальная функция» нашего сознания, которое будет со-настроено внешнему миру, видеть и создавать вокруг то, что ожидается субъектом (Кант), а не то, что внешний мир в него привносит. Таким образом, коммуникативная ситуация при таком рассмотрении и число коммуникантов значительно расширится.

Релевантным для нашего исследования было положение о соотношении «слов» и «вещей». Данные понятия известный антрополог Мишель Фуко [Щербак, 2018] рассматривает в зависимости от различных эпох, выделяя три. Появляются, таким образом, эпистема эпохи Ренессанса, эпистема классического времени, современная эпистема. Современная эпоха (с начала XIX века) определяется определенным «отрывом» языка от «мира вещей», это и есть определение эпистемы в новейшее время. В данном случае учитывается скорее не языковая структура, а возможность (или невозможность) знака соотноситься с действительностью. Языковая структура сохраняется как неизменный каркас, но знак способен реализовывать бесконечное количество значений. Фокусом исследования становится рассмотрение процесса взаимодействия институтов, дискурсивных практик и текста, в процессе его порождения и интерпретации.

Интересен и потенциально значим для трактовки теории знака факт взгляда на знак и его иконические свойства. Традиционно неделимые «план выражения» и «план содержания» могут быть расщеплены. Факт иконичности и фоносемантической природы языкового знака позволяют говорить о том, что знак обладает возможностью передавать нечто «изначальное», в некоторой степени «духовную сущность». Знак может являть собой если не Логос, то «универсальный код». Данный взгляд на природу иероглифа озвучивается не только философами и классиками литературоведения, но и современными представителями мета-модернистской традиции, которые объясняют принцип «компрессии», в литературе и современной музыке (*compression principle of organization*) тем, что «сжатый звук» позволяет, подобно иероглифу, передать нечто «значительно больше, чем заметно на первый взгляд».

Иероглифичность языкового знака соотносится с его символичностью. По теории Чарльза Пирса иероглифичность — одна из разновидностей языкового знака. О теории символа и его философии глубоко писали русские поэты-символисты. Они писали о слове, как говорил поэт Вячеслав Иванов, как о «темном в его последней глубине»: «Символы переживания забытого и утерянного достояния народной души. Но они органически срослись с нею в ее росте и своих перерождениях: сихологически необходимые, они метафизически истинны».

Общая тенденция приближения литературы XX века к поэзии в отношении употребления слова, и приближение поэзии к музыке, имеет еще одну интересную способность. Текст перестает быть статичным, может «звучать», «оживляться», быть нечитабельным, или, напротив, становится экспериментом изобретения автором собственного языка.

Литература

Флоренский — П. А. Флоренский и культура его времени. Под ред. М. Хагемайстера и Н. Каухчишвили. Marburg, 1995.

Щербак Н. Иерархия смыслов и трансцендентность знака: гипотезы и реалии (о знаке и его свойствах в работах Павла Флоренского) // *Топос*. 2018. 8 (12).

Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Яковлева Мария Станиславовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Для исследования функционально-семантического потенциала компонентов медицинского текста важно определиться с границами изучаемого материала. По М. Бахтину [1996], для выделения любого жанра необходимо наличие типических черт — определённой коммуникативной ситуации, экспрессии, объёма, концепции адресата.

Традиционно под медицинским текстом понимается текст на медицинскую тематику — содержащий некоторые предписания, выполнение которых нацелено на профилактику и лечение болезней, а также облегчение страданий пациента. Исследователи древнеанглийской литературы, говоря о жанрах медицинского текста, рассматривают прежде всего переводы античных трактатов о биологии человека (прежде всего Галена и Гиппократ), травники (адаптации *Herbarium Диоскорида*, «Псевдо-Апулей» etc. — *Lacnunga*, *Laeseboc*) и сборники рецептов на основе животных препаратов (*De Quadrupedibus*). Коллекция этих источников впервые была переведена и издана тремя томами в 1866–1864 гг. английским исследователем Томасом Кокейном (*Leechdoms, Wortcunning, and Starcraft of Early England*). В последнее время в связи с обнаружением новых письменных памятников список источников увеличился, но в основном оставался в тех же жанровых рамках. Вместе с тем, эпизоды текста медицинского характера обнаруживаются и за пределами упомянутой коллекции. В частности, медицинскую тематику можно найти в маргиналиях к латинским медицинским трактатам, в древнеанглийских текстах, традиционно относимых к другим жанрам (например, в «Церковной истории народа англос» Беды, в руководстве по исчислению пасхалий Бюрхтферта), и даже в отдельных загадках (№ 48 из Эксетерского кодекса); тематика лечения присутствует в некоторых из древнеанглийских заклинаний. Так, например, в контексте приведённых ниже фрагментов молитва упоминается как инструмент исцеления, указаны условия применимости «лекарства» (перед потенциально или определённо опасным действием, при безумии или ярости) и результат: *ac gehæle me ælmihtigi, and sunu (and) frofre gast, ealles wuldres wyrðig dryhten* [the Almighty and his son and the spirit of comfort cures me, worthy Lord of All Glories, заклинание, *Færeld Spell*, перевод ОЕПФ]; *Leoht drenc wiþ weden heorte: Nim þas wyrta þonne dæg niht scade. Sing ærest on ciricean letania ond credan ond pater noster* [A light drink for the wood heart Take these words when day and night divide; sing first in church a litany, and a Credo, and a Pater noster, рецепт травника, *Cockayne, III, lxviii*]; рассказ о юноше, с которого в плену спадали оковы в то время, когда его брат, священник, служил мессу за упокой души брата, считавшегося похороненным («Церковная история народа англос», книга 4, XX (XXII)).

Корни закрытости структуры жанровой специфики древнеанглийских текстов медицинской тематики лежат в культурном фоне времён их обнаружения. Медицина англосаксов носила синкретический характер, объединяя элементы античной гуморальной теории, народные сведения об эффектах трав и христианское учение о грехе и исцелении души, до 1960–70-х годов считалось, что она характеризуется вторичностью и незрелостью. Поэтому те произведения, которые по типическим жанровым чертам напоминали современный медицинский текст (доказательность, отсутствие экспрессивной окрашенности etc.), были признаны таковым, а другие были отнесены к иным типам (магическому или художественному). В настоящее время функционально-семантический подход позволил установить более широкие жанровые границы медицинского текста, а успехи современных историко-прагматических исследований показывают применимость к анализу исторических текстов инструментария прагмалингвистики [Очерки... 2012]. Так, в древнеанглийской литературе успешно выделен по принципу наличия регуляторной функциональной доминанты жанр регулятивных текстов, объединяющих юридическую документацию, нравственно-философскую литературу и тексты практического назначения [Руберт 1995]. Представляется возможным расширить жанровые рамки медицинско-

го текста для материала древнеанглийской литературы и классифицировать произведение или его часть как медицинский текст при наличии следующих критериев: 1) критерий тематики (наличие в тексте понятий из семантических сфер «сохранение здоровья» и «болезнь»); 2) критерий сущностного свойства (лаконичность, регулятивность); 3) функциональный критерий (наличие конативной («делай следующим образом») или аккумулятивной («Х сделал так-то, и вот что вышло») функции языка); 4) критерий задачи (носит ли текст инструктирующий характер или же его основная функция — эстетическая); 5) критерий адресата (пациент или лекарь). Подобная классификация позволит учесть разнообразие текстов, содержащих тематику лечения, и исследовать функционирование ряда составляющих медицинского текста на материале дополнительных жанров (загадки, заклинания, обережные надписи etc.).

Литература

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // *Собрание сочинений*. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. М., 1996. С. 159–206.

Очерки по исторической прагматике германских языков / отв. ред. Г. А. Баева. СПб., 2012.

Руберт И. Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов. СПб., 1995.

Glück H. Deutsch als Fremdsprache in Europa vom Mittelalter bis zur Barockzeit. Berlin; Boston: De Gruyter, 2002.

РЕФЛЕКСЫ УСТНОЙ РЕЧИ В ДИАЛОГАХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ XV–XVII ВВ.

REFLEXES OF ORAL SPEECH IN THE DIALOGUES OF TEXTBOOKS OF THE 15TH — 17TH CENTURIES

Баева Галина Андреевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Знание иностранных языков долгое время определялось владением мертвыми языками, прежде всего латынью как языком Римской церкви, которая была *lingua franca* в Европе, но по религиозным причинам не имела распространения в России. С переходом на родные «народные» языки, примерно 600 лет тому назад, начинается освоение живых языков [Glück 2002] и с этой целью создаются первые двуязычные и многоязычные пособия по обучению языкам. Необходимость таких пособий тесно связана как минимум с двумя целеполаганиями: торгово-коммерческим и культурно-познавательным, которые также определяются, соответственно, как инструментальное и интегративное [Kirschner 2004: 2; Schröder 2000: 682]. Такое противопоставление, с одной стороны, может быть заложено в названии самого учебного пособия, вытекать из тематики предлагаемых бесед и словника к ним, с другой стороны, указывать на предполагаемые сферы использования (в деловых поездках, для путешествий, и далее с расширением социально-культурного контекста, особенно в XVII в., для ведения галантной беседы, для демонстрации хороших манер во время ритуала рассадки за столом, при принятии пищи и т. п.). Появление разговорников и пособий по обучению иностранным языкам (*Sprachbuch*, *Gesprächsbuch*) обусловлено коммуникативными запросами общества, его торговыми, политическими и культурными связями для обеспечения определенного минимума общения на несложные бытовые и деловые темы в рамках коммуникативных ситуаций, представленных как совокупность готовых продуктов речевой деятельности, т. е. определенных текстов-диалогов или отдельных фраз, соотносящихся с реалиями и коммуникативными ситуациями и отражающие картину мира той или иной эпохи. Бытовые и деловые ситуации в первых учебных пособиях обычно описываются как диалоги двух или нескольких людей (например, у Невенбурга (1629 г.) такая ситуация дается под рубрикой «*Ein gesprech Zweyer guten freunde*» «Разговор (беседа) двух добрых друзей»). Аутентичность предложенных в пособиях диалогов, несмотря на то, что многие авторы указывают на их универсальность, повседневность, повторяемость и взятие их из жизни, может вызывать сомнения прежде всего из-за отсутствия широкого контекста и некоторой надуманности с позиций современности некоторых тем (например, как правильно сложить белье для сушки, как попасть на предполагаемую свадьбу и т. п.). Аутентичность базируется на различных этикетных формулах (приветствие, прощание, приглашение к столу, тост, молитва и т. п.), обращениях в зависимости от социального статуса коммуникантов, использовании пословиц, иногда даже ненормативной лексики, что предполагало возможность ориентироваться в новой языковой среде. Кроме этого, в диалогах присутствуют и такие показатели устной речи, как императивы, вопросы, модальные глаголы, частицы, междометия. См., например, вполне современный разговор за столом во время обеда: Peter: *Warumb issestu nicht deine suppen? Weil sie warm ist?* Franz: *Sie ist noch zu heisz.* Maria: *Hans, bring brot her.* Rogier: *hat kein brot, hole einen Teller, bring den senff her.* Peter: *Gebt mir die bierkanne.* Rogier: *Neempt sie, lasset sie nicht fallen.* Peter: *Gebt mir sie her, ich halte sie wol* [Colloquia 1656: 24a — 25a].

Литература

- Colloquia, et dictionariolum octo linguarum, Latinae, Gallicae, Belgicae, Teutonicae, Hispanicae, Italicae, Anglicae, et Portugallicae, Liber omnibus linguarum studiosis domi, ac foris apprime necessarius. Colloques ou Dialogues avec un Dictionaire en huict langues [...] Colloquien oft t'samen-sprekingen met eenen Vocabulaer in ach spraken [...] Venetiis, Ex Typographia Iuliana, MDCL-VI. [1656]. Hrsg. von Maria Helena Abreu et al. (a cura di Riccardo Rizza), Viareggio-Lucca: Mauro Baroni, o. J. *Glück H.* Deutsch als Fremdsprache in Europa vom Mittelalter bis zur Barockzeit. Berlin, New York, 2002.
- Kirchner K.* Motivation beim Fremdsprachenerwerb. Eine qualitative Pilotstudie zur Motivation schwedischer Deutschlerner // Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht: Didaktik und Methodik im Bereich Deutsch als Fremdsprache (ZiF). 2004, (Jg. 9 / Heft 2). URL: <https://zif.spz.tu-darmstadt.de/jg-09-2/beitrag/Kirchner2.htm> — Download vom 03.01.2022.
- Schröder K.* Kommerzielle und kulturelle Interessen am Unterricht der Volkssprachen im 15. und 16. Jahrhundert // Auroux S. et al. (Hrsg.): History of the language sciences: an international handbook on the evolution of the study of language from the beginnings to the present. Berlin [u. a.]: Walter de Gruyter, 2000. (Vol. 1; Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft — Bd. 18). S. 681–687.

„LEIPZIGER TASCHENBUCH FÜR FRAUENZIMMER ZUM NUTZEN UND VERGNÜGEN“ КАК ОБРАЗЕЦ ЖЕНСКОГО ЖУРНАЛА XVIII ВЕКА

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматриваются основные типобразующие признаки ежегодника „Leipziger Taschenbuch für Frauenzimmer zum Nutzen und Vergnügen“ с 1784 по 1799 гг. как женского журнала: характер аудитории, характер информации, целевое назначение. Кроме того, рассматриваются особенности композиционного (наличие строго выделяемых рубрик, расширяющихся от номера к номеру) и языкового оформления регулярных рубрик ежегодника (прежде всего особенности используемой лексики, а также особенности этикета, нашедшие отражение в опубликованной переписке Charlottens und Emiliens ländlicher Briefwechsel). В историческом процессе формирования немецкой женщины немаловажную роль играла женская пресса. Хотя одним из первых немецких журналов, обращенных к женщинам, считается журнал „Die vernünftigen Tadlerinnen“ (Разумные критики) 1725–1726 гг., издателями которого были супруги Готшеды (Johann Christoph Gottsched и Louise Gottsched), понятие женский журнал („Frauenzeitschrift“ или „Frauenzeitung“) стали использовать лишь к концу 18 в. Примером этого может послужить ежегодник „Leipziger Taschenbuch für Frauenzimmer zum Nutzen und Vergnügen“ (Лейпцигский альманах для женщин на пользу и ради удовольствия). Имеющийся корпус охватывает издания этого журнала с 1784 по 1799 гг.

Уникальность журналов, имеющих в качестве целевой группы определенную категорию читателей, заключается в том, что появление каждого из них является свидетельством зрелости соответствующей социальной группы. При отсутствии спроса — а, значит, и потребности — такие журналы не возникали бы. Таким образом, появление женской прессы свидетельствует о качественном росте общества: изменении в социальном положении женщины, ее образования и интересов.

Выбранный для изучения еженедельник полностью отвечает определению, предложенному Е. Ю. Коломейцевой: «Женский журнал — это печатное периодическое издание, обладающее всеми типологическими характеристиками журнального издания; и имеющее специфические особенности в целевом назначении, предметно-тематическом наполнении, художественно-графическом оформлении, жанровой структуре, обусловленные ориентацией на женскую читательскую аудиторию. Он содержит разноплановую информацию, призванную удовлетворять интересы данной целевой аудитории во всех сферах общественной и частной жизни» [Коломейцева 2008: 9].

В докладе рассматриваются основные черты ежегодника как женского журнала. Специфика целевого назначения находит отражение, прежде всего, в подборе тематики. При этом издатели стараются «держать руку на пульсе», можно проследить выделение в самостоятельные рубрики того содержания, которое было изначально лишь частью иной рубрики (так, например, в первых номерах журнала в рамках „Vorschlag und erster Versuch über die Frauenzimmerkleider“ подпунктом выводится „Die Toilette“, а в последующих номерах это уже самостоятельная рубрика).

Тематика рубрик ежегодника свидетельствует о том, что издатели были очень далеки от получившего 100 лет спустя выражения о трех К (Kinder, Küche, Kirche — дети, кухня, церковь) или в некоторых модификациях четырех К (с добавлением Kleider — платья), которые должны были отражать основные ценности немецкой женщины: кроме глав, посвященных историческим деятелям, подборке стихов, коротких рассказов и т. п. ежегодник содержит такие рубрики, как Naturgeschichte (естествознание), Staaten- und Völkergeschichte (история государств и народов), Ökonomische Hefte (экономические тетради), Wirtschaftliche Vademecum (хозяйственный вадемекум) [1] и т. д.

В докладе рассматриваются основные рубрики ежегодника, особенности их композиционного и языкового оформления. В области лексики особое внимание уделяется именам веще-

ственным (рубрика *Naturgeschichte* содержит такие статьи как *Der Kaffee* (кофе), *Der Zucker* (сахар), *Der Thee* (чай), *Die Baumwolle* (хлопок) и т. д.), зоонимам (в той же рубрике: *Die Stubenfliege* (муха комнатная), *Der Haushahn und die Henne* (домашний петух и курица), *Die Gans* (гусь), *Die Ente* (утка) и т. д.), фитонимам (в той же рубрике: *Kartoffel* (картофель)), именам собственным, а именно антропонимам (отдельные рубрики, посвященные историческим личностям, а также рубрика *Staaten und Völkergeschichte: Joseph II., Katharina II.* и т. д.), опонимике (рубрика *Staaten und Völkergeschichte: Spanien* (Испания), *Portugal* (Португалия), *Die Grönländer* (Гренландия), *Die Niederländer* (Нидерланды) и т. д.).

Опубликованная в номерах журнала переписка *Charlottens und Emiliens ländlicher Briefwechsel* (сельская переписка Шарлотты и Эмилии) позволяет проанализировать композиционные и этикетные особенности, характерные для личной переписки второй половины 18 века: наличие или отсутствие заголовка письма, указания даты и места написания, подписи, использование обращений, дихотомия *Du/Sie* (ты/Вы).

Использование обращений, дихотомии *Du/Sie*, различных форм побуждения можно проследить и в других рубриках, в которых издатели обращаются непосредственно к своей аудитории. Например, в рубрике *Diätetick* (диететика, диетология), посвященной здоровому питанию и уходу за больными: *Und welche bange Gefühle ergreifen mich, meine Leserinnen! Indem ich diese Zeichnung noch einmal ansehe* (И какой же страх охватывает меня, мои читательницы, когда я смотрю еще раз на этот рисунок), или через несколько страниц в диалоге с читательницами, предваряющем новую рубрику *Die Toilette: Du, die du nicht Stärke genug in dir empfindest* (Ты, которая не ощущаешь в себе достаточно силы).

Литература

- Коломейцева Е. Ю.* Формирование женского универсального журнала в отечественной журналистике XVIII–XX веков: история развития и типологические особенности: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2008. 46 с.
- Ein *Vademecum* ist ein Heft oder handliches, kleinformatiges Buch, das als nützlicher Begleiter bei der Berufsausübung, auf Reisen oder in sonstigen Lebenslagen am Körper in einer Tasche mitgeführt werden kann.

ИНКИ И ИХ СОЦИУМ В ХРОНИКЕ «ДОБРОГО ПРАВЛЕНИЯ»

THE INCAS AND THEIR SOCIETY IN THE CHRONICLE OF THE GOOD REIGN

Григина Елена Анатольевна

*доцент, Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД России*

Романова Галина Семеновна

*профессор, Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД России*

Старинные рукописи дают филологам тот инструмент, который позволяет воссоздать не только языковую ситуацию определенной эпохи, но и элементы социальной жизни носителей тех или иных языков. Найденная в Копенгагене в 1908 г. Новая Хроника Доброго Правления представляет собой широкую панораму всех сторон жизни обширнейшей империи инков Тауантинсуйу (Tahuantinsuyo), являя нам подлинную энциклопедию андской жизни XV–XVI вв. В своих описаниях и оценках автор Хроники Фелипе Гуаман Пома де Айала — католический монах и переводчик с родного кечуа, объехавший с миссией по «искоренению язычества» (*extirpación de idolatrías*) большую часть огромной территории, не так давно завоеванной испанцами, полагался не только на собственные знания и наблюдения, но и на свидетельства очевидцев (*testigos de vista*), имена которых фигурируют в Хронике. Фелипе Гуаман не только описывает этот мир на испанском языке, но и иллюстрирует свои тексты традиционными рисунками токапу, несущими не только событийную, но и оценочную информацию.

Один из представленных в Хронике рисунков изображает самого автора, Фелипе Гуамана, разговаривающего со старцем из рода Верховного Инки в окружении большого числа высокопоставленных представителей четырех частей империи (*suyo*), говорящих на кечуа или аймара (о чем свидетельствуют реплики на этих бесписьменных языках, записанные с помощью латинского алфавита).

Исторические источники свидетельствуют, что к началу XVII в. Подобные собрания стали распространенной практикой: испанские наместники получали из Лимы и Севильи своего рода вопросники, для ответа на которые им требовались сведения от касиков из разных частей страны. Эти сведения касались географических характеристик, особенностей жизни населения, его обычаев, занятий и экономических показателей.

Фелипе Гуаман лично неоднократно участвовал в таких собраниях как переводчик с разных диалектов кечуа и аймара на так называемый *yndio ladino* «индейский латинский» — далекий предшественник того варианта испанского языка, который современные перуанские лингвисты называют «андским испанским» [Cushman 2015: 88]. Часто рассматривались старые межэтнические споры, касающиеся воспроизводства природных ресурсов и прав наследования, но также и притязания новых хозяев страны, нарушавших сложившиеся с XIV в. устои, что вызывало праведный гнев католического монаха. В этот переходный период, по его мнению, все стороны должны были содействовать введению консенсусного правового порядка, неисполнение которого грозило бы касику лишением должности [Stern 1982: 78]. Опрашиваемых касиков называли «глазами самого короля», а принимаемые с их участием решения «могли стать основой для восстановления справедливости и доброго правления в Перу» [Guaman 1615: 114–115], в чем индейский автор стремится убедить главного адресата своей Хроники и своего тезку — испанского короля Филиппа Второго.

Еще в период открытия и исследования побережья Перу конкистадор Франсиско Писарро заметил наличие острых конфликтов между населявшими земли Тауантинсуйу этническими группами (численность индейского населения колебалась от 10 до 30 млн человек), и дальновидно запретил своим подчиненным обижать индейцев с целью заполучить их поддержку. Этой цели он добился лишь частично, поскольку приказ капитана выполнялся далеко не всегда.

Правящий этнос — инки, как дети Солнца, то есть самого верховного божества Инти, не вступали в браки с представителями других этносов, не смешивались с ними генетически, но обязательной практикой было то, что по мере присоединения к империи новых территорий они направляли туда учителей своего языка — кечуа, владение которым становилось практически обязательным и обеспечивало связь территорий. Верховный правитель — Сапа Инка лично назначал четырех главных наместников, которые, в свою очередь, назначали низлежащих касиков. Их численность была около 160, по количеству продовольственных хранилищ, создаваемых для населения на случай природных бедствий и военных конфликтов, и она сохранялась какое-то время после испанского завоевания. Испанцев удивляло, что инки не подвергали своих подданных жестокой эксплуатации, но и не позволяли им бездельничать: каждому возрасту и полу определялась посильная работа, в стране не было нищих, при этом население не имело права менять место жительства без разрешения инкской администрации. Эти «элементы государственного социализма» строго регулировали все сферы жизни в инкском государстве, вплоть до выбора супруга и употребления психоактивных веществ (последнее позволялось лишь в преклонном возрасте), а любые нарушения строжайше наказывались, начиная с наказания детей в семье. Рабство не носило массового характера, лишь немногие знатные инки имели рабов из покоренных народов. Остальные завоеванные, чтобы подняться по социальной лестнице, должны были выучить кечуа, пожить в Куско, дабы перенять хорошие обычаи и манеры, и затем могли претендовать на административную должность.

Литература

- Cushman G. T.* The Environmental Contexts of Guaman Poma: Interethnic Conflict over Forest Resources and Place in Huamanga, 1540–1600 // *Unlocking the Doors to the Worlds of Guaman Poma and his Nueva corónica* / ed. by Adorno R., Boserup I. Museum Tusulanum. Press, Copenhagen, 2015. P. 87–140.
- Stern S. J.* Peru's Indian Peoples and the Challenge of Spanish Conquest: Huamanga to 1640. Madison: University of Wisconsin Press, 1982.
- Guaman Poma de Ayala F.* El Primer Nueva Corónica y Buen Gobierno. Copenhagen, 1615. The Royal Library, GKS 2232 4.

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И АВТОРИТЕТНОСТИ В ПРОПОВЕДЯХ БЕРТОЛЬДА РЕГЕНСБУРГСКОГО: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Диттрих Артём Геннадьевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Предметом исследования являются категории эвиденциальности и авторитетности в историческом проповедническом дискурсе в прагматическом аспекте. Понятие эвиденциальности понимается как указание на источник информации. Кроме того, данная категория передает дополнительные сведения о мотивации и цели высказывания, характеристики описываемой ситуации и поводе её раскрытия [Кобринина 2006]. Н. А. Козинцева выделяет три типа эвиденциальных значений: 1) прямая эвиденциальность (сообщение говорящего базируется на информации, полученной им самим посредством органов чувств); 2) инференциальность (сообщение базируется на логическом выводе); 3) пересказывательность (сообщение базируется на информации, полученной от других лиц) [Козинцева 2007].

Анализ рассматриваемого нами материала позволяет выделить ещё один тип эвиденциальных значений — аутоэвиденциальность (сообщение говорящего актуализирует ранее сообщённую им информацию или базируется на его знаниях, представлениях, убеждениях). Аутоэвиденциальные значения объективируются посредством глаголов речемыслительной деятельности *ŕprechen* (говорить), *fagen* (сказать), *meinen* (думать, полагать), *gelouben* (верить), *wenen* (полагать), выражения *fur gůt nemen* (считать хорошим/правильным), модального глагола *willen* и выражения *willen haben zu* в сочетании с глаголами говорения, а также посредством частицы *wol* (выражающей значение современных *wohl, gewiss*). В большинстве случаев указание проповедника на себя, как источник информации, предваряет последующую информацию и позволяет подчеркнуть её принадлежность проповеднику, однако глагол *gelouben* используется в императивной конструкции *gleube mir*, что не только подчеркивает принадлежность высказывания проповеднику, но и оказывает прагматическое воздействие на адресата. Использование частицы *wol* повышает достоверность высказывания, проповедник показывает тем самым, что уверен в том, что он говорит. Значения пересказывательности также выражаются посредством глаголов говорения *ŕprechen* (говорить), *fagen* (сказать), *mormeln* (бормотать) в активном и пассивном залоге, глаголов умственных операций *lefen* (читать), *wēnen* (полагать), *gedenken* (думать, полагать), *kůnnen* (знать), *duńken* (мнить, казаться), посредством модального глагола *willen* (в выявленных примерах значение глагола *willen* приближается к современному субъективному значению дистанцирования) и конъюнктивной формы *mohten* (по своему контекстуальному значению также близкое к современному субъективному значению дистанцирования глагола *wollen*), посредством конъюнктивных форм глаголов (можно говорить о формировании функции передачи чужой речи с помощью конъюнктива), посредством различных глаголов, не относящихся к глаголам речемыслительной деятельности, но выражающих в контексте указание на передачу информации (*erzeigen* (указать), *enbieten* (передать послание), *ŕten* (в значении 'быть указанным в тексте')). Особо выделяется использование модального глагола *sulln* в сочетании с глаголами говорения и последующим высказыванием.

Данное сочетание используется проповедником с прагматической целью воздействовать на адресата, указать ему, что он должен говорить, что можно считать квазиэвиденциальностью. Пересказывательность в сообщении говорящего часто основывается на информации, исходящей из авторитетных источников, что свидетельствует о пересечении категории эвиденциальности с категорией авторитетности. Авторитетность — это «одна из прагматических категорий, проявляющая себя в использовании пословиц, крылатых выражений, цитат, ссылок на мнение известных личностей и/или результаты тестов, апеллирующих к общепризнанным истинам и авторитетам» [Григорьева, 2007]. Среди средств выражения авторитетности выделяют маркеры авторитетности источника, прямо или косвенно указывающие на авторитетного автора, и маркеры авторитетности сообщения, ссылающиеся на авторитетные тексты [Кашкин, 2007: 16].

В проанализированном материале можно выделить следующие маркеры авторитетности:

1) Маркеры авторитетности источника:

- a) Непосредственное указание на авторитетный источник (Бог, различные святые, пророки);
- b) Ссылка на источник информации обобщенного характера (выражается атрибутивной лексикой со значением неопределенности/обобщенности);
- c) Субъектно-предикатные конструкции с определенно-личными местоимениями и неопределенно-личным местоимением *man*;

2) Маркеры авторитетности сообщения:

- a) Непосредственное указание на авторитетный текст (*in der heiligen epyfteln; in dem heiligen ewangelio; in den zehe geboten*);
- b) Апелляция к общепризнанным истинам (*falomons wifheit*).

Таким образом, категории эвиденциальности и авторитетности в текстах проповедей служат, главным образом, для оказания прагматического воздействия на адресата проповеди с целью убеждения. Использование цитат с указанием авторитетного источника является одной из тактик убеждения в рамках стратегии рационального убеждения, поскольку проповедник апеллирует к рациональным суждениям и использует их в качестве поддерживающего аргумента. В то же время использование квазиэвиденциальных высказываний сближает категорию эвиденциальности с категорией персуазивности.

Литература

- Григорьева В. С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов, 2007.
- Кашкин В. Б.* Авторитетность как коммуникативная категория // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 5(23). С. 12–18.
- Кобрин О. А.* Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 90–100.
- Козинцева Н. А.* Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Натальи Андреевны Козинцевой. СПб., 2007. С. 6–36.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ОПИСАНИЕ НЕМЕЦКИХ РЕМЕСЕЛ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМИОТИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ

ILLUSTRATED DESCRIPTION OF GERMAN CRAFTS: ON THE PROBLEM OF INTERACTION OF SEMIOTIC MEANINGS

Дмитриева Мария Николаевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Для целей данного исследования принимается широкое понимание текста как семиотического кода, где вербальная составляющая находится в тесной и неразрывной взаимосвязи с иными каналами информации, в том числе с графическими изображениями. Такой подход не является новаторским, а последовательно реализуется, в частности, в трудах А. Вежбицкой [Вежбицкая 2011]. В классификации текстов по признаку наличия в структуре текста знаков различных семиотических систем С. Т. Нефедов предлагает определить такие тексты термином «семиотически сложные» тексты [Нефедов 2022: 301].

Материалом исследования является книга Херберта Курта, искусствоведа и специалиста в области истории немецкой архитектуры и скульптуры, «Auf Wanderfahrt nach alter Handwerkskunst», изданная на немецком языке в Лейпциге в 1957 году [Kürth 1957]. Большая часть книги посвящена описанию старинных немецких ремесел, связанных с возведением утилитарных и культовых построек. Автор последовательно описывает различные формы черепицы и способы ее укладки, приемы сборки и соединения балок в фахверковых домах, способы оформления ворот и изготовления флюгеров. Таким образом, воссоздается целостный фрагмент национальной немецкой культуры.

Интересно отметить, что с точки зрения семиотического подхода архитектура сама по себе выступает определенным культурным кодом. Описание архитектуры, включающее вербальные и невербальные знаки, представляет собой пример семиотически сложного текста, в рамках которого взаимодействуют, как минимум, две графические системы: вербальные знаки и иллюстрации.

Переходя к обсуждению способов взаимодействия вербального текста и иллюстраций, можно условно определить три основные группы. К первой группе относятся контексты, в которых текст описывает то, что изображено на картинке. Так, например, приводится следующее описание флюгера: (1) Auf der einen Seite liegt ein wuchtiger Hirsch mit seltsamen Geweihstangen, die Blumensträßen gleichen; auf der anderen hat ein Jäger gerade auf ihn angelegt, sein Hund schaut ihm mit spitzem Maule zu [Kürth 1957: 21–22]. ‘С левой стороны расположена крупная фигура оленя со странными рогами, похожими на букеты цветов; с другой, правой, — охотник только что напал на него. Также фигурка собаки с заостренной мордой повернута к хозяину’. Пример (1) иллюстрирует простейшую схему взаимодействия текста и иллюстрации, которая может быть обозначена как «картинка = текст». При более дифференцированном рассмотрении можно выделить несколько контекстов, когда картинка служит целям дополнительной дифференциации того, что описано вербальными средствами. То есть, картинка несет более дифференцированную информацию, чем текст.

Вторую группу составляют контексты, в которых вербальный текст не только «называет» изображаемое, но также дает другие смежные сведения: о времени распространения данного промысла, истории строения, на фасаде которого размещено изображение, и так далее. Например, наряду с описанием эмблемы гончарной мастерской в саксонском городке Пульсниц, автором книги дается смежная информация о том, что Пульсниц является родиной известного пряника; ср. пример (2). In Pulsnitz in Sachsen, das für dich als Stadt der Pfefferkuchen einen recht angenehmen Klang haben dürfte, ist an der Hauswand einen Töpferwerkstatt der Meister selbst bei seiner Arbeit zu sehen. Er sitzt in der Nische eines kleinen Gehäuses und formt ein Gefäß auf seiner Scheibe, die er selbst mit seinem Fuß in drehende Bewegung versetzt [Kürth 1957: 28]. ‘В городе Пульсниц в Саксонии, название которого, возможно, приятно звучит для тебя, так как это го-

род пряников, на стене гончарной мастерской можно увидеть изображение мастера за работой. Он сидит в нише небольшой комнаты и формирует на своем диске сосуд, который сам вращает движением ноги. Изображение на стене дома поясняет и надпись (пример 3) «Vor 600 Jahren hier schon Töpfer waren» [Kürth 1957: 28]. 'Здесь уже 600 лет назад работали гончары'. Немецкий текст, содержащий простейшую рифму по схеме а-а, сообщает о долгой традиции гончарного дела в данной местности, т. е. дополнительно расширяет представляемую изображением информацию.

Третью группу составляют случаи, когда текст и изображение не обнаруживают непосредственной смысловой связи друг с другом. Например, последняя глава книги завершена следующими словами: (4) Und nun: Glück auf den Weg, daß dir manches begegne, was dich fesselt und freut, daß du vieles findest, was dich bereichert! [Kürth 1957: 167]. 'Вот и все! Удачи в пути, чтобы ты встретил что-то, что тебя увлечет и обрадует, чтобы ты нашел многое, что обогатит тебя!'

Далее после текста размещено изображение жерновов старой мельницы. Здесь, по-видимому, иллюстрация лишь призвана усилить эмоциональное и эстетическое впечатление, полученное от книги. И связь изображения и текста только условна. Кроме того, анализ примеров (2) и (4) позволяет наблюдать проявление одной из важнейших текстовых категорий — категории диалогичности. Автор книги постоянно поддерживает связь с читателем, напрямую обращаясь к нему с пожеланием (как в примере 4) или же косвенно упоминая потенциального реципиента (пример 2). Таким образом, автор постоянно поддерживает внимание адресата, используя различные средства, как вербальные, так и иллюстрации.

На основании произведенного исследования можно сделать вывод о том, что вербальный текст и графические иллюстрации составляют единое неделимое целое, находятся в отношениях взаимодополнения и тесно взаимодействуют друг с другом.

Литература

Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М., 2011.

Нефедов С. Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Синтаксис. СПб., 2022.

Kürth H. Auf Wanderfahrt nach alter Handwerkskunst. Altberliner Verlag Lucie Groszer. Leipzig, 1957.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ С СОЮЗОМ VNT/VNDE КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ФОРМУЛЬНОСТИ В «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»

Жилюк Сергей Александрович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В современном немецком языке словосочетания с соединительным союзом *und* нередко носят устойчивый характер и относятся к сфере изучения фразеологии. Такие словосочетания называются парными формами (*Zwillingsformeln*, *Paarformen*) и отличаются от обычных словосочетаний повторяемостью и иногда уникальностью входящих в них компонентов. Кроме того, как и в случае других идиом, их значение не является суммой значений входящих в них компонентов; более того, с точки зрения языкового применения они избыточны, т. к. нередко в них используются синонимы (ср. *Feuer und Flamme sein*, *frank und frei* и т. п.). В современном немецком языке помимо словосочетаний с союзом *und* к парным формам могут относиться и словосочетания с союзами *noch* (*weder...noch...*), *an, zu* (*von... zu...*) и т. д.

Исследователи полагают, что парные формы были присущи всем германским языкам: *Im mittelalterlichen Deutsch (wie auch in den anderen west- und nordgermanischen Sprachen) hat die Paarform einen prominenten Stellenwert.* — «В средневековом немецком, как и в других западно- и северогерманских языках, парные формы играли важную роль». — Перевод наш [Burger 2001: 34]. При этом высказываются сомнения в том, что при исследовании столь ранних стадий развития языка мы вправе говорить об устойчивых формулах, т. к. мы не можем выделить четкие критерии устойчивости.

Вместе с тем критерий устойчивости нередко встречается в исследованиях древне- и средневерхненемецкой поэзии — при изучении степени, в которой письменные тексты, в частности, «Песнь о нибелунгах», наследуют устной эпической традиции [Heinzle 1991; Schulze 2008]. Дело в том, что, по мнению английского исследователя А. Лорда и его последователей, одним из признаков устной эпической традиции является формульность, т. е. наличие даже в записанном устном тексте повторяющихся словосочетаний, предложений и даже целых отрывков [Клейнер 2018]. Обращаясь к ныне известным записям «Песни», мы не можем выделить более или менее крупные повторяющиеся фрагменты текста. При этом в рукописях присутствуют повторяющиеся элементы, например, приложения к именам собственным: *Wormze bi dem Rine*, *sivrit der degen* и т. п. Кроме таких постоянно повторяющихся эпитетов, можно выделить повторения отрезков текста, вводящих прямую речь (*sprach do X*), а также повторяющиеся парные словосочетания (*X unt sine man*, *X vnt ovch Y, di bvrge vnt iver lant*).

Эти словосочетания по формальным признакам похожи на парные формы в том виде, в котором их описывает современная фразеология [Fleischer 1982: 111-112]. Поэтому целью исследования, лежащего в основе предлагаемого доклада, представляется выделение характерных признаков парных словосочетаний с союзом *vnt/vnde* в «Песни о нибелунгах». В качестве материала для исследования предлагается текст «Песни», содержащийся в рукописи В (Санкт-Галленская рукопись 1250 г.). Следует отметить, что выбор конкретной рукописи для наших целей не имеет принципиального значения; важно только то, что мы будем исследовать текст непосредственно по рукописи, а не по тексту «Песни» в редакции К. Барча и Х. де Боора, которые произвели компиляцию на основании известных им рукописей.

Встречающиеся в рукописи В словосочетания с союзом *vnt/vnde* можно разделить на несколько групп: 1. Парные словосочетания с именами собственными (возможно, самая многочисленная группа: *Hawart vnde Hagene*, *Irnfrit vnde Hawart*);

2. Парные словосочетания с существительными (*beide livte unde lant* — словосочетание, близкое к парной форме, т. к. выражает одно общее значение, которое можно перевести на русский язык как «край со всем его населением»; *megede vnd frouwen* — данное словосочетание также выражает общее значение «все лица женского пола»);

3. Парные словосочетания с прилагательными или адвербами (*chleiden gra vnd bvnt* — словосочетание, также близкое к парной форме, т. к. в нем подчеркиваются не конкретные цвета одежд, а их разнообразие: и серые — вероятно, однотонные, — и цветные; *scilde niwe vnd breit* — словосочетание, описывающее разные характеристики щитов воинов: «щиты новые иширокие»; *er ist edel vnd svne* — словосочетание, применяемое автором «Песни» для характеристики воинов).

Как можно видеть из представленной классификации, в «Песни о нибелунгах» используются словосочетания, которые отвечают критериям, предъявляемым к парным формам в том смысле, в котором они понимаются во фразеологии. Однако есть много словосочетаний, которые, не будучи в системе языка парными формами, внутри текста «Песни» являются устойчивыми (например, характеристики щитов или воинов). Можно предполагать, что такие устойчивые словосочетания могут выступать рудиментом формул в понимании А. Лорда. Косвенно об этом свидетельствует вариативность соединительного союза *vnt/vnde*, который позволяет присоединять существительные с различным количеством слогов, чтобы соответствовать ритмической организации нибелунговой (кюренберговой) строфы. Кроме того, можно выдвинуть и следующую гипотезу: современные парные формы развились как раз из формул древней устной традиции, однако эта гипотеза требует дальнейших исследований.

Литература

- Burger H.* Paarformeln und Paarformen des Deutschen „revisited“ — unter historischem Apsekt // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии. Сборник научных трудов к 100-летию профессора И. И. Чернышевой. М., 2011. С. 31—57.
- Fleischer W.* Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982.
- Heinzle H.* Das Nibelungenlied. Eine Einführung. München: Artemis und Winkler Verlag, 1991.
- Schulze U.* Das Nibelungenlied. Stuttgart: Reclam, 2008.
- Клейнер Ю. А.* А. Б. Лорд и древнегерманская устная традиция // Лорд А. Сказитель. СПб, 2018. С. 518–543.

СЛОВАРЬ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ КАК ФАКТОР СТАНДАРТИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Короленко Ольга Игоревна

старший преподаватель, Институт иностранных языков, Московский государственный педагогический университет

Нерсесова Элина Витальевна

доцент, Института иностранных языков, Московский государственный педагогический университет

Европейские научные сообщества XVI–XVIII вв. организовывались с целью установить общепотребительные нормы в национальных языках, которые пришли на смену латинскому языку практически во всех сферах жизни. Одним из таких научных сообществ и стала Французская академия, созданная в 1635 г. Таким образом, закономерна постановка задачи королевской властью перед Академией — создать словарь, который бы соответствовал запросам времени. Языковая политика направлена на нормализацию и кодификацию языка [Скрелина 2019]. Создание словарей, особенно таких, какими являлись первые академические словари национальных языков, имело большое общекультурное и научное значение. Согласно статье XXVI Устава Французской академии, для нормирования французского языка предписывалось создание словаря (*un dictionnaire*), грамматики (*une grammaire*), риторики и поэтики (*une rhétorique et une poétique*). Словарь Французской академии вышел в 1694 г. в двух томах [Викулова 2015: 72; Дискурс ... 2018: 144]. Словарь отвечал главному принципу — компромиссу между прежней, этимологической орфографией и орфографией, основанной на современном произношении. Таким образом, вопреки многим трудностям на разных этапах создания Словаря Французской академии, цель, заключавшаяся в том, чтобы утвердить современное состояние языка, сделать его нормой для всех времен, была достигнута.

Решая задачу нормирования языкового употребления, составители приводили в порядок лексическую систему, касаясь практически всех уровней языка: фонетики, орфографии, морфологии, стилистики, синтаксиса. Французская Академия проводила языковую политику, следуя двум требованиям к литературному языку, выдвинутым Малербом, — ясности и правильности — пуристическими принципами. Основной характерной чертой пуризма было стремление к очищению литературного языка от иноязычных заимствований, неологизмов, а также естественного проникновения в литературный язык ненормированных лексических и грамматических элементов [Захарова 2009: 15].

Обратимся к структуре словаря Французской Академии: Фронтиспис, Титульный лист, Послание Королю (*Au Roy-epistre*), Предисловие (*Préface*), Список членов Французской Академии, после смерти канцлера Сегье, который стал преемником господина кардинала Ришелье (*Liste de l'Académie française, le Roy, Protecteur, après le décès de Monsieur le Chancelier Seguier, qui avoit succédé à Monsieur le Cardinal de Richelieu*), Привилегия Короля (*Privilege du Roy*), Список используемых сокращений (*Explication des Abbreviations dont on se fert dans ce dictionnaire*), Словарные статьи, Дополнения и исправления (*Additions et corrections*), Список статей в словаре Французской Академии (*Table du dictionnaire de L'Académie Française*). Авторитетный романист Р. А. Будагов [2002: 30] отмечал: «Французский национальный словарь, вышедший в свет на рубеже XVIII столетия, открывал собой новую эру в развитии французской культуры, новую эпоху, когда молодая буржуазия не только стала заниматься государственными делами и интересоваться экономическими проблемами, но и судить об «идеологических ценностях», пересматривая и осмысляя их с новой точки зрения». Отмечается, что первое издание Словаря Французской Академии вызвало серьезные нарекания со стороны современников. В качестве основных недостатков Словаря можно выделить следующие особенности: 1) медлительность работы над Словарем; 2) строгие принципы отбора слов; 3) неясные и неточные определения; 4) состав словника; 5) отдельные слова или значения даются в словаре без примеров. Несмо-

тря на недостатки и трудности создания, Словарь Французской академии признан настоящей энциклопедией языка и был переиздан множество раз (1718, 1740, 1762, 1798, 1835, 1878, 1932–1935 гг.), продолжается публикация девятого издания словаря.

Следует отметить, что сейчас словарь публикуется не только в печатном виде, но и в электронном. На сайте Французской академии раздел *Le Dictionnaire* посвящен Словарю. Особое внимание уделяется девятому изданию. Сайт знакомит посетителей с предисловиями каждого из переизданий. Особую ценность представляет собой подраздел *Dictionnaire en ligne*, дающий ссылку на новый портал *Portail numérique du Dictionnaire de l'Académie française*, который помогает проследить историю слова, осуществляя поиск во всех девяти изданиях данного Словаря.

Литература

Будагов Р. А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. М., 2002.

Викулова Л. Г. Легитимация научного филологического знания: (XVII век, Франция) // *Человек. Язык. Время: материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л. М. Скрелиной с междунар. участием* (М., 16–18 сент. 2015 г.) / редкол.: Л. Г. Викулова (отв. ред.), А. В. Щепилова, С. В. Михайлова, И. В. Макарова]. М., 2015. С. 68–75.

Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. *О. А. Сулейманова*; редкол.: Л. Г. Викулова, О. Г. Лукошус. М., 2018.

Захарова Е. А. Отражение лексикографической практики Словаря Академии французской в Словаре Академии российской (1789–1794) [Текст] // *Российская Академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков* / под ред. А. А. Костина, Н. Д. Кочетковой, И. А. Малышевой. СПб., 2009. С. 13–25.

Скрелина Л. М. История французского языка: учебник для бакалавров / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. 3-е изд. М., 2019.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ «ЯЗЫК» В ТЕЛЕСНО-АНТРОПНЫХ ОБРАЗАХ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ПСАЛТИРЕЙ

PHRASEOLOGICAL COMPONENT TUNȜE (TONGUE) IN CORPOREAL IMAGES OF ANGLO-SAXON PSALTERS

Мухин Сергей Владимирович

доцент, Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД России

Целью исследования, проделанного в рамках более широкого изучения фразеологии древнеанглийского языка, является выявление фразеологически связанных словосочетаний с соматическим компонентом *tunȝe* (язык) в древнеанглийском тексте переводных псалтирей VIII–XII вв. и группирование данных словосочетаний в соответствии с типом их образной основы. Рассматривается материал четырех памятников письменности:

- 1) ВП — Веспасианова Псалтирь, вторая четверть VIII в. (London, British Library, MS Cotton Vespasian A I) [The Oldest];
- 2) ПП — Парижская Псалтирь, середина XI в. (Paris, Bibliothèque nationale de France, MS Lat. 8824) [The Old English];
- 3) ПВ — Псалтирь Вителлия, третья четверть XI в. (London, British Library, Cotton MS Vitellius E XVIII) [The Vitellius];
- 4) ПЭ — Псалтирь Эдвина, третья четверть XII в. (Cambridge, Trinity College Library, MS R. 17.1) [Eadwine's].

Компонент «язык», вербализуемый в древнеанглийских памятниках письменности существительным *tunȝe*, занимает значимое место среди ветхозаветной соматики псалтирей. По нашим подсчетам, в псалмах всего употребляются 37 субстантивных лексических соматизмов в 750 контекстах. Лексема *tunȝe* относится к высокочастотным соматизмам, которыми признаются те существительные, число контекстов с которыми превышает медианное значение для всех соматизмов в целом — 20 контекстов употребления. По данным сплошной выборки по тексту четырех псалтирей выделяется 33 условно тождественных контекста с лексемой *tunȝe*. Тождество контекстов в различных источниках трактуется нами как единство описываемой речевой ситуации.

Тип фразеологических образов находится в зависимости от роли, которой наделен компонент «язык». Эта роль определяется при помощи определенных языковых средств, в основном синтаксических. Всего выделяется три типа образной основы. В приводимых примерах даются версии латинского оригинала, древнеанглийского перевода в четырех псалтирях и русского варианта по тексту Псалтири Полного православного молитвослова.

1) Агентивный тип. Всего в четырех псалтирях контекстов с образами такого типа насчитывается 13. Особенностью образной основы словосочетаний этой группы является то, что язык в них предстает как активный субъект, осуществляющий какое-либо действие либо находящийся в определенном состоянии. Лексико-грамматически это выражается сочетанием ведущего компонента *tunȝe* с управляемыми им глаголами в форме активного залога. Характерной чертой данного ряда образов выступает метонимия, поскольку в действительности речь идет о действиях и состояниях человека, язык которого служит, соответственно, орудием или индикатором этих действий и состояний.

лат.: *lingua eorum transiit super terram* (72:7)

ВП: *tunȝe heara leorde ofer eorðan* (72:9)

ПП: *hira tunȝan tuzon ofer eorðan* (72:7)

ПВ: *tunȝe heora leorde on eorðan* (72:9)

ПЭ: *tunȝa hiræ foreð ofer eorþæn* (72:9)

рус.: язык их прошёл по земле (72:9)

Несмотря на различное глагольное наполнение фразеологической структуры, во всех версиях ассматриваемого контекста наличествует олицетворенный образ языка, ходящего по земле. В данном случае речь идет о грешниках, распространяющих зловерные идеи среди людей.

2) Инструментально-локативный тип. Контекстов с подобными образами насчитывается одиннадцать. Язык в них предстает как орудие действия или как место средоточия и порождения отношений, состояний и чувств человека. Часто общим структурным признаком словосочетаний с данным типом образа является предложное управление ключевым соматическим компонентом *tunze* (язык). Предложный компонент, как правило, выражен единицами *in*, *on* и *under* в инструментальной и локативной функциях, реже — *mid* и *wið* в инструментальной функции.

лат.: *exultavi sub lingua mea* (65:15)

ВП: *urahof under tunzan minre* (65:17)

ПП: *of þa mine tunzan tidum blissade* (65:15)

ПВ: *urahof under tunzan minre* (65:17)

ПЭ: *uræhebbe under tunzæn minre* (65:17)

рус.: *возвысил Его языком моим* (65:16)

Разграничение локативной и инструментальной функции в большинстве случаев не имеет четкого выражения. Разновидностью инструментального подтипа можно считать образы, в которых язык уподобляется оружию.

3) Объектный тип. Всего в псалтирях фиксируется (8) контекстов с образами этого типа. Компонент *tunze* здесь выступает объектом действия и, как правило, принимает управляемую форму аккузатива.

лат.: *Præcipita Domine et divide linguas eorum* (54:8)

ВП: *forbrezd dryhten & todæl tunzan heara* (54:10)

ПП: *Hat nu todælan, Drihten usser, heora zeðeode* (54:8)

ПВ: *afyl & ahyld drih todæl tunzan heora* (54:10)

ПЭ: *Afyl drihten & todel tunzæn hioræ* (54:10)

рус.: *Потопи, Господи, и раздели их языки* (54:9)

В приведенном примере у лексемы *tunze* реализуется значение «народ», что подтверждает версия перевода в Парижской Псалтири, где значение латинского соматизма *lingua* передано существительным *zeðeod*. Фразеологическое значение словосочетания *todælan tunzan* (разделить языки) — «разобщить единый прежде народ».

Дальнейшее изучение фразеологического материала древнеанглийских псалтирей представляет интерес с точки зрения фразеологии, лингвокультурологии, переводоведения и истории английского языка.

Литература

The Oldest English Texts. *Sweet H.* (ed.). London, 1885.

The Old English Version of the Septateuch, *Ælfric's* Treatise on the Old and New Testament and his Preface to Genesis. *Crawford S. J., Blitt B.* (ed.). London, 1922.

The Vitellius Psalter. *Rosier J. L.* (ed.). Ithaca, N. Y., 1962.

Eadwine's Canterbury Psalter. *Harsley F.* (ed.). London, 1889.

ТРЕХЪЯЗЫЧНЫЕ ТОПОНИМЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЧЕРТА КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В ЛАДИНСКОЙ ЧАСТИ ЮЖНОГО ТИРОЛЯ

TRILINGUAL TOPONYMS AS A SPECIFIC FEATURE OF THE CULTURAL LANDSCAPE IN THE LADIN PART OF SOUTH TYROL

Нифонтова Дарья Евгеньевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Топонимы, как важный элемент языковой картины мира, обладают высокой этнокультурной значимостью, сохраняя и передавая через поколения информацию об историческом прошлом, о путях и границах расселения народов, их культуре, моральных и этических ценностях и т. п. [Фаткуллина 2015]. Ввиду своего местоположения на стыке романской и германской культур, а также уникальной истории, Южный Тироль представляет особый интерес с точки зрения изучения топонимов. Данная область, некогда часть австрийской федеральной земли Тироль, отошла Италии после Первой мировой войны. На тот момент на территории Южного Тироля немецкоговорящими были 90 % населения, которые с приходом к власти Бенито Муссолини, считавшего местное население лишь германизированными потомками римлян, попали под агрессивную италиянизацию. Был введен запрет на употребление слова Южный Тироль / Südtirol (осталось только итальянская форма Альто-Адидже 'верховья реки Адидже'), немецкоязычные топонимы, в том числе дорожные указатели были переименованы на итальянский манер, практически полностью исчезли газеты на немецком, преподавание в школах и делопроизводство были также переведены на итальянский. Долгие десятилетия после войны Австрия и Южный Тироль боролись за восстановление прав немецкоязычного населения, которое завершилось лишь в 2001 году с получением статуса автономии: Альто-Адидже в составе провинции Трентино (отсюда полное название Трентино-Альто-Адидже) выделили в автономную область Больцано. Особый интерес для данного исследования представляют топонимы части Южного Тироля, в которой распространен редкий, находящийся под угрозой язык — ладинский. Ладинский язык, называемый его носителями, ладинами, *lingaz ladin*, наравне с романшским (представлен в кантоне Граубюнден в Швейцарии) и фриульским (распространен в северо-восточной Италии), относится к ретороманской подгруппе романской группы языков. Общее число говорящих на ладинском достигает в настоящее время ок. 30 000 человек (4,5 % жителей региона), проживающих в пяти долинах (соответствующих пяти основным говорам ладинского) вокруг горного массива Селла в Доломитовых Альпах: Валь Бадия, Валь Гардена, Валь ди Фасса, Фодом и Ампеццо.

Как и все романские языки, ладинский (*latinus* > *ladin*) восходит к вульгарной латыни, обнаруживая в своей грамматике и словаре влияние нероманских языков, преимущественно кельтского и ретского. Особенно очевидно данное влияние прослеживается в топонимах: *Mantëna* (*Mantena*, *Montal*) — кельтский суффикс *ĒNA*; *Mareo* (*Marebbe*, *Enneberg*) *Vandoies* и др. [Heilmann, Plangg 1989: 732, 733]. Как и немецкий язык в Южном Тироле, ладинский также жестко притеснялся во времена фашистов. В угоду итальянским вариантам вытеснялись исконно ладинские и привычно немецкие наименования топонимов: *Venosta* < *Venuesta* / *Vinschgau*, *San Candido* < *Sanciana* / *Innichen*, *Bolzano* < *Bulsan* / *Bozen*, *Bressanone* < *Persenon* / *Brixen*, *Ortisei* < *Urtijëi* / *St. Ulrich*, *Trento* < *Trënt* / *Trient*. В настоящее время в долинах Гардена и Бадия действует закон о региональном трехъязычии: ладинский — немецкий — итальянский. При этом официальный статус имеют только итальянские топонимы, на практике же немецкие и ладинские наименования приравнены к итальянским. Все больше на дорогах региона встречаются указатели на трех языках: *Naturpark Puez-Geisler* / *Parco naturale Puez-Odle* / *Parch natural Pöz-Odles*. А с недавнего времени наметилась тенденция к переходу на моноязычные указатели: совершенно очевидно это прослеживается в отношении микротопонимов (небольших местных объектов внутри поселения): так, на лесных развилках можно встретить таблички только на ладинском: *Piza de Pore* (гора), *Coì* (область с 300 жителями), *Larciunei* (отель). Но даже и в туристических

регионах, например, на горнолыжном курорте Альта Бадиа читаем Calfosch вместо Colfosco, La Па вместо La Villa San Ciascian вместо San Cassiano и т. д.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать о том, что сложившаяся в настоящее время ситуация в топонимике исследуемого региона свидетельствует о существенных сдвигах в сторону его общей ладинизации. Существенную роль в данном процессе играет деятельность Института Ладин Микура-де-Рю, основанного в 1976 г. в Сан-Мартин-де-Тор в целях изучения и популяризации ладинского языка и культуры.

Литература

Фаткуллина Ф. Г. Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18126> (дата обращения: 08.01.2023).

Heilmann, Luigi, Plangg, Guntram A. Ladinisch: externe Sprachgeschichte // LRL 3. 1989: 742–753.

Институт ладинского языка и культуры: <https://micura.it/la/>

РОЛЬ ДИАЛЕКТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ЮЖНОЙ ГЕРМАНИИ **THE ROLE OF DIALECT IN SOUTH GERMAN POLITICAL COMMUNICATION**

Пономарёва Анастасия Алексеевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Начиная с 70-х гг. XX в. в лингвистике все больше внимания стало уделяться прагматическому и социофункциональному аспекту вариативности. Особо богатым исследовательским материалом обладают языки с ярко выраженной полицентричностью, как, например, немецкий: помимо его национальных вариантов в Австрии, Швейцарии, которые, в свою очередь, тоже не однородны, на территории Германии до сих пор сильны диалекты. Особенно актуальным это является для Южной Германии, которая, в силу культурно-исторических и политических причин, сохранила свою региональную идентичность. Рассуждая о роли диалекта, мы отметим, что он является языковой формой, использующейся преимущественно между членами семьи, близкими друзьями и знакомыми. Однако сегодня его функциональные возможности не ограничиваются межличностной коммуникацией, и диалект продолжает осваиваться другими сферами — например, рекламой, PR, интернет-коммуникацией, политикой и др., что не в последнюю очередь детерминировано его стилистическим потенциалом. Таким образом, мы можем наблюдать довольно парадоксальную ситуацию: с одной стороны, диалект теряет свои позиции ввиду глобализации, но, с другой стороны, в условиях социальных и экономических потрясений наблюдается тенденция «возврата» к диалекту (особенно в Старой Баварии). Следует отметить, что в отечественной лингвистике большая часть исследований национальной вариативности так или иначе сфокусирована на его анализе в художественной литературе (В. Б. Меркурьева, В. А. Чукшис, А. Я. Скородумова, Е. О. Шаповалова и др.), при этом проблема его реализации в других типах коммуникации, несмотря на свою перспективность, не получила должного внимания. В политическом дискурсе речевое воздействие осуществляется с помощью различных лингвистических средств — полемичность и экспрессивность политической коммуникации на региональном уровне успешно обеспечивают диалектизмы ввиду своего стилистического потенциала. Многие политики локального уровня, особенно в южнонемецких землях (Бавария и Баден-Вюртемберг), намеренно используют в своей речи диалект, транслируя целевой аудитории — жителям соответствующего региона и продуктивным носителям диалекта — свою приверженность региональным традициям: на фоне выраженной дихотомии «свой-чужой» использование диалекта воспринимается консервативными южанами положительно и вызывает у них доверие, что приближает политиков к народу. В докладе предлагается рассмотреть, в каких ситуациях политической коммуникации используется диалект и какие функции он реализует. Анализ базируется на материале более 60 текстовых и графических примеров с мотивированным использованием диалекта из интернет-источников: преимущественно статьи на политическую тематику, скрипты выступлений политических деятелей Южной Германии (Х. Айвангер, Э. Хубер, В. Кречман, Х. Зеехофер, Э. Штойбер, Ф. Й. Штраусс и др.) и приветственных монологов на Нокхербергском фестивале крепкого пива (нем. Starkbierfest am Nockherberg), размещенных на официальных сайтах газет южнонемецкого региона (Schwarzwälder Bote, Südwest Presse, Rems-Zeitung, Münchner Wochenanzeiger, Augsburg Allgemeine и др.) и других информационных ресурсах (Bayerische Rundfunk, Facebook).

Материал проанализирован с учетом особенностей политического ландшафта Южной Германии и современной языковой политики Баварии и Баден-Вюртемберга, что также позволяет оценить перспективы развития диалекта в исследуемом регионе. Необходимо отметить, что практически во всех случаях диалект представлен в виде вкраплений (в основном на лексическом уровне) — в «чистом» варианте в современной политической коммуникации он встречается довольно редко, что мотивировано рядом факторов — от лингвистических (отсутствие закрепленных норм транскрипции диалектной речи и неоднородность диалектов) до этических (недопустимость исключения из коммуникации не-носителей диалекта) и политических

(в перспективе диалект может помешать карьерному росту региональных политиков, что отчасти подтверждает история с участием Ф.Й. Штраусса в выборах в Бундестаг). В результате прагматического анализа диалектных вкраплений в политическом дискурсе был выявлен ряд функций диалекта, которые обеспечивают эффективность политической коммуникации на региональном уровне:

- 1) имиджевая функция: на контрасте со стандартным языком диалект традиционно ассоциируется с родиной, семьей и вызывает позитивные эмоции, что успешно используется для формирования привлекательного имиджа партий и приближения политических фигур к народу;
- 2) эмотивная функция: диалект воспринимается как более экспрессивная форма речи, которая позволяет емко и ярко выразить необходимый спектр эмоций по отношению к личности или ситуации (в южнонемецком регионе часто с саркастическим подтекстом);
- 3) аттрактивная функция: привлечение внимания к социально-политическим, экономическим и др. проблемам достигается за счет языковой игры с использованием диалектных вкраплений;
- 4) фатическая функция: использование диалекта позволяет быстро найти контакт с целевой группой и смоделировать доверительную атмосферу.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ПОБУЖДЕНИЯ В РУКОВОДСТВАХ ПО ВЕДЕНИЮ ДОМАШНЕГО И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА XVII В.

MEANS OF EXPRESSION OF THE MODALITY OF INDUCEMENT IN 17TH-CENTURY HOUSEHOLD AND AGRICULTURAL MANUALS

Сулова Екатерина Геннадьевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Немецкий язык обладает широким спектром средств выражения модальности побуждения, включающим императив, субстантивные и адвербиальные эллиптические предложения, модальные глаголы в индикативе и конъюнктиве в сочетании с инфинитивом смыслового глагола, презенс индикатива, инфинитивные предложения, футур индикатив, причастие II, обороты с глаголами *sein + zu + инфинитив* и др., различающимися, как в приведённом перечне, частотностью употребления. Выбор средства зависит от того, служит ли побудительное высказывание для выражения приказа, просьбы или совета (рекомендации, наставления). Типы побудительных высказываний отличаются друг от друга коммуникативно-прагматическими характеристиками, среди которых выделяют категоричность, статус собеседников, тип исполнителя, официальность обстановки, наличие запроса от собеседника [Петрова 2008: 131–132].

Авторы руководств по ведению домашнего и сельского хозяйства XVII в. Писали для широкой аудитории. Руководства предназначались для поместного дворянства, крупных и мелких землевладельцев, а также управляющих, богатых селян и горожан. Поскольку читателем мог оказаться любой, традиция устанавливала правила речевого поведения. Архитектоника текста, текстовые блоки и используемые в них средства подчинялись конвенциям жанра.

Руководства состоят из наставлений по совместному проживанию (*Sittenlehre*) и хозяйственных знаний (*Agrarlehre*). Они представляли собой компиляцию трудов древнегреческих философов, римских аграрных книг и христианских норм. Первым написанным в жанре *Hausväterliteratur* руководством считается книга Иоганна Колеруса «*Oeconomia Ruralis et Domestica*» («*Calendarium Oeconomicum et perpetuum*» и «*Opus oeconomicum*»), которая с 1591 г. переиздавалась не менее 12 раз на протяжении 106 лет вплоть до XVIII в. Авторы работы Якоб Колер и его сын Иоганн свели воедино экономическое учение Гесиода, Ксенофонта и Аристотеля, протестантскую христианскую «экономю» и собранные у земледельцев, виноградарей, садоводов, пасечников, пивоваров региона сведения о сельскохозяйственной деятельности в поместьях, определив концепцию всего жанра. Их книга установила стандарт с точки зрения источников, всестороннего охвата материала, а также структуры и содержания руководств.

К концу XVII в. жанр руководств оформился. Изданное в это время на немецком языке руководство «*Fleissiges Herren-Auge, Oder Wohl-Ab- und Angeführter Haus-Halter*» отдает дань традициям (компилятивность) и движимо желанием научить («*ich will lehren...*», «*dieses Buch ... lehret*», «*die Waagschal lehret*», «*zu lehren*»). Внимание автора сосредоточено на управлении хозяйственной деятельностью. Вторая часть книги содержит разноплановый материал: гравированный титульный лист, предисловие, в основной части рассказывается об устройстве канцелярии, распорядке дня главы дома, приводится календарь сельскохозяйственных работ, таблицы учета приходов и расходов зерновых и пшеницы, состава и численности конского поголовья, содержания работников и т. д. Несмотря на то, что автор имеет в своем распоряжении ресурсы языка для выражения побудительности, сопоставимые с современными, в руководстве используется ограниченный набор средств. Императив употребляется в побудительных предложениях, содержащих моральные наставления: «*Richtet ein recht Gericht / Nach Billigkeit und Pflicht*» [Fischer 1696: 25]. На титульной иллюстрации наставления выражены субстантивными эллипсисами: *Verstand, Fleiß, Vorsicht*. Категоричность усиливается невербальными средствами (изображение руки с поднятым указательным пальцем).

В текстовых блоках по устройству и обеспечению инвентарем канцелярии и в календаре рекомендации и советы выражаются модальным глаголом *sollen*. Если рекомендуется отдать

распоряжение или потребовать отчета, исполнителем в побудительном высказывании называется глава дома: «Diese und dergleichen Sachen soll ein fleissiger und verständiger Land-Herr alles in einem Hand-Buch zusammen fassen / und jährlichen einbringen lassen [Fischer 1696: 25]. Однако чаще исполнитель обозначается неопределенно-личным местоимением man, соотношенным с хозяином, управляющим или третьими лицами: «Ingleichen soll man jezo die Artischocken-Stöcke aufdecken...» [Fischer 1696: 26]. Или же исполнитель не указывается, побуждение выражается с помощью sollen в сочетании с пассивным или возвратным инфинитивом: «Num. VI Sollen beigelegt werden die Protocoll...» [Fischer 1696:13] «Num. IX soll in sich halten verschiedene Schulden...» [Fischer 1696: 14].

В текстовых блоках рекомендаций также используется конъюнктив, выражающий желательность или необходимость (придаточные с damit, daß и определительные): «Es soll aber ein solch Archiv an einem solchen Ort angelegt werden / der vor dem Feuer wohl verwahret und sicher sei» [Fischer 1696: 12]. Следует отметить, что в придаточных всегда указывается желаемая цель. Побуждение выражается инфинитивами с глаголами sein и реже haben: «Es ist in acht zu nehmen/daß», «Man hat wohl zu merken/daß», «Zu merken ist/daß» [Fischer 1696: 63, 65, 30]. Инфинитивы используются на полях в неполных придаточных определительных, выражающих побуждение: «Werk und Geschäfte / so Montags zu verrichten» [Fischer 1696: 27].

В предисловии издатель, пытаясь развеять сомнения читателя в несовершенстве второй части, уступившей первой в объеме, использует в обращении к нему менее категоричный конъюнктив презенс: «...so wolle man solches zu gut halten...». Конъюнктив используется в предисловии для выделения косвенной речи, которая противопоставлена формам индикатива в описании нравственных основ хозяйственной деятельности в тех случаях, когда конъюнктивом оформляются чужие заблуждения.

Литература

- Петрова Е. Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике // Вестник ВГУ. 2008. № 3. С. 124–132.
- Fischer Ch. Fleissiges Herren-Auge, Oder Wohl-Ab- und Angeführter Haus-Halter. Zweiter Theil des Land-Lebens und Wirthschafft. Nürnberg, 1696.

К ВОПРОСУ О СОЧЕТАЕМОСТИ УКРАШАЮЩИХ ЭПИТЕТОВ В «СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКЕ»

Тихонова Елена Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Настоящее исследование является продолжением изучения существительных с украшающими эпитетами в Старшей Ливонской рифмованной хронике — стихотворном памятнике объёмом 12017 строк, посвящённом деятельности Немецкого ордена в Прибалтике и составленном в конце XIII в. на восточнореднемецком диалекте [Arnold 2010: 855]. Хроника написана под значительным влиянием куртуазного эпоса, что оказало влияние на её поэтику, что выражается, в частности, в обилии разного рода устойчивых словосочетаний, в том числе, существительных с украшающими эпитетами [Arnold 2010: 860].

Как отмечает А. Мюррей, их многочисленность не в последнюю очередь объясняется тем, что они представляют собой формульные прагматические положительные или отрицательные маркеры, которые позволяли лучше понять посыл Хроники рыцарям, которые и были её целевой аудиторией [Murray 2019: 11]. На предыдущих этапах были проанализированы существительные — наименования воина *helt* ‘герой’, *ritter* ‘рыцарь’ и *degen* ‘витязь’. Был сделан вывод о том, что для существительных *ritter* и *degen* можно с значительными оговорками говорить о зависимости их выбора от контекста (первое встречается преимущественно в статичных ситуациях, а второе — в динамичных), но не для *helt*, которое обладает гораздо более свободной сочетаемостью и встречается практически в любых контекстах. Большинство же рассмотренных эпитетов в сочетании с указанными существительными взаимозаменяемы. К анализу также привлекалось существительное *kneht* ‘оруженосец’, которое регулярно сочетается с теми же эпитетами, а также функционирует в тех же типовых ситуациях, что и вышеупомянутые существительные. Всё вышесказанное послужило предпосылкой для дальнейшего исследования с привлечением к анализу прочих существительных, обозначающих разного рода лиц. В силу специфики произведения, с точки зрения семантики это в основном — наименования участников Балтийского крестового похода (*schar* ‘отряд’, *brüder* ‘брат’, *pilgerin* ‘пилигрим’, *gast* ‘паломник’, *cristen* ‘христиане’ и др.), а также наименования должностей или титулов (*bischof* ‘епископ’, *konig* ‘король’, *bote* ‘посол’). Из этого ряда выбивается существительное *heide* ‘язычник’, которое в духе куртуазного эпоса также может употребляться с эпитетом, обозначающим положительные качества [Neecke 2007: 87]. Также примечательно, что с эпитетами могут сочетаться и этнонимы (*Küren* ‘куроны’, *Lettowen* ‘литовцы’, *Samen* ‘жемайты’, *Semegallen* ‘земгалы’), причём, как в приведённом ниже примере, имеются в виду крещёные и/или союзные прибалты. Что касается украшающих эпитетов, то с указанными существительными сочетаются такие лексемы, как *balt* ‘храбрый’, *stoltz* ‘гордый’, *vrom* ‘благородный’, *gût* ‘добрый’, *êrlîch* ‘честный’, *hovelîch* ‘куртуазный’, *wert* ‘достойный’, *vormezzen* ‘отважный’ и др.: *die brüdere mit vil stoltzer schar // quâmen dem meister dô.* (3276–77) — Братья с весьма гордым отрядом пришли тогда к магистру. *Des râtes wâtren sie vil vrô // die vromen Littowen wert.* (2794–95) — Они были очень рады совету, благородные достойные литовцы.

В докладе анализируется наличие закономерностей в сочетаемости эпитетов с существительными, а также их представленность в типовых ситуациях. Так, лексема *schar* ‘отряд’ регулярно сочетается с эпитетами *stoltz* ‘гордый’ и *êrlîch* ‘честный’, лексема *heide* ‘язычник’ — с эпитетом *balt* ‘храбрый’. Эпитет *gût* ‘добрый’ регулярно сочетается с лексемами, обозначающими административных лиц или должности, такими как *bischof* ‘епископ’, *meister* ‘магистр’, *konig* ‘король’, *prister* ‘священник’ и др. Во внимание также принимается положение эпитета в строке: находится ли он в препозиции или в постпозиции по отношению к эпитету. Прослеживаются некоторые тенденции: с такими существительными, как *meister* ‘магистр’ и *bischof* ‘епископ’ эпитет *gût* ‘добрый’ употребляется исключительно в препозиции и с определённым артиклем, а, например, с лексемой *heide* эпитеты употребляются преимущественно в постпозиции: *daz leit vil kummerlîchen trûc // der gûte bischof Albrecht.* (808–809) — Это горе очень тяжело переносил

добрый епископ Альбрехт. *dar quam vil manich heiden stoltz.* (2501) — Туда приехало много гордых язычников.

Учитывается частотность употребления как существительных, так и эпитетов. Анализируется зависимость употребления данных устойчивых словосочетаний от стихотворного размера и от рифмы: так, эпитет *balt* 'храбрый' регулярно рифмуется с существительным *gewalt* 'сила', а эпитет *gût* 'добрый' — с *mût* 'мужество'.

Таким образом, создаётся более полное представление о поэтике Хроники и, в частности, о сочетаемости украшающих эпитетов, которые являются неотъемлемой чертой её стиля.

Литература

- Arnold U.* Livländische Reimchronik // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / Hrsg. v. Wolfgang Stammler et al. Band 5. Berlin, New York, 2010. Sp. 855–862.
- Murray A. V.* Formulaic Language in the Livonian Rhymed Chronicle: Set Phrases and Discourse Markers in Middle High German History Writing // *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik*. 2019. 79 (1). P. 86–105.
- Neecke M.* Das 13. Jahrhundert // Feistner E., Neecke M., Vollmann-Profe G. *Krieg im Visier. Biblepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung.*

ГОРЕ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ЯЗЫКОВАЯ И ТЕКСТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Томберг Ольга Витальевна

профессор, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина

Горе является значимым эмотивным концептом в древнеанглийской лингвокультуре. Прежде всего, это подтверждается данными лексикографических источников. Ключевой лексемой лексико-семантической группы «горе» является лексема *sorh*, имеющая широкий семантический объем: горе, беспокойство, тревога, несчастье, бедствие. Даная лексема представляет собой ядро словообразовательного гнезда, основу для образования композитов: *sorh-leóþ* (горе-плач), *hyge-sorh*, *torn-sorh* (горе-тревога), *mód-sorh* (душевная боль), *sin-sorh* (длительное горе), *þegen-sorh* (горе из-за потери соплеменников), *sorh-leóþ* (несчастливая любовь), *inwit-sorh* (горе, вызванное хитростью или коварством других людей). Помимо данных языковых номинаций, в древнеанглийском языке существовал широкий ряд других способов лексикализации горя: *biternys* (горе-горечь), *caru* (горе-волнение), *gehornung* (горе-грусть), *gehðo* (горе-забота), *gnornhof* (горе-тюрьма), *gryn*, *heóþ*, *geomrung*, *níþ*, *onсýðð* (горе-страдание), *hearm*, *gnyrn* (горе-печаль), *hefigness* (горе-бедствие), *heáhgnornung* (горе-скорбь), *langung* (горе-томление), *lygetorn* (горе-притворство), *murnung* / *murcung* (горе-жалоба), *módcearu* (горе в сердце/душе), *módearfoþ* (горе-душевная мука), *nearunes* (горе-беда/неприятность), *sár*, *trega*, *wærcs* (горе-боль), *sár-cwide*, *tornowide* (горе-упрек), *torn* (большое горе), *wea*, *áglác*, *þræstnes* (горе-несчастье) [Bosworth&Toller]. Каждая из номинаций детализирует это чувство с разных сторон, включая актуализацию степени и длительности переживания горя, проявлений этого чувства, причин его возникновения, место локализации в теле человека. Анализ концепта горя в текстах древнеанглийской литературы подтверждает гипотезу об его значимости в лингвокультуре рассматриваемого периода. Горе осмыслено во всех жанрах, каждый из которых обуславливает определенный ракурс текстовой актуализации концепта. В героических жанрах (героическом эпосе, героических песнях, героических элегиях) горе осмыслено как очень сильное, разрывающее сердце чувство: *modes bresða*. Субъектами горя являются король и воины. Горе воинов вызвано разлукой с соплеменниками, одиночеством (*anhoga* / *winemægum bidroren* / *freondleas* / *wineleas*), голодом (*hungor*), холодом (*calde geprungen*), страхом (*freorig*), тоской (*sweorcedð*), испытанными в жизни несчастьями и трудностями (*earfeþa gemyndig* / *wintercearig* / *werig*), изгнанием (*wræclast*), невозможностью вернуться во дворец (*seledreorig*). Король испытывает чувство горя из-за смерти своих дружинников, это чувство концептуализируется как резервуар — большое, наполненное горем озеро: *modceare sorhwylmum seað*. В жанре религиозного эпоса горе раскрывается как чувство, которое испытывают истинные христиане, которых язычники подвергают пыткам и мученической смерти (“*Andreas*”, “*Guthlac*”). Горе является одним из стержневых эмотивных концептов лирических жанров древнеанглийской поэзии. Его отличает большая номинативная плотность, широта контекстуальных связей и ассоциативных сближений. Субъектом горя является женщина, разлученная со своим возлюбленным из-за его изгнания. Горе женщины детализируется по интенсивности *geomor* — *reotug* — *murnan*; характеру / локализации чувства: *hygegeomor*, *modceare*, *geomormod*, *breostcearu*, *werigmod*; разнообразию проявлений: приводящая к горю злоба и жестокость (*wraþe*); горе как болезненное состояние (*wa*); горе как отсутствие радости (*wynna leas*); болезненная необходимость (*weaþearfe*) и страдание (*dreogan*). Это глубокое чувство, локализованное в душе/сердце женщины: его репрезентантами являются композиты с семантическим центром «внутренний мир человека»: *hygegeomor*, *modceare*, *geomormod*, *breostcearu*, *werigmod*. Степень женского горя подчеркивается поэтической символикой: контекстуальные связи с лексемой *actreo* (дуб) репрезентируют крайнюю степень, смертельный характер этого чувства, поскольку этимологически эта лексема соотносится со значением «могила», в культуре древних германцев дуб символизировал потусторонний, неземной мир [Маковский 2006: 104–105]. Концепт горя представляет собой смысловой центр поэтической формулы, характеризующей женщину «*þæt wæs geomoru ides!*».

Данная формула является свернутым сценарием, или стереотипом женского поведения и выражает сущность женщины как носительницы героической трагедии [Hill 2002: 161]. Это особенно ярко проявляется в сравнении с маскулинной формулой-характеристикой идеального вождя «*ƿæt wæs god cyning!*», которая в концентрированном виде выражает отношение к нему, сущность и оценку его деятельности в культуре.

Литература

Маковский М. М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность. Формы. Развитие. М., 2006.

Bosworth J., Toller T. N. Anglo-Saxon Dictionary. Oxford, 1882–1898.

Hill J. *ƿæt Wæs Geomoru Ides! // A Female Stereotype Examined.* NY, London, 2002. P. 153–167.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

ENTERTAINMENT CULTURE IN THE LANGUAGE OF MEDIEVAL ENGLAND

Чупрына Ольга Геннадьевна

профессор, Московский городской педагогический университет

Развитие антропоцентрической парадигмы лингвистического знания поставило человека в центр исторических лингвистических исследований. Стало очевидным, что историческая лексикология и семасиология английского языка способны обнаружить в знаках языка древнее сознание, породившее зафиксированные на письме тексты, и опосредованную им духовную культуру отдаленных эпох. Цель представленных тезисов заключается в раскрытии особенностей генерации смыслов, относящихся к зрелищной культуре, и их репрезентации в английском языке средневековья. Английская зрелищная культура уходит своими корнями в раннее средневековье. Она опиралась на древнегерманскую устную поэтическую традицию и начиналась с песнопений.

Песноскоказитель представляет собой одну из центральных фигур на пиру, главном событии в общественной жизни древних германцев. В «Беовульфе» присутствуют два слова, имеющие непосредственное отношение к культуре песнопения и обозначающие ее основного деятеля: *scop* и *glēðman*. Несмотря на то, что в поэме эти слова взаимозаменяемы, анализ их употреблений в тексте поэмы (строки 75, 86–90, 867, 868–9, 871, 874, 876, 878, 882, 902, 914–5, 1065–6) говорит о том, что при денотативном совпадении их культурные и социальные коннотации в английском языке раннего средневековья различались. Слово *scop* обозначало социально значимую фигуру — песноскоказитель был хранителем преданий старины («Беовульф», строки 89–98, 860–870). Прошлое в мифологизированном сознании древних англосаксов было вмещением «событий, имевших основополагающее значение для настоящего, и предмета, доставшихся настоящему в наследие от прошлого и вызывающих почтение» [Чупрына 2000:24]. Прошлое всегда возрождалось в настоящем и определяло его ценности. Слово *скопа* имело большую непререкаемую силу («Беовульф», строки 70–80), его песнопение вызывало злобу заклятого врага («Беовульф», строки 86–90). Существительное *scop* деривационно было связано с глаголом *scerpan* «создавать, делать, творить». Эта связь говорит о том, что сказитель не просто повторял заученные им стихи, не механически нанизывал одну стихотворную формулу на другую, но, следуя поэтической традиции, добавлял и обновлял их, т.е. был творцом, создателем песенных виршей. Скоп не только пел историю под звуки арфы, но и доставлял удовольствие своим голосом («Беовульф», строки 86–90) и развлекал («Беовульф», строки 497–499, 1065–1069) дружинников.

Сопоставление данных из поэмы «Беовульф» с данными относительно употребления слова *scop* в поэме «Видсид» позволяет утверждать, что оно обозначало песноскоказителя как профессионального деятеля, наделенного общественной значимостью. Латинско-англосаксонские глоссы подтверждают это утверждение, поскольку в них латинским соответствием древнеанглийского слова *scop* является слово *poeta* [Wright 1968: 185]. Ведущим смыслом слова *glēðman* было развлечение, о чем свидетельствуют словари [An Anglo-Saxon Dictionary URL; Middle English Dictionary URL] и его первым элементом *glēð* веселье, радость, развлечение.

В позднее средневековье в английской зрелищной культуре появилось много действующих лиц. Их появление было связано с влиянием французской культуры, определившей стиль жизни средневековой Англии после Нормандского завоевания: *minstrel*, *jongleur*, *juggler*, *mummer*, *histroine*, *mimi*, *ioculatores*, *pleyer*, *tumbler*. Менестрели довольно быстро ассимилировались в новой культурной среде, смешались с исконно английскими фигурами зрелищной культуры англосаксов — глиманами (*gleeman* < *glēðman*), а слово *minstrel* оттеснило слово *gleeman* на периферию словарного состава и терминологии зрелищ. Приведенные слова обозначали бродячих актеров. Многие из них сохранились в современном языке. Лицедеи, обозначавшиеся

этими словами, конечно, не были актерами в современном понимании этого слова. Обязательным для них было владение музыкальными инструментами, пение, акробатика, умение рассказывать истории и смешить зрителей, подкидывая им шутки, приправленные фривольностями и даже непристойностями. Своеобразным аналогом в русской уличной зрелищной культуре были скоморохи.

Песнопение и песносказительство в раннем средневековье — неотъемлемая составляющая пира и профессиональное занятие для скопа. Бродячие актеры, заполнившие Англию в XII–XIV вв. Зрелища как профессионального театра еще нет, свидетельством чему является слово *wafung*, производное от глагола *wafian*, значение которого лучше всего можно было бы передать древнерусским словом «позирать», т.е. смотреть с удивлением и интересом. Значение существительного *wafung* можно сопоставить со славянским по происхождению словом позорище в древнерусском языке — «то, на что взирают с интересом». Поскольку профессиональная театральная деятельность не было, то не было и определенного, профессионально установленного места для зрелищных представлений, что подтверждает сложное слово *wafungstede* «место представления-позорища». В средневековых глоссах ему соответствует латинское *theatrum* [Wright 1968: 197].

В позднее средневековье рядом со словом *minstrel* появляется слово *pleiere/ plaer* с обобщенным значением «исполнитель; тот, кто развлекает; играет на музыкальных инструментах; жонглирует». Его можно сопоставить с существовавшим когда-то в русском языке словом игрец с тем же значением (от праславянского *игра* в значении «плясать, играть»). Генерация смыслов в сфере духовной культуры средневековой Англии происходила под влиянием двух тенденций: наследовании устной поэтической традиции древних германцев и в уходе творцов песносказания от стилистики эпического песносказания.

Литература

Чупрына О. Г. Представления о времени в древнем языке и сознании. М.: Прометей, 2000.

An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. Ed. T. Northcote Toller. URL: http://lexicon.ff.cuni.cz/html/oe_bosworthtoller/b1217.html

Middle English Dictionary URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary>

Wright T. Anglo-Saxon and Old English Vocabularies. Darmstadt, 1968.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Шановалова Галина Константиновна

доцент, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

Доклад посвящен изучению сложного предложения, а именно гипотаксиса, на материале стихотворных текстов ранненововерхненемецкого периода истории немецкого языка. Одной из основных причин является то, что именно «в языке XVII–XVIII вв. (особенно в немецкой классической литературе) достигается наивысшая точка развития сложного, преимущественно гипотаксического (или комбинированного) предложения.» [Семенюк 2010: 3].

На материале стихотворных текстов XVII в. в докладе рассматривается одно из наиболее характерных явлений синтаксиса данного периода — афинитность или элиминация финитного глагола сказуемого в придаточных предложениях.

Элиминация финитного глагола предиката традиционно рассматривается в исторической грамматике немецкого языка как один из важных вариантов оформления придаточного предложения. Под афинитными структурами понимаются чаще всего придаточные предложения без какой-либо спрягаемой формы глагола, которая могла бы выступать в данном предложении. К явлению афинитности придаточного предложения в историческом развитии синтаксической системы немецкого языка в своих работах неоднократно обращались В. Г. Адмони [Admoni, 1980: 349; 1990: 196], Р. Эберт [Ebert, 1993: 440], Н. Н. Семенюк [Guchmann, Semenjuk, 1981: 64]. В концепции В. Г. Адмони афинитность фигурирует как значимая тенденция развития синтаксического строя немецкого языка. «Расцвет этого явления приходится на XVI–XVII вв.: именно в этот период опущение спрягаемой формы вспомогательного глагола приобретает массовый характер, охватывая значительную часть придаточных предложений» [Адмони, 1966: 128]. В условиях увеличивающегося объёма цельного предложения в XVI–XVII вв. появляется тенденция «к более тесному сплетению и взаимосвязыванию господствующего и подчинённого предложений» [Там же: 129]. И чтобы дополнительно подчеркнуть зависимый характер последнего, его коммуникативную несамостоятельность, наряду с дистантным расположением предиката опускалась его спрягаемая часть. Р. Эберт наряду с придаточными предложениями без какой-либо спрягаемой формы глагола к афинитным структурам относит также конструкции *haben, sein + zu + Infinitiv* в модальном значении долженствования и конструкции с элиминацией модальных глаголов.

Исследователи подчеркивают, что афинитность является признаком письменной формы языка. Афинитные структуры получили особое распространение в таких жанрах, как научный текст, проповедь, роман, трактат и др. Согласно В. Г. Адмони, афинитность характерна прежде всего для текстов, в которых на передний план выходит развёрнутое повествование и усложнение тематического содержания и которые характеризуются более высоким «стилистическим прицелом» [Адмони, 1966: 127]. Н. Н. Семенюк считает афинитные структуры придаточного предложения преимущественно признаком делового языка. При исследовании стихотворных произведений немецких поэтов XVII века было выявлено, что афинитные структуры характерны и для стихотворной речи.

Данное исследование призвано на материале ранненововерхненемецкой поэзии показать все случаи опущения спрягаемого глагола, раскрыть возможные причины рассматриваемого явления и степень его продуктивности. Подобный подход позволяет дать синхронную характеристику поэтического синтаксиса в рассматриваемый период развития немецкого языка с указанием основных тенденций.

Типы афинитных предложений рассматриваются в исследовании как результат усечения вспомогательных глаголов *haben, sein* в придаточных предложениях со сложными временными формами — перфект и плюсквамперфект индикатива, *sein, werden* в придаточных предложениях с аналитическими формами страдательного залога — перфект и плюсквамперфект пассива. Анализ текстов выявил также случаи опущения глаголов *haben, sein* в инфинитивных оборотах

с частицей *zu* в модальном значении долженствования. В стихотворных текстах зафиксированы и случаи элиминации модального глагола при сложном глагольном предикате.

Как показал анализ эмпирического материала, «короткое» афинитное подчиненное предложение включается в обширные, разветвленные, «длинные» сложноподчиненные комплексы, характерные для ранненововерхненемецкого языка, причем афинитность характерна для любой позиции внутри сложного предложения: как в его середине на стыках разных придаточных, так и в самом конце всего цельного предложения.

В композиционной структуре стиха, объединяющей в себе и композицию смысловую, и чисто языковую, и ритмическую, значительная роль афинитных предложений различных видов отмечается во всех композиционных частях. В стихотворных текстах они могут выполнять функцию зачина, то есть в сжатом виде формулировать тему, далее развивать ее или выполнять функцию концовки, то есть формулировать резюме по поводу изложенного в предыдущих строфах содержания.

Исследование любого предложения, в том числе и элиминированного, выступающего основной, формирующей единицей текста, способствует пониманию поэтической стратегии восприятия и интерпретации текста. Исследование способов функционирования элиминированных предложений в рамках художественного текста нацелено на текст в целом, развивая тем самым теоретические и методологические аспекты теории текста.

Литература

- Адмони В. Г.* Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л., 1966.
- Семенюк Н. Н.* Развитие сложного предложения в немецком языке XI–XVIII вв. М., 2010.
- Admoni V. G.* Zur Ausbildung der Norm der deutschen Literatursprache im Bereich des neuhochdeutschen Satzgefüges 1470–1730. Berlin, 1980.
- Admoni V. G.* Historische Syntax des Deutschen. Tübingen, 1990.
- Ebert R.* Early New High German Grammar // Wegera, K. et al. (Hrsg.). Syntax. Tübingen, 1993. Pp. 313–484.
- Guchmann M. M., Semenjuk N. N.* Zur Ausbildung der Norm der deutschen Literatursprache im Bereich des Verbs: (1470–1730); Tempus und Modus. Berlin, 1981.

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЕЖЛИВОГО ОБРАЩЕНИЯ АВТОРА К ЧИТАТЕЛЮ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ ТЕКСТОВ XVIII ВЕКА)

Яшкова Анна Валерьевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Представленный вниманию коллег доклад посвящен метатекстовым особенностям научного текста, а именно тому, как и с какой функцией манифестируется категория вежливости в искусствоведческом немецкоязычном тексте XVIII века. Понятие «метатекст» вошло в лингвистику после выхода в 1978 году статьи «Метатекст в тексте» авторства Анны Вежбицкой. В ней она рассматривает т.н. «метатекстовые нити», которые выполняют в тексте самые разные функции (скрепляют, усиливают, проясняют). Ни один текст не может без них обойтись, но иногда их можно ликвидировать без вреда для примарного сообщения [Вежбицкая 1996: 421]. Р.О. Якобсон более однозначно трактует метатекстовые элементы, в его понимании они должны выполнять метатекстовую функцию, то есть значимым становится код текста [Якобсон 1975: 202]. Категория вежливости безусловно входит в группу метаязыковых характеристик. Р.Лакофф заостряет наше внимание на том, что чаще вежливые формулировки задействуются, чтобы избежать конфликтной ситуации нежели чем, чтобы внести в сообщение дополнительную ясность [Lakoff 1973: 297].

К актуализаторам вежливости можно, например, отнести: прилагательные со значением уверенности (*sicher, natürlich*), императив, эмоциональные выражения и/или инклюзивное местоимение «*wir*». Так, автор апеллирует к общему кругозору читателя и таким образом стремится солидаризироваться с ним в общей академической области.

Обычно авторы используют местоимения первого лица с глаголами, передающими чужую речь, чтобы прокомментировать чужие исследования или представить свои собственные. Используя местоимения первого лица, автор принимает решение оградиться и примерить на себя в тексте разные роли. Как правило, местоимение первого лица «*wir*» в научном тексте может иметь либо инклюзивную, либо эксклюзивную семантическую референцию. Если инклюзивное «*wir*» относится как к писателю, так и к читателю, то эксклюзивное «*wir*» читателя исключает. Использование писателями инклюзивного «*wir*» предполагает, что читатели рассматриваются как коллеги-исследователи, и является сигналом интенции автора сократить разрыв между собой и реципиентом. Использование инклюзивного «*wir*», таким образом, сокращает дистанцию между автором и читателем.

Кроме прочего, вкрапления вежливости могут фигурировать в тексте в качестве императивных конструкций или эмоциональных выражений. Используя императив, исследователи получают возможность взаимодействовать с потенциальным читателем в менее формализованном режиме. Тем самым они инструктируют читателей и дают им импульс для дальнейшего исследования (например, популярное в научных текстах клише *vgl.*).

Стратегии т.н. негативной вежливости используются автором для того, чтобы избежать навязывания своих взглядов читателям. В полученных данных используются следующие стратегии негативной вежливости: проявление осторожности путем хеджирования, демонстрация отсутствия стремления навязать свою точку зрения и приписывание себе всей ответственности путем персонализации.

Материал исследования интересен тем, что немецкие тексты об искусстве второй половины XVIII века стали классикой искусствоведения и именно в них впервые описывается новый метод анализа произведения искусства. Так, например, одного из наших авторов — И.И. Винкельмана называют «отцом искусствоведения». Тем интереснее обратить внимание на нормы вежливости в научном тексте куртуазного XVIII века. Следует также отметить, что искусствоведческий текст — это текст с сильным авторским началом, а потому стиль повествования будет довольно сильно разниться от автора к автору, несмотря на общие требования научного изложения.

Исследование показало, что в исследуемых текстах присутствуют как позитивные, так и негативные стратегии вежливости. Результаты демонстрируют, что в исследовательских статьях читатель активно, пусть и незримо присутствует в тексте. В целом, позитивные стратегии вежливости используются исследователями для демонстрации солидарности с коллегами-исследователями и научным сообществом в целом.

Литература

Lakoff R. The logic of politeness or minding your p's and q's. Chicago Linguistic Society. Vol. 8. 1973. P. 292–305.

Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.

Герд А. С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 68–90.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

Источники

Goethe, Johann Wolfgang. Über den sogenannten Dilettantismus oder die praktische Liebhaberey in den Künsten. In: Goethes Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand. 44. Band: Goethes nachgelassene Werke. Cotta, Stuttgart und Tübingen 1833, S. 256–285. Digitalisat.

Lessing, Gotthold Ephraim. Laokoon. Oder: Über die Grenzen der Malerey und Poesie. Mitbeiläufigen Erläuterungen verschiedener Punkte der alten Kunstgeschichte (ReclamsUniversal-Bibliothek, 271). Reclam, Stuttgart, 1994.

Winckelmann, Johann Joachim. Gedanken über die Nachahmung der griechischen Werke in der Malerey und Bildhauerkunst. Zweyte vermehrte Auflage. Walther, Dresden/Leipzig, 1756. (Digitalisat).

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СФЕРЕ ИСКУССТВА

Аверина Лейли Оруджевна

старший преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Междисциплинарные исследования сегодня сильно развиваются. Взаимодействие различных областей науки приобретает всё большее значение. Одним из последствий этого является проникновение общих и специальных терминов в чуждую сферу. Было бы важно исследовать как в русском, так и в немецком языках приспособление и взаимодействие терминов одной сферы в другой и проследить приживаемость новых терминов в иной терминологической базе и соотнести их переводы. В 20-м веке произошло много краж и хищений предметов искусства, освещались прессой громкие сделки на аукционах (как напр. так называемое дело Климта или кражи произведений русского авангарда).

Самые громкие преступления в сфере искусства 20-го и 21-го вв. связаны в большей степени с произведениями западно-европейских мастеров (Эдварда Мунка, Ван Гога, Пабло Пикассо). Подобные кражи освещались не только в прессе, но и стали главными героями литературных произведений. И важный лингвистический вопрос состоит в том, какая терминология употребляется в повествовании: общеупотребительная или узкоспециальная, и как такая проблема решается в немецкоязычных и русскоязычных произведениях.

Объектами исследования в данной работе стали произведения, которые описывают правовые случаи в сфере искусства, среди них можно назвать следующие немецко- и русскоязычные произведения:

Голицын Ю. М. «Величайшие подделки, грабежи и хищения произведений искусства», Санкт-Петербург, 1997

Багдасарова Софья «Омерзительное искусство, юмор и хоррор в шедеврах живописи», Москва 2022

Багдасарова Софья «Воры, вандалы и идиоты. Криминальная история русского искусства», Москва 2019

Преступления в мире искусств. Грабежи, кражи, фальсификации, Минск, 1998

Deutschsprachige Werke: Partsch, Susanne: Wer klaut die Mona Lisa?, München, 2021

Skotti, Rita: Der Raub der Mona Lisa. Die wahre Geschichte des größten Kunstdiebstahls, Köln, 2009

Schnalke, Christian: Die Fälscherin von Venedig, München, 2021

Koldehoff, Stefan, Timm Tobias: Kunst und Verbrechen, Berlin, 2020

Kaiser, Reinhard: Der glückliche Kunsträuber. Das Leben des Vivant Denon, München, 2016

Wessel, Günther: Das schmutzige Geschäft mit der Antike. Der globale Handel mit illegalen Kulturgütern, Berlin, 2015

Nairne, Sandy: Die leere Wand. Museumsdiebstahl. Der Fall der zwei Turner-Bilder, Köln-Wien, 2010

Примечательно, что произведения не переведены на русский и немецкий язык соответственно, поэтому можно говорить о тенденциях в немецкоязычных произведениях и русскоязычных произведениях с дальнейшим сопоставлением полученных данных. Важными аспектами исследования являются: — адаптация юридической терминологии; проблематика использования искусствоведческих терминов и выбор между юридическими и искусствоведческими терминами; — синонимия терминов; — сравнительный анализ немецкого и русского терминологического поля.

Примером терминологической проблемы может служить лексема «картина» и её юридический смысл

1. Bild (картина) — Gemälde (полотно) — Fassung (отсутствует в русском языке как термин)
2. Diebstahl (кража) — Raub (разбой/кража с применением насилия) — Entwendung (похищение) — Entführung (похищение синоним)

3. stehlen (красть) — rauben Рассмотрим такую многозначность терминов на примере картин «Крик» (der Schrei) художника-экспрессиониста Эдварда Мунка, который с 1893–1910гг. создал серию картин «Крик», написанных в разных техниках.

В русском языке используются понятия «серия картин» и «версия картины», если речь идёт о конкретном произведении 1893, 1895, или 1910гг, то используется лексема «картина». В немецком языке данная серия представлена большим количеством понятий, в частности «vier Versionen in diesem Motiv (Schrei)» — «четыре версии мотива «Крик», т. е. некоторые источники интерпретируют «Крик» как мотив, на который были написаны отдельные произведения.

Более точным представляется немецкое понятие «die Fassung»: «die Fassungen des Bildes», которое использовалось в судебных разбирательствах, связанных с кражами двух полотен «Крика» в 1994 г. из Норвежской Национальной галереи и в 2002 г. из Музея Мунка в Осло. На русский язык это более точное немецкое понятие перевести сложно, т. к. его точный перевод «версия» уже упоминался выше. Следующими примерами понятия «картины» являются их перечисления с указанием года и манерой письма: «vier Gemälden und eine Lithographie», а также «vier Variationen des Schreis in Gemäldeform», иногда выделяется так называемая основная версия «Hauptversion von 1893». На данных примерах видно, что в системе немецкого языка большое внимание уделяется точности передачи информации, при номинации версии картины используются дополнительные данные (год, основная версия, техника исполнения, специальный термин «Fassung» для юридических документов, отсутствующий в русском языке). После анализа лексических, грамматических и стилистических особенностей произведений, написанных о кражах предметов искусства, можно сделать вывод о процессе становления и начала взаимодействия терминологических систем.

Литература

Купчанов Л. М. Теория литературы. М., 2012.

Эсалнек, А. Я. Теория литературы. М., 2010.

Лихачёв Д. С. Литература и искусство в системе культуры. М., 1988.

Чаговец, Т. П. Словарь терминов по изобразительному искусству. СПб., 2013.

Татаринов В. А., Яценко И. П. Немецко-русский искусствоведческий словарь. М., 2006.

Morgenroth, Claas. Literaturtheorie. München, 2016.

Köppe, Tilmann. Neuere Literaturtheorien. Merzler, 2008.

Götze, Ekkehard. Rechtslexikon. Berlin, 2006.

Lexikon der Kunst (in fünf Bänden). Leipzig, 1978.

ВАКЦИНАЦИЯ В ГЕРМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОВЫХ СЛОВ

Аккуратова Ирина Борисовна

*доцент, Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД России*

Проведение такого широкомасштабного социально-значимого мероприятия в Германии, как вакцинация от Ковид-19, явилось мощным стимулом для создания новых номинаций с компонентом *Impf-* в современном немецком языке. В новообразованиях «отражаются и закрепляются ценностные приоритеты социума, а также национально-специфические особенности категоризации и вербализации» [Коряковцева 2016: 9]. В условиях резко изменившейся социальной среды и новых коммуникативных потребностей возникает необходимость осмысления векторов развития деривационных процессов в современном немецком языке и способов вербализации нового знания. Проведенный структурно-семантический анализ производных показал, что динамика словообразовательных процессов в рассматриваемом лексико-семантическом поле направлена на активизацию различных словообразовательных механизмов (использование (не) стандартных моделей, словообразовательных образцов, применение когнитивных механизмов и различных суффиксов), а также на сохранение тенденции к языковой экономии, при которой происходит максимальное сжатие информации при минимальных затратах языковых ресурсов.

Значительную группу композитов представляют лексемы, образованные в результате словосложения и суффиксации, оканчивающиеся на продуктивный суффикс *-er* (*nomina agentis*): *Impfantreiber*, *Impfzauderer*, *Impfvordrängler* и др. Данные номинации позволяют судить о неоднозначном отношении немецкого общества к процессу иммунизации: имеются группы людей, готовых вакцинироваться и призывающих к иммунизации; испытывающих страх и не решающихся на вакцинацию; выступающих открыто против вакцинации; а также тех, кто готов вакцинироваться без очереди, опережая людей с более высоким приоритетом вакцинации.

Отдельный ряд композитов с компонентом *Impf-* представляют лексемы, обозначающие вознаграждение за вакцинацию. В данной группе слов выделяется гипероним (*die Impfbelohnung*) и несколько гипонимов (*Impfpizza*, *Impfprämie*, *Impfwurst*, *Impfzuckerl*), дающих представление о видах вознаграждения в Германии.

Вакцинация от Ковид-19 часто происходит не в медицинском учреждении, а в передвижных станциях без предварительной записи, что получило название «мобильная вакцинация». В немецком языке этот факт вербализируется с помощью выражения *Impfung to go* и *Impfen to go*. Очевидно, что данная номинация основана на словообразовательной аналогии с выражением *Coffee to go* (кофе с собой), которое в Германии можно видеть на (рекламных) вывесках с целью привлечения клиентов. Использование имеющегося в языке образца для создания новой номинации обусловлено желанием вызвать доверие граждан Германии к процессу иммунизации. Ряд лексем позволяют получить представление о местах проведения мобильной вакцинации: *der Impfbus*, *der Impftruck*, *das Impfschiff*.

Палитру чувств и эмоций граждан Германии по отношению к процессу вакцинации передает ряд абстрактных композитов-существительных: *der Impfneid* (чувство обиды и зависти); *der Impfstolz* (радость по поводу проведенной вакцинации, часто выражаемая в социальных сетях); *der Impffrust* (недовольство и разочарование из-за отсутствия возможности вакцинироваться); *der Impfnationalismus* (игнорирование других (бедных) стран при производстве, закупке и использовании вакцин в условиях пандемии Ковид-19) и др.

Отдельную группу композитов представляют эмоционально окрашенные и экспрессивные номинации, при создании которых использовались когнитивные механизмы. Экспрессия в данных лексемах достигается посредством использования метафорического переноса компонента композита, например, *der Impfkater* (неприятная реакция организма на введение вакци-

ны). В научной литературе подчеркивается факт моделирования действительности с помощью метафор для передачи определенного отношения индивидуума к реалиям [Коптякова 2008].

Среди новых номинаций выделяются три лексемы, образованные в результате сокращения и суффиксации: *die Impfi*, *der Impfy*, *das Impfie*. Слова *die Impfi* и *der Impfy* являются синонимами и имеют по два одинаковых значения: 1) вакцинация против вируса SARS-CoV-2; 2) человек, иммунизированный против вируса SARS-CoV-2. Суффиксы *-i* и *-y* выступают в синонимичном значении и придают разговорный оттенок новым производным. Лексема *das Impfie* (фотография инъекции в плечо, которая делается с целью показать или прорекламировать свою иммунизацию против вируса SARS-CoV-2) образована по аналогии. Образцом послужила модная, прочно вошедшая в лексико-семантическую систему немецкого языка англоязычная лексема *das / der Selfie* (сэлфи), что подтверждает, что «аналогичным фоном могут быть: словообразовательная модель, конкретное слово-образец, ассоциативный фон» [Земская 2009: 184]. Этот факт заставляет поднимать вопрос о влиянии английского языка на словообразовательную систему немецкого языка. Необходимо отметить гибридное словосочетание со структурной особенностью — *Impfpflicht light*. Англоязычный компонент *light* (легкий) вносит в семантическую структуру словосочетания дополнительный оттенок — распоряжение об обязательной вакцинации касается только определенных профессиональных групп, для которых прохождение вакцинации является условием принятия на работу. По такой же модели ранее образовано словосочетание *Lockdown light*, что свидетельствует о внедрении новых структурных моделей в систему немецкого языка на фоне использования англоязычного заимствования *light* в словах-неологизмах.

Исследованный корпус лексики дает представление о новом членении и структуризации дискурсивного пространства.

Литература

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 2009.

Коптякова Е. Е. Метафорическое представление внутренней политики Германии в российской прессе // *Филология и человек.* 2008. № 2. С. 131–138.

Коряковцева Е. И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и культурологический аспекты). Siedlce, 2016.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШВЕДСКИХ ПОСЛОВИЦ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

NATIONAL AND CULTURAL FEATURES OF SWEDISH PROVERBS OF COMPARATIVE SEMANTICS

Алёшин Алексей Сергеевич

*доцент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. М. А. Бонч-Бруевича*

Пословицы, выражающие сравнение, присутствуют во многих языках и представляют интерес для изучения в силу универсальности самой категории сравнения и различающихся способов ее вербализации в разных лингвокультурах, отражающих определенные черты менталитета народа. До настоящего времени предпринимались отдельные попытки исследования паремий сравнительной семантики на материале русского языка [Лазутин 1986; Николаева 2010], а также в сопоставительном аспекте на материале отдельных тематических групп пословичных единиц шведского, русского и тувинского языков [Зиновьева, Алешин 2022]. Системного анализа этого пословичного пласта шведского языка до сих пор не предпринималось. Цель доклада заключается в описании основных отличительных черт шведских пословиц сравнительной семантики с привлечением в качестве фона аналогичных единиц русского языка. Объектом исследования являются наиболее типичные структурно-семантические модели пословичных единиц данного разряда в шведском языке. Анализ проводится с точки зрения интегративного подхода к исследованию паремий, объединяющего системно-структурный, лингвокогнитивный и лингвокультурологический аспекты. Прежде всего, можно выделить доминирующий в шведских пословицах способ эксплицитного выражения сравнения с помощью использования сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий. Эксплицитный способ вербализации сравнения в шведских паремиях составляет 50% от общего корпуса рассматриваемых единиц. Наиболее часто используемыми конструкциями при этом являются, во-первых, конструкции с аксиологическим предикатом *bättre* (лучше). Самой объемной группой, имеющейся только в шведском языке и отсутствующей в русском, среди пословиц с компонентом *bättre* является группа «Дело — работа». Общие ценностные установки, выражаемые пословицами этой группы: «если делать что-либо, то делать хорошо» и «для достижения успеха нужно проявлять инициативу»: *Bättre aldrig börjat än illa slutat* 'Лучше никогда не начатое, чем плохо законченное'; *Bättre ogjort än illa gjort* 'Лучше не сделанное, чем плохо сделанное'. Такие установки соотносятся с принятой с давних пор в шведском обществе протестантской этикой отношения к труду. Во-вторых, обращает на себя внимание конструкция *ju... desto... 'чем... тем'*: *Ju högre aran klättrar, dess mer visar hon rumpen* 'Чем выше обезьяна забирается, тем больше она показывает задницу' (Когда недостойный занимает высокую должность, он обнажает свои недостатки); *Ju större tok, ju mera rop* 'Чем больший дурак, тем больше криков' (Тем больше он хвастается) и др. Анализ языкового материала подтверждает положения шведских этнокультурологов о присутствующем в сознании шведов стремлении к равенству и неприятию выделяющихся из общества индивидов. Другой характерной моделью шведских пословиц является прием так называемой «рядоположенности», когда к нескольким субъектам, которые говорящий считает возможным сопоставлять, прилагается один предикат: *Äpplet, nöten och flickan har mask i kärnan*. 'Яблоко, орех и девушка имеют червя внутри'; *Östanväder och kvinnoträta börja med storm och sluta med väta*. 'Троза и женская ссора начинаются с бури и заканчиваются дождём'. Паремииологическое пространство национального языка во многом структурируют базовые оппозиции. При наличии общей концептуальной оппозиции «свое — чужое» в компаративных пословицах шведского и русского языков в центре микросистемы шведских компаративных паремий оказывается фрейм дома, структура которого определяется пространственным противопоставлением «дом» — «вне дома». Можно выделить прототипический фрейм, восходящий к традиционному шведскому крестьянскому быту. Слоты фрейма образуют «части дома» (лексические марке-

ры — партитивы крыша, порог): *Bäst bo under sitt eget tak* 'Лучше всего жить под своей крышей'; «домашний очаг» (огонь, дым): *Vår rök är bättre än grannens eld* 'Наш дым лучше соседского огня'; «продукты питания» (селедка, лосось, курица, гусь) и др. В ядре микросистемы русских паремий компаративной структуры находится индивид, структура фрейма организуется связями, выстраивающими межличностные отношения, например: *Всякому мужу своя жена милее; Чужую печаль и с хлебом съешь, а своя и с калачом в горло не идёт*. В языковом сознании обоих народов присутствует представления о молодости как о ценности в противовес антиценности — старости, но если русские паремии допускают снижение когнитивных способностей старого человека, уравнивая их с младенческими: *Старый, что малый, а малый, что глупый*, то шведские единицы вербализуют установку о наличии ума, опыта и знаний у старого человека *En gammal präst vet mer än tio studenter* 'Старый священник знает больше, чем десять студентов' и резко отрицательно маркируют возможное несоответствие этому стандарту. В целом можно сделать вывод о том, что шведские пословицы компаративной структуры отличаются от русских большей образностью, категоричностью в выражении культурных установок и детализацией.

Литература

- Зиновьева Е. И., Алёшин А. С.* Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022. № 1: 131–145.
- Лазутин С. Г.* Сравнения в пословицах и поговорках // Язык и стиль произведений фольклора. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1986. С. 3–9.
- Николаева Е. К.* Устойчивые сравнения в русских пословицах // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. Вып. 3 (29): 238–245.

ИСТОРИЯ ИСПАНСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ В XVII ВЕКЕ

THE HISTORY OF SPANISH FOLKLORE IN THE 17TH CENTURY

Баканова Анна Валентиновна

доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Семнадцатый век в истории испанской фольклористики, с одной стороны, принято относить к донаучному периоду, так называемым истокам испанской фольклористической традиции, с другой стороны, ему свойственны особые черты, позволяющие выделить его в отдельный этап и выражающиеся в жанровом разнообразии фольклорного материала, в авторском творческом подходе к его трактовке, в сближении фольклорных текстов и грамматической теории испанского языка. Говоря о жанровом разнообразии издаваемого в XVII веке фольклорного материала, следует отметить большой охват фольклорных традиций, текстов, игр и иных форм. В первую очередь, обращают на себя внимание многочисленные разнообразные по тематике и по форме подачи материала издания пословиц и поговорок испанского языка. В 1616 г. выходит сборник Хуана Сорапана де Риерос (Juan Sorapán de Rieros) «*Medicina española contenida en proverbios vulgares de nuestra lengua*», где собраны паремии, связанные с медициной, каждую из которых сопровождает обширный комментарий-гlossa автора. Вершиной испанской паремиологии можно назвать сборник пословиц и поговорок, изданный знаменитым испанским ученым Гонсало Корреасом (Gonzalo Correas) «*Vocabulario de refranes y frases proverbiales y otras fórmulas comunes de la lengua castellana, en que van todos los impresos antes y otra gran copia que juntó el maestro Gonzalo Correas, catedrático de griego y hebreo en la Universidad de Salamanca. Van añadidas las declaraciones y aplicaciones a donde pareció ser necesario*».

В своем сборнике Корреас приводит не только пословицы и поговорки, но и весь спектр малых жанров фольклора от анекдотов до проклятий: frases, agudezas del ingenio, cuentos, consejas, tradiciones, chismes, malignidades, cantares populares, cuentecillos, anécdotas, dichos. Особую ценность представляют авторские комментарии к фольклорным текстам, а также подход автора с позиции разума, нашедший выражение в использовании паремиологических сказок для объяснения значения и истории появления того или иного крылатого выражения. Г. Корреас известен прежде всего в истории испанской лингвистики как автор сочинений по грамматике испанского языка и автор орфографической реформы. Однако в истории фольклористики его сборник паремий, несмотря на то что полноценное издание увидело свет лишь в XX в., имеет первостепенное значение, а традиция научного увлечения одновременно вопросами грамматики и фольклора — одна их характерных черт испанской научной мысли этого периода. Подобный подход свойственен также Амбросио де Саласар (Ambrosio de Salazar), автору нескольких грамматических и фольклористических работ. Его труд «*Tratado de las cosas más notables que se veen en la gran Ciudad de París, y algunas del Reyno de Francia*» (1616) представляет собой любопытный топографический очерк, посвященный французской столице, с описанием городского фольклора. Кроме того, Саласар собирает тексты в жанре cuentecillo, sentencia, aviso, exemplo на французском и испанском языках и публикует их под заголовком «*Las clavellinas de recreación, donde se contienen sentencias, avisos, exemplos, y Historias muy agradables para todo género de personas deseosas de leer cosas curiosas, en dos lenguas, Francesa y Castellana*» (1614).

Симбиозом обрядового и сказочного фольклора можно назвать работы Гаспара Лукаса Идальго (Gaspar Lucas Hidalgo) и Хуана де Аргихо (Juan de Arguijo). Идальго издает в 1606 г. в Барселоне работу «*Diálogos de apacible entretenimiento, que contiene unas Carnestolendas de Castilla*» — сборник жанров cuentecillos, chistes, имеющих отношение к праздничному фольклору, к карнавалу. Главной особенностью диалогов становится классификация сказочного материала по социальным типажам (схожая с классификацией в знаменитом сборнике *Floresta española de apotegmas y sentencias, sabia y graciosamente dichas, de algunos españoles* (1574) Мельчора де Санта Крус), например: «*cuentos que motejan de asno y de necio*», «*cuentos que motejan de vieja, de loco, de ladrón, de pobre, de mala mujer*». Севильский поэт Аргихо является автором

сборника сказок и рассказов, среди которых встречаются тексты, описывающие известных людей XV–XVII вв. Известна еще одна книга этого автора, посвященная праздничному фольклору и тавромахии: «Relación de las fiestas de toros y cañas en Sevilla». Детский, танцевальный и обрядовый фольклор представлен в сборнике Родриго Каро (Rodrigo Caro) «Días geniales o lúdicos», где в диалогической форме собраны описания детских игр испанских детей в сопоставлении с играми других народов: correr, circo, toros, juegos de cañas, salto, rueda, а также описание различных танцевальных форм: zarabanda, chasona, carretería и обрядовый фольклор, связанный с днем летнего солнцестояния. В работах писателя и драматурга Хуана де Сабалета (Juan de Zabaleta) «El día de fiesta por la mañana», «El día de fiesta por la tarde» подробно и с юмором описаны человеческие характеры: Galán, Dama, Adúltero, Celoso, Enamorador, Hipócrita, Cortesano, Dormilón, Glotón (раздел, в котором кроме прочего рассказывается о блюдах, готовящиеся для каждого праздника), Pretendiente, Agente de negocios, Vengativo, Cazador, а также традиционные профессии sastre, zapatero, barbero. Как можно увидеть, в работах XVII в. представлены разнообразные фольклорные темы, затронуты практически все жанровые формы, подобран богатый иллюстративный материал, а фольклористика как наука начинает привлекать внимание выдающихся испанских лингвистов и литераторов.

Литература

Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе. М. 1960.

Correas G. Vocabulario de Refranes y Frases Proverbiales, y otras Fórmulas Komunes de la lengua kastellana.
URL: www.cervantesvirtual.com/obra/vocabulario-de-refranes-y-frases-proverbiales-y-otras-formulas-comunes.

Folklore y costumbres de España. T. 1. Barcelona, 1944. С. 37–85.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕОПАРЕМИЯХ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Влавацкая Марина Витальевна

профессор, Новосибирский государственный технический университет

Цель исследования — выявить специфику отражения женской идентичности в неопаремиях на русском, английском и немецком языках, а также определить комбинаторно-семантические механизмы и когнитивно-динамические особенности трансформации традиционных паремий в неопаремии.

В отличие от паремии (поговорки, пословицы, афоризма и т. п.), означающей устойчивую фразеологическую единицу, которая содержит целостное предложение дидактического содержания, неопаремия как трансформационная единица противопоставлена ей по форме и содержанию. В семантическом плане неопаремия — это продукт смехотворчества, уничтожение высоких начал, которые, как правило, содержатся в пословицах. Неопаремии характеризуются «аномальностью» с точки зрения обычного употребления и «девиацией» формального и/или содержательного характера, т. е. имплицитность и косвенность традиционной пословицы дополняются новым, отличным от традиционного, чаще противоположным наполнением в процессе интерпретации антипословицы» [Беданоква, Гусевская 2019: 71].

Для отражения женской идентичности в неопаремиях мы применили комплексный анализ, состоящий из следующих этапов.

1. Определение способа трансформации традиционной паремии в неопаремию (в основе которой лежит принцип лингвистической комбинаторики): экспликация (все везти на себе => Самая везучая на свете женщина — русская: все всегда везет на себе); Choose the lesser of two evils => Of two evils choose the one with better-looking legs; импликация (women are the devil's nets => women are devil (пер.: женщины — это дьяволы); субституция (Зачем вы, девушки, красивых любите? [из песни] => Почём вы, девушки, красивых любите?) (зачем => почём); man proposes, God disposes (досл.: человек предполагает, Бог располагает) => Man proposes, woman imposes; контаминация (Баба с возу — вылетит, не поймаешь = баба с возу — кобыле легче + слово не воробей — вылетит не поймаешь); комбинирование (a word to the wise is sufficient => A word to the wife is sufficient — to start a quarrel — субституция (wise => wife) + экспликация (to start a quarrel); заполнение паремичной модели, например: Чтобы иметь осиную талию, нужно трудиться как пчелка. In einer Partnerschaft muss eine Frau einige Dinge lernen, die sie schon kann.

2. Выделение семантических признаков в неопаремиях русского, английского и немецкого языков и распределение единиц по семантическим группам: женская сущность: Frauen sind da, um geliebt, nicht um verstanden zu werden; особенности характера женщин, привычки My wife's hobby is making things — like mountains out of molehills; Bei den Weibern ist des Schwatzens hohe Schule; матери и жены: Сколько жену ни выбирай, все равно ошибешься; Eine Frau, die nicht Mutter wird, hat das Schönste, was es für eine Frau gibt, versäumt; внешний вид: Give a woman an inch, and she'll start to diet; Сколько женщину ни корми, она все равно в зеркало смотрится; роль и место женщины: A woman's place is in the home because that's where the telephone is; сильные женщины: Behind every great woman there's a man who tried to stop her; Solange es seine Welt gibt, ist er seine Frau, die sie regiert; Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик; женщины-водители: Женщина за рулем как фашист в танке / обезьяна с гранатой и др.

3. Внесение нетрадиционных установок и оценок относительно параметров женской идентичности, что находит отражение в неопаремиях, которые вербализуют качества и способности современной женщины и при этом выявляют корреляции с такими новыми проявлениями антропоцентрической парадигмы, как:

а) универсальные характеристики: нивелирование традиционно значимых качеств: Many a woman never puts off the gossip she can spread today; экспонирование традиционно второстепенных качеств: Красота и ум у женщины не роскошь, а средство передвижения по жизни; презентация женщины как сексуального объекта: Девушка как пачка сигарет: один от-

крывает, а другие пользуются; меркантильные интересы: *Man proposes, and the girl weighs his pocketbook and decides*; Бабы на бабки падки; То, что женщине по душе, мужчине не по карману; уничтожение умственных способностей: *Frauen haben langes Haar und kurzen Sinn*; Ум женщины — это ум курицы, ум умной женщины — это ум двух куриц; переосмысление природного предназначения женщины: *A woman's place is in the delicatessen store and the beauty salon*; *A woman's place is any damned place she wants to be*; переоценка функций мужчины и женщины: *A woman's work is never done, especially the part she asks her husband to do*; Самая везучая на свете женщина — русская: все на себе везет; сравнение женщин и мужчин с приоритетом последних: *Eine Frau kann mit einem Fingerhut mehr verschütten, als der Mann mit dem Eimer schöpfen kann*; *A woman can say more in a sigh than a man can say in a sermon*;

б) специфические характеристики: значимость внешней красоты и стройности женщины в английской и немецкой лингвокультурах: *The average woman would rather have beauty than brains, because the average man can see better than he can think*; *It's better to look good than to feel good*; *Eine schöne Frau will jeder küssen*. второстепенная роль внешней красоты женщины в русской лингвокультуре: С лица не воду пить, умела б пироги печь; Во что влюбился, то и целуй; Весной мужчин волнует не красота женских ног, а их наличие; Женщины гораздо красивей, чем они выглядят.

Таким образом, неопаремии обладают определенным структурно-грамматическим оформлением, отражают как реалии, затрагивающие изменения во взаимоотношениях людей, так и глобальные изменения, происходящие в связи с научно-техническим прогрессом, развитием экономики, политических событий и т. п.

Литература

Беданоква З. К., Гусевская О. И. Категория эвокативности семиотической формы: потенциал антипословицы // Русский язык: система и функционирование: материалы VIII Международной науч. конф., Минск, 16–17 окт. 2019. И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2019. С. 70–75.

ПЕРИПЕТИИ ГАЛИСИЙСКОГО ЯЗЫКА: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ

Григина Елена Анатольевна

*доцент, Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД России*

Евдокимова Анна Александровна

доцент, Московский государственный лингвистический университет

Монография «Галисийский язык: история и современное состояние» [Григина 2022] посвящена галисийскому языку, который на современной лингвистической карте Испании представлен как один из коофициальных языков испанского государства. Путь, который прошел галисийский язык, прежде чем его признали самостоятельным, был долог и тернист. Однако, понять современное состояние галисийского языка, современную языковую ситуацию и особенности процесса языковой нормализации в Галисии невозможно без учета исторического развития этого языка. Так, в VIII в. Галисия входит в состав Астурийского королевства, к X в. она уже является совершенно самостоятельной территорией, к XII в. происходит размежевание с Португалией, а с XIV в. Галисия теряет самостоятельность, и вся ее дальнейшая история уже связана с Испанией. В рамках нашего социолингвистического исследования мы выделили шесть этапов в истории галисийского языка, каждый из которых сыграл важную роль в его судьбе:

1. В период зарождения галисийского языка первоначальный импульс формированию будущего галисийского языка был дан в процессе романизации Пиренейского полуострова, а о формировании основных черт, отличающих галисийскую от других разновидностей романской речи, можно говорить с конца VIII — начала IX вв.

2. В период расцвета (конец XII–XV века) галисийский язык становится полноценным языком, который применим во всех сферах жизни феодального общества, и пользуется престижем как литературный язык.

3. В период стагнации, XVI–конец XVIII вв. или «*séculos oscuros*», так называемых, «темных веков» литературный галисийский язык практически прекращает свое существование.

4. Период галисийского возрождения «*Rexurdimento*», начавшийся в XIX в., ассоциируется, прежде всего, с именем Розалии де Кастро и деятельностью других поэтов и писателей, а также филологов, прилагающих неимоверные усилия для того, чтобы заново создать литературу на галисийском языке и вернуть галисийский язык в школу и в общественную жизнь. Деятельность литературных объединений Галисии подготавливает почву для процесса нормализации галисийского языка, который получит интенсивное развитие лишь с приходом демократии.

5. В период диктатуры (1939–1975) удается сохранить галисийский язык на бытовом уровне и даже делаются попытки вернуть галисийский язык в школу.

6. В период демократии (с принятия Конституции 1978 г.) галисийский язык получает статус коофициального языка и постепенно восстанавливает свои функции; активизируется процесс нормализации галисийского языка и идет интенсивная работа по созданию его нормы.

История галисийского языка с самого начала и вплоть до нашего времени определяется следующими факторами:

- общее прошлое с португальским языком;
- его трактовка некоторыми лингвистами как диалекта либо португальского, либо кастильского языка;
- социополитические факторы и политика в области языка в связи с интеграцией Галисии в испанское государство;
- ситуация диглоссии;
- достаточно обособленное развитие Галисии как национальной окраины, что обусловлено, в том числе, и ее географическим положением.

Все эти факторы связаны между собой и создают сложную картину, которая является во многом типичной для Европы, особенно в отношении языков национальных меньшинств. Цель данного исследования — показать, по какому тернистому пути через взлеты и падения пришлось пройти галисийскому языку и как сегодня он отвечает на вызовы времени, сталкиваясь со все новыми трудностями. Кроме того, данная работа отчасти восполнит тот пробел, который существует в отечественной романистике, поскольку в нашей стране галисийскому языку посвящена лишь одна фундаментальная монография, изданная Б. П. Нарумовым в 1987 г. Это отнюдь не означает, что не было других работ лингвистического характера, оформленных в виде статей, или исследований литературоведческого характера (О. А. Сапрыкина). Более того, в Центре галисийских исследований, созданном в Санкт-Петербургском университете, сложилась целая школа перевода (Е. С. Зернова), но это лишь отдельные мазки к портрету, который еще только предстоит написать.

Анализ процесса нормализации в Галисии показывает, что эта автономия испытывает множество трудностей экстралингвистического характера. С одной стороны, принимаются законы и законодательные акты, которые направлены на укрепление статуса галисийского языка. С другой стороны, эти законы и постановления начинают действовать с большим опозданием, натываясь на массу преград и препон, зачастую, созданных искусственно. Одним из главных фронтов борьбы становится система образования. И если галисийскому языку удастся выстоять в борьбе с кастильским, сегодня у него появляется еще один конкурент в лице английского языка, и теперь ему придется вести борьбу на два фронта. Не менее драматично разворачивается процесс формирования и закрепления нормы галисийского языка. Вопрос единой языковой нормы для всего региона поднимается разными учеными, которые стремятся создать языковое единство и общее информационно-коммуникативное пространство на всей территории автономии. Но точки зрения на норму галисийского языка у разных авторов до сих пор не совпадают. И хотя Королевская Академия галисийского языка неустанно проводит политику поиска консенсуса, дальнейшей кодификации галисийского языка и разработки нормы, разделяющие противоположные взгляды прийти к согласию не могут. Несмотря на это особенности галисийского языка (фонетические, грамматические, лексические и синтаксические) достаточно подробно изучены и описаны, а работа по составлению грамматик и словарей продолжается.

Литература

Григина Е. А., Евдокимова А. А. Галисийский язык: история и современное состояние. М., 2022.

О КЛЮЧЕВЫХ СЛОВАХ ДАТСКОЙ И НОРВЕЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Гурова Елена Александровна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ливанова Александра Николаевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Е. А. Гурова, А. Н. Ливанова В докладе делается попытка охарактеризовать концепт *hygge*, один из ключевых слов датской культуры, в сравнении с имеющими большое значение для норвежской культуры словами *hygge* и *kos*. Оба эти слова отражают явление, имеющее сходное содержание в других языках — нем. *Gemütlichkeit*, нид. *gezelligheid*, канад. англ. *hominess*. Однако, будучи культурно-специфичными словами, данные понятия имеют существенные отличия, обусловленные особенностями национальных менталитетов. Целью доклада является определить сходства и различия концептов *hygge* и *kos* в близкородственных скандинавских языках с помощью лингвистического анализа, включающего анализ словарных дефиниций, и контекстуального анализа сочетаемости слов, представляющих данные концепты. В последние годы феномен *hygge* неожиданно обрел популярность во многих странах мира. Как правило, его связывают с датской культурой благодаря выходу статей в британской прессе, а также целого ряда книг, авторы которых дают читателям практические советы, как обрести душевное равновесие и быть счастливыми, как датчане. В 2016 г. британское издательство HarperCollins, выбирая слово года, поставило слово *hygge* на второе место после *Brexit*, а в 2017 г. *hygge* вошло в Oxford English Dictionary. О важности для датской культуры понятия *hygge* свидетельствует тот факт, что оно включено в состав 30 экспонатов выставки символов современной эпохи, открывшейся в Национальном музее в 2017 г. (2000–2017 гг.). Безусловно понятие *hygge* является ключевым словом датской культуры. Оно глубоко укоренилось в датском языке на уровне лексики, грамматики и фразеологии [Levisen 2012: 87]. На лексическом уровне концепт *hygge* представлен существительным *hygge*, глаголами *hygge* и *hygge sig*, прилагательным *hyggelig*, наречием *hyggeligt*, а также огромным количеством сложных слов с первым и вторым компонентом *hygge*, в том числе окказиональных. На уровне фразеологии содержание концепта эксплицируется этикетными формулами «*Hyg dig!*», «*Ка' du hygge dig!*» и «*Du må hygge dig!*». Анализируя ментальные стереотипы, связанные с концептом *hygge*, Е. В. Краснова приходит к выводу, что данное понятие ассоциируется с привычным, хорошо знакомым местом, спокойствием, отсутствием угрозы, присутствием близких, знакомых людей, весельем и хорошим настроением [Краснова 2016: 546]. В норвежском языке этот ассоциативный ряд связывается сразу с двумя близкими концептами, *hygge* и *kos*. Общность ассоциирующихся с ними представлений приводит к тому, что рассматриваемые концепты (датский *hygge* и норвежские *hygge* и *kos*) анализируются скандинавистами совокупно, с минимальными попытками выявления существенных различий между ними [Pop, Mureşan 2022: 186]. В ранее опубликованной работе [Ливанова 2019: 224], посвященной главным образом анализу слова *kos*, утверждается, что концепт *hygge*, наличествующий в норвежском языке, не столь важен для норвежского менталитета, сколь чисто норвежский *kos*. Первый из них «связывается с поздно развившейся в Норвегии под сильным влиянием Дании городской культурой», а второй – «ассоциируется с традиционной норвежской сельской культурой, где удобство и тепло противопоставлены стилю и моде, простота богатству и изысканности». Этот вывод подтверждается с одной стороны, тем, что существующие в норвежском языке существительное *hygge*, глаголы *hygge* и *hygge sig*, прилагательное и наречие *hyggelig* дают незначительное число дериватов и выступают скорее в контекстах, где концепту *hygge*, связанному с праздностью, противопоставляется производительная деятельность, ср. парное сочетание *hygge og nytte*, примерно соответствующее русскому приятное с полезным. Существительное же *kos*, прилагательное и наречие *koselig*, а также глаголы *kose* и *kose seg* эмоционально заряжены, а дериваты от них обозначают объекты, входящие в личную сферу человека. В докладе будут предпринят подробный сопоставительный анализ датских и норвежских лек-

сических, фразеологических и этикетных единиц с компонентами *hygge* и *kos* с целью выявления конкретной проекции рассматриваемых концептов на лексический состав обоих языков и представленность выявленных единиц в узусе датчан и норвежцев.

Литература

- Краснова Е. В. Концепт *hygge* как фрагмент датской языковой картины мира. // Скандинавские чтения 2014 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб., 2016. С. 541–548.
- Ливанова А. Н. «Кус» и «хюгге»: ключевые слова норвежской культуры // Герценовские чтения. Иностранные языки: сборник научных трудов. СПб., 2019. С. 222–224.
- Levisen C. Cultural Semantics and Social Cognition: A Case Study on the Danish Universe of Meaning. Berlin, 2012.
- Pop R., Mureşan I.-A. Translating Culture: Exploring *kos/hygge*? the Concept of Enjoying a Simple Life, Deeply Rooted in the Norwegian and Danish Cultures. // STUDIA UBB PHILOLOGIA LXII. 2017. No. 3: 181–190. DOI:10.24193/subbphilo.2017.3.14

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «МИГРАНТ» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Дойникова Марина Игоревна

доцент, Московский государственный институт международных отношений

Начиная с 90-х годов XX века сразу несколько областей науки активно стали использовать термин концепт. Среди них можно выделить, в первую очередь, когнитивную лингвистику, лингвокультурологию и семантику. Термин концепт стал ключевым понятием концептуальной лингвистики (лингвоконцептологии). Несмотря на стремительное развитие науки о концепте, среди ученых нет единого толкования данного термина.

В зависимости от методов и материала исследования различают следующие подходы в понимании термина концепт:

- логический (Н. Д. Арутюнова, Л. Г. Бабенко, Р. И. Павилёнис и др.), при котором объектом исследования являются языковые концепты, а материалом исследования — данные естественного языка;
- лингвокультурологический (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова, М. В. Пименова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов и др.) считает объектом исследования либо лингвокультурные концепты / лингвокультуремы, изучая национальные языки, произведения фольклора, пословично-поговорочный фонд, произведения национальной литературы, либо художественные концепты, используя в качестве материала исследования художественный текст (поэтический, драматургический, прозаический) (Н. С. Болотнова, В. А. Пищальникова и др.);
- когнитивный (А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.) рассматривает в качестве объекта исследования «Соотношение семантики языка с концептосферой народа» [Попова, Стернин 2007]. Материалом исследования при таком подходе являются национальные языки, лексико-фразеологическое поле слов-концептов, данные ассоциативных экспериментов;
- когнитивно-дискурсивный (А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.) выделяют концептуальные структуры в разных видах дискурса (научном, медийном, политическом и др.), использует в качестве материала исследования речевые произведения отечественной и зарубежной публицистики.

С 60-х годов XX века Германия получила статус иммиграционной страны, благодаря своей политике в отношении переселенцев, беженцев и трудовых мигрантов. В последнее десятилетие ФРГ занимает второе место после США по количеству эмигрантов. По данным Федерального статистического управления Германии доля мигрантов от общего количества населения Германии составляет примерно 13 % и продолжает увеличиваться. В 2021 г. в стране насчитывалось около 12 млн. выходцев из других стран, в первую очередь из Турции и Польши, не имеющих гражданства ФРГ. За 2022 г. количество эмигрантов увеличилось примерно на один миллион. [https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt.htm....]

Всё вышесказанное показывает, что концепт «мигрант» является неотъемлемой частью современного немецкого общества. В нашем исследовании мы придерживаемся лингвокультурологического подхода к пониманию термина «концепт», рассматривая его как «единицу лингвоменталитета, фокусирующую в себе особенности этнического мировосприятия и поведенческих установок» [Воркачев 2003: 176].

В настоящем исследовании рассматриваются способы вербализации концепта «мигрант». Т. А. Иванченко предлагает рассматривать лексему Migrant (Migrantin) в «качестве базовой лексемы-репрезентанта концепта, исходя из критериев наибольшей частотности, обобщенности значения, общеизвестности». [Иванченко 2017: 107]. Что касается обобщенности значения дан-

ного концепта, не можем не согласиться, так как согласно словарю DWDS концепт «Migrant» имеет значение: лицо, покинувшее свою Родину по политическим, религиозным или экономическим причинам [4]. Но по частотности употребления данный концепт в значительной степени уступает таким лексемам как 1) Einwanderer (иммигрант, переселенец): лицо, поселившееся в другой стране и покинувшее свою Родину навсегда [4]; и 2) Zuwanderer (мигрант, иммигрант): лицо, приехавшее из одной страны, из одного региона, в другую страну, область, место, чтобы там надолго поселиться [4]. Интересен тот факт, что лексема Zuwanderer имела изначально значение «переселенец из одного места в другое», при этом речь не обязательно шла о выезде из своей страны. На данный момент лексемы Einwanderer и Zuwanderer являются взаимозаменяемыми синонимами равными по частотности употребления.

Контекстуальный и семантический анализ материала позволили выделить следующие синонимические ряды:

- 1) с положительной / нейтральной коннотацией: Migrant Einwanderer — Immigrant — Neubürger — Zugereister — Zugezogener — Zuwanderer — Zuzügler — Neuzuzüger — Ausländischer Mitbürger — (Person) mit Migrationshintergrund / mit Zuwanderungsgeschichte / mit ausländischen Wurzeln — Ausländer;
- 2) с отрицательной коннотацией: Fremdling — Gastarbeiter — Kanake. Отдельной группой можно выделить переселенцев по политическим причинам: Flüchtling — Asylbewerber. Для более полного описания концепта в дальнейшем исследовании использовались также словообразовательный и дистрибутивный анализ, что позволило установить ядро и периферию концепта «мигрант» в немецком языке.

Литература

- Воркачев С. Г. Концепт «язык» в русском паремиологическом фонде / С. Г. Воркачев, Д. Ю. Полинченко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы Международного симпозиума: в 2 частях, Волгоград, 22–24 мая 2003 года / отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. Волгоград, 2003. С. 176–180.
- Иванченко Т. А. Когнитивно-дискурсивный анализ лексико-семантического поля, вербализующего концепт «migrant» в современном немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4–1(70). С. 106–112.

К ВОПРОСУ О ЕДИНОМ ПИСЬМЕННОМ ГРАУБЮНДЕНСКОМ РЕТОРОМАНСКОМ ЯЗЫКЕ. 40 ЛЕТ RUMANTSCH GRISCHUN

Евстафьева Екатерина Вячеславовна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

В процентном соотношении численность швейцарцев, являющихся носителями ретороманского языка, стремительно падает. В 1850 г. большинство населения кантона Граубюнден говорило на ретороманском языке. По данным переписи населения 1880 г., родным языком ретороманский назвали почти 40 % жителей кантона. Через 100 лет в 1980 г. ретороманский считали родным языком 22 % граубюнденцев, еще через 10 лет в 1990 г. — 17 %, в 2000 г. — 14,5 %, а в 2017 г. — 15,4 %. Похожую тенденцию можно наблюдать и в масштабе страны. В 1880 г. носители ретороманского языка составляли почти 1,5 % всех швейцарцев или 38705 человек. В 2017 г. количество носителей ретороманского незначительно увеличилось и составило 40 444 или 0,6 % населения страны. То есть за почти 140 лет количество швейцарцев, считающих ретороманский родным языком, почти не увеличилось, хотя население страны выросло в три раза.

Можно выделить следующие причины, которые привели к упадку ретороманского: 1) изменение структуры экономики. Традиционно носители ретороманского языка занимались земледелием и животноводством. С началом развития туризма в XIX веке в кантоне продолжается германизация населения; 2) приток иноязычного населения. Многие граубюнденцы, говорящие на ретороманском, заключают браки с носителями других языков. При этом иноязычные супруги далеко не всегда изучают ретороманский язык, т.к. в этом нет необходимости, потому что почти все граубюнденцы двуязычны и в совершенстве владеют немецким языком; 3) молодежь покидает горные долины Граубюндена, чтобы получить образование, и не возвращается; 4) отсутствие центра. Столица кантона Кур является преимущественно немецкоязычным городом; 5) влияние немецких печатных и электронных СМИ. Таких СМИ на порядок больше, чем ретороманских, хотя в кантоне выходит ежедневная газета „La Quotidiana“ на ретороманском; 6) обусловленная природным рельефом географическая разобщенность ретороманцев, проживающих преимущественно в горных долинах, и наличие сразу нескольких письменных вариантов ретороманского языка (сурсельвский, сутсельвский, сурмиранский, верхнеэнгадинский и нижнеэнгадинский). Между этими вариантами имеются значительные фонетические, лексические и грамматические отличия, и носителям различных говоров требуется время, чтобы понять друг друга [Бородина 1969: 10–12].

Частично решить проблему упадка ретороманского языка и разобщенности ретороманцев могло бы наличие единого письменного языка. С 1800 по 1960 гг. были предприняты три такие попытки, которые не увенчались успехом. В 1982 г. цюрихский лингвист Генрих Шмид разработал указания по созданию единого письменного граубюнденского ретороманского языка. Именно его и принято считать создателем *Rumantsch Grischun*. На основе рекомендаций Шмида «Ретороманская лига» (Lia Rumantscha) разработала первый словарь и включила в него некоторые грамматические правила [Сухачев, Горенко 2001: 338]. В 1993 г. был издан известный словарь „Pledari Grond“, доступный с 2006 г. в сети Интернет.

С 1986 г. федеральные документы, обращенные к носителям ретороманского языка и к проживающим на территориях его распространения, печатаются на граубюнденском ретороманском (*Rumantsch Grischun*). В 1999 г. на граубюнденском ретороманском впервые было опубликовано решение суда. В кантоне Граубюнден *Rumantsch Grischun* стал официальным языком 2 июля 1996 г. и используется с 1997 г. При этом носители ретороманского языка могут обращаться к кантональным органам власти на родном языке, т. е. на одном из пяти вариантов ретороманского.

Rumantsch Grischun активно используется в СМИ, в том числе в прессе. В издаваемой ежедневно газете „La Quotidiana“ статьи межрегионального характера печатаются на *Rumantsch Grischun*, а сообщения, связанные с какой-то определенной областью распространения ретороманского языка, на одном из вариантов ретороманского. На телевидении и радио *Rumantsch*

Grischun также используется в официальных письменных сообщениях, в текстах на Интернет-сайте, а также в выпусках новостей.

Но самые оживленные дебаты, посвященные граубюнденскому ретороманскому, связаны с областью образования. Планировалось, что с 2010 г. *Rumantsch Grischun* будет введен в программу первого класса общеобразовательной школы. Подготовка велась с 2004 г.: было проведено обучение преподавателей, а с 2007 г. изучение *Rumantsch Grischun* было запущено в тестовом режиме в нескольких населенных пунктах. Однако данное решение привело к массовым протестам и обращениям в суды и было отменено. Был предложен компромисс: в школах, где языком преподавания является один из пяти вариантов ретороманского, ученики также учатся читать и писать на *Rumantsch Grischun* и овладевают им чаще всего пассивно. В школах, где первым языком был выбран *Rumantsch Grischun*, ученики получают возможность изучить другие варианты ретороманского.

Резюмируя итоги 40-летнего опыта внедрения и использования *Rumantsch Grischun*, приведем результаты социологического опроса, проведенного в 1995 г. Цюрихским институтом социальных исследований (Institut cultur prospectiv). В данном опросе приняли участие 1115 человек. Исследования с подобной выборкой больше не проводились.

- 1) Большинство ретороманцев поддерживает идею единого письменного языка;
- 2) Хотя *Rumantsch Grischun* не получил абсолютного большинства голосов, он был признан лучшим из имеющихся вариантов;
- 3) *Rumantsch Grischun* является не заменой других вариантов ретороманского, а их дополнением;
- 4) Граубюнденский ретороманский должен использоваться только в письменных текстах [Gross 2004: 97].

Литература

- Бородина М. А. Современный литературный ретороманский язык Швейцарии. Л.: Наука, 1969.
- Сухачев Н. Л., Горенко Г. М. Ретороманский язык // Языки мира. Романские языки. М., 2001. С. 335–365.
- Gross M. Romanche. Facts & Figures. Coire, 2004.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТИПА ТЕКСТА «ПРАЗДНИЧНОЕ ТЕЛЕВИЗИОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ»: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

LINGUISTIC AND PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF THE TEXT TYPE “FESTIVE TELEVISION ADDRESS”: LEXICAL ASPECT

Езан Ирина Евгеньевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Рождественские или новогодние обращения — особый тип праздничных речей, поскольку это публичные политические речи, ставшие частью частной и повседневной жизни [Meier-Vieracker 2020]. Праздничные телеобращения глав государств традиционно вызывают неизменный интерес исследователей языка политической коммуникации. В немецкоязычной политической лингвистике существует особая традиция изучения данного типа текста [Holly 1996; Klein 2014; Girnth 2015; Müller-Spitzer/Rüdiger/Wolfer 2022]. С позиций современной российской лингвистики телеобращения традиционно изучаются как один из типичных жанров политической коммуникации (Карасик 2004, Меркурьева 2016 и др.). Кроме того, данный формат предновогодних обращений существует в Федеративной Республике Германия более 70 лет. Федеральный президент Г. Хайнеман (нем. G. Heinemann) в 1970 году впервые выступил с рождественским обращением. Таким образом, президент Г. Хайнеман и канцлер В. Брандт (нем. W. Brandt) отошли от сложившейся с 1949 года практики, согласно которой федеральный канцлер выступал с рождественским обращением, а федеральный президент — с новогодним. С этого момента президент выступает с обращением 25 декабря каждого года, а канцлер — в конце года. Первые новогодние обращения передавались по радио, с 1952 г. послания федерального президента также транслируются по телевидению.

В рамках доклада освещаются лингвистические и междисциплинарные подходы к изучению типа текста «новогоднее/рождественское телеобращение» [Gansel 2011; Klein 2014] с позиций современной немецкоязычной лингвистики текста и дискурса. Основу теоретической части исследования составляет краткий обзор основных направлений исследований современных ученых в данной области, уделяется внимание используемой лингвистической терминологии в парадигмах отечественной и зарубежной лингвистики. Как отмечает Й. Кляйн, в 80-х гг. немецкими лингвистами была предпринята попытка систематизировать типы текстов в политической сфере коммуникации с учетом доминирующей роли прагматической перспективы при создании такого рода текстов [Klein 2014: 153]. Вслед за Й. Кляйном (2014) центральными критериями классификации при описании типа текста «праздничное телеобращение» мы считаем такие категории как «эмитент», «адресат» и «коммуникативная функция». Для решения задач актуального исследования необходимо учитывать и семантические категории, т. е. тему и лексику [Klein 2014: 156–157].

Праздничное телевизионное обращение (нем. Fernsehansprache zum Feiertag), по мнению Й. Кляйна, представляет собой текст среднего объема, передаваемый по телевидению на основе рукописи, зачитываемой с телесуфлера. Эмитентом телеобращения является лицо, занимающее высокую государственную должность (федеральный президент, канцлер, президент бундестага, премьер-министр). Обращение адресовано общественности в лице телевизионной аудитории. Традиционно тема выступления посвящена ретроспективному анализу положения дел. Государственный деятель выражает свое отношение к событиям уходящего года в типичном, связанном с традициями праздника, формате. С учетом данной перспективы политик обращается к политическим событиям и проблемным ситуациям. Говорящий апеллирует в своем выступлении к общественным ценностям и таким образом косвенно рекламирует свою персону и/или политику. К языковым особенностям данного типа текста относятся возвышенный стиль, смягченная тональность и модуляция голоса, обусловленные обстановкой псевдоприватной коммуникации в телевизионных выступлениях (в отличие от выступлений в зале); общепо-

требительная лексика, использование эмоционально-ценностной лексики, свободной от резких выражений и подчеркивающей «позитивные» эмоции [Klein 2014: 191–192]. Материалом исследования послужил корпус текстов шестнадцати новогодних обращений экс-канцлера Федеративной Республики Германии А. Меркель (нем. A. Merkel) в период с 2005 по 2021 гг. (K_1), корпус текстов рождественских обращений федерального президента Ф.-В. Штайнмайера (нем. F.-W. Steinmeier) с 2020 по 2021 гг. (K_2), а также обращения ряда других немецкоязычных политиков. Например, основной корпус текстов дополняет новогоднее обращение федерального президента Австрийской Республики А. Ван дер Беллена (нем. A. Van der Bellen) в 2021 г.

В результате корпусного анализа выявлены частотные лексемы в K_1 и K_2 (в программе Voyant Tools все существительные приводятся со строчной буквы). Приведем сокращенный список частотных лексем из K_1, в который вошли все новогодние обращения А. Меркель: jahr 'год' (116), land 'страна' (75), menschen 'люди' (72), deutschland 'германия' (72), europa 'европа' (49), mitbürgerinnen 'соотечественницы' (42), mitbürger 'соотечественники' (42), welt 'мир' (40), zukunft 'будущее' (32), kraft 'сила' (24), familien 'семьи' (24), familie 'семья' (5), freiheit 'свобода' (19), werte 'ценности' (18), zusammenhalt 'сплоченность' (17), zeit 'время' (16), kinder 'дети' (13), frieden 'мир' (12), demokratie 'демократия' (12), forschung 'исследование' (8), heimat 'родина' (5), vergangenheit 'прошлое' (3). В настоящем исследовании применяется методика лингводискурсивного анализа DIMEAN [Spitzmüller/Warnke 2011]. При этом в фокусе внимания находятся два уровня данной модели: интратекстовый (лексикоориентированный анализ политических ключевых слов) и транстекстовый (дискурсивно-ориентированный анализ социальной символики, идеологии, менталитета и др.). В работе используются методы лингвистического описания, контекстного и корпусного анализа лексики с применением веб-приложения Voyant Tools и аналитического инструмента для корпусного анализа AntConc.

Литература

- Meier-Vieracker S.* Weihnachtsansprachen. Eine mentalitätsgeschichtliche Serie in 70 Folgen // *Weihnachtslinguistik*. Narr Francke Attempto Verlag. 2020. S. 57–67.
- Klein J.* Grundlagen der Politolinguistik. Frank & Timme, 2014.
- Spitzmüller J., Warnke I. H.* Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Berlin; Boston: de Gruyter.

ВЫРАЖЕНИЕ ПОощРЕНИЯ/ ПОПУСТИТЕЛЬСТВА СИНОНИМИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ: СЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Епифанова Валентина Валерьевна

старший преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поощрение действий одного лица другим относится к активной семантической зоне русского и немецкого языков. Данный факт подтверждается наличием большого количества синонимичных слов в обоих языках, выражающих данный тип отношений: ср. русск. поощрять кого-л. (делать что-л.), побуждать кого-л. (делать что-л./ на что-л.), книжн. благоприятствовать кому-л. в чём-л.; подстрекать кого-л. к чему-л. и др.; нем. jmdn. zu etw. anfeuern, animieren, anregen, anstacheln, antreiben, aufstacheln, ermutigen и др. На наш взгляд, подобное многообразие языковых единиц связано, во-первых, с частотой встречаемости данного типа отношений в обоих культурах, а, во-вторых, с многочисленными способами и этапами поощрения действий других людей (с помощью действий или с помощью слов, поощрение начала действия или его продолжения и т. д.). В данном докладе приводятся результаты сопоставительного анализа семантики 50 синонимичных единиц русского и немецкого языков на основе семантической параметризации их значений. Актуальность проводимого исследования определяется неполноценностью имеющихся толковых словарей русского и немецкого языков с точки зрения разграничения синонимов, которые чаще всего толкуются посредством друг друга: ср. anspornen — 1. (dem Pferd) die Sporen geben Die Reiter sport das Pferd an; 2. antreiben, anfeuern, jmdm. einen Ansporn geben (побуждать, подбадривать, поощрять): Der Trainer spornt die Sportlerin zu größeren Leistungen an (Тренер побуждает спортсменку к большим достижениям)... [Duden. Das Universalwörterbuch 2015: 162]. Безусловно, иллюстративные примеры словаря дают более точное понимание семантики слов, однако точного разграничения значений синонимичных слов они, к сожалению, всё же не демонстрируют. Синонимические словари немецкого языка также ограничиваются лишь перечислением синонимических возможностей с указанием их стилистической принадлежности: ср. anspornen: aktivieren, anfeuern, animieren, anregen, Ansporn/ Antrieb geben, anstacheln, antreiben, aufstacheln, ermutigen, inspirieren, motivieren, stimulieren, veranlassen; (geh.) befeuern, beflugeln; (ugs.) auf Touren/ Trab bringen, Dampf machen... [примеры из Duden. Das Synonymwörterbuch, 2014]. Одним из словарей русского языка с наиболее точным толкованием синонимичных слов является «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (2003), где, однако, в силу небольшого объёма словаря и исчерпывающей информации в каждой словарной статье, к сожалению, приведено лишь ограниченное количество русских синонимов. В результате проведённого нами анализа русские и немецкие глаголы, описывающие поощрение действий других лиц, были условно разделены на ряд прототипических ситуаций, включающих модификации различных сем. Данный подход частично основан на способе исследования семантических компонентов синонимичных слов, описанных в [Милославский 2013]. На наш взгляд, такой подход позволяет наглядно продемонстрировать семный состав анализируемых лексем, зоны их пересечения и расхождения: X каузирует Y-а начать делать что-л. хорошее: русск. побуждать кого-л. (делать что-л./ к чему-л.), вдохновлять кого-л. (сделать что-л./ на что-л.), воодушевлять кого-л. (сделать что-л./ на что-л.), способствовать чему-л., стимулировать кого-л. (делать что-л./ к чему-л.); нем. jmdn. zu etw. anregen, jmdn. zu etw. animieren, jmdn. zu etw. anstacheln, jmdn. zu etw. ermuntern, jmdn. zu etw. stimulieren. Приведём несколько примеров использования данных глаголов: Angeregt durch das Beispiel der anderen, machte sie sich an die Arbeit. Воодушевлённая примером других, она приступила к работе. Er hat mich zu einem neuen Vorhaben animiert. Он вдохновил меня на новое начинание. Der Erfolg stimuliert sie zu immer besseren Leistungen. Успех побуждает её достигать всё более высоких результатов. X каузирует Y-а делать что-л. быстрее: русск. подстёгивать кого-л. (делать что-л./ к чему-л.), торопить кого-л. (делать что-л.), разг. подгонять кого-л.; нем. jmdn. zu etw. anspornen, jmdn. zu etw. anstacheln, jmdn. zu etw. antreiben, jmdn. hetzen, umg. jmdm. Dampf machen: Die meiste Zeit muss ich sie antreiben. Большую часть времени мне приходится их подстёгивать. Ständig hetzte er seine Mitarbeiter.

Он постоянно подгонял своих подчинённых. X с помощью действий каузирует Y-а делать что-л. плохое: русск. подталкивать кого-л. к чему-л., провоцировать кого-л. (делать что-л./ на что-л.), подстрекать кого-л. (сделать что-л./ к чему-л.), склонять кого-л. к чему-л.; нем. jmdn. zu etw. ermutigen, jmdn. zu etw. anstiften, jmdn. zu etw. aufhetzen: Ich habe sie dazu ermutigt, die Regeln zu brechen. Я подстрекал её нарушать правила. Er hetzte die Masse zu Gewalttaten auf. Он подстрекал массы к актам насилия и др. Подобный анализ позволяет наглядно увидеть разницу в семантике синонимичных русских и немецких глаголов, описывающих ситуацию поощрения действий других лиц. Полученные результаты могут быть полезными на занятиях по русскому и немецкому языку как неродным, в теории и практике перевода, в практике составления двуязычных словарей и синонимических словарей русского и немецкого языков.

Литература

Милославский И. Г. Говорим правильно по смыслу или по форме? М., 2013.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / *Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, О. Ю. Богуславская* и др. М., 2003.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 8. Auflage, Dudenverlag, Berlin, 2015.

Duden. Das Synonymwörterbuch. Ein Wörterbuch sinnverwandter Wörter, 6. Auflage, Dudenverlag, Berlin, 2014.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ» ПЕРЕВОДЧИКА В ШВЕДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Жильцова Елена Леонидовна

доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В лексике большинства европейских языков имеется достаточно большое количество слов, объединенных общностью происхождения и большей или меньшей близостью звучания и написания. Это так называемая интернациональная лексика [Маслова-Лашанская 2011: 112]. Обычно такие лексические единицы заимствуются в разные языки из одного источника, но в семантическом плане они в каждом отдельном языке нередко развиваются по-разному и имеют свои особенности значения и употребления. Круг интернациональных слов, имеющих семантические различия, в русском и шведском языках достаточно широк. Сами эти различия очень неоднородны и могут быть как полными, когда слова вообще не имеют никаких общих значений, так и частичными, или проявляться только на уровне стилистики или оценочной коннотации. Во всех случаях внешнее сходство таких слов при явных или скрытых расхождениях в семантике может приводить к ошибкам в переводах, поэтому данные лексические единицы часто называют «ложными друзьями переводчика». Наиболее ярким примером «ложных друзей переводчика» являются слова, заимствованные из одного источника и сходные по звучанию, но имеющие в современном шведском и русском языках абсолютно разную семантику: швед. *semester* «отпуск» и рус. семестр «половина учебного года» (от лат. *semestrum* «полугодие»). Однако чаще встречаются интернациональные лексические единицы, семантика которых на первый взгляд кажется близкой, чуть ли не одинаковой, но которые тем не менее имеют разные нюансы значения и при переводе далеко не всегда могут быть полными эквивалентами друг друга.

Между словами — «ложными друзьями переводчика» этого типа, т. е. словами, в той или иной степени обладающими семантическим сходством, могут устанавливаться разные смысловые отношения. Содержание этих отношений зависит от двух основополагающих признаков, по которым близкие по значению слова всё же различаются: это характер понятийного значения (ПЗ) слова и набор его лексикосемантических вариантов (ЛСВ) [Будагов 1971: 364–367].

Различия в наборе ЛСВ интернациональных слов могут быть нескольких типов.

1. Однозначное слово в одном языке, полисемантическое — в другом.

а) Единственное значение слова в русском языке, несколько ЛСВ — в шведском. В паре рус. рента и швед. *ränta* (от нем. *Rente* < *rente* < *reddita* «отданная») моносемантическое русское существительное обозначает регулярно получаемый доход с капитала. Один из двух ЛСВ шведского слова имеет то же значение, которое, однако, является вторичным. Основной же его ЛСВ «процент, процентная ставка (по кредиту)» у русского существительного отсутствует.

б) Одно значение слова в шведском языке, несколько ЛСВ — в русском. Швед. *automat* (от греч. *autómatos* «самодействующий») имеет единственное значение «самодействующий аппарат, производящий определенные операции по заданной программе». Русское существительное автомат имеет это же значение в качестве основного ЛСВ, но, кроме того, обладает еще двумя дополнительными ЛСВ: «автоматическое стрелковое оружие» и «человек, механически действующий по выработанному шаблону».

2. Слова в обоих языках полисемантически и имеют один общий ЛСВ и один или несколько различных. Рус. суверенный и швед. *suverän* (от франц. *souverain*) имеют основной общий ЛСВ «полностью независимый» (обычно о государстве). В то же время русское слово имеет еще ЛСВ «державный, обладающий верховной властью», а шведское — «лучший в своей области».

3. Более общее значение слова в одном языке, более специальное — в другом.

а) Шведское слово имеет более обобщенное значение по сравнению с русским. Так, рус. экстерьер (от франц. *extérieur*) имеет два специализированных терминологических значения: 1. внешний вид здания (архитектурный термин); 2. внешний вид и телосложение животных.

Швед. *exteriör* употребляется в тех же значениях, но имеет еще и более обобщенную семантику «внешность, наружность» и может употребляться, в частности, о человеке.

б) Русское слово имеет более общее значение, а шведское — более специальное. Рус. инвалид (от франц. *invalide* < лат. *invalidus* «нездоровый») обозначает любого человека, утратившего трудоспособность. Швед. *Invalid* употребляется только, когда речь идет о тех, кто получил увечье в результате ранения или травмы, чаще всего во время войны.

4. Слова с различиями в характере понятийного значения. Рассматриваемые слова в русском и шведском языках могут иметь сходное, но не полностью эквивалентное ПЗ. Так, глаголы деградировать и *degradera* (от франц. *dégrader* < лат. *gradus* «ступень») имеют общую сему, обозначая тот или иной процесс ухудшения. Русский глагол имеет значение «приходить в упадок, постепенно ухудшаясь или вырождаясь» и используется, когда речь идет о людях или о каких-то общественных процессах или институтах. Шведский глагол имеет весьма конкретное значение «разжаловать, понизить в чине» или несколько более абстрактное «понизить статус». Нередко наряду с характером ПЗ шведские и русские интернационализмы различаются и своей лексической сочетаемостью. Примером могут служить, в частности, прилагательные швед. *Subtil* «тонкий, едва уловимый» и рус. *субтильный* «тонкий, хрупкий» (от лат. *subtilis*). Русское прилагательное употребляется, когда говорят о хрупкой комплекции человека, и поэтому сочетается только с одушевленными существительными, обозначающими лицо. Шведское прилагательное определяет что-либо неявное, трудно уловимое и употребляется с неодушевленными существительными, имеющими чаще всего абстрактную семантику. Выявление нюансов семантики внешне похожих слов в русском и шведском языках — задача довольно сложная, но вместе с тем необходимая. Семантическое сходство и различие между такого рода словами важно учитывать прежде всего при переводе, а также и при составлении словарей.

Литература

Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка. СПб., 2011.

Будагов Р. А. Несколько замечаний о «ложных друзьях переводчика» // Мастерство перевода. М., 1971.

ЯВЛЕНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РАЗГОВОРНОМ ГАЛИСИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Зернова Елена Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Контакт галисийского языка с кастильским представляет собой достаточно древнее явление, начало которого датируется XIII в., однако лишь к середине XX столетия кастильский язык распространяется в Галисии достаточно широко, преодолевая границы крупных городов и высших слоев общества [Monteagudo 2018: 22] и повсеместно приводя к нарушению нормы в языке-рецепторе, к многочисленным речевым ошибкам.

Современные условия бытования языковой общности Галисии определили такое состояние разговорного галисийского языка, при котором кастильское влияние трудно поставить под сомнение. Оно проявляется на всех уровнях языковой системы, однако в данном докладе будут представлены только наиболее частотные грамматические и лексические интерференционные явления, зафиксированные автором в процессе анализа спонтанной устной речи галисийцев.

Морфологические отклонения, возникшие под воздействием кастильского языка, сводятся прежде всего к смене рода имен существительных. А *costume*, а *nariz*, а *leite*, о *orixe*, о *calor*, о *dor*, о *mensaxe*, о *analise*, а *mel*, о *orixe*, а *costume*, а *sinal*, а *sal* вместо нормативных галисийских о *costume*, о *nariz*, о *leite*, а *orixe*, а *calor*, а *dor*, а *mensaxe*, а *analise*, о *mel*, а *orixe*, о *costume*, о *sinal*, о *sal* зафиксированы в проведенных записях в большом количестве. Достаточно распространены также ненормативные формы ряда неправильных глаголов, воспроизводящие привычные формы испанской глагольной системы: *tendrei* вместо *tereí*, *pondrei* вместо *poreré*, *produxen* вместо *producín*.

В морфосинтаксической области обращает на себя внимание достаточно распространенное в последнее время использование сложных глагольных форм, отсутствующих в галисийской грамматической норме. Так, традиционная синтетическая форма плюсквамперфекта *cantara* начинает заменяться в разговорной речи аналитической формой *había cantado*, а зафиксированные в нашем материале формы *hei feito*, *habería oído* и др. могут служить яркими маркерами перенесения правил кастильской языковой системы на галисийскую. Об этом же свидетельствует ненормативное использование предлога *a* в глагольной конструкции *ir + inf.*: *Imos a facer unha pausa*.

Синтаксис галисийских местоимений подвергается в разговорной речи весьма заметному испанскому влиянию. В соответствии с правилами галисийской грамматики неударные местоименные формы присоединяются к личной форме глагола в виде энклитики, однако одной из заметных тенденций в современном разговорном языке становится их ошибочное препозитивное использование: *Me gustaría mellorar o vocabulario* (норма: *gustaríame*); *che podo contar do meu curmán* (норма: *ródoche*) и т. п. Те же случаи интерференции наблюдаются при употреблении личных форм рефлексивных глаголов, в которых по правилам галисийской грамматики возвратная частица должна занимать постпозицию. В нашем материале, представляющем собой записи спонтанной устной речи галисийской молодежи, препозиция возвратных частиц явно преобладает, например: *Sempre me alegre* (норма: *alégrome*) *moito cando vexo a un cativo falando a nosa lingua*.

Характерное для нормативного галисийского языка слияние неударных форм личных местоимений все чаще игнорируется говорящими под воздействием грамматических норм кастильского, в результате чего вместо *Non mo van permitir* мы фиксируем в спонтанной устной речи *Non me lo van permitir*. Точно так же все чаще нарушается слияние предлогов с артиклем и местоимениями: *Traballaba en una* (норма: *nunha*) *oficina, pero decidín que non podo estar alí de luns a venres. Estudei en esta* (норма: *nesta*) *facultade un semestre, pero despois decidín cambiar a carreira. Chegou de una* (норма: *dunha*) *viaxe moi longa*. Что касается лексического уровня, то проникновение кастильских заимствований в устную молодежную речь становится все более заметным, и галисийская лексическая система гораздо более подвержена любому виду инноваций и внедрению испанизмов, чем грамматика. Это объясняется, в частности, широ-

ким распространением современных видов деятельности, предполагающих общепиренейское распространение, при котором кастильский язык служит неизбежным источником внедрения новых лексем. В собранном языковом материале преобладает прямое перенесение лексем как в исходной кастильской форме, так и с фонетическими и морфологическими изменениями, соответствующими системе галисийского языка: *parexa* вместо *parella*, *xelado* / *xeado*, *elexir* / *elixir*, *viaxero* / *viaxeiro*, *doación* / *doazón*, *entrenamento* / *adestramento*, *pimentos* / *pementos*, *reló* / *reloxo* и т. п. Фонетически адаптированные словоформы могут употребляться как независимо, так и наряду с исходной кастильской лексемой и с нормативной галисийской: *cumpleanos*/ *cumpleaños*/ *aniversario*; *axuntamento*/ *ayuntamiento*/ *concello*; *almexa*/ *almeja*/ *ameixa*.

Практически у всех информантов было зафиксировано тотальное использование следующих кастильских лексем вместо галисийских: *rodilla* (*xeonllo*), *árbol* (*árbore*), *bueno* (*pois*). Как видим, интерференционные явления представлены в разговорном галисийском языке весьма широко, и, судя по всему, на современном этапе их практически невозможно избежать. Однако данная ситуация является закономерной и естественной для любого билингвального сообщества и вряд ли может служить поводом для мрачных прогнозов относительно будущего галисийского языка, тем более что в последнее время Шунта Галисии предпринимает ряд важных шагов на пути поддержания статуса родного языка.

Литература

- Monteagudo H.* *Lingua e Sociedade en Galicia.* 1992–2016.
Santiago de Compostela: Consello da Cultura Galega, 2018.

КАТАЛАНИЗМЫ В ПИСЬМАХ КОЛУМБА: В ПОИСКАХ АРГУМЕНТОВ ДЛЯ «РАЗВЕНЧАННОГО» МИФА

Иванова Анна Викторовна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

В известной биографии Колумба (из серии «Жизнь замечательных людей») видный советский писатель, исследователь истории Испании и Латинской Америки, переводчик Я. М. Свет в главе «Двадцать шесть и одна» приводит краткий обзор «бесповоротно отвергнутых версий о родине и национальном происхождении» первооткрывателя Нового Света. Среди прочих развенчивается миф и о каталанских корнях великого адмирала. Известный историк и переводчик относит аргументы сторонников «каталонской гипотезы» к категории «лингвистических домыслов»: «...в письмах и маргиналиях Колумба (как правило, писал он по-кастильски или на латыни) выискивались слова и обороты, якобы присущие «искомым» языкам, и на этом основании делались нужные выводы» [Свет 1973: 29].

К сожалению, конкретных примеров таких «лингвистических домыслов» в книге нет, возможно, в силу формата издания, адресованного широкому кругу читателей. Тем не менее, восстанавливая историческую справедливость, мы попытались хотя бы в общих чертах охарактеризовать аргументы зарубежных ученых, изучавших вопрос с точки зрения языковых особенностей эпистолярного наследия Колумба, учитывая, что на русском языке эти исследования никогда не публиковались.

В материалах доклада рассматривается лингвистическая составляющая аргументации в рамках дискуссионного вопроса о каталанском, а не генуэзском происхождении Христофора Колумба. Эта гипотеза неоднократно выдвигалась не только каталанскими исследователями (среди них: перуанец каталонского происхождения Луис Ульоа, Жорди Бильбень, Жуан (Нито) Вердера и др.), в объективности которых можно было бы усомниться, учитывая политический подтекст в поисках еще одного оплота национальной идентичности, но и специалистами других стран (профессор Джорджтаунского университета Эстелла Иризарри, Дж. Мерил Чарльз и др.), которых гораздо сложнее упрекнуть в историческом шовинизме.

Общим местом концепций сторонников «каталонской гипотезы» является утверждение о том, что исторической фальсификацией была как раз не последняя, а наиболее общепринятая версия о генуэзском происхождении Колумба. Причины скрывать истинное происхождение первооткрывателя Нового Света были у обеих заинтересованных сторон и обусловлены они были, главным образом, тем, что Каталония

всегда находилась в оппозиции к власти. Известно, что в силу этих обстоятельств католические короли Кастилии и Арагона впоследствии не подпускали каталонцев к колониальной эпопее завоевания Нового Света, поэтому не удивительно, что свидетельства присутствия каталонцев в составе экспедиций к новым землям встречаются в исторических документах лишь спорадически, а в числе руководящих лиц не упоминаются вовсе. Между тем, каталонцы были одними из лучших мореходов западного Средиземноморья того времени, с успехом господствовали над громадным бассейном, так называемого, *Mare Nostrum*, ограниченным Балеарскими островами, Корсикой, Сардинией и Африкой. Барселона оспаривала у итальянских республик владычество над Средиземным морем и заставила все торговые нации принять ее морской кодекс (кат. *Llibre del Consolat del mar*), регулировавший морскую торговлю и жизнь в регионе. Колумб-каталонец мог быть отличным знатоком морского дела, готовым к долгим и опасным испытаниям на пути к неизвестным берегам. Более того, согласно многочисленным работам Ж. Бильбена (см., например, [Bilbeny, 1999]), Жоан Колом (предполагаемое настоящее имя Колумба) происходил из знатного каталонского аристократического рода, вращался в самых высоких кругах и мог заручиться поддержкой католических королей для снаряжения экспедиции с гораздо большей вероятностью, чем в случае его плебейского прошлого неизвестного чесальщика шерсти из Генуи. Согласно концепции Э. Иризарри, Колумб был обращенным евреем, в еще большей степени нуждавшемся в том, чтобы скрывать свое сефардское прошлое.

Проведенный профессором Джорджтаунского университета тщательный компаративный анализ лексики, грамматики, орфографии и синтаксиса писем великого мореплавателя, позволил ей квалифицировать язык, на котором они написаны, как «каталанский ладино» [Irizarry 2009: 92]. Общей чертой языка эпистолярного наследия «открывателя Индии» является его более архаичный по сравнению с кастильскими документами того же периода характер. Так, фонологическая инновация в виде достаточно регулярного к концу XV в. ослабления латинского $f > h$, которую часто считают наиболее типичным из всех изменений, способствовавших противопоставлению кастильского остальным романским языкам (А. Алонсо, М. Пидаль и др.), в частности, более консервативным зонам каталанского ареала, в письмах адмирала встречается лишь спорадически. В исследовании Н. Вердеры, утверждается, что в письмах весьма частотны каталанизмы морской тематики, неизвестные до Колумба в испанском языке, согласно этимологическому словарю RAE [Verdera 1994: 298–300]. Там же указывается на совпадение до двадцати названий, данных вновь открытым землям Нового Света, имеющих корреляты с топонимическими единицами Балеарского архипелага (Margalida, Voca de Dragó, Punta de l'Arenal и др.).

Литература

- Свет Я. М. Колумб. (Серия биографий «Жизнь замечательных людей»). М., 1973.
- Bilbeny J. La descoberta catalana d'Amèrica. Una reflexió sobre la manipulació de la Història. Edicions Gargot. 1999.
- Irizarry E. El ADN de los escritos de Cristóbal Colón. Ediciones Puerto, San Juan de Puerto Rico, 2009.
- Verdera N. *Cristóbal Colón, catalanoparlante: castellano, portugues, Genove s e italiano, descartados como lengua materna del descubridor de América*. Editorial Mediterrania-Eivissa, 1994.

КОМПЛЕКСНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КИНЕСИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ЛИЛА, ЛИЛА» МАРТИНА СУТЕРА)

COMPREHENSIVE CHARACTERISATION OF THE KINESIC BEHAVIOUR OF A LITERARY CHARACTER ("LILA, LILA" BY MARTIN SUTER)

Карпенко Елена Игоревна

доцент, Московский государственный лингвистический университет

Кусакина Дарья Алексеевна

магистрант, Московский государственный лингвистический университет

Кинесика представляет собой большую область исследований в различных сферах: политике, науке, психологии и т. д. Кинесика присутствует во всех сферах, где общение происходит не только вербально, но и невербально. Необходимость изучения невербальных средств общения возникает в связи с тем, что невербальные средства являются как дополнением к вербальным, так и самостоятельными носителями информации и поэтому представляются важными для решения конкретной коммуникативной задачи. Поэтому изучение вербальных и невербальных средств общения в литературных произведениях одинаково важно, так как они способствуют успеху коммуникации между автором и читателем [Royatos 2013: 287–288]. Термин «кинесика» был введен Бердвистелом в 1970 году и является общепринятым термином для изучения движений тела и визуальных аспектов невербального поведения, межличностного общения. Невербальное поведение включает в себя мимику, жесты, зрительный контакт, пантомимику, паравербальные средства, проксемику и экспрессию [Birdwhistell 1970: 208].

Предметом данного исследования являются вербализованные проявления кинесики, которые можно увидеть в двигательном поведении персонажей романа «Лила, Лила» швейцарского автора Мартина Сутера. Автор делает акцент на описании персонажей, в том числе через их общение между собой. По этой причине важно проанализировать невербальные средства общения в диалогах персонажей. Поскольку в романе более сотни вербализованных средств описания кинесического поведения, представляется также возможным их классифицировать, что может задать некоторую систему в анализе поведения, характера и личности персонажей.

В ходе исследования решались следующие задачи: систематизировались вербализованные примеры кинесики; анализировались формы вербализации движений; определялся преобладающий тип кинесического поведения; отслеживалась степень оригинальности жестов (рекуррентные/индивидуальные). При анализе материала были использованы следующие методы: лингвостилистический анализ вербализованных форм кинесики, количественный и культурно-специфический анализ существующих примеров. Количественный анализ показывает, что из всех кинесических форм поведения наиболее распространенными являются жесты. Проанализированные жесты можно классифицировать по их составляющим, например. Существуют жесты с такими компонентами, как «рука» (нем. Hand, Arm), «плечи» (нем. Schultern), «пальцы» (нем. Finger), «большой палец» (нем. Daumen), причем преобладают жесты рук. Примечательно также, что жест плеча («пожать плечами», нем. Schultern heben, Schultern zucken, для выражения незнания, неуверенности) встречается только у главного героя, что полностью соответствует его личности. Более того, рекуррентные жесты встречаются чаще, чем индивидуальные. В данном случае наиболее удачной классификацией является типология, предложенная П. Экманом и У. Фризенем, которая включает 4 типа жестов: эмблемы, регуляторы, иллюстраторы и адаптеры [Ekman, Friesen 1969: 63–91].

Следующий пример демонстрирует комбинацию нескольких кинесических проявлений: „Und als sie wieder verneinte, legte er die Stirn in Falten, ließ die Hände vor der Brust hängen und legte den Kopf schräg, wie ein bettelndes Hündchen.“ [M. Suter. Lila, Lila] «И когда она снова отказалась, он нахмурился, свесил руки на груди и наклонил голову, как щенок, который попрошайничает».

В этой части Джеки встречает Мари на ее работе в «Корифее». Мари не любит Джеки, потому что он вмешивается в ее жизнь с Давидом. Джеки приглашает Мари в бар, но она отказывается. Одним из проявлений кинесики, изображенной в данном примере, является пантомимика. Если рассматривать классификацию Мюллер по типам репрезентации жестов (*modes of representation*), то эту позу можно отнести к «*representing mode*», то есть вся поза изображает объект [Müller 2014: 1691]. Важно проанализировать каждый компонент этой позы, потому что каждая деталь позволяет читателю представить себе позу такой, какой она была задумана автором. «Сморщенный лоб» является проявлением мимики. Сравнение с собакой предполагает, что линии на лбу появились в результате поднятых бровей, что является выражением просьбы или даже мольбы. Следующий компонент позы — свисающие на груди руки. Сравнение с собакой позволяет нам представить две руки, ладони которых обращены внутрь, а пальцы свисают вниз, напоминая собачьи лапы. Голова, лежащая на боку, также соответствует всей позе. В этом случае нам помогает контекст. Джеки и Мари разделены оконным стеклом, поэтому их общение в данном случае происходит невербально, что позволяет предположить, что Джеки поддерживает зрительный контакт с Мари, чтобы усилить эффект от своей позы.

Таким образом, данный пример кинесического поведения включает в себя несколько видов кинесики (мимика, жесты, поза головы, зрительный контакт) и подкреплен сравнительной конструкцией, которая подсказывает читателю саму позу и ее функцию. Стоит также отметить, что для Джеки характерна некоторая наигранность не только в движениях и речи, но и в поведении в целом. Эта поза соответствует присущей ему наигранности и поэтому может считаться характерной чертой литературного портрета персонажа.

Литература

- Birdwhistell R. L.* Kinesics and Context: Essays on Body Motion Communication. University of Pennsylvania Press, 1970.
- Ekman P., Friesen W. V.* The Repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage, and coding // *Semiotica*. 1969. 1 (1): 63–91.
- Müller, Cornelia*. 128. Gestural modes of representation as techniques of depiction // Müller, Cienki, Fricke, Ladewig, McNeill, Bressemer (eds.). *Body-Language-Communication (HSK 38.2)*. Berlin, Boston, 2014. P. 1687–1702.
- Poyatos, Fernando*. 18. Body gestures, manners, and postures in literature // Volume 1, edited by Cornelia Müller, Alan Cienki, Ellen Fricke, Silva Ladewig, David McNeill and Sedinha Tessororf. Berlin, Boston, 2013. P. 287–288.

ТЕРМИН PATCH В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ИЛИ МЕЖСИСТЕМНОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ?

THE TERM PATCH IN GERMAN: INTER-LINGUAL OR INTER-SYSTEMIC BORROWING?

Ковтунова Елена Анатольевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Заимствование является одним из наиболее продуктивных способов образования терминов в современном немецком языке. При этом в терминоведении принято отличать межъязыковое заимствование (заимствование иноязычных лексем и терминологических элементов) от межсистемного заимствования лексем, когда речь идёт об их переходе из общелитературного языка в какую-либо терминологию или из одной терминологии в другую [Гринёва-Гриневиц 2008: 123]. Однако, как показывают примеры адаптации заимствованных терминов, оба процесса могут продуктивно дополнять друг друга.

Интерес представляет «этап дальнейшего развития заимствования», который может быть связан с различными семантическими сдвигами, развитием деривационных возможностей [Гринёва-Гриневиц 2008: 159]. Последствия появления заимствований из других языков в конкретной терминологии могут проявляться не только в рамках одной специальной сферы заимствующего языка, но и в смежных специальных областях, а также в общелитературном языке. Показательным следствием терминологического заимствования можно считать развитие внутрителинологической и общезыковой синонимии и полисемии.

Наше исследование фокусируется на заимствовании терминов ИТ-сферы из английского языка в немецкий. В данной сфере, как и во многих других, имеет место интернационализация англо-американских терминов, что облегчает профессиональную ИТ-коммуникацию.

В последнее время отдельно на материале разных языков изучается терминология Интернета, возникшая на основе терминологии электронно-вычислительной техники. «Имеются данные, что немецкая терминология электронно-вычислительной техники хотя и включала в свой словарный состав англицизмы, однако их количество не было столь значительным, как в современной немецкой терминологии Интернета» [Шумайлова 2010: 119]. Поскольку в немецком языке уже была сформирована и функционировала национальная терминология в сфере электронно-вычислительной техники, то, по мнению учёных, процесс вхождения и ассимиляции новых заимствованных терминов протекает довольно легко. Причинами проникновения англо-американских заимствований в сферу ИТ могут быть потребность в заполнении лакун, генетическое родство языков, стремление к устранению омонимии и полисемии и др. [Там же].

Рассмотрим лексему Patch. На словарно-корпусной платформе DWDS данная лемма кодифицирована с несколькими значениями. В качестве первого (наиболее частотного) значения приводится специальное, соотносимое с ИТ-сферой: '[Informations- und Telekommunikationstechnik] Code, der nachträglich in ein Betriebssystem, Anwendungsprogramm o. Ä. eingefügt wird (oft mit Hilfe eines Installationsprogramms), um Fehler und Lücken in dieser Software zu beheben' [DWDS]. В данном случае мы имеем дело с ИТ-термином, который на русский язык можно перевести как «программа-корректор». Словарь указывает в рамках семантики ИТ также устойчивое выражение (коллокацию) einen Patch installieren. Второе и третье значения относятся к специальным сферам «текстильное производство» и «медицина»: '[Textilwesen] Synonym zu Aufnäher', '[Medizin] kleineres Implantat, das zur Schließung chirurgischer Öffnungen oder der Erweiterung eines Blutgefäßes eingesetzt wird'. И, наконец, четвёртое значение (по DWDS) — общезыковое, немаркированное 'Pflaster für besondere Verwendungszwecke'.

В этимологической зоне (Herkunft) указан язык-источник: aus patch engl 'Flicken, Aufnäher, Korrektur' [DWDS]. Если посмотреть историю кодификации данной лексемы в немецких словарях, то сначала она была зафиксирована в словаре Duden „Das große Wörterbuch der deutschen Sprache“ в 10 томах в 1999 г. в специальном медицинском значении 'Hautstück, das als Implantat od. Transplantat zur Abdeckung von Weichteil- od. Blutgefäßdefekten dient' [Duden]. В более ранних

изданиях Duden (например, Duden „Das große Wörterbuch der deutschen Sprache“ в 6 томах 1980 года) данная лемма отсутствует. Таким образом, можно примерно определить время появления медицинского термина в немецком языке — 80-е–90-е гг. Таким образом, вероятно, данная заимствованная лексема стала частью IT-терминологии уже в 2000-е гг., в то время как медицинский термин уже функционировал. Что же касается появления текстильного термина Patch, то здесь также наблюдается более поздняя фиксация.

Если обратиться к синонимичной исконной лексеме с подобной семантикой *Flicken*, то здесь очевидно имел место метафорический перенос (семантическое терминообразование). На DWDS у леммы *Flicken* зафиксировано два значения: ‘Textilwesen Stück Stoff, Leder, Gummi o. Ä. zum Ausbessern’ и ‘[Medizin] Synonym zu Patch’ [DWDS]. Первична здесь, безусловно, текстильная сфера, медицина вторична. В IT-коммуникации исконно немецкая лексема не функционирует.

Словарные данные позволяют говорить, с одной стороны, об общеязыковой полисемии заимствованной лексемы Patch. С другой стороны, с точки зрения терминоведения, речь идёт о терминологической омонимии, поскольку в рамках указанных терминологий, по-видимому, имеет место однозначность. Вместе с тем заимствование Patch пополнило ряды синонимов как в области медицины, так и в текстильной сфере.

На примере одного заимствования нам удалось проследить процессы межъязыкового и межсистемного заимствования, а также сопутствующее развитие полисемии и синонимии.

Литература

Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение. М., 2008.

Шумайлова М. С. Причины заимствования англо-американских терминов и их ассимиляция в немецкой терминологии Интернета // Омский научный вестник. 2010. № 5 (91): 118–121.

Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache // zehn Bänden. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1999.

DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de.

ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА В ИСПАНСКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ: ПАРАДОКСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОПИСАНИЯ

DISCOURSE MARKERS IN SPANISH AND PORTUGUESE: PARADOXES OF STUDYING AND DESCRIBING THE PHENOMENON

Кутькова Анастасия Владимировна

старший преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Характерной чертой как испанского, так и португальского языков является разнообразие и частотность в речи дискурсивных слов.

Поясним эту мысль при помощи примеров:

- (1) B: **Bueno, es que eso...** en realidad es lo que se pide, **¿no?** Hace mucho tiempo que se celebraba la fiesta del árbol, ¿les han dado el folletito?

C: Sí.

A: Tenemos ahí los libros que ahora se les repartiremos después a los que no le tengan.

B: **Vale. Pues...** digo que cuando se... se inició la fiesta del árbol se hacía y yo creo que... que alguno de ustedes participó en ella, **¿no?** [CORPES XXI]

- (2) A: o pai trabalha, a mãe trabalha, os filhos ficam abandonados, **não é**, eles **lá** já se habituam a preparar os seus alimentos, etc., etc., tudo coisas que no meu tempo nunca acontecia, **não é**, e **enfim**, a, a, a mentalidade agora é diferente porque também a vida é completamente diferente da que eu fui criada.

B: **claro.**

A: completamente diferente. de maneira que, **olhe**, temos de s[...], de andar com os tempos, mas **olhe** que escandaliza muito. esc[...], é verdade.

B: faço ideia. faço ideia.

A: escandaliza, escandaliza. **lá, olhe**, na, na, no meu tempo, Deus me livre. **então!** [Português Fundamental]

Перед нами фрагменты записи не связанных между собой спонтанных диалогов на испанском и португальском языках. Жирным шрифтом в них выделены те элементы, которые в современной лингвистической литературе называются, среди прочего, дискурсивными словами (ДС).

Они попадают как в сферу традиционных интересов лингвистики, в качестве особого рода лексических единиц, так и в сферу ее актуальных интересов, связанных со структурой текста, устройством дискурса, изучением звучащей речи. Кроме того, ДС наглядно демонстрируют различные функции языка: коммуникативную, фактическую, экспрессивную и т. д. И наконец, в ДС сконцентрировано множество уникальных, лингвоспецифичных свойств.

Как видно из примеров, ДС не входят в структуру пропозиционального содержания высказывания, не являются членами предложения в традиционном понимании и не могут исследоваться как носители определенных морфологических категорий. Они не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения непредметны, поэтому их можно изучать только через их употребление, то есть критерием выделения ДС в особую самостоятельную группу является функциональный критерий.

ДС выполняют в диалоге коммуникативные, а не номинативные и не оценочные функции. Их использование позволяет обеспечить оптимальное развитие диалога, то есть правильную интерпретацию слушающим высказываний говорящего, что, в свою очередь, необходимо для достижения стоящих перед участниками коммуникативных целей.

ДС — обязательные дискурсивные элементы, без которых речь звучит не только сухо, но и искусственно.

Хотя этот пласт лексики, как правило, отсутствует в учебниках иностранного языка, мы слышим ее каждый день, находясь в стране изучаемого языка или когда смотрим фильмы, разговариваем с носителями языка или читаем художественные тексты, имитирующие живой спонтанный диалог.

В обыденном представлении ДС до сих пор нередко числятся словесным мусором, в котором никакого нет смысла и который допустим разве что в обиходной речи. Нередко использование ДС считают проявлением бедности речи. Об этом свидетельствуют такие связанные с ними номинации, как *muletilla*, *redundancia*, *bordão*, *muleta de discurso*, *vício de linguagem*, *слово-паразит* и др.

Описание ДС осложнено их многозначностью и тем, что их значение зависит от интонации, мимики, их невозможно вычленишь из контекста, разнообразие их вариаций впечатляет.

И в то же время существуют целые предложения, составленные из одних ДС. И они вполне понятны, даже без контекста (Vale; ¡Hombre!; Venga; Pois; Ера́; Ai é?). Вместе с тем тезис о влиянии контекста остается неоспоримым.

При переводе многие ДС просто опускаются, при этом, как правило, не кажется, что смысл отдельной фразы от этого существенно меняется. Однако текст в целом утрачивает свою специфическую тональность, которая в значительной степени и определяет индивидуальность исследуемого языка.

В лингвистической типологии отмечено, что кол-во ДС — это важный признак, противопоставляющий одни языки другим. И затрудняющий перевод ДС без потери смысла.

Известно, что обилие, пестрота, разнообразие ДС, частотность их в речи — характерные черты русского языка. В испанском и португальском языках их сравнительно меньше. При сопоставлении испанского и португальского по разнообразию ДС, их частотности в речи, то некоторый перевес будет на стороне испанского языка.

При описании ДС отдельного языка необходимо давать им полноценное толкование, которое позволило бы объяснить парадоксальные на первый взгляд смысловые эффекты, возникающие в различных контекстах.

Литература

- Гуревич Д. Л. Речевые слова в португальском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Кибрик А. А., Подлеская В. И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования: сб. науч. трудов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». Вып. 1. С. 138–158.
- Киселева К. Л., Пайар Д. (ред.) Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998.
- Колесникова С. М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции. М.: Флинта, 2013.
- Кутькова А. В. Речевые стереотипы как средство поддержания контакта (на материале пиренейского варианта португальского языка). Дис. канд. филол. наук. М., 2006.
- Левонтина И. Б. Семантика и прагматика русских диалогических частиц. URL: rus.1sept.ru/article.php?ID=200404502 (дата обращения: 17.01.2023).
- Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985.
- Николаева Т. М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Плунгян В. Дискурсивные слова. Ну, вот, кстати, однако // Новая газета. № 14. 2012.
- Português Fundamental — *Bacelar do Nascimento, Maria Fernanda / Garcia Marques, Maria Lúcia / Segura da Cruz, Maria Luísa*. Português Fundamental. Vol. II, Métodos e Documentos, tomo 1, Inquérito de Frequência. Lisboa: Instituto Nacional de Investigação Científica / Centro de Linguística da Universidade de Lisboa, 1987.
- Cascón Martín E. Español coloquial. Rasgos, formas y fraseología de la lengua diaria. Madrid, Edinumen, 2013.

- Daniela D.* Interjeição. URL: <https://www.todamateria.com.br/interjeicao/> (дата обращения: 17.01.2023).
- Kutkova A.* De la teoría a la práctica: el profesor de lengua ante las fórmulas fáticas // Cuadernos de la ALFAL, Asociación de Lingüística y Filología de América Latina. № 14 (1). С. 130–143.
- Lopes Fávero L. et al.* Perguntas e respostas como mecanismo de coesão e coerência no texto falado // Gramática do português falado / Ataliba Texeira de Castilho, Margarida Basilio (org) Volume IV Estudos descritivos. Marcadores discursivos. — 2012. URL: <https://portugues-fcr.blogspot.com/2012/01/marcadores-discursivos.html> [17.01.2023]
- Portolés J.* Marcadores del discurso, Barcelona, Ariel Letras, 2011.
- CORPES XXI — REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: Banco de datos (CORPES XXI) [en línea]. *Corpus del Español del Siglo XXI (CORPES)*. URL: <http://www.rae.es> (дата обращения: 17.01.2023).
- Silva Teixeira C.F. et al.* Marcadores discursivos na oralidade. URL: <https://ojs.letras.up.pt/index.php/elingUP/article/view/5447> (дата обращения: 17.01.2023).
- Steel B.* Textbook of Colloquial Spanish, Madrid, SGEL, 1985.
- Vigara Tauste A.M.* Morfosintaxis del español coloquial, Madrid, Gredos, 1992.

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В МИКРОБЛОГЕ «ТВИТТЕР»

GENRE-FORMING FEATURES OF INTERNET COMMENTARY: FEATURES OF WRITING IN THE TWITTER MICROBLOG

Кучина Дарья

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе для изучения гибридных признаков устной письменности в качестве теоретической отправной точки будет использована модель, предложенная немецкоязычными исследователями П. Кох и В. Остеррейхером. Они проводят различие между концепцией (Konzeption) и реализацией (Realisierung) языкового высказывания. Реализация (Realisierung) может осуществляться либо фонетически, то есть посредством устной речи, либо графически, то есть посредством письма. Таким образом, это различие касается используемого семиотического модуса (semiotischer Modus), а именно системы знаков. Под концепцией (Konzeption) они подразумевают способ или стиль, а именно то, как сформулировано высказывание, которое может проявлять признаки как устной, так и нормативной письменной речи [Koch, Oesterreicher 2008]. Й. Андруцопулос пишет о том, что было бы очевидным ожидать того, что «phonisch getätigte Äußerungen konzeptionell gesprochen formuliert werden und graphische konzeptionell geschrieben» (фонетические высказывания формулируются концептуально в устной форме, а графические в письменной) [Androutsopoulos 2007: 89]. Однако, он полагает, что следует также учитывать контекст, в котором происходит дискуссия. Коммуникация, реализующаяся в чатах, на различных форумах или в микроблогах, например, в Твиттере, нередко проявляет признаки устной концепции. Однако, и здесь не следует делать обобщений: чат, как коммуникативная форма, подразделяется на разные подвиды, в зависимости от коммуникативной цели [Dürscheid 2016: 380]. Так, в чатах, направленных на поддержку клиентов и оказывающих консультационные услуги, как правило, будут соблюдаться нормы письменной речи. В отличие от тех чатов, чья цель состоит в решении персональных вопросов или установлении личного контакта между пользователями социальной сети, где будет преобладать разговорно-бытовой стиль речи. Кроме того, соответствующая форма коммуникации «чат» или «форум», может определять стиль, в котором коммуниканты будут вести дискуссию. Этот принцип характерен для ситуативного контекста. Отличительные черты устности, по большей части, находят отражение во взаимодействии между знакомыми и друзьями, например, в твиттер-комментариях. Однако, благодаря неформальности общения и разговорному стилю, эти же признаки проявляют себя и в диалогах между незнакомыми людьми, в коммуникативных ситуациях общения, изначально не предполагающих определённой степени близости и доверия между актантами. Следовательно, устность письменного общения также может быть выбрана намеренно для использования в качестве подсказки для контекстуализации [Portmann-Tselikas, Weidacher 2010: 34–41], чтобы показать, как адресант оценивает конкретную ситуацию общения и отношения между людьми, с которыми он общается. Таким образом, возможность выбора между устной и письменной формой выражения является средством, которое можно использовать в определённых медийных и ситуационных условиях, чтобы придать процессу общения определённый характер [Androutsopoulos 2007: 90], например, оно может указывать на неформальный контекст или сигнализировать о знакомстве, даже если это не было задано изначально. Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что причины появления черт концептуальной устности в письменном общении в интернете довольно разнообразны. В любом случае результатом является такой способ формулирования, при котором устная речь имитируется письменными средствами [Schmitz 2015: 47]. Некоторые примеры языковых феноменов, по которым становится очевидной устная речь, будут рассмотрены далее. (1) 11 сент. 2021 г. В ответ @AfDEs gibt allein im Ostteil der «Bunten Republik» genug Beispiele für eigentümliche dt. Spracheigenheiten, ein Besuch in der dt. Kulturstadt «Trähsdn» zum Beispiel verwundert doch jeden «Frangen» oder? (2) 11 Sabine P

for Freedom-not vaccinated@for_sabine·14 сент. 2021 г. В ответ @AfDDie Regeln sind alle Quatsch. Wenn es eine „Pandemie“ GÄBE (es gibt keine!) würde mit diesen „Maßnahmen“ nur eins passieren: wir würden alle abkratzen. Wir haben keine Pandemie В интернет-комментариях микроблога «Твиттер» встречается большое количество акронимов, появление которых обусловлено принципом экономии речевых усилий, который наглядно представлен в одном из проанализированных нами примеров сокращением «dt», расшифровываемым исходя из контекста как «deutsch». В некоторых высказываниях наблюдается также нарушение орфографии GÄBE, выражающееся в написании заглавных букв одной лексической единицы. Это используется для обозначения громкости, т. е. громкого крика. В таком случае можно говорить об эмуляции просодии, которая принимает на себя функцию интонации, громкости и акцента живой речи [Dürscheid, Frick 2016: 96]. Поскольку просодические свойства высказываний (например, интонация, громкость и т. д.) как акустические явления могут быть реализованы только фонетически, их необходимо имитировать в ходе графической реализации с помощью жирного или цветного шрифта, а также написания заглавных букв. Помимо перечисленных признаков в некоторых случаях происходит уподобление письменных знаков устному произношению «Trähsdn». Диалогичность также является неотъемлемой чертой письменного общения в Интернете. В первую очередь это относится к комментированию в микроблогах. Там наблюдаются способы написания, которые не соответствуют нормам письменной речи.

Литература

- Androutsopoulos J.* Neue Medien — neue Schriftlichkeit? In: Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes. 2007. S. 72–97.
- Dürscheid Ch.* Nähe, Distanz und neue Medien. In: Feilke, Helmuth/Hennig, Mathilde (Hrsg.): Zur Karriere von ‚Nähe und Distanz‘. Rezeption und Diskussion des Koch-Oesterreicher-Modells. Berlin, Boston, 2016. S. 357–385.
- Koch P., Oesterreicher W.* Mündlichkeit und Schriftlichkeit von Texten. In: Janich, Nina (Hrsg.): Textlinguistik. 15 Einführungen. Tübingen, 2008. S. 199–215.
- Marx K., Weidacher G.* Internetlinguistik. Ein Lehr- und Arbeitsbuch. Tübingen, 2014.

МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ МАТЕРИАЛОВ КОРПУСА РАЗНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРИОДОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА TUGEND)

Лазарева Татьяна Андреевна

старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений

Исследование посвящено методам работы с данными корпусов двух периодов истории немецкого языка — средневерхненемецкого и нововверхненемецкого — и о различиях, которые лежат в основе составления и обработки корпуса с точки зрения принципа историзма [Новая философская энциклопедия].

В качестве ресурсов для работы с современным немецким языком используется портал Мангеймского корпуса немецкого языка [DeReKo], а источником материалов для средневерхненемецкого периода служит портал Bibliotheca Augustana [Bibliotheca Augustana].

Заявленная тема не сводится к решению технических вопросов, связанных с обзором ресурсов и способов работы с ними. Проблема обработки лексики в диахронии представляется намного шире, чем оцифровка средневековых источников с учетом их орфографических особенностей, поскольку необходимо принимать во внимание особенности эпохи, в которую создаются исторические тексты.

Принципиальные отличия в содержании понятий освещаются в рамках концепции истории понятий (Begriffsgeschichte), предложенной Р. Козеллеком. Особенно важным представляется «переломный» момент, в который часть абстрактной лексики, значимой для социальной жизни, подвергается переосмыслению, т.е. она начинает описывать не реальное, а потенциальное содержание, необходимое для формирования будущего, которое должно реализоваться благодаря новшествам грядущей эпохи [Koselleck 1995: 113].

Слово Tugend с этой точки зрения переосмыслено не только в XVIII–XIX вв.; уже к началу средневерхненемецкого периода (XI в.) оно претерпело расширение значения, превратившись из обозначения силы и пригодности воина к битве в обозначение совокупности нравственных или придворных добродетелей, что семантически отражено и в конститuentaх поля tugent в средневерхненемецком.

Процесс дальнейшего расширения значения, начавшийся в XIX столетии, не завершен до сих пор, поэтому методологический подход к работе с корпусом XIX–XX веков остается единым, в то время как анализ корпуса средневерхненемецкого периода выполняется более точно в плане морфологии и словообразования, а также установления парадигматических связей внутри поля tugent с учетом таких особенностей, как дискурс и социальная история.

Состав двух корпусов сильно различается по содержанию и объему. В состав средневерхненемецкого корпуса вошли 64 произведения в период с 1070 по 1350 гг., в которых лексема tugent упоминается 1381 раз. В избранном материале можно назвать несколько ключевых дискурсов. Духовная поэзия, изложения Священного Писания, трактаты мистиков и переводы богословской литературы составляют религиозный дискурс; рыцарский роман, эпический роман, миннезанг, кодексы чести, хроники Крестовых походов и войн составляют дискурс придворной культуры. Лексема tugent, таким образом, встречается в таких темах, как жизнь Церкви, мораль и духовная жизнь в рамках религиозного дискурса и нормы поведения, служение, подвиги, любовь, война в рамках дискурса придворной культуры.

Современный корпус охватывает период с 1772 по 2021 гг., включает в себя 78 902 текста, в которых слово Tugend упоминается 95 164 раза. Материал автоматически разделен в общей сложности по 49 тематическим рубрикам. Темы в соответствии с рубриками можно объединить «вручную»: например, Politik: Inland; Politik: Ausland или Kultur: Filme; Kultur: Musik. Тогда можно говорить о 12 укрупненных темах, в число которых вошли: Kultur, Politik, Sport, Wirtschaft-Finanz и ряд других. Эти темы отражают существующие дискурсы, в рамках которых лексема Tugend продолжает свое семантическое развитие: культурный, социальный, политический, спортивный, дискурс развлечений, экономический, технический, научный, дискурс здоровья и питания, экологии, и пр.

Различия в объемах и содержании двух корпусов обуславливают необходимость применения принципа историзма при исследовании лексики обеих эпох, а также анализ не только лингвистических параметров, но и социально-исторического фона создания текстов. Такой подход предполагает следующие способы обработки данных: подсчет частотности словесного окружения лексемы *Tugend* с помощью инструментов электронного корпуса для установления ее семантической эволюции в каждом дискурсе; анализ лексической семантики, обусловленной не только внутренней формой слова, которая важна в свн. корпусе и утрачивает значение в нвн. (при помощи компонентного и морфологического анализа), но и меняющейся под влиянием смены дискурсов (при помощи составления семантического поля и анализа его конститuentов).

Литература

Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten, Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. S. 107–143.

DeReKo. URL: <https://www.ids-mannheim.de/digspra/kl/projekte/korpora/>

Bibliotheca Augustana. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/d_chrono.html

Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about>

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ МЕМУАРОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Максимова Виктория Вячеславовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Вторая мировая война закончилась почти семьдесят лет назад, но до сих пор многие ее страницы остаются в тени. Актуальность выбранной темы заключается в том, что изучение немецких военных мемуаров несомненно важно для составления полной картины событий Второй мировой войны. Только поняв мировоззрение, идеологию и мотивацию обеих сторон конфликта, можно судить о нем с критической точки зрения, и мемуары немецких солдат и офицеров несомненно играют существенную роль в таком подходе. Военные мемуары представляют собой многогранные и, как правило, объемные произведения, поэтому для их анализа нужны особые подходы, с помощью которых можно выделить основные лингвистические и экстралингвистические черты. В рамках заявленной темы будет проведено исследование одного существенного аспекта военных мемуаров — ключевых слов. В качестве особых лексических единиц, выражающих основное содержание и обладающих четким и точным языковым обозначением, ключевые слова играют важную роль в коммуникации и имеют значительное воздействие на реципиентов [Wanzeck 2010: 183]. В то же время происходит увеличение значения роли «наблюдателя» дискурса, который посредством ключевых слов интерпретирует процесс коммуникации или описываемый исторический период. Ключевые слова являются элементами дискурса, которые структурируют его, выражая при этом идеи определенной группы или периода [Liebert 194: 64]. Риторический эффект ключевых слов заключается в том, что во взаимодействии они создают впечатление точного описания конкретного предмета или явления [Northdurft 1996: 415]. Ключевые слова наиболее значимы для интерпретации текста. Они составляют основу авторской идеи и отличаются высокой частотностью употребления. Отличительными чертами ключевых слов выступает не только их прагматический потенциал, но и дискурсивный характер. Дикманн подчёркивает, что сама по себе лексическая единица не может считаться ключевым словом, ее принадлежность к данному классу лексики определяется только в контексте употребления [Dieckmann 1975: 102]. Анализируя ключевые слова военных мемуаров, можно получить своеобразный код текста, где будут содержаться основные интенции автора, и проследить не только важные моменты военной кампании и связанные с ними коннотации, но и сделать вывод о роли автора мемуаров в военной парадигме и о его отношении к отражаемой в них реальности, конструируемой по большей части с помощью ключевых слов. В качестве практического материала были выбраны воспоминания двух немецких главнокомандующих — гросс-адмирала Карла Деница и фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Авторы, непосредственные участники событий, рассматривают ход военной кампании, анализируют отдельные операции и дают оценку действиям немецкой армии. Так как Дениц и Манштейн представляют разные рода войск (флот и сухопутные войска), помимо общего анализа характерных для выбранных мемуаров ключевых слов ставится задача по их сравнению. В ходе исследования, проведенного с помощью корпусного анализа (<https://www.sketchengine.eu/>), были выявлены ранжированные по частоте употребления ключевые слова. Основную часть ключевых слов составляют военные термины — как правило, они представляют собой композиты. В мемуарах Манштейна, руководившего по большей части танковыми операциями, чаще всего встречаются композиты, имеющие в своем составе слово Panzer (Panzerarmee, Panzerdivision, Panzerkorps, Panzerkraft, Panzerangriff). В мемуарах гросс-адмирала Деница, который до 1943 года командовал подводным флотом, часто фигурируют композиты с термином U-Boot (U-Bootführung, U-Bootkrieg, U-Bootwaffe, U-Bootbau, U-Bootgruppe). В обоих произведениях в качестве ключевых слов встречаются аббревиатуры, что объясняется стремлением по-военному четко и кратко обозначить предмет или явление. В мемуарах Манштейна фигурируют следующие аббревиатуры: ОКН (Oberkommando des Heeres), АОК (Artilleriekommandeur), АК (Armeekorps), гросс-адмирал Дениц часто упоминает BdU (Befehlshaber der U-Boote) и BRT (Bruttoregistertonne). Топонимы,

относящиеся к разным театрам военных действий, также становятся ключевыми словами для мемуаров. Разный характер ведения боевых действий на суше и на море отражается в наборе топонимов. Например, для Манштейна, командующего сухопутными силами, предельно важно обозначить, где находилась линия фронта. Как правило, она проходила по определенным городам, а также вдоль рек, поэтому в мемуарах немецкого фельдмаршала часто встречаются подобные топонимы: Dnjepr, Donez, Charkow, Sewastopol. Морские военные операции отличаются непостоянной линией фронта, а зачастую и ее отсутствием. Карл Дениц был сторонником тактики «волчьих стай» — подводные лодки становились свободными охотниками, не зависящими от четкой линии боевых действий. Поэтому в мемуарах гросс-адмирала не так много топонимов: Biskaya, Nordatlantik, Gibraltar. Зачастую автор обозначает радиус проведения военных операций такими ключевыми словами, как Seeraum и Seegebiet (оба термина можно перевести словом акватория). Нередко в качестве ключевых слов выступают и имена собственные — и Манштейн, и Дениц упоминают Гитлера в связи с общим планированием войны, так как именно он являлся Верховным Главнокомандующим. Акторами выступают также фельдмаршалы и генералы, включенные в конкретный контекст. Примечательно, что в мемуарах Манштейна часто встречается фамилия Сталина, так как большую часть времени фельдмаршал провел на Восточном фронте, а у Деница фигурирует Черчилль — немецкие подводные лодки вели в Атлантике войну преимущественно против флота «владычицы морей». Таким образом, в ходе корпусного анализа выявлены характерные для военных мемуаров ключевые слова, а также проведено сравнение набора ключевых слов в воспоминаниях командующего подводным флотом и командующего сухопутными силами. Подобный анализ может внести свой вклад не только в изучение лингво-водискурсивных особенностей военных мемуаров, но и в междисциплинарные исследования.

Литература

Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache; mit einem Literaturbericht zur 2. Aufl. 1975.

ВОЗМОЖНОСТИ СЛОВОПРОИЗВОДСТВА ОТ КОРНЕВЫХ СЛОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА С ГЕНДЕРНОЙ СЕМАНТИКОЙ

Мельгунова Анна Владиславовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Основные слова немецкого языка с гендерной семантикой по своей структуре относятся к корневым. Интересно проанализировать возможность их участия в словообразовательных процессах, а именно — в словопроизводстве и определить, какими значениями обладают производные от них лексические единицы. Не будет учитываться словосложение — наиболее частотный способ словообразования, в котором задействован практически весь словарный состав языка. Предмет рассмотрения мы ограничим четырьмя словами, два из которых обозначают лиц женского пола: *die Frau* ‘женщина, жена, госпожа’, *das Weib* ‘женщина, баба’, а два других — лиц мужского пола: *der Mann* ‘мужчина, муж’, *der Herr* ‘господин, мужчина’. В первую очередь отметим возможность образования других имён существительных от перечисленных выше слов. Словопроизводство в данном случае представляет собой случаи суффиксации, префиксация не характерна. Прежде всего можно вспомнить о том, что уменьшительные суффиксы способны присоединяться к самым разным существительным. Какие значения будут получать производные от интересующей нас лексики слова?

Слова, образованные при помощи суффикса *-lein*, есть от всех перечисленных существительных. В трёх случаях (за исключением *das Weib*, которое изначально относилось к среднему роду) в производном слове происходит изменение рода — с мужского и женского на средний. Род лексических единиц с антропонимическим значением иногда не соответствует биологическому полу обозначаемого словом человека. Причина может быть формально-грамматической — использование уменьшительно-ласкательных суффиксов [Нефёдов 2018: 142]. Данные слова обладают следующими значениями: *das Fräulein* ‘девушка (также обращение к персоналу в сфере обслуживания), госпожа (устаревшее обращение к незамужней женщине)’, *das Weiblein* ‘старушка, шутл. женщина’, *das Männlein* ‘паренёк, человечек’, а также устаревшее *das Herrlein* ‘молодой господин’. Можно отметить, что семантика уменьшительности иногда проявляется в обозначении молодости именуемого лица. Слово с уменьшительным суффиксом *-erl* — *das Weiberl* относится к австрийскому варианту немецкого языка и является фамильярно-разговорным обозначением женщины. Если упомянутые выше случаи представляют собой обозначения людей, то в случае словопроизводства с суффиксом *-chen* наблюдается большее разнообразие: *das Weibchen* и *das Männchen* используются как биологические термины и обозначают, соответственно, самок и самцов животных. Данные слова обладают и другими значениями: первое — ‘старушка, жёнушка’, а второе — ‘человечек, муженёк’.

Слова *das Frauchen* и *das Herrchen* также приобретают интересные значения — ‘хозяйка/хозяин собаки’. При этом первое слово имеет ещё два значения — ‘невысокая (старая) женщина, (фам.) женщина’, а второму полисемия не свойственна. Словарь даёт для одного из значений слова *Frauchen* следующую дефиницию: *Herrin des Hundes* и приводит синонимы *die Hundebesitzerin*, *die Hundehalterin* ‘владелица/держательница собаки’; аналогично для соответствующего обозначения мужчины [Digitales Wörterbuch]. В данном случае, как нам кажется, имеет место использование гипонима для пояснения значения слова в словаре, что, скорее, не очень типично [Мельгунова 2021: 2790] — дело в том, что в современном немецком языке данные слова используются и для обозначения владельцев других животных — в особенности кошек. Можно предположить, что со временем словари будут более широко трактовать значение этих слов.

Кроме присоединения уменьшительных суффиксов есть несколько случаев использования суффиксов лиц. Например, суффикс, обозначающий лиц женского пола *-in* фигурирует в слове *die Herrin* ‘госпожа, хозяйка’. Менее вероятно присоединение суффикса *-in* к слову *der Mann*. Это возможно только со словами, в которых *-mann* является полусуффиксом. И хотя, казалось бы, странно снабжать такое «мужское» слово женским окончанием, в давние времена к титу-

лу мужчины прибавляли суффикс для обозначения его жены — *die Amtmännin* ‘жена чиновника’ и т.п.; также и в современном языке существуют слова со схожей структурой, как *die Landsmännin* ‘соотечественница’ [Бергер 1996: 90-93]. В отдельных суффиксальных образованиях — например, с суффиксом *-er* слова гендерной семантики могут фигурировать в форме множественного числа: *der Weiberer* (австр., фамильярн.) ‘бабник’. Кроме этого можно отметить наличие производных слов с суффиксом *-schaft*. *Die Herrschaft* обладает как абстрактным значением ‘господство’, так и собирательным (при использовании во множественном числе) ‘дамы и господа’. К собирательным принадлежит также *die Mannschaft* ‘команда (прежде всего спортивная)’ и *die Frauschaft*, последнее из которых относится к новым словам и обозначает аналогичный женский коллектив. В немецком языке есть также имена прилагательные, образованные от рассмотренных слов — прежде всего с суффиксом *-lich*, а также *-isch*: *weiblich* ‘женский, женственный’, *männlich* ‘мужской, мужественный’, *fraulich* ‘женственный’, *herrisch* ‘властный, повелительный’. При этом два первых прилагательных обладают также терминологическими значениями в лингвистике, например: *das weibliche Geschlecht* ‘женский род’, *ein männlicher Reim* ‘мужская рифма’. Таким образом, можно сделать вывод, что возможности словопроизводства здесь ограничены немногочисленными суффиксами, однако подобной производной лексике, включающей архаизмы и неологизмы, свойственна многозначность и семантическая неоднородность.

Литература

Бергер Д. Грамматические трудности немецкого языка. СПб., 1996.

Мельгунова А. В. Использование синонимов в словарных дефинициях неологизмов (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Вып. 9. С. 2787–2789.

Нефёдов С. Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология. СПб., 2018.

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «АЛКОГОЛЬ» В ПРОЗЕ С. ДОВЛАТОВА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТИ «ЗАПОВЕДНИК» И СБОРНИКА НОВЕЛЛ «КОМПРОМИСС» НА ИСПАНСКИЙ И ПОРТУГАЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ)

Микаэлян Юлия Игоревна

доцент, Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД России

С. Д. Довлатов (1941–1990) — один из крупнейших русских писателей второй половины XX века, чье творчество уже не первое десятилетие привлекает внимание зарубежных читателей и исследователей; его проза активно переводится на иностранные языки, а также изучается за рубежом. В последние годы можно отметить всплеск интереса к фигуре Довлатова: почти одновременно, в 2016–2017 гг., несколько переводов его книг вышли в Аргентине, Испании и Бразилии.

Характерная черта довлатовской прозы — это ее сильный автобиографизм. Как известно, сам писатель всю жизнь страдал от алкогольной зависимости и так или иначе обращался к теме алкоголя во всех своих произведениях. Все ключевые персонажи его текстов регулярно прибегают к выпивке, а мотив опьянения, хмеля является одним из лейтмотивов творчества писателя. Отсылки к алкоголю в прозе Довлатова превращаются в литературный прием, служащий как для характеристики персонажей (немаловажную роль играют и напитки, которые предпочитают его герои, и то, в каких ситуациях они выпивают), так и для описания окружающей действительности, которая всегда преобразуется под влиянием алкоголя.

Лексика, связанная с темой алкоголя и пьянства, встречающаяся в текстах Довлатова, может вызывать ряд трудностей при переводе на иностранные языки. Кроме того, в произведениях упоминаются различные культурно специфические явления, описываются особенности «быта» советских алкоголиков и ритуалы, принятые в советской среде, незнакомые иностранцам. Нередко на подобной имплицитной информации, которую мгновенно считывает носитель русской культуры, основан и юмор произведений. Так как выпивка является неотъемлемой частью жизни довлатовских персонажей, вокруг нее строится в том числе и их картина мира: прямая речь героев изобилует жаргонизмами, фразеологизмами и идиоматическими выражениями, отсылающими к алкогольной тематике, такими, как «кир», «отрава», «полбанки», «вытрезвиловка», «поддать», «нажраться», «пить из горла», «гудеть по-черному», «пьяный как свинья» и др. Для перевода подобной лексики переводчики, как правило, используют жаргонные и разговорные выражения из языков перевода, обладающие схожей экспрессией. В текстах на испанском встречаются такие лексемы и выражения, как *brebaje*, *cogorza*, *esponja*, *borracho como una cuba* и др.; в бразильских переводах — *birita*, *bebum*, *beberrão*, *tomar uma*, *encher a cara* и др. При отсутствии эквивалентов в языке перевода выражения исходного текста могут заменяться стилистически нейтральными (так, жаргонизмы «нажраться», «поддать» и их синонимы нередко заменяются в обоих языках глаголом *beber*).

Бóльшие сложности для перевода вызываются встречающиеся в текстах Довлатова лингвокультурные маркеры и прецедентные феномены, особенно в ситуациях, когда на подобных феноменах строится юмор фрагмента. Рассмотрим в качестве примера фрагмент из повести «Заповедник». В повести персонаж Михал Иваныча, пьяницы, у которого арендует комнату главный герой, говоря о своих предыдущих жильцах, отмечает, что те были культурными людьми: «Прошлый год евреи жили. Худоого не скажу, люди культурные... Ни тебе политуры, ни одеколона... А только белое, красное и пиво...» [Довлатов 2003: 195]. Подобное восприятие людей, пьющих только собственно алкогольные напитки, как культурных, можно рассматривать как **прецедентный** феномен советской культуры, поскольку употребление в качестве выпивки «всего, что горит», было весьма распространено в СССР в эпоху «застоя».

Следует отметить, что употребление спиртосодержащих жидкостей в отсутствие алкоголя не является уникальной советской особенностью, однако в разных странах в качестве замены выпивки могут использоваться различные субстанции. В СССР одним из дешевых заменителей водки была политура — спиртовой раствор, используемый для полировки мебели. Так как упоминание лака для полировки мебели у бразильского читателя не вызывает ассоциаций с заменой выпивке, бразильские переводчики, используя стратегию доместикации, адаптировали текст под культуру перевода, заменив «политуру» на «álcool de limpeza», технический разбавленный спирт, используемый в качестве моющего средства: «No ano passado judeus moraram aqui. Não posso dizer nada de ruim, gente culta... Nada de álcool de limpeza ou água de colônia... Só branco, tinto e cerveja...» [Dovlátov 2016: 55]. Испанские переводчики придерживались стратегии форенизации и оставили в переводе barniz («лак, политура»). Однако в целом, за счет других переводческих трансформаций, перевод фрагмента на испанский язык получился свободным: «El añopassado estuvieron aquí unos judíos. No voy a decir nada malo de ellos, era gente con mucha clase... Al blanco, al tinto y a la cerveza sí le daban, sí... Pero ni gota de barniz, ni de colonia» [Dovlátov 2017: 39].

Анализ этого и других примеров демонстрирует, что при переводе текстов Довлатова наибольшую сложность представляет их культурная обусловленность, так как тесная связь с русской и советской культурой является важной частью поэтики писателя. В процессе перевода переводчики используют как стратегию доместикации, так и стратегию форенизации (термины Л. Венути), в зависимости от целей и функций фрагмента исходного текста. Для сохранения юмора фрагмента как испанскими, так и бразильскими переводчиками преимущественно используется стратегия доместикации, позволяющая адаптировать текст под картину мира иностранного читателя. В ряде случаев это ведет к расхождению с исходным текстом, делая перевод свободным.

Литература

Довлатов С. Заповедник // Заповедник. СПб., 2003. С. 173–280.

Dovlátov S. Parque cultural. São Paulo, 2016.

Dovlátov S. Retiro. Logroño, 2017.

ПРОЦЕССЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

PROCESSES OF INTERFERENCE IN DIALECT VOCABULARY (ON THE MATERIAL OF INSULAR GERMAN DIALECTS OF THE ALTAI TERRITORY)

Москвина Татьяна Николаевна

доцент, Алтайский государственный педагогический университет

Изучение явлений интерференции в теории языковых контактов актуально в лингвистике со второй половины 20 в. Развивая идеи Пражского лингвистического кружка, в концепции которого под интерференцией подразумевается процесс отклонения от норм контактирующих языков, У. Вайнрайх определяет ее как наложение одной языковой системы на другую в сознании многоязычного носителя, которое может вызвать фонетическую, лексическую и/или грамматическую ошибку. И. Н. Кузнецова определяет лексическую интерференцию как «двустороннее (в плане выражения и в плане содержания) сближение лексических единиц одного или разных языков, обусловленное их, в первую очередь, фонетическим, но и вытекающим из него семантическим употреблением, и приводящее к непроизвольному (стилистическому) нарушению языковой нормы» [Кузнецова 2018: 116]. Особый интерес в плане языковых контактов вызывают островные немецкие говоры, которые представляют собой языковые эксклавы, почти 300 лет развивающиеся в условиях иноязычного окружения (русский язык) и междиалектного смешения (все немецкие говоры носят смешанный характер и являются вторичными образованиями по отношению к исходной диалектной области). Традиционно по отношению к языковым островам интерференция рассматривается не как системная языковая ошибка, а скорее как способ/ вид развития языковой системы (ср. «динамическая асимметрия» в концепции В. Г. Гака). Явления межъязыковой интерференции обусловлены уровнем владения диалектом, сферой его употребления и др. Поэтому понятие билингвизма не совсем применимо по отношению к островным немецким диалектам с учетом уровня владения диалектом и текущей языковой ситуации в целом в местах компактного поселения российских немцев (напр., Немецкий национальный район в Алтайском крае, Азовский немецкий национальный район в Омской области), поскольку язык официального общения — русский, диалект имеет весьма ограниченную сферу употребления — исключительно семейное общение, хотя в начале и примерно до середины 20 в. российские немцы были естественными билингвами (координационный билингвизм (см. [Москалюк 200])). Исследователи немецких диалектов в России отмечают, что в результате взаимодействия русского и немецкого языков в речи немцев-билингвов все чаще наблюдается вторжение норм одной языковой системы в рамки другой, в результате чего происходит так называемое выравнивание взаимодействующих языков. Иными словами, наблюдается зарождение третьей — промежуточной системы, не совпадающей ни с немецким, ни с русским языками и выполняющей в сознании билингва адаптивную функцию к языку окружения [Байкова, Бухаров 2021: 5]. Явления интерференции в островных немецких диалектах на разных уровнях языковой системы уже были предметом специального исследования (фонетическая интерференция — см. работы Байковой О. В., морфология и лексика — Москалюк Л. И., синтаксис — Трубавина Н. В. и др. исследователи). В фокусе настоящего исследования находится лексика островных немецких говоров, поэтому осознавая, что интерференция пронизывает все уровни языковой системы, акцент делается на следующих видах интерференции: лексическая, семантическая и стилистическая. Морфологическая интерференция в некоторых случаях является важным фактором при анализе процессов семантической и словообразовательной деривации. Так, например, при сохранении и продуктивности всех словообразовательных моделей, характерных для немецкого языка в целом, особенно словосложения, наблюдаются отдельные случаи гибридного словообразования, когда одним из элементов сложного слова является русский компонент (Piirsawod (Bierwerk: нем. Bier + русс. завод), pudschwer — контаминация русс. пуд + нем schwer) или нехарактерный для немецкого языка способ словообразования (а

dreizimmrriches Haus — суффиксальное образование по русской модели (трехкомнатный дом), не словосложение, как в нем. *Dreizimmerhaus*). Подобные случаи являются единичными и редкими, однако свидетельствуют о восприимчивости диалектной системы к таким структурам. Грамматическая система русского языка оказывает влияние на морфологические характеристики немецкой лексики, исходное значение при этом сохраняется или может меняться под влиянием семантики русского слова. Например, глагол *warten* используется как переходный, без предлога (ср. нем. *warten auf Akk.* — русс. ждать кого-либо). Семантическая интерференция реализуется, как правило, в виде калькирования устойчивых выражений, например, *die Ärmel hoch un mit 'm ganze Kopp ans Werk — die Ärmel hoch krepeln und mit dem ganzen Kopf an die Arbeit* (от рус. «засучить рукава», «уйти с головой в работу»); *Ihn tät 'pure Wolfshungr quäle — Ihn quält der pure Wolfshunger* (русс. «голодный как волк» vs. нем. *Bärenhunger*). Другим примером семантической интерференции можно считать семантические заимствования, например, вместо *anrufen* говорят *klingeln* (русс. звонить). Например, *'n Gruß iwrgewe* вместо „*einen Gruß ausrichten*“ по аналогии с русским «передать привет». Исходя из текущей языковой ситуации в «немецких» селах, представляется возможным рассматривать интерференцию как фактор развития диалектной системы в условиях длительных языковых и культурных контактов (немецкий диалект — русский язык, диалект — диалект), как процесс конвергенции.

Литература

- Байкова О. В.* Взаимодействие языков и интерференция в речи немцев-билингвов Вятского региона России / О. В. Байкова, В. М. Бухаров // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 2. С. 5–18.
- Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика III. М., 1999. С. 7–42.
- Кузнецова И. Н.* Лексическая интерференция в семиотическом и функциональном аспектах (на материале французского и русского языков) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 3 (80). С. 116–119.
- Москалюк Л. И.* Социолингвистические аспекты речевого поведения российских немцев в условиях билингвизма. Барнаул, 2000.

ГЕНДЕРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ИННОВАЦИИ В НЕМЕЦКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ GENDER-RELATED INNOVATIONS IN GERMAN LEXICOGRAPHY

Нефедова Любовь Аркадьевна

профессор, Московский педагогический государственный университет

Словари представляют собой огромную ценность и играют важную роль в развитии общей и языковой культуры народа. С помощью словарей могут быть осмыслены многие явления языка. Большой толковый словарь немецкого языка ДУДЕН в 10 томах является важнейшим словарем немецкого языка, в нем содержится основной вокабуляр. Его авторы быстро реагируют на изменения в современном обществе. И как показало наше исследование лексики актуального словаря, в нем нашли отражение идеи равенства мужчин и женщин в немецкоязычных культурах и намечены перспективы отражения гендерного многообразия. Проблема взаимосвязи языка и гендера стала предметом обсуждения в 60–70-е годы XX-го в., когда стало наблюдаться усиление влияния феминистской критики языка. В Германии начало активных дебатов об андроцентризме немецкого языка, о недостаточной представленности в нем женщин и языковой гендерной асимметрии связано с публикацией работ Сенты Трёмель-Плётц „Linguistik und Frauensprache“ («Лингвистика и язык женщин») [Trömel-Plötz 1978] и Луизы Пуш „Das Deutsche als Männersprache“ («Немецкий язык — язык мужчин») [Pusch 1981]. Феминистская критика — это критика исключительно мужского понимания и изображения мира, общественных отношений. Ранее мужской род являлся в немецком языке неспецифицированным родом (нем. generisches Maskulinum), т. е. он интегрировал и женский род. Результатом процесса феминизации лексики стало включение в словарь фемининных форм маскулинных номинаций. Маскулинная номинация определялась посредством местоимения jemand — кто-либо, например: Politiker, der — ‘jemand, der ein politisches Amt ausübt’ (политик — ‘тот, кто, профессионально занимается политикой’), а фемининная как ‘w. Form zu ↑Politiker’ (форма женского рода от ↑Politiker) [Duden 2015: 1363]. Новый принцип лексикографирования номинаций лиц в актуальном словаре — словарная гендерная инклюзия, которая представляет собой гендерно симметричные равноправные номинации лиц мужского и женского пола. Новшеством современного словаря является то, что маскулинная номинация теперь определяется при помощи словосочетания männliche Person (лицо мужского пола), а фемининная — словосочетания weibliche Person (лицо женского пола). Например: Politiker, der — ‘männliche Person, die ein politisches Amt ausübt’ (‘мужчина-политик’); Politikerin, die — ‘weibliche Person, die ein politisches Amt ausübt’ (‘женщина-политик’) [Duden online].

Словарь фиксирует заимствованные из английского языка гендерно симметричные формы, например, неологизмы Anchorman — ‘телеведущий’ и Anchorwoman — ‘телеведущая’. В современный словарь включены многие фемининные номинации, отсутствующие в словаре 2015 г., как Detektivin, die — женщина-детектив: Detektiv, der — ‘männliche Person, die ...’ (‘лицо мужского пола, которое ...’); Detektivin, die — ‘weibliche Person, die ...’ (‘лицо женского пола, которое ...’); Gästin, die — ‘гостья, женщина-гость’ с пометой selten (редкое употребление). Даже такая маскулинная оценочная номинация, как Warmduscher, der — ‘слабак’, которая используется для негативной оценки мужской слабости, соотносится теперь и с женщинами: словарь фиксирует фемининную форму Warmduscherin, die — ‘слабачка’, тем самым отрицая гендерный стереотип относительно слабости женщин.

Но в то же время словарь позволяет видеть гендерную сегрегацию — отражение в номинациях лица асимметричного распределения мужчин и женщин в профессиональной деятельности. Различия полов предполагают появление новых асимметричных обозначений лиц по профессии: der Doorman — ‘портье, охранник в отелях, магазинах, развлекательных заведениях и т. п.’ Это заимствованное из английского языка слово служит для обозначения лиц мужского пола (в английском языке есть слово doorwoman); die Familienhebamme — ‘акушерка, под медицинским наблюдением которой находятся нуждающиеся в социальной защите семьи’. Данная

фемининная форма, однако, имеет дефиницию ‘staatlich geprüfte[r] Geburtshelf[er]’ — ‘помощник/помощница при родах’, которая показывает, что номинация относится также к мужчинам. В настоящее время в связи с распространением понятия «гендерное многообразие» и официальным признанием в Германии небинарных гендеров (поправка к Закону о гражданском состоянии от 18 декабря 2018 г.) в обществе ведется дискуссия на тему языковых альтернатив. Широкое распространение в немецкоязычных странах приобретает понятие «гендерная нейтральность в лексике». Словарь ДУДЕН включает новые гендерно нейтральные номинации лиц, которые отсутствовали в словаре 2015 г., например: *Lehrperson, die* — ‘jemand, der unterrichtet, Lehrer, Lehrerin’ (‘тот, кто обучает кого-л., учитель, учительница’, т. е. имеются в виду все гендеры). В определенных ситуациях, например, в объявлениях о вакансиях, в немецкоязычных странах стала употребляться маскулинная форма для обозначения всех людей с уточнением: *Consultant (m/w/d — männlich/weiblich/divers)* — консультант (мужской пол/женский пол/иной пол), что представляет собой, несомненно, новый вызов для немецкой лексикографии.

Литература

Duden = Das große Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache Duden. Berlin, 2015.

Duden online = Das große Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache Duden. URL: www.duden.de

Pusch L. F. Das Deutsche als Männersprache // *Linguistische Berichte*. 1981. 69. S. 59–74.

Trömel-Plötz S. Linguistik und Frauensprache // *Linguistische Berichte*. 1978. 57. S. 49–68.

ОТЫМЕННЫЕ ГЛАГОЛЫ НА -TIONNER ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ НАШИХ ДНЕЙ: ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ

Никитина Екатерина Яковлевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Соловьева Мария Владимировна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Речь пойдет о сравнительно малоизученной группе французских глаголов, образованных от существительных на -tion, которая представляет собой очень пеструю картину. Мы предлагаем условно разделить эти глаголы на четыре подгруппы:

- 1) имеющие однозначный однокоренной глагол-синоним (émotionner — émouvoir, promotionner — promouvoir, solutionner — résoudre, réflexionner — réfléchir etc.)
- 2) имеющие однокоренной глагол, отличающийся по значению (réceptionner — recevoir, réquisitionner — requérir, positionner — poser etc.)
- 3) имеющие как минимум один глагол-синоним, происходящий от другого корня (révolutionner — bouleverser, sélectionner — choisir, ovationner — acclamer etc.)
- 4) не имеющие однозначных глаголов-синонимов; их можно заменить лишь на выражение с существительным, от которого они произошли (mentionner — faire mention, commotionner — frapper d'une commotion, collisionner — entrer en collision, intuitionner — avoir une intuition, perquisitionner — faire une perquisition, auditionner — faire passer une audition etc.)

Наибольшее возмущение пуристов вызывают глаголы подгруппы 1; особенно достается тройке émotionner, promotionner и solutionner. Основной причиной их появления считается сложность спряжения глаголов 3-й группы по сравнению с 1-й группой. Хотя эти глаголы часто называют неологизмами, лишь один из них (promotionner) появился сравнительно недавно. Глагол solutionner впервые зафиксирован в 1795 г. у Г. Бабёфа и с тех пор стал едва ли не знаменем борьбы пуристов за чистоту языка. Рассказывают, что в начале XX в. на заявление П. Дешанеля «Il faut solutionner ce problème» Ж. Клемансо ответил: «Nous allons nous en occuper». В речи о состоянии языка 1993 г. секретарь Французской Академии М. Дрюон утверждал, что опасность для языка представляют не англицизмы, а «катастрофическое» solutionner. Мнение Академии с тех пор не изменилось: в 2018 г. новый секретарь тоже говорила об «ужасном» глаголе, вытесняющем résoudre, как об угрозе.

Глагол solutionner действительно широко употребляется в наши дни: его можно найти даже в одной из речей президента Франции Н. Саркози (2007). По нашим данным, глагол résoudre все еще употребляется гораздо чаще, но соотношение этих глаголов в разных видах дискурса неравно. Так, на сайте газеты «Монд» résoudre встречается почти 30 000 раз, а solutionner — всего лишь около 180. Поиск по блогерской платформе wordpress.com дает более 5000 результатов для solutionner и 123 000 для résoudre (такое же различие примерно в 25 раз дает поиск на Youglish.com, где можно искать нужные слова в устной речи из видео).

Глагол émotionner вызывает чуть меньшее негодование (так, Французская Академия, хоть и называет его long, lourd, plutôt disgracieux, включила его в последнее издание своего словаря с пометой fam., тогда как злосчастное solutionner в нем до сих пор отсутствует). Существование этого глагола, любимого Золя, еще в XIX в. пытался оправдать Ш.-О. Сент-Бёв. Он утверждал, что émotionner хоть и «гадкое», но необходимое слово, ибо означает не то же, что émouvoir: так, про писателя, пытающегося любыми средствами выдавить слезу из читателя, можно сказать: «Il ne se contente pas d'émouvoir, il veut émotionner» [Sainte-Beuve].

Глаголы из подгруппы 2 не вызывают такого неприятия именно потому, что не дублируют значение однокоренных с ними «базовых» глаголов, а отличаются от них нюансами употре-

бления. Например, *réceptionner*, в отличие от универсального *recevoir*, надлежит использовать только в значении «принимать товар, работу и т. п.» В случае с глаголами этой подгруппы критику пуристов вызывает не сам глагол, а его употребление не в том контексте. Так, не рекомендуется использовать *réceptionner* с именами лиц, однако мы обнаружили в прессе немало подобных примеров. Аналогична ситуация с глаголом *positionner*: и Французская Академия, и Ларусс допускают его употребление лишь в специфических значениях и предостерегают от использования в качестве синонима *placer*; особенно порицается употребление глагола в местоименной форме в значении «найти свое место, определиться с позицией», между тем именно эта форма, по нашим наблюдениям, чаще всего употребляется и в прессе, и в блогах.

Сложнее обстоит дело с глаголами, не имеющими однокоренных коррелятов, т. е. с подгруппой 3. А. Доза писал: «Celui qui écrit *ovationner* montre qu'il ne connaît pas sa langue: *acclamer* existe, et il suffit» [Dauzat]. В то же время глагол *révolutionner* не вызывает критики; даже Французская Академия подтверждает его приемлемость: «On peut l'employer pour signaler un fort changement quand on estime que *bouleverser* ne suffirait pas». В таких случаях трудно предугадать, какой глагол будет признан пуристами и авторами словарей нежелательным, а какой станет нейтральным.

Наконец, среди глаголов подгруппы 4 часть (*mentionner*, *perquisitionner*) существует давно и не вызывает возражений. Но есть и недавние глаголы (*collisionner*, *intuitionner*), судьба которых пока туманна. Хотя язык заинтересован в возможности выразить понятие одним словом, тут редко что-то можно предсказать наверняка. Пока что глагол *collisionner* отсутствует в «Монде» и на сайте ЦЕРНа (где находится *le grand collisionneur d'hadrons*), однако не один десяток его употреблений можно найти в новостях Google и в блогах на wordpress.com.

Мы рассмотрели лишь несколько глаголов на *-tionner*, попытавшись на их примере показать их разные судьбы. Количество глаголов на *-tionner* не поддается подсчету благодаря легкости их появления, ведь от любого существительного на *-tion* можно образовать глагол, и лишь время покажет, останется ли он окказионализмом, станет ли неологизмом или прочно войдет в язык и в словари, с пометой *critiqué* или без нее.

Литература

Sainte-Beuve C.-A. Nouveaux lundis. Tome XI. URL: https://obvil.sorbonne-universite.fr/corpus/sainte-beuve/html/sainte-beuve_nouveaux-lundis-11.html

Dauzat A. La sclérose de la dérivation. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1954/02/10/la-sclerose-de-la-derivation_2032699_181921_8.html

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ РУССКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СВЕТЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

INTERLINGUAL EQUIVALENCE OF RUSSIAN AND ITALIAN PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS IN THE LIGHT OF CORPUS DATA

Николаева Юлия Вадимовна

доцент, Римский университет Сапиенца

В работе рассматриваются возможности корпусных исследований в области контрастивной фразеологии. В центре интересов сопоставительных исследований неизменно находятся проблемы поиска переводческих эквивалентов. Теоретические штудии на эту тему по-прежнему привлекают внимание современных ученых в силу неразрешенности некоторых ключевых проблем.

В современной лингвистике выделяются два вида межъязыковой эквивалентности: системная эквивалентность и эквивалентность на уровне текста. Дискуссионный характер этих понятий ярко выражен во фразеологии, изучающей экспрессивные, часто культурно окрашенные языковые единицы [Добровольский 2011; Добровольский 2020; Mellado Blanco 2015; Corpus Pastor 2020]. С развитием корпусной лингвистики поиск подлинно функциональных эквивалентов вышел на качественно новый уровень, ибо корпуса позволяют досконально проанализировать и упорядочить большие объемы контекстуальных значений. В свете этих новых, более полных и исчерпывающих данных назрела необходимость пересмотреть некоторые устоявшиеся представления об эквивалентности.

При пристальном изучении с помощью корпусных методов многие культурные европеизмы [Солодухо 1982; Corpus Pastor 2003: 249–250; Piirainen 2012] (библейзмы, фразеологизмы греко-латинского происхождения, фразеологизмы, получившие распространение в Средние века и т.д.), традиционно относимые к полным эквивалентам, проявляют лингвоспецифические особенности, ранее не отмеченные в двуязычной лексикографии. Описываемые расхождения затрагивают семантику и прагматику, сочетаемость и вариативность, а также изменения в диахронии.

Исследование проводится на материале итальянского и русского языков. Ведущим методом является метод контекстуального и дистрибуционного анализа фразеологизмов с помощью корпуса, т.е. речь идет об исследовании, основанном на корпусе (corpus-based) [Tognini-Bonelli 2001; Hunston, Gill 2000; McEnery et al. 2006; Tummers et al. 2005; Копотев 2014]. Используются различные корпуса: параллельный двунаправленный русско-итальянский корпус национального корпуса русского языка, основной корпус НКРЯ, Google книги, Google новости, Archivio de la Repubblica, Corpus La Repubblica, Europarl, Glosbe, SketchEngine. Привлечение дополнительных корпусов к исследованию продиктовано необходимостью расширения эмпирической базы, так как параллельный двунаправленный русско-итальянский корпус НКРЯ не является пока достаточно репрезентативным для изучения фразеологии. Эти ограничения носят не только количественный, но и качественный характер. Например, в данном корпусе недостаточно представлен язык публицистики. Обращение к корпусам Google новости и Archivio de la Repubblica позволяет расширить общую панораму исследуемых функциональных языковых жанров.

В сфере нашего внимания находятся культурные европеизмы — фразеологизмы русского и итальянского языков, которые традиционно считались полностью эквивалентными. Однако корпусные данные проливают свет на значимые межъязыковые отличия, затрагивающие разные стороны семантики, синтаксиса и прагматики данных языковых единиц. Наиболее динамичной группой оказались библейзмы и фразеологизмы греко-латинского происхождения, претерпевшие в двух изучаемых языках существенные изменения, в результате которых полная исходная общность значения была утрачена. Например, геркулесовы столбы — *colonne di Ercole*, мафусаилов век — *essere un Matusalemme*, довести до абсурда — *ridurre all'assurdo*, есс. Отчасти гетерогенный характер этих изменений можно объяснить тем, что в Италии обе

традиции — библейская и греко-латинская — восходят к глубокой древности и непрерывно поддерживаются на протяжении многих веков, что привело к их проникновению в народную устную культуру, вплоть до проявления в диалектах. В Россию же греко-латинская традиция приходит значительно позже, а многие библеизмы в советские годы оказываются искусственно исключены из живого языкового узуса, что не могло не сказаться на их функционировании в языке. Обновленные с помощью корпусов сведения идут в разрез с существующими на данный момент двуязычными итальянско-русскими фразеологическими словарями, в которых преобладает системный взгляд на эквивалентность. Именно поэтому многие переводческие решения, почерпнутые из этих словарей часто не вписываются в текст перевода, вызывая диссонанс в его восприятии или даже приводя к досадным коммуникативным неудачам.

Современный двуязычный словарь может достичь своей цели только в том случае, если устанавливает гармоничное равновесие между двумя видами межъязыковой эквивалентности, т. е. предполагает системный подход наряду с постоянным учетом функциональных соответствий в контексте [Вальтер 2020]. В работе представлены подобные лексикографические решения, позволяющие сохранить представления о системности и в то же время передать в доступной форме важную для пользователя информацию об эквивалентности на уровне текста.

Литература

- Добровольский Д. О.* Корпусный подход к исследованию фразеологии: новые результаты по данным параллельных корпусов. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020, 17 (3): 398–411.
- Солодухо Э. М.* Проблемы интернационализации фразеологии на (на материале языков славянской, германской и романской групп). Казань, 1982.
- Corpas Pastor G.* Diez años de investigación de fraseología: análisis sintáctico-semánticos, contrastivos y traductológicos, Madrid, 2003.
- Piirainen E.* Widespread idioms in Europe and Beyond. Toward a Lexicon of Common Figurative Units. New York, 2012.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ВЕРБАЛЬНОЙ ЗАПАДНОХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

INTERACTION OF MATERIAL AND VERBAL WESTERN CHRISTIAN CULTURE AS A SOURCE OF GERMAN PHRASEOLOGY

Панкратьева Елена Сергеевна

доцент, Московский государственный лингвистический университет

Цветаева Елена Николаевна

доцент, Московский государственный лингвистический университет

Характерная бимедиальная направленность эпохи позднего Средневековья и Возрождения позволила использовать различные художественные формы для визуализации фразеологических образов. Этот аспект фразеологической культуры, свойственной разным языковым сообществам в указанный период, позволяет судить о закономерном характере ряда явлений, прослеживаемым на немецком фразеологическом материале и представляющим собой одну из граней так называемой золотой эпохи пословиц в Западной Европе (ср. [Wander]).

Наряду с другими произведениями искусства (гравюрами старопечатных книг, картинами, шпалерами и др.) интерес для историка фразеологии представляют мизерикордии западнохристианских соборов, являющие собой деревянные полочки для клириков, предназначенные для опоры во время длительного стояния на молитве, которые нередко украшались художественной резьбой. Сокрытые от глаз прихожан, деревянные изображения вовсе не ограничивались религиозными мотивами, наоборот, охватывали целый ряд тем, не всегда подходящих для пространства церкви. Сюжеты мизерикордий содержали изображения людей, животных, в том числе наделенных человеческими свойствами, фантастических существ, различные орнаменты, иллюстрации бытовых сцен, не исключая и малопристойных. Немалое количество мизерикордий было посвящено визуализации актуальных для рассматриваемой эпохи фразеологических единиц, в частности, известных пословиц и поговорок — таким образом, деревянные изображения являлись не только украшением церкви, но и выполняли дидактическую функцию. Кроме того, они поддерживали и сохраняли устную пословичную традицию.

В отличие от других художественных форм, в которых изображение внутренней формы фразеологизма может сопровождаться вербальным компонентом, мизерикордии представляют собой пример полимодального текстуального пространства, поскольку в процессе интерпретации «закодированный» образ устойчивого словесного комплекса извлекается из памяти реципиента, реконструируется как некий общеизвестный значимый концепт, знакомый представителям определенной культурной общности. Иллюстрация фразеологизма вызывает интерес наблюдателя, так как внимание адресата фокусируется прежде всего на иконическом знаке, не в последнюю очередь потому, что информация, поступающая по визуальному каналу, легче подвергается обработке и усвоению. Данное обстоятельство имеет существенное значение, учитывая тот факт, что в рассматриваемую эпоху не все имели возможность получить даже начальное образование. Отсутствие вербального компонента фразеологического знака не препятствует его узнаванию, он без труда воссоздается с помощью изображения и вызывает те или иные ассоциации, необходимые для толкования его смысла. Таким образом, корреляция языкового и графического элементов обуславливает появление гетеросемиотического единства, основанного на семантической и прагматической слитности.

Нередко в одном соборе можно обнаружить сразу несколько изображений, визуализирующих фразеологические единицы. Так, корпус мизерикордий церкви Святой Екатерины в Хогстратене (Бельгия), построенной ок. 1525–1550 гг., включает иллюстрации устойчивых выражений «биться головой о стену» (нем. mit dem Kopf durch die Wand wollen), «метать бисер перед свиньями» (нем. Perlen vor die Säue werfen), «цыплят по осени считают» (нем. Man soll

die Kücken nicht zählen, bevor sie ausgebrütet sind), «держать нос по ветру» (нем. seinen Mantel nach dem Wind hängen), «привязывать нечистого к подушке» (нем. den Teufel aufs Kissen binden), «продавать очки слепому» (нем. einem Blinden eine Brille verkaufen) и некоторые другие.

Совершенно очевидно, что представление фразеологизма в виде иконического знака является для художника нелегкой задачей и зависит от многих факторов. Тем интереснее рассматривать сцены, изображающие одну и ту же устойчивую единицу. Анализ имеющихся в настоящий момент у историка фразеологии корпуса мизерикордий (см., в частности, коллекцию Э. Блок [Block]) позволяет сделать вывод о том, что некоторые устойчивые словесные комплексы оказывались популярными и, по всей вероятности, актуальными не только среди представителей одного языкового сообщества. Например, иллюстрация выражения «двум собакам одной кости не поделить» (нем. Ein Knochen und zwei Hunde geben keine ruhige Stunde) встречается на мизерикордиях церкви Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Нидерландов, Франции, Швейцарии, что может свидетельствовать о ее значимости для разных частей Европы, а устойчивая единица «привязывать нечистого к подушке» (нидерл. De diuvel op het kussen binden) визуализируется в соборах Бельгии, Нидерландов и Франции. Нельзя не упомянуть, что в церкви Пресвятой девы Марии в Арсхоте (Бельгия) изображение подкреплено вербальным компонентом, что упрощает процесс декодирования фразеологизма, при этом интеграция языкового и иконического элемента усиливает выражение концептуального смысла устойчивой единицы. Следует также отметить, что многие изображения «визуализированной» фразеологии мизерикордий обнаруживаются и в других художественных формах рассматриваемого периода, таким образом, можно говорить о наличии основанных на определенных символах фразеологических визуальных реминисценций. Так, указанная выше фразеологическая единица «привязывать нечистого к подушке» представлена на известной картине Питера Брейгеля Старшего «Нидерландские пословицы» (1559).

Не вызывает сомнений, что мизерикордии являются неотъемлемой частью западноевропейской культуры эпохи позднего Средневековья и Возрождения, их детальный анализ не только раскрывает ценностные представления о мире позднесредневекового человека, но и позволяет рассматривать их как еще один источник изучения исторической фразеологии.

Литература

Block E. C. The Elaine C. Block Database of Misericords. URL: <https://ima.princeton.edu/digital-image-collections/collection/block>

Wander K. F. W. (Hrsg.) Vorrede zum ersten Band / Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Leipzig, 1870.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ВАЛЕНТНОСТИ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-КВАЗИСИНОНИМОВ НА ОСНОВАНИИ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Парина Ирина Сергеевна

доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова

В работе на основании текстового корпуса проводится сопоставительный анализ семантической валентности немецких идиом со значением ‘придавать ускорение кому-либо/чему-либо’: jmdn./etw. auf Trab bringen, jmdn./etw. in Fahrt bringen, jmdn./etw. auf Hochtouren bringen, jmdn./etw. in Schwung bringen. В базе данных по немецкой фразеологии Redensarten-Index, которая содержит более 15000 словарных статей и постоянно пополняется, эти идиомы получают следующие толкования: jemanden auf Trab bringen: jemanden / etwas antreiben; etwas in Bewegung halten / setzen; etwas in Fahrt bringen: etwas antreiben / vorwärts bringen / fördern / beschleunigen / vorantreiben / stimulieren; jemanden in Fahrt bringen: 1. jemanden sexuell erregen 2. jemanden antreiben / stimulieren / wütend machen; jemanden/etwas auf Hochtouren bringen: jemanden antreiben; etwas zur Höchstleistung veranlassen 2. Jemanden wütend machen; etwas/ jemanden in Schwung bringen: etwas vorantreiben / beschleunigen; jemanden antreiben [www.redensarten-index.de]. Поскольку формулировки толкований во многом совпадают, на их основании трудно сделать вывод о том, есть ли между идиомами различия в значении и сочетаемости.

В рамках исследования было сопоставлено употребление идиом в контексте на материале корпуса DeReKo Института немецкого языка в г. Мангейм — крупнейшего немецкоязычного корпуса, объем которого в настоящее время составляет более 53 миллиардов словоформ [cosmas2.ids-mannheim.de]. Из корпуса был выделен пользовательский подкорпус газет и журналов Германии (Spiegel-Online, Nürnberger Zeitung, Berliner Zeitung и других), датированных 1989–2019 годами, общим объемом около 6 миллиардов словоформ. Поиск в подкорпусе позволил убедиться в том, что рассматриваемые идиомы употребительны в современной немецкой прессе и сочетаются как с одушевленными, так и с неодушевленными объектами: всего было найдено 5167 контекстов с идиомой jmdn./etw. auf Trab bringen, 2590 контекстов с jmdn./etw. in Fahrt bringen, 643 случая употребления jmdn./etw. auf Hochtouren bringen и 9905 — jmdn./etw. in Schwung bringen.

Анализ позволил выявить ряд сходств и различий в семантической валентности рассматриваемых фразеологизмов. Так, фразеологизм jmdn./etw. auf Trab bringen нередко встречается в сочетании с обозначениями различных транспортных средств. Эту особенность можно объяснить образной основой идиомы (буквально она означает ‘пустить кого-л. рысью’). В корпусе есть примеры использования словосочетания в прямом значении — при описании конного спорта. Также валентность объекта нередко заполняется существительными из семантического поля «экономика и политика»: Wirtschaft, Konjunktur, Politik, Staatsapparat, Polizei, Regierung и другими. Примечательно, что 207 контекстах она сочетается с существительным Amtsschimmel (метафорическим обозначением бюрократического аппарата, буквально «сивая лошадь бюрократии»). Также идиома сочетается с обозначениями органов, систем и процессов в организме: Kreislauf, graue Zellen, Gehirn, Immunsystem, Stoffwechsel, Darm и с наименованиями лиц: Leute, Schüler, Publikum, Mannschaft, Kinder.

Идиома jmdn./etw. in Fahrt bringen сочетается преимущественно с объектами из семантического поля «экономика»: Wirtschaft, Konjunktur, Konzern, Geschäft, Investition, Branche, Betrieb и наименованиями лиц: Publikum, Zuhörer, Gäste, — в то время как контексты с обозначениями частей человеческого организма встречаются существенно реже.

Фразеологизм jmdn./etw. auf Hochtouren bringen преимущественно используется в контекстах, описывающих публичные мероприятия, в сочетании с существительным Stimmung или обозначениями лиц — участников мероприятия: Publikum, Besucher. Кроме того, идиома сочетается с композитами — существительными с основным словом Maschinerie: Gesetzesmaschinerie, Polizeimaschinerie, Medienmaschinerie, Traum-Maschinerie, Werbemaschinerie. Возможно, эта осо-

бенность семантической валентности идиомы объясняется ее внутренней формой (буквально она переводится как «вывести кого-л./что-л. на высокие обороты»). Как и *jmdn./etw. auf Trab bringen*, рассматриваемая идиома сочетается с обозначениями частей человеческого организма и происходящих в нем процессов: *Stoffwechsel, Gedächtnis, Kreislauf, Gehirn*.

Наконец, *jmdn./etw. in Schwung bringen*, так же, как и *jmdn./etw. auf Trab bringen, jmdn./etw. in Fahrt bringen*, часто сочетается с существительными, называющими явления из области экономики: *Konjunktur, Arbeitsmarkt, Laden, Geschäft, Markt, Weltwirtschaft, Export, Handel*. Семантическая валентность объекта может заполняться обозначениями процессов и систем в организме: *Stoffwechsel, Gedächtnis, Kreislauf, Gehirn, Verdauung*. Также в качестве объекта нередко встречаются композиты с основным словом *Kreislauf*: *Wirtschaftskreislauf, Geldkreislauf, Finanzkreislauf*. Вероятно, на сочетаемость идиомы влияет ее внутренняя форма, потому что существительное *Schwung* означает энергичное движение, в том числе круговое. В качестве одушевленных объектов могут выступать существительные *Publikum, die Massen*. С обозначениями транспортных средств идиома, напротив, сочетается реже.

В целом сопоставление контекстов из корпуса позволяет убедиться в том, что рассматриваемые идиомы не являются полными синонимами и обнаруживают различия в семантической валентности. Результаты исследования доказывают, что корпусный анализ может использоваться для уточнения словарных толкований идиом.

Литература

Redensarten-Index. URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php>

Version 2.4.1 der webbasierten Benutzeroberfläche von COSMAS II. URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>

ФРАНЦУЗСКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО КНИЖНОГО РЫНКА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Петрова Анастасия Дмитриевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Современная французская литература одна из самых разнообразных и востребованных во всем мире. В самой Франции, помимо коммерческой литературы, взрослой и детской, огромное место отводится текстам интеллектуальным, где основным фокусом работы авторов является язык. При этом интеллектуальная литература представляет собой как элитарное чтение «не для всех», так и массовое. Многие французские бестселлеры, например, книги Маилис де Керангаль или Пьера Мишона, лауреатки Нобелевской премии 2022 года Анни Эрно — являются интеллектуальным, но массовым чтением. В то же время в России некоммерческая переводная французская литература составляет меньше одного процента книжного рынка. Объяснить этот феномен можно только языковыми особенностями и той специфической картиной мира, которая содержится во французском языке и едва ли поддается адекватному переводу.

На примере текстов нескольких французских авторов (Анни Эрно, Маилис де Керангаль и Пьера Мишона) мы попытаемся показать, как именно работает писатель с оригиналом, каковы стилистические особенности «письма» и возможные способы «сказать почти то же самое». Является ли проблема только языковой? Какие этические, культурные и философские вопросы маскирует или, наоборот, высвечивает французская словесность? Если говорить о том, что объединяет Анни Эрно, Маилис де Керангаль и Пьера Мишона, это будет разговор об экспериментах над французским языком. Керангаль смешивает стили — высокий литературный нормативный французский и разговорный, фамильярный, старинное арго. И Керангаль и Мишон много рифмуют, несмотря на то, что все поэтические экзерсисы не выходят за пределы прозы, то есть, проза не становится поэзией, белыми стихами или стихопрозой (как у Пабло Пикассо), однако с помощью множества художественных приемов слова цепляются друг за дружку, раздаются эхом, сопрягаются. У Анни Эрно в прозе тоже присутствует поэтизация, хоть и в меньшей степени, и цель этой поэтизации не такая, как у Керангаль или Мишона. Для Анни Эрно языковой эксперимент — это попытка услышать подтекст, скрытый подлинный голос, которым литература говорит о важном — о любви, о гендерных проблемах, о телесности. Для Керангаль языковой эксперимент носит совсем иной характер, она с помощью языка высвечивает мультикультурность художественного произведения и современного мира, недаром у нее в текстах так много англицизмов и разных иностранных слов. А Мишон направляет свой поэтический дар в прошлое, обращается к традиции, нащупывает те интонации, с которыми могли бы говорить его герои — например, Рембо.

Переводя французскую литературу и сталкиваясь с языковым экспериментом, всякий раз необходимо задаваться вопросом: а для чего он? И в зависимости от ответа мы переводим. Франкоговорящим людям гораздо легче: они сразу слышат текст, для них все ассоциации если и не всегда очевидны, то интуитивно угадываемы. А на русском языке, в переводе, мы текст не столько слышим, сколько читаем. Для того, чтобы читатель услышал голос автор, переводчик должен знать его интонацию, его намерение, его цель. Игра не затевается ради игры, даже членами цеха УЛИПО. У эстетики обязательно есть какая-то этическая философская подоплека. И если её нет в переводе, то чтение превращается в разгадывание головоломки, теряет всякий смысл. Длинные «прустовские» периоды у Керангаль поражают не только женскими особенностями письма, но и порой катастрофической невнятистью: «Les semaines filaient, les enfants s'éloignaient, les maisons s'encrassaient, et eux ne touchèrent bientôt plus d'autres corps que les leurs. Il y eut du surménage, des dépressions, des fausses couches et des divorces, des enlacements sexuels dans les open space, mais ça ne rigolait pas, ce n'était pas ludique, juste une occasion, des larrons, et l'incapacité de résister à une promesse de plaisir quand la nuque craque et que les yeux ont cramé douze heures sur des tableaux Excel, poussées de fièvres converties en coïts rapides, un peu n'importe quoi, et finalement, bien qu'atrocement déçus à l'annonce de la proclamation, les recalés furent soulagés de

s'en tenir là: ils avaient vieilli, ils étaient épuisés, nazes, morts, sans plus de jus que celui des larmes de fatigue qu'ils laissaient couler une fois seuls en voiture au retour du boulot, quand la radio passait un air de rock, un morceau gorgé de jeunesse et d'envie de s'éclater, Go Your Own Way [...]» [Kerangal 2010: 24–25]. Из романа «Мост» Маилис де Керангаль можно выдергивать любые фрагменты, как из сюрреалистов, и анализировать. Так же дело обстоит с текстами Мишона и Анни Эрно (к ним присоединился бы Паскаль Киньяр, Матиас Энар и многие другие).

В этом докладе мы посмотрим на то, есть ли в русском языке или, возможно, в русской культуре и русском сознании факторы, тормозящие перевод и, соответственно, восприятие той французской литературы, которую знают французы.

Литература

Kerangal M. Naissance d'un pont. Paris, 2010.

ПОРЯДОК СЛЕДОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ИМЕННОЙ ГРУППЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

ORDER OF RELATIVE ADJECTIVES IN THE NOUN GROUP (IN PORTUGUESE)

Петрова Галина Викторовна

*доцент, Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД России*

Задачей настоящей работы является сопоставление порядка расположения в именной группе нескольких относительных прилагательных (в терминологии португальских грамматистов — *classificadores*) [Silva 2008: 136] в русском и португальском языках. Исследование проводится на основе примеров и текстов из португальских и бразильских СМИ. Порядок расположения относительных прилагательных в романских языках является зеркальным по сравнению с русским и английским: в нейтральном стиле романских языках они располагаются справа от существительного [S], а в русском и английском — слева от него. В португальском языке относительные прилагательные, в отличие от качественных, не употребляются в препозиции [Moreira 2015: 63]. При переводе с одного языка на другой рекомендуется переводить определители в обратном порядке, но существуют определенные расхождения. Употребление более трех прилагательных в постпозиции в португальском языке является громоздким [Ciberdúvidas], и говорящий старается избежать этого, заменяя отношения подчинения сочинением или путем замены прилагательного синонимичной ему группой *de+S* [Silva 2008: 137]. Если в именной группе оказываются несколько специфицирующих прилагательных, то ближе к существительному располагается определение с более широким значением. Последующие прилагательные выполняют рестриктивную функцию: [Афанасьева & Соловьева 2019: 83]: *um [grupo insurgente] sunita]] iraquiano* — иракская [[суннитская [мятежная группировка]. Если определение выражено синтагмой *de+S*, а лексическое значение *S* ослаблено, группа *S+de+S* представляется единым денотатом, где *de+S* также ограничивает значение ядра: *vários [projetos de energia] nacionais]]* — различные [[национальные [энергетические проекты]; *[campos de gás] offshore]]* — [[офшорные [газовые месторождения]; *[Teto de Gastos] público]]* — потолок государственных расходов (букв. государственный потолок расходов); *[análise de discurso] crítica]]* — критический анализ дискурса (букв. критический дискурсивный анализ); *novo [míssil balístico] intercontinental]] russo* — новая российская [[межконтинентальная [баллистическая ракета]. Однако в группе *S de+S* второе существительное в некоторых случаях может приобретать самостоятельное значение. В этом случае рестриктивный характер связи между *S* и *de+S* является не такой тесным, как в именной группе с прилагательным, и группа может разрываться прилагательными различной семантики, которые в этом случае формально определяют ядро: *as reservas estratégicas de petróleo* (а не *as reservas de petróleo estratégicas* — стратегические нефтяные запасы (букв. Стратегические запасы нефти); *propostas embrionárias de análise* (а не *propostas de análise embrionárias*) — элементарные аналитические предложения (букв. элементарные предложения анализа). Подобные случаи представляют особую трудность для переводчика. SN типа *estado de direito democrático/ estado democrático de direito* (примеры взяты, соответственно, из конституций Португалии и Бразилии) представляют особый случай: оба спецификатора сужают денотативное значение существительного в одинаковой степени, и определяющим фактором при выборе порядка следования прилагательных становится узус. Фактор узуса также является основополагающим в терминологии, где порядок следования в португальском и русском языках не совпадает: *[Plano de Ação] Conjunto]] Global* — ? Совместный [[всеобъемлющий [план действий], ср. в русском: Всеобъемлющий [[совместный [план действий]. Даже в пределах одной и той же статьи в СМИ могут встречаться синтагмы с разным порядком прилагательных: *armas estratégicas ofensivas/ armas ofensivas estratégicas* — стратегическое наступательное оружие. В португальском языке в самой дальней правой позиции в SN стоит детерминант, обозначающий национальность или географическое название: *o ministro da Defesa brasileiro* — министр обороны Бразилии. Одна-

ко для говорящего национальность должностного лица оказывается в определенном контексте более важной, чем его должность, и появляются примеры, противоречащие общему правилу: O ministério russo da defesa publicou um vídeo... — российское министерство обороны опубликовало видео... В подобных случаях определяющим становится субъективный фактор. Отношения подчинения между спецификаторами, выполняющими равные рестриктивные функции, могут заменяться отношениями сочинения, и относительные прилагательные соединяются союзами, запятой: movimentos sociais, de gênero, empresários e políticos — общественные, гендерные, политические движения и бизнес-сообщества — или дефисом. В последнем случае образуются сложные прилагательные, в которых порядок определяется соображениями просодического характера, то есть первым ставится:

- а) более короткое определение: o progresso científico-tecnológico — научно-технический прогресс (обратным является порядок с более коротким прилагательным: o progresso técnico-científico);
- б) прилагательное в усеченной форме: o conflito etno-político no Alto Carabaque — этнополитический конфликт в Нагорном Карабахе;
- в) первым ставится прилагательное двух окончаний: a aliança político-militar — военно-политический альянс.

Литература

- Silva, Ademar da.* A ordem dos adjetivos em grupos nominais: uma questão sintático-semântica e discursiva. // Calidoscópico. 2008. Vol.6, no. 3: 134–141. URL: <https://scholar.archive.org/work/vd6z7w6sjrg5tivegzgstptioie>
- Moreira, Thais Luisa Deschamps.* A sintaxe dos adjetivos atributivos. Dissertação de mestrado. Universidade Federal do Paraná, 2015. URL: R — D — THAIS LUISA DESCHAMPS MOREIRA.pdf (ufpr.br)
- Ciberdúvidas da língua portuguesa. A ordem dos adjetivos em português. URL: A ordem dos adjetivos em português — Ciberdúvidas da Língua Portuguesa
- Афанасьева Л. В., Соловьева С. И.* Степень спаянности компонентов именного словосочетания с двумя препозитивными прилагательными в современном французском языке. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. URL: www.gramota.net/materials/2/2019/2/17.html

ЭКСПРЕССИВНАЯ НОМИНАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ КАНАРСКИХ ОСТРОВОВ: ОСНОВАНИЯ, ОБРАЗЫ, КОННОТАЦИИ

EXPRESSIVE NOMINATION OF THE CANARY ISLANDS' INHABITANTS: BASES, IMAGES, CONNOTATIONS

Попова Евгения Андреевна

доцент, Московский государственный лингвистический университет

Настоящее исследование посвящено особенностям испанских экспрессивных этнонимов, обозначающих жителей Канарских островов. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного лингвокультурологического анализа причин и следствий возникновения этнонимов с оценочными коннотациями как способа взаимоотношений между сообществами разного типа. Их семантика основана на образном восприятии себя и «других» в окружающей действительности, а сами единицы, как правило, являются частью разговорной речи.

Изучение оснований этнономинации подобного рода ставит целью выявление социокультурного разнообразия, понимание которого способствует формированию межкультурной и межэтнической толерантности.

Основным методом исследования послужил структурно-семантический анализ 15 языковых единиц, обозначающих жителей Канарских островов и их провинций в испанской разговорной речи. Так, например, наряду с официальным термином «*tinerfeños*» для номинации жителей острова Тенерифе существует экспрессивный этноним «*chicharreros*»; жителей острова Гран Канария неформально называют «*canariones*» или «*canariotes*»; жителей острова Лансароте — «*sonejeros*», Фуэртевентура — «*majoreros*» и т. д. Одна из задач исследования состояла в том, чтобы понять, появились ли указанные этнонимы в результате авто- или гетерономинации и, следовательно, имеют в современном испанском языке положительные, отрицательные или нейтральные коннотации.

Материалом исследования служат словари испанского языка — *Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española [DRAE]*, *Diccionario etimológico de castellano en línea [DECEL]*, *Diccionario Critico Etimologico Castellano e Hispanico [Corominas, Pascual, 1987]*, а также общение с его носителями [*Forum Wordreference*] и интернет-сайты, посвященные особенностям жизни канарцев [*Gentilicios...*, 2018; *Morera, 2020*].

Результаты проведенного этимологического, семантического и культурологического анализа позволяют сделать вывод о том, что изучаемые языковые единицы являются микроэтнонимами, или деонимами (используются для обозначения жителей региона внутри страны), в основном участвуют в создании авто- и метаобразов, в связи с чем имеют положительные коннотации. В то же время этнонимы, лежащие в основе гетерообраза (например, «*canariotes*»), чаще несут в своем значении отрицательную оценку. Семантика указанных единиц формируется посредством метафоризации и метонимизации, основанием для которых служат экстралингвистические факторы — история и географические условия проживания на Канарских островах.

Ярким примером сочетания указанных процессов и факторов является этноним «*guanche*», обозначающий человека на родном языке первых обитателей Канарских островов. Название племени «*guanches*» происходит от слова «*wachinet*» («*gwachinet*»): «(g)wa» = «сын», «*chinet*» = «большой вулкан» («*chin*» = «вулкан»). Раньше так назывался остров Тенерифе, который ассоциировался с вулканом Тейде. Таким образом, «*guanche*» = «сын вулкана», или «сын Тенерифе» (метафора). Первоначально этноним использовался для автономинации жителями именно острова Тенерифе, а сейчас данная единица обозначает канарцев в целом (метонимия). Несмотря на то, что в результате метонимического переноса мы можем наблюдать явление гетерономинации (именования извне, «другими»), этноним не приобрел уничижительного значения, а наоборот, содержит компонент положительной оценки.

Среди причин сохранения положительных коннотаций можно назвать легенды о «Счастливых островах» и их населении, которые с древнейших времён встречались в классической мифологии (Геродот, Плиний, Гораций, Вергилий упоминали острова в своих произведениях, а Платон «помещал» на этих широтах Атлантиду).

Таким образом, при изучении формирования рассматриваемой лексической группы можно проследить ряд взаимосвязанных внутренних и внешних процессов, что открывает перспективы для дальнейших исследований.

Литература

Corominas J., Pascual J.A. Diccionario Critico Etimologico Castellano e Hispanico. T.5: RI — X. Madrid: Graficas, 1987.

Condor S. A. Sanchez Pachecho, 1987.

DECEL: Diccionario etimológico de castellano en línea. URL: <http://etimologias.dechile.net>

DRAE: Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. URL: dle.rae.es

Forum Wordreference. URL: <https://forum.wordreference.com/threads/islas-canarias-gentilicio.1982952/>

Gentilicios de las Islas Canarias // Guanchipedia, 25.05.2018. URL: <https://guanchipedia.com/gentilicios-diferentes-islas-canarias/>

Morera M. Los majoreros y los conejeros son los que adaptan el español al Atlántico // Diario de Fuerteventura, 28.12.2020. URL: <https://www.diariodefuerteventura.com/noticia/%E2%80%9Clos-majoreros-y-los-conejeros-son-los-que-ada...>

УРБАНОНИМИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ СТАРОГО ГОРОДА СТОКГОЛЬМА

URBANONYMIC NOMINATION OF THE OLD TOWN OF STOCKHOLM

Природина Ульяна Петровна

доцент, Московский государственный лингвистический университет

Старый город Стокгольма (далее Старый город) — историко-культурный центр столицы Швеции. Урбанонимы, в нашем случае годонимы (названия улиц и переулков), выступающие, прежде всего, ориентирами в пространстве, плотно связаны с традициями, укладом жизни этноса, этапами развития общества.

Актуальность работы обусловлена значимостью результатов анализа исследуемых единиц для расширения знаний о закономерностях и особенностях номинации топонимических объектов в шведском языке. Материалом для исследования послужили годонимы Старого города с номенклатурной составляющей *gata* 'улица' (14 единиц), *gränd* 'переулок' (47 единиц), отбор которых осуществлялся методом целенаправленной выборки из современной карты Стокгольма [Карта Стокгольма 2022: эл. рес.].

Систематизация годонимов с целью определения их национально-культурной специфики, тематико-мотивационных разрядов, механизмов номинации и типов словообразования проводилась по письменным источникам [Stahre et al. 2005].

История Старого города уходит корнями в эпоху Средневековья, в связи с чем «участие» эпохи в названиях годонимов имеет логическое обоснование. В контексте рассмотрения урбанонимического наследия Старого города мы обратили внимание на наличие большого количества названий годонимов, национально-культурная специфика которых обусловлена историей становления и развития города, характером общественных отношений, системой средневековых взглядов и ценностей. Некоторые особенности эпохи Средневековья, выраженные в распространении христианства, монашеских сообществ, профессиональных общностей, развитии торговли и ремесленного производства и др., отчетливо прослеживаются в урбанонимической номинации, что демонстрирует ее семантическое разнообразие.

С учетом изложенного выделяются различные тематико-мотивационные разряды годонимов, например: годонимы, в семантике которых отражены религиозные понятия (*Johannesgränd*, *Stora Gråmunkegränd*, *Prästgatan*); свойства и качества, присущие улицам и переулкам (размер, конфигурация и др.) (*Bredgränd*, *Gaffelgränd*, *Västerlånggatan*); названия профессий ремесленников (*Skräddargränd*, *Överskärargränd*, *Skomakargatan*) и т. д.

Отантропонимические годонимы, мотивированные именами собственников имущества, домовладельцев, государственных деятелей создают самый обширный тематико-мотивационный разряд (*Göran Hälsinges Gränd*, *Ignatiigränd*, *Salviigränd*). К данному разряду могут быть отнесены также имена королевских особ, персонажей из скандинавских саг, вписываемых в культурный контекст эпохи Средневековья (*Ivar Vidfamnes Gata*, *Sigrid Rings Gata*).

Большая часть «городского» населения средневековой Швеции в определенной степени была сосредоточена вокруг рынка, более 100 отдельных профессий соответствовали формуле «труд и обмен» [Сванидзе 1980: 50]. В случае выделения отдельно отантропонимических годонимов, мотивированных сословием купцов, профессионально занимающихся торговлей, рабочих на производстве и др. (*Didrik Ficks Gränd*, *Triewaldsgränd*) прослеживается взаимосвязанность тематико-мотивационных разрядов.

Отметим, что не все «атрибуты» Средневековья в полной мере находят отражение в «языке» городского пространства Старого города. Так, популярные объединения купцов или ремесленников в гильдейские организации, названные именами святых или церковными реликвиями, обозначены одним годонимом — *Helga Lekamens Gränd*, мотивированного гильдией Святого Тела Господня.

Для номинации порой используются единицы, требующие дополнительных этимологических изысканий по причине того, что их лексические значения не раскрывают стоящую за ними историческую реальность (Själagårdsgatan).

Топонимикону Старого города свойственны естественные ономастические процессы такие, как онимизации апеллятива, трансонимизации онима. Трансонимизация онима наблюдается на уровне разных разрядов, например: антропоним → годоним (Mårten Trotzig → Mårten Trotzigs Gränd), ойкодомоним → годоним (Bollhus → Bollhusgränd), агоним → годоним (Botvid → Botvidsgatan), агоним → эkkлезионим → годоним (Sigfrid → S:t Sigfrids kyrka → Sigfridsvägen).

Отмечается два продуктивных типа словообразования годонимов Старого города с номенклатурными единицами gata, gränd: словосложение (67,2 % проанализированного материала), 2) словосочетание (32,8 % проанализированного материала). Вместе с тем названия годонимов с номенклатурной составляющей gata образованы только по первому типу.

Некоторые годонимы участвовали в процессах переименования, орфографического варьирования, например: Tollhuus grenden (1626) → stora Tullhus gränden (1693) → Store Siötullsgränden (1704) → Stora Tull gränd (1733) Tullgränd (1885).

Перспективными направлениями дальнейших исследований можно считать: 1) рассмотрение других видов урбанонимов, названия которых подверглись влиянию эпохи Средневековья; 2) изучение исторически сложившихся механизмов номинации и типов словообразования на уровне современного урбанонимического наречения.

Литература

Карта Стокгольма [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <https://u-karty.ru/sweden/stockholm.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. швед. (дата обращения: 29.12.2022).

Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок Швеции. XIII–XV вв. М., 1980.

Stahre N.-G., Fogelström P. A., Ferenius J., Lundqvist G. Stockholms gatunamn. Stockholm: Stockholmia förlag, 2005.

МИКРОПОЛЕ «МИЛИТАРИЗМ» В СТРУКТУРЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ» В ДИСКУРСЕ СМИ ГЕРМАНИИ

Самородин Георгий Владиславович

ассистент, Московский городской педагогический университет

Современная Германия является одним из недружественных России государств [Распоряжение Правительства РФ № 430-р]. Как член Европейского союза и НАТО, ФРГ во многом следует антироссийской политике этих объединений, что находит выражение в содержании речей официальных лиц Германии, а также интервью с известными персоналиями и лидерами мнений. Такие материалы нередко публикуются в СМИ с целью создания в немецком обществе русофобских настроений. Хотя описанная тактика применяется на протяжении многих лет, наибольшее развитие она получила с февраля 2022 года после начала специальной военной операции на территории Украины (*Автор безоговорочно поддерживает специальную военную операцию), когда к числу используемых СМИ Германии манипулятивных стратегий [Катенева 2009] добавились тактики, направленные на дискредитацию ВС РФ путём публикации специальным образом подготовленных провокационных, недостоверных и заведомо ложных сведений. Статистически значимое количество размещённых в СМИ Германии публикаций о чрезвычайных ситуациях, спровоцированных агрессивной милитаристской антироссийской политикой недружественных стран предопределяет необходимость выделения в составе семантического поля «Чрезвычайная ситуация» [Самородин, Собянина 2020] нового микрополя «Милитаризм» с целью подробного лингвистического анализа входящих в его структуру лексических единиц. Достижение поставленной цели исследования потребовало решения ряда практических задач, в число которых входит отбор тематического языкового материала из немецких СМИ, анализ используемых семантических единиц, включая исследование их манипулятивного потенциала, статистическое обоснование выделения нового микрополя «Милитаризм» в структуре семантического поля «Чрезвычайная ситуация» и определение его позиции относительно других микрополей. Методы исследования подобраны с учётом их соответствия содержанию поставленных задач и предполагают использование элементов семантического, статистического, дистрибутивного анализа, моделирования, приёма машинной обработки информации, полевого метода. Основным результатом проведённого исследования стала построенная орбитальная модель [Самородин 2021] микрополя «Милитаризм» как части семантического поля «Чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии, сопровождаемая описанием входящих в структуру микрополя элементов и характера их взаимодействия, что позволило сформулировать следующие выводы:

1. Анализ репрезентативной выборки языкового материала, включающей в себя 50 полных текстов новостных сообщений о чрезвычайных ситуациях, вызванных агрессивной милитаристской антироссийской риторикой недружественных стран, опубликованных в СМИ Германии (Stern, Spiegel, FaZ, Zeit, SZ), позволил подтвердить оправданность выделения в структуре семантического поля «Чрезвычайная ситуация» нового тематического микрополя «Милитаризм».

2. К числу наиболее частотных семантических единиц относятся прилагательные russisch (182), ukrainisch (100), а также существительные Ukraine (166), Russland (112), Putin (74), Selenskyj (49), что обусловлено изображением в СМИ Германии вооружённого конфликта на территории Украины в качестве бинарной оппозиции Россия—Украина (Путин—Зеленский).

3. В анализируемых текстах обнаружено использование манипулятивных стратегий, направленных на дискредитацию ВС РФ, Президента и Правительства России, например:

А. Тактики «Поляризация». Украина однозначно изображается жертвой, Россия — агрессором: Seit Februar wehren sich die ukrainischen Truppen gegen den russischen Angriff [SZ] // С февраля украинские войска обороняются против российского нападения.

Б. Тактики «Оскорбление». Известные персоналии (в данном случае — бывший федеральный президент ФРГ) позволяют себе в обход дипломатических и этических норм публично

применять оскорбления к Президенту России Владимиру Путину: Gauck nennt Putin „kaltblütigen Kriegsverbrecher“ [Zeit] // Гаук называет Путина «хладнокровным военным преступником».

В. Тактики «Зацепка за прецедентный текст». Вооружённые силы России дискредитируются путём сравнения с негативным персонажем из произведения классической литературы: Der ukrainische Generalstabschef Valeryj Saluschnyj sagt, diese Fahrlässigkeit komme daher, dass russische Offiziere seit Zar Peter dem Ersten dem Leitbild des „Derschimorda“, folgen — also dem Motto: „Gehorche und halt das Maul, sonst bist du am Arsch“ [FaZ]// Украинский начальник генерального штаба Валерий Залужный считает, что эта халатность является следствием того, что российские офицеры со времён царя Петра следуют примеру Держиморды, а именно принципу «Повинуйся и заткнись, иначе тебе». Отдельно стоит отметить использование в оригинальной цитате бранной лексики.

4. Статистический анализ позволил определить тенденцию микрополя «Милитаризм» к занятию лидирующей по частотности позиции среди других микрополей семантического поля «Чрезвычайная ситуация», что обусловлено динамическим характером дискурса о чрезвычайных ситуациях СМИ Германии.

Литература

Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» от 05.03.2022 № 430-р. 2022 г.

Самородин Г. В. Структурно-содержательная модель лексико-семантического поля «чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 3. С. 130–150.

Самородин Г. В. Структурно-смысловые особенности лексико-семантического поля «чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии / Г. В. Самородин, В. А. Собянина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 6. С. 168–173.

Катенева И. Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ (на материале общественно-политических оппозиционных изданий): 10.02.01. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 250 с.

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ И ОБРАЗ ОППОНЕНТА В ДИСКУССИИ О ГЕНДЕРНОЙ КОРРЕКТНОСТИ В НЕМЕЦКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ

SELF-PRESENTATION AND OPPONENT IMAGE IN THE DISCUSSION ABOUT GENDER-FAIR LANGUAGE IN GERMAN MEDIA-DISCOURSE

Слинина Людмила Ярославна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Дискуссия об использовании гендерно-корректных форм в языке, развернувшаяся на страницах немецких СМИ в последние годы, представляет интерес для лингвистических исследований с нескольких точек зрения. Во-первых, использование гендерно-корректных форм — это одна из центральных тем гендерной лингвистики, опирающейся на достижения феминистического направления и рассматривающей гендер как социальную категорию [Spieß et al. 2012: 2–6], во-вторых, вопрос о необходимости применения в речи гендерно-корректных форм и о возможности сознательного внесения изменений в речевое употребление изучает научная языковая критика [Kilian et al. 2016: 40]. В-третьих, дискуссия об употреблении гендерно-корректных форм является частью современного медиа-дискурса и характеризует его составляющие: внутритекстовые свойства, внетекстовые факторы, а также позиции участников дискуссии [Spitzmüller, Warnke 2008: 197–201].

Результаты исследования, представленного в докладе, касаются дискурсивного аспекта, а именно способов представления в тексте участников дискуссии о гендерной справедливости в языке. Речь идет о лексических способах выражения самооценки и характеристики оппонентов, которые можно обнаружить в статьях, посвященных теме использования гендерно-корректных форм. Материалом исследования послужили тексты статей на указанную тему, опубликованные в электронных немецких СМИ („Der Spiegel“, „taz“, „Die Welt“, „FAZ.net“ и др.) за период с 2018 по 2022 годы.

Предметом дискуссии является использование обозначений лиц по профессиональной, социальной, национальной принадлежности. Сторонники соблюдения гендерной справедливости в языке считают необходимым использование выражений, отражающих гендерное многообразие — естественных, например, *Leserinnen und Leser*, или искусственно созданных, таких как *Leser*innen* — или применение гендерно-нейтральных форм, например, *Leserschaft*. При этом форма обобщающего мужского рода (*Liebe Leser*) считается дискриминирующей. Основным мотивом такого речевого поведения оказывается необходимость уважительного отношения ко всем гендерным группам. Противники такого словоупотребления осуждают насильственное вмешательство в естественное речевое употребление.

Анализ текстов показывает, что сторонниками соблюдения гендерной корректности являются в первую очередь представителями гендерной лингвистики и журналисты, практикующие гендерно-корректные формы, круг их противников более широк с точки зрения профессиональной принадлежности: это лингвисты и журналисты, но и писатели, учителя, юристы, политики, актеры. В отношении гендерного состава участников дискуссии следует отметить преобладание женщин среди сторонников соблюдения гендерной корректности, в то время как их оппонентами являются и женщины, и мужчины примерно в равном соотношении.

Представление участников спора о себе и друг о друге отличается от объективных данных. Сторонники гендерной корректности считают своих единомышленников молодыми и прогрессивными, к ним относятся представители всех гендерных групп. В текстах встречаются примеры самокритики в отношении последовательности и правильности употребления гендерно-корректных форм. Характеризуя своих оппонентов, они подчеркивают, прежде всего, их пол и возраст, а также принадлежность к консервативной части общества: *немолодые мужчины, недовольные своим современным социальным положением* — *konservative Männer, gekränkte Boomer, Ewiggestrige, wertkonservative Liberale und Rechte*.

В высказываниях противников использования гендерно-корректных форм практически отсутствует явно выраженная самопрезентация. Они выступают от имени здравомыслящих людей и призывают прекратить «издевательства» над языком: *Verhunzung der deutschen Sprache*, *menschengemachter Genderunfug*, *sprachliche Umweltverschmutzung*. При обозначении своих оппонентов они часто используют собирательные существительные, например, *linksidentitäre Kreise*, *nicht ganz junge feministische Sprachwissenschaft*, при этом подчеркивается возрастной и политический аспект. Редкое использование имен лиц отличается образностью и носит иронический характер: *Gender-Verfechter*, *Gendergagaist*innen*.

Анализ оценочных высказываний сторонников и противников гендерной корректности в языке демонстрирует различия в способах их самопрезентации и представлении оппонентов. Сторонники гендерного равенства, как правило, используют обозначения лиц и прямые номинации, противники использования гендерно-корректных форм, чаще употребляют косвенные способы выражения. Критикуя своих оппонентов, они применяют разнообразную лексику нередко абстрактного характера с выраженной негативной коннотацией, часто основанную на метафорических переносах.

Литература

- Kilian J., Niehr T., Schiewe J.* Sprachkritik. Ansätze und Methoden der kritischen Sprachbetrachtung. Berlin, Boston, 2016.
- Spieß C., Günthner S., Hüpper D.* Perspektiven der Genderlinguistik. // Genderlinguistik. Sprachliche Konstruktionen von Geschlechtsidentität. Berlin; Boston, 2012. S. 1–31.
- Spitzmüller J., Warnke I. H.* Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik — Grundlagen und Verfahren einer Sprachwissenschaft jenseits textueller Grenzen // Methoden der Diskurslinguistik. Sprachwissenschaftliche Zugänge zur transtextuellen Ebene. Berlin, Boston, 2008. S. 3–54.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ГАЛИСИИ И ГАЛИСИЙЦЕВ В «РАЗГОВОРЕ 24 ГАЛИСИЙСКИХ КРЕСТЬЯН» М. САРМЬЕНТО

Снеткова Марина Сергеевна

доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Бенедиктинец-эрудит Мартин Сармьенто (1695–1772) является уникальным галисийским деятелем эпохи Просвещения. Увлеченный целым рядом дисциплин — среди них можно отметить географию, историю, искусство, богословие, лингвистику, литературоведение, образование, медицину и др., — он также стал автором «первого современного текста, целиком написанного по-галисийски» — «Coloquio de 24 galegos rústicos», 1746 г. [Boletín 2022: 212].

Важно помнить, что М. Сармьенто работал в период так называемых «Темных веков» (Séculos oscuros) галисийской словесности, когда местный язык был практически полностью вытеснен из письменной речи испанским языком. Этот текст, сочетающий в себе черты художественного произведения и лексикографического исследования, состоит из 1200 четверостиший, написанных шестисложником с рифмовкой четных строк. Как и указано в его названии, это разговор нескольких галисийских крестьян: возвращаясь домой из разных мест Испании, они встретились на привале на живописном плоскогорье близ Понтеведры и обсуждают потрясшую всех новость: смерть короля Филипа V и восшествие на престол его сына Фердинанда VI. Анализ лексическо-стилистической составляющей произведения не только может дать представление о состоянии языка этого исторического периода, но и позволяет проследить эволюцию традиционного представления о Галисии и галисийцах в галисийском и испанском сознании.

М. Сармьенто во многом опередил свое время, у него не было прямых последователей, большинство его трудов были опубликованы уже посмертно и стали серьезно изучаться филологами только во второй половине XX в. При этом есть основания полагать, что рассматриваемый нами текст все-таки был доступен и знаком деятелям галисийского Возрождения XIX в. и их преемникам. Так, первое печатное издание «Разговора...» в 1859 г. осуществил Ш. М. Пинтос — поэт и общественный деятель, предтеча этого культурного движения. А В. Ламас Карвахаль назвал первую газету, публиковавшуюся целиком на галисийском языке (1876–1889), в честь героя «Разговора...» — «O Tío Marcos d'a Portela». Поэтому для историка языка Р. Мариньо Паса, очевиден вклад М. Сармьенто в процесс «спонтанной выработки литературного стандарта современного галисийского языка» [Sarmiento 1995: 93].

Сложность изучения «Разговора...» связана с тем, что оригинальная рукопись была обнаружена только в 2002 г. Более ранние исследования, в том числе подробнейшие книги Х. Л. Пенсадо (1970) и Р. Мариньо Паса (1995), осуществлялись с опорой на ряд копий. Разная степень сохранности и полноты этих копий, тот факт, что они могли делаться не с оригинальной рукописи, а также то, что переписчики не всегда владели галисийским языком, привели к значительному полиморфизму текстов.

Теперь, когда оригинал выложен в открытом доступе на ресурсе Института галисийского языка [Coloquio], часть выводов из ранее опубликованных исследований могут быть скорректированы. Для более полного понимания «Разговора...», его следует изучать вместе с 3-мя связанными с ним испаноязычными текстами М. Сармьенто: письмом от 14 января 1751 г., адресованным Франсиско де Раваго и коротким вступлением, в которых автор поясняет замысел своего произведения, а также глоссарием к первым 194 четверостишиям, который автор начал составлять после написания «Разговора...» и, возможно, дополнял на протяжении всей жизни.

Также полезны и другие лексикографические работы М. Сармьенто, посвященные галисийскому языку. Если в плане грамматики и графики автор старался использовать этимологический подход и опирался на знание португальского языка и средневековых документов на галисийском языке, то приоритетом в области лексики для него стало использование элементов

живой разговорной речи («voces gallegas puras», [Sarmiento 1995: 107]), с которой он имел непосредственный контакт в детстве (до 15 лет он жил в Понтеведре) и которую активно записывал во время своего путешествия по Галисии в 1745 г. — именно тогда он заново открыл для себя родной язык и всерьез увлекся изучением как его лексики и этимологии, так и социального статуса. Свою задачу автор формулирует так: зафиксировать «в их настоящей орфографии... отдельные галисийские слова» и сделать это в занимательной форме, используя «детский стиль» («el estilo pueril o de los niños») [Sarmiento 1995: 107]. Избранная форма в испанской традиции носит название «coplas de Perico y Marica» (не случайно и двух героев М. Сармьенто зовут на галисийский манер Perucho e Maruxa) — это сатирические четверостишия, написанные в форме диалога между двумя крестьянами.

Учитывая сюжетные рамки и характер героев, на лексико-стилистическом уровне очевидны, с одной стороны, отсылки к галисийским реалиям (четверо рассказчиков, побывавших в Мадриде, объясняют события в столице через сравнения с местным контекстом), с другой — разговорные элементы (оценочная лексика, фразеология, звукоподражания, деформация латинизмов). Описание пейзажа довольно условно, однако в нем подчеркиваются черты, ставшие элементами стереотипного представления о Галисии: сельскохозяйственные угодья, море, простор. Наиболее подробно разработанные лексико-семантические поля имеют отношение либо к быту (например, представлены довольно длинные списки топонимов, названий продуктов питания, продаваемых на рынке товаров), либо к ситуации неформального разговора (в частности, разнообразны средства выражения идеи глупости).

Особого внимания заслуживают средства создания комического эффекта: снижение образов, двусмысленность — которые позволяют исследователям и критикам видеть в тексте как безобидный юмор, так и жестокую сатиру.

Литература

Boletín da Real Academia Galega. №363. A Coruña, 2002.

Coloquio de vinte e catro galegos rústicos // Gondomar. Corpus dixital de textos galegos da Idade Moderna. URL: http://ilg.usc.es/gondomar/en/index.php?action=file&cid=3_Tagged/GOND049_1.xml&jmp=d-197_5-2 (дата обращения: 09.01.2023).

Sarmiento M. Fr. Coloquio de vintecatro galegos rústicos / ed. de R. Mariño Paz. Pontevedra, 1995.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ: СТРАТЕГИИ НЕОЛОГИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Г. Д'АННУНЦИО

THE INTERACTION OF POETICAL AND POLITICAL DISCOURSES: NEOLOGIZATION STRATEGIES IN POLITICAL TEXTS BY G. D'ANNUNZIO

Соколова Ольга Викторовна

старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН

Взаимодействие политического и поэтического дискурсов неоднократно становилось предметом исследования гуманитарных наук (ср. с концепциями «политизации искусства (эстетики)» и «эстетизации политики» В. Беньямина, «перераспределения чувственного порядка» Ж. Рансьера). В докладе будет рассмотрен один из аспектов такого взаимодействия, связанный с созданием особого художественно-политического языка Г. Д'Аннунцио, получившего обозначение «даннунцианского» стиля. Эксперименты с языком Д'Аннунцио, с одной стороны, вписываются в особый ряд поэтико-политических практик, сформировавшихся в 1920–30-е годы в разных странах Европы: В. Маяковский, С. Третьяков, Б. Арватов и др. — в Советской России, У. Льюис, А. Годье-Бжеска и др. — в Англии, Э. Паунд, Ю. Джолас и др. — в США. С другой стороны, он обладает спецификой, обусловленной сближением языкового эксперимента и конвенции, а также областью реализации интердискурсивных практик Д'Аннунцио, которой стала Свободная Республика Фьюме. Одной из характерных черт авторского стиля Д'Аннунцио стала разработка разных способов неологизации. Лексические новообразования у Д'Аннунцио имели разные прагматические цели. Например, он создавал их с целью замены англо- и франкоязычных заимствований: *tramezzino* 'состоящий из двух частей', ит. субститут англ. *sandwich*; *arzente* 'коньяк' ит. субститут фр. *cognac* и др. Часто неологизмы создавались с помощью «адаптации» латинизмов и их семантической модификации: *velivolo* 'воздушное судно', *fusoliera* 'фюзеляж' и др. (*velivolo* восходит к лат. *velivölus* 'летающий под парусами', впервые было употреблено в романе «Может быть, да, может быть, нет» (1910) и затем вошло в военный дискурс (в частности, во время кампании «Полет над Веной» в 1919 г.); *fusoliera* от венец. *fisolera*, также было введено в романе «Может быть, да, может быть, нет» (1910) [Treccani [http](http://)]).

Другой характерный прием неологизации Д'Аннунцио — это «реактуализация» латинских выражений, их переосмысление и введение в активный запас. Например, сделанная Д'Аннунцио надпись на могиле неизвестного солдата, погибшего во время Первой мировой войны: *milita ignoto* (лат. *ignoto militi* 'неизвестный солдат'); *mare nostrum* (лат. 'наше море' — обозначение Средиземного моря у древних римлян), которое вновь стал употреблять Д'Аннунцио для «оправдания» колониальных походов Италии в Африке [Treccani [http](http://)]. Неологизмы, которые встречаются в политических речах конца 1910-х — начала 1920-х годов, часто имеют в качестве мотивирующих основ названия географических объектов, ставших местами сражений (например, Битва при Капоретто), или названия стран-противников Италии во время войны, претендовавших на итальянские территории после ее окончания (например, Хорватия): *incaporettrato* 'раскапореченный' (неологизм, маркирующий позор при Капоретто), *caporettaio* 'капоретщик', *croatizzare* 'хорватизировать', *incroatato* 'расхорватизированный' и др. (здесь и далее примеры приводятся по [D'Annunzio 1980]). К политической сатире относятся гибридные неологизмы, мотивированные именами собственными политиков: *Gionittiano* (от имен итальянских политиков: Дж. Джолитти и Ф. С. Нитти), или такие экспрессивно-оценочные образования, как *Labbrone* 'губошлеп' о Дж. Джолитти. Неологические образования формируют парадигмы, в которых от одной основы образуется несколько дериватов с помощью приставочно-суффиксального (*in-*, *-ato*) и суффиксального (*-izza-*, *-aio*) способов. Эти неологизмы несут, прежде всего, экспрессивную функцию, они направлены на фокусирование внимания адресата и формирование отрицательного отношения адресата к референтам.

Для политических речей Д'Аннунцио периода Фьюме было важно создание определенной темпоральной перспективы, выстраиваемой с помощью целого комплекса грамматических

и лексических средств. Например, частотное употребление слов с приставкой *ri-* (*ricacciare, riconquista, ricominciare* и т. д.), которая становится продуктивной моделью создания неологизмов и актуализации редких слов: *riudire, rigaloppare, rinchiudere, ritraboccare, rivalicare, ritraversare* и т. д. (о ряде языковых особенностей речей Д'Аннунцио см. [Leso 1994: 743]). Эта приставка функционирует в двух основных значениях: повторения и усиления, — которые не всегда четко разграничиваются и могут накладываться друг на друга. Такое прагматическое функционирование отвечает основному семантическому принципу политического дискурса созданию амбивалентных высказываний, которые могут пониматься двояко в зависимости от контекста. Наложение идеи конвенциональности, выраженной семантикой повтора, и перформативности, маркируемой семантикой усиления, формирует особую темпоральность текстов Д'Аннунцио, направленных одновременно в прошлое и в будущее.

Отметим, что значение повтора, выражаемое приставкой *ri-*, в силу ее продуктивности и регулярной воспроизводимости в политических речах, характеризуется многократностью и универсальностью, способностью выражать одновременно совершенную завершенность действия и его потенциальную возможность. Значение усиления, относящееся к категории интенсификации, в зависимости от контекста может накладываться на значение универсальной повторяемости, создавая эффект одновременной реализованности события до момента речи, его воспроизводимости здесь-и-сейчас и потенциальной возможности в будущем. С темпоральной точки зрения, возникает эффект панхронического события, универсального и обобщающего разные временные периоды.

Источник финансирования: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Литература

- D'Annunzio G. Scritti politici di Gabriele D'Annunzio. Milano, 1980. <https://www.treccani.it/vocabolario/>*
- Leso E. Momenti di storia del linguaggio politico // Storia della lingua italiana: Scritto e parlato. II. A cura di L. Serianni: Trifone. Roma, 1994. P. 703–755.*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЧИСЛА В СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ «ГЛАЗ» В РУССКОМ И В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Спаццани Елена

аспирант, Римский университет «Сапиенца»

Понятие соматизма в рамках фразеологии в русском языке впервые рассматривалось Мордковичем [Мордкович 1971], в последнее время интерес к этому пласту фразеологических единиц намного увеличился. Стержневым компонентом соматических единиц является имя существительное, обозначающее части тела. Недавние исследования показали, что в русском языке одним из самых частотных компонент-соматизмов является лексема «глаз» [Воробьева 2015; Лиджиева, Сусеева 2012; Пархомик 2013]. В «Русской грамматике» [1980: 499] она включается в разряд существительных, преимущественно употребляющихся в форме множественного числа, которые обозначают парные предметы. Такое преимущество наглядно демонстрирует семантический потенциал категории числа. На самом деле, в итальянском и в русском языках множественное число лексемы «глаз» является прототипичным и семантически немаркированным членом числовой оппозиции [Tiersma 1982]. Следовательно, форма единственного числа, которая в норме является прототипичным членом, обладает в данном случае дополнительным значением. Предполагается, что такое значение — продукт словоизменительного характера категории числа и, в том числе, регулярной полисемии, на основе метонимии и метафоры [Апресян 1971]. По этому поводу, уже выделена для русского языка категоризация значений словоформ глаз — глаза в разных контекстах употребления [Ляшевская 2004; Урысон 1997]. При этом разделении, «глаз» в е. ч. имеет дополнительное значение «присмотр» и «особая способность видения», но всё-таки он оказывается «семантически незаполненной» [Ляшевская 2004: 79] по сравнению с «глаз». Во-первых, в данном корпусном исследовании рассматривается дистрибуция множественного и единственного числа, чтобы проверить и сравнить степень преимущества и маркированности. Выделяются два отдельных и не эквивалентных друг с другом корпуса фразеологизмов, на основе словарных статей с компонентом «глаз» «Фразеологического словаря русского литературного языка» [Фёдоров 2008] (363 вхождения) и «Dizionario dei modi di dire della lingua italiana» [Quartu 2012] (109 вхождений). При определении корпусов, считаются единицами также варианты с точки зрения синтаксической и лексической структуры, взятые из одной леммы. Наоборот, чисто формальные варианты (чаще всего по глагольному виду), относящиеся к разному вхождению, считаются незначительными и не принимаются. По этим причинам, число фразеологических единиц, из которых состоят корпусы, (ит. 151; рус. 256) не совпадает с числом вхождений словарей, имеющих данной компонент. Данные из корпусов обработаны программным обеспечением SketchEngine. Создаются таблицы частотности словоформ и, для оптимального сравнения корпусов разного объема, рассматривается относительная частота слов, умноженная на миллион:

1. Русский язык:

Word — Frequency — Frequency Per Million

1 глаза — 128 — 152,562.57

2 глаз — 64 — 76,281.29

4 глазами — 35 — 41,716.33

11 глазом — 12 — 14,302.74

9 глазах — 17 — 20,262.22

14 глазу — 8 — 9,535.16

19 глазам — 6 — 7,151.37 2.

Итальянский язык: Word — Frequency — Frequency Per Million

1 Occhi — 85 — 113,182.42

2 Occhio — 64 — 85,219.71

Во-вторых, выделяются для каждого языка два подкорпуса фразеологических единиц в единственном числе (ит. 63; рус. 61) и во множественном числе (ит. 88; рус. 195). Такое разделение позволяет выяснить не только дистрибуцию, но и семантические особенности граммем категории числа. Итак, предлагается новая классификация прототипичных значений в русском и в итальянском языках, опирающаяся на данные из подкорпусов, по модели вышеупомянутой категоризации [Ляшевская 2004]:

Глаза:

Переносное значение 'пространство': иди с глаз

Переносное значение 'лицо': в глаза не знать

Прямое значение 'орган-инструмент' и 'особое смотрение': глаза слипаются

Переносное значение 'истина': ослепить глаза

Переносное значение 'физическое ощущение и состояние': в глазах мутится

Глаз:

Переносное значение 'особая способность видения': верный глаз

Переносное значение 'присмотр': без глаза

Переносное значение 'взор': глазом не окинуть

Occhi:

Переносное значение 'пространство': lontano dagli occhi

Переносное значение 'физическая характеристика': occhi bovini

Прямое значение 'орган-инструмент' и 'особое смотрение': mangiare con gli occhi

Переносное значение 'истина': aprire gli occhi

Переносное значение 'физическое ощущение и состояние': avere gli occhi pesanti

Occhio:

Переносное значение 'особая способность видения': occhio clinico

Переносное значение 'присмотр': tenere d'occhio

Переносное значение 'взор': a colpo d'occhio

В заключении, можно заметить, что множественное число соматизма «глаз» действительно оказывается преимущественным и в итальянском и в русском языках, но в итальянском языке частотность словоформы в единственном числе выше. Более того, приведенное фразеосемантическое разделение показывает, что в обоих языках, несмотря на различия, множественному числу присущи более конкретные значения, а единственному числу присущи более метафорические, абстрактные оттенки.

Литература

Апресян Ю. Д. О регулярной полисемии // Известия АН СССР. 1971. Т. XXX. № 6. С. 509–523.

Ляшевская О. Н. Семантика русского числа. М., 2004.

Мордкович Э. М. Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов // Актуальные проблемы фразеологии. Новосибирск, 1971. С. 244–245.

Tiersma P. M. Local and General Markedness // Language. 1982. Vol. 58, no. 4: 832–849.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ «REQUETÉ» В ЯЗЫКЕ ИСПАНСКИХ КАРЛИСТОВ

Терещук Андрей Андреевич

доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

В 1936–1939 гг. в Испании проходила Гражданская война, в которой сторонники Второй республики (левые) противостояли армии Национальной Испании (правым), возглавляемой генералом Ф. Франко. Одной из главных политических сил, выступивших на стороне франкистов, стали карлисты — представители консервативного монархического движения, существовавшего в Испании с 1833 г. Карлистское ополчение получило название «рекете» («requeté»).

В течение конфликта в рекете в качестве добровольцев служило несколько десятков русских белых эмигрантов. Соответственно, во второй половине 1930-х гг. в языке русского зарубежья появилась лексема «рекете», которая часто встречается в эмигрантской публицистике, в мемуарах и переписке участников войны в Испании. В настоящей статье будет сделана попытка проанализировать происхождение лексемы «requeté» в испанском языке.

Первое употребление лексемы «requeté» применительно к армейским подразделениям карлистов фиксируется во время Первой Карлистской войны (1833–1840). Это существительное было прозвищем 3-го наваррского батальона карлистской армии. Наличие неофициальных названий у отдельных дивизий, полков и даже батальонов было характерным для обеих сторон в конфликте. В частности, прозвища четырех наваррских батальонов армии дона Карлоса фигурируют в популярном куплете 1830-х гг.: «El primero, la Salada, / el segundo, la Morena, / el tercero, el Requeté, / y el cuarto, la Hierbabuena». Таким образом, существительное «requeté» служило неофициальным наименованием одного из подразделений карлистской армии в войне 1833–1840 гг. При этом дискуссионным представляется вопрос о происхождении данной лексемы. Словарь Королевской академии испанского языка не дает никакой информации о ее этимологии; в мемуаристике встречается несколько версий, объясняющих ее появление. Французский доброволец в карлистской армии А. Сабатье писал, что «Requeté» — это название песни 3-го батальона; по этой популярной среди солдат композиции и сам батальон начали называть «Requeté» [Sabatier 1836: 48–49]. Вполне вероятно, что именно так это прозвище и закрепилось за подразделением, но воспоминания французского офицера ничего не говорят о происхождении самого слова.

Наиболее простым решением представляется провести связь между существительным «requeté» и морфемой «requeté-», которая служит для усиления качества, выражаемого наречием или прилагательным. Испанский филолог Х. М. Ирибаррен (участвовавший в Гражданской войне в качестве личного секретаря одного из руководителей армии Национальной Испании генерала Э. Моля) приводил распространенную в публицистике версию, в соответствии с которой карлистский генерал Т. де Сумалакарреги (1788–1835) после одного из сражений сказал: «Все действовали хорошо (bien), а 3-й батальон — исключительно хорошо (requetebién)»; впрочем, данная гипотеза представлялась Х. М. Ирибаррену не очень убедительной [Iribarren 1959: 243]. Действительно, если согласиться с идеей о происхождении существительного «requeté» от приставки, то придется признать, что А. Сабатье, долгое время служивший в карлистской армии, ошибался, указывая, что «Requeté» — это название песни.

Нам удалось найти два разных свидетельства из 1830-х гг., которые указывают на происхождение лексемы «requeté» из песенного творчества карлистских солдат. Английский автор У. Уолтон предложил следующую версию происхождения песни «рекете»: один из батальонов карлистской армии (У. Уолтон ошибочно указывает, что это был 2-й наваррский) испытывал настолько серьезные проблемы с обмундированием, что на все подразделение едва ли можно было найти хотя бы одну целую пару штанов. Подтрунивая над своей наготой, солдаты сочинили песенку, которая начиналась со слов: «Requeté — que se te ve» [Walton 1837: 438]. «Requeté» могло использоваться как звуковое сочетание, похожее на глагол в форме повелительного наклонения (например, «tápate» или «vístete»). Французский доброволец А. де Танде в своих воспоминаниях предлагает несколько иную версию данной песенки: «Vamos andando, tápate, / que

se te ve el Requeté» [М.А.Т. 1869: 47]. Два этих свидетельства не противоречат, а скорее наоборот, дополняют друг друга: эта песенка могла существовать в двух сходных вариантах либо кто-нибудь из иностранцев мог неправильно записать ее текст. Если согласиться с двумя данными свидетельствами (которые косвенно подкрепляют слова А. Сабатье), то получится, что слово «рекете» не имело самостоятельного значения, а использовалось как эвфемизм.

Термин «рекете» не исчез с окончанием Первой Карлистской войны. В начале XX в. существительным «рекете» стали называть карлистские молодежные организации (в честь знаменитого батальона времен войны 1833–1840 гг.), а в 1913 г. это название получила военизированная карлистская организация. С началом Гражданской войны в 1936 г. отряды рекете выступили на стороне Национальной Испании. Как было отмечено выше, в них служило несколько десятков белых эмигрантов. Лексема «requeté» была заимствована русскими добровольцами и вошла в язык русского зарубежья.

Литература

Iribarren J. M. Sentido y origen de la voz “requeté” // *Príncipe de Viana*. 1959. № 76–77. P. 241–247.

М.А.Т. *Campagnes et aventures d'un volontaire royaliste en Espagne* par M.А.Т., officier supérieur et chevalier de Saint-Ferdinand. Paris: Dépôt à la librairie rue de Mézières, 1869.

Sabatier A. Tio Tomas. Souvenirs d'un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d'infanterie au service d'Espagne, deux fois chevalier de première classe de l'ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand. Bordeaux: Chez Granet, 1836.

Walton W. The Revolutions of Spain, from 1808 to the End of 1836: With Biographical Sketches of the Most Distinguished Personages, and a Narrative of the War in the Peninsula Down to the Present Time, from the Most Authentic Sources. Vol. II. London, 1837.

ЮМОР КАК НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: СОВРЕМЕННЫЕ НЕМЕЦКИЕ ШУТКИ НА БАЗЕ ДИАЛЕКТОВ

HUMOR AS A NATIONAL CULTURAL PHENOMENON: MODERN GERMAN JOKES BASED ON DIALECTS

Фадеева Галина Михайловна

доцент, Московский государственный лингвистический университет

Немецкий юмор тесно связан с региональными особенностями немецкого языка, хотя в конце XX в. сокращение использования и утрата диалектов как одной из форм существования немецкого языка в Германии изменили общую картину. Исследования немецких ученых показали, что во многих регионах от Вестфалии и Северного Гессена до Саксонии сегодня уже не говорят на диалектах или их роль заметно сократилась. Например, большая часть жителей Саксонии не владеет диалектом, и основу коммуникации составляют областные и местные общедо-разговорные языки. Эта тенденция наблюдается и в других регионах Германии. Отмечается также, что опрашиваемые в ходе исследования носители языка по-разному толкуют само понятие «диалект» и вопрос о «знании диалекта», который подразумевает применение диалекта в естественном повседневном общении. В любом случае речь практически уже не идет о владении «базовым диалектом», поскольку многие признаки диалекта уходят вместе с поколением [Eichhoff 2000]. С другой стороны, в современном мире диалект как язык общения, связанный с данным местом проживания, по-прежнему служит сохранению идентичности, т. е. объединяющему чувству принадлежности к данному месту и данному социуму, и является важной социальной и региональной характеристикой человека. На этом фоне наблюдается рост интереса к родному диалекту и желание сохранить его, в том числе в юмористическом (шутливом) дискурсе. В докладе обращается внимание на роль немецких диалектов в современном немецком юморе, а именно в языковых шутках, основанных на использовании диалектов. Актуальность данной темы состоит в определении лингвокультурной составляющей национального немецкого юмора как сложного культурного феномена. Исследование проводится на материале типа текста «шутка» (Witz) и имеет не только теоретическое, но и практическое значение для подготовки германистов (в том числе переводчиков), в частности, в процессе изучения ими дисциплин «Стилистика немецкого языка» и «Практикум по межкультурной коммуникации». Основными методами исследования диалектных шуток являются метод лингвистического анализа и интерпретации при главенстве когнитивно-дискурсивного подхода. В Германии выпускаются и пользуются большой популярностью словари диалектов и сборники шуток о разных регионах страны и их жителях: Sachsenwitze (шутки о саксонцах), Berliner Witze (берлинские шутки), Schwaben Witze (шутки о швабах); Friesen-Witze (шутки о фризцах/фризцах) и т. д. Среди них можно выделить:

а) шутки, основанные на стереотипах о жителях разных регионов Германии (медлительность, леность, скупость, ограниченность жителей того или иного региона);

б) шутки, основанные на диалекте (Witze in Mundart). Нередко в одной шутке объединены оба эти вида. Среди шуток, базирующихся на диалекте, можно различать шутки, основанные на игре слов (Wortspiele), т. е. на фонетическом сходстве, и шутки, где главную роль играют именно особенности диалекта.

В предисловиях к своим изданиям и на соответствующих сайтах интернета, авторы словарей диалектов и сборников этнических и диалектных шуток заявляют, что ими движет привязанность к родному региону и желание внести вклад в то, чтобы типично саксонское (берлинское, баварское и т. д.) не было забыто. Успех таких изданий и многочисленные отклики читателей свидетельствуют о востребованности данной литературы и неослабевающим интересе к немецким диалектам [Ufer 2015, 2018]. Таким образом, национальные формы юмора, в том числе юмора, основанного на диалекте, говорят о стремлении жителей регионов сохранить все многообразие форм существования языка в различных культурных ареалах Германии, об

их гордости за свою культурную самобытность. Эти шутки не воспринимаются как насмешка над жителями тех или иных регионов в отличие от многих шуток, базирующихся на этнических стереотипах. Однако с позиции межкультурной русско-немецкой коммуникации именно диалектные шутки представляют значительную трудность и предполагают как определенные социокультурные знания, включающие в том числе знание региональных культур, социальных, региональных и этнических вариантов и вариативностей, так и сформированные социолингвистические компетенции. Развитие таких компетенций — особая задача в изучении немецкого языка как иностранного. Можно резюмировать, что в настоящее время немецкие диалекты утратили свое значение в повседневной коммуникации и функцию источника языкового материала для литературного языка, но остаются важным фактором культурной жизни Германии.

Литература

- Eichhoff J.* Sterben die Dialekte aus? // Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Mannheim: Dudenverlag, 2000. S. 80–88.
- Ufer P.* Die besten Witze der Sachsen. Husum Druck- und Verlagsgesellschaft, 2015.
- Ufer P.* Der neue Gogelmosch. Das exklusive Wörterbuch der Sachsen. Saxophon GmbH, DDV Edition, 2018.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ ФРАНЦУЗСКИХ АДЪЕКТИВНЫХ ПРЕДИКАТОВ, УСТАНОВЛИВАЮЩИХ ОТНОШЕНИЯ ПРИЧАСТНОСТИ

SEMANTIC STRUCTURE AND SYSTEMIC CORRELATIONS OF FRENCH PREDICATE ADJECTIVES ESTABLISHING RELATIONS OF INVOLVEMENT

Хуторецкая Ольга Александровна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Отношения причастности/ непричастности представляют собой разновидность ситуации отношения, одним из воплощений которой на содержательном уровне является адъективный предикат с обобщенным значением причастности и его семантические актанты. В синтаксической структуре высказывания она представлена адъективно-именной конструкцией с качественным прилагательным соответствующей семантики в функции ядра, определяемым именем N1 и зависимым предложно-именным компонентом N2 в функции косвенного дополнения к прилагательному. Особенности семантики французских прилагательных, реализация объектной валентности которых сопряжена с предикативным значением причастности, их взаимодействию с семантикой N1 и N2 и их месту в системе адъективной переходности посвящено настоящее исследование.

Если рассматривать французские переходные прилагательные как систему предикатов, представляющих на уровне высказывания различные типы предикативного значения отношения, то к ядерным элементам этой системы следует отнести предикаты, семантическая структура которых включает релятивную сему в качестве доминирующей и имплицитно семантические роли актантов, между которыми устанавливаются соответствующие отношения. Именно релятивная сема делает возможным переходное употребление прилагательных и позволяет включить такие прилагательные в межчлестеречное лексико-семантическое поле отношения [Гайсина 1981: 28–39]. К периферии следует отнести прилагательные, для которых актуализация релятивной семы сопряжена со специфическими моделями употребления и сопровождается обобщением или значимым изменением исходной лексической семантики [Хуторецкая, Алексейцева и др. 2022: 853–854].

Отношения причастности/ непричастности устанавливаются прилагательными: *libre de*, *(in)dépendant de*, *innocent de*, *pur de*, *étranger à*, *responsable de*, *coupable de*, *complice de* и некоторых других. Такие предикаты открывают места для субъектного актанта-носителя предикативного признака причастности и объектного актанта, в отношении которого этот признак проявляется. Иными словами, референт, обозначенный объектным актантом, характеризуется с точки зрения причастности к нему субъекта: *Marie était innocente de ce crime*. Употребляясь с зависимым элементом, изучаемые прилагательные реализуют релятивное значение [Кацнельсон 2002], приписывая референту предикативный признак как временный, проявляющийся только в присутствии второго участника ситуации. Однако, в семантической структуре рассматриваемых прилагательных (за исключением собственно релятивных *coupable* и *complice*) присутствует и абсолютное значение: *une femme innocente*; *un homme responsable*; *une chambre libre*. Следовательно, предикативное значение причастности и связанная с ним релятивная сема являются для таких прилагательных конструктивно-обусловленными: *responsable / responsable de*; *libre / libre de*; *innocent / innocent de* и т.п. Для реализации релятивного значения объектный актант обязательно должен быть эксплицитно представлен в высказывании, только в этом случае рассматриваемые структуры описывают ситуацию отношения. При нулевой репрезентации объектного актанта изменяется описываемая ситуация — признак приписывается его субъекту-носителю как постоянный, необусловленный. Реализуя конструктивно-обусловленное значение причастности, адъективные предикаты не накладывают специфических ограничений на семантику именных компонентов N1 и N2, это могут быть абстрактные имена, имена лиц, предметов, событий. В некоторых случаях в результате взаимодействия семантики управ-

ляющего прилагательного с категориальной семантикой зависимого элемента N2 обобщенное значение причастности/ непричастности сопровождается дополнительными уточняющими значениями: дополнительные отношения подчинения между N1 и N2 при управляющем прилагательном *indépendant* и N2 имени лица либо абстрактном имени со значением свойства лица; дополнительные причинно-следственные отношения между N1 и N2 при управляющих прилагательных *responsable*, *coupable*, *étranger* и событийном N2. Таким образом, тот факт, что релятивная сема в семантической структуре прилагательных, устанавливающих отношения причастности, выходит на первый план только при реализованной объектной валентности, не позволяет считать эту сему доминирующей и не позволяет отнести указанные предикаты к ядру системы французских адъективных предикатов отношения. С другой стороны, предикативное значение причастности однозначно задает семантические роли актантов-участников описываемой ситуации, которые в большинстве случаев остаются неизменными при любой категориальной принадлежности именных компонентов, заполняющих соответствующие валентности. Некоторые грамматические категории N1 и N2 оказываются релевантными для определения дополнительных логических отношений, устанавливаемых между участниками ситуации. Кроме того, релятивное употребление прилагательных рассматриваемого типа не сопряжено с кардинальным изменением их исходного лексического значения. Зависимый элемент сужает, конкретизирует значение управляющего прилагательного в соответствии с задачами коммуникации. Происходит переход от обозначения постоянных признаков референта N1 к обозначению его временных обусловленных признаков. Следовательно, в соответствии с выделенными критериями предикативное значение причастности не может трактоваться как периферийное. Сделанные наблюдения показывают, что внутри системы французских адъективных предикатов отношения прилагательные, устанавливающие отношения причастности занимают промежуточное положение между ядром и периферией.

Литература

- Гайсина Р. М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов, 1981.
- Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. М., 2002.
- Хуторецкая О. А., Алексейцева Т. А., Кучеренко Н. Л., Миретина М. С.* Системная организация французских адъективных предикатов отношения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. Вып. 4. С. 839–858.

АССИМИЛЯЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Чекалина Елена Михайловна

профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Заимствование английской лексики в шведский язык, начавшееся с XIX в., стало особенно интенсивным во второй половине XX в. и с не меньшей интенсивностью продолжается в XXI в. Процессы ассимиляции иноязычных слов в шведском языке имеют многоуровневый характер и по-разному реализуются в словообразовательной структуре, словоизменении и орфографии. Наиболее полно происходит морфологическая ассимиляция производных лексем, суффиксальный словообразовательный компонент которых определяет их словоизменительную модель. В именных частях речи чаще всего происходят процессы субституции английских словообразовательных морфем в структуре производных слов прочно укоренившимися в шведском языке суффиксами иноязычного происхождения, чаще всего французскими: *model* — *modell*, *operator* — *operatör*, *creative* — *kreativ*, *virtual* — *virtuell* [Mickwitz 2010: 104-109]. Важным фактором, способствующим морфологической ассимиляции, нередко является общий источник романского заимствования в английском и шведском слове.

В прилагательных с исходом основы на — у происходит замена шведским суффиксом со сходной фонетикой *-ig* (с непроизносимым конечным согласным) при сохранении английской корневой морфемы: *dirty* — *dirtig*, *flashy* — *flashig*, *sporty* — *sportig*, *trendy* — *trendig*. При этом возникают гибридные слова с англо-шведской морфологической структурой, в еще большей степени характерные для современного шведского основосложения. У существительных словообразовательная структура определяет словоизменительную модель, включая родовую принадлежность и способ образования формы множественного числа. Выбор рода непродеривированных существительных не столь однозначен и может определяться как семантическими, так и фономорфологическими факторами. Так, все одушевленные существительные относятся к общему роду, за исключением некоторых лексем с пейоративной семантикой: *ett (en) fan*, *ett skinhead*. У второй лексемы это может быть обусловлено средним родом шведского эквивалента второй части английского слова *ett huvud* 'голова'. Семантический фактор может стать причиной вариативной родовой принадлежности лексемы — *ett fax* в значении полученного по факсу сообщения (ср. шв. *ett meddelande* 'сообщение'), но *en fax* при обозначении самого устройства (ср. шв. *en (fax)apparat*).

У неодушевленных существительных выбор определяется грамматическим родом исконных или давно заимствованных слов с близким английской лексеме значением: *en bag* — *en väska*, *en box* — *en låda*, *en date* — *en träff*, *en happy end* — *en ände*, *en hype* — *en entusiasm*, *en policy* — *en princip*, *en story* — *en historia*; *ett heat* — *ett lopp*, *ett team* — *ett lag*. Заметную роль играет фонотактика конечного слога и обусловленная ею грамматическая аналогия: *en scanner*, *timer* (ср. *en basker*), *ett understatement* (ср. *ett dokument*). При образовании множественного числа наблюдается тенденция к вариативному использованию английского показателя *-s*, особенно в тех случаях, когда шведская модель является сложной для произношения: *en blinker* — *blinkrar* / *blinker-s*, *en designer* — *designer* / *designer-s*, *en partner* — *partner* / *partner-s*, *en happening* — *happening-ar* / *happening-s*.

Это позволяет авторам современных шведских грамматик говорить о возникновении нового класса склонения существительных [Hultman 2008: 64–65]. Все заимствованные глаголы входят в единственный продуктивный класс первого спряжения с основой на *-a*. Однако они имеют в шведском языке различную морфологическую структуру в зависимости от количества слогов. Лексемы с простой морфологической структурой, состоящие из двух-трех слогов (одно- и двусложные омонимичные именные основами в английском языке), остаются непродеривированными, получая лишь дополнительный конечный слог в результате добавления показателя основы. Таким образом, они являются результатом своего рода межъязыковой конверсии — продуктивной словообразовательной модели, широко распространенной в шведском языке: *designa*, *dopa*, *drafta*, *flexa*, *floppla*, *klona*, *krascha*, *leasa*, *researcha*.

Кроме того, глагол *fighta* получил в шведском языке возвратный показатель в форме *fightas*, по аналогии с близким ему по значению глаголом *slåss*. Многосложные лексемы образуются посредством продуктивной для глаголов иноязычного происхождения модели с суффиксом *-era*, которая была заимствована в шведский язык из латыни через французский и немецкий: *discriminate* — *diskriminera*, *minimize* — *minimera*, *program* — *programmera*.

Как показывает написание приведенных выше примеров, орфографическая ассимиляция английской лексики является значительно менее последовательной. В преобладающем большинстве заимствований, даже относительно ранних, часто сохраняется английское написание, несмотря на мягкие рекомендации шведских языковедов: *guide* (с 1805), *clown* (с 1871), *juice* (с 1950); даты заимствований приводятся по данным Словаря национальной шведской энциклопедии [NEO 1995]. В то же время в односложных существительных в соответствии с просодикой ударного слога в шведском языке удваивается конечный согласный, позволяющий сохранить произношение корневого гласного языка-источника: *job* — *ett jobb*, *flor* — *en florr*. Сохранение английского или близкого к нему произношения и орфографии не препятствует морфологической ассимиляции таких лексем. Эта особенность была свойственна и значительно более ранним заимствованиям из французского языка, в которых используются не характерные для написания шведских слов диграфы. В обоих случаях важную роль сыграл статус языков международного общения, предполагавший знание их фонетики и орфографии образованными шведами.

Литература

Hultman T. G. Svenska Akademiens språklära. Stockholm, 2008.

Mickwitz Å. Anpassning i språkkontakt. Morfologisk och ortografisk anpassning av engelska lånord i svenskan. Akademisk avhandling. Nordica. Finska, finskugriska och nordiska institutionen. Helsingfors universitet. Helsingfors, 2010.

NEO — Nationalencyklopedins Ordbok. Band 1–3. Utarbetad vid Språkdata, Göteborgs universitet. Bokförlager Bra Böcker: Höganäs, 1995.

КАК РУГАЮТ ПОЛИТИКОВ В РОССИИ И ВО ФРАНЦИИ, ИЛИ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИСФЕМИЗМОВ

Чепорухина Мария Георгиевна

старший преподаватель, Тюменский государственный университет

В работе проводится сопоставительный анализ особенностей употребления дисфемизмов в текстах читательских комментариев к статьям о внутренней политике России и Франции, взятым из онлайн-СМИ. Было проанализировано 4793 комментария (2498 на русском языке и 2295 — на французском). Интерес к исследованию дисфемизма в интернет-комментариях объясняется тем, что «территория раскрепощения» современных людей, где происходит непринужденное общение, находится преимущественно в интернете [Карасик 2018, 35], а значит, интернет-коммуникация является богатым источником информации об общественном мнении и о способах выражения оценки тех или иных реалий.

Дисфемизм — это единица, употребляемая с целью выражения негативного и уничижительного отношения к коммуникативной ситуации в целом, к ее отдельным компонентам или к ее участникам [Гаева, Никитина 2017; Катенева 2013; Allan & Burridge 2006].

Использование слов с негативным словарным значением является самым продуктивным средством образования чистых дисфемизмов в обоих корпусах, благодаря компактной форме и легко считываемому негативному заряду, причем во французском корпусе отмечается преобладание более негативно заряженных слов.

Стоит отметить, что в русском корпусе комментариев про чиновников часто встречаются слова из ЛСГ «воровство»: «чтоб больше воровали», «Грабят народ», «Воры, а не чиновники», «Мы тут наверху воруем, воруем».

Рабочее место чиновника во многих комментариях представлено как кормушка — метафора для обозначения «места, где, используя неблагоприятные способы и средства, можно приобрести что-либо».

Население же, напротив, характеризуется словами из ЛСГ «бедность»: «полстраны живёт в нищете на зарплату в 10 т. р.», «Денег нет. Общество беднеет», «Я уехал именно потому что устал от бесконечного беспредела и безденежья».

Частотны зооморфные метафоры: акулы (для наименования беспринципных людей, идущих по головам); козлы, петухи, курица, овца (для наименования чиновников); петухи, козлы, куры, овцы (для наименования мужчин и женщин); ку-ка-ре-ку (для наименования комментариев о политике).

Сложившаяся в российском обществе ситуация в большинстве комментариев охарактеризована словами с негативной оценочностью: позор, коррупция, проблемы, плохо.

Во французских комментариях менее частотно употребление слов из ЛСГ «бедность», но они присутствуют: «Non, on était pas à 9 % de pauvres en France il y a un an et demi!!!!» («Тм, а разве полтора года назад во Франции было не 9 % процентов бедных?»), «La misère et l'exclusion sociale existent ici aussi» («Нищета и социальная изоляция есть и тут»).

Деятельность политиков характеризуется французскими комментаторами глаголом *se gaver* 'объедаться' (используется тот же метафорический образ, что в русском кормушка), во многих комментариях предлагается их «убрать»: «Pourquoi réformer leur statut ? Il suffit de supprimer ces gens-là.» («Зачем реформировать их статус? Этих людей достаточно убрать»).

Чаще, чем в русских комментариях, при описании ситуации во французском обществе употребляются слова, передающие ощущение кризиса и упадка: *la crise* 'кризис', *la dégradation* 'упадок', *la faillite* 'крах' и их дериваты: «la situation sur le front de l'emploi demeure critique» ('ситуация с занятостью остается критической'), «l'énorme crise politique, économique et financière, mais aussi morale et sociale» ('огромный не только политический, экономический и финансовый кризис, но и моральный и социальный'), «Le pays se dégrade» ('страна в упадке'), «les gilets jaunes sont des révolutionnaire qui veulent la faillite de leur pays» ('желтые жилеты — это революционеры, которые хотят краха своей страны').

Русскоязычные пользователи в два раза чаще, чем франкоязычные, прибегают к использованию арго, жаргона, сленга и просторечий, что может свидетельствовать об их более глубоком проникновении в повседневную разговорную речь.

Для русского корпуса комментариев характерно частое употребление политических неологизмов-сленгизмов либерасты и госдеп в качестве наименования «главных врагов» страны, которые «финансируют оппозицию» и «вносят раздор в общество».

А в комментариях на французском языке более частотны негативно окрашенные антитезы, в которых противопоставляется положение чиновников и «простого населения», а также понятия «делать» и «говорить»: «STOP aux effets dérisoires de la communication, place à l'ACTION avec la mise en œuvre de l'Arsenal juridique existant Le reste est bavardage» ('ХВАТИТ ничтожных эффектов от обсуждений, пора ДЕЙСТВОВАТЬ, применять существующие юридические практики Остальное — болтовня').

Это может отражать склонность французов к противостоянию и даже борьбе за свои права (эта черта французского менталитета прослеживается и в активном участии французов в манифестациях и забастовках).

Литература

Гаевая А. А., Никитина А. Х. Изучение дисфемии в аспекте преподавания русского языка как иностранного // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (7). С. 13–18.

Карасик В. И. Креативы в сетевом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 29–44.

Катенева И. Г. Намеренная дисфемизация текстов как характеристика коммуникативной политики современной оппозиционной прессы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/namerennaya-disfemizatsiya-tekstov-kak-harakteristika-kommunikativ...>

Allan K., Burridge K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language Cambridge, 2006.

ПЕСНЯ АРГЕНТИНСКИХ БОЛЕЛЬЩИКОВ MUCHACHOS В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АРГЕНТИНЦЕВ

ARGENTINE FANS' SONG MUCHACHOS IN THE CONTEXT OF ARGENTINE NATIONAL IDENTITY

Чеснокова Ольга Станиславовна

профессор, Российский университет дружбы народов

Предмет исследования — песня аргентинских болельщиков Muchachos на Чемпионате Мира по футболу в Катаре в 2022 г. Объект исследования — прецедентные явления и риторические свойства этого песенно-поэтического текста. Мы исходим из предпосылки, что любой текст обладает такими свойствами, как связность и цельность, а в его структуре части целого имеют свои роли [Валгина 2003: 7]. Гипотеза состоит в том, что текст Muchachos отражает национальную идентичность аргентинцев, а на Чемпионате Мира по футболу в 2022 г. он воплотил эталонную ситуацию преданности родине, надежды и веры в победу. Талантливая и амбициозная сборная Аргентины по футболу, поэтически называемая La Albiceleste, стала в 2022 г. в третий раз чемпионом мира. Предыдущие титулы чемпиона мира были завоеваны в 1978 г. и в 1986 г., причем в 1986 г. в матче с Великобританией, когда Диего Марадона забил так называемый gol del Siglo «гол столетия» и гол, получивший название Mano de Dios «Рука Бога», что имело особое значение на фоне проигранной Аргентиной Великобританией войны за Фолклендские (Мальвинские) острова.

Песенный дискурс имеет две базовые составляющие: вербальную — словесный текст и невербальную — музыку. Музыка песни Muchachos хорошо знакома аргентинцам: это композиция *Muchachos, esta noche me emborracho* из альбома *Tango latino* 2003 г. группы Mosca tse-tse в исполнении вокалиста Гильермо Новеллиса (Guillermo Novellis), которую, с точки зрения прецедентной филологии, можно расценивать как прецедентный текст песенно-поэтической композиции Muchachos, ставшей хитом и фактически неофициальным гимном аргентинцев на Чемпионате Мира по футболу в Катаре. Слова песни были написаны на основе *Muchachos, esta noche me emborracho* Фернандо Ромеро (Fernando Romero) после победы Аргентины на Кубке Америки в 2021 г. Однако, если текст *Muchachos, esta noche me emborracho* развивает характерные для символики аргентинского танго темы одиночества и покинутости, то риторика модифицированного Фернандо Ромеро текста другая. Как и прецедентный текст, он адресован друзьям, близким, «своим». Текст открывается констатацией рождения лирического героя в Аргентине, на родине выдающихся футболистов Диего Марадоны (1960–2020) и Лионеля Месси (р. 1987), названных только по имени (Diego y Lionel), что создает доверительную тональность песни «для своих»: *En Argentina nació, tierra de Diego y Lionel*. Патриотический настрой текста создается обещанием не забывать «парней Мальвин»; при этом использована типичная для Рио-Платской зоны лексема *pibe* «парень» (*Diccionario de americanismos* 2010: 1682), что воскрешает память о погибших в 1982 г. аргентинцах в 72-дневной войне между Великобританией и Аргентиной (исп. *La guerra de las Malvinas*, англ. *Falklands War*) из-за давнего территориального спора между этими странами о Фолклендских (Мальвинских) островах: *de los pibes de Malvinas que jamás olvidaré* и создает тональность единения аргентинцев. Лирический герой говорит о невозможности объяснить, потому что это поддается пониманию, сколько времени он лил слезы из-за проигранных финалов, что закончилось, когда аргентинцы одержали победу над бразильцами. Хотя эксплицитно не назван матч, принесший Аргентине победу над сборной Бразилии, а бразильцы названы разговорно-уничижительным катойконимом *brazucas*, любители футбола расшифровывают аллюзию финала кубка Америки в 2021 г. на стадионе Маракана в Рио-де-Жанейро, закончившегося победой Аргентины: *No te lo puedo explicar porque no vas a entender las finales que perdimos, cuántos años las lloré. Pero eso se terminó porque en el Maracaná la final con los brazucas la volvió a ganar papá...*

Примечательно использование лексемы *papá* «папа» как коллективного обозначения победивших аргентинцев. Победа на Кубке Америки в 2021 г. и стала тем стимулом, который, по содержанию текста и его риторике, мог принести Аргентине такую желанную победу на Чем-

пионате мира в Катаре. «Я» начала песни заменяется на коллективное «мы», объединяющее всех аргентинцев и их мечту стать в третий раз чемпионом мира: *Muchachos, ahora nos volvimos a ilusionar Quiero ganar la tercera, quiero ser campeón mundial* «Ребята, к нам вернулась мечта выиграть в третий раз и стать чемпионами мира». Небесными покровителями и оберегами аргентинцев выступают Диего Марадона и его родители: Дон Диего Марадона-отец и его мать Дальма Сальвадора Франко Кариоличи (*Dalma Salvadora Franco Cariolichi*), называемая, как это понятно каждому аргентинцу, Ла-Тота, которые с небес поддерживают Лионеля Месси: *у al Diego, en el cielo lo podemos ver con don Diego y con la Tota, alentándolo a Lionel* «На Небесах мы видим Диего, дона Диего и Ла-Тота, поддерживающих Лионеля».

Несмотря на авторское переложение Фернандо Ромеро текста из альбома группы Mosca tse-tse, после триумфа Аргентины в Катаре появились альтернативные финалы песни, которые констатируют уже состоявшуюся победу Бело-Голубых: *ya ganamos la tercera, otra vez campeón mundial* «Мы выиграли третий чемпионат, мы снова чемпионы мира», что развивает у текста фольклорные признаки, а именно возможность варьирования. При этом сохраняется главное эстетическое послание — аргентинская идентичность и гордость своими футбольными игроками, выдержанные в разговорно-обиходном, доверительном регистре повествования с опорой на хорошо известные аргентинцам прецедентные явления и символы.

Литература

Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.

Diccionario de americanismos. Lima: Santillana Ediciones Generales, Asociación de Academias de la Lengua Española, ASALE, 2010.

MUCHACHOS AHORA NOS VOLVIMOS A ILUSIONAR ARGENTINA — FER ROMERO (LETRA) LA MOSCA (MELODIA ORIG.): <https://www.youtube.com/watch?v=4NzsAsez8zc> (дата обращения: 25.12.2022).

РУССКИЙ ЯЗЫК

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ (РУССКИЙ И ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ) (ПАМЯТИ ПОЧЕТНОГО ПРОФЕССОРА СПБГУ Г. Н. АКИМОВОЙ)

РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ОПОСРЕДОВАННОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РОССИЙСКИХ СМИ

REPRESENTATIVES OF MEDIATED EVIDENTIALITY IN THE RUSSIAN MEDIA

Вяткина Светлана Вадимовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Интерес лингвистов к эвиденциальности как грамматической / семантико-прагматической / текстовой категории возник в конце XX в. [Козинцева 2007; Падучева 2013], в настоящее время накоплен опыт описания данного явления на материале различных языков [Кобринина 2005].

Для информационного публицистического дискурса представляется несомненным как указание на источник информации, так и разграничение своего и чужого слова, при этом допустима и субъективная оценка передаваемой информации. В информационном дискурсе читатель имеет дело с косвенной (опосредованной) эвиденциальностью, благодаря чему перед ним возникает вопрос достоверности / недостоверности информации, высокой / низкой авторитетности источника, указанного автором публикации.

К средствам выражения опосредованной (косвенной) эвиденциальности относят экспликацию источника информации и способы указания на получение информации: глаголы речи и ментальной деятельности, регистрирующие факт передачи информации («рамочные предикаты разной семантики (знаю / известно; говорят, что...; думаю, считаю, полагаю, что... и др.)»); парантезы (вводные конструкции); главные части сложноподчиненных предложений с придаточным изъяснительным, которые функционально становятся метатекстовым средством; цитация; частицы мол, дескать, де, вряд ли как специализированные маркеры эвиденциальности. В основе опосредованной засвидетельствованности — наличие двух разных субъектов речи и двух времен: переход от чужой к своей речи [Никитина 2013: 71].

Обращение к публикациям «Ведомостей о военных и иных делах, достойных знаний и памяти» (1703–1727) показывает, как формировалось указание на источник передаваемой информации. При этом необходимо учитывать и способы получения донесений о военных действиях (устные или письменные) и о политических событиях, что основано на переводе европейских источников. В выпусках газет этого периода информация подавалась по формуле: откуда и когда получена информация (ИзЪ МІЛАНА Генваря в І день; февраль; ИзЪ полскаго города элбинга) + точное / неточное указание на информирующее лицо (точное указание информатора: ПисалЪ кЪ царскому величеству генералЪ маерЪ ностицовЪ, что ...; Ибо наши за німи до воротЪ гнали, полоняніки говорятЪ, что в рігЪ лішеніе есть хлЪбных запасовЪ... / неопределенно-личное предложение с косвенным указанием на информирующий субъект по местонахождению: ИзЪ обозу прі рігЪ пішутЪ... / неопределенно-личный субъект: ГоворятЪ что законныи бракъ между первороднымъ принцомъ Арцура сафоиского и цесаря іосифа единокорною дочерію установить; Подтверждается о союзЪ Арцуря ... [о субъектных нулях см: Никитина 2013]). Нужно отметить ограниченное количество рамочных глаголов (говорить, писать, ссылаться), появление именных словосочетаний в номинативе (известная ведомость) с указанием, от кого получено известие, например: От жителей вЪ венгровЪ живущихЪ, извЪстнаа вЪдомость, что сорокЪ литовскіе хоругви. ... туда прошли... (1704). Случаи использования вставных конструкций для маркирования эвиденциальности единичны, например: Первое, не надлежало было, чтобЪ ор-

дены давати за рюмками [как онЪ шлетца чта чинилЪ вЪ 8 день маія] при котормЪ толко семь человекъ офицеровъ было, а не-всѢ (1714).

В наши дни изменение информационного пространства, связанное с Интернетом, со скоростью передачи информации, с конфронтационными источниками сведений, требует экспликации достоверной информации с указанием источника. Требование к лаконизму информационного текста определяет структуру текста: краткие информационные сообщения выполняют функцию анонса (Системы ПВО сбили над морем у Севастополя беспилотник, сообщил губернатор города Михаил Развожаев в своем Telegram-канале) и сопровождаются гиперссылками на первичный источник (РИА Новости) с полным текстом публикации, в которой дается цитация с точным указанием информирующего субъекта: Владимир Путин назвал ее задачей «защиту людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима». Цитация не является единичной: далее вводная конструкция указывает на статус лица (По словам президента).

Заголовок также выполняет функцию анонса, например: Финляндия раздумывает о передаче Украине танков Leopard 2: в назидание финнам напомнили об «Искандерах» под Выборгом. Если в заголовке в качестве источника информации указана страна, реакция на данную информацию выражена неопределенно-личным предложением (напомнили...), то в самой публикации приводятся разные по точности ссылки на источник передаваемой информации: После заявления президента Финляндии о скором вступлении в НАТО, целая дивизия боевых «Искандеров» была замечена автомобилистами недалеко от Выборга (пассивная конструкция) → Учитывая недавние заявления главы соседнего государства Саули Ниинистё о передаче Украине танков, ролик приобретает все большую актуальность, считает главред Лен-ТВ 24 Олег Черных. В случае использования неопределенно-личного предложения дается гиперссылка (рассказали — <https://ivbg.ru/8297878-minoborony-rasskazalo-o-tekushhix-rezultatax-specoperacii-vs-rf-v-ukrain-e-da...>), отсылающая к другому источнику: Ранее в Минобороны рассказали о текущих результатах спецоперации ВС РФ в Украине.

Уже в первых печатных газетах опосредованную эвиденциальность можно рассматривать как текстовую категорию, но в современных российских электронных СМИ она пронизывает не только весь текст, но и расширяет его за счет гиперссылок, что отражает стратегию российских журналистов.

Литература

- Кобрин О. А.* Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (004). 2005.
- Козинцева Н. А.* Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Никитина Е. Н.* Субъектные нули и перцептивный модус (К вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) // Вопросы языкознания. № 2. 2013.
- Падучева Е. В.* Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? // Русский язык в научном освещении. № 2 (26). 2013.

О ФУНКЦИЯХ ТИРЕ В ЦЕПОЧКЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»)

ON DASH FUNCTIONS IN THE CHAIN OF VERB PREDICATES (IN THE NOVEL "ZULEIKHA OPENS HER EYES" BY G. YAKHINA)

Казakov Владимир Павлович

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Предметом исследования является такая особенность пунктуационного оформления цепочки глагольных предикатов, как постановка тире перед одним или несколькими компонентами с союзом «и». Актуальность обращения к указанной особенности обусловлена тем, что знак тире выступает в качестве коммуникативно обусловленного знака [Шубина 2006: 139], функциональные возможности которого раскрываются в художественном тексте.

Под цепочкой предикатов понимается ряд глагольных сказуемых в простом двусоставном предложении, относящихся к одному подлежащему. Вопрос об однородности сказуемых относится к числу дискуссионных. В частности, предлагается рассматривать предложения с глагольными сказуемыми как «переходные между простыми и сложными с разной степенью тяготения то к одним, то к другим, что определяется контекстуальными условиями» [Валгина 2003: 213—214]. Используемое в докладе понятие цепочка предикатов охватывает употребление глагольных сказуемых при одном подлежащем в различных контекстах. В справочной литературе по пунктуации использование знаков в обсуждаемых конструкциях рассматривается в разделе «Знаки препинания при однородных членах предложения», поскольку правила пунктуации ориентируются на широкое понимание однородности сказуемых. Постановка тире между однородными членами предусмотрена в следующих случаях:

- а) при пропуске противительного союза;
- б) при наличии союза для обозначения резкого и неожиданного перехода от одного действия или состояния к другому, например: Тогда Алексей стиснул зубы, зажмурился, из всех сил рванул унт обеими руками — и тут же потерял сознание (Б. Полевой) [Правила русской орфографии и пунктуации 2006: 220].

В романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» наблюдается существенное расширение диапазона использования тире в цепочке предикатов перед союзом «и». При этом можно выделить две функции тире:

- 1) смысловая функция — передача лексически не выраженного отношения между глагольными предикатами;
- 2) композиционная функция — упорядочение информации, передаваемой глагольными предикатами, включая выделение отдельных эпизодов в цепочке описываемых действий (ср. функциональное и текстовое тире у Н. Л. Шубиной [Шубина 2006: 141]).

Лексически не выраженными отношениями в цепочке предикатов могут быть не только отношения, традиционно связанные с тире (например, отношения следствия и противопоставления при постановке тире в бессоюзном сложном предложении), но и отношения, которые пунктуационные правила связывают с двоеточием (отношения конкретизации и причинной обусловленности). Ср.: Зулейха не считает себя лентяйкой — и сейчас трет склизкие темные половицы... (следствие). — Дочери помогали исправно — не первый год стерегли до весны родительские припасы (конкретизация).

Считается, что одна из основных функций тире — обозначение всевозможных пропусков; при этом подчеркивается, что речь идет не о пропуске слов вообще, а о пропуске структурных элементов предложения, например, пропуск членов предложения в неполных предложениях [Валгина 2004: 65]. Наблюдения над тире в цепочке предикатов в романе Г. Яхиной показывают,

что речь может идти не только о грамматически обусловленных пропусках (например, отсутствие противительного союза в цепочке предикатов), но и об имплицитных смыслах, маркируемых с помощью тире. Например: На казанском заводе прусского фабриканта Дизе заказал по размерам стальной бак — и поставил его точно на предназначенный крутой уступ, гладко примазал глиной. Имплицитный смысл в данном случае мог бы быть выражен с помощью придаточной части. Ср.: Заказал стальной бак и, после того как его изготовили и доставили, поставил на крутой уступ. Имплицитный смысл может иметь и более сложное содержание, включающее переживания персонажа: За пятнадцать лет Зулейха проспала дважды — и запретила себе вспоминать, что было потом. В этом случае читатель может предполагать, с учетом широкого контекста, содержание имплицитного смысла, опосредующего значения компонентов цепочки предикатов.

Смысловая функция тире проявляется, таким образом, в том, что использование этого знака отражает как широкий спектр смысловых отношений между глагольными предикатами, так и наличие опосредованных смысловых связей в цепочке предикатов.

Упорядочение глагольных предикатов с помощью тире создает дискретное повествование путем разбиения цепочки на связанные в композиционном отношении отрезки.

Например: Она подтягивает ночную рубаху к груди, чтобы не испачкалась в пыли, перекручивает, берет конец в зубы — и на ощупь пробирается между ящиками, коробами, деревянными инструментами, аккуратно переползает через поперечные балки. Постановка тире в таких случаях отражает отмеченную в литературе кинематографичность романа, тире становится знаком смены кадров.

Например: Из вихря белых хлопьев высовывает морду темный конь, запорошенный снегом всадник наклоняется из седла к Муртазе, шепчет что-то на ухо — и через мгновение вновь растворяется в метели, словно его и не было. Заметим, что тире перед союзом встречается не только при обозначении резкого перехода от одного действия или состояния к другому, что предусмотрено пунктуационными правилами (см. пример выше), но и в ситуации, когда такого резкого и неожиданного перехода нет: Она стоит чуть поодаль, по пояс в снегу, обхватив корзину, — и смотрит, как Муртаза рубит. Здесь переход иного рода — переход от одного кадра к другому, соответствующий монтажному принципу повествования. Отмеченные особенности постановки тире в цепочке предикатов отражают многоплановую роль этого знака в организации художественного текста.

Литература

Валгина Н. С. Современный русский язык. Синтаксис. М., 2003.

Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М., 2004.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. *В. В. Лопатина.* М., 2006.

Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка. М., 2006.

О БЕЗЛИЧНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ С ГЛАГОЛОМ «ДЫШАТЬСЯ» В ЗНАЧЕНИИ РАСПОЛОЖЕННОСТИ СУБЪЕКТА К ДЕЙСТВИЮ/СОСТОЯНИЮ

ABOUT THE IMPERSONAL SENTENCE WITH THE VERB "TO BREATHE" IN THE MEANING OF THE LOCATION OF THE SUBJECT TO THE ACTION/STATE

Алексеева Ольга Максимовна

соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет

1. Модель глагола в безличной форме + датив. Рассмотрение данной модели представлено в исследовании Ю. Д. Апресяна, который анализировал предложения типа Мне (хорошо) работается [Апресян, 2006] и признал данную модель непродуктивной, указав на ограниченность круга глаголов, семантика которых позволила бы создать предложение такого рода. В исследованиях Ю. П. Князева [Князев, 2011] и др. данная конструкция названа безличным модальным пассивом: её категориальный признак — внутренняя модальность желательности / возможности; исходное подлежащее маркируется дативом; предикат — постфиксом -ся; в конструкцию чаще всего включается отрицательная частица «не». В работе А. Б. Летучего [Летучий, 2014] позиция оценочного атрибута признаётся необязательной. На основании общности предполагаемых исходных конструкций (Я не могу работать) позиционируется сходство безличного и личного модального пассива, выделяется промежуточная категория, где экспериенцер не выражен. Большая часть работ последних лет посвящена опыту сопоставления особенностей функционирования конструкций в южнославянских языках. В данной работе проанализирован частный случай выражения безличным предложением значения расположенности к действию: главный член предложения выражен глаголом дышаться. Критерии анализа: частотность употребления, формы, выражающие значение расположенности к действию, способы репрезентации субъекта действия, семантические особенности в поэтических и прозаических текстах.

2. Глагол дышаться как средство выражения значения расположенности к действию. Возможность функционирования и сочетаемости модели дышаться + датив рассмотрена на материале основного, поэтического и художественного подкорпусов НКРЯ, выявлено более 870 примеров, отвечающих критериям анализа. Модель дышаться + датив относится к ядру значения расположенности к действию. По данным словаря А. А. Зализняка [Зализняк, 2003], в анализируемую конструкцию за редким исключением вступают: а) глаголы, не содержащие в своём составе возвратного компонента -ся/-ся; б) глаголы с семантикой психофизического состояния субъекта или приобретающие её в определённом контексте. Глагол дышаться соответствует всем указанным условиям. В толковых словарях в описание данного глагола дается так: ДЫШАТЬСЯ — несов. неперех. 1. безл. О процессе дыхания [дыхание I 1.]. 2. перен. безл. О наличии каких-либо условий для жизни. (Современный толковый словарь русского языка Ефремовой, 2000). Наличие возвратности вне значения расположенности к действию возможно только у глагола совершенного вида надыхаться — ‘вдоволь подышать, вдохнуть много чего-н.’

3. Глагол дышаться в поэтических текстах и в художественной прозе (рассказ, роман и повесть) Анализ употребления глагола дышаться в нарративном контексте показывает, что глагол может означать:

- а) характеристику физического состояния: ...когда нам будет дышаться легче, когда мы будем почти здоровы...;
- б) характеристику психологического, эмоционального состояния: ...ему в Сталинграде легко дышалось;
- в) характеристику психофизического состояния: ...дышалось легко, но радости не было.

В значении психофизического состояния глагол дышаться употребляется в сочетании с такими распространителями, как легко (340 примеров), свободно (128 примеров), вольно (48 примеров) и пр.

На основании значения данных распространителей можно сделать вывод о том, что при выражении психофизического состояния глагол дышаться выступает в переносном значении 'о наличии каких-либо условий для жизни'. Датив является формой косвенного выражения семантического субъекта в 4 случаях:

- 1) выражен местоимением 3-го лица / именем существительным: ...ей легко живется, легко дышится;
- 2) местоимением 2-го лица: ...там тебе будет легко дышаться;
- 3) местоимением 1-го лица: Там мне «дышится», «любится» и «пишется»;
- 4) семантический субъект не представлен в форме датива:
 - а) но подразумевается контекстом: Дышалось здесь легко и мыслилось просторно;
 - б) не вычисляется из контекста, так как имеет обобщённое значение: В Москве дышалось легче, чем в Петербурге...

В поэтических текстах последняя форма является наиболее частотной (46 из 152 примеров), а в прозаических текстах она находится на втором месте (134 из 442 против 174 примеров, в которых лицо эксплицировано). Это расходится с общей картиной употребления возвратно-производных безличных глаголов: данная форма является самой малочисленной подгруппой безличных предложений со значением расположенности к действию, употребляющихся в поэтическом дискурсе. Однако в случае с глаголом дышаться значение 'о наличии каких-либо условий для жизни' регламентирует общечеловеческий характер высказываний. Для художественной прозы на первый план выходит значение характеристики физического состояния (271 пример из 442), в связи с чем частотность употребления обобщённых высказываний снижается.

4. Выводы. Глагол дышаться обладает рядом особенностей, связанных с наличием переносного значения, для которого характерны специфические средства репрезентации в контексте:

- а) специализированные распространители конструкции свободно, вольно;
- б) изменение основного способа косвенного выражения семантического субъекта в художественных текстах;
- в) регламентированный переносным значением общечеловеческий характер поэтического высказывания.

Литература

- Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 2003.
- Князев Ю. П. Пассивные и пассивоподобные возвратные конструкции с глаголами совершенного вида в русском языке // В. С. Храковский и др. (ред.). Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. СПб., 2011. С. 94–99.
- Летучий А. Б. Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. X. Ч. 3. СПб., 2014. С. 365–395.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГРУППЫ ОТЫМЁННЫХ РЕЛЯТИВОВ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Артеменко Мария Владимировна

старший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет

Доклад посвящен выявлению стилистических особенностей группы отымённых релятивов, выполняющих предложную функцию и построенных по одной модели — ПО + N3. Автор устанавливает связь этих единиц на уровне семантики, но также показывает их различия в стилистическом плане. Исследование проводилось на основе подборки фактов из Национального корпуса русского языка [Национальный корпус русского языка]. Отмечается активность использования релятива ПО ТИПУ в устном и медиадискурсе. В таких примерах ПО ТИПУ реализует семантику подобия, то есть один объект сравнения уподобляется второму: Ассоциация в чем-то устроена по типу нашей Академии наук (Главный онколог Москвы стал почетным членом Ассоциации хирургов в США // РИА Новости, 2020.06). В апреле стало известно, что Минпросвещения занимается разработкой отечественного видеосервиса по типу Zoom (Минпросвещения объявило о создании аналога TikTok для школьников // Vesti.ru, 2020.09). В художественном и публицистическом дискурсе также частотно употребление релятива ПО ТИПУ: Бунтари-одиночки, изгой по типу Модильяни, сами собой перевелись, их заменили аккуратные, обеспеченные, социально адаптированные люди (М. К. Кантор. Одного достаточно (2011)); Кириллица была очень тонким приспособлением — в ней в целом сохранена внутренняя система глаголицы, однако глаголические буквы были заменены новыми по типу греческих, да и дополнительные буквы для обозначения специальных славянских звуков стилизованы под греческие (Елена Сергеева. Происхождение Кириллицы // «Пятое измерение», 2003). Отымённый релятив ПО ОБРАЗЦУ чаще употребляется в газетном дискурсе, в контекстах, когда речь идет о наличии сходства между двумя объектами, событиями, явлениями или процессами: Европейская олимпиада по физике проводится с 2017 года по образцу Азиатской и Иbero-Американской физических олимпиад, — передает РИА Новости (Российские школьники взяли пять медалей физической евроолимпиады // Vesti.ru, 2020.07); Она [«Волга»] была разработана под руководством Сергея Королева по образцу немецкой ракеты Фау-2 [День 10 октября в истории // Парламентская газета, 2020.10]. Для релятива ПО ПРИНЦИПУ характерна научно-популярная и медийная сфера функционирования: Ружич сообщил, что муниципалитеты по всей стране будут поделены по принципу светофора на красные, желтые и зеленые (Сербские школьники начнут учебный год в обычном формате // Парламентская газета, 2021.08); По общему порядку эти учреждения должны предоставлять гражданам государственные услуги по принципу «одного окна» (Криптокабин на всю Россию пока не хватает // Парламентская газета, 2021.12). ПО АНАЛОГИИ С тяготеет к научному дискурсу, что связано с семантикой базового слова аналогия, что означает 'сходство'. Подборка фактов с данным релятивом наиболее репрезентативна, поскольку выборка проводилась и на основании других баз данных, в частности ресурса «Элементы» [Портал о фундаментальной науке «Элементы»]. Например: Можно было бы попробовать, по аналогии с плазмой, использовать для создания пузыря короткий сгусток-драйвер, а не вспышку жесткого рентгена, но, увы, внутри вещества этот сгусток не будет достаточно стабильным (Игорь Иванов. Готовится эксперимент по сверхбыстрому ускорению электронов в углеродных нанотрубках // Элементы. 21.07.2017); Но ничто нас не заставляет думать, что вся материя, находящаяся в мировом пространстве, должна светиться, скорее наоборот: по аналогии с земными явлениями можно предположить, что светящаяся материя во Вселенной является исключением [Наука и жизнь]. В языке газет также частотно употребление релятива ПО АНАЛОГИИ С: Звание «Земский работник культуры», по аналогии с «земским врачом» и с «земским учителем», расширяет систему льгот и поощрений для специалистов в сфере культуры, работающих на селе и в малых городах (В Совфеде оценили расходы на программу «Земский работник культуры» // Парламентская газета, 2021.09). В двух последних примерах релятив входит в состав сравнительного оборота и обособляется запятыми, что подтверждает

семантику сравнения данной группы отымённых релятивов, построенных по модели ПО+НЗ. В целом можно сказать, что прослеживается преобладающая тенденция функционирования релятива ПО ТИПУ в устном разговорном дискурсе, тогда как звенья этого синонимического ряда чаще реализуются в письменной речи, а именно в публицистической и научной сфере. Интересны наблюдения над пунктуационным оформлением каждого релятива в соотношении с его сферой функционирования. Как правило, употребление релятива в составе обособленного сравнительного оборота обнаруживаем в художественных и публицистических текстах.

Литература

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.01.2023).

Наука и жизнь, Наука и жизнь в начале XX века. Ноябрь 2015 №11. Тёмная материя [Электронный ресурс]. URL: https://www.nkj.ru/archive/articles/27305/?sphrase_id=5230893 (дата обращения: 15.01.2023).

Портал о фундаментальной науке «Элементы» [Электронный ресурс]. URL: www.elementy.ru (дата обращения: 15.01.2023).

СУБЪЕКТ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ДИСКУРСИВНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»)

THE SUBJECT OF NARRATIVE IN A DISCURSIVE TEXT (BASED ON THE NOVEL "LAVR" BY E. VODOLAZKIN)

Зорина Екатерина Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Господство коммуникативной парадигмы, установившейся в грамматической науке XX века, предполагает особое внимание к говорящему. Комплексный подход, необходимый для исследования текстов современной художественной прозы, учитывает достижения целого ряда наук: филологии, психологии, социологии, истории и т. д. Таким образом, говорящий, субъект повествования оказывается в центре внимания междисциплинарного подхода. Такое исследование художественного текста предполагает анализ повествования в дискурсивном аспекте. Дискурс здесь определяется как «текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова, с. 136]. «Событийность» реализуется в ряде институциональных дискурсов. Для каждого текста значимым оказывается тот или иной или несколько институциональных дискурсов: исторический, политический, социальный, философский и т. д. Рассмотрение и описание художественного текста в поле другой науки, другой научной парадигмы с признанием главенствующей роли автора открывает возможность анализа художественного повествования в аспекте замысла автора.

В романе Е. Водолазкина «Лавр» особую роль играет бытовой исторический и христианский православный дискурс. Дискурсивные высказывания маркированы лексически и грамматически. Лингвистический анализ маркеров институциональных дискурсов позволяет интерпретировать художественный текст. Вневременность повествования, прозрачность эпох и перспектива исторических событий формируется в дискурсивном поле текста. Для «декодирования» такой структуры повествования требуются обширные знания из разных областей. Например, в следующих фрагментах необходимы знания о стилистической принадлежности лексических единиц и конструкций — стилистическое декодирование дискурса:

1. К Амвросию продолжали ходить болящие. Их было много, хотя в иных обстоятельствах пришедших могла бы быть и больше. Сокращению потока способствовало несколько причин. Главной из них был старец Иннокентий, который запретил беспокоить Амвросия попусту. Лечение зубов, сведение бородавок и тому подобные вещи он не считал достойными поводами для обращения, ибо они отвлекали Амвросия от других, более серьезных случаев. Такие вопросы, объявил старец, прошу решать по месту жительства (с. 383).

2. Теперь, когда в отношении конца света мы более или менее спокойны, настало время для уединения. Готовься, Амвросие, сего лета примешь схиму (с. 398).

Включение в повествование лексических элементов и синтаксических конструкций, типичных для канцелярского языка середины и конца XX века, и даже канцелярита (во втором фрагменте), стилистический контраст создает многомерное дискурсивное повествовательное пространство. Исторический дискурс представлен перспективной от средневековья до наших дней. Дискурсивная перспектива оформляется в том числе и прямым указанием на события будущего по отношению к моменту сюжетного повествования, например:

3. Я думаю, сказал Амброджо, что исчерпывается не время, но явление. Явление выражает себя и прекращает свое существование. Поэт гибнет, скажем, в 37 лет, и люди скорбят о нем, начинают рассуждать о том, что бы он мог еще написать. А он, может быть, уже состоялся и всего себя выразил (с. 288).

Эгоцентрические элементы в речи героя Амброджо; философское высказывание, оформленное генеритивным регистром; исторический дискурс жизни и смерти А. С. Пушкина существуют одновременно. Герой находится сразу в нескольких повествовательных дискурсивных пространствах, которые сосуществуют на исторической перспективе. Особое внимание следует обратить на православный дискурс в повествовании романа. Православный дискурс

оформляется целым рядом лексических и грамматических средств: старославянские грамматические формы (например, Звательного падежа и формы глагола); стилизация высказываний под высказывания Священного писания; генеритивный регистр, оформляющий поучительные и назидательные высказывания; модальные элементы, осуждающие ереси и язычество; особое графическое и пунктуационное оформление и т. д., например:

4. Ты знаешь, страче, что в прошлом году был голод. И причиной тому была связь девки Анастасии с Дьяволом. Анастасию мы сожгли, продолжает кузнец Аверкий, но голод не утих. О чем это говорит, страче? Лавр переводит взгляд на кузнеца. Это говорит о том, что в ваших головах мрак. Ты, старче, неправ. Это говорит о том, что мы ее не сожгли (с. 425).

Экспрессия на уровне синтаксиса: разрывы синтагматической цепочки, особое абзацное членение и пунктуационное оформление диалога — формирует дискурсивное противопоставление света, исходящего от Господа, и мрака, в котором живут православные христиане в романе. Православный дискурс организует повествование, все события которого оказываются вневременными. Маркированные дискурсивные высказывания воспринимаются в рамках христианского знания и носят надтекстовый характер. Позиция автора явлена в организации вневременного многомерного повествования и дискурсивного диалога с читателем.

Литература

Водолазкин Е. Лавр. М., 2021.

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136.

СПЕЦИФИКА ПУНКТУАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

FEATURES OF PUNCTUATION OF POEMS BY G. R. DERZHAVIN

Лебедев Александр Александрович

доцент, Петрозаводский государственный университет

Гаврила Романович Державин — тот автор, который преодолел инерцию тяжеловесного классицистического слога и сумел воплотить в собственном творчестве лучшее из отечественной словесности своего времени. Литературное наследие поэта охватывает без малого половину века (1770–1816) — и именно в эти годы в России формируются новые формы словесности, создается современный русский литературный язык. Поэтические произведения Державина — неотъемлемая составляющая данного процесса, и притом составляющая активная, повлиявшая на формирование литературного языка. От юности до смерти Державин воплощал в себе образ поэта, полностью отданного творчеству, фиксировал собственные искания в стихотворных произведениях. Однако современному читателю не в полной мере знакомо всё то колоссальное литературное наследие, которое осталось после Державина. Этому есть целый ряд причин, и одна из них — изменения, вносимые в тексты поэта с учетом актуальных требований орфографии и пунктуации. При этом поэтические тексты Державина еще в XIX в. были зафиксированы в Полном научном собрании сочинений автора, которое подготовил Яков Грот. Современные же издания, опираясь в целом на традицию Я. Грота, не всегда способны учесть неотъемлемую составляющую наследия автора — орфографическое и пунктуационное оформление текста. В изданиях последних лет авторская пунктуация зачастую искажается, и это способно негативно сказываться на восприятии текста, так как лишь в случае сохранения авторской пунктуации можно говорить о полноценном восприятии литературных текстов именно в таком виде, в каком их создавал автор. Работа выполнена с опорой на материалы, полученные в Петрозаводском государственном университете при подготовке ресурса «Полное собрание художественных сочинений Г. Р. Державина: Электронное научное издание» (под руководством Н. И. Соболева), а также в ходе работы над проектом по гранту Российского научного фонда № 22-28-00991 «Поэтический синтаксис русского языка XVIII века в риторическом аспекте» (руководитель Н. В. Патроева). Для анализа пунктуационных различий были задействованы четыре издания: прижизненный сборник Г. Р. Державина «Анакреонтические песни» 1804 года [Державин 1804], полное научное собрание сочинений Державина, подготовленное Я. Гротом [Сочинения Державина 1864–1883], а также издания XX века [Державин 1957; Державин 1985]. В докладе последовательно рассматриваются разные вариативные знаки препинания, встречающиеся в поэтическом творчестве Г. Р. Державина:

1. Знаки препинания в конце предложений — варианты в данной позиции связаны, как правило, либо с разбиением сложного бессоюзного предложения на два простых, либо, напротив, с объединением двух предложений в одно.

2. Запятая — вариативность данного знака препинания возникает преимущественно при однородных членах предложения, а также в уточняющих оборотах и при обособлении одиночных деепричастий.

3. Двоеточие — в ряде изданий наблюдается последовательная замена двоеточия на запятую, причем в тех случаях, когда это не требуется правилами русского языка.

4. Тире — многофункциональный знак, который зачастую игнорируется при подготовке современных собраний сочинений, что может повлечь за собой изменение общего смысла предложения (например, сравним три варианта постановки знаков препинания в разных источниках: «Сыплють искры — снѣгъ и камень // Подъ стопами у меня.» [Сочинения Державина 1864–1883], «Сыплют искры, снег и камень // Под стопами у меня.» [Державин 1957], «Сыплют искры снег и камень // Под стопами у меня» [Державин 1985]). В ходе анализа специфики пунктуационного оформления текстов Г. Р. Державина в разных изданиях учитывалось влияние

пунктуации на формирование определенных средств речевой выразительности в контексте собственно риторического воздействия на читателя стихотворного текста. Полученные в ходе исследования сведения позволяют сделать вывод о том, что разные издания стихотворных текстов Г. Р. Державина предусматривают различное пунктуационное оформление определенных контекстов, что отражается на восприятии стихотворных произведений читателем. В этом случае на первый план выходит традиционное противоборство тенденций: с одной стороны, к сохранению авторской пунктуации; с другой — к соблюдению правил и норм современного русского языка. При этом некоторая небрежность в постановке знаков препинания, характерная для некоторых современных изданий стихотворных текстов, еще больше затрудняет, усложняет, искажает восприятие литературного наследия Г. Р. Державина.

Литература

Державин Г. Р. Сборник Анакреонтические песни. Пг.: [печатано в тип. Шнора], 1804. Цит. по URL: <http://derzhavin.petrso.ru/site/lyricpoets>

Сочинения Державина: [в 9 т.] / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. СПб.: изд. Импер. Акад. Наук; в тип. Импер. Акад. Наук, 1864–1883. Т. 1–3. Цит. по URL: <http://derzhavin.petrso.ru/site/lyricpoets>

Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957.

Державин Г. Р. Сочинения / Сост., биограф. очерк и коммент. И. И. Подольской. М., 1985.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ИДИОСТИЛИСТИЧЕСКИХ УСТРЕМЛЕНИЙ ВАСИЛИЯ КИРИЛЛОВИЧА ТРЕДИАКОВСКОГО

TO THE QUESTION OF THE EVOLUTION OF THE IDIO-STYLISTIC ASPIRATIONS OF VASILY KIRILLOVICH TREDIAKOVSKY

Патроева Наталья Викторовна

профессор, Петрозаводский государственный университет

Рожкова Анфиса Владимировна

доцент, Петрозаводский государственный университет

Языковая полемика российских стихотворцев-реформаторов XVIII столетия (А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова и др.) наметила пути дальнейшей эволюции не только поэтической речи постпетровской эпохи, но и общелитературного русского языка в целом. «Синтаксические портреты» русских поэтов в этом смысле оказываются гораздо важнее «лексических», поскольку традиционно-поэтическая лексика не исчезает с победой «нового» слога над «старым» даже еще и полвека спустя — во времена Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина. Желание молодого Тредиаковского обустроить новый русский литературный язык на западноевропейских основаниях, секуляризировать и демократизировать его, сблизив с разговорной речью и отдалив от «обветшалого» языка церковных книг, ни теоретически (в виде грамматики, словаря, риторики, а не отдельных кратких трактатов, статей, как, например, «Разговор об орфографии» и т. п.), ни практически поэтом не было реализовано до конца и последовательно. Это в особенности касалось лексической и синтаксической подсистем, так как морфология уже к 1740-м годам подверглась значительной регламентации. Анализ стихотворных опытов В. К. Тредиаковского свидетельствует об объединении старославянского и русского языков в некий «славенорусский» конгломерат как, с одной стороны, результат многовековой истории развития русского литературного языка в целом, с другой — продукт далеко не всегда эстетически удачной индивидуально-авторской попытки реформирования. При этом тесное взаимодействие двух речевых стихий характеризует и словарный состав, и грамматическую систему поэтического дискурса (примером реализации подобного синтеза может служить, например, «Тилемахида» В. К. Тредиаковского). Как показывают наблюдения над обеими редакциями оды о взятии города Гданска, оба текста лишены резких различий, связанных с отбором и организацией книжно-славянских элементов, стабильное употребление которых прежде всего подчинено теме произведения и согласуется с его жанром, однако опыт 1752 г. все же несколько более насыщен церковнославянскими элементами — прежде всего, лексическими и морфологическими. Это подтверждает тенденцию к архаизации слога зрелого Тредиаковского, не только провозглашенную в теоретических, литературно-критических статьях (например, в «Письме от приятеля к приятелю» 1750 г., в котором Тредиаковский говорит о пользе церковной литературы для лучшего овладения русским языком), но и воплощенную в оригинальном литературном творчестве под влиянием пересмотра поэтом своих первоначальных лингвистических взглядов. Наблюдения за типологией и структурой предложений позволяют говорить о вызванной новыми стиховыми требованиями трансформации синтаксиса в варианте 1752 г., что выразилось в более редком использовании односоставных конструкций, увеличении числа двусоставных и бессоюзных сложных предложений, несущественном уменьшении доли распространителей и союзно оформленных многокомпонентных сложных конструкций. В то же время синтаксический рисунок текста не предстает до конца обновленным и новаторским в силу таких сдерживающих факторов, как инверсированный порядок членов предложения и их намеренное значительное дистанцирование. Синтаксис Тредиаковского спустя два десятилетия после создания первой оды «о сдаче города Гданска» не столько упрощается, сколько именно трансформируется, подстраиваясь под новые стиховые требования. Бросаются в глаза, наряду с обилием вопросительных и восклицательных фраз, постоянные

сильные инверсии компонентов предложения, очень резкие их перестановки и дистанцирования, которые оценивались Третьяковским и другими поэтами (например, А. Кантемиром в его «Письме Харитона Макентина» 1742 г.) как допускаемые намеренно в стихах «поэтические вольности» и — одновременно — приметы высокого слога, «поскольку инверсия такого рода была возможна в церковнославянских текстах (где строение фразы нередко калькирует греческое словорасположение)» [Успенский 1985: 91]. Синтаксис Третьяковского — результат борьбы поддерживаемой и культивируемой им новой системы стихосложения, и издержки этого стремления можно объяснить, согласно Л. И. Тимофееву, тем, что «Третьяковский, уловив эту новую систему ритмики, более четкую и организованную, не сумел отойти от старой синтаксической системы. Сложную, запутанную, книжную интонацию, громоздкий синтаксис, который характерен для силлабистов, он оставил без изменения» [Тимофеев 1958: 333]. Поэтический словарь и грамматика В. К. Третьяковского — красноречивое свидетельство не утихавших на протяжении века споров о языке и стиле русской литературы. Василий Третьяковский 1730-50-х гг. — противоречивая фигура российской словесности, одновременно и опередившая свое время и отставшая от некоторых магистральных тенденций литературного развития, а потому недопонятая и даже осмеянная и несправедливо раскритикованная. Индивидуально-авторский слог В. К. Третьяковского, в той мере, в какой он отличается от общеязыковых, общелитературных и жанровых нормативных устремлений, еще ждет своих исследователей, но уже сейчас понятна масштабность роли в становлении российской словесности и творческой личности автора «Оды торжественной о сдаче города Гданска». Сопоставительные наблюдения демонстрируют обусловленное жанром стабильное использование книжно-славянских элементов, значительная доля которых, прежде всего, лексических и морфологических, приходится на вариант 1752 г., что подтверждает тенденцию к архаизации слога зрелого Третьяковского. Проведенный анализ доказывает противоречивость идиостилевых и лингвистических устремлений В. К. Третьяковского, индивидуально-авторский слог которого еще ждет своего комплексного изучения.

Литература

Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.

ПСЕВДОТАВТОЛОГИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОСХЕМА С МЕСТОИМЕНИЕМ «ТАКОЙ»

A PSEUDOTAUTOLOGICAL PHRASEOSHEME WITH A PRONOUN TAKOJ

Попова Лариса Владиславовна

профессор, Северный (Арктический) федеральный университет

Фразеологизированные синтаксические конструкции на основе тавтологии представляют собой яркое явление русского языка, преимущественно его разговорной стихии, которая отличается богатым арсеналом средств выражения модальных и субъективных смыслов. Повтор существительного в одинаковых или разных грамматических формах используется в ряде «фразеосхем» (Д. Н. Шмелёв): N1 как N1 (Дети как дети), N1 и N1 (Школа и школа, ничего особенно), N1 есть N1 (Жизнь есть жизнь), N1 всем N5 N1 (Мать всем матерям мать!), N1 N5 (Дурак дураком), N1 так N1 (Работа так работа), N1 значит N1 (Экзамен значит экзамен), N1 всегда N1 (Женщина всегда женщина), N1 и в Африке N1 (Праздник и в Африке праздник) и др. Доклад посвящен сравнительно новой в языке, но активно используемой в интернет-коммуникации, конструкции N1 такие (-ой, -ая, -ое) N1: Девочки такие девочки; Питер такой Питер. Материал для исследования получен из Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ). Конструкция используется преимущественно в блогах, в хэштегах, в названиях сообществ, то есть в интернет-коммуникации, тяготеющей к экспрессии при экономии языковых средств. Активность данной модели обусловлена как ее значением, несколько отличающимся от значения сходных фразеосхем, так и наличием в составе слова такой, частотность употребления которого в современной речи отмечена многими исследователями [Саюткова, Воейкова 2010]. Конструкция характеризуется новизной, она не отмечена в «Русской грамматике-80». Впервые (по нашим сведениям) данная конструкция описана в статье [Кротова, Пермякова 2017], в которой, однако, субстантивный компонент модели ограничен только существительными, называющими человека. В то же время материал ГИКРЯ демонстрирует семантическое разнообразие существительного. Значение фразеосхемы — приписывание предмету типичных, ожидаемых от него признаков. В основе оценочного значения конструкции лежит коннотативный потенциал имени существительного. В общем значении конструкции входят несколько составляющих:

- а) конвенциональное значение конструкции, основанное на типовом значении исходной свободной модели предложения, а также на значении постоянного компонента такой — гиперболизация или типизация признака;
- б) семантика именного компонента, его коннотативное значение, в том числе и фоновые знания;
- в) контекст или ситуация, позволяющие выявить прагматическое и оценочное значения. Поскольку исследуемый материал связан в основном с блогосферой, возможно учитывать и мультимедийность блога (картинки, фотографии, видеофайлы и др.).

Экспрессивность конструкции заключается в том, что предмет получает не прямую оценку, а лишь указание на какие-либо коннотации, связанные с определяемым предметом. Значение конструкции Дети такие дети в некоторой степени синонимично значению фразеосхемы Дети есть дети. Значение обеих моделей можно отнести к «псевдотавтологии» (Ю. Д. Апресян), поскольку в них сообщается о качестве, свойстве предмета. Собранный материал демонстрирует разную частотность лексико-семантических разрядов существительного, что, возможно, не позволяет говорить о свободе наполнения конструкции. Наши наблюдения показали:

- а) наиболее частотными являются примеры, обозначающие человека (девочки, мальчики, мамочки и др.), животных (котики, пёсики и др.);
- б) менее активны неодушевленные существительные (лето, море, ночь, утро, работа и др.), в том числе отвлеченные (любовь, наука и др.);
- в) встречаются примеры с именами собственными (Америка, Сочи, Турция, Пушкин, Ленин и др.);

- г) единичные примеры включают конкретные существительные, лишённые оценочной семантики (колонны, могила и др.).

Такие результаты могут быть объяснены потенциальным коннотативным значением существительного. Так, примеры с конкретными существительными (Колонны такие колонны, Дом такой дом; Посуда такая посуда) осмысляются адресатом на основе субъективных коннотаций. Можно предположить, что лексическое значение существительного не является ограничением, так как главную роль играет идиоматическое значение фразеосхемы. Основная функция данной фразеосхемы в речи — дать оценку, аксиологически категоризировать действительность. Особый интерес представляют используемые в фразеосхеме имена собственные (Москва, Сочи, Крым, Питер, Петербург, Россия, Америка, Пушкин, Достоевский, Ленин). Имя собственное сохраняет полную референтность в левой позиции и утрачивает ее в правой позиции, в которой на первый план выходят фоновые знания о предмете речи. Общеизвестные признаки могут быть связаны с предметным/вещным миром (Питер такой Питер. Питерские крыши. Исаакий в лесах), с состояниями (то снег, то солнце, то дождь, ну в общем питер такой питер), с пространственными/размерными характеристиками, с типичными привычками и поведением. Исследуемый материал дает основание говорить о новой псевдотавтологической фразеосхеме, обладающей признаками воспроизводимости, идиоматичности, экспрессивности. Отметим ее преимущественное использование в интернет-коммуникации, тяготеющей к экспрессии и поиску новых форм. Основным значением конструкции является оценка, заключающаяся в категоризации / типизации предметов и их свойств и опирающаяся на коннотативное значение существительного.

Литература

- Сатюкова Д. Н., Воейкова М. Д. Особенности функционирования местоимения такой в устной разговорной речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2010. Т. 6. № 2: 184–224.
- Кротова А. Г., Пермякова Т. Н. «Фразеологизмы такие фразеологизмы»: фразеосхемы в интернет-коммуникации // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. М., 2017. С. 238–244.

ТЕРМИНЫ ГРАММАТИКИ В КОГНИТИВНОМ ПРОЧТЕНИИ

GRAMMAR TERMS IN COGNITIVE READING

Романова Татьяна Владимировна

профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Доклад подготовлен по материалам нашего словаря когнитивных терминов: Романова Т. В., Колчина О. Н., Куликова В. А., Хоменко А. Ю. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: учебное пособие / под общ. ред. Т. В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022. 216 с. Учебное пособие подготовлено в результате проведения исследования (№ 22-00-008) Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

В словаре среди других терминов (всего 60) представлены термины когнитивной грамматики, такие как когнитивная грамматика, когнитивный синтаксис, пропозиция, фрейм, схема, категория, ментальная структура, концептуальная деривация, концептуальная интеграция, концептуальная структура, фон/фигура. Эти термины фиксируют способы концептуализации и категоризации действительности в соотношении с языковыми структурами их экспликации.

Задача данного доклада — представить специфику содержания указанных терминов, обусловленную их когнитивным статусом. Так, термин когнитивная грамматика в когнитивистике интерпретируется как «1) грамматические концепции и грамматические модели описания языков, ориентированные на рассмотрение когнитивных аспектов языковых явлений: восприятия, памяти, мышления, внимания и т. п. 2) описание лексикона и синтаксиса, в результате чего выделяются три типа базовых структур: символические, семантические и фонологические структуры» [Жеребило 2010], а термин когнитивный синтаксис — как «часть когнитивной лингвистики, где «рассматриваются особенности процессов категоризации в синтаксисе». «Когнитивный синтаксис можно определить как сверхглубинную семантику, попытку рассмотреть языковые структуры как результат освоения мира человеческим познанием» [Петрова 2017: 159].

В словарь на основании собранного (созданного) авторами словаря корпуса современных русскоязычных научных источников фиксируются синонимичные отношения терминов (например, когнитивная грамматика — пространственная грамматика / грамматика пространства, леминарная грамматика, эмерджентная грамматика, дискурсивная грамматика, грамматика конструкций, непорождающая грамматика, некомпозициональная грамматика; когнитивный синтаксис — сверхглубинная семантика, синтаксис концептуальной структуры, логика синтаксиса, логический синтаксис), антонимичные отношения (когнитивная грамматика — генеративная грамматика, порождающая грамматика, композициональная грамматика), гиперонимы (когнитивная грамматика — когнитивная лингвистика; когнитивный синтаксис когнитивная грамматика), гипонимы (когнитивная грамматика — пространственная грамматика; когнитивный синтаксис — когнитивная структура языковых выражений, когнитивные синтаксические категории, синтаксический концепт, пропозиция), отношения сужения, а также коллокации, N-граммы и деривационно-эпидигматические связи. Например, для термина пропозиция:

ОТНОШЕНИЯ СУЖЕНИЯ:

типовая пропозиция,
пропозиция конкретного высказывания,
диктумные/модусные/логические пропозиции,
эллиптированная пропозиция,
событийная пропозиция, свернутая пропозиция.

ДЕРИВАЦИОННО-ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ:

Пропозиция — пропозитивный — пропозитивность
Пропозиция — пропозитивный — пропозитивно
Пропозиция — пропозитивный — полипропозитивный

Пропозиция — пропозициональный — пропозициональность
Пропозиция — пропозициональный — макропропозициональный
Пропозиция — пропозициональный — пропозиционально-фреймовый
Пропозиция — пропозициональный — пропозиционально-референциальный
Пропозиция — пропозициональный– когнитивно-пропозициональный

КОЛЛОКАТЫ:

логический (4.22),
качественный (2.81),
фрейм (2.79),
аргумент (2.62),
семантический (2.47),
структура (2.42),
типовой (2.22),
истинный (2.22),
предложение (2.06),
слияние (1.99),
субъектный (1.98),
несколько (1.96).

N-ГРАММЫ:

логический (18),
качественный (8),
аргумент (7),
второй, семантический (6),
диктумный, два (5),
слияние, предикаторный, элемент, высказывание, говорить, выражение, тип,
истинный (4).

В словарных статьях указаны способы интерпретации содержания терминов, которые подразделяются на фактологические, логические, лингвистические. Среди способов интерпретации можно выделить логико-грамматические (синтаксические): цитирование, дескрипция, дефиниция, предикативные характеристики, импликация, пропозиционная структура, свернутая пропозиция, сравнение, суждение.

Наиболее частотными способами являются свёрнутая предикация и дефиниция. Например: Свернутая предикация. Таким образом, сохраняя приверженность традиционному подходу к синтаксису как науке о построении речи и принимая современную когнитивно-дискурсивную парадигму в лингвистике, можно признать правомерным применение к синтаксису метода дискурсивного анализа, тем самым определяя когнитивный синтаксис как науку о построении дискурса [Менджеричка 2009: 223].

Дефиниция. В большинстве лингвистических исследований под пропозицией понимается семантическая структура предложения, состоящая из предиката и его валентностей (присоединяющихся к нему аргументов) [Там же: 88].

Часто при интерпретации содержания терминов совмещаются несколько способов. Например: Гипероним + дескрипция. Под пропозицией понимается конструкт, который связывает концепты и выступает аналогом словообразовательной модели в смысле репрезентации знаний [Бабина 2011: 57].

Литература

Бабина Л. В., Бочкарева И. В. Когнитивные основания производных слов, образованных от имен собственных // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. URL: <http://gerebilo.ucoz.ru/>

Менджеричская Е. О. Когнитивный синтаксис современного английского языка: предмет и принципы анализа // Вестник СамГУ. 2009. № 73.

Петрова Е. А. Интерпретация синтаксиса в рамках когнитивных исследованиях // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 2(75).

КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА, СУБЪЕКТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА И ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

COMMUNICATIVE AND FUNCTIONAL GRAMMAR, TEXTUAL SUBJECT ANALYSIS AND INFORMATIONAL RESISTANCE

Сидорова Марина Юрьевна

профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Самохарактеристика грамматического направления (школы) как «функционально-коммуникативного» предполагает, что его представители не могут устраниваться от решения актуальных задач сегодняшнего дня в русле утвержденной С. С. Аверинцевым в его классической статье «Филология» в Большой советской энциклопедии функции филологии как «службы понимания», высвобождающей возможности интерпретации текстов, но и ограничивающей ее произвол. Одной из таких актуальных задач является противодействие негативному информационному воздействию, критическим видом которого является информационная война (вид негативного информационного воздействия, направленный на такое изменение состояния сознания атакуемого субъекта, которое приводит его к саморазрушению).

Филолог должен обладать необходимым набором текстов и методикой их анализа не только для того, чтобы уметь определять попытку негативного информационного воздействия, защищаться от него и уметь защитить других, но и для того, чтобы сформировать из себя и помочь другим людям сформироваться как личность, иммунная к негативному информационному воздействию, отражающая его не только сознательно и активно, но и по принципу «как с гуся вода». Несмотря на то, что, казалось бы, существуют отрасли современной лингвистики, прямо предназначенные для решения проблем информационного противодействия (риторика, психолингвистика, политическая лингвистика), именно функционально-коммуникативная грамматика обладает инструментами, нужными для того, чтобы поставить информационное противодействие на твердую научную базу.

В первую очередь, это субъектный анализ текста, включающий рассмотрение как субъектов, входящих в коммуникативную рамку высказывания (отправитель, получатель, наблюдатель — по К. А. Долинину), так и внутритекстовых субъектов. И те, и другие могут иметь в тексте разную степень выраженности, определенности, персонализированности, близости или чуждости друг другу, авторитетности друг для друга и т. п., и все это находит выражение через языковые средства, которые коммуникативная грамматика помогает вскрыть и сделать явными не только для ученого, но и для «наивного» интерпретатора. Управление «видимостью — невидимостью» факта, которое является одним из важнейших принципов информационного воздействия и противодействия, находит здесь параллель в операциях с языковыми структурами, позволяющими сделать видимыми имплицитные компоненты или смыслы этих структур. Простейшим примером является анализ конструкций, в которых один из субъектов скрыт, сделан как бы «невидимым», например, получившее распространение в последнее время «Мне стыдно» (без указания на субъект перед которым стыдно) или регулярно поднимающийся манипулятивный вопрос, который несколько лет назад на сайте «Дождя» (иноагент) был сформулирован как «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?» Манипулятивный характер вопроса основан на сокрытии в предикации «кто сдает что кому» второго субъекта — субъекта, который выступает в данном случае по умолчанию как готовый принять сдачу Ленинграда, «чтобы сберечь сотни тысяч жизней». Такая простая грамматическая операция, как превращение этого субъекта из невидимого в видимый, задает для получателя сообщения направление информационного поиска, который быстро и очевидно раскрывает манипулятивную сущность вопроса и приводит к установлению факта, который данный вопрос требует оценить, пропуская риторические статусы установления и определения. Еще одним типичным примером информационного воздействия, основанным на манипулировании субъектной структурой текста, является вопрос, который в формулировке опроса 2017 г. Левада-центра (иноагент)

выглядел следующим образом: «Слышали вы о секретных протоколах к пакту о ненападении, подписанному в августе 1939 года между фашистской Германией и СССР (пакт Молотова — Риббентропа), предусматривавших раздел Польши и раздел сфер влияния в Европе?» <https://www.levada.ru/2017/09/13/16612/> В этом вопросе совмещаются два типа информационного воздействия, связанного с субъектной структурой:

- 1) воздействие, как бы замкнутое только в данном высказывании, проявляющееся в нем без соотнесения с другими текстами (номинация одного из субъектов договора не ограничивается официальным названием государства, а включает прилагательное, несущее отрицательную оценку — фашистский);
- 2) воздействие, раскрытие которого требует выхода за пределы данного текста и запускает информационный поиск.

В данном вопросе и других манипулятивных высказываниях на эту тему номинация «Польша» выступает как имя объекта, пассивно претерпевающего воздействие, лишённого субъектности; если же мы обратимся к другим дипломатическим текстам той эпохи, то обнаружим, что Польша выступает в них как активный и даже агрессивный субъект, нацеленный на расчленение территории СССР. Использование названия государства в локативном или в субъектном значении заложено в системе языка — придание выпуклости, «видимости» одному из значений и «невидимости» другому служит одной из техник информационного воздействия.

Анализ субъектной структуры текста особенно важен при защите от информационной агрессии определенных типов субъектов-отправителей сообщения, например, субъекта-паникера, одной из любимых техник которого является использование нашей невнимательности к субъектной структуре высказывания (в частности, предъявление «тревожных фактов», субъект которых не может совершить действие, названное в предикате), а второй — обобщение субъекта («все уже паникуют, следовательно, паникуй и ты»). Коммуникативная грамматика предлагает, в свою очередь, технику изоляции субъекта-паникера через использование противопоставления «свой — чужой» и критический анализ сочетаемости субъекта и предиката в «тревожащих» суждениях.

Литература

Долнин К. А. Стилистика французского языка. М., 1987. [Электронный ресурс]: <http://philologos.narod.ru/dolinin/dolinin1987.htm>

«МНОГОЛИКОЕ» НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В НАРРАТИВЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

MULTIFUNCTIONAL PRESENT TENSE FORMS IN A NARRATIVE: ISSUES FOR DISCUSSION

Уржа Анастасия Викторовна

доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Личная форма настоящего времени глагола в повествовательном тексте является одной из наиболее многофункциональных. Реализуя семантические возможности глагольной лексемы, взаимодействуя с разнообразными элементами контекста в рамках избранной автором перспективы, форма презенса может, как известно, представлять не только имперфективно-процессуальную или узуально-характеризующую текстовую функцию предиката (свойственную формам несовершенного вида), но и аористивную, и перфективную функции, конкурируя с прошедшим нарративным.

Не случайно именно в русской литературной традиции уже в девятнадцатом веке появляются опыты составления художественных нарративов, полностью или преимущественно оформленных в настоящем времени. В мировой литературе повествование в «тотальном» презенсе стало широко распространенным явлением лишь во второй половине XX в. [Bjorling 2004], а потому многофункциональность русских форм настоящего времени долгое время передавалась в переводах отечественных произведений, например «Шуточки» А. П. Чехова, на английский язык при помощи целого спектра форм прошедшего и настоящего времени в разных аспектах (Indefinite, Continuous, Perfect).

Трактовка прагматических и композиционно-текстовых характеристик форм презенса в нарративе до сих пор является предметом дискуссий. Наибольшее количество вопросов в этом плане вызывает форма *praesens historicum*. Является ли эта форма фоновой в повествовательном тексте [Падучева 1996] или формирует первый план (С. Chvany, S. Fleischman и др.)? Представляет ли она собой процессуальный имперфектив или реализует аористивную функцию?

Н. К. Онипенко усматривает здесь процессуальный имперфектив, замедляющий повествование [Онипенко 2019: 150], приводя пример из «Евгения Онегина»: поэт / Роняет молча пистолет / На грудь кладет тихонько руку / И падает... Действительно, действия в этом эпизоде предстают как бы в замедленной съемке, но трудно согласиться с тем, что они отодвигаются в область фона повествования, напротив, всё внимание наблюдателя (а вместе с ним и читателя) приковано к этим событиям. Мы скорее готовы согласиться с предположением Г. А. Золотовой о том, что подобные формы выполняют аористивную функцию: «Контекст дает возможность презенсным глаголам сообщать о ряде последовательных действий, как положено аористу (Владимир книгу закрывает, берет перо...)» [Золотова и др. 2004: 414]. Эти наблюдения получают подтверждение в трудах аспектологов, в частности в известном «критерии Маслова», опирающемся при установлении видовой пары на «обратимость глагола СВ в глагол НСВ при переводе повествования в плоскость настоящего исторического» [Маслов 2004: 77], то есть по сути на изофункциональность форм совершенного вида прошедшего времени и *praesens historicum* (Он толкнул ее и ушел — Он толкает ее и уходит). Замедление повествования, на наш взгляд, не сопряжено с затушевыванием, задвижением события в область фона, напротив, все его мельчайшие аспекты становятся заметны, не случайно в кино съемке режим *slow mode* нередко комбинируется с крупным планом: мы максимально фокусируемся на происходящем. Таким образом, отличие форм прошедшего нарративного и настоящего исторического обнаруживается не в плане текстовой функции (в обоих случаях аористивной, на наш взгляд), а в характере фокализации. Очень точно подмечено, что при формировании цепочки форм прошедшего времени совершенного вида время членится «внутри одного акта восприятия», тогда как при смене форм *praesens historicum* «соединяются в речевой последовательности несколько актов восприятия (психологически первый вариант быстрее, чем второй: подошел, сказал; подходит, говорит)» [Онипенко 2019: 152].

На дополнительные размышления наводит утверждение Е. В. Падучевой: «Настоящее нарративное может быть употреблено вместо СВ прош. только при условии, что описание ситуации составляет фон для дальнейшего развития событий. Так, в предложении “Через две остановки злополучный пассажир сошёл с трамвая” (М. Зощенко) в контексте того же рассказа, нельзя употребить наст. нарративное (*Через две остановки злополучный пассажир сходит с трамвая), поскольку это означало бы, что повествователь следует за пассажиром, тогда как в рассказе на этом пассажир выходит из поля зрения. Употребление наст. нарративного создает некий *suspense* и ожидание продолжения. Отмеченная фоновая функция наст. нарративного заслуживает внимания потому, что её можно связать с общим свойством формы НСВ выражать фоновую информацию» [Падучева 1996: 288].

Действительно, рассказ о «злополучном пассажире» невозможно закончить фразой в настоящем историческом, однако дело здесь, возможно, не в фоновой функции этой формы, а в максимальной степени фокализации, созданной в данном контексте. Читатель находится в хронотопе повествования, персонаж — в фокусе нашего внимания, и мы ожидаем, что с персонажем ещё что-то произойдет. После этого необходимо либо «вывести» читателя из дейктического центра повествования (и это сделано в рассказе М. Зощенко при помощи формы прошедшего времени сошёл), либо «вывести» персонажа из поля зрения читателя (например: Пассажир сходит с трамвая и исчезает за углом). Именно связь настоящего исторического с фокализацией события, с подключением точки зрения читателя к точке зрения внутритекстового субъекта, а не фоновая функция, является, по нашему мнению, причиной того, что эта форма редко завершает повествование.

Литература

- Bjorling F.* As time goes by... Tentative notes on present tense narration in contemporary fiction. Telling forms. Essays in Honour of Peter Alberg Jensen. K. Grelz, S. Witt (eds). Stockholm, 2004. P. 17–36.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Онипенко Н. К. Основные положения коммуникативной грамматики русского языка. Монография. М., 2019.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996.

СТРАТЕГИЯ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТОВ В ДВУЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

THE STRATEGY OF CONSTRUCTING TEXTS IN BILINGUAL MEDIA (AGAINST THE BACKGROUND OF THE CHINESE LANGUAGE)

Чу Цзинжу

ассистент, Пекинский университет иностранных языков

Коммуникативная стратегия рассматривается как «план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия» акта коммуникации [Михалева 2009: 45]. Источниками анализа являются русскоязычные тексты, имеющие соответствия на китайском языке, что позволяет провести их сопоставление: тексты информационных порталов «ИноСМИ» [https://inosmi.ru/geo_geo_china/], «ЭКД!» («Это Китай, детка!») [<https://ekd.me/>], а также двуязычного журнала «Россия и Китай» [<https://owasia.org/projects/russia-and-china/>] за 2019–2022 гг. Журнал «Россия и Китай» — современное политическое полижанровое издание, в котором представлены параллельные тексты на русском и китайском языках. Сайт «ЭКД!» направлен на освещение в русской аудитории новостей, связанных с Китаем, часто не политического, а бытового характера. В них работают исключительно русские авторы и редакторы, владеющие китайским языком, разбирающиеся в истории, культуре и современной ситуации в Китае. Портал «ИноСМИ» специализируется на переводе наиболее ярких и примечательных материалов зарубежных СМИ на русский язык. Все статьи являются аналитическими, и в каждой публикации дана ссылка на китайский источник.

Обращение к информационному дискурсу предполагает не только комплексный анализ синтактико-стилистических особенностей текстов, но и выявление соотношения информем (единиц информативно-смыслового уровня текста) и прагмем (единиц прагматического уровня текста) [Болотнова 2012: 42–43, 156–157] на синтаксическом уровне. Проведенный анализ показал, что в публикациях журнала «Россия и Китай» (среднее количество слов — 2001, Среднее количество предложений в тексте — 88) широко используются прагмемы (5,7 % при 94,3 % информем), представленные конструкциями экспрессивного синтаксиса (парцелляцией, риторическим вопросом, вопросно-ответным комплексом, вставной конструкцией) и пунктуационным оформлением высказывания (вопросительный знак, многоточие и /или его комбинация с восклицательным и вопросительным знаками) в текстах аналитической статьи (их количество составляет 35,39 % от общего числа публикаций), очерка, интервью, при этом информемы оформляются в публикациях информационного характера. Например, в аналитической статье прагмемой является парцеллированная конструкция, дополнительно оформленная восклицательным знаком и многоточием: *Говоря медицинским языком, эта раковая опухоль украинского общественного сознания пустила метастазы настолько, что сегодня можно говорить как минимум о четвертой степени этого страшного заболевания. И без опытного хирурга обойтись уже было нельзя!..* Параллельный китайский текст: *说句医学术语, 这个乌克兰社会认知的恶性肿瘤扩散之广, 以至于今天, 全国超过四分之一的地区染此恶疾。只有资深的外科医生才能割掉这个毒瘤!* (РиК прагмемы отсутствуют как в заголовках, так и в текстах публикаций, а в рубриках «Истории» и «Статья недели» (среднее количество слов в тексте — 164, предложений — 15) отмечаются контрастные информемы (93,3%) в текстах публикаций и прагмемы (6,7 %) в заголовках. Например, дистанционно размещенный парцеллят в заголовке: *Китайка 8 раз подавала на развод из-за психоза мужа. Безуспешно (ЭКД!, 22 апреля 2021 г.)* Китайский текст: *女子连续8次提起离婚诉讼, 结果还要付男方近20万元, 婚还离吗?* (Pengpaixinwen, дословном переводе: *Женщина 8 раз подряд подавала на развод, в итоге нужно заплатить мужу около 200 тыс. юаней. Надо ли разводиться?*

Для текстов портала «ИноСМИ» (среднее количество слов в тексте — 1086, предложений — 85) характерно использование прагмем (4,7 % при 95,3 % информем), представленных вопросно-ответным комплексом и восклицательным предложением. Например: китайский оригинал:

俄罗斯最知名的菜肴是什么?俄罗斯酸黄瓜! (WeChat, 29 октября 2022 г.) Перевод: Какое самое известное русское блюдо? Конечно же, соленые огурцы! (ИноСМИ, 29 декабря 2022 г.) Итак, малое количество синтаксических прагмем в новостных публикациях на русском языке (4,7–6,7 %) соответствует цели информирования читателей. В то же время выявленные различия коммуникативно-прагматических целей авторов в разных источниках определяют различные стратегии российских журналистов в проанализированном материале:

- 1) в выпусках журнала «Россия и Китай», ориентированного как на российского, так и на китайского читателя, синтаксические прагмемы — средство экспликации авторской оценки и формирования доброжелательного отношения к реалиям двух стран;
- 2) для портала «ЭКД!» характерны подбор необычных новостных материалов, повышение развлекательности текста, на что ориентировано использование синтаксических прагмем;
- 3) тексты сайта «ИноСМИ» занимают срединную позицию, для русских авторов важна передача точки зрения китайского автора, поэтому экспликация субъективно-оценочного отношения автора публикации к излагаемой информации осуществляется путем сохранения в переводе синтаксических ресурсов, соответствующих интерактивности и диалогичности сайта.

Литература

Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус. М., 2012.

Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1: 109–121.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.

НАДПИСИ НА ИКОНАХ XII–XIV ВВ. ИЗ СОБРАНИЯ ГОС. РУССКОГО МУЗЕЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

INSCRIPTIONS ON ICONS OF THE 12TH–14TH CENTURIES FROM THE COLLECTION OF THE STATE RUSSIAN MUSEUM AS A LINGUISTIC SOURCE

Рождественская Татьяна Всеволодовна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

К памятникам не книжной письменности, помимо эпиграфики и берестяных грамот, относятся и надписи на древнерусских иконах, в том числе фрагменты из Ветхого и Нового Заветов и житий изображаемых святых. Такие тексты нечасто становятся предметом лингвистического изучения. В исследованиях искусствоведов эти надписи привлекают внимание прежде всего с т. з. палеографии, что немаловажно для определения датировки живописи в целом. Однако комплексный палеографический и графико-орфографический, а в случае цитирования богослужебного или житийного текста и текстологический анализ может уточнить не только датировку, локализацию той или иной иконы, но и определить связи мастера-писца с определенной текстологической традицией. Исключение составляют обстоятельная монография М. Г. Гальченко [Гальченко 1997], в которой представлено детальное палеографическое и лингвистическое исследование надписей на 22 иконах из разных государственных музейных собраний — Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева. Иконным надписям посвящены также кандидатская диссертация и статья Н. А. Замятиной [Замятина 1997: 150–159; Замятина 2002] и статья М. А. Бобрик [Бобрик 2022: 244–254]. Предметом нашего исследования являются надписи на древнерусских иконах XII–XIV вв. из собрания Отдела древнерусского искусства Государственного Русского музея для готовящегося Каталога древнерусских икон (рук. И. А. Шалина). В докладе рассматриваются надписи на иконах «св. Никола в житии из с. Любони», «св. Никола с житием из с. Большие Соли под Ярославлем», «св. Николай Чудотворец с житием, Василием Великим и Феодором Тироном» из с. Виделебье», «Введение во храм», Новгород (?), из Троицкой ц. села Кривое Архангельской обл.», «св. Никола Зарайский с житием. с.Теребушки. XV в. (?)», «св. Никола с житием. Из собр. Репникова. 2-ая половина XIV в.», «св. Никола» из новгородского Свято-Духова монастыря. Надписи на иконах можно распределить по нескольким категориям:

- 1) именные, т. е. обозначения Христа, Богородицы, пророков, святых,
- 2) названия иконных композиций (напр. «Воскресение\Сошествие во ад», «Успение пресв. Богородицы», «Введение во храм», «Рождество христово» и т. д.,
- 3) комментарии к изображению, напр., «стго Гергия пьськають мецемъ», «стго Гергия всадиша в темницу» («Чудо Георгия о змие» с житием. Начало XIV в. Новгород. Из собрания М. П. Погодина. ГРМ),
- 4) цитаты на свитках и раскрытых страницах книг.

Особый раздел составляют надписи, сообщающие об обстоятельствах и времени создания иконы, имена мастеров-живописцев, заказчиков, вкладные, дарственные, владельческие записи, а также сообщающие о реставрациях и поновлениях икон. В основном такие надписи относятся к более позднему времени и многие из них раскрыты в процессе современной реставрации иконы. В докладе более подробно характеризуются надписи на иконе «св. Никола» из новгородского Свято-Духова монастыря. Одним из важных выводов исследования надписей на иконах новгородского происхождения является вывод о том, что при скудости данных

в них, тем не менее, можно найти следы отражения живых диалектных черт и использования элементов бытового письма, например, в орфографии имен святых, что зачастую позволяет уточнить локализацию иконы. Сопоставление палеографических данных надписей с палеографией почерков рукописных книг того же времени, на которые ориентировался писец-иконописец, позволяет в ряде случаев пересмотреть искусствоведческую датировку надписи. Еще один немаловажный аспект изучения нашего материала — это проблема отождествления, на основе палеографического и лингвистического анализа, иконописца-художника и автора надписей.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352) «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования», предоставленного НИУ ВШЭ (Москва).

Приношу сердечную благодарность заместителю Генерального директора Государственного Русского музея по учету, хранению и реставрации музейных ценностей ГРМ О. А. Бабиной и ведущему научному сотруднику Отдела древнерусского искусства ГРМ И. А. Шалиной за предоставленную возможность работать с этим материалом.

Литература

- Бобрик М. А.* Евангелие на иконе «Спас на престоле» из новгородского села Крестцы как свидетель бытования Библии в Древней Руси // *Русский язык в научном освещении.* 2022. № 1 (43): 244–254.
- Гальченко М. Г.* Надписи на древнерусских иконах XII–XV вв.: Палеографический и графико-орфографический анализ. М., 1997.
- Замятина Н. А.* Из истории изучения иконных надписей // *Вопросы языкознания.* 1997. №2: 150–159.
- Замятина Н. А.* Текстологический анализ русских иконных надписей. Дис. канд. наук. М., 2002.

МОЛИТВА О СОГРЕШЕНИЯХ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО В ЯРОСЛАВСКОМ ЧАСОСЛОВЕ XIII В.

PRAYER FOR THE SINS OF BASIL THE GREAT IN THE YAROSLAVL BOOK OF HOURS OF THE 13TH CENTURY

Афанасьева Татьяна Игоревна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Молитва о согрешениях на л. 78 Ярославского часослова XIII в. (далее ЯЧ) приписана св. Василию, но такой греческой молитвы обнаружить не удалось. Других славянских списков также не найдено. Эта молитва примечательна своими языковыми особенностями, она имеет набор редких слов, которые не зафиксированы в исторических словарях или представлены единичными употреблениями. Обращает на себя внимание целый ряд существительных, выражающих лицо, образованных от прилагательных с помощью суффикса -ьникъ. Такие слова были широко распространены в старославянской письменности. По наблюдению Р. М. Цейтлин, ряд таких слов содержал формант -ьникъ, который был избыточен и приставлялся к уже имеющемуся суффиксу -тель или -таи: исходатаиникъ, обрѣтельникъ. В изучаемой молитве также нашлись подобные слова: хоульносоудителникъ и изнамагателникъ (Цейтлин 1977: 92). Первое слово в словарях не отмечено, его значение можно предложить как «обвиняющий, ругающий кого-то скверными, бранными словами». Р. М. Цейтлин также отметила ряд окказиональных употреблений таких форм, как жестоколѣганьникъ, звѣрокормьникъ, т. е. композитов с суффиксом -ьникъ, к структуре которого относится и хоульносоудителникъ. Второе слово указано в словаре древнерусского языка в единственном контексте — в изучаемой молитве ЯЧ со значением «вымогатель», которое выводится из общего контекста (СДРЯ XI–XIV, IV: 48). Отметим также слово члвк ооугодникъ — «льстец», слово с таким же значением зафиксировано в весьма древнем памятнике — Изборнике 1076 г. (Срезневский III: 1492). В молитве встречается еще ряд редких слов с суффиксом -ьникъ: татѣбникъ — «вор», в словарях это слово не отмечено. Оно образовано от прилагательного татѣбный и, возможно, в отличие от татѣ имеет обобщенное значение «живущий воровским образом». паматникъ — тот, кто помнит; злопаматный человек. В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» приведен единственный контекст из ЯЧ. Значение выводится из контекста: помани ма ... лѣжї ваго паматника злоу (СДрЯ VI: 348). Клатвеникъ — клятвопреступник. Это слово более распространено, оно встречается в таких древних памятниках, как Ефремовская кормчая и Пролог (СДрЯ IV: 228). Приведем еще примеры редких слов, содержащихся в данной молитве. Так, например слово пока нь в значении «наказание» встречается только в ЯЧ (СДРЯ VI: 595), но оно также зафиксировано в старославянском переводе Апостола (SJS III: 121). Это существительное образовано от глагола пока нити, известное как в русских летописях (Срезневский II: 1100–1101), так и в южнославянских юридических памятниках раннего периода (СДРЯ VI: 595). Обращает на себя внимание слово намигание, образованное от глагола намигати — подмигивать. Существительно известно только в изучаемой молитве, глагол зафиксирован в Пандектах Никона Черногорца, древнерусского переводного памятника (СДРЯ V: 158). В других произведениях, Палее и Лобковском прологе, этот глагол представлен как намизати с рефлексом второй прогрессивной палатализации (СДРЯ V: 158). Отметим редкий глагол шгребатиса (воздерживаться, отказываться) в контексте: руцѣ мои и нозѣ мои лоукавныхѣ ш грѣбатиса дѣлѣ. Он характерен для древних текстов: Путьатной минеи, Изборника 1076 г., Пандектов Антиоха, Студийского устава (Срезневский II: 610–611; СДрЯ VI: 81). В дальнейшем в молитвах будет использоваться глаголы въдрѣжатиса, оуклонитиса и под. И наконец, отметим довольно древнее управление глагола тѣрпѣти местным падежом с предлогом на. В молитве встретилось три таких примера: на всакѣ днь и час долготерпаща на мнѣ сѣгрѣшающимъ; иже на мнѣ сѣгрѣшающимъ терпѣлѣ ѳеси и до нынѣ беспокаяни ш стави ма се неищѣтна блг ость твоя и бѣздѣна (!) чловѣколюбѣя· долготерпѣлѣ ѳеси на мнѣ. Управление глаголов дѣлготѣрпѣти и тѣрпѣти в старославянских памятниках очень

разнообразно. В значении «быть терпеливым, снисходительным» они чаще всего могли присоединять существительные в дательном и местном падежах дълготърпа имъ, дълготърпа о немъ. Управление местным падежом с предлогом на зафиксировано в древнеславянском переводе Апостола: нъ много тръпитъ на насъ макрѡѹѣї еїс ѱма̑с (SJS IV: 501). Случай управление местным падежом с предлогом на отражен в Остромировом евангелии бѣ ...днѣ и ношѣ тръпитъ на нихъ макрѡѹѣї ѣлі аѹтоїс (Срезневский III: 1088). Возможно, подобные конструкции в славянских библейских переводах были вызвано влиянием греческой модели, но такие конструкции были редки. В словаре древнерусского языка приведен пример лишь по изучаемой молитве в ЯЧ (СДРЯ III: 121). Итак, изучение языковых особенностей молитвы св. Василия позволяет предположить, что она восходит к довольно древнему периоду, поскольку содержит редкие слова, гапаксы и синтаксические модели, которые в дальнейшем были утрачены.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 21-011-44032 Монашеское келейное правило на Руси в домонгольский период: литургические источники, их богословская и филологическая интерпретация.

Литература

СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–XII. М., 1998–2019.

Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М., 1977.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958–1994. Переиздание Т. 1–4. СПб., 2006.

О ФОНОЛОГИЧЕСКИХ И ФОНЕТИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ ПЕРЕХОДА /KY, GY, XY/ > /K'I, G'I, X'I/ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ON THE PHONOLOGICAL AND PHONETIC FACTORS OF TRANSFORMATION /KY, GY, XY/ > /K'I, G'I, X'I/ IN RUSSIAN

Попов Михаил Борисович

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Так называемый переход псл. *ky, *gy, *xy > k'i, g'i, x'i происходил в восточнославянских диалектах в древнерусский период, а также в части западнославянских языков, однако в некоторых из последних (например, в польском и нижнелужицком), он не затронул сочетания *ху. В настоящем докладе речь пойдет только о древних восточнославянских диалектах. Причины и механизм древнерусского перехода остаются одной из интригующих и до сих пор не решенных проблем восточнославянской исторической диалектологии, хотя существует много попыток объяснить ее решение. Главная трудность состоит в том, что невозможно совместить в рамках одного процесса палатализацию заднеязычного (велярного) и изменение ряда следующего за ним гласного заднего ряда *у, т. е. трактовать переход ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i чисто фонетически, как это делал А. А. Шахматов в «Очерке древнейшего периода истории русского языка» (1915) и некоторые его последователи например Н. ван Вейк [Wijk 1937]). Возникновение фонологии привело к появлению гипотез, объясняющих переход с фонологических позиций [Jakobson 1929/1962; Касаткин 1965; Тимберлэйк 1978] или комбинирующих фонологические и фонетические факторы (Р. И. Аванесов (1947), С. В. Князев [Князев 2006]), однако ни одна из них не представляется убедительной именно в фонологическом отношении. После Шахматова почти все объяснения перехода ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i — уже фонологические в своей основе — стремятся так или иначе учитывать состояние фонологической системы древнерусского языка соответствующего периода. При этом все они базируются на двух предположениях, обоснованность которых обычно не подвергается сомнению, а именно, что обсуждаемый переход является следствием возникновения корреляции согласных по твердости/мягкости и/или связанным с ним превращением в аллофоны одной фонемы прежде самостоятельных фонем /y/ и /i/. Однако оба эти предположения, в особенности второе, которое является ключевым, представляются весьма сомнительными, а основанные на них объяснения перехода ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i — либо маловероятными, либо вовсе неубедительными. Поскольку изменение ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i не поддается объяснению как чисто фонетическое, но вместе с тем не может рассматриваться как результат возникновения корреляции согласных по твердости/мягкости и/или сопутствующей ей утраты фонематической самостоятельности /y/, следует предположить, что за ним скрывается несколько (как минимум два) внутренне связанных, но не одинаковых по своему механизму изменений, происходивших одновременно. Можно предположить, что триггером для обсуждаемого «перехода» стали результаты и некоторые косвенные следствия праславянских палатализаций, прежде всего второй, которые привели к утрате сочетаний заднеязычных согласных с фонемой /i/ в большинстве древних восточнославянских диалектах (исключение — древний новгородско-псковский диалект). Судя по всему, «переход» ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i в русском языке был многоэтапной и многофакторной трансформацией, в рамках которой — если ее рассматривать как единый процесс — следует выделить три разных изменения. На первом этапе происходило синтагматическое фонологическое изменение — замена фонемы /y/ фонемой /i/: ky, gy, xy > ki, gi, xi, т. е. /y/ заменялось на /i/ после заднеязычных в конкретных словах, где были такие сочетания. Главным фактором этой замены было наличие синтагматической «пустой клетки», возникшей после второй палатализации. Раньше всего переход ky, gy, xy > ki, gi, xi происходил в протоукраинских говорах, в которых, как полагают многие историки языка, не сформировалось противопоставление палатализованных и непалатализованных фонем перед гласными переднего ряда /i/ и /e/, но достаточно последовательно осуществилась вторая палатализация. Показательно, что, как показывает материал памятников, в древненов-

городском диалекте изменение *ky, gy, ху* > *ki, gi, xi* задержалось, видимо, именно потому, что в нем вторая палатализация не произошла и соответственно сохранились сочетания *ki, gi, xi*, т. е. не возникла синтагматическая «пустая клетка». На втором этапе произошло собственно фонетическое — аллофонное — изменение: автоматическая аккомодация заднеязычных согласных в новых сочетаниях к следующему за ними гласному переднего ряда /i/. В процессе этого изменения у /k, g, x/ появились палатализованные аллофоны [k', g', x']. Третий этап «перехода» представляет собой парадигматическое изменение — фонологизацию этих палатализованных аллофонов и включение новых фонем /k', g', x'/ в мягкостную корреляцию. Таким образом, трансформация /*ky, gy, ху*/ > /*k'i, g'i, x'i*/ в русском языке представляла собой три последовательно происходивших, но различных по своей фонологической сущности изменения:

- 1) фонетическое синтагматическое — замену фонемы /y/ фонемой /i/, что отражалась на письме;
- 2) аллофонное — аккомодацию заднеязычного к следующему за ним /i/, что на письме не отражалось;
- 3) фонетическое парадигматическое — фонологизацию палатализованных аллофонов заднеязычных и включение их в корреляцию по твердости/мягкости (на письме тоже не отражалось).

Литература

- Касаткин Л. Л.* К истории задненёбных фонем в русском языке // Вопросы языкознания. 1965. № 2: 66–72.
- Князев С. В.* Изменение [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] // Князев С. В. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М., 2006. С. 199–205.
- Тимберлэйк А.* К истории заднебных фонем в севернославянских языках // American Contributions to The Eighth International Congress of Slavists, Zagreb and Ljubljana, September 3–9, 1978. Vol. 1. Linguistics and Poetics. Ed. by Henrik Birnbaum. Columbus, Ohio, 1978. P. 699–726.
- Jakobson R.* Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves (1929 г.) // Jakobson R. Selected writings. I: Phonological studies. The Hague, 1962. P. 7–116.

ТРАДИЦИОННЫЕ БИБЛЕЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМУЛЫ И ИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ АГИОГРАФИИ

TRADITIONAL BIBLICAL LANGUAGE FORMULAS AND THEIR TRANSFORMATION IN ANCIENT SLAVIC HAGIOGRAPHY

Аверина Светлана Андреевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Особая роль памятников агиографической литературы в историко-культурном процессе несомненна. Будучи одним из основных литературных жанров на Руси на протяжении длительного времени (начиная с XI и фактически до XVII в.), агиография составляет довольно значительную часть русского древнеписьменного наследия, демонстрируя прекрасный образец книжно-литературного языка. В этом смысле агиография, будучи «одним из самых формализованных литературных жанров», дает богатейший материал для изучения литературной житейной топики [Руди 2005: 59]. Материал для исследования извлечен из двух древнеславянских житий: Жития Епифания Кипрского и Жития Феодосия Печерского (ФП).

Речь пойдет о бинарных (парных) сочетаниях типа душа и тело, плач и рыдания, радость и веселие и т. д. — традиционных агиографических формулах, своего рода «микротопосах». Принципиально важным представляется утверждение В. В. Колесова об исходной формульности древнего текста [Колесов 1989: 14, 136, 138, 148–164], вполне справедливое и применительно к агиографии.

Этим исходным формулам принадлежит особая роль в создании целостного текста. Разумеется, при этом необходимо принимать во внимание динамические тенденции внутри самого целостного текста, что, в свою очередь, связано с различными типами преобразования текстообразующих компонентов. Механизм подобных преобразований может быть показан на примере некоторых традиционных формул — ситуативно мотивированных топосов. Например: Дух/душа и тело. Особый тип развертывания традиционной формулы (актуализирующей антонимические коннотации) представляет бинарные структуры, демонстрирующие случаи так называемого синтаксического параллелизма [Лихачев 1979: 169–175]. Показательны три фрагмента из ФП — аллюзия на ветхозаветную цитату: Ср.: зане азъ убѡ аще не у васъ, сый тѣломъ ту же живый духомъ, уже судихъ, i акв тамо сый; содѣавшаго си́ це сѣе (1 Кор. 5:3); также: аще бо и плотию w(т)стою, но духомъ съ вами радуаса и вида вашъ чинъ и утверждѣние вашеа вЕры, iаже во хр(с)та́ (Колос. 2:5).

В анализируемом источнике имеем: аще и тѣломъ о(т)хожю о(т) васъ. нъ дхъмь присно буду съ вами (ФП, 63г); се бо сии прѣдбъныи бѣцъ нашъ феодосии. аще и тѣльмь о(т)лучи са о(т) на(с). нъ ако же самъ рече дхъмь присно съ нами есть (ФП, 65а); и се ави са ему бѣцъ нашъ феодосии гла. чьто тако печалуеши са или мьниши ако азъ о(т)идохъ о(т) васъ. аще бо и тѣльмь о(т)лучихъ са о(т) васъ нъ дхъмь вьсегда съ вами есмь (ФП, 65в). Нередко цитаты из текстов Священного Писания никак не выделялись и включались в житейный текст без указания на источник, как бы исходящими от автора. В ФП эта сентенция атрибутируется преподобному Феодосию, что маркировано и синтаксически: примеры 1 и 3 — конструкции с прямой речью, пример 2 — конструкция с косвенной речью.

Поэтому естественно, что такие структуры подвергаются разного рода преобразованиям на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях для согласования с основным текстом. Так, происходит разложение исходной синтагмы на составляющие и развертывание каждой части до размеров целого предложения. При этом возникают более сложные синтаксические отношения между компонентами новой структуры; как следствие такой структурной трансформации происходит усиление смысловой позиции ключевого для каждой структуры слова, получающего как бы дополнительный семантический акцент.

Формальные признаки разрушения традиционной формулы — это расширение пространства текста за счет распространителей атрибутивно-обстоятельственного типа и актуализа-

ции новых синтаксических связей. Вместе с тем единство формулы-синтагмы «определялось не формальными признаками сочетания слов» (управлением, синтаксической валентностью и др.), а «семантикой ключевого слова» [Колесов 1989: 141].

Очевидно, что бинарные структуры (традиционные формулы), несомненно восходящие к текстам Священного Писания, восприняты на славянской почве и в результате длительного и своеобразного функционирования стали явлением славянской языковой культуры. И в этом смысле вполне могут восприниматься как исконные, «собственные».

Существенно, что эти структурные единицы составляют тот языковой пласт, который (присутствуя в языке произведений не одного только церковно-книжного жанра) впоследствии становится достоянием национального литературного языка, безусловно обогатив систему образных выразительных средств языка [Колесов 1995: 81–82].

Литература

Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.

Колесов В. В. Нарушения стиля и разрушение смысла в современных переводах Библейских текстов // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. К 80-летию Русской Северно-Западной Библейской Комиссии (1915–1995). СПб., 1995. С. 81–105.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 59–101.

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

AN ATTEMPT OF COMPILING A REGIONAL HISTORICAL DICTIONARY

Биктимирова Юлия Викторовна

доцент, Забайкальский государственный университет

Введение в научный оборот региональной письменности позволяет реконструировать формирование вторичных говоров и проследить процесс развития лексической системы русского языка. Исследования региональных рукописных памятников расширяют представления об особенностях функционирования делового письма в регионах и тем самым дополняют новыми данными знания о формировании делового стиля русского национального языка в определённый период времени. Среди региональных памятников особый интерес представляют деловые документы Нерчинского воеводства и острогов Восточного Забайкалья XVII–XVIII вв. Богатство лексики и тематическое наполнение этих памятников за 50 лет аналитической работы с их материалом позволили сформировать солидный лексический фонд для создания Словаря. Работа по сбору лексики из этих памятников была начата историками языка в 1970-е гг. У истоков данных изысканий стояли забайкальские исследователи Г. А. Христосенко и Л. М. Любимова. Учёные подготовили и опубликовали несколько выпусков «Материалов для регионального исторического словаря нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.» (1997–1998 гг.) [3] и первый том «Исторического словаря Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.) (2003 г.) [Исторический словарь Восточного Забайкалья 2003], которые вызвали неподдельный интерес учёных, занимающихся проблемами исторической лексикографии, в том числе регионального характера. В 2019 г. профессором кафедры русского языка Забайкальского государственного университета Т. Ю. Игнатович было инициировано продолжение работы над Историческим словарем. В течение года авторским коллективом на базе картотеки «Материалы для регионального исторического словаря Нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.» и баз данных исследователей был выпущен «Исторический словарь памятников деловой письменности Восточного Забайкалья второй половины XVII–XVIII вв.» [Исторический словарь памятников 2020]. В работе над данной версией Словаря приняла участие автор статьи, так как это направление является областью научных интересов, связанных с исследованиями регионального лингвистического источниковедения и публикациями в транслитерированном формате архивных документов забайкальских памятников письменности XVII–XVIII вв. Материалом Словаря послужили оригинальные скорописные тексты разных жанров, составленные в Нерчинской воеводской канцелярии и подведомственными ей канцеляриями острогов и заводов Даурии (Восточного Забайкалья), которые хранятся в архивах — в Российском государственном архиве древних актов в г. Москве (РГАДА), в архиве Санкт-Петербургского отделения института истории РАН (СПБОИИ РАН); в Государственном архиве Забайкальского края г. Чита (ГАЗК), в Государственном архиве Иркутской области г. Иркутска (ГАИО). В привлечённый корпус рукописных памятников Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII вв. вошли тексты разных жанров, разнообразного тематического содержания, отражающие различные стороны жизни первопроходцев и переселенцев Восточного Забайкалья. Основная часть документов делопроизводства Нерчинского воеводства и острогов Восточного Забайкалья представляет собой комплекс скорописных памятников финансового, хозяйственного, административного характера, содержащих справочные материалы, различные списки людей и товаров, а также указы, промемории, донесения, репорты, челобитные и прочие документы гражданских и духовных учреждений, детей боярских, дворян, духовенства, служилых и торговых людей, крестьян, казаков. В ходе работы был уточнен и дополнен лексикографический материал словаря, изменен подход к отбору лексикографического материала, изменена структура словника. Лексический состав словаря определяет его характер как словаря историко-дифференциального типа. Особо следует отметить тематическое разнообразие региональной лексики, которая достаточно широко представлена в словаре: внешность человека:

а) части тела: стегно, берце, вихрец, завить, крыльца, лапость, кила, коска, пухота, шавалдыш, лапость, ледвея, раскат; б) характеристика человека: халзаной, чанкирый, взлизоватый, кудной, мороковат, морговатый; одежда, обувь, имущество: борошно, доха, коты, голицы, верхонки, ва-реги, исподницы, запон, киса, гутулы, даха, малахай; домашние животные и звери, а также лексика охотничьего промысла: бабр белодушка, бурун, боровчак, векша, жеребчик, ушкан, тарбаган, гунак, еман, белодушка, черевесь, подчеревесь, елбарс, недособоль; предметы быта, товары: дарага, жижимъ, кумган, миса, брюшина, лагун, братина, бурак, турсук, корбья, подголов. Чаще всего это адаптированная под фонетическую систему русского языка лексика автохтонных народов Забайкалья. Эти слова имеют ограниченное употребление на определённой территории, не встречаются в общерусских текстах, сохраняются в забайкальской региональной народно-разговорной речи. Составители Словаря постарались создать уникальный словарь, в котором научный интерес представляют как описываемые лексемы, так и иллюстративный материал, демонстрирующий особенности синтагматики лексем и функционирования в региональном деловом письменном узусе конца XVII–XVIII вв., отражающий жанровое разнообразие, богатую лексику, интересную грамматику, специфику стилевых и образно-метафорических средств текстов забайкальской деловой письменности рассматриваемого периода.

Литература

Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам Нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.) / сост. Л. М. Любимова, Г. А. Христосенко. Чита, 2003. Т. 1 (А–З).

Исторический словарь памятников деловой письменности Восточного Забайкалья второй половины XVII–XVIII вв. / Христосенко Г. А., Любимова Л. М., Биктимирова Ю. В.; [Под. ред. Т. Ю. Игнатович]. Чита, 2020.

Материалы для регионального исторического словаря Нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.» // под. ред. Г. А. Христосенко, Л. М. Любимовой. Вып. I. II. V. Чита, 1997; 1999; 1998.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПСАЛТЫРИ VAT. SLAV. 8

LEXICAL FEATURES OF THE OLD RUSSIAN PSALTER VAT. SLAV. 8

Бурилкина Татьяна Викторовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Ватиканская псалтырь (далее ВП) — уникальная древнерусская рукопись, которая хранится в собрании Ватиканской апостольской библиотеки под шифром Vat. slav. 8 и датируется началом XV в. Рассмотрение лексического состава переводного текста невозможно в отрыве от вопроса о редакции этого текста. Согласно классификации М. МакРоберт, текст ВП относится к древней Редакции 2 со следами влияния редакции Феодоритовой толковой псалтыри, а также толковой псалтыри псевдо-Афанасия. Лексические приметы Редакции 2, отраженные в тексте ВП Характерной лексической приметой Редакции 2 славянской Псалтыри является активное употребление в тексте греческих заимствований, которые восходят к кирилло-мефодиевскому словарному фонду. В данных ниже примерах приведена лексика, характерная для Редакции 2 с греческим чтением, которое она переводит. Вначале представлено чтение из ВП, затем шифры других списков Редакции 2 с таким же параллельным чтением, затем отличающийся вариант из Редакции 1. 1. Пс. 50 ο λοκαυτωματα — олкавтоматы (ВП л. 35 об.), (Ф.п.1.1), (Син. тип. 27) — вьсьсѣжагаемыхъ (Ред. 1) Отметим, что в ВП в пределах текста 50 псалма слово встречается в разном орфографическом облике (олкавтоматы и Алкавтоматы л. 35 об.). Всего в рукописи лексема в разной орфографии встречается 6 раз. В других псалмах ВП (например, л. 27 об. Пс. 39) встречается чтение всесоуженьє как перевод того же греческого слова ολοκαυτωματα, то есть в текстах разных псалмов не выдерживается единообразие в переводе греческой лексики. 2. Пс. 21 ελιτο Νιματισμον — ш матизмъ (ВП л. 14 об.), (Ф.п.1.1), (Син. тип. 27) — рлѣж (Ред. 1)

Влияние Преславской редакции В подавляющем большинстве случаев лексика в тексте ВП, отличающая этот список от других списков Редакции 2, относится к преславскому фонду. В современной науке результатом работы преславских книжников считается текст Феодоритовой толковой псалтыри [MacRobert 2005: 46]. Ниже приведено несколько примеров влияния Преславской редакции Псалтыри на ВП. Вначале представлено чтение из ВП, затем параллельные отличающиеся чтения из других списков Редакции 2, затем вариант из Феодоритовой толковой псалтыри (Преславская редакция).

1. В тексте псалма 51 в ВП обнаружен необычный болгаризм бричь, характерный для Преславской редакции. В других списках Редакции 2 использовано общеславянское слово бритва. Пс. 51 ξυρον — бричь (ВП л. 35 об.) — бритва (Ф.п.1.1), (Син. тип. 27) — бричь (Пресл. ред.)

2. Преславская лексика в ВП в большинстве случаев используется непоследовательно. Например, в тексте псалма 4 фиксируется чтение масло, которому в других списках редакции 2 соответствует вариант олѣи. Пс. 4 ελαιου — масла (ВП л. 3 об.) — олѣи (Ф.п.1.1), (Син. тип. 27) — масло (Пресл. ред.) При этом в других псалмах ВП в качестве эквивалента чтению ελαιου используется слово олѣи (например, л. 15, л. 31, л. 37 об., л. 61 об.), характерное для кирилло-мефодиевских переводов библейских текстов [Славова 1989: 81], и таких употреблений подавляющее большинство.

3. В тексте псалма 15 употребленное трижды греческое слово η κληρονομια в ВП (л. 9) переводится по-разному. В двух случаях греческому чтению соответствует славянское слово причастіє. При этом в других изученных списках Редакции 2 последовательно используется более древний вариант перевода достояніє.

Слово причастіє относится к преславскому лексическому фонду [Славова 1989: 45] и в евангельских текстах заменяет более древний вариант — достояніє.

В Преславской редакции Псалтыри также употребляется вариант причастіє. В других псалмах, например во втором (л. 2 об.), в ВП использовано характерное для Редакции 2 древнее славянское соответствие достояніє для той же греческой лексемы, что говорит о неоднородности лексического состава списка. Пс. 15 της κληρονομιας — причастья (ВП л. 9), достоянія

(Ф.п.І.1), достоѣннѣ (Син. тип. 27) — причастіе (Пресл. ред.) Пс. 15 τηΝ κληρονομίαΝ — достоѣннѣ (ВП л. 9), достоѣннѣ (Ф.п.І.1), достоѣннѣ (Син. тип. 27) — причастіе (Пресл. ред.) Пс. 15 ηκληρονομία — причастіе (ВП л. 9), достоѣннѣ (Ф.п.І.1), достоѣннѣ (Син. тип. 27) — причастіе (Пресл. ред.)

Итак, текст Псалтыри в списке Vat. slav. 8 по лексическим признакам восходит к архаичной Редакции 2. Однако обнаружено множество чтений, не соответствующих чтениям в других списках, относящихся ко второй редакции. Одни и те же греческие чтения передаются в тексте различными славянскими соответствиями как в пределах всей рукописи, так и (довольно часто) в пределах одного псалма. В лексическом составе рукописи выделяются разные пласты. Архаичная лексика, характерная для древних редакций текста, смешивается с более новыми вариантами перевода, относящимися к преславскому лексическому фонду. Необычным является тот факт, что текст архаичной Редакции 2 (с элементами Преславской редакции) сохранился в списке, датируемом началом XV в., ведь доказано, что к концу XIV века уже существовала правленая Киприановская редакция Псалтыри [Чешко 1982: 91].

Литература

- MacRobert C. M.* On the problems of identifying a 'Preslav redaction' of the Psalter // *Acta Paleoslavica*. Vol. 2. Sofia, 2005. С. 39–46.
- Славова Т.* Преславская редакция Кирилло-Мефодиевского староболгарского перевода Евангелия // *Кирилло-Мефодиевские студии*. Книга 6. София, 1989. С. 15–129.
- Чешко Е. В.* Об Афонской редакции славянского перевода Псалтыри в ее отношении к другим редакциям // *Язык и письменность среднеболгарского периода*. М., 1982. С. 60–93.

ЖИТИЕ СВЯТОГО АФНАСИЯ АФОНСКОГО В ТРОИЦКОМ СБОРНИКЕ 678 И ВОЛОКОЛАМСКОМ СБОРНИКЕ 605: К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПРАВКИ

THE LIFE OF ST. ATHANASIOS OF ATHOS IN THE TRINITY MISCELLANY 678 AND THE VOLOKOLAMSK MISCELLANY 605: ON THE NATURE OF LEXICA

Караваева Полина Юрьевна

преподаватель, Государственный академический университет гуманитарных наук
при Российской академии наук

Исследование текстологической традиции переводного с греческого жития св. Афанасия Афонского на материале 9 списков XIV—XV вв., возникших до появления отредактированного Нилом Сорским текста исследуемого жития в составе «Соборника» (1488–1508 гг.), позволило установить, что все исследованные источники принадлежат одной редакции. В эту редакцию жития входят четыре текстовые группы. Сравнение агиографического источника в составе рукописей НБКМ 307, Пог. 803, ТСЛ 749, Соф. 1376, ТСЛ 746, Тихонр. 474, ТСЛ 678, Вол. 605 позволило сделать вывод о том, что последние два списка образуют отдельную текстовую группу δ, выделяемую на основании наличия в обоих текстах элементов редакционной правки, сознательно осуществленной писцом, но не обнаруживающей системный характер. Именно поэтому мы говорим не о возникновении новой редакции, а только о выделении текстовой группы δ в составе первой редакции. Правка в текстах группы δ носит нерегулярный, случайный характер, что наиболее явно обнаруживается на примерах лексических замен, осуществленных писцом. В качестве основного источника группы δ мы будем рассматривать Троицкий список (ТСЛ 678), поскольку сохранившееся в нем житие имеет меньшее число разночтений по отношению к древнейшему болгарскому списку НБКМ 307 и не обнаруживает такого большого числа диттографических и гаплогрфических ошибок, как текст в составе Волоколамского сборника (Вол. 605). Следует обратить внимание на то, что описанные ниже лексические замены носят нерегулярный характер: болѣти → прилежати в рамках контекста, когда речь идет об усердном учении св. Афанасия Афонского (ποΝῶΝ περὶ τὰ μαθήματα); нечѣстныи → нечѣстивыи (οὐ πρὸς φαῦλα καὶ ἄσεμνα ἔνευεΝ); безъплищное житіе → безматежное житіе; поститиса → подвизатиса; мирскаго ѿвращеніа → мирскаго ѿверженіа (τοῦ κόσμου ἀποστροφῆς); ицѣленіе жажди → оугашеніе жажди (ἰαμα τοῦ δίψους); сънемлащемса → събирающимъса (συΝερχομέΝωΝ). Рассмотрим подробнее некоторые элементы правки на лексическом уровне. В списках текстовой группы δ Жития святого Афанасия Афонского нами обнаружена лексическая замена безъплищныи → безматежныи: ἀθόρυβοΝ βίοΝ, ἀθόρυβος ‘бесшумный, тихий, спокойный’): Καὶ ταῦτα μὲΝ ὁ Νικηφόρος ἐξαίτουμεΝος, ἐπεδίδου αὐτῷ καὶ χρυσίον πρὸς τὴν τῶΝ οἰκοδομηθησομέΝωΝ καταβολήΝ· ὁ δὲ πατήρ Ἀθανάσιος τὸΝ ἀπράγνομα καὶ ἀθόρυβοΝ βίοΝ ποθῶΝ, οὔτε τὸ χρυσίον ἐλάμβανεΝ, οὔτε ὅλως τῷ Νικηφόρῳ ἐλείθετο — И сѣа оубѡ никѣфороу просащюу, дааше ему и злато зиждемымъ на слоужбѣ. щѣ же аѡанасіе беспечалное и безъплищное житіе любѣ· ни злато взать, ниже ѿнждѣ никифороу повиноваашеса (НБКМ 307, л. 18 об. et alii) — ѿщѣ же аѡанасіе беспечалное и безматежное житіе любѣ (ТСЛ 678, л. 70). Данные Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. [СДРЯ XI–XIV, т. 6: 428] подтверждают, что в эпоху XI–XIV вв. исконно принадлежащее к числу преславизмов существительное плищъ встречается в памятниках спорадически. Создателям Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. удалось обнаружить всего 26 случаев употребления существительного плищъ, при этом только в составе четырех фрагментов оно обозначает ‘крик, шум, громкий, громоподобный звук’: в Пандектах Никона Черногорца конца XII в., относящихся к переводам с греческого, сочетающим южнославянизмы и восточнославянские регионализмы, созданном в одном из афонских монастырей; в Огласительных поучениях Феодора Студита XIV в.; в оригинальном древнерусском Житии Феодосия Печерского (по Успенскому сборнику XII в.); в Лаврентьевской летописи (Владимирский летописный свод 1305 г., по списку 1377 г.). Кроме того, плищъ

засвидетельствовано в значениях 'волнение, заботы'/'мирская суета' (2) и 'беспорядок, беспокойство; смута'/'бурное проявление недовольства' (3) [СДРЯ XI–XIV, 6: 428]. Пролить свет на причины осуществленной книжником замены позволят данные Словаря русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII, 15: 95]. Согласно [СлРЯ XI–XVII, 15: 95], плиць в значении 'шум, гам, крики' зафиксировано исключительно в текстах XI–XIV вв. (в словарях приведены одинаковые фрагменты из Жития Феодосия Печерского и Лаврентьевской летописи). В поздних текстах слово встречается, но в производных значениях: в значении 'мирская суета' в Прологе 1643 г., в значении 'шумное празднество, сборище' в Никоновской летописи (1526–1530 гг.). Засвидетельствовано также сочетание плиць вѣтровъ в значении 'ураган, буря'. Благодаря сопоставлению данных исторических словарей становится очевидно, что в эпоху XV–XVII вв. плиць в значении 'крик, шум, гам, крики, громкий, громоподобный звук' уже является семантическим архаизмом (устаревшим в данном случае является одно из лексических значений слова). Интересен и другой случай: мирскаго ѿвращенїа → мирскаго ѿверженїа (τοῦ κόσμου ἀποστροφῆς). Слово ѿвращенїе в текстах XII–XIII вв. обозначает именно 'удаление от чего-л.' [СлРЯ XI–XVII, 13: 211–212], что находит полное соответствие с текстом греческого оригинала жития. Слово ѿверженїе уже в Изборнике 1076 г. [СлРЯ XI–XVII, 13: 190] зафиксировано в значении 'отказ, отречение'. Поэтому, вероятно, книжник, опираясь на контекст в целом, сознательно осуществил замену, желая обратить внимание на добровольное удаление инока от мирской жизни. Однако, несомненно, замена обусловлена и развитием лексической сочетаемости в церковнославянском языке XV–XVI вв. — в рукописях XVI в. часто встречается сочетание ѿверженїе (ѿ) мира, например, в Житии Зосимы и Савватия Соловецких (XV–XVI вв.), созданных соловецким игуменом Досифеем и митрополитом Спиридоном. В целом следует отметить ориентированный на лексическую норму XV в., но в то же время спорадический, несистемный характер осуществленной создателем протографа группы δ лексической правки.

Литература

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. (СДРЯ XI–XIV) Т. 1–12. М., 1988–2019.

Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 30 вып. (СлРЯ XI–XVII). М.; СПб., 1975–2015.

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД ОГЛАВЛЕНИЯ К ДЕЯНИЯМ АПОСТОЛОВ: ДАнные РУКОПИСЕЙ XIV–XVI ВВ.

OLD SLAVONIC TRANSLATION OF THE CHAPTER-LIST TO THE ACTS OF THE APOSTLES: DATA FROM MANUSCRIPTS OF THE 14TH–16TH CENTURIES

Новак Мария Олеговна

ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В сообщении обсуждается лингвотекстологическая специфика ранее не изучавшегося древнеславянского перевода оглавления к Деяниям апостолов. Оглавление входит в состав аппарата Евфалия — корпуса сопроводительных текстов к Деяниям и посланиям, включающего прологи, предисловия, оглавления, списки цитат из Ветхого Завета и т. д. Размещение аппарата в целом характерно для списков Апостолов толкового и последовательного типа; оглавление именно к книге Деяний встречается в последовательном типе, причем далеко не во всех манускриптах. Анализ проведен по восьми рукописям из хранилищ РНБ, РГБ и ГИМ, в которых к настоящему моменту удалось обнаружить оглавления: РНБ Q.п.1.5 XIV в. (Толстовский апостол, далее ТА), РНБ Кир.-Бел. 95/100 XV–XVI вв. (далее КБ), РНБ Сол. 27/27 кон. XV в., РНБ Сол. 30/30 1586 г.; РГБ ф. 304/1 № 71, 72, 73 (все XVI в.); ГИМ Син. № 915 1499 г. (Геннадиевская Библия, далее ГБ). Структура оглавления стандартна: оно содержит 40 глав с подглавами, при этом основные главы нумеруются чернилом, подглавы — киноварью. Особняком стоят рукописи РГБ № 72 и 73, в которых не различаются главы и подглавы, так что сплошная чернильная нумерация показывает 84 главы. Сравнение списков произведено путем контролируемого отбора единиц текста, в результате чего создана выборка из 30 позиций (в дальнейшем предполагается ее расширение). Анализ выборки на фоне данных греческого текста (с учетом его собственных разночтений) показывает наличие нескольких версий оглавления. Разночтения затрагивают уровни лексики и синтаксиса, а также отношение к основному тексту Деяний, который парафразируется в заглавиях. Выявлено две рукописи, содержащие две различные версии в их чистом виде, — ТА и КБ. Остальные списки либо следуют за ними (так, Сол. 27/27 повторяет чтения ТА в 29 случаях из 30, № 71 — чтения КБ в 28 случаях из 30), либо содержат контаминированный текст, с разной степенью предпочтения вариантов той или иной версии: например, ГБ представляет 10 совпадений с ТА, а Сол. 30/30 — всего шесть. В целом, контаминированные оглавления тяготеют к тексту КБ, но могут иметь и своеобразные чтения, не совпадающие ни с ТА, ни с КБ. Последнее наиболее заметно в № 72 и № 73, представляющих тождественные самостоятельные решения, число которых равно 12 (40 % выборки). Приведем некоторые примеры. Разночтения в области лексики: причащену (ТА, ГБ, Сол. 27/27) vs. жрѣбьену (КБ, №№ 71, 72, 73 и Сол. 30/30), греч. κληρωθέντος 'избранного по жребию'; слугъ (ТА, Сол. 27/27) vs. Диаконъ (КБ и остальные списки), греч. διακόνων 'диаконов'; премудрѣхъ проповѣдании (ТА, Сол. 27/27) vs. философствъ ж проповѣдани (остальные списки), греч. φιλοσόφου τε κηρύγματος '(о) глубокомысленной же проповеди'; кузница серебру (ТА, ГБ, Сол. 27/27) vs. сребропродавцемъ (КБ, №№ 71, 72, 73), греч. τοῦ ἀργυροκόπου 'серебряных дел мастера' и т. д. Склонность версии КБ к калькам и заимствованиям может указывать на реализацию "афонских" переводческих принципов. Разночтения в области синтаксиса касаются управления, порядка слов и перевода отдельных конструкций с инфинитивом, например: О възвании вышнимъ хсѣвъ въ апс льство паоулу (ТА, Сол. 27/27) vs. О бж іи съ нб се званіи павла на апсльство хѣо (КБ, ГБ, № 71, Сол. 30/30), греч. περὶ τῆς οὐρανόθεν θείας κλήσεως Παύλου εἰς ἀποστολήν Χριστοῦ 'о небесном божественном призвании Павла в апостольство Христово'; яко бишащю паоулу... бьену быти (ТА, Сол. 27/27) vs. яко хота павель... биенъ быти (КБ и остальные списки), греч. ὅτι μέλλων... ὁ Παῦλος τύπτεσθαι 'когда Павлу предстояло быть избитым'; якоже не мнѣти не ставляюща жидовъ обрѣзатиса (ТА, Сол. 27/27, Сол. 30/30 с более исправным не вставляюща) vs. w не мнѣти възбраняти жидовомъ обрѣзатис (КБ и остальные списки), греч. περὶ τοῦ μὴ δοκεῖν κωλύειν Ἑβραίους περιτέμνεσθαι 'о том, чтобы не казаться препятствующим евреям обрезываться'. Разночтения в области отноше-

ний с основным текстом Деяний указывают на разные его события, актуализированные парафразом оглавления. Например: еяже дѣла паоула свазаша господи ея (ТА, ГБ, Сол. 27/27) vs. еаж рад(и) гѣдіе еа биша/бивше павла (КБ и остальные списки), греч. δι' ἧν τὸν Παῦλον καθείρξαν οἱ δεσπότες 'из-за которой Павла заключили [в темницу ее] господа'. Здесь версии акцентируют две разные сюжетные точки 16-й главы Деяний, где Павел изгоняет духа прорицания из рабыни, которая своими предсказаниями доставляла своим господам большой доход (последовательность событий в Деян.16:19–24 такова: задержание апостолов Павла и Силы — их избивание — их заключение в темницу). Версия ТА точнее отвечает греческому тексту. Существует и обратная ситуация, когда версия ТА независимо от греческого радикально меняет содержание рубрики: Потопление паоулово исповѣдание како са ему ангель яви яко дасть я емоу развѣ корабля (ТА, Сол. 27/27) vs. Морскаа бѣда павля како спснѣ бысть въ милитѣистѣмь отоцѣ и колика чюдеса сътвори в нем павель (КБ, ГБ, № 71, Сол. 30/30), греч. Ναυάγιον Παύλου, ὅπως τε διεσώθησαν εἰς Μελίτην Νῆσον, καὶ ὅσα ἐν αὐτῇ ὁ Παῦλος ἐθαυματούργησεν 'кораблекрушение Павла, как они спаслись на острове Мальта и сколько на нем Павел сотворил чудес'. ТА вводит событие явления Павлу ангела, которое действительно упоминается в Деян. 27:23–24, однако отсутствует в греческом тексте оглавления. В сообщении предполагается также более подробно остановиться на специфике перевода отдельных лексических единиц.

СУДЬБА ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛАМИ ИМѢТИ И ХОТѢТИ В ПОЗДНЕСРЕДНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

THE FATE OF INFINITIVE CONSTRUCTIONS WITH THE VERBS ИМѢТИ AND ХОТѢТИ IN LATE MIDDLE RUSSIAN WRITTEN LANGUAGE

Пенькова Яна Андреевна

ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Работа посвящена исследованию семантики и дистрибуции перифрастических инфинитивных конструкций с глаголами имѢТИ и хотѢТИ в позднесреднерусской письменности. Эти конструкции встречаются в древнерусских текстах начиная с первых письменных источников, а традиция их употребления связана с первым южнославянским влиянием (ср. грамматикализацию обеих перифраз в рамках единой парадигмы будущего времени в болгарском языке). Однако дальнейшая эволюция этих конструкций в русской письменности происходила по внутренним законам, уже не зависевшим от южнославянских образцов. Особенности функционирования конструкций с имѢТИ и хотѢТИ в памятниках древнерусского и раннесреднерусского периодов, а также в старославянской письменности достаточно хорошо изучены (ср. работы Э. К. Мустафиной, И. С. Юрьевой, М. Н. Шевелевой, А. А. Козлова и др.). В частности, в работах М. Н. Шевелевой [Шевелева 2019] показано, что конструкции с имамъ выражали прежде всего внешнюю (т.н. онтологическую) необходимость, тогда как обороты с хочу (хощу) — перспективное значение и близкое к нему модальное значение внутренней необходимости. При этом ситуация в позднесреднерусской письменности — т.е. непосредственно перед разрушением старой системы и переходом к новой в эпоху формирования литературного языка нового типа — практически не подвергалась исследованию. Настоящая работа нацелена на преодоление данной лакуны. Обращение к источникам этого периода, предшествовавшего утрате перифрастических форм с глаголами имѢТИ и хотѢТИ, позволит полностью реконструировать пути семантической эволюции данных форм. Материалом для исследования послужили тексты второй половины XVII в. в объеме старорусского корпуса Национального корпуса русского языка, которые включают более 8 млн словоупотреблений из текстов различной жанровой и диалектной принадлежности. В качестве дополнительного источника привлекались данные картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. Исследования по данной проблематике на материале больших корпусов текстов в исторической русистике до сих пор не предпринимались.

Материал источников показывает, что в позднесреднерусский период мы имеем дело с двумя конкурирующими конструкциями, использующими разные формы презенса от глагола имѢТИ: имамъ и имѢЮ. Если в ранний период конструкция с имѢТИ испытывала влияние церковнославянских образцов, то в позднесреднерусский период на нее оказывала влияние польская конструкция с глаголом *meć* [Moser 1998: 330–335]. Перифразы с имамъ и имѢЮ имели широкий спектр значений в области модальности, включавший как исконное значение онтологической необходимости, так и значения деонтической необходимости, эпистемической необходимости и даже значения намерения и типичного действия в прошлом. Конструкции с разными вспомогательными глаголами практически не различались семантически, однако имели различную дистрибуцию в источниках: первая конструкция, по-видимому, воспринималась как более архаичная церковнославянская, вторая — как ее более модернизированный европеизированный вариант, ср.: Отныне же всегда имеет сердце мое в покое пребывати, егда красную узрю жену Астины венец носящую [Артаксерково действо (1672)]; Тебе служити имут прекраснейшая всех жен. [Артаксерково действо (1672)]. В позднесреднерусский период под влиянием польского языка инфинитивная конструкция с глаголом имѢТИ также приобрела возможность употребляться со вспомогательным глаголом в прошедшем времени, калькируя при этом семантику польской перифразы [Hansen 2001: 392]: но естли б имела еще старая глава моя узрети, что Есфирь мою царицею обирати будут [Артаксерково действо (1672)].

Конструкции с глаголом хотѣти не приобрели такого широкого спектра модальных значений, как конструкции с имѣти: они, помимо своего исконного значения желания и намерения, вплоть до конца XVII в. продолжали широко употребляться в значении близкой возможности, в том числе в сочетании с неодушевленным субъектом, ср.: В том пристанище Святаго Петра наехали мы фильюгу, которая хочет итти до Малтийскаго острову. [Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)]. В этом значении хотѣти мог употребляться в форме презенса, причастия и прошедшего времени. В редких случаях была возможна контекстуальная утрата значения близкой возможности и выражение чистой референции к будущему, ср.: Царь... рече им: «Верныи послы! Хотите ль вы веровати нашимъ идоломъ и угодником, Рахлию и Бахмету?» [Сказание о царе Василии Константиновиче (конец XVII–начало XVIII в.)]. Однако таких примеров чрезвычайно мало, что не позволяет говорить о дальнейшей грамматикализации этой конструкции. У перифраз с хотѣти и имѣти отчетливо выделяется семантическая зона, в которой их семантика пересекается: обе конструкции в письменности конца XVII в. могут выражать значение намерения, возможности и необходимости, однако контекстуальные условия для развития такого рода значений являются различными.

Литература

- Шевелева М. Н.* К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти vs. хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах // *Русский язык в научном освещении*. 2017. № 2 (34): 194–218.
- Hansen B.* Das Modalauxiliar im Slavischen. Grammatikalisierung und Semantik im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen. (Slavo-linguistica 2). München, 2001.
- Moser M.* Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts. Frankfurt/Main, 1998.

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ТЕКСТ РУССКОГО СЕВЕРА КАК СВЕРХТЕКСТ: СПЕЦИФИКА ФЕНОМЕНА

THE OLD BELIEVER TEXT OF THE RUSSIAN NORTH AS A SUPertext: SPECIFICS OF THE PHENOMENO

Прокуратова Екатерина Владимировна

доцент, Сыктывкарский государственный университет

Изучение локальных текстов — одно из активно развивающихся направлений в филологии. В отечественном литературоведении сложилась определенная традиция исследования сверхтекстов, связанная в основном с «городскими текстами» [Топоров 1984; Лотман 1984]. В последние годы в центре внимания ученых все чаще оказываются не только городские, но и региональные сверхтексты — московский, крымский, сибирский, пермский, вятский и др. [Абашев 2000].

Далеко не любой город и не любая местность способны «породить» свой текст, образ не каждого города и не каждой местности может обладать чертами сверхтекста. По словам Н. Е. Меднис, чаще можно увидеть в литературе «некие очевидные осколочные текстовые образования», которые позволяют говорить об образе того или иного города в творчестве одного из писателей или ряда писателей, как о Вятке в произведениях Салтыкова-Щедрина, о Тамбове или Саратове в русской литературе XIX века. Однако вряд ли можно при этом вести речь о Вятском или Тамбовском текстах русской литературы в целом» [Меднис 2003: 46]. К условиям существования региональных сверхтекстов можно отнести следующие: статус самого локуса, значимость его в историко-культурном и геополитическом отношениях (внешний план); способность локуса породить свой текст (внутренний план). Как отметила Н. Е. Меднис, возникновение сверхтекстов определяется «пульсацией сильных точек памяти культуры», подталкивающей «к художественной или научной рефлексии по поводу ряда культурно и/или исторически значимых в масштабах страны либо человечества явлений» (Москва, Петербург в истории и судьбе России, Венеция в культурно-духовном пространстве Европы, Рим в общечеловеческой культуре) [Меднис 2003: 46].

Литературу Русского Севера можно также рассматривать как локальный сверхтекст. По словам Е. Ш. Галимовой, территория Русского Севера выделяется среди других регионов России «своим особым местом в национальной истории и культуре». Осознание уникальности Русского Севера, не сводимое к понятиям «провинция» и «захолустье», происходило в русском обществе, начиная с XIX в. Природу северного текста русской литературы следует рассматривать «не как суммарную совокупность произведений, посвященных Русскому Северу, а именно как художественное единство более высокого уровня (сверхтекст), обладающее «целостностью, общностью мерцающих в глубине его сверхэмпирических высших смыслов». Следует отметить «глубинный подтекстовый смысл» сверхтекста, который выявляется в процессе научного исследования. Сущность этого сверхэмпирического смысла — в восприятии Русского Севера как мифопоэтического пространства. Смысловое ядро Северного текста таит в себе «загадку русской жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души России». Но это ядро дополняется смыслами с иной семантикой, противоположными по оценке, в том числе конкретно-историческими (место ссылки, каторги, мучений и гибели) и сакральными и мифологическими («край земли», «край света», «край в версте от ада», место страданий) [Галимова 2013, Люсый 2017].

На уровне поэтики цельность северного текста проявляется в повторяющихся сквозных мотивах и образах, в том числе архетипических, в единстве пространственно-временной организации произведений, в близости индивидуально-авторских восприятий Русского Севера. Актуальными параметрами для изучения севернорусского старообрядческого текста становятся локальные пространственно-временные координаты, топосы места и времени, система лейтмотивов и сквозных образов, а также конфессиональный фактор. Традиционные мотивы

и топосы старообрядческой литературы — мотивы пути, испытания, поиска истинной веры, испытания и преображения, образы старообрядцев — стойких духом, гонимых, но сохранивших свое вероисповедание, — безусловно, являются элементом мифологизации старообрядческого сверттекста, который складывается не только посредством произведений старообрядческой письменности, но и текстов переводной византийской и древнерусской литературы, пересмысленной последователями старой веры и включенной в круг чтения старообрядческого книжника. Обозначенные мотивы позволяют выделить старообрядческий сверттекст на фоне других сверттекстов на уровне жанровых, идейно-тематических и мировоззренческих координат, мотивов и образов.

Литература

- Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Семиотика города и городской культуры Петербурга. Тарту, 1984. С. 4–29.
- Лотман Ю. М.* Семиотика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Семиотика города и городской культуры Петербурга. Тарту, 1984. С. 30–45.
- Абашев В. В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.
- Галимова Е. Ш.* Специфика северного текста русской литературы как локального сверттекста // Вестник Северного арктического федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 121–129.
- Люсый А. П.* Русская литература как система локальных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, 2017.
- Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. Архангельск, 2017. Т. 1.
- Меднис Н. Е.* Сверттексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. С. 46.

ИМПЕРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В «УСТАВЕ РАТНЫХ, ПУШЕЧНЫХ И ДРУГИХ ДЕЛ, КАСАЮЩИХСЯ ДО ВОИНСКОЙ НАУКИ»

IMPERATIVE CONSTRUCTIONS IN THE "CHARTER OF MILITARY, CANNON AND OTHER MATTERS RELATING TO MILITARY SCIENCE"

Руднев Дмитрий Владимирович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» [Устав] в своей основе является переводом второго тома военного трактата Л. Фронспегера «Kriegsbuch» (Frankfurt am Main, 1573 г.). Перевод книги осуществил мастер Печатного двора Онисим Радишевский в 1607–1621 гг. Рукопись была обнаружена в 1775 г. и опубликована в 1777–1781 гг. известным русским писателем XVIII в. В. Г. Рубаном. Устав содержал теоретические и практические сведения по устройству артиллерийского дела, а также наставления, каким образом следует поступать пушкарям в различных ситуациях. Таким образом, Устав может быть охарактеризован как учебно-инструктивный текст. Инструктивный компонент реализовывался при помощи значительного числа конструкций императивного типа: независимый инфинитив, императив в форме 2 л. ед. ч., глагол в форме настоящего или будущего времени, модальных операторы довестись, подобать, дозветь, достоять, надобе, надобно, нужно, добро, надобеть, должен, пригоже и др. Частотность перечисленных средств и их функции неодинаковы. Остановимся на наиболее частотных из них. К числу наиболее частотных средств предписывающей семантики относились инфинитив, императив, а также глаголы довестись и подобать в сочетании с инфинитивом. Эти императивные средства в некоторых случаях были взаимозаменяемы. Например: О чину и о приказѣ большаго воинскаго пристава, такому приставу подобает во всякихъ мѣрахъ воинскому маршалку послушну быти, и надо всѣми людьми во всехъ полкахъ доведется ему призор имѣти, что бѣ разправно и урядно было в запасѣхъ и въ инныхъ полковыхъ дѣлхъхъ; а что будетъ иное, что которой власти не поддано, и то подобаетъ ему по приказу воинскаго маршалка строити и уряжати, какъ что въ обычаѣ ведется, а что обстоить о воинскихъ судныхъ дѣлѣхъ, и ему по приказу воинскаго маршалка разправляти, а опричь его въ томъ ни кому власти не имѣти [Устав, 1: 62]. Это, однако, не означает совпадения их семантики и условий употребления. Так, инфинитив регулярно употребляется в инструктивных контекстах, где описывается порядок совершения действий: ...а подушки здѣлати брусками, и по концамъ оковати обручми желѣзными, что бѣ нерозломались, а на оси прибить доски желѣзные потому, что онѣ всегда имѣетъ великую тягость въ походѣ и стрельбою, да по конецъ станку тако жѣ учинить брусъ между конца станку, и пронять съ цѣпомъ желѣзнымъ, и тотъ брусъ на верху оковати доскою желѣзною и провертѣти сквозь бруска, чтобъ желѣзной гвоздь проходилъ... [Устав, 1: 88–89]. такому употреблению инфинитива близко использование императивных глагольных форм (при этом если перечислительный ряд инфинитивов обычно развертывается при помощи присоединительных союзов и, а, то императивные формы обычно соединяются присоединительным союзом да), например: И ты пріймися къ такой статьи и возьми то деревцо, которое прежде объявлено, да сдѣлай другое деревцо въ полтора прежнего деревца, да постави ево на пицали на переди, да зри по немъ въ передь; аже будетъ еще высоко стрѣлить, и ты сдѣлай деревцо того прежняго не много по долѣ... [Устав, 1: 221]. Для конструкций с глаголами подобать и довестись использование в перечислительных рядах редко; если такое употребление и отмечается, то число элементов ряда редко превышает два: Во градѣ доведется коему жѣ головѣ ото всякаго прапора выбиратьи по человекѣ для ради грабежу и добычи и отдать ихъ полковому маршалку, а маршалку доведется такихъ людей къ крестному цѣлованью приводити, что имѣ у грабежнаго головы чинѣ его и приказъ вѣрно и прямо свести, и отъ него ни чево не потаити, и доли раздѣлати, кому что доведется въ правду [Устав, 1: 132]. Глаголы подобать и довестись различались семантически и стилистически. Первый из них был типичен для церковной книжности и в Уставе чаще употребляется при описании необходимых

свойств характера или особенностей поведения человека. Глагол довестись не имеет подобных ограничений, однако его императивная семантика не имела определенности. В составе простого предложения или главной части сложноподчиненного предложения, он имел значение ‘следует, подобает’, но в придаточном условном его модальное значение было ослаблено: ...коли доведется въ полкохожденіи пицаль или пушку водою вести и порохъ намокнетъ такъ, что не можетъ выстрѣлити, и въ запалѣ отъ невелика порохъ выгорить, а запалѣ отъ того выгорить же, и отъ того пицалѣ или пушкѣ чинится великая шкода, развѣ доведется пицаль или пушку изнова перелити... [Устав, 2: 58]. Остальные императивные модели встречаются значительно реже и часто осложнены дополнительными смысловыми компонентами. Так, глаголы годиться, пригожаться, сгожаться включают в семантику необходимости указание на полезность: ... тѣмъ пушкаремъ годится ежечасъ свой пицали и пушки наготовляти, и поворачивати, и уставляти, и стрѣляти вмогновеніи ока [Устав, 1: 54]; Да какъ доведется ядро дѣлати къ промыслу и къ прибыли, такое пригожается изъ верховыхъ пушекъ стрѣлять во грады или въ посады, которыя на каменныхъ кровляхъ вязнуть [Устав, 2: 67]. Модальная семантика предикатива добро осложнена оценочным компонентом: Да передъ людьми же, гдѣ случится съ недруги сходиться, добро возити нѣскольکو легкаго снаряду, по тому что ихъ изъ такова наряду мочно далеко достати и страхъ дати... [Устав, 1: 67]. Отметим, что большинству императивных конструкций в Уставе соответствует глагол *sollen* в трактате Л. Фронспегера «Kriegsbuch». Источник: Устав — Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах, или статьях, в государственное царей и великих князей, Василия Иоанновича Шуйскаго и Михаила Феодоровича, всея Руси самодержцев, в 1607 и 1621 годах выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым. Напечатан с рукописи найденной в 1775 году, в Мастерской и Оружейной палате в Москве. Издана под смотрением assessора Рубана. Ч. 1–2. СПб.: При Гос. воен. коллегии, 1777–1781.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-28-00776 «Язык русских военных уставов XVII века»).

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

BASIC CATEGORIES OF THE OLD RUSSIAN SIMPLE SENTENCE

Рылов Станислав Александрович

доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Обращение автора к проблеме основных категорий древнерусского предложения, недостаточно изученной в исторической русистике, стимулировали идеи проф. В. В. Колесова, который в своих трудах постоянно обращался к сущности предложения как форме организации древнерусской мысли. До настоящего времени в науке окончательно не решен вопрос о том, что собою представляла основная коммуникативная единица в исходной синтаксической системе древнерусского языка. Проф. В. В. Колесов, говоря о специфике древнерусского предложения, отмечал 3 его признака: предикативность, модальность и определенность [Колесов 2013: 394]. Сущность основной синтаксической единицы древнерусского языка-речи, по нашему мнению, составляли категории коммуникативности, предикативности, модальности, формирующие грамматическую структуру простого предложения-высказывания (сокращенно ППВ). Все три категории в древнерусском ППВ были слиты в связи с синкретизмом основной синтаксической единицы языка-речи. Синтаксическая категория коммуникативности была выделена Б. Н. Головиным, им же выяснена её сущность [Головин 1994: 38]. Эта категория проявлялась и в древнерусском ППВ, хотя и менее отчетливо, чем в современном русском, в связи с особенностями древнерусского текста. Но любой древнерусский текст может быть расчленен на своеобразные «кванты информации» — простые предложения-высказывания. Особо значимой для организации древнерусского ППВ является категория предикативности. В современной лингвистике понятие предикативности имеет большое количество подходов. С нашей точки зрения, предикативность — это «бытийность», сообщение о бытии (небытии) объекта мысли, причем в качестве объекта может выступать как грамматически независимый предмет, так и процесс-состояние. Бытийность связана «с длительностью, протяженностью и включенностью в процесс времени. Это тот самый признак, через который для нас, нашего сознания обнаруживается существование предмета» [Головин 1994: 34]. Именно такое понимание предикативности предполагает организацию, определенное оформление ППВ. Модальность — одна из наиболее дискуссионных категорий предложения. Теоретические основы сущности категории модальности (сокращенно КМ) были заложены В. В. Виноградовым [Виноградов 1975: 53–87], однако термин «модальность предложения» до сих пор остается полисемантом. Под модальностью предложения следует прежде всего понимать отношение содержания предложения к действительности, устанавливаемое автором данного высказывания. КМ — сложная, многослойная категория предложения, объединяющая целый ряд значений: достоверность, необходимость, возможность, желательность, долженствование, намерение, оценку со стороны автора речи [Колесов 2013: 396]. Модальность как предложенческая категория формировалась в истории русского языка постепенно. Однако именно процесс её формирования остается малоизученным. Некоторые ученые вообще не уделяют внимания этой категории древнерусского ППВ. Сложность в том, что в древнерусском предложении КМ в значительно большей степени, чем в современном предложении, была слита с двумя другими категориями — коммуникативностью и предикативностью. Несмотря на это, КМ привлекала внимание многих ученых и в плане диахроническом (Савельева Л. В., Ваулина С. С., Ковалев Н. С., Тарланов З. К.). Действительно, уже в древнерусском ППВ проявлялись модальные значения, обусловленные различными коммуникативными установками автора речи и его отношением и к передаваемой информации, и к адресату речи. Постепенно, по мере развития структуры ППВ, формировались средства выражения КМ, происходили дифференциация и закрепление отдельных модальных значений за теми или иными синтаксическими структурами (двусоставными или односоставными). Показательно, что З. К. Тарланов развитие модальных слов в истории русского языка тесно связывает со становлением «веерообразно-разветвленной типологии русского предложения за счет объективи-

рования и абсолютизации его субъектного и предикатного центров» [Тарланов 2005: 92–93]. Именно в синтаксисе, в процессе развития структуры ППВ, его структурно-семантических типов, постепенно происходило развитие и оформление синтаксической КМ. В качестве одного из важнейших признаков древнерусского ППВ рассматривает модальность В. В. Колесов, разграничивая «объективную модальность реальности» и субъективную модальность. По мнению В. В. Колесова, синтаксическая модальность в древнерусском языке «дана в двух измерениях, свойственных древнерусским представлениям по сути: предметная модальность действительного мира постоянно соотносится с субъективно понимаемой «потенциальной» модальностью мира идеально мыслимого» [Колесов 2013: 395]. Нами на материале древнерусских текстов анализируется соотношение объективной (ОМ) и субъективной модальности (СМ), которое неодинаково проявляется в функциональных разновидностях древнерусской речи. В летописях ОМ значительно преобладает над СМ, хотя в ряде случаев древнерусский летописец не оказывался в позиции стороннего наблюдателя. В деловой древнерусской речи СМ проявляется в слабой степени. Наиболее интересно взаимодействие ОМ и СМ в повествовательно-художественных текстах, где на фоне ОМ прозрачно выступает СМ вследствие чередования в речевой цепи предложений разных структурно-семантических типов. Специфика основных категорий древнерусского ППВ, прежде всего субъективной модальности, требует углубленного исследования на широком текстовом материале — в связи с типологией древнерусского ППВ.

Литература

- Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53–87.
- Головин Б. Н.* Основы теории синтаксиса современного русского языка. Н. Новгород, 1994.
- Колесов В. В.* Историческая грамматика русского языка. СПб., 2013.
- Тарланов З. К.* Типология предложения и модальные слова в истории русского языка // Мысли о русском языке: Прошлое, настоящее, будущее. СПб., 2005. С. 89–95.

СИСТЕМА ВРЕМЕН В ТЕКСТЕ «ЖИТИЯ МИТРОПОЛИТА ПЕТРА» В РЕДАКЦИИ МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА

THE SYSTEM OF TIMES IN THE TEXT OF "THE LIFE OF METROPOLITAN PETER" IN THE EDITION OF METROPOLITAN CYPRIAN

Сабурова Анна Васильевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

«Житие митрополита Петра» (далее ЖМП) — агиографический памятник XIV века. Текст ЖМП представляет собой жизнеописание выдающегося церковно-государственного деятеля, сыгравшего значительную роль в возвышении Москвы среди других русских городов. Петр был митрополитом Киевским и всея Руси с 1308 по 1326 гг. В первоначальной Краткой редакции ЖМП является самым ранним памятником московской агиографии. Позже на основе Краткой редакции митрополитом Киприаном была выполнена доработка текста и создана Пространная редакция. Изучение ЖМП представляет научный интерес в связи с тем, что митрополит Петр сыграл значительную роль в становлении Москвы как столицы Русского государства. Кроме того, описание языка памятника представляет особую значимость, поскольку техника перевода митрополита Киприана, несмотря на обилие научных работ о деятельности книжника, остается малоизученной. Из списков Киприановской редакции ЖМП изданы немногие: Харьковский список издан Р. А. Седовой, при этом текст в списке передан в упрощенной орфографии. Б. М. Клоссом опубликован список ГИМ, собр. Чудова монастыря. Нами были проанализированы списки ЖМП XV в. (ГИМ, собр. Чудова монастыря 221, 20-е гг. XV в.; ХГНБ, Миняя служебная на декабрь 816 281, XIV–XV в.; РГБ, собр. Ундольского 1296, сборник вт. пол. XV в.; РГБ, собр. Ундольского 560, сборник вт. пол. XV в.; РНБ, Кир.-Бел. сп. 786/1043, сборник XV в.). Редакция ЖМП в выбранных списках довольно устойчива, языковые разночтения в них относятся к бытованию текстов, то есть появляются в результате переписывания. Таким образом, мы можем сделать вывод, что текст на протяжении всего XV в. достаточно стабилен. Особого внимания заслуживает изучение языка, на котором написан текст ЖМП. Обратимся к описанию временных форм, используемых в рукописях. В качестве основных форм прошедшего времени используются аорист и имперфект. Самой частотной в тексте ЖМП является форма аориста (209 употреблений): на том же убо сборе и азъ со иными святители бых, в том же свитьце изъвержения его подписах; ... от онога часа болезни оны нестерпимыа престаша, и в малех днехъ Царьствующаго града изыдох и, Божыимъ поспешениемъ и угодника Его, приидох и поклонихся гробу его чюдотворивому. При этом отметим, что в разговорной речи этого времени, где расширились функции перфекта, аорист утрачен. Он закрепляется в книжно-литературном языке. Аорист в форме 2 л. ед. ч. в тексте не встречается, что, по-видимому, позволяло автору избежать омонимии форм 2 и 3 лица. Имперфект в тексте ЖМП употреблен 61 раз, например: ...о семь убо немала печаль бяше родителем, немалу же тщету се вменияше себе и учитель его; ... и нужу велику кораблеви творяху, и влъны великы двизахуся. Отметим, что эта временная форма была утрачена в разговорной речи к началу письменного периода, раньше аориста, но встречалась в книжных текстах. Способ образования данной формы в рассмотренных списках соответствует грамматической языковой норме. Нередко в качестве сказуемого в тексте выступает и причастие прошедшего времени (75 употреблений): таковое бо видение Горонтии видевь и словеса услышавъ от честнаго и славныа Пречистыа образа; Преподобному же отцу нашему Петру море достигшу, таже и на ином месте въ корабль вшедшу и тому же Царюграду поплувшу. Важной особенностью текста является ограниченное употребление форм перфекта: эта форма зафиксирована в тексте лишь во 2 л. ед. ч. (8 употреблений), преимущественно в прямой речи. Перфект выступает в данной функции согласно традиционному пониманию этой категории, согласно которой он обозначает «отнесенное к настоящему времени состояние, являющееся результатом совершенного в прошлом действия» [Борковский, Кузнецов 2006: 260]. Таким образом, в ЖМП используется парадигма прошедшего времени, в которой во всех лицах

и числа, кроме 2 л. ед. ч., употребляется аорист. Во 2 л. ед. ч. употребляется перфект. Формы плюсквамперфекта также редки в тексте и встречаются лишь в 3 л. ед. ч. (6 употреблений). Плюсквамперфект используется в текстах списков в значении «давнопрошедшего» времени и образуется с помощью имперфектной формы глагола быти и причастия на -л: ...ю же бе своею рукою отецъ нашъ Петръ написалъ и Максиму принеслъ. Отметим также, что для описания событий прошлого в тексте ЖМП частотно использование настоящего исторического времени: и съплетаеть ложная и хулная словеса, и посылает во Царьствующи градъ къ святеишему и блаженому патриарху Афанасию; и труды многы подъемлет, и болезни къ болезнемъ прилагает, и поты проливает, и церковь въздвизает во имя Спаса нашего Исус Христа, и келии въставляет въ пребывание къ приходящей к нему братии. Использование подобных форм позволяет автору оживить повествование, изобразить события прошлого как разворачивающиеся на его глазах. Для дальнейшего анализа временной системы текста мы обратимся к сравнению глагольных форм в первоначальной редакции ЖМП и киприановской пространной редакции с целью определения уровня их варьирования.

Литература

- Афанасьева Т. И., Козак В. В., Мольков Г. А., Соколов Г. А., Шарихина М. Г.* Языковые инновации в переводах, связанных с именем Киприана // *Slověne*. 2015. №1: 13–38.
- Афанасьева Т. И., Козак В. В., Мольков Г. А., Шарихина М. Г.* Евхологий Великой церкви в славяно-русском переводе конца XIV века. Исследование и текст. М.; СПб., 2019.
- Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 2006.
- Седова Р. А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОЧИНЕНИЙ ДЬЯКОНА ФЕДОРА В «ХРИСТИАНООПАСНОМ ЩИТЕ ВЕРЫ» ИНОКА АВРААМИЯ

ABOUT THE PECULIARITIES OF THE WRITINGS OF DEACON FYODOR IN THE "CHRISTIAN-DANGEROUS SHIELD OF FAITH" BY MONK AVRAHAM

Титова Любовь Васильевна

старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН

«Христианоопасный щит веры против еретического ополчения» — обширнейший сборник полемико-догматических старообрядческих текстов (46 глав) [Материалы 1885: 1–258] — был создан иноком Авраамием, лидером московской общины старообрядцев, в самый разгар борьбы с церковной реформой, проводившейся не только церковью, но и государством (1667–1669 гг.) [Демидова 2022]. Выявление древнерусских полемических сочинений (или их фрагментов) и документальных текстов XVII в., использованных Авраамием, а также установление авторского компонента — редактуры самого Авраамия и его собственных полемических суждений очень важное направление изучения памятника. Цель нашего доклада — показать характер использования сочинений дьякона Федора иноком Авраамием, определить специфику текстов Федора Иванова и особо остановиться на 17 главе «Христианоопасного щита веры», представляющей собой уникальную компиляцию из фрагментов старообрядческих сочинений, в том числе и дьякона Федора. Текст «Христианоопасного щита веры» был издан (по одной из двух рукописей в.) далеко не полностью: Н. И. Субботин в своём известном издании «Материалов по истории раскола» (т. VII, 1885) исключил из текста памятника все не старообрядческие статьи, а также авторские произведения современников, введенные Авраамием в его состав. Н. И. Субботин при издании «Христианоопасного щита веры» назвал две очевидные и безусловно принадлежащие перу дьякона Федора главы. Это главы 21 и 26, подписанные его именем. 26 глава названа Авраамием «О послании в заточение и о нестерпимом мучении дьякона Феодора за святую церковь, и о еже како искусил властей прелестных» (Н. И. Субботин не опубликовал этот текст в VII томе, а дал отсылку к первому тому его Материалов для истории раскола... с. 420–426) и глава 21 «О вопрошении священнодьякона Феодора нечестивых властей». Н. Ю. Бубнов атрибутировал дьякону Федору еще восемь глав.: 5, 12, 14, 17, 27, 34, 35 и 36 [Бубнов 1995: 64–68]. К сожалению, все эти главы носят компилятивный характер и в них лишь фрагментарно использованы сочинения дьякона Федора, собственно Н. Ю. Бубнов и сам отмечал, что «предложенная атрибуция перечисленных глав «Христианоопасного щита веры» дьякону Федору строится на общности источников, использованных им для создания как анонимных, так и безусловно ему принадлежащих сочинений, на известных фактах его биографии, а также на наблюдениях над излюбленными Федором сюжетами, характерными для него ссылками на реалии при доказательствах того или иного положения, использовании специфических оборотов письменной речи» [Бубнов 1995: 65]. Сопоставление текстов дьякона Федора с указанными выше главами, приписываемыми ему, показало, что можно говорить лишь об использовании отдельных фрагментов сочинений Федора Иванова в компилятивных главах. Обращение к 17 главе «Христианоопасного щита веры» названной иноком Авраамием «На проклятый Никонов собор» [Материалы 1885: 85–95] представило нам возможность выявить отдельные фрагменты одного из общественно-значимых произведений дьякона Федора, его Послание Иоанну Аввакумовичу о священстве которое было написано им летом 1669 г. от имени всех пустозерских узников (протопопа Аввакума, священника Лазаря и инок Епифания) [Титова 2016 : 77–101], вычленив фрагмент уникального старообрядческого анонимного сочинения о Никоне-антихристе, которое является ответом на «Похвалу святейшему патриарху Никону», созданную представителем официальной церкви, стремящегося возвысить патриарха, сравнивая его с Богом. Анонимный старообрядческий писатель ставит своей целью полностью развенчать образ идеального церковного иерарха. Старообрядческое сочинение об антихристе дает представление о формировании идеи об антихристовой сущности патриарха

Никона у первого поколения противников церковной реформы и имеет важное значение для истории старообрядчества. В настоящее время известен единственный список этого сочинения (XVII в.), поэтому даже отдельные его фрагменты в «Христианоопасном щите веры» представляют значительный интерес для исследователей истории старообрядчества [Титова 2022: 251–259]. Анализ сочинений дьякона Федора в «Христианоопасном щите веры» дает возможность выявить метод работы Авраамия по созданию заостренного сборника.

Литература

Материалы по истории раскола за первое время его существования / под ред. *Н. И. Субботина*. Т. VII, М., 1885. С. 1–258.

Демидова Л. Д. Истоки русского раскола: инок Авраамий. СПб., 2022.

Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб., 1995.

Титова Л. В. Послание дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу о священстве — идеологический документ раннего этапа старообрядческого движения // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 77–101.

Титова Л. В. Противники церковной реформы об антихристовой сущности патриарха Никона // Исторический курьер. 2022. № 2 (22): 251–259. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-16.pdf>

НУ, НАПРИМЕР, ДА? — ОБ ОДНОЙ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЕ РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

NU, NAPRIMER, DA? — ABOUT ONE MULTIFUNCTIONAL UNIT OF RUSSIAN SPEECH

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Известно, что значение слова создается не только в нем самом, но и в его партнерах по речевой цепи, что создает композиционную семантику [Норман 2019]. Устная речь, в которой языковые единицы зачастую претерпевают модификации, проходя через процессы грамматикализации, прагматикализации, идиоматизации, ре- и десемантизации, дает богатый материал для анализа композиционной прагматики, когда на пересечении семантики и прагматики рождаются специфические единицы, сочетающие в себе свойства дискурсивных слов (ДС) [Баранов и др. 1993] и прагматических маркеров (ПМ) [ПМ 2021]. Одной из таких единиц является устойчивая и весьма частотная конструкция (ну) например да(?) комбинация вводного слова (ДС) например и ПМ-метакоммуникатива да. Словарное значение вводного слова например ('для примера, в качестве примера (при перечислении, пояснении какого-л. слова в предложении)') [МАС 1986: 384]) соединяется с зафиксированными функциями ПМ да (хезитативная (Х), метакоммуникативная (М) и ритмообразующая (Р) [ПМ 2021: 159-167]), в результате рождается полифункциональная речевая единица (ну) например да(?). В устном подкорпусе (УП) НКРЯ начало ее активного употребления отнесено к 1996 г., дальше отмечается устойчивый подъем частотности, с небольшими пиками в 2014 и 2019 гг. Анализ корпусного материала (не только УП, но и корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день», ОРД) позволил выявить ряд особенностей употребления рассматриваемой конструкции. Наиболее распространенной оказалась функция разграничительного маркера (Г), не свойственная ни одному из элементов конструкции, ср.:

1) ну например / да // придумайте ещё слово со словом пре / которое происходит от пере (ОРД) (стартовый Г + М);

2) или например / да / ещё им / нужно нужно голосовать за законы то есть кто-то другой закон / предложит например / депутаты другие / группа какая-нибудь инициативная или президент (ОРД) (стартовый Г + М);

3) Тим Браун приводит потрясающие в своей книге примеры/ в частности/ если вы проектируете обувь/ ну например/ да/ если вы просто проектируете обувь/ попробуйте опросить не только тех людей/ которые кажутся обязательными/ да/ ну интервьюируемыми (УП) (навигационный Г + М);

4) Есть вот какие-то истины/ [откашливается] аа особенно простые истины/ вот сложней всего дать определение вот простым вещам/ что такое жизнь/ например /да/ что такое любовь/ вот определение/ что такое смерть там/ что такое ненависть и так далее (УП) (навигационный Г + М);

5) А безумец будет говорить православные какие-то там благоглупости/ например/ да (УП) (финальный Г + М);

6) начало /то что/ ты сидишь там с подружками например да ? (ОРД) (финальный Г + М). Видно, что функция разграничителя любого типа неизменно совмещается с функцией метакоммуникатива, внесенной ПМ да, при этом часто, особенно в стартовых и финальных употреблениях, утрачивается способность конструкции вводить перечисление или пояснение. Отчасти эта способность сохраняется в чисто метакоммуникативных (М) употреблениях, ср.:

7) нет /это не омонимы/ нет-нет /это именно перенос/ я даже не хочу эти слова говорить / вы забудете/ нет /омонимы вот лук например/ да ? лук который мы едим / и лук с которого (...) стреляем (ОРД);

8) чисто /да ? но нельзя сказать чисто по жизни/ *В а можно сказать чисто английское убийство /например/ да ? то есть перед прилагательным (...) можно (ОРД);

9) Потому что по вот той лестнице/ которая ведёт к солнечным аа часам/ я лично/ например/ да/ спускался/ значит/ с коляской/ значит (УП). В примерах (7)–(8) сохраняются и функция метакоммуникатива, и семантика ДС, его способность вводить перечисление или пояснение. Однако в примере (9) эта способность снова утрачивается. Еще в большей степени это видно в контекстах (10)–(11), где конечная позиция конструкции в высказывании не делает ее разграничительной финальной, а, скорее, маркирует обрыв фразы, близкий к функции маркера-хезитатива (Х), также внесенной ПМ да, ср.:

10) просто у него тоже/ вот вчера я услышал/ что у людей тоже есть машина/ да то есть вот/ она стоит/ там/ они знают/ что вот/ например/ да? (УП);

11) Ну/ дело в том/ что каждый сорт имеет разные оттенки/ вот/ особенно богат этим орех/ там есть буквально от белого/ б... настолько белого/ что вот/ например/ да? (УП). Проведенный анализ показал, что частое совместное употребление разноуровневых единиц (ДС например и ПМ да) породило в нашей речи устойчивую конструкцию (ну) например да(?), которая отчасти заимствовала свойства ее составляющих, а отчасти приобрела свои собственные особенности употребления. Начальное ну в составе этой конструкции вариативно, так же как и общий ее вопросительный характер. Однозначно отнести рассматриваемую конструкцию к классу ДС или ПМ не представляется возможным, логичнее констатировать ее выраженную полифункциональность и продолжать изучение ее речевой специфики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке СПбГУ (проект № 92563238 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта») (коммуникативное поведение одной из речевых единиц), гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи») (рождение и особенности функционирования устойчивой неоднословной единицы).

Литература

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Норман Б. Ю. Синтактика, когниция и композиционная семантика // Russian Journal of Linguistics. 2019. 23/3: 714–730.

ПМ — Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021.

МАС — Словарь русского языка в 4 томах. Т. II. К–О / А. П. Евгеньева. М., 1986.

СЕМАНТИКА УСТУПКИ В ГЛАГОЛАХ ОЦЕНОЧНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ

SEMANTICS OF CONCESSION IN VERBS OF EVALUATIVE SYNTACTIC CONSTRUCTION

Колосовская Татьяна Леонидовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Как известно, большинство слов русского языка являются многозначными. Особенно это характерно для глаголов [Полухина 2018: 807]. Значение того или иного слова мы используем в зависимости от речевой ситуации, но не стоит забывать, что в современной повседневной коммуникации активно употребляются единицы разговорной или жаргонной окраски. Особый интерес для исследования представляют всем знакомые глаголы, которые в некоторых коммуникативных ситуациях приобретают нестандартные значения, удивляющие порой не только иностранцев, но и носителей русского языка. Сложность их восприятия усиливается отсутствием нужной семантики в «авторитетных» толковых словарях, таких как БАС, МАС, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [там же]. В центре внимания настоящего исследования находится оценочная синтаксическая конструкция, глагол в составе которой имеет не зафиксированное словарями значение 'N1 отступает перед P, понимая свою неспособность соперничать с ним' (А какие у них (P) чистые методы дознания, Шерлок Холмс (N1) и Эркюль Пуаро (N1) отдыхают!). В результате поиска других конструкций, которые могли бы быть синонимичны рассматриваемой, был найден ряд глаголов, которым в соответствующем контексте присуще оценочное сравнительное значение. К таким глаголам относятся грызть (локти, ногти), кусать (локти, ногти), курить, плакать, поёживаться, переминаясь, стоять, утирать (слёзы), ходить. Важно отметить, что в лексикографическом описании данных глаголов практически отсутствует семантика сравнения и уступки на фоне этого сравнения. Так, по данным МАС, из всех перечисленных глаголов некоторую семантику сравнения содержит лишь единица стоять в своем 11-ом значении: «перен. Занимать какое-л место среди чего-л., какое-л. положение по отношению к чему-л.: Часто термитов смешивают с муравьями. Однако по своему происхождению они стоят гораздо ближе к тараканам, чем к муравьям» [МАС 1988: 257]. Есть сравнительное оценочное значение и у глагола утереть, к которому отсылает глагол утирать: «перен., прост. обставить, обогнать» [Ожегов, Шведова 1999]. У других глаголов семантики уступки в академических словарях не обнаружено. Только в некоторых словарях неформальной лексики у глагола отдыхать выделяется нужное для анализа значение, проявляющееся в рассматриваемой оценочной конструкции: «кроме прош. насмешл. жарг. значительно уступать кому-л. в чем-л. (Все, «Зенит» не догонишь, остальные могут отдыхать)» [Химик 2004: 402], а также «кто-л. не может состязаться в чем-л. с кем-л' (Немцы сняли «Достучаться до небес» (фильм) — Тарантино отдыхает!)» [Елистратов 2000: 303–304]. Очевидно, таким образом, что синонимичность рассматриваемых глаголов в общей для них конструкции создается благодаря дополнительным компонентам (актантам, слотам). В данном случае в этой роли выступают наречия, для которых можно создать шкалу интенсивности оценки, выстраивающуюся следующим образом: нервно — горько — скромно — тихо. Ср. соответствующие примеры:

- 1) Голливуд посрамлен! В минувший уик-энд уроженец Ульяновска (P) «организовал» в Подмосковье такой детективчик с погоней, что сценаристы фабрики грез (N1) могут нервно грызть локти от бессильной злобы;
- 2) Но, поистине, украинский экономический гений (P) не имеет себе равных. Заблокировать поставки угля из близлежащих ДНР и ЛНР, запретить ввоз топлива из России с тем, чтобы закупать его на другом континенте в полтора раза дороже — лауреаты шнобелевской премии (N1) горько плачут в сторонке;
- 3) Ну аля, через час-другой (если диск Ubuntu 8.04 был под рукой) имеем свеженькую систему с работающей сетью, синезубом, видеокамерой, красотами compiz (Microsoft Vista

(N1) скромно стоит в сторонке с ее Aero). Со всеми плюсами и минусами linux (P) как таковой;

- 4) CX-5 (P) — мягкий и покладистый автомобиль, он заботится о том, чтобы пассажиров не утрясло, и вдобавок негромкий. Причем настолько, что по уровню шума в салоне сразу кладет на лопатки ближайших конкурентов. Уже и такие короли сегмента, как Volkswagen Tiguan (N1) или Kia Sportage (N1), тихо топчутся в стороне, искоса поглядывая на эту Mazda.

«Новый частотный словарь русской лексики» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова основан на выборке примеров из Национального корпуса русского языка. Единицы кусать, топтаться, грызть, утирать, поёживаться, переминаясь в его словнике отсутствуют. Это можно объяснить рядом причин: или рассматриваемые глаголы имеют низкую частотность и редко употребляются в корпусе, или они встречаются много раз, но в одном-двух текстах, или подсчет лемм не производился из-за ошибки автоматического определения исходной формы или частеречной характеристики слова, что в НКРЯ — нередкое явление. Так или иначе, но при достаточно большом объеме корпуса данные единицы редко использовались в текстах и наличие конструкций с глаголами, которые имеют сравнительное значение, не зафиксированное ни классическими, ни современными толковыми словарями, указывает на важность семы уступки, которая развивается у глаголов в рамках оценочной конструкции, которая требует дальнейшего изучения.

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Литература

Елистратов В. С. Словарь русского арго. Материалы 1980-1990 гг. М., 2000.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

Полухина Я. П. Незнакомое в знакомом: разговорные и жаргонные значения некоторых русских глаголов // Актуальные проблемы и перспективы русистики. МКР-Барселона. Барселона: Trialba Ediciones, 2018. С. 806–817.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

ДОНЕЦКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕЧЕВОЙ ДИСКУРС: ДИНАМИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КРЕАТИВА

Курмакаева Нина Петровна

доцент, Донецкий государственный университет

Доклад посвящен рассмотрению (в рамках изучения донецкого диффузного региолекта) недостаточно пока исследованной проблемы современной региональной речи — ее креативному (игровому в широком смысле) потенциалу в исторической перспективе. Актуальность темы обусловлена тем, что «в условиях новых коммуникативных потребностей и постоянно трансформирующейся социокультурной среды в русском языке последних лет продолжают происходить значительные изменения» [Активные процессы... 2022: 3], необходимость фиксации и изучения которых самоочевидна. Особенно это касается уровня разговорной речи, тем более того регионального ее сегмента, который последние 9 лет пребывает в зоне социальной, информационной, военно-политической турбулентности.

Источниками эмпирического материала послужили устные тексты из живой разговорной речи, записи в чатах соцсетей, например ВКонтакте (VK), стихотворные тексты местных авторов, фрагменты репортажей военкоров с мест военных действий. В аспекте кардинального изменения дискурсивных целей и практик региона последнего времени исследуется специфика донецкой региональной речи (донецкого региолекта — «особой регионально маркированной организации языка» [Донецкий региолект 2018: 21]) как креативонасыщенной, построенной нередко по моделям языковой игры:

- а) на лексико-словообразовательном уровне: Видишь, летят наши помогаторы (о вертолетах над Донецком);
- б) на графическом уровне: *Донецк, Макеевка, помимо природной грозы, слышно гроZZZу VoZZZмеZZZдия!* (об исходящих залпах орудий в окрестностях Донецка [VK, АГС, 10.07.22]);
- в) на паремиологическом уровне: *Пока одни считают голы, другие считают прилёты* (о совпадении заключительного дня ЧМ по футболу и дня самого интенсивного обстрела Донецка — 18.12.22) и др.

Таким образом подтверждается непосредственная и тесная связь лингвистического креатива с трансформацией лингвокультурной ситуации и «коммуникативных условий функционирования» [Гридина 2013: 7]. Показательно, как один из известных лингвокультурных кодов шахтерского края и поистине народное выражение *Донбасс порожняк не гонит* проходит семантическую «перезагрузку»: изначально имело почти прямой смысл, вытекающий из суммы смыслов входящих в него слов ('даёт много угля', 'отправляет полные составы'), однако быстро идиоматизировалось, нарастило дополнительные созначения и соответствующие коннотации: 'не занимается пустыми делами', 'не говорит ерунды, не бросает слов на ветер'. В лихие 90-е оно было переосмыслено и нередко употреблялось с иронично-пейоративной коннотацией: 'буксует, стагнирует'. В последние годы его употребляют еще и в военно-политическом смысле: 'упорно сопротивляется, не сдает позиций, держит данное слово и рубежи'. Нечто подобное наблюдается с популярным в регионе выражением *Донбасс придавит* и др. За лингвокультуремой *Донбасс* имплицитно присутствует его субэтнос, региональная личность, причастная к ситуации, о ком недвусмысленно — в подтексте крылатого выражения *При длительном нажиме на Донбасс хрупкий уголь превращается в алмаз*. И коль социокультурная среда данного регионального кластера претерпевает ломку устоявшихся традиций и стереотипов, то становятся заметными перемены в языковом поведении ее обитателей. В сфере креативной вербальной деятельности появляется больше жесткой оценочности: *Нацисты из «Азова» прибыли для самоутилизации на Донбасс* [VK, Военный Донецк, 18.12.22]. Выявляются тематические и смысловые доминанты региональной языковой картины мира в развитии. Наблюдается возникновение новых и реапроприация

традиционных вербализованных кодов культуры с обновленными смыслами, создающими порой парадоксальные когнитивные эффекты, которые строятся обычно на так называемой «концептуальной двуплановости»: *Продолжается денацификация* (С. Пегов, ВК, 27.10.22).

Результаты лингвокреативной деятельности ранжируются и описываются в соответствии со способами языкового освоения действительности творческой региональной языковой личностью. Наибольшую активность имеют креативные метафоры, использование которых «повышает уровень эмоционально-когнитивного воздействия», «увеличивает эмоциональную привлекательность сообщения и возбуждает воображение реципиента» [Калинин 2022: 469]. Эксплицируются ценностные приоритеты донецкого субэтноса. Проводится связь креативной деятельности человека в условиях войны с особенностями русского характера и ментальности сильной духом личности.

Литература

- Активные процессы в русском языке новейшего периода : учебное пособие / Т.Б.Радбиль, Л.В.Рацибурская, Е.В.Щеникова, Н.А.Самыличева и др.; под ред. Т.Б.Радбиля. М., 2022.
- Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческая эвристика детской речи // Лингвистика креатива-1: Коллективная монография /под общей ред. Т.А.Гридиной. Екатеринбург, 2013. С. 5–58.
- Донецкий региолект / под ред. В.И.Теркулова. Донецк, 2018.
- Калинин О.Н. Креативные метафоры и речевое воздействие в дискурсе // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. №2: 469–482.

О СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА ПРАГМАТИЧЕСКОГО МАРКЕРА ЭТО САМОЕ НА ФИНСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ФИНСКО-РУССКИХ КОРПУСОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

Осьмак Наталья Андреевна

сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Исследования последних лет показывают, что разнообразие функционально-семантического потенциала слова наиболее полно раскрывается при анализе его употреблений носителем языка, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости развития такого направления как речевая лексикография, целью которой является «описание современной повседневной разговорной речи (т. е. устной спонтанной речи максимальной степени естественности во всем разнообразии ее функциональных единиц) и представление результатов такого описания в произведениях словарного или справочного типа, словники которых составляют конкретные употребления единиц спонтанной речи (словари не слов, но словоупотреблений)» [Осьмак 2014: 5].

При этом особый интерес для описания представляют прагматические маркеры устной речи, отличающиеся высокой частотностью и неосознанностью употребления и возникающие из полноценных речевых единиц в процессе прагматикализации, т. е. потери исходного лексического и грамматического значения и приобретения значения прагматического, т. е. функционального [Прагматические маркеры русской повседневной речи 2021: 13]. В настоящее время выделяют следующие основные характеристики прагматических маркеров:

- 1) рефлексивное и бессознательное употребление говорящим;
- 2) почти полное отсутствие лексического/грамматического значения и нахождение вне системы частей речи;
- 3) употребление в устной речи или ее стилизации в художественном тексте;
- 4) отражение отношения говорящего к процессу порождения речи, вербализация затруднений и колебаний.

Нахождение вне лексикографической фиксации и лингводидактики [там же: 14–15]. Одним из прагматических маркеров, распространенных и знакомых говорящим, является конструкция это самое (далее — ЭС), традиционно реализующая в устной речи следующие функции:

- 1) стартовая функция, т. е. маркирование начала спонтанного монолога;
- 2) функция финального маркера, т. е. демонстрация говорящим намерения завершить высказывание;
- 3) функция маркера-навигатора в случае, когда говорящий не смог или не захотел продолжать начатую конструкцию;
- 4) хезитационно-поисковая функция для поиска разных лексических единиц для дальнейшего продолжения монолога [там же 2021: 437–441].

Несмотря на широкое распространение данного маркера в повседневной речи и активное использование его говорящими, он остается практически неучтенными в рамках преподавания как русского языка как иностранного, так и перевода с русского на другие языки, в том числе и финский. В связи с этим интересным кажется анализ вариантов перевода конструкции ЭС (в качестве пилотного исследования было решено остановиться на данной форме фиксации) на финский язык, предлагаемых в переводах русской литературы. В качестве материала исследования использовались контексты, полученные методом сплошной выборки из двух корпусов параллельных текстов:

- 1) ParRus 2016, корпус русско-финских параллельных художественных текстов (далее — ParRus);
- 2) Параллельный русско-финский подкорпус Национального корпуса русского языка (далее — ПРФП).

Стоит отметить, что было зафиксировано незначительное количество употреблений данной конструкции, всего 85 вхождений в ParRus, 38 вхождений в ПРФП. При этом случаев употребления ЭС в качестве прагматического маркера существенно меньше — 8 и 4 соответственно. Анализ выделенных контекстов позволил выявить следующие варианты переводов ЭС:

- 1) Перевод при помощи прагматического маркера *tuota*: А где ж у вас — материальный базис? Экономика-то должна быть, это самое... — раньше? — Раньше? *Missä meillä on aineellinen perusta? Talousperustanhan täytyy, tuota...tulla ensin? — Ensін?* [Параллельный русско-финский подкорпус НКРЯ].
- 2) Перевод при помощи прагматического маркера *sitä*: Не должно же пропадать...это самое... И вот мы теперь его ждем. Даже с нетерпением... — *Ei olisi pitänyt kadottaa...sitä... Ja nyt me odotamme häntä.Jopa kärsimättömästi* [ParRus2016].
- 3) Перевод при помощи прагматического маркера *siis*: Ну, товарищи, у каждого накапливается опыт. И у меня, значит, это самое... — *Mutta jokaisellehan kertyy kokemusta, toverit. Niinpä minullekin siis...*[ParRus2016].
- 4) Перевод при помощи других лексических единиц: Только, это самое, братцы, догоняю его, подхожу близко, глядь! а уж это не вол, а Жменя. Свят, свят, свят *Mutta tiedättekös, veikkoset, kun saavutin sen ja menin lähemmäksi, niin näin, ettei se ollutkaan härkä vaan Žmenja. Pyhä, pyhä, pyhä!* [ParRus2016].
- 5) Опущение ЭС при переводе: — Ну, мы...это самое...дедушка хотел попробовать... — нерешительно начала мать- *No...me...isoisä halusi kokeilla...yritti äiti* [ParRus2016].

Можно сказать, что в большинстве случаев переводчикам удается передать речевой портрет говорящего и его коммуникативное поведение в конкретный момент. Этому способствует наличие прагматических маркеров в финском языке, таких как *tuota*, *sitä*, *siis*, которые выполняют те же функции, что и ЭС в русском языке. Однако отсутствие единообразия при переводе, а также тот факт, что в некоторых случаях ЭС опускается свидетельствует о необходимости более подробного изучения эквивалентов данной конструкции и прагматических маркеров вообще в финском языке, а также составления словарей подобных эквивалентов.

Литература

- Осьмак Н. А. Лексические единицы повседневной разговорной речи: пути лексикографического описания их функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 24 с.
- Параллельный русско-финский подкорпус НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-param.html?lang=fin>
- Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / под ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021.
- ParRus2016. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:lb-2016121604>

«ЭХО»-РЕАКЦИЯ В ДИАЛОГЕ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УСТНОГО ДИСКУРСА В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

“ECHO”-REACTION IN DIALOGUE: A CORPUS STUDY OF ORAL DISCOURSE (THE GENDER ASPECT)

Попова Татьяна Ивановна

доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Гендерные исследования устного дискурса находятся на новом этапе развития благодаря возможности использовать корпусные данные, специальная разметка которых, помогает дифференцировать материал в различных аспектах и учитывать несколько показателей сразу. Так, методика обработки данных в корпусе русского языка повседневного общения «Один речевой день» позволяет не только работать с параметрами пол и возраст говорящего, но и учитывать коммуникативную ситуацию и реализацию определенных социальных ролей говорящих. В результате анализа фрагментов речевых дней 15 мужчин и 15 женщин трех возрастных групп, выступающих в разных социальных ролях в процессе коммуникации, удалось выяснить, что частым явлением, характерным для общения женщин оказались случаи, когда говорящий использует в завершении своей реплики то высказывание, которое «предлагает» собеседник. Это отличительная черта общения типа «женщина-женщина», особенно в младшей возрастной группе.

- (1) Ж1: это оста()нется на субботу //
Иб1: это в субботу //
- (2) Иб1: это воскресенье получается /
Ж1: в обед //
Иб1: я двадцать третьего уеду / а не двадцать первого / то есть получается на два дня больше /
Ж1: два дня //

В примерах (1)—(2) собеседницы, фактически прерывая информантку, предлагают свое продолжение мысли. В примерах далее подчеркнуты слова, которые после перебива «забирают» в свое высказывание основные говорящие:

- (3) И71: это отдадим //
Ж2: и оставшееся разделить на две части ? // а потом оставшиеся ...
И71: оставшееся разделить ... ну ты умеешь // ты правила //
Ж2: ну естественно / напиши ей / я это умею // а / это мне / да?
И71: я ей написала / это тебе // и подожди / и за июль //
- (4) Ж1: ну я видела другие протеи / которые () вот такие (...) в розоватых тонах / они большие / и более чешуйчатые //
И121: большие / да // угу / угу //

Достраивание фразы может происходить в момент хезитации, которая часто становится маркером точки перехода очереди:

- (5) И122: вот / (э-э) в данном случае / ну слушайте / сто пятьдесят рублей бутоньерка / пусть самая простенькая в подарок / я думаю не сильно (...) сломит бю... бюджет магазина / да / Ж4: разорит бюджет //

В средней возрастной группе, в ситуациях неформального общения с подругами, женщины используют также модель, которую можно назвать «эхо»-реакцией на перебив. Диалог не прерывается, говорящий никак не выражает недовольства произошедшим, а, наоборот, принимает тактику собеседника, используя его слова, как вектор дальнейшего развития мысли:

- (6) И77: (м) нет / я исключительно (...) всех (...) должна покормить / тогда нет такого / да //
Ж2: либо никого / да ?
И77: либо никого(:) / либо только себя //
- (7) И147: я очень люблю да / растения и значит вот (э-э) мне нравятся (...) колупаться с ними // но на сегодняшний день моему начальству (...) непосредственному директору моему / замдиректору / им не до этого // они ...
Ж3: вот эти все твои клумбочки / которые да *С //
И147: никакие клумбочки // нет они / понимают / что в принципе в перспективе это хорошо / но это не (...) это всё мелко //

Интересно, что этот механизм срабатывает и в общении женщины с мужчиной. Собеседник предлагает вариант продолжения фразы, говорящий принимает и повторяет его в своем высказывании, ср.:

- (8) Ж4: ой / если бы я была Мариной% и Полиной% я бы наверно вообще бы
Ж3: что ? что бы ты сделала ?
Ж4: кинулась бы //
М3: уже давно бы осознала //
Ж4: давно бы уже (..) осознала /// а не с задержкой //
- (9) М3: не потому что мне хотелось (...) хурмы / а потому что она была по акции //
Ж4: не потому что мне хотелось вас порадовать / а потому что она была по акции//

Но при этом обращает на себя внимание сниженная эмотивная реакция в общении информанток из средней возрастной группы. Несмотря на то что много расшифровок «речевых дней» информанток старшей возрастной группы представляют собой разговоры по телефону, где собеседников почти не слышно, удалось найти примеры «эхо»-реакций и для этого типа коммуникации:

- (10) И131: и я это значит (э-э) (м-м) (э-э) подкопила и эти пятьдесят тысяч значит / всё равно собрала / и когда она ко мне приезжала / я пыталась ей () их всунуть //
Ж2: пыталась всучить / да
- (11) Ж2: нет / ну это как-то знаешь с... (э-э) как-то с Кутузовским и с Москвой рекой в моей голове ...
И131: не вяжется / да да //
Ж2: не очень () связалось / вот / и я тут ещё шла мимо Макдональдса /

Таким образом, в результате анализа корпусного материала с помощью метода конверсационного анализа удалось выяснить, что параметр социальных ролей говорящего можно считать показательным для определения особенностей построения устного дискурса. Возможно, эту особенность можно считать проявлением кооперативности, установлением контакта, демонстрацией слабости и неуверенности, поиском поддержки, уступчивости. Именно так описывается «женское» речевое поведение в ранних гендерных исследованиях. Дальнейшее расширение материала и учет большего количества метаданных о коммуникативной ситуации поможет получить более детальное понимание модели «эхо»-реакции.

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ СВОЙСТВА ИНТОНАЦИИ НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ РЕЧИ

PERCEPTUAL PROPERTIES OF INTONATION IN RUSSIAN SPEECH

Раднаева Любовь Дашинимаевна

доцент, Бурятский государственный университет

Прокопьева Дулма Доржиевна

аспирант, Бурятский государственный университет

Актуальность темы: Интонация как фонетическое явление многофункциональна по своей природе. Актуальными вопросами исследования интонации являются:

- 1) членение речевого потока на фонетически оформленные единицы — синтагмы и организация элементов синтагмы в одно фонетическое целое;
- 2) оформление типа высказывания и осуществление парадигматического противопоставления этих типов в языке;
- 3) определение характера связи между синтагмами в многосинтагменных высказываниях;
- 4) передача эмоциональных значений (уверенность, сожаление, сомнение).

Известно, что любое высказывание несет информацию обо всех четырех перечисленных свойствах, которые определяются одним и тем же набором интонационных средств. Однако характер реализации перечисленных свойств интонации существенно отличается в речи. Настоящее исследование функциональных и перцептивных свойств интонации проводится на примере русской речи отдельного города. Цель работы: Исследовать перцептивные свойства интонации на примере русского языка с применением современных речевых технологий (Пра-ат, Элан), разработать (смоделировать) базу данных и разработать практические рекомендации по освоению интонационных моделей русского языка. Краткое содержание: В настоящее время наблюдается интерес к исследованию наиболее сложного аспекта фонетики — интонации. Функциональные и перцептивные свойства интонации рассматриваются на материале русского языка. В литературе накоплен богатый опыт исследования интонации на примере русского языка: Р. И. Аванесов, Е. А. Брызгунова, О. Йокояма, С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова, И. М. Логинова, Т. М. Николаева, С. Оде, А. В. Павлова, Е. В. Падучева, Н. Д. Светозарова, Л. В. Щерба. При классификации интонационных типов используются два подхода:

- 1) анализ собственно фонетических характеристик и классификация их реализаций на примере того или иного языка. Примером подобной классификации является система, разработанная на примере английского языка. Основой для классификации являются мелодические характеристики. Каждому типу изменения мелодики соответствует то или иное языковое значение;
- 2) анализ и классификация основных значений, передаваемых интонационными средствами, описание характеристик тех фонетических средств, которые участвуют в организации каждого из этих значений. Например, интонационные типы завершеного повествования, вопроса, незавершенности, эмоциональной выделенности основываются на таком подходе.

Оба названных подхода имеют широкое распространение в научной литературе. Примером двух подходов исследования интонации является русский язык. При «семантическом подходе» исследователи упоминают следующие интонационные типы.

1. Повествовательная, или завершающаяся интонация характеризуется понижением частоты основного тона на ударном слоге слова, стоящего под синтагматическом (фразовом) ударении, при этом мелодический уровень начала синтагмы близок к средней индивидуальной частоте основного тона; к концу синтагмы с понижением основного тона уменьшается интенсивность и увеличивается длительность ударного слога. На заударных гласных — понижение тона.

2. Вопросительная интонация характеризуется повышением частоты основного тона ударного гласного слова, несущего интонационное ударение, при его высокой интенсивности и небольшой длительности, на заударных гласных основной тон понижается.

3. Интонация незавершенности, близкая к интонации вопроса, характеризуется меньшим подъемом основного тона на главном ударном гласном и более высоким уровнем заударных слогов; интенсивность ударного и заударного слогов выше, а длительность несколько меньше, чем при вопросительной интонации.

4. Интонация выделенности (восклицательная) реализуется, по сравнению с повествовательной, усилением одного из параметров — повышением частоты основного тона, увеличением интенсивности или длительности на главноударном слоге. Указанные основные типы, связанные со значением завершенности-незавершенности, повествования-вопроса, выделенности-нейтральности, составляют минимальную парадигму, на основе которой строится всё многообразие просодической организации. В пределах этой парадигмы отдельные фонетические корреляты могут варьировать, что и создает семантико-интонационное богатство речи. Другим примером подхода — от фонетической формы к языковому значению — является классификация интонационных конструкций (ИК), созданная Е. А. Брызгуновой. При таком подходе сначала приводятся характеристики ИК, а потом — значения, с которыми связываются ИК. Два разных подхода к интонационным классификациям — от значения к форме и от формы к значению имеют как достоинства, так и недостатки. В работе рассматриваются способы связи внутри одного или нескольких высказываний. Передача характера связи между синтагмами — одна из важнейших функций интонации. Новым в исследовании является существенное расширение длительности высказываний, анализ многосинтагменных высказываний на примере цельных связных спонтанных текстов и исследование роли мелодики, темпа и пауз при помощи современных речевых технологий с применением статистического аппарата и элементов математического моделирования. Перцептивные свойства интонации рассматриваются на примере русского языка. На примере русской речи жителей Улан-Удэ рассматриваются перцептивные особенности четырех коммуникативных типов предложений (повествование, вопрос, просьба, восклицание) и их мелодическое оформление. Запись спонтанной речи жителей города производилась на диктофон. Полученные записи оцифровывались и вводились в память компьютера. Подготовленные фрагменты предъявлялись информантам на опознание по нескольким установленным шкалам по восприятию. Основные типы, связанные со значением завершенности-незавершенности, повествования-вопроса, выделенности-нейтральности, составили минимальную парадигму, на основе которой строится всё многообразие просодической организации. В пределах этой парадигмы отдельные фонетические корреляты варьируют, что и отражает семантико-интонационное богатство речи.

НА КОГО ПОХОЖ? — ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПЕРСОНАЖЕ В СПОНТАННЫХ МОНОЛОГАХ-ОПИСАНИЯХ НА РОДНОМ И НЕРОДНОМ ЯЗЫКАХ

WHO DOES HE LOOKS LIKE? — REPRESENTATION OF THE CHARACTER IN SPONTANEOUS MONOLOGIC DESCRIPTIONS IN THE NATIVE AND NON-NATIVE LANGUAGE

Се Жоу

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен сопоставительному анализу устных монологов на русском языке, построенных в рамках одного и того же коммуникативного сценария и записанных от русских и китайских информантов. В ходе анализа учитывались индивидуальные характеристики говорящих: гендер, психотип и уровень владения русским языком (B2 или C1 — для китайцев). Монологи представляют собой описания одного фрагмента сюжетного изображения — комикса Х. Бидструпа «Эликсир для волос», из корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» [Звуковой корпус... 2013]. Монолог-описание обладает рядом особенностей. Во-первых, здесь отсутствует готовый текст-опора с заданной логикой описания, как, например, при чтении или пересказе. Во-вторых, в отличие от жанров пересказа и свободного рассказа, в описании существует иерархия объектов. Видимое информантом описывается не только как изображенное пространство (изображение), но и как результат творчества (картина художника) и даже как предмет или вещь (репродукция, которую информант держит в руках). Кроме языковой картины мира художника в данном случае задействуется и языковая картина мира говорящего. Такой монолог, с одной стороны, в значительной степени лингвистически мотивирован изображением (предтекстом-стимулом) и, соответственно, ограничен тематически, что влечет за собой употребление особого рода конструкций и соответствующей лексики. С другой стороны, будучи неподготовленным, монолог-описание обладает достаточно высокой степенью спонтанности и типичным для спонтанной речи набором соответствующих черт [там же: 354]. Выбранный для анализа фрагмент дает говорящему возможность ответить на гипотетический вопрос на кого он (герой комикса) похож? Отвечая на этот вопрос, носители русского и китайского языков показали свою языковую креативность, под которой можно понимать способность говорящего к преодолению шаблонного мышления, умение обойти когнитивные и поведенческие стереотипы, способность решать задачи нестандартным способом [Богданова-Бегларян 2021: 27]. Материалом для анализа стали 34 спонтанных монолог-описания, записанных от 14 русских и 20 китайских информантов, а также ответы на вопрос на кого похож герой, полученные в ходе лингвистического опроса от 20 русских и 20 китайских респондентов. Описание материала проведено на лексическом и синтаксическом уровнях, а также снабжено количественными данными и корреляциями с характеристиками говорящих. Анализ показал, что 57,1 % русских информантов (62,5 % из них — девушки) в своих монологах ответили на этот вопрос (остальные просто оставили данный фрагмент без описания), при этом употребили конструкцию похож на кого-что, другие использовали, соответственно, конструкции превратиться/превращаться в кого-что (37,5 %) и становиться кем-чем (12,5 %). Из китайских информантов только 5 человек (25 %) ответили на этот вопрос (80 % из них — девушки), используя конструкции похож на кого (40 %), выглядеть как (40 %) и превратиться в кого-что (20 %). Видно, что с позиций русской грамматики описания на родном и неродном языке вполне разнообразны и соответствуют друг другу. Психотип информантов при этом никакого существенного влияния на речь не оказал. В части описания того, в кого именно превратился на картинке герой комикса, лексический анализ материала показал большое разнообразие избираемых говорящими средств. Так, 32 % русских респондентов описали это существо как домового, 24 % при этом уточнили его имя — Домовёнок Кузя. Еще 16 % русских респондентов сказали о Лешем. Остальные решили, что герой комикса похож на ежа/ёжика (12 %), чучело (8 %), Кикимору (%) и Чубакку (4 %) (8 вариантов ответа). 38,1 % китайских респондентов (все они владеют русским языком на уровне B2) решили, что герой комикса похож на ежа, 19 % опи-

сали героя как чёрта, 14,2 % решили, что он похож на психа, ответы остальных — морской ёж (9,5 %), пугало (9,5 %), дурак (4,8 %), шаманка (4,8 %) (7 вариантов ответа). Анализ частот этих вариантов описания героя и их соотношение с лексическими минимумами для обоих уровней владения русским языком [Лексический минимум... 2011, 2015] показал, что ответы всех испытуемых (и информантов, и респондентов) вполне креативны, хотя у русских преобладали мифологические духи, а китайцы вынужденно использовали по преимуществу знакомые слова, поэтому их ответы менее интересны. В целом проведенный анализ выявил, во-первых, что данный сценарий (рассказ по картинке), как одно из типичных упражнений в практике преподавания РКИ, оказался хорошо знаком китайцам, но из-за ограниченного словарного запаса они не смогли выразить свои идеи более точно и творчески. Во-вторых, если русские были абсолютно свободны в выборе лексических средств, то китайцы очень зависели от частотности избираемых слов в русском языке и от их наличия в лексических минимумах для иностранцев. Результаты исследования могут быть полезны в разных сферах лингвистики и, соответственно, учебных курсах: коллоквиалистика как теория разговорной речи, когнитивистика, социо- и психолингвистика, лингводидактика. Наблюдения, полученные в ходе исследования, могут быть полезны также в практике преподавания русского языка как иностранного, в частности, в китайской аудитории.

Литература

- Богданова-Бегларян Н. В.* «Роль личности в истории», или об индивидуальной языковой креативности говорящих на родном и неродном языках // *Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи: сб. научных статей / отв. ред. Л. В. Рацибурская.* Н. Новгород, 2021. С. 27–34.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2013.
- Лексический минимум по русскому языку как иностранному. 2 сертиф. уровень. Общее владение / ред. Н. П. Андрюшина. СПб., 2011.
- Лексический минимум по русскому языку как иностранному. 1 сертиф. уровень. Общее владение / ред. Н. П. Андрюшина. СПб., 2015.

ИЗБЫТОЧНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В РУССКОЙ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА «ОДИН РЕЧЕВОЙ ДЕНЬ»)

Соколов Евгений Геннадьевич

сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН

Королькова Мария Денисовна

научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН

Доклад посвящён особенностям дистрибуции притяжательных местоимений *мой, наш, свой* и *его* в русской устной разговорной речи. На материале корпуса «Один речевой день» рассмотрены условия избыточного употребления указанных местоимений, то есть их появления при именных группах (ИГ), референциальный статус которых сам по себе не требует явного указания посессора, к примеру:

- 1) при вершине ИГ — имени собственном: *смену принимает / говорит / руки трясутся / вся какая-то вот такая дёрганная / типа нашей Наташи_Коневой я так понимаю* // (ОРД: И77, Ж, 39);
- 2) при именной вершине, обозначающей степень родства или социальной близости: *ну я помню / я своим детям говорю представляете / телевизоров не было / я говорю / помню / тётя Аня любила танцевать* // (ОРД: И137, Ж, 75); *ну он своего приятеля попросил под-делать фотографию / не знаю / раньше там фотошоп был не было* // (ОРД: И91, Ж, 45);
- 3) при ИГ фразеологизованной структуры, которую притяжательный элемент модифицирует: *М, 78: это это это это // не только Вы Алёна% / не только вы // очень много / народу сломали на этом их языки // хотя // хотя совершенно // спасибо // хотя совершенно / на мой взгляд / просто* // (ОРД: И34, М, 78); *может она продала свою душу дьяволу?* (ОРД: И102, М, 27),
- 4) при номинализациях [Chomsky 1972, Лютикова 2018], где притяжательное местоимение встречается как элемент, соответствующий подлежащему финитной клаузы: *всё / тогда жду ваш звоночек* // (ОРД: И84 (Ж1)).

Рассматриваются различные прагматические причины использования в подобных случаях притяжательных местоимений. К примеру, они могут выступать, показателями эмоционального отношения говорящего к референту именной группы в пейоративных, уменьшительно-ласкательных и прочих эмоционально маркированных контекстах: *он уже приехал со своего Дальнего_Востока% / и именно он сегодня ко мне придёт через полтора часа* // (ОРД: И106, М, 25), *вспоминай / дорогая моя / вот в до мажоре какой параллельный минор?* (ОРД: И114, Ж, 70), ср. индоевропейские параллели в латинских выражениях *iste tuus* 'этот твой', *mi unice* 'единственный мой'. Для разрешения вопроса о механизме постановки притяжательных местоимений в русской разговорной речи привлекаются, помимо современных корпусных, исторические данные русского языка XVIII–XIX вв., а также производится сравнение с материалом родственных индоевропейских языков, как обладающих морфологической категорией артикля, так и лишённых её. Производится анализ применимости результатов работ [Лютикова 2018, Волк 2009], посвящённых позиции посессора в русской именной группе, к материалу устной речи. Отдельно рассматривается вопрос о возникновении в разговорной речи явления сдвоенного референциального статуса именных групп [Референциальный статус] с притяжательным местоимением и частоте их появления.

Работа выполнена при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 75254082 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Литература

- Волк В. С.* Синтаксис притяжательных местоимений и вторичная адъективация. Тезисы на круглый стол «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». 2009.
- Лютикова Е. А.* Структура именной группы в безартиклевым языке. М., 2018.
- Холодилова М. А.* Релятивизация позиции посессора в русском языке. Курсовая работа. СПб., 2010.
- Chomsky Noam.* Remarks on Nominalizations // Studies on Semantics in Generative Grammar. The Hague, Paris, 1975. P. 11–61.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЕРБАЛЬНОГО ХЕЗИТАТИВА КАК ЕГО (ЕЁ, ИХ) В РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Сунь Сяоли

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Прагматические маркеры (ПМ) — это условно-речевые единицы, которые в ходе прагматизации практически утрачивают свое исходное лексическое и/или грамматическое значение и уже не вносят никакого вклада в пропозициональное содержание высказывания, выполняя в нем лишь те или иные функции [Богданова-Бегларян 2021: 13]. Объектом настоящей работы стал вербальный хезитатив (ВХ) как его (её, их), который «служит для заполнения пауз хезитации, чаще всего при поиске нужной единицы или продолжения речи, в ходе преодоления возникшего коммуникативного затруднения или в иных ситуациях» [там же: 28; Прагматические маркеры... 2021: 222–233]. В центре внимания исследования — прямая речь персонажей художественных произведений, имитирующая живую разговорную речь. В работе рассматриваются особенности перевода на китайский язык одной из таких специфических единиц: ВХ как его (её, их). Материалом для анализа стали 39 контекстов из 8 русских художественных произведений, содержащие 41 употребление исследуемых маркеров в трех вариантах: как его (30 употреблений; 73,2 % от общего объема пользовательского подкорпуса), как её (6; 14,6 %) и как их (5; 12,2 %). Рассмотрим конкретные примеры подробнее.

1. — Ну а как отец, мать? Давно писали? А черкесец тот, как его? Ну а деньжищ-то много в тайге нажил? Ого, отлично!.. Ба-а-льшой из тебя будет толк. Мать, угощай! [В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 1–4 (1928–1933)]; “好啦，你父亲、你母亲怎么样？好久没写信啦？哎，那个

2. Да ни в жизнь! Ей-богу, правда... Главная суть — вредят эти самые штрики, как их... [В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5–8 (1913–1932)]; “根本不可能！说实在的，真的.....根本问题是起坏作用的正是这些工...怎么说来着...” — Да! Вы, господа, помните этого мальчишку... как его (а), как его (б)?... гвардейца, юнкера... [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2 (1934–1939)]; “想起来了，先生们，你们还记得那个小子...他叫什么来着，什么来着？就是那个近卫军，士官生” В примерах (1)–(3) исследуемый ВХ реализует функцию поиска нужного слова. Видно, что результат поиска во всех случаях оказался неудачным, хотя в контексте (3) писатель вербализовал попытку говорящего припомнить это слово (гвардейца, юнкера...). Что касается перевода на китайский язык, то ВХ как его в примере (1) был переведен как сочетание значимых единиц (фактически предложение) 怎么没带他来 цзэнь мэ мэ дай та лай ‘почему ты не привел его сюда’. В примере (для перевода маркера как их) был использован похожий хезитатив: как его 怎么说来着 цзэнь мэ шо лай чжэ ‘как сказать’. В примере (3) конструкция как его (а) была переведена как полное предложение с поисковой функцией 他叫什么来着 та цзяо шэнь мэ лай чжэ ‘ка его зовут’; конструкция (б) была переведена аналогичным китайским хезитативом 什么来着 шэнь мэ лай чжэ ‘как его’. Иным оказался результат хезитативного поиска в контекстах (4)–(6), ср.:

3. Сам пьяный, это верно... Может, и врал все с пьяных глаз... А во избежание смуты, ваше скородие... надо бы... как его... проверку тому месту произвести [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 3 (1934–1939)]; “这倒不假，我教子已醉得东倒西歪，...说不定喝醉了酒讲醉话...可是为了免得再发生暴乱，大人应该...嗯，嗯...去搜查那个地方”

4. Вчера вечером? Но вы сейчас сказали, что уж месяц, как их...достали! [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]; “昨天晚上么？但是您刚才说您是一个月以前拿到的”

5. Именно это внушает мне глубокую веру в это самое, как его, в окончательное торжество дела, которому мы с вами посвятили наши жизни [Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)]. “正是这一点，喂，使我对那个，对你我为之贡献生命的事业及其最后胜利，充满了信心” Поиск в данных примерах оказался вполне удачным. Объектом этого поиска были разные элементы: предикативная единица (4), глагол-сказуемое (5) и именное словосочетание (6). В контексте (4) конструкция как его была переведена как неречевой звук (невербальный хезитатив, вокализация) 嗯，嗯 эн, эн ‘э-э’. В контексте (5) ПМ как их был проигнорирован переводчиком и

в переводе опущен. В контексте (6) автор (Л. М. Леонов) употребил цепочку ВХ, которая состоит из двух маркеров: в это самое и как его. Здесь ПМ как его также не был переведен, а ВХ это самое был переведен как китайский аналогичный маркер 那个 на гэ 'то' (ср.: [Sun Xiaoli 2021]). Проведенный анализ выявил в рассмотренных переводах шесть разных приемов (приведены ниже в порядке убывания распространенности):

- 1) замена ПМ однозначным выражением с поисково-хезитативной функцией (22 случая; 53,7 %): 他叫什么来着 та цзя шэнь мэ лай чжэ 'как его зовут'; 他是 та ши 'он...'; 叫什么学科啦 цзяо шэнь мэ сюе кэ ла 'как предмет называется';
- 2) прием опущения (7; 17,1 %);
- 3) как его (её, их) → однозначное выражение с разными функциями (5; 12,2 %): 怎么没带他来 цзэнь мэ мэй дай та лай 'почему ты не привел его сюда'; 叫他出来 цзяо та чу лай 'зови его' и др.;
- 4) как его (её, их) → похожий хезитатив (4 случая; 9,8 %): 怎么说呢 цзэнь мэ шо нэ; 怎么说来着 цзэнь мэ шо лай чжэ; 怎么说呢 цзэнь мэ шо нэ; 可怎么说呢 кэ цзэнь мэ шо нэ 'как сказать';
- 5) как его (её, их) → неречевой звук 嗯, 嗯 эн, эн 'э-э' (2; 4,9 %);
- 6) употребление аналогичного китайского вербального хезитатива (1 случай; 2,4 %): как его (её, их) → 什么来着 шэнь мэ лай чжэ 'как его'. Проведенное исследование подтвердило выявленные ранее [Sun Xiaoli 2021] существенные трудности в адекватной передаче в переводе особенностей русской разговорной речи и ставит новые задачи перед переводоведением (учет специфики современной устной речи) и коллоквиалистикой (поиск и описание аналогов ПМ в других языках).

Литература

- Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021. С. 5–52.
- Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021.
- Sun Xiaoli. The Ways of Translating Pragmatic Marker ETO SAMOE (Based on the Material of Parallel Russian and Chinese Literary Texts) // Communication Studies. 2021. Vol. 8, no. 2: 323–332.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МАРКЕР-АППРОКСИМАТОР ИЛИ ТАМ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

PRAGMATIC MARKER-APPROXIMATOR I LI TAM: A CORPUS-BASED STUDY

Сян Янань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В русской повседневной речи существует большое количество особых единиц. Эти единицы, восходящие к обычным лексемам, как полнозначным, так и служебным, в ряде своих употреблений в повседневной речи утрачивают (полностью или частично) лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое, переходят из разряда речевых в разряд условно-речевых (коммуникативно-прагматических) функциональных единиц русской речи. С учетом такой их прагматикализации для них вводится термин прагматический маркер (ПМ) [Богданова-Бегларян 2021]. Одним из классов таких единиц являются прагматические маркеры-аппроксиматоры (ПМА). В лингвистике под аппроксиматорами понимаются маркеры нечеткой, или приблизительной, номинации, которые употребляются говорящим, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным [Подлесская 2013]. ПМА показывают неуверенность говорящего в том, о чем он говорит. Близкое понятие — хедж (от англ. hedge — ‘уклонение от прямого ответа, страховка’) [Lakoff 1973]. Вопрос об аппроксиматорах давно и широко обсуждается в российской лингвистике. Однако многие подобные исследования сосредоточены в основном на материале иностранных языков. Анализ литературы показал, что пока практически нет исследований такого рода на материале русской повседневной речи и на прагматическом уровне. Таким образом, актуальность данного исследования состоит в том, что комплексный анализ ПМА в русской повседневной речи пока не предпринимался, но он необходим, потому что подобные единицы очень частотны. Типичными единицами являются или там, вроде, как бы, типа [Богданова-Бегларян 2021: 25]. Целью настоящей работы является описание ПМА ИЛИ ТАМ в повседневном общении на русском языке. Такое описание может способствовать лучшему пониманию тенденций развития устной речи как основной формы существования языка для дальнейшего анализа в области коммуникативной лингвистики. Результаты исследования могут быть полезны также в практике преподавания русского языка как иностранного и практике перевода русских художественных текстов на другие языки (в частности, на китайский). Основным источником материала для исследования стал устный подкорпус (УП) Национального корпуса русского языка. В работе проанализирована динамика употреблений ИЛИ ТАМ в УП и создан пользовательский подкорпус материала, который был подвергнут многоаспектному анализу: анализировались тип речи, тип коммуникации, тема разговора, лингвистический анализ «соседей» ИЛИ ТАМ по контексту, позиция во фразе, монолог или диалог, наличие пауз в расшифровках и характер говорящего (пол, возраст, профессия). Предварительные результаты исследования оказались таковы.

1. ИЛИ ТАМ как цельная единица появилась в русской речи около 1924 г., и к 2020 г. наблюдается падение ее употребительности.

2. Частота употребления не позволяет рассматривать это как обычную комбинацию «словарных» ИЛИ и ТАМ.

3. Оказалось верным предположение о том, что ИЛИ ТАМ в большей степени употребляется в публичной речи (67,4 %), которая не ограничивается близким контактом с собеседником.

4. На долю употреблений ИЛИ ТАМ в лекциях приходится 26,1 % пользовательского подкорпуса, ср.: [Дубинин Вячеслав Альбертович, муж, ученый, биолог] Это значит/ что Homo sapiens женского пола/ они в течение многих миллионов лет/ да/ или там по крайней мере тысяч лет предпочитали самцов более крупных/ ну/ возможно/ даже более агрессивных.

5. Тема разговора, в котором встречается ИЛИ ТАМ, любая: частная жизнь, политика и общественная жизнь, наука, искусство, культура и т. д.

6. Наиболее частые «соседи» ИЛИ ТАМ: там, различные хеджи и др. ПМ (вот, да, как бы, вроде), ср.: [Таисия М., жен] С... кашу мне/ суп или там чё-то ещ... ну/ всякое на обед готовит.

7. Для ИЛИ ТАМ наиболее предпочтительным является расположение в середине фразы (76,1 %), ср.: И всегда все говорили/ а-а.../ Или там шо-нибудь это/ там шо-нибудь мама/ де-то/ босые бегаем/ это/ «ты что/ «за Антончука» хочешь?».

8. В монологе ИЛИ ТАМ встречается чаще, чем в диалоге (69,6 %).

9. Достаточно часто (39,1 %) перед ИЛИ ТАМ — пауза.

10. ИЛИ ТАМ чаще (57 %) встречается в речи мужчин, в возрасте более чем 56 лет, т. е. корреляция с гендером говорящего существует.

11. Итоговая характеристика ИЛИ ТАМ, по результатам проведенного анализа, может быть такой: маркер-аппроксиматор (65,2 %), единица с промежуточным статусом (6,5 %) и хезитатив (30,4 %). На основе полученных данных можно построить шкалу переходности: от комбинации союза ИЛИ и местоимения ТАМ (Ну/ то есть/ мы или там/ или здесь) — до ПМА.

Литература

Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография. СПб., 2021. С. 5–52.

Подлеская В.И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая–2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М., 2013. С. 631–643.

Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. No. 2: 458–508.

ФОРМА-ИДИОМА В ПРИНЦИПЕ В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ И РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

THE FORM IDIOM V PRINTSIPE IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH: GENDER ASPECT AND ROLE IN THE FORMATION OF SPEECH ACTS

У Нань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Формы-идиомы (ФИД), по определению П. А. Леканта, «это минимальные единицы фразеологии, в них нельзя выделить элементы значения, внесенные предлогом и существительным» [Лекант 1965: 41–43]. В корпусе русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) (<https://ord.spbu.ru>) обнаруживается большое количество такого рода устойчивых предложно-падежных единиц, в том числе употреблений весьма частотной ФИД в принципе. Эта единица интересна во многих аспектах: семантическом (перенос значения исходной формы), грамматическом (синтаксическая функция в предложении), прагматическом (роль в формировании речевого акта, РА). В «Большом толково-фразеологическом словаре русского языка Михельсона» в принципе определяется так: «вводное выражение и член предложения,

- 1) в основании;
- 2) в сущности говоря, по сути говоря» [Михельсон 2008].

Эти значения широко представлены в русской повседневной речи, ср.:

- 1) нам спешно или мы подождём? в принципе не спешно;
- 2) *В ну в принципе / если я говорю / я билет даже если семьсот рублей теряю / это получается те же три с половиной / то есть это то на то;
- 3) он уж тут совсем маленький / но ...*П не / ну в принципе сидит он нормально там / да;
- 4) я в принципе тут уже тоже была / я-то знаю.

Видно, что форма-идиома в принципе в устном дискурсе выполняет синтаксическую функцию вводного слова, в значении 'на самом деле, вообще-то', что совпадает с определением в словаре. Эта ФИД чаще расположена в начале — (1), (2), (4) — или в середине (3) предложения-реплики, чтобы усилить степень уверенности говорящего — (1) и (4) — и экспрессивности — (2), (3) — высказывания. В корпусе ОРД выявлено 159 контекстов с исследуемой ФИД, в том числе 76 употреблений в речи мужчин и 82 — в речи женщин. Разница столь не очевидна, что говорить о наличии корреляции с гендером вряд ли возможно. Что касается участия ФИД в принципе в формировании речевых актов (РА), то в настоящей работе принимается классификация РА, которая была построена Т. Ю. Шерстиновой именно на материале корпуса ОРД [Шерстинова 2015]. Согласно этой классификации, ФИД в принципе в устном дискурсе способно формировать РА вердиктива-суппозитива, т. е. выражать мнение-предположение говорящего, ср.:

- 5) поищите квитанцию за июнь // *П так а где ж я её найду? *П она ж здесь должна быть // *П не знаю где // *П где-то в принципе была;
- 6) едешь / спишь там *Н // они такие безумные поездки *Н // *С если одним днём то / а так в принципе-то // там где-то и заночевать можно бывает;
- 7) ну и замечательно / меня это радует / ну кто-то должен нас защитить в конце концов? то есть / в принципе *В приравнивают педагога / к представителю властной силы(?) Стоит отметить, что часто в таких контекстах личное мнение говорящего выражается не только с помощью ФИД в принципе, но и другими средствами, например, я думаю, я считаю, я имею в виду, ср.:
- 8) поговори // просто я имею в виду / это быстрее надо делать // потому что время-то уходит / ты сам говоришь / что там кто-то срочно продаёт эту машину // ну // сейчас рынок мёртвый поэтому (...) торопиться в принципе особо некуда;

- 9) (м-м) думаю / мало чем отличается / на самом деле / от обычного чемпионата // *П (н-н) думаю / что весьма будет отличаться // *П ну / если ты покуришь () (э-э) на чемпионате России / будет в принципе то же самое.

Наличие в одном небольшом контексте разных способов выражения мнения говорящего может свидетельствовать о важности для него данного коммуникативного намерения (иллюкцции), а также подтверждает тот факт, что избыточность — это необходимое свойство естественного языка как средства общения. Однако в ряде контекстов форма в принципе используется в устном дискурсе в роли не вводного слова, а, скорее, «слова-паразита», или прагматического маркера, ср.:

- 10) а вот (э-э) на... н... вот наше вот это вот (э-э) вот это вот / вот(:) тут / тут сложнее гораздо / @ да // @ потому что / значит / я вот вот э-э вот эти / ну в принципе / значит / ну / п... по моим / понятиям значит / я же не отличу так скажем / таджика от узбека что называется.

Такие употребления уже сложно отнести к формам-идиомам, это, скорее, чисто прагматические хезитативные единицы, выражающие трудности (колебания) говорящего в подборе нужного слова и поддержанные богатым хезитативным окружением (в контексте все соответствующие единицы подчеркнуты) (см.: [Прагматические маркеры... 2021: 66–68]). Ни о каком РА в данном случае говорить уже не приходится, зато снова можно говорить об избыточности как свойстве естественного языка. В целом форма-идиома в принципе, зафиксированная в словарях и в ментальном лексиконе носителей русского языка, в устном дискурсе выступает либо в роли вводного слова, и в этом случае формирует РА вердиктива-суппозитива, выражающего мнение-предположение, либо в роли прагматического маркера-хезитатива, утратившего в ходе прагматикализации исходное значение вводного слова. Детальное описание ФИД может быть важно в разных аспектах: коллоквиалистика, теория речевых актов, гендерная лингвистика, а также лингводидактика.

Литература

- Лекант П. А. К вопросу о формах-идиомах в русском языке // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1965. С. 41–43.
- Михельсон А. Д. Большой толково-фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс]: создан на основе 3-х томного издания. М., 2008.
- Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021.
- Шерстинова Т. Ю. Прагматическое аннотирование коммуникативных единиц в корпусе ОРД: микро-эпизоды и речевые акты // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2015» / отв. ред. В. П. Захаров, М. В. Хохлова. СПб., 2015. С. 436–445.

УСТНЫЙ МОНОЛОГ-РАССКАЗ НА РОДНОМ И НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ОСНОВНОЙ ЧАСТИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ КИТАЙЦЕВ)

Чжао Цзэли

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В силу общей диалогической природы устной речи монолог как одна из основных форм нашей коммуникации был замечен исследователями относительно поздно, но организационные принципы и содержательная специфика, отличающие монолог от диалога, дают ему право на самостоятельный статус. В отличие от диалога, для монолога характерны значительные по размеру отрезки текста, состоящие из структурно и содержательно связанных между собой высказываний, имеющие индивидуальную композиционную стройность и относительную смысловую завершенность [Винокур 1990: 310]. Это означает, что монолог обычно более сложен по содержанию и структуре, чем диалог. Кроме того, поскольку в монологе говорящему не нужно обращать внимание на собеседника и подстраиваться под него, его личные характеристики выражаются в наиболее естественной форме. Иными словами, монолог наилучшим образом подходит для изучения характеристик говорящего. Китайский язык, как известно, во многом отличается от русского, поэтому особенно любопытно проследить, как носители китайского языка строят монологи на родном и неродном русском языках. Монолог традиционно состоит из трех частей: зачин, основная часть и концовка. Анализ 29 монологов-рассказов китайцев из корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) показал, что такая трехчастная структура встречается далеко не всегда. На неродном языке 45 % монологов структурно неполны, имеют либо только зачин и основную часть, либо основную часть и концовку, и только 35 % имеют полную структуру, не говоря уже о 20 % монологов, которые не имеют ни зачина, ни концовки. Несколько лучше ситуация в монологах на родном китайском языке, где почти половина (44,5 %) текстов имеют и зачин, и концовку, причем монологов без зачина и без концовки не встретилось вовсе. Но наиболее распространены, как на родном, так и на неродном языке, все же монологи неполной структуры [Чжао Цзэли 2022: 43]. Поэтому основная часть, как единственная обязательная часть структуры всех монологов, стала объектом настоящего исследования. Материалом для анализа стали монологи-рассказы на тему «Как Вы проводите время на каникулах?» из корпуса САТ, записанных от носителей китайского языка: 20 на русском языке и 9 на китайском. Как тип спонтанного монолога, рассказ на заданную тему обладает наименьшей степенью лингвистической мотивированности и наибольшей степенью спонтанности [Звуковой корпус... 2013: 87]. Использование такого материала позволяет не только получить достоверные языковые данные, но и раскрыть наиболее полно уровень речевой компетенции говорящего. Нужно отметить, что информантами были учащиеся Петербургских вузов, в возрасте 23-28 лет. Их состав был сбалансирован по полу (10 юношей и 10 девушек) и уровню владения русским языком (ТРКИ) (10 человек с более высоким уровнем С1 и 10 — с более низким уровнем В2). Кроме того, все информанты прошли также психологический тест Г. Айзенка, который выявил в их составе 9 интровертов (И), 6 амбивертов (А) и 5 экстравертов (Э). Предварительный анализ материала показал, что монологи китайцев имеют три временных плана:

- 1) о настоящем (на неродном языке: я обычно дома / и-и [мн лажу [у кровати / смотреть [сл новость [ы-н сериал [ы-н [и фильмы / и слушать музыку / и читать книги и так далее / на родном языке (тексты приводятся в переводе на русский): обычно [я предпочитаю [поболтать со своими друзьями чтобы расслабиться / или [иногда выхожу поесть и выпить без удержу со [своими друзьями...),
- 2) о будущем (н [скоро будут кани... н летние каникулы / и-и этом летом я собираюсь [много [дв... делать... / после окончания учебы возьму немного / ы-н пройду некоторые выпускные [процедуры),

- 3) о прошлом (сначала ко мне приехали моё [э-ы] в Россию мои-и [родители и мы вместе путешествовал / летом [во время летних каникул / я ходил в Эрмитаж / после этого я пошёл в Летний дворец / посетил много известных мест в Санкт-Петербурге / также был в Москве / и ездил за границу в Италию).

Наиболее распространены монологи о настоящем, как на родном, так и на неродном языке. Попытка связать эти монологи с индивидуальными характеристиками информантов выявила, что на неродном языке монологи о настоящем встретились больше в речи экстравертов и информантов с более низким уровнем В2. Монологи о будущем — чаще в речи интровертов и информантов с более высоким уровнем С1. Монологи о прошлом встретились только в речи интровертов, причем на их появление не влияют ни гендер, ни уровень ТРКИ. Гендер информанта влияет также на выбор содержания монолога (о прошлом, настоящем или будущем). На родном языке монологи о настоящем — чаще в речи девушек и амбивертов. Монолог о будущем появился только в речи юношей и интровертов. Монологи о прошлом — чаще в речи юношей и экстравертов. Помимо этого, анализ содержания русских монологов показал, что китайцы часто используют речевой коннектор кроме того для дополнения информации и переключения между микротемами, но его эквиваленты (另外, 此外 или 除此之外) почти не встречаются в китайских монологах. Для пров этого наблюдения был проведен лингвистический опрос. В целом можно сделать вывод, что китайцы используют разные способы построения монологов на родном и неродном языках, и на способ построения влияют их собственные социально-психологические характеристики. Результаты исследования будут полезны не только для исследования первичной и вторичной языковой личности, но и для преподавания русского языка как иностранного.

Литература

- Винокур Т.Г.* Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 310.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2013.
- Чжао Цзэли.* Особенности построения устного монолога-рассказа на родном и неродном языке: конец текста (на материале речи китайцев) // Социо- и психолингвистические исследования. 2022. Вып. 10: 42–46.

ОСОБЕННОСТИ ВВЕДЕНИЯ В УСТНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ ЧУЖОЙ РЕЧИ РАЗЛИЧНЫМИ МАРКЕРАМИ-КСЕНОПОКАЗАТЕЛЯМИ

FEATURES OF THE INTRODUCTION OF SOMEONE ELSE'S SPEECH INTO ORAL NARRATION BY VARIOUS XENO-MARKERS

Шклярук Екатерина Ярославовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Устный дискурс обладает особенностями на разных уровнях языка. Так, выделяются особые элементы устной речи — прагматические маркеры (ПМ) — функциональные единицы, употребляющиеся говорящими неосознанно, на уровне речевого автоматизма. ПМ часто теряют или ослабляют в устном дискурсе свое исходное лексическое, а порой и грамматическое значение и начинают выполнять только различные функции [Богданова-Бегларян 2021: 23]. Очень распространенной является функция ксенопоказателя. По данным корпусного исследования, маркеры-ксенопоказатели (МК) имеют сходную частоту встречаемости (ранг 5 из 10 типов ПМ) во всех основных социолектах русскоговорящего общества — в среднем 8–9 % [Богданова-Бегларян и др. 2021]. В этой функции прагматические единицы вводят в повествование чужую речь (ЧР) (в широком понимании этого термина, т.е. и свою собственную, сказанную ранее или планируемую на будущее, и собственные или чужие мысли, и даже «интерпретацию поведения другого человека») [Левонтина 2010: 284]. Наблюдения показывают, что в устной речи группа МК активно пополняется новыми единицами. В состав уже так или иначе описанного «словника» МК входит не менее 18 единиц [Прагматические маркеры... 2021]. Все они требуют изучения и подробного описания. Так, различные МК по-разному встраивают чужую речь в устный дискурс: они могут вводить ЧР по синтаксической модели прямой или косвенной речи. В настоящей работе рассмотрены с этой точки зрения три МК: такой, так, типа (типа того / типа того что). Источником материала для анализа послужили корпус повседневной устной речи «Один речевой день» (ОРД) и устный подкорпус (УП) НКРЯ. Так, по модели прямой речи чужую речь (в контекстах подчеркнута) способны вводить все исследуемые единицы, ср.:

- 1) он так ласково разговаривает / такой / *В ну вы успокойтесь / у вас всё будет нормально // всё получится // всё хорошо (ОРД);
- 2) ну вот // *П и тут звонок в дверь // стоит этот мужик // *П типа того что блин / *П *X *П давайте общаться ! (ОРД);
- 3) а-а *П э судья на Колю% так / тш(:) ! *П вы не на базаре (ОРД);
- 4) ну / она [нрзб] когда отвечаю / то в окно смотрит там / то лицо такое делает / типа я тупая (ОРД). Существенно реже встретилась модель косвенной речи, в основном в контекстах с МК типа и различными его вариантами, ср. (глагол речи-мысли и ЧР в контекстах подчеркнуты):
- 5) придут на вторые 45 минут... скажут типа блин службу опять нас сняли второй раз поставили старых (ОРД);
- 6) он такой / я же сказал / надо / головой во все стороны крутить / чтобы шея / что... чтобы шея сломалась / типа того что не надо бояться (ОРД);
- 7) Вот / пишет мне типа ну вот так и так / типа перевод / я говорю / «Ну деньги сначала / да / там все дела» (УП);
- 8) Ну / я подумала / слово нормально / что он хорошо то есть / а Стёпа говорит / что / типа / он никак (УП).

Уже приведенные примеры демонстрируют ряд особенностей употребления русских МК. Так, маркеры такой и так содержат дополнительную сему изобразительности: они не только вводят ЧР, но и показывают, как именно эта речь произносится. Думается, что эта особенность найдет свое подтверждение в ходе просодического анализа корпусного материала, что может стать целью специального исследования. Зачастую такой МК маркирует не собственно ЧР, а чужое речевое поведение (4), о чем говорилось выше. МК типа и его варианты содержат другую дополнительную сему: неопределенности, неуверенности говорящего в том, что он правильно передает чужую речь. Эта особенность сближает МК типа с омонимичным ему маркером-аппроксиматором. В контексте (6) видим пример двойного использования МК: сначала ЧР введена по типу модели прямой речи (он такой / я же сказал...), а внутри этой ЧР использована еще и вторая модель — косвенной речи (сказал типа того что не надо бояться). В контексте (8) в той же модели косвенной речи, помимо МК типа, присутствует и традиционное средство связи что. В таком употреблении полифункциональность маркера типа становится особенно очевидной: это ксенопоказатель и аппроксиматор одновременно. Из приведенных примеров видно также, что часто рядом с МК присутствуют единицы, статус которых трудно определить однозначно: типа того что блин давайте общаться! ... скажут типа блин службу опять...; пишет мне типа ну вот так и так / типа перевод. Если так и так в примере (7) можно интерпретировать как еще один МК в цепочке синонимичных (однофункциональных) маркеров (ср. [Прагматические маркеры... 2021: 363–365]), то блин и ну вот могут быть как самостоятельными единицами (междометие и стартовый ПМ), входящими в состав передаваемой ЧР, так и элементами структуры МК (блин) или еще одним МК (ну вот), способным расширить имеющийся реестр русских ксенопоказателей. Уже это небольшое пилотное исследование с очевидностью показывает, сколь интересны для анализа прагматические маркеры-ксенопоказатели. Этот интерес тем выше, что все данные ПМ в нашей речи полифункциональны, и функция МК для них — лишь одна из многих [Прагматические маркеры... 2021].

Литература

- Богданова-Бегларян Н. В.* Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь монография. СПб., 2021. С. 5–52.
- Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Троценкова Е. В., Шерстинова Т. Ю., Горбунова Д. А., Зайдес К. Д., Попова Т. И., Сулимова Т. С.* Прагматические маркеры русской повседневной речи: количественные данные // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По мат-лам ежегодн. междун. конф. «Диалог». Вып. 20 (27). М.: РГГУ, 2021. С. 119–126.
- Левонтина И. Б.* Пересказываемость в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По м-лам ежегодн. междун. конф. «Диалог». Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 2010. С. 284–289.
- Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь монография. СПб., 2021

О СОСТАВНЫХ ТЕРМИНАХ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ С ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ»

Донина Людмила Николаевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В исследовании представлен анализ составных терминов когнитивной лингвистики, включающих прилагательное «концептуальный». Наряду с существительными «концептум», «концепт», «концепция», они составляют ядро терминологической системы концептологии в понимании профессора В. В. Колесова. Названные термины-существительные с корнем — концепт — определены ученым; описаны им и отношения между ними: «Концепция есть экспликация концептума через концепт» [Колесов 2021: 14–15]. Для более полного представления взглядов ученого необходимо обратить внимание и на употребление им однокоренного прилагательного. Материалом исследования являются монографии проф. В. В. Колесова [Колесов 2019; Колесов 2021] и другие его работы, посвященные когнитивной лингвистике. Наличие в составе термина прилагательного «концептуальный» относит термин к сфере когнитивной лингвистики с большей вероятностью, чем само определяемое им понятие-существительное (последнее почти всегда многозначно). Основное внимание уделено пониманию двухсловных терминов: «концептуальные формы», «концептуальное значение», «концептуальный смысл», «концептуальное содержание», «концептуальная структура», «концептуальное единство», «концептуальное зерно», «концептуальное ядро», «концептуальные признаки» и др. Рассмотрены также некоторые термины более сложного состава («концептуальное поле сознания», «концептуальный каркас содержательной формы», «концептуальное состояние мира»). Большая часть этих терминов принадлежит к области методологии когнитивных исследований, в первую очередь, это такие термины, как «концептуальный анализ», «концептуальный квадрат», «концептуальная парадигма», «концептуальная категория» и под., поэтому от их понимания зависит сама возможность изучения концептов в русле научной школы проф. В. В. Колесова. Извлечь все употребления важнейших терминов из трудов автора и проанализировать их с помощью разработанного им метода — значит облегчить задачу анализа концептов будущим исследователям. Так, обучение студентов построению «концептуального квадрата», в котором в единстве представлены такие содержательные формы целого, как образ, понятие, символ, позволяет задействовать их интуицию для выявления сущности обсуждаемого предмета. При этом разработана процедура, которая предполагает оперирование всего двумя признаками: предмет (референт R) и предметное значение (денотат D), в результате возможны четыре комбинации этих признаков (их наличия или отсутствия). Наглядное представление в виде геометрической фигуры облегчает введение «четвертого измерения» — концептума. Обнаружив в слове образное, понятийное, символическое содержание, студенты обычно стремятся немедленно применить новое знание, проверяя сначала все вокруг себя (стол, рука, окно, волос, сердце, мама), вскоре «добираются» до ключевых слов культуры, учатся различать, в каком контексте используется образ, в каком — символ, понимают, насколько разным будет восприятие смысла слова в тексте в зависимости от особенностей его предъявления адресату в одной из содержательных форм концепта. Введение понятия «концептуальный квадрат» (даже в качестве единственного фрагмента знаний о концепте) возможно при преподавании самых разных лингвистических дисциплин, в нашем педагогическом опыте студенты проверяли таким образом и этикетные формулы, и манипулятивные тактики общения, и выразительность тропов; обнаруживали различия в судьбе заимствованного термина (обычно гиперонима) и слова с русским корнем, которое благодаря неисчерпаемости концепта способно развиваться; самостоятельно формулировали тезис об

опасности вытеснения исконного слова заимствованным во всех функциональных стилях; на занятиях по лексикографии замечали, что в толковых словарях приводятся понятия и образы, но не символы и концепты, при изучении словообразования осознали, что «концептуальное ... родство замечается у слов общего корня» [Колесов 2021: 232]. Конечно, понимание процедур «концептуального анализа текста» требует уже более глубокого погружения в предмет, временных затрат и интеллектуальных усилий, но именно такой анализ «позволяет проникнуть в глубинные основания ментальности» [Колесов 2021: 285, 589], а потому популяризация идей петербургской школы когнитивной лингвистики проф. В. В. Колесова остается актуальной задачей. В дальнейшем следует также попытаться установить связи и взаимоотношения рассмотренных терминов, для этого есть основания, например, описывая русское понимание «причинности», В. В. Колесов указывает на «последовательность вхождений одного в другое»: «...концептуальный квадрат, становясь ментальной парадигмой, входит в широкое концептуальное поле человеческого сознания» [Колесов 2021: 98]. Некоторые из двусловных терминов, таких, как «концептуальные связи», «концептуальное объединение», «концептуальная система», «концептуальный ряд», ориентированы как раз на описание объединений концептов с разными системными отношениями между конструктивными, ментальными, содержательными концептами.

Литература

Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб., 2021.

Колесов В. В. Основы концептологии. СПб., 2019.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЗАГОЛОВКАХ КРЫМСКИХ ГАЗЕТ

Андрейченко Оксана Ивановна

доцент, Российский государственный университет правосудия

Огромная популярность когнитивных исследований в современной науке способствовала формированию нового, когнитивного, подхода и к изучению фразеологии. Появление работ Н. Ф. Алефиренко, В. Н. Телия, В. М. Мокиенко, Е. А. Селивановой, В. А. Масловой, Л. В. Савченко, Л. Ф. Щербачук и др., в которых предпринимаются попытки изучения фразеологизмов как средства концептуализации, т. е. отражения концептуальной картины мира, или категоризации, т. е. отражения ценностной / аксиологической картины мира. Изучение фразеологизмов как свёрнутых текстов культуры представлено в работах В. Н. Телии, В. А. Масловой, М. Л. Ковшовой и др. По мнению исследователей, фразеологизм — это микротекст, в котором хранится зашифрованный с помощью «кода культуры» определённый сюжет или ситуация. Национально-маркированными, по мнению многих исследователей, являются фразеологизмы с уникальными и квазиуникальными компонентами, нестандартными морфологическими формами компонентов, собственными именами, компонентами-реалиями, являющимися показателями связи фразеологизма с конкретной культурой. В зафиксированных заголовках фразеологические прецедентные феномены эксплицируют актуальные для лингвокультурного сообщества культурные коды, с помощью которых реализуется опосредованный способ передачи культурной информации, т. е. через соотнесенность ассоциативно образной основы с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры [Маслова 2007: 278].

Позаимствовав понимание термина «код» из лингвосомиотики, специалисты по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, этнолингвистике единодушны в его интерпретации, предложенной В. В. Красных, которая определила код как «сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных 2003: 297–298]. Цель статьи — описание соматического кода культуры, актуализированного фразеологическими прецедентными феноменами, которые функционируют в составе заголовков крымских газет. Соматический код исследователи называют одним из самых древних и часто актуализированных во фразеологии культурных кодов [Андрейченко 2004]. Для публицистического дискурса характерны ФЕ с компонентами-соматизмами рука, глаз, голова, язык, горло, зубы, рот, печень и др. Семантико-функциональный анализ таких фразеологизмов позволил выделить единицы с общими или близкими значениями и установить, что наиболее продуктивным в заголовочном комплексе является компонент-соматизм рука. В анализированных заголовках фразеологизмы с компонентом-соматизмом рука актуализируют следующие значения:

а) активные действия человека, имеющие различные последствия: Правая и левая рука главного коммуниста России [Крымские известия, 18.11.2021]; Правая рука не ведает, что творит левая [Крымские известия, 29.11.2019]. Иногда заголовки представляют фразеологизмы в нетрансформированном виде, таким образом происходит двойная актуализация ФЕ, при которой равноправная реализация прямого и фразеологического значений оборота осуществляется за счет его смыслового взаимодействия с элементами контекстного окружения, т. е. в рамках фразеологических конфигураций — структурно-семантических и стилистических единств, образуемых фразеологической единицей и ее актуализатором. Например, в статье Власти «умыли руки» речь идет об экономии бюджетных средств на тушение пожаров [Крымские известия, 08.08.2019];

б) характеристика исполнителей определённых действий: На все руки мастер (статья о крымском ювелире) [Крымские известия, 10.03.2022]; На все руки трансфер [Крымские известия, 11.05.2021]. Часто компонент рука в исследуемых заголовках метафорически интерпретирует различные виды политической деятельности, причем руки могут быть честными, чистыми, грязными, нечистыми и т. д. Соматизм рука в публицистическом дискурсе актуализирует

семь 'руководство', 'власть': Сильная рука в управлении государством [Крымские известия, 21.06.2020].

Значение соматизма глаз основывается на анатомических знаниях человека об особенностях человеческого организма и связи физической возможности видеть с зеницей (зрачком) — «отверстие в радужной оболочке глаза, сквозь которое в него проникает световой луч; в зависимости от количества света оно то сужается, то расширяется; символ самого дорогого (для человека — это возможность видеть), соответственно и говорят о чем-то очень дорогом для каждого: “Береги, как зеницу ока”» [Жайворонок 2006: 246]. Именно в таком значении употребляется фразеологизм в заголовке Как зеницу ока... (статья о крымских лесах) [Крымские известия, 19.12.2022]. Соматизм ноги, как показывает материал, является неотъемлемой частью публицистического дискурса: «Крым встаёт на ноги»: полуостров может стать транзитной территорией [Крымские известия, 16.03.2022]. Компонент-соматизм колена в ФЕ эксплицирует значение, возникшее на осознании человеком анатомических особенностей расположения этой части тела и его функциональных особенностей, например, заголовок Море по колена... [Крымские известия, 18.04.2019]. Таким образом, использование в заголовках фразеологических прецедентных феноменов основывается на применении лингвокультурных знаков, хорошо известных носителям русской лингвокультуры. Использование известных русскому языковому сообществу кодов, в частности соматического, апеллирует к тем отдаленным слоям знаний, которые составляют основу когнитивной базы и требуют своего дальнейшего изучения.

Литература

Андрейченко О. И. Фразеологизми з соматичним компонентом у текстах політичних дискусій // *Культура народів Причорномор'я*. 2004. № 53: 7–11.

Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник. К., 2006.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. М., 2007.

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДОНЕЦКОГО ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

SPECIFICITY OF THE COMMUNICATIVE ACTIVITY OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF THE DONETSK MILITARY CORRESPONDENT

Бурляй Анна Сергеевна

ассистент, Донецкий государственный университет

В период проведения специальной военной операции существенно трансформировалось информационное пространство. Во многом это произошло под воздействием текстов, созданных военными корреспондентами. Также на медиадискурс повлияло усиление в массово-коммуникационных процессах роли «Телеграма» — мессенджера, позволяющего создавать авторам специальные каналы для распространения контента, не предназначенного для размещения в официальных СМИ (например, содержащего субъективные оценки происходящего). Вследствие этого возросло доверие аудитории к подобным ресурсам, так как традиционные медиа не могут в данный момент полностью удовлетворить потребности реципиентов. Наше исследование посвящено рассмотрению специфики реализации коммуникативной деятельности языковой личности донецкого военного корреспондента в социальных медиа. Так как виртуальный дискурс новых медиа представляет собой все тексты, созданные в его пределах, следует в исследовании языковой личности донецкого военного корреспондента, во-первых, опереться на специфику реализации коммуникативной деятельности любой языковой личности в виртуальной среде, а, во-вторых, выделить особенности, характерные именно для изучаемого типа языковой личности. Так, при анализе следует учитывать три уровня реализации языковой личности в дискурсе: вербально-семантический (используемые языковые единицы), когнитивный (особенности концептосферы, в которую погружена языковая личность) и прагматический (система установок и мотивов, положенных в основу речевой деятельности языковой личности). В основе речевой деятельности донецких военкоров лежат коммуникативные потребности. Среди них можно выделить контактоустанавливающую, которая нужна специалисту в области медиа для усиления эффективности воздействия информационных продуктов на аудиторию, информационную, направленную на ретрансляцию генерируемых автором сообщений смыслов, и воздействующую, формирующую у читателей телеграм-канала заданное отношение к содержанию публикаций. Материалом нашего исследования послужили публикации, размещенные в телеграм-каналах военных корреспондентов и блогеров, освещающих тематику и проблематику СВО: «Неофициальный Безсонов» (автор — Даниил Безсонов),

«Военкор Астрахань» (автор — Дмитрий Астрахань) и «Военкор Медведев» (автор — Георгий Медведев). Учитывая специфику работы военных корреспондентов, их можно условно поделить на две группы: тех, кто пребывает в Донбассе в формате ограниченной по времени командировки, и тех, кто проживает в Донбассе или большую часть времени пребывает в данном регионе. Таким образом, опираясь на утверждение, что индивидум формируется под воздействием среды, в которой пребывает, а также определяет свою мировоззренческую позицию через ментальные особенности людей, которые его окружают, мы можем сформировать некоторые особенности, характерные для языковой личности донецкого военного корреспондента. Проанализировав текстовые фрагменты указанных выше телеграм-каналов, можно выделить следующие особенности коммуникативной деятельности языковой личности донецкого военного корреспондента:

1. Диалоговость. Контактноустанавливающая коммуникативная потребность донецких военкоров чаще всего воплощена в форме ответа на сообщения, размещенные в медиадискурсе. Анализируемые авторы вступают в непрямую асинхронную коммуникацию с другими военкорами и прочими лидерами общественного мнения. При этом мотив для реакции может быть разным: противопоставление собственного мнения высказанному другим специалистом, подтверждение или оценка изложенного в сторонних публикациях и т. д.

2. Формулирование высказываний от первого лица. Авторские телеграм-каналы военных корреспондентов представляют собой блоги, которым свойственна форма изложения в формате онлайн-дневника. Данный прием позволяет усилить доверие к источнику, так как в восприятии реципиентов сообщения от первого лица являются более фактообразными вне зависимости от качества передаваемой информации.

3. Опора на актуальные информационные поводы. Информационная коммуникативная потребность реализуется так же, как и у языковой личности журналиста — с опорой на передачу социально значимых сообщений, важных в текущем моменте.

4. Мультимедийность. Текст может быть дополнен экстралингвистическими компонентами и аудиовизуальными материалами.

5. Применение военных жаргонизмов.

6. Подача сообщений с опорой на иронию.

7. Применение эмоционально-окрашенной и обценной лексики.

8. Использование риторических вопросов.

9. Использование категорических высказываний для усиления оценочного эффекта.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что языковая личность донецкого военного корреспондента в своей коммуникативной деятельности направлена на установление доверительных отношений с аудиторией, для чего используются, с одной стороны, приемы и средства, демонстрирующие экспертность авторов, а с другой, лексика и стилистика, приближающие речь специалистов в области медиа к разговорному, бытовому дискурсу. Авторы телеграм-каналов, освещающих специальную военную операцию, одновременно трансформируют медиадискурс и меняются сами под воздействием коммуникации, устанавливаемой с их аудиторией.

АНТРОПОМОРФНЫЙ КОД В РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ЗАГАДКАХ О ПЕЧИ И ЕЕ ЧАСТЯХ

ANTHROPOMORPHIC CODE IN RUSSIAN AND TATAR RIDDLES ABOUT THE RUSSIAN STOVE AND ITS PARTS

Бурмина Виктория Ильинична

аспирант, Московский городской педагогический университет

В русской культуре печь является сакральным феноменом национального мифологического мышления. Национальный менталитет — способность воспринимать и оценивать мир и человека в категориях и формах родного языка, но с преобладанием идеальной, духовной точки зрения [Колесов 2014: 531]. Под культурным кодом понимается передача материального и духовного опыта, выработанных человечеством. Суть антропоморфного кода заключена в выявлении сходства отдельных предметов с отдельными частями человеческого тела [Красных 2001: 5]. Целью представленной работы является изучение антропоморфного кода слова печь на фоне русского и татарского менталитетов. В загадках антропоморфный код реализуется посредством метафоры: зашифровано отношение означающего (текста загадки) к означаемому (отгадке). Человек или части его тела названы в тексте загадки, а печь и её детали — в тексте отгадки. В текстах русских загадок о печи или её частях обнаруживаются номинации женщины и мужчины разного возраста, а также частей их тела. Женские номинации: дева, девица, баба, барыня, мать, старуха, например: У семерых баб один глаз. (Печь). Представление о печи как о женщине широко распространено в русском фольклоре: издревле обязанностью женщины было поддержание огня в очаге, женщина — хранительница домашнего очага [Якушевич: 2019, 482]. Мужские номинации: старичок, дед, дедушка: Дедушка старый, весь белый, / Лето придет — не глядят на него, / Зима настанет — обнимут его. (Печь). По русским поверьям, у печи находилось место домового, вероятно, под мужскими номинациями подразумевается не человек, а именно домовый (существо мужского пола). В текстах русских загадок печь или ее части названы женским или мужским именем. Наиболее часто встречающееся женское имя — Софья: Мать Софья / День и ночь сохнет, / А ночью отдохнет (Печь). Фигурируют также Арина, Матрена и Варвара: Стоит Арина, / Рот разиня. (Печь и труба). Среди мужских имен — Антонко, Кирило, Самсон: Самсон в избе. (Заслон). В загадках о печной трубе появляется элемент русского костюма. Епанча — женская безрукавка, по форме напоминающая трубу. Сидит баба на печке, / В белой епанечке. (Печная труба). Элемент русской прически: Стоит девица в избе, / А коса на дворе (Печь и труба). Антропоморфные характеристики в загадках могут фигурировать и без явной гендерной принадлежности, например: Летом спит, / Зимой ест; / Тело тепло, / А крови нет. (Печь). Татарский и русский этносы образуют органичную часть России как полиэтнического государства и часть русскоговорящего населения Российской Федерации. Татарский язык является вторым по распространенности и по количеству говорящих на нем национальным языком России. В домах татар, как и русских, были печи, возводились они в основном из самодельного кирпича. У татарской печи, которая на первый взгляд не отличалась от привычной русской печи, были свои особенности: низко поставленный шесток, что могло быть связано с тем, что татарки работали, присев на корточки; сама печь была невысокой, сбоку делался выступ для казана; печь была приспособлена и для хлебопечения. Восприятие загадки в татарской и русской культуре фактически идентично, поэтому татарская загадка близка загадкам русским. В татарских загадках (как и в русских, печь персонифицирована в номинациях женщины: печь-бабушка, печь-тетушка, печь-баба, печь-барыня, печь-сноха, например: Бабушка моя с чёрной грудью, / Сидит, в передний угол смотрит. (Печь). Есть и татарское слово, указывающее на социальный статус женщины: печь-асылбика (благородная дама): Калфак младшей снохи / Средней не подойдет. (Печная вьюшка). В представленной загадке о печной вьюшке проявляются национальные особенности татарского женского костюма: длинное батистовое платье, калфак — головной убор, центральный декоративный элемент национального

татарского костюма. В татарских загадках о печи и ее частях также встречаются номинации мужчины и его национального татарского костюма: Зять надел белую рубашку, / На голове глиняный горшок. (Печь и труба). Длинная широко покроя рубаха была основным элементом национального татарского как мужского, так и женского костюма: Вокруг дома — красный пояс, / В середине — один джигит. (Пакля в пазах и печная труба). В татарских загадках прослеживаются некоторые национальные особенности: банная печь персонифицирована как мужчина, а печь в доме — как женщина. В мифологии татар, в бане обитал дух-покровитель — мунча (баня) иясе (хозяин), который мог показаться людям в образе обнаженного человека: На шапке деда сорок заплаток, / На шапке бабки сто заплаток. (Банная печь, печь в доме). В русских и татарских загадках печь чаще встречается в образе женщины (мать, баба, бабушка и др.), но также в загадках одного и другого народов встречаются и мужские номинации (дед, старик, зять и др.), в загадках обнаруживаются антропоморфные характеристики без явной гендерной принадлежности (печь-великан, печь некое существо, которое «спит, ест», «тело его тепло»). В загадках также можно найти детали быта русского и татарского народов (время топки русской печи, особенности жилища, отношения между членами семьи и социальными слоями и т. п.). В текстах русских и татарских загадок отражены сходные признаки мифологического образа печи. Выявленное сходство подчеркивает культурное родство русского и татарского народа, а также говорит об общности национального менталитета.

Литература

- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А.* Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб., 2014. Т. 1. С. 531
- Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2001. Вып. 19.
- Якушевич И. В.* Символическая модель «печь — человек» в диалектной лексике // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области. Владимир, 2019. С. 481–485.

КОНЦЕПТ «РОССИЯ» В ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ ПРЕЗИДЕНТА

THE CONCEPT OF "RUSSIA" IN THE FINAL SPEECH OF THE PRESIDENT

Гаврилова Марина Владимировна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Данная статья посвящена сравнительному изучению способов экспликации ключевого концепта русского политического дискурса «Россия». Материалом исследования является речь Б. Н. Ельцина, произнесенная на инаугурации В. В. Путина в 2000 г., речь В. В. Путина, произнесенная на инаугурации Д. А. Медведева в 2008 г., и речь Д. А. Медведева, произнесенная на инаугурации В. В. Путина в 2012 г. Актуальность исследования обусловлена важностью анализа семантического развития политических концептов и малой изученностью нового жанра русского политического дискурса. Выявление способов экспликации концепта осуществляется с помощью контекстуально-семантического, интерпретационного и описательно-сопоставительного анализа. Одним из устойчивых элементов, организующих тематическое пространство заключительного выступления, является концепт «Россия». Начальным этапом исследования является выяснение того, как концепт вербализован в тексте. В выступлении Б. Н. Ельцина концепт представлен словами Россия и страна. В. В. Путин использует слова Россия, страна, государство, Российская Федерация. В речи Д. А. Медведева концепт эксплицирован словами Россия, страна, государство. Одним из способов экспликации концепта является его метафорическое представление. Б. Н. Ельцин метафорически представляет Россию, используя прагматический потенциал модели «Россия — это наставник и учитель»: «в новой России, которая научила людей свободно мыслить и жить». Добавим, что наказ В. В. Путину, выраженный сочетанием «берегите Россию», и значение фразеологического выражения «беречь как зеницу ока» актуализирует восприятие России как важной общественной ценности. Примечательно, что президенты, представляя стратегию развития страны, используют характерную для русского политического дискурса метафору строительства («Мы должны строить новую Россию», Б. Н. Ельцин; «мы построим сильное демократическое государство», Д. А. Медведев) и метафору движения («для движения России вперед», Д. А. Медведев). Далее рассмотрим, с какими согласованными определениями употребляется концепт «Россия» в заключительной речи. Для Б. Н. Ельцина главный признак России — новая. При этом подчеркивается, что новая Россия — это свободная страна. Примечателен контекст функционирования сочетания новая Россия во временной структуре текста, где оно используется как результат в настоящем событий прошлого («мы писали историю новой России с чистого листа»), так и в плане будущего времени («Мы должны строить новую Россию»). В. В. Путин считает важным актуализировать такие характеристики страны, как величина (огромная), сосуществование многих национальностей на территории России (многонациональная) и исповедование жителями страны различных религий (многоконфессиональная). Президент считает своей главной обязанностью беречь Россию. Д. А. Медведев не использует согласованные определения со словом Россия, страна наделяется признаком со значением принадлежности наша, государство участвует в конструировании образа будущего России. Идеальные искомые признаки России как государства — это мощная (сильное) и основанная на принципах демократии (демократическое). Следующим этапом изучения концепта является выяснение синтаксической позиции слов. Сопоставительный анализ показывает, что Россия употребляется преимущественно в форме косвенных падежей, причем преобладает функция дополнения в форме родительного падежа в значении принадлежности. Отметим единственный случай употребления слова в позиции субъекта предложения в выступлении Б. Н. Ельцина: «Сейчас всем нам есть чем гордиться — Россия изменилась». Результативность действия подчеркивается использованием глагола прошедшего времени совершенного вида. Статистический анализ показал, что Россия входит в число наиболее частотных слов заключительных речей российских президентов. При этом ключевые слова образуют различные концептуальные модели. Так, в речи Б. Н. Ельцина часто повторяющиеся имена существительные образуют

концептуальную модель: Россия (Россия, страна) — народ (россияне) — новизна (новый) — власть (мы, я, они, вы). Частотные слова в выступлении В. В. Путина отражают и фрагменты мира, важные с точки зрения политика, и ценностные предпочтения аудитории, образуя концептуальную модель: Россия (Россия, страна, государство) — народ (граждане, друзья, человек, народ) — глава государства (я, президент) — отношения между президентом и народом (власть, поддержка) — перспективы на будущее (сила, цель, развитие) — единство (мы, все, единство, вместе, свой). Д. А. Медведев подчеркивает важность единства (чувства общности) как политической ценности, формирует положительное общественное мнение о должности президента, говорит о любви к стране в рамках концептуальной структуры: единство (мы, весь, наш) — Россия (Россия, страна, мы) — народ (человек, гражданин, мы) — президент (я, мы, президент, работа) — власть (государство, быть). Подведем некоторые итоги. Инвариантная концептуальная структура заключительной речи президента состоит из трёх элементов: Россия — народ — глава государства. Концепт преимущественно вербализован словами Россия и страна. Уходя с должности, президенты осмысливают Россию при помощи понятийных значений концепта: страна и государство. Изучение особенностей экспликации ключевого концепта «Россия» в заключительных речах российских президентов позволило установить различный состав и количество употреблений слов, представляющих концепт, а также смысловую вариативность его толкования. В системе политических представлений Б. Н. Ельцина Россия — это новая и свободная страна. В. В. Путин описывает Россию как страну с большой территорией, на которой живут люди различных национальностей и вероисповеданий. Д. А. Медведев представляет Россию как нашу страну, где проводятся масштабные преобразования. Президенты актуализируют в сознании слушателей различные признаки концепта «Россия», которые сочетаются с различными временными планами, что является отражением как индивидуальных, так и коллективных политических представлений.

РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ИНТЕРНЕТ-МЕМА В УСЛОВИЯХ ИНСТАНТ-КУЛЬТУРЫ

Гладкая Наталия Витальевна

доцент, Донецкий государственный университет

Актуальность темы исследования обуславливается стремительной трансформацией условий коммуникации — развитием Интернета и социальных сетей, что, в свою очередь, способствовало формированию нового типа общения — интернет-коммуникации, направленному на визуальную составляющую текстов. Традиционно интернет-связи реализуются тремя путями: текст, визуальная информация и креолизованные формы. Наиболее продуктивны креолизованные тексты преимущественно комического характера, т. к. комизм позволяет избежать агрессии, а анонимный характер публикаций позволяет авторам чувствовать себя защищенными от нападков и критики других пользователей. Цель исследования заключается в определении компонентов, составляющих семантическую основу мема как полимодальной единицы в интернет-пространстве, а также выявление механизма интерпретации и декодирования мемов адресатом. Учитывая инстант-характер современной культуры (направленность на ускоренное восприятие и передачу информации, а также отказ от долгосрочных связей и обязанностей), интернет-мемы становятся идеальными проводниками культуры, возникающими непредсказуемо и вирусно распространяясь в Интернете. Мемы содержат в себе и передают в сжатом виде только культурно значимую информацию. Данный феномен проявляется как реализация творческого потенциала пользователей социальных сетей и реакция на значимые изменения в обществе. Культуросодержащий характер мемов позволяет считать их прецедентными текстами, а для корректного декодирования подобных текстов пользователям необходимо обладать определенным культурным фоном. Отправной точкой в исследовании теории мемов являются труды Р. Докинза, который рассматривал данное явление с точки зрения биологических аналогий: «Примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мимы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [Докинз 1993: 189]. Работа Р. Докинза стала важным этапом для исследования теории мемов и расширения идеи репликации у других авторов. В работе Р. Броуди мем — некая репрезентация знаний, образ, необходимый для того, чтобы у людей «возникло большее количество его копий», а сами мемы представляются репликаторами, воспроизводящими процесс мышления [Броуди 2007: 127]. Ю. В. Щурина учитывает носители интернет-мемов:

- 1) текстовый мем;
- 2) мем-картинка;
- 3) видеомем;
- 4) креолизованный мем, но аудио-мемы в этой классификации не учитываются [Щурина 2012: 165].

Мемы передают значимую для общества информацию в сжатом виде, объединяя в себе текстовый и иконический компоненты, важную роль играет аффективная функция, т. е. воздействие на эмоциональное состояние реципиента, желание передать чувства, эмоции, также при восприятии мема активизируются различные когнитивные механизмы: фокусирование, диссонанс, инференция и др., что обуславливает перспективность исследования теории интернет-мема. Семантика интернет-мемов вызывает особый интерес, т. к. благодаря этой категории можно рассмотреть принцип декодирования заложенной в мемах информации. Важно понимать, что из-за креолизованного характера мемов, процесс расшифровки значительно усложняется, так как вербальная и иконическая составляющие образуют особые семантические свя-

зи, поэтому уместно рассматривать смысл интернет-мема в индивидуализированной речевой ситуации. В нашем исследовании мы рассматриваем смысло содержание мемов с точки зрения типологии дихотомий с учетом таких признаков:

- 1) источник мема — дихотомия истина-ложь, учитывает функционирование истинных, естественно созданных мемов и форсированных, т. е. мемов, созданных для воздействия на аудиторию с коммерческой, политической или др. целью;
- 2) требующий отражения объект реальности — дихотомия персонаж-событие, учитывает наличие в мемах легкоузнаваемого персонажа или образа со своей историей, смыслом и ярко выраженной эмоцией, текстовый компонент в подобных мемах усиливает воздействие на пользователей и способствует легкому восприятию и декодированию;
- 3) апелляция к уровню включенности в культуру — дихотомия традиция–инновация, учитывает наличие у реципиентов определенного культурного, исторического фона, а также возрастных, социальных особенностей, в противном случае мем не достигнет нужного эффекта и это приведет к коммуникативной неудаче;
- 4) смысловые доминанты — дихотомия фон-фигура реализуется через образы конкретных персонажей;
- 5) форма отображения — дихотомия изображение-текст, выражается в креолизации мема, т. е. подпись к иконической части может реанимировать уже существующий или забытый мем;
- 6) эффект воздействия — дихотомия мысль-действие, учитывает и мемы, которые подталкивают пользователей к конкретным эмоциям, и мемы-флешмобы.

Учитывая эту классификацию, а также актуальный для современной когнитивной лингвистики метод фреймовой семантики, можно описывать любой интернет-мем и его воздействие на реципиента. Таким образом, интернет-мем как креолизованный продукт и прецедентное явление включает в себя различные семиотические коды и обладает высоким коммуникативно-прагматическим потенциалом. Исследование семантики интернет-мема является актуальным и перспективным направлением для изучения в силу тесной взаимосвязи с импликацией, когнитивным диссонансом, инференцией. Сжатая вербальная часть позволяет избегать словесного нагромождения, а реплицируемость способствует быстрому декодированию мема. Практическая польза исследования заключается в возможности применения результатов для объяснения интерпретации полимодальных единиц в когнитивной лингвистике.

Литература

Броди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. М., 2007.

Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 1993.

Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Филология. 2012. № 3: 160–172.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КОГНИТИВИСТИКИ: В ПОИСКАХ СОВЕРШЕННОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В. В. КОЛЕСОВА И Б. Л. ЯВОРСКОГО)

THE PROBLEM FIELD OF MUSIC COGNITIVE SCIENCE: IN SEARCH OF PERFECT LANGUAGE (BASED ON THE RESEARCH OF V. V. KOLESOV AND B. L. YAVORSKY)

Жукова Галина Константиновна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Актуальность когнитивного музыковедения (термин введен в научный оборот К. Лонге-Хиггинсом в 1973 г.) — междисциплинарной области наук о человеке, исследующих связи между языком и музыкой, обусловлена целым рядом стоящих перед исследователями так и не решенных вопросов, а именно: как функционируют музыкально-мыслительные процессы, поддаются ли они алгоритмизации, как сохраняются, воспринимаются, генерируются и транслируются музыкальные смыслы, возможно ли, используя нейросетевые алгоритмы, смоделировать процессы понимания и порождения музыки? В контексте процессов деглобализации создание и внедрение адекватного языка описания тех явлений русской музыкальной культуры, с которыми знакомятся носители иных культур — задача намного более прикладная, но не менее важная. В связи с этим необходимо обеспечить усвоение ключевых элементов русского музыкального дискурса, которые способствуют формированию целостного и системного взгляда на русскую ментальность, обеспечивая понимание ее места, значимости и созидательного потенциала в интеллектуальной истории человечества. Опираясь исключительно на теоретико-музыковедческие исследовательские стратегии, добиться результата не представляется возможным, поскольку наиболее яркими вехами на исследовательском пути являются метадисциплинарные работы, недостаточно освоенные не только зарубежными коллегами в силу языкового барьера (многое еще не переведено), но и русскоязычными исследователями, замкнутыми в рамках смежных дисциплин (в том числе этнопсихологии, философии культуры, культурологии). Введение в международный научный оборот текстов, в которых содержатся пролегомены отечественной музыкальной когнитивистики — труды В. Ф. Одоевского, П. П. Сувчинского, Б. Л. Яворского, А. Ф. Лосева, Б. В. Асафьева, В. В. Медушевского — серьезный шаг в правильном направлении. В этом русле лежит деятельность издательства «Композитор» по выпуску серии переводов первоисточников русской, советской и российской теории музыки на английский язык, включающая издание трактата Б. Л. Яворского «Строение музыкальной речи» (в 2022 г. впервые полностью опубликован на русском и английском языках, с приложением более 200 страниц архивных материалов). На наш взгляд, использование философского категориального аппарата исследований языка и ментальности В. В. Колесова представляется плодотворным в контексте освоения наследия Б. Л. Яворского на современном этапе развития музыкальной когнитивистики. Исследователей объединяет не только независимость мышления, но и высокая степень теоретического обобщения, когда многое остается за текстом в «свернутом» состоянии, и практически каждый тезис можно развернуть в большое исследовательское полотно. Б. Л. Яворский утверждал: «Музыкальная речь, одна из составных частей звуковой речи, черпает свой состав (материал) и законы из той же человеческой жизни, проявлением которой она является. Материалом (составными частями и элементами), из которого создается музыкальная речь, и является звук и время» [Яворский, 92]. Коснувшись сосюрговской дихотомии «Язык-речь», необходимо остановиться отдельно на концептах («речь», «время», «звук») в русской картине мира. Это поможет уточнить понятийно-терминологическую сетку, которой оперирует не только отечественная музыкальная когнитивистика, но и смежные дисциплины, изучающие музыкальный язык и музыкальную речь, музыкальное восприятие и его нейрофизиологические основы, музыкальный звук, длящийся во времени, понятие тембра, музыкальный когнитивный статус. В формирующемся понятийном аппарате отечественного когнитивного музыковедения, во многом опирающемся на достижения когнитивной лингвисти-

ки, термин «концепт» признается сложноорганизованным понятием, допускающим различные толкования его природы и смысловых границ, в том числе как специфический познавательный механизм, наращивающий собственный смысловой потенциал за счет связей с внешним миром [Амрахова, 12–13]. В русскоязычном музыкознании недостаточно внимания уделяется «данным нейробиологии, опыту формализации мыслительных процессов и создания на его основе алгоритмов, принципиально отличных от опыта индивидуального самопонимания исследователем текста или музыкального высказывания» [Курленя, 146]. Причины очевидны — для сбора и анализа таких данных необходимы средства, на несколько порядков превышающие самые смелые запросы российских исследовательских лабораторий, финансирование нейробиологических исследований — это венчурные инвестиции, то есть долго, дорого и с риском отсутствия возврата вложенных средств, составляющим более 75 процентов. Однако, в указанном «разделении задач» можно увидеть и положительную сторону. Если мы исходим из того, что каждая культура уникальна, то логично предположить, что заниматься тем, что получается лучше всего — самое эффективное решение. «В развитии сознания неизбежно, диалектически оправданно, наступает момент поляризации противоположностей. Происходит это обычно в момент столкновения с внешним миром, но не отталкивания от него, а в попытке понять и сблизиться. Отсюда идет природное уважение русского человека к иностранцу. Он осмеет костюм и носовой платок чужестранца, но присмотрится к его деловым и умственным качествам: «Немец молодец — обезьяну выдумал» [Колесов 2006: 150]. Эмпирики прекрасно справятся с инвазивными опытами и созданием киберголемов, а холистики — с обобщением полученных данных и выводами на их основе, которые, по возможности, должны вести к сохранению человеческого в человеке.

Литература

Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006.

Яворский Б. Л. Строение музыкальной речи. М.: Композитор, 2022.

Курленя К. М. Поиски смысла в музыке: научные прорывы и тупики. Аналитический обзор отдельных достижений музыкальной когнитивистики // Научный вестник Московской консерватории. 2021. Том 12. Вып. 2 (июнь): 136–163.

Амрахова А. А. Когнитивные аспекты интерпретации современной музыки (на примере творчества азербайджанских композиторов): автореф. дис. ... докт. искусствоведения. М., 2005. 35 с.

КОГНИТИВНАЯ ГРАММАТИКА: INSTRUMENTALIS С ПРЕДЛОГАМИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ильченко Ольга Сергеевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Многие выдающиеся отечественные и зарубежные лингвисты прошлого (А. В. де Гроот, Э. Бенвенист, Л. Ельмслев, Р. Якобсон, К. С. Аксаков, А. М. Пешковский и др.) настаивали на том, что падежи имеют свой самостоятельный смысл. С нашей точки зрения, к устройству категории падежа в человеческом языке вплотную подошел только Л. Ельмслев. К сожалению, до сих пор его работы о падежах не переведены с французского на русский язык и, кроме того, датский лингвист не успел применить свою теорию к европейским языкам. Однако до сих пор, несмотря на интересные и глубокие исследования А. Вежбицкой, Л. Янды, Ю. Н. Караулова, Е. В. Рахилиной и др., ученым так и не удалось преодолеть влияния антиграмматического гипноза, который исходит от вещественных частей слов и от которого прозорливо предостерегал А. М. Пешковский (подробнее см. в [Ильченко 2018]). Указанное влияние, действительно, является трудно-преодолимым препятствием на пути решения проблемы отделения грамматического от лексического в значении падежа.

Методологически важно при установлении инварианта падежного значения различать понятие «падеж» на уровне абстрактной языковой структуры (глубинная семантика) и на уровне манифестации абстрактной структуры (поверхностный уровень речевых реализаций). Понятно, что инвариант может существовать только на уровне абстрактных структур. Мы полагаем, что падежная форма (на каком бы уровне синтаксиса — центральном или периферийном — она ни работала) способна однозначно участвовать в порождении нашим сознанием определенного смысла потому, что за ней стоит интуитивно улавливаемое носителями языка пространственное представление [Ильченко 2017: 135–136]. С нашей точки зрения, грамматическая абстракция является результатом метафорического переосмысления конкретных пространственных отношений на уровне структуры предложения (локалисты говорят о вторичных функциях пространственных моделей).

Сирконстантные функции Тв. п. часто рассматриваются как выражающие отношения между двумя объектами, в отличие от актантных функций, выражающих отношение между предикатом и объектом. Так считает, например, Л. Янда, называя Тв. п. с пространственными предлогами «над», «под», «перед», «за», «между» *Instrumental: a landmark* [Junda, Clansy 2002]. Однако такие определения значения творительного местонахождения, как, например, «предмет, выше (ниже) которого расположен или направлен другой предмет» и под., отсылают только к экстралингвистической ситуации и не имеют отношения к грамматическому значению. Нас же интересует устройство самого языка, языковая структура и внутриязыковые отношения (о семантических признаках в падежной структуре см. [Ichenko 2015]). Внешний (периферический) синтаксис как «надстройка», в отличие от внутреннего (центрального), включает экзоцентрические падежи и наречия как внешние пространственно-временные локусы (сирконстанты), в которые помещается вся ситуация в целом, т. е. локалистические метафоры внешнего (поверхностного) представления действия со стороны говорящего. История русского языка свидетельствует о постепенном вытеснении на периферию древних (первоначально беспредложных) локальных падежей, получивших в современном русском языке предлоги (для уточнения направления). Мы полагаем, что современный внешний синтаксис концептуализирует ДВИЖЕНИЕ в широком смысле слова (пространственное, темпоральное, перцептивное (описывает процесс чувственного — чаще зрительного и слухового — восприятия), мысленное). Еще А. А. Потебня отмечал, что пребывание в пространстве, простирающемся до известного предела, не отличается от движения, направляющегося до чего, потому что если не движется пространство, то движется по нем глаз и мысль. С этой, когнитивной, точки зрения, Тв. п. с пространственным предлогом обозначает объект, ЧЕРЕЗ который проходит движение глаз при определении местонахождения предмета: картина висит над столом; повесить картину над столом; мяч лежит

под столом; не стой под балконом; встань передо мною; за облаками — небо; увидел дорожку между домами и под. В данных контекстах определение местонахождения идет «ЧЕРЕЗ что-то другое», находящееся как бы на одной линии с лоцируемым предметом, а точнее — на ПУТИ, траектории движения глаз.

Таким образом, в современном русском языке периферийные инструментальные конструкции с пространственными предлогами являются воплощениями (как и центральные: творительный орудия, средства и т.д.) семантической (глубинной) структуры инструменталиса [...→●→...], в основе которой лежит элементарное пространственное представление — перво-смысл ЧЕРЕЗ, воспринимаемый русским сознанием абстрактно, безотносительно к характеру пересекаемого объекта (в отличие, например, от английского языка), и идея (концепт) ПУТИ.

Литература

- Ильченко О. С.* Пространственные представления как основа категории падежа: датив в русском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3: 135–141.
- Ильченко О. С.* Категория падежа в трудах Ф.Ф.Фортунатова и его учеников (А.М.Пешковского, А.А.Шахматова и др.) // Фортунатовские чтения в Карелии: сб. докладов международной научной конференции (Петрозаводск, 10–12 сентября 2018 г.). В 2 ч. / под ред. Н. В. Патроевой; предисл. Н. В. Патроевой, О. В. Никитина. Петрозаводск, 2018. Ч. 1. С. 49–52.
- Ishchenko O. S.* Semantic features in case theory: objections and corrections. // Russian linguistic bulletin. 2015. No. 1 (1): 18–20.
- Janda L. A., Clancy S. J.* The Case Book for Russian. Bloomington, 2002.

МАТЕРИАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В МЕТАФОРАХ В. В. КОЛЕСОВА

Купчик Елена Викторовна

профессор, Тюменский государственный университет

Современные научные представления о метафоре как универсальном механизме мышления человека и познания им действительности позволяют лингвистам получать информацию о картине мира, существующей в языке и нации в целом, и конкретной личности. В книгах В. В. Колесова «Как наше слово отзовется...» [Колесов 2001] и «История русского языка в рассказах» [Колесов 2005], освещающих широкий круг вопросов исторического развития и современного состояния русского языка, выявлены разнообразные метафоры, характеризующие язык и его элементы посредством сопоставления с реалиями как одушевленного, так и неодушевленного (вещного, предметного) мира. Область цели метафорических моделей включает обозначения языка в целом, его элементов (слов, грамматических конструкций разной степени сложности), происходящих в языке процессов и т. д. Представление о материальности языка отражено в его характеристиках как физического объекта, имеющего определенные параметры: форму (или аморфность), протяженность, объем, массу, вес, фактуру с теми или иными свойствами. Например, примыкание определяется как «бесформенная связь»; грамматическая система оказывает «подспудное давление» на формы множественного числа существительных; многозначные союзы образуют «ровную гладь». Происходящие в языке процессы представлены как изменения материального объекта под влиянием внутренних или внешних факторов. Устаревшее морфологическое время «разрушается», слова посредством грамматической связи «склеиваются» в словосочетания, «истончаются» с течением времени, предложения «шлифуются» и др. Элементы языка меняют конфигурацию — сжимаются, свертываются, развертываются, ломаются. Изменения в языке нередко предстают как расслоение: например, новые существительные «отслаиваются» от общего имени, причастия подвергаются «великому расслоению» на прилагательные и глагольные формы, счетные имена «слой за слоем сбрасывают с себя» то, что объединяло их с другими именами. Метафорическая характеристика языка как вещества передается главным образом сопоставлениями с металлом. Формирование значения и облика слова в его историческом развитии уподоблено процессу литья посредством использования глагола «отливаться»; само же слово являет собой «сплав» личного, национального и общечеловеческого. В. В. Колесов неоднократно использует сопоставление языка и его элементов с тканью, изделиями из нее, пряжей. Среди текстильных метафор особой значимостью отличается образ нити, выполняющей несколько функций. Нить «сплетает» отдельные элементы языка в нечто целое (слова в предложениях и др.), «опутывает» слово множеством значений, «простегивает» его семантическими оттенками префикса, стыки морфем образуют «швы веков». Непрочная нить иллюстрирует представление о неустойчивости связи слова с его конкретным значением. Замысловатость исторического развития какой-либо языковой категории отражена в метафоре клубка, который следует разматывать исследователю языка. Метафоры вместилища отражают представление о языке как резервуаре, имеющем то или иное содержимое: язык — хранилище человеческого опыта; лексическая система — переполненный автобус, в котором движение одного пассажира передается всем остальным; глагол — капсула, содержащая в качестве взрывчатого вещества энергию целого выражения; слово может быть «грамматически опустошенным» и т. д. Предметные метафоры имеют в качестве источника обозначения объектов как природного, так и рукотворного происхождения. Например, изменение формы главного компонента словосочетания при сохранении форм остальных слов отражено в образе брошенного в воду камня, от которого расходятся круги. Воздействующая функция языка передается метафорами холодного и огнестрельного оружия, взрывчатых веществ. Глагол ассоциируется с пружиной в тексте произведения, союзные слова — со скрепками, исторические чередования выполняют функцию устройства на пишущей машинке, сигнализирующего о завершении строки. Если стершееся от частого употребления слово подобно старой монете или изношенной одежде, то новое слово ассоциируется с выразительным мазком на создаваемой картине. Изменения,

происходящие в языке, находят воплощение в метафорах, отражающих процесс созидания или разрушения какого-либо объекта. Например, грамматическое изменение сравнивается с изготовлением Буратино, у которого помимо воли мастера вырастает длинный нос. Сопоставление метафор языка вещественного характера в рассматриваемых произведениях с материалом, представленном в соответствующем разделе словаря поэтических образов [Павлович 1999:651–676] позволяет сделать вывод, что В. В. Колесов не только активно использует метафорический арсенал русской литературы, но и создает индивидуальные образные соответствия, а также развернутые метафорические описания. Например, ключевой образ нити в рассуждениях о связи слов предстает в нескольких аспектах: это и «таинственные нити», связывающие важные в культурном отношении слова, и нити личного пристрастия, эмоций, и путеводная нить, ведущая смысл слова сквозь века. Материальные метафоры дают ученому возможность выразительно описать объект, не принадлежащий вещному миру: «Язык материально не существует никак! Нет такого сундука или сейфа, где хранился бы отлитый или сотканный эталон русского языка. Ученые собирают его по кусочкам...» [Колесов 2005: 6].

Литература

Колесов В. В. История русского языка в рассказах. СПб., 2005.

Колесов В. В. Как наше слово отзовется... СПб., 2001.

Павлович Н. Н. Словарь поэтических образов: в 2 т. Т. 1. М., 1999.

«УЧУСЯ В ИСТИНЕ БЛАЖЕНСТВО НАХОДИТЬ...». КОГНИТИВНЫЕ ВЕКТОРЫ КОНЦЕПТА ИСТИНА В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

Лабынцева Елена Вячеславовна

профессор, Международная славянская Академия

Изучение поэтического текста в лингво-когнитивном аспекте открывает возможность изучения и описания концептосферы языковой личности поэта. Это позволяет выявить процесс порождения индивидуально-авторских смыслов и его составляющих, восходящих к актуализации первообраза, являющегося смысловым актантом, задающим движение мысли [Лабынцева 1997: 123]. Концепт как одна из основных единиц когнитивной лингвистики задает многовекторную структуру, обозначая проявленную мерцающую сеть смысловых отношений в пересечении множественных линий сознания, позволяющих проявить актуальные авторские смыслы.

Для данного исследования важно отметить вектор понимания концепта, который отметил в своих исследованиях В. В. Колесов: «Концепт представляет собой сущность общенародного подсознательного, выраженного вербально, в словах и грамматических формах родного языка» [Колесов 2012: 1], так как мы обращаемся к концепту ИСТИНА, определяющему подлинный мир, постигаемый для жизни, концепту, в своем составе имеющем значение подлинный и сущий.

Концепты, проявленные в лирике гения русской поэзии А. С. Пушкина, призваны показать русскому человеку, к чему он действительно предназначен, какие глубины и высоты зовут его, какую духовную мудростью и художественную красоту он формирует идеалы человечества.

Реконструируя в исследовании лингво-когнитивную систему проявленного в лирике А. С. Пушкина концепта ИСТИНА, обращаясь к образу, символу и понятию, к развитию семантической доминанты концептума в стихотворных текстах, актуализацией которых являются множественные проявленные векторы когнитивной развертки, выделяем основные семантические ряды: ИСТИНА — ПОДЛИННОЕ — НАСТОЯЩЕЕ — ДОЛЖНОЕ. Данные ряды использованы для выборки текстов из корпуса лирических произведений поэта.

Основой для более развернутого исследования концепта послужили архаичные значения, которые дали возможность проявлению его интерпретационного определения. Например, корень слова «Истый» — корневая основа которого сть-восходит к др.-русс. языку, позволяет описать лингво-когнитивный векторы:

1. /Стоять в истине/Пребывая в вещественном мире, принадлежать в поступках и суждениях иному, существенному миру/Не от мира сего/Блаженство/Вдохновение («Поэт», «Певец», «В степи мирской, печальной и безбрежной» и др.).

2. /Направить на путь истинный/Свободная душа/Самостоянье человека/ Человечество/ Справедливость («Пророк», «Памятник», «Деревня» и др.). Именно старшие значения — «то, что есть» — позволяют рассмотреть:

ПОДЛИННОЕ как проявленное, как эмоционально-чувственный комплекс, наполняющий содержание концепта человеческими переживаниями («К ней», «Поэт и толпа», «Герой» и др.). НАСТОЯЩЕЕ декларирует константы межличностных отношений, которые формируются пространственно-временными экспонентами: путешествия, ссылки, поездки, встречи («19 октября 1827 года», «Вновь я посетил», «Свободы сеятель пустынный» и др.). ДОЛЖНОЕ осуществляет морально-этический комплекс, к которому восходит поэт через все события жизни («Отцы пустынники и жены непорочны», «Клеветникам России», «К Чаадаеву» и т. д.). В процессе реконструирования возможного и актуального проявленного смылосодержащего комплекса концептума также рассмотрены художественные образы, позволившие обозначить встроенность концепта ИСТИНА в систему идеальных компонентов русской культуры, в основе которой лежит судьба духа и её ответы на эпохальные вызовы. Например, символический вектор ИСТИНА — ДОСТИГАТЬ ЦЕЛИ включает в себя образы концепта: ГЛАГОЛИТЬ ИСТИНУ — «Глаголом жги сердца людей!» («Пророк») и т. д.

Центром реконструкции концепта выбрана строфа из стихотворения «Деревня»: «Я здесь, от суетных оков освобожденный, Учуся в истине блаженство находить, Свободною душой закон боготворить».

Образно-смысловая цепочка строфы: Я ЗДЕСЬ — ОСВОБОЖДЕННЫЙ — В ИСТИНЕ — БЛАЖЕНСТВО — СВОБОДНОЮ ДУШОЙ, — рассмотренная с точки зрения фреймовой-слотовой структуры ОБРАЩЕНИЯ (Я — БОГ) позволила установить и выразить ценностное содержание концепта: БОГОТВОРИТЬ ЗАКОН. Также определить и условия постижения ИСТИНЫ: ЗДЕСЬ — на земле УЧУСЬ (повторено 8 раз) в связи с антонимической парой — ВЕЗДЕ — в мире НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ (повторено 3 раза) совместно с дважды проявленной СВОБОДОЙ утверждает необходимость духоподъемного подвига в отношении человеческого предназначения.

Через БЛАЖЕНСТВО и ВИТИЙСТВА ГРОЗНЫЙ ДАР, (ВИТИЙСТВО когнитивный вектор ПЕВЕЦ-ПРОРОК с отсылкой к будущему подтверждению заданного концептом и реализованного в одноимённом стихотворении), которого поэт добивается, в котором сливается Божественная энергия и энергия человека, не противопоставляемые друг другу, а находящиеся во взаимодействии, утверждается благодарность Творцу за дар жизни. И это сакральное движение человеческого сердца подвигает его к СО-творчеству.

Пушкин учит Россию видеть ИСТИНУ Бога, и этим видением он манифестирует мощное противостояние, противление гибели человечества из-за собственного невежества и эгоизма. Только так, через САМОСТОЯНИЕ (концепт, проявившийся в черновом варианте к стихотворению «Два чувства дивно близки нам») человек обретает свою уникальность и реализует смысл собственного бытия. Происходит осияние светом Божественного величия, происходит спасение не только самого поэта, но и всего ОТЕЧЕСТВА: «И над отечеством свободы просвещённой Взойдет ли наконец прекрасная заря?»

Литература

Колесов В. В. Концептология. Кемерово, 2012. — (Концептуальные исследования, вып.16).

Лабынцева Е. В. Актуализация эстетической значимости в акте ассоциативного моделирования художественного высказывания // Доклад на научной конференции «Проблемы лингво-стилистического анализа текста. Соликамск, 1997.

КОНЦЕПТ СУДЬБА В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕННАДИЯ ЛЫСЕНКО

Ли Синьуй

аспирант, Дальневосточный федеральный университет

Работа посвящена теме судьбы в творчестве Геннадия Лысенко, одного из значительных поэтов Приморья. Практически в каждом произведении отечественной литературы будь то книга, роман, поэма или рассказ — везде присутствует тема влияния судьбы на действия и восприятие героя. По данным из словаря «Антология концептов. Том 3», концепт судьба в сознании носителей:

- 1) предопределяет все события в жизни человека;
- 2) предопределена, но ее можно избежать;
- 3) предсказуема;
- 4) может быть рациональной или иррациональной;
- 5) влияет как благотворно, так и губительно;
- 6) есть у каждого человека и в этом смысле судьба индивидуальна;
- 7) конкретное содержание предопределенных событий остается тайной для человека;
- 8) часто зависит не от высших сил, а от поступков самого человека. [Карасик, Стернин].

Нами были отобраны стихи Г. Лысенко из сборников «До красной строки, до упора» [Лысенко 2012: 256] и «Счастье наизнанку» [Лысенко 2010: 192]. Рассмотрим пять фрагментов с концептом судьба. В первом фрагменте: Решается таким вот днем / судьба июньских пустоцветов / Идет естественным путем / отбор семян, отбор поэтов.

- 1) В данном стихе представлена судьба писателей и про нее говорится что это судьба пустоцветов. То есть деятельность некоторых писателей не приносит результативности, возможно они не имеют никакого влияния на людей, не могут донести то что хотели. Этот смысл совпадает с РЯКМ, т. к. в РЯКМ была связь судьбы писателя с непониманием, не признанностью.
- 2) С другой стороны, судьба писателя сравнивается с семенами цветов, что является уникальной авторской репрезентацией.

Во втором: Пусть средь бела дня / Полынный дождь нечаянно нахлынет, / Как в город деревенская родня. / И надо в первых проблесках сирени / Не бунт узреть, / А логику судьбы, / Чтоб после проповедовать смиренье, / Стоящее на уровне борьбы

- 1) Автор пишет про логику судьбы, словно у нее есть законы, закономерности, которые можно вычислить. Этот смысл совпадает с РЯКМ, так как в ней есть идея предсказуемости судьбы;
- 2) Узреть судьбу. Этот смысл совпадает с РЯКМ, то есть предугадать, предвидеть будущее;
- 3) После проповедовать смиренье — автор пишет, что если он сейчас узрит судьбу, поймет ее логику, то в дальнейшем будет более спокойным, уравновешенным.

Возможно, это отсылает к тому, что с наступлением осени писатель впадал в депрессию и начинал внутреннюю борьбу с самим собой.

В третьем: Я верую, хотя и есть сомнения, / в закономерность, что зовут судьбой, / и составляю будущие звенья / из прошлых дней, не схожих меж собой, я верую — большое дело случай, / но вместе с тем и темное, как бог. В данном стихе можно вывести смысл: судьбу можно предугадать, и автор это делает на основе прожитых дней: составляю будущие звенья из прошлых дней, не схожих меж собой. Этот смысл совпадает со смыслами в РЯКМ: судьбу можно предсказать.

- 1) Автор пишет, что верует с трудом в эту закономерность судьбы. То есть судьба, по его мнению, больше нелогична, незакономерна. Эта идея есть в РЯКМ: судьба иррациональна.
- 2) Образ судьба — цепь также есть в РЯКМ: из ассоциативного эксперимента судьба писателя сравнивалась с ржавой цепью.
- 3) В судьбе большое значение имеет случай, и этот случай может быть счастливым, а может быть трагичным. Эта идея также есть в РЯКМ: «Все на свете случай».

В четвертом: Ищу своих среди живших и живых, / Чтоб поделить корявую краюху, Она на вкус немного горьковата, / Она не всем сегодня по зубам, / и в том судьба отчасти виновата, / но больше все же виноват я сам

- 1) Автор пишет о своей судьбе, о своей участи. Он говорит «корявая краюха», имея в виду, возможно, своё бытие. Такая ассоциация судьбы с горьким куском хлеба уникальна.
- 2) Также упоминается о тяжёлой судьбе, что она не всем по зубам. Такая репрезентация есть РЯКМ: судьба губительно влияет на человека.
- 3) Наконец, в строчках «больше виноват я сам» можно понять, что автор чувствует, что несет ответственность за свою жизнь. Такая репрезентация есть в РЯКМ: борьба с судьбой.

В пятом: Ибо руки уже разошлись, / ибо поезд вернется едва ли; / и кому-то останется близь, / а кому-то достанутся дали. / Ну а мне / за размытой чертой, / там, где зябнут плакучие ивы, / славить то, что идет чередой, / проклиная заскоки и срывы.

- 1) В данном стихе представлена репрезентация судьбы как дороги, как пути. Эта репрезентация совпадает с РЯКМ.
- 2) Также возникает идея того, что судьбы у людей разные: и кому-то останется близь, а кому-то достанутся дали. Эта репрезентация совпадает с РЯКМ.
- 3) Судьба имеет конец, заново ее не прожить, то есть «поезд не вернется».

Эта репрезентация совпадает с репрезентацией из РЯКМ: смерть лишь завершает положенный судьбой удел. В результате концептуального анализа мы выявили, что в лирике Г. Лысенко 28 репрезентаций концепта судьба совпадают с репрезентациями из русской языковой картины мира, а уникальными будут следующие репрезентации:

- 1) Если знать свою судьбу, то можно действовать более решительно, более спокойно;
- 2) Судьба как семена цветов;
- 3) Судьба как «корявая краюха»;
- 4) Судьба как географическая карта;
- 5) Судьба как полотно с прорехами.

Писатель сам признавал, что его судьба была насыщенной, полной радостей и печалей. Также можно заметить большое стремление автора понять «логику» судьбы, заглянуть в будущее. Что касается вопроса свободы и необходимости в судьбе, то тут поэт чувствовал ответственность за свою судьбу (и в том судьба отчасти виновата, но больше все же виноват я сам).

Литература

Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов. Том 3. [Электронный ресурс]: электрон. портал. Режим доступа: http://www.sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Antologija_konceptov/Antologia_3.pdf

Лысенко Г.М. До красной строки, до упора: Книга избранных стихотворений. Владивосток, 2012.

Лысенко Г.М. Счастье наизнанку. Владивосток: Альманах «Рубеж» (Серия «Линия прилива»), 2010.

ПРЕИМУЩЕСТВА ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРЕДЛОГОВ ВРЕМЕННОЙ ПРОТЯЖЁННОСТИ

ADVANTAGES OF THE LINGUO-COGNITIVE APPROACH TO THE STUDY OF THE TIME-LENGTH PREPOSITIONS

Ли Хуаньхуань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Современные лингвистические исследования все больше характеризуются междисциплинарным характером. В этом случае язык уже не считается самостоятельным, автономным явлением согласно системно-структурной парадигме, а рассматривается «в тесной связи с самим субъектом восприятия, познания, мышления и поведения — человеком» (Лещева 2014: 8). В основе когнитивного подхода к языку лежит его понимание как общего когнитивного механизма, инструмента — системы знаков, исследующей модели сознания, связанные с познавательными процессами. В рамках когнитивной лингвистики открываются инновационные подходы к изучению языка, его концептов и категорий. Время является одним из важнейших универсальных концептов. Характер протекания времени отражается в языке разными формами. Одна из категорий — временная протяженность. Теоретические основы когнитивной лингвистики помогают лучше понять предлоги временной протяженности. Лингвокогнитивный подход к изучению предлогов временной протяженности предоставляет больше возможностей для углубленного изучения этой части речи. Части речи, как отмечает Е. С. Кубрякова, это особый речемыслительный феномен: они связаны с определенными содержательными структурами знания, созданными для дальнейшего участия в актах коммуникации, т. е. представляют синтез когнитивного и коммуникативного начала. Категории и единицы языка должны обладать обоими этими свойствами (Кубрякова: 38–39). Предлог — служебная часть речи, обозначающая отношение между объектом и субъектом, выражающая синтаксическую зависимость имен существительных, местоимений, числительных от других слов в словосочетаниях и предложениях. В русском языке предлоги являются одним из типов многозначных слов, у которых богатая система семантики. Предлоги временной протяженности как один из типов предлогов востребованы и широко используются в русском языке. В лексике предлоги изучали в русле традиционной лингвистики: изучали их происхождение, структурные особенности, семантику. Но с точки зрения идей когнитивного направления исследование этой части речи только начинается. В соответствии с когнитивным подходом к изучению языка, предлог является результатом концептуализации опыта человека при взаимодействии с внешним миром. В процессе познания человеком реальных объектов мира при осмыслении различных параметров пространства, объектов, их местоположений и сложных взаимосвязей в языковом сознании человека появился предлог как языковая единица для выражения определенных концептуальных значений в коммуникации. Предлоги выражают основные представления, воспринимаемые человеком на начальном этапе когнитивного воздействия, участвуют в процессах категоризации и концептуализации сознанием человека окружающего мира. Изучение предлогов временной протяженности с когнитивной точки зрения имеют свои особенности, которые, в первую очередь, связаны с объяснением и описанием процесса формирования их семантики, их когнитивными характеристиками в сознании человека. В рамках современной когнитивной лингвистики одной из важных теорий является теория метафоры. Метафоры как языковые выражения, по мнению Лакоффа и Джонсона, заложены в понятийной системе человека, мышление человека метафорично. Метафорические выражения признаются важным инструментом исследования понятийной системы человека (Скребцова 2018: 44). Когнитивная структура реальных предметов может быть спроецирована на когнитивную структуру новых предметов для построения нового значения. Основываясь на образ-схеме, посредством пространственной метафоры предлоги проецируют семантику из пространственной области во временную область и образуют предлоги временной протяженности, тем самым осуществляется расширение семантики. Таким образом, те-

оретические основы когнитивной лингвистики помогают лучше понять предлоги временной протяжённости. К основным преимуществам изучения предлогов временной протяжённости с когнитивной точки зрения можно отнести следующие: с использованием теорий образ-схемы, метафоры и других когнитивных методологий можно получить доступ к пониманию принципов функционирования языкового сознания человека, к процессу осознания концепта временной протяжённости, а также изучить процесс репрезентации предлогами данного концепта в речи, можно проводить углублённое исследование лексической и грамматической семантики предлогов данной группы. Новые направления в лингвистике раскрывают новые возможности в изучении частей речи и новые аспекты в методике их анализа. Изучение предлогов временной протяжённости с лингвокогнитивной точки зрения даёт значительно больше возможностей в объяснении их формирования в языковом сознании носителей русского языка, и описании лексической и грамматической их семантики. Полученные результаты такого исследования помогут иностранным учащимся русского языка более ярко понять и изучить предлоги данной группы.

Литература

- Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4: 34–47.
- Лещева Л. М.* Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. М., 2014.
- Скребцова Т. Г.* Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М., 2018.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «ВИДЕОИГРА»: ОСНОВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НА ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ

Мухина Ирина Константиновна

доцент, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина

В лингвистике распространена полевая модель построения концепта, согласно которой каждый концепт состоит из сфер различной степени удаленности от его ядра. Одним из способов ее формирования является ассоциативный эксперимент. Целью исследования является выявление структуры концепта «Видеоигра» и его значимых когнитивных признаков, представленных, согласно концепции Л. Г. Бабенко [Бабенко 2010], в ядерной и приядерной зонах концепта, на основе данных ассоциативного эксперимента и результатов идеографического анализа ассоциатов. Свободный ассоциативный эксперимент проводился посредством сервиса Google (Google Forms / Гугл-форма). Анкета для проведения эксперимента состояла из двух частей: вопросов, дающих общее представление о респонденте (возраст, пол, тип занятости, образование, специализация, место проживания); вопросы, непосредственно выявляющие ассоциативные реакции на стимул «Видеоигра» (например, напишите 3–6 первых пришедших Вам в голову ассоциаций к слову «Видеоигра»). В психо-лингвистическом эксперименте принял участие 121 респондент в возрасте от 15 до 71 года, при этом подавляющее большинство опрошенных — это молодые люди; всего на лексему «Видеоигра» были даны 432 реакции. Идеографический анализ показал, что полученные в ходе эксперимента реакции можно распределить по различным денотативно-идеографическим группам. Проанализировав исходные данные, можно утверждать, что по количественному признаку в концепте «Видеоигра» ассоциации, связанные с игрой как развлекающим времяпрепровождением, доставляющим удовольствие, составляют ЯДРО КОНЦЕПТА «Видеоигра». Доминирует денотативно-идеографическая группа «Развлечения, увлечения и отдых» (126 ЛСВ): ассоциаты, связанные с развлечениями (26 ЛСВ): развлечение 19 [цифра после слова-реакции указывает на количество полученных ассоциаций], приключение 2, адреналин, вечеринка, интрига, отвлечение, хорошо проведенное время; ассоциаты, связанные с игрой как занятием, всецело поглощающим игрока, а также с его навыками (7 ЛСВ): хобби 3, навык 3, интерес; ассоциаты, связанные с игрой как свободным от работы временем (6 ЛСВ): отдых 3, релакс (от англ. to relax — отдыхать), расслабление, отдыхать; ассоциаты, связанные с проведением свободного времени за игрой (5 ЛСВ): времяпровождение 2, досуг 2, времяпрепровождение. Вторая по численности денотативно-идеографическая группа реакций в ядре ассоциативного поля концепта «Видеоигра» — ассоциаты, связанные со сферой компьютерных игр (82 ЛСВ): названия компьютерных игр (36 ЛСВ): кс 3, симс 2, гта 2, ведьмак 2, варкрафт 2, LoL 2, фифа, сиесджо, салифейс, раст, мморпг, метро, мафия, лара крофт, контер страйк, кал оф дьюти, далматинец (моя первая игра), аутласт, zero sum, valorant, tarkov, sims 3, Pegasus, red dead, mk 11, halo, fallout, dragon age, cs:go; игровые жанры (31 ЛСВ): стрелялки 4, стрелялка 3, RPG 3, FPS 3, шутер2, гонки 2, МОБА 2, экшн, шутеры, ходилка, рпг, квест, дэзматч, гоночная, rts, role playing games, mmo, first person shooter, стратегическая; номинации игроков (6 ЛСВ): геймер 2, задрот, стример, ливер, летсплейшики; элементы видеоигр (4 ЛСВ): катсцена, катка, интерактив, k/d; действия в игре (3 ЛСВ): сохранить, сохранение, пассаж; обозначение онлайн-сервисов цифрового распространения компьютерных игр (2 ЛСВ): близзард, steam. К ПРИЯДЕРНОЙ ЗОНЕ концепта «Видеоигра» принадлежат ассоциации, связанные с техникой и технологиями и относящиеся к одноименной денотативно-идеографической группе (109 ЛСВ): технические электронные устройства (91 ЛСВ): компьютер 25, джойстик 10, приставка 9, Playstation 5, РС 5, консоль 4, телевизор 3, наушники 3, PS4 3, флешка 2, плеysterшн 2, клавиатура 2, геймпад 2, телефон, тв, процессор, пк, монитор, компьютерная, комп, игровая приставка, игровая консоль, монитор, диск, гарнитура, ps, play station, Nintendo, Gameboy; игровые аксессуары (1 ЛСВ): коврик; общие понятиями сферы компьютерных технологий (17 ЛСВ):

FPS 3, графика, пиксель, технология, стриминг, сглаживания, сглаживание, скорость обновления монитора, скорость, системные требования, разрешение, качество графики, кадры, бит, twitch. Анализ показал, что самые важные и существенные представления образуют ядро концепта: видеоигра — это игра (компьютерная игра) с использованием визуального интерфейса, служащая для отдыха, развлечения, увеселения, получения новых знаний, заполнения досуга и эстетического наслаждения ее участников и зрителей, основывающаяся на взаимодействии человека и электронного устройства. К приядерной зоне концепта относятся ассоциации, связанные с техникой и технологиями, что объясняется самим способом осуществления данной игровой деятельности. Наиболее частотными ассоциациями на стимул «Видеоигра» стали реакции компьютер 25, развлечение 19, джойстик 10, приставка 9, графика 9. При этом наиболее количественно представленными в сознании носителей языка являются названия технических электронных устройств (91 ЛСВ) и ассоциаты, связанные с компьютерными играми (82 ЛСВ). Это дает основание утверждать о том, что у каждого респондента стимул видеоигра связан с определенной, любимой игрой. Таким образом, у молодых людей концепт «Видеоигра» преимущественно ассоциируется с развлечением и отдыхом, это объясняется тем, что благодаря видеоиграм молодые люди восстанавливают силы после работы и учебы, при этом получая удовольствие от самого процесса игры.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352 «Свод лексики как идеографическая карта мира: Универсальный словарь-тезаурус русского языка», <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>.

Литература

Бабенко Л. Г. Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря. Екатеринбург, 2010. С. 3–20.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТЕКСТА, ПРЕДЛОГИ И ТОЧКА ЗРЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ

THE GEOGRAPHICAL COMPONENT OF THE TEXT, PREPOSITIONS AND THE SPEAKER'S POINT OF VIEW: IDEAS ABOUT THE SPATIAL ORGANIZATION OF RUS

Михайлов Алексей Валерианович

доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени акад. М. Ф. Решетнева

Михайлова Татьяна Витальевна

доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени акад. М. Ф. Решетнева

Как известно, что сказано в текстах средств массовой информации, то и создает картину реальности, при этом ее отражает, но не равняется ей. География, образы территорий, географическая аксиология и ориентация не исключение. Не только в СМИ, но и в художественной литературе география может подвергаться трансформации, и не только лишь в специальных художественных целях. Авторы данной работы предлагают обратить внимание на семантику и употребление пространственных слов, географических наименований, образований от них, включая предлоги в пространственном значении. Достаточно давно постулирована ценность образов, собственно географическое ценностное содержание текстов. Аксиогеография обладает собственными областью исследования и методологией [Вешнинский 2019: 10]. В частности, известны работы по изучению сакральной географии (иеротопии) Русского Севера Н. М. Терехихина [Терехихин 2004]. Сакральная география Подмосковья, Сибири также представляется вполне изученными областями [Громов 2005]. Традиционное описание географического пространства на картах с такой ориентацией карты, что в верхней части листа оказывается север, а в нижней части — юг, в истории русской картографии вовсе не единственное и исключительное. Великий русский картограф Семен Ульянович Ремезов в конце XVII–начале XVIII в. размещал в своих произведениях, в частности, «Чертежной книге Сибири», Северный Ледовитый океан в нижней части карты, а племена Средней Азии, соответственно, в верхней. Таким образом, он следовал другой «хорографической» (она же «картографическая») традиции. Здесь и в других случаях крайне важна точка отсчета — «точка зрения» Говорящего. Точка зрения диктует употребление предлогов в пространственном значении. Таковы, например, предлоги ПО, ЗА, ОТ, ПОД, ПЕРЕД и т. п. Авторами рассмотрены не только материалы СМИ, художественной литературы, но и современные контексты из интернета, социальных сетей, [Тут ведь с какой стороны посмотреть. Но понятное дело, что за ориентир берется Столица]. За / от [Урал]. «Будем двигаться от Уральских гор на восток. И так... Екатеринбург... Челябинск... Омск... Новосибирск... Красноярск...». В данном примере можем наблюдать корректное описание пространства: называется точка отсчета, указывается направление движения, называются точки в пространстве. В российских СМИ вполне частотно понимание словосочетания «за Уралом» как средства описания пространства на восток от Уральских гор. При этом ясно, что если наблюдатель-Говорящий находится к востоку от Урала, то для него «за Уралом» должно значить «к западу от Уральских гор». Что такое «в Сибири»? А что такое «на Дальнем Востоке»? «В Сибири — в Томске, Новосибирске, Иркутске, Бурятии, в Канском районе, в Забайкалье, на Амуре, на Камчатке...», хотя Забайкалье, Дальний Восток и Сибирь — это территории не только отдельные, но и существенно отличающиеся. Целый ряд наблюдений авторов связан с употреблением предлогов «под», «за» и некоторых других. «[Под Красноярском] ...23 декабря 1984 года в окрестностях Красноярска... Авиалайнер Ту-154Б-2 1-го Красноярского ОАО выполнял пассажирский рейс SU-3519 по маршруту Красноярск-Иркутск...» [автор текста — красноярский журналист, от Красноярска до места происшествия — 29 км]. «В тайге под Красноярском разбился частный самолет. На борту упавшего в Красноярском крае самолета» [автор текста — московский журналист, от Красноярска до места происшествия — 120 км]. «Под Красноярском один человек

погиб при падении... Возле деревни Голубевка, что в 120 километрах от Красноярска, потерпел крушение легкомоторный самолет...» [автор текста — красноярский журналист]. «Под Красноярском [=на трассе Ачинск — Бирилюссы] водитель иномарки погиб в ДТП с лосем...» [[автор текста — московский журналист, от Красноярска до места происшествия — 220 км]. При этом лексикографы уделяют специфике семантики «под» в сочетании с наименованиями различных населенных пунктов совсем немного внимания, ср. [Большой... 2014: знач. 5 в словарной статье «под»]. Очевидно, что необходимо обращать внимание журналистов, пишущих как в традиционных СМИ, так и в «новых медиа», на необходимость различать пространство, охватываемое семантикой предлога «под», постоянно осознавать точку зрения, с которой автор выступает в своем тексте. В частности, можно использовать либо уточняющие квалификаторы, детерминанты, синонимы, чтобы более точно и разнообразно обозначать место событий. Например, для описания событий в важнейшей из центральных областей России, Московской области, давно и успешно применяется слово «Подмосковье», а в сопоставлении с ним — сочетание «ближнее Подмосковье» [при этом авторам не встречалось «дальнее» Подмосковье]. Необходимо просвещать население разных частей страны в отношении географии России, особенно Сибири и ее территорий, обучать взгляду из разных точек, с разных территорий. Уже в школе нужно обучать взгляду изнутри территории вовне и внутрь нее «снаружи». Авторы полагают, что для создания и понимания текстов не только СМИ, но и художественной литературы Говорящим и Слушающим должны быть осознаны и опознаваемы географические константы, подвижки в области именовании, обозначений пространства, местонахождения в нем, описания движений людских масс, отдельных людей. Для понимания динамики ментальности русской общности географическая составляющая крайне важна, тем более что «граница России нигде не заканчивается» (В. В. Путин).

Литература

Большой толковый словарь русского языка: А—Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост. С. А. Кузнецов. URL://<http://rudictionary.com/kuzhecov/Pod-28003.html>

Вешинский Ю. Г. Аксиологическая география. Топология культурного пространства на рубеже тысячелетий. СПб., 2019.

Громов Д. В. Энциклопедия сакральной географии. Энциклопедия святыниц и мест силы. Екатеринбург, 2005.

Теребихин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004.

ТИПЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ В ПОЭЗИИ МЕТАРЕАЛИЗМА

Панчехина Мария Николаевна

доцент, Донецкий государственный университет

Лингвокультурема представляет собой комплексную межуровневую единицу, которая аккумулирует понятийное и предметное содержание, лингвистическое и экстралингвистическое (концепция В. В. Воробьева). В качестве традиционных для русского языкового сознания лингвокультурем выступают слова и словосочетания типа: родина, русский характер, упрямая голова, добрый молодец и др. Действительно, лингвокультурему целесообразно рассматривать как «абстрактную сущность, конкретным выражением которой является языковая единица определенной структуры (лексема или фразеологическая единица, включающая в себя не только денотативно-сигнификативное значение, но и культуруносные семы, выражающие определенные культурные коннотации)» [Кириллова 2008: 73]. Потенциал данной межуровневой единицы раскрывается при анализе языка художественного произведения. В литературном тексте репрезентация лингвокультуремы предполагает использование метафоры: именно метафора позволяет раскрыть значение лингвокультуремы, включить лингвокультурема в языковую картину мира автора.

Использование метафоры как фундаментального приема характерно для одного из наименее изученных направлений поэзии 1970–1990-х гг. XX в. — метареализма, или метафорического реализма, или метаметафоризма (термин К. Кедрова). В настоящее время нами ведется работа по составлению авторского «Словаря лингвокультурем в поэзии метареализма», материалом исследования послужили стихотворения Алексея Парщикова и Александра Еременко. При написании словарных статей стало очевидно, что лексемы, взятые для вокабулы: Уголь, Нефть, Город, Завод и др., вне контекста не являются лингвокультуремами. Это единицы языка, которые обретают экстралингвистическое значение благодаря метафоре как художественному приему, что прослеживается при выделении типов лингвокультурем.

1. Полезные ископаемые. Данная группа лингвокультурем представлена следующими лексемами: галька, глина, жужелка, мел, нефть, уголь, шлак, щебень. Каждая из приведенных здесь и ниже единиц заслуживает объема словарной статьи. Мы остановимся лишь на некоторых из них, пояснив логику описания. Лексема уголь многократно метафоризируется и обрастает дополнительными коннотациями в творчестве Алексея Парщикова. В стихотворении «Угольная элегия» описан процесс добычи этого полезного ископаемого. Уже в начале стихотворения в тексте заметно формирование лингвокультурологического поля, его ядром оказывается корневая лингвокультурема «уголь». Она выражает общее идейно-смысловое содержание текста, с ней соотносятся все основные объекты лирического описания: Шахтеры стоят над ним на коленях с лицами деревенских кукол. Горняки. Их наружности. Сны. Их смерти. Их тела, захороненные повторно между эхом обвалов. Бригады в клетях едут ниже обычного, где отторгнут камень от имени, в тех забоях каракатичных их не видать за мглюю. В финале происходит интенсификация значения за счет повторения словоформ: И углем по углю на стенке штольни я вывел в потемках клубок узора... Это приводит к появлению нового, оживающего из недр существа, а сам уголь описывается как материя, дающая жизнь. Для репрезентации данной лингвокультуремы не менее важен и другой текст Алексея Парщикова — «Жужелка». В стихотворении есть авторская сноска, разъясняющая значение слова-названия: жужелка — фрагмент шлака. Данное слово является стилистически маркированным, принадлежит к регионализмам, часто используется в речи дончан. Его использование обусловлено стремлением автора приблизиться к регионально-культурному колориту, народной культуре. Уголь часто описывается по контрасту, противопоставляясь не просто белому цвету, а мелу: «в мелу трущоб», «в мелу складских времянок». Не менее значимой для языковой картины мира Алексея Парщикова оказывается и лингвокультурема нефть. Так называется поэма автора, в финале которой нефть превращается в антропоморфную субстанцию.

2. Пространственные лингвокультуемы: город, лес, поле, степь, сад, огород. Широкое включение пространственных лингвокультурем характерно для поэзии Александра Еременко. В густых металлургических лесах, где шел процесс создания хлорофилла, сорвался лист. Уж осень наступила в густых металлургических лесах. Там до весны завязли в небесах и бензовоз, и мушка дрозofiла. Целесообразно привести наблюдение М. Эпштейна: «У Еременко мы не найдем ни одностороннего культа природы, ни восхищения могуществом техники. Для него то и другое — составные элементы культуры, которые, будучи частями единого целого, могут переводиться с языка на язык, так что знаки природы (лист, мушка, филин) войдут в нерасторжимое сочетание с техническими знаками (металл, бензовоз, бинокль), образуя некую “мерцающую” картину: то ли говорится о лиственных, то ли то ли о заводских лесах» [Эпштейн 1998: 145]. Действительно, «механизация» пространства характерна для языковой картины мира Александра Еременко. Ср., например: «Осыпается сложного леса пустая прозрачная схема». И так, в творчестве Алексея Парщикова и Александра Еременко можно выделить две основные группы лингвокультурем. Это единицы, обозначающие полезные ископаемые и пространственные реалии. Включенные в поэтический дискурс, они неизбежно метафоризируются, обрастают дополнительными смыслами и создают уникальную авторскую языковую картину мира. Являясь индивидуальной, она все же не существует в отрыве от общекультурных коннотаций.

Литература

Кириллова Н. Н., Афанасьева А. Л. Практическое пособие по лингвокультурологии: французский язык. СПб., 2008.

Эпштейн М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. М., 1998.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ И МЕНТАЛЬНЫХ СТРУКТУР В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА БАЗЕ КОНЦЕПТА «ГНЕВ»)

Парахонько Людмила Вячеславовна

ассистент, Бельцкий государственный университет им. А. Руссо

Сирота Елена Владимировна

преподаватель, Бельцкий государственный университет им. А. Руссо

Спецификой современной лингвистики считается изучение языка в тесной взаимосвязи с индивидом, его менталитетом, восприятием фактической реальности, его конкретной деятельностью. Следовательно, на первое место выходит рассмотрение языка с позиции языковой личности. Человек обладает особенностью не только воспринимать и познавать мир, но и существовать в нем. Поэтому язык отражает и объективную реальность, и самого носителя языка как субъекта познания. Это детерминирует исследование такой проблемы как соотношение языка и мышления, решаемую в рамках когнитивно-концептологического вектора, предполагающего обнаружение структурирования концептов абстрактного значения, репрезентирующихся в пространстве семантики других языковых систем. Таким образом, индивид в процессе жизнедеятельности формирует концепты, объединяя их в концептосферу.

Не исключением являются и эмотивно-ментальные структуры, так как концепты представляют собой идеальные сущности, кванты знания, получаемые посредством сенсорной перцепции (органов чувств), а также через кооперацию с предметной действительностью. Таким образом, человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе мышления. Данное положение предопределяет и объект исследования — концепт «гнев». Как уже было отмечено выше, познание мыслящего содержит чувственную составляющую, так как благодаря эмоциональному структу создается контакт между экстралингвистическими и интралингвистическими характеристиками носителя языка. Логический анализ подобного концепта осуществляется как бинарность психологической и лингвистической категорий: эмоциональности и эмотивности, так как имманентное свойство языковой системы стремится к овнешнению психологического состояния и переживания представителя определенного культурного пространства.

Инструментом вербализации «иллокутивных сил» эмоции служит речь. Следовательно, предмет исследования — идентификация и дифференциация языковых и ментальных структур в русской языковой картине мира. При этом необходимо помнить, что коннотация (оценка суждения), экспрессивность (перлокуция, воздействие на слушающего) и интенсивность (градуальность двух составляющих квалификатива гнева) зависят от семантической дескрипции анализируемого концепта.

Так, важно подчеркнуть, что лингвистический аспект проблемы связан с трудностями определения ядерного и периферийных компонентов, зон концепта «гнев», что увеличивает, в свою очередь, и средства опредмечивания отрицательной эмоции, например, фонетико-графические дескрипторы, только грамматические и чисто лексические операторы (спецификаторы), включая речевые структуры, цель которых обеспечить взаимодействие участников коммуникации (язвительность, директива, возражение, упрек, угроза и т. д.). Соответственно, гнев можно рассмотреть с точки зрения прагмалингвистики, ее регулятивной и манипулятивной функций, что и эксплицирует актуальность работы.

Специфику объекта исследования дополняет и природа гнева, а именно: отнесение его к диссипативным силам (система, при которой осуществляется переход механической энергии, являющейся по сути потенциальной энергией, т. е. энергией взаимодействия, и кинетической, или энергии движения, — в другую форму энергии с последующим ее уменьшением). Данное обстоятельство и обуславливает состав спектра «акции ближнего окружения» гнева: крайнее

недовольство, раздражение, негодование, возмущение, озлобление, ярость. Об этом свидетельствует ряд фразеологических единиц, содержащих прямые и косвенные спецификаторы гнева: гневить Бога (без достаточных оснований жаловаться, упрекать кого-либо; напрасно сетовать на судьбу), сменить гнев на милость (переставать сердиться, гневаться), встать не с той ноги (быть в плохом настроении), метать громы и молнии (угрожать, обвинять кого-л. или гневаться), дьявол вселился (кто-л. приходит в неистовство от злобы, раздражения), позеленеть от злости (прийти в состояние сильного раздражения, недовольства), излить желчь (выместить на ком-л. зло, раздражение) и т. д. [Телия 1996: 287].

Проблема идентификации импульсивной эмоции заключается в преаффекте и аффекте, т. е. возникает наложение эмоций, усложнение психологического состояния, вызванного «законом сохранения и превращения энергии» в результате наслоения теоретического знания и практического, что, как следствие, «обостряет» когнитивный и антропоцентрический аспекты. Дискуссионность проблемы, в том числе и вариативность построения концепта «гнев» (многоуровневый или сегментный) еще раз эмплазирует ее актуальность, подсказывает теоретическую базу. Это работы А. Н. Шрамма, В. Ю. Апресяна, В. С. Лысенко, Л. Г. Бабенко, Л. М. Васильева, Ю. Д. Апресяна и др. Более того, намечается перспектива изучения концепта «гнев» и с позиции гендерной лингвистики, возможности подтверждения или опровержения патриархальных моделей, стереотипных единиц, андроцентризма, транслируемых гневом. Таким образом, мы попытаемся ответить на вопрос: существует ли «мужская и женская картина мира» при «переживании гневности» или же господствует унитарность.

Литература

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

ЕДИНИЦЫ МЕНТАЛЬНОСТИ В ТРУДАХ В. В. КОЛЕСОВА

Пименова Марина Васильевна

профессор, Владимирский государственный университет

Как известно, в своих последних трудах проф. В. В. Колесов обратился к обобщению и осмыслению всего им исследованного и накопленного — к философии языка, когнитивной лингвистике и концептологии. Как отмечает В. В. Колесов в предисловии к своей монографии «Концептуальное поле русского сознания», изданной после ухода автора из жизни, данный труд — «...своеобразное практическое приложение» к книгам «Язык и ментальность» (СПб., 2000), «Философия русского слова» (СПб., 2002), «Русская ментальность в языке и тексте» (СПб., 2007) и серии «Древняя Русь» (СПб., 2000–2011), собранной в книге «Древнерусская цивилизация» (СПб., 2014) [Колесов 2021: 4]. В. В. Колесов рассматривает различные подходы к определению концепта как основной единице ментальности:

- 1) линия Абеяра: *conception* (концепция);
- 2) линия Аскольдова: *conceptus* (концепт);
- 3) линия Франка: *conceptum* (концептум), предлагая собственную емкую дефиницию: «Концепт — это сущность смысла, данная в знаке как выражение знания о мире.

Или в редуцированной форме: Концепт есть сущностный смысл словесного знака, данный как знание» [Там же: 24].

Продолжая размышления В. В. Колесова, а также отвлекаясь от понятия концепции (*conception*) и его философской, логической, психологической и пр. глобальных составляющих, отметим, что, по нашему мнению, концепт на лексико-семантическом уровне с чисто лингвистической точки зрения представляет собой по своей сути инвариант означаемого, единицу эмического (абстрактного) уровня (сопоставимую с фонемой, морфемой, лексемой, синтаксемой), которая на этическом (конкретном) уровне материально реализуется в концептуме (первосмысле), лексическом значении, сигнификате — интенционале и экстенционале, подобно тому, как фонема реализуется в звуках/аллофонах, морфема — в морфах/алломорфах, лексема — в словоформах и лексико-семантических вариантах, синтаксема — в синтагмах/предложениях и др. (см. также [Пименова 2021: 303–304]). Концептуальное поле русского сознания можно получить, по мнению В. В. Колесова, при помощи последовательного наложения «...индивидуальных парадигм друг на друга. Например, последовательность ментальных парадигм София — вера — надежда — любовь, лик — лицо — личность — личина, ум — разум — рассудок — мудрость и т. п., совмещаясь, выстраивают общую структуру концептуального поля» [Колесов 2021: 94]. В. В. Колесов выделяет следующие ментальные парадигмы: полные — с четырьмя составами (ум — разум — рассудок — мудрость, житие — жизнь — живот — жив(отное), мышление — ощущение — представление — наитие, быт — действительность — бытие — реальность, дух — духовность — душевность — душа, София — вера — надежда — любовь, лик — лицо — личина — личность, плоть — плотность — телесность — тело, право — правда — правильность — справедливость, враг — противник — неприятель — супостат, путь — дорога — тропа — стезя, гнев — ярость — лютость — гроза, грусть — тоска — печаль — скорбь, стыд — стыдливость — срамота — срам, страх — трепет — ужас — боязнь, удовольствие — удовлетворение — удовлетворенность — доволен; неполные парадигмы: «троичные» (власть — народ — закон), в том числе при отсутствующем концептуме (святость, смех, демократия; труд, работа, дело), а также «двоичные» (общество — государство, вожак — вождь, добро — зло, свобода — воля, судьба — счастье, грех — вина, чудо — диво, ряд — порядок, долг — обязанность, пространство — время, культура — цивилизация и др. Среди ментальных концептов В. В. Колесов рассматривает методологию познания как идею, метод исследования — как раскрытие знака, методику описания — как анализ текста, представляя их в синергичном треугольнике отношений [Колесов 2021: 101]. Для нас особо значимы замечания В. В. Колесова, свя-

занные с диахронией, с исторической последовательностью замен типов мышления (подробнее см. [Пименова 2021: 304–315]), «...преимущественно использовавших метонимию — синекдоху — метафору (последняя развилась как раз в средневековой России как средство создания символа), сегодня включился новый троп — ирония, пропитанный стёбом и безудержным глумлением» [Колесов 2021: 211–212]. В заключение следует отметить, что работы Владимира Викторовича Колесова, посвященные философии языка, когнитивной лингвистике и концептологии, требуют особого чтения — «вдумчивого, медленного, сопровождаемого медитациями на основе собственного культурно-языкового опыта» [Камчатнов 2017: 238], поскольку главная цель трудов выдающегося ученого — «подтолкнуть собственную мысль читателя в нужном направлении» [Колесов 2002: 432].

Литература

Камчатнов А. М. Как уловить неуловимое? (Рецензия на книгу: В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014) // *Филология и культура*. 2017. № 1: 234–238.

Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб., 2021.

Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002.

Пименова М. В. Русский язык и концептуальные формы ментальности в трудах Владимира Викторовича Колесова // *Время языка. Сборник статей памяти профессора В. В. Колесова* / ред. С. А. Аверина, М. Б. Попов, Д. В. Руднев, Т. С. Садова, О. А. Черепанова, А. В. Голубева. СПб., 2021. С. 302–318.

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭМОТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ УСТНЫХ ТЕКСТОВ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРИ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОМ

Смирнов Евгений Сергеевич

доцент, Сибирский федеральный университет

В последние годы отечественные лингвисты уделяют пристальное внимание особенностям региональной лингвокультуры, под которой понимается одновременно целостный и гетерогенный лингвокогнитивный феномен, детерминируемый культурными кодами и субкодами, а также ценностными ориентирами и социальным опытом определённой группы людей [Felde, 2019: 58]. Выделяют три формы региональной лингвокультуры: мультимедийную, книжно-письменную и традиционную. В настоящем исследовании нас интересует последняя форма, макроединицей которой является культураносный устный текст. Именно поэтому эмпирическим материалом работы являются тексты коренных сибиряков (коренных жителей разных районов Красноярского края и Иркутской области), представленные в иллюстративной части многотомного «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. В. Афанасьевой-Медведевой [СГРСБС, Т. 2. 2007; Т. 8. 2011; Т. 21. 2019; Т. 23. 2020]. Региональная лингвокультура рассматривается в рамках коммуникативного, лингвокультурологического, нарративного и некоторых других аспектов. В данной работе использован лингвоэмотиологический аспект. Целью исследования является анализ особенностей экспликации эмотивной тональности в устных текстах о сверхъестественном. Эмотивная тональность наряду с эмотивным фоном и эмотивной окраской является одним из видов категории эмотивности. Вслед за Т. В. Матвеевой под эмотивной тональностью мы понимаем текстовую категорию, в содержании которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста (информанта), а также его психологическая позиция по отношению к собственному тексту, адресату и ситуации, о которой рассказывается [Матвеева, 2014: 692]. В настоящей работе используется типология эмотивной тональности, выведенная на основании критериев, предложенных С. В. Ионовой:

- 1) тональность эгоцентрического типа (говорящий апеллирует к своим эмоциям);
- 2) тональность объектного типа (эмоциональное отношение говорящего к содержанию своего высказывания);
- 3) тональность адресатного типа (направленность на эмоциональную сферу собеседника) [Ионова, 1998: 37–46].

В анализируемых устных текстах о сверхъестественном эксплицируются все виды эмотивной тональности. Во-первых, выделим тексты, в которых эксплицируется тональность эгоцентрического типа: Руки, рукам закрыл каменку. Откудава эти руки тянулись? И я их по сих пор даже, и я не разглядела в шшель-то, токо видела, что каменку закрыл руками. Лапишша! До того я испугалась! [СГРСБС, Т. 2: 266–267]; Вот ко мне сейчас-то почти всю зиму кто-то колотится. Два раз вот так колотнёт, и всё.

Другой раз дак такой страх возьмёт, аж прямо вот так всю трясёт [СГРСБС, Т. 21: 66] и др. В данных фрагментах информанты апеллируют к экстериоризованным смешанным эмоциям (в данном случае к эмоциям страха и ужаса), которые испытали при столкновении с чем-то необъяснимым. Эмоции страха и ужаса выражены с помощью восклицания; собственно эмотива (имени эмоции) страх, с добавлением местоименного прилагательного такой, которое выражает сильную степень эмоционального состояния информанта; разговорных частиц аж, дак; лексемы трясёт, которая также говорит о страхе, который испытал информант.

Во-вторых, отметим тексты, которые эксплицируют тональность объектного типа. В таких текстах информант даёт эмоциональную оценку действиям людей и / или событиям, произошедшим с ним или с другими участниками определённых событий: У меня брат мой двоюродный, он так рассказывал. В тайгу пошёл один на Басьму, на Среднюю Басьму, там у него зимовейка была. Балалайка там, зимовьё вот это, печечка — всё. Я, говорит, это, на балалайке играю и слышу, гыт, в сенках:

— Во-ха-ха, во-ха-ха, во-ха-ха! Играй, играй! Я, говорит, играю, играю. Ну, мне, гыт, уж пальцы больно, я, говорит, всё играю. А оне там пляшут. А потом, гыт, мне, гыт, жутко стало, я перестал. Ну и я, гыт, вышел — никого нету. Но, говорит, мне страшно — давай молитвы читать, и всё [СГРСБС, Т. 23: 108–109] и др. В данном тексте использованы собственно эмотивы жутко и страшно, которые также выражают экстериоризованные смешанные эмоции страха и ужаса.

В-третьих, выделим эмотивную тональность адресатного типа, которая подразумевает «диалог» с интервьюером: У нас в деревне знашь како волхитство было! Калачики вытаскиваю и опеть падаю, опеть падаю. Потом булки посадила. Вот хлеб настряпала, специально затоплюю печь русскую и... Затопила, и оне вышли спокойно там на улицу, вышли. Но вылятают красные, красные, ну, ну... как чёртики, вот такие они — такие и вот такие, как, как... чёртики! Чёртики, красные. Аж огонь горит! Огонь [СГРСБС, Т. 8: 149–150] и др. Эмотивная тональность адресатного типа эксплицирована восклицательными предложениями и повтором ключевых слов в приведённом тексте (чёртики, огонь). В тексте выражена эмоция удивления. Таким образом, в устных текстах коренных жителей Сибири о сверхъестественном в равной степени эксплицируются тональности адресатного, объективного и эгоцентрического типов. Как показал анализ, преимущественно выражаются экстериоризованные смешанные эмоции страха и ужаса, а также эмоция удивления, которые репрезентированы с помощью различных эмотивных средств.

Литература

- СГРСБС — *Афанасьева-Медведева Г.В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2007. Т. 2. С. 266–267; 2011. Т. 8. С. 149–150; 2019. Т. 21. С. 66; 2020. Т. 23. С. 108–109.
- Ионова С.В.* Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 1998.
- Матвеева Т.В.* Тональность текста // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник; под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 719–721.
- Felde O. V.* The Oral Text as a Translator of Ancient Linguoculture of the Northern Angara Region // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. 1. P. 55–76.

КОНЦЕПТ «ДЕНЬГИ» В СФЕРЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Стебунова Алла Николаевна

доцент, Донецкий государственный университет

Среди процессов, характеризующих в последние десятилетия русскую экономическую терминологию, отмечается рост частотности употребления многих наименований, появление в русском языке большого числа новых экономических номинаций, значительное расширение спектра лексико-грамматической сочетаемости многих экономических терминов с другими терминами и словами общелитературного языка. Основопологающим для нашего исследования явилось представление о термине как «особой когнитивно-информационной структуре, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессионально — научное знание, накопленное человечеством за весь период его существования» [Володина 2000: 30]. Когнитивно-информационные структуры терминов, содержащие общую сему «деньги», образуют в специальной сфере коммуникации общий концепт «Деньги». Не ставя своей целью обзор многочисленных на сегодня работ, содержащих определение того, что такое концепт, отметим, что в качестве рабочего принимается следующее его толкование: «концепт — это содержательная сторона словесного знака, за которой стоит понятие (т. е. идея, фиксирующая существенные «умопостигаемые» свойства реалии и явления, а также отношения между ними), принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закрепленное общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и — через ступень такого осмысления — соотносимое с другими понятиями, ближайшими с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми» [Шведова 2004: 29]. Анализ языковых средств выражения концепта «деньги» в сфере специальной коммуникации показал, что структура данного концепта достаточно сложна, она включает в себя ряд субконцептов, связанных друг с другом различными отношениями. Общее представление об организации концепта «Деньги» дает определение понятия «деньги», предлагаемое «Словарем современных экономических и правовых терминов»: «Деньги — это особый товар, предназначенный служить всеобщим эквивалентом, условным измерителем стоимости любого товара, выступать в форме самостоятельной меновой стоимости и меры труда; бумажные и металлические знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже; капитал; совокупность активов при совершении сделок; единица учета». Исходя из представлений о концепте «деньги», задаваемых перечисленными функциями, в его структуре можно выделить следующие субконцепты: «Деньги: Стоимость (рыночная стоимость, страховая стоимость); Цена (договорная цена, заключительная цена); Виды выплат и платежей (ставка, процент, ссуда, кредит); Денежные суммы (взнос, выручка, доход); Документы о денежных суммах и выплатах (чек, вексель); Денежные единицы (рубль, купюра); Накопления (сбережения, вклад, счет, активы); Действия по отношению к деньгам (инвестирование, инкассация, перевод денег); Место по отношению к деньгам (рынок, банк, касса); Человек по отношению к деньгам (инкассатор, вкладчик, банкир, продавец)» и др. Результаты проведенного структурного анализа свидетельствуют, что чаще всего видовые признаки исследуемого концепта выражаются атрибутом-прилагательным, включенным в структурную модель «прилагательное (П) + существительное (С)»: стандартные деньги, банковские деньги, отступные деньги, депонированные деньги. По этой модели образована большая часть анализируемых номинаций. Ядро концепта «деньги» наряду с однословной лексемой деньги репрезентируют термины денежная единица и денежные знаки, выражающие концепт «деньги» в чистом виде. Околоядерная зона и периферия концепта условно делится на четыре сегмента, которым в плане выражения соответствуют четыре ЛСГ: «Деньги как мера стоимости», «Деньги как средство обращения», «Деньги как средство платежа» и «Деньги как средство накопления и сбережения». ЛСГ «Деньги как мера стоимости» репрезентируется номинациями, выражающими общий когнитивный признак «деньги с точки зрения их покупательной способности». Этот признак конкретизируется семантиками «устойчивость» и «стабильность»: стабильные деньги, устойчивые деньги, а также: ре-

альные деньги, твердые деньги. Когнитивный признак повышения покупательной способности денег отражен в метафорических терминах «дорогие» деньги, легкие деньги, а ее понижения — в терминах «дешевые» деньги, «тяжелые» деньги, деревянные деньги ЛСГ «Деньги как средство обращения» включает наибольшее число терминов, отражающих функцию денег в качестве посредствующего звена в процессе товарообмена. Данная группа отражает общие, нейтральные знания о деньгах как средстве обмена и репрезентируется терминами, выражающими прежде всего представление о форме денег, находящихся в обращении: бумажные деньги, металлические деньги, «пластиковые деньги», наличные деньги, безналичные деньги. ЛСГ «Деньги как средство платежа» объединяет термины с когнитивной доминантой «средство оплаты приобретенного товара». Деньги в функции средства платежа прежде всего предстают как необходимый компонент разнообразных операций купли-продажи. Обслуживают эти операции законные деньги, которые могут функционировать в виде мелких, разменных, бумажных неразменных, цифровых, чековых и электронных денег. В последнюю из анализируемых микросистем — ЛСГ «Деньги как средство накопления и сбережения» — входят наименования, отражающие в эксплицитной или имплицитной форме когнитивную доминанту «деньги как средство сохранения стоимости»: денежные накопления, денежные средства и т. п. Таким образом, проведенное исследование показало, что концепт «деньги» в сфере специальной коммуникации представлен многочисленными номинациями, отражающими роль и функции денег в современном мире.

Литература

Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М., 2000.

Шведова Н. Ю. Понимание и определение концепта // Проспект. Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире) / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2004.

ОБРАЗНОСТЬ НАУЧНЫХ КОНЦЕПТОВ

IMAGERY OF SCIENTIFIC CONCEPTS

Халикова Наталья Владимировна

профессор, Московский государственный областной университет

Термин можно рассматривать как метаинструмент изучения формирования идиостиля, как содержательную единицу общего научного сознания. В этом аспекте мы изучаем ключевые термины лингвистики как концепты, то есть «сущностный смысл словесного знака, данный как знание» [Колесов 2021: 24]. В научной концептосфере обычно большее внимание уделяется логической обоснованности понятия. Образные формы концептуального значения представлены неявно, в системе общеязыковых и идиостилевых образных единиц, основу которых создает когнитивная метафорика. Любой базовый научный концепт имеет содержательную форму образа. Конкретная реализация насчитывает множество речевых приемов, градуируемых от клише и стертых метафор до яркой экспрессивной образности. Образное содержание концепта и образное поле термина не хаотично. Оно структурируется вполне отчетливо в системе мотивируемых семантических вариантов по принципу полисеманта. Отбор доминирующей, иницирующей образ когнитивной метафоры обусловлен традицией, научной парадигмой (естественно-научным и метафизическим образом предмета (объекта) знания, принятым данным обществом в определенную эпоху) и индивидуальными особенностями восприятия картины мира ученым. Для концептуального анализа важен отбор исследуемых текстов, ядро которых составляют «повторяемые» тексты авторитетных ученых-лингвистов — ярких языковых личностей. «Сила личного» мышления (В. В. Колесов) позволяет увидеть в развитых научных идиолектах осознание всех системных связей ключевого, «несущего» термина, особенно если он называет трудноопределимое или новое явление или объект. Таким образом, в отечественной лингвистике формируется концептосфера коллективного научного сознания. Используя методику концептуального анализа В. В. Колесова по содержательным формам (основанию, условию, причине, цели), мы выявляем затем области актуализации образного содержания. Например, сумма всех контекстов о глаголе в работах В. В. Виноградова позволяет в начале анализа увидеть научный концепт в середине XX в. так: Глагол — это сложная, формально замкнутая, подчиненная строгим правилам система, удерживаемая лексическим значением; семантическая ёмкость глагола беспредельна и раскрывается во взаимодействии всех категорий, количество («круг») которых шире, подвижнее, «эластичнее» существительных; функциональная сущность глагола заключается в его способности быть предикатом, а значит, основой, формой национальных русских стилей. В выявлении образной константы трудноопределимых явлений с нечеткими дефинициями, «узким» и «широким» пониманием и переходными зонами образность играет большую роль обычно в позиции «причины» и «цели». Особенно четко это видится при анализе парных концептов (Язык и Речь, Лексика и Фразеология, Имя и Глагол, Слово и Предложение и т. д., а также отдельных метонимических соответствий). Так, например, идея Части речи как единицы научного мышления связана с пространственно-ограничительным значением (границей, чертой, областью) и семантикой усилия, борьбы (напряженности). Образность коллокаций, метафорических сочетаний, фразеологии с этой семантикой наблюдается во всех работах лингвистов XIX–XXI вв.: «Грамматическая борьба за признание категории вида» — название параграфа научной монографии [Виноградов 2001: 393]; «Фразеологизм тесно в «прокрустовом ложе» категории частей речи» [Телия 1996: 13]. Представление о семантике опирается на другие образные коды: «водный» (размытость, текучесть, водное пространство, поток, интенсивность течения), «световой» (оттенки, краски, картина, сцена). Представление о форме, структуре и системе обычно получает «вещественный» (дробится, спайка, химическое соединение, окаменелость, диффузия, осколок) и «строительный» коды (здание, фундамент, кирпич, пристройка, разрушение, слом и т. д.). Функции и процессы репрезентируются в образах механизмов, роста, отмирания, распада, «тектонических сдвигов» (В. В. Виноградов). Это примеры

только широкоупотребительных ядерных образов, периферийная система научных идиостилей весьма разнообразна. Общенаучный геометрический код (круг, область, сфера, точка, линия и т. д.) и пространственный коды лежат в основе всех научных представлений. Система кодов многообразна и вариативна, служит средством образной когезии в тексте и шире — в интертекстуальном пространстве научного дискурса какой-либо эпохи с доминирующей научной парадигмой (например, ЯЗЫК — МЕХАНИЗМ в XX в.), она играет особую роль в междисциплинарных исследованиях (язык и литература, язык и культура и т. д.). Образ научного объекта неотделим от языковой личности — образа научного субъекта познания. Сравните: «Сквозь литературу Б.Эйхенбаум шел двумя дорогами — и словно не один, а два автора писали эту острую, увлекательную книгу. И вот перед нами два Эйхенбаума: то мореплаватель, то плотник. Широким жестом скользит по морям российской поэзии тогда, когда он критик. И плотничает, когда становится историком литературы, ученым» [Винокур 1990: 81]. Научный концепт в метафорическом пространстве видится и как традиционный предмет научной действительности, и как особый «моделируемый предмет, отражающий авторское видение действительности и как бы стоящий между субъектом и эмпирическим миром» [Новиков 2001: 21]. Изучение образа субъекта научного познания расширяет и углубляет представление о книжной культуре эпохи, о лингвистической риторике своего времени. Высшее качество речи — художественной, образной — переносится учёным на всё творчество и стиль мышления. У читателя-филолога создаётся личностно окрашенное впечатление от явления языка. В манере научного стиля может причудливо смешиваться рациональная глубина научной мысли и оттеняющая её экспрессивная сложность, вбирающая оценки, образы и эмоции говорящего.

Литература

- Колесов В. В.* Концептуальное поле русского сознания. СПб., 2021.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 2001.
- Телия В. Н.* Русская фразеология. М., 1996.
- Винокур Г. О.* Филологические исследования. М., 1990.
- Новиков Л. А.* Избранные труды. М., 2001.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА СЕТЕВОГО ДИСКУРСА

LINGUISTIC AND COGNITIVE APPROACH TO THE STUDY OF THE PHENOMENON OF NETWORK DISCOURSE

Шашков Игорь Александрович

доцент, Луганский государственный аграрный университет

Современные возможности распространения информационного материала посредством медиапространства Глобальной Сети эффективно завладевают вниманием аудитории сетевого пользователя. Сегодня генезис универсума сетевого дискурса рассматривается через призму многофакторных составляющих, основными из которых в рамках создания и расширения базы реципиент-аудитории являются экстралингвистические факторы. Сетевой дискурс (СД далее — автор) — это субъективно высокоорганизованное пространство, в котором находят реализацию агент-клиентные отношения в рамках производства и потребления информационного материала. Мы склонны рассматривать феномен СД именно с точки зрения его субъективно организованной природы создания и ретрансляции знаний. Дискурсные образования на сетевых платформах предоставляют глобальные возможности задействования языка как средства реализации манипулятивного воздействия на сетевую языковую личность. Выполняя свою коммуникативную функцию, язык в призме адекватного задействования его инструментария служит средством не только передачи информации, но и желаемой интерпретации, а это уже такое средство, «при помощи которого достигается не только взаимное понимание, но и упорядочивается мышление, организуется опыт, развивается общественное самосознание» [Ахманова 1961: 6].

Современный масштаб задействования языкового инструментария обеспечивает создание лингвокультуры сетевого сообщества с возможностью ретрансляции субъективно созданной языковой картины мира через гипертекст, который рассматривается как лингвистическое воплощение явления сетевого дискурса, представляемого информационным материалом в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. Гипертекстовый носитель в сетевом дискурсе — это единственно эффективное средство передачи информационного материала, закодированного в условиях адекватного подбора и ретрансляции ценностных ориентиров в адрес массовой реципиент-аудитории сетевого пользователя. Сам по себе текст как форма фиксирования знания, воплощённая в гипертекстовом формате, представляет собой продукт когнитивно-креативной деятельности языковой личности продуцента (т. е. инициатора и создателя ретранслируемого кванта знания). Любой событийный аспект, представляющий собой интерес и актуальность для информационного потребителя, находит своё отражение в лингвопрагматических и когнитивных процессах завладения вниманием языковой личности пользователя Сети, а точнее: непосредственного участника того или иного дискурс-формирования.

Современное сетевое пространство интенционально («интенциональность связана с установкой и целью авторов текста — т. е. с тем, что они хотят и намереваются сделать с помощью текста» [Тичер 2009: 41]), а следовательно, трансформируемо, так как его содержательно-информационная база напрямую зависит от когнитивных интенций продуцента, задача которого заключается в расширении области функционирования иницируемого сетевого сообщества (СС в дальнейшем — авт.), применяющее вербализованные знания с целью ретрансляции субъективного языкового сознания в адрес языкового сознания массового реципиента.

Социокоммуникативная цель СС заключается в массовом задействовании пользовательской аудитории в информационно-интерпретативном процессе, где основным средством репрезентации закодированного знания является гипертекст. Ретрансляция знания через гипертекстовый носитель эффективна в условиях адекватного расположения ЯЛ реципиента к восприятию гипертекстового кода. На данном этапе и вступают в силу навыки эффективного

оперирования когнитивной базой предполагаемого дискурс-участника, и в таком случае когнитивная цель продуцента определена максимальным воздействием на сознание интерпретатора через ретрансляцию трансформированных (т. е. авторских) ассоциативных признаков того или иного концепта.

Сетевые дискурс-образования в настоящее время представлены универсальным средством создания, воздействия, восприятия новой информации (Оломская Н. Н.): «Сегодня информация становится не только предметом и средством достижения тех или иных целей, но и основным фактором воздействия на все стороны жизни и деятельности общества» [Оломская 2017: 4]. А такая функция наделяет информационный материал способностью эффективного воздействия на сознание реципиент-аудитории. «В современной теории языка утвердилось представление о дискурсах медиапространства как о структурном смысловом коммуникативном поле, формирующем ментальную деятельность социума, исходя из целей и задач социальной коммуникации» [Оломская 2017: 5].

Анализ информационных носителей позволяет сделать вывод о том, что гипертекст в пространстве сетевых ресурсов представляется основным и высшим средством технической фиксации и репрезентации полижанрового пространства, а также одним из основных конститутивных элементов сетевого дискурса, позволяющих реализовать когнитивно-прагматический потенциал языковой личности продуцента (И. А. Шашков). Перспектива исследования сетевого дискурса с позиции лингвокогнитивного подхода представлена особенностями задействования когнитивных средств трансформации ценностных ориентиров.

Литература

- Ахманова О. С.* О точных методах исследования языка: (О так называемой «матем. лингвистике») / О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина. М., 1961.
- Оломская Н. Н.* Когнитивно-прагматические и социокультурные основы коммуникации в дискурсах медиапространства (на материале английского и русского языков): дис. ... докт. филол. наук: спец.: 10.02.19 «Теория языка» / Н. Н. Оломская; науч. рук.: Е. Н. Лучинская. Краснодар, 2017.
- Тичер С.* Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер; пер. с англ. А. А. Киселёва. Харьков, 2009.
- Шашков И. А.* Языковая личность продуцента в русскоязычном религиозном интернет-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук.

СИНИЦА ЗИНЬКА: ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДИАЛЕКТИЗМА

Якушевич Ирина Викторовна

профессор, Московский городской педагогический университет

Актуальность исследования обусловлена значимостью анализа диалектного наследия, хранящего крупницы национального менталитета, формирование целостного представления о котором особо значимо в эпоху агрессивной техногенной цивилизации. Научно-методологическую основу настоящего исследования составили работы, посвященные

- 1) внутренней форме слова: А. А. Потебни, В. В. Колесова;
- 2) орнитологическим наблюдениям за синицей Г. П. Дементьева и Н. А. Гладкова.

В классическом учении А. А. Потебни внутренняя форма слова — основной источник символического значения слова.

Так, внутренняя форма слова синица возникает как отношение

- 1) перцептивного образа птицы, представленного как совокупность его признаков (небольшая, юркая, с опереньем синего, желтого и черного цвета и др.) и
- 2) этимона диалектного слова зинути ('раскрыть что-либо').

Под символизацией мы будем подразумевать процесс ассоциативного опредмечивания перцептивно-обобщенным образом или его деталями некоей другой, мало исследованной человеком реальности ('зрение', 'мир', 'смерть', 'душа' и пр.). Полученное в результате значение и следует называть символическим.

Диалектизм зинька встречается в вятских, симбирских и оренбургских говорах [СРНГ: т. 11, с. 283]. В. В. Бианки, знаменитый детский писатель и орнитолог Зоологического музея РАН, описал зиньку как повсеместно распространенную большую синицу — главную героиню повести-сказки «Синичкин календарь».

1. Зинька зрение. В основе этого значения лежит диалектный глагол зинуть. Различные значения этого слова последовательно выдвигают две мотивационные семы:

- 1) отверстие и
- 2) быстрота.

В основе слова — о.-с. корни *zě- или *zi, восходящим к и.-е. *g'hē 'зевать, зиять'. Таким образом, речь идет об «отверстиях» лица — глазах и рте. Сам глагол зинути многозначен:

- 1) 'закричать' (рот как отверстие),
- 2) 'выстрелить' (быстрота),
- 3) 'сглазить'.

Тот же корень в других диалектных названиях глаз: зины, зéно, зéны, зéнка, зéнички, зéночки как названия глаз [СРНГ: т. 11, с. 283, 263]. Значимость мотивации семой зрения подчеркивается диалектизмом слепух. Черная «повязка» или «шапочка» на глазах птиц — отличительная черта всех слепухов [СРНГ, т. 38, с. 269].

2. 'Солнечный свет'. «Зинь» было отождествлено по созвучию народной этимологией с корнем син- ('синий'). Значение света, огня корня зин- заложено в диалектном слове зинуть в значении 'загореться, вспыхнуть'. Символическое значение зрения связано с языческим отождествлением солнечного огня и органа зрения, глаза, воспринимающего свет.

3. 'Звук, весть'. Значение мотивировано одной из семантических ветвей корней *zě- или *zi — значением 'зевать, открывать рот'. Семантика звука, заложенная этимологически в корне зин-, поддерживается звукоподражательными ассоциациями в словах: зинзивёр (Казан.)

[СРНГ: т. 11, с. 283], зѣнчик. В мифологическом мышлении звуки, издаваемые синицей, становятся вещим «словом», доброй вестью или наоборот. По народному поверью, синица может сказать, быть ли задуманному, ждать ли счастья или беды. Именно поэтому синицу еще называли девятислóвой.

4. 'Время'. Значение вторично по отношению к 'солнечному свету'. А. Ф. Лосев писал о символе как о самопорождающей модели [Лосев 1976: 86], продуцирующей цепочку означающих и означаемых: (1) [з'и́ н'къ] — (2) 'синий' — (3) солнечный свет — (4) время — (5) зима, весна, осень. Символическое значение времени заключено в русской загадке, где синица обозначает неделю. Традиционно синица — вестник весны. Семантика весны, возможно, заложена во внутренней форме: по одной из версий, названия большой синицы — звукоподражание характерному и узнаваемому пению самца «си-си-сю, си-си-сю» весной. В другое время у нее другие позывные, как, например, у старых птиц «пинь-пинь» или у молодых «ти-ти-ти» [Дементьев 1956: 731]. Новосибирская синица ледоломка названа по существительному ледолом — весеннему празднику, когда на больших реках начинается ледоход: Синичку ледоломкой звали: как прилетит, значит, ледолом начнется скоро [СРНГ: т. 16, с. 323].

5. 'Житейское счастье, удача'. Как и предыдущее символическое значение, это тоже результат цепочечной символизации: (1) [з'ин'къ] — (2) 'синий' — (3) солнечный свет — (4) счастье. Живущая зимою рядом с человеком, синица противопоставлена перелетным птицам. Синица приносит маленькое житейское счастье, близкое и доступное, не всегда правильно оцененное. В то время, как журавль или соловей, улетающие в Ирий, приносят большое счастье, но недоступное: Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки! / Синица в руках лучше соловья в лесу.

6. 'Охота и рыбалка'. Это символическое значение связано с именами священномученика епископа Егейского Зиновия, и его сестры — Зиновии, живших в III в. в Каппадокии. На Руси в день памяти этих святых, 30 октября (по старому стилю), отмечали Синичкин день — праздник прилетевших на зиму синиц, щеглов, чечеток, свиристелей, снегирей и др. Этот праздник назывался день Зиновия-синичника. Русский Зиновий был покровителем охотников и рыболовов. Итак, в слове зинька внутренняя форма обусловлена синкретичным общеславянским корнем *zě- (или *zi), в котором две семы — 'отверстие' и 'быстрота' — мотивировали следующие символические значения:

- 1) солнечный свет,
- 2) воспринимающее его человеческое зрение,
- 3) звук и распространяемую им весть.

Символическое значение 'солнечный свет' подвергается последующему (по цепочке) мифологическому осмыслению, становится источником еще двух символических значений —

- 1) 'время' и
- 2) 'счастье'. Источником символического значения
- 3) 'охота и рыбалка' является народная этимология.

Литература

Дементьев Г. П., Мекленбурцев Р. Н., Судиловская А. М., Спангенберг Е. П. Птицы Советского Союза: в 6 т. М., 1954. Т. 5.

Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.

СРНГ: Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46). М.; Л.; СПб.

ПЕЙОРАТИВНЫЕ НАЗВАНИЯ МУЖЧИНЫ В ГОВОРЕ ОБЛАСТИ ПИРОТ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Раткович Драгана М.

научный советник, Институт сербского языка САНУ, Белград, Сербия

Предметом исследования являются существительные отрицательной экспрессивной тональности, в частности те, которыми в диалекте региона города Пирота называют мужчин. Языковые единицы проанализированы в лингвокультурологическом аспекте, с целью ответить на следующие вопросы: (1) какие человеческие характеристики, поведение и действия в речи региона города Пирота инициируют наименование мужчины пейоративами; (2) как такие наименования раскрывают параметры оценки и (3) в каком отношении находятся пейоративы мужчины в диалекте Пирота с такими же названиями в современном сербском языке. Такая методологическая процедура позволяет (1) реконструировать концептуализацию мужчины, очерченного пейоративами в языковой картине мира и в традиционной культуре региона Пирот, а также (2) рассмотреть отношения и определить сходство с теми же лексико-семантическими средствами, созданными образом мира в современном сербском языке.

Мы берем термин *языковая картина мира* из теоретико-методологического аппарата Люблинской когнитивно-этнолингвистической школы Ежи Бартминского, где это «заключенная в языке интерпретация действительности, которая может быть представлена как комплекс суждений о мире, людях, вещах и событиях. Это интерпретация, а не отражение, субъективный портрет, а не фотография реальных предметов» [Бартминьски 2011: 46].

Под лексикой пейоративного значения мы понимаем номинативные единицы отрицательной экспрессивной тональности, смысловое поле которых содержит помимо денотативного и коннотативное содержание, составляющие оценочные, экспрессивные и эмоциональные зародыши, где положительная коннотация может выражать презрение, насмешку, иронию или шутку, тогда как эмоциональная может выражать презрение и осуждение. Мы используем термин *пейоратив* для единицы отрицательно-оценочного значения.

На нашем материале из двух словарей ПР Новицы Живкович [1987] и Драголюб Златкович [2014: 2017] выявлено 872 имен существительных и именных словосочетаний отрицательной экспрессивной тональности, которые относятся к мужчине.

В предшествующих исследованиях именных экспрессивов в именовании лица в сербском языке [Ристич 2004; Йованович 2018; Раткович 2021] с лексико-семантической и когнитивной, т. е. лингвокультурологической, стороны распространено деление на основе денотативных дифференциальных сем. Мы принимаем это разделение и в настоящем докладе. Согласно этому делению, пейоративы в именовании мужчины в говоре области Пирота включают в себя шесть самых широких лексико-семантические группы.

Наиболее многочисленна группа пейоративов, называющих мужчин по их духовных качествам и поведению (77,75 %). Отмечается как умственная недостаточность (*главча, шашља, сивча, цивкан, трчомоч, ајван, шашкџн*), так и моральная ущербность (*пцетишите, адвокатин, блантало*). Пейоративы характеризуют мужчин, склонных к нарушению семейной морали (*неранимајковац*), безбрачию (*дрт јерђенин*), проявляющих непостоянство, коварство, подлость, склонность к оговорам, лживость (*превртотина, лијаш, лајало, говноједица*); упрямство, своенравность, капризность (*говедо човек, гајдарџија, главуран*). Отрицательно оцениваются в мужчине жадность, неумеренность в еде, питье (*стискавка круша, шљокаџија, водоцрев, целолебоња, глтни-качемаковац*); лень (*мрџетина, пладнолеж*), трусость (*побегуљћа; потрчко*) и т.д., вплоть до отдельных дурных привычек (*госјар 'особа, која радо непозвана иде у госте'*).

Меньше членов в группе пейоративов, связанных с внешним видом, а также с общественным положением, материальным статусом и профессией. По внешности номинируется некрасивый мужчина (*мандетина/мандотина, мижља, рњил*), женоподобный мужчина (*женка, женска петка, мушкокоз*); неопрятный (*вџшља, смрдља, скубља*); неприлично выглядящий (*жџмболь*,

цезозубоња) и т. д. Такие наименования составляют 18,92 % пейоративов. Общественное положение, занятия становятся поводом для отрицательной оценки в 10,20 % случаев. Прежде всего такие номинации характеризуют мужчину как плохого хозяина, который ничем не занимается, не приносит денег в дом, живет на чужой счет (*ошљак; алавужда; глотница; протурњак*), бедного (*гољак, шугља*). Сюда же относятся наименования мужчин, которые занимаются черной магией, выполняют черную работу либо просто работают плохо (*вештегар; говњар, супација; плевњар*). На порядок меньше пейоративов, связанных с возрастом (3,78 %), сексуальным поведением (1,60 %). Самая малочисленная группа пейоративов обозначает принадлежность к этническому или расовому сообществу (1,03 %) (*гавгаль, Цигањорија 'цыган'*).

На основании проведенного исследования можно утверждать, что концептуализация мужчины в говоре области Пирота отражает ту же систему ценностей, которая характерна для современного сербского носителя. Жители пиротского края сохраняют сильную патриархальную мораль. Мужчина должен быть: красивым, стройным, мужественным, аккуратным, здоровым, привлекательным, скромным, молчаливым, уважительным, храбрым, умным, скромным, очень трудолюбивым, развивать хозяйство благодаря тому, что приносит деньги в дом; уважать семейную патриархальную мораль.

Литература

Бартмињски Ј. Језик — Слика — Свет / пер. Марта Бјелетић. Београд: SlovoSlavia, 2011.

Живковић Н. Речник пиротског говора. Пирот: Музеј Понишавља, 1987.

Златковић Д. Речник пиротског говора. Књ. 1–2. Београд: Службени гласник, 2014.

Златковић Д. Допуна Речнику пиротског говора // Српски дијалектолошки зборник бр. LXIV. 2017. С. 603–993.

Јовановић Ј. Лексика погрдног значења у именовану човека у српском језику. Неопубликованый текст докторской диссертации. Београд: Филолошки факултет, 2018. <https://nardus.mpn.gov.rs/handle/123456789/10311> 7.4.2023.

Ратковић Д. Фитонимски пејоративни називи за човека у пиротском говору (лингвокултуролошки аспект) // Slavistica Vilnensis бр. 66/2. 2021. С. 109–124.

Ристић С. Експресивна лексика у српском језику. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2004.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ (РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

«ЦЕРЕМОНИЯ РУКОПРИКЛАДСТВА»: ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ЗВЕНО В ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ СТАРОГО КАНЦЕЛЯРИЗМА

“THE CEREMONY OF “RUKOPRIKLADSTVA” (“HANDWRITING”): AN INTERMEDIATE LINK IN THE DETERMINOLOGY OF THE OLD CLERICALISM

Садова Татьяна Семёновна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ [проект 20-012-00338]. Тема доклада связана с проблемой детерминологизации и вторичной терминологизации старых деловых формул. На примере семантической эволюции древнерусского «канцеляризма» приложить / прикладывать руку предпринимается попытка рассмотреть промежуточные звенья в длительном процессе детерминологизации и вторичной терминологизации одного старого делового фразеологизма.

В эпоху бурного развития торговли в Древней Руси буквальное описание действия, скрепляющего деловую договоренность, стало устойчивым формульным выражением, изначально представляющим собой словосочетание «приложить руку» со значением ‘личной подписи’: Къ сей памяти язъ Иванъ руку приложилъ (Сказка Ивана Юрьевича Сабурова из розысского дела о неплодии великой княгини Соломонии Юрьевны, 23.11.1525 [Акты исторические, I: 192]).

Существительное «рукоприкладство», производное от этой делового клише-словосочетания, входит в язык лишь в середине XVIII в. Сложное слово является результатом номинализации глагольно-именного оборота «прикладывать руку», что очень характерно для Нового времени: активное образование девербативов, нацеленное на экономию словесных выражений в деловом тексте, набирает силу, став в конечном итоге яркой чертой деловой речи XVIII столетия в целом. Слово рукоприкладство (а также рукоприкладывание и рукоприкладывание) отмечено в САР с характерной пометой «приказное речение» [САР, III: 581]. Словарь церковнославянского и русского языка, например, фиксирует не только слово рукоприкладство, но и целый ряд слов, связанных с ним общей основой: рукоприкладствование, рукоприкладствовать, рукоприкладчик, рукоприкладчица, рукоприкладывание [СЦСРЯ, IV: 78].

Заметная словообразовательная активность исходной основы от «рукоприкладство» — яркое свидетельство преимущества этого слова в конкуренции с такими же девербативами — «рукоприложением» и «рукоприкладыванием». В XIX в. «приказное речение» рукоприкладство развивает переносные значения и часто становится объектом языковой игры.

Показательны примеры переносного употребления слова рукоприкладство в значении ‘рукопожатие’ в ироническом и шуточном регистрах — это результат переосмысления исходной мотивировки словосочетания «руку приложить» (‘приложить руку к руке’): Тут отец и директор подались вперед и протянули правые руки, после какового рукоприкладства отец, как человек военный, опустил свою на шов, а директор, как гражданский чин, понес свою сначала в левый карман жилета, а потом уж захлопал по брюху (М. А. Воронов, Детство и юность, 1862 [НКРЯ]).

Интересен случай обыгрывания слова рукоприкладство в значении ‘целовать руку даме’ как промежуточный этап на пути детерминологизации исходного канцеляризма, что обеспечивается вполне допустимой возможностью производства слова «рукоприкладство» от известного куртуазного выражения «приложиться к ручке»: Стороженко совсем растерялся и, кое-как

докончив церемонию «рукоприкладства», искал спасения в мужском лагере (В. П. Авенариус, Гоголь-студент, 1898 [НКРЯ]).

Во второй половине XIX в. внутренний образ слова развивается по пути актуализации понятийных (прямых) значений корневых морфем, составляющих сложное слово: рукоприкладство все чаще употребляется, а потому фиксируется в словарях в значении ‘нанесение побоев, ударов, избиение кого-либо (руками)’ [БАС, 12: 1558]: Городничий стоит посреди передней, издавая звуки и простирая длани (с рукоприкладством или без оно́го — заверить не могу), а против него стоит, прижавшись в угол, довольно пожилой мужчина (М. Е. Салтыков-Щедрин, Игрушечного дела людишки, 1886 [НКРЯ]). Семантическая эволюция деловой формулы «руку приложить» демонстрирует важнейшее значение игры с переносными значениями выражения, (по существу) актуализирующими прямые «логические» значения каждого из компонентов устойчивого выражения.

Литература

Акты исторические — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1: 1334–1598. СПб.: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. VIII, 551 с. 2.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1950–1965.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/>

САР — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.

СЦСРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. Т. 1–4. СПб.: в Тип. Императорской акад. наук, 1847.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ДИНАМИКИ ТРАДИЦИОННОЙ ОБРАЗНОСТИ ЛИРИКИ XVIII В.: ЗАДАЧИ И РЕШЕНИЕ

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF DYNAMICS OF TRADITIONAL FIGURATIVENESS OF LYRICS OF THE 18TH CENTURY: PROBLEMS AND THEIR SOLUTION

Афанасьева Наталья Андреевна

доцент, Цукубский университет (Япония)

В последние десятилетия изучению языка поэзии и ее выразительных средств уделяется серьезное внимание. Образные средства языка поэзии и прозы становятся и объектом словарных описаний. В этом ряду труды Н. Павлович [2007]; Н. Н. Ивановой, О. Е. Ивановой [2015]; Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой [2000-2017] и др.

В 2022 г. в свет вышел словарь «Традиционные поэтические образы. XVIII век» [Афанасьева 2022], объект описания в котором несколько уже, чем в названных выше словарях. Цель данного лексикографического описания — выявление динамики традиционной образности поэзии XVIII в. Под традиционным поэтическим образом (далее — ТПО) понимается образ, имеющий длительную традицию употребления в поэзии, обладающий относительно устойчивым семантическим ядром и способом словесного выражения. В словаре представлены ТПО пятидесяти поэтов XVIII в., чьи поэтические произведения опубликованы в томах большой серии «Библиотеки поэта». Первая часть словаря охватывает вторую треть XVIII века и включает лирику Ф. Прокоповича, А. Кантемира и первых трех русских поэтов XVIII века: М. Ломоносова, В. Тредиаковского, А. Сумарокова, с чьими именами связывают период становления русской поэзии. Вторая часть — это ТПО поэтов, чье творчество относится ко второй половине XVIII в., времени, когда наблюдается стабилизация образной поэтической системы.

Для комплексного выявления и представления в словаре динамических процессов традиционной образности XVIII в. было необходимо остановиться на основных аспектах реализации образного представления и решить ряд связанных с этим задач:

1. Определение времени появления того или иного ТПО в русской лирике. Решение данной задачи нашло отражение в оглавлении словаря, которое позволяет увидеть, какому периоду XVIII в. свойственно обращение к тем или иным образным представлениям, как меняется значение образа.

2. Выявление структуры смысловых полей конкретного и абстрактного компонента образа в лирике XVIII в. разных периодов. Решение: структурированные смысловые поля конкретного и абстрактного компонента образа даны перед словарной статьей каждого ТПО. В сводных таблицах в конце словаря сопоставлены смысловые поля образов разных периодов XVIII в.

3. Определение способов и схемы реализации образа. Изменение основной схемы традиционного поэтического образа К (конкретный компонент) ↔ А (абстрактный компонент) — Ч (слова СМП «Человек») свидетельствует об усложнении способов создания образного представления. Например, реализация образа в схеме К (индивидуальная экспликация абстрактного компонента или имплицитно выраженный смысл) может свидетельствовать о стремлении автора к усложнению прочтения образа. При отсутствии абстрактного компонента образа можно говорить, что слово приобретает символическое значение. Данная задача решалась с помощью словарных помет в комментариях к каждому конкретному контексту образа.

4. Выявление усложнения семантики образа. Задача также решалась посредством словарных помет в комментариях к каждому контексту реализации традиционного образного представления.

5. Установление роли того или иного образа в идиостилиях поэтов XVIII в. В сводной таблице «Традиционные поэтические образы в идиостилиях поэтов XVIII в.» указано, сколько раз в своей лирике каждый из 50 поэтов обращался к тому или иному образу, что позволяет определить предпочтения поэтов XVIII в.

6. Определение роли лексической единицы (как конкретного, так и абстрактного компонента образа) в реализации разных образных представлений поэзии XVIII в. С помощью «Алфавитных указателей» слов, составляющих смысловое поле конкретного и абстрактного компонентов традиционного поэтического образа, можно уточнить, в какой период определенная лексическая единица встречалась чаще при реализации образного представления и при создании каких именно образов она была использована поэтами.

Литература

Афанасьева Н. А. Традиционные поэтические образы. XVIII век: словарь. М., 2022.

Иванова Н. Н., Иванова О. Е. Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII — первой трети XIX века. М., 2015.

Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. / под ред. Н. А. Кожевниковой, З. Ю. Петровой. М., 2000–2017.

Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: В 2 т. М., 2007.

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВА УКАЗ В ДОКУМЕНТНЫХ ТЕКСТАХ XVIII В.

Брыкова Александра Андреевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Указ, несмотря на свой неоднозначный юридический статус распорядительного и нормативного документа, играл очень важную роль в системе деловой коммуникации XVIII в., так как мыслился в первую очередь как «письменное повеление отъ Государя или верховного правительства даемое» [САР III: 381], благодаря чему занимал абсолютно конкретную позицию в иерархии документных текстов. В докладе на материале указов Екатерины I (годы правления 28.01.1725—06.05.1727) и Петра II (годы правления 06.05.1727—19.01.1730) показана специфика функционирования слова указ в контексте императивности повеления с учетом стилистической специфики документного текста с его стремлением к шаблонизации и бессубъектности.

Обращает на себя внимание не только структурированность текстов указов, в которых легко выделяются реквизитные элементы (заголовок, дата, подпись) и основная часть с мотивировочным и собственно распорядительным компонентом, но и активное использование слова указ в разных его значениях в сочетании с разными модальными операторами.

Так, в мотивировочной части слово указ появляется в устойчивом предложно-падежном сочетании по указу Ея / Его Величества, что актуализирует сему иницилирующего субъекта, так как большая часть указов исследуемого периода представляет собой не именные указы, исходящие на прямую от императрицы / императора, а указы во исполнение царской воли, реализуемые Сенатом или Тайным Советом (с 1726 г.): По указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ по докладамъ Каморъ, Комерцъ и Манифактуръ коллегей приказаль, въ малой Россіи съ привозныхъ изъ зарубежа товаровъ пошлину брать по прежнему индуктную ... [Указы 1743: 23].

При этом способ передачи указа — письменный или устный — в указанном устойчивом выражении актуализируется лишь при расширении формулы и использовании причастных оборотов: По присланному Ея Императорскаго Величества указу изъ Вержховнаго Тайнаго Совѣта Высокій Сенатъ приказаль, съ привозной въ Выборгъ изъ заморя со́ли и рульнаго табаку для распространения комерціи брать пошлину противъ Фридрихсъ-гавани со уменьшениемъ [Там же: 202–203]. Однако наибольший интерес представляют собой императивные формулы со словом указ во мн.ч. и незаполненной позицией адресанта. К таким формулам можно отнести широкий круг устойчивых выражений с безличными причастиями: (как) указами повелѣно; указами положено; въ указахъ определено; въ указахъ писано / изображено/ объявлено и пр., а также формулы как по указамъ надлежитъ и какъ указы повелѣвають: дабы съ сего указу въ Малой россіи Полковники, Старшина Генеральная и Полковая и Сотники и прочіе всѣ рядовымъ казакамъ и посполству налогъ, обидь и тягостей отнюдь не чинили, а имянно: сверхъ того, что указами повелѣно, ничего не брали... [Там же: 357–358]. ... а дворцовымъ управителямъ и служителямъ, которые кромѣ крестьянъ, судимымъ быть какъ и прочимъ, гдѣ по указамъ надлежитъ... [Там же: 207].

Активное сочетание слова указ в форме абстрактного множественного как с различными модальными операторами (велеть / повелеть, надлежит), так и со словами с семой вербального воплощения и фиксации информации свидетельствует о том, что конкретный текст указа не только вписывается в систему деловой коммуникации, активно формирующую горизонтальные хронологические связи, но и сам становится значимой ее единицей. Перенос коммуникативного акцента с адресанта на продукт его речевой деятельности — документный текст — свидетельствует о возрастании безличности делового стиля, основы которого закладываются именно в XVIII в. Одновременно с этим это указывает и на меняющиеся представления о юридической силе, которой может обладать не только субъект, но и объект. Это становится еще более очевидным в текстах указов Петра II, где слово указ начинает появляться в устойчивом выражении послать указы в распорядительной части документа: И по указу Его Императорскаго

Величества Высокій Сенатъ приказали, въ губерніи и провинціи о послушаніи по посланнымъ изъ оной канцеляріи о взысканіи доимокъ указамъ послать указы, которые и посланы [Там же: 254].

Появление этой формулы не всегда может быть объяснено исключительно синтаксическими требованиями периода и, как представляется, так же свидетельствует о возрастающей роли указа как основной единицы деловой коммуникации.

Таким образом, специфика функционирования слова указ как в основном, так и в номинативно-переносном, метонимическом, значении позволяет говорить о том, что в процессе становления деловой коммуникации XVIII в. именно указ, как способ письменной фиксации юридически значимой информации, начинает мыслиться как один из основных носителей юридической силы, прямо или косвенно ассоциирующийся с представлением о законе и законности в целом.

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ [проект 20-012-00338 А].

Литература

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 т. СПб.: Имп. АН, 1806–1822 (САР).

Указы блаженные и вѣчнодстойныя памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны и государя императора Петра Второго состоявшіеся съ 1725 гевваря съ 28 числа по 1730 годъ. СПб.: Имп. АН, 1743 г. 530 с.

ЛЕКСИКА ЯЗЫКОВ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ: ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

Ваулина Екатерина Юрьевна

*ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена*

В современном языкознании активно разрабатывается лексикологическое исследование языка науки. Опираясь на подход к языкам для специальных целей как составной части национального языка [Герд 1996: 71; Лейчик 2006: 9], лингвисты рассматривают теоретические вопросы языковой сущности и метафоричности термина, его образования и функций в лексической системе, формирования обслуживающей интердисциплинарные и трансдисциплинарные области знания лексики. Функциональный подход к специальной лексике предполагает ее исследование как динамичного компонента языковой системы, образующегося и изменяющегося в соответствии с развитием знания [Маджаева 2017]. «Словарь русского языка XXI века» (далее Словарь) под редакцией проф. Г. Н. Скляревской, составляемый в РГПУ им. А. И. Герцена, регулярно фиксирует на уровне отдельных значений у вокабул возникновение новых специальных значений при сохранении той же области знания (вакуум в физике и в квантовой физике) и в новой области знания (вектор в математике и в биологии), появление общенаучных значений (бинарный в информатике и в общенаучном языке). Направленный на синхроническое описание языковой картины мира, Словарь не ставит перед собой задачу проследить этапы формирования таких значений. В то же время применяемая лексикографическая техника позволяет отметить и отразить черты динамики внутри них — для показа особенностей употребления лексической единицы используется знак вертикальной тильды, за которым могут следовать особенности грамматики, стилистической характеристики, сферы использования, семантики, использование в сравнении, в составе названий и т. п.

С целью рассмотрения динамических характеристик специальной лексики по всему уже составленному корпусу Словаря был проведен анализ касающихся ее предметной отнесенности и семантики особенностей употребления. В целом наиболее распространенными оказываются сужение или расширение семантики в рамках той же предметной области.

Последовательно отмечаются примеры устаревшего употребления терминов (вариетет в биологии «подвид в систематике бактерий», устаревшее «о подвиде животных»). Конкретизация области частотного использования может происходить без изменения семантики (специальное, то есть используемое более чем в трех различных областях деятельности человека, антигрибковый герметик — в фармацевтике антигрибковый гель для ног) или с указанием на сужение семантики (специальное привязать «соотнести с каким-л. ориентиром», в информатике «о соотношении и сохранении данных с определенными координатами, параметрами в рамках объекта»).

Метонимический перенос в случае специальной лексики выделяется, если свидетельствует о сужении или смещении области использования, отражая продолжение процессов взаимопроникновения [Лейчик 2004: 109] лексики языков для специальных целей (в биологии и химии билирубин «красновато-желтый пигмент желчи...», метонимическое употребление «о показателе концентрации этого пигмента в биохимическом анализе крови» в медицине). Ряд метонимических употреблений связан с детерминологизацией специальной лексики (в физике ионизация «образование ионов и свободных электронов...», разговорное «о количестве таких ионов и электронов в среде»). Появление разговорных употреблений у специальных значений чаще связано с сужением семантики (аммиак в химии «бесцветный газ с резким удушливым запахом...», в разговорной речи употребляется по отношению к нашатырному спирту). Для специальной лексики характерен функциональный перенос (стабилизационный фонд как аккумулятор доходов, хорошие журналисты — аккумуляторы новостей). Появление общенаучного употребления отображается в Словаре не только для лексики математики, логики и философии (введение окружающей среды как социальной переменной, средства рекурсивного подчинения

объектов друг другу), но и других областей знания (в геологии актуализм «сравнительно-исторический метод, изучающий прошлые геологические процессы...», общенаучное употребление фиксирует применение принципа актуализма к историческим, астрофизическим исследованиям). Знак особенностей употребления указывает и на продолжающееся в современном языке обособление профессионального использования (в биологии аллогены «вещества, вызывающие боль...», в профессиональном употреблении в единственном числе с комментарием «о дибензоксазепине — боевом отравляющем веществе, оказывающем комплексное раздражающее действие»). Как профессионализмы квалифицируются употребление в собирательном значении (детку гладиолуса сеют в борозды), а также в определенном числе или синтаксической конструкции (годовые колебания температур, вычислить титр гидроксида натрия по соляной кислоте). Таким образом, лексика языков для специальных целей, зафиксированная синхроническим лексикографическим описанием как составная часть современной лексической системы, динамична и продолжает участвовать в категоризации действительности. Ее отдельные употребления обнаруживают те же процессы, которые свойственны на современном этапе лексической системе в целом. В то же время и на этом уровне фиксируются тенденции к интердисциплинарности (смена области употребления) и трансдисциплинарности (общенаучные употребления) специального слова как факторам формирования современной научной языковой картины мира, а возникновение профессионализмов характеризует продолжающуюся дифференциацию внутри отдельных языков для специальных целей.

Литература

- Герд А. С.* Специальный текст как предмет прикладного языкознания // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 68–90.
- Лейчик В. М.* Взаимопроникновение лексики ЯСЦ // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка. М., 2004.
- Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2006.

ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРИНЦИПЫ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ

TAUTOLOGICAL SET COMBINATIONS IN THE HISTORY OF RUSSIAN LANGUAGE: CLASSIFICATION AND PRINCIPLES OF VOCABULARY DESCRIPTION

Генералова Елена Владимировна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;

научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Объектом рассмотрения выступают тавтологические сочетания, зафиксированные в памятниках старорусского языка (XVI–XVII вв.): предлагается типология и обсуждается лексикографическая интерпретация таких устойчивых словосочетаний (УС). При этом в качестве основных критериев выделения УС в диахронии выдвигаются факторы регулярной совместной встречаемости компонентов и наличия единого значения (не обязательно переносного или образного, но, как правило, с каким-либо семантическим приращением). В научной традиции и в современном лингвистическом дискурсе существуют разные трактовки тавтологии и плеоназма [Ковалева 2016]. Вслед за А. П. Евгеньевой различаем их «узкое» и «широкое» понимание [Евгеньева 1963] и придерживаемся «широкого» понимания тавтологии как явления избыточности для выражения какого-либо понятия, т. е. избыточности плана содержания. В памятниках делового и народно-литературного языка XVI–XVII вв. могут быть выделены разные типы тавтологических сочетаний. Предлагается следующая типология таких УС:

1. Расчлененно-описательные словосочетания — УС, имеющие в языке того же времени однословный синоним, обозначающий то же понятие (т. е. избыточной является сама категория словосочетания): вчерашний день — ср. вчера, говяжье мясо — ср. говядина, духовная грамота — ср. духовная. Однословный синоним обычно имеет тот же корень, что и один из компонентов УС и представляет собой существительное, от которого образовано прилагательное, входящее в УС (блюдо дискосное — дискос), существительное, образованное от прилагательного, входящего в УС (завязочный мастер — завязочник), существительное, однокоренное с таким прилагательным (стольный город (град) — столица), субстантивированное прилагательное-компонент УС (горница мастерская — мастерская).

2. Плеонастические словосочетания — УС, один из компонентов которого является семантически избыточным, поскольку дублирует смысл (часть смысла) второго: земляной вал, мужняя жена, торговый гость, дебри непроходимые, искони вечный, убить до смерти. Возникновение таких сочетаний обусловлено диффузным характером семантики многих лексем в диахронии.

3. Собственно тавтологические словосочетания — УС, состоящие из однокоренных компонентов. При определении этих сочетаний как тавтологических имеется в виду тавтология в узком смысле. М. В. Пименова подчеркивает эстетическую функцию таких повторов в древнерусских текстах [Пименова 2007: 91]. В памятниках XVI–XVII вв. и сохраняются отдельные УС, используемые с эстетической функцией (прежде всего фольклорного происхождения): чудо чудное, диво дивное, и в некоторых случаях образуются аналогичные, экспрессивные с целью создания эффекта художественной выразительности (Горе (злочастие) горинское). Однако основная масса таких УС фиксируется в памятниках делового содержания и имеет усилительную семантику: мукой замучиться, воровством воровать, вынимать выемкой, иском искать, гоньбу гонять.

4. Условно синонимические сочетания — УС, состоящие из семантически близких компонентов, т. е. содержащие смысловой повтор: не знать, не ведать; бережно и устрожливо, среди таких сочетаний много деловых формул. Эту группу не следует смешивать с так называемыми «квазисинонимами» — парными формулами, известными в древнерусском языке (честь и слава, стыд и срам, радость и веселие). Семантическая разница между компонентами условно синонимических сочетаний меньше, чем у компонентов «квазисинонимов». Ненормирован-

ная система языка донационального периода предоставляет богатый материал для изучения феномена избыточности, особенно на лексико-семантическом уровне. Перечисленные типы устойчивых сочетаний, функционирующих в русском языке XVI–XVII вв., являются одним из проявлений закреплённой в тексте (активной) избыточности [Филиппова 2011: 152]. Лексикографическое описание таких УС в исторических словарях обусловлено лингвистической спецификой тавтологического оборота. Для расчленённо-описательных сочетаний обязательно должен приводиться их однословный синоним, и перекрестная отсылка должна связывать такое сочетание с его словом-синонимом для показа системных связей в лексике языка соответствующего периода. Обязательно толкование и у условно синонимических сочетаний (а тем более «квазисинонимов»), семантика которых не всегда и не совсем определяется суммой значений компонентов. Напротив, могут не иметь толкования собственно тавтологические и плеонастические сочетания, если приводятся в историческом словаре толкового типа под словом, значение которого совпадает с семантикой фразеологизма. Однако такие сочетания должны сопровождаться специальной пометой усилит. или экстр. и по возможности указанием на сферу функционирования (например, «как формула частной переписки»), поскольку семантическое приращение в таких случаях и заключается в усилительности. В целом, наличие большого количества тавтологических (в широком смысле) УС — яркая особенность языка Московской Руси. Изучение их типов и разработка принципов словарного описания будут способствовать решению такой актуальной задачи, как исследование фразеологической системы начального этапа формирования национального русского языка.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI–XVII веков».

Литература

- Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX века. М.; Л., 1963.
- Ковалева Т. А. Тавтология и плеоназм в отечественном языкознании: интегральный и дифференциальный аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 2: 34–40.
- Пименова М. В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир, 2007.
- Филиппова И. Н. Классификация вербальной избыточности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 1: 150–155.

КОННОТАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНЫХ НОМИНАЦИЙ ЗНАКОВЫХ РЕАЛИЙ ПЕТЕРБУРГА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Евсеева Марина

доцент, Донецкий государственный университет

Безотносительно к семиотической специфике конкретного города, семантические реляции 'город' — '(каменная) книга', 'город' — 'текст', по-видимому, стали уже общим местом в исследованиях, подобных данному. Таким образом, есть основания считать, что соотношение 'Петербург' — 'книга', 'текст' вполне закономерно.

По наблюдениям исследователей семиотики Петербурга, в том числе — и в ее литературно-художественной репрезентации, знаковые реалии города — артефакты и натурфакты — представляют собой своего рода единицы невербального языка города. Так, Н. П. Анцыферов отмечает, что, по всей видимости, не намеренная, но более чем значимая омонимия "(Северная) Пальмира" — "полмира" [Анцыферов 1991: 34] имеет вполне реальное артефактное обоснование: ростры на известной колонне представляют собой "символ владычества над морем" [там же: 36]. Что же касается суши, то "...страны юга, запада и востока имеют своих заложников в Северной Пальмире" [там же: 37]. Далее следует описание конкретных архитектурных и скульптурных объектов, построенных в стиле определенной "иноземной" культуры либо вывезенных из весьма отдаленной страны в другой части света.

Значительно детальнее изложена исследовательская позиция относительно знаковости и значимости различных петербургских реалий у В. Н. Топорова. Так, "типология отношений природы и культуры в Петербурге" выражена, по мнению В. Н. Топорова, именно языком знаковых реалий: "Один полюс образуют описания, построенные на противопоставлении природы, болота, дождя, ветра, тумана, мути, сырости, мглы, мрака, ночи, тьмы и т. п. (природа) и шпиля, шпица, иглы, креста, купола (обычно освещенных или — более энергично — зажженных лучом, ударом луча солнца), линии, проспекта, площади, набережной, дворца, крепости и т. п. (культура). Природа тяготеет к горизонтальной плоскости, к разным видам аморфности, кривизны и косвенности, к связи с низом (земля, вода); культура — к вертикали, четкой оформленности, прямизне, устремленности вверх (к небу, к солнцу)" [Топоров 1995: 289].

Не менее развернутое отражение в указанной работе В. Н. Топорова получила значимая для типологически показательного круга текстов реляция 'город', 'небо' — 'освещенность, видимость'.

В. Н. Топоровым отмечен также ряд смысловых антитез внутри комплекса культурно-номинативной лексики указанных текстов: "...жилище неправильной формы и невзрачного или отталкивающего вида, комната-гроб, жалкая каморка, грязная лестница, колодец двора, дом — "Ноев ковчег", шумный переулочек, канава, вонь, известка, пыль, крики, хохот, духота противопоставлены проспекту, площади, набережной, острову, даче, шпилю, куполу" [там же: 294]. Данное наблюдение вполне соответствует тезису о тенденции взаимопроникновения, постоянного сосуществования — противоборства 'светлого, неба, камня, города' и 'темного, воды, природы'.

Для анализа коннотативной специфики поэтически вербализованных мифов, связанных с различными знаковыми реалиями города, существенна неоднократно встречающаяся в рассматриваемой работе констатация тенденции создания "образов "спиритуализированных" домов (а также других артефактов и натурфактов. — М. Е.)" [там же: 316] в художественных текстах петербургской тематики.

Ввиду обоснованного В. Н. Топоровым соотношения 'природа', 'аморфность' — 'город', 'оформленность', следует отметить в числе наиболее характерных прецедентов образного описания различных знаковых артефактов города случаи формирования коннотационной окрашенности текста за счет актуализирования того или иного варианта реляции 'реалия' — 'форма'.

Во всех подобных случаях авторами закономерно используются референтные коннотации, "сконструированные" по схеме "имя формы" — "имя реалии". Обращает на себя внимание буквальное, денотативное декларирование антропогенности процесса "творения красоты" при

космичности того же процесса в контексте вышеприведенной семантической реляции. На наш взгляд, в данном случае вступает в силу описанный Б. М. Гаспаровым феномен позитивного эмоционального отклика на формально отрицаемую ситуацию (см. [Гаспаров 1996: 252]).

Весьма значимой для языковой образности исследуемых текстов является многократно интерпретированная различными авторами реляция ‘город, столица’ — ‘власть’ — ‘механизм власти’.

Своеобразным семантическим экстрактом рассматриваемой совокупности языковых единиц выступают номинации, определяющие город как единый знаковый артефакт с собственной экстралингвистической семиотикой и “поэтической мифологией”.

Представление о совокупности знаковых артефактов города и самом городе как сложном знаковом артефакте сводится к упомянутым в начале настоящей работы реляциям ‘город’ — ‘каменная книга’, ‘высеченный из камня (на камне) текст’.

Литература

Аницыферов Н. П. Быль и миф Петербурга. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. М., 1991.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. М., 1996.

Топоров В. Н. Петербург и “Петербургский текст русской литературы” // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995. С. 259–367.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ ЛЕКСИКИ ЧУВСТВ, ЭМОЦИЙ И СВОЙСТВ В ФУНКЦИОНАЛЬНУЮ КАТЕГОРИЮ СОСТОЯНИЯ

SEMANTIC TRANSITIONS OF THE VOCABULARY OF FEELINGS, EMOTIONS AND PROPERTIES INTO THE FUNCTIONAL CATEGORY OF A MENTAL STATE

Заманова Илона Владимировна

преподаватель, Чжэнчжоуский педагогический университет, КНР

Под **психическим состоянием** понимается функциональная категория, обладающая следующими инвариантными семантическими признаками: статичность, длительность, неконтролируемость, неосознанная причинность, ненаправленность на объект. *Примеры: тосковать (быть в тоске), блаженствовать (быть в блаженстве), быть в ностальгии, быть в депрессии, паниковать (быть в панике), грустить (быть в грусти) и т. д.* Согласимся с И. П. Матхановой в том, что «поле статальности» сложное образование: «Состояние может быть выражено лексически и грамматически; на уровне словоформы, высказывания и целого текста» [Матханова 2005: 104]. И. П. Матханова указывает, что Е. В. Падучева и Л. Г. Бабенко считают необходимым выделять в лексическом значении слова тематический и категориально-семантический элементы, которые тесно связаны между собой [Там же: 105]. Таким образом, состояние не существует изолированно от тематического класса. Наиболее точно природу такого комплекса описала М. И. Лазариди [Лазариди 2011: 38], которая ввела для его обозначения термин *номинативно-функциональное поле*.

Категории (состояния, эмоции, чувства) «разрезают» лексико-семантические поля сверху (имеется в виду степень абстрактности и инвариантности). Основными проблемами являются следующие: как представлены функциональные категории лексико-семантическими полями, будут ли поля распределяться равномерно по категориям, или какие-то тематические блоки будут доминировать? С другой стороны, важен вопрос о переходах лексем в разные группы. Например, страх, будучи в категории чувства: *я страшился каждого его прихода*, может развивать значение состояния: *его обуял непонятный страх; в страхе дворняга поджала хвост*. Эти переходы достаточно сложны, так как возникают на основе метонимии, т. е. при разности денотатов, но благодаря их смежности можно номинировать один денотат через другой (уже известный). Подобные переходы требуют усилий для разграничения в мышлении, могут вызывать несогласия между разными исследователями.

Для уточнения состава поля состояния необходимо описать все типы переходов из других разрядов.

На основании анализа около 4000 лексем, вмещающих инвариантные признаки состояния, а также на основании анализа контекстов нами были описаны случаи перехода психической лексики свойств, чувств и эмоций в состояния.

1. Переходы из разряда чувств.

Под чувствами понимаются осознаваемые, частично контролируемые, длительные и направленные на объект реакции. *Примеры: любить, ненавидеть, испытывать отвращение, уважать, презирать, восхищаться и др.* Данная семантика имеет свое формальное выражение.

Изучение контекстов показывает: набор инвариантных признаков чувств может частично утрачиваться и развивать значение длительности, неосознанности, неконтролируемости, ненаправленности на объект, что свойственно состояниям. Ю. Д. Апресян в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» хорошо описал значение состояния у слова «любовь»: «Из всех лексем этого глагола только любить 1.1 имеет длительное значение, поскольку, в отличие от других лексем, она обозначает не чистое отношение, а еще и определенное состояние души» [Апресян 2003: 522].

Пример: Когда человек в состоянии любви, у него есть всё, все блага. Е. А. Шеховцева. Для чего нам вспоминать прошлые жизни [Картаслов].

Подобные переходы фиксируем у четырех лексем *любить, ненавидеть, жалеть, завидовать*, а также у их дериватов. У лексем группы *уважение, презрение* таких переходов не наблюдается.

2. Переходы из разряда эмоций.

Под эмоциями понимаются мгновенные психические действия, интенсивные, неконтролируемые, происходящие в поле зрения объекта, вызвавшего их. *Примеры: вспылить, взъяриться, ошалеть, обезуметь, испугаться и др.*

Эмоции развивают значение состояний, когда на фоне эмоции происходит какое-то действие. В этом случае в эмоцию внедряется сема «длительности», и она начинает отождествляться с состоянием. Всего около 23 таких лексем и их дериватов.

Состояние: Я отлично понимал, о чем идет речь и был в ярости. В. Белоусова. Второй выстрел [НКРЯ].

Эмоция: Но отчетливо помню разъяренное лицо Иосифа, в ярости он был ужасен, не помнил себя, мог убить человека. А. Рыбаков. Тяжелый песок [НКРЯ].

3. Переходы из разряда свойств.

Самой многочисленной группой, демонстрирующей регулярность перехода в функциональное поле состояния, являются психические свойства и качества человека.

Под свойствами понимается признаковая лексика, описывающая характер или поведение человека. Морфологически это прилагательные, причастия и субстантивированная признаковая лексика, т. е. их дериваты. *Примеры: безрадостный (безрадостность), смелый (смелость), бесприютный (бесприютность), одичалый (одичалость), одинокий (одиночество).*

Далеко не все свойства могут развивать значение состояния. Так, *любвеобильный, аккуратный, тщедушный, грубый и т. д.*, а также все прилагательные, не связанные с психикой, такой способности не имеют.

Некоторые прилагательные развивают значение состояния в особых случаях, которые расцениваются «на грани нормы»: *шаромыжничество, чистосердечие, холопство, угодливость.*

Наконец, большая группа прилагательных типа *бездомность* свободно переходит в разряд состояний. Всего было выделено около 1000 таких лексем.

Описанные переходы позволяют говорить о формировании новых семем в составе психической семантемы. Обзор толковых словарей показывает, что это не всегда отражается в словарной статье. Результатом внимательного изучения подобных переходов будет улучшение структуры семантем психической лексики, более последовательное употребление архисем в толковании, более точное понимание природы семантической диффузности психического состояния.

Литература

Матханова И. П. Поле состояния в современном русском языке: прототип и его окружение // Проблемы функциональной грамматики (под общей редакцией А. В. Бондарко). Полевые структуры. СПб., 2005. С. 103–113.

Лазариди М. И. Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект. Бишкек, 2011.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под общим руководством Ю. Д. Апресяна. М., 2003.

ФОРМУЛЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВВ.

Зиновьева Елена Иннокентьевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

В отечественной лексикографии в настоящее время значительное место по праву занимает фразеография. Но среди большого количества различных типов словарей фразеологизмов русского языка практически отсутствуют исторические фразеологические словари. Можно назвать только некоторые подступы к созданию подобного словаря на материале отдельных разрядов устойчивых единиц XI–XVII веков [Пименова 2015; 2020]. XVI–XVII вв. — это начальный этап формирования национального русского языка. Фразеологическая система языка находится в стадии формирования, устойчивые словесные комплексы очень неоднородны по своей структуре, жанровой принадлежности, степени семантической слитности компонентов. Можно выделить идиомы, близкие, и в ряде случаев уже совпадающие с фразеологизмами современного языка, составные наименования, в том числе терминосочетания, предложно-именные сочетания и другие разряды фразеологических единиц. Для

лексикографического представления данных разрядов устойчивых выражений наиболее целесообразным представляется создание дифференцированного исторического словаря, в котором каждый тип фразеологизмов рассматривался бы отдельно, исходя из особенностей того или иного разряда.

В корпусе устойчивых словесных комплексов рассматриваемого периода особое место занимают речевые формулы. Единого термина для данного разряда единиц в лингвистической литературе не существует. Предлагаются такие варианты, как «традиционные ситуативные формулы», «речевые штампы», «фразеологические историзмы», «словесные формулы», «формулы-синтагмы», «коллокации». В зависимости от того, какое содержание исследователь вкладывает в избранный им термин, от жанровой принадлежности анализируемого письменного текста вычленяются разнородные по структуре единицы. Так, исследуются формулы выражения просьбы в челобитных XVII в. [Токарев, Леонова 2011], формулы описания внешнего облика лошадей в монастырской деловой письменности старорусского периода [Варникова 2020] и др. В данном исследовании будем использовать термин «стереотипные формулы». Стереотипная формула применительно к письменным памятникам XVI–XVII вв. понимается нами как разной степени устойчивости языковая единица, представляющая собой словосочетание, номинирующее общепринятую норму, обычай, правила поведения, житейскую ситуацию, этикетное действие и заменяющая собой развернутое информативное описание.

Стереотипные формулы можно классифицировать с различных точек зрения: по степени распространенности выделяются общеупотребительные формулы и ограниченного употребления, например, с одной стороны, формула где ни есть (ни буди) 'где бы ни находился', встречающаяся в купчих, челобитных и в других документах или формула выражения глубокого почтения при упоминании покойных — блаженные памяти, а с другой стороны, юридические формулы (что) есть (было) на ком 'о долге, денежных или имущественных обязательствах', есть (будет) за кем-л. (государево, наше) дело, слово 'заявление о преступлении против личности государя'. Кроме того, по данному критерию можно выделить группу формул речевого этикета, например: ваше (твое) благоутробие — формула почтительного обращения к вышестоящему лицу; здравствуй на многие лета... и со всем своим (от Бога) благословенным домом — формула пожелания добра кому-либо в частной переписке. Возможна классификация стереотипных формул в соответствии с жанром и формуляром делового документа: в дипломатических документах, статейных списках послов используется формула братская дружба (и любовь), обозначающая мирные, дружественные отношения между монархами, государствами; традиционная формула челобитных наг(и) и бос(и) выражает смирение и самоуничижение, имеет значение 'неимущий, нищий, ожидающий сострадания и помощи'; в сообщениях о военных победах функционирует формула Божиею милостию, а государевым (государя) счастьем.

Для представления стереотипных формул в словаре необходимо решить ряд проблем: определение границ формулы, вычленение ее из синтагмы, выявление основных обязательных элементов формулы; разработка системы помет (по употребительности, жанровой отнесенности и др.); зонирование словарной статьи с определением обязательных и факультативных зон.

Особого внимания требуют вопросы семантизации формул, определения оптимальной структуры дефиниции, толкования формул, имеющих разные значения в разных по жанру источниках и принципы их подачи как полисемантических единиц или как омонимов.

Необходимо учитывать широкую вариативность ряда формул, отразить это в заголовочной единице словарной статьи, учесть слова-сопроводители, управление опорного глагола в составе некоторых формул. При развитой синонимии языковых единиц в рассматриваемый период большую значимость приобретают отсылочные пометы типа «ср.», позволяющие показать в словаре этот вид парадигматической связи в фразеосистеме старорусского языка.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI–XVII веков».

Литература

- Варникова Е. Н.* Семантические и словообразовательные особенности кличек лошадей в истории русского языка (по данным переписных книг вологодских монастырей XVI — начала XVIII в.) // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1: 47–83.
- Пименова М. В.* Исторический словарь устойчивых единиц: проблемы и перспективы // Современные проблемы лексикографии: Материалы конференции. СПб., 2015. С. 144–145.
- Пименова М. В.* Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) // Вопросы лексикографии. 2020. № 17: 178–194.
- Токарев Г. В., Леонова Ю. Ю.* Лексико-фразеологические средства выражения просьбы в челобитных XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2011. № 2 (14): 50–54.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В ЭЛЕКТРОННОМ СЛОВАРЕ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКИХ ЗАГОВОРАХ

Куликовская Екатерина Николаевна

старший преподаватель, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Активное развитие современной лексикографии обусловило возникновение самых разных словарей, охватывающих лексику многих сфер жизни. Однако с сожалением приходится констатировать, что такой пласт человеческой культуры, как фольклор, до сих пор остаётся недостаточно описанным лексикографически. Особый интерес представляют заговоры, магические тексты, как живой, в высшей степени прагматический, жанр фольклора, не теряющий своей актуальности и востребованности обществом. На сегодняшний день существуют следующие словари-указатели заговоров и фольклора: словарь Дж. Ропера «English Verbal Charms», словарь Т. А. Агапкиной и А. Л. Топоркова «Восточнославянские заговоры: аннотированный библиографический указатель» [Агапкина 2002], словарь А. И. Васкула «Русский фольклор: библиографический указатель». Упомянутые словари обладают справочным и библиографическим характером. В их основе лежат соображения, полученные в ходе исследования фольклора в русле семиотики и теории литературы. Из описаний, находящихся ближе к лингвистическим, следует отметить словарь имён собственных в русских заговорах, созданный А. В. Юдиным. Также нельзя не указать созданный М. А. Бобуновой и А. Т. Хроленко словарь языка былин [Бобунова, Хроленко 2006].

Подобное описание на материале языка заговоров отсутствует. Между тем, заговорные тексты предоставляют богатый лексический материал, который может послужить основой системного лексикографического описания.

В качестве лексики, репрезентирующей основные свойства заговора как жанра, особо выделяются перформативные глаголы. Указание на необходимость словарного описания перформативных глаголов делались, в частности, Ю. Д. Апресяном [Апресян 1986].

Разработанный нами словарь перформативных глаголов в русских заговорах относится к словарям интегрального типа. Структура толкования полностью оригинальна: в её основу положен коммуникативный принцип, при котором учитываются коммуникативные роли и иллокутивные характеристики высказывания. В качестве метаязыка используется русский язык. В основу положена разработанная нами классификация магических перформативных глаголов, выполненная по результатам анализа текстового материала [Куликовская 2021]. Структура словарной статьи.

Нами использовался принцип толкования значения с опорой исключительно на заговорный контекст. Например, исключаются такие значения слова «заговаривать», как «начинать говорить» или «заговаривать зубы». Каждая статья сопровождается ссылками на классификационные разделы, к которым относится данное слово. В структуре толкования присутствуют следующие параметры:

- 1) каузативность (при помощи перформативного глагола каузируется переход от Ситуации 1 к Ситуации 2);
- 2) намерение или цель (любое перформативное высказывание производится «для чего-либо», иными словами, с неким намерением / иллокутивной целью);
- 3) адресованность (перформативный глагол организует вокруг себя коммуникативный акт, направленный некоторому адресату).

Мы включаем в словарь не только канонические перформативные глаголы, но и другие лексемы, обладающие перформативным значением. В толкование включается обязательный компонент «используя язык», являющийся критерием перформативного высказывания. Кроме того, было принято решение указывать конструктивное место в структуре заговора. Это следующие конструктивные позиции:

- 1) молитвенное вступление,
- 2) зачин,
- 3) нарративная часть,
- 4) перформативный РА (речевой акт),
- 5) акциональная часть,
- 6) закреп,
- 7) зааминивание.

Если перформативный глагол имеет более одной конструктивной позиции, то через запятую указываются они все. Также в словарной статье указывается модальность. С точки зрения модальности наиболее важным представляется указание на реальный или ирреальный характер ситуации, поскольку представляет интерес, совершается ли действие в мифопоэтическом хронотопе или в реальном времени. Так, конструкция «обтычусь частыми звёздами» имеет ирреальный характер, в то время как «секу, рублю утин» (сопровождая соответствующим ритуальным действием) относится к реальной модальности. К реальной же модальности мы относим все речевые акты, которые осуществляются заговаривающим.

Структуру толкования можно представить следующим образом: перформативный компонент (используя язык), каузативный компонент (каузируемая ситуация, событие), направленность, намерение или цель, конструктивное место в структуре заговора, модальность. В финале приводятся примеры употребления.

Приведём пример толкования: Жалуюсь (1) Группа: канонический, Подгруппа: директив. Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (Смиф . испытывает сочувствие), инт. (цель заговора), БФ S1я, МФ S2миф., адрес. Смиф., КМ перформ. РА, мод. реалн. Иллюстративный материал: Мать ты моя, вечерняя звёзда, жалуюсь я тебѣ на двѣнадцать дѣвиць, на Иродовыхъ дочерей.

Литература

- Агапкина Т. А. Сюжетика восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте // Литература, культура и фольклор славянских народов: к XIII Международному съезду славистов / отв. ред. Л. И. Сазонова. М., 2002. С. 237–249.
- Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 3: 208–223.
- Гобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Курск, 2006.
- Куликовская Е. Н. Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения // Рема. Rhema. 2021. № 1. С. 30–55. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-30-55

РЕЧЕВЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОПЕРАТИВНОЙ НЕОГРАФИИ

Козловская Наталья Витальевна

ведущий научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН

Проблема лексикографической обработки новых слов и значений в оперативной неографии (серия «Новое в русской лексике») напрямую связана с типологией неологизмов. После длительного перерыва отдел лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН возобновил выпуски серийных изданий словарных материалов — т.н. ежегодников, задачей которых является отражение оперативной и объективной информации о лексических новациях русского языка новейшего периода.

Основой отбора и словника ежегодника является диалектическое понимание неологизма как особой лексической или фразеологической единицы, маркированной конкретным хронологическим периодом: один год. Как и в предыдущих выпусках серии, в оперативных неографических изданиях регистрируются не только языковые (общие) неологизмы, но и речевые — индивидуально-авторские слова и выражения. Речевые неологизмы составляют значительную часть ежегодной лексической выборки новой лексики, осуществляемой сотрудниками отдела. Традиционно к речевым неологизмам относят индивидуально-авторские и потенциальные слова. На эти две группы при широком понимании явления окказиональности делятся речевые новообразования. Вопрос о соотношении окказионализмов и потенциальных слов является дискуссионным; автор тезисов разделяет позицию, согласно которой все речевые неологизмы являются окказиональными независимо от того, с использованием узуальных или неuzuальных моделей они созданы.

Потенциальные слова, которые при таком подходе могут считаться разновидностью окказионализмов, являются новыми лексическими единицами, которые образуются по высокопродуктивным словообразовательным моделям. К основным типам речевых неологизмов, отражаемых в оперативной академической неографии XXI в., относятся: авторские неологизмы с установленной атрибуцией, речевые неологизмы без установленной атрибуции двух типов: слова, несущие эстетическую или стилистическую нагрузку (окказионализмы) и потенциальные слова, значение которых полностью выводимо из значений составляющих его частей.

Первая группа немногочисленна, так как авторские неологизмы такого типа характерны прежде всего для художественных текстов, которые не входят в круг источников словаря-ежегодника. Исключение составляют быстро получающие широкое распространение во вторичных текстах неологизмы очень популярных писателей (например, В. Пелевин). Задачей составителей ежегодника является лексикографическая обработка авторских неологизмов журналистов, ведущих, публицистов, известных блогеров. Так, в выпуске 2017 г. представлено 7 атрибутированных неологизмов М. Эпштейна: гоп-журналистика, гоп-коммуникация, гоп-нравы, гоппи (контаминация: гóпник (представитель малообразованной, малокультурной, агрессивно настроенной, иногда — криминальной прослойки общества; хулиган) + хіппи (яппи), гоп-религия, гоп-телевидение, дармолуб и зломенитый.

Речевые неологизмы второй группы — это слова, созданные на словообразовательной почве русского языка и предназначенные для экспрессивных или художественных целей: зумагог (контаминация: зум (англ. Zoom; компьютерный сервис для проведения аудио- и видеоконференций, 2020) + педаго́г, 2021); овсоблин (блин, приготовленный с добавлением овсяных хлопьев вместо муки, как продукт для правильного питания, 2017); (раскорячество (манера некоторых мужчин — сидеть, широко раздвинув ноги (обычно в общественном транспорте, 2017); тротуаринг (ремонт тротуара, 2018); школофон (смартфон для школьников с ограниченным доступом в интернет и специальным программным обеспечением, 2019).

Между окказиональными словами с ярко выраженной стилистической нагрузкой и потенциальными словами, образованными в рамках продуктивных типов и заполняющими лакуны в словообразовательных гнездах есть зоны переходности, создаваемые стилистической окраской таких слов: разговорные дотрехать (отследить перемещение кого-, чего-л. с помо-

щью специальных приборов); закуарить (1. присвоить многим куар-код вакцинированного от COVID-19 или перенесшего это заболевание; вакцинировать от коронавирусной инфекции, тем самым дав право на получение такого кода; 2. закрыть что-л. для посещения гражданами, не имеющими куар-кодов вакцинированных от COVID-19 или перенесших это заболевание, 2021); зауколить (обязать вакцинироваться от коронавирусной инфекции).

Поскольку лексикографическое описание таких единиц осуществляется в рамках ежегодника — издания, которое не является словарем в полном смысле этого слова и направлено прежде всего на отбор и своевременную фиксацию новаций разных типов, точная квалификация типа окказионализма не является задачей составителя. Несмотря на то, что потенциальные слова не представляют лексикографического интереса *per se*, включение таких слов в словник помогает решать важные исследовательские задачи.

Начиная с выпуска 2020 года изменена структура ежегодника: в конце книги появился раздел «Слова без семантической разработки», в который списком включаются слова, толкование которых нецелесообразно, так как эта задача полностью решается в рамках словообразовательной справки. Напомним, что словник ежегодника 2020 года стал основой «Словаря русского языка коронавирусной эпохи», в котором описываемый раздел существенно расширен. Так, в список вошло большое количество неологизмов с первой частью корона-, большинство из которых — это потенциальные слова: короназло, коронаслежка, коронаскидка и корона-скидка, коронатравля, корона-транзит, коронатранспорт и многие-многие др. Включение таких единиц имеет принципиальное значение для оценки годового нового лексического массива, для качественной и количественной квалификации «ключевых слов текущего момента», а также для исследования наиболее востребованных в конкретный период времени деривационных моделей.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧЬЯ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Лиханова Надежда Анатольевна

доцент, Новосибирский государственный технический университет

Исследование региональной культуры в рамках лингвоантропологических знаний становится актуальным для этнолингвистической науки. В этом отношении интеграция лингвистического и этнографического материала выступает источником формирования региональной лингвокультуры Восточной Сибири, в том числе в Забайкальском крае. Это уникальный регион, где трансграничная ситуация, сформированная между Россией, Китаем и Монголией, образовали особую языковую среду, где учитывается функционирование лексики в условиях культурного, географического, исторического развития приграничных районов.

Так, региональные лексикографические словари Восточной Сибири репрезентируют ряд лексических единиц, которые указывают на торговое, экономическое взаимодействия народов. Например, выявлены следующие слова: майма́ чин — место, куда люди съезжались в определенное время для торговли; ханша́ — китайская водка; даба́, далэмба — род грубой дешевой бумажной ткани, которая вывозилась из Китая; ширёйник — ящик для упаковки чая (в Кяхте), хан — барин, богач, большой начальник (в Кяхте) и др. В «Словаре русских говоров Забайкалья» представлено слово — амба́нь — это высшее административное лицо области, округа или района в бывшей феодальной Монголии. Из контекстного материала узнаем, что народ рассуждал о данных лицах следующим образом — Ты мне не амбань, я перед тобой на коленях стоять не буду. Я тебе покажу амбань. Далее — Ты мне своими амбанями голову не морочь, а душу перед людьми раскрыть должен. Ты што, председатель али амбань какой? Слово амбань выступает уже не просто как официальное лицо, амбанями именуют «речи официальных людей» среди простого народа в забайкальском регионе. В сравнении автор словаря приводит следующее — Сидит как амбань, а тут стой до пузырей на пятках [Элиасов 1980, с. 53].

Этнограф Г. М. Осокин, описывая жизнь на приграничной территории Восточной Сибири, касается и отдельных вопросов административного управления. Так, кочующие монголы подчинялись китайскому правительству, где — находясь въ зависимости отъ ургинского Гыгена и въ подчиненіи китайскому правительству ближайшее и непосредственное управление ими находится въ рукахъ родовыхъ князей, такъ называемыхъ амбаней (губернаторовъ). Автор продолжает, что они пользуются — большой властью въ управление, что вызывало у монголов недовольство, из-за высоких поборов и налогов, которые они вынуждены были платить в казну. Подробные визиты монголы сопровождали проклятьями во время наездов амбаней. Русских, которые жили в приграничье полосе Монголии также посещали представители официальных лиц — амбани. Но визиты эти носили сугубо деловой характер они «нерѣдко дѣлають свои официальные визиты съ громадной свитой мѣстному русскому начальству и нѣкоторымъ лицамъ изъ купечества» [Осокин 1906, с. 278].

Соответственно, в условиях трансграничья России, Китая и Монголии данные этнографического и лингвистического материала указывают на зависимость монгольского народа от китайских родовых правителей, в то время как российская сторона принимала их как гостей, прислушивалась к их мнению.

Представленный фрагмент указывает на поэтапное и длительное формирование языковой ситуации на территории Восточной Сибири. Описать языковую ситуацию возможно с помощью широкого круга этнолингвистических источников: региональных словарей (диалектных, исторических, этимологических, фразеологических и др.), фольклорного материала, а также с учётом данных, которые содержатся в этнографических, архивных материалах. Без подобной интеграции этнографии и лингвистики региональная лингвокультура не сможет отразить всё многообразие функционирования лексики в условиях приграничного сотрудничества.

Литература

Осокин Г. М. На границах Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб., 1906.

Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА ЦИФРОВОЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI В.: ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ

Маринова Елена Вячеславовна

профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова

1. В последние десятилетия IT-сфера не только прочно заняла своё место в жизни общества, но и определила перспективы его дальнейшего развития. Идея цифрового общества и программа его развития последовательно воплощаются в настоящее время в России и даже получили некоторое ускорение в связи с мировыми событиями (пандемией коронавирусной инфекции, режимом ограничения). Ключевыми словами цифрового общества (о самом понятии см., напр.: [Добринская 2021: 113]), на наш взгляд, являются: цифровизация, цифровой, цифра (переход на цифру), оцифровать. Семантика всех этих слов знаменует глобальный технологический «поворот» (цифролюцию, по выражению Ю. Стракович) с традиционного, имеющего многовековую историю аналогового способа передачи данных на новый, дискретный способ передачи информации, закодированной числовым образом.

2. Понятие «числовой» в английском языке передаётся с помощью слова digital (см., напр., digital signal «цифровой сигнал»). Оно и послужило прототипом для заимствования русским языком слов диджитал, дигитальный (отсюда — дигитализация), не ставших, однако, широко употребительными лексемами (подробнее об этом мы пишем в [Маринова 2022: 60]). Однако калька английского digital — слово цифровой в значении, связанном с новой, не аналоговой технологией — утвердилась в русской речи, причём сначала только как термин, или техницизм (цифровой канал связи, цифровой сигнал, цифровое телевидение и т. п.), затем как слово общественно-политической лексики (цифровое будущее, цифровой суверенитет) и своеобразная идеологема нашего времени.

3. Высказанная гипотеза ещё требует своего окончательного подтверждения, однако, если принять во внимание чрезвычайно широкую и разнообразную в тематическом отношении сочетаемость слова цифровой, она, по нашим наблюдениям сопоставима разве что с сочетаемостью идеологема советский. Как в недалёком социалистическом прошлом определение советский сопутствовало почти неограниченному числу существительных, являясь чем-то вроде знака качества обозначаемого референта, так и лексема цифровой сопровождает сейчас множество самых разных номинаций — см. примеры выше, а также: цифровая экономика, цифровое образование, цифровой педагог, цифровой этикет, цифровое правительство, цифровая личность и т. п. Комбинаторная экспансия этого слова — всё сейчас может стать цифровым — свидетельствует как минимум о двух важных моментах: в экстралингвистическом плане такая «экспансия» изоморфна происходящим в обществе процессам, связанным с переходом на «цифру»; в собственно лингвистическом — является показателем семантических трансформаций исходного техницизма.

4. Между тем словарная жизнь слова цифровой заметно отстаёт от его жизни в реальной речевой практике. В БТС зафиксированы лишь «старые» значения слова: «1. к Цифра (1 зн.). 2. Обозначенный в цифрах, выраженный в цифрах. ...Ц-ые показатели урожая» [БТС]. Значение «дигитальный (в отношении технических устройств и связи)», появившееся у слова в конце XX в., фиксирует пока только словарь актуальной лексики. См.: «переводящий информацию в двоичный код с помощью электронных систем; предназначенный для обработки, хранения, передачи и т. п. такой информации» [АЛ].

Наряду со значениями, зафиксированными в БТС и АЛ, у слова цифровой можно отметить ещё несколько значений. В одном из них слово синонимично целому ряду атрибутивных единиц, активно используемых в настоящее время для номинации виртуальных аналогов различных объектов и явлений реального, физического мира. Это слова виртуальный, электронный, сетевой, онлайн-, интернет-, кибер-, веб-, имеющие общую семантику «реализуемый, осуществляемый, существующий в интернете»; ср. цифровая коммуникация (= интернет-коммуникация), цифровые медиа (= интернет-медиа), цифровые деньги (= виртуальные), цифровой

окружающий мир (= виртуальный) и др. Оттенок этого значения — ‘осуществляющий свою деятельность в интернет-пространстве’ — проявляется у слова в его сочетании с агентами (цифровой педагог).

В ряде устойчивых в узусе номинаций со словом цифровой оно реализует значение, близкое к значению причастия оцифрованный (цифровая подпись). В сочетании со словами общественно-политической лексики, нередко абстрактной по характеру семантики, цифровой выступает в значении ‘связанный с использованием IT, компьютерно-интернетовской технологии; имеющий к ней отношение’. См.: цифровая изоляция. В сочетаниях типа цифровая экономика прилагательное используется в значении ‘опирающийся, основанный на цифровых технологиях’.

5. Кроме того, для дальнейшего наблюдения за ключевым словом цифровой эпохи необходимо учитывать и целостную семантику фразеологических сочетаний с этим словом (цифровая личность, цифровой след, цифровой портрет личности и др.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>

Литература

АЛ — Толковый словарь русского языка. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. М., 2006.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000..

Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 12: 112–129.

Маринова Е. В. Язык Рунета в Сети и за её пределами. М., 2022.

ЭТИКЕТНАЯ ФОРМУЛА ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Мельничук Виктория Александровна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

В социальных сетях, в частности в сети «ВКонтакте», в последнее время широкое распространение получили сообщества, посвященные памяти умерших, причем как публичных персон, так и людей, не пользовавшихся при жизни широкой известностью. Подобные мемориальные страницы обычно содержат материалы, включающие описание жизни умерших, их фотографии, а если при жизни человек был популярным артистом, то и аудио- и видеозаписи с его участием, встречаются записи-обращения к покойному. Например, в 2022 г. в сети «ВКонтакте» появились и регулярно пополняются сообщества, посвященные памяти солиста поп-группы «Ласковый май» Юрия Шатунова, а затем основателя этого же музыкального коллектива Сергея Кузнецова — «Юра Шатунов Любим, Помним, Скорбим!», «Юрий Шатунов, Сергей Кузнецов, “Ласковый май”», «Ласковый Май Навсегда!» (примечательно, что активные подписчики, состоящие в этих сообществах, используют даже самоназвание — шатунята); достаточно давно функционируют группы памяти Жанны Фриске, Виктора Цоя, хотя, следует признать, что в этих группах наполнение и манера общения подписчиков несколько отличается от тех, что появились за последний год. С другой стороны, складывается традиция размещать на личных страницах записи к датам поминовения близких родственников. Феномен мемориальных страниц и записей в социальных сетях уже сам по себе представляет интерес с точки зрения антропологии и культурологии, так как показывает, что в век интернета кончина любого человека может из события интимного, внутрисемейного стать предметом обсуждения общественности.

Лингвистам мемориальные страницы и записи также дают богатый материал для исследования: интересны и сами тексты, размещаемые в память об усопшем, и комментарии, которые их сопровождают. Нередко в комментариях подписчики используют этикетные формулы выражения соболезнований и скорби, причем фигурируют не только традиционные конструкции, как то: вечная память, светлая память, царство небесное / царствие небесное (ему, ей, им), земля (ему, ей, им) пухом, но и трансформированные — царство небесное (тебе, вам), царства небесного (ей, ему, им, тебе, вам), а также новые для русского речевого этикета — мягких облачков (тебе, вам).

В докладе рассматриваются варианты традиционной этикетной формулы царство небесное (ей, ему, им). Трансформация конструкции идет в двух направлениях: с одной стороны, в интернет-коммуникации эта этикетная формула может использоваться не только с личными местоимениями третьего лица, но и с местоимениями второго лица (тебе, вам), на месте местоимения пишущие могут употреблять не только личное имя, но и имя в сочетании с отчеством и фамилией (надо сказать, что сочетание имени и отчества при этикетной формуле скорби / соболезнования, по данным НКРЯ, встречается); с другой стороны, появляется вариант употребления родительного падежа — царства небесного.

В результате сопоставления особенностей употребления конструкции царство небесное (ему, ей, им) / царство небесное (тебе, вам) из социальных сетей и НКРЯ можно предположить, что под влиянием специфики интернет-коммуникации изменяется восприятие оппозиции «живой — мертвый» в сознании пишущего. Просматривая записи в мемориальных сообществах, снабженные фотографиями умершего, а в случае с публичными личностями — видеозаписями, музыкальными композициями в их исполнении (группы памяти Юрия Шатунова), пользователи социальной сети воспринимают умерших как условно живых, живых в интернет-пространстве, что и позволяет им адресовать этикетные формулы лично: Юра и Сережа царствие вам небесное, ну почему ж вы так рано покинули мир наш земной [vk.com. 26.11. 2022].

Представляя собой эллиптическую конструкцию, традиционная этикетная единица царство небесное (ему, ей, им) может быть представлена как дай Бог (ему, ей, им) царство небесное: Дай бог царство небесное покойной генеральше, что воспитала сиротку, а нельзя помянуть ее

добрым словом, что посадила солдатку не в свои сани! [Кокорев. «Сибирка». Мещанские очерки. 1847]; Дай Бог царство небесное, место покойное Ираиде Степановне, что оставила мне тебя в наследство, лучше ты мне родной дочери. [Гейнце. «Аракчеев». 1898]. В трансформированной же единице с родительным падежом царства небесного (ему, ей, им, тебе, вам) эллиптическая конструкция, вероятно, может быть дополнена как *желаю царства небесного (ему, ей, им, тебе, вам) по аналогии с этикетными формулами Счастья! Здоровья! Ср.: Сергей, огромное спасибо, что были в нашей жизни! За Юру отдельное спасибо!!! Слишком рано вы оба покинули нас, своих поклонников! Царства вам Небесного с Юрой вместе [vk.com. 08.11.2022].

Такое изменение грамматики конструкции указывает на ее десемантизацию: вероятно, пишущие не вполне осознают не только связь этой этикетной единицы с религиозной картиной мира, но и ее прагматику. Традиционное использование этикетной формулы с местоимением третьего лица царство небесное (ему, ей, им) является не только данью памяти умершего (вероятно, этот семантико-прагматический компонент в большей степени осознается людьми религиозными), но и сигналом для собеседника, упомянувшего покойного. Прямая же адресация этой конструкции умершему изменяет ее прагматический статус, приближая к пожеланиям, характерным для «праздничного» дискурса.

КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО КАВКАЗ И ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ЕГО ИССЛЕДОВАНИИ

Сапиева Саида Казбековна

доцент, Адыгейский государственный университет

В современной науке междисциплинарный термин «концепт» получил достаточно широкое распространение и знаменовал появление нового концептуально-культурологического направления в современном языкознании. В результате анализа множества теоретических разработок о понятии концепт в современной лингвистике с учетом его общепризнанной ментальной природы и языковой реализации под концептом нами понимается вербально-деривационное культурно-ментальное образование, содержанием которого выступает совокупность тех имеющихся в языке смыслов, которые связаны тематически и деривационно с определенной лексемой, являющейся именем концепта.

Среди разного типа концептов особое место занимают ономастические концепты, семантика которых или общий смысл дает представление о явлениях действительности и отражает знания через определенные модели их репрезентации в дискурсе. «Концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику; они позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные, выработанные обществом категории и классы» [Актуальные проблемы современной лингвистики 2009: 236]. Содержание концепта имени собственного обусловлено той семантико-когнитивной сферой, в которую он погружен. Это область учеными именуется «доменом» и именно она определяет структуру концепта в его различных связях, а также формирует лингвокультурную значимость исходного имени концепта, которую он занимает в сознании представителей того или иного этноса.

Ономастический концепт Кавказ как когнитивно-концептуальное пространство представляет собой единицу знания о пространственных, этно- и социокультурных характеристиках, определяющих его роль в российской культуре, в формировании различных картин мира. Исследование концепта Кавказ в научной, наивной и индивидуально-авторской картинах мира, позволяет говорить о когнитивной матрице, в которой функционирует данный концепт. Когнитивная матрица подразумевает под собой формат, обозначение многоаспектного знания как «системы взаимосвязанных когнитивных контекстов, которые носят опциональный характер и не предполагают их обязательно одновременное иерархическое ассоциирование с тем или иным словом и концептом» [цит. по Дубровская 2017].

Изучение имен собственных с когнитивных позиций дает возможность расширить поле исследования с использованием комплексной методики анализа. Наш подход в исследовании ономастического концепта основан на представлении о том, что язык является, с одной стороны, средством познания действительности, с другой, средством ее обозначения, представляя таким образом промежуточное звено между сознанием языковой личности либо языкового коллектива и окружающим миром. Но данное утверждение не может быть исчерпывающим в исследовании ономастического концепта, если не учитывать тот факт, что не все перцептивные свойства можно выразить посредством языка. Из этого следует, что помимо «языковой привязки» в содержание ономастического концепта входят и ментальные репрезентации в виде образов, представлений, картинок, схем. Однако самые важные репрезентации концепта, безусловно, имеют фиксацию в языке, реализуя лингвокогнитивный каркас концептуального материала, который находит свое выражение в лексических единицах.

Таким образом, эффективность изучения такого сложного объекта, как ономастический концепт, заключается в его интегративном исследовании с использованием различных подходов, среди которых лингвокогнитивный, лингвокультурологический и триангуляционный подходы, на наш взгляд, занимают первостепенное значение. Для полноты исследования и большей достоверности необходимо использовать такие методы, как: дистрибутивный метод, исто-

рический метод, когнитивно-дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, концептуальный анализ, статистическая обработка материала. Новаторским является исследование концепта в рамках мультимодального аспекта. Исходя из этого можно говорить о том, что концепт Кавказ реализует себя в научной, наивной, индивидуально-авторской картинах мира, и, функционируя в том или ином дискурсе, обретает свои специфические особенности. Он имеет языковую реализацию, отраженную в лексикографических и энциклопедических источниках, благодаря которым может быть выявлено его ядерно-понятийное содержание и научный вариант концепта. Исследуемый концепт является лингвокультурным, так как он представляет определенную значимость для носителей русского/российского сообщества и, вслед за сторонниками лингвокультурологического подхода, в его сложной структуре мы выделяем три компонента: понятийный, образный, ценностный. Исходя из вышесказанного, материалом исследования концепта Кавказ в рамках интегративного подхода явились: словарные статьи из различных лексикографических источников, художественные тексты, песенные тексты, результаты ассоциативного эксперимента, художественные фильмы о Кавказе и кавказцах. Таким образом, интегративный подход в исследовании концепта Кавказ позволяет говорить о нем, как о сложной модели хранения ономастической информации, включающей комплекс знаний об исследуемом имени собственном, куда входят информация о нем как языковой единице, «сжатая до основных признаков содержания история» (Ю. С. Степанов), индивидуальные и коллективные оценки, ассоциации и коннотации, которыми обладает данное имя. Использование в качестве материала исследования текстов из различных типов дискурса позволяет внести существенные коррективы в вопросы изучения ономастических концептов.

Литература

Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб пособие / сост. Л. Н. Чурилина. М., 2009.

Дубровская В. В. Когнитивная матрица домена количества, 2017. Режим доступа: www.alba-translating.ru

ПАРАМЕТРИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ И СТРУКТУРИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ

Семенова Софья Юльевна

старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, РГГУ

Рассматривается понятие «параметрическое существительное» в исходном, узком, и в более широком смысле, а также его дальнейшее обобщение, связанное со структурированием и представлением информации.

1. Параметрические существительные (высота, вес и др.) традиционно служат объектом семантико-синтаксических и когнитивных исследований. В русистике термин «параметрическое существительное» укоренился, по-видимому, после публикации монографии [Апресян 1974]. На возникновение термина, очевидно, повлияла тематическая принадлежность основной массы имен к физическим величинам (в первую очередь пространственным). Термин отражает также концептуализацию величины как некоторого атрибута (аспекта, характеристики) некоторой предметной сущности, причем атрибута, принимающего разные значения для разных сущностей либо для одной сущности, но при разных условиях: высота башни vs высота стола; толщина льда в водоеме в начале (vs в середине) зимы; варьированность количественного значения стала весьма важной для концептуализации величины именно как параметра. Такое понимание имени параметра назовем тематическим; оно непосредственно соотносится с семантическим полем величины, количества.

2. Затем термин «параметрическое существительное» был распространен на имена неколичественных признаков (цвет, звание и др.). Основанием расширения стало то, что имена признаков, как и имена величин, обозначают функции (в математическом смысле), принимающие разные (бытийные) значения либо для разных объектов, либо для фиксированного объекта при разных условиях (цвет снега — белый; цвет травы — зеленый; цвет неба днем — голубой; на закате — розовый и т. п.). Функциональность здесь понимается более абстрактно, чем мена количественных значений в рамках тематического подхода. Критерием принадлежности слова к расширенному классу имен параметров может служить возможность употребления в позиции прямого дополнения при ряде глаголов получения / передачи информации: определить скорость, указать адрес; общность ряда синтаксических свойств у имен параметров и признаков была раскрыта в [Падучева 1980]. Данный критерий, синтаксический, полезен, в частности, в силу того, что имена признаков образуют весьма размытый, тематически неоднородный класс. Этот вариант интерпретации параметрического имени можно охарактеризовать как синтаксический.

3. Возможно еще одно обобщение. Оно мотивируется тем, что параметрическое существительное обладает актантной структурой (валентностями на имя объекта и на значение параметра/признака), которая (вместе с самим словом) обычно изоморфна абстрактной трехкомпонентной модели информации (в разных модификациях модели): ПАРАМЕТР — ОБЪЕКТ — ЗНАЧЕНИЕ / ОБЪЕКТ — ХАРАКТЕРИСТИКА — ЗНАЧЕНИЕ и т. п. Информационная модель (называемая иногда параметрической триадой) нашла широкое применение в прикладных задачах; так, по крайней мере, с 1970-х гг. для представления информации (фактографии), извлекаемой из текста, используются объектно-характеристические таблицы. При этом названия параметров могут пониматься шире, прагматичнее, чем те, что строго удовлетворяют лингвистическим критериям. Напр., в такой роли могут выступать слова с периферии имен величин и признаков: количественные квазипараметры зарплата, излучение и др.; периферийные (или спорные) имена признаков регион, пример и др. (есть контексты, подтверждающие наличие у спорных имен бытийных значений: выбрать регион, привести пример). По сути, параметром в рамках этой концепции может считаться название практически любого типа/кванта информации, если этот тип вычленишь и именовать. Назовем такое понимание параметра информационным. Оно связано со структурированием разнообразной информации, в том числе линг-

вистической: напр., синтаксической и коммуникативной (выделяемой при разборе предложений) или лексикографической (именование зон и полей словарной статьи). В прикладной сфере все три трактовки параметрического имени проецируются на задачи information extraction, причем среди направлений этой области, отраженных в новейшей учебной литературе (извлечение именованных сущностей, отношений и мнений [Толдова 2019]), тематическая трактовка тяготеет к извлечению отношений, синтаксическая — к извлечению как отношений, так и сущностей (напр., социальных данных о персонах), а информационная, скорее, связана с формализацией извлекаемых знаний.

Конечно, указанными подходами «параметричность», релевантная для лингвистических построений, не исчерпывается. Так, отдельное место занимают параметры глагольной лексики и параметрическая диатеза ряда глаголов, описанные в работах Е. В. Падучевой, а также параметры, выделяемые в морфологии. Представляется, что можно выстроить определенную типологию параметров.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974.

Падучева Е. В. Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 20. М., 1980. С. 3–44.

Толдова С. Ю. Извлечение информации из текста // Введение в науку о языке / А. Е. Кибрик и др.; под ред. О. В. Федоровой и С. Г. Татевосова. М., 2019. С. 528–534.

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОДНОЙ ОБРЯДОВО-ЭТИКЕТНОЙ ФОРМУЛЫ НАРОДНОЙ РЕЧИ

SEMANTICS AND FUNCTIONING OF ONE RITUAL-ETIQUETTE FORMULA OF FOLK SPEECH

Чекина Анастасия Артёмовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Общеизвестно, что речевой этикет — культурно маркированное явление, и к нему обычно относят такие устойчивые формулы общения, которые приняты в данное время и в данном обществе, причем как обязательные для каждого и предписываемые каждому. Повсеместно отмечается ряд функций речевого этикета — например, контактоустанавливающая, конативная, эмотивная, культурно идентификационная, символическая и некоторые другие. Знание правил речевого поведения, например, чрезвычайно ценится в традиционной коммуникации, какой является и общение в сельском социуме, что и становится в докладе главным объектом наблюдения.

Представляется необходимым исследовать теорию традиционного этикета, чтобы выявить механизм превращения обрядовой и даже, возможно, ритуальной речевой формы в сугубо этикетную формулу в основной её функции — фатической (контактоустанавливающей), без мифологического или иного подтекста. Это представляется важным потому, что многие этикетные формулы — по происхождению — мифологически мотивированы. Конечно, речевая формула может иметь и т.н. «маргинальную» природу: с одной стороны, носитель диалекта произносит такую формулу неосознанно, потому что «так надо» или «так принято», с другой — потому что это правило предписывает обряд (или ритуал).

Итак, на материале экспедиционных записей архива «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» (СДК) кафедры русского языка СПбГУ в докладе анализируется семантика и функционирование обрядово-этикетной формулы, адресующейся женщине в ситуации стирки белья (Беленько!). Рассматривается вариативность формулы и символический контекст её ядерного компонента -бел-. Уделяется внимание анализу синтаксической структуры формулы и её особенностей:

- 8) эллипсис, усечение исходного благопожелания (желаю / пусть будет) бело / беленько / бело на воде);
- 9) императивная (оптативная) формула (Беленько полощи!);
- 10) диалогическое единство формулы (- Беленько Вам! — Спасибо!).

Многими лингвистами отмечается, что белый цвет в народной символике — один из основных цветов, наряду с красным и чёрным. Белый цвет может означать чистоту. В Словаре русской ментальности указано, что белый — это 'лишённый собственного цвета и каких-либо цветовых примесей, и потому сохраняющий исконные блеск и чистоту' [СРМ 2014: Т. 1. С. 36]. В работах по исторической лексикологии В. В. Колесов, например, подчёркивает, что белый — это в первоначальном значении 'блестящий, прозрачный', т. е. невидимый [Колесов 1986: 221]. А вот значение 'чистый' развилось довольно поздно (1583) и стало второстепенным значением слова, которое фиксируется и в наших записях конца XX–начала XXI столетий.

В итоге можно сказать, что семантика 'белый' в анализируемой обрядово-этикетной формуле означает прежде всего чистоту и выражает пожелание хозяйке стирать чисто и качественно (Беленько Вам!). Отдельно следует обратить внимание на уменьшительно-ласкательный суффикс -ньк в наиболее распространённой формуле Беленько! как форманта, указывающего на интимизацию и возможного расположения адресанта к адресату. Л. Ю. Зорина в монографии «Вологодские диалектные благопожелания в контексте народной культуры» [Зорина 2012] отмечает в этой формуле «усиление пожелания за счёт экспрессии, которая привносится суффиксом -еньк-, ср. в народной речи: близенько, маленько, кругленько, чистенько» [Зорина 2012: 131].

В целом необходимо отметить, что рассматриваемая обрядово-этикетная формула представляет собой эллиптическую конструкцию в оптативном (пожелательном) наклонении. Следует учесть, что пожелание — это «адресованное слушающему изъявление желания добра, здоровья и т. п., причём слушающий является одновременно бенефициантом пожелания и субъектом желаемой ситуации» [Бондарко 1990: 181]. Если условно восстановить реплику, то получится привычная пожелательная конструкция: бленько! Важно, что при фактическом отсутствии предиката предикативность всё же ощущается — через лексико-семантическую и символическую наполненность формулы, которая в содержательном плане актуализирует намерение пожелать адресату (здесь, скорее всего, женщине) благополучного исхода дела. Следовательно, это пожелание связано с прагматическим смыслом стирки белья — получения чистого, свежего белья.

В результате анализа важно отметить, что структура и семантика подобных формул зачастую обусловлена мифологическими, обрядовыми и традиционно-фольклорными представлениями жителей Русского Севера, заключёнными в лексических единицах и синтаксических конструкциях. Вследствие чего перед нами возникает основная задача — разграничить категории «обрядовости» и «этикетности», если это представится возможным.

Литература

Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.

Зорина Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте народной культуры. Вологда, 2012.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.

СРМ — Словарь русской ментальности: в 2 т. / под ред. Колесова В. В., Колесовой Д. В., Харитоновой А. А. СПб., 2014.

О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В ЯЗЫКЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО INTENSIFIERS IN FYODOR DOSTOEVSKY'S LANGUAGE: ONLINE DICTIONARY PROJECT

Шарапова Екатерина Вячеславовна

научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Словарь интенсификаторов в языке Ф. М. Достоевского задуман как словарь-конкорданс, который будет размещен в сети Интернет и представлен в виде поисковой системы для подбора всех главных слов, встречающихся при данном интенсификаторе в текстах Ф. М. Достоевского и, наоборот, всех интенсификаторов, встречающихся при данном главном слове. Результаты выдачи будут сопровождены контекстами, в которых употребляется данное словосочетание (1–2 предложения). Поиск будет дифференцирован по году создания текста, а также, например, для писем — по адресату, для художественных произведений — по говорящему (автор, отдельные персонажи). Каждый контекст планируется сопроводить ссылкой на том и страницу в Полном собрании сочинений Достоевского в 30 тт.

Словарь интенсификаторов в языке Ф. М. Достоевского является частью проекта по изучению идиоматики русского языка XIX в. в диахроническом аспекте. Сочетания с интенсификаторами — одно из проявлений общего языкового процесса фразеологизации (идиоматизации), который обнаруживает себя в лексических фразеологизмах, речевых формулах, множестве сочетаемостных ограничений у разных слов [Копотев, Стексова 2016: 9–11]. В модели «Смысл ↔ Текст» интенсификаторы с ограниченной сочетаемостью были представлены как идиоматические средства языка и формализованы как лексическая функция Magn: жгучий брюнет, проливной дождь, круглый дурак [Мельчук 1999]. Однако термин «интенсификатор» охватывает более широкий языковой материал. Интенсификаторы — это не только собственно слова-Magn'ы, обладающие узкой идиоматической сочетаемостью, к интенсификаторам относят в первую очередь слова со значением высокой, предельной, чрезмерной степени признака: очень, слишком, весьма и др. [Кустова 2008]. В словосочетаниях с интенсификаторами, которые планируется представить в словаре, обнаруживаются результаты процессов фразеологизации, характерные для русского языка XIX в., и отражается динамика этих процессов. Одновременно словарь пополнит корпус словарей языка автора и будет отражать важный фрагмент идиостиля Ф. М. Достоевского.

При создании словаря применяется подход от речи к языку. Задача словаря — показать, как в речи самыми разнообразными лексическими средствами может быть выражено значение высокой (предельной, чрезмерной) степени, представить разнообразие идиоматических средств выражения высокой степени. Планируется размещение словаря на сайте Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в три этапа: эпистолярное наследие (личные письма), художественная проза («большие романы» и некоторые ранние произведения), публицистика («Дневник писателя»).

Вопросы, возникающие при составлении словаря языка Ф. М. Достоевского имеют одновременно и общетеоретический, и практический лексикографический характер. Основной проблемой является большая область промежуточных случаев, когда в одном слове совмещаются качественное или дискурсивное значение слова и значение высокой степени и функция интенсификатора: С 18 на 19 число я вынес ночью ужасный кошмар, то, что я тебя лишился. А. Г. Достоевской, 1876; В горячей мысли моей я думал даже, что не надо кончать былины на Петре, например, об котором непременно нужно особенное хорошее слово и хорошая поэма-былина с смелым и откровенным взглядом, нашим взглядом. А. Н. Майкову, 1869; Жена же его на меня положительно осердилась: она заспорила со мной о существовании бога, а я ей, между прочим, сказал, что она повторяет только мысли своего мужа. А. Г. Достоевской, 1876. Возникает проблема критериев определения интенсификаторов в речи и тексте. Поскольку игнорирование промежуточных явлений будет в значительной степени искусственным, появляется также проблема представления таких случаев в словаре. Определенную трудность представля-

ет отражение в словаре неоднословных интенсификаторов и главных слов. Например, С моей стороны причина одна: страшная каторжная работа, свыше сил моих. В. Ф. Пуцыковичу, 1880: главное «слово» здесь само по себе уже является словосочетанием с интенсификатором: каторжная работа. Или: Буду ждать с чрезвычайнейшим нетерпением корректур. Н. А. Любимову, 1880 — в этом контексте интенсификатор с чрезвычайнейшим нетерпением включает в себя интенсификаторы с нетерпением и чрезвычайнейший, а также он входит в группу конструкций с предлогом с, ср.: Хоть третью тысячу подписчиков вы, может быть, и не доберете, но, поддерживав успех в продолжение года, вы, повторяю это с упорством, станете на твердое основание. Н. Н. Страхову, 1869. Эта информация должна быть отражена в словаре.

Словарь интенсификаторов в языке Ф. М. Достоевского позволит отразить, во-первых, особенности сочетаемости и идиоматики русского языка XIX в., во-вторых — некоторые особенности идиостиля Ф. М. Достоевского. В-третьих, словарь предоставит материал для теоретических исследований в области семантики.

Литература

- Копотев М. В., Стеклова Т. И.* Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М., 2016.
- Кустова Г. И.* Словарь русской идиоматики сочетания слов со значением высокой степени. М., 2008.
URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php>.
- Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». Семантика, синтаксис. М., 1999.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ БИМЕДИЦИНСКОЙ ИНЖЕНЕРИИ)

Чжао Цихан

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Составление терминологических словарей рассматривается в лексикографии как одна из основных актуальных задач, однако отсутствует единый стандарт проектирования таких словарей и их оформления [Хлыбова 2017: 21]. В данной работе обсуждаются принципы построения терминологического словаря и формат словарной статьи, показывается фрагмент многоязычного (русско-англо-китайского) терминологического словаря биомедицинской инженерии (далее: БМИ). Основные принципы при проектировании терминологического словаря исследуются рядом ученых. Однако не все сформулированные ими принципы важны при составлении трехязычного терминологического словаря, а некоторые принципы, необходимые, на наш взгляд, для решения данной задачи, наоборот, не обсуждаются, поэтому предлагаем внести некоторые дополнения. По нашему мнению, при проектировании учебного однопрофильного трехязычного терминологического словаря необходимо руководствоваться следующими принципами:

- принципом двойной системности, соответственно которому в словаре нужно показать не только внутреннюю организацию на лексико-семантической основе, но и логическую взаимосвязь между терминологическими единицами как языковыми средствами научных концептов;
- принципом ценности терминов, проявляющимся при отборе терминологических единиц для включения в словарь. Ценность термина проявляется 1) в частотности его употребления в соответствующей научной области, 2) в его важности для исследуемой терминосистемы, 3) в его уместности в определённых контекстах данного подязыка [Дубичинский 1998: 97], 4) в его необходимости в процессе целенаправленного обучения;
- принципом комплексности, позволяющим закрепить в словарной статье комплекс сведений о термине и обозначаемом явлении;
- учебным принципом;
- многоязычным принципом, при реализации которого русский язык представляется основным;
- принципом алфавитного расположения статей;
- принципом единого формата словарной статьи.

Оформление словарной статьи терминологического словаря определяется его научной или учебной задачей [Хлыбова 2017: 214]. Рассматриваем составляющие компоненты словарной статьи, которые считаются разными исследователями важными для ее оформления. В итоге считаем, что словарная статья русско-англо-китайского терминологического словаря БМИ должна содержать в себя ряд таких необходимых компонентов, как этимологическая справка для заимствованных терминов; энциклопедические сведения, которые вводятся в качестве примеров, одновременно показывающих сочетаемость и способ употребления описываемых терминов; дефиниция на трех языках и перевод иноязычных дефиниций на русский язык; указание на место термина в терминосистеме, указатель частеречной принадлежности каждого термина во всех языках и фонетическая транскрипция для иероглифов.

Продemonстрируем фрагмент терминологического словаря БМИ:

Биосенсор [био- греч. *bios* — жизнь, сенсор (датчик) англ. *sensor*]. Сущ. Аналитические устройства, преобразующие информацию о составе исследуемой среды в электрический сигнал посредством биологических веществ, избирательно реагирующих на компоненты этой среды, и измеряющие концентрацию вещества без добавления в биопробу дополнительных реагентов. Б. широко применяются в биологии, медицине, пищевой промышленности, экологии

и других предметных областях. Б., как правило, создаются на базе ионоселективных полевых транзисторов (ПТ). Практическая реализация Б. может быть очень различной, например, группу электрохимических Б. составляют подгруппы потенциометрических, амперометрических и кондуктометрических Б.

Biosensor (noun) can be defined as a compact analytical device incorporating a biological or biologically derived sensing element either integrated within or intimately associated with a physicochemical transducer. Two fundamental operating principles of a biosensor are biological recognition and sensing. (Пер. на рус. яз.: Б. может быть определен как компактное аналитическое устройство, включающее биологический или производный от него чувствительный элемент, который либо встроено в физико-химический преобразователь, либо тесно связан с ним. Двумя фундаментальными принципами работы Б. являются биологическое распознавание и зондирование). 生物传感器 (сущ. + сущ.) [shēngwù chuángǎnqì] 是利用生物物质 (如酶、蛋白质、DNA、Биологический сенсор — это прибор, который преобразует биохимические реакции в поддающиеся количественной оценке физические и химические сигналы при использовании биологических веществ (таких, как ферменты, белки, ДНК, антитела, антигены, биопленки, микроорганизмы, клетки и т. д.) в качестве элемента распознавания, для того, чтобы обнаруживать и контролировать живые организмы и химические вещества).

Литература

Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография. Вена: Харьков 1998. 160 с.

Хлыбова М. А. К вопросу о принципах составления двуязычного терминологического словаря // БГЖ. 2017. № 4 (21). С. 214–216.

О ДВОЙНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ

Васильева Ольга Владимировна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Двойная префиксация известна как русскому литературному языку и русским говорам, так и другим славянским языкам [Ройзензон 1970]. В диалектах явление представлено гораздо шире, что отмечали многие исследователи [Закревская 2014 и др.]. В псковских говорах есть как общерусские образования, так и диалектные. На букву П это преимущественно глаголы — с приставками подвы- (подвыесть), поддо- (поддождать), подз- (подзлеститься), подза- (подзаснуть), подна- (поднавыреть), подоб- (подобуть), подот- (подотойти), подпо- (подпойти), подпри- (подпривыкнуть), подраз- (подразвиться), подс- (подспрыгать), поду- (подубраться), подз- (позвиниться), поза- (позаболеть), поиз- (поизбаловать), пона- (понабечь), понад- (понадбить), поо- (пообежать), пооб- (пообтёркать), поот- (поотведать), попере- (поперейти), попо- (поповедать), попод- (поподчиняться), попри- (поприбрать), попро- (попроведать), пораз- (поразвить), пос- (посжечь), поу- (поуложить). Но есть и наречия (позавременно, поизволь, понасилну, поотдалённости, поодадь, поперемерёжку, поподряд, попрoméж, посзяди, поуранней), предикатив (понахоже), а иногда и существительные (позажиток, позапóлька, поподзёрник, поскраёк), и прилагательные (позажиточный). Отмечены двойные предлоги (поза, по-на, по-под, по-прoméж, под-за). Встретилась и тройная префиксация: поприобчáхнуть 'слегка обсохнуть, стать менее грязным', поразнайти́ 'разыскать', позадо́светлу 'до наступления темноты, пока светло', позаразёхаться. Анализ материала показывает, что комбинации приставок с начальными по- и под- различны. Многие лексемы, начинающиеся с под-, образовались путем вторичной префиксации, поскольку в псковских говорах существуют лексемы только с одним — вторым — префиксом и мотивирующие слова с двумя приставками (подвыпить 'выпить немного', подзабелить 'добавить сметаны или молока', поднавязаться 'настойчиво пристать к кому-н., добиваясь желаемого').

Из 9 значений приставки под-, описанных в Грамматике-80 [РГ1980: 365], в Псковском словаре встретились 5, причем 3 из них ('приблизить(ся)', 'совершить дополнительно' и 'тайно, скрытно совершить действие') представлены единичными примерами, а доминируют значения 'совершить с незначительной интенсивностью' (74 лексемы) и 'довести до результата действие, названное мотивирующим глаголом' (97 лексем). При этом последнее, самое частотное значение в псковских материалах существенно отличается от общерусского, поскольку приставка под- всегда присоединяется к префиксальным глаголам — глаголам совершенного вида! — и получается, что в этом значении под- вроде бы лишнее, асемантическое, поскольку добавляется к результативным глаголам (подрассказать 'рассказать', поднатучить 'покрыть, заволочь тучами небо', поднарушить 'изменить в худшую сторону, испортить') — либо всю эту большую группу слов следует рассматривать как результат одновременного присоединения двух приставок. Приставка по- в дупрефиксальных псковских лексемах реализует все 5 своих значений, описанных в Грамматике [РГ1980: 364]: 1 'действие, совершаемое постепенно' (поизломаться, понабрать), 2 'действие, распространенное на все или многие объекты или совершенное всеми или многими субъектами' (позавлечь, понабиться), 3 'действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в течение некоторого времени' (позаграблять, понаблюдать), 4 'начать действие, названное мотивирующим глаголом' (позаболеть, позагрёметь) — наименее распространенное значение, наконец, самое частотное — 5 'довести до результата действие, названное мотивирующим глаголом' (позаснуть, поизвиниться). При этом, выражая 4 и 5 значения, приставка либо синонимична следующим, либо асемантична. Одновременность присоеди-

ния префиксов, кажется, видна в некоторых сущ. (позапóлька ‘тропинка’), мест. (позатóт), наречиях (позапóтью ‘под кожу, неглубоко’, позаврémенно ‘заранее’, позавчерá, позавчерáсь ‘накануне вчерашнего дня’, позалéтось ‘в позапрошлом году’) и прил. позавчерáшний — однако в 11 выпуске Словаря для ряда этих лексем есть производящие — наречия заврémенно, завчерá, завчерáсь, залéтось и прил. завчерáшний, синонимичные представленным на по-. В других наречиях и прил. начальный префикс явно вторичен (позавяз ‘в полном объеме матерчатой тары, с завязкой’, позавялый ‘несвежий’, позагла́зно, позагла́зу, позалётный, позаóчно, позапрóшлый, позарáз, позарáne, позарáньше), как и в сущ. позапéчек, позатíшечек, позашéйник — поскольку для всех этих слов есть их производящие без по-, синонимичные лексемам с двумя приставками. В этот ряд, по всей вероятности, вписываются и глаголы позарáнить и позарáниться ‘сделать что-н. раньше обычного времени’, образованные от наречия. Вместе с тем вопрос о последовательном или одновременном присоединении приставок в говорах требует внимательного рассмотрения в каждом конкретном случае, поскольку морфемы многозначны и могут при внешнем тождестве формировать разные словообразовательные типы.

Литература

- Закревская В. А.* Многоприставочные глаголы в архангельских говорах // Грамматические категории современного русского языка (функциональный и прагматический аспекты). М., 2014. С. 204–208.
- Ройзензон Л. И.* Славянская глагольная полипрефиксация. Самарканд, 1970.
- Русская грамматика. В 2 т. Том 1. М., 1980. С. 364–366.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ ШАХТЁРОВ

METAPHORIZATION IN THE PROFESSIONAL VOCABULARY OF MINERS

Белых Анна Вячеславовна

аспирант, Донецкий государственный университет

Актуальность данной работы определяется необходимостью выявления особенностей профессиональной лексики шахтёров. В силу доминантности данной профессии практически в каждой семье в Донбассе были люди, связанные с шахтным производством. Лексикон шахтёров стал важным фактором формирования лингвокультуры нашего региона, ментальности его жителей. Цель исследования — изучить особенности профессиональной фразеологии языка шахтёров и дать определения самым интересным единицам. Как известно, у каждой профессии свой жаргон, и шахтёры не являются исключением в этом плане. Российские, казахские, белорусские и украинские шахтёры — большинство говорят на русском языке, но порой производственный процесс требует больше выразительности и краткости в изложении [Антипова 2009: 305].

Метафора — это лингвистический феномен, отражающий процесс познания, а метафорические модели, существующие в концептуальной системе человека, представляют собой схемы, формирующие процесс мышления и действия.

Дж. Лакофф и М. Джонсон определили метафору как характерную черту человеческого мышления; они писали, что метафора проникла во все сферы человеческой жизни, а также в мышление, деятельность и так далее, потому что человеческая концептуальная система имеет метафорическую природу [Лакофф 1987: 209]. Теория Лакоффа и Джонсона раскрывает моделирующую функцию метафоры, которая означает, что метафора не только формирует представление об объекте, но и предопределяет способ мышления о нем.

Особо стоит отметить, что метафорические высказывания из-за частоты их использования стали привычными выражениями и частично утратили свое метафорическое значение. Одним из ведущих способов миромоделирования в профессиональном языке шахтёров является метафоризация. Таким образом, как отмечают А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов, метафорическая модель понимается иначе, чем с позиций когнитивной теории метафоры, поскольку «словоупотребление, принятое в дескрипторной теории метафоры, отражает именно языковой аспект функционирования метафоры» [Баранов 2004: 35]. Метафорические модели должны рассматриваться в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования. Они являются неотъемлемой частью профессиональной лексики шахтёров.

Проанализировав метафорические модели, мы распределили их на группы, связанные с разными сферами деятельности шахтёра:

1) Метафоры, относящиеся к шахтной электротехнике: «Снять с аварии» — привести состояние электрической схемы аппаратуры в рабочее положение. «Встала на аварию» — блокировка электромеханизма при аварийной ситуации. «Зажать концевой» — выключателем КТВ-2 отключить конвейер. «Отпустить концевой» — поставить выключатель КТВ-2 в положение «включено». «Дёрнуть концевой» — отключить конвейер оттягиванием за аварийный трос.

2) Метафоры, относящиеся к физическому труду: «Дать спину» — техника бурения шпуров при помощи «барана» (подставить спину). «Дать бока» — толкать загон, упираясь в него плечом. «Бить баклуши» — прикреплять баклуши к стойкам в горной выработке. «На четырёх костях» — ползти на четвереньках (способ передвижения).

3) Метафоры, относящиеся к состоянию техники: «Вагон больной» — неисправная вагонетка.

4) Метафоры, относящиеся к работе механизмов: «Дать слабую» — ослабить натянутый канат лебедки, провернув барабан в обратном направлении. «Дать натяжку» — натянуть канат лебедки.

5) Метафоры, относящиеся к аварийной ситуации: «Страшный суд» — обрушение кровли забоя. «Воздух стоит» — отсутствие проветривания выработки.

6) Метафоры, относящиеся к графику работы: «Длинный выходной» — выходной со второй смены, перед четвёртой. «Дурацкий выходной» — выходной день между третьей и второй сменой.

7) Метафоры, относящиеся к нарушению технологии ведения работ: «Донбасс придавит» — отговорка ленивого шахтёра, устанавливающего стойку кое-как в надежде, что кровля сама разопрёт её. Таким образом, метафора становится инструментом, посредством которого интерпретируется действительность, когда на уровне мышления, соответствующего понятийного содержания осуществляется оперирование мыслительными аналогами объектов.

Количество фразеологизированных понятий не ограничивается только вышеупомянутыми, их значительно больше. Каждый термин представляет собой конкретную должность рабочего, оборудование, инструменты, детали оборудования, различные конструкции.

В заключение стоит отметить, что в ходе работы была достигнута главная цель исследования — изучены особенности фразеологической метафоризации в профессиональной лексике шахтёров. Даны определения самым интересным фразеологизмам, используемым в речи. Шахтёры активно пользуются профессиональным сленгом как средством общения. Для представителей данной профессии сленг — это чёткость и ясность изложения, не требующая дополнительного объяснения. Профессиональная лексика шахтёров — это устойчивое и активно развивающееся языковое явление.

Литература

- Антипова А.* Такого шахтёрского жаргона больше нигде нет [Электронный ресурс] // *Голос Украины*. 2009. № 129 (4629). Режим доступа: <http://www.golos.com.ua/Article.aspx?id=139165>
- Баранов А. Н.* Метафорические модели как дискурсивные практики // *Изв. Рос. АН. Сер. лит. и яз.* 2004. Т. 63. № 1: 33–43.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2002. С. 667.
- Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М., 1987. С. 396.

«ДЕТСКИЕ» СЛОВА В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСКОВСКИХ ГОВОРОВ)

“CHILDREN’S” WORDS IN DIALECT DISCOURSE (BASED ON THE PSKOV DIALECTS)

Большакова Наталья Валентиновна

доцент, Псковский государственный университет

В «Псковском областном словаре с историческими данными» (вып. 1–28) помета «дет.» или «детск.» — «детское», введенная «при словах и выражениях, употребляемых детьми или взрослыми в разговоре с детьми» [ПОС 1967: 14; 2004: 44; 2017: 50], сопровождается два с небольшим десятка лексем.

Собственно детская речь в диалектных словарях по определенным причинам отражается лишь косвенно, в цитатном материале (Буба — ягада, так малинькие ребя́та называ́ют. Себ. Ма́льчик-та ма́линький ф са́дики был; ён крича́л: «Де́дя, де́дя!», фсе́ крича́л де́дю сваиво́. Остр.), поэтому преимущественное большинство примеров с пометой «детское» демонстрирует речь взрослых в разговоре с детьми, в состав которой входят как детские слова (ба́я ‘спать’, гу́ля ‘игрушка’, пе́ка ‘петух’), так и особые слова взрослого дискурса для общения с маленьким ребенком (ба́бульки ‘спать’, ку́шенькать, ня́мкать ‘есть’, поёсти́нькать, поёстушки ‘поесть’, пи́тинькать, пи́тиньки, пи́тьки ‘пить’, насёкать ‘помочиться’ и др.). Такую особенность, свойственную речи «матери, бабушки, старшей сестры, няни, т. е. всех лиц женского пола, ухаживающих за детьми» [Цейтлин 2000: 24], в литературе принято называть «родительским языком», «нянькиным языком», «языком нянь» [Гулько, Киселева 2012]. Как следует из приведенных примеров, лексика так называемого родительского языка, отраженная в словаре, по своей тематике относится к области основных, жизненно важных потребностей ребенка (питание, сон, игра); проявляются также житейские реалии (бу́ка ‘вошь’: Да́й гало́фку пъя́шуду, а то бу́ки за́ядя. Н-Рж.; говни́нка ‘что-н. плохое, дрянное’: У, ка́ку гавни́нку ты жуёш зу́пкам, Ле́ня, не на́да рези́нку жева́ть. Слан.). Выделяемые в психолингвистике особенности дискурса взрослый — ребенок (синтаксические, интонационные, акустические, а также невербальные) на основе словарного источника не могут быть выявлены. Поэтому в работе рассматриваются только лексические средства выражения диалектного родительского языка, ярким признаком которого является преимущественно женский стиль общения с ребенком. Гендерно маркированной специфической чертой диалектной речи признается ее эмоционально-оценочный характер. Так, лексема биби́чка ‘легковой автомобиль’ (Па́па прие́хал дамо́й на биби́чке. Гд.), помимо типичного для детской речи удвоения (ср. би-би, бибика), содержит диминутивный суффикс, передающий «ласковость», характерную для женской диалектной речи. Диминутивность проявляется не только в именной, но и в глагольной лексике, о чем свидетельствуют приведенные примеры. Понятия диминутивности и детскости, конечно, не тождественны применительно к современной диалектной речи, однако словарный материал выявляет некоторые проблемные зоны. Показательно, что, например, действие со значением ‘принимать пищу, есть’, репрезентированное диминутивными глаголами, оценивается в словаре по-разному. В противоположность ку́шенькать и под. слова ёсти́нькать, ёсти́ньки, ёстьки, ёстюшки не имеют пометы «детское». Неоднозначность решения, по-видимому, контекстно обусловлена: не во всех случаях иллюстративный материал бесспорно отражает родительский дискурс (например: Ли́ба ани́ [партизаны] ёсьюшки хо́чат, ли́ба ани́ пи́тьюшки хо́чат, и прина́шу то кро́мачку хлё́ба, то ква́су вядро́. Локн.). Между тем цитатный материал содержит также указание и на речь, обращенную к ребенку: Ку́шай, мой ма́ленький, сма́чно бу́дит ма́линькому, и и́ськи ни захо́чит. Тор. Таким образом, приведенный пример показывает, что помета «детское» лексикографически конкурирует с пометой «ласк.» (и, соответственно, знаком астериска), что по сути демонстрирует объективную сложность разграничения этих явлений в определенных фрагментах диалектного лексикона. Понятие «родительский язык» имеет дискурсивный характер, так как эта коммуникативная форма функционирует в диалоге с маленьким ребенком. В традиционной культуре в условиях многодетной семьи вос-

питательные функции ложились не только на мать (которая должна была работать в поле и по хозяйству), но и на старших детей, которые также усваивали речевое поведение матери.

Таким образом, родительский язык, сформировавшись в дискурсе взрослый — ребенок, расширил свои функции благодаря «бесконфликтности», неагрессивности, общей манере доброжелательности. Немалую роль играет и тот фактор, что диалектный дискурс, явленный исследователю в результате научного эксперимента (полевого сбора, проходящего в диалоге диалектоносителя с собирателем), направлен на установление успешного речевого контакта. Такая речевая стратегия, направленная на взаимодействие, проявляет себя как конструктивная, что определяет заимствование элементов детской речи в речи взрослых между собой, причем в разных языках [Найдёнова и др. 2018]. Таким образом, несмотря на то, что рассматриваемый корпус слов в диалектном словаре оказался невелик, тем не менее в целом коммуникативные формы взрослого речевого поведения, направленного на ребенка, позволяют выявить некоторые особенности диалектной детской речи, а также охарактеризовать имитационную речь взрослых в общении с ребенком и другими коммуникантами.

Литература

- Гулько Ю. А., Киселева А. Е. Некоторые особенности речевого поведения взрослых в разговоре с детьми младшего школьного возраста // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 1. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2012/01/6223>
- Найдёнова М. В., Авилова И. А., Сахарова О. С. К проблеме «детских» заимствований во взрослом дискурсе // Научные ведомости БелГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Т. 37. № 3: 422–428.
- Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28 / под ред. Б. А. Ларина [и др.]. Л./СПб.: ЛГУ/СПбГУ, 1967–2020. — (ПОС)
- Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ МИСТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НОСИТЕЛЯ ДИАЛЕКТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЕГО ЭМОТИВНОМ И РЕФЛЕКТИВНОМ ЛЕКСИКОНЕ

Ветошкина Мария Александровна

аспирант, Тюменский государственный университет

Предприняв попытку описать феномен эмотивного и рефлексивного лексикона носителя диалектов, мы пришли к убеждению, что это сложное явление нельзя рассматривать, используя методологический аппарат лишь одной науки. Поскольку лексикон нельзя воспринимать как реалию, не зависящую от экстралингвистических факторов, при анализе речи носителя говора следует учитывать и то, как он воспринимает мир, его мировоззрение и мифологические представления. Только в этом случае представляется возможным провести подробное и достоверное исследование эмотивного и рефлексивного лексикона носителей диалектов. Поскольку большинство диалектоносителей — крестьяне, хранители народной культуры, и оценивают окружающий мир через призму традиционного мистического сознания, некоторые проявления эмоций представляются им опасными с точки зрения вреда, наносимого тёмными силами человеку — субъекту проявления этой эмоции. В частности, слишком сильная печаль по уехавшему или погибшему осуждается как опасная эмоция, позволяющая призвать существо из другого мира, способное причинить вред как самому носителю эмоции, так и всему сообществу, поэтому подобное проявление чувств осуждается. Ярким подтверждением нашего тезиса может служить архаическая история о «подменном муже», место которого занимает нечистый дух, рассказанная жительницей Сорокинского района Тюменской области студентке в 2001 г., уже в XXI в.: «Две сестры замуш вышли, а их забрали в армию. В одной уже ребенок был, а в одной нет. Ну ани плакали, плакали, приплакали их. Ани стали хадить да их как салдаты. Прийдут и за стол садяца и спать с ымя лажаца, ну как сваи мужики. А патом у аднаво, у каторай дифчонка была, упала ложка пад стол. Он палес за лошкой и увидали, што у ево хвост. [...] Ну ана видать дагадалась, што нихарашо дела, взила ребенка и ушла. А их эти печки были зделаны, в сиротке котлы вмазывали, грели воду, сутками вада грелась. И ани ф той печке сварили эту бабу. Наутра пришли, а ана в катле лежит. И черес два дня и салдаты пришли, мужики. Плачут вот, приплачут. Нильзя никагда плакать» (Сорокинский р-н, 2001). Можно сделать вывод, что в диалектном глаголе «плакать» (проявлять сильную печаль по уехавшему или погибшему супругу\ близкому родственнику) актуализируются не только семы 'уместность проявления эмоции вовне', 'отрицательно оцениваемое действие', но и сема 'опасность'. Все эти компоненты значения слова не определяются вне контекста, в том числе и культурологического, антропологического контекста.

В представлении крестьянина «худое событие» всегда связано с определённым словом пространства (попадание на запретную территорию, в «худое место», в чужой след) или временным «сломом» особые «дурные», «неудачные» часы или минуты, дни, особые события в жизни человека или социума (война, голод, другие бедствия). Это ощущение «разорванности» привычного мира находят отражение в эмотивной лексике носителя говоров: «кричит лихоманкой» вдова, получившая похоронку на мужа, как кричала бы, повстречав на перекрестке дорог призрачное существо лихоманку (лихорадку) и серьёзно заболев после этой встречи — в её понимании и то, и другое события равно вероятны: «Лихоматно кричала, рвала на себе волосья, как получила похоронку-ту» [Словарь 2014: 82]. Во фразеологических сочетаниях «лихоматным голосом реветь», «лихоматно (лихоманкой) кричать» проявляются не только компоненты значения 'чрезмерность эмоциональной реакции', 'отсутствие контроля', но и компонент 'под влиянием чужой воли', который можно вычленишь только с учётом лингвокультурного аспекта. Подобные мифологические представления об устройстве мира оказали влияние и на рефлексивный лексикон. В представлении носителя диалекта невидимые существа — лихорадки поражают не только душу, но и сознание человека, заставляя его терять память, зная только то, что они

позволят — то есть ничего: «Лихорадку он знат, ниче он не знат; когда-то знал, а сейчас старик уже, забыл» [Прокошева 2002: 139] «Знать лихорадку» — «не знать ничего», ‘полное отсутствие признака’, и в семантике так же, как и в предыдущем примере, выделяется компонент ‘под влиянием чужой воли’. Он же ярко проявляется в таких фразеологических оборотах, как «лихорадку гнать» («Он вечно лихорадку гонит, боронит не своё, как под язык попало» [Там же: 80]) или говорить «не своим голосом», «боронить не своё» («Вовсе не своё ты боронишь, не было этого» [Там же: 28], «несвоичко» («Столь сильно болела — несвоичко говорила иной раз») [Там же: 82]. Таким образом, можно прийти к выводу, что для семантического анализа лексических единиц эмотивного и рефлексивного лексикона носителя традиционного крестьянского мировоззрения, к числу которых можно отнести едва ли не каждого информанта, необходимо учитывать такие экстралингвистические факторы, как особенности народной мифологии, отраженной в языковой картине мира. Поскольку мифологический компонент значения проявляется как в говорах Пермской области (Предуралье), так и в старожильческих говорах Юга Тюменской области (Зауралье), представляется возможным говорить о наличии смысловых универсалий, определенных смыслах, декодируемых носителями благодаря общности мифологем, закрепленных в картине мира носителей обоих диалектов.

Литература

Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

Словарь русских старожильческих говоров Юга Тюменской области / под ред. С. М. Беляковой. Тюмень, 2014. В 2 Т. Т. 1.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ДОНСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ФИТОНИМАХ

Карпун Мария Александровна

старший преподаватель, Южный федеральный университет

Донские диалектные фитонимы могут быть мотивированы различными группами лексики, как нарицательными именами, так и собственными. Рассмотрение имен собственных, вошедших в состав фитонимов, представляет особый интерес, так как их подбор культуроспецифичен. В лингвистике существует несколько классификаций имен собственных. В донских диалектных фитонимах представлены не все пункты, поэтому выстраивается своя система. Однако сохраняется основное противопоставление по критерию одушевленности / неодушевленности. Среди наименований живых существ и существ, воспринимаемых как живые, выделяются следующие группы.

Антропонимы. Представлены именами обычных людей, сакральных и исторических личностей, например, акулинка 'коровяк, *Verbascum lychnitis*' [БТСДК 2003: 24], богородица 'небольшое растение, имеющее длинные красные цветы и продолговатые зеленые листья с красным пятном' [БТСДК 2003: 48], ~Адамова голова 'вид кактуса' [БТСДК 2003: 23]. Наиболее полное освещение антропонимического компонента в составе названий растений находим в статье В. Б. Колосовой [Колосова 2009: 263]. В этой группе хуже всего этимологизации поддаются имена собственные: «если фитоним полностью совпадает с именем, то найти мотивацию переноса, как правило, затруднительно. К таким именам-фитонимам относятся, например, авдотка 'купальница европейская' *Trollius europaeus* (бм), акулька 'шлемник' *Scutellaria hastaefoha* L. [Колосова 2008: № 9, с. 264].

Зоонимы чаще всего представлены прилагательными, образованными от названий животных или птиц. Основой мотивации служит как внешнее сходство, так и легенды, связанные с растением. Например, ~заячий (заячий) холодок (зонтик, кустик) 'растение тамарикс многоветвистый *Tamarix ramosissima*' [БТСДК 2003: 186] получил своё название потому, что под этим кустом, по народным представлениям, прячутся от жары зайцы. ДДФ ~лошаково ухо (вухо) 'лекарственное растение чернокорень *Cynoglossum officinale*' [БТСДК 2003: 547]) названо по внешнему сходству.

Мифонимы (имена несуществующих персонажей): Архитон, ~Архитон-царь 'лекарственное растение' [БТСДК 2003: 27]). В отличие от первой группы такие персонажи воспринимаются самими носителями говора как сказочные, не существующие в реальности. Наименования неодушевленных предметов представлены, в основном, географическими названиями, обозначением сортов. Можно выделить следующие подгруппы.

Топонимы, гидронимы. В данной группе наблюдаются двусторонние процессы. С одной стороны, названия локусов становятся мотивационной базой для фитонимов, с другой стороны, названия растений также часто служат основой номинации для географических названий. Подробнее об этом — в статье Е. В. Сердюковой [Сердюкова 2021: 149]. Локусы, послужившие мотивационной основой для донских фитонимов, — это в основном региональные местные топонимы, хотя встречаются и названия зарубежных городов, государств. Например, ДДФ ажина 'ежевика' стал фитоосновой топонима Ажинов 'название хутора в Ростовской области'. С другой стороны, ажиновский арбуз 'наименование сорта арбузов, выращиваемых в хуторе Ажинов'): ажиновский 'о сорте арбуза'. Ажинофский — темназиленный арбуз, крупный, шкурка тонкая, семички серый [БТСДК 2003: 24], адонник 'растение донник лекарств. *Melilotus officinalis*'. Адонник растёт у Дона, высокая, жёлтый цвет, яво мушшыны курють [БТСДК 2003: 24]; гамбург 'сорт винограда'. Гамбурх — оцинь ретка було, был адин куст, он фкусный [БТСДК 2003: 102]; а также этнонимами от наименований государств, например: белоруска, 'сорт пшеницы' Пашаница была биларуска, вусики белаи [БТСДК 2003: 41].

Астронимы в донских диалектных фитонимах представлены почти исключительно лексемой солнце и производными от неё. Например, подсолник 'подсолнух' [БТСДК 2003: 386], подсолнушек 'диморфотека золотистая, африканские ноготки *Dimorphotheca aurantiaca*'. Пацолну-

шык — цвiток такой, растеть точна, как малинький пацолнух [БТСДК 2003: 386], подсолнушки 'растение астра' [БТСДК 2003: 386].

Сортовые названия составляют самую многочисленную подгруппу. Это названия выращиваемых на Дону культур (зерновых, фруктов, овощей). Мотивацией для сортовых обозначений является характеристика наиболее яркого или важного с точки зрения носителя диалекта качества или свойства. Например, бялянка 'кислая мелкая вишня белого цвета'. Бялянки — эта кислыи вышни, с них звар ворють [БТСДК 2003: 42], белокорка 'сорт пшеницы'. У билакорки корка белая, а кагда ана растеть, то усик у ниё малинький. Хлебушык из билакурки был лутшы фсякава [БТСДК 2003: 40], краснослива 'сорт слив'. Краснаслива краснаватава цвета, длининькая [БТСДК 2003: 240], белоруска 'сорт пшеницы' Пашаница была биларуска, вусики белаи [БТСДК 2003: 41].

Таким образом, исследование донских диалектных наименований растений подтверждает, что в русских донских говорах словообразование находится в рамках славянской традиции, однако отличается своеобразием и оригинальностью, о чем свидетельствует наличие как междиалектных, так и собственно донских наименований растений.

Литература

БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

Сердюкова Е. В. Названия растений как топоосновы в русских донских говорах // Научная мысль Кавказа. 2021. № 3: 149–156.

Колосова В. Б. Антропонимы в славянской фитонимике // Антропологический форум. 2009. № 9: 263–276.

ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ГОВОРАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Мызникова Янина Валерьевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование базируется на материалах, собранных в ходе диалектологических экспедиций в левобережные районы Ульяновской области. Поскольку диалектный дискурс не предполагает той стилистической дифференциации, которая характерна для литературного языка, возникает вопрос о специфике отражения функциональных особенностей диалектных лексем в словаре.

Как правило, исследователи выделяют в качестве семантических оснований экспрессивности интенсивность действия или признака, эмотивность или эмотивную оценку и образность. Н. А. Лукьянова связывает интенсивность не с любой количественной квалификацией предмета, явления, а только с такой, которая демонстрирует отклонение от «нормальной меры», и вследствие этого воспринимается нашим сознанием, в соответствии с определенными культурными установками говорящих, иначе, чем обычный, соответствующий некоторой социальной норме, или мере, предмет, явление [Лукьянова 2015, с. 190]. Экспрессивные лексические единицы актуализируют не усиление или ослабление некоторого явления, а представление говорящих о мере явления. Экспрессивность тесно связана с эмоциональностью и оценочностью, т. к. помимо основного значения действия, признака, предмета экспрессивная лексическая единица содержит семы эмоциональной субъективной оценки. Экспрессивные лексические единицы стилистически маркированы, данное свойство детерминировано их семантикой. Преимущественной сферой употребления стилистически сниженных экспрессивов являются в первую очередь разговорные дискурсы. В говорах экспрессивные лексические единицы играют весьма значимую роль, т. к. используются для выполнения важной для диалектной речи прагматической функции, т. е. для реализации намерения воздействия на адресата. Целью эмоционально-оценочного воздействия являются аксиологические установки адресата, при этом говорящий может высказывать оценку непосредственно по отношению к адресату или к третьему лицу, репрезентируя свою аксиологическую установку и предостерегая адресата от опасности оказаться объектом общественного осуждения.

Укажем, что фиксация такого рода лексики связана с определёнными сложностями в силу наличия у неё бранных, уничижительных, пренебрежительных или ласкательных коннотаций. Диалектоносители осознают особую маркированность подобных слов, считают, что они уместны только в среде «своих»: родственников, друзей [Урманчеева 2003, с. 5]. В то же время именно этот пласт лексики содержит имплицитную и эксплицитную информацию об аксиологических ориентирах данного субэтноса. Е. В. Иванцова считает важным и приемлемым в сборе фактического материала «прием “сосуществования”, “включенности” в коллектив носителей любой разновидности языка с установлением психологических контактов и долговременности наблюдения» [Иванцова 2002, с. 21].

Экспрессивная лексика участвует в создании общей ценностной картины мира русского человека. Особый интерес представляет изучение когнитивного механизма создания экспрессивности как одного из путей формирования языковой картины мира в системе данной группы говоров. Экспрессивным лексическим единицам разговорных дискурсов свойственна широкая синонимия.

В материалах словаря говоров Симбирского Заволжья наиболее значимый пласт экспрессивной лексики можно обнаружить среди глаголов, при этом большая часть глагольных экспрессивов семантически соотносится с небольшим числом понятий, образуя синонимические ряды: ‘бесцельно передвигаться’ — блукать, шлэндать, лындать, лыскать, шаманяться, швыряться, гасать, ср. также фразеологизм *полава носит*; ‘испачкать (испачкаться)’ — заварзатъ (заварзаться), изварзатъ (изварзаться), загваздатъ (загваздаться), ляскать, нагваздатъ, учупахаться; ‘пить, выпить’ — выхлюпать, выглохтатъ, глохтатъ, глыкнуть, набуздыкаться, надудониться; ‘разговаривать’ — балясничать, жувекать, калякать, лялякать и т. д. Большая часть экспрессивных существительных связана с характеристикой человека по внешним признакам (‘высокий

человек' — варлаган, вёха, долготьё; 'невысокая женщина' — пендюрка, летушка; 'худая женщина' — лещотка, синтюшка, кошачья потягота) или по особенностям поведения ('неаккуратный, неряшливый человек' — халатница, чучундра, чувырла, шобонка, расшамаха; 'пьяница' — зюзя, латрыжник, запиток, пропиток). Экспрессивные существительные активно используются и для номинации частей тела, в первую очередь, частей лица, рук, ног: 'рот, губы' — сусалы, брылы, хабальник, хайло; 'глаза' — лупозены, бельмы, буркалы, зенки; 'руки' — краги, цапы, клипсы; 'ноги' — лытки, швырлапы и т. д. Как отмечают исследователи, диалектные экспрессивные лексические единицы подчиняются тенденции к «экспансии» — расширению территории употребления, что проявляется в их интердиалектном характере.

В лексических материалах по Симбирскому Заволжью зафиксирована экспрессивная лексика и других частей речи, в частности, прилагательные с семой интенсивности признака: чумурдный 'ненормальный, со странностями', схолядный 'очень худой', большекромый 'ненасытный' и др., наречия со значением 'быстро' — шементом, шибко, междометие аба, обозначающее эмоцию удивления, обеспокоенности или расстройства. Состав и специфика экспрессивных лексем в материалах по Симбирскому Заволжью отражают культурные стереотипы данного субэтноса, которые, в свою очередь, являются частью общерусских стереотипных представлений об уважительном отношении к труду, созиданию, хозяйственности, скромному поведению.

Литература

- Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 9: Филология. С. 183–201.
- Урманчеева И. С.* Экспрессивы со значением лица в говорах Вологодской области. Вологда, 2003.
- Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности: автореферат дис. ... докт. филол. наук. Томск, 2002. 21 с.

К МОРФОЛОГИИ ПРИСТАВОК И ПРЕДЛОГОВ *У, *ВЪ В ЮЖНОРУССКОМ ГОВОРЕ

Тер-Аванесова Александра Валерьевна

ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В диалектологической литературе констатируется факт, что в южных и западных говорах русского языка в качестве соответствий предлогам и приставкам у и в лит. языка выступают алломорфы /у/ (перед согласным), /ув/ (перед гласным), /уво/ (перед сочетанием согласных). Это встречается в говорах, где фонема /в/ может быть представлена перед гласным непереднего ряда губно-губным звонким сонантом, не имеет глухих аллофонов на конце слова и перед согласным, реализуясь в сонанте [ÿ]; на конце слова и перед согласным фонемы /в/ и /в'/ совпадают в непалатализованном согласном: стаў 'ткацкий стан' и стаў 'ставь' (при том что конечные губные /м/ и /м'/, /п/ и /п'/ могут на конце слова различаться). Начальные фонемы /у/ и /в/ не различаются: ср. перед согласным урэмич'ке 'времечко' и узол'чик 'узелочек', перед гласным фонема /у/ не в предлоге не встречается (за исключением заимствований: Уар). Такие «классические» признаки неразличения /у/ и /в/ присущи южнорусскому говору с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл., материал которого по начальным /у/ и /в/, содержащийся в Базе данных и в Корпусе говора Роговатого, полностью проанализирован с целью установить распределение аллофонов фонем /у/ и /в/ в начале фонетического слова и проследить распределение алломорфов /у/, /ув/, /уво/ в предлогах и приставках, проанализировав его в связи с синхронной вокально-консонантной структурой следующих за ними последовательностей, с происхождением этих алломорфов из *въ и *у и с морфонологической структурой следующих словоформ или морфем.

В настоящем докладе представлена только морфонологическая проблематика, касающаяся алломорфов /у/, /ув/ и /уво/ в приставках и предлогах *у, *въ; не рассматривается распределение начальных аллофонов фонем /у/ и /в/ и поведение старых *у и *въ в начале других морфем: корневых и приставки *въз-. Принято считать, что в говорах типа Роговатого предлоги и приставки *у и *въ не различаются, ср. у нас 'у нас' и 'в нас', ув акно 'в окно', ув аднэй 'у одной', увал'йу 'волью', увашл'у 'ушло, пошло'.

Приставки *у-, *въ- представлены алломорфами /у/ и /уво/. Приставка *въ- (лексемы *въбѣgti, Рог. вбечь, *въбivati, *въбити, *въвалити и др., всего 28) представлена как /у/ перед одиночным согласным или их сочетанием: ъна ул'ивайе, буду устр'еват', однако перед таким сочетанием согласных, между которыми находился слабый редуцированный, выступает алломорф /уво/: н'е увьбийеш үвôс'т'; лóшку увъл'йеш; вад'үцы нъ н'ей увал'л'үт'; увьпхн'е, увапхнүл, увьшл'а. Единично зафиксировано уваз'м'у, видимо, вследствие переразложения корня и приставки; несравненно чаще в презентных словоформах представлен алломорф /воз/: вазмү, взмэ (39х). В увьшол алломорф приставки может объясняться аналогией с увьшл'а, увашл'у или положением перед цепочкой слогов с редуцированными: *въšьdlъ. Аналогично приставка *у- (в лексемах *ubaviti, *ubėgati, *ubėgti, *ubivati, *ubiti, *ubьrati и др., всего 119) представлена алломорфом /у/ перед одиночным согласным или их сочетанием и алломорфом /уво/ перед сочетанием согласных, между которыми находился слабый редуцированный. Алломорф /уво/ находим в словоформах, удовлетворяющих данному правилу: н'ад'а пас'ейт' к'ьнап'у, увьбр'ат', п'ьм'ат', п'ьталôч', атп'р'аст', п'ьтк'ат'; увьбр'эла 'убрать'; уваүнүл'с'е 'угнуться', й'а мамы увьсл'алъ п'исмô 'услать'; но также в таких случаях, когда между согласными сочетания редуцированных не было: п'эд' д'арүшк'йу уваүр'ейс'с'и 'утреться'; А й'а йей щ'ас вапч'е н'и увьзн'алъ 'узнать'.

Однако в случае *uiti, Рог. инф. уйтит', находим лишь два примера с /уво/: д'ъл'окъ йа н'ъ увайдү; увьшл'а; в подавляющем большинстве примеров фиксируется алломорф /у/ перед корнем, содержащим редуцированный: уйдү 3 ед. уйд'е, ушла и под. (53 примера). С одной стороны, сохранение алломорфа /у/ в этих случаях может объясняться тем, что ударение в презентных формах изначально падало на приставку: 3 ед. үйд'е, что сейчас отмечается редко — только

у двух говорящих самого преклонного возраста (сама по себе ударность /y/ обеспечивает различие фонем /y/ и /v/), предпочтительно же объяснять стремлением формально различить глаголы с разной семантикой 'уйти' и 'войти'. Впрочем, лексема *войти* в говоре Роговатого является редкой, чаще и особенно у стариков встречается *взойти*.

Подобно формам презенса *уйдú* 'уйду' и *увайдú* 'войду', в говоре различаются *убйú* 'убью' и *увабйú* 'вобью', причем формы глагола *убить*, в отличие от *уйти*, не зафиксированы с алломорфом /уво/. В случае *убить* можно предполагать вторичное устранение алломорфа /уво/ по семантическим причинам, однако такое предположение невозможно относительно *уснúть* (1x) и форм презенса *умрú*, *умрэш* (10x); у этих глаголов с выпавшим слабым редуцированным в корне алломорф /уво/ не зафиксирован.

С другой стороны, при наличии *увъзнáт* 'узнать' и *уваур'ёис'с'и* 'угреешься' с /уво/ перед двумя согласными, не разделенными слабым редуцированным, в подавляющем большинстве аналогичных слов /уво/ в соответствии приставкой *у не встречается, это ублаговорять, угрожать, Украина, украшать, укроп, укрыться, управиться, упрекать, упросить, упругий, услуга, услышать, успеть, устаиваться, установить, устроить, устрочённый, ухватить (всего 23), то же в случае *успокоиться*, где за приставкой следует слог с выпавшим слабым редуцированным. Предлоги *въ и *у представлены алломорфами /y/, /ув/, /уво/, однако их строгого распределения не наблюдается, как и у приставок. Совпадение предлогов и приставок *въ и *у в одном из трех алломорфов, видимо, нужно признать древним явлением, имевшим фонетическую природу. В современном говоре в приставках оно сводится к корневым глаголам, все или часть форм которых имела корневой редуцированный, однако распространилось у глаголов того же класса и на случаи с исконными консонантными кластерами в начале корня. Широко представлено и обобщение одного из алломорфов приставки, в части случаев связанное с необходимостью различить глаголы с разной семантикой (*убить* и *вбить*).

СИНОНИМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

SYNONYMS IN MODERN POETRY

Зубова Людмила Владимировна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматриваются функции синонимии как основополагающей категории стилистики и прагматика употребления синонимов в русской поэзии начиная со 2-й половины XX в.

В современной поэзии часто встречается развернутая рефлексия на тему семантики и стилистики синонимов, например: Есть разница между метелью и вьюгой, / Но как объяснить её? Я бы не мог. / Одна закруглить постарается угол, / Другая повыше поднять завиток. / Метель нас плетью обвивает тугими, / И вьюга прерывистым делает шаг, / И разницу чувствуем мы между ними, / Но определить не берёмся никак. (А. Кушнер). Стилистические синонимы семантизируют повышение или понижение в ценностном ранге одного из денотатов: Снег, песок, ракушечник. Между холодом и жарой, / Меж пылающим лбом и стынувшими ногами / Раскрывается суть земли, голая, как король, / И нагая. (Е. Риц). Поэты часто находят и показывают семантические различия членов синонимических пар и рядов, преобразуя синонимы в контекстуальные антонимы: Путь — это желание двигаться. Желанье прийти — это дорога / (первый по-прежнему невероятен, а вторая — прельщает). (В. Кальпиди). Иногда семантические различия имплицитны во внешне парадоксальных контекстах: А с Марьяцкой башни сваливаются свечи, как со спиралью лампочки / А у коня, извините, живые уши, как у лошади. (В. Соснора). Контекстуальные семантические различия могут быть основаны на языковых метафорах: Смотри хоть краем, уголкем / в сторонку, чьи дела — сторонка, / в глаза, юлой, а не волчком / смотрящие из глаз ребенка (И. Булатовский). В некоторых контекстах стилистические синонимы демонстративно тавтологичны: У меня был сын, замечательный сын, / Он жил и все чем-нибудь да сыт, / Он жил, кушал и ел / И делал множество дел. (Д. А. Пригов). Иногда в паре стилистических синонимов один из компонентов имеет парадоксальную референцию: Собака врет. / Ну в смысле — брешет. / Вдруг развернется, / брюхо чешет. (Р. Воронежский). Встречается синонимический подтекст дефразеологизации, то есть отказа от нормативной синтагматики: Кофе твердым душу обнажали (Д. Паташинский). Особенно часто ненормативно заменяемыми оказываются слова долгий и длинный: Четыре длинные минуты / смеялась ласточка во сне (О. Мартынова); ... мизинец с долгим ногтем оттопыря (А. Левин). Языковые антонимы употребляются синонимически: Кто первым рассмеется, тот / и будет в том бою бескровном / последний первый идет, / прижатый стеклышком покровным. (И. Булатовский). Встречаются градационные ряды синонимов: Вон лосевидный олень, полосатая рысь с саблезубым оскалом / Словно напрасно грозит она чем-то и тщетно беззубым шакалам / Ветхим волчатам, большим и огромным громадным гигантским старинным медведям (А. Волохонский, А. Хвостенко). Сверхконцентрация синонимических глаголов речи с характерологической референцией, а также некоторых других частей речи представлена в стихотворении В. Лейкина с каламбурным обыгрыванием заглавия «Секстина»: «Секс — тина», — заявил Парнокопытов. / «Трясина», — согласился Балашевич. / «Засасывает», — подхватил Завадский. / «Но только не меня!» — завелся Лившиц. / «Дался вам этот секс», — сказал Сорокин. / «Давайте про свободу», — молвил Жуков. / «Свобода — это всё», — прибавил Жуков. (В. Лейкин). Поэты восстанавливают синонимию, утраченную в эволюции: Твоя протестантская этика / с моею поганой эстетикой / (поганую в смысле языческой) / расходятся катастрофически! (Т. Кибиров). Анахронизм синонимии становится средством аксиологической антитезы и базой силлогизмов: Вы — объясните обо мне, / Последнем Всаднике

глагола. / Я зван в язык, но не в народ. / Я собственной не стал на горло. / Не обращал: обрящет род! / Не звал к звездам... Я объясняю: / умрет язык — народ умрет. (В. Соснора); И понял аз грешный, что право живет / лишь тот, кто за други положит живот, / живот же глаголемый брюхо сиречь, / чего же нам брюхо стеречь (Л. Лосев). Синонимы, извлеченные из разных устойчивых сочетаний, становятся средствами сравнений, при этом фигуральные элементы фразеологизмов буквализируются: Здесь лежит постоялец / сотни временных мест, / безмянный, как палец, / одинокий, как перст. (В. Павлова). В синонимические пары или ряды включаются слова из других языков, как элементы художественного билингвизма: Светят звёзды, словно астры. / Самолёт роняет след... (М. Дидусенко).

Таким образом, синонимия как стилистический и смыслообразующий ресурс в значительной степени востребована современной поэзией и является не только средством, но и предметом изображения. И вместе с тем эта поэзия подтверждает правоту выдающихся ученых, которые указывали на фиктивность синонимии как семантического тождества: «В языке, обогащенном умными авторами, в языке выработанном не может быть синонимов; всегда имеют они между собою некоторое тонкое различие, известное тем писателям, которые владеют духом языка, сами размышляют, сами чувствуют, а не попугаями других бывают» [Карамзин 1964: 142]; «Синоним является синонимом только в словаре. Но в контексте живой речи нельзя найти ни одного положения, в котором было бы все равно, как сказать: конь или лошадь, ребенок или дитя, дорога или путь и т. п.». [Винокур 1929: 85].

Литература

- Карамзин Н. М.* О богатстве языка // Карамзин Н. М. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2. С. 142.
Винокур Г. О. Проблема культуры речи // Русский язык в советской школе. 1929. № 5. С. 85.

ИНСТРУМЕНТЫ АВТОРСКОГО ИДИОСТИЛЯ В СОЗДАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ Б. АХМАДУЛИНОЙ)

Анциферова Надежда Борисовна

доцент, Забайкальский государственный университет

Поэтический мир Б. Ахмадулиной подчинён архаическому мироощущению автора, организован стремлением жить и чувствовать в выдуманной реальности. Эта же мысль может быть отнесена и к мемуарной прозе поэтессы, поскольку идиостиль есть одновременная экспликация эмоционально-образной памяти и когнитивных структур сознания пишущего.

Обратимся к рассказу «Бабушка», архаически-языческое пространство которого организовано образом рассказчика-внучки, фрагментарно вспоминающей не столько факты, сколько ощущения и впечатления от них. Необходимо отметить, что «Объект “прочтения” в повествовании — даже если это собственное прошлое человека — никогда не остается равным себе. Непосредственность и одновременно креативность, красочность детского восприятия эксплицируются в языковой структуре образа рассказчика, в первую очередь, за счёт синестетических метафор и метонимий. Именно так, интерсенсорно и ассоциативно, ощущает, усваивает и описывает окружающую действительность (и социум, в частности) ребёнок, достигший дошкольного возраста и накопивший определённый когнитивный и эмоционально-образный опыт.

Необходимо отметить, что метафоры и метонимии, часто развёртываемые эпитетами и олицетворениями, представлены по всей вертикали рассказа — как выразительные средства, как образы, как композиционные приёмы. При этом ткань текста отшлифована и огранена Б. Ахмадулиной-автором, что отражено в синтаксисе и стилевой принадлежности лексики. «Может быть, из-за этой, всё упрощающей единственности моей, бабушка, холодком осенившая мужей, неточно делившая любовь между дочерьми, с болью и скрипом резкого торможения, свою летящую, рассеянную, любвеобильную душу остановила на мне». Представленная в предложении развёрнутая метафора дихотомична по лексическому наполнению: уменьшительно-ласкательное, характерное для повседневного общения «холодок» зависит от высокого «осенившая»; книжно-поэтическое «летящая, любвеобильная душа» перемещается в бытовую плоскость эпитетом «рассеянная» и неузвальным сочетанием «душу остановила на мне» (по аналогии — остановить взгляд, выбор, внимание). Абстрактное существительное «торможение» приобретает физически ощущаемые характеристики — «с болью и скрипом». Конечно, осложнённое обособлёнными распространёнными определениями и рядами однородных членов предложение не характерно для речи ребёнка, однако живость, образность и острота детского мироощущения рассказчика сохраняются. Окказиональное словообразование, характерное для поэтов-шестидесятников, в языковой ткани исследуемого текста возможно рассматривать как речевой показатель детского (= архаического) мировосприятия. «Последний раз, после долгого перерыва, я увидела бабушку уже больной предсмертием». Ребёнок в силу возраста не готов принять, а тем более осознать смерть близкого человека как неизбежный факт бытия, поэтому последние дни бабушки воспринимаются рассказчиком как обычная болезнь, после которой человек снова вернётся к привычной жизни. Окказиональное «предсмертие», выступающее как номинация неизвестного пока рассказчику заболевания, включается в стандартизированное управление «больной чем-то» (ср.: больной гриппом, больной простудой).

Детям не свойственно окказиональное словообразование абстрактных существительных и полимотивированных сложных прилагательных, однако создаваемые в результате метафоры-образы близки языковому пространству русских сказок и легенд, стилистике языческого мировосприятия. Именно в таком «формате» мыслит и ощущает ребёнок: поместить на привычный бытовой уровень не укладывающуюся в сознании абстракцию, «определить» её, наделить понятными физическими характеристиками, «поставить» в уже пережитые, прочувствованные ситуации. «Чаще всего она [бабушка] вспоминается мне большой неопределённостью, в которую, густым облаком любви, сомкнувшись надо мной, но не стесняющим моей свободы». Не

имеющая физических параметров «неопределённость» приобретает размер «большая» (в детстве всё и все кажутся большими) и тактильно воспринимаемую плотность — «мягко уходят голова и руки». Плотностью обладает и «густое облако любви», своеобразным колпаком защищающее рассказчика-девочку от пугающей окружающей действительности. При этом отсутствует конкретное описание внешности бабушки (рост, фигура, цвет волос и глаз и т. п.), поскольку воспоминания рассказчика основаны на чувственном, интерсенсорном опыте. Такому же архаически-пантеистическому мироощущению рассказчика подчинены перифразы, включённые в языковую структуру ключевого образа. Обратимся к тексту. «Однажды, когда тиканье малых пульсов, населивших её комнату, грозило перерасти в сокрушительный гул, я купила и принесла домой только что вылупившегося инкубаторного цыплёнка». Детям, не постигшим ещё понятия «жизнь» и «смерть» в силу и ментальных особенностей возраста, свойственно по-разному относиться к домашним животным и птицам — как к игрушкам, за которыми быстро надоедает ухаживать, или же как к друзьям/членам семьи, существующим априори. Однако ребёнок достаточно долго не идентифицирует питомца как живое, смертное существо, лишаемое жизни в мгновение. Для рассказчика-девочки многочисленные домашние животные и птицы, нашедшие приют в бабушкиной квартире, — прежде всего «малые» жизни. Тонкость восприятия усиливается гиперболизацией — «тиканье грозило перерасти в сокрушительный гул». В языковой структуре образа бабушки, создаваемого широким спектром тропов и композиционных приёмов, достаточно частотно окказиональное словоупотребление наречий (как разновидности композиционно-грамматического сдвига). Композиционно-грамматические окказионализмы, как и словообразовательные, обладают высокой семантической ёмкостью, а потому выполняют значительную художественно-эстетическую нагрузку, повышая плотность языкового пространства. Это позволяет говорить о наличии в исследуемом рассказе окказионального словесного ряда, являющегося не только элементом языковой структуры образа бабушки, но и текстообразующей категорией.

СТРАТЕГИЯ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТОВ В ДВУЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Вяткина Светлана Вадимовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Коммуникативная стратегия рассматривается как «план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия» акта коммуникации [Михалева 2009: 45]. Источниками анализа являются русскоязычные тексты, имеющие соответствия на китайском языке, что позволяет провести их сопоставление: тексты информационных порталов «ИноСМИ» [https://inosmi.ru/geo_geo_china/], «ЭКД!» («Это Китай, детка!») [<https://ekd.me/>], а также двуязычного журнала «Россия и Китай» [<https://owasia.org/projects/russia-and-china/>] за 2019–2022 гг. Журнал «Россия и Китай» — современное политическое полижанровое издание, в котором представлены параллельные тексты на русском и китайском языках. Сайт «ЭКД!» направлен на освещение в русской аудитории новостей, связанных с Китаем, часто не политического, а бытового характера. В них работают исключительно русские авторы и редакторы, владеющие китайским языком, разбирающиеся в истории, культуре и современной ситуации в Китае. Портал «ИноСМИ» специализируется на переводе наиболее ярких и примечательных материалов зарубежных СМИ на русский язык. Все статьи являются аналитическими, и в каждой публикации дана ссылка на китайский источник. Обращение к информационному дискурсу предполагает не только комплексный анализ синтактико-стилистических особенностей текстов, но и выявление соотношения информем (единиц информативно-смыслового уровня текста) и прагмем (единиц прагматического уровня текста) [Болотнова 2012: 42–43, 156–157] на синтаксическом уровне. Проведенный анализ показал, что в публикациях журнала «Россия и Китай» (среднее количество слов — 2001, Среднее количество предложений в тексте — 88) широко используются прагмемы (5,7 % при 94,3 % прагмем), представленные конструкциями экспрессивного синтаксиса (парцелляцией, риторическим вопросом, вопросно-ответным комплексом, вставной конструкцией) и пунктуационным оформлением высказывания (вопросительный знак, многоточие и / или его комбинация с восклицательным и вопросительным знаками) в текстах аналитической статьи (их количество составляет 35,39 % от общего числа публикаций), очерка, интервью, при этом информемы оформляются в публикациях информационного характера. Например, в аналитической статье прагмемой является парцеллированная конструкция, дополнительно оформленная восклицательным знаком и многоточием: Говоря медицинским языком, эта раковая опухоль украинского общественного сознания пустила метастазы настолько, что сегодня можно говорить как минимум о четвертой степени этого страшного заболевания. И без опытного хирурга обойтись уже было нельзя!.. Параллельный китайский текст: 说句医学术语, 这个乌克兰社会认 № 29: 3) На сайте «ЭКД!» в рубрике «Последние новости» прагмемы отсутствуют как в заголовках, так и в текстах публикаций, а в рубриках «Истории» и «Статья недели» (среднее количество слов в тексте — 164, предложений — 15) отмечаются контрастные информемы (93,3%) в текстах публикаций и прагмемы (6,7%) в заголовках. Например, дистанционно размещенный парцеллят в заголовке: Китайка 8 раз подавала на развод из-за психоза мужа. Безуспешно (ЭКД!, 22 апреля 2021 г.) Китайский текст: 女子连续8次提起离婚诉讼, 结果还要付男方近20万元, 婚还离吗? (Penggaxinwen, 19 февраля 2021 г.) — в дословном переводе подавала на развод, в итоге нужно заплатить мужу около 200 тыс. юаней. Надо ли разводиться? Для текстов портала «ИноСМИ» (среднее количество слов в тексте — 1086, предложений — 85) характерно использование прагмем (4,7% при 95,3 % информем), представленных вопросно-ответным комплексом и восклицательным предложением. Например: китайский оригинал: 俄罗斯最知名的菜肴是什么? 俄罗斯酸黄瓜! (WeChat, 29 октября 2022 г.) Перевод известное русское блюдо? Конечно же, соленые огурцы! (ИноСМИ, 29 декабря 2022 г.) Итак, малое количество синтаксических прагмем в новостных публикациях на русском языке (4,7–6,7 %) соответствует цели информирования читателей. В то же время выявленные различия коммуникативно-прагмати-

ческих целей авторов в разных источниках определяют различные стратегии российских журналистов в проанализированном материале:

- 1) в выпусках журнала «Россия и Китай», ориентированного как на российского, так и на китайского читателя, синтаксические прагмемы — средство экспликации авторской оценки и формирования доброжелательного отношения к реалиям двух стран;
- 2) для портала «ЭКД!» характерны подбор необычных новостных материалов, повышение развлекательности текста, на что ориентировано использование синтаксических прагмем;
- 3) тексты сайта «ИноСМИ» занимают срединную позицию, для русских авторов важна передача точки зрения китайского автора, поэтому экспликация субъективно-оценочного отношения автора публикации к излагаемой информации осуществляется путем сохранения в переводе синтаксических ресурсов, соответствующих интерактивности и диалогичности сайта.

Литература

Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус. М., 2012.

Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109—121.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.

В ТЕНИ МИЛЫХ ПТИЦ (О «ПРОЩАЛЬНОЙ ОДЕ» ИОСИФА БРОДСКОГО)

Гассельблат Ольга Александровна

аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

В докладе рассматриваются следующие аспекты:

1. Внутренний и внешний контексты создания стихотворения. Первым шагом в этом пути является попытка определить круг поэтов, с творчеством которых молодой Бродский был знаком к январю 1964 г., и чье творчество могло оказать влияние на непосредственное создание оды. Из воспоминаний современников и самого поэта этот круг определен главными именами — Данте, Дж. Донн, О. Манделштам, М. Цветаева. Безусловно, в этот же период была прочитана Библия, которую Бродский читал одновременно с «Божественной комедией».

2. Строфика. Бродский рассматривает выбор строфы как решение первостепенного значения, особенно при работе над «большими» произведениями, где он часто использует необычную, а то и уникальную строфу. И здесь поэт ввел редкую строфу, вернее реплику на классический образец: гекзаметр, но «расшатанный» стяжением безударных слогов, влекущий за собой аллюзии к русской чаще переводной литературе XVIII в., античным переводам. Такой вот дактило-хореический гекзаметр (чем-то напоминающий Тредиаковского), который сыграл важную роль в истории русского стиха. Эта строфа соответствует и «выбранному», вернее «проживаемому» поэтом сюжету стихотворения — утрате и поиску возлюбленной.

3. Лексико-семантическое поле стихотворения относит его к «метафизической поэзии». Поиск, осуществляемый лирическим героем, превращается в молитву Богу. В «Прощальной оде» рекордное количество обращений к Богу. На возможную стилизацию жанра молитвы указывают также использование устаревшей формы звательного падежа, фатических императивов в форме 2-го лица единственного числа, экспрессивный синтаксис, повтор религиозных лексем. Отметим, что в текстах И. Бродского религиозное значение приобретают некоторые лексемы, не являющиеся религиозными в современном русском литературном языке, такие как небо, звезда, вечность, бессмертие, благодать, свет, слава, хлеб, спасение, смирение, любовь, пустыня, труба, страсть и другие лексемы. Некоторые конструкции являются почти дословными цитатами литургических текстов. Кроме названного, в плане содержания следует отметить присутствие коммуникативной стратегии «общение с Богом», основной для религиозного дискурса. Необходимо отметить, что представленные конструкции характерны для стихотворений И. Бродского, являются фактически непосредственным обращением поэта к Богу, стилизованным под молитвенный жанр.

4. Архитектуральный прием включения элементов чина отпевания умерших через заимствование лексических конструкций из упомянутого богослужебного текста. Трудно сказать, является ли эта аллюзия интуитивной и несознаваемой автором. В стихотворении И. Бродского мы можем отметить те же интенции: глубокое осознание человеческой греховности: «грешен — молить не смею»; временности своего существования: «кто я? — пришел — исчезну... Странник я в этом мире»; опять же обращения к Богу: «Боже, зачем молчишь? Грешен — молить не смею...»; просьбы о Его помощи и защите: «не оставляй меня! Странник я в этом мире. / Дай мне в могилу пасть, а не сорваться в бездну». Само возникновение «Прощальной оды», это также мнение А. Ранчина, было реакцией на разрыв отношений с Мариной Басмановой, уход возлюбленной, т. е. смерть любви. Возможно, в этом обстоятельстве следует видеть метафизическую причину обращения поэта именно к такому богослужебному тексту как чин отпевания усопших.

5. Лексико-семантический состав «Прощальной оды» также сообщается с творчеством великих предшественников. В докладе мы акцентируем внимание на связь ЛСП стихотворения с творчеством Данте и Цветаевой. Стихотворение включает так свойственные цветаевскому поэтическому языку оксюморонные или индивидуально-авторские конструкции, а также фольклорные мотивы. К Данте нас обращают несколько интерпретированных цитат и аллюзий

из его творений («Новая жизнь» и «Божественная комедия»). Цитаты поддерживаются топонимикой стихотворения, образами сумрачного леса, птиц, летейского потока.

6. Во всех случаях поэт пользуется инструментами, но создает новое пространство, новый миф (пустой ад, пространство с отсутствующими границами, не обретенная возлюбленная), свою сугубую молитву о спасении и бессмертии.

Литература

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm>

Арутюнова Н. Д. Теория метафоры. М., 1990.

Ахапкин Д. «Прощальная ода»: у истоков жанра «больших стихотворений». [Электронный ресурс].

Баландина И. А. Орнитологические образы Иосифа Бродского // Уральский филологический вестник. 2021. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ornitologicheskie-obrazy-iosifa-brodskogo>

Баиляр Г. Избранное: поэтика пространства/ Пер. с франц. М., 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/bachelard--poetika_prostranstva-2004-8l.pdf

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Том I. СПб., 2001.

Бродский И. Книга интервью. М., 2008.

Бродский И. Собрание сочинений в 2 томах. СПб., 2012.

ЭПИТЕТЫ В ОДАХ А. П. СУМАРОКОВА

EPITHETS IN THE ODES OF A. P. SUMAROKOV

Казаковцева Ольга Сергеевна

старший преподаватель, Петрозаводский государственный университет

А. П. Сумароков — один из крупных представителей русского дворянского классицизма, внесший большой вклад в развитие русского литературного языка [Берков 1957: 44; Живов 2007: 7–8]. Не получившее должной оценки современниками творчество поэта и в настоящее время нуждается в подробном его изучении, о чем свидетельствует и относительно небольшой ряд работ, посвященный анализу языка А. П. Сумарокова. В данной работе остановимся на рассмотрении использования эпитетов в одах А. П. Сумарокова по тексту второго издания Большой серии «Библиотеки поэта», подготовленного П. Н. Берковым [Сумароков 1957: 49–107].

Нами рассматриваются эпитеты, определяющие разные объекты материального и нематериального мира. Анализу не подвергаются определения качеств, состояний и действий, например: вспевайте складно (65), храбро побеждая (50) (здесь и далее по тексту в скобках указывается номер страницы источника, откуда взят пример).

Основной формой выражения эпитетов в одах А. П. Сумарокова являются имена прилагательные. Наряду с полными формами встречаем и усеченные формы прилагательных и причастий, характерные для языка XVIII в. [Кулева 2008: 37], к примеру: кратки дни (94), цветущу младость (104), велику Анну (49). Доля усеченных форм в анализируемых текстах равна 10 % от общего числа эпитетов. Торжественный пафос жанра оды обуславливает использование эпитетов, представленных превосходной степенью имен прилагательных: в сладчайшем исступленьи (106), крепчайший мост (90). Также для выражения высокой степени качества объекта используется приставка пре- : прехвальные победы (56), превозвышенный человек (78), премудрую Екатерину (66). Эпитеты в анализируемых нами текстах располагаются преимущественно (72 % примеров) в препозиции: неведомых границ (54), грозный рок (60), Великого Петра (63). Несмотря на то, что в поэтическом тексте инверсия — одна из распространенных фигур речи, в одах Сумарокова находим инверсированный порядок в словосочетаниях с эпитетом только в 24 % случаев: во пропастях подземных (92), пением приятным (98).

Кроме контактной позиции встречаются и немногочисленные примеры «разрывного» расположения эпитетов относительно главного слова (по 2 % случая): дистантное препозитивное (суровой возгласу трубою (88), любезного имея друга (104) и дистантное постпозитивное положение эпитетов (крови ты преславной (78), день предшествует огромный (68). В большинстве случаев разрывающий компонент представлен глаголом. Типичной структурной особенностью расположения эпитетов является нахождение одного красочного определения при главном слове. Организация однородного ряда с эпитетами в анализируемых текстах применяется крайне редко: приятный, вожделенный глас (74), мужей толь мудрых и избранных (75). Использованием такой конструкции подчеркивается два равных признака, тем самым создается более объемный образ описываемого объекта. Любопытен пример «парного» использования постпозитивных и препозитивных словосочетаний с эпитетом в одной строке, например: подушки мягкие, на мягких муравах (105), ея дел славных громкий шум (59). Благодаря такому чередованию инверсированного и прямого порядка слов в большей мере акцентируется внимание на эпитетном прилагательном. По словообразовательной структуре анализируемые эпитеты простые, сложные же представлены единичными примерами: благословенны лета (63), благоуханных роз (105), благополучных дней (89), благовонные цветочки (107). Обращает на себя внимание, что все представленные сложные эпитеты имеют в первой своей части корень старославянского происхождения -благо-, используемый автором для придания тексту торжественности стиля. По семантическому параметру оценочные эпитеты превалируют в анализируемых текстах А. П. Сумарокова, цветовые же эпитеты редки: луга зелены (104), багряная Аврора (74). Колоратив красный используется автором не только для обозначения цвета (красный луч (60), но и как

характеристика ясного, спокойного, радостного периода: красный день (106). Для обозначения поры блаженства, благоденствия используется эпитет золотой (век), причем в неполногласной форме: золотого века (106). Жанр оды по своей природе является торжественно-прославительным произведением, поэтому и преобладающее число эпитетов при характеристике лица находим с семантикой восхваления, оценочности: Великого Петра (63), гордый повелитель (57), велику Анну (49), мудрые цари (79). Метафорические эпитеты занимают большой пласт в одах Сумарокова: послушный ветер (62), горький стон (89), песок бесплодный (62). Привлекает внимание частотное употребление в переносном значении эпитетов гордый (башни гордые (97), гордый Илион (55), гордые валы (59), рог гордый (64), гордые реки (94) и грозный (грозный рок (60), грозный океан (65), грозного часа (55). При описании объектов окружающего мира обнаруживаем использование постоянных эпитетов: долины чистые и ясны небеса (105), высоки горы (62). Таким образом, эпитет как одно из изобразительных поэтических средств активно используется в одах А. П. Сумарокова. Кроме общезыковых эпитетов находим и постоянные красочные определения, свойственные народно-поэтической речи. В одах Сумарокова эпитеты (в основном, одиночные прилагательные) располагаются преимущественно препозитивно. Жанр произведения, несомненно, накладывает отпечаток на выбор атрибутивной лексики.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>.

Литература

- Берков П. Н.* Жизненный и литературный путь А. П. Сумарокова // А. П. Сумароков Избранные произведения. Л., 1957. С. 5–46.
- Живов В. М.* Язык и стиль А. П. Сумарокова // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 7–51.
- Кулева А. С.* Усеченные прилагательные в русской поэзии // Русская речь. 2008. № 3. С. 35–39.
- Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957.

КАРТИНА ИЛИ КАРТИНКА? (К ПРОБЛЕМЕ ВАРЬИРОВАНИЯ КОМПОНЕНТОВ УСТОЙЧИВОГО СРАВНЕНИЯ)

КАРТИНА OR КАРТИНКА?

TO THE PROBLEM OF VARYING THE COMPONENTS OF A STABLE COMPARISON

Огольцева Екатерина Васильевна

доцент, Московский педагогический государственный университет

Уменьшительно-ласкательная форма (деминутив) в структуре устойчивого сравнения (далее УС) реализуется в двух основных статусах.

1. Деминутив — единственно возможная форма слова, выражающего компонент В (образ сравнения): как (словно, точно) зверёк ('Дикий, диковатый, настороженный, робкий, недоверчивый. О ребёнке, подростке, девушке') [Огольцев 2001]; как (словно, точно) картинка ('1.1. Красивый(ая); красиво, нарядно одетый(ая). 1.2. Красивый. О животном или предмете').

2. Уменьшительно-ласкательная форма может быть формально-грамматическим или лексическим вариантом компонента В, который в словаре помещается в круглых либо в квадратных скобках, следом за основной формой сравнения: как (словно, точно) коза (козочка) (Лазить, прыгать, скакать. Быть непоседливой, легко, проворно ходить, бегать; резвиться. О девочке, девушке); как (словно, точно) на картинке [картине] (Красивый, нарядный кто-л., что-л.; красиво, нарядно).

Мы считаем, что именно в составе фразеологизмов и устойчивых сравнений наиболее полно проявляется двойная природа деминутивов, их способность выполнять «количественно-уменьшительную» и «эмоционально-оценочную» функции. Эта способность закреплена в этом случае общенародной воспроизводимостью, она как бы «законсервирована» в национально своеобразных, общеизвестных образах, культурно значимых для всего языкового коллектива.

Уменьшительно-ласкательные формы способствуют интенсификации признака, выраженного образной компаративной структурой, являются одним из важных факторов её экспрессивности [Огольцев 2012]. Однако в некоторых случаях наблюдения над закономерностями функционирования двух лексических вариантов заставляют задуматься о более существенном влиянии такого варьирования на значение УС. Так, лексический вариант как на картинке чаще характеризует внешний вид человека: Все одесские квасники были нарядные и красивые, как на картинке. А этот в особенности. (В. Катаев). Молодой хозяин, красивый, как на картинке, с узким бронзовым лицом встречает нас неприветливо. (А. Г. Писемский). Тёмный фон сзади неё мягко и рельефно, как на картинке, выделял нарядную весёлую белую шляпку. (А. Куприн).

Форма деминутива часто используется при описании частей тела человека (животного), деталей портрета: Однажды утром подлетел к школе вороной рысак с вытянутой атласной шеей, как на картинке. (Ф. В. Гладков); Большие глаза и длинные ресницы, как на картинке. (Н. Амосов). Именно эта форма оказывается предпочтительной при описании построек, отдельных предметов на местности — мостов, деревьев, зданий и их деталей, судов на реке и проч.: Однажды мы посетили расположенную близ Якутска богатую русскую деревню с солидными избами, украшенными московской деревянной, как на картинках, резьбой, — то было селение скопцов. (А. А. Игнатьев); Сегодня первый осенний золотой день. Высокое небо, прозрачный воздух. Церковки на том берегу реки как на картинке. (И. С. Соколов-Микитов).

Вариант как на картине используется гораздо реже. Обычно так характеризуется панорамный вид, к примеру, пейзаж, воспринимаемый зрителем как нечто цельное, единое в своих подробностях: Стояла прекрасная июльская погода, мягкая и нежаркая. Всё вокруг было, как на картине. (Э. Казакевич); После долгого созерцания деревни поражал снежно-серый простор, по-зимнему синеющие дали казались неоглядными, красивыми, как на картине. (И. Бунин. Деревня); Почудились на этом мне возу, / Сидящие рядком, как на картине, Столичный фронт со стёклышком в глазу / И барыня в широком кринолине!.. (Н. А. Некрасов).

Итак, вариант с деминутивом характеризует отдельные предметы, а также человека, части его тела и другие детали внешнего вида; другой, непроемкий вариант — целую панораму, пространство с множеством разных объектов. Эти смысловые нюансы никак не нарушают семантической цельности и устойчивости компаративной единицы: оба варианта используются для описания чего-либо красивого, нарядного, а следовательно, вполне взаимозаменяемы в сходных речевых условиях.

Интересно, что при функционировании того же образа в роли устойчивой метафоры также используются оба варианта: Вот взяла я эти брюки, сходила на реку, выстирала, высушила, каталкой выкатала да давай шить. Сшила. С карманами, с помочами. У меня Феденька оделся — картинка. (Ф. Абрамов). — И вдруг однажды приезжает за ним жена. Ну прямо из себя картина, антик — можно сказать. (А. И. Куприн). И картинка, и картина используются в сходных коммуникативных условиях, неизменно выражая эмоцию любования, восхищения, которые связаны с созерцанием чего-л. очень красивого. Это могут быть: физическая красота человека, его нарядная и богатая одежда; физическое совершенство животного (например, лошади); красота средства передвижения (например, машины); сделанные мастерски и со вкусом изделия человеческих рук; полное соответствие внешнего вида кого-л. социальному статусу или профессии; парадный, праздничный внешний вид человека; зрелище слаженной, умелой работы. Представляет особый интерес и анализ образных дериватов картинный, картинно, которые выступают как экспрессивные характеристики образной, выразительной речи (языка, слога) или каких-либо предметов, привлекающих внимание внешней красотой. Вместе с тем они могут употребляться в художественных текстах и с отрицательной коннотацией (при актуализации семы «деланный, нарочитый, рассчитанный на внешний эффект»).

Литература

- Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). Русские словари. М., 2001.
- Огольцева Е. В. Образный потенциал деминутивов в структуре устойчивого сравнения // Рациональное и эмоциональное в языке: Международный сборник научных трудов. М., 2012. С. 370–375.

СИНОНИМИЯ И АНТОНИМИЯ ГАЗЕТИЗМОВ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Кристиано Никола Отелло

преподаватель, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Лингвистическое исследование лексики современных СМИ крайне важно для понимания значимых процессов, происходящих в современном информационном обществе. Распространение электронных СМИ и информационных сетей значительно повысило эффективность коммуникативного воздействия контента СМИ. Газетизмы образуют синонимические и антонимические связи. Среди синонимов в нашей работе мы выделили идеографические (Covid-диссидент — Covid-отрицатель, Авторитет — главарь, вор в законе), стилистические (Беспредел — беззаконие, Бредовая (идея) — нелепая, идиотская) и семантико-стилистические разновидности (Братия — компания, содружество, Веган — вегетарианец). Антонимы-газетизмы мы разделили на семантические (агрессивный — миролюбивый) и грамматические: разнокорневые (активизировать — тормозить, веган — мясоед) и однокорневые (бездействовать — действовать, блокировать — разблокировать, Covid-диссидент — Covid-отрицатель. Оба выражения вошли в язык газет в 2020 г. в связи с пандемией). Языковая синонимия — многоаспектное явление, которое несмотря на долгую историю исследования, все еще остается не до конца изученным. Развитие синонимии связано с «асимметричностью знака и значения», стремлением человека выразить конкретное содержание не только каким-либо одним определенным знаком, но и иными языковыми средствами [Современный русский язык 2001: 221]. Необходимо отметить, что слова, находящиеся в синонимических отношениях, в определенной степени зависят от контекста: чем ближе по значению лексические единицы, тем меньшую роль играет контекст, и, наоборот, чем сильнее выражено их семантическое различие, тем большее значение имеет контекст, который нивелирует это различие. Среди синонимов принято выделять: — полные (абсолютные, точные, дублиеты), которые имеют тождественные (абсолютно совпадающие) значения и одинаковую сочетаемость; — идеографические (семантические, смысловые), отличающиеся смысловыми оттенками и подчеркивающие разные стороны обозначаемого либо указывающие на различную степень проявления признака или свойства; — стилистические, имеющие различные эмоционально-экспрессивные и стилистические коннотации; — семантико-стилистические, различающиеся и семантическими, и стилистическими характеристиками; — контекстуальные, чье сходство в значениях проявляется лишь в определенном контексте. Применительно к газетизмам, отметим, что, как и другие лексические единицы, они также вступают в синонимические отношения. При этом синонимом к газетизму может выступать как общеупотребительное слово (выражение), так и другой газетизм. Приведенную выше классификацию можно применить и к синонимическим рядам газетизмов. Рассмотрим некоторые примеры. К идеографическим синонимам можно отнести Covid-диссидент — Covid-отрицатель. Оба выражения вошли в язык газет в 2020 году в связи с пандемией. Стилистические синонимы, включенные в выборку, отличаются эмоционально-экспрессивной окраской и имеют стилистические синонимы. К этой группе можно отнести беспредел — беззаконие. Первое слово в синонимической паре относится к жаргонной, разговорной лексике, в газетный язык и в обиходную речь оно вошло из криминального арго, причем укрепились настолько прочно, что практически утратило свою жаргонную окраску и отмечается в речи даже высшего руководства страны. Газетизмы образуют и синонимические связи со словами, отличающимися и стилистической принадлежностью, и оттенками значения. Приведем примеры семантико-стилистических синонимов. Братия — компания, содружество. Слово братия относится к разговорному стилю и часто имеет шуточный или ироничный оттенок. Оно имеет стилистически нейтральный синоним компания и синоним из книжной речи содружество. В газетной речи встречаются все перечисленные слова. Газетизмы могут быть связаны не только синонимическими, но и антонимическими отношениями. В антонимические пары слова объединяются на основе противоположности значений. Рассмотрим антонимию среди выделенных газетизмов.

Прежде всего проведем классификацию по структуре антонимов. Здесь мы можем выделить две большие группы: разнокорневые и однокорневые антонимы. Приведем примеры. Разнокорневые антонимы могут обозначать качества, действия, состояния, различные характеристики. К примеру, антонимы агрессивный – миролюбивый в газетном языке чаще всего характеризуют различную внешнюю политику или другие действия, осуществляемые государствами: мирную, дружественную либо нацеленную на агрессию по отношению к другим государствам, отдельным лицам. Однокорневые антонимы иначе называют еще грамматическими или лексико-грамматическими. Противоположность значения в данном типе антонимов обусловлена присоединением к слову семантически противоположных приставок. Таким образом, лексическая антонимия, в данном случае, является следствием словообразовательных процессов. Однокорневые антонимы-газетизмы могут быть различными частями речи — глаголами, существительными, прилагательными. Достаточно активны в языке газет глагольные антонимы, так как именно эта часть речи характеризуется разнообразием приставочных образований. К примеру, бездействовать – действовать. Антоним образован при помощи приставки без- и имеет негативную окрашенность, в отличие от противоположного понятия. При помощи приставок без-, раз- и др. образуются также существительные-антонимы (духовность — бездуховность, блокировка — разблокировка), антонимы-прилагательные (альтернативный — безальтернативный). Как и в случае с глагольными антонимами, приставка без- (бездуховность) придает слову негативную окрашенность в отличие от антонима без приставки.

Литература

Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / под общ. ред. Л. А. Новикова. СПб., 2001.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ (В СОВАВТОРСТВЕ С Н. А. НИКОЛИНОЙ)

Петрова Зоя Юрьевна

ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Николина Наталия Анатольевна

профессор, Московский педагогический государственный университет

Компаративные конструкции, которые представляют собой метафоры и сравнения разных типов, характеризуются в современной русской прозе высокой степенью динамичности. Их употребление основано на «сложном переплетении устойчивого и изменчивого, старого и вновь возникшего» [Кожевникова 1995: 6]. Изменениям по сравнению с предшествующим периодом развития литературы в современной прозе подвергаются все элементы компаративных конструкций: и образы сравнения, и предметы сравнения, и основания сравнения. Материалом для анализа в данной работе служат произведения Е. Водолазкина, А. Иличевского, А. Иванова, А. Матвеевой, О. Славниковой, М. Степновой, Д. Рубиной и других современных прозаиков; привлекаются и контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

В современной русской прозе наиболее распространены следующие семантические классы компаративных конструкций: антропоморфные, зооморфные, предметные, в том числе кулинарные, значительно реже встречаются фитоморфные метафоры и сравнения, а также компаративные тропы с образами сравнения семантических классов «Огонь», «Свет», «Атмосферные явления». Во всех семантических классах образов сравнения появляются новые элементы, не использовавшиеся в предшествующие периоды развития русской литературы. Прежде всего надо отметить названия новых реалий, появившихся сравнительно недавно, например: «Жизнь измельчает человека, как кухонный комбайну» (Е. Водолазкин. Оправдание Острова), «П. Н. вбегал на кухню, за ним шагала Ека с невообразимой прической. Волосы у нее были — будто опарыши. Или переваренные макароны. — Что это за доширак? — шепнула Геня Гималаева в смуглое ухо Ирак» (А. Матвеева. Есть!). В современной литературе возникает новый класс образов сравнения компаративных конструкций, связанный с компьютерными технологиями, например: «Мне казалось, что в голове, как в компьютере, что-то попискивает и движется: разнородные данные должны были в итоге свестись к одному знаменателю и выразиться некоторой денежной суммой» (А. Волос. Недвижимость), «Мужик задумался. Или просто перегрелся процессор. Все-таки, второй подряд вопрос за минуту» (Слава Сэ. Ева).

Наряду с названиями новых реалий в качестве образов сравнения в современной прозе шире, чем раньше, употребляются научные термины из разных областей науки, в том числе не использовавшиеся ранее. Это, например, термины из области физики: «Мораль рождается, когда один человек ставит себя в зависимость от существования другого, подобно тому как элементарные частицы связывают свои волновые функции, подчиняясь неизбежности закона природы. Мир без морали — это мир корпускул, которым безразличны другие частицы-личности, они лишь сталкиваются между собой, в то время как моральный мир связывает личности в общую волновую функцию» (А. Иличевский. Чертеж Ньютона), энтомологии: «А потом Линдт наконец завис на несколько минут над какой-то неслыханной формулой, больше похожей на сложное насекомое, ощетинившееся десятком хищных педипальп и хелицер» (М. Степнова. Женщины Лазаря).

Что касается предметов сравнения компаративных тропов, то в современной прозе расширяется охват различными образами сравнения изображаемых объектов. Например, если традиционно с насекомыми сравниваются такие предметы, как летательные аппараты, изделия из бумаги, ткани, то в современном тексте появляется образная параллель «нож — насекомое»: «кухонный нож, который он сжимал в руке, большой нож, которым баба Сватья скребла полы и столы, нож с зазубренным лезвием, огромный и ржавый, похожий на какое-то омерзительное насекомое» (Ю. Буйда. Стален). Для современной литературы характерно такое явление, как

нахождение автором нового основания сравнения у традиционного устойчивого образного соответствия. Например, слово червь, как указано в словаре «Русское культурное пространство» [Брилева, Вольская, Гудков и др. 2004], используется «для характеристики жалкого, ничтожного и/или интеллектуально и духовно убогого человека». Е. Водолазкин наделяет персонажа, уподобляемого червю, несколько другими свойствами: «Можно было бы сказать, что Зарецкий одинок, если бы это слово передавало происходящее с нашим соседом. Одинок ли в стволе древесный червь? А ведь было в нем что-то от червя. Гибкость, мягкость. Способность принимать температуру окружающей среды» (Е. Водолазкин. *Авиатор*).

Одна из тенденций развития компаративных тропов в текстах современной прозы — конкретизация образа при помощи определений или придаточных предложений, например: «голодные мыльные сумерки с негаснувшей рекой, блестящей, будто нож с остатками масла, с мягкими сдобными крошками» (О. Славникова. 2017); в результате выделяемый образ детализируется, уточняется, приобретает многоаспектность.

Другой значимой тенденцией использования компаративных конструкций в современной прозе является регулярное снижение образа. Оно выражается в употреблении жаргонной, арготической, просторечной лексики. Кроме того, снижение образа может быть основано на употреблении средств выражения иронической экспрессии. Это особенно характерно для метафор и сравнений, включающих прецедентные имена, ср. «Любка, у которой деньги отродясь не водились, лишь недоуменно пожала плечами, с загадочной улыбкой поистаскавшейся Джоконды потеряла большой палец об указательный» (Н. Дежнев. *Год бродячей собаки*).

Таким образом, для современной русской прозы характерно последовательное обновление всех элементов компаративных конструкций — образов сравнения, предметов сравнения и оснований сравнения. Этот процесс сопровождается частой конкретизацией образов сравнения, одновременно наблюдается тенденция к их снижению.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 23-28-00060.

Литература

Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М., 2004.

Кожевникова Н. А. Эволюция тропов // *Очерки истории языка русской поэзии XX века*. М., 1995. С. 6–79.

«МОЗАИКА ЦИТИРОВАНИЯ» В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ГЛЕБА МИХАЛЕВА

THE MOSAIC OF CITATION IN THE POETIC TEXTS OF GLEB MIKHALEV

Пинежанинова Наталья Павловна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Современная поэзия характеризуется высокой степенью сложности и разнородности. Поэтическая речь реализуется в поле пересечения разных семантических систем и разных языков, заимствуя, сочетая и трансформируя чужую речь, темы, образы и мотивы в динамике взаимодействия. В целом современную поэзию не случайно принято определять как игровую: ее характерными особенностями являются интертекстуальность, пародийность и травестийность. Поэтический текст выстраивается на литературных ассоциациях, связанных с явными или скрытыми цитатами, вне границ смысловой сферы которых текст не может быть осмыслен. Понимание текста как «мозаики цитирования», введенное Ю. Кристевой, предполагает широкий диапазон источников заимствований, к которым могут относиться не только литературные тексты, но и Библия, фольклор (песни, сказки, пословицы), мифология, а также прецедентные высказывания, характеризующие культурно-исторический и социально-бытовой контекст времени.

Несмотря на разностороннее изучение интертекстуальных кодов, вопрос о способах внутритекстового взаимодействия разнородных элементов является недостаточно исследованным. Поэтому не совсем понятно, каким образом решается вопрос о субъекте высказывания в таких поэтических текстах, где интертекстуальностью определяется амбивалентность письма, сочетающего низкое и высокое, ироничное и трагичное, элитарное и уличное, где «чужое» слово своей несовместимостью со структурой текста приводит к семиотической маркированности заимствованных элементов, способствует созданию двойственности знака, становясь элементом сразу двух текстов: чужого и авторского. Материалом для наблюдений послужили поэтические тексты Глеба Михалева, размещенные на авторской странице сети Вконтакте.

Поэтические тексты Глеба Михалева представляют собой цитатное письмо с разнообразными способами интертекстуального взаимодействия. Поэт обращается к традиционному способу использования мотива и развивает его в актуальной структуре собственного текста. Так, короткий и динамичный текст «Немузыкальное» передает мучительное напряжение поиска поэтического слова и вполне может быть отнесен к *silentium* — традиции (Жуковский, Тютчев, Мандельштам и др.). Однако образ музыки и слова здесь авторский — это веселое отчаяние, отличное от поэтико-философских сентенций. В этом тексте логос, как и в тексте О. Мандельштама «*Silentium*», должен выйти из музыки, но классический античный образ очень далек от новой поэтической ситуации. На мандельштамовский призыв «И слово в музыку вернись!», автор дает неожиданную реакцию: «уж музыка звучит, но стих не вытанцовывается». И не поэт философствует: «Мысль изреченная есть ложь», — а «музыка смеется — Врешь!».

Однако в более поздних текстах автор использует цитатное письмо не традиционным образом для демонстрации связи с претекстами, а для решения других художественных задач, например, для снятия конкретности формулировок. Так, вместо прямого наименования двух известных вождей, в экспрессивно-игровой функции совмещаются пародийный элемент и травестийная оценка: самый человечный человек / самый чебуречный чебурек // много в нём лесов полей и рек / кто-то ему лиру посвятил // он поднял упавший первый снег / и обратно в небо отпустил // но полна страна моя до дна / каждый день снега или дожди // а в полях посеяны вожди / и весной проклюнутся вожди // лучшее конечно впереди. В этом тексте цитаты из поэмы Маяковского, стихотворения Н. Некрасова, «Песни о Родине» и песенки крокодила Гены из известного мультфильма вовлекают читателя в процесс формирования смысла с авторской оценочно-стью контекстов разного времени. Другим способом взаимодействия заимствований с текстом становится замена компонентов и трансформация цитат. В качестве примера рассмотрим текст, где, используя структуру мандельштамовского претекста, автор актуализирует семантическое

противопоставление, при этом аутентичная цитата становится неким семантическим фоном, на котором актуализируется новое высказывание: немного ностальгии vhs / немного чёрной пахнувшей воды // и чем темнее ночь тем дальше в лес / бетонный лес времён КПСС / и в прошлое ведущие следы. Трансформированная пословица при отсутствии второго известного элемента и добавлении нового в роли пропозиции смещает смысловой акцент с появления новых проблем и ошибок (тем больше дров) на характеристику времени (и чем темнее ночь).

Такая частичная замена элементов цитаты может быть мотивирована не только отношением семантического противопоставления, но и частеречным сходством: какой русский не любит красной звезды / сто грамм без закуски / бескрайние небеса. Ироническое переоформление гоголевской цитаты снижает ее пафос и актуализирует другие — бытовые — символы русского характера. На фоне семантического расхождения может быть выражено сходство с помощью паронимии: люди мира на минуту в танке / за окном кончается зима. Начальная строка из песни «Бухенвальдский набат» формирует воздействующий оценочно-эмоциональный потенциал претекста во взаимодействии с которым порождается смысл, актуальный для нового текста, и активизируется метасобытийная функция цитирования.

Определение специфики интертекстуальных связей дает возможность не только адекватно интерпретировать поэтический текст, но и решить другие, более частные, задачи: например, объяснить многозначность смысловых оттенков слова в поэтической, речи, не обусловленных его семантической структурой, а также оценить индивидуальный креативный опыт автора в преодолении языковых норм.

ОБУЧЕНИЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ В РАМКАХ СПЕЦКУРСА ПО КУРСОВОЙ РАБОТЕ ПО МЕТОДИКЕ

Ридная Юлия Викторовна

доцент, Новосибирский государственный технический университет

Актуальность обучения научной речи будущих учителей обусловлена в первую очередь требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования. В соответствии с описанными в стандарте требованиями выпускники программы должны приобрести «первичные навыки научно-исследовательской работы» [Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования-бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) с изменениями и дополнениями от 08 февраля 2021 г.]. Кроме того, в настоящее время, сформированность навыков и умений в устной и письменной научной речи, являются важным и необходимым критерием готовности современного педагога к ведению научно-исследовательской деятельности, и способности представлять результаты исследований научному сообществу, и могут являться показателем готовности к ведению активной публикационной активности.

Знания о русском научном стиле и умения создавать научные тексты на русском языке интегрируются у студентов практически во все предметы, изучаемые на русском языке. В процессе освоения любого предмета им необходимо уметь анализировать информацию, выделять главное и второстепенное, проводить компрессию текста, синтезировать информацию, полученную из разных источников, продуцировать тексты первичных и вторичных жанров в устной и письменной форме.

К сожалению, анализ студенческих работ, присылаемых на проверку, показал наличие большого количества ошибок разного характера, допускаемых при написании научного текста. В связи с этим предлагается проводить в рамках спецкурса целенаправленную работу по формированию жанровой компетенции в научной сфере общения.

Под жанровой компетенцией в научной сфере общения понимается совокупность знаний о стилевых особенностях научного текста и разнообразии жанровых моделей, а также сформированные умения и навыки моделирования научных текстов разных жанров сообразно коммуникативной задаче научного общения и с помощью соответствующих языковых и стилистических средств [Kolesnikova, Ridnaya 2022: 562].

Таким образом в рамках спецкурса работу по формированию и развитию навыков и умений в научной письменной речи предлагается вести по следующим направлениям:

1. Формирование предметных знаний — представления об информации, содержащейся в массиве научных и учебно-научных текстов по методике, педагогике и психологии;
2. Формирование представления о научном стиле как об одном из функциональных стилей, о его стилеобразующих факторах, стилевых чертах, подстилях, жанровом многообразии, которое является необходимым условием для ориентации в научно-профессиональной сфере;
3. Формирование представления о структурно-композиционных особенностях, схемах / моделях научных текстов разных жанров, о стандартном наборе целых блоков, превращающихся в некоторых типах статей в устойчивую композиционно-речевую схему, и готовность к их использованию. (В рамках спецкурса сосредоточиться на жанре курсового проекта);
4. Формирование представления о характерном для научного стиля наборе языковых и стилистических средств и выражений с учетом подъязыка специальности и конкретного жанра, и готовности их использовать. В докладе на основе анализа текстов студенческих курсовых проектов и допущенных ошибок предлагается особое внимание уделить стилевым чертам научной речи и отбору языковых средств, используемых для их реализации.

Следует обратить внимание на такие основные стилевые черты научной речи как: отвлеченно-обобщенность, подчеркнутая логичность, точность, ясность и объективность изложения, его последовательность, терминированность, логизированная оценочность, а также некатегоричность изложения [Кожина и др.: 290–291].

В заключение, следует отметить, что целенаправленная работа по формированию представлений студентов о стилевых чертах научной речи и особенностях языковых средств, используемых для их реализации, а также тренировка в их отборе, могут помочь избежать ошибок и способствовать успешному обучению научной речи.

Литература

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) с изменениями и дополнениями от 08 февраля 2021г. URL: <https://fgosvo.ru/>

Kolesnikova, N. I., Ridnaya Y. V. The integrated model as a basis for teaching academic writing in context of globalization // Rocha A., Isaeva E. (eds) Science and global challenges in context of the 21st century. Science and technology. Perm forum 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 342. Springer, 2022. P. 560–569. doi:10.1007/978-3-030-89477-1_54

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: [электронный ресурс]. М., 2008.

СТРАТЕГИЯ ИСПОЛЬЗУЕТ АВТОРА

THE STRATEGY USES THE AUTHOR

Сизова Ольга Борисовна

научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН

Новые смыслы, коннотации обнаруживаются в тексте читателем благодаря использованию автором выразительных средств языка, но вопрос об интенциональности, осознанности применения художественных приемов требует дополнительного обсуждения. Анализ таких средств выразительности, как хиазм и паронимическая аттракция, позволяет сопоставить причины их актуализации в тексте с механизмами таких сбоев синтаксического и лексического уровней процесса порождения высказывания, как фонетико-семантические синкреты [Сизова 2022] и лексический метатезис [Сизова 2021]. Подобного рода сбои встречаются в речи взрослых носителей языка, а также являются дифференциальными характеристиками двух стратегий освоения языка в детстве. Обоснованной представляется выдвигание гипотезы о принадлежности механизмов описываемых явлений к бессознательному уровню процессов порождения высказывания. В свою очередь, доминирование механизмов, обеспечивающих порождение синкретов или лексического метатезиса, основано на превалировании определенных конфигураций высших кортикальных функций.

Механизм произвольного хиазма — это сбой взаимодействия лексического и синтаксического выборов: если лексема выбирается раньше синтаксической модели, слово может оказаться в неуместной синтаксической позиции, и в результате происходит взаимозамещение двух субстантивных лексем. Смысл высказывания изменяется, в случае речевого сбоя не найдя референциального соответствия во внеязыковой реальности, в случае стилистического приема формируя новый смысл в параллели с высказыванием со стандартными позициями обеих субстантивных лексем [Норман 2013]. Подобные сбои в детской речи встречаются редко и более свойственны детям референциальной стратегии, раннее развитие которых характеризуется продолжительностью фазы голофраз, однословных высказываний, чаще всего реализуемых посредством субстантивной лексемы. Тенденция выбирать лексему прежде синтаксической структуры коренится в особенностях раннего развития речи, когда синтаксические структуры еще не представлены в экспрессивной речи ребенка. Длительное сохранение описанного способа оформления высказывания обусловлено отставанием у референциальных детей развития функций передней коры, обеспечивающей программирование развертывания как высказывания, так и других разнокомпонентных единиц языка, например, неодносложных слов неитеративной структуры. Отстающая в развитии способность к переключению от реализованной речевой единицы (слог на лексическом уровне, слово на синтаксическом уровне) формирует в качестве базовой, стереотипной стратегии склонность к первоочередной реализации наиболее перцептивно выпуклого первого и/или ударного слога слова или лексемы, обозначающей наиболее перцептивно выпуклый и значимый элемент ситуации. На ранних этапах эти единицы оказываются закононосителями, заменяющими многосложное слово или многокомпонентное высказывание. Позже референциальный ребенок осваивает навыки переключения, овладевая слоговой структурой слов и синтаксическими моделями высказываний. Но укорененный механизм маркирования значения единичным слогом или словом в процессе живого порождения высказывания может предшествовать реализации освоенной слоговой или синтаксической структуры. Именно в этом случае слово попадает в неуместную синтаксическую позицию, а стереотипно достраиваемое предложение оказывается содержащим произвольный хиазм, лексический метатезис, равно как достраивание слоговой структуры слова после неуместной инициальной реализации одного из слогов приводит к метатезису фонетическому. Описанный механизм, единый для лексического и синтаксического уровней порождения высказывания, является базовым для носителей референциальной стратегии, его воспроизведение обнаруживается и в речевых сбоях взрослых носителей аналитического когнитивного стиля. Также имен-

но у носителей аналитического стиля вероятен более легкий доступ к использованию хиазма как речевого и стилистического приема.

Фонетическое сходство экспонентов лексем оказывается причиной паронимии как речевого сбоя и базой паронимии/паронимической аттракции как стилистического приема. Взаимозамещение сходно звучащих лексем в речи или последовательная их актуализация в поэтическом тексте порождает семантические инновации [Григорьев 1979]. Явление, при котором фонетические характеристики двух или более сходно звучащих лексем буквально совмещаются внутри одного экспонента, выявлено в речи детей экспрессивного стиля и представляет собой фонетико-семантические синкреты. Причина их появления — свойственная детям этого стиля нестабильность фонетической системы вследствие диффузности сенсорных эталонов артикуляции в теменной коре. Нестабильность означающих влияет на дифференциацию означаемых, сказываясь на формировании лексического и семантического уровней языка. Однако впоследствии именно дети экспрессивной стратегии обнаруживают способность к мотивировке паронимических отношений. В речи взрослых носителей холистического когнитивного стиля, формирующегося на базе экспрессивной стратегии, выявляются не только паронимические сбои, но и лексические инновации, использующие креативный потенциал паронимии. Эти данные обосновывают предположение о возможном единстве механизмов возникновения синкретов и паронимии как стилистического приема.

Перспективой исследования может стать анализ художественных текстов с использованием хиазма и паронимической аттракции с целью выявления в них других признаков аналитического и холистического когнитивных стилей.

Литература

Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.

Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка М., 2013.

Сизова О. Б. К вопросу о едином механизме метатезиса в словах и высказываниях // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности: труды Уральского психолингвистического общества. 2021. Вып. 19. С. 83–88.

Сизова О. Б. «Два по цене одного»: одна (или две?) модели порождения лексических инноваций в детской речи // Проблемы онтолингвистики — 2022: речевой мир ребенка. 2022. С. 166.

ПОВТОР КАК ОСНОВА СИНТЕЗА ЦЕЛОГО: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УРОВНЕЙ В СТИХОТВОРНОМ ТЕКСТЕ

REPETITION AS THE BASIS FOR THE SYNTHESIS OF THE WHOLE: INTERACTION OF LEVELS IN A POETIC TEXT

Фатеева Наталья Александровна

главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Известно, что в любом тексте образование целостного смысла высказывания связано с «принципом композиционности», который ввел Готлоб Фреге. Под композиционностью (compositionality) понимается принцип, согласно которому значение сложного выражения это — функция значений (семантических значений) входящих выражений и их синтаксической структуры (принцип Фреге). Е. В. Падучева [1999: 3], изучая данное явление, пишет, что «принцип композиционности понимается как установка на наличие общих правил семантического взаимодействия значений слов, грамем, синтаксических конструкций, линейно-акцентной структуры и проч. в составе высказывания». Однако исследовательница прежде всего изучает действие данного принципа в рамках одного предложения, и согласно ее «представлениям о языке, значение предложения есть композиционная функция значения составляющих его частей и их синтаксического расположения в предложении» [там же]. Другие ученые, например, В. З. Демьянков распространяют действие этого принципа и на единицы выше уровня предложения: «принцип композиционности является ведущим в теории интерпретации: значения составных выражений определяются значениями их частей в данной конфигурации, т. е. на основании синтаксического правила, соединяющего части в целое» [Демьянков 1995: 256]. И в целом, современная лингвистика стремится распространить «принцип композиционности» Г. Фреге на область речевого взаимодействия; то есть установить такие структуры и правила их преобразования, которые позволили бы, исходя из интерпретации составных частей, получить — «композиционным путем» — интерпретацию целого [Harnish 1979: 316]. Это, суммирует Демьянков [1995: 256], «позволяет включить в компетенцию истинностной семантики единицы более крупные, чем элементарное предложение».

Однако даже анализ нехудожественных высказываний показывает, что смысл целого никогда не сводится к простой сумме его частей за счет взаимопроникновения значений и их преобразований в составе целого. Этот главный вывод наиболее очевиден для стихотворного текста, который, по замечанию Б. В. Томашевского [1929: 317] отличается от прозаического тем, что он представляет собой «речь двух измерений»: «...если проза протекает линейно, то стих есть речь двух измерений». Такое понимание позволяет выделить две координаты развертывания стиха: горизонтальную и вертикальную, и рассматривать стих (организованный в строфы), как систему со сложной зависимостью горизонтальных и вертикальных рядов. Функциональная же роль ритма в стихе при этом не сводится лишь к созданию «тесноты и единства» [Тынянов 1965: 72] горизонтальных стиховых рядов, но и детерминируется обязательной соотнесенностью этих стиховых единств по вертикали.

С этой точки зрения можно говорить не только о двойной сегментации стиха (синтаксической и метрической, разбивающей текст на строки) и, соответственно, не только о его «двух измерениях», но и о порождении структуры, создающей особые условия для сопоставления, противопоставления и взаимопроникновения смыслов, или, как считает С. Т. Золян [1986: 61], можно говорить об «одновременной актуализации нескольких смысловых структур, взаимодействующих друг с другом». «Каждая смысловая единица, — пишет далее ученый, — будь то слово, словосочетание, предложение или текст в целом — существует как бы в нескольких пересекающихся семантических плоскостях, но при этом (что и обеспечивает возможность осмысления поэзии) все семантические конфигурации взаимосвязаны и взаимовыводимы» [там же]. Таким образом, метрико-композиционная упорядоченность выступает, по его мнению, «как

дополнительная по отношению к языковой форма выражения и структурирования поэтического смысла» [там же].

Следовательно, особенность поэтического языка состоит в том, что в нем смысловое приращение затрагивает любые языковые структуры (фонетические, словообразовательные, лексические, грамматические, ритмические), которые служат как бы материалом для вновь порождаемых эстетических языковых объектов. Анализ поэтического языка подтверждает особую значимость уровня целостного текста, на котором собственно и происходит взаимодействие всех уровней, формирующее особую текстовую категорию — связность, реализующуюся как в локальном, так и глобальном контексте. В составе единой целостной структуры поэтического текста все его элементы оказываются связанными сложной системой внутренних соотношений, повторов, параллелизмов, противопоставлений, необычных в естественной языковой конструкции. Наша цель — показать на конкретных примерах, что любые преобразования языковых единиц, обусловленные структурой поэтического текста, имеют комплексную природу за счет повтора и взаимодействия разных уровней художественного текста.

Мы покажем, что поэтическая звуковая материя не имеет однозначной привязки к какому-либо одному значению и уровню языка. В этом случае повтор размывает границы языковых форм и уровней, выявляя в целом тексте единую лейтмотивную тональность. При этом надо помнить, что «каждый компонент, так или иначе, прямо либо в силу ассоциативных сопряжений попавший в орбиту смыслообразующей работы мысли, не остается равным самому себе» [Гаспаров 1996: 335].

Литература

- Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: НЛЮ, 1996.
- Демьянков В. З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
- Золян С. Т.* О принципах композиционной организации поэтического текста // Проблемы структурной лингвистики. 1983. М.: Наука, 1986.
- Падучева Е. В.* Принцип композиционности в неформальной семантике // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 3–23.
- Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка. М.: Советский писатель, 1965.
- Томашевский В. Б.* О стихе. Л.: Прибой, 1929.
- Harnish R. M.* A projection problem for pragmatics // Selections from the Third Groningen Round Table. N. Y. etc.: Acad. Press, 1979. P. 315–342.

ТИПОЛОГИЯ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ

Теркулов Вячеслав Исаевич

профессор, Донецкий государственный университет

Работа над Толковым словарём сложносокращённых слов русского языка (далее — Словарь), проводимая Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого национального университета и осуществляемая на основе синхронного (мотивационного) подхода к лексемам данного типа, позволила обнаружить целый ряд особенностей их существования, ранее не попадавших в поле зрения учёных. Одной из таких особенностей является система парадигматических отношений, в которые вступает сложносокращённое слово с другими лексемами данного типа.

Объектом рассмотрения в Словаре выступают сложносокращённые апеллятивы, то есть нарицательные слова, связанные эквивалентностными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух компонентов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом (морфематизированным сокращённым эквивалентом лексемы), например драгметаллы (= драгоценные металлы, абброконструкт драг-), кардиопомощь (= кардиологическая помощь, абброконструкт кардио-). По целому ряду параметров аббревиатуры данного типа противопоставляются инициальным аббревиатурам (ДОН = дивизия особого назначения, СОК = Самарская объединённая компания) и сложносокращённым онимам (Росприродсоюз = Профсоюз работников природно-ресурсного комплекса Российской Федерации, Госпроект = Государственное управление по проектированию фабрик и заводов) (см. о различии: [Теркулов 2020]).

Сложносокращённые апеллятивы в Словаре определяются и рассматриваются в синхронном аспекте: это не только слова, образованные в результате универбализации (диахронные аббревиатуры), но и все слова, имеющие на актуальном срезе языка дешифровальные эквиваленты — словосочетания. Например, слово конезаводчик с точки зрения диахронии является сложнопроизводным от конезавод, но в синхронии оно воспринимается как аббревиатура, поскольку в эквивалентных текстах, то есть в текстах, в которых сложносокращённое слово и его эквивалент используются как синонимы, отмечается развёрнутый коррелят этой лексемы — конный заводчик.

Абброконструкт может иметь несколько вариантов развёртывания в слово или словосочетание, называемых нами дешифровальными стимулами данного абброконструкта. В силу этого одно сложносокращённое слово может иметь на синхронном срезе несколько дешифрующих его разными способами эквивалентных словосочетаний. Например, в силу того, что для абброконструкта вело- отмечается 16 леммных (словарных) дешифровальных стимулов, представленных 41 токеном (речевой реализацией леммы), потенциально каждое слово, входящее в абброгруппу (см. ниже) «вело», может иметь 41 эквивалентное словосочетание. В реальности набор эквивалентов зависит от многих факторов: семантики аббревиатуры, семантики базисного компонента аббревиатуры, речевых традиций и т. д. Например, для аббревиатуры вело-багажник в картотеке Словаря представлено только четыре эквивалента: багажник для велосипеда, велосипедный багажник, багажник на велосипед, багажник велосипеда. Совокупность дешифровальных эквивалентов сложносокращённого слова формируют его внутреннее парадигматическое объединение — гнездо эквивалентности.

Внешние парадигмы сложносокращённого слова представляют собой объединения по различным основаниям однотипных гнезд эквивалентности.

1. Аббревиатурная группа — объединение гнёзд эквивалентности сложносокращённых слов, имеющих тождественный препозитивный абброконструкт. Например, в аббревиатурную группу «муз» по данным картотеки Словаря входит 37 гнёзд эквивалентности слов с препозитивным абброконструктом муз-, например музавтомат, музальбом, музвзвод, муздрама, музкомедия и др.

2. Аббревиатурное гнездо — совокупность гнёзд эквивалентности аббревиатур, имеющих тождественный базисный компонент. Например, в аббревиатурное гнездо «завод» входят гнёзда эквивалентности слов, имеющих базисный компонент -завод: автозавод, велозавод, нефтезавод, рыбозавод и т. д.

3. Аббревиатурно-ономасиологическое поле — объединение гнёзд эквивалентности сложносокращённых слов, имеющих базисные компоненты, относящиеся к одному ономасиологическому классу. Например, в аббревиатурно-ономасиологическое поле «дорога» входят гнёзда эквивалентности слов, имеющих базисные компоненты — дорога (автодорога, авиадорога, велодорога и т. д.), — магистраль (авиамагистраль, автомагистраль, пневмомагистраль и т. д.), — трасса (авиатрасса, велотрасса, велотрасса и т. д.) и под.

4. Аббревиатурная парадигма — совокупность гнёзд эквивалентности слов, включающие в свой состав абброконструкты, эквиваленты которых относятся к одному ономасиологическому классу, например агро- и сельхоз- (агробизнес — сельхозбизнес), интим-, секс-, эро- (интим-видео — секс-видео — эро-видео) и под.

Указанные парадигматические объединения являются необходимым для формирования словарных статей Словаря средством прогнозирования и экстраполирования эквивалентных отношений. Аббревиатурная группа используется для формирования леммно-токенного списка дешифровальных стимулов, который выступает в качестве матрицы возможной эквивалентности при поиске эквивалентов новоописываемых слов, входящих в данную группу. Использование аббревиатурного гнезда предполагает, что для слов, входящих в него, при условии тождества их ономасиологического признака возможно составление общей предельной матрицы эквивалентности и поиск эквивалентов в новых гнёздах эквивалентности по шаблону данной матрицы. Аббревиатурно-ономасиологическое поле позволяет осуществлять поиск по шаблону предельной дешифровальной матрицы не только для слов, имеющих тождественный базис, но и для слов, имеющих базисы, относящиеся к одному ономасиологическому классу. Аббревиатурная парадигма используется для поиска сложносокращённых слов, параллельных словам эталонной аббревиатурной группы.

Литература

Теркулов В.И. Сложносокращённые апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур // Русистика. 2020. Т. 18, № 1. С. 97–112.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ АББРЕВИАТУР

Бровец Андрей Игоревич

ассистент, Донецкий государственный университет

Научный руководитель: д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов «Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка» (далее — Словарь), составляемый под редакцией В. И. Теркулова, рассматривает сложносокращённое слово как требующее толкования. Необходимость в толковании часто объясняется идиоматизированным значением аббревиатуры, которое не проясняется путём приведения соответствующего сокращению словосочетания. Лексическое значение, которое приводится для каждой аббревиатуры в каждой словарной статье, решает эту проблему, однако является не единственным способом семантизации аббревиатуры. В отличие от большинства словарей сокращений, в которых эквивалентность аббревиатуры описывается в рамках аббревиатурной пары, нами отмечается регулярная текстовая практика множественной трактовки сложносокращённого слова. Например, слову агитролик в текстах соответствует не только словосочетание агитационный ролик, но и (с разной частотой использования) словосочетания ролик с агитацией, ролик для агитации, ролик агитационного характера, агитирующий ролик, ролик агитации. Все эти словосочетания рассматриваются нами как единицы гнезда эквивалентности аббревиатуры агитролик, которое выступает альтернативой аббревиатурной паре и описывается в Словаре. Учёт всех частотных эквивалентов сложносокращённого слова не только отражает его функциональный (текстовый) потенциал, но и является средством толкования аббревиатуры, поскольку демонстрирует возможные интерпретации значения аббревиатуры в тексте. Разницу между всеми словосочетаниями одного гнезда эквивалентности составляют т. н. дешифровальные стимулы — слова или словосочетания, которые являются расшифровкой сокращённого компонента аббревиатуры. Например, с аббревиатурой автостоянка в качестве эквивалентных используются словосочетания автомобильная стоянка, стоянка автомобилей, стоянка для автомобилей, стоянка для автотранспорта и нек. др., формирующие одно гнездо эквивалентности и различающиеся формами автомобильная, автомобилей, для автомобилей, для автотранспорта. Эти формы и являются дешифровальными стимулами, которые по-разному представляют сокращённый компонент авто в текстах. Классическим дешифровальным стимулом сложносокращённого слова является прилагательное с обобщённой семантикой (автомобильная — автомобильная стоянка), которое мы называем презентативом. Формы с относительным прилагательным являются семантически универсальными, не актуализирующими систему значений, которая представлена в интерпретативных дешифровальных стимулах. Среди последних мы выделяем релятивы, которые представлены субстантивными предложно-падежными формами (автомобилей — стоянка автомобилей, стоянка для автомобилей), и модификативы, отличающиеся дополнительным словом, отсутствующим в структуре как сложносокращённого слова, так и презентативных и релятивных дешифровальных стимулов (для автотранспорта — стоянка для автотранспорта). Отдельный интерес представляет семантический анализ дешифровальных стимулов и описание их ситуативных значений, которые определяются корреляцией с базисным (несокращённым) компонентом аббревиатуры. Учёт этой корреляции необходим, поскольку базис выступает средством разграничения значений, например, омонимичных дешифровальных стимулов. Например, дешифровальный стимул на автомобилях в словосочетании гонки на автомобилях (автогонки) реализует медиативную семантику, значение средства, в то время как тот же дешифровальный стимул в словосочетании компьютер на автомобилях (автокомпьютер) реализует локативную семантику, значение места. Семантический анализ дешифровальных стимулов может осуществляться в пределах аббревиатурных групп, представляющих собой совокупность сложносокращённых слов, имеющих тождественный начальный компонент (например, аббревиатуры автогонки, автозапчасти, авторынок входят в аббревиатурную группу авто). Поскольку аббревиатурная группа состоит из уникальных базисных компонентов, анализ в пределах таких групп может подтвердить или опровергнуть эндемичность некоторых дешифровальных стимулов и их значений. Одному

дешифровальному стимулу могут соответствовать несколько значений, это объясняется омонимией дешифровальных стимулов. И наоборот, разным дешифровальным стимулам может соответствовать одно значение. Например, в эквивалентных аббревиатуре автодокументы словосочетаниях документы автомобиля, документы для автомобиля, документы на автомобиль выделенные дешифровальные стимулы реализуют дестинативную семантику, значение цели, предназначения. В ходе семантического анализа аббревиатурной группы авто 'автомобильный' (одной из самых многочисленных) нами были выделены следующие основные значения дешифровальных стимулов:

- 1) значение средства (медиатив): гонки на автомобилях (автогонки);
- 2) значение агента, соучастника (комитатив): авария с автомобилем (автоавария), авария автомобилей (автоавария), состязание автомобилистов (автосостязание);
- 3) значение цели, предназначения (дестинатив): аксессуары для автомобилей (автоаксессуары), клуб автолюбителей (автоклуб), курсы автомобилистов (авт окурсы), мотор автомобиля (автомотор), завод по производству автомобилей (автозавод), мастерская по ремонту автомобилей (автомастерская), аренда автомобиля (автоаренда), аксессуары к автомобилям (автоаксессуары);
- 4) значение места и предназначения (локатив, дестинатив): мотор на автомобиль(автомотор), аккумулятор в автомобиль (автоаккумулятор);
- 5) значение места (локатив): кража из автомобиля (автокража);
- 6) значение принадлежности и части от целого (посессив): багажник автомобиля (автобагажник), права автомобилиста (автоправа);
- 7) значение распределения (дистрибутив): рынок автозапчастей (авторынок);
- 8) значение причины (каузатив): авария на автомобиле (автоавария);
- 9) значение объекта описания (делибератив): новости про автомобили (автоновости), руководство по ремонту автомобиля (авторуководство), журнал об автомобилях (автожурнал), каталог деталей для автомобиля (автокаталог);
- 10) значение объекта действия (аллатив): обслуживание автомобиля (автообслуживание), вождение автомобиля (автовождение).

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

OCCASIONAL WORDS AS A MEANS OF LANGUAGE PLAY

Замальдинов Владислав Евгеньевич

*старший преподаватель, Нижегородская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации*

Важное место в медийной коммуникации занимает языковая игра (ЯИ). Под ней мы понимаем сознательное нарушение языковой нормы. ЯИ характеризует речь образованных граждан, доставляет эстетическое удовольствие адресату, активизирует его внимание. Разновидностью ЯИ является словообразовательная игра — игра средствами словообразования. Она, как правило, представлена созданием окказиональных слов в медийных текстах. Окказионализмы позволяют журналистам избежать единообразия речи, являются источником эмоциональной оценочности. Окказиональные слова создаются в медийных текстах с помощью следующих частотных способов деривации: междусловное наложение, тмезис, графическая гибридизация, заменительная деривация. Рассмотрим их более подробно. Высокой выразительностью обладают окказионализмы, образованные с помощью междусловного наложения. Суть данного неузального способа заключается в том, что на конец одного исходного слова накладывается омонимичное начало другой узальной лексемы. Приведём примеры: Ямало ли кто ещё (заголовок) («Коммерсантъ». 26.01.22) ← Ямал + мало; Видеологический противник (заголовок) («Коммерсантъ». 14.04.22) ← видео + идеологический; Пробегство от санкций (заголовок). Дилеры автомобилей класса люкс осваивают параллельный импорт («Коммерсантъ». 22.11.22) ← пробег + бегство. При междусловном наложении возможно усечение финали первой производящей лексемы: Подсолнечно, возможны осадки (заголовок). Ухудшение погодных условий в центре страны и Поволжье серьёзно осложнило уборку подсолнечника («Коммерсантъ». 16.11.22) ← подсолн(ух) + солнечно.

С суверенностью в себе (заголовок). Какой стратегией Владимир Путин хотел поделиться с членами своего Совета? («Коммерсантъ». 16.12.22) ← суверен(итет) + уверенность. Новые лексические единицы часто имеют ироническую окраску, отражают окружающую действительность. В качестве средства выражения эмоции журналисты активно используют в медийных текстах тмезис — вставку внутрь исходного слова какой-либо языковой единицы. Приведём примеры: Затуркали (заголовок). Эрдоган — честный враг или коварный друг? («Наша версия». 28.11.22) — затыркали + турки (ср.: затыркали); Убивственный аргумент (заголовок). Импортное пиво могут обложить пошлинами за недружественность («Коммерсантъ». 21.12.22) — убивственный + пиво (ср.: убивственный аргумент); Курс на укрепление (заголовок). Новая форма национальной валюты может появиться уже в следующем году («Коммерсантъ». 23.12.22) — укрепление + крипта (ср.: курс на укрепление). С помощью тмезисных номинаций адресант создаёт комический эффект, вовлекает адресата в интеллектуальную игру, заставляет его обратиться к тексту публикации.

Востребован в медийной коммуникации такой неузальный способ, как графодеривация (графиксация). Под ней мы понимаем использование журналистами шрифтового выделения, дефисов, скобок, кавычек и т. д. Разновидностью графодеривации является капитализация — употребление в узальной лексеме прописных букв: Удачная МАСКировка (заголовок). Илон Маск захватывает мир в интересах США («Наша версия». 16.05.22); ПриДВОРный мир: где-то розы, где-то крысы... (заголовок) («Рязанские ведомости». 14.09.22). Кроме того, в текстах СМИ встречаются следующие типы графиксации: — дефисация: Фут-боль (заголовок). Чемпионат в Катаре превратился в фарс («Наша версия». 28.11.22); — парентезис: (С)кандальный путь «красноярского миллиарда» (заголовок) («Наша версия». 03.08.22); — латинографиксация: FESCOнули (заголовок). С беседы сторон в среду в Хамовническом райсуде Москвы стартовало рассмотрение иска Генеральной прокуратуры к частным лицам и компаниям, владеющим ПАО «Дальневосточное морское пароходство» (FESCO) («Коммерсантъ». 29.12.22). Графиче-

ские гибриды выполняют акцентную и контактоустанавливающую функцию в медийном тексте, создают смысловую многоплановость слова. О творческом потенциале адресанта свидетельствуют новые лексические единицы, образованные в результате заменительной деривации. Суть данного процесса заключается в том, что в исходной лексеме заменяется одна из её частей (морфемная или неморфемная). Проиллюстрируем сказанное: Секонд-бренд (заголовок). Магазины начинают торговать поддержанным люксом («Наша версия». 28.11.22) — ср. исходное секонд-хенд; Картонно-воздушные силы (заголовок) («Коммерсантъ». 05.12.22) — ср. исходное военно-воздушные силы. Как отмечают исследователи, «благодаря формальной близости с узуральными каноническими словами данные новообразования имеют прозрачную структуру» [Рацибурская, Замальдинов 2017: 38]. Таким образом, окказиональные слова являются средством языковой игры. Новые лексические единицы указывают на ироничное отношение людей к действительности, участвуют в создании комического эффекта, свидетельствуют о творческой реализации адресанта.

Литература

Рацибурская Л. В., Замальдинов В. Е. Особенности новообразований с экспрессивно-оценочной семантикой в региональной нижегородской прессе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4: 34–41.

РЕЛЯЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ДЕШИФРОВАНИЯ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ

Михайлова Екатерина Николаевна

аспирант, Донецкий государственный университет

В качестве объекта исследования выступают сложносокращённые апеллятивы (ССА) — единицы синхронного описания, которые не только связаны мотивационными отношениями с текстовыми эквивалентами, но и употребляются с ними в эквивалентных текстах в качестве абсолютных синонимов.

Цель исследования заключается в описании функционирования реляционной семантики в системе дешифровальных стимулов сложного слова. Это позволит не только структурировать типологию ДС, но и уточнить семантические роли других единиц гнезда эквивалентности. Актуальность работы обусловлена необходимостью создания методик описания гнезд эквивалентности ССА в создаваемом Донецкой дериватологической школой «Толкового словаря сложносокращённых слов».

Семантическая трактовка ССА осуществляется через речевую реализацию стереотипных регулярных моделей формирования эквивалентных словосочетаний, так называемых дешифровальных стимулов (ДС), которые связаны между собой мотивационными отношениями в пределах одного гнезда эквивалентности (ГЭ). В основе типологии моделей дешифрования ССА лежат три типа семантических отношений между ономаσιологическими классами базиса и ДС: презентативные, реляционные и модификационные. Презентативный дешифровальный стимул (ПДС) представлен в виде относительного прилагательного, абсолютного эквивалента ССА и является носителем обобщённого значения аббревиатуры: авиабригада — авиационная бригада, матуравнение — математическое уравнение. Такие эквиваленты не отражают объективную реальность, так как не имеют конкретного лексического значения и указывают на «деривационную мотивированность прилагательного производящим существительным» [Михалёв 2016: 88]. Мы считаем ПДС полисемантами по той причине, что они выполняют функцию идентификации предмета, отражая концептуальную структуру производящего слова, как правило, имени существительного. Таким образом, ПДС реализуют квалификативную семантику, которая не даёт читателю Словаря конкретной информации о ССА.

Модификационный дешифровальный стимул (МДС) — модель дешифрования ССА, в которой осуществляется интерпретация ПДС на семантическом уровне через добавление дополнительного ономаσιологического признака, что приводит к усложнению эквивалента на формальном уровне. Например, эквивалентные словосочетания аббревиатуры агрогород представлены как простым относительным прилагательным аграрный город (ПДС), так и сложным агропромышленный город (МДС). Поскольку ПДС и МДС выступают в качестве полисемантов с квалификативной семантикой, что приводит к некой отвлеченности значения, реляционная семантика ССА реализует конкретные значения в следующих разновидностях ПДС и МДС.

Реляционный презентативный дешифровальный стимул (РПДС) — модель дешифрования, реализующая актантную и актантно-числовую семантику ПДС: агитбаза — база агитации, буринструмент — инструмент для бурения. Как правило, у ПДС и РПДС происходит нейтрализация ДС на семантическом уровне по той причине, что место общекатегорийного презентатива стремится занять ДС с конкретной семантикой. Например, РПДС багажник для велосипеда нивелирует семантику ПДС велосипедный багажник за счёт реализации семантики дистрибутива, что позволяет им взаимозаменяться в общих текстах: Чтобы велосипедный багажник выдерживал нагрузку, материал изготовления должен быть крепким — Багажник для велосипеда — незаменимый элемент для перевозки грузов и личных предметов (https://vamvelosiped.ru/bagajnik_dlya_velosipedov.html). Также следует отметить, что реляционная семантика уточняет семантику ПДС в тех случаях, когда он оказывается семантически неполноценным. Например, в гнезде эквивалентности бензосклад — бензиновый склад > склад с бензином > склад бензина презентатив бензиновый обозначает не материал, из которого состоит склад, а реляционная

семантика в ДС склад с бензином (комитатив), склад бензина (посессив) через активизацию глубинных падежей указывает не только на то, что хранится на складе, но и на количество хранимого.

Реляционный модификационный дешифровальный стимул (РМДС): модель дешифрования подобна предыдущей, с тем только отличием, что она реализует актантную и актантно-числовую семантику МДС: агрорынок — рынок агропродукции. По той причине, что МДС формально сложнее ПДС, реляционная семантика реализуется в следующих формальных моделях:

1) у-х-а2 — признаковый компонент выступает в качестве ССА, употреблённого в падежной форме родительного падежа: веломагазин — магазин велотоваров;

2) у-z(сущ)-х — место признакового компонента занимает словосочетание, образованное по модели «существительное + существительное»: абонотдел — отдел обслуживания абонентов. Как правило, этот признаковый компонент встречается в качестве ДС у других аббревиатур, ср.: абонобслуживание — обслуживание абонентов;

3) у(предл)-z(сущ)-х2 — базисный компонент выражен существительным с предлогом, а место признакового компонента занимает субстантивное словосочетанием: веломастер — мастер по ремонту велосипедов, мастер по обслуживанию велосипедов;

4) у-х(адъект)+z(сущ) — признаковый компонент представлен словосочетанием с зависимым простым существительным: бурмеханизм — механизм буровой установки. Моделей, в которых реализуется реляционная семантика в МДС, больше: нами представлены здесь наиболее общие и распространённые. В следующих работах планируется описать их более подробно. Таким образом, типология ДС представлена презентативным, модификативным ДС и их реляционными разновидностями. Наличие реляционной семантики презентатива и модификатива позволяет нам говорить о генерализации ПДС и МДС по отношению к релятивам как к их видовым значениям.

Литература

Михалёв Г.И. Относительные прилагательные в толковом словаре и национальном корпусе русского языка // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. 2016. С. 87–90.

РЕАЛИЗАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ СОВРЕМЕННОСТИ

THE REALIZATION OF DERIVATIONAL POTENTIAL OF THE MODERNITY KEYWORDS

Родионова Светлана Евгеньевна

доцент, Башкирский государственный университет

Мониторинг активных процессов в русском языке новейшего времени (2010–2020-е гг.) представляет существенный интерес как с точки зрения выявления вектора развития нашего языка, так и в плане языковой саморефлексии российского общества. Особую значимость в этом плане представляет анализ деривационных процессов, затрагивающих коммуникативно активную лексику, так называемые ключевые слова современности (в другой терминологии — ключевые слова эпохи, ключевые слова текущего момента, маркеры эпохи) [Ильясова 2014; Попова 2017] — «слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [Земская 1996: 92], отражающие в сознании наших современников «ценности, признаваемые ими в качестве важных, необходимых, полезных материальных благ и идеалов, жизненных стратегических целей и общих мировоззренческих ориентиров» [Попова 2017: 96].

Мы опираемся на материалы, собранные студентами бакалавриата и магистратуры филологического факультета в течение 2020–2022 гг. в ходе изучения курса «Активные процессы в современном русском языке», в том числе касающиеся особенностей функционирования ключевых слов современности из сферы цифровых технологий и электронных масс-медиа (аккаунт, бренд, интернет, лайк, медиа, онлайн, Тик-ток, фейк, хайп, IT, QR и др.). Обращает на себя внимание тот факт, что, опираясь на критерии, предложенные упомянутыми выше исследователями, в число ключевых слов современности целесообразно включать не только узуальные слова, но и жаргонизмы (при условии, что они на достаточно долгое время остаются в центре внимания по крайней мере молодежной аудитории), и аббревиатуры, и имена собственные. Все они имеют высокую частотность употребления, активно вступают в синонимические отношения, расширяют свою семантику и, как следствие, во многом отражают и определяют особенности мировоззрения нашего современника.

Как показывают наблюдения, ключевые слова обладают высоким деривационным потенциалом, который, кстати, является и одним из критериев выделения данных лексем [Попова 2020]. Направления их словообразовательной активности весьма многообразны. Так, мы наблюдаем повышение продуктивности отдельных словообразовательных моделей, таких, как именная префиксация и суффиксация (с суффиксами -изация, -ость, -ск-, -н-, -ов-, префиксами пост-, супер-, гипер-, анти- и т. п. — интернетизация, онлайн-овый, демпинговость, антигламур, супербренд), окказиональных способов усечения и телескопии (прога, преза, коммент, ноут, ковикулы, карантикулы, инет).

Другой активной моделью становится образование сложных слов (композигов) (контент-мейкер, кибератака, медиафейк, коворкинг-центр, премиум-аккаунт), в том числе от аббревиатур и английских аббревиатурных аналогов, которых немало среди ключевых слов (IT-технологии, QR-безумие). Как видно, сочетание кириллицы и латиницы в производных словах является тоже достаточно частотным явлением (ср. также: fashion-индустрия, flash-анимация).

Эта словообразовательная активность ведет к образованию новых словообразовательных гнезд, в том числе часто — «полуокказиональных», от коммуникативно активных слов: онлайн — онлайн-овый, онлайн-лекция, онлайн-игра, онлайн-овский, онлайнить, поонлайнить; спам — спамить, спамщик, спамер, спам-фильтр, спам-бот, спам-атака, спам-реклама, заспамить; кибер — киберсталкер, киберпанк, кибербуллинг, кибершок; Тик-ток — тик-токер, тик-токерша, тикток-хаус, тик-токнутый). В число коммуникативно активных ключевых слов попадают, как мы отмечали, и жаргонные лексемы: кринж, лайк, хайп. Они также образуют словообразовательные гнезда с большим количеством окказиональных экспрессивных дериватов: кринж — кринжатина, кринжатура, кринжануть, кринжово, кринжеватый; лайк — лайкать,

лайкнуть, облайкать; хайп — хайповый, хайповать, хайпануть, хайпожор, хайпожорство, хайповость, хайпер.

В рассмотренных гнездах мы встречаемся с интересными проявлениями словообразовательной языковой игры, реализуемой прежде всего путем окказиональных способов словопроизводства высокой степени экспрессивности (стрессонастойчивость, хвастограмм), а также большим количеством случаев потенциального словообразования (похайповать, клипмейкерство, брендривать). Обращает на себя внимание при этом свободное и непринужденное соединение иноязычных в большинстве своем основ и исконно русских формантов создателями потенциальных дериватов: спамообразный (прошу прощения за спамообразный пост), облайкать (облайкал все фото в соцсети), добрендриваться (добрендривались пока только до нескольких слоганов) и т. п. Словотворчество, прежде всего используемое молодежной аудиторией и ориентированное на эту аудиторию, являющееся ярким средством речевого воздействия, отражает стихийное, интуитивное владение ее представителями многообразными узуальными и окказиональными словообразовательными моделями, позволяющими говорящему выразить тонкие оттенки смыслов, в том числе коннотативной семантики.

Интересной задачей стала бы, на наш взгляд, попытка подробного изучения словообразовательных гнезд, вершиной которых являются ключевые слова, с точки зрения их структуры и потенциального пополнения, типовых деривационных моделей, отражения в них потребности в языковой игре и реализации богатейших возможностей развития русского языка.

Литература

- Земская Е. А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. М., 1996. С. 90–141.
- Ильясова С. В.* Ключевые слова-маркеры эпохи как объект языковой игры (на материале языка российских СМИ) // Грани познания. Волгоград, 2014. № 1. С. 60–62.
- Попова Л. А.* Ключевые слова современности: проблема термина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Филологические науки. 2017. № 5 (166). С. 93–97.
- Попова Л. А.* Деривационный потенциал ключевых слов (на примере лексемы дизайн) // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 94–99.

ДУБЛЕТЫ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ СЛОВ: ТИПОЛОГИЯ И ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Рязанова Валерия Александровна

аспирант, Донецкий государственный университет

Сложносокращённое слово (ССС) представляет собой сочетание одной или нескольких усечённых основ в препозитивном положении с целым словом в именительном или косвенном падеже (автоцистерна, санэпиднадзор и т. д.). В разрабатываемом под редакцией В. И. Теркулова «Толковом словаре сложносокращённых слов русского языка» фиксируется более 950 словарных статей, в которых сложносокращённые слова имеют структурные варианты (дублиеты). Под понятием «вариант аббревиатуры» подразумевается образование, полностью совпадающее с аббревиатурой по плану содержания, имеющее сходные с аббревиатурой расшифровки (т. е. эквивалентные словосочетания), состоящее из тех же формальных компонентов, что и аббревиатура, но отличающееся способом репрезентации этих компонентов. Например, сложносокращённое слово автоперевод и инициальная аббревиатура АП имеют одинаковое значение ('перевод текстов с одного языка на другой с помощью специальной компьютерной программы, при котором каждое слово переводится сразу после его введения пользователем') и расшифровываются при помощи одних и тех же словосочетаний (автоматический перевод и автоматизированный перевод). В «Словаре» они подаются как структурные варианты. Можно выделить семь типов дублиетов аббревиатур, обнаруженные в словнике «Словаря».

1. Варианты с факультативной позицией интерфикса. Наличие или отсутствие интерфикса является фактом фонетического оформления СССР и не вызывает семантической корреляции дублиетов: ср. градобоснование и градообоснование, дезстанция и дезостанция, дыммашина и дымомашинa и т. д. Дублиеты обеспечивают удобство произношения сокращения и предотвращают формирование групп труднопроизносимых согласных звуков.

2. Дублиеты с различной традицией написания конструкта (начального сокращённого компонента). Варианты такого типа чаще всего возникают у СССР с заимствованным конструктом и связаны с традицией написания или произношения этих конструктов в языке-источнике (ср. фолк-альбом и фольк-альбом; телеантенна и ТВ-антенна; комбиманикюр и комбоманикюр). Как правило, вариативные написания имеют все сложносокращённые слова, включающие такой конструкт и входящие в одну аббревиатурную группу.

3. Варианты с различной степенью сокращения конструкта. В некоторых случаях компоненты коллокации при универбализации получают несколько равнозначных вариантов сокращения (пожарная безопасность > пожаробезопасность, пожбезопасность; информационный повод > информповод, инфоповод). Более «сокращённые» компоненты позволяют избежать появления многослоговых СССР (как пожаробезопасность) или формирования труднопроизносимых групп согласных (как в информповод).

4. Дублиеты с упрощённым составным конструктом. В «Словаре» фиксируются сокращения, которые содержат составной конструкт — несколько простых конструктов, функционирующих в едином комплексе. В ряде случаев, например, при избыточности информации, передаваемой составным конструктом, происходит его упрощение: ср. ветроэлектростанция и ветростанция (все ветростанции используются для производства электроэнергии); губугрозыск и губрозыск (розыск бывает только уголовным); нефтегазоконденсат и нефтеконденсат (нефтеконденсат всегда содержит попутные природные газы) и т. д. Следующие типы дублиетов представляют аббревиатуры, отличающиеся от соответствующих СССР линейной протяжённостью компонентов. Таким образом, в текстах функционируют объёмные и более краткие дублиеты, имеющие идентичное значение.

5. Слоговые аббревиатуры. Обнаруживаются дублиеты СССР, представляющие собой слоговые аббревиатуры — усечения, в которых сокращению до первого слога подвергаются и ба-

зисный, и признаковый компоненты: админуправление — адмупр, ветфакультет — ветфак, главредактор — главред.

6. Телескопические аббревиатуры. Представляют собой аббревиатуры из сочетания начала первого слова с концом второго. Дублеты такого типа встречаются в картотеке разрабатываемого «Словаре» крайне редко (броненоутбук и бронебук, велоавтобус и велобус).

7. Инициальные аббревиатуры. Аббревиатуры этого типа возникают в качестве дублетов ССС наиболее часто. Инициальные аббревиатуры обеспечивают максимальное сжатие сложного наименования при сохранении его семантики, что приводит к их успешному использованию в эквивалентных текстах (абонплата — АП, генплан — ГП, жилкомплекс — ЖК и т. д.). На материале большого количества дублетов такого типа (около 500 включений) можно обнаружить взаимосвязь между семантикой ССС или сферой его употребления и возникновением у него дублета инициального типа. Чаще всего инициальные варианты ССС появляются в сфере делопроизводства, в том числе для наименований госструктур и учреждений (генконсульство — ГК, госархив — ГА, минздрав — МЗ). Дублеты фиксируются для большинства сокращений военной лексики в различных аббревиатурных группах (авиадесант — АД, броневедомство — БВ, военгоспиталь — ВГ и мн. др.). Также инициальные дублеты часто используются для наименования технических устройств, приспособлений (акустотермометр — АТ, бензонасос — БН, вентшахта — ВШ). Инициальные варианты практически не используются для наименования предметов быта, понятий из повседневной жизни, объектов культуры; чаще в качестве их дублетов фиксируются слоговые аббревиатуры (музруководитель — музрук; продмагазин — продмаг, юрфакультет — юрфак, жилкомитет — жилком). Редко инициальные дублеты возникают у ССС из медицинской терминологии (при общей тенденции к возникновению инициальных аббревиатур среди медтерминов). Обнаруженная взаимообусловленность семантики сокращения и форм выражения позволит прогнозировать потенциальные дублеты ССС, которые могут быть не обнаружены при эмпирическом поиске.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ: НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ

Семеновская Светлана Алексеевна

доцент, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Индивидуально-авторские неологизмы (также принят термин окказионализм) в научной литературе описываются через ряд ставших уже традиционными критериев, позволяющий отграничить их от узуальных слов. Этот ряд обычно включает в себя словообразовательную производность, принадлежность к речи и к отдельной языковой личности, разовость употребления, невозпроизводимость, ненормативность, экспрессивность, номинативную факультативность, синхронно-диахронную диффузность. Не все из перечисленных признаков авторского неологизма могут быть восприняты однозначно: анализ конкретного материала приводит к их существенным уточнениям и поправкам. Наибольшие сомнения при анализе индивидуально-авторского словотворчества вызывают признаки разовости употребления, невозпроизводимости, индивидуальной принадлежности и ненормативности, что можно увидеть, например, на материале авторских неологизмов И. Северянина и других поэтов Серебряного века, склонных к словотворчеству. Признак разовости употребления легко опровергается многочисленными примерами, когда один авторский неологизм фигурирует в разных контекстах. На наш взгляд, этот критерий вообще не является обязательным, хотя это, конечно, не вступает в противоречие с тем фактом, что многие из новообразований в самом деле создаются однажды и живут в одном контексте. Можем назвать следующие примеры неоднократно встречающихся окказионализмов в текстах их авторов: бездонность, безглагольность (Бальмонт), фиоль, морефея (Северянин). Традиционный признак невозпроизводимости подвергается сомнению в тех случаях, когда авторский неологизм в творчестве конкретной языковой личности используется в разных контекстах при описании одного и того же явления или при передаче одинаковых коннотаций, например: 1) У ограды монастырской столбенел зловеще инок, / Слыша в хрупоте коляске звуки нравственных пропаж... и 2) ...Их слова заглушаются хрупотом шин (оба примера взяты из стихотворений И. Северянина). Да и в тех случаях, когда авторский неологизм в разных контекстах проявляет различия в семантике, он в принципе ведет себя как «нормальное» воспроизводимое многозначное слово. С этой точки зрения показательны данные словаря Н. Н. Никульцевой, где зафиксированы многие случаи такого рода полисемии (достаточно изучить, например, словарные описания новообразований блёстко, влажь, воскрылие, лесофея и др.) [Никульцева 2008]. Применительно к авторским неологизмам приходится говорить, вероятно, о воспроизводимости/невозможности разного рода: о повторяемости новообразования в совокупности текстов его автора, о его заимствованиях другими авторами, о его вхождении в язык (последнее на нашем материале встречается, действительно, редко). Признак индивидуальной принадлежности при обращении к конкретным авторским неологизмам во многих случаях является неточным: нередки случаи употребления одних и тех же авторских неологизмов разными авторами: головокружный (И. Северянин и М. Цветаева), сонь (И. Северянин и С. Есенин) и др. Конечно, среди таких случаев можно встретить и прямые заимствования, но не менее вероятной причиной подобного рода совпадений являются и свойства самой словообразовательной модели (в первую очередь ее продуктивность в языке). В наибольшей степени спорным представляется признак ненормативности авторского неологизма, поскольку при использовании этого критерия в описании новообразований приходится определять его основания, а также возможную градацию внутри него. Известно, что в науке довольно долгое время авторский неологизм квалифицировался как «нарушитель» языковой системы. Однако на сегодняшний день не подлежит сомнению, что нередко «ненормативным» в авторском неологизме является только новое наполнение действующей в языке словообразовательной модели и ничего более. Сам факт наличия разных классификаций авторских неологизмов с позиции их нормативности/ненормативности говорит о том, что с этим критерием не все так просто. Более того: ставшее уже традиционным деление лексических инноваций на потенциальные и оккази-

ональные слова не показывает всей сложности их отношения к языковому словообразовательному стандарту. Не случайно в научных работах разных лет фигурируют такие понятия, как степени окказиональности, или же отмечаются промежуточные стадии между полюсами потенциальности и окказиональности. Так, мы склонны различать потенциальные слова, в которых в полной мере реализовались все компоненты модели, и потенциальные слова, созданные по высокопродуктивной словообразовательной модели и имеющие лауну в словообразовательной цепочке (например, северянское наречие шелестно, образованное от шелест с опорой на высокопродуктивную модель «наречия на -о со значением качества действия, образованные от качественных прилагательных»). Среди слов, квалифицирующихся как окказиональные, также возможна градация. Как видно из приведенных далее новообразований И. Северянина, мы выделяем окказиональные слова, преобразующие действующую в языке модель семантически (например, цепий — цепь) или структурно (стремглавный — стремглав), а также созданные по окказиональной модели (курсиса — курсистка + актриса). Неудивительно и то, что во многих работах последних лет, посвященных индивидуально-авторскому словотворчеству, вообще отказываются от такого рода деления: весь анализируемый материал в них воспринимается как совокупность авторских (индивидуально-авторских) неологизмов, или окказионализмов в широком понимании этого термина. Итак, перечень признаков индивидуально-авторского неологизма, принятый в лингвистической науке, требует уточнения и переосмысления. Традиционно выделяемые критерии отграничения окказионализмов от узуальных лексических единиц в известной степени условны.

Литература

Никульцева В. В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина. М., 2008.

АББРЕВИАТУРНАЯ ГРУППА «АВИА» В СИНХРОННОМ ОСВЕЩЕНИИ

Халабузарь Алла Олеговна

ассистент, Донецкий государственный университет

Под аббревиатурной группой понимается «совокупность сложносокращённых слов, имеющих тождественный начальный конструкт» [Рязанова 2020: 114]. При этом под сложносокращёнными словами, в нашем случае — сложносокращёнными апеллятивами, понимаются «нарицательные лексемы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом (сокращённым эквивалентом)» [Теркулов 2020: 104], например авиаконцерн, имеющий в качестве эквивалентов словосочетания авиационный концерн, авиакосмический концерн, концерн авиационной промышленности, авиапромышленный концерн; 70: концерн авиапромышленности.

Аббревиатуры данного типа как единицы, создаваемые путём замещения слов эквивалентного словосочетания специализированным морфематизированным компонентом — абброконструктом, противопоставляются инициальным аббревиатурам, создаваемым путём сокращения слов эквивалентного словосочетания до их первых букв или звуков, например ААВ — авиационное артиллерийское вооружение, и сложносокращённым онимами, создаваемым путём конструирования слова при помощи абброконструктов, часто независимо от эквивалентного словосочетания, например Авиакосмофонд — Фонд авиационно-космических технологий. О различии данных типов аббревиатур см: [Теркулов 2020].

Сложносокращённые слова рассматриваются нами в синхронии, где ими признаются не только аббревиатуры, возникшие в результате универбализации, то есть свёртывания словосочетания в слово, например авиакорпус, возникшее на базе словосочетания авиационный корпус, но и единицы, образованные путём прямого присоединения абброконструкта к производящему слову, например авиалайнер (< лайнер), заимствованные или калькированные лексемы с эквивалентным абброконструктом, например авиахаб (< airline hub с калькированием airline при помощи абброконструкта авиа-) и сложнопроизводные слова, на пример авиамоделизм (< авиамодель), которые на актуальном срезе языка в результате псевдоунивербализации (покомпонентного развёртывания аббревиатуры в словосочетание) получили вторичные эквиваленты авиационный лайнер, авиационный хаб и авиационный моделизм, что подтверждает их восприятие носителями языка как аббревиатур.

Часто один и тот же абброконструкт имеет несколько вариантов дешифровки — дешифровальных стимулов, что провоцирует возникновение в синхронии у одной аббревиатуры нескольких синтаксических эквивалентов. Например, у слова авиAPERсонал на синхронном срезе языка обнаруживаются эквиваленты авиационный персонал, персонал гражданской авиации, персонал авиакомпании, персонал авиации, авиатехнический персонал. Эквиваленты аббревиатуры формируют её гнездо эквивалентности.

Объектом нашего исследования является аббревиатурная группа «авиа», которая объединяет 286 гнёзд эквивалентности слов, имеющих препозитивный абброконструкт авиа-, например авиабезопасность, авиабензин, авиавооружение, авиагорючее и т. п.

Для данной группы обнаружено 144 дешифровальных токена (речевого воплощения дешифровального стимула), собираемых в 44 леммы (словарные презентации однотипных токенов). Например, лемма авиадвигатель представлена следующими токенами: авиадвигателя (авиашум — шум авиадвигателя); авиадвигателей (авиасборка — сборка авиадвигателей); авиационного двигателя (авиашум — шум авиационного двигателя); авиационных двигателей (авиасборка — сборка авиационных двигателей); для авиадвигателей (авиадетали — детали для авиадвигателей); для авиационных двигателей (авиадетали — детали для авиационных двигателей).

Характеризация аббревиатурной группы осуществляется по матрице, предложенной В. А. Рязановой [Рязанова 2020]. Аббревиатурная группа «авиа» является:

1) По типу семантической коррелятивности группа «авиа» является симультанной, поскольку аббреконтрукт авиа- может быть связан с разными релятивами — существительными, являющимися производящими для презентативного эквивалента авиационный, а следовательно, связывающих входящие в группу слова с разными ономаσιологическими признаками. Например, для слова авиаслужба (авиационная служба) релятивом является лемма авиация, представленная токеном в авиации (служба в авиации), а для слова авиакласс (авиационный класс) — лемма авиабилет, представленная токеном авиабилета (класс авиабилета).

2) По количеству гнезд эквивалентности группа является многокомпонентной, представленной более чем 20 гнезд (286).

3) По количеству употреблений входящих в группу слов она является регулярной, поскольку все её аббревиатуры отмечаются в текстах более 500 раз (тексты отобраны при помощи поисковых машин).

4) По соотношению частотности употребления эквивалентов группа «авиа» является комбинированной: в ней равной мере представлены как слова, возникшие в результате универбализации, так и квазиаббревиатуры, воспринимаемы на актуальном срезе языка как аббревиатуры благодаря псевдоунивербализации.

5) По характеру репрезентации базисного и признакового компонентов данная группа является признаковой, поскольку аббреконтрукт в подавляющем большинстве случаев развёртывается в признаковый компонент словосочетания, например авиазент — авиационный брезент.

6) По структуре дешифровальной матрицы данная группа является группой со смешанной матрицей, в которой представлены и презентатив (авиазавод — авиационный завод), и релятив (авиаинженер — инженер авиации), и модификатив (авиаклуб — авиационно-спортивный клуб).

Литература

Рязанова В. А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. № 1. 2020. С. 114–122.

Теркулов В. И. Сложносокращённые апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур // Русистика. 2020. Т. 18, № 1. С. 97–112.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НОВЫХ СЛОЖНЫХ СЛОВ

Ян Тяньжуй

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

На фоне пандемии коронавирусной инфекции появилось много новых слов, особенно много сложных слов, связанных с корона- и карантин-. Появление этих сложных слов в определенной степени отражает понимание людьми механизмов словообразования. При толковании новых сложных слов, мы должны сначала провести анализ структурной семантики сложных слов и выяснить структурно-семантические отношения между компонентами. При этом мы можем лучше изучить словообразовательный механизм сложных слов. Источником материала для настоящей статьи стал «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» Из этого словаря были выбраны более 1600 сложных слов, в том числе 926 сложных слов со слитным написанием и 726 сложносоставных слов. План работы состоит в изучении особенностей семантики несложносоставных слов и их структурной классификации. Прежде чем представить нашу классификацию, давайте взглянем на структурно-семантические классификации сложных существительных, предлагаемые другими учеными. Е. А. Земская выделяет сложные существительные две группы: личные и неличные существительные [Земская 1992: 46–48]. А. А. Черкасова выделяет в сложносоставных словах (она называет ими билексемы) четыре группы в соответствии с их структурной семантикой. Черкасова считает, что билексемы отличаются от дефисных сложных слов по грамматическим и семантическим признакам, а от словосочетаний и фразеологизмов по структурным признакам [Черкасова 2012: 69]. В статье Черкасовой выделяются четыре типа слитности билексем:

- 1) билексем-сращения,
- 2) билексем-единства,
- 3) билексем-сочетания,
- 4) билексем-словосочетания.

В свою очередь мы делим сложные слова на две группы по разным структурам: сложносоставные (билексем) и несложносоставные. Мы полагаем, что структурно-семантическая характеристика слова включает в себя два аспекта, один из которых — компонентный состав, а другой — компонентное отношение. В сложных словах семантическая структура слова часто выражается в отношениях агенса (субъекта действия), объекта, атрибуции, предиката и дополнительных компонентных отношениях. Исходя из этого, несложносоставные (сложные слова без дефиса) подразделяются на следующие структурно-семантические типы:

1. Причинно-следственное отношение. Этот тип обычно имеет первую часть, указывающую на действие, и вторую часть, указывающую на причину действия. То есть возникновение действия первой части обусловлено второй частью. Причину действия можно подразделить на прямую и косвенную. Примеры.

- 1) прямая причина: карантинвирус (о последовательном введении карантина во всех регионах РФ в начале пандемии); вирусокризис (об экономическом и политическом кризисе, вызванном пандемией коронавирусной инфекции), коронадепрессия, коронакризис;
- 2) косвенная причина: ковидоцид (об истреблении отдельных групп населения путем применения вакцины от коронавирусной инфекции), вакцинотуризм (о поездках в другие страны с целью вакцинации от коронавирусной инфекции), вакцинотурист.

2. Обстоятельственное отношение. Один из компонентов сложного слова, является сопутствующим обстоятельством, выражающим время или место. Примеры.

- 1) обстоятельство времени: киберкоронавирус (о компьютерном мошенничестве, получившем распространение в период пандемии), ковидиада (о занятиях спортом на самоизо-

ляции и карантине по коронавирусной инфекции), ковидимость (о внешнем виде, производящем обманчивое впечатление (в период пандемии));

- 2) обстоятельство места: домосиделец (о том, кто послушно соблюдает режим самоизоляции и в период карантина находится преимущественно дома), домаизоляция, дачаизоляция.

3. Атрибутивно-качественное отношение. Первая часть определяет вторую часть, то есть вторая часть является главным семантическим компонентом целостного сложного слова, а первая часть выражает его исходное значение без переносно-метафорического значения. Примеры: вакциноцентризм, вирусоноситель, иммунопаспорт, коронаалармист, коронавирус.

4. Атрибутивно-метафорическое отношение. Одна из частей слова используется для метафоры, которая описывает и конкретизирует другую часть. то есть первая часть подобна второй части или вторая часть подобна первой части, но целое слово имеет главное слово, главное слово играет управляющую роль, а второстепенное слово играет роль определения и метафоры. Семантические отношения между двумя компонентами неравноправны. Этот тип отличается от атрибутивного типа тем, что его метафорические компоненты выражают не свои первоначальные значения в сложных словах, а переносно-метафорические значения. Примеры: карантинцид (об ухудшении жизни отдельных групп населения в связи с введением карантина); ковидовизор (телевидение как ненадежный источник новостей о коронавирусе); ковидоистерия (о шумихе, ажиотаже вокруг темы коронавирусной инфекции); гречковирол, гречкодемия (о покупательском ажиотаже на продукты первой необходимости (в частности — на гречневую крупу) в первые недели пандемии); дивановирол (о нахождении дома, о проведении строго карантина в квартире).

5. Атрибутивно-характеризующее отношение. Примеры: ковидонеравнодушный, ковидо-разгильдяй, вакциноскептик, вакцинодиссидент, ковидодиссидент. В дополнение к вышеперечисленным пяти типам выделяются слова, которые не относятся только к одному типу. Эти сложные слова обычно имеют более одного семантического значения. При различной расшифровке их значений они принадлежат к разным типам, например, ковидница (1 о больнице, созданной или перепрофилированной для лечения больных коронавирусной инфекцией; 2 о больной (заболевшей) коронавирусной инфекцией или носительнице данной инфекции), ковидушка (1 о ковиде, о коронавирусной инфекции; 2 о вакцине от коронавирусной инфекции).

Литература

Вальтер Х. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. СПб., 2021.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992. С. 46–48.

Черкасова А. А. Структурно-семантическая классификация билексем // Вестник ИГЛУ. 2012. № 17: 69–74.

СЛАВИСТИКА

АНДРЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ. СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЧЕШСКОЙ ПЕРИОДИКЕ 1920-Х ГГ. (ГАЗЕТА «ЛИТЕРАРНИ НОВИНЫ»)

Амелина Анна Вячеславовна

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

Чешская культурная жизнь после образования Чехословацкой республики и обретения чехами национальной независимости отличалась, с одной стороны, небывалым разнообразием течений и направлений, и с другой стороны — значительной степенью ее политизированности. Периодические издания были главным средством общественно-политической и культурной полемики, оперативно реагируя на изменения в жизни развивающегося молодого государства. Пожалуй, самым многочисленным и влиятельным направлением было левое, представленное изданиями разной степени радикальности (коммунистическое, социалистическое и пр.); также следует назвать либерально-демократическое, католическое, националистическое, периодику аграрников и др. Не избежали политизированности и литературные журналы и газеты. Проблема русской литературы в чешской периодике активно исследовалась в 1980-е гг. (напр., [Materiály 1989, 1990]), однако, в частности, ввиду идеологических ограничений на государственном уровне, аспект обусловленности отношения к русской литературе политическими убеждениями в этих трудах не отражался. Это мы стараемся восполнить в наших работах о восприятии русской литературы чешской периодикой 1920-х гг., дифференцируя ее по идейной ориентации. В нашем докладе мы рассматриваем особенности восприятия русской литературы в 1920-е гг. в газете «Литерарни новины» (1927–1967 с перерывами, 1990–2020; в выбранный период выходила раз в две недели). Газета работала при издательстве «Покрок» (1924–1933, 1939–1948) для знакомства читателей с новинками и получения от них отзывов. Значимую часть книжной продукции издательства составляли переводы, в частности, в главной серии «Добра четба» вышли произведения И. Э. Бабеля, М. А. Бакунина, Вс.В. Иванова, Б. А. Лавренёва, А. И. Тарасова-Родионова, А. Н. Толстого, Г. Д. Венуса (подробнее об издательстве см.: [Zach 2000]). Ответственным редактором «Литерарних новин» в рассматриваемый период был чешский публицист, писатель, легионер В. Каплицкий (1895–1982). Постоянными авторами были Й. Гора, Б. Матезиус, М. Майерова, также писали И. Вайль, О. Шторх-Мариен, Я. Сейферт и др. Считается, что с самого начала издание позиционировалось как часть левого культурного фронта, что было связано с изданием книг, рассчитанных на массового читателя [Štolba 2017], однако в первый год это вовсе не очевидно. Во вводной статье первого номера на первой полосе Б. Матезиус подчеркивает: «Мы не литературный журнал, мы новости». Со второго года работы издания постепенно увеличивается количество рецензий на произведения и усиливается оценочность материалов в целом. Из художественных произведений печаталась преимущественно поэзия, лишь сборник рассказов М. М. Зощенко «Веселая жизнь» в переводе на чешский вышел по принципу романа-газеты в 1927 г. Одна из постоянных рубрик издания была посвящена новостям из-за границы, где регулярно появлялись краткие обзоры культурной жизни СССР. Информационно-полемические заметки о русских авторах были и в разделе кратких сообщений. Кроме того, материалы по русской литературе появлялись в рубриках «Театр» (о чешских постановках по русским произведениям), «Кино» (о советском кинематографе), «Новые книги», «Голоса читателей», «Что готовится», «Фельетон». Из русской классики больше всего внимания редакция «Литерарних новин» уделяла Л. Н. Толстому, что в целом характерно для левых изданий; писателя неоднократно представляли как глашатая русской революции и совесть нации в условиях царского аб-

соллютизма, подчеркивалась его важность для чешской культуры. На втором месте — Ф. М. Достоевский, в связи с которым отметим, что в первой половине 1920-х гг. коммунистическая периодика подвергла его настоящей травле («Руде право», «Пролеткульт» и др.) и в дальнейшем относилась к нему прохладно, в отличие от либерально-демократических изданий. В «Литерарных новинах» демонстрируется менее оценочный и более объективный подход к писателям, здесь подробно рассказывается о собрании сочинений Достоевского на чешском, публикуется письмо писателя накануне запланированной казни и многое другое. Кроме того, в газете встречаются заметки об А. С. Пушкине, Н. В. Гоголе, И. С. Тургеневе. При обращении к современной литературе редакция, в отличие большинства левых изданий, одинаково благожелательно высказывается как о советских авторах, так и об эмигрантах. Неоднократно на страницах газеты появляется И. Г. Эренбург, публикуются его тексты (например, выдержки из его книги о Словакии), высоко оценивается художественный уровень его творчества, хотя и отмечается его чуждость русскому народу. Из поэтов представлен лишь В. В. Маяковский, печатается интервью с ним, сделанное во время его пражского визита. Самым высоко ценимым и часто упоминающимся советским автором является М. Горький. Редакция приводит его высказывания о других литераторах, сообщает о его режиме дня, поездках и деятельности во время возвращения в Россию. Каплицкий на страницах газеты даже вступил в полемику с русскими писателями-эмигрантами по поводу их ненависти к Горькому. В многочисленных заметках и статьях он неоднократно назывался живым классиком и любимцем рабочих. Также высоко оценивалось творчество А. Н. Толстого, Вс.В. Иванова (были опубликованы его воспоминания о Горьком). В целом можно сказать, что на общем фоне левых изданий «Литерарни новини» отличаются терпимостью к идейным оппонентам, а потому и большим разнообразием материалов о русской литературе и ее переводов, несмотря на очевидный общий прореволюционный пафос.

Литература

Materiály k československo-sovětským literárním vztahům. Sv.1, 2. Olomouc: Univerzita Palackého, 1989, 1990.

Štolba J. Pohled do historie: Literární noviny vycházejí 90 let [Электронный ресурс] // MediaGuru.cz. 23.03.2017. URL: <https://www.mediaguru.cz/clanky/2017/03/pohled-do-historie-literarni-noviny-vychazeji-90-let> (дата обращения: 13.01.2023)

Zach A. Pokrok // Lexikon české literatury. D. 3. Sv. II. Praha, 2000. S. 989–991.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КЛАССИЦИЗМА В ЧЕХИИ (ЛИТЕРАТУРА И ЖИВОПИСЬ)

Аникина Татьяна Евгеньевна

доцент, Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви

Аникин Иван Михайлович

Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви

Для того, чтобы более отчетливо представить себе особенности чешского классицизма, следует обратиться к истории Чехии. В 1620 г. Чехия потеряла свою независимость. В результате битвы при Белой горе она была завоевана Габсбургами и вошла в состав Австрийской империи. Произошло онемечивание страны. Чешский сохранился в основном в деревнях. Чешская культура не поддерживалась. Наступила «эпоха темноты» (*Doba Temna*). В начале XIX в. в стране появились так называемые будители, началось национальное возрождение (*Obrození*). Поначалу борьба шла только за возрождение чешского языка. Будителям удалось «засадить за парты» всю страну и заново выучить или заставить ее жителей вспомнить родной язык, возродилась литература на чешском языке, хотя научные трактаты по-прежнему писались по-немецки. Но затем очень быстро и наука перешла на национальный язык, благо был опыт Средневековья, когда Чехия могла легко конкурировать с любой из западных стран. Если самые зачатки национального возрождения еще опирались на эстетику Просвещения и классицизма, то его расцвет более соответствовал эстетическим установкам романтизма, в частности, вырос интерес к национальному Средневековью, родному пейзажу. От эпохи Средневековья в Чехии сохранились средневековые памятники, в частности архитектурные. Кроме того, нельзя забывать, что в начале XIX в. чешское искусство находилось в австро-немецкой культурной среде. Чешская же литература во многом ориентировалась на литературу русскую. Говоря о классицизме, следует упомянуть еще об одной особенности чешской культуры. После битвы при Белой горе на Староместской площади в Праге были казнены представители чешской шляхты. В стране осталось совсем небольшое число дворянства. А произведения классицистов, особенно высокого стиля, во многом ориентировались на этот класс. Следует заметить, что чешский классицизм, как и вся чешская культура, «опаздывал» по сравнению с Западом. Думается, возможно расширить термин об ускоренном литературном процессе на другие явления культуры и говорить об ускоренном культурном процессе, который состоит в том, что «опаздывающие» культуры вступают в тот или иной этап своего развития, когда, если можно так выразиться, «передовые» культуры его миновали и перешли к следующему этапу. Отстающие культуры имеют возможность использовать в своем развитии опыт передовых культур, что часто приводит к смешению направлений. Таким образом, классицизм в живописи Чехии не был монолитным «интернациональным» явлением, подобно чешскому барокко, классицизм был сугубо национальным явлением, где в соответствии со взглядами национального возрождения и ускоренным культурным процессом переплетались черты других направлений.

Одним из основателей классицистического направления в изобразительном искусстве Чехии был Карел Постл (1770–1818). Если композицию Постла «Четыре времени суток. Утро» можно отнести к классицизму: античные развалины на первом плане, то в композиции «Орлик» античные мотивы сменяет интерес к средневековой архитектуре Чехии. А, напоминая, интерес к чешскому пейзажу и средневековой чешской архитектуре является неотъемлемой чертой философских установок и эстетики национального возрождения, в рамках которой создавались данные полотна. В произведении «Четыре времени суток. Ночь» видны романтические черты. Одним из самых известных чешских художников, соотносимых в истории чешского искусства с классицизмом, был ученик Карла Постла, Антонин Манес (1784–1843). Следует заметить, что Манес творил в то время, когда в европейском искусстве расцветал романтизм. Если в его «Пейзаже с античными руинами» мы видим идеальный пейзаж, на территории Чехии нет следов античности, то уже в «Пейзаже с руинами храма» отразился национальный средне-

вековой пейзаж, то же можно сказать и о «Виде на Прагу со стороны бельведера». «Пейзаж во время грозы», благодаря колориту, теме полотна, освещению имеет очень явные романтические черты. То же можно сказать о «Пейзаже с деревянной постройкой». Интересно, что хронологически картины писались почти в одно и то же время. Это свидетельствует о том, что в творчестве мастера переплетаются классицистические черты с романтическими. Трудно говорить об эволюции его творчества от классицизма к романтизму, скорее об их сосуществовании. Одним из самых выразительных чешских живописцев, работающих в стиле классицизма, был Франтишек Ткадлик (1786–1840). Классическим его произведением является портрет Йозефа Добровского (1820), знаменитого деятеля национального возрождения. Благодаря тому, что на портрете изображен один из главных будителей, в самом выборе персонажа скрыт определенный романтизм. В портрете же молодого графа Чернина романтизм присутствует уже вполне явно, что проявляется в небрежно повязанном шейном платке, расстегнутом жилете и т. д. Если библейская композиция со сценой Потопа создана в рамках эстетики классицизма, то с картиной «Св. Вацлав и св. Людмила во время богослужения» — несколько сложнее. Опять-таки тема произведения — изображение важнейшего момента чешской истории — соответствует фокусу романтических интересов национального возрождения. Именно будителями создан культ св. Вацлава, покровителя и защитника чешской земли. Говоря о чешской литературе, следует остановиться на фигуре Яна Коллара, деятеля чешского национального возрождения, по национальности словака. Его знаменитая поэма «Дочь Славы» также соединяет в себе черты классицизма и романтизма. Возвышенный, одический стиль поэмы соотносится с классицизмом. Однако уже название (дочь Славы — дочь славянской богини), сюжет, пассажи поэмы носят романтический характер. Таким образом, классицизм в живописи Чехии не был монолитным «интернациональным» явлением, подобно чешскому барокко или маньеризму, где, кстати, творили по большей части австрийские и немецкие мастера. Классицизм был сугубо национальным явлением, где в соответствии со взглядами национального возрождения и ускоренным культурным процессом, с ним переплетались черты других направлений.

НАЧАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПУБЛИЦИСТИКИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ДУБРОВНИКА: НРАВСТВЕННЫЕ И БЫТОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ

Дробышева Марина Николаевна

доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Для генезиса национальной публицистики важное значение имеет историософский художественный опыт, который основывается на классической традиции. Данный опыт позволил сформироваться художественной гуманистической идентификации социально обостренных событий в разработке методологии публицистического осмысления происходящего. В Дубровнике в XVI в. формируется новая традиция публицистического мировидения. Из этого художественного опыта вытекает зарождение опыта публицистического. Зачатки публицистического высказывания у югославян известный теоретик, историк хорватской журналистики и публицист Йосип Хорват обнаруживает в первых листовках, «в которых говорилось о борьбе с турками в хорватских и венгерских областях. По тем листовкам, пишет публицист, о нас узнали люди западного мира. Они создавались на основе писем и отчётов, в которых сообщалось о битве на Мохачком поле (1526 г.), о победе 300-тысячной армии турок над хорватско-венгерским войском в 25 000 человек [Horvat 2003: 25]. Из письма Крста Франкопана стало известно об осаде крепости Сигет (1566 г.) и о поражении Бихача (1592 г.). Как и Франкопан, Николай Зринский — представитель знатного аристократического рода, возглавил оборону Бихача 1592 года. Так начался период тяжёлого кризиса в жизни югославян. Благодаря гравюре на меди предстаёт образ сражения около Сиска и Петрине в немецких и французских изданиях. В вышеперечисленных источниках упоминается, что они дают сведения на основе хорватских текстов. Помимо листовок идеологического и военного содержания постепенно формируются новые разновидности журналистики и публицистики: реляция (сообщение о событии), рефераты (новости государственного значения), брошюры, памфлеты (произведения остросатирического характера). «Хорватская энциклопедия» [Hrvatska enciklopedija 1999: 215] определяет публицистику как написание аналитических, всеохватывающих, основанных на реальных фактах текстов и их публикацию в книжных и периодических изданиях, которые освещают темы общественной, социальной и культурной жизни. «Илия Цриевич был одним из первых югославянских гуманистов, писавшим о единстве славянских народов, о том, что Славянское царство простирается от южного побережья Иллирии до Балтики и от Чёрного моря до пределов Московии» [Голенищев-Кутузов 1963, 46]. Профессор теологии Винко Прибоевич, горожанин с острова Хвара, в 1525 году высказал свои взгляды перед жителями города, выступил с докладом «О происхождении и успехах славян» на латинском языке. В дальнейшем в хорватской публицистике обострился интерес к проблемам славянского прошлого, фольклору и южнославянской историографии. Одним из исторических исследований начала XVII века стал труд бенедиктинца из Дубровника Мавро Орбина (середина XVI в.—1611) «Славянское царство». Особую ценность его сочинение приобрело благодаря приложению итальянского перевода средневекового источника «Летописи попа Дуклянина» (середина XII в.). Хотелось бы отметить: благодаря переводу серба-дубровчанина Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского сочинение Орбина в 1722 году вышло в Петербурге под названием «Книга-историография». В тот же период создавали свои сочинения по истории Далмации и Дубровника на латинском языке Динка Заворович из Шибеника (1540–1608) и Иван Луцич из Трогира (1604–1679). В период национального Возрождения (с середины XVII до второй половины XIX в.) у южнославянских народов сформировалось стремление к национальной самоидентификации, политическому и культурному самоопределению. Так начинается формироваться хорватская публицистика. Необходимо отметить деятельность загребского епископа М. Врховеца, который в 1813 году обратился с посланием к духовенству на латинском языке о собирании народных песен, пословиц, поговорок и других старинных сочинений. Обращение Врховеца к дубровницкой литературе показывало важность развития родного языка и языкового объединения хорватов. Заслуживает внимания для формирования публицисти-

ческой мысли брошюра «Диссертация» Янко Драшковича (1832), написанная на штокавском диалекте. Одновременно с публикацией «Диссертации» в печати вышла брошюра Ивана Деркаса «Гений Отечества над спящими своими сыновьями», но на латинском языке. Авторы этих сочинений продемонстрировали свои общественно-политические взгляды, а также один из вопросов, который волновал их, — родство разных частей хорватского народа и необходимость их объединения в литературном языке с преобладанием штокавского диалекта. В это время выдвигаются такие крупные авторы, как Антун Миханович, Людевит Гай, Янко Драшкович, Иван Мажуранич, известные своими публицистическими статьями в политической газете «Новина Хрватске» в литературном приложении «Данница (заря) хрватска, славонска и далматинска», изданном на кайкавском диалекте со старым правописанием. Людевит Гай с марта 1835 года переводит «Данницу» на новое правописание и постепенно заменяет кайкавскую лексику штокавскими выражениями. То, что Людевит Гай выбрал штокавский диалект, не было случайностью — это был язык далматинских и дубровницких классиков XVI–XVII вв., таких как Мавро Ветранович, Никола Налешкович, Марин Држич, Иван Гундалич, чьи сочинения стали предметом нашего исследования. Эти авторы явились создателями высокохудожественных литературных произведений, способствующих формированию публицистики и развитию хорватского литературного языка. Публицистическим пафосом проникнуто всё драматургическое творчество М. Држича и его письма.

Литература

Horvat Josip. Povijest novinstva Hrvatske. 1771–1939. Zagreb, 2003. С. 25.

Publicistika. Hrvatska enciklopedija, mrežno izdanje. Leksikografski zavod Miroslav Krleža, 2021. URL: <http://www.enciklopedija.hr/Natuknica.aspx?ID=50996>. (Дата обращения: 21.01.2023).

Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI веков. М., 1963.

ЧЕШСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ИРЖИ ВАЙЛЬ О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920–1930-Х ГГ.

Грасько Анна Васильевна

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

Советская культура 1920–30-х гг., как и само советское государство, вызывала большой интерес в межвоенной Чехословакии. Несмотря на ограниченные возможности контактов с СССР и неблагоприятную по отношению к коммунистам официальную политику демократической партии, чешским левым интеллектуалам удавалось вести достаточно активную работу, направленную на расширение знаний об СССР. Важную организующую роль здесь играли чешские левые периодические издания: «Руде право» (официальное издание коммунистической партии), «РЕД», «Творба», «Панорама», «Свет труда», «Наступление», «Право народа». На чешский язык переводились и многие советские авторы — поэты, писатели, теоретики искусства.

Вместе с тем настоящих специалистов по русской культуре, знатоков русского языка и литературы в Чехословакии было не так много. Значимое место среди них занимал Иржи Вайль (1900–1959) — ученик профессора Ф. К. Шальды, филолог-славист, постоянный корреспондент левых изданий, переводчик, с 1928 по 1931 гг. — работник советского полпредства в Праге, в 1934–35 гг. — журналист и переводчик марксистской литературы в Коминтерне в Москве, автор художественных романов о Советском Союзе («Москва — граница», «Деревянная ложка»). В нашем доклад хотелось бы кратко охарактеризовать литературно-критическое наследие Вайля, посвященное советской литературе. Систематизировать его представляется возможным благодаря тому, что в Чехии начата публикация полного собрания сочинений Вайля. Вышедшие в 2021 и 2022 гг. тома I и III представляют публицистику Вайля, которая посвящена преимущественно советской проблематике.

Анализируя корпус этих трудов, можно сказать, что к советской литературе Вайль подходит, с одной стороны, как коммунист, который оценивает советскую культурную политику в отношении литературы. Так, в 1924 г. он публикует брошюру «Культурная работа Советской России», в которой важное место занимает описание организации печатного дела в СССР. Часто появляется в репортажах Вайля образ советского читателя, который помогает развенчать стереотипы о дикой стране коммунизма — например, в статье «Московские варвары. О книгах и читателях в Советском союзе» (1928). Вайль поражается тому, как все люди в СССР лихорадочно читают в городе, в деревне, в труднодоступных местах, в азиатской глуши. Вайль с юмором, иронией и восхищением отмечает: «Люди, которые только вчера научились читать, глотают сейчас каждый обрывок бумаги. Был когда-то царь Петр, который насильем заставлял дворянских сынков читать книги. А сейчас читают даже в тех краях, куда от Петра бежали раскольники». Вайль подчеркивает, что советские граждане интересуются практически всем на свете, читают даже журнал для автомобилистов «За рулем», хотя машина — редкость для советского человека. Следит Вайль и за политикой в отношении литературы — в 1925 г. пишет статью «Литературная политика русской коммунистической партии», где комментирует дискуссию, происходившую в Отделении советской печати, во время которой Бухарин и Троцкий заступились за литературу и ее многообразие — эта позиция вызывает симпатию Вайля.

С журналистской быстротой и точностью Вайль реагирует на все новое и актуальное в советской литературе, а также освещает различные события литературной жизни. Он говорит, например, о советских литераторах, посещавших Прагу («Гости в Праге: Владимир Маяковский», 1927 г., «Безыменский, Жаров, Уткин в Праге», 1928 г.), пишет заметку о советской книжной выставке 1925 г., ставшей ответом на выставку эмигрантской литературы («Заметки к выставке книг СССР», 1925). В течение 1920–30-х гг. Вайль регулярно отзывается на появление новых советских художественных книг или на их чешские переводы, причем в его заметках всегда присутствует комментарий. Вайль каждый раз старается определить значимость произведений и их место в текущем литературном процессе, часто снабжает статьи краткими пересказами.

К современному советскому литературному процессу Вайль относится в том числе и как чуткий историк литературы, знаток русского классического наследия (в 1928 г. он защитил диссертацию «Гоголь и английский роман 18 века»). Разрозненные литературные явления Вайль пытается объединить логикой, неизменно ищет взаимосвязи, пытается составить картину советского литературного процесса. Первая же попытка обобщить знания о современной советской литературе была предпринята Вайлем уже в 1924 г., когда он пишет труд «Русская революционная литература». Характеризуя советскую литературу, Вайль сравнивает ее с западной, делает вывод о том, что пути русской словесности сошлись с западной в конце XIX в., но после революции снова разошлись, потому что русская литература начинает искать новую форму, тогда как в европейской давно ничего не меняется. Присутствует в работе Вайля и скрытая полемика с Западом: он осуждает европейцев, которые с пренебрежением относятся к новой советской литературе, делают вид, что ее не существует. В 1925 г. выходит «Статья о новой русской прозе», где Вайль утверждает, что русская проза переживает кризис, предшествующий синтезу. В русской-советской литературе самого Вайля интересует именно новое, передовое.

В 1932 г. выходит поэтическая антология, составленная Вайлем — «Сборник советской революционной поэзии». В 1937 г. Вайль публикует еще один труд «Русская литература нового времени» (1917–1935), который продолжает его работу 1924-го года. Таким образом, в своих критических статьях и культурной эссеистике Вайль последовательно отразил практически полную динамику развития советской литературы 1920-х — первой половины 1930-х годов.

Литература

Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha:Triáda, 2021.

Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha:Triáda, 2022.

Амелина А. В. Русские писатели в чешской среде второй половины 1920-х гг.: периодика левого политического крыла (газета *Rudé právo*) // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 25–26 мая 2021 г. М., 2021. С. 307–312.

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ ОЛЬГИ ТОКАРЧУК «БЕГУНЫ»

Иванова Светлана Сергеевна

старший преподаватель, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Цель работы связана с лингвoseмиотическим анализом инструментов конструирования ментальных пространственных образов в романе Ольги Токарчук «Бегуны». Ольга Токарчук (Olga Tokarczuk, род. 1962) — современная польская писательница, поэтесса, лауреат Нобелевской премии в области литературы (за 2018 г.).

Объектом исследования в рамках данной работы являются ментальные пространственные образы в романе Ольги Токарчук.

Предметом исследования выступает когнитивное картирование как способ репрезентации и конструирования ментальных пространственных образов и метод интерпретации текста.

Мы исходим из того, что семиотика пространства «выясняет не то, что означают те или иные пространственные формы, а то, как они это делают» (Л. Чертов).

Термин «ментальная карта» введен Эдвардом Толменом в 1948 г. На данный момент параллельно используются понятия: ментальные карты, когнитивные, интеллектуальные. Везде речь идёт о знаковом способе хранения и структурирования информации, имеющей географическую (пространственную) «привязку», о реконструкции и конструировании пространства в сознании. При этом одним и тем же термином могут обозначаться «и образ окружающей среды в уме индивида, и карта как объект иконического отображения на плоскости познавательных или эмоциональных представлений людей об окружающем мире».

Ключевой стилистической чертой романа «Бегуны» является создание и интерпретация пространственных образов. В этом смысле О. Токарчук можно назвать «картографическим» автором. Для автора, так же как и для героини романа, мир представляет собою систему карт, локусов. Не случайно, например, героиня размышляет: «Я вымываю со своих карт все, что причиняет мне боль. С них исчезают места, где я споткнулась, упала, где меня ударили, задели за живое, где у меня что-нибудь болело. Возможно, однажды мне придется стереть целую страну. Карты воспринимают это с пониманием, они тоскуют по белым пятнам, по своему безмятежному детству».

Мы ставим акцент на конструировании пространственных образов. То есть вербальные и визуальные карты представляют собой пространственные конструкторы индивидуального сознания.

Когнитивная карта — не сам пространственный образ, но его формализованная схема.

Осмысляя собственное бытие и мир в целом, автор конструирует в тексте систему карт. Картированию в романе подвергаются различные локусы: как дискретные пространства (природные и социальные ландшафты), так и ментальные среды (языковое сознание автора и нарратора, пространство памяти говорящего субъекта).

К числу дискретных локусов относятся, например: остров Вис: «Шоссе извилистой дорогой проходит через весь остров. В длину чуть более десяти километров, всего два крупных населенных пункта — Вис и Комижа. До дороги из любой точки не более 3—4 километров. На полях стоят каменные домики с юбочками для вина, виноградными прессами, в некоторых имеются даже съестные припасы и свечи».

1) Река Одра: «Река была невелика, всего-навсего Одра; но ведь и я в то время была маленькой. В иерархии рек она занимала свое место (позже я проверила по картам) — далеко не главное, но достойное, этакая провинциальная виконтесса при дворе королевы Амазонки. Однако меня это устраивало, мне Одра казалась огромной. Она текла как хотела, уже давно никем не регулируемая, склонная к разливам, непредсказуемая. Местами, на мелководье, цеплялась за какие-то подводные препятствия, образуя водовороты».

2) Оливковая роща: «Оливковая роща, совершенно высохшая. Трава шуршит под ногами. Среди выкрученных оливковых деревьев растет дикая ежевика; молодые побеги норовят выскользнуть на тропку и ухватить его за ногу. Повсюду мусор: бумажные платочки, мерзость женских прокладок, оккупированные мухами человеческие экскременты. Другие тоже останавливаются на обочине по нужде. Леню зайти поглубже в заросли, все спешат, даже здесь».

К числу ментальных сред можно отнести:

- 1) пространство памяти говорящего субъекта: «Я вымываю со своих карт все, что причиняет мне боль...»;
- 2) языковое сознание автора / нарратора: «Я научилась писать в поездах, отелях и залах ожидания. На откидном столике в самолете. Я делаю пометки под столом во время обеда или в туалете. Пишу на музейной лестнице, в кафе, в машине, припаркованной на обочине».

Пространственные образы (как дискретные, так и ментальные), представленные в романе, рассматриваются в настоящей работе в когнитивно-семиотическом аспекте. В докладе анализируются:

1) онтологическая природа отображаемого референта. В тексте романа представлены природные локусы; социальные ландшафты; показана смена пространственных координат нарратором и персонажами; тексты культуры; ментальные пространства;

2) Семиотический способ отображения точек пространства. В романе имя локуса, сопровождаемое системой предикатов, функционирует как иконический либо символический знак;

3) Вербальные пространственные конструкторы в романе сопровождаются визуальными картами. Вербальный и визуальный коды функционируют по принципу взаимодополнительности. Визуальные карты опираются на тип репрезентации пространства по иконическому типу (двухмерный пространственный образ). Эти карты позволяют соотносить вербальные номинации локусов (индексы в вербальном тексте) с вербальными обозначениями на визуальных картах. Визуальные карты репрезентируют дискретные пространственные локусы.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА РОССИИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Ковтун Елена Николаевна

*заведующий отделом, Институт славяноведения РАН;
сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет*

На протяжении XX в. и в начале XXI в. фантастическая литература ярко проявляет себя в культурном поле как СССР и России, так и зарубежных славянских стран. В целом на протяжении данного периода здесь сохраняется система взаимосвязанных разновидностей фантастического и некоторых родственных ему типов повествования (литературные волшебная сказка, притча, миф и др.), которая сложилась в европейском (включая российский) и североамериканском литературном регионе во второй половине XIX–первой трети XX столетия. Как специфический «большой жанр» фантастика предстает здесь в двух основных художественных формах — научная фантастика (science fiction) и фэнтези (fantasy), внутри которых выделяются в качестве различающихся традиций, или «поджанров», соответственно, научно-техническая («твердая») и социально-философская («мягкая») в первом случае и мистическая, эпическая, ужасная (а порой и некоторые иные) во втором. За границами «жанра» фантастика в качестве одного из элементов художественной структуры произведений представлена в литературе т.н. «мейнстрима», в том числе в творчестве крупных писателей, чьи книги включены ныне в национальные литературные «каноны» (М. Булгаков, К. Чапек, С. Лем, П. Вежинов и др.).

Несмотря на общую системную устойчивость, фантастика и в узкой «жанровой», и в широкой «мейнстримовской» трактовке на протяжении XX в. и особенно на рубеже XX–XXI вв. претерпевает как в России, так и в Восточной Европе существенную эволюцию, которую целесообразно рассматривать в двух взаимосвязанных аспектах: социокультурном (т. е. с точки зрения функций фантастической литературы, ее читательской аудитории, отношения к ней официальных властей, доминирующей проблематики и т. д.) и собственно литературном (в плане эволюции художественных форм, смены доминирующих типов фантастического повествования, возникновения новых жанровых разновидностей фантастики и т. п.). Доклад посвящен анализу эволюции жанровых парадигм в российской и инославянской фантастике конца XX–начала XXI вв. в сопоставлении с предшествующим периодом ее развития (1950–1980-е гг.). Во второй половине XX в. фантастика Восточной Европы под влиянием экстралитературных факторов в основном эволюционировала в русле советских образцов, восприняв от СССР прежде всего базовую трактовку НФ (к которой почти исключительно сводилось все разнообразие форм фантастического повествования) как «литературы крылатой мечты» и «лоции для потомков», выполняющей функцию воспитания человека коммунистического будущего. Вместе с тем в отдельных (и нередко лучших) своих проявлениях (творчество И. А. Ефремова, А. и Б. Стругацких, К. Булычева и др.) научная фантастика 1960–1980-х гг. являлась инструментом социальной критики, литературой философского эксперимента, поднимающей вопросы о будущем планеты и судьбах человечества. Это обеспечивало фантастике симпатию и поддержку серьезного читателя, в основном представителей технической и гуманитарной интеллигенции. На рубеже XX–XXI вв. политические и культурные перемены в России и Восточной Европе привели к изменению вектора развития фантастической литературы. В содержательном и художественном плане наиболее заметной оказалась переориентация на западноевропейские и североамериканские модели, что повлекло за собой, в частности, смену лидирующего типа фантастического повествования — переход от НФ к фэнтези (в том числе к вновь созданной «национальной» версии жанра, т.н. «славянскому фэнтези»). В социокультурном аспекте ведущим стал уход фантастики как «жанра» в сферу «массовой литературы», регулируемой законами книжного рынка, с существенным изменением адресной аудитории, и, соответственно, читательских запросов и критериев оценки фантастических текстов. В приоритете оказались «коммерческие» образцы фантастической прозы, большей частью представляющие собой многотомные книжные серии с приключенческими сюжетами, разворачивающимися на просторах однотипных фэнтезийных

миров. Тем не менее не была окончательно забыта и советская социально-философская традиция, а также критические возможности фантастики и ее прогностические функции. Основные черты новейшей славянской фантастики будут показаны в докладе на примере произведений ряда российских (С. Лукьяненко, В. Панов, С. Логинов, Е. Лукин), украинских (М. и С. Дяченко, В. Аренев), польских (А. Сапковский, Т. Колодзейчак, Ц. Збешховский, Я. Гжендович) и болгарских (А. Славов, Я. Чолаков, А. Илиева) авторов. Наиболее интересными ныне идущими в ней процессами является, с нашей точки зрения, все большее распространение двойственной (одновременно «научной» и «фэнтезийной») мотивации фантастической посылки, ускорение темпов возникновения новых жанровых вариаций, стремление многих авторов примирить фантастический вымысел с реалиями прошлого и настоящего (реже — прогнозируемого будущего) различных регионов европейского континента.

За границами «жанра», в литературе «мейнстрима», наиболее существенным на рубеже прошлого и нынешнего столетий оказалось влияние на фантастику философии и литературной практики постмодернизма. Специфика художественного вымысла в данной сфере может быть показана на примере отдельных образцов чешской (И. Кратохвил, М. Айваз, М. Урбан, А. Болава) и сербской (Г. Петрович, З. Живкович) прозы. Интересным представляется, в частности, проследить эволюцию фантастической посылки и образности от «карнавальных» и фантастических форм 1990–2000-х гг. к своеобразному «фантастическому минимализму» последующих десятилетий.

ГРАФ КАЛИОСТРО В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Колянов Алексей Юрьевич

доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Интерес к загадочным и противоречивым историческим персонажам, нередко связанным с мистикой и магией, остро проявляется в трудные переходные и часто идеалистические периоды развития национальных культур. Одной из таких загадочных личностей является итальянский мистик, алхимик и оккультист Джузеппе Бальзамо, или граф Калиостро. Его история, окутанная мифами и легендами, привлекала выдающихся представителей мировой культуры: И. В. Гёте, Ф. Шиллера, И. Штрауса и др. В славянских литературах первой четверти XX в. к образу известного авантюриста обращались чешские и русские писатели и поэты модернистских направлений: И. Карасек из Львовиц, М. И. Цветаева, М. А. Кузмин, И. С. Лукаш. Следует также упомянуть опубликованные в этот период исторический роман Н. А. Энгельгардта и фантастическую повесть А. Н. Толстого. В 1900-е гг. пишет произведение о Калиостро чешский декадент Иржи Карасек из Львовиц. В 1907 г. публикуется первая часть его цикла «Романы о трех магах» («Romány tří mágů») под названием «Роман Манфреда Макмиллена» («Román Manfreda Macmillena»). Калиостро воплощается в главном герое произведения — венском денди Манфреде, дед которого в XVIII в. покровительствовал знаменитому итальянцу. Манфред — сочетание декадентского персонажа с его стремлением к высшей степени эстетизации жизни и черного волшебника. Герой черпает силы в прошлом, поэтому часто бывает в Праге, городе алхимиков, астрологов и магов. Именно там герой романа Карасека из Львовиц сталкивается с другим магом — Вальтером Морой, желающим проникнуть в разум Манфреда и узнать тайны Калиостро. Решающая схватка противников происходит на Белой горе в окружении призраков павших воинов. Для Карасека это место — символ угасания в прошлом яркой и самобытной чешской культуры, а итог битвы — поражение и исчезновение Манфреда — отсылка к «Фаусту» Гёте и в то же время иллюстрация трагической судьбы декадентского героя фаустианского типа, достигшего высшей точки эстетического развития, но не совладавшего с единственным достойным противником — самим собой. В 1909 г. в России в журнале «Исторический вестник» публикуется роман Н. А. Энгельгардта «Граф Феникс», продолжавший череду популярных у публики исторических сочинений автора, посвященных эпохе правления Екатерины II. В предисловии к роману Н. А. Энгельгардт отмечает противоречивость характера Калиостро, которому присуща «непостижимая смесь гения и низости». Спустя девять лет, весной 1918 г., «плащ Калиостро» появляется в русской литературе в цикле стихотворений М. И. Цветаевой «Плащ». В поэтическом образе «плаща» поэтесса представляет XVIII в. — «век коронованной Интриги, век проходимцев». Однако плащ чернокнижника Калиостро, достигшего вершин общества, вхожего в королевские покои и беседующего по ночам с королевой, — это «плащ цвета времени и снов», отсылающий к оригинальному тексту сказки Ш. Перро «Ослиная шкура», где платье цвета времени (Une robe couleur du temps) — одно из неисполнимых желаний принцессы. Но это и возможный намек на «вневременность» и вечность персонажей авантюрного типа, что должно было быть актуально и для России того времени, где чуть больше года назад произошло убийство Г. Распутина. Через год, в 1919 г., выходит сочинение М. А. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро», представляющая собой часть задуманного, но незавершенного цикла «Новый Плутарх» из пятидесяти биографических произведений. Во введении, посвященном В. Э. Мейерхольду, Кузмин отмечает, что его интересует не столько историческая достоверность биографии, сколько «многообразные пути Духа» и «место, которое занимают избранные герои в общей эволюции, в общем строительстве Божьего мира». Калиостро у Кузмина — рациональный созидатель, выходящий за рамки прагматичных ожиданий общества, а потому кажущийся преступником, ведь, как заключает автор, «мечтателям закон не писан». В 1921 г. А. Н. Толстой заканчивает работу над короткой повестью о графе Калиостро. Прозаический текст, изначально задуманный как пьеса, публикуется в 1922 г. под названием «Лунная

сырость», а затем выходит отдельным изданием с заглавием «Счастье любви». В последующем издании 15-томного собрания сочинений текст вышел под окончательным заглавием «Граф Калиостро». В глазах реалиста Толстого Калиостро — злодей, трезво рассуждающий о том, что чудес не бывает. Атрибут Калиостро — пленница, которую должен спасти русский дворянин. В сравнении с ним Калиостро — представитель иного мира, чуждого русской действительности с ее идеалом всепобеждающей любви. Схожий портрет итальянского авантюриста рисует И. С. Лукаш в повести «Граф Калиостро» (1925). Сюжет этой гротескной фантазмагии, «игры воображения», захотевшей, по словам В. Ф. Ходасевича, «взлететь над екатерининским Петербургом» [Ходасевич 1926: 175], вновь разворачивается вокруг спасения пленницы Калиостро. На этот раз бакалавром Кривцовым, секретарем И. П. Елагина, с которым они вместе ищут философский камень. И хотя в этой истории плут и мошенник Калиостро побеждает, секрет философского камня остается в России. Сравнительный анализ образов Калиостро в славянских литературах позволяет выделить два подхода в интерпретации его характера. Первый можно обозначить как «европейский» или «фаустианский» (И. Карасек из Львовиц, М. А. Кузмин), представляющий Калиостро в образе одаренного, но несчастного непонятого творца, проигравшего в схватке с человеческими страстями: честолюбием, тщеславием и завистью. Второй может быть охарактеризован как «русский», содержащийся в произведениях А. Н. Толстого и И. С. Лукаша, где Калиостро нарисован злым, алчным чужаком, материалистом, вторгающимся в идеалистическую картину русского быта с его представлениями о гармонии, справедливости и любви.

Литература

Ходасевич В. Ф. О повести И. Лукаша «Граф Калиостро» // *Благонамеренный*. 1926. № 2. С. 175.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. КОНДРАТЬЕВА 1930-Х ГОДОВ

Розинская Ольга Валерьевна

старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Среди практически забытых имен, лишь изредка упоминавшихся в отдельных научных изданиях, оказался и А. А. Кондратьев, поэт и прозаик, переводчик, автор исследовательской работы об А. К. Толстом. Он родился в 1876 г. в Петербурге, в 1902 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. До революции Кондратьев пробует себя в различных жанрах, публикует две книги стихов — сборник «Стихотворения» (СПб., 1905) и «Стихи: Книга 2-я, Черная Венера» (СПб., 1909), мифологический роман «Сатиресса» (М., 1907), две книги рассказов — «Белый козел» (СПб., 1908) и «Улыбка Ашеры» (СПб., 1911). Он был сотрудником «Весов», «Золотого руна», «Аполлона», «Русской мысли», «Сатирикона», «Петербургской жизни». Валерий Брюсов писал в «Весках», что у Кондратьева есть поэтическое будущее. В январе 1918 года Кондратьев покинул Петроград, сначала поселился в Ялте, а затем переехал на Волынь, где и прожил в Дорогобуже в деревенской глуши два десятилетия до конца 1939 г. В 1920 г. эта территория отошла к Польше, таким образом поэт оказался в эмиграции. Между тем в 1930-е годы заметным явлением в культурной жизни русской эмиграции было его творчество. Как писал Вадим Крейд, главный редактор «Нового журнала», издаваемого в Нью-Йорке, «Кондратьева справедливо было бы отнести к так называемым малым поэтам “серебряного века”». На художественной палитре Кондратьева есть такие краски и в звучании его лиры — такие ноты, которые не забываются и которые показывают его поэтом со своим голосом. Критика последних семидесяти лет попросту проморгала этого замечательного мастера, а читатели из-за недоступности его стихотворений забыли и само имя поэта» [Крейд 1989: 137]. Многие исследователи сходились в том, что поэт имеет свою неповторимую творческую манеру, обладает художественным вкусом и мерой. Увлечение Кондратьева мистикой и его интерес к славянскому фольклору нашли отражение как в его поэзии, так и в прозе. Эти годы увенчались, в том числе, созданием демонологического романа «На берегах Ярыни» (1930) и сборника из шестидесяти девяти сонетов «Славянские боги» (1936). Мироощущению Кондратьева присуще осознание контраста между мечтой и жизненной прозой окружающего мира, трагедийное мировосприятие, вера в божественное провидение, в счастье будущей неземной жизни — мотивы, знаковые для поэзии русских символистов. Он считал, что его стихи на мифологические темы являются своеобразной попыткой художественного восстановления ликов славянских богов, реконструкцией славянской мифологии. Манере Кондратьева свойственна тревожная недосказанность, усложненность поэтического образа, культ тайны. Героями его сонетов становятся загадочные морские царевны и русалки, покрытые тиной водяные и упыри, коварные ведьмы. Эти сказочные существа живут в особом мире, полном таинственных примет. Но в этих сказочных существах много и от простого человека, им присущи те же пороки и слабости. Тема демонологического романа «На берегах Ярыни» (1930) была подсказана самой атмосферой жизни той эпохи. Это тема утраты гармонического мироустройства, разрушения основ прежнего, нормального существования человека, эгоизма и одиночества. Все события разворачиваются на берегах сказочной реки Ярыни, в водах которой существуют разные inferнальные фантастические существа. А рядом с Рекой живут обычные люди, обладающие сверхъестественными способностями. В книге сохранен основной закон фольклорного произведения — четкое соблюдение границ двух миров. Однако в нем нет привычной борьбы добра со злом, нет счастливого финала, как в «старой доброй сказке». Есть разделение на «свое» и «чужое», молчаливо признаваемое всеми героями. Потусторонний мир в романе разрушен. Создается страшное, а порой отталкивающее фантастическое художественное пространство. Содержание романа — это истории «повседневной» жизни человеческих и демонологических персонажей, соприкасающихся друг с другом. Кондратьев рисует своих героев, опираясь на традиции фольклорного произведения. Главной оказывается внешняя атрибутика образа. Описывая фантастический

мир, автор претендует на достоверность происходящего, создает ощущение реальности событий, сближает сверхъестественное с повседневностью. Встречи людей с нечистой вполне обыденны; при превращении в демонологических существ поведение людей не меняется. Иллюзия достоверности поддерживается безусловной верой в существование мира богов и демонов, в возможность вмешательства иррациональных сил в жизнь человека. «Бесспорным украшением романа» [Седов 1993: 91] являются описания обрядов и поверий, колдовства и знахарства, древних народных праздников. «Создается фантастическое полотно» [Там же: 91] на основе богатого мифологического материала, почерпнутого из разнообразных фольклорных источников. Все это позволяет создать особое художественное произведение, включающее в себя мир богов, мир демонов и мир простого человека — более привлекательные для читателя, чем мир реальный. «А. Кондратьев, — писал Вадим Крейд, — как мало кто за всю историю русской поэзии приблизил к нам дух и ценности эллинской и славянской древности» [Крейд 1989: 136].

Литература

- Крейд В.* О поэте Александре Кондратьеве, его судьбе и стихах // Новый журнал. 1989. № 3. С. 129–146.
Седов О. Мир прозы А. Кондратьева: мифология и демонология // Кондратьев А. Сны. СПб., 1993.

«СГНИВШАЯ» БИБЛИОТЕКА Н. И. НАДЕЖДИНА: СЛАВИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В СОБРАНИИ И. А. ШЛЯПКИНА

**“ROTTEN” LIBRARY OF N. I. NADEZH DIN: SLAVISTIC FINDINGS IN THE COLLECTION OF
I. A. SHLYARKIN**

Сапожникова Ольга Сергеевна

научный сотрудник, Библиотека Российской Академии наук

Николай Иванович Надеждин (1804–1856), профессор Московского университета, историк, журналист, философ, критик романтических сочинений А.С.Пушкина, был известен своим современникам как человек энциклопедической образованности. За один год ссылки, в Усть-Сысольске Вологодской губернии Надеждин написал более ста статей для Энциклопедического Лексикона А. А. Плюшара, о чем сообщает сам ученый в автобиографии [Надеждин 2000: 115]. Очевидно, что за более, чем четверть века своей кипучей деятельности Надеждин собрал необходимые для научной работы издания, известно, что он также активно обменивался научными трудами с деятелями славянского возрождения, получал их в дар [Попов 1873: 47]. Однако о библиотеке Н. И. Надеждина до сих пор ничего не было известно. Единственными упоминаниями о ней, а вернее, о ее печальной судьбе, являются свидетельства И. А. Шляпкина (1858–1918), известного петербургского филолога, профессора Санкт-Петербургского университета, автора многих научных трудов по русской литературе, увлеченного библиофила. За свою жизнь он собрал около 16 000 книг: «[я] собрал коллекцию русских древностей, картин, гравюр и библиотеку... Пополнял ее из разгромленных библиотек О. М. Бодянского, А. Н. Попова, О. Ф. Миллера, Н. И. Надеждина, К. А. Коссовича, Эттингера, А. Т. Болотова (масона), д-ра Дункана, М. Н. Островского, А. Н. Пыпина, Г. В. Есипова» [Шляпкин 1907: VI–VII]. Сочувственное сообщение о «разгромленной» наряду с другими библиотеке Надеждина соответствует тону недавно обнаруженной на книге из собрания Шляпкина записи: «Экземпляр из сгнившей библиотеки Н. И. Надеждина» (ВЖК. XXXII. 3.39). В 1895 г. И. А. Шляпкин передал безвозмездно в библиотеку Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге около тысячи книг, а в 1918 г. после кончины профессора, согласно его завещанию, большая часть коллекции (около 15 000 томов) была передана в Николаевский императорский университет г. Саратова. Не так давно часть коллекции Шляпкина была выявлена в фондах библиотеки Высших женских (Бестужевских) курсов (около 710 томов) (отдел Библиотеки им. А. М. Горького Санкт-Петербургского университета) (далее ВЖК — шифры библиотеки).

Запись о «сгнившей» библиотеке Н. И. Надеждина была сделана И. А. Шляпкиным на издании авторитетной в то время книги И.-Г. Шнитцлера: *La Russie, la Pologne et la Finlande* [..] par J.-H. Schnitzler (Paris, 1835). На авантитуле этого экземпляра находится и круглый штамп-экслибрис с двумя буквами: «НН». Об экслибрисах библиотеки Надеждина нет никаких сведений в современных справочниках по книжным знакам, но поскольку такое сочетание букв соответствует инициалам Николая Надеждина (и начальным буквам его псевдонима — Никодим Надоумок), которыми он подписывал письма и изредка — статьи в своем «Телескопе», а сам экслибрис находится на книге с указанием ее принадлежности Надеждину, то можно с уверенностью сказать, что этот штамп и есть неизвестный экслибрис несохранившейся библиотеки известного критика и ученого. Помимо экслибриса «НН» на титульном листе одного экземпляра из собрания И. А. Шляпкина встретилась и запись самого Надеждина. На основании этого автографа и экслибрисов «НН», а также записей Шляпкина выявлено на сегодняшний день всего 14 наименований XVI–XIX вв. в 26 томах, принадлежность которых к утраченной библиотеке известного критика можно считать бесспорной. Среди выявленных экземпляров библиотеки Надеждина находятся книги прежде всего его хороших знакомцев — славянских коллег. Самым близким из них был для Надеждина сербский ученый Вук Караджич. Экземпляр «Песен славян» этого автора в двух томах в переводе на французский язык из библиотеки Надежди-

на теперь известен благодаря помете И. А. Шляпкина: «Изъ книгъ Н. И. Надеждина» («Chants populaires des Serviens». ВЖК. XXXI. 7.20).

Сохранились три издания знаменитого «всеславянского» поэта, одного из идеологов «славянской взаимности» словака Яна Коллара (1793–1852): «Sláwa bohyně a původ jména slawůw čili Slawjanůw: s příjawkou srownalost indického a slawského žiwota, řeči a bájeslowi ukazujícími» (ВЖК. XXXII. 8.43), а также изданные в 1832 г. комментарии Коллара «Wýklad čili Přjmetky a Wyswětliwky ku Sláwy Dceře [...]» (ВЖК. XXXII. 3.63). Библиотека Н. И. Надеждина хранила, по видимому, множество сведений о его знакомствах, интересах, перемещениях по Европе. Так, на сохранившемся экземпляре 1596 г. читается его автограф, из которого следует, что книга была приобретена в Вене в последнем путешествии ученого по славянским землям: «Nicolaus Nadezdin. Vindobona 18 XI/29 47» (ВЖК. XXXII. 6.3).

Примером взаимосвязи интересов ученого и его библиотеки является экземпляр фундаментального труда швейцарского экономиста и историка, одного из основоположников политической экономии и собеседника мадам де Сталь Ж.-Ш. Л. де Сисмонди (1773–1842) «История итальянских республик». Вот так Надеждин описал в автобиографии свою увлеченность этой работой: «[...] Чтобы ознакомиться с подробностями средневековой истории, я принялся за двенадцать томов «Истории итальянских республик» Сисмонди и, можно сказать, проглотил их». Все двенадцать томов «Истории» Сисмонди сохранились в собрании И. А. Шляпкина (ВЖК. XXXI. 3.4). На первом томе читается его запись: «Экземпляр Н. И. Надеждина. И. Шляпкин». Теперь известно одно из направлений поисков библиотеки Н. И. Надеждина — в собрании И. А. Шляпкина. Из 14 изданий, принадлежащих библиотеке Н. И. Надеждина, на одном читается его автограф, на 4 находится штамп-экслибрис «НН», на 6 — дарственные записи, на 4 — записи Шляпкина. На 14 томах имеются штампы-экслибрисы библиотеки И. А. Шляпкина.

Литература

Надеждин Н. И. Сочинения в двух томах, под ред. З. А. Каненского. Т. 1. М., 2000.

Попов Н. А. Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н. И. Надеждину // Русский архив за 1873 г. М., 1873. Стлб. 1131–1221.

Шляпкин И. А. Для немногих: Автобиогр. заметка проф. И. А. Шляпкина. СПб., [1907]. С. VI–VII.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДА Д. И. ЧИЖЕВСКОГО В ЕГО РАБОТАХ О Г. С. СКОВОРОДЕ

Тоичкина Александра Витальевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Личность и труды Г. С. Сковороды (1722–1794) были в центре внимания известного слависта Д. И. Чижевского (1894–1977) на протяжении многих лет его научной деятельности. Имя философа возникает в работах Чижевского в конце 1920-х гг.: в 1929 году выходят сразу четыре его статьи о Сковороде на русском и немецком языках. В начале 1930-х круг работ расширяется, и в 1934 г. в Варшаве публикуется известная книга Чижевского на украинском языке «Философия Г. С. Сковороды». Но и после выхода этой монографии ученый продолжил изучать наследие Сковороды. Последняя его работа — дополненный немецкий вариант книги о Сковороде — вышла в 1974 г. В 1920-е гг. Чижевский, судя по всему, вынашивал замысел создания «синтеза синтезов», «системы систем» в философии. Философия для него в это время — «“выше” конкретных наук, так как исследует мир в целом, или упорядочивает результаты, добытые отдельными науками, которые она критически пересматривает» [Чижевский 1994: 5]. Чижевский использует открытия феноменологии (в частности, феноменологии Гуссерля) для построения своей историософии. Задача — дать панораму «частичных правд» и их синтезов в истории конкретных деятелей, их произведений, эпох и стилей философии и культуры (в частности, литературы и по большей части в области славяно-германской компаративистики). Разрабатывая методологию, он подчиняет феноменологию задачам онтологии. Известно, что Чижевский был учеником В. В. Зеньковского и С. Л. Франка. И традиция русской религиозной философии для него не менее, а может быть и более значима, чем немецкая философия. Для Чижевского центр бытия составляет Бог, а части — Его творения. Систему по Чижевскому можно выстроить только тогда, когда частные проявления Божественной правды окажутся восполнены их соотносительностью с Божественной Истиной. Этот подход он в дальнейшем осуществил в своих исследованиях по истории философии и литературы. В книге 1934 г. «Философия Г. С. Сковороды» Чижевский подходит к анализу универсума поэта и ученого XVIII века именно как философ (так, он рассматривает основания философии, метафизику, антропологию, этику и мистику Сковороды). Но Сковорода был поэтом и философом в одном лице. В его произведениях философия воплощалась в сложных и, как правило, противоречивых образах (генезис и природа их достаточно многослойны). И Чижевский решает проблему описания философии Сковороды, вырабатывая синкретический метод, объединяющий историко-литературный, богословский и философский подходы. Рассмотрение соотношения идеи и образа в диахронно-компаративистическом аспекте становится одним из важных ходов в описании философии Сковороды в книге 1934 г. Чижевский систематизирует философские представления автора, который сам не является философом-систематиком: Сковорода излагает свои религиозно-философские взгляды в жанрах диалога, басен, стихов («песен»). Метод Чижевского строится на анализе параллелей идей, образов и символов Сковороды с идеями и образами Я. А. Коменского и немецких мистиков (Беме, Экхарта и др.). В монографии сделана попытка дать научное системное описание «мистической теологии», воплощенной в сочинениях религиозных писателей и философов. Так, во втором разделе Чижевский рассматривает диалектику Сковороды, его понятия-символы, интерпретацию им Библии именно с точки зрения их духовного смысла, их соотношения с «правдой Абсолюта», т. е. Божественной Истиной. Доказательства меры истинности открываемого духовного смысла образов-символов Сковороды Чижевский находит в истории культуры (см. его анализ семантики круга у Сковороды и его предшественников — [Чижевский 2003: 62–70]). Выработанные в 1920–30-е годы принципы остаются актуальными для Чижевского на протяжении всей его деятельности, хотя и претерпевают эволюцию. Так, сам ученый следующим образом разъяснял специфику своего подхода в своей немецкой монографии 1959–1961 годов «Русская история духа»: «Чем занимается история духа? На этот вопрос можно ответить тавтологически: “историческим развитием духа”. Под духом (которым занимается история духа) мы понимаем

сознание человеком сущности своего бытия. К содержанию этого сознания относится представление человека о том, какое место он занимает в кругу других людей, в природе (“в космосе”) и в сверхъестественном мире (в том случае, если признается существование такового), наконец, в каких отношениях он находится с прошлым и будущим. История духа может заниматься таким сознанием только тогда, когда оно либо сформулировано отвлеченно, либо может быть приведено к отвлеченной формулировке посредством исследования. Поскольку историк духа чаще имеет дело с написанным словом (реже с устной традицией) как со своим источником, он может надеяться, что такая отвлеченная формулировка может быть получена посредством интерпретации» [Tschizewskij 1959: 7–8]. Задача выработки философского метода, который бы позволил описать «синтез синтезов» «истории духа», привела ученого к необходимости охватить такой огромный историко-культурный материал, в процессе исследования которого сама идея «Абсолюта» постепенно растворилась в «антропологии культуры», а принцип единства противоположностей — в теории смены историко-культурных волн. Вместе с тем, подход, разработанный Чижевским, открыл возможность научного описания духовного смысла не только отдельных произведений и их создателей, но и исторических путей наций и их культур.

Литература

Чижевський Д. І. Антична філософія в конспективному вигляді. Кіровоград, 1994.

Чижевський Д. І. Філософія Г. С. Сковороди. Харків, 2003.

Tschizewskij D. Das Heilige Rußland. Russische Geistesgeschichte I. 10.–17. Jahrhundert. Hamburg, 1959.

РЕЦЕПЦИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПРОЗЕ МАРЕКА ХЛАСКО: ОТ ПРИНЯТИЯ ДО ОТРИЦАНИЯ

Федорова Виктория Игоревна

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

Достоевский — один из самых популярных в Польше русских писателей. Его произведения изучают в школе, о нем пишут серьезные научные работы (библиография польской литературы о Достоевском представляет собой внушительный список из сотен позиций), его читают просто так, для себя. Без сомнения, Достоевский оказал огромное влияние на польскую литературу: С. Пшибышевский, З. Налковская, Б. Прус, Ч. Милош, Т. Ружевиц, М. Хласко, В. Гомбрович, Г. Херлинг-Грудзинский — это далеко не полный список польских писателей и поэтов, испытавших на себе влияние поэтики Достоевского. Однако наше внимание будет посвящено только одному из этих имен — Мареку Хласко. И причина этому есть.

Хласко, по собственному признанию, чтобы научиться писать, читал много и захлеб. Одним из его кумиров был Достоевский, «великий провидец» [Хласко 2000: 180]. Герои произведений Хласко польского периода (периода до вынужденной эмиграции) — типичные носители эгоцентрического сознания, где «я» является центром мира и руководствуется этосом желания, но это не кризисная фаза такого сознания, характерная для литературы XX в., а тот его тип, с которым мы ассоциируем XIX столетие — «золотой век культуры уединенного сознания, в России протянувшийся от карамзинской “Меланхолии” 1800 г. (“В уединении ты более с собой”) до розановского “Уединенного” 1912 г.» [Тюпа 2014: С. 6], того типа ментальности, которая «в условиях России предстает не как духовная доминанта эпохи, а как проблема уединенного сознания (наполеонизма, байронизма, революционного утопизма, “подпольности”, существования вне уз “братства” и т. п.)» [Тюпа 2009: 51].

Над «наполеоновским» вопросом ломает голову Раскольников, «наполеоновские» амбиции и у героя рассказа Хласко «Страсти», который, разговаривая с умершим другом, вспоминает: «Пять лет назад, приехав в эту дыру, я был совсем другим. Мысленно возводил дома, прокладывал новые улицы, строил стадионы, парки, школы, музеи и общественные туалеты. Сносил костелы, крушил распивочные и строил трудовые лагеря для алкоголиков; я собирал с неба звезды и рассеивал ими тьму ради всех и каждого в отдельности. Мне до всего было дело» [Хласко 2000: С. 310–311].

При этом Раскольников проходит процесс преобразования, приходя к пониманию ценности «Другого», восприятию иного «Я» как «Ты», к осознанию возможности диалога (в бахтинском смысле), его уединенность подавляется этосом ответственности, в то время как герой «Страстей», напротив, не дает выхода своим мыслям и чувствам, прикрываясь напускным цинизмом. И все же и Раскольников, и герой рассказа Хласко — представители именно того, свойственного литературе XIX в. типа сознания. Они не теряют своей «самости», за что нередко воспринимаются представителями литературы и культуры XX в. как слишком схематичные и шаблонные. В 1958 г. в жизни Хласко наступает перелом: его, лауреата Премии книгоиздателей, поощряют поездкой во Францию. Писатель не знает, что ему больше не суждено будет вернуться в Польшу. Перелом наступает и в его творчестве: герои его произведений больше не мечтают, не злятся, не радуются, не испытывают отчаяния, страсти, любви. Они лишь меняют маски, изображающие все эти чувства, по сути это авантюристы, но их проделки вовсе не так безобидны, как проделки трикстеров испанских плутовских романов XVI–XVIII вв. Герой «Страстей», рассказа Хласко польского периода, периода восхищения Достоевским, врач, говорит молоденькой медсестре: «У тебя воображения не хватит представить, сколько всего может вынести человек». Между тем у Хласковера, героя «израильского цикла» Хласко, и его девушки, проститутки Евы, которая только что была с клиентом, происходит следующий диалог:

«— И ты можешь это стерпеть? — Ты и представить себе не можешь, сколько всего я смогу стерпеть, — сказал я. Что-то в этом роде я слышал вчера в ковбойском фильме с Аланом Лад-

дом. И повторил, не сводя мрачного взгляда с масленки, стоящей на столе. — Никто не знает, сколько может вытерпеть» [Хласко 2000: 368].

Хласковер привычно надевает маску, произносит чужую фразу и, чтобы удержаться в роли, фиксирует взгляд на постороннем объекте. Это типичный носитель кризисного уединенного сознания, не способный найти выхода из него в отличие от Раскольникова и героев польского периода Хласко, обесценивающий все, что имело для них значение и смысл.

Отдельного внимания заслуживает тема нарративного палимпсеста в романе Достоевского и прозе Хласко, а именно библейские сюжетные линии любви и прощения (Христос — Мария Магдалина) и предательства (Христос — Иуда). Если в «Преступлении и наказании» блудница спасает убийцу (и наоборот) и приходит вместе с ним к Богу и Священному писанию, то в «израильском цикле» главный герой предает любящую его проститутку и становится виновником ее гибели, при этом снимая с себя ответственность и руководствуясь убеждением, что Иуда любил Христа больше всех остальных.

Литература

Тюпа В. И. Ментальные кризисы в истории литературы // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе: в 2 ч. Ч. 1. Гродно, 2014.

Тюпа В. И. Литература и ментальность. М., 2009.

Хласко М. Красивые, двадцатилетние // Хласко М. Красивые, двадцатилетние. М., 2000.

«ОБЛАВА НА ВОЛКОВ» И. ПЕТРОВА: ТЕМАТИКА, ПРОБЛЕМАТИКА, ПОЭТИКА

Шешкен Алла Геннадьевна

профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ивайло Петров (1923–2005) внес важный вклад в развитие болгарской прозы. Его произведения обращены к художественному изображению нравственно-этической проблематики и драматических периодов национальной истории XX в. И. Петров был одним из ярких авторов так называемой «деревенской прозы», в центре которой Находилось изображение судеб болгарского села, национальных жизненных типов, крестьянства как хранителя нравственных устоев, лишённого в то же время идеализации. Роман «Охота на волков» («Хайка на вълци») считается вершиной творчества писателя и заметным явлением болгарской литературы конца XX в. Тематически связанный с коллективизацией сельского хозяйства, он, в сущности, затрагивает более глубокую проблему, касающуюся судьбы болгарской деревни, разрушения традиционного образа жизни, драматизма этого процесса. Литературная критика, как в Болгарии, так и в России [Карцева 1988; Пономарева 1992; Гилярова 2004 и др.], высоко оценила роман, соотнося его в первую очередь с изображением последствий социалистических преобразований деревни, которые в итоге привели к обезлюдению села, разрушению связей между поколениями, отказу от традиции и неизбежным моральным последствиям. С этим следует согласиться, не забывая в то же время, что произведение И. Петрова представляет собой более значимое явление как с точки зрения мотивной структуры, так с точки зрения поставленных в нем проблем. Одной из самых острых является проблема судьбы крестьянства как основы нации, его нравственного здоровья. Ясно прослеживается оппозиция города и деревни и т. д.

Роман построен как рассказ шестерых героев о пережитом, острых конфликтах и противоречиях, которыми была полна жизнь деревни до и после революции, и о тоскливом настоящем. Прошлое не оставляет героев и становится причиной трагических развязок вражды, возникшей давно. С точки зрения поэтики этот роман вступает в полемику с парадигмообразующим произведением о коллективизации, романом М. Шолохова «Поднятая целина» (широко известным в Болгарии), а значит, с соцреализмом. Наиболее наглядно это проявляется при сопоставлении финалов произведений. У И. Петрова присутствует острота противоречий между сторонниками и противниками коллективного хозяйствования (что было также сюжетной основой в романе Шолохова), но исчезает необходимая для соцреализма перспектива светлого будущего, связанного у Шолохова с победой коллективного созидательного труда. Болгарский писатель, напротив, подчеркивает ошибки и пагубные последствия создания коллективного хозяйства, волюнтаризм и произвол руководителей, деформацию личности вчерашнего крестьянина, когда он получает власть над людьми. Постепенно раскрывается не только вред, нанесенный деревне, но и нежизнеспособность самой идеи социализма. Вместо нее ряд героев обращается к христианству, пытаясь найти в Библии ответы на сложные вопросы настоящего. С другой стороны, И. Петров обращается к опыту литературы экзистенциализма, моделируя ситуацию, когда герои должны оказаться в одиночестве в пограничной ситуации. Они, вроде бы случайно, отправляются в метельную ночь в лес охотиться на волков.

Известно, что волков в округе нет, но они идут в заснеженные горы, надеясь в глубине души, что от кого-то прозвучит призыв повернуть обратно. Таким образом, складывается ситуация абсурда, подчеркивающая не только бессмысленность облавы, но и возникает ситуация одиночества, когда, сидя в засаде, каждый из героев, оказавшись наедине с самим собой, погружается в воспоминания, заново переживая нанесенные обиды. Прием ретроспекции помогает раскрыть причины поступков персонажей, понять их взаимоотношения в настоящем, он служит одним из способов характеристики внутреннего мира, раскрытию сложных душевных переживаний героев. Но это все-таки лишь внешнее сходство романа болгарского писателя с экзистенциализмом. В «Облаве на волков» сохраняется конкретно-историческая характеристика пространства и времени. Герои изображены в тесной связи с социальной средой, показаны

в развитии, писатель не идеализирует крестьян, это сложные натуры, которые в ряде эпизодов раскрываются с неожиданной стороны.

Кроме того, поступки персонажей тонко мотивированы психологически, их речь индивидуализирована. Таким образом, роман И. Петрова «Облава на волков» может быть отнесен к высоким образцам современной болгарской реалистической прозы. Учитывая значимость фольклорных элементов, подчас мистически окрашенных, следует отметить, что для этого произведения характерно использование фантастики. Болгарский роман вписывается в контекст художественных поисков писателей славянских литератур.

Литература

Гилярова Е. В. Творчество Ивайло Петрова в контексте болгарской прозы 1960–1980-х гг. Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. М., 2004.

Карцева З. И. Особенности развития болгарской прозы 60–80-х гг. (к проблеме циклизации). М., 1988.

Пономарева Н. Н. Судьба болгарского крестьянства в творчестве И. Петрова // Новые проблемы, новые решения: Актуальные аспекты изучения современной литературы Румынии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1992.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ПОЛЬСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ОСКАРА КОЛЬБЕРГА)

Юрова Алина Владимировна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Польский национальный язык включает в себя разговорный язык, который делится на официальный, культурный и тот вид разговорного языка, который в польском языкознании получил название *potoczny* [Wilkoń 2000: 71]. Данное понятие вызывает острую полемику среди польских лингвистов. Термин *potoczność* обозначает разговорную лексическую единицу, не включающуюся в нормы литературного языка. *Język potoczny* (разговорный язык) в традиции польского языкознания трактуется как обратная сторона польского национального языка, обслуживающая сферу повседневной коммуникации [Warchala 2003: 11]. В российском языкознании существуют близкие по значению термины для выражения данной категории языка — просторечие и разговорная речь. Разговорная речь является аналогом термина *potoczność*, тогда как просторечие не имеет однозначных соответствий в польском языкознании. Польский лингвист Шимониук пишет, что границы между терминами нечеткие, потому что часть словарного состава разговорной речи рассматривается как просторечие [Szymoniuk 1982]. Следует обратить внимание на помету *rosroility*, что может соответствовать русскому просторечию, однако этот термин тяготеет к вульгаризмам. Таким образом, отделение вульгаризмов от просторечия является очередной терминологической проблемой. Автор настоящего исследования рассматривает термин *język potoczny* как польскую разговорную речь, куда входят просторечие, вульгаризмы диалектизмы. Просторечные единицы обладают экспрессивной оценкой, у них можно обнаружить гамму оттенков от фамильярности до грубости, в то же время у просторечных единиц есть нейтральные синонимы в литературном языке. Перевод просторечий, а именно передача нестандартной лексики, рассматривалась многими исследователями, в их числе О. Ф. Алексеева, М. И. Баландина, Т. М. Беляева и др. Главная проблема — невозможность перевода эквивалентными единицами, даже при их наличии. Влахов и Флорин предупреждают, что просторечие можно перевести сходными единицами из языка перевода, но делать это необходимо осторожно и экономично, так как в языке оригинала и языке перевода они могут быть по-разному маркированы [Влахов, Флорин 1980: 254]. В нашем исследовании предпринята попытка перевода просторечия на русский язык на примере собрания сочинений польского этнографа и фольклориста Оскара Кольберга. Материалом послужили сказки из 8 тома под заглавием «Краковские земли» часть IV [Kolberg 1962]. Методом сплошной выборки из текстов произведений выделены просторечные единицы и проведен анализ их перевода. Наибольшая группа — это лексические просторечия, среди которых обнаруживаются разные части речи (существительные, прилагательные, наречия, глаголы). Анализ показал, что нет единственно верного способа перевода лексического просторечия на русский язык, большая часть может быть передана через относительные эквиваленты: ... *gdy nimi trzaśniesz na wiatr* [Kolberg 1962: 21].../ когда ими хряснешь по ветру...Здесь используется глагол *trzaśnieć*, который в Словаре польского языка обладает пометой *pot.* и имеет несколько значений: 1. сделать что-то очень быстро; 2. сильно ударить/удариться. Речь идет о волшебных хлыстах, которыми нужно ударить, чтобы появилось желанное. Вариант *trzaśnąć* встречается в Словаре польского языка под редакцией В. Дорошевского. В данном случае вариант имеет сходное значение, но появляется помета *daw.* — устаревшее. Эта ситуация нормальна для просторечия, так как просторечные единицы часто переходят в разные сферы языка, в том числе литературный. Русское слово хряснуть также имеет помету просторечное в словаре С. И. Ожегова, значение — «треснуть, сильно ударить». «...*wyrośli nareszcie na wysokich drabów* [Kolberg 1962: 31].../ они выросли наконец-то в высоких верзил...». Сказитель повествует о войске размером с горошину, которое после появления на королевском дворе выросло до необычайных размеров. Слово *drab* в Словаре польского языка также имеет помету просторечное в значении «высокий мужчина, вызывающий страх». В русском языке отсутствует полный эквивалент данному слову, однако в словаре

Ожегова встречается слово *верзила* с пометой разговорное, означающее высокого и нескладного человека. Для понимания сказки важен именно контекст высокого роста, в связи с этим можно считать такой перевод допустимым. «...ale po co tamten głupiec ріесуч jechać?... [Kolberg 1962: 42] ... но зачем этому глупцу филону ехать?...» Слово *ріесуч* явно просторечное. Оно имеет негативную стилистическую окраску и синоним, употребляющийся в литературном языке: *leniuch*. В Словаре польского языка *ріесуч* обозначает человека, любящего удобную жизнь. В словаре Дорошевского встречается значение «домовая печь», из чего можно установить этимологию слова. Так следует говорить о человеке, который лежит на печи: это подтверждает контекст сказки. В русском языке есть множество разговорных и просторечных слов, имеющих подобное значение: *филон*, *сачок*, *ленца*. Для данного фрагмента автор настоящей работы посчитал подходящим использовать *филон*. Перевод в приведенных примерах не сохраняет всю просторечную окраску польских лексических единиц, однако это компенсируется контекстуальным способом перевода или при помощи просторечной стилизации окружающих лексических единиц. В текстах Кольберга присутствует не только просторечие, но и диалектизмы, что создает дополнительные проблемы для переводчика, однако этот вопрос следует рассмотреть в следующих исследованиях.

Литература

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980.

Kolberg O. Dzieła wszystkie: Krakowskie. Wrocław-Poznań, 1962. cz. IV, t. 8, s. 368.

Szymoniuk M. Wykorzystanie elementów języka potocznego w literaturze rosyjskiej lat 1955–1978. Uniwersytet Śląski, 1982, s. 155.

Warchala J. Kategoria potoczności w języku. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego: Katowice, 2003, s. 288.

Wilkoń A. Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego: Katowice, 2000, s. 111.

ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

МЕСТОИМЕННИЯ ВТОРИЧНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ («ДЕКОНКРЕТИЗАЦИИ») В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ РУССКОГО

Иванова Елена Юрьевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Осенова Петя Начева

профессор, Софийский университет им. Св. Климента Охридского

В болгарском языке развилась специфическая серия неопределенных местоимений, которые используются в воспроизведенной речи, замещая информацию исходного высказывания и в разной степени редуцируя ее. Этот ряд местоимений образуется с помощью форманта ЕДИ- (в сочетании с вопросительными местоимениями или наречиями и частицей *си*), напр.:

- (1) *Уведомяват ме, че в продължение на два дни еди-какъв си опел с еди-какъв си номер ще ме чака в еди-кои си часове на еди-коя си улица* (Б. Райнов).

В ней сеобщається, что в течение двух дней такой-то «опель» с таким-то номером в такое-то время будет ждать меня на такой-то улице (пер. С. Никоненко).

Серия с ЕДИ- занимает особое место среди неопределенных местоимений: помимо того что они используются именно в воспроизведенной речи (или речи, которая имитирует воспроизведение [Ницолова 2008: 202]), необычной является их способность замещать название определенного объекта. Эта референциальная специфика данной местоименной серии определяется как «непрямая референция» [Осенова 2002], как «вторичная неопределенность» [Харвег 1978; Ницолова 1986], т. е. неопределенность, получаемая лишь на этапе воспроизведенной речи.

В русской лингвистике местоимения, которые употребляются в воспроизведенной речи, называются местоимениями «деконкретизации», что отражает факт референциальной замены, устранения конкретно-референтного статуса именной или адвербиальной группы [Падучева 2016]. Местоимения деконкретизации в русском языке образуются от указательных местоимений и наречий (только «дальности») с помощью частицы *-то*: *такой-то*, *тот-то*, *там-то*, *туда-то*, *тогда-то* и др. Часть этих образований, особенно адвербиальные, в случае когда они употребляются одиночно, является семантически непрозрачными из-за многозначности не только указательного местоимения, но и самого форманта *-то*. На этом фоне болгарская серия с ЕДИ- отличается семантической специфичностью, а сам формант ЕДИ- претендует на статус однозначного грамматического показателя вторичной неопределенности. В предлагаемом исследовании представлен сопоставительный корпусный анализ болгарских и русских местоимений вторичной неопределенности. На основе сплошной выборки из параллельных русско-болгарских текстов, расположенных на платформе НКРЯ (<https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=bul>) и Великотырновского университета (http://rbcorpus.com/search_form.php?search=2), описываются двуязычные параллели указанных форм, последовательно для их субстантивных, адъективных и адвербиальных употреблений. Для каждого из употреблений исследуются возможности редуцирования информации исходного высказывания, особенности порядка слов (напр. позиция местоимения по отношению к субстантивной вершине), семантическая специфика замещаемых именных групп, а также контексты, допускающие использование разных типов местоименных обозначений (ср. в примере (1) выбор *кой* и *какъв* на фоне единого местоимения *такой* в русском). Рассмотрены также типы текстов, в которых

появляются данные местоимения. Действительно, основной сферой бытования местоимений деконкретизации и в болгарском, и в русском языках является воспроизведенная речь. При этом, в соответствии с классификацией Р. Харвега [1978], воспроизведенная речь может быть прямой и косвенной, и в каждом из этих вариантов воспроизведенная речь может быть представлена местоимениями вторичной неопределенности. Ср. прямую (2) и косвенную (3) речь в следующих примерах:

(2) *«Вы такой-то?».*

„Вие еди-кой си ли сте?“;

(3) *... туристът ще ви каже, че тук се намират еди-кои си музеи и еди-какви си паметници, че в тоя ресторант готвят изключително вкусно, а в онова вариете има крайно интересна програма* (Б. Райнов).

... иной турист будет вам рассказывать без конца: здесь, мол, имеются такие-то музеи и такие-то памятники, в этом ресторане подают исключительно вкусные блюда, в таком-то варьете изумительная программа (пер. А. Собкович).

Известно, что маркерами воспроизведенной речи являются предикаты речемыслительных действий и существительные, несущие значение поступления информации (казвам, обяснявам, новина, информация и под.). Такие же средства отсылки к цитируемому тексту используются и при редуцируемой воспроизведенной речи. Сами по себе они не являются показателями редуцирования, поэтому основная роль в выражении этого значения ложится на местоименные ряды. Местоимения с *еди-* изредка используются и вне воспроизведенной речи. Так, в примере, где субъект действия является эмпатическим персонажем (находится в фокусе эмпатии повествователя), отсутствует контекст передачи информации. Использование *еди-*формы как обычного неопределенного местоимения отражено и в русской параллели какой-то:

(4) *Какого-то июля (конкретные числа Рулет в последнее время догонял смутно) вытолз он из своей съемной хаты в Саввинском переулке совсем мертвый* (Б. Акунин).

На еди-кой си юли (Рулото напоследък малко замаяно се ориентираше в конкретните дати) беше изпъзлял от „Савински переулок“, където живееше под наем... (пер. С. Бранц).

Корпусный материал показывает также значимость редупликации местоимений деконкретизации в русском языке на фоне ее отсутствия в болгарском, что подтверждает спецификацию болгарского форманта ЕДИ- как грамматического показателя вторичной неопределенности.

Литература

Ницолова Р. Българските местоимения. София, 1986.

Осенова П. Семантика и прагматика на българските неопределителни местоимения. София, 2002.

Падучева Е. В. Местоимения деконкретизации (*такой-то* и др.) // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.

Харвег Р. Редуцированная речь // Новое в зарубежной лингвистике. VIII. М., 1978. С. 388–401.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ФОРМ ПРЕПОДАВАНИЯ МАКЕДОНСКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО

Алексова Гордана

профессор, Университет Святых Кирилла и Мефодия в Скопье

Преподавание македонского языка как второго в педагогической, лингвистической и методологической теории и практике в Македонии рассматривается в двух его основных разновидностях: македонский язык как иностранный (македонскиот јазик како странски — МЈС) и македонский язык как неродной (македонскиот јазик како немајчин — МЈН), или язык социальной среды. Преподавание МЈС предназначено для слушателей, для которых македонский является языком зарубежной страны. Преподавание МЈН предлагается обучающимся, для которых родным языком является албанский, турецкий или сербский. Оба вида преподавания зародились приблизительно в один и тот же период и связаны в определенной степени с одинаковыми общественными, социолингвистическими, культурологическими, научными и образовательными явлениями и обстоятельствами, а также имеют много общего в методологии и методике обучения и освоения языка. В то же время они движутся в разных направлениях, обретая свои собственные формы развития, теоретической и практической реализации. Эти сходства и различия, а также соображения по адаптации двух видов преподавания к современным трендам в освоении второго языка и являются предметом рассмотрения данной работы. Сходства между преподаванием МЈС и МЈН мы рассматриваем в первую очередь в составе более крупного, материнского понятия — преподавания македонского языка в целом. С этой точки зрения первая общая черта преподавания МЈС и МЈН состоит в том, что обе формы представляют собой интерактивную деятельность по изучению и обучению, происходящую при участии двух субъектов — ученика и учителя. Деятельность обоих этих субъектов связывает качественная связь через содержание, которое необходимо освоить до уровня компетенций для беспрепятственной практической реализации в живом языке. Это содержание представляет собой третий фактор в процессе преподавания. В нашем случае им является македонский язык как метаязыковое и коммуникативное содержание. В этом состоит вторая общая черта преподавания МЈС и МЈН. Преподаваемое содержание подлежит осмыслению, программированию, планированию, целеполаганию и реализации в соответствии с критериями неродного языка / второго языка / иностранного языка. Все три фактора (ученик, учитель и преподаваемое содержание) находятся в постоянном взаимодействии и генерируют достаточно энергии, чтобы поддерживать изучение и обучение как динамический процесс приобретения и передачи знаний, умений, навыков, опыта и привычек, что невозможно без дидактического оформления интерактивного содержания. В обоих видах преподавания действуют общие правила планирования и реализации, и в этом выявляется их следующее сходство — создание методического аппарата: постановка целей и задач преподавания; выбор наиболее подходящих методов; соблюдение определенных принципов преподавания и разработка разнообразных и креативных форм работы. Еще одно сходство между этими двумя разновидностями преподавания македонского языка является, по сути, конечной целью любого обучения языку: формирование у слушателей лингвистических и коммуникативных компетенций как предпосылка для их включения в общение на языке. Процесс преподавания включает в себя значимости всех духовных и материальных отношений, устанавливаемых с другими действующими факторами в конкретном пространстве и времени, и это дает нам четвертый фактор преподавания — обстоятельства, в которых оно происходит. Сущностные различия между преподаванием МЈС и преподаванием МЈН формируются под влиянием следующих обстоятельств:

- целевые группы в соответствии с родным языком;
- возраст слушателей;
- профессия слушателей;
- происхождение слушателей или место, откуда они прибыли;

- место реализации обучения;
- структура и размер группы для обучения;
- другие условия, от которых зависит и в которых происходит обучение.

Различия в преподавании МJS и MJH могут быть определены и с точки зрения особенностей слушателей обоих видов обучения, а именно, в соответствии с:

- местом проживания;
- возрастом;
- профессией;
- причиной и целью, которую ставят перед собой изучающие македонский язык;
- условиями и обстоятельствами, в которых они проходят обучение;
- формой организации обучения (государственное или частное обучение, групповое или индивидуальное);
- вспомогательным иностранным языком при обучении (включен ли язык-посредник в обучение или нет, какой язык является посредником);
- формами работы (большая или меньшая предрасположенность к определенным языковым навыкам);
- говорение, письмо, аудирование, чтение;
- большая или меньшая активность лектора или обучающихся;
- визуализация с помощью ИТ-оборудования или только с использованием книги, тетради, доски и т. д.;
- предрасположенностью к коммуникационным темам (кино, музыка, литература, туризм, спорт, образование, наука, повседневная жизнь и т. д.);
- языковыми компетенциями и языковыми потребностями (наличие языковой базы, репрезентация грамматического содержания, наличие рамочной коммуникационной темы и т. п.);
- желанием или потребностью сертификации курса, т. е. определения степени знания македонского языка (по разным причинам нуждаются или не нуждаются в разных видах сертификатов) и т. д.

В комплексной концепции организации и проведения преподавания македонского языка как второго очень важно подчеркнуть исключительную важность лектора, который вместе со студентами является реализатором обучения языку как иностранному. От его профессиональных компетенций, языковых и преподавательских, возможно, более всего зависит качество занятий, и постоянное повышение квалификации является его обязанностью, равно как и ответственностью государства.

СОВРЕМЕННАЯ ЖИВОПИСЬ БОЛГАРИИ (ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ, ТЕМЫ И АРХЕТИПЫ)

Аникин Михаил Александрович

старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж

Живопись Болгарии в конце XX — начале XXI века развивалась в русле того общеевропейского тренда, который мощно заявил о себе ещё со времени вступления европейской культуры в эпоху модернизма и постмодернизма. Её развитие во многом было детерминировано теми процессами, которые проявились в первой половине XX века в таких культурных столицах Европы, как Париж, Берлин, Рим, Вена и Мюнхен. Также определенное воздействие на развитие болгарской живописи традиционно оказывала Москва и вообще русская (в XX веке советская) живопись. Среди наиболее значимых имен болгарских живописцев, значение творческого наследия которых остается несомненным, следует упомянуть такие имена, как Владимир Димитров-Майстора, Светлин Русев, Илия Петров, Цанко Лавренов, Златю Бояджиев, Владимир Пешев и ряд других. В предыдущих докладах и заметках на тему мы уже обращали внимание на то, что наиболее показательными примерами в плане выявления главных тенденций развития современной болгарской живописи могут быть работы Димитрова-Майсторы (1882–1960) и Светлина Русева (1933–2018). Если первый из этих мастеров олицетворяет своим творчеством ту линию развития болгарской живописи, которая несколько условно может быть названа «импрессионистической», то второй с достаточной степенью уверенности может быть причислен к основоположникам болгарской «символистической» живописи. Речь при этом не идет о чисто импрессионистическом или чисто символистическом художественно-стилистическом методе, но скорее о самом общем взгляде названных мастеров на природу и человека. Подобные взгляды исповедовали многие художники Болгарии во второй половине XX — начале XXI в. В этом плане наиболее показательной является картина Димитрова-Майсторы «Болгарская девушка» (1952 г.), сразу же ставшая своего рода «визитной карточкой» болгарской живописи XX в., воплощением той глубоко гуманистической энергии, которую несло в себе творчество известного болгарского художника. Источником вдохновения для Димитрова-Майсторы была сама природа Болгарии и окружающая его культура простого народного быта, непосредственно воспринимаемая художником, любившим работать под прямым впечатлением от увиденного. Что касается Русева и других художников-«символистов», творчество этих мастеров во многом было инспирировано древней историей Болгарии, теми архетипическими мотивами, которые воспринимались и передавались всей болгарской культурой, её самобытным «кодом». В этом плане до сих пор показательным и знаковым произведением остаётся «Клятва» (1966 г.) Светлина Русева. В рамках обозначенных главных тенденций современной болгарской живописи (мы включаем в это понятие весь комплекс живописных произведений второй половины XX — начала XXI вв.) трудились многие художники Болгарии названного временного периода. Многие из них, как Димитров-Майстора, отталкивались в своем творчестве от самой природы и быта Болгарии, другие, как Русев, стремились почерпнуть вдохновение в архетипических глубинах истории своей страны. Особая роль в этом плане принадлежит болгарской иконе и вообще средневековой культуре, которая всегда занимала особое место в жизни болгарского народа, в свое время потерявшего свою государственность и попавшего в жесткий режим турецкого ига. Борьба с ним во многом наполняла творчество художников XIX в., освобождение от него стало темой творчества многих мастеров. Обращение к теме старого Пловдива, одного из древних городов Болгарии, в котором старая болгарская архитектура и национальный колорит явились своего рода Меккой для художников, также во многом формировало атмосферу всей живописи Болгарии XX — начала XXI вв.: Ц. Лавренов «Старый Пловдив», 1938 г.; З. Бояджиев «Зима в Пловдиве», 1939 г. В свою очередь это имело свои корни в живописи XIX в. — достаточно вспомнить картину Ивана Мырkvички «Второй Пловдивский базар» (1888 г.). Во второй половине XX в. одной из главных тем стала тема войны и мира. Собственно антивоенное творчество крупнейших европейских художников — таких как Пикассо с его «Герникой» и «Голу-

бем мира», Матисс и Руо, с их поисками в области нового религиозного искусства, — оказывало свое воздействие на весь творческий мир Европы, включая и Болгарию. В этом ряду стоит вспомнить и антивоенные произведения немецких экспрессионистов, с которыми болгарские мастера тоже были знакомы. «Протест против войны» (1964 г.) Дечко Узунова может служить убедительным примером яркого художественного преломления этой темы. Особую роль при этом непосредственно играла тема мира и созидания, которая мощно зазвучала во второй половине XX в. «Весна в старом Пловдиве» (1965 г.) Христо Стефанова является одним из таких произведений. Влюбленная пара на первом плане, сидящая на фоне устремленного к небу города, олицетворяет мирную и спокойную жизнь, ожидание чего-то нового, незнакомого. Художник лишь намекает на то, что молодая женщина скорее всего ожидает ребенка, а её спутник, прижимаясь плечом к своей избраннице, ещё не вполне осознал всю глубину того события, которое предстоит. Но три зацветших дерева и лестница, ведущая к практически закрытым городской архитектурой небесам, напоминают о чуде рождения, которое ещё предстоит. Ясно, что рождение напрямую связано с темой мира. Картина «Матери» (1967 г.) Александра Петрова находится в таком же ряду произведений. Живопись начала XXI в. в Болгарии в целом развивается в русле названных национальных тем и исторических процессов, о чем можно судить на примере нового поколения болгарских мастеров — таких, в частности, как Павел Митков (1977 г. р.) и Мирослава Захариева (1982 г. р.).

ЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ УЧЕНЫХ-СЛАВИСТОВ В ФОНДАХ НБ ИМ. М. ГОРЬКОГО СПБГУ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Васильева Ольга Вадимовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В период с середины XIX до середины XX вв. в Научную библиотеку Санкт-Петербургского-Петроградского-Ленинградского университета поступило пять крупных собраний книг по славистике: личные библиотеки Петра Ивановича Прейса (1847; приобретена у брата ученого; включает издания первой половины XIX века по общему языкознанию и славистике), Полихрония Агапиевича Сырку (1905; приобретена у вдовы ученого; включает редкие издания на языках балканских народов), Владимира Ивановича Ламанского (1915; передана по завещанию; включает издания по истории и филологии славянских народов), Николая Владимировича Ястребова (начало 1920-х гг.; включает издания по истории и филологии славянских народов), Петра Алексеевича Лаврова (1914, 1940; частично передана в дар, частично приобретена; включает собрание книг по славяноведению и византиноведению). Решение о покупке или приеме изданий в фонд в качестве пожертвования принималось прежде всего на основании соответствия коллекции учебным программам Университета, также учитывалась научная ценность изданий; в качестве экспертов привлекались ведущие преподаватели и научные сотрудники университета. Так, например, коллекция П. И. Прейса была приобретена по рекомендации проф. Н. Г. Устралова после положительного отзыва университетского библиотекаря К. Е. Боша, библиотека П. А. Лаврова — по рекомендации проф. С. Л. Обнорского и проф. Н. С. Державина. Поступавшие в университетскую библиотеку книги распределялись по фонду библиотеки согласно принципам расстановки и организации фонда, они поступали как в основной фонд библиотеки, так и в так называемые кабинетные или семинарские библиотеки историко-филологического факультета: кабинет русско-славянской филологии, славянский семинарий, кабинет по изучению истории славян, читальню историко-филологического факультета. Фонды университетской библиотеки, как и сам университет, претерпели значительные структурные изменения в период с 1918 по 1931 год, таким образом, в настоящее время частные книжные собрания расплывены по основному фонду и его отделам.

Проведенные ранее исследования фондов частных библиотек позволяют сделать вывод о том, что их тематический состав соответствует научным склонностям владельца: если в библиотеке П. И. Прейса представлены сочинения пионеров сравнительного языкознания (Я. Гримма, Ф. Боппа, Р. Раска и др.) и труды по философии языка, то в библиотеке В. И. Ламанского мы видим книги по истории Центральной Европы, Балкан, Малой Азии и Средиземноморья, этнографии, фольклору и литературе западных и южных славян. Ценная часть собраний — книги на славянских языках, приобретаемые во время заграничных путешествий ученых (грамматики, словари, исторические сочинения, произведения художественной литературы). Отметим, что многие книги покупались в нескольких экземплярах, как пособия для будущего преподавания. Неполнота сведений о некоторых книжных коллекциях объясняется, во-первых, тем, что формы фиксации новых поступлений неоднократно менялись на протяжении истории университетской библиотеки, и, во-вторых, тем, что для некоторых периодов ее существования документов почти не сохранилось. Наиболее изученными являются библиотеки П. И. Прейса [Николаев 1983] и В. И. Ламанского (список работ о собрании Ламанского насчитывает 5 наименований), менее всего данных о библиотеке Н. В. Ястребова. Исследование состава фонда, дарственных надписей позволило бы сделать выводы о состоянии науки в соответствующий период, о научных связях, в том числе международных. Отдельной темой исследования могут стать инскрипты — дарственные, посвятительные надписи на книге, которые являются источником биографий автора и реципиента. Дарственные надписи свидетельствуют о научных и личных дружеских связях, совместной деятельности, несут в себе уникальную историческую, культурную информацию.

Восстановить состав этих собраний можно не только традиционными методами с помощью описей и экслибрисов, имеющих почти для каждой коллекции, но и методом электронной ретроконверсии. В настоящее время в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ ведется огромная работа по электронной ретроконверсии: внесению в электронный каталог (http://old.library.spbu.ru/cgi-bin/irbis64r/cgiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=IBIS&P21DBN=IBIS) полных библиографических описаний изданий, поступивших в фонды до 1999 года. Электронная ретроконверсия ведется в автоматической библиотечно-информационной системе ИРБИС. В АБИС ИРБИС предусмотрено внесение целого ряда данных об отдельном экземпляре книги, в том числе наличие автографа, тексты владельческих и дарственных помет, наличие и текст экслибриса. Наличие таких данных позволяет виртуально «собрать» ту или иную коллекцию, получить актуальный список изданий. С другой стороны, стандартные поля библиографического описания (язык, страна издания, год издания) позволяют сформировать статистический «портрет» коллекции. К сожалению, данный вид работ происходит децентрализованно, ведется каталогизаторами разных подразделений Научной библиотеки. Вместе с тем, записи электронного каталога и статистические данные являются ценным источником по изучению истории науки, могут стать основой для дальнейших исследований.

Литература

- Николаев Н. И.* Библиотека П. И. Прейса // Ленинградский университет. 1983. N 3. С. 6–7.
- Николаев Н. И.* Список важнейших коллекций, хранящихся в Научной библиотеке С.-Петербургского университета [электронный ресурс] URL: <http://old.library.spbu.ru/rus/ork/chbibl.html> (дата обращения: 09.01.2023).
- Ястребов Н. В.* Памяти В. И. Ламанского как друга книги // Библиологический сборник. 1916. Т. 2, вып. 1. Пг., 1916. С. 50.
- Яцимирский А. И.* О библиотеке П. А. Сырку // Исторический вестник. 1909. № 1. С. 354–355.

СКОЛЬКО ВРЕМЕН У МАКЕДОНСКОГО ГЛАГОЛА?

Верижникова Елена Владимировна

доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

1. Постановка вопроса, вынесенного в заглавие, обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, темпоральная система македонского литературного языка является сложно устроенной, с максимальным в кругу славянских языков числом граммем (11): презенс, аорист, имперфект, сум-перфект, сум-плюсквамперфект, *има*-перфект, *има*-плюсквамперфект, будущее, будущее в прошедшем, будущее результативное, будущее результативное в прошедшем (см., напр., [Усикова 2003: 194–209]). В глагольных формах выражаются значения временного дейксиса и таксиса (абсолютные и относительные времена). Во-вторых, в лингвистической литературе представлены несопадающие точки зрения относительно состава категории. Расхождения связаны с научными взглядами авторов (ср. вынесение всей группы времен предстояния или же только будущего в прошедшем в качестве кондиционала, за рамки категории), а также с состоянием лингвистической науки ко времени создания работы. Так, в кодифицирующей грамматике Б. Конеского 1952–54 гг., написанной до широких типологических исследований эвиденциальности и выявления ее природы, в систему времен включено будущее пересказывательное время (*ке сум одел*) [Конески 1981: 496–499], при этом значение и употребление форм проанализировано точно. Теперь уже очевидно, что эти формы — косвенные эвиденциалы будущего и будущего в прошедшем. Современные македонские школьные грамматики традиционно воспроизводят систему, описанную у Б. Конеского. В-третьих, и это самая существенная причина проблемности заявленной темы, македонская языковая ситуация отличается динамичностью, активно развивающимися в темпоральной системе процессами.

2. Прежде всего, это связано с подсистемой инновационных форм с вспомогательным глаголом *има*: *има*-перфект (*има дојдено*), *има*-плюсквамперфект (*имаше дојдено*), будущее результативное (*ке има дојдено*), будущее результативное в прошедшем (*ке имаше дојдено*). Пришедшие в литературный язык из западномакедонских говоров, они, как и прогнозировал Б. Конеский [Конески 1981: 503], все шире проникают в речь уроженцев тех краев, для диалектов которых изначально не были характерны. В отсутствие национального корпуса, и, соответственно, надежной статистики, в подтверждение прогрессирующего распространения этих форм можно привести, в частности, гиперупотребление у авторов с севера и востока Македонии: *Спомнувааше некаква голема змија, забетонирана во неговата соба, која била тајно извадена за да се отстранат доказите. Змијата ја имаше пуштено неговиот сосед. Всушност, змијата беше само сенка од влагата на сидот што се насираше зад мебелот. / Невидливи змии постојано го имаа пресретнувано на патот кон изворите, каде полнеше вода. / Се жалеше дека го изгониле од куќата, како да имаше заборавено дека старата таткова куќа ја имаа продадено. Никој не знаеше каде му се парите и како набрзина ги потроши. Знаев дека често се вози кружно со такси во околината на градот, но во мое присуство немаше потрошено повеќе од 20 евра.* (Б. Богатиновски. Лет број 555. 2012. Автор — житель г. Куманово, 1971 г. р.) Динамику расширения употребления демонстрируют и будущие результативные с *ке има*. Хотя в грамматике Конеского эти формы перечислены в ряду других форм с *има*, в прошлом веке в македонских текстах они встречались крайне редко, что давало основание признать их лишь потенциально возможными [Велковска 1998: 60–61]. Однако в новом веке нами было собрано более 600 примеров употребления этих форм на форумах, в блогах и т. п. Представляется, что дело не только в открывшихся возможностях сбора материала через электронные поисковые системы, но и в расширении употребления *има*-форм в целом. Можно предположить, что появление новых средств коммуникации послужило стимулом для усиленных контактов между носителями разных глагольных диасистем и интенсификации распространения *има*-форм. Следует признать формы с *ке има/ке имаше* полноправными членами темпоральной системы.

3. Дискуссионным является вопрос о статусе конструкций с глаголом *сум* и согласуемым причастием на -н/-т, единственным в современном языке. Конструкции с причастием, образо-

ванным от переходных глаголов, имеют пассивное значение (*Куката е изградена*), а от непереходных — активное: *Тој е дојден. Тие се заминати*. Такие конструкции — еще одна инновация с центром на юге и западе Македонии. Некоторые исследователи трактуют подобные конструкции как формы третьего перфекта [напр., Graves 2008: 482]. Для этого есть определенные основания: частотность таких образований, их конкуренция с формами перфектов с *има* и *сум*. В таком случае следует включить в систему еще один плюсквамперфект (типа *бев дојден*) и два времени предстояния (*ќе бидам/сум дојден, ќе бев дојден*): *Карловац е вистински благороднички град, граден со вкус, без никаква тенденција со текот на времето да прерасне во големо чудовиште. Таков и си останал (беше останат): мирен, без многу сообраќај, со луѓе кои како да не живеат во СФРЈ.* (В. Петрушевски-Фили. JHA & JNA) *А може ли средба за Велигден, а? Во петокот на пр, па и јас да ве дружим, ќе бидам дојдена кај мајка ми тогаш?* (19.03.12. Форум www.ringeraja.mk) Полагаем, тем не менее, что придание этим конструкциям статуса временных форм для литературного языка преждевременно, хотя бы потому, что они могут быть образованы далеко не со всеми непереходными глаголами, а также в силу неоднородности их значения (актив-пассив). Эта группа конструкций — потенциальные члены системы времен. Войдут ли они в нее — покажет время.

Литература

- Велковска С. Изразување на резултативноста во македонскиот стандарден јазик. Скопје, 1998.
- Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1981.
- Ускова Р. П. Грамматика македонского литературного языка. М., 2003.
- Graves N. Macedonian — a language with three perfects? // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin, New York, 2008. P. 479–494.

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Делева Надежда Петкова

доцент, Софийский университет им. Св. Климента Охридского

Лексикографирование культуры можно отнести к актуальным проблемам современной лексикографии — одноязычной и двуязычной — из-за характерного для современных исследований акцента на соотношении языка и культуры. Словарь рассматривается как источник сведений, необходимый и достаточный для взаимопонимания в сфере межкультурной коммуникации.

При установлении и верификации соответствующих сходств и различий следует опираться на языковые факты, обращаться к исследованию межъязыковых параллелей. Сходство между русской и болгарской лексикой не подвергается сомнению. Пласт этимологически тождественных слов двух языков весьма значителен, и при сопоставлении сходство оказывается определяющим. Для целей нашего исследования в качестве исходного положения примем, что русско-болгарские аналоги — это лексические единицы общего происхождения (т.е. принадлежащие общеславянскому пласту или лексике, заимствованной из одного и того же источника) или результаты заимствования из одного из этих языков в другой, а также производные образования от слов-аналогов посредством морфем-аналогов [Червенкова 1992: 152]. Полное совпадение Р и Б в плане формальном и семантическом не характерно для русской и болгарской лексики. Слова-аналоги различаются грамматическим оформлением в соответствии с грамматическими системами языков. Определяющей для соотношения Р и Б является исходная (словарная) форма.

С точки зрения морфемного состава однокоренные Р и Б не совпадают полностью из-за разного словообразовательного оформления в каждом из языков. Тождество корней может в некоторых случаях сопровождаться различием в аффиксах (напр., р. *зимний* — б. *зимен*, р. *довольный* — б. *доволен*, р. *снег* — б. *сняг*, р. *точный* — б. *точен*, р. *достойный* — б. *достоен*, р. *великий* — б. *велик*, р. *площадь* — б. *площад*, р. *июнь* — б. *юни*). С другой стороны, при наличии тождества морфемного состава в оформлении лексической единицы могут наблюдаться различия нерегулярного характера (напр. р. *проблема* — б. *проблем*, р. *афиша* — б. *афиш*). В некоторых лексических парах можно наблюдать оба отмеченных различия, напр., р. *воспоминание* — б. *спомен*. Выбор аналогов как объекта сравнения находит свое место в лингвистических исследованиях, посвященных различным вопросам. В частности, возможен и конкретный выход в практику — демонстрация результатов сопоставления в лексикографической форме. Именно этот ракурс привлекает наше внимание и составляет для нас основной научный интерес.

Вопрос о необходимости включения культурного «созначения» в двуязычный словарь ставил в своих трудах В. Берков. Он отмечает, что все более или менее серьезные словари содержат те или иные страноведческие сведения, однако эта информация приводится несистематически, и целесообразно было бы комментировать случаи соотносимых фактов культуры [Берков 1975: 418]. Типы лексикографической информации о слове и способы ее представления при построении словарной статьи определяются на основе конкретной лексикографической концепции. Широкую популярность приобрело определение состояния современной лексикографии как «синтеза филологии и культуры в самом широком смысле слова» [НБАРС 1993: 9]. Целесообразно считать, что этот тезис может найти подтверждение и в организации словарных статей для слов-аналогов. В этой связи нам представляется необходимым также продемонстрировать прагматическую информацию, культурный и страноведческий фон, отраженный в исходной русской единице. Двуязычный словарь следует рассматривать как одно из средств межкультурной коммуникации, в котором отражены неоднозначные связи языка и культуры. Для русско-болгарских аналогов характерно полное (или максимально полное) совпадение (графическое и фонетическое) формы и содержания (лексического/лексических значений). Это приводит

к необходимости провести такой подробный анализ всех аспектов слова, который позволит отметить тончайшие различия.

В рамки словарной статьи в зоне культурологической информации включаются сведения страноведческого или лингвокультурологического характера. Современный двуязычный словарь — это и основной учебник иностранного языка, и культурологическая (страноведческая) энциклопедия в самом широком смысле слова. Культурный компонент рассматривается как часть коннотативного элемента лексического значения слова. «Такие семантические ассоциации представляют культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи» [Апресян 1974: 67]. В число слов, обладающих национальной спецификой, входят и лексические псевдопараллели, кажущиеся идентичными в сравниваемых языках, но на самом деле обладающие достаточно большими различиями в представлениях носителей различных языков, например, р. *орел, медведь, баня, водка, антоновские яблоки, московские кухни*; б. *роза, лъв, слънце*.

По нашему мнению, в словарь русско-болгарских аналогов уместно включить и названия некоторых географических объектов, напр., Волга, Сибирь, Байкал, Камчатка, Магадан и др., которые вызывают определенные ассоциации у носителей русского языка, незнакомые для болгар. Результаты такого рода исследований могут найти практическое применение в сфере методики преподавания русского языка как иностранного, полезны в целях избегания интерференции в переводческой практике, в лексикологии и лексикографии, при описании особенностей национально-культурной специфики конкретных языков.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Берков В. П. Словарь и культура народа // Мастерство перевода. М., 1975.

НБАРС — Новый большой англо-русский словарь в 3 т. Под общим рук. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. М., 1993.

Червенкова И. Русско-болгарские лексические аналоги (некоторые наблюдения на базе словарных данных) // Съпоставително езиковедение. 1992. № 3. С. 151–156.

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ АПРОБАЦИИ ПРОГРАММЫ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «МИР 2-ГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА»

Гливинская Вера Николаевна

доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Болгарский язык как второй иностранный преподается на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова с 2020 г. Первые два года бакалавриата студенты изучают базовый курс «Практический болгарский» по 6 уч. часов в неделю. С 3-го курса начинается более продвинутый этап: вводятся учебные дисциплины «Теория и практика речевого общения» и «Мир второго иностранного (болгарский)». В настоящем сообщении я бы хотела поделиться с коллегами своими наблюдениями и размышлениями над созданием и проведением курса учебной дисциплины «Мир второго иностранного (болгарский)».

Как известно, учебные программы по всем курсам на современном этапе пишутся по единым шаблонам, которые определяют цели и задачи обучения, количество часов, виды работы, соотношение количества часов и видов работы, средства контроля и т. д. В целом, это правильно, так как вводит некоторую унификацию и не позволяет привносить своеволие в учебный процесс. С другой стороны, существующие сегодня шаблоны не регламентируют набор обязательных тем, что позволяет составителю программы проявить творческий подход к их выбору по обозначенным шаблоном направлениям. Целями освоения дисциплины, согласно шаблону, является ознакомление с историей, культурой и литературой страны изучаемого языка, а также с ее современными экономическими и политическими реалиями.

Весьма разумно определены виды работы: лекции, семинары, самостоятельная работа. А вот что касается условий предварительной подготовки: уровень не ниже А2, то здесь, с моей точки зрения, следовало бы внести коррективы. Опыт показывает, что уровень А2 недостаточен для успешного освоения курса, поскольку не позволяет реализовать регламентируемое шаблоном соотношение часов лекций и семинаров 1:1. Студенты не подготовлены к восприятию лекций на иностранном языке, у них возникают проблемы с аудированием даже коротких фрагментов научного текста, не говоря уже об осмыслении полученной на слух информации. В итоге реальное соотношение часов меняется в пользу семинаров, на которых можно вести работу с опорой на письменный текст. Чтение как вид речевой деятельности остается актуальным на всех этапах обучения, так как студентов крайне затрудняет подвижное ударение. Студенты не утруждают себя проверками по словарю и в итоге запоминают новые лексемы с неправильными ударениями и, что еще более огорчительно, делают ошибки в грамматических формах: перенос ударения в формах множественного числа имен существительных (*труд* — *трудо́ве*, *град* — *градо́ве* и т. п.). В формах местоимений (*она́я* — *они́я*), в формах причастий и т. п. В пользу семинаров склоняют чашу весов и другие аргументы: студенты, к сожалению, с трудом извлекают фактическую информацию, особенно предъявленную на слух, и не имеют устойчивых навыков осмысления и конспектирования услышанного.

Еще одной веской причиной уделять больше времени чтению с комментариями является всем хорошо известная тенденция «переписывания» истории. Подбирая учебные материалы, я стремилась представить историческое событие с разных точек зрения. Безусловно, чтение и понимание дискуссионных текстов требует особой сосредоточенности и внимания. И если можно задать в качестве домашнего чтения работу над подобными текстами, то оставить их без очного обсуждения на уроке никак нельзя. В качестве примера приведу подачу одного и того же исторического факта в двух исторических повествованиях: в учебнике для учащихся старших классов и абитуриентов, созданного коллективом авторов (Лазаров, Павлов, Тютюнджиев, Палангурски) в 1993 г. — «Кратка история на българския народ» [Лазаров и др. 1993], и в монографии П. Мутафчиева «История на българския народ» [Мутафчиев 1992], написанной за 50 лет до того, в 1943 году. О монографии Петра Мутафчиева в предисловии к изданию 1992 года сообщается следующее: «...в сущности она представляет собой спокойное, объективное и совестливое (добросовестное) изложение средневекового прошлого болгар». Задача — сопоставить подачу

материала и проследить ангажированность авторов «Краткой истории», вычленив и фиксировать лингвистические средства выражения этой ангажированности.

Так, на странице 53 впервые появляется термин «агрессия», не свойственный описаниям событий средневековой истории, и связан он с походом русского князя Святослава. Присутствует и определение «руска агресия». Появляются впервые и оценочные определения: «двамата авантюристи» (имеются в виду князь Святослав и Херсонский византийский стратег Калокир). Появляется и вполне современный термин «оккупация»: «Североизточна България била окупирана», не «завзета», как это описывалось ранее по отношению к другим племенам и народам. Применение терминов XX века к событиям средневековой истории считается одним из приемов психологического внушения. Авторы работают над созданием образа врага. И это за 20 лет до Крыма, до 2014 года. Естественно, самостоятельный поиск эффективнее лекционных констатаций, что еще раз свидетельствует о большей продуктивности совместной работы преподавателя со студентами в рамках семинара. Подводя итоги апробации программы учебной дисциплины «Мир 2-го иностранного языка (болгарский)», можно сказать, что предварительный уровень языковой подготовки студентов для усвоения этой дисциплины должен быть не ниже В1-В2, а соотношение лекционных и семинарских занятий должно быть изменено в пользу последних, возможно, в пропорции 1:3.

Литература

Лазаров И., Павлов П., Тютюнджиев И., Палангурски М. Кратка история на българския народ. В. Търново, 1992.

Мутафчиев П. История на българския народ. София, 1992.

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САМАРЕ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ СПБГУ

CYRIL AND METHODIUS READINGS IN SAMARA AS A CONTINUATION OF THE TRADITION OF SLAVIC READINGS AT ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Карпенко Людмила Борисовна

профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королёва

Традиция празднования Дня славянской письменности и культуры в России сложилась в XIX в., когда в связи с 1000-летием создания славянской письменности святыми Кириллом и Мефодием Синод Русской Православной Церкви принял решение, начиная с 1863 г., установить 11 мая как церковный праздник равноапостольных Кирилла и Мефодия. В советское время праздник отмечался 24 мая. В хронике научной жизни этого периода отмечены научные встречи, приуроченные ко Дню славянской письменности и организованные Институтом славяноведения АН СССР и Славянским комитетом СССР [Воздвиженская 1996: 114–115].

В Санкт-Петербургском университете традиция таких славистических чтений сформировалась в 60-е гг. XX в. по инициативе проф. Ю. С. Маслова, выдающегося отечественного лингвиста, за труды в области болгаристики награжденного болгарским орденом святых Кирилла и Мефодия. На первой конференции, проходившей в 1962 г., с докладами выступили болгаристы доц. В. Д. Андреев, доц. Е. А. Захаревич и историк русского языка, доц. Т. А. Иванова. О заседании, которое проходило 24 мая 1971 г. под руководством доцентов кафедры славянской филологии Г. А. Лилич, Г. В. Крыловой Е. А. Захаревич, сообщил в журнале «Советское славяноведение» декан филологического факультета ЛГУ доц. В. М. Мокиенко. Он подчеркнул общеславянское значение Дня славянской письменности и конференций, которые «прививают любовь и уважение к древней славянской культуре, развивают чувства славянской общности и братства» [Мокиенко 1971: 115]. Опыт проведения межвузовских научных студенческих конференций под руководством П. А. Дмитриева, Е. А. Захаревич, Г. В. Крыловой, Г. А. Лилич, Г. И. Сафронова, З. К. Шановой и других славистов [Мокиенко 1974: 13–14], получил распространение на филологических факультетах отечественных вузов. Традиция чествования святых равноапостольных Кирилла и Мефодия установилась и в Самаре, в культурной и научной жизни которой получили распространение Кирилло-Мефодиевские чтения. Международного уровня конференция достигла в 1992 г., когда в составе ее участников оказались известные российские слависты — проф. Г. А. Лилич, доценты М. Ю. Котова и Р. Х. Тугушева из Санкт-Петербургского университета, проф. В. И. Супрун и проф. А. Ф. Алефиренко из Волгоградского педагогического университета, проф. В. Е. Моисеенко из Львовского университета, ученые из Казани, Ульяновска и других городов Поволжья и гости из Болгарии. Тогда в чтениях приняли участие известная болгарская журналистка Калина Канева, автор книги «Симметрия времени» (1984) о жизни и творчестве академика Д. С. Лихачева, и историк Нейчо Кынев, ст. н. сотрудник Регионального исторического музея Стара-Загоры.

В 1992 г. вышел первый сборник самарских Кирилло-Мефодиевских чтений [Кирилло-Мефодиевские чтения 1992]. Здесь отражены материалы докладов санкт-петербургских славистов: Г. А. Лилич «Отголоски кирилло-мефодиевской традиции в Чехии эпохи гусизма», М. Ю. Котовой «О пословицах библейского происхождения в современных славянских языках», Р. Х. Тугушевой «Об одном забытом переводе Нового Завета на чешский язык». В сборнике опубликованы тезисы И. В. Платоновой из МГУ «Древние славянские тексты Евангелия как материал для изучения развития падежных значений», Н. Ф. Алефиренко «Фразеологические старославянизмы восточнославянских языков», В. И. Супруна «Изучение церковнославянского языка детьми». Откликнулись своими материалами и львовские слависты: К. К. Трофимович — тезисами «Эволюция языковых средств в изданиях Нового Завета серболужицкими протестантами», В. Е. Моисеенко — статьей «Чешское диакритическое правописание и развитие славянских графических систем на базе латиницы». В сборнике получили отражение научные интересы

самарских славистов: Э. Я. Гребневой — в тезисах «Что означает рассмотрение «Слова о полку Игореве» в славянском контексте», Л. Б. Карпенко — в тезисах «Глаголица как отражение творческой концепции Кирилла»; и еще целый ряд интересных докладов С. И. Дубинина, Н. А. Кузьминой, Е. Н. Сметаниной, Р. И. Тихоновой, Л. В. Храмкова, О. В. Чевела и др. За первым сборником последовали еще десять, с материалами Кирилло-Мефодиевских чтений, в которых принимали участие видные филологи и историки России и зарубежья: проф. Л. Н. Смирнов, возглавлявший в советское время сектор славянского языкознания Института славяноведения РАН; научный сотрудник Института болгарского языка Болгарской АН М. Божилова; директор Института кирилломефодиевистики Болгарской АН проф. С. Николова; проф. Института кирилломефодиевистики Болгарской АН Д. Чешмеджиев; проректор Софийского университета им. св. Климента Охридского проф. А. Федотов; проф. Велико-Тырновского университета имени святых Кирилла и Мефодия В. Вытов; проф. исторического института Черногорской АН Р. М. Распопович; сотрудники Института сербского языка Сербской АН, ученые из многих городов России и из самарских вузов.

Литература

- Воздвиженская Т. А.* Собрание, посвященное Дню болгарской культуры и славянской письменности // Советское славяноведение. 1966. № 5. С. 114–115.
- Мокиенко В. М.* День славянской письменности в Ленинградском университете // Советское славяноведение. 1971. № 6. С. 113–114.
- Мокиенко В.* Межвузовская студенческая конференция, посвященная славянской филологии // Советское славяноведение. 1974. № 1. С. 13–14.
- Кирилло-Мефодиевские чтения: Тез. докл. Поволжской науч.-метод. конф. преподавателей ист., яз. и культуры славян. народов / отв. ред. и сост. Л. Б. Карпенко. Самара, 1992.

ПРОХИБИТИВ *НЕМОЈ(ТЕ) ДА* + *Vfin* В МАКЕДОНСКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ: МЕЖДУ ФОРМОЙ И КОНСТРУКЦИЕЙ

Кикило Наталья Игоревна

научный сотрудник, Институт славяноведения РАН;

«Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

1. На территории балканославянского ареала широко используется аналитическая прохибитивная конструкция *немој да* + *Vfin* от глаголов двух видов. Частица *немој* происходит от застывшей императивной формы *не мози* глагола «мочь» мак. *може*, серб. *моћи* [Конески 2004: 417; Стевановић 1989: 705]. Мак. *Немој, тате, да се секираш, сè ќе биде добро*. (Папа, не волнуйся, все будет хорошо). Серб. *Немој више да ми се јављаи!* (Не звони мне больше!) Прохибитивные конструкции с *немој* широко функционируют в балканославянских языках, составляя конкуренцию другим отрицательным аналитическим конструкциям (подробнее в [Иванова 2017]). Дискуссионным является вопрос, следует ли рассматривать *немој да* + *Vfin* как синтаксическую описательную конструкцию с прохибитивным значением или же как частную парадигму аналитической формы отрицательного императива.

2. В пользу первой гипотезы говорят следующие аргументы:

а) Способность застывшей формы *немој* присоединять личные глагольные флексии серб. 1 Pl -*мо*, мак., серб. 2 Pl -*те*. Серб. *Немојто да dignето руке од нјих, ако не биде тако*. (Давайте не будем отворачиваться от них, если случится иначе). *Па немојте ви то тако да примите к срцу!* (Ну, не принимайте же вы это так близко к сердцу!) Мак. *Ова што ви го прикажуваме е лага! Немојте да ни верувате*. (То, что мы вам показываем, ложь! Не верьте нам).

б) Сохранение за *немој* способов синтаксических связей глагола *може/моћи*, который в сербском языке присоединяет инфинитив или *да*-конструкцию в качестве сентенциального дополнения при референтном субъекте повеления, напр. *Немој се љутити / Немој да се љутиш*. Если в македонском и сербском предикат некорреферентен субъекту повеления *немој*, союзная частица *да* присоединяет придаточное изъяснительное: Мак. *И немој случајно да те видат со странкиња!* (И смотри, чтоб тебя не увидели с иностранкой!) *Немој да се излаже некој од македонската опозиција да гласа за уставните промени* (Смотри, чтоб никто из македонской оппозиции не обманулся и не проголосовал за изменения в конституции). Серб. *Немој да те чујем још једном да причаш глупости* (И чтоб я больше не слышал твои глупости). — *И, — наставља Магда, — немој Стаја да погачу препече!* (— И, продолжает Магда, — смотри, чтобы Стая не передержала погачу!) Перифраз повеления будет следующий «Сделай(те) так, чтобы X не сделал Y/ ситуация X не наступила». Предикат, вводимый союзной частицей *да*, указывает на ситуацию, реализации которой адресат повеления должен воспрепятствовать. Каузацию содержит только частица *немој*. в) Неконтактное положение *немој* по отношению к *да* + *Vfin*.

3. В македонском языке *Немој да* + *Vfin* относят к составным отрицательным формам императива [Бужаровска, Митковска 2014]. Эта трактовка поддерживается следующими структурными и семантическими свойствами конструкции:

а) Императивные частицы, к которым относится и *немој*, обычно «притягивают» к себе показатели лица субъекта повеления, напр. мак. *ајде / ајдете* «давай! ну же! айда!», *ела / елате* «иди! идите!», *бујрум / бујрумте* «пожалуйста!» (вежливое приглашение); серб. *хајде / хајдемо / хајдете / ај / ајмо / ајдете* и др. Однако в македонском языке показатель *-те* 2 Pl при корреферентных субъектах может не присоединяться к основе *немој*, что свидетельствует о процессе унификации парадигмы прохибитива: Мак. *И немој да кажете дека не сум ви кажала*. (И не говорите потом, что я вам не говорила). *Ако умрам ил' загинам // Немој да ме жалите...* (Если я умру или пропаду // не жалеете обо мне). В сербском присоединение лично-числовых показателей сохраняется и поддерживается глагольной системой, поскольку *немој* сочетается и с формой инфинитива, которая грамматически не маркирует субъект повеления.

б) Прохибитивные конструкции присоединяют как глаголы несовершенного (НСВ), так и глаголы совершенного вида (СВ), в отличие от отрицательных синтетических императивных

форм, образующихся преимущественно от глаголов НСВ [Ivić 1958; Конески 1973]. Отрицательный императив с глагольной формой СВ помимо свойственного славянским языкам превентивного значения (напр. мак., серб. *пази, немој случајно да паднеш* «осторожно, не упали случайно») в составе конструкции с *немој* также регулярно выражает «нейтральное» запрещение, которое на русский будет переводиться синтетическим императивом НСВ с отрицательной частицей не: Мак. *Немој да речеш дека не е згодна?!* (Только не говори, что она некрасивая?!) Серб. *Немој да ти одговориш ако нећеš.* (Не отвечай, если не хочешь). Контекстов с глаголами НСВ в составе конструкции значительно больше, чем с глаголами СВ. Но тенденция употреблять оба вида для выражения «нейтрального» запрещения расширяет сферу функционирования конструкции *немој да* + V_{fin}, которая конкурирует с формами синтетического отрицательного императива. Аналитический прохибитив присоединяет глаголы двух видов без изменения императивной семантики, что говорит о большей структурной мобильности и ее продуктивном характере.

Литература

- Бужаровска Е., Митковска Л. Негираните независни да-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските да-конструкции / ред. З. Тополињска. Интернет-верзија на Зборникот, Скопје, 2014. С. 22–49.
- Иванова Е. Ю. Составные отрицательные формы императива в болгарском и македонском языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017. № 3. С. 507–541.
- Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 2004.
- Конески К. Значењата на императивот во македонскиот јазик (I) // Македонски јазик. XXIV. 1973. С. 131–157.
- Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. (граматички системи и књижевнојезична норма). Књ. II: Синтакса. Београд, 1989.
- Ivić M. Slovenski imperativ uz negaciju // Radovi Naučnog društva Bosne i Hercegovine X, knj. 4. Sarajevo, 1958.

ФРАЗЕОСХЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ: НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО, РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

Лазарева Виктория Александровна

доцент, Университет г. Пиза, Италия

Фразеосхемы (фразеологизированные построения, синтаксические фразеологизмы) представляют собой устойчивые синтаксические конструкции, которые строятся по определенным закрепленным моделям и служат для выражения разнообразных прагматических значений и коммуникативных установок говорящего. Данные конструкции, представляющие собой пограничное явление между синтаксически свободными языковыми единицами и фразеологизмами, отличаются высокой частотностью и особенно активно функционируют в непринужденной разговорной речи. Рассматриваемое языковое явление имеет давнюю историю изучения в славянской лингвистической традиции. Начиная со второй половины прошлого столетия, фразеосхемы активно изучались на материале славянских языков с позиций синтаксической фразеологии как средства выражения субъективно-модальных значений [Шведова 1960; Ничева 1968 и др.]. В последние годы интерес к данным конструкциям оживился в связи с расширением самого понятия конструкции в рамках направления Грамматики конструкций (С×G) [Добровольский 2016; Меликян 2021 и др.]. В сопоставительном аспекте фразеосхемы изучались на материале русского и других славянских языков. Между тем, именно сопоставление неродственных языков позволяет выявить общие и национально-специфические модели и обнаружить межъязыковые структурно-функциональные универсалии. В этом отношении «трио» русский-болгарский-итальянский представляется особенно удачным и интересным. Болгарский язык занимает центральное положение в этом ряду, обнаруживая сходные черты и с русским, и с итальянским языками. Это объясняется генетическим родством, с одной стороны, и грамматическими особенностями болгарского языка, — с другой. В докладе освещаются результаты исследования, полученные при сопоставлении конструкций со значением характеризующей оценки, наиболее изученных на материале русского и болгарского языков. Сопоставление фразеосхем трех языков позволило:

- 1) выявить структурно-функциональные соответствия и отличия (эквивалентность фразеосхем с опорными компонентами — вопросительно-относительными словами *какъв, какой, che* и др.), в том числе национально-специфические конструкции, как болг. *Цяло село иска да налага, крокодил с крокодила му...* (Г. Караславов); рус. *Вот был плотник, так плотник ... умер — царство ему небесное!* (Н. Гончаров); ит. *Dichiarare poi che l'inceneritore servirà ad abbassare le tasse sui rifiuti è una bugia bella e buona* (газ.); а также фразеосхемы, являющиеся особенностью славянских языков: *Огледах жилището. Нищо особено, жилище като жилище. Подредено* (Д. Маринов);
- 2) определить общие механизмы формирования оценки. Напр., семантическая инверсия: *Хубав приятел! Хорош друг! Bell'amico!*; соотношение объекта оценки с классом ему подобных. Особенно разнообразны фразеосхемы второго типа в болгарском и русском языках: *Паганини искаш да бѣде Дечев, син на дявола, виртуоз виртуозите* (Ч. Шинов); ср. также примеры выше — *люди как люди, жилище като жилище, работата ми — работа. Стремов и Лиза Меркалова — это сливки сливок общества* (Л. Толстой); *Селечка, матушка, всем закусам закуска* (А. Чехов). *La domanda delle domande: Cosa la convince di e di essere il candidato più adatto a ricoprire il ruolo di segretario del PD, e cosa le fa pensare che lei riuscirà dove molti altri hanno fallito?* (газ.). Результаты исследования показывают, что фразеосхемы, основанные на лексическом повторе опорного компонента, характерны в большей мере для болгарского и русского языков, но не итальянского.

Литература

- Добровольский Д. О.* Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.
- Меликян В. Ю, Меликян А. В., Посиделова В. В.* Грамматика конструкций VS синтаксическая фразеология // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. №2. С. 46–64.
- Ничева К.* Фразеосхеми (фразеологизирани конструкции) в българския език // Език и литература. 1982. Кн. 5. С. 29–44.
- Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

ДОМ КАК ГЕТЕРОТОПИЯ В РАССКАЗАХ ДЕЯНА ЭНЕВА

Луныкова Наталья Александровна

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

Деян Энев (11.08.1960, София, наст. имя — Деян Энчев Попов) — один из ведущих современных болгарских писателей, журналист. Член жюри национальных литературных конкурсов, автор более 3000 интервью, репортажей, статей, очерков и фельетонов, 23 художественных книг; лауреат многочисленных престижных национальных премий в Болгарии; кавалер ордена св. Кирилла и Мефодия I степени (2016). Герои Энева, мастера краткой прозы, — это «представители социальных низов, расходный материал в житейской человекорубке. Не будучи праведниками, они чувствительные и отзывчивые, готовы прийти на помощь ближнему» [Сапарев URL]. Типичным для писателя является изображение маленького человека, маргинальной личности как сознательно противопоставляющей себя социуму или же отторгаемой им ввиду девиантного поведения. Объектом настоящего исследования выступают рассказы из сборников «Орел или решка» (1999), «Городок Мендосино» (2009), «Болгарин с Аляски. Софийские рассказы» (2011), «Гризли. Новые рассказы» (2015), «Лала Босая» (2019), предметом анализа является гетеротопия Дома, включенная в топос города и служащая художественным отражением своеобразия болгарского переходного времени. Важную особенность поэтики Энева исследователи видят в том, что сюжеты рассказов, герои, ситуации, место действия связаны с семантикой границы: «И на уровне персонажей, и места действия, и сюжетов рассказы Деяна Энева представлены пограничными, промежуточными, переходными и предельными — экстремальными и транзитными — героями, местами и ситуациями» [Игов URL]. Подобная «переходность», во многом обусловленная спецификой внелитературного болгарского контекста, находит безусловное отражение и в моделировании художественного пространства, выстраивании отношений между ключевыми топосами прозы писателя. Двойственная природа городского пространства в прозе Энева раскрывается в такого рода топосах, которые являются гетеротопиями. Введенный М. Фуко термин «гетеротопия» обозначает особым образом сконструированное место с неоднородной структурой, существующее в «раскрое» времени и функционирующее, «когда люди оказываются в своего рода абсолютном разрыве с их традиционным временем» [Фуко 2006: 200]. Момент этого «расхождения» часто показывается Эневым именно во временном аспекте (в несовпадении топографических образов прошлого и настоящего), делая одновременно пронизываемое и недоступное пространство местом наложением смыслов. Жилые здания, принадлежащие миру прошлого (личного и коллективного), определяли облик и индивидуальность софийских кварталов и составляли мозаику частных историй их обитателей. В рассказах Энева такие локусы выполняют функцию Дома в его противопоставлении «ложному Дому», Антидому, представленному в образах квартир и многоэтажек. Первая модель, в которой функционирует гетеротопия Дома у Энева, реализуется через совмещение прошлого и настоящего планов бытия благодаря акту воспоминания, активизирующего оппозиции дом / квартира, дом с садом или двором / многоэтажный дом. В таком наслоении разных образов мест отчетливо видно архетипическое противопоставление Дома / Антидома, которое выступает одним из центральных мотивов прозы Энева. Небезопасная и inferнальная природа локусов новых, «ложных» домов передается облику Софии в целом. Вторая стратегия моделирования гетеротопии Дома у Энева — превращение своего, безопасного, семейного пространства в общественное, из личного — в публичное, из своего — в чужое: это может быть дом (личное) с магазином (общественное), работа (общественное) на дому (личное). В такого рода пространствах разворачиваются мотивы телесности и девиантного поведения. Обратный вариант этой стратегии — освоение героями чужого, общественного пространства и бытование в нем как в своем. Так, например, жилище цыганской семьи расположено даже не на периферии города, а вынесено за пределы Софии и не имеет никаких свойств, очертаний здания: речь идет о низовом пространстве — жилище находится под мостом, и оппозиция низ / верх рассказывает уже не о времени постройки дома (старый / новый в случае со стационарным домом-жилищем), а выступает как

проекция бедности / богатства, низкого социального положения. Третья модель существования Дома как гетеротопии, где совмещается пространство чужого и своего, это Храм — Дом Божий. В городском тексте Энева пространство церкви встречается реже, чем в повествовании о провинции, но тем не менее без Храма трудно представить топос города. В Доме-Храме преодолеваются границы между своим / чужим, далеким / близким, пространство словно расширяется до бесконечности, время же делается пронизываемым. Пространствами-носителями непреходящих ценностей представлены монастыри, где человек может почувствовать себя частью общности, преодолевая оппозицию свой / чужой через движение от «я-идентичности» к «мы-», однако в городском топосе они представлены ограниченно, только Курильским монастырем в предместье Софии, который является гетеротопией: в его стенах размещена психиатрическая клиника (совпадение пространства Дома-храма и Больницы). Гетеротопия Дома у Энева, таким образом, представлена в нескольких аспектах: как соппространство прошлого и настоящего (в первую очередь в аспекте рассказчика-фланера), своего и чужого (форм перехода из одного в другое) или же совмещения этих планов и бытование пространства как надпространства в религиозном аспекте. Открытый топос бездомья противопоставляется локализованному в пространстве Дому.

Литература

- Игов С.* Майстор на разказа // Электронно списание LiterNet. 24.04.2016. № 4 (197). URL: <https://litenet.bg/publish/sigov/deian-enev.htm>
- Сапарев О.* Талантливият разказвач Деян Енев // Электронно списание LiterNet. 27.05.2006. № 5 (78). URL: https://litenet.bg/publish17/o_saparev/d_enev.htm
- Фуко М.* Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3.

РЕЧЕВОЙ АКТ ОБЕЩАНИЯ В МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Милчовска Наталья Владимировна

преподаватель, Университет Святых Кирилла и Мефодия в Скопье

В докладе рассматривается функционирование речевого акта обещания в македонском языке в сопоставлении с русским, а также сравниваются способы реализации иллокутивной цели говорящего с помощью анализа семантико-прагматических и грамматических характеристик.

Обычно различают прямые и косвенные способы выражения речевых актов. Прямые речевые акты связывают с буквальным значением высказывания. При реализации косвенных речевых актов говорящий маскирует свою иллокутивную цель, прибегая к использованию средств, характерных для другого речевого акта.

В классификациях Дж. Остина и Дж. Серля обещание относится к классу комиссивных речевых актов, которые характеризуются тем, что говорящий берет на себя обязательство сделать что-то для слушающего.

Условия успешной реализации речевого акта обещания были сформулированы Дж. Серлем [Searle 1969: 57–61]:

- а) предмет обещания должен быть представлен ясно;
- б) пропозициональное содержание обещания должно относиться к будущему;
- в) обещанное должно быть выгодным для адресата;
- г) обещанное действие говорящего должно иметь смысл, то есть не должно быть само собой разумеющимся.

На основании этих условий успешности Е. Г. Которова предложила определение модели речевого поведения обещания, которое было взято за основу в данном исследовании:

- (а) Я знаю, что ты хочешь, чтобы я сделал это;
- (б) Я знаю, что ты думаешь, что я могу этого не делать
- (в) Я хочу это сделать, так как ты этого желаешь
- (г) Я говорю: я хочу сделать это
- (д) Я хочу, чтобы ты поверил, что я сделаю это [Которова 2017: 410].

Эксплицитно перформативная структура речевых актов класса комиссивов состоит из двух частей: первую именуют протазис (она состоит из перформативного глагола, личного местоимения в первом лице единственного числа, а также местоимения или существительного, обозначающего адресата), а вторую — аподозис (она собственно раскрывает содержание обещания).

Вслед за О. В. Гашевой [2007] к прямым речевым актам обещания мы относим высказывания, полностью соответствующие эксплицитно перформативной модели, при реализации которой слушатель понимает иллокутивную цель говорящего без каких-либо когнитивных усилий. Соответственно, в македонском языке прямой речевой акт обещания имеет следующую структуру:

- (1) (Јас) (ти, ви) ветувам (дека) ќе го направам тоа/нема да го правам тоа.
- (2) (Јас) (ти, ви) ветувам да го направам тоа/да не го правам тоа.

Структура прямого речевого акта обещания в русском языке аналогична: Я обещаю (тебе, вам), (что) я сделаю это/не буду делать этого. Я обещаю (тебе, вам) сделать это/не делать этого.

К прямому способу выражения речевого акта обещания мы также относим примеры с употреблением в протазе синонимических фразем с именем существительным (мак.: *давам*

ветување / (*чесен*) *збор*; рус.: *даю обещание* / (*честное*) *слово*) и так называемых «семантических перформативов» (Галлямова 2010: 27) (мак.: *чесен збор*; рус.: *честное слово*).

Любые отступления от вышепредложенной модели мы рассматриваем в рамках косвенного способа выражения речевого акта обещания, выделяя качественные, количественные или качественно-количественные трансформации.

Качественные трансформации чаще всего связаны с употреблением других глаголов с комиссивным значением, которые характерны для других речевых актов, составляющих группу комиссивов (мак.: *се колне, се обврзува, гарантира* и др; рус.: *клясться, обязываться, гарантировать* и др.). Это объясняется достаточно редким употреблением лексических интенсификаторов для более сильного выражения обещания (мак.: *сигурно ветувам*; рус.: *точно/железно обещаю*).

Количественные трансформации подразумевают отсутствие какого-либо элемента предложенной семантической модели. Обычно недостающие элементы выражены в контексте. Понятие контекст относится к знанию, на основании которого строится языковая коммуникация. Участников коммуникации должно связывать предыдущее знание культурного, интерперсонального и дискурсного контекста, точнее говоря, говорящий предполагает, что слушающий знаком с данным контекстом. Сочетание качественной и количественной трансформации наиболее далеко уводит нас от семантической модели, что, как показал проанализированный материал, в результате приводит к наибольшим различиям в реализации речевого акта обещания в македонском и русском языках.

Сопоставительное исследование речевого акта обещания в македонском и русском языках позволяет дать объяснение языкового поведения представителей разных культур, тем самым повышая осведомленность о межкультурной коммуникации и способствуя избежанию недопонимания и конфликтных ситуаций.

Литература

- Галлямова Н. Ш. Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // *Язык и культура* / Томск. гос. ун-т. Томск, 2010. № 3. С. 16–32.
- Гашева О. В. Речевой акт обещания в современном французском и английском языках: семантико-прагматический и грамматический аспекты: автореф. ... канд. дис. Екатеринбург, 2007.
- Которова Е. Г. «Обещание» как модель речевого поведения: методика контрастивного анализа (на материале русского и немецкого языков) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 405–423.
- Searle J. *Speech acts*. Cambridge, 1969.

ВКЛАД РУССКИХ ЛИНГВИСТОВ В РАЗВИТИЕ МАКЕДОНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Мирчевска-Бошева Биляна

профессор, Университет Святых Кирилла и Мефодия в Скопье

Веляновска Катерина

профессор, Университет Святых Кирилла и Мефодия в Скопье

Ни один язык не может функционировать сам по себе, каждый развивается и даёт плоды в непрерывном взаимодействии с другими языками, литературами, — как соседними, так и более отдалёнными. В этом контексте особенно интересны влияния и работа определённых школ и людей, которые проявили огромный интерес к изучению другого языка и настолько посвятили себя этому делу, что самостоятельно или вместе со своими сотрудниками создали фундаментальные труды, монографии и пособия в сферах, которые никогда прежде не были разработаны самими носителями языка. Начиная с труда Самуила Бернштейна «Грамматика македонского языка», созданного ещё в 1946 году, продолжая замечательными работами Рины Усиковой, с её кандидатской диссертацией «Морфология существительных и глаголов в современном македонском литературном языке», а затем и «Македонский язык — Грамматические особенности западнославянских и южнославянских языков» (Москва, 1997), «Македонский язык» (Скопье, 1985), «Македонский язык — Основы балканской лингвистики» (1998), «Грамматика македонского литературного языка» (Москва, 2003), до более новых изданий, таких как «Македонский язык. Самоучитель» (Москва 2019) Татьяны Ганенковой, очевиден постоянный интерес русских лингвистов к вопросам, связанным с македонским языком. В этой работе мы остановимся на македонско-русских связях через призму лексикографии, а конкретнее — на вкладе русских лингвистов в развитие македонской лексикографии. Вполне ожидаемым было влияние русских лингвистов при работе над созданием двуязычных македонско-русских и русско-македонских словарей. Как свидетельствуют факты, начало этого сотрудничества восходит ещё к 1963 году, когда был издан первый македонско-русский словарь в соавторстве Д. Толовского и В. М. Иллича-Свитыча, под редакцией Н. И. Толстого [Толовски, Иллич-Свитыч 1963]. Следующий знаменательный год — 1997-й, когда появился трёхтомный «Македонско-русский словарь» под редакцией академика Рины Усиково [Усикова и др. 1997]. В 2003-м вышел из печати «Македонско-русский словарь» под редакцией Р. Усиковой и Е. Верижниковой [Усикова и др. 2003]. Этот словарь предназначен для русских и русскоговорящих пользователей, поэтому в приложении к нему дана краткая грамматика македонского языка. В создании этих словарей участвовала и З. К. Шанова, см. также [Шанова 2007].

Кроме толковых русско-македонских и македонско-русских словарей, хотим упомянуть и «Краткий русско-македонский фразеологический словарь» Лилии Ермаковой и Бориса Маркова, изданный в 1981 году, который содержит около 1000 фразеологических единиц с соответствующими эквивалентами или переводом на другой язык [Ермакова, Марков 1981]. Этот словарь представляет собой плод сотрудничества проф. Бориса Маркова и преподавателя русского языка Лилии Ермаковой, которая в этот период работала на кафедре славистики при университете им. Святых Кирилла и Мефодия в Скопье. Особенно надо подчеркнуть, что этот словарь является первым лексикографическим трудом, опубликованным в Македонии, в котором обработан сугубо фразеологический материал, имея в виду факт, что фразеологический словарь македонского языка был издан в период с 2003 по 2009 г.

Ещё один значимый лексикографический труд, на котором мы хотели бы остановиться, это «Македонский словарь омонимов с русскими толкованиями» А. А. Кретова, опубликованный в Воронеже в 2008 г. [Кретов 2008]. Этот словарь базируется на македонско-русском машинном фонде. Представляется особенно интересным то, что Кретов в качестве метаязыка использует русский язык, что делает словарь доступным для относительно широкого круга славистов. Но

его ценность состоит ещё и в том, что это первый словарь, в центре которого – омонимы в македонском языке.

Особого внимания заслуживает и работа Елена Верижниковой и Натальи Боронниковой над Словарем междометий и ономатопои в македонском языке [Боронникова, Верижникова 2014]. Их невероятный труд на невспаханном поле македонской лингвистики проявляется и в многочисленных статьях, в которых авторы обращаются к семантике и функциям конкретных междометий, метафорических переносов, как и к проблемам при лексикографическом описании междометий и ономатопое.

В докладе особое внимание будет уделено именно тем работам и авторам, которые подтверждают исключительный вклад русских лингвистов в развитие лексикографии македонского языка.

Литература

- Боронникова, Н. В. Верижникова, Е. В.* Междометия в македонском языке (разработка концепции Словаря) // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски 5. Скопје, 2014.
- Ермакова Л., Марков Б.* Краток руско-македонски фразеолошки речник. Скопје, 1981.
- Кретов А. А.* Македонский словарь омонимов (с русскими толкованиями). Воронеж, 2008.
- Толовски Д., Иллич-Свитыч В. М.* Македонско-русский словарь / ред. Н. И. Толстой. М., 1963.
- Усикова Р., Шанова З., Поварницына М., Верижникова Е.* Македонско-руски речник / ред. акад. Р. Усикова. Скопје, 1997.
- Усикова Р. П., Шанова З. К., Поварницына М. А., Верижникова Е. В.* Македонско-русский словарь / под общ. ред. Р. П. Усиковой и Е. В. Верижниковой. М., 2003.
- Шанова З.* За лингвистичката и екстралингвистичката информација во Македонско- рускиот речник // XXXIII научна конференција на XXXIX на меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Лингвистика. Скопје, 2007. С. 243–248.

ПЕРЕВОД БОЛГАРСКИХ ПРЕДИКАТОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ВОЗДУХА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Мосинец Анастасия Геннадьевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе на материале параллельных русско-болгарских текстов рассматриваются русские переводческие соответствия болгарским глаголам *лъхна/лъхам, облъхна/облъхам, лъхам*, а также особенности синтаксических конструкций с этими глаголами в болгарском языке в сравнении с русским. Данные глаголы в болгарском языке используются для сообщения о каком-либо воздушном потоке (холоде, запахе и т. д.), воздействующем на перцептивные ощущения одушевленного субъекта, например, *лъхна го хлад* «на него повеяло прохладой». В болгарском языке такие предикации оформляются двусоставными предложениями, в которых позицию подлежащего занимает обозначение воздушного потока. Однако при переводе подобных предложений на русский язык в большинстве случаев используется безличная конструкция, при этом участник, занимающий в болгарском предложении позицию подлежащего, ставится в позицию косвенного дополнения и маркируется творительным падежом стимула, например: *Отвътре лъхна тежък въздух* (П. Константинов. Синият аметист). — Оттуда пахло спертым воздухом (пер. Н. Нанкинова, К. Козовска); *Той поведе Фани навътре в тъмното здание, от което лъхаше освежителна прохлада* (Д. Димов. Осъдени души). — Он провел Фани в темный холл, где их сразу обдало освежающей прохладой (пер. Т. Рузской). Такие различия в конструкциях связаны с различиями в языковых системах болгарского и русского языков. И. Георгиев в [Георгиев 1990] замечает, что в русском языке «отсутствие субъекта действия отмечено подлинно безличной формой среднего рода прошедшего времени», которая исключает возможность связи с подлежащим (*поволокло, ударило, обожгло*). В болгарском же языке формы типа *повлече, удари, опари* не могут служить формальным маркером безличности из-за омонимии с личными, кроме того, они совмещают признаки 2 и 3 л. А. Градинарова, говоря о различиях в подобных русских и болгарских конструкциях, замечает, что «в отличие от русского Субъекта восприятия болгарский Экспериенцер не видит неидентифицированных Сил в ситуации перемещения запаха. Ситуации, передаваемые русскими предложениями с компонентом «идентифицированный запах» в форме Творительного орудия или средства, болгарскому воспринимающему Субъекту видятся в другом ракурсе. Воздействующий на Экспериенцера запах оценивается как участник, создающий ситуацию, и кодируется Номинативом» [Градинарова 2003: 7].

Кроме перевода болгарских предложений перемещения воздушного потока с помощью безличных конструкций, в нашем материале зафиксированы и другие способы. Это, во-первых, перевод с помощью двусоставных предложений, где воздушный поток является подлежащим, как и в болгарском оригинале: *Лъхна я миризма на гума, на бензин и парфюми* (Д. Димов. Тютюн). — Ее обдавали запахи резиновых шин, парфюмерии и бензина (пер. И. Марченко, А. Собкович). Во-вторых, различные грамматические трансформации: *Грозев се облегна на прозореца. Лъхна го освежителният хлад на чудната вечер. Той прокара ръка по челото си* (П. Константинов. Синият аметист). — Грозев ощущал ласковое дуновение ветерка на разгоряченном лбу (пер. Н. Нанкинова, К. Козовска). Однако такие конструкции при переводе менее распространены. Основными переводческими соответствиями указанным болгарским глаголам в нашей выборке являются русские пахнуть, веять/повеять, обдать/обдавать, нести, тянуть.

Материал для исследования отобран методом сплошной выборки из Корпуса параллельных русских и болгарских текстов Великотырновского университета им. святых Кирилла и Мефодия (rbcorpus.com), а также способом ручной выборки. Примеры извлечены из болгарских художественных произведений XX в. и их переводов на русский язык, выполненных профессиональными переводчиками.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (КП-06-П РУСИЯ-78, 2020 г.).

Литература

Георгиев И. Безличные предложения в русском и болгарском языках. София, 1990.

Градинарова А. О специфике болгарского экспериенцера в сравнении с русским (на материале болгарских и русских предложений со значением восприятия // *Болгарская русистика*. 2003. Вып.3–4. С.5–9.

«БАЈ ГАНЬО» (БАЙ ГАНЮ) НА МАКЕДОНСКОМ

Пандев Димитар

профессор, Университет Святых Кирилла и Мефодия в Скопье

Предметом внимания в данном докладе является македонский перевод культовой болгарской книги «Бай Ганю» Алеко Константинова и неиссякающий интерес к ней не только в болгарской и македонской общественной среде, в связи с его биографией, но и в южнославянско-балканском контексте, с учетом переводов этого произведения на другие языки (сербский, словенский и др.).

Эту очень популярную книгу, изданную на болгарском языке в 1895 г., перевел на македонский д-р Георги Цаца, видимо, на основе издания 1936 г. (Алеко Константиновъ, «Бай Ганю — невѣроятни разкази за единъ съвремененъ Българинъ» под редакцията на Георги Цаневъ, книгоиздателство Т. Ф. Чипевъ, София). Первое издание македонского перевода увидело свет в 1952 г., а второе вышло в 1967 г. в издательстве «Култура» — Скопје тиражом в 10.000 экземпляров. В докладе внимание будет сосредоточено на следующих положениях.

1. Рецепция творчества Алеко Константинова в македонской культурной истории и прежде всего в македонской литературе. Отметим, что Алеко Константинов был очень популярен в македонской интеллектуальной среде и во время Константинова, и в период между двумя мировыми войнами, и во время Второй мировой войны. Рецепция творчества Алеко Константинова в Македонии и параллели с соответствующими произведениями в каждый из упомянутых периодов требуют отдельного анализа, но в докладе анализируются прежде всего свидетельства его популярности, в частности в ряде текстов Блаже Конеского (напр.: Блаже Конески, македонските учебници од 19 век, Скопје 1949, стихотворение в прозе «Јоргован» (Блаже Конески, Везилка, Скопје 1955).

2. Актуализация образа бай Ганю в современной македонской филологии (Виктор Фридман) и публицистике, а также в актуализированных «народных» сказках («Бај Ганьо и Итар Пејо во вселената», Македонска нација, 21 јули 2021).

3. Обзор произведений, переведенных с болгарского на македонский в период с 1945 по 1990 г. по сравнению с периодом с 1990 г. по настоящее время. В то время как в период до 1990 г. с болгарского на македонский была переведена лишь небольшая часть произведений, после 1990 г. эта ситуация изменилась в лучшую сторону. В докладе особое внимание уделено работам, переведенным до 1990 г., некоторые из которых входили также и в школьную программу: Елин Пелин, Јан Бибијан во царството на волшебниците, «Кочо Рацин» Скопје, Јан Бибијан на месечината, «Кочо Рацин» Скопје 1966. Обе книги перевел писатель Васил Куноски, пишущий для детей и юношества, один из основоположников современной македонской литературы для детей.

4. Обзор переводческой деятельности Георгия Цаца (1920-2006) с точки зрения его биографии (юрист, государственный деятель и университетский профессор юридического факультета в Битоле, секретарь (министр) юстиции, председатель Юридического совета СФР Югославии и судья Конституционного суда СР Македонии. Цаца — полиглот, выступающий переводчиком нескольких значимых книг мировой литературы, таких как «Том Соьер» («Том Соер») Марка Твена и других, но в книгах нет информации о том, с какого языка он переводил. С другой стороны, он фигурирует как соавтор конституций Македонии и Югославии, а также нескольких исследований в области юридических наук. Эти данные заслуживают внимания с двух сторон: во-первых, применительно к предложенной теме мы имеем в виду, что и автор, и переводчик являются представителями юридической профессии, что свидетельствует о том, что они хорошо разбираются в разных функциональных стилях, в переводе, т. е. способны не только декодировать высказывания из одного стиля в другой, например из разговорного в административный, но и использовать их в своей языковой практике. Это особенно заметно в главе с ироничным названием «Бай Ганю прави избори», где ирония дословно передается и в македонском тексте: «Бај Ганьо прави избори».

5. Отдельное внимание в докладе будет уделено инвентарю и систематизации переводческих решений, которые являются результатом:

а) болгарско-македонских различий в области грамматики, напр. обязательность удвоения объекта в македонском языке: *Помогнаха на бай Ганя да смъкне отъ плещите си агарянския ямурлукъ, наметна си той една белгийска мантия — и всички рекоха, че бай Ганю е вече целъ европеецъ. — НА БАЈ ГАЊО му помогнаа да го симне од грб агарјанскиот јамурлук, си наметна една белгиска мантија и сите рекоа дека бај Гањо е веќе цел Европеец;*

б) результатом лексических расхождений: *Дигна се глъчка — Стана врева; ленивъ — мрзелив; тичане — брзање;*

в) следствием различий в словообразовании: *изложение — изложба; жажда — жед; саркастически — саркастично.*

Помимо того, представляют интерес решения македонских переводчиков при передаче заимствований из других языков (турцизмов, русизмов, западноевропеизмов) в болгарском тексте, которые позволяют воспроизвести невероятную атмосферу испытаний и переживаний Бай Ганю в Европе, явившихся результатом культурного недопонимания, ср. *галони — бинлаци*. Предлагается инвентарь и систематизация переводных эквивалентов, которые являются следствием языковой интерференции, при том что имеют разные значения в двух рассматриваемых языках (*накара — натера*), дается обзор западноевропеизмов в их переводе соответствующим македонским эквивалентом (*трень — воз; гара — станица*), русизмов (*закуска — јадење; правителствени — владини*), поднимаются вопросы расхождений в порядке слов и др. Не меньший интерес (особенно в связи с реформой орфографии) вызывает и ряд других вопросов, таких как употребление запятой в декларативных предложениях или написание с прописной буквы.

О КОМПЛЕКСНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ БОЛГАРСКИХ АНТРОПОНИМОВ

Седакова Ирина Александровна

ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

Болгарский именоведение — широкое и очень привлекательное исследовательское поле для ученых, работающих в разных областях гуманитарных и социальных наук. Более того, это очень динамичный материал, который находится в постоянном развитии, см. пополняющийся сайт актуальных болгарских имен [Stratsimir]. Тем не менее, болгарские антропонимы не стали предметом такого пристального, последовательного и структурированного анализа, как, например, топонимы (см. особенно монографии и сборники трудов по топонимии Центра ономастики при Великотырновском университете). В работах П. Банковой, А. Чолевой-Димитровой, М. Парзуловой, Т. Калкановой, М. Ангеловой-Атанасовой, Е. Крыстевой-Благоевой и др. раскрываются социолингвистические и этнографические аспекты выбора имени и его семантики, анализируется «магия имени» (вслед за Н. И. и С. М. Толстыми). Однако комплексных исследований болгарского имени, которые соединили бы в себе методы лингвистики, литературоведения, культурологии, аксиологии, семиотики, этнографии и других наук, нет.

Исследуя антропонимы, надо учитывать множество параметров, о чем, в частности, пишут К. И. Иванов и Л. Р. Супрун-Белевич в своей статье о текстообразующих возможностях имени собственного у болгар [Иванов, Супрун-Белевич 2017]. Они рассматривают когнитивный образ имени, функционирование имени в речевой практике и личное имя в литературе и фольклоре, уделяя внимание особому статусу антропонима и традициям выбора имени в Болгарии.

В своей статье [Седакова 2022] в традициях Московско-Тартусской семиотической школы я рассматриваю имя как текст, в который вплетено множество фактов и сюжетов — семейных, индивидуальных, общественных и религиозных. Болгарское имя индивидуализируется и одновременно остается родовым, нередко благодаря повторению имен дедушки, бабушки или лишь буквы или слога из их онимов (*буквуване, сричкуване*). Распространено и имятворчество — соединение в одном антропониме имен нескольких родственников и адаптация имени к модным тенденциям.

Многие болгарские имена подобны детективам, их можно расшифровать, только обладая определенными знаниями. Подтверждение этому я находила и нахожу в течение последних двух десятилетий, когда интервьюирую болгар даже с самыми традиционными именами. История выбора имени, одна его «буковка» или один слог, празднование именин — несут ценную информацию, составляющую текст антропонима.

Потенциал имени собственного как текста представлен имплицитно или эксплицитно (когда имя очень своеобразное, например) в разных источниках.

Так, болгарские имена собственные собраны в многочисленных лексикографических трудах (словари Г. Вайганда, Й. Заимова, Н. Ковачева, Ст. Илчева, С. Влахова, В. Радевой и др.), однако лингвистическая интерпретация антропонимов отличается противоречивыми дефинициями и неопределенностью этимологий. Например, *Искра* в словаре Ст. Илчева дается как женская форма от мужского «пожелательного» имени *Искрен* «искренний» [Илчев 1969: 12], а в ряде других словарей — как «искра» и соотносится с другими «огненными» именами, славянскими и неславянскими (*Пламен / Пламена, Огнян / Огняна, Игнатий / Игната* и др.). Эта гипотетичность дефиниций (происхождение многих имен сопровождается модальными словами «возможно», «наверное», «может быть»): *Евил* — «наверное, от Ева- и -ил» [Илчев 1969: 193]. Часто указываются варианты происхождения: «*Левена* от диалектного названия цветка *невен* “календула” или от мужского имени *Левен*» [Илчев 1969: 199]. *Левен* в свою очередь объясняется следующим образом: «от диал. левен вместо левент “статный мужчина” или мужское имя от женского *Левена*» [Там же].

Имена живут во времени, неслучайно в своем словаре Ст. Илчев указывает, что имя *Искра* было переосмыслено в XX в. [Илчев 1969: 224]. Смена идеологических и религиозных установок, мода, глобализация и пр. приносят изменения в восприятие имени и его символику. Ме-

няются уменьшительные имена (в последние годы популярными стали унисекс-гипокористики: *Нези* от *Незабравка*, *Фори* от *Никифор* и др.) и появляются в связи с этим новые ассоциации, которых не было при выборе имени. Взрослея, носители имен с суффиксом -к- (именно так они записаны в паспортах) порой отказываются от этого компонента имени, которое кажется им уже недостаточно серьезным: *Рачко* — *Рачо*, *Славка* — *Слава*. Много нового в текст имен добавляет эмиграция — при переезде из Болгарии происходит адаптация «непривычных» имен (*Пенка* стала *Пени* в США); имена для детей, которые рождаются не в Болгарии, подбираются с учетом лингвокультурной ситуации в стране проживания.

Отношение к религии и празднование именин (в Болгарии это скорее почитание собственно имени, *имен ден* «день имени») также вписывается в текст антропонима. В последние годы многие люди, которые ранее не отмечали именины, получают многочисленные поздравления в соцсетях и постепенно сделали этот день частью своего личного ритуального года. Дата празднования может подбираться по совету священника или «церковных людей», что приводит к новой этимологизации и семантизации имени и, соответственно, к расширению его текста.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00365 «Семантические модели в кросскультурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>

Литература

Иванов К. И., Супрун-Белевич Л. Р. Текстобразующие возможности личного имени в болгарском языке — традиции и актуальное состояние // Текст в языке, речи, культуре: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2017. С. 66–75.

Илчев Ст. Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969.

Седакова И. А. Имя как (балканский) текст // Вопросы ономастики. 2022. Т. № 3. С. 83–101.

Stratsimir. URL: <http://stratsimir.ex/> (дата обращения: 05.04.2023).

АФФИКСАЦИЯ КАК СПОСОБ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО, РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ)

Стоянова Радостина Стоянова

Институт болгарского языка им. проф. Л. Андрейчина Болгарской Академии наук

Аффиксация является одним из традиционных способов морфологического словообразования в славянских языках. В терминологии аффиксация также широко применяется при создании языковой формы терминов. Как отмечает М. Попова, в болгарской терминологии встречаются заимствованные и интернациональные компоненты, которые не имеют места в общепотребительном словообразовании [Попова 2012: 375]. К подобным суффиксам относятся -ант, -ат, -ент, -ет, -ид, -ит, -ус, которые первоначально с трудом осознаются в качестве суффиксов, однако впоследствии, обрастая словообразовательными гнездами в принимающем языке, успешно входят в его словообразовательную систему. Напр.: — болг. акцептант, рус. акцептант, серб. акцептант, нем. der Akzeptant, англ. acceptor от лат. acceptans, род. п. acceptantis; — болг. дивидент, рус. дивиденд, серб. дивиденда, нем. die Dividende от лат. dividendus; — болг. резидент, рус. резидент, серб. резидент, фр. resident, нем. der Resident от лат. residens; — болг. синдикат, рус. синдикат, серб. синдикат, нем. das Syndikat, англ. syndicate, фр. syndicat, лат. sindicatus, род. п. sindicus от ст.-гр. σύνδικος; болг. трасат, рус. трассат, серб. трасат от итал. trassare. В терминологии встречаются и такие заимствованные и интернациональные компоненты, которые не относятся к словообразовательным гнездам, но осознаются как морфологически членимые, ввиду чего их суффикс функционально причисляется к словообразовательной системе соответствующего языка (-ант, -ет, -ид, -ит, -ус), ср. болг. вариант — рус. варрант — серб. вариант [Попова 2012: 375].

В экономической терминологии весьма большую активность проявляют препозитивные морфемы (префиксы и префиксоиды) как славянского, так и греко-латинского и иного иноязычного происхождения. Напр: болг. кооперация, рус. кооператив, нем. das Kooperativ, англ. cooperative, фр. coopérative от лат. cooperation; ср. серб. кооперација от англ. cooperation; серб. кооператива от англ. cooperative. Греческие и латинские терминологические элементы подразделяются на универсальные (междисциплинарные, функционирующие в семантически стабильном виде в терминосистемах отдельных наук) и неуниверсальные (относящиеся к терминосистемам конкретных наук). В экономике к таким терминологическим элементам универсального характера относятся: болг. мулти- (рус. мульти-, серб. мулти-), болг. дез- (рус. дез-, серб. дез-), болг. ре- (рус. ре-, серб. ре-), болг. де- (рус. де-, серб. де-), болг. экс- (рус. экс-, серб. экс-), болг. анти- (рус. анти-, серб. анти-), болг. гипер- (рус. гипер-, серб. гипер-); болг. макро- (рус. макро-, серб. макро-); болг. микро- (рус. микро-, серб. микро-), серб. топ- и др. Ср.: болг. антидџмпинг — рус. антидемпинг — серб. антидампинг; болг. девалвация — рус. девальвация — серб. девалвација; болг. дезинвестиране — рус. дезинвестирование — серб. дезинвестирање; болг. експанзия — рус. экспансия — серб. експанзија; болг. макроикономика — рус. макроэкономика — серб. макроекономија; болг. реимпорт — рус. реимпорт — серб. реимпорт; болг. хиперинфлация — рус. гиперинфляция — серб. хиперинфлација. Ярко выраженная тенденция к интернационализации экономической терминологии проявляется в возрастании частотности использования интернациональных терминологических элементов, участвующих в терминологической номинации терминов.

Основными моделями образования терминов в виде существительных являются следующие:

1. Суффиксальный способ словообразования.

- а) глагольная основа + суффикс (болг. *обслужва-не* — рус. *обслужива-ние*, ср. серб. *сервис*; болг. *девалва-ция* — рус. *девальва-ция* — серб. *девалва-ција* и др.);
- б) именная основа + суффикс (болг. *финанс-ист* — рус. *финанс-ист* серб. *финанс-ијер*; болг. *клиентел-изџм* — рус. *клиентел-изм* — серб. *клијентил-изам*);

в) адъективная основа + суффикс (болг. *кадров* > *кадров-ик*, рус. *кадровый* > *кадров-ик*; болг. *гъст* > *гъст-ота*, рус. *густой* (густ кр. ф.) > *густ-ота*).

2. Префиксальный (в том числе и префиксально-суффиксальный) способ словообразования. Данный способ является весьма продуктивным в болгарской, русской и сербской терминологии. Используются преимущественно интернациональные префиксы. болг. де-стабилизация — рус. де-стабилизация — серб. де-стабилизация. Словообразовательная основа некоторых терминов представлена самостоятельным словом, являющимся производным (болг. свръх-продажба, ср. глагол продавам — рус. сверх-продажа, ср. глагол продавать; рус. сверх-бронирование, ср. глагол бронировать; рус. пере-бронирование, ср. глагол бронировать и др.). Как правило, благодаря префиксам создаются такие термины, семантика которых находится в определенном отношении (по признакам повторяемости, противоположности, степени и т. п.) со значением термина, являющегося словообразовательной основой (болг. антипазар — рус. антирынок, ср. серб. антитржишне планове; болг. антидъмпинг — рус. антидемпинг — серб. антидампинг). Встречается и третий вид терминов, основа которых не коррелирует со самостоятельным словом в лексике соответствующего языка или же, если и коррелирует, то ей предшествует другой словообразовательный «шаг» [Попова 2012: 378]: болг. интерполация — рус. интерполяция — серб. интерполација от англ. interpolation; болг. дизажио — рус. дизажио от ит. disaggio. Рассматривая префиксальный способ терминообразования, следует учитывать также, является ли основа, к которой добавляется префикс, самостоятельным словом или нет.

3. Бессуффиксальный способ словообразования. Данный способ проявляется в том, что форма термина сводится только к словообразовательной основе (корню) исходного слова, являющегося, как правило, глаголом. Таким образом, этот способ является весьма продуктивным при образовании отглагольных терминов в виде существительных (болг. недостиг, ср. глагол не достигаю).

Литература

Попова М. Теория на терминологията. Велико Търново, 2012.

ЗОЯ — ЭТО ЖИВКА: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ СИСТЕМ (К ЮБИЛЕЮ З. К. ШАНОВОЙ)

Супрун Василий Иванович

профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Зоя Кузьминична Шанова своей научной, педагогической и просветительской деятельностью вносит большой вклад в развитие русско-болгарских культурных контактов. Её первые шаги в науке были связаны с изучением глагольных систем болгарского и македонского языков под руководством проф. Ю. С. Маслова (1914–1990) [Шанова 1980]. З. К. Шанова в творческом коллективе составляла словарь поэзии Николы Вапцарова (1909–1942). Частотный словарь был опубликован в Велико-Тырново [Честотен речник 1996], а в Санкт-Петербурге вышли в свет первые тома этого новаторского двуязычного толкового словаря болгарского поэта [Словарь поэзии 1998–2010]. Авторы-составители рассматривали свой труд как метод изучения системы художественно-изобразительных средств болгарского языка и индивидуально-авторского стиля поэта путём детального семантического анализа каждой единицы текста во всем многообразии её употреблений. З. К. Шанова является известным специалистом по переводоведению и переводчиком произведений болгарских авторов на русский язык. Ею переведены пьесы болгарского драматурга Цв. Марангозова. В своих статьях Зоя Кузьминична анализирует переводы болгарских писателей. Она отмечает высокий профессиональный уровень переводчиков [Шанова 2000]. Автор детально рассматривает переводы на русский язык произведений А. Константинова, в которых отмечены исторические эпизоды, смысл которых порой непонятен русскому (иногда и болгарскому) читателю, имена исторических личностей, обилие аллюзий, без раскрытия которых произведение теряет смысл [Шанова 2005].

Опираясь на свои теоретические разработки транслятологии и переводческую практику, З. К. Шанова читает студентам курсы по теории, истории и практике перевода. В сферу её интересов входят также история славистики, методика преподавания славянских языков в вузе и школе. В разные годы она читала лекции по теоретической и исторической грамматике, диалектологии болгарского языка, по истории литературного болгарского языка, вела спецкурс по типологии языков балканославянского ареала.

З. К. Шанова вместе с соавторами создала учебник болгарского языка для начинающих [Иванова, Шанова и др. 2011]. В 1990-е годы она стала одним из инициаторов преподавания славянских языков и культур в школах Санкт-Петербурга, что было уникальным явлением в России. Зоя Кузьминична была научным руководителем и составителем программ и пособий по славянским языкам и культурам для средних школ, организатором конференции молодых славистов «Диалог славянских культур», на которых выступали учащиеся петербургских школ и первокурсники кафедры славянской филологии СПбГУ. При обучении и научном курировании молодых исследователей обращалось внимание на проблемы болгарской ономастики.

Русский и болгарский антропонимикон складывались первоначально в рамках языческих традиций. В качестве имён выбирались названия предметов окружающего мира, указания на порядок рождения ребенка, его внешние данные и первоначальные проявления внутренних качеств. Многие имена имели пожелательный характер, иногда сложно выраженный (Козёл — символ витальности и плодовитости, Заяц — символ бодрости, скорости и той же плодовитости и т. п.). С принятием христианства старые языческие имена уходят на периферию, сохраняясь в домашнем употреблении и в виде прозвищ. Однако в южнославянской православной среде сохраняются дохристианские и переводные имена, русский антропонимикон более ригорозен. Болгары отмечают именины (*честит имен ден*) в день памяти святого, чье имя на ту же букву, созвучно или переводится похоже (Божидар — в день св. Феодора или Феодота, Пламен — в день св. Фотия и т. д.). Возникают антропонимные кальки [Балкански, Цанков 2010: 32]. В России Светлана может отмечать именины в день св. Фотины.

В докладе рассмотрены болгарские имена, их соответствие русским антропонимам, история становления антропонимиконов, наличие в них имён славянского происхождения. Отмечены факты взаимодействия ономастических систем в русской и болгарской лингвокультурах. Славяне заимствовали у греков имя *Зоя*; антропоним Ζωή означает 'жизнь'. Имя *Зоя* было в России популярным в первой половине XX в., ныне сохраняется благодаря включению в святцы трёх святых с этим именем (дни памяти 13/26 февраля, 2/15 мая и 18/31 декабря), а также в связи с жизнью и деятельностью известных личностей (*Зоя Космодемьянская*, *Зоя Фёдорова*, *Зоя Богуславская* и др.). Болгарское имя *Живка* произошло от славянского корня жи- (жив, живея, живот), является эквивалентом к антропониму *Зоя*. Среди переводчиков поэзии В. С. Высоцкого отмечены *Живка Балтаджиева* и *Живка Иванова*. Это имя носит популярная молодая поэтесса *Живка Митова*.

Литература

- Шанова З. К.* Аудитив в современном литературном македонском языке: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 157 с.
- Честотен речник на Вапцаровата поезия / съст. Г. В. Крылова, А. А. Азарова, Е. А. Захаревич, Е. Ю. Иванова, Е. В. Цуцкарева, З. К. Шанова, М. Ю. Котова. Велико Търново: Абагар, 1996.
- Словарь поэзии Николы Вапцарова (опыт лексикографического описания болгарского художественного текста). Вып. 1–3 / отв. ред. Г. В. Крылова. СПб., 1998–2010.
- Шанова З. К.* Переводы произведений Ивана Вазова на русский язык // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. Пятое Державинские чтения «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. С. 41–42.
- Шанова З. К.* О некоторых сложностях перевода Алеко Константинова на русский язык // IV Славистические чтения, посвященные памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова: матер. междунар. науч. конф. СПб., 2005.
- Иванова Е. Ю., Шанова З. К., Димитрова Д. И.* Болгарский язык: Курс для начинающих. СПб., 2011.
- Балкански Т., Цанков К.* Енциклопедия на българската ономастика: към основите на българската ономастика. Велико Търново, 2010.

ВСЕРОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСКИЙ КОНКУРС ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ: ЦЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Тимонина Елена Васильевна

старший преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Специалисты со знанием болгарского языка в России всегда относились к категории редких. Но если в СССР таких специалистов готовили на специализированных отделениях славянской филологии филологических факультетов крупнейших вузов страны (в МГУ им. М. В. Ломоносова также на историческом, экономическом, географическом, юридическом, философском факультетах и на факультете журналистики с учетом специфики этих факультетов), в МГИМО МИД, в Дипломатической академии МИД, в Академии внешней торговли, то после распада СССР полный цикл всесторонней подготовки болгаристов-филологов сохранился лишь на филологических факультетах МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ и в Академии славянской культуры (ныне — Институт славянской культуры (на правах факультета) Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технология. Дизайн. Искусство.)), переводчиков, культурологов, историков, журналистов готовят на факультете иностранных языков и регионоведения, на историческом факультете и факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, дипломатов со знанием болгарского языка — в МГИМО МИД РФ и в Дипломатической академии МИД РФ. Еще в десяти вузах РФ болгарский язык преподается как ознакомительный или факультативный курс. Для начинающего переводчика важно аргументированное мнение опытного специалиста. Поэтому болгаристы двух факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова — филологического факультета и факультета иностранных языков и регионоведения — с 2001 г. ежегодно проводят Всероссийский студенческий конкурс художественного перевода с болгарского языка на русский. В нем постоянно участвуют студенты и аспиранты разных факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова, филологического факультета СПбГУ, МГИМО, Академии славянской культуры и в разные годы студенты Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва), Брянского государственного университета (г. Брянск), Юго-Западного федерального университета (г. Курск), Саранского научно-исследовательского университета (г. Саранск), Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа), Тверского государственного университета (г. Тверь), Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королева (г. Самара), Кубанского государственного университета (г. Краснодар), Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (г. Сыктывкар), слушатели курсов болгарского языка Болгарского культурного института (г. Москва). Расширилась география участников, самостоятельно изучающих болгарский язык: Ростов-на-Дону, Красноярск, Тольятти, Москва. На протяжении многих лет председателем жюри конкурса была доц., к.ф.н. З. И. Карцева, уникальный ученый-литературовед и высококлассный переводчик болгарской литературы. Жюри осуществляет выбор конкурсных произведений, опираясь на результаты литературных конкурсов в Болгарии, на мнения болгарских и российских критиков и литературоведов. Первый итог конкурса: конкурсы выявили студентов с явными способностями и интересом к художественному переводу. Жюри сочло возможным предложить лучшие переводы для публикации в рецензируемом мультиязычном научном электронном журнале филологического факультета МГУ Stefanos (в 2015 г.) и в сборниках «Студентско преводаческо майсторство: преводи на млади преводачи» (2012 и 2019 гг.), выпускаемых Велико-Тырновским университетом им. Св.Св. Кирилла и Мефодия (Болгария). В каждом конкурсе участвуют студенты и аспиранты СПбГУ, и каждый раз их переводы оказываются в числе лучших. Назовём лишь несколько имен: Светлана Апарина, Диана Балашевич, Александра Ерёмченко, Дарья Кобзева, Алёна Козлова, Анастасия Мосинец, Анна Скопылатова. В формировании этих молодых болгаристов-переводчиков велика роль преподавателей кафедры славянской филологии филологического факультета СПбГУ и, конечно, чрезвычайно значима роль к.ф.н. доцента Зои Кузьминичны Шановой, опытнейшего, эффективного в под-

готовке студентов преподавателя. Талантливых переводчиков — единицы. Конкурс нужен для формирования нового поколения российских переводчиков болгарской художественной литературы. Много переводов делается «в стол», но есть и серьезные успехи — и это второй важный результат конкурса. Например, «Естественный роман» («Естествен роман») Георги Господинова (одной из ключевых фигур литературного процесса современной Болгарии, по мнению российского журнала «Иностранная литература») вышел в России в переводе выпускницы филологического факультета МГУ Марии Ширяевой (первоначально в журнале «Иностранная литература» (2010), а затем в серии «Новый болгарский роман» (совместный проект Всероссийской библиотеки иностранной литературы им. М. Рудомино и Болгарского культурного института при поддержке Министерства культуры Болгарии) (2012)). Повесть Виктора Паскова «Незрелые убийства» («Неврѣстни убийства») в сборнике «Детские истории взрослого человека» — в серии «Новый болгарский роман» в переводе выпускницы филологического факультета МГУ Антонины Тверицкой. Второй результат конкурса: участники конкурса публикуют как свои переводы произведений болгарской литературы, так и научные работы по проблемам перевода. Отметим особо, что выпускница СПбГУ Анастасия Мосинец, неоднократно побеждавшая в конкурсе, в настоящее время читает на филологическом факультете СПбГУ курс «Вопросы художественного перевода с болгарского языка». Надеемся, участие в конкурсе помогло молодому преподавателю в работе над курсом. Третий результат конкурса: студенческие переводы дали богатейший материал для научных исследований самим членам жюри конкурса.

СЛАВЯНЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ПОСЛОВИЦЫ В ТЕАТРЕ И КИНО СЛАВЯНСКИХ СТРАН

ПОСЛОВИЧНЫЙ КОД В КИНОТЕКСТЕ И ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЬЕСЕ (ВЗГЛЯД ПАРЕМИОЛОГА)

Котова Марина Юрьевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

В третье издание своего словаря констант русской культуры Ю. С. Степанов включил статью-эссе «Весь мир — театр», в которой обосновал, что театр — это ретроспекция реальности [Степанов 2004: 948–974]. В этом эссе Ю. С. Степанов кратко упоминает и кино как новейшее театральное искусство.

Здесь мы рассмотрим использование в кинотексте и в сцена/тексте пословиц, которые, как известно, являются семиотическими знаками ситуаций [Русская языковая картина мира в пословицах 2022: 3]. Цель доклада заключается в определении и характеристике объекта для изучения роли пословицы в кинотексте и сцена/тексте на фоне имеющейся научной литературы и паремиографического опыта, накопленного при создании различных справочников и словарей пословиц, в том числе нашего Электронного словаря современных активных восточнославянских пословиц (ЭССАВП) [Русская языковая картина мира в пословицах 2022: 3–55].

Методы дескриптивного и контекстуального анализа в сочетании с паремиографическими методами направлены здесь на то, чтобы отразить степень изученности данного вопроса и наметить перспективы в этой области.

Ряд исследователей отмечает поликодовую структуру кинотекста, состоящую из различных семиотических знаков (Е. Е. Анисимова, М. А. Ефремова, В. А. Кухаренко, Г. Г. Слышкин и др.). В духе этого вектора мы трактуем пословицу как единицу особого, пословичного кода, который вписан в поликодовую палитру кинотекста и сцена/текста. Пословичный код нередко выносится в заголовок театральное произведения или кинофильма, как, например, в пьесах А. Н. Островского. Немало примеров использования пословиц в пьесах или в кинофильмах являются, по сути, концептуальными слоганами авторской идеи, актуализируются в речи реципиентов и перешагивают границы национальной культуры благодаря художественному переводу или кинодубляжу на иностранные языки.

В качестве объекта исследования здесь выбраны собственно пословицы, которые могут быть как фольклорного происхождения (Ни в сказке сказать, ни пером описать), так и крылатыми фразами со стершимся авторством (как изречение Что посеешь, то и пожнешь — *Tibi seris tibi metes*, приписываемое Цицерону и актуализированное в библейском тексте) или афоризмами с осознаваемым носителями языка авторством (как *A воз и ныне там* из басни И. А. Крылова). Последние могут представлять собой прецедентные фразы, ставшие пословицами (например, из книги и экранизации «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова: Лед тронулся, Заседание продолжается и др.). Одной из универсальных черт пословицы, отличающей ее от фразеологизма, является ее синтаксическая структура в виде замкнутого предложения: полного (Лежачего не бьют) или неполного (Редко, да метко). Другая пословичная универсалия и свойство ее семантики — ее семиотическая природа, свойство представлять собой знак ситуации, который, по сути, становится ценностным стереотипом как для носителей языка, так и при восприятии пословицы иностранцами.

Рецепция пословиц при переводе с одного языка на другой в некоторых случаях способствует обогащению принимающего языка новой паремией, и зафиксировать этот момент — важная задача для паремиолога и историка языка. Постоянно при этом происходит миграция пословиц

из языка в язык, что приводит, порой, к интернационализации паремий. Интернациональные паремии могут отличаться семантическими оттенками в разных языках и культурах или даже интерпретироваться отдельными авторами совершенно в полярных оценочных ключах. В докладе будет рассмотрена семантическая мутация интернациональной пословицы *Один за всех и все за одного*, которая восходит к роману А. Дюма «Три мушкетера» (1844), но принадлежит к паремиологическому минимуму русского языка (по данным наших социолингвистических паремиологических экспериментов в Белоруссии, Болгарии, Польше, России, Сербии, Словакии и Чехии, она известна 100 % респондентов-носителей этих языков). Эта пословица, актуализированная многочисленными киноэкранизациями романа, была шокирующе негативно переосмыслена итальянскими драматургами Антонио Лателла и Федерико Беллини в их переработке романа для театра. Итальянская театральная версия романа была переведена на немецкий язык и поставлена Театром в Базеле и Резиденцтеатром Мюнхена, предложившими в театральном сезоне 2019/2020 года свою нетрадиционную интерпретацию этой итальянской версии сюжета о четырех мушкетерах. Зрители в течение спектакля наблюдали разрушение ценностного стереотипа пословицы *Один за всех и все за одного*, которая стала в этой постановке анти-слоганом.

В докладе дается характеристика актуальности восточнославянских пословиц, связанных с кинотекстом или сцена/текстом (на материале нашего словаря ЭССАВП). Для ЭССАВП авторы-составители (Н. Е. Боева, О. В. Гусева, М. Ю. Котова, В. В. Мушчинская, О. В. Раина, О. С. Сергиенко) отобрали только те русские пословицы, которые в ходе социолингвистического паремиологического эксперимента 2022 года были отмечены минимум пятнадцатью процентами респондентов. В ЭССАВП вошло 537 русских пословиц, многие из которых связаны по происхождению с кинотекстом или актуализированы в названиях пьес (например, тринадцать пословиц-названий пьес А. Н. Островского: «В чужом пиру похмелье», «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Старый друг лучше новых двух» и др.).

В заключении намечены направления изучения проблемы.

Литература

Русская языковая картина мира в пословицах (на фоне других языков): коллективная монография / под ред. М. Ю. Котовой. СПб., 2022.

Степанов Ю. С. Весь мир — театр // Константы: Словарь русской культуры. М., 2004. С. 948–974.

ПОСЛОВИЦЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ

Абакумова Ольга Борисовна

профессор, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Ильминская Виктория Игоревна

аспирант, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

При восприятии художественных фильмов, как и художественных текстов, особую сложность представляет перевод фразеологизмов как наиболее культурно нагруженных единиц языка, обладающих национально детерминированной образностью. Пословицы — это практические оценочные суждения, фразеологизмы с закрытой предикативной структурой, которые функционируют в тексте/дискурсе как косвенные речевые акты, служат тактическим средством реализации коммуникативного действия говорящего и способствуют передаче главного послания автора художественного произведения читателю, поскольку входят в семантическую микро- и макроструктуру текста [Абакумова 2022]. Художественный текст понимается в нашей работе как возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания [Адмони 1994]. Полагаем, что это верно и для художественного фильма, который, как и художественный текст, представляет собой сложную семиотическую систему. В структуре художественного фильма пословицы реализуют свой экспрессивно-образный потенциал, а также приобретают новые коннотации, поскольку сопровождаются зрительными образами, жестами и мимикой персонажей, а в трансформированном виде становятся более экспрессивными, так как на поверхность выходит их внутренняя форма, оживляются стертые метафоры и клише, символы и стереотипы, и возникают новые ассоциации, которые способствуют созданию уникальной системы образов, характерной для данного фильма. Исследование было проведено на основе фильма «Жестокий романс», поставленного по мотивам произведения А. Н. Островского «Бесприданница», и его перевода в виде субтитров на английском языке. Собранный материал демонстрирует разные способы перевода пословиц и их трансформов. Для анализа смысла пословицы в дискурсе использовалась когнитивно-дискурсивная модель актуализации пословицы в дискурсе (КДМ). В фильме было выявлено 6 пословиц, которые способствуют созданию системы образов фильма как художественного произведения. Рассмотрим пример реализации смысла пословицы в бытовом диалоге фильма и ее перевод, выполненный профессиональными переводчиками с русского языка на английский, с помощью модели КДМ. Лариса: Вы когда же думаете ехать в деревню? Карандышев: После свадьбы, когда вам угодно, хоть на другой день. Только венчаться непременно здесь, чтобы не сказали, что мы прячемся, потому что я не жених вам, не пара, а только та соломинка, за которую хватается утопающий. Утопающий (и) за соломинку хватается — «В безвыходном положении как к последней надежде на спасение прибегают даже к такому средству, которое явно не может помочь» [Жуков 1966]. Английский эквивалент русской пословицы *A drowning man will catch/clutch at a straw* [Котова 2000]. Коммуникативная составляющая представлена социально-стратегическим действием (говорящий ориентирован в большей мере на свои интересы и на мнение жителей города, а не на чувства любимой девушки). С такой стратегией связана и трансформация синтаксической структуры пословицы (сужение фокуса интереса говорящего от сентенциального до именного). Констативная (когнитивная) составляющая представляет собой наложение трех типов фреймов и пословичный сценарий. Образный фрейм представляет ситуацию, в которой тонущий человек пытается использовать любое средство для своего спасения, даже такое, которое помочь не может. Ситуационный фрейм представляет человека, который пытается исправить свое незавидное положение в обществе за счет брачного союза. Обобщенный фрейм соответствует 4-й модели Г. Л. Пермякова: Если две вещи связаны между собой и одна из них обладает каким-то свойством, а другая нет, то первая вещь предпочтительнее второй. Экспрессивная составляющая передает аксиологическую и деонтическую модальность. Говорящий неискренен в своем

желании сделать любимую девушку счастливой, он больше заботится о своем реноме. Их системы ценностей отличаются, как и оценки. Иллокутивный компонент содержит косвенный директив. Нормативно-регулятивная составляющая показывает, что говорящим нарушаются этические нормы взаимодействия (Люди должны помогать друг другу, особенно в трудное время) и нормы контакта (Следует думать об интересах других людей). Инференциальный компонент связан с перлокутивным эффектом высказывания (его невеста говорит: Да ведь так и есть). При переводе пословицы переводчик использовал трансформ английского пословичного соответствия (*just a straw that a drowning person catches at*). Переводчик использовал кальку и сохранил оригинальный образ русской пословицы. Проведенный анализ показал, что пословицы отмечают ключевые моменты в художественном произведении и в совокупности с другими образными средствами входят в систему образов художественного фильма и передают главное послание автора фильма зрителю. Рецензии на фильм в англоязычной прессе выражают высокую оценку работы режиссера и указывают на наличие культурной специфики в системе образов русского фильма и системе ценностей русского общества.

Литература

- Абакумова О. Б.* Пословицы и их окказиональные трансформы в семантической микро- и макроструктуре художественного текста // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики. Монография памяти профессора Ф. А. Литвина. Орел, 2022. С. 55–60.
- Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.
- Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966.
- Котова М. Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб., 2000.

РЕЦЕПЦИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ ИЗ ЭКРАНИЗАЦИИ КОМЕДИИ Н. В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР» В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

Боева Наталия Евгеньевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Жэсинима

Пословицы являются важным объектом анализа при сравнении разных языков и культур. Объектом данного исследования являются пословицы из пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор». Вопросы изучения стилистики «Ревизора» посвящены многие исследования, но в данном докладе этот вопрос рассматривается в новом аспекте. «Пословица не есть какое-нибудь вперед поданное мнение или предположение о деле, но уже подведенный итог делу, отстой уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное извлечение силы дела из всех сторон его, а не из одной. Это выражается в поговорке: «Одна речь не пословица». Вследствие этого заднего ума, или ума окончательных выводов, которым преимущественно наделён перед другими русский человек, наши пословицы значительнее пословиц всех других народов... Все великие люди, от Пушкина до Суворова и Петра, благоговели перед нашими пословицами». Так писал сам Николай Васильевич Гоголь о значении пословиц в «Выбранных местах из переписки с друзьями» [Гоголь 1994: 560]. Имея такое высокое мнение о пословицах, Гоголь активно прибегает к их использованию в своём творчестве. В «Ревизоре» мы насчитываем 8 паремий. Пословица На зеркало неча пенять, коли рожа крива является эпиграфом к пьесе. Целью исследования является сопоставление пословиц в пьесе «Ревизор» и в её экранизации на русском и китайском языках. Всего было осуществлено 6 экранизаций на русском языке, а фильм «Ревизор» (1952 год) режиссёра Владимира Петрова был переведён на китайский язык под названием «Цинь Чай Да Чэнь» (Имперский посланник, министр, канцлер). Именно эта экранизация взята за основу нашего исследования. В работе анализируются способы передачи русских пословиц на китайский язык в переводе пьесы и в экранизации: пословицей и свободным сочетанием. Так, например, русская пословица Что на сердце, то и на языке на китайский язык переводится свободным словосочетанием, а пословица Большому кораблю — большое плавание переводится пословицей Великие таланты неизбежно приводят к великим изменениям. При переводе пословицы По заслугам и честь в китайском языке используется идиома (Чэньюй) быть достойным. В работе выявляются лакуны, например, две пословицы из пьесы не были отражены в фильме: На зеркало неча пенять, коли рожа крива и Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! В исследовании дана характеристика употребительности гоголевских пословиц в современной русской речи (по материалам ЭССАВП и РССПАС). ЭССАВП — это «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц», который создан в 2020–2022 гг. на кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (в проекте приняли участие автор доклада, а также М. Ю. Котова, О. В. Гусева, В. В. Муштинская, О. В. Раина, О. С. Сергиенко). Электронный словарь демонстрирует активно употребляющиеся белорусские и украинские пословичные параллели русского паремиологического минимума. Основу Электронного словаря составили пословицы, вошедшие в «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» (РССПАС) опубликованный в 2000 г. М. Ю. Котовой [Котова 2000]. В РССПАС из восьми пословиц есть 4 пословицы: На зеркало неча пенять, коли рожа крива; Большому кораблю — большое плавание; По заслугам и честь; Посади свинью за стол — она и ноги на стол. В ЭССАВП из восьми пословиц есть 5 пословиц: На зеркало неча пенять, коли рожа крива; Держи ухо востро; Большому кораблю — большое плавание; Посади свинью за стол — она и ноги на стол; Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! В исследовании использован метод сопоставительного паремиологического анализа и метод лингвокультурологического анализа. Анализируя русские пословицы из пьесы «Ревизор» и их китайский перевод, мы обнаруживаем лингвокультурологические особенности русских и китайских пословиц на примере пословицы Посади свинью за стол — она и ноги на стол. В русском языке образ свиньи несет в себе негативную оценку: сви-

нья обычно ассоциируется с неряшливым, невежественным и недостойным человеком. Именно поэтому Гоголь использует эту пословицу для характеристики жены городничего как женщины недалёкой, невежественной и недостойной. В Древнем Китае свинью выделяли из остальных животных. В традиционном народном фольклоре северо-восточного Китая свинью воспевают как очень смелое животное, даже смелее медведя и тигра. Есть старинная китайская пословица: «Когда идешь охотиться на тигра, то нужно запастись большим мужеством, а когда идешь охотиться на диких свиней, то приготовь гроб». Со свиньей в Китае также ассоциируется процветание и богатство, так как в Древнем Китае есть свинину могли себе позволить только богатые люди, более того, в современном языке иероглиф, обозначающий дом, семью, восходит к изображению свиньи как символа дома и достатка. Анализ пословиц экранизации пьесы «Ревизор» и их перевода на китайский язык показывает концептуальную роль пословицы как национального стереотипа в киноискусстве, особенности восприятия русской культуры в Китае.

Литература

Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. М., 1994. Т. 3.

Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб., 2000.

ПОСЛОВИЦА «WOLNOŚ, TOMKU, W SWOIM DOMKU» В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КИНО

Гусева Ольга Валерьевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Польская пословица *Wolność, Tomku, w swoim domku* (букв. «Вольно тебе, Томек, в своем домике») используется в качестве девиза тем, кто уверен, что в своем доме он может делать все, что пожелает, не считаясь с мнением окружающих. Пословицу актуализировал крупнейший польский комедиограф XIX в. Александр Фредро (1793–1876) в своей знаменитой басне «Павел и Гавел» (*Paweł i Gaweł*). Басня рассказывает историю двух соседей, которые жили в одном доме: Павел на верхнем этаже, а Гавел этажом ниже. Павел был спокойным человеком, а импульсивный Гавел устраивал в своей квартире охотничьи сцены, стрелял, трубил и кричал, чем выводил Павла из равновесия. На просьбу Павла прекратить Гавел ответил пословицей *Wolność, Tomku, w swoim domku*. На следующий день Гавел проснулся от воды, лившейся ему на голову с потолка. Оказалось, что Павел в своей комнате устроил озеро, а сам с удочкой сидит на комод. В ответ на свое возмущение Гавел услышал от Павла все ту же пословицу.

Актуализацией басни Фредро и, вместе с тем, пословицы *Wolność, Tomku, w swoim domku* стал польский черно-белый фильм 1938 г. «Павел и Гавел» (*Paweł i Gaweł*, режиссер Мечислав Кравич, авторы сценария Людвик Старский и Ян Фетке). В этой комедии сыграли звезды довоенного польского кино Эугениуш Бодо и Адольф Дымша, что, наряду с тщательно продуманной интригой и ставшими шлягерами песнями, обеспечило фильму огромную популярность. Герои фильма Павел Гавлицкий (Эугениуш Бодо) и Гавел Павлицкий (Адольф Дымша) — соседи, которые устраивают друг другу мелкие каверзы, оправдываясь тем, что в своем доме можно творить все, что заблагорассудится. Пословица *Wolność, Tomku, w swoim domku* в фильме звучит несколько раз. Один раз пословица обыгрывается героями, оказавшимися в одном купе поезда, и Гавел произносит фразу *Wolność, Michale, w swoim przedziale* (букв. «Вольно тебе, Михал, в своем купе»), калькирующую структуру оригинальной пословицы с сохранением внутренней рифмы. Басня Фредро стала лишь исходным пунктом для сценария фильма, в ходе действия герои приходят к взаимопониманию и попутно успешно решают matrimониальные проблемы. Черно-белое польское довоенное кино сохраняет свою популярность в современной Польше, как и творчество Э. Бодо и А. Дымши, и новые поколения зрителей знакомятся с фильмом «Павел и Гавел» в восстановленной и оцифрованной версии.

Уже после второй мировой войны пословица *Wolność, Tomku, w swoim domku* зазвучала припевом в одноименной песне, которую впервые исполнил звезда польской эстрады Мечислав Фогг. Песню до сих пор можно услышать в исполнении современных эстрадных коллективов. В пародийной форме песня рассказывает о соседях, которые не умеют жить дружно, не докучая друг другу. Эта вечная проблема, актуальная как во времена А. Фредро, так и в наши дни, обеспечивает долгую жизнь рассматриваемой паремии в искусстве и литературе. Басня А. Фредро «Павел и Гавел» вошла в золотой фонд польской детской литературы, включив тем самым пословицу *Wolność, Tomku, w swoim domku* в активный паремиологический запас современного носителя польского языка. Если мы обратимся к словарям польского языка, то обнаружим, что пословица *Wolność, Tomku, w swoim domku* фиксируется в них только со второй половины XIX в. Крупнейший польский этнограф и фольклорист Оскар Кольберг включил пословицу в свой знаменитый труд «Народ. Его обычаи, образ жизни, речь, предания, пословицы, обряды, суеверия, игры, песни, музыка и танцы», в том, посвященный фольклору Краковско-го воеводства [Kolberg 1875: 283]. Пословица зафиксирована в словаре польского паремиолога и фольклориста Самуэля Адальберга [Adalberg 1894: 561]. Но, несмотря на довольно позднее проникновение в словари, на более старое происхождение пословицы указывает выступающая в ней архаическая грамматическая форма *wolność*. Она является сокращенной формой выражения *wolno ci* (букв. «вольно тебе»). В старопольском языке вместо формы дательного падежа *ci* местоимения *ty* использовалось сокращение *-ć*, которое добавлялось к предшествующему сло-

ву. Архаизм *wolność* не всегда понятен носителям современного польского языка, поэтому появляется «модификация» пословицы, звучащая как *Wolność Tomku, w swoim domku*, в значении *Wolność (masz), Tomku, w swoim domku* (букв. «Свобода (есть у тебя), Томек, в своем домике»).

Паремия *Wolność, Tomku, w swoim domku* является также пословицей с национальным компонентом — в ней звучит антропоним Томек — ласкательная форма имени Томаш. Это имя важно для фразеоломатической картины польского мира. В словаре польских пословиц Самуэля Адальберга [Adalberg 1894, 561] в словарной статье *Tomasz* приведено семь пословиц с вариантами, кроме того, в словаре есть отдельная статья для агнонима св. Томаш. Но в паремии *Wolność, Tomku, w swoim domku*, как нам представляется, имя не несет значительной смысловой нагрузки, оно использовано лишь для внутренней рифмы *Tomku — domku*. Подтверждением тому может служить использованное в фильме «Павел и Гавел» псевдопословичное соответствие, образованное по той же структурной модели: *Wolność Michale w swoim przedziale*.

Пословица *Wolność, Tomku, w swoim domku* сохраняет свою актуальность в современном польском языке. В XX в. она входила в крупнейшие словари польского языка: в 11-томный словарь под ред. Витольда Дорошевского, фразеологический словарь Станислава Скорупки, словарь Ю. Кшижановского. В Национальном корпусе польского языка отмечено 28 вхождений пословицы [НКJP]. Таким образом, пословица сохраняет свою актуальность в современном польском языке и является важным элементом польской паремиологической картины мира.

Литература

Adalberg S. Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1894.

Kolberg O. Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Ser. VIII, cz. 4. Krakowskie. Kraków, 1875.

НКJP — Narodowy Korpus Języka Polskiego <http://nkjp.pl>

ИДИОМАТИКА В СОВРЕМЕННОМ СЕРБСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Дракулич-Прийма Драгана

старший научный сотрудник, Библиотека Российской Академии наук

Вариативность и разнообразные функции пословиц в современном кинематографе являются актуальными и малоизученными темами в сербской лингвистике. Перевод пословиц в киноискусстве, где предпочтение отдается средствам визуализации, осложняется узкими временными рамками для подачи переводного текста и необходимостью минимизировать языковые средства, но при этом адекватно передать смысл и выразительность. Стремясь с помощью экспрессивности пословиц привлечь внимание зрителей, режиссеры зачастую используют их в названии своих фильмов. В качестве примера приведем название телесериала режиссера Радоша Байича «Село гори, а баба се чешља» (досл. Село горит, а бабка причесывается), с успехом транслировавшегося по сербскому ТВ с 2007 по 2017 г. Образность этой пословицы лежит на поверхности и может быть понятна русскому зрителю при дословном переводе. Возможны также и такие варианты перевода: В деревне огонь, а бабке все ни по чем, Село горит, а бабка с гребешком сидит. Представляется, что популярность сериала, в котором звучит и песня с одноименным названием, явилась причиной возникновения вариантов данной пословицы: Село гори, а ватрогасац (пожарный) се чешља, Село гори, а Влада (правительство) се чешља, Село гори, а баба на фејсу (Село горит, а бабка в фейсбуке сидит) и др. Известный фильм режиссера Драгана Бьелогрича «Монтевидео, Бог те видео» (2010 г.) в России вышел в кинопрокат под названием «Монтевидео — божественное видение». Такой перевод названия картины нельзя признать правильным, так как в сербском фразеологизме Бог те видео (досл. Бог тебя увидел) имя Бога упомянуто всуе и этот оборот не имеет «божественного» значения. Фразеологизм используется для выражения удивления или упрека [РСМ Т. 1:230] и переводится на русский: Вот это да! Ничего себе! и т. п. Название киноленты мотивировано действием, которое в ней разворачивается: фильм посвящен неожиданно успешному выступлению сербской сборной на первом Чемпионате мира по футболу, который состоялся в 1930 году в столице Уругвая. Таким образом, правильный перевод названия фильма на русский язык (с сохранением компонента-топонима) мог бы звучать так: «Вот так (ничего себе; вот это; вот тебе и) Монтевидео!» и т. п. Возможные способы перевода пословиц с национальным колоритом, встречающиеся в речи героев фильма, можно проиллюстрировать с помощью примеров из двух кинолент, где использована пословица Путуј ти, оче игумане, а не брини се за манастир (досл. Ты езжай, отец игумен, а за монастырь не беспокойся). В сборнике сербских пословиц В. С. Караджича это выражение сопровождается следующим комментарием: «Сказал какой-то монах игумену, который перед смертью плакал о судьбе монастыря без него» [Караџић 1836: 277]. Словарь Матицы Сербской дает следующее толкование: путуј (оче) игумане (не брини се, не питај за манастир) — можеш иди, и без тебя обойдемся [РСМ Т. 2: 346].

Один из примеров употребления этой пословицы встречается в телесериале «Непобедиво срце» (досл. Непобедимое сердце), снятом режиссером Здравко Шотрей в 2010 году по одноименному роману сербской писательницы Мирьяны Яковлевич — Мир-Ям (1887–1952). В одиннадцатой серии у исполнителей главных ролей состоялся такой диалог: Милена: Брзо си савладао италијански. Мирослав: Избегавао сам наше људе, дружио сам се са Италијанима. Милена: Ваљда и са Италијанкама. Немогуће да те нису запазиле! Мирослав: Јесу, запазиле су ме, али оне врло брзо схвате да сам ја неизлечиво заљубљен. Милена: Значи могу мирно да путујем, да не бринем. Мирослав: Путуј игумане и не брини за манастир! Как видим, разговор между двумя влюбленными в фильме строится с акцентом на глагол путовати (здесь — в значении уезжать), но несмотря на это в семантике пословицы, обусловленной этим сюжетом, сема 'забота, тревога' выходит на первый план. Милена возвращается в Сербию и при расставании с Мирославом, остающимся в Милане изучать оперное пение, беспокоится, не изменит ли он ей, не обратит ли он за время их разлуки внимание на красивых итальянок. В ответ на опасения по поводу того,

можно ли ей спокойно ехать, она слышит с юмором высказанную поговорку Путуж игумане и не брину за монастыр, что означает: «уезжай и не беспокойся обо мне». Перевод поговорки лексическими средствами с утратой национального колорита представляется здесь наиболее приемлемым. Интересно, что в самом романе Мир-Ям не употребила данную поговорку, она введена авторами в фильм с целью придания диалогу юмора. Второй случай употребления данной поговорки встречаем в фильме «Лепа села лепо горе» (досл. Красивые села красиво горят), снятом в 1996 году режиссером Срджаном Драгоевичем по мотивам документальной повести «Тоннель» сербского журналиста Вани Булича. Это антивоенная картина, посвященная трагическим событиям гражданской войны, которая охватила Югославию в девяностые годы XX столетия. В фильме речь идет о группе сербских солдат, оказавшихся зажатыми противником в горном тоннеле в Боснии. После нескольких дней осады, не выдержав физического и морального напряжения, один из бойцов заявляет командиру, что уходит домой, и выбирается из тоннеля на площадку, ранее обстреливаемую мусульманами. Через несколько минут тишины, когда сам герой и его товарищи уже понадеялись, что противник отступил, и он выбрался на свободу, раздались смертоносные выстрелы и циничные выкрики «Путуж игумане!». В эллипсисе анализируемой поговорки, как показывает сюжет, на первый план выступает сема 'ухода (из жизни)'. Здесь адекватным ее переводом с утратой образности могли бы стать выражения, произнесенные с сарказмом: «До свидания!», «Счастливого пути!» и т. п. Как и в предыдущем случае, поговорка не содержится в тексте самой повести, что говорит о стремлении авторов фильмов сделать речь героев более яркой и выразительной.

Литература

Караџић В. С. Народне српске пословице и друге различне, као оне у обичај узете ријечи. Цетиње, 1836.
РМС — Речник српскохрватског књижевног језика. Књ. 1–6. Београд — Загреб: Матица Српска — Матица Хрватска, 1967–1976.

ПОСЛОВИЦЫ В ДРАМАТУРГИИ А. Н. ОСТРОВСКОГО И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

Ершова Надежда Борисовна

доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

А. Н. Островский по праву считается одним из крупнейших представителей мировой драматургии и основоположником русского национального театра в его современном понимании. Наш «русский Шекспир» повернул драматургию и театр к социально-нравственным проблемам народа. Им написано около 50 пьес, среди которых большинство составляют социально-бытовые пьесы, преимущественно комедии, из купеческой, дворянской и чиновничьей жизни. В них драматург мастерски использовал богатство общенародного языка, насыщая устную живую речь афоризмами, пословицами, поговорками, и т. д., но он «...никогда не увлекался натуралистическим копированием бытовой речи. Он всегда оставался художником, творчески обобщающим, типизирующим язык своих персонажей...» [Ревякин 1962: 160]. Первое упоминание имени А. Н. Островского в английской критике относится к 1868 г. И только спустя несколько десятилетий в книге «Юмор России» (“The Humour of Russia”) помещены две пьесы «Не сошлись характерами» (“Incompatibility of Temper”) и «Семейная картина» (“Domestic Picture”), переводы которых на английский язык выполнила Этель Войнич. По мнению В. В. Рогова, переводчика и критика, они заслуживают очень высокой оценки для того времени, несмотря на недостатки, которые «...характерны почти для всех английских переводов русской литературы и в наши дни» [Рогов 1974: 231]. Это своего рода репродукция без серьезных искажений. В 1889 году последовал английский перевод пьесы «Гроза» (“The Storm”), выполненный Констанс Гарнетт, но он не имел в Англии резонанса, хотя и переиздавался в 1930 г. Переводы Гарнетт «...сейчас устарели и современным требованиям не удовлетворяют» [Рогов 1974: 233]. В 1943 г. в Лондоне выходят переводы Д. Магаршака трех пьес Островского на английский язык — «Бешеные деньги» (“Easy Money”), «Волки и овцы» (“Wolves and Sheep”) и «На всякого мудреца довольно простоты» (“Enough Stupidity in Every Wise Man”). На театральных подмостках Англии пьесы Островского не всегда имели успех вследствие недостаточно полноценных переводов пьес величайшего русского драматурга и их представлением английскими критиками и литературоведами [Рогов 1974: 245]. Произведения А. Н. Островского в Америке «...фактически не переводили, и американцы лишь издавали переводы, сделанные в Англии» [Касаткина 1974: 335], что было явлением распространённым. В начале XX в. гастролировавшие в США русские труппы пробудили интерес у американской публики к пьесам русского драматурга. В 1917 г. профессор Калифорнийского университета Дж. Р. Нойес, славист и переводчик, с помощью своих коллег перевел и издал сборник пьес Островского. В него вошли «Воспитанница» (“A Protegee of Mistress”), «Бедность не порок» (“Poverty is no crime”), «Грех да беда на кого не живет» (“Sin and sorrow are common to all”), «Свои люди — сочтемся!» (“It’s a family affair — we’ll settle it ourselves!”). Во вступительной статье Дж. Нойес ставит Островского как художника в один ряд с Тургеневым, Достоевским и Толстым, чьи достижения не имели себе равных в мировой истории [Касаткина 1974:336]. В период с 1920 по 1940 гг. вышло большинство переводов пьес в США. В 1923 г. — «На всякого мудреца довольно простоты» (“Enough stupidity in every wise man”) в переводе Дж. Кована; «Лес» (“The Forest”) в переводе Дж. Нойеса и К. В. Уинлоу; 1926–1927 гг. — «Волки и овцы» (“Wolves and Sheep”) в переводе Нойеса и А. С. Колби; «Гроза» (“Thunder-storm”) в переводе Ф. Уайта и Нойеса; 1929–1930 гг. — «Не все коту масленица» (“A cat has not always a Carnival”) в переводе Нойеса и Дж. П. Кэмпбелл; «Бешеные деньги» (“Fair Gold” или “Mad Money”) в переводе Нойеса и С. Даниелса; 1938 г. — «Не в свои сани не садись» (“We won’t brook interference”) в переводе Дж. Сеймора и Нойеса и другие пьесы [Касаткина 1974: 343–344]. В 1960-е годы в США не раз издавались пьесы А. Н. Островского «Гроза», «Бешеные деньги», «На всякого мудреца довольно простоты», «Волки и овцы» в переводе Д. Магаршака. В 1969 г. издан перевод пяти пьес: «Свои люди — сочтемся!», «Бедная невеста», «Гроза», «На всякого мудреца довольно простоты», «Лес» в переводе Э. К. Бристова. Цель исследования со-

стоит в рассмотрении стилистики пьес А. Н. Островского, в определении употребительности пословиц в современной русской речи, в выявлении способов перевода русских пословиц на английский язык (отсутствие/наличие полных или частичных аналогов). А. Н. Островский хорошо знал живую речь народа и сделал её мощным средством художественной выразительности, трепетно относясь к языковому оформлению своих пьес. Он обогатил язык русской драмы, добавив образные слова и выражения народной речи. В основном это язык купеческого Замоскворечья, включающий просторечье, диалектную лексику и различные жаргоны. Особое место в пьесах А. Н. Островского занимают пословицы. Они многочисленны в стилистической канве повествования и характеризуют речь персонажей, их действия и события. Пословицоназвания метко и образно аккумулируют содержание пьесы и тем создают неповторимый национальный колорит. В текстах 47 пьес насчитывается более 100 пословиц. Среди произведений есть комедии и драмы (15), в названии которых использованы пословицы. Переводы пословицоназваний, выполненные английскими и американскими переводчиками, различаются: «Не все коту масленица». «It's Not All Shrovetide for the Cat» / «A cat has not always a Carnival»; «Не в свои сани не садись». «We won't brook interference» / «Stay in Your Own Sled» / «Don't bite off more than you can chew». Следует отметить, что большая половина русских пословиц и их английских пословичных параллелей активно используется носителями языка и по сей день.

Литература

Ревякин А. И. «Гроза» Островского. М., 1962.

Рогов В. В. Островский в Англии // Литературное наследство. 1974. Т. 88, № 2. С. 227–246.

Касаткина Т. С. Островский в США // Литературное наследство. 1974. Т. 88, № 2. С. 333–350.

ПОСЛОВИЦЫ В ПЕРЕВОДЕ НА ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК ПЬЕСЫ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА»

Зимони-Калинина Ирина Евгеньевна

Международная Ассоциация паремистов (AIP-IAP) при Юнеско (г. Тавира, Португалия)

Цель данного исследования — анализ перевода на венгерский язык классической комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», проблематика отражения на иностранном языке пословиц и фразеологизмов, которыми богата пьеса, а также дальнейшее распространение заглавия этого произведения в Венгрии. Наиболее раннее известное нам издание перевода датировано 1947 годом; в качестве авторов перевода было указано два имени: Бела Е. Фаи и Ласло Кардош. Первые театральные постановки «Горе от ума» в Венгрии в 1947 и 1948 г. г. также использовали этот вариант перевода. Однако в дальнейших изданиях — 1955, 1973, 1979 гг., а также в более поздних театральных постановках и в кинематографе фигурирует только фамилия Кардоша. При анализе перевода мы пользовались изданием 1955 года, перевод Л. Кардоша [Gribojedov 1955].

Ласло Кардош (17 августа 1898 г. — 2 февраля 1987 г.) — отмеченный государственными наградами литературовед, критик, переводчик, доктор филологических наук, член-корреспондент, а затем и постоянный член Венгерской Академии Наук. Его переводческая деятельность распространялась на переводы драматических, прозаических и лирических произведений древнегреческих и римских, а также английских, немецких, французских, русских, польских, словацких, еврейских, румынских и болгарских авторов. Из русской литературы, кроме Грибоедова, он переводил на венгерский Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Тихонова, Твардовского. Язык сделанного им перевода «Горе от ума» Грибоедова не только сохраняет стихотворный размер оригинала, но и прекрасно отражает его языковой стиль, воспринимающийся в наши дни как архаичный. Пьеса Грибоедова неоднократно ставилась в театрах Венгрии как в Будапеште, так и в провинции в период с 1947 по 1981 гг. На Венгерском Телевидении в 1988 г. был показан дублированный на венгерский язык фильм-спектакль «Горе от ума» Малого Театра СССР и творческого объединения «Экран» (1977 г.); был также снят венгерский телефильм «Горе от ума» (1977 г.). Исследование выдвигает гипотезу относительно того, каким образом родился венгерский перевод заглавия пьесы: «Az ész bajjal jár» (букв. «Уму сопутствует беда»), в котором неполное предложение русского языка дополнено предикатом. Не исключено, что автор перевода отталкивался от ныне уже забытой венгерской пословицы «Bajjal jár a baj» (букв. «Беде сопутствует беда»; параллель в русском языке «Пришла беда, открывая ворота») [Margalits E. 1897], [O. Nagy G. 1966] и трансформировал её путём зеркальной перестановки членов предложения и в одном случае замены существительного «baj» (букв. «беда») существительным «ész» (букв. «ум»). Мы приводим примеры использования этой паремистической единицы в современном венгерском политическом дискурсе, в журналистике и литературе, в том числе и со ссылкой на заглавие пьесы Грибоедова [Huszár Á. 2019], а также случаи применения венгерского перевода заглавия пьесы в качестве переводческого клише в переводной литературе и кинематографии. Перевод произведения Грибоедова, блистающего остроумием и ко времени работы над венгерским вариантом пьесы уже «разобранного» на пословицы, афоризмы, крылатые выражения, несомненно был вызовом для переводчика. Анализ перевода выявил три метода решения переводчиком этой творческой проблемы: — почти дословный перевод в рамках стихотворного размера и рифмы как наиболее «простой» способ передачи авторского текста («Счастливые часов не наблюдают» — «A boldog ember órát nem vigyáz», букв. «Счастливым человеком не следит за часами»); — метод подбора к русской пословице пословичной параллели венгерского языка — полного эквивалента («И дым Отечества нам сладок и приятен» — «A füstje is finom és édes a hazának», букв. «Даже дым родины приятен и сладок») или параллели с различной образностью («Да в полмя из огня» — «Csöbörből vödörbe», букв. «Из кадушки в ведро»); этот метод требует глубокого знания как русского, так и венгерского паремистического материала, так как переводчик в первую очередь должен был «опознать» в тексте оригинала пословицу, и лишь потом он мог подобрать венгерскую параллель и вплести её в стихотворную канву пьесы; — также ис-

пользовался т. н. метод компенсации; поскольку не представлялось возможным адекватно отразить в венгерском тексте всё богатство оригинала паремиологическими и фразеологическими единицами, переводчик местами пошёл путём вкрапления в текст пьесы дополнительных венгерских фразеологизмов там, где в оригинале таковых нет («Весь страх из ничего» — «Sok hűhó semmiért», букв. «Много шума из ничего», название знаменитой комедии Шекспира (Much Ado About Nothing), ставшее в венгерском языке крылатой фразой).

Выводы. Комедия Грибоедова «Горе от ума» была переведена на венгерский язык вскоре после окончания Второй мировой войны, неоднократно ставилась в театрах Венгрии, на её основании был снят телефильм. Заглавие фильма, которое, по нашему предположению, может быть трансформацией старой поговорки, укоренилось в венгерском языке, узнаваемо носителями языка, встречается в современной прессе и вдохновляет переводчиков к созданию новых трансформаций поговорок. Для передачи на венгерском языке поговорок в самом тексте пьесы переводчик творчески и с успехом использовал различные приёмы: дословный перевод, подбор поговорок параллелей, компенсацию за счёт фразеологизмов в языке перевода.

Литература

Gribojedov. Az ész bajjal jár // Új magyar könyvkiadó. Budapest, 1955.

Huszár Á. Az ész bajjal jár. Páratlan oldal — LXIII. évfolyam, 26. szám. 2019.

Margalits E. Magyar közmondások és közmondásszerű szólások // Kókai Lajos. Budapest, 1897.

Nagy O. G. Magyar szólások és közmondások // Gondolat — Talentum. 1966.

БОЛГАРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ДРАМАТУРГИИ И ЭКРАНИЗАЦИЯХ

Кирилова Йоанна Христова

доцент, Институт болгарского языка Библиотеки Академии наук

Паремии являются ценной частью культуры каждого народа. В них хранятся представления и знания о жизни, поэтому они представляют собой и ценный источник информации для лингвистов, социологов, психологов и для всех тех, кто хочет узнать образ мышления данного народа. «Рассмотренные в целом, в качестве системы мнений и наблюдений, наши пословицы раскрывают перед нами философию жизни, где бок о бок находятся принципы идеалиста и материалиста, хитрого и наивного, реалиста и фантаста» [Арнаудов 1968: 617]. Паремии создают своеобразный мост между разными поколениями, между прошлым, настоящим и будущим, они хранят в себе и передают опыт, накопленный веками. Эту же функцию пословиц и фразеологизмов легко можно отнести к художественной литературе и словесному искусству в целом. Поиск места этих кратких фольклорных жанров в литературе, того, как они присутствуют в стиле писателей, драматургов и сценаристов, как они интегрированы в репликах персонажей и в их речевых характеристиках, — все это является большим вызовом, который будоражит интерес ученых.

Цель статьи — обозначить место болгарских пословиц в художественной литературе и особенно в театральной драматургии. Они играют концептуальную роль, визуализируя отдельные стороны болгарского национального менталитета, стереотипы мышления и поведения болгар. В статье рассматриваются такие произведения, как драма Ивана Вазова «Хъшове / Отверженные», его повесть «Чичовци / Наша родня» [Вазов 1975], а также некоторые ее инсценировки, в которых важную роль играют пословицы, поговорки и фразеологизмы как часть речи мужских персонажей, которые знакомят зрителей с нашими предками из эпохи накануне нашего Освобождения от османского владычества, тем самым представляя в пародийной форме менталитет „маленького человека“ того времени, который только говорил о свободе, но едва почувствовав угрозу, предпочитал прислушиваться к народной мудрости: Преклонената глава остра сабя не я сече (Покорной головы и меч не сечет).

В индивидуализации героев патриарх болгарской литературы, как называют Ивана Вазова, прибегает к такой народной мудрости, как паремии, которые он вкладывает в свои образы. Они играют концептуальную роль, визуализируя отдельные слабости болгарского национального менталитета, как стереотипы мышления и поведения болгар — врожденный пессимизм как часть накопленного жизненного опыта нашего народа: «Доброто е нейде-нейде, а злото е във всяка къща» («Добро где-то там, а зло в каждом доме»); заниженную самооценку, склонность говорить во множественном числе, чтобы размыть ответственность и спрятаться за ширмой общности и общего: «Назад, назад вървим, не ни бива за бъзов гребен» («Назад, назад идем, не годимся на бузину расческу»); уклонение от взятия на себя личной ответственности и категорический отказ от проявления сопереживания: «Който е надробил попарата, той да си я яде» («Сам кашу заварил, сам ее и расхлебывай»).

В пародийном аспекте используются паремии, которые иначе в синтезированном виде представляют собой ключевые ценности из аксиологической шкалы болгарина — честь, имя, знание, учение. Пословица «Човек за едната чест живеј» («Человек живет одной честью») также встречается в таких вариантах, как «человек живет одним именем», «человек живет одним честным именем». И снова Вазов, в этот раз в романе «Под игото / Под игом» [Вазов 1982], говорит устами одного из своих героев — Рачко Прыдлето — предателя и негодяя, известную строчку: «Имя ничто, но если человек честный, то и имя красивое».

Негативное отношение поколения Вазова и самого Вазова к стерильным знаниям, которые приобретены за стенами какого-либо университета и привели к получению «Сияющего диплома», который для него не является «мерой и мерилем нашей полезности/ а несомненным признаком несомненной честности» (Вазов «Дипломираните / Выпускники»), воплощено в па-

ремии «Много чело, много знай» («Много читал, много знает»), произнесенной по отношению к Варлааму Копринарке — персонажу, который много говорит, а на самом деле ничего не пытается сказать. Иронический аспект этой поговорки достигается и на грамматическом уровне — за счет употребления причастия среднего рода.

В докладе рассматривается место этих и многих других поговорок в созданных по рассматриваемым произведениям фильмах, театральных спектаклях и даже оперных постановках. (Такова, например, сатирическая опера «Чичовци / Наша родня» композитора Лазара Николова по одноименной повести Ив. Вазова). Обратим внимание на их место и роль в речи нашей современности, а также на предполагаемую вариативность в лексическом и грамматическом отношениях.

В докладе также предпринята попытка выявления таких литературных цитат, которые сошли со страниц литературного произведения и обрели собственную жизнь. Таковы, например, некоторые фразы Бай Ганю из одноименной книги Алеко Константинова [Константинов 1974] — «Ну, было у тебя много денег, вот и заплатил»; «...Некруто быть оппозицией», «На что мне смотреть в этой Вене — город как город...» и другие. Эти цитаты стали крылатыми фразами, так как отображают особенности культурного поведения болгарина, в которых он сам себя узнает.

Литература

Арnaudов М. Очерци по български фолклор. Т. 1–2. София, 1968.

Вазов Ив. Чичовци. Пловдив, 1975.

Вазов Ив. Съчинения в четири тома. Т. Под игото. София, 1982.

Константинов А. Съчинения в два тома. Т. 1. София, 1974. С. 7–151.

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ РОМАНА ПЕТЕРА ЯРОША «ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ПЧЕЛА» И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЭКРАНИЗАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Князькова Виктория Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Новакова Кристина

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Словацкий прозаик Петер Ярош родился в 1940 году, в данный момент живёт в Братиславе. Он является автором восьми романов, более десятка повестей, а также драматургом и сценаристом. В числе прочих словацких фильмов (их всего восемь) Ярош написал сценарий и к фильму, снятому по его собственному роману «Тысячелетняя пчела» («Tisícročná včela»). Роман, рассказывающий о судьбе нескольких поколений одной словацкой семьи на фоне исторических перемен конца XIX–начала XX века, был написан Ярошом в 1979 г. и сразу стал главным произведением не только в творчестве автора, но и одним из самых значительных во всей словацкой литературе второй половины XX в. Роман содержит знаки экзистенциализма, магического реализма и исторического традиционализма.

Текст романа наполнен аллюзиями, аллегориями, иносказаниями и метафорами. Само название является символичным: тысячу лет словаки, являясь подданными Венгерского королевства, трудились как пчёлы на благо своей земли; но здесь звучит также и мысль о том, что пчела в безвыходной ситуации способна и ужалить даже ценой собственной жизни. Художественный язык Яроша — это переплетение традиций и инноваций, где, однако, преобладают последние. Стиль романа новаторский и в некотором смысле провокационный. Это, прежде всего, расширение художественной речи за счёт нелитературных, экспрессивных элементов. В этом языке есть место и пословицам, хоть и немногочисленным, но во многом отражающим суть национальных особенностей мышления словаков. В романе встречаются следующие пословицы: Ráno je múdrejšie ako večer [Jaroš 1984: 93]. Staroba — choroba! [Jaroš 1984: 347]. Čo sa stalo, už sa neodstane [Jaroš 1984: 348]. Nebude zo psa slanina! [Jaroš 1984: 186]. Chudoba cti netratí [Jaroš 1984: 281]. Trpezlivosť ruže prináša! [Jaroš 1984: 260].

В экранизации «Тысячелетней пчелы» они отсутствуют, но появляются новые. Материал романа был существенно переработан Ярошом в процессе создания сценария: из 600-страничного романа появился 200-страничный сценарий. Для главных и второстепенных персонажей были выбраны наиболее характерные сцены, некоторые персонажи не были включены в сценарий, а в некоторых случаях образы нескольких героев перевоплотились в один. Так, в экранизации отсутствует персонаж, которому в романе принадлежит большинство пословиц. Наиболее интересным в фильме является употребление следующих пословиц: Jeden košiar, jeden pastier. Эта пословица звучит в самом начале фильма в одной из первых сцен. Пословица является цитатой из Евангелия (Евангелие от Иоанна 10:16). В целом, необходимо подчеркнуть, что по сравнению с романом в фильме усилены христианские мотивы. Так, в одной из сцен главный герой бросает взрывчатку в реку, в результате чего на поверхности появляется огромное количество рыбы, которой удалось накормить всю деревню. Фильм был снят в 1983 году словацким режиссёром Юраем Якубиско студией игрового кино «Словацкий фильм Братислава» совместно с «Бета-фильм Мюнхен» Федеративной Республики Германии и стал одним из наиболее известных в мире словацких фильмов. Его можно посмотреть на русском, немецком, английском и других языках. В 1985 году фильм был выдвинут на премию «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке, однако в число номинантов так и не попал. В русском дубляже приведённая выше пословица звучит следующим образом: Один хлев, один пастух. В Евангелии данное предложение находим в следующем контексте: Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь.

В англоязычных титрах к фильму пословица звучит так: *One pen, one shepherd*. Речь персонажей в фильме менее экспрессивна, больше экспрессии содержится в визуальных образах. В экранизации некоторые смыслы трансформируются, иные усиливаются. Так, центральные темы романа — работа и любовь — в фильме визуально подчёркиваются образом трудолюбивой и плодотворной пчелы. К проблеме труда и его выражения автор постоянно возвращается, фиксирует его течение, пытается передать суть, его социальную и этическую значимость. Работа это также средство забыть и преодолеть жизненные трагедии и невзгоды. На теме любви строится как роман, так и его экранизация. Любовь показана в всём разнообразии своих проявлений: это и первая влюблённость, и муки любви, и телесное влечение мужчины и женщины, но также и любовь к семье, и человека к животному, и любовь к родному краю. Одна из пословиц подчёркивает эту тему: *Hľúru reční, múdry dievča miluje*. В русском дубляже: Глупый болтает, умный девушку обнимает. В англоязычных титрах: *Fool make speeches, wise men love girls*. Последняя часть фильма — это сцены войны и трагедия простых людей, втянутых в бессмысленное убийство. Одному из сыновей главного героя пришлось оставить занятия в академии художеств, чтобы отправиться воевать. В одной из сцен военачальник приходит к студентам, обучающимся искусству и призывает их идти на войну. В его речи звучит латинское выражение: *Inter arma silent musae*. Один из студентов его переводит на словацкий: *Keď zbrane rinčia, múzy mlčia*. В русском варианте это передается как: Когда говорят пушки, музы молчат. В англоязычном: *In a time of war the Muses fall silent*. Последняя сцена фильма существенно отличается от окончания романа и показывает гибель главного героя в попытке остановить военный поезд, так авторы фильма подчёркивают символ жалящей пчелы, мотив которой объединяет всё многообразие тем и образов в экранизации романа. Произведение «Тысячелетняя пчела» и в наши дни не только остаётся популярным среди читателей, о чём свидетельствуют многочисленные переиздания, переводы на иностранные языки (русский, польский, болгарский и многие другие, в том числе арабский и хинди), но и вдохновляет на дальнейшее творчество. По нему в 2019 году был поставлен и успешно идёт мюзикл в театре Андрея Багара (*Divadlo Andreja Bagara*) в Нитре.

Литература

Jaroš P. Tisícročná včela. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1984.

СЦЕНАРИЙ «НЕЧИСТАЯ КРОВЬ» ВОИСЛАВА НАНОВИЧА: ПЕРЕВОД ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СЕРБСКОГО НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

Стоянова Радостина Стоянова

сотрудник, Институт болгарского языка им. Л. Андрейчина Болгарской Академии наук

Маркова Наталия

преподаватель, Частная школа «Прогрессивное образование»

Цель данного исследования — проанализировать приёмы и методы перевода сербских пословиц и фразеологических единиц на болгарский язык на материале сценария «Нечистая кровь» Воислава Нановича. Фразеологические единицы отбирались методом сплошной выборки из издания *Нечиста крв. ТВ Серија. По делима Борисава Станковића (Нановић, В. Београд, 2021)*. Перевод сценария на болгарский язык на данный момент не издан, ввиду чего перевод пословиц и фразеологических единиц сделан нами. Помимо того, не существует ни одного издания сербско-болгарского или болгарско-сербского фразеологического словаря. В связи с этим мы столкнулись с некоторыми трудностями при анализе материала, такими как разграничение фразеологических единиц от свободных сочетаний, раскрытие адекватной семантики фразеологизмов и передача их экспрессивно-стилистических функций в переводящем языке, фиксирование «авторских» фразеологизмов и др. (серб. као креветски чаршав — болг. като мръсен чаршав, болг. букв. като креватен чаршав). В анализируемом корпусе материала фразеологические единицы были переведены методами фразеологического и нефразеологического перевода. Метод фразеологического перевода используется в тех случаях, когда фразеологическая единица исходного языка имеет эквивалент или аналог в переводящем языке. Фразеологический эквивалент наблюдается при фразеологических единицах, обладающих одинаковым или приблизительно одинаковым компонентным составом и лексико-грамматическим наполнением в переводимом и переводящем языках. Таким образом, переводная единица равноценна переводимой. Например: серб. брз као муња — болг. бърз като мълния; серб. учена глава — болг. учена глава; серб. крши руке — болг. кърша ръце (пръсти); серб. посматрати као испод ока — болг. гледам (поглеждам) изпод око (очи), гледам (поглеждам) изпод вежди; серб. наоружани до зуба — болг. въоръжени до зъби; серб. и дању и ноћу — болг. денем и нощем, ден и нощ; серб. на бел свет — болг. на белия свят; серб. један за све, сви за једног — болг. един за всички, всички за един и др. Частичный фразеологический эквивалент отличается от соответствующей фразеологической единицы переводимого языка некоторыми лексическими, грамматическими или лексико-грамматическими характеристиками, в то время как передача семантики полностью совпадает. Например: серб. лупити петом о пету болг. удрям / ударя пети (токове) ‘соединить пятки, щелкнув каблуками, чтобы встать в положение «смирно» (в данном примере наблюдается расхождение в количественном отношении компонентного состава фразеологических единиц); серб. мира у срцу немам — болг. мира нямам, нямам мира, нямам спокойствие (в данном примере наблюдается разница в количестве компонентов — в болгарском эквиваленте отсутствует сербский компонент у срцу (рус. в сердце); серб. стати (коме) на жуљ — болг. настъпвам / настъпя (някого) по мазола, болг. букв. застана (натисна) по мазола (в данном примере наблюдается различие в семантике глаголов серб. стати — рус. стать, встать и болг. настъпвам / настъпя — рус. наступить) и др.

К частичным фразеологическим эквивалентам или аналогам относятся также фразеологические единицы, отличающиеся по образности, но совпадающие по семантике и стилистической окраске. Например: серб. дигнути руку на себе — болг. посягам / посегна на себе си (на живота си) (в данном примере наблюдается различие в семантике глаголов серб. дигнути — рус. поднять и болг. посягам — рус. посягнуть); серб. лак као сръндаћ — болг. лек като перце (перо, перушина), болг. букв. лек като сръндак (в устойчивых сравнениях использованы разные этало-

ны для сравнения при совпадении оснований сравнения, а именно: серб. срндаћ — рус. косуля и болг. перце (перо, перушина) — рус. пёрышко (перо, пушинка); серб. синути као ведри дан — болг. грея като ясно слънце (в данном примере наблюдается различие в семантике оснований сравнения, т. е. глаголов серб. синути — рус. блеснуть, сверкнуть и болг. грея — рус. греть, а также использованы разные эталоны для сравнения: серб. дан — рус. день и болг. слънце — рус. солнце). Метод нефразеологического перевода применяется при отсутствии эквивалента или аналога фразеологической единицы в переводящем языке (серб. ни белу мачку не видиш — болг. нищо не виждаш, болг. букв. бяла котка не виждаш). Подобные примеры в нашем материале встречаются нечасто. Анализ текста сценария «Нечистая кровь» Воислава Нановича показывает, что устойчивые сравнения используются автором весьма активно. Они обычно обладают трёхкомпонентной моделью:

- 1) предмет мысли (сравниваемый объект);
- 2) основание сравнения (признак);
- 3) эталон (образ) сравнения.

Между основанием сравнения (признаком) и эталоном (образом) находится «сравнительное служебное слово» (сербский союз као / болгарский сравнительный предлог като (в болгарской лингвистике служебное слово 'като' в составе сравнительного оборота считается предлогом, а в сербской лингвистической традиции 'као' в составе сравнительного оборота воспринимается как союз), реже — като че, като че ли, сякаш /като да/), благодаря которому сравнение становится языковым фактом. В исследуемом корпусе материала лидирует метод фразеологического перевода, что объясняется большим сходством фразеологических единиц двух близкородственных славянских языков. Наличие фразеологических эквивалентов в сопоставляемых языках объясняется схожестью мышления, наблюдений и переосмысления действительности представителями сербской и болгарской лингвокультур, а также их общей исторической и культурной судьбой. При переводе фразеологических единиц следует обращать специальное внимание на многозначность некоторых из них, а также на отдельные стилистические нюансы при их использовании в конкретном контексте. Перевод пословиц и фразеологических единиц, в частности — в сценарии к фильму, является сложной, ответственной и интересной задачей, решаемой успешно в рамках современной теории перевода.

ПОСЛОВИЦЫ В ДРАМЕ И. Я. ФРАНКО «УКРАДЕНЕ ЩАСТЯ»

Мущинская Виктория Владиславовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время все полнее и ярче раскрывается универсальный гений украинского писателя Ивана Яковлевича Франко (1856–1916). Трудно найти ту отрасль гуманитарных знаний, где бы не проявился его удивительный талант, нашедший выражение в сотнях, тысячах разнообразных художественных и научных трудов, продолжающих развивать и обогащать национальную украинскую науку и культуру. Исследователи творчества И. Франко утверждают, что самый полный библиографический указатель его произведений содержит более четырех тысяч названий. Полное собрание сочинений писателя составляет пятьдесят томов, но на очереди стоят неизданные еще пятьдесят томов. Иван Франко проявил себя как писатель, общественный деятель, фольклорист, публицист, ученый, переводчик. В докладе рассматриваются пословицы в драме «Украдене щастя», их концептуальная и стилистическая роль, характеристика с точки зрения употребительности в современном украинском языке, способы передачи их на русский язык. Авторству И. Франко принадлежат следующие драматические произведения: «Сон князя Святослава» (1895), «Кам'яна душа» (1895), «Украдене щастя» (1892), «Три князі на один престол» (1874), «Рябина» (1893), «Учитель» (1894), «Послідній крейцар» (1879), «Будка ч. 27» (1896), «Майстер Чирняк», 1894) и др. Драматургия — одна из многих граней творчества Ивана Франко. «Драма — моя давняя страсть», — говорил И. Я. Франко. Эта «страсть» вдохновляла великого писателя и ученого к дальнейшей работе в этом направлении. Можно сказать, что И. Франко был основоположником научного театроведения, историком и теоретиком драмы и театра, активным театральным критиком и неумолимым переводчиком драматических произведений с других языков. Одной из величайших драм И. Франко является драма «Украдене щастя», образы которой поражают своей неповторимой простотой и искренностью. Великий драматург был страстным поборником народного, «мужицкого» театра, считал его школой жизни, трибуной пропаганды. В 1898 г. драма «Украдене щастя» была переведена на словацкий, словенский, хорватский, серболужицкий, армянский, венгерский, румынский языки (переводчик И. Розвода); в 1956 г. — на польский язык (переводчик Ю. Бояр); на русский язык драма И. Франко была переведена дважды: в 1956 г. (переводчик В. Радыш), в 1985 г. (переводчик А. Дейч); в 1993 г. — на французский язык (переводчик И. Бабиц). Для драм И. Франко, как и для украинской драматургии XIX в., характерно употребление большого количества пословиц. В драме И. Франко «Украдене щастя» обнаружено 10 пословиц, которые являются важными с точки зрения развертывания сюжета, характеристики героев, представлении их о жизни, о моральных ценностях и др. Так, пословица Муж і жона — одна сатана говорит о супругах, которые часто ссорятся и опять мирятся, легко находя общий язык в семейных делах [РССПАС 2000: 99]. В основе сюжета драмы лежит конфликт, построенный на традиционном «любовном треугольнике», поэтому пословица Муж і жона — одна сатана является важной для развертывания сюжета, так как в ней отражено представление о семье, семейных отношениях и семейных обязанностях: Микола. Так, брате, твоя правда. Муж і жона — одна сатана; чужому нема що туди пальці втирати [Франко 1979, т. 24: 24]. Т. е. семья — это не только одно целое, но и имеет собственное пространство, поэтому на ее микроклимат не должно влиять вмешательство со стороны посторонних. Данная пословица входит в ядро концепта «семья», поскольку семья — это основа украинского народа. Пословица Муж і жона — одна сатана зафиксирована в генеральном регионально аннотированном корпусе украинского языка [ГРАК], что свидетельствует о ее употребительности в современном украинском языке: Далі, як у народі кажуть: муж і жона — одна сатана! В русском языке украинской пословице Муж і жона — одна сатана соответствует полный эквивалент Муж и жена — одна сатана, что подтверждается данными словарей, материалами национального корпуса русского языка, материалами из интернет-источников. Первая фиксация этой пословицы отмечена в сборнике А. А. Барсова «Собрание 2491 древних российских пословиц» [Барсов 1779: 136]. Таким образом, в украинском и русском языках данные посло-

вицы являются полными эквивалентами и активными с точки зрения употребительности, что подтверждают данные интернет-источников. Украинская пословица Муж і жона — одна сатана и русская пословица Муж и жена — одна сатана являются общими в пословичной картине мира как украинцев, так и русских, отражая ментальные представления, нравственные устои народов.

Литература

Барсов А. А. Собрание 2491 древних российских пословиц. М., 1770.

Іван Франко Зібрання творів у п'ятдесяти томах. Т. 24. Драматичні твори. Видавництво «Наукова думка». Київ. 1979.

РССПАС — Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. П. А. Дмитриева. СПб., 2000.

ГРАК — Генеральний регіонально анотований корпус української мови / М. Шведова, Р. фон Вальденфельс, С. Яригін, А. Рисін, В. Старко, Т. Ніколаєнко та ін. Київ, Львів, Єна, 2017–2021. <http://uacorpus.org/Kyiv/ua>

ДРАМАТУРГИЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО В СЛОВАКИИ: К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДАХ

Пескова Анна Юрьевна

старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

С момента выхода первого перевода пьесы А. Н. Островского на словацкий язык («На каждого мудреца довольно простоты» — *Palicou lásky nevynútiš*, пер. М. Придавка, 1925) прошло уже почти столетие. За это время в Словакии были опубликованы переводы всех самых известных его произведений, причем некоторые переводились неоднократно, а в словацких театрах Островский стал одним из самых инсценируемых русских драматургов. Помимо идейно-смысловой основы его драм и комедий, острых сюжетных поворотов, ярких образов персонажей, на популярность Островского в немалой степени повлияла и языковая выразительность его текстов, максимально насыщенных пословицами, поговорками, прибаутками, прочими фразеологическими единицами. Они придают языку его произведений особую экспрессивную образность, смысловую емкость, точность и эмоциональную выразительность. С их помощью драматург демонстрирует богатство и мощь не только литературного языка, но и разговорной речи русского народа.

Можно вспомнить, что Островский являлся ярким представителем целого направления русских писателей 1840–70-х гг., которых часто определяют как «фольклористы-этнографы». В 1856–57 гг. он, наряду с другими литераторами А. А. Потехиным, А. Ф. Писемским, Г. П. Данилевским, С. В. Максимовым и пр., принял участие в «литературной» экспедиции Морского министерства в верховья Волги с целью сбора обширного материала о жизни, занятиях, экономическом положении, промысловой деятельности населения. В ходе экспедиции им были собраны значительные материалы, частично опубликованные в очерке «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода», а также послужившие основой для его словаря русского народного языка, начатого под влиянием словаря В. И. Даля. Множество записанных им паремологических и фразеологических единиц он в дальнейшем активно и сознательно использовал и в драматургическом творчестве для наиболее правдивой и адекватной передачи народного языка, о чем сам в 1885 г. говорил в известном письме А. Д. Мысовской: «Мы теперь стараемся все наши идеалы и типы, взятые из жизни, как можно реальнее и правдивее изобразить до самых мельчайших бытовых подробностей, а главное, мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа верную передачу его образа выражения, т. е. языка и даже склада речи, которым определяется самый тон роли» [Островский 1951: 179].

Перевод этих языковых элементов на иностранный язык, безусловно, представляет определенную трудность. Мы остановили свое внимание на различии переводческих стратегий нескольких словацких переводчиков в отношении пословиц в пьесах Островского. Нам удалось рассмотреть переводы следующих его драм на словацкий язык: «На всякого мудреца довольно простоты» — *Kade horí — tade hasne* (пер. М. Гацек 1940), «Волки и овцы» — *Vlci a ovce* (пер. М. Гацек 1943), «На бойком месте» — *Na rušnom mieste* (пер. К. Подолинского 1948), «Гроза» — *Búrka* (пер. Ф. Есенского 1951, пер. Я. Ференчика 1974), «Свои люди — сочтемся!» — *Bankrót (Veď sme svoji, veď sa porátame)* (пер. Я. Ференчика 1953, пер. Я. Ференчика 1974), «Бедность не порок» — *Chudoba cti netratí* (пер. О. Гайдошовой 1957), «Не в свои сани не садись» — *Do cudzích saní nesadaj* (пер. Я. Ференчика 1959), «Доходное место» — *Výnosné miesto* (пер. Я. Ференчика 1974).

В ходе анализа нами обнаружено несколько подходов к переводу русских пословиц на словацкий язык:

1. полное соответствие: Бедность не порок — *Chudoba cti netratí* («Бедность не порок», 1957), И волки сыты, и овцы целы — *Vlk sýty, i baran celý* (Гацек 1940; Ференчик 1974);

2. частичное соответствие: Давши слово, держись, а не давши, крепись! — *Človeka chytaj za slovo, zajasa za uši!* (Гацек 1943), Не трись подле сажи, сам замараешься — *Kto chodí do mlyna,*

zamúči sa (Гайдошова 1957), Гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи! — Voš kašle, a nemá pľús. (Ференчик 1953, 1974);

3. «псевдопословичное» соответствие: Гусь свинье не товарищ — Hus prasaťu neporadí (Ференчик 1974), Не пойман — не вор — Nie je zlodej, kto kradne, ale kto sa dá prichytiť (Ференчик 1974), Добрая слава лежит, а худая бежит — Zlý chýr rastie ako huby po daždi (Ференчик 1959);

4. дословный перевод, калькирование: Гусь свинье не товарищ — Hus a sviňa nie sú kamaráti (Ференчик 1953), Кто старое помянет, тому глаз вон — Kto spomenie staré hriechy, tomu dáme oko vyklať (Гацек 1943), Дальние проводы — лишние слезы — Dlhé lúčenie — zbytočné slzy (Есенский 1951), Dlhé lúčenie — zbytočné mučenie (Ференчик 1974);

5. описательный перевод, т. е. фактически толкование, объяснение пословицы: Укатали сивку крутые горки — Priveľa si si naložil na chrbát (Ференчик 1974), Рыба ищет где глубже, а человек где лучше — Každý sa ľahá ta, kde mu je lepšie (Ференчик 1974), Знай сверчок свой шесток! — Do svojich vecí si nos pchaj! (Ференчик 1953), Pchaj nos, do čoho ľa nič! (Ференчик 1974). В ряде случаев переводчики, не найдя подходящего соответствия в словацком языке, просто опускают пословицу: Ты зачем? Разве здесь твое место? Залетела ворона в высокие хоромы! — A ty čo tu chceš? Už len ty si tu chýbal! Aj ti to tu svedčí! (Гайдошова 1957). Можно также привести и ряд примеров не совсем правильной передачи смысла русских пословиц в переводе: Нет, матушка, чужая душа потемки. — Nie, duša moja. Čo oči vidia, srdce uverí (Гацек 1943). Хотя в дальнейшем эта же пословица уже переводилась другими переводчиками описательно: V cudzej duši vždy je tma (Есенский 1951) и Do cudzej duše nevidíš (Ференчик 1974).

Однако, несмотря на такую вариативность в переводе паремиологических единиц, в целом следует признать, что словацким переводчикам во всех случаях удавалось передать то богатство и ту мощь разговорного языка, которые составляют речевую характеристику героев Островского, такую важную для понимания духа его пьес.

Литература

Островский А. Н. Полное собрание сочинений в 16 т. Т. 16. М., 1951.

ПОЛЬСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В КИНОТЕКСТЕ

Раина Ольга Викторовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Пословицы являются спутниками нашей повседневной жизни. С помощью пословиц мы познаем мир ценностей, а потом часто используем их, чтобы прокомментировать ситуацию. Их роль действительно важна, они предостерегают от определенного поведения, иногда они облегчают принятие решений и в некотором роде определяют нас. Киноискусство развилось настолько, что почти каждый может найти что-то интересное для себя. Оно позволяет оторваться от серых будней. Ведь любоваться красотой окружающего мира можно в фильмах о природе или документальных фильмах. Для развлечения возможно следить за запутанными судьбами героев драм и даже плакать над их трагедиями. Для совсем другого настроения стоит сходить на комедию, во время которой время от времени будут слышны взрывы смеха. Кроме популярных фильмов, есть более масштабные постановки, предъявляющие к зрителю более высокие требования. Тогда вам придется смотреть на экран с большей концентрацией и обращать внимание на каждую деталь, ведь она впоследствии может оказаться очень важной для понимания режиссерского замысла. Кино, как и другие области искусства, изображает мир, поэтому оно является носителем информации о прошлом, настоящем или будущем, людях данной эпохи, одежде, обычаях и т. д. У него есть познавательная функция: оно развивает и воспитывает человека, формирует его внутренний мир. Данное исследование посвящено одной из актуальных проблем паремиологии. Его целью является анализ специфики функционирования паремий с учетом особенностей построения кинотекста. Материалом послужили пословицы, извлеченные из польского фильма «Карьера Никося Дызмы» (“Kariera Nikosia Dyzmy”) и телесериала «Мужики» (“Chłopi”). Фильм «Карьера Никося Дызмы» 2002 г. режиссера Яцека Бромского представляет собой едкую современную сатиру, основанную на романе 1932 года «Карьера Никодима Дызмы» Тадеуша Доленги-Мостовича. В нем рассказывается история Никодима Дызмы из сельской местности, чья вульгарность, ошибочно принятая польской элитой в столице за пронизательность, способствует его продвижению по социальной и политической лестнице. Телесериал «Мужики» 1972 г. режиссера Яна Рыбковского представляет собой экранизацию одноименного романа Владислава Реймонта, удостоенного Нобелевской премии, о жизни крестьян. В данной работе анализируется массив пословиц, извлеченный из кинотекста, с целью выяснения общей картины использования паремиологии путем наблюдений над функционированием паремиологических единиц с точки зрения их стилистических характеристик и употреблением структурно и семантически преобразованных паремий. *Delegacja nie zając, nie usieknie* /букв. Делегация — не заяц, не убежит/. Это трансформация пословицы *Robota nie zając, nie usieknie*. Ср. русск. Работа не волк: в лес не убежит. Говорят, лентяи, оправдывая свою бездеятельность [Котова 2000: 125]. Министр Яшуньски так выражает свое отношение к работе — разговор с приятелем важнее, чем деловая встреча *Mała szkoda, krótki żal* /букв. Маленькая потеря, короткое сожаление/. Говорят, когда нужно показать, что горевать о случившемся не стоит, нет и смысла плакать о том, что уже не изменить. Ср. русск. Слезами горю не поможешь. Мельник так выражает свое отношение к потере. *Pokorne ciele dwie matki ssie* /букв. Покорный теленок двух маток сосёт/. Означает, что мы получаем больше через скромность и смирение. Ср. русск. Ласковый теленок двух маток сосёт. О поведении кого-либо, кто умеет извлекать для себя выгоду из разных, часто враждующих источников [Котова 2000: 156]. Шимон это говорит о поведении женщины. *Syty głodnemu nigdy nie wierzy* /букв. Сытый голодному никогда не верит/. Это трансформация польской пословицы *Syty głodnego nie rozumie*. Ср. русск. Сытый голодного не разумеет. Об эгоизме и черствости богатого человека, который не в состоянии понять страдания бедного [Котова 2000: 156]. Крестьяне так выражают свое доверие хозяину. Для описания действующих лиц, подробного раскрытия сущности героев как типов определенных социальных групп используются речевые особенности, не только специфическая лексика, но и пословицы. Они, являясь стилистическим средством, делают речь красочной и убедитель-

ной. Это отражает житейский опыт, социальный, духовный и культурный уровень человека [Ефремова 2004]. Пословицы в кинотексте используются в определенных стилистических целях как без изменения, так и в трансформированном виде (с иным значением, с обновленной структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими качествами) как ироническое изображение новых жизненных «принципов» в новых социально-исторических условиях. Появление пословичных трансформаций — это не только отрицание сложившихся в обществе и языке стереотипов, но и отражение новых реалий [Бутенко 2021]. При исследовании употребления пословиц в кинотексте следует отметить их присутствие в фильмах и телесериалах независимо от временной привязки. Это показывает, что пословицы как категория фиксированных знаков сохраняются в сознании носителей польского языка. Это также указывает на паремии как утверждение универсального характера, относительно которого персонаж, а также зритель могут занять индивидуальную позицию.

Литература

- Бутенко Е. В.* Паремииологические трансформации в кинопереводе (на материале русского и английского языков) // Вестник ТГПУ. 2021. № 3 (215). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paremiologicheskie-transformatsii-v-kinoperevode-na-materiale-r-uss...> (дата обращения: 19.12.2022).
- Ефремова М. А.* Концепт кинотекста: структура и лингвокультурная специфика (на материале кинотекстов советской культуры): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2004. 17 с.
- Котова М. Ю.* Русско-славянский словарь пословиц: с английскими соответствиями. СПб., 2000.

ПОСЛОВИЦЫ В ЧЕШСКОМ И ЧЕХОСЛОВАЦКОМ КИНО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

Сергиенко Олеся Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе использованы чешские и словацкие пословицы, прозвучавшие в таких знаковых чехословацких кинофильмах, как «Магазин на площади», снятый Я.Кадаром и Э.Клосом в 1965 году (чеш. *Obchod na korze*), «Поезда под пристальным наблюдением» режиссера И. Менцеля, 1966 (чеш. *Ostře sledované vlaky*) и его же «Деревенька моя центральная», 1985 (чеш. *Vesničko má středisková*), а также в фильмах чешского производства, снятых уже после «бархатной» революции и разделения Чехословакии — «Коля» режиссера Я. Сверака, 1996 (чеш. *Kolja*), фильмах режиссера Я. Гржебеяка, снятых по сценариям П. Ярховского: «Уютные норки», 1999 (чеш. *Pelíšky*), «Мы должны помогать друг другу», 2000 (чеш. *Musíme si pomáhat*), «Пупендо», 2003 (чеш. *Pupendo*).

Все кинофильмы, выбранные для анализа, по данным разных источников входят в число самых известных и самых популярных чешских и чехословацких фильмов [<https://www.kinobox.cz/zebricku/nejlepsi/filmy>]. Эти кинокартины также хорошо известны за рубежом — три фильма получили премию «Оскар» за «Лучший фильм на иностранном языке» («Магазин на площади» — 1966, «Поезда под пристальным наблюдением» — 1968, «Коля» — 1997), фильм «Деревенька моя центральная» был номинирован на «Оскар» в 1986 году, «Мы должны помогать друг другу» в 2000 году [<https://www.oscars.org/oscars>]. Особого внимания, безусловно, заслуживают три картины, получившие «Оскара». Две из них — «Магазин на площади» и «Поезда под пристальным наблюдением» — относятся к эпохе расцвета чехословацкого кинематографа, известной как «Новая волна» (*Nová vlna*, *New wave*, 1962-1968 гг.).

Кинофильм «Магазин на площади», снятый словацким режиссёром Яном Кадаром и чешским режиссером Элмаром Клосом на основе словацкого сценария Ладислава Гросмана на пражской студии «Баррандов», занимает особое место в истории чехословацкого кино. Действие разворачивается в небольшом словацком городке в годы Второй мировой войны, где на фоне новых страшных реалий (ариизации еврейской собственности, строительства деревянной «Вавилонской башни» на центральной площади как символа нового порядка, прибытия на станцию пустых вагонов для перемещения евреев) люди продолжают вести тихую и размеренную жизнь — горожане прогуливаются по улицам, мужчины встречаются в пивной, дети играют, женщины ходят за покупками. Но в воздухе висит напряжение и тревога. Этот черно-белый фильм пронизан символикой и аллегориями, каждый кадр, каждая реплика героев несут идейную нагрузку и определенный подтекст. Свою роль в создании образов персонажей также играют известные словацкие пословицы, встречающиеся в их репликах: *Jeden číhi a druhý hota; Keď sa vlk nasýti a ovca zostane celá; Komu sa nelení, tomu sa zelení; Krv sa nezaprie; Kto nepije, neprepije; Kto včas ráno vstáva, boh ho požehnáva; Nič nie je nového pod slnkom* и др.»

«Поезда под пристальным наблюдением» — художественный фильм чешского режиссёра Иржи Менцеля, снятый по одноимённому роману Богумила Грабала в 1966 г. Как и в «Магазине на площади», действие происходит в годы Второй мировой войны, но уже на территории Чехии. Основное место действия — маленькая и неприметная железнодорожная станция, где проходит стажировку главный герой картины Милош. Хотя фильм и полон драматизма и заканчивается трагически, но его сцены пропитаны настоящим чешским юмором, что было отличительной особенностью фильмов «новой волны». Глубоко комична и сцена дисциплинарного разбирательства на станции, где из уст председателя совета звучит пословица *Jaký pán, takový krám*.

Третий кинофильм, завоевавший «Оскара» для Чехии, относится уже к новой постсоветской эпохе чешского кино, он был снят в 1996 г. режиссёром Яном Свераком по сценарию его отца Зденека Сверака, который сыграл и главную мужскую роль. Благодаря участию Франции и Великобритании в производстве и прокате фильма, «Коля» стал, пожалуй, самым успешным

чешским фильмом, он демонстрировался в сорока странах мира, где его посмотрело более трех миллионов человек. Помимо «Оскара», «Коля» завоевал «Золотой глобус» как лучший фильм на иностранном языке и получил ряд престижных наград на фестивалях в Токио, Мадриде, Венеции и др. Сюжет, где пятилетний русский мальчик Коля случайно остается на попечении закоренелого холостяка и талантливого виолончелиста Франтишека Лоуки, не знающего ни слова по-русски, создает благодатную почву для обыгрывания чешских фразеологизмов и пословиц. Чего только стоят «чешские курицы, которые несут русские яйца, сами о том не догадываясь»! Звучат в фильме и пословицы: *Když to zavařil, tak ať si to vyžere* (Лоука); *Voni melou pomalu, ale jistě, pane Louko, jako boží mlejnu* (гробовщик Брож) и др.

При подготовке доклада привлекался ряд исследований, посвященных восприятию чехословацкого и чешского кинематографа в англоязычных странах [Семенова 2010; Vojvoda 2022 и др.], кроме того, на выбор темы исследования повлияли работы, затрагивающие тему национальной идентификации в кинематографе [Hampř 2018 и др.]. Нам не удалось обнаружить научную литературу, посвященную анализу употребления чешских и словацких пословиц в кинотексте и их передаче на английский язык. В настоящем докладе были использованы переводы данных пословиц как на основе англоязычного дубляжа, так и английских субтитров, которыми были снабжены некоторые фильмы. Перевод оценивался с точки зрения способа передачи (эквивалент, аналог, калька, описательный перевод) и функциональной адекватности.

Литература

- Семенова М. А. Судьба чешского кино в Великобритании // *Славяне в неславянских странах*. Вып. 1. СПб., 2010. С. 67–78.
- Hampř L. Jak je český národ charakterizován v kinematografii (Glosa s využitým etnonymickým názvoslovím) // *Bohemistyka*. 18(1). 2018: 30–45.
- Vojvoda R. Selling 'Czechness' abroad: images of Jan and Zdeněk Svěrák in promotion and reception of *Kolya* // *Studies in Eastern European Cinema*. 13:2. 2022: 196–210.

ВОСПРИЯТИЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ ИЗ СОВЕТСКИХ КИНОФИЛЬМОВ В КИТАЕ

Сюй Цин

Котова Марина Юрьевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Объектом доклада являются русские пословицы в избранных советских кинофильмах жанра комедии и мелодрамы, которые занимают первые строчки в рейтинговых списках России и Китая [Федоров 2023: 1170, 1188, 1191; Цинь, Карабулатова 2021: 210 и др.]. Цель доклада — анализ концептуальной и стилистической роли пословицы в избранных кинотекстах, анализ передачи русских пословиц из кинофильмов на китайский язык и оценка восприятия китайскими зрителями пословичного кода как составной части поликодового кинотекста. Тема отличается актуальностью и новизной. При подготовке доклада привлекался ряд научных статей последних лет, посвященных китайско-российскому сотрудничеству в области кинематографии (А. С. Исаева; Л. А. Аль-Нсур и А. А. Макарова; Ф. Вана; Т. Жчао, П. И. Пятковской, Х. Лу и др.). На выбор объекта исследования оказали влияние информативно насыщенные междисциплинарные научные исследования о российских кинофильмах в китайском кинопрокате и о восприятии китайскими зрителями российского кино (А. С. Исаева; Ч. Се и Ц. Чжан, также см. [Золотарёва, Ли 2020; Цинь, Карабулатова 2021] и др.). Однако нам не удалось выявить научную литературу о передаче русских пословиц из кинофильмов в китайском дубляже. В докладе рассматриваются такие русские пословицы из советских кинофильмов, как: Лежачего не бьют; Любишь кататься, люби и саночки возить; Москва слезам не верит; трансформация пословицы Новая метла по-новому метет и др. Все перечисленные пословицы входят в паремиологический минимум Г. Л. Пермякова, являются активно употребительными в современном русском языке. По данным нашего последнего социолингвистического паремиологического эксперимента 2022 года, проведенного преподавателями СПбГУ, членами проекта «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц» (ЭССАВП), все эти пословицы отмечены подавляющим большинством информантов-носителей русского языка: Лежачего не бьют (97 % информантов); Любишь кататься, люби и саночки возить (99 % информантов); Москва слезам не верит (99 % информантов); Новая метла по-новому метет (60 % информантов). Эти пословицы прозвучали в советских кинофильмах жанра комедии и жанра мелодрамы, созданных тремя выдающимися кинорежиссерами: Леонидом Гайдаем (1923–1993), Эльдаром Рязановым (1927–2015) и Владимиром Меньшовым (1939–2021). В списке самых кассовых режиссеров СССР Л. Гайдай занимает первое место, Э. Рязанов — второе место, В. Меньшов — 38-е место [Федоров 2023: 1200–1205]. На выбор советских кинофильмов для анализа оказала влияние информация о востребованности этих кинофильмов китайскими кинозрителями. Кинокомедия «Иван Васильевич меняет профессию» Л. Гайдая (1973) занимает первое место в рейтинге самых успешных в китайском кинопрокате советских и российских фильмов; «Служебный роман» Э. Рязанова (1977) — 14-е место в том же рейтинге; «Москва слезам не верит» В. Меньшова (1979) — 8-е место там же. [<https://zhuanlan.zhihu.com/p/363767068>]. Приведем здесь примеры двух способов передачи русских пословиц из названных советских кинофильмов в их китайском дубляже. Во-первых, перевод пословицей, например: перевод паремиологической трансформации из фильма «Служебный роман» Каждая новая метла расставляет везде своих людей — 新官上任三把火 /букв. После того, как новый начальник вступит в должность, будет три раза пожар/. Во-вторых, буквальный пословный перевод, например: пословица Любишь кататься, люби и саночки возить переведена в китайском дубляже фильма «Служебный роман» буквально: 要想坐雪橇就得抬雪橇 /букв. Чтобы возить на санях, нужно их везти/. В докладе будут даны комментарии по поводу целесообразности выбора того или иного способа перевода. В нашем материале отмечен случай дальнейшего использования в китайском языке буквального перевода русской пословицы, ставшей названием оscarоносной мелодрамы

В. Меньшова, — Москва слезам не верит. Пословицу произносит в одном из эпизодов фильма Людмила (героиня И. Муравьевой), и она оба раза переведена буквально: 莫斯科不相信眼泪. Спустя 35 лет, в 2015 году, в Китае был снят киносериал под названием, навеянным русской поговоркой: «北上广不相信眼泪», который буквально переводится «Пекин, Шанхай и Гуанчжоу не верят в слезы». Пословичный код из русского фильма, дублированного на китайский язык, перекочевал, таким образом, в китайский киносериал. В заключении обобщаются наблюдения, сделанные в ходе исследования.

Литература

- Золотарёва Л. А., Ли Ц.* Российские художественные фильмы в китайской аудитории // Литература и культура Сибири, Дальнего Востока и восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации: Материалы участников X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Отв. редактор А. А. Новикова. Владивосток, 2020. С. 144–147.
- Цинь Мэн, Карабулатова И. С.* Когнитивный диссонанс при передаче правил русского официально-делового этикета в китайском переводном кинодискурсе: на примере кинофильма «Служебный роман» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 209–214.
- Федоров А. В.* Тысяча и один самый кассовый советский фильм: мнения кинокритиков и зрителей. М., 2023.

УЧЕБНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ НАИБОЛЕЕ АКТУАЛЬНЫХ ПАРЕМИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА. ПРОБЛЕМЫ ОТБОРА МАТЕРИАЛА

Якименко Надежда Егоровна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе затрагивается проблема создания учебного лингвокультурологического словаря актуальных, живых для носителя русского языка паремий. Автор останавливается на современном определении терминов, которые используются в работе, — учебный словарь, паремия, пословица, аксиологический вектор, лакуна, номинативная плотность. Важнейшими остаются вопросы отбора языкового и иллюстративного материала. И в качестве одного из критериев актуальности паремиологической единицы явилось ее употребление в текстах кино, радио, телевидения. Эпитет лингвокультурологический появился у словаря приблизительно в середине прошлого столетия. Большинство исследователей сходится во мнении, что это словарь, в котором представлены когнитивные знания и представления носителей национального языка и культуры в определенной лексикографической форме. Цель лингвокультурологического словаря состоит в том, чтобы описать не то, что следует знать, а то, что реально знает любой социализированный представитель национально-культурного сообщества [Шахматова 2011: 138]. Существует мнение, что основные принципы организации и описания материала в словарях такого типа на настоящий момент в основном сложились, это — преодоление противопоставления лингвистического и энциклопедического способов лексикографирования, принцип эффективности и полноты описания, принцип объективности анализа [Зиновьева 2016: 36]. При подготовке доклада использовались научные исследования по лингвокультурологии, паремиологии, общей и учебной паремиографии, опубликованные рядом авторов: С. С. Аверинцевым, Е. И. Зиновьевой, М. Л. Ковшовой, М. Ю. Котовой, В. М. Мокиенко, М. А. Шахматовой и др. Написание словаря ставит перед автором целый ряд задач, а именно: определить объем материала для словаря, определить порядок его расположения (алфавитный или тематический), определить характер лингвокультурологического описания, контексты, способы отражения вариантности/синонимии, соотношение прямого и переносного значения, формы включения и объем и др. Но самая трудная задача для составителя — это отбор материала для словаря. При отборе пословичного материала, для различного рода словарей, авторы учитывали следующие параметры: частотность паремий за определенный период времени; результаты опроса носителей языка (знаю — не знаю/ понимаю — не понимаю/использую — не использую); обосновывали активный и пассивный запас носителей языка.

Мы в своих работах пытались выделить наиболее объективные критерии отбора паремиологического материала для учебных словарей, например, применение метода определения аксиологического вектора паремии. Метод определения аксиологического вектора паремии подразумевает, что ценностные ориентации представляют собой систему бинарных оппозиций ценностных предпочтений (жизнь — смерть, здоровье — болезнь, красота — уродство). Описание изменений аксиологического вектора — исследования изменений системы ценностей и её отражения в языковой картине мира славянских народов. Представление о ценностных предпочтениях складывается на основе анализа значения паремий с высокой номинативной плотностью и установок культуры, вербализованных в паремиях. В словарь в обязательном порядке будут включены паремии с изменяющимся вектором, поскольку они могут вызвать трудности при общении.

Характерной особенностью паремий русского языка является изменяющийся аксиологический вектор: от положительного к отрицательному или нейтральному. Одна и та же паремийная единица может приобретать в разные времена развития общества как положительный, так и отрицательный аксиологический вектор. Кроме того, аксиологический вектор паремий может быть устойчиво положительным и устойчиво отрицательным, тем самым вербализуя

описание ценностных картин мира, сложившихся исторически. В статье подобным же образом обосновываются методы отбора паремиологических единиц с помощью описания лакун и с учетом номинативной плотности. Обосновывается метод отбора материала из языка кино, радио и телевидения. Показательна в этом смысле цитата из программной статьи В. М. Мокиенко: «Что же касается специализации, то, увы, многие работы по анализу использования пословиц в тексте недостаточно раскрывают их специфику по сравнению с фразеологией и даже с лексикой. Немало, как кажется, предстоит еще сделать для специализированного анализа функционирования пословиц в разных жанрах литературы, в поэзии, разных типах публицистики, радио- и телепередачах. Неплохо было бы создавать и специализированные словари, где на основательном конкретном материале такое функционирование демонстрировалось» [Мокиенко 2010: 12].

Литература

- Зиновьева Е. И.* Культурная значимость орнитонима в аспекте лексикографического представления // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 36–51.
- Мокиенко В. М.* Современная фразеология (лингвистический аспект) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20.
- Шахматова М. А.* Учебная лексикография. СПб., 2011.

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ БИБЛЕИЗМЫ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ БИБЛЕИЗМЫ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

Мокиенко Валерий Михайлович

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Вальтер Харри

профессор, Университет Грайфсвальда, Германия

Язык Библии оказал огромное влияние на формирование литературных языков многих народов, в том числе и славянских, издревле приобщенных к христианской культуре. Переводы Священного писания на народные языки стали основой книжного языка и у русских, украинцев и белорусов. При том, что комментирование текста Библии является одним из древнейших и традиционнейших занятий филологов, многие аспекты этой сложной проблематики приходится относить к малоразработанным. Таковы, в частности, вопросы о специфике усвоения конкретными языками тех элементов, которые восходят к тексту Книги книг, о характере их дальнейшего развития в каждом из этих языков и др. В какой-то степени язык Библии — это язык «в себе», своеобразный духовный код, объединяющий народы христианских культур. Вот почему переводчикам, несмотря на разные традиции, передача библеизмов, содержащихся в тексте переводимого произведения, дается намного легче, чем перевод иных языковых элементов — имен собственных, идиоматики и других единиц, относимых к области «непереводимого в переводе». Тем более значимы с точки зрения сравнительного изучения литературных языков те расхождения, которые наблюдаются именно в области лексико-семантических явлений, восходящих к общему источнику — тексту Священного писания.

Объективный сопоставительный анализ восточнославянской фразеологии библейского происхождения требует и выработки общего рабочего определения термина библеизм. Оно, как известно, у разных исследователей неоднозначно, допуская широкие или узкие трактовки. При этом доминирующим признаком всегда остается идентификация библеизма на основе его первоисточника. Нами принято следующее определение термина: библеизм — языковая единица, характеризующаяся рядом признаков: смысловой законченностью, воспроизводимостью (с возможными вариантами), семантической и стилистической маркированностью (переносным значением, повышенной экспрессивностью, часто принадлежностью к книжному слою лексики). Структурно в группу библеизмов могут входить слова, устойчивые словосочетания и афоризмы библейского происхождения. Проблема корректной дефиниции термина библеизм накладывает отпечаток на определение корпуса сопоставляемых восточнославянских фразеологизмов библейского происхождения, на принципы отбора конкретного материала и решение сложных проблем его распределения на ядро и периферию. На первый взгляд, уже сама маркированность источников позволяет достаточно определенно очертить границы корпуса библеизмов. Ведь многие из них сохраняют эксплицитные признаки такой маркированности. Таковы для восточнославянского языкового ареала церковнославянизмы, сохраняющиеся в разных языках в разной количественной пропорции, общая сюжетная «подсказка», помогающая диагностировать библейский источник или узнаваемые как общие культурологемы собственные имена. Однако эти языковые и экстралингвистические маркеры позволяют выделить и охарактеризовать лишь ядро, т. е. самую активную и общеизвестную группу библеизмов. Их периферия не столь однозначно относится носителями языка к библейской сфере.

Сопоставительный анализ фразеологии восточнославянских языков выявляет большое образное и лингвокультурологическое сходство, обусловленное как генетическим родством, так и длительной историей совместного существования русского, украинского и белорусского народов. Такое сходство обнаруживается и в сакральной сфере языка, особенно — во фразеологии библейского происхождения. Общность фразеологических библеизмов здесь задана их христианским источником, поэтому комментирование последнего и его судьбы в каждом языке — одна из задач лингвокультурологического исследования. Актуальным объектом сопоставления библейских выражений русского, украинского, русинского и белорусского языков при этом могут быть как собственно языковые сходства и различия, так и экстралингвистические обстоятельства, их породившие. Анализ большого массива употреблений библеизмов в восточнославянских художественных и публицистических текстах показывает, что в принципе их употребление подчиняется тем же стилистическим законам, что и употребление лексики и фразеологии иного происхождения. Степень интенсивности забвения внутренней формы (и даже самого источника) библеизмов или, наоборот, их постоянной актуализации во многом зависит от яркости и прозрачности образа, заложенного в том или ином из них. Чем эксплицитнее, развернутее такой образ, тем больше у него шансов на актуализацию и многомерность употребления в тексте. Чем актуальнее и частотнее фразеологический библеизм в конкретном языке, тем интенсивнее его вариационное поле. Текстовые трансформации таких библеизмов демонстрируют и их изоморфизм расхождениям, возникшим в ходе дальнейшей эволюции тождественных для сопоставляемых языков выражений. И в текстовой динамике каждого из сопоставляемых языков семантические и синтаксические потенции библеизмов могут раскрываться по-разному, образ и его языковое воплощение подвергается различному актуальному членению, акценты перемещаются в зависимости от художественного замысла, эстетической заданности. Так рождаются новые, специфично национальные сентенции или обороты — несмотря на общность сакрального источника. В докладе предлагается сопоставительный анализ русских, украинских, русинских и белорусских фразеологических библеизмов, выявляются их источники и комментируются причины сходств и различий в их структуре и семантике.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ БИБЛЕИЗМЫ В АСПЕКТЕ КОМПАРАТИВИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Антонова Елена Николаевна

доцент, Государственный университет по землеустройству

Компаративный подход к изучению языковых феноменов, основанный на выявлении дифференциальных особенностей и интегральных признаков, позволяет исследователям не только провести локальный сравнительный анализ, но и смоделировать полноэкранный лингвокультурный срез. Восточнославянская поэзия представляет собой, с одной стороны, единую лингвосистему, с другой — комплекс уникальных языковых сфер, связанных общностью лингвокультурных кодов [Антонова 2020: 1–11]. Коды культуры в языке формируются во многом благодаря образным языковым единицам, часто устойчивого характера. Библизмы в качестве таких кодов высвечивают глубинные семантические свойства, изучение которых позволяет проследить диахронию вербальных средств языка-основы и синхронию близкородственных языков с момента их самоидентификации. Многие ученые склонны придерживаться широкого подхода и находить в библизмах фразеологические, афористические, паремиологические черты [Иванов, Мокиенко 2019: 211–213]. В современной лексикографии частотна практика составления сравнительно-сопоставительных словарей двух и более языков. В основе большинства из них — эквивалентность библизмов по компонентному составу, а также по внутренней форме. Так, в «Большом русско-белорусском словаре библейских выражений и афоризмов» Е. Е. Иванов и В. М. Мокиенко выделяют полные, частичные, приблизительные и неполные эквиваленты [Иванов, Мокиенко 2019: 212]. Особенности функционирования библизмов в восточнославянской поэзии [Сычева 2012: 322–327; Сычева 2013: 343–348] в аспекте компаративистики ярко прослеживаются при контекстуальном рассмотрении общеизвестных устойчивых выражений-библизмов. По данным поэтического корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (<https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html>), библейское выражение «альфа и омега» (дословно — первая и последняя буквы ионического греческого алфавита, в трактовке Иоанна Богослова — наименование Бога как онтологического воплощения начала и конца) фигурирует в 18 русскоязычных поэтических текстах (фиксируется 21 вхождение языковой единицы) и семантически отражает:

1. Поэтическую интерпретацию библейского знания: «Аз есмь Альфа и Омега, / начаток и конец, / Первый и Последний» (О. А. Охупкин. Испытание Иова: «Когда я дожил до глухого часа...»).
2. Интертекстуальные включения с отсылкой к классике: «Пред нами русская телега, / Наш пресловутый примитив, / Поэтов альфа и омега, / Известный пушкинский мотив» (В. Т. Шаламов. «Пред нами русская телега...»).
3. Философские рассуждения о смысле жизни: «Вот жизни альфа и омега — / И оторопь берет меня: / Бегу — но это призрак бега, / Горю — то видимость огня» (С. И. Липкин. «Я запах осени вдыхаю...»). В поэзии русских классиков И. А. Бунина, В. А. Жуковского, Д. С. Мережковского, Н. М. Языкова и других данный библизм реализуется в большинстве случаев, отражая первую семантическую группу.

В соответствии с общей классификацией Е. Е. Иванова и В. М. Мокиенко библизм «альфа и омега» в других восточнославянских языках (белорусском и украинском) имеет полные эквиваленты. Например, в стихотворении «Альфа и Омега» Олег Ковалёв Украина раскрывает также первую из приведенных групп: «Господь есть Альфа и Омега, / всему начало и конец...» (<https://stihi.ru/2022/07/21/3653?ysclid=lcw76nqg4t203019263>). А в песне современного белорусского исполнителя Тимы Белорусских «Альфа и Омега» рассматриваемый библизм фигурирует с расширенной семантикой третьей группы: «Ты моя Омега, я твой Альфа / Между нами космический бартер...» (<https://text-pesni.com/pesnya/pokazat/565676123/tima-belorusskih/tekst->

perevod-pe sni-alfa-i-omega/?y.... Другие библейские выражения, которые раскрывают перечисленные выше группы в виде обобщенной незамкнутой классификации, такие как «глас вопиющего в пустыне», «камень преткновения» (по классификации Е. Е. Иванова и В. М. Мокиенко — приблизительные эквиваленты) и т. д., также встречаются в русской, белорусской и украинской поэзии — у П. А. Вяземского, Ф. И. Тютчева, Н. Ф. Щербиной и др. (НКРЯ), у Пересвета и др. («Украинский портал поэзии»: <https://www.stihi.in.ua/avtor.php?author=50326&pоеm=248897>), у Владимира Некляева и др. (в сборнике «Беларусь» все стихи пронизаны библейскими мотивами (<https://www.chitalnya.ru/work/1526910/?ysclid=lcw8ftezwu709765414>)). Поэтические библеизмы в восточнославянской лингвокультуре, ограниченной тремя близкородственными языками и имеющей единый ментальный настрой, интересны для изучения в качестве структурных и семантических моделей. Они могут быть рассмотрены с разных сторон, в том числе и в компаративном аспекте.

Литература

- Антонова Е. Н. Афористическая интертекстуальность в дискурсе русской поэзии // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 3 (38). С. 1–11.
- Иванов Е. Е., Мокиенко В. М. Типы эквивалентности устойчивых выражений-библеизмов в русском и белорусском языках // Религия и общество — 13: сборник научных статей XIII Международной научно-практической конференции, Могилев, 18–23 марта 2019 года / под общей редакцией В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. Могилев, 2019. С. 211–213.
- Сычева Е. Н. Стихия земли в поэтической фразеологии Ф. И. Тютчева // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 343–348.
- Сычева Е. Н. Фразеологизмы с соматизмом «душа» в поэзии Ф. И. Тютчева // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2–2. С. 322–327.

О НЕКОТОРЫХ БИБЛЕЙСКИХ ИМЕНАХ В РУССКИХ И ЛИТОВСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЯХ

Воробьева Лина Бронислововна

доцент, Псковский государственный университет

Истоки некоторых русских и литовских устойчивых сравнений (УС) мы находим в письменных текстах Библии. Использование таких единиц осмыслено либо библейскими сюжетами, либо реалиями, либо образами. Многие библейские фразеологизмы содержат в своем составе имена собственные, несущие национально-культурный компонент. Имя собственное несет информацию о владельце, отражая его личностные свойства и качества. В связи с этим семантика библейских фразеологизмов разнообразна: в них отражаются качества характера человека, эмоции, явления и ситуации. Большинство таких выражений подразумевают отрицательные качества человека: грех, хитрость, лицемерие, обман, предательство, страдание, горе, месть и т. д. При этом, если фразеологизмы с ономастической лексикой отражают национальную самобытность того или иного народа, раскрывая сведения о культуре, обычаях, истории, то устойчивые выражения с библейскими антропонимами обнаруживают довольно прозрачные параллели в разных языках. В фонде библейской фразеологии много единиц со структурой сравнения, которое выражается в языке морфологически и синтаксически; в последнем случае немало конструкций с компаративным союзом [Кузнецова 2015: 232]. Рассмотрим некоторые русские и литовские единицы, сравнительным компонентом в которых выступают библейские имена собственные.

Иуда Искариотский — один из двенадцати учеников Иисуса, предавший учителя за тридцать сребреников иудейским первосвященникам (выдавший его страже своим поцелуем). Поэтому он является символом предательства, лицемерия, коварства, а поцелуй Иуды обозначает предательскую любовь. Евангельский сюжет отразился в сравнениях как Иуда ‘О низком, подлом, лицемерном, предательски ведущем себя человеке’; жадный как Иуда ‘Об алчном, жадном до денег человеке’; продать (предать) кого как Иуда ‘О подлеце, лицемере, предавшем близкого человека’; труситься как Иуда с кошельком ‘О скупом человеке’. Два русских устойчивых сравнения со значением проклятья, недоброго пожелания кому-л. восходят к евангельскому рассказу о предательстве Иуды с апокрифическим преданием о том, что он повесился на осине: Пусть он удавится на горькой осине как Иуда Искариот!; Трястись кому как Иуде на осине! В литовском языке зафиксировано сравнение *kaip Judas* /как Иуда/. В «Словаре сравнений» литовского языка К. Восилите (2014) значения единиц не объясняются, так как, по словам автора, в большинстве случаев они легко подразумеваются или выводятся из иллюстраций. Из иллюстраций выводится и основание сравнения, поскольку в словаре оно не представлено, так как не входит в состав сравнения, а всего лишь составляет его окружение. Из контекста выводится значение ‘предатель’. Кроме того? в литовском языке зафиксированы УС *kaip Judas, Kristų pardavęs* /как Иуда, продав Христа/ в значении ‘горько плакать’, *lyg Judas, trisdešimt grašių gavęs* /как Иуда, получив тридцать грошей/ в значении ‘радоваться’.

В литовском языке есть и вариант имени *Judas* — *Judošius*, который является более продуктивным в образовании сравнений. Интересно, что нарицательное *judošius* обозначает ‘черт’. В УС отражается сюжет предания о том, что Иуда повесился на осине: *kaip Judošius, sausos šakos ieškodamas* /как Иуда в поиске сухой ветки/, *kaip Judošius pasikarti [, kol atras medį]* /как Иуда повеситься [, пока найдет дерево] в значении ‘медленно идти’. Предательство за деньги обнаруживается в основе УС *kaip Judošius Kristų pardavęs* /как Иуда, Христа продав/; *kaip Judošius pinigais barškindamas (žvangindamas)* /как Иуда, деньгами брэнча (звеня)/; *kaip Judošius už trisdešimt raudonųjų* /как Иуда за тридцать красных/; *kaip Judošius besižvalgydamas, ką parduot, o ką veltui atiduot* /как Иуда, оглядываясь, что продать, а что даром отдать/. В литовском языке подмечается такая деталь внешности Иуды, как цвет глаз: *kaip Judošiaus* /как у Иуды/, которая раскрывается в контексте: Карие глаза как у Иуды. В народных приметах и суевериях считалось, что человек с карими глазами недобрый, он может взглянуть других.

Таким образом, анализ показал, что иногда библейский сюжет или образ мог служить почвой для появления в разных языках сразу нескольких устойчивых сравнений библейского происхождения. В русском и литовском языках обнаружены как сходные по образу и структуре единицы, так и специфические. В литовском языке имя Judas имеет вариант Judošius, в связи с чем число образуемых УС увеличивается и количественно превышает по сравнению с русским языком. Предполагается сопоставительное изучение УС русского и литовского языков с компонентами-именами Каин, Авель, Соломон и др.

Литература

Кузнецова И. В. Иисус Христос в устойчивых сравнениях славян // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 232–240.

ВОЗЛЮБИ ДАЛЬНЕГО: АНОНИМНОЕ И АВТОРСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Дронов Павел Сергеевич

старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН

Вопрос варьирования фразеологизмов разных типов — разграничения вариантов и синонимов, трансформаций и модификаций — сохраняет свою актуальность. В данном докладе мы в определенном смысле возвращаемся к проблеме, затронутой нами в работе [Дронов 2009], — проблеме узуализованных модификаций фразеологизмов (например, поставить крест vs. поставить жирный крест, наводить глянец vs. наводить хрестоматийный глянец).

В докладе рассматривается варьирование фразеологизмов (прежде всего, идиом и поговорок), основанных на прецедентных текстах (в том числе библеизмов), их трансформации и модификации. Под трансформациями понимаются системно-языковые изменения плана выражения фразеологизма, которые обусловлены возможностями фразеологизма как языковой единицы. Трансформация может приводить к переходу от одного типа устойчивого выражения к другому при сохранении структурно-семантического единства, ср.: библейская цитата возлюби ближнего твоего, как самого себя (Мф. 22:39) — возлюби ближнего своего [как самого себя] (пословица) с дальнейшими структурными преобразованиями, например: Если этой любви полагает препону мирская любовь к каким-либо лицам, к чести и славе, к деньгам, к роскоши, к чреву, к плоти, — отринем всякую любовь мирскую и от всей души возлюбим ближнего, радуя о нем, как о себе самом, о своей плоти, о своей душе. [Иоанн Кронштадтский. Живое слово мудрости духовной (1905-1906); НКРЯ]. При модификации преодолеваются пределы и ограничения, которые узус (а порой и сами возможности языка) накладывает на системные трансформации фразеологизма (например, замена именного компонента не на близкий по значению, а на противоположный). Изменение плана выражения может затрагивать план содержания фразеологизма, ср.:

а. — Я снова обращаю ваше внимание, — сказал он наконец, — на то чрезвычайно важное обстоятельство, что там, в котловане, вовсе не все люди нуждались в одежде и прочем. Что там, в котловане, мы видели людей здоровых, сытых, вооруженных. И для этих людей положение не представляется таким уж безнадежным, как для вас. Вы хотите помочь страждущим. Это великолепно. Возлюби, так сказать, дальнего. Но не кажется ли вам, что этим самым вы вступите в конфликт с некоторым установленным порядком? — Он замолчал, пристально глядя на Антона. [Аркадий и Борис Стругацкие. Попытка к бегству (1962)].

б. Возлюби мертвого своего О взаимной симпатии людей и зомби По данным VoxOfficeMojo, «Война миров Z» за первую неделю проката успела собрать 111, 8 миллиона долларов США при бюджете в 190 миллионов долларов. Это самый высокий показатель за всю карьеру Питта. [Paramount пообещала вторую мировую войну с зомби // Lenta.ru, 2013.06; НКРЯ].

с. Люби ближнего, но и дальнего не забывай объегорить по-родственному. [Вальтер, Мокиенко 2005: 41]. Для модификаций фразеологизмов оказываются важными такие параметры, как авторство (наличие автора) и «паспортизация» (знание носителями языка), которые отмечаются в литературе по афористике [Иванов 2020; Иваноў 2017; Королькова 2005], однако для афоризмов признаются незначимыми. По замечанию Е. Е. Иванова, «Трудно представить себе, кто из носителей языка, кроме специалистов-филологов или любителей крылатых слов, знает, что автором широко известной русской поговорки С милым рай в шалаше является российский педагог и поэт, татарин по этнической принадлежности Нигмат Ибрагимов (1778–1818), писавший свои произведения на русском языке. За пределами же справочных источников, как свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка, гораздо важнее оказывается то, о чём и в какой форме сообщается в изречении, а не то, кто и где его высказал» [Иванов 2020: 665].

В то же время креативно-дискурсивная или индивидуально-авторская модификация может стать узуальным вариантом фразеологизма — ср. уже упомянутые нами рус. поставить жирный крест, навести хрестоматийный глянец; ср. также нем. aus diesem kühlen Grunde 'поэтому'

(двойная актуализация на основе цитаты из стихотворения «Das zerbrochene Ringlein» Й. фон Айхендорфа: In einem kühlen Grunde // Da geht ein Mühlenrad, // Mein' Liebste ist verschwunden, // Die dort gewohnt hat 'В холодной земле ходит колесо водяной мельницы. Моя милая, что жила там, пропала'), возлюби дальнего (не только цитата из повести братьев Стругацких, но и название повести М. В. Савеличева, вошедшей в межавторский цикл «Время учеников»). Иначе говоря, от изначально авторского употребления совершается переход к употреблению анонимному, однако модификация проходит этот процесс в обратном направлении, а потом еще раз в прямом: от анонимного употребления к авторскому (от идиомы к модификации, от пословицы к антипословице), а потом от авторского (в виде модификации) снова к анонимному. По этой причине при анализе модификации фразеологизма важно знать не только «о чем и в какой форме сообщается в изречении», но и «кто и где его высказал».

Литература

Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб., 2005.

Дронов П. С. Модификация структуры фразеологизма: ввод прилагательного в состав идиомы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Том 68. № 6 (2009). С. 36–44.

Иванов Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Том 11. № 4 (2020). С. 659–706.

Иваноў Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Манаграфія. Магілёў, 2017.

Королькова А. В. Русская афористика. М., 2005.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

БИБЛЕЙСКАЯ АФОРИСТИКА В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПРОБЛЕМА СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ)

Иванов Евгений Евгеньевич

заведующий отделом, Могилевский государственный университет, Беларусь

Крылатые библейские афоризмы в белорусском языке на сегодняшний день мало исследованы и недостаточно лексикографически описаны. Существует только два словаря, в которых отражены библеизмы в белорусском языке [Лепта библейской мудрости 2014; 2019]. В этой связи актуальным является определить принципы описания устойчивых афоризмов, которые восходят к Библии и употребляются в белорусском языке, в универсальном лингвистическом справочнике (в нормативном словаре с историко-этимологическими комментариями и эквивалентами в русском языке). В результате фронтального анализа языка СМИ, публицистических текстов, произведений художественной литературы и др. в современном белорусском литературном языке зафиксировано употребление около 400 афористических единиц, происхождение которых прямо либо косвенно связано с библейскими источниками. Подавляющее большинство таких единиц характеризуется регулярным употреблением и высокой степенью продуктивности при порождении различных типов производных единиц (реминисценций, аллюзий и др.) [Иванов, Маслова, Мокиенко 2022: 325]. Эти единицы входят в активный состав общезыкового фонда крылатых библейских слов, которые употребляются в белорусском литературном языке, и представляют наибольший интерес для описания в нормативном (толковом) словаре, объем которого целесообразно ограничить 300 наиболее функционально активными крылатыми афоризмами. Крылатые библейские афоризмы следует описывать в словаре на основании комплексного подхода [Иванов 2019: 187]. Каждая единица должна быть интерпретирована с точки зрения действующей литературной нормы белорусского языка (кодифицирована форма, стилистическая характеристика, истолковано значение или ситуация употребления), репрезентирована в функциональном плане (сопровождена иллюстрацией употребления в публицистических и/или художественных текстах), охарактеризована в аспекте своей истории (снабжена этимологической и исторической справкой). При необходимости крылатые библейские афоризмы могут быть дополнительно обеспечены лингвистическими или лингвокультурологическими комментариями. Все словарные единицы целесообразно сопоставлять с эквивалентными крылатыми библейскими афоризмами в русском языке. С практической точки зрения русскоязычные эквиваленты предназначены облегчить пользование словарем тем, кто знает русский язык или изучает белорусский язык как второй в условиях массового белорусско-русского двуязычия. Это позволит оптимизировать учебный процесс и повысить качество лингвистического образования в аспекте межкультурной коммуникации. Словарная статья в словаре «Крылатыя афарызмы з біблейскіх крыніц у беларускай мове» будет иметь следующий вид. Вера гарамі рухае або Вера [і] гару з месца зрушыць (скране, ссуне) (кніжн., публ.). Афарызм склаўся ў выніку абагульнення зместу фрагмента тэксту Евангелля ад Мацвея: “А Ісус сказаў ім: ад няверства вашага; бо праўду кажу вам: калі вы будзеце мець веру з гарчычнае зерне і скажаце гары гэтай: “перайдзі адсюль туды”, і яна прайдзе; і нічога ня будзе немагчымага вам” (Мв 17:20).

1. Моцнае рэлігійнае пачуццё дапамагае рабіць немагчымае.

2. Перакананасць у праўдзівасці ўласнай справы дапамагае пераадолець усе перашкоды, якія з ёй звязаны. Руск.: Вера горами движет (двигает) или Вера и гору с места сдвинет (книжн.).

Хто шукае, той знаходзіць. Афарызм утвораны ад блізкага па зместу і форме афарызма Шукайце і знойдзеце, які неаднаразова ўжываецца ў Бібліі: “І ўсклікнеце Мне, і пойдзеце і памоліцеся Мне, і Я пачую вас; і пашукаеце Мяне і знойдзеце, калі пашукаеце Мяне ўсім сэрцам вашым” (Ер 29:12–13); “Прасеце, і дасца вам; шукайце, і знойдзеце; стукайцеся, і адчыняць вам; бо кожны, хто просіць, атрымлівае, і хто шукае, знаходзіць, і хто стукаецца, таму адчыняць” (Мв 7:7–8); “І Я кажу вам: прасеце, і дасца вам; шукайце, і знойдзеце; стукайцеся, і адчыняць вам; бо кожны просьбіт атрымлівае, і шукальнік знаходзіць, і хто стукаецца, таму адчыняць”

(Лк 11:9–10). Мэты дамагаецца той, хто ўвесь час імкнецца да яе. Руск.: Ищите и обряцете [, толцые, и отверзется] або Кто ищет, тот всегда найдёт. Толковый словарь «Крылатыя афарызмы з біблейскіх крыніц у беларускай мове» будзе прызначаны ў першую ачэрэд студэнтам і прэпадаватэлям вузав, паэтымужа можа іспользавацца ў якасця справочнага пасабія пры ізученні афарыстычэскіх едініц савремнага беларускага языка і біблейскіх тэкстаў ў пераводзе на савремнаы беларускы літэратурны язык. Словарь можа іспользавацца і толькя как пераводнаы с рускага языка на беларускы язык благодаря налічю саотвэстувющага індэкса. Это суцэствэнна расшырае цэлевую аудыторыю словаря, дэлае яго актуальным і для носітэлей рускага языка за прэделамы Беларусы, пазваляе прадэманстрыраваць абычность і ізбірательность беларускай і рускай лінгвокультуры ў саствэ і ўпэтрэбленні афарыстычэскіх едініц как часты языковаго і духоваго наслэдыя Біблія.

Літэратура

Іванав Е. Е., Маслова В. А., Мокиенко В. М. Наслэдыя Біблія ў языках і культурах народаў Рассыі і Беларусы: монографія. М., 2022.

Іванав Е. Е. О словаре крылатых біблейскіх выражэнія савремнага беларускага літэратурнаго языка (с історыко-этымалогічэскімі камэнтарыямы і саотвэстувямы ў савремнам руском языке) // *Славянская історычэская лексыкологія і лексыкографія*. 2019. Вып. 2. С. 185–199.

Балакова Д., Вальтэр Х., Венжыновіч Н. Ф., Гутовская М. С., Іванав Е. Е., Мокиенко В. М. Лэпта біблейскай мудросты: біблейскыя крылатыя выражэнія і афорызмы на руском, англійском, беларуском, нэмецком, словацком і украінском языках. Могілёв, 2014.

Лэпта біблейскай мудросты: руско-славянскы словарь біблейскіх выражэнія і афорызмаў с саотвэстувямы ў германскіх, романскіх, армянском і грузынском языках: в 2 т. / под ред. Е. Е. Іванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могілёв, 2019. Т. 1. 334 с.; Т. 2. 308 с.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «БОГ» В ПОВЕСТИ М. А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»

Куныгина Ольга Владимировна

доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

В произведениях художественной литературы фразеологизмы обладают высокой частотностью употребления и являются особыми ключевыми выражениями, отражающими образное видение автора. Фразеологические единицы относятся к числу активных средств создания авторской позиции, формирования повествовательной точки зрения и способствуют успешной реализации авторского замысла. Фразеология как одно из наиболее выразительных средств художественного текста выполняет несколько функций. Фразеологическое значение приобретает «амбивалентные смысловые приращения» [Фокина 2007: 14]. С помощью фразеологических средств активно осуществляется литературная коммуникация на всех уровнях её организации: «на внешнетекстовом уровне — в сфере автор — читатель; на внутритекстовом уровне — в сферах повествователь — персонаж, персонаж — персонаж; на интертекстуальном — в сфере автор 1 — автор 2» [Ларин 1997: 230]. Фразеологические обороты, употребленные в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце», занимают значительное место среди используемых писателем образных средств. Как показывают данные нашего материала, в повести «Собачье сердце» М. А. Булгаков использует фразеологические единицы с различным семантическим значением.

Особо следует отметить фразеологические единицы с компонентами бог, господь, боже. По данным нашего материала, все они относятся к модальному классу и «обозначают отношение говорящего лица к высказыванию» [Шведова 2005: 21]. Одним из компонентов этого фразеологизма является звательная форма боже, которая послужила основой для формирования значений модальных фразеологизмов. Анализ нашего материала позволил разделить эти фразеологизмы на следующие семантические группы:

1. Выражение чувства тревоги: Бо-же мой (с. 193) Боже мой! (с. 211).
2. Выражение изумления, удивления: Учёное слово, а Бог его знает — что оно значит (с. 193). «Господи Иисусе, — подумал пес, — вот так фрукт!» (с. 177). Бог с вами, голубчик, — отозвался хозяин (стр. 180). О, Господи Иисусе! (с. 212) Ах, Боже мой! (с. 216).
3. Выражение недоумения: Бог их знает, чего они туда плеснули (с. 193).
4. Выражение предостережения: И, Боже вас сохрани, — не читайте до обеда советских газет! (с. 193).
5. Выражение раздражения: Иван Арнольдович, успокойте, ради Бога, пациентов в приемной! (с. 212).
6. Выражение волнения: Ради Бога, вы мне всегда сообщайте сразу о таких вещах... (с. 218) Это замечательно, клянусь Богом! (с. 222).
7. Выражение разного рода эмоций : Только, ради Бога, посмотрите, в программе котов нету? (с. 225). Бог их знает (с. 230). Ей-Богу, я, кажется, решусь! (с. 240). Ну, Зина, ты — дура, прости Господи, — начал было Филипп Филиппович (с. 225). Господи, Боже мой, как больно! (с. 177). Ну что ты, ей-Богу, — забурчал недовольный Шариков (с. 219). Боже ты мой! Этих гормонов в гипофизе, о Господи... (с. 236). Дарья Петровна, извините, ради Бога, — опомнившись, крикнул ей вслед красный Филипп Филиппович (с. 234). «От Севильи до Гренады», Боже мой (с. 239). Эти единицы придают художественному тексту определенную воздействующую силу, помогают создавать специфическую образность, выражают соответствующую мысль более емко и передают отношение, оценку. Модальные единицы с компонентами бог, господь, боже являются яркой приметой русской устной речи и отчетливо проявляют себя в системе диалогической связанности высказываний. Используя фразеологизмы модальной семантики в художественном тексте, автор получает возможность указать на разного рода эмоциональные реакции персонажей, подчеркнуть некоторые особенности речи, выразить разнообразные чувства. Удачное, меткое употребление фразеологизмов, охарактеризованное Б. А. Лариным как «артистический» способ, создает сильный эффект, который воздействует на сознание читателя,

побуждает его более эмоционально воспринять написанное, притягивает внимание к контексту, создает яркую картину [Ларин 1977: 147].

Литература

Булгаков М. А. Собачье сердце // Сатирическая проза. Ташкент, 1990. С. 175–243.

Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. М., 1977. С. 125–149.

Фокина М. А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX–XX веков. Кострома, 2007.

Шведова Н. В. Словарь фразеологизмов с компонентом «БОГ». Курган, 2005.

БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ЭКОНОМИКИ

Марабини Алессандра

*старший преподаватель, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Во многих трудах зарубежных и отечественных учёных отражается христианское воззрение на экономику, которое можно назвать библейской экономикой. Библейская экономика выступает в качестве интеллектуальной основы и катализатора для реформирования светских институтов экономического или политического характера [Пронин 2020: 83]. Экономические вопросы, затронуты в Библии, относятся к экономическому саморегулированию. Под саморегулированием понимаем поведенческую экономику, т. е. экономика направлена на психологические оценки поведения человека для объяснения экономических решений, которые человек принимает [Пронин 2020: 84].

В работе мы опираемся на широкую концепцию фразеологических единиц, согласно которой в фразеологию входят все фразеологические конструкции, от фразеологических сращений, до фразеологических единиц, сочетаний и т. д. [Солодуб, Альбрехт 2003: 186]. Во фразеологию, с точки зрения этой концепции, входят все лексически насыщенные выражения, в независимости от семантической прозрачности и от прагматических элементов. Такая многоплановая концепция действует и для библейских фразеологизмов. Библейский фразеологизм — это слово или выражение, взятое из Библии, которое представляется в виде цитат, словосочетаний, аллюзий, паремий, изречений, терминологических единиц, крылатых фраз, или отдельных слов, которые заимствованы из Библии и входят в состав различных фразеологических единиц. Материалы работы взяты из Национального корпуса русского языка, из Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов [Дубровина 2010], а также из разных сайтов экономического характера. Работа не является корпусной, но корпусы нужны для иллюстрации специфики употребления библейских фразеологизмов. Основным исследовательским методом в работе является описательный, который предполагает разработку системы комплексного анализа фразеологизмов библейского происхождения. Метод сравнительного анализа используется для выявления сходств и различий и нахождения общих способов выражения значений во фразеологизмах русского и итальянского языков. В экономическую сферу мы включаем все рабочие сферы, работника и его поведение на работе, бедность и богатство, экономическую экспансию, экономическую политику, деньги, ростовщичество. Фразеологизмами-библейскими, относящимися к рабочей сфере, могут быть: «кто не работает, да не ест», «не хлебом единым жив человек», «не судите и не судимы будете», «время собирать камни». Библейские фразеологизмы, говорящие о работнике и его поведении, — это: «essere un povero cristo», «тайная вечеря», «sbiancare un etiore». Бедность и богатство выражаются посредством фразеологизма «беден, как Иов». К экономической политике относятся такие фразеологизмы, как «козёл отпущения» и «краеугольный камень преткновения». К фразеосемантическому полю ростовщичества относится фразеологизм-библейский «Валтасаров пир. Жить Валтасаром» и, наконец, к теме денег — «золотой телец». Мы также рассматриваем фразеологизмы, содержащие специфичную терминологию, например, «налоговый рай». Это выражение относится к сфере налогов. Некоторые фразеологизмы библейского происхождения находят употребление в публицистическом стиле и встречаются в газетных изданиях и журналах, а также на политических и экономических сайтах. Поскольку библейские фразеологизмы встречаются во многих языках, мы исследуем их семантические, грамматические и лексические свойства, а также их эмоционально-экспрессивную окраску. Целью статьи является не только определить сходства и национально-специфические различия на материале русского и итальянского языков, но также изучить контексты употребления фразеологизмов. Иными словами, мы стараемся понять, применяются ли все вышеуказанные фразеологизмы в экономических текстах или только фразеологизмы одного языка принадлежат к экономической тематике. Вопрос касается, таким образом, судьбы библейских фразеологизмов в каждом языке. Анализ примеров двух языков показал преобладание фразе-

ологизмов публицистического стиля, выявленных в контекстах экономики и бизнеса. Проведённый сравнительно-сопоставительный анализ библейских фразеологизмов дал возможность определить существование некоторых расхождений по внешней форме, а также в использовании различных грамматических форм. Например, в русском языке наличествует выражение «беден, как Иов», а в итальянском подчёркивается его терпение, а не бедность («la pazienza di Giobbe»). В этом примере наблюдается различие по лексическому значению компонентов, что объясняется семантическим расхождением в переводе текста Библии, а также сложившимися языковыми традициями. Сопоставление фразеологического материала позволяет прийти к выводу о том, что библейские фразеологизмы являются культурноспецифичными и своеобразными. Экономическая картина мира каждого языка, как коммуникативное явление, является совокупностью представлений и знаний, вошедших из Библии. Мы полагаем, что наличие библеизмов в экономике приближает экономическую систему к религиозной, материальный мир к духовному. Вследствие этого человек в своей экономической, рабочей жизни всегда оставляет место для религии.

Литература

Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М., 2010.

Пронин П. И. Библейская экономика: возможное определение и логическое обоснование // Теологический Вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2000. С. 82–88.

Солодуб Ю. П., Альбрехт, Ф. Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект): учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков. М., 2003.

Экономические заповеди в Библии. URL: <http://www.allbest.ru/>

ДИНАМИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА ИЛИ ОШИБКА? (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ БИБЛЕИЗМОВ)

Николаева Елена Каировна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Фразеологические библеизмы в отличие от безымянных фразеологизмов (далее — ФЕ) имеют конкретный источник, который в последние десятилетия опять занял подобающее ему место в культуре и душе русского человека. А потому к этим единицам часто предъявляют особые требования, апеллируя к тексту Библии, несмотря на то что исследователи фразеологии доказали, что сакральность источника не является препятствием для трансформаций этих единиц, они даже имеют более широкий набор трансформаций благодаря тому, что «достаточно прозрачны по внутренней форме и воспринимаются (благодаря эффекту цитатности) как формально законченные блоки» [Мокиенко 1996: 150]. Однако иногда отклонения от зафиксированной в источнике формы или нарушения внутренней формы ФЕ рассматриваются с позиций норм как ошибка. Хотя понятие ошибки во фразеологии весьма расплывчато, чаще всего ее определяют как непреднамеренную или неосознанную инновацию, которая ничему не служит, не обогащает и не оттеняет содержания высказывания, а чаще искажает его. Но отличить преднамеренную инновацию от непреднамеренной не всегда представляется возможным. Такие факторы, как незнание структуры, значения и сочетаемости данного фразеологизма, или причины, касающиеся акта речи, сопутствующих обстоятельств высказывания и даже психологического состояния говорящего, вряд ли всегда поддаются проверке, и потому выводы, сделанные на основе этих факторов часто носят субъективный характер. Так, например, выражение внести свою лепту, возникшее на основе евангельской притчи о бедной вдове, где лепта — мелкая медная монета в древней Иудее и Греции. Исходя из значения этого компонента использование в этом выражении прилагательных типа весомая, большая, огромная и т. п. считается ошибкой: Если рассуждать вдумчиво, то опосредованным образом бильярд, без всякого сомнения, вносил немалую лепту в социалистическое строительство, да что там — был его необходимым условием [Г. Яхина. Дети мои (2018)]; А рядовой потребитель на Западе только балдеет от российских контрасанкций на хавчик, которые хоть и в незначительной степени, но внесли слабую лепту в падение цен на продукты питания [«В мире дешевет все — от еды до бытового газа». Комментарии к статье (09.2015)].

Однако, с точки зрения фразеологов, трансформация здесь вполне осознанная и преднамеренная — повышение экспрессивности оборота, уточнение его значения — кроме того, происходит обычный для фразеологии процесс: компонент ФЕ утрачивает свое буквальное значение, что способствует большей фразеологизации единицы. Общее значение оборота влияет на значение устаревшего компонента лепта, который начинает восприниматься современниками как вклад. Что вполне подразумевает сочетаемость с различными прилагательными: В новом тысячелетии дополнительную важную лепту в поиск таких объектов, безусловно, внесли и космические телескопы, оснащенные детекторами инфракрасного излучения [Т. Оганесян. На Luhman 16В облачно с прояснениями // «Эксперт», 2014]; Определенную лепту внес цветной и яркий еженедельник «Америка» [Н. Б. Лебина. Мужчина и женщина. Тело, мода, культура. СССР — оттепель (2014)]. Аналогичный процесс наблюдается довольно часто в диалектах, особенно при описании литературных фразеологизмов, например, сбить с панталыку. Непонятное слово панталык, над разгадкой которого не один десяток лет бьются фразеологи, в СРНГ в некоторых говорах объясняется очень просто 'толк, смысл'. Значение оборота 'сбить с толку кого-л.' переносится на значение непонятого компонента. В НКРЯ из 620 контекстов употребления этого фразеологизма почти 30 % употребляются с различными прилагательными: последнюю, душевную, месячную, скудную, мирскую, умственную, сильную, особенную, малую, большую, немалую, здоровую, крупную, ценную, обильную, определенную и даже отрицательную: Мне — пляши, а он лежит себе в кровати полеживает да посапывает, понапрасну пыхая жаром растратным, внося отрицательную лепту в мировую энергетику, даже в ладоши никогда одо-

брительно не хлопнет при особенно ловком моем коленце) [Валерий Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2009]. В докладе предполагается также рассмотреть функционирование выражения власти предержавшие в современном русском языке.

Представляется, что рассмотренные библеизмы, также как и другие ФЕ, восходящие к общему, сакральному источнику — Библии, подчиняются тем же законам функционирования и развития, что и фразеологизмы другого происхождения. Язык, ассимилируя то или иное выражение, влияет на него, что приводит к созданию вариантов, эволюции формы и семантики, при этом сакральность источника не является препятствием для различных преобразований этих единиц. «Большинство библейских фразеологизмов не остаются застывшими образованиями, а со временем приобретают все новые варианты, являющиеся средством развития языка» [Федуленкова 2020: 83].

Литература

Мокиенко В. М. Фразеологические библеизмы в современном тексте // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов: к 80-летию Русской/Северо-Западной Библейской Комиссии (1915–1995). СПб., 1995. С. 143–158.

Федуленкова Т. Н. Развитие вариантности фразеологии библейской этимологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6, № 2. С. 83–96.

БИБЛЕЙСКИЕ ОБРАЗЫ В РУССКИХ ЗАГАДКАХ

Орлова Ольга Сергеевна

младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН

Загадка — словесное образное выражение, данное в виде вопроса или утверждения, которое содержит иносказательное описание предмета или явления. Загадки создавались для хранения и передачи сакрального знания из поколения в поколение. Традиционные загадки отражают народное мировидение, современные загадки передают особенности современной ментальности. Загадки являются культурно-языковыми знаками с насыщенной коннотацией. Загадки русского народа кодируют «денотаты библейских реалий», а библейские образы часто используются в загадках о самых разных объектах материальной действительности и различных явлениях, событиях, действиях, что указывает на древнейшую связь загадок с сакральными для человека сферами. Декодирование загадок обусловлено как опытом, умением обобщать эмпирические наблюдения, способностью к их быстрому генерированию (сообразительность, смекалка), так и знанием культуры. Загадка «прочитывается» в контексте культуры, в которой бытует; разгадывается с опорой на знания этой культуры. Но и, анализируя народные загадки, возможно «вытащить на поверхность» культурно-значимую информацию об объекте загадывания. На примере загадок, в семантику которых вплетены библейские образы, в докладе рассматривается, как культурно-значимая информация воплощается в загадках русского народа; описываются библейские образы в рассмотренных загадочных текстах. Материалом исследования послужили загадки, вошедшие в сборники загадок русского народа В. В. Митрофановой [Митрофанова 1968], М. А. Рыбниковой [Рыбникова 1932], Д. Н. Садовникова [Садовников 1876].

Литература

Митрофанова В. В. Загадки. Л., 1968.

Рыбникова М. А. Загадки. М.; Л., 1932.

Садовников Д. Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб., 1876.

К ВОПРОСУ О СООТВЕТСТВИИ БИБЛЕИЗМОВ РУССКОГО И НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКОВ

Павлова Людмила Панасовна

преподаватель, Курсы иностранных языков при Профкоме Дипломатической Академии, Москва

Библеизмы различных языков христианских стран Европы имеют единый источник возникновения, который оказал огромное влияние на формирование и развитие европейской цивилизации, имеющей две формы своего выражения (восточная и западная). Как указывает И. Б. Братусь, «без Библии невозможно представить себе европейскую культуру вообще и нидерландскую — в частности» [Братусь 2002: 25]. Библеизмы составляют значительную часть фразеологического фонда любого из европейских языков. Они глубоко вошли в лексический состав и активно используются в настоящее время как в письменной, так и в устной речи. Частотность их употребления настолько велика, что в определенных ситуациях говорящие даже не соотносят их с библейским текстом. Например, русский фразеологизм носить кого-то на руках (Псалом ХС:12), которому в нидерландском языке соответствует полный эквивалент *iemand op de handen dragen*. При сопоставительном анализе библеизмов русского и нидерландского языков уже были отмечены определенные соответствия или несовпадения [Павлова 2013]. В указанных языках существует большое количество полных межъязыковых эквивалентов: *een verboden vrucht* — запретный плод, *zijn dagen zijn geteld* — его дни сочтены и многие другие. Вместе с тем при сопоставлении библеизмов в нидерландском и русском языках, были отмечены их определенные отличия. Выделена большая группа фразеологизмов, несовпадения в которых выражаются в лексических различиях компонентного состава или в особых грамматических формах, соответствующих нормам данного языка. Например, нидерландскому библеизму *hij is het zwarte schaap* (букв. он черная овца), в русском языке соответствует фразеологизм паршивая овца. Нидерландский библеизм *met twee maten meten* (букв. измерять двумя мерками) в русском языке следует сопоставить с фразеологизмом двойные стандарты, который в настоящее время часто используется в политическом дискурсе. Грамматические различия в библеизмах сопоставляемых языков могут проявляться, например, в употреблении разных форм грамматической категории числа у имен существительных. Это можно продемонстрировать на примере фразеологической пары эквивалентных по своему значению библеизмов *naar iemands rijpen dansen* = танцевать под чью-то дудку, в которой имя существительное дудка употребляется в нидерландском языке в форме множественного числа. Несовпадения в сопоставляемых группах находят свое выражение и в их количественной характеристике. В каждом языке могут существовать определенные лакуны в лексическом фонде, что также характерно и для его фразеологической части. [Дубровина 2010: 131]. В разных языках могут использовать различные устойчивые выражения, взятые из единого источника, в данном случае, библейского текста. Изречения из Библии, встречающиеся в одном языке, могут отсутствовать во фразеологическом фонде другого. Присутствуя в библейском тексте, они не получили широкого распространения в речи, не стали фразеологизмами. Наибольший интерес для данного исследования представляют те библеизмы нидерландского языка, которые не имеют своего библейского фразеологического эквивалента в русском языке. К этой группе следует отнести такие устойчивые словосочетания, зафиксированные в нидерландских фразеологических словарях, как *van gisteren zijn* (букв. быть вчерашним днем = мы вчерашние, Книга Иова 8:9), *hinken op twee gedachten* (букв. ковылять на двух мыслях, Первая книга Царств 18:21), *dood in de pot* (букв. смерть в горшке, Вторая книга Царств 4,1-7) и другие [Laan K. Ter 2006]. Они активно используются в нидерландских текстах различной тематики. Например, библеизм *dood in de pot* был зафиксирован в текстах политического и спортивного дискурса для обозначения неудовлетворительного результата выполняемой работы. Библеизмы последней группы, наряду с другими библейскими выражениями, часто можно встретить в нидерландских СМИ, особенно в заголовках статей. Так как они обладают определенной эмоциональной коннотацией, они не должны восприниматься как нейтральные устойчивые словосочетания и это должно быть учтено при их пере-

воде на русский язык. Например, нидерландский библеизм *de lier aan de wilgen hangen* (Псалом 136) (букв. вешать лиру на ивы), имеющий значение 'перестать петь', был использован в тексте об актере, который закончил играть в театре. Решением указанной выше проблемы понимания библеизмов, не имеющих фразеологических эквивалентов в другом языке, может быть включение библеизмов этой группы в нидерландско-русский фразеологический словарь, с подробным объяснением их внутренней формы. Одним из приемов подобного объяснения может стать использование рисунков, которые наглядно будут демонстрировать эту внутреннюю форму.

Литература

Братусь И. Б. Библия в истории нидерландского языка. СПб., 2002.

Дубровина К. Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М., 2012.

Павлова Л. П. Библеизмы в нидерландском языке // Славянская фразеология и Библия. Коллективная монография. Грайфсвальд, СПб., 2013.

Laan K. Ter. Nederlandse spreekwoorden, spreken en zegswijzen. Utrecht, 2006.

МАННА НЕБЕСНАЯ: ЕДА, ЛОЖЬ, МЕЧТА?

MANNA FROM HEAVEN: FOOD, A LIE, A DREAM?

Селиверстова Елена Ивановна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Фразеологические единицы (ФЕ) библейского происхождения, связанные с легендой о манне — пище, посылаемой Господом иудеям на пути из Египта в Землю обетованную, являются примером того, как, с одной стороны, на протяжении долгого времени значения оборотов сохраняются, а с другой — наблюдается расширение смыслового диапазона в использовании библейского символа. Материалы Национального корпуса русского языка позволяют судить о том, насколько богатым и разнообразным является спектр добавочных смыслов, каковыми обрастает выражение манна небесная в речи наших современников. Остановимся сначала на лексикографически зафиксированных оттенках значений. Немалую часть составляют примеры использования оборота ждать как манны небесной/ манну небесную в значении, отмеченном словарями — ‘очень сильно, с большим нетерпением ждать’. Без этого Запад не выделит обещанные 40 млрд. долларов кредитов и не пришлет первый мартовский транш, который на Украине ждут как манну небесную: без этой помощи экономике страны грозит коллапс [П. Шеремет. Дожить до транша // «Огонек», 2015]. В контекстах нередко подчеркивается и причина столь страстного ожидания — речь идет о ‘жизненно важных вещах’, ‘ситуации крайней необходимости’: Правда очередников состояла в том, что они пахали на санаторий десять лет почти бесплатно. За жилье. Люди ждали эти квартиры как манну небесную и даже больше. Манной можно только утолить голод, а в доме — жить до конца дней [В. Токарева. Своя правда // «Новый мир», 2002]. Этот семантический вектор развивается и в сочетании с глаголом мечтать: У меня тоже раскалывается череп, — сказал он, — мечтаю о семи часах сна как о манне небесной [Ю. Семенов. Семнадцать мгновений весны]. Хотя обещанная в библейском тексте манна с небес стала реальностью, сегодня она ассоциируется с недостижимостью, напрасными надеждами, фантазиями: Это вообще у русских и славян очень распространено: мечтать о манне небесной, то есть о чем-то, чего никогда нельзя обрести! [Н. Медведева. Любовь с алкоголем]. С манной небесной связывают сейчас и неоправданные обещания и ложь (ср.: наврать с три короба, семь верст до небес — и все лесом и др.), служащие нередко способом заполучить доверчивого клиента: [Жулики] легко входят в контакт, быстро и много говорят, обещают манну небесную и все блага цивилизации [Ю. Назарова, А. Семенова. Подпорченные деньги // «Вечерняя Москва», 15.09.2005]. Устойчивая сочетаемость с глаголом обещать свидетельствует о появлении нового оборота: Честность проявляется прежде всего в том, чтобы не давать ложных обещаний клиенту. Этим «болеют» многие представители нашей профессии — в надежде получить клиента они обещают манну небесную. Но, как правило, очень скоро у клиента наступает разочарование... [https://kartaslov.ru/книги/ Алексей_Мишин_Коучинг_Основы_технологии_для_новичков].

Из не отмеченного словарями, следует также упомянуть оттенок значения ‘доставшееся без труда, даром’, — не случайно здесь часты сочетания с глаголом свалилась, — но при этом исключительно полезное: Власть должна взять разрешение этих проблем на себя. Иначе, если даже на регион свалится манна небесная в виде миллиардов рублей, кашу сварить будет некому. База — цемент, металл, лес, трубы, кирпич и, главное, люди. Их просто нет уже и сегодня [«Пермский строитель», 11.05.2004]. Но если библейскую манну отличала некоторая «регулярность» появления, то сейчас чаще акцентируется однократность «просыпанного блага»: Понесли они с Катериной записывать новорожденного Ванька, а ей [Глафире Петровне] тут же предложили работу, правильнее будет сказать, просыпали на нее манну небесную [В. Михальский. Для радости нужны двое]. Достаточно часто подчеркивается в ФЕ с образом манны семантика неожиданности: Все, что со мной происходит, сваливаясь то как снег на голову, то как манна небесная, вызывается моими желаниями [И. Сахновский. Заговор ангелов]. Ценностный аспект в восприятии манны небесной проявляется и в возможности причислить к ее проявлениям

награды, благодарности, поощрение заслуг и, вероятно, славу: Я думаю, что ты должен делать то, что ты можешь, работать на максимуме и не думать ни о каких благодарностях и манне небесной, которая когда-нибудь на тебя упадет [В. Суриков, А. Меликян. Последний киноромантик // «Эксперт», 2014]. Используется эта ФЕ и с отрицанием и акцентом на компоненте небесная — для указания на неизвестный источник поступления чего-л., т. е. 'не иначе, как с неба': У них и в мыслях не было, что старик приобретает оружие. И все же не с воздуха все это, не манна небесная [А. Рыбаков. Тяжелый песок].

Наконец, «множественность», ассоциируемая с этим библейским символом, способствует развитию количественной семантики. Сближение с Западом, которое олицетворяет Кудрин, умиротворит обстановку в стране, многие знакомые Аркадия усилят позиции. Из глубин сознания вынырнуло слово, объявившее всю совокупность радостей, которые, словно манна небесная, свалятся на него в случае примирения с Западом [А. Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019]. Здесь, помимо оттенка 'много', выявляются и такие доли смысла, как 'разом', 'неожиданно', 'отрадная', 'желанная' и др. Как манна небесная спасла иудеев от голода, так и сейчас с нею ассоциируются меры, призванные улучшить, спасти сложившуюся ситуацию: Резкая девальвация привела к замораживанию тарифов российских монополий. Для большинства сфер экономики это стало манной небесной, позволило быстро наладить импортозамещение. [Нильс Иогансен. Эффект обвала рубля в разных сферах экономики // «Известия», 16.08.2001]. Таким образом, мы видим, что устойчивость образа манны небесной способствует формированию новых ФЕ и расширению спектра семантических приращений, порождаемых активным употреблением оборотов нашими современниками.

УСТОЙЧИВЫЕ СВЕРХСЛОВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В «СЛОВАРЕ РЕДКОЙ ЛЕКСИКИ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ»

Степихов Антон Анатольевич

*старший научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена*

Генералова Елена Владимировна

научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Устойчивые сверхсловные комплексы, встречающиеся в русской классической литературе, привлекают внимание как лингвистов, рассматривающих эти единицы в аспекте генезиса лексической системы русского языка и формирования индивидуального стиля писателя (см., напр., [Воробьев 1965; Архангельская 2005] и др.), так и преподавателей русского языка — в методологическом и лингводидактическом аспектах (напр., [Ковалева 2021]). Понимание смысла устойчивых сочетаний важно не только для понимания текста, но и для формирования представлений о культуре и менталитете народа, его ценностях, обычаях, мировоззрении и др. При этом значительная часть сверхсловных комплексов включает в себя низкочастотные слова, препятствующие уяснению смысла устойчивых сочетаний (другой коленкор, сермяжная броня, черная немочь и др.). Объяснение значения устойчивых сверхсловных комплексов является одной из актуальных задач учебной лексикографии. В существующих учебных словарях редкой лексики, однако, толкованию таких единиц не всегда уделяется достаточное внимание. Полная и семантически исчерпывающая лексикографическая интерпретация устойчивых сочетаний — одна из задач создаваемого нами «Словаря редкой лексики по произведениям школьной программы» (далее — Словарь). Основная цель Словаря — объяснение современному читателю — прежде всего школьнику и студенту-филологу — значения широкого пласта редкой и трудной для понимания лексики. Важной особенностью Словаря является полное и подробное представление фразеологии. В нем описываются и обороты с редкими и вызывающими затруднение словами (так, в статье ШЛЫК помещена поговорка По Сеньке шлык, да по нем и шит ‘каждый получает то, что он заслуживает’), и устойчивые сочетания, состоящие из слов активного запаса, но устаревшие по значению (желтенький билет (билетик) ‘неофициальное, обиходное название кредитного билета (купюры) номиналом один рубль’). Авторы придерживаются «широкого» понимания предмета фразеологии, и лексикографическую интерпретацию получает не только идиоматика (дать (скроить) треуха ‘сильно ударить кого-л. по лицу, голове’), но и фразеологические сочетания (чухонское масло ‘сливочное (не топленое) масло; первоначально изготавливалось финнами (чухонцами)’), составные термины (банковский ломбард ‘в XIX веке: совокупность всех заложенных в банк ценных бумаг, которые он может перезакладывать для увеличения своих оборотных средств’), перифразы (адамант веры ‘о рьяном защитнике православия, оплоте, опоре, твердыне христианства’), устойчивые сравнения (как (словно, будто) аршин проглотил ‘о том, кто держится неестественно прямо’), поговорки (Лучше на гривну убытку, чем на алтын стыда (посл.) ‘о том, что лучше понести большие финансовые потери, чем запятнать доброе имя’), поговорки (Не веретеном в бок (погов.) ‘о том, что можно что-л. перетерпеть’), устойчивые предложно-падежные сочетания (под сурдинку ‘тихо, незаметно, так, чтобы не обратить на себя внимания’), прецедентные (в данном случае — значимые для понимания произведения) собственные наименования (Седьмая верста ‘психиатрическая больница (по расположению на седьмой версте от южной границы Санкт-Петербурга — с 1835 г. ею был Обводный канал — психиатрического отделения Обуховской больницы, или Больницы Всех Скорбящих Радости’)). Разные типы устойчивых сочетаний маркируются разными знаками и лексикографическими пометами. Фразеологизмам дается довольно подробное толкование, подчас сочетающее лингвистические и энциклопедические элементы, в ряде случаев культурологический комментарий. Особо отмечаются библеизмы, например: терние и волчцы

(волчец) ‘бесплезная, вредная, негодная растительность (выражение из Библии: при изгнании Адама и Евы из рая на землю Бог предрекает Адаму, что эта земля произрастит только тернии и волчцы)’.

Большое внимание уделяется вариативности фразеологизмов (варианты указываются в скобках). В Словаре приводятся лексические (бить (ударять) себя в перси ‘бурно выражать отчаяние, сожаление, заверение в чём-л. и т. п.’), морфологические (на аркане (арканом) не при-тянешь ‘невозможно заставить кого-л. делать что-л., общаться с кем-л.’), синтаксические (сидеть барином (как барин) ‘не участвовать в общей работе, бездельничать’), графические (секрет полишинеля (Полишинеля) ‘секрет, который давно всем известен, мнимая тайна; известная информация’) варианты. Для характеристики функционирования устойчивых оборотов в языке своего времени (и в художественном произведении) используются различные стилистические пометы, например: ссланивать (ездить, давать, мазать) по сусалам — Разг. сниж. ‘бить по лицу’. Таким образом, подробное представление устойчивых словесных комплексов в учебном словаре важно и для адекватного понимания произведений русской классической литературы, в которых данные обороты встречаются, и в связи с тем, что лингвистами справедливо «фра-зеологический состав рассматривается как один из надежных резервуаров, в которых происходит консервация элементов старого качества языка» [Попов 2010: 54]. Представление широкого спектра устойчивых сверхсловных комплексов в Словаре помогает лучше воспринять художе-ственный текст, актуализирует в сознании читателя редкую лексику и повышает эффектив-ность обучения.

Литература

- Архангельская Ю. В.* Фразеология в языке Л. Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тула. 2005. 204 с.
- Воробьев В. П.* Фразеология художественной прозы А. С. Пушкина // Исследования по лексике и фра-зеологии русского языка и методике их изучения. Ученые записки. Т. 43. Саратов, 1965. С. 111–192.
- Ковалева А. В.* Изучение фразеологических единиц русского языка школьниками-киргизами в ус-ловиях контекста художественного произведения русской литературы (на материале пьесы А. Н. Островского «Гроза») // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2021. 1(213). С. 122–131.
- Попов Р. Н.* Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. Методы исследования фразеологического состава языка. Орел, 2010.

ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ — БИБЛЕЙСКИЙ ОБРАЗ В СВЕТЕ СЕГОДНЯШНЕЙ РЕАЛЬНОСТИ

Федорова Людмила Львовна

доцент, Российский государственный гуманитарный университет

Выражение «тьма египетская» восходит к библейскому образу стихийного бедствия — к одной из десяти «казней египетских», когда полная тьма воцарилась на три дня на земле Египетской. Библейский сюжет связан с историей исхода евреев из Египта и теми карами, которые постигли египтян, препятствовавших Моисею увести свой народ к земле обетованной. Этот образ не сразу приобрел устойчивую языковую формулу. В текстах НКРЯ встречается также «египетская тьма» (24 примера) — именно в этом варианте выражение приводится в «Крылатых словах» у Ашукиных [Ашукины 1960: 195–196]. Такое порядком, по-видимому, более ранний, он отмечается еще у Феофана Прокоповича, а также у Гоголя, Салтыкова-Щедрина и др. Однако со временем утвердился более привычный вариант «тьма египетская» (100 примеров в НКРЯ, по основному, газетному и поэтическому корпусам на 16.01.23). Такие перемены вполне объяснимы: библейские переводы не содержат точного эквивалента («и была густая тьма по всей земле Египетской три дня» (по книге Исход 10:22–23), а инверсивный порядок слов представляется более архаизированным. Выражение «тьма египетская» приводится в современных словарях в статье «египетский» в ряду «казнь египетская», «египетский труд, египетская работа», но в словаре Ушакова весь ряд приводится с пометой «разговорное», в то время как словарь Шведовой для всех дает помету «устарелое». Однако анализ употреблений по НКРЯ показывает, что в XXI в. наблюдается скорее рост употреблений этого выражения (31 пример из 100 по основному и газетному корпусам). Словарные описания дают определения «сильная непроглядная темнота» (Ушаков), «непроглядная тьма» (Шведова 2007), «о непроглядной тьме» (БТС 2014), отсылая в скобках к библейской легенде. Часть контекстов напрямую обсуждает мифическое явление в библейском или даже научно-популярном аспекте. Однако в разговорном употреблении выражение обычно представляет образную интенсификацию признака темноты, который может описываться также выражениями тьма крошечная, тьма непроглядная и ассоциируется с границами видимого мира, с концом света или даже просто с темнотой южных ночей (когда темно, хоть глаз выколи). (1) Легкие сумерки внезапно превратились в тьму египетскую, а до Екатеринбурга еще пилить и пилить. (Александр Куликов. На авто добрались фаны от Невы до океана // Комсомольская правда, 2006.10). На базе значения тьма 'множество' возникает и контаминация выражений тьма-тьмущая и тьма египетская, интенсифицирующая признак множественности с негативной коннотацией: (2) А если какие-то деньги зарисовываются, то у нас более насущных проблем — тьма египетская! (Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)). Но контекст выражения может сохранять отсылку к глубоким библейским смыслам — бедствия, кары, наказания, а само выражение также развивает переносное значение — невежества и тупости, посланных в наказание. Перенос является вполне закономерным, повторяющим семантический переход для лексемы темнота — от физической сферы к психической и социальной. Именно этот круг значений, наряду с прямой интенсификацией физического смысла, обыгрывается М. Булгаковым в рассказе «Тьма египетская» (1925), включенном в «Записки юного врача» (метельная ночь, непроглядная темнота, глушь, отсутствие цивилизации, беспробудное невежество). Подобные значения сохраняются и в современных текстах: (3) Мы родом из страны, где та самая тьма египетская все гуще клубится даже в умах, которые еще недавно казались просвещенными. (Ирина Васюченко. Хромые на склоне // «Ковчег», 2014). (4) ...пока не придет сантехник и не разберется, что там моя внучка, это сплошное недоразумение, эта тьма египетская сотворила. (Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (сборник) (2012)). Таким образом, в русской фразеологии это образное выражение достаточно известно. Однако в других восточнославянских языках его судьба различна. Так, в белорусском фразеологическом словаре отсутствует цемра егіпецкая («тьма египетская»), но отмечено лишь выражение «егіпецкая кара 'нязносна цяжкае становішча, бяда, бядота'»,

с двумя цитатами из послевоенных повести и пьесы [Лепешаў 1993, I, 492]. В украинском фразеологическом словаре есть єгїпетська тьма в значении физическом: «єгїпетська тьма: ‘абсолютна відсутність світла; повна темрява’» с примером из Леси Українки: (5) Такий туманний час тепер для Ялти невігідний, світла на вулицях нема, а як скінчаться місячні ночі, то вже буде зовсім тьма єгїпетська (Леся Українка, цит. по [Винник 2003: 728]). Пилотный опрос среди носителей украинского языка не показывает актуализацию этого выражения, оно остается скорее периферийным образом, известным из русского языка. Как реакция на него возникают противоположные ассоциации о свете душ / сердец, которые согревают в темные времена.

Литература

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1960. С. 195–196; 1-е изд. 1955.

БТС — Большой толковый словарь современного русского языка (ред. С. А. Кузнецов). СПб., 2014.

Винник В. О. (ред.). Словник фразеологізмів української мови. Київ, 2003.

Лепешаў І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. Каля 6 тысяч фразеалагізмаў. У 2 т. Мн.: БелЭн, 1993. Мн.: БелЭн, 22008, выпраўленае і дапоўненае. Каля 7000 фразеалагізмаў. Т. 1: А — Л. 672 с.; Т. 2: М — Я. 968 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: поиск (ruscorpora.ru) Дата обращения 16.01.2023.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. В 4 т. М., 1935–1940.

Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.

БИБЛЕИЗМЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С САКРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Шкуран Оксана Владимировна

*доцент, Луганский государственный педагогический университет;
Российский университет дружбы народов*

Между православием и русским языком всегда существовала сложная взаимосвязь, поскольку через религиозные тексты язык наполнялся важными смыслами, формируя систему культурных ценностей и стереотипов. Сегодня Библию можно считать культурным наследием всего христианского мира, творческий неиссякаемый потенциал которой вдохновляет на чтение и исследование библейских сюжетов и крылатых выражений. По мнению Е. М. Верещагина, Библия занимает выдающееся, уникальное место и сравниться с ней не может ни одна книга. О влиянии библейских текстов на культуру многих народов пишут З. Косидовский, М. Фрезер, А. Емельянова, А. Григорьев, Я. Пеликан и др., иллюстрирующие цитирование с разной коннотацией, что меняет и внутреннее, и внешнее содержание библейских выражений. Библейзмы — языковые устойчивые единицы, сохраняющие в сознании людей христианскую мысль, образы и символы. Библейские крылатые выражения представляют собой значительный массив в современных литературных языках. Обладая способностью функционировать наряду с другими языковыми единицами, они являются носителями сакральной информации, которая может быть расшифрована в любой момент при обращении языкового сообщества к Писанию и интерпретироваться в профанизованном дискурсе. Крылатое выражение *сильные духом* не встречается ни в Священном Писании, ни у святых отцов. Библейский язык образный, поэтический, но при этом очень точный. Понятия и выражения самым определенным образом характеризуют духовные реалии. Господь говорит сынам Израилевым: «Будьте тверды и мужественны, не бойтесь, и не страшитесь их, ибо Господь Бог твой Сам пойдет с тобою [и] не отступит от тебя и не оставит тебя» [Библия, с. 6]. Бог повелевает приемнику Моисея Иисусу Навину: «Будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь Бог твой везде, куда ни пойдешь» (с. 9). Мужество означает внутреннюю крепость (в противоположность безволию, растерянности) и умение действовать уверенно в трудных обстоятельствах. У библейских праведников, а позже у христиан мужество всегда имело и имеет в своей основе глубокую и сильную веру: «Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффае, о Давиде, Самуиле и (других) пророках, которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих» (с. 32–34). Понятием мужество пользовались святые отцы-аскеты: «Посему, возлюбленные, совлекшись всякого предубеждения, нерадения и обленения, как чада Божии, постараемся соделаться мужественными и готовыми идти во след Его...» (с. 3). В новозаветных текстах к понятию мужество близкими по смыслу являются «смелость» («И ныне, Господи, воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое» (с. 29), «отвага» (с. 11; 17), «дерзновение»: «Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме» (с. 11). Малодушие есть отсутствие мужества и решительности. Понятие это встречается в библейских текстах: «И стал малодушествовать народ на пути» (с. 21); «Умоляем также вас, братия, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем» (с. 514). Малодушен тот, кто теряет твердость духа и унывает во время гонений, скорбей, болезней, испытаний. В библейском понимании малодушие, прежде всего, есть проявление неверия или маловерия. «Трусливой и робкой делает душу отсутствие просвещения» (с. 74). Словом просвещение святитель Иоанн называет озаряющую силу Божественной истины. Совершенные в вере христиане не боялись ни жестокости гонителей, ни коварства и злобы демонов. «Шел однажды авва Макарий из скита в Теренуф, и на пути зашел в капище отдохнуть. В капище находились древние языческие мумии. Старец взял одну из них и положил себе под голову, как подушку. Демоны, видя

такую смелость его, позавидовали и, желая утратить его, кликали будто женщину, называя ее по имени: «Такая-то, иди с нами в баню!» А другой демон из-под Макария, как будто мертвец, отвечал им: «На мне лежит странник, я не могу идти». Но старец не утратился, а смело ударил труп и сказал: «Встань, если можешь, ступай во тьму!» Демоны громко закричали: «Победил ты нас!» И со стыдом убежали» (с. 145). Таким образом, крылатое выражение «сильные духом» репрезентирует такие значения: 'верность Богу', выражающаяся в твердости веры, преодолении всяческих физических и духовных трудностей. СМИ иллюстрируют следующую интерпретацию данной ЯЕ: журнал ForbesWomen имеет собственные представительства на территории христианских государств. Для статусности сильных духом необходимо быть успешными в карьере, обладать упорством, твердым характером и разумным оптимизмом, напр.:

- 1) не тратить время на жалость к себе;
- 2) не пользоваться властью;
- 3) не бояться перемен;
- 4) не тратить энергию на то, что не в состоянии контролировать;
- 5) не беспокоиться о том, чтобы всем понравиться;
- 6) не бояться разумного риска;
- 7) не жалеть о прошлом и т. д.

Таким образом, идет полное искажение семантики крылатого выражения сильные духом. И если этимология устойчивого сочетания определяет большую веру в Богочеловека и перенесение всяческих страданий ради любви, то современные интернет-контенты манифестируют привязанность к земным благам, желание к доминированию в социуме. Хотя правила демонстрируют мелиоративное коннотативное значение, но имеющее обратное направленный вектор духовного состояния.

СИМВОЛ БИБЛЕЙСКОГО ЛАЗАРЯ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Щербачук Лидия Федоровна

доцент, Институт филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Библия является одним из основных культуросозидающих текстов в истории европейской и мировой цивилизации. Интерес к Библии как источнику образования фразеологических единиц сохраняется в отечественном языкознании на протяжении многих лет, так как «при наличии обширной научной и справочной литературы, отражающей результаты разноаспектных исторических и дескриптивных исследований библейских выражений в европейских языках, еще недостаточно изучены многие аспекты функционирования такого рода устойчивых выражений и их связь с первоисточником в русском языке...» [Иванов 2022: 3]. Фразеологические библеизмы представляют особый интерес благодаря их определенной специфике: «с одной стороны, они обладают всеми свойствами фразеологизмов, а с другой, — представляют собой определённую языковую микросистему на базе генетического источника — Библии» [Щербачук 2020: 431]. Но, несмотря на многочисленные исследования, предпринятые в этом направлении, до настоящего времени до конца не сформирован терминологический аппарат, в том числе отсутствует четкое понятие фразеологического библеизма. По нашему мнению, фразеологическими библеизмами следует считать фразеологические единицы, которые связаны с текстом Библии непосредственно, через словесную форму или ассоциативно, через образ либо сюжет. Библейская фразеология находит свое отражение как во фразеологических словарях общего типа (А. Н. Булыко, А. В. Жуков, В. М. Мокиенко, А. И. Молотков, А. И. Федоров и др.), так и в специализированных словарях-справочниках библейских фразеологизмов (К. Н. Дубровина, В. П. Вихлянцев, Л. Г. Качедыков, С. Г. Шулежкова и др.). Наиболее информативным источником библейской фразеологии на сегодняшний день является «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» [Дубровина 2010]. В словаре дается не только толкование библейских фразеологизмов, но и каждое выражение сопровождается краткой лингвокультурологической справкой и комментариями автора. Безусловно, в современном русском языке многие библейские имена стали нарицательными. Имя собственное, принадлежащее персонажу Библии, является символом определенных качеств человека или маркером минувших событий. «Христианские ценности лежат в основе формирования картины мира и менталитета русского человека, они отразились на всех сферах нашего общества и человеческой деятельности: науке, искусстве, педагогике, практической медицине, литературе, политике, повседневной жизни» [Ломакина 2020: 231]. Так, имя Лазарь в христианской традиции является символом земных страданий, горькой судьбы и бедности. Ср., например, фразеологизм беден как Лазарь или бедный Лазарь — «о крайне бедном, нищем, жалком и больном человеке» [Дубровина 2010: 35]. Компонент-антропоним Лазарь входит в состав и таких фразеологических библеизмов, как петь Лазаря, воскресение Лазаря, бедный как Лазарь, пир Лазаря, прикидываться / прикинуться (притворяться / притвориться) Лазарем и др. Лазарь — персонаж библейской притчи о богаче и нищем. Жизнь богача была праздна и беззаботна, в то время как жизнь нищего (Лазаря) была наполнена страданиями, мукой и бесконечной нуждой. «Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напиться крошками, падающими со стола богача; и псы приходя лизали струпья его» [Дубровина 2010: 36]. Следует отметить, что «к имени Лазаря восходит и слово лазарет — небольшое лечебное учреждение при войсковой части, временная подвижная маленькая больница в отличие от госпиталя» [Дубровина 2010: 36]. Интернет-дискурс на сегодня по праву можно назвать самым динамичным, активным, постоянно меняющимся типом дискурса. Живым, ярким, воздействующим на эмоциональное состояние и восприятие информации читателем этот тип дискурса делают образные выражения — библейские фразеологизмы. Текст становится не просто информативным, но и запоминающимся, вызывающим различные эмоции и ассоциации. В публи-

цистике фразеологические библеизмы подвергаются различным трансформациям, расширяя границы авторской мысли. Так, остановимся на одном примере. Нами зафиксирована семантическая трансформация — двойственная актуализация библейского фразеологизма *петь Лазаря* 'проводить свою политику, подчинять своей идее кого-либо': «Естественно, Никита Сергеевич показал Лазарю Моисеевичу «кузькину мать» и отправил его «петь Лазаря» в город Асбест». В сообщении речь идет о Лазаре Моисеевиче Кагановиче, который представлял опасность для Никиты Сергеевича Хрущева — нового политического лидера и поэтому был отправлен из центра в глубокую Сибирь, в город Асбест Свердловской обл. Как видим, ассоциативно выражение *петь Лазаря* соотносится и с фразеологизмом, и с реальным именем Лазаря Кагановича. Таким образом, употребление библейских фразеологизмов с компонентом-антропонимом Лазарь и их окказиональных преобразований усиливает выразительность текста, эмоционально-экспрессивно демонстрирует оценку и символичность изображаемого.

Литература

Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М., 2010.

Иванов Е. Е., Маслова В. А., Мокиенко В. М. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси. М., 2022.

Ломакина О. В., Макарова А. С. Библейские выражения в роли заголовков православных медиатекстов: источники, структура, тематическая доминанта // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей XIV Международного симпозиума. В 2 т. Том 1. Симферополь, 2020. С. 231–237.

Щербачук Л. Ф., Ковалева В. А. Фразеологизмы библейского происхождения в интернет-дискурсе: функциональный аспект // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей XIV Международного симпозиума. В 2 т. Том 1. Симферополь, 2020. С. 430–436.

ПОЛИЛИНГВИЗМ СЕЛЬСКИХ КЛАДБИЩ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛА ЗЛАТИЦА В БАНАТЕ)

Борисов Сергей Александрович

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

Основным источником информации при изучении языковой ситуации у чешского меньшинства в Банате (в населенных пунктах Южно-Банатского округа в сербской Воеводине и в селах жудеца Караш-Северин в Румынии) для нас являются устные интервью с носителями местных диалектов. Поиск образцов «наивного письма» представляет собой более сложную задачу для исследователя, поскольку личные записи на языке меньшинства, например, письма и дневники, встречаются нечасто и еще реже становятся доступны лингвисту. Но общедоступный источник материала такого рода все же существует, и это надписи на надгробных памятниках. В последние годы лингвистическим аспектам эпиграфики в славянских меньшинствах уделялось внимание в контексте работ о чехах на Кавказе и в Западной Сибири [Скорвид 2014], градищанских хорватах в Словакии и Венгрии [Ващенко 2020], чехах в сербском Банате [Tesař 2020].

В рамках полевого исследования в сентябре 2019 г. нами была проведена работа в селе Златица в общине Сокол жудеца Караш-Северин (см. [Борисов, Пилипенко 2021]). Данный населенный пункт расположен на территории Румынии, однако на протяжении XX в. в нем преобладало сербское население, а также существовала чешская миноритарная община, составлявшая от 10 до 18 % населения. По данным переписи населения 2011 г. в коммуне Сокол (данных отдельно по Златице нет) проживает 974 сербов (50,4 %), 694 румын (35,9 %), 69 чехов (3,5 %).

Полилингвизм, или мультязычие (*multilingualism*), определяется как «способность сообществ, институций, групп и отдельных лиц использовать на регулярной основе более одного языка в своей повседневной жизни» [European commission: 6]. Интервью с представителями меньшинства показали, что в Златице у чехов сложилась ситуация триязычия: помимо чешского языка, который используется для внутрисемейного общения, и государственного — румынского, они, как правило, также владеют сербским, на котором осуществляется коммуникация с соседями.

Признаки функционирования в Златице трех языков можно обнаружить при изучении эпиграфики сельского кладбища. Д. Ю. Ващенко указывает на то, что надписи на памятниках, как правило, имеют двухчастную структуру и состоят из антропонима и обрамляющей надписи. При этом эпитафии у представителей национальных меньшинств «предполагают высокую межъязыковую и графико-орфографическую вариативность» [Ващенко 2020: 361]. Надписи на чешских надгробиях в Златице выполнены латиницей, на чешском или румынском языке. Для эпитафий на чешском характерны следующие особенности: отсутствие или непоследовательное использование диакритических знаков; неразличение орфографических вариантов *i/u*; пропуск букв; использование или отсутствие пробела, не соответствующее чешской орфографии; наличие вкраплений румынской орфографии. Приведем пример такой эпитафии, продублируем ее в орфографии, приближенной к стандартной, и кратко проанализируем: ZDE ODPOCIVA / STEHLIK / IOJI i KATERINA / SPOMNIK POZVIHUIOU / VŠIHNI DETI I NOUČATA / NIHDA NAVAS NE ZAPOMINAME (ср. Zde odpočívá Stehlík Joži i Kateřina. Pomník poz(d)vihujou všichni děti i (v)noučata. Nikdy na vás nezapomínáme). Слово *spomnik*, вероятно, является гибридом чеш. *pomník* и серб. *spomenik* ‘памятник’. На месте буквы *ž* можно наблюдать румынский орфографический вариант *j*. Форма *pozvihuiou* (от глаг. *pozdvihat* ‘возводить’, *pozdvíhají*) отражает диалектные особенности спряжения. Формы *poučata* (ср. *vnoučata* ‘внуки’) и *nihda* (ср. *nikdy*

‘никогда’), отражают диалектные особенности произношения данных лексем. Такие орфографические особенности, обнаруженные в рассмотренном примере и на других памятниках, свидетельствуют о сравнительно низкой компетенции в письменном чешском языке родственников умерших, заказывавших памятники. В Златице нет чешской школы, язык письменного общения — румынский, им пользуются для официальной коммуникации, например, с государственными органами. Для эпитафий на чешских надгробиях, сделанных на румынском языке, характерно оформление антропонимов в румынской орфографии, часто непоследовательное, с вкраплениями чешской орфографии напр.: ŞTEFAN; ECATERINA; PEŞIŢ VACLAV; CREPELCA / VENTEL SI BARBORA. Надписи на сербских надгробиях сделаны по большей части по-сербски кириллицей, однако встречаются надписи на сербском языке латиницей, в которых пропущены диакритические знаки, либо наблюдаются вкрапления румынской орфографии. Встретилось также несколько случаев, когда рядом со старыми памятниками с надписями на чешском или сербском языке были возведены новые с эпитафиями на румынском. Лингвистический анализ эпитафий в этнически смешанных регионах позволяет сделать выводы о компетенции представителей меньшинств в письменном варианте родного языка, оценить интенсивность языкового сдвига во времени в рамках одной семьи и всей общины в целом.

Доклад подготовлен в рамках проекта РФФ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Литература

- Борисов С. А., Пилипенко Г. П.* Реті / Ретсі в румынско-сербском окружении: село Златица в Банате // Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание / отв. ред. И. А. Седакова. М., 2021. С. 49–53.
- Ващенко Д. Ю.* К специфике варьирования в структуре надгробных надписей у градищанских хорватов Южной Словакии и Венгрии (по материалам полевых исследований) // *Slavica Slovaca*. 2020. R. 55. № 3. S. 359–367.
- Скорвид С. С.* О вариативности фамильных именовании потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе и в Западной Сибири // *Вопросы ономастики*. 2014. № 1 (16). С. 63–74.
- European Commission. Final report: High level group on multilingualism. Lux-embourg: European Communities. URL: http://ec.europa.eu/education/policies/lang/doc/multireport_en.pdf (дата обращения: 15.01.2023).
- Tesař Š.* České náhrobní nápisy v lokalitách Bela Crkva, Kruščica a Češko Selo v srbském Banátu. Magisterská diplomová práce. Masarykova univerzita. Filozofická fakulta. Ústav slavistiky. Brno, 2020.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЛЕКСИКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ В БОЛГАРСКОМ СЕЛЕ ВЕЛИКИ ИЗВОР (СЕРБИЯ)

Голант Наталия Геннадьевна

научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

В докладе пойдет речь о погребально-поминальной обрядности жителей села Велики Извор (болг. диал. Гуля́м Изво́р) и обслуживающей ее терминологической лексике. Сведения, приведенные в докладе, были записаны во время полевых исследований в октябре 2022 г. Сбор полевых материалов велся по программе, разработанной для этнолингвистического изучения балканославянского ареала [Плотникова 2009]. Село Велики Извор относится к общине Заечар Заечарского округа Сербии. Его название впервые упоминается в документах в 1784 г., причем говорится, что уже тогда это было большое село, насчитывавшее около 150 домов [Станојевић 2012]. Село было основано переселенцами из окрестностей г. Тетевен в северной части центральной Болгарии. По некоторым сведениям, большинство этих переселенцев происходило из с. Голям Извор в окрестностях Тетевена. Говор жителей Великого Извора имеет черты центральных балканских говоров болгарского языка [Заяков 1995]. Кроме Великого Извора, переселенцы из окрестностей Тетевена на территории восточной Сербии обосновались также в с. Грлян и в некоторых кварталах Заечара. В с. Грлян болгарские переселенцы смешались с влашским (румынским) населением [Станојевић 2012]. В начале XIX в. значительное число жителей Великого Извора переселилось на территорию нынешних Браничевского и Поморавского округов. В частности, они заселили с. Дубле в нынешней общине Свилайнац Поморавского округа Сербии [Там же]. Велики Извор разделен на две части — верхнюю, где живут преимущественно болгары, и нижнюю, населенную сербами. По мнению сербского исследователя М. Станоевича, переселенцы из Тетевена обосновались в уже существовавшем сербском селе [Там же]. Однако по словам опрошенных жителей Великого Извора, именно в верхней (болгарской) части живут преимущественно потомки основателей села, тогда как в нижней (сербской) части живут «приезжие» (дошля́ци). При этом, согласно опубликованным результатам переписи населения 2002 г., подавляющее большинство жителей села назвали себя сербами, тогда как болгарами записалось всего девять человек [Становништво 2003]. Однако следует отметить, что аналогичная ситуация встречается и во влашских (румынских) селах восточной Сербии — местные жители, происходящие из румынских семей и являющиеся носителями румынского языка, во многих случаях во время переписи определяют себя как сербы. Болгарская и сербская части села имеют отдельные кладбища. У болгар и сербов существуют различия в отмечании календарных поминальных дней (болг. заду́шници, серб. задушнице). В болгарской и сербской частях села они приходятся на разные дни недели — в болгарской на пятницу перед днем св. Димитрия (Димитровден) и перед Пасхой (Великден), а в сербской на субботу, предшествующую этим праздникам. Погребально-поминальная обрядность жителей этого села (по крайней мере, его болгарской части) имеет некоторые общие черты с обрядностью жителей соседних влашских (румынских) сел. В частности, умирающий, по представлениям жителей исследуемого села, должен в момент смерти держать в руке зажженную свечу (этот обычай характерен и для влахов (румын) восточной Сербии, и для румын, живущих Олтении и других регионах Румынии), тогда как у жителей расположенных поблизости сербских сел, в частности, села Брачевец общины Неготин Борского округа, зажженная свеча просто стоит в изголовье умирающего. В случае невозможности соблюсти это условие (например, если человек умер в больнице), родственники умершего должны выполнить определенные обрядовые действия, чтобы на том свете он не находился в темноте. Совпадают также основные поминальные дни, обычай окуривания могилы ладаном до сороковин и др. Есть и некоторые совпадения в терминологической лексике, однако это обычно болгаризмы во влашских говорах, а не румынизмы в болгарском. Так, например, во влашском селе Шипиково, также относящемся к общине Заечар одноименного округа, гроб обозначается термином сьндъ́к (рум. диал. sândác), а кладбище — термином грóбище (рум. диал. gróbiște), как и в с. Велики Извор. Также в лексике жителей Великого Из-

вора, обслуживающей погребально-поминальную обрядность, присутствует ряд сербизмов — в частности, похороны здесь обозначаются сербским словом *сахрана*, надгробный памятник — сербским словом *споменик* и т. д.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>

Литература

Заяков Н. Исторически причини за формиране на влашкото население във Видинско // Българска етнология. № 5. 1995. С. 28–51.

Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 2009.

Становништво, национална или етничка припадност, подаци по насељима. Београд: Републички завод за статистику, фебруар 2003.

Станојевић М. Антропогеографски преглед Тимочке Крајине // Црна Река. Насеља. Порекло становништва. Обичаји. Службени гласник САНУ, 2012. С. 9–30.

РУССКИЙ КОНЦЕПТ ГОРА И ЕГО СЕРБСКИЕ АНАЛОГИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

RUSSIAN CONCEPT GORA 'MOUNTAIN' AND ITS SERBIAN ANALOGUES (BASED ON LEXICOGRAPHY)

Медведева Диана Игоревна

доцент, Удмуртский государственный университет

Доклад посвящен сопоставительному анализу русского концепта ГОРА и его аналогов в сербской лингвокультуре на материале лексикографических источников. Русский и сербский языки близкородственны, в то время как рельеф стран заметно различается: в исторической части России преобладают равнины и небольшие возвышенности, а Сербия и Республика Сербская изобилуют горными массивами. Эти факторы делают концепт ГОРА и его аналоги весьма интересными объектами для изучения.

На первом этапе была составлена обобщенная дефиниция лексемы ГОРА на материале толковых словарей русского языка:

1. Значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью. 2. перен. Нагромождение, куча, множество (разг.) 3. мн.ч. Гористая местность.

По данным русско-сербских словарей, аналогами русского концепта ГОРА в сербском языке являются ПЛАНИНА, БРДО, ГОРА [Бошковић 2007]. Далее были составлены обобщенные дефиниции данных лексем на материале толковых словарей сербского языка (приведены в переводе на русский язык): ПЛАНИНА — большая возвышенность, которая поднимается над окружающей местностью и обычно имеет несколько вершин; БРДО — а) природная возвышенность земли, которая поднимается над окрестностями, б) большое количество чего-л., сложенного в кучу, нагроможденного, груды; ГОРА — 1. а) гора (планина, брдо), б) перен. груды, куча;

2. а) лес, б) отрубленные ветки, побеги с листьями. С целью дополнительного уточнения межъязыковых соответствий привлекались данные сербско-русских словарей: ПЛАНИНА 1. гора 2. лесистая гора; БРДО 1. гора, холм 2. тех. бёрдо (на ткацком станке); ГОРА 1. гора 2. лес [Толстой 1957].

1. На следующем этапе исследования анализировались синонимы. В словаре синонимов русского языка указываются синонимы только для переносных значений лексемы ГОРА 1. см. куча.

2. см. множество [Александрова 1993: 79]. В словаре синонимов сербского языка уточняется различие между ландшафтными объектами ПЛАНИНА и БРДО по высоте, а в качестве синонимов приводятся обозначения различных видов возвышенностей: ПЛАНИНА (веће узвишење од 500 м које обично има више врхова) гора, масив, височје. БРДО 1. (узвишење, обично између 200 и 500 метара) вис, висија, узвишење, узвисица, узвисина, брег, брежуљак, хум, хумка, бусија, елевација, чука. 2. фиг. гомила. ГОРА 1. планина брдо

3. шума [Чосић 2008]. Интересно, что ПЛАНИНА и БРДО не отмечены в качестве синонимов друг друга. Синонимический ряд лексемы БРДО наиболее обширен и отличается морфологическим разнообразием однокоренных слов. Базовыми, первичными лексемами со значением «гора» в современном сербском языке являются ПЛАНИНА и БРДО: они общеупотребительны и обладают высокой частотностью. Мы полагаем, что это связано с потребностью носителей языка, большинство которых проживают в горной местности или с ней соседствуют, в детализации обозначения гор. Лексема ГОРА вторична, поскольку определяется через две базовые лексемы; она менее частотна и в настоящее время оттеснена на периферию языка. Вероятно, это связано с более «расплывчатым», по сравнению с ПЛАНИНА и БРДО, значением, в котором не уточнена высота и вне контекста невозможно понять, «гора» это или «лес». Можно предположить, что общеславянское слово ГОРА — старейшая лексема со значением «гора» в сербском языке, а две другие вышли на первый план позднее. В семантической структуре лексем ПЛАНИНА и ГОРА общий признак 'лесистость'; кроме того, ПЛАНИНА отличается признаком

‘множественность’ (несколько вершин). В ходе предпринятого нами исследования устойчивых словесных комплексов с именами данных концептов было установлено, что наибольшим потенциалом для образования узуальных метафор, а также наибольшей фразеологической активностью обладает лексема БРДО, менее активна в этом отношении лексема ГОРА, а со словом ПЛАНИНА выявлено меньше всего узуальных метафор и фразеологизмов. Все три исследуемые сербские лексемы обладают высокой словообразовательной активностью, причем больше всего производных образуется способом аффиксации. Они образуют синонимические ряды с минимальными семантическими различиями внутри каждого ряда: планински, брдски, горски — горный (хотя «горски» может означать и «лесной»); планиница, брдашце, горица — горка, горочка; планинац, брђанин, горштак — горец, планинкиња, брђанка, горштакиња — горянка и др. Словообразовательное гнездо, относящееся к альпинизму как виду спорта, образовано в сербском языке на базе исконной лексики от слова ПЛАНИНА: планинар — альпинист, планинарство — альпинизм, планинарски — альпинистский, планинарити — заниматься альпинизмом. Это может объясняться как влиянием немецкого языка (*Bergsteigen*, *Bergsteiger* и др.), частичное калькирование из которого весьма вероятно, так и тем фактом, что горы занимают значительное место в сербском ландшафте и культуре. Русские же лексемы представляют собой прямые заимствования из французского языка (от *alpiniste*, *alpinisme* и др.). Проведенный анализ приводит к выводу о том, что в изученном языковом материале различия между русским и сербскими концептами преобладают над сходствами. Вероятно, они являются отражением языковой специфики, а также природных и ландшафтных особенностей стран проживания данных народов. Как представляется, ПЛАНИНА и БРДО можно рассматривать в качестве парных концептов, а сербская лексема ГОРА является синонимом имен концептов с ограниченной сферой употребления. По сравнению с русским концептом номинативное поле сербских концептов более обширно, языковые средства их вербализации более дифференцированы.

Литература

- Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М., 1993.
- Толстой И. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.
- Бошкович Р.* Руско-српски речник = Русско-сербский словарь. Београд, 2007.
- Чосић Павле.* Речник синонима. Београд, 2008.

АКТУАЛЬНОСТЬ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ДЛЯ СЛАВИСТИКИ

Хмелевский Михаил Сергеевич

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Кузнецова Ирина Владимировна

доцент, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева

С возникновением пристального интереса лингвистов к сравнительно-сопоставительному языкознанию в начале XIX в. не раз отмечалось, что литовский язык из всех современных индоевропейских языков по своей фонетической, грамматической, морфологической и лексической структуре наиболее близок праиндоевропейскому субстрату. Значимость литовского языка для исследований в области славистики для многих лингвистов была и остается совершенно очевидной [Балалыкина 2009: 50]. Известный французский лингвист А. Мейе отмечал: «Тот, кто хочет знать, как говорили наши предки, должен приехать послушать, как говорит литовский крестьянин», а русский славист А. Гильфердинг писал: «Без литовского языка научное исследование славянского невозможно, немислимо...» [Гильфердинг 1868: 367]. Лингвистические данные литовского языка представляют собой богатый материал для славянской этимологии (достаточно вспомнить такие классические примеры, как *kaina* — ‘цена’, *kunigas* — ‘князь’, *keturi* — ‘четыре’ (славянская палатализация k/č), *geležis* — ‘железо’ (палатализация g/ž) и т. п., а также и для толкования многих славянских слов, которые утратили свою мотивировку, тогда как в литовском она до сих пор остается прозрачной. Среди них, например, рука — *ranka* — от лит. глагола *renkti* — ‘собирать’, т. е. ‘собирающая, берущая’, *galva* — ‘голова’, мотивированное лит. глаголом *galvoti* — ‘думать’, *pilvas* — лит. ‘живот’ этимологически связывается со славянским полный, т. е. ‘наполнитель’, *gerklė* — ‘горло’ от глагола *gerti* — лит. ‘пить, т. е. то, что пьет (того же корня славянская форма с палатализацией g/ž — ‘жрать’), *zuikis* — ‘заяц’, лексема, мотивирована глаголом *žaisti* — ‘играть, прыгать’, русск. бес, восходящее к литовскому прилагательному *baisus* — ‘страшный’, русск. писать, однокоренное со словом пестрить, соотносимое с лит. *piešti* — ‘рисовать’ и многие другие, рассматриваемые в докладе. Близость литовского языка к древнему праязыку отмечается всеми лингвистами, занимающимися сравнительно-сопоставительным языкознанием, индоевропеистикой, праславянским языком, балто-славянским единством, в том числе И. А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Из живущих в настоящее время арио-европейских языков литовский язык сохранил древнейшее состояние, как со стороны звуков, так и стороны форм». Как справедливо подчеркивала Ю. А. Лаучюте: «Уже прошло то время, когда изучение балтизм в славянских языках ограничивалось скудными сведениями в этимологических словарях балтийских и славянских языков и немногочисленными журнальными статьями. Стало очевидным, что балтизмы в славянских языках — это не просто факт, существенный для исторической лексикологии... Это составная часть более общего и фундаментального вопроса... о характере балтославянских языковых отношений» [Лаучюте 1982: 7]. Помимо этимологических лексических параллелей в докладе привлекается также ряд иллюстративного фразеологического материала, в частности, такие славянские устойчивые единицы, историческая образность и метафоричность которых может быть объяснена только путем привлечения балтийского языкового материала, как, например:

1. Компоненты русского устойчивого сравнения как кот наплакал не варьируются, однако литовский язык иллюстрирует сам процесс переноса значения. Наряду с литовскими фраземами *kaip/kiek katinas priverkia* — ‘как/сколько кот наплакал’ мы встречаем такие варианты, как *kaip/kiek katinui ašarų* — букв. ‘сколько у кота слез’, т. е. ‘мало чего-либо’, *kaip katino ašara* — букв. ‘как слеза кота’ в значении ‘мало’ и др. По сравнению с русским устойчивым сравнением как кот наплакал литовский фразеологизм отличается широкой вариативностью, что говорит о языковой актуальности этой образной модели в литовском языке, где «плакать» может не только кот, но и петух, корова, заяц и лягушка: *Kiek gaidžio ašara!* — ‘Как слеза петуха’, т. е. мало и т. п.

2. Общеславянский фразеологизм класть/положить зубы на полку — ‘голодать’ имеет несколько объяснений, но его исконный смысл проясняется только в сопоставлении с литовским языковым материалом: помимо полного эквивалента *dėti/padėti/sudėti dantis ant lentynos* — ‘класть/положить/сложить зубы на полку’ во многих устойчивых единицах фиксируется замена глагольного компонента ‘положить’ и ‘повесить’, причем глагол *padėti* — ‘положить’ сочетается исключительно с компонентом *lentyna* — ‘полка’, тогда как с глаголом *pakabinti* — ‘повесить’, мы встречаем целый ряд вариаций образов, что проясняет смысл данного метафористического образа — букв. ‘повесить зубы’ (на полку, на стену, в погребе, на кол, на гвоздь, на забор, на плечи) в том же значении — ‘голодать, остаться голодным’.

3. Одним из этимологических объяснений фразеологизма комар носу/носа не подточит — ‘аккуратно, не придраться’ — является то, что глагол подточить здесь употребляется в значении ‘всунуть, пропихнуть, вставить’, о чем свидетельствуют языковые данные литовского языка в рамках этой фразеологической модели и проясняют этимологическую образность русского выражения. Этимологию образности этого фразеологизма можно проиллюстрировать литовским материалом. Фразеологизм *uodas neįkištų nosies* — букв. ‘комар бы не вставил носа’ употребляется в двух значениях:

- 1) ‘очень много, тесно, густо, мало места’
- 2) ‘не придраться, идеально, тщательно, без изъянов’.

В заявленном докладе делается краткий, но иллюстративный обзор балто-славянских лексических параллелей с привлечением материалов из русского, польского, украинского, а также литовского и латышского языков.

Литература

- Балалыкина Э. А. К вопросу о значении литовского языка для исследований в области истории русского языка // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Том 151, кн. 6. Казань, 2009. С. 50–59.
- Гильфердинг А. Литва и Жмудь // Гильфердинг А. Полное собрание сочинений в 4 т. СПб., 1868. С. 113–118.
- Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Ленинград, 1982.
- Frazeologijos žodynas. Vilnius, 2001.

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ В НАЗВАНИЯХ ЖИВОТНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ «ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА»)

Шалаева Татьяна Владимировна

научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

На многих картах переработанного первого тома «Общеславянского лингвистического атласа» «Животный мир» [ОЛА 2022] названия насекомых, земноводных и, в меньшей степени, млекопитающих образуются от человеческих имен, и подобные обозначения имеют довольно четкую пространственную дистрибуцию. В большинстве случаев они мотивированы христианскими именами Иоанн, Мария, Петр, Павел, Лавр и др.: ср. серб., хорв. *bubamara*, русск. диал. *ивáнчик*, белорус. диал. *пéтрик* 'божья коровка', чешск. *svatojá nškámuška*, русск. диал. *ивáновский червяк* 'светлячок', словац. диал. *svätýjan, slepáfranca* 'стрекоза', русск., укр. диал. *терёшка* 'бабочка', русск. диал. *миха́йл топты́гич, ми́шка* 'медведь', *ма́рья потáповна* 'медведица', болг. диал. *иванова булчица, енева булка* 'ласка', русск. диал. *ага́ха, ага́шка, ага́шек* 'головастик' и т.д. Рассмотренный материал позволил предложить новые гипотезы о происхождении отдельных слов, чья внутренняя форма признается затемненной: это укр. *ра́влик, ла́врик* 'улитка' и словен. *martinček* 'ящерица'. Причины возникновения украинских лексем признаются неясными, хотя и указывается их связь с именем Лавр [ЕСУМ V: 10]. Однако А. В. Гура указывает на регулярное совпадение обозначений улитки и божьей коровки [Гура 1997: 397]: ср. 'божья коровка' (материалы ОЛА даются в принятой в атласе обобщающей транскрипции) — (petr)-ik-ть (белорус.), (ivan)-ьč-ik-ть, (van)-ьк-а (русск.), (lavrjen)-ьк-ть (польск.) [ОЛА 2022: 245–251]; 'улитка' — (petr)-ik-ть (укр.), (ivan)-ьč-ik-ть (укр., русск.), (ivan)-ьк-а (укр.), (lavr)-ik-ть (укр.) [ОЛА 2022: 184–196]. Кроме того, данные лексические группы объединяются наименованиями, связанными с рогатыми животными [Там же]: ср. 'улитка' — *korv-uš-ьк-а, vol-ik-ть* (русск.), *elen-ь* (русск.) [ОЛА 2022: 184–196]; 'божья коровка' — *korv-uš-ьк-а, bož-ьj-A korv-uš-ьк-а, bog-ov-A korv-uš-ьк-а* (русск.), *bož-ьj-B vol-ik-ть, bož-ьj-B vol-ьк-ть* (словен.), *elen-ь, elen-ьк-а* (укр.) [ОЛА 2022: 245–251].

Таким образом, можно предположить, что наличие общих для улитки и божьей коровки названий с корнями *korv-*, *vol-* и *elen-* привело к дальнейшему сближению в их номинации и перенесению на улитку обозначений божьей коровки, производных от антропонимов Петр, Иван и Лавр (Лаврентий). С другой стороны, лексемы типа (petr)-ik-ть, (ivan)-ьč-ik-ть, (ivan)-ьк-а, (lavr)-ik-ть 'улитка' могут быть следствием именованья улитки по аналогии с божьей коровкой. Словен. *martinček* 'ящерица', очевидно, связано с именем Martin и производно от *martinec* 'ящерица', хотя конкретная мотивация остается неизвестной [Bezljaj II: 169]. Кажется, как и в случае с улиткой, название ящерицы здесь может быть вторичным. Так, фиксируются словен. *martinec* 'виноградный червь', *martinec* 'гусеница бабочки листовертки виноградной', *martincelj* 'червь на виноградной лозе', хорв. *martinac* 'бабочка листовертка виноградная', *smrdljivi martin* 'насекомое семейства щитников', *martinčica* 'съедобная плесень, грибок', а также *martinak, martinčec* 'скальная ящерица'. Как можно видеть, корень *martin-* в том числе входит в состав обозначений насекомых и червей, обитающих на виноградных гроздьях и листьях. А известно, что в день святого Мартина 11 ноября в Словении и Хорватии чествуют виноградарей и виноделов, следовательно, допустимо осторожное предположение, что его именем были названы указанные представители фауны. Затем значение могло расширяться и включать любых насекомых, паразитирующих на растениях, а также вредоносный грибок, плесень. Что касается связи семантики 'червь', 'насекомое (его личинка)' и 'ящерица', то языковой материал подтверждает ее. Конкретно, в материалах ОЛА содержится форма *guj-a* 'ящерица' (серб.) [ОЛА 2022: 164–167], в то время как в сербском и хорватском языках дериваты этого корня регулярно называют дождевого червя: *guj-a, guj-ic-a, guj-av-ic-a, guj-in-a, guj-in-ьк-а* [ОЛА 2022: 197–203]. Также во многих славянских языках дождевой червь закономерно обозначается производными корня *dъžd-* [Там же], а на территории Боснии и Герцеговины зафиксирована лексема *kuš-ьп-ь=al-ьк-ть* 'ящерица' от *kuš-a* 'дождь' [ОЛА 2022: 164–167]. Кроме того, в словенском языке отмечен ее синоним *zel-*

ен-ьс-ь [Там же], при том, что в говорах Боснии и Герцеговины и в русских диалектах в значении 'гусеница' фиксируются описательные конструкции *zel-en-Ъ ѡrv-ь* и *zel-en-Ъ ѡrv-ь=-ак-ъ* [ОЛА 2022: 258–262]. Следовательно, такая близость в номинации могла способствовать перенесению словенских и хорватских названий червей и насекомых с корнем *martin-* на ящерицу.

Литература

Гура А. В. Символика животных в славянской народной культуре. М., 1997.

Етимологічний словник української мови / голов. ред. О. С. Мельничук. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.

Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Славянское слово в ареальном контексте (Животный мир) / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб., 2022. (в печати)

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–4. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša SAZU, 1977–2005.

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
И ТЕСТОЛОГИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЦВЕТОВЫХ СИНЕСТЕМ: СИНТЕЗ УНИВЕРСАЛЬНОГО И СПЕЦИФИЧЕСКОГО

NATIONAL PECULIARITY OF COLOUR SYNESTHEMES: SYNTHESIS OF THE UNIVERSAL AND THE SPECIFIC

Тимофеева Елена Константиновна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен исследованию национального своеобразия цветowych синестем, рассматриваются вопросы влияние цвета на человека, а также специфичность и универсальность восприятия цвета в различных культурах. В языковой системе цвет обладает эмоционально-информационными, свойствами, присущими всем народам мира. Система цветообозначений представляет собой культурно маркированную ценность нации, формирование которой неразрывно связано с различными функциональными свойствами предметов и явлений внешнего мира, а также с восприятием окружающего мира самим человеком. В настоящем исследовании мы используем понятия «синестемии» и «синестемы». Синестемия подразумевает смешение ощущений разных модальностей: визуальных, слуховых, тактильных и прочих (в том числе комбинированных — когда у одного человека наблюдается несколько сочетаний чувств). Наиболее распространенной разновидностью феномена синестемии выступает цветной слух, при котором два чувства сливаются в единое целое. Понятие «синестемы», определяется как фразеологическая единица с переносом значения с одной сенсорной модальности на другую [Павловская 2004: 75]. Мы рассматриваем визуальные синестемы с цветовым компонентом, которые называем «цветовыми синестемами». Все они широко распространены и в природе, и в искусстве; каждая представляет собой как бы фразу на языке цвета, где словами фразы являются различные краски. Язык цветowych систем складывался в глубокой древности, затем был дополнен в последующие эпохи вплоть до нашего времени. Благодаря цвету люди способны транслировать свое мироощущение, восприятие окружающей действительности. Цвет может вызывать у человека разные чувства. Вероятно, что именно из-за эмоционального воздействия человек наделил цвет определенным символическим значением. Цветовой концепт представляет собой цветовой образ, а также переносно-символические значения, вызванные ассоциациями данного этноса. Цветовая символика существует в различных сферах жизни, будь то религия, спорт, национальные символы и т. д.

Символика цвета, как и любая другая, опирается на особенности психики человека, на различные ассоциации, в основе которых лежат обыденный опыт человека, подпитанный мифологическими, религиозными и эстетическими взглядами. Буддисты признавали оранжевый цвет цветом жизни. Считали, что он придает силы, энергию. Для них это символ солнца. Синий цвет в культуре многих народов имеет более или менее одинаковое толкование: магия, жизнь, свобода. Синий цвет ассоциируется с морем. Очень часто можно встретить изображения магов, одеты в синюю робу. В христианстве синий и голубой цвета являются символом душевной чистоты. Богородицу в средние века изображали в голубом одеянии. Белый цвет в настоящее время является традиционным цветом наряда невесты во многих европейских странах. А вот в Китае белый цвет означает смерть или болезнь. Насыщенность и выбор тех или иных цветов в культурах разных народов часто определяется географическим положением стран. Чем севернее, тем цвета светлее и холоднее. В южных странах преобладают яркие и сочные цвета. Восприятие цвета в различных культурах может вызывать разные социально-религиозные ассоциации. Поэтому у каждого народа есть свой национальный цвет, любовь к которому выражается

в обычаях и традициях. Мы рассмотрели национально-культурную специфику цветовых систем в культуре разных народов, а именно, проанализировали идиомы с использованием названий цветов и их оттенков в английском, казахском и китайском языках. Исследовав вопрос значимости цвета в английской, китайской и казахской лингвокультурах, мы пришли к выводу, что понятие цвета существует в каждой из культур, у каждого народа с древнейших времен цвет являлся одним из средств осмысления мира. Цвет и культура тесно взаимосвязаны, с цветами ассоциируются предметы, явления, чувства эмоции. символика цвета неизбежно отражается в языке и играет определенную роль в формировании и использовании языковых средств.

Сравнительный анализ цветовых синестем китайского, английского и казахского языков позволил выявить сходства, различия и особенности использования того или иного цвета в идиомах каждого из языков. Примечательно, что во всех трёх языках чёрный, белый и красный являются наиболее часто употребляемыми цветами. По результатам количественного анализе отобранных материалов во фразеологизмах английского языка чаще других встречаются цветовые синестемы, а меньше всего в синестемах казахского языка, хотя черный в нем играет особую роль и очень полисемичен, имеет множество различных культурных коннотаций. Мы попытались раскрыть тему развития новых подходов к лингвистическому анализу, с помощью которых можно более эффективно использовать особенности этнического сознания различных народов. Результаты проведенного исследования и отобранный материал могут послужить примерами символики цвета в английском языке для сравнения с культурным значением и символикой цвета в казахском и китайском.

Цветовые синестемы каждого языка, безусловно, отражают национальное своеобразие и особенности его носителей, знание и понимание которых позволяет глубже и лучше понять язык и культуру народа. Сравнение использования символических значений цветов во фразеологических единицах позволяет грамотно использовать их при изучении иностранных языков, что особенно эффективно в условиях полилингвального обучения.

Литература

Павловская И. Ю. Фоносемантический анализ речи. СПб., 2004.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ИЗ КНР АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Белова Марина Олеговна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Карапетян Алиса Рубеновна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Журавлева Ольга Алексеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Современный этап становления науки характеризуется синергетическим стилем мышления, синтезом и интеграцией форм естественнонаучной и гуманитарной культур, поскольку проблемы, стоящие перед современной наукой, требуют интеграции знаний и опыта специалистов разных профессий. Всеобщность интегративных процессов в науке, проходящих и по горизонтальному срезу (через внутрипредметные, технологические связи), и вертикальному срезу (через межпредметные и управленческие связи) [Безрукова 2000], и проникновение этих процессов во все сферы жизни общества неминуемо отражаются на системе образования. Для осуществления интегрированного подхода в обучении наиболее приемлемым средством является реализация междисциплинарных связей. Интегративный междисциплинарный подход позволяет экономить время и усилия, устраняя дублирование и избыточность, что способствует интенсификации обучения, повышает ценность получаемой информации для студентов, способствует трансферу знаний, навыков и умений из одной сферы деятельности в другие [Плужникова 2015].

В контексте проблем интеграции в образовании следует отметить точку зрения В. Н. Панферова. Поскольку учебная дисциплина, представляется как более узкое понятие по отношению к понятию «научная дисциплина», а, следовательно, она не отражает сути понятия интеграции как объединения частей в нечто целое, возникает проблема межпредметного синтеза отраслевых научных знаний в учебных дисциплинах [Панферов 2003]. Межпредметные связи также можно реализовать в процессе объединения материала различных учебных предметов в интегративном уроке, либо интегрировать методы обучения (например, использовать проектный или исследовательский методы обучения). Однако для такого объединения необходимо научное обоснование, чтобы не свести все к механическому соединению разрозненных элементов.

При работе со студентами из КНР, изучающими английский язык, преподаватель вынужден искать новые источники для совершенствования методики преподавания, обращаясь к опыту и исследовательским идеям представителей разных научных сфер, поскольку менталитет, национально-культурная специфика вербального поведения китайских студентов, их языковые способности в совокупности со специфичностью их родного языка по отношению к изучаемому языку приводят к большому количеству языковых и культурологических ошибок в английской речи данного контингента студентов. Так, например, в процессе обучения студентов из КНР английской фонетике используются логопедические методы коррекции наиболее трудных для артикуляции звуков английского языка, а также методы преподавания дикции и постановки дыхания и голоса, применяемые преподавателями сценической речи и вокала. Рассказывая об особенностях артикуляции английских звуков, преподаватель обращается к данным физиологии и анатомии человека, а знакомя студентов с английской интонацией преподаватель показывает связь фонетики с речевым этикетом, культурой общения и межкультурной коммуникацией. Формирование и развитие фонетических навыков на английском языке у китайских учащихся наиболее эффективны при учете особенностей когнитивных, психических процессов и национального менталитета учащихся. Одной из форм реализации междисциплинарных связей является предметно-языковое интегрированное обучение, при котором преподавание дисциплины осуществляется на английском языке и внимание фокусируется как на предмет-

ном содержании дисциплины, так и на характерных для конкретной предметной области лингвистических аспектах. Примером эффективного использования данного подхода при обучении студентов иностранного бакалавриата, осуществляемого преподавателями кафедры иностранных языков и лингводидактики СПбГУ является курс «Страноведение англоговорящих стран», который способствует развитию лингвистического компонента коммуникативной компетенции студентов и одновременному приобретению знаний из области географии, истории, культуры народов, населяющих англоговорящие страны.

В рамках курса «История языка» осуществляется межпредметная интеграция таких дисциплин, как языкознание, теоретическая фонетика, лексикология, теоретическая грамматика, английская литература и практический курс английского языка. Изучая развитие английского языка в диахронии на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса, студенты приобретают умения анализировать, синтезировать и сопоставлять языковые единицы в разные исторические периоды. Выполняя проекты в виде докладов и презентаций о диахроническом развитии частей речи в английском языке, об исторических событиях того или иного периода развития языка, о произведениях среднеанглийских авторов (например, Дж. Чосера, Дж. Гауэра, Дж. Уиклифа), студенты интегрируют полученные знания из разных областей языкознания и литературоведения, а также совершенствуют свою англоязычную коммуникативную компетенцию. Благодаря интегрированному обучению у студентов происходит систематизация знаний и приобретенных умений, формируется целостное восприятие предметов и обобщенная картина мира, что позволяет им активно применять свои знания и умения на практике.

Литература

- Безрукова В. С.* Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000.
URL: <https://didacts.ru/termin/integrativnyi-podhod-k-obucheniyu.html>
- Панферов В. Н.* Интегративный подход в образовании // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2003. № 6. С. 114–124. URL: www.cyberleninka.ru/article/n/integrativnyy-podhod-v-obrazovanii

МЕТОД ТРИЗ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

Божик Святослава Любомировна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

За последние двадцать лет в науке наметилась тенденция к объединению знаний из разных дисциплин. Данные требования ставят определенные задачи перед преподавателями высшей школы, нацеливают на создание проблемно-ориентированной образовательной среды, поиск и овладение современными методами и технологиями обучения. Вопрос решения данной задачи встаёт достаточно остро при обучении английскому языку студентов-иностранцев, формирующих полилингвальную аудиторию в условиях российского вуза. Одновременно, преподаватели иностранного языка сталкиваются с многочисленными трудностями от языковых до методических: необходимо способствовать не только формированию требуемых компетенций, но адаптации, мотивации студентов, при этом непосредственно заниматься обучением предмету. В поисках инструментов преодоления трудностей преподавателям необходимо обращаться к разным техникам из разных областей знания, одним из которых является метод ТРИЗ или теория решения изобретательских задач.

Основателем ТРИЗ является советский инженер-изобретатель Генрих Альтшуллер, работа автора над данной теорией была начата в 1946 г. Основу ТРИЗ составляют 40 общих изобретательских приёмов, 76 стандартных шаблонов решений. В целом, основная идея ТРИЗ заключается в том, что разные технические задачи иногда решаются одними и теми же методами и, соответственно, может предполагать определённый алгоритм решения задачи [Альтшуллер 2012].

За последние десятилетия метод ТРИЗ получил достаточно широкое применение как в России, так и зарубежом в разных областях деятельности от технических до гуманитарных. В связи с этим метод ТРИЗ стал также использоваться в процессе обучения. Безусловно, чаще всего данный метод находит свое применение при обучении студентов инженерных специальностей, но он также обратил на себя внимание преподавателей гуманитарных специальностей. В рамках последних, под методами решения изобретательских задач подразумеваются алгоритмы, разработанные в рамках ТРИЗ, а также такие известные методы, как мозговой штурм, карта памяти и др. Для учащихся разрабатываются алгоритмические процедуры, которые позволяют им выдвинуть новую идею или вариант ответа, при этом ставя своей целью не просто достижение самого результата, а именно процесс поиска, способствующий воспитанию творческой, самостоятельной личности, подготовленной к решению сложных задач.

Каким образом метод ТРИЗ может быть использован на занятиях по английскому языку, в частности при обучении студентов в полилингвальной аудитории? Как мы отметили выше, работая со студентами-иностранцами, обучая их иностранному языку в неязыковой среде, возникает необходимость создания искусственной среды общения на иностранном языке, поддерживаемой интересом не только преподавателя, но и самими студентами, мотивирующей их на обсуждение, общение друг с другом. В связи с этим мы обратили внимание на метод ТРИЗ, который представляет собой не просто решение проблемной ситуации, а работу с логической задачей, используя пошаговый алгоритм выдвижения гипотез и возможных вариантов ответа. При этом для решения логической задачи студентам необходимо обратиться к знаниям из других научных областей, провести самостоятельную работу по поиску нужной информации, что позволяет закрепить пройденный материал по теме, расширить понимание изучаемой темы, разнообразить лексические единицы, увеличить их объём, позволяет вести разговор, дискуссию по данной теме при обсуждении вариантов ответа, выработать механизм пошаговой работы с задачей, преодоления стереотипов, создания нового, нестандартного решения. Соответственно, при работе с методом ТРИЗ формируются не только языковые умения, но и умения искать информацию, работать в команде слушать и слышать собеседника, задавать вопросы, умение кратко и ёмко рассказать о своём решении, аргументировать его, умение отстаивать

своё мнение, развивается системность и оригинальность мышления. Метод ТРИЗ применяется в качестве завершающего блока по изучаемой теме и проводится следующими этапами:

- 1) подготовительная работа — студентов просят подготовиться к занятию и найти информацию по заданному вопросу, теме (область вопроса может быть спорт, путешествие, работа, история и т. д.);
- 2) работа на занятии — студентам предлагается логическая задача для решения в команде, студенты делятся на группы, получают задачу и обсуждают возможные варианты решения, поиск решения задач происходит по разработанному алгоритму, включая этапы ознакомления с условиями задачи, анализ условий, выдвижение гипотез;
- 3) завершающий этап — все группы предлагают свои варианты, преподаватель озвучивает правильный вариант ответа.

Таким образом, данный метод способствует не только развитию умения говорения на иностранном языке, но также углубленному знанию дисциплины за счет поиска и работы с информацией, развитию логического мышления, творческого мышления, работы в команде. Необходимо отметить, в рамках полилингвальной аудитории команда учащихся может состоять из студентов, представляющих разные страны, с отличным культурным и языковым «багажом». Контекст работы на занятии, формирующийся при решении логической задачи, совместном поиске вариантов ответа, способствует преодолению барьеров в общении, обмену информацией, культурным и социальным опытом, что также является плюсом при работе со студентами-иностранцами на занятиях по английскому языку.

Литература

Альтшуллер Г. Найти идею: Введение в ТРИЗ — теорию решения изобретательских задач. М., 2012.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Доброва Татьяна Евгеньевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Рубцова Светлана Юрьевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сегодня междисциплинарные программы прочно заняли свое место в российском высшем образовании, что потребовало пересмотра подхода к преподаванию целого ряда предметов. Так, традиционный подход к преподаванию теоретических дисциплин на филологических факультетах университетов и педагогических институтов, не решает проблему формирования иноязычной компетенции обучающихся на междисциплинарных программах, где лингвистический компонент является важным, но не единственно значимым. Доклад посвящен вопросам преподавания теоретической грамматики в полилингвальной среде на программах магистратуры СПбГУ, которые готовят переводчиков в различных сферах профессиональной коммуникации: бизнеса и менеджмента, международных отношений, нефтегазовой отрасли, атомной энергетики, туризма и экскурсионной деятельности. Преподавание на этих образовательных программах ведется на двух языках: русском и английском. Из года в год примерно сорок процентов всех обучающихся на первом курсе магистратуры уже освоили программы бакалавриата по направлению «Лингвистика» (это не всегда англистика). Таким образом, почти половина первокурсников уже знакома с основными лингвистическими теоретическими дисциплинами, одной из которых является теоретическая грамматика английского языка. Что же принимать во внимание при принятии решения о выборе языка преподавания этой дисциплины. Прежде всего, необходимо учитывать особенности среды обучения, связанные с интернационализацией высшего образования [Rubtsova et al., 2019], а также наличие опыта изучения дисциплины на программах бакалавриата и специфику самой дисциплины. Каковы же особенности полилингвальной среды, в которой живут и учатся будущие переводчики? Основные занятия — это многочисленные практические языковые занятия, составляющие 75 % всех аудиторных занятий (по переводу с русского на английский и с английского на русский). Нельзя упускать из виду и языковую среду повседневного общения. Она неоднородна, при этом её особенности определяются родным языком полилингвальной языковой личности. Помимо носителей русского языка (70 % обучающихся) среди наших обучающихся есть представители следующих стран: КНР (подавляющее большинство иностранцев), Греции, Италии, Казахстана, Азербайджана, Монголии, Армении, Сирии и Турции. Таким образом, в процессе обучения в общении участвуют представители очень разных языков, культур и религий. Следует отметить, что для поступления на программы магистратуры все иностранные абитуриенты должны либо предоставить сертификат о знании русского языка, либо пройти годовой языковой курс подготовки и сдать экзамен по русскому языку. Важно отметить, что основным языком общения для большинства обучающихся — это русский язык. Однако, между собой европейцы, как правило, говорят на английском языке, который обычно они знают лучше русского, в то время, как представители китайской лингвокультуры общаются друг с другом на родном языке, а с остальными — на русском, а не на английском языке. Это можно объяснить особенностью преподавания английского языка в школах и вузах КНР: в группах от 50 до 100 человек, при этом основное внимание уделяется грамматике и письму, а не говорению, что не обеспечивает формирования устойчивых навыков говорения на достаточно высоком уровне [Доброва, 2015]. А после года изучения русского языка в СПбГУ обучающимся из КНР зачастую проще общаться с другими иностранцами по-русски. Все эти особенности полилингвальной среды обучающихся нельзя не учитывать при выборе языка преподавания теоретических предметов. Рассмотрим специфику

дисциплины «Теоретическая грамматика». На всех вышеупомянутых переводческих программах магистратуры эта дисциплина входит в программу в форме достаточно короткого цикла лекций (16 ак. ч.) в первом семестре 1 курса. Проведенный опрос обучающихся показал, что 75 % тех, кто изучал теоретическую грамматику английского языка в форме отдельного курса или части курса по теории первого иностранного языка, изучали этот предмет на английском языке.

Однако, в курсе теоретической грамматики есть темы, которые по-разному трактуются зарубежными и отечественными лингвистами. Так, не существует единого мнения по вопросу классификации английских прилагательных. В отечественной лингвистике принято деление прилагательных на качественные и относительные, а зарубежные лингвисты в качестве основного критерия выделения разрядов прилагательных используют функциональный критерий, выделяя *attributive* и *predicative adjectives* [Блох, 1983]. Такая же проблема касается и местоимений. Так, отечественные лингвисты считают *my, her, his* притяжательными местоимениями, а зарубежные — *possessive adjectives* [Jespersen, 1946], то есть притяжательными прилагательными. Принимая во внимание особенности полилинвальной среды, в которой живут и учатся магистранты, опыт изучения теоретической грамматики магистрантами на программах бакалавриата на английском языке, а также специфику самой дисциплины, было принято решение читать лекции по теоретической грамматике английского языка на русском языке, уделяя особое внимание англоязычной терминологии и взаимно-однозначным терминологическим соответствиям, которым, как правило, не уделяется внимания на программах бакалавриата. Опрос, проведенный по окончании чтения курса показал, что подавляющее большинство обучающихся считает, что выбор русского языка для чтения лекций по теоретической грамматике английского языка целесообразен.

Литература

- Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. М., 1983.
- Доброва Т. Е. Особенности формирования профессиональной компетентности специалиста филолога у студентов из КНР // Вестник магистратуры. СПб., 2015. № 11–3 (50). С. 44–46.
- Rubtsova S., Dobrova T., Kopylovskaya M., Changyuan L. Synergy of multilingualism and multiculturalism from the perspective of internationalization of higher professional education // Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes. 2019. Т. 7. № 4. С. 517–530.
- Jespersen O. A modern English grammar, 1946.

ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПРИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Коздринь Пётр Романович

доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Стремительное развитие компьютерных и мобильных технологий влияет на все сферы жизнедеятельности человека. Внедрение инновационных мобильных и цифровых технологий в образовательную среду является основным движущим фактором эффективного обучения в целом, и обучения иностранным языкам, в частности. Чтение с электронных устройств (смартфонов, планшетов) давно стало неотъемлемой частью повседневного опыта каждого из нас. Электронные книги успешно конкурируют с традиционными бумажными носителями информации, однако использование их в академической среде до сих пор остается очень незначительным. На наш взгляд, это серьезное упущение, так как электронные учебные пособия обладают рядом преимуществ по сравнению с форматом обычной книги. Особенно это касается обучения иностранным языкам. Есть множество разночтений в понимании того, что можно считать электронным учебным пособием. Некоторые понимают электронный учебник лишь как цифровую копию обычного бумажного издания. В сущности, таковыми являются учебные пособия, представленные различными электронно-библиотечными системами, такими как «Лань», «Знаниум» и другими. Многие вузы имеют подписки на данные ресурсы, и в этом отношении можно сделать вывод, что проблем с обеспеченностью электронными книгами нет. Несомненно, доступ к данным книгам значительно облегчает жизнь как обучающихся, так и преподавателей. Однако есть и несколько иное понимание электронного учебника, при котором он определяется как сложный программный продукт, позволяющий посредством электронных устройств, помимо текста, представлять обучающимся графический и мультимедийный материал, а в некоторых случаях, имеющий интерактивные блоки проверки знаний. Говоря о потенциале использования электронного учебного пособия при обучении иностранному языку, мы имеем в виду именно цифровую копию текстового учебника с расширенными мультимедийными возможностями: проигрывать аудио- и видеоматериалы, открывать перекрестные гиперссылки и документы, возможность добавления индивидуальных пометок и записей. Одним из важных вопросов при подготовке электронного учебного пособия является выбор формата, который был бы удобен в использовании для обучающихся. Одними из самых популярных форматов электронных книг в настоящее время являются EPUB и iBook.

Последний обладает большим функционалом, однако, используется только системой iOS, что является неудобным, так как сужает круг пользователей. Мы полагаем, что оптимальным форматом электронного учебного пособия является Portable Document Format (PDF). Это открытый стандарт, который позволяет создавать электронные книги с поддержкой использования звука, изображений, видео, гиперссылок, заметок и закладок. Он является наиболее удобным для создания цифровых книг в «домашних условиях» и может быть прочитан бесплатной программой Adobe Reader, установленной на большинстве планшетов и смартфонов на базе Android, iOS или Windows. Не менее важным его преимуществом, по сравнению с некоторыми другими форматами электронных книг, является также сохранение макета печатного издания в оригинальном виде и форматировании на любом устройстве. Создание такого электронного пособия не требует дополнительного ПО и осуществляется посредством набора стандартных программ, имеющихся на каждом компьютере. Достаточно лишь сверстать файл учебника в любом привычном текстовом редакторе, позволяющим добавлять гиперссылки и медиа файлы. Когда все страницы будут готовы, необходимо только экспортировать документ в формат PDF. Многие исследования показали, что использование электронного учебного пособия в обучении иностранному языку имеет ряд преимуществ как для обучающихся, так и для преподавателей. Во-первых, электронный учебник мобилен (текстовые, учебные аудио- и видеоматериалы всегда находятся под рукой); во-вторых, электронная книга обладает большими возможностями индивидуальной настройки (изменение размера и цвета шрифта, что бу-

дет неоспоримым преимуществом для слабовидящих и дальтоников); в-третьих, электронное учебное пособие позволяет интегрировать большой объем учебных материалов на одном носителе. В сущности, при определенном оформлении электронный учебник может объединить в себе также рабочую тетрадь и тетрадь для личных записей. Интерактивное учебное пособие стимулирует познавательную деятельность обучающихся за счет присутствия в нем творческих и исследовательских типов заданий. Обучающийся становится полноправным субъектом образовательной деятельности, роль преподавателя видится скорее как наставника [Савченко 2022: 219]. Что касается преимуществ использования электронного учебного пособия для преподавателей, то прежде всего нужно отметить его легкую адаптацию под конкретные условия обучения (уровень обучающихся, скорость и особенности усвоения материала). Таким образом создается возможность построения индивидуального образовательного маршрута для обучающихся. Другим неоспоримым преимуществом является легкий процесс обновления учебного материала. Учебный материал электронного учебника можно актуализировать буквально каждый год. Традиционные бумажные издания, которые должны переиздаваться, обновляются гораздо реже и требуют больших затрат финансовых и временных. Отметим, что создание электронного учебного пособия не требует особых навыков программирования и не обязательно связано с использованием дорогостоящего ПО. Можно заключить, что при грамотном использовании электронное учебное пособие значительно расширяет возможности традиционного текстового пособия. За счет гипертекста и мультимедийных средств создается трехмерное информационное пространство, которое положительно сказывается на мотивации обучающихся и эффективности обучения.

Литература

Савченко Н. В. Электронный учебник как средство повышения качества обучения английскому языку // Молодой ученый. 2022. № 51 (446). С. 217–222.

РЕАЛИЗАЦИЯ МЯГКОСТИ СОГЛАСНЫХ В УСТНОЙ РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ БИЛИНГВОВ В ГЕРМАНИИ И МОНОЛИНГВОВ В РОССИИ

Лыпкань Татьяна Витальевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В результате многочисленных фонетических исследований, ученые пришли к выводу, что частота F2, которая колеблется в диапазоне 2000–3000 Гц, может именоваться «формантой» мягкости. Это мнение было высказано в исследовании Зиндер Л. Р., Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А [Зиндер, Бондарко, Вербицкая, 1964: 28–35] Соответственно, если гласный звук, следующий за согласным на своем переходном участке характеризуется F2 в диапазоне 2000–3000 Гц (более точно — для русского языка около 2500 Гц), а также если F1 этого звука составляет примерно 500 Гц, то можно говорить, что предшествующий согласный звук мягкий, то есть образуется и-образный переход. Исходя из этого тезиса, мы исследовали речь разновозрастных носителей русского языка, проживающих в Германии. В опыте принимали участие родители и их дети, всего 20 человек (11 детей разного возраста и 9 взрослых). Как указывает в своей кандидатской диссертации А. С. Штерн [Штерн 1981: 33], такое количество испытуемых является достаточным для фонетического эксперимента.

Дети-школьники: 11 детей в возрасте от 9 до 16 лет (с 3 по 10 класс), большинство из них (7 человек) родились на территории Германии, в Северном Рейне — Вестфалии, только 3 из 11 родились в южных регионах России и Украины (Ростов-на-Дону, Одесса, Черкассы-Украина), и одна школьница была из Тулы, последние переехали в Германию в возрасте от 1 до 3 лет. Шестеро — юноши и пятеро — девушки. Большинство из них учились в гимназиях. 9 взрослых (родители детей) участвовали в эксперименте, им было от 35 до 51 года (6 женщин и 3 мужчины), выходцы из бывших республик СССР: из России, Казахстана, Беларуси. Все они покинули СССР в 90-е и 2000-е годы в возрасте от 23 до 36 лет, прожили в Германии от 23 до 36 лет.

До эксперимента всем испытуемым была предложена для заполнения анкета с вопросами [Земская 2001: 114]. В исследовании приняли участие также 29 русских семей: родителей и детей-школьников, носителей русского языка, носители русского языка, жители Петербурга, носители петербургской нормы произношения. Объектом изучения является интерферентная речь русскоязычных билингвов Германии и русская речь монолингвов России. Предмет исследования — русские мягкие согласные. Методы изучения материала — инструментальный анализ материала с помощью компьютерной программы Praat (version 6.0.26). В результате исследования было проанализировано 300 слогов с мягкими согласными в различных позициях в слове. Материал исследования: фонетически представительный текст [Степанова 1988].

Выводы. В результате проведенного исследования в речи детей отсутствие и-образного перехода было обнаружено 83 раза (27 %) и в речи родителей. 32 раза (10 %). У детей проблема возникла в области шипящих и области сонантов, аффрикат в разных позициях (18 и 11 случаев) Необходимо отметить, что родители ошибались больше всего при реализации сонантов в начале, середине и конце слова, а также губных и переднеязычных согласных в середине слова, а также некоторых аффрикат. У другого родителя были нарушения в области шипящих, свистящих, сонантов и переднеязычных согласных (8 случаев) в начале, середине и конце слова. Описанная выше группа родителей представляет носителей русского языка, для которых русский язык является родным с рождения. Очевидно, что постоянное нахождение в немецкоговорящей среде не может не наложить свой отпечаток на устную речь, однако, как хорошо видно, произносительная норма не сильно пострадала от влияния «чужого» языка. Что касается монолингвов, то у них наблюдались незначительные нарушения в области мягкости русских согласных, значительно меньше по количеству по сравнению с билингвами. По итогам проведенного исследования можно дать обобщенный анализ текста и привести слова, в слогах которых отсутствовал и-образный переход от согласного к гласному. Наиболее «трудным» и для детей и для родителей стало слово «внешних». В нем ошиблись 4 из 10 испытуемых. Следовательно, отсутствие и-образного перехода чаще других наблюдается после согласного звука [н]. В 1м случае

ошибка была допущена в начале слова, в 1м — в середине слова, в 10 случаях — в конце слова. В целом для носителей русского языка реализация и-образного перехода не представляет особых трудностей. Носители языка чувствуют, где нужно использовать мягкость согласного звука, а приведенные ошибки не являются системными, часто указывают на сложности в артикуляции при соединении слов во фразе.

Литература

- Земская Е. А.* Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 114.
- Зиндер Л. Р., Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А.* Акустическая характеристика твердых и мягких согласных в русском языке // Ученые записки ЛГУ. № 325. Серия филологических наук. Вып. 69. Вопросы фонетики. Л., 1964. С. 28–36.
- Степанова С. В.* Фонетические свойства русской речи: реализация и транскрипция: автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1988. 15 с.
- Штерн А. С.* Влияние лингвистических факторов на восприятие речи. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 200 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ MOODLE В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ

Мазуренко Инна Владимировна

старший преподаватель, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова

В настоящее время при обучении иностранным языкам студентов медицинских вузов все чаще поднимается вопрос о важности использования дополнительных электронных образовательных программ, которые дают возможность выстроить образовательную траекторию в том числе и в условиях дистанционного обучения. СДО Moodle является эффективным инструментом обучения иностранным языкам студентов Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова, так как дает огромное количество возможностей для полноценной поддержки процесса обучения в дистанционной среде, предлагает разные способы представления учебного материала, проверки знаний и контроля успеваемости. Moodle является аббревиатурой от Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment (модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда) [Иванова, Донская, Гуляева 2019: 326]. Это платформа для совместной работы преподавателей и студентов, которая получила популярность во многих странах.

Результативность применения данной образовательной платформы достигается путем выполнения базовых заданий: лексический минимум (Vocabulary), грамматический минимум (Grammar), чтение (Reading), письмо (Writing), слушание (Listening) и использование видеоматериалов (Video tasks) [Белка, Всеволодова, Курисева 2021: 360]. В текстах Vocabulary вводится и закрепляется ключевая лексика по теме. Основные типы заданий: сопоставление слов (matching the words), заполнение пробелов (filling the gaps), выбор правильного слова (choosing the correct word), замена фраз (replacing the phrases), завершение предложений (completing the sentences), исправление ошибок (correcting mistakes), выбор истинного или ложного (choosing true or false), словесная головоломка (word puzzle), поиск скрытого слова (finding the hidden word), поиск антонимов (finding antonyms). Раздел грамматики позволяет интегрировать грамматические упражнения и лексику, закрепляя словарный запас студентов на определенную медицинскую тему. Студенты могут углубиться в тему занятия и ознакомиться с дополнительной лексикой посредством чтения текстов из раздела Reading и выполнения заданий для контроля их понимания. Задания, направленные на отработку навыков письма, расширяют познания студентов в области написания рекомендаций, истории болезни заполнения личной карточки пациента. Работа с аудио и видеоматериалами, размещенными на платформе Moodle, не только создает возможности повышения уровня коммуникативной компетенции, но и позволяет получить реальные фоновые профессиональные знания. Видеоматериалы, обладая разнообразным дидактическим потенциалом, являются средством встраивания обучения иностранным языкам для профессиональных целей в современную систему международного образования, которое базируется на широком использовании современных информационных и коммуникационных технологий. Успешным примером использования СДО Moodle для реализации творческих проектов является съемка видеороликов студентами лечебного факультета СЗГМУ им. И. И. Мечникова о профилактике COVID-19 и непосредственно об университете, в котором реализуются инновационные медицинские образовательные программы. Данная платформа также позволяет контролировать качество полученных знаний с помощью тестов. Все виды заданий являются важнейшим способом активизации самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов и развития медицинской коммуникации в целом [Мухаметшин, Салехова, Мухаметшина 2019: 275].

Использование СДО Moodle при обучении иностранному языку позволяет:

- обеспечить мотивацию к изучению иностранного языка;

- повысить объем выполняемой работы и увеличить объем полученных знаний, сформированных навыков и умений; — рационально спланировать и организовать самостоятельную работу студентов, повысив эффективность обучения;
- формировать коммуникативную и социокультурную компетенции студентов посредством аутентичных материалов;
- создать интересный образовательный процесс.

Для изучения вопроса удовлетворенности использования системы Moodle в образовательном процессе было проведено анкетирование студентов первого курса СЗГМУ им И.И. Мечникова. Результатом анкетирования стало 100% согласие студентов в необходимости использования Moodle в образовательном процессе. Основными преимуществами данной программы респонденты выделили удобство отработки в домашних условиях пропущенных занятий, закрепление пройденного материала и подготовку к тестированию. Причиной трудности в работе с Moodle 10 % опрошенных студентов указали медленную работу программы. Таким образом, обучение на базе СДО Moodle является перспективным и эффективным форматом обучения иностранному языку в медицинском вузе.

Литература

- Белка А. Ю., Всеволодова А. Х., Курисева А. В.* Интеграция профессионально-ориентированного учебного пособия по английскому языку для будущих специалистов в области медико-профилактического дела в СДО Moodle // Шагиловские чтения. Перспективы развития парадигмы иноязычного образования. СПб., 2021. С. 360.
- Иванова О.Н., Донская А.А., Гуляева Н.А.* Применение Moodle в обучении студентов-медиков // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 11(2). С. 326.
- Мухаметшин Л., Салехова Л., Мухаметшина М.* Использование системы LMS Moodle в современном образовательном процессе // Филология и культура. 2019. № 2 (56). С. 275.

ПОСТАНОВКА РЕЧЕВОГО ДЫХАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ НОСИТЕЛЕЙ СЛОГОВОГО ЯЗЫКА (КИТАЙСКОГО)

TRAINING OF SPEECH BREATHING IN TEACHING FOREIGN PRONUNCIATION TO NATIVE SPEAKERS OF A SYLLABIC LANGUAGE (CHINESE)

Павловская Ирина Юрьевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Вишаренко Светлана Владимировна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Дыхание является непреложным условием речи на любом языке. Речевой поток делится на синтагмы/дыхательные группы, отделяемые друг от друга паузами, чаще всего заполненными вдохом. На выдохе воздух, нагнетаемый легкими, позволяет создать подсвязочное давление, приводящее в колебательные движения голосовые связки и/или с шумом проходящий через другие артикуляторные преграды, в результате чего создается звуковой речевой сигнал. При этом структура синтагмы/дыхательной группы в различных языках может отличаться, что отражается и на модели речевого дыхания. Литература на эту тему не так богата, однако в некоторых исследованиях отмечается значительная вариабельность речевого дыхания не только от языковой группы к языковой группе, но и по возрастному признаку. Так, Пиерс Мессим пишет: «Похоже, что синтаксическое ударение у детей, осваивающих западногерманские языки, реализуется активностью дыхательной системы, и что это определяет длительность сегментов в определенных контекстах, длительность более крупных просодических групп и другие аспекты конечного результата. Естественное развитие этой идеи объясняет ряд других давних проблем в фонетике, включая изменчивость времени голосового приступа, фонологию «редукции слога» и Р-центры (центры восприятия)» [Messum 2007].

Научиться полностью переключаться на новый тип дыхания, когда мы хотим сказать что-то на чужом языке, довольно трудно. Особенно трудно переключаться со слогового языка на фонемный или с ударосчитающего на слогосчитающий (что не одно и то же, но иногда совпадает). В ударосчитающих языках (например, в английском и, в какой-то степени, в русском) есть тенденция к регулярности повторения ударов через приблизительно равные промежутки времени, что выливается в сильную редукцию при высокой скорости проговаривания ритмических групп с большим количеством неударных слогов и более медленному произнесению коротких ритмических групп. В китайском же языке, слоги произносятся с примерно одинаковой скоростью, интенсивностью и длительностью. Понятно, что синтагма при этом не может быть очень длинной, поскольку энергетические затраты на такое произнесение должны быть больше, чем в ударосчитающем языке. Обычно китайское синтагма состоит из одного-двух слогов, после которых делается естественная пауза. С артикуляционной точки зрения слог — это звук или сочетание звуков, которое произносится одним выдохательным толчком. Эргоспирометрические замеры показали, что такие показатели как объем воздуха и вентиляция легких в литрах на 1 минуту, необходимые для произнесения высказывания на английском языке, будут значительно превышать аналогичные показатели в речи носителя китайского языка [Pavlovskaya, Vozhevol'nov, Lan Hao 2021].

Итак, будем считать, что речевое дыхание — это выдохательные и выдыхательные действия, которые создают аэродинамические условия, необходимые для речи. Как отмечает Л. И. Вансовская «речь — это озвученный выдох» [Вансовская 2000]. Связанное со звуком дыхание называют также фонационным. Характер фонационного дыхания возникает как результат выработанного с детских лет условного дыхательного рефлекса, однако, исследования физиологов говорят о том, что человек может в известных границах управлять своим дыханием: удлинять или укорачивать вдох и выдох, делать между ними паузы, изменять характер дыхательных движений. Тренировка речевого дыхания в обучении иностранным языкам — аспект, который зачастую

не получает должного внимания. Коррекцией речевого дыхания традиционно занимаются логопеды и преподаватели сценической речи (например, Козлянинова И. П., Чарели Э. М. Речевой голос и его воспитание. М., 1985). Обычно обследование речевого дыхания начинают с оценки характера и типа дыхания в покое и в момент речи. Выделяют следующие типы дыхания:

- 1) костальное (ключичное, верхне-грудное);
- 2) грудное;
- 3) косто-абдоминальное (смешанное, грудобрюшное);
- 4) абдоминальное (брюшное, диафрагмальное). Два последних типа дыхания наиболее физиологичны.

Работа над фонационным дыханием включает в себя следующие этапы:

1. Определение типа дыхания; разработана система упражнений, позволяющих выработать долгий ровный выдох при костоабдоминальном дыхании.

2. Исследование и закрепление умения сознательно дифференцировать носовое и ротовое дыхание.

3. Исследование силы и направленности воздушной струи, упражнения, направленные на выработку ее регуляции: в вокальной педагогике в старину традиционно применялась свеча, сейчас отдельными педагогами может применяться нарезанная бумага или пуховка.

4. Воспроизведение на одном выдохе звукорядов и предложений с постепенным увеличением количества слов. Представляется целесообразным подбирать звукоряды и предложения по принципу «от простого к сложному»: от звуков, характеризующихся минимальной степенью различия в артикуляции со звуками китайского языка до максимальной [Ду Юньша, 2017].

5. В тренировке чередуются мышечное закрепощение с расслаблением. Для развития подвижности дыхательного аппарата и выработки автоматизмов предлагаются упражнения на усиление или ослабление звука, изменение темпа, длинный выдох, использование всего объема дыхания.

Литература

- Messum, Pierce.* The role of imitation in learning to pronounce. Ph.D. Summery, 2007. <https://sites.google.com/site/pmessum/downloads/phd-summary>
- Pavlovskaya I. Yu., Bozhevov'nov V. B., Lan' Hao.* Speech Breathing Parameters as a Differentiating Factor in Language Testing // Тестология (Academic Testing and Assessment). № 3 (15), 2021. St. Petersburg, 2021. P. 34–452.
- Вансовская Л. И.* Устранение нарушений речи при врожденных расщелинах неба. СПб., 2000.
- Ду Юньша.* Методические аспекты постановки русского произношения китайским студентам начального этапа обучения. Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. СПб., 2017.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКАМ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS FOR TEACHING LANGUAGES FOR SPECIAL PURPOSES IN A DIGITAL SOCIETY

Копыловская Мария Юрьевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Философия языкового образования предполагает наличие неких фундаментальных ценностей, к числу которых относятся коммуникативная компетенция и коммуникативная компетентность специалистов конкретных областей экономики. Социальный конструктивизм и конструкционизм, как отдельные и в то же время взаимозависимые понятия, отражают на наш взгляд ситуацию, сложившуюся сегодня в теории обучения профессиональным иностранным языкам. В процессе обучения английскому как иностранному языку образуются некие социальные концепты или конструкты, которые лежат в основе межличностного взаимодействия в данной схеме развития личности, социальный конструктивизм реализуется в создании материала для следующего этапа развития, того на котором происходят процессы характерные для социального конструкционизма, т. е. те в которых реализации новые, приобретенные в процессе обучения свойства личности ее компетенции реализуются уже в ситуации межличностного общения в коллективе или в группе.

Социальный конструктивизм, согласно взглядам Л. С. Выготского, сводится к конструированию знаний в значимых для индивидуума конкретных ситуациях [Выготский 2005]. Требование аутентичности языкового материала, в русле коммуникативного метода обучения, не только выступает в качестве основного принципа социоконструктивизма, но и становится некой характеристикой чертой современного эффективного обучения, так как безграничные возможности, которые предоставляют цифровые технологии для специалистов в области экспозиции аутентичного языкового материала, превосходят все ожидания и особенно актуальны в области обучения профессионально-ориентированным иностранным языкам.

Социальный конструкционизм лежит в основе закрепления или актуализации изученного материала и реализуется в форме некоего сценария или ролевого многокомпонентного задания, когда полученные на занятиях знания реализуются в форме профессионально-ориентированного проекта подгруппы. Таким образом, происходит трансформация конструктов, которые создавались в течение всего периода обучения, компетенции приобретаемые в процессе обучения, трансформируются в интегративные свойства личности, т. е. в профессиональные лингвистические компетентности. Для обучения английскому языку специалистов в области точных наук Google Play Market [Копыловская 2021], предлагает приложения, способствующие развитию когнитивных способностей в целом (Neuronation, Cognifit, Mnemoson и проч.) профессионально-ориентированные приложения на русском языке (См. например: Цитология: строение клетки — www.99Dictionaries.com; Таблица Менделеева — www.chernykh.tech; Формулы по физике: [www.MaxonAndroidDev](http://www.MaxonAndroidDev.com) и т. п.) так и постепенно начинают возникать приложения, специально предназначенные для обучения английскому языку для специальных целей (например: Английский для IT: GKK; Learn Chemistry-Notes: Gigantic Apps; Английский для туристов: GKK), то есть в узком профессионально- или социально-ориентированном контексте.

Раздел 4. «Цифровые инструменты профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам» коллективной монографии «Новое в обучении профессиональному английскому языку: цифровая культура и цифровое образование» недостаточно полно раскрывает возможности существующих сегодня виртуальных лабораторий типа Virtual Lab и возможностей программ 2D- симуляторов (См. Приложение к Разделу), которые позволяют изучать английский язык в контексте будущей профессии [Новое в обучении 2021].

С точки зрения социального конструктивизма, данные лаборатории и симуляторы способны помочь в создании профессионально-ориентированных конструкторов на английском языке. Закрепление же полученных знаний в рамках условного проекта отражает действие в духе социального конструкционизма. Преподаватель-лингвист может не в полной мере владеть профессиональной спецификой, но обладая требуемыми языковыми знаниями, может оценить лингвистическую сторону использования профессионально-ориентированного языка. Данная модель предполагает наличие условной коммуникации на иностранном языке и позволяет осуществить переход от актуальных компетенций к актуальным компетентностям специалистов в различных областях экономики страны, что позволяет поднять уровень мотивации будущих специалистов и сделать занятия более эффективными.

Литература

- Выготский Л. С.* Проблема культурного развития ребенка // *Выготский Л. С. Психология развития человека.* М., 2005.
- Копыловская М. Ю.* Использование узкоспециальных цифровых инструментов для формирования Англоязычной фонетической компетенции синофонов в контексте обучения устному общению // *Магия ИННО: лингвистика и лингводидактика в меняющейся системе координат.* М., 2021. С. 463–468.
- Новое в обучении профессиональному английскому языку: цифровая культура и цифровое образование / под ред. *М. Ю. Копыловской.* М., 2021.

ОБ ОПЫТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КУРСА, СОВМЕЩАЮЩЕГО ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ (ESP) И ПРИОБРЕТЕНИЕ НАВЫКОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЕДИНИЦ УРОКА ДЛЯ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИХСЯ НА МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Андреева Екатерина Васильевна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Подход ESP используется в двух основных направлениях: академическое (для сдачи экзаменов при поступлении в иностранные вузы) и обучение будущих специалистов самых различных областей (право, медицина, технические специальности, биология и проч.). Большинство исследований [Джонс: 2001, Эванс: 1998] направлены на изучение конструирования и реализации курсов ESP при обучении студентов неязыковых вузов. Мы предлагаем третье, особое направление — обучение ESP студентов-методистов языковых факультетов с возможностью сразу опробовать свои силы в разработке собственных материалов. Особое отличие данного курса заключается в том, что его слушатели — будущие преподаватели иностранных языков, поэтому курс обладает двухуровневой структурой: работа с лингвистическим материалом и работа с уровнем методическим, где студентам предлагается ознакомиться с некоторыми теоретическими аспектами методики, такими как методы и система упражнений в рамках подхода ESP и представить свои разработки. Курс был разработан и реализован в рамках программы магистратуры, специализирующейся на методике обучения иностранным языкам, лексическим фокусом освоения курса была тематика «История искусств». Методическим фокусом стала работа с методами и системой упражнений и разработкой фрагмента урока в рамках выбранного метода. Данный курс предоставляет дополнительную возможность практиковать иностранный язык, количество часов на изучение которого в магистратуре ограничено, и в то же время даёт возможность усвоить новые знания в методике обучения иностранным языкам и применить их на практике, это особенно ценно для студентов, не имеющих образования уровня бакалавриата по специальности «обучение иностранным языкам и культурам». Сочетание вышеуказанных характеристик курса делает его особо привлекательным.

Включение методических блоков происходит в середине и в конце курса. В середине курса студентам предлагается ознакомиться с описаниями методов обучения иностранным языкам (коммуникативный, прямой, аудиолингвальный, кооперативный/консультативный), в частности ознакомиться с историей метода, доказательствами его эффективности, особенностями применения. В качестве отчёта об усвоении материала студенты производят презентацию одного из методов, выделяя его ключевые характеристики, далее предоставляют фрагмент урока для своих одноклассников в рамках выбранного метода на одну из пройденных в первой части семестра тем. Данный курс хорошо сочетается с курсом общей методики и другими узконаправленными предметами и во многом дополняет их. В качестве итоговой аттестации студенты подробнее знакомятся с темой «система упражнений» и предоставляют методическую разработку, в которой выстраивают план юнита по одной из пройденных в рамках семестра тем, в пояснительной записке раскрывая целесообразность именно такой схемы упражнений (отдельно ко всему прочему проводится и лексический тест).

Мы предлагаем данный курс, состоящий из двух блоков ESP и двух методических блоков для использования с любой тематикой, мы также предлагаем не ограничивать студентов английским языком в рамках своих разработок, предоставляя им возможность использовать тот язык, с которым они будут работать в будущем, формируя у них портфолио планов уроков и методических разработок. Мы считаем важным описание опыта реализации данного курса, поскольку включение такого курса в программу соответствует цели реализации интегративного подхода при выстраивании программы магистратуры и способствует формированию компетенций ПКП 1 и ПКП 2. Также, согласно проведенному среди студентов опросу, они высоко

оценивают эффективность курса для усвоения не только новой лексики и знаний об истории искусств, но и тем, связанных с методикой, поскольку имеют возможность проработать их на практике. Студенты также выше оценивают свою готовность работать в неязыковом вузе после прохождения данного курса. Курс также может найти широкое применение в рамках ДПО и курсов повышения квалификации для преподавателей иностранных языков.

Литература

Dudley-Evans T., St John M. J. Developments in English for Specific Purposes. A multi-disciplinary approach. Cambridge, 1998.

Johns A. M., Price-Machado D. English for Specific Purposes (ESP): Tailoring Courses to Students Needs and to the Outside World // М. Celce-Murcia (Ed.). Teaching English as a Second or Foreign Language. Heinle & Heinle, London, 2001.

ОБУЧЕНИЕ ДЕЙСТВИЕМ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ МЕТАКОГНИТИВНЫХ НАВЫКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

ACTION-BASED PROJECTS AS A WAY TO FACILITATE THE DEVELOPMENT OF METACOGNITIVE SKILLS WHILE TAKING AN ESP COURSE

Вострикова Ирина Юрьевна

доцент, Воронежский государственный университет

Одной из ключевых целей высшего образования является формирование гражданской и нравственной позиции учащихся. Гражданское воспитание и приобретение профессиональных компетенций — это единый процесс, ориентирующий студентов на создание перспективного пространства в будущей профессиональной деятельности. Понимание социально-общественного устройства и проблем окружающей среды имеет важное значение для студенческого сообщества, поскольку помогает сформировать активную гражданскую позицию и осознавать основные социальные потребности. Крайне важно дать учащимся понимание того, что возможность изменять среду вокруг нас позволяет внести свой вклад в эффективное решение проблем нашего общества. Ключом может служить обучение путем разработки проектов по решению актуальных, сущностных, реальных проблем. Проекты по решению реальных проблем на занятиях иностранного языка — это больше, чем просто предложение новых и уникальных идей. Это — поиск инновационных способов решения как старых, так и новых проблем, путем совершенствования коммуникативных компетенций. Подобные проекты ориентированы на формирование личностных и профессиональных социально-значимых качеств. Учащиеся формулируют стоящие перед ними задачи, проанализировав все соответствующие аспекты проекта. Они могут генерировать идеи, выявлять потенциальные препятствия и претворять в жизнь соответствующие планы. Выполнение общественно-актуальных проектов способствует развитию инициативности, ответственности и заинтересованности в решении современных социальных проблем. Таким образом, сам контекст проектов по решению реальных проблем может послужить основой создания смыслообразующей ситуации общения на иностранном языке и моделирования социальных отношений человек-общество. Наконец, выполнение подобных проектов на иностранном языке помогает студентам объективно оценивать свои языковые возможности и корректировать планы и процессы для достижения наилучших результатов повышения уровня своих компетенций и реализации поставленных задач.

Способность добиваться поставленных целей, анализировать свои возможности и улучшать собственные коммуникативные компетенции — это метанавыки, которые предназначены для развития мышления роста, подготовки к обучению на протяжении всей жизни и развитию новых компетенций в постоянно меняющейся современной профессиональной среде. Опора на личностные ценности помогает учащимся овладеть искусством принятия трудных решений, положительно влиять на вклад коллег-студентов в рабочий процесс, стимулировать изменения и инновации в реальной жизни. Выполняя проекты по решению реальных проблем, студенты обучаются тому, как, казалось бы, незначительные фрагменты информации составляют целостную картину. Способность проводить логические связи между фактами и разрозненными фрагментами информации и находить решение, а также оценивать, как малозначительные действия могут повлиять на результаты, являются ключевыми метакогнитивными навыками на современном рынке труда. Проект, который я представляю, направлен на развитие метакогнитивных и метапредметных навыков, при которых учащиеся должны иметь возможность генерировать идеи и учиться претворять свои планы в жизнь, способствуя решению реальных проблем нашего общества. При этом развитие коммуникативных компетенций на иностранном языке способствует формированию сознательного отбора и использованию тех языковых средств, которые помогают осуществлять речевое взаимодействие, позволяющее с максимальной эффективностью обеспечить решение конкретных задач.

В качестве задания студентам-второкурсникам факультета компьютерных наук Воронежского государственного университета на занятиях английского языка предлагается придумать концепцию своего проекта по теме «Меняем свой город/район к лучшему». В качестве стартового шага они фотографируют какое-либо место в их районе, которое нуждается, по их мнению, в улучшении. Выбор места и контента фотографии зависит только от личного выбора автора проекта и насколько данное место нуждается в преобразовании. Это будет фото «до». Затем им предлагается тщательно проанализировать все возможности изменений и детально разработать проект улучшений. На следующем этапе каждому предлагается выбрать программу для обработки снимков, установить ее и протестировать. Далее учащиеся начинают обрабатывать, форматировать, редактировать и ретушировать первоначальный снимок в выбранном приложении для обработки изображений и дизайна. Это будет фото «после». Затем студенты представляют в классе свои проекты обновления и изменения определенного района в городе, комментируя каждое возможное улучшение, которое они бы сделали, используя ранее заученный вокабуляр и структуры.

Несомненно, что полученные метапредметные навыки по изучению новых программ-приложений для обработки фотографий, анализ и генерирование идей способствуют приобретению новых профессиональных компетенций. Данные навыки необходимы для работы современного специалиста в области информационных технологий. При этом, изучение терминологии и определенных языковых структур на английском языке является ключевым элементом для достижения успеха в профессиональной деятельности в сфере информационных технологий. Таким образом, разработка и эффективная реализация интерактивных и практико-ориентированных проектов в процессе обучения иностранному языку в контексте будущей профессиональной деятельности студентов приобретает особое значение. Данные проекты эффективно обучают воспринимать и осмысливать профессиональную форму речи на иностранном языке, которая, отличается большим количеством терминов, преобладанием специфической лексики и насыщенностью содержания.

ЭЛЕМЕНТЫ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЧЕТАНИИ С ПРИНЦИПАМИ ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО КУРСУ «ГИДЫ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ» В УЧРЕЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Зиннурова Аида Рифгатовна

педагог дополнительного образования, Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных

В статье предложены различные формы работы на практических занятиях для будущих гидов-переводчиков с применением игровых технологий. Представлены упражнения с игровым компонентом для развития речевых умений учащихся. Ключевые слова: предметно-языковое интегрированное обучение, английский для специальных целей, обучение английскому языку, игровые технологии Keywords: CLIL, ELT, English for special purposes, gamification Abstract: The article deals with practical ways and methods of work in class with future city guides. Exercises with gamification elements are introduced. В данной статье представлены практические задания, формы и методы из арсенала игровых технологий, которые возможно использовать в процессе обучения английскому языку учащихся в учреждении дополнительного образования. Игра, в самом широком смысле этого слова, остаётся неотъемлемым и даже необходимым атрибутом нашей жизни. «...истинная, чистая игра сама по себе выступает как основа и фактор культуры» [Хейзинга, 1997]. Игровые приёмы также стимулируют мотивацию учащихся непосредственно на занятии. В процессе обучения элементы игры особенно эффективно использовать при повторном предъявлении материала, закреплении ранее пройденного, при активизации лексических единиц. Ситуация игры помогает увеличить степень вовлеченности каждого обучающегося в группе в сам процесс обучения. Курс по обучению гидов-переводчиков предполагает использование принципов CLIL — предметно-языкового интегрированного обучения. Это связано с тем, что будущему гиду необходимо владеть обширным спектром знаний по истории и культуре Санкт-Петербурга и в дальнейшем уметь изложить информацию о городе на английском языке. На каждом занятии происходит как отработка речевых навыков и умений, так и закрепление знаний о том или ином аспекте исторической науки. В процессе развития навыков аудирования параллельно уделяется внимание контролю лексических навыков. При изучении лексики в рамках темы «Внутренняя политика России в 18 веке» совершенствуются также навыки аудирования с целью извлечения специальной информации. На занятии учащиеся смотрят двухминутное видео «Era of Palace revolutions» (Эпоха дворцовых переворотов). До просмотра предъявляются вопросы к видео, на часть которых учащиеся могут ответить ещё до просмотра. На втором этапе работы с видеоматериалом учащиеся знакомятся с лексикой по теме; после семантизации каждого выражения производится анализ англо-русских соответствий в русской и британской историографиях. Далее проводится игра «Кто быстрее поднимет руку». До показа видео учащиеся должны ознакомиться со списком из 12 слов. Во время второго просмотра видео нужно поднимать флажок в руке в момент произнесения в фильме слова из списка. Данное упражнение вносит не только элементы веселья, но и соревновательности. Студенты активно и эмоционально включаются в игру, после просмотра видео активно обсуждали этапы истории России. Естественно, что как тематика видеоряда, так и количество лексических единиц варьируется самим преподавателем. Использование элементов игры возможно также для развития одного из важнейших видов речевых умений — говорения. Обучающимся дается задание написать диалог на английском языке между Екатериной II и одним из её фаворитов. В качестве образца для возможного диалога предлагается материал с информационного портала Арзамас — «Тиндер для императрицы». Затем нужно на английском языке провести с избранником исторически обоснованную беседу, для того, чтобы роман состоялся. Интеграция игровых технологий и принципов предметно-языкового интегрированного обучения направлена как на развитие компетенций в области английского языка, так и на углубленное овладение понятиями исторической науки. В заключении можно отметить, что сочетание

игровых приемов и подходов предметно-языкового интегрированного обучения по сравнению с традиционными методами имеет ряд преимуществ в формировании англоязычной коммуникативной компетенции у обучающихся.

Литература

Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / пер. с гол. Д. В. Сильвестрова. М., 1997.

Coyle D., Hood Ph., Marsh D. CLIL Content and Language Integrated Learning. Cambridge, 2010.

Образовательный портал Арзамас. www.arzamas.academy/materials/975 (дата обращения: 13.01.2023).

МОДИФИКАЦИЯ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ НА ОСНОВЕ МЕТОДОВ CLIL (УСПЕШНЫЕ ПРИМЕРЫ)

UPDATING READING WITH CLIL METHODS (SUCCESSFUL CASES)

Марницына Екатерина Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

Reading long professional texts as part of students' independent work is one of the longest traditions in teaching ESP in Russia. The activity is known in Russian tertiary education as home reading and is a prolonged activity when students read independently authentic texts on the future profession, compile their own professional glossaries and later briefly discuss the texts with the teacher. Advantages of the activity include vocabulary expansion, acquaintance with the academic discourse and innovations in the professional field, ability to meet deadlines, manage your time, etc. However, the activity seems to have lost its efficiency due to the dramatic changes in the 21st century when the way of thinking, living and studying have significantly transformed. Young generation is reluctant to read long texts in a foreign language because it is a very time-consuming and tiresome task. Generation Z is also characterized by clip thinking, which means perceiving a long text is a challenge.

To make the activity efficient again, we need to reinvent it and encourage learners to process the text. If we prove its practical value for their future professional growth and development it will generate interest. Content and language integrated learning (CLIL) offered by D. March in 1994 can help here. CLIL refers to the situations where a foreign language is used to teach a subject content, thus pursuing a dual aim: to promote both the language and content mastery [Marsh 2012: II]. CLIL in its pure form is often difficult or even impossible to introduce into the educational process, which led to different forms of integrating the subject and the language in a real educational environment, one of them is teachers' collaboration, when the subject content is introduced during the language lessons with the guidance and facilitation of the subject specialists [Кузнецова 2016: 69; Пичкова 2017: 19]. Building up teachers' collaboration around reading complies with the main CLIL principles, since reading skills enhance comprehension of the subject and facilitate the access to subject specific terminology [Chostelidou 2014: 2170]. Cooperation between foreign language teachers and professionals in specific fields assists in finding relevant texts and developing profession-related activities, competitions and even events.

The implemented projects included cooperation between the article author, associate professor of the foreign languages department of Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, and associate professors and professors of other university departments preparing specialists in different design areas (fashion, interior, CAD) at both Bachelor's and Master's levels. Development of a successful CLIL project undergoes three stages: collaboration, team teaching and evaluation of the project, all stages being crucial. Collaboration stage includes meeting of the involved academics to identify common interests and aims, in this particular case, to also identify texts or the theme for reading, which would become the basic of the project, and, finally, to develop a detailed plan for students with the exact tasks and deadlines. After that, both teachers introduce the project emphasizing the outcomes and benefits connected with their field. Everybody starts working on the project outcomes, both teachers being in contact and coordinating the process, that is team teaching. Project work culminates with the presentation of the educational artifact, such as created product or research outcomes. Students have to create something which they can really show at the evaluation stage and even use to benefit their professional career. Some successful cases here include: reading about competitors' products and developing your own software and your own website, reading about innovations or history in the science subfield and writing an article, reading on fashion history and writing course papers on Russian reminiscence in European fashion, reading description of design items and creating and describing your own design item. Participating in such projects, students become co-creators of their learning experience, they gain new skills and knowledge and improve their self-sufficiency. Project outcomes are evaluated by both academics and every student gets feedback from both parties. Such activities create a sense of accomplishment, because the created things could be really used. The project carried out in

cooperation with the professor of Technical Aesthetics and Design got an award from the Ministry of Culture of the Russian Federation.

Литература

Marsh D. Content and Language Integrated Learning (CLIL). A Development Trajectory. Edita: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Córdoba, 2012.

Кузнецова Т.И., Кузнецов И.А. Развитие системы профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам в техническом ВУЗе на основе предметно-языковой интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2016. № 1 (173). С. 67–73.

Пичкова Л.С. Роль предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) в формировании новых образовательных технологий в высшей школе // Человеческий капитал. 2017. № 8. С. 71–74.

Chostelidou D., Griva E. Measuring the effect of implementing CLIL in higher education: An experimental research project // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 116. P. 2169–2174.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

Мастыкина Людмила Юрьевна

доцент, Смоленский государственный университет

В процессе подготовки будущих учителей особенно актуальным является лексический подход, предложенный Майклом Льюисом. Его суть заключается в том, что лексические единицы изучаются не изолированно, а с опорой на контекст. Данный подход расширяет представление о том, что значит знать слово. По мнению М. Льюиса, важно организовать работу не с вокабуляром, а с лексиконом, который представляет собой не только отдельно взятые слова, но и их коллокацию с другими словами [Lewis 1993]. Если учить вокабулярные единицы изолированно, это может вызвать трудности в их употреблении в собственном высказывании. Поэтому важно обращать внимание на контекст, начиная с процесса семантизации лексики, и заканчивая составлением самостоятельных высказываний с ее использованием. Рассмотрим, как на практике можно реализовать данный подход со студентами 1 курса направления подготовки «Педагогическое образование (профиль: Английский язык)». Предлагаемые нами упражнения могут быть использованы на практических занятиях по английскому языку для работы над произведением П. Л. Трэверс «Мэри Поппинс».

1. Transcribe and translate the following words: parrot, haughtily, smooth, secure, tiptoe, iron, artificial, collapse, superior, cough. Это упражнение предполагаем работу над произносительной стороной слова.

2. Translate the following compounds into Russian: raspberry-jam-cakes, match-man, Merry-go-round, garden-path, side-walk, lamp-post, green-and-red, table-napkin, afternoon-tea, fairyland, policeman, wind-screen, white-gloved, background, sunlight.

3. Translate the following words into English: полицейский, рассеянный, вишня, старомодный, приятный на вид, трудолюбивый.

4. Change the following sentences according to the pattern: Kate's eyes are blue. She's blue-eyed.

- 1) Fred's skin is dark.
- 2) Your hair is fair.
- 3) Her nose is snub.
- 4) Nick's shoulders are broad.
- 5) Nina's eyes are big.

5. Study the following vocabulary items, remember the situations in which they are used in chapter 2. Студенты составляют свои небольшие ситуации с использованием лексических единиц. Make up a situation of your own, using no fewer than 6 items: (p. 13) to put on, (p. 16) to wear (wore, worn), (p. 13) to look one's best, (p. 17) to help oneself to, (p. 14) to be disappointed, (p. 17) in the background, (p. 15) to hurt smb's feelings.

6. Translate the following sentences into Russian and make up your own ones on analogy (in writing): It had such a beautiful handle that she couldn't possibly leave it at home. Once outside in the Lane, she set off walking very quickly.

7. Answer the following questions in detail:

- 1) When did Mary Poppins have her day out?
- 2) Describe her appearance when she set off walking.
- 3) Why was she walking so quickly?
- 4) What kind of preparations did she make before she went forward to meet the Match-Man?
- 5) What were the Match-Man's professions?
- 6) What did it depend on?
- 7) What was he doing on that particular day?

- 8) What was his attitude to Mary?
- 9) What did they (Mary and Bert) talk about?
- 10) What did he show Mary Poppins?
- 11) What did Mary think about the first picture?
- 12) What was painted in the next picture?
- 13) What did the Match-Man suggest doing?
- 14) Describe the landscape which they saw when they found themselves inside the picture.
- 15) How did the Match-Man and Mary change?
- 16) What did they find when they “came upon a little open space filled with sunlight”?
- 17) Who waited for them?
- 18) What do you remember about the man?
- 19) What else did they find there?
- 20) Why did the Waiter have to show them the way out?
- 21) Why was the Match-Man pleased with himself?
- 22) What happened to them when they stepped through the white door way? Who came running to meet her at home? Студенты отвечают на вопросы, используя активную лексику.

8. Translate into English:

- 1) Я надену новые перчатки и шляпу. Это мое первое свидание, и мне хотелось бы выглядеть наилучшим образом.
- 2) Когда дети узнали, что Мэри не видела ни Золушку, ни Робинзона Крузо, они были разочарованы.
- 3) Почему Вы всегда одеты в черное?
- 4) Я не пользуюсь такими духами.
- 5) Попробуйте этот салат. Он очень вкусный.
- 6) Мы сделали все возможное, чтобы не обидеть его.
- 7) Когда Берт и Мэри подошли к карусели, она начала вращаться медленнее.
- 8) На заднем плане мы видим фигуру всадника.

Мы считаем, что предлагаемые нами упражнения отвечают требованиям лексического подхода к обучению английскому языку и способствуют формированию лексического компонента лингвистической компетенции. Данный подход позволяет избежать большого количества ошибок в речи, способствуя формированию более прочного лексического навыка.

Литература

Lewis M. The lexical approach: The state of ELT and the way forward. Hove, England: Language Teaching Publications, 1993.

Практический курс английского языка: учебные задания для студентов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» (профиль «Английский язык» / сост. О.Ю. Головинская, Л.Ю. Мастыкина. Смоленск, 2010.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ MIND MAP В ОБУЧЕНИИ ESP (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТЕМЫ CRIME AND PUNISHMENT)

MIND MAP TECHNOLOGY IN ESP TEACHING (IN THE CONTEXT OF CRIME AND PUNISHMENT TOPIC)

Ниязова Галина Юрьевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Дистанционный формат обучения показал значимость информационных технологий и существенную пользу от их применения как для педагога, так и для обучающегося. Сейчас, при возвращении очного формата обучения, несомненно, преподавателю не следует отказываться как от навыков использования информационных технологий, так и от возможностей формирования многомерной образовательной среды в учебном заведении.

Современные педагогические технологии, ориентированные на обучающихся, учитывают их интересы и потребности, способствуют развитию мышления, памяти и творческих способностей, обладая не только образовательным, но и воспитательным потенциалом. Использование интеллект-карт, несомненно, является таким методом. «В результате использования данного метода на уроках английского языка создается положительная мотивация к овладению иностранным языком, происходит организация групповой и индивидуальной деятельности учащихся, осуществляется дифференцированный подход. Учащиеся учатся пользоваться дополнительными источниками информации, при этом сокращается время на понимание и запоминание объемного материала. Обработанная таким образом информация позволяет более успешно подготовиться к итоговой аттестации» [Котова, Коковина 2017: 31].

Использование интеллект карт развивает у обучающихся умение отличать точность и ценность информации, умение, которое потом можно успешно применять не только при изучении иностранного языка, в частности, и не только при обучении вообще. «Интеллект-карта — это аналитический инструмент, поскольку применима для решения любой проблемы. Благодаря ассоциативной логике, интеллект-карта переходит сразу к сути вопроса. Она позволяет видеть масштабную картину. С одной стороны, она дает возможность сосредоточиться на деталях, а с другой — обеспечивает перспективу» [Бьюзен 2021: 20].

Таким образом, мы рассматриваем применение технологии Mind Map на занятиях по английскому языку для второго курса обучающихся факультета международных отношений. Выбор лексической темы продиктован тем, что, во-первых, неизменно вызывает интерес обучающихся независимо от их уровня владения иностранным языком, во-вторых, позволяет разделить тему на две части, где на примере первой лексической части — Crime — преподаватель объясняет основные принципы составления интеллект карты, а вторую часть — Punishment — обучающие самостоятельно оформляют в виде Mind Map. Техника mind map использовалась с середины 60-х гг. XX в. Для изучения и понимания особенностей создания интеллект карты мы обратимся к книге Тони Бьюзена (создателя метода структурирования и запоминания информации) «Интеллект-карты. Полное руководство по мощным инструментам мышления» [Бьюзен 2021], поскольку при неправильном использовании техники она утрачивает свою эффективность. Так же на начальном этапе мы считаем релевантным использование готовых интеллект карт для формирования лучшего понимания и применения метода у обучающихся.

Для создания интеллект карты мы будем использовать сайт mindmeister.com, позволяющую не только дополнять сложную диаграмму, но и участвовать в её составлении большому количеству людей. На данный момент сайт предоставляет возможность создания бесплатно трех интеллект карт. Таким образом, в зависимости от формы организации занятий, появляется возможность презентовать результаты индивидуальной работы или групповой работы студентов, а также проводить фронтальную работу.

Технологию можно использовать как для структурирования новой информации, так и для проверки знаний обучающихся, интеллект карты могут быть применены как на занятии, так

и в качестве домашнего задания. Не следует воспринимать интеллект карты как упрощение сложного текста, дискредитирующего специалиста. «Ментальные карты — это своеобразное отражение профессионализма. Технология Mind Mapping способна отразить навыки планирования, управления временем и умения визуализировать устную или письменную информацию. Это важный инструмент в работе специалистов различных областей, и многие пользуются данной технологией, чтобы грамотно распоряжаться временем, отведенным на образовательную деятельность. А то, что ментальными картами пользуются многие во всем мире, является показателем эффективности этого инструмента» [Ахмедова 2020: 311].

Литература

- Ахмедова Э. М.* Актуальные аспекты использования технологии интеллект карт (Mind Map) в педагогическом процессе // Мир науки, культуры и образования, № 2 (81). М., 2020. С. 310–312.
- Бьюзен Т.* Интеллект-карты. Полное руководство по мощному инструменту мышления. М., 2021.
- Котова О. Г., Коковина Е. В.* Интеллект карты на уроках английского языка // Проблемы современной науки и образования. № 35 (117). 2017. С. 27–31.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Скребнева Тамара Григорьевна

доцент, Нижегородский государственный технический университет

Визуализация информации подразумевает обращение изучающих иностранный язык к образам, выход за рамки вербального диапазона познаний в профессиональной области. Она опирается на дидактический принцип наглядности — одной из составляющих сторон обучения, хотя и не исчерпывается ею. Значение слова «образ» в словаре Ушакова трактуется как «...живое, наглядное представление о ком-чем-нибудь...» [Словарь Ушакова]. В языке общедоступно-бытового общения визуализация позволяет воссоздать иную картину мира, отличную от родной, понять ее организацию, ее системность, ее специфику. В профессиональном языке, который описывает природные явления и законы, универсальные, общие для различных языковых культур, прием визуализации помогает глубже проникнуть в суть явления или закона. В обучении иностранному языку визуализация связана с проблемами понимания. Со стороны преподавателя она определяется задачей, состоящей в том, что необходимо точно и надежно донести до сознания ученика релевантную информацию. Для студента образное отображение — это способ определить, насколько достоверно его представление о реальности, которое он сам создал.

Предъявление чего-либо в форме, удобной для наблюдения, может осуществляться с помощью различных средств. Сюда входят рисунки, иллюстрации, таблицы и др., предлагаемые как в бумажном виде, так и в электронном. Это — область преимущественного применения преподавателем для объяснения подопечным изучаемого материала. Ей отводится роль некоего подспорья вербальному способу изложения. Обратимся, однако, в дальнейшем к визуализации самих обучаемых, использующих в процессе обучения подобный метод как способ отражения понимания изученного. В этом смысле, получение образного сообщения может быть достигнуто с помощью таких упражнений, предложенных студентам, как «нарисуйте ...», «составьте график ...», «напишите формулу, которая лежит в основе применяемой практики» и т. д. Думается, что такой подход содержит в себе возможность развития большего потенциала самостоятельности и творчества при выполнении предложенной задачи.

Для иллюстрации вышеизложенной мысли можно привести следующий пример. Учебник, лежащий в основе профессионального обучения специалистов в области энергетики и электротехники [Галкина 2013], содержит преимущественно текстовые сведения; иллюстративный материал, в силу формата курса, в нем весьма ограничен. Нередко, знакомясь с информацией, при условии, что лексика изложения особой трудности не содержит, студент ограничивается поверхностным, приблизительным пониманием текста. Так, описывая различие между переменным и постоянным током, автор учебника прибегает к помощи слов. Чтобы проверить, насколько точно обучаемые уловили дифференциацию между этими двумя видами динамического электричества, преподавателю целесообразно предложить студентам начертить графики постоянного и переменного тока, и, убедившись, что работа выполнена правильно, предложить, следующим шагом, прокомментировать чертеж, изображающий с помощью линий количественные показатели развития/состояния указанного явления.

Еще пример. Отмечая, далее, преимущества высокого напряжения для экономной передачи электроэнергии на дальние расстояния, автор учебника приводит количественные данные мощности и напряжения в двух различных линиях электропередачи (ЛЭП) [Галкина 2012: 69]. Текст учебника подсказывает задание обучающимся — «изобразить, как выглядят линии экономной и затратной трансмиссии». Имея определенные сведения из курса теоретических основ электротехники, студенты осознают, что правильное решение задачи кроется в корректном воспроизведении неодинаковой толщины проводов данных двух ЛЭП. Достигнув вышеназванной цели, преподаватель может развить тему, предложив обучаемым представить формулу закона отношения напряжения, количества тока и мощности, а также прокомментировать далее,

как закон Георга Ома объясняет суть экономной передачи электроэнергии. Текстовая информация — не единственный источник для применения визуализации в обучении иностранному языку. Курс иностранного языка в техническом вузе жестко регламентирован. Обучению иноязычной речи отводится четыре семестра, из них в первом преподаватель располагает четырьмя академическими часами в неделю, в трех остальных семестрах — двумя. В таких условиях значительная роль отводится наглядному материалу в виде тематических видео, которые дополняют текстовые источники и, как правило, предназначаются для самостоятельного просмотра. Проверочные упражнения обычно содержат вопросы, или задания типа Say if it is True or False. Замечено, что работая с видеоматериалами, студенты особое внимание уделяют текстовому сопровождению видеоряда (субтитрам), не всегда сосредотачиваясь на образах. Применить прием визуализации — способ побудить обучаемого направить внимание на профессионально значимую информацию. Так, после просмотра фильма How do Transmission Lines Work целесообразно предложить студентам изобразить линии электропередач с различными значениями напряжения (рисунок должен показать разное количество изоляторов, установленных на опоре ЛЭП). Подытоживая, следует сказать, что визуализация — это эффективный способ достижения более глубокого понимания иноязычных источников, используемых в обучении профессиональному языку.

Литература

Словарь Ушакова. online. Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=38161> (дата обращения: 05.01.2023).

Галкина А. А. Английский для бакалавров электротехнических специальностей. Ростов н/Д, 2013.

How do transmission lines work. Режим доступа: https://www.google.ru/search?newwindow=1&client=opera&q=how+do+transmission+lines+work+video&spell=1&sa=X&ved=2ahUKEwi3yppyfkbH8AhWil4sKH8SrKCEYQBSgAegQICBABA&biw=1326&bih=637&dpr=1&kpvalbx=_GCG3Y9aBKYT6qwHF-aSwAg_25 (дата обращения: 05.01.2023).

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

РОЛЬ ДИСКУРС-АНАЛИЗА В ОБУЧЕНИИ МАГИСТРАНТОВ-ЛИНГВИСТОВ ПЕРЕВОДУ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

THE ROLE OF DISCOURSE ANALYSIS IN TEACHING TRANSLATION IN PROFESSIONAL COMMUNICATION TO STUDENTS SPECIALIZING IN LINGUISTICS (THE MASTER DEGREE LEVEL)

Тарнаева Лариса Петровна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Шаврова Анна Владимировна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Осипова Екатерина Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургского государственного политехнического университета

В современной парадигме научных знаний понимание процессов коммуникации связано с подходом к использованию языка во взаимосвязи с социальными, культурными, политическими, историческими и прочими факторами, обуславливающими построение конкретного речевого произведения. В связи с развитием разносторонних профессиональных контактов между представителями различных стран, одной из актуальных задач языкового образования становится обучение дискурсивным практикам межкультурного профессионального общения. В этом контексте одним из важных компонентов магистерских образовательных программ лингвистических направлений является нацеленность на формирование у магистрантов коммуникативных умений перевода профессионально-ориентированного дискурса. Данное требование учтено в ряде общепрофессиональных и профессиональных компетенций, которыми должен обладать дипломированный специалист. Согласно ФГОС ВПО по направлению 45.04.02 «Лингвистика» (уровень магистратуры) выпускник в ходе осуществления переводческой деятельности, которая входит в обязательный список его профессиональных задач, должен учитывать специфику концептуальной и языковой картин мира носителей языков, участвующих в переводческом процессе, владеть когнитивно-дискурсивными умениями, позволяющими воспринимать и порождать различные виды текстов в устной и письменной формах, применять адекватные приемы перевода с целью достижения необходимого коммуникативного эффекта, а также использовать знания, полученные из различных областей профессионального общения для решения профессиональных задач, в частности, связанных с процессом перевода [ФГОС 2016]. Формирование дискурсивных умений перевода в сфере профессионального общения строится на основе дискурс-ориентированного подхода, который способствует пониманию и объяснению существующего разнообразия языковых форм в разных вариантах (диалектах, социолектах) одного и того же языка, что дает возможность приблизиться к более глубокому пониманию функционирования языка [Гураль 2012]. Построение учебного процесса на основе дискурс-ориентированного подхода будет способствовать созданию оптимальных условий для овладения необходимым комплексом знаний, навыков и умений, необходимых для перевода профессионально-ориентированного дискурса. Обучение на основе дискурс-ориентированного подхода предполагает включение в учебный процесс основ дискурс-анализа. Рассматривая языковое общение «с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культур-

ной обусловленности» [Макаров 2003: 99], дискурс-анализ может стать эффективным инструментом формирования дискурсивных умений перевода профессионально-ориентированного дискурса. Дискурс-анализ (дискурсивный анализ) является интенсивно развивающимся междисциплинарным научным направлением. Дискурс выступает объектом исследования многих научных дисциплин, в каждой из которых фокус внимания обращён к тем задачам, которые, реализуясь в дискурсе, обуславливают специфику речевого общения в конкретных коммуникативных условиях. Несмотря на наличие ряда лингводидактических исследований, в которых предлагаются методические модели, предусматривающие использование элементов дискурсивного анализа, в целом анализ научной литературы даёт основание сделать вывод о том, что в практике обучения переводу профессионально-ориентированного дискурса лингводидактический потенциал дискурс-анализа в полной мере не реализован. Существует необходимость в разработке лингводидактических моделей дискурс-анализа для обучения всем видам перевода. Будучи нацеленным на осознание переводчиком всей совокупности факторов, определяющих пространство конкретной дискурсивной практики, дискурсивный анализ явится необходимой предпосылкой адекватной трансляции смыслов переводческого пространства. Методические приёмы использования дискурс-анализа в процессе обучения переводу профессионально-ориентированных текстов (устных и письменных), функционирующих в разных сферах профессиональной коммуникации, призваны обеспечить формирование коммуникативных умений адекватной интерпретации и последующей передачи сторонам профессионального общения смыслов, заключённых в информации, составляющей пространство переводческого процесса. Лингводидактические технологии использования дискурс-анализа позволят отразить как экстралингвистические характеристики конкретной дискурсивной практики профессионального общения, так и особенности языковых средств, реализующих речевые тактики и коммуникативные стратегии, к которым прибегают стороны профессионального общения, опосредованного переводом. Любая речевая коммуникация представляет собой процесс, в котором каждый из её субъектов выстраивает свои собственные речевые стратегии с целью достижения определённого эффекта. Соответственно, методические приёмы использования дискурс-анализа при обучении переводу в сфере профессиональной коммуникации должны предусматривать, с одной стороны, формирование умений анализа речевых стратегий, используемых в различных жанрах профессионально-ориентированного дискурса, с другой стороны, должны способствовать формированию умений корректного построения речевых стратегий в тексте перевода в соответствии с риторическими традициями принимающей лингвокультуры, поскольку выбор стратегий коммуникативного поведения позволяет, как отмечает О. С. Иссерс, определить какими лингвистическими и интеракционными средствами желаемый результат общения может быть достигнут [Иссерс 2003].

Литература

- Гураль С. К. Язык как саморазвивающаяся система. Томск, 2012.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2003.
- Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
- ФГОС — «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика (уровень магистратуры)» от 1 июля 2016 года. М.: Министерство образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России), 2016. 29 с.

РОЛЬ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО

Вагнер Анастасия Олеговна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время английский язык стал универсальным языком, способствующим межкультурной коммуникации на всех уровнях. Кроме того, владение им создаёт основу для изучения второго иностранного языка. Среди носителей русского языка наблюдается тенденция к выбору немецкого языка в качестве второго иностранного для изучения, однако условия обучения немецкому и английскому языку оказываются неравны, что связано с вторичностью использования немецкого языка и его изучением в искусственно созданных условиях.

При изучении иностранных языков каждый последующий язык испытывает на себе влияние предыдущего. Многоязычие приводит к интерференции, определяемой как «случаи отклонения от норм, происходящие вследствие языкового контакта» [Вайнрайх 2000: 22]. Л. В. Щерба видит сущность интерференции в «приспособлении языков говорящего и слушающего» [Щерба 1958]. В данном докладе интерференция рассматривается как вмешательство норм одного языка в систему другого, в результате чего может возникнуть перенос (положительный или отрицательный).

У. Вайнрайх считает, что механизм интерференции одинаков при изучении любых языков, однако чем больше различие между системами, тем больше потенциальная область интерференции. По его мнению, необходимо определить сходства и различия контактирующих языков, установить общие правила их описания и предусматривать данные о заимствованиях в каждом из них, что позволит выявить случаи, приводящие к возникновению интерференции, и прогнозировать появление ошибок. На возникновение интерференции влияют такие факторы, как владение средствами вербального выражения, степень владения и способ изучения каждого из языков и др. [Вайнрайх 2000: 23–25]. При изучении нескольких иностранных языков возникает вопрос о степени их влияния друг на друга. При взаимодействии двух родственных языков происходит автоматическая конверсия [Вайнрайх 2000: 23]. Ею объясняется графическая интерференция обоих языков (например, употребление формы *deutsh* вместо *deutsch*). Влияние русского языка на немецкую речь обучающегося объясняется отсутствием языковой среды и слабо развитыми произносительными навыками. Английский акцент обнаруживается при акцентировании высказывания, делении его на синтагмы и т. д. Однако в случае частичного графического и семантического совпадения слов в русском, немецком и английском языках в немецкой речи употребляется английский вариант ударения (например *Präsident*, а не *Präsident* (от англ. *president*)). Грамматическая система языка также подвержена воздействию. По мнению У. Вайнрайха, «грамматическая интерференция возникает, когда правила одного языка применяются к примерно таким же элементам другого языка» [Вайнрайх 2000: 36]. В основе интерференции лежат межъязыковые отождествления. При освоении немецкого языка отождествление на уровне синтаксиса — распространённое явление, например, фиксированный порядок слов в немецком предложении вызывает затруднения у владеющих английским языком (*today he has time* — вместо *heute hat er Zeit* употребляется модель *heute er hat Zeit*). Управление как тип грамматической связи вызывает у изучающих немецкий язык наибольшие затруднения, и чаще всего происходит интерференция русского и немецкого языков (например, *gratulieren (zu+Dat.)* заменяется русской моделью *gratulieren jmdn. mit+Dativ*). Под воздействием уже освоенных языков лексика изучаемого языка также изменяется. Появляется лексическая интерференция — все изменения словаря и значений лексических единиц, возникающие вследствие межъязыковых контактов. А. Ю. Жлуктенко выделяет 3 типа лексической интерференции:

- 1) заимствование,
- 2) калькирование,
- 3) семантическую интерференцию.

Первые два типа обогащают словарь языка-реципиента, однако третий тип приводит к сужению или расширению значений слов языка-источника (например, слово Glas понимается как «глаз», а не «стекло»; planieren — как «планировать», а не «выравнивать») [Жлуктенко 1974]. Графическое сходство слов приводит к их ложному употреблению в языке-реципиенте (английский глагол to become отождествляется с немецким глаголом bekommen и употребляется вместо глагола werden [Карташова 2015: 109–111]. Таким образом, изучая новый язык, обучающийся пользуется предшествующим лингвистическим опытом, что приводит к нарушению языковых норм. Многоязычие приводит к интерференции, а новый изучаемый язык находится под воздействием уже освоенных языковых систем. Хотя знание английского и немецкого языков является результатом осознанного изучения, оба языка находятся в отношении неравенства: немецкий язык является вторичным по использованию и уровню владения им. При освоении немецкого языка происходит интерференция как русского, так и английского языков, которая является неотъемлемой частью процесса овладения иностранным языком. В задачи доклада входят анализ, типологизация и классификация так называемых универсальных ошибок, которые прогнозируются и корректируются на начальном этапе обучения иностранному языку и обусловлены интерференциальным переносом.

Литература

- Вайнрайх У.* Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000.
- Щерба Л. В.* Избранные труды по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1.
- Жлуктенко Ю. А.* Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.
- Карташова В. Н.* Проблема интерференции в обучении немецкому языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. 2015. Ч. II. № 3 (45). С. 109–111.

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ШКОЛЬНИКОВ С ДИСЛЕКСИЕЙ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИИ

ON THE METHODOLOGY OF TEACHING ENGLISH TO DYSLEXIC STUDENTS UNDER CONDITIONS OF INCLUSION

Газетдинова Юлия Вячеславовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Одной из наиболее озадачивающих проблем в образовании является ситуация, при которой ребенок с высоким уровнем интеллекта не показывает соответствующих академических результатов. Родители и учителя задаются вопросом, как удовлетворить потребности человека со специфическими трудностями в обучении, обусловленными нейробиологической особенностью, известной как дислексия. Современные технологические достижения подтверждают, что несмотря на то, что диагноз «дислексия» является медицинским, благодаря пластичности мозга решение этой проблемы лежит в плоскости образования, а именно — системном и структурированном обучении грамотности в сочетании с мультисенсорным обучением. Согласно определению Международной ассоциации дислексии (International Dyslexia Association, IDA), «дислексия — это специфическое расстройство обучения, имеющее нейробиологическое происхождение. Оно характеризуется трудностями в точном и/или быстром распознавании слов, ошибками устойчивого характера при чтении и письме. Важно отметить, что дислексия — это не болезнь, а нейробиологическая особенность, при которой интеллект ребенка не нарушен, а его трудности в обучении связаны вовсе не с нежеланием учиться или ленью, а с особенностями восприятия и обработки информации.

По данным Международной ассоциации дислексии, 15–20 % мирового населения имеют различные признаки дислексии. Каждый 5-й ученик первого класса сталкивается с трудностями в обучении, при этом почти 80 % из них связаны с чтением. Трудности усугубляются в тот период времени, когда школьник начинает осваивать еще один язык, как правило, английский. Школьная программа по английскому языку не адаптирована под особенности восприятия информации дислексиками: к ним применяются та же система оценивания и те же стандартизированные требования, как и к школьникам, не испытывающим трудностей при освоении звукобуквенной системы языка. Обучение в школах ведется по единым стандартам и УМК, не учитывающим особенностей дислексиков. Также специалистами отмечается низкая осведомленность о проблеме дислексии в обществе. Согласно исследованию, проведенному в 2019 г. Ассоциацией родителей детей с дислексией, 61 % опрошенных (среди которых преподаватели и родители школьников) ничего не знают о дислексии, 22 % — слышали термины, но не могут их истолковать. Кроме того, в России отсутствуют комплексные разработки по методике преподавания английского языка школьникам с дислексией, которые могли бы быть использованы учителями в процессе реализации образовательной программы в условиях инклюзии.

Специалисты сходятся во мнении, что правильно и своевременно выбранная педагогическая стратегия может помочь детям преодолеть трудности в освоении и изучении языка. В отличие от ходьбы и речи, обучение чтению не является естественным процессом. Это сравнительно позднее достижение человечества, которому необходимо сознательно учиться. Это сложный навык высшего порядка, который требует адаптации существующих нейронных путей, задействованных для зрения, слуха, речи с целью создания новых эффективных нейронных связей. У многих людей этот процесс происходит настолько быстро и автоматически, что кажется «естественной», врожденной, способностью. Исследования в области нейронауки последних двадцати лет существенно расширили текущее представление о природе чтения, дислексии, а также о процессах, происходящих в мозге читающего человека. Методы нейровизуализации, такие как МРТ, позволили ученым наблюдать за изменениями активности мозга в процессе чтения. Поскольку МРТ-исследование неинвазивно, его можно использовать для изучения формирования навыка чтения у людей любого возраста, включая детей. В результате

множества исследований, проведенных за последние несколько лет, ученые обнаружили особенности в активации различных зон мозга, обусловленные дислексией [Dehaene 2009: 124]. Исследования дислексиков до и после коррекции показали, что качественное, системное, интенсивное и своевременное педагогическое вмешательство на ранних стадиях способно изменять структуру мозга, активируя области, участвующие в процессе чтения. Концепция нейропластичности мозга — его способности меняться и создавать новые нейронные связи — лежит в основе подхода Ортон-Гиллингем, разработанного более 70 лет назад и направленного на обучение людей (как детей, так и взрослых) с дислексией чтению и письму на английском языке. Применение элементов подхода Ортон-Гиллингем в сочетании с мультисенсорным обучением позволит преподавателям эффективно обучать детей с дислексией английскому языку и помогать им успешно справляться с трудностями в процессе освоения образовательной программы.

Литература

Dehaene S. Reading in the brain. New York, 2009.

Dehaene S. Inside the letterbox: How literacy transforms the human brain. Cerebrum Dana Foundation. 2013, June 3.

Dehaene S. How the brain learns to read. World Innovation Summit for Education. Online. 2013, October 25. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=25GI3-kiLdo&t=2s>

Gillingham A. & Stillman B. W. The Gillingham Manual: Remedial Training for Students with Specific Disability // Reading, Spelling and Penmanship. 1935.

<https://dyslexiarf.com/> (дата обращения: 14.01.2023).

<https://dyslexiaida.org/definition-of-dyslexia/> (дата обращения: 09.01.2023).

<https://www.ortonacademy.org/> (дата обращения: 12.01.2023).

DEVELOPING SYNTACTIC COMPLEXITY IN EAP POST-GRADUATE WRITING

Григорьев Иван Вадимович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ауксель Юлия Валентиновна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Problem Writing proficiency is now the best way to academic success, however, the particular ways and methods of how to provide corresponding training to future academics are still debated. Our study examines how syntactic complexity and sophistication evolve in L2 academic writing and how to use modern computer tools to understand steps in EAP training provided to postgraduate students and how to monitor the students writing development. When teaching syntax to students we bear in mind that there is a correlation between a holistic understanding of the academic text and syntactic sophistication variables that could be used to assess this text. Also, we understand that syntactic complexity correlates with writing quality. Syntactic complexity has largely been interpreted as a formal characteristic that is distinct from lexical development. Recently, at the syntactic level, complexity has generally been understood as clausal subordination and sentence length, with little interest paid to phrasal complexity. The measuring of grammatical complexity was the measuring of the mean length of the T-unit (which is understood as a sentence with or without a dependent clause) and measuring the average number of dependent clauses per T-unit. Syntactic sophistication refers to the relative difficulty of learning particular syntactic structures and can be measured by frequency and contingency. Nowadays another approach dominates the field as it offers no possibility of actually describing those structural/syntactic characteristics the development of L2 writing would progress from relying on coordinated and subordinated structures to employing phrasal elaboration and complex noun phrases expansions. Still, the problem of selecting appropriate teaching methods exists: Which syntactic features are relevant for L2 writers of different language communities? Which syntactic feature should be taught for the corresponding level of language proficiency? To monitor and manage the development of syntactic complexity we first compared phrase types and dependent types in cross-cultural perspective in two languages: Russian and English. To do this we randomly selected research articles published in 2021–2022 in highly-rated linguistic journals in the UK and the Russian Federation for the two corpora. For calculations we used the Tool for the Automatic Analysis of Syntactic Sophistication and Complexity (TAASSC) introduced to the wide academic public in *Measuring Syntactic Development in L2 Writing: Fine Grained Indices of Syntactic Complexity and Usage-Based Indices of Syntactic Sophistication* by Kristopher Kyle. This software is an advanced syntactic analysis tool that measures indices and usage-based frequency/contingency indices of syntactic sophistication. Method We used two sets of indices. The first set includes indices to measure and compare the general complexity of the text. They are: mean length of sentence (number of words per sentence), mean length of T-unit (number of words per T-unit), mean length of clause (number of words per clause) clauses per sentence (number of clauses per sentence), verb phrases per T-unit (number of verb phrases per sentence), clauses per T-unit (number of clauses per T-unit), dependent clauses per clause (number of dependent clauses per clause), dependent clauses per T-unit (number of dependent clauses per T-unit), T-units per sentence (number of T-units per sentence), complex T-unit ratio (number of complex T-units divided by T-units), coordinate phrases per T-unit (number of coordinate phrases per T-unit), coordinate phrases per clause (number of coordinate phrases per clause), complex nominals per T-unit (number of complex nominals per T-unit), complex nominals per clause (number of complex nominals per clause). The second set (phrase types and dependent types) includes among others the following indices: nominal subject, passive nominal subject, nominal complement, direct object, and indirect prepositional object. The second set is a set of characteristic features used for the evaluation of the textual complexity of academic texts. The results demonstrated the differences in the use of syntactic structures of Russian and English written academic texts and allowed elaborating teaching materials to improve the syntactic complexity and sophistication of academic texts. To test the observations from the underlying study and their applicability to

the teaching process, we selected the target group of fifteen postgraduate students. They were first-year post-graduate students majoring in medicine and dentistry and were receiving four hours of the English language writing instruction per week during the 25-week-long semester. The participants were required to submit two rhetorical sections of a research paper (Introduction and Discussion) at the beginning and the end of the course. The findings showed a non-linear way of syntactic complexity development. For example, there was less coordinated clausal complexity and more nominal complexity in the students' L2 writing. Our findings have highlighted the importance of considering the development of syntactic complexity in L2 writing instruction. Though the impact of writing instruction on L2 writing development is a topic of considerable interest for researchers and the English language educators.

Литература

Kyle K, Crossley S. Measuring syntactic complexity in L2 writing using fine-grained clausal and phrasal indices // The Modern Language Journal. 2018. 102 (2): 333–349.

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ЛАТЫШСКОМУ ЯЗЫКУ)

FORMATION OF EDUCATIONAL AND COGNITIVE COMPETENCE USING INTERACTIVE TECHNOLOGIES (ON THE EXAMPLE OF TEACHING THE LATVIAN LA

Дубасова Анжелика Витальевна

доцент, Минский государственный лингвистический университет

Под учебно-познавательной компетенцией мы будем понимать «совокупность общих и специальных учебных умений, необходимых для осуществления самостоятельной деятельности по овладению иностранным языком, опыт их использования» [Учебно-познавательная компетенция]. Понятие учебно-познавательной компетенции тесно связано с мотивацией и интересом к обучению, которые являются немаловажными факторами успешности усвоения иностранного языка. Взрослые, изучающие латышский язык в Минском государственном лингвистическом университете, как правило, имеют внешнюю мотивацию к обучению, но не всегда имеют внутреннюю и редко приходят с умениями самостоятельной работы по овладению языка.

Обучающиеся нередко стараются всю деятельность по усвоению языка переложить на преподавателя, а материал, представленный в учебнике, часто воспринимают как законченную версию языка. Первое проявляется в нежелании самостоятельно выяснять значения новых слов и грамматических структур, в экономии когнитивных усилий по запоминанию и пониманию; второе — в неиспользовании ни живого языкового материала, ни учебных веб-ресурсов. Поэтому перед преподавателем стоит задача формирования и поддержания как мотивации, так и учебно-познавательной компетенции взрослых обучающихся. Реализации данной задачи способствует применение интерактивных, т. е. основанных на взаимодействии в широком смысле, методов обучения. Рассмотрим некоторые интерактивные методы в контексте обозначенных проблем.

1. Коллективное создание лексических и грамматических ментальных карт Слушатели получают задание совместно в группах или мини-группах составить ассоциативную карту на заданную лексическую или грамматическую тему, при этом в случае лексической карты необходимо не только вспомнить встречавшиеся лексемы, но и дополнить самостоятельно найденными, а в случае грамматической карты необходимо предложить своё обобщение пройденного материала. В результате применения подобных заданий слушатели учатся самостоятельно расширять словарный запас, а также анализировать и обобщать грамматические явления. При этом важно продемонстрировать слушателям недостатки систем машинного перевода и научить альтернативным способам перевода, в том числе с помощью сервисов картинок, Википедии и других подобных ресурсов. Данные умения особенно актуальны в ситуации отсутствия у слушателей печатных словарей.

2. Ролевые игры Слушатели получают задание построить диалог в заданной ситуации, например, диалог между продавцом и покупателем недвижимости. При этом ставится условие сделать диалог максимально реалистичным и использовать данные из реальных объявлений. Поиск информации на изучаемом языке не только положительно влияет на усвоение лексико-грамматического материала, но и знакомит слушателей с реальным, а не учебным, бытом латышей. Подобная социокультурная информация, как правило, вызывает у слушателей живой интерес, что, в свою очередь, повышает мотивацию к обучению.

3. Игры на эрудицию являются ещё одним способом мотивировать слушателей искать информацию на изучаемом языке являются игры на эрудицию. Слушатели получают задания-вопросы о Латвии в культурном, историческом, географическом аспекте и ищут ответы на латышском языке. Такие задания охотно выполняют слушатели всех уровней обучения. Такие игры, включающие и соревновательный элемент, помогают создавать мотивирующую атмосферу, благоприятный психологический климат, вносят разнообразие в обучающий процесс. При

этом происходит обогащение и активизация лексики и грамматических структур на живом, не адаптированном, языковом материале. Слушатели самостоятельно выясняют значения неизвестных лексем и конструкций, получая от этого интеллектуальное удовольствие.

3. Круглые столы и дискуссии. Слушатели всей группой обсуждают заданную тему, например, «дом или квартира?». Данный метод дает слушателям возможность использовать язык в живом общении, спорить, критиковать. В процессе дискуссий обучающиеся не только практикуют иностранный язык, но и учатся более общим коммуникативным навыкам. Представленные упражнения, несомненно, не тренируют исключительно конкретную компетенцию, хотя и фокусируются на ней; одновременно формируются и развиваются и другие компетенции, на которые, в рамках компетентного подхода [Хуторской, 2013], делятся умения и навыки, осваиваемые в процессе обучения. Выполняя многие указанные задания, слушатели используют полученные языковые знания для решения практических и познавательных задач в контекстах, максимально приближенных к реальным жизненным ситуациям. Выполнение таких задач способствует лучшему усвоению языка, повышению мотивации и формированию информационной, коммуникативной, учебно-познавательных компетенций.

Литература

Учебно-познавательная компетенция [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации. Режим доступа: <http://multilang.pravo.by/ru/Term/Index/30489?langName=ru&page=1&type=3/> (дата обращения: 27.11.2022).

Хуторской А. В. Компетентный подход в обучении: научно-методическое пособие. М., 2013.

ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ИНТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

CASES OF INTERLINGUAL AND INTRALINGUAL INTERFERENCE SHOWN BY PRIMARY SCHOOL STUDENTS

Золотая Елизавета Леонидовна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

В наши дни проблема языковой интерференции вызывает интерес у методистов. Под этим термином в лингвистике понимают взаимовлияние языковых систем, складывающееся при усвоении обучающимся неродного языка или при непосредственном контакте языков [Попова 2018: 52]. Интерференция неизбежно сопровождает обучающихся на протяжении всего процесса изучения иностранного языка. Ошибки, вызванные этим явлением, наблюдаются на всех языковых уровнях.

В данной работе мы рассмотрим два основных вида интерференции — интерлингвистическую и интралингвистическую интерференцию [Баграмова, Соломина 2015: 45]. Для сужения круга описываемых нами проблем и подтверждения сказанного примерами, мы опишем случаи интерференции, выявленные у учащихся Центра иностранных языков для детей при Санкт-Петербургском государственном университете. Ошибки фиксировались в течение двух месяцев в ходе наблюдения за речевым поведением обучающихся. К проявлениям интерлингвистической интерференции относят ситуации, в которых обучающийся отождествляет между собой свойства контактирующих языков и переносит свое речевое поведение с одного языка на другой [Там же]. В случае с младшими школьниками мы наблюдаем перенос с русского языка на английский. Классическими типами интерлингвистической интерференции является фонетическая, лексическая, грамматическая интерференция. При этом некоторые ученые выделяют орфографическую, семантическую, стилистическую интерференцию. [Алимов 2003: 97].

При анализе случаев интерлингвистической интерференции, наблюдаемых у младших школьников, стоит выделить проявления на звуковом уровне. Некоторые английские фонемы воспринимаются учащимися как фонемы русского языка. Мы обнаружили такие ошибки: отсутствие палатализации при произнесении губно-губных звуков [p], [b]; неправильная артикуляция при произнесении аспирированных звуков [p], [t], [k]; произнесение альвеолярных звуков [s], [z], [t], [d] подобно русским звукам. Далее были замечены ошибки при произнесении сложных звуков и звуков, отсутствующих в родном языке:

- 1) замена звуков [ð] и [θ] на звуки [в], [ф] в словах *this, there, thief, three* и др.;
- 2) замена звуков [w] и [v] на звук [в] в словах *what, window, van, clever* и др.;
- 3) замена звука [h] на звук [х] в словах *hare, hedgehog, how, hot* и др.;
- 4) замена звука [ŋ] на русский [н] в словах *song, morning* и др.

Большое число ошибок было совершено учащимися на уровне грамматики: опускание артикля («*Apple is sweet*», «*I have cat*»); опускание глагола *to be* (напр., «*I Alex*», «*He my brother*»); неверное определение числа («*Money are...*», «*News are...*»), ошибки в употреблении предлогов («*He looks on me*»). Неизбежны были трудности с синтаксисом: при построении вопросов обучающиеся повторяли порядок слов родного языка: «*Likes he this car*»? Меньше ошибок было выявлено на уровне лексики. Однако были замечены ошибки, связанные с полисемией слов в русском языке. Отвечая на вопрос собеседника «*What is the weather like today?*», большинство обучающихся некорректно отвечали «*Snow goes*», «*Rain is going*». В некоторых ситуациях мы заметили транслитерацию учащимися отдельных слов русского языка. Другая трудность — употребление межъязыковых омонимов (*magazine* как «магазин», *cabinet* как «кабинет», *artist* как «артист», *brilliant* как «бриллиант»). Далее рассмотрим воздействие интралингвистической интерференции, являющейся психическим процессом взаимодействия навыков внутри изуча-

емого языка, в результате которого происходят отклонения от норм внутри этого языка [Розанова 2009: 68]. Такой вид интерференции происходит на более продвинутых этапах обучения иностранному языку, но отдельные проявления можно выделить уже на начальном этапе.

Особенно ярко интралингвистическая интерференция проявилась в грамматике. После повторения учащимися темы «Артикль», многие из них использовали в речи артикли со всеми существительными, включая неисчисляемые (a bread, a money) и стоящие в форме множественного числа (a dogs, a frogs). Похожая ситуация была и с окончанием s для множественного числа: учащиеся добавляли окончание к словам с иной формой множественного числа (mices, deers) или же ко всем существительным. Были ошибки и в употреблении глагола to be: после напоминания педагогом о важности глагола-связки, учащиеся использовали его в предложениях, в которых глагол был: «I am like hamburgers», «He is washes up». Другая ошибка связана с окончанием s в настоящем времени у глаголов в третьем лице: учащиеся сохраняли данное окончание в вопросе и в отрицании. На уровне лексики мы выявили замену обучающимися одного слова на другое, недавно изученное и внешне сходное с первым: заменялись слова «winter, windy, window», «there, there are, they are», «sunny, summer». На уровне фонетики интралингвистическая интерференция проявляется у младших школьников посредством использования сложных звуков взамен простых: встречались варианты произношения слов every, very со звуком [w], sun, thin со звуком [ŋ]. Таким образом, языковая интерференция является феноменом, затрагивающим все языковые уровни. Педагог должен быть осведомлен о влиянии языковой интерференции, чтобы вовремя помочь учащимся ее преодолеть.

Литература

Алимов В. В. Специальный перевод и лингвистическая интерференция. М., 2003.

Попова М. В. Подходы к интерпретации понятия «интерференция» в отечественной и зарубежной науке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №6. С. 52–64.

Баграмова Н. В., Соломина А. В. Роль интерлингвистических и интралингвистических процессов при изучении иностранного языка // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2015. № 174. С. 44–53.

Розанова С. П. Динамика внутриязыковой лексической интерференции и ее нейтрализация // Вестник РУДН, серия вопросы образования: языки и специальность. 2009. С. 67–73.

ФАКТОРЫ НЕВЕРБАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СТУДЕНТАМИ: ГАРВАРДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ильин Герман Владиславович

преподаватель, ГБОУ Лицей №384 Кировского района

В современной системе единого мироустройства, изучение языков — это та необходимость, без которой нельзя представить образованного человека. Но более важно не то, какой язык ты изучаешь, а как происходит образовательный процесс. Одной из основных проблем, о которых говорят педагоги, является отсутствие вовлеченности и мотивации учащихся. В мире постоянных и всепроникающих технологий и потребности в мгновенном внимании, часто обучающиеся теряют интерес к занятиям. Роль преподавателя заключается в мотивации, то есть, действию или процессу предоставления кому-либо причины сделать что-либо, а также вовлечении обучаемых в образовательный процесс, в связи с этим, возрастает значение умений самопрезентации педагога. Форма подачи материала опосредует формирование впечатления о педагоге, что является важнейшим человеческим умением, а также непременным условием социальной жизни. Современные исследования показывают, что 65 % информации транслируется посредством невербальных способов коммуникации, таких как: жесты, позиция тела относительно собеседника, скорость речи и другие [Вольская 2017: 208]. Невербальные способы передачи информации имеют под собой различные функции, но выполняют идентичные задачи — создание атмосферы доброжелательности, облегчение взаимопонимания между участниками коммуникативного процесса. Осознание важности данного аспекта образовательного процесса представителями педагогического ремесла способствует более успешной интеграции в мир языка и культуры изучаемых стран. Педагогов можно представить в виде дихотомической классификации по степени направленности учебного процесса: одни больше заботятся о методике обучения, другие о содержании преподаваемой дисциплины. Многие университетские преподаватели отдают предпочтение содержательной части. Они считают себя лишь «транспорт» для переноса знаний в мозг своих слушателей. У таких преподавателей материал становится сухим набором фактов, что напрямую влияет на заинтересованность студентов в усердном изучении материала. В 1993 г. гарвардскими преподавателями Налини Амбади и Робертом Розенталем было проведено исследование, которое заключалось в предсказании студентами эффективности работы преподавателей на основе не интерактивных наблюдений. Исследование строилось на представленных ранее метааналитических данных, демонстрирующих способность людей формировать точные впечатления о других, основываясь только на запечатленном поведении. Спорность данного исследования вызвана скоростью, понадобившейся оценщикам — 6 секунд. Сначала студентам были показаны короткие десятисекундные ролики без звука, на которых 13 преподавателей вели свои лекции. По итогам просмотренных кусочков оценщики давали качественную характеристику работы преподавателей, по следующим критериям: активность, внимательность, эмпатия, компетентность, уверенность, доминантность, честность, восторженность, беспокойность, оптимистичность, поддержка. В дальнейшем время оценивания сократили до 6 секунд [Ambadi, Rosenthal 1993: 433]. Определение характерных черт в работе преподавателей осуществлялось посредством считывания невербальной информации. Оценщики акцентировали свое внимание на том, сколько раз тот или иной преподаватель хмурился, сидел он или стоял, обращали внимание на количество улыбок и смех, кивания и потряхивания головой, симметричность положения рук и ерзания, наклоны тела вперед, сколько раз преподаватель смотрел вниз. Конечный результат оценок студентов сравнивали с оценками тестирования обучающихся у этих преподавателей студентов, а также административного состава. Данные оценщиков совпали с данными студентов и администрации. Отдельно выводилась взаимосвязь внешних данных преподавателей с точностью личностных суждений. Очевидно, что особенности внешности, такие как внешняя привлекательность, например, могут повлиять на суждения о различных характеристиках, связанных с общительностью и социальной компетентностью. В виду данных условий, информация, доступная оценщикам, контролировалась

так, чтобы цели оценивались исключительно на основе их невербального поведения. Данное исследование показало важность визуальной составляющей образовательного процесса и как эта составляющая влияет на мотивированность обучающихся. Вывод, к которому ведет исследование гарвардских ученых таков: преподаватель стоит в основе процесса, техника преподавания несет главенствующую роль для внутренней мотивации студента. Студенты зачастую смотрят на форму прежде, чем уделить внимание содержанию. Однотипное заучивание грамматических форм и слов без разнообразия способов подачи материала приведет лишь к потере мотивированности студентов. Корректно поставленный процесс позволяет удовлетворить основные психологические потребности обучающихся, такие как: принадлежность, компетенция, свобода и развлечение, создающие основу индивидуальной интерпретации окружающего мира, и служащие основой того, что ими движет в образовательном процессе. Развитие педагога как профессиональной единицы невозможно без осознания важнейшей разницы между содержанием и методикой преподавания языка. При обучении обучающимся важна визуальная составляющая, то есть поведение преподавателя, что создает благополучную обстановку для погружения в языковой образовательный процесс. Правильное сочетание этих двух факторов позволит построить процесс обучения, в котором обучающиеся будут мотивированы к приумножению своих знаний.

Литература

- Вольская Н. Н.* Коммуникативные средства невербального поведения как предмет изучения инофонами // Наука в современном мире. 2017. С. 207–211.
- Ambadi N, Rosenthal R.* Half a minute: Predicting teacher evaluations from thin slices of nonverbal behavior and physical attractiveness // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 64, no. 3. P. 431–441.

РАЗВИТИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОГНИТИВНЫХ МЕТАКОМПЕТЕНЦИЙ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ

Исакович Анастасия Петровна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Эпоха перемен с её неопределенностью, трансформацией привычных форм деятельности и общения, норм и ценностей, заставляет переосмысливать цели и задачи обучения, искать новые методы преподавания иностранных языков. В связи с этим наблюдается переход от традиционных форм обучения к проблемному обучению через использование резервов самостоятельной работы, созданию условий для самореализации и самоопределения обучающегося [Концепция 2021]. Актуальность внедрения смешанного обучения с использованием информационных технологий создает наилучшие условия для достижения поставленных результатов: самообразование обучающегося на основе мотивации к обучению и познанию, осознанный выбор и построение дальнейшей индивидуальной траектории образования с учетом устойчивых познавательных интересов [Тимофеева 2022].

Цель данного исследования — проанализировать возможность развития ключевых когнитивных метакомпетенций на уроках иностранного языка в условиях смешанного обучения с помощью ротационной модели «Перевернутый класс». В экспериментальном исследовании (сентябрь-декабрь 2022 г.) принимали участие обучающиеся 1 курса неязыкового вуза направления «Режиссура кино и телевидения». Данная группа состояла из 26 обучающихся, имеющих различные знания, умения и навыки по иностранному языку. В ходе тестирования было определено, что средний уровень группы соответствует B1 (Intermediate) согласно международной шкале системы CEFR. Интересно отметить, что все обучающиеся экспериментальной группы также прошли тестирование на типы множественного интеллекта Г. Гарднера. Ведущим типом интеллекта у обучающихся 1 курса направления «Режиссура» оказался экзистенциальный 85 % и межличностный 15 %, стиль обучения согласно VARK — 100 % кинестетический. Были разработаны пять последовательных этапов внедрения модели смешанного обучения «Перевернутый класс» на уроках английского языка: организация учебного процесса; групповая коммуникация; самостоятельное задание; общее задание для группы; самостоятельный творческий проект. Каждый из пяти этапов имел свою цель, которая была успешно достигнута обучающимися путем выполнения комплекса упражнений. В качестве завершающего, пятого этапа, обучающимся 1 курса было предложено создать творческий проект на английском языке, наиболее полно соответствующий критериям ключевых когнитивных метакомпетенций: дисциплинарной, синтезирующей, креативной, респектологической, этической. Данные метакомпетенции связаны с когнитивными способностями человека и его стремлением преобразовывать мир [Гарднер 2021]. Так как в учебный план по иностранному языку была включена тема «Literature & Art», обучающиеся решили создать творческий проект, который заключался в решении следующих задач:

- 1) самостоятельный поиск художественного перевода стихотворения русского поэта на английский язык;
- 2) декламация данного произведения;
- 3) раскрытие возможного смысла данного стихотворения с помощью визуального ряда;
- 4) готовность поделиться самоанализом деятельности и оценить результат собственного проекта (рефлексия).

Все проекты были представлены обучающимися на английском языке, в формате самостоятельного видеорепортажа (видеоряд и голос за кадром «режиссера»), кадров-метафор и отражения личного понимания экзистенциальных аспектов творчества поэта. В ходе «защиты» проектов, студенты примеряли на себя роль сценариста / режиссера / критика, активно участвовали в обсуждении проектов друг друга с профессиональной точки зрения, вместе искали ответы на нестандартные вопросы (Why does Joseph Brodsky order not to leave the room?).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ротационная модель смешанного обучения «Перевернутый класс» позволяет применить лично-ориентированный подход, адаптировать классический учебный процесс к индивидуальным особенностям обучающихся. Перенос акцента с задач традиционного изучения лексико-грамматического материала на его интерактивное использование в лично-значимых ситуациях, позволяет не только развивать студентам умения говорения на иностранном языке, но и способствует созданию условий для совершенствования ключевых когнитивных метакомпетенций.

Литература

Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 02.12.2022.

Тимофеева О. М. Модель «перевернутый класс» как компонент технологии смешанного обучения английскому языку в средней школе // Поволжский педагогический вестник. 2022. № 1. С. 95–104.

Гарднер Г. Мышление будущего. Пять стратегий, ведущих к успеху в жизни. М., 2021.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМЫ УЧИ.РУ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РАЗВИТИЯ КОЛЛОКАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ

Кубацкая Виктория Сергеевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Устная презентация. В рамках информатизации образования для развития цифровой грамотности учеников все чаще появляются и используются в работе цифровые образовательные технологии. Цель информатизации состоит в глобальной интенсификации интеллектуальной деятельности за счет использования новых информационных технологий: компьютерных и телекоммуникационных. Информационные технологии предоставляют возможность: — рационально организовать познавательную деятельность учащихся в ходе учебного процесса; — сделать обучение более эффективным, вовлекая все виды чувственного восприятия ученика в мультимедийный контекст и вооружая интеллект новым концептуальным инструментарием; — построить открытую систему образования, обеспечивающую каждому индивиду собственную траекторию обучения; — вовлечь в процесс активного обучения категории детей, отличающихся способностями и стилем учения; — использовать специфические свойства компьютера, позволяющие индивидуализировать учебный процесс и обратиться к принципиально новым познавательным средствам; — интенсифицировать все уровни учебно-воспитательного процесса. Основная образовательная ценность информационных технологий в том, что они позволяют создать неизмеримо более яркую мультисенсорную интерактивную среду обучения с почти неограниченными потенциальными возможностями, оказывающимися в распоряжении и учителя, и ученика. В отличие от обычных технических средств обучения информационные технологии позволяют не только насытить обучающегося большим количеством знаний, но и развить интеллектуальные, творческие способности учащихся, их умение самостоятельно приобретать новые знания, работать с различными источниками информации [Гарбар]. В данной работе нами был проведен эксперимент на базе общеобразовательной школы. Цель эксперимента — доказать эффективность электронного образовательного ресурса «Учи.ру» при развитии коллокационной компетенции школьников при изучении английского языка. В эксперименте приняли участие ученики пятого класса. В течение 2021–2022 учебного года раз в неделю были проведены цифровые уроки английского языка с применением платформы «Учи.ру». Результаты входного и выходного тестирования на знание грамматики и лексики английского языка учеников пятого класса доказали эффективность данной технологии обучения. В работе подробно приведены особенности образовательной платформы, технология применения цифровых заданий и методические рекомендации по проведению цифровых уроков. Цифровые уроки с платформой «Учи.ру» не требуют долгой подготовки для учителя, а также повышают мотивацию учеников к изучению английского языка. Многие ученики с удовольствием идут на эти уроки и любят выполнять задания в качестве домашних заданий. Заинтересованность показали и ученики, которые раньше неохотно шли на традиционные уроки.

Литература

Гарбар Е. Б. Использование информационных технологий в учебно-воспитательном процессе школы [Электронный ресурс]: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://urok.1sept.ru/articles/534736>

СТОРИТЕЛЛИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ДИЗАЙН-МЫШЛЕНИЯ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

STORYTELLING AS A DESIGN THINKING TOOL IN NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Лаврентьева Наталья Геннадьевна

доцент, Ивановский государственный университет

Орлова Евгения Валерьевна

доцент, Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина

Стремительная трансформация экономики и других профессиональных сфер жизни требует от выпускников вузов быстрой адаптации к меняющимся условиям, изучения контекста потребностей общества, постановки конкретных задач с учетом выявленных проблем, принятие нестандартных инновационных решений. Указанные тренды в глобальном развитии требуют реакции и со стороны образовательной системы, заставляют ее меняться, в связи с этим необходимы эффективные практики и методы преподавания для развития навыков XXI века и новой грамотности таких как дизайн-мышление.

Дизайн-мышление как метод и процесс решения конкретных задач помогает понять аудиторию, осмыслить ее проблемы и найти альтернативные нестандартные решения. Проектирование, конструирование и создание чего-то нового помогает выходить за плоскость привычных и очевидных идей. Идею дизайн-мышления сформулировал Герберт Саймон в 1969 году в книге «Науки об искусственном». Позднее учёные Стенфордского университета развили её и популяризировали этот подход. Процесс применения технологии дизайн-мышления на занятии иностранного языка делится на пять фаз [Cleminson, Cowie 2021: 3]:

1. Антропоцентризм — сопричастность, погружение в проблему.
2. Фокусировка — анализ и систематизация информации.
3. Генерация идей — мозговой штурм в поиске лучшей идеи.
4. Прототипирование — проверка предложенных идеи на практике.
5. Представление продукта (идеи) широкой аудитории и обратная связь.

Эффективным инструментом развития дизайн-мышления на занятиях по иностранному языку является приём сторителлинга (англ. *storytelling* — рассказывание историй), который позволяет формировать коммуникативную компетенцию, используя при этом языковую составляющую предметных линий курса. Сторителлинг необходим на всех этапах дизайн-мышления, главным образом, при формулировке проблемы, ее решения и применении этого решения. Под историей в контексте сторителлинга в практике преподавания иностранного языка понимается произведение повествовательного жанра, обладающее следующими параметрами: небольшой объём, наличие увлекательного сюжета (экспозиция, завязка, развязка), эмоциональное воздействие и вовлечённость в коммуникацию [Багрецова 2020: 30]. Работа с использованием инструмента сторителлинг на занятиях по иностранному языку проходит логичный путь последовательного наращивания уровня сложности формирования когнитивных навыков по Блуму (Bloom): от самых простых — запоминание новых слов и структур и понимание задачи (LOTS — Low Order Thinking Skills) до высоких (HOTS — High Order Thinking Skills: применение, анализ, оценка, творчество) [Багрецова 2020: 34]. Особенно актуальное значение применение технологии сторителлинга приобретает при обучении студентов неязыковых вузов, поскольку столь важная составляющая коммуникативной компетенции как публичное выступление всегда вызывала определённые трудности у студентов-нефилологов. Кроме того, этот инструмент позволяет реализовать деятельностных подход к обучению иностранным языкам, который лежит в основе новых Федеральных государственных образовательных стандартов. Для того, чтобы дизайн-мышление было реализовано в истории, используются следующие методы:

1. EAD (Emotion, Action, and Detailing) Эмоция, призыв к действию и детальное описание как достичь решения.
2. CAR (Challenge, Action, and Result) Формулировка проблемных зон, действия, направленные на ее решение, и результат этих действий.

Работая на содержательном уровне в сторителлинге, принципы дизайн-мышления позволяют выявить, сформулировать и соединить аудиторию, потребность и мотив в уникальную историю. Таким образом, работая над заданием или проектом, студенты должны ответить на 4 вопроса:

- 1) Какова ситуация? (исследование существующих проблем);
- 2) Какая передо мной стоит задача? (как можно решить проблему);
- 3) Что нужно сделать? (выбор оптимального решения);
- 4) Как это всем поможет? (оценка полученных результатов).

На базе Ивановского государственного энергетического университета и Ивановского государственного университета техника сторителлинга и дизайн-мышления на занятиях по иностранному языку была реализована в рамках: записи подкаста “One week without ...”, круглого стола “What if ...”, Start-up slam, конкурс “Academic storytelling contest in Ted style 2022” включал подготовительный этап — вовлечение в сторителлинг через поиск интересующей проблемы, публичное выступление и спонтанная речь на заданную тему в стиле Ted; озвучка рекламных роликов; ток шоу “Make Ivanovo great again”, научный сторителлинг “3 minute thesis” и др.

Апробация разработанной методики позволила студентам объективнее принимать информацию на английском языке, работать с ней эффективнее, использовать конструктивный подход к трудностям в том числе языковым, углубиться в интересную проблему, предложить интеллектуальный продукт или нестандартную идею, которая кому-то поможет, будет ценной, выйти за пределы существующих стереотипов. Таким образом, включение в образовательный процесс высшей школы методик и инструментов дизайн-мышления позволяет решить ряд проблем на уровне разных дисциплин и курсов, включая и обучение иностранному языку.

Литература

- Багрецова Н.В. Сторителлинг в обучении иностранному языку: ключевые аспекты // Педагогика и психология образования. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku-klyuchevye-aspekty> (дата обращения: 09.01.2023).
- Cleminson T., Cowie N. Using design thinking as an approach to creative and communicative engagement in the English as a Foreign Language (EFL) classroom // Journal of University Teaching & Learning Practice. 2021. 18(4). URL: <https://ro.uow.edu.au/jutlp/vol18/iss4/7> (дата обращения: 7.01.2023).

ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МОРСКОМ ДИСКУРСЕ

Малинина Светлана Михайловна

*старший преподаватель, Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С. О. Макарова*

Для ведения профессиональной коммуникации выпускники морских академий должны обладать высокой степенью владения специальной лексикой — совокупностью слов и словосочетаний, употребляемых в специальной сфере трудовой деятельности. К основным единицам специальной лексики относятся нормативные единицы (термины), полуофициальная профессионально-производственная лексика (профессионализмы) и ненормативные единицы (жаргонизмы), обладающие яркой образностью и используемые с экспрессивными целями. На протяжении веков англоязычная морская терминология формировалась в основном за счет латинских, французских, голландских, древнескандинавских заимствований. Тем не менее, ведущим процессом в развитии словарного состава английского языка на всех этапах было словообразование на основе национального словарного материала. К основным словообразовательным моделям в английском языке относятся аффиксальное словообразование, словосложение, конверсия, сокращение. В разные периоды развития языка та или иная словообразовательная модель выходила на передний план, некоторые из них (деривация, словосложение) оставались продуктивными на протяжении всей истории развития английского языка. Возникновение конверсии и аббревиации относится к недавнему времени [Амосова 1956: 30]. В рамках данного исследования был осуществлён анализ англоязычной специальной лексики морского дискурса. Материалом исследования послужили словари морской специальной лексики, официальные документы сферы мореплавания, а также тексты художественного и публицистического стиля. Было выделено 928 терминов, 90 профессионализмов и 237 жаргонизмов. В ходе проведенного исследования определены основные способы словообразования англоязычной специальной лексики сферы мореплавания. В ходе анализа была выявлена особая роль аффиксальных моделей словообразования, благодаря которым морская терминология пополнилась множеством новых терминов. Результаты исследования показали наибольшую степень продуктивности суффиксов *-ing*, *-er*, *-able*. К продуктивным суффиксальным моделям следует отнести: *V+ing*, *V+er*, *N+er*, *V+able*. Суффикс *-ing*, присоединяясь к основе глагола, образует термины, обозначающие процессы: *loading* / погрузка; *anchoring* / постановка на якорь. Суффикс *-er* с основой глагола или существительного образует наименования судов, приборов, механизмов: *bulker* / сухогруз; *thruster* / подруливающее устройство; *discharger* / устройство для разгрузки и др. Суффикс *-able* с основой глагола образует прилагательные со значением способности выполнить определенное действие: *maneuverable* / маневренный; *navigable* / судоходный. Среди продуктивных префиксальных моделей были выявлены следующие: *un+V*, *un+N*, *un+Adj*. Частотностью в морской терминологии отмечена приставка с отрицательной семантикой *un-*, наиболее часто встречающаяся в глаголах, существительных и прилагательных: *unship* / стгужать с корабля, снимать, высаживать на берег; *unsinkability* / непотопляемость; *unloading* / разгрузочный. При анализе специальной лексики, образованной на основе словосложения, было выявлено преобладание модели — *N1+N2*: *wheelhouse* / рулевая рубка; *seabed* / морское дно. В ходе исследования было выявлено, что продуктивной моделью терминообразования в морском дискурсе является также сокращение, а именно — аббревиация. Отмечены два типа частотных аббревиатур — инициализмы (аббревиатуры, образованные от словосочетаний путем оставления инициальных букв от каждого слова сокращаемого словосочетания с произношением по алфавитному принципу) и акронимы (аббревиатуры, образованные из начальных букв каждого слова сокращаемого словосочетания и читаемые как слова). Иллюстрацией данных моделей могут служить следующие термины: *OOW* — *Officer of the Watch* / вахтенный офицер; *CPA* — *Closest Point of Approach* / точка максимального сближения (инициализмы); *EPIRB* — *Emergency Position Indicating Radio Beacon* / спасательный радиобуй, указывающий место аварии судна;

ECDIS — Electronic Chart Display and Information System/ электронная картографическая навигационно — информационная система (акронимы). Наряду с инициализмами и акронимами в ходе анализа были выявлены такие виды сокращений как усечение и словослияние, которые чаще всего встречаются при образовании профессионализмов и жаргонизмов. Наиболее частотной моделью является усечение финальной части слова: *comp* от *compass*/компас; *tarp* от *tarpaulin* /брезент; *stew* от *steward* /стюард на пассажирских судах. Усечение типично для значительного числа географических названий, используемых в навигации: *Asar* от *Asarpulco* /Акапулько; *Azo* от *Azores* /Азорские острова. В качестве примера словослияния (соединение двух основ с уменьшением числа фонем и морфем) можно привести такие единицы специальной лексики, как *navaids* — *navigational aids* / навигационные средства судовождения; *blading* — *bill of lading* /коносамент. В результате словослияния образуется слово, которое сочетает в себе лексические значения обоих компонентов. Анализ морского дискурса показал также наличие специальной лексики, образованной на основе конверсии — в основном отмечены такие модели, как вербализация и субстантивация: *berth* /причал — *to berth* / причалить; *to tow* / буксировать — *tow* / буксируемое судно. Таким образом, предпринятый в ходе исследования анализ морского дискурса показал, что в качестве продуктивных словообразовательных моделей специальной лексики следует выделить аффиксацию, словосложение и сокращение. Менее частотной словообразовательной моделью является конверсия.

Литература

Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956.

Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. М., 1987.

Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2007.

ВЫБОР ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В РАМКАХ КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

CHOOSING PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN COMMUNICATIVE-COGNITIVE APPROACH TO TEACHING ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE

Мясников Алексей Анатольевич

*доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики;
преподаватель, средняя школа № 544 Санкт-Петербурга*

Теоретические аспекты, связанные с разработкой и применением общеобразовательных технологий, непосредственно ассоциируются с именами таких ученых как Б. Блум, Д. Брунер, Д. Хамблин, П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина, Ю. К. Бабанский, В. П. Беспалько. Вместе с тем сама мысль о зависимости учебного процесса от педагогических технологий, т. е. от совокупности способов, применяемых для успешного овладения изучаемым материалом, была, как известно, высказана еще древнеримским педагогом-словесником и методистом Марком Фабием Квинтилианом в работе «О воспитании оратора». К основным способам обучения Квинтилиан относит объяснение (теоретические наставления), подражание и упражнение [Квинтилиан 1896]. Коммуникативно-когнитивный подход предполагает, с одной стороны, привлечение разнообразных коммуникативных заданий, имитирующих ситуации реального речевого общения, характеризующихся признаками спонтанности, эмоциональности и целенаправленности речевого воздействия. К основным видам коммуникативных заданий относятся: фрейм (frame) — коммуникативная ситуация в соответствии с коммуникативным намерением (например: установление контакта — приветствие, прощание, поздравление; передача информации — сообщение, рассказ; активизация намерения, отношения — просьба, требование, похвала; аргументация — объяснение, доказательство, опровержение); скрипт (script) — законченный сценарий ситуации общения социально-бытовой, социально-культурной, профессиональной сферы; мозговой штурм (brainstorming) — групповая разработка темы или семантического поля понятия в виде слов и отдельных фраз; ролевая игра (roleplay) — освоение общения в пределах социального контакта в условиях максимально близких к условиям реального общения; имитационная игра (imitation game) — выдуманное и разыгранное действие вокруг проблемной ситуации; дискуссия (discussion) — обсуждение темы, предполагающее наличие различных точек зрения [Методика преподавания иностранных языков в вузе: от традиции к современности 2003: 66–77]. С другой стороны, в рамках вышеуказанного подхода параллельно проводится работа по развитию способностей студентов самостоятельно усваивать учебно-речевой материал и выполнять задания, требующие наличия в определенной степени сформированных лексических и грамматических навыков, работа по использованию родного языка в качестве опоры в процессе формирования и совершенствования умений и навыков английского языка, а также работа по формированию умений двухстороннего перевода. Практика работы показывает, что определенные темы ранее пройденных школьных курсов и вузовских курсов английского языка для неязыковых специальностей нуждаются в повторной проработке. В качестве примера можно привести тему «Постановка общих и специальных вопросов». В качестве технологий (способов обучения) целесообразно использовать несложные задания, направленные на активизацию и автоматизацию навыков постановки общих и специальных вопросов. (Сформулируйте вопросы к предложениям, задайте вопросы о распорядке дня, вопросы к данным вам ответам, переведите вопросы и пр.). Выбор педагогических технологий обусловлен такими дидактическими характеристиками применяемой модели обучения как подход, объект и основная единица обучения. Объектом обучения в рамках коммуникативно-когнитивного подхода является речевая деятельность, основной единицей обучения — проблемная ситуация, отражающая картину мира в определенном языковом контексте, а ведущим методом — погружение учащихся в ситуацию общения с целью нахождения решения коммуникативной задачи [Алмазова

2003: 15]. Таким образом, эффективность применяемой методики преподавания иностранного языка, актуальность выбранного или созданного учебника или учебного пособия и успешность того или иного занятия по иностранному языку непосредственно связаны с выбором необходимых педагогических технологий [Мясников 2021: 6].

Литература

Алмазова Н. И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук. СПб., 2003.

Квинтилиан М. Ф. Правила ораторского искусства. Книга десятая. СПб, 1896.

Методика преподавания иностранных языков в вузе: от традиции к современности: учебное пособие / под ред. *Т. Ю. Тамбовкиной*. Калининград, 2003.

Мясников А. А. Традиционные и инновационные подходы в преподавании иностранных языков: [Электронный ресурс]. СПб., 2021. 1 электрон. опт. диск. Систем. требования: Windows 7/8/10; Adobe Reader.

ЭЛЕКТИВНЫЙ КУРС «ИСПАНОАМЕРИКА: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА» ДЛЯ ШКОЛ С УГЛУБЛЁННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

THE ELECTIVE COURSE “HISPANOAMERICAN’S LANGUAGE AND CULTURE” FOR LINGUISTIC SCHOOLS

Никульникова Надежда Юрьевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Элективные курсы (курсы по выбору) играют важную роль в системе профильного обучения на старшей ступени школы. Согласно Федеральному закону об образовании, элективные курсы — это курсы, «избираемые в обязательном порядке учебные предметы из перечня, предлагаемого организацией, осуществляющей образовательную деятельность (после получения основного общего образования)» [273 ФЗ статья 34]. В связи с развивающимися отношениями между Россией и странами Латинской Америки возрастает необходимость в подготовке специалистов, владеющих различными национальными вариантами испанского языка. Несмотря на то, что в последнее время в учебниках по испанскому языку, рекомендованных Министерством просвещения, стала появляться информация о других вариантах испанского языка, представленная в виде сносок, комментариев, небольших информационных текстов, её недостаточно для полноценного изучения латиноамериканских вариантов. На старшем этапе в общеобразовательных учреждениях продолжают изучать пиренейский стандарт, на котором говорит население Испании, что представляет язык примерно 11,2 % носителей от общего числа испаноговорящего населения. Данный факт определяет актуальность элективного курса «Испаноамерика: язык и культура». Элективный курс разработан для учащихся старших классов школ с углублённым изучением испанского языка. Целью курса является овладение культурно-обусловленными лексическими особенностями вариантов испанского языка. В задачи курса входит следующее: обучение культурно-маркированным лексическим единицам; развитие познавательной активности, креативности, творческого мышления, мотивации учащихся к поисковой исследовательской и проектной деятельности; овладение учащимися практическими навыкам работы в информационной образовательной среде; формирование критического мышления, для которого характерны гибкость, рефлексивность. Отбор учебного материала явился результатом подбора и анализа определённой совокупности источников, отражающих культурную специфику разговорной речи Латинской Америки. Среди основных источников представлены электронные версии статей из главных латиноамериканских периодических изданий *El Tiempo* (Колумбия), *El Comercio* (Перу), *El Universal* (Мексика), *El Mercurio* (Чили) и др., радио и телевидение — *Caracol TV* (Колумбия) *Televisión cubana* (Куба), *Bolivia TV* (Боливия) и др., опрос информантов, блоги в сети Интернет, YouTube, корпуса испанского языка — *CORDE*, *CREA*, *CLICC*, *NALEC*, художественная литература — произведения *G. García Márquez* (Колумбия), *Isabel Allende* (Чили), *José Martí* (Куба) и др., песни — *Chocquibtown* (Колумбия), *Carlos Vives* (Колумбия), *Calle 13* (Пуэрто Рико), *Natalia Lafourcade* (Мексика), *Carlos Rivera* (Мексика) и др. Обучение организовано в форме практических занятий и самостоятельной работы учащихся. Практические занятия проводятся в форме работы с текстом, выполнения интерактивных упражнений, дискуссий, ролевых игр, самостоятельных и проверочных работ, тестовых заданий. Используются средства наглядности: таблицы, схемы, картинки, мультимедийные презентации, видеоролики. Самостоятельная работа учащихся организована на основе подготовки тематических сообщений, целевого поиска и анализа информации в сети Интернет, выполнения итогового задания — подготовки проекта. Курс рассчитан на 36 ак. ч. аудиторных занятий. Краткое содержание дисциплины:

1. История Латинской Америки — 2 занятия.
2. География Латинской Америки, её флора и фауна — 1 занятие.
3. Мексика, Гондурас, Никарагуа, Сальвадор — 5 занятий.

4. Антильские острова, побережье Карибского моря — 4 занятия.
5. Панама, Колумбия, Венесуэла, Эквадор — 4 занятия.
6. Перу — 4 занятия.
7. Чили — 4 занятия.
8. Риоплата (Аргентина, Уругвай, Парагвай) — 5 занятий.
9. Боливия — 4 занятия.
10. Проект — 2 занятия + защита.

Обучение проводится на основе следующих принципов: принципа культурной направленности, учёта особенностей вариантов испанского языка, ситуативности, активизации мыслительной деятельности, последовательности, нарастания языковых и коммуникативных трудностей [Бим 1991; Пассов 2000; Тарнаева 2017]. Перечисленные принципы соблюдаются в комплексе упражнений, разработанных нами специально для данного элективного курса. Текущий контроль проводится на каждом занятии в форме проверки качества заданий, выполняемых учащимися. Промежуточный контроль осуществляется после прохождения каждой темы в интерактивной форме с помощью использования интернет-программ (Online Test Pad, Quizlet). Итоговый контроль представляет собой защиту проектных работ. В результате прохождения курса учащиеся должны:

- усовершенствовать свои языковые и речевые умения иноязычного общения: лексических, грамматических, произносительных в аудировании, чтении, письме и говорении при решении конкретной коммуникативной задачи;
- усовершенствовать умения понимать разные варианты испанского языка;
- усовершенствовать умение высказывать гипотезу;
- усовершенствовать умение аргументировать свою точку зрения, доказывать тезис;
- осознать возможности самореализации средствами иностранного языка;
- осознать культурное многообразие мира, сформировать уважение к культуре своего народа и других народов, толерантность;
- повысить свою творческую активность и самостоятельность;
- научиться анализировать и синтезировать необходимую информацию, устанавливать аналогии.

Литература

- Бим И. Л., Бим И. Л. Подход к проблеме упражнений с позиции иерархии целей и задач // Общая методика обучения иностранному языку. М., 1991. С. 99–110.
- Пассов Е. И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. «Развитие индивидуальности в диалоге культур». М., 2000.
- Тарнаева Л. П. Перевод в сфере делового общения: диалог языков и культур (лингводидактический аспект). СПб., 2017.
- Федеральный закон об образовании № 273. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТИЙ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ С УЧАЩИМИСЯ, ИМЕЮЩИМИ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ ПСИХИКИ

Охотникова Елена Васильевна

преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В настоящем докладе будут представлены результаты практической работы, проведенной автором на базе психиатрического стационара летом 2022 года. Целью работы было, с одной стороны создать эффективную модель языкового занятия для группы, имеющей специфические особенности психики, с другой — поиск новых подходов к реабилитации пациентов и повышения мотивации к продолжению лечения. Уникальный опыт использования занятий иностранным языком (в конкретном случае — итальянским) с пациентами психиатрического стационара — с одной стороны ресурс для реабилитации, развития когнитивных и социальных навыков, повышения мотивации и улучшения общего эмоционального статуса, а с другой — потенциальный диагностический и прогностический ресурс. Попадая в психиатрический стационар пациенты, помимо тяжести собственной болезни и вызванного ею состояния, сталкиваются еще с целым рядом травмирующих и демотивирующих факторов. Это и высокий уровень социальной депривации, замкнутость и предсказуемость жизни внутри стационара, отношение к собственному состоянию как остро медицинскому явлению, а также скука, ощущение себя больным, отсутствие перспективы. Особенно остро этот вопрос стоит для отделения «первого эпизода», в котором оказываются люди, для которых попадание в психиатрическую больницу означает буквальное крушение привычного образа жизни и представлений о мире. Это крушение требует создания новой стратегией проведения. Мишени работы в данном случае — это борьба с отсутствием мотивации на будущее (как следствие — отрицательным прогнозом на продолжение лечения после выхода из стационара), борьба за самооценку пациента, выстраивание коммуникативных навыков и развитие когнитивных навыков в новых условиях. При этом, важно мониторить диагностические показатели — состояние памяти, учебный (то есть коррекционный) потенциал, эмоциональный фактор, развитие навыков работы в группе. В ходе работы с пациентами психиатрического стационара автором настоящего доклада была разработана методическая система, состоящая из моделируемых блоков занятий, позволяющих включить в работу пациентов без фиксированной привязки к старту группы. Это важный нюанс, вызванный спецификой стационара — так как госпитализации краткосрочные, состав отделения обновляется достаточно быстро, каждое занятие одновременно «и первое, и следующее» и его необходимо сделать полезным и интересным всем участникам группы. Главный принцип каждого занятия — непосредственный положительный практический результат, то есть после каждого микро-урока пациенты выходят с умением: рассказать о себе, рассказать о своем настроении, профессии, эмоциях, интересах и так далее. Подбор тематики и лексики связан с мотивационными и реабилитационными задачами. Реабилитационные задачи это: возможность говорить о своем состоянии, умение работать в группе и замечать и комментировать чувства ее участников, развитие и тренировка когнитивных навыков. Мотивационные — занятие иностранным языком это очень «нормальное» дело, из мира, из которого пациенты оказываются вырваны, изучение языка — это всегда про перспективу — работы, путешествий, интересов и так далее. Сам тренинг (занятия иностранным языком) был представлен пациентам как один из способов улучшения и тренировки когнитивных функций (снижение которых отмечают практически все пациенты). В процессе занятий демонстрировались мнемотехники, улучшающие запоминание новой информации, а также способы организации собственной учебной и досуговой деятельности. Свообразным «побочным» эффектом лингвотерапии стало то, что анализ поведения пациентов на этих занятиях позволяет психологу (если занятия ведет именно психолог) весьма успешно мониторить состояние высших психических функций и в целом общий статус пациента — что несомненно полезно для общей картины, дает информацию врачам-психиатрам и в конечно счете влияет на эффективность осуществляемого лечения, снижая риск рецидива.

Методика, разработанная автором в рамках экспериментальной работы может быть широко использована и на обучающихся, без специфических нарушений, но со сниженной или нестабильной мотивацией. Таким образом, междисциплинарный подход, представленный в данном докладе может стать основой для разработки адаптационных учебных программ, что, в условиях роста в последние годы количества обучающихся с ограниченными особенностями здоровья (РАС, СДВГ и т. п.), представляется одной из первостепенных задач в методике преподавания иностранного языка.

К ВОПРОСУ О ПРИОРИТЕТНОСТИ УМЕНИЙ В ОБЛАСТИ МЕДИАГРАМОТНОСТИ

PRIORITY OF MEDIA LITERACY SKILLS

Солнцева Елена Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен изучению ключевых умений, участвующих в формировании медиаграмотности на иностранных языках. Научная новизна работы обусловлена отсутствием на сегодняшний день единого определения понятия медиаграмотности и комплексного подхода к этому понятию с точки зрения междисциплинарных исследований. Материалом послужили теоретические разработки и отчеты, посвященные медиаграмотности у отечественных и зарубежных исследователей. В рамках практического этапа проведен социологический опрос, направленный на выявление приоритетных умений в области медиаграмотности среди молодёжи (школьников 10–18 лет и студентов 18–29 лет). Далее выработан подход к обучению медиаграмотности на иностранных языках в зависимости от возраста аудитории. Определение понятия и ключевых умений, входящих в медиаграмотность на иностранных языках, необходимы для дальнейшего формирования системного и компетентного подхода к обучению медиаграмотности среди разных возрастных групп, что в современном мире становится неотъемлемой частью патриотического гражданского воспитания. Работа поддержана субсидией Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга.

Медиаграмотность — феномен, которому уделяется все большее внимание с развитием электронной информационной среды на протяжении XXI века. Если ближе взглянуть на составляющие самого слова — медиа и грамотность, — то становится понятным, что в основе феномена медиаграмотности, с одной стороны, лежит основополагающий навык грамотности, то есть владения устной и письменной речью, умение читать и писать, понимать значение написанного и услышанного, излагать свои мысли. Это признано одним из важнейших показателей культурного уровня населения и напрямую обуславливается уровнем экономического и политического развития общества. С другой стороны, в основе лежит понятие «медиа» как совокупности различных видов данных (помимо текстовых сообщений), содержащих дополнительную звуковую и визуальную информацию, а также средств по донесению этих данных до получателя (СМИ). Таким образом, медиаграмотность базируется на навыке чтения и воспроизведения данных СМИ.

В современной научной литературе понятие далее приобретает целый спектр значений, включающий, в частности, умение анализировать сообщения в разных видах медиа. Цель такого анализа состоит в обнаружении разного рода воздействия — манипуляций в форме пропаганды или цензуры, фейковых сообщений, субъективного представления фактов и изложения сведений через призму интересов определенной группы населения, например, владельцев или спонсоров издания. Кроме того, анализ потока информации в современных медиа также умение оценивать эмоциональный фон сообщения и его направленность в плоскости «плохое — хорошее», а также умение отличать мнение от факта, а фейк от правды. С одной стороны, мнение, субъективная интерпретация фактов, тот акцент, который автор медиа-сообщения ставит при создании своего контента, может негативно влиять на аудиторию и породить необоснованную эмоциональную реакцию, и с другой стороны, фейк как одно из средств намеренного введения в заблуждение и манипуляции имеет целью напугать, дезинформировать или обмануть адресата. Медиаграмотность может также пониматься как движение, призванное помочь людям понимать, создавать и оценивать культурную значимость аудиовизуальных и печатных текстов, то есть как умение анализировать культурный контекст создания медиаконтента. То, в какой исторической эпохе, в каких социальных условиях развивается медиасообщение, будет напрямую влиять на характер восприятия такого сообщения. Контекст в целом — лингвистический (конкретное лексическое окружение того или иного слова) и экстралингвистический (время,

место, автор создания контента), — становится ключевым фактором в понимании современных медиа и выводит рассмотрение феномена медиаграмотности в поле междисциплинарных когнитивно-дискурсивных исследований.

Кроме того, в медиаграмотность включается способность создавать медиасообщения самим, что уже подразумевает развитие пассивного зрителя и его превращение в так называемого «просьюмера». Просьюмер сам принимает участие в производстве медиа и знаком, например, с такими практиками, как загрузка контента, шэринг, нетворкинг, ремиксинг, и т. п. Сюда входит также умение распознавать разные жанры и формы существования медиаконтента и работать с ними. В целом, медиаграмотность включает в себя, с одной стороны, базовые умения и навыки чтения и письма, технические умения и навыки владения цифровыми средствами обработки данных, и с другой стороны, более сложные умения и навыки критического восприятия медиаконтента, анализ контекста его существования, распознавание различных техник манипуляции, оценку эмоциональной составляющей сообщения. Умения, формирующие медиаграмотность, можно назвать возрастно-ориентированными — потребность в них и степень их развития напрямую связаны с возрастом аудитории. Так, по результатам опроса школьникам нужно прежде всего оценить сообщение с точки зрения «плохое — хорошее», «буду читать дальше или нет», а также не подвергаться воздействию и манипуляции. Студентам требуется уже в большей степени осмысленный подход к анализу данных, и от простого соотношения «хорошо-плохо» акцент сдвигается в сторону критического мышления и понимания («не верю всему подряд»), всестороннего анализа поступающей медиаинформации, в том числе, фактчекинга и различения мнения и факта. Исходя из полученных данных о приоритетности умений, формирующих медиаграмотность, выработан подход к обучению медиаграмотности на иностранных языках среди молодёжи двух возрастных групп.

УМЕНИЯ ОБЪЯСНЕНИЯ И ВИЗУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА КАК ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЯ/ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Сорокина Ангелина Сергеевна

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Доклад посвящен изучению вопросу развития умений объяснения языкового материала и его визуализации для обучающихся у студентов лингводидактических специальностей и рассмотрению необходимых для решений данной коммуникативной задачи навыков и умений как части профессионально-коммуникативной компетенции учителя/преподавателя иностранного языка. Тема доклада является проектом диссертационного исследования. Понятие «визуализация» трактуется различными авторами по-разному. Так, согласно Е. А. Макаровой визуализация представляет собой способ структурирования и категоризации знаний о внешнем мире для их запоминания и дальнейшего воспроизведения. Визуализация позволяет использовать способность человека видеть и понимать изображения. Главной задачей визуализации является преобразование больших массивов фактической или цифровой информации в адекватные для человеческого восприятия визуальные образы [Макарова 2010]. А. А. Вербицкий трактует процесс визуализации как «свертывание мыслительных содержаний в наглядный образ; будучи воспринятым, образ может быть развернут и служить опорой адекватных мыслительных и практических действий» [Вербицкий 1991: 113]. Исходя из данных определений мы можем сделать вывод, что визуализация — инструмент наглядного представления информации для ее адекватного восприятия человеком. Так, мультимедийная презентация является одной из активно используемых визуальных средств демонстрации языкового материала в классе. Актуальность представляемой темы заключается в том, что преподаватели иностранного языка повсеместно сталкиваются с необходимостью визуализировать учебный материал и представлять его в классе, в то время как на сегодняшний момент не удалось найти теоретически обоснованной и экспериментально апробированной методики развития необходимых для этого навыков и умений. Анализ используемых учителями интерактивных презентаций и стратегий объяснения лингвистического материала свидетельствует о разном уровне развития их ИКТ и профессионально-коммуникативной компетенции. Кроме того, анализ программ курсов методики обучения иностранным языкам и языка для специальных целей показал отсутствие целенаправленного развития данных умений у студентов лингводидактических направлений подготовки. Необходимость использования визуализации безусловна в связи с активным внедрением ИКТ-инструментов в процесс обучения иностранным языкам, что отражено в документе ЮНЕСКО «Структура ИКТ-компетентности учителей» 2018 года, а также ФГОС нового поколения. А с точки зрения компетентностного подхода, визуализация материала является частью медиативных умений согласно новому документу Общеввропейской системы компетенций владения иностранными языками (CEFR). Стратегии медиативной деятельности, описанные в документе, позволяют рассматривать с качественно новой позиции подход к объяснению материала и передаче знаний [Корнев 2022]. Однако, как показывает практика, не у всех преподавателей иностранного языка в достаточной мере сформированы умения визуализации и публичного выступления, что подтверждается проведенным в рамках магистерской диссертации анализом видеозаписей уроков по английскому языку, проведенных в рамках конкурса «Учитель Года» и проекта «Shaping the Way we Teach English in Russia». В рамках доклада планируется: провести анализ текущего положения педагогической науки, касающейся умений объяснения и визуализации учебного материала и методики обучения иностранным языкам преподавателя иностранного языка, касающихся умений визуализации и объяснения языкового материала; выявить специфику жанра профессиональной коммуникации преподавателя иностранного языка; составить перечень коммуникативных задач, решаемых с точки зрения объяснения языкового материала в классе; рассмотреть нормативно-правовые документы с целью выявления места

умений объяснения и визуализации языкового материала в рамках подготовки педагогических кадров; составить таксономию знаний, навыков и умений, необходимых для формирования умений эффективного объяснения и визуализации языкового материала у студентов лингводидактических специальностей; представить макет программы онлайн-курса, адресованного будущим преподавателям иностранного языка, и обосновать его необходимость.

Литература

Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М., 1991.

Корнев А. А. Коммуникативные виды деятельности как часть профессиональнокоммуникативной компетенции языкового педагога // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 152–163.

Макарова Е. А. Визуализация как интросекция смыслообразов в ментальное пространство личности. М., 2010.

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКОГО КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПОСЛЕ АНГЛИЙСКОГО

Чаленко Елена Сергеевна

доцент, Воронежский государственный университет

В данном докладе мы представляем опыт преподавания немецкого языка как второго иностранного на факультете международных отношений Воронежского государственного университета. В течение многих лет немецкий язык занимает среди учащихся нашего вуза одно из первых мест в качестве второго иностранного языка после английского. Взаимодействие языковых систем в условиях академического двуязычия приводит к интерференции, выражающейся в отклонениях от нормы и системы второго иностранного языка под влиянием первого [Лингвистический энциклопедический словарь]. Нам представляется, что причина подобного влияния английского языка на все последующие не только в его первичности, но и в системных особенностях, например, в незначительном количестве флексий, что делает изучение его грамматики более привлекательным по сравнению с флективными языками. Попытка преодоления указанной интерференции приводит к необходимости исследования психолингвистических особенностей обучения нескольким иностранным языкам на неязыковых факультетах (например факультете международных отношений), которые затрагивают как дидактические, так и системные сходства и различия. Многолетнее (до 12 лет) изучение английского языка в школе как первого иностранного после родного русского приводит к тому, что учащиеся вырабатывают устойчивые навыки и методы, которые они переносят и на изучение второго иностранного языка в вузе, что является безусловным преимуществом. Как правило, имея навыки говорения на английском языке, учащиеся значительно быстрее переходят к говорению на немецком по сравнению с теми, кто изучает немецкий язык как первый иностранный после родного русского. Существенную роль играет и тот факт, что оба языка относятся к германской группе и имеют значительное сходство в лексике. Некоторые грамматические явления, такие, как Perfekt, модальные глаголы, не требуют детального разъяснения, как это имело бы место без знаний английской грамматики. Наша проблема состоит в том, что согласно образовательным стандартам на изучение второго иностранного языка отводится ограниченное количество контактных часов (582 часа) в течение 8 семестров бакалавриата, при этом однако перед нами и нашими учащимися ставятся цели и задачи высокого общеобразовательного и профессионального уровней, такие, как усвоение навыков публичного выступления по профессиональной тематике и создания документов, тактических приёмов и техники аргументации и под. [Учебный план]. Такой комплекс задач безусловно побуждает нас искать пути оптимизации обучения и психологической перестройки в сознании наших учащихся, для которых длительная дистанция изучения первого иностранного языка сменяется «стометровкой» в изучении второго. Значительную помощь в этом нам оказывают немецкие аутентичные учебные пособия, в частности «DaF kompakt» [Daf kompakt A1–B1 2011] и «Grammatik aktiv» [Grammatik aktiv 2014], которые отражают в том числе и психолингвистические особенности изучения немецкого языка именно как второго иностранного после английского. С точки зрения психолингвистики научный интерес представляют также изменения в сознании учащегося в связи с переходом от школьного образования к вузовскому. Мы имеем в виду прежде всего тенденцию к развитию абстрактного мышления и совершенствованию дедуктивных методов познания. Указанная особенность используется нами в частности для сопоставления глагольных форм русского, английского и немецкого языков, благодаря которому учащиеся могут увидеть их системные свойства и далее осознанно применять эти формы в речи. Так, например, английский и немецкий языки, в отличие от русского не имеют грамматической категории вида, а русский и немецкий языки, в отличие от английского владеют полноценной системой глагольных флексий. Зигзагообразная языковая траектория русский-английский-немецкий заслуживает в дидактике особого внимания, так как учащиеся проходят путь от очень сложного родного флективного русского

языка к менее сложному флективно-агглютинативному английскому, возвращаясь далее опять к сложному флективному немецкому языку. Им приходится отказываться от привычки легкого и «небрежного» говорения. В нашей практике преподавания в качестве методов преодоления интерференции в подобной последовательности языков мы используем аналогию и контраст. Примечательным является тот факт, что на всех трех этапах изучения немецкого языка (начальном, среднем и продвинутом) влияние английского языка неизменно сохраняется, однако меняется его характер. Несмотря на имеющиеся сложности, нам представляется, что академические двуязычие «английский-немецкий» является взаимно обогащающим сочетанием, которое имеет и профессиональные перспективы.

Литература

Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com/392> (дата обращения: 27.01.2023).

Учебный план по направлению «Международные отношения». URL: <https://edu.vsu.ru/course/view.php?id=2941§ion=3> (дата обращения 27.01.2023).

Daf kompakt A1–B1. Deutsch als Fremdsprache für Erwachsene. Stuttgart, 2011.

Grammatik aktiv. Üben. Hören. Sprechen. Cornelsen Schulverlage. GmbH. Berlin, 2014.

COUNTER-PRODUCTIVE HABITS OF UNIVERSITY STUDENTS LEARNING ENGLISH, THEIR CAUSES, AND WHAT TEACHERS CAN DO ABOUT IT

Эйтон Александр

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)

As teachers of foreign languages observing student behavior in the classroom, it is clear that certain habits are counter-productive to the students' second language acquisition. The students themselves do not realize that they are slowing their progress. In fact, they are reacting to what they have experienced in school and trying to protect themselves emotionally. In order to improve learning outcomes, teachers can modify their methods to encourage more productive behaviors from their students.

Counter-productive habits Freezing up: When I call on students to give me an answer or ask a discussion question like "What did you do yesterday?" sometimes students freeze. They may avoid eye contact or in lessons on Zoom they might not answer at all. The student tries to avoid participation and find a way to end the interaction with as little English as possible.

Translating conversations: Lack of comprehension is not always an issue. When I ask a question, students turn to their neighbors and repeat the question in Russian to confirm whether they understood it correctly. Usually the question was understood correctly but some students consistently look to classmates for confirmation. These students often then say their answer out loud in Russian, after which they translate their answer into English.

Translating writing: Students write a short essay about a specific topic for homework. When I read the essays in class, many essays have clearly been written entirely using Google or Yandex Translate. Students often write a whole essay in Russian and then translate it into English. Both high and low level students do this, with low level students simply copying and pasting their Russian essay into a translator.

Scripting conversations: Some students are averse to extemporaneous speaking. This is a major hindrance given that most speaking contexts are extemporaneous. To prepare students for class discussions, I sometimes use scaffolding to break the exercise into smaller, easier parts. I give them time to prepare for a discussion which some students use to write a response to the topic. They then read their answer to their partner and read their answer again to me. The same habit appears when students are to write notes for an extemporaneous speech. Students instead write a short speech which they then read to the class. Causes of counter-productive habits

Overemphasizing accuracy: In many schools, English teachers emphasize accuracy over other language aspects. They interrupt students while they are speaking to issue corrections and mark every mistake they see in students' writing. When teachers call on students to answer a question, the wrong answer may lose the student points. These methods induce fear in students. They feel they must produce perfect work and that mistakes are unacceptable. Therefore, students avoid participation to avoid making mistakes and translate everything, attempting to produce "perfect" English.

Overly difficult material: When a group of students are placed in the same English classroom together regardless of their individual language levels, the result can be that the material being studied is too difficult for many students. When students are confronted with too many unknown words or overly complex grammar concepts, they can quickly become discouraged and withdraw from the class or resort to translators to try and understand the material.

Neglecting skills: Some teachers teach English as a body of knowledge to be mastered. They forget that language is also a skill. These teachers overemphasize academic knowledge of the language and de-emphasize actual use of the language through speaking, listening, writing, and reading. When students lack the practice, particularly in speaking and listening, to adequately use the language, they will have difficulty formulating responses to spontaneous questions.

Overusing translation: When teaching new vocabulary or grammar, it can be difficult for teachers to know whether students understood the material. To check comprehension, many teachers ask for the translation of a word or grammatical structure. Although a quick way to confirm understanding, this method implies that translation is a learning tool. Many students believe that translating is the only

possible way to learn a foreign language. It causes students to make constant comparisons between their native language and English, confusing them when expressions cannot be translated word-for-word or when grammar usage differs. How to encourage better habits Accept that students make mistakes and this is a normal part of the learning process. [Krashen 1983: 59]. Therefore, error correction should be very limited. Some research indicates that error correction does not lead to increased accuracy anyway [Conti 2015]. It is especially ineffective if many errors or many types of errors are corrected at once. In student writing, I tend to mark only one type of error. When students make an error speaking, I may prompt them after they finish, but avoid interrupting them. Increase practice of language skills, especially speaking and listening. English must be viewed as a skill, not just as a body of knowledge to be memorized. By using speaking activities and talking to students in English, we can help them build the capability to use the language in real-life.

Divide students into groups based on their level and use appropriate material for their level. It is not reasonable to expect students to “just work harder” if they are too weak for the material. Material should be comprehensible for students in order for them to learn it [Krashen 1983: 72].

References

- Conti, Gianfranco.* Why teachers should not bother correcting errors in their students' writing (not the traditional way at least). 2015. URL: gianfrancoconti.com
- Krashen, Stephen, Tracy Terrell.* The Natural Approach: Language Acquisition in the Classroom. 1983.

ЭМОТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ EMOTIVE COMPETENCE IN THE CONTEXT OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Ялышева Алевтина Викторовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В процессе человеческого общения передается не только информация, но и эмоции. Полноценное человеческое общение без взаимного обмена эмоциями не представляется возможным. В условиях межкультурной коммуникации правильное понимание эмоций собеседников может представлять особую сложность. Особенности проявления и выражения эмоций имеют свою специфику в различных лингвокультурах. Отдельная область научного знания — «эмотиология» (лингвистика эмоций) изучает эти различия. В таких условиях для успешного общения коммуникантам необходимо обладать высоким уровнем иноязычной эмотивной компетенции. Лингвометодическую копилку исследований эмотивной компетенции составляют работы таких авторов как В. И. Шаховский, А. В. Чернышов, С. В. Першутин, Р. А. Латыпов, Ю. Н. Хусяинова, Е. В. Шевчик и др. основоположник эмотиологии (лингвистика эмоций) В. И. Шаховский в состав эмотивной компетенции включает следующие характеристики:

- 1) знание общих лингвокультурных кодов эмоционального общения; знание эмоциональных доминант этих кодов в форме эмоциональных концептов;
- 2) знание правил использования родного языка обучаемого в рамках коммуникативного подхода, их корреляцию с общечеловеческими/национально-культурными ценностями;
- 3) знание маркеров эмоционально-этнической идентификации речевых партнеров, правил эмоционального общения с ними;
- 4) знание и владение средствами номинации, экспрессии и дескрипции своих и чужих эмоций в обоих лингвокультурных кодах [Шаховский 2009: 9].

В определении С. В. Першутина, рассматривающего эмотивную компетенцию как «способность к осуществлению эмотивной коммуникации, эффективно используя все имеющиеся языковые и речевые средства выражения эмоциональных состояний» фокус от знаниевой парадигмы смещается к парадигме способностей личности к выражению и восприятию эмоций вербальными и невербальными средствами иностранного языка [Першутин 2017: 32]. Выражение эмоций вербальными средствами происходит на фонетическом, морфологическом, лексическом, фразеологическом, синтаксическом языковых уровнях и находят свое отражение в смысловом ударении, словообразовании, неологизмах, акцентном произношении звуков и т. п. К невербальным средствам выражения эмоций, представляющим собой рецептивную сторону эмотивной компетенции, относятся:

- 1) паралингвистические (интонация, паузация, темп и тембр голоса и др.),
- 2) экстралингвистические (смех, постукивание, вздохи др.), кинесические (позы, жесты, мимика, пантомимика) и
- 3) проксемические (пространственные передвижения, расстояние) средства. [Хусяинова 2017: 89].

Традиционно эмотивную компетенцию в отличие от лингвистической, речевой, социокультурной, учебно-познавательной, компенсаторной компетенций не принято включать в состав иноязычной коммуникативной компетенции. Однако, некоторые исследователи, мнение которых мы разделяем, все же включают эмотивную компетенцию в состав иноязычной коммуникативной компетенции (Шаховский В. И., Маслова В. А., Першутин С. В.). Таким образом, она рассматривается автором как основа эмоционального взаимодействия (интеракции) в условиях иноязычной коммуникации и представляет собой сложный лингводидактический конструкт, реализуемый на психологическом и лингвистическом уровнях и представленный тремя ком-

понентами: перцептивно-когнитивным, мотивационно-деятельностным и результативным. Рассматривая также критерии сформированности эмотивной компетенции на разных ступенях обучения иностранному языку, изложенные современными исследователями, можно сделать вывод, что во многих исследованиях эмотивная компетенция рассматривается неполно, в контексте какого-то одного из ее компонентов. Так, например, Е. В. Шевчик сформированную эмотивную компетенцию видит в умении интерпретировать эмотивную лексику, являющуюся «необходимым условием для глубокого понимания художественной аутентичной литературы, осознания идейного смысла произведения, а следовательно, для понимания менталитета, психологии людей, говорящих на других языках» [Шевчик, Милованова 2008: 70]. На наш взгляд, в контексте иноязычного образования целесообразно рассматривать эмотивную компетенцию как сложный лингводидактический конструкт, находящий свое отражение не только на перцептивном, но и на продуктивном уровне. Таким образом, предложенная автором модель эмотивной компетенции является инвариантным конструктом, поскольку при наполнении ее языковым материалом в зависимости от потребностей конкретной ситуации в условиях межкультурной коммуникации, ее сущностные характеристики остаются неизменными.

Литература

- Перишутин С. В.* Методика обучения старших школьников эмотивной лексике на уроках английского языка: дис. ... канд. пед. наук. СПбГУ. СПб., 2017. 212 с.
- Хусяинова Ю. Н.* Методика формирования эмотивной компетенции студентов бакалавриата в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук. СПбГУ. СПб., 2017.
- Шаховский В. И.* Эмоциональная / эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты?) [Текст] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный журнал. 2009. Т. 1. № 16. С. 7–14. URL: http://tverlingua.ru/archive/016/2_16.pdf (дата обращения: 10.01.2023).
- Шевчик Е. В., Милованова Л. А.* Обучение студентов рецептивной эмотивной лексике в процессе чтения художественных текстов на английском языке // Педагогический науки. 2008. С. 69–76.

ТЕСТИРОВАНИЕ УСТНОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ВЫБОР ФОРМАТА

Ма Синьи

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Павловская Ирина Юрьевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

В рамках изучения языка из четырех навыков — аудирования, говорения, чтения и письма — три (навыки аудирования, чтения и письма) можно рассматривать как базу для развития навыков и умений говорения. Конечная цель изучения языка — использовать его как инструмент для общения с другими людьми, и самым важным из них является устное общение. В современном обществе мы сталкиваемся с различными возможностями и проблемами в учебе, работе и жизни, и навыки разговорной речи, несомненно, являются самыми важными в плане требований к владению иностранным языком. Однако тест по говорению не воспринимается всерьез многими студентами и преподавателями университетов, и даже не является обязательным тестом, что не соответствует практическим требованиям использования английского языка [College English Test]. Это вызывает значительные трудности при поступлении китайских студентов в зарубежные, в том числе российские, вузы. Это лингвистические, психологические и культурологические трудности. Во многих случаях трудности в изучении иностранного языка обусловлены не интеллектуальными, а скорее психологическими факторами. Психологические барьеры в изучении иностранного языка для китайских студентов обычно проявляются в следующем:

1. Коммуникативные барьеры. Коммуникативные нарушения — это психологические трудности, возникающие в самом процессе языкового общения вследствие дезадаптации. Она проявляется в тенденции к чрезмерной сдержанности, пассивности и эскапизма в коммуникативном процессе. На устных экзаменах студенты с коммуникативными трудностями часто избегают взгляда преподавателя и боятся вопросов от иностранных экзаменаторов в классе. Они часто нервничают настолько, что краснеют и даже дрожат, когда им задают вопрос, или молчат. В традиционном китайском классе изучения иностранного языка коммуникативные трудности студентов редко проявляются. Это объясняется тем, что для учащихся в таком классе цель изучения иностранного языка — не коммуникативная, а экзаменационная. Без коммуникативного обучения трудно выявить коммуникативные барьеры.

2. Эмоциональные барьеры. Эмоциональный барьер при тестировании по иностранному языку может проявляться в виде апатии, отсутствием эмоций, или наоборот, повышенными эмоциями. Эти трудности могут быть вызваны отсутствием мотивации. Как только внешнее принуждение прекращается (например, давление экзамена), студент сразу же перестает интересоваться предметом. Часто учащиеся оказываются не готовы справиться с негативными последствиями дистресса во время экзамена. Именно поэтому повышение стрессоустойчивости и эмоционального контроля студентов является важной задачей в образовательном процессе. Помимо приобретения необходимых экзаменационных навыков, студенты должны понимать, как готовиться к экзаменам заранее, например: планировать режим работы, отдыха и сна и т. д. [Милютина 2020].

3. Ассоциативные барьеры. Ассоциативный барьер в процессе тестирования иностранного языка относится к трудностям, возникающим при использовании ассоциативных навыков для решения задач. Это проявляется, когда мышление студентов фиксируется на определенных

изолированных языковых символах, и они не способны развивать новые формы выражения из значений, выраженных этими символами. Например, на занятиях студенты отрабатывали тест по говорению на тему «Describe an ideal job for you» («Опишите работу, идеальную для вас»). Однако, когда они столкнулись с вопросом «Describe a decision that took you a long time» («Опишите решение, которое заняло у вас много времени»), они не смогли ассоциировать выбор работы со сложным решением, то есть не уловили достаточно плотную и разветвленную ассоциативную связь. Для снижения стрессогенных факторов в тестировании устной речи чрезвычайно важен правильный выбор формата тестирования. Тест по говорению предполагает проверку навыков устной речи кандидатов, поэтому важно спровоцировать их на разговор. Учитывая это, тесты по говорению следуют принципам аутентичности и взаимодействия экзаменатора и экзаменуемого и стремятся создать для кандидатов максимально естественную среду говорения. В большинстве современных языковых тестов используется прямой тип говорения, т.е. метод интервью. Существует несколько различных типов прямого тестирования речи, а именно: чтение вслух, вопросы и ответы, рассказ по картинкам, ролевая игра и дискуссия. Чтение вслух — это распространенный метод для начинающих, при этом материал делится на слова, предложения и отрывки текста. Вопросно-ответный метод, когда экзаменатор задает вопросы, а кандидат отвечает — наиболее часто используемый метод. Очень популярно также использование визуального стимула для говорения — кандидатов просят описать, сравнить или обсудить картинку. С точки зрения количества участников форматы тестирования устной речи представлены схемами 1 экзаменатор + 1 кандидат, 1+2, 2+2, n+2. В докладе проводится сравнительный анализ субтестов по говорению на примере нового теста по китайскому языку как иностранному HSK [Han Yu Shui, Ping Kao Shi] и английском языке как иностранному IELTS [The International English Language] с целью выявления наиболее эффективных форматов заданий. С точки зрения формата теста и типа вопросов, IELTS — это интервью «1+1», в то время как новый HSK — это полупрямой устный тест, что обусловлено большим количеством участников. В свете коммуникативной лингвистической теории становится ясно, что устный тест IELTS является более интуитивным отражением способностей студентов. Кроме того, IELTS лучше отражает принципы аутентичности и интерактивности. Он также очень последователен, задания связаны между собой, что дает более полное представление о тестируемом и соответствует реальным ситуациям языкового общения.

Литература

Милютина В. А. Стресс на экзамене по иностранному языку как фактор влияния на его результаты // Тестология. 2020. № 3 (15): 83–93.

College English Test: [сайт]. URL: <https://cet.neea.edu.cn>

Han Yu Shui, Ping Kao Shi: [сайт]. URL: <https://www.chinesetest.cn/index.do>

The International English Language Testing System: [сайт]. URL: <https://www.ielts.org>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ТЕСТИРОВАНИЯ ПО РУССКОМУ И КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКАМ КАК ИНОСТРАННЫМ

COMPARATIVE ANALYSIS OF TESTING SYSTEMS IN RUSSIAN AND CHINESE AS FOREIGN LANGUAGES

Ван Юйтин

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В разных странах существуют свои собственные системы тестирования на знание языка для иностранцев, такие как тестирование по китайскому языку как иностранному (HSK), тестирование по русскому языку как иностранному (РКИ) и др. В Советском Союзе появился большой интерес к тестированию еще до начала 1930-х гг. В конце 1980-х–начале 1990-х годов в России стали появляться учебно-методические и локальные тесты, что явилось первым шагом к формированию единой независимой системы контроля и развитию стандартизированных тестов. В 1990-е гг. была создана государственная система тестирования по русскому языку. В качестве совещательных органов действуют Координационный совет по тестированию и лингводидактике и Научно-методический совет. Система тестирования по китайскому языку как иностранному разработана Китайским центром языкового сотрудничества и штаб-квартирой Института Конфуция. В 1984 г. Пекинский университет языка и культуры учредил «Группу разработки тестов на знание языка Ханью» и начал разработку теста HSK. На данный момент HSK сформировал относительно полную систему от низкого до высокого уровня. HSK существует для продолжения обучения в моей стране и получения сертификатов о знании китайского языка. На современном этапе основная цель тестирования и по РКИ, и по китайскому языку — проверить умения и навыки кандидатов при достижении ими своих коммуникативных целей в ситуациях, актуальных для обеспечения бытовой и профессиональной жизни иностранца в стране изучаемого языка соответственно его уровню КК. Тестирование по русскому языку как иностранному языку (общее владение) имеет 6 уровней: Элементарный уровень (A1), Базовый уровень (ТБУ / A2), Первый сертификационный уровень (ТРКИ-I / B1), Второй уровень (ТРКИ-II / B2), Третий уровень (ТРКИ-III / C1) и Четвертый уровень (ТРКИ-IV / C2). Тесты по РКИ состоит из 5 субтестов:

- 1) Письмо,
- 2) Чтение,
- 3) Лексика. Грамматика,
- 4) Аудирование,
- 5) Говорение.

Уровни тестирования HSK: уровень 1, уровень 2, уровень 3, уровень 4, уровень 5, уровень 6, всего 6 уровней, уровень 6 является самым высоким уровнем. Тест по китайскому языку как иностранному — HSK — состоит из 3 частей: аудирование, чтение и письмо. Общие черты систем тестирования по РКИ и китайскому языку как иностранному следующие: Обе системы сосредоточены на проверке языковых знаний студентов и практического владения языком. Обе системы сосредоточены на интеграции языка и национальной культуры. Обе системы являются национальными стандартными квалификационными тестами, тестами для иностранцев, обучающихся и работающих в своих странах, для оценки их владения языком. Однако, несмотря на все вышеперечисленные сходства, есть и различия.

1. Время создания систем — разное. Система тестирования по РКИ была принята в 1996 г., а тестирование по китайскому языку как иностранному раньше — в 1984 г.

2. Количество частей субтестов — разное. Тестирование по РКИ состоит из 5 частей, а тестирование по китайскому языку как иностранному состоит из 3 частей, без отдельных субтестов по говорению и грамматике.

3. В части «Письмо» тестирование по РКИ больше фокусируется на грамматических способностях учащихся, а тестирование по китайскому языку как иностранному больше фокусируется на правильности написания учащимися китайских иероглифов.

4. Тестирование по РКИ направлено на проверку способности учащихся гибко использовать стратегии речи и говорить/писать на русском языке, а тестирование по китайскому языку как иностранному направлено на проверку способности учащихся к логическому мышлению на китайском языке. В качестве примера сравнения тестов приведем тест по аспекту «Письмо» для Второго уровня ТРКИ и Тест HSK

4 уровня. В системе тестирования по китайскому языку как иностранному субтесту «Письмо» состоит из трех заданий:

1. Соединить слова в предложения.
2. Написать небольшую статью, используя следующие слова.
3. Написать небольшую статью по картинке ниже (не менее 80 слов).

В системе ТРКИ задания следующие:

1. Написать письмо на основе предложенной информации (объявления).
2. написать деловое письмо на основе предложенной ситуации.
3. Написать письмо личного характера с элементами рекомендации и оценки.

В системе ТРКИ при оценивании речевого продукта по аспекту «Письмо» в качестве параметров оценивания выделяются: адекватность формы и структуры изложения интенциям создаваемого текста, правильность выражения содержания и интенции: логичность, связность, умение выразить оценку, дать характеристику, представить информацию, корректность использования языковых и речевых средств. В соответствии с параметрами адекватности, эффективности и аутентичности общения для теста «Письмо» разработана форма матриц, заполняемых тестирующим. В системе ТРКИ используются рейтерские таблицы, где каждый параметр и критерий оценки имеет описание. Оценивание производится по шкале от 0 до 5 — т. е. всего 6 ступеней оценки. В системе тестирования китайского языка как иностранного проверяются умения и навыки писать китайскими иероглифами — точность и скорость, порядок штрихов китайских иероглифов, корректность использования грамматики [Цзян Минь, Вэй Лян, 2013: 128].

Литература

Цзян Минь, Вэй Лян. Новый HSK 5-го уровня, анализ типов тестовых вопросов и обучение просветлению // *Frontiers.* 2013. (24): 128–130.

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СУБТЕСТА «ГОВОРЕНИЕ» ТРКИ-2 И ТРКИ-3

Всемирнов Михаил Иванович

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Среди обучающихся в СПбГУ студентов, особенно осваивающих программы уровня магистратуры, специалитета и более высоких уровней, в постковидный учебный год уверенно наметился тренд к взрослению аудитории. За плечами иностранцев, изучающих в университете в России, например, естественные науки и науки о земле, зачастую уже имеется опыт создания собственного бизнеса и соответственно, деловой коммуникации на родном языке. В рамках университетских программ они активно включены в образовательные практики, требующие развитых навыков деловой коммуникации на русском языке (например, производственные практики у магистров факультета Наук о земле). Их жизненные планы стимулируют их к совершенствованию в этой сфере и получению сертификатов, свидетельствующих о высоком уровне владения русским языком. Представляется разумным на учебных занятиях уделять особое внимание отработке навыков речевого взаимодействия в деловом и повседневном стиле. Современные методики преподавания РКИ, в том числе тесты как формы промежуточного контроля и как учебные имитативные формы, позволяют эффективно корректировать типичные ошибки в выполнении заданий на речевую коммуникацию. Собственный опыт обучения студентов-иностранцев и работы коллег демонстрируют практическую полезность не только тренинговых и тестирующих заданий (выполняемых в аудитории или удаленно), не только деловых игр, которые показали свою эффективность в онлайн и офлайн-формате, но и внимания к оценке и классификации коммуникативных неудач в выполняемых заданиях. Успешность или неудачи в прагматических компетенциях сложно поддаются алгоритмизации. Как справедливо отмечает стандарт «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком»: «Под прагматическими компетенциями понимается умение пользоваться языковыми средствами (речевые продукты, речевые акты), в рамках реализации сценариев речевого взаимодействия. Речь также о способности владения дискурсом, связности и уместности, умении определять типы и формы текстов, «считывать» иронию и шутки. В этой части, важен не столько языковой аспект, сколько сам результат речевого взаимодействия и культурного контекста, в котором эти способности демонстрируются» [The common European Framework 2001: 13] Дополненный новыми подходами вариант описания сертификационных уровней делает особый упор на медиации, подчеркивая необходимость введения более сложной оценки и, соответственно, формирования коммуникативной компетенции: «В каждом описании шкалы CEFR приводится перечень правомерно предъявляемых требований к испытуемому/обучающемуся при наличии у него языковой коммуникативной компетенции в данном языке, соответствующей уровню, заявленному в CEFR, при условии наличия у него личностных качеств, знаний, коммуникативной зрелости и опыта, т. е. — общей компетенции» [CEFR 2018: 53]. Отечественные публикации последних лет также свидетельствуют о движении российской практики тестирования в этом направлении. Сложно уловимая материя ментальных предпочтений обучающихся, принадлежащих разным языковым и культурным традициям, как представляется, может быть приведена к эффективной схеме обучения и подготовки к выполнению коммуникативных заданий при посредстве разбора и коллективной интерпретации на занятиях коммуникативных неудач. В предлагаемом докладе с опорой на собственный опыт и опыт коллег обсуждаются наиболее частотные варианты коммуникативных ошибок [Крючкова 2018]. В качестве инструмента преодоления коммуникативных трудностей и предотвращения коммуникативных неудач предлагается использование опорных схем в выполнении заданий. Элементы схематизации выполнения заданий ТРКИ-2 и ТРКИ-3 особенно приветствуются в аудитории с преобладанием китайских студентов, для которых привычно заучивание «правильных» ответов. Сочетание свободной коммуникации и языковых формул (риторических клише, пословиц) дает, по нашему опыту, устойчиво положительные результаты.

Литература

Байкова Н. Особенности составления тестовых заданий для продвинутых уровней РКИ (B2/C1): субтест «Письмо» // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. 2022. Т. 3. № 16: 6–18.

Крючкова Л. С. Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации при обучении РКИ // Русско-славянский диалог: язык, литература, культура. сборник материалов Международной научной конференции. М., 2018. С. 190–194.

The common European Framework of reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Cambridge University Press, 2001.

CEFR — Companion volume with new descriptors. Council of Europe, 2018. 235 p.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ПИСЬМЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Глухова Юлия Николаевна

доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Как известно, обучение иностранным языкам реализуется в рамках компетентностного подхода, который предполагает овладение речевыми навыками и умениями, необходимыми для обеспечения успешной коммуникации на иностранном языке, в том числе и в письменной форме. В сфере высшего профессионального педагогического образования целью обучения является не только развитие умений, которые в перспективе будут применены обучающимся в профессиональной деятельности для решения коммуникативных задач. Современный учитель иностранного языка средней школы должен иметь чёткое представление о технике тестирования, поскольку оно является одним из способов получения объективной оценки уровня обученности. Именно эта технология положена в основу создания контрольно-измерительных материалов по иностранным языкам и проведения итоговой аттестации выпускников в форме ЕГЭ [Глухова 2021: 37–41]. Таким образом, студент, получающий педагогическое образование в области иностранного языка, должен владеть не только алгоритмом выполнения задания, но и понимать критерии его оценивания. Как правило, разработчики фонда оценочных средств по дисциплине «Практический курс иностранного языка» опираются на дескрипторы уровней владения иностранным языком, описанные в Европейском языковом портфеле, что даёт студентам возможность выстраивать образовательный маршрут в соответствии с их индивидуальными целями и задачами [Глухова 2019: 20]. Однако в последнее время критерии оценивания уровней владения иностранным языком были пересмотрены и претерпели некоторые изменения, в том числе и в части оценки письменного высказывания. Рассмотрим вкратце в чём они заключаются, а также обратим внимание на возможность их применения для оценки письменного высказывания студентов, обучающихся по педагогическому направлению. В настоящее время французский язык часто изучается в качестве второго иностранного, в том числе и на педагогических специальностях, поэтому проанализируем изменения в оценочных шкалах письменного высказывания для уровня А1 по европейской шкале языковых компетенций. Критерии оценки включают три компетенции: прагматическую, социолингвистическую и лингвистическую, каждая из которых, в свою очередь имеет одно или несколько подразделений. Так, в составе прагматической компетенции оценивается выполнение задачи, поставленной в задании, а также связность высказывания; социокультурная компетенция предполагает наличие определённых знаний правил организации письменного высказывания, включая пользование разными регистрами языка, обращение, ритуалы приветствия, принятые в обществе, — на уровне А1 это открытка или личное письмо; лингвистическая компетенция включает лексическую и морфосинтаксическую составляющую. Следует отметить, что письменное высказывание должно выполнять задачу, обозначенную в задании, с соблюдением требуемого объёма слов. Нам представляется интересным объяснение, предложенное разработчиками к обновлённой шкале оценки, поскольку в нём содержатся подробные комментарии по всем пунктам, входящим в ту или иную компетенцию. Так, например, чётко указано как оценить полноту и качество выполненного задания, какие элементы указывают на связность и логичность высказывания на начальном уровне, а какие на недостаточность социокультурных знаний. Такие подробные комментарии, с нашей точки зрения, дают возможность разработать специальную шкалу для студентов, которая послужит им ориентиром как при обучении правилам письменного высказывания, так и при анализе ошибок выполненной работы. Кроме того, такая шкала может быть применена для оценки письменного высказывания в электронной образовательной среде, что даст возможность сделать более понятной для студента систему оценивания и упростит обратную связь. Для снижения возможности копирования, заимствования или списывания следует предусмотреть случайный (рандомный) выбор темы задания для письменного высказывания. Следует отдельно обратить внимание на преимущества разработки подобной шкалы для сту-

дентов педагогического направления, будущих учителей иностранного языка. Как известно, проверка знаний, полученных по предмету в общеобразовательной школе, происходит путём проведения единого государственного экзамена. Контрольно-измерительные материалы, предусмотренные для оценки уровня владения иностранным языком, выполнены с использованием критериев общеевропейских компетенций. Таким образом, актуализирование шкалы оценки письменного высказывания с учётом введённых изменений поможет студентам не только совершенствовать свои навыки выполнения задания, но и ориентироваться в системе оценивания, что является частью профессиональной компетенции учителя иностранного языка.

Литература

- Глухова Ю. Н.* К вопросу об инструментах тестирования уровня владения иностранным языком в цифровую эпоху (на примере французского языка) // *Иностранные языки в школе.* 2021. № 4: 37–41.
- Глухова Ю. Н.* К вопросу о международной эквивалентности оценочных средств в рамках дисциплины «иностраный язык» // *Тестология.* 2019. № 1 (13): 18–21.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КВЕСТ-ТЕСТОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ В КУРСЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКАЯ КУЛЬТУРА В АСПЕКТЕ РКИ»

Жукова Марина Юрьевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ерофеева Инна Николаевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Квест» в переводе с английского языка «quest» означает «поиск». В научной литературе существует множество определений этого понятия как педагогического приема. Мы выбираем следующее: квест — это проблемная задача с элементами ролевой игры, для выполнения которой используются все возможные информационные ресурсы. Под проблемным заданием мы понимаем практическое задание, для эффективного выполнения которого необходимо активизировать познавательные потребности учащихся, желание получить новые знания и закрепить их в памяти, активизировать уже имеющиеся знания и умения и прийти к решению поставленной задачи. Преимущества, которые мы видим при использовании квест-технологий: включение в активный познавательный процесс; развитие творческих способностей студентов; развитие интеллектуальных возможностей; повышение мотивации; воспитание личной ответственности за выполнение поставленной задачи; воспитание уважения к культуре и истории страны изучаемого языка. Педагогической основой исследователи называют философию конструктивизма, где важно не просто воспроизведение энциклопедической реальности, а формирование собственного представления о ней. Теория конструктивизма основана на концепции Ж. Пиаже, который отмечал, что обучение — это активный процесс, в ходе которого люди активно конструируют знания на основе собственного опыта [Багузина 2012: 64]. Один из показателей хорошо разработанного квеста — четкая прослеживаемость зависимости успешного результата от умения применить когнитивные операции на каждом этапе общего пути к решению задачи. Именно «этапность» квеста, с нашей точки зрения, дает возможность использовать его в качестве тестового задания. Люди активно конструируют знания на основе собственного опыта. Тест отличается от классического контрольного задания, как мы знаем, объективностью, надежностью, четкая направленность на контролируемый аспект, удобство и компактность формы, экономичность во времени [Павловская, Башмакова, 2007: 86]. Тест-квест — форма контроля, сочетающая в себе оценку этапов решения проблемы и всего задания в целом, где задание сформулировано четко по критериям тестового задания, имеет параметры и критерии оценивания результатов деятельности на каждом этапе и направлено на проверку уровня развития когнитивных умений и знаний в изучаемой области знаний. При обращении к курсу «Русский язык и русская культура в аспекте РКИ» мы неизбежно приходим к использованию элементов интегративного обучения и системы KLL, где реализуется синтез двух уровней познания: профессионально-предметный и предметно-языковой. Иностранный язык (в частности, русский язык как иностранный) как учебный предмет характеризуется: — многоуровневостью (овладение различными языковыми навыками лексическим, грамматическим, фонетическим, а также умениями в четырех видах речевой деятельности); — межпредметностью (продукты речи на иностранном языке могут быть представлены из разных областей знаний: искусства, истории, географии, литературы и др.); — полифункциональностью (иностранный язык может выступать как цель обучения и как средство приобретения сведений в самых различных областях знаний). Приведем пример задания тест-квест: На полотне «Последний день Помпеи» изображена улица древнего города. Мы видим людей, которые скоро погибнут. Задания:

1. Назовите имя художника — автора данного полотна.
2. Расскажите о страшном событии, изображенном на картине. Когда это было? Где?
3. Опишите людей и их действия. Объясните, почему они не убегают от пожара и камнепада. Найдите на картине самого художника.

4. Один человек не погиб. Найдите этого персонажа на картине. Объясните, почему Вы так думаете.

5. На картине художник выразил мысль, что богатство — не главное в жизни, его не стоит беречь. Найдите на картине доказательство этой мысли.

6. Сделайте вывод. Докажите, что картина является «гимном человеческой любви». Действия учащихся:

- 1) вспомнить и назвать имя художника, дать историческую справку о событии;
- 2) рассказать о группах людей, объединенных художником в композиционные фигуры картины (мать и две дочери; два сына и старый отец; жених и мертвая невеста);
- 3) находят человека, несущего на голове ящик с кистями и красками — это художник;
- 4) находят группу «мать и сын», где мать отказывается от помощи сына, жестом призывая его бежать, делают предположение, почему она это делает и почему сын согласился;
- 5) делают вывод, что на картине каждый человек спасает то, что больше всего любит.

При оценивании ответа используются параметры:

- 1) умение создать тексты типа «Описание», «Повествование», «Рассуждение», «Доказательство»; грамматические, лексические, фонетические навыки;
- 2) знание исторических фактов;
- 3) умение сопоставлять факты и события, умение оценивать реальность с критической точки зрения и др.

Таким образом, мы видим, что использование тестов, квестовых форм контроля может развивать умения анализировать, сопоставлять, доказывать, а главное — наблюдать, оценивать, воображать и — как результат — ценить произведения культуры и искусства, а через них — любить изучаемый язык.

Литература

Багузина Е. И. Веб-квест технология как дидактическое средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции (на примере студентов неязыкового вуза: автореф. дисс. канд. пед. наук. М., 2011 [Электронный источник]. URL: <https://nauka-pedagogika.com/viewer/367851/>

Павловская И. Ю., Башмакова Н. И. Основы методологии обучения иностранным языкам: Тестология: курс лекций. СПб., 2007.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНИВАНИЯ ПРОДУКТИВНЫХ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПАРЕ «СТУДЕНТ-СТУДЕНТ», «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ-СТУДЕНТ» ПРИ ОБУЧЕНИИ ESP

Иванова Любовь Владимировна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Сеничкина Ольга Авенировна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Тестирование продуктивных видов деятельности (в частности диалогической речи) включены во все батареи тестов таких как IELTS, FCE, CAE, CPE и т. п., а также в итоговое тестирование по английскому языку в СПбГУ. В результате анализа оценочных листов тестирования устных высказываний студентов экспертами по проверке устной части итогового тестирования установлено, что наибольшая потеря баллов при проверке диалогической речи происходит по критерию «взаимодействие» на всех уровнях и при проверке навыков монологической речи по критерию «беглость речи и содержательная адекватность» на уровне владения английским языком B1 и ниже. Мы связываем это не столько с недостаточностью сформированности лексико-грамматических навыков, а прежде всего с тем, что тестируемые:

- 1) невнимательно читают задание и часто вместо диалога представляют монологическое высказывание;
- 2) не обладают достаточным репертуаром для поддержания диалога (а в частности, для выражения частичного согласия/несогласия, перехода к следующему пункту, запросу мнения собеседника, а также не используют лексические и грамматические хеджи), что делает их речь неестественной и не соответствующей регистру;
- 3) не соблюдают очередность в диалоге.

В рамках эксперимента разработаны критерии оценивания продуктивных видов речевой деятельности по аспекту «взаимодействие» для самооценки студентами, 20 вариантов однотипных карточек стимулирующих заданий и листы оценивания для студентов и преподавателей. В эксперименте приняло участие 41 студент 2го курса с уровнем владения английским языком B1+–B2. Исследование проходило в три этапа. На первом этапе со студентами были проведены три аудиторных часа занятий, во время которых им был предложен репертуар средств по всем критериям раздела «взаимодействие»: для выражения полного и частичного согласия/несогласия, для аргументации высказывания, и т. п.; представлена схема последовательности взаимодействия в диалоге (в частности, акцентировано внимание на том, что на каждом этапе можно говорить не более 30 секунд); рассмотрены грамматические и лексические хеджи и их соответствие регистру. На втором этапе пара студентов разыгрывала диалог в соответствии со стимулирующим заданием, а эксперты-преподаватели и студенты заносили пометки в соответствии с ранее оговоренными критериями в оценочный лист. После прохождения всеми студентами устного тестирования было проведено анкетирование на предмет удовлетворенностью пройденным курсом, понятности и удобства использования критериев и анализа потребностей обучающихся. На третьем этапе проведен анализ собранных данных. В частности было проведено сравнение анкет студентов. По каждому из 9 критериев студентам была предложена 4х балльная система оценивания, где «Не использует — 0 баллов», «Репертуар средств ограничен (иногда недостаточен) — 1 балл», «Репертуар средств однообразен (но достаточен) — 2 балла», «Репертуар средств разнообразен — 3 балла». В результате проведенного анализа выявлена тенденция у студентов, находящихся на уровне B1, склонны завышать баллы, а у студентов уровня B2 и выше — занижать баллы, по сравнению с оценками, выставленными преподавателями-экспертами. Наибольшее совпадение оценок получено по критериям: «Start the conversation by explaining the situation, express the opinion» и «Reach an agreement or finish the conversation with

a concluding general statement». Наибольший разброс баллов выявлен по критериям «Grammar structures» и «Vocabulary». Критерий «Use of hedging» оказался незаполненным более чем у 30 % студентов. Остальные студенты отметили в комментариях, что выставляли количество баллов «рандомно» (случайным образом) или опираясь на общее впечатление от высказывания коммуникантов «...она запинаясь, говорила медленно, подыскивала каждое слово, вряд ли она использовала много хеджинговых фраз...», «...она/он так быстро и уверенно говорил/а, я половину не понимала, наверно, она/он использовал/а много хеджей, поэтому я поставила везде максимальный балл...». Анализ анкет студентов показал, что участие в данном эксперименте оказалось сильным мотиватором для более детальной проработки учебного материала. Многие участники эксперимента осознали различие между уровнем предъявляемых требований и уровнем сформированных у них навыков. В результате эксперимента установлено, что студенты не могут адекватно оценить своих одноклассников, но такой формат тестирования помогает им эффективно участвовать в работе, а не тратить время, ожидая своей очереди для ответа, лучше усвоить схему ответа, расширить репертуар средств, посмотреть и проанализировать удачные и неудачные ответы, нивелировать стресс при устном выступлении.

Литература

- Горина О. Г., Храброва В. Е.* Лингвистический хеджинг как коммуникативная структура (в русле корпусных исследований) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 3: 44–53.
- Горина О. Г., Сеничкина О. А.* Проблемы и перспективы оценивания сформированности стратегий хеджирования // Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Тезисы докладов. СПб., 2022. С. 661.
- Сеничкина О. А., Китаева Е. М.* Метод проектов как способ оценивания уровня сформированности языковых компетенций и мягких навыков // Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования: материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2020. С. 114–120.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕСТОВ В КУРСЕ «ЛИТЕРАТУРА СТРАН ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА»

DRAWING ON EXPERIENCE OF USING PEDAGOGICAL TESTS IN THE COURSE "LITERATURE OF THE COUNTRIES OF THE STUDIED LANGUAGE"

Игнатов Кирилл Юрьевич

доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Вдумчивое чтение студентами текстов литературных произведений, изучаемых в курсе «Литература стран изучаемого языка», — условие *sine qua non*. Поэтому промежуточные тесты, проверяющие, насколько хорошо студенты знакомы с текстами литературных произведений, играют особенно важную роль. С точки зрения типологии наиболее эффективными представляются тесты на степень владения материалом с детальной спецификацией на ограниченной области учебных задач (одном романе или одном-двух рассказах), стандартизированные по форме тесты достижений формирующего типа по направленности [Майоров 2001]. Возрастающая нагрузка преподавателя и сокращение учебных часов, вызванное «оптимизацией» и проч., приводит к тестам множественного выбора по характеру ответов. Стандартизированные тесты могут быть использованы на существующих образовательных платформах для работы в интернете. В 2017 г. в МГУ были разработаны дидактические тесты для проверки текущей успеваемости студентов с точки зрения знакомства с текстом произведений, изучаемых в курсе. При разработке была предпринята попытка создать тесты, которые с точки зрения содержания отвечали бы принципу полифункциональности, т. е. помимо выполнения своей узкоспециализированной задачи, способствовали решению сопутствующих дидактических вопросов (филологических, страноведческих, профессиональных) [Игнатов 2018]. Поэтому в тестах множественного выбора выбирались дистракторы, которые способствовали бы решению следующих задач: повторение пройденного материала, сравнение разных произведений, развитие филологической грамотности, стимулирование размышлений над текстом, лучшему пониманию культуры страны, овладению терминами литературоведения, усвоению особенностей использования отдельных литературных приёмов. Задания, сосредоточенные на литературных деталях, которые не играют существенной роли в раскрытии художественного содержания и стилистических особенностей произведения, а лишь дают возможность обескуражить студента, показать несостоятельность его подхода к знакомству с текстом категорически отвергались. Предполагалось, что разработанные тесты станут мощным учебным инструментом, подспорьем в работе преподавателя и стимулом в работе студента. Подводя итоги пяти лет использования тестов в курсах «Литература США», «Литература Великобритании», «Англоязычная литература XX–XXI веков», «Жанр рассказа в современной англоязычной литературе» и других, можно сказать, что изначальные предположения были излишне оптимистичными. Помимо ошибок, объективно допущенных в курсе, и которые предсказуемо привели к нежелательным результатам (например, использование промежуточных тестов в качестве формы финального контроля или опора на платформу Kahoot в работе с тестами, что после начала российско-украинской войны возможно лишь через разного рода технические ухищрения из-за блокировки ресурса на территории Российской Федерации), обнаружились существенные проблемы принципиального характера. Первый круг проблем можно условно назвать социально-ролевым, поскольку они обусловлены восприятием тестирования как проявлением некоторых «противостуденческих» сил (тех самых, что заклеены в традиционной студенческой песне как *Quivis antiburschius*), стремлением «завалить» незащитного студента. Степень остроты проблемы объясняется тесной социализацией молодых людей при прохождении курса, особенно усилившейся в период занятий по интернету в период короновирусных ограничений. Это привело к тому, что студенты разных потоков, аккумулируя учебный материал, создают своеобразные «решешники» к тестам. В них по каждому литературному произведению собираются разрозненные факты (условно говоря, чеховское «Бальзак венчался в Бердичеве»), вопросы на знание которых яко-

бы можно ожидать в проверочных тестах. Набор таких фактов, которые студенты пытаются запомнить к нужному занятию, представляет собой не только как пустую трату времени и сил, но и демонстрацию категорического неприятия студентами принципов построения курса. Вторая группа проблем связана с «народным литературным анализом», при котором каждое произведение укладывается в прокрустово ложе стандартной матрицы литературного анализа. Попытка сведения работы над литературным произведением к вычленению элементов данной матрицы (сюжет, фабула, композиция, система образов, главные и второстепенные персонажи и их портретизация, мотивы, символы и т. д.), с чем, кстати, студенты, работая в группе, весьма и весьма неплохо справляются, ведёт к формализму, выхолащиванию художественности произведения, начётничеству и другим «педологическим извращениям в системе Наркомпросов» [Постановление...]. Замена вдумчивого чтения подобной работой не может не вызывать горького сожаления. Самое важное, что показывает опыт использования тестов — ничто не может заместить эмоциональное переживание самостоятельной личности над литературным произведением. А проверить его наличие или отсутствие не представляется возможным никаким образом, кроме как непосредственным личным общением. В докладе намечаются возможные направления решений отмеченных проблем. Все примеры приводятся на основе текста короткого рассказа современного валлийского автора Синана Джоунса «На краю опасности» (Cynan Jones. “The Edge of the Shoal”).

Литература

Майоров А. Н. Теория и практика создания тестов для системы образования. М., 2001.

Игнатов К. Ю. Педагогические тесты в курсе «Литература стран изучаемого языка» // Тестология. Т. 11. СПб., 2018. С. 68–76.

Постановление ЦК ВКП(б) от 4.07.1936 «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» // Законы и право: сборник официальных документов. URL:<http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1933> (дата обращения: 16.01.2023).

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПОРТФОЛИО КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОМЕЖУТОЧНОГО ОЦЕНИВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Коренев Алексей Александрович

доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

С начала XXI в. все больше внимания в профессионально-ориентированной литературе уделяется формирующему оцениванию, то есть оцениванию ориентированному в большей мере на развитие знаний, навыков и умений, образующих тестовый конструкт, а не исключительно констатацию их уровня. В качестве одного из распространенных инструментов такого оценивания можно выделить создание языкового портфолио. Примером такого портфолио может служить подробно описанный в общеевропейских документах «языковой портфель». В общеевропейских документах 1990-х годов, касающихся использования портфолио в обучении иностранным языкам, отмечается, что его использование связано с принципом обучения на протяжении всей жизни. В ситуации профессионально-ориентированного оценивания коммуникативной компетенции можно было бы также добавить, что опыт создания и презентации портфолио может быть также полезен обучающимся в контексте будущей профессиональной деятельности, в частности, элементы портфолио либо все портфолио целиком может быть ими использовано при прохождении интервью для приема на работу. Сам опыт создания и презентации подобного документа способствует развитию не только коммуникативной, но и экзистенциальной компетенции обучающихся, так как повышает уровень осознанности в их отношении к обучению и к жизни в целом. Что касается опыта использования портфолио как инструмента оценивания, то зарубежные ученые причисляют оценивание портфолио, наряду с проектной деятельностью к одной из основных форм «альтернативного» или формирующего оценивания. Основное различие между этими типами оценивания и стандартизированными традиционными тестами заключается в том, что при использовании альтернативных инструментов оценивания можно получить более широкий диапазон доказательств достижения целей учебных программ. Эти доказательства представляются в виде результатов работы, проекта или портфолио и могут быть заархивированы и использованы позже вместе с другими доказательствами обучения в качестве компиляции доказательств для демонстрации достижений. В работах отечественных ученых портфолио как инструмент оценивания привлек внимание в начале XXI в., и уже получил отражение в большом количестве опубликованных работ по педагогике и методике обучения иностранным языкам [Коряковцева 2010; Луферов 2017; Новикова, Пинская и др. 2005]. В рамках доклада языковое портфолио будет рассмотрено не только как инструмент формирующего, но и суммирующего оценивания. Признавая важность опыта создания портфолио для развития профессионально-коммуникативных умений, мы уделим основное внимание потенциалу использования данного инструмента для суммирующего промежуточного оценивания по итогам года обучения в рамках курсов языка для специальных целей. Профессионально-ориентированная специфика данного портфолио обусловлена включением в него работ, отражающих не только уровень коммуникативной, но и профессиональных компетенций, что позволяет в дальнейшем студентам использовать данное портфолио в процессе поиска работы. В рамках выступления будет представлена структура портфолио, тестовый конструкт, критерии оценивания профессионально-коммуникативной компетенции на базе портфолио, а также примеры портфолио, созданных студентами. Используемая в рамках курса «Язык профессиональной коммуникации» модель портфолио включает в себя четыре основных части. В рамках первой части студенты представляют общий отчет об обучении (overall learning report), где описывают чему им удалось научиться за время курса, что у них получалось лучше и хуже и в чем они видят цели дальнейшего развития для себя в изучении английского языка и профессиональном росте. Во второй части они приводят наиболее значи-

мые ресурсы, с которыми они познакомились в ходе курса, и дают им краткую характеристику. В третьей части студенты анализируют 5–7 работ, созданных ими во время курса, и оценивают, как данные работы демонстрируют их сильные и слабые стороны. Наконец, в рамках последней части портфолио им предлагается оценить по столбальной шкале уровень прироста их профессиональных знаний, лингвистических навыков и профессиональных, коммуникативных и профессионально-коммуникативных умений. В рамках устной части экзамена студенты представляют короткую презентацию портфолио и отвечают на вопросы экзаменатора, обосновывая свой выбор элементов портфолио и идеи, которые в нем представлены на основе рефлексии. Представляется, что данный опыт может быть полезен для возможной реализации как в рамках курсов языка для специальных целей, так и практических курсов иностранного языка на уровне высшего образования и предметно-языкового интегрированного обучения. Кроме того, использование портфолио может также быть применено для оценивания на рубеже бакалавриат-магистратура в качестве вступительного оценивания при поступлении в магистратуру, однако, в данном случае стоит отметить, что в заведомо невыгодной позиции окажутся те студенты, которые приняли решение сменить направление подготовки и обучались раньше по другим профилям подготовки, либо же не имели опыта создания портфолио на уровне бакалавриата.

Литература

- Коряковцева Н. Ф.* Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии. М., 2010.
- Луферов Д. Н.* Языковое портфолио как технология организации самостоятельной работы студентов, изучающих дисциплину «Иностранный язык» // Вестник МГОУ. Серия: Педагогика. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-portfolio-kak-tehnologiya-organizatsii-samostoyatelno-y-r...> (дата обращения: 04.02.2023).
- Новикова Т. Г., Пинская М. А., Прутченков А. С.* Построение различных моделей портфолио // Методист. 2005. № 3: 39–43.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОЦЕНИВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ

PREREQUISITES FOR FORMING AND EVALUATING THE RUSSIAN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE SUBJECT-RELATED AREA

Креер Михаил Яковлевич

доцент, Финансовый Университет при правительстве России (Санкт-Петербургский филиал)

Сказочкина Татьяна Валерьевна

преподаватель, Академическая гимназия, Санкт-Петербургский государственный университет

На современном этапе развития общества формируются новые образовательные тренды в рамках концепции модернизации российского образования [Любимов 2020]. В данной концепции, включающей в себя идеи современной мировой науки об образовании, на первое место поставлены задачи формирования и развития в учащемся когнитивных (познавательных и творческих) компетенций и личностных свойств, а также его духовно-нравственное развитие согласно образовательному законодательству РФ. Эта концепция гармонично переплетается с системой образования на всех уровнях. В данном исследовании личность учащегося воспринимается через коммуникацию, которая в свою очередь состоит из мышления и речи. Мышление и речь представляет собой взаимосвязанные механизмы влияния на когнитивные и творческие процессы. Устная и письменная форма выражения мыслей свидетельствует об уровне практико-ориентированных знаний, которым не только необходимо научить, но и которые можно и необходимо проверить. Таким образом, в системе образования необходимо обеспечить четкую взаимосвязь между диагностикой, обучением и контролем. В зарубежной системе образования ключевыми терминами процесса диагностики являются контроль и оценивание сформированных компетенций, которые осуществляются с помощью тестов. В российской системе образования диагностика имеет более широкий и глубокий смысл, чем понятие контроль. Тесты же используются фрагментарно, в частности, для проверки и контроля предметных компетенций. Чтобы определить уровень владения русским языком необходима точка отсчета — определенная шкала оценивания и критерии оценки. Таким образом, с одной стороны, должна быть шкала и ключи оценивания для диагностики знаний (практико-ориентированные знания (ПОЗ)). С другой стороны, должна быть шкала и критерии оценивания для практико-ориентированных умений. В учебном процессе происходит взаимовлияние, интерференция развития коммуникативных способностей и предметных знаний. В этом симбиозе происходит формирование и развитие мотивации учащегося как основного рычага образовательного процесса. Предметное мышление формируется с помощью алгоритмов, которые в свою очередь, закладываются посредством речи, содержащей определенные паттерны и готовые речевые модели, а также предметно-ориентированные клише. Ребенок усваивает эти модели от преподавателя через устную речь путем многократного повторения и учится применять их в устной и письменной форме с учетом норм русского языка. (стилистика, синтаксис, фонетика, грамматика, орфография и т.д.) [Постановление Правительства РФ 2006]. Интенсивное письмо, регулярное устное общение с преподавателями-предметниками, а также интенсивное чтение, занятие языками и развитие математических способностей являются условиями формирования целостности личности. Целостность личности является предпосылкой для дальнейшего создания смыслообразов, а также развития предметных и когнитивных компетенций. Когнитивные способности опираются на механизмы памяти, которые в процессе взросления индивида должны смениться доминированием понятийно-абстрактного и системного мышления. Развитие родного языка должно проходить в рамках каждой отдельной дисциплины, а именно, предметной области. На современном этапе развития российской методологии. Необходимо ориентироваться на приоритет коммуникативной компетенции в формировании и развитии личностного потенциала обучающегося в образовательном процессе. Исследование и поиск об-

разовательных технологий 21 в. в личностно-ориентированного развития и всех тенденций, связанных с ним, отражается в государственном образовательном стандарте, который заявляет, как о предметных и метапредметных компетенциях (или ожидаемые результаты), так и личностных. Развитие коммуникативной компетенции связано с развитием мышления и речи, что, в свою очередь раскрывает личностный потенциал каждого обучающегося. Вокруг ученика формируется определенная социокультурная среда, в которой он видит свои склонности, способности, а также пути дальнейшего развития, авторитеты, идеалы и личностные и профессиональные цели. Для взаимодействия с этой социокультурной средой учащемуся необходимо владеть социокультурной компетенцией, как частью коммуникативной. При этом необходима система обратной связи со стороны преподавателя и самодиагностики со стороны самого ученика. Эта система, построенная на современных принципах контроля, тестирования и оценивания, которая должна быть понятна и доступна всем участникам образовательного процесса в современных условиях. Преподаватель является той самой первой фигурой на пути личностного развития учащегося. Ничто так не формирует его личность, как личность преподавателя, которая является примером для подражания в его владении коммуникативной компетенции. Личность обучающегося состоит из его индивидуальности с одной стороны, а с другой стороны взаимной интеграции данного индивида в общество и наоборот. Задача системы образования выявить потенциал личности и обеспечить устойчивую его взаимосвязь с образовательным процессом.

Литература

Любимов Л. Л. Авторская концепция модернизации общего образования. Серия «Современная аналитика образования». Вып. 32. М., 2020.

Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации».

МЕТОДИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАДАЧНОГО ПОДХОДА В ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ

METHODOLOGY FOR APPLYING THE TASK APPROACH IN THE GENERAL PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE ECONOMISTS

Маслова Людмила Сергеевна

преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Понятие общепрофессиональной подготовки: Общепрофессиональная подготовка понимается как подготовка к решению основных групп задач профессиональной деятельности. Осуществляется в логике развития базовой компетентности (В. П. Тимофеев). В рамках совершенствования общепрофессиональной подготовки различных специалистов имеется ряд исследований зарубежных и отечественных авторов: S. Allgood and, A. Bayer, W. E. Becker, M. Watts, H. Kasper, M. Rao, Т. Л. Камоза, Н. А. Лукоянова, С. В. Ривкина, Е. И. Семушина, В. П. Тимофеев и др. Сущность задачного подхода: В нашем исследовании задачный подход в общепрофессиональной подготовке мы понимаем как специально организованную, правильно и систематически осуществляемую подготовку к решению разнообразных учебно-профессиональных задач. Одним из основных принципов организации общепрофессиональной подготовки в вузе является принцип интеграции содержания дисциплин профильной подготовки, дисциплин и практик, ориентированных на формирование общепрофессиональных компетенций, в частности, профильной и иноязычной подготовки. Структура учебно-профессиональной задачи и методика оценивания ее решения (на примере написания статьи, бизнес плана, доклада (презентации) на иностранном языке): Общепрофессиональные задачи экономистов, а именно задачи на расчет, планирование, анализ, управление (обоснование эффективности решения, коммуникация) согласуются с общепрофессиональными компетенциями, которые представлены в работах S. Allgood and, A. Bayer, в ОПК ФГОС ВО 3++, являются базовыми для различных видов подготовки будущих экономистов. (S. Allgood and, A. Bayer. Общепрофессиональные компетенции экономистов: K1: the ability to apply the scientific process to economic phenomena; K2: the ability to analyse and evaluate behaviour and outcomes using economic concepts and models; K3: the ability to use quantitative approaches in economics; K4: the ability to think critically about economic methods and their application; K5: the ability to communicate economic ideas in diverse collaborations). Учебно-профессиональная задача является системообразующим элементом построения учебно-методического обеспечения общепрофессиональной подготовки, определяет этапность учебной деятельности студентов, служит инструментом оценивания результатов подготовки. При этом подготовка студентов к решению учебно-профессиональных задач должна осуществляться путем рассмотрения различных контекстов с учетом потенциала дисциплин общепрофессиональной подготовки в осуществлении заданного вида деятельности. Структура учебно-профессиональной задачи:

1. Обобщённая формулировка задачи (например, в рамках аналитической деятельности — написание статьи, отчёта, доклада; в рамках расчётно-экономической деятельности — написание бизнес-плана, описание трендов).

2. Ключевое задание (Компетентностно-ориентированное задание) — задание с конкретными условиями.

3. Контексты решения задачи:

- лингвокультурологические контексты, связанные с изменением видения будущим экономистом ситуации, приобщением к картине мира зарубежного специалиста по экономике, в связи с чем, возникает необходимость переноса, дополнения, трансформации имеющихся знаний и умений для решения задач в новой ситуации — на иностранном языке;

- контексты на уровне хозяйствующих субъектов, обусловленные, например, рассмотрением финансовой ситуации компании с различных позиций: с позиции собственника (акционера), финансового директора, директора по маркетингу и др.; обусловленные сферой деятельности (бизнес-плана отеля, предприятия и др.);
- контексты, возникающие по линии использования новых ресурсов (зарубежные источники информации, электронные корпусные словари, и др.).

4. Задания (компетентностно-ориентированные), которые приведут к результату («продукту») деятельности (например, задания на работу с текстами и различными видами информации в них: содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной, содержательно-подтекстовой (И. Р. Гальперин); задания на умение анализировать и интерпретировать документы финансовой отчетности (бухгалтерский баланс и др.), используя определения терминов на английском языке, направленные на формирование системообразующей основополагающей общепрофессиональной компетенции будущего экономиста: способности анализировать и интерпретировать финансовую, бухгалтерскую и иную информацию, содержащуюся в отчетности предприятий.

5. Оценка результатов решения учебно-профессиональной задачи-«продукта» деятельности. Решение учебно-профессиональных задач нацелено на создание иноязычных продуктов (бизнес-плана, презентации, статьи), что соотносится с современным продуктивным подходом (А. В. Рубцова, Ю. В. Еремин), который разработан в методике преподавания иностранных языков.

Методика оценки результатов решения учебно-профессиональной задачи.

Критерии оценки текстового «продукта» решения учебно-профессиональной задачи:

1. Содержательная и стилистическая адекватность. Связь с будущей профессиональной деятельностью в виде ориентации на цели и ценности профессиональной деятельности экономиста при разработке решения УПЗ. Использование при решении УПЗ теоретических знаний экономических дисциплин на иностранном языке, соответствующих контексту решения задачи, адекватных целям профессиональной деятельности экономистов, технологий, методов, средств, приемов решения задачи.

2. Использование аналитико-синтетических и оценочных операций. Аргументированность выводов, логичность, структурированность, выраженность личностной позиции. Эффективное использование аналитико-синтетических и оценочных операций: сравнения, детализации, обобщения, оценки.

3. Лексика. Правильность использования терминологического аппарата, разнообразной лексики. Для обогащения речи используется прием перефразирования.

4. Грамматика. Правильность использования простых и сложных речевых конструкций, различных средств логической связи.

АДАПТАЦИЯ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНИВАНИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ К ОЦЕНКЕ ОСВОЕНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ ОБУЧАЮЩИМИСЯ

Петрусевич Виктория Игоревна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

В 2001 г. публикация CEFR (“Common European Framework of Reference for Languages”) [Common European Framework 2001] ознаменовала собой начало новой эпохи в преподавании европейских языков в качестве иностранных. Фонологическая компетенция представлена в CEFR и фигурирует там как один из основных компонентов лингвистических компетенций. В редакции 2001 г. существует отдельная шкала фонологического контроля, которая включает в себя описания для каждого уровня от A1 до C1 (с этой точки зрения уровень C2 приравнивается к C1). Дескрипторы фонологической компетенции при этом были представлены не достаточно конкретно. В 2016 году Энрикой Пиккардо, членом экспертной группы CEFR по разработке фонологической компетенции, был опубликован доклад о пересмотре фонологической шкалы CEFR. Пиккардо анализирует Общеευропейские компетенции владения иностранным языком 2001 г. и отмечает, что описание фонологической компетенции имело ряд слабых мест:

- существующая шкала нереалистична с точки зрения развития фонологической компетенции (особенно при переходе от уровня B1 к уровню B2);
- не выносит отдельно такие факторы как: ударение/интонация, произношение, акцент, чёткость речи, и не иллюстрирует развитие этих факторов по отдельности; шкала является неполной [Piccardo 2016].

Последние обновления Общеевропейской шкалы относятся к 2018 и 2020 г., когда был опубликован «Сопроводительный том» с пересмотренными данными в отношении шкалы фонологической компетенции [Common European Framework 2018; 2020]. В издании 2018 г. отмечается, что фонологическая шкала была наименее успешной и наименее выверенной из всех шкал компетенций, опубликованных в 2001 г. В Сопроводительном томе признаются недостатки, которые выделила Пиккардо в 2016 г., и утверждается, что авторы стояли перед необходимостью разработать новую шкалу, без опоры на идеализированную модель носителя языка, но с ориентацией на уровень “intelligibility” — «разборчивости», «ясности» произношения кандидата. Таким образом, публикуется гораздо более расширенная шкала фонологической компетенции (от A1 до C2), включающая в себя дескрипторы по трём новым категориям:

- 1) общий фонологический контроль;
- 2) артикуляция звуков;
- 3) просодические признаки.

Фонологическая компетенция, тем не менее, намеренно не включается в общие дескрипторы владения иностранным языком. Таким образом, связь между общим владением иностранным языком и фонологическим контролем разрывается, что важно в отношении взрослых мигрантов.

В дескрипторах CEFR для уровней A2–C1 ключевыми словами являются “intelligibility” (разборчивость) и “clear” (ясный). Так, для уровня A2 (фонологический контроль): «произношение в целом достаточно ясное, чтобы быть понятным другим, однако собеседнику приходится время от времени переспрашивать». Для уровня B1: «произношение в целом чёткое». Для уровней B2 и C1: «присутствует влияние других языков, однако это почти или совсем не оказывает влияния на разборчивость» и т. д. Критерии «разборчивости», однако, не уточняются. Таким образом, говоря об освоении фонологической компетенции носителями русского языка, необходимо принимать во внимание особенности, возникающие вследствие фонологической интерференции, возникающей при контакте двух конкретных языков.

В предыдущих проведенных нами исследованиях [Петрусевич 2022] были выведены наиболее частые ошибки русскоговорящих обучающихся в итальянском произношении на уровне A2–C1:

1. Палатализация согласных перед /e/, /i/ — фонетическая ошибка, мало влияющая на разборчивость речи.

2. Качественная редукция /o/ в безударном слогe — серьёзная фонологическая ошибка, способная изменить значение высказывания (“Io posso contare” — «я могу сосчитать это» vs. “Io posso cantare” — «я могу спеть это»).

3. Дифтонгизация /o/ в ударном слогe — фонологическая ошибка.

4. Дифтонгизация /e/ после палатализованной согласной — фонетическая ошибка.

5. Геминация отсутствует или присутствует по ошибке — фонологическая ошибка. Таким образом, беря во внимание ошибки, наиболее часто встречающиеся в итальянском произношении русскоязычных обучающихся, можно сделать вывод о том, какие особенности влияют на разборчивость их речи. В процессе оценивания фонологической компетенции русскоязычных обучающихся, осваивающих итальянское произношение, в шкалы оценки должны быть включены такие позиции как: полногласие в неударном слогe, геминация согласных, монофтонгизированный характер гласных, отсутствие палатализации согласных.

Литература

Петрусевич В. И. Прогнозирование и анализ ошибок русскоязычных обучающихся в итальянском произношении // Тестология. 2022.

Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Strasbourg, 2001. URL: <https://rm.coe.int/16802fc1bf>

Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment, Companion Volume with New Descriptors. Council of Europe, 2018. URL: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989> (дата обращения: 09.01.2023).

Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment, Companion Volume with New Descriptors. Council of Europe, 2020. URL: <https://rm.coe.int/common-european-framework-of-reference-for-languages-learning-teaching/16809ea0d4> (дата обращения: 09.01.2023).

Piccardo E. Common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment. Phonological scale revision process report // Language Policy Programme/Education Policy Division/Education Department/Council of Europe. 2016.

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ЭКЗАМЕН ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

INTEGRATION EXAM FOR FOREIGNERS IN RUSSIA AND ABROAD

Птюшкин Дмитрий Викторович

*директор, Центр лингводидактического тестирования
Санкт-Петербургский государственный университет*

Дубинина Надежда Александровна

специалист, Санкт-Петербургский государственный университет

Пономарева Мария Андреевна

сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

На фоне миграционных процессов в России и других странах мира активно развиваются мероприятия, направленные на языковую интеграцию иностранных граждан, въезжающих в ту или иную страну с целью длительного пребывания. Это тестирование для оценки уровня владения языком принимающей страны, а также учебные курсы. Системы интеграционного тестирования в настоящее время активно исследуются специалистами. В частности Европейской ассоциацией экзаменационных советов по иностранным языкам (ALTE) обобщены данные о тестировании для мигрантов в Западной и Восточной Европе. Представленные данные показывают, что количество стран, внедряющих тестирование, устойчиво растёт, так как накопленный опыт в сфере приёма мигрантов свидетельствует о необходимости владения языком страны пребывания для социализации. Для успешной адаптации мигрантов необходимо освоение ими языка страны проживания и основ её социальных систем. Таким образом, в рамках миграционных политик были разработаны системы интеграционных экзаменов для мигрантов. На протяжении последних десятилетий это направление в языковом тестировании активно развивалось, и мы полагаем, что решение различного рода методических проблем в этой области, в частности для русского языка, возможно с помощью анализа опыта, накопленного различными странами. Так, например, в России актуальными задачами в тестировании мигрантов в данный момент являются определение объёма компетенций, достаточных для общения в рамках ситуаций и тем, необходимых данной категории иностранцев, объёма знаний в области социального устройства, истории и законодательства Российской Федерации, оптимизация формата заданий. Данный доклад посвящён анализу структуры интеграционного экзамена в России и других странах мира. Прибывающие на территорию Российской Федерации мигранты проходят «Комплексный экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации», который включает три уровня: патент (иностранному работнику, ИР), разрешение на временное проживание (РВП) и вид на жительство (ВЖ). Комплексный экзамен разработан на основе системы тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ). Подтверждение уровня владения языком требуется для получения РВП и ВЖ и в странах Западной Европы, и в российской системе. В ряде стран проводится pre-entry тест. Так, например, для въезда в Австрию, Францию, Германию или Турцию кандидаты должны продемонстрировать знание языка на уровне А1. Следует отметить, что не во всех странах существует специальный экзамен для мигрантов, и в ряде европейских стран функцию комплексного экзамена выполняет экзамен на определение уровня общего владения языком. Спецификой российской системы интеграционных экзаменов является наличие теста для получения трудового патента (ИР) иностранными гражданами, которым не требуется виза для въезда в Российскую Федерацию. Аналог этого российского экзамена можно найти в корейской системе. Экзамен EPS-TOPIK создан на основе международного экзамена TOPIK. Этот экзамен предназначен для граждан азиатских стран, желающих работать в Корее. Система Комплексного экзамена разработана в 2015 году. Как отмечено выше, основой послужил международный

экзамен по русскому языку — ТРКИ. Однако в 2021 г. структура Комплексного экзамена существенно изменена. Было сокращено количество тестовых заданий, из экзамена, соответствующего цели получения патента (ИР), исключены письменная и устная часть. В целях интеграции мигрантам необходимо не только владение государственным языком страны пребывания, но также и знание социальных и культурных реалий этой страны, поэтому отличительной чертой интеграционных экзаменов является проверка знаний культурных и историко-географических реалий страны пребывания. В российской системе это модуль комплексного экзамена, а в некоторых системах тестирования стран Западной Европы — отдельный экзамен. Как правило, объём информации, необходимой для успешной сдачи социально-культурного модуля известен заранее. Так, для российского экзамена эта информация представлена в требованиях к экзамену, а, например, в чешской системе в открытом доступе есть банк билетов с заданиями. Таким образом, к сдаче социально-культурного модуля можно подготовиться заранее. Стоит отметить, что во многих европейских странах существуют курсы по социально-культурной адаптации, где изучают основы геополитического устройства принимающей страны, а также культурные и бытовые реалии. В российской системе обучения в данный момент это направление развито недостаточно, но мы полагаем, что организация учебных курсов для мигрантов является одной из актуальных задач. Следует отметить, что оценка уровня сформированности коммуникативных и социокультурных компетенций мигрантов не является барьером для них, а, напротив, выступает определенной гарантией того, что в принимающем обществе иностранец будет чувствовать себя комфортно. Несмотря на то, что интеграционные языковые экзамены разрабатываются с учетом специфики миграционного законодательства той или иной страны, применение международного опыта способствует оптимизации работы в данной сфере.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕГРАТИВНЫХ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ В СТАРШИХ КЛАССАХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ЕГЭ

ADAPTATION OF INTEGRATIVE TEST TASKS AT THE GENERAL UPPER SECONDARY SCHOOL IN PREPARATION FOR THE UNIFIED STATE EXAM

Рассказов Сергей Анатольевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Эффективная подготовка учащихся школ к сдаче государственных экзаменов является приоритетной задачей учителя. Многие учащиеся посещают дополнительные занятия у репетитора, что говорит о недостаточной эффективности школьного образования. На уроках иностранного языка это особенно актуально, ввиду того, что необходимые знания приобретаются средствами изучаемого языка, что вызывает дополнительные вопросы у учителей при реализации рабочих программ. Подготовка школьников к сдаче выпускных экзаменов в общеобразовательной школе базируется на федеральном государственном стандарте, а также на примерной рабочей программе по английскому языку [Примерная рабочая программа 2022], в которой предъявляются определенные требования к знаниям навыкам и умениям. Развитие коммуникативной компетенции в школе представляет особую трудность, ввиду того, что зачастую в классе слишком много учеников и уделить внимание каждому довольно сложно. Отсюда возникает вопрос о выстраивании эффективной работы учителя таким образом, чтобы суметь в контексте школьного образования обеспечить необходимый уровень коммуникативной компетенции. В этом плане интегративный метод обучения позволяет улучшить качество обучения. По результатам первичного оценивания учащихся 11-х классов было выявлено, что большинство из них не могут употреблять бегло в речи необходимый грамматический минимум, необходимый для сдачи устной части экзамена. Выявлялись ошибки во временах группы “Simple” (Группа простых времен), что, по нашему мнению, не допустимо для сдающих ЕГЭ. Сюда мы отнесли и лексические ошибки, которые выражаются как в неточности устного применения тех или иных форм слов, так и незнание самих слов. Также было отмечено, что многие слова, а также грамматические конструкции находятся в так называемом пассивном словарном запасе. Поэтому мы приняли решение поставить в центре нашего интегративного метода — лексико-грамматический материал. Развитие восприятия иноязычной речи, по нашему мнению, является необходимым условием при развитии коммуникативной компетенции. В этом плане фонетика играет значительную роль. Развитие фонематического иноязычного слуха является одной из трудностей при обучении говорению. Именно эта способность человека помогает воспринимать, различать и воспроизводить не смысловозначительные фонетические свойства речи и смысловозначительные свойства фонем. К тому же существует интонационный слух, который определяется, как способность различать интонацию и соотносить ее с интонационным инвариантом [1, с. 275]. Недостаточно развитый фонематический слух вызывает затруднения у учащихся в определении дифференциальных признаков фонем в разных позициях (долгие и краткие, закрытые и открытые гласные и т. п.). Актуальность нашего исследования заключается в том, что мы адаптировали метод интегративного тестирования для старшекласников, сдающих ЕГЭ по английскому языку, и предлагаем структурированный алгоритм обучения на основе интегративного тестирования [Рассказов 2021: 80–87], который заключается в поэтапном повторении грамматических конструкций, постепенного ввода в активный словарный запас новых слов и устойчивых выражений, а также развитие аудитивных навыков и умений. При этом, наряду с текстами на английском языке предлагаются тексты на русском языке, с целью развития ассоциаций при формировании собственной речи учащихся. Проверка усвоения материала осуществляется интегративно. Тестирование состоит из заданий на развитие навыков произношения, навыков аудирования и говорения. При этом основой для всего этого является какая-либо грамматическая тема, которая влияет на умение говорить правильно и правильно выражать свои мысли. Такое сочетание грамматики и фонетики, позволяет добиться по-

нимания употребления той или иной грамматической конструкции. К тому же, необходимой частью подготовки являются задания на говорение из сборника ЕГЭ 2023. Данные тренировочные задания выполняются по правилам экзамена, после выполнения которых также идет тренировка в качестве свободной беседы в контексте выполненных заданий. Немаловажной частью подготовки учащихся является пересказ текстов на основе проработанного фонетического материала, грамматики. По сути, весь комплекс действий учителя проявляется в оценке и корректировке ошибок. Постепенно наращивая сложность предлагаемых текстов для тестирования, предполагается, что будет достигнут необходимый уровень коммуникативной компетенции для успешной сдачи устной части ЕГЭ. Оценивание происходит на основе имеющихся шкал оценивания, которые мы разработали ранее, и проводится каждые 10 тем. Таким образом, отслеживается динамика обучения, даются рекомендации для повторения тех или иных тем. Причем пройденные темы не исключаются из тестирования, а постоянно присутствуют. Такой подход позволяет не только проводить качественный контроль и обучение, но и повторять пройденный материал, который постепенно переходит в активную форму. Первичные результаты показывают, что учащиеся владеют устной речью более гибко. Количество ошибок в употреблении видовременных форм глагола в активном залоге сократилось по сравнению с началом обучения. У учащихся появилось осознание выбора той или иной формы слова.

ДИАГНОСТИКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ОДАРЕННОСТИ ДЕТЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ ДОСТИЖЕНИЙ УЧАЩИХСЯ

DIAGNOSTICS OF INTELLECTUAL GIFTEDNESS OF CHILDREN AS A TOOL FOR AN OBJECTIVE ASSESSMENT OF STUDENTS' ACHIEVEMENTS

Сказочкина Татьяна Валерьевна

преподаватель, Академическая гимназия, Санкт-Петербургский государственный университет

Подход к вопросам развития, обучения и реализации возможностей, одаренных и талантливых детей во многом определяет состояние науки, экономики и культуры страны в следующем поколении. Вопросы: кто такие одаренные и талантливые дети, как их обучать и как реализовать их потенциал, — являются ключевыми проблемами образования в современных развитых странах [Сказочкин, Игнатов 2015]. Актуальность исследования определяют следующие факторы: существует необходимость в теоретическом обосновании педагогических и дидактических принципов при создании системы контроля и управления качеством предметной компетенции в процессе обучения и подготовки одаренных школьников с помощью тестовых технологий. Данная подготовка ведется по различным дисциплинарным направлениям, непосредственно связанными с определенными наукоемкими профессионально-ориентированными областями и будущими профессиями. Когда речь идет о процессе обучения и контроля интеллектуально-одаренных детей, то мы говорим об интеллектуально-конкурсной компетенции, её диагностике, формировании и развитии. А непосредственно тестирование этой компетенции включает в себя субтесты в общей системе контроля обучающихся в рамках программы подготовки будущих специалистов в различных наукоемких профессионально-ориентированных областях, а также в области коммуникации [Креер, Сказочкина, Сказочкин 2021]. Таким образом, актуальность исследования определяют следующие факторы:

- 1) недостаточная разработанность в отечественной педагогике и методике теоретических вопросов диагностики и контроля интеллектуально-одаренных школьников СУНЦ в рамках программы подготовки наукоемких профессий;
- 2) недооценивание значимости диагностики общей коммуникативной компетенции как объекта контроля наряду с интеллектуально-конкурсной компетенцией;
- 3) необходимость поиска новых коммуникативных и интеллектуально-творческих приемов тестовых технологий контроля интеллектуально-конкурсной компетенции школьников в процессе подготовки будущих специалистов в определенных предметных областях;
- 4) необходимость снабжения преподавателей методическим инструментарием, а именно, тестовыми технологиями диагностики и контроля в курсе обучения интеллектуально-одаренных школьников как будущих специалистов наукоемких профессий.

Для организации системы поиска, поддержки и обучения одаренных детей необходимо понять, по каким критериям определять одаренность, сколько их и каким образом можно реализовать способности этих детей. Такой подход позволяет оценить финансовые и людские ресурсы, требуемые для реализации программы обучения одаренных детей. Наше исследование базируется на анализе подходов к выявлению, диагностике и обучению одаренных детей в России, странах Евросоюза, США, экономически развитых и интенсивно развивающихся странах Азии, и странах постсоветского пространства [Пивоваров, Зеленин 2011: 61]. Важно отметить, что непосредственно в образовательной среде оценка ребенка как одаренного не должна являться самоцелью. Выявление одаренных детей в различных предметных областях необходимо связывать с задачами их обучения и воспитания, а также с оказанием им психологической помощи и поддержки. Таким образом, система диагностики является не только инструментом контроля и оценки, но и мотивации и обучения. Существуют разные оценки количества одаренных школьников. По России это значение варьируется в очень широких пределах. Оценка

дается, как в рамках педагогической практики, так и работы психологов, которые дают оценку, исходя из закона нормального распределения, а это 15–20 %, 7 % — официальная точка зрения и 5 % — оценка по данным PISA (Programme for International Students Assessment). В статье мы также рассматриваем «Рабочую концепцию одаренности», которая является официальным документом в системе российского образования и разработана как федеральная целевая программа «Одаренные дети». В этом документе говорится о том, что с одной стороны, анализ одаренности обучаемых осуществляется со стороны педагогов и психологов [Богоявленская 2003].

С другой стороны, важно отметить, что само педагогическое мастерство оценивается по шкале одаренности, принимая во внимания критерии выявления, методы обучения и принципы и подходы при составлении программ и тестов. В заключении следует отметить, что поиск, отбор и обучение одаренных школьников в рамках всей страны — это государственная задача, но решение этой задачи на государственном уровне ни в коей мере не должно препятствовать созданию и совершенствованию механизмов развития способностей, раскрытию одаренности и таланта в рамках школы, города, региона. Таким образом, данное исследование связано с основными направлениями социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу. Речь идет о модернизации образования и программы подготовки кадров для развития государства и эффективного международного сотрудничества.

Литература

Богоявленская Д. Б. (отв. ред.). Рабочая концепция одаренности. М., 2003.

Креер М. Я., Сказочкина Т. В., Сказочкин А. В. Методологическая карта как новый элемент диагностики системы подготовки кадров для современной экономики // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, № 3: 42–60.

Пивоваров С. С., Зеленин С. П. О создании общероссийской системы работы с интеллектуально-одаренными детьми // Материалы всеросс. научно-практической конференции «Одаренные дети: проблемы, перспективы, развитие». 20–21 мая 2013 года. СПб., 2011. С. 61–67.

Сказочкин А. В., Игнатов И. И. Организационные формы зарубежного инновационного образования: тенденции, методы, практика. Калуга, 2015.

МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ РЕЦЕПТИВНЫХ НАВЫКОВ УЧАЩИХСЯ С ПОМОЩЬЮ АУДИОКНИГИ

Таликина Елизавета Дмитриевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Аудиокнига обладает значительным лингводидактическим потенциалом, однако в настоящее время ощущается недостаток методических рекомендаций по ее применению в учебном процессе. Мы полагаем, что использование аудиокниги в качестве средства обучения иностранному языку имеет ряд преимуществ. Прежде всего, аудиокнига в комплекте с текстом представляет собой полимодальный текст, который активизирует слуховой и зрительный каналы восприятия учащихся. Представление текста в аудиальной и визуальной модальностях одновременно позволяет воспринимать информацию параллельно и улучшает уровень ее понимания [Woodall 2010]. Стоит отметить, что аудиокнига способствует реализации взаимосвязанного обучения, так как одновременно развивает навыки чтения и аудирования. Взаимосвязанное обучение представляется перспективным, так как в нем закрепляется языковой материал и выполняются упражнения, целью которых является развитие общих умений. Более того, восприятие устной и письменной речи формирует знание звуко-графических соответствий. Также, аудиокнига представляет собой электронный ресурс, с которым ученики взаимодействуют с помощью телефона, планшета или компьютера. Использование технологий повышает мотивацию учащихся к изучению языка [Jansen 2019]. Во время прослушивания аудиокниги, учащиеся улучшают концентрацию и воспринимают текст с большим интересом, благодаря звуковым эффектам [Chang 2009]. Следующим преимуществом является возможность персонализации обучения, что достигается за счет предоставления выбора книги, соответствующей интересам учащегося, и ее использования в удобное для него или нее время. В результате, происходит частичная адаптация учебного процесса под потребности ученика. Кроме того, аудиокниги, представляющие произведения художественной литературы, обладают ценным социокультурным и лингвистическим материалом и являются образцом аутентичной звучащей речи. Тем не менее, мы выявили недостаток методических рекомендаций по применению аудиокниг в дидактических целях в учебном процессе, а также отсутствие исследований о результатах их использования для обучения учащихся средней ступени в системе российского общего образования. Кроме того, данное исследование оценивает изменение навыков чтения и аудирования в отличии от многих других с фокусом на один из видов рецептивных навыков. Эти факторы послужили основанием для проведения педагогического эксперимента (в течение 12 недель) с участием учеников 6-х классов в количестве 20 человек на базе «Академической гимназии № 56» г. Санкт-Петербург. Пробное обучение включало входное тестирование, использование аудиокниг в курсе «Домашнее чтение», промежуточное тестирование, итоговое тестирование и презентацию прочитанной книги. Учащиеся были разделены на две равные группы: участники экспериментальной группы (ЭГ) использовали аудиокниги для экстенсивного чтения, в то время как участники контрольной группы (КГ) использовали традиционное учебное пособие. Все тестирования были проведены с помощью диагностического онлайн-теста по английскому языку eSELT 2. Он включает три раздела — аудирование, чтение, лексика и грамматика и предназначен для учащихся уровня (A1+). Прежде всего, было проведено входное тестирование, которое показало, что учащиеся имеют невысокий уровень сформированности навыков чтения и аудирования. Текущий контроль чтения ЭГ осуществлялся с помощью выполнения заданий, представленных после каждой главы произведения, а также дополнительно разработанной системы упражнений. Промежуточное тестирование в КГ не выявило закономерных изменений в развитии навыков чтения и аудирования учащихся (в чтении значение медианы не изменилось и составило 41,7 %; в аудировании значение медианы увеличилось на 2,5 % и составило 62,5 %). В ЭГ показало значительное улучшение навыков аудирования (значение медианы увеличилось на 15 % и составило 67,5 %) и небольшой рост в чтении (значение медианы выросло с 54,2 % до 62,5 %). Итоговое тестирование показало общее повышение уровня сформирован-

ности рецептивных навыков в обеих группах. Однако полимодальное обучение в ЭГ заметно повлияло на навыки аудирования (значение медианы по сравнению с входным увеличилось на 30,5 %), в то время как в КГ оно увеличилось на 7,5 %. Что касается чтения, то в ЭГ значение медианы выросло на 16,8 %, в то время как в КГ на 16,3 %. В конце экспериментального обучения ученики представили презентацию выбранной книги, включающую информацию о названии, авторе и жанре книги; основной проблеме произведения и ее актуальности; героях произведения и рекомендаций другим читателям. Таким образом, количественный анализ показал, что полимодальный подход доказал свою эффективность в развитии навыков аудирования, тем не менее, он не показал значительного влияния на развитие навыков чтения.

Литература

- Chang A. C. S. Gains to L2 listeners from reading while listening vs. listening only in comprehending short stories // System. 2009. 37(4): 652–663.*
- Jansen A. Increasing leisure reading among university students using e-readers with audio // College & Research Libraries. 2019. 80 (3): 356.*
- Woodall B. Simultaneous listening and reading in ESL: Helping second language learners read (and enjoy reading) more efficiently // TESOL journal. 2010. 1(2): 186–205.*

ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЮБИЛЕИ 2023 ГОДА: НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

ANNIVERSARIES 2023: GERMAN LANGUAGE AND CULTURE IN RUSSIAN TRANSLATIONS

Григорьева Любовь Николаевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ежегодно в календаре памятных дат отмечаются юбилеи выдающихся людей, в том числе и переводчиков. Так, например, в 2022 г. можно было обнаружить 13 персоналий, имевших непосредственное отношение к переводу. Среди них особого внимания заслуживал 140-летний юбилей Корнея Чуковского, внесшего неоценимый вклад как в практику перевода, так и в становление российской науки о переводе. Наступивший 2023 г. тоже дает немало поводов для того, чтобы в связи с юбилеями вспомнить имена всех тех, кто занимался переводческой деятельностью, отдать им должное и отметить их заслуги на данном поприще. Этот год согласно обнаруженным сведениям насчитывает 22 юбилея литературных переводчиков, в основном российских (поскольку для поиска информации использовались преимущественно отечественные сайты). Рамки данной публикации не позволяют, к сожалению, остановиться на всех, поэтому основное внимание сосредотачивается на тех, кто переводил на русский язык немецкоязычную прозу и поэзию и, в первую очередь на том, каким образом в этих переводах преломлялось представление о немецкой культуре, истории, менталитете, быте и как это передавалось средствами русского языка. Среди юбиляров этого года, занимавшихся переводом с немецкого языка, можно отчетливо выделить три группы:

- 1) переводчиков XVIII и начала XIX вв.;
- 2) переводчиков второй половины XIX и начала XX вв.;
- 3) современных переводчиков, творчество которых связано с XX в.

В качестве наиболее ярких представителей вышеназванных групп можно рассмотреть следующих: Третьяковского, Державина, Жуковского (первая группа); Тютчева, Сологуба, Брюсова (вторая группа); Габбе, Коринца, Заходера (третья группа). В первой группе ведущее положение занимает, безусловно, Василий Андреевич Жуковский (9.02.1783–24.04.1852). Это обусловлено не только его ставшей крылатой фразой «переводчик в прозе — раб, в стихах — соперник», но и тем огромным вкладом, который он внес в практику и теорию перевода, в первую очередь, поэтического. Особый интерес с точки зрения передачи особенностей немецкой культуры в произведениях, переведенных с немецкого языка Жуковским, помимо знаменитого перевода «Леноры» Бюргера, где главная героиня в русских переводах получает имена «Людмила» (1808) и «Светлана» (1812) и, наконец, сохраняет свое исконное имя «Ленора» (1881), представляет работа над поэтической адаптацией повести «Ундина» Фридриха Ламотта-Фуке. Наиболее ярким представителем во второй группе выступает, как представляется, Федор Кузьмич Сологуб (1.03.1863–5.12.1927). При этом, конечно, нельзя не упомянуть канонический перевод Федором Тютчевым стихотворения Генриха Гейне о сосне и пальме „Ein Fichtenbaum steht einsam im Norden auf kahler Höh“, постоянно служащего в качестве образца и сравнения с переводом того же стихотворения Михаила Лермонтова, реже с остальными переводами, которых в целом насчитывается в районе сорока. В творчестве Сологуба перевод занимает, конечно, не самое главное, но достаточно важное место. Он перевел три пьесы Генриха Клейста, одну из них совместно со своей женой Анастасией Чеботаревской. Еще из немецких авторов он переводил

Новалиса (псевдоним Фридриха фон Гарденберга) и Фридриха Рюккерта. Помимо них также поэтов немецкого экспрессионизма Пауля Цеха, Якоба ван Годдиса, Георга Гейма, Франца Верфеля, Ивана Голла, стихи которых Сологуб подготовил для антологии «Молодая Германия», вышедшей в 1926 г. Среди персоналий, причисленных к третьей группе, трудно остановить свой выбор только на ком-то одном из юбиляров, поэтому речь пойдет о Борисе Владимировиче Заходере и Юрии Иосифовиче Коринеце. Известный детский писатель Б. В. Заходер (9.09.1918–7.11.2000) всю свою сознательную жизнь активно занимался переводами, и, хотя он стал известным в этой области благодаря тому, что познакомил русского читателя с Винни Пухом, Мери Поппинс, Питером Пенном, основной его любовью оставался немецкий язык. Еще в детстве он сделал перевод «Лесного царя» Гете, потому что ему не понравился перевод Жуковского, а любимой книгой были «Разговоры с Гете в последние годы его жизни» Иоганна Эккермана, бывшего секретаря великого немецкого поэта. С немецкого он переводил рассказы Анны Зегерс и сказки братьев Гримм. Юрий Коринец (14.01.1923–23.01.1989), имя которого как детского писателя менее известно по сравнению с вышеупомянутыми авторами, переводил с немецкого языка много современной детской литературы таких немецких авторов, как Михаэль Энде, Отфрид Пройслер, Джеймс Крюс. Кстати, сын Коринца, филолог-германист по образованию, тоже переводил с немецкого, в частности, труды Освальда Шпенглера и Карла Шмитта. Примечателен тот факт, что Юрий Коринец, долго колебавшийся в выборе своей будущей деятельности между профессией художника и писателя, и выбравший в итоге последнее, в большинстве случаев сам иллюстрировал свои романы, повести и сборники стихов. Говоря и переводческой манере представителей выделенных трех групп можно отметить, что для переводов, выполненных с конца XVIII по начало XX вв. характерен так называемый «вольный перевод», в то время как переводчики второй половины XX в. больше следуют трендам, принятым в современной практике перевода. Поскольку все выше указанные авторы сами являлись писателями, то представляется целесообразным рассмотреть, были ли переведены на немецкий язык их собственные произведения. Переводы В. А. Жуковского представлены в немецких переводах, особенно много внимания переводчики уделили его патриотической лирике, как, например, гимну «Боже царя храни» («Gotte schütze den Zaren»). Из произведений Ф. Сологуба на немецком были изданы и его стихи (в переводе Арьяно Грамиха), и его проза (сборник под названием «Unheimliche Geschichten») в переводе Александра Элиасберга. Детские стихи Б. В. Заходера тоже были переведены на немецкий язык. На немецкий язык был переведен также и роман Ю. И. Коринца «Братья Володи» («Wolodjas Brüder», переводчик Ханс Бауманн).

THE ENGLISH CORRESPONDENCES OF RUSSIAN NONEQUIVALENT UTTERANCES IN PLAYS BY A. CHEKHOV

Анфиногенова Анна Ивановна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

This article examines the English correspondences of several Russian (NEU) nonequivalent utterances found in three one-act plays by Anton Chekhov: «The Bear», «The Proposal», and «The Wedding». Translations of these plays by Constance Garnett, Elizabeth Fen, Julius West, Kathleen Cook, and Paul Schmidt were taken into account. It is possible to define a non-equivalent utterance as such utterances, the full pragmasemantic meaning of which is very difficult to convey in English not only at the «similar level of the perception plan», but, and most importantly, with preservation of the purpose of the Russian-speakers' communication. Examples of such statements are the Russian phrases «Горько!» ('Gorko!', l.t. 'Bitter') (said at a wedding with the intention of inducing the bride and groom to stand up and kiss each other on the lips), «Хорошо сидим!» ('Khorosho sidim!', l.t. 'Good sitting!') said during a meal together with the intention of expressing satisfaction with the time spent), «Ты меня уважаешь?», 'Ty menia uvazhaesh?', l.t. «Do you respect me?») (said to a drinking partner with the intention of forcing him to drink another shot of hard liquor). Russian NEUs can also include statements with an impersonal or indefinite-personal structure with significant lexical discrepancies, which have no direct lexical-semantic correspondences in English. «Чем это вас?» («Chem eto vas?» — «What hit you?». The importance of the sign of national semantic coloration is pointed out by a number of researchers. D.N. Shmelev described as early as 1958 expressive-negative constructions of the Russian language such as 'Буду я молчать!' ('Budu ia molchat!', l.y. «I'll be silent!»), 'Поговори еще!' ('Pogovori eshche!', l.t. «Talk more!»), 'Как бы не так!' ('Kak by ne tak!', l.t. «As if!»), 'Этого еще не хватало!' ('Eto go eshche ne khvatalo!', l.t. «That's not enough!») [Shmelev 1958: 63–75]. The philologists differ in their views on the existence of equivalent-free utterances. Based on V.N. Komissarov's theory, there are no equivalence-free statements (one taken from the original text and another which is a translated correspondence of the first) at all. Such pairs of original and translated statements simply belong to different levels (or types) of equivalence. The closest correspondences belong to the fifth type — it is the maximum correspondence of lexical composition and syntactic constructions). The most distant correspondences belong to the first type — these are correspondence phrases in which only the purpose of communication is preserved [Komissarov 1990: 61–70]. Other linguists admit the existence of the NEUs in both Russian and English speech. Thus, A. O. Ivanov defines the non-equivalent vocabulary as «lexical units of the source language which do not have equivalents in the vocabulary of the translating language, i.e. units which can be used to convey, at a similar level of expression, all the relevant components of meaning within a given context or one of the variants of meaning of the source lexical unit» [Ivanov 1985: 45]. Thus, two essential features can be distinguished: 1) the presence of a correspondence unit of the same level of the plan of expression and 2) the need to transfer all the relevant components of the meaning of the source lexeme within the given context. Accordingly, NEUs are utterances of the source language, which do not have equivalents in the system of the translating language, i.e. lexical-semantic units, with which, at a similar level of the plan of expression, we could transfer all the relevant within the given speech situation components of meaning of the source utterances. The following factors may be regarded as the reasons for the existence of NEUs: 1) the absence of a phenomenon in the life of the people of the translated language, 2) the absence of an identical concept, and 3) the difference in stylistic characteristics. In the three plays by A. Chekhov reviewed, the following variants of non-equivalent utterances were noted — conversational utterances, including those that include names in the feminine gender, addressed to men; constructions with both explicit and implicit incentive semantics; all kinds of precedent texts and fixed expressions; the use of jargon and authorial occasionalisms. The analysis of the material showed that the translation of an ES into another language presents in some cases certain difficulties due to the structure of the language, the peculiarities of the vocabulary and/or grammar. For instance, in all the translations, the meaning of the feminine gender is naturally lost that causes difficulties in conveying the expressiveness of the Russian utterance. Likewise, the translators are

faced with the problem of transmitting Russian precedent texts and idioms or fixed expressions into English. Naturally, for most English-speaking readers, the allusion to the Russian precedent text is lost. The expressiveness of the translated text may change. The study of ways of transferring similar Russian constructions with expressive meaning belonging to colloquial speech into English may become an interesting area of theory and practice of Russian-English translation.

References

- Иванов А. О.* Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык. Л., 1985.
- Комиссаров В. Н.* Теория перевода. М., 1990.
- Чехов А. П.* Собрание сочинений в 12 томах. Том 9 (Пьесы). М., 1963.
- Шмелев Д. Н.* Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательно оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания. № 6. 1958: 63–75.

ДУАЛИЗМ СВЯЩЕННОГО ИМЕНИ ПРОРОКА В ИСПАНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Войку Ольга Константиновна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Николаева Ольга Станиславовна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Арабское владычество на Иберийском полуострове продолжалось с VIII по XV вв. При арабах Испания достигла значительного экономического и культурного подъема. Мусульманская Испания стала называться “Al-Andalus”, постепенно Андалусия превращается в зону, где арабский язык становится официальным языком [Хименес 1999:13]. Наряду с арабами, пришедшими из Азии, было много северо-африканских берберов, которых испанцы называли маврами. В дальнейшем появлялись все новые и новые группы мавров — *mozos*. Уже к X в. достигли расцвета большие города. В XI в. усилились мелкие независимые христианские государства на севере страны, халифат распался, арабские государства ослабли. Так началась Реконкиста. Однако влияние арабского языка было велико. Р. Лапеса отмечает, что число арабизмов в испанском языке превышает 4 000 единиц [Лапеса 1995: 133]. История переводов священной книги мусульман с арабского языка на другие языки насчитывает много веков. Коран служит главным источником исламских религиозных предписаний и социальных установлений, моральных норм и этикета. Лишь 20 %, исповедующих ислам, читают Коран на арабском языке. Долгие годы среди мусульманских религиозных деятелей шли ожесточенные споры о допустимости и возможности перевода Корана с арабского на другие языки. В настоящее время священная книга мусульман переведена почти на 150 языков мира. Первые переводы Корана на русский язык были сделаны с французского и английского языков. И лишь во второй половине XIX в. появились переводы Корана с арабского [Коран 2021: 11]. С XII по XXI вв. Коран переводили на языки Пиренейского полуострова: латинский, кастильский, арагонский, португальский и каталонский. Современные переводы с XVII по XXI вв. на каталонский, португальский и испанский языки. Выделяют современные переводы Корана на испанский язык, сделанные теми, кто не знал арабского языка, и переводы, сделанные владеющими арабским языком. Священная книга мусульман называется по-испански *El Corán* или *Alcorán*. Наиболее известным и употребительным является название Коран (*Corán*). По преданию, Мухаммед писал Коран несколько десятилетий. Это книга, которую *Ala/Dios/Господь* передал в устной форме своему пророку и посланнику *Muhámmad/Mahoma/Мухаммеду/Магомету*, а содержание ему посылал архангел *Gibril/Gabriel/Джабраил/Гавриил*, на испанский язык может быть переведена как “*La Recitación, La Lectura, El Libro*”/Толкование/Священная книга. Именно поэтому переводы Корана и работы, которые утверждают, что *Ala* является автором Корана, вызывают неприятие у мусульман. По традиции имя пророка в испанском языке звучит как *Mahoma*, однако некоторые испаноязычные мусульмане настаивают на арабском варианте произношения — *Muhámmad*. Иное произношение они считают святотатством. Богохульство в отношении пророка считается одним из тяжелейших социальных преступлений. В традиционном мусульманском праве оно наказывается высшей мерой. Именно поэтому, проявляя должное уважение к личности пророка, необходимо более подробно рассмотреть лингвистические, этимологические, исторические и религиозные предпосылки, которые позволят наиболее точно, верно и корректно перевести имя пророка на испанский язык.

Этимологически имя пророка является пассивным причастием от формы *muhammad*, что означает «постоянно восхваляемый», как и другие имена, которыми его нарекают мусульмане: *Áhmad* (самый восхваляемый), *Mahmud* (восхваляемый), *Hammadi* (ласкательный диминутив). Исторические и религиозные предпосылки для употребления в испанском языке имени *Mahoma* основаны на том, что сами же мусульмане трансформировали имя пророка *Muhámmad* в *Mahoma* в романских языках Средиземноморья. Во всех романских языках Средневекового Средиземноморья произошел переход гласных *u* в *o* в первом слове и *a* в *o* во

втором: Mahoma — в кастильском, Mafumet, Mahoma — в каталонском, Mahomet — во французском, Maometto — в итальянском. Такое изменение гласных, характерное для семитских языков, к которым относится и арабский язык, отмечается только в тех случаях, когда речь идет о трактовке имени пророка, Mahoma. Данный дуализм возник на фоне многочисленных контактов между мусульманами и христианами на европейских территориях, в частности, в испанском обществе — mudéjares (мудехáры) и moriscos (мориски), а также в (la cultura de las alhóndigas) культуре торговых таможен Средневекового Средиземноморья. Именно поэтому данное изменение не является характерным для северной Европы, где знакомство с именем пророка проходило иным образом и в более ранние времена через Оттоманскую Империю. Так, в центральной Европе, в Германии, оно произошло под влиянием гласных из турецкого языка: Mohammad [De Epalza, Forcadell, Perujo 2008: 43–44]. Данный социальный аспект, религиозный, подчеркивает сложность и дуализм перевода на кастильский язык и другие романские языки собственных имен из арабского языка. По всем этим причинам — лингвистическим, этимологическим, историческим, социальным и религиозным, совершенно справедливо употребление Muhámmad и Mahoma в переводах Корана на испанский язык. Ведь позитивное оценивание значимости личности происходит не из-за или благодаря перемене или изменения имени собственного, а при изучении деяний и признании заслуг пророка для всего мусульманского мира.

Литература

- Коран. Прочтение смыслов. Фонд исследований исламской культуры имени Ибн Сины. М., 2021.
- De Epalza M., Forcadell J. V., Perujo J. M.* El Corán y sus traducciones: propuestas: Universidad de Alicante, 2008.
- Jiménez Fernández R.* El andaluz. Cuadernos de Lengua Española. Madrid, 1999.
- Lapesa R.* Historia de la lengua española. Madrid, 1995.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СВОДА СИГНАЛОВ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА И ЛЕКСИКОГРАФИИ

HISTORY OF THE INTERNATIONAL CODE OF SIGNALS: TRANSLATION AND LEXICOGRAPHIC ASPECTS

Епимахова Александра Сергеевна

доцент, Северный (Арктический) федеральный университет

Международный свод сигналов (МСС) — средство коммуникации между судами или судами и берегом. Он традиционно ассоциируется с использованием флагов и вымпелов, хотя применяются и иные средства связи. В наше время использование МСС ограничено, так как передачу информации можно осуществлять открытым текстом с помощью современной техники. Однако МСС используется для передачи срочных и важных сигналов, а также если присутствует языковой барьер. В прошлом МСС использовался гораздо шире и перерабатывался для улучшения коммуникации. В связи с этим МСС можно рассмотреть в нескольких перспективах с переводческих и лексикографических позиций. Во-первых, МСС интересно проанализировать как объект перевода. Свод XIX в. переводился на разные языки, после чего был разработан международный свод, который также распространялся посредством перевода. МСС-1931 разрабатывался параллельно на 7 языках, однако его советские издания — переводные. Действующий МСС-1965 имеет версию на русском языке, она уже не обозначается как перевод. Во-вторых, разноязычные версии МСС могли использоваться как словарь или сборник соответствий, своего рода «память переводов». Именно так А. М. Энгель — переводчик Морского министерства и составитель восьмязычного морского словаря — советует использовать Свод Рено (действовавший на французских судах) и его переводы [Энгель 1863: II]. Архангельский капитан Ф. М. Щепетов использует МСС как один из источников своего рукописного морского словаря. В имеющемся у автора настоящего доклада экземпляре МСС-1931 к большинству важнейших (однофлажных и двухфлажных) сигналов на английском и русском языках, а также к ряду подзаголовков карандашом приписан их перевод на эстонский язык.

В-третьих, прямое предназначение МСС — передавать сообщения с использованием сигналов. Если сообщение набрано на одном языке, а разобрано на другом, можно сказать, что речь идет о межъязыковом переводе с использованием кода-посредника. В связи с этим возникает ряд проблем, в частности проблема единицы перевода. В МСС-1965 действует принцип, согласно которому каждое сообщение передает законченную мысль, т. е. перевод осуществляется на уровне предложения. В более ранних версиях уровень перевода колебался от предложения (важные и частотные сообщения) до слова (переговоры на темы, которые задействуются редко, передача конкретной информации) и звука/буквы (транскрипция/транслитерация имен, адресов). Необходимость «собирать» сообщение из закодированных таким образом частей приводит к тому, что коду требуется грамматика: сигналы для обозначения конца предложений, средства выражения логических связей в сообщении, значения категорий времени, модальности и т. д. Как показал опыт Первой мировой войны, пословный перевод с использованием МСС часто приводил к коммуникативной неудаче [Международный свод сигналов 1939: XI]. При разработке МСС-1931 (параллельно на 7 языках) было принято решение взять за основу английский язык, т. е. ориентироваться на него при наборе и разборе сигналов на других языках. Тем не менее, грамматика представлена лишь самыми общими категориями. Например, в большинстве случаев не различаются формы единственного и множественного числа, притяжательные местоимения и прилагательные и др. Большинство глаголов имеют два сигнала, соответствующих формам активного залога изъявительного наклонения в плане прошедшего и настоящего; дополнительно используется «аналитическая форма», состоящая из двух сигналов: нужная форма глагола-образца «glean»/«собирать» из специальной таблицы в сочетании со смысловым глаголом. Поскольку использование грамматических средств ограничено, рекомендуется эксплицировать свою мысль посредством лексических средств: не «багаж пассажира»,

а «багаж, принадлежащий пассажиру» и т. п. Также трудность создает вариативность МСС. Например, чтобы передать побуждение можно использовать средства, соответствующие различным уровням естественного языка: лексические («пожалуйста» или «вам следует»), грамматические (императив глагола), а также специфические для МСС — сигнал-пояснение «следующая группа является распоряжением» [Международный свод сигналов 1939: 8–9].

Все указанные трудности проявились и при переводе МСС-1931 на русский язык. Необходимо было передать значение словосочетаний или частей предложений таким образом, чтобы из них можно было сконструировать предложение, понятное носителям разных языков. Из-за лексической многозначности наборная и разборная части советского издания стали несколько отличаться в формулировках; рекомендуется выбирать по возможности одну формулировку, отражающую мысль, а не сочетание нескольких, чтобы избежать непонимания из-за дословного перевода. При подготовке второго советского издания была выверена наборная часть с целью устранения повторов, т. е. перевод фактически сопровождался внесением исправлений. Поскольку при разборе и наборе сигналов необходимо было ориентироваться на английскую грамматику, во втором советском издании многие части двуязычны: текст набран на русском и английском языках. Объем издания после этого увеличился вдвое (втрое против текста оригинала). Помимо перевода местных сигналов зарубежных стран, добавлена советская наборная и разборная часть свода, местные географические сигналы СССР, правила для предупреждения столкновений судов в море и др.

Таким образом, МСС исследуемый в исторической перспективе, дает обширный материал для анализа с переводческих и лексикографических позиций. Несмотря на то, что механизмы передачи сообщений с использованием версий МСС до 1965 г. уже не используются, внимания заслуживают попытки международного сообщества разработать систему, которая позволила бы преодолеть языковой барьер в профессиональной коммуникации моряков. Интересна востребованность МСС как источника языкового материала на разных языках в переводческой и лексикографической работе.

Литература

Международный свод сигналов. 1931: 2-е советское издание. Кн. 1. М., 1939.

Энгель А. М. Морской технический словарь. Часть I англо-французско-русская. СПб., 1863.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЭЛЕМЕНТОВ ВЕРТИКАЛЬНОГО КОНТЕКСТА В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ ПОСЛАНИЙ В. ПУТИНА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ

RENDERING VERTICAL CONTEXT ELEMENTS IN SIMULTANEOUS INTERPRETATION OF THE ANNUAL PRESIDENTIAL ADDRESS TO THE FEDERAL ASSEMBLY

Михайловская Мария Валерьевна

старший преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Как известно, вертикальный контекст представляет собой «историко-филологическую и — шире — общекультурную информацию, которая объективно (но часто как бы в скрытом, «свернутом» виде) заложена в том или ином литературном произведении и восприятие которой не может основываться ни на знании непосредственного лингвистического окружения соответствующих языковых единиц, ни на контексте ситуации, — иными словами, на изучении всего того, что можно представить себе как контекст «горизонтальный», лежащий как бы на уровне данного произведения, заключенный в нем самом» [Полубиченко 1979: 4]. Вертикальный контекст актуализируется в тексте за счет таких его элементов, как идиомы, реалии, цитаты, аллюзии, пословицы, поговорки и иноязычные вношения. В настоящее время вертикальный контекст изучается как проблема синхронного перевода на материале звучащих текстов, составляющих политический дискурс. Как показало настоящее исследование, элементами вертикального контекста, несомненно вызывающими объективные сложности при передаче в синхронном переводе, являются цитаты и аллюзии. Нами были проанализированы звучащие тексты Посланий В. Путина Федеральному собранию за период с 2015 по 2021 гг., общая длительность звучания которых составила 7 часов 46 минут. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию представляет собой ежегодное обращение главы государства к парламенту и является программным политико-правовым документом, отражающим видение Президентом основных стратегических направлений развития страны на ближайшую перспективу и включающим в себя положения политического, экономического, идеологического характера, а также конкретные предложения, касающиеся законотворческой работы парламента. Б. Н. Ельцин стал первым президентом, представившим Послание Федеральному собранию в 1994 г. За период с 1994 по 2021 гг. Б. Н. Ельцин выступал с ежегодным обращением к Парламенту 6 раз (1994, 1995, 1996, 1997, 1998, 1999 гг.), В. В. Путин — 17 раз (2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2018, 2019, 2020, 2021 гг.), Д. А. Медведев — 4 раза (2008, 2009, 2010, 2011 гг.). Аналогом Посланию Федеральному собранию в Великобритании можно считать так называемую «тронную речь» монарха (“King’s/Queen’s Speech” или “Speech from the Throne”), с которой начинается каждая новая сессия парламента. Традиция обращения британского монарха с тронной речью к парламента берет свое начало с XIII века. Аналогичным образом в Соединенных Штатах Америки президент ежегодно обращается к Конгрессу с посланием «О положении страны» (“State of the Union address” — буквально «послание о положении Союза», то есть штатов, образовавших США). Его прообразом стала вышеупомянутая тронная речь, с которой выступает монарх Великобритании во время официального открытия новой сессии парламента. Согласно Конституции США, принятой 17 сентября 1787 г., «президент периодически дает Конгрессу информацию о положении Союза и рекомендует к его рассмотрению такие меры, которые он сочтет необходимыми и целесообразными». Первое послание было озвучено 8 января 1790 г. президентом Джорджем Вашингтоном, который также заложил традицию выступать перед Конгрессом с обращением ежегодно. Современное название “State of the Union address” вошло в обиход с 1935 г. благодаря Франклину Рузвельту. В ходе анализа текстов Посланий Федеральному собранию за период с 2015 по 2021 гг. было установлено, что наиболее частотными элементами вертикального контекста, вплетенными в ткань высказываний В. Путина, являются цитаты (причем источниками цитирования выступали русские писатели-классики, историки, философы, ученые) и аллюзии. Как становится очевидным из проведенного лингвопрагматиче-

ского анализа, цитаты и аллюзии представляют существенную сложность для передачи в синхронном переводе в языковой паре русский — английский. Основная причина заключается в том, что фоновые знания носителей разных культур не совпадают, соответственно, известные имена писателей и их персонажей, даже хрестоматийные для одной культуры высказывания оказываются совершенно неизвестны в другой. Кроме того, цитаты изобилуют единицами разговорной лексики, эмоционально заряженными словами, реалиями и лингвокультурами, именами собственными, которые требуют времени для подбора нужного соответствия, если переводчик не знал функциональный аналог того или иного элемента вертикального контекста заранее — до осуществления перевода. Стоит признать, что в большинстве случаев вышеупомянутые элементы исчезали при переводе, стилевые индикаторы не всегда были переданы, хотя общий смысл высказываний был так или иначе сохранен. В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что переводчики сталкиваются с многочисленными трудностями при передаче таких элементов вертикального контекста, как цитаты и аллюзии в синхронном переводе с английского языка на русский. Основной сложностью является тот факт, что переводчикам был неизвестен источник того или иного элемента вертикального контекста, поэтому в ряде примеров аллюзии исчезали при передаче. Недостаток фоновых знаний также приводил к искажению смысла исходных высказываний. Однако во многих случаях сохранить элемент вертикального контекста переводчикам удалось за счет компенсации или дословного воспроизведения поверхностной структуры на переводящем языке.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФИЛЬМОВ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КИНОФЕСТИВАЛЕЙ

Морилова Екатерина Сергеевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматриваются межкультурные особенности перевода с английского на русский язык документальных и экспериментальных фильмов, которые были представлены на различных международных кинофестивалях в России в период с 1 марта 2022 г. по 31 декабря 2022 г. Актуальность исследования состоит в том, что в последнее время наблюдается рост интереса к лингвокультурологическим аспектам перевода, в частности аудиовизуального перевода, к которому также относится киноперевод. Цель исследования состоит в том, чтобы выделить основные особенности перевода кинофильмов для современных фестивалей в нашей стране с точки зрения межкультурной коммуникации. В качестве материала для исследования использованы оригинальные и русскоязычные субтитры к 12 короткометражным документальным и экспериментальным фильмам из конкурсной программы II Международного кинофестиваля «Печка», реализованного на средства Фонда президентских грантов, и конкурсной программы секции IN SILICO XXXII Международного кинофестиваля «Послание к человеку». Перевод для фестивальных показов был выполнен студентами IV курса программы «Теория и практика межкультурной коммуникации» филологического факультета СПбГУ под руководством автора доклада в качестве составной части учебной переводческой практики. Редактирование и укладка субтитров также были выполнены автором доклада в тесном сотрудничестве с продюсерами вышеуказанных фестивалей. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть в дальнейшем использованы для создания или дополнения таких спецкурсов, как «Введение в переводоведение», «Имагология» и «Межкультурная коммуникация». Главной особенностью работы над переводом короткого метра для фестивалей 2022 г. стало то, что большинство конкурсных фильмов представляли не одну конкретную культуру (скажем, американскую или австралийскую), а сочетание различных культур. Например, в документальном фильме «Пересекая Гималаи» режиссеров Джаспера Нейпане (Jasper Neupane) и Рашмиты Лимбу (Rashmita Limbu) действие происходит в высокогорьях Непала, режиссеры представляют культуру Швеции — той страны, где они выросли и получили образование; закадровый текст, сопровождающий визуальный ряд, представлен на английском языке, а местные жители — участники съемок — говорят на различных языках и диалектах индоарийской и тибето-бирманской групп (их речь переведена на английский язык создателями фильма). В документальной ленте «Ласточка» режиссера Эхсана Камали (Ehsan Kamali) рассказывается о старике-муэдзине, живущем в деревне на границе Ирана и Туркменистана, у которого — единственного в деревне — есть чистокровный конь Карлаваж, занимающий призовые места на скачках. Несмотря на то, что перевод этого фильма для фестиваля осуществлялся не с туркменского языка и не с фарси, а с помощью уже подготовленных вшитых субтитров на английском языке, русскоязычным переводчикам необходимо было провести тщательный переводческий анализ аудиовизуальных фрагментов, чтобы отразить в переводе особенности мусульманской культуры того региона, которая играет значительную роль в концепции фильма: например, реплика главного героя в англоязычных вшитых субтитрах «Thank God» (в черновом варианте «Слава Богу!») представлялась в переводе слишком «мирской» и западнотричной и в процессе редактирования была заменена на «Хвала Аллаху!» В некоторых случаях переводчикам фестивального кино в 2022 г. приходилось переводить не просто с одного языка (в данном случае английского), а как минимум с двух (включая испанский, французский, армянский и турецкий). Это стало возможным благодаря тому, что студенты программы «Теория и практика межкультурной коммуникации» изучают несколько иностранных языков, включая восточные, и обычно работают над кинопереводом в мини-группах, где один из переводчиков может владеть необходимым языком. Главной причиной, по которой перевода с одного языка порой оказывалось недостаточным и нужно было обращаться к оригиналу, стало то, что пере-

вод фильмов на английский, представленный продюсерами организаторам кинофестивалей, не всегда отвечал всем необходимым требованиям: например, порой наблюдались неоправданные опущения; несмотря на то, что иногда опущения допустимы в процессе субтитрования в целях компрессии информации, семантически и стилистически значимые элементы не должны опускаться. Более того, в подготовленных продюсерами англоязычных вшитых субтитрах часто встречалась генерализация, в то время как визуальный контекст позволял использовать более конкретное понятие. Например, при переводе экспериментального фильма «Сущность» (режиссер Пабло Мартин Кордоба, Франция, 2021) именно обращение к первоисточнику на французском языке позволило уточнить перевод нескольких важных для сюжета философских терминов, таких как «материя», «бытие» и «становление». Наконец, особую сложность для студентов представлял перевод реалий турецкой, туркменской, иранской, армянской, чилийской и других культур. В качестве примера можно привести документальный фильм «Обещание» (режиссер Григор Мурадян), где встречается большое количество турецких, армянских и украинских географических названий и имен и где для уточнения некоторых реалий переводчики обращались к оригинальной звуковой дорожке на армянском языке. В заключение необходимо отметить, что современные кинофестивали в России при составлении конкурсной программы демонстрируют интерес к фильмам совершенно различных мультикультурных и мультиязыковых регионов мира, но по экономическим причинам продюсеры фестивалей чаще всего приглашают для киноперевода тех, кто владеет английским языком, для того чтобы перевести субтитры с киргизского или хинди на русский с использованием языка-посредника. Следовательно, переводчикам-англистам нужно быть готовым к новому для них межкультурному погружению в религиозные и этнические особенности различных стран — и вовсе не обязательно англоязычных, накапливать лингвокультурологический багаж знаний и уметь адаптироваться к новой реальности в сфере перевода.

КОНТРАСТИВНАЯ ПУНКТУАЦИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД: ГРАНИЦЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ВЫБОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Нуриев Виталий Александрович

ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и Управление»
Российской академии наук

Пунктуационный узус в контактирующих при переводе языках может характеризоваться асимметрией. Проблемы межъязыковой пунктуационной асимметрии находятся в ведении контрастивной пунктуации — лингвистической области, до настоящего времени мало разработанной (см. об этом подробнее [Сигал 2012: 75–84]). Переводчику, между тем, необходимо иметь представление о пунктуационных расхождениях в разных языковых системах, чтобы, руководствуясь пунктуационным оформлением оригинала, уяснить, как обработать пунктуационный компонент, не исказив исходного смысла. На существенность этого вопроса указывают, в частности, свидетельства авторитетных литературных переводчиков, отмечающих несоответствие функционального потенциала отдельно взятого знака препинания в разных языках. Так, французская переводчица Анн Кольдефи–Фокар, выступая на Международном конгрессе переводчиков в Москве (2020 г.), отмечала: «Ох, эти тире русской литературы! Они присутствуют уже в произведениях классиков, в то время как во французской литературе XIX в. вы их найдете разве что вместо скобок. Начиная с XX в. тире больше используется во французской литературе, но, тем не менее, гораздо меньше, чем в русской. Как понимать эти тире и как их переводить?» Этой же проблеме посвящена отдельная глава у известного отечественного переводчика Владимира Бабкова в его новейшей монографии [Бабков 2022: 140–156]. В свое время ценные замечания относительно контрастивной пунктуации высказал Л. В. Щерба, выделив два типа пунктуационного узуса для языков европейского ареала: «французский (английский, итальянский и т. д.) и немецкий (чешский, польский, русский и т. д.). Первый реже, чем второй, ставит тире, употребляет гораздо меньше запятых и стремится выражать ими смысловые нюансы; второй широко признает тире и злоупотребляет запятыми, ставя их более или менее по формальным признакам» [Щерба 1935]. Сейчас подобные наблюдения могут быть существенно дополнены благодаря электронным корпусным ресурсам, позволяющим собирать широкий массив эмпирических данных. В фокусе заявляемого доклада находятся предварительные результаты исследования специфики употребления двух пунктуационных семантически насыщенных знаков в русском и французском языках (двоеточия и многоточия). Получены и проанализированы данные, отражающие употребление этих знаков препинания при переводе с французского на русский и обратно, а именно:

- 1) данные по пунктуированию в четырех французских произведениях и их русскоязычных переводах (одно произведение — «La difficulté d'être» Жана Кокто — представлено двумя переводами);
- 2) данные по пунктуированию в двух русскоязычных произведениях и их переводах на французский (одно произведение — «Шинель» Н. В. Гоголя — представлено четырьмя переводами).

Анализ полученных при пробной выборке данных пока не позволяет выявить четкие тенденции в употреблении исследуемых пунктуационных знаков при переводе с французского языка на русский и обратно — объем корпуса обработанных параллельных текстов для этого пока не достаточен. Очевидно, однако, что пунктуационное действие специально осмысливается переводчиком: доля знаков препинания не всегда совпадает в исходном и переводном текстах. Так, Анн Кольдефи-Фокар в переводе «Теллурии» Владимира Сорокина употребляет столько же многоточий, сколько их употреблено в исходном тексте (500 единиц), что вскрывает установку, которая накладывает запрет на отклонение от заданного исходным текстом пунктуационно-

го контура, но этот запрет не распространяется на двоеточие. В четырех переводах «Шинели» Н. В. Гоголя отражаются разные пунктуационные предпочтения переводчиков в употреблении двоеточия. Большая часть обработанных переводов (за исключением «99 франков» И. Я. Вольвич) характеризуется «сдержанной» постановкой многоточия: доля многоточий либо совпадает в исходном и переводном текстах, либо незначительно увеличивается / уменьшается в переводном тексте по сравнению с исходным. Полученные данные указывают на необходимость дальнейших исследований в области контрастивной пунктуации с использованием корпусных методов.

Литература

Бабков В. О. Практика и идеология художественного перевода. М. Corpus, 2022. С. 140–156.

Сигал К. Я. Пунктуация как средство создания эмоционального подтекста (на материале рассказа М. А. Шолохова «Судьба человека» и его переводов на английский язык) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, № 6: 38–50.

Щерба Л. Пунктуация // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 9. М., 1935. Стб. 366–370.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД: «ИСКУССТВО ПОТЕРЬ» СТАНОВИТСЯ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММОЙ

LITERARY TRANSLATION: THE «ART OF LOSS» BECOMES A NEW EDUCATIONAL PROGRAM

Петрова Анастасия Дмитриевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Современное французское и мировое переводоведение всё больше отходит от понятия непереводимости, оставляя его философам, и всё больше предлагает конкретных способов решения переводческих задач. Новая магистерская программа построена таким образом, чтобы одновременно дать глубокое фундаментальное филологическое образование, научить техникам перевода и принятию переводческих решений, а главное — замотивировать и вдохновить студентов, показав, каким образом текст становится книгой, издаваемой, продвигаемой и продаваемой. Программа магистратуры выстроена так, что в ней есть три основополагающих направления. Во-первых, несмотря на то, что в магистратуру идут люди уже филологически подготовленные, понятно, что любой переводчик, особенно начинающий, в любой момент, открыв, скажем «Конец Вавилона» Гийома Аполлинера, поймет, что он полный ноль, потому что он не узнаёт цитат, не считывает культурные ассоциации, не улавливает контекст и вообще большую часть имен впервые слышит. И такое с молодыми переводчиками обязательно будет при каком угодно раскладе, но для того, чтобы они чувствовали себя не нулями без палочки, у магистров и первого, и второго курса предполагаются дисциплины, которые не дадут расслабиться в плане чтения — это история зарубежных литератур, в обязательном порядке современная зарубежная литература, язык современной зарубежной прозы, лингвистика, стилистика, философия перевода — и в «философию перевода» я намерена включить всё, что современные французские переводоведы вкладывают в данное понятие, а именно — антропологию, социологию, психологию и даже то, что Деррида называл «теологией перевода». Это сложно, но охват должен быть огромным, чтобы кругозор расширялся бесконечно, и пускай студенты утопают в литературе, зато у них потом много чего останется в головах. То есть первое направление я бы назвала исследовательским. Во-вторых, помимо собственно перевода, который будет делиться и на перевод художественной прозы, и на перевод поэзии, и на перевод детско-подростковой литературы, и на перевод специализированной литературы по искусству и философии, и на перевод СМИ — помимо всей этой практики перевода, я очень рада, что удалось включить дисциплины, связанные с издательским делом. Денис Веселов, генеральный и коммерческий директор ТД «Терминал-книга/БММ» холдинга t8group, который всю жизнь издает и продает книги, будет читать курс по российскому книжному бизнесу. Ольга Чумичева, долгое время возглавлявшая отдел пиара и рекламы в «Азбуке», будет читать курс о том, как продвигать книги, как о них писать, говорить, куда бежать и так далее.

Слова о том, что в издательстве прекрасные книги, только их очень плохо продают, мы слышим довольно часто, и очевидно, что нужны специалисты в этой области. Елена Черникова, писатель и редактор портала Textura, будет вести мастер-класс о том, как работает редактор, корректор, какие у них профессиональные, психологические и когнитивные навыки, даже расскажет о том, зачем есть кальций и почему болит спина. И помимо этого, в-третьих, магистратура будет активно сотрудничать с приглашенными лекторами, чья функция лично для меня — не только рассказать и показать, а еще и крепко замотивировать. Например, генеральный директор издательства «Поляндрия» Олег Филиппов, который непременно проведет мастер-класс (а может, и не один) — гениальный мотиватор, который объяснит, что, поставив цель, можно стать после магистратуры условным Колином Фёртом из фильма «Гений», можно стать издателем, можно стать пиарщиком, можно стать Лозинским, можно стать исследователем и настоящим переводчиком. Ведь мы знаем примеры, когда переводчик счастливо занимается любимым делом и одновременно преподает, или пишет, или работает журналистом, или делает свои литературные порталы и так далее. А еще мы знаем примеры переводчиков, кото-

рые, подобно Андрею Марквичу во Франции, — только переводят и действительно зарабатывают этим деньги, добиваются успеха и создают шедевры.

Примерно таким переводчиком (полностью отдавшим себя профессии) был Михаил Яс-нов, с которым у меня, кстати, ассоциируется название «Петербургская школа литературного перевода». И мне приятно, что в «Рудомино» вышло столько его книг о переводе, по которым я смогу многое рассказать студентам. Для меня «петербургская школа» — не просто география, а конкретный человек. Он столько лет вел при Французском Институте Санкт-Петербурга переводческую студию, и ходили туда не только переводчики с французского, ходили итальянцы, испанцы, я это отлично помню. И действительно многие его ученики стали большими переводчиками. А некоторые — издателями, поэтами. И снова мы возвращаемся к тому, что перевод — вопрос драйва, любви к своему делу, фанатизма, если угодно. Поэтому мне важны мастер-классы с редакторами, художниками, писателями, литературными агентами. Естественно, силами факультета, где работают действующие переводчики и теоретики, мы многое сделаем, но такую магистратуру надо поднимать всем миром.

ПАЛИМПСЕСТ «СИЛЬНОГО» ОРИГИНАЛА И ВТОРИЧНЫХ ВЕРСИЙ: «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ» Э. БРОНТЕ

Разумовская Вероника Адольфовна

профессор, Сибирский федеральный университет

В исследованиях «сильных» текстов литературы и, соответственно, культуры, проводимых в контексте переводоведческой проблематики, мы неоднократно обращались к случаям возникновения центров переводной аттракции, представляющих системно-структурные единства вербальных оригиналов и их вторичных версий различной семиотической природы. Причины и механизмы создания центров переводной аттракции описываются через понятия информационной неисчерпаемости текстов художественных оригиналов и их потенциальной переводной множественности, получивших в современном художественном переводоведении категориальный статус (Р. Чайковский, Е. Лысенкова). Большой научный интерес представляет природа отношений между оригиналом и его вторичными версиями, являющимися результатами внутриязыкового, межъязыкового и межсемиотического видов перевода (в соответствии с типологией Р. Якобсона), а также связей, которые возникают между вторичными текстами одного оригинала одинаковой или различной семиотической природы, ставшими результатом повторного перевода (переперевода). Обращаясь к важному методологическому понятию «эстетической силы» художественного текста, можно утверждать следующее: в национальных и мировом культурных пространствах функционируют не только «сильные» оригинальные тексты, но и «сильные» вторичные тексты, взаимодействующие в границах центра переводной аттракции и во многом определяющие «судьбу» своего оригинала.

В творческом наследии Эмили Бронте художественный текст «Грозовой перевал / Wuthering Heights», впервые опубликованный в 1847 г., стал единственным романом. Созданный в соответствии с канонами позднего романтизма, роман не был по достоинству оценен современниками, считавшим его чрезмерно мрачным и жестоким. Тем не менее, за более чем 170 лет существования текст Бронте приобрел и продолжает сохранять мировую популярность, став признанной классикой английской литературы и бесспорно «сильным» текстом мировой культуры. «Грозовой перевал» характеризуется традиционно исследователями как загадочное произведение, совместившее в себе готический романтизм и суровый реализм, построенное по принципу рассказа в рассказе (нарратива в нарративе). Одной из главных загадок романа стал образ Хитклиффа — центрального мужского образа.

Роман неоднократно становился объектом межъязыкового перевода. На настоящий момент известно более 60 языков, на которых были созданы переводные версии «Грозового перевала». Время создания переводов романа на европейские языки обусловлено различными причинами. Например, первый немецкий перевод опубликован в 1851 г. («Wutheringshöhe», анонимный), а французский — только в 1892 г. («Un amant», переводчик T. de Wyzewa). Первый португальский перевод создан уже в XX в. (1938 год, «O Morro dos Ventos Uivantes», O. Mendes). Известно более 50 полнотекстовых переводов романа на китайский язык, а сам текст Э. Бронте считается в современном Китае культовым.

Российские читатели смогли познакомиться с «Грозовым перевалом» более чем через 100 лет после выхода в свет оригинала Бронте. История создания версий романа в России начинается в 1958 г. с перевода Н. Д. Вольпин, который в течение 50 лет оставался единственным русскоязычным переводом и сохранившим «активный» статус и в XXI в., о чем свидетельствует регулярное переиздание. Данная версия в художественном переводоведении считается канонической. В дальнейшем опубликованы переводы А. Ненашевой (2008), У. Сапциной (2009), Н. Роговой (2012), Т. Черняк (2016), А. Грызуновой (2018), Н. Жутовской (2020). Каждый из перечисленных переводов характеризуется своими особенностями «жизни и судьбы», на которые во многом повлияли причины их появления (в условиях существования созданных ранее версий), история публикаций (первичные тиражи, печатные или только электронные издания, формат

аудиокниги или электронной книги), оценка качества перевода филологами, критиками и читателями и т. д.

Роман Бронте регулярно переводился на «язык» кино. Первая известная киноверсия, датируемая 1920 годом (режиссер А. В. Брамбл, роль Хитклиффа исполнил М. Росмер), создана в Великобритании. В дальнейшем британские кинематографисты неоднократно обращались к роману: 1967 (П. Сэди, И. Макшейн); 1970 (Р. Фуэст, Т. Далтон); 1978 (П. Хаммонд, К. Хатчисон); 1992 (П. Козмински, Р. Файнс); 1998 (Д. Скиннер, Р. Кавана); 2009 (К. Гедройц, Т. Харди); 2011 (А. Арнольд, Дж. Хоусон). По данным британского сайта наиболее близкой к тексту оригинала считается версия 1978 года. К разряду «сильных» кинотекстов принадлежит американская адаптация 1939 года (режиссер У. Уайлер, Хитклифф — Л. Оливье). Вольная мексиканская версия создается в 1954 г. Л. Бунюэлем (вышла на экраны с названием «Abismos de pasión» и с измененными именами героев). В Италии роман Бронте экранизировался дважды: в 1956 г. («Cime tempestose», М. Ланди, М. Джиротти) и в 2004 г. (Ф. Коста, А. Бони). В 2003 г. на экраны вышла осовремененная американская телеверсия (С. Кришнамма, М. Фогель). Известны и многие другие кино и телеверсии, созданные в различное время в различных странах. Дублирование киноадаптаций «Грозного перевала» для проката в зарубежных странах может стать отдельной интересной темой переводоведческого исследования.

«Сильный» текст художественного оригинала (о чем свидетельствует высокая степень реинтерпретативности, вхождение в различные престижные рейтинги книг и фильмов, а также интерес исследователей) и его вторичные версии различной семиотической природы формируют центр переводной аттракции, представляющий собой полилингвальный и мультимодальный палимпсест. В рамках палимпсеста не только оригинал является «сильным» текстом. К категории «сильных» в различных культурах также могут быть отнесены вторичные тексты переводов, а при широком понимании понятия «текст» и кинотексты (киноадаптации), получившие признание зрителей, критиков и исследователей.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХЕДЖИНГОВЫХ ГЛАГОЛОВ В НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ ПО ЭКОНОМИКЕ

FEATURES OF TRANSLATION OF HEDGING VERBS IN SCIENTIFIC ARTICLES ON ECONOMICS

Светаилов Борис Владимирович

аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет

В англоязычных научных статьях по экономике большое значение имеет употребление хеджей и хеджинговых конструкций. Ввиду того, что английский язык является преобладающим в современном научном коммуникативном пространстве, представляется важным не только умение грамотно составить научный текст на английском языке, но и корректно его перевести. Актуальность данного исследования обуславливается потребностью изучения особенностей перевода хеджинговых маркеров, в качестве которых часто используются глаголы. Как отмечают в своём исследовании А. И. Милостивая и Б. В. Светаилов, маркерам хеджирования свойственны такие функции, как «снижение категоричности высказывания», субъективная оценка автором излагаемого материала, размытость семантики суждения. Данные функции «позволяют говорить о хеджировании как об инструменте эффективной аргументации». Кроме того, исследователи подчёркивают наличие проблемы межкультурного взаимодействия, связанной с различием норм употребления хеджинговых маркеров в зависимости от требований, предъявляемых к научному тексту в рамках каждого из языков [Милостивая, Светаилов 2019: 136]. Кроме того, согласно исследовательнице А. Е. Устьянцевой, хеджирование позволяет «смягчить иллокутивную силу высказывания», «оградить адресата от возможного потенциального вреда и негативных последствий, которые могут быть вызваны речевым актом». Помимо этого хеджирование даёт возможность автору реализовать такие стратегии при построении текста, как смягчение, вежливость, неопределённость в рамках размытой хеджинговой семантики [Ustyantseva 2019: 85]. В качестве базы для анализа способов перевода хеджинговых глаголов нами используется теория закономерных соответствий Я. И. Рецкера [Рецкер 2004: 12–13], а также классификация трансформаций, изложенная в работе А. Ф. Архипова [Архипов 1991: 90–98]. Рассмотрим приёмы перевода хеджинговых глаголов и хеджинговых конструкций с глаголами на следующих примерах. *As with a buyer, a bank must collateralize its deposit liabilities, though we assume that the bank can commit to meeting its promises to satisfy cash withdrawals* [Williamson 2018: 210–211]. — Как и в случае с покупателем, банк должен обеспечивать свои обязательства по депозитам, хотя мы предполагаем, что банк может взять на себя обязательство выполнить свои обещания по снятию наличных (здесь и далее перевод выполнен автором статьи — С. Б.). В данном примере хеджинговая конструкция *we assume* переведена посредством подбора эквивалентного соответствия из ряда возможных переводов глагола *assume*: предполагать, допускать, подразумевать. Благодаря этому удаётся правильно передать смысл пропозиции, заключающийся в выдвижении гипотезы автором. *Finally, I consider whether labor market frictions can make a quantitatively significant contribution to business cycle variation in risk aversion* [Swanson 2020: 222]. — Наконец, я рассматриваю вопрос о том, могут ли трения на рынке труда внести значимый с количественной точки зрения вклад в изменение делового цикла в неприятии риска. В этом примере использована хеджинговая конструкция *I consider*. Данная конструкция переведена при помощи трансформации лексического развёртывания как *я рассматриваю вопрос о том*. Кроме того, автор употребляет хедж *can*, выражающий гипотетичность суждения, перевод которого осуществлён посредством подбора эквивалентного соответствия *могут* и его перестановки в начало придаточной части предложения, что обеспечивает соответствие текста перевода нормам переводящего языка. *We might expect that higher interest rates would reduce the supply of collateral in the aggregate* [Williamson 2018: 204]. — Мы могли бы ожидать, что более высокие процентные ставки с определённой долей вероятности приведут к сокращению предложения залогового обеспечения в целом. При переводе хеджинговой конструкции *we might expect* использовано эквивалентное соответствие *мы могли бы ожидать* и добавление

конструкции с определённой долей вероятности, позволяющей усилить вероятностный характер предположения, выраженный глаголом могли с частицей бы. Кроме того, это позволяет произвести трансформацию опущения глагола would, благодаря чему текст перевода удаётся достичь большей лаконичности. In other words, the increase in risk aversion appears to be unrelated to whether the household incurred portfolio losses or whether consumption fell below its previous level [Swanson 2020: 219]. — Другими словами, увеличение неприятия риска, по-видимому, не связано с тем, понесло ли домохозяйство убытки по портфелю или упало ли потребление ниже его предыдущего уровня. Хеджинговая конструкция appears to be, которая придаёт суждению характер предположения и позволяет снизить степень его категоричности, переведена посредством использования грамматической трансформации, выражающейся в замене конструкции, представляющей собой сложное дополнение в тексте оригинала, наречием по-видимому в русском языке, что обусловлено отсутствием подобного рода синтаксической конструкции в переводящем языке. Таким образом, употребление хеджинговых глаголов играет важную роль в англоязычных научных статьях по экономике. Их корректный перевод, как правило, осуществляется посредством подбора эквивалентных соответствий, постоянных эквивалентов, а также применения различных лексических и грамматических трансформаций: лексического развёртывания, добавления, опущения, замен частей речи и перестановок.

Литература

- Архинов А. Ф.* Самоучитель перевода с немецкого языка на русский. М., 1991.
- Милостивая А. И.* Лингвистические особенности англоязычной научной статьи по экономике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4: 133–139.
- Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М., 2004.
- Ustyantseva A. E.* Hedging in Academic Writing // Вопросы прикладной лингвистики. 2019. № 3: 82–98.

СТУДЕНЧЕСКИЕ КОНКУРСЫ ПЕРЕВОДА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА-ПРОФЕССИОНАЛА

STUDENT TRANSLATION CONTESTS AS A MEANS OF DEVELOPING A PROFESSIONAL TRANSLATOR

Степанова Мария Михайловна

*доцент, Московский государственный институт международных отношений МИД России
(Одинцовский филиал)*

Данный доклад посвящен рассмотрению студенческих конкурсов перевода как активной формы обучения, способствующей формированию личности профессионального переводчика. Под активными формами обучения понимаются формы организации учебного процесса с высокой степенью активности и самостоятельности учащихся для стимулирования их познавательной деятельности с целью развития профессиональных навыков и компетенций, необходимых в их будущей профессии. Конкурс является одной из форм конкурсных мероприятий наряду с такими, например, как олимпиада или фестиваль. Профессиональные конкурсы рассматриваются как инновационный формат, позволяющий выявить лучших среди лучших в той или иной сфере человеческой деятельности. Они обладают следующими позитивными качествами:

- 1) являются средством повышения мотивации и развития компетенции среди специалистов;
- 2) представляют собой инструмент по вовлечению в инновационную деятельность;
- 3) решают задачи по развитию будущего кадрового потенциала.

Конкурс — это «выход из зоны комфорта», т. е. попытка сделать что-то новое, необычное, вызывающее психологический дискомфорт. В подобных искусственно смоделированных ситуациях у обучаемых появляется возможность за счет приложенных усилий выйти на новый уровень или добиться желаемого результата. Разумный выход в зону риска является необходимым условием развития личности любого профессионала. Таким образом, конкурс перевода представляет собой оптимальный способ для студента попробовать свои силы в разных видах перевода в ситуации максимально приближенной к реальным условиям работы. Цель конкурсов перевода — это формирование и развитие творческих и профессионально значимых навыков и умений студентов. В качестве материала для исследования в докладе представлен анализ организации и проведения пяти международных студенческих конкурсов устного и двух конкурсов письменного перевода. Так, например, в апреле 2022 г. прошел пятый международный студенческий конкурс устного перевода. Темой конкурса прошлого года была: «Профессиональная этика переводчика. Этические кодексы переводчиков различных стран». Жюри, состоявшее из опытных преподавателей перевода, профессиональных переводчиков и представителей крупных переводческих компаний, прослушало материалы от поступивших 200 кандидатов и отобрало для участия в финале 50 конкурсантов. Финал в связи со сложившейся ситуацией проходил в гибридном формате и состоялся в Одинцовском филиале МГИМО для следующих пар языков: английский-русский (для разных целевых групп), болгарский-русский, итальянский-русский, испанский-русский, китайский-русский (тоже для разных целевых групп и в разных комбинациях), немецкий-русский и французо-русский. В сентябре 2022 г. прошел второй международный студенческий конкурс профессионально ориентированного перевода (письменного перевода), приуроченный ко дню переводчика (30 сентября). Цель конкурса состояла в предоставлении студентам возможности продемонстрировать свои умения в выполнении письменного перевода. Этот конкурс проводился в таких тематических областях как экономика, менеджмент, техника, юриспруденция, медицина и некоторых других, на таких языках, как русский, английский, китайский, испанский. Объем оригинального текста составлял 1000 печатных знаков, при этом участники могли выбрать для перевода любое количество текстов по

их усмотрению. Основные критерии оценки перевода: точность, полнота, адекватная передача терминологической лексики, соблюдение стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных норм языка перевода. Проведенный обзор доказывает, что подобные конкурсы могут стать неотъемлемой частью образовательного процесса в подготовке будущих специалистов как в области устного, так и письменного видов перевода.

Литература

Лукьянова В. С., Степанова М. М. Конкурс устного перевода — активная форма обучения студентов и средство развития их профессионального потенциала // Вопросы методики преподавания в вузе. Т. 11. № 3: 99–111.

Степанова М. М., Наймушин Б. А. Студенческие конкурсы устного перевода как современное средство профессиональной подготовки переводчика // Инновации в образовании. 2018. № 1: 127–142.

Международный конкурс устного перевода [Электронный ресурс]: официальный веб-сайт Гуманитарного института СПбПУ Петра Великого. URL: http://hum.spbstu.ru/news/mezghdunarodnyu_konkurs_ustnogo_perevoda/ (дата обращения: 20.01.2023).

МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА СЕНСОРНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА МНОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ)

THE TRANSLATION MODELS FOR SENSORY LEXICON (A CASE STUDY OF THE MULTIPLE-TRANSLATION CORPUS)

Ярошенко Полина Владимировна

сотрудник, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Исследование можно отнести к направлению сенсорной лингвистики (*sensory linguistics*), области языкознания, где в центре внимания находится отображение сенсорного восприятия в языке. Этот раздел языкознания активно развивается в настоящий момент (см., например, [Winter 2019]). В работе исследуется особый класс словосочетаний — словосочетания с сенсорными семантическими компонентами, где как минимум одно из слов содержит сенсорный компонент, при этом сенсорное слово не служит для обозначения объективно присущих свойств (то есть такие сочетания, как «чёрное платье», — исключаются из рассмотрения, а такие, как «чёрная мелодия» или «чёрная печаль» — рассматриваются).

Материал исследования — параллельный корпус множественных переводов, куда вошли оригинальный текст стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль» на французском языке и 15 его переводов на русский язык: переводы В. Эльснера (1909), С. Боброва (1910), В. Набокова (1928), Д. Бродского (1929), Б. Лившица (1935), П. Антокольского (после 1945), Л.

Мартынова (1974), М. Кудинова (1982), Д. Самойлова (1984), Е. Витковского (1986), А. Голембы (1988), Е. Головина (дата неизвестна), М. Анищенко (2003-2004), А. Кроткова (2005), А. Чернова (2011). Общий объём корпуса составил 9 685 словоупотреблений. Использование в качестве материала корпуса множественных переводов позволяет более полно описать семантику языковой единицы, принимая во внимание переводные соответствия (*translation correspondences*). Перевод текста на другой язык в данном случае рассматривается как его детальное аннотирование, описание значений слов оригинала [Dyvik 1998: 51; Dan Melamed 2001: 1]. Результатом экспертизы переводчика, таким образом, становятся наблюдаемые отношения между текстами. Переводчики в данном случае рассматриваются прежде всего как информанты. То есть тексты, созданные переводчиками, представляют собой коллекцию мнений информантов о значениях лингвистических форм исходного текста. Об эффективности такого подхода к использованию переводных корпусов высказывались многие исследователи (Н. А. Dyvik, R. Salkie, W. Teubert, S. Johansson и др.). Поскольку наше исследование посвящено семантике сенсорной лексики, описанный выше подход можно считать в высшей степени актуальным. Сенсорная лексика представляет собой проблемный для семантического описания класс, это отмечали многие лингвисты, в частности [Падучева 2004: 217–218]. В докладе представлены выявленные паттерны перевода сенсорной лексики в составе исследуемых словосочетаний (для языковой пары французский-русский). Основным вспомогательным конструктом выступает сенсорный семантический компонент (далее — ССК) — семантический элемент в составе слова, относящийся к сфере чувственного восприятия. На материале исследуемого корпуса были выявлены четыре устойчивые модели перевода слов, содержащих ССК. Отметим, что внимание сосредоточено именно на семантических изменениях сенсорной лексики, поэтому иные факторы, как, например, изменения частеречной принадлежности слов при переводе, не были учтены. Так, словосочетание «parfums noirs» в переводе Витковского претерпевает значительные изменения с точки зрения частеречной структуры: «смердя до черноты». При этом структура словосочетания с точки зрения сенсорных компонентов и их модальности остаётся неизменной: ССК обоняния + ССК зрения. Рассмотрим модели перевода на примерах из исследуемого корпуса.

Модель 1: совпадение. Высокая степень семантической близости оригинала и перевода. Компоненты, на основе которых строится словосочетание, сохраняют семантику и остаются в пределах той же модальности: «azurs verts» — пер. Витковского: «зелёные лазури»; «crépuscule embaumé» — пер. Лившица: «в пахучем сумраке», пер. Самойлова: «в пахучих сумерках»; «éveil

jaune et bleu» — пер. Мартынова: «жёлто-голубое восстание от сна»; «*immobilités bleus*» — пер. Витковского: «синеве недвижимой».

Модель 2: модификация ССК в пределах одной модальности. ССК относится к той же сенсорной модальности, что и в оригинале, однако семантика претерпевает изменения: «*rousseurs amères*» — пер. Головина: «багровая горечь» (ССК зрения + ССК вкуса); «*nuit verte*» — пер. Эльснера: «слепительно-снежная ночь» (ССК зрения + время).

Модель 3: модификация ССК со сменой модальности. ССК в переводе относится к другой модальности, что закономерно влечёт за собой серьёзные изменения семантики: «*soleil amer*» — пер. Эльснера: «тяжёлое солнце» (ССК вкуса заменяется на ССК осязания); «*noirs parfums*» — пер. Мартынова: «зуд благовоний» (ССК зрения заменяется на ССК осязания).

Модель 4: опущение. Отсутствие переводного соответствия. В соответствии с данными исследуемого корпуса, наиболее частотной оказалась модель перевода слов с ССК — модель 4 (76 %), то есть полное опущение слова с ССК в переводе. Далее следует противоположная тенденция — модель 1 (21 %). С серьёзным отставанием идут модели 2 (2 %) и 3 (1 %).

Литература

- Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Dan Melamed I.* Empirical Methods for Exploiting Parallel Texts. Cambridge: The MIT Press, 2001.
- Dyvik H.* A translational basis for semantics. *Corpora and Crosslinguistic Research: Theory, Method and Case Studies*, Stig Johansson and Signe Oksefjell (eds). Amsterdam, 1998. P. 51–86.
- Winter B.* Sensory Linguistics: Language, perception and metaphor. Amsterdam, 2019.

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОКЬЮМЕНТАРИ КАК ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Силинская Наталия Павловна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

В современных исследованиях мокьюментари (термин происходит от англ. mock — ‘подделывать, издеваться’ и documentary — ‘документальный’) изучается в основном как кинематографический жанр, который воспроизводит эстетику документального кино в игровом кино ради мистификации и пародии. Л. М. Немченко рассматривает мокьюментари как художественную провокацию, которая ставит под сомнение установившийся канон или традицию, создает диссонанс между содержанием и формой и формирует критическое отношение к высказыванию [Немченко 2018].

В художественной литературе жанр мокьюментари можно определить как стилизацию под документальную прозу с вымышленным сюжетом, мистификацию, которая может маскироваться под научное исследование, роман в письмах, биографию, травелог, мемуары от лица мнимого очевидца и участника исторических событий. При этом акцент в псевдо-мемуарах делается на реально существующих личностях, этим они будут отличаться от мемуаров вымышленного персонажа. Автор «конструирует» прошлое, используя элементы сложившегося историко-культурного хронотопа, актуализирует сложившийся миф, показывая условность границ между правдой и вымыслом. В настоящем исследовании литературный жанр мокьюментари рассматривается на материале рассказа Вуди Аллена “A Twenties Memory”, опубликованного в 1971 г. в его первом сборнике “Getting Even”. Данный рассказ представляет собой псевдо-воспоминания о богемной жизни во времена Века джаза или Ревущих двадцатых и о встречах рассказчика со знаменитыми современниками, известными представителями «потерянного поколения», такими как Эрнест Хемингуэй и Фрэнсис Скотт Фитцджеральд, Гертруда Стайн и Алиса Токлас, Пикассо и Матисс, Хуан Грис и Сальвадор Дали, Ман Рэй и Игорь Стравинский. Тема 20-х годов и «потерянного поколения» неоднократно появляется в творчестве Вуди Аллена: в 1960-х как стендап-комик он выступает со скетчем “The Lost Generation”, который послужил основой для рассказа “A Twenties Memory”, а в 2011 г. выходит фильм “Midnight in Paris” о писателе-романтике, который ищет вдохновение в Париже 20-х годов и чудесным образом встречается с творцами и музами той эпохи.

В рассказе “A Twenties Memory” автор использует приемы стилизации, имитируя мемуарный стиль и типичное для него изображение действительности, и пародии, вкладывая в знакомую форму совершенно иное содержание, привлекая внимание к мотивации авторов мемуарной литературы — оставить хронику событий какой-либо исторической эпохи и тем самым войти в историю и остаться в памяти потомков наряду с историческими и культурными деятелями, которые в первую очередь её представляют.

В первую очередь объектом пародии в рассказе Вуди Аллена становится роман Э. Хемингуэя “A Movable Feast”, как на содержательном уровне — в описании послевоенного Парижа, профессионального бокса, корриды, литературного творчества, рыбалки, спонтанных путешествий, отношений с женщинами и т. д., создающих впечатление позерства, хвастовства, идеализации прошлого, нарочитой мужественности; так и путем имитации характерной манеры письма Хемингуэя, где высмеивается упрощение формы и возрастание роли подтекста, «сухой» телеграфный стиль, обратной стороной которого становится упрощенная лексика, тяжеловесный синтаксис, обилие повторов, странные диалоги, фрагментарность и несвязность повествования. Также в данном рассказе используются характерные для мокьюментари приемы абсур-

дизации, деконструкции, «ненадежного рассказчика», эффекта обманутого ожидания, благодаря которым создается комический образ невежественного американца, путешествующего по Европе, который путается в исторических и географических фактах и буквально понимает искусствоведческие термины, при этом пытаясь казаться интеллектуалом и подчеркнуть свое близкое знакомство со знаменитостями. Интересно проследить, с какими проблемами сталкивается переводчик текстов мокьюментари. В настоящей работе рассматриваются два перевода рассказа Вуди Аллена, выполненные В. Бошняком («Помню, в двадцатых...») и С. Ильиным («Вспоминая двадцатые»). В задачи переводчика входит передача юмора, который строится на алогизме, гротеске, преувеличении, игре слов, оксюморонах, черном юморе, абсурде; передача элементов пародии и стилизации; сохранение смысловой и жанрово-стилистической эквивалентности, коммуникативного эффекта псевдодокументальности и прагматического потенциала оригинального текста в переводе. Также интересно сравнить, как переводчики пользуются переводческим комментарием в качестве средства компенсации смысловых потерь в переводе. Наблюдаются различия как в количественном отношении (12 комментариев у С. Ильина против 2 комментариев у В. Бошняка), так и в качественном отношении (к примеру, у С. Ильина имеются не только просветительские комментарии энциклопедического характера, где дается информация о малознакомых русскоязычному читателю персоналиях, но и комментарии, где он поправляет авторский текст — антиавторский комментарий по классификации А. Гришина [Гришин 2009]). С этой точки зрения, вероятно, можно говорить о разнице интенций переводчиков в отношении вмешательства в авторский текст и об осознанном намерении С. Ильина направить интерпретацию текста и подтолкнуть читателя к определенному восприятию и пониманию текста.

Литература

- Гришин А. В.* Примечания переводчика в художественном переводе // Энциклопедия переводчика. 2009. URL: trworkshop.net
- Немченко Л. М.* Мокьюментари: семантика и прагматика (на материале фильмов А. Федорченко и М. Местецкого) // Филологический класс. 2018. № 1 (51): 136–141.

«ДОЛГ МОЙ ВОИСТИНУ ВЕЛИТ САМОДЕРЖАВЦЕВ СЛАВИТЬ»: «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ» В ПЕРЕВОДЕ ПРИДВОРНОГО ПОЭТА ЕКАТЕРИНЫ II ВЕЛИКОЙ В. П. ПЕТРОВА

Алевич Анисия Вячеславовна

старший преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В 1618 г. молодой голландский художник Корнелис Янсенс Ван Кёлен прибыл из родного Амстердама в Лондон. Дарование Янсенса Ван Кёлена проявилось в жанре портрета. Лондонский пожар пережили несколько изображений Иакова I и его детей. На одном из первых полотен художника запечатлен сын нотариуса, мальчик необыкновенной одаренности. «На портрете ему всего десять лет, но уже тогда он был поэтом» [Aubrey, 1898: 63], — напишет впоследствии Джон Обри, один из пяти прижизненных биографов Джона Мильтона. Переводы «Потерянного рая» Джона Мильтона, ставшего вершиной творчества поэта, осуществлялись на протяжении нескольких столетий. Первый перевод поэмы под названием «Погубленный рай» был осуществлен в 1745 г. бароном А. Г. Строгановым с французского перевода Николая-Франсуа Дюпре де Сен-Мора эпохи «прекрасных неверных». Перевод, получивший широкую известность в рукописной традиции, не был отдан в печать. В 1777 г. увидел свет прозаический перевод первых трех песен поэмы, выполненный титулярным советником и придворным поэтом Екатерины II Великой В. П. Петровым с английского подлинника. В. П. Петров, сын бедного московского священника, окончил Заиконоспасскую академию, где впоследствии преподавал риторику. Знакомство с князем Г. А. Потемкиным поспособствовало придворной карьере поэта.

«Карманный стихотворец» впоследствии стал личным чтецом и переводчиком при кабинете императрицы Екатерины II Великой. Оды В. П. Петрова отличались торжественностью, нарочитой усложненностью языка, грандиозностью образов, латинизированным синтаксисом. «Долг мой воистину велит самодержавцев славить», — писал он. Современники отмечали у В. П. Петрова «особое искусство хвалить». Подобно многим писателям эпохи В. П. Петров пробует собственные силы на поприще перевода. В 1770 г. выходит перевод первой песни «Энеиды» Вергилия под названием «Еней». В сатирических журналах Ф. Эмина («Смесь») и Н. И. Новикова («Трутень») в конце 1769 г. стали появляться критические отзывы писателей, знакомых с рукописным вариантом перевода. А. П. Сумароков и А. Н. Майков, будучи поборниками ясности поэтического языка эпохи классицизма, критиковали переводы, характеризовавшиеся «надутой пухлостью, пущенной к небесам». «Литературные враги» осуждали затрудненность речи, усложненный синтаксис. «Древним трехом, надетым на Вергилия Ломоносовским покроем» назвал В. П. Петрова А. Н. Радищев. Стиль В. П. Петрова высмеял В. И. Майков в комической поэме «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771). В обращении к читателю, предварявшем поэму, он писал: «Я ж знаю и то, что не только по совету какого-либо почтенного мужа, но ниже по самому строжайшему приказу скаредный писец ничего хорошего во век свой не напишет, так как и лягушка, сколько ни станет надуваться, равна с быком не будет». «Подражателем Ломоносова» назвал В. П. Петрова издатель и общественный деятель Н. И. Новиков. Тем не менее переводы получили высокую оценку правящей элиты. Сочинения В. П. Петрова входили в хрестоматии и изучались в школах. В сочинении «Антидот» Екатерины II приводится следующая оценка творчества В. П. Петрова: «Среди наших молодых авторов невозможно пройти молчанием имя В. П. Петрова. Сила поэзии этого молодого автора уже приближается к силе Ломоносова, и у него более гармонии: стиль его прозы исполнен красноречия и приятности; не говоря о других его сочинениях, следует отметить его перевод в стихах

«Энеиды», первая песнь которой вышла недавно; этот перевод его обессмертит» [Сочинения императрицы Екатерины II, 1901: 256]. В 1772 г. В. П. Петров был отправлен в Англию для дальнейшего обучения, где впоследствии осуществил перевод первых трех песен поэмы «Потерянный рай». В предисловии к переводу В. П. Петров писал: «Скучась рифмами въ Виргиліи, отдыхаю я прозой въ Мильтонѣ. И гдѣ пристойнѣ могу я утопить всѣ суеты міра бременищія

меня яко смертнаго, какъ не въ Мильтоновомъ адѣ? Пораженный слѣпотою, умѣлъ онъ пользоваться мракомъ. Силенъ, когда парить выше звѣздъ, сильная, колькратно спустится долу. Адъ есть его воображенія область» [Мильтон, 1777: 3]. Перевод первых трёх песен поэмы стал отражением литературного творчества В. П. Петрова. Церковнославянские слова и обороты, архаизированная лексика, выражения, воспринимаемые современниками в качестве устаревших (напр.: «хаосъ станетъ судить прю», «въ сердцѣ уразъ», «побѣдоносные вои»), напряженно-патетический стиль были чертами поэтических произведений поэта и нашли отражение в переводе поэмы (напр.: «Мы опредѣленны, блюдомы, назначенны на вѣчное страстотерпіе»; «но все было ложное и тщеблестательное»; «Девятеричное время, лежалъ онъ пораженъ во своимъ гнуснымъ сонмищемъ, вращаяся во огненномъ заливѣ»; «Ежели дыханіе разжегшее сіи суровые огни, пробудясь раздуетъ оныя въ седмеричное неистовство»). Вскоре после перевода первых трёх песен эпопеи, выполненных В. П. Петровым, начинают появляться полные переводы поэмы, выполненные с английского подлинника. Осуществление новых переводов поэмы во времена переводческих состязаний было связано с неудовлетворённостью существующими переводами и надеждой, что собственный перевод «божественного стихотворца» окажется лучше предшествующих. В переводах, выполненных с английского языка, подверглись исправлению смысловые искажения ранних переводов. Язык перевода освобождался от церковнославянской и устаревшей лексики, осуществляемые переводческие трансформации были призваны придать благозвучие переводу, выполненному в эпоху романтизма.

Литература

Мильтон Джон. Потерянный рай. Поема Иоанна Мильтона / переведена с аглинскаго В. П. Петровым. СПб., 1777.

Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. Т. 1. СПб., 1901.

Aubrey John. Brief lives, chiefly of Contemporaries. Vol. II. Oxfröd, 1898.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В СТИХОТВОРЕНИИ Д. ПАРКЕР «LANDSCAPE»: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Игошина Мария Константиновна

преподаватель, Новосибирский государственный технический университет

Перевод поэзии возможен лишь при сохранении авторского идиостиля и идентичного воздействия на читателя [Жорж 2021: 442]. В связи с этим актуальным представляется поиск оптимальных стратегий сопоставительного лингвопереводческого анализа, позволяющего выявить сильные и слабые стороны перевода отдельно взятого поэтического текста. Цель данной работы — провести сопоставительный анализ стихотворения с его переводом на лексико-семантическом уровне и сделать выводы об адекватности перевода оригиналу. «Адекватным переводом» В. Н. Комиссаров называет перевод, раскрывающий содержание оригинала и отвечающий коммуникативным запросам сторон переводческой коммуникации [Комиссаров 1990: 233–234]. В качестве материала для сопоставительного анализа выбрано стихотворение Д. Паркер «Landscape» и его перевод на русский язык Е. Дембицкой. Пейзаж (перевод Е. Дембицкой) Здесь наилучшие места По самый небосвод; Полей цветущих кружева, Берёзок хоровод, В лучах блуждающих, холмы Пестрят красой своей, И вдоль зелёной бахромы Бриз льётся как ручей. Так весело, так мило здесь, И тишь, и благодать. Тот, кто пейзаж увидит весь, Счастливым должен стать. Но мне — всё серо, красок нет, Ведь я разбита тем, Что парень обо мне, в ответ, Не думает совсем. Landscape (D. Parker) Now this must be the sweetest place From here to heaven's end; The field is white and flowering lace, The birches leap and bend, The hills, beneath the roving sun, From green to purple pass, And little, trifling breezes run Their fingers through the grass. So good it is, so gay it is, So calm it is, and pure. A one whose eyes may look on this Must be the happier, sure. But me — I see it flat and gray And blurred with misery, Because a lad a mile away Has little need of me. Большая часть исследуемого произведения посвящена описанию природы, поэтому при переводе данного стихотворения важнейшую роль играет адекватная передача лексических единиц, характеризующих упоминаемые автором детали художественного пространства. Рассмотрим словосочетания, содержащие характеристики объектов и их действий, а также эквиваленты, подобранные переводчиком: the sweetest place — наилучшие места: в данном случае переводчик использует контекстуальный синоним, и эту замену можно считать адекватной, поскольку коннотация и степень сравнения у данных прилагательных совпадают. Heaven's end — небосвод: данная замена представляется нам нарушающей логику фразы, в которой находится словосочетание: во второй строке лирическая героиня имеет в виду, что даже в раю нет места более прекрасного, чем то, которое она описывает, в то время как слово небосвод не несёт столь сильной положительной коннотации как оригинальное heaven. White and flowering lace — полей цветущих кружева: в данном словосочетании переводчик опускает одно из прилагательных, однако его значение, на наш взгляд, компенсируется словом кружева, поскольку они часто имеют белый цвет. Birches leap and bend — берёзок хоровод: оригинальные глаголы, описывающие действия берёз, заменены в переводе существительным. По смыслу данное существительное перекликается со словами оригинала, однако придаёт фразе существенный оттенок доместикации: затруднительно представить, что англоязычная героиня использует данное слово для описания березняка. Roving sun — в лучах блуждающих: слово блуждающий не представляется нам адекватным переводом roving, поскольку оно переводится как передвижной, кочевой и, во-первых, имеет значение перемещения с определённой целью, то время как блуждать означает перемещение скорее хаотичное и бесцельное. Кроме того, при взгляде на следующую строку становится очевидно, что речь идёт о смене времени суток (днём холмы зелёные, а к закату становятся пурпурными). В связи с этим подобранный переводчиком эквивалент оказывается ошибочным. Hills from green to purple pass — холмы / пестрят: в данном примере очевидно влияние переводческой ошибки в предыдущей строке: если холмы пестрят, это означает, что они разноцветные, либо одни имеют один цвет, а другие — другой, в то время как автор имеет в виду, что они одновременно меняют свой цвет с наступлением вечера. Little, trifling breezes — бриз льётся, как

ручей: при переводе данного словосочетания переводчик опускает оба прилагательных, являющихся в оригинале контекстуальными синонимами, и заменяет их на сравнение ветра с ручьём. Данная замена в целом может считаться адекватной, поскольку ручей несёт в себе компонент значения небольшой по размеру (глубине, ширине и пр.), однако перевод breezes как ручей не является в данном контексте адекватным, поскольку в сознании носителя русского языка данное слово ассоциируется в первую очередь с морем, о котором в стихотворении не говорится. *so calm it is and pure* — и тишь, и благодать. *I see it flat and gray* — но мне — всё серо, красок нет: в данных примерах переводчик прибегает к использованию контекстуальных синонимов, изменяя также части речи, однако замена при помощи данного вида трансформации может считаться в описанном контексте адекватной. Также следует отметить, что переводчиком сохранён контраст между прилагательными с положительной коннотацией, встречающимися в большей части произведения, и прилагательными с отрицательной коннотацией в предпоследней строке. Таким образом, перевод Е. Дембицкой не может считаться полностью адекватным оригиналу, поскольку содержит ряд эквивалентов, неверно отражающих содержание оригинального стихотворения. В ближайшей перспективе исследование охватит также феномен противоречивости лирических героев в произведениях Д. Паркер: с ним будут сопоставлены результаты настоящего анализа с целью доказать, что данный феномен является отличительной особенностью её идиостиля.

Литература

Жорж Т. К. Перевод в системе национальной поэзии: закономерность трансформаций // Преподаватель XXI век. 2021. № 4: 441–454.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.

ANALYSIS OF METHODS OF TRANSMISSION OF CONTAMINATED SPEECH IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF JACK LONDON'S NOVEL "MARTIN EDEN"

Куницын Андрей Васильевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

The purpose of this paper is to consider issues of transmission of contaminated speech in translation of fiction. The study concerns contaminated speech as a violation of norms at various levels of the language system (phonetic, grammatical, lexical). Y. I. Retsker argues that contaminated speech is "intentional and unintentional distortion of colloquial speech" [Retsker 1968]. Bulgarian translators S. Vlahov and S. Florin consider contaminated speech to be in any of its manifestations as a "deviation from the literary norm" [Vlahov, Florin 1980]. The importance of adequate transmission of contaminated speech in translation is due to its wide distribution, as well as the difficulty of finding equivalents in the target language, since there is a wide variety of contamination manifestations that have no analogues in the target language and require different approaches to their interpretation. Translators have to resort to compensation — a method of translation that is used when there are no equivalents of the translated lexical units in the target language and, consequently, the impossibility of adequately conveying their meaning by means of the target language. In the present study, a comparative analysis of several translations of utterances containing contaminated speech was carried out. As a research material Russian translations of Jack London's novel "Martin Eden" were used, made by S. S. Zayaitzky (1929), E. Kalashnikova (1956), R. Oblonskaya (1984), as well as an abridged translation, published in 1926 under the title "In Captivity". The translator is unknown. Let us consider the methods used to convey contaminated speech in different translations using one of the examples: It was all lighted up an' shining, an' it shun right into me an' lighted me up inside, like the sun or a searchlight. That's the way it landed on me, but I guess I ain't up much on poetry, miss. (original) Прямо светится да сверкает, у меня аж все засветилось в нутре, вроде солнце зажглось, не то прожектор. Зацепил он меня, хотя, понятно, я в стихах не больно смыслю, мисс. (translation by R. Oblonskaya) Точно свет какой-то тебе в душу светит, вроде солнца или прожектора. Так мне показалось, мисс: да ведь я, должно быть, ни черта в стихах не смыслю. (translation by S. Zayaitzky) Точно свет какой-то тебе в душу светит, вроде солнца или прожектора. Так мне показалось, мисс: да ведь я, должно быть, ни черта в стихах не смыслю. (translation by E. Kalashnikova) Точно свет исходит оттуда и прямо проникает в душу, освещая всё внутри, как будто луч солнца или прожектор... Вот мне так показалось, но может быть, я мало смыслю в поэзии... (abridged translation) In this example, there are violations at the level of phonetics and grammar - 1) In terms of phonetics, the disappearance of final consonants (an'), which is a hallmark of many sociolects of the English language. 2) At the grammatical level, an error in the use of the auxiliary verb ain't, which is typical for many sociolects of the English language [Makovsky 1982]. In Oblonskaya's translation, vernacular is used — в нутре, смыслю. These words are vernacular according to Ozhegov's dictionary. In the translations of Zayaitzky and Kalashnikova, the expression is not a damn thing, which is a colloquial expression according to Ozhegov's dictionary [Ozhegov, Shvedova 2002]. In the abbreviated translation, the verb смыслю is used, which is characteristic of vernacular according to Ozhegov's dictionary. As a conclusion of this analysis, due to the lack of equivalent phonetic and grammatical phenomena in the target language, in all translations of this cue, compensation is carried out at the lexical level.

References

- Makovsky M. M. English social dialects (ontology, structure, etymology): textbook. M., 1982.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed., add. M., 2003.
- Retsker Y. I. Tutorial on translation from English into Russian. M., 1968.
- Vlahov S., Florin S. Untranslatable in translation. M., 1980.

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ АКТУАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ИТАЛЬЯНСКИХ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» Э. ЛО ГАТТО)

Тик Наталья Александровна

ассистент, Сибирский государственный медицинский университет

О необходимости комментария к роману в стихах «Евгений Онегин» заговорили еще современники Пушкина: «Скажем здесь, что будущим издателям предстоит необходимость увеличить примечания к Онегину. В нем есть несколько намеков, теперь уже потерянных для большинства публики и потому требующих объяснения. Много и других указаний, объясняющих связь романа с современными ему явлениями, должно бы приложить к нему в такого рода пояснениях нуждается чуть ли не каждая глава романа, по нашему мнению» [Пушкин 1855: 231–232]. Если уже через 25 лет после опубликования романа русскоязычным читателям требовался комментарий, объясняющий явления их собственной культуры, необходимость комментария к переводам «Евгения Онегина» на другие языки представляется тем более очевидной. Комментарий к переводу не только поясняет текст читателю, но и вскрывает принципы работы над текстом самого переводчика, специфику его интерпретации текста. В связи с этим, прежде чем анализировать непосредственно перевод, представляется небезынтересным обратиться к переводческому комментарию, чтобы выявить интерпретационную позицию переводчика, его принципы работы с текстом оригинала и определить круг актуальных проблем переводного текста для его последующего анализа.

Такое предварительное исследование комментариев к переводам представляется особенно актуальным в отношении итальянских переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». К настоящему моменту в Италии существует одиннадцать полных переводов пушкинского романа в стихах, предпринятых с 1856 по 2021 гг.: L. Delâtre (1856), A. Besobrasoff (1858), G. Cassone (1906), E. Lo Gatto (1925), E. Lo Gatto (1937), E. Bazzarelli (1960), G. De Dominicis Jorio (1963), G. Giudici (1975), P. Pera (1996), F. Gabbrielli (2006), G. Ghini (2021). Однако единой традиции перевода «Евгения Онегина» в течение XIX–XXI вв. не сложилось: мы можем наблюдать ситуацию переводной множественности — одновременного функционирования в итальянском культурном пространстве стихотворных и прозаических переводов, а также разных вариантов стихотворных переводов, при этом нельзя сказать, что какой-то из этих переводов является каноническим, общепризнанным в качестве эквивалентного. В связи с тем, что у итальянских переводчиков нет возможности ориентироваться на некий общепринятый канон перевода пушкинского романа в стихах, прежде чем приступать к анализу текстов переводов, необходимо обратиться к текстам, сопутствующим переводам: заметкам и комментариям переводчиков, с тем чтобы выявить установки переводчиков, их принципы работы с текстом оригинала и определить проблематику переводного текста.

В докладе мы подробно остановимся на прозаическом (1923) и стихотворном (1937, 1967) переводах одного автора — слависта Этторе Ло Гатто, представляющих репрезентативный материал для исследования, иллюстрирующий:

- 1) ситуацию одновременного функционирования стихотворных и прозаических переводов «Евгения Онегина» в итальянском культурном пространстве;
- 2) основополагающий принцип структурно-семантической организации текста оригинала — диалогизм стиха и прозы.

Цель исследования — анализ комментариев к итальянским переводам «Евгения Онегина» Э. Ло Гатто, предшествующий анализу собственно переводов и позволяющий выявить переводческие установки, стратегию работы с текстом переводчика и определить актуальные переводческие проблемы для дальнейшего анализа логаттовских переводов.

В ходе анализа обнаруживается, что два перевода Э. Ло Гатто преследуют две принципиально разные цели: перевод прозой — стремление к буквалистской точности, постулат о принципиальной непереводаемости стихов, стихотворный перевод — установка на эквивалентность, постулат о принципиальной непереводаемости «романа в стихах» иначе, чем стихами. Но несмотря на установку создать эквивалентный перевод, во второй редакции стихотворного перевода (1967) Э. Ло Гатто включает в свой прозаический комментарий фрагменты из ранних и черновых редакций пушкинского романа, при этом сам комментарий находится внутри стихотворного текста перевода. Таким образом, предварительный анализ комментариев позволяет определить круг актуальных переводческих проблем для последующего анализа собственно переводов:

- 1) проблема границ дефинитивного текста оригинала,
- 2) нарушение принципа взаимодействия стиха и прозы, основополагающего для структурно-семантической организации романа в стихах.

В связи с чем в ходе дальнейшего исследования представляется необходимым рассмотреть, каким образом взаимодействие стиха и прозы реализуется непосредственно в переводах Э. Ло Гатто на разных структурных уровнях текста: лексико-стилистическом, метафорическом, характерологическом и нарративно-композиционном.

Литература

Пушкин А. С. Сочинения Пушкина: с приложением материалов для его биографии портрета, снимка с его почерка и с его рисунков, и проч. СПб., 1855. Т. 4.

Puškin A. Eugenio Onjehin: traduzione, introduzione e note di Ettore Lo Gatto. Firenze, 1925.

Puškin A. Eugenio Oneghin di Alessandro Puskin: versione poetica di Ettore Lo Gatto, introduzione di Venceslao Ivanov. Milano, 1937.

Puškin A. Eugenio Oneghin: romanzo in versi (Trad. in versi di E. Lo Gatto, introd. Di V. Ivanov). Firenze, 1967.

МЕЖДУ СКРЫТЫМ И ПРОЯВЛЕННЫМ: КАК ВОССОЗДАТЬ В ПЕРЕВОДЕ ОБРАЗ ЧИТАТЕЛЯ?

BETWEEN THE HIDDEN AND THE MANIFESTED: HOW CAN WE RECREATE THE READER'S IMAGE IN TRANSLATION?

Филатова Ганна Алексеевна

преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Уржа Анастасия Викторовна д. ф. н. доцент Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова Повествовательный текст, как и любой речевой акт, предполагает наличие адресанта и адресата, однако средства «проявления» этих участников высказывания различаются по степени эксплицитности [Жожевникова 1994; Шмид 2003; Val 2009 и др.]. Создатель текста может воплотиться в безликом повествовательном начале или в колоритном, субъективном «образе автора». Роль читателя тоже варьируется: от обобщенного адресата, представителя общества, до максимально «конкретизированного» собеседника, «друга или недруга», чьи реакции, фоновые знания и литературные предпочтения автор моделирует явно и определено. Сохранение исходного «градуса эксплицитности» рамки нарратива при переводе художественного текста составляет одну из сложных задач. Различие грамматических систем русского и английского языков в сфере использования конструкций с имплицитным субъектом весьма велико. Однако основную проблему, как показывают результаты анализа переводных текстов, создают не языковые расхождения, а недостаточное внимание переводчиков к соответствующему аспекту текстового устройства. Предполагая, что адресант и адресат текста наличествуют по умолчанию, создатели переводов нередко свободно опускают указания на них, или напротив, добавляют их там, где отсылки к повествователю или читателю отсутствовали. Это может привести и к искажению авторского замысла, и к досадной путанице при воссоздании произведения. Для того чтобы привлечь внимание исследователей и переводчиков (особенно будущих) к соответствующей проблематике, мы разработали шкалу, позволяющую определить и сопоставить степень эксплицитности адресата в оригинале и переводе.

Один из «полюсов» шкалы представляют предложения без какого-либо обозначения адресата при реализации ассертивной иллокутивной модальности (Жил-был один бедняк). Это обычные сообщения, которые по умолчанию доводятся до сведения читающего. Далее следуют вопросительные высказывания, не называющие адресата, но предполагающие определенную реакцию: привлечение внимания, поиск ответа (Что же произошло дальше?). Эксплицитность чуть повышается, когда в повествовании появляются слова, открывающие субъектную валентность для обобщенного лица, потенциально включающего адресата (Счастье мимолетно и неуловимо). Еще более явно адресат вовлекается в текст при использовании номинаций обобщенного лица: местоимений (все, любой, каждый), существительных (человек, люди), а также обобщенно-личных предложений (В наше время люди всему знают цену, но понятия не имеют о подлинной ценности. Морской прибор не остановишь рукой). Такие высказывания потенциально применимы ко всем людям, а потому охватывают и автора, и читателя, предлагая последнему «примерить» ситуацию на себя, задуматься о справедливости обобщающего суждения. Особое внимание читателя в таких случаях привлекают местоимения второго лица в обобщенном значении (Если ты настойчив, то добьешься своего). Следующий шаг на шкале эксплицитности — введение местоимений первого лица (иногда вкупе со вторым) в инклюзивном значении [Норман 2009], называющих уже непосредственно автора и его адресата (Вернемся к нашим героям). Наконец, прямые номинации типа «читатель», обращения к нему делают этого участника нарративной рамки максимально заметным. Особый случай представляют попытки манипуляции читательской активностью с использованием императива. В некоторых случаях автор даже предлагает читателю дать ответ на выбор, создавая иллюзию влияния адресата на ход повествования (Прежде всего — цвета; назови один. Красный?).

Как ни удивительно, в переводах можно обнаружить изменения авторских приемов не только с небольшим варьированием «градуса эксплицитности», но и даже со смещением с одного полюса шкалы на другой. Так, в русских переводах сказок Оскара Уайльда, у которого появление авторского Я или читательского Ты является редким, но очень ярким, художественно нагруженным приемом, можно наблюдать опущение соответствующих элементов, которое приводит к усилению морализаторского тона, нивелированию иронии и общему искажению замысла писателя. В переводах романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера» ироничные обращения автора к читателю, напротив, умножаются, не нарушая авторскую стратегию, но делая ее порой слишком демонстративной.

В романе Роджера Желязны «Порождения света и тьмы» обращения к читателю являются маркерами важных сюжетных поворотов, также именно при помощи их использования демонстрируются наиболее значимые особенности локаций фантастического мира. При этом не во всех русских текстах переводчики обратили на это внимание: например, в самом позднем переводе такие эксплицитные прямые номинации, указывающие на адресата, как местоимения и соответствующие формы глаголов второго лица, заменяются на инклюзивные формы первого лица, обобщенно-личные предложения или даже полностью элиминируются.

Авторские приемы создания образа читателя в тексте заслуживают особого внимания, и специальная лингвистическая «база» для их выявления и характеристики может помочь будущим переводчикам подобрать эквивалентные средства как в рамках высказывания, так и на уровне целого произведения.

Литература

Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М., 1994.

Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков). Минск, 2009.

Шмид В. Нарратология. М., 2003.

Bal M. Narratology: Introduction to the Theory of Narrative. University of Toronto Press, 2009.